ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ CXXXIV.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ CXXXIV.

1913

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Тип. Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время". Эртелевъ, 13
1913

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Основанъ А. С. Суворинымъ и С. Н. Шубинскимъ въ 1880 г.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ.

ОКТЯБРЬ, 1913 г.

СТРАН.

I. Борьба у престола. (Историческій романъ). Часть вторая. XXIII—XXVI. (Продолженіе). **Ф. Е. Зарина-Несвицкаго.** . 5

II. Моя служба въ Туркестанскомъ краѣ. (1870—1906 года). V—X. (Продолженіе). **Г. П. Федорова.** 33

Иллюстрація: Константинъ Петровичъ фонъ Кауфманъ.

III. Съ надломанными крыльями. (Повѣсть). I—X. **В. В. Уманова-Каплуновскаго.** 56

IV. За тридцать лѣтъ. (Листки изъ воспоминаній). IV. (Продолженіе). **В. Б. Бертенсона.** 92

V. Журфиксы по средамъ въ аппартаментахъ Зимняго дворца. **М. Мариной.** 112

VI. Изъ прошлаго. **Л. А. Рихтеръ.** 123

VII. Процессъ Н. Г. Чернышевскаго. (Окончаніе). **М. В. Клочкова.** 157

Иллюстраціи: 1) Письмо къ В. Д. Костомарову.— 2) Почеркъ Н. Г. Чернышевскаго.— 3) Почеркъ В. Д. Костомарова.— 4) Почеркъ Н. Г. Чернышевскаго.

VIII. И. С. Тургеневъ какъ политикъ и конституціоналистъ). (Въ память 30-лѣтней годовщины его смерти 22 августа 1883 г.). **В. И. фонъ-Штейна.** 191

IX. Сергѣй Рудольфовичъ Минцловъ. (Очеркъ). **А. Д. Амова.** . . 203

Иллюстрація: Сергѣй Рудольфовичъ Минцловъ.

X. Илья Сацъ. (Клочки воспоминаній). **Барона Н. В. Дризена.** . 209

Иллюстрація: Илья Сацъ.

XI. Памяти И. В. Цвѣтаева. **Князя Б. А. Щетинина.** 221

Иллюстрація: И. В. Цвѣтаевъ.

XII. Развѣнчанные герои революціи 1905 г. 1). Г. С. Хрусталевъ-Носарь. XXV—XXX. (Продолженіе). **Б. Б. Глинскаго.** . . 231

XIII. Вокругъ Стараго Свѣта. **В. С. Кривенка.** 270

XIV. Въ киргизскихъ аулахъ. (Очерки изъ поѣздки по Семирѣчью). **Г. К. Гинса.** 285

Иллюстраціи: 1) Видъ киргизской степи.— 2) Сусамырская дорога у рѣки Караколъ.— 3) Типы киргизовъ.—4) Типы киргизокъ.—5) Водопадъ Большой Алматинки.— 6) Малое Алматинское ущелье.— 7) Алматинскій пикъ.— 8) Иссыкское ущелье — 9) По дорогѣ къ Нарыну.—10) Нищій киргизъ.— 11) «Муллушка» надгробное сооруженіе въ Чилійской волости.— 12) Пески Прибалхашья.

XV. Критика и библіографія. 333

1) Успенскій, А. Н. Императорскіе дворцы. Томъ I и II. Съ 894 снимками (въ обоихъ томахъ) на отдѣльныхъ листахъ. Москва. 1913. М. Клочкова.— 2) Популярныя историческія изданія «Сельскаго Вѣстника», посвященныя 300-лѣтію царствованія дома Романовыхъ. М—о.—3) «Россія». Полное географическое описаніе нашего отечества подъ общимъ руководствомъ П. П. Семенова-Тянъ-Шанскаго и В. И. Ламанскаго. Т. XIX. Туркестанскій край. Составилъ князь В. И. Масальскій. Спб. 1913. в. м.— 4) Извѣстія таврической ученой архивной комиссіи. (Годъ двадцать шестой). № 47. Подъ редакціей предсѣдателя комиссіи Арс. Ив. Маркевича. Симферополь. 1912. в. Рудакова.— 5) Н. П. Лихачевъ и Н. В. Матлевъ. Тысячная Книга 7059 года. (Изъ 3 и 4 выпусковъ «Лѣтописи историко-

(См. слѣд. стран.).

Библиотека "Руниверс"

родословнаго общества въ Москвѣ). Орелъ. 1911. В. Р.— 6) J. Patouillet. Ostrovski et théâtre de moeurs russes. Paris. 1913. Г—а.— 7) А. Заксъ. «Кавалеристъ-дѣвица» штабъ-ротмистръ Александръ Андреевичъ Александровъ (Надежда Андр евна Дурова). Спб. 1912.—Н. Н. Блиновъ. «Кавалеристъ-дѣвица». Дурова-Чернова-Александровъ. Саратовъ. 1912. Ив. Сатрапинскаго – 8) Ростовскій кремль въ описаніяхъ Ан. Ал. Титова. Съ портретомъ автора и рисунками. Москва. 1912. В. Рудакова.— 9) Ватуринскій дворецъ, его исторія, разрушеніе и реставрація. Очеркъ Г. К. Лукомскаго. Спб. 1912. Д. Бочкова.— 10) А. Г. Гойхбаргъ. Законъ о расширеніи правъ наслѣдованія по закону лицъ женскаго пола. Спб. 1912.—Н. Рудинъ. Законъ 3-го ію я 1912 года. Спб. 1913. Г. Гинса —11) Сеймовый уставъ для великаго княжества Финляндскаго, высочайше утвержденный 28 іюля 1906 года, съ мотивами по журналу высочайше утвержденнаго особаго совѣщанія для разсмотрѣнія проекта высочайшаго предложенія земскимъ чинамъ Финляндіи о новомъ сеймовомъ уставѣ, съ приложеніемъ и указателями. Составилъ Н. Корево. Спб. 1913. П. Майкова.—12) Е. В. Тарле. Континентальная блокада. Изслѣдованія по исторіи промышленности и внѣшней торговли Франціи въ эпоху Наполеона. Съ приложеніемъ неизданныхъ документовъ. Москва. 1913. Пант.— 13) Л. П. Карсавинъ. Очерки религіозной жизни въ Италіи XII—XIII вѣковъ. Спб. 1912. П. Б.—14) Цвѣтковъ. «Исламизмъ». Т. I. «Мухаммедъ и коранъ». Асхабадъ. 1912. Т. II. «Вѣра Ислама». Асхабадъ 1913. В. М.—15) Исторія западной литературы (1800—1910 гг.), подъ редакціей профессора Ѳ. Д. Батюшкова, при ближайшемъ участіи профессора Ѳ. А. Брауна, академика Н. А. Котляревскаго, профессора Д. К. Петрова, приватъ-доцента Е. В. Аничкова и приватъ-доцента К. Ѳ. Тіандера. Москва. Томъ I вып. I, II и III. Вл. Ки.—16) Juliette Adam. Impressions françaises en Russie. Paris. 1912. А. Б.— 17) Abel Mansuy. Le monde slave et les classiques français aux XVI—XVII s ècles. Paris. 1912. В. Мар скаго.—18) В. Фриче. Поэзія кошмаровъ и ужаса. Нѣсколько главъ изъ исторіи литературы и искусства на Западѣ. Съ картинами художниковъ: Босха, Брегеля, Дюрера, Кранаха, Гойи, Делакруа, Ропса, Бердслея, Штука, Мунха. Москва. 1912. В. Данилова— 19) Потебня, А. Мысль и языкъ. Харьковъ. 1913. Я. Бирюкова.— 20) Baltischer historisch-geographischer Kalender. Рига. 1913. А. Э Мальмгрена.— 21) Вопросы педагогики. № 1. Подъ редакціею профессора Е. А. Боброва. Варшава. 1912. Профессора М. Красножена.—22) Знаніе для всѣхъ. Общедоступный ежемѣсячный журналъ для самообразованія съ картинами въ краскахъ и иллюстраціями въ текстѣ. Спб. 1913. П. Васильковскаго.— 23) Юрій Веселовскій. Этюды по русской и иностранной литературѣ. Т. I. М. 1913. А. Б.—24) Сборникъ кіевскаго отдѣла всероссійскаго національнаго студенческаго союза. Кіевъ. 1912. Б. Д.

XVI. Книги, поступившія для отзыва въ редакцію «Историческаго Вѣстника». 371

XVII. Заграничныя историческія новости и мелочи 374

1) Лафайеттъ и его жена.—2) Революція у рѣшетки Версаля.— 3) Шведская нимфа Мелюзина.—4) Изъ воспоминаній графини Тюргеймъ.— 4) Одинъ изъ конфидентовъ Екатерины II и Александра I.—5) Семейная трагедія Георга IV.—6) Смерть Карла XII.—7) Народъ-комета.

XVIII. Смѣсь. 396

1) Двухсотлѣтіе Александро-Невской лавры.— 2) Двухсотлѣтіе Кронштадта.— 3) Открытіе памятника Александру II.— 4) Открытіе памятниковъ П. А. Столыпину въ Кіевѣ и Симбирскѣ.— 5) Реставрація замка князей Острожскихъ.— 6) Продажа имѣнія А. А. Фета.—7) Отъ комитета юбилейнаго чествованія «Русскихъ Вѣдомостей».

XIX. Некрологи. 406

1) Волковъ, М. М.— 2) Головачевъ, П. М.— 3) Голомбіевскій, А. А.— 4) Головкинъ, К. Ѳ.— 5) Горизонтовъ, И. П.— 6) Закъ, Г. Я.—7) Иннокентій, экзархъ Грузіи.—8) Лепешкинъ, С. В.— 9) Лисицынъ, И. М.—10) Леманъ, А. И.—11) Мировичъ, З. С.—12) Постниковъ, Н. В.—13) Черевинъ, Л. А.

XX. Замѣтки и поправки. 415

По поводу статьи А. Миловидова «Первыя скорбныя страницы лѣтописи польскаго возстанія 1863 г. въ предѣлахъ Сѣверо-Западнаго края». Л. Л. Драке.

Приложенія: 1) Портретъ Анны Іоанновны.— 2) Тѣнь власти. Историческій романъ Поля Бертрама. Переводъ съ англійскаго А. Б. Михайлова. (Продолженіе).

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

АННА ІОАННОВНА.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

БОРЬБА У ПРЕСТОЛА [1].

XXIII.

РАНО утромъ Макшеевъ явился съ рапортомъ къ фельдмаршалу Михаилу Михайловичу. Фельдмаршалъ внимательно выслушалъ его, и по его грозно сдвинутымъ бровямъ Макшеевъ понялъ, что онъ недоволенъ пріѣздомъ такихъ гостей.

Фельдмаршалъ поблагодарилъ его и отпустилъ.

Макшеевъ радостно помчался домой, мечтая о теплой постели. А Михаилъ Михайловичъ поспѣшилъ въ верховный совѣтъ на очередное засѣданіе.

Въ то же утро Густавъ Левенвольде посѣтилъ Остермана. По обыкновенію, ему сказали, что вице-канцлеръ серьезно боленъ и никого не принимаетъ. Его встрѣтилъ Розенбергъ. Но Густавъ попросилъ передать барону нѣсколько словъ, которыя тутъ же написалъ на клочкѣ бумаги. Эти нѣсколько словъ были: «Густавъ проситъ господина барона принять его».

Розенбергъ былъ немало удивленъ, когда Остерманъ съ необычнымъ оживленіемъ, бодрымъ и энергичнымъ голосомъ приказалъ немедленно проводить въ кабинетъ гостя.

Свиданіе наединѣ продолжалось часа два. Розенбергъ былъ удаленъ.

---

[1]) Продолженіе см. «Историческій Вѣстникъ», т. CXXXIII, стр. 753.

Библиотека "Руниверс"

Густавъ уѣхалъ, какъ всегда, спокойный и холодный по внѣшности, а Остерманъ послѣ его ухода позвалъ Розенберга и жену, и заявилъ, что ему хуже. Его уложили въ постель. Старикъ стоналъ при каждомъ движеніи и казался совсѣмъ умирающимъ.

Во дворцѣ былъ назначенъ малый пріемъ. Императрица знакомилась со своими подданными. Пріѣхавшіе въ Москву чины генералитета, богатые помѣщики, вице-президенты коллегій добивались чести быть ей представленными.

Какъ оберъ-гофмаршалъ, Рейнгольдъ наканунѣ докладывалъ ей списокъ лицъ, всеподданнѣйше ходатайствующихъ объ аудіенціи.

Императрица равнодушно проглядывала списокъ. Но вдругъ ея апатичное, вялое лицо оживилось.

— Графъ,—воскликнула она:—что жъ ты молчалъ! Пріѣхалъ твой братъ, баронъ Оттомаръ, графъ Кройцъ. Когда они пріѣхали?

— Сегодня утромъ у меня былъ братъ,—отвѣтилъ Рейнгольдъ:—онъ пріѣхалъ во главѣ депутаціи ландратовъ принести вашему величеству всеподданнѣйшія поздравленія съ восшествіемъ на прародительскій престолъ и ходатайствовать о подтвержденіи лифляндскихъ привилегій.

Императрица взволнованно встала съ мѣста. Тысячи воспоминаній тѣснились въ ея сердцѣ.

— Конечно,—воскликнула она:—я завтра приму ихъ. Скажи своему брату, что онъ желанный гость. Онъ пріѣхалъ оттуда... Что тамъ? Какъ живутъ тамъ мои друзья?—въ волненіи говорила Анна.

— Ваши курляндскіе подданные, радуясь вашему великому жребію, ваше величество, оплакиваютъ свою участь, такъ какъ лишены счастья лицезрѣть васъ,—отвѣтилъ Рейнгольдъ.

— Завтра, завтра,—повторяла Анна, глубоко взволнованно.—Пусть депутація непремѣнно будетъ завтра. Я хочу скорѣе видѣть ихъ...

Рейнгольдъ поклонился.

Анна сидѣла въ тронномъ креслѣ. У ступеней трона стояли ея фрейлины и статсъ-дамы. По бокамъ троннаго возвышенія помѣстился почетный караулъ въ составѣ кавалергардовъ и нѣсколькихъ офицеровъ лейбъ-регимента, среди которыхъ былъ вновь назначенный въ полкъ Артуръ Вессендорфъ.

Депутація медленно приблизилась къ трону.

Юліана не знала, что сегодня увидитъ своего отца. Старый баронъ не могъ извѣстить ее о своемъ пріѣздѣ, а другимъ не было дѣла до маленькой Юліаны. Она чуть не вскрикнула, когда вдругъ

Библиотека "Руниверс"

узнала высокую фигуру отца. Для нея это было неожиданной радостью. Она сдѣлала движеніе броситься къ отцу, но Адель во время схватила ее за руку.

— Я счастлива видѣть при нашемъ дворѣ монхъ друзей,—раздался взволнованный голосъ императрицы.

Члены депутаціи низко поклонились, и Густавъ своимъ ровнымъ, спокойнымъ голосомъ отвѣтилъ:

— Мы прибыли, всемилостивѣйшая государыня, повергнуть къ подножію вашего трона чувства преданности, одушевляющей вашу Курляндію, и просить милостиваго вниманія вашего величества...

И Густавъ изложилъ ей ходатайство ландратовъ.

Императрица поблагодарила депутацію за выраженное привѣтствіе и прибавила:

— Все будетъ сдѣлано по вашему желанію.

Она милостиво протянула руку.

Поднявшись на ступени трона, Густавъ преклонилъ колѣно и поцѣловалъ руку императрицы.

Рейнгольдъ наблюдалъ за братомъ и императрицей и думалъ:

«Какая ловкая бестія Густавъ, какъ онъ спокоенъ, какъ рада императрица! Она, очевидно, сгораетъ нетерпѣніемъ получить свѣдѣнія объ ея возлюбленномъ Биренѣ... Что-то будетъ дальше?»

Дѣйствительно, Анна имѣла наготовѣ тысячу вопросовъ, но не могла предложить ихъ сейчасъ. Приказать Густаву явиться къ ней послѣ общей аудіенціи—она боялась. Она боялась недовольства Василія Лукича и другихъ членовъ совѣта, не желавшихъ, чтобы она поддерживала сношенія со своимъ прежнимъ дворомъ. Ея взглядъ упалъ на взволнованное личико Юліаны, и ее осѣнила мысль.

— Баронъ,—обратилась она къ Оттомару:—я вижу ваше отцовское нетерпѣніе, я разрѣшаю вамъ обнять вашу дочь.

Старый баронъ покраснѣлъ, а Юліана сдѣлала ему шагъ навстрѣчу.

Не давая воли своему сердцу, баронъ сдержанно поцѣловалъ дочь и глубоко поклонился императрицѣ.

— Вы сегодня же можете навѣстить свою дочь,—милостиво произнесла императрица.

Это былъ способъ узнать поскорѣе всѣ желаемыя свѣдѣнія. Кромѣ того, императрица чего-то смутно ждала. Ей казалось, что умный и дальновидный Густавъ не даромъ, не просто, какъ депутатъ, пріѣхалъ сюда.

По окончаніи аудіенціи баронъ, пользуясь разрѣшеніемъ императрицы, прошелъ къ дочери черезъ цѣлый лабиринтъ дворцовыхъ залъ и коридоровъ.

Онъ очень нѣжно и заботливо разспрашивалъ Юліану объ ея жизни и здоровьи, обратилъ вниманіе на то, что она похудѣла

Библиотека "Руниверс"

и поблѣднѣла, но Юліана успокоила его, сказавъ, что она очень устала; она все время при императрицѣ, а теперь каждый день даются такія же, какъ сегодня, аудіенціи. И скучно, и утомительно, такъ какъ приходится подолгу стоять.

Баронъ, успокоившись насчетъ дочери, видимо, былъ занятъ какой-то мыслью. Онъ съ любопытствомъ осматривалъ покои фрейлинъ.

Юліана повела его по всѣмъ комнатамъ.

— Такъ ваши комнаты имѣютъ прямое сообщеніе съ покоями императрицы?—съ любопытствомъ спросилъ баронъ.

Юліана объяснила. Вотъ тутъ зала, изъ нея длинный коридоръ ведетъ въ гардеробную императрицы, дальше находится помѣщеніе Анюсы, потомъ пустая комната, а за нею кабинетъ государыни.

Помѣщеніе фрейлинъ состояло изъ трехъ комнатъ: общей спальни, столовой и гостиной. Горничныя жили внизу. Изъ столовой тоже велъ коридоръ, упирающійся въ помѣщеніе Артура. У Артура было двѣ комнаты. Это крыльцо дворца имѣло со двора свой маленькій особый подъѣздъ, такъ что Артуръ можетъ возвращаться когда угодно, и этого никто не узнаетъ,—смѣясь пояснила Адель.

Баронъ очень внимательно выслушалъ эти сообщенія.

Ему не удалось долго посидѣть у дочери: за нимъ прислала императрица.

— Я зайду къ тебѣ, Юліана, еще вечеромъ,—сказалъ онъ, цѣлуя дочь.—Это, можетъ быть, будетъ очень поздно, но я прошу тебя не ложиться спать и ждать меня. Непремѣнно, Юліана,—выразительно добавилъ онъ.

Хотя Юліана и была нѣсколько удивлена словами отца, но смѣясь отвѣтила:

— О, мы всю ночь будемъ ждать тебя, отецъ. Вѣдь правда, Адель?

— Баронъ можетъ быть спокоенъ,—подтвердила Адель, дѣлая барону низкій реверансъ.—Я не дамъ Юліанѣ спать.

— Не засни сама,—отозвалась Юліана.

Баронъ еще разъ поцѣловалъ дочь, пожалъ руку Адели и поспѣшилъ къ императрицѣ.

— Боже, Боже, что вы со мною дѣлаете!—въ отчаяніи воскликалъ Биренъ, какъ безумный, бѣгая по комнатѣ.—Да будетъ проклята эта страна! Я не могу, я не могу, Густавъ!—твердилъ онъ, останавливаясь передъ Левенвольде и складывая на груди руки.

Его красивое лицо было теперь почти безобразно, искаженное отчаяніемъ и ужасомъ. Свѣтлые глаза съ не расширяющимися

Библиотека "Руниверс"

зрачками совсѣмъ выкатились изъ орбитъ и имѣли дикое, безсмысленное выраженіе.

— Если бы тебя сейчасъ увидѣла императрица,—холодно произнесъ Густавъ:—твоя карьера была бы кончена разъ и навсегда.

— Пусть бы лучше она никогда не видѣла меня!—воскликнулъ Биренъ, хватаясь за голову.

— Оно, конечно, было бы лучше,—пренебрежительно отвѣтилъ Густавъ.—Ты бы занялся своимъ любимымъ дѣломъ. Объѣзжалъ бы лошадей курляндскихъ бароновъ, и тебя хлестали бы, какъ лошадь. Ты, кажется, рожденъ для этого.

Послѣднія слова Густава, словно ударъ кнута, подѣйствовали на Бирена.

— Дѣлай, что хочешь,—сказалъ онъ, блѣдный отъ обиды и ужаса.

— Такъ-то лучше,—спокойно произнесъ Густавъ:—значитъ, идешь?..

— Хоть къ чорту на рога!—закричалъ въ изступленіи Биренъ:—вы вовлекли меня въ адскую западню! Вы играете мною! Мнѣ нѣтъ спасенія! Ни туда, ни сюда! Будьте вы прокляты!..

— Ты совсѣмъ сошелъ съ ума, Эрнстъ,—холодно сказалъ Густавъ:—въ тебѣ нѣтъ даже простого достоинства мужчины.

Онъ съ нескрываемымъ презрѣніемъ смотрѣлъ на Бирена.

— Какъ,—одушевляясь, продолжалъ онъ:—за тобой темное, жалкое прошлое, твое настоящее ничтожно, а въ будущемъ неизмѣримое могущество, царственныя почести, богатство, всеобщее преклоненіе, и ради такой ставки ты боишься рискнуть своей только красивой головой, жалкій человѣкъ! Да я не одной, а двадцатью жизнями рискнулъ бы, если бы имѣлъ ихъ въ запасѣ!

— Ну, хорошо, я сказалъ уже, что согласенъ,—упавшимъ голосомъ отвѣтилъ Биренъ, махнувъ безпадежно рукой.

— Ну, и отлично,—отозвался Густавъ.

Онъ хлопнулъ въ ладоши. Въ комнату вошелъ Якубъ.

— Одѣться господину Бирену,—коротко приказалъ Густавъ.

Якубъ, отпущенный Рейнгольдомъ, какъ ловкій и смѣлый человѣкъ, въ распоряженіе брата, уже зналъ, въ чемъ дѣло.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ явился, неся въ рукѣ одежду. Это былъ полный костюмъ придворнаго лакея.

Биренъ весь дрожалъ, пока его одѣвалъ Якубъ.

— Позови барона,—сказалъ Густавъ, когда Биренъ былъ готовъ.

— Мы готовы, баронъ,—слегка насмѣшливо обратился онъ къ вошедшему барону.

Баронъ окинулъ взглядомъ жалкую фигуру, стоявшую передъ нимъ въ лакейской ливреѣ, и пренебрежительная гримаса появилась на его старомъ, мужественномъ лицѣ.

Библиотека "Руниверс"

«Нѣтъ, не даромъ,—промелькнуло въ его мысляхъ,—мы не хотѣли признавать его курляндскимъ дворяниномъ. Къ нему слишкомъ идетъ лакейская ливрея».

Якубъ, стоя въ сторонѣ, ждалъ приказаній.

— Иди,—обратился къ нему Густавъ:—спроси, готовъ ли ребенокъ?

Якубъ вышелъ.

Настало тягостное молчаніе.

— Я могу погибнуть,—глухимъ голосомъ началъ Биренъ:—но я не хочу губить ребенка.

— Дуракъ!—рѣзко произнесъ, отворачиваясь, Густавъ.

Въ его сердцѣ кипѣла завистливая злоба.

Если бы онъ былъ на мѣстѣ Бирена,—эта ливрея казалась бы ему почти царскимъ пурпуромъ.

Черезъ нѣсколько минутъ въ комнату вошла Бенинга, неся на рукахъ укутаннаго Карлушу.

Ребенокъ не спалъ и ясными глазками смотрѣлъ съ любопытствомъ по сторонамъ и безпомощно, жалко старался освободить изъ-подъ одѣяла свои ручонки.

Глаза Бенигны были заплаканы. Она крѣпко, нѣсколько разъ поцѣловала ребенка и молча подала его Бирену.

Биренъ принялъ его дрожащими руками.

— Не урони,—презрительно сказалъ Густавъ.—Ну, пора, съ Богомъ! Якубъ, проводи!

Кажется, никогда тоска Анны не достигала такой силы, какъ въ вечеръ того дня, когда она принимала депутацію ландратовъ. Мучительныя и сладостныя воспоминанія съ необычайной силой овладѣли ею. Она вспоминала свою жизнь въ Митавѣ. Она забыла всѣ униженія, претерпѣнныя ею отъ петербургскаго двора, бѣдность, зависимость. Она помнила только одно: что въ то время ея сердце знало счастье. Этотъ Густавъ въ свое время тоже былъ дорогъ ей. А потомъ? Ея сердце, сердце женщины, для которой уже прошла молодость съ ея легкими и страстными увлеченіями, всей силой привязалось къ Бирену. Маленькій Карлъ еще сильнѣе скрѣпилъ эту связь. Она чувствовала, что не можетъ никогда позабыть этихъ двухъ существъ, безраздѣльно овладѣвшихъ ея сердцемъ.

Склонившись головой на край стола, на которомъ валялись поданные ей сегодня ненавистнымъ Василіемъ Лукичемъ указы верховнаго совѣта, Анна глухо рыдала.

Она была одна, наконецъ, одна! Для нея наступилъ тотъ часъ, когда она сбрасывала съ себя императорскую мантію и оставалась просто одинокой, страдающей женщиной.

Словно скрипнула дверь.

Библиотека "Руниверс"

Анна не подняла головы. Это, навѣрное, пришла ея преданная Аѳиса. Она сейчасъ услышитъ ея грубо-ласковый голосъ: «Опять плачешь? Шла бы лучше спать; утро вечера мудренѣе..»

Но вдругъ почти одновременно со скрипомъ двери послышался тихій дѣтскій плачъ, такой милый, сонный, знакомый...

«Это сонъ», подумала Анна и вскочила съ мѣста.

Въ первое мгновеніе она окаменѣла отъ ужаса. На порогѣ комнаты стоялъ человѣкъ въ костюмѣ лакея и съ жалкой улыбкой смотрѣлъ на нее, протягивая къ ней ребенка.

Но въ слѣдующее же мгновеніе изъ груди Анны вырвался пронзительный крикъ:

— Эрнстъ! Карлуша!

Этотъ крикъ пронизалъ ночную тишину, проникъ въ комнаты фрейлинъ и заставилъ ихъ вздрогнуть.

Со страстной радостью Анна вырвала изъ рукъ Бирена ребенка.

Въ первую минуту мать побѣдила въ ней любовницу.

— Тантанна, тантанна,—радостно твердилъ ребенокъ, протягивая къ ней худенькія, красныя ручонки.

Анна положила его на диванъ, сняла окутывавшія его одѣяла и, плача отъ радости и умиленія, цѣловала его ножонки, ручки, все его розовое маленькое тѣльце, а ребенокъ, смѣясь отъ ея щекочащихъ поцѣлуевъ, щурился на яркій огонь лампы и старался схватить ее за пышную прическу, лепеча:

— Тантанна, тантанна...

Первый порывъ материнскаго чувства прошелъ, и Анна горячо обняла Бирена.

Онъ упалъ на колѣни, словно ища защиты, и цѣловалъ ея руки и складки ея платья. И въ этихъ поцѣлуяхъ были не любовь, не радость встрѣчи послѣ тяжелой разлуки, а радость раба, нашедшаго въ минуты опасности своего господина, могущаго защитить его и спасти отъ этой опасности.

Прерывающимся голосомъ говорилъ ей Биренъ о своихъ страданіяхъ въ разлукѣ съ ней, что онъ рискуетъ жизнью, чтобы увидѣть ее, что онъ не могъ жить безъ нея!...

Анна, крѣпко прижавъ его голову къ своей груди, упивалась его словами.

И Густавъ и Остерманъ пришли бы въ восторгъ отъ поведенія Бирена.

Этотъ пламенный любовникъ еще такъ недавно проклиналъ и любовь къ нему императрицы, и тѣхъ людей, которые доставили ему счастье видѣть ее сейчасъ!

Но Анна не знала этого. Она видѣла передъ собою только любимаго человѣка, рисковавшаго жизнью, чтобы увидѣть ее, прошедшаго черезъ тысячу опасностей и подставлявшаго свою голову подъ топоръ изъ любви къ ней.

Библиотека "Руниверс"

— Нѣтъ,—страстно воскликнула она, вскакивая съ пылающимъ лицомъ и сверкающими глазами.—Нѣтъ, клянусь его невинной головой,—она указала на Карлушу,—они не посмѣютъ тронуть тебя! Раньше имъ надо будетъ сорвать корону съ моей головы и перейти черезъ мой трупъ! Я все же императрица всероссійская! Со мной не легка будетъ имъ борьба! Быть можетъ, я не такъ одинока, какъ думаютъ они....

Она вспомнила письмо Остремана и начертанный имъ планъ дѣйствій.

По мѣрѣ ея словъ Биренъ ободрялся. Страхъ его мало-по-малу уступалъ мѣсто надеждамъ.

«Левенвольде правъ, — проносилось въ его головѣ: — за это стоитъ побороться. Старикъ Остерманъ, видно, и въ самомъ дѣлѣ не выжилъ еще изъ ума».

— Ты останешься во дворцѣ,—энергично говорила Анна.—Въ комнатахъ Вессендорфа. Мои фрейлины позаботятся о Карлушѣ.

Она позвонила. Вошла Анюиса, все время подслушивавшая у дверей.

Карлуша тихо дремалъ.

— Снеси ребенка къ фрейлинамъ,—приказала Анна.—Пусть они позаботятся о немъ. Да поосторожнѣе, дура,—добавила она, когда ребенокъ что-то жалобно пробормоталъ.

Она нѣжно, едва касаясь губами, поцѣловала Карлушу и сама открыла дверь Анюисѣ.

Юліана и Адель съ братомъ уже знали, въ чемъ дѣло. Оттомаръ долженъ былъ посвятить ихъ во все.

Когда Анюиса принесла ребенка, онѣ обѣ пришли въ восторгъ и умиленіе.

Исполнивъ свою миссію, Оттомаръ ушелъ.

Юліана уступила свою постель Карлушѣ и, придвинувъ вплотную къ ней постель Адели, легла вмѣстѣ съ подругой.

XXIV.

На другой же день, энергичная, оживленная, какъ никогда, Анна велѣла позвать къ себѣ Черкасскаго. Исполняя программу Остермана, Анна убѣдила Черкасскаго подать лично ей свое особое мнѣніе о государственномъ устройствѣ. Умѣло намекнула, что при такомъ умѣ и опытности князю не годится итти въ поводу у верховниковъ. Что если бы она располагала властью, она, конечно, поставила бы его въ первые ряды, хотя бы на смѣну графу Головкину, который что-то сильно одряхлѣлъ въ послѣднее время.

Возвращаясь домой, Черкасскій думалъ:

«А вѣдь это вѣрно. Пусть верховники идутъ своимъ путемъ. Я пойду своимъ. Канцлеръ!—самодовольно думалъ онъ:—это важно.

Библиотека "Руниверс"

И было бы всего лучше, кабы правила она по старинѣ... А я былъ-бы канцлеромъ. Кому это мѣшаетъ? Нѣтъ, правъ нашъ пѣтъ Кантемиръ. Въ самодержавіи спасеніе. Надо поговорить съ нимъ да съ Татищевымъ. Канцлеръ? Шутка ли!...»

Затѣмъ императрица приказала позвать генерала Матюшкина.

Съ умнымъ Матюшкинымъ говорить было труднѣе. Но и тутъ Аннѣ удалось одержать побѣду. Она начала словами, что относится къ Михаилу Аѳанасьевичу съ полной довѣренностью, какъ къ родственнику и человѣку, едино думающему о благѣ отечества. Затѣмъ указала, что твердо рѣшила уступить часть своей власти выборнымъ, но что она боится, какъ бы этимъ не воспользовались, исключительно въ своихъ выгодахъ, двѣ знатныя фамиліи: Голицыны и Долгорукіе. Что какъ бы въ новомъ государственномъ устроеніи они не обошли вовсе шляхетства.

Это было больное мѣсто Матюшкина. Онъ самъ боялся этого, но Дмитрій Михайловичъ убѣдилъ его, что это не такъ и они вмѣстѣ теперь работаютъ надъ общимъ проектомъ.

— Тебѣ бы слѣдовало быть въ верховномъ совѣтѣ,—сказала Анна,—и кромѣ того—фельдмаршаломъ. Самъ знаешь, выше полковника никого пожаловать не могу. Вотъ и остаются истинныя заслуги безъ награды, а то быть бы тебѣ фельдмаршаломъ.

Это тоже было больное мѣсто Матюшкина.

— Мало ли что они говорятъ,—продолжала Анна:—много они о себѣ думаютъ. Обѣщаютъ одно, сдѣлаютъ другое. Когда будутъ знать, что извѣстенъ мнѣ твой проектъ, то тогда лучше подумаютъ о шляхетствѣ. Такъ-то, Михаилъ Аѳанасьевичъ. Подумай, я тоже блага хочу. Что князья, что служилое шляхетство—одинаково дороги мнѣ. Подумай-ка! Князь Михаилъ Алексѣевичъ къ тому жъ склоняется...

Матюшкинъ уѣхалъ отъ Анны поколебленный.

«Не лучше ли въ самомъ дѣлѣ представить свой проектъ безъ всякаго соглашенія? Хуже не будетъ, а для шляхетства можетъ быть лучше... Надо потолковать съ Григоріемъ Дмитріевичемъ»

Геній интриги торжествовалъ.

Разговоръ съ Анной далъ послѣдній толчокъ князю Черкасскому.

Онъ всегда въ душѣ былъ на сторонѣ самодержавія, но подъ вліяніемъ близкихъ людей, особенно Татищева, примкнулъ къ шляхетству. Но теперь онъ рѣшилъ не отказываться отъ своего проекта, но не очень и отстаивать его, и стараться возможно большему числу своихъ сторонниковъ внушить мысль, что императрица гораздо больше заботится о шляхетствѣ, чѣмъ верховники. Въ этомъ онъ надѣялся на Кантемира.

Библиотека "Руниверс"

Антіохъ Дмитріевичъ Кантемиръ былъ убѣжденнымъ сторонникомъ самодержавія и, кромѣ того, лично ненавидѣлъ Голицына. Талантливый и краснорѣчивый Кантемиръ имѣлъ большое вліяніе какъ на князя, такъ и на гвардейскую и аристократическую молодежь.

Пріемъ императрицей Черкасскаго, его колебанія и ея слова быстро стали извѣстны среди сторонниковъ самодержавія и оживили ихъ надежды. Ихъ дѣятельность приняла лихорадочный характеръ. Кантемиръ уже набрасывалъ втайнѣ челобитную императрицѣ о возстановленіи самодержавія. У Салтыковыхъ, Волконскаго, секретаря Преображенскаго полка Булгакова — вездѣ, и днемъ и ночью, собирались въ большомъ количествѣ гвардейскіе офицеры. На собраніяхъ у Семена Андреевича большое впечатлѣніе производили рѣчи старика Кирилла Арсеньевича. Эти рѣчи дышали глубокой убѣжденностью. Старый князь, одинъ изъ видныхъ дѣятелей времени Петра, прямой и смѣлый, не побоявшійся даже грознаго царя въ страшные дни суда надъ царевичемъ Алексѣемъ, дрожащимъ отъ волненія голосомъ обращался къ представителямъ гвардіи.

— Вы,—говорилъ онъ,—цвѣтъ славной гвардіи, покрывшей славой россійскія знамена, созданной Великимъ Петромъ, ужели вы покрывали Россію славой и укрѣпляли престолъ для того, чтобы бросить наслѣдіе великаго царя и свою славу въ добычу жаднымъ честолюбцамъ!

Эти рѣчи разжигали молодежь.

Съ другой стороны, Остерманъ, узнавъ всѣ подробности происшедшаго, и впечатлѣніе, произведенное на Анну пріѣздомъ Бирена, ея мгновенно вспыхнувшую рѣшимость на борьбу, потиралъ отъ удовольствія свои крючковатыя руки. Его дальновидные и тонкіе расчеты блистательно оправдались.

Боевое настроеніе этой части гвардейскихъ офицеровъ росло. Уже съ трудомъ приходилось сдерживать ихъ бунтующую силу. Какъ натравленные звѣри, смотрѣли они на верховниковъ, готовые броситься и разорвать ихъ.

Остерманъ лихорадочно работалъ. Онъ направлялъ Густава, сносился съ императрицей, съ Салтыковымъ, Салтыковъ—съ Черкасскимъ, Черкасскій передавалъ Кантемиру, Кантемиръ—адъютанту фельдмаршала Трубецкого—Гурьеву, тотъ Бецкому, Бецкой—своимъ друзьямъ-офицерамъ, тѣ—товарищамъ по полку. Получалась цѣлая сѣть, концы которой находились въ рукахъ Остермана, и которую онъ могъ стянуть въ любой моментъ, и онъ ждалъ терпѣливо и увѣренно этого момента...

Перемѣна настроенія императрицы, уклончивое поведеніе Черкасскаго, броженіе въ гвардіи, новыя широкія требованія Матюшкина поразили неожиданно верховниковъ.

Библиотека "Руниверс"

Черезъ преданныхъ людей они узнали и о тайныхъ собраніяхъ у Салтыкова, Барятинскаго, Волконскаго, и о томъ, что говорилось тамъ, и о воинственномъ настроеніи большинства кавалергардовъ и нѣкоторой части офицерства другихъ полковъ, въ особенности Семеновскаго и Преображенскаго.

— Семеновцы забыли, что я спасъ ихъ честь и знамя подъ Нарвой,—съ горечью замѣтилъ фельдмаршалъ Михаилъ Михайловичъ.

— Императрица за насъ,—отвѣчалъ Дмитрій Михайловичъ.— Пусть говорятъ: поговорятъ и перестанутъ.

Василій Владимировичъ предлагалъ рѣшительную мѣру: перевести немедленно гвардію въ Петербургъ. Но это казалось опаснымъ Дмитрію Михайловичу. На глазахъ фельдмаршаловъ—гвардія не такъ страшна. Не слѣдуетъ раздувать ихъ враждебное отношеніе.

Алексѣй Григорьевичъ Долгорукій совсѣмъ притихъ. Рѣдко являлся среди верховниковъ. Онъ зналъ, что его особенно не любили среди гвардіи со временъ фавора его сына.

Еще одно поразило верховный совѣтъ.

Императрица очень мягко, но рѣшительно и настойчиво попросила Василія Лукича оставить дворецъ. Его аппартаменты нужны ей. Она хочетъ расширить свой придворный штатъ, и ей некуда будетъ помѣстить своихъ новыхъ фрейлинъ.

Противиться было невозможно. Хотя и ограниченной въ самодержавныхъ правахъ, но все же императрицѣ нельзя было отказать въ правѣ быть хозяйкой въ своемъ собственномъ домѣ.

Воздухъ сгущался. Надо было ждать грозы. Становилось тяжело дышать. Что-то творилось, что-то назрѣвало...

Фельдмаршалы ѣздили по полкамъ. Но если въ армейскихъ полкахъ фельдмаршаловъ, въ особенности Михаила Михайловича, встрѣчали восторженными криками, то Семеновскій и Преображенскій полки встрѣчали ихъ сдержанно и холодно.

Мрачные и задумчивые возвращались они домой...

Степанъ Васильевичъ Лопухинъ въ эти тревожные дни не зналъ ни сна, ни покоя. Онъ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ сторонниковъ самодержавія. Онъ тоже вербовалъ себѣ сторонниковъ среди лицъ, посѣщавшихъ царицу Евдокію, но главное значеніе его было, какъ связующаго звена между свѣтскими сторонниками самодержавія и духовенствомъ. Искусно направляемый Ѳеофаномъ, онъ дѣйствовалъ очень успѣшно въ этомъ направленіи. Духовенство было страшной силой, и увѣренность въ его поддержкѣ значительно увеличивала надежды сторонниковъ самодержавія. Черезъ Салтыкову онъ успѣлъ передать объ этомъ императрицѣ, и Анна чувствовала, что мало-по-малу въ ея рукахъ сосредоточивается настоящая,

Библиотека "Руниверс"

дѣйствительная сила. Высокій авторитетъ духовенства въ глазахъ народа, многочисленные сторонники среди военныхъ,—это было грозное оружіе въ ея рукахъ. Быть можетъ, это оружіе выбили бы изъ ея рукъ верховники, но ея слабую руку направлялъ Остерманъ, который все зналъ, все учитывалъ, взвѣшивалъ и умѣлъ наносить ловкіе замаскированные удары своимъ врагамъ.

Степанъ Васильевичъ почти не бывалъ дома и мало разговаривалъ съ женой. Со времени своего увлеченія Шастуновымъ, послѣ своего «предательства», теперь казавшагося ей пустяками, Наталья Ѳедоровна не вмѣшивалась въ политику. Успокоенная за свое личное существованіе, обласканная императрицей, статсъ-дама двора, она была въ высшей степени равнодушна къ происходящей политической борьбѣ; кромѣ того, она ясно не понимала ее и не представляла себѣ опасности, какой могъ подвергнуться ея мужъ, а съ нимъ и она сама.

Въ этомъ отношеніи она была достойной парой Рейнгольду, такъ злобствующему за нарушеніе его покоя какими-то «конъюнктурами» на своего брата и Остермана.

Кромѣ того, Наталья Ѳедоровна была слишкомъ занята собой.

Послѣ бала у Головкина, гдѣ она опять видѣла вокругъ себя всеобщее поклоненіе, видѣла загорающіеся знакомымъ ей огнемъ глаза мужчинъ и вновь окунулась въ ту привычную ей атмосферу лести, увлеченія и обожанія, гдѣ она чувствовала себя настоящей царицей, увлеченіе Шастуновымъ утратило въ ея глазахъ значительную часть своей прелести. Онъ не былъ, какъ бывалъ Рейнгольдъ, царемъ бала, имѣлъ робкій и неувѣренный видъ влюбленнаго юноши и мучилъ ее несносными разспросами. Его чувство было серьезнѣе и глубже, чѣмъ привыкла она. Рейнгольдъ никогда не мѣшалъ ей жить и старался не замѣчать ея маленькихъ увлеченій, тѣмъ болѣе, что послѣ такихъ «авантюръ» она вновь возвращалась къ нему, еще болѣе нѣжная и любящая. Этотъ же, наоборотъ, хотѣлъ присвоить ее себѣ всю, безъ остатка. Онъ былъ бы способенъ жить съ ней гдѣ-нибудь въ глуши, запереть ее въ своей родовой вотчинѣ и цѣлый день любоваться на нее. Но зачѣмъ тогда молодость и красота? Красота какъ солнце! Ее нельзя прятать подъ спудомъ; надо и другимъ дать возможность погрѣться въ ея лучахъ!

И развѣ она создана для жизни въ терему?

Развѣ Петръ для того распахнулъ терема, чтобы женщины боялись выйти за ихъ порогъ?

Всѣ эти мысли волновали Наталью Ѳедоровну и поселяли въ ней нѣкоторое отчужденіе къ Арсенію Кирилловичу...

Рейнгольдъ не могъ не замѣчать ея увлеченія молодымъ княземъ, но ни однимъ словомъ не далъ ей понять этого. Положимъ, Наталья Ѳедоровна тоже не могла положиться на его вѣрность.

Библиотека "Руниверс"

Но они понимали другъ друга, и жили весело и беззаботно, какъ нѣжные друзья и любовники, не стѣсняя ни въ чемъ другъ друга...

Это Наталья Ѳедоровна считала искусствомъ жить...

Рейнгольдъ рѣдко бывалъ у нея, и она теперь была нѣсколько раздосадована его видимымъ равнодушіемъ. Кажется, тревожные дни уже прошли. Онъ оберъ-гофмаршалъ, бояться нечего... Цѣлые дни и ночи кутитъ да играетъ въ карты,—съ досадой думала она,—могъ бы улучить минуту, чтобы забѣжать къ ней!

Она сидѣла въ своей любимой красной гостиной и отъ нечего дѣлать подбрасывала съ ноги туфлю и старалась поймать ее опять на ногу.

За этимъ занятіемъ ее засталъ Рейнгольдъ.

Она искренне обрадовалась ему, но сейчасъ же встревожилась, увидя его разстроенное лицо.

— Рейнгольдъ, что случилось?—спросила она.

— Самое худшее, что только могло случиться,—отвѣтилъ Рейнгольдъ, цѣлуя ея руку.

Она вся насторожилась.

— Что же, Рейнгольдъ? Кажется, все теперь спокойно,—сказала она.

— Кажется? Да, только кажется,—отвѣтилъ онъ угрюмо:—кажется также, что не сносить мнѣ головы!

Она съ тревогой смотрѣла на него.

— Ни мнѣ, ни твоему мужу, ни... да что говорить,—продолжалъ онъ въ волненіи:—мой братецъ да этотъ старый чортъ Остерманъ вызвали сюда Бирена! Онъ теперь во дворцѣ! Императрица сходитъ съ ума изъ боязни за него!..

— Биренъ,—воскликнула Лопухина:—но вѣдь она!...

— Она сошла съ ума, говорю тебѣ,—произнесъ Рейнгольдъ.—Она впутала меня въ это подлое дѣло. Не сегодня-завтра верховники узнаютъ, что Биренъ во дворцѣ императрицы. Они не остановятся ни передъ чѣмъ!.. Голова Бирена такъ же непрочно сидитъ на плечахъ какъ и моя. Довольно того,—въ волненіи продолжалъ онъ:—что я тогда, какъ дуракъ, вмѣшался въ ихъ игру. То прошло незамѣченнымъ. А вотъ теперь этотъ проклятый старикъ снова хочетъ погубить меня...

Лопухина молчала, подавленная.

— Ты пойми только,—продолжалъ Рейнгольдъ:—если верховники узнаютъ, что я посылалъ брату письмо, что я нанималъ помѣщеніе для Бирена, что я встрѣчалъ его... Я чужой теперь здѣсь. Дмитрій Михайловичъ ненавидитъ иноземцевъ... Что же будетъ!...

И онъ продолжалъ говорить, высказывая Лопухиной всю свою злобу на брата и Остермана. Говорилъ о томъ, что императрица рѣшила начать безпощадную борьбу съ верховниками, что дѣло можетъ дойти чуть не до междоусобицы, что онъ самъ каждую минуту

Библиотека "Руниверс"

можетъ быть арестованъ, если случайно все откроется, что онъ теперь боится оставаться дома...

— Отчего ты скрывалъ это раньше?—съ упрекомъ спросила Лопухина.

И въ эти минуты въ ея душѣ воскресли въ полной силѣ вся былая нѣжность и любовь къ Рейнгольду.

Онъ сталъ ей безконечно дорогъ при мысли, что ему грозитъ смертельная опасность.

Рейнгольдъ безнадежно махнулъ рукой.

— Къ чему было говорить!—сказалъ онъ.—Все кончено! Развѣ можно скрыть пріѣздъ Бирена? Она помѣстила его съ сыномъ въ своихъ аппартаментахъ. Она обезумѣла отъ любви и ярости. Она готова на все, и она влечетъ насъ всѣхъ къ гибели!..

Рейнгольдъ опустился на низенькій табуретъ и закрылъ лицо руками...

Лопухина наклонилась къ нему и нѣжно обняла его...

Въ эту минуту послышались въ сосѣдней комнатѣ чьи-то увѣренные шаги. Это не были шаги лакея, не смѣвшаго входить безъ зова.

Только три человѣка могли такъ увѣренно входить въ ея красную гостиную.

Рейнгольдъ. Но онъ здѣсь. Мужъ. Но она хорошо знала его тяжелые шаги, сопровождаемые бряцаньемъ шпоръ. Шастуновъ!

Эти мысли мгновенно пронеслись въ ея головѣ.

— Рейнгольдъ, Рейнгольдъ,—торопливо зашептала она.—Это Шастуновъ. Адъютантъ фельдмаршала Долгорукаго. Ты очень разстроенъ, уйди... Туда черезъ спальню, ты знаешь? Я не хочу, чтобы вы встрѣчались, теперь опасно...

И она толкала Рейнгольда къ противоположной двери.

«Шастуновъ? Соперникъ? Новый врагъ? Онъ можетъ погубить...»

Мысли вихремъ налетѣли на Рейнгольда.

— Я напишу, я, можетъ быть, что-нибудь узнаю,—говорила Лопухина:—уходи же.

Рейнгольдъ и самъ думалъ, что лучше не встрѣчаться съ Шастуновымъ. Быть можетъ, Шастунову уже все извѣстно. Быть можетъ, уже отданъ приказъ объ его арестѣ...

Животный страхъ охватилъ Рейнгольда. Онъ вспомнилъ о своихъ брильянтахъ. «Я еще могу убѣжать, въ случаѣ опасности», и, бросивъ на Лопухину выразительный взглядъ, онъ поспѣшно вышелъ.

Еще не перестала колебаться опущенная за нимъ портьера, когда въ другія двери вошелъ Шастуновъ.

Лопухина была въ полной увѣренности, что Рейнгольдъ поспѣшитъ домой.

Рейнгольдъ такъ и намѣревался сперва. Онъ хотѣлъ бѣжать домой, захватить деньги и брильянты и скрыться гдѣ-нибудь временно въ укромномъ мѣстечкѣ и тамъ ждать дальнѣйшихъ событій.

Библиотека "Руниверс"

Но, пройдя двѣ комнаты, онъ раздумалъ.

Зачѣмъ бѣжать преждевременно? Онъ можетъ сейчасъ узнать кое-что интересное. И на цыпочкахъ, тихонько, онъ воротился назадъ и остановился за тяжелой портьерой, отдѣлявшей красную гостиную. Онъ не могъ видѣть лицъ разговаривавшихъ, но, хотя глухо, до него доносились слова.

Когда вошелъ Шастуновъ, Лопухина съ обычнымъ видомъ сидѣла на креслѣ.

— А! это вы, князь?—привѣтливо произнесла она.

— А вы ждали другого?—ревниво спросилъ Арсеній Кирилловичъ, цѣлуя ея руку.

— Это скучно, князь,—возразила Лопухина.—Садитесь сюда и разсказывайте, что новаго? Какъ ваша служба, что подѣлываетъ вашъ фельдмаршалъ?

Стоя за занавѣской, Рейнгольдъ напряженно слушалъ.

— Ахъ, что мнѣ служба! Что мнѣ фельдмаршалъ!—воскликнулъ Шастуновъ:—развѣ въ этомъ моя жизнь!... Вы знаете!..

Но Лопухина, все еще подъ впечатлѣніемъ Рейнгольда, быстро перебила его:

— Мнѣ надоѣлъ, наконецъ, трауръ. Мнѣ скучно. Правда ли, что императрица хотѣла, чтобы коронованіе было теперь же, а верховный совѣтъ отложилъ церемонію до апрѣля?

— Я ничего не слышалъ объ этомъ,—угрюмо отвѣтилъ Арсеній Кирилловичъ.—Неужели въ эти дни вы только и думали о предстоящихъ балахъ?—съ горечью спросилъ онъ.

Лопухина нетерпѣливо передернула плечами.

— А о чемъ еще думать одинокой женщинѣ?—съ вызовомъ сказала она.

— Такъ вы одиноки,—тихо началъ Шастуновъ:—вы одиноки. несмотря на мою любовь?

Лопухина молчала.

— Я никогда не рѣшался приблизиться къ вамъ,—продолжалъ Шастуновъ, и его голосъ звучалъ сдержанной страстью: — вы были для меня какъ солнце. Я только издали, ревниво любовался вашей красотой... Я бы такъ и прожилъ. Но вы сами...

Его голосъ прервался.

Его блѣдное, прекрасное лицо, горящіе глаза, нѣжный, страстный голосъ опять покорили Лопухину.

Со свойственной ей непостоянностью она уже забыла о Рейнгольдѣ... И странное чувство двойственности овладѣло ея душой.

Мгновеніями ей казалось, что она видитъ Рейнгольда, слушаетъ его голосъ... Лицо Шастунова дѣлалось похожимъ на лицо Рейнгольда...

Библиотека "Руниверс"

Она полузакрыла глаза.

— Зачѣмъ же вы мучаете меня,—продолжалъ Шастуновъ, опускаясь на колѣни и беря ея руку.—Вѣдь я такъ люблю васъ, мнѣ такъ тяжело... Вѣдь я могъ имѣть право вѣрить въ вашу любовь... Всѣ эти дни я тосковалъ и ревновалъ... Ужели этотъ Рейнгольдъ, ничтожный и пустой...

Легкій скрипъ пола заставилъ Шастунова обернуться... Но въ комнатѣ никого не было. На одно мгновеніе ему показалось, что тяжелая малиновая портьера колеблется... Но это было только мгновеніе. Онъ снова повернулъ свое страстно-молящее лицо къ Лопухиной и опустилъ голову къ ней на колѣни.

— Вѣдь я люблю, люблю тебя,—шепталъ онъ, опьяненный ея близостью, запахомъ ея духовъ, біеніемъ ея сердца.

— Оставь, оставь,—тихо останавливала его Лопухина.

За портьерой вновь послышалось движеніе.

Но Шастуновъ не слышалъ. Онъ поднялъ голову и потянулся къ Лопухиной воспаленными губами... Она наклонила къ нему голову...

Портьера заколебалась сильнѣе...

Рейнгольдъ понялъ наступившее молчаніе...

— Ты моя, ты моя,—твердилъ Шастуновъ.

Рейнгольдъ сдѣлалъ рѣзкое движеніе и, запутавшись въ складкахъ портьеры, пошатнулся и невольно ударилъ каблукомъ сапога въ полъ.

Лопухина вырвалась изъ объятій Шастунова. Шастуновъ тоже услышалъ стукъ. Портьера сильно колебалась.

— Насъ подслушали,—произнесъ Шастуновъ и со стремительной рѣшимостью, прежде, чѣмъ Наталья Оедоровна успѣла удержать его, бросился къ портьерѣ, рѣзкимъ движеніемъ откинулъ ее и увидѣлъ блѣдное, искаженное яростью, но вмѣстѣ съ тѣмъ смущенное лицо графа Рейнгольда...

Это было такъ неожиданно, что Шастуновъ выпустилъ изъ рукъ портьеру, и она на мигъ снова закрыла Рейнгольда.

Лопухина слабо вскрикнула и закрыла лицо руками.

Рейнгольдъ отбросилъ рукой портьеру и вышелъ. Онъ былъ очень блѣденъ.

Сдѣлавъ шагъ впередъ, положа руку на эфесъ шпаги, онъ остановился передъ пораженнымъ Шастуновымъ. Никто изъ нихъ не взглянулъ на Лопухину, словно окаменѣвшую, съ закрытымъ руками лицомъ.

Шастуновъ первый нашелъ въ себѣ силу заговорить.

— Прошу извиненія, графъ,—съ насмѣшливымъ поклономъ произнесъ онъ:—что я такъ неосторожно помѣшалъ вашему занятію... Но я не зналъ, что это ваше ремесло,—съ презрѣніемъ добавилъ онъ.

Библиотека "Руниверс"

— Я не желаю здѣсь говорить и объясняться съ вами,—дрожащимъ голосомъ отвѣтилъ Рейнгольдъ.

— Я полагаю,—высокомѣрно отвѣтилъ Шастуновъ:—что намъ вообще не о чемъ объясняться. Я не буду объясняться съ лакеемъ, подслушивающимъ у дверей.

— Ни слова больше!—въ бѣшенствѣ крикнулъ Рейнгольдъ, обнажая до половины шпагу.

— Рейнгольдъ!—отчаянно закричала Наталья Осдоровна, бросаясь между противниками:—князь!

Рейнгольдъ—это Левенвольде. Князь—это ему!

Презрѣнье, отчаянье и злоба наполнили душу Арсенія Кирилловича при этомъ крикѣ Лопухиной.

Тяжелымъ, презрительнымъ взглядомъ посмотрѣлъ онъ въ ея прекрасное умоляющее лицо и медленно повернулся.

— Князь,—повторила она съ мольбой.

— Оставьте меня,—слегка повернувъ голову, тихо отвѣтилъ черезъ плечо Шастуновъ.—Вмѣсто богини я нашелъ куртизанку, вмѣсто царицы—любовницу лакея...

Рейнгольдъ хотѣлъ броситься на князя, но Лопухина съ не женской силой удержала его за руку.

Не поворачивая головы, Шастуновъ медленно вышелъ изъ комнаты.

— Рейнгольдъ! Рейнгольдъ!—съ отчаяніемъ воскликнула Лопухина.

— Не пора ли кончить эту комедію? — холодно произнесъ Рейнгольдъ:—вы больше не будете любовницей лакея, но я совѣтую вамъ не терять надежды снова сдѣлаться княжеской любовницей.

Онъ грубо оттолкнулъ Лопухину и вышелъ вонъ.

Нѣсколько мгновеній Лопухина глядѣла ему вслѣдъ остановившимися глазами и вдругъ, судорожно заломивъ надъ головой руки, со стономъ упала на пушистый коверъ своей красной гостиной...

XXV.

Какъ человѣкъ, неожиданно пораженный тяжелымъ ударомъ, Шастуновъ въ первыя минуты не могъ отдать себѣ яснаго отчета, что случилось. Онъ словно отупѣлъ и одеревенѣлъ. Какой-то туманъ заволакивалъ его умъ и душу, и въ этомъ туманѣ странно мерцали черные глаза и блѣдиѣло искаженное яростью чье-то лицо...

— Черные глаза! Черные глаза!—безсмысленно твердилъ онъ, то и дѣло прикладывая руки къ разгоряченному лбу.

Библиотека "Руниверс"

Онъ шелъ, не обращая вниманія на рѣдкихъ прохожихъ, не разбирая въ темнотѣ дороги, спотыкаясь, какъ пьяный.

Но мало-по-малу холодный, рѣзкій вѣтеръ и морозъ охладили его разгоряченную голову. Онъ сталъ яснѣе понимать все случившееся и вмѣстѣ съ этимъ росло его страданіе...

— О—о!—вдругъ застоналъ онъ, останавливаясь среди улицы.— Она! Она—любовница Рейнгольда. Она все время обманывала меня. Я былъ ея минутной забавой, я, готовый отдать ей всю кровь капля по каплѣ...

Неровной походкой онъ пошелъ дальше. Невольно ему въ голову пришла мысль о самоубійствѣ.

«Но нѣтъ,—сейчасъ же съ бѣшенствомъ подумалъ онъ.—Я прежде убью его, какъ подлеца!»

Эта мысль придала силы Шастунову. Онъ рѣшилъ сейчасъ же послать за Алешей и Ѳедоромъ Никитичемъ и просить ихъ съѣздить къ Рейнгольду и передать ему вызовъ на поединокъ.

Дѣло не могло кончиться иначе. Слова Шастунова, что онъ не можетъ драться съ лакеемъ, были только однимъ оскорбленіемъ. Конечно онъ не могъ отказать въ удовлетвореніи графу Рейнгольду, оберъ-гофмаршалу двора императрицы.

— Князь, вы больны?—воскликнула Берта, увидѣвъ Шастунова.

Дѣйствительно, князя можно было принять или за больного, или за пьянаго. Расширенные глаза его горѣли неестественнымъ блескомъ. Воспаленныя губы что-то шептали. Казалось, что онъ даже былъ не твердъ на ногахъ.

Онъ взглянулъ на хорошенькое, встревоженное личико Берты и, казалось, не сразу понялъ ее. Потомъ словно опомнился и съ усиліемъ отвѣтилъ:

— Благодарю, маленькая Берта, я здоровъ. Только усталъ... да, я очень, очень усталъ...

Но Берта поняла, что ея князь не усталъ, а страдаетъ...

— Пришли мнѣ вина наверхъ,—закончилъ князь.

Придя къ себѣ, Шастуновъ тотчасъ велѣлъ Васькѣ отправиться за Дивинскимъ и Макшеевымъ.

— Найми лошадь и не жалѣй денегъ,—добавилъ онъ, кидая ему нѣсколько золотыхъ.—Скажи, чтобы не медлили ни минуты... Дивинскій навѣрное сидитъ теперь у Юсуповыхъ. А поручика Макшеева ищи, гдѣ хочешь, но только, чтобы былъ онъ.

— Будетъ,—рѣшительно отвѣтилъ Васька и исчезъ.

Берта принесла вино и поставила на столъ.

Библиотека "Руниверс"

Она взглянула на князя. Князь, блѣдный, странно сразу осунувшійся, сидѣлъ, опершись головой на руку, неподвижнымъ взглядомъ глядя передъ собой.

— Князь,—сказала она:—вотъ вино.

— Вино?—съ недоумѣньемъ переспросилъ онъ:—ахъ, да, я забылъ. Спасибо, маленькая Берта. Скажи, Берта,—неожиданно спросилъ онъ:—у тебя есть женихъ? Ты влюблена?

Берта покраснѣла до слезъ...

— Князь, князь,—стыдливо произнесла она, закрывая передникомъ лицо...

— Не люби, Берта! Никогда не люби,—страннымъ голосомъ говорилъ князь, и хотя обращался къ Бертѣ, но не глядѣлъ на нее и, казалось, будто говоритъ самому себѣ.—Не люби! Если ты хочешь, чтобы твое сердце было захватано грязными руками, чтобы его рвали на части, чтобы твоя жизнь обратилась въ адъ, съ проклятьемъ въ прошломъ, съ отчаяньемъ въ настоящемъ, съ безнадежностью въ будущемъ,—тогда люби и вѣрь! Тогда вѣрь яснымъ глазамъ, вѣрь поцѣлуямъ и словамъ любви... Вѣрь!—и за каждый поцѣлуй ты заплатишь цѣной муки и униженія, и твое сердце истечетъ кровью...

Шастуновъ схватился за голову.

— Да будетъ проклята она!—воскликнулъ онъ.

Со слезами на глазахъ, смущенная и взволнованная, слушала его Берта, боясь остаться, не смѣя уйти, полная нѣжнаго состраданія къ прекрасному князю...

— Князь, выпейте вина,—наконецъ проговорила она и сама, расплескивая вино, налила князю...

Князь взялъ стаканъ и выпилъ его.

Онъ глубоко вздохнулъ. Лицо его нѣсколько прояснилось.

— Ты добрая дѣвушка, Берта,—ласково сказалъ онъ:—не пугайся моихъ словъ. Ты будешь счастлива. За твое здоровье!

Арсеній Кирилловичъ налилъ себѣ вина и снова выпилъ.

Берта сдѣлала ему низкій реверансъ.

— Пришли еще вина, да побольше,—сказалъ Шастуновъ:—ко мнѣ сейчасъ придутъ друзья.

Онъ вспомнилъ о Макшеевѣ, который словно старался залить виномъ какой-то неугасимый огонь, пылающій въ немъ...

Берта вышла, сошла внизъ, распорядилась отправить князю всякихъ винъ, а сама прошла къ себѣ, въ маленькую спаленку, легла лицомъ внизъ на свою узенькую, дѣвичью постель, и горько, безутѣшно расплакалась...

Библиотека "Руниверс"

Васька бросился сперва за Макшеевымъ. Къ его счастью, Ѳома невѣрный, хотя и полупьяный, былъ дома.

Онъ только свистнулъ, когда Васька спросилъ его, гдѣ Макшеевъ.

— Ищи вѣтра въ полѣ,—сказалъ онъ...

Однако, выпивъ еще стаканчикъ водки и угостивъ Ваську, тоже малаго не промахъ по этой части, онъ подумалъ и торжественно началъ:

— Алексѣй Ивановичъ можетъ быть у себя въ полку, скажемъ разъ.—Ѳома загнулъ палецъ.—У просвирни, что у Николы, направо за угломъ второй домишка. Зеленый такой. Тамъ всегда хорошіе господа бываютъ, потому у просвирни того...—И Ѳома лукаво подмигнулъ.—Это скажемъ—два.—Онъ загнулъ второй палецъ.—Во-третьихъ, повадились они теперь къ графу Ѳедоръ Андреичу Матвѣеву—тотъ самый, что ни на есть крутель, какъ есть подъ стать моему. Можетъ еще быть у кавалергардовъ—тамъ народъ богатый, до картъ и вина охочій. Бываетъ и въ остеріи... А болѣе, ей-ей, не знаю. Должно, надо всѣ кабаки въ Москвѣ объѣздить.

По просьбѣ Васьки, Ѳома согласился пойти къ просвирнѣ, куда не всякаго пускали, но гдѣ Ѳома, какъ человѣкъ Макшеева, былъ извѣстенъ.

Ѳома обѣщался исполнить порученіе, если найдетъ тамъ своего барина, за что Васька отвалилъ ему цѣлую полтину, а самъ помчался сперва въ лейбъ-региментъ, потомъ къ кавалергардамъ и въ концѣ концовъ нашелъ Алешу у графа Матвѣева.

Васька черезъ лакея, которому тоже далъ три алтына, вызвалъ Макшеева и передалъ порученіе князя.

— Ѣду,—коротко отвѣтилъ Макшеевъ и тутъ же велѣлъ подать себѣ плащъ.

Ѳедора Никитича Васька сразу же нашелъ у Юсуповыхъ.

Алеша и Дивинскій пріѣхали почти одновременно. Алеша еще не успѣлъ выпить стакана вина. Видя разстроенное лицо князя, Макшеевъ молча поздоровался съ нимъ, налилъ себѣ вина и сталъ поджидать Дивинскаго.

Когда пріѣхалъ Дивинскій, князь плотно затворилъ дверь и сказалъ:

— Я хочу просить у васъ дружеской услуги. Только, если вы истинные друзья мои, не спрашивайте меня ни о чемъ.

Макшеевъ и Дивинскій, чувствуя что-то важное и значительное въ тонѣ князя, молча наклонили головы.

— Такъ вотъ что,—продолжалъ Шастуновъ:—я прошу васъ, не теряя времени, поѣхать сейчасъ къ оберъ-гофмаршалу графу Рейнгольду Левенвольде и предложить ему отъ моего имени поединокъ.

Библиотека "Руниверс"

Друзья съ изумленіемъ взглянули на Шастунова, но не сказали ни слова.

— Поединокъ,—съ какой-то злобой продолжалъ Шастуновъ.— Поединокъ на смерть! Драться до тѣхъ поръ, пока правая или лѣвая рука можетъ держать оружіе... Скажите графу, что я согласенъ на любое оружіе: кинжалы, шпаги или палаши. Пусть выбираетъ любое. Но только скорѣе, скорѣе!—почти задыхаясь отъ бѣшенства, закончилъ князь.

— Сдѣлано,—произнесъ, вставая, Макшеевъ.

— Арсеній Кирилловичъ,—проговорилъ Дивинскій:—мы всегда друзья твои. Мы вѣримъ тебѣ. Если ты хочешь поединка—значитъ такъ надо.

Онъ крѣпко пожалъ руку князю.

Въ эту минуту раздался стукъ въ двери.

— Можно,—крикнулъ Шастуновъ.

Вошелъ Васька.

— Ваше сіятельство хочетъ видѣть какой-то человѣкъ,—доложилъ онъ.

— Какой, отъ кого?—въ изумленіи спросилъ князь.

— Не могу знать,—отвѣтилъ Васька.—Едва понялъ, что ваше сіятельство ему надо. Лицо все закрыть поровнтъ, ростомъ маленькій, словно горбатый.

Князь Шастуновъ пожалъ плечами.

— Позови его,—приказалъ онъ.

Странная, маленькая фигурка, вся закутанная въ плащъ, въ нахлобученной шляпѣ, переступила порогъ и остановилась.

— Кто вы?—спросилъ Шастуновъ.

Таинственный посѣтитель указалъ головой на Ваську.

— Васька, уйди, запри двери и никого не пускай,—приказалъ князь.

Васька вышелъ, плотно закрывъ за собой двери.

Тогда маленькая фигурка сорвала съ головы широкополую шляпу и сбросила на полъ плащъ.

Густые черные кудри разсыпались по плечамъ. Огромные черные глаза глядѣли зло и насмѣшливо.

— Авессаломъ!—въ изумленіи воскликнулъ Шастуновъ, помнившій шута еще съ Митавы и встрѣчавшій его здѣсь во дворцѣ императрицы.

— Да, такъ зовутъ шута ея величества,—отвѣтилъ Авессаломъ.

Маленькій горбунъ, какъ и всякій убогій, вызывалъ въ князѣ чувство жалости.

— Простите,—мягко сказалъ онъ:—я не знаю вашего другого имени.

Библиотека "Руниверс"

— У меня нѣтъ другого!—рѣзко отвѣтилъ Авессаломъ.

— Зачѣмъ вы хотѣли меня видѣть?—спросилъ Шаступовъ.

Горбунъ бросилъ на Макшеева и Дивинскаго быстрый взглядъ.

— Вы можете говорить при нихъ,—замѣтилъ князь.—Сядьте, Авессаломъ, выпейте вина и разскажите, зачѣмъ пришли.

Авессаломъ не сѣлъ, но налилъ себѣ стаканъ вина и съ жадностью выпилъ его.

— Я не долго пробылъ въ Россіи,—началъ онъ:—но я увидѣлъ, что люди у васъ добрѣе, чѣмъ при дворѣ курляндской герцогини. Сперва я удивился, что здѣсь не считаютъ меня за собаку, что сама бывшая герцогиня курляндская вдругъ перестала бить по щекамъ своихъ камеръ-юнгферъ и рвать мнѣ волосы, что меня хорошо кормятъ и дали мнѣ человѣческое помѣщеніе... Потомъ я узналъ отъ слугъ (я хотя почти не говорю по-русски, но почти все понимаю), узналъ, что ваши министры не даютъ воли императрицѣ Аннѣ. И это хорошо. Ей не слѣдуетъ давать воли, потому что волю свою она отдастъ сейчасъ же Бирену, а Биренъ жестокъ и не считаетъ за людей тѣхъ, надъ кѣмъ имѣетъ власть...

— Да, такъ было, и я радовался,—продолжалъ Авессаломъ.— У меня до сихъ поръ не зажили рубцы отъ хлыста Бирена. Онъ хлесталъ меня такъ себѣ, походя, только потому, что у него въ рукахъ былъ хлыстъ, а Биренъ не выпускаетъ изъ рукъ хлыста, потому что вся жизнь его проходитъ въ конюшнѣ... да въ покояхъ Анны... Такъ берегитесь же теперь участи несчастнаго шута, избиваемаго хлыстомъ,—зловѣщимъ голосомъ, протягивая впередъ руки, крикнулъ Авессаломъ: — вы, потомки русскихъ рыцарскихъ родовъ, гордые, счастливые и богатые, вы, избравшіе на россійскій престолъ не герцогиню курляндскую, а сына берейтора! Берегитесь вы, потому что этотъ палачъ, этотъ конюхъ, этотъ дьяволъ въ образѣ человѣка теперь здѣсь, во дворцѣ императрицы всероссійской!.. И вотъ его первый даръ,—весь дрожа, закончилъ Авессаломъ, обнажая на рукѣ выше локтя сочащійся кровью рубецъ...

— Биренъ здѣсь!—отшатнувшись, повторилъ Шаступовъ.

Даже Алеша внезапно поблѣднѣлъ отъ нахлынувшаго въ его душу негодованія...

— Онъ погибъ!—прерывающимся голосомъ произнесъ Дивинскій.

Авессаломъ выпилъ еще вина и съ какимъ-то злорадствомъ передавалъ, какъ ему удалось узнать о прибытіи Бирена.

Впервые на эту мысль навель его дѣтскій плачъ, который онъ услышалъ въ комнатахъ фрейлинъ. Онъ подглядѣлъ и узналъ Карла. Онъ сталъ слѣдить и встрѣтилъ въ темномъ коридорѣ поздно вечеромъ Бирена, выходящаго изъ покоевъ императрицы. Биренъ былъ взбѣшенъ этой встрѣчей, ударилъ его ногой, потомъ неизмѣн-

Библиотека "Руниверс"

нымъ хлыстомъ и обѣщался повѣсить его, если онъ кому-нибудь скажетъ о томъ, что видѣлъ его...

Авессаломъ разсказалъ еще о своихъ предположеніяхъ, что Бирена привезли съ собой депутаты отъ ландратовъ, во главѣ съ Густавомъ Левенвольде, что, очевидно, имъ помогалъ въ этомъ графъ Рейнгольдъ, этотъ трусливый красавчикъ, имѣвшій у императрицы нѣсколько тайныхъ докладовъ.

— Спасайтесь же,—закончилъ Авессаломъ:—спасайте свою родину, если она дорога вамъ! Надвигается ваша гибель!..

Какъ оглушенные, стояли друзья, слушая Авессалома.

— О,—закончилъ Авессаломъ:—возьмите его, казните его, уничтожьте его... Я самъ буду его палачомъ!.. Я буду какъ милости просить, чтобы его дали казнить мнѣ!..

Первая минута растерянности прошла.

— Мы должны принять мѣры,—сказалъ Дивинскій:—надо доложить объ этомъ верховному совѣту. Я ѣду къ Дмитрію Михалычу,—продолжалъ онъ:—пусть Макшеевъ ѣдетъ къ фельдмаршалу Михаилу Михайловичу, а ты, князь, къ Василію Владимировичу... Твое дѣло надо отложить,—закончилъ онъ.—Да къ тому же, его ждетъ палачъ.

— Отложить,—медленно проговорилъ князь и, въ бѣшенствѣ, стиснувъ зубы, добавилъ:—Но я не отдамъ его палачу! Я сперва убью его, а потомъ пусть его повѣсятъ!..

XXVI.

Фельдмаршалы сейчасъ же пріѣхали къ Дмитрію Михайловичу, который уже успѣлъ послать нарочныхъ за другимъ братомъ, Михаиломъ Михайловичемъ младшимъ, канцлеромъ Гаврилой Ивановичемъ, Василіемъ Лукичемъ и Алексѣемъ Григорьевичемъ Долгорукимъ. Къ вице-канцлеру онъ счелъ излишнимъ посылать, такъ какъ еще утромъ узналъ, что баронъ такъ плохъ, что потребовалъ къ себѣ пастора. Дмитрій Михайловичъ послалъ также и за Степановымъ.

Фельдмаршалы, зная, въ чемъ дѣло, пріѣхали мрачные и рѣшительные.

Потомъ пріѣхалъ встревоженный графъ Головкинъ, испуганный Алексѣй Григорьевичъ, сразу бросившійся съ разспросами, но Дмитрій Михайловичъ холодно отклонилъ его разспросы, сказавъ, что дѣло чрезвычайной важности и требуетъ не сепаратныхъ разговоровъ, а общаго обсужденія.

Послѣднимъ пріѣхалъ Василій Лукичъ, какъ всегда, гордый и самоувѣренный, но съ тревогой въ душѣ.

Наконецъ собрались всѣ, въ томъ числѣ и Степановъ.

Библиотека "Руниверс"

По приказанію фельдмаршаловъ, Макшеевъ, Дивинскій и Шастуновъ остались въ сосѣдней комнатѣ.

Дмитрій Михайловичъ коротко сообщилъ о пріѣздѣ Бирена, подъ покровительствомъ депутаціи и, повидимому, при участіи оберъ-гофмаршала графа Рейнгольда Левенвольде. Потомъ нѣсколькими энергичными словами онъ очертилъ положеніе вещей. Анна провозгласила себя полковникомъ Преображенскаго полка и капитаномъ кавалергардовъ. Трубецкой, Салтыковы, Матвѣевъ, Барятинскій возмущаютъ гвардію. Василій Лукичъ удаленъ изъ дворца. Императрица все тѣснѣе окружаетъ себя врагами верховнаго тайнаго совѣта. Необходимы рѣшительныя мѣры теперь же.

Графъ Головкинъ слушалъ Дмитрія Михайловича, низко опустивъ свою старую голову. На лицѣ Алексѣя Григорьевича была видна полная растерянность. Онъ весь какъ-то сжался и безпомощно смотрѣлъ по сторонамъ.

Дмитрій Михайловичъ, кончивъ свое сообщеніе, сѣлъ.

Молчаніе длилось довольно долго. Его прервалъ фельдмаршалъ Долгорукій.

— Первое правило на войнѣ,—началъ онъ рѣшительнымъ голосомъ:—состоитъ въ томъ, чтобы заставить врага бояться.

Фельдмаршалъ Михаилъ Михайловичъ кивнулъ головой.

— И мы заставимъ ихъ бояться,—грозно продолжалъ Василій Владимировичъ. — Прежде всего надлежитъ арестовать Бирена.

Алексѣй Григорьевичъ весь ушелъ въ свое кресло, словно старался стать совсѣмъ незамѣтнымъ.

Головкинъ быстро поднялъ голову.

— Это невозможно!—воскликнулъ онъ:—во дворцѣ императрицы!

— Во дворцѣ императрицы, въ ея аппартаментахъ, на ея ложѣ,—гдѣ найдутъ!—сурово сказалъ фельдмаршалъ.—Не ради шутки давала она свою подпись и свое слово. Да и мы не позволимъ шутить съ собою...

— Василій Владимировичъ правъ,—вставая, произнесъ фельдмаршалъ Михаилъ Михайловичъ:—мы не можемъ, не должны щадить этого выходца.

— Но это еще не все,—продолжалъ фельдмаршалъ:—надо арестовать Салтыкова, Лопухина, Левенвольде, Черкасскаго и Барятинскаго. Сослать въ Соловецкій монастырь новгородскаго архіепископа, и...—онъ обвелъ всѣхъ присутствовавшихъ загорѣвшимися глазами и пониженнымъ, грознымъ голосомъ закончилъ:—казнить Ягужинскаго...

При этихъ словахъ Головкинъ порывисто вскочилъ съ мѣста и, протягивая руки, воскликнулъ дрожащимъ голосомъ:

Библиотека "Руниверс"

— Фельдмаршалъ, помилосердствуй!

Но всѣ хранили глубокое молчаніе. Никто не отвѣтилъ на его слова.

— Дмитрій Михайловичъ! Что жъ ты молчишь?—обратился онъ къ Голицыну.

Но Голицынъ, нахмуривъ брови, молчалъ. Его братъ, фельдмаршалъ, отвернулся.

Это молчаніе было смертнымъ приговоромъ, и старый канцлеръ понялъ это. Его голова безпомощно затряслась, подкосились ноги, и онъ упалъ въ свое кресло.

— Не время, канцлеръ, думать о твоемъ зятѣ, когда гибнетъ Россія,—тихо, но внятно прозвучали слова Дмитрія Михайловича.—Василій Петровичъ,—обратился онъ къ сидѣвшему за сосѣднимъ столикомъ Степанову:—именемъ императрицы, по постановленію верховнаго тайнаго совѣта, пиши смертный приговоръ графу Павлу Ивановичу Ягужинскому... А также указы объ арестѣ Салтыкова, Черкасскаго, Левенвольде и иже съ ними.

Наступило глубокое молчаніе. Было слышно только тяжелое дыханіе стараго канцлера да скрипъ пера Степанова.

— Приговоръ готовъ,—сказалъ Степановъ, кладя передъ Дмитріемъ Михайловичемъ листъ бумаги.

Дмитрій Михайловичъ молча подвинулъ листъ къ канцлеру.

Головкинъ оттолкнулъ отъ себя листъ и всталъ:

— Я полагаю, господа члены верховнаго совѣта избавятъ меня отъ необходимости подписывать смертный приговоръ мужу моей дочери!..

Его голосъ дрогнулъ.

— Ты канцлеръ,—жестко замѣтилъ Василій Владимировичъ...

— Но не палачъ,—отвѣтилъ Головкинъ.

Всѣ промолчали на его слова.

— Я не могу больше присутствовать въ засѣданіи совѣта,—снова началъ канцлеръ:—господа члены совѣта благоволятъ снизойти къ моей дряхлости и болѣзненности.

— Ты свободенъ, Гаврила Ивановичъ,—сдержанно произнесъ Дмитрій Михайловичъ.—Мы уважаемъ твои чувства.

Головкинъ сдѣлалъ общій поклонъ и, согнувшись, словно сразу, дѣйствительно, одряхлѣвъ, неровной походкой вышелъ изъ залы засѣданія.

Рука Алексѣя Григорьевича замѣтно дрожала, когда онъ подписывалъ смертный приговоръ. Онъ весь былъ охваченъ ужасомъ передъ наступающими событіями.

Степановъ подалъ къ подписи указы объ арестѣ. Члены совѣта, одинъ за другимъ, молча подписали ихъ.

Затѣмъ въ залу засѣданія были призваны офицеры.

Библиотека "Руниверс"

— Вы сейчасъ же поѣдете въ полки, — распоряжался Василій Владимировичъ:—ты,—обратился онъ къ Шастунову,—къ себѣ въ лейбъ-регементъ. Дивинскій—въ Сибирскій, Макшеевъ—въ Копорскій. Вотъ указы. Возьмите достаточные наряды солдатъ съ заряженными ружьями. Дивинскій арестуетъ Черкасскаго, Макшеевъ — Салтыкова, Шастуновъ — Рейнгольда Левенвольде. Всѣхъ обезоружить и держать подъ домашнимъ карауломъ. Въ случаѣ малѣйшаго сопротивленія безъ пощады пускать въ ходъ оружіе.

Фельдмаршалъ отдавалъ приказанія рѣзкимъ, отрывистымъ голосомъ.

— Идите! Помните о великомъ довѣріи, оказанномъ вамъ отечествомъ! Оно сумѣетъ наградить всѣхъ своихъ вѣрныхъ сыновъ!..

Ошеломленные пріятели, взявъ указы, молча вышли.

— А завтра утромъ я самъ арестую Бирена,—сказалъ фельдмаршалъ Михаилъ Михайловичъ:—и заставлю ее принести присягу въ Архангельскомъ соборѣ, всенародно, на вѣрность подписаннымъ ею кондиціямъ.

— Завтра мы будемъ ихъ судить,—сказалъ Василій Лукичъ.—Пора кончить!

У Шастунова все путалось въ головѣ. Онъ слишкомъ много пережилъ въ немного часовъ. И теперь на его голову свалился новый ударъ. Это указъ объ арестѣ Салтыкова и всѣхъ его сторонниковъ, среди которыхъ ближайшимъ другомъ Семена Андреича былъ его отецъ.

Два его друга тоже были ошеломлены неожиданнымъ приказомъ. Особенно Макшеевъ, у котораго было много пріятелей среди сторонниковъ Салтыкова.

Шастуновъ схватился за голову.

— Алеша, дорогой,—обратился онъ къ Макшееву:—вѣдь у Салтыкова мой отецъ!..

— Ладно,—хмуро отвѣтилъ Макшеевъ:—не тревожься. Пусть черти унесутъ меня въ адъ, ежели я не отпущу твоего отца! Пусть ѣдетъ назадъ къ себѣ!

Шастуновъ обнялъ Алешу.

— Спасибо! Теперь я поѣду къ господину оберъ-гофмаршалу.

Друзья распрощались и направились въ разныя стороны исполнять свои опасныя порученія.

Потрясенный и негодующій, ѣхалъ домой Головкинъ. Уже давно его сердце не лежало къ верховникамъ. Теперь они нанесли ему послѣдній ударъ. Казнь Ягужинскаго онъ считалъ излишней

Библиотека "Руниверс"

жестокостью... Онъ сразу увидѣлъ въ нихъ своихъ враговъ. Его мягкой, уклончивой душѣ были противны всякія излишества въ жестокости. Но что дѣлать? Единственный человѣкъ, который своимъ совѣтомъ могъ бы помочь ему, Остерманъ, вліятельный и хитрый членъ верховнаго совѣта, былъ при смерти.

«Ну, что жъ, а вдругъ ему лучше? — мелькнула мысль въ головѣ Головкина:—попробую»,—и онъ приказалъ кучеру ѣхать къ вице-канцлеру.

Головкина сперва не хотѣли принимать, но онъ былъ настойчивъ, и его допустили къ Андрею Ивановичу.

Андрей Ивановичъ лежалъ въ постели, укутанный до самаго подбородка, теплыми одѣялами.

Слабымъ, умирающимъ голосомъ онъ спросилъ Гаврилу Ивановича, что привело его въ такой поздній часъ.

Глубоко взволнованный, старый канцлеръ передалъ ему рѣшенія верховнаго совѣта.

Остерманъ слушалъ его съ закрытыми глазами и ничѣмъ не выдалъ своей мучительной тревоги.

— Хорошо,—сказалъ онъ, выслушавъ Головкина:—я слабъ и боленъ, но я постараюсь помочь тебѣ. Я, вѣдь, тоже членъ верховнаго совѣта. Что бы они ни рѣшили, а «сентенцію» они не посмѣютъ привести въ исполненіе безъ согласія императрицы. Дмитрій Михайловичъ не захочетъ навлечь на себя нареканія. Я знаю его. Онъ, вѣдь, законникъ,—замѣтилъ съ тонкой улыбкой Остерманъ:— даже слишкомъ законникъ, что иногда вредно... Завтра они не казнятъ твоего зятя, а мы подадимъ особое мнѣніе. Твой зять не будетъ казненъ!—увѣренно закончилъ онъ.

Головкинъ уѣхалъ отъ него нѣсколько успокоенный.

Но лишь только онъ вышелъ, Остерманъ рѣзкими звонками призвалъ слугъ и приказалъ позвать Розенберга.

Когда тотъ явился, онъ твердымъ голосомъ продиктовалъ ему нѣсколько короткихъ записокъ.

Это были записки къ Густаву, къ императрицѣ и къ Салтыкову.

Онъ предупреждалъ о надвигавшейся опасности и совѣтовалъ Салтыкову немедленно въ ночь смѣнить всѣ караулы, замѣнивъ ихъ безусловно преданными людьми, а на утро занять весь дворецъ военными нарядами въ боевомъ снаряженіи. Собрать всѣхъ своихъ приверженцевъ и вручить Аннѣ челобитную о возстановленіи самодержавія. Объ этомъ же онъ написалъ Аннѣ, прося, по прибытіи Салтыкова, объявить дворцовому караулу, что онъ смѣняется по ея приказанію.

Густаву онъ написалъ, чтобы онъ не пугался, если придутъ его арестовать, и спокойно ждалъ бы дальнѣйшихъ событій.

Съ этими записками Розенбергъ тотчасъ же разослалъ нарочныхъ.

Библиотека "Руниверс"

Теперь, когда Василій Лукичъ уже не жилъ во дворцѣ, доставить записку императрицѣ не представляло особыхъ затрудненій.

Покончивъ съ дѣломъ, Остерманъ тяжело вздохнулъ и произнесъ:

— Мнѣ кажется, я умираю...

— Не позвать ли баронессу?—спросилъ Розенбергъ.

— Нѣтъ, не надо ее безпокоить,—отвѣтилъ Остерманъ.—Мнѣ надо отдохнуть.

Ф. Е. Заринъ-Несвицкій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

Библиотека "Руниверс"

МОЯ СЛУЖБА ВЪ ТУРКЕСТАНСКОМЪ КРАѢ [1].

(1870—1906 г.г.).

V.

Дѣятельность К. П. Кауфмана по устроительству Туркестанскаго края.—Устройство въ Ташкентѣ ярмарки.—Обманъ полковника Кол—ва, закончившійся крупнымъ скандаломъ.

ВЪ 1874 году Кауфманъ возвратился въ Ташкентъ, и съ этого времени началась его творческая работа по гражданскому устройству края. Еще раньше, въ періодъ военныхъ дѣйствій, онъ успѣлъ сдѣлать много, благодаря своей неутомимой энергіи и имѣющимся въ его распоряженіи крупнымъ денежнымъ средствамъ. Озабочиваясь воспитаніемъ дѣтей служащихъ лицъ, Кауфманъ далъ средства на постройку мужской и женской гимназій, и возведенныя при немъ зданія до сихъ поръ служатъ украшеніемъ города. Ташкентъ, имѣвшій видъ военнаго поселенія, сталъ принимать видъ города, насколько этого можно было достигнуть по отдаленности его отъ Европейской Россіи (двѣ тысячи верстъ) при невозможныхъ путяхъ сообщенія. Не было такой отрасли труда и промышленности, которой бы Константинъ Петровичъ не покровительствовалъ и которой не шелъ бы навстрѣчу. Двери его были широко открыты для каждаго; всякаго онъ терпѣливо выслушивалъ, разспрашивалъ и если видѣлъ, что проситель или предприниматель заслуживаетъ довѣрія, то щед-

[1] Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CXXXIII, стр. 786.

Библиотека "Руниверс"

рой рукой оказывалъ помощь и поддержку. Конечно, при этомъ не могло не быть неудачъ, особенно благодаря безграничной добротѣ Кауфмана и довѣрію его къ лицамъ, которыя иногда оказывались далеко не столь достойными, какими ихъ считалъ Константинъ Петровичъ. Какъ на крупный примѣръ, укажу на слѣдующее.

Одинъ изъ приближенныхъ Кауфмана, генералъ Глуховскій, къ мнѣніямъ котораго Константинъ Петровичъ почему-то, къ общему удивленію, относился съ большимъ довѣріемъ, убѣдилъ его, что для развитія промышленности и торговли слѣдуетъ учредить двѣ ярмарки: осеннюю и весеннюю, и построить въ Ташкентѣ зданіе для торговой биржи. Кауфманъ повѣрилъ и сдѣлалъ соотвѣтствующее распоряженіе. Была отведена огромная площадь городской земли, и на ней построены тысячи лавокъ для ярмарочныхъ торговцевъ. Тутъ же было выстроено большее зданіе биржи. Истрачено было на это нѣсколько сотъ тысячъ рублей. Завѣдываніе всѣмъ этимъ дѣломъ возложено было на того же генерала Глуховскаго. Настало время открытія первой ярмарки, и въ городѣ не скрывая говорили, что полиція сгоняетъ силой торговцевъ на ярмарку.

Было ли это такъ, не могу сказать, но знаю, что на вторую ярмарку не пріѣхалъ никто. Биржа, разумѣется, стояла пустая. Кауфманъ, убѣдясь, что былъ обманутъ, имѣлъ гражданское мужество сознаться въ этомъ, и, уничтоживъ ярмарку, приказалъ биржевое зданіе перестроить въ театръ.

Я нарочно упоминаю объ этомъ неудачномъ распоряженіи Кауфмана, чтобы меня не заподозрѣли, что я хочу только хвалить и прославлять его. Онъ былъ прежде всего человѣкъ, съ общечеловѣческими слабостями, и ошибался такъ же, какъ ошибались самые геніальные люди.

Вспоминаю здѣсь второй очень прискорбный случай, какъ доказательство излишняго довѣрія Кауфмана къ людямъ недостойнымъ.

Уѣзднымъ начальникомъ Кураминскаго (нынѣ Ташкентскаго) уѣзда былъ полковникъ К—въ, очень энергичный, подвижной и распорядительный человѣкъ, державшій уѣздъ съ разноплеменнымъ населеніемъ въ большомъ порядкѣ. Но К—въ былъ игрокъ и для покрытія своихъ подчасъ крупныхъ проигрышей не стѣснялся въ пріисканіи источниковъ. До Кауфмана начали доходить объ этомъ неблагопріятные для К—ва слухи; онъ любилъ К—ва, какъ выдающагося по способностямъ и энергіи уѣзднаго начальника и довѣрялъ ему, но тутъ началъ на него коситься.

К—въ, какъ умный и проницательный человѣкъ, сразу понялъ, что фонды его падаютъ, и придумалъ фортель, который долженъ былъ вернуть ему прежнее расположеніе Кауфмана.

К—въ хорошо зналъ, что въ программу Кауфмана прежде всего входитъ возможное по мѣрѣ силъ ассимилированіе туземнаго

Библиотека "Руниверс"

населенія и распространеніе среди народной массы хотя бы самыхъ элементарныхъ основъ цивилизаціи. На каждое проявленіе у туземцевъ желанія отрѣшаться отъ косности или нелѣпыхъ обычаевъ Кауфманъ отзывался съ сердечными симпатіями и не жалѣлъ, если было нужно, денегъ для поощренія. Какъ извѣстно, мусульманская женщина стоитъ на самой низкой ступени человѣческой культуры. По понятіямъ мусульманина, она приравнивается къ домашнему скоту; она исполняетъ всѣ домашнія работы, до самыхъ грязныхъ включительно; она работаетъ буквально цѣлый день не разгибаясь въ то время, какъ мужъ ея цѣлыми часами сидитъ въ чайной въ кругу пріятелей и знакомыхъ. Какъ женѣ, ей представлено лишь одно право: рожать дѣтей. Мужъ можетъ во всякую минуту выгнать ее изъ дома, объявивъ ей «талакъ» (разводъ) и взять себѣ другую рабу. Само мусульманское законодательство (шаріатъ) старается унизить женщину, предписывая ей никогда не открывать своего лица. Подчинясь этому деспотичному закону, забитая, загнанная женщина-мусульманка обращена въ какой-то безобразный манекенъ, у котораго лицо закрыто грубою, черною, волосяною, непроницаемою для постороннихъ сѣткой.

Съ занятіемъ Ташкента и съ образованіемъ рядомъ съ туземнымъ городомъ русскаго мусульманству былъ нанесенъ первый ударъ съ той стороны, съ которой меньше всего можно было его ожидать. Ташкентъ первыхъ годовъ, какъ я сказалъ раньше, представлялъ собою нѣчто вродѣ военнаго поселенія или лагеря. Огромное большинство русскихъ были офицеры и солдаты, люди молодые, одинокіе. Потребность въ женщинахъ чувствовалась огромная, а изъ Россіи изрѣдка прибывали лишь жены нѣкоторыхъ офицеровъ или чиновниковъ. А такъ какъ всюду спросъ вызываетъ предложеніе, то въ одинъ прекрасный день въ концѣ русскаго города появился тайный притонъ туземныхъ гетеръ, которыя въ силу своего ремесла должны были снять съ лицъ волосяныя сѣтки. Успѣхъ притона былъ поразительный, а жизнь первыхъ жрицъ веселья и любви была такъ прекрасна по сравненію съ прочими мусульманками, что число притоновъ начало расти быстро, и черезъ годъ число туземныхъ проститутокъ простиралось до двухсотъ, и дѣла всѣхъ пансіоновъ процвѣтали. Степенные туземцы съ ужасомъ смотрѣли, какъ ихъ жены и дочери выходили изъ вѣкового рабства и подчиненія и, сбросивъ волосяныя сѣтки, открыто пили водку или пиво съ разными Анохиными, Сидоровыми или Анчуткиными, но сдѣлать ничего не могли. Туземная же молодежь, часто соприкасавшаяся съ русскими, увлеклась изнанкой цивилизаціи и потихоньку отъ старшихъ стала посѣщать своихъ соотечественницъ въ русской слободкѣ, которыя, несомнѣнно, представляли для нихъ больше интереса своею развязностью, наглостью и развратомъ, нежели скотоподобныя, забитыя жены.

Библиотека "Руниверс"

Уничтожить проституцію, особенно при тогдашнихъ условіяхъ жизни въ Ташкентѣ, было невозможно; Кауфманъ хорошо это понималъ, а потому могъ ограничиться лишь установленіемъ за проститутками строгаго полицейско-санитарнаго надзора.

Однажды полковникъ К—въ является къ Кауфману и дѣлаетъ ему слѣдующій докладъ:

— Почетные жители Кураминскаго уѣзда, а также волостные управители и народные судьи, глубоко благодарные вашему высокопревосходительству за тѣ блага, которыя они получили съ подчиненіемъ страны русскому монарху, обратились ко мнѣ съ просьбой просить васъ почтить ихъ праздникъ, который они устраиваютъ на Куйлюкѣ (мѣстечко въ восьми верстахъ отъ Ташкента, на рѣкѣ Чирчикѣ, мѣстопребываніе уѣзднаго управленія). На этомъ праздникѣ будутъ ихъ жены и дочери, которыя, желая почтить васъ, снимутъ свои волосяныя сѣтки и будутъ танцовать свой народный танецъ.

Кауфманъ пришелъ въ восторгъ, считая это первымъ шагомъ женской эмансипаціи.

На праздникъ было приглашено много русскихъ и въ ихъ числѣ я. Въ числѣ гостей находился одинъ недавно прибывшій въ Ташкентъ гусаръ полковникъ Раевскій, очень богатый и чрезвычайно милый и симпатичный человѣкъ, но крайне вспыльчивый и несдержанный. Онъ пріѣзжалъ въ Ташкентъ не на службу, а предполагалъ развить тамъ дѣло виноградарства или шелководства. Мѣсто для праздника было великолѣпно разукрашено въ восточномъ стилѣ. Когда пріѣхалъ Кауфманъ со своей свитой, то его встрѣтило около пятисотъ человѣкъ почетныхъ жителей и представителей туземной администраціи въ богатыхъ разноцвѣтныхъ халатахъ и въ бѣлыхъ чалмахъ. По данному знаку заиграла туземная музыка, и изъ шатра вышло шесть или семь красивыхъ молодыхъ женщинъ съ открытыми лицами, одѣтыхъ въ очень богатые туземные туалеты. Подъ звуки музыки они начали танцовать. Танецъ, признаюсь, совсѣмъ былъ не красивый и не граціозный, но довольно сладострастный. Танцовали онѣ около получаса, и затѣмъ, сразу оборвавъ на одномъ темпѣ, онѣ низко поклонились Кауфману и замерли въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній распорядителя праздника К—ва.

Кауфманъ подошелъ къ нимъ вмѣстѣ съ своей супругой и, узнавъ, что крайняя женщина дочь народнаго судьи (казія), поблагодарилъ въ ея лицѣ всѣхъ танцовщицъ, а дочери казія подарилъ серебряный кубокъ съ выгравированною на немъ надписью: «Отъ туркестанскаго генералъ-губернатора».

Послѣ обильной закуски и шампанскаго гости разъѣхались, а на другой день утромъ въ домъ генералъ-губернатора явился полковникъ Раевскій и потребовалъ экстренной аудіенціи. Кауф-

Библиотека "Руниверс"

Константинъ Петровичъ фонъ-Кауфманъ.
1818 — 1881.

манъ вышелъ въ пріемную, и Раевскій, подавая ему серебряный кубокъ, спросилъ:

— Извѣстно ли вашему высокопревосходительству, кому вы подарили этотъ кубокъ?

— Конечно, извѣстно: дочери казія Кураминскаго уѣзда,— отвѣтилъ Кауфманъ.

Библиотека "Руниверс"

— Васъ дерзко и нагло обманули. Полковникъ К—въ глубоко надсмѣялся надъ вами. Вы оскорблены и какъ генералъ-губернаторъ, и какъ семьянинъ... Этотъ кубокъ я сейчасъ выкупилъ въ публичномъ домѣ у проститутки, которая плясала вчера подъ видомъ дочери казія. Остальныя женщины тоже были взяты изъ публичныхъ домовъ.

Можете судить о силѣ негодованія Кауфмана, поставленнаго въ глазахъ всего населенія въ такое неловкое положеніе и только потому, что, будучи самъ идеально-правдивымъ человѣкомъ, онъ вѣрилъ и другимъ. Но ни у кого изъ русскихъ не появлялось даже улыбки при извѣстіи о неблагородномъ поступкѣ К—ва, а, напротивъ, всюду слышался взрывъ негодованія противъ человѣка, который въ собственныхъ интересахъ не постѣснялся поставить въ крайне неловкое положеніе всѣми уважаемаго Константина Петровича.

VI.

Общественная жизнь въ Ташкентѣ въ началѣ семидесятыхъ годовъ.—Публичная библіотека.—Хлопководство, шелководство, винодѣліе.—Иммиграція.

Общественная жизнь Ташкента въ первые годы была въ самомъ зародышѣ. Отсутствіе дамскаго элемента придавало Ташкенту видъ какого-то лагеря. Денегъ у всѣхъ было много, а расходовать ихъ было не на что, послѣдствіемъ чего появились крупная азартная игра и безобразные кутежи. Въ карты выигрывались и проигрывались цѣлыя состоянія. Я знаю хорошо, что одинъ архитекторъ, страстный игрокъ, нѣсколько разъ проигрывалъ свою дачу и вновь выигрывалъ ее. Но игра велась честно, и за все время я помню только одинъ случай, когда одно лицо было уличено въ нечистой игрѣ. Особенно счастливо игралъ одинъ артиллеристъ капитанъ Пл—ій, который, по слухамъ, увезъ изъ Ташкента до сорока тысячъ. Кауфманъ принималъ строгія мѣры къ прекращенію азарта, но это не привело ни къ чему, и игра продолжалась до тѣхъ поръ, пока не начался приливъ въ Ташкентъ семействъ служащихъ. Многія дамы пріѣхали изъ Петербурга. Это были очень милыя, образованныя особы и невольно онѣ повліяли на облагороженіе общественной жизни. Азартъ сталъ падать, кутежи начали принимать болѣе приличный характеръ; образовался кружокъ любителей драматическаго искусства, который сталъ давать спектакли. Нѣсколько лѣтъ я состоялъ суфлеромъ въ этомъ кружкѣ, и могу засвидѣтельствовать, что среди любителей были настоящіе крупные таланты, какъ, напримѣръ, Н. Ф. Ульяновъ—чудесный комикъ, жена архитектора Леханова—драматическая артистка, г-жа Пироговская, игравшая неподражаемо старухъ, что оказалось ей не труднымъ потому, что ей и внѣ сцены было больше шестидесяти лѣтъ.

Библиотека "Руниверс"

Любители играли исключительно съ благотворительною цѣлью, и имъ удавалось дѣлать много добрыхъ дѣлъ.

По почину Кауфмана, не жалѣвшаго денегъ, въ Ташкентѣ была образована публичная библіотека. Уже въ началѣ семидесятыхъ годовъ она насчитывала нѣсколько тысячъ томовъ, но Константинъ Петровичъ не удовольствовался книгохранилищемъ и принялся за осуществленіе болѣе широкой задачи.

Въ Петербургѣ проживалъ въ то время извѣстный библіографъ Межовъ, которому Кауфманъ поручилъ составленіе Туркестанскаго сборника. Въ этотъ сборникъ должны были войти всѣ безъ исключенія сочиненія, касающіяся Средней Азіи, на всѣхъ языкахъ. Межовъ еще болѣе расширилъ это дѣло, включая въ сборникъ даже всѣ газетныя статьи. Уже въ теченіе первыхъ трехъ-четырехъ лѣтъ получилось нѣчто грандіозное: около трехсотъ томовъ, превосходно переплетенныхъ, заняли почетное мѣсто въ публичной библіотекѣ. Всякій интересующійся Среднею Азіей могъ найти въ сборникѣ рѣшительно все, что вышло изъ-подъ печатнаго станка, начиная съ серьезнѣйшихъ ученыхъ статей на всѣхъ европейскихъ языкахъ и кончая мелкою газетною замѣткой. Для облегченія пользованія сборникомъ Кауфманъ поручилъ Межову составить указатель. Трудъ этотъ потребовалъ нѣсколькихъ лѣтъ, и Межовъ, занятый имъ, не успѣвалъ съ прежнею энергіей продолжать изданіе сборника. Указатель, наконецъ, былъ готовъ, но это было почти наканунѣ тяжкой болѣзни Кауфмана, сведшей его въ могилу. О дальнѣйшей курьезной участи библіотеки я разскажу въ свое время.

Внимательно изучая экономическое положеніе вновь покореннаго края, Кауфманъ съ прозорливостью истинно-государственнаго человѣка понялъ, какая огромная будущность предстоитъ Туркестану при условіи развитія тамъ культуры хлопка.

Туземцы уже давно занимались разведеніемъ хлопчатника, но произраставшіе въ Средней Азіи сорты хлопка были плохого качества, а обработка хлопка стояла на самой низкой степени. Довольно сказать, что хлопокъ вынимался изъ своихъ коробокъ и очищался отъ сѣмянъ руками туземныхъ женщинъ. Волокно у этого хлопка было толстое и короткое, и, конечно, онъ не могъ конкурировать съ американскимъ хлопкомъ, поставляемымъ въ милліонахъ пудовъ на наши отечественныя мануфактуры.

Прежде, чѣмъ приступить къ какимъ бы то ни было мѣропріятіямъ по развитію и улучшенію мѣстнаго хлопководства, Кауфманъ командировалъ въ Америку (въ Техасъ) на два года двухъ образованныхъ чиновниковъ Бродовскаго и Самолевскаго, которые щедро были снабжены денежными средствами. Возвратясь въ Ташкентъ, Бродовскій представилъ обстоятельный отчетъ о своей поѣздкѣ и подробныя соображенія о постановкѣ въ Туркестанѣ хлопковаго дѣла. Одобривъ эти предположенія, Кауфманъ немедленно далъ

Библиотека "Руниверс"

средства на устройство въ Ташкентѣ хлопковой фермы съ опытнымъ полемъ. На фермѣ этой были установлены самые современные по тому времени джины для очистки хлопка и прессъ для его укупорки. На опытномъ полѣ стали производить посѣвы различныхъ сортовъ американскаго и египетскаго хлопчатника. Туземцы очень заинтересовались этимъ и толпами приходили смотрѣть на быструю и аккуратную очистку хлопка въ джинахъ. По приказанію Кауфмана ферма выдавала всѣмъ желающимъ даромъ сѣмена американскаго хлопка и принимала для очистки и укупорки туземный хлопокъ за самую минимальную цѣну. Результаты получились самые утѣшительные: туземцы стали выписывать джины и прессы, а главнымъ образомъ американскія сѣмена. Хлопковое дѣло стало развиваться въ поразительныхъ размѣрахъ, и въ настоящее время Туркестанъ снабжаетъ наши мануфактуры болѣе чѣмъ третью всего необходимаго для нихъ хлопчатника. Только въ самыхъ глухихъ уголкахъ Бухары и Хивы продолжаетъ засѣваться туземный, т. е. мѣстный хлопокъ, но и тамъ онъ, несомнѣнно, скоро будетъ замѣненъ американскимъ. Въ краѣ въ настоящее время работаютъ сотни хлопкоочистительныхъ заводовъ, сотни тысячъ десятинъ земли заняты подъ посѣвами хлопчатника, милліоны русскихъ денегъ вмѣсто Америки направляются ежегодно въ Ташкентъ, и всему этому положилъ начало Кауфманъ.

Объ участи хлопковой фермы я также сообщу въ своемъ мѣстѣ.

Одновременно съ развитіемъ хлопководства Кауфманъ не жалѣлъ средствъ къ поддержанію и развитію шелководства и винодѣлія. Производствомъ шелковыхъ издѣлій туземцы занимались испоконъ вѣка, но фабрикація шелковыхъ тканей находилась на очень низкой ступени развитія главнымъ образомъ потому, что грена не сортировалась. По распоряженію Кауфмана были устроены гренажныя станціи, гдѣ посредствомъ микроскопическихъ изслѣдованій больная грена отдѣлялась отъ здоровой. Въ Ташкентѣ была устроена образцовая школа шелководства, ввѣренная наблюденію двухъ высокообразованныхъ спеціалистовъ Ошанина и Вилькинса.

Кауфманъ оказывалъ широкое покровительство и поощреніе всѣмъ предпринимателямъ, которые задумывали улучшить сорта мѣстнаго винограда. Въ краѣ начался ввозъ французскихъ и испанскихъ лозъ, и если туркестанскія вина до сихъ поръ не заняли почетнаго мѣста на отечественныхъ рынкахъ, то это слѣдуетъ приписать не ихъ качествамъ, которыя внѣ сомнѣнія, а лишь отсутствію капиталовъ, не дающему возможности долго выдерживать вина и развить крупный экспортъ.

Единственное дѣло, о которомъ Кауфманъ много думалъ, онъ не могъ осуществить,—это дѣло русской иммиграціи въ край. Устроивъ первый русскій поселокъ недалеко отъ Ташкента, Кауфманъ вынужденъ былъ пріостановиться съ этимъ дѣломъ главнымъ обра-

Библиотека "Руниверс"

зомъ въ виду крайне запутаннаго и сложнаго вопроса землепользованія туземнаго населенія и полной неосвѣдомленности администраціи о количествѣ свободныхъ земель, могущихъ быть отведенными подъ устройство русскихъ поселеній. Собственно говоря, въ краѣ имѣлось и тогда свободныхъ земель сотни тысячъ, если не милліоны, десятинъ, но это все были степи, не орошенныя искусственными каналами, а потому совершенно непригодныя для культуры. Орошеніе же новыхъ земель требовало такихъ крупныхъ денежныхъ средствъ, какихъ въ распоряженіи Кауфмана не было. Разсчитывать на ассигнованіе милліоновъ изъ Петербурга было такъ же трудно въ то время, какъ и теперь.

Впрочемъ, Кауфманъ все-таки сдѣлалъ попытку орошенія части громадной Голодной степи къ югу отъ Ташкента, начинающейся отъ самаго лѣваго берега рѣки Сыръ-Дарьи. Работы начаты были въ грандіозныхъ размѣрахъ; я не помню почему, но послѣ двухъ-трехъ лѣтъ работы эти были прекращены, и къ орошенію Голодной степи вновь приступлено лишь въ самое послѣднее время, но и то въ такихъ ничтожныхъ размѣрахъ, что степь можетъ быть орошена не раньше, какъ черезъ десятки лѣтъ.

VII.

Кошмарное дѣло объ ограбленіи у офицера казенныхъ денегъ.—Поимка и казнь грабителей.—Самоубійство ограбленнаго офицера.—Обнаруженіе истины и невинности казненныхъ.

Не могу не разсказать про одно ужасное дѣло, глубоко взволновавшее въ свое время весь край и причинившее Кауфману много заботъ, тяжелыхъ думъ и огорченій.

Во вновь присоединенной (года не помню) принадлежавшей раньше Китаю Кульджинской провинціи, на востокъ отъ Семирѣченской области расположены были два или три батальона, а такъ какъ никакихъ русскихъ правительственныхъ учрежденій въ этой провинціи не было (Кульджа впослѣдствіи возвращена Китаю за нѣсколько милліоновъ), то ежемѣсячно батальонные казначеи ѣздили въ областной городъ Вѣрный за полученіемъ изъ казначейства всевозможныхъ казенныхъ суммъ.

Однажды казначей одного батальона капитанъ Э., получивши въ Вѣрномъ деньги, что-то около 12.000 рублей, уѣхалъ въ Кульджу, но вскорѣ поспѣшно вернулся обратно, страшно убитый и разстроенный, и заявилъ начальству, что по дорогѣ на него напала шайка грабителей дунганъ и ограбила у него всѣ деньги. Губернаторъ немедленно организовалъ погоню за грабителями. Вскорѣ задержаны были нѣсколько человѣкъ, но при нихъ не было найдено денегъ и они упорно отрицали свою вину. Было дано знать Кауфману, кото-

Библиотека "Руниверс"

рый командировалъ въ Семирѣчье одного изъ своихъ довѣренныхъ лицъ Г. для производства слѣдствія и розыска денегъ.

Слѣдствіе затянулось мѣсяца на два, и въ результатѣ два дунганина сознались въ ограбленіи, но денегъ, несмотря на самые тщательные поиски, найти не удалось. Виновные преданы были военно-полевому суду и приговорены къ повѣшенію, причемъ приговоръ приведенъ былъ въ исполненіе, по тогдашнимъ правиламъ, публично, при огромномъ стеченіи туземнаго населенія.

Прошло, кажется, полтора или два года, однажды Э., произведенный уже въ майоры, найденъ былъ въ своей квартирѣ съ прострѣленнымъ черепомъ. Въ рукѣ покойнаго находился пистолетъ, а на столѣ найдена его собственноручная записка, въ которой было написано приблизительно слѣдующее:

«Въ смерти никого не винить, кромѣ меня. Дальше жить невозможно. Совѣсть измучила меня. Кровь невинно казненныхъ преслѣдуетъ меня день и ночь. Никто меня не ограбилъ, а деньги я присвоилъ себѣ».

Признаніе это произвело потрясающее впечатлѣніе. Всѣхъ, какъ ударомъ молніи, поразила мысль, что двухъ человѣкъ повѣсили, и повѣсили несправедливо. Что же, спрашивается, смотрѣлъ судъ? Но судъ былъ внѣ всякихъ подозрѣній, онъ руководился запротоколеннымъ сознаніемъ подсудимыхъ, которые на судѣ упорно молчали. Въ чемъ же тутъ секретъ? По какимъ причинамъ могъ произойти этотъ непоправимый ужасъ? Всѣ были въ страшномъ недоумѣніи и негодованіи. Общество волновалось, и Кауфманъ первымъ пошелъ навстрѣчу этому общественному негодованію и послалъ въ Вѣрный цѣлую слѣдственную комиссію, которой далъ самыя обширныя полномочія для обнаруженія этого загадочнаго дѣла.

Комиссія прежде всего, конечно, остановилась на предсмертной запискѣ Э. и все свое вниманіе обратила на дѣятельность слѣдователя. Были произведены самые энергичные розыски и разспросы, и результаты получались поразительные. Оказалось, что Г., желая вести слѣдствіе въ желательномъ для него направленіи, принялся пытать захваченныхъ губернаторомъ по горячимъ слѣдамъ дунганъ. Свидѣтели дунгане, которые не осмѣливались ничего показывать на судѣ, вообразивъ, что Г. очень близкое къ Кауфману лицо, теперь, когда они увидѣли, что Г. самъ находится подъ слѣдствіемъ, откровенно разсказали, какимъ пыткамъ подвергалъ Г. двухъ подсудимыхъ, чтобы вынудить у нихъ сознаніе. Самая пылкая фантазія не можетъ себѣ представить, съ какою адскою изобрѣтательностью придумывалъ Г. все новыя и все болѣе ужасныя пытки, чтобы добиться сознанія. Октавъ Мирбо нашелъ бы здѣсь новые матеріалы для своего «Сада истязаній»!.. Пытки сдѣлали свое дѣло: дунгане сознались и были повѣшены.

Библиотека "Руниверс"

Когда весь матеріалъ по этому кошмарному дѣлу былъ собранъ, то Кауфманъ немедленно предалъ Г. суду, который приговорилъ его къ каторжнымъ работамъ. Рѣшеніе суда должно было быть представлено на рѣшеніе государя, а потому все дѣло было отправлено въ Петербургъ.

Строгій и справедливый приговоръ суда сразу удовлетворилъ общество. Всѣ увидѣли, что ужасная смерть двухъ невинныхъ людей отмщена русскихъ правосудіемъ, покаравшимъ безпощадно злодѣя.

Но вотъ возвращается изъ Петербурга дѣло и сообщается, что государь Александръ II во вниманіе къ заслугамъ отца барона Г. замѣнилъ присужденное сыну судомъ наказаніе непродолжительнымъ заключеніемъ на гауптвахтѣ или въ крѣпости (хорошо не помню).

VIII.

М. Д. Скобелевъ.—Демидовъ.—Графъ Апраксинъ.—Камергеръ П. П. Каблуковъ.

Кажется, въ началѣ 1875 года пріѣхалъ въ Ташкентъ генералъ Скобелевъ. Я лично былъ хорошо знакомъ съ нимъ и, могу признаться, прямо-таки былъ въ него влюбленъ. Такихъ обаятельныхъ людей я рѣдко встрѣчалъ. Но эта влюбленность не препятствовала видѣть въ Скобелевѣ и отрицательныя стороны. Для осуществленія своихъ интересовъ и цѣлей онъ не останавливался ни передъ чѣмъ, и я убѣжденъ, что онъ ни минуты не затруднился бы вышвырнуть самаго близкаго себѣ человѣка, если бы видѣлъ въ немъ себѣ въ чемъ-нибудь помѣху. При этомъ онъ никогда не былъ правдивымъ и искреннимъ человѣкомъ. Но зато онъ былъ такъ обаятельно уменъ, такъ превосходно образованъ, такъ изысканно любезенъ и гостепріименъ, что его нельзя было не любить. Роль его въ покореніи Кокандскаго ханства давно всѣмъ извѣстна. Здѣсь, какъ и впослѣдствіи въ Турціи и въ Закаспійскомъ краѣ, онъ былъ тѣмъ орломъ, какимъ его признала военная исторія. Войска его буквально боготворили, населеніе вновь покоренной области страшно боялось, но уважало. Назначенный первымъ губернаторомъ занятой территоріи бывшаго Кокандскаго ханства, названной Ферганскою областью, Скобелевъ, конечно, ничего не понимавшій въ гражданскихъ дѣлахъ, не обращалъ никакого вниманія на управленіе областью и, проводя все свое время въ разъѣздахъ, подписывалъ, не читая, всѣ бумаги, подаваемыя ему чиновниками. Конечно, получались часто курьезы, и правитель канцеляріи генералъ-губернатора генералъ Гомзинъ, спеціалистъ и страшный формалистъ по части чернильнаго бумагописанія, сталъ часто жаловаться Кауфману, что Скобелевъ ничего не дѣлаетъ, что онъ не на мѣстѣ и что его нужно замѣнить другимъ.

Библиотека "Руниверс"

До Скобелева, который всегда относился къ Гомзину съ нескрываемымъ презрѣніемъ и игнорировалъ его, дошли слухи о нашептываніяхъ Гомзина. Хитрый Михаилъ Дмитріевичъ придумалъ фортель для превращенія Гомзина изъ врага въ друга. Онъ пріѣхалъ въ Ташкентъ, надѣлъ полную форму и явился къ правителю канцеляріи, чего прежде никогда не дѣлалъ. Гомзинъ принялъ его очень сухо и спросилъ:

— Зачѣмъ пожаловали?

— Ваше превосходительство,—отвѣтилъ Скобелевъ тихимъ голосомъ:—я пріѣхалъ спеціально, чтобы обратиться къ вамъ съ почтительной просьбой...

— Съ какою просьбой?

— Ваше превосходительство! я чувствую, что я не на мѣстѣ. Я... я хочу просить васъ: научите меня быть губернаторомъ?..

Гомзинъ, всегда завидовавшій Скобелеву, окруженному уже въ то время ореоломъ славы, и самъ никогда ничѣмъ, кромѣ чернилъ и бумагъ, не управлявшій,—окончательно растаялъ и, дружески усадивъ Скобелева, началъ учить его быть губернаторомъ.

Я сидѣлъ у генерала графа Ю. А. Борха, у котораго Скобелевъ останавливался во время пріѣздовъ въ Ташкентъ, когда Михаилъ Дмитріевичъ вернулся отъ Гомзина. Съ громкимъ хохотомъ ворвался онъ въ кабинетъ Борха и закричалъ:

— Ну, и оболванилъ же я милѣйшаго Андрея Ивановича! Теперь это мой первый другъ, и всѣ мои бумаги, которыя я буду продолжать подписывать, не читая, онъ будетъ признавать идеальными!

И онъ въ самыхъ шутовскихъ чертахъ разсказалъ намъ, какимъ путемъ ему удалось обойти грознаго правителя канцеляріи.

Вскорѣ Скобелевъ уѣхалъ на театръ военныхъ дѣйствій въ Европейскую Турцію, и я больше никогда его не видѣлъ.

Вспоминается мнѣ одинъ случай, характеризующій эпоху царствованія государя Александра II.

Въ Россіи гдѣ-то проживалъ (чуть ли не въ Петербургѣ) извѣстный богачъ Демидовъ, молодой человѣкъ, кажется, нигдѣ не кончившій курса образованія. Онъ былъ женатъ и, кажется, позволилъ себѣ какой-то легкомысленный поступокъ по отношенію къ своей женѣ. Послѣдняя бросилась съ жалобой къ императрицѣ Маріи Александровнѣ, и вотъ вдругъ дня черезъ 2—3 въ «Русскомъ Инвалидѣ» появился приказъ, что Демидовъ назначается прапорщикомъ въ одинъ изъ туркестанскихъ линейныхъ батальоновъ. Мѣсяца черезъ два Демидовъ пріѣхалъ въ Ташкентъ и явился къ Кауфману въ такой фантастической формѣ, что Константинъ Петровичъ съ первой минуты вообразилъ, что это или берсальеръ, или аргентинскій офицеръ! Посылать Демидова въ батальонъ, конечно, нечего было и думать, ибо онъ не имѣлъ никакого представленія о военной службѣ и о дисциплинѣ, и Кауфманъ оставилъ его при себѣ.

Библиотека "Руниверс"

Демидовъ поселился у графа Борха, и тамъ я его встрѣчалъ. Это былъ премилый, симпатичный и благовоспитанный человѣкъ, и его многочисленные разсказы о путешествіяхъ чуть не по всему земному шару доставляли намъ много удовольствія. Мѣсяца черезъ три государь простилъ (?!) его; онъ немедленно сбросилъ военную форму, облекся въ статское платье и исчезъ изъ края навсегда.

Позднѣе, тоже какъ метеоръ, появился въ Ташкентѣ нѣкій графъ Апраксинъ, служившій раньше поручикомъ въ австрійскихъ гонведахъ. Почему онъ долженъ былъ сбросить съ себя офицерскій мундиръ и поступить въ третій стрѣлковый батальонъ вольноопредѣляющимся, я не знаю, но мнѣ было искренно жаль этого молодого человѣка. Вырванный изъ аристократическихъ сферъ, жившій всю жизнь за границей, съ трудомъ объяснявшійся по-русски, онъ вдругъ попалъ въ нашу казарму въ качествѣ рядового въ батальонъ, въ которомъ тогдашній командиръ Комаровъ (нынѣ варшавскій комендантъ) поддерживалъ желѣзную дисциплину.

Какая была дальнѣйшая судьба Апраксина, я не помню.

Въ 1876 году пріѣхалъ на службу въ Ташкентъ въ распоряженіе генералъ-губернатора камергеръ Каблуковъ. Кто рекомендовалъ его Кауфману, я не знаю, но съ первыхъ же служебныхъ порученій онъ обратилъ на себя общее вниманіе. Прекрасно образованный, развитой и очень способный чиновникъ, онъ сдалъ блестяще экзаменъ на образцоваго чиновника въ Ташкентѣ. Съ нимъ пріѣхала жена, столь же блестящая во всѣхъ отношеніяхъ дама. У нихъ въ домѣ собиралось самое интеллигентное общество, и гостепріимная хозяйка сумѣла сдѣлать эти собранія дѣйствительно интересными во всѣхъ отношеніяхъ. Въ это время въ отношеніяхъ Кауфмана къ генералу Гомзину стала замѣчаться нѣкоторая холодность, что и было понятно. Для такого энергичнаго организатора, какъ Константинъ Петровичъ, нуженъ былъ правитель канцеляріи развитой, съ широкими взглядами и большимъ умственнымъ кругозоромъ. Гомзинъ не обладалъ ни однимъ изъ этихъ качествъ. Это былъ хорошій, прямой человѣкъ и прекрасный бухгалтеръ, но больше ничего. Кауфманъ обладалъ блестящимъ стилемъ; письма и бумаги, которыя ему приходилось составлять самому, были во всѣхъ отношеніяхъ образцовыми. Такихъ изящныхъ по стилю и превосходныхъ по изложенію бумагъ Гомзинъ не могъ ему представлять, но главное Гомзинъ никогда не могъ дойти до высоты организаторскихъ плановъ Кауфмана. Это былъ только аккуратный чиновникъ-бухгалтеръ, и ничего больше. Пока край состоялъ изъ двухъ областей: Семирѣченской и Сыръ-Дарьинской, пока дѣятельность начальника края была всецѣло сосредоточена на военныхъ операціяхъ, и пока онъ не могъ посвящать все свое вниманіе устройству и развитію края,—Гомзинъ былъ на мѣстѣ. Но край быстро сталъ расширяться: присоединены были Зеравшанскій округъ (1868 г.), Аму-Дарьинскій отдѣлъ

Библиотека "Руниверс"

(1873 г.) и наконецъ Ферганская область (1875—1876 г.г.), военныя дѣйствія отошли въ область преданій, край сталъ развиваться, потребовались самыя широкія, самыя просвѣщенныя реформы, и пѣсенка Гомзина была спѣта. Онъ понялъ, что съ одною бухгалтеріей далеко не уйдешь, и ушелъ въ отставку.

Мѣсто правителя канцеляріи Кауфманъ предложилъ Каблукову, и первый годъ послѣ этого слѣдуетъ считать Перикловымъ вѣкомъ Кауфмана въ Туркестанѣ. Всѣ важнѣйшія реформы, задуманныя Константиномъ Петровичемъ, были осуществлены Каблуковымъ, благодаря его блестящимъ дарованіямъ. Это былъ, дѣйствительно, образцовый во всѣхъ отношеніяхъ чиновникъ, но... къ сожалѣнію, онъ былъ слишкомъ большой баринъ, веселый, остроумный, но страшно лѣнивый и не въ силахъ былъ всецѣло отдаться страшному, кропотливому труду. Черезъ годъ онъ уже охладѣлъ къ своимъ дѣламъ и, будучи свѣтскимъ человѣкомъ, всецѣло отдался свѣтскимъ развлеченіямъ. Домъ его былъ по прежнему самымъ милымъ въ Туркестанѣ, гамъ очень веселились, благодаря радушію милой и очень умной хозяйки, но дѣла канцеляріи шли все хуже и хуже. Можетъ быть, дѣятельность Каблукова пошла бы по прежнему плодотворному пути, если бы Кауфманъ, искренно любившій Каблукова, обратилъ вниманіе на замѣтное ослабленіе энергичной дотолѣ работы своего ближайшаго сотрудника, но Константинъ Петровичъ былъ въ это время отвлеченъ отъ своихъ организаторскихъ трудовъ очень серьезнымъ дѣломъ, причинившимъ ему массу непріятностей и даже косвенно повліявшимъ на сокращеніе его жизни.

IX.

Небольшая историческая справка о поступательной политикѣ Россіи и Англіи въ Азіи.— Буферъ между Россіей и Англіей въ Азіи.

Чтобы было понятно событіе, которое я хочу описать, я долженъ предпослать ему небольшую историческую справку.

Исторія Азіи за послѣднія три столѣтія представляетъ непрерывное наступательное движеніе двухъ крупнѣйшихъ европейскихъ государствъ—Россіи и Англіи—противъ многочисленныхъ мелкихъ владѣній, наполнявшихъ нѣкогда азіатскій материкъ. Въ этой борьбѣ Россія подвигалась съ запада на востокъ, а Англія съ юга на сѣверъ. Въ 1583 году Ермакъ покорилъ Сибирское царство, продвинувъ русскія границы за Уральскій хребетъ. Въ 1613 г. англичане основываютъ первую свою колонію въ Суратѣ, на западномъ берегу Индійскаго моря, къ сѣверу отъ Бомбея. Съ тѣхъ поръ Россія медленными, но вѣрными шагами увеличиваетъ свою территорію отъ отроговъ Урала до береговъ Тихаго океана и отъ Чернаго моря до Алтая и Памира.

Библиотека "Руниверс"

Англія не можетъ похвалиться столь крупными территоріальными пріобрѣтеніями, но зато она овладѣла баснословно густо населеннымъ и богатѣйшимъ въ мірѣ Индійскимъ полуостровомъ.

Каждая изъ этихъ двухъ державъ твердо и послѣдовательно держалась извѣстной системы при своихъ завоеваніяхъ. Россія вносила съ собой спокойствіе, неприкосновенность религіи, нравовъ, обычаевъ и народнаго суда. Она обезпечивала имущество побѣжденныхъ, трудъ ихъ, регулировала и по возможности уменьшала налоги, часто въ ущербъ собственнымъ интересамъ, давала народу массу заработковъ, и при всемъ этомъ, не ломая вѣковыхъ традицій населенія, не расшатывая основъ его прежняго соціальнаго строя, исподволь распространяла въ народѣ начатки цивилизаціи и прогресса.

Что же дѣлала Англія въ покоренныхъ странахъ? Какой политики держалось англійское правительство?

Съ занятіемъ Сурата учреждается знаменитая въ лѣтописяхъ исторіи Остъ-Индская компанія, которая является полнымъ хозяиномъ новой колоніи. Какъ хозяйничала эта компанія, извѣстно всѣмъ. Извѣстенъ также рядъ возстаній, закончившихся грандіознымъ возстаніемъ сипаевъ въ 1857 году.

Результатомъ тяжелаго урока хотя и былъ переходъ Индійскаго полуострова непосредственно въ завѣдываніе правительства, но послѣднее, опомнившись отъ погрома 1857 года, исподволь вновь вступило на старую почву традиціонной своей политики, обусловливаемой, впрочемъ, цѣлями, которыя англичане вынуждены были преслѣдовать: Индія—страна, вмѣщающая въ себѣ сорокъ пять тысячъ квадратныхъ миль,—должна производить сырье для фабрикъ метрополіи, а двѣсти пятьдесятъ милліоновъ населенія Индіи должны быть потребителями англійскихъ фабрикатовъ. Вотъ главный руководящій базисъ правительственной программы сентъ-джемскаго кабинета.

Въ то время, какъ Россія, подвигаясь въ силу историческихъ условій въ глубь Азіи, дѣлала огромные непроизводительные расходы для распространенія гражданственности, когда всякое территоріальное пріобрѣтеніе приносило государственной казнѣ одни убытки, когда, однимъ словомъ, заботы наши объ экономическомъ и соціальномъ упорядоченіи быта новыхъ русскихъ подданныхъ, крайне вредно отражались на нашихъ собственныхъ денежныхъ интересахъ,—Англія дѣйствовала діаметрально-противоположно.

Англичане, вѣрные поставленной цѣли, убиваютъ цвѣтущую раньше фабричную и заводскую промышленность въ Индіи, дабы обезпечить ввозъ своихъ фабрикатовъ. Они выжимаютъ всѣ соки изъ населенія въ пользу британской казны и англійскихъ капиталистовъ. Въ результатѣ общее обнищаніе населенія, періодическія голодовки, страшныя эпидеміи и постоянныя народныя волненія.

Библиотека "Руниверс"

Англичане, конечно, спохватились, хотя и нѣсколько поздно. Предпринятыя ими мѣры (канализація залитыхъ разливами мѣстностей, доступъ богатой молодежи изъ туземцевъ въ высшія учебныя заведенія Калькутты и т. п.), хотя и улучшили въ незначительной степени общее положеніе дѣлъ, но ненависть массы населенія къ своимъ побѣдителямъ отъ этого не уменьшилась.

Такимъ образомъ, двѣ державы, обѣ одинаково могущественныя, изъ года въ годъ подвигались одна навстрѣчу другой.

Какъ же производилось это движеніе?

Россія идетъ впередъ съ горстью солдатъ. Бѣлую рубашку не останавливаютъ ни тропическій зной, ни безводныя степи, ни вооруженныя банды враговъ. Занявъ съ боя какую-либо страну, русскій отрядъ дѣлается тотчасъ другомъ населенія. Строго дисциплинированный солдатъ охраняетъ спокойствіе и порядокъ въ новыхъ владѣніяхъ. Прежній деспотическій режимъ отходитъ въ область преданій: казни прекращаются, торговля людьми исчезаетъ навѣки, незаконные поборы отмѣняются, вѣроисповѣданіе и судъ оставляются народу прежніе. Населеніе видитъ въ бѣлой рубашкѣ силу, а въ русской власти авторитетъ, въ твердость и неподкупность котораго нельзя не вѣрить. И оно вѣритъ, ибо на каждомъ шагу убѣждается въ мягкой, гуманной и безпристрастной политикѣ русскихъ и въ честномъ и легальномъ отношеніи къ побѣжденнымъ.

Какъ же поступаетъ Англія?

Она двигается въ Индіи съ войсками, хотя и прекрасно вооруженными, но плохо дисциплинированными и крайне странно организованными (извѣстно, что на сто солдатъ въ отрядѣ находится болѣе чуть не вдвое человѣкъ прислуги, вслѣдствіе чего въ хвостѣ каждой колонны тянется всегда огромный обозъ безполезныхъ ртовъ, тормозящій быстрое передвиженіе отрядовъ и парализующій стратегическія соображенія военныхъ начальниковъ). Имѣя мало шансовъ на успѣхъ въ бою даже съ полудикими войсками, англичане, не жалѣя, бросаютъ направо и налѣво золото для подкупа полунезависимыхъ князьковъ, раджей, придворныхъ, духовенства и вліятельныхъ туземцевъ. Англійскіе агенты сѣютъ вражду между владѣтелями различныхъ мелкихъ государствъ, обнадеживаютъ однихъ, стращаютъ другихъ, задариваютъ третьихъ, устраняютъ четвертыхъ, и въ результатѣ «побѣдоносная армія» водружаетъ англійскій флагъ на цитадели той или другой крѣпости!...

Какъ только фактъ покоренія совершился, немедленно начинается политика репрессалій и жестокостей противъ тѣхъ, которые осмѣливались любить свою родину и отстаивать ея свободу и независимость, запугиваніе, задариваніе и подкупы всего, что колеблется между долгомъ истиннаго гражданина и перспективой щедро оплачиваемаго англійскаго чиновника.

Библиотека "Руниверс"

Понятно, что не нужно быть особенно проницательнымъ, чтобы судить, какъ относятся побѣжденные азіаты къ своимъ побѣдителямъ—русскимъ и англичанамъ.

Русскіе азіаты, избавленные отъ прежняго режима своихъ деспотовъ, рѣзавшихъ носы и уши, сбрасывавшихъ съ минарета, отдававшихъ искалѣченныхъ пытками преступниковъ на съѣденіе собакамъ,—не могли не оцѣнить новый режимъ русскихъ властей, обезпечивающій личность и имущество каждаго и не только не выжимающій соки изъ населенія, но щедро дающій, часто въ ущербъ русскимъ интересамъ, крупныя суммы на развитіе и усовершенствованіе мѣстной производительности.

Зная хорошо Среднюю Азію, я увѣренно заявляю, что туземное населеніе предано русскому правительству, уважаетъ и любитъ русскихъ властей и вѣритъ имъ. Были, конечно, и въ Туркестанѣ (главнымъ образомъ въ Ферганской области) волненія и безпорядки, иногда даже съ коварнымъ оттѣнкомъ (Андижанъ въ 1898 году), но всѣ они обязаны своимъ возникновеніемъ подстрекательствамъ фанатическаго мусульманскаго духовенства.

Туземцы Остъ-Индіи ненавидятъ англичанъ. Это ни для кого не секретъ. Ненависть эта раздувается эксплоатаціей всего мѣстнаго населенія и невыносимою заносчивостью и презрѣніемъ англичанъ ко всему неанглійскому.

Если народы Индіи не рискнутъ прибѣгнуть, съ своей стороны, къ жестокимъ репрессіямъ, то причину этого нужно искать не въ безсиліи народныхъ массъ и не въ могуществѣ англичанъ, а въ полномъ отсутствіи единенія разноплеменныхъ туземцевъ и въ неимѣніи пока энергичныхъ и популярныхъ дѣятелей, которые сумѣли бы организовать народный оплотъ противъ тираніи побѣдителей.

Остъ-индское правительство хорошо это сознаетъ и не жалѣя сыплетъ золото, чтобы задушить всякія проявленія народной ненависти.

Всегда ли золото можетъ помочь англичанамъ?

Вспомнимъ 1857 годъ и Нана-Саиба...

Убѣжденное, что разнохарактерное и по національностямъ, а главное по религіи населеніе не представляетъ серьезной опасности для англичанъ въ Остъ-Индіи, британское правительство испоконъ вѣка видитъ эту опасность въ появленіи толчка извнѣ. Убѣжденные почему-то, что Россія всегда стремилась отнять у нихъ Индію, англичане не могутъ не страшиться, что появленіе бѣлыхъ рубашекъ на границѣ Индіи вызоветъ взрывъ народныхъ страстей и общее возстаніе, которое смететъ трехвѣковое владычество англійскаго золота.

Насколько основателенъ страхъ англичанъ къ нашествію русскихъ, я не знаю, ибо не посвященъ въ тайны политики министерства у Пѣвческаго моста, но что страхъ этотъ существуетъ—это фактъ общеизвѣстный и неопровержимый.

Библиотека "Руниверс"

Этотъ-то страхъ и породилъ ту крайне враждебную политику англичанъ, которая тянется многіе десятки лѣтъ по отношенію къ Россіи. Недавно состоялось между Россіей и Англіей дружественное соглашеніе. Насколько можно довѣрять искренности англичанъ—не берусь судить, но лично я не особенно довѣряю доброжелательству ихъ, такъ неожиданно замѣнившему вѣковую ненависть къ Россіи. Политика эта заключается въ противодѣйствіи всюду и во всемъ Россіи, какъ страшной соперницѣ Англіи въ Азіи. И тори, и виги, и прочія вновь народившіяся политическія партіи, расходясь между собой по всѣмъ политическимъ и экономическимъ вопросамъ, въ одномъ только безусловно сходятся—въ необходимости парализовать дѣйствія Россіи всякими дозволенными и недозволенными средствами. Каждое обезсиленіе Россіи—торжество Англіи, всякій національный позоръ нашъ—радость и счастье всякаго британца безъ различія его политическаго credo.

Но пока государства Центральной Азіи были независимы, пока среднеазіатскія непроходимыя степи не оглашались звуками русскаго военнаго сигнальнаго рожка, т. е. пока мы были очень далеко отъ границъ Индіи, англичане хотя и тогда боялись насъ, но оставались сравнительно спокойны. Ихъ могуществу въ Индіи ничто не угрожало! Вѣдь русскіе пограничные форпосты отстояли отъ англійскихъ колоній на тысячи миль! Вѣдь чтобы пройти эти огромныя пространства съ арміей и обозомъ по пустыннымъ степямъ, требовалось, съ англійской точки зрѣнія, по меньшей мѣрѣ столѣтіе? А тѣмъ временемъ англійское золото въ конецъ успѣетъ развратить послѣднихъ независимыхъ владѣтелей Средней Азіи, и русская армія, дойдя до Сыръ-Дарьи, вмѣсто туземныхъ полчищъ встрѣтитъ улыбающаго англійскаго пограничнаго резидента, который русскому штыку противопоставитъ хартіи о признаніи владѣтелями Афганистана, Хивы, Бухары и Коканда протектората Англіи!

Дѣйствительность, какъ извѣстно, не оправдала надеждъ англичанъ.

Какъ громъ, грянулъ первый неожиданный выстрѣлъ подъ стѣнами Чимкента. Городъ этотъ палъ, давъ сигналъ паденію всего, что попадалось на пути слѣдованія бѣлыхъ рубашекъ. Въ теченіе двадцати пяти лѣтъ Россія раздвинула свои владѣнія далеко вглубь Азіи. Кокандское ханство перестало существовать; Бухара и Хива хотя и не исчезли съ карты Азіи, но сохранили лишь ничтожную часть своихъ прежнихъ владѣній и только тѣнь полунезависимости. Самаркандъ, эта мусульманская святыня, куда еще не такъ давно могъ съ опасностью для жизни и лишь переодѣтый дервишемъ пробраться первый европеецъ Вамбери, Мервъ, недоступное ни для кого разбойничье гнѣздо,—уже много лѣтъ оглашаются свисткомъ русскаго локомотива!

Библиотека "Руниверс"

Такой быстроты въ движеніи Англія не ожидала. Парламентъ и газеты всѣхъ оттѣнковъ забили тревогу и потребовали принятія экстренныхъ мѣръ къ парализованію наступательной политики русскихъ.

Но какія же принять мѣры?

Не воевать же съ русскими въ Азіи?

На чьей сторонѣ будетъ успѣхъ при столкновеніи русскаго стрѣлка съ англійскимъ кашеваромъ?

Результатъ предугадать не трудно!

Остается единственное, излюбленное при томъ средство. Это дипломатія...

Что же она придумала?

Очень, повидимому, остроумную штуку.

Она выдумала и добилась согласія Россіи на созданіе буфера между нами и англичанами въ Средней Азіи.

Такъ какъ насъ отдѣляло отъ англичанъ лишь одно независимое ханство Афганское, то англичане, разсчитывая изъ-подъ полы прибрать его со временемъ къ рукамъ, предложили Россіи (кажется, авторъ предложенія Форсайтъ) для обезпеченія интересовъ обѣихъ державъ въ Азіи установить изъ Афганистана нейтральный поясъ, независимость котораго должна быть обоюдными обязательствами обезпечена на вѣчныя времена. Россія по обыкновенію добродушно-довѣрчиво согласилась, и вотъ появился буферъ между нами. Ни для кого не тайна, что остъ-индское правительство съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени оказываетъ постоянное давленіе на владѣтеля Афганистана. Цѣли этого давленія понятны. Англія даетъ эмиру афганскому ежегодно крупныя денежныя подачки, посылаетъ туда своихъ инструкторовъ, свои посольства, тогда какъ добродушно-честная, наивная Россія, строго соблюдая обязательства установленія нейтральнаго пояса, не смѣетъ входить даже въ сношенія съ пограничными властями.

Всякому извѣстно, что буферъ смягчаетъ толчки между вагонами, но пусть мнѣ укажутъ случай, когда при столкновеніи поѣздовъ буфера спасали отъ крушенія?..

Установивъ нейтральную зону, англичане, видимо, успокоились. На первый взглядъ, они оттѣснили русскихъ навсегда отъ какого бы то ни было вліянія на эмира афганскаго и могли не торопясь прибѣгнуть къ британизаціи этого ханства. Владѣтель этой дикой, но воинственной страны, осыпанный англійскимъ золотомъ, представлялся имъ покорнымъ и вѣрнымъ вассаломъ.

Библиотека "Руниверс"

X.

Рѣшительная политика Кауфмана въ Афганистанѣ.—Отправленіе къ эмиру Ширъ-Али-Хану русскаго посольства во главѣ съ генераломъ Столѣтовымъ.—Торжественная встрѣча Ширъ-Али-Хана и Столѣтова въ Кабулѣ.—Подписаніе договора.—Движеніе туркестанскихъ войскъ на югъ по направленію къ Афганистану.—Неожиданный возвратъ къ прежней политикѣ уступокъ.—Отозваніе посольства изъ Афганистана и возвращеніе войскъ.—Смерть Ширъ-Али Хана.—Смерть К. П. Кауфмана.

Извиняясь за это длинное отступленіе, я продолжаю мои воспоминанія. Русско-турецкая война кончилась. Наша армія стояла подъ стѣнами Константинополя. Еще одинъ шагъ, и городъ былъ бы въ нашей власти. Предварительныя условія мира, составленныя нашимъ посломъ Игнатьевымъ, были подписаны турецкими уполномоченными. Условія эти, не разрушая Турецкой имперіи, были таковы, что удовлетворяли національное самолюбіе побѣдительницы Россіи. Но тутъ, какъ и всегда, въ наши дѣла вмѣшалась европейская дипломатія; на наше несчастье, мы допустили это вмѣшательство. Опираясь на русскіе штыки, мы, какъ и пруссаки въ 1870 году, могли сами диктовать условія мира, игнорируя чье бы то ни было сованіе въ это дѣло. Мы могли бы, занявъ Константинополь и овладѣвъ проливами, твердою рукою отстаивать свои права. Но вышло наоборотъ: мы побѣдили, мы принесли колоссальныя жертвы и людьми, и деньгами, мы освободили отъ вѣкового рабства Болгарію... За все это мы предъявили законныя, но крайне умѣренныя требованія, но... насъ, въ свою очередь, побѣдилъ еврей Дизраэли, стоявшій во главѣ министерства въ Англіи. По его настоянію рѣшено было созвать въ Берлинѣ конгрессъ для пересмотра прелиминарныхъ условій мира Россіи съ Турціей, и, къ нашему національному стыду, мы на это согласились. Всѣмъ извѣстна теперь роль, которую играли на этомъ конгрессѣ наши представители—князь Горчаковъ и графъ Шуваловъ. Но, очевидно, тамъ дѣла стали принимать самое непріятное для насъ положеніе. Въ это время случился фактъ, котораго англичане никакъ не ожидали. Афганскій эмиръ Ширъ-Али-Ханъ прислалъ Кауфману письмо, въ которомъ сообщилъ, что готовъ вступить съ нами въ союзъ, для чего просилъ прислать къ нему посольство. Это былъ такой прекрасный козырь въ нашихъ рукахъ, особенно въ періодъ Берлинскаго конгресса, что Кауфманъ, получивъ разрѣшеніе изъ Петербурга, немедленно послалъ въ Афганистанъ посольство съ генераломъ Столѣтовымъ во главѣ, въ помощь которому назначенъ былъ полковникъ генеральнаго штаба Разгоновъ. Посольство уполномочено было обѣщать эмиру дружбу Россіи и помощь въ случаѣ, если Англія задумаетъ двинуть свои войска въ Афганистанъ. Посольство наше было принято эмиромъ въ Кабулѣ съ царскими почестями и въ первой же аудіенціи передало Ширъ-Али-Хану

Библиотека "Руниверс"

согласіе Россіи на дружбу и союзъ. Эмиръ былъ очень счастливъ и всѣми средствами старался обласкать пословъ. Дипломатическая миссія Столѣтова увѣнчалась успѣхомъ, и вскорѣ онъ уѣхалъ изъ Кабула въ Ливадію къ государю Александру II, увезя съ собой подписанный Ширъ-Али-Ханомъ формальный договоръ о союзѣ съ Россіей (копія этого интереснаго документа имѣется въ Ташкентѣ въ дѣлахъ дипломатическаго архива).

Послѣ отъѣзда Столѣтова во главѣ посольства въ Кабулѣ остался Разгоновъ. Между тѣмъ въ Петербургѣ начали сознавать, что Дизраэли, при посредствѣ честнаго маклера Бисмарка, сведетъ на нѣтъ всѣ наши побѣды въ Турціи, а потому въ видѣ косвеннаго давленія на Англію рѣшено было двинуть изъ Туркестана экспедиціонный отрядъ на югъ. Очевидно, предполагалось направить наши войска къ афганской границѣ, чтобы или поддержать Ширъ-Али въ его борьбѣ съ Англіей, или занять часть афганской территоріи. Истинная цѣль посылки отряда извѣстна была только Кауфману. Но какова бы ни была эта цѣль, нельзя было не признать, что движеніе нашего отряда на югъ было ловкимъ шахматнымъ ходомъ.

Всѣ войска, расположенныя въ Ташкентѣ и Самаркандѣ, были сформированы въ одинъ сильный экспедиціонный отрядъ и двинуты на югъ, но... храбрость нашей дипломатіи уже стала остывать. Получено было приказаніе не переходить пока (?) бухарскую границу, вслѣдствіе чего отрядъ былъ остановленъ на самой границѣ, близъ селенія Джамъ, а штабъ отряда съ самимъ Кауфманомъ во главѣ поселился временно въ Самаркандѣ. Войска простояли на границѣ около двухъ мѣсяцевъ, а въ это время наши представители въ Берлинѣ безпрекословно дозволили перекроить игнатьевскія условія мира въ постыдный для насъ Берлинскій трактатъ. Англійская дипломатія сослужила огромную службу своему отечеству, уничтоживъ всѣ плоды нашихъ побѣдъ, остановивъ движеніе нашихъ войскъ въ Афганистанѣ и наконецъ настоявъ на отозваніи нашего посольства изъ Афганистана. Да, какъ это ни грустно, слѣдуетъ сознаться, что Россія, въ лицѣ своего представителя въ Средней Азіи, Кауфмана, торжественно, черезъ спеціальное посольство, предложило Ширъ-Али-Хану союзъ и поддержку, а когда, въ виду движенія англійскаго отряда изъ Индіи въ Афганистанъ, эмиръ сталъ просить осуществленія союза, т.-е. фактической поддержки, то Кауфманъ, получившій совершенно противоположныя инструкціи изъ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ, вынужденъ былъ отказать эмиру въ поддержкѣ и явился такимъ образомъ измѣнникомъ своему слову.

Я находился въ составѣ полевого штаба въ качествѣ начальника полевого почтоваго управленія и часто видѣлся съ Кауфманомъ, а потому могу засвидѣтельствовать, какъ невыносимо страдалъ этотъ благороднѣйшій рыцарь чести, когда ему пришлось посы-

Библиотека "Руниверс"

лать Разгонову приказаніе о прекращеніи переговоровъ съ Ширъ-Али-Ханомъ. Стыдъ, притомъ совершенно незаслуженный, при мысли, что онъ оказался въ глазахъ вѣрившаго ему Ширъ-Али измѣнникомъ своему слову, оказалъ губительное вліяніе и на нравственное, и на физическое состояніе Константина Петровича. Эмиру афганскому, конечно, не было извѣстно ни о князѣ Горчаковѣ, ни о графѣ Шуваловѣ, которые не сумѣли или не хотѣли отстоять честь и достоинство Россіи на Берлинскомъ конгрессѣ, ни о г. Гирсѣ, стоявшемъ во главѣ нашего дипломатическаго вѣдомства, ни объ исторической «всегдашней уступчивости» нашей въ сношеніяхъ съ Европой. Эмиръ зналъ лишь одного Кауфмана, съ нимъ однимъ велъ переговоры, отъ него получилъ предложеніе союза и поддержки и имъ же былъ брошенъ на произволъ судьбы при наступленіи опасности. Никого другого обвинять Ширъ-Али не могъ, и Кауфманъ это хорошо понималъ, и это причиняло ему невыносимыя нравственныя страданія.

Въ августѣ 1878 года джамскій отрядъ началъ возвращаться на свои зимнія квартиры, посольству Разгонова приказано было возвратиться назадъ, но еще до ихъ выѣзда изъ Мазаръ-и-Шерифа эмиръ Ширъ-Али-Ханъ неожиданно скончался.

Кауфманъ возвратился въ Ташкентъ, но уже съ того времени всѣ стали замѣчать въ немъ не только прежнее отсутствіе энергіи, но даже нѣкоторую апатію. Онъ былъ попрежнему привѣтливъ, ласковъ со всѣми, внимательно выслушивалъ доклады, дѣлалъ всѣ необходимыя распоряженія, даже создавалъ крупные и попрежнему талантливые проекты, но прежняго орла въ немъ уже не замѣчалось. Чувствовалось, что этотъ человѣкъ носилъ уже въ себѣ начало какого-то тяжкаго недуга и что нравственная его мощь уже была надломлена. Прежній мудрый и энергичный организаторъ уступилъ мѣсто апатичному генералъ-губернатору, и вся организаторская машина вдругъ остановилась.

Послѣдующіе два года (1879 и 1880 гг.) протекли незамѣтно. Тѣмъ не менѣе въ это время имѣло мѣсто событіе, касающееся лично меня. Кауфмана очень озабочивало правильное устройство мѣстъ заключенія. Въ краѣ было выстроено нѣсколько тюремъ, но порядки въ нихъ были неважные, главнымъ образомъ по неимѣнію людей, знакомыхъ съ дѣломъ тюремной организаціи. Кауфманъ командировалъ меня въ Европейскую Россію для осмотра лучшихъ тюремъ и для ознакомленія съ тюремнымъ бытомъ, режимомъ и хозяйствомъ. Я осмотрѣлъ всѣ московскія, петербургскія и варшавскія тюрьмы, а также одиночную тюрьму въ Сѣдлецѣ. Самою интересною оказалась Шпалерная тюрьма, извѣстная подъ именемъ «домъ предварительнаго заключенія». Крестовъ тогда еще не было, а вмѣсто нихъ существовали исправительныя арестантскія роты гражданскаго вѣдомства, въ которыхъ практикова-

Библиотека "Руниверс"

лась система мастерскихъ, при общемъ молчаніи работающихъ арестантовъ, и разъединеніе ихъ на ночь въ особыя кельи. На мой вопросъ, какихъ результатовъ достигаетъ эта система, начальникъ тюрьмы отвѣтилъ, что самыхъ отрицательныхъ, ибо арестанты свободно разговариваютъ и даже поютъ въ мастерскихъ за недостаткомъ надзора, а по ночамъ, благодаря отмычкамъ, устраиваютъ настоящіе клубы съ картежной игрой. Работая въ слесарной мастерской, каждый арестантъ имѣетъ возможность смастерить себѣ отмычку, и начальникъ тюрьмы показалъ цѣлый большой сундукъ, наполненный отобранными отмычками.

Я представилъ Кауфману подробный отчетъ о моей поѣздкѣ, но какъ разъ въ это время онъ тяжко захворалъ, и мой отчетъ неизвѣстно куда исчезъ.

1-го марта 1881 года свершилось злодѣйское дѣло на Екатерининскомъ каналѣ, и Константинъ Петровичъ, боготворившій императора Александра II, не вынесъ этого ужаса. Его разбилъ параличъ, и, пролежавъ безъ языка и безъ движеній почти цѣлый годъ, онъ тихо скончался весной 1882 года. Согласно его желанію, онъ похороненъ былъ въ центральномъ скверѣ Ташкента, а впослѣдствіи, когда отстроенъ былъ, начатый еще при Кауфманѣ по проекту Рѣзанова, соборъ, прахъ покойнаго былъ перенесенъ въ этотъ храмъ.

Еще разъ отъ всего сердца скажу: миръ праху этого благороднѣйшаго, кристально-чистаго человѣка, этого рыцаря чести, этого вѣрнаго и преданнаго слуги родины и Монарха.

Въ заключеніе не могу не повторить одной фразы, сказанной однажды Кауфманомъ:

«Прошу похоронить меня здѣсь (т.-е. въ Ташкентѣ), чтобы каждый зналъ, что здѣсь настоящая русская земля, въ которой не стыдно лежать русскому человѣку».

Вотъ какъ смотрѣлъ Кауфманъ на Туркестанскій край.

Г. П. Федоровъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

Библиотека "Руниверс"

СЪ НАДЛОМАННЫМИ КРЫЛЬЯМИ.

Повѣсть.

Своей улыбкой, странно длительной,
Глубокой тѣнью черныхъ глазъ
Онъ часто, юноша плѣнительный,
Обворожаетъ скорбныхъ насъ.
Въ ночномъ кафе, гдѣ электрическій
Свѣтъ обличаетъ и томитъ,
Онъ рѣчью, дьявольски логической,
Вскрываетъ въ нашей жизни стыдъ.
Онъ въ вечеръ одинокій,—вспомните,—
Когда глухіе сны томятъ,
Какъ врачъ искусный, въ нашей комнатѣ
Намъ подаетъ въ стаканѣ ядъ.
Онъ въ темный часъ, когда, какъ оводы,
Жужжатъ мечты про боль и ложь,—
Намъ шепчетъ роковые доводы
И въ руку всовываетъ ножъ.

Онъ на мосту, гдѣ воды сонныя
Бьютъ утомленно о быки,
Вздуваетъ мысли потаенныя
Мѣхами злобы и тоски.
Въ лѣсу, когда мы пьяны шорохомъ
Листвы и запахомъ полянъ,
Шесть тонкихъ гильзъ съ бездымнымъ порохомъ
Кладетъ онъ, молча, въ барабанъ.
Онъ—вѣрный другъ, онъ принца датскаго
Твердитъ безсмертный монологъ,
Съ упорностью участья братскаго
Спокойно-нѣженъ, тихъ и строгъ.
Въ его улыбкѣ, странно длительной,
Въ глубокой тѣни черныхъ глазъ
Есть омутъ тайны соблазнительной,
Властительно влекущей насъ...

Валерій Брюсовъ («Демонъ самоубійства»)

I.

НИЧЕГО ДРУГОГО не оставалось дѣлать, какъ уѣхать къ отцу.

Очень не хотѣлось такъ рано (въ концѣ февраля) разставаться съ Петербургомъ, гдѣ жило столько яркихъ воспоминаній, а надо было, волей-неволей: жизнь большинства высшихъ учебныхъ заведеній замерла до осени, можетъ, и дольше: курсистки частью распущены, частью исключены и высланы за участіе въ сходкахъ и уличныхъ безпорядкахъ.

Надя Гладышевская укладывала вещи въ чемоданъ и размышляла.

Эти нѣсколько лѣтъ пребыванія въ столицѣ совсѣмъ измѣнили ее, разбили старые идеалы, перевернули весь внутренній міръ.

Она ясно чувствовала, что раньше была слѣпой и только теперь прозрѣла.

Библиотека "Руниверс"

Прежніе кумиры рушились и разбивались вдребезги и въ какомъ-то невѣдомомъ, новомъ свѣтѣ разворачивалось передъ ней въ безграничную ширь то грядущее, которое казалось еще такъ недавно будничнымъ и сѣрымъ.

Дальнѣйшее существованье пріобрѣтало смыслъ.

Она такъ боялась, почти до ужаса, до отчаянья безцѣльнаго, пустого прозябанія!

Молодыя силы неудержимо влекли къ кипучей борьбѣ, къ работѣ, къ исканью правды...

А сколько пронеслось картинъ, сколько пережито впечатлѣній за время житья въ столицѣ!

Много незабываемыхъ встрѣчъ, пылкихъ бесѣдъ, разочарованій, какъ будто утраченныхъ надеждъ и вновь отысканныхъ, много неизгладимыхъ страницъ...

Пріѣхала такой наивной, а теперь не узпаютъ дома, скажутъ, пожалуй,—«подмѣнили»...

Надя улыбалась собственнымъ мыслямъ.

Но улыбка скоро застыла, уступая мѣсто тревожному выраженью.

«Мама начнетъ нотаціи читать, черезъ часъ по столовой ложкѣ. Ну, съ этимъ, какъ-никакъ, помириться нетрудно!.. Но папа... папа не уступитъ...»

Она задумалась надъ открытымъ чемоданомъ, уже на половину уложеннымъ.

Темные глаза, большіе и строгіе, напряженно смотрѣли въ одну точку, точно ища разгадки, и отъ неподвижнаго взгляда, какъ бы ушедшаго отъ всего окружающаго, блѣдное, худое лицо съ тонкими, мягкими линіями дѣлалось еще блѣднѣй и печальнѣй.

— Изваянье христіанской мученицы,—раздался въ дверяхъ насмѣшливый, звенящій голосъ подруги, Крупарушкиной, вошедшей такъ тихо и неожиданно, что Надя вздрогнула и вдругъ залилась краской.

Въ этакія минуты она становилась удивительно красивой, и ее, бывало, нарочно заставляли краснѣть, чтобы полюбоваться ея смущеньемъ.

— Я—ничего... я—такъ...—растерянно прошептала и протянула руку:—здравствуй, Соня... Спасибо, что не забыла. Могла меня не застать: сейчасъ ѣду къ себѣ, на югъ...

— Мнѣ это хорошо извѣстно... *Намъ* досконально все извѣстно!—отчеканила Крупарушкина съ какимъ-то особеннымъ удареніемъ и смѣрила Надю пристальнымъ, подозрительнымъ взоромъ, будто уличая ее въ чемъ-то противномъ правиламъ чести.

Скромная и конфузливая Гладышевская умѣла мгновенно вспылить, и тогда никому не уступала.

Такъ и теперь.

Библиотека "Руниверс"

Она уловила въ словахъ товарки какіе-то недоговоренные, смутные намеки, поймала во взглядѣ огонекъ ищейки и сразу возмутилась, вскочила, покрылась румянцемъ, засверкала углями глазъ и забѣгала по комнатѣ.

— Кому это—*намъ*?.. Кто это *вы*, слѣдящіе за каждымъ шагомъ другого?.. Не слишкомъ ли расширяете свои права?.. *Намъ извѣстно*!.. Вотъ какъ! превосходно!.. очаровательно!..—стала она выкрикивать, не обращая вниманія на то, слушаютъ ее или нѣтъ:—надзоръ какой-то учинили. На какомъ основаніи, позвольте васъ спросить? Я совершенно свободна въ своихъ поступкахъ и желаньяхъ. Дѣлаю—что хочу, не больше и не меньше. Развѣ я скрывала, что отправляюсь къ отцу! Отвѣчайте, я васъ спрашиваю! И почему именно вамъ, моей подругѣ, понадобилось за мной шпіонить?

Въ грубыхъ, почти мужскихъ чертахъ Сони разгоралась явная досада. Нужно было на чемъ-нибудь ее сорвать.

— Замолчи. Ты городишь вздоръ. Прежде всего что за «подруга»? Мы не въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ. Мы—товарищи, а не подруги,—рѣшительно заявила она, пожимая плечами:—далѣе по существу... Кто къ намъ вошелъ въ содружество, тотъ обязанъ подчиняться безпрекословно извѣстнымъ требованіямъ. Это—непремѣнное условіе, нашъ неоспоримый законъ. И уйти отъ насъ не такъ-то легко—надо сперва доказать, что за этимъ не скрывается предательства. Было бы раціональнѣй вообще воздерживаться отъ опрометчивыхъ поступковъ.

Отповѣдь подѣйствовала совсѣмъ не такъ, какъ думала Крупарушкина.

Надя окончательно вышла изъ себя и, подскочивъ къ Сонѣ, закричала еще громче и замахала руками.

— Это по-вашему называется свободой. Хороша свобода!.. Я не записывалась въ рабыни. И ровно ничего ты не понимаешь. Если за мной будутъ шпіонить разныя дуры, вродѣ тебя...

Но едва произнесла послѣднія слова, какъ тутъ же спохватилась, провела дрожащими пальцами по лбу и умолкла, потомъ неудержимо расхохоталась и порывисто бросилась обнимать Соню.

Подобные переходы у нея часто проявлялись, были вполнѣ свойственны ея нервной, мятущейся натурѣ.

— Прости меня, ну же!.. А, вѣдь, мы съ тобой дѣйствительно дуры, милый мой товарищъ!—воскликнула Надя, тормоша Соню:—еще минута и разстались бы врагами, а изъ-за чего? Я и не мечтала ни о какихъ измѣнахъ. Откуда вы взяли? Въ концѣ концовъ ваша тактика не выдерживаетъ критики. Я всегда одна и та же. Хотите—любите, хотите—нѣтъ.

Крупарушкина сначала отбивалась, изображая обиженную.

Нарушенное равновѣсіе было мало-по-малу возстановлено, по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны.

Библиотека "Руниверс"

Въ душѣ у недовѣрчивой курсистки продолжала таиться тѣнь сомнѣнья, и это отражалось на ея лицѣ.

Съ плотно сжатыми губами она по временамъ пронизывала Надю бѣгающими быстрыми зрачками, но немедленно опускала рѣсницы, едва встрѣчалась съ ея вдумчивыми, откровенными глазами.

Немного поговорили о постороннихъ предметахъ.

Гостья наконецъ замѣтила нетерпѣливыя движенья товарки и встала, но на прощанье все-таки кинула ей странную фразу, которая опять покоробила Надю:

— Мы напишемъ товарищу Михаилу, чтобы имѣлъ тебя въ виду, если что понадобится. Въ твоихъ краяхъ назрѣваетъ серьезное дѣло. Не вздумай, однако, отказываться! Не совѣтую. Все равно повредишь себѣ. А тутъ можешь заслужить довѣріе и выдвинуться.

Она по-мужски протянула сухую, длинную руку, затѣмъ ушла твердымъ, увѣреннымъ шагомъ, не оглядываясь.

Гладышевская такъ оторопѣла, что даже не успѣла ей отвѣтить съ надлежащемъ тонѣ.

«Жмутъ меня какъ въ тискахъ, точно закабалили... Я, можетъ, еще смѣлѣе, чѣмъ они воображаютъ, но смѣла по собственному нраву и разуму, а не по ихъ приказу... Это выводитъ меня изъ терпѣнья и охлаждаетъ лучшіе порывы сердца... Ахъ, чортъ возьми, какая была я тупица!.. И какъ сумѣли заговорить, какимъ кольцомъ окружили, не успѣла и въ себя прійти, какъ очутилась въ западнѣ. Толкуютъ о подвигахъ, горятъ желаньемъ уничтожить произволъ и насиліе, и увлекаются мелкой травлей,—другъ за другомъ шпіонятъ и не видятъ, что унижаютъ себя, дѣлаютъ пошлыми, лживыми»...

Чемоданъ былъ окончательно уложенъ; оставалось не больше четверти часа до отправленія на вокзалъ.

«Необходимо создать свой собственный жизненный планъ для себя самой и ему слѣдовать, а общества разныя, партіи... Нѣтъ, для нихъ не нужно того, что есть у меня... я слишкомъ люблю независимость своего *я*... Тамъ декораціи... нѣтъ настоящей правды. Я не посмотрю на угрозы, если.... Ахъ, что за мысли! И зачѣмъ онѣ теперь! Не до нихъ... Все образуется, какъ положено... Я вѣрю въ себя».

Хлопьями падавшій мокрый снѣгъ покрывалъ окна.

Въ трубѣ завывалъ вѣтеръ.

И Надѣ взгрустнулось, захотѣлось чьей-то ласки, дружескаго совѣта, хоть слова утѣшенья.

«Уѣду и тамъ буду одна среди семьи... вездѣ одна... Одиночество—мой крестъ».

Всю дорогу, около двухъ сутокъ, Надя провела въ нервномъ безпокойствѣ.

Библиотека "Руниверс"

Какъ она ни старалась отвлечь себя посторонними предметами, думы возвращались къ одному и тому же: ей представлялось, что куда бы она ни шла, въ залъ для пассажировъ, на платформу, въ вагонъ-ресторанъ, вездѣ, словно исподтишка, устремлялись на нее чьи-то слишкомъ любопытные глаза, черезчуръ пытливые, будто скользящіе въ самую душу.

Обладатель этихъ настойчивыхъ глазъ, когда встрѣчался съ нею, всегда отводилъ ихъ въ сторону, точно не замѣчая, но издали (изъ-за чьей-нибудь фигуры, изъ окна, просто изъ-за угла или изъ-за какой-либо преграды) непремѣнно съ удвоеннымъ вниманьемъ слѣдилъ за каждымъ шагомъ Гладышевской.

Она хорошо запомнила его внѣшность: раздвоенный носъ, какъ у летучей мыши, нижняя губа съ вырѣзомъ, сквозь который просвѣчиваютъ желтые зубы, мускулистая шея...

Этого достаточно, чтобы не считать незнакомца плодомъ разстроеннаго воображенія.

Но по временамъ все же являлась нелѣпая мысль: «А что, если это все только кажется?.. игра нервовъ...»

Она рѣшила не выходить изъ своего отдѣленія, пока не пріѣдетъ въ родной городъ. Оставалось всего часовъ пять до конечной станціи.

Плавное покачиванье вагона убаюкивало, и она скоро погрузилась въ дремоту; но и въ полузабытьи чуткаго сна ее продолжалъ преслѣдовать кошмаръ, безформенный и дикій, въ которомъ таинственный спутникъ игралъ какую-то непонятную роль.

Проснулась, когда уже тормозили поѣздъ.

Въ коридорѣ опять онъ стоялъ у самой ея двери и не спускалъ тяжелыхъ, напряженныхъ глазъ.

«Изучаетъ меня... гипнотизируетъ... Лучше прямо спрошу, что ему нужно?»

Но онъ уже отошелъ и больше не попадался ей, какъ въ воду канулъ.

Надя старалась забыть о немъ, хотя все-таки въ послѣднюю минуту, когда высунулась изъ окна, чтобы позвать носильщика, бросила взглядъ по сторонамъ, какъ бы ища его.

Незнакомца не было.

Изъ домашнихъ ее никто не встрѣчалъ, такъ какъ она умышленно никого не предупредила о своемъ возвращеньи.

Югъ сказывался: уже вѣяло предчувствіемъ весны.

Петербургское ненастье осталось далеко позади.

Легко дышалось на чистомъ, легкомъ воздухѣ.

Голыя деревья наливались жизнью, готовыя каждый день проснуться отъ долгой спячки.

Надя ѣхала на извозчичьей пролеткѣ.

Снѣгъ растаялъ и саней не было. Ничего похожаго на зиму.

Смотрѣла и по-дѣтски радовалась, сама не зная—чему.

Библиотека "Руниверс"

Петербургъ отходилъ куда-то въ дымку прошлаго, а давно минувшее выплывало изъ мглы забытыхъ воспоминаній и точно становилось настоящимъ.

И чѣмъ ближе подъѣзжала къ своему дому, тѣмъ ярче и горячѣе чувствовала это.

II.

Надинъ отецъ, Осипъ Осиповичъ Гладышевскій,—видный губернскій адвокатъ, гласный и членъ различныхъ комиссій, благотворительныхъ учрежденій и прочее.

Принадлежа скорѣе къ правому лагерю, онъ не избѣгаетъ иногда и общенія съ лѣвыми, гдѣ выгодно.

Съ утра, въ день возвращенія дочери, несмотря на воскресенье, его осаждали всевозможные посѣтители, нужные и ненужные, а затѣмъ увлекъ разговоромъ одинъ предприниматель, предлагающій выпускать ежедневную безпартійную газету.

Заинтересованный, онъ повелъ его въ столовую, только что заново отдѣланную, изъ крашеннаго американскаго дуба въ шведскомъ вкусѣ.

Пили кофе и пробовали, какъ бы получше обойти другъ друга.

— Осипъ Осиповичъ, мы обязательно займемъ общество, побѣдимъ его, если вы не откажетесь стать во главѣ дѣла, будете, такъ сказать, нашимъ руководителемъ и отцомъ,—пришепетывалъ сладкимъ голоскомъ издатель Хлобыстовъ.

Сложивъ пухлыя руки на животѣ и раскосивъ изъ-подъ очковъ заплывшіе жиромъ узкіе глазки съ лукавымъ блескомъ, онъ наклонилъ на бокъ голову съ старательно зачесанной лысиной и всей своей бритой, лоснящейся физіономіей съ сочнымъ подбородкомъ выражалъ полное нетерпѣніе получить подходящій отвѣтъ и готовность отблагодарить, если сдѣлка состоится.

— Газета—достойное занятіе. Я сказалъ бы, что словеса газетныя суть рѣки, наполняющія вселенную, а на дверяхъ редакціи прибилъ бы доску съ надписью: «Дому сему подобаетъ благодать въ долготу дней».

— Шутникъ вы, господинъ Хлобыстовъ,—вырвалось у Гладышевскаго:—этакое разводите... Въ старину говорили: «Жомини да Жомини! А объ водкѣ ни полслова»... Такъ и вы изволите вокругъ да около...

Осипъ Осиповичъ былъ полной противоположностью издателя: былъ худъ, носилъ бороду и рѣзко отчеканивалъ каждое слово.

— Впрочемъ,—прибавилъ онъ, подумавъ:—врядъ ли мы споемся. Безпартійный это—дикарь; у меня же довольно опредѣленныя воззрѣнія: я, если можно такъ выразиться,—прогрессивный консерваторъ и, притомъ, съ наклоненіемъ ко всему чисто русскому, самобытному. Ну, а деньги-то у васъ есть? сколько? Да вы не стѣсняй-

Библиотека "Руниверс"

тесь, любезнѣйшій!.. Или вы по-модному, безъ денегъ намѣреваетесь, за счетъ аглицкаго короля?

Бесѣда продолжалась бы долго, если бы не появленіе дочери.

Громкіе голоса, смѣхъ, поспѣшные шаги, и дверь въ столовую распахнулась.

На порогѣ стояла Надя въ дорожномъ костюмѣ, за ней слѣдовали мать и меньшой братъ, гимназистъ Леня.

Всѣ болтали наперерывъ и смѣялись.

Гладышевскій отъ удивленія развелъ руками и хотѣлъ встать; Надя предупредила его, бросаясь къ нему на шею.

— Папочка... милый...

Издатель поспѣшилъ удалиться, обѣщаясь навѣдаться какънибудь на дняхъ.

— Какими вѣтрами, дочурка?—спросилъ Осипъ Осиповичъ, все еще держа дочь за талію и съ любовью засматриваясь въ ея глаза:—о, да ты похудѣла и похорошѣла!.. Совсѣмъ взрослая!.. и во взорѣ у тебя какія-то тѣни и полутѣни. Мать, что ты скажешь по этому поводу?

— Сейчасъ и объяснять! Не на судѣ, кажется... Дай же ей прійти въ себя; пусть кофейку выпьетъ съ дороги... проголодалась, вѣдь.

Надя, не дожидаясь излишнихъ разспросовъ, сама заговорила и чувствовала, что волнуется, боялась быть откровенной и не могла прикрываться ложью.

— Нѣтъ лекцій. Курсы закрыты, да и другія высшія учебныя заведенія,—университетъ, напримѣръ...

— Ну, еще бы!.. Я, признаться, ничего иного и не ожидалъ и только радуюсь твоему пріѣзду. Я и мать постоянно трепетали за твою судьбу. Надъ обрывомъ, вѣчно надъ обрывомъ... Трудно ли оступиться... О, Господи! слава Богу, что цѣла и невредима.

Обычной иронiи въ голосѣ на этотъ разъ не было, и Надя вздохнула свободнѣй.

Гимназистъ посмѣивался, закусывая губы.

— У насъ тоже восьмиклассники мечтаютъ забастовать, чтобы смѣстили инспектора. Всегда кого-нибудь до подкаблучитъ. Мы рѣшили присоединиться.

— Скажите, пожалуйста, современные граждане! Попросту воробьи...—отозвался отецъ, и лицо его приняло насмѣшливое выраженье:—«присоединиться»! Выдрать бы васъ, да и дѣло съ концомъ.

— Папа... Юристъ, и вдругъ—*выдрать*!—съ добродушной усмѣшкой проговорила Надя.

Отецъ промолчалъ, лишь пальцами побарабанилъ по столу, и въ глазахъ у него продолжали свѣтиться искры задора, затѣмъ, понижая голосъ, протянулъ съ замѣтнымъ безпокойствомъ, и въ лицѣ уже отражалась тревога:

Библиотека "Руниверс"

— Про Бориса ничего не слышала?

— Журналистъ? Пишетъ, какъ и раньше?

— Ну да... Я не про это... Онъ здѣсь теперь состоитъ въ фельетонистахъ. М-да... вообще устраиваетъ разныя художества.

Надя слушала съ любопытствомъ и еще ничего не понимала.

Двоюродный братъ, Борисъ Игнатьевъ, пріятель ранняго дѣтства, какъ-то за послѣднее время сошелъ съ ея горизонта, но она всегда вспоминала о немъ съ отраднымъ чувствомъ искренняго участія. Годы дѣтства установили между ними теплую, дружескую связь.

— Оказывается—связался съ чужой женой-разводкой,—дополнилъ свѣдѣнія Осипъ Осиповичъ послѣ нѣкоторой паузы:—уже давно! И нисколько этого не скрываетъ, даже къ намъ ее приводитъ... впрочемъ, милая... Лиза...

— Что жъ тутъ такого?—удивлялась Надя:—такъ понятно... Развѣ счастье въ одномъ законномъ бракѣ?..

— Эге, да и ты туда же, дочурка! Это негоже... Значитъ, какъ объясняютъ ваши экзотическіе поэты:

«Мы—не по закону,
Мы—по благодати;
Озаривъ икону,
Ляжемъ на кровати...» [1]).

— И пошелъ, и пошелъ...—разсердилась Анна Петровна (Надина мать):—языкъ безъ костей. Дай же намъ хоть немножко потолковать.

— Мамочка... хорошая... Ты такая же все—и добрая, и ворчунья...

И бесѣда полилась съ той сердечной простотой, которая бываетъ между близкими людьми послѣ долгой разлуки, когда каждая мелочь пріобрѣтаетъ особую цѣнность, непонятную для посторонникъ.

Осипъ Осиповичъ точно обидѣлся, нахмурилъ брови и сталъ придираться къ сыну, потомъ всталъ и отправился къ себѣ.

«Я имъ совсѣмъ чужой, совсѣмъ чужой», какъ-то невольно возникала мысль, и больной, нарядный кабинетъ, гдѣ все было, кромѣ души, представлялся ему въ эту минуту такимъ ненужнымъ, даже отвратительнымъ.

Полки съ юридическими книгами въ чудныхъ переплетахъ, шкапы, картины въ великолѣпныхъ рамахъ, портреты съ надписями, роскошный письменный столъ казались бременемъ, мѣшающимъ жить.

---

[1]) К. Бальмонтъ.

Библиотека "Руниверс"

III.

Не прошло и мѣсяца, какъ Хлобыстовъ все-таки умудрился не только издавать большую газету «Сутки», но и заручиться ближайшимъ участіемъ Гладышевскаго.

И правые, и лѣвые обыватели города Круглова не были этимъ довольны.

Первые смотрѣли на новую затѣю Осипа Осиповича, какъ на заигрыванье въ сторону лѣвыхъ, и, слѣдовательно, какъ на измѣну.

Вторые все равно не вѣрили ни одному его шагу и посмѣивались надъ вновь испеченнымъ «безпартійнымъ».

Въ ихъ еженедѣльникѣ даже появилось нѣсколько ядовитыхъ карикатуръ по адресу извѣстнаго адвоката.

Между прочимъ изобразили винный погребъ и винодѣла съ лицомъ Гладышевскаго, будто онъ дѣлаетъ разныя пробы и тутъ же поучаетъ помощниковъ (Хлобыстова и другихъ):

«Любезные товарищи, вино, какъ вы знаете, можно производить рѣшительно изо всего, даже изъ виноградnаго сока, если нѣтъ ничего лучшаго. Вся суть это (запомните, господа, техническое выраженье!)—в и н д и к а п с ъ, т.-е. мутная смѣсь изъ воды и капель вина, просачивающихся сквозь бочковыя клепки. Изъ него все потомъ сдѣлаешь, но сперва не забудьте, товарищи, м а д е р о х е р е с о в а т ь, а если ничто не удастся, то съ Богомъ повертайте на шампанское... никогда ошибки не будетъ».

Этотъ номеръ разошелся безъ остатка въ одинъ день, и разсказывали по городу, что губернаторъ хохоталъ до упаду, разглядывая карикатуру.

Были и третьи: это—безпартійные, которые совсѣмъ не признавали Гладышевскаго, а главный ихъ лидеръ, малороссъ Моргуля, называлъ Осипа Осиповича «перевертнемъ» и, хитро прищуривая кривой глазъ, пророчилъ на его счетъ:

— Вотъ побачыте, якъ повисятъ ему «станиславчыка», абo «ганну» на шыю!

Все это замѣтно усиливало спросъ на хлесткую газету, и Хлобыстовъ чувствовалъ себя вполнѣ удовлетвореннымъ.

Надя съ лихорадочной поспѣшностью пробѣгала мѣстныя газеты, и послѣ каждаго такого чтенія ея обыкновенно блѣдныя щеки горѣли яркимъ румянцемъ и въ глазахъ зажигались безпокойные огоньки.

Она открывала тогда свой дневникъ (толстую, мелко исписанную тетрадь) и торопливо заносила рядъ бѣглыхъ строкъ, потомъ прятала его и задумывалась.

Къ завтраку и обѣду выходила грустная, молчаливая и, когда говорила съ отцомъ, старалась не смотрѣть на него.

Библиотека "Руниверс"

— Ну-съ, дочурка, о чемъ мы размышляемъ?—обыкновенно обращался къ ней Осипъ Осиповичъ, и морщины на минуту словно разглаживались на его высокомъ лбу.

Надя давала неопредѣленный, незначащій отвѣтъ.

— Думаетъ о чемъ-то,—тихо прибавляла мать, Анна Петровна, и вздыхала.

Въ концѣ концовъ эта натянутость всѣмъ стала надоѣдать: самъ Гладышевскій хмурился и становился желчнымъ; жена его тоже брюзжала и впадала въ уныніе; Надя считала себя отчужденной и еще болѣе замыкалась въ своемъ одиночествѣ; даже гимназистъ Леня тускнѣлъ и каждую минуту порывался поскорѣе уйти изъ столовой.

Въ большой квартирѣ всѣ комнаты жили своей собственной жизнью, и лишь одна столовая находилась подъ какимъ-то несвойственнымъ ей гнетомъ.

Гладышевскій разъ по этому поводу пытался пошутить:

— Съ тѣхъ поръ, какъ поставилъ сюда мебель изъ американскаго дуба, душа этого уютнаго уголка одеревенѣла...

Струны были слишкомъ натянуты, и, въ сущности, простая фраза вдругъ прозвучала вызовомъ.

— Я могу удалиться,—неожиданно вырвалось у Нади, и она поднялась.

— Скандала захотѣлось!—вспыхнула Анна Петровна и бросила недовольный взоръ въ сторону мужа.

— Замолчите!—прогремѣлъ басъ Осипа Осиповича:—сегодня я твердо намѣренъ съ этими комедіями покончить,—баста!

Онъ обернулся на дверь и, убѣдившись, что никого нѣтъ: ни Лени, ни прислуги, рѣшилъ довести объясненіе до желанной точки.

— Садись, не дѣлай страшной физіономіи и вообще отнесись къ моимъ словамъ возможно внимательнѣй и проще, безъ всякой задней мысли. Я—не врагъ тебѣ, сама хорошо понимаешь.

— Что ты хочешь, папа? Я слушаю,—съ видимымъ усиліемъ произнесла Надя и машинально опустилась на стулъ.

Двѣ-три минуты всеобщаго молчанія, вѣроятно, каждому изъ находившихся въ столовой показались пыткой,—по крайней мѣрѣ отецъ нетерпѣливо отбивалъ по столу какой-то военный маршъ, мать усиленно трясла головой, а Надя сидѣла какъ на угольяхъ, еле сдерживаясь, чтобы не вскочить.

— Заговоришь ты, наконецъ, или такъ въ молчанку прикажешь играть?—вырвалось съ досадой у Анны Петровны.

Осипъ Осиповичъ вмѣсто отвѣта только взглянулъ на жену и сейчасъ же обратился къ дочери:

— Съ самаго твоего возвращенія я не узнаю тебя: та и не та. Отвозилъ въ Петербургъ одну, а получилъ обратно другую.

Библиотека "Руниверс"

Но и не въ этомъ бѣда: мало ли что бываетъ!.. Ну, перекрасилась, полиняла... Эка важность! Опять выкрасимъ...

Надю передернуло. Задрожали губы. Глаза точно затуманились. Слезы подступили къ горлу.

— Папа, я не позволю издѣваться...

— Постой, постой, дочурка!.. Къ чему истерика? Дай договорить. Какія тамъ издѣвательства сочинила! Не до нихъ мнѣ... Мы по-хорошему съ тобой поговоримъ.

Надя увидѣла, что отецъ тоже взволнованъ и вовсе не смѣется надъ ней, напротивъ, съ трудомъ превозмогаетъ себя, чтобы сохранить спокойствіе, и ей стало жалко его, но она тутъ же до боли закусила палецъ и мысленно прошептала: «Не сдавайся, не сдавайся!.. Теперь или никогда!».

— Главное въ томъ,—продолжалъ Гладышевскій уже безъ оттѣнка привычной своей шутливости и болѣе окрѣпшимъ, ровнымъ голосомъ:—злобу какую-то ты затаила противъ насъ... Живемъ подъ одной крышей, а какъ враги или чужіе. Есть у тебя что-нибудь на душѣ—выкладывай, не бойся... Но не могу я выносить этой твоей разсудительной молчаливости, этого взгляда невинной жертвы. Я не хочу, понимаешь ли ты!—не выдержалъ и крикнулъ онъ, комкая салфетку и багровѣя отъ внезапнаго прилива гнѣва:—не хочу! Или, можетъ быть, ты находишь, что я долженъ жить по твоей указкѣ, какъ ты этого желаешь, по твоему рецепту? На какомъ основаніи?

Надя молчала, а когда вспышка прошла, попросила разрѣшенія высказаться, но такъ, чтобы ея не перебивали.

— Иначе,—шопотомъ, будто съ угрозой проговорила она:—я ничего не скажу... Молча разойдемся въ разныя стороны.

И Анна Петровна ее поддержала:

— Дай ты ей, Христа ради, объяснить, въ чемъ дѣло-то... Самъ видишь, какая она... въ тебя, такая же упрямая... Говори, говори, Надюша! Онъ выслушаетъ тебя. Вѣдь, съ виду онъ такой сердитый, а любитъ тебя безъ памяти.

Блѣдная улыбка пробѣжала по губамъ Нади.

Минутная борьба, и она вдругъ сжала челюсти, опустила глаза и словно заледенѣла.

Казалось, она подыскивала особыя выраженія, чтобъ яснѣе вылить свои волновавшія мысли, и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалось, что невидимая стѣна вырастаетъ между ней и отцомъ и неизбѣжное все равно должно совершиться.

Не больше нѣсколькихъ секундъ размышляла Надя, а въ головѣ у нея проносилась цѣлая вереница воспоминаній и сопоставленій, ураганъ думъ закружилъ ее и не давалъ успокоиться, такъ-что почти обезсиленная начала она свою исповѣдь; но фраза за фразой мало-по-малу увлекли ее, лицо покрылось живымъ ру-

Библиотека "Руниверс"

мянцемъ, и въ глазахъ опять заискрились и зажглись знакомые огни.

И мертвая столовая какъ будто очнулась отъ долгой спячки: оживалъ американскій дубъ, загоралась металлическая отдѣлка открытаго буфета и круглыхъ высокихъ столиковъ съ вазами, сверкали подсвѣчники и веселѣй смотрѣли пейзажи англійскихъ гравюръ.

— Постараюсь быть краткой, чтобы никого не задерживать... Я была полуслѣпой, полуглухой, когда ты меня увозилъ отсюда... Какая-то божья коровка. Тамъ скоро научилась и видѣть, и слышать то, что надо. Вотъ ты и не узнаешь меня, а я все та же. Ты спрашиваешь, что у меня на душѣ. А вотъ что! Я нахожу, что каждый истинный человѣкъ долженъ сумѣть оправдать свою жизнь передъ обществомъ; жизнь для жизни это—позоръ, преступленіе, низкій физіологическій актъ. Должна быть польза для общаго блага, а не для единичнаго. Отсюда ясно, что всякій гнетъ, всякое насиліе подъ видомъ какихъ-то цѣлей не заслуживаютъ оправданія. «Къ свѣту, къ истинѣ, къ свободѣ!»—вотъ мой девизъ, которому буду слѣдовать до скончанія дней.

— Да, но я, однако, не усматриваю связи...—промолвилъ Осипъ Осиповичъ.

— Я продолжаю... Недолго...—заволновалась Надя, боясь, что ей не дадутъ окончить:—нашла ли я въ Петербургѣ то, что искала? Нѣтъ. За рѣдкими исключеніями. Каждый занятъ своимъ собственнымъ благополучіемъ. Нашла ли его здѣсь?.. О, нѣтъ! Папа, что ты съ собой дѣлаешь? Когда я читаю здѣшнія газеты, у меня сердце обливается кровью, мнѣ стыдно за тебя, и досадно, и больно, папочка... Какъ адвокатъ—ты защищаешь иногда самыхъ возмутительныхъ негодяевъ и не по назначенію, а добровольно, за приличный кушъ; какъ редакторъ—ты продаешь и убѣжденія, и совѣсть... Чему и кому ты служишь? Золотому тельцу, больше никому и ничему. Не могу же я примириться съ мыслью, что мой отецъ,—папочка, котораго я пока все еще горячо люблю,—не кто иной, какъ тотъ «винодѣлъ», что былъ на дняхъ изображенъ въ карикатурѣ еженедѣльника, какой-то пошлой, пустой газетки, недостойной серьезнаго вниманія. Что жъ, я все сказала, лучше не умѣю, правдиво... Ты хотѣлъ этого...

Долгій, жуткій взглядъ отца былъ ей отвѣтомъ.

Адвокатъ нервно затягивался папиросой, но казался не обвиняемымъ, а вѣрнѣе обвинителемъ.

Анна Петровна вытирала слезы и сморкалась.

Надя съ горечью подумала: «Защитникъ готовитъ блестящую рѣчь... Зачѣмъ я открывала передъ нимъ душу! Безполезно».

— Спасибо за откровенность. Я цѣню ее, въ противномъ случаѣ я не сталъ бы и слушать. Ты жалѣешь меня, а мнѣ безконечно

Библиотека "Руниверс"

жаль тебя. Ты—на гнилыхъ устояхъ. Они когда-нибудь непремѣнно рухнутъ, и ты погибнешь. Въ любомъ дѣлѣ, въ любомъ начинаніи должно быть, выражаясь грубо, мясо. Въ твоихъ затѣяхъ этого мяса нѣтъ и въ поминѣ, одни разсужденія, и поэтому идеи твои—недолговѣчны; ихъ замѣнятъ другія, болѣе жизненныя. Надо, дочурка, быть практичной, такъ какъ утопія остается утопіей и никому не приноситъ пользы, даже тому, кто ее создаетъ. Такъ-то, дочурка! Поживи у меня, попригляднись... Видишь, я болѣе сдержанъ въ словахъ, чѣмъ ты, и хотя въ твоей отповѣди было достаточно колкостей на мой счетъ,—я остаюсь неуязвимымъ, и, надѣюсь, мы будемъ встрѣчаться съ тобой, какъ добрые друзья. Старайся быть безпристрастной и поразмысли... Ну, если не выдержишь, тогда... Эхъ, только мать напрасно растревожили! Полно, Анюта, я совершенно спокоенъ...

Холодно потрепавъ Надю по плечу и поцѣловавъ руку женѣ, онъ вышелъ твердой, самоувѣренной походкой опытнаго адвоката, привыкшаго ко всевозможнымъ случайностямъ.

Надя осталась сидѣть какой-то озадаченной, сбитой съ толку, потомъ безмолвно поднялась и поцѣловала Анну Петровну.

«Думала—такъ, а произошло совсѣмъ по другому», вертѣлось въ ея головѣ.

Сконфуженная ушла къ себѣ и дѣлала замѣтки въ дневникѣ до самаго вечера.

«Я еще не готова... какъ булка, которая не взошла...» этой фразой она закончила послѣднюю запись.

IV.

Надя быстро подружилась съ Лизой, которую Игнатьевъ называлъ «женой».

Забитая и покорная, безъ словъ упрека, только съ тѣнью затаенной грусти въ глубокихъ, прекрасныхъ глазахъ, она уже нѣсколько лѣтъ шла рядомъ съ Борисомъ, твердая въ лишеньяхъ и всегда прощающая. Такъ какъ Осипъ Осиповичъ относился къ ней съ оттѣнкомъ небрежной покровительственности и при другихъ любилъ подчеркивать «незаконность» ея сожительства съ племянникомъ, она избѣгала посѣщать Гладышевскихъ, особенно въ дни пріемовъ, захаживала лишь къ Надѣ въ ея комнату, стараясь не встрѣчаться ни съ кѣмъ изъ ея родныхъ и знакомыхъ.

Молча страдала она отъ этой вынужденной отчужденности и покорялась, думая, что такъ лучше для Бориса.

Съ Надей изъ-за такого «непротивленія злу» у нея происходили частыя и безуспѣшныя стычки. Каждая оставалась при своемъ убѣжденіи.

Библиотека "Руниверс"

Одна требовала борьбы за свои права,—«права любви», другая хотѣла мира и покоя, больше ничего.

Можетъ быть, вслѣдствіе противоположностей характера онѣ и сошлись такъ искренно.

Когда у Гладышевскихъ былъ назначенъ послѣдній въ зимнемъ сезонѣ вечерній пріемъ, Надя взяла съ нея обѣщаніе непремѣнно быть у нихъ, и волновалась, придетъ ли.

За чайнымъ столомъ уже сидѣли гости, когда появился Игнатьевъ съ Лизой (онъ, какъ всегда, непринужденный, она—сконфуженная и робкая).

Разговоръ не вязался. Иные упорно молчали или сосредоточенно болтали ложками въ стаканахъ и чашкахъ, перемѣшивая давно остывшій чай, иные скашивали глаза въ сторону, чтобы не сталкиваться взглядами съ сосѣдями, сидящими напротивъ, и не вступать съ ними въ скучную бесѣду.

Скука висѣла въ воздухѣ, всѣхъ безъ исключенія окутывая своей липкой паутиной.

Повидимому, большинство обрекали себя на мучительное, безмолвное сидѣнье, точно для отбыванія какой-то необходимой повинности.

— Занимайте же вашихъ дамъ!—обратилась Анна Петровна одновременно къ нѣсколькимъ кавалерамъ, по страннному единодушію занятыхъ исключительно ромомъ и земляничнымъ пирогомъ.

«Сливки интеллигенціи»—промелькнуло у Нади насмѣшливое сравненіе, и она сердито сжала губы.

Игнатьевъ, достаточно красивый, чтобы нравиться женщинамъ, высокій, съ большимъ ртомъ и тонкими губами, свидѣтельствующими о скрытой развращенности, сразу внесъ оживленіе, и его примѣръ подѣйствовалъ на остальныхъ.

Понемногу тяжелое общество расшевелилось.

Осипъ Осиповичъ, имѣвшій слабость считать свой салонъ неподражаемымъ, изъ кожи лѣзъ, пытаясь поддержать настроеніе; поэтому онъ старательно переводилъ темы съ легкомысленныхъ на болѣе серьезныя и злободневныя.

Надя выходила изъ себя и ежеминутно толкала за локоть Лизу, когда Борисъ, рисуясь гибкимъ сложеніемъ, поддѣлывался подъ камертонъ Гладышевскаго.

— Граждане, будьте всего раньше художниками, вдохновляйтесь красотой!—звучно выводилъ онъ нѣжнымъ баритономъ:—я только тогда повѣрю въ возможность русской революціи, когда создастся настоящая русская марсельеза... А то «вставай, подымайся!..» Вѣдь это—пошлая, рабская поддѣлка подъ чужое творчество, не правда ли, господа?

— Какъ, однако, опустился твой муженекъ, хотя и ратуетъ противъ пошлости!..—шептала Лизѣ вспыхнувшая до корня во-

Библиотека "Руниверс"

лось Надя и сейчасъ же прибавила громко:—что-то новое—революція съ эстетической точки зрѣнія... Насчетъ же пошлости и рабской подражательности, пожалуй, можно было бы и не распространяться.

Борисъ немного смутился, порывался отвѣтить, но Осипъ Осиповичъ вступился:

— Почему не распространяться?.. У насъ всѣ могутъ выражать свои мысли. Ты же за свободу? Еще Аксаковъ въ своемъ «Днѣ» писалъ въ шестидесятыхъ годахъ, что свобода печатнаго слова есть неотъемлемая принадлежность каждаго подданнаго Россійской имперіи, безъ различія званія и состоянія... Тутъ, кстати, и не печатное даже, а устное...

Онъ думалъ пошутить, но дочь не осталась въ долгу.

— «Мы добились того, что и самое слово искривилось». Это тоже, кажется, слова Аксакова?

— Сестренка изъ непримиримыхъ,—снисходительно процѣдилъ сквозь зубы Игнатьевъ.

Разговоръ могъ принять нежелательный оборотъ, и хозяинъ, подмигивая женѣ, засуетился, принимаясь усиленно угощать гостей.

Борисъ, по всей вѣроятности, продолжалъ бы перебрасываться колкими фразами съ кузиной, но какъ-то невольно остановился и даже какъ будто забылъ объ этомъ: онъ случайно взглянулъ въ сторону и встрѣтился съ пристальными не то сѣрыми, не то зелеными глазами, сверкавшими изъ-подъ густыхъ, полуопущенныхъ рѣсницъ настойчивымъ призывомъ.

Эти глаза казались иногда ему совсѣмъ черными, иногда прозрачными, съ теплымъ, притягивающимъ блескомъ.

Легкая окраска губъ придавала красиво очерченному рту незнакомки оттѣнокъ чувственности.

Изгибъ этого рта поразилъ Игнатьева смѣлостью.

Матовое лицо съ правильными чертами бросало подъ наружнымъ спокойствіемъ вызовъ мужскому самомнѣнію.

Темная шапка кудрей съ золотымъ обручемъ вокругъ лба и суровыя кружева платья были рамой, выявлявшей эту своеобразную красоту скромницы и хищницы.

Три раза отводилъ глаза Игнатьевъ и снова сталкивался съ тѣмъ же задумчивымъ, манящимъ и загадочнымъ взоромъ.

— Кто эта дама?—совсѣмъ тихо спросилъ онъ у сосѣдки.

— Какая-то Бухтарминская,—послѣдовалъ такой же почти беззвучный отвѣтъ, сопровождаемый усмѣшкой:—если не ошибаюсь, безъ опредѣленныхъ занятій... вѣчная соломенная вдова или что-то вообще на это похожее. Вамъ нравится?

Словъ говорившихъ нельзя было разобрать, но, вѣроятно, по движенію губъ или по бѣглымъ взглядамъ Бухтарминская уловила смыслъ разговора и слегка покраснѣла.

Библиотека "Руниверс"

Ея острые зрачки глазъ столкнулись съ глазами Игнатьева, и онъ ощутилъ неловкость.

Это начинало его забавлять и волновать.

Бываетъ смутное какъ бы предчувствіе женскаго тѣла, которое вдругъ приковываетъ, иногда даже помимо воли, по какому-то неуловимому закону тяготѣнія.

Когда стали переходить въ гостиную, гдѣ уже слышались звуки рояля и кто-то будто настраивалъ скрипку, оба замедлили шаги, и Бухтарминская заговорила первая.

— Вы не гипнотизеръ?—спросила она съ сосредоточеннымъ, прямо испуганнымъ выраженіемъ, и ея голосъ, низкій контральто, какъ-то расходился съ мягкими линіями женственнаго лица.

Игнатьевъ показалъ, что изумленъ, и гордо назвалъ свою фамилію.

— Развѣ есть гипнотизеръ съ моимъ именемъ? Для меня—новость. Я—фельетонистъ и внушеніемъ никогда не занимался.

— Да, но вы какимъ-то магнитомъ притягиваете мои глаза. Я дѣлала усилія, чтобы отвернуться, и не могла... Я васъ должна побаиваться.

— О, я совсѣмъ не страшный, напротивъ!.. Вы меня притягивали, а не я васъ.

Онъ залился сухимъ, неестественнымъ смѣхомъ и въ то же время разглядывалъ ее съ ногъ до головы опытнымъ глазомъ цѣнителя.

— Я уйду, Надюша. Мнѣ что-то нездоровится,—сказала Лиза, все время не спускавшая глазъ съ Бориса и Бухтарминской:— не удерживай меня.

Старалась не показать волненія, а у самой руки такъ и ходили ходуномъ.

Она хорошо научилась понимать каждый шагъ мужа.

— Я позову его,—еще не догадываясь, отвѣчала Гладышевская, но та крѣпко сжала ей руку и потянула въ переднюю.

— Боже упаси... чтобы незамѣтно... я одна, одна... Говорила, что не надо приходить... Куда мнѣ!

Надя притянула ее къ себѣ и нѣжно поцѣловала, всматриваясь въ поблѣднѣвшее, осунувшееся лицо.

— Вовсе ты не больна... Это—другое, совсѣмъ другое... Цѣны ты себѣ не знаешь, вотъ что. Ахъ, всѣ вы здѣсь какія-то разслабленныя, безвольныя, подъяремныя... Бороться, бороться нужно! Ты его распустила. Не стоитъ онъ твоей ласки.

— Почемъ знать, можетъ, я и рѣшусь на что-нибудь... подумаю сперва и рѣшусь...

На прощанье какъ-то печально улыбнулась, всхлипнула и убѣжала.

Библиотека "Руниверс"

V.

Въ гостиной между тѣмъ происходилъ импровизированный концертъ.

Довольно полный блондинъ съ длинными сѣдѣющими волосами, кольцеобразно вьющимися на затылкѣ, съ двойнымъ подбородкомъ, комически прижавъ къ широкому, вздернутому носу верхнюю губу съ крохотными усами, весь отдавался игрѣ на скрипкѣ, выводя какую-то свою собственную пѣсню безъ словъ.

Вся его фигура показывала отчужденіе отъ общества и искреннее сознаніе личнаго превосходства.

Слушатели благодушно позѣвывали, погружаясь въ пріятную дремоту.

Потомъ еще кто-то игралъ и пѣлъ.

Хлобыстовъ, только что пріѣхавшій, и Осипъ Осиповичъ толковали подъ сурдинку о газетѣ.

Игнатьевъ не сводилъ глазъ съ Бухтарминской, по временамъ посылая ей съ другого конца комнаты, куда онъ нарочно ушелъ, туманныя улыбки.

— Зося, а вы развѣ не будете?—задала вопросъ хозяйка, небрежно обращаясь къ Бухтарминской, и та, совершенно неожиданно для Бориса, поднялась, медленно, увѣреннымъ жестомъ опустила руку на спинку стула и, сразу овладѣвъ голосомъ, начала читать избитую апухтинскую «Старую цыганку», затѣмъ «Письмо», когда публика потребовала повторенія.

Въ умѣломъ чтеньи прорывались живыя потки страсти...

Когда Бухтарминская дошла до словъ:

«Мнѣ хочется сказать тебѣ, что я
Всегда, вездѣ попрежнему твоя,
Что дорожу я этой тайной,
Что женщина, которую случайно
Любилъ ты хоть на мигъ одинъ,
Ужъ никогда тебя забыть не можетъ»,

Игнатьевъ замѣтилъ, что она намѣренно смотритъ на него, точно сознательно подчеркивая смыслъ этихъ строкъ.

«Удивительная женщина! — подумалъ онъ: — такихъ я словно и не встрѣчалъ... А есть что-то неуловимое, чего я боюсь, чуждое... Не разберу—что, а есть...»

Внезапно, по необъяснимому капризу, она заторопилась уходить и не захотѣла остаться на ужинъ.

Лицо ея приняло усталый, томный видъ; только глаза, какъ прежде, горѣли, что-то обѣщая, бросая вызовъ и точно посмѣиваясь.

— Вы декламируете восхитительно, какъ заправская артистка,— машинально произнесъ Игнатьевъ, думая совсѣмъ о другомъ: объ

Библиотека "Руниверс"

ея внѣшности, объ изліяніяхъ ея гибкаго тѣла, о странности ея поведенія.

— Я не люблю комплиментовъ,—промолвила она нехотя и сейчасъ же прибавила, подавая ему теплую, нервную руку:—надѣюсь, до свиданья и скораго?.. Я живу съ теткой. Мой адресъ...

Бухтарминская назвала улицу и домъ.

Когда она одѣвалась, онъ преслѣдовалъ ее упорнымъ, вопрошающимъ взглядомъ изъ сосѣдней комнаты, гдѣ играли въ карты; но она не оборачивалась, не видѣла или не желала видѣть.

Повернулся,—на него въ упоръ смотрѣла Надя.

«Вечеръ взглядовъ», подумалъ онъ и подошелъ къ ней, но та не была расположена шутить и сдвинула брови.

Онъ сдѣлалъ веселую гримасу.

— Мы дуемся?..

— Твоя Лиза больна, уѣхала.

— Бѣдный Лизокъ! вѣчно хвораетъ... что же съ ней?—вырвалось у него съ неподдѣльнымъ чувствомъ.

— Боря, ты, вѣдь, по существу недурной человѣкъ... Отчего же ты такъ, извини, опошлился за время моего отсутствія? Чего добраго, ты и на самомъ дѣлѣ не понимаешь, что мучишь Лизу.

Борисъ не любилъ выслушивать никакихъ замѣчаній. Ему становилось скучно отъ нихъ.

— Милая, оставь совѣты для себя. Я, право, очень люблю и тебя, и дорогую женушку, но эти приставанья надоѣли по горло... Со времени твоего отъѣзда въ Питеръ, если пошло на откровенности, и ты измѣнилась къ худшему... Изъ жизнерадостной, здоровой дѣвушки получился какой-то соціалъ-демократическо-резонерскій экстрактъ. Клянусь Марксомъ, это къ тебѣ не пристало! Ты и тутъ, дома, создала кавардакъ. На матери лица нѣтъ, отца не узнать... Да что тамъ!..—и, круто отвернувшись, онъ отошелъ отъ двоюродной сестры и, зная, что она еще слѣдитъ за нимъ, приблизился къ Хлобыстову и намѣренно громко заявилъ ему:

— Я обдумалъ ваше предложеніе и согласенъ перейти въ вашу уважаемую газету.

За ужиномъ Борисъ проскучалъ и вспомнилъ Зосю.

«Такихъ я не встрѣчалъ,—снова мелькнула та же мысль:—но что въ ней такого особеннаго?.. сходство какое-то?..»

Чтобы разсѣять думы, Игнатьевъ, желая позлить Надю, предложилъ тостъ за процвѣтаніе женскихъ курсовъ и за ихъ достойную представительницу, m-lle Гладышевскую.

— И тебѣ не стыдно глумиться?—черезъ столъ бросила она въ отвѣтъ, отодвинула стулъ и вышла изъ комнаты.

— Очень у васъ нервная барышня,—счелъ своимъ долгомъ отмѣтить издатель «Сутокъ»:—я присоединяюсь къ удачному тосту молодого коллеги. Постоянно стою за женщинъ. «Свободомысліе—

Библиотека "Руниверс"

почетъ моихъ сѣдинъ», какъ говорилъ мой любимый поэтъ, академикъ Жемчужниковъ.

Непріятное впечатлѣніе отъ «выходки курсистки» скоро сгладилось, и Осипъ Осиповичъ благодарно чокнулся съ Хлобыстовымъ.

«Выручилъ!»—сказалъ ему глазами.

VI.

Въ Кругловѣ дня не проходило безъ того, чтобы какое-нибудь обстоятельство не взволновало Надю: одно, другое, третье, звено къ звену, и получалась однообразная, длинная цѣпь обидъ, разочарованій, сожалѣній, слезъ.

Недаромъ на первой страницѣ ея дневника красовалось въ видѣ эпиграфа четырехстишіе:

«Яснѣе изъ туманной мглы
Вздымались мутные валы,
Но міръ еще былъ погруженъ
Въ глубокій, непробудный сонъ» [1]).

Сегодня не застала Лизу и была не въ духѣ.

Вдругъ является къ ней горничная Юлія, плачетъ и бухъ въ ноги.

Разсердило это Надю.

— Сколько разъ говорить вамъ: вы—люди и должны сохранять человѣческое достоинство, не рабы... Земные поклоны въ церквахъ кладутся. Ну, что вамъ отъ меня нужно? Разсказывайте потолковѣй и успокойтесь. Садитесь возлѣ меня.

Едва уговорила сѣсть, да и то Юлія присѣла не рядомъ, а поодаль.

— Помогите, дорогая барышня,—ученая вы, а то ума не приложу, что съ моимъ Павлушкой дѣлать. Барина просила... Куда тамъ! Не подступиться... «Послѣ придешь, не до тебя», а когда послѣ? Цѣлый годъ промаялась... Спасите, барышня, не осудите.

— Говорю—разскажите толкомъ, не понимаю.

— Сынишка у меня незаконный. Извѣстно, у нашей сестры какая доля! Въ городское училище пристроила для первоначала. Мальчишка не дуракъ, ладно идетъ и къ лѣту выходныя бумаги получитъ, да на горе ни фамиліи у него, ни того, какъ, значитъ, по батюшкѣ величать. Павлушка да и все тутъ... Сами почитайте, барышня.

Вынула изъ кармана и показываетъ измятую метрику.

Разглядываетъ Надя и головой покачиваетъ отъ удивленія.

— И вы хороши, Юлія, и священникъ хорошъ! Какъ же такъ? А крестнаго отца почему не пригласили?

---

[1]) Д. Михаловскій.

Библиотека "Руниверс"

— Пообѣщался да и надулъ, барышня... Христосъ съ нимъ! Только мать пріѣхала въ каретѣ, генеральша Пѣтуховичъ.

— И генеральша ваша тоже хороша! Ну, хоть бы церковнаго сторожа записали для проформы... Дѣла у васъ творятся!.. Обидно, право, точно въ темномъ царствѣ. Да плакать не къ чему. Фамилію вашу дадимъ, а отчество какое?

— Александровичъ, барышня.

— Хорошо, помогу вамъ, улажу какъ-нибудь, въ казенную палату обращусь.

Когда выпроводила горничную, подумала и къ отцу пошла съ метрической выписью, изумила его своимъ неожиданнымъ появленіемъ, такъ какъ вообще къ нему въ Кабинетъ никогда не заглядывала.

— По дѣлу принимаешь, папа?—спросила она сухимъ тономъ.

— Для такихъ рѣдкихъ посѣтительницъ безусловно,—шутливо отвѣтилъ онъ, но въ складкахъ рта, въ глазахъ, во всемъ замѣчалось что-то осторожное, чуть-чуть враждебное, чуть-чуть боязливое, словно Осипъ Осиповичъ страшился откровенныхъ объясненій наединѣ съ дочерью.

Прежняя простота отношеній исчезла.

— Ты вотъ отказалъ Юліи въ ея просьбѣ... Теперь не откажешь ли и мнѣ?

— Безъ колкости развѣ нельзя? Ужасный характеръ! Въ чемъ дѣло? Какая Юлія?

— Юлія—наша горничная, а страдательное лицо—ея внѣбрачный сынъ... Неужели въ паспортной Россіи можно жить безъ фамиліи и отчества, съ одной кличкой какого-то непомнящаго родства Павлушки?.. Это—срамъ не для него, а для вашего города, гдѣ настолько равнодушные обыватели, что допускаютъ возмутительное, прямо преступное издѣвательство надъ беззащитной матерью и ея ребенкомъ. Если ты избѣгаешь даровыхъ кліентовъ, я лично отправляюсь къ управляющему казенной палатой и буду его просить принять участіе въ мальчикѣ, дать ему материнскую фамилію и отчество Александровичъ. Вотъ документы... взгляни, что за прелесть.

— Потокъ краснорѣчія... И откуда слова берутся! Какъ по-писанному... Иди въ адвокатуру.

Къ худымъ щекамъ Осипа Осиповича прилила кровь.

Онъ протянулъ жилистую руку и бросилъ острый взглядъ на выпись.

— Твоя истерика когда-нибудь доведетъ меня до удара,—съ сердцемъ вырвалось у него послѣ нѣкотораго молчанія; но онъ сейчасъ же сдержался, вынулъ листъ бѣлой бумаги изъ бювара, бросилъ его на противоположную сторону письменнаго стола и повелительнымъ жестомъ указалъ дочери на стулъ:—садись и пиши.

Библиотека "Руниверс"

Потомъ сталъ диктовать, опуская рѣсницы, точно углубляясь въ себя:

«Въ такую-то казенную палату такой-то, жительствующей тамъ-то, прошеніе. Такъ какъ, согласно разъясненію правительствующаго сената, отъ 11-го іюня 1885 года, незаконнорожденные крестьянскаго сословія суть вообще члены тѣхъ обществъ, къ которымъ принадлежали матери ихъ...»

Надя бѣгло писала, едва поспѣвая за скачками юридической мысли отца.

Передъ ней уже не было прежняго «холоднаго эгоиста-интересанта», какимъ она представляла его себѣ, входя въ кабинетъ: сидѣлъ мыслитель-художникъ, ваяющій въ порывѣ вдохновенья живую личность изъ безличнаго Павлушки.

Изъ простого прошенія создавался сложный трактатъ, имѣющій общественное значеніе.

Окончивъ диктовать, съ удовольствіемъ погладилъ бороду и улыбнулся.

— Прекрасная тема для передовицы! Непремѣнно воспользуюсь. Юліи и не снилось, ха-ха-ха, какая эрудиція за ея спиной...

«Извлекъ-таки пользу», подумала Надя не безъ ироніи.

— Пускай подпишетъ «Юлія Денченко» и отправитъ по почтѣ въ заказномъ конвертѣ, а я на дняхъ шепну управляющему, кто авторъ. Разъ мною написано—я всегда постою за свое произведеніе. Творчество—даръ Бога. Да и въ газетѣ мы принципіально разберемъ этотъ вопросъ, что также сослужитъ службу. У твоего протеже счастливая звѣзда.

Дольше онъ не задерживалъ дочери.

Послѣднее время она положительно связывала его, тяготила.

— Скажи матери, что не обѣдаю нынче дома. Маленькое думское засѣданіе и—въ ресторанъ, а затѣмъ—въ редакцію.

Надя хотѣла поблагодарить и не смѣла.

Ласковыя слова не шли съ языка.

Что-то стояло между ней и отцомъ.

VII.

Деньги уплывали въ какія-то щели. Несмотря на хорошій газетный заработокъ, расходъ превышалъ приходъ.

До получки оставалось съ недѣлю. Въ карты не удавалось выиграть. Игнатьевъ подавилъ нетерпѣливое желаніе воспользоваться приглашеніемъ «Зоси», какъ онъ уже про себя называлъ Бухтарминскую, и рѣшилъ повременить.

Проѣзжая какъ-то мимо дома, гдѣ она жила, не удержался и завезъ карточку.

Библиотека "Руниверс"

Отвѣтъ швейцара: «Только что уѣхали съ господиномъ офицеромъ»,—обрадовалъ его.

Вечеромъ сидѣлъ въ редакціи «Сутокъ» за корректурой очередной статьи.

Вдругъ звонокъ телефона.

— Алло! Я—Игнатьевъ.

— Здравствуйте, Борисъ Алексѣичъ,—раздается въ отвѣтъ знакомый низкій голосъ съ грудными нотами:—вы узнаете меня?

Игнатьевъ наэлектризованъ.

— Софья Павловна?

— Значитъ, узнали. Я просто бѣшусь, что уѣзжала изъ дому...

— Съ офицеромъ,—подсказываетъ Игнатьевъ и улыбается собственнымъ мыслямъ:—и мнѣ было досадно... Пріѣхать и поцѣловать замокъ—невесело.

Она немного помолчала, потомъ по телефонной трубкѣ передался сдержанный смѣшокъ.

— Какой вы злой и, кажется, ревнивый... Это меня, впрочемъ, радуетъ. Вы слушаете? Еще два слова... Непремѣнно послѣзавтра, въ понедѣльникъ, пріѣзжайте обѣдать къ пяти часамъ. Безъ возраженій!.. Извольте быть! Зачѣмъ... вы упомянули объ офицерѣ... Къ чему! Это не опасный для васъ соперникъ. Итакъ, я жду. Прощайте...

Игнатьевъ не успѣлъ отвѣтить, какъ телефонъ былъ разъединенъ.

Фельетонистъ вернулся домой разсѣяннымъ и смущеннымъ.

Лиза привыкла улавливать его настроеніе по каждому малѣйшему оттѣнку голоса, взгляду, выраженію лица.

— Не въ духѣ?—спросила она, встрѣчая его съ улыбкой въ передней и ожидая поцѣлуя.

Онъ, не глядя, приложился къ ея рукѣ, уклоняясь отъ дальнѣйшихъ ласкъ, и, стараясь шуткой замаскировать смущеніе, отвѣчалъ запутанной фразой:

— Можетъ—да, можетъ—нѣтъ... романъ д'Аннунціо: «Forse che si, forse che no»...

— Да, да... Можетъ—романъ д'Аннунціо, можетъ—романъ Игнатьева,—отвѣчала она въ тонъ.

Лиза часто побѣждала его удачнымъ остроуміемъ.

Но онъ почему-то разсердился и этимъ выдалъ себя.

— Ты какая-то излучница...

— Что за излучница? Говори обыкновеннымъ языкомъ. Я не понимаю.

— Излучать означаетъ подстерегать, а излучница, стало-быть, та, которая подстерегаетъ.

Борисъ уже былъ недоволенъ на себя, что вспылилъ безъ всякаго основанія, и опять хотѣлъ поцѣловать Лизу, но не въ руку, а въ щеку. Лиза тихо отстранила его.

Библиотека "Руниверс"

— Собираешься позолотить пилюлю.

Онъ снова вспылилъ и, хлопнувъ дверью, ушелъ въ кабинетъ, чтобы переодѣться и ѣхать въ клубъ—«разсѣяться».

Начинался періодъ домашнихъ ссоръ, и это пугало его, заставляло какъ можно меньше оставаться вдвоемъ съ Лизой.

Но и въ клубѣ, гдѣ онъ игралъ въ карты, по его собственнымъ словамъ, ему «безумно не везло» послѣднее время.

Нужно было «перемѣнить линію», и онъ записался въ другой, гдѣ играли въ лотто, помѣщавшійся на перекресткѣ двухъ бойкихъ улицъ.

Возвращаясь домой большею частью поздно или ѣдучи изъ дому, Игнатьевъ непремѣнно долженъ былъ проходить или проѣзжать мимо.

Это притягивало и даже до извѣстной степени подчиняло. Иной разъ и съ неохотой, съ предчувствіемъ проигрыша, а все же заходилъ, точно не могъ оторваться отъ громадныхъ оконъ второго этажа.

Хотя постоянно были опущены темныя гардины, но въ длинныхъ узкихъ просвѣтахъ между занавѣсками и стѣнами всегда виднѣлись яркіе огни люстръ и загадочно влекли, ослѣпляя волю заманчивымъ блескомъ.

Кого только тутъ не бывало!..

Повидимому, весь Кругловъ «инкогнито» заѣзжалъ сюда испытать счастье.

Говорили: «нѣтъ денегъ», а здѣсь онѣ били неисчерпаемымъ ключомъ.

Сначала ратовали жены, чтобы закрыть клубы, гдѣ пропадаютъ ихъ мужья.

Нашли примирительное средство—допустили женщинъ, и всѣ успокоились.

Въ теченіе мѣсяца состоя членомъ клуба «лоттистовъ», Игнатьевъ велъ постоянную игру, стараясь установить какой-то опредѣленный законъ счастливыхъ и несчастныхъ цыфръ. Онъ прочелъ какъ-то у Эдгара По, что въ девяти случаяхъ изъ десяти выигрываетъ самый сосредоточенный, а не самый остроумный изъ игроковъ.

Этотъ выводъ относился къ шахматистамъ, тѣмъ не менѣе Борисъ задумалъ примѣнить его и къ играющимъ въ лотто. Внимательно дѣлалъ онъ записи, то бралъ, то отдавалъ и попутно наблюдалъ за игроками.

Вначалѣ ему нравилось тонкое, изящное лицо неизвѣстной брюнетки, и онъ издали присматривался къ нему съ настойчивымъ любопытствомъ.

Сегодня онъ нарочно сѣлъ противъ нея и сравнивалъ съ Зосей... Эта близость волновала, и Борисъ разсѣянно закрывалъ выпадавшіе номера.

Библиотека "Руниверс"

Вдругъ брюнетка выиграла.

— Довольно!!—раздался ея густой окрикъ, сразу покрывшій всѣ остальные звуки.

Бархатные глаза приняли хищное выраженіе, и во всей ея наружности отразилось нѣчто новое, чего прежде не замѣчалось.

И скупость, и жадность, и еще какія-то иныя неуловимыя линіи скрытыхъ пороковъ и слабостей въ одинъ мигъ преобразили красивый профиль античной богини въ грубый овалъ рыночной торговки съ пошлыми, низменными вкусами. Стараясь не глядѣть на нее, Игнатьевъ пересѣлъ на другое мѣсто и нервно покупалъ карту за картой, а охрипшій голосъ брюнетки съ торжествомъ побѣдительницы продолжалъ безпрестанно выкрикивать:

— Довольно!.. довольно!..

И въ немъ уже слышалось что-то звѣриное...

Очевидно, счастье слѣпо награждало ее въ этотъ вечеръ, издѣваясь надъ неудачниками.

Система цыфръ, выработанная Борисомъ, видимо, никуда не годилась: все шло наоборотъ, и бумажникъ быстро худѣлъ.

«Кварто... кварто... а никакого толку!»—мысленно произносилъ Игнатьевъ и нервничалъ, пока окончательно не проигрался.

Позеленѣвъ отъ волненія, съ раздраженіемъ всталъ онъ и, быстро уходя изъ залы подъ ненавистный теперь звукъ вертящагося колеса, еще разъ бросилъ взглядъ въ сторону брюнетки, и, будто на зло ему, она опять закричала:

— Довольно!..

Она захлебывалась въ безконечномъ восторгѣ побѣдительницы.

«Филинъ... настоящій филинъ...—пронеслось у него въ мозгу:—проклятая!..»

Толстый, пузатый господинъ съ отвисшими щеками (любовникъ или мужъ) погладилъ ее по рукѣ съ чувствомъ удовлетвореннаго собственника, вѣроятно, поздравляя съ успѣхомъ.

Это до послѣдней степени раздражило Игнатьева, и онъ спускался съ лѣстницы въ самомъ отвратительномъ расположеніи духа.

«Напишу фельетонъ объ азартѣ»,—эта мысль какъ будто немного успокоила его.

VIII.

Бухтарминская вышла къ Борису, какъ къ старому пріятелю, протянула ему обѣ руки, обдала нѣжнымъ, лучистымъ взглядомъ.

Сближеніе шло поразительно быстрымъ ходомъ.

— Какъ мы долго не видѣлись! Вамъ, конечно, не до меня... Чего улыбаетесь? Не спорю, я—смѣшна. Съ перваго шага вы читаете по моему лицу все, какъ по книгѣ... Въ вашихъ глазахъ — рентгеновскій свѣтъ. Боишься собственныхъ тайныхъ думъ.

Библиотека "Руниверс"

Невольно или намѣренно она подавала ему реплики и какъ бы развязывала языкъ.

Въ комнатѣ, устланной персидскимъ ковромъ, пахло какими-то одуряющими духами.

Было уютно, и электрическія лампы скрывались подъ разноцвѣтными абажурами, бросая по стѣнамъ, по мягкой затѣйливой мебели, по картинамъ и зеркаламъ прихотливыя тѣни.

Появилась тетка, еще не старая, вкрадчиво-любезная до приторности.

— Слыхала, слыхала!.. Зося, заткни уши... Между нами, моя племянница совсѣмъ голову потеряла. Ваши глаза не даютъ ей спать. Да и не удивительно! По вашимъ фельетонамъ видно, какой вы психологъ; душу возьмете и вывернете на изнанку, какъ перчатку. Гдѣ же устоять слабому полу!..

Слова тетки катились, какъ мелкій бисеръ по столу.

Игнатевъ оправдывался, отнѣкивался, извинялся, благодарилъ и въ концѣ концовъ повѣрилъ чрезвычайной силѣ своихъ глазъ. Въ этомъ домѣ все происходило какъ-то иначе: двери особенно плотно прикрывались, когда фельетонистъ оставался съ Зосей наединѣ; кушанья за обѣдомъ подавались черезчуръ поспѣшно и какъ-то безпорядочно; тетка и племянница безпрестанно вскакивали изъ-за стола, суетились, то приносили фотографическія карточки, то альбомы; прислуга необыкновенно стремительно показывалась и куда-то исчезала.

Игнатьевъ не успѣвалъ ѣсть, разсматривать, пить и поддерживать обѣденный разговоръ, часто имѣвшій наклонность переходить на будуарныя темы.

Едва похвалилъ Зосинъ портретъ, какъ Бухтарминская уже подарила его Борису съ красивой, загадочной надписью: «Стальнымъ глазамъ», а внизу торопливымъ почеркомъ, какъ бы случайно, выдѣлялось двухстишіе:

«Писать я не могу отъ сильнаго волненья,
И вся во власти я тревожнаго смущенья...»

Послѣ нѣсколькихъ минутъ сидѣнья на диванѣ, когда, закончивъ обѣдъ, перешли въ маленькую гостиную, Софья Павловна вскричала:

— Какъ душно, какъ жарко!

Зрачки ея расширились, загорѣлись и, наклоняясь близко, близко къ самому лицу Игнатьева, она уронила короткимъ, ласковымъ шопотомъ:

— Хотите со мной прогуляться?

Пока онъ собирался отвѣтить, его взоръ уже далъ краснорѣчивое согласіе.

— Тетя, я отправляюсь съ господиномъ писателемъ немного пройтись.

Библиотека "Руниверс"

Событія опережали мысли и желанія Игнатьева.

«На курьерскихъ! А тетка, кажется, просто—благородная родственница напрокатъ... подумалъ онъ, когда садился на извозчика:— не разберешь, что это — увлеченіе или профессіональная охота... Тетка и племянница въ трогательномъ единеніи... Это тоже немного пугаетъ».

Отъ весны ничего не осталось: мокрый снѣгъ билъ въ лицо и захватывалъ дыханье.

— Воздуху!—еле проговорила Бухтарминская, словно задыхаясь, и стала порывисто разстегивать каракулевый жакетъ.

— Что вы дѣлаете? Простудитесь... Я не позволю...

Онъ схватилъ ее за кисть руки, обнялъ за талію, привлекъ къ себѣ. Она покорно прислонилась, какъ бы отдаваясь безотчетному порыву, и вдругъ съ испугомъ отодвинулась.

— Вы знаете, какъ я васъ называю?—спросила минуту спустя:— «Игнаша»...—и Зося тихо засмѣялась.

Они подъѣзжали къ проспекту, гдѣ днемъ фланировали и катались кругловцы, а по вечерамъ искали приключеній.

Въ снѣжной дымкѣ сквозь голыя еще вѣтки деревьевъ, покрытыхъ бѣлыми хлопьями, выдѣлялся смутный рельефъ собора.

Игнатьевъ былъ въ нерѣшимости. Съ одной стороны—плохая погода, дѣлавшая невозможнымъ дальнѣйшее катанье, съ другой— желаніе «подвести итогъ вечера», съ третьей—боязнь большихъ тратъ, въ виду отсутствія лишнихъ денегъ, все это держало его, какъ въ лапахъ, и къ радужному настроенію прибавляло долю горечи.

Близость Зоси побѣдила всякіе доводы и сомнѣнія.

— Весна нынче подгуляла... къ зимѣ вернулись... гм... Зайдемте-ка на четверть часа обогрѣться?—нерѣшительно не то спрашивалъ, не то предлагалъ Борисъ, когда проѣзжали мимо ресторана.

Зашли.

Въ кабинетѣ было прохладно.

Пока замораживали шампанское и поджаривали фисташки, затопили каминъ.

Въ разгорающемся пламени сухихъ дровъ живутъ поэтическіе образы. Нужно только сидѣть въ полумракѣ, прислонившись плечомъ къ плечу, смотрѣть на перебѣгающіе огни и грезить, изрѣдка вполголоса обмѣниваясь летучими словами, почти намеками.

— Молчите! Не надо фразъ... Такъ хорошо... Все забыто, все далеко... Одинъ ты, Игнаша... милый, дорогой... Пока слово тамъ, въ сердцѣ, ему еще можно вѣрить, а скажешь—и пойдутъ подозрѣнья, муки, слезы... Не обманъ ли?... Лучше молчи,—молчи... Вы не поймете этого...

Въ страстномъ шопотѣ Зоси чередовались «вы» и «ты», вылетали отдѣльныя слова, затихали.

Губы жадно искали губъ.

Библиотека "Руниверс"

Каминъ разгорался, шумѣлъ.

Языки пламени прыгали, скакали, точно исполняя какой-то священный танецъ огня.

По стѣнамъ мелькали свѣтлыя тѣни.

Трещали дрова. Падалъ уголекъ.

— Мы въ волшебномъ, огненномъ полетѣ,—заговорилъ наконецъ Игнатьевъ, чувствуя, что теряетъ голову:—сейчасъ принесутъ вино... я зажигаю...

Щелкнулъ выключатель; электричество залило комнату радостнымъ свѣтомъ; образы, созданные фантазіей, скрылись гдѣ-то въ складкахъ пыльныхъ драпировокъ, за чугунной рѣшеткой камина, въ темныхъ карнизахъ обоевъ, растаяли на поверхности зеркалъ.

Время бѣжало.

Шампанское искрилось золотомъ. Каминъ горѣлъ ровнымъ, спокойнымъ пламенемъ.

Въ глазахъ Зоси сквозила тревога.

— Послѣ поцѣлуя я дѣлаюсь ревнивой. Теперь я хочу все знать, рѣшительно все...

— Прежде «молчи, молчи», а теперь «говори, говори»,—шутилъ Игнатьевъ.

— Счастье дается рѣдко... Въ любви не бываетъ права собственности. Кто любитъ, тотъ и владѣетъ. Меня смущаетъ та *третья*...

Фельетонистъ еще ничего не понималъ изъ этихъ загадочныхъ полунамековъ.

— Ты—обворожительный, извѣстный; всѣ за тобой бѣгаютъ... Я съ этимъ мирюсь, но та *третья*!—опять повторила Зося, и въ голосѣ послышались вдругъ нотки раздраженья, которыя какъ-то непріятно ударили по нервамъ Игнатьева.

— Кто же третья?—спросилъ онъ, недоумѣвая и какъ будто контролируя собственныя впечатлѣнія.

— Да, вѣдь, ты не одинъ живешь! Будетъ ли она отпускать тебя?... Я хочу видѣться съ тобой каждый день... каждый день!— и, замѣчая, что Борисъ хмурится, прильнула къ нему, поцѣловала, стала шептать:—Игнаша, дорогой Игнаша... не сердись! Я говорила, что ревнива... Но, Боже мой, уже такъ поздно! Домой надо, домой... Что скажетъ тетя?

Игнатьевъ провожалъ и терялся въ предположеніяхъ. Многое не нравилось ему, многое увлекало, а въ общемъ получался какой-то угаръ, не дающій удовлетворенья.

Ѣхалъ и думалъ: «Вретъ Джеромъ! Пишетъ, что рука очаровательной женщины, когда обвивается вокругъ мужчины, похожа на спасательный кругъ, посланный съ неба... Гм... гм... какъ бы не такъ! съ неба!.. Хо-хо»...

Библиотека "Руниверс"

IX.

Узелъ затягивался.

Почти ежедневно заѣзжалъ Игнатьевъ къ Зосѣ, то по дорогѣ въ редакцію, то на обратномъ пути, то направляясь въ клубъ.

У Бухтарминской начиналось съ поцѣлуевъ и кончалось истериками.

Искусство слезъ было выработано такъ же основательно, какъ и система поцѣлуевъ.

«Что ей нужно?—порою задавалъ онъ себѣ вопросъ:—разумѣется, хочетъ устроиться... Теперь, видите ли, ей pied-à-terre понадобился».

Возвращался домой, и все шло въ обратномъ порядкѣ: начиналось съ истерикъ и кончалось поцѣлуями.

Игнатьевъ осунулся и все чаще бывалъ въ дурномъ расположеніи духа.

«Что-то въ родѣ семейнаго треугольника... Приходится вихрять... Ерническая роль... Даже писать не могу. Чортъ возьми, это уже негодное дѣло!»

Онъ былъ въ состояніи, близкомъ къ разрыву и съ Зосей, и съ Лизой.

Вмѣсто того, чтобы писать фельетоны, составлялъ смѣты расходовъ и проекты займовъ.

Страницы его записной книжки носили самый безпорядочный характеръ. Афоризмы великихъ людей чередовались съ отмѣтками житейскаго обихода.

«Въ любви, какъ и въ религіи, все имѣетъ мистическій налетъ».

(Шпильгагенъ).

Рядомъ: «Четыре фунта конфетъ для Зоси—6 рублей».

«Женщинѣ всегда столько лѣтъ, сколько кажется».

(Джеромъ-Джеромъ).

Рядомъ: «Ложа въ циркъ и проч.—12 рублей 50 копеекъ».

«Любовь, подобно вѣрѣ, поддерживается обрядами».

(Роденбахъ).

Рядомъ: «За комнату въ задатокъ—15 рублей».

«Можно устоять противъ всего, кромѣ искушенія».

(Оскаръ Уайльдъ).

«Ссоры—женино приданое».

(Овидій).

Библиотека "Руниверс"

Рядомъ: «Ко дню рожденья Лизы колечко съ топазомъ—7 руб.».
«Перехватилъ у Курицына въ клубѣ—40 рублей».
«За квартиру дворникъ обѣщалъ обождать мѣсяцъ».
«Завтра обѣдаю съ Зосей».
«За недѣлю проигрышъ—215 рублей».
«Раскаянье никогда не приводитъ ни къ чему».

(1001 ночь).

«Юпитеръ съ высоты небесъ смѣется надъ лживыми клятвами влюбленныхъ и велитъ вѣтрамъ Эола уносить ихъ, какъ недѣйствительныя. Онъ самъ имѣлъ обыкновеніе ложно клясться Юнонѣ Стиксомъ». (Овидій).

Когда Игнатьевъ уходилъ изъ дому, Лиза долго смотрѣла на него, потомъ крѣпко поцѣловала скорѣй материнскимъ поцѣлуемъ, чѣмъ поцѣлуемъ жены.

— Будешь къ обѣду?

Онъ замялся.

— Нѣтъ, ничего... Я такъ...—съ блѣдной улыбкой поспѣшила она прибавить, чтобы предупредить ненужную ложь.

Сегодня ему какъ разъ предстояло обѣдать у Зоси.

Борисъ волновался, но превозмогалъ себя и вышелъ изъ дому съ напускнымъ видомъ человѣка, вполнѣ довольнаго собой.

Худоба Лизы, болѣзненныя тѣни измученнаго лица, неестественный блескъ въ глазахъ, странное прощанье, повидимому, не заронили въ его душу никакого подозрѣнья.

«Кажется, я черезчуръ перехватилъ... Лизокъ все-таки хорошій другъ»,—мелькнула мысль и уступила сейчасъ же мѣсто другой, болѣе злободневной, относившейся къ предстоящему свиданью.

Едва онъ ушелъ, Лиза сѣла за письменный столъ Бориса и долго писала, зачеркивала написанное, передѣлывала, разрывала листки почтовой бумаги, затѣмъ написала вновь совсѣмъ коротко, вложила въ конвертъ и оставила тутъ же на столѣ.

Потомъ укладывалась и все приводила въ порядокъ.

Дѣлала не спѣша, точно планъ дѣйствій былъ выработанъ и продуманъ до мельчайшихъ подробностей.

Раздался звонокъ; пробѣжала въ переднюю прислуга.

Лиза вздрогнула.

«Неужели онъ? Тогда порву»...—и она взяла конвертъ, собираясь разорвать.

Въ глазахъ блеснула радость, и запылали щеки; но послышался голосъ Нади, и кровь опять отлила; руки опустились, какъ подкошенныя.

Гладышевская пришла со своими собственными переживаньями, со своими сомнѣньями и не замѣтила этой перемѣны.

Библиотека "Руниверс"

— Ты одна?—разсѣянно спросила она и сразу принялась разсказывать, какъ незнакомецъ какой-то преслѣдовалъ ее всю дорогу изъ Петербурга и что теперь она снова увидѣла его и что это—не случайность, а нѣчто предумышленное, чей-то шпіонажъ, но чей?... съ какой цѣлью?

Она терялась въ догадкахъ и не умѣла объяснить.

— Впрочемъ,—вырвалось у нея съ горечью:—двадцатый вѣкъ научилъ меня ничему не удивляться... Что прежде показалось бы мнѣ чудовищнымъ, невѣроятнымъ, теперь маячитъ передъ глазами, какъ самое заурядное явленіе, какъ что-то такое, съ чѣмъ, волей-неволей, приходится мириться. Самые неожиданные контрасты... Я слѣжу за ходомъ событій, смотрю, слушаю, но ровно ничему не удивляюсь... Проучена! Я, видно, навсегда утратила эту дорогую, живительную способность—удивляться...

На Надю напалъ какой-то стихъ говорить,—говорить безъ конца, и она упорно не видѣла, какъ лицо Лизы все тускнѣло и тускнѣло, опускались линіи рта, на рѣсницы наворачивались слезы, между бровей все рѣзче выступала складка...

— Вѣришь ли, милая Лиза,—продолжала курсистка, отдаляясь отъ первоначальной темы:—положимъ, вокругъ меня раздаются крики восторга: «NN—прекрасный человѣкъ! NN—гуманный человѣкъ! Онъ все перестроитъ, все примиритъ, всѣхъ успокоитъ». Я остаюсь холодна и не довѣряю, потому что видѣла подпись этого прекраснаго и гуманнаго NN—и въ его росчеркѣ, какъ въ зеркалѣ, отразилась вся его загадочная натура: тонкая паутинка съ едва уловимыми очертаньями буквъ, скрученная въ концѣ наподобіе жгута... Развѣ тутъ не обрисовывается мелкій, завистливый, лукавый характеръ, боящійся свѣта, угрожающій исподтишка, вкрадывающійся въ души и предающій? Въ результатѣ NN не оправдываетъ надеждъ, и я не удивляюсь этому, такъ какъ уже ранѣе была убѣждена въ его качествахъ, когда видѣла его подпись.

Лиза хотѣла ее перебить, но Надя настойчиво остановила ее.

— Позволь, я не окончила своей мысли! О другомъ дѣятелѣ говорятъ: «Z—рѣшителенъ; онъ напрямикъ, ребромъ ставитъ вопросы и разрѣшаетъ ихъ по правдѣ; Z—справедливъ». Я не удивляюсь, когда на Z начинаютъ съ недовѣріемъ коситься: въ подписи Z, крупной, сливающей буквы въ какую-то непрерывную цѣпь звеньевъ, чувствуется человѣкъ властный, самолюбивый, стремящійся къ захвату и порабощающій все и всѣхъ своей волѣ. Такого человѣка необходимо бояться. На третьяго, наконецъ, смотрятъ нерѣшительно, со страхомъ, но съ ожиданьемъ чего-то выдающагося. Я не удивляюсь и тутъ, когда его сторонятся потомъ; не удивляюсь, когда при его имени у многихъ потупляются глаза, вздрагиваютъ губы, и сейчасъ же переводится разговоръ на другіе предметы. Не удивляюсь, потому что также видѣла его зловѣщую

Библиотека "Руниверс"

подпись: какая-то черная молнія, прорѣзывающая пространство, ударяющая въ вершины, рвущаяся въ небеса и тонущая гдѣ-то въ преисподней,—эмблема казни, а не милосердія... И такъ изо дня въ день ходишь, смотришь, слѣдишь, размышляешь и нисколько ничему не удивляешься. Во всемъ—причинная связь.

Очевидно, передъ Надей возникали опредѣленныя, живыя фигуры извѣстныхъ ей дѣятелей и она будто даже не догадывалась, что для Лизы это не больше, какъ мертвыя маски.

— Не нужно быть графологомъ, чтобы познать человѣческую душу,—надо быть только внимательнымъ наблюдателемъ, и всякія событія перестанутъ насъ пугать своей неожиданностью. Способность не удивляться, по крайней мѣрѣ, спасетъ насъ отъ излишнихъ разочарованій и несбыточныхъ надеждъ...

Громкія, судорожныя всхлипыванья прервали ея разсужденья.

Лиза откинулась на спинку кресла и не могла больше сдерживаться. Все накопившееся горе словно искало выхода и безжалостно терзало ея изстрадавшееся, хрупкое тѣльце.

Любовь, отчаянье, кровная обида, сожалѣнье, только не злая ненависть и не слѣпая ревность, держали ее теперь, какъ въ плѣну. Одно горячее слово участья, одинъ теплый взглядъ Бориса, и всѣ тучи исчезли бы безслѣдно...

— Что я надѣлала, безтолковая!—воскликнула Надя, хватаясь за голову:—рада, что слушаютъ... резонерствую и не вижу, что ты, бѣдная моя, совсѣмъ не въ себѣ... Опять Борька заварилъ кашу... негодный! Что за мужчины теперь!...

Долго хлопотала, пока привела въ чувство.

— Разсказывай, что задумала... Полно же, будь твердой...

— Не могу больше, не въ силахъ... Рѣшилась оставить его... освободить... Вотъ и письмо написала...

У Нади сверкнули глаза.

— Знаешь—что?... пойдемъ ко мнѣ... А тамъ послѣ рѣшимъ, какъ дальше... Я такая же, какъ и ты... одинока, какъ въ полѣ былинка,—и вдругъ бросилась къ ней на шею и нервно разрыдалась, какъ давно не плакала.

Ихъ слезы смѣшивались; два горя сливались въ одно, и это уже не пугало, какъ прежде, своей несокрушимостью.

Было довольно поздно, когда онѣ вышли на улицу съ небольшимъ чемоданомъ въ рукѣ.

Сѣли на извозчика.

Гладышевская толкнула слегка Лизу.

— Вотъ онъ... спрятался за угломъ... Незнакомецъ, о которомъ говорила тебѣ... Способна выстрѣлить въ него... Какъ онъ смѣетъ! Шага нельзя сдѣлать... То оставилъ, а теперь опять... Чувствую, что не сегодня-завтра что-то надвинется на меня.

Библиотека "Руниверс"

Совсѣмъ тихо, почти шопотомъ разговаривала съ Лизой и не хотѣла показать, что какая-то тяжесть будто опустилась и придавила темя.

— А если твой папа будетъ недоволенъ?...—среди дороги сказала Лиза, но Надя лишь сдавила ей руку дружескимъ пожатьемъ.

X.

Бухтарминская и до, и послѣ обѣда была какая-то встревоженная.

— Отчего ты—печальный?—неоднократно допытывалась она и заглядывала ему въ глаза проницательными, колющими зрачками, и выраженье лица было недоброе, разочарованное, скучающее:— та *третья* у тебя на первомъ мѣстѣ... Противный Игнаша!... Способенъ ли ты пожертвовать ею ради Зоси! Она тебѣ ничего не толковала про меня?... Великодушно разрѣшаетъ?... Женщины—коварны. Я—тоже женщина, но я искренно люблю до... до преступленья...

— Un crime passionel!—подхватилъ Игнатьевъ, посмѣиваясь:— это похоже на бульварный романъ.

Въ концѣ обѣда они надулись другъ на друга.

Тетка сидѣла задумчивой и почти не вмѣшивалась въ бесѣду, больше вздыхала.

— Бѣдная Зося!—по временамъ бормотала она, какъ затверженный урокъ.

— Вы точно кота хороните,—не выдержалъ Борисъ и расхохотался, потомъ рѣшилъ уѣхать домой.

Какое-то предчувствіе отзывало его.

Его не удерживали, даже какъ будто хотѣли показать, что онъ не такъ себя ведетъ, какъ слѣдовало бы.

Но въ дверяхъ Зося все-таки обняла его и обожгла горячими губами.

— Милый... глупый... противный... дорогой...—кричала ему вслѣдъ съ площадки лѣстницы.

Ѣдучи, онъ вспомнилъ газетную замѣтку, прочитанную въ отдѣлѣ происшествій, о клещѣ, который такъ впился въ ухо ребенка, что пришлось прибѣгнуть къ операціи.

Авторъ сообщенія попутно упоминалъ о паукообразныхъ паразитахъ, имѣющихъ щупальцы, какъ стилеты, и присасывающіеся хоботки, причемъ замѣчалъ, что у клеща, будто бы, часто отсутствуетъ сердце. Мысль Игнатьева работала въ извѣстномъ направленіи.

«А развѣ женщина не можетъ быть такимъ же клещомъ?... И не отдѣлаешься,—такъ иногда вопьется»...

Проѣзжая мимо клуба, разумѣется, заѣхалъ.

Библиотека "Руниверс"

Столкнулся съ Курицынымъ, которому все еще не отдалъ сорока рублей, и стало неловко, хотѣлъ проскользнуть мимо, но не удалось.

— Отдамъ съ перваго выигрыша.

— Ладно, не безпокойтесь,—небрежно отвѣчалъ тотъ и отвернулся.

«Бестія, еще чванится, что въ кредиторы попалъ...»—подумалъ Игнатьевъ, поймавъ недоброжелательную мину Курицына.

Дѣйствительно, повезло: выигралъ первую же карту съ кѣмъ-то пополамъ и, получивъ деньги, пошелъ и отдалъ долгъ.

Но затѣмъ проигрыши слѣдовали за проигрышами, такъ-что пришлось уйти.

«Никогда не слѣдуетъ отдавать во время игры... Чортова курица!.. Ахъ, что можетъ быть нелѣпѣе человѣка, проигравшаго все до копейки!»—размышлялъ онъ, когда проходилъ мимо швейцара и не далъ ему обычнаго двугривеннаго, только небрежно уронилъ:

— До завтра... нѣтъ мелочи.

Швейцаръ понялъ и усмѣхнулся. Въ его практикѣ неоднократно бывали такіе случаи.

«Проигрался баринъ», сейчасъ же смекнулъ онъ.

Поднявъ воротникъ пальто, Игнатьевъ вышелъ на улицу.

Послѣ табачнаго, ѣдкаго дыма и спертаго воздуха, зараженнаго дыханьемъ полутораста человѣкъ, съ наслажденьемъ впивалъ онъ свѣжую, весеннюю струю, отдающую смолистымъ запахомъ тополей и березовыхъ почекъ.

— Боже мой, разсвѣтаетъ... весна—и уже настоящая!—почти вслухъ произнесъ онъ, и недавно злое, осунувшееся лицо приняло вдругъ отраженье нѣжной мечтательности,—и сейчасъ же мысленно прибавилъ:—а я и не замѣчалъ, что зима, наконецъ, отъѣхала...

Съ весенними ночами у него было связано столько отраднаго: годы студенчества, юношескія увлеченья, горячія вспышки молодой души, встрѣча съ той, которая стала его другомъ,—съ Лизой...

«Милая... голубка... а я—подлый, подлый!» шептали его губы.

Онъ ускорилъ шаги и спѣшилъ домой.

Его тянуло къ ней, къ доброй, преданной и, какъ теперь казалось, глубоко любимой...

Образъ Бухтарминской блѣднѣлъ и расплывался.

Повстрѣчалось нѣсколько счастливыхъ паръ.

Веселые голоса и смѣхъ, какъ чужіе, проносились мимо... Хотѣлось собственной радости, а все постороннее лишь растравляло рану, и тягостнымъ становилось одиночество, котораго не чувствовалъ прежде.

Изъ ближняго сада раздавались чириканье и перекликанье проснувшихся птицъ... На востокѣ розовѣли блѣдныя облака.

Библиотека "Руниверс"

Смутныя грани ночи и дня сливались въ неуловимыхъ оттѣнкахъ. Разстоянье сокращалось, и вотъ почти бѣгомъ взлетѣлъ Игнатьевъ на четвертый этажъ по узкой, полутемной лѣстницѣ и съ лихорадочнымъ нетерпѣньемъ, едва попадая англійскимъ ключомъ въ замочную скважину, съ сильно бьющимся сердцемъ отворилъ дверь.

Не желалъ, чтобы Лиза проснулась и встала,—стыдился.

Но въ комнатахъ было темно, ни звука...

Какой-то непонятный страхъ заползалъ въ душу.

«Ушла куда-нибудь? Это такъ на нее непохоже».

Снялъ ботинки и тихо вошелъ въ спальню, чтобы не разбудить

Кровать пуста.

Повернулъ выключатель, забѣгалъ въ однихъ чулкахъ изъ угла въ уголъ, изъ комнаты въ комнату, вездѣ зажигая лампы, и вдругъ нашелъ письмо у себя въ кабинетѣ, набросанное карандашомъ, неровнымъ, дрожащимъ почеркомъ.

Кольнуло въ сердце. Взволновался.

Прыгали, расплывались буквы... едва могъ прочесть.

Всего нѣсколько строкъ:

«Лишняя... не хочу мѣшать... долго боролась...

Ухожу въ весеннюю ночь, чтобы легче растаять въ ея теплой мглѣ.

Прощай, не сердись, помни...

Лучше разстаться, любимый, бѣдный. Долго не рѣшалась тебя оставить, жалѣла, но не въ силахъ!

Прочти эти письма. Каждый день какой-то благожелатель сообщалъ, гдѣ ты и что дѣлаешь, даже предлагалъ услуги, чтобы накрыть васъ...

Милый, сколько грязи! Не могу... грустно... Твоя Лиза».

Перелистывалъ, читалъ, комкалъ листы, опять расправлялъ.

Глаза наливались кровью. Пульсъ учащенно бился. Въ вискахъ стучало.

— Анонимщина мерзкая! — воскликнулъ онъ внѣ себя: — конечно, клещъ, кто же больше!... Ну...—и погрозилъ въ окно пальцемъ, не закончивъ фразы.

Потомъ призадумался, примолкъ.

«Ясно—рѣшила разсорить!... Даже написано — Игнаша... прозрачно!... Клещъ, клещъ!...»

Схватилъ фотографію Зоси, спрятанную въ письменномъ столѣ, началъ разглядывать съ ненавистью, съ отвращеньемъ.

«Паукообразная... щупальцы... не губы, а присасывающійся хоботокъ... Сердце отсутствуетъ... Сколько времени пила кровь Лизы... Клещъ, клещъ! А еще воображала, что пожертвую Лизой... Клещъ—не вещь, гдѣ упалъ—тамъ и пропалъ... Туда тебѣ и дорога! Такъ и знай,—какъ ни дуйся клещъ, а все-таки отвалишься... Пословица не обманываетъ».

Библиотека "Руниверс"

Сложилъ умышленно фотографію пополамъ, чтобъ испортить лицо, положилъ съ письмами въ общій конвертъ и надписалъ:

«Бухтарминской отъ Игнаши».

Но тутъ нервы не выдержали.

Глухо зарыдалъ, закрывъ глаза руками, какъ безпомощный ребенокъ, а когда выплакалъ всѣ слезы, вздрагивалъ будто въ ознобѣ, сидѣлъ на диванѣ, тупо смотря въ окно, и повторялъ:

— Неужели, неужели?...

Словно боялся выговорить страшную догадку.

«Гдѣ же искать?... Гдѣ же найти? — уже значительно позже задавалъ себѣ вопросъ:—и не подождала меня... не вѣрила, что люблю... глупая, глупая... несчастная»...

Чтобы свѣтъ не раздражалъ покраснѣвшіе глаза, потушилъ всѣ лампы и смотрѣлъ въ окошко.

Оно выходило на сѣверъ и не было видно зардѣвшейся зари.

Кусокъ свѣтлаго, будто свинцоваго неба, какъ саванъ, глядѣлъ въ комнату.

«Чтобы легче растаять въ ея теплой мглѣ»...—повторялъ Игнатьевъ фразу Лизинаго письма и держалъ его въ рукѣ,—измятое, забрызганное слезами.

Потомъ, взявшись за голову, качался, какъ маятникъ, и вновь твердилъ одно и то же:

«Ухожу въ весеннюю... въ весеннюю ночь, чтобы легче растаять»...

И бѣлый утренній ужасъ, отразившійся въ его стеклянныхъ глазахъ, былъ куда страшнѣе кошмарныхъ призраковъ чорныхъ ночей.

Игнатьевъ совершенно не ложился спать и не раздѣвался, только присѣлъ уже совсѣмъ утромъ на оттоманку и забылся на какой-нибудь часъ, прислонившись къ подушкѣ.

Физически онъ былъ слишкомъ здоровъ, чтобы сломиться, и крѣпость, таившаяся въ немъ, одержала верхъ.

Часовъ въ десять Борисъ уже вполнѣ овладѣлъ собой, позвонилъ и спокойнымъ голосомъ отдалъ приказанье смущенной служанкѣ взять пакетъ и передать посыльному для врученія Бухтарминской по такому-то адресу.

— Что барыни нѣтъ—не удивляйтесь: маленькая ссора, не больше,—прибавилъ онъ съ кривой усмѣшкой.

Вспухшія вѣки глазъ, однако, выдавали безпокойство проведенной ночи.

Утро и часть дня провелъ за письменнымъ столомъ, а затѣмъ, когда статья была готова, пріодѣлся, старательно прихорошился, сгоняя съ лица малѣйшія тѣни пережитыхъ бурь, и поѣхалъ въ редакцію газеты.

Статью сдалъ въ наборъ и, ожидая корректуры, вызвалъ по телефону Зосю.

Библиотека "Руниверс"

— Говорю—я, Игнатьевъ. Вы, конечно, уже получили мой пакетъ? Я все знаю. Это вы осаждали мою жену анонимными письмами. Подло! Чего добивались? Развѣ—чтобы попасть на содержаніе—необходимо заниматься подлостями? А еще притворялись дамой общества!

— Какъ вы смѣете! Кто вамъ позволилъ?...—отвѣчалъ упавшій вдругъ, плачущій голосъ Бухтарминской.

— Вы—клещъ!—не выдержалъ и крикнулъ Борисъ:—клещъ!—и рѣзко далъ отбой, не слушая возраженій.

Очередной фельетонъ Игнатьева, вышедшій послѣ двухнедѣльнаго перерыва, что очень смущало издателя Хлобыстова, былъ посвященъ вопросамъ адюльтера, касался анонимной литературы и назывался: «Клещъ».

Давно онъ не писалъ съ такимъ нервнымъ подъемомъ и такъ мѣтко.

Читатели увлекались.

Цѣлый день повсюду на всѣ лады толковали о фельетонѣ и расхваливали Игнатьева. Онъ сталъ въ родѣ героя.

В. Умановъ-Каплуновскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

Библиотека "Руниверс"

ЗА ТРИДЦАТЬ ЛѢТЪ [1].

(Листки изъ воспоминаній).

IV.

О. С. Вержбицкая.—Антоніо Котони.—Amico dela patria.—Франческо Маркони.—Анжело Мазини.—Поѣздка къ Мазини въ Италію.—Рикардо Дриго.—Пребываніе у него въ Падуѣ.—Встрѣча въ Римѣ съ Маркони.—Энрико Тамберликъ.—Эмиліо Ноденъ.

А МѢСТѢ недавно выстроенной въ Петербургѣ новой роскошной гостиницы «Асторія», что на углу Вознесенскаго проспекта и Морской (бывшей Большой Морской), много лѣтъ стоялъ какъ бы уже нѣсколько покоробившійся, большой четырехъэтажный домъ съ невозможно тяжелыми и крутыми лѣстницами, стариннаго петербургскаго фасона, принадлежавшій князю Львову.

Въ этомъ домѣ снимала съ начала семидесятыхъ годовъ сначала одну, а потомъ двѣ квартиры четвертаго этажа съ Вознесенскаго проспекта подъ меблированныя комнаты въ свое время извѣстная всѣмъ пріѣзжимъ итальянскимъ пѣвцамъ и пѣвицамъ Ольга Степановна Вержбицкая.

Дочь генералъ-адъютанта Стрекалова, кажется, бывшаго одно время московскимъ генералъ-губернаторомъ, по первому мужу

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CXXXIII, стр. 849.

Библиотека "Руниверс"

графиня Толстая, О. С. держала свои chambres garnies не столько изъ нужды, сколько изъ любви къ итальянскимъ пѣвцамъ...

Свѣтски образованная, недурно говорившая по-французски и очень бойко по-итальянски, небольшого роста, толстая, приземистая, съ большою головою, валикообразнымъ жирнымъ затылкомъ, съ широкимъ и приподнятымъ носомъ, некрасивая, Ольга Степановна тѣмъ не менѣе была особою чрезвычайно жизнерадостною. Она чувствовала себя въ особенности зимою, во время сезона итальянской оперы, прекрасно, на что, впрочемъ, у нея были, какъ кажется, свои чисто спеціальныя причины...

Такъ какъ главный контингентъ жильцовъ г-жи Вержбицкой были въ зимнее время пѣвцы тогдашней казенной итальянской оперы (сначала Большого, а потомъ Маріинскаго театровъ), то, естественно, у нея хлопотъ былъ полонъ ротъ. Въ это время ей приходилось особенно рьяно хозяйничать, стараясь угодить своимъ, по временамъ грубымъ и невоспитаннымъ жильцамъ.

Будучи въ буквальномъ смыслѣ кормилицею разныхъ итальянскихъ теноровъ, баритоновъ и басовъ (они всѣ у нея столовались), ей приходилось также вести ихъ корреспонденцію, служить имъ переводчицею, оберегать ихъ отъ усиленнаго натиска поклонницъ и даже вести за нихъ длинные разговоры съ режиссерами.

Въ довершеніе всего она нѣкоторое время держала при себѣ нѣкоторую малороссійскую дѣвицу, quasi родственницу, назначеніе которой, какъ впослѣдствіи выяснилось, было угождать, разумѣется, не безъ согласія этой особы, пріѣзжимъ итальянскимъ пѣвцамъ... во всѣхъ рѣшительно отношеніяхъ.

Къ сожалѣнію (вотъ ужъ именно si jeunesse savait!), я только черезъ нѣсколько лѣтъ узналъ о такой деликатной миссіи, возложенной на эту добродѣтельную малороссійскую дѣвицу, за которой, не скрою, я въ то время усиленно ухаживалъ, и именно благодаря ей я усердно посѣщалъ (чуть ли не ежедневно) итальянскій этотъ пансіонъ, содержимый «контессою», какъ всенепремѣнно все-таки величали Вержбицкую живущіе у нея знаменитые и незнаменитые итальянскіе пѣвцы...

И вотъ на такой шаткой итальянско-русской почвѣ у меня, тогда юнаго студента, завязалось знакомство, а съ теченіемъ времени и дружба съ почти всѣми знаменитыми тогдашними пѣвцами итальянской оперы, услаждавшими всѣхъ насъ чуть ли не до пресыщенія.

Кстати: не мѣшало бы кому-нибудь изъ людей, интересующихся Италіей, въ связи съ существовавшею у насъ италіоманіею, заняться выясненіемъ дѣйствительнаго значенія у насъ Италіи.

Въ виду налаживающихся дружескихъ отношеній съ Квириналомъ это было бы вполнѣ своевременно.

Библиотека "Руниверс"

По словамъ все знавшаго К. А. Скальковскаго, мы обязаны вѣдь итальянцамъ весьма многимъ.

Они помогли намъ, какъ это ни мало вѣроятно, создать въ архитектурѣ русскій стиль; кромѣ того, они же дали толчокъ къ нарожденію у насъ не только національной (русской) оперы, но и нашему всею Европой и Америкой восхваляемому балету, не говоря уже о главной заслугѣ итальянцевъ—обученіи насъ и умѣнію выдѣлывать водку.

Впрочемъ, заслуга ли это—вопросъ иной!

Въ началѣ моихъ посѣщеній меблированныхъ комнатъ г-жи Вержбицкой я въ особенности былъ близокъ только къ знаменитому баритону Антоніо Котони, который въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ не покидалъ итальянскаго пріюта «контессы».

Просиживая въ своей комнатѣ, онъ при случаѣ болталъ со мною часами, въ особенности, когда ему по репертуару не приходилось въ тотъ же день пѣть. Въ остальное время онъ занимался чтеніемъ, но читалъ исключительно итальянскія газеты. Котони, какъ говорятъ, былъ сынъ римскаго мясника. Имѣвшій не только въ молодости, но и въ болѣе зрѣломъ возрастѣ массу галантныхъ приключеній, онъ велъ, особенно въ послѣдніе годы пребыванія въ Петербургѣ, очень регулярную, даже замкнутую жизнь. Вставалъ онъ обыкновенно рано и тотчасъ же, особенно при хорошей погодѣ, отправлялся гулять. Приподнявъ бобровый воротникъ и подчасъ дойдя до рынковъ Сѣнной площади, Котони, какъ онъ мнѣ неоднократно самъ говорилъ, любилъ созерцать и обонять мясныя туши...

Повидимому, это былъ голосъ крови!

Какъ пѣвецъ, онъ восторгался нашимъ церковнымъ пѣніемъ. При первой возможности, онъ въ большіе праздники забирался въ Исаакіевскій соборъ и тамъ, стоя въ укромномъ уголку, никѣмъ не узнаваемый, наслаждался стройнымъ пѣснопѣніемъ исаакіевскихъ пѣвчихъ и чудными нашими церковными мотивами.

Въ 11 часовъ утра Котони, закутавшись еще болѣе, отправлялся, но уже въ каретѣ, на репетицію въ театръ. Въ два съ половиной—три часа онъ, какъ это дѣлаютъ въ дни представленій почти всѣ итальянскіе пѣвцы, обѣдалъ. Въ семь часовъ вечера уѣзжалъ въ оперу. По возвращеніи изъ театра Котони ужиналъ вмѣстѣ съ остальными артистами. Среди ужинавшихъ итальянскихъ пѣвцовъ (ужины эти подчасъ затягивались на долгіе часы) выдѣлялась по временамъ типичная, бритая физіономія съ львиною гривою сѣдыхъ волосъ одного нашего мелкаго чиновника, служившаго въ капитулѣ орденовъ, малоросса по происхожденію.

Фамилію его я, къ сожалѣнію, забылъ.

Это былъ фанатичный любитель итальянскаго опернаго пѣнія и въ частности итальянскихъ пѣвцовъ. За свою пламенную любовь

Библиотека "Руниверс"

къ Италіи онъ давно носилъ прозвище amico dela patria (друга отечества), данное ему артистами нашей итальянской оперы.

За все время существованія итальянской оперы этотъ оригиналъ около сорока лѣтъ былъ абонированъ «въ парадизѣ» Большого театра сначала въ трехъ, а впослѣдствіи даже въ четырехъ абонементахъ!

Что такое представлялъ собою пресловутый «парадизъ»,—помнятъ теперь, вѣроятно, только немногіе.

Это былъ буквально ящикъ, устроенный по срединѣ пятаго яруса Большого театра. Хотя ящикъ этотъ, раздѣленный на три ряда скамеекъ, помѣщался противъ сцены, но висѣвшая по срединѣ зрительнаго зала громадная люстра позволяла видѣть не сцену, а только ее одну.

За такое какъ на ладони созерцаніе люстры дирекція императорскихъ театровъ ухитрялась, однако, ежегодно назначать абонементъ, который, какъ ни странно, брался, какъ и всѣ остальныя мѣста, также съ боя.

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!

Я самъ, не только гимназистомъ, но и студентомъ первыхъ курсовъ посѣщалъ парадизъ, при чемъ, надо сознаться, изъ своего мѣста имѣлъ возможность не только слышать пѣвцовъ, но и видѣть ихъ, впрочемъ, тогда, когда они случайно подходили близко къ директорской ложѣ.

Amico dela patria, будучи, какъ я сказалъ, абонированнымъ въ четырехъ абонементахъ и посѣщая поэтому итальянскую оперу четыре раза въ недѣлю, никогда, однако, не глядѣлъ на сцену (да это ни къ чему бы и не послужило), а сидѣлъ на своемъ мѣстѣ... спиною къ сценѣ, восторгаясь исключительно пѣніемъ!

Въ позднѣйшее время, когда на сцену итальянской оперы при антрепренерствѣ Визентини стали попадать переведенныя на итальянскій языкъ оперы французскаго и нѣмецкаго происхожденія, бѣдный amico dela patria сталъ все рѣже и рѣже ходить въ оперу.

Другой оперной музыки, кромѣ чистой итальянской, онъ не признавалъ. Не говорившій почти ни слова по-итальянски и вовсе не говорившій вообще ни на какомъ иномъ языкѣ, кромѣ русскаго, и потому почти все время молчавшій, amico dela patria весь преображался, когда рѣчь заходила о золотомъ времени итальянской оперы, о времени Тамберлика, Маріо, Бозіо, Патти, Лукки, Нильсонъ, Лаблаша, Фрецолини и т. д. Какъ онъ тогда закидывалъ свою львиную голову, въ какія становился позы, стараясь изобразить фигуру пѣвца или подражая его манерѣ пѣнія!

Amico dela patria знали рѣшительно всѣ итальянскіе пѣвцы.

Нѣкоторые изъ нихъ считали этого оригинала приносящимъ имъ счастье (итальянцы, какъ извѣстно, всѣ суевѣрны).

Библиотека "Руниверс"

Знаменитый баритонъ Баттистини, и теперь чарующій насъ своимъ пѣніемъ въ частной итальянской оперѣ Гвиди, въ началѣ своего пребыванія въ Петербургѣ, лѣтъ около 20 тому назадъ, бралъ даже съ собою въ Испанію, гдѣ этотъ пѣвецъ обыкновенно проводилъ часть лѣта, amico dela patria, эту живую джетатуру.

Возвращаюсь къ Котони.

Училъ Котони свои новыя партіи молча, глядя только на клавираусцугъ, заучивая исключительно одни слова.

Прочтя такимъ образомъ подъ рядъ нѣсколько разъ требуемое, онъ являлся на репетицію и, благодаря своей музыкальности, не глядя въ ноты, прекрасно справлялся съ новою партіею, точно онъ ее зналъ уже давнымъ-давно.

По словамъ товарищей-пѣвцовъ, Котони по окончаніи римской консерваторіи оказался обладателемъ такого ничтожнаго голоска, что въ первое время ему никакъ не удавалось получить ангажементъ даже въ третьестепенный театръ.

О предстоящей ему блестящей карьерѣ ни онъ, ни его профессора не могли и мечтать. При случайныхъ дебютахъ Котони въ первое время не имѣлъ никакого успѣха. Но постоянная работа надъ своимъ голосомъ и природныя способности сдѣлали то, что лѣтъ черезъ десять послѣ окончанія консерваторіи слава Котони гремѣла уже во всей Европѣ.

Окончившій вмѣстѣ съ нимъ консерваторію басъ-буффъ Чіампи, долго у насъ пѣвшій и одно время бывшій контрагентомъ дирекціи императорскихъ театровъ по содержанію нашей итальянской оперы, никакъ не предполагалъ, что получившій вскорѣ міровую извѣстность баритонъ Котони былъ именно тотъ Котони, котораго онъ зналъ и съ которымъ вмѣстѣ учился.

Несмотря на славу и прочную любовь къ нему петербургской публики, Котони былъ ужасно ревнивъ въ малѣйшему невниманію, оказанному какой-нибудь высокой нотѣ или руладѣ, имъ продѣланной.

Такъ однажды, взявъ меня съ собою въ Большой театръ, гдѣ шла «Африканка» съ его участіемъ и усадивъ меня въ одну изъ крошечныхъ ложъ на сценѣ, существовавшихъ тогда въ Большомъ театрѣ, онъ страшно разсердился, когда публика не пришла въ восторгъ отъ высокаго ла-бемоля, взятаго имъ во время блестяще исполненной аріи Нелюско—на кораблѣ.

Проходя мимо ложи, гдѣ я сидѣлъ, онъ, сверкая глазами, громко крикнулъ по адресу публики: «figli de cani...» (с—ны дѣти).

Въ будничной жизни Котони былъ человѣкъ совершенно простой; одѣтый почти постоянно въ поношенный коричневый пиджакъ и толстыя, слегка сальныя брюки, онъ, видимо, не гонялся за модою.

Обладая въ послѣднее время удивительно рѣдкой шевелюрой, въ дни обязательныхъ итальянскихъ концертовъ онъ ухитрялся

Библиотека "Руниверс"

красить свой черепъ въ промежуткахъ между волосами въ черный цвѣтъ, предполагая, что такая манипуляція вечеромъ, хотя и на эстрадѣ, залитой огнями, можетъ дать понятіе о густотѣ его волосъ!

Въ послѣднія десять лѣтъ Котони бросилъ всякія разстраивавшія здоровье интриги съ нашими никогда не унывавшими дамами, пересталъ закрашивать особымъ составомъ громадное родимое пятно, бывшее у него на шеѣ, и началъ беречь свой голосъ, начинавшій ему по временамъ измѣнять.

Но сила привычки взяла свое.

У знаменитой «контессы», гдѣ жилъ Котони, съ давнихъ поръ служила горничная. Не имѣя возможности справляться со всею итальянскою оравою, горничная эта выписала себѣ изъ деревни въ помощницы одну изъ своихъ сестеръ, шуструю дѣвчонку лѣтъ десяти. Дѣвочка эта всѣмъ итальянцамъ пришлась ко двору, а «Котушка» (такъ называли Котони большинство старыхъ его почитательницъ) постоянно даже носилъ ее на плечахъ.

Такъ по хорошему шло лѣтъ пять. Какъ вдругъ въ одинъ прекрасный день дѣвочка эта, превратившаяся уже въ совершенно взрослую дѣвицу, прирученная къ себѣ ласковымъ обхожденіемъ знаменитаго баритона, къ невѣроятному удивленію не только своей сестры и контессы, но даже и своему собственному, оказалась уже не дѣвицею...

Но эта побѣда Котони была, повидимому, послѣдней.

Русскихъ Котони искренно любилъ. Несмотря на то, что онъ уже давнымъ-давно покинулъ Россію, онъ и до сихъ поръ всегда съ большимъ чувствомъ отзывается о нашемъ отечествѣ. Такъ, въ концѣ 1912 г. знаменитый этотъ баритонъ, профессорствующій и по сей день въ римской консерваторіи, написалъ своему старинному сослуживцу по итальянской оперѣ въ Петербургѣ Р. Дриго (теперешнему дирижеру нашего балета), вспоминая съ завистью про счастливыя времена ихъ совмѣстнаго служенія въ Петербургѣ:

«Очень и очень боюсь я,—такъ закончилъ свое письмо маститый пѣвецъ:—что преклонный мой возрастъ (Котони теперь восемьдесятъ второй годъ) и боязнь за свои силы не позволятъ мнѣ передъ смертью еще разъ посѣтить Петербургъ, гдѣ я имѣлъ случай познать истинныхъ цѣнителей музыки и пѣнія и гдѣ видѣлъ столько искреннихъ знаковъ любви!»

У О. С. Вержбицкой проживалъ одно время и извѣстный теноръ Маркони. Не имѣя для полученія музыкальнаго образованія и первоначальной карьеры никакихъ средствъ (а въ Италіи для этого, впрочемъ, какъ и вездѣ, нужны изрядныя деньги), Маркони на нѣсколько лѣтъ закабалилъ себя и весь свой будущій гонораръ, отдавъ для вышеозначенной цѣли себя въ руки какому-то проходимцу, кажется, тоже бывшему пѣвцу, съ которымъ онъ и попалъ впервые въ Петербургъ.

Библиотека "Руниверс"

Условія такого закабаленія вообще были тяжелыя. Изъ очень большого гонорара, который получалъ по контракту въ Петербургѣ Маркони, приходились на его долю однѣ крохи. Остальное шло на оплату полученнаго музыкальнаго образованія, т. е. въ руки его частному антрепренеру.

Своего перваго дебюта Маркони очень трусилъ. Дебютировать онъ долженъ былъ въ «Пуританахъ». Громадная его фигура, почти не умѣвшая ступить, съ длинными руками и ногами, большимъ носомъ, съ круглыми выпученными глазами, при нѣсколько носовомъ звукѣ голоса (я присутствовалъ на генеральной репетиціи) не предвѣщала для дебютанта ничего хорошаго.

Однако, сверхъ ожиданія, Маркони имѣлъ въ «Пуританахъ» очень большой успѣхъ. Видъ громаднаго и неуклюжаго цыпленка, который представлялъ собою этотъ молодой теноръ, съ обращеннымъ въ зрительный залъ умоляющимъ взоромъ, вмѣстѣ съ свѣжимъ, хотя и горловымъ голосомъ, все-таки въ концѣ концовъ расположилъ къ нему публику.

Когда же Маркони въ выходной аріи взялъ грудное до, а въ дуэтѣ послѣдняго дѣйствія, вмѣстѣ съ превосходной пѣвицею Вольпини, ухитрился взять и верхнее ре, то публика стала ему сильно хлопать; успѣхъ Маркони такимъ образомъ былъ обезпеченъ. Черезъ недѣлю съ согласія нашей дирекціи Маркони участвовалъ въ Дворянскомъ собраніи въ концертѣ моей сестры, гдѣ онъ съ не меньшимъ успѣхомъ спѣлъ подъ аккомпаниментъ симфоническаго оркестра подъ дирижерствомъ К. Ю. Давидова, знаменитаго віолончелиста, въ то время директора нашей консерваторіи, арію изъ «Силы судьбы» Верди.

Два такіе успѣха такъ окрылили Маркони, что онъ черезъ мѣсяцъ неожиданно разорвалъ свой связывавшій его по ногамъ и рукамъ частный контрактъ, закативъ при этомъ своему антрепренеру и бывшему maestro двѣ здоровенныя плюхи и предложивъ ему кстати убраться по добру, по здорову изъ Петербурга.

Какъ кончилась вся эта исторія, пришлось ли Маркони уплатить согласно разорванному контракту что-нибудь, я не знаю. Но только маркониевскій антрепренеръ навсегда изъ Петербурга исчезъ. Задаваемые вопросы объ немъ вызывали со стороны Маркони, вообще страшно веселаго человѣка, раскаты неистоваго смѣха.

Несмотря на молодость и получаемое значительное содержаніе, Маркони никакихъ лишнихъ тратъ не признавалъ. Это и дало ему возможность въ цвѣтѣ лѣтъ пріобрѣсти себѣ въ Римѣ громадный домъ на лучшей улицѣ.

Избалованный даровыми ласками нашихъ милыхъ дамъ, Маркони вскорѣ послѣ Петербурга попалъ въ Ниццу, гдѣ съ мѣста въ карьеръ началъ ухаживать за одной страшно дорогой демимонденкой.

Библиотека "Руниверс"

Когда, зная его скаредность, одинъ изъ его пріятелей предупредилъ его о предстоящихъ очень большихъ тратахъ, Маркони расхохотался во все горло, сказавъ, что oune tenor ne paie zamais (теноръ никогда не платитъ)!

На королѣ теноровъ, сладкозвучномъ Анжело Мазини, въ свою очередь, долго проживавшемъ въ меблированныхъ комнатахъ Верж-бицкой, а впослѣдствіи въ концѣ карьеры въ «Grand Hôtel», мнѣ хотѣлось бы остановиться нѣсколько дольше.

О феноменальной красотѣ его голоса, объ изумительномъ его дыханіи, дававшемъ ему возможность, не прерывая звука, продѣлывать передъ изумленными и очарованными слушателями, особенно слушательницами, рядъ вокальныхъ фокусовъ, вѣроятно, уже не разъ говорилось. Мнѣ бы хотѣлось поговорить о Мазини, какъ о человѣкѣ.

Познакомился я съ «божественнымъ Анжело», тоже еще будучи студентомъ. Впослѣдствіи, уже врачомъ, мнѣ не разъ приходилось его лечить отъ разнаго рода недуговъ.

Должно признаться, что Мазини былъ вообще человѣкъ серьезнаго характера, вдумчивый, относительно много читавшій. Во время многолѣтняго нашего съ нимъ знакомства мнѣ не разъ приходилось касаться въ нашихъ разговорахъ разнообразнѣйшихъ вопросовъ, отнюдь не касавшихся пѣнія или оперы. Видно было, что и въ нихъ Мазини отдавалъ себѣ отчетъ, причемъ вопросы, касавшіеся религіи и политики, находили въ немъ откликъ, дѣлая изъ него въ этихъ случаяхъ, вообще неразговорчиваго, человѣка, обладавшаго извѣстнымъ краснорѣчіемъ. Быть можетъ, подраставшіе его два сына (одинъ изъ нихъ вскорѣ сдѣлался выдающимся адвокатомъ) и ихъ товарищи (лѣтомъ Мазини всегда отдыхалъ въ своемъ имѣніи близъ Милана) нѣсколько повліяли на его самообразованіе.

Мазини писалъ и по-французски вполнѣ грамотно. Почеркъ у него былъ прекрасный.

Вотъ почему, мнѣ кажется, ходячая басня объ его сапожническомъ происхожденіи имѣетъ мало вѣроятія.

Вліяніе его сыновей сказалось, главнымъ образомъ, въ опредѣленіи значенія Россіи, какъ стоящей, особенно въ литературномъ отношеніи, не только во главѣ всего славянскаго міра, но и впереди многихъ народовъ.

По словамъ его сына-адвоката, Италія (послѣдующія слова Мазини произносилъ съ сожалѣніемъ) страна мертвая. Только насъ, русскихъ, Мазини считалъ народомъ молодымъ и удивительно способнымъ.

Съ семьей своей Мазини вообще не ладилъ. Съ женою онъ не жилъ, дѣтей избѣгалъ.

Библиотека "Руниверс"

Возвращаясь въ Италію изъ-за границы, напримѣръ, изъ Россіи, онъ ѣздилъ исключительно въ то имѣніе, гдѣ въ данную минуту никого изъ семьи не было.

Когда Мазини, по закрытіи у насъ казенной итальянской оперы, пришлось одинъ или два сезона пѣть въ частной итальянской оперной труппѣ въ Маломъ театрѣ (нынѣ театръ Литературно-Художественнаго общества), онъ все это время чувствовалъ себя нехорошо. Обыкновенно на рѣдкость красивый его голосъ доходилъ по временамъ до нашего уха какъ бы не совсѣмъ чистымъ, слегка сиплымъ. Это ужасно раздражало Мазини и заставляло поэтому довольно часто обращаться къ моей помощи.

Однажды, когда въ Маломъ театрѣ съ его участіемъ шелъ «Фаустъ», Мазини просилъ меня быть вечеромъ въ театрѣ и зайти въ первомъ антрактѣ къ нему.

Въ назначенное время я спокойно двинулся на сцену. Вдругъ довольно значительный окрикъ остановилъ меня. Передо мной стоялъ какой-то полицейскій поручикъ.

— Вы куда идете?—грозно спросилъ онъ меня.—Вы развѣ не видите объявленія, что постороннимъ входъ на сцену строго воспрещается?

— Я врачъ и иду къ больному Мазини; онъ меня ждетъ,—отвѣтилъ я насколько можно мягко.

— Мазини здоровъ, разъ онъ поетъ!—проговорилъ съ олимпійскимъ величіемъ поручикъ.

— Здоровъ ли, или боленъ Мазини, разумѣется, дѣло не вашей компетенціи,—разсердился я:—и не вамъ меня удержать отъ исполненія моего долга.

Только что грозному поручику хотѣлось было по отношенію меня предпринять какую-нибудь рѣшительную мѣру, вдругъ въ оставшуюся раскрытой дверь вошли двѣ дамы и, спросивъ, гдѣ уборная пѣвицы такой-то, безпрепятственно двинулись къ ней за кулиссы.

— Хорошъ блюститель порядка,—улыбнулся я; потомъ, не глядя на поручика, безпрепятственно прошелъ къ Мазини, на прощаніе крикнувъ этому полицейскому офицеру, что на его самоуправство я завтра же поѣду жаловаться къ градоначальнику.

На другой день я, дѣйствительно, очутился въ пріемной градоначальника, генерала Клейгельса, попросивъ тотчасъ же доложить о себѣ.

— Вы по какому дѣлу?—очень мягко и какъ бы съ участіемъ спросилъ меня тутъ же что-то писавшій какой-то полицейскій офицеръ.

Я разсказалъ, въ чемъ дѣло. Тогда этотъ офицеръ, и теперь служащій въ полиціи и играющій всегда нѣкоторую роль при усмиреніи особенно василестровскихъ студенческихъ безпорядковъ, сказалъ мнѣ, что, увы, онъ объ этомъ печальномъ инцидентѣ, въ кото-

Библиотека "Руниверс"

ромъ, безусловно, виноватъ вчерашній полицейскій офицеръ, уже слышалъ сегодня рано утромъ отъ виновника инцидента.

— Генералъ Клейгельсъ очень строго взыщетъ съ него,—добавилъ этотъ офицеръ.

Въ это время меня позвали къ градоначальнику въ кабинетъ. Выслушавъ внимательно мой разсказъ, генералъ, чтобы оформить это дѣло, просилъ меня тутъ же у него въ пріемной письменно подтвердить мою жалобу.

Когда я вышелъ въ пріемную и только что хотѣлъ взяться за перо, ко мнѣ подошелъ тотъ же полицейскій офицеръ, съ которымъ я только что имѣлъ разговоръ, и сказалъ мнѣ:

— Вѣроятно, генералъ Клейгельсъ сказалъ вамъ, чтобы вы изложили жалобу свою письменно? Смѣю я вамъ дать одинъ совѣтъ,—продолжалъ онъ:—вы вѣдь человѣкъ образованный и, навѣрно, не злой; что вамъ съ того, чтобы поручикъ былъ наказанъ очень строго? Вамъ важно только, чтобы съ него было взыскано. Поэтому вы, докторъ, написавъ жалобу, въ концѣ ея прибавьте, что вы просите, чтобы генералъ Клейгельсъ не слишкомъ строго взыскалъ съ виновника, котораго, какъ моего сослуживца, я искренно сожалѣю.

Такъ я и сдѣлалъ.

Позже, по дошедшимъ до меня слухамъ, на жалобу мою градоначальникъ не только не обратилъ никакого вниманія, но виновнаго поручика чуть ли не перевелъ въ лучшій участокъ.

Впослѣдствіи все объяснилось: генералъ Клейгельсъ ненавидѣлъ, когда въ прошеніи съ жалобою тутъ же указывалось, что и какъ дѣлать съ виновнымъ...

Этого и не могъ не знать полицейскій офицеръ, давшій мнѣ такой лукавый совѣтъ.

Много лѣтъ спустя, я встрѣтился съ этимъ полицейскимъ Макіавелли и сказалъ ему, что при случаѣ я этого совѣта ему не забуду.

Исполняю теперь свое обѣщаніе.

Изъ моихъ путешествій въ Италію мнѣ особенно памятно то, когда я вслѣдствіе неоднократно повтореннаго любезнаго приглашенія Мазини рѣшился побывать у него въ гостяхъ,

— Мнѣ очень будетъ пріятно,—говорилъ мнѣ знаменитый теноръ,—видѣть васъ, моего стараго друга и доктора, у себя въ Италіи, чтобы тамъ доказать вамъ объ существованіи не только русскаго, но и итальянскаго гостепріимства, въ особенности по отношенію къ вамъ, medico onorario (почетнаго врача) петербургскаго итальянскаго благотворительнаго общества (каковымъ я состоялъ въ теченіе многихъ лѣтъ).

— За два дня до вашего пріѣзда въ Италію,—добавилъ Мазини:—пришлите мнѣ объ этомъ депешу. Достаточно адресовать:

Библиотека "Руниверс"

Миланъ Мазини, указавъ гостиницу, гдѣ вы собираетесь остановиться. Гдѣ бы я ни былъ, я своевременно явлюсь къ вамъ.

Года черезъ два, отправляясь за границу, я рѣшилъ заѣхать и въ Италію. Не списавшись раньше съ Мазини, я только съ итальянской границы послалъ ему въ Миланъ телеграмму, для большей наглядности приписавъ на депешѣ : al celebre tenore Masini (знаменитому тенору).

Строго говоря, на прибытіе въ Миланъ Мазини, человѣка очень капризнаго и страшно избалованнаго, въ особенности дамами, я не разсчитывалъ. Послалъ я депешу просто для очистки совѣсти.

Поѣздъ, прибывавшій тогда въ Миланъ рано утромъ, опоздалъ часа на четыре.

Разумѣется, на вокзалѣ Мазини не оказалось. Физіономія у меня вытянулась отъ досады, какъ могъ я все-таки повѣрить обыкновенной, хотя и много разъ повторенной любезности. Пріѣзжаю въ гостиницу «Hôtel de Milan», которую я указалъ въ телеграммѣ, но и тамъ хорошо мнѣ знакомой физіономіи Мазини я не нашелъ. По спрошенному не особенно дорогому номеру мнѣ въ этой большой гостиницѣ оказали соотвѣтственный пріемъ. Рѣшивъ выкинуть изъ головы и Мазини и его приглашеніе, я, тѣмъ не менѣе. попробовалъ на всякій случай справиться у отельнаго швейцара, не освѣдомлялся ли кто-нибудь обо мнѣ.

— Часа два тому назадъ знаменитый нашъ теноръ Мазини спрашивалъ, правда, у насъ о какомъ-то русскомъ, но господинъ этотъ, который долженъ былъ пріѣхать еще около четырехъ часовъ назадъ, повидимому, не пріѣхалъ,—отвѣтили мнѣ.

Когда же швейцаръ и метръ-д'отель узнали, что именно обо мнѣ справлялся Мазини и что я опоздалъ вслѣдствіе задержки поѣзда въ пути, то фонды мои въ гостиницѣ моментально выросли.

А когда явившійся затѣмъ Мазини кинулся мнѣ на шею, то удивленію гостиничнаго персонала не было конца.

Оказывается, что Мазини, жившій въ своемъ имѣніи Эрба, въ нѣсколькихъ часахъ желѣзнодорожнаго пути отъ Милана, получивъ слишкомъ поздно мою депешу, никоимъ образомъ не могъ поспѣть въ гостиницу къ приходу ранняго поѣзда, съ которымъ я долженъ былъ пріѣхать.

И здѣсь, въ «Albergo di Milano», и потомъ, когда мы, позавтракавъ, явились въ театръ dal Verme на пробу голосовъ, я могъ убѣдиться, какимъ почетомъ пользуется нашъ прославленный теноръ.

Импрессаріо, у котораго происходила проба голосовъ, не зналъ, куда посадить Мазини, а бѣдные артисты еще болѣе волновались, когда до ихъ свѣдѣнія дошло, что въ числѣ немногихъ слушателей находится и самъ знаменитый Анжело.

— Обѣдать,—сказалъ мнѣ потомъ Мазини:—мы будемъ въ городѣ Бергамо. Туда мы поѣдемъ по желѣзной дорогѣ. Сегодня

Библиотека "Руниверс"

тамъ громадный съѣздъ по случаю какихъ-то выборовъ. Сейчасъ я послалъ туда спеціальнаго человѣка для взятія ложи на оперное представленіе и для оставленія намъ двухъ комнатъ въ гостиницѣ. Хотя городъ Бергамо не особенно маленькій,—прибавилъ Анжело:—но сегодня изъ-за массы народа, туда наѣхавшаго, мы рискуемъ не достать вовсе помѣщенія.

Къ слову сказать, такъ какъ всѣ жители города Бергамо по-итальянски называются Бергамаски, то отсюда, вѣроятно, и произошла фамилія знаменитаго нашего фотографа К. И. Бергамаско.

Черезъ нѣкоторое время мы съ Мазини отправились на желѣзнодорожный вокзалъ, желая пріѣхать въ Бергамо еще заранѣе, погулять въ немъ, пообѣдать и послѣ представленія идущей тамъ оперы «Лоэнгринъ» улечься пораньше спать, тѣмъ болѣе, что для отправленія по желѣзной дорогѣ въ имѣніе Мазини Эрба мы должны были встать очень рано.

Никогда я, по правдѣ сказать, не видѣлъ Мазини въ такомъ хорошемъ расположеніи духа (это, впрочемъ, продолжалось и на второй и на третій день моего у него пребыванія). Обыкновенно же въ Петербургѣ и на сценѣ и въ жизни Мазини былъ вѣчно мраченъ, какъ будто бы не въ духѣ.

Объ уплатѣ мною какихъ-нибудь расходовъ Мазини и слышать не хотѣлъ. Онъ рысью слеталъ въ кассу и взялъ въ Бергамо два билета, попросивъ меня поскорѣе сѣсть въ вагонъ, такъ какъ поѣздъ долженъ былъ съ минуты на минуту тронуться.

Усѣлись мы въ вагонъ, переполненный публикою. Мазини попрежнему все время болталъ со мной. Вдругъ какой-то господинъ, читавшій газету, отложилъ ее въ сторону и обратился къ Мазини съ вопросомъ, куда онъ ѣдетъ.

Получивъ отвѣтъ, что въ Бергамо, господинъ этотъ сказалъ:

— Странно, а мы всѣ направляемся въ противоположную сторону—въ Монца!

Оказывается, Мазини второпяхъ сѣлъ со мною не въ тотъ поѣздъ, какой слѣдовало, и мы вмѣсто того, чтобы пріѣхать заблаговременно въ Бергамо, покатили въ противоположную сторону.

Тогда Мазини вмѣстѣ со мною началъ хохотать надъ своею оплошностью.

На первой же остановкѣ мы выскочили изъ вагона. По счастію, изъ этой станціи (названіе я забылъ) шла въ Бергамо конно-желѣзная дорога. Съ помощью этого, по нынѣшнимъ временамъ примитивнаго передвиженія, мы только къ шести часамъ вечера, страшно усталые, прикатили наконецъ въ Бергамо, гдѣ въ саду гостиничнаго ресторана, ожидая насъ, давно проглядѣлъ глаза посланный Мазини.

Очень большой театръ въ Бергамо выглядѣлъ чрезвычайно нарядно. Оказывается, что оперныя представленія шли тамъ въ исключи-

Библиотека "Руниверс"

тельныхъ случаяхъ. Ложи всѣ абонированы и принадлежатъ большею частью мѣстнымъ помѣщикамъ, которые, по итальянскому обычаю, пріѣзжаютъ въ театръ съ собственными ключами отъ запертыхъ ложъ. Дамы всѣ были разодѣты, большая часть изъ нихъ декольте, мужчины во фракахъ и смокингахъ. Одни мы съ Мазини, возсѣдавшіе въ ложѣ бельэтажа, напротивъ сцены, были въ пиджакахъ.

«Лоэнгринъ» прошелъ ужасно. Особенно теноръ оказался пѣвцомъ невѣроятнымъ. Онъ обладалъ такимъ фальшивымъ и гнусавымъ голосомъ, что надобно было удивляться, какъ могла итальянская публика, вообще страшно экспансивная, высидѣть представленіе до конца безъ протеста?!.

Быть можетъ, причина лежала въ томъ, что теноръ, пѣвшій главную партію, былъ не итальянецъ, а дѣлавшій итальянскую карьеру испанецъ?!.

Про этого испанскаго пѣвца можно было сказать то, что сказалъ про себя остроумный французъ, любитель пѣнія: qu'il a une belle voix... mais qui se gate en sortant! (что у него хорошій голосъ, который, выходя, портится).

Мазини, тѣмъ не менѣе, все время хлопалъ исполнителямъ, не исключая и тенора. При этомъ нельзя было не вспомнить чуднаго голоса и блестящаго bel canto чародѣя Анжело и именно въ «Лоэнгринѣ».

Часто выступавшій въ Петербургѣ въ этой вагнеровской оперѣ Мазини одно время только и бредилъ «Лоэнгриномъ». Правда, что партія тенора въ этой оперѣ и для человѣка, не обладавшаго такимъ голосомъ, какимъ обладалъ Мазини, была страшно выигрышная. Тутъ-то вполнѣ могла забыться подчасъ болѣе чѣмъ странная игра Мазини,—когда онъ, стоя на авансценѣ съ вытянутою правою рукою и растопыренными на ней пальцами, поворачивалъ ее то горизонтально, то вертикально.

Исполненная такимъ мастеромъ пѣнія, какимъ былъ Мазини, чудная музыка Вагнера искупала, однако, этотъ недостатокъ.

По окончаніи злосчастнаго представленія «Лоэнгрина» мы, предварительно поужинавъ въ гостиничномъ садикѣ и выпивъ недурного мѣстнаго винца, отправились наконецъ спать.

Только всесильнымъ именемъ Мазини съ утра командированный имъ въ Бергамо посолъ могъ раздобыть въ гостиницѣ двѣ комнатки, и то одну свѣтлую, а другую совершенно темную, на манеръ чуланчика, въ которыхъ мы около двухъ часовъ и улеглись: избалованный и капризный Мазини, какъ гостепріимный хозяинъ, въ чуланѣ, а я, на правахъ гостя, въ свѣтлой и довольно чистенькой комнатѣ...

Въ пять часовъ утра я проснулся отъ рулады изъ «Севильскаго цирульника», рулады съ нѣсколько измѣненными словами, продѣланной Мазини надъ моимъ ухомъ, гдѣ, впрочемъ, слова «don Basilio» играли большую роль.

Библиотека "Руниверс"

Черезъ полчаса мы сидѣли уже въ вагонѣ.

Какъ теперь, помню чудное утро, бывшее въ тотъ день! Усталости послѣ безсонной ночи и суетливаго дня какъ не бывало. Дышалось во всю. На одной изъ станцій мы съ Мазини вышли. Тамъ насъ ожидалъ собственный экипажъ Мазини, запряженный молодою сильной лошадью.

Имѣніе Мазини находилось въ мѣстечкѣ Erba (провинціи Бріанца). Ѣхали мы туда километровъ около десяти по чудной дорогѣ, все время поднимаясь въ гору. Автомобилей тогда еще совсѣмъ не было, но зато велосипедисты, число которыхъ по случаю воскресенья было еще болѣе обыкновеннаго, начали насъ подъ конецъ раздражать.

Кучеръ Мазини, очень веселый малый, повидимому, ненавидѣвшій велосипедистовъ, обгонявшихъ нашъ экипажъ то справа, то слѣва, все время переругивался съ ними. Мазини брань эта, видимо, пришлась по душѣ, и онъ сталъ съ азартомъ помогать въ этомъ своему кучеру. Но ругался онъ, однако, для большей безопасности по-русски...

Не зная настолько итальянскій языкъ, чтобы вполнѣ оцѣнить всю прелесть итальянской брани, я все-таки смѣю думать, что, хотя Мазини и очень скверно выговаривалъ русскія слова, его ругань выходила все-таки много внушительнѣе...

Наконецъ кучеръ, тщетно пытаясь разобрать что-нибудь изъ того, что непрерывно срывалось съ устъ Мазини, рѣшился спросить у него, на какомъ это онъ языкѣ ругается (что это была брань, онъ, повидимому, судилъ по обращенной къ велосипедистамъ мимикѣ Мазини).

Когда мы, наконецъ, пріѣхали въ Erba, Анжело извинился, что долженъ принять меня въ старомъ домѣ. Хотя, по его словамъ, новый домъ и готовъ, но переселиться туда онъ пока не намѣренъ, на что у него есть свои основанія.

Оказывается, что какая-то Сивилла предсказала ему, что какъ только онъ переѣдетъ въ новый свой прекрасный домъ (я его потомъ подробно осматривалъ), то Мазини въ тотъ же годъ непремѣнно умретъ...

Двое сутокъ, которыя мнѣ пришлось провести у Мазини, въ виду необыкновенной любезности хозяина показались мнѣ нѣсколькими часами. Кромѣ того, мѣстоположеніе помѣстья Мазини было очаровательное. Расположенное на высокомъ плато съ прекрасною растительностью, оно давало возможность восхищаться необыкновенно красивыми видами всѣхъ окрестностей. У ногъ его лежала вся Ломбардія.

За роскошными завтраками и обѣдами съ шампанскимъ, на которыхъ подавалось русское серебро грачевской или хлѣбниковской

Библиотека "Руниверс"

работы (дары мазинистокъ), присутствовали еще двѣ итальянки: какая-то молодая пѣвица и ея мама.

Мазини вскользь объяснилъ мнѣ причину: необходимость совмѣстнаго пѣнія.

Фигура, ростъ, бѣлые зубы и красивое mezzo-soprano, которыми природа надѣлила молодую пѣвицу, должны были бы дѣлать обладательницу ихъ особою пріятною, если бы не носъ. Господи, какой длины у нея былъ носъ Надобно положительно удивляться, какъ можно было изъ-за удивительной длины носа разсмотрѣть остальныя преимущества этого, видимо, временнаго друга Мазини. Мама пѣвицы была дама, у которой хотя и не было такого роскошнаго носа, какъ у дочери, но зато, какъ сказалъ Гейне, она давнымъ-давно уже начала быть немолодою...

Итальянки проживали въ новомъ домѣ Мазини, гдѣ онъ самъ иногда въ одной изъ залъ упражнялся въ пѣніи. Въ этой комнатѣ буквально пустой, кромѣ піанино и одного стула, не было рѣшительно никакой другой мебели.

Въ день нашего пріѣзда Мазини спѣлъ по моей просьбѣ нѣсколько дуэтовъ съ длинноносою пѣвицей, но быстрый ея уходъ послѣ завтрака и обѣда и не совсѣмъ ровное обхожденіе съ ней знаменитаго тенора, несомнѣнно, убѣдили меня, что Анжело соединялъ полезное съ пріятнымъ; послѣднее развѣ только на основаніи поговорки: любовь зла и т. д.

Мазини вообще не любилъ выступать въ концертахъ. Онъ, повидимому, считалъ, что для нихъ онъ будто бы не имѣлъ готоваго репертуара. Но, живя у него въ имѣніи, я тогда же убѣдился въ противномъ.

Не говоря уже про оперный репертуаръ, и концертный у него былъ тоже очень большой.

А пропѣтыя имъ мнѣ между прочимъ двѣ испанскія пѣсни съ блестящими фіоритурами, которымъ могла бы смѣло позавидовать сама Аделина Патти, и которыя онъ ни разу не спѣлъ въ Петербургѣ, привели бы въ восторгъ даже самую чопорную концертную публику.

На самомъ же дѣлѣ, какъ это ни невѣроятно, знаменитый этотъ теноръ просто трусилъ концертной публики и былъ радъ-радехонекъ лишній разъ посидѣть спокойно дома.

Мазини, особенно во время зимняго сезона итальянской оперы въ Петербургѣ, получалъ огромное содержаніе, но, конечно, не такое, какое деруть съ антрепренеровъ теперешніе пѣвцы и пѣвицы.

При аккуратной и скромной жизни это дало ему возможность составить себѣ тѣмъ не менѣе очень большое состояніе, еще въ пору самаго цвѣтущаго времени его дивнаго голоса.

По общему говору, капиталъ этотъ уже тогда достигалъ нѣсколькихъ милліоновъ франковъ. Часть этого состоянія, вложенная, по словамъ Мазини, въ какой-то частный банкъ, вслѣдствіе краха банка

Библиотека "Руниверс"

пропала и ему снова пришлось ѣздить по Европѣ и вновь накапливать деньги.

Это, быть можетъ, и было одною изъ причинъ, что потомъ Мазини слишкомъ долго продолжалъ пѣть, основывая такое право единственно на былой славѣ, хотя голосъ уже далеко былъ не тотъ.

Недавно только я узналъ, что знаменитый Анжело, которому теперь (въ 1912 г.) уже шестьдесятъ восемь лѣтъ, женился во второй разъ. Въ виду почтеннаго возраста Мазини, конечно, на двадцатилѣтней особѣ.

Продавъ свое миланское имѣніе, онъ переѣхалъ въ свое новое помѣстье, пріобрѣтенное имъ въ окрестностяхъ Неаполя.

Разставшись съ Мазини, я изъ Милана уѣхалъ въ Венецію, гдѣ нѣкоторое время бродилъ по городу въ обществѣ любителя Венеціи и большого знатока искусства вообще П. Л. Вакселя, въ то время директора канцеляріи нашего министерства иностранныхъ дѣлъ.

Платонъ Львовичъ, обладавшій прекраснымъ теноромъ, зачастую въ Петербургѣ услаждавшій всѣхъ своихъ знакомыхъ и любителей музыки художественною передачей своего обширнѣйшаго репертуара, въ Венеціи выступилъ моимъ руководителемъ по ознакомленію съ архитектурными красотами нѣкоторыхъ итальянскихъ церквей.

Въ ближайшее, однако, воскресенье мы съ Вакселемъ отправились на площадь св. Марка, гдѣ приняли участіе въ розыгрышѣ tombola. Томбола, иначе громадное лотто, есть родъ азартной игры, узаконенной итальянскимъ правительствомъ.

Въ tombola играетъ рѣшительно все населеніе, и старъ и младъ. Напримѣръ, рядомъ со мною сидѣло и пресерьезно наблюдало за выходящими номерами нѣсколько крошечныхъ кадетиковъ, фигурировавшихъ здѣсь, видно, съ разрѣшенія своего начальства. Всѣ эти будущіе участники сраженія при Адуѣ и потомъ болѣе удачные вояки съ турками въ Триполи, отличались рѣдкою красотою. Такихъ сплошь красивыхъ дѣтей мнѣ рѣдко приходилось видѣть.

Пріобрѣтя съ П. А. Вакселемъ нѣсколько карточекъ, мы, въ свою очередь, стали внимательно слѣдить за громаднымъ экраномъ, на которомъ посредствомъ волшебнаго фонаря появлялись выкрикиваемые членами муниципалитета доставаемые ими изъ ящика номера.

Надо было видѣть, съ какою завистью смотрѣли на меня мои итальянскіе сосѣди и сосѣдки, когда подъ рядъ первые три номера оказались у меня.

— Какой счастливецъ! какое счастье!—такъ и сыпалось около меня со всѣхъ сторонъ...

Но этими тремя удачными номерами и ограничилось мое счастье... Томболу я не выигралъ.

Въ это самое время передо мной неожиданно выросъ мой старый пріятель, милѣйшій Рикардо Дриго, столько лѣтъ, послѣ умершаго

Библиотека "Руниверс"

и въ концѣ забытаго балетнаго дирижера Панкова, стоящій теперь во главѣ нашего на весь міръ знаменитаго балета.

Прибылъ Дриго въ Россію тридцать пять лѣтъ тому назадъ, почти въ одно время съ плеядою знаменитыхъ итальянскихъ пѣвцовъ, какъ Котони, Неденъ, Уэтамъ, Багаджіоло (извѣстный басъ), Марини, Мазини, Вольпини, Патти, Дюранъ и т. д., въ качествѣ дирижера итальянской оперы и постоянно вмѣстѣ со мною посѣщалъ меблированныя комнаты г-жи Верижбицкой.

Выступалъ онъ не только, какъ дирижеръ, но и какъ композиторъ.

Такъ, лѣтъ тридцать тому назадъ въ Большомъ театрѣ давали на итальянскомъ языкѣ его оперу «La moglie rapita» (украденная жена).

Только впослѣдствіи онъ получилъ мѣсто дирижера нашего балета, мѣсто, которое онъ съ такою честью занимаетъ болѣе двадцати пяти лѣтъ.

Ричардъ Евгеніевичъ Дриго уже давно русскій подданный. Безъ этого онъ не могъ быть зачисленъ къ намъ на дѣйствительную службу.

Въ описываемое мною время, да и теперь, Дриго каждое лѣто проводитъ въ Падуѣ, находящемся въ сорока минутахъ ѣзды отъ Венеціи.

Потанцилъ меня Дриго къ себѣ моментально, чему я, конечно, отнюдь не сопротивлялся.

Уже на узкой Падуанской улицѣ, гдѣ находится старинный домъ семейства Дриго, въ которомъ онъ жилъ вмѣстѣ со своей старушкою матерью и въ которомъ родился, на меня пахнуло чѣмъ-то далекимъ, давно забытымъ...

Войдя въ домъ (въ массивныя ворота мы постучались желѣзнымъ кольцомъ), мнѣ показалось, что я вижу старинную фламандскую картину, сошедшую съ полотна...

Ворота раскрывались въ небольшой дворикъ, весь мощенный плиточками.

Направо отъ него виднѣлась довольно большая комната, уставленная тяжелою старинною мебелью, съ массивнымъ обѣденнымъ столомъ и стоящею на полкахъ тяжелою разрисованною посудою; налѣво привѣтливо на насъ глядѣла кухня, гдѣ двѣ здоровыя дѣвушки передъ пылающимъ огнемъ аппетитно поворачивали сидѣвшую на вертелѣ и поливаемую стекавшимъ съ нея жиромъ не то индюшку, не то какую-то другую птицу.

Встрѣтила меня почтенная матушка Дриго очень радушно.

— Съ меня достаточно, что вы русскій,—ласково сказала она.—Мой сынъ теперь только и говоритъ про Россію, свое второе отечество. Я даже стала его къ Россіи ревновать. Вѣдь онъ у меня одинъ,—и старушка съ любовью взглянула на своего Рикардо.

Библиотека "Руниверс"

Если одинъ видъ столоваго русскаго серебра за обѣдомъ у Мазини оставилъ во мнѣ пріятное впечатлѣніе, напомнивъ мнѣ про мое далекое отечество, то можно себѣ представить, каково было мое удивленіе, когда въ отведенной мнѣ комнатѣ я увидѣлъ во второмъ этажѣ дома Дриго уголокъ Россіи, комнату, обставленную русскими издѣліями (подарками), русскими полотенцами съ большими портретами на стѣнахъ нашихъ царя и царицы.

Погостивъ два дня у милой семьи Дриго и вернувшись изъ Падуи снова въ Венецію, я черезъ нѣсколько дней отправился во Флоренцію, а оттуда въ Римъ.

Въ Римѣ я разыскалъ Маркони. Жилъ онъ на дачѣ въ Тиволи, повидимому, записавшись въ рантьеры.

Несмотря на относительную молодость и на сохранившійся у него голосъ, онъ тогда уже внѣ своего отечества пѣлъ мало.

Пріобрѣтенный имъ на лучшей улицѣ Рима громадный домъ указалъ мнѣ, что основаній быть рантьеромъ у него было довольно.

Познакомилъ меня Маркони со своею хорошенькою женою, по типу очень мало напоминавшею итальянку.

Зная, что о дешевыхъ побѣдахъ Маркони надъ нѣкоторыми увлекающимися женщинами Петербурга зналъ тогда почти весь городъ, онъ сталъ все-таки просить меня не заводить объ этомъ разговора съ его женой...

Хотя, разумѣется, такая блестящая идея не могла прійти мнѣ въ голову, но я на всякій случай поспѣшилъ его успокоить.

Къ сожалѣнію, при всемъ желаніи разговаривать съ женою Маркони мнѣ было довольно трудно, такъ какъ она вовсе не говорила ни на какомъ другомъ языкѣ, кромѣ итальянскаго.

Я же не былъ особенно силенъ въ этомъ языкѣ.

Пребываніе мое въ теченіе одного вечера въ Тиволи, гдѣ Маркони познакомилъ меня съ нѣсколькими адвокатами, врачами, офицерами, и раньше во время моихъ прежнихъ путешествій по Италіи дали мнѣ возможность еще разъ убѣдиться, насколько итальянская интеллигенція основательно знакома съ нашею литературою.

Удивленіе и удивленіе неподдѣльное къ авторамъ Рудина, Лизы, Анны Карениной, Пьера Безухова, Сони, Мармеладова такъ и сквозило на лицахъ людей, съ которыми мнѣ приходилось бесѣдовать. «Въ литературѣ Россія нація передовая: это вѣдь признано всею мыслящею Европою», говорили они мнѣ.

Далеко, однако, не всѣ знаменитые итальянскіе пѣвцы, дѣлавшіе итальянскую карьеру, кончили такъ, какъ кончили Котони, Мазини, Маркони и нѣкоторые другіе артисты,—наживъ себѣ пѣніемъ большія состоянія.

Стоитъ только вспомнить Тамберлика.

Библиотека "Руниверс"

Тамберлика я ни въ цвѣтущее его время, ни, къ сожалѣнію, въ позднѣйшее, когда онъ пѣлъ въ нашей итальянской оперѣ, никогда не слыхалъ.

Знаменитый этотъ теноръ, заработавшій въ длинный рядъ лѣтъ въ Петербургѣ очень большія деньги, въ дни, когда онъ уже совсѣмъ окончилъ свою артистическую карьеру, сталъ усиленно нуждаться.

Какія причины могли привести къ этому, я не знаю. Но только фактъ остается фактомъ.

А между тѣмъ кто въ свое время не восторгался этимъ артистомъ, его феноменальнымъ теноромъ, кто, по словамъ К. А. Скальковскаго, одного изъ почитателей Тамберлика, не зналъ, что Тамберлика, всеобщаго кумира, публика буквально на рукахъ носила; кому не было извѣстно, что въ значительной части тогдашняго петербургскаго общества ни о чемъ и ни о комъ другомъ, какъ о Тамберликѣ, не говорили!

И вдругъ такой артистъ сталъ на старости лѣтъ нуждаться чуть ли не въ насущномъ хлѣбѣ!

Этого не могли снести петербургскіе друзья великаго пѣвца.

И вотъ, кажется, въ 1884 году образовался комитетъ, во главѣ котораго стояла В. А. Рубинштейнъ, жена нашего знаменитаго піаниста Антона Григорьевича.

На этомъ комитетѣ рѣшено было пригласить Тамберлика въ Петербургъ и просить его дать въ свою пользу одинъ или два концерта, разсчитывая на несомнѣнно полный сборъ, главнымъ образомъ въ виду его знаменитаго имени.

И вотъ въ 1884 году семидесятипятилѣтній старикъ Тамберликъ, сдавшійся на увѣщанія друзей, пріѣхалъ.

На генеральной репетиціи, куда были допущены только нѣсколько старинныхъ друзей Тамберлика и въ видѣ особаго исключенія, благодаря К. Ю. Давыдову, и я, взоры всѣхъ устремились на знаменитаго пѣвца.

Аккомпанировалъ тогда талантливый Коръ-де-Ласъ.

Крупная, нѣсколько тучная фигура съ не особенно большою крашеною черною стриженою бородою, съ рѣдкою шевелюрою, черными глазами и большимъ, нѣсколько широкимъ носомъ, очень походила на всѣмъ извѣстныя маленькія его фотографіи, сохранившіяся еще съ того времени, когда онъ въ послѣдній разъ пѣлъ въ Петербургѣ.

Несмотря на то, что изъ семи присутствовавшихъ на генеральной репетиціи только, кажется, я одинъ не слыхалъ его раньше, меня, какъ и всѣхъ прочихъ, охватило замѣтное волненіе. Началась репетиція съ «Stabat Mater» Россини.

Въ первую минуту пѣнія Тамберлика я глубоко началъ сожалѣть стараго пѣвца. Отсутствіе низовъ и расшатанная середина

Библиотека "Руниверс"

голоса, съ какимъ-то особеннымъ звукомъ, заставили меня предвидѣть неудачу концерта, но, о чудо, чѣмъ дальше пѣлъ этотъ волшебникъ, тѣмъ больше крѣпнулъ его голосъ, пріобрѣтая непонятную силу и звучность; когда же Тамберликъ взялъ высокое «си» въ знаменитомъ дуэтѣ «Crucifixus», Фора, спѣтомъ имъ съ Корсовымъ (какъ извѣстно, тоже очень хорошимъ пѣвцомъ), восторгу нашему не было конца.

Устроенные затѣмъ Тамберликомъ нѣсколько концертовъ, всегда переполненныхъ публикой, дали возможность этому пѣвцу-ветерану спокойно прожить оставшіяся на его долю нѣсколько лѣтъ жизни.

Концерты Тамберлика сопровождались не только матеріальнымъ, но и артистическимъ успѣхомъ.

Какой-то стонъ и ревъ восторженной толпы все время прерывалъ необыкновенно прочувствованное, захватывавшее всего человѣка пѣніе этого необыкновеннаго артиста.

Особенно поражала публику удивительно красивая грудная нота «си», которую Тамберликъ съ такою легкостью бралъ въ вышеупомянутомъ дуэтѣ «Crucifixus».

И послѣ повторенія этого дуэта публика долго не могла успокоиться.

Далеко не такъ удачно кончилъ знаменитый теноръ Нодепъ.

Этого великолѣпнаго пѣвца я слышалъ неоднократно въ восьмидесятыхъ годахъ въ нашемъ Большомъ театрѣ.

Обладая въ это время голосомъ уже съ порядочными недочетами, онъ, удивительно владѣя имъ, пѣлъ тѣмъ не менѣе такъ художественно, такъ проникался изображаемою имъ ролью, что слушать его безъ волненія, безъ искренняго восхищенія не было никакой возможности.

Обращаюсь къ тѣмъ читателямъ, которымъ удалось въ описываемое время слышать этого вдохновеннаго артиста. Развѣ я не правъ?

Пусть они вспомнятъ, напримѣръ, оперу «Жидовка», гдѣ послѣ знаменитой аріи четвертаго дѣйствія: «Рахиль, ты мнѣ дана небеснымъ провидѣніемъ»,—театръ положительно стоналъ отъ рукоплесканій, причемъ не только публика, но рѣшительно всѣ музыканты Большого театра, сложивъ свои инструменты, начинали неистово хлопать этому дивному артисту.

И вотъ такой великій художникъ, куска хлѣба ради, потерявъ окончательно голосъ, долженъ былъ спустя немного лѣтъ пѣть въ Харьковѣ, въ почти пустомъ залѣ, въ то время, когда въ убогой артистической комнатѣ молодая жена Нодена, не имѣя возможности держать для своихъ дѣтей няню, уложила ихъ тутъ же спать, одного на диванѣ, а другого на креслѣ!

В. Б. Бертенсонъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

Библиотека "Руниверс"

ЖУРФИКСЫ ПО СРЕДАМЪ ВЪ АППАРТАМЕНТАХЪ ЗИМНЯГО ДВОРЦА.

Ainsi tout change—ainsi tout passe
Ainsi nous-même nous passons
Hélas sans laisser plus de trace
Que cette barque où nous glissons
Sur cette mer—où fout s'efface

Lamartine[1]).

ВЪ СЕМИДЕСЯТЫХЪ годахъ прошлаго столѣтія въ зданіи Зимняго дворца, надъ Комендантскимъ подъѣздомъ выходила окнами на Дворцовую площадь почти противъ Александровской колонны квартира симпатичной, почтенной Елизаветы Петровны Макулиной.

Пользовавшаяся въ продолженіе многихъ лѣтъ довѣріемъ и расположеніемъ покойной императрицы Маріи Александровны, она завѣдывала между прочимъ гардеробомъ и брильянтами государыни.

Я помню ее женщиной лѣтъ слишкомъ сорока, представительной, съ крупными чертами красиваго лица, съ глубокими, выразительными глазами, въ которыхъ свѣтилось много искренности и доброты.

Въ молодости, говорили знавшіе ее, она была очень красива. Пользовавшаяся большимъ успѣхомъ въ обществѣ, имѣвшая немало претендентовъ, замужъ она не вышла.

Отецъ ея служилъ въ дворцовомъ вѣдомствѣ, имѣлъ, какъ мнѣ помнится, какое-то отношеніе къ придворной пѣвческой капеллѣ.

---

[1]) Итакъ все измѣняется—все проходитъ, какъ и сами мы, безслѣдно, какъ тотъ членъ, въ которомъ скользимъ по поверхности моря.

Библиотека "Руниверс"

Онъ жилъ въ одномъ изъ дворцовыхъ зданій и самъ, какъ и вся семья его, пользовался особеннымъ расположеніемъ императора Николая I.

Елизавета Петровна (одна изъ младшихъ дочерей его), поступивъ на службу во дворецъ, сумѣла какъ-то сразу расположить къ себѣ императрицу Марію Александровну, которой она была всю жизнь беззавѣтно предана, какъ своей милостивой благодѣтельницѣ.

Съ умиленіемъ отзывалась она всегда о государынѣ, какъ о женщинѣ необыкновенно отзывчивой, съ чуткой душой, идеальной, религіозной семьянинкѣ. Хрупкой, нѣжной комплекціи, Марія Александровна постоянно недомогала въ послѣдніе годы своей жизни и съ рѣдкимъ терпѣніемъ переносила недугъ.

Рѣдко выѣзжавшая вслѣдствіе нездоровья императрица проводила много времени за своей любимой работой: вышиваньемъ берлинскою шерстью по крупной канвѣ въ обществѣ своихъ любимыхъ младшихъ сыновей Сергѣя и Павла Александровичей. Государыня, кромѣ духовныхъ книгъ, очень любила историческіе романы.

Помнится мнѣ, со словъ Е. П., что императрицѣ очень нравился историческій романъ «Мировичъ»[1]), который читала ей вслухъ жившая въ Зимнемъ дворцѣ почтенная статсъ-дама г-жа Мальцева.

Не любившая выѣздовъ Е. П., у которой въ Петербургѣ, кромѣ двухъ престарѣлыхъ сестеръ и брата, было много племянниковъ и племянницъ, отличалась особеннымъ радушіемъ и гостепріимствомъ. Сама рѣдко выѣзжавшая въ свѣтъ, она умѣла и любила принимать у себя. Еженедѣльныя вечеринки ея, по средамъ, обыкновенно привлекали, кромѣ родныхъ (довольно многочисленныхъ), не мало знакомыхъ: артистовъ, художниковъ и золотой молодежи— офицеровъ гвардейскихъ полковъ.

Безъ нашего, то есть моей матери[2]), моей младшей сестры и моего, присутствія не обходилась ни одна изъ средъ всего зимняго сезона 1876 года.

Обыкновенно въ восемь часовъ присылался предоставленный въ распоряженіе Е. П. придворный экипажъ, и, когда дворцовый лакей, въ выѣздной, какъ и кучеръ, ливреѣ съ широкими золотыми галунами и въ традиціонной большой треуголкѣ, звонилъ у нашихъ дверей, мы съ сестрой, уже съ волненіемъ ожидавшія его появленія, принимались настоятельно торопить maman ѣхать поскорѣе въ Зимній дворецъ.

Лошади въ шорахъ, какъ намъ тогда казалось, не достаточно быстро подвозили карету къ Комендантскому подъѣзду[3]). Прохо-

[1]) Появившійся въ печати въ семидесятыхъ годахъ. Изъ жизни юнаго узника Іоанна Антоновича.

[2]) Дружной съ юности съ Е. П.

[3]) Первому отъ зданія Эрмитажа.

Библиотека "Руниверс"

дить надо было два зала, чтобы черезъ одну изъ боковыхъ дверей выйти на площадку менѣе широкой и парадной лѣстницы въ третій этажъ.

Въ громадныхъ залахъ этихъ, въ дни торжественныхъ пріемовъ и традиціонныхъ январскихъ баловъ, залитыхъ свѣтомъ громадныхъ спускающихся съ потолка люстръ и многочисленныхъ лампіоновъ по стѣнамъ,—было уныло, холодно, пусто при слабомъ будничномъ освѣщеніи.

Неподалеку отъ дверей, на маленькихъ канатныхъ коврикахъ, темными квадратами вырисовывавшихся на фонѣ полированнаго, ярко блестящаго, какъ золото, паркета, стояло по одному часовому занимавшаго въ тотъ день караулы полка. Неподвижно, какъ изваянія, стояли они въ ожиданіи смѣны.

Дверь въ квартиру Е. П. находилась, какъ мнѣ помнится, недалеко отъ лѣстницы, въ самомъ началѣ длиннаго коридора.

Какъ привлекательна, какъ комфортабельна и уютна была ея умѣло заставленная множествомъ мебели обширная гостиная!

Неподалеку отъ дверей въ столовую помѣщался довольно большой письменный столъ, заставленный, какъ и возлѣ стоящая этажерка, безчисленнымъ множествомъ дорогихъ изящныхъ бездѣлушекъ.

Многими изъ нихъ, подарками высочайшихъ особъ, особенно дорожила обладательница ихъ. Помню я изящное прессъ-папье. На массивной бронзовой доскѣ его, какъ бы на страницѣ открытой книги, съ загнутымъ угломъ было выгравировано крупными буквами «à celle qui sait se taire». Вещица эта была проиграна въ пари тогда еще юной великой княжной Маріей Александровной [1]).

Въ углу стоялъ, всегда открытымъ, превосходный концертный рояль.

Въ гостиной масса тропическихъ растеній... Въ жардиньеркахъ группы пышныхъ, душистыхъ гіацинтовъ; въ вазахъ цѣлые снопы живыхъ цвѣтовъ, доставляемыхъ ежедневно во дворецъ изъ Ботаническаго сада, елагинской, царскосельской и прочихъ оранжерей придворнаго вѣдомства.

Въ насыщенной свѣжимъ, влажнымъ ароматомъ пышныхъ цвѣтовъ, смѣшаннымъ съ запахомъ какого-то особенно пріятнаго, легкаго запаха ambré (куренія), гостиной такъ много свѣта отъ свѣчей въ канделябрахъ на каминѣ, отъ большихъ высокихъ лампъ.

Скрытый обширными абажурами свѣтъ, ласкающій, мягкій, придаетъ всей обстановкѣ какую-то особенную симпатичную уютность.

Чай въ большихъ, стильныхъ, съ густою позолотой чашкахъ (стаканы для чая изъяты изъ употребленія во дворцахъ) разносятъ два лакея въ красныхъ фракахъ съ яркими золотыми галунами.

---

[1]) Нынѣ вдовствующей герцогиней Саксенъ-Кобургъ-Готской.

Библиотека "Руниверс"

Гости размѣщаются небольшими группами за маленькими столиками, причудливо, несимметрично разставленными посреди комнаты и возлѣ стѣнъ. Собираются обыкновенно рано—часамъ къ восьми, какъ того желаетъ радушная хозяйка, живущая во дворцѣ, гдѣ съѣздъ на большіе балы назначается по церемоніалу къ девяти часамъ и запоздавшіе хотя на четверть часа, по придворному этикету, лишаются доступа.

Къ числу желанныхъ, но довольно рѣдкихъ (за неимѣніемъ свободнаго времени) гостей принадлежалъ лейбъ-медикъ высочайшаго двора почтенный, заслуженный профессоръ С. П. Боткинъ. Онъ обыкновенно извинялся, немного запоздавъ, и со своей чашкой чая спѣшилъ подсаживаться къ хозяйкѣ дома, своей старой знакомой, неизмѣнной паціенткѣ, съ родными которой онъ былъ такъ же давно знакомъ, какъ и съ ней самой.

Общество, состоявшее главнымъ образомъ изъ молодежи, группировалось обыкновенно возлѣ артистовъ, кстати сказать, не заставлявшихъ себя долго просить.

Возлѣ открытаго рояля, неподалеку отъ столика, на которомъ лежала въ футлярѣ скрипка, стояла предусмотрительно съ утра присланная віолончель.

Подъ аккомпаниментъ рояля составлялось превосходное тріо. Скрипка—извѣстный Петербургу того времени молодой талантливый, красивый, стройный, впослѣдствіи профессоръ с.-петербургской консерваторіи и дирижеръ Павловскаго вокзала Галкинъ. При каждой встрѣчѣ съ нимъ я вспоминала о восторгѣ, вызванномъ исполненіемъ мелодичнаго соло въ балетѣ «Баядерка». Віолончель—не менѣе извѣстный профессоръ консерваторіи Вержбиловичъ.

Помнится мнѣ чудное исполненіе этимъ тріо моей любимой «Nocturne» Chopin № 12—извѣстнаго романса Глинки:

«Уймитесь волненія страсти...»

Мелодичные, чарующіе звуки такъ ласкали и нѣжили слухъ! Хотѣлось, чтобы они, то тихіе, робкіе, то сильные, страстные, лились непрерывно, наполняя душу какой-то блаженной, сладкой истомой, заставляя забыть все будничное, обыденное въ этой праздничной обстановкѣ, въ этой атмосферѣ душистыхъ цвѣтовъ.

Часто замѣстителями профессора Вержбиловича въ салонѣ Е. П. бывали ея племянникъ П. П. Загорскій, артистъ императорскаго театра (котораго я слыхала неоднократно въ русской оперѣ), и талантливый товарищъ его по оркестру Морозовъ, котораго я давно потеряла изъ вида.

Ученица Віардо Гарсіа, а затѣмъ г-жи Ниссенъ Саломонъ, Л. А. Хейротъ (по сценѣ Торриджи), съ успѣхомъ дебютировавшая въ Миланѣ, въ театрѣ «la Scala», а затѣмъ въ продолженіе нѣсколь-

Библиотека "Руниверс"

кихъ сезоновъ въ итальянской оперѣ въ Петербургѣ, всегда охотно по просьбѣ Е. П. (подруги ея матери) и гостей исполняла нѣсколько арій изъ любимыхъ оперъ своего обширнаго репертуара.

Помнится мнѣ, какъ однажды уже послѣ ужина, собираясь уѣзжать съ братомъ своимъ поручикомъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка Н. А. Хейротомъ, она подошла къ роялю и, поспѣшно сдернувъ уже надѣтыя на руки перчатки, съ необычайнымъ оживленіемъ и подъемомъ спѣла:

Отворите мнѣ темницу,
Дайте мнѣ сіянье дня,
Чернобровую дѣвицу,
Черногриваго коня.

Чѣмъ-то рѣшительнымъ, властнымъ звучало въ устахъ ея требованіе «сіянья дня», чернобровой дѣвицы, черногриваго коня... Дружное браво, настоятельное бисъ вырвалось сразу у всѣхъ присутствующихъ, но Л. А Хейротъ повторять не любила. Небрежно, легко, шутя, какъ бы нехотя прикасаясь чуть-чуть къ клавишамъ, спѣла она еще какую-то изящную, маленькую неаполитанскую canzoletto и опять дружное браво, опять восторженное бисъ.

Кромѣ m-lle Хейротъ, часто пѣли соло и дуэты обладавшіе красивыми, обработанными голосами племянники Е. П. штабсъ-капитанъ лейбъ-гвардіи Егерскаго полка П. И. Прилуковъ [1]) и талантливый художникъ Н. П. Загорскій.

Въ репертуаръ ихъ входило много мелодичныхъ романсовъ Даргомыжскаго. Въ томъ числѣ изъ моихъ любимыхъ «Не требуй пѣсенъ отъ пѣвца»:

«Съ какой тайною отрадой
Тебѣ всегда внимаю я...»

Обладавшій превосходнымъ голосомъ Н. П. Загорскій, окончившій успѣшно курсъ академіи художествъ, былъ даровитымъ живописцемъ и въ семидесятыхъ годахъ занятъ былъ работой жанра для русскаго художественнаго отдѣла филадельфійской выставки [2]).

Н. П. Загорскому, какъ художнику, такъ понравилось однажды въ домашнемъ простенькомъ туалетѣ моемъ и сестры моей (насъ одѣвали одинаково) удачное сочетаніе суроваго полотна прошивокъ и кружевъ на фонѣ какой-то синей ткани, что онъ задумалъ на холстѣ въ этомъ туалетѣ изобразить, женскую фигуру, наброскъ которой былъ уже сдѣланъ имъ заранѣе.

---

[1]) Принимавшій участіе въ спектакляхъ и вечерахъ драматическаго кружка, организованнаго артиллеристомъ Карминымъ, жена котораго, урожденная Байкова, обладала большимъ сценическимъ дарованіемъ. Спектакли давали въ домѣ Копонова на Мойкѣ.

[2]) На которую посылала я свой заслуживший одобрительный отзывъ экспонатъ — богато расшитый мордовскій костюмъ.

Библиотека "Руниверс"

Серьезный, вдумчивый, съ низкимъ мелодичнымъ голосомъ, въ которомъ всегда звучала какая-то затаенная грусть, онъ представлялъ рѣзкій контрастъ своему коллегѣ по академіи Николаю Корнеліевичу Бодаревскому, лицо котораго отличалось необыкновенною подвижностью, а длинные, пышные, русые волосы придавали его наружности какую-то оригинальную артистическую особенность. Николай Корнеліевичъ Бодаревскій, праздновавшій въ 1913 году славную сорокалѣтнюю годовщину своего художественнаго творчества, принадлежалъ къ тогда еще только возникавшей школѣ передвижниковъ и занятъ былъ, кромѣ работъ портретовъ большого размѣра и жанровыхъ картинъ, изображеніями святыхъ (св. угодника Николая), фресками для московскаго храма Спасителя. Работа, за которую, насколько мнѣ помнится, журили его коллеги, находя, что талантливому художнику не слѣдовало, хотя временно, отрываться отъ работы своей и браться за трудъ иконописца. Но Николай Корнеліевичъ, всегда отличавшійся особенною работоспособностью, затрачивалъ обыкновенно очень много времени на выполненіе своихъ вполнѣ законченныхъ, превосходныхъ картинъ.

Мнѣ помнится, что на выставкѣ передвижниковъ сезона 1876—1877 годовъ вниманіе публики привлекала его большая жанровая картина, изображавшая сходившую съ лѣстницы въ сопровожденіи красивой охотничьей собаки изящную стройную амазонку (одну изъ сестеръ художника). Особенно удачными по изяществу, сочетанію цвѣтовъ, отдѣлкѣ деталей были его женскіе портреты и въ числѣ нихъ портретъ нынѣ царствующей императрицы Александры Ѳеодоровны.

Такъ какъ среди гостей преобладала молодежь, то часто экспромтомъ устраивались танцы. Быстро сдвигались въ сторону стоявшіе по среди комнаты столики, изящныя жардиньерки и легкіе золотые стулья. Въ кавалерахъ, танцующихъ особенно охотно, недостатка никогда не было.

Почти неизмѣнными посѣтителями журфиксовъ Е. П. были извѣстный чуть ли не всему Петербургу своимъ необычайно высокимъ ростомъ (почти равняющимся росту императора Петра Великаго) поручикъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка Ф. Н. Эсауловъ. Въ обществѣ его шутя называли Американомъ Африкановичемъ, взамѣнъ его необыкновенно мудренаго имени Филадельфа Ниловича. При выступленіи гвардіи въ походъ 1877 года (въ русско-турецкую кампанію) на проводахъ, устроенныхъ измайловцами на вокзалѣ Варшавской желѣзной дороги, многими изъ присутствовавшихъ было выражено вслѣдствіе его громаднаго роста, отличной мишени для орудій вражьяго стана, опасеніе за его жизнь [1]).

[1]) Убитъ онъ, по счастью, не былъ, но, тяжело раненный подъ Горнымъ Дубнякомъ, былъ 16-го ноября 1877 года доставленъ въ евангелическую больницу въ Петербургѣ, вмѣстѣ съ другими товарищами по полку и дивизіи.

Библиотека "Руниверс"

Бывалъ молодой красивый артиллеристъ Тюбертъ 1-й, трагически погибшій въ слѣдующемъ году при переправѣ черезъ Дунай при Систовѣ. Не пропускали среды (за исключеніемъ назначенія на дежурства) многіе преображенцы, Егерскаго полка обладатель превосходнаго голоса П. П. Прилуковъ и его товарищъ по полку Романовъ.

Изъ кавалеристовъ бывалъ сынъ довольно способнаго русскаго художника А. С. Кудинова, корнетъ Кинбурнскаго драгунскаго полка. Мать его, типичная римлянка, была родственницей Ѳ. А. Бруни [1]); хорошо знакомая съ maman, она часто бывала у насъ, и, благодаря ея посѣщеніямъ, мы легко заучили нѣсколько десятковъ итальянскихъ звучныхъ фразъ. Сынъ ея, небольшого роста, живой, подвижной, съ выразительными глазами и чертами лица, напоминалъ уроженца Италіи. На журфиксахъ Е. П. онъ являлся не иначе, какъ со своими товарищами, прикомандированными къ офицерской кавалерійской школѣ.

Одинъ изъ нихъ, лихой армейскій гусаръ С. А. Карѣевъ, былъ смѣлымъ наѣздникомъ и страстнымъ охотникомъ. Онъ слылъ состоятельнымъ человѣкомъ и имѣлъ свору премированныхъ на выставкѣ, дорогихъ охотничьихъ собакъ.

Другой, болѣе степенный по годамъ и фигурѣ, былъ уланъ Палицынъ. Въ импровизированныхъ танцахъ это гремѣвшее шпорами тріо вносило большое оживленіе.

Карты по средамъ почти отсутствовали. Изрѣдка только, и то въ концѣ вечера, въ уютномъ будуарѣ хозяйки, причудливой драпировкой отдѣленномъ отъ ея спальни, составлялась не большая, но серьезная партія—по маленькой въ преферансъ.

Къ почтеннымъ дамамъ солиднаго возраста были прикомандированы въ качествѣ партнеровъ степенные кавалеры въ генеральскихъ чинахъ.

Около 11 часовъ Е. П. обыкновенно оставляла своихъ гостей, чтобы, накинувъ на плечи плюшевую, обшитую дорогимъ пышнымъ мѣхомъ пелерину, спуститься внизъ во внутренніе покои императрицы Маріи Александровны, имѣвшей обыкновеніе передъ сномъ отдавать распоряженія на слѣдующій день.

Узнавъ иногда случайно отъ кого-либо изъ приближенныхъ, что у Е. П., кромѣ родныхъ, собралось много постороннихъ гостей, государыня милостиво тотчасъ же отпускала ее, и тогда, къ удовольствію всего общества, скоро возвращалась къ нему сама привѣтливая хозяйка.

Ужинъ былъ всегда сервированъ не позже 12-ти часовъ, какъ вообще полагается во дворцѣ въ дни большихъ балóвъ.

---

[1]) Э. А. Бруни (1800—1875 г.) заслуженный профессоръ исторической и портретной живописи, ректоръ академіи художествъ въ 1870 годахъ, которому принадлежатъ художественныя работы Исаакіевскаго собора, Зимняго дворца, храма Спасителя.

Библиотека "Руниверс"

Къ сожалѣнію, добрый примѣръ высочайшаго двора не вызываетъ подражанія въ столичномъ high life, гдѣ не принято съѣзжаться на вечера раньше 11-ти и подавать ужинъ ранѣе 3—4 часовъ по полуночи.

Въ небольшой столовой часто не хватало для всѣхъ мѣстъ. Молодежь всегда демонстративно медлила воспользоваться приглашеніемъ къ большому столу, чтобы позднѣе тѣснымъ кружкомъ устроиться «à partie» за тѣмъ карточнымъ столомъ въ будуарѣ, на которомъ, по окончаніи партіи преферанса, забавлялась игрой въ извозчики—пулики и крестики—и ту незатѣйливую, неизвѣстно кѣмъ придуманную игру, за которой выходило такъ много забавныхъ qui pro quo. Мѣломъ проводилось много круговъ, расширявшихся отъ центра внизъ. Каждый изъ играющихъ (число которыхъ было не ограничено) долженъ былъ положить на первый снизу кругъ кольцо, жетонъ, монету или какой-либо иной мелкій предметъ. Раздавалъ карты тотъ, кто открывалъ наименьшую, считавшуюся козыремъ. Каждый изъ присутствовавшихъ по очереди выдергивалъ карту наугадъ у сосѣда справа, и, когда очередь доходила до сдававшаго, карты открывались, и у кого оказывалась наименьшая козырная, подвигался впередъ на одинъ кругъ, сдавалъ карты всѣмъ, кромѣ себя, и не принималъ участія въ игрѣ до тѣхъ поръ, пока снова открытыя карты не давали замѣстителя. Главнымъ и чуть ли не самымъ интереснымъ и существеннымъ интересомъ игры было обращеніе на ты съ тѣмъ, съ кѣмъ обыкновенно говорили на вы, и наоборотъ. Каждый старался на этомъ подловить, заставить подвинуться впередъ на одинъ кругъ, и кто первый попадалъ въ центръ, давалъ фантъ. Избранное по запискамъ большинствомъ жюри присуждало фанты, разыгрываемые въ концѣ игры. Помнится мнѣ, что художникамъ Бодаревскому и Загорскому назначено было на скорость, подѣливъ столъ пополамъ, изобразить по одной художественной женской головкѣ.

Оба они такъ быстро и такъ талантливо справились со своей задачей, что жаль было стирать рисунки и досадно было, что не пришло никому на мысль предложить перо, карандашъ и бумагу. Тѣмъ же жюри были назначаемы: мелодекламація, замысловатый карточный фокусъ, экспромтъ на готовыя рифмы (bouts rimés), рѣшеніе мудренаго ребуса-загадка, многосложной шарады и т. д. Много шума, смѣха, оживленія вызывала игра, напоминавшая маскарадную интригу, дававшая возможность проявить находчивость, остроуміе.

Ужинать оставалась молодежь за тѣмъ же столомъ, довольная отсутствіемъ этикета и офиціальности, которые соблюдались за большимъ столомъ. Въ смыслѣ сервировки здѣсь было все значительно проще. Тѣ блюда, которыми придворные лакеи чинно, умѣло обносили старшихъ гостей, здѣсь ставились по срединѣ стола. Прислуживали, передавали другъ другу сами, вслѣдствіе чего

Библиотека "Руниверс"

отличавшійся оживленіемъ ужинъ затягивался. Изъ-за стола въ будуарѣ молодежь вставала тогда, когда почетные гости, поблагодаривъ хозяйку, выходили въ переднюю.

Выходили въ коридоръ всѣ сразу. Проходили снова по пустыннымъ заламъ, мимо неподвижныхъ, какъ изваянія, часовыхъ, спускались въ обширный вестибюль цѣлымъ обществомъ. Къ подъѣзду подавалась та же придворная карета, въ которой черезъ Дворцовую площадь, по пустому, безлюдному въ поздній часъ Невскому проспекту подъѣзжали мы къ подъѣзду своей квартиры, на Владимирской.

Въ продолженіе всего зимняго сезона 1876 года до самой Пасхи среды Е. П., всегда многолюдныя, оживленныя, посѣщались усердно многочисленными родными, подругами, сверстницами ея съ ихъ дослужившимися до высокихъ чиновъ мужьями, камергеромъ, владѣльцемъ богатѣйшихъ домовъ въ Москвѣ П. Ив. Шаблыкинымъ съ женой (урожденной Протасовой), пріѣзжавшимъ по дѣламъ энергичнымъ общественнымъ дѣятелемъ, севастопольскимъ городскимъ головой Кази, артистами, золотой молодежью, сохранившею надолго добрую память объ оживленныхъ журфиксахъ и радушномъ пріемѣ.

Наступилъ для Россіи тяжелый 1877 годъ турецкой кампаніи. Вслѣдъ за великими князьями и наслѣдникомъ цесаревичемъ Александромъ Александровичемъ, начальникомъ арміи, выбылъ въ маѣ 1877 года на театръ военныхъ дѣйствій императоръ Александръ II.

Въ августѣ того же года выступили въ походъ одинъ за другимъ полки гвардейскаго корпуса.

При высочайшемъ дворѣ въ сезонъ 1877 года отложены были всѣ балы, выходы, пріемы. Не устраивалось никакихъ раутовъ и вечеровъ въ частныхъ домахъ. Всѣ жили безпокойно, тревожною жизнью, ожиданіемъ телеграфныхъ и письменныхъ сообщеній съ театра военныхъ дѣйствій.

Неутомимо кипѣла работа въ Красномъ Крестѣ. Спѣшно снаряжались санитарные отряды; непрерывно вагонами отсылались транспорты бѣлья и перевязочныхъ средствъ, изготовленіемъ которыхъ занимались усердно дамы въ различныхъ учрежденіяхъ и частныхъ домахъ. Особенно много добровольныхъ труженицъ привлекала мастерская въ Мраморномъ дворцѣ, подъ покровительствомъ великой княгини Александры Іосифовны.

Между тѣмъ въ здоровьѣ императрицы Маріи Александровны, на которой отразились тревоги и безпокойства военнаго времени, отсутствіе близкихъ, послѣдовало постепенное серьезное ухудшеніе.

Не любившая вообще выѣздовъ, обезпокоенная здоровьемъ государыни, Елизавета Петровна почти не покидала дворца. Въ окнахъ квартиры ея никогда почти не видно было свѣта, такъ какъ она проводила всѣ вечера во внутреннихъ покояхъ Зимняго дворца.

Библиотека "Руниверс"

Въ маѣ 1879 не стало императрицы... Скончалась она, какъ мнѣ помнится, въ четвергъ. Въ субботу, въ два часа дня по церемоніалу назначено было изъ внутреннихъ покоевъ перенесеніе тѣла почившей государыни.

Какъ сейчасъ помню, что въ три четверти второго разразилась надъ Петербургомъ такая гроза, какой не запомнили старожилы. Сразу наступилъ такой мракъ, что пришлось спѣшно зажигать свѣчи. Во дворцѣ отдано было приказаніе засвѣтить газовые рожки немедленно въ коридорахъ, на лѣстницахъ, въ вестибюляхъ. Раздавались оглушительные, страшные раскаты грома, яркая молнія непрерывными зигзагами разрывала темныя грозовыя тучи... Становилось страшно... жутко... пока не стали падать тяжелыя крупныя капли дождя, который перешелъ въ обильный ливень.

Послѣ кончины императрицы Елизавета Петровна удалилась на покой. Съ грустью покидала она свою уютную квартиру въ Зимнемъ дворцѣ.

Великодушнымъ императоромъ Александромъ II не были забыты заслуги беззавѣтно преданной покойной государынѣ Е. П. Ей назначена была отъ высочайшаго двора обезпечивающая ея дальнѣйшее существованіе пенсія; ей предоставлено было, какъ при жизни императрицы, пользованіе придворнымъ экипажемъ и отведено было помѣщеніе въ сильно запущенномъ въ то время, пустынномъ Таврическомъ дворцѣ, окнами на Шпалерную улицу.

Здѣсь замкнуто, одиноко доживала она свой вѣкъ, продолжая благотворить, помогая не только роднымъ, но и вообще нуждающимся въ матеріальной помощи и нравственной поддержкѣ.

Много лѣтъ спустя (въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка) пришлось мнѣ снова, но уже не въ придворномъ экипажѣ, а въ каретѣ моей покойной бабушки, съ одѣтымъ въ траурную ливрею по случаю смерти ея лакеемъ подъѣзжать къ Комендантскому подъѣзду, входить въ знакомый вестибюль, подниматься по широкой лѣстницѣ, съ которыми связаны были у меня отрадно-свѣтлыя воспоминанія минувшаго прошлаго.

Мнѣ кажется, что именно въ той же гостиной привѣтливо принималъ меня завѣдывавшій въ то время императорской главной квартирой генералъ-адъютантъ О. Б. Рихтеръ (товарищъ по пажескому корпусу моего дяди [1]), къ которому по случаю скоропостижной смерти бабушки [2]) направили меня съ дѣловыми порученіями.

---

[1]) Генерала-адъютанта П. П. Слѣпцова.

[2]) Вдова ротмистра лейбъ-гусарскаго полка, умершаго отъ сабельныхъ ранъ въ сраженіи подъ Прагой подъ Варшавой 1837 года, Екатерина Петровна Слѣпцова, рожденная княжна Шаховская, родная сестра декабриста князя Ѳедора Петровича Шаховского.

Библиотека "Руниверс"

Медленно, съ волненіемъ и страхомъ (совершенно неосновательными) поднималась я по лѣстницѣ, и дорогіе образы прошлаго возникали въ моемъ воображеніи въ то время, какъ я формулировала свое дѣловое объясненіе, подыскивая для него выраженія.

Никогда послѣ этого не приходилось мнѣ побывать въ Зимнемъ дворцѣ, въ вестибюлѣ его и узнать, кѣмъ занята въ настоящее время квартира въ третьемъ этажѣ съ окнами, выходящими на Дворцовую площадь, налѣво отъ Комендантскаго подъѣзда.

М. Марина.

Библиотека "Руниверс"

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

I.

КОРОТКІЙ декабрьскій день клонился къ вечеру, морозъ забиралъ не на шутку и невольно заставлялъ людей хвататься за носы и уши. На одной изъ угловыхъ станцій большой желѣзной дороги, въ квартирѣ начальника депо, въ уютной столовой съ большой висячей лампой собралась вся семья, состоящая изъ моего брата, его жены и четырехъ славныхъ дѣтокъ. Жена работала, а я дѣлала пѣтушковъ изъ бумаги моимъ племяшамъ.

— Что же это? Завтра ѣхать, а отпуска все нѣтъ! Не понимаетъ начальство души охотника!..—проговорилъ мой братъ, отрываясь отъ чтенія какихъ-то желѣзнодорожныхъ инструкцій.

— Ну, ужъ ваша охотничья душа не глубокая...—сказала жена моего брата съ усмѣшкой.—Гонять по сугробамъ за зайцами, лисицами, волками, тратить деньги и большею частью возвращаться ни съ чѣмъ.

— Эхъ, супруга наша, мало вы понимаете!—укоризненно отвѣтилъ братъ и опять погрузился въ желѣзнодорожную премудрость.

Минутъ черезъ двадцать подъ окномъ раздались хрустящіе шаги, мелькнулъ зелененькій фонарикъ, хлопнула дверь въ кухнѣ, и раздался кашель сторожа Ивана. Прислуга подала брату объемистый конвертъ съ слѣдами копоти и со специфическимъ запахомъ нефти.

— Ну, наконецъ-то!—громко обрадовался братъ:—разрѣшено отбыть на трое сутокъ съ завтрашняго дня отъ 12 часовъ.

Библиотека "Руниверс"

— Ванечка!—позвалъ братъ сторожа, его вѣрнаго товарища по охотѣ,—помоги собраться, завтра выѣзжаю на волковъ, туда, знаешь, къ становому въ имѣніе, куда звали.

— Въ часъ добрый!—ухмыльнулся Иванъ.—Пакетъ-то съ машинистомъ товарнымъ присланъ раньше почтоваго поѣзда...

— А у меня къ тебѣ большая просьба,—обратилась я къ брату:—прихвати меня и завези къ тетушкѣ; всего двѣ версты въ сторону сдѣлать не трудно. Хочется побывать на могилкѣ у матери да и съ тетушкой повидаться.

— Для такого радостнаго событія согласенъ завезти и привезти обратно и безвозмездно! Только прошу не опоздать, поѣздъ отходитъ въ восемь съ половиной часовъ утра,—сказалъ братъ и удалился съ Иваномъ въ кабинетъ.

На другой день, за пять минутъ до второго звонка я пришла на поѣздъ и уже встрѣтила тамъ брата. Иванъ былъ нагруженъ лыжами, чемоданомъ и ящикомъ съ ружьемъ.

Морозъ былъ изрядный, платформа потрескивала подъ ногами, паровозъ пыхтѣлъ двойными вздохами; кондуктора накидывали веревки, другіе съ корзиночками и сундучками спѣшили къ своимъ вагонамъ; телѣжка съ багажомъ тяжело прогромыхала между снующей публикой. Была знакомая суета передъ отходомъ поѣзда.

— А что-то вѣтерокъ сталъ подувать, какъ бы метели не было,—проговорилъ братъ и вошелъ въ вагонъ.

Въ отдѣленіи, кромѣ насъ, было еще двое мужчинъ и дама.

Одинъ—немолодыхъ лѣтъ отставной полковникъ съ длинными сѣдыми усами, съ добродушной физіономіей и довольно мясистымъ носомъ, цвѣтъ котораго краснорѣчиво говорилъ, что «веселіе Руси есть пити», съ двойнымъ подбородкомъ и необъятнымъ животомъ. Другой пассажиръ былъ молодой малый лѣтъ восемнадцати, въ пальто съ барашковымъ воротникомъ и въ такой же шапочкѣ. Обликомъ былъ похожъ на купчика, а наивнымъ видомъ и жизнерадостной мордочкой смахивалъ на упитаннаго щенка. Дама была какая-то тощая, желто-сѣрая, помятая, съ глазами цвѣта снятого молока и никакого впечатлѣнія не оставляла.

Увидя моего брата съ охотничьими принадлежностями, полковникъ весело повелъ глазами и улыбаясь пропыхтѣлъ:

— Вотъ тутъ есть свободное мѣсто, будетъ удобно...

«Ну,—подумала я съ ужасомъ:—сейчасъ познакомятся, начнутъ курить и разсказывать небылицы, отъ которыхъ въ голову туманъ вступаетъ». Я не ошиблась, къ несчастью, всѣ два часа, которые надо было ѣхать намъ до станціи назначенья, разговоръ не прекращался. Когда рѣчь зашла о дрессировкѣ собакъ, купчикъ, все время внимательно слушавшій, вдругъ бухнулъ:

— А я такъ корову надрессировалъ!..

— Какъ корову?

Библиотека "Руниверс"

— Такъ-съ. Во второй этажъ научилъ ходить за хлѣбомъ! Тятенька разгнѣвался и запретилъ-съ... Потому очень лѣстницу пачкала!...

Мы засмѣялись.

— Станція Далекое! Поѣздъ стоитъ пять минутъ!—провозгласилъ кондукторъ, проходя по вагону.

Поѣздъ, громыхая и сбавляя ходъ, подходилъ къ станціи. Полковникъ жалъ руку брата и что-то пыхтѣлъ ему на прощанье, купчикъ тоже совалъ свою правую лапу даже почему-то и мнѣ; мы собрали вещи и спѣшили выйти изъ вагона.

Нанявъ ямщика на парѣ гусемъ, минутъ черезъ 20 мы выѣзжали со станціи. Дулъ порывистый вѣтеръ; въ полѣ шла поземка.

Часа три ныряли мы по ухабамъ, сугробамъ мимо занесенныхъ снѣгомъ деревень. Скучна ѣзда зимой по русскимъ проселкамъ!

— Ну, вотъ, сестрица, дорога въ имѣніе станового налѣво, а для васъ двѣ версты крюку направо къ тетушкѣ. Вотъ заброшенная усадьба Петра Ѳедоровича!

Я раскрыла теплый платокъ и посмотрѣла.

На довольно крутомъ пригоркѣ стоялъ домъ съ заколоченными окнами; по горѣ шелъ запорошенный снѣгомъ садъ; густыя темно-зеленыя аллеи кедровъ рѣзко выдѣлялись среди голыхъ березъ съ растрепанными прошлого днями вороньими гнѣздами; садъ глухо и уныло шумѣлъ; подъ горой постукивала мельница.

— Да, невеселыя думы навѣваютъ эти заброшенныя имѣнія. Вотъ и тутъ тоже... Жилъ человѣкъ, дурачился всю жизнь, а кончилъ трагической смертію...—замѣтила я.

— Чего хуже!—отозвался братъ:—застрѣлился изъ стараго ружья, заряженнаго водой... Всю голову разнесло.

Еще съ полчаса поколыхались по мало наѣзженной лѣсной дорогѣ и въѣхали въ имѣніе тетушки. Братъ, не заходя въ домъ, высадилъ меня съ моими вещами, а самъ поѣхалъ, спѣша засвѣтло добраться до имѣнія станового.

II.

Вотъ онъ, старинный, съ бѣлыми колоннами, сѣрый домъ, полный дорогихъ воспоминаній, въ которомъ выросли моя мать, дяди и тетки, гдѣ родилась и провела свое дѣтство и я. На крыльцо вышли кучеръ и домоправительница тетушки и объявили мнѣ, что она уѣхала по дѣламъ въ Петербургъ и сегодня въ ночь за ней пойдутъ лошади на станцію.

Въ комнатахъ меня встрѣтила старушка Татьяна Ивановна, осколокъ минувшаго барства, бывшая крѣпостная бабушки.

— Матушка моя, изволили пожаловать, а тетеньки-то нѣтъ, ну, да, слава Богу, завтра, можетъ, и подъѣдетъ. Всѣ ли здоровы?—

Библиотека "Руниверс"

и старушка съ низкимъ поклономъ хотѣла поцѣловать мою руку, но я, не допустивъ этого, сама крѣпко обняла Татьяну Ивановну.

— Какъ живете-можете, моя хорошая?

— Покорно благодарю, матушка, Богъ милостивъ!—и давно знакомая улыбка, стыдливая, какъ-то въ сторону, озарила сморщенное лицо.

Ребенкомъ я ее помнила, и теперь глядѣла на нее, и все она такая же, мало перемѣнилась. Все такимъ же фасономъ сшитое темное платье, фартукъ, бѣленькій платочекъ со спрятанными подъ фартукъ концами и плотно сколотый у шеи, на головѣ темный платокъ, изъ-подъ котораго виднѣется обшитый зубчиками бѣлый чепчикъ. Всѣ, какъ я стала себя помнить, называли ее полнымъ именемъ, исключая дѣдушки и бабушки. Женщина эта была олицетворенная кротость и полное самоотреченіе. Жила ли она когда-нибудь для себя, я не знаю, но для другихъ она отдала всю свою жизнь. Не было ни одного радостнаго и ни одного печальнаго событія въ семьѣ, гдѣ бы Татьяна Ивановна не играла активной роли, гдѣ бы не радовалась и не страдала вмѣстѣ съ господами. Съ одинаковымъ терпѣніемъ и кротостью просиживала ночи у постели больныхъ, закрывала глаза умершимъ, обмывала ихъ, руководила хозяйствомъ и церемоніями на похоронахъ и свадьбахъ, въ томъ числѣ и на моей; лѣтомъ съ утра до ночи сновала по погребамъ, варила варенье, солила грибы и огурцы; зимой топталась цѣлыми днями въ комнатахъ, кладовой и кухнѣ и т. д. Однимъ словомъ, безъ Татьяны Ивановны дому недоставало бы чего-то. И при этомъ никогда ни одной жалобы на трудъ и усталость, только какая-то затаенная печаль робко смотрѣла изъ ея милыхъ, голубыхъ глазъ. Я ее очень любила и пользовалась взаимной симпатіей.

— Фрося, ты бы самоварчикъ для барыни поставила, а вамъ, матушка, не угодно ли пожаловать въ угольную,—деликатно напомнила мнѣ старушка бабушкинъ обычай: уѣзжая и пріѣзжая, помолиться въ угольной комнатѣ, гдѣ были собраны старинные фамильные образа и гдѣ бабушка, стоя на колѣняхъ на коврикѣ, проливала въ горячей молитвѣ и радостныя и скорбныя слезы. Я молча повиновалась и, пройдя въ угольную, положила три земныхъ поклона. Въ комнатѣ все было такъ, какъ при бабушкѣ. Надо отдать справедливость тетушкѣ, что она свято хранила все старинное добро. Вотъ стеклянный шкапъ, такъ занимавшій меня въ дѣтствѣ своими интересными вещами: большой кокосовый орѣхъ съ вырѣзанными на немъ затѣйливыми фигурами, двѣ масленки, одна въ видѣ варенаго краснаго омара съ выпученными черными глазами, другая въ видѣ лежащей коровы изъ фараоновскихъ тучныхъ, съ необъятными молочными сосудами и съ отбитымъ рогомъ; вотъ грибъ изъ коричневой замши съ маленькимъ грибкомъ у корня и съ кусочкомъ пожелтѣвшаго мха, теперь уже осыпавшагося; алебастровая кошка

Библиотека "Руниверс"

съ зелеными глазами, краснымъ носомъ, съ качающейся головой и много другихъ мелочей, заставлявшихъ меня ребенкомъ стоять въ нѣмомъ созерцаніи передъ завѣтнымъ шкапомъ.

— Можетъ быть, изволите пройтись по комнатамъ?—сказала Татьяна Ивановна и отворила дверь въ гостиную.

Это была большая, высокая комната въ два окна и съ стеклянной дверью на каменный балконъ съ толстыми бѣлыми столбами, любимое мѣсто нашихъ дѣтскихъ игръ въ жаркіе дни.

Вотъ и знаменитый толстый, раскидистый серебристый тополь, на который мы такъ любили влѣзать и сидѣть на его громадныхъ вѣтвяхъ. Теперь весь цвѣтникъ былъ занесенъ снѣгомъ, и только два темнозеленые кедра, посаженные дѣдушкой, оживляли бѣлую картину. Въ гостиной все стояло въ прежнемъ порядкѣ. Замѣчательно сохранились обои съ разбросанными по бѣлому блестящему фону огромными розами среди темныхъ листьевъ. Тѣ же портреты Николая I съ его орлинымъ взоромъ, Суворова въ мундирѣ и лентѣ; большая картина надъ диваномъ, вышитая моею матерью à petit point, изображающая стрѣлецкій бунтъ и царицу Наталію Кирилловну, показывающую на икону и защищающую своимъ тѣломъ юнаго Петра отъ свирѣпаго, лохматаго стрѣльца съ красными щеками, съ топоромъ въ рукахъ и съ двумя черными точками вмѣсто глазъ; по угламъ тѣ же шкапики съ букетами восковыхъ цвѣтковъ, работы старшей сестры моей матери, въ фарфоровыхъ вазахъ подъ стеклянными колпаками; нѣкоторые лепестки уже обкрошились отъ времени, но все-таки цвѣты поражаютъ своею натуральностью; огромныя зеркала въ простѣнкахъ съ подзеркальниками, на которыхъ были вышиты желтыя собаки и охотники въ зеленыхъ куртках, стрѣляющіе какихъ-то мудреныхъ птицъ.

Вспомнились мнѣ и веселые праздники, бывшіе въ домѣ. Торжественнымъ днемъ была встрѣча новаго года и день рожденія бабушки 1-го января, когда вся семья, дѣти, внуки и сосѣди-помѣщики съѣзжались со всѣхъ сторонъ.

Ужинали всегда въ гостиной, освѣщенной большой люстрой, и въ угольной, а въ залѣ были танцы. Лакей Кононъ, въ синемъ сюртукѣ съ роговыми пуговицами, въ бѣлыхъ перчаткахъ, являлся къ бабушкѣ съ вопросомъ: «Сударыня, прикажете зажигать кенкеты и люстры?» и, получивъ утвердительный отвѣтъ, приступалъ къ зажиганію люстръ въ залѣ и гостиной по протянутой ниткѣ. Я съ напряженнымъ вниманіемъ всегда слѣдила за этой процедурой. Въ залѣ танцовали до упаду, кто ряженый, кто въ вечернихъ костюмахъ. Старшій дядя, бывшій гусаръ, умѣлъ особенно смѣшно наряжаться; другой дядя, гвардейскій офицеръ, дирижировалъ танцами; самый мой любимый дядя Дмитрій, правовѣдъ, неутомимо носился съ дѣвицами, а мы, внучата-малыши, сновали между танцующими и получали иногда здоровые толчки, но это только удваивало

Библиотека "Руниверс"

нашу рѣзвость. Бабушка и дамы сидѣли въ креслахъ, кушали варенье и смотрѣли на танцующихъ. Но вотъ время приближается къ двѣнадцати. Двери въ гостиную торжественно отворяются, и Кононъ докладываетъ громкимъ голосомъ:

— Кушать готово!

Дѣдушка въ высокихъ воротничкахъ, въ бѣломъ крахмальномъ галстукѣ, окончивъ игру въ карты, ведетъ бабушку къ столу, гости парами слѣдуютъ за ними. Помню высокую фигуру бабушки въ шелковомъ свѣтло-сѣромъ капотѣ, въ бархатной мантильѣ вишневаго цвѣта, въ кружевномъ чепцѣ съ бѣлыми лентами, стоящую рядомъ съ дѣдушкой около своихъ приборовъ. Всѣ ждутъ въ торжественномъ молчаніи боя часовъ. Отецъ мой съ шампанскимъ стоитъ около Конона съ подносомъ бокаловъ. Съ послѣднимъ ударомъ двѣнадцати пробка шумно вылетаетъ, сопровождаемая радостнымъ визгомъ внучатъ, но бабушка грозитъ намъ съ улыбкой пальцемъ, и мы смолкаемъ. Первый бокалъ подается бабушкѣ и дѣдушкѣ и т. д. Среди тишины дѣдушка произноситъ тостъ, заглушаемый громкимъ «ура», цѣлуетъ бабушку, и затѣмъ идутъ общія поздравленія. Мы подходимъ къ ручкѣ бабушкѣ послѣдніе и получаемъ по глотку искристаго шампанскаго изъ бокаловъ дѣдушки и бабушки и съ пріятнымъ щекотаніемъ въ носу идемъ къ родителямъ, отъ которыхъ тоже получаемъ глотки. Всѣ садятся за столъ, а насъ отводятъ въ мѣста не столь отдаленныя, въ заднія комнаты, гдѣ только по остаткамъ кушаній угадываемъ прелесть цѣлаго, но наѣдаемся плотно. И опять-таки милая Татьяна Ивановна успѣваетъ среди суеты кому сказать ласковое слово, кому сдѣлать замѣчаніе, но все тихимъ, кроткимъ голосомъ и на «вы».

III.

Куда ушла вся эта привольная жизнь? Гдѣ всѣ, которые въ этихъ комнатахъ жили, веселились, любили, страдали?.. Всѣ въ могилахъ, всѣ сошли со сцены и будутъ забыты безслѣдно.

Мы прошли въ большую бѣлую залу. Тихо и пусто. Сумерки густѣли и дѣлалось какъ-то жутко въ большой комнатѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ среди этой залы возвышался бѣлый глазетовый гробъ съ дорогой бабушкой въ немъ,—жизнь точно оборвалась въ домѣ. Это была первая печаль въ семьѣ, послѣ которой все затихло и никто уже не дѣлалъ попытокъ возобновить веселые праздники. Вся семья почувствовала, что погасъ тотъ лучъ, который все оживлялъ и согрѣвалъ. Дѣдушка до конца жизни скорбѣлъ о бабушкѣ.

Все мое дѣтство и юность промелькнули въ памяти, и горячія слезы полились изъ глазъ. Татьяна Ивановна ни однимъ словомъ не прерывала моей тоски. Вдругъ раздалось шипѣніе, и часы съ кукушкой пробили четыре. Я вздрогнула и вернулась къ дѣйствительности.

Библиотека "Руниверс"

— И кукушка цѣла!—улыбнулась я, вспомнивъ, какъ ребенкомъ я съ поднятой головой стояла и ждала ея появленія.

— Да, матушка,—отозвалась Татьяна Ивановна:—всѣхъ Богъ прибралъ, а часы вотъ цѣлы и бьютъ себѣ кое-какъ...

Въ комнату вошла Фрося, женщина лѣтъ 40, и спросила, гдѣ мнѣ угодно кушать чай.

— Татьяна Ивановна, можно въ вашей комнатѣ? Хочется поговорить съ вами, вспомнить старину,—сказала я.

— Матушка моя, милости просимъ, да боюсь неудобно у меня!—съ поклономъ отвѣчала старушка и улыбнулась своей знакомой стыдливой улыбкой.

Комната, гдѣ жила Татьяна Ивановна была съ однимъ окномъ, выходившимъ на дворъ, окруженный хозяйственными постройками, и служила когда-то дѣтской: въ ней жили и качались въ люлькѣ по очереди: моя мать, тетки и дяди; въ потолкѣ до сихъ поръ сохранилось желѣзное кольцо, на которомъ висѣла люлька. Налѣво отъ двери была лежанка, на которой дѣтьми любили мы сидѣть въ сумерки и слушать разсказы про нашествіе французовъ, про выѣзды бабушки на балы, про свадьбы моей матери и тетокъ, про домовыхъ, лѣшихъ, колдуновъ и т. п. Въ углу у образовъ теплилась лампада; подъ образами—кровать съ темнымъ ватнымъ одѣяломъ и одной подушкой, столикъ, накрытый чистой салфеткой, на немъ очки, начатый шерстяной чулокъ и корзиночка съ клубкомъ; у стѣны сундукъ, на немъ какіе-то свертки, узелки, корзиночки, завязанныя тряпочками, ящички...

— У васъ точно келья,—замѣтила я, усаживаясь къ столу подъ окномъ.

— Матушка, много ли мнѣ нужно, ужъ недолго и по землѣ ходить! Дай Богъ здоровья тетенькѣ, помнятъ онѣ завѣтъ дѣдушки, царство ему небесное, берегутъ меня, ни въ чемъ нужды не вижу,—говорила старушка, заваривая чай.

— А зачѣмъ тетушка поѣхала въ Петербургъ?—спросила я.

— По дѣламъ, матушка! У нихъ неудовольствіе съ отцомъ Ѳедоромъ вышло, такъ онѣ къ высшимъ властямъ поѣхали жаловаться.

— Изъ-за чего же неудовольствіе?

— Изъ-за кладбищенской церкви, матушка. Дѣдушка завѣщалъ наблюдать за храмомъ и за могилками и изволили на это оставить. Вѣдь иконы-то, вы изволите знать, ваша маменька съ тетенькой сами писали, ну, и дѣдушка приказали, чтобы все въ порядкѣ было. Тетенька давали отцу Ѳедору деньги на поправки, ну, а онъ, не мнѣ судить, пренебрегалъ и отчета не желалъ давать тетенькѣ и даже непочтительно обошелся съ ними. Тетенька изволила владыкѣ писать, а отецъ-то Ѳедоръ, узнавши объ этомъ, самъ поѣхалъ, да съ багажомъ... Ну, тетенькино письмо и осталось безъ отвѣта.

Библиотека "Руниверс"

Вотъ тетенька разгнѣвались и поѣхали въ Петербургъ. Да много и другихъ грѣховъ за отцомъ Ѳедоромъ. Невоздержанъ онъ къ вину и крестьянъ притѣсняетъ. Который если не дастъ денегъ впередъ за покойника, такъ батюшка и не хоронитъ. Одинъ такъ не сошелся въ цѣнѣ съ батюшкой, пождалъ, пождалъ, да и подвезъ покойника къ батюшкиному дому, лошадь выпрягъ да верхомъ домой и уѣхалъ. Двое сутокъ стоялъ покойникъ-то, народъ пугаться сталъ; пора рабочая, жаркая, духъ нехорошій пошелъ, ну, батюшка на третій день даромъ и похоронилъ. Нехорошо онъ, матушка, съ народомъ поступаетъ, а управы на него нѣтъ. Если, къ примѣру сказать, привезутъ младенца крестить, сейчасъ спрашиваетъ: дѣвица или замужняя мать? Если замужняя, ну, окрестить тамъ Иваномъ, Петромъ или еще какъ, ну, а если упаси Богъ дѣвица... такое имя наречетъ, что и стыдно сказать. Тутъ въ прошломъ году случилось такъ два раза... и дѣвушки-то знакомыя... ну, ошиблись, ихъ грѣхъ. Не дай Богъ какъ окрестилъ,—и старушка отвернулась.

— Какъ же назвалъ-то?—спросила я.

— Ужъ простите, матушка, даже зазорно сказать... Одного-то мальчика назвалъ... какъ его... да Хусдозатъ, а другого—Павсикакій [1])...

— Да неужели такъ? Развѣ есть такія имена?

— Не знаю, матушка, а только не слыхала, чтобы когда такіе святые бывали,—отвѣтила старушка.

На дворѣ порывисто завывалъ вѣтеръ, метель разыгрывалась не на шутку. Въ комнатѣ было тепло и уютно, и мы, попивая чай, вспоминали разные эпизоды изъ прошлаго.

— Какъ вы, матушка, все помнить изволите!—замѣтила старушка.

— Да, у меня память хорошая. А скажите, Татьяна Ивановна, вѣдь вы съ самаго малолѣтства жили у бабушки въ домѣ?

— Какъ же, вѣдь мы крѣпостные были, дворовые вашей еще прабабушки Ольги Дмитріевны. Настоящая барыня были, важныя, строгія, мало съ кѣмъ и разговаривали. Мы съ сестрой Машей и выросли въ горницахъ, играли съ бабушкой вашей и въ приданое имъ были отданы. Вѣдь бабушка ваша изволили выйти 13-ти лѣтъ замужъ и куколъ всѣхъ съ собой взяли. Потихоньку отъ барина мы и играли съ ними вмѣстѣ. Да недолго замужемъ-то были, всего восемь мѣсяцевъ.

— Какъ же такъ?—спросила я.

— Да вѣдь бабушка-то два раза были замужемъ.

— Отчего же мнѣ объ этомъ никто не говорилъ?

— Бабушка объ этомъ не любила говорить, скрывали, только я-то все это знаю. Супругъ-то былъ старше ихъ, такъ подъ 40 лѣтъ,

---

[1]) 1-й—17-го апрѣля, 2-й—13-го мая.

Библиотека "Руниверс"

бабушка-то ихъ больше боялись, чѣмъ любили. Прошло это восемь мѣсяцевъ, баринъ на войну пошли и назадъ не вернулись. Увѣдомили, что пропалъ безъ вѣсти. Прошло пять лѣтъ, за бабушкой кавалеры разные такъ и вьются, а онѣ надежды подать не смѣютъ, все думаютъ, супругъ вернется, а сами ни дѣвица, ни вдова. А тутъ дѣдушка въ нихъ влюбился, и бабушка въ нихъ очень, ну, всю тайну имъ и открыли. Дѣдушка-то былъ уланъ, писали къ разному начальству, ѣздили въ Петербургъ сами узнавать, ничего не узнали. У архіерея спрашивали, тотъ благословилъ выходить, потому какъ пять лѣтъ въ отлучкѣ, такъ бракъ не считается. Вотъ бабушка и вышли замужъ, а все первые годы боялись, какъ бы прежній баринъ не вернулся. Потомъ дѣдушка этотъ домъ выстроили и стали въ немъ жить, и старая барыня съ ними.

IV.

— А вѣдь худо было жить крѣпостнымъ?—замѣтила я.

— Какъ у какихъ господъ, матушка. У иныхъ худо, у другихъ лучше, а все больше худыхъ господъ было. Вотъ дѣдушка съ бабушкой, царство имъ небесное, не сѣкли и въ Сибирь не ссылали, а старая барыня и били, и на конюшнѣ приказывали сѣчь и ссылали.

При этомъ голосъ у Татьяны Ивановны дрогнулъ, и по лицу точно тѣнь прошла.

— А вотъ ваша прабабушка съ папенькиной стороны такъ тоже очень строгія были. Воспитывались въ Смольномъ институтѣ, шифръ получили, фрейлиной были у императрицы, такъ онѣ своей рукой дѣвокъ никогда не били, а была сдѣлана деревянная рука и на ленточкѣ висѣла на стѣнѣ. Онѣ такъ говорили: «я не могу своей дворянской рукой бить хамскую морду». Прадѣдушка и приказали сдѣлать для нихъ деревянную, какъ есть ладонь. Какъ, значитъ, разгнѣваются, сейчасъ позовутъ дѣвку къ себѣ: «Подай, мерзавка, руку!» и изволитъ бить по щекамъ, а дѣвка стоитъ и шевельнуться не смѣетъ. Какъ набьютъ, велятъ руку повѣсить, а дѣвку въ дѣвичью прогонятъ. На конюшнѣ рѣдкій день чтобы кого-нибудь не сѣкли. Въ Сибирь тоже много народу ссылали.

— Господи! Въ Сибирь—и безъ суда?

— Какой, матушка, судъ!.. Прикажутъ везти въ городъ, напишутъ городничему, а тотъ еще кому слѣдуетъ, и на поселеніе. Такъ на всю жизнь...—вздохнула старушка.

— Да какъ же терпѣли-то, не жаловались?

— Кому же, сударыня, жаловаться? Извѣстно, господа, а мы ихъ рабы, ну, и должны слушаться. Да вотъ изволите, можетъ быть, помнить Варвару Павловну Муромцеву?..

— Помню чуть-чуть,—отвѣтила я.

— Такъ вотъ онѣ какъ строги были! Если какая дѣвушка себя не соблюдетъ—сейчасъ на конюшню сѣчь, а потомъ голову обреютъ,

Библиотека "Руниверс"

дегтемъ вымажутъ и изъ горницы на скотную сошлютъ. А то если кружева на чепчикѣ нехорошо разгладятъ, сейчасъ этой самой дѣвкѣ велятъ руку на доску положить и сами горячимъ утюгомъ и пришпарятъ. Сколькимъ онѣ такъ руки попортили!..

Старушка замолчала и смотрѣла точно куда-то вдаль. Всегда грустные глаза теперь приняли суровое выраженіе. Видно было, что передъ ней вставало что-нибудь тяжелое изъ давно минувшаго.

— Нашъ-то баринъ добрый былъ, зато отъ нихъ никто и на волю не хотѣлъ уходить, почти что насильно волю давали. А вотъ отъ вашего дѣдушки съ папенькиной стороны такъ много людей въ бѣгахъ было; нѣкоторыхъ засѣкали до безпамятства, на рогожкахъ изъ конюшни выносили...

— Да, да я помню, какъ почти каждый день кто-нибудь страшно кричалъ на конюшнѣ и я прибѣгала къ мамочкѣ, прятала голову въ колѣни и просила закрыть меня чтобы не слышать,—вспоминала я отвратительныя картины моего дѣтства.

— Много грѣховъ унесъ вашъ дѣдушка, не тѣмъ будь помянутъ! Больше всего онъ былъ падокъ до молоденькихъ дѣвочекъ; сколькихъ онъ несчастными сдѣлалъ! Былъ у него камердинеръ Леонидъ, такъ его дѣдушка по деревнямъ посылалъ переписывать семьи, гдѣ были красивыя дѣвочки 15—16 лѣтъ. Потомъ выходилъ приказъ старостамъ присылать ихъ съ отцами или съ матерями на осмотръ къ дѣдушкѣ. Тутъ они выбирали себѣ сколько имъ вздумается по вкусу и сдавали подъ присмотръ Леониду, а прочихъ назадъ увозили. Такъ матери-то, бывало, воемъ воютъ, а оставить дочь дома не смѣютъ. Нѣкоторыя даже купоросомъ щеки дочкамъ выѣдали, чтобы только дѣдушкѣ не приглянулась. Какъ ужъ выбранныхъ-то всѣхъ погубитъ, такъ назадъ по деревнямъ и развезутъ. Многія со стыда топились, которыя въ бѣга уходили и безъ вѣсти пропадали... Господи, страшно вспоминать, что дѣлалось.

— Татьяна Ивановна, а правда, я слышала отъ мамочки, что ваша сестра тоже безъ вѣсти пропала, только не знаю почему и какъ это случилось?—неосторожно спросила я.

Старушка вздрогнула и какъ-то потемнѣла вся, но молчала, только спицы быстрѣе ходили въ пальцахъ.

— Голубушка, простите меня, я васъ огорчила...—говорила я, обнимая и цѣлуя старушку.

— Не извольте безпокоиться, матушка,—отвѣчала она, цѣлуя меня:—конечно, взворошили вы мое старое горе, ну, я и смутилась... Правда. И посейчасъ не знаю, жива она, моя голубушка, или нѣтъ...

— Да какъ же это случилось?—спросила я.

— Только бабушка и дѣдушка объ этомъ знали, а ваша маменька настояще не знали. Какъ уже теперь никого въ живыхъ нѣтъ, можно вамъ разсказать.

Библиотека "Руниверс"

V.

— Давно ужъ это было,—начала старушка, вздохнувъ:—а помню, точно вчера случилось. Я вамъ докладывала, что мы съ Машей выросли около вашей бабушки и въ приданое при первомъ бракѣ насъ къ нимъ спредѣлила барыня Ольга Дмитріевна. И какъ второй разъ бабушка замужъ вышли, мы при нихъ же состояли. Второй годъ пошелъ съ ихъ свадьбы, и что вдругъ случилось, откуда бѣда стряслась, не знали мы обѣ съ сестрой. Нашепталъ ли кто бабушкѣ, самимъ ли имъ показалось—не знаю, только приревновали онѣ дѣдушку къ Машѣ... И напрасно. Дѣдушка были богобоязненный баринъ, соблюдали себя въ вѣрности всю жизнь и очень любили бабушку, да и Маша-то, хоть и красивая была дѣвушка, а была честная, скромная, богомольная. Какъ это бабушка, должно быть, узнали, слышно было, что гнѣвались на дѣдушку, а Машу бранить не бранятъ, не говорятъ и къ себѣ не допускаютъ. Стали запираться у себя въ горницѣ и плакать. Ольга Дмитріевна изволили замѣтить, ну, бабушка, должно быть, имъ и открылась. И что тутъ было, Господи, Создатель мой!.. Слышимъ, старая барыня громкимъ голосомъ кричитъ: «Машка! Машка!» Мы сидѣли за пяльцами въ дѣвичьей. Маша это, какъ услыхала гнѣвный голосъ, испугалась, побѣлѣла вся и бѣгомъ къ барынѣ, а я тоже за ней и смотрю въ дверь-то. Ольга Дмитріевна сейчасъ ногами затопала, закричала: «Ты, говорятъ, мерзавка, это что жъ, шашни съ бариномъ завела, до слезъ барыню молодую довести осмѣлилась, да я тебя запорю! Сознавайся, что у тебя съ бариномъ было?..»

«— Матушка, барыня, не сойти живой съ мѣста, если я когданибудь посмотрѣла на барина или баринъ на меня,—а сама дрожитъ вся, моя голубушка.

«Тутъ барыня еще больше разгнѣвалась.

«— Такъ ты врать?.. Такъ вотъ тебѣ!..—да какъ ударитъ со всего маху въ щеку да въ другую... Маша покачнулась, глухо такъ вскрикнула, а барыня опять въ щеку, да и крикнула: «Позвать кучера Степку и розогъ приготовить!..»—а сама сѣла въ кресло и отдышаться не могутъ. Маша имъ въ ноги, со слезами умоляетъ: «Матушка, барыня, убейте меня, только не срамите передъ народомъ! Видитъ Богъ, не виновата!..»—хватаетъ руки цѣловать, а барыня изволили ее ногой отпихнуть. А я стою у двери дѣвичьей ни жива, ни мертва, слова вымолвить не смѣю... Пришелъ Степанъ, а барыня ему крикнули: «Возьми эту мерзавку на конюшню и всыпь ей хорошенько!» Маша не своимъ голосомъ крикнула: «Не бейте меня!... я не виновата! грѣхъ вамъ, барыня!.. Господь взыщетъ съ васъ...» Тутъ барыня вскочили съ кресла да какъ крикнутъ: «Взять ее и отпороть, а тамъ въ кандалы и въ Сибирь на поселенье!..» Маша какъ стояла,

Библиотека "Руниверс"

такъ и грохнулась на полъ. Тутъ ужъ я не вспомнилась и бросилась къ Машѣ... Прибѣжали дѣдушка съ бабушкой, дѣдушка даже непочтительно сказали старой барынѣ, что нельзя такъ истязать дѣвушку, что это все ложь! Бабушка плачутъ, просятъ простить, а Ольга Дмитріевна кричитъ на дѣдушку, что она хозяйка своимъ людямъ и что дѣдушка молодъ очень ихъ учить! И пошло, и пошло... Дѣдушка ушелъ изъ дому, бабушка заперлась въ спальнѣ, старая барыня велѣли себя подъ руки вести въ свою комнату. Машу кучеръ съ поваромъ вынесли на рукахъ и понесли на конюшню. Я было сунулась за ними, да старшая горничная Авдотья Павловна, изволите ее знать, меня не пустила. Какъ увидѣла я, что розги на конюшню пронесли, такъ, не помня себя, бросилась на чердакъ, чтобы не слышать да тамъ на порогѣ и повалилась...»

Старушка тяжело перевела духъ и смахнула набѣжавшую слезу. Я сидѣла вся холодная отъ волненія.

— Много ли времени я тамъ пролежала, не знаю, только когда сошла внизъ въ дѣвичью, ужъ все было кончено, и дѣвушки мнѣ сказали, что Маша лежитъ въ нашей каморкѣ подъ лѣстницей, гдѣ мы съ ней обѣ спали. Я потихоньку прошмыгнула туда, вижу Маша лежитъ ничкомъ, покрытая простыней, и тихо стонетъ, около ня на скамейкѣ Авдотья.

«— Гдѣ пропадала? Лучше бы за сестрой походила... Погляди, какъ ее обработали...—и приподняла простыню...

Все тѣло, Господи, какъ изрубленное, въ рубцахъ, вспухло, съ синими подтеками, а мѣстами и кровь запеклась... Заревѣла я тутъ, какъ шальная, припала къ постели, руку Машину цѣлую, а рука вся искусана въ кровь... Это она, моя страдалица, чтобы не кричать громко, руку себѣ кусала. Я реву, а она меня унимаетъ:

«— Полно, Танюша милая, не плачь, все равно не поможешь, срама этого съ меня никакими слезами не смоешь... Господь батюшка все видитъ! Знаетъ онъ, что я невинна и розги и позоръ приняла напрасно... Молись, чтобы Онъ, заступникъ, оглянулся на насъ, беззащитныхъ сиротъ, и тебя бы отъ бѣды сохранилъ!..—а сама залилась слезами.

Авдотья велѣла мнѣ около Маши сидѣть, мазать тряпочки спускомъ и прикладывать, и вышла потихоньку: боялась, чтобы барыня не хватилась ея. Слава Богу, обо мнѣ не вспомнили, и я весь вечеръ просидѣла около Маши. Къ ночи это сдѣлался у нея жаръ, бредить стала. Авдотья ночью два раза приходила къ намъ, голову Машѣ уксусомъ мочила. Къ утру затихла она и уснула. Утромъ пошла я работать въ дѣвичью, а слезы такъ и текутъ, не успѣваю вытирать, все объ Машѣ думаю. Къ обѣду пріѣхала Варвара Павловна въ гости. Только это господа откушали, а Кононъ, еще онъ тогда казачкомъ былъ, къ намъ въ дѣвичью вбѣжалъ и говоритъ, что Варвара Павловна своего кучера Василья выпорола за пьян-

Библиотека "Руниверс"

ство и за грубости и черезъ три дня отправляетъ въ городъ, а оттуда на поселенье въ Сибирь, а наша-то старая барыня и сказала:

«— Ну, вотъ и я тоже подлую Машку съ нимъ за компанію отправлю, завтра же письмо городничему буду писать.

«Матушка моя, сами изволите понять, каково мнѣ было это слышать? Припадокъ со мной случился... Насилу, говорили, въ чувство меня привели. Авдотья настрого заказала мнѣ въ этотъ день Машѣ ни слова не говорить, терпѣть и виду не подавать. Слава Богу, Машѣ полегчало немного, и она спала покойнѣе, а я наплакалась вдоволь и къ утру сама уснула. Слышу, Маша будитъ меня: «Вставай, Танюша, пора, помоги мнѣ встать, боюсь, господа гнѣваться будутъ!» Я помогла ей одѣться, а она чуть на ногахъ держится, однако добрела до дѣвичьей, стала у стѣнки, а за работу сѣсть не можетъ. Дѣвушки какъ ее увидѣли, нѣкоторыя заплакали, шептаться стали. Маша и спрашиваетъ у нихъ: «Объ чемъ вы?» а кто-то и брякнулъ: «Да какъ же, тебя, вѣдь, послѣзавтра въ городъ повезутъ вмѣстѣ съ муромцевскимъ Васильемъ, а тамъ въ Сибирь!» Маша побѣлѣла вся, глаза закатила, зашаталась, только я съ Авдотьей успѣли подхватить, и похолодѣла вся... Какъ пришла въ себя, заплакала, перекрестилась на образъ и сказала: «Господи, Твоя воля! Матушка, Царица Небесная, не оставь меня сироту!..»—и попросила свести ее на постель, легла и мнѣ велѣла уйти... Въ обѣдъ Ольга Дмитріевна изволили спросить у Авдотьи, гдѣ Маша, а какъ узнали, что лежитъ, сказали сердито:

«— Лежитъ? Нѣжности какія, точно барышня! Скажи, чтобы собиралась, послѣзавтра рано надо отправляться.

«Вечеромъ подкараулила я старую барыню, какъ онѣ почивать шли, бросилась имъ въ ноги со слезами, чтобы простили Машу, а онѣ разгнѣвались, закричали на меня:

«— Вонъ! Мнѣ спокойствіе дочери дороже твоей Машки!

«Пришла я подъ лѣстницу, Маша лежитъ, отвернувшись къ стѣнѣ. Я потихоньку раздѣлась и легла на полъ. Немного погодя, встала Маша, зажгла восковую свѣчку передъ образомъ и начала молиться, а сама горько, горько плачетъ... Я лежу, дыхнуть боюсь. Долго молилась, потомъ перекрестила меня и опять легла. Встали мы рано, уложили кое-что въ котомочку да въ сундукъ и пошли въ дѣвичью. Маша во весь день ни съ кѣмъ ни слова не сказала, а вечеромъ, какъ господа спать легли, пришла къ намъ Авдотья и просидѣли мы до трехъ часовъ ночи. Маша меня все уговаривала служить господамъ вѣрно, не грубить, объ ней не плакать, потому и въ Сибири люди какъ-никакъ живутъ, а, можетъ, Господь, жалѣючи, недолго и оставитъ ее на землѣ. Сама говоритъ, а глаза точно у мертвой, смотритъ такъ, что жутко становилось, лицо совсѣмъ каменное. На утро часовъ въ девять привезли Василья на телѣгѣ связаннаго, и наша подвода была готова; барыня дала старостѣ бумагу и строго

Библиотека "Руниверс"

наказывала, чтобы Машка не сбѣжала. Проститься съ собой не изволили допустить и молодой барынѣ не разрѣшили. Маша со всѣми простилась, кланялась въ ноги; я, Авдотья и Кононъ пошли проводить за околицу. Какъ велѣлъ староста скорѣй садиться, тутъ зарыдала Маша... силой ее отъ меня отняли, посадили на телѣгу и тронулись... Всплеснула она только руками, вскрикнула не своимъ голосомъ: «Таня моя!..»—и повалилась ничкомъ въ телѣгу. Съ тѣхъ поръ она какъ въ воду канула... Авдотья съ Конономъ свели меня домой. Я совсѣмъ точно голову потеряла, ничего не понимала, ни ѣсть, ни пить цѣлый день не могла...

Старушка замолчала.

— Что же дальше?—спросила я.

— А дальше, матушка, вотъ что. Тосковала я тосковала да черезъ недѣлю ночью и сбѣжала за Машей. По деревнямъ-то вездѣ сказывалась богомолкой, все шла съ опаской, что страху натерпѣлась за дорогу-то, и добралась до Твери. Спросила, гдѣ острогъ. Пришла туда, насилу добилась, чтобы къ смотрителю допустили. Бросилась я ему въ ноги, разсказала все, Христомъ Богомъ молила сказать, гдѣ Маша. Онъ отвѣтилъ, что была такая-то и ее съ партіей арестантовъ отправили въ Москву, и спросилъ у меня паспортъ... Я и оторопѣла. Сами изволите понять, какой же у меня паспортъ? «Такъ ты, матушка, бѣглая, ну, отправляйся въ полицію!» Позвалъ солдата и повели меня къ городничему. Вышелъ толстый такой, страшный, спросилъ, кто такая, откуда? Какъ только я сказала, чьихъ я господъ, такъ онъ и обрадовался. «А, говоритъ, попалась, бѣглянка! Отъ твоихъ господъ бумага есть. Завтра отправимъ тебя, а пока посадить ее въ холодную!» Вотъ, матушка, высидѣла я до утра въ грязномъ чуланѣ, на утро дали хлѣба на дорогу и повезли меня, какъ арестантку, на подводѣ съ солдатомъ. Привезли меня къ нашему становому; тутъ меня опять посадили въ чуланъ, а на утро доставили домой, а потомъ...» Татьяна Ивановна, не окончивъ, смолкла...

— Что потомъ?

— Высѣкли на конюшнѣ и сослали на скотную...—прошептала старушка.

Въ комнатѣ наступила тишина, только потухающій самоваръ тянулъ свою заунывную пѣсню, да за окномъ бушевала метель и сыпала снѣгомъ въ стекла. Старушка поникла головой, и крупныя слезы одна за другой текли по сморщеннымъ щекамъ и падали на лежащій на колѣняхъ чулокъ.

— Что же дальше съ вами было, моя голубушка?—спросила я Татьяну Ивановну.

— Слегла я, матушка, въ горячкѣ; долго ли лежала,—не помню; пришла въ себя подъ лѣстницей на своей постели и первую увидѣла ангела нашего, вашу бабушку. Она меня взяла со скотной и отходила

Библиотека "Руниверс"

отъ смерти. Старая барыня очень гнѣвались, да бабушка ваша на гнѣвъ не посмотрѣла. Какъ выздоровѣла я, такъ молодая барыня и взяли меня къ себѣ. Съ тѣхъ поръ, матушка, и до самой ихъ кончины я находилась неотлучно при нихъ,—вы сами изволите знать. Сначала горничной была, а ужъ потомъ онѣ изволили мнѣ всѣ ключи довѣрить и хозяйство, и во всю жизнь я отъ нихъ слова худого не слыхала. Если, бывало, горе у нихъ какое или радость какая, сейчасъ позовутъ: «Танюша, вотъ такъ и такъ», и все скажутъ. За меня и женихи сватались, и хорошіе, только я не пошла, потому дала обѣщаніе никогда не оставлять барыню, и привелъ Богъ послужить имъ и обмыть и одѣть ихъ послѣ кончины... пошли имъ Господь царство небесное и вѣчную память!—и старушка, взглянувъ на образъ, перекрестилась.

— Матушка, часъ поздній, притомила я васъ своими разсказами, пора вамъ почивать.

Мнѣ было какъ-то жутко спать одной въ комнатѣ тетушки, и я попросила перенести мнѣ постель къ Татьянѣ Ивановнѣ, что и было исполнено. Я быстро раздѣлась и съ удовольствіемъ легла въ чистую, прохладную постель; но все слышанное въ этотъ вечеръ, обрывки воспоминаній, прожитые годы дѣтства и юности проходили въ памяти и гнали сонъ отъ глазъ. Старушка долго копошилась, выходила, шепталась съ Фросей въ сосѣдней комнатѣ, возвращалась, наконецъ поправила лампаду, погасила лампу и тихо направилась ко мнѣ. Я прижмурила глаза. Она перекрестила меня и, такъ же тихо отойдя, стала на молитву. Долго клала она земные поклоны, до меня долетали иногда слова молитвы и чаще всего: «Господи, прости мои тяжкія прегрѣшенія!» О какихъ грѣхахъ могла молиться эта чистая душа, отдавшая всю свою жизнь на служеніе своимъ господамъ, даже отказавшаяся отъ своего личнаго счастья для ближняго?

VI.

Солнце ярко свѣтило, когда я проснулась. Самоваръ кипѣлъ на столѣ, и вкусный запахъ чего-то сдобнаго дразнилъ обоняніе. Быстро я умылась и одѣлась и съ удовольствіемъ сѣла за чай съ топлеными сливками и жирными лепешками. Послѣ чая къ крыльцу подъѣхали сани въ одну лошадь, и мы съ Татьяной Ивановной отправились въ село, въ кладбищенскую церковь, подъ которой лежали всѣ мои дорогіе покойники, служить панихиду. Старушка бережно везла завязанные въ салфетку кутью и пирожки для духовенства. День былъ ясный, морозный, снѣгъ блестѣлъ ослѣпительно, и только навѣянные мѣстами сугробы, отливавшіе голубымъ цвѣтомъ въ тѣни, напоминали о вчерашней вьюгѣ. Въ кладбищенской церкви было холодно, служители, закутанные, какъ эскимосы,

Библиотека "Руниверс"

въ шубы, гнусили. Служба не отличалась усердіемъ, но я все-таки помолилась отъ души.

Къ обѣду подъѣхала въ кибиткѣ съ поѣзда тетушка. Я вышла на крыльцо ее встрѣтить. Съ трудомъ освободили ее отъ мѣховыхъ одѣялъ, мѣшковъ для ногъ, теплыхъ платковъ и вынули, наконецъ, изъ экипажа. Въ комнатахъ была вторая разгрузка отъ одеждъ, и только тогда я могла обнять и поцѣловать ее.

Она очень обрадовалась и сейчасъ же затормошила вопросами, все ли было мнѣ подано, удобно ли мнѣ было, и, когда я ее успокоила, что все было прекрасно, мы пошли въ ея теплую и уютную спальню. Не видались мы съ ней около трехъ лѣтъ и, конечно, засыпали другъ друга вопросами. Только къ обѣду мы перевели духъ и спокойно приступили къ деревенской трапезѣ. Обѣдала по зимамъ тетушка въ комнатѣ, гдѣ прежде жилъ дѣдушка, а сама она занимала комнату бабушки. Каждый уголокъ въ этихъ милыхъ комнатахъ мнѣ былъ дорогъ по воспоминаніямъ дѣтства и юности.

Послѣ обѣда тетушка подробно разсказала мнѣ о всѣхъ своихъ злоключеніяхъ съ отцомъ Ѳедоромъ, о своихъ хозяйственныхъ дѣлахъ и т. п. Часовъ около восьми звонъ колокольчика, громкій лай собакъ и хлопанье дверьми возвѣстили о пріѣздѣ брата съ охоты. Скоро въ передней появились лыжи, ящикъ съ ружьемъ, самъ братъ съ обвѣтреннымъ, краснымъ лицомъ, и туда же, съ разрѣшенія тетушки, былъ втащенъ огромный волчище, съ запекшейся кровью подъ лѣвой лопаткой. Волка понесли и заперли въ амбарѣ, причемъ собаки лаяли до хрипоты на мертваго врага.

Брата сытно накормили, затѣмъ былъ поданъ самоваръ, и въ теплой, уютной комнатѣ было такъ хорошо, что мы съ тетушкой, пожалуй, даже съ удовольствіемъ прослушали всю церемонію охоты и убіенія волка. Затѣмъ я подробно передала брату и теткѣ разсказъ Татьяны Ивановны, отъ потрясающаго впечатлѣнія котораго я, несмотря ни на что, отдѣлаться не могла.

— Да, я эту печальную исторію знаю отъ Татьяны Ивановны,— сказала тетушка.

— Не понимаю, какъ могли люди безропотно выносить такую ужасную жизнь! Я до сихъ поръ не могу простить дѣду со стороны отца всѣхъ его истязаній, которымъ онъ подвергалъ своихъ крѣпостныхъ!..—сказала я.

— Нашихъ предковъ нельзя строго осуждать,—замѣтила тетушка:—духъ времени былъ такой, необразованы были...

— Позвольте, духъ времени тутъ ни при чемъ и необразованность тоже... Праздность, разпузданность и безнаказанность—вотъ причины! Вотъ дѣдъ мой со стороны отца говорилъ свободно на трехъ языкахъ, читалъ Вольтера, Руссо, вращался въ лучшемъ обществѣ, а какъ выслали изъ столицы,—за либеральныя идеи, замѣтьте,—такъ въ деревнѣ ничего умнѣе не нашелъ, какъ красить и шлифо-

Библиотека "Руниверс"

вать какіе-то камешки, цѣлыми днями ходить съ трубкой по залѣ и свистать, набирать съ Леонидомъ гаремъ изъ пятнадцатилѣтнихъ дѣвочекъ и засѣкать людей на конюшнѣ до потери сознанія!.. А прабабушка, шифрованная смолянка, фрейлина... Всему научили: говорить по-французски, по-нѣмецки, по-англійски, по-итальянски, вязать бисерные кошелечки, рисовать амурчиковъ, порхающихъ вокругъ жертвенниковъ богини красоты, пѣть подъ аккомпаниментъ клавесинъ, закативъ глаза, замирающимъ голосомъ:

Petite fleur des bois
Toujours, toujours cachée и т. д.

Только забыли научить любви къ ближнему! Вотъ она и додумалась, что хамскую морду надо бить деревянной рукой! Всему виной праздность и безнаказанность... Стыдно мнѣ за своихъ дѣдовъ и предковъ!

— Дорогая, сестрица, вы всегда отличались строптивостью и вольнодумствомъ! А главное, не надо волноваться, это вамъ вредно,— подшучивалъ мой братъ.

— Правда, моя дорогая, успокойся, милый кипятокъ!..—сказала тетушка, цѣлуя меня.—Всѣ эти ужасы давно прошли, всѣ эти люди давно умерли и нечего о нихъ вспоминать: пора забыть и простить.

— Вамъ хорошо такъ говорить, тетушка, потому что вы этого ничего не видѣли, а знаете со словъ другихъ; братъ не засталъ крѣпостного права! Вы, тетушка, не имѣли крѣпостныхъ, всегда жили въ Петербургѣ... А я все это видѣла ребенкомъ, передо мной не стѣснялись! Мое дѣтство было отравлено этими ужасами, моя дѣтская душа была забрызгана грязью помѣщичьяго быта!.. А отецъ? Какъ онъ билъ людей, какъ наказывалъ!.. Нѣтъ, отца я не имѣю права судить!.. но вспомнить... вспомнить страшно, что дѣлалось!.. Я помню, мнѣ было шестнадцать лѣтъ, я пріѣхала домой на каникулы. Тогда отецъ былъ мировымъ судьей, и у насъ часто бывалъ судебный слѣдователь, ты помнишь, братъ, Алексѣй Андреевичъ? Отецъ и мать знали его еще молодымъ студентомъ. Однажды приходитъ онъ къ намъ и разсказываетъ, что былъ на слѣдствіи въ богатомъ имѣніи князей К—ныхъ. Тамъ при въѣздѣ въ усадьбу стояли высокіе, каменные столбы, а на нихъ какія-то рѣдкостныя, огромныя урны съ крышками. Случилось такъ, что столбы пришли въ ветхость и надо было перемѣнить кирпичи. Когда каменщики устроили лѣстницы и всякія приспособленія, чтобы поднять тяжелыя крышки на урнахъ и спустить на землю тѣ и другія, то въ одной изъ урнъ оказался втиснутымъ скелетъ съ обрывками истлѣвшей одежды и съ длинными волосами. Стало быть, скелетъ принадлежалъ женщинѣ. Среди населенія произошелъ сильный переполохъ. Алексѣй Андреевичъ съ врачомъ были вызваны на слѣдствіе. Врачъ опредѣ-

Библиотека "Руниверс"

лилъ, что преступленіе было совершено, вѣроятно, лѣтъ двадцать уже, такъ какъ остались только однѣ кости да волосы, которые очень долго не поддаются разрушенію. Очевидно, что рабскій страхъ наложилъ печать молчанія на уста служащихъ, такъ какъ на всѣ допросы отвѣчали незнаніемъ. А кому же могло прійти въ голову влѣзать на ворота, впихивать человѣка въ урну и захлопывать тяжелой крышкой, какъ не какому-нибудь изъ сіятельныхъ владѣтелей имѣнія? Хорошо, если убили раньше, а если живую прихлопнули? Вы только представьте себѣ весь ужасъ этого преступленія! И эти сіятельные аристократы въ лентахъ и орденахъ скользили по паркетамъ дворцовъ, жены и дочери ихъ въ вышитыхъ шлейфахъ, съ гордо поднятыми головами ходили въ свитѣ высокопоставленныхъ особъ, а сами были обрызганы кровью своихъ слугъ!.. Развѣ можно забыть такія злодѣйства?.. И все безнаказанно!..

— Я вполнѣ тебя понимаю,—отвѣтила тетушка:—но вѣдь не всѣ были такіе жестокіе... Примѣръ тутъ, въ этомъ имѣніи. Отъ дѣдушки не хотѣли уходить на волю. Крестьяне иначе не называли его, какъ отцомъ, бабушку оплакивали всѣ нищіе.

— Совершенно вѣрно,—сказала я:—но изъ всѣхъ многочисленныхъ сосѣдей-помѣщиковъ только, кажется, и было двое добрыхъ: это дѣдушка да Хлоповъ, Петръ Ѳедоровичъ. Этотъ послѣдній провелъ всю жизнь въ шутовскихъ затѣяхъ и ему, пожалуй, и некогда было сѣчь и ссылать своихъ слугъ, да онъ и по натурѣ былъ очень добрый человѣкъ. Почему онъ такъ ужасно покончилъ съ собой?

— Послѣднее время онъ часто бывалъ у меня,—сказала тетушка:—и все жаловался, что ему скучно жить стало.

— Сколько смѣшныхъ эпизодовъ я могла бы разсказать вамъ изъ его жизни, но это когда-нибудь потомъ, а теперь пора дать тетушкѣ покой, да и намъ, братъ, надо не опоздать завтра на поѣздъ,—замѣтила я.

— Да, я съ удовольствіемъ засну послѣ столь удачной охоты,—отвѣтилъ братъ.

Несмотря на просьбы тетушки погостить у нея, я должна была отказать себѣ въ этомъ удовольствіи и обѣщала пріѣхать въ концѣ мая. На другой день, въ началѣ девятаго часа я, братъ и убитый волкъ выѣхали на станцію.

VII.

Проѣзжая мимо заброшенной усадьбы Хлопова, я опять невольно посмотрѣла на заколоченный домъ и не могла отдѣлаться отъ тяжелаго впечатлѣнія.

Да, удивительная судьба этого Хлопова. Всю жизнь провелъ въ забавахъ и веселье, подъ конецъ сталъ жаловаться, что ему скучно жить, и покончилъ съ собой, даже записки не оставилъ.

Библиотека "Руниверс"

Я начала его хорошо помнить, когда мнѣ было шесть или семь лѣтъ. Послѣдній разъ я его видѣла, когда была невѣстой и за этотъ періодъ онъ мало перемѣнился. Все такой же огромный животъ, вихоръ на головѣ и зачесанные напередъ вьющіеся височки, маленькіе, заплывшіе жиромъ глазки. И такъ же табакъ нюхалъ и сморкался въ красные фуляры съ пестрыми разводами, и всегда грязныя руки съ черными ногтями. Одѣвался по старой модѣ. Лѣтомъ любилъ носить желтенькія брюки изъ пике, бѣлый жилетъ съ цвѣточками, высокій воротникъ съ отворотами, бѣлый батистовый галстукъ, въ видѣ косынки, повязанный вокругъ шеи, и коричневый сюртукъ съ свѣтлыми пуговицами; но все это было такое несвѣжее, въ нюхательномъ табакѣ и лицо жирное, точно неумытое. Говорилъ онъ густымъ басомъ, скрипучимъ и отрывисто выбрасывалъ слова изо рта; кланялся тоже смѣшно, по-старинному, расшаркивался передъ дамами и откидывалъ ногу какъ-то вверхъ, прикладываясь въ это время къ рукѣ. Образъ жизни велъ широкій, какъ я помню, любилъ поѣсть, устраивалъ пиры съ шампанскимъ и стерлядями и съ разными барскими затѣями. И послѣ крѣпостного права продолжалъ жить попрежнему. Хотя онъ былъ и холостой, но у него всегда все было въ домѣ. И лошадей онъ держалъ хорошихъ, и большая коляска у него была, а ѣздилъ онъ четверкой, на выносъ съ форейторомъ. Держалъ цѣлую ораву мальчишекъ и дѣвчонокъ, одѣвалъ ихъ, училъ пѣть, плясать и говорить по-французски. Онъ славился своимъ домашнимъ пивомъ, наливками и настойками. Всѣ эти затѣи, продолжавшіяся и послѣ крѣпостного права, стоили не дешево, потому его самоубійство сначала считали результатомъ долговъ.

У дѣдушки онъ бывалъ почти каждый день и всегда съ газетой, которую читалъ вслухъ. Онъ получалъ «Московскія Вѣдомости», а дѣдушка «Петербургскія», причемъ оба всегда спорили; Хлоповъ громко кричалъ, жестикулировалъ и иногда, разсерженный, внезапно уѣзжалъ, что не мѣшало ему дня черезъ два опять пріѣзжать съ газетой, какъ ни въ чемъ не бывало. Лѣтомъ онъ къ дѣдушкѣ ѣздилъ парой съ колокольчикомъ, сидя верхомъ на узенькой долгушкѣ, въ широкомъ парусинномъ балахонѣ, въ бѣлой фуражкѣ съ большимъ козырькомъ. Сопровождали его двое мальчишекъ. Одинъ одѣтый казакомъ, въ красномъ кафтанѣ съ патронташами, въ синихъ панталонахъ съ красными лампасами и въ казачьей шапкѣ съ краснымъ верхомъ, другой въ матросской формѣ. Оба сидѣли впереди спинами другъ къ другу. Подъѣхавъ къ дому, они бросались стаскивать барина съ долгушки, такъ какъ ему трудно было слѣзать самому съ большимъ животомъ. Зимой онъ пріѣзжалъ не позже пяти часовъ вечера въ большихъ обшивняхъ въ одну лошадь, подъ дугой болтался большой валдайскій колокольчикъ, съ малиновымъ звономъ. Рядомъ съ кучеромъ сидѣлъ матросъ съ фонаремъ; за са-

Библиотека "Руниверс"

нями шелъ казакъ, тоже съ фонаремъ и съ большимъ колоколомъ, въ который неистово звонилъ. Хлоповъ, закутанный въ полушубокъ, валенки, мѣховую шапку съ наушниками, а сверху въ енотовую шубу съ поднятымъ воротникомъ и опоясанную краснымъ шарфомъ, уже сидѣть не могъ, а ѣздилъ лежа, обложенный подушками. Кучеръ, конечно, долженъ былъ ѣхать шагомъ и все время кричалъ «улю-лю, улю-лю!» Лошадь, пріученная къ этому гаму, шла совершенно спокойно. Вся эта комедія продѣлывалась для устрашенія волковъ, которыхъ Петръ Ѳедоровичъ боялся, кажется, больше желѣзной дороги, а сей послѣдней онъ такъ боялся, что и до конца жизни совершалъ поѣздки въ Петербургъ и Москву на своихъ лошадяхъ.

— Да неужели никогда не рѣшился сѣсть въ вагонъ?—спросилъ братъ, внимательно слушавшій по дорогѣ на станцію, мое повѣствованіе о Хлоповѣ.

— Никогда. Ну, слушай дальше. Къ отдаленнымъ сосѣдямъ Хлоповъ ѣздилъ обыкновеннымъ способомъ, но днемъ и непремѣнно съ ночевкой. Собаки въ имѣніи дѣдушки, услыша этотъ неистовый звонъ и улюлюканье и увидя мелькавшіе за сараями фонари, поднимали страшный, бѣшеный лай, отъ котораго отдыхавшіе послѣ обѣда дѣдушка и бабушка въ ужасѣ вскакивали, но, сообразивъ, въ чемъ дѣло, успокаивались. Иногда Татьяна Ивановна входила къ бабушкѣ и докладывала:

— Матушка, не тревожьтесь, Петръ Ѳедоровичъ изволятъ подъѣзжать.

Съ тѣмъ же докладомъ она спѣшила и къ дѣдушкѣ.

На подмогу казаку и матросу вынимать барина изъ саней выходили лакей Кононъ и поваръ Емельянъ. Еще изъ сѣней было слышно пыхтѣнье и кряканье гостя, и наконецъ онъ шумно вваливался въ комнату и послѣ долгаго раздѣванья съ газетой вступалъ въ дѣдушкинъ кабинетъ. Когда онъ почему-либо самъ не могъ пріѣхать, то присылалъ письмо съ верховымъ съ просьбой навѣстить сосѣда. Писалъ онъ гусиными перьями даже и тогда, когда появились стальныя, и подписывался просто крупными буквами «Петръ» съ большимъ расчеркомъ въ видѣ хвоста съ брызгами. Я какъ сейчасъ помню одно изъ его писемъ, которое дѣдушка читалъ вслухъ бабушкѣ, моей матери и отцу. Письмо привезъ въ кожаной сумкѣ верховой.

Вотъ что онъ писалъ:

«Любезный другъ Іосифъ Ивановичъ!

«Собирался сегодня пріѣхать къ тебѣ, да вчера на ночь мои болваны такъ расчесали мнѣ пятки, что сегодня сижу въ туфляхъ. Къ пяткамъ приложены тряпки со спускомъ и ноги забинтованы. Пріѣзжай навѣстить больного друга! Петръ».

— Старый дуракъ!—сказалъ дѣдушка.

Библиотека "Руниверс"

— Ты все-таки съѣзди не надолго,—попробовала умиротворить бабушка.

— И не подумаю играть роль сострадательнаго самарянина... надоѣлъ онъ мнѣ своими пустяками!.. Не поѣду!—ворчалъ дѣдушка.— Прикажи тамъ дать посланному водки и скажи, что я самъ нездоровъ и пріѣхать не могу.

Оказывается, что Петру Ѳедоровичу на ночь, когда онъ уже лежалъ въ постели, казакъ и матросъ должны были чесать пятки, а старуха-экономка, сидя съ чулкомъ, разсказывала сказки.

Чесаніе пятокъ прекращалось по приказанію барина, а тутъ онъ, вѣроятно, заснулъ, и мальчишки не смѣли самовольно прекратить это священнодѣйствіе.

— И какъ не стыдно было пожилому человѣку продѣлывать такія глупости,—замѣтилъ братъ.

— Въ то время это считалось весьма почтеннымъ занятіемъ. А вотъ и еще одна его выходка!—вспомнила я.—Онъ славился, какъ я говорила, своимъ пивомъ на весь округъ, но секрета его приготовленія не открывалъ никому. Однажды онъ прислалъ бабушкѣ небольшой боченокъ пива въ подарокъ. Она отдарила его чудными вишнями, которыми славилось имѣніе бабушки. Хлоповъ былъ очень тронутъ этимъ вниманіемъ и пріѣхалъ благодарить. И вотъ послѣ взаимныхъ любезностей бабушка обратилась къ нему съ просьбою дать ей рецептъ, какъ варить пиво, чего и сколько положить и т. п.

Петръ Ѳедоровичъ приложился къ ручкѣ бабушки и сказалъ:

— Съ удовольствіемъ, глубокоуважаемая Елизавета Николаевна, завтра сочту пріятнымъ долгомъ прислать рецептъ, но прошу никому не говорить,—это мой секретъ.

На другой день верховой съ сумкой привезъ довольно большой пакетъ на имя бабушки. Я была при этомъ. Помню, какъ бабушка съ улыбкой распечатываетъ пакетъ, надѣваетъ очки, но по мѣрѣ чтенія лицо ея принимаетъ суровое выраженіе.

— Поди, позови дѣдушку,—говоритъ она и сдвигаетъ очки на лобъ.

Когда дѣдушка пришелъ, она попросила его сѣсть и слушать и стала читать:

«Глубокоуважаемая Елизавета Николаевна!

«Посылаю вамъ рецептъ пива:

«1. Надо взять солоду одного сорта, а какого? про то знаетъ мастеръ.

«2. Надо взять солоду другого сорта, а какого? про то знаетъ мастеръ.

«3. Сдѣлать заторъ, а какъ? про то знаетъ мастеръ.

«4. Надо положить хмелю, а сколько? про то знаетъ мастеръ» и т. д. Въ концѣ увѣреніе въ глубокомъ уваженіи и подпись: «Петръ» съ брызгами.

Библиотека "Руниверс"

— Что ты на это скажешь?—спросила бабушка и опять подняла очки на лобъ.

— Скажу: нахалъ и дуракъ!—разсердился дѣдушка, я ему покажу, какъ шутить шутки надъ моей женой!

Взялъ письмо, вложилъ обратно въ пакетъ, самъ отдалъ посланному и сказалъ:

— Передай барину, что я очень благодарю за письмо и все сдѣлаю, какъ написано. Ступай!

Дѣдушка долго былъ сердитъ на Хлопова и только послѣ неоднократныхъ извиненій помирился съ нимъ.

— Эта выходка дѣйствительно была очень неделикатная и безтактная относительно бабушки, принимая во вниманіе долголѣтнюю дружбу,—сказалъ братъ.

VIII

Еще много знала я фокусовъ Хлопова, но за давностью лѣтъ позабыла.

Изъ болѣе яркихъ чудачествъ его особенно врѣзались въ память два эпизода, потому что я тогда была уже постарше, мнѣ было лѣтъ десять.

Я помню разъ лѣтомъ, послѣ обѣда, сидѣли мы на балконѣ въ нашемъ имѣніи, отецъ, мать и я, и пили кофе. Вдругъ раздался частый звонъ на колокольнѣ въ нашемъ селѣ, звонъ въ такой часъ, когда никакой службы не полагалось.

— Господи, пожаръ!.. Такая сушь, всѣ на работѣ! — испуганно проговорилъ отецъ и бросился въ кабинетъ передѣваться.

Управляющему разъ навсегда былъ отданъ приказъ: при первомъ звонѣ не въ урочный часъ бросать всѣ работы въ полѣ и съ лошадьми и рабочими бѣжать къ пожарному сараю, гдѣ хранились два насоса, бочки, лѣстницы, рукава, багры. Суматоха на дворѣ уже была ужасная. Рабочіе бѣжали со всѣхъ сторонъ, лошади ржали, управляющій кричалъ, изъ сарая выкатывали пожарные инструменты. Изъ конюшни неслся кучеръ на осѣдланной для отца лошади. На крыльцо вышелъ отецъ и подбадривалъ людей:

— Живѣй, живѣй, ребята!.. Не спи!.. Каждая минута дорога!..

Мать, блѣдная, молча крестила отца, я вся тряслась и повизгивала, какъ маленькій щенокъ, а колоколъ уже не одинъ, а всѣ гудѣли въ селѣ. Потомъ вдругъ внезапно благовѣстъ умолкъ. Отецъ только что занесъ ногу, чтобы стать въ стремя, какъ раздался звукъ рессорнаго экипажа, послышались бубенцы, и изъ-за поворота цвѣтника выкатилась коляска четверней съ форейторомъ; на козлахъ сидѣлъ казакъ, въ коляскѣ полулежалъ Хлоповъ, противъ него матросъ. На Петрѣ Ѳедоровичѣ былъ бѣлый халатъ съ золотыми галунами, вышитый пестрыми букетами какимъ-то цвѣтовъ; къ халату

Библиотека "Руниверс"

были прицѣплены медаль и крестъ, когда и за что полученные—я не знаю; на головѣ была бархатная малиновая тюбетейка, блестѣвшая золотымъ шитьемъ и разноцвѣтными камнями; руки покоились на большой палкѣ съ серебрянымъ набалдашникомъ; лицо было красное, лоснилось отъ жира и весело улыбалось. Лошадь отца шарахнулась въ сторону отъ неожиданнаго появленія экипажа, а мы съ изумленіемъ глядѣли и не могли понять, что это было за явленіе. Казакъ лихо соскочилъ съ козелъ, откинулъ подножки и вмѣстѣ съ матросомъ стали высаживать барина.

— Петръ Ѳедоровичъ! это вы? Что это такое?—спрашивалъ отецъ.

— Ха-ха-ха! — загромыхалъ Хлоповъ:—сейчасъ все вамъ разскажу!..

— Мнѣ некогда... я ѣду на пожаръ!.. Извините!—и отецъ приказалъ коляскѣ отъѣхать.

— На какой пожаръ? Все вздоръ, никакого пожара нѣтъ! Это ваши попы мнѣ встрѣчу устроили!.. Слышите? Звона уже нѣтъ!..

Отецъ прислушался, но, не повѣривъ, приказалъ кучеру сѣсть на лошадь, ѣхать скорѣе въ село и узнать, въ чемъ дѣло, и пригласилъ гостя въ домъ.

Когда мы опять всѣ усѣлись на балконѣ, онъ крикнулъ:

— Cosaque! Matelot, ici!

Два болвана его влетѣли на балконъ и, приложившись, вытянулись въ струнку.

— Prenez et allez vous en!—сказалъ онъ, передавая имъ палку, платокъ и табакерку.

— Дѣло вотъ въ чемъ,—началъ Петръ Ѳедоровичъ, разваливаясь въ креслѣ:—я вѣдь вамъ говорилъ, что мой другъ Кулебакинъ уѣхалъ въ Ташкентъ? Ну, теперь онъ недавно вернулся опять въ Москву и прислалъ мнѣ этотъ халатъ и ермолку въ подарокъ, и я рѣшилъ показать свою обновку всѣмъ знакомымъ и друзьямъ. Вчера былъ у вашего батюшки,—обратился онъ къ матери:—а сегодня пріѣхалъ къ вамъ. Только сталъ подъѣзжать къ селу вашему, какъ раздался благовѣстъ на колокольнѣ... Я думалъ, что въ селѣ пожаръ, и, по правдѣ сказать, испугался! Кричу своему болвану кучеру: «стой!» а онъ лупитъ во весь опоръ... влетаемъ въ село, поровнялись съ церковью, а на паперти попъ съ крестомъ, дьяконъ съ кадиломъ и пѣвчіе... Кучеръ осадилъ лошадей, я снимаю ермолку, а пѣвчіе: «исполаэти деспота!» Попъ взглянулъ на меня и замеръ!... а понамарь знай себѣ валяетъ на колокольнѣ «во вся»... Я смущенъ, говорю: батюшка, я Хлоповъ, Петръ Ѳедоровичъ, тутъ, очевидно, недоразумѣніе!.. Кричу кучеру: пошелъ, и прикатилъ къ вамъ!

И Хлоповъ захохоталъ раскатистымъ смѣхомъ. Въ это время по цвѣтнику няня вела тебя за руку, тебѣ было два года и ты, какъ увидѣлъ одѣяніе Хлопова и его наистовый хохотъ, такъ испугался,

Библиотека "Руниверс"

что громко заревѣлъ и няня поспѣшила тебя увести. Мамочка сдержанно улыбалась, а отецъ хмурился и крутилъ усы.

— А я къ вамъ въ ночевку, если позволите, а завтра дальше поѣду,—объявилъ Петръ Ѳедоровичъ.

— Очень рады, пожалуйста,—проговорили отецъ и мать.

— Cosaque, ici!—завопилъ Хлоповъ. Влетѣлъ казакъ и вытянулся.

— Платокъ и табакерка гдѣ?

— У матроса, баринъ!

— Vous êtes un fou!—отрывисто проговорилъ Хлоповъ.

— Па тутафе вотръ экселянсъ!—отвѣтилъ казакъ и бросился обратно.

Въ это время возвратился кучеръ изъ села и, едва сдерживаясь отъ разбиравшаго его хохота, доложилъ, что пожара нѣтъ и нигдѣ не было, а ждутъ съ часу на часъ владыку изъ Твери, который ѣдетъ на озеро Селигеръ въ пустынь къ Нилу преподобному на богомолье. Такъ, значитъ, на колокольнѣ по очереди караулили сторожъ и старый понамарь. Какъ, значитъ, увидѣлъ понамарь четверку лошадей да барина въ бѣломъ, да въ красной ермолкѣ, онъ сослѣпу не разобралъ и думалъ, что это самъ владыка... Тутъ кучеръ не выдержалъ и зажалъ ротъ рукой, чтобы не фыркнуть. Зато я хохотала до слезъ и скакала за кресломъ Хлопова.

Отецъ сердито махнулъ кучеру рукой.

— Скажи, чтобы тамъ все поставили на мѣсто и шли бы на работу, а ты устрой лошадей барина на ночь, а кучера и форейтора сведи на застольную... ступай!..

— Да неужели же все это правда было?—смѣялся братъ.

— Даю тебѣ слово, что я ничего не прибавила... Ну, слушай дальше. Такъ какъ Хлоповъ имѣлъ обыкновеніе въ девять часовъ вечера ложиться спать, то въ восемь уже подали обильный ужинъ, за которымъ гость очень плотно покушалъ, приложился къ рукѣ матери, жирнымъ ртомъ облобызалъ отца и потрепалъ грязной рукой меня по щекѣ, но я по дѣтской наивности тутъ же вытерла платкомъ щеку.

Затѣмъ казакъ и матросъ подхватили барина подъ руки и повели въ кабинетъ отца, гдѣ гостю былъ приготовленъ ночлегъ. Торжественное шествіе замыкалъ отецъ со свѣчой.

Когда въ дѣтской няня помогала мнѣ раздѣваться, я шопотомъ, чтобы не разбудить тебя, маленькаго, съ восторгомъ передавала ей свои впечатлѣнія, такъ она даже плюнула съ досады.

— А по-моему, такъ онъ совсѣмъ ума рѣшился! На старости лѣтъ этакимъ-то шутомъ гороховымъ, прости Господи, по хорошимъ господамъ трепаться, да еще съ фалеторомъ! Только отца Николая въ грѣхъ ввелъ, да и у насъ какой переполохъ устроилъ!

Библиотека "Руниверс"

Не знаю, который былъ часъ, когда мы съ няней были разбужены грохотомъ въ дверь. Няня, накинувъ юбку и платокъ, подбѣжала къ двери и испуганнымъ голосомъ спросила: «Кто тамъ? Что такое?..»

— Барышня, вставать пора, женихи пріѣхали!—раздался за дверью отрывистый веселый голосъ Петра Ѳедоровича, и онъ опять забарабанилъ въ дверь. Я сидѣла на постели и ничего не могла понять, какіе женихи пріѣхали и почему онъ такъ стучитъ.

— Господи, баринъ, Бога вы не боитесь! Смотрите, еще пяти часовъ нѣтъ, а вы покою не даете! Нешто можно господское дитя тревожить такъ? Извольте, сударь, перестать!

По коридору послышалось шлепанье туфель и грохотъ въ дверь спальни отца и матери.

— Вставайте! Грѣхъ спать въ такое чудное утро!.. Чайку бы теперь выпить, да и дальше ѣхать по холодку!—гремѣлъ Хлоповъ.

Въ домѣ поднялась ходьба и суета, и скоро мы всѣ собрались на балконѣ, гдѣ уже сидѣлъ Петръ Ѳедоровичъ въ своемъ полномъ облаченіи, за кресломъ неподвижно стояли казакъ и матросъ. Послѣ чаю Хлопова усадили опять въ коляску, и онъ отбылъ тѣмъ же порядкомъ дальше, только не помню, къ кому изъ сосѣдей онъ отъ насъ поѣхалъ. Отецъ и мать остались очень недовольны его визитомъ.

— Да, милый гость, нечего сказать,—замѣтилъ братъ.—А между тѣмъ его всѣ любили и ему прощались всѣ его чудачества.

— Онъ былъ очень добръ и никому никакого зла не дѣлалъ и былъ большой хлѣбосолъ, вотъ почему, вѣроятно, ему все съ рукъ и сходило,—отвѣтила я.—А хочешь, я разскажу тебѣ, какъ онъ праздновалъ день своего ангела 29-го іюня?—обратилась я къ брату.

IX.

— Я какъ сейчасъ помню этотъ торжественный день, такъ какъ въ приглашеніи было упомянуто и мое имя и я была на верху блаженства отъ сознанія, что я уже персона. Мнѣ тогда было двѣнадцать лѣтъ, и я уже училась въ Москвѣ.

Дня за три до именинъ къ намъ пріѣхалъ верховой отъ Хлопова съ кожаной сумкой, и отцу подали большой пакетъ. Въ письмѣ было слѣдующее:

«Глубокоуважаемые Александръ Дмитріевичъ и Екатерина Іосифовна!

«Имѣю честь покорно просить васъ пожаловать 29-го іюня сего года ко мнѣ въ сельцо Петровское въ двѣнадцать часовъ дня на пирогъ, а затѣмъ къ обѣденному столу, за коимъ имѣетъ быть уха изъ стерлядей, мною выращенныхъ въ моемъ прудѣ. Ловля оныхъ будетъ произведена моими людьми въ присутствіи дорогихъ гостей. Затѣмъ будутъ показаны разныя рѣдкости и фантастическія неожиданности. Барышню тоже прошу пожаловать. Преданный Петръ».

Библиотека "Руниверс"

Наканунѣ именинъ съ утра мы всѣ выѣхали къ дѣдушкѣ и бабушкѣ сюда въ Голубово въ коляскѣ. Такъ какъ на переднемъ сидѣньѣ стоялъ большой бѣлый картонъ съ нашими платьями, то я должна была сидѣть въ ногахъ на шкатулочкѣ матери и мнѣ было очень неудобно, но заявить объ этомъ я не смѣла. Дѣдушка и бабушка очень намъ обрадовались. Они получили точно такое же приглашеніе, и дѣдушка ворчалъ, что придется смотрѣть на разныя глупости и играть роль дурака при видѣ стерлядей, выросшихъ въ вонючемъ прудѣ.

Вечеромъ горничная бабушки старая Авдотья завивала мои густые волосы въ папильотки, примачивая квасомъ, чтобы крѣпче завились, и завязала голову платкомъ. Спать было больно, какъ на камняхъ, кожа на головѣ болѣла и ныла, но я съ терпѣніемъ вынесла эту пытку.

Вотъ настало утро. Погода была чудная. На дворѣ уже стояла крытая линейка, называвшаяся почему-то «разлюли», ее подмазывали кучера. Такъ какъ нашъ кучеръ Яковъ имѣлъ дурную привычку въ торжественные дни напиваться и наѣзжать съ экипажемъ на всѣ заборы и камни и со всѣхъ горъ спускаться карьеромъ, то рѣшено было ѣхать въ разлюляхъ со степеннымъ кучеромъ дѣдушки Андреемъ.

Въ десять часовъ я уже была готова и чинно прохаживалась по залѣ, разставивъ руки и боясь присѣсть, чтобы не измять бѣлаго кисейнаго платья и розоваго кушака. Отъ волненія я была вся красная, и руки тоже были красныя и влажныя.

Къ одиннадцати часамъ вышли бабушка и мать, совсѣмъ готовыя. Бабушка была въ бѣломъ вышитомъ платьѣ, бѣломъ кружевномъ чепцѣ и малиновой бархатной мантильѣ; мать тоже въ бѣломъ платьѣ съ кружевами, въ соломенной шляпѣ съ бѣлыми перьями. Увидя мое красное лицо и такія же руки, мать пришла въ отчаяніе.

— Боже мой! Что же мнѣ дѣлать съ этими красными мокрыми руками!

— Ничего, Катенька, не безпокойся, въ эти годы отъ волненія руки всегда бываютъ мокрыя и красныя. Это пройдетъ.

Наконецъ вышелъ и дѣдушка изъ своей комнаты въ черномъ сюртукѣ, высокихъ воротничкахъ и батистовомъ галстукѣ.

Осмотрѣвъ внимательно всѣхъ и увидя мою завитую голову, замѣтилъ:

— Что это вы ее завили какъ барана! Гораздо лучше бы было на двѣ косы...

Я въ душѣ рѣшила, что дѣдушка ничего не понимаетъ въ дамскихъ нарядахъ. Разлюли стояли у крыльца, мы наконецъ усѣлись.

— Трогай!—сказалъ дѣдушка:—да не гони, чтобы пыли не было!

Пристяжныя загнули головы кольцами, и, похрапывая, тройка вороныхъ выѣхала мелкой рысью за ворота. При въѣздѣ въ Петров-

Библиотека "Руниверс"

ское мы увидѣли уже много отпряженныхъ экипажей; на порогахъ конюшенъ и просто на травѣ въ тѣни сидѣли пестрыми группами кучера; по двору въ разныхъ направленіяхъ шмыгали бабы съ корзинками и посудинами; въ открытой двери погреба виднѣлись два поваренка, вертѣвшіе мороженое въ двухъ кадкахъ; изъ кухни неслась мелкая дробь ножей и слышались окрики поваровъ.

Подъѣздъ былъ украшенъ зелеными гирляндами и двумя флагами—розовымъ и голубымъ. На одномъ крупными буквами было написано «Петръ» подъ дворянской короной, а на другомъ «29-го іюня». Да кстати, вѣдь Хлоповъ велъ свою родословную отъ извѣстныхъ бояръ Хлоповыхъ и очень этимъ гордился.

Казакъ и матросъ помогли бабушкѣ и матери выйти изъ экапажа и взойти на крыльцо.

Внизу лѣстницы, въ сѣняхъ, насъ встрѣтилъ именинникъ въ желтенькихъ брюкахъ изъ пике, бѣломъ жилетѣ, въ высокомъ батистовомъ галстукѣ и синемъ сюртукѣ съ свѣтлыми пуговицами, изъ кармана котораго торчалъ красный фуляръ съ желтыми разводами; вьющійся кокъ былъ подбитъ кверху, височки зачесаны напередъ; но руки, руки были по обыкновенію грязны и ногти въ траурѣ.

Хлоповъ расшаркался передъ дамами, принялъ поздравленіе, перецѣловалъ ручки, обнялъ дѣдушку и отца и хотѣлъ, по привычкѣ, потрепать меня по щекѣ, но мой церемонный plongeon остановилъ его дерзкое намѣреніе, и онъ шаркнулъ ногой и мнѣ, затѣмъ подошелъ къ бабушкѣ и, согнувъ руку, повелъ ее во второй этажъ.

Въ залѣ уже былъ накрытъ столъ покоемъ. Сбоку около столика съ закусками толпились мужчины-помѣщики и усердно прикладывались къ стариннымъ пузатенькимъ и длиннымъ графинчикамъ съ разноцвѣтными жидкостями. Гости спѣшили откланяться бабушкѣ, матери и даже мнѣ. Въ гостиной было много дамъ. Пожилыя и старыя въ шелковыхъ платьяхъ, въ наколкахъ и чепцахъ сидѣли на диванахъ и чинно бесѣдовали; дамы молодыя на креслахъ, хорошо одѣтыя въ свѣтлые костюмы; барышни толпились группами около оконъ и дверей балкона. Ныряя въ глубокихъ реверансахъ передъ дамами, я замирала отъ страха, чтобы не заставили говорить французскіе стихи или басни. До сихъ поръ не могу понять, почему тогда дѣтей заставляли передъ гостями говорить стихи и басни, причемъ мальчики чаще всего говорили «Бородино» или «Что ты ржешь, мой конь ретивый», а дѣвочки «Стрекозу и муравья», «Ворону и лисицу» или «Пьеррету съ кувшиномъ молока».

Видя, что чаша сія меня миновала, я поспѣшила на балконъ, гдѣ весело попрыгивали мои кузины и другія дѣвочки.

У двухъ лѣстницъ въ садъ стояли внизу два лакея и не допускали никого сходить.

Библиотека "Руниверс"

Младшая племянница Хлопова сообщила мнѣ по секрету, что дяденька сегодня дѣлаетъ какой-то сюрпризъ гостямъ и потому, пока онъ самъ не поведетъ туда всѣхъ, въ садъ никого не пустятъ. Подойдя къ периламъ балкона, я стала внимательно смотрѣть по сторонамъ и замѣтила, что окольными дорожками, скрываясь между кустовъ, осторожно двигаются люди къ большому проточному съ мельницей пруду. Я подозвала своихъ кузинъ и шопотомъ пригласила ихъ незамѣтно наблюдать. Нѣсколько парней въ красныхъ рубашкахъ пронесли неводъ, потомъ прошли бабы со скамейками, затѣмъ осторожно, скрываясь въ кустахъ, прошли восемь мужиковъ съ четырьмя ушатами, прикрытыми рогожками, потомъ пронесли на носилкахъ ящикъ со льдомъ. Бабы, разставивъ скамейки около маленькаго прудика, вернулись и скрылись за угломъ дома, вернулись и носилки, но безъ ящика. Около маленькаго прудика парни разстилали на травѣ неводъ, а люди съ ушатами, какъ скрылись внизу въ кустахъ, такъ и не показывались больше.

— Что они тамъ могутъ дѣлать?—шопотомъ спрашивали мы другъ друга.

Въ это время въ гостиной зашумѣли, задвигались и насъ позвали къ пирогу въ залу. Гости долго разсаживались, а насъ упрятали въ концѣ стола «на задворки».

Часа полтора ѣли пироги съ разными начинками и разными подливками въ соусникахъ и мисочкахъ съ крышечками, потомъ бульонъ въ чашкахъ. Пили за здоровье именинника, чокались, говорили, смѣялись. Шумъ стоялъ невозможный. Но вотъ въ дверяхъ появился старшій лакей Петра Ѳедоровича, Максимъ, и громкимъ голосомъ доложилъ:

— Сударь, все готово къ рыбной ловлѣ!

Петръ Ѳедоровичъ всталъ и постучалъ ножомъ о тарелку. Всѣ стихли.

— Милостивыя государыни и милостивые государи! Имѣю честь покорно просить моихъ дорогихъ гостей пожаловать въ садъ къ пруду для присутствія на ловлѣ стерлядей, выращенныхъ мною. Опытъ этотъ, требующій большого знанія, труда и терпѣнія, удался, и сегодня я покажу, какъ эта благородная рыба весела и бодра въ моемъ прудикѣ, точно въ большой рѣкѣ. Вотъ что значитъ быть мастеромъ дѣла!

Голосъ Петра Ѳедоровича гремѣлъ, какъ труба іерихонская.

Раздалось «ура», но недружное.

— Максимъ! Послать двухъ поваровъ съ ножами къ пруду!— скомандовалъ баринъ.

— Ужъ тамъ, дожидаютъ-съ!—почтительно доложилъ лакей.

— Прошу предложить дамамъ руки!—и хозяинъ подошелъ съ поклономъ къ бабушкѣ и сталъ въ первой парѣ.—Les enfants,

Библиотека "Руниверс"

en avant!—бросилъ онъ въ нашу сторону, чѣмъ мы и воспользовались, вылетѣвъ первыми на балконъ.

Предупредивъ остальную дѣтскую компанію, чтобы за мной не ходили, я понеслась по главной дорожкѣ, свернула на боковую и по маленькой аллеѣ вдоль забора побѣжала внизъ къ кустамъ, гдѣ по моимъ соображеніямъ происходило что-то таинственное. Подкравшись тихонько и раздвинувъ кусты, я увидѣла слѣдующее: четыре мужика осторожно вынули изъ ушатовъ четырехъ большихъ, совсѣмъ смирныхъ стерлядей и быстро подбѣжали къ прудику, къ которому примыкали кусты. По данному знаку два парня раскрыли неводъ и стерляди были опущены на дно мотни, которую они же быстро и осторожно опустили въ воду у самаго берега прудика, гдѣ росла осока, и стали на своихъ мѣстахъ. Мужики вылили воду изъ ушатовъ, раскидали обтаявшій ледъ ногами въ кусты и спокойно подошли къ прудику, гдѣ два повара въ курткахъ стояли съ ножами около небольшого столика.

Выбѣжавъ опять на большую дорожку, я сообщила свои наблюденія нашей компаніи,и мы стали смотрѣть, какъ взрослые торжественно шли къ пруду. Хлоповъ пригласилъ дамъ занять мѣста на скамейкахъ, мужчины стали кое-гдѣ.

— Готово?

— Готово, сударь!—отвѣтили рыболовы.

— Опускай! Заводи неводъ сюда! Ванька, не зѣвай!.. Заходи, заходи, сюда на уголъ, гдѣ дамы! Подвертывай, подвертывай крылья! Тащи, тащи! Разбирай руками!..—гремѣлъ голосъ Петра Ѳедоровича.

Парни точно исполняли команду и заходили, и заводили, и подвертывали, и разбирали руками неводъ, и онъ, мягко шурша по травѣ, выползалъ на берегъ; наконецъ на днѣ мотни среди ила и скользкой травы показались желтовато-бѣлые животы несчастныхъ стерлядей.

— Вотъ онѣ, мои красавицы! Мои рѣзвушки! Полюбуйтесь! Вынимай осторожно, чтобы не ушли въ воду!

Но благородныя рѣзвушки смирно лежали на боку и какъ-то безнадежно хлюпали жабрами и едва шевелили раздвоенными хвостами.

Повара подняли рыбъ и показали гостямъ.

— Каковы экземплярчики-съ?—радостно кричалъ Хлоповъ.

Гости одобрили.

— Клади на столъ и приколи!..

Повара положили и прикололи, а четыре мужика взяли по стерляди и торжественно понесли къ дому. Рыбная ловля кончилась.

— Пѣсенники сюда!—скомандовалъ Хлоповъ, махнувъ платкомъ.

Библиотека "Руниверс"

Изъ разныхъ угловъ сада посыпались мальчишки и дѣвчонки, одѣтые въ красныя рубашки и пестрые сарафанчики.

— Chantez!..—опять махнулъ платкомъ баринъ.

Вся команда быстро стала въ кругъ съ матросомъ въ срединѣ. Онъ обвелъ хоръ глазами, подалъ знакъ и хоръ запѣлъ:

Мы живемъ всѣ, слава Богу,
У боярина Петра
И растемъ всѣ понемногу,
Родной братецъ да сестра!
Есть и Васьки и Парашки,
Носимъ красныя рубашки,
Есть и Мишки, есть и Стешки
Всѣ мы бѣгаемъ въ разбѣжки.
И матросъ тутъ тоже съ нами,
Онъ командуетъ надъ нами,
А за нимъ тутъ и казакъ,
Онъ забавникъ, не дуракъ.
Пляшемъ лихо и поемъ,
Славно, весело живемъ!

При словахъ «пляшемъ лихо и поемъ», казакъ и матросъ выкинули мудреное колѣно въ присядку.

Гости наградили пѣсенниковъ мѣдяками на пряники.

— Allez vous en!—крикнулъ Хлоповъ, и пѣсенники разбѣжались въ разныя стороны.

— Максимъ! Позвать сюда Меттерниха и Пальмерстона!

— Слушаю-съ!—и Максимъ чинно пошелъ къ дому.

Гости переглянулись и тихонько потолкали другъ друга локтями

Хлоповъ грузно опустился на табуретъ и шумно пыхтѣлъ.

Изъ-за дома показался парень съ большимъ индюкомъ подъ мышкой, за нимъ двое другихъ тащили за рога огромнаго стараго козла, отъ котораго сейчасъ же распространился нехорошій запахъ.

Индюкъ и козелъ были раскрашены. У индюка хвостъ былъ красный, крылья зеленыя, ноги желтыя; у козла рога были покрыты сусальнымъ золотомъ, половина туловища была синяя, половина красная, хвостикъ желтый.

— Пусти Меттерниха!—приказалъ Хлоповъ.

Меттернихъ-козелъ, почувствовавъ себя на свободѣ, окинулъ сердитымъ взглядомъ пеструю толпу, опустилъ голову и изъявилъ желаніе бодануть кого-нибудь. Дамы замахали платками, а мы съ визгомъ бросились въ разныя стороны. Пальмерстонъ-индюкъ, распустивъ хвостъ вѣеромъ, проѣхалъ крыльями по землѣ и забулькалъ на публику. Затѣмъ перевелъ свой гнѣвъ на Меттерниха, сталъ подпрыгивать, намѣреваясь его клюнуть. Меттернихъ долго терпѣлъ, наконецъ съ опущенной головой устремился на Пальмерстона. Не знаю, чѣмъ бы кончился этотъ поединокъ, но Петръ Ѳедоровичъ скомандовалъ:

Библиотека "Руниверс"

— Убрать этихъ двухъ каналій!

Однако разсвирѣпѣвшихъ каналій трудно было взять. Пальмерстонъ бросался на парня и клевалъ ему руки и наконецъ былъ водворенъ подъ мышку и унесенъ; Меттернихъ долго брыкалъ ногами и бодалъ своихъ адъютантовъ, но все-таки былъ съ трудомъ удаленъ.

— Теперь не угодно ли прогуляться по парку и лабиринту?— предложилъ Петръ Ѳедоровичъ и подалъ бабушкѣ руку.

X.

Лабиринты были почти во всѣхъ большихъ садахъ имѣній прежнихъ помѣщиковъ и послѣ безконечныхъ запутанныхъ дорожекъ оканчивались площадками съ солнечными часами, или бесѣдками, или бюстомъ какой-нибудь богини часто съ отбитымъ носомъ. При входѣ въ паркъ Хлоповъ объявилъ громогласно:

— Mesdames! считаю своимъ долгомъ предупредить, что въ паркѣ могутъ быть непріятныя, фантастическія встрѣчи, а потому у кого изъ многоуважаемыхъ дамъ слабые нервы, тѣмъ предлагаю посидѣть на берегу моего озера.

Озеромъ онъ называлъ прудъ проточный съ мельницей.

Дѣдушка и нѣсколько старичковъ-помѣщиковъ остались покурить.

При первомъ же поворотѣ аллеи на старомъ пнѣ среди густой травы торчала голова какого-то страшилища съ выпученными глазами, краснымъ носомъ и бородой изъ сѣраго мха. Все это было сдѣлано очень грубо изъ дерева. Дальше на вѣткахъ деревьевъ сидѣли чертики съ желтыми глазами и красными языками. Въ дуплахъ были вставлены бюсты русалокъ съ зелеными глазами, румяными щеками и волосами изъ конскихъ хвостовъ, на головахъ вѣнки изъ водяныхъ лилій. Указывая на нихъ, Хлоповъ посовѣтовалъ кавалерамъ не поддаваться чарамъ этихъ холодныхъ дѣвъ. Кавалеры съ хохотомъ отвѣтили, что постараются воспользоваться предостереженіемъ.

— Теперь вступаемъ въ лабиринтъ!—объявилъ Петръ Ѳедоровичъ.

По бокамъ дорожекъ въ травѣ то и дѣло попадались разные уроды и страшныя морды. Когда которая-нибудь изъ дамъ взвизгивала, Хлоповъ радостно хохоталъ.

Долго мы путались по дорожкамъ и тропинкамъ лабиринта и добрались до густой заросли, гдѣ на пнѣ сидѣло дѣйствительно чудовище, котораго можно было испугаться.

— Вотъ самъ Вельзевулъ, охраняющій входъ въ адъ!—объявилъ Петръ Ѳедоровичъ.

Библиотека "Руниверс"

Туловище Вельзевула было сдѣлано изъ коряваго дерева и обито коровьей шкурой, корявые корни изображали ноги, концы которыхъ были выкрашены красной краской, огромная голова была обита курчавой бараньей шкурой, по бокамъ болтались два коровьихъ уха, на головѣ укрѣплены коровьи рога, морда синяя, глаза желтые съ черными зрачками, носъ красный, руки тоже изъ корявыхъ корней, къ нимъ прикрѣплены вилы. Видъ отвратительный и ужасный!

Подумай только, братъ, вѣдь всѣ эти пустяки надо было сдѣлать къ торжественному дню, надъ этимъ работали люди! Даже несмотря на мои двѣнадцать лѣтъ мнѣ стало совѣстно за Хлопова.

Ну-съ, дальше! Посмотрѣли, поахали, попищали и тѣмъ же путемъ вернулись назадъ къ пруду. Тутъ насъ встрѣтилъ Максимъ въ бѣлыхъ перчаткахъ и доложилъ, что кушать готово. Вся толпа длинной вереницей поднялась по двумъ лѣстницамъ на балконъ и стала шумно разсаживаться за столъ. Максимъ и два лакея разносили уху изъ знаменитыхъ стерлядей, которую на отдѣльномъ столѣ разливалъ старшій поваръ Дометій въ бѣломъ колпакѣ и курткѣ. Намъ, конечно, достались, по традиціи, кусочки, но и это было очень хорошо и вкусно, а главное—сидѣли въ залѣ за общимъ столомъ и шампанское пили не изъ родительскихъ бокаловъ, а изъ тѣхъ, что стояли передъ приборами.

Обѣдъ тяжелый, обильный жирными кушаньями, кончился часовъ въ семь вечера. Послѣ обѣда вся молодежь высыпала на площадку передъ домомъ, и начались игры въ кошку-мышку, въ горѣлки и другія. Мальчики и дѣвочки пѣли пѣсни и плясали подъ балалайку, на которой игралъ форейторъ Петра Ѳедоровича. Часовъ въ девять меня позвали въ домъ, такъ какъ дѣдушка и бабушка утомились и надо было ѣхать, а мнѣ такъ не хотѣлось. Усѣлись опять въ разлюли и поѣхали домой.

Дорогою отецъ разсказалъ всю церемонію привоза стерлядей изъ уѣзднаго города на Волгѣ за сорокъ верстъ. Рыбу изъ садка везли въ четырехъ кадкахъ на двухъ подводахъ, на третьей везли сорокаведерную бочку съ волжской водой, на четвертой ѣхали люди съ управляющимъ и кадкой со льдомъ, переложеннымъ опилками. На полдорогѣ въ большомъ селѣ дожидалась вторая смѣна лошадей. Тутъ же мѣняли воду и прибавляли льду. Ѣхали шагомъ всю ночь и рано утромъ доставили рыбу въ усадьбу и держали въ прохладномъ сараѣ до ловли. Все это управляющій разсказалъ «по секрету» многимъ изъ гостей. Трудно было везти рыбу и сколько испыталъ управляющій страху, чтобы живьемъ доставить рыбу, такъ какъ деньги за нее были заплачены немалыя. Затѣмъ и я оповѣстила о своихъ наблюденіяхъ въ кустахъ. Всѣ смѣялись, а дѣдушка сказалъ, что я «пострѣлъ, вездѣ поспѣлъ».

Библиотека "Руниверс"

Ну, вотъ, братъ, каковъ былъ Хлоповъ и чѣмъ кончилась его жизнь? Полное одиночество подъ старость, ужасная смерть, лужа крови, тѣло безъ головы, заколоченный старый домъ да густые зеленые кедры, нѣмые свидѣтели отошедшаго въ вѣчность безпечальнаго барскаго житья.

— Да, грустно все это,—сказалъ братъ.

— Вотъ еще вспомнила одинъ эпизодъ изъ жизни Хлопова, когда мнѣ было лѣтъ семь или восемь. Объ этомъ при мнѣ громко не говорили, но изъ разныхъ недомолвокъ я поняла, что у Петра Ѳедоровича въ домѣ летали камни и попадали въ людей. Одинъ разъ Хлоповъ привезъ что-то въ корзинкѣ и показывалъ дѣдушкѣ и отцу.

Потомъ я услышала, что это былъ камень вѣсомъ въ пять фунтовъ. Камень этотъ попалъ діакону въ плечо, когда въ домѣ служили молебенъ, чтобы камни перестали летать. При этомъ былъ становой. Когда я спросила у бабушки и матери, что это такое было, мнѣ отвѣтили, что я еще очень мала и мнѣ этого не слѣдуетъ знать. Когда я стала старше, то на мой вопросъ о камняхъ я получила отвѣтъ, что такъ какъ это было давно, то нечего объ этомъ и вспоминать. Такъ я хорошенько и не узнала, что происходило у Петра Ѳедоровича въ домѣ, а потомъ и сама забыла и только вотъ теперь вспомнила.

— Я тоже что-то слышалъ объ этомъ отъ отца,—отвѣтилъ братъ,— и онъ говорилъ, что это какъ-то было подстроено прислугой, для чего—неизвѣстно, но самъ Петръ Ѳедоровичъ думалъ, что это, кажется, черти все продѣлывали. А смерть его все-таки осталась загадкой для всѣхъ!..

— А я думаю, что онъ просто понялъ всѣмъ существомъ своимъ, что пережилъ свою эпоху. Дурачиться больше было нельзя, жизнь предъявляла другія требованія и шла впередъ. Всѣ его знакомые и друзья постепенно перемерли, и онъ остался одинъ, заскучалъ и покончилъ съ собой.

— Вчера становой мнѣ говорилъ, что этотъ страшный старый домъ земство покупаетъ подъ школу, и это будетъ очень хорошо,— сказалъ братъ.

— Тетушка мнѣ разсказывала, что трудно себѣ представить, въ какую пустыню превратились всѣ сосѣднія имѣнія. Кругомъ ничего нѣтъ—все продано, все разрушено... Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ только груды кирпичей да мусора показываютъ, гдѣ были дома, а вмѣсто цвѣтниковъ крапива и белена. А въ этихъ домахъ тоже шли веселые пиры, и жизнь кипѣла ключомъ!..

— По правдѣ сказать, только, кажется, дѣдушкино гнѣздо коекакъ поддерживаетъ тетушка, а послѣ ея смерти какой-нибудь разъѣвшійся деревенскій кулакъ купитъ и пойдетъ разносить все, что дѣдушка и бабушка съ такою любовью строили, украшали,

Библиотека "Руниверс"

разводили... Все будетъ уничтожено и растоптано. Тяжело подумать объ этомъ!—сказалъ братъ.

— Да, если быть суевѣрнымъ,—замѣтила я:—то можно подумать, что какой-то рокъ тяготѣетъ надъ всѣми этими старыми гнѣздами помѣщиковъ, точно возмездіе свыше за истязанія, плети, ссылки въ Сибирь и т. п. преступленія, хотя къ дѣдушкѣ это не можетъ относиться. Мнѣ такъ и кажется, что въ каждомъ старомъ имѣніи есть какая-нибудь забытая, трагическая исторія, въ основаніи которой лежитъ непремѣнно угнетеніе беззащитнаго, безправнаго меньшаго ближняго!..

— Можетъ быть, ты и права,—тихо отвѣтилъ, вздохнувъ, братъ.

Лидія Рихтеръ.

Библиотека "Руниверс"

ПРОЦЕССЪ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКАГО [1].

VI.

Чернышевскій былъ осужденъ сенатомъ за участіе въ революціонной дѣятельности. В. Костомаровъ, обличая Чернышевскаго, утверждалъ, что онъ былъ главою, вдохновителемъ революціоннаго «кружка», вмѣстѣ съ Михайловымъ и Шелгуновымъ имъ задуманы и составлены, въ цѣляхъ распространенія среди общества и народа, три революціонныхъ воззванія: 1) къ барскимъ крестьянамъ, 2) къ солдатамъ и 3) раскольникамъ; два воззванія были отданы ему, Костомарову, для тайнаго напечатанія.

Чернышевскій на это обвиненіе отвѣчалъ полнымъ отрицаніемъ своего какого бы то ни было участія въ революціонныхъ дѣйствіяхъ; онъ заявлялъ, что воззваній онъ не писалъ, ни съ Михайловымъ, ни съ Костомаровымъ, ни съ Шелгуновымъ «ничего подобнаго не говорилъ», Костомарову ничего по тайному печатанію не поручалъ, вообще, дѣятельность его—«всегда была открыта и законна». Прежде, чѣмъ рѣшать, кто изъ нихъ правъ, Костомаровъ или Чернышевскій, я разберу вопросъ объ отношеніи Чернышевскаго къ революціонной дѣятельности начала шестидесятыхъ годовъ.

Былъ ли Чернышевскій причастенъ къ революціонной пропагандѣ и агитаціи, или онъ все время оставался писателемъ радикальнаго направленія, дѣятельность котораго ограничивалась «Совре-

[1] Окончаніе. См. «Истор. Вѣстн.», т. CXXXIII, стр. 889.

Библиотека "Руниверс"

менникомъ» и другими подцензурными изданіями, была «открыта и законна», какъ заявлялъ онъ на судѣ?

Въ книгѣ о Чернышевскомъ, вышедшей три года тому назадъ, на этотъ вопросъ дается такой отвѣтъ: «вѣроятнѣе всего, что непосредственно» Чернышевскій въ революціонномъ движеніи «не участвовалъ» [1]). Не соглашаясь съ такимъ мнѣніемъ, я съ своей стороны, остановлюсь на подробномъ разсмотрѣніи этого вопроса.

Чернышевскій былъ проповѣдникомъ радикальныхъ и соціалистическихъ идей, и въ этомъ отношеніи онъ былъ послѣдователенъ и настойчивъ. Писалъ ли онъ о крѣпостномъ правѣ, объ экономическомъ бытѣ и общинномъ землевладѣніи, говорилъ ли о «русскомъ человѣкѣ на rendez-vous», разбиралъ ли вопросъ объ откупной системѣ, критиковалъ ли ученую работу Чичерина, или трактовалъ объ іюльской монархіи, онъ всегда находилъ поводъ выступить съ рѣзкой критикой общественныхъ порядковъ, наводилъ читателя на мысли о новомъ и болѣе справедливомъ устройствѣ соціальной жизни, о «благѣ народа».

Разумѣется, новые порядки не устанавливаются сразу, не даются даромъ. Чернышевскій самъ отлично сознавалъ необходимость борьбы за лучшее будущее, къ борьбѣ призывала и его проповѣдь, которую онъ съ необычайной энергіей велъ на столбцахъ періодической печати. Но допускалъ ли онъ мысль о возможности и необходимости для себя тайной революціонной дѣятельности? На этотъ вопросъ нѣкоторый свѣтъ проливаютъ: а) дневникъ Чернышевскаго, относящійся къ 1852—53 годахъ, и б) автобіографическій романъ «Прологъ къ прологу», въ которомъ Чернышевскій вывелъ себя подъ именемъ писателя Волгина.

Въ дневникѣ Чернышевскій въ видѣ проекта письма къ своей невѣстѣ записалъ: «Меня каждый день могутъ взять. У меня ничего не найдутъ, но подозрѣнья противъ меня будутъ весьма сильныя... Тогда едва ли ужъ выйду изъ крѣпости. Видите, я не могу жениться. Я не могу, не въ правѣ связать чьей бы то ни было судьбы съ моей».

Въ дневникѣ, относящемся къ началу 1853 года, когда Чернышевскій рѣшалъ вопросъ о томъ, долженъ ли онъ жениться, подъ 5-мъ марта записано: «Мнѣ должно жениться, чтобы стать осторожнѣе, потому что, если я буду продолжать такъ, какъ началъ, я могу попасться въ самомъ дѣлѣ. У меня должна быть идея, что я не принадлежу себѣ, что я не въ правѣ рисковать собою, иначе, почемъ знать? Развѣ я не рискну? Должна быть, какъ защита противъ

---

[1]) Стекловъ Ю. М., «Н. Г. Чернышевскій, его жизнь и дѣятельность», Спб., 1909, стр. 391. Объ участіи Чернышевскаго въ революціонной дѣятельности говорятъ: 1) Лемке, «Политическіе процессы, 194 и др.»; 2) Русановъ Н. С. (Н. Е. Кудринъ), «Соціалисты Запада и Россіи», изд. 2-ое, Спб., 1909, 327 и др.; 3) Плехановъ, «Н. Г. Чернышевскій», стр. 61—66; и др. писатели.

Библиотека "Руниверс"

демократическаго, противъ революціоннаго направленія, и этою защитою ничто не можетъ быть, кромѣ мысли о женѣ» [1]).

Изъ романа, написаннаго позднѣе, узнаемъ, что Чернышевскій (Волгинъ) въ самомъ дѣлѣ предупреждалъ свою невѣсту о возможной опасности, но она посмотрѣла на его предупрежденіе, какъ на «пустяки», да и онъ не настаивалъ. Но нѣсколько позднѣе (по роману, въ 1857 году), когда Чернышевскій уже былъ виднымъ публицистомъ, онъ снова рѣшилъ предупредить свою жену о возможности печальнаго для нихъ будущаго. Если Чернышевскій близко воспроизвелъ свои разговоры, то онъ (въ лицѣ Волгина) говорилъ своей женѣ:

«Ты знаешь, я держу себя осторожно», но можетъ произойти «перемѣна обстоятельствъ». «Дѣла русскаго народа плохи. Будь что-нибудь теперь, намъ съ тобою еще ничего. Обо мнѣ еще никто не позаботился бы. Но моя репутація увеличивается. Два-три года—и будутъ считать меня человѣкомъ со вліяніемъ. Пока все тихо, то ничего. Но, какъ я говорю и сама ты знаешь, дѣла русскаго народа плохи. Передъ нашей свадьбой я говорилъ тебѣ и самъ думалъ, что говорю пустяки. Но чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ виднѣе»...

Волгинъ не договорилъ о томъ, что «черезъ нѣсколько времени» ему можетъ грозить серьезная опасность. Но жена и безъ того поняла все, бросилась къ сыну, прижала его къ груди и, рыдая надъ нимъ, произносила: «Володя, мы съ тобой будемъ сиротами!»

Изъ другого мѣста романа узнаемъ, что жена Волгина (Чернышевскаго), хотя иногда даже вслухъ называла общественныя дѣла, которыми занимался ея мужъ и о которыхъ онъ постоянно писалъ, «пустяками», «глупостями», на самомъ же дѣлѣ высоко цѣнила умъ, пониманье и работы мужа. Гордясь имъ и вѣря въ него, она готова была на самопожертвованіе. Въ минуту откровенности съ хорошимъ знакомымъ Нивельзинымъ Волгина говорила о мужѣ: «Его время еще не пришло; они еще не понимаютъ его мыслей; придетъ его время—тогда заговорятъ о немъ! И пусть будетъ съ нимъ и со мною, что будетъ! Я хочу, чтобы о моемъ мужѣ говорили когда-нибудь, что онъ раньше всѣхъ понималъ, что нужно для пользы народа, и не жалѣлъ для пользы народа—не то что себя—велика важность ему не жалѣть себя!—не жалѣлъ и меня!—И будутъ говорить это-я знаю! И пусть мы съ Володею будемъ сиротами, если такъ нужно!» [2]).

Конечно, всѣ эти предупрежденія и опасенія говорили не о подцензурной писательской дѣятельности Чернышевскаго, за которую онъ не могъ опасаться въ такой степени, чтобы его навсегда посадили въ крѣпость. Они становятся понятными при томъ необходи, момъ предположеніи, что Чернышевскій, заранѣе предугадывая

---

[1]) Полное собраніе сочиненій, т. X, ч. 2-ая, «Дневникъ», стр. 39.

[2]) Собраніе сочиненій, т. X, ч. I, стр. 59, 77 и др.

Библиотека "Руниверс"

естественный ходъ событій, не исключалъ для себя возможности активнаго вмѣшательства въ борьбу за осуществленіе своихъ идеаловъ.

Однако, подобная возможность была допустима лишь при «перемѣнѣ обстоятельствъ», въ виду чрезвычайныхъ событій, которыхъ нужно было ждать, можетъ быть, не одинъ годъ. Тогдашній же моментъ (1857—59 годы) и обычное теченіе общественныхъ дѣлъ въ Россіи не внушали Чернышевскому особыхъ надеждъ на успѣхъ активнаго выступленія и какъ будто усиливали въ немъ присущій ему скептицизмъ: онъ не вѣрилъ въ русскихъ либераловъ, силы демократовъ считалъ крайне слабыми, народъ же, по его представленію, былъ бѣденъ, забитъ и невѣжественъ, пользы своей не видѣлъ и не понималъ, а потому оказать сильной поддержки первымъ застрѣльщикамъ никакимъ образомъ не могъ. Этотъ скептицизмъ еще болѣе усиливался у Чернышевскаго отъ сознанія своей личной неумѣлости и неподготовленности къ практической революціонной дѣятельности.

Изъ дневника Левицкаго ясно видно, что Волгинъ (Чернышевскій), хотя и спорилъ съ энтузіастомъ Левицкимъ, обдавалъ его холодомъ своего скептицизма, но втайнѣ завидовалъ той активности, которой былъ проникнутъ Левицкій (Добролюбовъ). И на похоронахъ Добролюбова Чернышевскій особенно подчеркивалъ то, что въ лицѣ умершаго Россія потеряла человѣка бодраго, дѣятельнаго и энергичнаго [1]).

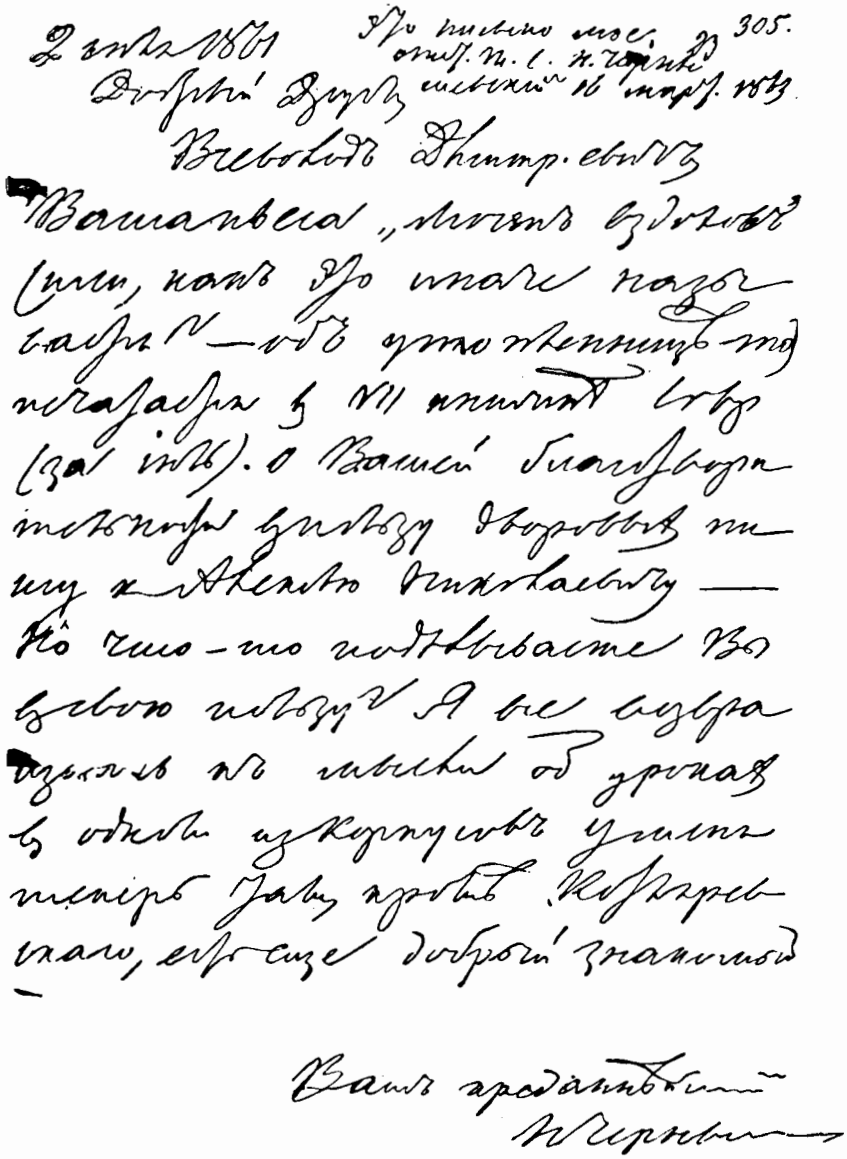
Скептицизмъ по отношенію къ силамъ общественнымъ заставилъ Чернышевскаго одно время допускать то, что народъ можетъ добиться настоящихъ реформъ черезъ правительство. Извѣстно, съ какимъ восторгомъ Чернышевскій привѣтствовалъ (въ 1857 году) рескрипты Александра II о началѣ работъ по освобожденію крестьянъ, но затѣмъ онъ скоро понялъ, что отъ правительства, при его точкѣ зрѣнія на реформу, ждать нечего, и онъ самъ смѣялся надъ своей наивностью. Но позднѣе, чѣмъ опредѣленнѣе правительство въ шестидесятомъ и шестьдесятъ первомъ году уходило вправо, тѣмъ нетерпѣливѣе становилось общество. Молодая, нарождающаяся Россія не хотѣла ждать и готовилась къ энергичному вмѣшательству въ ходъ событій.

Въ разгоряченныхъ молодыхъ головахъ, окружавшихъ Чернышевскаго, поднялась увѣренность въ возможной побѣдѣ. Подъемъ,

---

[1]) Въ своемъ «Дневникѣ» Никитенко по поводу похоронъ Добролюбова записалъ: Чернышевскій «неоднократно возглашалъ къ собравшейся толпѣ: «А мы что дѣлаемъ? Ничего, ничего, только болтаемъ!» (т. II, 58, Спб., 1905 г., 2-ое изд.). Въ письмѣ къ Грюнвальдъ Чернышевскій позднѣе писалъ о Добролюбовѣ: «Лучшаго защитника потерялъ въ немъ русскій народъ» («Современный Міръ», 1911, ноябрь, 201; изъ статьи Е. А. Ляцкаго); ср. біографію Н. А. Добролюбова, написанную Е. В. Аничковымъ (Собраніе сочиненій Н. А. Д—ва, изд. «Дѣятеля», I, 93 и сл.).

Библиотека "Руниверс"



Письмо къ В. Д. Костомарову.

Библиотека "Руниверс"

который замѣчался въ обществѣ, волненіе, котораго жадно искали въ народѣ, и иногда и находили, отъ радикально настроенной молодежи и нѣкоторыхъ руководителей тогдашней журналистики передались и Чернышевскому. Онъ началъ думать о томъ, что, можетъ быть, насталъ благопріятный моментъ, когда слѣдуетъ вступить въ борьбу съ нѣкоторой надеждой на успѣхъ.

По словамъ Шелгунова [1]), Чернышевскій, видя подъемъ въ обществѣ, долго колебался и тщательно взвѣшивалъ аргументы за и противъ; только послѣ зрѣлаго обсужденія онъ «безповоротно остановилъ свой выборъ на активномъ вмѣшательствѣ въ ходъ событій». И даже тогда, добавляетъ къ этому свои соображенія Кудринъ, когда Чернышевскій «со второй половины 1861 года не могъ не видѣть торжества крѣпнущей реакціи, равно какъ сильную вѣроятность пораженія демократической партіи и своей собственной гибели, онъ твердо шелъ въ разъ принятомъ направленіи».

О перемѣнѣ, происшедшей въ обществѣ и въ Чернышевскомъ, узнаемъ изъ письма Добролюбова къ Чернышевскому, которому тотъ, будучи еще за границей, писалъ изъ Мессины отъ 12-го (24-го) іюня 1861 года. «Въ вашемъ изложеніи изумительныхъ перемѣнъ,—читаемъ въ томъ письмѣ,—происшедшихъ въ русскомъ обществѣ во время моего отсутствія, я мало понялъ. Вспомнилъ только ваши же слова: всѣ мы очень хорошо знаемъ историческіе законы, а чуть дѣло коснется до насъ, мы сейчасъ же готовы увѣрить себя, что мы-то и должны составить исключеніе» [2]).

Добролюбову, оторванному въ теченіе болѣе года отъ Россіи, уѣхавшему за границу весной 1860 года, когда и въ обществѣ не было еще особаго лихорадочнаго подъема и у Чернышевскаго сквозила обычная, сбивавшая многихъ съ толку [3]) иронія, мало были понятны и возбужденіе въ обществѣ, а также и перемѣны въ настроеніи самого Чернышевскаго; Добролюбовъ даже готовъ былъ упрекнуть своего учителя и друга въ непослѣдовательности.

«Вы радуетесь,—писалъ дальше Добролюбовъ:—что начали чувствовать себя похожимъ на человѣка, по вашему выраженію», но самъ онъ такъ чувствовать себя не можетъ. Онъ сознавалъ, что въ настоящее время «нужна другая работа», которая ему лично «не подъ силу какъ нравственно, такъ главнымъ образомъ физически». Добролюбовъ возвращался въ Россію умирать, поэтому съ грустью

---

[1]) Со словъ Шелгунова объ этомъ пишетъ Кудринъ въ «Русскомъ Богатствѣ», 1905 г., мартъ, стр. 186; то же самое въ отдѣльномъ изданіи книги Русанова (Кудрина), «Соціалисты Запада и Россіи», стр. 294.

[2]) Матеріалы для біографіи Н. А. Добролюбова, изданіе Солдатенкова, М. 1890 г., т. I, 624 и 625. (П. О. Л—скій—Чернышевскій, какъ это видно изъ подлинныхъ писемъ Добролюбова, хранящихся въ настоящее время въ Пушкинскомъ домѣ при академіи наукъ).

[3]) Тамъ же, стр. 622.

Библиотека "Руниверс"

и отклонялъ отъ себя участіе въ какой бы то ни было необходимой въ данный моментъ «работѣ», предоставляя ее всецѣло Чернышевскому.

Сомнѣнія и колебанія Чернышевскаго, переломъ въ его настроеніи, повышенное самочувствіе, «другая работа», начавшаяся въ этотъ лихорадочный для русскаго общества моментъ, приводятъ къ мысли о томъ, что, видимо, Чернышевскій, принципіально допускавшій и предугадывавшій возможность для себя личнаго вмѣшательства въ борьбу съ правительствомъ, принялъ, наконецъ, въ 1861 году (а, можетъ быть, и съ конца 1860) дѣятельное участіе въ тогдашней революціонной борьбѣ.

VII.

Въ чемъ же конкретно выразилась тайная революціонная дѣятельность Чернышевскаго въ 1861—1862 годахъ? Объ этомъ въ настоящее время имѣются только отрывочныя, часто темныя указанія, которыми я и воспользуюсь.

Въ самомъ началѣ 1861 года Чернышевскій вмѣстѣ съ Михайловымъ и Шелгуновымъ обсуждалъ планъ изданія нѣсколькихъ прокламацій; самъ онъ написалъ «манифестъ» къ крестьянамъ, а Шелгуновъ—воззваніе къ солдатамъ, но обѣ эти прокламаціи, какъ разъяснено будетъ ниже, не были напечатаны.

Лѣтомъ того же 1861 года Михайловъ, при содѣйствіи Шелгунова, напечаталъ за границей очень рѣзкую прокламацію «Къ молодому поколѣнію», въ которой составитель заявлялъ: онъ «не испугался бы» того, чтобы для блага народа «пришлось вырѣзать сто тысячъ помѣщиковъ», его бы нисколько не смутило то обстоятельство, если въ одинъ день «въ числѣ покойниковъ» оказались бы всѣ министры, архіереи, губернаторы, фрейлины и «вся аристократія происхожденія». Объ этомъ предпріятіи былъ хорошо освѣдомленъ Чернышевскій, хотя тону прокламаціи онъ не сочувствовалъ и иногда вставлялъ по адресу Михайлова ироническія замѣчанія [1]).

Нѣсколько позднѣе прокламаціи «Къ молодому поколѣнію» и, можетъ быть, въ противовѣсъ этой переходящей всякія границы прокламаціи вышло три номера «Великорусса», съ болѣе умѣренной программой [2]). Съ увѣренностью предполагаютъ, что въ составленіи

[1]) Л. Ф. Пантелѣевъ по этому поводу разсказываетъ слѣдующее: «Разъ въ присутствіи Михайлова приходилъ къ Чернышевскому одинъ изъ сотрудниковъ «Современника», при томъ пользовавшійся довѣріемъ Ник. Гавр. Пришедшій, между прочимъ, высказалъ мысль, что слѣдуетъ печатать за границей и затѣмъ ввозить въ Россію. Когда Михайловъ ушелъ, Чернышевскій и сказалъ: «Да, вѣдь вы попали не въ бровь, а прямо въ глазъ. Михайловъ именно это и сдѣлалъ». («Изъ воспоминаній прошлаго», кн. I, 331; Спб., 1905 г.).

[2]) Лемке, «Очерки освободительнаго движенія», стр. 357 и сл.

Библиотека "Руниверс"

«Великорусса» принималъ участіе и Чернышевскій. По этому поводу Пантелѣевъ въ своихъ воспоминаніяхъ пишетъ: «Близость Захарьина (принимавшаго, по его свѣдѣніямъ, непосредственное участіе въ «Великоруссѣ») съ Чернышевскимъ даетъ мнѣ основаніе думать, что Николай Гавриловичъ былъ, можетъ быть, не совсѣмъ чуждъ дѣлу «Великорусса»; къ тому же манера говорить съ публикой, стиль «Великорусса» очень напоминаютъ Н. Г.» [1]).

Стахевичъ, которому пришлось нѣсколько лѣтъ жить съ Чернышевскимъ въ Сибири, сообщаетъ: «Я замѣтилъ, что Чернышевскій съ явнымъ сочувствіемъ относится къ листкамъ, выходившимъ въ неопредѣленные сроки подъ названіемъ «Великоруссъ»... Слушая разговоры Николая Гавриловича, я иногда замѣчалъ, что и содержаніе мыслей и способъ ихъ выраженія сильнѣйшимъ образомъ напоминаютъ мнѣ листокъ «Великоруссъ», и я про себя рѣшилъ, что онъ былъ или авторомъ, или, по меньшей мѣрѣ, соавторомъ этихъ листковъ, проповѣдывавшихъ необходимость конституціонныхъ преобразованій» [2]).

Осенью 1861 года, когда начались студенческіе волненія и безпорядки, Чернышевскій принялъ горячее участіе въ дѣлахъ студенчества. Студентами былъ образованъ негласный комитетъ, въ которомъ обсуждался вопросъ о формѣ активнаго выступленія; Чернышевскій не только зналъ общее положеніе дѣлъ, но и былъ превосходно освѣдомленъ о тѣхъ преніяхъ, которыя происходили въ томъ комитетѣ. Наглядной иллюстраціей этого можетъ служить слѣдующее обстоятельство. Когда весной 1862 года (въ половинѣ марта) къ нему приходилъ студентъ Пантелѣевъ, то Чернышевскій, живо интересуясь студенческимъ движеніемъ и прекрасно информированный въ немъ, разспрашивалъ Пантелѣева: «По какимъ соображеніямъ онъ возражалъ въ сентябрѣ 1861 года въ студенческомъ комитетѣ противъ нѣкоторыхъ предположеній, казавшихся ему, Пантелѣеву, слишкомъ рѣзкими» [3]).

Тогда же осенью носились упорные слухи, что Чернышевскій является тайнымъ руководителемъ студенческаго движенія, и написалъ прокламацію къ студентамъ [4]).

Когда «центральный революціонный комитетъ» въ Москвѣ, а проще кружокъ молодежи Аргиропуло и Зайчневскаго [5]) издалъ

---

[1]) Пантелѣевъ, «Изъ воспоминаній прошлаго», кн. I, стр. 327.

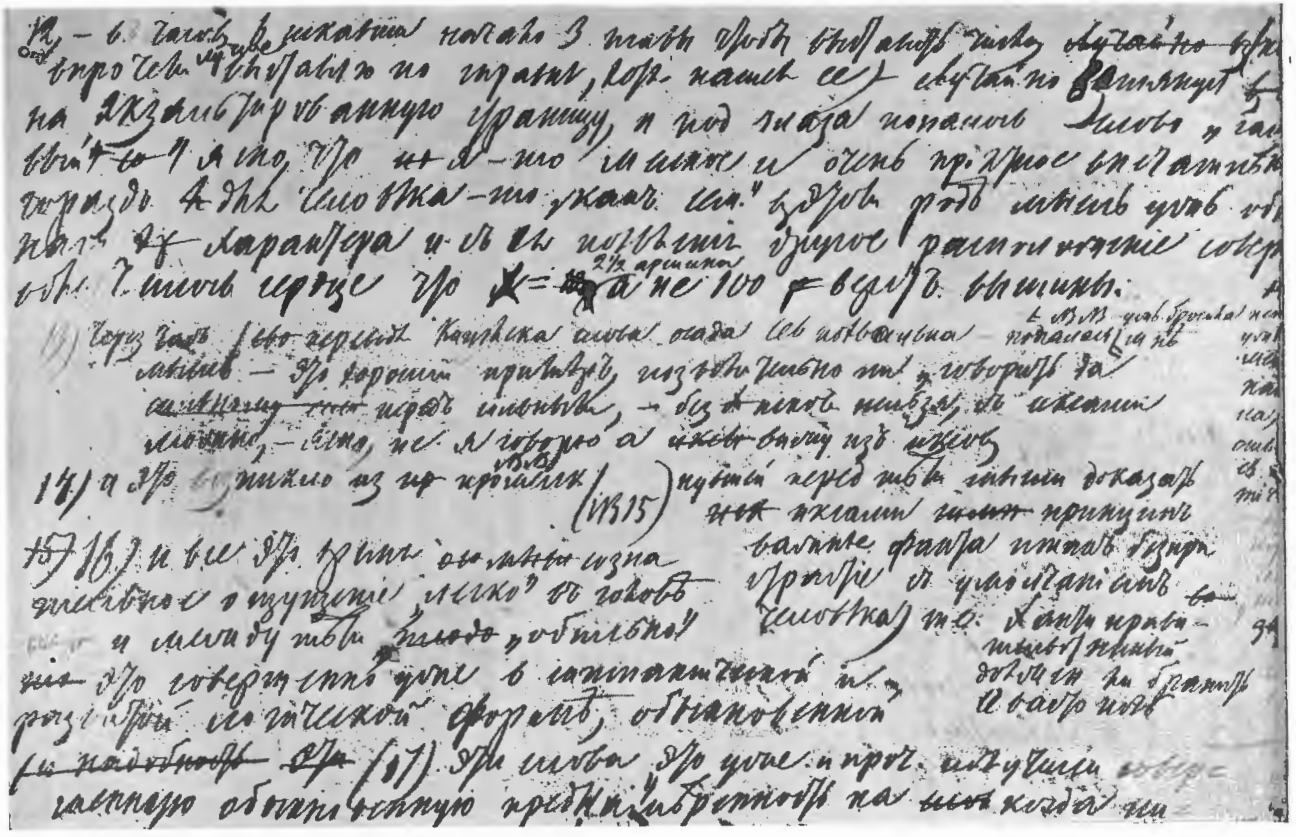
[2]) «Закаспійское Обозрѣніе», 1905 г., № 243. Ср. Кульчицкій, «Исторія революціоннаго движенія», стр. 256; Лемке, «Очерки», стр. 381; Стекловъ, «Н. Г. Чернышевскій», 385 и сл. Корнѣловъ А., «Крестьянская реформа», Спб., 1905 г., 165. «Курсъ исторіи Россіи XIX вѣка», ч. II, 230; Спб., 1912 г., (ср. его же «Общественное движеніе при Александрѣ I)».

[3]) Пантелѣевъ. «Изъ воспоминаній прошлаго», кн. II, стр. 179.

[4]) Ср. Пантелѣевъ, I, 142.

[5]) О нихъ см. въ сборникѣ «О минувшемъ», Спб., 1909 г., стр. 122—188.

Библиотека "Руниверс"



Почеркъ Н. Г. Чернышевскаго.

Библиотека "Руниверс"

(въ началѣ 1862 года) прокламацію «Молодая Россія», то отъ кружка былъ посланъ въ Петербургъ делегатъ, который долженъ былъ явиться къ Чернышевскому, чтобы привлечь его къ себѣ и передать нѣсколько экземпляровъ воззванія.

Что это за прокламація, показываетъ слѣдующее. Пантелѣевъ, будучи тогда студентомъ и причастнымъ къ другому тайному кружку («Земли и воли»), по его словамъ, «перечитавъ не разъ «Молодую Россію» и окончательно убѣдившись, что это горячечный бредъ, да еще могущій по своему впечатлѣнію на общество повести къ очень дурнымъ послѣдствіямъ, всѣ данные ему экземпляры (этой прокламаціи) уничтожилъ».

Если такъ поступилъ студентъ Пантелѣевъ, то неудивительно, что «Чернышевскій, по сообщенію того же Пантелѣева, отказался принять доставленные ему для распространенія экземпляры и вообще сухо встрѣтилъ посланнаго. Однако, этимъ дѣло не кончилось. «Потомъ Чернышевскаго точно раздумье взяло, что онъ оттолкнулъ отъ себя людей, можетъ быть, черезчуръ экзальтированныхъ, но, во всякомъ случаѣ, энергическихъ и преданныхъ революціонному дѣлу: онъ рѣшилъ выпустить особаго рода прокламацію «Къ нашимъ лучшимъ друзьямъ», о чемъ Чернышевскій и сообщилъ Утину. Но «скорый арестъ, какъ сообщаетъ Пантелѣевъ со словъ Утина, помѣшалъ ему выполнить это намѣреніе» [1]).

Однако, имѣются опредѣленныя свѣдѣнія, что Чернышевскій не оставилъ безъ отвѣта обращеніе къ нему московскаго «революціоннаго комитета»: онъ послалъ въ Москву «виднаго революціоннаго дѣятеля» того времени А. Слѣпцова съ порученіемъ «уговорить комитетъ сгладить какъ-нибудь неблагопріятное впечатлѣніе, произведенное на общество «Молодой Россіей» [2]).

Весной 1862 года въ Петербургѣ сталъ организовываться кружокъ, изъ котораго потомъ выросла «Земля и воля». Утинъ и Пантелѣевъ, привлеченные къ этому кружку, по разсказу послѣдняго, рѣшили «позондировать» Чернышевскаго, явились къ нему и вели разговоръ «о необходимости развивать кружки между молодежью, при томъ съ общественнымъ направленіемъ». Чернышевскій, хотя и былъ «непроницаемъ», очевидно, по естественной осторожности, тѣмъ не менѣе, какъ сообщаетъ Пантелѣевъ, «одобрялъ насъ» и очень выгодно отозвался о томъ господинѣ, который хлопоталъ объ организаціи кружка [3]).

Кромѣ этого сообщенія Пантелѣева, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ можно предполагать, что Чернышевскій являлся однимъ

---

[1]) Пантелѣевъ, кн. I, стр. 268—270.

[2]) Лемке. «Политическіе процессы», 109. Это извѣстіе идетъ отъ одного изъ членовъ комитета Гольцъ-Миллера.

[3]) Пантелѣевъ. I, 261.

Библиотека "Руниверс"

изъ главныхъ руководителей кружка «Земли и воли». Въ основу программы кружка былъ положенъ тотъ кругъ идей, который былъ выработанъ Чернышевскимъ. Именемъ и авторитетомъ Чернышевскаго прикрывался «господинъ въ пенснэ», который являлся главнымъ организаторомъ кружка среди молодежи. Между Чернышевскимъ и Лавровымъ установились особенно дружественныя отношенія за нѣсколько мѣсяцевъ до ареста Чернышевскаго, именно въ то время, когда Лавровъ былъ введенъ Энгельгардтомъ въ общество «Земли и воли» [1]).

Чернышевскій, руководя радикально настроенными группами, поддерживая между ними единеніе, повидимому, дорожилъ каждымъ работникомъ въ оппозиціонной средѣ. Однажды онъ разговорился съ Утинымъ по поводу самоубійства (происшедшаго въ мартѣ 1862 года) одного изъ сотрудниковъ «Современника» Піотровскаго, причемъ во время бесѣды сдѣлалъ такое замѣчаніе: «Если Піотровскій не дорожилъ своею жизнью, то могъ бы сдѣлать изъ нея болѣе разумное употребленіе, чѣмъ пустить себѣ пулю». Когда Утинъ передалъ смыслъ бесѣды своему пріятелю Пантелѣеву, то они истолковали слова Чернышевскаго въ томъ смыслѣ, что «Піотровскій лучше сдѣлалъ бы, если бы отдался политической агитаціи, чѣмъ покончить съ собой» [2]).

Среди современниковъ была распространена твердая увѣренность въ томъ, что Чернышевскій не только причастенъ къ революціонной дѣятельности, но и занималъ весьма вліятельное положеніе въ революціонныхъ кругахъ. Достоевскій, какъ онъ сообщаетъ, послѣ появленія прокламаціи «Къ молодому поколѣнію», пріѣзжалъ къ Чернышевскому и убѣждалъ его употребить все свое вліяніе къ тому, чтобы подѣйствовать на революціонные круги и сдержать ихъ выступленіе [3]).

Петербургскій генералъ-губернаторъ, какъ разсказываетъ Шелгуновъ, по выходѣ въ отставку, сообщалъ ему: «Мнѣ доносятъ, что подготовляется движеніе. Я посылаю за Чернышевскимъ и говорю ему: «Пожалуйста, устройте, чтобы этого не было». Онъ даетъ мнѣ слово, и я ѣду къ государю и докладываю, что все будетъ спокойно. Вотъ какъ я поступалъ!» [4]).

Подобный образъ дѣйствій Чернышевскаго вполнѣ объясняется той тактикой, которой онъ сознательно руководился. Участвуя въ подготовкѣ общаго движенія, Чернышевскій вмѣстѣ съ тѣмъ былъ рѣшительнымъ противникомъ частичныхъ и несвоевремен-

---

[1]) Статья Кудрина въ «Рус. Бог.», 1905 г., мартъ, 169.

[2]) Пантелѣевъ. «Изъ воспоминаній прошлаго», кн. I, 262.

[3]) Достоевскій, «Дневникъ писателя» за 1873 годъ, Спб., 1883 г., IV, «Нѣчто личное», стр. 27; ср. Пантелѣевъ, I, 270; Лемке, 199.

[4]) Сообщено въ книгѣ Лемке «Политическіе процессы» (стр. 199), со ссылкой на ненапечатанную часть воспоминаній Шелгунова.

Библиотека "Руниверс"

ныхъ выступленій, такъ какъ изъ исторіи западно-европейскихъ революцій отчетливо зналъ то, что подобныя дѣйствія влекутъ за собой тяжелыя пораженія. Поэтому онъ считалъ своей задачей предусмотрительно сдерживать молодые порывы и всею силою своего авторитета препятствовать необдуманнымъ и случайнымъ выступленіямъ [1]).

Некрасовъ и Короленко, первый въ своемъ стихотвореніи, посвященномъ Чернышевскому, второй въ воспоминаніяхъ, пишутъ о Чернышевскомъ въ такомъ тонѣ, что для нихъ тайная революціонная дѣятельность Н. Г. не подлежитъ сомнѣнію [2]).

Таковы разнородныя свѣдѣнія, которыя идутъ съ разныхъ сторонъ, при томъ отъ лицъ близкихъ и сочувствовавшихъ Чернышевскому; эти свѣдѣнія въ ихъ совокупности, я полагаю, приводятъ къ несомнѣнному выводу о томъ, что въ послѣдніе годы до ареста и суда Чернышевскій по сознательному рѣшенію принялъ активное участіе въ революціонной дѣятельности, надѣясь на возможный успѣхъ, и правительство, имѣя агентурныя свѣдѣнія о причастности Чернышевскаго къ подполью, въ этомъ не ошибалось.

Относительно же того, какими данными располагало правительство, мы знаемъ по запискѣ, представленной 1-го августа (1862 г.) начальникомъ третьяго отдѣленія въ слѣдственную комиссію князя Голицына [3]).

Въ запискѣ говорилось, что Чернышевскій «составилъ себѣ отдѣльный кругъ знакомыхъ, по преимуществу изъ молодыхъ людей, и при томъ недовольныхъ правительствомъ»; «собранія у него постоянно отличались какою-то таинственностью и большею частью происходили въ ночное время»; осенью 1861 года, когда происходили безпорядки въ петербургскомъ университетѣ, «получено было свѣдѣніе, что появившаяся между студентами прокламація, возбуждавшая молодежь къ сопротивленію властямъ, была составлена Чернышевскимъ»; «съ тѣхъ поръ за нимъ учреждено было постоянное наблюденіе». О результатахъ этого наблюденія записка и передаетъ, сообщая, какъ съ конца 1861 года Чернышевскій уходилъ изъ дому по ночамъ и возвращался часто съ какими-то бумагами, отправлялъ много писемъ, всегда запиралъ свой письменный столъ, а потомъ сталъ запирать кабинетъ спеціально придѣланнымъ къ дверямъ замкомъ, запиралъ даже тогда, «когда не только выходилъ со двора, но даже шелъ обѣдать или пить чай въ столовую»; у него нѣсколько разъ сжигались въ печи какія-то бумаги; его друзьями и близкими знакомыми были (политическій) «преступникъ Михай-

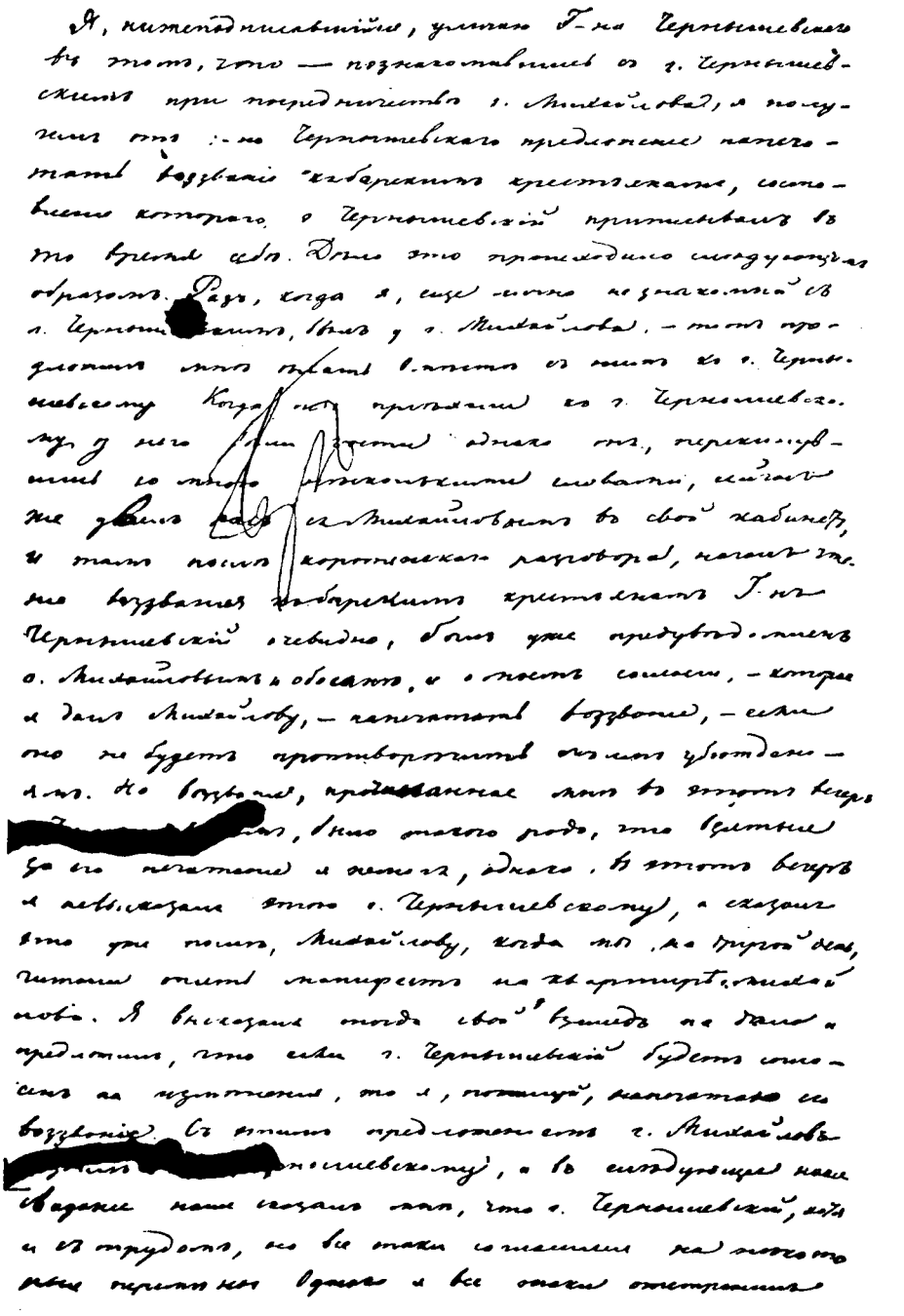
---

[1]) «Собраніе сочиненій», т. X, ч. I, Прологъ, стр. 45, 91, 115; ср. 217 (Дневникъ Левицкаго) и др.

[2]) Короленко, «Воспоминанія о Чернышевскомъ» («Рус. Бог.», 1904 г., № 11, стр. 48—71).

[3]) Записка полностью напечатана въ книгѣ Лемке, «Политическіе процессы».

Библиотека "Руниверс"



Почеркъ В. Д. Костомарова.

Библиотека "Руниверс"

ловъ», полковники Лавровъ и Шелгуновъ; за границей онъ былъ у Герцена; вообще Чернышевскаго можно считать «главою партіи либеральныхъ литераторовъ».

Кромѣ общей характеристики литературной и революціонной дѣятельности Чернышевскаго, въ запискѣ указывалось нѣсколько конкретныхъ фактовъ, а именно: 20-го ноября 1861 г. Чернышевскій (по поводу похоронъ Добролюбова) «говорилъ рѣчь, «въ которой, видимо, старался выразить, что Добролюбовъ былъ жертвой правительственныхъ распоряженій», «мученикомъ»; 22-го декабря поздно вечеромъ у него было какое-то тайное собраніе, приходило четыре человѣка, изъ которыхъ одинъ былъ «въ волчьей шубѣ, не покрытой сукномъ», «вѣроятно, изъ простого званія». Въ часъ ночи самъ Чернышевскій выпустилъ посѣтителей по черной лѣстницѣ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1862 года онъ, будучи у Некрасова, разсказывалъ, что къ 26-му августу по всей Россіи будутъ устроены манифестаціи, въ которыхъ будутъ выражены слѣдующія желанія всего образованнаго сословія: прощеніе политическихъ преступниковъ, всѣхъ безъ исключенія, какіе только находятся въ живыхъ, дарованіе конституціи, свобода печати и уничтоженіе цензуры, отвѣтственность министровъ, гласное судопроизводство и т. п.; «онъ говорилъ также, что онъ видѣлся со многими лицами, коноводами въ провинціи этихъ манифестацій». Въ апрѣлѣ разнесся слухъ объ адресѣ въ пользу Михайлова, иниціаторами этого дѣла называли Чернышевскаго и подполковника Шелгунова, на адресѣ даже видѣли подпись Чернышевскаго.

Въ виду ареста нѣкоторыхъ лицъ изъ тѣхъ, которыя посѣщали Чернышевскаго, онъ лѣтомъ распродалъ вещи, отправилъ жену въ деревню и самъ собирался уѣхать.

Итакъ, агентурныя свѣдѣнія ясно указывали на то, что Чернышевскій въ 1861 и 1862 годахъ принималъ участіе въ революціонной дѣятельности.

VIII.

Перейду къ частному вопросу относительно авторства прокламаціи къ барскимъ крестьянамъ. О ней въ книгѣ г. Лемке читаемъ: «Писалъ ли ее Чернышевскій? На этотъ вопросъ нельзя отвѣтить категорически ни да, ни нѣтъ. Однако, есть вѣроятіе предполагать, что авторомъ ея былъ Н. Г.»; высказавъ свои соображенія по поводу прокламаціи, г. Лемке снова осторожно заявляетъ: «Все это болѣе или менѣе вѣроятныя соображенія и только» [1]). Я, съ своей стороны, разберу этотъ вопросъ подробнѣе.

Кто могъ быть авторомъ воззванія къ барскимъ крестьянамъ? По своимъ исходнымъ точкамъ зрѣнія авторъ прокламаціи, во-пер-

[1]) Лемке, «Политическіе процессы», 335, 336.

Библиотека "Руниверс"

выхъ, западникъ и, во-вторыхъ «демократъ». Онъ съ похвалою отзывается о порядкахъ у французовъ и англичанъ, у которыхъ, по словамъ прокламаціи, есть настоящая «воля», между людьми «нѣтъ разницы», «надъ всѣми одно начальство, судъ для всѣхъ одинъ», «судъ праведный», «подушной подати нѣтъ», рекрутчины, паспортовъ тоже нѣтъ. Но еще большія симпатіи автора вызываютъ порядки у швейцарцевъ и американцевъ, у которыхъ всѣмъ вѣдаетъ міръ-народъ, а для порядковъ «на срокъ выбирается» «народный староста» президентъ; вообще, воля настоящая должна быть такова, «чтобы народъ былъ всему голова, и всякое начальство міру покорствовало»; тогда «народу лучше бываетъ жить, и народъ богаче бываетъ», короче говоря, власть для народа, а не народъ для власти, все посредствомъ и въ интересахъ народа.

На крестьянскую реформу 1861 года авторъ прокламаціи смотритъ отрицательно. По его представленію, царь задумалъ реформу въ интересахъ помѣщиковъ прежде всего; объясняется это тѣмъ, что царь—самъ «помѣщикъ», онъ владѣетъ удѣльными крестьянами, а прочихъ крестьянъ «въ крѣпостные все цари же отдали». Крѣпостные у помѣщиковъ, а помѣщики у царя—слуги, а потому царь и «держитъ барскую сторону».

Авторъ прокламаціи далѣе утверждаетъ, что объявленная въ манифестѣ воля—«одно обольщеніе въ словахъ»; послѣ такъ называемой реформы лишь «названія перемѣняются», а на самомъ дѣлѣ остаются «все тѣ же самые прежніе порядки», которые въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ становятся даже хуже: 1) семнадцать либо двадцать лѣтъ будетъ «проволочка», «во всѣ эти годы мужикъ останется въ неволѣ»; 2) землю отъ крестьянъ «отберутъ», «оставятъ (имъ) земли менѣе, чѣмъ на половину противъ прежней»; 3) въ скоромъ времени въ виду недостатка своей земли мужику придется брать землю у барина, который, пользуясь случаемъ, «нагрузитъ на него барщину больше нонѣшней, либо оброкъ тяжелѣе нонѣшняго»; 4) за угодья потребуетъ «надбавки», такъ что «все до послѣдней нитки будетъ баринъ брать съ мужика»; 5) баринъ будетъ грозить переселеньемъ изъ усадьбы, а переносъ двора—чистое «разоренье» крестьянину; 6) а при отходѣ отъ помѣщика вся крестьянская земля «остается за помѣщикомъ», мужику дѣваться некуда, придется итти «въ батраки».

Значитъ, заключаетъ авторъ прокламаціи, по манифесту и указамъ все идетъ къ тому, чтобы «помѣщики взяли» крестьянъ «въ вѣчную кабалу», «да еще въ такую кабалу, которая гораздо и гораздо хуже нонѣшней».

Вотъ главныя мысли, которыя въ упрощенной формѣ, приближающейся къ народному говору, развивались, съ намѣреннымъ подчеркиваньемъ и повтореньемъ въ прокламаціи къ барскимъ крестьянамъ.

Библиотека "Руниверс"

Если эти мысли сопоставить съ тѣмъ, что было написано Чернышевскимъ и появилось въ періодической печати, а также если не стѣсняться формой выраженій, литературными оборотами и слогомъ, то получается удивительное совпаденіе. Что Чернышевскій по своимъ основнымъ взглядамъ въ извѣстномъ смыслѣ былъ западникомъ и демократомъ, это, думается, не требуетъ никакихъ особыхъ доказательствъ и поясненій [1]). Гораздо важнѣе для дѣла въ данномъ случаѣ его взглядъ на крестьянскую реформу, который нашелъ себѣ яркое выраженіе въ извѣстныхъ «Письмахъ безъ адреса» [2]), относящихся къ началу 1862 года и обращенныхъ на самомъ дѣлѣ по весьма опредѣленному и высокому адресу.

Въ этихъ письмахъ Чернышевскій, говоря о крѣпостномъ правѣ, прежде всего касается вопроса о томъ, что такое «настоящая воля», каковы должны быть тѣ реформы, которыхъ ждетъ все русское общество. По его словамъ, «крѣпостные крестьяне, несмотря на всѣ внушенія и мѣры усмиренія, остались въ увѣренности, что надобно ждать имъ другой, настоящей воли». На ряду съ крестьянами и всѣ другія сословія ждутъ перемѣнъ: «всѣ чувствуютъ,—писалъ Чернышевскій,—обремененіе отъ произвольной администраціи, отъ неудовлетворительности судебнаго устройства и многосложной формалистики законовъ»; отсюда мысли о «реформѣ общаго законодательства, объ основаніи администраціи и суда на новыхъ началахъ, о свободѣ слова» (стр. 302—303).

Итакъ, настоящая воля по воззванію къ барскимъ крестьянамъ въ сущности сводится: 1) къ равенству передъ закономъ, который слѣдуетъ для того измѣнить, 2) къ установленію «надъ всѣми одного начальства», 3) учрежденію «праведнаго суда», съ отмѣной подушной подати, рекрутчины и паспортной системы, что выдвигается въ прокламаціи, какъ наиболѣе затрагивающее крестьянскіе интересы. По «Письмамъ безъ адреса», настоящая воля, которую ждутъ крестьяне и которой добиваются всѣ остальные классы населенія, должна состоять въ реформѣ: 1) законодательства, 2) администраціи и 3) суда, съ отмѣной ограниченія свободы слова, которая для высшихъ сословій кажется весьма желанной и необходимой. Изъ этого видно, что и въ томъ и въ другомъ случаѣ настоящая реформа, настоящая воля характеризуются почти однѣми и тѣми же основными чертами.

Перейду къ вопросу о крѣпостномъ правѣ. «Крѣпостное краво было создано и распространено властью», писалъ Чернышевскій,

---

[1]) См. книгу Стеклова, «Н. Г. Чернышевскій», стр. 317, 319 и др. Плехановъ называетъ Чернышевскаго «соціалистомъ-утопистомъ» («Н. Г. Чернышевскій», Спб., 1910 г., стр. 534).

[2]) «Письма безъ адреса» напечатаны во 2-й части X тома «Собранія сочиненій Н. Г Чернышевскаго», Спб. 1906 г., 293—318.

Библиотека "Руниверс"

Я нижеподписавшійся, оставаясь при своихъ прежнихъ показаніяхъ, отвѣчаю на улики г. Костомарова слѣдующее на очной ставкѣ этой, бывшей 14 октября, онъ впалъ въ противорѣчія съ своими прежними показаніями; онъ говоритъ:

Что онъ ѣздилъ въ Петербургъ предупреждать меня о слухахъ, предшествовавшихъ перенесенію въ его домъ печатанія прокламаціи къ барскимъ крестьянамъ;

Что въ эту поѣздку, — „кажется ему", онъ не помнитъ, — было диктовано воззваніе къ раскольникамъ;

Что возвратившись изъ этой поѣздки, онъ взялъ къ себѣ въ домъ печатаніе прокламаціи къ барскимъ крестьянамъ;

Что во время набора ея, я пріѣзжалъ къ нему (въ Москвѣ) и видѣлъ наборъ;

Что на другой день, я оставилъ у него написанную мною записку карандашомъ.

Почеркъ Н. Г. Чернышевскаго.

Библиотека "Руниверс"

платя тѣмъ дань современному ему состоянію исторической науки; «всегдашнимъ правиломъ власти было опираться на дворянство, которое и образовалось у насъ не само собою, и не въ борьбѣ съ властью, какъ во многихъ другихъ странахъ, а покровительствомъ со стороны власти, добровольно дававшей ему привилегіи» (стр. 301); одной изъ основныхъ привычекъ власти было «пристрастіе къ дворянству», которое рѣзко сказалось и при разрѣшеніи вопроса о крѣпостномъ правѣ.

«Дѣло начато было съ желаніемъ требовать какъ можно менѣе пожертвованій отъ дворянства»; а бюрократія довершила дѣло своей формалистикой; «потому и результатъ оказался такой, что измѣнены были формы отношеній между помѣщиками и крестьянами, съ очень малымъ, почти незамѣтнымъ измѣненіемъ существа прежнихъ отношеній; этимъ думали удовлетворить помѣщиковъ». «Предполагалось, — говоритъ далѣе Чернышевскій,— сохранить сущность крѣпостного права, отмѣнивъ его формы» (стр. 302).

Реформа и не могла быть настоящей: а) она проведена бюрократическимъ путемъ; б) при самомъ началѣ работъ редакціонныхъ комиссій былъ принятъ «принципъ: при провозглашеніи освобожденія крестьянъ крѣпостное право должно быть сохранено» (313); в) бюрократическимъ путемъ «опредѣлились и всѣ другія черты: выкупъ земель необязательный» добровольный; «размѣръ надѣла», величина повинностей; 2) помѣщики, не надѣясь на власть, должны были «сами позаботиться о сохраненіи той части собственности, какая можетъ остаться за нами, и о полученіи вознагражденія за ту часть, которую (они) теряютъ». Въ результатѣ положенія 19-го февраля получилось то, что крестьянамъ отводилось земли меньше, чѣмъ у нихъ было до освобожденія [1]).

Какъ же встрѣчаютъ крестьяне эту реформу? «Крѣпостные крестьяне,—пишетъ Чернышевскій,—не повѣрили, чтобы обѣщанная имъ воля была ограничена тѣми формальными перемѣнами, какими

---

[1]) По подсчету Чернышевскаго, въ восемнадцати уѣздахъ прежній надѣлъ крестьянъ на 125 тысячъ душъ доходилъ до 419 тысячъ десятинъ, съ платой оброка около 843 тысячъ рублей, въ среднемъ съ крестьянина за одну десятину надѣла бралось оброку два рубля девять копеекъ; по положенію же 19-го февраля у крестьянъ въ тѣхъ же восемнадцати уѣздахъ оставалось земли лишь 317 тысячъ десятинъ съ небольшимъ, и около 102 тысячъ десятинъ отходило къ помѣщикамъ, оброкъ равнялся 731 тысячѣ рублей, такъ что за одну десятину крестьяне должны были платить по два рубля тридцати съ половиною копеекъ, иначе говоря, вмѣсто прежняго оброка въ одинъ рубль, слѣдовало платить одинъ рубль десять копеекъ.

Итакъ, земли у крестьянъ послѣ реформы становилось меньше, а оброку за каждую десятину они должны платить больше. Изъ этого Чернышевскій приводилъ читателя къ выводу, что съ примѣненіемъ положенія 1861 года никакой воли крестьянамъ не давалось и положеніе ихъ ухудшалось.

Библиотека "Руниверс"

ограничило ее бюрократическое рѣшеніе»; «изъ этого повсюду,—преувеличенно и ошибочно пишетъ Чернышевскій,—произошли столкновенія между крѣпостными крестьянами и властью, старавшеюся провести свое рѣшеніе»; и теперь «крестьяне, несмотря на всѣ внушенія и мѣры усмиренія, остались въ увѣренности, что надобно ждать имъ другой настоящей воли». «Отъ этого ихъ расположенія должны будутъ,—увѣренно заявлялъ Чернышевскій,—произойти новыя столкновенія, если надежда ихъ не осуществится (302). Народъ сталъ недовѣрчивъ. Онъ «не думаетъ, чтобы изъ чьихъ-нибудь заботъ объ немъ выходило что-нибудь дѣйствительно полезное для него». «Когда люди дойдутъ до мысли: «ни отъ кого другого не могу я ждать пользы для своихъ дѣлъ», они непремѣнно и скоро сдѣлаютъ выводъ, что имъ самимъ надобно взяться за веденіе своихъ дѣлъ». Тогда настанетъ «ужасающая насъ развязка».

Вотъ тотъ кругъ идей, которыя были развиты Чернышевскимъ въ «Письмахъ безъ адреса» по поводу крестьянской реформы. Не буду говорить о томъ, что имъ не совсѣмъ вѣрно поняты и объяснены основы реформы 1861 года, что онъ въ своемъ ожиданіи близкой «ужасающей развязки» ошибся, я лишь сопоставлю эти идеи съ тѣми мыслями, которыя излагались и разъяснялись въ прокламаціи «Къ барскимъ крестьянамъ».

И тамъ и здѣсь видно рѣзко отрицательное отношеніе къ основамъ реформы и положенію 19-го февраля. Крестьянская реформа характеризуется слѣдующими одинаковыми чертами: 1) реформа произведена въ интересахъ помѣщиковъ, которымъ мирволило правительство, а не въ интересахъ крестьянъ; 2) существо крѣпостного права и послѣ 19-го февраля осталось, измѣнились лишь формы отношеній между помѣщиками и крестьянами, иначе говоря, объявленная воля—«одно обольщеніе въ словахъ», какъ характерно разъяснялось въ воззваніи къ барскимъ крестьянамъ; 3) у крестьянъ при осуществленіи реформъ земли будетъ меньше: четверть—по «Письмамъ безъ адреса», добрая половина по прокламаціи отойдетъ къ помѣщикамъ; 4) оброкъ въ пользу помѣщиковъ будетъ тяжелѣе прежняго, что грозитъ крестьянамъ вѣчной кабалой; 5) для полученія «настоящей воли» нужно среди крестьянъ «единодушіе» и «сила», откровеннѣе говоря, возстаніе, къ чему косвенно призывались крестьяне въ прокламаціи и о чемъ, какъ объ «ужасающей развязкѣ», говорилъ Чернышевскій въ «Письмахъ безъ адреса».

Изъ этого сопоставленія прокламаціи и писемъ Чернышевскаго по крестьянскому вопросу видно, что какъ въ опредѣленіи «настоящей воли», такъ и во взглядахъ на крестьянскую реформу авторъ прокламаціи былъ весьма близокъ къ тѣмъ взглядамъ, которые развивались Чернышевскимъ, при томъ въ статьѣ, только набранной (въ началѣ 1862 г.), но не напечатанной и выпущенной въ свѣтъ лишь за границей въ 1874 году.

Библиотека "Руниверс"

Такое совпаденіе[1]) даетъ основаніе предполагать, что авторомъ воззванія былъ или человѣкъ, близко стоявшій къ Чернышевскому, посвященный въ его взгляды и вполнѣ раздѣляющій ихъ, или же авторомъ прокламаціи былъ самъ Чернышевскій.

Что лица, стоявшія близко къ Чернышевскому, раздѣляли тѣ же взгляды на крестьянскую реформу, какіе были проведены въ воззваніи къ барскимъ крестьянамъ, объ этомъ имѣются довольно опредѣленныя указанія. Михайловъ и Шелгуновъ, благодаря совмѣстной работѣ которыхъ лѣтомъ 1861 года появилась прокламація «Къ молодому поколѣнію», развиваютъ въ ней тѣ же взгляды на «настоящую волю» и крестьянскую реформу, что и въ воззваніи къ барскимъ крестьянамъ. Но слѣдуетъ сказать, что прокламація «Къ молодому поколѣнію» въ своей главной части, трактующей о крестьянахъ и положеніи 19-го февраля, является лишь компиляціей, заимствованіемъ, взятымъ изъ прокламаціи къ барскимъ крестьянамъ. Михайловъ и Шелгуновъ, какъ будетъ показано ниже, зимой и весной 1861 года читали и обсуждали воззваніе къ барскимъ крестьянамъ, а лѣтомъ сами сочинили свою прокламацію, которая была напечатана за границей, но по содержанію въ основѣ скопировали воззваніе, усиливъ лишь рѣзкость тона и прибавивъ нѣсколько хлесткихъ мыслей и выраженій о правительствѣ, династіи и о помѣщикахъ.

Но, сравнивая эти двѣ прокламаціи, можно видѣть, что копія далека до образца по знанію дѣла, по отчетливости мысли: авторъ воззванія къ барскимъ крестьянамъ—прекрасный знатокъ крестьянскаго вопроса, онъ довольно отчетливо знаетъ не только основы, но и детали реформы и предугадываетъ будущее направленіе жизни крестьянъ, указывая при этомъ иногда точныя цифры; составители прокламаціи «Къ молодому поколѣнію» знаютъ лишь общія мѣста, иногда только верхушки, а корней схватить не могутъ. Это заставляетъ предполагать, что вѣроятнѣе всего авторомъ воззванія къ барскимъ крестьянамъ былъ знатокъ крестьянскаго дѣла—Чернышевскій. Такой предположительный выводъ находитъ себѣ послѣднее подтвержденіе со стороны человѣка, который былъ дружески расположенъ къ Чернышевскому и, въ свою очередь, самъ пользовался уваженіемъ его, со стороны Н. В. Шелгунова.

Въ своемъ дневникѣ, выдержкой изъ котораго первоначально воспользовался въ 1905 году[2]) Пантелѣевъ, Шелгуновъ буквально говоритъ слѣдующее: «Въ эту зиму (1861 года) я написалъ прокламацію къ солдатамъ, а Чернышевскій прокламацію къ народу... Я перепи-

---

[1]) Это совпаденіе уже было подмѣчено раньше, см., напримѣръ, статью Н. Ѳ. Анненскаго, «Чернышевскій и крестьянская реформа» въ изданіи товарищества Сытина «Великая реформа», М., 1911 г., IV т., стр. 272—274.

[2]) Рѣчь, 1905 г., № 191.

Библиотека "Руниверс"

салъ прокламацію измѣненнымъ почеркомъ, и такъ какъ всѣ переговоры велись Михайловымъ, то я отдалъ прокламацію ему, а онъ передалъ Костомарову. Впрочемъ, Костомаровъ зналъ, что писалъ я»[1]). «Прокламація къ народу», написанная Чернышевскимъ, разумѣется, не что иное, какъ воззваніе къ барскимъ крестьянамъ [2]).

Изъ показаній Михайлова и студента Сороко мы знаемъ, что воззваніе къ крестьянамъ отъ Михайлова черезъ Сороко было передано Костомарову; а Михайловъ получилъ его, очевидно, отъ самого Чернышевскаго и переписалъ, такъ какъ рукопись воззванія, отобранная у Костомарова при арестѣ, писана рукой Михайлова.

Итакъ, сообщенія Костомарова, которыя отрицались Чернышевскимъ, за исключеніемъ одного[3]), вполнѣ подтверждаются сторонними свидѣтельствами, въ которыхъ сомнѣваться нѣтъ никакого основанія; а самымъ главнымъ изъ нихъ является утвержденіе, что воззваніе къ барскимъ крестьянамъ было написано Чернышевскимъ[4]).

Это обстоятельство характерно дополняетъ намъ образъ Чернышевскаго, какъ писателя. Въ своей публицистической дѣятельности Чернышевскій обращался къ русскому интеллигентному обществу, но призваніемъ писателя и публициста онъ какъ будто считалъ то, чтобы голосъ его доходилъ и до ступеней трона, до слуха монарха и спускался въ народную глубину. По выраженію Чернышевскаго, «презрѣнная писательская привычка надѣяться на силу слова отумануваетъ» его [5]), и потому онъ молчать не можетъ; помимо общества, его обычной аудиторіи, Чернышевскій затрагиваетъ два крайнихъ полюса: въ «Письмахъ безъ адреса» онъ обращается къ монарху, а въ своемъ «манифестѣ»—къ народу.

IX.

Перехожу теперь ко второму интересующему меня вопросу: было ли юридически доказано то дѣяніе, которое вмѣнено сенатомъ Чернышевскому? Чтобы правильнѣе понять эту сторону дѣла, слѣдуетъ помнить, что то было время стараго, дореформеннаго суда, съ своими особыми формами производства, которыя, хотя и выраба-

[1]) Пантелѣевъ, Л. Ф. «Изъ воспоминаній прошлаго», кн. II, Спб., 1906 г., стр. 181 (перепечатка изъ «Рѣчи»).

[2]) Воззваніе къ барскимъ крестьянамъ—это офиціальное названіе той прокламаціи, которая была найдена въ бумагахъ Костомарова и въ составленіи которой обвинялся Чернышевскій. Но въ частномъ кругу она называлась «прокламаціей», «манифестомъ»: такъ именуетъ ее, кромѣ Шелгунова, Костомаровъ въ письмѣ къ Соколову, а позднѣе и Михайловъ въ своемъ показаніи.

[3]) Относительно прокламаціи къ раскольникамъ у насъ нѣтъ никакого стороннаго свидѣтельства, которое подтверждало бы или отрицало показаніе Костомарова.

[4]) Богучарскій, В., въ недавно вышедшей книгѣ «Активное народничество» (стр. 53) признаетъ Чернышевскаго авторомъ прокламаціи «Къ барскимъ крестьянамъ».

[5]) Сочиненія, т. X, ч. II, стр. 295.

Библиотека "Руниверс"

тывались вѣками и имѣли цѣлью, какъ говорилось въ законѣ, «открытіе истины», приведеніе «въ совершенную извѣстность» преступленія обвиняемаго и наказаніе смотря по винѣ, тѣмъ не менѣе существенными чертами отличаются отъ уточенныхъ и болѣе совершенныхъ формъ процесса, введенныхъ знаменитыми судебными уставами 1864 г. Къ тому же слѣдуетъ имѣть въ виду, что это процессъ политическій, въ которомъ, при тогдашнихъ порядкахъ судопроизводства, главнѣйшую составную часть его, какъ и въ процессѣ уголовномъ, представляло слѣдствіе.

Главнѣйшія стадіи, которыя прошелъ процессъ, слѣдующія: 1) слѣдствіе въ комиссіи Долгорукова, 2) ревизія этого слѣдствія и дополненія въ сенатѣ, 3) составленіе приговора и 4) представленіе приговора чрезъ государственный совѣтъ на высочайшее утвержденіе. Съ этой стороны процессъ протекалъ въ рамкахъ, предписанныхъ закономъ. Но не было ли юридическихъ нарушеній во время производства слѣдствія и ревизіи его? На это можно опредѣленно отвѣтить: слѣдствіе производилось по тѣмъ правиламъ, которыя установлены были второй частью XV т. Свода Законовъ, изданія 1857 года. Это призналъ частью и самъ Чернышевскій: сенату онъ далъ подписку въ томъ, что во время слѣдствія ему пристрастныхъ вопросовъ дѣлаемо не было [1]).

Что же требовалось по старому Своду Законовъ для того, чтобы юридически доказать виновность лица, обвиняемаго въ томъ или другомъ преступленіи?

Относительно доказательствъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что законъ различалъ доказательства совершенныя и несовершенныя. Для установленія виновности достаточно одного (ст. 305) совершеннаго доказательства или нѣсколькихъ несовершенныхъ, по меньшей мѣрѣ двухъ (ст. 308; ст. 331). Совершенными доказательствами могли быть, напримѣръ, а) собственное признаніе, б) письменные документы, признанные дѣйствительными тѣмъ, противъ кого они были представлены (ст. 305), в) «общая ссылка на одного» (303 ст.). Несовершеннымъ доказательствомъ считались показаніе свидѣтеля, вещественное доказательство (343), оговоръ, повальный обыскъ и др.

Такъ какъ въ процессѣ Чернышевскаго въ виду полнаго отрицанія имъ своей вины не могло быть совершеннаго доказательства, то, очевидно, суду слѣдовало изыскать нѣсколько несовершенныхъ доказательствъ, которыя согласно ст. 308 въ ихъ совокупности

---

[1]) 1863 г. окт. 14-го дня я, нижеподписавшійся, «будучи вытребованъ въ присутствіе 1-го отд. V деп. прав. сената, далъ сію подписку въ томъ, что 1-е на г. сенатора ср. Толстого, имѣющаго судить дѣло мое, подозрѣнія не имѣю и 2-е, что во время производства дѣла моего въ сенатѣ пристрастій мнѣ дѣлаемо не было. Н. Чернышевскій. «Дѣло, т. I, л. 206; «не имѣю, не было»—вписано рукой Ч—го; подобная подписка встрѣчается и въ другомъ мѣстѣ дѣла).

Библиотека "Руниверс"

могли бы быть приравнены совершенному доказательству и исключали «возможность недоумѣвать о винѣ подсудимаго».

На Чернышевскаго возведено было три слѣдующія обвиненія:

1) «противозаконныя сношенія съ изгнанникомъ Герценомъ, стремящимся пропагандою ниспровергнуть существующій въ Россіи образъ правленія, и участіе съ Герценомъ въ сихъ преступныхъ его замыслахъ»;

2) «сочиненіе возмутительнаго воззванія къ барскимъ крестьянамъ, переданнаго Костомарову для напечатанія съ цѣлью распространенія»;

3) «приготовленіе къ возмущенію».

По первому пункту Чернышевскій былъ оправданъ въ виду недоказанности обвиненія, по второму и третьему, которые ниже объединялись въ одной общей формулировкѣ («злоумышленіе къ ниспроверженію существующаго порядка») Чернышевскій былъ обвиненъ на основаніи, какъ говорилось въ сенатскомъ опредѣленіи, «несомнѣнныхъ доказательствъ, противъ него въ дѣлѣ имѣющихся».

Каковы же эти доказательства? Они перечисляются въ сенатскомъ приговорѣ: 1—показаніе Костомарова, 2—записка карандашная, 3—показаніе Яковлева, 4—показаніе Михайлова и 5—письмо къ Алексѣю Николаевичу; изъ нихъ самостоятельное юридическое значеніе имѣли лишь два доказательства: 1—показаніе Костомарова и 2—письмо къ Алексѣю Николаевичу, записки же карандашная и два другихъ показанія имѣли лишь характеръ подтвержденія того, что было показано Костомаровымъ. Эти два главныхъ доказательства я и разсмотрю нѣсколько подробнѣе.

Что показанія Костомарова носили въ себѣ характеръ внутренней достовѣрности и могли внушать довѣріе слѣдственной комиссіи и сенату, это ясно изъ моего предыдущаго изложенія. Но эти показанія получали силу лишь въ томъ случаѣ, если они находили себѣ какое-либо стороннее подтвержденіе, хотя бы въ одной какой-нибудь части. Этотъ вспомогательный характеръ имѣли, какъ я сказалъ, карандашная записка и показанія Михайлова и Яковлева.

Записка, предъявленная Чернышевскому, была имъ отвергнута. По закону для установленія подлинности документа или другой какой-нибудь бумаги требовалось «сличить оспариваемый актъ съ другими, тѣмъ же лицомъ писанными и подписанными и обвиняемымъ не отвергаемыми» [1]).

По статьѣ 350-ой X тома сличеніе почерковъ производилось назначенными судомъ «свѣдующими», «достойными вѣры людьми», секретарями присутственныхъ мѣстъ, учителями чистописанія и другими лицами, которыя, «по заключенію подлежащихъ

[1]) Сводъ Законовъ, т. X, ч. 2-ая, ст. 348—350, 354; т. XV, кн. 2-ая, стр. 205.

Библиотека "Руниверс"

присутственныхъ мѣстъ, могутъ быть въ семъ случаѣ признаны свѣдующими»; число ихъ должно быть не менѣе трехъ и не болѣе девяти. Самая процедура сличенія обставляется торжественной обстановкой и рядомъ формальныхъ условій: сличеніе должно происходить въ присутствіи суда; объ этомъ актѣ составляется особый протоколъ. Передъ сличеніемъ (по статьѣ 351-ой) эксперты приводятся къ присягѣ, а состоящіе на государственной службѣ, какъ уже приведенные, къ присягѣ не приводятся, но членъ суда напоминаетъ имъ о данной присягѣ на точность и правдивость въ исполненіи ихъ обязанностей. Сходство почерка, по статьѣ 354, признается доказаннымъ лишь при двухъ непремѣнныхъ условіяхъ, когда, во-первыхъ, эксперты «единогласно или по большинству голосовъ» признаютъ его, когда, во-вторыхъ, это признаніе экспертовъ будетъ «единогласно» утверждено судомъ; всякій же разъ, говорится дальше въ той же статьѣ, когда судъ усомнится въ совершенной основательности заключенія экспертовъ, хотя и единогласнаго, онъ можетъ сообщить сомнительный актъ для вторичнаго сличенія почерка [1]).

Всѣми этими формальными условіями законъ обставлялъ процедуру сличенія для того, чтобы при сличеніи почерка было какъ можно больше вниманія и осторожности, и всякое сомнѣніе въ этомъ случаѣ толковалось въ пользу обвиняемаго. Обычной была та практика, что къ разсмотрѣнію и сличенію почерка призывались секретари присутственныхъ мѣстъ, какъ лица, опытныя въ письмоводствѣ, и лица офиціальнаго положенія, въ которыхъ законъ предполагалъ найти болѣе объективныхъ экспертовъ [2]).

Для сличенія почерка карандашной записки съ бумагами, Чернышевскимъ признаваемыми, было приглашено восемь секретарей сената. Секретари съ большой внимательностью и осторожностью отнеслись къ запискѣ, и только двое изъ нихъ признали, что записка была написана Чернышевскимъ съ «умышленнымъ извращеніемъ почерка», остальные же шесть человѣкъ (съ нѣкоторыми варіаціями въ формулировкѣ) утверждали, что «сходства въ общемъ характерѣ почерка признать нельзя», есть сходство лишь въ нѣкоторыхъ буквахъ, по подсчету сената, въ двѣнадцати буквахъ изъ двадцати пяти. Присутствіе же сената, которое обя-

---

[1]) Здѣсь имѣются въ виду акты на иностранныхъ языкахъ.

[2]) Мнѣ не разъ приходилось слышать, что секретари, какъ «невѣжественные писцы» никакъ не могли быть знающими и добросовѣстными экспертами.

Я долженъ разсѣять это явное недоразумѣніе. Секретари сената, о которыхъ идетъ въ дѣлѣ рѣчь,—чиновники VII и VIII класса, т.-е. того же средняго чиновнаго положенія, въ какомъ были въ то время профессора нѣкоторыхъ высшихъ учебныхъ заведеній и старшіе учителя гимназій (Сводъ Законовъ, изд. 1857 года, т. III, стр. 372—374). Кромѣ того, часто секретари были изъ лицъ съ высшимъ образованіемъ, а многолѣтняя канцелярская служба дѣлала ихъ опытными въ письмоводствѣ. Авт.

Библиотека "Руниверс"

зано было высказать и свое сужденіе, нашло «совершенное сходство» между запиской и бумагами Чернышевскаго [1]). Итакъ, секретари и сенатъ въ своихъ сужденіяхъ о запискѣ разошлись, и это обстоятельство лишило юридической силы данный документъ; въ виду разногласія онъ не могъ быть признанъ самостоятельнымъ доказательствомъ и долженъ былъ занять мѣсто лишь вспомогательнаго обстоятельства для подкрѣпленія силы другого юридическаго доказательства.

Но какъ же въ самомъ дѣлѣ отнестись къ карандашной запискѣ, была ли она подложной, или написана Чернышевскимъ. Я лично

---

[1]) «Актъ сличенія почерка руки тит. с. Чернышевскаго».

«1863 г. іюня 19-го въ присутствіи 1-го отд. V деп. прав. сената г. секретари сената сличали почеркъ руки т. с. Ч—аго на стр. 58 и отвѣтахъ его, 30 окт. 1862 г. данныхъ, съ почеркомъ, коимъ писана карандашомъ записка, на 304 л. подлиннаго дѣла находящаяся, и нашли:

«Въ общемъ характерѣ почерка между признаваемыми г. Ч—мъ документами и запискою, имъ не признаваемою, есть разница, но буквы ж и з писаны вездѣ совершенно одинаково, въ особенности буква ж, между первой и второй палочкою разстояніе больше, нежели между 2 и 3. Способъ писанія буквъ л, я и ѣ вездѣ одинаковъ. Все это приводитъ меня къ убѣжденію, что на запискѣ было сдѣлано умышленное извращеніе почерка, тѣмъ болѣе, что и въ этой запискѣ видно различіе въ написаніи однѣхъ и тѣхъ же буквъ, напр. В.

«Секретарь 1-го отд. 3-го деп. сената Любовскій.

«То же самое нахожу—Старшій секретарь межевого департамента Варгасовъ.

«Между признаваемыми г. Чернышевскимъ документами и запискою, имъ не признаваемою, сходства въ общемъ характерѣ почерка признать нельзя; но есть много отдѣльныхъ буквъ, имѣющихъ сходство; таковы: б, з, ж, р, л, Д, я, т.

«Секретарь 2-го отд. 3 деп. Ординъ.
«Старшій секретарь 2 отд. V деп. Гренковъ.
«Секретарь деп. герольдіи В. Малышевъ.

«Характеръ почерка между запискою, имъ признаваемою и непризнаваемою, различенъ, кромѣ слова, помѣщеннаго на третьей строкѣ первымъ; отдѣльныя же буквы з, ж, б, к, Д—весьма сходны»

«Секретарь 4-го деп. Брутъ.

«То же, что и секретарь Брутъ—Секретарь 1-го деп. Григоровскій.

«Въ запискѣ, написанной карандашомъ (л. 58 въ дѣлѣ) съ другою запискою, тоже писанною карандашомъ (л. 304 въ дѣлѣ), я въ общемъ почеркѣ руки не нахожу сходства, кромѣ литеръ В, Д, з, ж и р въ нѣкоторыхъ словахъ»

«Секретарь 2-го деп. Тришатный».

Послѣ экспертизы секретарей 24-го іюня состоялось опредѣленіе сената, который съ своей стороны призналъ, что и «въ отдѣльныхъ буквахъ сей записки и въ общемъ характерѣ почерка есть совершенное сходство съ почеркомъ бумагъ, писанныхъ Ч—мъ до предъявленія ему его записки; съ почеркомъ же, коимъ писано имъ объясненіе въ сенатъ отъ 1-го іюня, которое онъ писалъ въ продолженіе 9 дней, никакого сходства нѣтъ». (Дѣло сенат., л. 43).

Библиотека "Руниверс"

того мнѣнія, что записка эта принадлежитъ Чернышевскому. Напоминаю текстъ этой записки:

«В. Д. Вмѣсто срочнообяз. (какъ это по непростительной оплошности поставлено у меня) набирайте вездѣ временнообяз., какъ это называется въ положен. Вашъ Ч.».

Разбирая ея содержаніе, слѣдуетъ сказать, что оно удивительно отвѣчаетъ обстоятельствамъ дѣла и характеру Чернышевскаго. До положенія 19-го февраля въ проектахъ, предложеніяхъ и трудахъ редакціонныхъ комиссій крестьяне, подлежащіе освобожденію, именовались «срочно-обязанными». Этотъ терминъ усвоенъ былъ и Чернышевскимъ. По установившейся привычкѣ онъ вноситъ тотъ же терминъ и въ текстъ своего «манифеста», составленнаго зимой 1861 года. Но позднѣе, когда рукопись уже была отдана въ печать, онъ припоминаетъ [1]), что въ настоящемъ манифестѣ и положеніи 1861 года крестьяне, отпускаемые на волю, именуются «временно-обязанными». Конечно, онъ не можетъ допустить мысли, чтобы эта оплошность была закрѣплена печатнымъ станкомъ. Онъ ѣдетъ къ Костомарову, но не застаетъ его дома. Какъ быть? Тутъ добросовѣстность ученаго побѣждаетъ привычную осторожность: онъ на подвернувшемся клочкѣ бумаги, на оборотѣ котораго были набросаны Костомаровымъ какіе-то стихи, быстро и торопливо пишетъ: «В. Д.! Вмѣсто срочно-обязанныхъ» и т. д. [2]).

Только такой знатокъ крестьянскаго дѣла, какъ Чернышевскій, могъ замѣтить эту тонкость и взволноваться по поводу допущенной оплошности, Костомарову же, переводчику и поэту, едва ли подобная мысль могла прійти въ голову.

Кромѣ того, нѣкоторыя наблюденія надъ внѣшней стороной записки приводятъ къ мысли о принадлежности ея Чернышевскому: 1) листокъ бумаги согнутъ пополамъ и написанъ вдоль, это обычная манера Чернышевскаго набрасывать записки на лоскуткахъ бумаги въ такомъ же родѣ; 2) слова сокращены (В. Д.; срочнообяз., временнообяз.), нѣкоторыя буквы въ концѣ словъ не дописаны; это тоже характерная особенность способа письма Чернышевскаго; 3) наконецъ, послѣдняя буква записки въ этомъ смыслѣ въ особенности коварна, она весьма рѣдка въ почеркѣ Чернышевскаго и въ запискѣ походитъ [3]) на букву с: если бы записку

---

[1]) Внѣшнимъ поводомъ къ этому могло быть то, что Чернышевскій, какъ сообщаетъ Костомаровъ, видѣлъ корректурный наборъ первыхъ страницъ прокламаціи.

[2]) Костомаровъ, который въ то время находился подъ обаяніемъ Чернышевскаго, получивъ записку, бережно хранилъ ее, а позднѣе записка представлена была въ слѣдственную комиссію.

[3]) Этимъ воспользовался и Чернышевскій, говоря, что подъ карандашной запиской стоитъ буква С, а не Ч, но внимательное наблюденіе надъ буквой, въ особенности при помощи лупы, убѣждаетъ, что это не буква С, а Ч, написанное въ два пріема, прямой чертой вверху и овальной линіей, которая мѣстами сливается съ первою.

Библиотека "Руниверс"

поддѣлывали, то написали бы ч съ крючкомъ, въ той обычной формѣ, образцы которой можно было взять изъ писемъ Чернышевскаго къ Костомарову [1]); въ томъ же видѣ, какъ эта буква стоитъ въ карандашной запискѣ, она могла быть написана только самимъ Чернышевскимъ.

Далѣе я не буду останавливаться на разборѣ показаній Михайлова и Яковлева, которыя самостоятельнаго значенія не имѣли, а перейду къ другому, главнѣйшему доказательству, именно къ письму на имя Алексѣя Николаевича. Въ виду того, что Чернышевскій отвергъ и это письмо, не признавъ его своимъ, сенатъ снова прибѣгнулъ къ сличенію почерка. Снова позваны были секретари, и на этотъ разъ всѣ восемь секретарей и присутствіе сената единогласно признали письмо принадлежащимъ Чернышевскому, при чемъ къ этому выводу пришли и тѣ осторожные секретари, какъ, напримѣръ, Малышевъ и Тришатный, которые усомнились приписать Чернышевскому карандашную записку [2]). Благодаря полному единогласію и секретарей и сенаторовъ, этотъ документъ, согласно статьямъ закона, получилъ силу юридическаго доказательства.

Къ этому я добавлю свои соображенія по поводу письма къ Алексѣю Николаевичу. Общій характеръ письма, стиль, видъ, форматъ и бумага совершенно соотвѣтствуютъ письмамъ Чернышевскаго. Кромѣ того, нѣкоторыя частности этого письма приво-

---

[1]) Напоминаю: карандашная записка была отобрана у Костомарова при его возвращеніи изъ Тулы въ Петербургъ вмѣстѣ съ письмами Чернышевскаго, въ которыхъ Ч написано съ крючкомъ; если бы К—въ пытался поддѣлать записку, то онъ безъ всякаго сомнѣнія воспользовался бы находившимися у него образцами, а написать Ч въ такомъ рѣдкомъ и характерномъ начертаніи (какъ въ карандашной запискѣ), образца котораго у него передъ глазами не было, онъ не могъ: при поддѣлкѣ не фантазируютъ, а копируютъ.

[2]) «Актъ сличенія почерка» 30-го іюля 1863 г.

«По сличеніи предложеннаго къ разсмотрѣнію письма съ имѣющимися въ дѣлѣ бумагами, признанными г. Чернышевскимъ за писанныя имъ самимъ, и въ особенности на л. 305 подлиннаго дѣла (см. приложенный снимокъ), нижеподписавшіеся нашли единогласно, что какъ сіе письмо, такъ и означенныя бумаги писаны одною и тою же рукою».

(Подписи) Секретарь 2-го отд. III-го деп. Филиппъ Ординъ. Старшій секретарь межевого департамента Варгасовъ. Старшій секретарь I-го деп. О. Григоровскій. Секретарь деп. герольдіи Малышевъ. Секретарь IV-го деп. В. Бѣляевъ. И. д. секретаря 2-го отд. V деп. (неразборчиво). Секретарь 1-го отд. III-го деп. Елпатьевскій. Старшій секретарь II-го деп. Тришатный.

Постановленіе 1-го отдѣленія V деп. сената: «Заключеніе г. секретарей сената, признавшихъ, что бумаги сіи писаны одною и тою же рукою, правильно, и посему (отдѣленіе) единогласно опредѣлило»: заключеніе секретарей «утвердить во всей силѣ» (дѣло, т. II, л. 112, 113).

Изъ этого акта видно, что никакой второй экспертизы, о которой сообщаетъ со словъ отца А. Плещеевъ въ указанномъ выше письмѣ («Новое Время», 1904 г., № 10304), не было.

Библиотека "Руниверс"

дятъ къ выводу, что его писалъ Чернышевскій, а не поддѣлалъ Костомаровъ, на чемъ настаивалъ Чернышевскій:

1) Такъ, въ немъ довольно часто упоминаніе о Костомаровѣ, дается даже отзывъ о немъ, какъ о «человѣкѣ дѣльномъ и полезномъ». Отзывъ этотъ близокъ къ нему, который даетъ о Костомаровѣ же Шелгуновъ, отмѣтившій, что такое же благопріятное «впечатлѣніе силы и рѣшимости», молчаливости и сосредоточенности складывалось и у другихъ («не на меня одного»); надо полагать, что здѣсь Шелгуновъ имѣлъ въ виду Михайлова и Чернышевскаго. Если бы письмо было поддѣлано Костомаровымъ, то странно было бы то, что онъ такъ часто занимается самимъ собой и о себѣ даетъ характеристику.

2) Затѣмъ—загадочна фраза: «Л. съ своими офицерами и 23 въ Понизовьи». Л—по моей догадкѣ—Лавровъ, 23—шифръ, который нужно еще раскрыть. Костомаровъ въ своихъ письмахъ и показаніяхъ разсказалъ очень многое, можетъ быть, все, что ему было извѣстно изъ революціонной дѣятельности, и нигдѣ онъ не упоминаетъ имени Лаврова. Я думаю, что онъ его и не зналъ. Чернышевскій же хорошо зналъ полковника Лаврова, не могло для него остаться тайной и то, что Лавровъ велъ агитацію среди офицеровъ [1]).

При такихъ обстоятельствахъ Костомаровъ не могъ поддѣлать письма, потому что не могъ написать въ немъ того, о чемъ онъ не

---

[1]) Что Лавровъ велъ пропаганду въ средѣ офицеровъ и имѣлъ успѣхъ, на это бросаетъ нѣкоторый свѣтъ слѣдующій случай. Осенью 1862 года онъ, при встрѣчѣ съ Пантелѣевымъ, въ разговорѣ высказалъ свои соображенія по поводу тогдашняго общественнаго движенія. «Странно,—говорилъ Лавровъ,—еще недавно казалось, что въ обществѣ начинало что-то выдѣляться въ видѣ какъ бы организованной группы съ активными задатками, и вдругъ все стушевалось, не видно никакихъ проявленій». «Былъ день,—продолжалъ онъ, который могъ быть чреватъ послѣдствіями, но онъ пропущенъ. Я разумѣю несостоявшуюся сходку (студенческую) у Казанскаго собора (въ октябрѣ 1861 года). Я тогда долго оставался вблизи Казанскаго собора; все было переполнено публикой, особенно много было офицеровъ; и видно было, что собрались не ради праздная любопытства» (Пантелѣевъ, кн. I, стр. 328).

Между Лавровымъ и Чернышевскимъ установились очень дружескія отношенія, повидимому, въ два послѣдніе (передъ арестомъ Чернышевскаго) года. Они оба принимали дѣятельное участіе въ созданіи литературнаго фонда и были избраны членами комитета («Юбилейный Сборникъ Литературнаго фонда», Спб., 1910 г., стр. 73). И вотъ съ 1861 года, когда оба стали чаще встрѣчаться въ комитетѣ, между ними завязались дружескія отношенія. Объ этомъ Чернышевскій, уже будучи въ Астрахани, въ 1889 году вспоминая Лаврова, разсказывалъ Пантелѣеву такъ: «Въ обществѣ, хотя и рѣдко, мы встрѣчались, но, конечно, держались другъ отъ друга въ сторонѣ. Но вотъ какъ-то довелось мнѣ выходить съ нимъ вмѣстѣ изъ засѣданія комитета фонда; извозчикъ сразу не подвернулся; идемъ мы съ нимъ въ одномъ направленіи, разговорились; да и проходили мы по улицамъ Петербурга до разсвѣта, все другъ друга до квартиры провожали, а разговоръ никакъ не кончался; наконецъ, зашли ко мнѣ и еще часа два проговорили. Да,—подумавши, прибавилъ Чернышевскій,—глубочайшее уваженіе имѣю къ Петру Лавровичу» (Пантелѣевъ, кн. I, стр. 167). Авт.

Библиотека "Руниверс"

имѣлъ никакихъ свѣдѣній. Къ тому же эта фраза могла имѣть мѣсто лишь въ письмѣ того, кто былъ близокъ къ революціоннымъ центрамъ; такимъ именно былъ Чернышевскій, а не Костомаровъ.

3) Письмо носитъ слѣды естественной торопливости, спѣшки такого рода, которая совершенно неумѣстна въ обдуманномъ подлогѣ: а) слово «некогда» (въ смыслѣ некогда, нѣтъ времени) написано черезъ «ѣ»; б) фраза: «съ нимъ нельзя черезъчуръ откровенничать не слѣдуетъ», написана неправильно, слѣдуетъ выбросить или «нельзя» или выраженіе «не слѣдуетъ»; трудно допустить, чтобы при подлогѣ эта неправильно построенная фраза имѣла мѣсто въ письмѣ, приписываемомъ литератору; наоборотъ, она естественна въ подлинномъ письмѣ, составленномъ торопливо и не прочитанномъ передъ отправленіемъ; в) слово въ «Москѣ» написано съ пропускомъ буквы; г) темпъ письма къ концу ускоряется, а послѣднія строки написаны съ невѣроятной быстротой и тѣмъ не менѣе характеръ почерка не мѣняется (см. послѣднее слово «буду»).

4) Наконецъ, можно указать на нѣкоторыя отдѣльныя выраженія, которыя характерны только для Чернышевскаго: «тутъ раздумывать много было бы преступленіемъ, слабостью, ничѣмъ не оправдываемой и ошибкой, никогда непоправимой»; или: «намъ подвернулись подъ руку люди, хотя сами по себѣ и весьма, какъ видно, пустенькіе, но все-таки энергичные и болѣе года занимавшіеся тайнымъ печатаніемъ, стало быть, вести свое дѣло умѣющіе»; «пустенькіе», «стало быть»—словечки, характерныя для Чернышевскаго, а также распорядокъ словъ: «вести свое дѣло умѣющіе», вмѣсто такого оборота: «люди, умѣющіе вести свое дѣло»—опять-таки ближе всего отвѣчаетъ манерѣ изложенія Чернышевскаго, а не Костомарова.

Вотъ рядъ наблюденій, которыя въ дополненіе къ экспертизѣ приводятъ меня къ тому выводу, что письмо къ Алексѣю Николаевичу не поддѣлка или подлогъ, а скорѣе всего подлинное письмо Чернышевскаго [1]).

Сенатъ, приступая къ формулировкѣ обвиненія и къ подбору доказательствъ, поступилъ очень искусно, но осторожно. Главнымъ и первымъ доводомъ противъ Чернышевскаго онъ выставилъ показанія Костомарова.

Но сенатъ, имѣя въ виду, что 1) показанія Костомарова должны быть подтверждены другими сторонними свидѣтельствами и 2) одного несовершеннаго доказательства недостаточно, собираетъ вмѣстѣ

---

[1]) Можно было бы въ настоящее время произвести научную экспертизу, какъ каллиграфическую, такъ и фотографическую, чтобы тѣмъ добиться возможной истины при выясненіи этого процесса. Къ сожалѣнію, мнѣ этой экспертизы произвести не удалось. А в т.

Библиотека "Руниверс"

всѣ тѣ доводы, которые могли быть почерпнуты изъ слѣдственнаго матеріала, и нанизываетъ ихъ одно за другимъ на одну нитку; къ показаніямъ Костомарова присоединяетъ: свѣдѣнія изъ а) дневника и б) писемъ Чернышевскаго, в) показанія Михайлова, г) Сороко и д) Яковлева, и г) карандашную записку. Однако, въ виду отрывочности и нѣкоторой неясности, всѣ эти доводы, подтверждая лишь показанія Костомарова, сами по себѣ самостоятельнаго юридическаго значенія не имѣли, и въ своей совокупности сводились къ одному несовершенному доказательству, что давало сенату, по словамъ его приговора, лишь «нравственное» основаніе къ обвиненію Чернышевскаго.

Записка, какъ письменный актъ, могла бы получить самостоятельное значеніе юридическаго доказательства, лишь въ томъ случаѣ, когда она всѣми безповоротно и экспертами (хотя бы большинствомъ) и судьями была бы признана принадлежащей обвиняемому. Но въ этомъ вопросѣ секретари сената, какъ то видно изъ предыдущаго, дали показаніе недостаточной силы. Они утверждали, что почеркъ руки записки въ общемъ не похожъ на почеркъ Чернышевскаго, изъ двадцати пяти буквъ только двѣнадцать могутъ по написанію быть приписаны Чернышевскому; и хотя сенатъ въ своемъ постановленіи призналъ записку принадлежащей Чернышевскому, все же его постановленіе, въ виду уклончивости показаній экспертовъ, не сообщило запискѣ силы самостоятельнаго юридическаго доказательства.

Установивъ свою «нравственную» убѣжденность въ виновности Чернышевскаго, сенатъ далѣе переходитъ къ письму на имя Алексѣя Николаевича. Вотъ здѣсь никакого разнорѣчія между секретарями-экспертами и сенатомъ не было, письмо безъ всякихъ колебаній всѣми было приписано Чернышевскому и такимъ путемъ получило характеръ самостоятельнаго юридическаго доказательства.

Итакъ, цѣпь была замкнута, одностороннее показаніе Костомарова, которому судъ имѣлъ нравственное право довѣрять, подкрѣпляемое иными сторонними свидѣтельствами и карандашной запиской, благодаря второму документу, именно письму къ Алексѣю Николаевичу, получило всю силу доказательства (ст. 308), такъ что сенатъ съ полнымъ юридическимъ основаніемъ могъ вмѣнить Чернышевскому то дѣяніе, за которое онъ былъ привлеченъ къ отвѣтственности.

Мнѣ остается сказать относительно наказанія, которому былъ подвергнутъ Чернышевскій. Его дѣяніе было подведено сенатомъ подъ статьи, трактующія «о бунтѣ противъ верховной власти». Въ этомъ отношеніи законъ былъ весьма строгъ, и кары, начинаясь тюремнымъ заключеніемъ, кончались смертной казнью. Поэтому важно, при опредѣленіи наказанія, подъ какую статью будетъ подведенъ поступокъ Чернышевскаго. Если имѣть въ виду

Библиотека "Руниверс"

составленіе прокламаціи, то сенатъ могъ остановиться на ст. 285 и 286, тогда обвиняемому грозило бы заключеніе въ крѣпости отъ двухъ до четырехъ лѣтъ, съ лишеніемъ нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ.

Но сенатъ пошелъ дальше. Дореформенный судъ отличался тѣмъ свойствомъ, что онъ нерѣдко слишкомъ широко понималъ статьи закона и подводилъ подъ нихъ такія дѣянія, которыя, при строгомъ и болѣе узкомъ пониманіи въ наше время, къ нимъ въ сущности не относятся [1]). Сенатъ придалъ значеніе и тому обстоятельству, что Чернышевскій принималъ «дѣятельное участіе» въ существовавшемъ «злоумышленіи къ ниспроверженію правительства», «ему были извѣстны и другіе злоумышленники, возмущавшіе общественное спокойствіе», онъ былъ «особенно вреднымъ агитаторомъ», вслѣдствіе чего онъ былъ подведенъ подъ 283 и 284 статьи [2]), и по «упорному запирательству» приговоренъ, согласно послѣдней статьи, къ четырнадцати годамъ каторжныхъ работъ.

Можно только пожалѣть о томъ, что законъ былъ такъ строгъ и сенатъ не отнесся снисходительнѣе къ Чернышевскому, подведя его подъ статьи съ суровымъ наказаніемъ. Это тѣмъ болѣе жаль, что каторга и ссылка оказались роковыми въ судьбѣ Чернышевскаго: находясь среди тяжелыхъ условій жизни, вдали отъ семьи, родныхъ и знакомыхъ, вырванный изъ привычнаго круга занятій, снѣдаемый одиночествомъ, Чернышевскій въ Сибири не жилъ, а мучился и медленно угасалъ и разрушался [3]), такъ что, когда онъ въ 80-хъ годахъ былъ возвращенъ оттуда, то это не былъ прежній Чернышевскій, а была лишь тѣнь его; прежніе проницательный умъ и боевой духъ былъ раздавлены Сибирью.

---

[1]) Ср. Гессенъ, «Судебная реформа», Спб., 1905 г., стр. 40.

[2]) Ст. 283 свода законовъ, изд. 1857 года: «За бунтъ противъ власти верховной, т.-е. возстаніе скопомъ и заговоромъ противъ государя и государства, а равно и за *умыселъ испровергнуть правительство* во всемъ государствѣ или въ нѣкоторой онаго части, или же перемѣнить образъ правленія, или установленный законами порядокъ наслѣдія престола, и за составленіе на сей конецъ заговора, или *принятіе участія* въ составленномъ уже для того *заговорѣ*, или въ дѣйствіяхъ онаго, съ знаніемъ о цѣли сихъ дѣйствій, или въ сборѣ, храненіи или раздачѣ оружія и *другихъ приготовленіяхъ къ бунту*, всѣ, какъ главные въ томъ виновные, такъ и сообщники ихъ, подговорщики, *подстрекатели*, пособники, искусители и укрыватели подвергаются лишенію всѣхъ правъ состоянія и смертной казни».

Ст. 284: «Когда означенное въ предшедшей 283 ст. злоумышленіе *открыто правительствомъ заблаговременно* при самомъ онаго началѣ, и потому ни покушеній вслѣдствіе сего умысла, ни смятеній и никакихъ иныхъ вредныхъ послѣдствій отъ него не произошло, то виновные, вмѣсто смертной казни, приговариваются къ лишенію всѣхъ правъ состоянія или къ ссылкѣ въ каторжную работу въ рудникахъ на время отъ двѣнадцати до пятнадцати лѣтъ, или же въ крѣпостяхъ на время отъ десяти до двѣнадцати лѣтъ».

[3]) См. «Чернышевскій въ Сибири», переписка съ родными, изд. Ляцкимъ, вып. I и II. Спб., 1912, 1913 гг.

Библиотека "Руниверс"

X.

Чернышевскій простить себѣ не могъ того, что онъ, такой осторожный человѣкъ, довѣрившись Костомарову, обманулся въ немъ и, самъ непроизвольно давши возможность обойти себя, принужденъ былъ жестоко расплачиваться за такіе поступки, о которыхъ онъ полагалъ, что имъ всѣ концы спрятаны въ воду. Онъ очень не любилъ вспоминать объ этомъ дѣлѣ. О Костомаровѣ просилъ распространять свѣдѣніе, что онъ—психически ненормальный человѣкъ [1]).

Характерно отношеніе Чернышевскаго послѣ процесса и къ Михайлову. Нужно вспомнить, что Михайловъ лично познакомилъ Чернышевскаго съ Костомаровымъ и, самъ обманувшись въ Костомаровѣ, подвелъ также и Чернышевскаго. Разсказываютъ, что Чернышевскій, встрѣтивъ Михайлова въ Сибири, велъ себя съ нимъ очень холодно, какъ будто Михайловъ былъ ему мало знакомымъ человѣкомъ.

Пантелѣевъ въ своихъ воспоминаніяхъ объясняетъ такое поведеніе осторожностью Чернышевскаго, который и послѣ суда (какъ и во время самаго процесса) якобы не хотѣлъ показать, что Михайловъ былъ ему близокъ въ его прежней дѣятельности. На мой взглядъ, гораздо естественнѣе въ этой холодности и натянутости видѣть чувство оскорбленнаго довѣрія и непріязни за легкомысленную неосторожность Михайлова, благодаря которой погибъ и онъ, Чернышевскій.

Съ такимъ же жесткимъ чувствомъ относился Чернышевскій, повидимому, и къ Плещееву, отъ котораго онъ получилъ письмо съ рекомендаціей Костомарова. Первоначально до процесса отношенія между Чернышевскимъ и Плещеевымъ были весьма дружественныя. Они переписывались между собой. Въ «Современникѣ» за 1861 годъ Чернышевскій далъ очень теплый и похвальный отзывъ о Плещеевѣ по поводу «новаго изданія» его стихотвореній. Чернышевскій характеризовалъ Плещеева, какъ поэта съ «благороднымъ» и «чистымъ направленіемъ», одного изъ тѣхъ, которые «всегда будутъ полезными для общественнаго воспитанія, и найдутъ путь къ молодымъ сердцамъ».

«Съ особеннымъ удовольствіемъ,—писалъ Чернышевскій,—перечитали мы прекрасный гимнъ, извѣстный намъ наизусть,—гимнъ, который всегда останется прекрасной памятью скромной, но благородной литературной дѣятельности г. Плещеева»:

«Впередъ! безъ страха и сомнѣнья
На подвигъ доблестный, друзья!..»

---

[1]) «Рус. Стар.», 1905 г., февр. въ ст. Рейнгардта, 473.

Библиотека "Руниверс"

Говоря о переводахъ Плещеева, Чернышевскій останавливается на «Вильямѣ Ратклиффѣ» Гейне, на той самой «піесѣ», переводъ которой былъ посвященъ Плещеевымъ Н. Г. Чернышевскому [1]). Хотя о ней критикъ не высокаго мнѣнія и въ концѣ отзыва замѣчаетъ: «Достоинства положительнаго у этой драмы рѣшительно нѣтъ, и, признаемся, мы думаемъ, что у того же Гейне г. Плещеевъ могъ бы взять что-либо болѣе интересное для перевода», тѣмъ не менѣе онъ о той же «трагедіи или драматической балладѣ» заявлялъ, что «въ дѣятельности нѣмецкаго поэта на нее нельзя не обратить вниманіе»; а ниже съ похвалой отзывается о переводѣ и указываетъ на положительныя стороны пьесы. «Переводъ г. Плещеева,—писалъ Чернышевскій,—вѣренъ и хорошъ, и для русскихъ любителей Гейне будетъ любопытенъ, какъ черта изъ біографіи автора «Путевыхъ картинъ»; онъ можетъ, пожалуй, быть прочитанъ и какъ образецъ болѣзненнаго романтизма, охватившаго всю нѣмецкую поэзію въ то время, когда выступилъ на литературное поприще Гейне» [2]).

Но вотъ что писалъ Чернышевскій о томъ же Плещеевѣ, котораго онъ такъ восхвалялъ, и о томъ же Ратклиффѣ, въ которомъ онъ видѣлъ нѣкоторыя любопытныя черты, въ восьмидесятыхъ годахъ послѣ ссылки, когда подготовлялъ къ печати матеріалы для біографіи Н. А. Добролюбова. На одномъ изъ писемъ Плещеева къ Добролюбову Чернышевскій набросалъ замѣтку, кѣмъ-то позднѣе стертую, но, къ счастью, не настолько, чтобы нельзя было ее прочесть [3]). «Что за нелѣпая мысль,—писалъ Чернышевскій по поводу посвященія ему перевода Ратклиффа,—явилась у Плещеева удостоить меня этой чести. Разумѣется, не сердился на глупость, но если бы зналъ о намѣреніи П—ва сдѣлать ее, то попросилъ бы не дѣлать, т.-е. Ратклиффъ казался мнѣ дурацкимъ произведеніемъ».

Если сопоставить этотъ рѣзкій отзывъ и о Плещеевѣ, и о Ратклиффѣ съ тѣмъ благопріятнымъ отзывомъ, который раньше данъ былъ Чернышевскимъ въ «Современникѣ», то самъ по себѣ, внѣ личныхъ отношеній, онъ становится рѣшительно непонятнымъ; невольно недоумѣваешь, отчего такая разительная перемѣна.

Но если принять во вниманіе, что Костомарова Чернышевскому рекомендовалъ Плещеевъ и не доставленное письмо къ послѣднему фигурировало на процессѣ въ качествѣ вещественнаго доказательства, то эта позднѣйшая рѣзкость получаетъ совершенно ясное и простое объясненіе. Чернышевскій внутренно негодовалъ на Плещеева, который косвенно былъ виновенъ въ томъ, что тотъ былъ осужденъ на каторгу.

---

[1]) «Современникъ», 1859 г., ноябрь, отд. I, стр. 261 и сл.

[2]) «Собраніе сочиненій Н. Г. Чернышевскаго», т. VIII, стр. 121—126.

[3]) Замѣтка недавно прочитана и напечатана вмѣстѣ съ письмомъ Плещеева Вл Княжнинымъ («Русская Мысль», 1913 г., январь, 132 и слѣд.).

Библиотека "Руниверс"

Съ осужденіемъ Чернышевскій выбылъ изъ передовыхъ рядовъ русскаго общества. Процессъ, годы каторги и ссылки, а также дальнѣйшія событія русской жизни привели его къ выводу о крайнемъ несоотвѣтствіи реальныхъ силъ и къ убѣжденію въ томъ, что борьба съ соціальнымъ и государственнымъ укладомъ жизни, если и необходима, все же не составляетъ потребности текущей минуты. А потому Чернышевскій, оставшись въ глубинѣ души вѣрнымъ своимъ прежнимъ идеямъ и убѣжденіямъ, въ послѣдующіе годы отъ практичесски революціонной дѣятельности навсегда отказался.

М. Клочковъ.

Библиотека "Руниверс"

И. С. ТУРГЕНЕВЪ КАКЪ ПОЛИТИКЪ И КОНСТИТУЦІОНАЛИСТЪ.

(Въ память 30-лѣтней годовщины его смерти 22 августа 1883 г.).

ИВАНЪ СЕРГѢЕВИЧЪ Тургеневъ былъ однимъ изъ настолько общепризнанныхъ иниціаторовъ освобожденія крестьянъ, что устроители обѣдовъ «19-го февраля» въ средѣ членовъ редакціонныхъ комиссій Крестьянскаго Положенія привлекли къ участію въ этихъ обѣдахъ и писателя «за заслуги его по крестьянскому дѣлу». Мало того, имѣются извѣстія, что самъ государь Александръ II повелѣлъ передать автору «Записокъ охотника» (вѣроятно, чрезъ графа А. К. Толстого), что его книга была однимъ изъ главныхъ двигателей въ рѣшеніи царя освободить крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

При самомъ осуществленіи и позднѣе великія реформы Царя-Освободителя вызвали несбыточныя надежды, и не только въ крестьянской средѣ.

Если крестьяне ждали баснословныхъ и нелѣпыхъ милостей отъ «царевой золотой воли», то образованная молодежь пускалась въ головокружительныя гаданія о коренной государственной ломкѣ и измышляла фантастическіе планы неосуществимаго еще тогда всенароднаго «освободительнаго» движенія. Назначались даже точные сроки претворенія этихъ плановъ въ дѣйствительность, но сроки проходили, а революціонные прорицатели оказывались не болѣе, какъ лже-пророками.

Планы преждевременно открывались, наступали репрессіи, губились молодыя жизни, а потомъ возобновлялся все тотъ же

Библиотека "Руниверс"

нескончаемый коловоротъ, но революція въ руки попрежнему не давалась.

Тургеневу не нужно было и подтвержденій для отрицательныхъ сужденій о возможности революціи: онъ не разъ опровергалъ слишкомъ рьяныхъ преобразователей и предлагалъ какое угодно пари насчетъ несбыточности переворота *помимо правительственнаго почина*.

Скептическое отношеніе къ пламеннымъ упованіямъ зарывавшейся радикальной молодежи не могло, конечно, способствовать *популярности* Тургенева. Порою къ мечтательнымъ юношамъ присоединялись и «отцы», соперничавшіе съ «дѣтьми» въ прорицаніяхъ и замыслахъ насильственнаго ниспроверженія государственнаго уклада «Сѣвернаго Сфинкса»,—такихъ сѣдовласыхъ энтузіастовъ Тургеневъ подчасъ высмѣивалъ безпощадно.

И онъ былъ правъ.

На несбыточныя тогда грезы политическаго воображенія уходили лучшія силы, отвлекаясь отъ разумнаго дѣла.

Въ глазахъ И. С. Тургенева, которому еще въ молодости «Рудины» набили оскомину, преждевременные «добытчики свободы» представлялись въ лучшемъ случаѣ достойными состраданія, подобно слѣпцамъ и младенцамъ, и онъ, со свойственною ему искренностью, не скрывалъ своихъ имъ порицаній—за ихъ ослѣпленіе и легкомысліе.

Единственно въ просвѣщеніи, въ народной грамотности Тургеневъ только и провидѣлъ плодотворную цѣль для дѣятельности культурныхъ сословій: крестьяне, руководимые послѣдними, прежде всего должны цивилизоваться и стать культурнымъ классомъ—для сознательнаго воспріятія и пониманія предлежащихъ ему гражданскихъ и политическихъ задачъ. Эта мысль очаровывала еще въ сороковыхъ годахъ кружокъ Станкевича, и участники его глубоко—на всю жизнь—проникались стремленіемъ воспитывать и поднять народъ на надлежащую высоту.

Эту же мысль Тургеневъ настойчиво и неустанно проводилъ въ запискѣ по крестьянскому дѣлу, представленной имъ, по службѣ его въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, графу Перовскому еще въ началѣ сороковыхъ годовъ, а равно въ запискахъ объ изданіи спеціальнаго журнала по крестьянскому дѣлу (въ 1858 г.) и объ учрежденіи просвѣтительнаго общества (въ 1860 году). Къ этой же мысли И. С. возвращается (въ 1874 г.) въ письмѣ къ А. П. Философовой, когда пишетъ:

«Народная жизнь переживаетъ воспитательный періодъ внутренняго хорового развитія, разложенія и сложенія... ей нужны помощники—не вожаки».

«Для современной общественной дѣятельности нужны не столько таланты, сколько... нужно трудолюбіе, терпѣніе;—нужно умѣніе жертво-

Библиотека "Руниверс"

вать собою безъ всякаго блеску и треску;—нужно умѣть смиряться и не гнушаться мелкой и темной работы... нужно сердце, способное жертвовать своимъ эгоизмомъ... чувство долга, славное чувство патріотизма въ истинномъ смыслѣ слова... Что можетъ быть жизненнѣе—учить мужика грамотѣ, помогать ему, заводить больницы и т. д.» [1])...

Но политическая умѣренность и «постепеновство» никогда не давали матеріала для благодарной роли, и для Тургенева создалась съ теченіемъ времени тяжелая и обидная дилемма: въ глазахъ «отцовъ» изъ «Нови» онъ слылъ «кабальнымъ холопомъ» нигилизма; во мнѣніи же «дѣтей»—оказывался недостаточно пылкимъ поборникомъ «молодой Россіи», и ему нерѣдко грозила «анаѳема» отъ Герцена и Бакунина, Лаврова и Драгоманова. Съ этими предубѣжденіями Тургеневъ не могъ и не хотѣлъ считаться и почиталъ за зазорное затанвать истинныя свои воззрѣнія потому только, что они не отвѣчали тенденціямъ опредѣленныхъ категорій читателей.

Жизнь, проходившая чрезъ душу и творческій геній художника, естественнымъ образомъ приводила и писателя и его единомышленниковъ къ выводу *о предпочтительности здоровой эволюціи предъ революціею*, а нежеланіе «отцовъ и дѣтей» понять непреложность этого принципа каралось самою жизнью вплоть до недавно нами уже пережитой «освободительной эпохи».

Иные патріоты своего отечества давно предали Тургенева анаѳемѣ за частыя и долгія пребыванія за границею и утверждали, будто онъ совершенно не знаетъ Россіи и не понимаетъ совершающихся событій.

Въ дѣйствительности это было не такъ. Частые наѣзды въ Россію, пребыванія въ Спасскомъ, общеніе и въ Россіи и за границею съ разнообразнѣйшими русскими людьми и громадная переписка, которую Тургеневъ велъ съ соотечественниками всякихъ политическихъ толковъ, позволяли ему оріентироваться въ русскихъ дѣлахъ получше многихъ даже общественныхъ дѣятелей. Еще въ семидесятыхъ годахъ отъ Тургенева не ускользнуло нарожденіе сельской буржуазіи, въ лицѣ Колупаевыхъ и Разуваевыхъ, и въ родномъ Спасскомъ онъ даже пытался бороться съ этою язвою. Точно также отъ наблюдательности писателя не ускользнуло и то, что патріархальныя отношенія «добрыхъ мужичковъ» къ господамъ скорѣе плодъ фантазіи, чѣмъ проявленіе дѣйствительности, на самомъ дѣлѣ крестьяне нерѣдко обнаруживали послѣ отмѣны крѣпостного права вѣками нажитыя злыя чувства къ господамъ [2]),—какъ бы

[1]) Первое собраніе писемъ Тургенева, изданное литературнымъ фондомъ.

[2]) Народъ не хуже Тургеневскаго «Хоря» въ «Запискахъ охотника» насквозь видѣлъ своихъ господъ и у него составилось опредѣленное насчетъ господъ понятіе—по словамъ проф. Ив. Иванова, крѣпостные разсуждали такъ: тупеядецъ, ничего не хочетъ дѣлать, значитъ какъ «баринъ»,—полная неспособность уразумѣть существенныя стороны жизни, особенно крестьянской,—тоже признакъ «барина»: «извѣстно, баринъ,

Библиотека "Руниверс"

тѣ ни были добры и народолюбивы,—въ своемъ сельскомъ укладѣ проявляли полную неумѣлость, плохо справлялись съ измѣнившимися условіями жизни, оскудѣвали и озлоблялись—«всамдѣлишніе» орловскіе и тульскіе землячки Тургенева были куда страшнѣе и жалче того народа, какой приводилъ въ отчаяніе Кирсанова и Литвинова и безконечно отчужденнѣе отъ барина, чѣмъ «таинственный незнакомецъ» Базарова.

Но все это незлобивый И. С. принималъ какъ matter of facts безо всякаго озлобленія и въ томъ, что деревня не признаетъ ни добрыхъ чувствъ, ни добрыхъ дѣлъ за бариномъ и не прочь ему даже насолить, видѣлъ лишь естественную реакцію противъ прошлаго угнетенія.

Мало того, Тургеневъ шелъ даже дальше и какъ-то въ шуточной формѣ рисовалъ Я. П. Полонскому во время пребыванія того въ Спасскомъ лѣтомъ 1881 года картину, какъ въ одинъ прекрасный день спасскіе мужички подойдутъ къ балкону, степенно снимутъ шапки и объявятъ: «Ну, баринъ, хотя ты и добрый, но мы тебя повѣсимъ, и того вонъ вмѣстѣ, и веревочку для этого припасли».

Конечно, это было одно изъ тѣхъ преувеличеній, къ которымъ Тургеневъ охотно прибѣгалъ ради шутки, но и доза прозорливости тутъ была, что для массы россіянъ вскрылось лишь въ 1905 году, въ эпоху «иллюминацій» и экспропріацій. Впрочемъ, слабые продромы къ этому сказывались уже и тогда—такъ Тургеневу, какъ-то при Полонскомъ пришли сказать, что мужики пригнали къ нему въ садъ цѣлый табунъ лошадей. Отправился Тургеневъ отдать садовнику и сторожу распоряженіе выгнать лошадей съ куртинъ между деревьями, а потомъ разсказываетъ Полонскому: «Что жъ ты думаешь отвѣчали мужики: «Попробуй кто-нибудь выгнать,—мы за это и морду свернемъ»!

«Вотъ ты тутъ и дѣйствуй!»—разводя руками, произнесъ Тургеневъ и расхохотался.

Въ извиненіе спасскихъ крестьянъ, впрочемъ, Тургеневъ приводилъ, что развращаетъ ихъ кабакъ, открытый на землѣ князя Меншикова, врѣзывавшейся клиномъ въ Спасское [1]).

развѣ онъ что понимаетъ?» Такъ создалось и укоренилось роковое отчужденіе народа и «образованныхъ господъ—до сихъ поръ неисчерпанное бѣдствіе русской жизни».

(Пр. Ив. Иванова. «Ив. Серг. Тургеневъ.—Жизнь. Личность. Творчество». Нѣжинъ. 1912).

[1]) Чтобы искусственно отвратить крестьянъ отъ этого вѣчнаго искушенія. И. С. пожертвовалъ 600 руб. на постройку часовни въ память Царя-Освободителя въ 1882 г., когда крестьяне порѣшили таковую выстроить, по условіемъ своего дара поставилъ, чтобы часовня была сооружена у меншиковскаго клина. Крестьяне на это согласились, и кабаку волей-неволей пришлось распроститься съ привольнымъ мѣстечкомъ (согласно закону, воспрещающему существованіе кабака менѣе, чѣмъ въ одноверстномъ разстояніи отъ храмовъ). Авт.

Библиотека "Руниверс"

Столь же неосновательно и другое обвиненіе, выставлявшееся противъ Тургенева, будто, проживая за границею, онъ охладѣлъ къ Россіи и сдѣлался «чужакомъ»,—этотъ упрекъ вовсе не заслуженъ писателемъ: патріотическое чувство въ немъ всегда горѣло, но, имѣя твердо обоснованныя убѣжденія, онъ реагировалъ на общественные факты по-своему, не подчиняясь ходячимъ указкамъ.

Такъ, въ эпоху турецко-сербской войны и ожиданій вмѣшательства Россіи въ восточный вопросъ онъ писалъ Я. П. Полонскому:

«Отъ времени до времени меня ужасно подмываетъ отправиться въ Россію... Тамъ совершается нѣчто удивительное, въ родѣ крестовыхъ походовъ. Война мнѣ кажется совершенно неизбѣжною, а какіе она размѣры приметъ—Ты единъ, Господи, вѣси!... Приходится ждать и помнить одно: *Европа насъ ненавидитъ, вся Европа, безъ исключенія*: мы одни и должны остаться одни.

«Бѣдны мы до гадости въ Россіи—вотъ что плохо и къ тому же очень склонны къ воровству. А какъ вести войну безъ денегъ—этого «нерва» войны? Одно развѣ—прикажутъ, такъ мы и безъ «нерва».

«Ты напрасно думаешь, что я не желаю войны—напротивъ, я не вижу другого исхода изъ нашего безобразнаго положенія. Одни русскіе революціонеры желаютъ мира, воображая, что это скомпрометтируетъ государя въ глазахъ народа»...

Но упованія русскаго общества на восточную войну, которыя намѣчали въ ней *панацею*, долженствовавшую уврачевать ео ipso общественные недуги, представлялись Тургеневу нелѣпостью.

«Вся штука въ томъ,—писалъ онъ:—какъ мы смотримъ на войну и чего отъ нея ожидаемъ. Вся Германія расхохоталась бы отъ Везера до Дуная, если бы ей сказали, что она ведетъ войну для собственнаго нравственнаго очищенія...

«А мы хотимъ войною вылечиться отъ нашего *внутренняго худосочія*! Вотъ гдѣ чепуха! Вотъ гдѣ вялость и недомысліе! Петръ Сидорычъ скучаетъ и зѣваетъ: онъ не знаетъ, куда свой вечеръ дѣвать, потому что онъ неучъ—война за славянъ излечи его, уничтожь его пустоту, наполни его содержаніемъ! Да поскорѣе, поскорѣй!... А если не война—ну, что-нибудь другое—*деревня*, напримѣръ.

«...Вотъ противъ чего я возставалъ и возставать не перестану!» [1])...

Позднѣе на письмо своей пріятельницы и предмета восторженныхъ старческихъ его увлеченій, баронессы Юліи Петровны Вревской, увѣщевавшей его встряхнуться и проявить активную дѣятельность, И. С. отвѣчалъ:

«...Ѣхать въ Кишиневъ къ моему пріятелю Черкасскому [2])—нѣтъ, этого я не сдѣлаю! Не потому, что меня пугаетъ дальнее путешествіе, не

[1]) Первое собраніе писемъ Тургенева, изданное литературнымъ фондомъ.

[2]) Князь Вл. Ал. Черкасскій—главноуполномоченный Краснаго Креста и начальникъ гражданскаго управленія въ Болгаріи, давнишній знакомый Тургенева по родству послѣдняго съ братьями Кирѣевскими и связямъ съ московскими славянофилами. Особенно Тургеневъ сблизился съ княземъ Черкасскимъ, равно какъ съ Ю. Ѳ. Самари-

Библиотека "Руниверс"

потому, что я не патріотъ, но я люблю Россію иначе, чѣмъ тѣ господа, которые теперь держатъ ее въ рукахъ... Присутствовать при ихъ дѣятельности я не хочу» [1])...

Реакція въ семидесятыхъ годахъ, какъ извѣстно, распустилась въ пышный махровый цвѣтокъ, но, казалось бы, и репрессивнымъ мѣрамъ не подобало выходить изъ тѣсныхъ предѣловъ, съ большею осторожностью касаясь тѣхъ явленій и вопросовъ, которые уже вошли въ обычный обиходъ нашего умственнаго капитала. Какъ ни односторонняя была русская общественность, составлявшая наслѣдіе еще шестидесятыхъ годовъ, съ нею слѣдовало считаться,— она была нѣчто живое и трактовать ее, какъ трупъ, in anima vili— было негоже. Пусть она и погрѣшала однобокостью, но еще менѣе прозорливы и мудры были Валуевы, Толстые и Тимашевы— репрессіи, ими затѣянныя и проводившіяся долгіе годы съ большимъ упорствомъ, лишь привели Россію къ еще пущимъ бѣдствіямъ.

Что же оставалось дѣлать человѣку вдумчивому и честному, сознающему индифферентизмъ большей части общества ко всему, что не затрогиваетъ непосредственно выгодъ и интересовъ отдѣльныхъ личностей? Малое развитіе общественнаго самосознанія отнимало у «соли земли» возможность, а подчасъ и охоту къ почину въ странной мутной средѣ, гдѣ сегодня носились съ однимъ, а завтра съ другимъ, въ сущности не подвигаясь ни къ чему опредѣленному и путному.

Въ видѣ самоуслажденія только и оставалось острить и глумиться надъ неприглядностью собственнаго положенія. Это подчасъ Тургеневъ и продѣлывалъ.

«Въ извѣстныхъ «Образцовыхъ Сочиненіяхъ»,—писалъ онъ М. М. Стасюлевичу,—находится ода «къ Терпѣнію»—самое подходящее чтеніе для россіянъ въ нынѣшнее время. Новаго они въ ней ничего не найдутъ, ибо сами неуклонно упражняются въ этой добродѣтели, но вѣдь поэзія проливаетъ нѣкоторую отраду, по увѣренію эстетиковъ. Начальство задержало «Вѣстникъ Европы»—терпѣніе! Морозы и снѣга задерживаютъ меня здѣсь — терпѣніе! Терпѣніе et sic in infinitum!».

«Нѣтъ Орфея! — подшучиваетъ онъ далѣе надъ тѣмъ же корреспондентомъ:—такъ восклицаете вы, воспоминая объ удаленіи Тимашева, и спрашиваете себя, кто его замѣнитъ. На это могу вамъ отвѣтить съ непогрѣшимостью папы—только я употреблю другое восклицаніе: «Нѣтъ генерала!» и прибавлю: «Будетъ другой генералъ!» [2]).

Но шутками отыгрываться, конечно, было нельзя. Тургеневъ прекрасно сознавалъ неключимость тогдашняго положенія и писалъ А. С. Суворину (въ 1875 году):

нымъ и великою княгинею Еленою Павловною въ Римѣ въ 1858 году, гдѣ они, всѣ вмѣстѣ, провели всю зиму въ тѣсномъ общеніи. Авт.

[1]) **Щукинскій сборникъ.** Т. VIII.

[2]) **М. М. Стасюлевичъ и его современники въ ихъ перепискѣ.** Т. III.

Библиотека "Руниверс"

«Время, въ которое мы живемъ, скверпѣе того, въ которомъ прошла наша молодость. Тогда мы стояли предъ *наглухо заколоченною* дверью; теперь дверь, какъ будто, нѣсколько пріотворена, но пройти въ нее еще труднѣе» [1]).

Попытки отвлечься отъ злобъ дня, однакоже, не давались Тургеневу, хотя порою онъ и похвалялся своимъ индифферентизмомъ.

«Миръ, война, политика — это салатъ, котораго я больше не ѣмъ по слабости желудка...»—хвасталъ онъ:

А чрезъ нѣсколько дней онъ же писалъ М. М. Стасюлевичу:

«Со времени посѣщенія моей хозяйки (такъ я теперь по неволѣ величаю подагру) я нѣсколько ночей сряду не спалъ, и въ эти длинные, длинные часы Засуличъ, Юханцевъ, Коршъ со своимъ запрещеннымъ «Сѣвернымъ Вѣстникомъ», московская исторія [2]), кіевская исторія [3]), одесская исторія [4]), г. Катковъ, г. Любимовъ, Санъ-Стефанскій трактатъ, нашъ низкій курсъ, неизбѣжность войны, Бисмаркъ, конференція—такой совершали въ головѣ моей фантастическій вальсъ, что я не понимаю, какъ она не лопнула!

«Впрочемъ, этотъ вальсъ продолжается и доселѣ... Только я отупѣлъ и, какъ англичане, повторяю: «What next?»...

«Исторія съ Засуличъ взбудоражила рѣшительно всю Европу. Вчера въ «Bien public» была статья «Fêtons nos héros... И кто же эти héros? Вольтеръ и Засуличъ! Изъ Германіи я получилъ настоятельное предложеніе написать статью объ этомъ процессѣ, такъ какъ во всѣхъ журналахъ видятъ интимнѣйшую связь между Маріанною «Нови» и Засуличъ, и я получилъ даже названіе «der Prophet». На означенное предложеніе, разумѣется, отвѣчалъ отказомъ» [5])...

Для осмотрительнаго и дальновиднаго соціальнаго изслѣдователя, какимъ былъ Тургеневъ, самая разработка обобщеній и идей, синтезирующихъ пониманіе порядка вещей, требовала всесторонняго и точнаго ознакомленія со всѣми элементами общественности

---

[1]) Первое собраніе писемъ Тургенева, изданіе литературнаго фонда. Это уподобленіе совпадаетъ съ отвѣтомъ профессора А. Д. Градовскаго на вопросъ пріятеля Тургенева, статсъ-секретаря А. В. Головина, почему въ крутое царствованіе Николая I все было тихо, а при Александрѣ II участились проявленія смуты. По мнѣнію Градовскаго, происходило это оттого, что при Николаѣ былъ воздвигнутъ высокій барьеръ и всѣ знали, что онъ не опустится и перескочить чрезъ него нельзя... Ну, и сидѣли смирно. А теперь барьеръ то опускается, то поднимается, и никто хорошенько не знаетъ, что дозволено, что нѣтъ: оттого-де и пробуютъ чрезъ барьеръ перескакивать»... Авт.

[2]) Въ апрѣлѣ 1878 года московскіе студенты затѣяли устроить встрѣчу пересылаемымъ въ административномъ порядкѣ кіевскимъ товарищамъ и за это подверглись избіенію со стороны охотнорядцевъ и полиціи. Авт.

[3]) 23-го февраля 1878 года въ Кіевѣ совершилось покушеніе на товарища прокурора судебной палаты Котляревскаго, ведшаго слѣдствія по политическимъ дѣламъ. Авт.

[4]) 30-го января 1878 года въ Одессѣ разыгралось первое вооруженное сопротивленіе полицейскимъ властямъ, организованное Ковальскимъ и его товарищами. Авт.

[5]) М. М. Стасюлевичъ и его современники въ ихъ перепискѣ. Т. III.

Библиотека "Руниверс"

и броженіемъ понятій, не установившихся, смутныхъ, какія вызываются соціалъ-демократическими исканіями. Отсюда у Тургенева и явился непреходящій интересъ къ «знакомымъ незнакомцамъ», т.-е. къ представителямъ радикальной революціонной молодежи.

«Ты жалуешься,—пишетъ онъ Полонскому:—что не видишь молодыхъ людей... Любезный другъ, они сами себя не видятъ и бродятъ ощупью въ темнотѣ. Но я не отчаиваюсь,—они выберутся... хотя имъ не предстоитъ срывать розы и нѣжиться» [1])...

Малая успѣшность войны, вскрывшая язвы административнаго уклада, а затѣмъ разочарованія, принесенныя замиреніемъ, дипломатическими пораженіями и дальнѣйшимъ теченіемъ реакціи, только усилили политическое броженіе и подняли революціонную волну еще выше. Исповѣдываніе въ теченіе чуть ли не цѣлаго двадцатилѣтія революціоннаго идеализма постепенно проникало въ русскую жизнь, и переходъ отъ «хожденія въ народъ» къ терроризму оказался вполнѣ логичнымъ и естественнымъ.

Неждановы постепенно оттѣснены были на задній планъ не столько Соломиными, сколько необузданными Маркеловыми, а тѣ довели дѣло до кровавыхъ расправъ, но подобныя духовныя перерожденія и переживанія совершались исподволь и замѣчались, лишь когда давали о себѣ знать внѣшними проявленіями.

Такія знаменательныя явленія въ концѣ семидесятыхъ и въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ особенно участились. Застрѣльщикомъ выступила Вѣра Засуличъ, затѣмъ послѣдовали громкіе процессы пятидесяти шести и ста девяноста трехъ, покушеніе Соловьева, взрывъ въ Зимнемъ дворцѣ и покушеніе 1-го марта.

Вполнѣ естественно, чуткость И. С. Тургенева, немало поработавшаго надъ «Новью» и тщательною документировкою и провѣркою собранныхъ наблюденій, находила обильную пищу въ вереницѣ тогдашнихъ тревожныхъ событій, развертывавшихся съ кинематографическою быстротою.

«Плохо намъ, отецъ родной, очень,—жаловался И. С. своему издателю и единомышленнику М. М. Стасюлевичу:—это то же *смутное время* и какъ мы выдемъ оттуда? Постоянно грызущая меня тревога просто жить не даетъ,—она тѣмъ язвительнѣе, что ни къ какому результату не приводитъ» [2])...

Человѣкъ широко просвѣщенный и взросшій на традиціяхъ Запада, Тургеневъ, конечно, не могъ ни сочувствовать, ни рукоплескать упрощенной программѣ доморощенныхъ охранителей, твердившихъ о томъ, чтобы «тащить и не пущать» смутьяновъ.

---

[1]) Первое собраніе писемъ Тургенева, изданное литературнымъ фондомъ.

[2]) М. М. Стасюлевичъ и его современники. Т. III.

Библиотека "Руниверс"

Политическое credo Тургенева, какъ и лучшихъ интеллигентовъ той эпохи, сознательно вращалось около конституціонализма, какъ единственнаго начала, которое дѣйствительно можетъ утихомирить запросы и недовольство въ большихъ кругахъ. Но при всякомъ удобномъ случаѣ Тургеневъ подчеркивалъ свою *лояльность*.

«Я всегда былъ и до сихъ поръ остался,—писалъ онъ въ 1879 году [1]),—«постепеновцемъ»—либераломъ стараго покроя въ англійскомъ династическомъ смыслѣ—человѣкомъ, *ожидающимъ реформъ только свыше*, принципіальнымъ противникомъ революціи, не говоря уже о безобразіяхъ послѣдняго времени...»

За всѣмъ тѣмъ плаваніе правительства въ фарватерѣ косной и тупой реакціи вызывало въ писателѣ справедливыя опасенія за будущее. Такъ, по поводу покушенія Соловьева онъ писалъ:

«...Предвижу, какъ будутъ иные люди эксплоатировать это безумное покушеніе во вредъ партіи, которая вслѣдствіе своихъ убѣжденій больше всего дорожитъ жизнью государя, такъ какъ только отъ него и ждетъ спасительныхъ реформъ. Всякая реформа у насъ въ Россіи, не исходящая свыше,—немыслима. Все это прекрасно... но въ результатѣ выйдетъ, что именно эта (либеральная) партія и пострадаетъ».

«Одна надежда на спокойный духъ и благоразуміе самого государя»... (Письмо къ М. М. Стасюлевичу).

13-го марта 1879 года И. С. Тургеневу, по возвращеніи его изъ Москвы, петербургскіе ученые и литераторы надумали устроить торжественный обѣдъ. На него явился и Ѳ. М. Достоевскій. За обѣдомъ было произнесено немало теплыхъ привѣтствій [2]); разразился рѣчью и Достоевскій. Странная была та рѣчь,—вспоминаетъ А. Н. Пыпинъ,—въ смыслѣ ядовитыхъ инсинуацій противъ общественныхъ либеральныхъ идеаловъ виновника торжества: то ли вызовъ на диспутъ, то ли допросъ въ духѣ «слова и дѣла».

Друзья упросили Тургенева «не омрачать празднества» и не отвѣчать на безтактную выходку мрачнаго и озлобленнаго Достоевскаго, служившаго другимъ богамъ. Выслушавъ запальчивое требованіе Достоевскаго, чтобы И. С. прямо и ясно высказался, «какіе теперь его идеалы», Тургеневъ только развелъ руками, безмолвно склонилъ голову и грузно опустился на свое мѣсто.

Но на этомъ же обѣдѣ, отвѣчая на выслушанныя привѣтствія, И. С. настолько прозрачно, насколько то удобно было при публичномъ выступленіи, установилъ свое исповѣданіе вѣры:

---

[1]) По поводу доноса Б. М. Маркевича о сношеніяхъ Тургенева съ русскими эмигрантами въ Парижѣ, напечатаннаго въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Всѣ эти сношенія сводились къ тому, что И. С. посодѣйствовалъ къ напечатанію статьи Павловскаго (Яковлева) въ одномъ французскомъ журналѣ. Авт.

[2]) Изъ нихъ въ свое время «Вѣстникъ Европы» и «Русская Старина» огласили рѣчи Спасовича, Кавелина, Таганцева, Григоровича и Горбунова. Рѣчь Достоевскаго извѣстна лишь въ общихъ чертахъ. Авт.

Библиотека "Руниверс"

«Здѣсь,—говорилъ онъ своимъ симпатичнымъ высокимъ голосомъ съ пришепетываніемъ,—въ виду моихъ товарищей и друзей, людей сороковыхъ годовъ, о которыхъ такъ много стали говорить въ послѣднее время и сближеніе съ которыми, столь замѣтное въ рядахъ современной молодежи, составляетъ событіе знаменательное, мнѣ хочется подѣлиться съ вами слѣдующимъ по истинѣ отраднымъ соображеніемъ.

«Что бы ни говорили о перерывѣ, будто бы совершившемся въ постепенномъ развитіи нашей общественной жизни, и о расколѣ между поколѣніями, изъ которыхъ ни старшее, ни младшее не помнитъ и не признаетъ другого, есть, однако область, въ которой эти поколѣнія, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ, сходятся дружески; есть слова, есть мысли, которыя одинаково имъ дороги; есть стремленія, есть надежды, которыя имъ общи; есть, наконецъ, идеалъ, не отдаленный и не туманный, а опредѣленный, осуществимый и, можетъ быть, близкій, въ который они одинаково вѣрятъ...

«Мнѣ не для чего указывать болѣе настойчивымъ образомъ на этотъ идеалъ—онъ понятенъ вамъ и въ литературѣ, и въ наукѣ, и въ общественной жизни...

«Напрасно намъ станутъ указывать на нѣкоторыя преступныя увлеченія. Явленія эти глубоко прискорбны; но видѣть въ нихъ выраженіе убѣжденій, присущихъ большинству нашей молодежи, было бы несправедливостью, жестокою и столь же преступною...

«Правительственныя силы, которыя заправляютъ и должны заправлять судьбами нашего отечества, могутъ еще скорѣе, чѣмъ мы сами, оцѣнить все значеніе и весь смыслъ настоящаго... историческаго мгновенія.

«Отъ этихъ-то силъ зависитъ, чтобы всѣ сыны нашей великой семьи слились въ одно дѣятельное единодушное служеніе Россіи—той Россіи, какою ее создала исторія, создало то прошлое, къ которому должно правильно и мирно примкнуть будущее».

«А потому позвольте мнѣ, человѣку прошедшаго, человѣку сороковыхъ годовъ, человѣку старому—провозгласить тостъ за молодость, за будущее, за счастливое и здравое развитіе судебъ Россіи, и да совершатся наконецъ слова нашего великаго поэта, да настанетъ возможность каждому изъ насъ воскликнуть отъ глубины души:

«Въ надеждѣ славы и добра
Глядимъ впередъ мы безъ боязни [1])!»

Въ интимномъ же общеніи И. С. высказывался еще опредѣлительнѣе.

Такъ, П. П. Гнѣдичъ удостовѣряетъ, что въ 1879 или 1880 году, посѣтивъ Тургенева, онъ засталъ его, въ обществѣ Д. В. Григоровича и Я. П. Полонскаго, за жаркою бесѣдою... о конституціи.

Въ свою очередь, князь Гогенлоэ, будущій канцлеръ Германской имперіи, а тогда еще только германскій посланникъ въ Парижѣ, подъ 18-мъ апрѣля 1879 года отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ:

«Я повстрѣчался съ Тургеневымъ вчера... Никогда онъ серьезно политикою не занимался и объясняетъ устроенныя ему въ Петербургѣ и Москвѣ овацiи потребностью русскаго общества найти хоть

[1]) Посмертное собраніе сочиненій. Т. X.

Библиотека "Руниверс"

какой-нибудь предметъ средоточія для выраженія либеральныхъ настроеній».

«Тургеневъ много разсказывалъ о современномъ положеніи Россіи.

«Образованные слои общества—ученые, литераторы, чиновники—всѣ проникнуты убѣжденіемъ, что Россіи необходимо конституціонное устройство.

«Пусть оно будетъ и не по самоновѣйшимъ образцамъ, но лишь бы являлось представительствомъ отъ земствъ и получило возможность контролировать финансы и упорядочить внутреннее управленіе.

«Движеніе это всеобщее...

«Императору Александру было бы легко привлечь умѣренными уступками на свою сторону все общество и обезпечить себѣ восторженное поклоненіе. Но государь объ этомъ и слышать не хочетъ—его убѣдили, будто единственно уступчивость и привела Людовика XVI на плаху. Вмѣстѣ съ тѣмъ государь обнаруживаетъ полное ко всему равнодушіе и видается съ небольшимъ кружкомъ, который убѣждаетъ его въ равной мѣрѣ противодѣйствовать и либеральному и радикальному движенію.

«Въ революцію Тургеневъ не вѣритъ—правительство достаточно могущественно, чтобы поддержать охраненіе порядка насильственными мѣрами. Когда Тургеневъ какъ-то спросилъ у одного бывшаго министра, по убѣжденіямъ консерватора, какими мѣропріятіями возможно было бы поправить современное положеніе Россіи, тотъ, пожавъ плечами, отвѣчалъ: «Vis medicatrix naturae» (цѣлительная сила природы) .

«Правительство, очевидно, не понимаетъ происходящаго и совершаетъ крупную ошибку, смѣшивая во едино и нигилистическихъ заговорщиковъ, и безвредныхъ либераловъ.

«Тургеневъ допускаетъ возможность существованія тайныхъ обществъ, преслѣдующихъ крайнія и превратныя цѣли, и если настоящее мгновеніе для уврачеванія Россіи будетъ упущено, неминуемо, рано или поздно, наступитъ полное крушеніе.

«Утвержденіе, будто Россія страдаетъ отсутствіемъ людей,—совершенно ошибочно и—Тургеневъ тутъ же перечислилъ мнѣ цѣлый рядъ выдающихся чиновниковъ, земскихъ дѣятелей и адвокатовъ.

«Будь я на мѣстѣ Александра II,—заканчиваетъ князь Гогенлоэ свое любопытное сообщеніе,—я поручилъ бы Тургеневу образовать новое министерство»...

Авторъ тетралогіи соціальныхъ романовъ, конечно, былъ *не только сказочникъ*, но и вдумчивый политикъ—такъ на Тургенева и смотрѣли за границею, но «нѣсть пророка въ своемъ отечествѣ», и настоящую памятку намъ остается закончить любопытнѣйшею

Библиотека "Руниверс"

цитатою, показывающею, что И. С. Тургеневъ явился, наравнѣ съ своимъ пріятелемъ М. Д. Скобелевымъ, *предтечею* франко-русскаго политическаго сближенія.

«Въ какомъ я здѣсь комическомъ положеніи,—разсказывалъ И. С. весною 1881 года сотруднику «Отечественныхъ Записокъ» и «Русскаго Богатства» г-ну Кривенку.—Время переходное, смутное, говорятъ о свѣдущихъ людяхъ, всѣхъ спрашиваютъ, какъ быть и что дѣлать... Гамбетта, который прежде держался относительно меня довольно высокомѣрно, два раза пріѣзжалъ ко мнѣ, нѣсколько разъ совѣщался съ Греви, и составили они вмѣстѣ цѣлую программу, безусловно прекрасную, выгодную, конечно, для Франціи, но не менѣе выгодную также и для Россіи.

«Сколько было надеждъ и волненій!

«Теперь они тамъ ждутъ отъ меня извѣстій... а я сижу вотъ здѣсь дуракъ дуракомъ цѣлыхъ двѣ недѣли... ко мнѣ никто изъ вліятельныхъ людей не ѣдетъ, а тѣ, кто заглядываютъ, какъ-то все въ сторону больше смотрятъ и норовятъ поскорѣе уѣхать: «ничего, молъ, неизвѣстно, ничего мы не знаемъ».

«По нѣкоторымъ отвѣтамъ и фразамъ имѣю даже основаніе думать, что я здѣсь непріятенъ и что лучше было бы мнѣ уѣхать»...

Такъ и уѣхалъ И. С. Тургеневъ въ Парижъ, послѣ послѣдняго посѣщенія любимаго Спасскаго, умирать на чужбинѣ.

Вл. ф.-Штейнъ.

Библиотека "Руниверс"

СЕРГѢЙ РУДОЛЬФОВИЧЪ МИНЦЛОВЪ.

Очеркъ.

Е РАЗЪ то въ одномъ, то въ другомъ періодическомъ изданіи читателю приходится встрѣчать рецензіи, замѣтки и статьи о книгахъ С. Р. Минцлова и объ его библіотекѣ. Между тѣмъ ни въ какихъ литературныхъ кружкахъ и обществахъ онъ не появляется и не участвуетъ, и почти никто изъ литераторовъ его близко не знаетъ.

Въ октябрѣ текущаго года исполняется четверть вѣка со дня выступленія С. Р. Минцлова на общественное и литературное поприще, и потому нахожу своевременнымъ поразсказать, что знаю объ этомъ оригинальнѣйшемъ человѣкѣ. Я учился вмѣстѣ съ нимъ въ нижегородскомъ Аракчеевскомъ корпусѣ и затѣмъ встрѣчался съ нимъ впослѣдствіи.

Другого такого кипучаго и всегда жизнерадостнаго человѣка я не знаю; второе свойство, рѣзко отличавшее его отъ окружающихъ,—поразительная любовь къ природѣ. Мы, кадеты, перейдя въ старшую «строевую» роту, увлекались, какъ полагается, барышнями; въ стѣнахъ корпуса разыгрывались цѣлыя драмы съ попытками отравиться; Минцловъ же въ этомъ отношеніи, и только въ этомъ, стоялъ совершенно въ сторонѣ отъ товарищей. Учиться онъ не любилъ, да и что грѣха таить, учили насъ скучно и неинтересно; Минцловъ даже не прочитывалъ, а, благодаря громадной памяти, наскоро проглядывалъ учебники, набирался изъ нихъ знаній на баллъ «душевнаго спокойствія», на шестерку, и этимъ ограничивался. Читалъ онъ зато много и читалъ запоемъ.

Библиотека "Руниверс"

Какъ только наступала суббота—всѣ кто могъ изъ кадетъ устремлялись въ отпускъ; Минцловъ засовывалъ себѣ въ карманъ предметъ своей гордости, невозможно-дрянной револьверъ Лефоше, изъ котораго нельзя было попасть даже въ кремлевскую стѣну на разстояніи свыше пяти шаговъ, и пропадалъ на сутки и болѣе. Въ темные, зимніе вечера, когда снѣгъ начиналъ валить пушистыми хлопьями, Минцловъ исчезалъ или на стѣну Кремля, или на пустынную площадь, или на еще болѣе пустынный откосъ надъ Волгой и бродилъ и стоялъ тамъ часами. По его увѣреніямъ, онъ видѣлъ въ эти ночи призраковъ, и они разсказывали ему о далекомъ прошломъ.

Едва въ воздухѣ начинала чувствоваться весна, Минцловъ превращался въ мученика. Какъ птицу изъ клѣтки, его тянуло въ заволжскія дали, видныя намъ изъ корпуса, и въ огромные лѣса, окружавшіе Нижній. И какъ только нѣсколько просыхала земля, Минцловъ все свободное время проводилъ на Волгѣ, на Окѣ, въ лѣсахъ и даже ночевалъ, гдѣ приведетъ Богъ: въ кустахъ, въ оврагахъ, на берегу рѣки подъ лодкою и т. п. Возвращался онъ загорѣлый, съ обвѣтрившимъ лицомъ, а зачастую и порядкомъ изодранный, полный восторговъ и впечатлѣній. Насъ сильно интересовали экскурсіи этого «лѣсного бродяги», и однажды я и еще одинъ товарищъ, Козаковъ, уговорили его взять насъ съ собою. Долженъ пояснить, что спутниковъ Минцловъ недолюбливалъ: раза два съ нимъ увязывались товарищи и каждый разъ уставали до полусмерти и оказывались бременемъ для неутомимаго Минцлова.

Наша прогулка чуть не окончилась трагедіей. Дѣло было лѣтомъ; мы вышли изъ лагерей рано утромъ и черезъ безконечныя поля ржи добрались до Печерскаго монастыря и оттуда, измученные зноемъ и долгимъ путемъ, спустились къ Волгѣ. На желтой отмели далеко кругомъ не было ни души; мы сейчасъ же раздѣлись и растянулись отдохнуть и понѣжиться на горячемъ пескѣ. Я плавалъ скверно; Козаковъ, какъ оказалось, не умѣлъ вовсе, но изъ ложнаго самолюбія сказалъ намъ, что умѣетъ отлично. Минцловъ первый вошелъ въ воду, потомъ поплылъ въ глубь рѣки, не обращая на насъ никакого вниманія. Я пошелъ по отмели до тѣхъ поръ, пока вода не достигла мнѣ груди; мнѣ сдѣлалось страшно: теченіе Волги въ тѣхъ мѣстахъ таково, что стоять не представлялось возможнымъ: точно какая-то сила тащила въ глубь вмѣстѣ съ пескомъ, на которомъ я стоялъ. Я бросился назадъ и присѣлъ въ водѣ на болѣе мелкомъ мѣстѣ. Козаковъ прошелъ мимо меня, вдругъ нырнулъ съ головою, показался надъ водою, что-то крикнулъ и опять исчезъ. Онъ тонулъ; теченіе подхватило его и стремительно несло внизъ, къ обрывамъ, которые отвѣсною стѣною вставали дальше надъ Волгою. Никогда не забуду ужаса, кото-

Библиотека "Руниверс"

рый охватилъ меня при видѣ утопавшаго товарища! Я буквально окостенѣлъ.

— Минцловъ!—закричалъ я не своимъ голосомъ:— тонетъ, тонетъ!..

Минцловъ чувствовалъ себя въ водѣ, какъ дельфинъ. Онъ вскинулся, увидалъ бившагося Козакова и метнулся къ нему.

С. Р. Минцловъ

Что происходило дальше—помню, какъ во снѣ: меня трясла лихорадка! Въ водѣ шла бѣшеная возня: Минцловъ то вытаскивалъ на поверхность ея обезумѣвшаго, на половину захлебнувшагося Козакова, то бросался прочь отъ него, спасаясь отъ его рукъ, цѣплявшихся за его шею. Козаковъ тогда погружался съ головою. Минцловъ опять выхватывалъ его и толкалъ къ берегу. Блѣд-

Библиотека "Руниверс"

ный, какъ мѣлъ, выволокъ наконецъ Минцловъ Козакова на мель; Козаковъ былъ почти въ обморокѣ. Снесло ихъ внизъ саженъ на сорокъ, и еще немного—Козаковъ погибъ бы подъ обрывомъ, такъ какъ выбраться изъ воды было бы некуда.

Съ этихъ поръ уже никто больше не увязывался съ Минцловымъ, и онъ одинъ набирался «въ лѣсахъ и на горахъ» впечатлѣній для своихъ будущихъ разсказовъ и повѣстей.

Особенно дружилъ Минцловъ съ Дмитревскимъ, высокимъ, красивымъ брюнетомъ, нынѣ давно уже артиллерійскимъ полковникомъ, со Степановымъ, Сѣрымъ, Адамовымъ, Муратовымъ и Мошковымъ; все это были будущіе литераторы. Организаторомъ и душою нашего кадетскаго литературнаго кружка былъ Минцловъ; въ немъ было что-то притягивающее къ нему, какой-то особый тактъ и душевная чуткость. Сколько горячихъ бесѣдъ и споровъ вели мы въ зимніе длинные вечера; сколько думъ и надеждъ роилось въ каждомъ изъ насъ! Милое, невозвратное время!

Кончили мы корпусъ, и нашъ кружокъ распался. Минцловъ, Дмитревскій, Степановъ и я попали въ Москву, въ Александровское военное училище. Москвичъ по рожденію, Минцловъ страстно любилъ свой родной городъ и зналъ его въ совершенствѣ. Еще въ Нижнемъ онъ началъ понемногу собирать книги; съ переѣздомъ въ Москву онъ окончательно увлекся этимъ дѣломъ уже на всю жизнь. Правда, денегъ въ его распоряженіи бывало немного: отецъ его, весьма извѣстный московскій адвокатъ и публицистъ, давалъ своему сыну всего по пяти рублей въ мѣсяцъ, но въ тѣ времена книги въ первопрестольной, а тѣмъ болѣе на Сухаревкѣ, были дешевы.

Матери у Минцлова не было; съ отцомъ же у него существовали какія-то странныя, натянутыя отношенія.

По субботамъ у Минцлова-отца собирался, такъ сказать, весь прогрессивный цвѣтъ Москвы: постоянно бывали С. А. Муромцевъ, И. И. Янжулъ, Н. И. Карѣевъ, А. Н. Веселовскій, Танѣевъ, композиторъ Мельгуновъ, И. Е. Ададуровъ, князь Урусовъ и другіе блестящіе адвокаты, писатели и ученые. Въ огромномъ кабинетѣ и столовой, которыхъ стѣны сплошь закрывали полки съ книгами, велись бурные «красные» дебаты, гремѣли рѣчи и проч. Мы, юнкера, скромно держались въ сторонкѣ на этихъ вечерахъ и слушали. Минцловъ-сынъ хмурился и черезъ часъ-другой уводилъ насъ въ свою комнату.

— Все фразы, фразы и фразы!—съ сердцемъ говорилъ онъ, поплотнѣе прикрывая дверь. Онъ былъ правъ: ума и блеску было у именитыхъ москвичей много, а фразами они красовались еще болѣе!

Такимъ прямымъ, не терпящимъ фразъ человѣкомъ остался С. Р. Минцловъ и на всю жизнь. Имѣя полную возможность

Библиотека "Руниверс"

остаться въ Москвѣ и сдѣлать, благодаря огромнымъ связямъ отца, блестящую карьеру при штабѣ, Минцловъ вышелъ по окончаніи училища въ скромный Уфимскій полкъ въ Вильну: его тянули къ себѣ развалины замковъ и дремучіе лѣса Литвы, древней колыбели его предковъ, и онъ исколесилъ ее пѣшкомъ вдвоемъ съ обожавшимъ его денщикомъ. Изъ Вильны онъ перевелся на Кавказъ и нѣсколько лѣтъ провелъ тамъ, отдавая все свободное время путешествіямъ. На Кавказѣ же онъ разстался съ военнымъ мундиромъ, и съ тѣхъ поръ началась его безпрерывно-кочевая жизнь, во время которой онъ изъѣздилъ и исходилъ всю Россію. Еще въ корпусѣ Минцловъ началъ увлекаться исторіей и археологіей, а по отъѣздѣ съ Кавказа посвятилъ имъ себя окончательно.

Помимо литературы и историческихъ изслѣдованій, Минцловъ много времени отдавалъ и сценѣ. Къ сожалѣнію, онъ не отдался ей совершенно, и въ лицѣ его театръ потерялъ высоко-талантливаго, можетъ быть, геніальнаго артиста. Я видѣлъ нѣсколько спектаклей съ участіемъ Минцлова, и каждый разъ онъ былъ неузнаваемъ и головой превышалъ всѣхъ участниковъ, тоже талантливыхъ людей, тонкостью пониманія роли и художественной жизненностью своей игры.

Много было отпущено отъ Бога этому человѣку, только свыше забыли его снабдить честолюбіемъ и даромъ пролазничества, столь необходимымъ въ наши времена. Благодаря отсутствію его, Минцловъ всю жизнь скромно стоялъ въ сторонѣ отъ потока «геніевъ и талантовъ», столь обильно излившагося на Русь, и только потому пьесы его—жизненныя, сильныя, написанныя, по словамъ такихъ знатоковъ сцены, какъ Южинъ-Сумбатовъ, Ленскій и друг., «изумительнымъ» языкомъ, не появлялись въ столицахъ и шли въ провинціи. «Пристраивать» свои пьесы Минцловъ не умѣлъ и отказывался отъ всякихъ попытокъ послѣ первой же неудачи.

Четверть вѣка литературной, идейно-чистой работы налагаютъ на насъ обязанность внимательнѣе вглядѣться въ нее и вполнѣ оцѣнить ее по достоинству.

Повѣсти и романы Минцлова написаны главнымъ образомъ для юношества, и въ этомъ разрядѣ писателей ему, несомнѣнно, принадлежитъ одно изъ первыхъ мѣстъ.

«Кладъ», «Бѣглецы», «На зарѣ вѣка», «Литва», «Волченокъ», «Въ грозу»—все это замѣчательныя книги, читающіяся съ глубокимъ интересомъ и взрослыми; съ ихъ страницъ дышатъ природа и глубокое знаніе того быта и той эпохи, о которой пишетъ авторъ. Выходъ ихъ въ свѣтъ третьими и четвертыми изданіями свидѣтельствуетъ о томъ, что и публика отмѣтила этого писателя и любитъ его.

Перу С. Р. Минцлова принадлежатъ слѣдующія книги: 1) Стихотворенія. Одесса. 1897 г. 2) «Женихи». Комедія въ пяти дѣйствіяхъ.

Библиотека "Руниверс"

Одесса. 1897 г. 3) «Женское дѣло». Комедія въ пяти дѣйствіяхъ. Одесса. 1899 г. 4) «Бояринъ Кучко». Историческая драма въ четырехъ дѣйствіяхъ. Спб. 1900 г. 5) «Первый камень». Историческая драма въ пяти дѣйствіяхъ. Спб. 1902 г. 6) «Безъ идеаловъ». Комедія въ пяти картинахъ. Уфа. 1910 г. 7) «Кладъ». Повѣсть для дѣтей. Отдѣльныя изданія вышли: первое Спб. 1900 г., второе 1902 г., третье 1912 г. 8) «Бѣглецъ». Повѣсть для дѣтей. Отдѣльно вышли: первое изданіе въ Спб. 1901 г., второе—1902 г., третье—1912 г. 9) «На зарѣ вѣка». Историческій романъ. Отдѣльно вышли: первое изданіе въ Спб. 1902 г., второе—1903 г., третье—1908 г., четвертое—1911 г. 10) «Война и приключенія оловянныхъ солдатиковъ». Первое изданіе (Попова) Спб. 1900 г., второе—Спб. 1901 г., третье—въ сборникѣ «Каникулы», Спб. 1904 г., четвертое изд. Девріена, Спб. 1905 г. 11) «Въ грозу». Историческій романъ. Отдѣльно вышли: первое изданіе Спб. 1904 г., второе,—О. Поповой, Спб. 1906 г., третье изданіе въ сборникѣ «Историческія повѣсти». 12) «Царь царей». Фантастическая повѣсть. Отдѣльно вышли: первое изданіе Спб. 1906 г., второе изданіе 1906 г., третье изданіе Спб. 1912 г. 13) «Во тьмѣ»—«Юный Читатель», 1908 г. Тоже въ сборникѣ «Историческія повѣсти». 14) «Въ лѣсахъ Литвы». Историческій романъ. Первое изданіе Спб. 1905 г., второе—1906 г., третье—1911 г. 15) «На крестахъ». Историческая повѣсть. Спб. 1906 г., второе изданіе 1911 г. 16) «Литва». Историческія повѣсти. Спб. 1911 г. 17) «Волченокъ». Историческая повѣсть. Отдѣльно вышла въ Спб. 1908 г. и въ «Читальнѣ Народной Школы» 1909 г. 18) «Историческія повѣсти». Спб. 1912 г. Въ книгу вошли: 1) «Въ грозу», 2) «Во тьмѣ», 3) «Волченокъ». 19) «Опись книгохранилища Сергѣя Рудольфовича Минцлова. Спб. 1905 г. 20) «Книгохранилище Сергѣя Рудольфовича Минцлова». Спб. 1913 г. 21) «Рѣдчайшія книги, напечатанныя въ Россіи на русскомъ языкѣ». Спб. 1904 г. 22) «Очерки Пріуралья». Уфа. 1910 г. 23) «Обзоръ записокъ, дневниковъ, воспоминаній и писемъ, относящихся къ исторіи Россіи и напечатанныхъ на русскомъ языкѣ». Пять выпусковъ. Новгородъ 1911—1912 г.г. Кромѣ того, имъ написанъ рядъ разсказовъ, статей и историко-археологическихъ изслѣдованій, помѣщавшихся въ журналахъ «Образованіе», «Историческій Вѣстникъ», «Міръ» и въ разныхъ провинціальныхъ изданіяхъ.

Не любить его, повторяю, нельзя, а особенно тому, кому доводилось встрѣчаться съ этимъ обаятельнымъ человѣкомъ въ жизни. Не знаю, есть ли у Минцлова враги, но многочисленныхъ друзей его, и въ особенности товарищей-аракчеевцевъ, я приглашаю откликнуться и принять къ свѣдѣнію, что 15-го октября 1888 года, четверть вѣка тому назадъ, было напечатано его первое стихотвореніе.

А. Д. Амовъ.

Библиотека "Руниверс"

ИЛЬЯ САЦЪ [1].

(Клочки воспоминаній).

Чѣмъ БОЛЬШЕ время отдаляетъ насъ отъ смерти И. А. Саца, тѣмъ болѣе эта смерть представляется чудовищно-нелѣпой и несвоевременной. Умеръ человѣкъ, не исчерпавъ и десятой доли предоставленныхъ ему отъ природы возможностей, умеръ въ преддверіи хорошей музыкальной карьеры, почти наканунѣ громкой извѣстности. При этихъ условіяхъ какъ-то странно писать о покойномъ, навѣки исчезнувшемъ дѣятелѣ, хочется, напротивъ, говорить о живомъ, еще полномъ неизвѣданныхъ красотъ художникѣ...

Впервые я познакомился съ Сацемъ въ 1895 году. Въ ту пору онъ, повидимому, и не мечталъ о карьерѣ композитора, а скромно готовился въ московскую консерваторію, по классу віолончели. Мы проводили съ нимъ лѣто въ Рязанской губерніи, въ имѣніи моихъ родственниковъ С., куда И. А. былъ приглашенъ въ качествѣ учителя музыки, вѣрнѣе, репетитора молодого С. Маленькій, невзрачный, но съ умными, живыми глазами и острымъ взглядомъ, И. А. сразу завоевалъ общія симпатіи. Извѣстно, какъ протекаетъ лѣто въ деревнѣ, среди большой компаніи молодежи, настроенной весело и безъ заботъ. Днемъ купанье, прогулки верхомъ, пикники по окрестностямъ, вечеромъ—музыка, танцы. Благодаря тому, что среди гостей было нѣсколько музыкантовъ, одинъ художникъ, два или три вполнѣ хорошихъ артиста-любителя, задумали и отлично выполнили спектакль. Во

[1] И. А. Сацъ умеръ 11-го октября 1912 г.

Библиотека "Руниверс"

всѣхъ этихъ затѣяхъ неизмѣннымъ участникомъ былъ Сацъ. Требуется ли организовать любительскій хоръ, устроить тріо или квартетъ, или оркестровать какую-нибудь салонную вещицу для домашняго концерта,—Сацъ тутъ какъ тутъ, за все берется, не отказываясь даже отъ маленькихъ ролей въ спектаклѣ, хотя изъ всѣхъ дарованныхъ ему Господомъ Богомъ талантовъ драматическимъ онъ, кажется, обладалъ меньше всего. По этому поводу припоминаются мнѣ нѣсколько эпизодовъ, довольно характерныхъ для Саца. Однажды въ какой-то пьесѣ его попросили сыграть небольшую роль сторожа при школѣ, или трактирнаго слуги, что-то въ этомъ родѣ. Роль была немногословная, и каждый любитель отнесся бы къ ней, вѣроятно, очень спокойно, не мудрствуя лукаво. Не то было съ Сацемъ. Онъ насъ всѣхъ измучилъ, поминутно подбирая новые тона, необходимые, по его мнѣнію, для роли, и такъ и не добился соотвѣтствующаго тона, сыгравъ плохо. Другой разъ онъ серьезнѣйшимъ образомъ умолялъ меня, какъ режиссера и организатора спектакля, поставить непремѣнно страстную комедію или трагедію.

— Ради чего?—полюбопытствовалъ я.

— Вы дадите мнѣ сыграть роль страстнаго юноши и увидите, что изъ этого выйдетъ.

При этомъ, для большей убѣдительности, онъ такъ смѣшно размахивалъ руками, выпячивалъ грудь и ржалъ («признакъ нарождающейся страсти», по его выраженію), что всѣ присутствующіе помирали съ хохоту. Съ тѣхъ поръ его долго называли между нами «страстнымъ юношей».

Въ ненастные дни обыкновенно сидѣли дома и тогда, если не музицировали, то спорили. Сацъ любилъ и умѣлъ спорить. Въ противоположность большинству, рѣдко остающемуся въ границахъ безпристрастнаго обсужденія вопроса и не переходящему къ «личностямъ», И. А. былъ всегда удивительно объективенъ, умѣя затронуть интересную сторону вопроса и на немъ сосредоточить вниманіе спорящихъ. Уже тогда проявлялась въ немъ особенность, присущая впослѣдствіи его музыкальнымъ сочиненіямъ: острота, пикантность, это «что-то», съ котораго, по выраженію Льва Толстого, начинается искусство. Я не думаю, чтобы Сацъ былъ очень образованъ или много начитанъ. Скорѣе нѣтъ, но недостатокъ общаго образованія пополнялся въ немъ необыкновенной способностью постигать глубину вопроса, добираться до него собственнымъ философскимъ мышленіемъ, «за свой счетъ», какъ говорилъ онъ. Ко всему тому и несмотря на пламенную любовь къ своему искусству, онъ и въ молодости, и въ зрѣлыхъ годахъ никогда не былъ узкимъ спеціалистомъ своего дѣла. Широта мысли, свободный полетъ фантазіи были лозунгомъ этого даровитаго человѣка. Въ самой музыкѣ онъ былъ эклектикомъ, въ обширномъ смыслѣ

Библиотека "Руниверс"

этого слова. Симфонія и мелодичный вальсъ, оперная арія и цыганскій романсъ одинаковый находили отзвукъ въ его чуткой музыкальной душѣ, отверстой для всего прекраснаго, откуда бы оно ни исходило. Лѣтнее времяпрепровожденіе сблизило насъ для дальнѣйшаго знакомства. Зиму 1897—1898 годовъ я проводилъ въ Рязани, и Сацъ, тогда уже студентъ московской консерваторіи, иногда туда заѣзжалъ. Въ это время рязанскимъ жителемъ былъ нѣкто Г. Е. Дубовенко, основатель и первый директоръ мѣстнаго пріюта малолѣтнихъ преступниковъ, личность прекрасная, нынѣ тоже покойный. Встрѣтясь съ нимъ у меня въ домѣ, Сацъ съ нимъ подружился и, бывая въ Рязани, нерѣдко у него останавливался. Однажды, въ такое посѣщеніе, пріятели, гуляя, проходили мимо городской ночлежки, и Сацу пришло въ голову въ этомъ пріютѣ провести ночь. Задумано—сдѣлано. У сторожа Дубовенка достали полный костюмъ мастерового, облекли въ него И. А. и отправили въ путь. На другой день Сацъ съ большимъ юморомъ разсказывалъ свои похожденія:

— Больше всего безпокоилъ меня мой костюмъ. Достаточно ли я принарядился, чтобы рискнуть переночевать среди бездомниковъ? Простой случай вывелъ меня изъ затрудненія. Не доходя до ночлежки, я встрѣтилъ на улицѣ какую-то даму съ маленькой дѣвочкой, которую она вела за руку. Едва мы поровнялись, я почтительно приподнялъ картузъ и спросилъ даму о названіи улицы. Нужно было видѣть, что стало съ дамой! Она вся какъ-то скорчилась, лицо перекосилось, быстрымъ движеніемъ она протянула къ себѣ дѣвочку и, ничего не отвѣчая, почти бѣгомъ перешла на другую сторону улицы. Ну, думаю, хорошъ мальчикъ! Иди съ миромъ! Въ ночлежкѣ меня положили рядомъ съ какимъ-то старымъ человѣкомъ, оказавшимся по ремеслу поваромъ. Чтобы разговориться, я спросилъ сосѣда, не знаетъ ли онъ какого-нибудь мѣста въ Рязани.

«— А ты чѣмъ занимаешься?—спросилъ старикъ.

«— По кухонной части,—отвѣчалъ я:—служилъ кухоннымъ мужикомъ въ Москвѣ, въ «Эрмитажѣ». Да вотъ вышла исторія съ «старшимъ», меня и разсчитали. Теперь второй мѣсяцъ хожу безъ дѣла.

«Старикъ немного подумалъ и сказалъ:

«— Хорошихъ мѣстовъ теперь мало. Да вотъ, поди на Левицкую, къ... (онъ назвалъ вашу фамилію), кажется, господа ничего, одобряютъ. Хотя ты и не настоящій поваръ (онъ съ видимымъ удовольствіемъ произнесъ эти слова), а за повара сойдешь. Ты сколько въ «Эрмитажѣ» служилъ?

«— Безъ малаго пять годовъ.

«— Ну, вотъ, мудрено ли кой-чему научиться. А господа ничего. Говорятъ, счетовъ не провѣряютъ. Можно и на сторонѣ заработать.

Библиотека "Руниверс"

«И старикъ началъ меня научать, какими способами зарабатываютъ на сторонѣ, обсчитывая и обмѣряя хозяевъ...»

Это похожденіе Сацъ запечатлѣлъ въ фотографіи, снявшись въ полной ночлежной аммуниціи.

Зимой 1899 года я собирался съ семьей за границу, на Ривьеру. Проѣздомъ черезъ Москву мы цѣлый день провели съ Сацемъ, я даже ночевалъ въ его холостой квартирѣ. Въ эту пору И. А., забросивъ свои музыкальныя дѣла, былъ всецѣло поглощенъ предстоящей поѣздкой въ отрядъ Л. Н. Толстого, кормившаго голодныхъ въ Свіяжскомъ уѣздѣ Казанской губерніи. Странная была натура Сацъ! По мѣрѣ того, какъ я разсказывалъ маршрутъ нашего путешествія (черезъ Земерингъ и Италію), глаза И. А. все расширялись, щеки краснѣли... И вдругъ:

— А не поѣхать ли мнѣ съ вами на Ривьеру?

Конечно, увлеченіе черезъ минуту исчезло, но при дружномъ натискѣ съ моей стороны, быть можетъ, результатъ получился бы иной и Саца не видѣли бы въ Казанской губерніи. Разстались мы на томъ, что Сацъ напишетъ мнѣ подробно свои впечатлѣнія о «голодѣ» и я, сколько въ силахъ, помогу сбору пожертвованій. Дѣйствительно, не прошло и мѣсяца, какъ получено было письмо отъ Саца. До сихъ поръ помню, что это письмо нельзя было читать безъ глубокаго внутренняго волненія. Такъ ярко описывалъ И. А. картины народнаго бѣдствія. Извѣстно, какъ щекотливо дѣлать всякіе сборы на Ривьерѣ, особенно въ Ниццѣ, рискуя ежеминутно прослыть за какого-нибудь decavé изъ Монте-Карло. Если и выручало меня много разъ чтеніе письма И. А. (обыкновенно я съ этого начиналъ мое обращеніе къ любезнымъ соотечественникамъ), то случалось и такъ, что меня вѣжливо выпроваживали, или вовсе не принимали. Впрочемъ, въ конечномъ результатѣ я собралъ приличную сумму, около 3,500 франковъ, и деньги эти перевелъ по указанному Сацемъ адресу, кажется, г. Юшкову. Но, каково было мое удивленіе, скажу даже, досада, когда, вернувшись въ Россію и свидѣвшись съ Сацемъ, я узналъ, что знаменитое письмо было плодомъ его поэтической фантазіи, что если и случались факты, подобные описаннымъ [1]), то, конечно, въ видѣ исключенія, а не какъ общее правило. И досталось же тогда Сацу!

Передъ окончаніемъ консерваторіи (не знаю, кончилъ ли онъ ее даже) Сацъ слишкомъ на годъ былъ оторванъ отъ нашего общества. Дѣло въ томъ, что онъ какими-то судьбами въ 1900 году былъ

[1]) Сацъ разсказывалъ, что на его глазахъ, на улицѣ, съ голода умирали люди.

Библиотека "Руниверс"

скомпрометтированъ въ одномъ политическомъ дѣлѣ и высланъ въ одну изъ сибирскихъ губерній, чуть ли не въ Иркутскъ. Эта исторія, до сихъ поръ для меня темная, была впервые мнѣ разсказана другомъ И. А., покойнымъ А. Л. Сулержицкимъ. Онъ разсказывалъ,

И. А. Сацъ.

что, зайдя какъ-то къ Сацу, онъ нашелъ его въ глубокомъ обморокѣ, а рядомъ, на полу, повѣстку объ арестѣ. Во всякомъ случаѣ, думаю, что причастность Саца къ революціоннымъ организаціямъ одно изъ проявленій его поэтической натуры. Какой онъ въ самомъ дѣлѣ былъ

Библиотека "Руниверс"

революціонеръ! Очутившись въ Иркутскѣ, онъ скоро пріобрѣлъ извѣстность хорошаго учителя музыки, а подъ конецъ своей ссылки дирижировалъ оркестромъ мѣстнаго отдѣленія музыкальнаго общества.

Извѣстность Саца въ московскихъ артистическихъ кружкахъ начинается съ момента основанія филіальнаго отдѣленія Художественнаго театра, такъ называемой «Студіи». Сацъ принимаетъ въ ней участіе не только какъ талантливый импровизаторъ, но и какъ авторъ музыкальной иллюстраціи къ «Смерти Тетанжиля» Метерлинка. Я не знаю этого произведенія, не могу судить о немъ, но помню, что И. А. придавалъ ему огромное значеніе, считая его едва ли не лучшей своей композиціей. Извѣстно, что «Студія» существовала недолго. По закрытіи ея лица, наиболѣе дѣятельно въ ней работавшія, задумали новое дѣло, созданіе художественной оперы. Сацъ — душа такой затѣи. Его давно волнуетъ шаблонность оперныхъ постановокъ, жеманность и неестественность артистовъ при исполненіи оперныхъ арій. Недурной имитаторъ, онъ великолѣпно изображалъ баритона, желающаго блеснуть свѣтскими манерами въ роли Онѣгина. Именно на этой оперѣ пробуетъ онъ со своими единомышленниками утвердить за плѣнительной поэмой Чайковскаго репутацію музыкальной драмы. Мнѣ не удалось присутствовать на этомъ спектаклѣ, но критика и публика въ одинъ голосъ признавали огромное значеніе такого опыта. Впрочемъ, и «Студія», и «Кружокъ художественныхъ исканій»,—такъ именовали себя приверженцы новаго курса въ оперѣ,—существовали больше интимно, невидные большой публикѣ. Послѣдняя впервые знакомится съ подлиннымъ Сацемъ лишь при постановкѣ Художественнымъ театромъ «Жизни человѣка» Л. Андреева. Его музыкальная иллюстрація къ этой пьесѣ, знаменитая сацовская полька, становится скоро популярнѣе самой пьесы. Ее играютъ во всѣхъ московскихъ ресторанахъ. Лично на мой вкусъ, ни постановка пьесы, ни, въ частности, музыка Саца не кажутся вполнѣ убѣдительными. По моему мнѣнію, петербургская трактовка драмы (въ театрѣ В. О. Коммиссаржевской) ближе подходила къ замыслу автора. Пошлѣйшей по существу пьесѣ Мейерхольдъ далъ и пошлѣйшую музыкальную иллюстрацію. Впрочемъ, эта «пошлость» съ иной стороны должна была тронуть И. А. Какъ онъ однажды мнѣ признавался, ему хотѣлось въ музыкѣ къ «Жизни человѣка» дать нѣчто мистическое, какое-то противоположеніе свѣтлыхъ явленій природы—человѣческой ограниченности, радости бытія—тяготѣющему надъ нимъ року. И вдругъ, эта музыка становится излюбленнымъ номеромъ ресторанного оркестра «Праги» или «Яра». Какая трагедія!

Приблизительно около этого времени, т. е. въ 1906 году, заро-

Библиотека "Руниверс"

ждается въ Петербургѣ идея «Стариннаго театра» и, по моему предложенію, Сацу поручаютъ музыкальную часть. Онъ берется за это съ необыкновеннымъ жаромъ. Весна и лѣто 1907 года протекаютъ въ подготовкѣ историческихъ матеріаловъ, а осенью того же года начинаются репетиціи, для коихъ Сацъ спеціально пріѣзжаетъ изъ Москвы. Энергію онъ проявляетъ изумительную, все равно чего эта энергія ни касается. Кто не присутствовалъ на репетиціяхъ И. А., тотъ не имѣетъ даже приблизительнаго понятія о работоспособности этого человѣка, его умѣніи править дѣломъ. Сацъ былъ прирожденнымъ дирижеромъ, что называется, капельмейстеръ Божьей милостью. Вотъ собрались музыканты, предстоитъ изучить отвѣтственный номеръ. Сацъ среди нихъ у пюпитра, серьезный, сосредоточенный. Боже сохрани въ эту минуту заговорить съ сосѣдомъ, засмѣяться, сострить. Сразу оборветъ, пристыдитъ смѣльчака. Разработка пьесы подъ его руководствомъ настоящее плетеніе кружева. Вотъ гдѣ пригодились знакомые намъ, по домашнимъ спектаклямъ, поиски тоновъ и полутоновъ. Не въ силахъ проявить ихъ на самомъ себѣ, онъ умѣлъ извлекать эти оттѣнки у чужихъ. Оркестръ подбирался, пѣвцы подтягивались, все горѣло живымъ огнемъ вдохновенія, забывая время и усталость. Въ нашемъ кружкѣ, по этому случаю, ходилъ по рукамъ анекдотъ, характерный для Саца. Однажды, налаживая какой-то хоръ, онъ никакъ не могъ добиться желанныхъ оттѣнковъ. Время проходило, пѣвцы устали, съ самого Саца катилъ градомъ потъ, пора кончать репетицію, а толка нѣтъ.

— Вотъ что,—говоритъ рѣшительно Сацъ:—еще шестнадцать разъ, и я васъ отпущу домой!

Музыкальная часть въ «Старинномъ театрѣ» перваго періода требовала отъ И. А. творческой работы, но зато и вознаградила его сторицей. Я не знаю даже, что удалось ему лучше: мистерія ли «Три волхва» (хоръ, органъ), миракль ли о Теофилѣ (одинъ женскій, а потомъ смѣшанный хоръ) или пастурель о «Робенѣ и Маріонъ» (оркестръ, пѣвцы). Все было одинаково хорошо слажено, изучено, окрашено въ соотвѣтствующій колеръ средневѣкового наивнаго творчества, а въ «Робенъ и Маріонъ», кромѣ того, искусно оркестровано въ духѣ примитивовъ XIII вѣка. Хорошо помню впечатлѣніе отъ этой пастурели у нашихъ присяжныхъ музыкантовъ. Нужно замѣтить, что по mis en scène режиссера Евреинова вокругъ обѣихъ колоннъ, окаймлявшихъ декорацію рыцарскаго замка, были разсажены статисты, которые въ извѣстныхъ мѣстахъ дѣлали видъ, что играли на старинныхъ инструментахъ. Между тѣмъ настоящій оркестръ помѣщался за одной изъ колоннъ, скрытый отъ публики. Партитура пьесы была такъ искусно оркестрована, а современные инструменты такъ ловко пригнаны соотвѣтственно древнимъ, что получалась настоящая иллюзія дѣйствительности.

Библиотека "Руниверс"

По крайней мѣрѣ профессоръ Л. А. Сакетти не хотѣлъ вѣрить, что играютъ настоящіе музыканты, а не статисты, сидящіе у колоннъ.

Успѣхъ «Жизни человѣка» побудилъ Художественный театръ и самого Саца продолжать работу въ томъ же направленіи. Послѣдовательно были иллюстрированы И. А. «Драма жизни» и «Въ лапахъ жизни» К. Гамсуна, «Синяя птица» Метерлинка, «Гамлетъ» Шекспира и «Miserere» Юшкевича. Различныя по достоинству, но всегда очень оригинальныя, эти композиціи нравились публикѣ. Особенно же заинтересовали «Синяя птица» и вальсъ къ «Miserere». О музыкѣ къ «Синей птицѣ» была прочитана въ Москвѣ спеціальная лекція, по поводу которой Сацъ съ большимъ юморомъ разсказывалъ слѣдующее:

— Иду я по Моховой и вижу въ витринѣ книжнаго магазина, противъ университета, объявлена лекція о моей музыкѣ. Читаетъ приватъ-доцентъ Иксъ, въ музыкальномъ мірѣ, кажется, мало извѣстный. Любопытно, чортъ возьми, что скажетъ ученый человѣкъ о моей стряпнѣ. Нужно пойти. Вхожу. Публики много. Сажусь подальше. Лекторъ говоритъ разныя разности, затѣмъ переходитъ къ основаніямъ моей композиціи, какимъ образомъ она, по его убѣжденію, складывалась. Оказывается, напримѣръ, въ дѣтской полькѣ (1 актъ) я былъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ Моцарта, Берліоза и еще кого-то. Ахъ, елки зеленыя! Много мнѣ стоило усилій, чтобы не встать и не крикнуть Иксу: что ты брешешь, с.с., вовсе никто изъ композиторовъ на меня не вліялъ. А дѣло было такъ: шелъ я по Сухаревкѣ, мимо одного ларька и услышалъ курьезное сочетаніе какой-то трещотки и обыкновеннаго дѣтскаго гудка. Вотъ, думаю, что мнѣ нужно для польки! Купилъ всю эту дрянь, притащилъ домой и ну гудѣть и трещать. Такъ и сложилась моя полька...

Если другія композиціи Саца носили случайный характеръ, то музыка къ «Miserere» имѣла вполнѣ опредѣленное происхожденіе. Дѣло въ томъ, что параллельно съ текущей работой по Художественному театру И. А. былъ серьезно увлеченъ музыкой народностей, населяющихъ Россію. Завѣтной мечтой его было собрать во едино и демонстрировать наиболѣе типичныхъ представителей народнаго творчества. Тратя на это всѣ свои скромныя сбереженія, Сацъ мало-по-малу подготовлялъ наиболѣе яркіе образчики такого искусства. Въ этихъ цѣляхъ онъ посѣщалъ отдаленныя русскія окраины, Кавказъ, Крымъ, Туркестанъ, вездѣ находилъ любопытные экземпляры народной музыки. Вотъ, напримѣръ, что онъ писалъ мнѣ изъ Кекенеиза, Южный берегъ Крыма: «Брожу среди бродячихъ татарскихъ музыкантовъ. Завтра въ Байдарѣ, гдѣ зурна, кавалъ и дзаулъ; послѣзавтра Бахчисарай къ дервишамъ; возможно, что

Библиотека "Руниверс"

для раздобытія хорошо играющаго на «тулупѣ» (дудль-закъ) придется заглянуть въ Ѳеодосію, или даже Константинополь. За симъ—Кавказъ и Кавказъ. Тамъ музыка въ большомъ почетѣ. Татары—плохіе музыканты и насчетъ дарованій отъ Бога—здѣсь слабѣе: звуковая поэзія довольно непосредственно связана съ кошелько-аудиторіей»... Помню также, съ какимъ жаромъ описывалъ онъ, какъ раздобылъ геніальнаго, по его мнѣнію, жилейщика. Пришлось ради этого ѣхать верстъ за сто отъ желѣзной дороги, въ какое-то приволжское село, а затѣмъ въ поле, гдѣ геніальный жилейщикъ пасъ стадо. Если не ошибаюсь, онъ уговорилъ его пріѣхать въ Москву и тамъ показывалъ спеціалистамъ, не знаю только, съ какимъ успѣхомъ. Къ разряду такихъ же народныхъ пѣсенъ относилась и музыка «Miserere», собранная сначала въ видѣ этнографическаго матеріала.

Задолго до появленія на сценѣ Художественнаго театра онъ мнѣ ее игралъ въ различныхъ варіаціяхъ, разсказывая, гдѣ онъ ее записалъ (въ чертѣ еврейской осѣдлости). Мысль И. А. организовать спеціальное общество для охраны и усовершенствованія этихъ живыхъ памятниковъ народнаго творчества одно время была, повидимому, близка къ осуществленію. По крайней мѣрѣ объ этомъ говоритъ письмо Саца, полученное мною въ концѣ апрѣля 1910 года: «Я опять мечтаю!—пишетъ онъ.—Ахъ, если бы вы знали... но нѣтъ, впрочемъ!!?? Откликнитесь! Участвующіе Станиславскій и всѣ художественники мечтаютъ о васъ. Но я ничего не понимаю, говорите вы. И я пріѣду въ Питеръ разсказать вамъ все, какъ только получу отъ васъ отвѣтъ и узнаю, что вы въ Питерѣ и въ какой день мая располагаете временемъ, дабы прослушать изложеніе нашего дѣла... Итакъ, жду отъ васъ сообщенія...». Онъ, дѣйствительно, пріѣхалъ и привезъ съ собою списокъ именитыхъ московскихъ меценатовъ и артистовъ, которые сочувственно относились къ его проекту. Но затѣмъ что-то опять помѣшало (кажется, недостатокъ денегъ), и дѣло вновь затормозилось. А, можетъ быть, и самъ Сацъ отвлекся въ сторону...

Популярность Саца въ различныхъ кружкахъ столичной богемы, а, главнымъ образомъ, постоянное его участіе въ кабаре Художественнаго театра «Летучая мышь», имѣли, мнѣ кажется, огромное вліяніе на характеръ его творчества. Иначе я никакъ не могу себѣ объяснить, почему И. А. питалъ такое пристрастіе къ музыкальнымъ карикатурамъ, такъ называемой пародіи. Извѣстно, что жанръ этотъ, чрезвычайно заманчивый для сочинителя, очень труденъ для усвоенія его большой публикой. Я знаю только два сочиненія, безусловно совершенныя въ этомъ смыслѣ—оффенбаховская «Прекрасная Елена» (пародія на античный міръ) и совре-

Библиотека "Руниверс"

менная намъ «Вампука». Всѣ другія пародіи, въ томъ числѣ и сацовская на русскую музыку, въ большей или меньшей степени, повторяли старые образцы, внося мало существеннаго въ исторію этого жанра. И потомъ, говоря въ частности о сацовской композиціи, что за объектъ для пародіи: Римскій-Корсаковъ, Мусоргскій, Бородинъ и друг.? Несмотря на многіе удачные штрихи (напримѣръ, участіе хора въ «Рати»), эти произведенія обыкновенно цѣликомъ принимались за чистую монету и потому совершенно иначе оцѣнивались публикой. Этимъ объясняется сравнительно малый успѣхъ сацовскихъ сочиненій, хотя между ними встрѣчались настоящіе перлы, въ родѣ «Веснянки» («Не хвались, идучи на рать»), или пѣсенки Мурзы въ «Битвѣ русскихъ съ кабардинцами». Каждый разъ, когда И. А. пріѣзжалъ въ Петербургъ, онъ мнѣ наигрывалъ свои новыя вещи. Интерпретаторъ онъ былъ удивительный. При полномъ отсутствіи голоса и довольно посредственной игрѣ на фортепіано онъ давалъ настоящую художественную картину. Въ его рукахъ малѣйшій пустякъ превращался въ драгоцѣнный алмазъ. Послѣ игры обыкновенно возникали между нами горячіе споры. Я старался убѣдить Саца, что такого рода сочиненія значительно ниже его, что съ его способностями и знаніемъ музыки онъ достоинъ гораздо большаго. Сацъ со смѣхомъ возражалъ:

— А, можетъ быть, на лучшее я и не гожусь? Вы преувеличиваете мои способности. Лучше маленькій деревянный домъ, чѣмъ и т. д.

Но, вѣроятно, ему самому западала не разъ въ голову тщета такихъ усилій, ибо за послѣднее время его вниманіе было устремлено на болѣе серьезное. Какъ сейчасъ вижу оживленное лицо И. А., который сообщаетъ мнѣ, что въ филармоническомъ концертѣ предполагаютъ исполнить его хоръ на слова А. Толстого «У приказныхъ воротъ». Параллельно съ этимъ возникаютъ у него темы симфонической пьесы [1]). Онъ предвкушаетъ удовольствіе самому дирижировать симфоническимъ оркестромъ и проч.

Какъ жаль, что все это пришло такъ поздно!

Послѣдніе два-три года жизни Саца были окрашены какимъ-то болѣзненнымъ настроеніемъ. Я не скажу, чтобы это отразилось на его творчествѣ; напротивъ, за это время онъ написалъ прелестную «Пастушескую пѣснь», много романсовъ, чудесную сказочку для дѣтей о золотомъ яичкѣ. Но самая дѣятельность И. А. пріобрѣла характеръ чего-то мятежнаго, хаотичнаго. Какъ будто внутренній голосъ говорилъ композитору, что времени въ его распоряженіи

---

[1]) Начало симфоніи было у него найдено послѣ смерти въ бумагахъ.

Библиотека "Руниверс"

осталось немного, что нужно спѣшить, додѣлать, что не сдѣлано, исправить, что плохо. Особенно ярко почувствовалось такое настроеніе въ нашей совмѣстной работѣ для «Стариннаго театра». Извѣстно, что второй періодъ «Стариннаго театра» исключительно занялся испанцами. Сацъ, котораго вновь просили взять на себя музыкальную часть, встрѣтилъ это приглашеніе восторженно:

«Я счастливъ поработать въ «Старинномъ театрѣ»,—писалъ онъ:—счастливъ опять очутиться въ артистической семьѣ, гдѣ... словомъ, вы сами знаете. Что говорить, когда нечего говорить!»—По мысли руководителей театра, музыкальныя иллюстраціи должны были строго раздѣлиться на двѣ неравныя части. Первая часть, исключительно свѣтская, заключала въ себѣ нѣсколько хоровъ, танцы и отдѣльные сольные номера (пѣніе гитары, intermezzo въ «Великомъ князѣ московскомъ»). Вторая часть посвящалась одному «Святилищу св. Патрика», произведенію Кальдерона, католика pur sang, особенно оригинальнаго въ этомъ сочиненіи. Его положено было иллюстрировать духовной музыкой XV—XVI вѣковъ. Вѣрные, своимъ принципамъ—дать прежде всего исторически-точную картину—организаторы «Стариннаго театра» снабдили Саца необходимымъ этнографическимъ матеріаломъ. Въ частности я, заинтересованный преимущественно «Патрикомъ», которымъ режиссировалъ, кромѣ того, велъ съ И. А. многочисленныя бесѣды и переписку. И, повидимому, Сацъ былъ всецѣло проникнутъ серьезностью работы. По крайней мѣрѣ всѣ письма его той эпохи пестрятъ ссылками на испанскую музыку. «Заканчиваю оркестровку танцевъ,—пишетъ онъ однажды.—Колеблюсь въ установленіи границъ испанистости и румынско-ресторанности». Къ «Патрику» онъ возвращается чаще всего. «Патрикъ»—безусловно любопытенъ. Тонкости, звуковой декораціи—здѣсь нѣтъ, но есть, мнѣ думается, большой просторъ стильной духовной композиціи. Имѣя въ виду «обновленіе» испанскаго духа, очень прошу васъ прислать композиціи, особенно духовныя, возможно больше». И еще въ другомъ письмѣ: «Музыка для «Патрика» меня весьма интересуетъ. И я надѣюсь, хотя, говорятъ, надежда мать глупыхъ». Разрабатывая дальнѣйшую музыку, онъ посвящаетъ въ ея детали извѣстнаго С. и его впечатлѣнія, въ шутливой формѣ, передаетъ мнѣ: «Вчера былъ у К. С., игралъ ему между прочимъ намѣченное для «Патрика» и разсказывалъ о постановкѣ и танцахъ. Старый режиссеръ состроилъ на лицѣ улыбку и раскрылъ ротъ и съ полчаса все не убиралъ улыбки и забылъ закрыть ротъ».— Увы, самъ И. А. заранѣе опредѣлилъ истинную цѣнность надежды. Когда отъ подготовительной стадіи театръ перешелъ къ стадіи исполнительной, а Сацъ пріѣхалъ въ Петербургъ на репетиціи, то обнаружилось, что вся работа выполнена только эскизно, одними намеками. Самъ Сацъ былъ непохожъ на прежняго, всѣмъ намъ дорогого И. А. Какая-то нервность, растерянность, отсутствіе выдержки... Теперь, когда

Библиотека "Руниверс"

ни для кого не тайна, что въ эту пору творилось съ бѣднягой [1]), хочется все это простить, извинить болѣзнью, но тогда, въ самый разгаръ сезона, такое отношеніе вызывало раздраженіе, ссоры...

Впрочемъ, пускай не этимъ будетъ почтена память человѣка, оставившаго среди друзей воспоминанія нѣжныя, иногда близкія къ восторгу. Мы вообще не богаты людьми талантливыми. Еще менѣе щадитъ ихъ судьба, убирая талантъ въ расцвѣтѣ его творческихъ силъ, почти наканунѣ славы. Сколько даровитыхъ людей погибло съ громкими обѣщаніями на устахъ: Гаршинъ, В. Сѣровъ, Мусоргскій. Роль Ильи Саца въ чудесной эволюціи искусства была скромна, но едва ли кто другой съ большимъ правомъ могъ примѣнить къ себѣ извѣстный афоризмъ Мюссе: «мой кубокъ не великъ, но я пью изъ этого кубка

Баронъ Н. В. Дризенъ.

[1]) Онъ жаловался одному близкому мнѣ человѣку, что его преслѣдуютъ, намѣрены убить...

Библиотека "Руниверс"

ПАМЯТИ И. В. ЦВѢТАЕВА.

«Блажени чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ».

ЪЪ НЕПОНЯТНОЙ, до горечи и боли въ душѣ обидной быстротой стали рѣдѣть за послѣдніе годы кадры выдающихся русскихъ людей. Вотъ еще одинъ изъ нихъ выбылъ изъ строя: скончавшійся 30-го августа Иванъ Владимировичъ Цвѣтаевъ, почетный опекунъ, заслуженный профессоръ московскаго университета, основатель и директоръ музея изящныхъ искусствъ имени императора Александра III. Жуткое ощущеніе холода и пустоты невольно охватываетъ сердце послѣ такихъ утратъ, которыя всегда кажутся невознаградимыми. Неизмѣнно приходитъ въ голову мысль: «вотъ они ушли отъ насъ, эти яркіе свѣточи, освѣщавшіе и согрѣвавшіе нашу повседневную, сѣренькую, неприглядную жизнь, а скоро ли, да и придетъ ли вообще кто-нибудь такой же имъ на смѣну?» Сомнѣніе отравляетъ душу, и мы переживаемъ всякій разъ горькія минуты унынія.

И. В. Цвѣтаевъ родился въ 1847 году въ селѣ Дроздовѣ близъ города Шуи Владимирской губерніи. Отецъ его, скромный сельскій священникъ, собственноручно пахавшій землю, цѣпомъ молотившій хлѣбъ, косившій траву до преклоннаго возраста и работавшій въ полѣ, какъ простой крестьянинъ, являлъ собою образецъ рѣдкихъ душевныхъ качествъ. Необычайная доброта и кротость соединялись у него съ большой твердостью воли, помогавшей ему вести тотъ строгій образъ жизни постника, почти аскета, которому онъ не измѣнялъ до гробовой доски. Обаяніе личности этого тихаго, со всѣми ласковаго и привѣтливаго, полнаго христіанской любви

Библиотека "Руниверс"

къ ближнимъ, смиреннаго пастыря церкви было такъ велико, нравственный авторитетъ его такъ высоко цѣнился окружающими, что не только прихожане, горячо любившіе своего «отца Владимира», но нерѣдко даже изъ сосѣднихъ городовъ, Шуи и Иваново-Вознесенска, стекались къ нему люди различнаго общественнаго положенія, прося у него совѣта и нравственной поддержки. А когда онъ умеръ, этотъ замѣчательный человѣкъ и христіанинъ, то большой сельскій храмъ въ селѣ Талицахъ, гдѣ его отпѣвали и куда собралось огромное, дотолѣ еще небывалое количество молящихся, пожелавшихъ отдать послѣдній долгъ своему любимому пастырю, все время оглашался громкимъ плачемъ и рыданіями...

Иванъ Владимировичъ росъ всецѣло подъ вліяніемъ своего отца, къ которому онъ вмѣстѣ съ другими братьями питалъ не простое сыновнее, а какое -то особое благоговѣйное чувство любви. Вліяніе отца было настолько сильно и благотворно, что оно не могло быть ослаблено даже раннимъ поступленіемъ сына въ шуйское духовное училище, хотя мальчикъ и очутился здѣсь сразу въ обстановкѣ нашей дореформенной бурсы съ ея нищетой, аскетически-скуднымъ питаніемъ изъ деревяннаго общаго блюда при помощи деревянныхъ же ложекъ. хожденіемъ домой на лѣтнія вакаціи босикомъ на протяженіи нѣсколькихъ десятковъ верстъ и со всѣмъ имуществомъ за плечами, публичной поркой за малѣйшую провинность и проч. и проч. Едва ли не единственнымъ свѣтлымъ явленіемъ здѣсь былъ смотритель училища И. П. Чуриловскій, личность высоко одаренная, идеалистически настроенная и беззавѣтно преданная наукѣ. Получая всего триста рублей жалованья въ годъ, онъ ревностно давалъ уроки не только въ учебные дни, но и по воскресеньямъ и праздникамъ, собирая безплатно лучшихъ своихъ учениковъ у себя на дому для того, чтобы переводить и объяснять съ ними латинскіе тексты, не положенные по программѣ, и учить хорошимъ латинскимъ переводамъ. Это былъ страстный, совершенно безпримѣрный энтузіастъ латыни, кажется, уже никогда болѣе не повторявшійся въ духовныхъ училищахъ типъ [1]), и нѣтъ никакого сомнѣнія, что именно имъ были заброшены въ воспріимчивую, впечатлительную душу мальчика первыя сѣмена любви къ классической филологіи, которыя впослѣдствіи роковымъ образомъ обусловили выборъ И. В. Цвѣтаевымъ предмета его блестящей научной дѣятельности.

---

[1]) Любопытна судьба И. П. Чуриловскаго. Погрузившись всецѣло въ преподавательскую дѣятельность, въ свою излюбленную латынь, онъ не признавалъ никакой школьной «канцелярщины»: не велъ ни классныхъ журналовъ, ни отчетности по ввѣренному ему училищу, никакихъ записей, словомъ, никакой письменности. Когда однажды произведена была ревизія училища, Чуриловскому поставили на видъ крайне небрежное исполненіе имъ обязанностей смотрителя, а вслѣдъ за тѣмъ онъ былъ уволенъ. Неожиданное увольненіе отъ службы такъ потрясло его, что бѣдняга сошелъ съ ума. Авторъ.

Библиотека "Руниверс"

Дѣйствительно, тотчасъ же по окончаніи владимирской духовной семинаріи даровитаго юношу неудержимо влечетъ въ Петербургъ, гдѣ онъ, какъ бы по ошибкѣ, сначала поступаетъ въ медико-хирургическую академію, но въ томъ же году переходитъ въ университетъ на историко-филологическій факультетъ, и этимъ шагомъ уже окончательно опредѣляется его будущая карьера ученаго. Здѣсь сразу обращаютъ на него вниманіе три профессора, Благовѣщенскій (впослѣдствіи ректоръ варшавскаго университета), Срезневскій и Дестунисъ, и приближаютъ его къ себѣ. Онъ усердно работаетъ подъ ихъ руководствомъ и въ 1870 году оканчиваетъ университетскій курсъ со степенью кандидата и съ золотой медалью за сочиненіе: «О Тацитовой Германіи» [1]). Съ этого момента начинается научно-педагогическая дѣятельность Ивана Владимировича. Будучи оставленъ стипендіатомъ «для приготовленія къ профессорскому званію», онъ вскорѣ получаетъ должность приватъ-доцента по каѳедрѣ римской словесности сначала въ варшавскомъ, потомъ въ кіевскомъ университетахъ, а въ 1877 году переводится уже въ званіи профессора той же науки въ московскій университетъ. Здѣсь въ 1889 году онъ занимаетъ только что освободившуюся тогда каѳедру теоріи и исторіи искусствъ, на которой и остается до самой своей кончины въ теченіе почти четверти вѣка.

Заслуги И. В. Цвѣтаева въ области классической филологіи и античнаго искусства громадны. Почти всѣ его научныя изслѣдованія, изъ которыхъ каждое является цѣннымъ вкладомъ въ сокровищницу знанія, были переведены на иностранные языки. Одинъ изъ самыхъ раннихъ его трудовъ, «Сборникъ осскихъ надписей», явившійся плодомъ пятнадцатимѣсячнаго кропотливаго изученія на мѣстѣ древне-итальянской письменности, уже доставилъ ему громкую извѣстность за границей: его книга раскупалась нѣмцами буквально нарасхватъ, а болонскій университетъ тогда же наградилъ его ученой степенью доктора «honoris causa».

Но какъ ни велики заслуги И. В. въ области чистой науки, какъ ни плодотворна была его профессорская дѣятельность, все же наибольшей его заслугою передъ родиной, такъ сказать, главнѣйшимъ дѣломъ всей его жизни,—какъ увидимъ ниже, многострадальной,—было созданіе величайшаго въ Россіи просвѣтительнаго учрежденія—музея изящныхъ искусствъ имени императора Александра III при московскомъ университетѣ. Мысль о созданіи такого музея волновала И. В. очень давно, еще въ то время, когда ему, вновь назначенному профессору, было поручено завѣдываніе кабинетомъ изящныхъ искусствъ. А что представлялъ собою этотъ «кабинетъ»,

[1]) Ту же тему Иванъ Владимировичъ взялъ и для своей магистерской диссертаціи, которая, помимо своихъ выдающихся научныхъ достоинствъ, замѣчательна еще тѣмъ, что была посвящена имъ старому учителю и другу, несчастному И. П. Чуриловскому. Авторъ.

Библиотека "Руниверс"

питомцы московскаго университета восьмидесятыхъ годовъ, навѣрное, помнятъ еще до сихъ поръ, ибо нельзя же забыть жалкаго собранія античныхъ слѣпковъ, заколоченныхъ въ деревянные ящики и поставленныхъ гдѣ попало: въ кладовыхъ, чуланахъ и даже хуже... въ уборныхъ. И вотъ такой-то «кабинетъ античнаго искусства» И. В. задумалъ превратить въ настоящій музей, построивъ для него отдѣльное зданіе въ университетскомъ саду на общественныя средства! Понятно, что затѣя новаго, тогда еще молодого профессора многимъ должна была казаться химерой, а стремленіе ее осуществить во что бы то ни стало своего рода донъ-кихотствомъ. Не встрѣчая сочувствія среди товарищей по факультету, изъ коихъ нѣкоторые, такъ называемая «либеральная группа профессоровъ», даже явно старались ему противодѣйствовать, И. В. съ жаромъ принимается за пропаганду своей идеи вездѣ, гдѣ только возможно: пишетъ въ газетахъ, читаетъ доклады въ ученыхъ обществахъ, агитируетъ въ пользу музея на съѣздѣ художниковъ-любителей, среди разныхъ вліятельныхъ лицъ и богатаго московскаго купечества. Не дожидаясь крупныхъ пожертвованій, онъ ничѣмъ не пренебрегаетъ для пополненія будущаго музея, довольствуясь иногда сравнительно ничтожными дарами въ родѣ одной какой-нибудь или двухъ античныхъ статуэтокъ, лишь бы онѣ были художественно исполнены. Въ общемъ дѣло подвигалось чрезвычайно туго, но у профессора-энтузіаста, тѣмъ не менѣе, отнюдь не опускались руки, и онъ не переставалъ бодро глядѣть впередъ, твердо надѣясь и вѣря, что близкая его сердцу, взлелѣянная въ тиши многихъ безсонныхъ ночей сладостная мечта рано или поздно воплотится въ реальную дѣйствительность.

Къ этому періоду жизни И. В. относится, между прочимъ, любопытный эпизодъ, о которомъ онъ самъ разсказывалъ какъ о вполнѣ достовѣрномъ происшествіи.

Однажды, утомленный, онъ прилегъ у себя въ кабинетѣ отдохнуть. Время было послѣобѣденное, и онъ только что успѣлъ заснуть, какъ вдругъ его будитъ прислуга и заявляетъ, что пришелъ какой-то господинъ по весьма важному, экстренному дѣлу. И. В. немедленно выходитъ къ посѣтителю, который рекомендуется ему въ качествѣ представителя чайной торговой фирмы «К. и С. Поповы».

— Чѣмъ могу служить?—не безъ нѣкотораго удивленія спрашиваетъ профессоръ.

Неизвѣстный посѣтитель, выдержавъ небольшую паузу, въ теченіе которой онъ успѣлъ разсмотрѣть открытое, располагающее къ откровенной бесѣдѣ лицо И. В. съ близорукими, добрыми глазами, наивно и участливо смотрящими сквозь стекла золотыхъ очковъ, вдругъ выпалилъ:

— Иванъ Владимировичъ, родной мой... Помогите мнѣ надуть казну на три тысячи!

Библиотека "Руниверс"

Иванъ Владимировичъ опѣшилъ. Изумленно поднявъ брови, онъ въ упоръ глядѣлъ на страннаго незнакомца, который тотчасъ же поспѣшилъ поправиться:

— Наказать казну на три тысячи рублей...

Выяснилось слѣдующее. Незнакомецъ только что вернулся изъ Китая и привезъ оттуда цѣлый ящикъ скульптурныхъ издѣлій, за

И. В. Цвѣтаевъ.

которыя таможня взыскиваетъ съ него не болѣе, не менѣе, какъ три тысячи рублей. Такъ какъ онъ слышалъ и читалъ, что профессоръ Цвѣтаевъ хлопочетъ объ устройствѣ музея античнаго искусства, то ему и пришла въ голову благая мысль обратить взыскиваемый съ него таможенный сборъ въ пользу будущаго музея. А для этого нужно только воспользоваться соотвѣтствующимъ параграфомъ таможеннаго устава, въ силу котораго предметы, привозимые въ

Библиотека "Руниверс"

Россію для научныхъ, художественныхъ, вообще культурно-просвѣтительныхъ цѣлей, освобождаются отъ таможенныхъ пошлинъ.

— Если я получу свой ящикъ безплатно,—категорически заявилъ незнакомецъ:—то немедленно внесу три тысячи рублей въ депозитъ московскаго университета на устройство музея,—вотъ вамъ моя рука.

И. В. задумался. Предложеніе было слишкомъ соблазнительно, чтобы отъ него отказаться. Цѣлыхъ три тысячи рублей! Съ такими деньгами можно было сильно подвинуть дѣло впередъ. Послѣ недолгаго размышленія И. В. написалъ тогдашнему министру финансовъ Вышнеградскому письмо съ просьбой освободить отъ таможенныхъ пошлинъ выписанныя имъ для музея скульптурныя произведенія. Министръ далъ очень скоро благопріятный отвѣтъ, и три тысячи рублей въ пользу большого общественнаго дѣла были выиграны. Впослѣдствіи та же фирма «К. и С. Поповы» ежегодно жертвовала три тысячи рублей на снимки для музея художникомъ Рейманомъ христіанской живописи въ римскихъ катакомбахъ.

Въ общемъ, конечно, эти три тысячи были «каплей въ морѣ», это былъ лишь первый камень, заложенный въ фундаментъ будущаго грандіознаго зданія, и впереди предстояла еще бездна хлопотъ и труда. Тернистый путь, по которому шелъ И. В. Цвѣтаевъ, кропотливо, какъ пчелка медъ, собирая отовсюду пожертвованія для своего дѣтища-музея, терпя на этомъ пути всевозможныя огорченія и разочарованія, а нерѣдко даже униженія и уколы самолюбія,—только начинался. Сколько разъ бывало, что вдругъ блеснетъ у него радужная надежда на полученіе отъ какого-нибудь жертвователя крупнаго дара и, увы, вскорѣ опять погаснетъ, оставивъ горькій осадокъ въ душѣ. Приходилось терпѣть и ждать лучшаго будущаго.

Такъ пролетѣло нѣсколько лѣтъ, въ теченіе которыхъ Ивану Владимировичу все же удалось собрать до семидесяти пяти тысячъ рублей. «Если употребить всю эту сумму,—пишетъ онъ одному изъ своихъ друзей,—на организацію скульптурной галереи, то это будетъ первое собраніе въ Россіи, которое потягается со многими иностранными учрежденіями подобнаго рода. Стѣны выстроитъ казна, и тогда музей начнетъ нормальное существованіе. Себя я повелю схоронить въ этомъ музеѣ,—шутитъ онъ далѣе,—«и пусть у гробового входа младая будетъ жизнь играть», жизнь студенчества и всякой иной молодежи, которая станетъ приходить сюда учиться».

Но вотъ умираетъ императоръ Александръ III, и тотчасъ же возникаетъ мысль о присвоеніи будущему музею имени покойнаго монарха, тѣмъ болѣе, что къ этому времени, благодаря щедрому пожертвованію В. А. Алексѣевой, музейскій фондъ выросъ уже до двухсотъ тысячъ рублей. Вмѣстѣ съ тѣмъ поднимается вопросъ о постройкѣ музея уже не въ университетскомъ саду, а на болѣе вид-

Библиотека "Руниверс"

номъ мѣстѣ, которое было бы вполнѣ достойно имени покойнаго императора. Начинаются трудные, хлопотливые поиски такого мѣста, и въ то же время, какъ это ни странно, завязывается отчаянная борьба съ московскимъ городскимъ управленіемъ, всю тяжесть которой пришлось вынести Ивану Владимировичу на своихъ плечахъ. Сначала заправилы городского хозяйства предлагали ему совершенно непріемлемыя мѣста, въ родѣ отдаленныхъ Сокольниковъ, Дѣвичьяго поля или же, наконецъ, Цвѣтного бульвара, по сосѣдству съ тогдашними «злачными мѣстами». Все это профессору пришлось отвергнуть и остановить свой выборъ на площади Колымажнаго двора близъ храма Христа Спасителя. Но тутъ начались новыя затрудненія: «отцы города» ни за что не хотѣли уступить всей площади, а лишь небольшую ея часть, на томъ основаніи, что здѣсь должно было строиться промышленное училище имени императора Александра II согласно высочайшему разрѣшенію; мало того—вопросъ объ уступкѣ музею всей этой площади городской голова даже категорически отказался внести на обсужденіе думы въ ея очередномъ засѣданіи. Но Иванъ Владимировичъ продолжалъ настаивать на своемъ, причемъ ему удалось добиться сочувствія высшей московской администраціи въ лицѣ, главнымъ образомъ, великаго князя Сергія Александровича, который и предложилъ вновь пересмотрѣть все дѣло. И вотъ состоялось чрезвычайно бурное экстренное засѣданіе московской городской думы въ іюлѣ 1898 года. Думская оппозиція изо всѣхъ силъ старалась провалить вопросъ, создавъ изъ него «casus belli»: вожаки либеральной партіи кричали о попранной справедливости, о значеніи реформъ 60-хъ годовъ, о важности народнаго просвѣщенія и т. п. Убѣждали гласныхъ не перерѣшать завѣдомо «праваго дѣла», постоять за себя, за свое достоинство, а поднятый ими шумъ и гамъ для вящшаго эффекта тутъ же громко называли «борьбой муниципалитета съ правительствомъ». Тѣмъ не менѣе правда восторжествовала, и въ томъ же засѣданіи думой предоставлена была въ пользу музея вся площадь Колымажнаго двора.

«Слава Богу, «колымажный миръ» заключенъ,—радостно пишетъ Иванъ Владимировичъ.—Площадь оцѣнивается въ четыреста тысячъ рублей, а чего она будетъ стоить лѣтъ черезъ пятьдесятъ—сто при прогрессивномъ вздорожаніи земли въ Москвѣ? Мы завладѣли настоящимъ сокровищемъ».

Между тѣмъ организуется «комитетъ по устройству музея изящныхъ искусствъ имени императора Александра III» подъ предсѣдательствомъ великаго князя Сергія Александровича, въ комитетъ вступаетъ въ качествѣ товарища августѣйшаго предсѣдателя истинный «благодѣтель музея» Ю. С. Нечаевъ-Мальцевъ, сдѣлавшій въ его пользу столько щедрыхъ пожертвованій. Казалось, все предвѣщало для музея новую и лучшую эру. И дѣйствительно,

Библиотека "Руниверс"

Иванъ Владимировичъ энергично начинаетъ готовиться къ закладкѣ своего дорогого «дѣтища», которая и состоялась, наконецъ, въ августѣ того же года въ высочайшемъ присутствіи. Вотъ что пишетъ объ этомъ событіи самъ Иванъ Владимировичъ въ письмѣ къ своему близкому другу:

«Праздникъ вышелъ дѣйствительно свѣтлымъ и далъ онъ мнѣ высшее нравственное удовлетвореніе и награду, какія только возможны на землѣ. Видѣть торжество идеи, которую самъ для себя создалъ и которую поставилъ, съ теченіемъ времени, цѣлью своей жизни, и торжество всенародное, обливаемое блескомъ солнечнаго дня, торжество, создаваемое присутствіемъ и активнымъ участіемъ въ твоемъ дѣлѣ радостно настроеннаго Государя и всей его семьи,— это ли не высшая радость, вѣнчающая всѣ прежнія заботы, одинокія думы, планы, надежды и неуклонныя стремленія къ разъ поставленной высокой цѣли! Было отъ чего радостно биться сердцу, было отъ чего явиться туману въ глазахъ, который застилалъ для меня почти все, что не входило въ тѣсную сферу моихъ ближайшихъ дѣйствій. Знакомые говорили мнѣ, что я проходилъ передъ ихъ носомъ и не видалъ ихъ, что они подавали мнѣ голосъ, а я не слыхалъ ихъ. Такое состояніе пойметъ только тотъ, кто самъ переживалъ эти необычайныя минуты».

Уже въ моментъ закладки музея Иванъ Владимировичъ въ правѣ былъ съ гордостью оглянуться на пройденный имъ тяжелый путь: тѣ сотни тысячъ рублей, которыя были имъ добыты, такъ сказать, въ потѣ лица, давали ему это право. А какія горькія минуты ему приходилось иногда переживать, о томъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ нижеслѣдующія строки письма, адресованнаго имъ къ тому же лицу:

«Ѣздилъ въ Петербургъ по дѣламъ музея, прожилъ тамъ около недѣли, видѣлся со многими высокопоставленными лицами, былъ во всѣхъ имѣющихъ къ моему дѣлу какое-либо отношеніе учрежденіяхъ—и вынесъ мало отраднаго. Слышалъ я, разумѣется, очень много похвалъ и «удивленія» успѣхамъ нашего предпріятія; то были, можетъ быть, и искреннія, но для дѣла пустыя слова. Для завершенія дѣла нужны деньги въ размѣрѣ 300 тысячъ рублей, такъ какъ рядомъ съ храмомъ Спасителя нельзя ставить ни жалкой лачуги, ни безформенной казармы; тутъ необходимо зданіе и большихъ размѣровъ и изящное по строго выбранному и точно выполненному стилю. Со всѣмъ этимъ соглашаются, на всѣ мои рѣчи этого рода «дакаютъ», но ни одно властное лицо не обнаружило желанія возбудить мощное ходатайство въ подлежащихъ сферахъ о средствахъ, хотя бы въ половинномъ размѣрѣ, на первое время... Отложивъ надежду на активное содѣйствіе министерства, приходится снова впрягаться въ лямку хожденія по Москвѣ. Приходится дѣлать это точно такъ же, какъ наши отцы и дѣды, служи-

Библиотека "Руниверс"

тели алтаря, низкими поклонами богатымъ людямъ созидали Божьи храмы на Руси. Только вдохновившись такимъ высокимъ идеаломъ, можно продолжать начатое тяжелое дѣло».

Какъ бы то ни было, но тернистый путь былъ пройденъ, наступили лучшія времена, и въ концѣ концовъ предпріятіе, которое требовало для своего завершенія, какъ думалъ когда-то покойный профессоръ, всего лишь трехсотъ тысячъ рублей, обошлось почти въ *три милліона*.

Крайне поучительна исторія этого музея. Она наглядно показываетъ, какъ много можетъ сдѣлать одинъ человѣкъ на пути высокаго общественнаго служенія, при почти полномъ равнодушіи окружающихъ къ задуманному имъ великому дѣлу, даже при явномъ противодѣйствіи со стороны близкихъ товарищей по университетской службѣ, при безучастномъ отношеніи «сильныхъ міра» къ благу и славѣ своей родины, которые не оказывали ему возможной поддержки въ то время, когда она была ему особенно нужна, человѣкъ, не имѣющій ни денегъ, ни связей, зато обладающій колоссальной энергіей, надѣленный огромнымъ трудолюбіемъ, большимъ организаторскимъ талантомъ, весь проникнутый и одушевленный чистой, возвышенной идеей, осуществленіе которой онъ поставилъ главнѣйшей задачей своей прекрасной жизни.

Таковъ именно былъ И. В. Цвѣтаевъ, всю жизнь горѣвшій пламенной любовью къ наукѣ, къ просвѣщенію, необычайно скромный, стыдливо прятавшій отъ людей свои заслуги, органически не переносившій около своего имени никакой шумихи и рекламы. Человѣкъ поистинѣ чистый сердцемъ, доброжелательный ко всѣмъ, онъ вѣчно за кого-нибудь хлопоталъ: то помогалъ устроиться на службѣ бывшему своему ученику, то принималъ подъ свое покровительство какого-нибудь бѣднаго студента, оказывая ему матеріальную поддержку, то ходатайствовалъ передъ начальствомъ о смягченіи участи того или иного легкомысленнаго юноши, подвергшагося карѣ за университетскіе безпорядки. Но—какъ ни прискорбно было ему сознавать это—лучшія движенія его души въ большинствѣ случаевъ не встрѣчали отклика въ сердцахъ людей. Наоборотъ, онъ много терпѣлъ отъ нихъ на своемъ вѣку, много страдалъ отъ людской злобы и несправедливости, особенно въ послѣдніе годы своей жизни. Достаточно вспомнить исторію увольненія его отъ должности директора Публичнаго и Румянцовскаго музеевъ, которая унесла послѣдніе остатки разстроеннаго здоровья покойнаго профессора и свела его въ преждевременную могилу.

Напомню вкратцѣ, какъ было дѣло. Въ 1909 году нѣкій любитель чужой собственности г. К., съ виду приличный молодой человѣкъ, хорошо воспитанный и свѣтскій, воспользовавшись полнымъ довѣріемъ къ нему одного изъ хранителей Румянцовскаго музея, похитилъ цѣлую серію цѣнныхъ гравюръ, незамѣтнымъ образомъ

Библиотека "Руниверс"

унося ихъ съ собой въ теченіе двухъ-трехъ мѣсяцевъ. Лишь только обнаружена была кража, И. В. чрезвычайно энергично принялся за розыски похищеннаго: онъ лично посѣтилъ всѣхъ московскихъ антикваріевъ и букинистовъ, усердно рылся въ книжной пыли и многое изъ пропавшаго нашелъ. Въ то же время тѣ изъ коллекціонеровъ, которые уже успѣли пріобрѣсти краденыя гравюры, поспѣшили ихъ вернуть. Между тѣмъ дѣло, не стоившее, какъ говорится, и выѣденнаго яйца, надѣлало шуму. Кое-кто изъ «сильныхъ міра» не упустилъ случая свести съ Цвѣтаевымъ давніе счеты, имѣвшіе своимъ источникомъ мелкую зависть и академическое соревнованіе, и почтенный, заслуженный профессоръ старѣйшаго русскаго университета былъ обвиненъ въ служебныхъ упущеніяхъ и небрежности. Началась бюрократическая травля, вскорѣ перешедшая и на страницы услужливыхъ газетъ, которыя цинично пѣли въ тонъ приспѣшниковъ власти, гордыхъ тѣмъ, что они могли сказать крыловское: «и я его лягнулъ!» Дважды дѣло это восходило до сената, и, несмотря на то, что служебная дѣятельность И. В. вторичнымъ рѣшеніемъ высшей въ имперіи судебной инстанціи была окончательно реабилитирована, онъ все-таки былъ уволенъ, причемъ «на всякій случай» его постарались «убрать» даже ранѣе, чѣмъ состоялось это сенатское рѣшеніе въ его пользу.

Горькую обиду причинило И. В. незаслуженное увольненіе, но, по своему обыкновенію, онъ никому не жаловался и безмолвно таилъ горечь въ душѣ. Этотъ удивительный человѣкъ былъ полонъ такого высокаго благородства, такого истиннаго аристократизма духа, что по адресу его гонителей и обидчиковъ никто не слышалъ отъ него никогда ни одного обвиненія, ни одного упрека или рѣзкаго слова. Напротивъ, онъ казался совершенно спокойнымъ, и только сильно осунувшееся, постарѣвшее лицо его говорило о перенесенныхъ имъ душевныхъ страданіяхъ.

А между тѣмъ завѣтная цѣль его жизни была еще впереди, она мерещилась ему, какъ спасительный маякъ, который съ каждымъ днемъ становился все ближе и ближе. И вотъ, когда онъ дожилъ, наконецъ, до счастливаго дня открытія своего нѣжнаго любимаго «дѣтища», музея изящныхъ искусствъ имени императора Александра III, учрежденія поистинѣ замѣчательнаго, не имѣющаго себѣ равнаго въ Россіи, когда онъ увидѣлъ, что главнѣйшая и огромнѣйшая задача его жизни выполнена, онъ въ правѣ былъ сказать съ чувствомъ глубокаго нравственнаго удовлетворенія: «нынѣ отпущаеши»[1])...

Князь Б. А. Щетининъ.

---

[1]) Замѣчательно, между прочимъ, совпаденіе: И. В. Цвѣтаевъ, создатель музея имени императора Александра III, умеръ въ весьма знаменательный для этого учрежденія день, а именно—въ день ангела покойнаго монарха. Авт.

Библиотека "Руниверс"

РАЗВѢНЧАННЫЕ ГЕРОИ РЕВОЛЮЦІИ 1905 ГОДА.

1. Г. С. Хрусталевъ-Носарь [1]).

XXV.

СТОЯВШІЙ также близко къ революціоннымъ событіямъ того періода и лицо въ психологіи и фактахъ этихъ событій освѣдомленное, г. Радинъ такъ обрисовываетъ подъ сочувствующимъ угломъ зрѣнія и соціалъ-демократіи и пролетаріату съ совѣтомъ рабочихъ депутатовъ во главѣ ходъ и характеръ этихъ событій въ своей брошюрѣ «Первый совѣтъ рабочихъ депутатовъ».

«На первое учредительное собраніе совѣта явилось немного депутатовъ,—повѣствуетъ г. Радинъ.—Выборы отъ нѣкоторыхъ заводовъ произведены были на митингахъ въ учебныхъ заведеніяхъ. Отъ другихъ формальныхъ выборовъ не было произведено, а явились депутаты и старосты, существовавшіе еще до стачки. Засѣданіе происходило 13-го октября. Рѣшено было выпустить воззваніе ко всѣмъ рабочимъ Петербурга съ призывомъ поддержать стачку и выбрать депутатовъ въ общій совѣтъ. Задачи совѣта формулируются въ воззваніи такъ: «Мы постановили объединить руководство движеніемъ въ рукахъ общаго рабочаго комитета. Мы предлагаемъ каждому заводу, каждой фабрикѣ и профессіи выбрать депутатовъ по одному на каждые пятьсотъ человѣкъ.

---

[1]) Продолженіе см. «Истор. Вѣстн.», т. CXXXIII, стр. 998.

Библиотека "Руниверс"

Собраніе депутатовъ фабрики или завода составитъ фабричный или заводскій комитетъ. Собраніе депутатовъ всѣхъ фабрикъ и заводовъ составитъ общій рабочій комитетъ Петербурга. Этотъ комитетъ, объединивъ наше движеніе, придастъ ему организованность, единство, силу. Онъ явится представителемъ нуждъ петербургскихъ рабочихъ передъ остальнымъ обществомъ. Онъ опредѣлитъ, что намъ дѣлать во время забастовки, и укажетъ, когда прекратить ее. Организуйтесь, товарищи, спѣшите выбрать депутатовъ»... На этотъ призывъ вскорѣ отозвались всѣ крупные заводы и профессіональныя организаціи. Со слѣдующаго засѣданія совѣтъ могъ уже приступить къ практическому руководству стачкой и сталъ во главѣ движенія. Онъ пріобрѣлъ такое вліяніе на рабочія массы, что партійнымъ организаціямъ для проявленія своихъ постановленій въ жизнь стало болѣе удобнымъ проводить ихъ черезъ совѣтъ. Это было не трудно, такъ какъ большинство вліятельныхъ дѣятелей совѣта были соціалъ-демократы.

«Для незнакомаго съ условіями созданія совѣта и внутренними пружинами его дѣятельности должно показаться удивительнымъ, что такое молодое учрежденіе такъ скоро и такъ успѣшно могло проявить столько работоспособности и пріобрѣсти столь громадное вліяніе на всю общественную жизнь города,—свидѣтельствуетъ авторъ.—Все это на самомъ дѣлѣ не такъ удивительно. Съ самаго своего возникновенія совѣтъ депутатовъ нашелъ не только подготовленную всей предыдущей агитаціонной работой соціалъ-демократіи почву для своей дѣятельности, но имѣлъ въ своемъ распоряженіи весь сложный партійный аппаратъ двухъ соціалъ-демократическихъ организацій съ агитаторами, организаторами, связями и т. д. Идея учрежденія совѣта на сотняхъ митинговъ разъяснялась партійными товарищами, имѣвшими большое вліяніе на массы; ими вездѣ совѣтовалось выбирать депутатовъ и во всемъ ждать постановленій совѣта. Послѣ каждаго засѣданія совѣта всѣ его постановленія разъяснялись на митингахъ тѣми же партійными агитаторами, которые держали массы всегда въ курсѣ всѣхъ дѣлъ совѣта. Не будь совѣтъ учрежденіемъ, явившимся въ результатѣ долгой работы соціалъ-демократіи среди петербургскаго пролетаріата, и не поддержи его во *всей* его дѣятельности партійныя организаціи, никогда бы совѣтъ не достигъ той мощи и того вліянія. За все время своей работы совѣтъ ни разу не входилъ въ конфликтъ съ партіей, и это облегчало одновременную работу партійныхъ работниковъ и въ партіи, и въ совѣтѣ.

«Но была и другая причина силы и вліянія совѣта. Это—система его организаціи. Массы съ большимъ довѣріемъ относились къ своимъ депутатамъ, которые были имъ постоянно подотчетны. Совѣтъ депутатовъ былъ въ Петербургѣ первой массовой организа-

Библиотека "Руниверс"

ціей пролетаріата на строго выборномъ началѣ. Въ партійныхъ организаціяхъ этого не было: конспиративныя условія не давали имъ возможности развернуться и создать дѣйствительную массовую организацію. Самые отсталые слои пролетаріата смотрѣли на совѣтъ, какъ на *свое* учрежденіе, гдѣ всѣ дѣла рѣшаютъ рабочіе, а не «интеллигенты».

«Наконецъ, немаловажное значеніе имѣло то обстоятельство, что при такомъ боевомъ выступленіи, какъ всеобщая политическая забастовка, совѣтъ, какъ учрежденіе *нейтральное*, объединяющее пролетаріатъ, организованный въ партіи (соц.-дем. и соц.-рев.), съ громадной массой рабочихъ, остающихся внѣ этихъ организацій, могъ выступать и дѣйствовать отъ имени всего рабочаго населенія города. Онъ стоялъ противъ всего буржуазнаго и бюрократическаго населенія столицы, какъ представитель 300,000 рабочихъ. Въ своихъ постановленіяхъ совѣтъ выражалъ классовую волю всего пролетаріата Петербурга, и это дѣлало его могущественнымъ, увеличивая вѣсъ его постановленій въ глазахъ какъ рабочихъ, такъ и другихъ классовъ населенія. Совершенно открытый характеръ дѣятельности совѣта еще болѣе увеличивалъ его популярность и облегчалъ работу».

Таковы главныя, по мнѣнію автора, причины успѣха совѣта рабочихъ депутатовъ.

«Организація совѣта была очень проста,—говоритъ онъ далѣе.— Согласно постановленію, принятому на первомъ засѣданіи совѣта депутатами-учредителями, каждые пятьсотъ рабочихъ могутъ отправить въ совѣтъ одного депутата. Мелкія мастерскія должны были соединяться вмѣстѣ для выборовъ. Профессіональные пролетарскіе союзы имѣли отдѣльное представительство, также по одному депутату на пятьсотъ членовъ. Но до самаго конца существованія совѣта не удалось добиться того, чтобы представительство отвѣчало этой нормѣ. Отъ крупныхъ заводовъ и союзовъ [1]) депутаты были въ установленномъ числѣ. Но не мало было представителей отъ мастерскихъ въ 150, 200 и 300 человѣкъ. Были депутаты и отъ мелкихъ профессіональныхъ союзовъ, не насчитывающихъ пятисотъ членовъ. Съ возрастаніемъ вліянія и значенія совѣта каждая группа рабочихъ стремилась имѣть въ немъ своихъ представителей, и не было возможности многимъ изъ нихъ отказать. Никакихъ крупныхъ неудобствъ отъ этого не происходило: только

---

[1]) Участвовали слѣдующіе профессіональные союзы: рабочихъ печатнаго дѣла, приказчиковъ, конторщиковъ, фармацевтовъ, часовщиковъ съ самаго начала дѣятельности совѣта. Потомъ присоединились представители желѣзнодорожныхъ и почтово-телеграфныхъ союзовъ, а также нѣкоторыхъ вновь создавшихся мелкихъ профессіональныхъ организацій. Б. Г.

Библиотека "Руниверс"

разъ или два, при баллотировкѣ, представители большихъ заводовъ невскаго района потребовали голосованія по числу избирателей. Но это, кажется, было отклонено. Съ увеличеніемъ числа депутатовъ отъ мелкихъ мастерскихъ можно было бояться за усиленіе болѣе консервативныхъ элементовъ, однако за все время существованія совѣта особаго консерватизма съ ихъ стороны не замѣчалось. Положимъ, времени было мало для того, чтобы произошла дѣйствительная группировка депутатовъ по убѣжденіямъ, да и время было такое, что врядъ ли кто и рѣшился бы выступить съ предложеніемъ, противорѣчащимъ настроенію большинства.

«Кромѣ депутатовъ отъ рабочихъ, на всѣхъ засѣданіяхъ совѣта участвовали съ совѣщательныхъ голосомъ представители партій (конечно, кромѣ тѣхъ членовъ партій, которые были делегатами отъ рабочихъ; такихъ было много) отъ мѣстныхъ организацій обѣихъ фракцій р. с.-д. п. и партіи соц.-рев., а также представители центральныхъ учрежденій этихъ партій. Желающихъ попасть на засѣданіе совѣта среди партійныхъ дѣятелей всегда бывало такъ много, что не разъ въ совѣтѣ и исполнительномъ комитетѣ поднимался вопросъ объ ограниченіи числа гостей. Главнымъ образомъ приходилось сокращать ихъ изъ-за тѣсноты помѣщеній, въ которыхъ скопленіе массы лицъ дѣлало положительно невозможнымъ веденіе засѣданія. Впослѣдствіи были установлены нормы количества гостей. Однако, несмотря на контроль, всегда въ залъ набивалось масса народу. Всѣ хотѣли присутствовать на засѣданіи учрежденія, стоящаго во главѣ революціи въ Петербургѣ.

«Кромѣ этихъ общихъ собраній, депутаты каждаго района (ихъ было семь) собирались въ районное депутатское собраніе для проведенія въ жизнь постановленій совѣта и для обсужденія возникающихъ въ районѣ мѣстныхъ вопросовъ. Эти собранія большого вліянія не имѣли, такъ какъ рѣдко проявляли самостоятельную иниціативу. Однако для практическаго осуществленія постановленій совѣта они были очень важны. Партія въ этихъ собраніяхъ участвовала черезъ свои районныя организаціи. Во многихъ районахъ устроены были штабы. «Районнымъ штабомъ» называлась квартира, куда стекались всѣ свѣдѣнія изъ района и куда доставлялись нужныя распоряженія изъ центральнаго штаба исполнительнаго комитета. Районнымъ штабомъ завѣдывали члены исполнительнаго комитета, извѣстные даннымъ районамъ. Штабы только въ нѣкоторыхъ районахъ правильно функціонировали, въ остальныхъ они были очень плохо организованы.

«На всѣхъ заводахъ и въ профессіональныхъ союзахъ рабочая масса внимательно слѣдила за дѣятельностью совѣта. Она сама контролировала работу своихъ выборныхъ; она регулярно собиралась на митинги для выслушиванія отчетовъ о засѣданіяхъ своего представительнаго органа и нерѣдко диктовала свою волю при-

Библиотека "Руниверс"

нятіемъ резолюцій, требующихъ тѣхъ или другихъ шаговъ и т. п Избирательное собраніе было послѣдней организаціонной базой совѣта, и только благодаря постоянной связи съ нимъ совѣтъ такъ вѣрно отражалъ настроеніе петербургскихъ рабочихъ. Несмотря на то, что формальныхъ императивныхъ мандатовъ не было, депутатъ чувствовалъ себя всегда связаннымъ настроеніемъ и волей своихъ избирателей. Часто на засѣданіяхъ приходилось слышать отъ депутата заявленіе: хотя я думаю такъ-то, но вашъ заводъ относится къ вопросу совершенно наоборотъ, а потому я, какъ выборное лицо, долженъ голосовать, считаясь съ мнѣніемъ своихъ довѣрителей. Такимъ образомъ, въ рѣшеніи вопросовъ совѣтомъ принималъ участіе весь петербургскій пролетаріатъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣшеніе принималось совѣтомъ безъ предварительнаго ознакомленія съ мнѣніемъ избирателей, депутаты и партійные агитаторы предлагали на митингахъ рабочимъ высказаться, согласны ли съ постановленіемъ совѣта, или нѣтъ. Не было сколько-нибудь замѣтнаго случая расхожденія постановленій этихъ массовыхъ собраній съ постановленіями совѣта».

Для проведенія въ жизнь постановленій совѣта на второмъ засѣданіи совѣта было рѣшено выбрать исполнительный комитетъ, который вскорѣ и былъ организованъ.

Исполнительный комитетъ состоялъ изъ представителей отъ районныхъ депутатскихъ собраній (сперва по два, послѣ по четыре), представителей отъ крупныхъ профессіональныхъ союзовъ (по одному, послѣ по два): союза рабочихъ печатнаго дѣла, приказчиковъ, фармацевтовъ, конторщиковъ, почтово-телеграфныхъ служащихъ и рабочихъ, комитетовъ мѣстныхъ желѣзныхъ дорогъ и офиціальныхъ представителей партій (соціалъ-демократической и соціалъ-революціонной), отъ мѣстныхъ и центральныхъ учрежденій. Представители партій были съ совѣщательными голосами. Съ совѣщательнымъ голосомъ также присутствовали (не всегда) представители желѣзнодорожнаго союза, крестьянскаго союза, бунда и польской соціалистической партіи. Исполнительный комитетъ нерѣдко приглашалъ на свои совѣщанія лицъ, присутствіе которыхъ могло быть полезно при рѣшеніи тѣхъ или иныхъ вопросовъ. Первый исполнительный комитетъ былъ выбранъ прямо на общемъ собраніи 16-го октября, когда явившаяся полиція потребовала распустить собраніе черезъ полчаса. Только черезъ нѣкоторое время онъ сформировался въ томъ видѣ, какъ указано выше. Предсѣдателемъ его состоялъ Хрусталевъ-Носарь. Исполнительный комитетъ долженъ былъ вести всю текущую работу совѣта, проводить въ жизнь его постановленія и, что самое главное, подготовлять матеріалъ къ засѣданіямъ. Почти всѣ вопросы, разсматриваемые совѣтомъ, предварительно обсуждались въ исполнительномъ комитетѣ, и здѣсь-то, главнымъ образомъ, и происходили столкно-

Библиотека "Руниверс"

венія различныхъ теченій. Обыкновенно старались выносить на общее собраніе одно рѣшеніе отъ исполнительнаго комитета, такъ что если нужны были соглашенія между разными оттѣнками, то они дѣлались тутъ. Не разъ приходилось во время засѣданія совѣта дѣлать продолжительный перерывъ и созывать засѣданіе исполнительнаго комитета для обсужденія новыхъ данныхъ и выработки дальнѣйшихъ шаговъ. Исполнительный комитетъ все время пользовался большимъ авторитетомъ въ собраніи, и ни разу протестовъ противъ него не было. Съ ростомъ вліянія совѣта въ исполнительный комитетъ стекалась такая масса мелкихъ дѣлъ, что не было никакой возможности ихъ всѣ пересмотрѣть. Нужна была колоссальная работоспособность предсѣдателя, которому часто самому приходилось рѣшать такія дѣла, чтобы удовлетворить такъ или иначе всѣ запросы. Положительно по всякимъ пустякамъ обращались въ бюро исполнительнаго комитета и на все требовали немедленнаго отвѣта. Всѣ техническія работы совѣта, всѣ сношенія съ другими организаціями и часто съ хозяевами предпріятій лежали на исполнительномъ комитетѣ. За неимѣніемъ профессіональныхъ союзовъ въ большихъ отрасляхъ производствъ, не было учрежденій, вѣдающихъ повседневныя работы рабочихъ. Тамъ, гдѣ таковые существовали (печатники, фармацевты, приказчики и нѣкоторые другіе), дѣла обстояли лучше. Но большинство не было организовано, и задачи профессіональныхъ союзовъ выполнялись исполнительнымъ комитетомъ. Послѣ 17-го октября пошла горячка въ образованіи профессіональныхъ союзовъ, и опять пошли просьбы въ исполнительный комитетъ, просили руководителей, помѣщеній для собраній, и т. д. Словомъ, на исполнительномъ комитетѣ лежала вся повседневная работа совѣта.

Редакція «Извѣстій совѣта рабочихъ депутатовъ» также была поручена исполнительному комитету, равно какъ и стачечный фондъ и распредѣленіе пособій.

Всѣ засѣданія совѣта были публичны. Когда еще не было легальныхъ соціалистическихъ газетъ, отчеты печатались въ «Извѣстіяхъ совѣта рабочихъ депутатовъ», но потомъ они помѣщались въ періодической прессѣ, изъ представителей которой допускались на засѣданія по возможности всѣ желающіе (за исключеніемъ реакціонныхъ газетъ, а также тѣхъ, которыя за то или иное лишались этого права). Предсѣдатель совѣта былъ постоянный, онъ же былъ предсѣдателемъ исполнительнаго комитета. Послѣ ареста перваго предсѣдателя былъ избранъ на его мѣсто президіумъ изъ трехъ лицъ.

Совѣтъ засѣдалъ разъ въ недѣлю, въ дни же забастовокъ ежедневно.

Библиотека "Руниверс"

XXVI.

По словамъ того же г. Радина, «задачи, которыя ставилъ себѣ совѣтъ рабочихъ депутатовъ, можно формулировать очень кратко: демократическая республика и восьмичасовой рабочій день. Благодаря долгой работѣ соціалъ-демократической партіи среди петербургскаго пролетаріата, благодаря указанной выше широкой массовой агитаціи на многочисленныхъ и многолюдныхъ митингахъ, предшествовавшихъ появленію совѣта, эти лозунги получили широкое распространеніе. За все время существованія совѣта не помнится ни одного случая, чтобы кто-нибудь изъ депутатовъ высказался противъ полной демократизаціи нашего государственнаго строя. А вѣдь въ составъ совѣта входила очень разнообразная публика: наряду съ высокосознательными рабочими крупныхъ заводовъ были представители мелкихъ мастерскихъ, рабочихъ ремесленныхъ предпріятій, среди которыхъ очень немногіе имѣли широкіе политическіе горизонты. Однимъ только объясняется такое безусловное признаніе республики, какъ ближайшей политической цѣли,—это глубокой ненавистью къ существующему режиму и полной увѣренностью въ невозможности ждать чего-либо «сверху». Ни разу даже вопросъ о демократической республикѣ не дебатировался на собраніяхъ, несмотря на то, что въ цѣломъ рядѣ резолюцій эта цѣль упоминается, какъ ближайшая. Если еще можно было сомнѣваться въ республиканскихъ симпатіяхъ рабочихъ до январскихъ дней, то послѣ нихъ можно смѣло утверждать, что почти весь петербургскій пролетаріатъ былъ республиканскимъ. Совѣтъ рабочихъ депутатовъ этому доказательство. Не разъ рѣчи противъ конституціонно-монархическихъ взглядовъ нашей либеральной буржуазіи вызывали шумныя одобренія депутатовъ въ совѣтѣ и рабочихъ на заводскихъ митингахъ.

«Въ постановкѣ своихъ политическихъ цѣлей совѣтъ нисколько не опережалъ представляемую имъ массу. Резолюціи, принимаемыя на заводскихъ митингахъ, были часто радикальнѣе постановленій совѣта. Вотъ какъ Обуховскій заводъ въ самомъ началѣ октябрьской забастовки формулировалъ свои требованія:

«Обсудивъ предложеніе петербургскаго комитета р. с.-д. р. п. присоединиться къ всеобщей политической забастовкѣ, мы, рабочіе, Обуховскаго завода, единогласно постановили:

«1) Мы объявляемъ политическую забастовку, выставивъ требованія немедленнаго освобожденія всѣхъ политическихъ и религіозныхъ заключенныхъ и возвращенія ссыльныхъ, и заявляемъ, что будемъ до конца бороться за созывъ учредительнаго собранія на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права для введенія въ Россіи демократической республики.

Библиотека "Руниверс"

«2) Мы заявляемъ, что достигнуть этого возможно только путемъ всенародной открытой борьбы, поэтому мы призываемъ всѣхъ товарищей, понявшихъ это, сплотиться вокругъ партійныхъ революціонныхъ комитетовъ для организаціи и проведенія этого послѣдняго натиска на существующій строй.

«3) Признавая, что въ этотъ послѣдній и рѣшительный бой съ нашимъ врагомъ мы должны вступить тогда, когда это выгодно намъ, а не нашимъ врагамъ, мы призываемъ всѣхъ товарищей воздержаться отъ частичныхъ столкновеній съ полиціей и войсками, ослабляющихъ только наши силы.

«4) Свою политическую забастовку мы будемъ продолжать до тѣхъ поръ, пока наши организаціи не призовутъ насъ къ прекращенію ея».

На собраніи присутствовало отъ двухъ тысячъ до трехъ тысячъ человѣкъ.

«Такія резолюціи принимались на цѣломъ рядѣ заводовъ,—свидѣтельствуетъ г. Радинъ.—Рабочіе электрическихъ станцій и водопроводовъ объявили забастовку 13-го октября «для борьбы за полную свободу, за учредительное собраніе на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого голосованія, за демократическую республику». Резолюція общаго собранія приказчиковъ 14-го октября среди цѣлаго ряда экономическихъ и политическихъ требованій выставляетъ и «немедленный созывъ учредительнаго собранія на основѣ всеобщаго и т. д. избирательнаго права безъ различія пола, религіи и національности для установленія самодержавія народа, т. е. демократической республики».

«Приведенныя резолюціи показываютъ, насколько популярна была въ массахъ идея демократической республики. Эта идея тѣсно соединилась съ идеей созыва учредительнаго собранія, обладающаго всей полнотой государственной власти для созданія новаго государственнаго строя. Совѣщательная государственная дума Булыгина съ цензовыми выборами и полнымъ устраненіемъ пролетаріата служила постоянной темой для насмѣшекъ. Если бы только дѣло дошло до выборовъ въ думу, то можно навѣрняка сказать, что совѣтъ депутатовъ всѣми силами постарался бы сорвать выборы, не дать состояться мнимому народному представительству. Учредительное собраніе, созванное на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія—таково должно было быть первое истинно-народное представительное собраніе, могущее формулировать и провести волю народа. Совѣтъ рабочихъ депутатовъ и тутъ, какъ и во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, стоялъ всецѣло на той позиціи, на какой стояла р. с.-д. р. п. Что касается разногласій обѣихъ фракцій по тактическимъ вопросамъ, то эти разногласія отчасти уже были изжиты (бойкотъ думы, революціонное самоуправленіе), отчасти сами не выступали (временное революціонное правительство), оттѣсненныя вопросами дня. По текущимъ же вопросамъ партія выступала, какъ единое цѣлое, въ лицѣ федеративнаго совѣта.

Библиотека "Руниверс"

«Не разъ на засѣданіяхъ совѣта ясно подчеркивалась та мысль, что всѣ эти демократическія завоеванія не имѣютъ для пролетаріата какой-нибудь абсолютной цѣнности. Они важны, какъ средства, облегчающія дальнѣйшее веденіе классовой борьбы. Но каковы конечныя цѣли этой борьбы, объ этомъ совѣту ни разу не пришлось высказаться, хотя съ увѣренностью можно сказать, что если бы поднялся вопросъ, то громадное большинство высказалось бы за соціализмъ. Партійные товарищи всегда въ своихъ рѣчахъ касались соціализма и встрѣчали большое одобреніе среди рабочихъ».

Какими же средствами совѣтъ думалъ добиться созыва этого пролетарскаго учредительнаго собранія?

«Путь былъ одинъ—революціонный,— утверждаетъ авторъ.— И совѣтъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ ни разу не сходилъ съ этого пути. Ждать чего-либо отъ правительства было нечего, пока власть находилась въ рукахъ представителей стараго режима; пока революціонный народъ не побѣдилъ по всей линіи, нечего было и мечтать объ осуществленіи народовластія. Полная побѣда народа могла явиться только, какъ результатъ побѣдоноснаго возстанія, во главѣ котораго стоялъ бы пролетаріатъ. На всеобщую политическую забастовку совѣтъ рабочихъ депутатовъ смотрѣлъ только, какъ на переходную ступень къ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Въ началѣ его дѣятельности, правда, многіе члены совѣта до того увлеклись грандіозными размѣрами октябрьской стачки и полученными результатами, что мечтали только при посредствѣ политической забастовки добиться побѣды. Но вскорѣ, особенно послѣ ноябрьской стачки-манифестаціи по поводу кронштадтскихъ событій, для всѣхъ выяснилось, что всеобщая стачка, не имѣющая цѣлью перехода въ возстаніе, уже безсильна не только побѣдить, но и заставить правительство пойти на серьезныя уступки. Наконецъ, уже замѣтное несочувствіе, съ какимъ другіе классы населенія встрѣчали идею о новой забастовкѣ, указывало на то, что при новомъ подобномъ выступленіи пролетаріатъ будетъ стоять изолированно. Вопросъ о возстаніи становился на очередь дня и во время преній, какъ и въ резолюціяхъ, опредѣленно выдвигался, какъ практическая задача. Не простая фраза была въ резолюціяхъ совѣта «послѣднее сраженіе съ абсолютизмомъ» или «продолжая готовиться къ возстанію», а глубокая увѣренность, что безъ окончательной побѣды всѣ уступки, «свободы» были только красивыми словами, и при первомъ удобномъ случаѣ превратились бы въ штыки, пули и нагайки.

«Но недостаточно было говорить о возстаніи,—надо было принять какія-либо практическія мѣры. Кромѣ агитаціи идеи возстанія, уже достаточно популярной среди широкихъ массъ рабочихъ, благодаря дѣятельности партійныхъ агитаторовъ, необходимо было и оружіе. Отовсюду съ заводовъ требовали оружія для организованныхъ дружинъ; рабочіе сами заготовляли всевозможные ножи,

Библиотека "Руниверс"

копья, отчисляли немалыя средства изъ заработковъ на вооруженіе и т. д.

«Еще 14-го октября рабочіе печатнаго дѣла на митингѣ признали недостаточность одной пассивной борьбы, т. е. одного прекращенія работъ; они постановили: «обратить армію забастовавшаго рабочаго класса въ армію революціонную, т. е. немедленно организовать боевыя дружины. Пусть эти боевыя дружины позаботятся вооруженіемъ остальныхъ рабочихъ массъ, хотя бы путемъ разгромовъ оружейныхъ магазиновъ и отобранія его у полиціи и войскъ, гдѣ это возможно». Конечно, постановленіе это въ сколько-нибудь широкихъ размѣрахъ не могло быть проведено въ исполненіе, но оно ярко характеризуетъ настроеніе рабочихъ и ихъ отношеніе къ вооруженной борьбѣ.

«Меньше всего въ области вооруженія могъ сдѣлать совѣтъ депутатовъ. Вся надежда была на партійныя организаціи, которымъ, благодаря налаженному конспиративному аппарату, это было легче устроить. Но и имъ въ большомъ масштабѣ не удалось ничего сдѣлать. Совѣтъ же только сумѣлъ вооружить часть депутатовъ, что вызывалось необходимостью самообороны: черная сотня всякими средствами старалась изъять «изъ обращенія» того или другого изъ ненавистныхъ ей депутатовъ. Не разъ происходили стычки между возвращавшимися изъ собраній депутатами и хулиганами.

«Вопросъ о вооруженіи былъ пунктомъ постоянныхъ недовольствъ какъ со стороны совѣта исполнительнымъ комитетомъ, такъ и избирателей депутатами. Но ни совѣтъ, ни исполнительный комитетъ тутъ не были виноваты, такъ какъ не было никакой технической возможности что-либо предпринять въ солидныхъ размѣрахъ, несмотря даже на связи и содѣйствіе со стороны радикальной буржуазной интеллигенціи. Все это, конечно, нисколько не могло вліять на увѣренность въ возможности и необходимости возстанія. Вооружить массы все равно никто не мечталъ, и успѣхъ долженъ былъ зависѣть совсѣмъ не отъ этого, а отъ того, удастся ли перетянуть на свою сторону войска и въ нужный моментъ добыть для массы оружіе изъ «завѣтныхъ мѣстъ». Понятно, что особенное вниманіе привлекало въ это время все, что творилось въ войскахъ. Происходившіе революціонные взрывы среди войскъ отдѣльныхъ городовъ, усиленное броженіе во многихъ полкахъ и экипажахъ мѣстнаго гарнизона еще болѣе укрѣпляли во всѣхъ мысль, что ближайшее выступленіе пролетаріата непремѣнно вызоветъ волненіе въ войскахъ и обратится въ «послѣдній бой». Совѣтъ со своей стороны дѣлалъ все возможное, чтобы ускорить этотъ переходъ войскъ на сторону народа. Въ цѣляхъ подготовки и организаціи «послѣдняго боя» совѣтъ въ своихъ послѣднихъ постановленіяхъ хотя и протестовалъ противъ отдѣльныхъ проявленій полицейскаго произвола и надвигающейся военной диктатуры, но удерживалъ пролетаріатъ

Библиотека "Руниверс"

отъ отдѣльныхъ вспышекъ и преждевременнаго выступленія. Съ этой же цѣлью были предприняты мѣры къ расширенію связей съ провинціей...

«Ставя выполненіе своихъ ближайшихъ политическихъ шаговъ въ зависимость отъ побѣдоноснаго народнаго возстанія, совѣтъ естественно долженъ былъ очень скептически отнестись къ «свободамъ», дарованнымъ манифестомъ 17-го октября. Въ то время, какъ либеральная буржуазія почивала на лаврахъ и готовилась броситься въ объятія Витте, рабочіе депутаты, ничуть не умаляя результатовъ достигнутой побѣды, думали только о томъ, какъ бы лучше использовать ее для дальнѣйшей борьбы за демократическую республику. Въ отвѣтъ на изданіе манифеста совѣтъ принялъ 18-го октября слѣдующую резолюцію:

«Стиснутое желѣзными тисками всеобщей политической забастовки россійскаго пролетаріата, правительство пошло на уступки. Оно заявило о свободахъ, о законодательной власти будущей государственной думы и о томъ, что рѣшило дополнить составъ этой думы представителями рабочихъ и интеллигентныхъ слоевъ народа.

«Но борющійся революціонный пролетаріатъ не можетъ сложить оружія до тѣхъ поръ, пока политическія права русскаго народа не будутъ установлены на твердыхъ основаніяхъ, пока не будетъ установлена демократическая республика, наилучшій путь для дальнѣйшей борьбы пролетаріата за соціализмъ.

«Поэтому рабочій совѣтъ заявляетъ, что: 1) для прочной гарантіи политической свободы Россіи необходимо полное устраненіе всей полиціи сверху донизу, удаленіе изъ города войскъ; необходимо созданіе народной милиціи, для чего мы требуемъ выдачи оружія пролетаріату.

Въ дальнѣйшемъ выражены требованія: а) полной амнистіи для всѣхъ осужденныхъ судомъ и приговоренныхъ административно за политическія и религіозныя убѣжденія, за стачки, крестьянскія движенія и пр., б) отмѣны военнаго положенія, усиленной охраны и всѣхъ исключительныхъ мѣропріятій, в) созыва учредительнаго собранія на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права, безъ различія пола, національности и т. д.

«Для дальнѣйшей борьбы за эти требованія рабочій совѣтъ считаетъ необходимымъ продолжать всеобщую забастовку впредь до того момента, когда условія укажутъ на необходимость измѣненія нашей тактики».

«Въ то время, какъ буржуазія ликовала по поводу «конституціи», пролетарскій органъ хладнокровно подчеркивалъ, что, пока власть находится въ рукахъ правительства, не можетъ быть и вопроса о правовомъ порядкѣ. «Извѣстія совѣта рабочихъ депутатовъ» писали въ передовой статьѣ № 3 о новомъ положеніи вещей:

Библиотека "Руниверс"

«Дана свобода собраній, но собранія оцѣпляются войсками.
«Дана свобода слова, но цензура осталась неприкосновенной.
«Дана свобода науки, но университеты заняты войсками.
«Дана неприкосновенность личности, но тюрьмы переполнены заключенными.
«Данъ Витте, но оставленъ Треповъ.
«Все дано и не дано ничего...
«Ни приказъ: «не жалѣть патроновъ», ни манифестъ 17-го октября не могутъ измѣнить тактики пролетаріата.
«Чего не дастъ стачка, то будетъ добыто вооруженнымъ возстаніемъ.
«Пролетаріатъ Петербурга бодро и увѣренно встрѣчаетъ грядущій день.
«Можетъ ли это сказать о себѣ г. Витте?..»

«Послѣ изданія «куцой конституціи», никому ничего не гарантирующей, не могло быть и рѣчи о немедленномъ возобновленіи работъ, такъ какъ это могло быть принято, какъ отвѣтъ на манифестъ. Въ возможность установленія у насъ спокойствія послѣ манифеста никто въ совѣтѣ не вѣрилъ. Уже 18-го приходили извѣстія о столкновеніяхъ у технологическаго института и въ другихъ мѣстахъ. Правда, на улицахъ демонстранты-рабочіе и студенты совершенно свободно шествовали съ красными флагами, на нѣкоторыхъ площадяхъ происходили митинги, университетъ былъ открытъ для народныхъ собраній, но система «патроновъ не жалѣть» была очень хорошо памятна рабочимъ, чтобы они могли довѣрчиво отнестись къ правительству.

«Послѣ 17-го октября, какъ и до него, совѣтъ рабочихъ депутатовъ оставался тѣмъ же непримиримымъ врагомъ существующаго политическаго строя и готовился къ «послѣднему бою». Въ это время вліяніе совѣта настолько выросло, что реакціонеры кричали о немъ, какъ о второмъ правительствѣ, болѣе вліятельномъ, чѣмъ правительство Витте.

«Новое Время» устами Суворина писало: «Россія не повинуется законному правительству и повинуется правительству самозванному или, правильнѣе, правительству, избранному союзами [1]). Оно могло бы назваться союзнымъ русскимъ правительствомъ. Его учрежденія существуютъ во всей Россіи, во всѣхъ уголкахъ. Оно не теряетъ своей связи ни при какихъ забастовкахъ, ни политическихъ, ни при почтово-телеграфныхъ. Въ то время, когда законное правительство остается безъ желѣзныхъ дорогъ, почты и телеграфовъ, союзное правительство всѣмъ этимъ пользуется. Въ то время, когда законное правительство не знаетъ, что дѣлается въ Россіи, союзное правительство все знаетъ и всѣ распоряженія свои публикуетъ. Когда законное правительство разсылаетъ *секретные* циркуляры

[1]) Рѣчь идетъ о совѣтѣ рабочихъ депутатовъ.

Библиотека "Руниверс"

пли печатаетъ *секретные* документы, союзное правительство опубликовываетъ ихъ въ своихъ революціонныхъ органахъ», и далѣе. «я стою внѣ правительства и внѣ революціи, я наблюдаю дѣйствія законнаго правительства и незаконнаго, я слѣжу за ихъ борьбой и разсказываю свои впечатлѣнія. Я смотрю, гдѣ живые люди: я ихъ ясно вижу у правительства незаконнаго, и они въ туманѣ мнѣ видятся у правительства законнаго».

По свидѣтельству г. Радина, «къ постановленію совѣта прислушивались всѣ, какъ изъ правительственныхъ сферъ, такъ и изъ буржуазныхъ. Сознавая свое вліяніе, но не разсчитавши всѣхъ обстоятельствъ, совѣтъ декретировалъ введеніе революціоннымъ путемъ восьмичасового рабочаго дня во всѣхъ производствахъ. Но эта попытка кончилась неудачей и вызвала впослѣдствіи массу осложненій».

«Каковы были ближайшіе шаги совѣта сейчасъ же послѣ октябрьскихъ побѣдъ?—спрашиваетъ авторъ и отвѣчаетъ:—Съ одной стороны ему надо было закрѣпить на дѣлѣ сдѣланныя завоеванія, съ другой—приняться за подготовку и организацію пролетаріата для дальнѣйшей борьбы. На послѣднюю мысль особенно напиралъ совѣтъ въ своей резолюціи о прекращеніи октябрьской стачки. Зная хорошо, что бумажныя заявленія о «свободахъ» далеко не гарантируютъ ихъ осуществленія, совѣтъ, съ своей стороны, постарался принять цѣлый рядъ мѣръ для дѣйствительнаго проведенія ихъ въ жизнь. Самыя главныя изъ нихъ касались свободы собраній и печати.

«На засѣданіи 10-го октября совѣтъ разсматривалъ вопросъ о проведеніи въ жизнь свободы печати. Принято было слѣдующее рѣшеніе:

«Совѣтъ депутатовъ постановляетъ, что только тѣ газеты могутъ выходить въ свѣтъ, редакторы которыхъ игнорируютъ цензурный комитетъ, не посылаютъ своихъ нумеровъ въ цензуру, вообще поступаютъ такъ, какъ совѣтъ депутатовъ при изданіи своей газеты. Поэтому наборщики и другіе товарищи-рабочіе печатнаго дѣла, участвующіе въ выпускѣ газетъ, приступаютъ къ своей работѣ лишь при заявленіи и проведеніи редакторами свободы печати. До этого момента газетные товарищи-рабочіе продолжаютъ бастовать, и совѣтъ депутатовъ приметъ всѣ мѣры къ изысканію средствъ для выдачи бастующимъ газетнымъ товарищамъ рабочимъ ихъ заработка. Газеты, не подчинившіяся настоящему постановленію, будутъ конфискованы у газетчиковъ и уничтожены, типографіи и машины будутъ попорчены, а рабочіе, не подчинившіеся постановленію совѣта депутатовъ, будутъ бойкотированы». Для помощи бастующимъ наборщикамъ союзъ рабочихъ печатнаго дѣла основалъ особый фондъ борьбы за свободу печати. Подъ давленіемъ постановленія совѣта редакторы и издатели газетъ принуждены были согласиться на предложенныя условія и революціоннымъ путемъ выпускать свои газеты.

«Чтобы гарантировать свободу собраній, совѣтъ постановилъ ни въ какомъ случаѣ не допускать на собранія полицейскихъ чи-

Библиотека "Руниверс"

повъ, какъ того требовалъ Треповскій законъ 12-го октября. Еще раньше въ отвѣтъ на заявленіе Трепова о запрещеніи митинговъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и изданіе новаго закона совѣтъ приглашалъ рабочихъ продолжать собираться на митинги, совершенно не считаясь съ требованіемъ полиціи.

«Во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ совѣтъ хотѣлъ фактически провести въ жизнь «дарованныя» свободы, но, какъ и надо было ожидать, безъ окончательной побѣды трудно было ихъ на дѣлѣ осуществить. Правительство съ хорошо организованной полиціей и громаднымъ войскомъ ждало только перваго удобнаго случая, чтобы на дѣлѣ объяснить, какъ оно понимаетъ «свободы». Ждать пришлось не особенно долго. Совѣтъ, съ своей стороны, долженъ былъ готовиться къ борьбѣ. Нужно было продолжать начатое дѣло организаціи и подготовки къ вооруженному возстанію. За это принялись всѣ. И члены совѣта, и партія интенсивно начали организовывать профессіональные союзы, клубы, устраивать на заводахъ митинги, лекціи, рефераты. Профессіональные союзы росли, какъ грибы, и, если бы болѣе или менѣе спокойный періодъ продолжался нѣсколько дольше, можно съ увѣренностью сказать, что весь петербургскій пролетаріатъ былъ бы организованъ въ союзы. Открытое выступленіе партіи, легализація ея организаціи способствовали широкому привлеченію массъ въ ея ряды. Но правительство не дремало. Ему невыгодно было дать время пролетаріату укрѣпиться въ завоеванныхъ позиціяхъ. Оно стремилось вызвать его на улицу не подготовленнымъ, и это ему удалось. Вскорѣ послѣ октябрьской бури и несмотря на все нежеланіе руководителей движенія начать какое-либо новое выступленіе, петербургскій пролетаріатъ долженъ былъ снова забастовать. Тутъ такъ же, какъ и во всякой войнѣ, не всегда удается принять бой при наиболѣе благопріятныхъ для себя обстоятельствахъ. Боевыя дѣйствія часто опредѣляются волею непріятеля. А при гражданской войнѣ правительство имѣетъ массу средствъ вызвать, если ему угодно, въ любой моментъ волненіе. Совѣтъ депутатовъ во вторую половину своей дѣятельности былъ вызванъ обстоятельствами на рѣшительныя дѣйствія тогда, когда ни онъ, ни партія этого не хотѣли.

«Можно, конечно, заднимъ числомъ критиковать и порицать тѣ или иные шаги совѣта, но отъ этого никому не легче. Надо прежде всего разобраться, имѣлся ли другой выходъ при данныхъ конкретныхъ обстоятельствахъ, или нѣтъ. Я думаю, что иного выхода у совѣта не было, и если онъ началъ вскорѣ ноябрьскую стачку, а затѣмъ въ день самаго ареста готовился принять резолюцію о новой забастовкѣ, то онъ вынужденъ былъ къ этому политической конъюнктурой, хотя многіе члены и сознавали недостаточную подготовленность».

Библиотека "Руниверс"

XXVII.

Излагая ходъ событій того бурнаго и сумасшедшаго времени и основывая свое фактическое изложеніе на свидѣтельствѣ лицъ, или принимавшихъ участіе въ нихъ, или хорошо освѣдомленныхъ о нихъ, я по необходимости вынужденъ иногда повторяться, въ чемъ приношу передъ читателями извиненіе, но оправданіемъ мнѣ служитъ то соображеніе, что сложный комплексъ тогдашнихъ политическихъ обстоятельствъ всесторонне еще не освѣщенъ и не анализированъ. Приходится подбирать мелкіе факты и вплетать въ канву повѣствованія разные штрихи, порою очень характерные, хотя, несомнѣнно, субъективнаго происхожденія въ зависимости отъ показанія цитируемаго автора. Поэтому, переходя къ изложенію свидѣтельства, главнаго героя того политическаго момента Хрусталева-Носаря, изложенному въ «Исторіи совѣта рабочихъ депутатовъ», гдѣ въ наибольшей полнотѣ представлена шагъ за шагомъ дѣятельность предсѣдательствуемаго имъ совѣта, я, быть можетъ, и повторю въ этомъ мѣстѣ кое-что изъ того, что уже было говорено на основаніи г.г. Стрѣльскаго и Радина. Показанія послѣднихъ были намъ важны, подъ угломъ зрѣнія оцѣнки ими тогдашнихъ событій, характеристики ихъ и сопоставленія ихъ съ дѣйствіями другихъ оппозиціонныхъ группъ, вносившихъ свою долю участія въ нарастаніе и развертываніе революціонныхъ событій осени 1905 года. Въ свидѣтельствѣ же и описаніи Г. С. Хрусталева-Носаря мы почерпаемъ хронологическую и фактическую канву событій, что для меня, въ интересахъ настоящей статьи, особенно важно. Считаю, однако, необходимымъ оговориться: цитаты, взятыя изъ произведеній такихъ авторовъ, какъ г.г. Стрѣльскій, Радинъ, Хрусталевъ, могутъ показаться, если ихъ читать изолированно отъ всего прочаго изложенія очерковъ и ихъ освѣщенія,—тенденціозными. Но иначе быть не можетъ при чтеніи только цитатъ. При ознакомленіи съ исторіями всякихъ революцій нужно имѣть въ виду не единичныя мѣста, а цѣлое во всемъ его объемѣ. Тогда только крайность цитатъ сглаживается и получается болѣе спокойное отношеніе къ прочитанному. Во всѣхъ приводимыхъ авторовъ мы видимъ свойственную имъ похвальбу якобы одержанной ими побѣдою; но въ дальнѣйшемъ, при изложеніи дѣйствій противнаго лагеря можно будетъ убѣдиться, что побѣда была только кажущеюся, кажущеюся съ показной стороны для даннаго момента, и то тутъ, пожалуй, слово побѣда не совсѣмъ умѣстно. Это было скорѣе удачное использованіе момента замѣшательства въ общей работѣ государственнаго механизма, замѣшательства, вызваннаго сложнымъ стеченіемъ разнообразныхъ обстоятельствъ. Обращаясь, къ продолженію нашего повѣствованія, мы видимъ, что исторпкъ совѣта рабочихъ

Библиотека "Руниверс"

депутатовъ прежде всего устанавливаетъ канву октябрьскихъ событій, предшествовавшихъ созданію и создавшихъ совѣтъ рабочихъ депутатовъ. Онъ сводитъ свое описаніе къ слѣдующимъ главнѣйшимъ моментамъ, которыхъ до извѣстной степени и мы уже касались. Г. С. Хрусталевъ-Носарь свидѣтельствуетъ, что «иниціативу всеобщей желѣзнодорожной стачки приписываютъ желѣзнодорожному союзу и желѣзнодорожному делегатскому съѣзду, засѣдавшему въ Петербургѣ 20-го сентября. Фактически это невѣрно,—утверждаетъ онъ.—Ни союзъ, ни съѣздъ не объявляли стачки. Напротивъ, они предостерегали отъ преждевременныхъ выступленій. Желѣзнодорожный союзъ разсчитывалъ пріурочить пробную стачку-мобилизацію къ созыву Булыгинской думы. Делегатскій съѣздъ формально велъ переговоры съ правительствомъ объ улучшеніи матеріальнаго и правового положенія желѣзнодорожныхъ служащихъ. Стачка имѣлась въ виду, какъ ultima ratio, когда будутъ исчерпаны мирные переговоры. Созывая делегатскій съѣздъ, министерство разсчитывало создать громоотводъ для разряженія накопившагося недовольства въ желѣзнодорожномъ мірѣ. Послѣ февральскихъ и мартовскихъ желѣзнодорожныхъ забастовокъ правительство обѣщало стачечникамъ цѣлый рядъ улучшеній, но обѣщанія эти выполнены не были. Министерство путей сообщенія, по наивности своей, думало внести успокоеніе однимъ делегатскимъ съѣздомъ, созваннымъ офиціально для пересмотра пенсіоннаго устава. Процессъ выборовъ делегатовъ на съѣздъ объединилъ линейныхъ и другихъ служащихъ, разбросанныхъ на громадныхъ разстояніяхъ. При такихъ условіяхъ громоотводъ превратился въ громадный рупоръ, разносившій во всѣ концы Россіи отчеты о засѣданіяхъ съѣзда.

«Делегатскій съѣздъ приковалъ къ себѣ вниманіе всей желѣзнодорожной арміи труда. Избиратели телеграммами засыпали делегатовъ, поручая имъ со всей смѣлостью отстаивать всѣ требованія. Настроеніе съѣзда повышалось, съѣздъ эволюціонировалъ влѣво. Пенсіонный съѣздъ требовалъ: учредительнаго собранія, политическихъ свободъ, восьмичасового рабочаго дня, полной амнистіи, автономіи, милиціи... Въ своей резолюціи съѣздъ спаялъ свои требованія съ требованіями всей Россіи: «Мы—орудіе нашихъ товарищей, мы—слуги народа, не можемъ молчать, когда заговорилъ весь народъ».

«Резолюціями не побѣждаютъ. И въ этомъ начали убѣждаться желѣзнодорожные служащіе и рабочіе. Съ каждымъ днемъ напряженіе росло. Властный и свободный языкъ делегатскаго съѣзда внушалъ опасенія, что съѣздъ будетъ закрытъ, а делегаты—арестованы, и хотя слухъ этотъ былъ опровергнутъ по телеграфу самими делегатами, низы Московско-Казанской дороги прорвали плотину выжидательнаго напряженія.

Библиотека "Руниверс"

«8-го октября прекратилось движеніе на Московско-Архангельской желѣзной дорогѣ, Московско-Курской, Московско-Нижегородской, Рязанско-Уральской (между Москвой и Рязанью). 9-го октября забастовала Московско-Кіево-Воронежская желѣзная дорога и Повелецкая вѣтвь. 10-го октября стачка охватила Сызрано-Вяземскую желѣзную дорогу, Харьково-Николаевскую, Курско-Харьково-Севастопольскую и обѣ Екатерининскія дороги. 12-го октября сталъ Петербургскій узелъ, за исключеніемъ Финляндской желѣзной дороги (послѣдняя забастовала 16-го октября). 14-го октября примкнули къ стачкѣ Закавказскія желѣзныя дороги, Средне-Азіатская, Московско-Брестская, Привислинскія и Сибирскія желѣзныя дороги. Въ теченіе десяти дней стачка охватила всю сѣть русскихъ желѣзныхъ дорогъ, протяженіемъ болѣе сорока тысячъ километровъ съ семьюстами пятьюдесятью тысячами служащихъ и рабочихъ. Изъ Москвы, какъ центра, стачечный пожаръ снопами раскидывался на периферіи. Желѣзнодорожная стачка предрѣшала всеобщую стачку. Стачечная волна неслась по стальнымъ рельсамъ и пріостанавливала фабрики, заводы, всю жизнь на промышленныхъ центрахъ. 10-го октября прекратились работы на всѣхъ фабрикахъ, заводахъ, трамваяхъ, конкахъ Москвы, Харькова, Ревеля. 11-го октября замерла жизнь во всѣхъ торговыхъ и фабрично-заводскихъ предпріятіяхъ въ Смоленскѣ, Козловѣ, Екатеринославѣ, Минскѣ, Лодзи. 12-го октября стачка распространилась на Курскъ, Бѣлгородъ, Полтаву, Самару и Саратовъ.

«Телеграфныя агентства забыли свой неуклюже-безцвѣтный языкъ и заговорили стилемъ военныхъ реляцій. Петербургское агентство отъ 11-го октября телеграфируетъ: «Екатеринославъ. Городъ въ темнотѣ. Магазины закрыты. Улицы безлюдны. Изрѣдка проходятъ патрули солдатъ. Вокзалъ закрытъ. Нѣкоторыя телеграфныя линіи попорчены». Отъ 13-го октября: «Екатеринославъ. Настроеніе *дурное*. Требуютъ свободы личности, собраній и печати. Рабочіе задерживаются войсками. Телеграфъ работаетъ неправильно». «Москва, 11-го октября. Между Москвой и Мытищами сейчасъ поврежденъ городской водопроводъ. Часть города осталась безъ воды. Во дворѣ управленія Московско-Курской желѣзной дороги состоялась десятитысячная сходка забастовщиковъ. Постановлено прекратить дѣйствіе почты и телеграфа. Городская управа проситъ градоначальника оградить банки, водопроводъ и газопроводъ. Москва въ большой тревогѣ. Вокзалъ Николаевской желѣзной дороги закрытъ для публики. Почта ниоткуда въ Москвѣ не получена. Москва безъ молока, сильно вздорожало мясо». «Самара. Всѣ учебныя заведенія и магазины закрыты. На улицахъ десятки тысячъ народа. Вчера въ думѣ былъ митингъ Сейчасъ идетъ митингъ при участіи до десяти тысячъ народа».

Библиотека "Руниверс"

«Харьковъ, 13-го октября. Вечеромъ движеніе студентовъ и рабочихъ разрослось. Митингъ желѣзнодорожниковъ на вокзалѣ нарушился революціонерами (?!). Толпа разсѣялась по главнымъ улицамъ. При столкновеніи съ войсками оказались убитые и раненые. Съ 11-го октября вся общественная жизнь остановлена, учебныя заведенія, заводы, торговыя заведенія, банки, городскія, земскія, общественныя и многія правительственныя учрежденія закрылись. Телеграфные и телефонные провода прерваны. Въ четыре часа дня пріемъ телеграммъ прекращенъ. Университетъ и соборная площадь забаррикадированы и увѣшаны красными флагами»...

«Прекращеніе желѣзнодорожнаго сообщенія разрушало по всѣмъ швамъ хозяйственный организмъ страны. Желѣзнодорожная стачка ударила рикошетомъ даже заграничныхъ экспортеровъ. Съ прекращеніемъ почтоваго сообщенія коносаменты на грузы, отправленные моремъ, не могли попасть въ руки грузополучателей. Между тѣмъ пароходы съ хлѣбомъ, вышедшіе изъ Петербурга, Либавы, Виндавы по назначенію въ заграничные порты, оставались не разгруженными до полученія дорожныхъ документовъ. Всѣ расходы за простой пароходовъ и неустойки за несрочное исполненіе договора падали на экспортеровъ. Экспортеры апеллировали правительству. Паника охватила биржу. Устами петербургскаго биржевого маклера Фринляндскаго биржа свидѣтельствовала: «подавленное настроеніе чувствовалось уже 10-го октября. 11-го октября биржевыя конторы и банки были охвачены паникой, не былъ даже строго опредѣленъ курсъ большинства акцій. 11-го октября биржа прошла безжизненно. Сдѣлокъ не было никакихъ, такъ какъ не нашлось ни покупателей, ни продавцовъ».

«Поѣздовъ нѣтъ, почта не доставляется, юзовскіе аппараты телеграфа отказываются служить. Телеграфная стачка вспыхнула 11-го октября въ Харьковѣ, 13-го октября—въ Челябинскѣ и Иркутскѣ, 14-го—въ Москвѣ и 15-го въ Петербургѣ. Биржа апеллируетъ къ правительству. Банковый міръ именемъ векселедателей, бланконадписателей, поручителей и проч. требуетъ отъ правительства изданія временныхъ правилъ, удлиняющихъ сроки протеста для сохраненія вексельнаго права за выданными обязательствами. Правительство обѣщаетъ пойти навстрѣчу «справедливымъ требованіямъ». Комитетъ московской хлѣбной биржи грозитъ министерству финансовъ разстройствомъ хлѣбной торговли и надвигающимся продовольственнымъ голодомъ. Предсѣдатель московскаго биржевого комитета Найденовъ телеграфируетъ 10-го октября министру финансовъ, что продолженіе желѣзнодорожной стачки пріостановитъ всѣ фабрики и заводы. Московскіе крупные купцы отказываются отъ исполненія срочныхъ заказовъ и поставокъ. Срочные платежи пріостанавливаются; закрывается кредитъ;

Библиотека "Руниверс"

грузы гніютъ въ пути; дорожные документы остаются въ рукахъ отправителей; рекрутскій наборъ въ большихъ городахъ откладывается.

«Центральное правительство отрѣзывается отъ провинціальнаго. Министры не могутъ попасть по желѣзной дорогѣ въ Царское Село. Министръ юстиціи Манухинъ 14-го октября, не доѣзжая изъ Царскаго Села пяти верстъ до Петербурга, принужденъ покинуть остановленный поѣздъ и искать лошадей. Попытка правительства установить безпроволочный телеграфъ между Зимнимъ дворцомъ и Царскимъ Селомъ не удается. Еще стачка не дошла до зенита, а правительство вступаетъ въ переговоры съ стачечниками».

Графъ С. Ю. Витте и князь Хилковъ (министръ путей сообщенія), по словамъ Хрусталева, принимаютъ делегацію отъ депутатскаго желѣзнодорожнаго съѣзда, причемъ премьеръ угрожаетъ делегатамъ, говоря: «Помните, при такихъ обстоятельствахъ можетъ пасть правительство, но вмѣстѣ съ тѣмъ погибнете и вы, лучшія силы народа, и такимъ образомъ сыграете въ руку той же буржуазіи, противъ которой боретесь». Убѣждаетъ депутацію князь Хилковъ; но никакіе уговоры успѣха не имѣютъ: желѣзнодорожная стачка продолжается, а всеобщая нарастаетъ. Вопросъ о политической стачкѣ ставится въ конкретныя формы рабочими 8-го октября на митингѣ въ военно-медицинской академіи, и съ 9-го октября на митингахъ въ учебныхъ заведеніяхъ центромъ всѣхъ рѣчей служитъ политическая стачка. Встрѣчаются и противники стачки. Они возражаютъ неудачной ссылкой на практику нѣмецкой соціалъ-демократіи или оперируютъ съ половинчатой резолюціей амстердамскаго соціалистическаго конгресса. Неизбѣжность всеобщей стачки чувствовалась всѣми. 10-го октября противъ нея уже возражали меньше, а 11-го возраженій совсѣмъ не было слышно.

12-го октября по Шлиссельбургскому тракту прекратились работы на Александровскомъ паровозостроительномъ заводѣ, Невскомъ судостроительномъ, на «Атласѣ», императорской картонной фабрикѣ, на фабрикѣ Паля, Максвеля, заводахъ Аристова, Наумана. Стачечная волна пыталась переброситься на правую сторону Невы—на фабрики Торнтона и Варгунина. Предупредительная администрація прервала сообщеніе на пароходахъ черезъ Неву. Тогда Шлиссельбургскій трактъ сигнализировалъ правобережнымъ товарищамъ прекращеніе работъ. Торнтоновскіе и варгунинскіе рабочіе забастовали. 12-го октября на тысячномъ рабочемъ митингѣ въ технологическомъ институтѣ принята резолюція—о присоединеніи петербургскаго пролетаріата къ всеобщей политической забастовкѣ. 13-го октября забастовали: Обуховскій заводъ, оба завода Рѣчкина, Глѣбова, Пинтша, Озолинга, Путиловскій, Франко-Русскій, Портъ, Новое Адмиралтейство, Гребной островъ, заводы Балтійскій и

Библиотека "Руниверс"

Металлическій. 13-го же октября съ двухъ часовъ дня пріостановилось движеніе на конно-желѣзныхъ дорогахъ, за исключеніемъ Невской линіи. Въ тотъ же день постановили примкнуть къ всеобщей стачкѣ: рабочіе электрической станціи, служащіе с.-петербургской губернской земской управы, петербургскаго округа путей сообщенія, управленія желѣзныхъ дорогъ, служащіе банковъ и конторъ, окружнаго суда (въ томъ числѣ и кандидаты на судебныя должности) и центральное бюро союза союзовъ. Прекратились занятія во многихъ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ. И 13-го октября состоялось *первое* засѣданіе совѣта рабочихъ депутатовъ въ одной изъ аудиторій технологическаго института.

«Стачечная революція родила совѣтъ,—говоритъ г. Хрусталевъ въ своей «Исторіи совѣта рабочихъ депутатовъ».—Съ прекращеніемъ работъ на опредѣленныхъ заводахъ возникъ вопросъ о выясненіи положенія на другихъ заводахъ. Однообразная тактика требовала общей освѣдомленности. Для этой цѣли на нѣкоторыхъ заводахъ, какъ, напримѣръ, на Обуховскомъ, 12-го октября выбрали спеціальныхъ старостъ. Обуховскіе старосты, отправившіеся 13-го октября въ городъ на развѣдки, попали на первое засѣданіе совѣта. Рабочая масса стихійно стремилась къ созданію общегородского аппарата, обслуживающаго фабрично-заводскую стачку. Московскій совѣтъ депутатовъ типо-литографскихъ рабочихъ при этомъ не былъ забытъ. 12-го октября на митингѣ въ технологическомъ институтѣ мною излагается исторія сентябрьскихъ дней и роль въ нихъ московскаго совѣта. Въ рабочую массу бросается призывъ—выбирать въ рабочій совѣтъ депутатовъ. Присутствовавшіе въ большинствѣ на митингѣ рабочіе Московской заставы уже 13-го октября производятъ выборы депутатовъ въ совѣтъ (на заводахъ Рѣчкина, Глѣбова и другихъ).

«13-го октября петербургская группа р. с.-д. р. п. даетъ своимъ агитаторамъ директиву—агитировать за избраніе въ рабочій совѣтъ и выбранныхъ направлять въ технологическій институтъ. Въ тотъ же вечеръ на первомъ засѣданіи совѣта принимается слѣдующее воззваніе ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ Петербурга:

«Всероссійская забастовка началась. Рабочій классъ, крѣпко скрѣпившій требованія учредительнаго собранія и всеобщаго голосованія и не получившій никакихъ правъ, прибѣгъ къ послѣднему могучему средству всемірнаго рабочаго движенія—къ всеобщей стачкѣ. Предсѣдатель комитета министровъ, графъ Витте, открыто призналъ предъ желѣзнодорожными депутатами, что правительство можетъ пасть.

«Товарищи! Мы, депутаты разныхъ петербургскихъ фабрикъ и заводовъ, обсудивъ положеніе, призываемъ всѣхъ рабочихъ поддерживать великое дѣло борьбы за свободу, за счастье народа и присоединиться къ всероссійской забастовкѣ... Поэтому мы постановили объединить руководство движеніемъ въ рукахъ общаго рабочаго комитета. Мы предлагаемъ каждому заводу, каждой фабрикѣ и профессіи выбрать де-

Библиотека "Руниверс"

путатовъ по одному на каждые пятьсотъ человѣкъ. Собраніе депутатовъ фабрики или завода составитъ фабричный или заводскій комитетъ. Собраніе депутатовъ всѣхъ фабрикъ и заводовъ составитъ общій рабочій комитетъ Петербурга. Этотъ комитетъ, объединивъ наше движеніе, придастъ ему организованность, единство, силу. Онъ явится представителемъ нуждъ петербургскихъ рабочихъ предъ остальнымъ обществомъ, онъ опредѣлитъ, что намъ дѣлать во время забастовки, и укажетъ, когда прекратить ее. Организуйтесь, товарищи, спѣшите выбрать депутатовъ. Въ ближайшіе дни въ Россіи совершатся рѣшительныя событія. Они опредѣлятъ на долгіе годы судьбу рабочаго класса; мы должны встрѣтить эти событія въ полной готовности, въ полномъ сознаніи, объединенные нашимъ общимъ рабочимъ комитетомъ подъ славнымъ краснымъ знаменамъ пролетаріата всѣхъ странъ и народовъ».

«14-го октября это воззваніе попадаетъ въ рабочіе кварталы, и 14-го октября стачка охватываетъ часть фабрикъ, почти всѣ заводы, всѣ профессіональные союзы: печатнаго дѣла, часовщиковъ и ювелировъ, конторщиковъ и бухгалтеровъ, приказчиковъ и фармацевтовъ. Въ подавляющемъ большинствѣ заводы и фабрики, примыкая къ всеобщей стачкѣ, въ первые дни не конкретизируютъ своихъ политическихъ требованій. Выработка ихъ ввѣряется совѣту. Съ опредѣленными мандатами вступили въ совѣтъ депутаты Геслеровскаго и Обуховскаго заводовъ, электрическихъ станцій, союза печатнаго дѣла, союза приказчиковъ, союза конторщиковъ и бухгалтеровъ.

«Политическая мысль рабочаго класса, попадая съ низовъ въ совѣтскую лабораторію, отшлифовывалась, оформливалась и въ законченномъ видѣ возвращалась въ рабочіе кварталы».

XXVIII.

Первое засѣданіе совѣта рабочихъ депутатовъ было руководимо и предсѣдательствуемо представителями соціалъ-демократіи и носило, какъ это случается во всякомъ новомъ учредительномъ дѣлѣ, нѣсколько безпорядочный характеръ съ не вполнѣ опредѣлившимся составомъ участниковъ и съ не оформленными органами управленія. Въ правильное русло собранія вступаютъ лишь со второго засѣданія 14-го октября, имѣвшаго мѣсто въ физической аудиторіи технологическаго института, когда предсѣдателемъ собранія и затѣмъ предсѣдателемъ избраннаго на этомъ засѣданіи совѣта рабочихъ депутатовъ является Г. С. Носарь, подъ именемъ товарища Хрусталева, какъ представитель широкихъ круговъ рабочаго класса и въ области печатнаго дѣла, и въ области текстильнаго производства. Я уже говорилъ выше о томъ революціонномъ и оппозиціонномъ стажѣ, которой проходилъ Носарь, начиная съ гимназическихъ лѣтъ; этотъ стажъ далъ ему въ распоряженіе уже извѣстный организаторскій и административный опытъ, благодаря которому онъ въ тотъ моментъ рабочихъ собраній съ уча-

Библиотека "Руниверс"

стіемъ въ нихъ разныхъ политическихъ элементовъ (большевики, меньшевики, соціалъ-революціонеры) являлся той единицею, около которой легко группировались и цементировались разнородныя теченія, образовавшіяся въ собраніи 14-го октября. По своему положенію—депутата отъ рабочихъ—онъ являлся до извѣстной степени безпартійнымъ, не приписаннымъ къ какой-либо изъ существующихъ политическихъ фракцій; съ другой стороны, по своему политическому исповѣданію онъ тѣсно примыкалъ къ соціалъ-демократіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ участіе его въ московскихъ сентябрьскихъ событіяхъ, гдѣ онъ тогда въ качествѣ представителя «печатниковъ» игралъ не малую роль, а также въ качествѣ организатора профессіональнаго рабочаго и стачечнаго союза на Удѣльной лѣтомъ 1905 года, создавали ему довольно широкую популярность среди рабочей массы. Такимъ образомъ, онъ и въ глазахъ соціалъ-демократовъ, руководившихъ октябрьскими событіями, и въ глазахъ пролетаріата не являлся невѣдомымъ лицомъ, нуждавшимся въ авторитетной рекомендаціи, которая бы давала ему право на занятіе виднаго положенія. Юридическое образованіе и практика помощника присяжнаго повѣреннаго также укрѣпляли съ дѣловой стороны его общественную позицію. Отсюда его роль на засѣданіи 14-го октября и вручение ему предсѣдательскаго жезла и выборъ его во главу совѣта рабочихъ депутатовъ.

Но если рабочія группы, въ общемъ довѣрчивыя къ своимъ избранникамъ, пошли безъ страха и колебаній навстрѣчу его кандидатурѣ, то нельзя того же сказать о соціалъ-демократической партіи. Въ интересахъ партійной политики и партійной программы дѣйствій, выработанныхъ какъ на собраніяхъ въ Россіи, такъ и Западной Европы, они сочли нужнымъ обставить предсѣдательство Хрусталева-Носаря извѣстнымъ наблюденіемъ, вливши въ совѣтъ своихъ представителей, на обязанности которыхъ было слѣженіе и за всей работой совѣта, и за поведеніемъ его предсѣдателя. Конечно, соціалъ-демократія предпочла бы имѣть во главѣ совѣта кого-нибудь изъ своихъ ставленниковъ, за которымъ было бы громкое и авторитетное прошлое въ исторіи партіи, но тогда могла бы явиться опасность, что рабочая масса, пролетаріатъ откажется отъ объединенія и опредѣленной организованности, такъ какъ усмотрѣлъ бы въ навязываемой ему программѣ дѣйствій отклоненіе отъ рабочихъ интересовъ во имя обще-политическихъ тенденцій, въ коихъ интересы ихъ, рабочихъ, отошли бы на второй планъ. И вотъ Хрусталевъ является центромъ движущей революціонной организаціи, и имя его изъ кружковой освѣдомленности становится на пятьдесятъ дней именемъ всероссійскимъ, своего рода имепемъ героическимъ, которымъ какъ бы покрывается работа сложной организаціи. «Кто тамъ командуетъ?» спрашивалъ обыватель, ощущая на себѣ тягость рабочей забастовки и прекращенія жизненныхъ

Библиотека "Руниверс"

функцій города.—«Чьимъ именемъ все творится?» И печать, отвѣчая на эти вопросы, указывала таинственное имя Хрусталева, именуя даже существующій modus vivendi диктатурой Носаря и окрещивая переживаемый политическій моментъ—періодомъ правительства Носаря. Имя его такимъ образомъ становится всероссійскимъ.

Совѣтъ, какъ выборный органъ всего петербургскаго пролетаріата, собственно, ведетъ свое начало съ 14-го октября, когда въ совѣтъ вступили делегаты всѣхъ городскихъ районовъ отъ сорока крупныхъ заводовъ, двухъ фабрикъ и трехъ профессіональныхъ союзовъ: рабочихъ печатнаго дѣла, приказчиковъ и конторщиковъ. 13-го же октября присутствовали на засѣданіи совѣта только депутаты большинства заводовъ Невскаго района. Это засѣданіе важно тѣмъ, что на немъ рѣшено было образовать общій рабочій комитетъ для руководства экономической и политической борьбой пролетаріата въ настоящій моментъ. «Въ составъ комитета,—говорилось въ протоколѣ перваго зсѣданія совѣта,—должны были войти депутаты отъ всѣхъ рабочихъ. Этотъ комитетъ объединяетъ и организуетъ стачку, выступаетъ въ качествѣ представителя петербургскаго пролетаріата, когда такія выступленія требуются обстоятельствами». Засѣданіе 14-го октября было посвящено, главнымъ образомъ, двумъ вопросамъ: выработкѣ требованій для предъявленія ихъ петербургской думѣ и привлеченію къ стачкѣ небастующихъ фабрикъ и мастерскихъ. Противъ хожденія въ думу возражали многіе депутаты. Никто не вѣрилъ въ успѣхъ. Однако указаніе на то, что революція толкаетъ влѣво и городскихъ гласныхъ, что городскія самоуправленія Москвы, Тифлиса и Нижняго-Новгорода не остались глухи къ событіямъ дня, что «хожденіе» въ думу будетъ имѣть агитаціонное значеніе, что, наконецъ, первые практическіе шаги нарождающагося совѣта фиксируютъ на немъ вниманіе общества и рабочей массы,—обезоружило оппонентовъ. Совѣтъ приступилъ къ обсужденію требованій. 14-го октября было выработано четыре требованія, остальныя два дополненія 15-го октября.

Въ нихъ говорилось:

«Рабочій совѣтъ всѣхъ заводовъ и фабрикъ Петербурга, объявившихъ всеобщую забастовку солидарно со всѣмъ пролетаріатомъ Россіи противъ невыносимаго гнета и произвола, обращается къ представителямъ городского самоуправленія Петербурга съ требованіемъ проявить свое отношеніе къ существующему политическому строю и къ освободительной борьбѣ пролетаріата и всей Россіи противъ этого строя въ той или иной практической формѣ.—Мы полагаемъ, что, несмотря на односторонность состава городского самоуправленія, откуда, благодаря уродливой системѣ выборовъ, устранена вся многотысячная бѣднота, дума, повинуясь даже простому политическому расчету, обязана оказать всевозможную поддержку всеобщей стачкѣ.

«Мы требуемъ:

Библиотека "Руниверс"

«1) немедленно принять мѣры для регулированія продовольствія многотысячной рабочей массы;

«2) отвести помѣщенія для собраній;

«3) прекратить всякое довольствіе, отводъ помѣщеній, ассигнованія на полицію, жандармерію и т. д.:

«4) указать, куда израсходованы пятнадцать тысячъ рублей, поступившихъ въ думу для рабочихъ нарвскаго района;

«5) выдать изъ имѣющихся въ распоряженіи думы народныхъ средствъ деньги, необходимыя для вооруженія борющагося за народную свободу петербургскаго пролетаріата и студентовъ, перешедшихъ на сторону пролетаріата;

«Руководство этой частью народной революціонной арміи должно находиться въ рукахъ самого пролетаріата.

«Суммы должны быть переданы общему рабочему совѣту.

«6) Рабочій совѣтъ, находя, что закрытіе водопровода можетъ вредно отразиться на здоровьѣ населенія, требуетъ отъ городской думы немедленнаго принятія мѣръ для удаленія войска изъ зданія городского водопровода и предоставленія его въ руки рабочихъ. Въ противномъ случаѣ совѣтъ предупреждаетъ о возможности закрытія водопровода».

Означенныя требованія совѣтъ рѣшилъ предъявить городскому самоуправленію черезъ особую депутацію, въ составъ которой избранъ былъ и официальный представитель соціалъ-демократической партіи, а также уже несшій на себѣ полномочія предсѣдателя совѣта Хрусталевъ. Я уже описывалъ столкновеніе этихъ депутатовъ съ представителями городского самоуправленію, а потому возвращаться къ сказанному не буду, отмѣчу лишь, что здѣсь впервые Хрусталевъ выступилъ официально, какъ представитель къ тому времени грознаго совѣта рабочихъ депутатовъ или, какъ тогда говорили, глаза новаго демократическаго республиканскаго правительства. На вопросъ гласныхъ, кто онъ такой, онъ отвѣчалъ:

— Мою фамилію знаютъ тѣ тысячи рабочихъ, которые послали меня сюда. Я, какъ предсѣдатель совѣта рабочихъ депутатовъ, заявляю, что депутація избрана совѣтомъ, и въ ея средѣ нѣтъ самозванцевъ. Представители союза союзовъ могутъ подтвердить это. Они явились сюда, чтобъ поддержать требованія выборныхъ представителей петербургскаго пролетаріата. Но прежде, чѣмъ излагать наши требованія, мы должны убѣдиться, что дума протестуетъ противъ устроенной намъ полицейской западни. Предсѣдатель думы сказалъ намъ два дня тому назадъ, чтобы сегодня мы явились въ думу за отвѣтомъ: будетъ допущена депутація или нѣтъ? Мы пришли сюда, а вызванныя по требованію городской управы войска и полиція арестовали насъ. Мы не боимся арестовъ. Но достоинство городского самоуправленія требуетъ принятія мѣръ къ нашему освбожденію. Пусть даже дума окажется безсильной, полиція насъ не освободитъ, но дума обязана сказать полицейскимъ властямъ, что она протестуетъ противъ нашего ареста. Не прежде, чѣмъ состоится такое постановленіе думы, мы приступимъ къ изложенію нашихъ требованій».

Библиотека "Руниверс"

По настойчивому требованію части гласныхъ дума постановила: «Въ случаѣ ареста рабочихъ депутатовъ командировать къ градоначальнику предсѣдателя думы г. Красовскаго и городского голову г. Рѣзцова съ заявленіемъ, что гласные будутъ считать арестъ депутатовъ оскорбленіемъ думы». Дальнѣйшія событія въ думѣ за тотъ день намъ уже знакомы изъ предыдущаго изложенія.

15-го октября состоялось третье засѣданіе совѣта рабочихъ депутатовъ. Составъ его къ этому времени возросъ уже до 226 депутатовъ, представлявшихъ 96 предпріятій и пять профессіональныхъ союзовъ. На этомъ собраніи былъ избранъ постоянный предсѣдатель и секретаріатъ. Представителемъ петербургскаго комитета р. с.-д. р. п. былъ возбужденъ вопросъ объ офиціальномъ представительствѣ партій въ совѣтѣ. «Постановка этого вопроса,—повѣствуетъ г. Носарь,—весьма характерна по своимъ послѣдствіямъ. На первыхъ засѣданіяхъ совѣта были только офиціальные представители соціалъ-демократіи. Какъ извѣстно, петербургская группа была повивальной бабкой нарождающагося совѣта; представитель «меньшинства» предсѣдательствовалъ на засѣданіяхъ совѣта, соціалъ-демократія была представлена многими депутатами (четыре на пятнадцать изъ союза печатнаго дѣла, пять на одиннадцать изъ союза приказчиковъ, два часовщиками и многими депутатами Обуховскаго завода, Семянниковскаго, Металлическаго и др.) Нѣсколько депутатовъ соціалистовъ-революціонеровъ не возражали противъ такого порядка, но и не требовали офиціальнаго представительства отъ центральнаго комитета своей партіи. Предложеніе «большевиковъ» обезпечивало представительство соціалистовъ-революціонеровъ. Совѣтъ рабочихъ депутатовъ постановилъ: пригласить на свои засѣданія по три представителя отъ двухъ фракцій соціалъ-демократіи и три представителя отъ соціалистовъ-революціонеровъ. Офиціальные представители пользовались только совѣщательнымъ голосомъ.

«Съ самаго возникновенія совѣта ближайшей задачей его дѣятельности являлось привлеченіе небастующихъ предпріятій къ стачкѣ. 15-го октября еще не бастовали стеклянные и пивоваренные заводы, табачныя и конфетныя фабрики и фабрики по обработкѣ волокнистыхъ веществъ (за исключеніемъ Паля, Максвель и Торнтона). Стачка должна была быть всеобщей, и для осуществленія ея совѣтъ постановилъ примѣнять по порядку слѣдующія мѣры: 1) призывать на митингахъ и въ отдѣльныхъ бюллетеняхъ небастующихъ рабочихъ къ стачкѣ; 2) командировать депутатовъ совѣта къ небастующимъ рабочимъ съ призывомъ прекратить работы; 3) командировать делегатовъ совѣта къ хозяевамъ небастующихъ предпріятій съ требованіемъ немедленнаго закрытія фабрикъ и заводовъ подъ угрозой возможнаго разгрома ихъ; 4) воздѣйствовать на небастующихъ черезъ мастеровъ и техниковъ, делегировавшихъ

Библиотека "Руниверс"

своихъ представителей въ совѣтъ; 5) снимать небастующихъ. Въ своемъ обращеніи къ рабочимъ совѣтъ говорилъ: «Товарищи, тѣхъ рабочихъ, которые не желаютъ, несмотря на наши убѣжденія и постановленія, прекратить работы, снимайте съ работъ. Кто не съ нами, тотъ противъ насъ, и къ нимъ совѣтъ рабочихъ депутатовъ постановилъ примѣнять крайнее средство—силу».

Въ засѣданіи 15-го октября совѣтъ постановилъ рекомендовать рабочимъ и профессіональнымъ союзамъ оказать приказчикамъ помощь въ проведеніи забастовки. Условлено было къ десяти часамъ 16-го октября собраться на курсахъ Лесгафта и оттуда направиться закрывать магазины. Но 16-го октября всѣ высшія учебныя заведенія были оцѣплены войсками, и приказчики не могли встрѣтиться съ рабочими. Тогда совѣтъ попробовалъ воздѣйствовать на хозяевъ, и съ этой цѣлью было составлено воззваніе «Ко всѣмъ хозяевамъ торговыхъ и промышленныхъ заведеній»:

«Вся Россія бастуетъ. Забастовали адвокаты, врачи, чиновники, банковскіе служащіе, семинаристы, гимназисты. Вся Россія бастуетъ. Она бастуетъ противъ бюрократіи, противъ рабства, въ которомъ такъ долго держали русскій народъ. Теперь настаетъ часъ расплаты. Народъ освобождается отъ вѣкового ига. Хозяева! И на васъ полицейско-бюрократическій строй не разъ накладывалъ свою тяжелую лапу. Васъ грабила полиція, разорялъ несправедливый судъ, обдирали высшіе чиновники. Хозяева! Если вы хотите лучшей жизни, если вы хотите перестать быть рабами и сдѣлаться людьми и гражданами, вы должны присоединиться къ всеобщей всероссійской забастовкѣ. Лучше немного потерпѣть, чѣмъ всю жизнь терпѣть гнетъ и униженіе. Поддерживайте же бор, цовъ за свободу и счастье всего народа, присоединяйтесь къ нимъ-закрывайте фабрики, заводы, магазины и торгово-промышленныя заведенія.

«Если вы не согласитесь на это, вы пойдете противъ всего народа, и тогда васъ не защититъ никакая полиція, никакія войска. Правительство, которое не спасло себя, не спасетъ и васъ отъ народной мести. Забастовка должна быть всеобщей во что бы то ни стало, поэтому совѣтъ рабочихъ депутатовъ постановилъ потребовать отъ васъ немедленнаго закрытія всѣхъ торгово-промышленныхъ заведеній. Если вы не исполните этого требованія, ваши магазины будутъ разбиты, ваши машины—уничтожены.

«Закрывайте же фабрики, заводы, магазины. Закрывайте немедленно, закрывайте, пока не поздно, пока вы не сдѣлались *жертвами народнаго гнѣва*!»

На третьемъ засѣданіи совѣта представитель служащихъ Путиловскаго завода сообщилъ, что для усмиренія мирныхъ стачечниковъ командированы на заводъ казаки, поэтому служащіе рѣшили отказать имъ въ отпускѣ продуктовъ изъ потребительной лавки и

Библиотека "Руниверс"

столовой. Совѣтъ рабочихъ депутатовъ, усматривая въ подобной мѣрѣ одинъ изъ способовъ наискорѣйшаго удаленія казаковъ и полиціи изъ завода, постановилъ: «предложить всѣмъ потребительнымъ лавкамъ и столовымъ, служащимъ и рабочимъ отказывать полиціи и казакамъ въ продовольствіи, даже за деньги». Вслѣдъ за путиловскими рабочіе Обуховскаго и Семянниковскаго заводовъ провели въ жизнь это же постановленіе.

XXIX.

Описывая развитіе стачечнаго движенія, о которомъ я уже говорилъ, Хрусталевъ сводитъ его къ слѣдующимъ главнымъ моментамъ, въ связи съ дѣятельностью совѣта рабочихъ депутатовъ. 16-го и 17-го октября, по его словамъ, къ бастовавшимъ уже торгово-промышленнымъ учрежденіямъ присоединились табачныя и конфетныя фабрики и многія мелкія мастерскія. Отъ рабочихъ не отставали и представители служилаго сословія. 16-го октября прекратили занятія: чиновники государственнаго банка и министерства финансовъ, служащіе всѣхъ страховыхъ обществъ. Не было засѣданій коммерческаго суда. Не состоялись присутствія въ отдѣлѣ заготовленій главнаго управленія кораблестроенія (морского министерства). 17-го октября стачка охватила служащихъ государственныхъ сберегательныхъ кассъ, служащихъ всѣхъ государственныхъ учрежденій. Прекратились судебныя засѣданія у мировыхъ судей и въ мировомъ съѣздѣ. Артисты балетной труппы отказались играть въ Маріинскомъ театрѣ. Телефонъ не дѣйствовалъ, телеграфъ не работалъ, электричество не горѣло. Ослѣпляющіе лучи прожектора освѣщали съ Адмиралтейства только Невскій проспектъ. 17-го октября стачка достигла зенита. Въ послѣдующіе дни стачечная волна не подымалась выше. 17-го октября въ Петербургѣ не бастовали: сахарный заводъ Кенига, водопроводъ (рабочіе въ немъ были заперты и не выпускались домой, работая подъ угрозой штыковъ), финляндское пароходное общество, извозчики, рестораны, кафе, большинство магазиновъ и булочныхъ. Вся остальная жизнь была скована политической стачкой. Въ эти дни стачка носила экономическій характеръ только на конно-желѣзныхъ дорогахъ, на желѣзопрокатномъ заводѣ Петербургской стороны и на телефонной фабрикѣ Эриксона.

17-го октября въ помѣщеніи вольно-экономическаго общества состоялось четвертое засѣданіе совѣта рабочихъ депутатовъ. Помѣщеніе было пріискано только 17-го утромъ, такъ что всѣхъ старыхъ депутатовъ не успѣли предупредить, а новые не знали о засѣданіи, поэтому присутствовало здѣсь всего не болѣе ста человѣкъ. На этомъ засѣданіи былъ избранъ временный исполнительный комитетъ. Въ составъ комитета вошли по два депутата отъ каждаго изъ

Библиотека "Руниверс"

семи городскихъ районовъ, по два депутата отъ союзовъ: рабочихъ печатнаго дѣла, конторщиковъ, фармацевтовъ и приказчиковъ (отъ союза мастеровъ и техниковъ и отъ союза часовщиковъ представителей не было въ исполнительномъ комитетѣ) и девяти представителей соціалистическихъ партій—шести отъ соціалъ-демократіи (по три отъ каждой фракціи) и три отъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ. Представители партіи и въ исполнительномъ комитетѣ пользовались только совѣщательнымъ голосомъ. Такимъ образомъ исполнительный комитетъ состоялъ изъ тридцати одного человѣка.

Засѣданіе въ вольно-экономическомъ обществѣ было разогнано полиціей. Тѣмъ не менѣе 17-го октября совѣтъ вторично открылъ свое засѣданіе на рождественскихъ курсахъ. 17-го октября вопросъ о привлеченіи къ забастовкѣ небастующихъ предпріятій потерялъ свою остроту: забастовка была всеобщей, и совѣтъ постановилъ продолжать ее. Резолюція совѣта гласила: «Принимая во вниманіе, 1) что настоящая забастовка имѣетъ не мѣстный, а всероссійскій характеръ, 2) что борьба пролетаріата всей Россіи въ настоящій моментъ обострилась до того, что настоящая всеобщая забастовка можетъ нанести рѣшительный ударъ падающему строю и 3) что во многихъ городахъ волна пролетарскаго движенія растетъ, а прекращеніе забастовки въ Петербургѣ, въ виду важности послѣдняго, можетъ затормозить ростъ всероссійскаго движенія, петербургскій рабочій совѣтъ постановляетъ продолжать забастовку». Совѣтъ постановилъ не только продолжать стачку, но и предложилъ всѣмъ рабочимъ ставить прекращенія ея въ зависимость отъ рѣшенія совѣта.

Къ этому же времени, т. е. къ 17-го октября. Хрусталевъ-Носарь относитъ и возникновеніе «Извѣстій совѣта рабочихъ депутатовъ». По сему предмету онъ повѣствуетъ: «17-го октября вышелъ первый номеръ «Извѣстій совѣта рабочихъ депутатовъ». И съ этого дня массовое представительство рабочихъ получило свое имя. До 17-го октября совѣтъ называли стачечнымъ комитетомъ, рабочимъ союзомъ и т. д. Съ 17-го октября руководящій органъ пролетаріата называется «совѣтомъ рабочихъ депутатовъ». Названіе это было дано отчасти подъ воспоминаніемъ сентябрьскихъ дней въ Москвѣ. Когда 17-го октября наши товарищи приступили къ набору перваго совѣтскаго листка и спрашивали, какъ его озаглавить, я имъ отвѣтилъ: «Извѣстіями совѣта рабочихъ депутатовъ».

«Названіе привилось. Массовыя организаціи пролетаріата Москвы, Екатеринослава, Одессы, Ростова, Кіева, Кременчуга и др. перенимаютъ это имя, а ихъ бюллетени называются «Извѣстіями совѣта рабочихъ депутатовъ». Крестьянскія организаціи окрещиваются «совѣтами крестьянскихъ депутатовъ»; солдатскія—«совѣтами солдатскихъ депутатовъ». Представители покойнаго рус-

Библиотека "Руниверс"

скаго парламента выпускали «Извѣстія крестьянскихъ депутатовъ». Дѣятельность совѣта придала особый блескъ этимъ именамъ. Они стали общенароднымъ достояніемъ.

«Возвращаюсь къ «Извѣстіямъ». 14-го октября общее собраніе рабочихъ печатнаго дѣла постановило распространить забастовку и на газетныя типографіи. 15-го и 16-го октября читающій Петербургъ могъ пользоваться только «Правительственнымъ Вѣстникомъ» и «Вѣдомостями С.-Петербургскаго Градоначальства». Другія газеты не выходили. Читающая публика не знала, что происходитъ даже въ Петербургѣ. Чудовищные слухи росли и плодились, устрашая однихъ и радуя другихъ. Вопросъ о газетахъ сталъ во всей своей остротѣ. Газетчики, журналисты и либеральные союзы стояли за выпускъ всѣхъ газетъ. «Бастуйте всѣ, но пусть выходятъ газеты»,— говорили они. Для печатниковъ этотъ вопросъ не разрѣшался такъ просто. Выпускъ газетъ открывалъ возможность срыва стачки рабочихъ печатнаго дѣла. Кромѣ газетчиковъ, прибавочную стоимость пожелали бы получать также и владѣльцы книжныхъ типографій. Они оказывали бы вліяніе на своихъ рабочихъ, и это вліяніе было бы тѣмъ сильнѣе, что многія книжныя типографіи помѣщаются въ тѣхъ же зданіяхъ, что и газетныя. За книжными наборщиками должны были бы стать на работы брошюровщики, затѣмъ переплетчики. Русское профессіональное движеніе въ октябрьскую стачку измѣрялось днями. Въ немъ былъ большой элементъ стихійности, и могъ ли союзъ рабочихъ печатнаго дѣла поручиться, что за газетными и книжными наборщиками, брошюровщиками, переплетчиками не станутъ на работы подъ воздѣйствіемъ хозяевъ и рабочіе картонажныхъ и писчебумажныхъ фабрикъ, литографы и т. д. Союзъ рабочихъ печатнаго дѣла категорически высказался противъ выхода газетъ. Совѣтъ рабочихъ депутатовъ санкціонировалъ это рѣшеніе.

«Во вторую забастовку «союзъ борьбы за свободу печати» предложилъ выпускать одну общую газету, распредѣливъ поровну газетные столбцы для всѣхъ періодическихъ органовъ. Совѣтъ отвергъ литературный винегретъ. Въ ноябрьскіе дни Россія увидѣла свободную соціалистическую прессу. И если бы совѣтъ и союзъ не останавливала возможность срыва стачки рабочихъ печатнаго дѣла, то онъ разрѣшилъ бы выходъ пролетарскихъ газетъ. Но въ то время, несмотря на страстное желаніе, нельзя было выпустить даже «Новую Жизнь», такъ какъ выходъ ея повлекъ бы и выходъ «Новаго Времени». А это привело бы къ выходу всѣхъ газетъ. Поэтому совѣтъ рѣшилъ своими средствами удовлетворять потребность въ газетномъ словѣ. 17-го октября одна изъ легальныхъ типографій предложила за деньги отпечатать «Извѣстія совѣта рабочихъ депутатовъ». Въ послѣдующее время «Извѣстія» печатались организованными рабочими въ газетныхъ типографіяхъ «захватнымъ путемъ».

Библиотека "Руниверс"

По поводу печатанія «Извѣстій совѣта рабочихъ депутатовъ» г. А. Симановскій въ той же «Исторіи совѣта рабочихъ депутатовъ» говоритъ, что это печатаніе было поручено группѣ лицъ, близко стоявшихъ къ совѣту и его исполнительному комитету. Ими и было рѣшено воспользоваться легальными типографіями, гдѣ имѣются ратаціонныя машины, такъ какъ ни одна не только изъ нелегальныхъ типографій, но и многія легальныя съ обыкновенными станками не могли бы удовлетворить той задачѣ, которая ставилась «Извѣстіямъ». Они должны были выходить по возможности ежедневно въ количествѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ экземпляровъ. Но такъ какъ разсчитывать на гражданское мужество даже либеральныхъ типографовъ было бы крайне наивно, то и пришлось остановиться на «захватномъ правѣ». Внѣшнія обстоятельства благопріятствовали этому: типографіи бездѣйствовали, въ распоряженіи же совѣта были цѣлые кадры спеціалистовъ рабочихъ, готовыхъ всѣми способами содѣйствовать дѣятельности совѣта. «Я, какъ рабочій, сочувствую движенію рабочихъ,—мотивируетъ одинъ изъ наборщиковъ свое участіе въ печатаніи «Извѣстій» у судебнаго слѣдователя.—Съ администраціи же типографіи при такомъ способѣ печатанія передъ полиціей снималась отвѣтственность, можно было смѣло разсчитывать на молчаливое ихъ согласіе, тѣмъ болѣе, что открытаго противодѣйствія совѣту рабочихъ депутатовъ уже въ то время ни одинъ изъ нихъ не осмѣлился бы оказать.

Авторъ приводитъ нѣсколько любопытныхъ эпизодовъ для иллюстраціи того, какъ печатались «захватнымъ путемъ» въ разныхъ типографіяхъ «Извѣстія». Я приведу здѣсь лишь одну сценку, согласно описанію, сдѣланному въ № 10650 «Новаго Времени», воспроизведенному между прочимъ и г. Симановскимъ.

«Около шести часовъ вечера въ типографію «Новаго Времени» явилось трое молодыхъ людей... Случайно же въ это время туда зашелъ управляющій типографіей г. Богдановъ.

«Пришедшіе въ типографію молодые люди заявили сторожу, бывшему у воротъ, что имъ необходимо переговорить по важному дѣлу съ управляющимъ. Сторожъ позвалъ десятника, предложившаго молодымъ людямъ не входить всѣмъ вмѣстѣ, а послать отъ себя кого-нибудь одного. Молодые люди, однако, настояли на томъ, чтобы ихъ приняли всѣхъ.

«Доложили управляющему, и онъ попросилъ ихъ въ контору типографіи:

«— Удалите всѣхъ,—обратился одинъ изъ нихъ къ управляющему,—намъ необходимо съ вами переговорить наединѣ.

«— Васъ трое, я одинъ,—отвѣтилъ г. Богдановъ,—и я предпочитаю говорить при свидѣтеляхъ.

«— Мы просимъ удалить постороннихъ въ сосѣднюю комнату, намъ всего два слова вамъ сказать надо.

«Г. Богдановъ согласился. Тогда пришельцы объявили ему, что они явились по приказанію исполнительнаго комитета совѣта рабочихъ депутатовъ и что имъ предписано захватить типографію «Новаго Времени» и напечатать въ ней № 7 «Извѣстій совѣта рабочихъ депутатовъ».

Библиотека "Руниверс"

«— Я не могу вамъ ничего сказать по этому поводу,—заявилъ депутатамъ г. Богдановъ.—Типографія не моя; я долженъ переговорить съ хозяиномъ.

«— Вы не можете выйти изъ типографіи, вызовите хозяина сюда,— отвѣтили депутаты.

«— Я могу передать о вашемъ предложеніи по телефону.

«— Нѣтъ, вы можете лишь вызвать его по телефону и попросить его въ типографію.

— Хорошо...

«Г. Богдановъ направился къ телефону въ сопровожденіи двухъ депутатовъ и вызвалъ М. Суворина.

«— Я нездоровъ и не выхожу,—сказалъ М. Суворинъ,—попросите этихъ господъ пожаловать ко мнѣ въ редакцію.

—«Они не хотятъ,—отвѣтилъ г. Богдановъ,—и предлагаютъ прислать довѣренное отъ васъ лицо.

«Въ редакціи изъ сотрудниковъ находился Л. Гольдштейнъ, котораго М. Суворинъ попросилъ вмѣсто него отправиться въ типографію...

«Пришелъ Гольдштейнъ, который разсказываетъ о своемъ повѣствованіи слѣдующимъ образомъ:

«Когда я подошелъ къ типографіи, газовые фонари не горѣли, весь Эртелевъ переулокъ былъ почти совсѣмъ погруженъ въ темноту. У дома типографіи и рядомъ я замѣтилъ нѣсколько кучекъ народу, а у самыхъ воротъ на панели человѣкъ восемь-десять... Во дворѣ у самой калитки было человѣка три-четыре.

«Меня встрѣтилъ десятникъ и проводилъ въ контору. Тамъ сидѣлъ управляющій типографіей и три неизвѣстныхъ молодыхъ человѣка, повидимому, рабочихъ. Когда я вошелъ, они поднялись мнѣ навстрѣчу.

«Вмѣсто отвѣта одинъ изъ молодыхъ людей предъявилъ мнѣ бумагу съ предписаніемъ отъ совѣта рабочихъ депутатовъ печатать слѣдующій нумеръ «Извѣстій совѣта рабочихъ депутатовъ» въ типографіи «Новаго Времени». Предписаніе было написано на клочкѣ бумаги и къ нему была приложена какая-то печать [1]).

«— Дошла очередь и до вашей типографіи,—заявилъ мнѣ одинъ изъ посланцевъ.

«— То есть что это значитъ: «дошла очередь?»—спросилъ я.

«— Мы печатали въ «Руси», въ «Нашей Жизни», въ «Сынѣ Отечества», въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», а теперь вотъ у васъ.

«— Чего же вамъ отъ меня угодно?

«— Мы требуемъ отъ васъ, чтобы вы намъ не препятствовали.

«— Я не могу исполнить вашего требованія. Типографія не моя, и я не имѣю полномочія давать такія разрѣшенія.

«— Да, но намъ разрѣшенія не требуется; мы все равно будемъ печатать.

«— Въ такомъ случаѣ я не понимаю, чего вамъ угодно.

«— Вы должны дать честное слово за Суворина и за васъ, что вы не донесете на насъ, пока мы не кончимъ работы.

«— Я не могу отвѣчать за Суворина и давать честное слово за себя.

«— Въ такомъ случаѣ мы васъ отсюда не выпустимъ.

«— Я выйду силою. Предупреждаю васъ, что я вооруженъ...

«— Мы вооружены не хуже васъ,—отвѣтили депутаты, вынимая револьверы.

---

[1]) Типографія газеты «Новое Время» подлежитъ по постановленію совѣта рабочихъ депутатовъ занятію сегодня (6—XI) для печатанія «Извѣстій совѣта». Предсѣдатель Хрусталевъ, и печать общегородского совѣта рабочихъ депутатовъ.

Библиотека "Руниверс"

«— Тогда дайте мнѣ возможность спросить Суворина по телефону.

«— У насъ нѣтъ времени дожидаться вашихъ переговоровъ. Для васъ предоставляется два выхода: или дать честное слово, или оставаться здѣсь.

«— Позовите сторожа и десятника,—обратились къ г. Богданову депутаты.

«Богдановъ взглянулъ на меня. Я развелъ руками.

«Позвали сторожа. Потребовали, чтобы онъ снялъ полушубокъ, десятника пригласили въ контору. Мы всѣ были арестованы.

«Черезъ минуту на лѣстницѣ послышались шаги подымающейся толпы; въ дверяхъ конторы, въ передней стояли люди. Захватъ состоялся.

«Трое депутатовъ куда-то выходили, проявляя весьма энергичную дѣятельность...

«— Позвольте спросить,—обратился я къ одному изъ депутатовъ,— вы на какой машинѣ соблаговолите работать?

«— На ротаціонной?

«— А если испортите?

«— У насъ прекрасный мастеръ.

«— А бумага?

«— У васъ возьмемъ.

«— Да вѣдь это квалифицированный грабежъ...

«— Что дѣлать...

«Начали бесѣдовать о забастовкѣ... Обмѣнъ мыслей былъ мирный.

«— Такъ какъ же,—спросилъ меня одинъ изъ депутатовъ:—даете честное слово или останетесь?

«Я далъ слово за себя, что не предприму никакихъ мѣръ, но прибавилъ, что заявлю Суворину о происшедшемъ.

«— Если что-нибудь произойдетъ,—сказали мнѣ:—помните, что это дѣло не шуточное и что мы примемъ мѣры.

«— Но, позвольте,—возразилъ я,—за вами могла слѣдить полиція; васъ могутъ накрыть, замѣтятъ свѣтъ въ типографіи, мало ли что можетъ случайно толкнуть полицію на этотъ домъ...

«— Это ужъ наше дѣло; мы приняли мѣры...

«Когда вопросъ объ отпускѣ меня на честное слово былъ рѣшенъ, депутаты куда-то вышли. Прошло минутъ десять, они не возвращались. Тогда я обратился къ толпѣ, стоявшей въ передней, и громко сказалъ:

«— Что же меня отпускаютъ или нѣтъ?! Это свинство, господа! Я не обѣдалъ и хочу ѣсть.

«Изъ толпы выдѣлился какой-то полуоборванный субъектъ.

«— Вы, пожалуйста, поосторожнѣй выражайтесь,—заявилъ онъ мнѣ.—Васъ никуда не отпустятъ; вы здѣсь и останетесь.

«— Это свинство,—повторилъ я раздраженно.—Извольте сказать, отпускаютъ меня или нѣтъ? Если нѣтъ, я пошлю за ѣдой.

—Нечего брыкаться, посидите тутъ, вы не имѣете право уходить.

«Въ это время вернулся одинъ изъ депутатовъ, и я повторилъ ему свой вопросъ.

«— Конечно, вы можете уходить,—отвѣтилъ онъ.

«— Да вотъ этотъ кавалеръ не согласенъ,—сказалъ я.

«— Какой? Вотъ этотъ? Вы кто такой, товарищъ? Я васъ не знаю. Вы пришли случайно. Товарищи, его кто-нибудь знаетъ?

«Молчаніе.

«— Товарищи, его нужно убрать подальше.

«И субъекта убрали.

«Я спустился внизъ. Подъ воротами стояла непроглядная тьма. У самыхъ воротъ въ полушубкѣ сторожа дежурилъ «пролетарій» съ револь-

Библиотека "Руниверс"

веромъ. Другой зажегъ спичку, третій вставилъ ключъ въ скважину. Щелкнулъ замокъ, калитка открылась, и я вышелъ»...

«Ночь прошла спокойно. Управляющій типографіей Богдановъ, которому предложили отпустить его на честное слово, отказался уйти. Пролетаріи его оставили...

«Наборъ шелъ сравнительно очень медленно, да и рукописи поступали чрезвычайно медленно. Ждали текущаго матеріала, который еще не поступилъ въ типографію. Когда Богдановъ давалъ совѣты поторопиться работой, ему отвѣчали: «Успѣемъ, намъ спѣшить некуда».

«Уже къ утру къ пяти часамъ появился метранпажъ и корректоръ, повидимому, народъ очень опытный. Нѣсколько позже пріѣхало: два автора и одна авторша-еврейка. Они писали статьи настолько медленно, что метранпажъ потерялъ терпѣніе и, вырвавъ недописанный листокъ, крикнулъ:

«— Ну васъ къ чорту съ вашей передовой; выйдемъ безъ нея...

«Среди ночи пріѣзжалъ какой-то незнакомецъ съ револьверомъ.

«— Во какой,—разсказывалъ потомъ сторожъ.

«Наборная работа окончилась около шести часовъ утра. Начали выколачивать матрицы и отливать стереотипъ. Газа, которымъ согрѣвали печи для стереотипа, не было. Послали куда-то двухъ рабочихъ, и газъ появился.

«Всѣ лавки были заперты, но въ теченіе ночи провизія добывалась безпрерывно. Для пролетаріевъ лавки открывались.

Въ семь часовъ утра приступили къ печатанію офиціальной пролетарской газеты. Работали на ротаціонной машинѣ и работали удачно.

«Печатаніе длилось до одиннадцати часовъ утра. Къ этому времени типографію очистили, унося съ собой экземпляры газеты. Увозили ее на извозчикахъ, которыхъ собрали въ достаточномъ количествѣ изъ разныхъ концовъ... Полиція обо всемъ узнала на другой день и сдѣлала «большіе глаза»...

XXX.

Описавъ колоритнымъ, приподнятымъ стилемъ демонстраціи, происходившія 18-го октября на улицахъ Петербурга, Г. С. Хрусталевъ приводитъ и резолюцію, приведенную мною выше (гл. XXVI), которою совѣтъ рабочихъ депутатовъ отвѣтилъ на манифестъ 17-го октября, и затѣмъ переходитъ къ описанію способовъ ликвидаціи октябрьской стачки и разъясненію того, чего добивались рабочіе своими выступленіями.

Сигналъ къ окончанію всеобщей забастовки послѣдовалъ изъ Москвы: московскій желѣзнодорожный узелъ «разбастовывался», и такимъ образомъ всероссійская стачка вырождалась въ мѣстную. «Продолженіе при такихъ условіяхъ стачки, какъ орудія политической борьбы,—говоритъ Хрусталевъ,—являлось безцѣльнымъ, и совѣтъ рабочихъ депутатовъ въ шестомъ засѣданіи на Рождественскихъ курсахъ, на которомъ присутствовало сто тридцать два депутата отъ семидесяти четырехъ фабрично-заводскихъ предпріятій и четырехъ профессіональныхъ союзовъ, декретируетъ прекращеніе стачки. Съ этого момента, можно сказать, революціонное движеніе пошло на убыль, и всѣ дальнѣйшія дѣйствія со-

Библиотека "Руниверс"

вѣта рабочихъ депутатовъ носили на себѣ характеръ начала явной агоніи и, хотя на протяженіи мѣсячнаго срока мы видимъ рядъ попытокъ со стороны совѣта заявить о себѣ рядомъ демонстрацій, однако эти дѣйствія не содержатъ въ себѣ наступательнаго характера, подъ давленіемъ котораго правительственный аппаратъ и жизнь обывателей терпѣли бы большой ущербъ. Идутъ разговоры, пренія объ организаціи самообороны, идутъ попытки демонстрировать торжественныя похоронныя шествія жертвъ «борьбы съ правительствомъ», идутъ попытки узаконить восьмичасовой рабочій день, но все это отзывается характеромъ только попытокъ, между тѣмъ какъ параллельно этимъ попыткамъ мы видимъ съ одной стороны парастаніе, хотя бы создаваемое искусственнымъ путемъ, контръ-революціонныхъ обывательскихъ силъ,. получившихъ впослѣдствіи наименованіе «черносотенныхъ», а съ другой—и что самое главное—наблюдается выходъ администраціи и представителей высшаго правительства изъ состоянія летаргическаго оцѣпенѣнія. Недѣльная весна пролетаріата явно начинала отцвѣтать; изъ состоянія активнаго, наступательнаго онъ постепенно переходитъ въ состояніе отступленія съ нѣкоторыми тормозами на нѣкоторыхъ моментахъ. Такъ протекаютъ событія до конца октября, когда вспыхиваетъ военное возстаніе въ Кронштадтѣ, и прокатываются антиреволюціонные погромы, послѣ чего рабочіе, становясь на сторону арестованныхъ матросовъ, громко начинаютъ говорить о необходимости отвѣтить на репрессіи въ Кронштадтѣ всеобщимъ вооруженнымъ возстаніемъ. «Дѣло матросовъ есть дѣло рабочихъ»—становится лозунгомъ того момента. На разныхъ заводахъ принимаются боевыя резолюціи. Совѣтъ рабочихъ депутатовъ конкретизируетъ всѣ эти резолюціи и на своемъ десятомъ засѣданіи ставитъ слѣдующій декретъ: «Совѣтъ рабочихъ депутатовъ призываетъ революціонный пролетаріатъ Петербурга, посредствомъ общей политической забастовки, уже доказавшей свою грозную силу, и посредствомъ общихъ митинговъ протеста проявить свою братскую солидарность съ революціонными солдатами Кронштадта и революціонными пролетаріями Польши. Завтра, 2-го ноября, въ двѣнадцать часовъ дня рабочіе Петербурга прекращаютъ работы съ лозунгами:

«1) Долой полевые суды!

«2) Долой смертную казнь!

«3) Долой военное положеніе въ Польшѣ и во всей Россіи!»

Хотя Хрусталевъ и заноситъ въ свою лѣтопись тогдашнихъ событій утвержденіе, что стачка была «всеобщая» въ Петербургѣ, однако въ дальнѣйшемъ самъ же отмѣчаетъ, что не бастовали: почта и телеграфъ, извозчики, конножелѣзныя дороги, большинство приказчиковъ, не говоря уже о томъ, что въ этой стачкѣ не принималъ участія петербургскій желѣзнодорожный узелъ, какъ равно

Библиотека "Руниверс"

не страдалъ городъ отъ отсутствія освѣщенія. При такомъ положеніи дѣлъ можно признать, что стачка не удалась. И, дѣйствительно, мы видимъ, что совѣтъ рабочихъ депутатовъ, какъ бы спасая авторитетность своего положенія, идя навстрѣчу своему исполнительному комитету, декретируетъ прекращеніе стачки. И иначе онъ поступить не могъ, ибо среди самихъ рабочихъ наблюдалось стремленіе не терять заработной платы въ виду и безъ того истощавшихся средствъ жизни. Къ тому времени правительству, или, правильнѣе, предсѣдателю совѣта министровъ, удается воздѣйствовать на заводчиковъ и фабрикантовъ и провести въ жизнь идею локаута. Дальше я остановлюсь подробнѣе на этой сторонѣ дѣла, а пока отмѣчу, какъ реагировалъ совѣтъ рабочихъ депутатовъ на это новое враждебное и опасное ему теченіе русской жизни. По свидѣтельству Хрусталева, «на семнадцатомъ засѣданіи совѣта 13-го ноября центральное мѣсто занимаетъ вопросъ о стачкѣ. Долженъ ли петербургскій пролетаріатъ отвѣчать на массовый локаутъ рабочихъ стачкой? Большинство отвѣчаетъ: нѣтъ. Стачка должна быть всероссійской. Совѣтъ поручаетъ исполнительному комитету войти со всѣми революціонными организаціями Россіи въ тѣсныя связи и назначить время всеобщей стачки. Для разсчитанныхъ товарищей организуется матеріальная помощь. Намѣченные на засѣданіи совѣта основные тезисы резолюціи вырабатываются 14-го ноября исполнительнымъ комитетомъ и публикуются въ газетахъ. Текстъ резолюціи былъ слѣдующій:

«Граждане! Болѣе ста тысячъ рабочихъ выброшены на мостовую въ Петербургѣ и другихъ городахъ.

«Правительство объявило войну революціонному пролетаріату. Реакціонная буржуазія соединяется съ правительствомъ, намѣреваясь голодомъ заставить рабочихъ смириться и разстроить борьбу за свободу.

«С. Р. Д. заявляетъ, что этотъ невиданный еще расчетъ массы есть провакація со стороны правительства. Правительство хочетъ вызвать пролетаріатъ Петербурга на одиночныя вспышки; правительство хочетъ воспользоваться тѣмъ, что рабочіе другихъ городовъ еще недостаточно тѣсно сплотились съ петербургскими, и разбить тѣхъ и другихъ по одиночкѣ.

«С. Р. Д. заявляетъ, что дѣло свободы въ опасности. Но рабочіе не поддадутся на эту провокацію правительства. Рабочіе не примутъ сраженія въ тѣхъ невыгодныхъ условіяхъ, въ которыхъ хочетъ навязать имъ правительство. Мы должны приложить и приложимъ всѣ усилія, чтобы объединить всю борьбу и всероссійскаго пролетаріата, и революціоннаго крестьянства, и арміи, и флота, которые геройски подымаются уже за свою свободу.

«Въ виду этого С. Р. Д. постановляетъ:

«1) Всѣ закрытые заводы должны быть немедленно открыты и всѣ разсчитанные товарищи приняты на свои мѣста. Всѣ слои народа, не на словахъ, а на дѣлѣ дорожащіе свободой, приглашаются поддержать это требованіе.

Библиотека "Руниверс"

«2) Для поддержанія этого требованія С. Р. Д. считаетъ необходимымъ обратиться къ солидарности всего россійскаго пролетаріата и, въ случаѣ отказа въ выполненіи требованія, призвать его ко всеобщей политической забастовкѣ и другимъ видамъ рѣшительной борьбы.

«3) Въ цѣляхъ подготовки этого выступленія С. Р. Д. поручено исполнительному комитету немедленно путемъ посылки делегатовъ и другими способами войти въ сношеніе съ рабочими другихъ городовъ, съ желѣзнодорожнымъ, почтово-телеграфнымъ, крестьянскимъ и другими союзами, а также съ арміей и флотомъ.

«4) По выполненіи этой предварительной работы исполнительный комитетъ созываетъ экстренное собраніе С. Р. Д. для постановленія окончательнаго рѣшенія по поводу забастовки.

«5) Петербургскій пролетаріатъ предложилъ всѣмъ рабочимъ и всѣмъ слоямъ общества и народа всѣми средствами, матеріальными, нравственными и политическими, поддержать разсчитанныхъ рабочихъ».

«Такъ ликвидировалась упорная и страстная борьба рабочихъ за восьмичасовой рабочій день. Пролетаріатъ переоцѣнилъ свои силы. Для тѣхъ, кто въ самомъ фактѣ видитъ его цѣлесообразность, эта борьба не только была неизбѣжна, она для нихъ кажется плюсомъ, хотя пролетаріатъ и былъ разбитъ».

Во исполненіе вышесказанныхъ постановленій исполнительный комитетъ совѣта, во главѣ котораго стоялъ все тотъ же Хрусталевъ-Носарь, дѣлаетъ попытки завязать сношенія и установить прочныя связи съ почтово-телеграфныхъ союзомъ, крестьянскимъ, желѣзнодорожнымъ и союзами рабочихъ отдѣльныхъ промышленныхъ центровъ. Дѣйствительно, мы видимъ, что эти попытки и старанія не остаются безъ результата и дѣятельныя сношенія между петербургскимъ совѣтомъ и возникшими къ тому времени аналогичными провинціальными совѣтами, напримѣръ: въ Кіевѣ, Ростовѣ, Ригѣ, Ревелѣ и друг. мѣстахъ, наблюдаются въ теченіе всего ноября мѣсяца. Непосредственнымъ и естественнымъ результатомъ этихъ сношеній является идея созыва всероссійскаго съѣзда депутатовъ всѣхъ совѣтовъ для созданія центральнаго руководящаго органа, который бы осуществилъ единую всеобщую политическую забастовку и, какъ дальнѣйшій этапъ, быть можетъ, даже всероссійское вооруженное возстаніе.

По свидѣтельству Хрусталева-Носаря, «идея съѣзда вышла изъ харьковскаго общества взаимопомощи. По мысли иниціаторовъ, съѣздъ ставилъ себѣ узкія цѣли по объединенію обществъ взаимопомощи и чисто профессіональнаго движенія. Но въ революціонной атмосферѣ пролетарскія организаціи, какими бы скромными цѣлями онѣ ни задавались, общимъ ходомъ всѣхъ вещей углубляются, расширяются и становятся на чисто революціонный путь. Исторія зубатовскихъ начинаній можетъ служить краснорѣчивой иллюстраціей этого положенія.

«Революціонный подъемъ не миновалъ и харьковскаго предложенія. На предварительной московской конференціи, бывшей до

Библиотека "Руниверс"

октябрьской стачки, рамки съѣзда были значительно расширены вопреки желанію иниціаторовъ.

«Въ программу съѣзда включены были вопросы о ближайшихъ задачахъ пролетаріата, о соотношеніи между профессіональнымъ и политическимъ движеніемъ, объ отношеніи къ государственной думѣ. Въ составъ съѣзда входили и представители соціалистическихъ партій. Съѣздъ предполагалось созвать на 15-е ноября. Ноябрьская стачка и борьба за восьмичасовой рабочій день не дали возможности петербургскому пролетаріату произвести выборы и подготовить матеріалы къ съѣзду. Поэтому исполнительный комитетъ 10-го ноября отправилъ телеграмму въ Москву объ отложеніи созыва съѣзда на конецъ декабря.

«Послѣ разгрома рабочихъ на почвѣ борьбы за восьмичасовой рабочій день жизнью неотвратимо былъ поставленъ вопросъ: «битва или смерть, кровавая борьба или ничтожество». Эти слова Жоржъ-Зандъ если не многими произносились, зато многими чувствовались и раздѣлялись.

«Подъ вліяніемъ такого подъема само собой рамки предполагаемаго рабочаго съѣзда раздвигались вширь, и вся платформа съѣзда передвигалась влѣво. Для осуществленія идеи съѣзда и установленія тѣсныхъ связей на мѣстахъ въ Москву, на югъ Россіи и въ Поволжье 15-го ноября были командированы депутаты совѣта. Съ Сѣверо-Западнымъ краемъ предполагалось объединиться черезъ бундъ, представитель котораго входитъ въ составъ совѣта, и черезъ сѣверо-западный с.-д. союзъ. Подъ непосредственнымъ вліяніемъ петербургскихъ делегатовъ въ Москвѣ возстановился совѣтъ рабочихъ депутатовъ.

«Петербургскіе делегаты вступили въ сношенія съ крестьянскимъ союзомъ и почтово-телеграфнымъ союзомъ. Ихъ делегаты прибыли въ совѣтъ, и по предложенію представителя крестьянскаго союза былъ выпущенъ извѣстный «манифестъ», воспроизведенный нѣкоторыми газетами, что имѣло для послѣднихъ печальный результатъ. Воспроизведеніе этого манифеста на столбцахъ «легальной» печати носило характеръ поддержки ему, сочувствія ему и достиженія при помощи его антигосударственныхъ задачъ въ цѣляхъ обращенія страны въ состояніе экономической и финансовой анархіи.

Нарисовавъ здѣсь сгущенными мрачными красками экономическое и финансовое состояніе страны и государствъ, указавъ, куда яко-бы *незаконно* уходятъ народныя сбереженія, отмѣтивъ составленіе администраціей фальшивой приходо-расходной смѣты и боязнь гласнаго контроля въ области финансовъ, манифестъ торжественно возвѣщаетъ:

«Пріостановить это финансовое разореніе сможетъ только учредительное собраніе. Оно займется строгимъ разслѣдованіемъ государ-

Библиотека "Руниверс"

ственныхъ финансовъ и установитъ подробную, ясную, точную и провѣренную смѣту государственныхъ доходовъ и расходовъ (бюджетъ).

«Страхъ передъ народнымъ контролемъ, который раскроетъ передъ всѣмъ міромъ финансовую несостоятельность правительства, заставляетъ его затягивать созывъ народнаго представительства.

«Финансовое банкротство государства создано такъ же, какъ и военное банкротство. Народному представительству предстоитъ задача по возможности скорѣе произвести расчетъ по долгамъ.

«Исходъ одинъ—свергнуть правительство, отнять у него послѣднія силы. Надо отрѣзать у него послѣдній источникъ существованія: финансовые доходы. Необходимо это не только для политическаго и экономическаго освобожденія страны, но, въ частности, и для упорядоченія финансоваго хозяйства государства.

«Мы, поэтому, рѣшаемъ:

«*Отказываться отъ взноса выкупныхъ и всѣхъ другихъ казенныхъ платежей. Требовать при всѣхъ сдѣлкахъ при выдачѣ заработной платы и жалованья уплаты золотомъ, а при суммахъ меньше пяти рублей—полновѣсно звонкой монетой.*

«*Брать вклады изъ ссудо-сберегательныхъ кассъ и изъ государственнаго банка, требуя уплаты всей суммы золотомъ.*

«Посему мы рѣшаемъ *не допускать уплаты долговъ по всѣмъ тѣмъ займамъ, которые правительство заключило, когда явно и открыто вело войну со всѣмъ народомъ.*

Совѣтъ рабочихъ депутатовъ.

Главный комитетъ всероссійскаго крестьянскаго союза.

Центральный комитетъ и организаціонная комиссія россійской соціалъ-демократической рабочей партіи.

Центральный комитетъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ.

Центральный комитетъ польской соціалистической партіи (P. P. S.).

Я не буду давать себѣ труда серьезно разбирать этотъ манифестъ. Слѣды антигосударственности здѣсь на каждомъ шагу, въ каждой строчкѣ. Для насъ сейчасъ, когда мы читаемъ этотъ документъ въ спокойномъ состояніи и при нормальныхъ условіяхъ русской жизни, онъ, конечно, не возбуждаетъ серьезнаго къ себѣ отношенія и, подобно выборгскому воззванію, можетъ быть зарегистрированъ въ лѣтописяхъ нашей исторіи, какъ курьезный документъ, обличающій наивную эксцентричность ихъ авторовъ, свидѣтельствующій, что русская жизнь обрѣталась въ состояніи умопомраченнаго эксцесса. Но для тогдашнихъ смутныхъ дней, когда правящія сферы далеко еще не справились съ разрухой отечественной дѣйствительности, онъ былъ опасенъ, какъ орудіе агитаціи, имѣющей цѣлью ослабленіе отечественныхъ финансовъ, переживавшихъ послѣ только что завершенной русско-японской войны несомнѣнный кризисъ. Отсюда понятна строгость, проявленная правительствомъ по отношенію тѣхъ органовъ печати, которые по тѣмъ или инымъ соображеніямъ воспроизвели его на своихъ столбцахъ.

Сейчасъ, пожалуй, трудно и учесть, въ какой степени манифестъ этотъ повредилъ взносамъ въ наши сберегательныя кассы; но, несомнѣнно, ущербъ этотъ былъ и, если ознакомиться съ поступатель-

Библиотека "Руниверс"

нымъ движеніемъ вкладовъ въ эти кассы, мы увидимъ, что ослабленіе этихъ вкладовъ, несомнѣнно, послѣдовало. Вообще сближеніе совѣта рабочихъ депутатовъ въ особенности съ всероссійскимъ крестьянскимъ союзомъ не предвѣщало ничего добраго, и, промедли правительство въ пассивности въ своей политикѣ по отношенію къ вливающимся другъ въ друга революціоннымъ организаціямъ, россійская смута могла бы затянуться еще на долгое время со всѣми вытекающими отсюда для страны и государственнаго строя печальными послѣдствіями. Но пассивности этой близился конецъ, и вскорѣ и предсѣдателя совѣта рабочихъ депутатовъ, проявившаго дѣйствительно необычайную кипучесть революціонной работы, и самый совѣтъ ожидалъ печальный конецъ. Ихъ арестъ и разгромъ уже нарѣвалъ.

Б. Глинскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

Библиотека "Руниверс"

ВОКРУГЪ СТАРАГО СВѢТА.

СЛАДКИМЪ видѣніемъ, волшебной панорамой пронеслись передо мною весною этого года древніе города Греціи и Египта. Возвращаться домой изъ Александріи я рѣшилъ черезъ Западную Европу. Хотѣлось набраться еще и еще новыхъ впечатлѣній въ тѣхъ странахъ, куда древняя цивилизація передала свое наслѣдство.

Времени было у меня немного. Быстро промелькнули: переѣздъ по Средиземному морю, Неаполь, Римъ, Марсель, Парижъ, Кельнъ, Берлинъ, Варшава, Москва. Нигдѣ я не засиживался, однако и короткое на нѣсколько дней пребываніе давало возможность освѣжить старыя воспоминанія и добавить ихъ новыми штрихами. Для меня, только что посѣтившаго аѳинскій акрополь и страну пирамидъ, жгучій интересъ представляло, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ древности, посѣтить Помпею, неаполитанскій музей, Римъ съ его сокровищницами и наконецъ Лувръ, гдѣ собрано столько остатковъ художественнаго творчества древнихъ временъ.

Я не собираюсь давать описанія историческихъ и художественныхъ достопримѣчательностей. Давно это уже сдѣлано другими. Воспроизвожу лишь краткіе наброски изъ записной книжки о личныхъ впечатлѣніяхъ.

Нашъ пароходъ втянулся въ коммерческую гавань Неаполя, но еще не скоро удалось попасть въ городъ. Сначала происходилъ карантинный дозоръ, а затѣмъ надолго затянулась выгрузка пассажирскаго багажа. Носильщиковъ мало, телѣжекъ для перевозки въ таможенный пакгаузъ еще того меньше. Наконецъ-то я нашелъ

Библиотека "Руниверс"

свои сундуки, а мальчикъ, piccolo, въ фуражкѣ избраннаго мною отеля, досталъ носильщика, и мы тронулись въ таможню. Передо мной шелъ худосочный, грустный нѣмецъ, тащившій свои два парусиновые чемодана. Вѣроятно, онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ пассажировъ, которымъ не посчастливилось въ Египтѣ, и онъ возвращался въ Европу больной и разочарованный. Таможенный досмотрщикъ съ какимъ-то упоеніемъ перевернулъ все скудное содержимое его чемодановъ. Бѣдный нѣмецъ краснѣлъ, смущался, когда тотъ приказывалъ развернуть дырявое бѣлье и вытертое желтоватое драповое пальто.

Меня же только для проформы спросили, нѣтъ ли табаку, и сейчасъ же на сундукѣ и чемоданахъ поставили мѣтку мѣломъ. Телѣжки покатились къ выходу, но и здѣсь въ воротахъ какой-то нижній чинъ черкнулъ цвѣтнымъ карандашомъ по каждой изъ вещей моего багажа. Эти полоски и до сихъ поръ не сходятъ, нельзя отчистить.

Piccolo храбро заявилъ, что носильщику слѣдуетъ двѣ съ половиной лиры и ему за труды, что пожалую. Съ первыхъ же шаговъ почувствовалась разница съ патріархальнымъ сравнительно Востокомъ. Неаполитанцы не церемонятся съ карманами путешественниковъ, въ особенности съ тѣми, кто пожелаетъ остановиться въ первоклассномъ отелѣ.

Въ автомобилѣ повезли меня въ гостиницу. Промелькнулъ величественный Castel Nuovo. Въ XIII столѣтіи это была крѣпость, впослѣдствіи здѣсь жили владѣтельныя особы, а теперь квартируютъ войска. На сѣромъ массивѣ стараго замка красиво выдѣляется грандіозный порталъ—побѣдная арка Альфонса Арагонскаго. Замокъ выстроенъ еще при Карлѣ I Анжуйскомъ. Внутри онъ былъ украшенъ рукою знаменитаго въ исторіи искусствъ Джіотто.

Современный королевскій дворецъ построенъ въ 1600 году по плану архитектора Фонтана. При въѣздѣ въ дворцовый садъ стоятъ два бронзовыхъ изваянія, копіи съ клодтовскихъ статуй на петербургскомъ Аничковомъ мосту—подарокъ Николая I неаполитанскому королю.

Изъ нишъ фасада королевскаго дворца смотрятъ статуи коронованныхъ владѣтелей Неаполя, начиная съ Рожера Норманскаго до Виктора-Эмануила. Этотъ рядъ бронзовыхъ изваяній представляетъ собою бьющую въ глаза иллюстрацію исторической жизни Южной Италіи и въ то же время даетъ представленіе о постепенномъ измѣненіи европейскаго военнаго костюма, вооруженія и моды на прически. Своимъ щегольскимъ и задорно воинственнымъ видомъ обращаютъ особенное вниманіе фигуры Мюрата и Виктора-Эмануила.

Дворецъ фасадомъ выходитъ на довольно большую площадь piazza del Plebiscito, обрамленную приземистой колоннадой собора S. Francesco di Paola. Оба почтенныхъ сооруженія не поражаютъ глазъ ни грандіозностью, ни особою красотою линій. Передъ храмомъ

Библиотека "Руниверс"

красуются бронзовые конные монументы короля Карла III, работы Кановы и короля Фердинанда V—скульптора Кали.

О Неаполѣ составилось представленіе, какъ о городѣ чудовищной неопрятности, о городѣ, кишащемъ нищими. Ничего поражающаго въ этомъ отношеніи лично мнѣ не пришлось наблюдать. Правда, сюда пріѣхалъ я черезъ Турцію и Египетъ. Тамошніе базары и улицы-щелочки отодвинули на время отъ европейскихъ требованій на чистоту и порядокъ.

На меня Неаполь своимъ внутреннимъ содержаніемъ не произвелъ бьющаго впечатлѣнія. Той массѣ народа, который толчется на проспектахъ и прилегающей къ нимъ сѣти узенькихъ переулочковъ, завидовать нечего—высоченные дома, отсутствіе растительности. Зато на набережной, тянущейся по берегу чуднаго залива, восхитительно красиво.

Здѣсь расположены и лучшія гостиницы.

Въ «Excelcior» мнѣ показали двѣ комнаты. Одну маленькую на море—двадцать пять лиръ, а другую темненькую во дворъ—десять лиръ. Обѣ безъ пансіона. Пріѣхать въ Неаполь и любоваться кухней—дико, платить чрезмѣрно дорого также не хотѣлось. По сосѣдству расположена другая гостиница, и названіе такое милое—«Santa Lucia». Мнѣ дали комнату во второмъ этажѣ на море за десять лиръ.

За время путешествія по Ближнемъ Востокѣ не приходилось слышать русскаго языка, а тутъ въ «Santa Lucia» въ вестибюлѣ мое ухо съ удовольствіемъ уловило русскую рѣчь. Красивая блондинка давала указанія своей камеристкѣ относительно багажа. Увы, русскія уже уѣзжали, и мнѣ вновь не скоро удалось услышать родную рѣчь.

Послѣ поздняго обѣда, прекрасно поданнаго въ отелѣ, я пошелъ на набережную. Вечеромъ она стала еще оживленнѣе. Много экипажей съ парадными выѣздами. Видимо, здѣсь любятъ и понимаютъ конскій спортъ. Ни въ Римѣ на Пинчіо, ни въ Парижѣ въ Булонскомъ лѣсу, ни въ Берлинѣ въ Тиргартенѣ мнѣ уже не доводилось видѣть ничего подобнаго. Въ послѣднихъ двухъ столицахъ, конечно, несравненно больше богатства, но тамъ лошади отошли на задній планъ, ихъ задавилъ автомобиль.

Въ модныхъ коляскахъ, запряженныхъ рослыми рысаками съ высокимъ ходомъ, съ великолѣпнымъ выѣзднымъ лакеемъ на козлахъ проносятся мѣстныя красавицы, промелькнетъ красивый, печальный профиль. Черные глаза не замѣчаютъ ни прохожихъ, ни чудно окрашеннаго послѣдними лучами солнца залива. Красавица ушла мыслями куда-то далеко. Но она вѣдь созданіе земное, есть интересы, быть можетъ, есть свой милый...

А вотъ картинка точно изъ французскаго романа. Сѣдая дама съ строгими, правильными чертами лица, рядомъ съ нею молодая

Библиотека "Руниверс"

дѣвушка, полная жизненныхъ восторговъ. Подлѣ экипажа верхомъ красуется фатоватый кавалеръ съ моноклемъ и говоритъ, видимо, что-то очень пріятное улыбающейся дѣвушкѣ. Никогда мнѣ больше не придется увидѣть никого изъ нихъ, а лица почему-то ясно запечатлѣлись, и хотѣлось бы крикнуть милой, наивной дѣвушкѣ: не вѣрь этому обольстителю, не довѣряйся ему! Не любитъ онъ тебя, жаждетъ получить твое приданое. Впереди ждетъ тебя разочарованіе, слезы, горе...

Между нарядными экипажами врѣзался желтенькій, маленькій кабріолетъ. Мѣстная небольшая горная лошадка быстро-быстро перебираетъ ногами, точно башкирскій иноходецъ, и легко обгоняетъ всѣ коляски. Смуглый владѣлецъ съ большими тараканьими усами радъ своей побѣдѣ надъ рысаками, публика сочувствуетъ ему, шумно одобряетъ. Кабріолетъ пролетаетъ совсѣмъ близко отъ фатоватаго кавалера. По лицу послѣдняго пробѣгаетъ злобная гримаса, онъ какъ-то брезгливо отодвигаетъ въ сторону свою лошадь. Дѣвушка смотритъ на него широко открытыми, удивленными глазами. Неужели она не пойметъ этого господина?..

Смеркается. Зажглись огни на набережной. На тихихъ волнахъ качаются лодки съ красными фонарями. Показались огоньки и на ушедшемъ далеко въ заливъ массивномъ «Castello dell'Ovo». Передъ гостиницей появляется группа странствующихъ музыкантовъ и пѣвцовъ. Звенитъ мандолина, переливчато гудятъ гитары, а мягкій теноръ заливается сладкими звуками.

Вдоль набережной тянется городской садъ Villa Nationale—лучшій уголокъ Неаполя. Европейскія растенія чередуются съ тропическими выхоленными экземплярами. Площадки парка богато украшены скульптурными произведеніями. Это и ботаническій, и популярно-художественный музей подъ открытымъ небомъ съ видомъ на лазурное море и живописныя окрестности. Неаполитанцы, гуляя здѣсь, съ дѣтства, проникаются чувствомъ красоты, стремленіемъ къ изящному. По вечерамъ въ паркѣ играетъ большой муниципальный духовой оркестръ.

Въ городскомъ саду устроенъ и знаменитый акваріумъ. Слишкомъ много ожидалъ я отъ этой диковинки. Оказалось и по размѣрамъ, и по внѣшности, и по содержимому все гораздо проще, скромнѣе, чѣмъ я предполагалъ.

Черные котелки и черные пиджаки замѣнили былой живописный красочный костюмъ итальянцевъ. Прежде заплаты, даже лохмотья не безобразили наряда. Теперь не то. И надо полагать, властное распространеніе безвкуснѣйшаго общеевропейскаго наряда заставило бывшихъ неаполитанскихъ лаццарони вмѣстѣ съ костюмомъ оставить и привычку бездѣлія. Нищіе и попрошайки встрѣчаются, но далеко не въ томъ количествѣ, какъ на Востокѣ или у насъ хотя бы въ Москвѣ.

Библиотека "Руниверс"

Многія улицы въ Неаполѣ вымощены по старинѣ каменными плитами. Лежатъ онѣ, надо полагать, многіе годы, износились, образовались глубокія выбоины. Ѣздить по этимъ ухабамъ въ извозчичьемъ экипажѣ на желѣзныхъ шинахъ—одно наказаніе. Булыжная мостовая послѣ плитной покажется пухомъ. Приходится благодарить за тихую ѣзду, иначе внутренности вытрясетъ. Мѣстные извозчики, сколько пришлось замѣчать, народъ пожилой. Молодежь, видимо, къ этому занятію не тянетъ. Болѣе чѣмъ зрѣлый возрастъ возницъ и гористая мѣстность въ общемъ дѣйствуютъ охлаждающе на южный пылъ, приходится ползти шажкомъ. Зато городъ изрѣзанъ рельсами трамвая. Сообщеніе очень удобное, правда, съ непредвидѣнными задержками. На моихъ глазахъ одинъ изъ пассажировъ спросилъ, нѣтъ ли почтоваго ящика въ вагонѣ. Кондукторъ не задумался, остановилъ вагонъ и показалъ на уголъ улицы. Старичекъ не спѣша слѣзъ съ площадки, положилъ письмо и вернулся обратно. Мы всѣ его ждали, и никто не протестовалъ.

Меня тянуло на самый высокій пунктъ Неаполя—замокъ San Martino. Туда ведетъ фюникюлеръ. Я отправился на соотвѣтствующемъ номерѣ трама, но точнаго мѣста высадки не зналъ. Кондукторъ на мой вопросъ о finiculara San Martino отозвался невѣдѣніемъ. Только благодаря одному пассажиру, удалось мнѣ узнать, гдѣ нужно остановиться. Какъ часто приходится наблюдать у нѣкоторыхъ людей безразличное отношеніе къ окружающей ихъ мѣстности и обстановкѣ. Не интересуетъ ихъ нисколько. Весьма возможно, что и среди 700.000 неаполитанцевъ наберется не одинъ десятокъ тысячъ равнодушныхъ къ красотамъ природы, которые всю жизнь не выходили дальше своего квартала, не видали ни моря, ни окрестностей, ни самаго Неаполя съ высоты San Martino. А какая дивная картина развертывается оттуда съ парапета стараго замка!

Быть въ Неаполѣ хотя короткое время и не заглянуть въ національный музей—непростительно.

Здѣсь помѣщены сокровища древности, а также итальянскаго ренесанса, собранныя Фарнезе въ Римѣ. Въ началѣ XVIII столѣтія коллекціи были перевезены изъ Пармы, гдѣ онѣ хранились, въ Неаполь для украшенія дворца Каподимонто. Но строеніе это было тогда не закончено, художественныя произведенія валялись безъ спеціальнаго призора и много пострадали. Только въ концѣ XVIII вѣка, при королѣ Фердинандѣ и Мюратѣ, всѣ эти предметы перенесены въ современный музей. Музей—старинное зданіе, устроенное въ концѣ XVI столѣтія для казармъ, но вскорѣ кавалеристовъ замѣнили студенты. Университетъ находился здѣсь болѣе ста пятидесяти лѣтъ.

Раскопки Геркуланума и Помпеи обогатили музей такими вкладами, которые вмѣстѣ съ коллекціею Фарнезе ставятъ его въ

Библиотека "Руниверс"

исключительное положеніе. Стѣнная живопись, мозаика, мраморъ; бронза, стекло, терракота, вазы, ювелирныя вещи здѣсь собраны въ огромныя галереи. Детальное изученіе древняго міра немыслимо безъ пользованія сокровищами неаполитанскаго національнаго музея.

Одновременно со мною шумной гурьбой ворвалась группа американскихъ туристовъ. Они потребовали, чтобы имъ прежде всего показали знаменитую скульптуру Фарнезскаго быка, Геркулеса, также Фарнезскаго, и колоссальную голову лошади, репродукціи съ которой повсюду встрѣчаются. Американцы спѣшно взглянули, удостовѣрились въ наличности извѣстныхъ рѣдкостей и быстро удалились.

Долженъ сознаться, что на меня Фарнезскій быкъ вовсе не производитъ впечатлѣнія и я съ несравненно большимъ удовольствіемъ любовался Меркуріемъ, танцующимъ Фавномъ и другими бронзовыми изваяніями.

Въ картинной галереѣ особенное оживленіе замѣтно передъ тиціановскими полотнами. Общее вниманіе привлекаютъ Даная и портретъ папы Павла III.

Въ залахъ и галереяхъ, среди художественныхъ произведеній сѣдой старины, невольно переносишься въ то время, когда греческая культура черезъ неаполитанскія ворота вливалась въ Италію. Греки-переселенцы привозили вмѣстѣ съ собою любовь къ прекрасному, выписывали съ родины предметы искусства и распространяли ихъ постепенно по Апеннинскому полуострову. Однако одного не могли привезти—талантовъ. И много-много лѣтъ еще во время могущества Рима произведенія итальянскихъ мастеровъ походили на плохія греческія копіи. Надо было странѣ пережить рядъ потрясеній, несчастій, разбиться и расколоться на нѣсколько враждующихъ государствъ, и только тогда загорѣлась заря своего родного творчества, насталъ великій періодъ итальянскаго ренесанса.

Сторонился я гидовъ въ Неаполѣ, но осматривать Помпею не рѣшился ѣхать въ одиночествѣ. Зашелъ въ агентство, гдѣ меня быстро убѣдили въ необходимости внести немедленно сорокъ франковъ. За эту сумму меня должны были довезти до Помпеи и «послѣдней лавы», показать во всѣхъ подробностяхъ и кромѣ того накормить. «Всѣ расходы принимаемъ на себя». Эти расходы не превысили вѣроятно и десяти франковъ, включая сюда сквернѣйшій завтракъ на желѣзнодорожной станціи.

Жалкіе остатки маленькаго города, засыпаннаго пепломъ, привлекаютъ теперь путешественниковъ со всего міра. Что осталось? Разбитыя стѣны, кой-гдѣ потолки, обломанныя колонны, растрескавшаяся мозаика, внутренняя раскраска, водопроводы,

Библиотека "Руниверс"

ванны, каменные полы, мостовая на узкихъ уличкахъ. Однако по этимъ руинамъ вырисовывается жизнь современниковъ Плинія Старшаго гораздо рельефнѣе, чѣмъ по многотомнымъ книгамъ.

Человѣчество вездѣ, исключая Дальняго Востока, варварски относилась къ старинѣ, жило сегодняшнимъ днемъ, старое разоряло, возводило новое. Даже такія крѣпости-памятники, какъ египетскія пирамиды, и тѣ не заслужили пощады. Ихъ обезобразили, сорвавъ верхніе покровы и вырвавъ все внутреннее содержаніе. Страшное бѣдствіе, грозная катастрофа, разразившаяся въ началѣ христіанской эры въ окрестностяхъ современнаго Неаполя, разрушили Геркуланумъ и Помпею и въ то же время сохранили ихъ для потомства.

Въ настоящее время на мѣстѣ въ Помпеѣ не оставлено почти ничего изъ украшавшихъ его статуй и внутренней обстановки домовъ. Все, что не расхищено, перевезено въ неаполитанскій музей. Городъ окончательно погребенъ былъ пепломъ лишь послѣ второй катастрофы въ 79 году. Надо полагать, что еще послѣ перваго изверженія въ 63 году погибла часть памятниковъ, особенно мраморныхъ изваяній. Вѣроятно, тогда же много художественныхъ вещей увезено было бѣглецами. Да и въ 79 году, послѣ первой паники, наиболѣе цѣнныя вещи, вѣроятно, были откопаны и взяты съ собою на будущую погибель хозяевами или грабителями. Осталось то, что менѣе цѣнно. Тѣмъ не менѣе и эти остатки представляютъ большой интересъ, служатъ показателемъ высокаго подъема художественной промышленности и существовавшаго тогда огромнаго спроса на такія произведенія. Каждая даже самая маленькая городская площадка украшалась статуями, во всѣхъ домахъ художественная отдѣлка, вазы, статуэтки, плафоны составляли необходимую принадлежность.

Во время переѣзда по желѣзной дорогѣ мой проводникъ бесѣдовалъ со своимъ товарищемъ, состоявшимъ при двухъ англичанахъ, видимо, не считалъ себя обязаннымъ давать объясненія и только показалъ пальцемъ въ окно вагона на тѣ мѣста, которыя залиты были лавой.

Съ нами въ поѣздѣ ѣхалъ цѣлый классъ воспитанниковъ художественнаго училища. У нихъ былъ свой оркестръ, цвѣтистое знамя и одинаковыя бутоньерки въ петлицахъ. Молодымъ ногамъ не терпѣлось, и они выскочили на предпослѣдней станціи съ тѣмъ, чтобы пройтись по мѣстечку съ музыкой, пощеголять передъ народомъ. Съ побѣднымъ маршемъ направились они въ горы, а мы покатили прямо въ Помпею.

По пріѣздѣ на конечную станцію проводники направляютъ всѣхъ туристовъ въ буфетъ, подлѣ котораго расположенъ магазинъ-выставка имитацій древнихъ предметовъ. Во время скуднаго завтрака съ кислымъ виномъ пилпкалъ плохонькій оркестръ. Все

Библиотека "Руниверс"

это какъ-то плохо вязалось съ перспективой погруженія въ художественное прошлое римскихъ гражданъ.

При осмотрѣ руинъ гидъ оживился. Всю жизнь показываетъ онъ только Помпею, конечно, знаетъ старыя развалины, какъ свои пять пальцевъ. Онъ называетъ имена древнихъ домовладѣльцевъ, точно знакомъ былъ лично съ ними.

Какія миніатюрныя усадьбы, игрушечные садики, узенькія-узенькія улички! Всѣ строенія жались одно къ другому въ тѣсные кварталы. Только передъ храмами раздвигались площадки, на которыхъ въ былое время стояли статуи боговъ. При одноэтажныхъ домикахъ не было необходимости прокладывать широкихъ улицъ. Ѣздить по нимъ приходилось, вѣроятно, не часто, такъ какъ ни при одномъ домѣ не было конюшенъ или коровниковъ. Въ горной странѣ улицы служили и стокомъ дождевыхъ водъ, приходилось ихъ немного углублять, а для удобства пѣшеходовъ устанавливать на перекресткахъ камни для перехода съ одного тротуара на другой. Въ нѣкоторыхъ наиболѣе интересныхъ домахъ разбиты садики по старому образцу, въ огромномъ же большинствѣ дворовъ растетъ трава, не признающая разрушенія, да цвѣтетъ красный полевой макъ.

Помпея считался маленькимъ городомъ, и тѣмъ не менѣе здѣсь было два театра и циркъ. Жители любили развлекаться. Къ числу удовольствій подводилось и посѣщеніе термъ. По сохранившимся остаткамъ можно сказать, что въ Помпеѣ были роскошныя бани.

Какъ уже раньше мною отмѣчено, я не собирался дѣлать подробныя описанія ни музеевъ, ни городовъ. Однако читатель въ правѣ спросить меня, что же я вынесъ изъ посѣщенія развалинъ Помпеи? Я понимаю все значеніе Помпеи, какъ подлинной иллюстраціи жизни Италіи въ эпоху близкую къ началу христіанской эры, вижу въ ней единственную модель древняго города въ естественную величину, модель сильно обломанную, но все-таки сохранившую много интереснаго.

Все это я понимаю, но, двигаясь по уличкамъ Помпеи, заходя въ дома, я не ощущалъ, увы, особаго настроенія. Сердце не замирало, не чувствовалось слезы. Не былъ я растроганъ. Почему же? Съ Помпеей связано у меня представленіе о геологической катастрофѣ. Свершилось страшное выступленіе природы—и только. Самъ же городъ не завоевалъ въ свое время, въ свою «бытность» права на вѣчность. Ничѣмъ онъ знаменитъ не былъ. Не здѣсь зарождалась культура человѣчества, не здѣсь выковывалось могущество великаго государства.

У пирамидъ Египта, на развалинахъ аѳинскаго акрополя, на римскомъ форумѣ волнуютъ душу мысли о минувшемъ величіи, а здѣсь удовлетворяется жажда знанія. Здѣсь узнаешь, какъ въ дѣйствительности жили обыватели Помпеи.

Библиотека "Руниверс"

Давно я не ѣздилъ по такой пыльной и ухабистой дорогѣ, какъ отъ Помпеи до «послѣдней лавы», т.-е. того мѣста, куда докатилась лава въ самое послѣднее изверженіе Везувія. По дорогѣ намъ пришлось простоять болѣе четверти часа передъ шлагбаумомъ при переѣздѣ черезъ рельсы. Сторожу понадобилось куда-то уйти, и онъ задолго до прохожденія поѣзда закрылъ переѣздъ и самъ удалился. Постепенно набралась масса разныхъ экипажей, стали кричать, свистать, но виновникъ появился не скоро.

Я охотно готовъ былъ отказаться отъ экскурсіи, но гидъ высказалъ твердость духа и заставилъ меня убѣдиться собственными глазами въ томъ жестокомъ опустошеніи, которое въ наши дни дѣлаетъ изверженіе Везувія. Дѣйствительно, картина страшная. Однако любовь къ насиженному, родному мѣсту не желаетъ считаться съ явною опасностью. Ближайшіе сосѣди адскаго затопленія не оставляютъ еле-еле уцѣлѣвшихъ своихъ домовъ, не бѣгутъ, не переселяются. Даже разрушенныя зданія и тѣ вновь отстраиваютъ въ надеждѣ, что теперь уже застрахованы отъ повторнаго бѣдствія.

Съ «послѣдней лавы» мы проѣхали на желѣзнодорожную станцію Terre del Greco. Вокзалъ крохотный, негдѣ присѣсть, народу много. Среди ожидавшихъ поѣздъ ярко выдѣлялись дѣти, возвращавшіяся со школьной экскурсіи. Мальчики въ красныхъ рубашкахъ и синихъ колпакахъ немилосердно галдѣли. Къ этому шуму прибавлялись неистово-крикливые звуки нѣсколькихъ трубъ и барабана дѣтскаго оркестра. Оставаться на станціи рѣшительно не было возможности. Пошелъ пройтись по городу, но забарабанилъ мелкій холодный дождь. За время моего путешествія, начиная отъ Одессы, это былъ первый дождь. Я отвыкъ и отъ холода, и отъ дождя, а тутъ, въ окрестностяхъ Неаполя, въ началѣ мая, пахнуло сѣверомъ, скверной, пронизывающей непогодой.

Проводникъ посовѣтовалъ зайти въ мѣстный кафе. Что за темная, непривѣтливая дыра! Рядомъ, у дверей мелочной лавочки, красивая дѣвушка занималась своимъ туалетомъ. Двѣ смуглыя сестренки расчесывали ей волнистые, спутанные волосы. Она покрикивала на нихъ, а тѣ показывали ей языкъ и, вѣроятно, больно дергали за косу. Меня увѣряли, что поѣздъ подадутъ сейчасъ-сейчасъ,— «стриженая дѣвка косы не успѣетъ заплести». Но лавочница успѣла закончить высокую прическу, приколола огромный бантъ и, распѣвая, направилась подъ дождемъ туда, гдѣ ее, вѣроятно, ждали, а мы все сидѣли, и проводникъ повторялъ: «un moment, monsieur, un moment...»

Погода быстро разгулялась, и Неаполь, озаренный солнцемъ, показался мнѣ еще прекраснѣе. На улицахъ было чрезвычайное оживленіе, я попалъ на корсо. Разукрашенные цвѣтами, гирляндами, флагами, экипажи тихо двигались среди шпалеръ народа. Главнымъ

Библиотека "Руниверс"

декоративнымъ матеріаломъ для лошадей были перья разной окраски. Попадались большія деревенскія подводы съ парусиновымъ балдахиномъ, убраннымъ виноградными листьями, колосьями, полевыми цвѣтами. Сидѣнія заняты были музыкантами и пѣвцами въ національныхъ костюмахъ.

Пахнуло старой, красивой Италіей. Весь Неаполь высыпалъ на улицу, шумѣлъ, веселился такъ, какъ дано это природой только южанамъ.

Собираясь въ дальній путь, я предполагалъ изъ Неаполя проѣхать до Марселя на пароходѣ. Но на мѣстѣ, какъ я ни спѣшилъ, мнѣ показалось невозможнымъ миновать, оставить въ сторонѣ Вѣчный городъ, расположенный всего въ трехъ часахъ ѣзды курьерскаго поѣзда. Тѣмъ болѣе, что я видѣлъ Римъ двадцать лѣтъ назадъ. Хотя денекъ, однимъ, что называется, глазкомъ да взглянуть на Римъ.

Пріѣхалъ поздно вечеромъ, когда городъ, задернутый темнымъ покровомъ, уже спалъ. Автомобиль мчалъ меня по улицамъ. Неясные контуры домовъ ничего не говорили. Былъ ли это Римъ, или Петербургская сторона—все равно. Тамъ, у насъ на сѣверѣ бѣлая свѣтлая ночь, а здѣсь лишь грустно мелькаютъ фонари.

На другой день рано поднялся, желая использовать время возможно продуктивнѣе. Куда же итти сначала? Хотѣлось повидать многое. Ноги сами уносили отъ Квиринала внизъ по Via Nationale мимо новой галереи изящныхъ искусствъ, Banco d'Italia, palazzo Rospigllasi.

Съ лѣвой стороны вдали, въ просвѣтѣ между зданіями, мелькнула огромная колоннада—памятникъ Виктору-Эмануилу. Я еще не видѣлъ этого грандіознѣйшаго по размѣрамъ монумента. Золоченая конная статуя счастливаго собирателя Италіи, поднятая высоко на площадку гигантскаго мраморнаго постамента-лѣстницы, выдѣляется на кружевномъ фонѣ колоннады. Горы мрамора, масса художественно-ремесленнаго труда и милліоны франковъ затрачены на чествованіе Re galantissimo, и тѣмъ не менѣе памятникъ не производитъ впечатлѣнія величія. Если бы не позолота, то статуя совсѣмъ слилась бы съ мраморной причудливой постройкой, казалась бы лишь однимъ изъ ея украшеній.

Позолота монумента это своего рода курсивъ въ печати, подчеркнутое слово въ рукописи. Великіе писатели къ такимъ графическимъ указаніямъ своего замысла не прибѣгали. Благодаря ихъ таланту, наиболѣе важное само поднималось, вставало передъ читателями во весь ростъ Великіе греки-скульптуры, правда, въ своихъ работахъ не ограничивались однимъ мраморомъ, нерѣдко употребляли въ дѣло золото и драгоцѣнные даже камни. Но въ этихъ произведеніяхъ и то и другое имѣло значеніе художественной ювелирной работы,

Библиотека "Руниверс"

которая также является составною частью изящныхъ искусствъ. Въ большихъ же композиціяхъ вниманіе зрителя привлекалось всегда не яркостью красокъ, а красотою формъ, идеей художника.

Взятая въ отдѣльности, конная фигура Виктора-Эмануила произведеніе посредственное. На площадяхъ итальянскихъ городовъ скачетъ на мѣстѣ сотня болѣе эффектныхъ Викторовъ-Эмануиловъ. Если статую снять съ эстрады, то сооруженіе, надо полагать не много пострадаетъ, хотя и не выиграетъ. Нѣтъ цѣльности, нѣтъ взаимной органической связи.

Хотя для королевскаго памятника и снесли нѣсколько старыхъ монастырскихъ построекъ, но все-таки онъ сдавленъ съ боковъ, нѣтъ простора, который, впрочемъ, вообще отсутствуетъ въ Римѣ. Улицы здѣсь вообще узки, площади не велики.

Памятникъ не совсѣмъ готовъ, все еще додѣлываютъ кое-какія декоративныя подробности и ступеньки лѣстницъ. Художественную сокровищницу міра этимъ огромнымъ, дорого стоящимъ сооруженіемъ не обогатили. Тѣмъ не менѣе итальянцы въ мраморѣ наглядно показали, что они не остановились ни передъ какими затратами, дабы увѣковѣчить память любимаго правителя, собравшаго воедино всю Италію.

Большіе размѣры, причудливость архитектурныхъ линій, мастерская отдѣлка мрамора все-таки оставляетъ впечатлѣніе, и, конечно, памятникъ является одною изъ достопримѣчательностей новаго Рима. Нельзя не посмотрѣть на него, не подняться къ статуѣ и дальше вверхъ подъ колоннаду. А разсматривая сооруженіе, невольно вспомнишь и о Re galantissimo и о его блестящихъ подвигахъ за единеніе и независимость родной націи.

Отъ памятника я направился на Corso Vittoro Emanuele. Затѣмъ по мосту черезъ Тибръ перешелъ на другой берегъ, въ святая святыхъ католическаго Рима и по непривѣтливымъ, узкимъ уличкамъ выбрался наконецъ на площадь св. Петра.

Удивляешься, какъ всевластные прежде папы, художники въ душѣ, тратившіе огромныя суммы на сооруженія и украшеніе собора и Ватикана, оставили вплотную почти къ колоннадѣ Бернини обывательскія лачужки, не расчистили обширной эспланады. Въ настоящее время къ исторической, художественной площади прижались съ городской стороны затрапезные дома съ невзрачными лавочками, съ грязненькими кофейнями и ресторанами.

Но объ этихъ неряшливыхъ, неумытыхъ сосѣдяхъ скоро забываешь. Впереди творенія Браманте и Микель-Анджело. Могучимъ спокойствіемъ вѣетъ отъ сѣдой старины. Ничего кричащаго, ничего бросающагося въ глаза. Но и теперь, какъ и прежде, слишкомъ суровымъ, холоднымъ мнѣ кажется сѣрая громада собора и примыкающія къ нему постройки. Я съ удовольствіемъ замѣчаю пинію, поднявшую свой зеленый вѣеръ выше колоннады. Она переросла всѣ

Библиотека "Руниверс"

преграды. Вотъ и въ Ватиканѣ два изъ самыхъ верхнихъ небольшихъ окошекъ мило завиты цвѣтами. Жизнь пробивается и среди заколдованнаго каменнаго царства.

Пустынно на площади, вымощенной правильными, ровными плитками. Бьютъ два фонтана. Вѣчнымъ часовымъ стоитъ, вытянувшись въ струнку, языческій, египетскій обелискъ, увѣнчанный католическимъ крестомъ. Изрѣдка тихо проѣдетъ, похлопывая бичомъ, извозчикъ. Небольшія группы туристовъ и паломниковъ толкутся у Ватикана и на временномъ деревянномъ помостѣ, ведущемъ къ галереѣ у внѣшнихъ вратъ храма св. Петра.

Въ міровомъ соборѣ шла служба. Торжественно звучалъ органъ, а затѣмъ слышался хоръ пѣвчихъ. Болѣе шестидесяти духовныхъ особъ сидѣли съ молитвенниками и дружными рѣзкими выкриками отвѣчали на пѣснопѣнія и богослужебныя слова совершавшаго мессу прелата. Молящихся было очень мало. Въ особенности это стало замѣтно, когда изъ придѣла вышелъ крестный ходъ. Впереди несли тяжелое распятіе, затѣмъ хоругви, потомъ шли съ большими зажженными свѣчами пѣвчіе въ малиновыхъ костюмахъ, покрытыхъ кружевами, за ними длинной лентой двигались попарно всѣ присутствовавшія на богослуженіи духовныя особы, всѣ съ большими зажженными свѣчами, всѣ съ молитвенниками. Замыкали шествіе также со свѣчами въ рукахъ четыре кардинала, съ характерно различными чертами лица. Видимо, иностранцы, не итальянцы. Хоръ меньше нашего Исаакіевскаго, но звукъ давалъ сильный, гулкой волной проносившійся по огромному внутреннему пространству собора. Духовенство точно не хотѣло слушать пѣвчихъ, не хотѣло видѣть и того, что дѣлается вокругъ. Они уткнулись въ молитвенники и громко читали, производя своеобразный шумъ зубрящихъ заданный урокъ школьниковъ.

Процессія плавно, извивающейся лентой подвигалась вокругъ собора, будто отыскивая свободное мѣсто для прохода черезъ многотысячную толпу. На самомъ же дѣлѣ не было и ста человѣкъ, добрую половину которыхъ составляли туристы.

Не говоря про Ватиканъ съ его безцѣнными художественными богатствами, но и взятый въ отдѣльности храмъ св. Петра, самъ по себѣ, съ многочисленными придѣлами, часовнями и папскими памятниками, представляетъ великолѣпный художественный музей, для подробнаго осмотра котораго необходимы не часы, а дни.

Мнѣ нравилась торжественно-символическая процессія, я былъ доволенъ, что въ храмѣ почти не видно народа. Такъ заманчиво передвигаться отъ монумента къ монументу подъ колоссальными сводами и въ мечтахъ, подъ звуки хора переноситься въ черное и въ то же время остро-сладкое время XV—XVII столѣтій.

Библиотека "Руниверс"

Въ галереѣ L'art moderne выставка Societa degli amatori-e-cultori di belle arti in Roma. Тутъ же рядомъ и выставка Secce-sion.

Общій видъ довольно сѣренькій. Нѣтъ гвоздя. Какъ-то странно послѣ великихъ мастеровъ, украшавшихъ храмъ св. Петра, окунуться въ современное слабосильное творчество ихъ потомковъ. Вѣроятно, сказывалась усталость отъ переживаній въ соборѣ, глаза мои разсѣянно смотрѣли на новѣйшія картины и на скульптуру.

Больше другихъ понравились мнѣ картины: Ferro Cesare—«Ritrato», Marioni Pompeo—«Studio», Wolfsfeld Erich—«La partia a Scacchi», Tomasso Renato—«Studio in tempera», Greiner Otto—«Disegno» и «Ritratto», Fehr Conrad—пейзажъ. Мастерски сдѣланы De la Perche Guri акварельные портреты. Бросаются въ глаза пейзажи Urban Hermann. Изъ скульптурныхъ произведеній невольно привлекаетъ къ себѣ крошечная фигура работы Passaglia Giulio—«Il Pianto». Плачущій ребенокъ утираетъ слезы рубашонкой. Интересенъ мавзолей Rancher Umberto.

Послѣдній залъ, въ который я попалъ, отведенъ воспроизведенію жизни животныхъ—Degli animalisti. Особенно плодовитъ Sartorio Aristide. Несется совершенно по воздуху лошадь, тигръ прыгаетъ на добычу, тигрица играетъ съ тигрятами. Зарисована имъ и своеобразная картина Знойная Африка. Заросли и камыши на берегу озера. Стадо буйволовъ, двигавшееся на водопой, остановилось въ оцѣпенѣніи. Передовой ихъ товарищъ уткнулъ рогатую голову въ воду и не можетъ ее приподнять—въ ноздри вцѣпился страшными зубами крокодилъ. Вокругъ тишина. Черезъ секунду стадо шарахнется назадъ, а несчастный буйволъ останется жертвой чудовища.

Рядомъ съ этой выставкой устроило свою и общество «Seccession». Къ сожалѣнію, усталость не позволила мнѣ внимательно осмотрѣть ихъ произведенія. Онѣ гораздо интереснѣе, чѣмъ картины сочленовъ Societa degli amatori-cultori di belle arti in Roma. «Рождество Христово» трактовано чрезвычайно оригинально. Хороши горное озеро и nue. Встрѣчаются и юродства, но не въ такомъ циничномъ балаганномъ видѣ, какъ у насъ, у нашихъ кубистовъ и футуристовъ.

При выходѣ изъ галереи ждалъ непріятный сюрпризъ. Полилъ проливной дождь. Порывистый вѣтеръ заливалъ брызгами подъѣздъ выставки. Потянуло пронизывающимъ холодомъ. Обмокшіе прохожіе спѣшили съ брезгливыми, сердитыми лицами, извозчики вооружались огромными зонтиками, прикрѣпляли ихъ къ козламъ колясокъ. Дождь и проливной, и обложной—надолго. Пришлось укрыться въ гостиницу и выжидать погоды.

Къ тремъ часамъ дождь пересталъ, но небо продолжало хмуриться.

На трамваѣ, мѣняя вагоны, я объѣхалъ городъ. Толкотня здѣсь не меньше, чѣмъ въ Петербургѣ, впускаютъ пассажировъ «до отбою».

Библиотека "Руниверс"

Когда въ 1870 году Викторъ-Эммануилъ вступалъ торжественно въ Римъ, то и онъ и вся нація надѣялись, что скоро Вѣчный городъ станетъ громаднымъ оживленнымъ центромъ всѣхъ государствъ, прилегающихъ къ Средиземному морю. Увы, Римъ плохо растетъ, все величіе его остается въ прошломъ. Въ самой Италіи такіе города, какъ Неаполь и Миланъ, гораздо оживленнѣе и богаче Рима. Въ художественномъ же отношеніи значеніе его подорвано Парижемъ. Какъ ни ворчатъ старые мастера о необходимости для художниковъ всѣхъ странъ съ головой уйти въ старый Римъ, но они охотнѣе селятся на берегахъ Сены, чѣмъ у Тибра. Продуктивность художественнаго Парижа теперь даже нельзя и сравнить; она огромна.

Въ трамѣ душно. Захотѣлось поѣхать подышать чистымъ воздухомъ. Единственное почти мѣсто—вилла Боргезе.

Прекрасный паркъ раскинутый на пространствѣ почти семи квадратныхъ верстъ. Городъ пріобрѣлъ его въ 1897 году всего за три милліона франковъ. Какъ ни прекрасны аллеи, лужайки, гроты, искусственныя развалины храмовъ, но все-таки потянуло въ мѣстный музей Боргезе, составляющій теперь собственность государства. Художественныя коллекціи главнымъ образомъ собралъ еще въ началѣ XVII столѣтія первый хозяинъ виллы—кардиналъ Сципіонъ Боргезе. Ему удалось пріобрѣсти сравнительно много древняго мрамора. Нѣкоторыя изъ статуй, внѣ сомнѣнія, представляютъ работу старыхъ греческихъ великихъ скульпторовъ.

Кардиналъ Боргезе и его наслѣдники не ограничились собраніемъ художественныхъ древностей. Они пополняли постепенно коллекціи и позднѣйшими произведеніями. Самъ кардиналъ покровительствовалъ такому извѣстному художнику, какъ Бернини. Въ музеѣ имѣются еще его юношескія скульптурныя работы. Какъ извѣстно, впослѣдствіи имя этого скульптора, живописца и архитектора гремѣло по Европѣ. Людовикъ XIV просилъ Бернини пріѣхать въ Францію, гдѣ его высоко цѣнили. Съ теченіемъ времени слава его померкла, и теперь на художественномъ рынкѣ онъ стоитъ невысоко.

Значительная часть коллекцій музея была уступлена въ 1803 году княземъ Камилломъ Боргезе Наполеону I за восемь милліоновъ франковъ. Великій императоръ, какъ извѣстно, въ подвластныхъ ему областяхъ не стѣснялся безплатно забирать то что ему хотѣлось взять, по праву сильнаго. Но князь Боргезе женатъ былъ на сестрѣ Наполеона Полинѣ, и потому сдѣлка совершилась на выгодныхъ по тому времени для владѣльца условіяхъ. Въ музеѣ виллы Боргезе находится Венера-побѣдительница Кановы—это портретъ красавицы Полины. Хотя много драгоцѣнныхъ предметовъ и увезено было въ Парижъ, но все-таки осталось и на мѣстѣ немало цѣн-

Библиотека "Руниверс"

наго. Музей Боргезе (Casino) пріобрѣтенъ теперь въ собственность итальянскимъ государствомъ.

Изъ Казино я вновь отправился гулять по парку и немного заблудился, не находя кратчайшей дороги на Пинчіо. Вокругъ не видно было никого. Къ счастью, тамъ скоро начался обычный вечерній концертъ военнаго оркестра, По звуку музыки выбрался изъ лабиринта дорожекъ и направился къ мѣсту гулянья римлянъ. Пока я дошелъ до террасы, солнце стало садиться. Надо было торопиться, такъ какъ вечеромъ надо было непремѣнно уѣхать въ Марсель.

По мѣрѣ того, какъ стрѣлка подвигалась къ часу отхода поѣзда, художественный Римъ отступалъ назадъ, выдвигались впередъ будничныя потребности. Обѣдъ, спѣшная укладка, уплата счета въ гостиницѣ, чаи прислугѣ.

Опять автомобиль уносилъ меня, на этотъ разъ на вокзалъ. Моросилъ дождь, темный вечеръ спустился уже на Вѣчный городъ, жалко мелькали фонари на улицахъ. Отъ вокзала уже доносились нетерпѣливые, пронзительные свистки локомотива.

На станціи все какъ вездѣ. Общая нивелирующая желѣзнодорожная картина. Ничего оригинальнаго, ничего, чтобы было характерно, если не для Рима, то для Италіи. Тѣмъ болѣе это всесвѣтное подравниваніе охватываетъ въ вагонѣ международнаго общества. Шаблонъ на всемъ. И некрасиво и хорошо въ то же время. Хорошо потому, что чувствуешь себя здѣсь, въ этой обстановкѣ не чужимъ.

Поѣздъ трогается, и мы скоро выносимся за городъ, погружаемся въ тьму итальянской ночи.

В. С. Кривенко.

Библиотека "Руниверс"

ВЪ КИРГИЗСКИХЪ АУЛАХЪ.

(Очерки изъ поѣздки по Семирѣчью).

СРЕДИ туземнаго населенія Семирѣченской области преобладающее по количеству мѣсто занимаютъ кочевники-киргизы. Они издавна залили живою волной всѣ степныя области и значительную часть Туркестана. Необозримыя пространства киргизскихъ степей занимаютъ свыше пятидесяти тысячъ квадратныхъ миль.

Полудикій въ массѣ, младенческій, наивный народъ, не лишенный хитрости, но не коварный, часто жестокій, но въ общемъ только грубый, наконецъ, несомнѣнно, законопослушный и уважающій власть, хотя и упрямый и свободолюбимый, киргизы могутъ располагать къ себѣ, но могутъ внушать и чувства обратныя. Ихъ неразвитость, грязь, грубость вкусовъ и чувствъ, наконецъ, даже внѣшній видъ подчасъ внушаютъ больше, чѣмъ брезгливость, и русскій мужикъ-переселенецъ, сталкиваясь съ рядовымъ небогатымъ киргизомъ, ставитъ послѣдняго ни во что и не хочетъ признать ни его правъ, ни его человѣческаго существа: «у киргиза—не душа, а паръ».

Но составившіе нѣкогда три орды киргизъ-кайсаки да еще кара-киргизы [1]) заняли слишкомъ большое пространство и

---

[1]) Кара-киргизы (черные киргизы) проживаютъ въ Семирѣченской области, въ бассейнѣ озера Иссыкъ-Куль, въ верховьяхъ рѣки Текеса, по долинамъ рѣкъ Чу и Таласа (Сыръ-Дарьинской области). Въ предѣлахъ Китая они живутъ по южному склону Тянь-Шаня. Ихъ-то и называли киргизами, тогда какъ остальныя племена, нынѣ называемыя киргизами, правильнѣе называть «кайсаками». Одного племени съ кара-киргизами минусинскіе татары, иначе называемые абаканскими. Авт.

Библиотека "Руниверс"

составляютъ замѣтный элементъ населенія, чтобъ ихъ можно было забыть, какъ забываютъ про мелкія вырождающіяся племена. Киргизы имѣютъ свою родовую аристократію—султановъ, свои историческія преданія и легенды, свою интеллигенцію, представители которой обнаруживаютъ иногда большую энергію и способности.

Все это даетъ основаніе подѣлиться хотя и отрывочными, но разнообразными наблюденіями надъ жизнью, характеромъ и бытомъ семирѣченскихъ киргизовъ, какъ въ степи, на ихъ пашняхъ, такъ и въ горахъ, на ихъ лѣтовкахъ [1]).

I.

Первое знакомство съ киргизами.

Арасанъ.—Киргизское земледѣліе.—Обычная жизнь аула.—Угощеніе гостя.—Положеніе женщины.—Дорога на джайляу.—Природа въ горахъ.—Родовая связь у киргизовъ.—Жалобы ихъ.—Общія впечатлѣнія.

Раскачиваясь во всѣ стороны, медленно подвигалась по степи наша плоскодонная телѣга, прикрытая, какъ колпакомъ, рогожей на свитыхъ прутьяхъ (берданка). Впереди зеленѣла безконечная равнина, постепенно становившаяся все темнѣе. Передъ нами таранча-возница напѣвалъ пѣсню со смѣшнымъ припѣвомъ «Чурикъ-мурикъ» и съ любовью покрикивалъ на своихъ саврасокъ.

Таранчинское селеніе [2]), изъ котораго мы выѣхали, стало теряться изъ виду. Дорога становилась все хуже и наконецъ совсѣмъ пропала. Началась дикая степь, полоса киргизскихъ зимовокъ и пашенъ. Джигитъ [3]) нашъ, Менгли-Бай, чувствовалъ себя въ открывающемъ просторѣ, какъ чувствуетъ себя птица, выпущенная изъ клѣтки на воздухъ. Она купается въ волнахъ воздуха, поетъ и летаетъ, летаетъ безъ конца. Присядетъ на вѣтку, осмотрится и снова летитъ—куда, она сама не знаетъ, опьяненная своей свободой, забывшая томительныя и сразу ставшія чужими и далекими впечатлѣнія клѣтки.

Такъ леталъ въ степи нашъ джигитъ. То онъ скакалъ карьеромъ и вдругъ, оставаясь въ сѣдлѣ, нагибался до самой земли, чтобъ сорвать красивый цвѣтокъ, то вдругъ снималъ свою шляпу и ловилъ пролетавшую бабочку, то останавливалъ свою лошадь

---

[1]) Считаю долгомъ принести глубокую благодарность Е. Н. Кодряну и Н. О. Дубенецкому, предоставившимъ мнѣ свои фотографіи для иллюстрацій. Г. Г.

[2]) См. нашу статью «Таранчи и дунгане», «Историческій Вѣстникъ» 1911 г., № 8.

[3]) Конный разсыльный киргизъ, съ казенной бляхой.

Библиотека "Руниверс"

и затягивалъ монотонную пѣсню, начинавшуюся такимъ затяжнымъ выкрикомъ, что слушаешь, слушаешь и, кажется, ужъ и конца ему не будетъ, но вотъ онъ обрывается, какъ вздохъ, и тянется грустный, однообразный мотивъ, отдаваясь далекимъ эхомъ.

Тихо. Людей нѣтъ. Киргизы въ горахъ, на джайляу; въ степи остались лишь запоздавшіе да еще стерегущіе посѣвы. Смотрѣть впередъ надоѣдаетъ. Оставшаяся позади громада горъ—въ облакахъ. Солнце подымается. Горизонтъ заволакивается сѣрой дымкой. Становится жарко. Мѣрное качаніе повозки убаюкиваетъ, и спутникъ мой, переводчикъ студентъ Б., семирѣченскій уроженецъ, уже приглядѣвшійся къ прелестямъ своей богатой родины, начинаетъ дремать.

Вдругъ крикъ. Изъ камыша поднялась стая молодыхъ утокъ и, быстро, быстро замахавъ крыльями, полетѣла прочь. Охотничій инстинктъ джигита вылился въ крикѣ,—не было ружья. Снова тишь. Но вотъ на горизонтѣ показываются бѣлый и красный флажки. Это признаки близкой стоянки, такъ какъ насъ предупреждали, что ближайшій аулъ находится недалеко отъ священнаго ключа, арасана, у котораго и поставлены флаги.

Ключъ былъ намъ по дорогѣ. Впрочемъ, дорогой едва ли правильно называть ту слабо протоптанную полосу-тропинку, по которой мы ѣхали, рискуя не разъ перевернуться. Послѣ крутого, но, къ счастью, небольшого спуска въ оврагъ мы увидѣли источникъ и въ нѣсколькихъ верстахъ дальше—аулъ.

Надъ маленькимъ естественнымъ бассейномъ съ чистой прозрачной водой раскинулись два роскошныхъ карагача (видъ тополя) съ шарообразными шапками листвы. Тамъ, гдѣ бассейнъ переходитъ въ ручеекъ, устроены палатки для купанья больныхъ [1]). На деревѣ висятъ тряпочки и копилка. Тряпочки——скромныя подношенія паломниковъ, а копилка поставлена муллою, который живетъ въ землянкѣ у ключа, питаясь подаяніями. Когда мы пришли, мулла молился, и ничто не могло заставить его повернуться до окончанія молитвы. На рогожкѣ у ключа сидѣлъ больной, разслабленный киргизъ. Всѣ члены тѣла его дрожали; съ трудомъ поднявшись, онъ еле держался на ногахъ.

Выпивъ воды и осмотрѣвъ источникъ, мы отправились въ аулъ, гдѣ остановились въ первой большой юртѣ.

Жалкими показались мнѣ новые знакомцы. Хозяинъ нашъ былъ на рѣдкость безтолковъ и на вопросы, которые ему задавали, либо отзывался незнаніемъ, либо разсказывалъ такую чепуху, что его никто не понималъ. А болѣе молодые, изъ уваженія къ старшему (хозяину было подъ пятьдесятъ), не смѣли говорить и тоже

[1]) Маленькій Лурдъ.

Библиотека "Руниверс"

молчали. Не мудрено, что всякіе вопросы [1]) пришлось на время прекратить, пока не пріѣхали другіе, болѣе толковые киргизы.

Мы углубились довольно далеко въ Пріилійскую равнину. Съ пригорка открывались огромныя пространства, поросшія чіемъ и другими характерными для степи травами. Посѣвы занимаютъ ничтожную часть этого пространства, и грустно видѣть, какъ половина этихъ посѣвовъ гибнетъ отъ безводья, какъ много земли съ системой заброшенныхъ поливныхъ канавъ (арыковъ) остается безъ посѣвовъ потому, что не хватаетъ воды, которую неразумно тратятъ другіе; какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дикое просо и итъ-кунакъ [2]), перемѣшанные съ бурьяномъ, свидѣтельствуютъ о не использованныхъ силахъ земли. Но кое-гдѣ торчатъ вѣхи топографовъ. Производится съемка, и вѣхи напоминаютъ о томъ, что кто-то думаетъ объ этой землѣ, а маленькіе флаги на этихъ вѣхахъ говорятъ о будущей побѣдѣ культуры.

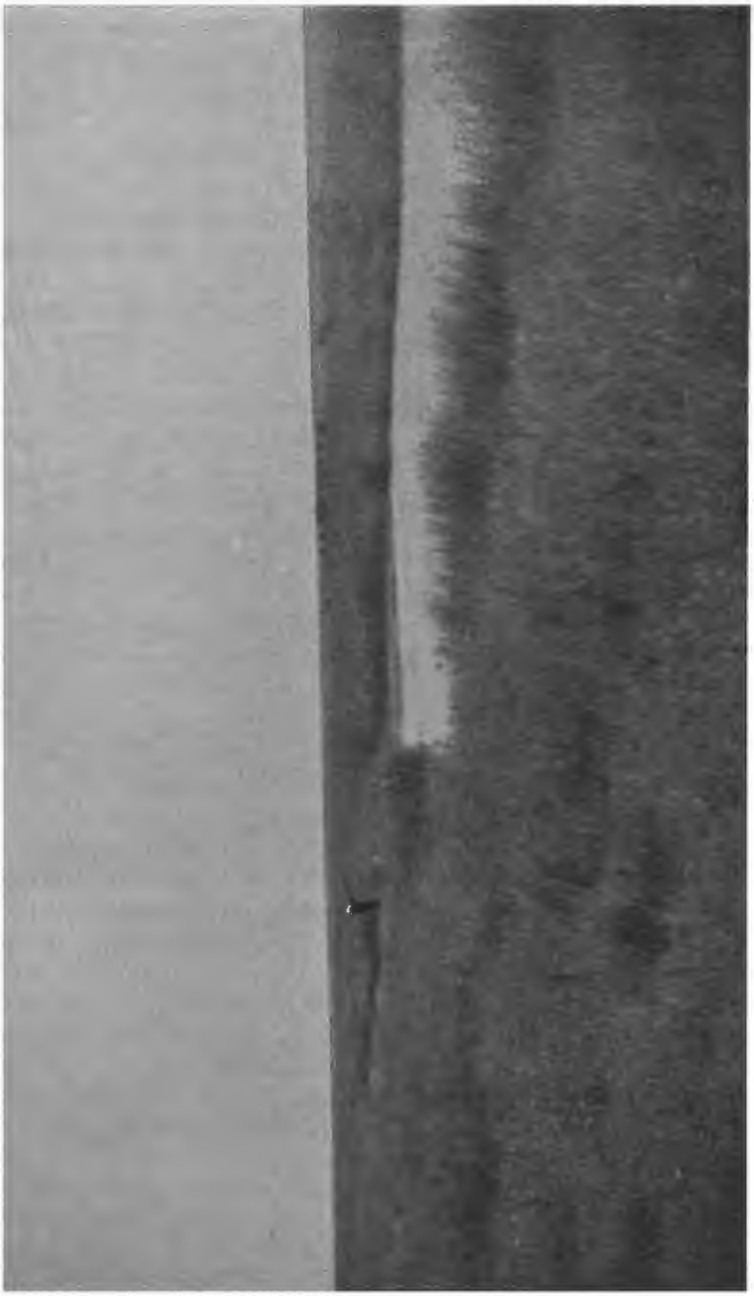
Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ равнины темнѣютъ небольшими пятнами киргизскіе сады. Сады эти—просто рядъ или группа деревьевъ, насаженныхъ у пашни или зимовки. Какъ первобытны и пашни эти, и зимовки, и сады. Но надо тутъ же замѣтить, что не спитъ уже степь мертвымъ сномъ. Смутную тревогу поселили въ дѣтяхъ степи вышки царскихъ чиновниковъ и уже тамъ и сямъ появляются прозорливые киргизы, которые не изъ нужды, а изъ расчета мѣняютъ бѣлоснѣжныя горы на темную каштановую равнину. И у этихъ киргизовъ уже не случайныя и безсистемныя запашки, а правильное, хорошо и сознательно поставленное сельское хозяйство съ пшеницею на первомъ планѣ, съ хуторами, съ домиками вмѣсто юртъ и съ настоящими фруктовыми садами возлѣ жилищъ.

По разсказамъ случайнаго знакомаго въ дорогѣ, я зналъ одного такого киргиза Бильдебая. И мнѣ пришлось побывать у него въ гостяхъ. Бильдебай образцовый хозяинъ и вліятельный человѣкъ. Онъ знаетъ самоучкой русскую грамоту и много русскихъ словъ. Онъ прекрасный охотникъ, знающій и любящій свое дѣло, садоводъ и у него на хуторѣ, кромѣ двадцати десятинъ хлѣба, еще пять десятинъ сада. «Глупъ,—говоритъ онъ,—киргизъ, который сидитъ со своими баранами и не чуетъ, что земля уходитъ изъ его рукъ. Только въ землѣ вѣрное богатство. Я лишній рубль не истрачу на скотину, а куплю себѣ новыя деревья для сада. Мои сосѣди «цыкаютъ» и смѣются надо мною, но они послѣ увидятъ, кто былъ правъ». Бильдебай, способнѣйшій человѣкъ, не даромъ терся во-

[1]) Цѣлью поѣздки было изученіе воднаго хозяйства. Результаты обслѣдованія напечатаны въ «Вопросахъ колонизаціи», №№ 6, 7, 9 и вышли отдѣльными брошюрками.

[2]) Кормовая трава для скота (на югѣ Россіи называемая—парынка), «итъ»—значитъ собака,—распространенное у киргизъ ругательство, здѣсь значитъ «дикая».

Библиотека "Руниверс"



Видъ киргизской степи.

Библиотека "Руниверс"

кругъ русскихъ, онъ многому научился и сумѣетъ всякими, въ томъ числѣ, конечно, и предосудительными средствами нажить деньгу, а его сынъ будетъ учиться въ гимназіи.

Много мнѣ приходилось потомъ въ Пріилійской равнинѣ видѣть запаханныхъ киргизами земель, видѣлъ я у нихъ даже машины Макъ-Кормика, но справедливость требуетъ сказать о массѣ, что земледѣльческое хозяйство киргизовъ стоитъ ниже, чѣмъ у прочаго населенія и что разбросанныя клочьями безсистемныя киргизскія пашни безжалостно дробятъ крупный земельный запасъ, такъ что безъ смѣщенія киргизовъ невозможно правильное заселеніе земель. Но справедливость требуетъ и другого—благожелательнаго и разумнаго земельнаго вознагражденія смѣщенныхъ. Семирѣчье обладаетъ ограниченнымъ запасомъ земель, которыя были бы пригодны для земледѣлія безъ крупныхъ затратъ на осушеніе и орошеніе. Семирѣчье рѣзко отличается характеромъ своей поверхности отъ однообразныхъ степныхъ областей и потому здѣсь смѣщеніе киргизовъ бываетъ опасно и жестоко по своимъ послѣдствіямъ. Необходимо поэтому скорѣйшее изданіе закона о землеустройствѣ семирѣченскихъ киргизовъ, а еще лучше—о землеустройствѣ всѣхъ туземцевъ и старожиловъ, чтобъ дѣло колонизаціи прочно покоилось на нормальномъ развитіи всего населенія и чтобъ колонизація проходила мирно, безъ темныхъ пятенъ насилія и обидъ.

Шелъ мелкій дождь. Лѣнивые киргизы сидѣли безъ дѣла въ юртѣ, куда то и дѣло пріѣзжали посмотрѣть на насъ столь же бездѣятельные сосѣди. Вокругъ юрты сустились однѣ только женщины. Онѣ—истинныя рабыни. Если у таранчей женщина считается за полчеловѣка, такъ какъ только двѣ женщины составляютъ свидѣтеля, то у киргизовъ она, пожалуй, вовсе не человѣкъ. Покупаемая за калымъ, она составляетъ какъ бы часть имущества. Когда мужъ умираетъ, жена переходитъ къ брату, либо продается за калымъ жениху, развѣ только она слишкомъ стара или имѣетъ много дѣтей. Одинъ изъ киргизовъ, показывая мнѣ свою жену, хвалилъ ее за то, что она приноситъ ему одну прибыль. Онъ заплатилъ за нее двадцать лошадей, а она народила ему трехъ дочекъ, которыхъ онъ продастъ за сто лошадей. Мой джигитъ при этомъ одобрительно похлопалъ «бейбише» [1]) по спинѣ. Когда жены отправляются въ гости къ роднымъ, имъ обычно дѣлаютъ подарки. Поэтому ихъ посѣщенія, разорительныя для дома, не очень желательны. Наша «бейбише» получила первый разъ корову, а второй разъ вернулась съ пустыми руками. Третій разъ она уже не поѣдетъ.

Хозяинъ мой занималъ самую большую юрту изъ пяти, расположенныхъ на одной полянѣ. Во всѣхъ пяти жили родственники. Главой аула, какъ самый старшій, былъ нашъ хозяинъ.

[1]) Такъ называется старшая жена.

Библиотека "Руниверс"

Привыкнувъ къ намъ, онъ сталъ разговорчивѣе и приказалъ зарѣзать въ честь «кунака» барана. Мы противились этому угощенію, за которое полагается, въ свою очередь, отблагодарить подаркомъ, но барана все-таки зарѣзали. Джигитъ объяснилъ, что иначе нельзя, потому что баранъ, котораго думали зарѣзать и пожалѣли, все равно издохнетъ, а за гостепріимство Аллахъ наградитъ. Передъ тѣмъ, какъ рѣзать барана, его привели въ юрту, хозяинъ прочелъ короткую молитву, а всѣ въ это время держали ладони впередъ и, по окончаніи молитвы, наложили руки на лицо, словно умываясь.

Сусамырская дорога у рѣки Караколъ.

Вареное мясо принесли въ мискахъ, и я долженъ былъ взять себѣ первый кусокъ, а остальное раздать по рангу присутствующимъ. Раздачею занялся мой спутникъ Б., который и за чаемъ съ нарочитой важностью раздавалъ всѣмъ по куску сахара и по куску хлѣба. У киргизовъ это большіе гостинцы. Обыкновенно женщины, которыя больше всѣхъ работаютъ, либо ничего не получаютъ во время пиршества, либо получаютъ объѣдки, оставшіеся послѣ всѣхъ. Б. давалъ имъ сахаръ и маленькіе кусочки баранины, и онѣ брали только тогда, когда имъ разрѣшалъ «бай» кивкомъ головы.

У женщинъ тоже есть ранги. Младшія встаютъ и кланяются въ поясъ не только, когда входятъ мужчины, но и когда входятъ старшія женщины. У сына нашего хозяина была молодая жена,

Библиотека "Руниверс"

только зимою взятая замужъ. Она нарядно одѣта въ красную блестящую безрукавку, сапоги ея еще не покоробились и выглядятъ новенькими: словомъ, все приданое, которое обыкновенно дается за калымъ и равно половинѣ стоимости послѣдняго, еще не истрепалось, и молодуха не обратилась въ тѣхъ грязныхъ, утомленныхъ женщинъ-киргизокъ, какихъ обыкновенно видишь. Образцомъ красоты киргизы считаютъ русскихъ дѣвушекъ. Мнѣ разсказывали, что одинъ богатый киргизъ заплатилъ за русскую дѣвушку восемь тысячъ рублей, много лошадей да еще отдалъ въ придачу двѣсти десятинъ подъ пашню.

Большею частью дѣвушекъ «тащатъ», и тогда платятъ маленькій калымъ, какъ за испорченныхъ. Тащатъ, впрочемъ, съ вѣдома и согласія обѣихъ сторонъ. Менгли-бай, мой джигитъ, разсказывая про свою семью, говорилъ, что отецъ женилъ уже двухъ старшихъ сыновей и теперь обѣщалъ дать калымъ и за него, такъ что осенью онъ будетъ смотрѣть дѣвокъ, а потомъ будетъ «тащить». Такъ какъ калымъ выплачивается иногда въ теченіе продолжительнаго времени, то женихъ, уплативъ больше половины, считаетъ уже невѣсту своею и на его посѣщенія смотрятъ обыкновенно сквозь пальцы, иногда способствуя свиданіямъ.

Спали въ юртѣ всѣ вмѣстѣ, такъ какъ шелъ дождь и получить отдѣльную юрту значило выгнать хозяевъ. Если бы осталось мѣсто, вѣроятно, ночевали бы въ одной съ нами юртѣ и молодые супруги. Мой спутникъ, мѣстный уроженецъ, поразилъ меня тѣмъ, что, нисколько не стѣсняясь присутствіемъ женщинъ, преспокойно раздѣлся и гулялъ въ одномъ бѣльѣ, но джигитъ Менгли-бай, продѣлалъ то же, и я убѣдился, что это одинъ изъ обычаевъ. Женщина вѣдь не человѣкъ. Заснули скоро, и смутно сквозь сонъ я слышалъ крики и шумъ, когда собаки подняли тревогу и пастухи выбѣжали пугать и отогнять завывавшаго голоднаго волка.

Когда я проснулся утромъ, въ юртѣ стояла невыносимая вонь [1]). Вслѣдствіе дождя все было закрыто и вентиляціи никакой не было. Киргизскія юрты состоятъ изъ складныхъ плетеныхъ стѣнокъ и плетеной изъ жердей конусообразной крыши. Все покрыто толстымъ войлокомъ. Отверстіе въ видѣ кольца оставляется лишь для выхода дыма на самомъ верху крыши, кромѣ того, оставляется еще четырехугольное отверстіе для дверей. Во время дождя и на ночь все это закрывается. Въ юртѣ ночуетъ человѣкъ десять да еще нерѣдко и молоденькій ягненокъ или козленокъ. Оттого-то и получается въ концѣ концовъ убійственная атмосфера.

Женщины, когда я проснулся, были уже на ногахъ и пили «айранъ»—баранье кислое молоко, которое сварили вечеромъ. По-

[1]) Ночевка въ киргизскихъ юртахъ, особенно у малосостоятельныхъ киргизовъ, самое непріятное изъ воспоминаній поѣздки.

Библиотека "Руниверс"

Типы киргизовъ.

Библиотека "Руниверс"

томъ онѣ развернули грязную тряпку и стали грызть кости, оставшіяся отъ вечерняго ужина. Намъ подали тоже айранъ да еще жареное просо въ молокѣ. Показалось вкусно.

Лошади наши куда-то забрели, и когда я вышелъ изъ юрты, то увидѣлъ на пригоркѣ джигита, разославшаго во всѣ стороны гонцовъ и наблюдавшаго за ними, подобно полководцу, съ вершины холма. Только черезъ часъ всѣ четыре лошади отыскались, и мы двинулись дальше. А наши хозяева сейчасъ же вслѣдъ за ними стали складывать юрты: они отправились въ горы.

Киргизы, зимовки которыхъ расположены въ бассейнѣ рѣки Талгаръ, лѣтомъ отправляются обычно въ горныя щели, гдѣ начинается эта рѣка. Могучій массивъ Талгара разсѣченъ кипящими потоками на нѣсколько частей. Иныя изъ нихъ еще настолько дики, что въ нихъ попадаются тигры, какъ въ камышахъ Прибалхашской равнины. Въ Талгарскія горы отправились и наши хозяева. Спустя нѣсколько дней и мы поѣхали на джайляу (горное пастбище), въ одно изъ ущелій Талгара. Горы, окружающія городъ Вѣрный и горы Талгаръ въ особенности, очень круты и кажутся издали недосягаемыми, потомъ я убѣдился, что это не только кажется.

Нѣсколько часовъ мы ѣхали берегомъ пѣнящейся, съ синимъ отливомъ рѣчки. Горы все надвигались на насъ, и незамѣтно ближайшіе холмы вырастали въ крутыя громады, а грозныя вершины горъ стали теряться изъ виду. Ущелье обросло кустарникомъ и пышной травой съ макообразными, яркими цвѣтами, сочной мальвой и гордымъ широколиственнымъ и стройнымъ эремурусомъ.

Переѣхали послѣдній мостъ, миновали пасѣку самовольно забравшагося въ горы казака и скоро завидѣли первые аулы. Но еще мы были невысоко. Первыя пышныя ели одиноко красовались среди другихъ деревьевъ.

На склонѣ предгорья не разъ показывалось пестрое платье дородной казачки. Первыя изъ попадавшихся на пути юртъ были черны и грязны: всегда низовья занимаютъ бѣдняки.

Дорога все подымалась, порою горы становились скалистыми и почти смыкались. Надъ головой висѣли безпорядочныя глыбы красноватыхъ или зеленоватыхъ отъ мха камней, а далеко наверху виднѣлась полоса голубого неба. Огромныя ящерицы перебѣгали дорогу; пролетали синеворонки. Все было удивительно ярко и красиво въ этой первобытной дѣвственной природѣ.

Снова открывалась щель. Виднѣлись новыя складки горъ, и на нихъ маленькими точками выдѣлялись киргизскія юрты и еще меньшими, чуть замѣтными кочками, казался скотъ.

Переѣзжали въ бродъ рѣчки. Сильная вода маленькихъ водопадовъ пугала лошадей. Да онѣ и устали и неохотно подвигались

Библиотека "Руниверс"

дальше. Погода портилась. Въ горахъ она измѣнчива и своенравна. Хотя мы выѣхали въ сильную жару, при совершенно безоблачномъ небѣ, но уже къ полудню вершины горъ погрузились въ облака, и скоро пошелъ дождикъ. Мы закутались и взобрались все-таки довольно высоко, остановившись на ночлегъ у богатаго и родовитаго киргиза Казангапа Байбекова. У него двѣнадцать сыновей, которые уже умерли, оставивъ женъ и дѣтей. Юрта одного изъ этихъ сыновей была предоставлена намъ.

Родовая связь у киргизовъ Семирѣченской области довольно сильна. Это и понятно. При неразвитости земледѣлія, которое носитъ второстепенный подсобный характеръ, кормиться самостоятельнымъ трудомъ негдѣ, создается экономическая зависимость отъ старшихъ: они даютъ лошадей, даютъ скотъ. Жену покупаютъ за калымъ, который даетъ отецъ. Если послѣдній бѣденъ, то приходится отказываться отъ брака и долго собирать средства; если же онъ даетъ калымъ, то создастся зависимость семейная. И вотъ юрта родоначальника остается въ центрѣ, а юрты другихъ ставятся вокругъ нея. Чѣмъ родовитѣе человѣкъ, тѣмъ больше у него вліянія: хотя бы онъ и не былъ очень богатъ, его выбираютъ въ старшины, въ біи (судьи). Когда какой-либо родъ побѣждаетъ на выборахъ, а это нерѣдко обусловлено всевозможными ухищреніями: подкупомъ писаря, фиктивнымъ исчисленіемъ кибитокъ,—тогда побѣжденному роду приходится солоно. Казангапъ принадлежитъ къ партіи побѣдителей. Выше его находится джайляу народнаго судьи, принадлежащаго къ противной сторонѣ.

Казангапъ и бій разссорились, и это понятно. Партія побѣдителей едва ли оставитъ прежній составъ народныхъ судей: это было бы опасно, такъ какъ съѣзды народныхъ судей и судьи въ отдѣльности нерѣдко пользуются своею властью, чтобъ обвинять нежелательныхъ имъ лицъ въ фиктивныхъ преступленіяхъ. Злоупотребленія и поразительные архаизмы киргизскаго народнаго суда и судопроизводства всѣмъ извѣстны. Стоитъ сказать, что въ доказательство уплаты денегъ судьи нерѣдко требуютъ отъ сторонъ цѣлованія пятокъ противника.

На другой день (это было 14-го іюня) мы отправились еще выше въ горы. Дорога была очень трудна: приходилось переѣзжать бурныя рѣчки, подыматься по крутымъ утесамъ, по скользкой, вьющейся винтомъ тропинкѣ. Отъ постояннаго дождя каменные склоны горъ особенно скользки, и подъемъ очень опасенъ. Лошади то и дѣло спотыкаются. Одно время тропинка въ аршинъ—полтора шириной идетъ надъ бездной. Невольно начинаешь думать о томъ, за какой кустъ схватиться при паденіи. И вдругъ тропинка опускается внизъ въ узкое ущелье, гдѣ вода идетъ подо льдомъ и гдѣ видно лишь, какъ она бросается внизъ съ горъ, теряется и потомъ вновь выбивается на свѣтъ изъ-подъ сѣрой грязноватой массы

Библиотека "Руниверс"

снѣга, прикрывающей ледъ. По этому естественному мосту маленькаго ледника приходится ѣхать и намъ. Въ одномъ мѣстѣ изъ горы била широкая, горячая струя, отъ которой подымался паръ. Струя падала лентой въ пропасть.

Старикъ, девяноста лѣтъ отъ роду, отецъ Казангапа, расположился на джайляу выше всѣхъ своихъ сородичей. Мы доѣхали къ нему и были у подножья снѣговъ, но до вершины было отсюда все еще очень и очень далеко. Чѣмъ выше подымаешься, тѣмъ дальше она уходитъ. Впрочемъ, чувствовалась уже замѣтно значительность высоты. Голова кружилась при взглядѣ на потокъ, струившійся внизу. Отъ юрты до юрты съ непривычки было трудно добраться безъ палки: такъ крутъ былъ подъемъ.

Старый Байбековъ, въ знакъ уваженія, приложилъ, здороваясь съ нами, свою руку ко рту и лбу. Онъ уже зналъ о пріѣздѣ чиновниковъ въ горы. У киргизовъ своя почта. Всякая новость разносится по степи и въ горахъ, какъ будто по телеграфу. Завидитъ праздный всадникъ какую-нибудь незнакомую фигуру, онъ остановится, острый взоръ его опредѣлитъ сейчасъ, кто ѣдетъ. За много верстъ этотъ проницающій взоръ видитъ все вокругъ, и киргизъ сейчасъ же спѣшитъ сообщить о новости своимъ роднымъ и сосѣдямъ. За хорошую новость полагается «суюнча», особый подарокъ.

Во время поѣздки внизу, въ равнинѣ, мнѣ пришлось встрѣтиться съ бѣднякомъ киргизомъ, у котораго, яко бы за потраву, отняли таранчи барана. Благодаря мнѣ, баранъ былъ возвращенъ. Объ этомъ скоро узнала вся волость. А такъ какъ таранчи и казаки нерѣдко обираютъ киргизовъ во время ихъ перекочевокъ, то всѣ обрадовались русскому чиновнику, который, по ихъ мнѣнію, присланъ для защиты киргизовъ. Вотъ почему старикъ Байбековъ сталъ сразу же жаловаться мнѣ на обиды, которыя терпитъ киргизскій народъ.

— Что вы,—говорилъ онъ:—слѣпые что ли? Развѣ вы не видите, какъ у насъ отняли землю, воду, джайляу. Мы не можемъ теперь прійти свободно на пастбище, по дорогѣ насъ грабятъ и таранчи и казаки, перекочевка обходится каждый разъ до пятидесяти рублей отдайте намъ землю и пастбище или убейте совсѣмъ.

Жалобамъ не было конца.

«Мы — овцы, таранчи — волки, а русскіе — прямо тигры. Въ городъ нельзя пріѣхать безъ джигитовъ (молодыхъ людей), такъ какъ всякій мальчишка бросаетъ камнемъ. Казаки забираютъ уже и джайляу. Рядомъ съ нами они строятъ деревянные дома и пасутъ свой скотъ, вытѣсняя киргизовъ съ ихъ родовыхъ пастбищъ, которыя не смѣетъ у нихъ никто отнять». На джайляу каждый ручей носитъ названіе какого-нибудь изъ умершихъ предковъ, на джайляу поминаются умершіе (троекратное въ сутки пѣніе женщинъ и тризны), на джайляу приготовляется и пьется священный веселящій напитокъ, кумысъ. Киргизъ откажется отъ чего угодно,

Библиотека "Руниверс"

Типы киргизокъ.

Библиотека "Руниверс"

но только не отъ джайляу—кочевой народъ, народъ скотоводовъ не можетъ ничѣмъ дорожить больше, чѣмъ горными пастбищами и высокими, до снѣговъ доходящими, сочными альпійскими лугами.

Мы пили чай съ баурсаками. Это печеные въ бараньемъ салѣ хлѣбцы, величиной и формой напоминающіе конфеты-подушечки. Они были разбросаны на достарханѣ, какъ называютъ киргизы скатерть, разстилаемую во время ѣды на коврѣ. Сквозь дверь юрты виднѣлись высокія горы, закрывающія небо, съ огромными вѣковыми елями, съ шумящими потоками, сверкающими бѣлой пѣной, и нельзя было не понять любовь киргизовъ къ ихъ горному простору. Первобытная жизнь, легкая, свободная отъ тяжелаго труда, ты создана не для двадцатаго вѣка!

Жалобы киргизовъ преувеличены. Горныя пастбища отъ нихъ никто пока не отнимаетъ, но, дѣйствительно, свобода ихъ шагъ за шагомъ все болѣе и болѣе стѣсняется. Скотопрогонныя дороги въ двѣ-три версты шириною, проложены по плодородной мѣстности. Конечно, онѣ запахиваются заимщиками, которые ловятъ киргизскій скотъ и требуютъ выкупа за потраву. Съ берданкой въ рукахъ, казакъ проникаетъ и въ горы, но обыкновенно онъ не заходитъ далеко вглубь ихъ, ограничиваясь устройствомъ пасѣки или выпасая немногочисленный скотъ. Едва ли не большій врагъ киргиза въ горахъ—интересъ лѣсного хозяйства. Для охраненія молодого лѣса отъ киргизскаго скота полезно ограничить ихъ доступъ въ нѣкоторыя горныя щели. Тѣмъ болѣе, что лѣсникъ, получающій восемь рублей въ мѣсяцъ и обязанный содержать на эти деньги и себя и двухъ лошадей, не можетъ существовать безъ взятокъ и щедро продаетъ казенный лѣсъ.

Въ одной изъ юртъ, окружавшихъ отведенную для насъ, жили двѣ вдовы съ дѣтьми. Три раза въ день онѣ опускали красивую занавѣску и за нею пѣли свою печальную пѣснь о покойныхъ супругахъ. Младшая вдова находится въ полномъ подчиненіи у старшей, и на нее кричатъ даже дѣти старшей вдовы. Киргизы обыкновенно берутъ вторую жену съ разрѣшенія «бейбише», какъ называется первая, старшая жена, которая бываетъ рада получить себѣ подчиненную ей помощницу въ хозяйствѣ. Характерно, что у девяностолѣтняго старика Байбекова и у пятидесятивосьмилѣтняго нашего хозяина были грудныя дѣти. А обѣ вдовы, какъ я замѣтилъ, очень охотно перемигивались съ джигитомъ. Послѣдній необыкновенно доволенъ путешествіемъ. Его угощаютъ, садятъ на почетное мѣсто (джуварчикъ), исполняютъ его приказанія, а работы у него нѣтъ никакой, если не считать укладки вещей и исполненія нѣкоторыхъ порученій.

Я спрашивалъ, какъ существуютъ джигиты уѣздныхъ управленій, получающіе сто рублей жалованья въ годъ. Оказалось, что всякій разъ, когда они пріѣзжаютъ съ пакетами, имъ обязаны, кромѣ

Библиотека "Руниверс"

угощенія, давать подарки, и эти подарки бываютъ иногда очень цѣнные, вотъ отчего такъ боятся киргизы и таранчи появленія джигита. Всякій чиновникъ въ ихъ глазахъ источникъ зла. Когда я позвалъ одного киргиза написать расписку, въ томъ, что онъ получилъ деньги за лошадь, бѣдняга дрожалъ, какъ осиновый листъ, его рука не могла держать пера, и онъ потомъ съ жалобой спрашивалъ джигита, что это на него написали.

Въ общемъ, все физіономіи дикарей. Дѣти сзади подстрижены, а спереди висятъ космы. Дѣвушки некрасивы. Женщины еще хуже, онѣ грубѣютъ отъ тяжелой работы безъ отдыха и изнуряются отъ недосыпанія.

У одной юрты сынъ моего хозяина поссорился съ ея обитателями, и чуть не произошла драка. Остервенѣвшая женщина взялась за дубину, мальчишка бросилъ топоромъ, сквернословія и ругательства выкрикивались дикимъ голосомъ, и ссорившихся еле удалось успокоить, разогнавъ ихъ нагайками.

Поѣздка въ горы, несмотря на то, что дождь шелъ почти не переставая, несмотря на холодъ и на то, что часто насъ окутывалъ густой туманъ, закрывая отъ глазъ всю великолѣпную картину, была все же очень пріятна и интересна.

Въ дневникъ свой подъ впечатлѣніемъ первой поѣздки въ горы я занесъ маленькое стихотвореніе, названіе его «Киргизскіе мотивы»:

У подножья вершины одной,
Гдѣ холодной и сильной струей
Длинный путь свой ручей начинаетъ—
Тамъ могильнымъ сномъ почиваетъ
Чарыкъ-бай, молодой волостной.
Подъ тяжелымъ, высокимъ холмомъ,
Гдѣ однѣ лишь скалы кругомъ
И не видно, не слышно людей—
Тамъ Чарыкъ «бо́лусъ» спитъ [1]),
Выше всѣхъ онъ зарытъ
Тѣсной группой родныхъ и друзей.
Когда тихо и ясно, то въ вечера
Близъ могилы, у самыхъ истоковъ ключа,
Двѣ вдовы Чарыкъ-бая проводятъ
И, тоскуя о мужѣ покойномъ своемъ
Онѣ грустную пѣсню заводятъ:
«Зовутъ тебя, о добрый бай,
Двѣ неутѣшныя вдовы,
Откликнись, голосъ свой подай,
Себя и счастье намъ верни».
Но все молчитъ. Послѣдній лучъ
Блеснулъ и за горою скрылся.
И только шумный горный ключъ
И день и ночь въ ущельѣ бился.

---

[1]) Бо́лусъ—киргизское названіе волостного.

Библиотека "Руниверс"

Чтобъ получить вѣрныя свѣдѣнія, касающіяся киргизскаго хозяйства, было полезно сдѣлать еще одну большую экскурсію въ горы на такое джайляу, гдѣ на лѣто собирается нѣсколько волостей. Подобной мѣстностью является «Тургенское джайляу», на востокъ верстъ шестьдесятъ-семьдесятъ отъ Вѣрнаго. Поѣздка на это джайляу дала мнѣ еще больше впечатлѣній о жизни и характерѣ киргизовъ. Мы совершили ее въ началѣ іюля.

II.

Жизнь киргизовъ въ горахъ.

Выборы.—Администрація.—Перевалъ Бозъ-Унгень.—Обстановка богатой юрты.—Похороны.—Свадьба.

Ущелья Талгара дики и величественны, но въ нихъ нѣтъ простора. Горы изумруднаго озера Иссыкъ очаровательны, какъ и тотъ дивный самоцвѣтъ, что лежитъ на днѣ ихъ. Онѣ, однако, какъ гордыя красавицы, соблазнительны, но неприступны и непривѣтливы. Совсѣмъ иного типа тѣ горы, въ которыхъ начинается рѣка Тургень. Онѣ сравнительно покаты, въ нихъ нѣтъ недосягаемыхъ, вѣчно сіяющихъ снѣжныхъ вершинъ, и между отдѣльными отрогами и развѣтвленіями горнаго хребта то и дѣло попадаются широкія, зеленыя долины. Въ этихъ долинахъ собирается много киргизскихъ волостей, и веселая, беззаботная жизнь кипитъ здѣсь все лѣто, отъ середины мая почти до конца іюля или начала августа, когда становится холодно, выпадаетъ снѣгъ и начинаютъ вновь серебриться недавно потемнѣвшія вершины. Въ теченіе всего лѣта Тургенскія горы кормятъ киргизскій скотъ, но остаются зелеными и свѣжими и богатыми сочною травою.

Тургенскія горы изобилуютъ удобными и широкими долинами. Какъ часто бываетъ въ горахъ, эти долины открывались глазу путника совершенно неожиданно. Только что проѣхали одно узкое ущелье, какъ будто разсѣлину скалы, и попали черезъ искусственныя ворота на луга, гдѣ одна подлѣ другой расположились десятки юртъ, какъ уже снова очутились въ узкомъ, темномъ ущельѣ, гдѣ прозрачный ручей катилъ и ворочалъ по темному, блестящему дну острые валуны. Деревья висѣли надъ головой, какъ бы грозя свалиться. Ущелье не расширялось. Впереди видна была густая чаща. И вдругъ одна стѣна ущелья уходитъ, и передъ глазами открывается вновь широкая и длинная, Богъ знаетъ гдѣ кончающаяся долина.

На одной изъ этихъ Тургенскихъ долинъ увидѣли мы всадниковъ безъ числа. Прямо жутко было съ непривычки видѣть такое множество чуждыхъ своему племени людей въ остроконечныхъ шапкахъ, широкихъ шароварахъ и теплыхъ армякахъ, ко-

Библиотека "Руниверс"

Водопадъ Большой Алматинки.

Библиотека "Руниверс"

торые собрались въ этой долинѣ и ѣхали туда со всѣхъ сторонъ по склонамъ горъ. Нашъ джигитъ, увидѣвъ эту несчетную киргизскую «силу», пришелъ въ экстазъ; не спросивъ разрѣшенія, онъ съ гикомъ и пронзительнымъ свистомъ помчался карьеромъ въ толпу и скоро скрылся изъ виду.

Скоро мы узнали, въ чемъ дѣло. Черезъ недѣлю ожидались выборы волостныхъ и аульныхъ старшинъ, и здѣсь собрались выборщики для агитаціи и предварительныхъ обсужденій возможныхъ кандидатуръ.

Въ центрѣ поляны, гдѣ толпище было особенно густо, видно было, какъ время отъ времени сталкивались между собою отдѣльныя группы, слышались оттуда буйные крики и глухой гулъ одобренія и недовольства. Одному киргизу выбили глазъ, и драка приняла серьезный оборотъ. Иногда кровопролитія на выборахъ («сайляу») бываютъ очень жестоки и серьезны.

Подъѣзжаемъ ближе. Передъ нами въ разныхъ мѣстахъ плотные круги всадниковъ; посреди круга сидятъ на корточкахъ старики и совѣщаются. Молодежь ждетъ рѣшенія. Въ другихъ мѣстахъ свищутъ нагайки, видны дерущіеся, и полицейскіе джигиты скачутъ разнимать ихъ. Къ намъ подъѣзжаетъ киргизъ и проситъ размѣнять десятирублевку. Мѣняемъ, онъ благодаритъ и быстро уѣзжаетъ. Ему нужны серебряныя монеты для подкуповъ.

Таковы предвыборныя собранія. Интересное и поучительное зрѣлище, воочію представляющее «достоинство» выборной системы у некультурнаго населенія. Сколько жестокости, лжи, подлоговъ вызываютъ эти выборы.

Волостному дорого обходится полученіе мѣста, но еще дороже обходится это мѣсто всей киргизской волости. Послѣ своего утвержденія въ должности волостной назначаетъ каждой кибиткѣ, что она должна ему подарить («кара-чигинъ»). И вскорѣ ему пригоняютъ табуны лошадей, стадо барановъ, приносятъ кошель съ рублями и много всякаго другого добра. Выгодно быть волостнымъ, и потому клятвамъ при выборахъ нѣтъ конца. Въ канцеляріи приставовъ (участковыхъ начальниковъ) поступаютъ одна за другою жалобы и доносы, цѣль которыхъ опорочить нежелательныхъ кандидатовъ и устранить опасныхъ соперниковъ.

Между тѣмъ, мы уже проѣхали долину и снова подымались въ горы. Стало вечерѣть и намъ предстояло найти подходящій ночлегъ.

Остановились мы у волостного тургенскихъ киргизовъ. Это настоящій «бай», выхоленный, съ умнымъ лицомъ, съ замашками человѣка, привыкшаго показывать свою власть. Онъ отвѣчаетъ медленно, съ достоинствомъ, какъ будто позѣвывая и ожидая, когда, наконецъ, отвяжутся. Эта манера очень цѣнится рядовымъ киргизомъ, который диву дается, какъ можно такъ не бояться начальника (тюре). Костюмъ у него болѣе элегантный, чѣмъ у другихъ. Чистая

Библиотека "Руниверс"

Малое Алматинское ущелье.

Библиотека "Руниверс"

бѣлая рубаха у шеи переходитъ въ отложной, не накрахмаленный, но все же стоячій воротничекъ, а на груди скрѣплена чѣмъ-то въ родѣ галстука. Дочь этого волостного вмѣсто платка, какъ обыкновенныя киргизки, носитъ на головѣ мѣховую круглую шапку. По курьезному совпаденію прихотливыхъ вкусовъ, форма ея напоминаетъ тѣ уродливыя женскія шляпы, которыя носятъ европейскія модницы — трудно даже сказать, что болѣе карикатурно: шляпы европейскихъ женщинъ съ чудовищными полями и необыкновеннымъ перомъ, или азіатскій женскій цилиндръ съ серебрянымъ позументомъ, какой-то кисточкой на донышкѣ и мѣхомъ, шириной съ доброе боа, вмѣсто полей. Первое на Тургенскихъ горахъ, Тюре-джайляу бѣдно лѣсомъ, но имѣетъ свою прелесть—широкіе виды черезъ щели низкаго сравнительно кряжа на Пріилійскую долину и Джунгарскій Алатау.

Въ той же мѣстности, гдѣ мы остановились на ночлегъ, еще версты на полторы-двѣ выше въ горы жилъ приставъ Тургенскаго участка, штабсъ-капитанъ В. Это былъ молодой симпатичный и интеллигентный человѣкъ, гостепріимный, добродушный и веселый, какъ настоящій русакъ.

Полицію Туркестанскаго края правильнѣе называть военною администраціею. Уѣздные начальники и участковые пристава—офицеры. За немногими исключеніями, личный составъ администраціи стоитъ довольно высоко. Правда, отвѣчать всѣмъ требованіямъ, какія могутъ быть предъявляемы къ начальникамъ уѣздовъ и участковъ, современный составъ ихъ не можетъ. Но это и немыслимо при тѣхъ низкихъ окладахъ содержанія, которые теперь выдаются, и при тѣхъ чрезвычайно сложныхъ и отвѣтственныхъ функціяхъ, которыя несетъ администрація. Участковый приставъ не только охраняетъ порядокъ въ своемъ участкѣ, но онъ же въ роли крестьянскаго начальника является судьей по крестьянскимъ дѣламъ, въ роли охранителя благоустройства ему нужно слѣдить за дорогами, мостами, за системой поливныхъ канавъ; за отсутствіемъ врачей и агрономовъ—къ нему обращаются просить лекарствъ и совѣтовъ. И помимо всего этого приходится вести большую переписку, отвѣчать на сотни предписаній, прошеній и т. д. Каждый чиновникъ считаетъ нужнымъ просить у пристава содѣйствія, жаловаться ему на киргизовъ, просить проводника и лошадей. Сколько же надо имъ силы воли, чтобъ не растеряться въ этомъ многообразіи обязанностей, чтобъ сохранить свой авторитетъ и престижъ власти среди кочевого и осѣдлаго населенія на большой территоріи, гдѣ сталкивается столько непримиримыхъ интересовъ и гдѣ столько племенной вражды.

Для пристава выстроена была огромная юрта, сажени три въ діаметрѣ и хотя она стояла выше всѣхъ другихъ юртъ, но надъ нею еще была полоса лѣса, и виды кругомъ были восхитительны.

Библиотека "Руниверс"

Алматинскій пикъ.

Библиотека "Руниверс"

Только 5-го іюля, и то съ неохотой, выбрались мы изъ Тюреджайляу, гдѣ получили не одно удовольствіе, но и много необходимыхъ и полезныхъ свѣдѣній. Направились дальше. Ѣхали все время горами. Смѣна лошадей черезъ каждые полтора-два часа сильно задерживала насъ. При каждой смѣнѣ приходилось имѣть дѣло со свирѣпыми киргизками, у которыхъ отнимали лошадей джигиты, приходилось разбирать споры и иногда отдавать лошадей, когда претензіи были справедливы. Путь былъ очень интересенъ. Приходилось переѣзжать одну за другой живописныя щели съ могучими елками и шумящими ручьями. Какіе привлекательные и уютные курорты могли бы найти себѣ мѣсто въ Тургенскихъ горахъ, хотя бы въ Кіикпайской щели, гдѣ мнѣ пришлось заночевать. Утромъ солнце уже освѣтило вершины горъ, но въ нашу щель оно долго не могло проникнуть. Высокій восточный склонъ не допускалъ къ намъ солнечные лучи, а они въ горахъ столь же пріятны, сколь мучительны въ долинѣ.

Мы ѣхали на горное урочище Асы, излюбленное киргизами богатое пастбище. Путь лежалъ черезъ перевалъ Бозъ-Унгень. Много разъ приходилось намъ мѣнять лошадей, спускаться изъ долины въ долину, ѣхать по отвѣснымъ горамъ съ непротоптанною тропою, скользить внизъ по влажной травѣ, переѣзжать потоки. Въ одномъ изъ нихъ киргизы съ молчаливой торжественностью купали своихъ громадныхъ овецъ.

Наконецъ послѣ послѣдней стоянки у киргизовъ съ очень подозрительными носами и съ очень непріятными охрипшими голосами (иногда киргизы хрипятъ послѣ слишкомъ крѣпкаго кумыса), мы очутились на перевалѣ. Хотя онъ и считается однимъ изъ легкихъ, но послѣ сильнаго дождя подъемъ по узкой тропинкѣ, то и дѣло граничащей съ бездною, былъ минутами жутокъ.

Одно время вершину окуталъ туманъ. Нашъ караванъ въ семь лошадей растянулся, и на вьющейся тропинкѣ по очереди вырисовывались въ густомъ туманѣ силуэты проводника, лошадей съ вьюкомъ, джигита. Появятся и снова исчезнутъ, потонувъ въ облакѣ.

Но вотъ блеснулъ лучъ солнца. Туманъ сталъ безпокойно спускаться въ темныя ущелья, и скоро горизонтъ очистился. Мы на вершинѣ въ девять тысячъ футовъ, впервые занимая доминирующее положеніе. Снѣгъ темными, грязными пятнами закрывалъ неровныя мѣста. На самомъ высокомъ мѣстѣ могила: надъ прахомъ какого-то киргиза навалена кучка камней. Мы выше полосы лѣса. Отъ послѣднихъ деревьевъ отдѣляютъ насъ альпійскіе луга съ небольшой травкой и бархатистыми эдельвейсами.

Какой просторъ кругомъ! Подъ нами спускаются все ниже и ниже цѣпи горъ, среди которыхъ мы еще недавно ѣхали. За нами открывается Пріилійская долина, съ темнѣющими на ней селеніями и линіями арыковъ. Далеко-далеко она уходитъ, и чуть за-

Библиотека "Руниверс"

Иссыкское ущелье

Библиотека "Руниверс"

мѣтно вырисовываются въ одномъ сѣверо-восточномъ углу горы Джунгарскаго Алатау. По обѣ стороны отъ насъ сіяютъ ледники, а новый спускъ ведетъ въ длинную безлѣсную долину, которая, по имени протекающей черезъ нее рѣчки, называется Асы.

Сильныя душевныя переживанія лучше выражаются поэзіей, чѣмъ прозой, и у киргизовъ немало сложилось пѣсенъ, гдѣ они воспѣваютъ красоту родной имъ природы. Духу этихъ народныхъ пѣсенъ соотвѣтствуетъ навѣянное впечатлѣніями горнаго перевала стихотвореніе:

НА ВЕРШИНѢ.

Въ своихъ сновидѣніяхъ
Мечталъ я порой,
Хотя бъ на мгновенье
Уйти въ край другой.

Здѣсь счастье тлетворно
Здѣсь зависть и слезы,
А тамъ такъ просторно...
Тамъ сладкія грезы...

И вотъ на мгновенье
Я вдругъ окрылился
И не въ сновидѣньѣ
Съ землей разлучился.

Взобрался я въ горы,
Гдѣ облако спало
И, съ вѣтромъ повздоривъ,—
Въ ущелье упало.

Я гордостью полонъ
Стою на вершинѣ,
И вѣтеръ лишь вольный
Соперникъ мнѣ нынѣ.

И морю простора
И вѣчнымъ снѣгамъ,
Отдалъ свои взоры—
Отдался я самъ.

Итакъ, нашъ путь лежалъ на Асы. Огромная, однообразная горная долина Асы приводитъ киргизовъ въ восхищенье. Они любуются ею больше, чѣмъ темно-зеленымъ озеромъ Иссыкъ, чѣмъ горными водопадами и необозримыми горизонтами, открывающимися съ вершинъ. Эстетическіе вкусы различны. Киргизу нравится горное пастбище, крестьянину—тучная пашня, охотнику—лѣсъ и болото. Я помню, какъ на пароходѣ изъ Одессы крестьянинъ-паломникъ отзывался о Палестинѣ. «Гдѣ ужъ тамъ быть красотѣ, когда хлѣба-тъ нигдѣ не видно». Въ эстетикѣ простого человѣка сильно

Библиотека "Руниверс"

сказывается безсознательное влеченіе къ полезному, здоровому, нужному. И въ этомъ нельзя не усмотрѣть самый смыслъ эстетическаго чувства, ставящаго человѣка въ лучшую для него обстановку. У насъ, интеллигентовъ, эта здоровая эстетика усложнилась и извратилась. Мы можемъ восхищаться и горами, и равнинами, и лѣсами, и зарослью камыша, и «красной» и «блѣдной дѣвицей».

«Красивые» Асы привлекаютъ къ себѣ киргизовъ четырехъ волостей. Надо замѣтить, что на джайляу и кстау (зимовыя пастбища) киргизы тоже рѣдко остаются на одномъ мѣстѣ. Больше изъ традиціи, чѣмъ изъ дѣйствительной необходимости, они продолжаютъ кочевать и здѣсь, но, конечно, сравнительно на небольшія разстоянія.

По дорогѣ къ Нарыну.

Мы остановились у почтеннаго бія (народнаго судьи). Хозяинъ нашъ не обладалъ большимъ умомъ, но зато былъ очень добродушенъ. Онъ, несомнѣнно, богатъ. Судьей онъ тридцать лѣтъ и за службу свою награжденъ медалью. Въ юртѣ бія было на что посмотрѣть: здѣсь красивыя сѣдла и упряжь, убранныя металлическими украшеніями и камнями, всевозможные женскіе платки, мѣховыя шляпы для дѣвушекъ, вышитые коржуны (мѣшки для вьюка), хорошіе ковры, красивая плетеная коробка для чашекъ (кисе), которыя плотно укладываются въ нее одна въ другую. Коробка перетянута обручами; крышка ея костяная—узорчатая. На видномъ мѣстѣ стоитъ большая швейная машина. Это была первая за мое путе-

Библиотека "Руниверс"

шествіе такъ богато обставленная юрта. Такъ какъ на Асы пріѣзжаютъ почти исключительно богачи, то я насмотрѣлся здѣсь вдоволь на такія юрты. Особенно хороши онѣ у киргизовъ Кызылбургской волости. Эти киргизы живутъ въ окрестностяхъ Асы постоянно и потому перевозятъ съ собой зимнія юрты. Въ глиняныхъ землянкахъ киргизы зимуютъ лишь при сильныхъ холодахъ, обычно предпочитая юрты. Я видѣлъ въ юртахъ кызылбуржцевъ стеклянные шкапы и деревянныя кровати съ красиво украшенными фигурными ножками, а на стѣнахъ—ружья и шашки старинныхъ образцовъ, напоминающихъ времена запорожцевъ. Изъ Кызылбургской волости выходитъ много барантачей (занимающихся грабежомъ), конокрадовъ и охотниковъ.

Объѣзжая аулы различныхъ волостей, я замѣтилъ возлѣ нѣкоторыхъ юртъ подмостки. На нихъ сушился овечій сыръ (куртъ). Это только намекъ на будущее развитіе молочнаго хозяйства.

У одной изъ юртъ было большое оживленіе: готовились къ поминкамъ. Годъ тому назадъ умеръ здѣсь богатый бай. Похороны у киргизовъ совершаются такъ: тѣло заворачиваютъ въ особаго рода саванъ, называемый ахретъ. Послѣдній состоитъ изъ нѣсколькихъ простынь—трехъ для мужчины и пяти или семи для женщинъ. Простыни сшиты изъ тонкой бѣлой ташкентской ткани, холста или марли. Ахретъ затягиваютъ надъ головой, въ таліи и ступняхъ покойника; руки покойника всегда вытянуты вдоль тѣла. Для могилы киргизы обыкновенно выбираютъ возвышенную холмистую мѣстность по близости старыхъ могилъ, на краю какого-нибудь кургана или даже на самомъ курганѣ. Трупъ привязываютъ къ оглоблямъ съ подмосткомъ изъ досокъ въ родѣ саней, впрягаютъ лошадь и волокутъ къ приготовленной могилѣ. Родные и знакомые, мужчины и женщины сопровождаютъ процессію верхами. Когда тѣло зарыто и надъ могилою насыпаны каменья, всѣ возвращаются домой и, приближаясь къ аулу, разомъ съ крикомъ пускаютъ лошадей во весь опоръ. Мчатся съ такою быстротою, что многіе падаютъ съ лошадей и разбиваютъ себѣ головы. Затѣмъ съ плачемъ слѣзаютъ съ лошадей, здороваются другъ съ другомъ и при общей тишинѣ мулла читаетъ коранъ.

Послѣ поминокъ присутствовавшимъ раздаются въ видѣ подарковъ различные предметы домашняго обихода, принадлежавшіе покойному. Первые три дня въ юртѣ покойника нельзя варить пищу, если не перенесутъ юрту на новое мѣсто.

Цѣлый годъ послѣ этого три раза въ день жены или сестры, смотря по тому, холостой или женатый былъ покойникъ, должны пѣть импровизованныя пѣсни, и вотъ черезъ годъ совершаются поминки (асъ) [1]. Кучками по три человѣка располагаются на корточкахъ

[1]) Поминки устраиваются состоятельными людьми на седьмой, двадцатый и сороковый день, но обязательны онѣ только разъ.

Библиотека "Руниверс"

киргизы и молча, священнодѣйствуя, ѣдятъ мясо барановъ, коровъ и козлятъ. Это послѣдняя дань покойнику. Поминки бываютъ очень грандіозны. Вотъ описаніе такихъ поминокъ. «Собралось на поминальный пиръ до двѣнадцати тысячъ человѣкъ... Пришли поѣсть и повеселиться, а главное—принять участіе въ скачкахъ. Сынъ достойно почтилъ память отца. Онъ самъ только лишь на одну ѣду истратилъ изъ отцовской кубышки четыреста рублей денегъ да зарѣзалъ двухъ кобылъ и для плова привезъ четыре батмана риса... Вліятельные близкіе родственники выставили сто юртъ и отъ каждой юрты по барану, а родовичи разставили двѣсти кибитокъ. Четыре дня поминали покойнаго, проводя время то на его могилѣ въ молитвѣ, то за ѣдой. Въ промежуткахъ выѣзжали на соколиную охоту и устраивали пробныя скачки» [1]).

Послѣ поминокъ жены покойнаго свободны, переходятъ къ братьямъ или выходятъ за другихъ. Пѣніе прекращается, и юрта становится веселѣе.

Въ то время, какъ въ одной волости происходили печальныя поминки, въ другой праздновалась свадьба (той). Днемъ джигиты устраиваютъ различныя игры, на скаку поднимаютъ козленка, стаскиваютъ другъ друга съ сѣдла, перетягиваются, стоя на четверенькахъ, и вообще показываютъ свою ловкость. Забавная игра перетягиванья состоитъ въ томъ, что канатъ, связывающій тряпки, которыми обмотаны шеи перетягивающихся, стоящихъ на четверенькахъ спиною другъ къ другу, проходитъ между ногъ ихъ и перетянутый, благодаря этому, кувыркается. Съ полудня начинается пѣніе. Разряженныя дѣвушки сидятъ въ юртѣ, закутавшись въ платки поверхъ мѣховыхъ шапокъ, а парни на корточкахъ возлѣ юрты запѣваютъ и отвѣчаютъ на пѣсни дѣвушекъ своими пѣснями. Идетъ все время свободное, пріуроченное къ обстоятельствамъ сложеніе пѣсенъ, которыя слушаютъ гости. Время отъ времени подается чай съ баурсаками, изюмомъ и сахаромъ, а потомъ мясо и кости барана, котораго съѣдаютъ такъ, что почти ничего, кромѣ шерсти, не остается. Ѣдятъ даже очищенныя и поджаренныя кишки.

Мы попали на «той» вечеромъ, когда уже свѣтилъ во всю молодой мѣсяцъ. Заросшая елками гора казалась черною стѣною. Потокъ, освѣщенный луною, казался серебрянымъ. Воздухъ былъ свѣжій и ароматный. Мы пробирались верхомъ въ глубь щели, не зная дороги, прислушиваясь, гдѣ пѣніе.

Пролетѣлъ метеоръ, оставивъ блестящій хвостъ; скрылась за горою луна; щель стала уже, темнѣе; шумъ потока усилился. Проѣхали какой-то аулъ. Залаяли собаки, заворочались безпокойно

---

[1]) См. І. А. Кастанье «Надгробныя сооруженія киргизскихъ степей», стр. 93, см. также 77—92. Оренбургъ, 1911 года. Параллельный текстъ на французскомъ Castagné «Les monuments funéraires».

Библиотека "Руниверс"

овцы и снова никого. Наконецъ послышались неясные звуки людскихъ голосовъ, и скоро рокотъ ручья смѣшался со звуками свадебныхъ пѣсенъ: пѣли разомъ въ двухъ юртахъ.

Послѣ моего пріѣзда, какъ мнѣ передалъ переводчикъ, дѣвки и парни пѣли приблизительно такъ:

Пріѣхалъ бай къ намъ на джайляу,
Онъ, вѣрно, счастье намъ привезъ,
Иначе Богъ зачѣмъ занесъ
Его такъ высоко надъ кстау [1]).
— Молчите, дѣвки молодыя,
Не можетъ счастья онъ вамъ дать:
Бай бѣлой кости; вы дурныя,
Ему, навѣрно, не подъ стать.
— Ну, вы, джигиты, не дразните
И мы, вѣдь, тоже не для васъ,
Вы лучше женъ себѣ ищите
Въ другомъ аулѣ—не средь насъ.
— А кто еще не такъ давно
Съ удалымъ Дюссембе бѣжалъ?
Но развѣ хуже другъ его,
Чтобъ онъ сестры ея не взялъ.

Отвѣтъ парней замѣтно оживляетъ присутствующихъ, такъ какъ содержитъ намекъ на личныя отношенія двухъ изъ поющихъ. Дѣвушки продолжаютъ кокетничать, но постепенно переходятъ на другую тему. И чего только они не перебираютъ въ своей безконечной пѣснѣ, въ которой риѳма замѣняется или восполняется речитативомъ.

Народу набилось въ юрты полнымъ-полно, и, кромѣ того, любопытные тѣснымъ кольцомъ стояли вокругъ юртъ подъ открытымъ небомъ. Женихъ не смѣетъ смотрѣть на невѣсту, онъ получитъ ее только въ полночь, а на другой день, когда соберется увозить ее въ свой родной аулъ, онъ долженъ будетъ откупаться и отбиваться отъ бабъ. Зато до полночи онъ можетъ вольничать и съ бабами и съ дѣвушками. Впрочемъ, теперь заводятся строгости. На описываемой свадьбѣ какой-то молодой киргизъ грозно помахивалъ нагайкой и время отъ времени пускалъ ее въ ходъ для наведенія порядка.

III.

Приключенія на обратномъ пути съ горъ въ долину.

Ярмарка въ горахъ.—Трудности доставки лошадей.—«Документы» султана.—Ложный барантачъ.—Киргизы земледѣльцы (егинчи).

10-го іюля мы собрались обратно въ Пріилійскую долину, но такъ, чтобъ выѣхать въ нее верстъ на шестьдесятъ восточнѣе того селеніе, изъ котораго уѣхали. По дорогѣ мы посѣтили кочевую

[1]) Въ Семирѣчьѣ джайляу—лѣтовки обычно въ горахъ, гдѣ скотъ спасается отъ мухъ и оводовъ; кстау—зимовки въ равнинѣ, гдѣ менѣе чувствительны холода.

Библиотека "Руниверс"

Нищій киргизъ.

Библиотека "Руниверс"

ярмарку. Ярмарка была небольшая, въ одну улицу. По обѣ стороны стояли бокъ-о-бокъ по двадцать—двадцать пять юртъ, обращенныхъ въ лавки. Тутъ все, что нужно для киргизскаго обихода. Посреди красуется двухцвѣтный флагъ. Въ одной изъ юртъ играетъ гармоника. Въ другой таранчинецъ устроилъ «ашъ-хане» и угощаетъ пельменями по копейкѣ штука.

Послѣ ярмарки стоянки были непріятны. Киргизы, съ которыми пришлось имѣть дѣло, не любятъ начальства и своеволятъ. Еще по дорогѣ я потребовалъ отъ двухъ ѣхавшихъ навстрѣчу старшинъ, чтобъ одинъ изъ нихъ проводилъ меня на ихъ джайляу, нашелъ знающихъ людей и помогъ устроиться съ лошадьми. Оба старшины, мальчишки, выбранные за грамотность, ѣхали медленно, останавливались пить кумысъ, посидѣть на корточкахъ, поплевать, но ѣхать со мной отказались, такъ какъ у нихъ, молъ, неотложное дѣло. Пришлось устраиваться самимъ. Остановился въ юртахъ, поставленныхъ для уѣзднаго начальника на время выборовъ. Послалъ джигита въ ближайшій аулъ за людьми. Пріѣзжаетъ блѣдный и говоритъ, что сидитъ человѣкъ сто «партіи» (выборы еще не прошли, и оживленныя собранія продолжались), а ѣхать никто не хочетъ и лошадей не даютъ. Посылаю тогда къ бію восьмого аула, Сарсыку, бывшему волостному,—тоже не ѣдетъ, говоритъ: нѣтъ «буйрука» (бумаги), а писать было некогда, да и чернила всѣ вышли. Пришлось приказать, чтобъ джигитъ словилъ первыхъ свободныхъ лошадей. (Надо непремѣнно коней, на кобылахъ, по мнѣнію киргизовъ, ѣздить неприлично).

Остановился въ другомъ аулѣ. Ѣхалъ нарочно медленно и важно. Жилетъ украсилъ цѣпочками и всѣмъ, что было блестящаго: свисткомъ и карандашомъ въ оправѣ. Подъѣхавъ къ юртѣ аульнаго, возлѣ которой сидѣло много народа, я остановился у самаго ея порога, подождалъ, пока меня сняли съ лошади, распоряжался самымъ строгимъ тономъ, но не спѣша, наотрѣзъ отказался отъ всякаго угощенія и сразу началъ опросъ старшинъ, записывая показанія въ большую книгу.

Важность моя воздѣйствовала. Киргизы рѣшили, что имѣютъ дѣло съ «настоящимъ начальникомъ». Хозяева стали объяснять, что они «другой партіи», не такіе люди, какъ тѣ, про которыхъ разсказываетъ джигитъ, и т.д. На другой день лошади были доставлены, но, какъ всегда бываетъ, не изъ того аула, гдѣ мы ночевали и, конечно, съ дракой. Пришелъ жалобщикъ, кричитъ, чтобъ ему показали начальника, что у него есть бумага. Пока я вышелъ, джигитъ побилъ бѣднаго жалобщика, обладателя бумаги, и мнѣ пришлось первымъ дѣломъ усмирять своего разошедшагося Менгли-бая. Бумага жалобщика оказалась старой ненужной повѣсткой, которую онъ хранилъ, какъ большую цѣнность. Чтобъ утѣшить его и скорѣе тронуться въ путь, я взялъ этого киргиза лавшой (проводникомъ),

Библиотека "Руниверс"

и черезъ нѣкоторое время онъ уже дружелюбно разговаривалъ съ побившимъ его джигитомъ. Разстались мы съ нимъ вполнѣ друзьями, такъ какъ онъ не ожидалъ получить на чай.

Киргизы очень цѣнятъ бумаги съ печатями, официальными штемпелями и печатными буквами. Мнѣ за сорокъ верстъ везъ какой-то киргизъ бумажонку, которую досталъ, разстегнувъ три зипуна и развязавъ кожаный мѣшочекъ. А бумага оказалась «справкой» о томъ, что на неизвѣстномъ обладателю бумаги прошеніи, отмѣченномъ «входящимъ» № 541, сдѣлана помѣтка 18-го іюня уѣзднымъ начальникомъ. Чтобъ не разочаровывать обладателя бумаги и того, кто отыскалъ этого киргиза съ бумагой, пришлось «записать» содержаніе «бумаги» въ книжку.

Еще комичнѣе было, когда намъ показалъ бумаги султанъ Садыханъ Аблейхановъ. Его отецъ былъ полковникъ, потомственный дворянинъ и кавалеръ ордена Станислава 2-й степени. Всѣ эти отличія были ему даны за то, что онъ привелъ въ русское подданство свою маленькую орду. Толстопузый сынъ султана, похожій на крысу по внѣшнему виду, принялъ насъ очень важно и, распорядившись, чтобъ угостили кумысомъ, самъ вышелъ изъ юрты. Между тѣмъ сопровождавшіе насъ киргизы успѣли разсказать, что молодой баринъ — чиновникъ изъ Петербурга, а, слѣдовательно, отъ «падши» (государя). Мы вышли уже изъ юрты и усѣлись на лошадей, когда султанъ сталъ насъ просить снова къ нему зайти и въ качествѣ приманки обѣщалъ показать «бумаги». Я поддался на это искушеніе и не пожалѣлъ. Здѣсь былъ актъ о распредѣленіи земли и воды между аулами, были грамоты, сопровождавшія награды, былъ высочайшій приказъ о принятіи въ подданство султана и его орды и обѣщаніе «на всяческія времена» освободить киргизовъ отъ воинской повинности, но интереснѣе всего было длинное дѣло объ исключеніи нашего хозяина, сына султана, изъ общества. Здѣсь шелъ сначала общественный приговоръ, гдѣ перечислялись всѣ грязныя дѣла султанова сына, повѣствовалось объ его покровительствѣ ворамъ и вымогательствѣ, объ его лихоимствѣ и злоупотребленіяхъ по должности, затѣмъ слѣдовала объяснительная записка пристава, ходатайствовавшаго о неутвержденіи Аблейханова въ должности волостного, такъ какъ онъ подкупилъ выборщиковъ за тысячу рублей и такъ какъ во время выборовъ происходила драка. Потомъ жалоба Аблейханова, написанная очень смѣло, видно, опытною рукою кляузника-писаря или какого-нибудь подпольнаго адвоката. Кончилось дѣло тѣмъ, что жалоба Аблейханова была уважена, что его утвердили волостнымъ, надѣлили землей въ двухъ волостяхъ и не утвердили приговоръ общества объ исключеніи Аблейханова. Теперь онъ народный бій, богачъ; сидитъ въ бархатныхъ шароварахъ, пьетъ пьяный, бьющій въ голову, здоровый кумысъ и бахвалится своимъ дворянствомъ, а приставъ, который попробовалъ съ нимъ бороться, долженъ былъ куда-то уйти.

Библиотека "Руниверс"

Врядъ ли удачны способы завлеченія киргизовъ, которые примѣнялъ степной генералъ-губернаторъ Колпаковскій. Распоряжаясь кульджинскимъ золотомъ, слишкомъ онъ [1]) щедро раздавалъ подарки и награды всякимъ султанамъ и волостнымъ и тѣмъ открывалъ этимъ послѣднимъ возможность смѣлѣе эксплоатировать «черную кость»—невѣжественную массу склонныхъ къ раболѣпію азіатовъ.

Съ Асовъ въ Пріилійскую далину мы попали черезъ перевалъ Кыржолъ. Здѣсь мы въ послѣдній разъ взобрались на вершину. Снова взоръ нашъ прикованъ былъ къ бѣлоснѣжнымъ вершинамъ горъ и къ необъятному простору.

Но темные долы
Внизу различаемъ,
Селеньямъ и полю
Привѣтъ посылаемъ:
Да, въ эти вершины
Пришли мы отъ васъ,
Обратно въ низины
Вернемся сейчасъ.
Но прежде, чѣмъ къ вамъ
Внизъ опять возвратиться,
Должны мы горамъ
За ихъ мощь поклониться.

По красивому крутому спуску, почти все время лѣсомъ, съѣхали мы внизъ, обратно въ долину Или, гдѣ не были девять дней. При переѣздѣ черезъ Кыржолъ съ нами случилось маленькое происшествіе. Мы много слышали про здѣшнихъ барантачей, которые не стѣсняясь грабятъ проѣзжающихъ. Вблизи тянется склонъ мало населеннаго Джеланаша [2]), гдѣ обираютъ проѣзжихъ догола. И вотъ по дорогѣ видимъ мы сложенную надъ ямой крышу изъ бревенъ и въ ней молодого киргиза съ ружьемъ-самопаломъ на козлахъ. Джигитъ подъѣзжаетъ къ нему, отбираетъ у него пистоны, порохъ, пули и увѣряетъ меня, что испуганный киргизенокъ—барантачъ, стерегущій проѣзжихъ. Только проѣхавъ версты двѣ, я догадался, что это за барантачъ, когда на горѣ пробѣжали и скрылись двое сурковъ. Бѣдняга былъ просто охотникомъ и сторожилъ сурковъ, а не проѣзжихъ. Джигитъ мой нисколько не спорилъ, что, можетъ быть, и такъ, но, вѣдь, порохъ и пули нужны и ему, джигиту (ружье мы уже успѣли пріобрѣсти),—такъ мнѣ пришлось по наивности и незнанію языка попасть впросакъ и обратиться самому въ покровителя барантача.

Еще одно забавное происшествіе было при самомъ спускѣ въ долину. Населеніе расположившагося въ ущельѣ аула, завидѣвъ караванъ,

[1]) Часть денежнаго вознагражденія, полученнаго отъ Китая при возвращеніи Кульджи, была назначена на благоустройство края и находилась въ распоряженіи генералъ-губернатора.

[2]) Названіе мѣстности. Джеланашъ значитъ голый.

Библиотека "Руниверс"

рѣшило на всякій случай, что лучше упрятать лошадей, и, когда мы подъѣхали, всѣ табуны исчезли. Благодаря ласковому тону, угощенію чаемъ и шуткамъ, сами хозяева помогали найти лошадей, но, какъ всегда, не своихъ, а чужихъ. Попалось двое: простоватый бій и какой-то бѣдный, обтрепанный киргизъ, принесшій повѣстку съ вызовомъ въ судъ къ понедѣльнику; а дѣло шло въ субботу. Отдать лошадь было невозможно и, чтобъ вознаградить какъ-нибудь бѣднягу, я взялъ его лавшой (проводникомъ). Но бій заупрямился, пожелалъ самъ ѣхать, и нашъ бѣднякъ остался пѣшимъ. Полагая, что онъ останется, я предложилъ ему плату за лошадь, но... тутъ началась исторія... скорѣе съ отчаянія, чѣмъ отъ глупости, онъ пожелалъ нести службу пѣш-

«Муллушка», надгробное сооруженіе въ Чиликской волости.

комъ: мы ѣхали шагомъ—онъ шелъ; мы переходили въ галопъ—онъ прыгалъ и догонялъ насъ; мы пускали лошадей рысью, и онъ не отставалъ. Какъ ни уговаривали его, онъ не сдавался, и вотъ, когда уже спустились съ горъ и осталась ровная, нетрудная дорога, я приказалъ отдать ему лошадь, перегрузивъ вьюкъ на остальныхъ. Но нашъ пѣхотинецъ и тутъ не пожелалъ отправиться обратно: ему захотѣлось докончить службу. Пришлось прикрикнуть на него и лишь тогда онъ отправился домой и попрощался словами: «рахметъ, спасибо».

Отчего происходятъ такія непріятныя исторіи? Въ то время какъ на земскихъ и почтовыхъ трактахъ всѣ платятъ, киргизамъ не

Библиотека "Руниверс"

платитъ никто. Если имъ даютъ, то это считается «чаемъ». Полиція получаетъ такое ничтожное содержаніе на разъѣзды, что поневолѣ считаетъ себя въ правѣ требовать лошадей безвозмездно. То же продѣлываютъ джигиты, «имя же имъ легіонъ», и всевозможные чиновники, хотя послѣдніе уже могли бы платить. Но заплатить правильно и по адресу—очень трудно. Привыкнувъ къ безплатной поставкѣ лошадей, киргизскіе старшины никогда не даютъ лошадей своихъ, и плата не попадаетъ въ карманъ хозяину. Порядокъ въ этомъ дѣлѣ могъ бы установиться только при условіи обозначенія опредѣленныхъ пунктовъ стоянокъ. Это значительно облегчило бы и упростило чиновникамъ всегда трудное добываніе лошадей. Но надо сказать, что среднему киргизу ничего въ сущности не стоитъ предоставить свою лошадь для небольшого переѣзда. Эта повинность тяжела только для бѣдныхъ егинчей, живущихъ почти исключительно своимъ маленькимъ посѣвомъ.

У такихъ егинчей пришлось мнѣ ночевать послѣ спуска съ горъ въ долину Асы-Сага. Здѣсь нѣсколько десятковъ киргизовъ двухъ волостей имѣютъ постоянное мѣстожительство, занимаются земледѣліемъ, какъ главнымъ промысломъ, и не выходятъ на джайляу, а посылаютъ туда скотъ съ родственниками. Зимніе домики этихъ киргизовъ построены по типу бѣднѣйшихъ таранчинскихъ домовъ—низенькіе, съ плоскими крышами, съ малюсенькими окнами подъ потолкомъ, съ навѣсами для скота, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ домомъ, и съ вязанками чія на плоской крышѣ. Подлѣ нѣкоторыхъ домовъ садики съ нѣсколькими фруктовыми деревьями. Обыкновенно возлѣ самаго зимняго помѣщенія находится и лѣтнее—юрта. Такъ какъ она стоитъ на одномъ и томъ же мѣстѣ между деревьями, то вонь и грязь въ этой юртѣ прямо невыносимы. У нашего хозяина стояло пять такихъ юртъ, окруженныхъ ивами—предметомъ гордости ихъ владѣльца, лично насадившаго эти легко принимающіяся возлѣ воды деревья.

Хозяинъ, въ истертыхъ чамбарахъ (кожаныя брюки), въ изорванной рубахѣ, съ чернымъ отъ жары лицомъ, казался самымъ послѣднимъ бѣднякомъ. Я предупредилъ джигита, что скоро лягу спать и что ѣсть ничего не буду. Однако мое желаніе не исполнилось и гостепріимствомъ хозяина пришлось воспользоваться. Прежде всего не оказалось собственнаго чая—его вмѣстѣ съ чайницей припрятали чрезвычайно гостепріимныя «бейбише» въ послѣднемъ аулѣ. Онѣ усердно насъ угощали чаемъ и все кивали головами и прищуривали глаза въ знакъ благоволенія, а въ то же время незамѣтно стащили чайницу, навѣрное, не столько ради чая, сколько изъ-за красивой жестяной коробочки.

Когда мы напились чаю, то хозяинъ попросилъ не ложиться, такъ какъ скоро будетъ готовъ козленокъ. Это было полною неожиданностью, но ничего уже нельзя было подѣлать. Хозяинъ счи-

Библиотека "Руниверс"

Пески Прибалхашья.

Библиотека "Руниверс"

талъ своею священною обязанностью поставить гостю угощеніе: «я рѣжу барана для двухъ киргизовъ, такъ какъ же не зарѣзать для такихъ рѣдкихъ гостей».

Гостепріимство восточныхъ народовъ, освященное религіей и укрѣпившееся въ правосознаніи, какъ обязанность, возникло подъ условіями кочевой жизни и раскинутости поселковъ. Разумѣется, теперь оно уже утратило въ значительной степени свой смыслъ, но держится по инертной силѣ религіознаго права. Надо, однако, замѣтить, что безъ этого гостепріимства намъ и теперь было бы нелегко существовать. При натуральномъ хозяйствѣ киргизовъ, у которыхъ нѣтъ никакихъ запасовъ для продажи, безъ гостепріимства ихъ пришлось бы голодать.

Мы были уже въ степи. Горы тонули въ вечерней мглѣ. Равнина серебрилась луннымъ свѣтомъ. Мы устроили себѣ постель на травѣ, окружили постели толстымъ, кусающимъ руки канатомъ, чтобъ предохранить себя отъ змѣй, и прежде, чѣмъ былъ готовъ козленокъ, улеглись и любовались звѣзднымъ небомъ, вдыхая въ себя освѣжающій воздухъ, гонимый съ горъ «джилемъ» (зефиромъ). На горизонтѣ выросла вдругъ какая-то высокая фигура. Присматриваемся. Не дерево ли? Но нѣтъ—приближается и черезъ нѣкоторое время превращается въ очертанія коня и всадника. Черный всадникъ проѣзжаетъ. Лошадь фыркаетъ уже сзади. Опять тихо, тихо. Заблеялъ баранъ, заворчала собака, все какъ-то расплылось... «Баринъ, мясо готово»—насъ уже будятъ: мы незамѣтно уснули.

На другой день опять поиски лошадей. Расплата: хозяинъ получаетъ деньги, въ качествѣ подарка дѣтямъ, и мы ѣдемъ въ Чиликъ (большое селеніе Зайцевское). Духота, іюльскій зной, мухи, все это послѣ горъ кажется адомъ. Уже утромъ, проснувшись, мы были разочарованы. Полынная степь, гдѣ мы устроили свои постели, оказалась выжженной, и мы спали не на травѣ, а на пеплѣ и мусорѣ. Почти то же, что случилось въ ночь подъ Ивана Купала съ гоголевскимъ дѣдомъ, червонцы котораго превратились въ соръ. По дорогѣ я не могъ выдержать мученій жажды и напился грязной, но прохладной воды изъ арыка.

Когда мы пріѣхали, наконецъ, въ селеніе (Чиликъ состоитъ изъ двухъ частей: таранчинской и русской), было чрезвычайно пріятно видѣть ровныя улицы, красивые тополя и карагачи, аккуратные глиняные домики, потомъ базаръ, гдѣ мы сейчасъ же купили яблокъ и дынь, потомъ уже безпорядочность русскихъ улицъ, церковь, школу и, наконецъ, земскій домъ. Всѣ прелести горъ и вся тяжесть жары, пыли, жажды—были моментально забыты. Даже сердитая хозяйка показалась ангеломъ—мы были въ своей родной обстановкѣ.

Библиотека "Руниверс"

IV.

Переѣздъ черезъ пески.

Кульджинскій трактъ отъ Чилика до Чарына.—Правовой бытъ киргизовъ и правила вѣжливости.—Странный путникъ.—Охота.—Муллушки.—Киргизская сказка.—Переправа черезъ Или.

Вскорѣ послѣ поѣздки на Асы мы переѣзжали рѣку Чиликъ, направляясь по Кульджинскому тракту въ Джаркентскій уѣздъ. Разлившаяся отъ таянія льдовъ рѣка разбилась на нѣсколько рукавовъ. Бродъ доходилъ до полутора аршина глубины, и вода заливала повозку. Переѣхавъ рѣку, мы стали углубляться въ безлюдную и пустынную мѣстность. Бѣдная и безъ того растительность окрестностей была выжжена. Съ каждою верстою мы все болѣе чувствовали себя въ пустынѣ. Заилійскій Алатау уходилъ отъ насъ, виднѣлась лишь макушка Талгара, а впереди разстилалась однообразная равнина, сначала съ жесткимъ чіемъ, потомъ съ колючими и рѣдкими пучками травы на барханахъ (бугорчатыхъ наростахъ почвы).

Случайно мы миновали первый бекетъ (постоялый дворъ), и пришлось верстъ пятьдесятъ проѣхать безъ остановки. Жара изнуряла всѣхъ. Раскаленная степь дышала зноемъ. Закроешь глаза, забудешься, задремлешь. Вдругъ очнешься—все то же, какъ будто никуда не уѣхалъ. Надоѣло... ожидаешь съ нетерпѣніемъ бекета.

Наконецъ показывается глиняная стѣна. Подводчикъ радостно подгоняетъ лошадей. Мы прибыли на отдыхъ. Здѣсь колодезь, больше травы, и кругомъ шныряютъ зайцы. Ружье доставляетъ намъ обѣдъ. Но на бекетѣ скучно, хочется ѣхать все дальше. Солнце уже опускается, на смѣну ему сейчасъ же появляется луна. Ѣхать теперь пріятнѣе, но путь кажется безконечнымъ, такъ какъ ночью видъ еще однообразнѣе.

Остановились мы ночевать на слѣдующемъ бекетѣ. Спать можно было либо внутри дома на глиняномъ, приподнятомъ на аршинъ отъ пола возвышеніи, разсчитанномъ на нѣсколько десятковъ человѣкъ, либо на крышѣ. Я предпочелъ, конечно, второе. На плоской крышѣ было безопаснѣе отъ паразитовъ, и, кромѣ того, свѣжій джиль спасалъ меня отъ комаровъ и духоты.

Выѣхали мы до восхода солнца. Въ первый день намъ не попадалось ни одного человѣка, ни одной подводы, а между тѣмъ мы двигались по Кульджинскому тракту, соединяющему Кульджу съ Вѣрнымъ и дорогой на Ташкентъ. По этому тракту двигаются всѣ торговые караваны, ѣдутъ богомольцы въ Мекку и имъ соединяются десятки селеній. Гдѣ же причина такого отсутствія людей? Мы ѣхали днемъ. Теперь—ночью—намъ встрѣтилось много повозокъ и на бе-

Библиотека "Руниверс"

кетѣ, гдѣ мы ночевали, всю ночь слышались голоса пріѣзжавшихъ и отъѣзжавшихъ, ржали лошади и скрипѣли повозки.

Скучно было ѣхать, и я для развлеченія сталъ вспоминать и записывать тѣ особенности киргизскаго обычнаго права, которыя мнѣ удалось выяснить.

Нѣкоторыя изъ этихъ особенностей небезынтересны.

Начну съ семейнаго права. Въ бракъ можно вступать дѣвочкамъ девяти лѣтъ, мальчикамъ—двѣнадцати. Браку препятствуетъ низкое общественное положеніе жениха.

Законное число женъ—четыре. Фактически больше двухъ женъ теперь рѣдко кто имѣетъ и вторую жену берутъ чаще всего тогда, когда первая состарится, или въ томъ случаѣ, если первая начнетъ болѣть.

Родовыя узы сказываются, между прочимъ, въ обязательствѣ содержать неимущихъ родственниковъ. Даже отпаденіе отъ мусульманской вѣры не разрушаетъ этого обязательства, такъ какъ коранъ предписываетъ помогать всѣмъ бѣднымъ, безъ различія вѣры.

Въ области права обязательственнаго (договорнаго) интересно отмѣтить прежде всего, что заемъ, то есть возмездное предоставленіе другому въ собственность замѣнимой вещи, съ обязательствомъ вернуть равноцѣнную вещь (или сумму денегъ) и уплатить проценты, не допускается. Конечно, обходъ запрета совершается, и при томъ такъ же, какъ въ средніе вѣка, когда канонисты возстали противъ процента. А именно—либо процентъ заранѣе включается въ сумму долга, либо фиктивно предполагается, что вещь или деньги отдаются внаймы за плату и, въ случаѣ порчи или утраты, замѣняются другими при возвращеніи.

Другая характерная черта, что правомъ не признается договорная неустойка.

Очень любопытной особенностью является затѣмъ отсутствіе пріобрѣтательной (даже незапамятной) давности для недобросовѣстнаго владѣльца. Нѣтъ и погасительной давности для уголовныхъ дѣлъ. Только за прелюбодѣяніе нельзя привлекать къ отвѣтственности спустя мѣсяцъ. Состояніе опьянѣнія, если бій не чувствуетъ запаха вина, считается не доказаннымъ.

Въ области наслѣдованія сказывается существованіе семейной общности имущества. Если нѣсколько сыновей выдѣлилось, то по смерти отца наслѣдуютъ оставшіеся, хотя бы младшіе, а старшій изъ наслѣдующихъ становится главою семьи и обязанъ за это содержать мать, сестеръ и бѣдныхъ родственниковъ. Такимъ образомъ, младшіе сыновья часто оказываются богаче старшихъ.

Кромѣ обычнаго права, у киргизовъ много правилъ этикета, правилъ вѣжливости, нарушеніе которыхъ считается неприличнымъ. Къ этимъ правиламъ не относится гостепріимство, нарушеніе котораго карается по суду штрафомъ—уплатой лошади. Но въ ихъ

Библиотека "Руниверс"

числѣ—правило почитанія старшихъ, почитанія мужчинъ женщинами, правила умѣренности въ пищѣ, когда угощаютъ, безразличія къ женщинамъ на людяхъ и другія. Всѣ эти правила признаются и исполняются, быть можетъ, болѣе строго, чѣмъ тѣ, нарушеніе которыхъ карается судомъ.

Въ то время, какъ я припоминалъ и записывалъ всѣ эти обычаи и правила вѣжливости у киргизъ, дорога улучшилась. Сначала мы ѣхали по глубокому зыбучему песку, потомъ дорога какъ будто превратилась въ асфальтовую мостовую—это глиняный покровъ земли послѣ какого-нибудь тропическаго ливня превратился въ растрескавшуюся гладкую и крѣпкую кору. Ниже дороги верстъ на десять или больше были болота, тамъ поселились дунгане и завели рисовые посѣвы. Мы выбрали болѣе длинную дорогу, избѣгая арыковъ, грязи и комаровъ.

Въ этихъ пустынныхъ частяхъ кульджинскаго тракта обыкновенно не встрѣтишь пѣшаго путника. У киргизовъ, между прочимъ, имѣется такое правило: не ходить пѣшкомъ. И уважающій себя кочевникъ, да и другіе туземцы нерѣдко переѣзжаютъ верхомъ отъ юрты до юрты на самыхъ незначительныхъ разстояніяхъ. И вдругъ мы видимъ путника.

Но это не былъ киргизъ. Синяя рубаха и длинные бѣлокурые волосы выдавали русскаго. Но что за странный путникъ! Въ такую жару онъ идетъ пѣшкомъ черезъ пустыню и притомъ безъ шапки. Скоро мы нагнали его, путникъ оказался дѣйствительно чудакомъ, но такимъ чудакомъ, встрѣча съ которымъ не забывается. Это былъ интеллигентъ, и притомъ изъ хорошаго круга и съ хорошей шлифовкой ума. Мы усѣлись съ нимъ вмѣстѣ въ повозку.

Случайный спутникъ былъ странствующій художникъ, Георгій Эдуардовичъ Б., однофамилецъ извѣстнаго адмирала. Окончилъ онъ мюнхенскую академію и по спеціальности портретистъ. Отрицая современное искусство и изображеніе природы сквозь призмы мимолетныхъ впечатлѣній, онъ хочетъ слиться съ природой, «чтобы она, какъ онъ выразился, сама въ немъ говорила, чтобъ быть естественнымъ и сильнымъ реалистомъ». И вотъ онъ въ бѣлыхъ холщевыхъ панталонахъ и ситцевой рубахѣ ходитъ по азіатскомъ горамъ и равнинамъ, направляясь сейчасъ на поклоненіе Ханъ-тегри, высочайшей въ предѣлахъ Семирѣчья вершинѣ въ 24 тысячи футовъ. Онъ терпитъ лишенія, когда не принимаютъ на земскія квартиры, спитъ на улицѣ и, не скучая по оставленномъ мірѣ, все больше уходитъ въ любимую имъ природу. Онъ уже пропитался образами окружающей жизни и говоритъ картинно, этими же образами замѣняя отвлеченную логику. «Вотъ,—говоритъ онъ,—катится камень съ горы; чѣмъ дальше онъ падаетъ, тѣмъ стремительнѣе его движеніе, тѣмъ болѣе онъ захватываетъ съ собою другихъ камней и тѣмъ сильнѣе рушитъ и громитъ все по дорогѣ, пока не найдетъ свой послѣдній покой

Библиотека "Руниверс"

въ самой глубинѣ пропасти,—такъ и сильный, энергичный человѣкъ прокладываетъ въ жизни путь для своихъ идей и такъ привлекаетъ и покоряетъ онъ своихъ приверженцевъ». Такимъ человѣкомъ хочетъ быть и нашъ художникъ, чтобъ силою своею стихійно увлекать за собою другихъ. Эпическое спокойствіе, эллинское благородство и изящество — его идеалы. Сила неувядаемой безконечно разнообразной природы ему дороже всего. Но зачѣмъ же онъ безъ шапки? Онъ направляется въ Индію и пріучаетъ себя къ горячему солнцу.

Бесѣду нашу прервали выстрѣлы. Джигитъ уже давно оживился. Мы въѣхали въ оазисъ. Появились деревья, цвѣты, птицы. Шныряли зайцы. Въ одномъ мѣстѣ поднялись изъ кустовъ куропатки, въ другомъ стая дикихъ голубей. Когда же появилось стадо изящныхъ дикихъ козъ съ высокимъ пушистымъ козломъ во главѣ, джигитъ не выдержалъ и сталъ палить. Охота была удачной... Въ этихъ мѣстахъ и ниже до Или есть на кого поохотиться: здѣсь водятся дикія кошки, лисицы, въ камышахъ кабаны и изъ птицъ, кромѣ обыкновенной дичи, фазаны.

Мы приближались къ рѣкѣ Чарыну, снова къ населенной мѣстности. Но послѣдній перегонъ и безъ того промелькнулъ совершенно незамѣтно: мой новый спутникъ разсказывалъ мнѣ старую киргизскую сказку, которую онъ самъ недавно узналъ отъ муллы. Вспомнилась ему сказка при видѣ оригинальной «муллушки», мимо которой мы проѣзжали. Муллушки это надгробныя сооруженія у киргизовъ. Раньше это были стильныя глиняныя или каменныя постройки въ формѣ пирамидъ, обелисковъ или монументальныхъ башенъ съ куполами; теперь же онѣ большею частью деревянныя, съ жестяной крышей.

Сказка, которую разсказалъ мнѣ мой странный спутникъ, завидѣвъ вдали большую полуразвалившуюся муллушку-башню, очень любопытна.

Было это въ то время, когда киргизъ-кайсацкій народъ распался на множество самостоятельныхъ родовъ, нерѣдко враждовавшихъ между собою и вступавшихъ въ жестокую кровопролитную борьбу съ другими племенами. Въ то давнее время, котораго не запомнятъ дѣды и прадѣды, между горами Тарбагатай и Алатау и озерами Балхашъ и Ала-куль кочевали два богатыхъ, знатныхъ и могущественныхъ султана: Кара-бай и Сары-бай. Султановъ связывала самая тѣсная дружба, всюду они были вмѣстѣ и нерѣдко они помогали другъ другу въ бѣдѣ и несчастьяхъ.

Разъ какъ-то выѣхали они на охоту. У одного и у другого султана жены ожидали со дня на день родовъ. Охотились султаны и все гадали о своихъ будущихъ дѣтяхъ. У Сары-бая были мрачныя предчувствія, и, когда вечеромъ утомленные охотники остановились на отдыхъ, Сары-бай сталъ просить друга принести клятвенный

Библиотека "Руниверс"

обѣтъ, что они повѣнчаютъ своихъ дѣтей, если у одного родится сынъ, а у другого дочь. Сары-бай охотно отозвался на это предложеніе, и клятва была торжественно принесена. Но Сары-бай все оставался грустнымъ, и, какъ ни пріятно было ему сознаніе, что потомки его и Кара-бая будутъ вѣрные друзья и союзники, онъ не могъ успокиться.

Султаны ѣхали домой. Былъ вечеръ, и тишина навѣвала на нихъ задумчивость. Вдругъ завидѣли они вдали гонца. Это ѣхалъ джигитъ сообщить имъ о рожденіи сына у Кара-бая и дочери у Сары-бая. Скорѣе вѣтра понеслись домой обрадованные друзья, но было темно, и усталые кони стали спотыкаться. Кара-бай пріудержалъ лошадь и крикнулъ другу, чтобы онъ послѣдовалъ его примѣру. Сары-бай, однако, забылъ о предчувствіяхъ, объ осторожности и летѣлъ впередъ. Вдругъ конь его споткнулся, перевернулся черезъ голову и оба, конь и всадникъ, смѣшались съ пылью. Подоспѣвшіе спутники нашли Сары-бая мертвымъ.

Печаль царила въ обоихъ аулахъ. Не радостью, а горемъ сопровождалось рожденіе Сары-баевой дочери. Приглашенные по обычаю предсказатели не предвѣщали ей добраго въ жизни и совѣтовали Кара-баю нарушить клятву и не женить сына на дочери несчастнаго своего друга.

Тяжело было Кара-баю нарушать клятву, но счастье сына было ему дороже, и онъ рѣшилъ откочевать такъ далеко, чтобъ всякая память о Сары-баѣ и его дочери была порвана разстояніемъ. Такъ и разошлись два могущественныхъ рода.

Послѣ смерти Сары-бая власть и главенство постепенно перешли къ его пріемышу калмыцкаго происхожденія, Кударъ-Кулу. Дочь Сары-бая выросла красавицей, и стали всѣ называть ее Баянъ-слу (красавица Баянъ), и, дѣйствительно, не было краше ея ни одной невѣсты. Кударъ не имѣлъ у нея успѣха, но онъ рѣшилъ непремѣнно сдѣлать ее своей женой. Чтобы добиться этого и помѣшать встрѣчѣ Баянъ-слу и сына Кара-бая, про котораго Баянъ знала отъ своего старика-дяди и котораго, какъ своего нареченнаго жениха, она все хотѣла видѣть, Кударъ рѣшилъ откочевать такъ далеко, чтобы нельзя было найти къ нимъ никакого слѣда. Такъ и сдѣлали. Баянъ-слу уже почти утратила надежду увидѣть Козу-Керпеча, какъ назвали Кара-баева сына, но она все не соглашалась стать женой Кудара и придумала для него три трудныхъ порученія, какъ будто для испытанія его любви, а въ дѣйствительности, чтобы оттянуть время: Кударъ долженъ былъ пересчитать весь многочисленный скотъ ихъ, вырыть въ степи глубокіе колодцы для скота и наполнить водою искусственное озеро. Все сдѣлалъ Кударъ, и Баянъ-слу должна была исполнить обѣщаніе.

Между тѣмъ, сынъ Кара-бая Козу-Керпечъ уже искалъ свою невѣсту. Отъ него долго скрывали тайну о существованіи Баянъ-слу и

Библиотека "Руниверс"

о клятвѣ отца. Но разъ кто-то изъ родственниковъ проговорился, и Козу-Керпечъ, который отличался необыкновенной силой, заставилъ разсказать ему все.

Немедленно же послѣ этого пустился онъ въ путь. По просьбѣ матери, поискамъ его препятствовала колдунья: она бросалась на него разъяренной верблюдицею, обращалась въ дремучій лѣсъ и въ бурные потоки, но ничто не могло остановить смѣльчака и силача Козу-Керпеча. Онъ нашелъ бывшій аулъ Сары-бая и тамъ встрѣтилъ дядю Баянъ-слу, который не любилъ Кудара, ушелъ отъ него и охотно разсказалъ Козу-Керпечу всѣ примѣты и признаки пути къ новой стоянкѣ Сары-баева рода.

Козу-Керпечъ появился передъ Баянъ-слу и Кударомъ, переодѣвшись въ простой нарядъ и зарывъ свое золотое вооруженіе, украшенное каменьями сѣдло и яркія одежды. Онъ нанялся въ табунщики. Баянъ-слу сразу ему понравилась, и онъ искалъ встрѣчъ съ нею. Однажды, когда красавица скучала, онъ предложилъ черезъ ея слугъ спѣть ей пѣсню, въ пѣсняхъ онъ все намекалъ на близкое свиданіе Баянъ-слу съ ея женихомъ. Вскорѣ онъ сталъ приближеннымъ слугою Баянъ-слу, которая заинтересовалась его пѣснями. Однажды онъ открылъ ей свое имя. Они стали постоянно встрѣчаться и придумывать, какъ бы разстроить рѣшенную уже свадьбу съ Кударомъ.

Кударъ, не зная, кто таковъ новый джигитъ, все же чувствовалъ къ нему непріязнь. Разъ онъ обидѣлъ Козу-Керпеча, тотъ въ гнѣвѣ схватилъ Кудара и съ силою бросилъ его о земь. Собравшейся толпѣ онъ открылъ свое имя. Пораженный силою Козу-Керпеча, народъ сталъ на его сторону. Кудару пришлось отказаться отъ свадьбы. Онъ бѣжалъ и рѣшилъ отомстить.

Вскорѣ Кударъ привелъ съ собой калмыковъ, но Козу-Керпечъ, выѣхавъ съ джигитами навстрѣчу врагамъ, поражалъ ихъ, какъ коситъ коса траву, и обратилъ въ бѣгство. Кударъ выпросилъ пощаду и обѣщалъ мирно жить въ аулѣ, навсегда отказавшись отъ свадьбы съ Баянъ. Его оставили, но онъ сталъ сейчасъ же возмущать часть родни Баянъ-слу противъ Козу-Керпеча, сына клятвопреступника, и скоро большинство, задобренное калмыкомъ, стало на его сторону. Тогда Баянъ-слу, чтобы избѣжать кровопролитія, уговорила Козу-Керпеча на время скрыться въ ей одной извѣстное мѣсто, чтобъ такимъ образомъ не лишиться свиданій съ любимымъ женихомъ, а во время его отсутствія примирить родню. Но безпечный Козу-Керпечъ выдалъ себя, и вѣроломный Кударъ предательски нанесъ ему смертельную рану.

Горькія слезы проливала несчастная красавица, когда, явившись на свиданіе, застала жениха раненымъ, въ тяжеломъ забытьѣ. Съ трудомъ привела она его въ чувство, закрыла рану, дала цѣлебныхъ снадобій и такимъ образомъ вернула на нѣкоторое время жениху оставившія его силы. Три дня и три ночи провела

Библиотека "Руниверс"

она съ Козу-Керпечемъ въ нѣжныхъ ласкахъ, но ядъ стрѣлы подѣйствовалъ, и на рукахъ ея Козу-Керпечъ скончался. Баянъ рѣшила поставить ему огромный памятникъ, а Кудара такъ же предательски умертвить, какъ онъ умертвилъ своего счастливаго соперника. Она завернула тѣло жениха въ тонкіе войлоки и дорогіе ковры и, нагрузивъ на верблюда, отправилась съ приближенными и друзьями на выбранное для могилы мѣсто.

Народу и Кудару она объявила, что теперь не станетъ противиться свадьбѣ съ Кударомъ, такъ какъ нѣтъ уже больше нареченнаго жениха. Кударъ повѣрилъ и послѣдовалъ за похоронной процессіей. У одного колодца Баянъ-слу стала вдругъ жаловаться на невыносимую жажду. Кударъ, чтобы угодить невѣстѣ, сейчасъ же спустился въ колодезь, схватившись за веревку; онъ хотѣлъ зачерпнуть воды въ шапку, но, какъ только онъ былъ на днѣ, Баянъ перерубила веревку и приказала засыпать колодезь. Такъ отомстила она противному ей калмыку.

У возвышеннаго мѣста, гдѣ Баянъ рѣшила похоронить Козу-Керпеча, она приказала разставить юрты и, какъ только ея юрта была готова, заснула отъ усталости. Ее разбудилъ шумъ проходящаго каравана. Мимо юрты, тяжело нагруженные, важно шли одинъ за другимъ связанные другъ съ другомъ верблюды. Время отъ времени одна цѣпь верблюдовъ смѣнялась другой. Съ погремушкой проѣзжалъ впереди погонщикъ на осликѣ, мулѣ или верблюдѣ-самцѣ съ палочкой въ ноздряхъ вмѣсто уздечки, а сзади него шли опять бѣлые и темно-бурые двугорбые верблюды. Баянъ-слу опять заснула, и, когда открыла глаза, караванъ все еще не прошелъ. Въ пестрыхъ одеждахъ ѣхали молодые и старые слуги караванъ-баши, и верблюды одинъ за другимъ все такъ же важно, звякая металлическими погремушками, продолжали итти съ тяжелымъ грузомъ на выносливой спинѣ.

Караванъ-баша, обладатель несмѣтныхъ сокровищъ, завидѣвъ множество юртъ, захотѣлъ узнать, въ чемъ дѣло, и, подъѣхавъ къ центральной юртѣ, увидѣлъ Баянъ и былъ пораженъ ея удивительной красотой. Случилось то, чего Баянъ въ это время никакъ не ожидала: ей опять сдѣлали предложеніе. Отказать открыто могущественному караванъ-башѣ она не рѣшалась: тотъ могъ прибѣгнуть къ силѣ, а покончить съ собой она не хотѣла, такъ какъ рѣшила непремѣнно поставить памятникъ Козу-Керпечу. Тогда она снова прибѣгла къ хитрости.

— Помоги мнѣ,—сказала она караванъ-башѣ:—исполнить мой долгъ по отношенію къ покойнику, и тогда я поѣду съ тобой.

Караванъ-баша созвалъ всѣхъ своихъ слугъ. Баянъ очертила на землѣ кругъ и бросила высоко вверхъ свою дѣвичью шапку. Такъ показала она, какой величины долженъ быть памятникъ. Немедленно закипѣла работа. Въ сосѣднихъ горахъ слуги купца ло-

Библиотека "Руниверс"

мали и отдѣлывали камни, перенося ихъ другъ другу, такъ, чтобы никто не уставалъ. Особые рабочіе сейчасъ же складывали изъ камней стѣны памятника. Скоро памятникъ былъ готовъ. Тогда тѣло Козу-Керпеча было опущено въ могилу и устроенъ былъ богатый поминальный обѣдъ и скачки. Баянъ пошла попрощаться съ трупомъ жениха и, опустившись въ яму, поразила себя на смерть кинжаломъ. Такъ кончила свою жизнь несчастная красавица.

И до сихъ поръ на большомъ почтовомъ трактѣ изъ Сергіополя въ Вѣрный, на берегу рѣки Аягузки стоитъ памятникъ Козу-Керпечу, высотой почти въ десять саженъ. Уже забывается преданіе о Баянъ-слу и ея женихѣ, а памятникъ все стоитъ и еще долго будутъ передаваться отъ потомства къ потомству имена Баянъ и Козу-Керпеча.

Между тѣмъ, мы незамѣтно проѣхали Чарынъ, переправившись опять въ бродъ, и уже ѣхали по почтовой дорогѣ Пржевальскъ—Джаркентъ. Остановка тутъ же была немыслима. Тучи комаровъ напали на насъ съ такой яростью, что, закутавши голову и руки, мы все же не были избавлены отъ частыхъ укусовъ. Ночевали на станціи Илійской и утромъ переѣхали черезъ широкую рѣку Или.

Примитивный паромъ переправлялся на другую сторону огромными веслами. На переправу ушло больше часа. Раза три садились на мель, потомъ теченіе отнесло паромъ далеко отъ пристани его и отъ дороги, и пришлось тащить паромъ на канатѣ. Въ общемъ перевозчики справлялись съ дѣломъ прекрасно. Подростки прыгали, какъ лягушки въ воду, и сталкивали паромъ съ мели. Надо замѣтить, что дно рѣки Или очень измѣнчиво, а потому установить на ней судоходство можно только съ очень крупными затратами.

Въ тотъ же день мы были въ Джаркентѣ.

V.

На обратномъ пути.

Семирѣчье въ августѣ.—Возвращеніе киргизовъ съ джайляу.—Кара-киргизыи манапы.—Чала-казаки.—Киргизы и русскіе крестьяне.

Въ Семирѣчьѣ наступила самая тяжелая пора, и путешествіе мое, когда въ августѣ, послѣ двухъ-трехъ недѣль пребыванія въ Джаркентѣ и его окрестностяхъ, пришлось то въ подводѣ, то на почтовыхъ, то верхомъ проѣхать съ лишнимъ тысячу верстъ до самаго Ташкента,—было уже гораздо болѣе тяжело, чѣмъ раньше.

Днемъ донимала жара. Она какъ будто усиливалась, но главное становилась чувствительнѣе, такъ какъ давно прекратились

Библиотека "Руниверс"

дожди и воздухъ былъ сухъ и пыленъ. Постоянные вѣтры засыпали проѣзжихъ пескомъ. Иногда вѣтеръ превращался въ маленькій смерчъ. Столбъ пыли начиналъ крутиться и съ бѣшеной яростью набрасывался на повозку, срывалъ шапки и крытый верхъ повозки, бросалъ въ лицо колючки и мчался дальше, пока, утомленный, не разсыпался въ равнинѣ.

Не всегда было хорошо и ночью. Трава уже выжжена, цвѣтовъ нѣтъ, и воздухъ пересталъ быть ароматнымъ; иногда, напротивъ, насыщенный отцвѣтающей полынью, онъ былъ горекъ и противенъ.

Еще позже, въ сентябрѣ, время отъ времени дулъ по ночамъ съ горъ такой ледяной вѣтеръ, что не было отъ него спасенья. Закутаешься въ шубу, въ кошму, но онъ проникаетъ въ рукава или подъ приподнявшійся край толстаго войлока и студитъ усталое тѣло...

Уже въ началѣ августа киргизы откочевываютъ въ равнину. Съ горъ медленно спускаются ихъ караваны. Всадники везутъ мѣхъ съ кумысомъ, всадницы дѣтей, а на верблюдахъ или быкахъ нагружены юрты, сундуки съ утварью и ковры, любимое украшеніе Востока. «Спрятанъ пестрый коверъ надеждъ въ сундукъ ожиданій»—говоритъ киргизская поговорка, отражая вкусы кочевника. Молча движется внизъ караванъ, и царятъ надъ нимъ зной и усталость.

На пашнѣ надо снять урожай и молотить хлѣбъ, гоняя по снопамъ лошадей. Женщины будутъ поджаривать на зиму тару (просо) и толочь въ каменныхъ ступахъ зерно. А потомъ женщины засядутъ за пряжу ковровъ да за шитье одежды. А мужчины будутъ сидѣть подлѣ юртъ въ бараньихъ длинныхъ армякахъ, перевязанныхъ шарфомъ, и въ остроконечныхъ шапкахъ, будутъ вести длинныя, скучныя и безтолковыя бесѣды или просто плевать сквозь зубы и жевать табакъ, а если пріѣдетъ гость, будутъ ѣсть жирное мясо и обтирать руки о свои кожаные просаленные штаны.

Въ Пишпекскомъ уѣздѣ и въ районѣ озера Иссыкъ-куль живутъ кара-киргизы. Это племя и воинственнѣе кайсаковъ, и культурнѣе. У нихъ и украшеній больше, и наряды пестрѣе, а главное, у нихъ гораздо выше стоитъ земледѣліе. Кара-киргизы легко усваиваютъ культуру осѣдлой жизни и готовы къ землеустройству. Еще больше, впрочемъ, готовы къ этому чала-казаки. Такъ называется племя смѣшанной киргизской и сартовской крови. Они живутъ деревнями, въ хорошихъ домахъ, имѣютъ мечети и слѣдятъ за благоустройствомъ селенія. Такое селеніе чала-казаковъ расположено, между прочимъ, подъ Вѣрнымъ. Но вернемся къ кара-киргизамъ. Потомки бывшихъ предводителей отдѣльныхъ кара-киргизскихъ родовъ называются у нихъ манапами [1]) и до сихъ поръ

[1]) Это названіе соотвѣтствуетъ султанскому или княжескому титулу.

Библиотека "Руниверс"

сохраняютъ большое вліяніе. Эти манапы, напримѣръ, знаменитый Шабданъ Джантаевъ въ Пишпекскомъ уѣздѣ, живутъ особыми хуторами, выдѣляясь изъ остальной массы. Вся волость находится у нихъ въ зависимости. Манапы хранятъ у себя множество цѣнныхъ и мало-цѣнныхъ документовъ и обладаютъ нерѣдко полезными знаніями и громаднымъ административнымъ опытомъ. Волостной, хотя бы онъ былъ не одного съ манапами рода, все же пріѣзжаетъ къ манапу совѣтоваться и даже больше—испросить указаній. У кара-киргизовъ манапы, а у кайсаковъ «джакшиляры»—лучшіе или аристократы среди киргизовъ—отличаются отъ другихъ не только богатствомъ, но очень часто умомъ и тактомъ. Поэтому зависимость отъ нихъ не временная и не случайная, а продолжается до тѣхъ поръ, пока у противной стороны не найдется выдающійся главарь, который создаетъ новый притягивающій центръ. Въ этихъ случаяхъ киргизская волость обыкновенно дѣлится и получаетъ названіе по имени своего главаря (Сланчановская, Саржановская), хотя бы официальное ея названіе было иное (напримѣръ, Западно- или Восточно-Талгарская).

Изъ манаповъ въ Семирѣченской области особенно извѣстенъ войсковой старшина милиціи Шабданъ Джантаевъ, проживающій въ долинѣ рѣки Чу, недалеко отъ того мѣста, гдѣ Чу вырывается изъ узкаго величественнаго Боамскаго ущелья. Онъ украшенъ орденами и имѣетъ почетный халатъ. Его знаютъ всѣ официальныя лица и вызываютъ на всѣ съѣзды. Разумѣется, простымъ киргизамъ онъ импонируетъ. Небольшого роста, съ сѣдой окладистой бородой, съ большимъ животомъ, онъ настоящій аксакалъ (сѣдо-бородый, старшина); а такъ какъ онъ при томъ глава большой семьи и знатнаго рода, да къ тому же имѣетъ силу у начальниковъ, то его не только чтутъ, но и одаряютъ. Послѣднее время духъ независимости вмѣстѣ съ постепеннымъ развитіемъ массы все болѣе развивается среди киргизовъ, и они перестаютъ подчиняться авторитету манаповъ. Шабданъ, однако, понялъ, чѣмъ можетъ онъ удержать свою силу, и теперь онъ прилагаетъ всѣ усилія къ тому, чтобы завладѣть земельными пространствами и сдавать землю въ аренду. Но его стремленія столкнулись съ интересами переселенческаго дѣла. Широкихъ размаховъ замыслы Шабдана уже не получатъ, и время расцвѣта его силъ осталось позади [1]).

Новая жизнь, новыя вліянія замѣтно отражаются на киргизахъ. Они все болѣе привыкаютъ къ осѣдлости, все болѣе привязываются къ земледѣлію и все болѣе измѣняютъ свои привычки. Они учатся продавать продукты своего труда и покупать то, что раньше дѣлали

[1]) Въ порядкѣ высочайшаго соизволенія Шабданъ Джантаевъ получилъ въ 1910 году въ пожизненное пользованіе четыреста десятинъ земли въ возданіе заслуги, оказанной имъ при завоеваніи края (участіе въ завоеваніи Кокандскаго ханства и въ борьбѣ съ непокорными кара-киргизами).

Библиотека "Руниверс"

сами; обычай гостепріимства начинаетъ исчезать, такъ какъ выгоднѣе содержать бекетъ, гдѣ угощеніе сопровождается счетомъ. Неудобныя одежды домашней кройки замѣняютъ обыкновеннымъ костюмомъ, необходимыя орудія покупными—удобными и дешевыми. Учатся мусульмане-киргизы и русскому пороку—пить; курить они уже давно выучились.

Но, какъ ни замѣтно отражается на киргизахъ постороннее вліяніе, все же превращеніе кочевника въ земледѣльца дѣло десятилѣтій и даже столѣтій. Въ короткое время такое превращеніе не можетъ сказаться на всей массѣ. Духъ кочевника—любовь къ легкой, привольной, хотя и опасной жизни въ горахъ и степяхъ, это—духъ самыхъ горъ и степи, пока въ нихъ не изсякъ просторъ. А просторъ стѣсняется почти стихійно. Русскій крестьянинъ-переселенецъ охотно идетъ на черную землю и зеленые луга Семирѣчья и не можетъ и не хочетъ признать, что онъ не вездѣ найдетъ себѣ мѣсто. Такъ борются и будутъ бороться два духа—духъ пахаря и духъ скотовода. Побѣда, конечно, обезпечена первому, тѣмъ болѣе, что самая борьба неравная; счастливы, поэтому, тѣ изъ киргизовъ, которые во-время успѣютъ и смогутъ перейти къ земледѣльческой культурѣ тамъ, разумѣется, гдѣ эта культура возможна и выгоднѣе, чѣмъ скотоводство.

Русскіе крестьяне значительно превосходятъ киргизовъ по культурности и часто относятся къ послѣднимъ съ презрѣніемъ. Это презрѣніе доходитъ иногда до полнаго отрицанія въ киргизахъ человѣческой личности. Бываютъ на этой почвѣ случаи безчеловѣчной и безсмысленной жестокости: крестьяне безжалостно убиваютъ киргизовъ и не чувствуютъ угрызеній совѣсти. Чаще всего дѣло происходитъ такъ. Русскіе крестьяне возьмутъ въ аренду киргизскія земли, построятъ дома и отказываются уходить по окончаніи срока аренды. Пріѣзжаютъ киргизы. Начинается свалка, и дѣло кончается кровопролитіемъ, при чемъ либо вовсе не имѣющіе ружей, либо вооруженные старинными самопалами киргизы оказываются въ такихъ случаяхъ болѣе слабою стороною.

Бываетъ и хуже. Мужикъ работаетъ въ саду, видитъ, что черезъ заборъ тянется къ яблонѣ киргизъ, беретъ ружье и убиваетъ киргиза наповалъ. Прибѣгаютъ сосѣди. —«Что такое?»—«А вотъ, убилъ собаку!»—и даже не тронется съ мѣста, чтобы подобрать убитаго.

Съ такимъ убійцей мнѣ пришлось однажды встрѣтиться. Я остановился на ночлегъ въ селеніи Головачевкѣ (Ауліеатинскаго уѣзда Сыръ-Дарьинской области). Въ избѣ былъ представительный мужикъ. Онъ интересно разсказывалъ про свои занятія,—о томъ, какъ трудно ему сбывать телѣги и получать все нужное, при отсутствіи желѣзной дороги. Разсказывалъ, и вдругъ говоритъ: «Теперь вотъ все перемѣнилось»

Библиотека "Руниверс"

— Почему?

— Да я убійца... Убилъ киргиза.

Русскіе мужики, заражаясь духомъ завоевателей, нерѣдко теряютъ здѣсь свое исконное добродушіе, а съ нимъ и ту дѣтскую простодушную улыбку, которую такъ любилъ въ нихъ Л. Н. Толстой, не находившій этой улыбки у городского пролетарія. Они заражаются столь распространенной на окраинахъ съ полудикимъ населеніемъ жаждой наживы, привыкаютъ къ эксплоатаціи, отвыкаютъ отъ гостепріимства,—они часто дѣлаются неузнаваемы. Но зато сознательность, осмысленность, пониманіе своихъ правъ, грамотность, все это развивается не менѣе быстро. Переселеніе въ новые края встряхиваетъ и переворачиваетъ все ихъ существо.

Но не всегда духъ киргиза оказывается побѣжденнымъ, и онъ со своей стороны ведетъ часто нападенія, грабитъ, угоняетъ скотъ, тащитъ дѣвушекъ. А иногда своевольный духъ горъ и степи покоряетъ и иначе. Помню я одну встрѣчу. На двухколесной повозкѣ въ платьѣ изъ синяго бархата и въ мѣховой шапкѣ ѣхала молодая женщина съ лицомъ красивой краснощекой бабы. Сзади скакалъ джигитъ. Кто это? Жена киргизскаго волостного, дочь русскаго мужика, бѣжавшая отъ родныхъ къ соблазнившему ее богатствомъ и красотою киргизу.

Приведу еще одинъ случай. Въ селеніи Ново-Покровскомъ Пишпекскаго уѣзда разговорился я съ хозяйкой.

— Горе у меня, баринъ, большое.

— А что?

— Сынъ убѣжалъ къ киргизамъ, а самъ-то (мужъ) его проклялъ и обѣщался убить.

И разсказала мнѣ, какъ сынъ все ѣздилъ къ киргизамъ, какъ они его поили и кормили, какъ онъ влюбился въ киргизскую дѣвку и какъ «убёгъ». Киргизы скрыли его. Дали много скота, поженили и отправили за озеро Иссыкъ-куль. И гдѣ онъ теперь, неизвѣстно. Но старикъ поклялся, что убьетъ безстыжаго сына, осрамившаго семью передъ людьми.

Такъ иногда завлекаетъ къ себѣ киргизская вольница.

Георгій Гинсъ.

Библиотека "Руниверс"

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Успенскій, А. И. Императорскіе дворцы. Томы I и II. Москва. 1913. Стр. 597 + 598. съ 894 снимками (въ обоихъ томахъ) на отдѣльныхъ листахъ. Изданіе императорскаго московскаго археологическаго института.

ВЪ XXIII и XXIV томахъ «Записокъ императорскаго московскаго археологическаго института», посвященныхъ ознаменованію трехсотлѣтія дома Романовыхъ, дано историческое описаніе императорскихъ дворцовъ. Авторъ ихъ А. И. Успенскій собралъ богатѣйшій матеріалъ по исторіи дворцовъ: имъ не только тщательно собраны изъ многочисленныхъ печатныхъ изданій самыя разнообразныя свѣдѣнія, относящіяся къ дворцамъ, но также отысканы въ нѣсколькихъ архивахъ, преимущественно въ архивѣ министерства двора, многіе неизвѣстные доселѣ матеріалы, которые проливаютъ новый свѣтъ на исторію сооруженія дворцовъ, во многихъ случаяхъ впервые указывая на то, какіе именно художники и мастера трудились надъ ними и какихъ невѣроятныхъ усилій стоило какъ созданіе дворцовыхъ построекъ, такъ и заполненіе ихъ прекрасной мебелью, великолѣпными украшеніями и предметами искусства.

Въ составъ перваго тома вошли описанія: 1)—императорскаго Зимняго дворца, 2)—лѣтнихъ дворцовъ въ С.-Петербургѣ, 3)—Аничкова дворца и 4)—Мраморнаго. Далѣе въ томъ же томѣ напечатанъ составленный преимущественно по архивнымъ даннымъ «Словарь художниковъ, писавшихъ въ XVIII вѣкѣ въ императорскихъ дворцахъ» (стр. 1—182), въ которомъ приведено около двухсотъ пятидесяти именъ иностранныхъ и массы русскихъ

Библиотека "Руниверс"

живописцевъ, архитекторовъ, подмастерьевъ и учениковъ живописи, работавшихъ во дворцахъ.

Въ этомъ единственномъ въ своемъ родѣ спискѣ встрѣчаются не только имена извѣстныхъ иностранныхъ художниковъ и архитекторовъ (какъ, напримѣръ, Бараци, Валеріани Джузеппе, Каравака, Перезинетти, Таннауэра, Бартоломея, Урбини), но также болѣе двухсотъ именъ русскихъ живописцевъ и ихъ учениковъ, руками которыхъ, очевидно, расписывались и украшались дворцы; здѣсь встрѣчаются: Андреевъ, Антоновы, Бушуевъ, Вишняковы, Даниловъ, Ивановы, Левицкій, Махаевъ, Андрей Матвѣевъ, Скородумовъ, Уткинъ, Шавринъ, Щербаковъ и другіе; на ряду съ этими лицами, большая часть которыхъ извѣстна, впрочемъ, скорѣе всего по именамъ, предъ нами проходятъ десятки другихъ, впервые поименованныхъ въ спискѣ А. И. Успенскаго, благодаря его неутомимымъ поискамъ въ грудахъ архивныхъ дѣлъ. Этотъ длинный рядъ именъ краснорѣчиво говоритъ о томъ, что въ созданіи изящныхъ и стильныхъ дворцовъ XVIII вѣка принимали самое дѣятельное участіе многіе безвѣстные русскіе мастера.

Во второмъ томѣ даны описанія дворцовъ и построекъ при дворцахъ: 1) въ Петергофѣ, 2) Александріи, 3) Ораніенбаумѣ, 4) Царскомъ Селѣ и 5) Павловскѣ. Описанія, какъ въ первомъ томѣ, такъ и во второмъ, иллюстрируются превосходными снимками, фото-цинко-гравюрами, исполненными графическимъ институтомъ московскаго товарищества «Образованіе».

Описанія дворцовъ сопровождаются также разсказомъ о тѣхъ важныхъ событіяхъ и празднествахъ, которыя происходили въ нихъ, и свѣдѣнія о которыхъ сохранились въ запискахъ, дневникахъ, мемуарахъ, письмахъ и проч. И въ этомъ отношеніи авторъ не довольствуется печатнымъ матеріаломъ, но нерѣдко дополняетъ его сообщеніями, почерпнутыми изъ архивовъ, благодаря чему въ книгѣ можно найти немало интересныхъ свѣдѣній о жизни придворной и государственной. Въ качествѣ иллюстраціи укажу на слѣдующее.

Извѣстно, что первый бракъ Павла Петровича кончился трагически, его супруга, великая княгиня Наталія Алексѣевна, 25-го апрѣля 1776 года умерла отъ неблагополучныхъ родовъ; Павелъ предался было отчаянію, но императрица Екатерина II употребила всѣ усилія къ тому, чтобы его отвлечь отъ мрачныхъ воспоминаній, и вскорѣ, при содѣйствіи принца Генриха прусскаго, начала сватовство, чтобы женить сына на принцессѣ виртембергской. Въ этотъ, давно намъ извѣстный, разсказъ о событіяхъ г. Успенскій вноситъ рядъ существенныхъ дополненій.

Автору посчастливилось изъ берлинскаго королевскаго архива достать депеши прусскаго посланника графа Сольмса, отправленныя имъ изъ Россіи королю Фридриху II въ дни болѣзни и въ самый день смерти Наталіи Алексѣевны съ разсказомъ о событіяхъ этихъ дней. Въ депешѣ отъ 12-го апрѣля графъ Сольмсъ сообщаетъ, что «ея императорское величество (Екатерина II) почти не отходитъ отъ своей августѣйшей невѣстки, и третьяго дня провела даже ночь въ ея комнатѣ, прилегши отдохнуть часа на два на кушетку. Императрица, измученная бодрствованіемъ и занятая материнскими заботами, не занимается общественными дѣлами, и вотъ уже три дня не видѣла принца Генриха».

Библиотека "Руниверс"

Въ депешѣ отъ 15-го апрѣля, которую графъ Сольмсъ писалъ черезъ два часа послѣ кончины великой княгини и послѣ свиданія съ принцемъ Генрихомъ, онъ сообщалъ: «Наканунѣ въ пять часовъ утра императрица извѣстила принца Генриха собственноручной запиской, что у великой княгини родилась дитя, и это сопровождалось столь необыкновенными явленіями... что жизнь великой княгини въ опасности». Послѣ обѣда императрица послала просить принца сдѣлать ей дружеское одолженіе пріѣхать ко двору, чтобы помочь ей успокоить великаго князя, такъ какъ силы ея отказываются служить».

Ребенка спасти было нельзя, и матери грозила смертельная опасность. «Императрица и въ особенности великій князь,—продолжаетъ графъ Сольмсъ,—были въ страшномъ отчаяніи, но великая княгиня (Наталья Алексѣевна) выказала твердость и невѣроятное спокойствіе духа. Она утѣшала родныхъ, уговаривала жить въ полномъ согласіи. Она заклинала своего супруга не предаваться отчаянію и обсудить, что для блага имперіи ему нужно рѣшиться на второй бракъ; въ присутствіи его королевскаго высочества принца Генриха убѣдительно уговаривала его взять себѣ въ супруги кого-нибудь изъ ея родныхъ или изъ родныхъ королевскаго прусскаго дома»...

«Въ минуты задушевныхъ, сердечныхъ объясненій, проведенныя прошедшею ночью императрицей со своими августѣйшими друзьями, какъ она, такъ и великій князь сказали принцу, что, если несчастіе совершится, то они не хотятъ породниться ни съ какимъ другимъ домомъ, кромѣ прусскаго, который поистинѣ одинъ только дружественный и находится въ союзѣ съ ними лично и съ имперіей, что съ этой минуты выборъ ихъ палъ на виртембергскую принцессу, и что они просятъ принца устроить дѣло. Его королевское высочество поручилъ мнѣ передать эти предположенія вашему величеству, убѣдительнѣйше прося и отъ его имени принять мѣры».

«Ея императорское величество желала бы, чтобы герцогиня виртембергская черезъ три или четыре мѣсяца отправилась въ путь съ двумя старшими принцессами въ Митаву, куда выѣдетъ великій князь, подъ предлогомъ встрѣчи, гдѣ и рѣшитъ свой выборъ окончательно».

Изъ этой депеши видно, что еще у изголовья больной рѣшился вопросъ о ея преемницѣ; сама Наталья Алексѣевна настаивала на второмъ бракѣ, а принцъ Генрихъ, не теряя ни одной минуты, разыгралъ роль свата и склонилъ выборъ въ пользу принцессы виртембергской.

Еще одна любопытная подробность. Наканунѣ дня смерти ночью великой княгинѣ стало лучше; «произошелъ кризисъ, который подалъ искру надежды на выздоровленіе»; «великая княгиня,—пишетъ Сольмсъ,—ночью вставала, велѣла водить себя по комнатѣ»... Это на второй-то день послѣ несчастныхъ родовъ! Неудивительно, что вскорѣ же насталъ печальный конецъ. Подобныхъ любопытныхъ сообщеній въ книгахъ г. Успенскаго собрано немало.

Вообще, нужно сказать, что въ указанныхъ двухъ томахъ А. И. Успенскимъ собрано такое богатство разнообразныхъ и интересныхъ свѣдѣній какъ о дворцахъ, такъ и о жизни придворной, общественной и политической, текстъ сопровождается такимъ громаднымъ количествомъ (около девятисотъ) превосходныхъ иллюстрацій и снимковъ, что эти книги явятся цѣннымъ украшеніемъ

Библиотека "Руниверс"

библіотекъ и послужатъ необходимымъ пособіемъ для всякаго, желающаго детально познакомиться съ исторіей императорскихъ дворцовъ. Оба тома, какъ значится на обложкѣ, напечатаны «иждивеніемъ почетнаго члена (московскаго археологическаго института) Н. Г. Линдена».

М. Клочковъ.

Популярныя историческія изданія «Сельскаго Вѣстника», посвященныя 300-лѣтію царствованія дома Романовыхъ.

Отпразднованное въ текущемъ году всею Россіею 300-лѣтіе царствованія дома Романовыхъ вызвало на нашемъ книжномъ рынкѣ огромное оживленіе, далеко превзошедшее предшествовавшія сему такія же оживленія его по поводу пятидесятилѣтней годовщины освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и минувшаго въ прошломъ году столѣтія Отечественной войны. Масса журнальныхъ и газетныхъ статей, замѣтокъ, фельетоновъ, множество самыхъ разнообразныхъ брошюръ и книгъ возобновили въ эти юбилейные дни въ памяти читателей не только далекія событія конца смуты и избранія на всероссійскій престолъ перваго Романова, но и лишній разъ заставили бросить взглядъ на весь послѣдующій трехсотлѣтній періодъ исторіи родной земли, въ который Россія подъ державнымъ руководительствомъ дома Романовыхъ получила свои культурныя блага и изъ состоянія полуразрушеннаго отъ внутренней анархіи и безчисленныхъ внѣшнихъ враговъ государства обратилась въ могущественную, великодержавную страну. Дать правильное, научно-безпристрастное представленіе объ этомъ періодѣ нашей исторіи самому широкому кругу населенія въ простой, общедоступной формѣ, между прочимъ, взяло на себя и книгоиздательство «Сельскаго Вѣстника», выпустивъ къ юбилейнымъ днямъ въ огромномъ количествѣ экземпляровъ цѣлый рядъ книгъ, брошюръ, картинъ, нотъ, портретовъ и свѣтовыхъ картинъ для публичныхъ чтеній, посвященныхъ отпразднованному государственному юбилею. Не касаясь кантатъ, нотъ и картинъ, мы разсмотримъ только книги и брошюры, которыя по содержанію можно раздѣлить на пять отдѣловъ.

Къ первому отдѣлу принадлежатъ книги, охватывающія собою событія смутнаго времени, воцареніе Михаила Ѳеодоровича и всю послѣдующую исторію Россіи за послѣдніе три вѣка вплоть до нынѣшняго представителя династіи Романовыхъ—благополучно царствующаго Государя Императора. Въ очень сжатой формѣ, удачно оживляемой разговорными описаніями и анекдотами, знакомятъ съ этой эпохой двѣ маленькія книжечки Н. Дучинскаго—«Подъ скипетромъ державнаго дома Романовыхъ» (53 стр., ц. 5 к.) и «Три вѣка на Руси» (стр. 48, ц. 10 к.). Болѣе подробное и обстоятельное изложеніе тѣхъ же событій читатель найдетъ въ книгахъ профессора А. Елчанинова—«Державный домъ Романовыхъ» (143 стр. ц. 30 к.) и заслуженнаго профессора Н. П. Михневича—«Русь и домъ Романовыхъ» (176 стр. ц. 40 к.). Обѣ эти книги написаны также общедоступно, хорошимъ литературнымъ языкомъ, но приноровлены уже къ нѣсколько болѣе интеллигентному кругу читателей, а особенно пригодны учащейся народной массѣ, причемъ книга Н. П. Михневича

Библиотека "Руниверс"

удѣляетъ много вниманія культурно-экономическому росту и развитію нашего государства за послѣднія триста лѣтъ. Разсматривая реформы настоящаго царствованія и говоря объ учрежденіи Государственной Думы, всѣ вышеназванные авторы единодушно сходятся на мнѣніи, высказанномъ однимъ изъ нихъ, у котораго читаемъ: «Въ облегченіе своихъ державныхъ трудовъ Государь Императоръ, по завѣтамъ своихъ предковъ, призвалъ народъ, въ лицѣ избранниковъ его, къ участію въ работѣ въ основанныхъ по волѣ монарха законодательныхъ учрежденіяхъ, безъ коихъ нынѣ ни одинъ законъ въ государствѣ не можетъ воспріять своей силы. Въ этихъ учрежденіяхъ осуществляется единеніе царя съ народомъ подобно тому, какъ это было и встарь во времена первыхъ государей изъ дома Романовыхъ, призывавшихъ выборныхъ отъ всей земли на земскіе соборы для обсужденія важнѣйшихъ вопросовъ государственной жизни». Къ этому же отдѣлу слѣдуетъ отнести и историко-литературную хрестоматію Н. Дучинскаго «Три столѣтія 1598—1613—1913 г.г.» (144 стр., ц. 35 к.). Въ хронологическомъ порядкѣ, по отдѣламъ, впереди которыхъ помѣщены маленькія вводныя статьи самого составителя, г. Дучинскій собралъ все, что есть интереснаго и хорошаго не только въ русской поэзіи, но и популярно-исторической литературѣ, умѣло воспользовавшись сочиненіями Пушкина, Лермонтова, Жуковскаго, А. Толстого, Рылѣева, Островскаго, Мея, Майкова, Розенгейма, Хомякова, Погодина, С. Соловьева, Сиповскаго, Костомарова и другихъ, а также отвелъ мѣсто и народнымъ историческимъ пѣснямъ и сказаніямъ.

Какъ бы введеніемъ къ этому отдѣлу служитъ книга заслуженнаго профессора Н. П. Михневича «Прошлое Россіи отъ Рюрика до Романовыхъ» (стр. 159, ц. 30 к.), въ которой авторъ на какихъ-нибудь ста страницахъ вполнѣ исчерпываетъ всю исторію за означенный періодъ времени въ сжатой и общедоступной формѣ, безъ особой сухости и безъ набившихъ оскомину историческихъ и патріотическихъ анекдотовъ.

Второй отдѣлъ разсматриваемыхъ нами юбилейныхъ изданій охватываетъ своимъ содержаніемъ смутное время и воцареніе Михаила Ѳеодоровича Романова. Общая и подробная характеристика этого историческаго періода дается въ книгѣ профессора П. Н. Жуковича «Смутное время и воцареніе Романовыхъ» (стр. 100, ц. 25 к.); болѣе сокращенно разсказываетъ о томъ же Н. Дучинскій въ своей маленькой брошюркѣ «Воцареніе Романовыхъ» (стр. 16, ц. 3 к.). Далѣе слѣдуютъ отдѣльныя монографіи, посвященныя выдающимся свѣтлымъ дѣятелямъ великой разрухи XVII вѣка. Много интереснаго даже въ бытовомъ отношеніи найдется въ брошюрѣ г. Е. Поселянина «Царица Анастасія Романовна—первая жена Іоанна Грознаго». Въ легкой беллетристической формѣ г-жа Л. Погожева знакомитъ читателя съ глубоко-трагической судьбой несчастнаго ныробскаго узника—молодого красавца и богатыря Михаила Никитича Романова, сосланнаго Борисомъ Годуновымъ въ Великую Пермь, въ Ныробскую область, и умершаго тамъ въ страшныхъ мученіяхъ въ 1602 году («Безвинный страдалецъ Михаилъ Никитичъ Романовъ». Историческій очеркъ. Стр. 24, ц. 5 к.). Въ книгѣ «Герои и подвижники лихолѣтія XVII вѣка» (стр. 48, ц. 15 к.) Е. Поселянинъ въ отдѣльныхъ небольшихъ очеркахъ сообщаетъ о

Библиотека "Руниверс"

жизни и дѣятельности «лучшихъ» людей тогдашней Россіи, поднявшихся на спасеніе своей растерзанной и окровавленной безчисленными врагами родины, когда, по словамъ Авраамія Палицына, «не свѣтомъ луны, а пожарами озарялись ночи на Руси». Въ этой книгѣ идетъ рѣчь о представителяхъ духовенства—патріархѣ Гермогенѣ и архимандритѣ Діонисіи, о представителѣ высшаго боярства князѣ Скопинѣ-Шуйскомъ, о представителяхъ служилаго сословія—князѣ Пожарскомъ и Ляпуновѣ и ,наконецъ, о представителѣ самого народа—знаменитомъ нижегородцѣ Козьмѣ Мининѣ. Другому народному герою этого лихолѣтія—Ивану Сусанину—посвящена отдѣльная книжечка того же автора («Сусанинъ и его потомки». Стр. 40, ц. 5 к.), гдѣ приводится цѣликомъ извѣстное стихотвореніе Рылѣева, разсказывается въ беллетристической формѣ одно изъ народныхъ сказаній о подвигѣ крестьянина-патріота и сообщаются не лишенныя интереса свѣдѣнія о дальнѣйшей судьбѣ его потомковъ, щедро отблагодаренныхъ представителями царствующей династіи, начиная съ Михаила Ѳеодоровича, «за службу къ намъ и за кровь, и за терпѣніе Ивана Сусанина...» Заканчивается этотъ отдѣлъ біографіей патріарха Филарета Никитича (Е. Поселянинъ. Стр. 48, ц. 10 к.).

Третій отдѣлъ заключаетъ въ себѣ отдѣльныя біографіи всѣхъ царей, императоровъ и императрицъ изъ дома Романовыхъ. Сюда относится книга Г. Т. Сѣверцева-Полилова «Первый царь изъ дома Романовыхъ—Михаилъ Ѳеодоровичъ» (стр. 55, ц. 12 к.); опытный и даровитый беллетристъ сумѣлъ въ своей маленькой книжечкѣ нарисовать яркими и выпуклыми чертами не только образъ перваго Романова, но и дать картинное изображеніе тогдашняго царскаго быта, вѣнчанія на царство, выбора невѣсты и т. п.; съ большимъ интересомъ читается сказаніе о подвигѣ Ивана Сусанина, приведенное г. Полиловымъ въ самомъ подробномъ видѣ. «Тишайшему царю» Алексѣю Михайловичу посвящена книжка г. Н. Федорова (стр. 40, ц. 10 к.), который, подводя итоги этому царствованію, справедливо подчеркиваетъ, что Петръ не могъ бы исполнить и половины задуманныхъ имъ преобразованій, если бы его отецъ не подготовилъ для нихъ почвы на Руси. Алексѣй Михайловичъ «воистину пробудилъ спавшую Россію». Въ формѣ живыхъ полубеллетристическихъ очерковъ знакомитъ г-жа Л. Погожева со временемъ царствованія Ѳеодора Алексѣевича и правленія умной и честолюбивой царевны Софіи (стр. 48, ц. 5 к.); эти историческіе очерки написаны вполнѣ общедоступно, читаются легко и совершенно исчерпываютъ тему, давая достаточное понятіе о всей жизни названныхъ лицъ. Книга профессора П. Ковалевскаго «Петръ Великій» (стр. 96, ц. 20 к.)—одна изъ наиболѣе удачныхъ книгъ настоящаго отдѣла и съ интересомъ прочтется не только народомъ и учащейся молодежью, но и всѣми любителями научно-популярнаго историческаго чтенія. Описаніе царствованій юнаго императора Петра II и императрицы Анны Іоанновны даетъ г. В. Мазуркевичъ (стр. 44, ц. 5 к); г. Н. Носковъ въ двухъ небольшихъ книжечкахъ (стр. 56, ц. 10 к. и стр. 68, ц. 15 к.) повѣствуетъ о жизни и царствованіяхъ Елизаветы Петровны, Петра III и Екатерины Великой; книжка г. Н. Федорова «Императоръ Павелъ I», (стр. 40, ц. 5 к.) въ сжатой, но весьма доступной формѣ разсказываетъ о жизни и дѣятельности этого государя. Замѣтимъ, что врядъ ли раціонально поступаютъ г.г. Носковъ и Фе-

Библиотека "Руниверс"

доровъ, замалчивая о трагическихъ кончинахъ императоровъ Петра III и Павла; только книгами безпристрастными и научно-популярными можно разсѣять тѣ нелѣпые и темные слухи, которые распространены въ народной массѣ объ этихъ печальныхъ историческихъ событіяхъ. Далѣе идутъ описанія царствованій императоровъ Александра I, Николая I, Александра II и Александра III, сдѣланныя въ отдѣльныхъ брошюрахъ г.г. Дучинскимъ, Ефимовымъ и Поповымъ (Н. Дучинскій, «Императоръ Александръ Благословенный», стр. 48, ц. 10 к.; А. Ефимовъ, «Императоръ Николай I, его жизнь и царствованіе», стр. 48, ц. 12 к.; Дучинскій, «Царь-Освободитель—императоръ Александръ II», стр. 56, ц. 12 к.; А. Поповъ, «Царь-Миротворецъ Александръ III», стр. 55, ц. 12 к.). Заканчивается этотъ отдѣлъ очень интересной книгой профессора А. Елчанинова «Царствованіе Государя Императора Николая Александровича» (стр. 134, ц. 1 р. 50 к.; тоже—народное изданіе (безъ сокращеній и съ тѣми же рисунками)—30 к.), въ которой сообщаются подробныя свѣдѣнія о личности нынѣшняго Государя въ частной жизни, объ его семьѣ, объ его работѣ, излюбленныхъ привычкахъ, развлеченіяхъ, объ отношеніи Государя къ народу, арміи и т. д. Книга украшена множествомъ очень рѣдкихъ и любопытныхъ рисунковъ, которые еще болѣе увеличиваютъ ея историческую цѣнность.

Четвертый отдѣлъ состоитъ изъ трехъ книгъ А. Е. Зарина—«Изъ жизни русскихъ царей и царицъ» (стр. 176, ц. 35 к.), «Царскія развлеченія и забавы за триста лѣтъ» (стр. 150, ц. 30 к.) и «Любимыя мѣстопребыванія русскихъ государей» (стр. 127, ц. 25 к.). Первая книга представляетъ собою очень интересно и живо составленный сборникъ историческихъ анекдотовъ и разсказовъ, достовѣрность которыхъ не подвергается сомнѣнію; и въ народѣ, и среди учащейся молодежи эта книга должна возбудить вниманіе и принесетъ большую пользу уже тѣмъ, что возбудитъ интересъ къ лицамъ и фактамъ далекаго историческаго прошлаго. То же самое нужно сказать и о двухъ другихъ книгахъ г. Зарина, которыя даютъ яркую характеристику быта русскихъ государей и ихъ приближенныхъ, описываютъ ихъ домашнюю жизнь, даютъ картинки тогдашнихъ нравовъ, увеселеній, развлеченій и т. п. Эти три книги должны быть особенно рекомендованы въ народныя школьныя библіотеки, какъ полезное и интересное историческое чтеніе.

Пятый и послѣдній отдѣлъ юбилейныхъ изданій «Сельскаго Вѣстника» заключаетъ въ себѣ историческую беллетристику, написанную тѣмъ же А. Е. Заринымъ, и состоитъ изъ слѣдующихъ книгъ: «Великій Кормчій. Разрушенное счастье» (Разсказы изъ временъ царя Михаила Ѳеодоровича. Стр. 46, ц. 10 к.), «По-хорошему» (разсказъ изъ эпохи царя Ѳеодора Алексѣевича. Стр. 48, ц. 10 к.), «Первый взлетъ» и «Доброволецъ» (изъ временъ Петра Великаго. Стр. 88, ц. 20 к.), «Стрѣлокъ» и «Сказка» (разсказы изъ временъ царствованія Анны Іоанновны и Елизаветы Петровны. Стр. 64, ц. 15 к.), «Царскій подарокъ» (разсказъ изъ жизни императрицы Екатерины II. Стр. 40, ц. 15 к.), «Неузнанный царь» и «Урокъ на всю жизнь» (два разсказа изъ жизни императора Александра II. Стр. 24, ц. 5 к.), «Царское великодушіе» (изъ жизни Николая I) и «Неожиданное счастье» (изъ временъ императора Павла Петровича. Стр. 40, ц. 15 к.). Всѣ вышеназванные разсказы даютъ яркія, картинныя характеристики

Библиотека "Руниверс"

покойныхъ государей и создаютъ художественныя иллюстраціи далекаго историческаго прошлаго.

Заканчивая настоящій библіографическій обзоръ, мы должны отмѣтить, что большая и сложная задача, предпринятая издательствомъ «Сельскаго Вѣстника» къ юбилейнымъ Романовскимъ торжествамъ, выполнена имъ вполнѣ старательно и со знаніемъ дѣла. Всѣ книжки и брошюры написаны общедоступно, живо, легко и понятно, обоснованы на вполнѣ научныхъ данныхъ и только весьма рѣдко обнаруживаютъ тотъ приторный, тенденціозно-патріотическій тонъ въ своихъ повѣствованіяхъ, которымъ такъ изобилуютъ очень многія народныя изданія подобнаго же типа. По внѣшности книги весьма изящны, всѣ обильно иллюстрированы множествомъ видовъ, рисунковъ и портретовъ, украшены стильными цвѣтными обложками, отпечатаны на хорошей бумагѣ и по цѣнѣ общедоступны. Всѣ эти книги и брошюры выпущены въ свѣтъ подъ редакціей заслуженнаго профессора П. Н. Жуковича.

М—о.

«Россія». Полное географическое описаніе нашего отечества подъ общимъ руководствомъ П. П. Семенова-Тянъ-Шанскаго и В. И. Ламанскаго. Томъ XIX. Туркестанскій край. Изд. Девріена. Спб. 1913. Составилъ князь В. И. Масальскій. Цѣна 5 р. 50 к.

Все возрастающее за послѣднее время торгово-промышленное значеніе Туркестана, какъ центра нашего хлопководства и плодоводства, въ связи съ глубокимъ научнымъ интересомъ, возбуждаемымъ этимъ краемъ владычества солнца и вѣтра, страны контрастовъ, высочайшихъ горъ, безграничныхъ пустынь, цвѣтущихъ оазисовъ и величайшихъ рѣкъ, оригинальной культуры, великаго историческаго прошлаго и т. д. и несомнѣннаго великаго будущаго, какъ богатѣйшей нашей колоніи,—обращаютъ на Туркестанъ вниманіе самыхъ широкихъ слоевъ нашего общества. Вниманіе это настолько усилилось, что въ нѣкоторыхъ крупныхъ городахъ нашего отечества организуются общества по изученію нашей Средней Азіи. Отвѣтомъ на эту назрѣвшую потребность знакомства съ Туркестаномъ является также появившаяся только что на книжномъ рынкѣ книга князя В. И. Масальскаго, названіе которой мы выписали выше, въ заголовкѣ настоящей рецензіи.

Книга князя Масальскаго, извѣстнаго уже своими цѣнными трудами по хлопководству и орошенію въ Туркестанѣ, обширной статьей о Бухарѣ въ «Новомъ Энциклопедическомъ словарѣ» Брокгауза и Эфрона, представляется именно въ настоящее время наиболѣе желательнымъ трудомъ, объединяющимъ всѣ прежнія изслѣдованія о Туркестанскомъ краѣ, дающимъ живо и популярно написанную обстоятельную, по самымъ послѣднимъ даннымъ и изслѣдованіямъ, картину природы Туркестана, естественныхъ богатствъ, быта населенія, исторіи изслѣдованій края, торгово-промышленной жизни, сельскохозяйственной культуры и т. п. Книга снабжена довольно подробно составленнымъ указателемъ трудовъ по разнымъ вопросамъ изученія нашей Средней Азіи, географическихъ личныхъ именъ и предметовъ, дающимъ возможность

Библиотека "Руниверс"

всякому, кто желалъ бы спеціально заняться какимъ-либо вопросомъ по туркестановѣдѣнію, разобраться въ имѣющихся въ печати матеріалахъ. Трудъ князя Масальскаго сдѣлается отнынѣ настольной книгой для всякаго государственнаго и общественнаго дѣятеля и всякаго просто интересующагося Туркестаномъ, этой любопытной частью нашего отечества. Авторъ дѣлаетъ свой трудъ полезнымъ и для любознательнаго туриста, которому вздумалось бы посѣтить Туркестанъ, такъ какъ книга князя Масальскаго содержитъ всѣ необходимыя и интересныя для такого путешествія свѣдѣнія. «Путешествіе по Средней Азіи,—говоритъ князь Масальскій,—не такъ давно считавшееся едва ли не подвигомъ, обратилось нынѣ въ пріятную, поучительную, безопасную поѣздку, представляющую для каждаго любителя и интересующагося краемъ туриста неисчерпаемый источникъ наслажденія. Природа и жизнь въ Средней Азіи настолько полны своеобразной новизны и увлекательнаго интереса, что каждый, кто побывалъ въ этой колыбели древней иранской культуры, стремится вновь и вновь увидать просторъ ея безграничныхъ степей и пустынь, созерцать грандіозную панораму ея снѣговыхъ хребтовъ и стать лицомъ къ лицу съ сѣдой стариной, чувствующейся во всемъ укладѣ жизни туркестанскаго населенія» (стр. 586).

Подводя итогъ нашей культурной дѣятельности въ Туркестанѣ, заключавшейся въ замиреніи края, установленіи твердой власти, правомѣрнаго порядка управленія, обезпечивавшаго безопасность во всѣхъ частяхъ страны, укрѣпившаго право собственности, въ изученіи края исключительно русскими научными силами для практическаго познанія и для науки, въ созданіи новыхъ отраслей сельскаго хозяйства и промышленности, и просвѣтительной дѣятельности — созданіи учебныхъ заведеній, періодической прессы, библіотекъ и т. п., авторъ даетъ и программу дальнѣйшей работы по созданію новаго культурнаго Туркестана, намѣчая главнѣйшіе пункты этой будущей дѣятельности. По его мнѣнію, эти задачи заключаются въ дальнѣйшемъ изученіи Туркестана, въ колонизаціи края русскихъ населеніемъ, въ орошеніи новыхъ земель, въ развитіи хлопководства, въ обращеніи вниманія на мусульманскій вопросъ (въ связи съ реорганизаціей школъ и суда) и, наконецъ, въ рядѣ экономическихъ мѣръ по развитію производительныхъ силъ страны. Въ заключеніе авторъ обращаетъ вниманіе на необходимость безотлагательно измѣнить то ненормальное положеніе, въ которомъ находятся въ отношеніи къ Россіи полунезависимыя ханства—Хивинское и Бухарское, въ смыслѣ дальнѣйшихъ шаговъ къ обращенію этихъ двухъ обломковъ прежняго средне-азіатскаго строя къ русской государственной жизни и культурѣ.

Заканчивая нашу замѣтку о талантливой книгѣ князя Масальскаго, не можемъ не упомянуть о нѣкоторыхъ незначительныхъ промахахъ и недостаткахъ, которые авторъ, вѣроятно, исправитъ при новомъ изданіи своего труда. Описывая административное устройство края, на страницѣ 344 авторъ ошибочно говоритъ, что въ Закаспійской области, какъ и въ остальныхъ областяхъ края, находится областное правленіе; въ дѣйствительности такого коллегіальнаго органа администраціи въ этой области еще не учреждено, и всѣ функціи власти его сосредоточиваются въ рукахъ начальника области; далѣе, слиш-

Библиотека "Руниверс"

комъ общими фразами характеризуется вся отсталость и схоластичность туземныхъ школъ, не упоминается вовсе о совершенно нелѣпой съ воспитательной даже точки зрѣнія постановкѣ ученія въ этихъ школахъ, гдѣ дѣтей заставляютъ знакомиться съ чисто порнографическими стихотвореніями персидскаго поэта Хафиза и т. п. Авторъ также ничего не сказалъ о такъ называемыхъ ново-модныхъ мактабахъ, которыя являются какъ бы протестомъ самого туземнаго населенія противъ чуждыхъ потребностямъ современной жизни туземныхъ школъ, отвѣчая назрѣвшей потребности въ дѣйствительномъ знаніи географіи и исторіи. Въ описаніи Чимгана авторъ говоритъ, что эта дачная мѣстность совершенно лишена растительности, на самомъ же дѣлѣ на Чимганѣ растутъ прекрасныя орѣховыя рощи, дающія мѣстному управленію значительный доходъ по сбору грецкихъ орѣховъ. Въ главѣ о путяхъ сообщенія авторъ не упомянулъ о любопытномъ проектѣ трансъ-индійской желѣзной дороги, черезъ Персію изъ Ташкента на Мешедъ, съ которымъ выступалъ почтенный Н. И. Гродековъ, и который обсуждался горячо въ англійскомъ парламентѣ и прессѣ. Въ библіографическомъ указателѣ литературы о Туркестанѣ пропущены нѣкоторыя замѣтныя изслѣдованія и статьи, напримѣръ: Остроумова «о сартовскихъ сказкахъ», Послaвскаго «объ оссуаріяхъ», Мустафина «о каменныхъ бабахъ»; не упомянута любопытная брошюра Чайковскаго о библейской рѣкѣ Голконда, изданная великимъ княземъ Николаемъ Константиновичемъ и дающая интересныя свѣдѣнія о древнихъ водныхъ бассейнахъ Средней Азіи, и т. п. Но всѣ эти незначительные пропуски и недосмотры, которыхъ мы больше перечислять не будемъ, совершенно не умаляютъ значенія книги князя Масальскаго, являющейся цѣлымъ событіемъ въ области популяризаціи туркестановѣдѣнія, и мы смѣло рекомендуемъ ее самому широкому вниманію общества, увѣренные, что читатели поблагодарятъ автора за все то наслажденіе, которое чтеніе его книги доставитъ имъ. **В. М.**

Извѣстія таврической ученой архивной комиссіи. (Годъ двадцать шестой). № 47. Подъ редакціей предсѣдателя комиссіи Арс. Ив. Маркевича. Симферополь. 1912. Стр. 242+64.

Изъ девяти статей, вошедшихъ въ разсматриваемый сорокъ седьмой нумеръ «Извѣстій», особое вниманіе историка должны привлечь двѣ статьи Арс. И. Маркевича. Въ первой изъ нихъ, основываясь, по преимуществу, на архивныхъ источникахъ, онъ говоритъ объ «Освобожденіи крестьянъ Таврической губерніи», подробно касаясь «Таврическаго положенія», выработаннаго мѣстнымъ губернскимъ комитетомъ, «Временной комиссіи» о преобразованіи быта помѣщичьихъ крестьянъ, мировыхъ учрежденій и уставныхъ грамотъ. Таврида была заселена крестьянами только въ концѣ XVIII ст., переведенными сюда изъ внутреннихъ великорусскихъ губерній. Въ сѣверной ея части въ 1861 г. было не свыше 15000 крѣпостныхъ мужского пола, а въ крымскихъ уѣздахъ не болѣе 5000. Довольно многочисленные татары, затѣмъ новопоселенные въ губерніи нѣмцы-колонисты и другіе инородцы въ крѣпостномъ состояніи не находи-

Библиотека "Руниверс"

лись. Поэтому-то, какъ и говоритъ нашъ авторъ на стр. 41, «въ Таврической губерніи вышло изъ крѣпостного состоянія весьма немного людей, именно вмѣстѣ съ дворовыми людьми до 21.000 душъ мужского пола, причемъ на полуостровъ падало до 5.000. Всѣхъ вообще помѣщичьихъ имѣній, населенныхъ временно-обязанными крестьянами и подлежащихъ дѣйствію положенія 19-го февраля объ устройствѣ сельскихъ обществъ и волостей, было въ Таврической губерніи 219, при 186 владѣльцахъ. Кромѣ того, было два мелкопомѣстныхъ владѣльца. Число крестьянъ было 17.532 души мужского пола, и число дворовыхъ людей, приписанныхъ къ недвижимымъ имѣніямъ, было по десятой переписи, 2.795 душъ».

Въ другой своей работѣ: «Академикъ Палласъ. Его жизнь, пребываніе въ Крыму и ученые труды. (Къ столѣтію со дня его рожденія)»—Арс. И. Маркевичъ даетъ наиболѣе обстоятельный и полный очеркъ жизни и ученой дѣятельности знаменитѣйшаго энциклопедиста—«зоолога, ботаника, геолога, энтомолога и физика съ одной стороны, историка, этнографа и археолога съ другой», Петра Симона или, какъ его звали русскіе, Петра Семеновича Палласа. Этотъ очеркъ, основанный, между прочимъ, и на впервые опубликовываемыхъ документахъ изъ дѣлъ таврическаго губернскаго правленія, является едва ли не первой болѣе полной біографіей Палласа. По крайней мѣрѣ, въ русской литературѣ послѣ статей: А. Сонцова—«Палласъ въ Крыму» (въ «Древней и Новой Россіи», 1876 г., т. I) и Ѳ. Кеппена—«Ученые труды Палласа» (въ «Журналѣ министер. народнаго просвѣщенія», 1895 г., № 3) о Палласѣ не появлялось ничего.

Изъ другихъ статей довольно интересной является работа Л. П. Колли—«Кафа въ періодъ владѣнія ею Банкомъ св. Георгія. (1454—1475)», гдѣ авторъ подробно, насколько только позволяли документы, имъ же напечатанные въ № 45 «Извѣстій», излагаетъ внутреннюю жизнь города Кафы за указанный періодъ, говоря преимущественно о самомъ городѣ, церквахъ, высшей администраціи, судѣ и т. п. Далѣе, въ небольшой статьѣ Хр. П. Ящуржинскій сообщаетъ объ «Южно-русскихъ плѣнникахъ въ Крыму», главнымъ образомъ о плѣненіи татарами украинцевъ, ихъ крайне тяжеломъ положеніи на турецкихъ «галерахъ-каторгахъ» и объ удачныхъ набѣгахъ на Крымъ запорожскихъ казаковъ.

Изъ статей археологическаго характера назовемъ: «Изъ архива Керченскаго музея древностей. VI. Пять расписныхъ склеповъ на сѣверномъ склонѣ Митридатовой горы», В. В. Шкорпила; «Некрополь у крестовиднаго храма въ Херсонесѣ», Д. Н. Косцюшко-Валюжинича и «Остатки славянскаго городища и дюнная стоянка неолитической эпохи на озерѣ Буромкѣ, Черниговской губерніи, Сосницкаго уѣзда», В. Е. Козловской.

В. Рудаковъ.

Библиотека "Руниверс"

Н. П. Лихачевъ и Н. В. Мятлевъ. Тысячная Книга 7059 года. (Изъ 3 и 4 выпусковъ «Лѣтописи историко-родословнаго общества въ Москвѣ»). Орелъ. 1911. Стр. XIX+263. Цѣна 4 рубля.

Въ первыхъ числахъ октября 7059 г. (1550 г.) послѣдовалъ указъ царя и великаго князя Ивана Васильевича Грознаго объ испомѣщеніи въ окрестностяхъ Москвы тысячи дѣтей боярскихъ—«лучшихъ слугъ», которымъ «быть готовымъ въ посылки». Во исполненіе этого указа и былъ составленъ списокъ лицъ, вошедшихъ въ число избранной тысячи, или такъ называемая «Тысячная Книга». Впервые изданная Н. И. Новиковымъ въ VIII т. «Древней Россійской Вивліоѳики» (второго ея изданія, 1789 г.), она потомъ переиздавалась трижды: въ 1803 г.—Львомъ Максимовичемъ, въ 1828 г.—П. Свиньинымъ и въ 1854 г.—И. Д. Бѣляевымъ. Всѣ эти изданія, за исключеніемъ, пожалуй, XX т. «Временника» (1854 г.), стали библіографическою рѣдкостью, но и помимо этого, какъ утверждаетъ въ своемъ предисловіи Н. В. Мятлевъ, въ переизданіи «Тысячной Книги» ощущалась настоятельная потребность. «Въ указанныхъ выше изданіяхъ,—читаемъ на страницѣ VII,—памятникъ этотъ напечатанъ по различнымъ, далеко не сходнымъ между собою спискамъ, полнымъ неисправностей, описокъ и пропусковъ, но нерѣдко при сличеніи взаимно исправляющимъ и пополняющимъ другъ-друга, вслѣдствіе чего пользованіе какимъ-либо однимъ изъ печатныхъ изданій «Тысячной Книги» представляется совершенно недостаточнымъ для полнаго ознакомленія съ личнымъ составомъ избранной тысячи «лучшихъ слугъ московскаго государя и для уразумѣнія внутренняго значенія октябрьскаго указа 7059 года».

Руководясь печатными изданіями и семью рукописными копіями (подлинника «Тысячной Книги» не сохранилось), Н. П. Лихачевъ и Н. В. Мятлевъ предприняли изданіе сличеннаго и провѣреннаго текста «Тысячной Книги», обѣщанное уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ П. Н. Милюковымъ. Къ тексту ея приложены: алфавитные списки упомянутыхъ въ ней 1) городовъ, 2) новгородскихъ погостовъ и 3) псковскихъ пригородовъ, съ цифровыми данными объ испомѣщенныхъ надъ Москвой дѣтяхъ боярскихъ этихъ городовъ и погостовъ по статьямъ, и особенно цѣнный 4) алфавитный списокъ (занимающій болѣе двухсотъ страницъ изданія) всѣхъ лицъ, вошедшихъ въ избранную тысячу «лучшихъ слугъ». Въ немъ подъ именемъ каждаго лица приведены «краткія свѣдѣнія о происхожденіи его и земельныхъ владѣніяхъ, а также даны по возможности подробныя ссылки на источники, содержащіе извѣстія о служебной дѣятельности тысячниковъ» за 1550—1575 гг., съ прибавленіемъ мѣстами выписокъ изъ архивныхъ документовъ и ссылокъ на печатныя сочиненія. Эти дополненія къ первоначальному списку тысячниковъ Н. П. Лихачева сдѣлалъ Н. В. Мятлевъ.

Всѣ генеалоги и біографы воздадутъ сугубую благодарность потрудившимся въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ надъ научнымъ и превосходно выполненнымъ изданіемъ «Тысячной Книги»—Н. П. Лихачеву и Н. В. Мятлеву; но справедливость требуетъ сказать особое спасибо и пріютившему у себя это изданіе—московскому историко-родословному обществу, въ лицѣ его главнаго дѣятеля Л. М. Савелова.

В. Р.

Библиотека "Руниверс"

J. Patouillet. Ostrovski et son théâtre de moeurs russes. Paris. 1913.

Вотъ книга, просмотрѣвъ которую дѣлается досадно, почему у насъ на русскомъ языкѣ нѣтъ такой серьезной и научной монографіи объ Островскомъ. Все изданное у насъ до сихъ поръ—только матеріалы для біографіи этого драматурга. Библіографы добросовѣстно корпятъ надъ его черновиками, но общаго вывода, общей сводки всей дѣятельности Островскаго у насъ нѣтъ до сихъ поръ .

Patouillet—professeur de premiѣre au Lycée Michelet, docteur ès lettres, какъ обозначено на его увѣсистомъ томѣ, изданномъ въ Парижѣ извѣстнымъ книгопродавцемъ Плонъ. Въ томѣ этомъ около четырехсотъ пятидесяти страницъ, и къ нему приложена цинкографическая копія съ извѣстной работы Перова, гдѣ Островскій изображенъ въ мѣховомъ халатикѣ. Авторъ хорошо ознакомился и съ драматургомъ, и съ той средой, которую онъ изображаетъ. Онъ старается выяснить тотъ историческій путь, по которому образовалось русское купечество, и тѣ элементы, которые составляютъ и положительныя и отрицательныя его стороны.

Для русскаго иныя сентенціи Patouillet, быть можетъ, покажутся наивны,—но для читателя-иностранца онѣ имѣютъ свою цѣну. То немногое, съ чѣмъ можно не соглашаться, тонетъ въ общемъ замыслѣ автора. Книгу эту необходимо перевести на русскій языкъ. Если мы не сумѣли написать ее, то хотя бы слѣдуетъ перевести.

Вопреки мнѣнію нашихъ новѣйшихъ критиковъ, что «бытъ умеръ» и не нуженъ на сценѣ, Patouillet держится другого мнѣнія. Онъ ставитъ Островскаго очень высоко. Онъ подчеркиваетъ то обстоятельство, что до сихъ поръ репертуаръ нашихъ образцовыхъ театровъ въ Петербургѣ и Москвѣ питается Островскимъ. Онъ говоритъ, что типы, выведенные имъ для сцены, такъ же популярны въ Россіи, какъ мольеровскіе типы въ Франціи. Онъ печалится, что Европа мало знакома съ чудеснымъ талантомъ московскаго драматурга,—и сѣтуетъ, что, когда переводятъ Вересаева и Мережковскаго, онъ остается въ огромномъ большинствѣ своихъ произведеній неизвѣстнымъ.

Но думается, что перевести Островскаго на французскій языкъ гораздо труднѣе, чѣмъ перевести на русскій Мольера. Его чудесная лирическая сказка «Снѣгурочка» едва ли поддается по своимъ народнымъ оборотамъ рѣчи маломальски приличной передачѣ на другой языкъ. Ну, какъ переведете вы:

Встрѣтился дѣвушкамъ чужъ-чуженинъ,
Чужъ-чуженинушка старъ-старичекъ?—

Patouillet причисляетъ Островскаго къ числу тѣхъ нашихъ писателей, которые, какъ Достоевскій и Левъ Толстой, ставили идеалы христіанства и всепрощенія на первомъ планѣ и подчеркивали ихъ, какъ характерную сторону русскаго человѣка. Онъ соглашается съ Wyzewa, что: «Театръ Островскаго еще въ большей степени, чѣмъ романы Достоевскаго и послѣднія сочиненія Толстого, проникнутъ пламеннымъ евангельскимъ духомъ. Я не услышалъ въ немъ ни одного слова ненависти и гнѣва, но только скорбь,

Библиотека "Руниверс"

которая всегда будетъ звенѣть въ моемъ сердцѣ. И вотъ почему я предпочитаю Островскаго Ибсену и Гауптману, которые гораздо выше его по легкости и широтѣ мысли. Онъ поэтъ, онъ не знаетъ своего призванія, онъ не имѣетъ мыслей, но онъ умѣетъ любить тѣхъ, кто страдаетъ, и чувствовать ихъ страданія».

Но болѣе того, онъ ставитъ русскихъ драматическихъ авторовъ выше германскихъ, скандинавскихъ, итальянскихъ драматурговъ,—считая Гоголя, Тургенева, Писемскаго, Чехова—выше Зудермана, д'Аннунціо, Бьернстьерне и т. д. Это мнѣніе, конечно, покажется отсталымъ для нашихъ писателей новѣйшей формаціи и довольно неожиданнымъ для искреннихъ почитателей скандинавскихъ тумановъ, въ которыхъ мы были погружены лѣтъ пятнадцать. Впрочемъ, въ послѣднее время глаза у многихъ отверзлись и начали укорять Ибсена въ узости взглядовъ, въ томъ, что мораль его слишкомъ носитъ мѣщанскій характеръ, и что идеалы его о государственности нуждаются во многихъ поправкахъ и оговоркахъ.

Въ томъ сочувствіи, которое обнаруживаетъ Островскій къ «униженнымъ и оскорбленнымъ», возводя Любимовъ Торцовыхъ на высокій пьедесталъ нравственности, мы видимъ далеко не исключительное явленіе, а, напротивъ того, ту дань времени, которую невольно отдавалъ нашъ драматургъ, слѣдуя за общимъ теченіемъ, обнаружившимся не только въ русской литературѣ. Диккенсъ своими романами—«Крошка Доррить», «Домби и сынъ», «Холодный домъ» и проч.— создалъ тотъ модный культъ поклоненія «кроткимъ, что наслѣдятъ землю», на который съ такой могучей силой отозвался Достоевскій. Островскій слѣдовалъ въ данномъ случаѣ за общей волной движенія.

Девятнадцатый вѣкъ любилъ хорошіе концы въ романахъ и пьесахъ. Если Шекспиръ осмѣливался, вопреки вкусамъ толпы, убивать своихъ невинныхъ героевъ,—хоронить глупенькую Офелію, душить прелестную Дездемону, закалывать ни въ чемъ неповинную Джульетту, повѣсить Корделію, то его эпигоны не рисковали на такой смѣлый шагъ. Они хотѣли, чтобъ порокъ былъ наказанъ, чтобъ все счастливо оканчивалось союзомъ двухъ любящихъ сердецъ. Островскій любитъ оканчивать свои комедіи свадьбой. Н. Я. Соловьевъ недаромъ жаловался, что «Дикарка» измѣнена Островскимъ совершенно въ концѣ, и героиня пьесы вмѣсто того, чтобы броситься въ воду, выходитъ замужъ.

Только въ одной пьесѣ, мало оцѣненной публикой и критикой, Островскій остается на высотѣ объективнаго творчества, не наказываетъ порокъ въ угоду модѣ: это въ «Воспитанницѣ». Но Patouillet проходитъ мимо этого факта, какъ бы не замѣчая его.

Авторъ раздѣляетъ дѣятельность Островскаго на три періода. Первый—до 1868 года; второй до эпохи реформы театровъ 1882 года, и затѣмъ—послѣдній, третій—до смерти. Такое дѣленіе слишкомъ произвольно и недостаточно мотивировано.

По нашему мнѣнію, въ литературной дѣятельности Островскаго дѣйствительно рѣзко обозначаются три періода, но не въ годы, указываемые Patouillet. Первый періодъ, отличающійся нѣкоторою наивностью и условностью, но составившій автору громкую славу такими пьесами, какъ «Гроза», «Бѣдная не-

Библиотека "Руниверс"

вѣста», «Не въ свои сани не садись» и пр.,—оканчивается въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Наступаетъ періодъ увлеченія исторіей и при превосходномъ знаніи русскаго народнаго языка Островскій даетъ цѣлый рядъ историческихъ хроникъ, во главѣ которыхъ слѣдуетъ поставить «Дмитрія Самозванца и Василія Шуйскаго». Послѣдній періодъ—возвращеніе автора къ бытовой драмѣ, гдѣ онъ рисуетъ картины помѣщичьей и купеческой жизни послѣреформеннаго времени. Таковы «Волки и овцы», «Послѣдняя жертва», «Таланты и поклонники», «Не все коту масляница» и пр. Пьесы конца этого періода носятъ на себѣ печать усталости и физическаго недомоганія. Особенно это сказывается на послѣдней пьесѣ «Не отъ міра сего».

Но, оставляя въ сторонѣ эти недочеты, все же надо не только отвести французскому автору почетное мѣсто по литературѣ объ Островскомъ, но поставить его во главѣ этой литературы. Высказанное имъ безконечно выше измышленій Добролюбова, Чернышевскаго и прочихъ нашихъ критиковъ. «Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ», увидѣнный въ лицѣ Катерины Добролюбовымъ, давно уже померкъ для послѣдующихъ поколѣній, готовыхъ скорѣе этотъ лучъ увидѣть въ Варварѣ, уходящей изъ-подъ грозы матери на свободу, бросающей богатый домъ Кабановыхъ и пренебрегающей проклятьемъ, которое, несомнѣнно, раздается ей вслѣдъ. Не менѣе ошибочны и наивны сентенціи позднѣйшихъ критиковъ.

Итакъ, будемъ ждать перевода книги Patouillet. Академіи наукъ слѣдовало бы обратить на нее вниманіе и отмѣтить этотъ трудъ иностранца.

Г—ъ.

А. Заксъ. «Кавалеристъ-дѣвица» штабсъ-ротмистръ Александръ Андреевичъ Александровъ (Надежда Андреевна Дурова). Спб. 1912. Изд. журн. «Вѣстникъ русской конницы». Ц. 1 рубль.

Н. Н. Блиновъ. «Кавалеристъ-дѣвица». Дурова-Чернова-Александровъ. Сарапулъ. 1912. Ц. 20 коп.

Въ историческихъ журналахъ (главнымъ образомъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ») уже былъ помѣщенъ цѣлый рядъ статей и замѣтокъ, посвященныхъ Н. А. Дуровой. Отпразднованный въ прошломъ году столѣтній юбилей Отечественной войны 1812 года вызвалъ появленіе двухъ новыхъ работъ объ этой замѣчательной исторической личности.

Авторъ первой брошюры стремится «въ великую годину напомнить соотечественникамъ о скромной, но интересной и оригинальной участницѣ 12 года, въ свое время извѣстной, но затѣмъ исчезнувшей и многіе лѣта пребывавшей въ полномъ забвеніи... Будемъ считать,—говоритъ г. Заксъ,—свой трудъ не напраснымъ, разъ намъ удалось вызвать изъ тьмы забвенія и вновь обратить вниманіе общества на оригинальную фигуру «кавалериста-дѣвицы» Дурова, штабсъ-ротмистра Александрова, нашего однополчанина литовца, боевого товарища» (61 стр.).

Библиотека "Руниверс"

Но нельзя сказать, что задача автора «дать полную и въ то же время достовѣрную біографію Н. А. Дуровой» осуществлена имъ съ успѣхомъ во всемъ объемѣ.

Правда, брошюра г. Закса даетъ ясное представленіе о главныхъ фактахъ жизни интересующаго его героя и писателя. Тѣмъ болѣе, что въ своемъ стремленіи быть достовѣрнымъ біографомъ Н. А. Дуровой авторъ не ограничился изученіемъ одной только печатной литературы о «дѣвицѣ-кавалеристѣ», но привлекъ и новый архивный матеріалъ.

И хотя этотъ архивный матеріалъ не имѣетъ выдающейся исторической цѣнности, но онъ все же даетъ возможность г. Заксу дополнить біографію Н. А. Дуровой кое-какими новыми мелкими штрихами.

Но если рецензируемой работѣ нельзя отказать въ фактической достовѣрности, то болѣе или менѣе притязательный читатель не можетъ не посѣтовать на нѣкоторую неполноту этой біографіи въ обрисовкѣ духовнаго облика «дѣвицы-кавалериста». Такъ, напримѣръ, отъ новаго труда о «дѣвицѣ-кавалеристѣ» естественно требовать болѣе глубокаго, чѣмъ это дѣлаетъ г. Заксъ (стр. 9), психологическаго освѣщенія причинъ, побудившихъ Н. А. Дурову посвятить себя такой необычной для женщины профессіи, какъ военная служба.

Нужно замѣтить, что въ литературѣ по данному вопросу царитъ полное разногласіе. Въ то время, какъ Д. Л. Мордовцевъ утверждаетъ, что «въ гусарствѣ и уланствѣ Н. Дурова искала въ сущности того, чего нынѣшнія дѣвушки наши ищутъ на фельдшерскихъ и медицинскихъ курсахъ, въ гимназіяхъ, на такъ называемыхъ университетскихъ курсахъ: она искала признанія за женщиной человѣческихъ правъ; она искала того, чего искали американскіе негры времени «дяди Тома» («Двѣнадцатый годъ» II ч., стр. 109), другіе біографы находятъ этотъ взглядъ несостоятельнымъ. Такъ, напримѣръ, по мнѣнію г-жи Некрасовой, автора одной изъ наиболѣе обстоятельныхъ статей о «дѣвицѣ-кавалеристѣ», «въ поступкѣ Дуровой не было ничего теоретическаго, тенденціознаго, изъ чего исходили стремленія современной женщины, доведенной до тѣхъ или иныхъ теорій экономическимъ положеніемъ жизни... Н. А. въ своихъ подвигахъ не руководилась теоретическими идеалами, она стремилась только къ тому, чего хотѣла, чего требовала ея натура, какъ неотъемлемой собственности, требовала стихійно» («Историческій Вѣстникъ» 1890 года, сентябрь, 594 стр.).

Стремленіе Дуровой считать себя мужчиной, сохранившееся у ней до конца жизни, тѣмъ болѣе бросается въ глаза, что въ сексуальномъ отношеніи она врядъ ли можетъ быть отнесена къ патологическимъ субъектамъ: «дѣвица-кавалеристъ», какъ извѣстно, была матерью и имѣла сына.

Равнымъ образомъ брошюра г. Закса значительно выиграла бы, если бы авторъ удѣлилъ нѣсколько больше вниманія характеристикѣ Н. А. Дуровой, какъ писательницы, такъ какъ литературный обликъ ея интересенъ не менѣе ея воинственной физіономіи.

Изъ другихъ болѣе мелкихъ дефектовъ слѣдуетъ указать, что авторъ не всегда строго придерживается хронологическаго порядка (см., напримѣръ, стр. 10) и совершенно напрасно приводитъ цѣликомъ добытые имъ новые архивные матеріалы (напримѣръ, формулярные списки, прошенія и переписку съ официаль-

Библиотека "Руниверс"

ными лицами и т. п.) въ самомъ текстѣ изслѣдованія, а не въ приложеніи, какъ бы это слѣдовало.

Указатель литературы о Дуровой (стр. 64) можно еще дополнить книгой «Воспоминанія А. Я. Головачевой-Панаевой («Русскіе писатели и артисты 1824—70 г.», изд. Губинскаго, С.-Петербургъ 1890 года, стр. 56) и нашей замѣткой «Памяти Н. А. Дуровой» («Пермскія Губернскія Вѣдомости» 1901 года 21-го марта, № 64). Послѣдняя, впрочемъ, не представляетъ чего-либо характернаго.

Брошюра богато иллюстрирована удачно выполненными рисунками: кромѣ цѣлаго ряда портретовъ Н. А. Дуровой, здѣсь помѣщены виды города Елабуги, гдѣ эта женщина-воинъ скончалась, и «Чортова городища», куда она особенно любила ходить для прогулокъ, видъ дома, въ которомъ жила Дурова въ Елабугѣ, снимки съ могилы въ прежнемъ и теперешнемъ состояніи, видъ уголка памяти Н. А. Дуровой въ музеѣ уланскаго Литовскаго полка, нѣсколько автографовъ и снимки съ ея рукодѣльныхъ работъ. Издана брошюра вполнѣ прилично.

Работа г. Закса, разумѣется, прежде всего должна найти большой кругъ читателей среди жителей Прикамья, гдѣ до сихъ поръ жива память о необыкновенной «дѣвицѣ-кавалеристѣ». Недаромъ историки Сарапула и Елабуги на ряду съ описаніемъ достопримѣчательностей этихъ городовъ считаютъ необходимымъ сообщить и біографію Н. А. Дуровой (Н. Блиновъ, «Сарапулъ и Среднее Прикамье», 1908 года, стр. 31—33; священникъ Н. Шишкинъ, «Исторія города Елабуги», 1901 года, стр. 137—141).

Но и помимо этого чисто мѣстнаго историческаго значенія брошюру г. Закса съ интересомъ прочтетъ и всякій любитель отечественной исторіи.

Что же касается второй брошюры о Дуровой, принадлежащей перу Н. Н. Блинова, то она въ значительной своей части представляетъ воспроизведеніе прежней статьи того же автора «Кавалеристъ-дѣвица и Дуровы» («Историческій Вѣстникъ», 1888 г., февраль) и по характеру изложенія напоминаетъ работу, предназначенную для читателя изъ народа.

Нельзя обойти молчаніемъ, что Н. Н. Блиновъ и здѣсь продолжаетъ освѣщать нѣкоторые факты изъ жизни «дѣвицы-кавалериста» въ томъ же духѣ, какъ это имъ сдѣлано еще болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ въ указанной статьѣ «Историческаго Вѣстника». Между тѣмъ г. Заксъ, съ работой котораго Н. Н. Блиновъ, какъ это видно изъ его брошюры (5 стр.), знакомъ, традиціонное освѣщеніе этихъ фактовъ вполнѣ основательно подвергаетъ сомнѣнію. Мы имѣемъ въ виду объясненіе причины бѣгства Дуровой изъ родительскаго дома и обнаруженіе тайны ея пола (брош. Блинова, стр. 10—11, 15; Заксъ, цит. сочиненіе, стр. 8—9; 13; ср. «Историческій Вѣстникъ», 1888 г., февраль, 416 стр.).

Можно, наконецъ, отмѣтить, что недавно вновь переиздана и часть «Записокъ кавалериста-дѣвицы Дуровой», представляющихъ въ настоящее время библіографическую рѣдкость: «Свѣтъ». Сборникъ романовъ и повѣстей, т. XII, декабрь 1912 г. «Записки кавалериста-дѣвицы Дуровой», со вступительной статьей К. А. Военскаго. Здѣсь въ вступительной статьѣ вкратцѣ передается содержаніе первой части «Записокъ» (стр. 3—19). Вторая же часть «Записокъ», посвященная событіямъ Отечественной войны 1812—15 г., приводится in extenso (20—124).

Ив. Сатрапинскій.

Библиотека "Руниверс"

Ростовскій кремль въ описаніяхъ Ан. Ал. Титова. Съ портретомъ автора и рисунками. Изданіе В. А. Талицкаго. Москва. 1912. Стр. 87. Цѣна 75 коп.

Скончавшійся 24-го октября 1911 года Андрей Александровичъ Титовъ дѣйствительно былъ знатокомъ исторіи и археологіи родного ему Ростова Великаго, по своей любви къ писанію и тисненію на печатномъ станкѣ очень многое обнародовалъ для всеобщаго свѣдѣнія изъ славной исторіи своей родины, а главное своими многолѣтними трудами добился «возстановленія ростовскаго кремля во всей красотѣ его прежняго величія», чѣмъ пріобрѣлъ себѣ память «славнаго патріота» и крупнаго археолога. Спеціально исторіи Ростова Великаго и его древностямъ онъ посвятилъ три болѣе или менѣе крупныхъ изданія— «Описаніе Ростова Великаго» (1911), «Ростовъ Великій въ его церковно-археологическихъ памятникахъ» (1911) и «Кремль Ростова Великаго» (1905) [1]).

В. А. Талицкому пришла мысль использовать въ небольшой книжкѣ не только вышеуказанные труды, но и нѣкоторые другіе, гдѣ покойный говоритъ о болѣе замѣчательныхъ ростовскихъ іерархахъ. Сравнительно въ краткомъ изложеніи онъ сообщаетъ въ двѣнадцати небольшихъ главахъ: 1) о «ростовскомъ кремлѣ», 2) о «митрополитѣ Іонѣ III Сысоевичѣ и его постройкахъ въ кремлѣ Ростова Великаго»; 3) о «Іоасафѣ Лазаревичѣ, VII митрополитѣ ростовскомъ»; 4) о «Бѣлой палатѣ и княжихъ теремахъ»; 5) музеѣ церковныхъ древностей (болѣе обширная глава); 6) о церкви Григорія Богослова; 7) о «возстановленіи пещернаго придѣла св. Леонтія въ Ростовскомъ Успенскомъ соборѣ»; 8) о церкви Іоанна Богослова; 9) о церкви Смоленской Божіей Матери Одигитріи; 10) о церкви Воскресенія Христова, 11) церкви Спаса на Сѣняхъ и 12) объ іераршихъ палатахъ. Изложеніе всюду сопровождается хорошо исполненными рисунками, которыхъ насчитывается до 39; тутъ и виды самаго кремля, его церквей, иконостасовъ послѣднихъ, наиболѣе замѣчательныхъ и рѣдкихъ предметовъ изъ музея церковныхъ древностей и проч.

Конечно, замѣнить эта книжка хотя бы только «Кремль Ростова Великаго» А. А. Титова не можетъ, но все же послужитъ надежнымъ пособіемъ для ознакомленія съ замѣчательными ростовскими древностями.

В. Рудаковъ.

Батуринскій дворецъ, его исторія, разрушеніе и реставрація. Очеркъ Г. К. Лукомскаго. Спб. 1912. Стр. 29. Цѣна 75 коп.

Молодымъ еще обществомъ защиты и сохраненія въ Россіи памятниковъ искусства и старины между прочимъ много сдѣлано для сохраненія путемъ реставраціи весьма интереснаго не только въ архитектурномъ отношеніи Батуринскаго въ Черниговской губерніи дворца графа К. Г. Разумовскаго.

Для завѣдыванія труднымъ дѣломъ реставраціи въ теченіе болѣе ста лѣтъ разрушавшагося дворца избранъ особый комитетъ, которымъ и издана брошюра

[1]) Подробнѣе о немъ и его трудахъ см. нашу брошюру: «Андрей Александровичъ Титовъ. Памятка о немъ» (Оттискъ изъ «Журнала министерства народн. просвѣщ.» 1912 г., № 2).

Библиотека "Руниверс"

своего секретаря Г. К. Лукомскаго. Строительство Разумовскихъ, сооруженіе Батуринскаго дворца, строитель послѣдняго—архитекторъ Камерони, разрушеніе и состояніе дворца до ремонта, планъ дворца, ремонтъ и предназначеніе вновь отремонтированнаго помѣщенія—вотъ содержаніе даннаго труда, который вполнѣ можетъ быть названъ «дѣловымъ» и по содержанію и по системѣ изложенія: ничего лишняго, не относящагося къ дѣлу въ немъ нѣтъ.

Въ концѣ помѣщены «объясненія», гдѣ взяты рисунки, нѣкоторыя свѣдѣнія, касающіяся исторіи дворца, данныя рода графа Разумовскихъ и прочее. Интересны снимки общаго вида Батуринскаго дворца до ремонта и послѣ ремонта (стр. 16—17).

Вообще съ внѣшней стороны изданіе очень прилично, только дороговато по своей цѣнѣ. **Д. Бочковъ.**

А. Г. Гойхбаргъ. Законъ о расширеніи правъ наслѣдованія по закону лицъ женскаго пола. Спб. 1912. Стр. 94 съ предметнымъ указателемъ. Ц. 75 коп. Издат. «Право».

Н. Рудинъ. Законъ 3-го іюня 1912 года. Спб. 1913. Стр. 32. Ц. 40 коп. Издат. «Сотрудникъ».

Законъ 3-го іюня 1912 г. вырвалъ, наконецъ, изъ русскаго гражданскаго права нѣсколько отжившихъ нормъ, ограничивавшихъ наслѣдственныя права женщинъ и крайне стѣснявшихъ свободу завѣщанія родовыхъ имѣній. Знаменитыя положенія—остатокъ помѣстной системы—о томъ, что «ближайшее право наслѣдованія послѣ отца или матери принадлежитъ законнымъ ихъ дѣтямъ мужескаго пола» (ст. 1127 т. X ч. 1), что «дочь при живыхъ сыновьяхъ, т. е. сестра при братѣ, получаетъ изъ всего наслѣдственнаго недвижимаго имѣнія одну четырнадцатую часть, а изъ движимаго одну восьмую часть» (ст. 1130), наконецъ общеизвѣстное положеніе: «въ боковыхъ линіяхъ сестра при братѣ не наслѣдница»—все это теперь либо отмѣнено вовсе, либо ослаблено. Установлены закономъ 3-го іюня 1912 г. и новыя основанія для завѣщаній родовыхъ имѣній, при чемъ свобода завѣщаній значительно расширена.

Въ книжкѣ г. Гойхбарга объясненіямъ закона посвящено семьдесятъ семь страницъ. Объясненія эти очень существенны, такъ какъ наслѣдственное право вообще очень благодарная область для казуистики, а новый законъ, врѣзавшись въ существующую систему наслѣдованія, даетъ почву для новыхъ сомнѣній. Но и независимо отъ казуистики, объясненія новаго закона полезны потому, что имъ установлены новые термины, напримѣръ, «земельное (внѣгородское) имущество», въ наслѣдованіи котораго лица женскаго пола попрежнему ограничены (дочери получаютъ одну седьмую часть). Редакція нѣкоторыхъ статей не вполнѣ ясна. Г. Гойхбаргъ прекрасно выполнилъ свою задачу, обнаруживъ хорошую цивилистическую подготовку. Книжка, впрочемъ, не вездѣ легко читается, въ виду излишней подчасъ казуистики, особенно въ примѣненіи къ Черниговской и Полтавской губерніямъ. Мѣстныя нормы слѣдовало бы выдѣлить въ особую часть.

Библиотека "Руниверс"

Книжку г. Рудина нельзя рекомендовать. Авторъ ея ничего не даетъ читателю, кромѣ текста закона и незначительныхъ выписокъ изъ мотивовъ и прежняго закона. Коротенькое введеніе (шесть страницъ), конечно, не стоитъ 40 копеекъ, авторъ поступилъ бы правильнѣе, если бы напечаталъ текстъ новаго закона параллельно со старымъ и снабдилъ бы текстъ указателемъ, какъ сдѣлано г. Гойхбаргомъ въ приложеніи къ его книжкѣ. **Г. Гинсъ.**

Сеймовый уставъ для великаго княжества Финляндскаго, высочайше утвержденный 28 іюля 1906 года, съ мотивами по журналу высочайше утвержденнаго особого совѣщанія для расмотрѣнія проекта высочайшаго предложенія земскимъ чинамъ Финляндіи о новомъ сеймовомъ уставѣ, съ приложеніемъ и указателями. Составилъ Н. Корево. Спб. 1913. Стр. 390. Цѣна не обозначена.

Неутомимый Н. Н. Корево, издавшій недавно «Общее уложеніе Финляндіи 1734 г.» съ дополнительными къ нему узаконеніями въ трехъ обширныхъ томахъ, о которомъ было своевременно сообщено въ «Историческомъ Вѣстникѣ», напечаталъ теперь новый трудъ, являющійся какъ бы продолженіемъ или завершеніемъ ранѣе имъ изданнаго и первымъ опытомъ комментарія къ дѣйствующему сеймовому уставу Финляндіи. Этотъ уставъ 1906 года іюля 7(20-го), основанный на началахъ всеобщаго избирательнаго права, измѣнилъ весьма существенно составъ первоначальнаго сейма, дарованнаго Финляндіи, какъ извѣстно, милостью императора Александра II 3-го апрѣля 1869 года; руководящая роль на сеймѣ перешла къ быстро развившейся партіи соціалъ-демократовъ, имѣвшей уже на сеймѣ 1911 года восемьдесять шесть голосовъ изъ общаго числа двухсотъ, причемъ этотъ демократическій сеймъ является главнымъ противникомъ русскаго государственнаго права на финляндской землѣ, т.е. онъ является, такъ сказать, главнымъ органомъ финляндскаго сепаратизма, что, впрочемъ, имѣли въ виду и составители этого устава. Какъ извѣстно, проектъ этого устава былъ на основаніи высочайшаго манифеста 22-го октября 1905 г. составленъ финляндскимъ сенатомъ и, до внесенія его на разсмотрѣніе особаго чрезвычайнаго сейма, переданъ на предварительное разсмотрѣніе особаго совѣщанія подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Э. В. Фриша. Спѣшность исполненія совѣщаніемъ возложеннаго на него порученія (оно разсматривало весь уставъ съ дополнительными къ нему узаконеніями одинъ мѣсяцъ съ 14-го марта по 14-ое апрѣля 1906 года) не дала возможности отвратить всѣхъ сдѣланныхъ составителями проекта попытокъ такъ или иначе усилить самостоятельность и независимость сейма и расширить право финляндскаго представительства, что могло послѣдовать, очевидно, только на счетъ прерогативъ верховной власти. Совѣщанію статсъ-секретаря Э. В. Фриша, благодаря энергіи русскихъ членовъ онаго, въ томъ числѣ преждевременно умершаго профессора Сергіевскаго и нынѣ сенатора Гарина, удалось устранить только нѣкоторыя попытки въ этомъ направленіи, сдѣланныя составителями проекта, но не всѣ. Кромѣ того, совѣщаніе не касалось вовсе порядка составленія и разсмотрѣнія законовъ общегосударственнаго

Библиотека "Руниверс"

значенія, т. е. общихъ для имперіи и Финляндіи, на томъ основаніи, что манифестомъ 6-го августа 1905 года и 20-го февраля 1906 года (объ учрежденіи государственной думы) было выражено, что о порядкѣ обсужденія законовъ общихъ для имперіи и великаго княжества Финляндскаго въ свое время имѣютъ быть преподаны особыя правила [1]). Въ настоящее время Н. Н. Корево издалъ этотъ сеймовый уставъ 1906 года особою книгою, причемъ подъ отдѣльными параграфами устава помѣстилъ соотвѣтствующія выдержки или части журнала упомянутаго выше особаго совѣщанія; онѣ даютъ возможность толкованія статей сеймоваго устава. Изданныя же узаконенія и акты, прямо или косвенно относящіеся въ даннымъ статьямъ устава, помѣщены въ особыхъ приложеніяхъ, которыя способствуютъ дальнѣйшимъ толкованіямъ—юридическому и историческому—опредѣленій устава. Въ этой же книгѣ имѣются законъ о выборахъ для великаго княжества Финляндскаго, наказъ сейму Финляндіи, правила о производствѣ выборовъ на сеймѣ, наказъ большой комиссіи сейма и даже высочайшее постановленіе для публики, присутствующей при засѣданіяхъ сейма, и многое другое прямо или косвенно относящееся до сейма или его дѣятельности. Книга снабжена необходимыми алфавитными указателями. Нельзя не пожелать, чтобы и въ отношеніи нашей государственной думы была бы составлена подобная же весьма полезная книга. **П. Майковъ.**

Е. В. Тарле. Континентальная блокада. Изслѣдованія по исторіи промышленности и внѣшней торговли Франціи въ эпоху Наполеона. Съ приложеніемъ неизданныхъ документовъ. Москва. 1913. Стр. VIII+739. Цѣна 4 руб.

12-го января 1801 года императоръ Павелъ I приказалъ донскому казачьему войску двинуться на завоеваніе Индіи. Этотъ рѣшительный шагъ обыкновенно причисляютъ къ разряду тѣхъ эксцентричностей, которыми ознаменовался конецъ неудачнаго царствованія. При всеобщемъ осужденіи царилъ и сошелъ въ могилу несчастный императоръ, и рѣзкимъ диссонансомъ въ согласномъ хорѣ его хулителей звучитъ сочувственный отзывъ Наполеона: «Кто знаетъ, быть можетъ, это—великій человѣкъ, находящійся въ затруднительномъ положеніи». Это мнѣніе вполнѣ понятно. Ненависть къ Англіи родила души обоихъ властелиновъ, и рѣшительныя мѣры Павла были какъ разъ подъ стать стилю Наполеона. Острая вражда въ Англіи подчасъ совершенно ослѣпляла его ясный разумъ, но послѣ первыхъ неудачныхъ попытокъ покорить заморскихъ сосѣдей Наполеонъ быстро вылечился отъ многихъ иллюзій. Онъ не могъ не понять, что для успѣшной борьбы съ могущественными островитянами нелѣпо прибѣгать къ военной силѣ: тутъ нужны иные пути и совершенно другіе методы. И вотъ, какъ апоѳеозъ протекціонизма, какъ рѣшительный и дерзкій до безумія ударъ по Англіи и въ качествѣ «важнѣйшей и великой мысли

[1]) Эти правила, какъ извѣстно, и были изданы позднѣе; 17-го іюня 1910 года высочайше утвержденъ одобренный государственнымъ совѣтомъ и государственною думою законъ о порядкѣ изданія касающихся Финляндіи законовъ и постановленій общегосударственнаго значенія.

Библиотека "Руниверс"

царствованія», родилась система континентальной блокады. Хотя ей предшествовали нѣкоторыя законодательныя предпосылки съ тенденціей рѣзкаго протекціонизма; хотя въ мечтахъ нѣкоторыхъ промышленниковъ уже носились основныя идеи блокады,—тѣмъ не менѣе этотъ шагъ Наполеона поражаетъ своимъ размахомъ. Блокада принадлежитъ къ разряду тѣхъ огромныхъ историческихъ дѣяній, которыя, задѣвая великое множество всевозможныхъ интересовъ, оцѣниваются съ большимъ трудомъ и, преимущественно, смотря по результату. Не удался павловскій походъ въ Индію, и онъ немедленно заносится въ исторію, какъ безуміе абсолютнаго владыки, тогда какъ не менѣе безумное, но удавшееся завоеваніе разбойникомъ цѣлаго царства признается великимъ историческимъ подвигомъ (Ермакъ, Пизарро). Долговременную блокаду очень трудно взвѣсить на точныхъ историческихъ вѣсахъ, строго учитывая всѣ ея плюсы и минусы. Неоспоримо только одно: замыселъ Наполеона былъ настолько широкъ, такъ глубоко взволновалъ нормальный ходъ европейской экономической жизни, таилъ въ зародышѣ такіе историческіе сюрпризы, открывалъ столько неожиданныхъ перспективъ, что континентальную блокаду нельзя затрагивать только мимоходомъ и толковать свысока, какъ нелѣпую опечатку въ ходѣ историческаго развитія. Блокада—единственный въ своемъ родѣ историческій и экономическій экспериментъ, требующій тщательнаго и внимательнаго изученія. И наше національное самолюбіе должно быть удовлетворено, что именно русскій ученый поставилъ изслѣдованіе блокады на надлежащую научную высоту и своимъ основательнымъ трудомъ сдѣлалъ видный и цѣнный вкладъ въ европейскую историческую науку.

21-го ноября 1806 года Наполеонъ подписалъ декретъ о блокадѣ британскихъ острововъ. «Всякая торговля и всякія сношенія съ Англіей были воспрещены (въ частности даже письма, адресованныя «въ Англію или англичанину, или написанныя на англійскомъ языкѣ», отнынѣ не должны были пересылаться на императорскихъ почтахъ). Всякій англичанинъ, который будетъ найденъ во владѣніяхъ Наполеона или его союзниковъ, или въ земляхъ, занятыхъ императорскими войсками, объявляется военноплѣннымъ. Всякій товаръ, принадлежащій англійскому подданному, конфискуется. Ни одно судно, идущее изъ Англіи или англійскихъ колоній, или даже побывавшее тамъ по пути, не допускается ни въ одинъ портъ, подъ страхомъ конфискаціи (какъ судна, такъ и груза», стр. 256). Тутъ выражены основныя и существенныя черты блокады, хотя въ дальнѣйшемъ онѣ получили рядъ измѣненій и дополненій. Было ясно, что эти исключительныя мѣропріятія должны вызвать настоящій переворотъ въ экономической жизни Европы. Одновременно разрывались всѣ многочисленные нити, связывающія континентъ съ Англіей и, черезъ ея посредство, съ большинствомъ внѣ-европейскихъ рынковъ. Отъ подозрительности Наполеона, которому на каждомъ суднѣ мерещились англійскіе товары, первоначальныя рамки блокады сильно расширились. Морская торговля погибла, и прекращался всякій ввозъ на континентъ фабричнаго сырья и колоніальныхъ продуктовъ, прочно вошедшихъ въ европейскій обиходъ. Такимъ образомъ, отнынѣ вся континентальная Европа собственными силами должна была удовлетворять всѣ свои потребности. Эти послѣдствія блокады не особенно пугали Наполеона.

Библиотека "Руниверс"

По его политико-экономическимъ воззрѣніямъ, самымъ существеннымъ элементомъ государственнаго хозяйства было земледѣліе, далѣе слѣдовала промышленность и, наконецъ, торговля, интересы которой Наполеонъ принималъ къ сердцу менѣе всего. По его замыслу, блокада не только должна была совершенно разорить Англію, но и поднять на неслыханную высоту французскую промышленность. И при каждомъ новомъ военномъ успѣхѣ Наполеона въ захваченныхъ государствахъ и провинціяхъ первымъ дѣломъ проводились мѣропріятія, имѣвшія въ виду эти двѣ цѣли. Не бѣда, если попутно захирѣетъ торговля, разорится не французская промышленность и населеніе останется безъ продуктовъ первой необходимости. Блокада—великое патріотическое дѣло, которому, хочешь—не хочешь, всѣ должны приносить посильныя жертвы. И жертвы, дѣйствительно, были принесены огромныя. Словно какой-то ураганъ пронесся по всей Европѣ. «Современники говорили, что нельзя описать бѣдствій и разоренія Голландіи, вызванныхъ континентальною блокадою» (стр. 394). Гамбургское купечество «на колѣняхъ умоляло Наполеона не губить городъ съ 150,000 жителей, не разорять въ конецъ торговли», но «правила блокады ни въ малѣйшей степени не были для Гамбурга смягчены» (стр. 349). Этотъ ганзейскій городъ былъ отданъ подъ управленіе извѣстнаго Даву, оставившаго тамъ страшную память. За полученіе писемъ изъ Англіи онъ сажалъ мѣстныхъ жителей въ тюрьму. Усердствовали и въ другихъ мѣстахъ: на ярмаркѣ въ Бокэрѣ цѣлая улица, гдѣ обыкновенно продавались колоніальные товары, была конфискована правительствомъ. Приведенные факты лишь отдѣльные штрихи изъ исторіи блокады, богатой картинами экономическаго разоренія и дикаго произвола администраціи. Губернаторъ Иллиріи генералъ Бертранъ запрашивалъ Наполеона: можно ли допускать, чтобы населеніе держало у себя сахаръ для личнаго употребленія? Вопросъ какъ будто немного странный, но всѣ сотрудники императора отлично знали, что въ осуществленіи блокады лучше переусердствовать, нежели сдѣлать малѣйшее упущеніе. Это лучше всего испытали на себѣ разсаженные по европейскимъ тронамъ родственники Наполеона, получавшіе за слабое соблюденіе блокады жестокія головомойки. Упомянутый выше сахаръ играетъ видную роль въ исторіи блокады. Въ 1811 году одинъ килограммъ сахара стоитъ въ Лондонѣ 76 сант., а въ Парижѣ блокада взвинтила его цѣну до семи франковъ. Идеаломъ же являлось такое состояніе рынка, при которомъ сахаръ вовсе исчезалъ изъ обращенія. Дѣло освѣщалось такъ, что безъ сахара, безъ кофе, безъ какао можетъ обойтись «всякій хорошій французъ, размышляющій о томъ злѣ, которое отъ этого получается для разъяренныхъ англичанъ» (стр. 508). Такъ несладко должна была жить вся Европа до тѣхъ поръ, пока не умудрится обойтись собственными силами, производя все необходимое на своей территоріи. И надо сказать правду, что въ дѣлѣ развитія европейской экономической самодѣятельности блокада сыграла огромную роль. Индію Наполеону не удалось замѣнить ничѣмъ: это сдѣлала гораздо позднѣе химія; обѣщанная императоромъ милліонная премія за изобрѣтеніе льнопрядильной машины, долженствующей содѣйствовать изгнанію британскаго хлопка, такъ и осталась не присужденной. Но зато европейская свеклосахарная промышленность можетъ считать Наполеона своимъ отцомъ. Всѣ мелочи блокады

Библиотека "Руниверс"

горячо интересовали императора, и, своимъ постояннымъ вмѣшательствомъ въ ея практику, онъ до нельзя обострялъ всю систему и электризовалъ ея исполтелей. Отсюда происходило, что правила блокады выходили изъ рамокъ обычнаго закона и превращались въ своеобразный экономическій терроръ. «Теперь трудно понять,—писалъ одинъ современникъ немного спустя послѣ блокады,—какъ Европа могла хоть одинъ день терпѣть эту тиранію фиска...» (стр. 309). И въ концѣ концовъ континентальная Европа не пожелала быть насильно облагодѣтельствованной: она возстала противъ споткнувшагося Наполеона и, соединясь съ ненавистной Англіей, «разбивала таможенные кордоны, раскрывала порты англичанамъ, ликующими кликами и привѣтствіями встрѣчала первыя открытыя, легальныя, а не контрабандныя высадки англичанъ и выгрузку англійскихъ товаровъ» (стр. 693). Европа еще чувствительнѣе страдала бы отъ блокады, не будь къ ней двухъ поправокъ: контрабанды и лиценцій. На почвѣ блокады контрабанда достигла чудовищныхъ размѣровъ. Зависимая отъ Наполеона Европа какъ будто составила противъ его системы заговоръ, войдя въ молчаливый союзъ съ контрабандистами. И чѣмъ дальше отъ глазъ Наполеона, тѣмъ сильнѣе работала контрабанда. Императору иногда осмѣливались доложить, что «контрабанда сильнѣе таможенъ, что съ нею въ союзѣ вся Европа и вся Франція, кромѣ промышленниковъ, да и тѣмъ выгодно лишь воспрещеніе англійскихъ фабрикатовъ и невыгодно запрещеніе сырья» (стр. 295). Наполеонъ грозитъ европейскимъ ослушникамъ, расширяетъ до неслыханныхъ размѣровъ таможенную службу,—но безуспѣшно. Англійскіе товары непрерывнымъ потокомъ тайкомъ вливаются въ Европу, смягчая гнетъ блокады и доставляя контрабандистамъ и продажнымъ таможеннымъ чиновникамъ огромныя состоянія. Другимъ обходомъ блокады, но уже легальнымъ, были лиценціи. Такъ назывались особыя свидѣтельства, разрѣшавшія ввозъ изъ Англіи на извѣстную сумму фабричнаго сырья и колоніальныхъ товаровъ, въ обмѣнъ на которыя нужно было вывести соотвѣтствующее количество французскихъ издѣлій. Для счастливцевъ, удостоенныхъ полученія лиценціи, эта операція оказывалась настолько выгодной, что вторая часть условія исполнялась часто лишь формально: вывезенный французскій товаръ бросался въ море. Лиценціи сильно способствовали охлажденію франко-русской дружбы. Блокада тяжелымъ бременемъ легла на всю Россію. Англійскіе публицисты доказывали, что отъ континентальной системы мы страдаемъ болѣе другихъ странъ. Это подтверждалъ и французскій банкиръ Лафитъ, указывая, что «до блокады рубль стоилъ три франка, теперь онъ едва держится на 20 су» (стр. 502). Независимо отъ этого, блокада держала на крайне низкомъ уровнѣ наши хлѣбныя цѣны, сильно раздражавшія землевладѣльцевъ. Англійскіе памфлетисты писали, что если Александръ не расторгнетъ губительный для населенія союзъ съ Франціей, ему грозитъ участь отца. Это было несомнѣнное преувеличеніе, но съ недовольствомъ блокадою тѣмъ не менѣе приходилось считаться. Казалось особенно обиднымъ, что во Франціи лиценціи смягчаютъ гнетъ блокады, который всей своей тяжестью давитъ русское населеніе. Это обстоятельство ставилось на видъ Наполеону, который, со своей стороны, указывалъ на огромный тайный провозъ въ Россію англійскихъ товаровъ. По французскимъ свѣдѣніямъ, на одну

Библиотека "Руниверс"

изъ лейпцигскихъ ярмарокъ черезъ Россію пришло 700 повозокъ контрабанды. «Въ Европѣ знали, что блокада ссоритъ императоровъ, и съ волненіемъ ждали развязки, отъ которой зависѣли судьбы Европы» (стр. 496). И развязка не заставила себя ждать: приближался 1812 годъ.

Въ основѣ выдающагося изслѣдованія г. Тарле о блокадѣ лежатъ матеріалы, добытые изъ архивовъ главнѣйшихъ европейскихъ государствъ. Въ разсмотрѣнномъ трудѣ оживаютъ заброшенныя и забытыя изданія и получаютъ огласку всевозможные рукописные матеріалы, нѣкогда прикрытые покровомъ строгой канцелярской тайны. Но не только новизной опубликованнаго матеріала привлекаетъ ученыхъ и рядовыхъ читателей книга г. Тарле. Знакомясь съ ней, мы попадаемъ въ идеальную атмосферу научнаго изслѣдованія. Именно такъ надо работать въ исторической наукѣ: нигдѣ никакой публицистики, никакихъ скороспѣлыхъ гипотезъ, никакой ретушевки прошлаго; всегда и повсюду внимательное и объективное изученіе дѣйствительности, крайняя осторожность въ выводахъ, цѣломудренно-научное обращеніе съ фактами и матеріалами. Къ огромному запасу свѣдѣній, собранныхъ въ книгѣ по экономической исторіи, будутъ часто обращаться историки, экономисты и финансисты. И жаль, что для облегченія справокъ къ книгѣ не приложенъ указатель. **Пант.**

Л. П. Карсавинъ. Очерки религіозной жизни въ Италіи XII—XIII вѣковъ. Спб. 1912. Цѣна 3 р. 50 к.

Молодой ученый Л. П. Карсавинъ написалъ обширную (въ 843 стр.) диссертацію и доказалъ свое трудолюбіе и умѣнье работать надъ источниками. Въ его сочиненіи есть положительныя стороны и довольно существенные недостатки. Въ русской литературѣ ничего не имѣется о катарахъ, арнольдистахъ, вальденсахъ, леонистахъ. Авторъ подробно и вполнѣ основательно излагаетъ ученіе этихъ еретиковъ и пополняетъ пробѣлъ, существовавшій въ наукѣ. Но въ то же время онъ не связалъ никакой общей идеей отдѣльныхъ главъ своей книги. Читатель напрасно будетъ спрашивать себя, какая связь между правовѣрными францисканцами, католическими флагеллантами и христіанскими общинами, отступившими отъ церкви, вальденсами, катарами и леонистами. На такой вопросъ онъ не найдетъ отвѣта у Карсавина. Была, однако, общая причина, побудившая Франциска Ассизскаго основать свой орденъ и приводившая къ еретическимъ ученіямъ. Но авторъ эту общую причину отрицаетъ безъ достаточнаго основанія. Въ религіозной жизни, о которой говоритъ Карсавинъ, нельзя не видѣть оппозиціи папству, протеста противъ неевангельскаго образа жизни, какой велъ римскій первосвященникъ.

Всего слабѣе главы о францисканствѣ. Тутъ г. Карсавинъ имѣлъ русскихъ предшественниковъ въ лицѣ профессора В. И. Герье и профессора С. А. Котляревскаго, но не счелъ нужнымъ упомянуть о нихъ. Между тѣмъ мы не найдемъ у Карсавина много новаго противъ Герье, книга котораго написана проще и лучше, чѣмъ диссертація г. Карсавина, который совсѣмъ не заботится о ясности слога. О біографіи Франциска авторъ сообщаетъ нѣчто очень мудреное. «Мо

Библиотека "Руниверс"

жетъ быть,—говоритъ онъ,—самымъ цѣннымъ для историка культуры является біографическій элементъ, преломленіе и сочетаніе въ личности многихъ стихійныхъ процессовъ. Только индивидуализируя историческій процессъ, удается избѣжать большинства апріорныхъ предпосылокъ, почувствовать живую текучую и трепещущую дѣйствительность, вѣчно манящую и вѣчно далекую. Только въ личности понятно, что такое необходимый историческій процессъ. Когда біографія невозможна, лучше отъ нея отказаться, ограничивъ свои стремленія предѣлами возможнаго» (стр. 284). Совершенно непонятно, зачѣмъ говоритъ все это авторъ, приступая къ біографіи Франциска, и какимъ образомъ личность объясняетъ историческій процессъ. Авторъ хотѣлъ, повидимому, сказать, что за неимѣніемъ достовѣрныхъ источниковъ трудно написать біографію Франциска Ассизскаго. Это очень просто объяснилъ профессоръ Герье, указавшій на то, какъ историкъ долженъ относиться къ жизнеописанію Франциска. «Ознакомленіе съ Франциской совсѣмъ не такъ легко. Онъ вліялъ на своихъ современниковъ болѣе примѣромъ, чѣмъ словомъ, и не оставилъ послѣ себя почти никакихъ твореній. Со словъ его ближайшихъ товарищей были собраны воспоминанія о немъ и разныя его изреченія, но мы знаемъ ихъ лишь въ позднѣйшихъ обработкахъ, на которыхъ отражалась борьба партій. Поэтому историку можетъ быть предоставлена въ данномъ случаѣ большая свобода; его слѣдуетъ освободить отъ требованій строгой документальности приписываемыхъ Франциску дѣяній и словъ, по невозможности провести рѣзкую границу между исторіей и легендой, между фактомъ и идеаломъ. Ибо задача историка на этотъ разъ не чисто біографическая, ему надлежитъ не столько воспроизвести очищенный отъ всякой легендарности личный образъ Франциска, сколько выяснить тотъ идеалъ, который былъ воплощенъ жизнью и легендой Франциска». (Францискъ, стр. 6—7). Г. Карсавинъ пропустилъ очень важный эпизодъ изъ жизни Франциска, его свиданіе съ папой Иннокентіемъ, и вслѣдствіе этого не объяснилъ намъ, какимъ образомъ папская политика предупредила возможное выступленіе Франциска противъ церкви. Желая быть точнымъ, авторъ иногда переводитъ съ латинскаго совершенно буквально, отчего его переводъ перестаетъ быть вѣрнымъ. Онъ пишетъ, напримѣръ: «во время торжества обѣдни» вмѣсто «во время служенія обѣдни», «тѣлесное чувство», вмѣсто «земная любовь», «кусательно» вмѣсто «язвительно». Мелкіе недосмотры (поцѣлуй міра вмѣсто поцѣлуй мира, преосуществленіе хлѣба и вина вмѣсто пресуществленіе, clam значитъ не явно, а наоборотъ тайно) нѣсколько портятъ впечатлѣніе отъ изслѣдованія, которое въ общемъ надо признать вполнѣ удовлетворительнымъ и заслуживающимъ похвалы.

П. В.

Цвѣтковъ. «Исламизмъ». Томъ I. «Мухаммедъ и коранъ». Асхабадъ. 1912. Стр. 460. Томъ II. «Вѣра Ислама». Асхабадъ. 1913. Стр. 398.

Трудъ свой авторъ предназначаетъ не для спеціалистовъ, которымъ онъ ничего новаго не дастъ, а для широкой публики и лицъ, вынужденныхъ, по роду своей дѣятельности или службы, находиться въ тѣхъ или иныхъ сношеніяхъ съ мусульманами. Ближайшая цѣль, которую преслѣдуетъ авторъ,—устранить

Библиотека "Руниверс"

наше незнаніе и глубокое непониманіе мусульманскаго міра, ведущее иногда къ очень прискорбнымъ послѣдствіямъ.

Трудъ, задуманный авторомъ и разсчитанный на нѣсколько томовъ, долженъ представлять изъ себя какъ бы энциклопедію исламизма, при чемъ каждый выпускаемый томъ является самостоятельнымъ цѣлымъ, посвященнымъ тому или иному вопросу исламовѣдѣнія.

Въ настоящее время вышли два тома: первый, дающій обстоятельныя свѣдѣнія о жизни и дѣятельности Мухаммеда, объ основахъ исламизма: коранѣ, суннѣ, иджмѣ (собраніе рѣшеній, постановленныхъ четырьмя первыми халифами) и кіасѣ (примѣненіе по аналогіи и по сравненію основъ корана къ частнымъ случаямъ, прямо не предусмотрѣннымъ ни кораномъ, ни суннами, ни иджмой), а также объ ученіи четырехъ правовѣрныхъ школъ: шафитовъ, ханифитовъ, малекитовъ и хамбалитовъ; томъ этотъ снабженъ обширнымъ введеніемъ съ описаніемъ природы Аравіи, основъ быта древнихъ арабовъ, ихъ міросозерцанія и выясненіемъ той среды, изъ которой вышло ученіе пророка ислама; второй томъ посвященъ изложенію сущности вѣры ислама, представленій мусульманъ объ идеѣ божества, мірозданіи, предопредѣленіи, свободѣ воли, страшномъ судѣ, раѣ и адѣ, грѣхахъ, чудесахъ и т. д.

Авторъ, имѣющій не только спеціально научную подготовку оріенталиста, но лично изучившій, во время службы своей въ Македоніи, Персіи и нашей Средней Азіи, бытъ и міропониманіе мусульманъ, старается быть чуждымъ какой-либо тенденціозности въ своемъ трудѣ и слѣдовать взятому имъ для перваго тома этого труда эпиграфу изъ Цицерона: «sua cuique religio est, nostra nobis». Надо отдать полную справедливость г. Цвѣткову, что поставленную себѣ задачу онъ выполнилъ вполнѣ удовлетворительно, давъ живое и вмѣстѣ съ тѣмъ очень подробное и достаточно научное изложеніе исламизма, полное уваженія къ чужой религіи, чуждое рѣзкихъ выпадовъ по отношенію къ исламу и его пророку, но вмѣстѣ съ тѣмъ не оставляющее безъ обстоятельнаго разбора положеній исламизма, несогласныхъ съ общечеловѣческимъ нравственнымъ кодексомъ, претящихъ нашему современному этическому чувству или взаимно себѣ противорѣчащихъ, при этомъ г. Цвѣтковъ старается, по возможности, характеризовать такія именно положенія ислама словами и разсужденіями самихъ же выдающихся мусульманскихъ богослововъ и мыслителей.

Обѣ книги г. Цвѣткова читаются легко и съ большимъ интересомъ, особенно первая; вторая менѣе выдержана въ изложеніи, часто повторяетъ тѣ положенія, которыя уже разобраны авторомъ въ первой. Вообще, какъ въ первой, такъ и во второй книгахъ недостаетъ систематичности изложенія, часто встрѣчаются отступленія, повторенія; такъ, особенно много повтореній во введеніи и первой главѣ первой книги (о родословной Мухаммеда, жертвоприношеніи Абу Муталиба, нападеніи абиссинскаго губернатора Абраха и т. д.). Вообще, «Введеніе» первой книги требуетъ переработки. Во второй книгѣ повторено многое изъ изложеннаго въ седьмой главѣ первой книги. Къ недостаткамъ второй книги слѣдуетъ отнести изложеніе по поводу разбираемыхъ авторомъ основъ вѣры ислама ученій различныхъ мусульманскихъ сектъ, при чемъ о причинахъ появленія этихъ сектъ, основахъ ихъ ученія, повидимому, будетъ подробно

Библиотека "Руниверс"

сказано въ другомъ томѣ, въ которомъ придется невольно повторить то, что изложено во второй книгѣ. Поэтому намъ думается, что для болѣе полнаго усвоенія ученія этихъ сектъ и вмѣстѣ съ тѣмъ основъ вѣроученія мусульманъ тѣми мало знакомыми съ исламомъ читателями, которымъ авторъ посвящаетъ свой трудъ, слѣдовало бы выбросить изъ второй книги отрывочныя ссылки на ученія мусульманскихъ сектъ.

Нельзя не обратить также вниманія на нѣкоторыя недостатки изложенія: попадаются неудачныя выраженія, вродѣ «арійская ересь», вмѣсто «аріанской», «чужестранныя покоренія», «гордые звуки родовыхъ преданій», «духовныя религіи»; извѣстнаго изслѣдователя ислама Снука Хургронье авторъ передѣлываетъ въ Хургронжа; но, въ общемъ, изложеніе вполнѣ литературное и легкое.

Очень жаль, что авторъ не далъ оцѣнки литературы исламовѣдѣнія, не пояснилъ, почему онъ принимаетъ въ основу изложенія въ своемъ трудѣ тѣ, а не иныя сочиненія, почему совершенно игнорируетъ русскихъ исламовѣдовъ (хотя бы г. Крымскаго и друг.) и придерживается, напримѣръ, въ изложеніи жизни Мухаммеда такого ненаучнаго и совершенно устарѣвшаго сочиненія, какъ «Жизнь Магомета» Вашингтона Ирвинга.

Было бы крайне желательно, чтобы въ одномъ изъ дальнѣйшихъ томовъ своего труда г. Цвѣтковъ привелъ болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія по библіографіи исламовѣдѣнія и далъ сравнительную оцѣнку научнаго достоинства изслѣдованій и сочиненій по исламизму, предоставивъ, такимъ образомъ, возможность тѣмъ изъ своихъ читателей, которые пожелали бы спеціально и самостоятельно ознакомиться съ отдѣльными вопросами исламовѣдѣнія пользоваться его трудомъ, какъ руководящимъ справочникомъ по литературѣ, посвященной этимъ вопросамъ.

Повторяю, однако, что приведенные недостатки не портятъ общаго благопріятнаго впечатлѣнія, которое производятъ въ цѣломъ выше названныя книги г. Цвѣткова, составленныя полно, добросовѣстно, съ любовью и большой эрудиціей.

Оцѣнивая результаты ученія Мухаммеда, принятаго теперь 240 милліонами жителей земного шара, г. Цвѣтковъ считаетъ ихъ доказательствомъ величія Мухаммеда, котораго онъ характеризуетъ словами Стобарта, автора книги «Исламъ»: «онъ явился въ варварской странѣ и безъ всякой другой человѣческой силы, кромѣ своей неукротимой воли, уничтожилъ въ родной странѣ процвѣтавшее тамъ идолопоклонство, склонилъ къ себѣ сердца своихъ соотечественниковъ и, наконецъ, далъ міру ту религію, которая оказала такое ужасное вліяніе на его судьбу. Въ Мухаммедѣ, какъ человѣкѣ, никто не можетъ не видѣть элементовъ могущества и человѣческаго величія, которое вызываетъ наше удивленіе, если не наше уваженіе, но въ созданномъ имъ исламѣ, въ его конечныхъ проявленіяхъ исторія признаетъ одно изъ величайшихъ золъ, постигшихъ человѣчество, и это происходитъ какъ отъ его враждебности къ болѣе чистой христіанской вѣрѣ, такъ и отъ лежащаго въ его сущности антагонизма съ прогрессомъ, цивилизаціей и истиной».

Г. Цвѣтковъ, приводя всѣ положительныя стороны исламизма, весьма убѣдительно доказываетъ, дословно излагая слова корана, но не отмѣненнымъ сти-

Библиотека "Руниверс"

хамъ его, что коранъ содержитъ много такого, что не можетъ быть вмѣщено ни въ какія нравственныя нормы; онъ выясняетъ, что исламъ неподвиженъ, что эволюція обращаетъ мусульманина въ невѣрнаго, что исламъ не допускаетъ нравственнаго прогресса, такъ какъ устанавливаетъ какъ слова вѣчнаго Бога въ коранѣ, долженствующія остаться такими въ вѣки вѣковъ, униженіе женщины, санкціонируетъ рабство, фанатизмъ, въ смыслѣ истребленія всѣхъ невѣрныхъ, будь то христіане, евреи, язычники; мало того, исламъ не допускаетъ и умственнаго прогресса, такъ какъ требуетъ безусловнаго признанія мусульманской космогоніи, совершенно не соотвѣтствующей современной наукѣ.

Г. Цвѣтковъ рѣшаетъ отрицательно вопросы какъ о совмѣстимости ислама съ идеей прогресса, такъ и о возможности, строго придерживаясь ученія Мухаммеда, мирнаго бокъ-о-бокъ существованія ислама и христіанства.

Рекомендуемъ всякому интересующемуся исламомъ прочесть книги г. Цвѣткова, такъ какъ онѣ даютъ обстоятельное знакомство съ основаніями религіи ислама, самостоятельное же чтеніе корана и суннъ, а также твореній мусульманскихъ богослововъ для мало подготовленнаго читателя не принесетъ пользы, а скорѣе внесетъ сумбуръ въ его представленія объ исламѣ.

В. М.

Исторія западной литературы (1800—1910 гг.), подъ редакціей профессора Θ. Д. Батюшкова, при ближайшемъ участіи профессора Θ. А. Брауна, академика Н. А. Котляревскаго, профессора Д. К. Петрова, приватъ-доцента Е. В. Аничкова и приватъ-доцента К. Θ. Тіандера. Изданіе товарищества «Міръ», Москва. Томъ I, вып. 1, 2, 3. Стр. 432.

Когда читаешь заглавіе, подобное вышеприведенному, заранѣе хочется радоваться: такъ мало на русскомъ языкѣ книгъ, трактующихъ о западной литературѣ, и чѣмъ ближе къ концу XIX вѣка, тѣмъ меньше. «Всеобщая исторія литературы» Корша слишкомъ устарѣла, пресловутый Іоганнъ Шерръ слишкомъ ничтоженъ даже для того, чтобы о немъ стоило говорить, Штернъ—кратокъ и тоже устарѣлъ. А больше и нѣтъ ничего, кромѣ энциклопедическихъ словарей да учебника покойнаго профессора Стороженка, въ которомъ новѣйшая литература не нашла себѣ мѣста. То же самое съ отдѣльными національными литературами. Для нѣмецкой попрежнему В. Шереръ, переведенный двадцать лѣтъ назадъ, для французской отличная книга Г. Лансона въ изданіи Солдатенкова, но пусть попробуетъ русскій читатель, особенно провинціальный, достать хотя бы Шерера; а что Лансона онъ нигдѣ не найдетъ, за это мы ему смѣло ручаемся! Поэтому-то нельзя не радоваться новой попыткѣ дать общую исторію литературы XIX вѣка. По тремъ первымъ выпускамъ трудно, разумѣется, судить еще, каково будетъ все изданіе. «Исторія русской литературы XIX вѣка», выпущенная тѣмъ же книгоиздательствомъ, не оправдала нисколько возлагавшихся на нее надеждъ. Но даже изъ первыхъ трехъ выпусковъ новаго изданія видно, что Западу, кажется, повезетъ больше, чѣмъ Россіи. Несмотря на то, что предпринятый подъ редакціей Θ. Д. Батюшкова трудъ является коллективнымъ со всѣми недостатками этого рода работъ—съ разно-

Библиотека "Руниверс"

образіемъ точекъ зрѣнія на явленія литературы, съ неизбѣжными повтореніями, съ самовольнымъ расположеніемъ матеріала очерка сообразно вкусамъ и удобствамъ каждаго составителя, новое изданіе кажется стройнымъ. Въ основу группировки литературныхъ явленій положенъ принципъ дѣленія по школамъ, направленіямъ и теченіямъ общественной мысли, взамѣнъ критерія національности. Отдѣльныя главы труда представляютъ собою самостоятельно проработанные очерки, «въ совокупности которыхъ, по мнѣнію редактора, должна обрисоваться наша, своя, точка зрѣнія въ оцѣнкѣ явленій западноевропейской литературной жизни минувшаго столѣтія». Первый томъ посвященъ эпохѣ романтизма. Литературѣ XIX вѣка предпосылается вводная статья редактора «Наканунѣ XIX вѣка» о литературномъ движеніи на Западѣ во второй половинѣ XVIII вѣка и основныхъ его чертахъ въ Англіи, Франціи и Германіи. Затѣмъ идетъ превосходная статья г. Вяч. Иванова о Гете на рубежѣ двухъ столѣтій, за нею статьи о философіи первой половины XIX вѣка, послѣднихъ драмахъ Шиллера, большая статья о нѣмецкомъ романтизмѣ— г. Брауна, статьи г. Тіандера о патріотической поэзіи наполеоновской эпохи въ Германіи и Франціи, объ англійскомъ романѣ первой четверти XIX вѣка, о Вальтеръ-Скоттѣ, отличная статья г. Петровскаго объ Э. Т. А. Гофманѣ и не законченная въ третьемъ выпускѣ статья г. Аничкова объ англійскихъ поэтахъ озерной школы.

Каждая глава сопровождается библіографическими указаніями литературы предмета, составленными, однако, не всюду единообразно и подробно. Такъ, напримѣръ, къ первой главѣ совершенно напрасно не указана библіографія библіографіи (въ родѣ, скажемъ, книжки Bartels, «Handbuch zur Gesch. d. deutsch. Lit.»; подобныя ей существуютъ и въ прочихъ иностранныхъ литературахъ); въ библіографіи о Новалисѣ совершенно не указана русская литература о немъ и переводы его стихотвореній (сошлемся на статью Е. Дегена въ «Мірѣ Божіемъ» 1901 г. и на переводы стихотвореній, сдѣланные Вяч. Ивановымъ, см. журналъ «Аполлонъ»), и т. д. Каждый выпускъ снабженъ, конечно, довольно значительнымъ подборомъ иллюстрацій въ текстѣ и на отдѣльныхъ листахъ.

Воздерживаясь пока отъ окончательнаго сужденія объ этомъ изданіи, все же можемъ указать на пользу его въ томъ отношеніи, что оно является въ настоящее время единственной попыткой заполнить громадный пробѣлъ въ образованіи широкаго русскаго читателя, мало знакомаго съ новой западноевропейской литературой. **Вл. Кн.**

Juliette Adam. Impressions françaises en Russie. Paris. 1912. P.p. 245. Pr. 3 fr. 50.

Книга извѣстной французской публицистки Жюльетты Аданъ написана ею, какъ она сама говоритъ въ предисловіи, ради отдохновенія. Не ищите здѣсь связнаго описанія тѣхъ мѣстностей и городовъ, которые ей удалось посѣтить въ Россіи, не разсчитывайте найти въ ея книгѣ горячія діатрибы въ пользу франко-русскаго союза, пылкимъ приверженцемъ котораго является авторъ.

Библиотека "Руниверс"

Не найдетъ читатель здѣсь и разсужденій на публицистическія темы. Книга г-жи Аданъ соткана изъ множества тонкихъ, мимолетныхъ впечатлѣній въ томъ порядкѣ, какъ они ложились на душу автора. Попадаетъ, напримѣръ, авторъ въ Кіевъ—и въ главѣ объ этой матери городовъ русскихъ читатель найдетъ нѣсколько словъ и о Владимирѣ Святомъ, и о Мазепѣ, объ убійствѣ Столыпина, о лаврѣ, о святой Ольгѣ, о Богданѣ Хмѣльницкомъ и памятникѣ Александру II. Въ томъ же родѣ содержаніе и другихъ главъ.

Французы великіе мастера красиво писать о томъ, о семъ, а больше ни о чемъ. Имъ принадлежитъ изобрѣтеніе особаго литературнаго жанра, такъ называемой conférence—не то реферата, не то непринужденной бесѣды о разныхъ разностяхъ. Книга г-жи Аданъ относится именно въ этому жанру.

А. В.

Abel Mansuy. Le monde slave et les classiques français aux XVI—XVII siècles. Paris. 1912. VIII+493 p. Prix 10 francs.

Нѣсколько туманное заглавіе ничего не говоритъ намъ о намѣреніяхъ автора. Попытаемся выяснить тѣ стороны франко-славянскихъ отношеній, которыя послужили автору канвой для его любопытнаго изслѣдованія.

Подъ славянскимъ міромъ, интересовавшимъ представителей французской науки и литературы XVI—XVII вв., г. Mansuy подразумѣваетъ исключительно Польшу и Россію. Такимъ образомъ, задачей автора было собрать встрѣчающіяся въ произведеніяхъ французскихъ классиковъ отдѣльныя указанія на характерныя особенности «славянскаго» быта, познакомить читателя съ фантастическими представленіями о немъ величайшихъ умовъ соотвѣтствующей эпохи.

Польша служила одновременно и барьеромъ, препятствовавшимъ развитію непосредственныхъ сношеній между Франціей и Россіей, и экраномъ, отражавшимъ смутные силуэты русской жизни. Даже лучшіе французскіе писатели той эпохи имѣли очень неопредѣленныя понятія о легендарной Московіи, смѣшивая русскіе обычаи, русскую культуру съ польскими. Поэтому авторъ былъ принужденъ еще болѣе сузить, сравнительно съ многообѣщающимъ заглавіемъ, рамки своей кропотливой работы и, останавливаясь преимущественно на имѣвшихся во Франціи XVI—XVII вв. свѣдѣніяхъ о польской культурѣ, Россіи отводитъ около одной восьмой по объему части книги, по содержанію же значительно меньше.

Основными этапами изслѣдованія г. Mansuy надо считать—представленія о славянскомъ мірѣ Рабле, Монтеня, Расина-историка и Боссюэ.

Важное мѣсто предоставлено французскимъ выходцамъ при польскомъ дворѣ. Двѣ главы посвящены научнымъ сношеніямъ обѣихъ странъ, небезызвѣстной личности монаха Val. Magno и даже... авіаціи.

На этомъ фонѣ авторъ опытной рукой сложилъ разноцвѣтную мозаику изъ историческихъ данныхъ, мемуаровъ, дипломатическихъ сношеній и т. п. фактовъ.

Книга занимательна, красочна, нѣкоторыя главы будутъ съ удовольствіемъ прочитаны читателемъ. Обиліе подробностей, часто—второстепенной важности, вредитъ цѣльности впечатлѣнія.

В. Мар—окій.

Библиотека "Руниверс"

В. Фриче. Поэзія кошмаровъ и ужаса. Нѣсколько главъ изъ исторіи литературы и искусства на Западѣ. Съ картинами художниковъ: Босха, Брегеля, Дюрера, Кранаха, Гойи, Делакруа, Ропса, Бердслея, Штука, Мунха. Москва. 1912. Стр. 343 Ц. 3 р. 50 коп.

Авторъ—московскій историкъ литературы—правовѣрный экономическій матеріалистъ. Свою очень узкую тему онъ проводитъ черезъ средніе вѣка, ренессансъ, эпоху романтизма и, наконецъ, XIX вѣкъ, втискивая ее въ рамки современныхъ экономическихъ отношеній. Послѣдними объясняется появленіе тѣхъ или другихъ мотивовъ «кошмаровъ и ужаса» въ литературѣ и искусствѣ даннаго времени. Сравнительно со всею массою литературныхъ произведеній, появившихся въ тѣ же историческія и культурныя эпохи, произведенія, представляющія «поэзію кошмаровъ и ужаса», незначительны по количеству. И вотъ получается такая картина. Существующія въ данную эпоху экономическія отношенія объясняютъ не наиболѣе типическія для нея явленія литературы и искусства, а, наоборотъ, единичныя, часто крайне индивидуальныя художественныя настроенія. Такъ, напримѣръ, если авторъ подъ выясненіе происхожденія модернизма подводитъ экономическій знаменатель: апогей капитализма, и объясняетъ имъ творчество Пшибышевскаго, Стриндберга, Метерлинка и нѣкоторыхъ deorum minorum модернизма, то читатель, подъ вліяніемъ внушенія автора, вѣритъ въ причинную связь капиталистическаго строя и модернизма. Но вѣдь XIX вѣкъ въ литературномъ отношеніи характеризуется не только поэтами и писателями модернистскаго толка; въ тѣхъ же экономическихъ условіяхъ рождалось творчество и другихъ писателей, лишенное кошмарныхъ мотивовъ, не содержащее въ себѣ ничего сатанинскаго; и, принявъ это во вниманіе, теряешь увѣренность въ абсолютномъ значеніи экономическаго знаменателя, подводимаго авторомъ подъ разсматриваемыя имъ явленія.

Особенно шаткость экономическаго фундамента, построеннаго авторомъ для объясненія мотивовъ кошмаровъ и ужаса, становится ясною по отношенію къ живописи. Въ заглавіи перечислены всѣ художники, о которыхъ говорится въ книгѣ; многіе изъ нихъ очень сомнительныя художественныя величины, а, можетъ быть, даже просто ломающіеся фигляры; и если признать основательною гипотезу автора о связи ихъ съ современными имъ экономическими условіями, то въ такомъ случаѣ за скобками экономическихъ формулъ окажутся болѣе крупные художественные таланты, у которыхъ мы не найдемъ ничего кошмарнаго и ужаснаго, внушеннаго творчеству разбираемыхъ художниковъ экономическими причинами.

Правовѣрная экономическая точка зрѣнія г. Фриче вообще заставляетъ его прибѣгать къ парадоксальнымъ утвержденіямъ. Такъ, напримѣръ, онъ указываетъ, что англійскіе поэты: Соути, Вордсвортъ, Шелли не любили городской суеты, предпочитали городамъ деревню, «потому что весь укладъ городской жизни давилъ на ихъ психику, не приспособленную къ подобной обстановкѣ условіями наслѣдственности. Писатели слѣдующаго поколѣнія, дѣйствовавшіе въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, уже были съ ногъ до головы горожанами, не знали и не любили природы. Диккенсъ, напримѣръ, могъ жить

Библиотека "Руниверс"

и творить только въ большомъ городѣ. Уже изъ одного этого примѣра видно, какъ нелегко было людямъ приспособиться къ измѣнившимся и измѣнявшимся условіямъ жизни, созданнымъ и создававшимся промышленнымъ переворотомъ». Изъ одного примѣра вообще никогда ничего не видно, а изъ этого и подавно. Гдѣ, когда настоящіе поэты не любили природы, будь то періодъ натуральнаго хозяйства, или капиталистическій строй? Сравнивать же Диккенса съ какимъ-либо Вордсвортомъ даже не приходится: Диккенсъ былъ романистъ, и, пожалуй, въ деревнѣ ему нечего было дѣлать.

Неубѣдительны построенія г. Фриче и для болѣе раннихъ эпохъ. Обостреніемъ экономической борьбы объясняетъ онъ то, что для человѣка XV вѣка міръ превратился въ картину скорби и слезъ, чему способствовала чума, бывшая «одною изъ составныхъ частей новой торговой культуры». Но паденіе радости жизни и отчаяніе характеризуютъ не только Западную Европу того времени, а также и Россію, которая долго еще оставалась внѣ обще-европейской экономической исторіи. Припомнимъ хотя бы образованіе секты самосожигателей, падающей на ту же эпоху, или безчувствіе русскихъ людей, о которомъ говорится въ повѣстяхъ Пафнутія Боровскаго, когда совершавшіе пиры во время чумы, если кто изъ пирующихъ заболѣвалъ, «ногами его подъ столъ вопхавъ, снова питію прилежаху».

Не соглашаясь съ исключительною матеріалистическою точкою зрѣнія автора, которая одна не достаточна для объясненія литературнаго развитія, мы признаемъ, однако, книгу г. Фриче очень интересною, живою, и, какъ намъ извѣстно, она уже замѣчена читателями.

В. Даниловъ.

Потебня, А. Мысль и языкъ. 3-е изданіе. Харьковъ. 1913. Стр. VII+225. Ц. 2 р.

Труды покойнаго харьковскаго ученаго давно уже въ нашей ученой литературѣ занимаютъ видное мѣсто, а потому говорить о значеніи настоящей книги нѣтъ надобности. Мы отмѣтимъ только поэтому, что предлагаемый вниманію трудъ «Языкъ и мысль» въ 3-емъ изданіи не является простой перепечаткой второго; помимо ранѣе содержащагося матеріала, въ него включены двѣ новыя статьи, изъ которыхъ одна—«языкъ и народность»—взята изъ «Записокъ по теоріи словесности», а другая—появляется впервые. Размѣры послѣдней очень невелики; она занимаетъ всего лишь пять страницъ и представляетъ собою замѣтку по поводу появленія статьи «Ueber Nationalität», von d-r Ludwig Rüdiger (Zeitschr. f. Völkerpsych. und Sprachwiss. III B. 1865).

Я. Бирюковъ.

Baltischer historisch-geographischer Kalender 1913. Изданіе Э. Платеса. Рига.

Балтійскій историко-географическій (стѣнной отрывной) календарь издается уже 6-й годъ, давая ежегодно интересную галлерею изображеній прибалтійскихъ знаменитыхъ людей и живописныхъ видовъ. Текстъ, какъ и въ прежъ-

Библиотека "Руниверс"

ніе годы, составленъ К. Ф. Левисъ-офъ-Менаромъ и Э. Шмидтомъ, хронологія—докторомъ Бинеманомъ (Надо поставить составителю въ упрекъ крайнюю неудовлетворительность хронологіи Отечественной войны: показаны всего четыре даты, при томъ не наиболѣе существенныя).

На пятидесяти двухъ листахъ календаря помѣщены портреты слѣдующихъ лицъ: 1) барона Фердинанда Криденера (род. 1783, ум. 1852, участникъ Отечественной войны), 2) курляндскаго гражданскаго губернатора Фридриха-Вильгельма фонъ-Сиверса (род. 1748, ум. 1823), 3) знаменитаго магистра Ливонскаго ордена Вальтера фонъ-Плеттенберга (ум. 1535), 4) петербургскаго военнаго губернатора графа Петра-Людвига фонъ-деръ-Палена (род. 1745, ум. 1826), свидѣтеля смерти императора Павла I, 5) Саломона Геннинга, автора извѣстной ливонской хроники (род. 1528, ум. 1589), 6) дочери наслѣднаго герцога курляндскаго Петра Бирона, Іоганны-Доротеи (род. 1793, ум. 1862), супруги графа Талейрана-Перигора, герцога Дино, 7) супруги герцога курляндскаго Эрнста-Іоганна Бирона Бенигны-Готлибъ, урожденной Trotta, gen. Treyden (род. 1703, ум. 1782), 8) супруги герцога курляндскаго Вильгельма Кетлера, Софіи (род. 1582, ум. 1610), 9) бургомистра гор. Риги Николая Экке (род. 1541, ум. 1623), 10) шведскаго адмирала и фельдмаршала Карла-Густава фонъ-Врангеля (род. 1613, ум. 1676), 11) шведскаго фельдмаршала генералъ-губернатора Лифляндіи Германа фонъ-Врангеля (род. 1587, ум. 1643), 12) шведскаго фельдмаршала, участника Полтавскаго боя Карла-Гейнрика фонъ-Врангеля (род. 1681, ум. 1755), 13) адмирала генералъ-адъютанта Фердинанда Петровича фонъ-Врангеля (род. 1796, ум. 1870), 14) генерала-отъ-инфантеріи барона Карла-Вильгельма-Готлиба Карловича фонъ-Врангеля (род. 1800, ум. 1872), 15) участника Отечественной войны 1812 г., шефа жандармовъ и начальника третьяго отдѣленія графа Александра Христофоровича фонъ-Бенкендорфа (род. 1783, ум. 1844), 16) адмирала, мореплавателя и писателя Адама-Іоганна (Ивана Петровича) фонъ-Крузенштерна (род. 1770, ум. 1846), 17) короля шведскаго Густава II Адольфа (род. 1594, ум. 1632) и др.

Въ географическую серію рисунковъ вошли виды слѣдующихъ мѣстностей: 1) гор. Риги (въ томъ числѣ два относящихся къ 1812 г. и пять памятниковъ скульптуры и живописи), 2) церкви въ им. Трейденъ, 3) городища близъ имѣнія Грендзенъ, 4) им. Дзирренъ, 5) мѣстечка Креславка, 6) имѣнія Скирнекъ, 7) имѣнія Штейнензее, 8) церкви въ имѣніи Нейермюленъ, 9) замка Кандау (развалины), 10) замка Замитенъ, 11) имѣнія Даленъ (башня въ память сраженія въ 1812 г.), 12) имѣнія Шлекъ, 13) замка Пильтенъ (развалины), 14) замка Кирхгольмъ (развалины), 15) гор. Митавы и разныхъ другихъ живописныхъ мѣстностей края. Снимки отличаются обычнымъ интереснымъ выборомъ и отчетливостью. Издателямъ слѣдовало бы указывать губернію и уѣздъ, гдѣ находится каждая изображенная мѣстность.

А. Э. Мальмгренъ.

Библиотека "Руниверс"

Вопросы педагогики. № 1. Подъ редакціею профессора Е. А. Боброва. Варшава. 1912. Стр. 167 и три приложенія.

Настоящій сборникъ заключаетъ въ себѣ слѣдующія статьи по вопросамъ педагогики: 1) Н. Г. Дебольскій, «О національной русской школѣ» (Стр. 1—15). 2) Е. А. Бобровъ, «О желательности учрежденія каѳедръ педагогики въ русскихъ университетахъ» (16—20). 3) Н. И. Костомаровъ, «О преподаваніи русскихъ древностей или бытовой исторіи древней Руси до Петра Великаго» (21—28). 4) И. И. Ягодинскій, «Методъ и задачи современной логики» (29—38). 5) А. А. Яворскій, «Педагогика Квинтиліана» (39—53). 6) О. И. Фельдманъ, «О медико-педагогическомъ примѣненіи гипноза» (54—59). 7) Е. А. Бобровъ, «Къ вопросу о введеніи новыхъ методовъ преподаванія въ практику низшей школы» (60—63). 8) П. А. Боковневъ, «Новая книга по исторіи греческой философіи» (64—71). 9) Андрей Сиротининъ, «О преподаваніи русскаго синтаксиса» (72—93). 10) К. З. Тихоновичъ, «Философія софиста Горгія Леонтинскаго» (94—112). 11) В. А. Фляксбергеръ, «Очерки по исторіи и теоріи дѣтской психологіи» (113—137). 12) К. А. Ганшина, «Воспроизведеніе и самодѣятельность въ преподаваніи языковъ» (138—148). 13) Н. Ѳ. Акаёмовъ, «Изъ прошлаго польской школы» 149—152), 14) Дм. В. Цвѣтаевъ, «Правила Даниловича для народной школы» (153—155).

Уже изъ заглавій поименованныхъ выше статей, входящихъ въ составъ перваго номера, видно, какъ много интересныхъ и разнообразныхъ вопросовъ педагогики онѣ затрагиваютъ.

Наиболѣе интересною намъ представляется статья Н. Г. Дебольскаго: «О національной русской школѣ». Здѣсь авторъ высказываетъ совершенно правильную мысль, что «національзмъ русской школы, при правильномъ его пониманіи, есть не что иное, какъ требованіе создать эту школу на русскихъ, а не на чужеземныхъ началахъ, чтобы эта школа имѣла характеръ не подражательный, а самобытный».

Совершенно правильнымъ является также взглядъ, высказанный покойнымъ Н. И. Костомаровымъ «О преподаваніи русскихъ древностей или бытовой исторіи древней Руси до Петра Великаго», что наступила пора, когда наука русскихъ древностей или бытовой исторіи должна явиться въ отдѣльной формѣ преподаванія въ университетахъ, при чемъ знаменитый историкъ Н. И. Костомаровъ представилъ въ казанскій университетъ приведенную въ настоящей статьѣ программу на соисканіе каѳедры русской исторіи. Эта программа покойнаго Н. И. Костомарова была открыта авторомъ настоящей статьи Г. Б. въ 1902 году въ архивѣ казанскаго университета.

Особый интересъ представляетъ статья А. А. Яворскаго, подъ заглавіемъ: «Педагогика Квинтиліана» (род. въ 35 г. по Р. Х.). По своимъ взглядамъ Квинтиліанъ по многимъ вопросамъ педагогики (о тѣлесныхъ наказаніяхъ, о природныхъ способностяхъ дѣтей, о домашнемъ и школьномъ обученіи) стоитъ вполнѣ на уровнѣ современной мысли, въ нѣкоторыхъ же случаяхъ, пожалуй, и выше. «Пусть ученіе будетъ для ребенка игрой, забавою, занятіемъ пріятнымъ, свободнымъ, непринужденнымъ»; «тупыя головы—не общія правила, а лишь исклю-

Библиотека "Руниверс"

ченіе, какъ исключеніемъ являются и уроды въ физическомъ отношеніи; по этому родители должны приложить всѣ старанія къ тому, чтобы природнымъ, въ большинствѣ случаевъ хорошимъ способностямъ ребенка дать надлежащее развитіе»—таковы основные принципы педагогики Квинтиліана. «Сначала люблю, потомъ учу»—таковъ его девизъ. Черезъ всю его систему красною нитью проходитъ стремленіе, чтобы не сдѣлать чего-нибудь непріятнаго дѣтской душѣ, не причинить какой-нибудь дѣтскому сердцу боли.

Часть сборника (стр. 156—167) отведена критикѣ и библіографіи.

Въ видѣ приложеній помѣщены: «Историческое введеніе въ логику» Е. А. Боброва (стр. 1—24); «Сравненіе педагогики Локка съ педагогиками Аристотеля и Руссо» (стр. 1—57); наконецъ, исторія, уставъ педагогическаго кружка и отчетъ о засѣданіяхъ кружка и читанныхъ на нихъ рефератахъ.

Желаемъ варшавскому педагогическому кружку дальнѣйшей полезной дѣятельности и надѣемся, что онъ достигнетъ полнаго процвѣтанія: залогомъ тому является имя его предсѣдателя и редактора настоящей книги, извѣстнаго своими трудами профессора варшавскаго университета Е. А. Боброва.

Профессоръ М. Красноженъ.

Знаніе для всѣхъ. Общедоступный ежемѣсячный журналъ для самообразованія съ картинами въ краскахъ и иллюстраціями въ текстѣ. Подписная цѣна на годъ 4 р.; отдѣльный номеръ—50 к. Спб. 1913. Редакторъ-издатель П. П. Сойкинъ.

Подъ такимъ широкимъ названіемъ П. П. Сойкинымъ предпринято изданіе новаго ежемѣсячнаго общедоступнаго журнала для самообразованія, каждая книжечка котораго представляетъ собою законченное сочиненіе.

Вышедшіе выпуски («Въ царствѣ льда и ночи» Ф. С. Груздева, «Первый царь изъ дома Романовыхъ» В. П. Лебедева, «Тайны моря» М. И. Сизова, «Нашъ вѣчный спутникъ» проф. К. Д. Покровскаго, «Турки-османы» А. Г. Ширяева, «Жизнь и свѣтъ» проф. Б. П. Вейнберга, «Первый русскій поэтъ» П. В. Быкова, «Завоеваніе воздуха» К. Е. Вейгелина) отличаются отъ издающихся уже у насъ журналовъ такого типа своею роскошною внѣшностью, обиліемъ великолѣпныхъ рисунковъ и, что особенно цѣнно, содержательностью. Въ немногихъ словахъ (каждый выпускъ—32 стр.), но подчасъ съ исчерпывающею полнотою излагается сущность предмета, безъ нагроможденія излишнихъ, интересныхъ лишь для спеціалистовъ, подробностей.

Конечно, не всѣ очерки составлены достаточно выпукло и ярко, а иные страдаютъ и существенными пробѣлами, какъ, напримѣръ, очеркъ «Турки-османы», въ которомъ совершенно не упоминается о стремленіи турецкихъ женщинъ эмансипироваться и не вполнѣ правдиво, по устарѣлымъ источникамъ, излагается постановка преподаванія въ высшихъ школахъ Турціи. При желаніи строго отнестись къ «журналу для самообразованія», можно было бы указать и другіе недочеты. Но въ «новомъ дѣлѣ» избѣжать ошибокъ весьма трудно, особенно же много трудностей должно выпадать на долю редакціи популярнаго

Библиотека "Руниверс"

журнала, такъ какъ у насъ во всѣхъ отрасляхъ знанія ощущается бѣдность въ опытныхъ популяризаторахъ. До сихъ въ огромномъ большинствѣ научно-популярныя книги переводились съ нѣмецкаго, французскаго и др. иностранныхъ языковъ, и лишь въ послѣдніе годы на русскомъ книжномъ рынкѣ стала все чаще и чаще появляться оригинальная научно-популярная литература. И нужно сказать большое спасибо издательству П. П. Сойкина, что къ сотрудничеству въ «Знаніи для всѣхъ» онъ привлекаетъ русскихъ авторовъ. Взявъ за образецъ для своего журнала популярнѣйшее въ Германіи изданіе «Velhagen und Klassings Volksbücher», П. П. Сойкинъ не только дастъ возможность стремящемуся къ самообразованію читателю за дешевую цѣну (4 руб. въ годъ) украсить свою библіотеку роскошнымъ научнымъ журналомъ, но и пополнитъ ряды русскихъ популяризаторовъ. Все это заставляетъ пожелать молодому журналу полнаго успѣха. **П. Васильковскій.**

Юрій Веселовскій. Этюды по русской и иностранной литературѣ. Томъ I. М. (1913 г.?) Стр. 163. Цѣна 50 коп.

Первый томъ этюдовъ г. Веселовскаго посвященъ исключительно представителямъ русской литературы: графинѣ Ростопчиной, Бѣлинскому и Надсону. Кромѣ этихъ литературныхъ этюдовъ, въ книжку включена и небольшая статья объ отраженіи въ русской литературѣ крѣпостного права, написанная по поводу пятидесятилѣтняго празднованія отмѣны у насъ рабства и имѣющая скорѣе историческій, чѣмъ литературный, интересъ.

Характеризуя поэзію графини Ростопчиной, авторъ совершенно справедливо указываетъ, что центръ ея тяжести—въ лирическихъ переживаніяхъ, въ умѣньи изящно выразить тонкія, порхающія по душѣ чувства. Къ сожалѣнію, эти стихотворенія гораздо менѣе извѣстны въ публикѣ, чѣмъ ея официальныя изліянія казеннаго патріотизма николаевской эпохи, навсегда оттолкнувшія отъ нея прогрессивные элементы общества. Къ сожалѣнію, г. Веселовскій весьма скупъ на цитаты: онъ не приводитъ хотя бы въ отрывкахъ стихотвореній, о которыхъ у него идетъ рѣчь, не представляетъ, такъ сказать, pièces justificatives, и оттого читатель, незнакомый или мало знакомый съ сочиненіями Ростопчиной-Сушковой, принужденъ вѣрить ему на слово.

Два этюда о Бѣлинскомъ опираются всецѣло на лучшее изъ имѣющихся у насъ изданій критика—комментированное изданіе Венгерова. Первый выясняетъ отношеніе Бѣлинскаго къ Пушкину—всегда восторженное, но временами мѣнявшееся въ подробностяхъ. Вторая статья выясняетъ взгляды Бѣлинскаго на французскую трагедію XVII вѣка, получившую у насъ, съ его легкой руки, названіе «ложно-классической». Въ началѣ своей дѣятельности Бѣлинскій относился рѣзко-отрицательно не только къ французской ложно-классической трагедіи, считая ее напыщенной, фальшивой, далекой отъ жизненной правды, но и вообще ко всему французскому, какъ къ чему-то внѣшнему, формальному. Впослѣдствіи, когда періодъ увлеченія Гегелемъ прошелъ и во взглядахъ критика возобладала общественная точка зрѣнія на вещи, Бѣлинскій круто перемѣнилъ свое мнѣніе и сталъ находить французовъ «энер-

Библиотека "Руниверс"

гическимъ, благороднымъ народомъ, льющимъ свою кровь за священнѣйшія права человѣчества».

Послѣдній небольшой этюдъ даетъ анализъ поэзіи Надсона, которую авторъ пробуетъ объяснить обстоятельствами личной жизни автора, не упуская, однако, изъ виду и тѣхъ общественныхъ элементовъ, которые до сихъ поръ дѣлаютъ Надсона однимъ изъ любимыхъ поэтовъ русской молодежи.

Не представляя собой большого вклада въ нашу критику, работы г. Веселовскаго носятъ слѣды вдумчивой и тщательной отдѣлки, и ихъ смѣло можно рекомендовать любителямъ отечественной литературы. **А. В.**

Сборникъ кіевскаго отдѣла всероссійскаго національнаго студенческаго союза. Кіевъ. 1912. Стр. 202 Цѣна 1 р. 25 к.

Въ составъ этого сборника, кромѣ устава союза и отчета объ его дѣятельности, вошли труды членовъ союза: «Въ кровавомъ туманѣ» А. Г. Боголюбскаго, жуткая статья о кровавыхъ расправахъ армянъ съ русскими въ 1905—1906 гг.; его же: «Нѣчто о французскомъ студенчествѣ»—статья, хотя не лишенная нѣкотораго интереса, но представляющая поверхностныя наблюденія надъ студентами города Бордо; «Мысли Достоевскаго о русскомъ народѣ и русской интеллигенціи» Б. Н. Щеглова, «Поѣздка въ Холмскую Русь» С. Г. Грушевскаго, «Личность и народъ» Р. В. Кутепова, «Славяно-нѣмецкая отношенія» С. Г. Грушевскаго, «О національномъ сознаніи Западной Руси въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣковъ» Б. Н. Щеглова, «Евреи въ польскомъ государствѣ и ихъ отношеніе къ западно-русскимъ крестьянамъ въ XVI и XVII вѣкахъ И. И. Бобарыкова. Статьи написаны авторами дѣльно, серьезно и читаются съ достаточнымъ интересомъ. **В. Д.**

Библиотека "Руниверс"

Въ редакцію „Историческаго Вѣстника“ поступили по 15 сентября для отзыва слѣдующія книги [1]).

Гастонъ Буасье (Gaston Boissier). Картины рисской жизни временъ цезарей. Переводъ съ 6-го французскаго изданія Н. Н. Спиридонова. Изданіе кн. маг. К. Н. Николаева. М. 1913. Стр. 305. Ц. 1 р. 25 к.

Теодоръ Гомперцъ. Греческіе мыслители. Томъ второй. Переводъ съ нѣмецкаго Д. Жуковскаго. Изданіе Д. Е. Жуковскаго. Спб. 1913. Стр. XI+205. Ц. 1 р. 50 к.

«Геркулесъ». Журналъ Спорта. 1913. №№ 10—17. Редакторъ И. В. Лебедевъ. Цѣна отдѣльнаго номера 10 коп.

И. Харламовъ. Грѣхопаденіе. Романъ. Спб. 1913. Стр. 256. Ц. 1 р.

Ольга Накко. Бессарабскіе очерки и разсказы. Одесса. 1913. Стр. 109. Цѣна не обозначена.

Замѣчательныя историческія сооруженія. Храмы, дворцы и памятники въ Москвѣ, С.-Петербургѣ, Новгородѣ, Кіевѣ, Костромѣ, Смоленскѣ и другихъ городахъ. Составили **Ѳ. А. Тарапыгинъ** (1-ю часть) и **В. Е. Рудаковъ** (2-ю часть). Съ предисловіемъ **Б. Глинскаго.** Изданіе 2-е, исправленное и значительно дополненное. Спб. 1914. Стр. IV+169. Цѣна не обозначена.

В. А. Мелиховъ. С. В. Соловьевъ, профессоръ императорскаго харьковскаго университета. (Некрологъ). 1862—1913. Харьковъ. 1913. Стр. 27. Ц. 15 к.

В. А. Мелиховъ. Очеркъ воспитанія и обученія въ древнемъ Римѣ. Часть I. Римское воспитаніе во времена республики. Харьковъ. 1913. Стр. 115. Ц. 75 к.

М. Островская. Земельный бытъ сельскаго населенія русскаго сѣвера въ XVI—XVIII вѣкахъ. Спб. 1913. Стр. IX+370+96. Ц. 3 р.

В. В. Розановъ. Литературные изгнанники. Томъ первый. Съ портретомъ. Спб. 1913. Стр. XII+531. Ц. 3 р. 50 к.

В. П. Опочининъ. Итоги торговъ 17-го мая 1913 г. на нефтяные участки бакинскаго района. Спб. 1913. Стр. 32. Ц. 25 к.

Фракція союза 17-го октября въ IV государственной думѣ. (Обзоръ дѣятельности). Сессія первая: 15 ноября 1912—25 іюня 1913. Изданіе парламентской фракціи «Союза 17-го октября». Спб. 1914. Стр. 90. Ц. 25 к.

---

[1]) Открывая въ журналѣ ежемѣсячный справочный листокъ о новыхъ, поступившихъ въ редакцію «Истор. Вѣстн.» книгахъ, редакція проситъ гг. издателей, и завѣдующихъ книжными магазинами присылать въ журналъ свои новыя изданія, перечень которыхъ и будетъ дѣлаться въ листкѣ, съ указаніемъ страницъ и стоимости поступившаго изданія.

Библиотека "Руниверс"

С. А. Венгеровъ. Собраніе сочиненій. Т. II. Писатель-гражданинъ. Гоголь. Спб. 1913. Изд-во «Прометей». Стр. 238. Ц. 1 р. 25 к.

Ф. Орловъ. Павловскія и екатерининскія гренадерки и л.-гв. С.-Петербургскій полкъ. Историческая справка. Варшава. 1913. Стр. 80. Цѣна не обозначена.

Отчетъ общества библіотековѣдѣнія за пятый годъ существованія (1912). Спб. 1913. Цѣна не обозначена.

Отвѣтъ русскаго святогорца г-ну Дурново, церковнику изъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей».

Краткія свѣдѣнія по исторіи дирекціи училищъ Томской губерніи. Томскъ. 1913. Цѣна не обозначена.

Александръ Башмаковъ. Черезъ Черногорію въ страну дикихъ Геговъ. Спб. 1913. Стр. II+131. Ц. 1 р. 50 к.

Подполковникъ Б. С. Эсадзе. Первый генералъ-фельдцейхмейстеръ русской артиллеріи при Петрѣ Великомъ царевичъ имеретинскій Александръ Арчиловичъ. Спб. 1913. Стр. 40. Цѣна не обозначена.

Ф. Н. Индриксонъ. Сокращенный учебникъ физики. Спб. 1914. Стр. X+480. Ц. 2 р. 25 к.

О. Козелюскій. Призраки. Романъ. Спб. 1913. Стр. 283. Ц. 1 р. 50 к.

Ив. Абрамовъ. Маленькая хрестоматія. Родной языкъ. Изданіе 2-е Д. А. Травина. Стр. 126+II. Ц. 20 к.

Я. Перельманъ. Занимательная физика. 140 парадоксовъ, задачъ, опытовъ, замысловатыхъ вопросовъ и пр. Съ 160 рисунками въ текстѣ. Спб. 1913. Изданіе П. П. Сойкина. Стр. 211. Ц. 1 р.

Н. Карѣевъ. Революціонные комитеты парижскихъ секцій (1793—1795). Съ приложеніемъ неизданныхъ документовъ. Спб. 1913. Стр. 36+XLVI. Ц. 40 к.

Н. Евреиновъ. Исторія тѣлесныхъ наказаній въ Россіи. Изданіе В. К. Ильинчика. Спб. 1913. Стр. 214. Ц. 5 р. 50 к.

С. К. Эфронъ (Литвинъ). Язычница. (Борьба іудаизма съ язычествомъ). Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Кіевъ. 1913. Стр. 65. Цѣна не обозначена.

Юр. Бѣляевъ. Барышни Шнейдеръ. Впечатлѣнія. Библіотека «Вечерняго Времени». Изданіе Б. А. Суворина. Спб. 1914. Стр. 192. Ц. 1 р.

Н. Л. Бродскій. Поэты кружка Станкевича. Спб. 1913. Стр. 70. Цѣна не обозначена.

Левъ Ждановъ. Въ стѣнахъ Варшавы. (Цесаревичъ Константинъ). Историческій романъ-хроника. (1814—1831). Съ портретами и снимками. Кн-во «Прометей» Н. Н. Михайлова. 2 тома. Стр. 402+428. Цѣна каждаго тома 1 р. 50 к.

— Осажденная Варшава. Романъ-хроника. (1830—1831 гг.). Спб. 1913. Кн-во «Прометей» Н. Н. Михайлова. Стр. 307. Ц. 1 р. 50 к.

— Сгибла Польша! (Finis Poloniae!). Романъ-хроника. Спб. 1913. Кн-во «Прометей» Н. Н. Михайлова. Стр. 394. Ц. 1 р. 50 к.

— Въ сѣтяхъ интриги. Два потока. Историческій романъ времени Екатерины II. Съ 12 портретами. Спб. Стр. 242. Ц. 1 р. 50 к.

Д-ръ А. Н. Шабанова. Очеркъ женскаго движенія въ Россіи. Спб. 1912. Стр. 32. Ц. 50 к.

Н. Ѳ. Езерскій. Общедоступные очерки политической экономіи. Выпускъ первый. Спб. 1914. Стр. 48. Ц. 40 к.

Военная энциклопедія. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. Тома XXIII и XXIV. Спб. 1913. Стр. 324—482; 483—652. Цѣна по подпискѣ.

М. Бородкинъ. Даль зоветъ. Литературныя помѣщики по гр. А. А. Голинищевѣ-Кутузовѣ. Харьковъ. 1913. Стр. 50. Цѣна не обозначена.

А. В. Жиркевичъ. Сомнительное безпристрастіе. (Запоздавшій отвѣтъ Н. А. Энгельгардту—за покойниковъ). Вильна. 1913. Стр. 50. Ц. 50 к.

Библіотека А. В. Петрова. Собраніе книгъ, изданныхъ въ царствованіе Петра Великаго. Изданіе второе, дополнен Съ. 34 снимками. Спб. 1913. Стр. 44. Ц. 3 руб.

Каталогъ музея витебской ученой архивной комиссіи. Составилъ хранитель музея **К. А. Змигродзкій.** Витебскъ. 1912. Стр. 48. Цѣна не обозначена.

Полоцко-Витебская старина. Вып. II. Изданіе витебской ученой архивной комиссіи. Витебскъ. 1912. Стр. III+367. Цѣна не обозначена.

Александръ Нечволодовъ, дѣйств. членъ имп. русск. военно-историческаго общества. Сказанія о русской землѣ. Часть первая. Съ древнѣйшихъ временъ до расцвѣта русскаго могущества при Ярославѣ Мудромъ. Съ рисунками, картами и планами. Спб. 1913. Стр. VII+314.

— Часть вторая. Съ раздѣленія власти на Руси при сыновьяхъ Ярослава Мудраго до конца великаго княженія Дмитрія Іоанновича Донского. Стр. 487.

— Часть третья. Образованіе Московскаго государства при преемникахъ Дмитрія Іоанновича Донского. Стр. 338.

— Часть четвертая. Іоаннъ Грозный и Смутное время. Избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича Романова. Стр. 642. Цѣна каждой части 2 руб.

В. П. Ласковскій. Путеводитель по Новгороду, 2-е исправленное изданіе новго-

Библиотека "Руниверс"

родскаго общества любителей древности. Новгородъ. 1913. Стр. VI+301+52. Цѣна не обозначена.

С. Щеголевъ. Современное украинство. Его происхожденіе, ростъ и задачи. Кіевъ. 1913. Стр. 156. Ц. 70 к.

Проф. Н. Н. Любовичъ. Варшава въ 1812 году. Варшава. 1913. Стр. 61. Цѣна не обозначена.

В. И. Грачевъ. Достопамятные дни столѣтняго юбилея Отечественной войны въ Смоленскѣ. (1812—1912). Изданіе смоленской ученой архивной комиссіи. Смоленскъ. 1913. Стр. 63. Цѣна не обозначена.

П. Мининъ. Мистицизмъ и его природа. Сергіевъ посадъ, Моск. губ. Стр. 58. Ц. 40 к.

Земецъ. Казенныя имѣнія въ Курляндской губерніи и вопросъ о русской колонизаціи названной губерніи. Вильна. 1913 Стр. 55. Ц. 30 к.

Левъ Ждановъ. Наслѣдіе Грознаго. Историческая повѣсть изъ эпохи самозванщины. Изданіе М. И. Семенова. Спб. 1913. Стр. 163. Ц. 75 к.

— Во дни смуты. 1610—1613 гг. Историческая повѣсть въ 3-хъ частяхъ. Книгоиздательство «Освобожденіе». «Историческая библіотека». Т. 2. Спб. 1913. Стр. 258. Ц. 1 р. 50 к.

И. Поповъ-Пермскій. Свѣтлыя души. Разсказы. Томъ первый. Ялта. 1913. Стр. 243. Ц. 1 р.

А. Бѣлгородскій, преподаватель петербургской 1-й гимназіи. Ученическія экскурсіи. (Краткій историческій очеркъ, значеніе и организація ихъ). Спб. 1912. Стр. 99. Цѣна не обозначена.

Г. Т. Сѣверцевъ-Полиловъ. Среди коронованныхъ особъ. Встрѣчи и воспоминанія. Спб. 1913. Стр. 225. Ц. 1 р. 25 к.

Алексѣй Плетневъ. Собраніе сочиненій. Т. III. Одесса. 1913. Стр. 190. Ц. 1 р. 25 к.

Памятка С.-Петербургскаго сиротскаго института императора Николая I. 1837—1912 г.г. Изданіе Общества вспомоществованія бывшимъ воспитанницамъ С.-Петербургскаго сиротскаго института императора Николая I. Спб. 1913. Стр. 161+88. Цѣна 1 р. 25 к.

Библиотека "Руниверс"

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ЛАФАЙЕТТЪ и его жена[1]).—Неловкій и неуклюжій, съ рыжей шевелюрой и сѣрыми навыкатѣ глазами, съ лицомъ блѣднымъ и холоднымъ, знаменитый «герой двухъ міровъ», маркизъ де-Лафайетть пользовался тѣмъ не менѣе огромнымъ успѣхомъ у женщинъ. Несмотря на свою наружность, онъ обладалъ въ избыткѣ всѣми качествами, которыя дѣйствуютъ на нихъ притягивающимъ образомъ: онъ былъ добръ, великодушенъ и смѣлъ. Даже его недостатки—беззаботность, легкомысліе, неумѣнье сразу разобраться въ обстоятельствахъ—все это не вредило ему въ дамскомъ обществѣ.

Жена обожала его. Рожденная де-Ноайль, m-me де-Лафайетть принадлежала къ родовитому французскому дворянству, традиціонно вѣрному своему королю. Ей, вѣроятно, не мало пришлось страдать, когда ея мужъ, очертя голову, бросился въ революціонныя авантюры и сталъ на сторону народа противъ двора. Но она прощала ему все: и его отъѣздъ въ Америку черезъ нѣсколько недѣль послѣ ихъ свадьбы, и его стремленіе пріобрѣсти себѣ такую славу, послѣдствія которой приводили ее въ ужасъ, и даже его многочисленныя и шумныя любовныя похожденія. Ей было достаточно одной его любви, и, когда ея кумиръ вернулся изъ Америки, она чуть не падала въ обморокъ отъ радости всякій разъ, какъ онъ входилъ въ ея комнату. Ненавидя революцію, она съ первыхъ же дней стала ревностнѣйшей сторонницей теорій своего мужа и увѣровала въ идеи этого взрослаго ребенка, несмотря на всю ихъ туманность и непослѣдовательность.

---

[1]) «Le Temps», № 18991.

Библиотека "Руниверс"

Такая любовь къ человѣку, котораго большею частью не бывало дома и который главнымъ образомъ хлопоталъ о томъ, чтобы увеличить и укрѣпить свою двусмысленную извѣстность, казалось, должна была бы причинить не мало разочарованій этой благородной женщинѣ. Но не тутъ-то было! Въ постоянныхъ жертвахъ и самопожертвованіи въ пользу мужа она видѣла весь смыслъ своего существованія. Носить титулъ маркизы де-Лафайеттъ было не легко. Онъ навлекалъ на нее насмѣшки придворнаго круга, въ которомъ она родилась и выросла, недовѣріе буржуазіи, среди которой она принуждена была жить, подозрительность якобинцевъ, которыхъ безпокоила растущая популярность ея кумира. Не будучи ни демократомъ, ни конституціоналистомъ, ни роялистомъ, Лафайеттъ не имѣлъ друзей, кромѣ своихъ адъютантовъ, и одинъ представлялъ собою партію «лафайеттистовъ». Когда его вынудили сложить съ себя начальство надъ національной гвардіей и поставили во главѣ сѣверной арміи, онъ убѣдился, что послѣ крушенія монархіи солдаты относятся къ нему подозрительно. И онъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ перейти со всѣмъ своимъ штабомъ границу и сдаться австрійскому посту около Льежа. Во Франціи подняли крикъ объ измѣнѣ. «Героя двухъ міровъ» поносили, какъ послѣдняго злодѣя и преступника. Съ другой стороны, враги Франціи смотрѣли на него, какъ на одного изъ наиболѣе значительныхъ лицъ, на которыхъ падаетъ отвѣтственность за катастрофы во время революціи. Его считали дворяниномъ-ренегатомъ, который измѣнилъ своему королю, поднялъ чернь, водрузилъ знамя бунта и вооружилъ мятежный народъ. Было рѣшено наказать его за это самымъ строгимъ образомъ.

Въ это время m-me де-Лафайеттъ жила съ дѣтьми: сыномъ Георгіемъ двѣнадцати лѣтъ и дочерьми Анастасіей и Виргиніей въ своемъ замкѣ де-Шаваньякъ въ теперешнемъ департаментѣ Верхней Луары. Здѣсь ее засталъ новый шквалъ народныхъ страстей, отъ котораго такъ пострадала репутація ея мужа. 10-го сентября 1792 года замокъ Шаваньякъ подвергся нашествію «патріотовъ»: гражданка Лафайеттъ была арестована, отвезена въ ближайшее мѣстечко и тамъ заключена въ тюрьму. При первомъ же допросѣ она обнаружила такое хладнокровіе, достоинство и твердость, что ее выпустили на свободу, взявъ съ нея обязательство никуда не уѣзжать изъ своего замка. Едва она успѣла вернуться къ себѣ, какъ пришло извѣстіе, что ея мужъ выданъ королю прусскому и заключенъ въ крѣпость Шпандау.

Рѣшившись во что бы то ни стало спасти его, m-me де-Лафайеттъ хочетъ бѣжать, но она не можетъ нарушить даннаго ею слова и на колѣняхъ умоляетъ министра Роллана освободить ее отъ даннаго ею обязательства. Но Ролланъ боится впутываться въ это дѣло и поручаетъ отвѣтить ей, что онъ дастъ ей знать, когда обстоятельства позволятъ исполнить ея просьбу.

Обреченная на бездѣятельность, она принимается хлопотать о мужѣ письменно. Она надѣется, что американцы, столь обязанные Лафайетту, вступятся за него. Она обращается къ американскому посланнику въ Парижѣ, Моррису, пишетъ въ Вашингтонъ, но отвѣта нѣтъ ниоткуда. Наконецъ, ради спасенія мужа она рѣшается даже разстаться съ своимъ любимымъ сыномъ, добываетъ ему подложный паспортъ и отправляетъ его въ Англію—вербовать защитниковъ

Библиотека "Руниверс"

плѣннику прусскаго короля. Напрасныя хлопоты! Мальчикъ задержанъ въ Бордо, и за нимъ учрежденъ строгій надзоръ.

Наступилъ терроръ. Въ Шаваньякѣ дни тянулись, какъ вѣчность, въ ожиданіи того, что будетъ завтра. Въ концѣ брюммера въ замкѣ снова явились санкюлоты. Гражданка Лафайеттъ опять арестована и увезена въ тюрьму въ Бріудъ. Черезъ три мѣсяца выходитъ приказъ: перевезти ее въ Парижъ—тамъ ее ждетъ уже эшафотъ. Наканунѣ отъѣзда ей разрѣшаютъ свиданіе съ дѣтьми: забывая о себѣ, она завѣщаетъ имъ, въ случаѣ ея смерти, употребить всѣ усилія, чтобы спасти отца, о которомъ уже шесть мѣсяцевъ нѣтъ ни слуху, ни духу.

Въ Парижѣ ее заключаютъ въ тюрьму Дю-Плесси, самую обширную и переполненную во всей Европѣ, откуда такъ обильно черпалъ своихъ жертвъ свирѣпый Фукье-Танвилль. Тамъ она встрѣчаетъ свою родственницу m-me Дюра, своихъ прежнихъ знакомыхъ по двору, m-me Ришелье, m-me де-Рошуаръ и многихъ другихъ. Отъ нихъ она узнаетъ, что Лафайеттъ, томившійся сначала въ Шпандау, перевезенъ теперь въ глубь Силезіи и содержится тамъ подъ крѣпкой стражей въ сырой угрюмой темницѣ.

Вокругъ нея свирѣпствуетъ терроръ: тюрьма Дю-Плесси каждый день оглашается криками, рыданіями, истериками, мольбами. Каждый день слышится роковая перекличка. Мать и сестра m-me де-Лафайеттъ уже погибли подъ гильотиной. Но она забываетъ весь ужасъ своего положенія и думаетъ только о томъ, какъ бы спасти мужа.

Лишь только термидорскій переворотъ отворяетъ двери тюрьмы, она спѣшитъ въ Овернъ, скапливаетъ немного денегъ, беретъ заграничный паспортъ и вмѣстѣ съ дѣтьми садится въ Дюнкирхенѣ на корабль. Прибывъ въ Гамбургъ. она узнаетъ, что ея мужъ выданъ императору австрійскому и отправленъ въ Моравію, въ крѣпость Ольмютцъ. Она летитъ черезъ всю Европу, и въ Вѣнѣ, какъ милости, добивается того, чтобы ее съ дѣтьми заключили въ тюрьму вмѣстѣ съ мужемъ.

Высокія стѣны, маленькія ворота, часовые—вотъ что прежде всего встрѣчаетъ ее въ мрачномъ Ольмютцѣ. Грубый тюремщикъ обыскиваетъ всю семью. Затѣмъ ихъ толкаютъ въ какой-то темный коридоръ. За нимъ идетъ еще коридоръ. Наконецъ звенятъ ключи, дверь визжитъ на своихъ ржавыхъ петляхъ и открывается. Подъ низкимъ сводомъ каземата сидитъ, сгорбившись, человѣкъ, блѣдный, исхудавшій, съ длинной бородой. Это—Лафайеттъ!

Въ теченіе двухъ лѣтъ генералъ не имѣлъ никакихъ извѣстій ни о своей семьѣ, ни о томъ, что дѣлалось во Франціи. При видѣ жены и дѣтей онъ остолбенѣлъ и только мало-по-малу пришелъ въ себя. Его нельзя было узнать теперь: онъ кашляетъ, спина его согнулась, и онъ сильно постарѣлъ. Его жена тоже не помолодѣла, и волосы ея уже начали сѣдѣть. Старшая дочь Анастасія превратилась уже въ прелестную дѣвушку, Виргинія тоже выросла и похорошѣла.

Разговорамъ, конечно, не было конца, и Лафайеттъ въ нѣсколько часовъ узналъ все, что произошло во Франціи въ теченіе восемнадцати мѣсяцевъ.

Библиотека "Руниверс"

Настала ночь, и заключенныхъ размѣстили по казематамъ. Обѣ дѣвушки легли на матрасѣ въ сосѣдней камерѣ, m-me Лафайеттъ осталась въ казематѣ мужа. Ѣли изъ солдатской чашки прямо руками, ибо ножи и вилки были запрещены въ тюрьмѣ. Всякое сношеніе съ внѣшнимъ міромъ было отрѣзано. Женщины должны были прислуживать себѣ сами. У нихъ не было ни чернилъ, ни бумаги, ни иголокъ, ни нитокъ. Одна изъ дочерей изготовила для отца туфли, смастеривъ ихъ изъ куска сукна. Въ казематахъ было сыро, темно и холодно. Пища была отвратительна. M-me Лафайеттъ страдала молча. Ноги и руки ея распухли. Посѣтившій ее тюремный докторъ не зналъ ни слова по-французски и кое-какъ объяснялся съ ними по-латыни. Необходимо, чтобы плѣнницы были выпущены на свѣтъ Божій. M-me де-Лафайеттъ подаетъ прошеніе императору, умоляя его разрѣшить ей выйти изъ тюрьмы. Отвѣтъ приходитъ черезъ два мѣсяца: m-me де-Лафайеттъ можетъ выйти изъ тюрьмы, но съ тѣмъ условіемъ, что она туда болѣе не возвратится. И она отказывается оставить мужа.

Въ концѣ концовъ тюремщики утомились и перестали держать Лафайеттовъ взаперти. Впослѣдствіи генералъ былъ выпущенъ изъ тюрьмы и отвезъ свою семью въ Гольштейнъ. Разочаровавшись въ политикѣ, онъ поселился потомъ недалеко отъ Парижа, въ Гранжъ, гдѣ черезъ двѣнадцать лѣтъ m-me де-Лафайеттъ и умерла. Въ рождественскій сочельникъ 1807 г., больная и слабая, она велѣла позвать къ себѣ мужа и, взявъ его за руку, сказала:

— Я вся твоя.

Это были ея послѣднія слова. Она умерла въ страхѣ, какъ бы онъ не подумалъ, что она не была съ нимъ счастлива.

— Революція у рѣшетки Версаля [1]).—5 октября 1789 года около четырехъ часовъ пополудни изъ оконъ Версальскаго дворца видно было, какъ въ туманной дали широкаго главнаго шоссе показался авангардъ парижскихъ женщинъ, шедшій во главѣ парижскаго населенія на приступъ монархіи. Новость быстро распространилась по всѣмъ закоулкамъ огромнаго дворца. Всѣмъ было ясно, что королевская резиденція, разсчитанная на огромные пріемы и пышныя торжества, была совершенно неприспособлена къ отраженію нападенія и что доступъ къ ней открытъ всѣмъ желающимъ.

Прежде, чѣмъ насталъ вечеръ, народъ уже наводнилъ большой дворъ и толпился около красивой, но хрупкой рѣшетки, тѣснимый все прибывавшими волнами народной массы, залившей всю огромную площадь передъ дворцомъ. Куда только могъ хватить глазъ—всюду видны были только головы и головы. Дворецъ защищался всего полуротой гвардейцевъ, отрядомъ швейцарцевъ и частью Фландрскаго полка. Кое-какъ на скорую руку забаррикадировали нѣкоторые входы, и ворота, не затворявшіяся со временъ Людовика XIV, тяжело съ визгомъ повернулись на своихъ заржавѣвшихъ петляхъ.

Новости, доходившія извнѣ, были ужасныя: говорили, что за первымъ отрядомъ манифестантовъ идетъ стройными колоннами все парижское населеніе, сопровождаемое національной гвардіей съ пушками. Среди массы, столпившейся

[1]) «Le Temps», № 18911.

Библиотека "Руниверс"

въ этотъ дождливый вечеръ передъ дворцомъ, то и дѣло раздавались выстрѣлы, слышались крики, угрозы «австріячкѣ». Оба дворцовые флигеля, въ которыхъ жили министры, уже наводнены народомъ: въ ихъ окнахъ мелькаютъ зловѣщія фигуры, мегеры съ голыми руками, какіе-то бородатые люди, мясники въ шерстяныхъ колпакахъ. Все это рычитъ, шумитъ, грозитъ кулаками благородному фасаду дворца, украшенному золочеными балконами и статуями, изображавшими «нѣкоторыя изъ добродѣтелей его величества».

Въ парадныхъ залахъ, столь чинныхъ и тихихъ въ обычное время, теперь царитъ суматоха и смятеніе. По великолѣпнымъ галереямъ бѣгаютъ придворные, не зная, что дѣлать, и тихо спрашивая другъ друга:

— Что дѣлается?

— Министръ внутреннихъ дѣлъ Санъ-При и дворцовый комендантъ Де-Ла-Туръ-де-Пэнъ на колѣняхъ умоляютъ короля бѣжать въ Рамбулье.

— А король?

— Отказывается.

— Что же онъ говоритъ?

— Ничего.

Поспѣшно вернувшись съ охоты, куда за нимъ послали, король заперся въ своемъ кабинетѣ и не хочетъ оттуда выйти. А королева? Она колеблется, не желаетъ оставить мужа. Въ лучшемъ изъ аппартаментовъ королевы, такъ называемомъ Залѣ Мира, столпились дамы ея величества, ожидая приказаній. Однѣ изъ нихъ сидѣли на табуреткахъ, другія за карточными столами. Нѣсколько свѣчей едва освѣщаютъ огромную залу.

А возстаніе между тѣмъ усиливается. Его прибило уже къ самой рѣшеткѣ дворца. Время отъ времени мятежники при помощи пикъ захватываютъ солдата, стоящаго на посту, притягиваютъ его къ себѣ и разрываютъ на части, какъ дикіе звѣри. Поднимаются громкіе побѣдные крики, на минуту нарушающіе однообразный гулъ этого моря головъ.

Въ парадномъ залѣ короля и въ залѣ засѣданій министровъ собралась вся королевская семья, министры, совѣтники, оказавшіеся во дворцѣ. Высказываются тысячи совѣтовъ, но не принимается никакого рѣшенія. Взволнованный король то и дѣло встаетъ и удаляется къ себѣ въ кабинетъ. Онъ какъ будто пораженъ столбнякомъ, ничего не видитъ и не слышитъ. Его спрашиваютъ, онъ не отвѣчаетъ.

Въ полночь является Лафайеттъ. Онъ увѣряетъ, что все обойдется благополучно. Его гвардія заняла всѣ посты. И въ самомъ дѣлѣ, толпа стала разсѣиваться. Насквозь промоченные дождемъ, люди черными лентами тянутся по улицамъ городка, ища убѣжища и наполняя всѣ харчевни. Флигеля министровъ биткомъ набиты спящими: лежатъ вездѣ—на лѣстницахъ, въ залахъ, въ кухняхъ. Тѣ, которымъ не удалось найти убѣжища, валяются на улицѣ, на грязной мостовой. Ночь сырая и холодная. Водворяется полная тишина и спокойствіе.

Бьетъ два часа.

Король, которому хочется спать, уже отпустилъ своихъ придворныхъ. Въ галереяхъ служители также объявляютъ, что ея величество изволила уда-

Библиотека "Руниверс"

литься. Каждый спѣшитъ къ себѣ въ комнату. Двери запираются, свѣчи тушатся, водворяется тишина.

Вернувшись къ себѣ и немного успокоившись, Марія-Антуанетта совѣтуетъ своимъ двумъ дамамъ итти спать. Но онѣ не слушаютъ ее и, усѣвшись рядомъ лицомъ къ дверямъ, по очереди дежурятъ до четырехъ часовъ. Въ сосѣдней комнатѣ на часахъ стоитъ гвардеецъ Міомандръ. Время идетъ медленно. На зарѣ одна изъ дамъ слышитъ какой-то шумъ, чьи-то шаги во Дворѣ Принцевъ и на боковой лѣстницѣ, ведущей къ дворцу. Дверь въ ея комнату вдругъ открывается, и часовой кричитъ:

— Спасайте королеву!

И онъ проворно захлопываетъ дверь.

Сильный шумъ, паденіе чьего-то тѣла, крики...

Дворецъ во власти мятежниковъ. Маленькія ворота Двора Принцевъ открыты настежь. Кѣмъ и какъ? Это навсегда останется неизвѣстнымъ. Мятежники поднимаются по мраморной лѣстницѣ, бросаются въ залъ, гдѣ стоитъ караулъ, двери трещатъ подъ ихъ натискомъ.

Разбуженная королева вскакиваетъ съ постели. Черезъ небольшія комнаты, отдѣляющія ее отъ спальни мужа, она бѣжитъ къ королю. Дверь забаррикадирована: она стучитъ въ нее, зоветъ мужа, называетъ себя...

6-го октября утромъ Лафайеттъ появляется вмѣстѣ съ королевой и дофиномъ на балконѣ и держитъ къ народу рѣчь.

— Королева,—говоритъ онъ,—весьма огорчена при видѣ всего того, что происходитъ. Она была обманута и обѣщаетъ, что впредь этого больше не случится. Она обѣщаетъ любить народъ и быть къ нему привязанной, какъ Іисусъ Христосъ къ своей церкви.

Королева около него плачетъ—отъ волненія или отъ стыда? Она дважды поднимаетъ руки, какъ бы призывая небо въ свидѣтели искренности ея клятвы. Какъ должно было страдать при этомъ ея гордое сердце!

Въ сосѣдней залѣ засѣданій министровъ король ночью принялъ депутацію парижскихъ женщинъ, просившихъ у него хлѣба. Добравшись до Версаля, толпа, подстрекаемая своими вожаками, хотѣла сразу захватить дворецъ. Но страхъ ли передъ сопротивленіемъ, или привычная почтительность къ королевскому жилищу удержала ее. Было рѣшено, что къ королю пойдутъ нѣсколько женщинъ, которыя и будутъ говорить отъ имени всѣхъ. Выбраны были десять женщинъ. Расталкивая всѣхъ локтями, онѣ добрались до рѣшетки дворца, но гвардейцы отказались ихъ пропустить. Послѣ долгаго ожиданія онѣ замѣтили нѣсколькихъ «мужчинъ въ черномъ», которые также пробирались ко входу во дворецъ. То были нѣкоторые изъ депутатовъ національнаго собранія. Уцѣпившись за нихъ, женщины проникли на дворъ. Но во дворцѣ ихъ не пустили дальше передней. Какой-то «господинъ въ голубой одеждѣ» заявилъ имъ, что король присутствуетъ теперь на засѣданіи министровъ и никого принять не можетъ. И вотъ онѣ остались ждать здѣсь среди придворныхъ, гвардейцевъ, дворцовыхъ служителей. Одной изъ нихъ, красильщицѣ Викторіи Сакле, сдѣлалось дурно, и ее унесли. Но другія упорно стояли на своемъ. Наконецъ имъ объявили, что четыре изъ нихъ могутъ видѣть короля. Пустили тѣхъ, кто

Библиотека "Руниверс"

стоялъ ближе всего къ дверямъ. Четверо счастливицъ были: работница изъ скульптурной мастерской, семнадцатилѣтняя Луизонъ Шабри, двадцатилѣтняя торговка цвѣтами Франсуазъ Ролэнъ, кружевница Роза Барре. Она натерла себѣ ногу во время путешествія изъ Парижа въ Версаль и едва двигалась, хромая. Имя четвертой осталось неизвѣстнымъ.

Сначала эту депутацію передали графу д'Аффре. Тотъ, въ свою очередь, ведетъ ихъ къ Санъ-При. Среди пышности и роскоши залъ, по которымъ имъ приходится проходить, избранницы народа не могутъ прійти въ себя отъ изумленія. Черезъ рядъ залъ ихъ приводятъ къ мѣсту засѣданій совѣта министровъ. Ролэнъ не пойдетъ дальше. Стоящій на часахъ швейцарецъ грубо толкаетъ ее, она падаетъ и получаетъ нѣсколько пинковъ ногой. Пока она съ плачемъ поднимается, ея подруги уже исчезли за дверями. Одинъ изъ придворныхъ, д'Эстенъ, пробуетъ ее утѣшить:

— Ты, конечно, плачешь оттого, что тебѣ не удастся видѣть короля?

И онъ ведетъ ее въ залу, гдѣ вокругъ большого стола, покрытаго зеленымъ сукномъ, толпится нѣсколько человѣкъ.

Между тѣмъ трехъ ея подругъ вводятъ къ королю. Рѣчь начинаетъ Луизонъ Шабри. Но она скорѣе отвѣчаетъ, запинаясь, на вопросы Людовика XVI. Онъ говоритъ съ нею добродушнымъ тономъ, но она уже такъ устрашена собственной смѣлостью, что едва владѣетъ собою. Ей дѣлается дурно. Его величество велитъ принести ей вина въ золотомъ кубкѣ. Она приходитъ въ себя и оказывается уже на дворѣ, ослѣпленная всѣмъ тѣмъ, что ей пришлось видѣть. Тутъ ее ожидаетъ полное разочарованіе. Услышавъ ея разсказы о милостивомъ пріемѣ, который былъ оказанъ королемъ депутаціи, толпа приходитъ въ ярость. Женщины кричатъ, что король далъ ей денегъ и что она измѣнила общему дѣлу. Бѣдная дѣвушка протестуетъ, но ее не слушаютъ, на нее бросаются, сбиваютъ ее съ ногъ, и она чувствуетъ, какъ чьи-то грубыя руки обматываютъ ей вокругъ шеи подвязку. Двѣ толстыя торговки, ея знакомыя, уже волокутъ ее къ фонарю.

Къ счастью, подоспѣвшіе солдаты освобождаютъ ее изъ рукъ этихъ озвѣрѣлыхъ людей. Ее принуждаютъ опять итти къ королю, который показывается народу вмѣстѣ съ нею и объясняетъ, что она не получила отъ него ни одного су.

И на этотъ разъ король къ ней крайне милостивъ: онъ снабжаетъ ее письмомъ къ мэру Парижа и даетъ ей для возвращенія домой придворную карету.

Что сталось потомъ съ этой Луизонъ Шабри, сыгравшей такую важную роль въ этотъ знаменитый день, неизвѣстно. Можетъ быть, она съ этого дня фигурировала въ рядахъ пресловутыхъ вязальщицъ, поощрявшихъ крикомъ съ галерей якобинцевъ, а можетъ быть, она превратилась въ роялистку, въ одну изъ тѣхъ, кто сражался за короля въ Вандеѣ? А, можетъ быть, она сошла со сцены и умерла въ неизвѣстности, храня въ своемъ сердцѣ воспоминаніе о днѣ своей мимолетной славы.

— Шведская нимфа Мелюзина [1]).—Лѣтомъ 1785 года шведскій король Густавъ III праздновалъ свадьбу своего любимца графа Армфельта съ Гедвигой де-ля-Гарди. Въ программу этого празднества входила,

[1]) «Le Temps», № 18998.

Библиотека "Руниверс"

между прочимъ, пышная процессія, представляющая собою одинъ эпизодъ изъ «Освобожденнаго Іерусалима» . Въ ней участвовали представители самаго лучшаго стокгольмскаго общества. Въ назначенный день, когда графъ Армфельтъ, отличавшійся классическою красотой, сидѣлъ на высокой, пышной баллюстрадѣ, любуясь красотою своей двадцатилѣтней жены, вдругъ появилась процессія. Во главѣ ея ѣхала нимфа Мелюзина, олицетворяемая фрейлиной сестры королевы, Магдалиной Руденшольдъ. Въ костюмѣ нимфы она гордо возсѣдала на великолѣпномъ бѣломъ конѣ, котораго она пустила крупнымъ галопомъ. Ея плечи и руки обнажены, гибкая талія перехвачена драгоцѣннымъ поясомъ, дивные бѣлокурые волосы развѣваются подъ покрываломъ, извивающимся по вѣтру, какъ змѣя.

Появленіе Мелюзины произвело на зрителей сильное впечатлѣніе, и со всѣхъ сторонъ загремѣли аплодисменты.

Руденшольдъ остановилась передъ баллюстрадой и привѣтствовала Армфельта такимъ страстнымъ взглядомъ, что, лишь утромъ сдѣлавшись супругомъ, онъ сразу забылъ и свой долгъ, и свою жену и воспылалъ любовью къ чародѣйкѣ нимфѣ, съ своей стороны давно уже безъ памяти любившей его.

Охваченный непреодолимымъ стремленіемъ, Армфельтъ бѣжитъ къ Магдалинѣ Руденшольдъ, даже не дождавшись конца свадебнаго торжества, ему всего тридцать лѣтъ, ей восемнадцать. Молодая дѣвушка отдается ему, не считаясь съ послѣдствіями и не заглядывая въ будущее.

Но Магдалина Руденшольдъ не изъ тѣхъ, съ кѣмъ можно поиграть и бросить; она сумѣла такъ привязать къ себѣ Армфельта, что онъ долго не можетъ сбросить съ себя ея иго и раздваивается, не имѣя силъ порвать и со своей женой, и переходитъ отъ одной женщины къ другой.

Такое положеніе недолго остается секретомъ. Впрочемъ, это никого не смущаетъ: въ это распущенное время при шведскомъ дворѣ бывали и не такія вещи. Армфельтъ и Магдалина нисколько не скрывали своихъ отношеній, и мало-по-малу всѣ стали смотрѣть на эту связь, какъ на что-то вполнѣ естественное. Молодая баронесса Армфельтъ быстро примирилась со своимъ положеніемъ, и все пошло бы мирно, если бъ красота Магдалины не привлекала къ себѣ многочисленныхъ поклонниковъ. Самымъ настойчивымъ изъ нихъ былъ братъ короля, герцогъ Зюдерманландскій.

Этому некрасивому, мрачному, скучному и мстительному принцу было уже сорокъ восемь лѣтъ. Магдалина сразу же отвергла его ухаживанія, заявивъ ему откровенно, что она всегда будетъ принадлежать одному Армфельту. Герцогъ оставилъ ее въ покоѣ, но затаилъ въ себѣ злобу и сталъ искать случая отомстить ей и ея фавориту. Но сдѣлать что-нибудь Армфельту было трудно. Онъ пользовался полнымъ довѣріемъ короля, который назначилъ его генераломъ-губернаторомъ Стокгольма и членомъ своего совѣта, составленнаго изъ самыхъ близкихъ къ нему людей.

Въ мартѣ 1792 года Армфельтъ отправился на костюмированный балъ на главномъ стокгольмскомъ театрѣ, гдѣ долженъ былъ встрѣтить короля.

— Вы можете войти въ театръ, но едва ли вамъ удастся выйти оттуда,— сказалъ ему швейцаръ.—Его величество король раненъ выстрѣломъ изъ револьвера, и теперь въ театрѣ ищутъ злодѣя.

Библиотека "Руниверс"

Выстрѣлъ оказался роковымъ для Густава III, и Армфельтъ былъ однимъ изъ тѣхъ, кому довелось принять его послѣдній вздохъ.

Трагическая смерть его покровителя выдавала Армфельта головой его врагамъ и клала конецъ его блестяще начатой карьерѣ. За малолѣтствомъ новаго короля Густава IV регентомъ Швеціи былъ объявленъ злѣйшій врагъ Армфельта герцогъ Зюдерманландскій. Чтобы спасти свое положеніе, Армфельтъ собралъ вокругъ себя партію изъ друзей покойнаго короля, но противъ нея возстали всѣ, которымъ не нравился режимъ Густава III. Видя свое дѣло проиграннымъ, Армфельтъ уѣхалъ подъ предлогомъ леченія въ Аахенъ.

Освободившись отъ соперника, герцогъ возобновилъ свои ухаживанія. Сначала онъ пробовалъ покорить неприступную красавицу разными обѣщаніями, ручаясь ей, что,если она будетъ къ нему благосклонна, Армфельтъ сохранитъ свое положеніе. Потомъ онъ перешелъ къ угрозамъ, но и это не помогло дѣлу. Тогда Армфельтъ былъ назначенъ шведскимъ посланникомъ при итальянскомъ дворѣ, что было равносильно изгнанію.

Опальный графъ пришелъ въ ярость: онъ кричалъ и писалъ всюду, что Швеція погибла, если не будетъ положенъ конецъ тиранiи герцога Зюдерманландскаго. Онъ даже обращался къ императрицѣ Екатеринѣ съ просьбой о помощи, давая ей понять, что легкая морская демонстрація русской эскадры въ шведскихъ водахъ заставитъ герцога образумиться; но всѣ эти планы остались лишь въ области однихъ предположеній. Армфельтъ былъ слишкомъ легкомысленнымъ человѣкомъ, и не могъ держаться на одномъ чувствѣ. Каждая новая его побѣда все болѣе и болѣе смягчала его раздраженіе и заставляла забывать свое положеніе.

Позабывъ уже и жену, и Мелюзину, онъ въ Вѣнѣ завязалъ новую связь съ княгиней Меншиковой, въ Римѣ его фавориткой стала лэди Хеттонъ, въ Неаполѣ онъ пользовался расположеніемъ знаменитой своими скандальными похожденіями королевы Каролины.

Напрасно Магдалина Руденшольдъ молила его откликнуться на ея страстный призывъ, напрасно заклинала она его остепениться. Легкомысленный красавецъ-шведъ продолжалъ свои похожденія, лишь изрѣдка посылая Магдалинѣ инструкціи, какъ интриговать противъ герцога, который, между тѣмъ, принималъ противъ нея все болѣе и болѣе суровыя мѣры. Наконецъ, въ ночь на 17-е декабря 1793 года домъ фрейлины Руденшольдъ былъ окруженъ гусарами. Всѣ находившіеся въ немъ подверглись подробному обыску, а сама хозяйка была арестована и заключена въ тюрьму, гдѣ просидѣла въ самой ужасной обстановкѣ цѣлыхъ три мѣсяца. На нее было взведено обвиненіе въ заговорѣ противъ государства. Каждый день водили ее на допросъ, гдѣ подвергали оскорбленіямъ, грозя пытками, хотя всѣмъ была извѣстна ея настоящая вина. Не довольствуясь этимъ, герцогъ Зюдерманландскій потребовалъ отъ правительства обѣихъ Сицилій выдачи барона Армфельта, будто бы тоже скомпрометтированнаго въ этомъ движеніи. Но въ Неаполѣ ему отвѣчали рѣшительнымъ отказомъ и даже приняли мѣры для охраненія бывшаго шведскаго посланника отъ возможныхъ на него покушеній. Вскорѣ Армфельтъ покинулъ Италію и съ фальшивымъ паспортомъ и подъ ложнымъ именемъ переѣхалъ въ Австрію.

Библиотека "Руниверс"

Между тѣмъ Магдалина Руденшольдъ предстала передъ уголовнымъ судомъ въ Стокгольмѣ. Такъ какъ обвиненіе было совершенно неосновательно, то судъ уже готовъ былъ вынести ей оправдательный вердиктъ, но герцогъ не дремалъ. Наканунѣ ночью на судей было произведено сильнѣйшее воздѣйствіе, и утромъ они вынесли приговоръ, присуждавшій обвиняемую къ смертной казни. Въ городѣ поднялся ропотъ, и герцогу, испугавшемуся общественнаго мнѣнія, пришлось смягчить приговоръ. Магдалина Руденшольдъ была осуждена на пожизненное заключеніе въ тюрьмѣ, причемъ предварительно должна была простоять три часа у позорнаго столба.

Въ день, когда должно было совершиться это наказаніе, весь Стокгольмъ высыпалъ на улицу. Толпа хранила благоговѣйное молчаніе, а солдаты, опершись на ружья, плакали. Магдалина гордо вошла на эшафотъ, но когда палачъ грубо схватилъ ее за плечо, не выдержала и упала въ обморокъ.

Четыре года спустя на престолъ вступилъ Густавъ IV. Магдалина Руденшольдъ получила свободу и возвратилась въ Стокгольмъ, гдѣ дальнѣйшая ея судьба сложилась очень несчастливо: она вышла замужъ за какого-то простолюдина, который обижалъ и даже билъ ее. Когда Армфельтъ тоже вернулся въ столицу, его бывшая фаворитка обратилась къ нему за помощью, прося его повидаться съ нею. Но этотъ избалованный женщинами эгоистъ отклонилъ ея просьбу.

«Я—причина всѣхъ ея несчастій. Мнѣ было бы тяжело ее видѣть. Даже ея письмо чуть не причинило мнѣ параличъ».

Больше они уже никогда не видались.

— Изъ воспоминаній графини Тюргеймъ[1]).—Въ Мюнхенѣ въ изданіи Георга Мюллера вышли любопытныя воспоминанія графини Лулу Тюргеймъ, живо рисующія австрійскій дворъ и высшее вѣнское общество начала прошлаго столѣтія.

Графиня Тюргеймъ родилась незадолго до начала французской революціи въ Бельгіи, гдѣ ея отецъ былъ депутатомъ отъ города Люттиха. Въ 1794 году она переселилась въ Австрію, гдѣ оставалась до самой своей смерти въ 1864 году, предпринимая изъ Вѣны путешествія въ разныя страны Европы.

«Въ концѣ 1804 года,—разсказываетъ графиня,—я была представлена ко двору. Моя мать повела меня сначала къ оберъ-гофмейстеринѣ, графинѣ Вратиславъ, сухой и некрасивой особѣ во вдовьемъ нарядѣ. Она сидѣла за огромными пяльцами и усердно вышивала портреты членовъ императорской фамиліи. Она осмотрѣла меня съ ногъ до головы и назначила день для представленія.

Дворъ тогда посѣщали очень рѣдко. Престарѣлая императрица Марія-Терезія не любила представленій, окружала себя настоящей камарильей и держалась съ ними неумѣстно фамильярно. Императоръ раздѣлялъ ея вкусы и чувствовалъ себя хорошо только въ кружкѣ каждодневныхъ посѣтителей дворца, съ которыми онъ могъ свободно вести свои вульгарные разговоры.

Почти каждый вечеръ во дворецъ приходили четыре музыканта, съ которыми императоръ былъ неразлученъ, и иногда даже самъ принималъ участіе

[1]) «Die Zeit», № 3890.

Библиотека "Руниверс"

въ ихъ игрѣ. Эти концерты сплошь и рядомъ прерывались какимъ-нибудь грубымъ, шутовскимъ маскарадомъ, который устраивала царствующая императрица съ своими придворными дамами. Царила полная распущенность: императоръ, императрица, музыканты, придворныя дамы, адъютанты—все это танцовало другъ съ другомъ, выкидывая всякія глупости. Иногда императрица, слегка замаскированная, посѣщала какой-нибудь общественный балъ и танцовала тамъ съ первымъ встрѣчнымъ. Ко всему этому она отличалась ревностью, и когда однажды императоръ обратилъ свое благосклонное вниманіе на одну балерину, нѣкую Вигано, императрица приказала сдѣлать ея статую и поставить ее на видномъ мѣстѣ въ придворномъ паркѣ. По фигурѣ и костюму всякій легко могъ узнать танцовщицу Вигано, но вмѣсто человѣческой головы у статуи была сдѣлана баранья.

Публичные балы были чрезвычайно распространены въ Вѣнѣ. На нихъ бывали не только австрійскіе эрцгерцоги, но нерѣдко и императорская чета. Эти эрцгерцоги и высшее вѣнское общество отличались значительной грубостью манеръ. «На первомъ же такомъ балу,—пишетъ графиня Тюргеймъ,—я почувствовала себя какъ будто среди разбойниковъ и черезъ полчаса уѣхала домой, не сказавъ ни съ кѣмъ ни слова».

Зимою 1808 года появилась въ Вѣнѣ знаменитая m-me де-Сталь, спасавшаяся отъ тяжелой руки Наполеона. Принцъ де-Линь поспѣшилъ къ ней съ визитомъ въ одну изъ плохонькихъ гостиницъ, гдѣ она остановилась. Писательница извинилась за обстановку, въ которой ей приходится принимать принца.

— Когда находишься у Коринны, то чувствуешь себя вездѣ на вершинѣ Парнаса,—галантно отвѣчалъ де-Линь.

Вскорѣ m-me де-Сталь стала появляться во всѣхъ вѣнскихъ салонахъ, очаровывая всѣхъ своимъ остроуміемъ и умѣніемъ вести интересную, безобидную бесѣду. Почему-то она крайне не понравилась одному изъ придворныхъ польскихъ магнатовъ, нѣкоему графу Міру. Будучи противникомъ романтизма, этотъ Міръ началъ съ того, что съ яростью напалъ на всюду слѣдовавшаго съ m-me де-Сталь извѣстнаго критика-философа Шлегеля. Несдержанный и раздражительный, графъ Міръ былъ грозою вѣнскихъ салоновъ. Въ молодости онъ всегда носилъ съ собою пистолеты и, обидѣвъ кого-нибудь, тутъ же предлагалъ дать обиженному удовлетвореніе. Однажды въ пылу раздраженія онъ чуть не выкинулъ изъ окна свою родственницу, графиню Кауницъ. Другой разъ, играя въ вистъ, онъ вскочилъ изъ-за стола и принялся о чемъ-то спорить съ своими партнерами, а въ это время жена протянула тарелочку со сбитыми сливками. Нетерпѣливымъ жестомъ онъ велѣлъ ей поставить тарелочку на его стулъ. Черезъ нѣсколько минутъ, забывъ объ этомъ, графъ сразмаху сѣлъ на стулъ, угодивъ, конечно, въ сливки. Вскочивъ въ ярости, Міръ бросился съ сжатыми кулаками ко всѣмъ гостямъ, крича: «Видали ли вы когда-нибудь такую дуру, какъ моя жена?» Отвѣтомъ былъ общій громкій смѣхъ.

Графъ Міръ вскорѣ умеръ, въ припадкѣ ярости на схватившую его холеру.

М-me де-Сталь написала для вѣнскаго общества нѣсколько библейскихъ сценъ въ стихахъ. Разыгранныя на домашнихъ сценахъ князя Лихтенштейна и графини Замойской, эти произведенія не имѣли никакого успѣха и нагнали на

Библиотека "Руниверс"

всѣхъ тоску. Хуже всего было то, что въ нихъ выступала сама m-me де-Сталь съ ея расплывшейся уже фигурой, едва прикрытой кое-какимъ одѣяніемъ. Въ патетическихъ мѣстахъ она егозила по сценѣ на колѣняхъ, черныя косы ея волочились по полу, лицо наливалось кровью. Зрѣлище было далеко не изъ эстетическихъ.

Наблюдательную графиню поразило неумѣніе такой безспорно умной женщины, какъ m-me де-Сталь, цѣнить свое умственное превосходство и ея мелкое и пошлое тщеславіе. Такъ, она воображала себя красавицей, а между тѣмъ она была, безспорно, некрасива. Разговаривая однажды съ княземъ Лихтенштейномъ, писательница вдругъ почему-то вспомнила о неминуемости смерти и, залившись слезами, сказала:

— Когда я смотрю на мои руки, мою грудь, возбуждающую во всѣхъ столько желаній, и когда я вспомню, что всѣ эти прелести будутъ добычей червей, то меня бросаетъ въ дрожь отъ ужаса.

Въ бытность въ Вѣнѣ, m-me де-Сталь обратила свое благосклонное вниманіе на молодого, изящнаго князя Людвига Лихтенштейна. Видя, что ея многообѣщающіе взгляды не помогаютъ, старѣющая кокетка послала ему письмо, прося его пріѣхать переговорить съ ней о дѣлѣ. Когда князь явился, m-me де-Сталь приняла его въ уютномъ будуарѣ въ такомъ костюмѣ, который сразу долженъ былъ раскрыть ему глаза на цѣль его визита. Но сердце князя было уже занято, и онъ продолжалъ хранить ледяное спокойствіе. Сцена кончилась обморокомъ, заставившимъ князя положительно бѣжать отъ назойливой поклонницы. Отъ развратныхъ нравовъ XVIII вѣка не спаслась даже такая трезвая голова, какъ авторъ Коринны!

Въ 1810 году графиня Тюргеймъ встрѣтилась въ Баденѣ у графини Ржевусской съ принцессой де-Роганъ, возлюбленной въ несчастнаго герцога Энгіенскаго, разстрѣляннаго Наполеономъ. Она разсказывала автору воспоминаній подробности ареста этого бурбонскаго герцога. Наканунѣ ареста она, ничего не подозрѣвая, гуляла съ герцогомъ въ Эттенгеймѣ. Случайно они попали на какую-то тропинку и пошли, сами не зная куда. Вдругъ передъ ними открылось кладбище.

— Боже,—воскликнулъ герцогъ:—дорога привела меня къ жилищу смерти!

Успокоившись, онъ принялся разбирать надгробныя надписи и вернулся къ своему дядѣ герцогу де-Рогану поздно вечеромъ. По обыкновенію онъ просидѣлъ съ нимъ до десяти часовъ вечера. Такъ какъ стало совсѣмъ темно, принцъ отправился къ себѣ во флигель въ сопровожденіи двухъ слугъ, которые несли передъ нимъ факелы. Увидѣвъ изъ окна это шествіе, принцесса крикнула ему изъ окна:

— Васъ словно въ тюрьму ведутъ.

Черезъ нѣсколько часовъ она проснулась отъ сильнаго шума. Подбѣжавъ къ окну, она увидѣла, какъ французскіе солдаты вели герцога въ одной ночной рубахѣ. Онъ замѣтилъ ее, но сдѣлалъ видъ, что не видитъ, чтобы не обратить на нее вниманіе солдатъ.

Заключенный въ Венсенской тюрьмѣ, герцогъ потребовалъ, чтобы ему позволили отрѣзать прядь своихъ волосъ, которые онъ желалъ послать принцессѣ де-Роганъ. Ему отвѣтили съ солдатской грубостью, что, когда его разстрѣ-

Библиотека "Руниверс"

ляютъ, ему будетъ все равно, останутся ли его волосы на Божьемъ свѣтѣ, или пойдутъ съ нимъ въ могилу.

— Одинъ изъ конфидентовъ Екатерины II и Александра I.—Въ XVIII вѣкѣ, особенно передъ началомъ французской революціи, въ Европѣ процвѣталъ типъ политическаго авантюриста. Для того, чтобы достичь успѣха на этомъ поприщѣ, не требовалось многаго: нужно было умѣть хорошо говорить по-французски, элегантно одѣваться и обладать значительнымъ запасомъ наглости. Такіе авантюристы являлись обыкновенно сначала въ Парижъ, а оттуда къ дворамъ сѣверныхъ монарховъ, втирались тамъ въ довѣріе къ какому-нибудь министру и становились его секретными агентами. Иногда такому авантюристу представлялся счастливый случай оказать услугу кому-нибудь изъ сильныхъ міра сего, попавшему въ затруднительное положеніе, и карьера его дѣлалась, такимъ образомъ, обезпеченной. Покатавшись съ различными болѣе или менѣе щекотливыми порученіями по всей Европѣ, такой фактотумъ получалъ отъ своихъ покровителей щедрую пенсію и мирно и комфортабельно доживалъ свой вѣкъ.

Особенно отличались въ этомъ щекотливомъ ремеслѣ швейцарцы. Ихъ корректность, строгая выдержка и старинное чувство безпристрастія и вѣрность внушали общее довѣріе, которое имъ пріобрѣтать было легче, чѣмъ кому-нибудь другому. Объ одномъ изъ такихъ швейцарцевъ, дѣйствовавшемъ, между прочимъ, и при русскомъ дворѣ, находимъ любопытную статью въ журналѣ «Correspondant» [1]).

Фердинандъ Кристэнъ былъ сыномъ одного офицера изъ окрестностей Ивердона. Томимый жаждой интригъ и приключеній, онъ рано покинулъ родительскій домъ и почти босикомъ бѣжалъ въ Парижъ, гдѣ быстро сумѣлъ понравиться тогдашнему министру Калонну, который далъ ему мѣсто въ одной изъ своихъ канцелярій. Пользуясь его покровительствомъ, Кристэнъ проникъ въ свѣтское общество и завязалъ обширныя связи. Нагрянувшая революція заставила его эмигрировать вмѣстѣ съ его патрономъ и бѣжать въ Кобленцъ. Сблизившись тамъ съ принцами-эмигрантами, онъ служилъ посредникомъ между ними и тюльерійскимъ дворцомъ. Составивъ себѣ нѣкоторое состояніе, Кристэнъ удалился въ Петербургъ и велъ себя здѣсь такъ ловко, что вскорѣ императрица Екатерина II отправила его въ Стокгольмъ позондировать почву и подготовить бракъ великой княжны Маріи Павловны съ юнымъ шведскимъ королемъ Густавомъ IV.

Какъ извѣстно, Густавъ IV былъ всецѣло въ рукахъ своего дяди, грубаго и непривлекательнаго герцога Зюдерманландскаго. Кристэнъ быстро умѣлъ пріобрѣсти довѣріе короля и понравиться регенту. Окунувшись не безъ удовольствія въ цѣлое море интригъ, швейцарскій выходецъ водилъ за носъ министровъ и носился съ депешами изъ Стокгольма въ Петербургъ и обратно. Переписывая бумаги и письма, которыя ему нерѣдко поручали составить, онъ предусмотрительно снималъ съ нихъ копіи для себя. Императрица Екатерина особенно цѣнила его дипломатическія способности и дала ему мѣсто въ коллегіи

[1]) «Correspondant», août 1913.

Библиотека "Руниверс"

иностранныхъ дѣлъ. Въ 1801 году, когда русскимъ посломъ при Французской республикѣ былъ назначенъ графъ Морковъ, Кристэнъ отправился вмѣстѣ съ нимъ въ качествѣ тайнаго агента, на обязанности котораго лежало извѣщать императора Александра о новомъ обществѣ, слагавшемся вокругъ перваго консула.

Вращаясь съ пятнадцати лѣтъ при разныхъ дворахъ, Кристэнъ ненавидѣлъ революцію и, сблизившись въ Парижѣ съ противниками Наполеона, сталъ интриговать и сплетничать про него, не учтя того обстоятельства, что полиція Наполеона имѣла очень чуткій слухъ. Черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ прибытія въ Парижъ Кристэнъ получилъ уже приказъ удалиться изъ предѣловъ Франціи и возвратился въ родной Ивердонъ, проклиная Бонапарта, такъ безжалостно разбившаго его карьеру.

Въ Женевѣ онъ примкнулъ къ кружку ненавистниковъ перваго консула, группировавшихся около madame де-Сталь, и вскорѣ сталъ своимъ человѣкомъ въ ея домѣ. Но и хозяйка дома, и ея друзья забыли, что Женева принадлежала тогда Франціи, что Наполеонъ слышалъ все, что говорилось о немъ въ разныхъ концахъ Европы. Въ министерствѣ полиціи дѣло о непокорномъ швейцарцѣ все росло и росло, пока въ одинъ прекрасный день министръ полиціи Фуше не приказалъ арестовать его, какъ англійскаго шпіона, и посадить въ женевскую тюрьму вмѣстѣ съ ворами и грабителями.

Черезъ нѣсколько дней подъ конвоемъ жандармовъ его везутъ безъ остановки въ Парижъ и бросаютъ въ одиночную камеру, въ тюрьму Темпль, откуда уже отправилось столько жертвъ въ ссылку или на эшафотъ. Едва оправившись отъ постигшаго его удара, Кристэнъ рѣшился не сдаваться безъ боя и сначала сталъ взывать къ помощи своихъ парижскихъ друзей, но никто не хотѣлъ уже имѣть дѣло съ человѣкомъ, имѣвшимъ несчастье навлечь на себя гнѣвъ перваго консула. Умѣнье красно говорить и влѣзть въ душу, которымъ такъ отличался арестованный, не могли сослужить ему службы въ его одиночной тюрьмѣ. Онъ не видѣлъ никого, кромѣ своего тюремщика Фоконье, вѣчно полупьянаго весельчака, который относился къ своимъ арестантамъ добродушно и снисходительно. Жалѣя Кристэна, онъ позволилъ ему однажды устроить въ его камерѣ пирушку, на которую были приглашены его ближайшіе сосѣди по камерѣ. Едва начался дессертъ, какъ въ дверяхъ появился Фоконье и мрачно произнесъ:

— Къ сожалѣнію, господа, вамъ нельзя разсчитывать долго оставаться на землѣ. Придется умереть. На этотъ разъ это къ вамъ не относится,—прибавилъ онъ, обращаясь къ Кристэну.—Я долженъ взять съ собой вашихъ гостей, которыхъ ждутъ уже жандармы, чтобы ихъ разстрѣлять.

Въ тотъ же вечеръ Кристэнъ узналъ, что его товарищи по тюрьмѣ были разстрѣляны на Гренельской площади.

Съ этого дня его жизнь стала сплошнымъ кошмаромъ. Тюрьма опоражнивалась и снова наполнялась. Сидя въ своей сырой, темной камерѣ, Кристэнъ умиралъ отъ страха и лежалъ почти безъ чувствъ. Чтобы вернуть ему силы, тюремщикъ насильственно вливалъ ему въ ротъ успокоительное питье, причемъ однажды при этой операціи выбилъ ему зубъ. Онъ сталъ даже проявлять

Библиотека "Руниверс"

признаки умственнаго разстройства, писалъ прошеніе за прошеніемъ о помилованіи, но на всѣ получалась одна резолюція: держать въ одиночной камерѣ.

Черезъ тринадцать мѣсяцевъ его выпустили. Пребываніе въ тюрьмѣ совершенно переродило Кристэна: онъ вышелъ оттуда осторожнымъ и молчаливымъ. Получивъ свободу, онъ сѣлъ въ дилижансъ и опять уѣхалъ въ свой родной городъ, не переставая дрожать передъ Наполеономъ. Когда ему однажды пришлось укрыть у себя двухъ французскихъ изгнанниковъ, онъ счелъ себя небезопаснымъ даже въ Швейцаріи, удалился сначала въ Баварію, затѣмъ въ Вѣну. Но и тутъ страхъ не давалъ ему покоя.

Только въ Россіи онъ почувствовалъ себя въ полной безопасности. Но черезъ шесть лѣтъ страхъ возобновляется опять. Наполеонъ приближается къ Москвѣ, гдѣ укрылся было Кристэнъ.

Съ какимъ энтузіазмомъ привѣтствовалъ зато потомъ гибель Бонапарта этотъ занесенный къ намъ швейцарецъ!

Кристэнъ до конца дней своихъ оставался въ Россіи, гдѣ и умеръ въ 1837 году. Онъ оправдалъ на своей судьбѣ слова Наполеона, сказанныя имъ одному изъ своихъ свитскихъ офицеровъ: «Вполнѣ счастливъ только тотъ, кому удалось скрыться отъ меня такъ, что я даже не подозрѣваю о его существованіи».

— Семейная трагедія Георга IV [1]).—Въ 1783 году принцъ Уэльскій, будущій король Георгъ IV, встрѣтился съ вдовою Мэри Фицгербертъ, пережившей двухъ безцвѣтныхъ мужей. Энергичный, съ изысканными манерами, тонкій знатокъ и цѣнитель искусства, прекрасный наѣздникъ, стрѣлокъ и боксеръ, кутила въ родѣ Фальстафа и врунъ не хуже любого ярмарочнаго шарлатана, двадцатитрехлѣтній Георгъ IV съ перваго взгляда безъ памяти влюбился въ красавицу вдову, которая была старше его на четыре года. Происходя изъ благородной католической семьи, Мэри была воспитана въ одномъ изъ монастырей Парижа, откуда вынесла горячую привязанность къ вѣрѣ своихъ предковъ. Она обладала хорошимъ состояніемъ и безупречной репутаціей.

Георгъ немедленно открылся ей въ своей любви, но получилъ рѣзкій отпоръ. Онъ сталъ появляться всюду за красавицей, всячески свидѣтельствуя ей чувства своей любви и почтительности. Сначала Мэри Фицгербертъ относилась къ ухаживаніямъ наслѣдника англійскаго престола довольно равнодушно, но когда эти ухаживанія стали черезчуръ назойливы, она стала избѣгать встрѣчъ съ принцемъ и прекратила съ нимъ всякую переписку.

Въ первый разъ Георгу пришлось встрѣтиться съ такимъ упорнымъ сопротивленіемъ. Онъ какъ-то вдругъ палъ духомъ, заперся въ своемъ Карлтоунскомъ дворцѣ, не пользовавшемся среди лондонцевъ хорошей репутаціей, и впалъ въ полное нервное разстройство. Чтобы избѣжать всякихъ искушеній, Мэри Фицгербертъ рѣшила тайно бѣжать во Францію.

Въ 1784 году въ одинъ прекрасный день, когда она собиралась уже сѣсть въ экипажъ, къ ней явились четыре офицера изъ числа приближенныхъ къ

[1]) «Temps». № 19039. 1913.

Библиотека "Руниверс"

Георгу, съ лордомъ Саутгэмптономъ во главѣ, и просили ее принять ихъ по очень спѣшному дѣлу. Оказалось, что Георгъ, узнавъ о ея предполагаемомъ отъѣздѣ, рѣшилъ покончить съ собой самоубійствомъ и нанесъ себѣ въ грудь рану. Положеніе его очень тяжелое, —говорили посланцы,—и только присутствіе любимой женщины можетъ поставить его на ноги. Они умоляютъ ее поспѣшить съ ними къ самоубійцѣ, но Мэри колеблется, и ее тащатъ къ Георгу почти силою. Увидѣвъ его на кровати, залитаго кровью, съ искаженными отъ страданія чертами, Мэри едва не упала въ обморокъ. Принцъ клянется, что онъ покончитъ съ собой, если она не согласится стать его женой и, пользуясь минутой ея слабости, надѣваетъ ей на палецъ обручальное кольцо. Наскоро составляется брачный актъ, подъ которымъ подписываются всѣ присутствующіе, наспѣхъ совершаются церемоніи—и около шести часовъ вечера 15-го декабря 1785 года обычный въ Англіи тайный бракъ совершенъ по обряду католической церкви.

Въ тотъ же вечеръ Мэри Фицгербертъ, быть можетъ, раскаявшись въ своей слабости, а, можетъ быть, подозрѣвая во всемъ этомъ покушеніи на самоубійство недостойную комедію, увѣдомила лорда Саутгэмптона, что она не считаетъ дѣйствительнымъ бракъ, который совершенъ при такихъ исключительныхъ остоятельствахъ, и что завтра же она уѣзжаетъ навсегда изъ Англіи.

Она любила принца, но съ героическимъ самоотверженіемъ рѣшила вырвать изъ себя эту любовь. Она не могла стать его фавориткой, но не могла сдѣлаться и его женой: по англійскимъ законамъ всякій членъ королевскаго дома, вступившій въ бракъ съ католичкой, не только устранялся отъ престолонаслѣдія, но даже и отъ всѣхъ должностей. Его постигала гражданская смерть. Для того, чтобы сохранить будущность принцу, его тайная жена рѣшила пожертвовать своей личной привязанностью и скрыться отъ него.

Принцъ былъ въ отчаяніи: кричалъ, что онъ откажется отъ престола и, распродавъ свое имущество, уѣдетъ съ женой въ Америку и будетъ жить тамъ частнымъ человѣкомъ. Георгъ бросился на розыски своей жены, но не могъ отыскать ее: она укрылась въ одномъ изъ глухихъ угловъ Лотарингіи и вела здѣсь уединенный, замкнутый образъ жизни.

Чтобы образумить сына, Георгъ III рѣшилъ уплатить его долги и такимъ образомъ дать ему возможность вернуться къ прежней веселой жизни. Расчетъ оказался вѣрнымъ. Но въ это время другу принца, герцогу Орлеанскому, удалось обнаружить мѣстонахожденіе Мэри Фицгербертъ. Георгъ засыпалъ ее самыми нѣжными письмами, умоляя ее вернуться и обѣщая ей устроить ее какъ свою супругу, какъ будущую королеву. Лотарингская отшельница не выдержала и возвратилась въ Лондонъ.

Принцъ собственноручно написалъ протоколъ о своемъ бракѣ, который былъ подписанъ нѣкоторыми изъ его приближеннымъ и врученъ Мэри. Въ свою очередь, она обязалась не обнародывать этого документа безъ его согласія.

Сначала супруги поселились на одной виллѣ около Ричмонда. Затѣмъ Мэри основалась недалеко отъ Карлтоунскаго дворца. Георгъ относился къ ней съ большой любовью и почтительностью, которую онъ старался проявлять публично. На первыхъ же порахъ онъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы всюду, гдѣ онъ появляется, приглашали бы и ее. За его столомъ она всегда сидѣла рядомъ съ нимъ

Библиотека "Руниверс"

въ центрѣ, а при различныхъ церемоніяхъ онъ не пропускалъ случая отвѣсить ей почтительный поклонъ или громко спросить ее: «Могу я просить васъ позволить сопровождать васъ до вашего экипажа?»

Тѣмъ не менѣе положеніе этой незаконной жены было весьма двусмысленное. Даже приближенные принца, хотя и знали о ея бракосочетаніи, были въ полномъ недоумѣніи, за кого ее считать: за фаворитку или за законную жену. Для фаворитки она была слишкомъ горда и благородна. Законной женой она не могла быть, какъ подданная и католичка, къ тому же нисколько не скрывавшая своего вѣроисповѣданія. Мало-по-малу въ обществѣ поднялись сплетни. Дѣло дошло до парламента: заговорили о преданіи суду наслѣдника престола, нарушившаго основные законы страны. Георгъ уполномочилъ Фокса заявить въ парламентѣ, что актъ, въ которомъ его обвиняютъ, никогда не былъ совершенъ.

Предательство совершилось, и Мэри Фицгербертъ была зачислена официально въ ряды придворныхъ фаворитокъ. Ей стоило только сказать слово, предъявить имѣвшійся у нея документъ, чтобы опровергнуть ложь, но благородная женщина не хотѣла губить человѣка, котораго считала своимъ супругомъ передъ лицомъ Божіимъ, и героически переносила свое униженіе. Георгъ скоро раскаялся въ своей низости, несчастное засѣданіе парламента, гдѣ на бѣдную женщину было пролито столько грязи, стало забываться, можно было надѣяться, что острота положенія смягчится, какъ вдругъ стали ходить слухи, что наслѣдникъ престола вступаетъ въ бракъ съ принцессой Брауншвейгской Каролиной.

Притѣсняемый кредиторами, преслѣдуемый отцомъ, Георгъ рѣшилъ поправить свои дѣла при помощи женитьбы. Дѣло устроилось очень скоро. Мэри Фицгербертъ не приходилось ревновать Георга къ своей соперницѣ: лишенная всякой граціи, грубая и нечистоплотная, Каролина уже въ дѣвицахъ имѣла связь съ какимъ-то «лицомъ темнаго происхожденія». Она отлично знала объ отношеніяхъ ея будущаго мужа къ Мэри Фицгербертъ, но перспектива сдѣлаться со временемъ англійской королевой заставила ее не отступать ни передъ чѣмъ.

Когда она прибыла въ Лондонъ, несчастный Георгъ принялъ ее съ большой предупредительностью и, согласно обычаю, долженъ былъ даже поцѣловать ее, послѣ чего сейчасъ же поспѣшилъ освѣжить ротъ хорошимъ стаканомъ коньяку. «Неужели онъ всегда таковъ?» спрашивала будущая королева.

Никогда Георгъ не любилъ такъ покинутую супругу, какъ въ эти предсвадебные дни. Его антипатія къ навѣстѣ росла неудержимо. Наканунѣ свадьбы онъ галопомъ понесся въ Ричмондъ, гдѣ жила Мэри Фицгербертъ, и остановился подъ ея окнами. Она увидѣла его, но нашла въ себѣ достаточно силы воли и не пригласила его къ себѣ. Когда на другой день торжественный звонъ колоколовъ возвѣстилъ населенію о бракосочетаніи наслѣдника престола, бѣдная женщина не выдержала и упала безъ памяти.

Теперь она стала простой авантюристкой. До сего времени хотя придворные знали или догадывались о томъ, что она законная, хотя и не объявленная супруга ихъ будущаго короля. Теперь всѣ открыто говорятъ, что онъ ввела въ за-

Библиотека "Руниверс"

блужденіе и ловко обманывала лондонское общество. Но и на этотъ разъ сила характера и благородство не измѣнили ей, и актъ тайнаго брака съ Георгомъ оставался тайной. Нѣсколько лѣтъ спустя, когда Георгъ, уже ставшій королемъ, затѣялъ скандальный бракоразводный процессъ, Каролина, обвиняемая мужемъ въ прелюбодѣяніи, сдѣлала попытку привлечь Мэри Фицгербертъ на свою сторону и, въ свою очередь, съ ея помощью обвинить короля въ двоеженствѣ. Несмотря на желаніе реабилитировать свою честь, покинутая жена и на этотъ разъ не пожелала губить своего вѣроломнаго мужа, а чтобы отнять у себя всякую возможность когда-либо поддаться искушенію, она собственноручно изорвала изобличающій короля документъ.

Послѣ смерти Мэри Фицгербертъ въ 1837 году ея бумаги, согласно ея волѣ, были переданы на храненіе въ одинъ изъ лондонскихъ банковъ, съ тѣмъ, чтобы ихъ можно было просматривать не иначе, какъ съ разрѣшенія короля.

Покойный Эдуардъ VII разрѣшилъ осмотръ этихъ документовъ одному изъ англійскихъ историковъ, Вилькинсу, который и установилъ теперь незыблемо, что Мэри Фицгербертъ дѣйствительно была супругой Георга IV.

— Смерть Карла XII.—Палъ ли знаменитый противникъ Петра Великаго Карлъ II отъ вражеской пули, или онъ былъ сраженъ рукою измѣнника?—этотъ вопросъ долго занималъ историковъ.

Какъ извѣстно, въ ноябрѣ 1718 года Карлъ обложилъ норвежскую крѣпость Фредрикстенъ, представлявшую настоящее орлиное гнѣздо, доступное только съ одной стороны, защищенной сильными укрѣпленіями. 30-го ноября въ сумерки Карлъ отправился въ одну изъ траншей, сооруженныхъ шведами, чтобы осмотрѣть работы. Въ сопровождавшей его свитѣ было два шведа—капитанъ Поссе и инженерный лейтенантъ Карлбергъ, два нѣмца и четыре француза, въ томъ числѣ и личный адъютантъ короля Андрэ Сикръ. На днѣ траншеи царила полная темнота, нельзя было различить даже вытянутой впередъ руки. Наоборотъ, пространство между траншеей и крѣпостью шириною сажень въ тридцать было ярко освѣщено брандерами непріятеля.

Ожидалась вылазка осажденныхъ. Чтобы лучше разсмотрѣть работы, Карлъ поднялся на валъ, защищавшій работавшихъ солдатъ, и легъ на откосъ, подперевъ голову лѣвой рукой. Одежда, которая была на немъ въ этотъ вечеръ и которая хранится теперь въ Стокгольмскомъ музеѣ, носитъ на себѣ слѣды грязи. При такой позѣ голова короля была ярко освѣщена огнемъ непріятеля. Офицеры, сопровождавшіе короля, просили его не выставляться, чтобы не служить мишенью для непріятеля, стрѣлявшаго безъ перерыва, но Карлъ отвѣчалъ, что хочетъ видѣть все самъ.

Вскорѣ адъютантъ короля Каульбарсъ, лицо котораго приходилось въ уровень съ ногами короля, замѣтилъ, что онъ какъ-то странно опустилъ голову на землю и лежитъ совершенно неподвижно.

— Бѣгите скорѣе къ генералу Шверину и передайте, что король убитъ,— сказалъ онъ ближайшему офицеру.

Прибѣжавшій Шверинъ поднялся на откосъ и сдѣлалъ знакъ, означавшій, что все кончено. Карлбергъ и Поссе отправились за носилками. Подставивъ ихъ подъ ноги убитаго короля, они потихоньку сволокли тѣло съ откоса. Сикръ,

Библиотека "Руниверс"

снявъ съ короля шляпу, надѣлъ на него свой парикъ. Такъ какъ король никогда не носилъ парика, то узнать его было трудно, и, стало быть, печальная новость не распространится сейчасъ же въ рядахъ осаждающихъ. И, дѣйствительно, въ суматохѣ, царившей въ траншеѣ, саперы совершенно не замѣтили смерти короля. Карлбергъ позвалъ двѣнадцать солдатъ и приказалъ имъ нести «этого храбраго офицера» въ главную картиру.

Долго несли солдаты тѣло короля, не догадываясь, кого они несутъ, но при спускѣ съ одного откоса тѣло соскользнуло съ носилокъ. Чтобы не дать ему упасть, сопровождавшій шествіе Карлбергъ схватилъ его въ свои объятія. Парикъ свалился, и солдаты увидѣли лицо короля. Сильное смятеніе поднялось въ лагерѣ шведовъ.

Карлбергъ разсказываетъ, что солдаты его оставили и до часу ночи онъ оставался одинъ около носилокъ. Сикръ побѣжалъ доложить о смерти короля принцу Фредерику, претендовавшему на шведскій престолъ. Наконецъ подошелъ въ сопровожденіи своего слуги капитанъ Шульцъ. Къ нимъ присоединился еще одинъ гвардеецъ, вчетверомъ они внесли блѣднаго и окровавленнаго короля въ домъ, служившій главной квартирой, и тамъ положили его на полъ.

Объ обстоятельствахъ, при которыхъ погибъ король, къ удивленію, не было составлено никакого протокола. Личный другъ и придворный врачъ короля Мельхіоръ Нейманнъ, которому поручили бальзамированіе тѣла, объявилъ, что выстрѣлъ, положившій короля на мѣстѣ, былъ сдѣланъ съ лѣвой стороны, т. е. со стороны осажденной крѣпости. Но двѣнадцать солдатъ, которые несли носилки съ тѣломъ короля, утверждали, что рана зіяла на правомъ вискѣ. Это значило, что король былъ убитъ человѣкомъ, находившимся въ траншеѣ.

Кто же былъ этотъ измѣнникъ? Сначала подозрѣніе пало на Сикра. Его открыто называли убійцей и утверждали, что, устранивъ короля, онъ хотѣлъ поскорѣе возвести на престолъ благоволившаго къ нему принца Фредерика. Оказалось однако, что въ этотъ вечеръ въ траншеѣ никто не стрѣлялъ, да и темнота была такая, что трудно было бы попасть въ короля. Къ тому же при выстрѣлѣ на такомъ близкомъ разстояніи около раны были бы слѣды ожога, чего никто не замѣтилъ. Другіе, напротивъ, продолжали утверждать, что Сикръ или командиръ артиллеріи Кронстедъ могли очень легко убить короля. Иначе почему его похоронили съ такой тайной?

Со времени этой трагической смерти прошло четверть вѣка, а толки о ея причинѣ не прекращались. Въ 1746 году шведское правительство рѣшило наконецъ вынуть тѣло короля изъ гроба и произвести слѣдственный его осмотръ. Три уполномоченныхъ на то лица заявили, что Нейманнъ исказилъ истину и что пуля пробила черепъ Карла XII съ правой стороны. Такимъ образомъ, выходило, что король погибъ отъ руки злодѣя.

Когда снова занялись провѣркой этого заявленія, возникъ цѣлый рядъ сомнѣній. Отверстіе раны, по показаніямъ видѣвшихъ тѣло, было настолько велико, что могло быть причинено только пулею изъ крѣпостного ружья, которыми были вооружены норвежцы и которыхъ не было у шведовъ. Споръ возобновился съ новой силой и тянулся до самаго послѣдняго времени, осложняясь иногда довольно комическими эпизодами. Такъ, въ 1907 году нѣкій докторъ Нистромъ,

Библиотека "Руниверс"

убѣжденный въ томъ, что пуля, пущенная изъ крѣпости, не могла достигнуть короля, рѣшилъ подтвердить свое убѣжденіе фактическимъ опытомъ. Онъ досталъ крѣпостное ружье того времени, изготовилъ порохъ точно такой, какой дѣлали тогда, укрѣпилъ мишень на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ убитъ Карлъ XII и, поставивъ на мѣстѣ тогдашней норвежской крѣпости солдата, приказалъ ему стрѣлять по мишени.

Результатъ получился совершенно неожиданный для доктора Нистрома. Изъ двадцати четырехъ пуль, выпущенныхъ солдатомъ, тринадцать пронизали мишень почти въ горизонтальномъ направленіи.

Итакъ, Карлъ XII погибъ отъ вражеской, а не отъ предательской пули. Къ этому выводу пришелъ и директоръ артиллерійскаго музея капитанъ Освальдъ Кюлешерна, также производившій опыты въ этомъ направленіи и отыскавшій то самое мѣсто, на которомъ произошла катастрофа.

Однимъ загадочнымъ эпизодомъ въ исторіи стало меньше.

— Народъ-комета [1]). — Въ 1417 году улицы венгерскихъ городовъ были наводнены какими-то странными пришельцами, какихъ никто еще не видалъ до сего времени. Смуглые, худые люди, закутанные въ лохмотья, съ длинными черными волосами шагали рядомъ съ своими лошадьми и ослами, навьюченными палатками и домашнимъ скорбомъ. Голые ребятишки и разряженныя въ пестрыя ткани женщины,—молодыя поразительно красивыя, старыя до крайности безобразныя,—громоздились на телѣгахъ и, протягивая руки, просили подаяніе. Весь этотъ обозъ сопровождался заливистымъ лаемъ собакъ и громкимъ ржаніемъ жеребятъ, прерываемымъ время отъ времени ревомъ медвѣдя, котораго везли съ собой странные пришельцы.

Ихъ предводители ѣхали верхомъ впереди въ пестрыхъ одѣяніяхъ съ большими серебряными пуговицами и называли себя властителями Малаго Египта.

Нищенствуя и распѣвая, голодая и танцуя, двигался впередъ этотъ никому невѣдомый народъ, внушавшій всѣмъ какой-то суевѣрный страхъ. Когда ихъ спрашивали, кто они такіе, они отвѣчали, что они происходятъ изъ Египта и несутъ на себѣ проклятіе Божіе за то, что не дали убѣжища Богородицѣ, когда она съ младенцемъ Іисусомъ скрывалась въ ихъ землѣ. Какъ добрые христіане, они были въ Римѣ, покаялись папѣ, и вотъ на нихъ наложена эпитимія непрерывно странствовать семь лѣтъ, питаясь подаяніемъ.

Эта старинная легенда, открывшая пришельцамъ доступъ въ католическія страны, дала имъ и названіе «египтянъ», какъ ихъ называютъ до сихъ поръ во Франціи и Англіи, и «фараоновъ», какъ ихъ зовутъ въ Венгріи и у насъ, въ Россіи.

Пришельцы успѣли запастись рекомендательнымъ письмомъ отъ венгерскаго палатина Николая Гары къ императору Сигизмунду. Подъ вліяніемъ этого ходатайства императоръ разрѣшилъ пришельцамъ свободно передвигаться по его землямъ и въ случаѣ надобности судиться у спеціальнаго, для этого наряженнаго воеводы.

---

[1]) «Oesterreich. Rundschau», 1 іюля 1913.

Библиотека "Руниверс"

Черезъ тридцать лѣтъ такая же пестрая и шумная толпа этихъ осужденныхъ папою «сарацинъ» появляется во Франціи у воротъ Орлеана. Оттуда они скоро перебираются въ Барцелону, гдѣ получаютъ названіе «грековъ». Въ самомъ началѣ XVI столѣтія мы встрѣчаемъ огромныя толпы этого народца въ Польшѣ и въ Россіи, въ предѣлахъ теперешней Волыни, откуда они черезъ Финляндію проникаютъ въ Швецію, гдѣ впервые упоминаются въ 1512 году.

Откуда явился этотъ народъ-комета?

Единственнымъ источникомъ, откуда можно до извѣстной степени почерпнуть отвѣтъ на этотъ вопросъ, является языкъ, изслѣдованіемъ котораго давно уже занимаются ученые. Въ 1777 году профессоръ Рюдигеръ высказалъ впервые предположеніе, что родину цыганъ нужно искать на берегахъ Нила. Но другіе лингвисты, особенно Миклошичъ, доказали, что цыганскій языкъ составляетъ одно цѣлое съ кавказскими діалектами, главнымъ образомъ съ діалектомъ Дарду, и потому родиной цыганъ являются не берега Нила, а сѣверо-западная часть Индіи.

Что заставило цыганъ покинуть свою родину? Были ли они потѣснены народомъ, живущимъ за персами, какъ говоритъ преданіе, или же ихъ прогналъ на западъ Тамерланъ, напрасно сватавшійся къ дочери ихъ короля Синто? Наука не даетъ на этотъ вопросъ отвѣта. Названіе «цыгане» Миклотичъ производитъ отъ малоазійской самаританской секты «атингане». Другіе утверждаютъ, что это названіе происходитъ отъ названія индійской касты «чингаръ».

Установлено лишь одно, что, покинувъ свою азіатскую родину, этотъ народъ-обломокъ долго жилъ въ Греціи: въ его языкѣ мы встрѣчаемъ множество чисто греческихъ, хотя иногда искаженныхъ словъ. Такія заимствованныя изъ болѣе культурныхъ языковъ слова лучше всего указываютъ путь, пройденный цыганами. Большая часть цыганъ, какъ доказываютъ лингвисты, изъ Греціи переселилась въ Валахію, гдѣ исторія ихъ застаетъ около 1340 года. Другая вѣтвь цыганъ осѣла въ Венгріи, а авангардъ, не задерживаясь въ Семиградьѣ, продвинулся во Францію и Испанію.

Легенда объ египетскомъ происхожденіи цыганъ сдѣлала свое дѣло, и за цыганками сразу утвердилась слава прорицательницъ и гадальщицъ, но ихъ страсть къ воровству вскорѣ вооружила противъ нихъ всѣ народы, съ которыми имъ приходилось сталкиваться, и на нихъ всюду начались гоненія.

Въ 1561 году орлеанскій парламентъ предписываетъ истреблять цыганъ огнемъ и мечомъ. Въ Испаніи король Филиппъ IV запрещаетъ имъ называться «гитанами», а Филиппъ V изгоняетъ ихъ изъ Мадрида и въ 1745 году осуждаетъ на смерть бродячія шайки цыганъ, не пожелавшихъ пріобрѣсти осѣдлость. Въ Богеміи Леопольдъ I издаетъ указъ, предписывающій полное истребленіе цыганъ, находящихся на его территоріи.

Но не такъ-то легко было покончить съ этимъ воровскимъ племенемъ. Цыганъ жестоко карали за воровство, и по указу Карла VI за это преступленіе взрослыхъ цыганъ предавали смертной казни черезъ повѣшеніе, подросткамъ отрубали правую руку и навсегда изгоняли, подъ страхомъ смертной казни, изъ владѣній императора.

Библиотека "Руниверс"

Загадочный народъ исчезалъ, опять появлялся, но не вымиралъ. Тамъ, гдѣ народы были заняты борьбой съ турками, цыгане пускали болѣе глубокіе корни, и тутъ наиболѣе проявлялись ихъ національныя качества и таланты. Цыгане—лучшіе кузнецы въ Венгріи, а ихъ страсть къ музыкѣ забрасываетъ ихъ въ оркестры венгерскихъ и турецкихъ войскъ. Самые жестокіе и изобрѣтательные на пытки палачи выходили въ средніе вѣка также изъ цыганъ.

Цыганская музыка, начинающаяся всегда съ andante и переходящая затѣмъ въ бурное allegro, является, по выраженію страстно увлекавшагося ею Франца Листа, обломкомъ великаго цыганскаго эпоса, который они принесли съ собой съ своей далекой родины. На благословенныхъ равнинахъ Венгріи они нашли себѣ гостепріимный кровъ и подарили зато венграмъ то, чего имъ недоставало,—музыку.

Такъ, уже въ 1550 году упоминается цыганъ Дмитрій Карманъ, котораго за его музыкальные таланты переманили на турецкую службу. XVIII вѣкъ былъ золотымъ вѣковъ цыганской музыки. Стоитъ вспомнить имена придворнаго скрипача кардинала Чаки Михаила Барно или цыганскаго капельмейстера Бигари, попавшаго даже ко двору королевы Маріи-Луизы.

Цыганское пѣніе еще не такъ давно процвѣтало у насъ въ Россіи. Да и теперь еще находится не мало любителей этого жанра, хотя искусство это, видимо, вымираетъ среди цыганъ, превращаясь въ пошлое ресторанное пѣніе, годное только при кутежахъ.

Библиотека "Руниверс"

СМѢСЬ.

ВУХСОТЛѢТІЕ Александро-Невской лавры. Александро-Невская лавра 30-го августа, въ установленный Петромъ Великимъ для Петербурга праздникомъ день перенесенія мощей святого благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго, праздновала свой 200-лѣтній юбилей. Торжественныя богослуженія начались съ вечера наканунѣ. Массы народа устремились въ лавру еще къ вечернѣ, а ко всенощной шли съ пяти часовъ, наполняя величественный соборъ лавры. Послѣ вечерни, начавшейся въ три часа, у раки св. князя совершалъ молебенъ съ акаѳистомъ святому преосвященный Анастасій, епископъ ямбургскій, съ архимандритами экономомъ митрополичьяго дома Евгеніемъ и Макаріемъ и соборомъ іеромонаховъ. Пѣлъ отличный хоръ братіи лавры. Въ шесть часовъ огромный соборъ уже былъ весь наполненъ народомъ. Изъ алтаря вышла попарно братія обители, съ свѣчами, кадилами, архимандриты въ мантіяхъ, іеромонахъ съ крестомъ для встрѣчи, какъ называется въ уставѣ, «со славою» священноархимандрита лавры митрополита Владимира. Всенощную превосходно пѣлъ митрополичій хоръ подъ управленіемъ регента Тернова. Митрополитъ со всѣми своими викарными епископами, сонмомъ архимандритовъ и іеромонаховъ, въ роскошныхъ облаченіяхъ совершалъ величаніе у раки св. Александра Невскаго и миропомазывалъ молящихся. Въ десятомъ слишкомъ часу окончилось богослуженіе въ соборѣ. Народъ заполнялъ тротуаръ кругомъ собора. Архимандриты еще совершали всенощныя съ церквахъ св. Александра Невскаго и Крестовой митрополичьей. Съ утра начались въ лаврѣ богослуженія. Въ большомъ соборѣ Св. Троицы въ девять часовъ утра благочинный съ іеромонахами совершилъ водосвятіе при перезвонѣ колоколовъ, и въ десятомъ же часу собравшаяся въ соборѣ братія и невскій митрополичій хоръ

Библиотека "Руниверс"

пошли по убранному краснымъ сукномъ пути навстрѣчу митрополиту. «Со славою» и съ колокольнымъ звономъ, окруженный аттрибутами своего сана, вступилъ высокопреосвященный Владимиръ въ соборный храмъ. По облаченіи владыки изъ алтаря вышли архіереи съ прибывшимъ утромъ высокопреосвященнымъ митрополитомъ московскимъ Макаріемъ и сонмомъ архимандритовъ и іеромонаховъ въ золотыхъ облаченіяхъ. Совершали молебствіе передъ ракою святого князя высокопреосвященные архіепископы: Сергій финляндскій, Арсеній новгородскій, Владиславъ донской, членъ святѣйшаго синода Никонъ, преосвященные епископы Алексѣй тобольскій и сибирскій и Анастасій ямбургскій. Присутствовали на молебствіи: князь Іоаннъ Константиновичъ, оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода дѣйствительный тайный совѣтникъ Саблеръ и директоры канцелярій синода и его управленій. Тѣмъ временемъ въ десятомъ часу изъ Исаакіевскаго собора пошелъ крестный ходъ въ лавру, съ городскимъ духовенствомъ, во главѣ съ преосвященнымъ Никандромъ, епископомъ нарвскимъ, старшимъ викаріемъ петербургской митрополіи. Въ соборѣ совершали литургію высокопреосвященные митрополитъ Владимиръ съ митрополитомъ Макаріемъ, архіепископомъ Сергіемъ, епископомъ Алексѣемъ тобольскимъ и епископомъ Анастасіемъ ямбургскимъ. Художественно пѣли митрополичьи пѣвчіе подъ управленіемъ Тернова и братскій хоръ подъ управленіемъ іеромонаха Іоанна. Преосвященный сказалъ за причастнымъ слово, очертивъ исторію лавры, указавъ на выдающихся ея сыновъ, ея духовную, просвѣтительную и благотворительную дѣятельность. По окончаніи литургіи архидіаконъ Авраамій съ амвона прочиталъ высочайшій рескриптъ Государя Императора митрополиту Владимиру по случаю юбилея лавры; пѣвчіе исполнили многолѣтіе, затѣмъ было архидіакономъ прочитано посланіе святѣйшаго синода съ преподаніемъ благословенія обители. Пѣвчіе пропѣли «Спаси, Христе Боже». Затѣмъ митрополитъ Владимиръ осѣнилъ народъ иконами Спасителя и Божіей Матери, и городской крестный ходъ съ преосвященнымъ Веніаминомъ во главѣ двинулся обратно въ Исаакіевскій соборъ. Десятки тысячъ народа шли и стояли по пути. Митрополиту Владимиру въ его покояхъ приносили поздравленія съ юбилеемъ лавры бывшіе въ соборѣ архіереи, предсѣдатель совѣта министровъ статсъ-секретарь Коковцовъ, министры, лица административныхъ вѣдомствъ и представители высшаго духовенства. Въ покояхъ митрополита была предложена высшему духовенству и поздравлявшимъ трапеза, за которою архидіаконъ возгласилъ царское многолѣтіе, многолѣтія синоду, митрополитамъ и освященному собору, правительствующему синклиту, воинству и всѣмъ православнымъ христіанамъ. Присутствовавшимъ была роздана брошюра съ описаніемъ жизни св. Александра Невскаго. Эта же брошюра въ тысячахъ экземпляровъ раздавалась въ соборѣ народу. Историческій очеркъ лавры С. Г. Рункевича вышелъ изъ печати пока въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ. Народъ цѣлый день наполнялъ лавру, безпрестанно служились молебствія у раки святого князя. Въ шесть часовъ архимандритъ совершалъ всенощную. 31-го августа происходилъ пріемъ поздравленій и депутацій. Получена масса телеграммъ, въ числѣ ихъ отъ священно-архимандритовъ Кіево-Печерской лавры—митрополита Флавіана, Почаевской лавры—

Библиотека "Руниверс"

архіепископа волынскаго Антонія, высылающаго отъ обители въ даръ Невской лаврѣ икону Божіей Матери Почаевской, отъ архіепископовъ варшавскаго Николая, экзарха Грузіи Иннокентія, отъ многихъ прочихъ преосвященныхъ, принявшихъ въ Невской лаврѣ посвященіе въ санъ епископа или бывшихъ въ числѣ ея братіи, отъ намѣстника Кіевской лавры архимандрита Амвросія, военнаго министра генералъ-адъютанта Сухомлинова и другихъ сановныхъ лицъ. Владыка митрополитъ Владиміръ съ десяти часовъ утра, окруженный старѣйшей братіей лавры, принималъ личныя поздравленія въ гостиной, въ своихъ покояхъ, все время стоя на ногахъ, и каждому привѣтствовавшему отвѣчалъ нѣсколькими теплыми словами, а то и цѣлой рѣчью. Привѣтствовали исполняющій обязанности протопресвитера военнаго и морского духовенства о. Моревъ, настоятель Троице-Сергіевой пустыни архимандритъ Михаилъ. Читали адреса: отъ петербургской духовной академіи ректоръ ея епископъ Анастасій, инспекторъ профессоръ Заринъ; отъ петербургской духовной семинаріи ректоръ—протоіерей Мартинсонъ, духовникъ протоіерей Силинъ и учитель Поповъ; отъ петербургской духовной цензуры—старшій цензоръ архимандритъ Александръ; отъ миссіонерскаго совѣта—преосвященный Никандръ; отъ церкви Самсонія Странноприимца на Выборгской сторонѣ—протоіерей Острогорскій (поднесъ адресъ, икону и альбомъ), отъ Исидоровскаго епархіальнаго училища—начальница г-жа Успенская и преподаватели; отъ петербургскаго епархіальнаго совѣта—предсѣдатель преосвященный Веніаминъ и епархіальные наблюдатели; отъ общества религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ православной церкви—предсѣдатель протоіерей Орнатскій и члены совѣта. Въ адресѣ высказывалось, что Петръ Великій основалъ въ Петербургѣ двѣ крѣпости—одну противъ врага внѣшняго, другую, Александро-Невскую лавру,—противъ врага внутренняго, духовнаго. Отъ императорскаго петербургскаго коммерческаго училища инспекторъ классовъ Нестеровъ, старшій преподаватель Чевакинскій и протоіерей Милославовъ (въ коммерческомъ училищѣ первое время преподавали Законъ Божій іеромонахи лавры). Отъ внутренней православной миссіи и миссіонерскихъ изданій—миссіонеры дѣйствительный статскій совѣтникъ Скворцовъ и Айвазовъ. Отъ газетъ «Колоколъ» и «Свѣтъ». Отъ возрождающагося кружка дѣятелей національной русской печати привѣтствовалъ В. А. Прокофьевъ и испрашивалъ благословенія владыки митрополита на начинанія кружка. Митрополитъ отвѣчалъ, что ему особенно пріятно выслушать привѣтствіе отъ дѣятелей національной русской печати, правдивый голосъ которой такъ необходимъ въ наше время. Прибылъ высокопреосвященный митрополитъ московскій Макарій и привѣтствовалъ митрополита Владимира и въ знакъ духовнаго общенія лавръ поднесъ образъ преподобнаго Сергія въ золотомъ окладѣ. Прибыли оберъ-прокуроръ св. Синода В. К. Саблеръ, архіепископъ Арсеній, епископъ Антонинъ и др. Митрополиты въ группѣ съ депутаціями и соборомъ лавры сняты фотографомъ. Въ обширной свѣтлой трапезной лавры, гдѣ на хорахъ помѣщается церковь во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, были накрыты вдоль три ряда столовъ и одинъ поперечный, гдѣ заняли мѣста митрополиты, архіереи, высшее духовенство, оберъ-прокуроръ св. синода В. К. Саблеръ и нѣкоторыя депутаціи. За трапезой чи-

Библиотека "Руниверс"

талъ очередной іеродіаконъ житіе св. Александра и исторію положенія пояса Пресвятыя Богородицы и хоръ братіи подъ управленіемъ регента о. Іоанна исполнилъ нѣсколько номеровъ изъ сборника нотныхъ пѣснопѣній, изданнаго митрополитомъ Макаріемъ. Въ концѣ трапезы архидіаконъ Авраамій прочиталъ текстъ посланной Его Величеству вѣрноподданнической телеграммы и Высочайшую телеграмму Государя Императора. Въ Ливадію Его Величеству отъ митрополита Владимира было отправлена слѣдующая телеграмма: «Призванная къ бытію Державною волею блаженныя памяти императора Петра Великаго и обильно взысканная щедротами вѣнценосныхъ его преемниковъ, свѣтло празднуетъ нынѣ Александро-Невская лавра двухсотлѣтіе своего существованія. Въ этотъ знаменательный день Вашему Императорскому Величеству благоугодно было съ высоты престола обратить къ лаврѣ свое царское слово и тѣмъ явить новый знакъ высокаго монаршаго къ ней благоволенія. Горячею беззавѣтною любовью къ Вашему Величеству откликнулись на высокомилостивыя слова царскаго рескрипта сердца смиренныхъ иноковъ обители, и они усердно молятъ Господа, да будутъ навѣки живы на Руси дорогіе каждому русскому сердцу священные завѣты благовѣрнаго князя Александра Невскаго и да хранитъ Царь царствующихъ Ваше Величество и весь августѣйшій домъ всемощнымъ предстательствомъ небеснаго Покровителя лавры въ вожделѣнномъ мирѣ и благоденствіи, на радость и счастіе всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Державы Россійской». Отвѣтъ отъ Государя Императора полученъ былъ слѣдующій: «Сердечно благодарю братію Александро-Невской лавры за молитвы о всей нашей семьѣ. НИКОЛАЙ». Послѣ чтенія телеграммы всѣ присутствовавшіе съ хоромъ братіи спѣли «Боже, Царя храни». Затѣмъ архидіаконъ возгласилъ: царскія многолѣтія, многолѣтія св. синоду и освященному собору, синклиту, воинству и православнымъ христіанамъ и речитативомъ пропѣлъ глашеніе о сохраненіи и утвержденіи обители и монашествующихъ. Пѣніемъ хора «Спаси, Христе Боже» закончилась трапеза. Затѣмъ спѣли благодарственную молитву, и митрополитъ благословлялъ присутствовавшихъ.

Двухсотлѣтіе Кронштадта. Кронштадтъ праздновалъ 25-го августа свой двухсотлѣтній юбилей. Кронштадтъ былъ украшенъ повсюду флагами. На Господской улицѣ убранствомъ выдѣлялось зданіе городской думы, надъ задрапированнымъ подъѣздомъ которой высился гербъ между бѣлѣющими статуями Ихъ Величествъ и подъ нимъ цифра двѣсти. Гирлянды зеленой хвои и флаги охватывали зданіе. Въ кронштадтскомъ Андреевскомъ соборѣ совершалась торжественная литургія высокопреосвященнымъ петербургскимъ митрополитомъ Владимиромъ въ сослуженіи соборнаго духовенства, въ присутствіи военнаго губернатора вице-адмирала Вирена, мѣстныхъ властей и городской думы, при массѣ народа. Въ соборъ къ литургіи подошли крестные ходы изъ всѣхъ городскихъ церквей Кронштадта, изъ церкви Успенія при городской думѣ (единственная въ Россіи городская дума, имѣющая свою церковь), изъ дома трудолюбія, основаннаго о. Іоанномъ Кронштадтскимъ, изъ эстонской православной церкви. Въ шесть часовъ утра вышелъ изъ Петербурга крестный ходъ общества трезвенниковъ изъ храма у Варшавскаго вокзала и прибылъ на пароходѣ въ Кронштадтъ. Здѣсь съ пристани онъ также подошелъ къ Андреев-

Библиотека "Руниверс"

скому собору. Въ соборѣ въ концѣ литургіи митрополитъ Владимиръ произнесъ слово. Изъ собора послѣ литургіи отправился общій крестный ходъ по Николаевскому проспекту и Нарвской площади къ Петровскому парку къ памятнику Петра Великаго. Кругомъ памятника нити флаговъ, и дорожка, которая ведетъ къ памятнику, вся уставлена національными флагами. Вся площадь окружена дѣтворой изъ кронштадтскихъ городскихъ учебныхъ заведеній. Въ павильонѣ хоръ музыки заигралъ «Коль славенъ», когда крестный ходъ вступилъ на площадь. Кресты и хоругви окружили памятникъ Петра, окаймленный цвѣтниками и пальмами. Впереди его поставили икону святого Александра Невскаго и аналой съ крестомъ и евангеліемъ. Кронштадтскій городской голова Гуляевъ съ гласными возложилъ къ подножію памятника громадный вѣнокъ изъ лавровъ, перевитый лентой національныхъ цвѣтовъ. Митрополитъ совершилъ благодарственное молебствіе, протодіаконъ возгласилъ царское многолѣтіе, вѣчную память императору Петру Великому и приснопамятному отцу Іоанну и многолѣтіе святѣйшему синоду, воинству и гражданамъ города. Митрополитъ осѣнялъ народъ крестомъ. Крестный ходъ пошелъ обратно въ соборъ и по своимъ церквамъ. Митрополитъ проводилъ его до дома губернатора. Въ залѣ городской думы состоялось торжественное засѣданіе. Сѣни украшены экзотическими растеніями и пальмами и рядами елокъ. На стѣнѣ на драпированномъ щитѣ гербъ Кронштадта и по сторонамъ бюсты Государя и Государыни. За почетнымъ столомъ заняли мѣста митрополитъ, морской министръ, комендантъ генералъ-лейтенантъ Николенко, адмиралы Виренъ, Зеленый, городской голова и члены управы. Морской министръ открылъ засѣданіе и возгласилъ «ура» Государю Императору. Трижды присутствовавшіе пропѣли «Боже, Царя храни», «ура» оглашало залъ. Митрополитъ Владимиръ благословилъ городское управленіе иконою. Военный губернаторъ вице-адмиралъ Виренъ сообщилъ, что Государь Императоръ, по докладу министра внутреннихъ дѣлъ, пожаловалъ нагрудный юбилейный знакъ, и возгласилъ «ура» Государю Императору. Городской голова просилъ военнаго губернатора повергнуть къ стопамъ Государя Императора вѣрноподданническія чувства гражданъ Кронштадта. Секретарь прочиталъ краткій историческій очеркъ Кронштадта, оттѣняя важность коммерческаго значенія города. Экземпляры историческаго очерка розданы присутствовавшимъ. Затѣмъ начался пріемъ депутацій. Адмиралъ Князевъ читалъ адресъ отъ флота. Адресъ въ роскошномъ бюварѣ съ надписью: «Флотъ—Кронштадту», и съ акварелью—работы мариниста Рѣщинова—эскадра на кронштадтскомъ рейдѣ. Причтъ кронштадтскаго Андреевскаго собора поднесъ образъ. Депутація отъ Петербурга поднесла адресъ; далѣе слѣдовало привѣтствіе отъ кронштадтскаго крѣпостного собора, адресы—отъ штаба кронштадтскаго порта, начальника крѣпостного штаба генерала Данилова, крѣпостной артиллеріи, Ораніенбаума, разныхъ учрежденій Кронштадта и сословныхъ обществъ, кронштадтскихъ морского собранія и коммерческаго—серебряный бюваръ, кронштадтскихъ учебныхъ заведеній, причемъ женская прогимназія, при которой есть кулинарные курсы, поднесла блюдо съ пирогомъ и вышитымъ полотенцемъ, а сиротскій домъ вѣдомства императрицы Маріи поднесъ бюваръ, вышитый сиротами пріюта. Послѣ привѣтствія отъ дома тру-

Библиотека "Руниверс"

долюбія о. Іоанна Кронштадтскаго пропѣта основателю его вѣчная память. Послѣдними привѣтствовали еврейское общество и общества пароходства. Всего до шестидесяти депутацій. Городской голова благодарилъ митрополита, почтившаго юбилей города своими молитвами, и всѣхъ поздравлявшихъ. Въ залѣ морского инженернаго училища былъ устроенъ юбилейный обѣдъ на четыреста пятьдесятъ приглашенныхъ. Митрополитъ благословилъ трапезу. Во время обѣда портовый оркестръ исполнилъ четырнадцать нумеровъ концертнаго отдѣленія, начавшагося и закончившагося Петровскимъ преображенскимъ маршемъ. Комендантъ генералъ Николенко возгласилъ царскій тостъ. Весь залъ запѣлъ гимнъ и дважды его повторилъ. Пропѣли многая лѣта митрополиту и слѣдовалъ рядъ тостовъ за процвѣтаніе города, за его администрацію. Прочитаны телеграммы: отъ министра императорскаго двора графа Фредерикса, отъ предсѣдателя совѣта министровъ статсъ-секретаря Коковцова, отъ министровъ—внутреннихъ дѣлъ гофмейстера Маклакова, торговли и промышленности Тимашева, народнаго просвѣщенія Кассо, главноуправляющаго земледѣліемъ и землеустройствомъ Кривошеина, архіепископа тамбовскаго Кирилла, оберъ-прокурора святѣйшаго синода Саблера, члена государственнаго совѣта Зиновьева, предсѣдателя государственной думы Родзянка, товарища министра внутреннихъ дѣлъ Джунковскаго, начальника отдѣла мѣстнаго хозяйства Анцыферова; бывшихъ главныхъ начальниковъ Кронштадта генераловъ Иванова и Артамонова и множество другихъ. Мѣстный поэтъ Тельмяковъ читалъ свои стихи. Въ Лѣтнемъ саду былъ устроенъ спектакль для народа, поставленъ «Саардамскій плотникъ», въ паркѣ у залива—народное гулянье, гдѣ пущенъ фейерверкъ.

Открытіе памятника императору Александру II. 1-го сентября въ деревнѣ Загарье, Новинской волости Богородскаго уѣзда, состоялось торжественное открытіе и освященіе памятника императору Александру II. Памятникъ сооруженъ на средства крестьянъ. Фигура императора, отлитая изъ металла во весь ростъ, помѣщается на пьедесталѣ. Памятникъ поставленъ на землѣ, пожертвованной московскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства А. Д. Самаринымъ. Богослуженіе совершалъ преосвященный Анастасій, епископъ серпуховскій, въ сослуженіе другого духовенства. Присутствовали московскій губернскій предводитель дворянства А. Д. Самаринъ, представитель московскаго губернатора баронъ Н. С. Нольде, богородскій предводитель дворянства Н. Н. Кисель-Загорянскій и др. начальствующія и должностныя лица. На торжество открытія изъ окрестныхъ деревень собралось болѣе 5000 крестьянъ. Были пріѣзжіе изъ Павловскаго посада. Присутствовалъ комитетъ по сооруженію памятника во главѣ съ фабрикантомъ Русановымъ. Хоръ учениковъ земской школы исполнилъ гимнъ, кантату и другія пѣснопѣнія. Исполнилъ также гимнъ оркестръ мѣстной команды стражниковъ. Одинъ изъ учениковъ земской школы прочелъ стихотвореніе. Крестьяне поднесли А. Д. Самарину хлѣбъ-соль. По окончаніи торжества крестьяне давали начальствующимъ лицамъ обѣдъ въ домѣ А. Д. Самарина.

Открытіе памятниковъ П. А. Столыпину въ Кіевѣ и Симбирскѣ. 5-го сентября въ два часа дня на площади передъ зданіемъ городской думы въ Кіевѣ состоялось

Библиотека "Руниверс"

торжественное открытіе памятника статсъ-секретарю Столыпину. Къ началу торжества на прилегающихъ къ Крещатику улицахъ царило необычайное оживленіе. Людскія волны, сливаясь въ лавину, запружали площадь. Возлѣ памятника размѣстились духовенство, семья покойнаго, совѣтъ министровъ въ полномъ составѣ, члены государственныхъ совѣта и думы, высшіе военные чины, губернаторы, представители патріотическихъ общественныхъ организацій съ вѣнками, почетныя дамы, а также учащіеся высшихъ и среднихъ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеній, которые освобождены сегодня отъ занятій. Кромѣ Кіева, широко представлена была и провинція, откуда помимо официальныхъ депутацій съѣхались тысячи участниковъ происходящихъ въ Кіевѣ всероссійскихъ съѣздовъ. Въ два часа десять минутъ торжественное молебствіе совершилъ митрополитъ Флавіанъ въ сослуженіи всѣхъ епископовъ кіевской епархіи и многочисленнаго духовенства. При пѣніи «Спаси, Господи!» пелена съ памятника упала, и передъ зрителями предстала мощная фигура статсъ-секретаря Столыпина. По совершеніи чина освященія профессоръ богословія протоіерей Прозоровъ произнесъ рѣчь, посвященную памяти покойнаго. Началось возложеніе вѣнковъ. Первый вѣнокъ—серебряный—отъ Государя Императора возложилъ князь Кочубей. Статсъ-секретарь Коковцовъ, возлагая второй серебряный вѣнокъ съ надписью: «Своему предсѣдателю Петру Аркадьевичу Столыпину совѣтъ министровъ», произнесъ: «Въ эту торжественную минуту, сливаясь единымъ чувствомъ со всѣми тѣми, движеніемъ мысли и сердца коихъ воздвигнутъ памятникъ Петру Аркадьевичу Столыпину, совѣтъ министровъ возлагаетъ къ подножію его этотъ вѣнокъ, какъ дань глубокаго почитанія къ свѣтлой памяти сво его незабвеннаго предсѣдателя, доблестнаго слуги Царю и родинѣ, кровью своею запечатлѣвшаго непоколебимую вѣрность своему долгу». Третій вѣнокъ отъ государственной думы возлагаетъ предсѣдатель государственной думы Родзянко. Четвертый вѣнокъ—отъ канцеляріи совѣта министровъ. Балашевъ возложилъ вѣнокъ отъ всероссійскаго національнаго союза. Затѣмъ возлагали вѣнки многочисленныя депутаціи, числомъ около ста. Среди нихъ былъ терновый вѣнокъ отъ галицкихъ крестьянъ съ надписью на лентахъ: «Великому русскому патріоту подъяремная Русь». По окончаніи привѣтственныхъ рѣчей комитетъ по сооруженію памятника поднесъ митрополиту Флавіану, всѣмъ министрамъ, семьѣ и брату покойнаго серебряныя медали въ память открытія памятника. Торжество закончилось прохожденіемъ передъ памятникомъ прибывшихъ изъ Москвы двухъ эскадроновъ жандармскаго дивизіона, которые салютовали памятнику. Въ три часа начался разъѣздъ. Памятникъ представляетъ четырехгранный гранитный постаментъ, на которомъ стоитъ гранитный сѣрый пьедесталъ, несущій бронзовую статую Столыпина во весь ростъ, въ длинномъ сюртукѣ, съ обнаженной головой. По бокамъ пьедестала помѣщены аллегорическія фигуры: русскій витязь въ былинномъ характерѣ, олицетворяющій мощь, и женщина, олицетворяющая скорбь. На передней сторонѣ пьедестала надпись: «Петру Аркадьевичу Столыпину русскіе люди», съ лѣвой стороны надпись: «Твердо вѣрю, что затеплившійся на Западѣ Россіи свѣтъ русской національной идеи не погаснетъ, а вскорѣ озаритъ всю Россію», съ правой стороны: «Вамъ нужны великія потрясенія, намъ нужна ве-

Библиотека "Руниверс"

ликая Россія», на тыльной сторонѣ: «Родился 2-го апрѣля 1862 года въ Москвѣ, жизнь посвятилъ служенію родинѣ, палъ отъ руки убійцы 1—5 сентября 1911 года въ Кіевѣ». 1-го сентября въ Симбирскѣ состоялось торжественное открытіе памятника незабвенному «первому министру русскаго царя Петру Аркадьевичу Столыпину». Открытіе памятника предполагалось нѣсколько ранѣе, но затѣмъ срокъ этотъ былъ перенесенъ на 1-е сентября. Памятникъ воздвигнутъ, какъ гласитъ надпись на немъ: «П. А. Столыпину—Симбирская губернія», на пожертвованія часто копеечнаго достоинства (по подписнымъ листамъ). Жертвовали на него: земство, дворянство, крестьяне, духовенство, агрономы, врачи, рабочіе, школьники. Этотъ чисто-народный монументъ очень изященъ при всей его простотѣ. На глыбѣ мрамора, символизирующемъ мощь Россіи,—бюстъ П. А. Столыпина изъ черной бронзы, отлитой въ той же самой формовкѣ скульптора Ксименеса, который исполнялъ и открывающійся памятникъ Столыпину въ Кіевѣ. Освященіе памятника было совершено преосвященнымъ Веніаминомъ въ сослуженіи всего городского духовенства и въ присутствіи членовъ государственнаго совѣта и думы, представителей города, земства, войскъ и учащихся всѣхъ городскихъ учебныхъ заведеній и тысячъ народа. При пѣніи «вѣчная память» съ памятника упала завѣса; оркестры заиграли «Коль славенъ». Это была чрезвычайно торжественная минута. На подножіе памятника возложено много вѣнковъ отъ всѣхъ сословій, вѣдомствъ и учебныхъ заведеній. Затѣмъ въ залѣ дворянства, въ присутствіи О. Б. Столыпиной и ея дѣтей, состоялось торжественное засѣданіе, на которомъ произнесены рѣчи: членомъ государственнаго совѣта гофмейстеромъ В. Н. Поливановымъ, членомъ государственной думы А. А. Мотовиловымъ, подчеркнувшимъ, какъ и Поливановъ и выступавшій затѣмъ земецъ камергеръ Н. Ф. Бѣляковъ, высокія заслуги П. А. Столыпина, какъ государственнаго дѣятеля, а также и то, что мысль о созданіи открытаго здѣсь памятника возникла еще 8-го сентября 1911 года въ средѣ членовъ мѣстнаго отдѣла національнаго союза, въ засѣданіи его, созванномъ по поводу тяжкой утраты, понесенной 5-го сентября того года Россіей.

Реставрація замка князей Острожскихъ. Надъ крутымъ обрывомъ Судовой горы въ городѣ Острогѣ высоко возвышается величественный памятникъ сѣдой старины—замокъ князей Осторжскихъ, построенный въ XIV вѣкѣ. Онъ представляетъ собою грандіозное и весьма прочное сооруженіе въ три этажа, изъ которыхъ въ верхнемъ имѣется восемь комнатъ, въ среднемъ и нижнемъ по четыре помѣщенія. Въ истекшемъ столѣтіи ему приходилось выполнять неподобающее ему назначеніе: нѣкоторое время здѣсь была тюрьма. Нѣсколько десятковъ лѣтъ замокъ былъ совершенно необитаемъ, забытъ и заброшенъ и все-таки продолжалъ высйтся надъ горой, являясь какъ бы нѣмымъ укоромъ Острогу и всему краю за невниманіе къ нему. Но съ 1909 года наступаетъ новая эпоха въ его существованіи. Въ Острогѣ организуется братство имени князей Острожскихъ. Это братство ставитъ главной своей задачей оживленіе въ памяти современниковъ многоцѣнныхъ трудовъ и заслугъ для православно-русскаго дѣла въ западной и южной Россіи безсмертнаго рода князей Острожскихъ. Среди дѣятелей этого братства возникаетъ мысль о реставраціи замка, приведеніи его въ соотвѣтствующій его великому прошлому видъ.

Библиотека "Руниверс"

Братство задумало использовать помѣщеніе замка для культурно-просвѣтительныхъ цѣлей—устроить здѣсь музей старины, историческую библіотеку и залъ для чтеній въ память жизни и дѣятельности князей Острожскихъ. Такое намѣреніе братства получило высочайшее одобреніе. Въ 1912 году по Высочайшему соизволенію замокъ былъ переданъ въ вѣдѣніе этого братства. Императорская археологическая комиссія разрѣшила произвести реставрацію замка съ тѣмъ, чтобы не измѣнять ни внѣшняго, ни внутренняго вида замка и вообще не нарушать его древняго устройства и расположенія. Въ январѣ текущаго года осматривалъ замокъ спеціально пріѣзжавшій изъ Петербурга академикъ архитектуры, членъ археологической комиссіи П. П. Покрышкинъ. Волынскимъ епархіальнымъ архитекторомъ Леонтовичемъ были составлены проектъ и смѣта реставраціонныхъ работъ, получившіе одобреніе археологической комиссіи. Въ мартѣ начались въ замкѣ работы. Ремонтъ замка подвигается впередъ весьма интенсивно. Смѣта реставраціонныхъ работъ исчислена въ 17,754 рубля 74 копейки. Братство, заботами котораго возобновляется древній замокъ, разсчитываетъ на сочувствіе и поддержку общества въ этомъ важномъ дѣлѣ.

Продажа имѣнія А. А. Фета. При деревнѣ Крестахъ, Богородицкой волости Мценскаго уѣзда, находится имѣніе Степановка, принадлежавшее А. А. Фету-Шеншину, похороненному въ селѣ Клейменовѣ Мценскаго уѣзда. До сихъ поръ еще цѣлъ домъ своеобразной архитектуры, въ которомъ жилъ и писалъ поэтъ. Цѣла плакучая береза у окна кабинета, описанная поэтомъ; цѣлы аллеи деревьевъ навѣвавшія на А. А. думы, облекавшіяся имъ въ поэтическія формы,—аллеи, по которымъ А. А. часто гулялъ съ И. С. Тургеневымъ. Цѣлы хозяйственныя постройки, цѣла роща. Словомъ, сообщаетъ «Орловскій Вѣстникъ», все цѣло и сохранилось въ неприкосновенности. Весной этого года распространился слухъ, что имѣніе продается крестьянамъ. Стали опасаться, что крестьяне выкорчуютъ деревья, продадутъ постройки на сносъ, и не останется камня на камнѣ отъ того, что служитъ воспоминаніемъ о поэтѣ. Обращено было на это вниманіе мценскаго земства, которое могло бы купить усадьбу и устроить тамъ школу, но владѣлецъ Степановки, А. А. Бунаковъ, категорически заявилъ, что онъ и братья не намѣрены продавать Степановку крестьянамъ, и продадутъ ее только въ надежныя руки, лицу, которое сохранитъ и домъ, и паркъ. Это было весной. Нынѣ Степановка продана крестьянамъ-малороссамъ и двѣ-три семьи ихъ уже поселились въ домѣ .А затѣмъ имѣніе будетъ раздѣлено между крестьянами.

Отъ комитета юбилейнаго чествованія «Русскихъ Вѣдомостей». Группа представителей московскихъ литературныхъ, просвѣтительныхъ, ученыхъ и другихъ общественныхъ организацій, объединенная въ комитетъ юбилейнаго чествованія «Русскихъ Вѣдомостей», рѣшила ознаменовать это общественное торжество учрежденіемъ вспомогательнаго фонда для литераторовъ и журналистовъ, присвоивъ ему наименованіе «Капитала имени Русскихъ Вѣдомостей». Доходъ съ этого капитала будетъ обращенъ на выдачу ссудъ и пособій литераторамъ и журналистамъ, нуждающимся въ леченіи, отдыхѣ и въ расширеніи своихъ общихъ и спеціальныхъ знаній. Одинъ изъ лучшихъ способовъ удовлетворенія этихъ потребностей—поѣздки и путешествія—недоступенъ для громаднаго большин-

Библиотека "Руниверс"

ства русскихъ работниковъ печати. При существованіи ряда спеціальныхъ капиталовъ и организацій общественной и взаимной помощи нуждающимся литераторамъ и журналистамъ этотъ видъ матеріальнаго содѣйствія въ Россіи еще не примѣнялся. Полагая поэтому, что созданіе такого рода помощи литераторамъ и журналистамъ явилось бы достойной формой ознаменованія юбилея «Русскихъ Вѣдомостей», комитетъ приступилъ къ сбору средствъ. Управленіе этимъ капиталомъ предполагается предоставить одному изъ литературныхъ обществъ. Считая необходимымъ одновременно отмѣтить въ благодарной памяти русскаго общества полустолѣтній трудъ типографскихъ рабочихъ «Русскихъ Вѣдомостей», комитетъ рѣшилъ часть собранныхъ средствъ употребить на учрежденіе одной или нѣсколькихъ стипендій, въ зависимости отъ суммы сбора, для дѣтей типографскихъ рабочихъ газетнаго дѣла, учащихся въ средней или высшей школѣ, присвоивъ этому капиталу наименованіе стипендіи имени «Русскихъ Вѣдомостей». Лица, желающія принять участіе въ этомъ дѣлѣ, благоволятъ вносить свои пожертвованія: въ Москвѣ: 1) въ кассу Литературно-Художественнаго кружка (Б. Дмитровка, д. Востряковыхъ), 2) въ контору журнала «Вѣстникъ Воспитанія» (Староконюшенный пер., д. 32), 3) въ московское отдѣленіе конторы журнала «Русская Мысль» (Староконюшенный пер.); въ Петербургѣ: 1) въ контору журнала «Русская Мысль», 2) въ контору журнала «Вѣстникъ Европы», 3) въ контору газетъ «Рѣчь» и «Современное Слово»). Иногородныхъ просятъ направлять пожертвованія простыми почтовыми переводами на имя присяжнаго повѣреннаго Бориса Семеновича Шполянскаго (Москва, Кудринская площадь, д. 1, кв. 22).

Библиотека "Руниверс"

НЕКРОЛОГИ.

ВОЛКОВЪ, М. М. 3-го сентября скончался ординарный профессоръ петербургскаго женскаго медицинскаго института Михаилъ Матвѣевичъ Волковъ. Покойный, какъ врачъ-спеціалистъ по внутреннимъ болѣзнямъ, пользовался большой извѣстностью въ Петербургѣ, въ которомъ онъ почти всецѣло сосредоточилъ свою дѣятельность. Не меньшую извѣстность онъ пріобрѣлъ также въ учено-педагогическомъ мірѣ своими клиническими изслѣдованіями и наблюденіями и своимъ руководительствомъ факультетской терапевтической клиникой женскаго медицинскаго института. Покойный—сынъ протоіерея Исаакіевскаго собора—родился 14-го февраля 1861 года. Будучи студентомъ военно-медицинской академіи, онъ опубликовалъ въ 1885 году свою первую работу, посвященную изслѣдованію многополостной костоидной кистѣ яичника. Курсъ академіи онъ окончилъ въ 1886 году лекаремъ съ отличіемъ и съ преміей Иванова, затѣмъ прикомандировался къ клиническому военному госпиталю и вскорѣ защитилъ диссертацію: «Значеніе антипирина въ леченіи діабета», представленную на степень доктора медицины. Для пополненія своихъ знаній М. М. отправился за границу и работалъ въ клиникахъ Шарко, Пастера и физіолога Баумана. Вернувшись, сталъ читать въ военно-медицинской академіи лекціи въ качествѣ приватъ-доцента. Одновременно былъ ординаторомъ больницы Маріи Магдалины, потомъ главнымъ врачомъ Евгеніинской общины. Къ этому времени относится его выдающаяся капитальная работа, исполненная совмѣстно съ С. Н. Делицынымъ и изданная подъ заглавіемъ: «Патогенезъ подвижной почки; экспериментально-анатомическія изслѣдованія внутрибрюшнаго равновѣсія». Этотъ цѣнный трудъ обратилъ вниманіе на его составителя и былъ отмѣченъ военно-медицинской академіей преміей. Послѣднія почти пятнадцать лѣтъ своей дѣятельности покойный посвятилъ петербургскому женскому медицинскому институту. Помимо чтенія лекцій и руководительства терапевтической клиникой, онъ былъ въ періодъ 1901—1905

Библиотека "Руниверс"

годовъ помощникомъ директора института и много поработалъ надъ новой организаціей этого высшаго разсадника женскаго врачебнаго образованія. Кромѣ указанныхъ работъ, ему принадлежатъ интересные опыты индивидуальнаго развитія болѣзненныхъ состояній, вошедшіе въ его «Клиническіе этюды». М. М. умеръ въ разгарѣ своей плодотворной работы отъ осложненій діабета, то-есть той болѣзни, наблюденія надъ которой и изысканія мѣръ борьбы съ которой доставили ему степень доктора медицины. (Некрологъ его: «Новое Время», 1913, № 13464).

† **Головачевъ, П. М.** 4-го сентября въ квартирѣ члена государственной думы С. В. Вострогина найденъ умершимъ извѣстный журналистъ П. М. Головачевъ. Смерть его, по опредѣленію врачей, наступила въ ночь съ воскресенья на понедѣльникъ. Въ квартирѣ никого не было, и только въ среду ночью, по требованію друзей П. М., обезпокоенныхъ его долгимъ отсутствіемъ, была взломана дверь квартиры, и стала извѣстна горькая правда... П. М., сибирякъ по происхожденію, по окончаніи историко-филологическаго факультета московскаго университета, посвятилъ себя педагогической дѣятельности. Онъ былъ преподавателемъ исторіи, географіи и французскаго языка въ мужской прогимназіи и женской гимназіи въ городѣ Енисейскѣ, а затѣмъ былъ переведенъ въ Тюмень, гдѣ состоялъ преподавателемъ въ реальномъ училищѣ. Въ 1895 году П. М. Головачевъ подалъ въ отставку. По защитѣ магистерской диссертаціи П. М. былъ назначенъ приватъ-доцентомъ московскаго университета. Съ начала девятидесятыхъ годовъ П. М. сотрудничалъ въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, а въ 1895 году переселился въ Москву и покинулъ педагогическое поприще. Съ этого времени онъ всецѣло посвящаетъ себя литературной и научной работѣ. Прекрасный филологъ, онъ особенно интересовался романскими странами и романскими языками и превосходно зналъ французскій, итальянскій, испанскій и португальскій языки. Въ концѣ девятидесятыхъ годовъ онъ два раза ѣздилъ въ Испанію и Португалію, гдѣ у него было много знакомыхъ и друзей среди писателей и ученыхъ и политическихъ дѣятелей. Между прочимъ, онъ былъ хорошо знакомъ съ Ферера, бывшимъ тогда еще скромнымъ учителемъ. Послѣ возвращенія изъ второго путешествія по Иберійскому полуострову П. М. составилъ португальскую грамматику для русскихъ Это была первая португальская грамматика на русскомъ языкѣ. Много работалъ П. М. также надъ изслѣдованіемъ Сибири. Капитальный его трудъ «Очерки Сибири» былъ награжденъ золотой медалью академіей наукъ. Книга эта выдержала уже два изданія. Въ теченіе трехъ лѣтъ П. М. редактировалъ издававшійся въ Петербургѣ журналъ «Сибирскіе Вопросы». Имъ же написана брошюра о Томскѣ. Кромѣ того, П. М. принималъ бликзое участіе, какъ сотрудникъ, въ цѣломъ рядѣ газетъ въ Петербургѣ и Москвѣ. Въ «Сынѣ Отечества» С. П. Юрицына П. М. завѣдывалъ иностраннымъ отдѣломъ; въ издававшейся въ 1906—1907 гг. подъ редакціей М. М. Ковалевскаго «Странѣ» онъ работалъ въ провинціальномъ отдѣлѣ, завѣдуя подотдѣломъ «Сибирь». Пять лѣтъ тому назадъ П. М. былъ зачисленъ въ московскій университетъ приватъ-доцентомъ по каѳедрѣ исторіи и читалъ курсъ по исторіи Сибири, который былъ имъ прочитанъ потомъ и въ политехникумѣ въ Петербургѣ. Сотрудникомъ «Петербургскихъ Вѣдомостей»

Библиотека "Руниверс"

П. М. состоялъ около пятнадцати лѣтъ. Имъ написано за этотъ періодъ множество статей по самымъ разнообразнымъ вопросамъ. Отличавшійся поразительной скромностью, покойный рѣдко подписывалъ свои статьи, скрываясь подъ ничего не говорящими читателями буквами «Z», «B», «W» и пр. Буквально до послѣдняго дня своей жизни покойный работалъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ»: въ субботу онъ сдалъ свои послѣднія замѣтки, а въ воскресенье его уже не стало! (Некрологъ его: «С.-Петербургскія Вѣдомости, 1913, № 200).

† **Голомбіевскій, А. А.** 25-го августа скоропостижно скончался въ вагонѣ, не доѣзжая станціи Прохладная, секретарь императорскаго русскаго историческаго общества Александръ Александровичъ Гоздаво-Голомбіевскій. Дворянинъ по происхожденію, покойный родился 8-го января 1863 года въ Петровскѣ, уѣздномъ городѣ Саратовской губерніи; воспитывался въ саратовской гимназіи, изъ которой съ 1874 года перешелъ въ Лазаревскій институтъ, а съ 1882 года поступилъ на историко-филологическій факультетъ московскаго университета. По окончаніи курса кандидатомъ (1886 г.), онъ началъ службу въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи (съ 16-го октября 1886 г.), гдѣ былъ секретаремъ при управляющемъ архивомъ; затѣмъ перешелъ на службу въ государственный архивъ и въ послѣднее время занималъ должность секретаря въ императорскомъ русскомъ историческомъ обществѣ. Покойному принадлежали слѣдующіе труды: «Исторія разряднаго архива» и «Исторія архива старыхъ дѣлъ» («Описаніе документовъ московскаго архива юстиціи», кн. V), «Описаніе чертежей, хранившихся въ разрядѣ» (тамъ же, кн. VI), «Дѣло о чародѣйствѣ XVIII в.» («Русская Старина» 1894 г., кн. 2), «Кладъ царя Александра Македонскаго» (кн. 8), «Сотрудники Петра Великаго» («Русскій Архивъ» 1903 г., кн. 7 и 8), «Біографія князя Г. Г. Орлова» (тамъ же 1914 г., кн. 7 и 6), «С. В. Колычевъ» (кн. 12), «Драма изъ жизни писателя А. В. Сухово-Кобылина» («Русскій Архивъ» 1910 г., кн. 2) и многъ. друг. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1913, № 204).

† **Головинъ, К. Ѳ.** 13-го сентября скончался въ своемъ курляндскомъ имѣніи Константинъ Ѳедоровичъ Головинъ, извѣстный писатель и публицистъ и государственный дѣятель. Происходя изъ одной изъ самыхъ родовитыхъ дворянскихъ семей, покойный родился въ 1843 году. По окончаніи петербургскаго университета въ 1864 году, поступилъ на службу во второе отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, гдѣ въ 1870—1875 гг. занималъ отвѣтственный постъ редактора четырнадцатаго тома свода законовъ. Перейдя затѣмъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ, былъ назначенъ первымъ секретаремъ посольства въ Вѣнѣ и въ этой должности исполнялъ самыя отвѣтственныя порученія. Въ 1877 году перешелъ въ министерство государственныхъ имуществъ, при П. А. Валуевѣ, гдѣ по докладной запискѣ покойнаго была учреждена комиссія для изученія земскаго и крестьянскаго хозяйства и крестьянской общины въ двѣнадцати центральныхъ губерніяхъ. Дѣятельное участіе принималъ покойный также и въ извѣстной комиссіи Н. С. Абазы о заповѣдныхъ имѣніяхъ, въ составъ которой входили В. К. Плеве, Ермоловъ, Нарышкинъ, князь А. Д. Оболенскій, князь Вяземскій и друг., впослѣдствіи крупные го-

Библиотека "Руниверс"

сударственные дѣятели. Блестяще начатая служебная карьера, для которой у покойнаго, благодаря положенію, родственнымъ связамъ (отецъ покойнаго—одинъ изъ приближенныхъ императора Николая I, впослѣдствіи—прибалтійскій генералъ-губернаторъ; мать—дочь извѣстнаго государственнаго контролера З. А. Хитрово), широкому образованію и выдающимся способностямъ,—были исключительно благопріятныя данныя,—трагически оборвалась на тридцать седьмомъ году жизни, вслѣдствіе внезапной потери зрѣнія. Несчастье, однако, не сломило силы духа покойнаго К. Ѳ. Головина: лишенный возможности продолжать служебную дѣятельность, покойный всецѣло отдается литературной работѣ и, несмотря на тяжкій недугъ, продолжаетъ ее чуть ли не до послѣдняго дня жизни. Первое выступленіе покойнаго на литературномъ поприщѣ относится къ 1879 году, когда впервые въ журналахъ появились его статьи по экономическимъ, преимущественно аграрнымъ вопросамъ, и повѣсть «Серьезные люди». Въ 1882 году появляется въ «Русскомъ Вѣстникѣ» первый большой романъ «Внѣ колеи», имѣвшій большой успѣхъ, несмотря на одновременное появленіе «Анны Карениной» и «Братьевъ Карамазовыхъ». Въ теченіе восьмидесятыхъ годовъ вышли: «Блудный братъ», «Дядюшка Михаилъ Петровичъ», «Молодежь»; въ 1898 г.—«Опустѣлый домъ», «Чья вина» («Русское Обозрѣніе»), «Погромъ», «На вѣсахъ» («Русскій Вѣстникъ» 1894 г.), «Медовый мѣсяцъ» (тоже), «Андрей Мологинъ» («Вѣстникъ Европы» 1896 г.), «Баловень счастья» (тоже). Въ 1902 г.—«Не въ отца» («Русская Мысль») и въ 1910 г. большой романъ «Язычники», переведенный на многіе иностранные языки. Всѣ произведенія вышли отдѣльнымъ изданіемъ и въ 1905 году были пріобрѣтены издательствомъ Маркса. Изъ публицистическихъ работъ, кромѣ множества статей въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, отдѣльно изданы: «Сельская община въ литературѣ и дѣйствительности», «Соціализмъ, какъ положительное ученіе», «Мужикъ безъ прогресса или прогрессъ безъ мужика» и друг. Изъ критическихъ сочиненій—«Русскій романъ и русское общество». Кромѣ того, покойнымъ написано много драматическихъ сочиненій, изъ нихъ самое значительное—«Внуки Репетилова». Едва ли не самымъ интереснымъ произведеніемъ покойнаго являются его мемуары «Мои воспоминанія». Отличаясь изумительной памятью, К. Ѳ. Головинъ сумѣлъ въ мельчайшихъ подробностяхъ возстановить много чрезвычайно интересныхъ событій и фактовъ, свидѣтелемъ коихъ ему привелось быть. Многое изъ недавней русской исторіи сдѣлалось достояніемъ публики благодаря «Моимъ воспоминаніямъ». Сочиненіе это имѣло большой успѣхъ и переведено на иностранные языки. Охватывая періодъ въ шестьдесятъ слишкомъ лѣтъ, эти мемуары содержатъ въ себѣ цѣнный матеріалъ для ознакомленія съ жизнью общества въ одну изъ интереснѣйшихъ эпохъ. Любовь къ литературной работѣ не покидала покойнаго до послѣднихъ дней многострадальной жизни: еще за два мѣсяца до кончины онъ предпринялъ стихотворный переводъ «Смерти Валленштейна» и успѣлъ довести его лишь до половины. Параллельно съ этимъ покойный началъ третій томъ «Моихъ воспоминаній», къ сожалѣнію, также не доведенный до конца. Покойный былъ весьма уважаемъ въ обществѣ. На устраивавшихся имъ «средахъ» собирался сановный и аристократическій Петербургъ, причемъ на этихъ собраніяхъ

Библиотека "Руниверс"

встрѣчались представители самыхъ разнообразныхъ общественныхъ теченій. Въ 1905 году покойный принималъ видное участіе въ политической жизни и, благодаря высокому личному авторитету и всеобщему уваженію, умѣлъ объединить вокругъ себя такихъ политическихъ дѣятелей, какъ В. І. Гурко, Стишинскій, Кобылинскій и друг., съ одной стороны, и гр. П. А. Гейденъ, Кутлеръ, съ другой, что бывало во время засѣданій собиравшейся у покойнаго такъ называемой «комиссіи о нуждахъ», результаты коей имѣли въ свое время большое вліяніе на событія послѣднихъ лѣтъ.

† **Горизонтовъ, И. П.** 27-го августа скончавшійся въ Саратовѣ издатель «Саратовскаго Вѣстника» Ив. Парѳен. Горизонтовъ, котораго хорошо знали не тольковъ его родномъ городѣ, но и въ Поволжьѣ, былъ едва ли не первымъ въ поволжской печати человѣкомъ, для котораго газетная работа была единственнымъ источникомъ существованія. До него въ Поволжьѣ существовали только «литераторы-обыватели». Для нихъ литература и публицистика была душевнымъ дѣломъ, но не составляла единственнаго средства и интереса жизни. Таковы были Гацисскій въ Нижнемъ, Агафоновъ и Лаврскій въ Казани, Леонольдовъ въ Саратовѣ и другіе провинціальные дѣятели пера шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ. Горизонтовъ и П. О. Лебедевъ «Саратовскимъ Листкомъ» открывали, можно сказать, новую эру въ исторіи поволжскаго печатнаго слова. Горизонтовъ родился 20-го мая 1847 года въ семьѣ священника слободы Песчанки Балашовскаго уѣзда и послѣ сельской школы и духовнаго училища въ Балашовѣ въ 1862 году поступилъ въ духовную семинарію въ Саратовѣ. Онъ ея не закончилъ и въ 1866 году былъ исключенъ изъ саратовской семинаріи за сочиненіе на опасную тему: «Различіе между ученіями идеалистовъ и матеріалистовъ». Какъ исключенному изъ духовнаго званія, Горизонтову предстояло приписаться къ крестьянскому или мѣщанскому званію. Въ это время въ Саратовѣ открылись педагогическіе курсы, на которыхъ онъ черезъ два года подготовился къ экзамену въ университетъ и уѣхалъ въ Петербургъ. На экзаменѣ онъ обратилъ на себя вниманіе профессуры своими способностями и подготовкой, но и въ университетѣ курса не окончилъ, будучи въ 1869 году высланъ въ Саратовъ въ числѣ другихъ студентовъ-саратовцевъ за участіе въ университетскихъ безпорядкахъ. Въ 1868 году И. П. въ «Недѣлѣ» помѣстилъ первую свою печатную статью «О даровомъ обученіи дѣтей на спичечной фабрикѣ Анисимова въ Саратовѣ». Школа тамъ дѣйствительно была, но дѣтей заставляли больше работать, чѣмъ учили. Эта первая обличительная статья стоила Горизонтову и первыхъ громовъ и молній со стороны власти. Затѣмъ Горизонтовъ началъ работать въ «Саратовскомъ Справочномъ Листкѣ», впослѣдствіи, при П. О. Лебедевѣ, развернувшемся въ извѣстную большую газету «Саратовскій Листокъ». Съ этой газетой и былъ почти до конца жизни тѣсно связанъ Горизонтовъ сначала какъ сотрудникъ, потомъ въ качествѣ издателя (въ теченіе двадцати пяти лѣтъ); лишь съ ноября 1909 года онъ сталъ пайщикомъ и издателемъ «Саратовскаго Вѣстника». Сотрудничество Горизонтова въ «Листкѣ» было прервано только въ семидесятые годы полуторагодовымъ сотрудничествомъ въ «Астраханскомъ Листкѣ» и потомъ въ «Саратовскомъ Дневникѣ» редакціи Ищенко. Въ «Саратовскомъ Листкѣ» Горизонтовъ сталъ подписывать свои фельетоны

Библиотека "Руниверс"

«Каменный Гость», и этотъ псевдонимъ его былъ широко популяренъ по всему Поволжью. Какъ писатель, Горизонтовъ былъ человѣкъ «шестидесятыхъ годовъ», съ несложной и ясной программой, хорошо укладывающеюся въ формулу «знаніе и трудъ», за которую онъ такъ пострадалъ юношей... Интересы культуры и просвѣщенія, защита интересовъ трудящихся—вотъ общее содержаніе его литературной дѣятельности. Его смерть ощущается какъ большая потеря областной печати. Горизонтовъ писалъ легко и занимательно, неизмѣнно въ одномъ духѣ, всю жизнь велъ одну линію и много сдѣлалъ для поднятія авторитета и значенія областной печати, и не только для Саратова, потому что за «Саратовскимъ Листкомъ» шли и другія газеты, въ другихъ городахъ. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости», 1913 г., № 202).

† Закъ, Г. Я. 9-го сентября телеграфъ принесъ извѣстіе о безвременной кончинѣ приватъ-доцента московскаго университета по каѳедрѣ уголовнаго права, Г. Я. Зака. Молодой ученый скончался на тридцатомъ году жизни, послѣ долгихъ лѣтъ тяжелыхъ страданій. По окончаніи одной изъ московскихъ гимназій съ золотой медалью покойный поступилъ на юридическій факультетъ московскаго университета, предполагая сначала заниматься политической экономіей. Но вскорѣ уже увлекся уголовнымъ правомъ, и, еще будучи студентомъ, уѣзжалъ за границу слушать лекціи и работать въ семинаріяхъ. На студенческой же скамьѣ онъ началъ свои научно-литературные опыты, выпустивъ брошюру о Лассалѣ. Вступивъ по окончаніи университета въ ряды московской адвокатуры, среди которой, благодаря серьезной научной подготовкѣ и выдающимся ораторскимъ способностямъ, покойный быстро занялъ очень замѣтное мѣсто, онъ продолжалъ заниматься наукой, и, блестяще сдавъ магистерскій экзаменъ, былъ зачисленъ въ число приватъ-доцентовъ. Къ сожалѣнію, слабое здоровье не позволяло совмѣщать научную дѣятельность съ дѣятельностью защитника по уголовнымъ дѣламъ, и пришлось остановиться на одной изъ нихъ. Г. Я. предпочелъ науку и сталъ готовить магистерскую диссертацію, посвященную мало разработанному вопросу о ростовщичествѣ. Но преждевременная смерть оборвала эту работу: нервная астма, которой покойный страдалъ съ дѣтства и въ борьбѣ съ которой оказались безсильными медицинскіе авторитеты, привела къ роковому концу. Перу покойнаго принадлежитъ рядъ статей, помѣщенныхъ въ общихъ и спеціальныхъ журналахъ. Преждевременная смерть помѣшала довести до конца болѣе обширныя работы, и возлагавшимся на ихъ авторомъ надеждамъ не суждено было сбыться... (Некрологъ его: «Рѣчь», 1913, № 247).

† Иннокентій, экзархъ Грузіи. Русская іерархія неожиданно утратила одного изъ достойнѣйшихъ святителей православной церкви, экзарха Грузіи Иннокентія, скончавшагося 9-го сентября въ Петербургѣ. Почившій, въ мірѣ Иванъ Васильевичъ Бѣляевъ, родился во Владимирской губерніи (1862 г.) и учился въ тамошней семинаріи, а затѣмъ съ 1881 года въ казанской духовной академіи. По окончаніи академическаго курса (1885 г.) третьимъ кандидатомъ богословія онъ скоро былъ назначенъ въ тобольскую семинарію преподавателемъ словесности и—позже—литургики; кромѣ того, состоялъ инспекторомъ классовъ въ тобольской Маріинской женской школѣ (съ 1886 г.). Черезъ де-

Библиотека "Руниверс"

сять лѣтъ педагогической службы ему пришлось схоронить жену, принять монашество (23-го марта 1895 г.) съ именемъ Иннокентія и, по возведеніи въ санъ архимандрита, занять должность ректора литовской духовной семинаріи вмѣстѣ съ настоятельствомъ въ виленскомъ Свято-Духовскомъ монастырѣ. Удостоенный степени магистра богословія, онъ былъ хиротонисанъ во епископа сумскаго (1-го августа 1899 г.) и сначала состоялъ викаріемъ въ харьковской епархіи (1899—1901 гг.), а затѣмъ переведенъ въ епископы нарвскіе (съ 10-го декабря 1901 г.) и былъ викаріемъ при петербургскомъ митрополитѣ Антоніи, своемъ учителѣ по казанской академіи и ближайшемъ руководителѣ въ духовномъ управленіи. Послѣ двухлѣтняго пребыванія въ Петербургѣ почившій, какъ опытный администраторъ, былъ назначенъ епископомъ тамбовскимъ и шацкимъ (съ 8-го февраля 1903 г.), а спустя шесть лѣтъ, съ 7-го декабря 1909 г., переведенъ на каѳедру архіепископа кахетинскаго и экзарха Грузіи съ званіемъ члена святѣйшаго синода, на которой и пребывалъ до своей кончины. Кромѣ замѣчательной церковно-административной дѣятельности, покойный іерархъ былъ извѣстенъ, какъ авторъ нѣсколькихъ важныхъ трудовъ. Ему принадлежали: статья «Религіозный элементъ въ сочиненіяхъ Пушкина» («Тобольскія епархіальныя вѣдомости» 1887 г.), «Рѣчь въ праздникъ трехсотлѣтія города Тобольска» (тамъ же, 1889 г.), магистерская диссертація: «Постриженіе въ монашество» (Вильна, 1899 г.), изслѣдованіе :Книга Руѳь» («Вѣра и Разумъ», 1900 г., № 6—7), «Слова и рѣчи» (Харьковъ, 1901 г.) и др. (Некрологъ его. «Московскія Вѣдомости», 1913 г., № 211).

† **Лепешкинъ, С. В.** Скончавшійся въ Киссингенѣ Семенъ Васильевичъ Лепешкинъ покинулъ Москву шестнадцать лѣтъ тому назадъ и прожилъ всѣ эти годы за границей. Въ восьмидесятыхъ годахъ онъ былъ дѣятельнымъ гласнымъ городской думы и земскаго собранія; однажды онъ былъ избранъ думой вторымъ кандидатомъ на должность городского головы. Москва останется навсегда ему обязанною двумя учрежденіями. Вмѣстѣ со своей матерью онъ создалъ «Женское профессіональное училище имени Варвары Лепешкиной» (на Пятницкой улицѣ) и передалъ его городу обезпеченнымъ на вѣчныя времена большими средствами. При московскомъ университетѣ С. В. создалъ «Первое безплатное студенческое общежитіе» (въ Филипповскомъ переулкѣ), въ которомъ за тридцать лѣтъ многія сотни неимущихъ студентовъ провели свои университетскіе годы; по избранію С. В. первымъ завѣдующимъ этого общежитія былъ «отецъ земской статистики» В. И. Орловъ. Это образцовое учрежденіе также обезпечено С. В. обильными средствами на вѣчныя времена. Кромѣ того, благодаря С. В. не одинъ русскій ученый получилъ возможность докончить свои работы. Дружба съ А. И. Чупровымъ помогала ему не ошибаться въ выборѣ людей. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости», 1913 г., № 191).

† **Лисицынъ, М. М.** 22-го августа во Владивостокѣ товарищи и близкіе знакомые хоронили пріѣхавшаго изъ Сахалина во Владивостокъ для леченія ветеринарнаго врача Михаила Михайловича Лисицына, долголѣтняго сотрудника «Новаго Времени». Михаилъ Михайловичъ родился въ 1862 году въ городѣ Ельцѣ Орловской губерніи, среднее образованіе получилъ въ елецкой классической гимназіи. Въ 1889 году М. М. оканчиваетъ юрьевскій ветеринар-

Библиотека "Руниверс"

ный институтъ и остается готовиться къ магистерскому экзамену. Послѣ ряда командировокъ возвращается опять въ городъ Дерптъ, гдѣ въ 1892 г. основываетъ и редактируетъ первую въ краѣ русскую газету «Прибалтійскій Листокъ», которая затѣмъ переносится въ Ригу подъ новымъ названіемъ «Прибалтійскій Край». Въ 1897 году М. М. передаетъ редактированіе и изданіе другимъ лицамъ и ѣдетъ въ Орловскую губернію, гдѣ въ родномъ Елецкомъ уѣздѣ начинаетъ заниматься сельскимъ хозяйствомъ, подавая въ то же время безвозмездно ветеринарную помощь въ качествѣ сельскаго ветеринара. Въ мартѣ 1898 года М. М. Лисицынъ командируется министерствомъ внутреннихъ дѣлъ въ Забайкальскую область и смежныя съ нею области Приамурскаго края для прекращенія тамъ эпизоотій. Въ 1899 году, когда въ двѣнадцати верстахъ отъ города Читы была основана противочумная станція, онъ былъ прикомандированъ къ ней. Въ 1900 году по случаю боксерскаго движенія въ Китаѣ и по распоряженію военнаго губернатора Забайкальской области М. М. прикомандировывается въ первому Нерчинскому казачьему полку, съ которымъ и идетъ въ походъ сначала въ Благовѣщенскъ, затѣмъ въ Манчжурію. Въ 1905 году переводится на Сухорѣченскій пунктъ на берегу Амурскаго залива, гдѣ и оставался до октября 1912 года, откуда былъ назначенъ ветеринаромъ для Сахалинской области. Тяжелая служба ветеринарнаго врача, вѣчныя командировки и разъѣзды не могли не отразить даже на такомъ гигантскомъ здоровьи, какимъ обладалъ отъ рожденія покойный Михаилъ Михайловичъ. Уѣзжая на Сахалинъ, онъ уже отъ времени до времени чувствовалъ себя плохо, но и тамъ на Сахалинѣ, какъ извѣстно, ѣздилъ по командировкамъ. М. М. скончался отъ внутренняго кровоизліянія лопнувшаго склеротическаго сосуда. Кромѣ своей спеціальности, Михаилъ Михайловичъ не былъ чуждъ и общественной дѣятельности и, какъ публицистъ, не переставалъ заниматься литературнымъ трудомъ, будучи заброшенъ судьбою въ самые отдаленные и глухіе углы Сибири. (Некрологъ его: «Новое Время», 1913 г., № 13467).

† **Леманъ, А. И.** 11-го сентября скончался Анатолій Ивановичъ Леманъ. Этимъ лѣтомъ, въ іюлѣ, онъ перенесъ тяжелую операцію (ракъ въ желудкѣ). Операція прошла хорошо, и никто не думалъ, что развязка наступитъ такъ быстро. А. И. учился сперва въ Павловскомъ военномъ училищѣ, а затѣмъ въ Михайловскомъ инженерномъ училищѣ, которое окончилъ съ золотой медалью. На военной службѣ онъ оставался недолго, вышелъ въ отставку и посвятилъ себя литературной дѣятельности. Въ теченіе многихъ лѣтъ А. И. сотрудничалъ въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ. Его повѣсти, разсказы и романы печатались въ «Новомъ Времени», «Историческомъ Вѣстникѣ», «Наблюдателѣ», «Живописномъ Обозрѣніи» и др. Многіе изъ романовъ А. И. «Полая вода», «Дворянская повѣсть» и др. вышли отдѣльнымъ изданіемъ. Но большую, главную извѣстность, А. И. пріобрѣлъ въ другой области искусства. Съ самыхъ молодыхъ лѣтъ онъ страстно любилъ музыку и особенно скрипку. Онъ долго и много работалъ надъ изученіемъ скрипки и ея звука, напечаталъ на основаніи своихъ трудовъ «Акустику скрипки», «Книгу о скрипкѣ» и рядъ другихъ работъ. Почти все, что въ Россіи написано о скрипкѣ, вышло изъ-подъ пера А. И. Онъ открылъ нѣсколько новыхъ законовъ въ области строенія скрипокъ (точ-

Библиотека "Руниверс"

ныхъ математическихъ и акустическихъ данныхъ—законъ соотношенія декъ и т. д). Двадцать пять лѣтъ назадъ онъ самъ сталъ строить скрипки. Въ этой области онъ, по словамъ компетентныхъ лицъ, достигъ результатовъ поразительныхъ. Со скрипками А. И. могутъ соперничать, могутъ быть поставлены на ряду только лучшіе экземпляры Страдиваріуса. Изучая скрипку, А. И. объѣздилъ всю Западную Европу. Долгое время онъ пробылъ въ Италіи, гдѣ читалъ лекціи о скрипкѣ. Несмотря на то, что лекціи эти читались на плохомъ французскомъ языкѣ, успѣхъ ихъ былъ громадный. Въ послѣдніе годы жизни А. И. получалъ очень много писемъ изъ-за границы, гдѣ его имя уже признано): къ нему обращались по всякимъ вопросамъ о скрипкахъ, за совѣтами и т. д. А. И.—разнообразная, ярко-талантливая натура (между прочимъ онъ прекрасно писалъ масляными красками). Скончался А. И. на 55 году жизни. (Некрологъ его: «Новое Время», 1913 г., № 13471).

† **Мировичъ, З. С.** 24-го августа, вечеромъ, въ подмосковномъ санаторіи во Владыкинѣ скончалась извѣстная дѣятельница женскаго движенія и писательница Зинаида Сергѣевна Мировичъ, на сорокъ девятомъ году жизни. Скончавшаяся З. С. проболѣла около четырехъ мѣсяцевъ. Первоначально болѣзнь опредѣлялась, какъ плевритъ, затѣмъ обозначилась болѣзнь сердца и быстро сдѣлала свое разрушительное дѣло. Окончивъ въ 1887 году женскіе курсы профессора Герье, Зинаида Сергѣевна занялась изученіемъ исторіи великой французской революціи. Плодомъ этихъ занятій явилась монографія «Г-жа Роланъ», въ свое время сочувственно отмѣченная спеціальной критикой, а также рядъ статей о Сенъ-Жюстѣ, Камиллѣ Дэмуленѣ, Шарлоттѣ Кордэ и др. Немало силъ отдала она затѣмъ переводческой дѣятельности. Одно время она усердно переводила Ибсена, и въ ея переводахъ была поставлены въ Маломъ театрѣ «Сѣверные богатыри», а въ Художественномъ—«Докторъ Штокманъ». Она принимала дѣятельное участіе въ работахъ комиссіи по организаціи домашняго чтенія и состоящаго при этой комиссіи лекціоннаго бюро, по порученію котораго она читала публичныя лекціи во многихъ городахъ. Горячо преданная идея женскаго равноправія, она занимала видное мѣсто среди русскихъ представительницъ женскаго движенія, а также имѣла обширныя связи и съ западными феминистскими организаціями; она выступала съ докладами на всѣхъ международныхъ женскихъ конгрессахъ и, хорошо владѣя англійскимъ языкомъ, не разъ говорила рѣчи на женскихъ митингахъ въ лондонскомъ Гайдъ-паркѣ. Женскому вопросу посвящено наибольшее количество написанныхъ ею статей, которыя печатались въ «Русской Мысли», «Вѣстникѣ Европы», «Вѣстникѣ Воспитанія» и многихъ другихъ изданіяхъ. Рядъ статей ея по вопросамъ самообразованія былъ помѣщенъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ». Ея имя будетъ отмѣчено въ исторіи женскаго движенія въ Россіи. Въ общественныхъ дѣлахъ такъ же, какъ и въ частныхъ отношеніяхъ, это былъ человѣкъ рѣдкой прямоты, доброты и отзывчивости. (Некрологъ ея: «Русскія Вѣдомости», 1913 г., № 197).

† **Постниковъ, Н. В.** Перваго сентября скончался въ Самарѣ старѣйшій русскій докторъ, основатель «перваго кумысо-лечебнаго заведенія», Несторъ Васильевичъ Постниковъ. Покойный родился въ 1821 году и высшее образованіе получилъ на медицинскомъ факультетѣ московскаго университета. Выпущен-

Библиотека "Руниверс"

ный со степенью лекаря (1846 г.), онъ состоялъ помощникомъ прозектора анатоміи при томъ же университетѣ (1846—1850 гг.), врачомъ при студенческой больницѣ и при московскомъ ремесленномъ училищѣ (1850—1855 гг.), а послѣ полученія степени доктора медицины (1854 г.)—старшимъ врачомъ больницъ въ Ярославлѣ (1855—1856 гг.) и Самарѣ (1856—1869 гг.). Устроивъ близъ Самары первый кумысолечебный курортъ еще въ 1860 году, покойный болѣе полувѣка стоялъ во главѣ его и своею дѣятельностью въ немъ пріобрѣлъ большую извѣстность. Его перу принадлежала докторская диссертація: «Quaedam de anaestesia» (М. 1854 г., 94+2 стр.), статья: «Кумысолечебное заведеніе близъ Самары» («Московскія Вѣдомости» 1861 г., № 7), книга: «О кумысѣ, его свойствахъ и дѣйствіи на человѣческій организмъ» (Самара 1866—1887 гг., три изданія) и другія спеціальныя статьи въ медицинскихъ журналахъ. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1913 г., № 204).

† **Черевинъ, Л. А.** Въ Смоленскѣ 2-го сентября скончался одинъ изъ старѣйшихъ и наиболѣе популярныхъ общественныхъ дѣятелей, Левъ Александровичъ Черевинъ. Убѣжденный шестидесятникъ, онъ въ теченіе всей жизни оставался активнымъ борцомъ за свои идеалы. Онъ былъ однимъ изъ дѣятельныхъ и энергичныхъ земскихъ гласныхъ. Начавъ свою земскую дѣятельность еще при дѣйствіи стараго земскаго положенія, онъ былъ сторонникомъ реформы земства на началахъ безсословности. Какъ смоленскій городской голова, Л. А. проявилъ свойства энергичнаго, безупречно честнаго и на рѣдкость работоспособнаго дѣятеля. Кругомъ земской и муниципальной работы не ограничивалась дѣятельность покойнаго. Онъ былъ организаторомъ и иниціаторомъ цѣлаго ряда обществъ и общественныхъ начинаній. Не былъ чуждъ Л. А. и литературной дѣятельности. Мѣстная газета «Смоленскій Вѣстникъ» всецѣло Л. А. обязана своимъ 35-лѣтнимъ существованіемъ. Онъ былъ безкорыстнымъ другомъ ея, не останавливавшимся передъ крупными, часто матеріальными жертвами ради спасенія ея. Въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ Л. А. былъ издателемъ газеты и ея отвѣтственнымъ редакторомъ. Противъ Л. А., какъ редактора, было возбуждено тринадцать уголовныхъ дѣлъ (изъ нихъ шесть по 129-й ст. уг. ул.), но судъ не рѣшился вынести приговора надъ этимъ убѣленнымъ сѣдинами, почтеннымъ старцемъ. Разсмотрѣніе дѣлъ было отложено впредь «до выздоровленія»... Дѣла эти Л. А. унесъ теперь съ собой въ могилу. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости», 1913 г., № 205).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

По поводу статьи А. Миловидова «Первыя скорбныя страницы лѣтописи польскаго возстанія 1863 г. въ предѣлахъ Сѣверо-Западнаго края».

Интересная статья подъ этимъ заглавіемъ, помѣщенная въ майской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за текущій годъ, хотя и составлена «по архивнымъ матеріаламъ», тѣмъ не менѣе содержитъ въ себѣ нѣкоторыя неточности. Приведу кое-какія частности, касающіяся дѣла при м. Сѣмятичи 25-го и

Библиотека "Руниверс"

26-го января 1863 года, частности лично мнѣ извѣстныя, такъ какъ я въ это время состоялъ на службѣ офицеромъ въ шестомъ пѣхотномъ Либавскомъ полку.

На страницѣ 559 авторъ говоритъ, что «почти пятитысячный отрядъ повстанцевъ былъ разсѣянъ русскими войсками (изъ города Гжеста) подъ предводительствомъ генерала Манюкина», а на страницѣ 565 замѣчаетъ, что «форсированнымъ маршемъ навстрѣчу мятежнымъ бандамъ шли русскія войска изъ Бреста подъ предводительствомъ генерала Манюкина». Начну съ того, что города Гжеста не существуетъ (очевидно, это опечатка) и отрядъ подъ командою названнаго генерала сформированъ былъ не въ Брестѣ, а въ Бѣлостокѣ и двинутъ былъ противъ повстанцевъ изъ этого послѣдняго города, то есть изъ Бѣлостока, чему я былъ личнымъ свидѣтелемъ. Отрядъ этотъ, предназначенный для дѣйствій противъ банды Замечека, закончившихся ея разгромомъ при мѣстечкѣ Сѣмятичи, состоялъ изъ слѣдующихъ войсковыхъ частей: трехъ стрѣлковыхъ ротъ шестого пѣхотнаго Либавскаго полка, пятой линейной и второй стрѣлковой ротъ пятаго пѣхотнаго Калужскаго полка, первой и третьей ротъ второго стрѣлковаго батальона, четырехъ орудій нарѣзной легкой № 3 батареи второй артиллерійской бригады и сотни донскихъ казаковъ, а всего изъ семи ротъ съ четырьмя орудіями и сотни казаковъ, въ общей сложности до 1,300 человѣкъ.

Описаніе боя при мѣстечкѣ Сѣмятичи хотя и не детально изложено, но въ общемъ вѣрно; добавлю, что во время боя изъ четырехъ орудій, бывшихъ въ составѣ отряда генерала Манюкина, сдѣлано было девяносто восемь выстрѣловъ, изъ чего можно заключить, насколько упоренъ и горячъ былъ этотъ бой [1]). Укажу, въ заключеніе, на нѣсколько маловажныхъ, описокъ: а) раненъ былъ тяжело (пулею въ лѣвую часть живота) подполковникъ не Фелимоновъ (стр. 568), а Филимоновъ (начальникъ стрѣлковыхъ ротъ Либавскаго полка), б) отрядъ генерала Манюкина послѣ боя 26-го января отошелъ на четыре версты не къ деревнѣ Чертаево, а къ деревнѣ Чертоево [2]), в) замокъ въ мѣстечкѣ Сѣмятичи принадлежалъ камергеру Феншау, а не Финшау (стр. 565) и г) на Варшавской желѣзной дорогѣ была и нынѣ есть станція Лоховъ, а не Влоховъ (стр. 562).

Л. Л. Драке.

---

[1]) Это мнѣ тогда же передано было однимъ изъ офицеровъ батареи по возвращеніи ея въ Бѣлостокъ, спустя, кажется, четыре или пять дней послѣ боя.

[2]) Это не было отступленіемъ подъ натискомъ повстанцевъ, а лишь отходомъ на ночлегъ и для организаціи распоряженій по продолженію боя съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня.

Библиотека "Руниверс"

Мы шли молча среди этихъ узкихъ, вонючихъ переулковъ, пока не вышли на улицу черезъ каналъ, пересѣкающій эту часть города. Здѣсь была набережная, но все было тихо и безлюдно. Большинство рабочихъ были больны или умерли, и сношенія съ внѣшнимъ міромъ прекратились. Никто не хотѣлъ заглядывать сюда больше. Ящики и бочки валялись въ безпорядкѣ на набережной, и около нихъ высилась гигантскіе вязы, подъ тѣнью которыхъ никто уже не хотѣлъ искать убѣжища. Полуденное солнце ярко блестѣло въ водахъ канала и отражалось въ окнахъ домовъ на другой его сторонѣ. Но они казались заколоченными, отвернувшимися отъ всего прочаго міра.

— Теперь я объясню вамъ, почему я не хотѣлъ, чтобы вы приходили сюда,—сказалъ я, остановившись.—Потому что вы можете умереть, а я не вынесу этой потери. Вы сказали, что вы нужны немногимъ—я не знаю, сколькимъ именно; но развѣ вамъ не приходило въ голову, что есть, по крайней мѣрѣ, одинъ человѣкъ, для котораго вы стали всѣмъ и который не можетъ жить безъ васъ? Долженъ ли я еще объяснять вамъ, что я люблю васъ?

— Вы сами себя обманываете,—холодно отвѣчала она, глядя не на меня, а на воду за мной.—Вы не любите меня, да вы и не спрашивали никогда, люблю ли я васъ.

— Не спрашивалъ. Хорошо. Я спрашиваю объ этомъ теперь. Не думаю, чтобы вы стали отрицать это: ваши глаза выдаютъ васъ. Да и поступки тоже. Я люблю васъ искренно, какъ только мужчина можетъ любить женщину, и если даже вы сейчасъ скажете мнѣ, что вы вполнѣ равнодушны ко мнѣ, я все равно вамъ не повѣрю.

— Если мои глаза выдаютъ мои мысли, тѣмъ хуже для меня ,и я должна примириться съ моими поступками: ихъ теперь ужъ и поправишь. Но я вольна подарить или отнять свою любовь. И опять скажу вамъ—вы не любите меня, а милостыню принимать я слишкомъ горда. Иначе вы перестали бы меня уважать. Ваша любовь къ Изабеллѣ, отъ которой вы преждевременно посѣдѣли, не даетъ возможности возникнуть такъ скоро другому чувству равной силы,— а я слишкомъ горда, чтобы мириться на меньшемъ. Если бы ваша любовь была такова, какъ вы говорите, то это было бы чудомъ. Но въ наши времена чудесъ не бываетъ.

Все это она проговорила страстно и гордо. Одно мгновеніе ея глаза впились было въ мои, но теперь они опять глядѣли на каналъ и на дома за нимъ.

— А, можетъ быть, они и бываютъ,—возразилъ я.—Несмотря ни на что, въ моемъ сердцѣ достаточно мѣста для новой любви, къ которой уже не примѣшивается горечь моего перваго чувства. Позвольте мнѣ напомнить вамъ слова проповѣдника, которыя вы сами когда-то мнѣ приводили: «Страшны пути Господни и непонятны, и

Библиотека "Руниверс"

Онъ проносится надъ землей, какъ буря, разрушающая въ одномъ мѣстѣ и оплодотворяющая въ другомъ».

— Вамъ не удастся убѣдить меня, — возразила она какимъ-то страннымъ, жесткимъ голосомъ.—Я просила бы васъ оставить меня сейчасъ въ покоѣ. Если вы не дасте мнѣ возможности помогать этимъ бѣднымъ людямъ, то я уѣду изъ Гуды. Я не стану отрицать того, что я напрасно стала бы скрывать. Но послѣ этого я буду краснѣть отъ стыда при всякой встрѣчѣ съ вами. Долженъ же быть предѣлъ всему, даже самозобвенію. Мнѣ давно хотѣлось побывать на могилѣ моей матери въ Гертруденбергѣ, и я думаю отправиться туда на нѣсколько дней, а затѣмъ переѣду въ другой городъ.

— Я не пущу васъ!—вскричалъ я въ отчаяніи.

— Вы желаете второй разъ жениться силою?—спросила она, глядя мнѣ прямо въ лицо.

Это было жестоко, и я замолкъ. Прежде, чѣмъ я собрался съ мыслями, она тихонько повернулась и пошла отъ меня, оставивъ меня стоять подъ тѣнью большого дерева.

Она заставила меня сильно страдать, но я знаю, что ей пришлось вытерпѣть еще больше.

Я смотрѣлъ на ея высокую, красивую фигуру, удалявшуюся отъ меня твердыми, легкими шагами. Яркій лучъ украдкой пробивался сквозь листья деревьевъ и пестрилъ ея платье золотыми пятнами. Я видѣлъ, какъ она вышла на свѣтъ и затѣмъ скрылась въ темной улицѣ, какъ будто навсегда исчезла отъ меня.

Но этого не должно быть. Она призналась, что любитъ меня, и она не можетъ отказаться отъ этихъ словъ!

Когда я повернулся, чтобы итти дальше, мнѣ показалось, что сзади меня изъ лодки, которыхъ довольно много стояло подъ деревьями и которыя сновали во всѣхъ направленіяхъ по каналу, поднялась какая-то фигура, заслонивъ собою на одну минуту ярко сіявшую воду. Но, можетъ быть, это мнѣ только показалось. Впрочемъ, мы не говорили ни о чемъ такомъ, чего можно было бы потомъ стыдиться.

16-го іюля.

Начиная съ этого дня, никто не можетъ выѣхать изъ Гуды безъ моего разрѣшенія. Всякій желающій уѣхать изъ города долженъ обращаться съ соотвѣтствующей просьбой за день до отъѣзда. Вечеромъ передъ отъѣздомъ собираются о немъ всѣ нужныя справки и представляется мнѣ для подписи разрѣшеніе. Исключеніе дѣлается только для бѣднаго люда, рыбаковъ, рабочихъ и тому подобныхъ лицъ, которыя хорошо извѣстны стражѣ у воротъ.

Я не хочу брать ее силою. Мужчина можетъ это сдѣлать только разъ въ жизни, да я и убѣдился на опытѣ въ недѣйствительности въ этомъ случаѣ какого бы то ни было насилія. Но я не долженъ вы-

Библиотека "Руниверс"

пускать ее изъ города до тѣхъ поръ, пока не испробую всѣхъ средствъ для того, чтобы ее побѣдить. Было бы съ моей стороны слабостью не пустить въ этомъ случаѣ въ ходъ всю мою власть.

Только теперь я вполнѣ понимаю, какъ много значитъ она для меня. Она не только женщина, которую я люблю, она воплощеніе того идеала, о которомъ я никогда не думалъ, чтобы онъ могъ такъ воплотиться въ образѣ обыкновенной женщины. Въ ней есть все, что я хотѣлъ бы видѣть въ человѣкѣ. Взойдетъ или закатится моя звѣзда, я знаю, что она никогда не оставитъ меня и, куда бы я ни пришелъ къ ней, я найду у нея такія слова, которыя мнѣ нужны...

Постараюсь не утратить ту высокую и незаслуженную милость, которую она оказывала мнѣ эти послѣдніе дни, если только у меня хватитъ силъ ее удержать за собой.

Мое распоряженіе вызвало общіе толки. Оправдывая эту мѣру въ городскомъ совѣтѣ, я заявилъ, что у меня есть основаніе подозрѣвать присутствіе въ городѣ испанскихъ шпіоновъ. Насколько я знаю, они дѣйствительно могли быть. А если это такъ, то я ни въ какомъ случаѣ не долженъ былъ дремать и оставлять ихъ на свободѣ. Когда испанцы рѣшаются на такое дѣло, то они посылаютъ ловкихъ людей, которые, конечно, будутъ только смѣяться надъ подобной мѣрой. Къ счастью, здѣшнее населеніе боится только одного—шпіоновъ. Всѣ они принимали мои объясненія серьезно, и, несмотря на свою дѣтскую наивность, принятая мною мѣра производила на нихъ нужное впечатлѣніе. Это было все равно, что ловить рыбу, посыпая ей соли на хвостъ, но они этого не замѣчали.

Въ этотъ день разсматривалось немного дѣлъ. Поднялись только разговоры по поводу небольшой суммы, которая была совершенно необходима и которую имъ не хотѣлось отпускать.

Съ тяжелымъ чувствомъ отъ всего этого вернулся я домой. Мнѣ думалось, что здѣсь моя миссія одна изъ самыхъ скромныхъ.

Благодаря одному изъ странныхъ капризовъ судьбы, въ это утро мнѣ удалось увидѣть истину далеко не такъ ясно, какъ я это воображалъ. Дома меня ждалъ какой-то человѣкъ. Одѣтъ онъ былъ, какъ одѣваются странствующіе торговцы, и такъ и назвался. Онъ разсыпался въ извиненіяхъ и просилъ разрѣшенія показать мнѣ свои товары. По его словамъ, онъ пріѣхалъ издалека и привезъ съ собой столь драгоцѣнныя и рѣдкія вещи, что даже я не откажусь на нихъ взглянуть. Онъ держалъ себя болѣе настойчиво и вмѣстѣ съ тѣмъ низкопоклоннѣе, чѣмъ это дѣлаетъ обыкновенно этотъ народъ. Кое-гдѣ въ его выговорѣ и манерахъ проглядывало что-то иностранное. Я готовъ былъ держать пари, что этотъ человѣкъ родился въ Кордовѣ, хотя онъ и называлъ себя французскимъ гугенотомъ.

Я заинтересовался имъ и велѣлъ его впустить.

Когда я сѣлъ въ своемъ кабинетѣ, а онъ стоялъ передо мной, я сказалъ:

Библиотека "Руниверс"

— Теперь скажите мнѣ, зачѣмъ вы сюда явились. Говорите прямо и не ссылайтесь на ваши товары, хотя я и не сомнѣваюсь въ томъ, что они необыкновенны.

Я говорилъ по-испански, на кордовскомъ нарѣчіи. Мнѣ самому хотѣлось услышать столь родные мнѣ съ дѣтства звуки. Сколько времени прошло съ тѣхъ поръ!

Мой посѣтитель вздрогнулъ и въ изумленіи отступилъ назадъ. Однако онъ сейчасъ же овладѣлъ собою и съ улыбкой отвѣчалъ:

— Трудно застать врасплохъ ваше превосходительство. Къ счастью, это не входитъ въ мои намѣренія. Но мои товары окажутся для васъ еще болѣе удивительными, чѣмъ вы предполагаете,хотя и въ другомъ родѣ. Прежде всего позвольте представиться. Донъ Рамонъ де-Бельверъ. Съ недавняго времени состою при нашемъ посольствѣ въ Парижѣ. Меня послали къ вамъ потому, что изъ уваженія къ вамъ сочли невозможнымъ дать это порученіе лицу низшаго служебнаго ранга. Вотъ мои вѣрительныя грамоты.

И онъ подалъ мнѣ свои бумаги.

— Польщенъ вашимъ присутствіемъ здѣсь, донъ-Рамонъ,—холодно и офиціально отвѣчалъ я.—Не знаю, впрочемъ, привело ли васъ сюда ваше порученіе.

Онъ, видимо, опѣшилъ, но или не понявъ какъ слѣдуетъ мои слова, или только сдѣлавъ видъ, что онъ ихъ не понимаетъ, онъ продолжалъ:

— Надѣюсь, всѣ ваши сомнѣнія разсѣются по прочтеніи этихъ писемъ, одно изъ которыхъ писано собственною его величества рукою. Можетъ быть, вамъ будетъ угодно прочесть ихъ на досугѣ и безъ помѣхи. Я могу только добавить, что условія, въ нихъ изложенныя, не считаются окончательными и что ваши желанія будутъ приняты во вниманіе и для удовлетворенія ихъ будетъ сдѣлано все возможное. Вы страшный врагъ. Хотя ваше имя и не всегда появлялось, но намъ извѣстно, что многими нашими неудачами мы обязаны вамъ. Принцъ вѣдь не воинъ. Только благодаря вамъ былъ отбитъ Амстердамъ. Хотя онъ еще въ нашихъ рукахъ, но онъ почти безъ гарнизона, и его паденіе—только вопросъ времени. Я знаю, что герцогъ получилъ выговоръ за то, что довелъ васъ до возмущенія. Но онъ уже отозванъ, и о прошломъ теперь лучше не говорить. Позвольте прибавить еще одно слово. Я буду съ вами совершенно откровененъ, донъ-Хаимъ, ибо я считаю, что въ данный моментъ откровенность—самая лучшая дипломатія. Положеніе дѣлъ въ Брюсселѣ въ высшей степени запутанное. Вы знаете, что такое былъ такъ называемый государственный совѣтъ. Теперь стало еще хуже. Онъ окончательно дезорганизованъ. Графъ Мансфельдъ—на своемъ мѣстѣ, но онъ только графъ Мансфельдъ. Армія въ Шоувенѣ наканунѣ бунта. Отсюда возстаніе можетъ распространиться и дальше. Этотъ потокъ можетъ задержать только нужный намъ человѣкъ—

Библиотека "Руниверс"

испанецъ, не чуждый и этой странѣ. Рано или поздно такой человѣкъ явится. Но чѣмъ скорѣе мы его найдемъ, тѣмъ будемъ лучше. Я уже довольно сказалъ вамъ. Если вамъ нужны будутъ дальнѣйшія объясненія, то пошлите въ гостиницу «Льва», гдѣ я остановился подъ именемъ ювелира изъ Бордо Франсуа Гаспара.

Онъ отвѣсилъ мнѣ низкій поклонъ и удалился.

Я вынулъ письма изъ шелковаго футляра и нѣкоторое время смотрѣлъ на нихъ не безъ удовольствія. По временамъ мнѣ самому казалось, что когда-нибудь со мной должно случиться нѣчто подобное.

Бумага была та самая, на которой обыкновенно писалъ король Филиппъ. Почеркъ былъ несомнѣнно его. Мнѣ давно уже не приходилось видѣть его. Король Филиппъ пишетъ очень много, больше, чѣмъ всякій другой монархъ въ мірѣ. Должно быть, плохо имъ пришлось въ Мадридѣ, если самъ король удостаиваетъ писать человѣку, голова котораго уже оцѣнена!

Я распечаталъ королевское посланіе и сталъ читать.

Оно гласило слѣдующее:

«Удостовѣряемъ дона Хаима де-Хорквера, графа Абенохара, въ нашемъ королевскомъ прощеніи во всѣхъ его проступкахъ и возмущеніи, содѣянныхъ имъ по день полученія настоящаго письма, если онъ согласится на условія, изложенныя въ прилагаемомъ при семъ письмѣ нашего секретаря дона Матео Веласкеза де-Леса.

«Я, король».

«Дано въ Мадридѣ, іюля перваго дня, 1576 года».

Послѣ этого я прочелъ письмо, приложенное къ королевскому посланію. Оно начиналось съ возстановленія меня въ моемъ прежнемъ званіи и титулахъ. Это было, конечно, совершенно естественно. Потомъ шло обѣщаніе дать мнѣ еще болѣе высокое мѣсто, чѣмъ я занималъ раньше, и полную независимость въ отведенной мнѣ области. Потомъ шли условія: всякое дѣло имѣетъ и оборотную сторону.

Условія состояли въ слѣдующемъ:

Во-первыхъ, необходимо получить удостовѣреніе отъ инквизиціи, которое очищало бы меня отъ всякихъ подозрѣній въ ереси. Письмо, очевидно, намѣренно игнорировало то обстоятельство, что я сдѣлался кальвинистомъ: съ отъявленнымъ еретикомъ, очевидно, не приходилось и разговаривать. Я обвинялся только въ чисто внѣшнихъ дѣяніяхъ, къ которымъ я былъ принужденъ силою обстоятельствъ и которыхъ я въ душѣ не одобрялъ самъ. Это доказывало покровительство, которое я оказалъ отцу Вермюйдену. Конечно, придется наложить на меня легкое наказаніе, ибо церковь, если пожелаетъ, можетъ быть весьма милосердной. Теперешній главный инквизиторъ Квирога весьма расположенъ къ нашей семьѣ. Письма отъ него не было приложено, но не трудно было догадаться, что оно есть среди товаровъ дона Рамона.

Библиотека "Руниверс"

Во-вторыхъ, передать городъ Гуду королю, если это возможно. Этой оговоркой они облегчали мой путь, въ случаѣ, если я не буду въ состояніи принудить себя къ этому, чего, конечно, легко было ожидать.

Предлагали многое множество, не требуя отъ меня слишкомъ многаго, если не считать, конечно, нарушенія принципа. Но имъ, тамъ въ Мадридѣ, не могло и въ голову прійти, что я серьезно сталъ еретикомъ.

Какъ бы то ни было, но къ посланію приложено было еще одно письмо, также отъ донна Матео, написанное имъ по приказанію короля.

Прочитавъ его, я въ изумленіи бросилъ его на столъ. Рѣчи дона Рамона, правда, подготовляли меня къ этому, но все-таки я былъ изумленъ: мнѣ предлагали не болѣе, не менѣе, какъ назначеніе меня намѣстникомъ всей Нидерландской страны, такимъ же, какимъ былъ герцогъ Альба. Не сразу, конечно. Это было бы и невозможно, и не политично, и ни одинъ здравомыслящій человѣкъ не можетъ на это разсчитывать. Моей задачей было сначала привести войска къ повиновенію, затѣмъ возобновить съ удвоенной энергіей военныя дѣйствія и продолжать борьбу до тѣхъ поръ, пока я не добьюсь рѣшительнаго успѣха. Постепенно мои полномочія будутъ расширяться до тѣхъ поръ, пока не настанетъ нужная минута и мнѣ не будетъ врученъ указъ о назначеніи намѣстникомъ, совершенно такой же, какой былъ данъ и герцогу Альбѣ. Отъ меня будетъ зависѣть, долго ли придется ждать этого момента, самый же приказъ лежитъ уже подписанный, добавлялъ донъ Матео.

Съ минуту я не вѣрилъ своимъ глазамъ, но въ этой странѣ случаются иногда изумительныя вещи, и донъ Рамонъ, уходя, отвѣсилъ мнѣ такой же низкій поклонъ, какой я бывало дѣлалъ герцогу Альбѣ... Должно быть, вліяніе моей семьи при дворѣ все еще очень велико, если мнѣ дѣлаются такія предложенія—искренно, или нѣтъ, это другой вопросъ. Пусть даже не искренно: дайте только мнѣ силу, и я противъ ихъ воли заставлю ихъ исполнять договоръ. Если даже это былъ бы миражъ, то блескъ этого миража легко могъ бы соблазнить человѣка на нѣкоторое время. Вице-король всѣхъ Нидерландовъ, у котораго больше реальной власти, чѣмъ у самого короля въ Мадридѣ! Всѣ законы въ сущности отмѣняются, и остается одинъ—воля намѣстника.

Возвращаясь домой изъ городского совѣта, я жаловался въ душѣ на свое жалкое положеніе, а теперь мнѣ предлагаютъ самое высокое положеніе, какого только можетъ достичь человѣкъ, не родившійся на тронѣ.

Я ходилъ взадъ и впередъ по своей комнатѣ, сжимая рукоятку моей шпаги, которой я всѣмъ этимъ обязанъ. Я боролся съ искушеніемъ, не стану отрицать этого. Одно мгновеніе искушеніе это

Библиотека "Руниверс"

было ужасно, когда мнѣ пришла въ голову мысль, что, быть можетъ, въ этомъ-то и состоитъ моя жизненная миссія. Положивъ шпагу на полъ, я опустился на колѣни и сталъ горячо молиться, прося Бога просвѣтить меня. Мои пальцы невольно схватились за голову тигра на рукоятки шпаги, словно отъ этой эмблемы моего дома они хотѣли почерпнуть силу и мудрость, необходимыя мнѣ теперь, когда предстояло принять окончательное рѣшеніе. Они почти вцѣпились въ нее, какъ бы принуждая мою судьбу, неясно разстилавшуюся въ будущемъ, принять опредѣленныя формы и приблизиться ко мнѣ, чтобы я могъ разсмотрѣть ее теперь же.

Чего не могъ бы сдѣлать человѣкъ, облеченный такою властью. Подобно Господу Богу, онъ держалъ бы въ своихъ рукахъ проклятіе и благословеніе!

Въ тишинѣ моей комнаты я стоялъ на колѣняхъ и боролся съ искушеніемъ, которое пришло ко мнѣ такъ же неожиданно, какъ къ первой женщинѣ, до тѣхъ поръ, пока солнце не скрылось за окномъ и миражъ не исчезъ, какъ исчезаетъ фата-моргана на южныхъ равнинахъ, оставляя послѣ себя вмѣсто золотыхъ сѣрые, безотрадные пески.

Я очнулся отъ забытья и вздрогнулъ. Я зналъ, что я останусь жить здѣсь, останусь маленькимъ человѣкомъ въ маленькомъ городѣ, сражающимся съ его гражданами изъ-за такихъ же маленькихъ дѣлъ, какъ мы сами. Когда я слягу, чтобы умереть, послѣдній свѣтъ, который увидятъ мои глаза, будетъ свѣтъ этого хмураго неба, которое виситъ надъ этой страной въ теченіе девяти мѣсяцевъ. Мнѣ уже не увидѣть, какъ блеститъ южное солнце на водахъ Гвадалквивира, какъ оно одѣваетъ въ золото стѣны Кордовы. Хотя я никогда не говорилъ и даже не занесъ на эти страницы, но мнѣ ужасно хотѣлось бы увидѣть все это еще разъ передъ смертью. Но этому желанію, конечно, не суждено сбыться.

Мои молитвы, должно быть, были услышаны, и я сталъ спокойнѣе. Потихоньку мои пальцы выпустили голову тигра, на которой уже не будетъ больше красоваться корона, и я тяжело поднялся съ колѣнъ.

То былъ сонъ. Теперь я проснулся и знаю, что и для власти вице-короля есть вещи, которыя для нея недоступны.

Нуженъ человѣкъ, какъ сказано въ письмѣ, который былъ бы испанцемъ и солдатомъ, который могъ бы желѣзною рукою управлять войскомъ. Нуженъ государственный человѣкъ, который былъ бы на половину голландцемъ и который могъ бы сблизить обѣ расы, держа ловкой и мягкой рукой знамя примиренія. Солдатъ и испанецъ—этому условію я удовлетворяю. Я только теперь вполнѣ почувствовалъ, какую сильную власть надо мной сохранила старая родина, теперь, когда съ болью въ сердцѣ приходилось разрывать послѣднія узы съ нею. Государственный ли я человѣкъ—этого я

Библиотека "Руниверс"

сказать не могъ, но ни одному человѣку, который рѣшится бороться за свое господство въ этой странѣ, не удастся осуществить это стремленіе къ примиренію. Это все равно, что попробовать примирить воду и огонь.

Съ одной стороны—власть короля и папы надъ тѣломъ и душою своихъ подданныхъ, а съ другой—свобода человѣка. Съ одной стороны—старая церковь и инквизиція, а съ другой—новая вѣра, за которой, еще слабо и робко, но уже поднималась на ноги терпимость и свобода мысли. Тутъ дѣло въ борьбѣ не народностей, а идей, а идеи властны и не терпятъ компромиссовъ.

Еще одно обстоятельство. Если даже всѣ эти соображенія не вѣрны,—эта мысль долго еще будетъ приходить въ голову и искушать меня,—то вотъ что вѣрно: на ступеняхъ, ведущихъ на вице-королевскій тронъ, лежитъ измѣна. Въ изступленіи ума я однажды уже совершилъ ее, но больше я этого не сдѣлаю. Пусть не говорятъ потомъ, что у любого гражданина этой страны чувство чести развито сильнѣе, чѣмъ у дона Хаима де-Хорквера, хотя онъ сталъ уже однажды измѣнникомъ, а теперь ему предлагаютъ цѣлое королевство за то, чтобы онъ сталъ имъ второй разъ.

А Маріонъ! Если бъ даже не было никакихъ другихъ соображеній, то одна мысль о ней остановила бы меня отъ этого Въ теченіе долгихъ тяжелыхъ лѣтъ боролся я за любовь, которую она теперь даетъ мнѣ, и если бъ я могъ купить ее цѣною всего королевства, то и это было бы дешево. Горе мнѣ, если бъ я теперь промѣнялъ ее на власть!

Напишу мой отвѣтъ дону Матео де-Леса теперь же и заявлю ему прямо, что я уже слишкомъ старъ и слишкомъ устоялся въ своихъ мысляхъ и убѣжденіяхъ, чтобы мѣнять ихъ еще разъ.

Многое произошло со вчерашняго дня. Вмѣсто того, чтобы сдѣлаться намѣстникомъ королевства, я сижу въ тюрьмѣ, имѣющей не болѣе двадцати квадратныхъ футовъ, и пишу эти строки въ моемъ дневникѣ при свѣтѣ сальной свѣчки, сгорая онъ нетерпѣнія узнать, скоро ли все это кончится. Мнѣ никогда прежде не случалось сидѣть въ тюрьмѣ, и мое теперешнее сидѣніе не лишено для меня интереса новизны. Какое странное ощущеніе, когда вы неосторожно встаете и ударяетесь головой о сводъ сырого подвала или когда вы садитесь, чтобы посидѣть въ тишинѣ, а у самыхъ вашихъ ногъ громко скребется мышь.

Впрочемъ, это все преходящія неудобства, и я утѣшаюсь тѣмъ, что знаю, что они продлятся однѣ, много двое сутокъ: на томъ свѣтѣ будетъ просторнѣе. Желалъ бы я знать, такъ же ли онъ богатъ неожиданностями, какъ этотъ? Я полагалъ, что знаю здѣшній міръ достаточно, но онъ въ концѣ сыгралъ со мной такую штуку, которая была столь же замысловата, какъ и неожиданна.

Библиотека "Руниверс"

Смерть для меня—прекрасный сборщикъ податей, который приходитъ въ ту самую минуту, когда можно взять больше всего. Она могла прійти ко мнѣ много разъ, немного получивъ съ меня, и меньше всего во время битвы на Рейнѣ, когда я сидѣлъ усталый и ослабѣвшій, не имѣя за собой ничего, кромѣ запятнаннаго имени. Но она не пришла тогда. А вотъ теперь, когда я богатъ всѣмъ, чѣмъ только и какъ только можетъ быть богатымъ человѣкъ, теперь она приходитъ, чтобы разомъ взять все. Впрочемъ, не все: у меня въ рукахъ остается еще то, что есть во мнѣ безсмертнаго. Часъ, котораго я такъ ждалъ когда-то, теперь наступилъ. Задача моей жизни исполнена, и я торжественно уѣду изъ нея. Но со мной уйдетъ и великая вѣра и любовь моя. Маріонъ, я скорблю о тебѣ, но твоя любовь также восторжествуетъ надъ тѣнью смерти.

Я разсмѣялся надъ бѣдными гражданами Гуды, которые воображаютъ, что они отомстятъ мнѣ за то, что я управлялъ ими съ большей справедливостью, чѣмъ они того желали. Они теперь только и думаютъ, что о камерѣ въ четыре фута длиной, о топорѣ, который явится завтра утромъ, или о кинжалѣ, который покончитъ со мною на разсвѣтѣ.

Желалъ бы я знать, чей это будетъ кинжалъ? Не думаю, чтобы они рискнули открыто обезглавить меня на площади. Во времена герцога всегда такія вещи можно было дѣлать смѣло, не опасаясь какого-либо вмѣшательства. Но въ свободной Голландіи, особенно въ такую минуту, когда правленіе еще не установилось твердо, было неизвѣстно, какой оборотъ можетъ принять дѣло. Кромѣ того, они не рѣшатся взять на себя отвѣтственность передъ принцемъ. Ибо хотя его терпѣніе и велико, но могутъ быть случаи, когда онъ шутить не любитъ. Поэтому дѣло кончится, вѣроятно, ударомъ ножа на зарѣ, когда я еще буду спать. Это для нихъ будетъ во всѣхъ отношеніяхъ удобнѣе. А мнѣ самому—все равно. Они могутъ потомъ сказать, что я сдѣлалъ это самъ, побуждаемый сознаніемъ своей виновности. Но ни Маріонъ, ни принцъ этому не повѣрятъ, а на все остальное я не обращаю вниманія.

Я долженъ описать, какъ все это произошло, если только это нужно. Подходитъ конецъ всему, даже сальной свѣчкѣ; второй они мнѣ уже не дадутъ.

Сегодня я вышелъ изъ дома въ десять часовъ и направился въ городской совѣтъ. Утромъ я получилъ извѣстія, что въ королевскихъ войскахъ, расположенныхъ въ Шоувенѣ, вспыхнулъ серьезный бунтъ. Солдаты арестовали своихъ офицеровъ и выбрали для себя новое начальство. Донъ Рамонъ въ своей откровенности дѣйствительно не скрылъ отъ меня ничего.

Для штатовъ теперь насталъ самый благопріятный моментъ вооружить всѣхъ мужчинъ и осѣдлать всѣхъ лошадей и итти на Брюссель. И я собирался просить совѣтъ снарядить на собствен-

Библиотека "Руниверс"

ный счетъ небольшой отрядъ, чтобы подать этимъ примѣръ другимъ городамъ. Наши совѣтники—близорукіе скряги, но они честолюбивы, и я надѣялся этимъ на нихъ подѣйствовать.

Вѣдь такой моментъ больше не повторится. У Испаніи еще довольно войска, будетъ назначенъ новый намѣстникъ, и борьба опять станетъ неравной. Я полагалъ, что они не могутъ не видѣть этого, и разсчитывалъ прежде, чѣмъ отправиться въ эту экспедицію, переговорить еще разъ съ Маріонъ.

Но все вышло совершенно иначе.

Дойдя до угла Водяной улицы, я увидѣлъ передъ собой толпу народа, стремившагося въ одну изъ сосѣднихъ улицъ, откуда неслись громкіе крики и гдѣ, видимо, происходила какая-то свалка. Я быстро пошелъ впередъ, довольно безцеремонно прокладывая себѣ путь локтями. Въ толпѣ меня ругали, но, узнавъ меня, сейчасъ же сторонились и давали мнѣ дорогу.

Наконецъ я понялъ причину этихъ криковъ.

— Вѣдьма! Вѣдьма! Катай вѣдьму и ея отродье! Это испанка, и ее послали отравить и погубить насъ! Бейте ее, да и попа кстати. Проклятый римскій песъ!

Этого-то мнѣ и нужно было. Въ этомъ-то для меня и заключалась моя миссія, если только у меня есть какая-нибудь миссія: искоренять плевелы нетерпимости и фанатизма, которыми уже поросла новая, болѣе чистая вѣтвь.

Пробившись впередъ, я увидѣлъ женщину съ двумя дѣвушками. Онѣ были съ распущенными волосами, въ разорванныхъ платьяхъ, и отчаянно отбивались отъ нѣсколькихъ нападавшихъ на нихъ буяновъ. Всѣ онѣ были черноволосы. Безъ сомнѣнія, то были полуиспанки. Этихъ несчастныхъ созданій здѣсь довольно много. Онѣ сами не знаютъ, къ какому народу онѣ принадлежатъ, а оба народа обращаются съ ними одинаково дурно.

Около нихъ стоялъ, тщетно стараясь защитить ихъ, патеръ Вермюйденъ. Одинъ изъ парней отталкивающей наружности схватилъ женщину, сорвалъ одежду съ плечъ одной изъ дѣвушекъ.

— Любовница сатанинская!—оралъ онъ.—Покажи намъ клеймо его. Вотъ оно!

И онъ грубо толкнулъ ее къ толпѣ.

Отецъ Вермюйденъ, старавшійся освободить ее отъ его лапъ, получилъ такой ударъ, что упалъ на колѣни. Лицо его было разбито въ кровь.

— Собака, попъ!—заоралъ опять малый:—сжечь ихъ всѣхъ! Пусть они сгорятъ. Это они навели на насъ болѣзнь.

Ученіе инквизиціи, какъ видно, не погибло безплодно.

— Да, да!—поощрительно кричали голоса изъ толпы:—гнѣвъ Господень на насъ, ибо мы продолжаемъ терпѣть въ своей средѣ римскую мерзость!

Библиотека "Руниверс"

Тутъ я быстро вышелъ впередъ.

— Стой!—повелительно крикнулъ я.

— Кто ты такой?—грубо спросилъ меня парень.

— Онъ того же отродья!—закричалъ одинъ изъ его товарищей.—Къ чорту его. Проучимъ его, какъ вмѣшиваться!

— Вы не знаете меня?—строго спросилъ я.—Вы желаете сегодня же вечеромъ качаться на висѣлицѣ?

— Губернаторъ! Губернаторъ!—раздались голоса.

— Это все равно!—возразилъ малый, съ которымъ я говорилъ.—Онъ испанецъ и папистъ. Довольно онъ повластвовалъ надъ нами.

И онъ бросился на меня съ ножомъ.

Это былъ такъ неожиданно, что я едва увернулся отъ удара, быстро отскочивъ назадъ. Я понялъ, что происходитъ, и выхватилъ шпагу: дѣло принимало серьезный оборотъ.

На меня бросились съ длинными ножами четыре человѣка, и борьба становилась неравной. Я былъ тѣсно окруженъ толпой, и не могъ свободно дѣйствовать шпагой. Кромѣ того, негодяи были одѣты въ толстыя кожаныя куртки, а на мнѣ былъ только бархатный камзолъ.

Кругомъ поднялся страшный гвалтъ. По всей вѣроятности, многіе въ толпѣ не допустили бы такого нападенія, но товарищи негодяевъ охватили меня кольцомъ и не давали никому прійти мнѣ на помощь. Но, слава Богу, я умѣю дѣйствовать шпагой. Черезъ минуту-другую я самъ увлекся борьбой. Мои противники были сильны и грубы, но довольно неуклюжи.

Сдѣлавъ видъ, что я поскользнулся, я усыпилъ осторожность ближайшаго ко мнѣ негодяя. Выпрямившись въ то же мгновеніе, я бросился на него и разрѣзалъ его, какъ курицу. Его паденіе вызвало замѣшательство среди нападавшихъ, и я, храбро бросившись впередъ на ближайшаго негодяя, который въ эту минуту не былъ готовъ къ защитѣ, прокололъ ему шпагой горло.

Теперь изъ нихъ осталось только двое, хотя каждую минуту могъ подоспѣть еще одинъ и всадить мнѣ ножъ въ спину. Я удивился, какъ они этого не дѣлаютъ, и какъ разъ въ эту минуту почувствовалъ ударъ въ лѣвое плечо, повидимому, не проникавшій глубоко. Въ ту же минуту я услыхалъ, какъ сзади меня кто-то упалъ. Нападавшіе на меня спереди, изъ которыхъ одного мнѣ удалось ранить, отскочили отъ меня и бросились бѣжать. Въ одну секунду они скрылись въ толпѣ.

— Отлично управились, донъ Хаимъ,—произнесъ сзади меня голосъ съ настоящимъ кордовскимъ акцентомъ.—Я не скоро протискался къ вамъ и очень радъ, что подоспѣлъ вò-время.

Я съ удивленіемъ обернулся назадъ и увидѣлъ передъ собой дона Рамона де-Бельвера.

Библиотека "Руниверс"

— Это вы, донъ Рамонъ. Я долженъ благодарить васъ за спасеніе своей жизни.

— О, пустяки! Негодяй хотѣлъ ударить васъ ножомъ сзади. Это была бы подлая штука, и я ему помѣшалъ. Не стоитъ говорить объ этомъ. Это сдѣлалъ бы каждый дворянинъ. Я радъ убѣдиться, что вы все еще остаетесь однимъ изъ нашихъ,—прибавилъ онъ, значительно улыбаясь.

— Еще разъ благодарю васъ. Что касается остального, то, быть можетъ, вы зайдете ко мнѣ въ четыре часа. Мой отвѣтъ готовъ.

— Отлично,—отвѣчалъ онъ и хотѣлъ итти дальше. Я остановилъ его.

— Еще одна просьба. Не будете ли вы любезны, проходя мимо моего дома, сказать моему секретарю, чтобы онъ прислалъ мнѣ въ городской совѣтъ списки, которые я забылъ дома. Я долго провозился съ этой исторіей, и теперь уже поздно итти за ними самому.

Онъ обѣщалъ мнѣ исполнить мою просьбу, и я передалъ ему записку, въ которой распорядился, чтобы моя гвардія немедленно явилась къ городскому дому, такъ какъ она можетъ мнѣ понадобиться.

Эта записка не была, однако, передана, и моя гвардія не явилась.

Донъ Рамонъ угадалъ больше, чѣмъ нужно было, можетъ быть, по моему взгляду или по голосу, а, можетъ быть, и по наитію. Онъ умный человѣкъ, вполнѣ подходящій къ своей роли. Теперь для меня ясно, что мнѣ не слѣдовало давать ему такое порученіе. Это была ошибка, которая будетъ стоить мнѣ жизни. Маленькія ошибки, незначительные промахи всегда стоятъ дороже всего.

Когда донъ Рамонъ удалился, я обратился къ толпѣ:

— Какой срамъ!—воскликнулъ я.—Васъ такъ много, и вы позволяете горсти негодяевъ обижать женщинъ! Дѣвушка почти голая, а вы стоите, смотрите и ничего не дѣлаете. Дайте мнѣ вотъ это!

И я безъ всякой церемоніи сорвалъ платокъ съ плечъ какой-то хорошо одѣтой женщины и закуталъ въ него дѣвушку.

— Кто вы и какъ давно вы живете здѣсь?—спросилъ я ее.

Какъ я и предполагалъ, то были на половину испанки. Онѣ направлялись къ югу и остановились здѣсь за неимѣніемъ денегъ. Въ Гудѣ они прожили двѣ недѣли.

— Это правда?—спросилъ я остальныхъ.

Толпа подтвердила эти слова.

— Ну, посмотрите теперь, какіе вы глупцы. Какъ они могли напустить на васъ болѣзнь, которая началась два мѣсяца тому назадъ.

Они повѣсили головы и молчали.

— Если бы онѣ были виноваты, неужели я сталъ бы защищать ихъ? Развѣ вы не знаете, что я говорилъ о васъ въ совѣтѣ? Развѣ вамъ неизвѣстно, что я дѣлаю для васъ все, что только могу. Если

Библиотека "Руниверс"

они не той вѣры, что вы, то что за бѣда? Вы жаловались на инквизацію, вамъ не нравились пытки и костры. Теперь все это вамъ опять понадобилось. Неужели вамъ не стыдно самихъ себя? Неужели вы забыли, что сказалъ Христосъ: «Не судите, да не судимы будете!» Какой срамъ!

Они опять поникли головами.

— Теперь ступайте спокойно домой и дайте и имъ итти своей дорогой. И знайте, что если кто-нибудь подниметъ противъ нихъ оружіе, онъ будетъ качаться на висѣлицѣ.

Странное явленіе — толпа. Она можетъ быть опаснѣйшей вещью, но если вамъ удастся ее образумить, вы можете руководить ею, какъ ребенкомъ.

Всѣ стали покорны, какъ нельзя болѣе. На недавнихъ героевъ никто и вниманія не обращалъ: раздраженіе улеглось окончательно. Это былъ хотя грубый, но въ душѣ добрый народъ, гораздо лучшій, чѣмъ его собратья въ городскомъ совѣтѣ. Когда я далъ женщинамъ денегъ, многіе изъ толпы подошли къ нимъ и также дали, кто что могъ, и первыми дали тѣ, которые громче всѣхъ кричали: «На костеръ! На костеръ!»

Словомъ, дѣло приняло такой оборотъ, что имъ нечего было бояться.

Хуже всѣхъ пришлось отцу Вермюйдену. Онъ получилъ сильный ударъ, которымъ у него былъ вышибленъ передній зубъ и который онъ, конечно, долго будетъ помнить. Но въ то время онъ радовался, что ему довелось пострадать за Господа.

Какъ бы то ни было, дѣло кончилось благополучно, и я поспѣшилъ въ городской домъ. По всему пути меня привѣтствовали толпы народа. Я не боялся его и не хотѣлъ даже показать вида, что боюсь.

Войдя въ комнату, гдѣ происходили засѣданія совѣта, я сѣлъ на свое мѣсто. Ничего необычнаго я не замѣтилъ. Какъ только водворилась тишина, я всталъ и сталъ просить ихъ осуществить то, что было мною задумано. Я высказалъ, что жить не значитъ только пользоваться комфортомъ и удобствами, что надо также уважать себя и подумать о грядущихъ поколѣніяхъ, что лучше человѣку впасть въ бѣдность и умереть, чѣмъ сознавать себя скрягой и продолжать жить. Я высказалъ имъ всѣ соображенія, которыя могли прійти мнѣ въ голову, и высказалъ со всѣмъ доступнымъ для меня краснорѣчіемъ. Но рѣчь моя не имѣла большого успѣха.

Подъ конецъ кто-то спросилъ:

— Кто же будетъ командовать войсками, которыя вы предлагаете снарядить съ такими издержками?

— Конечно, я, — отвѣчалъ я, слегка удивленный этимъ вопросомъ.—По крайней мѣрѣ, пока принцъ не рѣшитъ иначе.

Библиотека "Руниверс"

— Мы не увѣрены въ вашихъ боевыхъ способностяхъ,—важно произнесъ тотъ же голосъ.—Послѣдній разъ вы потеряли почти половину добровольцевъ, которые были вамъ даны.

— Да, потому что г. ванъ-Шюйтенъ заразилъ ихъ страхомъ. Если бъ въ критическую минуту они не бросились бѣжать, пало бы очень немного. Но война есть война, и всякій, кто идетъ на нее, не долженъ упускать изъ виду, что онъ можетъ и погибнуть.

Дѣло принимало забавный оборотъ. Мнѣ только что предлагали высшее начальство надъ всей испанской арміей, а тутъ кучка торгашей сомнѣвается въ моихъ боевыхъ способностяхъ.

Мнѣ было смѣшно въ душѣ. Пожавъ плечами, я прибавилъ холодно:

— Впрочемъ, если г. ванъ-Шюйтену угодно занять мое мѣсто и стать начальникомъ всѣхъ вооруженныхъ силъ въ городѣ, то я противъ этого ничего не имѣю. Это будетъ очень пріятно для испанцевъ. Не пеняйте только на меня, если дѣло приметъ плохой оборотъ.

Тутъ поднялся ванъ-Шюйтенъ и важно заявилъ:

— Вамъ нечего задѣвать меня. Я и раньше говорилъ, имѣя въ виду только благо общины, и теперь буду говорить такъ же, не считаясь съ тѣмъ, что мои слова, быть можетъ, вызовутъ ваше неудовольствіе.

«Ого! — подумалъ я про себя,—цыплята осмѣлѣли и дѣлаются ужъ слишкомъ развязны».

— Пожалуйста, не стѣсняйтесь, г. ванъ-Шюйтенъ,—холодно промолвилъ я.—Но позвольте и мнѣ также не считаться съ вашими страхами, въ интересахъ чести города.

При этихъ словахъ поднялся членъ совѣта, говорившій первымъ. Обыкновенно онъ держался всегда сзади, я не замѣчалъ его до сихъ поръ и даже не зналъ навѣрно его фамиліи.

— Вы просите насъ дать вамъ много денегъ и подвергаете опасности жизнь весьма многихъ,—началъ онъ.—Я не буду больше говорить о вашемъ командованіи, чтобы не вызывать съ вашей стороны нападокъ на ванъ-Шюйтена. Можетъ быть, мы не знаемъ толку въ подобныхъ дѣлахъ, ибо мы простые граждане Голландіи, не испанскіе гранды. Потому-то мы такъ и заботимся о жизни нашихъ согражданъ.

— Я теперь самъ голландецъ. Прошу этого не забывать,—рѣзко возразилъ я.

Онъ не обратилъ вниманія на мое замѣчаніе и продолжалъ:

— Какъ бы то ни было, вы не можете намъ ручаться за успѣхъ. Въ случаѣ пораженія опасность будетъ угрожать самому городу и у насъ не останется средствъ ее предотвратить. Вы здѣсь говорили о многомъ,—о самоуваженіи и тому подобномъ, что могло бы звучать для насъ довольно оскорбительно. Но я обойду это молчаніемъ

Библиотека "Руниверс"

и ограничусь фактами. На основаніи ихъ я буду голосовать противъ вашего предложенія и прошу совѣтъ сдѣлать то же самое.

— Но ради освобожденія Голландіи стоитъ рискнуть многимъ!— воскликнулъ я.—Если бы Гаарлемъ разсуждалъ точно такъ же, то испанскій гарнизонъ до сего времени стоялъ бы въ этихъ стѣнахъ. Если даже мы и погибнемъ, то мы посѣемъ добрыя сѣмена; вспоенныя нашей кровью, они дадутъ добрую жатву въ свое время, и наши дѣти поблагодарятъ насъ за нее.

— Вы говорите о свободѣ Голландіи, но мы не знаемъ, насколько эта свобода вамъ дѣйствительно дорога. Вы перешли на нашу сторону вѣдь очень недавно и, какъ говорятъ, не совсѣмъ добровольно. Это не значитъ, что я предъявляю къ вамъ въ настоящую минуту какое-либо обвиненіе, но вы должны понять, что мы имѣемъ право пораздумать, какъ слѣдуетъ, прежде, чѣмъ довѣрить вамъ деньги, которыя даются намъ съ такимъ трудомъ, и жизнь нашихъ сыновей и друзей. Мы не хотимъ оставлять городъ безъ всякой защиты, если случится что-нибудь непредвидѣнное, въ родѣ того, что въ одинъ прекрасный день вы вздумаете опять вернуться на службу къ вашему прежнему повелителю.

Я начиналъ терять терпѣніе.

— Вы...—началъ было я, но мой голосъ былъ заглушенъ криками, раздававшимися во всѣхъ углахъ зала.

— Онъ папистъ! Пусть оправдается!

Этого я не могъ уже перенести. Съ того мѣста, на которомъ я стоялъ, видна была площадь. Я посмотрѣлъ, не явилась ли моя гвардія, но ея не было. Очевидно, она и не явится, такъ какъ время было за полдень.

Прежде, чѣмъ крики стихли, послышался зычный голосъ Іорданса:

— Выслушайте меня, братья,—кричалъ онъ.—Я открыто обвиняю стоящаго передъ вами человѣка въ томъ, что онъ остался въ душѣ испанцемъ и папистомъ. Развѣ онъ не покровительствовалъ и не охранялъ католиковъ все время, пока онъ здѣсь? Развѣ не онъ заставилъ насъ оставить у себя римскихъ поповъ, хотя мы и желали освободиться совсѣмъ отъ соблазна? Развѣ не онъ наложилъ иго на вашу совѣсть, иго, которое, мы такъ долго сносили? Поистинѣ за это насъ и наказалъ Господь болѣзнью, которая распространяется все больше и больше. Но этому человѣку, нашему губернатору, и горя мало. Хотите доказательствъ. Сегодня утромъ нѣсколько испанокъ, очевидно, подосланныхъ, бросали въ колодцы какой-то порошокъ. Слава Богу, они были схвачены нѣсколькими молодцами, которые повели ихъ, чтобы предать ихъ въ руки правосудія вмѣстѣ съ патеромъ Вермюйденомъ, который старался освободить ихъ. Когда они вели ихъ, этотъ человѣкъ напалъ на нихъ и освободилъ задержанныхъ, причемъ убилъ троихъ честныхъ работящихъ

Библиотека "Руниверс"

людей, все преступленіе которыхъ состояло только въ томъ, что они заботились о городѣ, и жены и дѣти которыхъ теперь должны умирать съ голоду. Я самъ горько упрекаю себя въ томъ, что терпѣлъ все это такъ долго. Но я помню слова Господа: «Если братъ твой прегрѣшаетъ, иди и скажи ему наединѣ». Такъ я и сдѣлалъ. «Но если онъ не послушаетъ тебя, возьми съ собой двоихъ или троихъ. Если же и тѣхъ не послушаетъ, скажи церкви. Если же и церковь не послушаетъ, то пусть онъ будетъ для тебя какъ язычникъ и мытарь».

— Я все сказалъ. Что вы можете сказать?

— Вамъ ничего,—надменно отвѣчалъ я.—Не вамъ обвинять и судить меня. Но я хочу дать совѣту болѣе вѣрныя свѣдѣнія о томъ происшествіи, которое разыгралось сегодня утромъ. Четыре честныхъ работящихъ человѣка, о которыхъ говорилъ здѣсь г. Іорданъ, были просто-напросто самыми отвратительными оборванцами, какіе только попадались когда-либо мнѣ на глаза. Настоящее городское отребье. Они напали на меня, а не я на нихъ. Что касается исторіи съ колодцами, то это нелѣпость, ибо болѣзнь началась уже два мѣсяца тому назадъ. По моимъ свѣдѣніямъ, вся эта исторія была нарочно разыграна на моихъ глазахъ, а люди, нападавшіе на меня, были подкуплены, чтобы убить меня, если могутъ.

Я замолчалъ, давая возможность моимъ словамъ произвести свое дѣйствіе.

Видя, что дѣло принимаетъ непріятный для него оборотъ, Іорданъ быстро возразилъ:

— Если я неправъ относительно васъ, то я первый готовъ просить извиненія. И я охотно это сдѣлаю, потому что душа моя освободится въ такомъ случаѣ отъ великаго смущенія. Но вы могли бы устранить всѣ наши страхи, если бы вы согласились, чтобы этихъ женщинъ судили, какъ слѣдуетъ, и мы дождались бы рѣшенія суда.

Если бы я согласился на это, то, конечно, я погубилъ бы ихъ, но зато спасъ бы свою жизнь,—вѣдь гвардія моя не явилась. Но проповѣдникъ былъ увѣренъ, что я не уступлю. Отдать эту старую женщину и старика-священника на допросъ, который будутъ чинить друзья этого Іорданса,—никогда!

— Я унизилъ бы свою должность и занимаемое мною мѣсто, если бы согласился на вашу просьбу,—возразилъ я спокойно.—Но я скажу вамъ, почему вамъ такъ хочется подвергнуть пыткамъ этихъ несчастныхъ: потому что вамъ хочется забрать весь городъ подъ свою власть. Развивая суевѣріе и фанатизмъ, вы хотите тѣмъ самымъ укрѣпить свое вліяніе на массы. Кромѣ того, вы ненавидите отца Вермюйдена, потому что онъ является,—правда, единственнымъ,—примѣромъ, передъ которымъ вамъ дѣлается стыдно.

Библиотека "Руниверс"

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“

С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.

«Книжныя Новости» магазиновъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» (ежемѣсячные списки вновь поступающихъ въ магазины Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ безплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги **можно выписывать** черезъ книжные шкафы Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ СЕНТЯБРѢ 1913 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 9-й.

Богословіе.

АСВАГОША. Жизнь Будды. Переводъ К. Бальмонта. Со вступительной статьей Сильвэна Леви. Москва. 1913. Ц. 2 р. 25 к.

ИЛЬМЕНСКІЙ, С., протоіерей. О религіи вообще и христіанской въ особенности. Саратовъ. 1913. Ц. 12 к.

КАЛЬНЕВЪ, М. Бесѣды объ истинахъ вѣры православной противъ невѣрія и сектантства. Одесса. 1913. Ц. 1 р.

— Обличеніе лжеученія русскихъ сектантовъ - раціоналистовъ (штундо - баптистовъ, адвентистовъ, «евангельскихъ христіанъ», молоканъ, духоборовъ и др.). Одесса. 1913. Ц. 2 р. 50 к.

САБАШНИКОВА, М. Святой Серафимъ. Москва. 1913. Ц. 40 к.

СХОЛАСТИКЪ, СОКРАТЪ. Церковная исторія. Саратовъ. 1912. Ц. 3 р. 75 к.

Философія, психологія, логика.

АБЕДАНАНДА, СУОМИ. Какъ сдѣлаться іогомъ (переводъ съ англійскаго). Спб. 1913. Ц. 80 к.

БЕРГСОНЪ, АНРИ. I. Интеллектуальное усиліе. II. Замѣтка о психологическомъ происхожденіи нашей вѣры въ законъ причинности. Перев. съ франц. В. А. Флеровой. Спб. 1913. Ц. 50 к.

ЗАВИТНЕВИЧЪ, В. Алексѣй Степановичъ Хомяковъ. Томъ второй. Система философско-богословскаго міровоззрѣнія Хомякова. Кіевъ. 1913. Ц. 2 р.

КАНТЪ, И. I. Объ извѣстной поговоркѣ: «Это, можетъ быть, вѣрно въ теоріи, но не годится для практики». II. О мнимомъ правѣ лгать изъ человѣколюбія. Переводъ Над. Вальденбергъ. Спб. 1913. Ц. 60 к.

ЛАО-СИ. Тао-Те-Кингъ или писаніе о нравственности. Подъ редакціей Л. Н. Толстого. Перев. съ китайск. проф. Д. Кониси, съ примѣч. С. Дурылина. Москва. 1913. Ц. 25 к.

ЛОГИКА. Выпускъ первый «Энциклопедіи философскихъ наукъ». Редакція Арнольда Руге, при участіи проф. Вильг. Виндельбанда и проф. Н. Лосскаго. Москва. 1913. Ц. 1 н.

МИРОНОВЪ, АЛ., проф. Исторія эстетическихъ ученій. Конспектъ лекцій, читанныхъ въ Импер. Казанск. универс. и на казанск. высш. женск. курсахъ въ 1912—1913 году. Пособіе по исторіи эстетическихъ ученій въ соотвѣтствіи съ программой испыт. комиссій. Казань. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

НОВЫЯ ИДЕИ въ философіи. Неперіод. изданіе, выходящее подъ редакц. Н. О.

Библиотека "Руниверс"

Лосскаго и Э. Л. Радлова. Сборникъ № 8. Душа и тѣло. Спб. 1913. Ц. 80 к.

— Сборникъ № 9. Методы психологіи, I. Спб. 1913. Ц. 80 к.

— Сборникъ № 10. Методы психологіи. II. Спб. 1913. Ц. 80 к.

ПРОДАНЪ, И. Познаніе и его объектъ. (Оправданіе здраваго смысла). Часть I. Харьковъ. 1913. Ц. 3 р.

СМИРНОВЪ, Н. Книга жизни. Выпускъ I. Бытіе. Саратовъ. 1913. Ц. 50 к.

ШТЕЙНЕРЪ, Р. Истина и наука. Прологъ къ «философіи свободы». Перев. Б. Григорова. Москва. 1913. Ц. 80 к.

— Путь къ самопознанію человѣка. Москва. 1913. Ц. 1 р.

ШТЕНБЕРГЕНЪ, А. Интуитивная философія Анри Бергсона. Переводъ Б. С. Бычковскаго. Спб. 1913.

Словесность, исторія литературы, критика и библіографія.

БОРОДКИНЪ, М. Даль зоветъ. Литературныя поминки по гр. А. А. Голенищевѣ-Кутузовѣ. Харьковъ. 1913. Ц. 40 к.

ВЕНГЕРОВЪ, С. Собр. соч. Т. 2-й, Писатель-гражданинъ. Гоголь. Спб. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

ВЕСЕЛОВСКІЙ, ЮР. Этюды по русской и иностранной литературѣ. Поэзія гр. Е. П. Ростопчиной и др. Москва. 1913. Ц. 50 к.

ГАНЖУЛЕВИЧЪ, Т. Крестьянство въ русской литературѣ XIX вѣка. Спб. 1913. Ц. 1 р.

ДЕНИСОВЪ, А., проф. Значеніе исторіи греческой литературы. Харьковъ. 1913. Ц. 50 к.

КОВАЛЕВСКАЯ, С. Драма Лопе де Вега «Великій князь Московскій». Оттискъ изъ сборника «Minerva», издан. Истор.-филолог. семинаріемъ при Кіевск. высш. женск. курсахъ. Кіевъ. 1913. Ц. 25 к.

КУПРІЕВИЧЪ, А. Стихотворенія въ прозѣ Тургенева и діалоги Леопарди. Оттискъ изъ сборника «Minerva», издан. Истор.-филолог. семинаріемъ при Кіевск. высш. женск. курсахъ. Кіевъ. 1912. Ц. 15 к.

ПЛЕТНЕВЪ, АЛЕКСѢЙ. Собраніе сочиненій. Томъ третій. Критика.—Публицистика.—Обо всемъ.—Намеки. Одесса. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

ПОГОДИНЪ, А., проф. Лекціи по исторіи польской литературы. Часть 1-я. Средніе вѣка и польско-латинскій гуманизмъ первой половины XVI вѣка. Харьковъ. 1913. Ц. 1 р. 80 к.

РЖИГА, Ѳ. Созиданіе Скадра. Сербская былина. Н.-Новгородъ. 1913. Ц. 10 к.

САКУЛИНЪ, П. Изъ исторіи русскаго идеализма. Князь В. Ѳ. Одоевскій. Мыслитель-писатель. Томъ первый. Часть вторая. Москва. 1913. Цѣна за обѣ части 5 р. 50 к.

ШАХМАТОВЪ, А., ПѢТУХОВЪ, Е., проф., и Морозовъ, П. Памяти академика Якова Карловича Грота (род. 15 декабря 1812 г., сконч. 24 мая 1893 г.). Торжественное чествованіе 100-лѣтней годовщины его рожденія Импер. Акад. Наукъ 16 декабря 1912 г. Рѣчи и воспоминанія. Спб. 1913. Ц. 50 к.

ШЛЯПКИНЪ, И., проф. Исторія русской словесности. (Программа университетскаго курса, съ подробной библіографіей). Спб. 1913. Ц. 25 к.

ЭНГЕЛЬГАРДТЪ, НИК. Исторія русской литературы XIX столѣтія. Томъ 1-й. 1800—1850. (Критика, романъ, поэзія и драма). Изд. 2-е, испр. и дополн. Спб. 1913. Ц. 3 р.

Беллетристика, поэзія и драматическія произведенія.

АМОРИ, гр. Рабы страсти. Романъ современныхъ нравовъ. Спб. 1913. Ц. 1 р.

АРБУЗОВЪ, Л. Морскія миніатюры. Одесса. Ц. 1 р.

АРЦЫБАШЕВЪ, М., АБРАМОВИЧЪ, Н., БАРБЬЕ Д'ОРЕВИЛЬИ и др. Образы сатанизма. Очерки. Москва. 1913. Ц. 1 р.

БОГОВИТЫНЪ. Женщина съ прошлымъ. Романъ. Переводъ съ польскаго Ольги Семеновой. Москва. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

БУДИЩЕВЪ, АЛ. Дикій всадникъ. Москва. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

ГИППІУСЪ, З. Романъ-царевичъ. Исторія одного начинанія. Москва. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

ГНѢДИЧЪ, П. Ассамблея. Комедія въ 4-хъ дѣйств. Спб. 1913. Ц. 1 р.

ГРИНЪ, А. День возмездія. Романъ. Спб. 1913. Ц. 1 р.

ГУРЕВИЧЪ, БОР. Вѣчно человѣческое. Книга космической поэзіи. Спб. 1913. Ц. 2 р.

ЕЛПАТЬЕВСКІЙ, С. Крымскіе очерки. Съ рисунками. Москва. 1913. Ц. 1 р.

ЖДАНОВЪ, ЛЕВЪ. Сгибла Польша! Романъ-хроника. Съ иллюстр. Спб. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

ІЕВЛЕВЪ, М. Къ млечному пути. Стихотворенія и поэмы. Спб. 1913. Ц. 1 р.

КРЫЖАНОВСКАЯ, В. (РОЧЕСТЕРЪ). Дочь колдуна. Оккультный романъ. Спб. 1913. Ц. 2 р.

ЛАППО-ДАНИЛЕВСКАЯ, Н. Жена министра. Романъ изъ жизни петербургскаго большого свѣта. Въ двухъ частяхъ. Спб. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

ЛИРИКА. Первый альманахъ. Анисимовъ А—сѣвъ, Бобровъ—Пастернакъ, Раевскій—Рубановичъ, Сидоровъ—Станевичъ. Москва. 1913. Ц. 1 р.

МАМИНЪ-СИБИРЯКЪ, Д. Сибирскіе разсказы. Томъ II-й. Изд. 4-е. Спб. 1913. Ц. 1 р.

МОЛЬЕРЪ. Сочиненія. Библіотека великихъ писателей, подъ редакціей проф. С. А. Венгерова. Т. II. Спб. 1913. Ц. въ переплетѣ 8 р.

НАГРОДСКАЯ, Е. Борьба микробовъ. Романъ. Спб. 1913. Ц. 1 р.

НАЖИВИНЪ, И. Бѣлые голуби принцессы Риты. Москва. 1913. Ц. 1 р.

НЕДРИГАЙЛОВЪ, В., д-ръ. Докторъ Волгинъ. Пьеса въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Харьковъ. 1913. Ц. 1 р.

НЕМИРОВИЧЪ - ДАНЧЕНКО, В. Съ вооруженнымъ народомъ. Дневникъ корреспондента въ Болгарской арміи. Спб. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

ПОМЯЛОВСКІЙ, Н. Полное собраніе сочиненій. Съ портретомъ и біографіей автора,

Библиотека "Руниверс"

составленною Н. А. Благовѣщенскимъ. Изд. 3-е. Спб. 1913. Ц. 1 р.

ПОНТОППИДАНЪ, Х. Обѣтованная земля. Романъ. Переводъ съ датскаго М. П. Благовѣщенской. Спб. 1913. Ц. 1 р.

РАДИЩЕВЪ, ЛЕВЪ. Вѣтерки и вихри. Спб. 1913. Ц. 1 р.

УАЙДЪ. Разсказы. 1) Маленькій графъ, 2) Нелло и Патрашъ, 3) Муфлу. Перев. съ англійск. В. Керженцева. (Съ рисунками). Спб. 1913. Ц. 75 к.

ХАУТОРНЪ. НАТАНІЭЛЬ. Блитдейлъ. Романъ. Перев. съ англ. І. А. Маевскаго. Москва. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

ЧИРИКОВЪ, ЕВГ. Поѣздка на Балканы. Замѣтки военнаго корреспондента. Москва. 1913. Ц. 75 к.

— Студенты пріѣхали. Москва. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

ШАГИНЯНЪ, МАРІЭТТА. Orientalia. Февраль—октябрь 1912 г. Изд. 2-е. М. 1913. Ц. 75 к.

ШАМОНИНЪ, А. Лилея. Собраніе стихотвореній. Варшава. 1913. Ц. 60 к.

ЭЛЬСНЕРЪ, ВЛАД. Пурпуръ киоеры. Эротика. Фронтисписъ Н. Миліоти. Съ иллюстрац. М. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

Исторія, біографія и археологія.

АПУХТИНЪ, В. Труды орловскаго отдѣла императорскаго русскаго военно-историческаго общества. Вып. 1-й. Формированіе легіоновъ изъ плѣнныхъ французовъ, итальянцевъ и голландцевъ въ гор. Орлѣ въ 1812—1813 г.г. М. 1913. Ц. 75 к.

БАРАЦЪ, Г. Происхожденіе лѣтописнаго сказанія о началѣ Руси. К. 1913. Ц. 60 к.

BERNOFF, W. Les Tzars et le sentiment national russe et l'occasion du tricentenaire de la dynastie des Romanoff. 1613 — 1913 Nice. 1913. Ц. 75 к.

БУЛЫЧЕВЪ, Н. Раскопки по среднему теченію р. Угры (Ока. Бассейнъ р. Волги).—Записки импер. московск. университ. имени императора Николая II, изд. подъ ред. А. Успенскаго. Москва. 1913. Ц. 5 р.

БУТЕЛЬ - РЕЕПЕНЪ, Г., д-ръ. Изъ исторіи происхожденія человѣчества. М. 1913. Ц. 70 к.

ВОЛЛАНЪ-ДЕ, Г. Исторія общественныхъ и революціонныхъ движеній, въ связи съ культурнымъ развитіемъ русскаго государства. Часть первая. Томъ I. Спб. 1913. Ц. 3 р. 50 к.

ГЛИНСКІЙ, Б. Сергѣй Николаевичъ Шубинскій (1834—1913 г.). Біографическій очеркъ. Спб. 1913. Ц. 60 к.

ГОЛУБОВСКАЯ, Н. Географическія данныя въ Русской Правдѣ. Оттискъ изъ сборника «Minerva», издан. истор.-филолог. семинаріемъ. Высш. женск. курс. въ Кіевѣ. 1913. Ц. 15 к.

ГРИНГМУТЪ, ВЛАД. АНДР. Очеркъ его жизни и дѣятельности. М. 1913. Ц. 1 р.

ГРОТЪ, К. Иванъ Порфирьевичъ Филевичъ. (Род. 20 сент. 1856 г. ум. 7 янв. 1913 г.). Спб. 1913. Ц. 30 к.

—Матеріалы для жизнеописанія академика Якова Карловича Грота (1812—1893). Хронологическій обзоръ его жизни и дѣятельности. (Къ 100-лѣтней годовщинѣ рожденія академика 15 дек. 1912 г.). Спб. 1913. Ц. 50 к.

ДЕЛЬВИГЪ, А., бар. Мои воспоминанія. Томъ II. Москва. 1913. Ц. 3 р.

ДНЕВНИКЪ Вѣры Сергѣевны Аксаковой. 1854—1855. Редакція и примѣчанія кн. Н. В. Голицына и П. Е. Щеголева. Спб. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

ЗАПИСКИ М. В. ДАНИЛОВА, артиллеріи майора, написанныя имъ въ 1771 году (1722—1762). Казань. 1913. Ц. 50 к.

ИСТОРІЯ Новаго времени (1500—1910) составлена профессорами К. Бранди, Т. Бригеромъ, А. Брюкнеромъ и друг. подъ главн. редакціей проф. І. Перлугъ-Гартунга. Перев. съ нѣмецк. Т. Богдановичъ, подъ редакц. проф. Е. Тарле, съ дополнен. проф. А. Пресняковa. Томъ I, выпуски 2—3. Съ многочислен. рисунками. Спб. Ц. 1 р. 70 к.

КРЫМСКІЙ, А. Исторія арабовъ и арабской литературы, свѣтской и духовной (Корана, фыкха, сунны и пр.). Нов. переработ. изд. Ч. I—3. М. 1914. Ц. 3 р. 30 к.

ЛУКОМСКІЕ, Г. и В. Кострома. Историческій очеркъ и описаніе памятниковъ художественной старины. Спб. 1913. Ц. 3 р.

МЕЛИХОВЪ, В. С. В. Соловьевъ, профессоръ императорскаго харьковскаго университета. (Некрологъ) 1862—1913. Харьковъ. 1913. Ц. 15 к.

МЕМУАРЫ князя Адама Чарторижскаго и его переписка съ императоромъ Александромъ I. Переводъ съ французскаго А. Дмитріевой. Редакція и вступительная статья А. Кизетевера. Томъ второй. Москва. 1913. Ц. 2 р.

НЕЛИДОВА, Е. Русь въ ея столицахъ. Историческіе очерки. Н. Новгородъ. Съ 16 рисунками и 1 картой. Спб. 1913. Ц. 35 к.

ОБЕРМАЙЕРЪ, Г., проф. Доисторическій человѣкъ. Перев. съ нѣм. прив.-доц. П. Шмидта. Съ предислов. проф. Д. Анучина. Съ таблицами, картами и рисунками. Спб. 1913. Ц. въ перепл. 8 р.

«ПЕТЕРБУРГСКІЙ НЕКРОПОЛЬ». Томъ четвертый (С.—Ѳ.). Изд. вел. кн. Николая Михайловича. Спб. 1913. Ц. 2 р. 50 к.

ПИРЛИНГЪ, П. Историческія статьи и замѣтки. Спб. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

ПОКРОВСКІЙ, И., проф. Русское духовенство, его патріотизмъ и дѣятельность въ защиту православія и законной національной царской власти въ смутное время и при избраніи на русскій царскій престолъ боярина Михаила Ѳеодоровича Романова. Казань. 1913. Ц. 40 к.

ПОЛОНСКАЯ, Н. Наглядныя пособія по русской исторіи. Оттискъ изъ сборника «Minerva», издан. истор.-филолог. семинаріемъ при кіевск. высш. женск. курсахъ. Кіевъ. 1912. Ц. 35 к.

РУССКІЙ біографическій словарь. Рейтернъ—Рольцбергъ. Спб. 1913. Ц. 3 р.

РУССКІЙ біографическій словарь. Яблоновскій—Оомин. Спб. 1913. Ц. 5 р.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ студенческаго историко-этнографическаго кружка при импер. университетѣ св. Владимира, подъ руководствомъ проф. М. Довнаръ-Запольскаго. Кіевъ. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

СБОРНИКЪ статей въ честь Дмитрія Оомича Кобеко. Съ приложен. портрета. Спб. 1913. Ц. 4 р.

СЕЛИВАНОВЪ, А. Хранилище вещей рода Селивановыхъ. Рязань. 1913. Ц. 5 р.

СИНГАЛЕВИЧЪ, С. Изъ лекцій по польской исторіографіи. Казань. 1913. Цѣна 90 к.

СОБРАНІЕ памятниковъ церковной старины въ ознаменованіе трехсотлѣтія цар-

Библиотека "Руниверс"

ствованія Дома Романовыхъ. Сост. свящ. А. Рѣчменскій. М. 1913. Ц. 5 р.

СТАНИНЕВСКІЙ, Е. Очерки по исторіи царствованія Михаила Ѳеодоровича. Ч. I. Московскоео бщество и государство отъ начала царствованія Михаила Ѳеодоровича до эпохи Смоленской войны. Кіевъ. 1913. Ц. 3 р.

ЧЕБОТАРЕВСКАЯ, А. Любовь въ письмахъ выдающихся людей XVIII и XIX вѣка. Предисловіе Ѳедора Сологуба. Москва. 1913. Ц. 2 р.

ЯВОРСКІЙ, Ю. Описаніе рукописей императорской Александровской кіевской гимназіи. Кіевъ. 1913. Ц. 40 к.

Правовѣдѣніе, общественныя науки и публицистика.

АЛЕКСАНДРОВСКІЙ, Ю. Законы о пенсіяхъ и пособіяхъ нижнимъ воинскимъ чинамъ и ихъ семействамъ (1876—1919 г.г.). Полное собраніе дѣйствующихъ законовъ о пенсіяхъ и пособіяхъ нижнимъ воинскимъ чинамъ и ихъ семьямъ, съ законодательными мотивами, постатейными примѣчаніями и разъясненіями. Спб. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

БАРАЦЪ, С. Техника обращенія именныхъ процентныхъ бумагъ. Спб. 1913. Ц. 10 к.

БАСОВЪ, А. О еврейскомъ вопросѣ въ древнемъ Римѣ. Харьковъ. 1913. Ц. 10 к.

БЕЛИЧЪ, А. Сербы и Болгары въ балканскомъ союзѣ. (Съ пятью картами въ текстѣ). Спб. 1913. Ц. 75 к.

БРЮНЕЛЛИ, П. «Права русскаго гражданина». Права и ихъ защита. Порядокъ и способы обжалованія незакономѣрныхъ дѣйствій должностныхъ лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, въ порядкѣ административномъ. Спб. 1913. Ц. 2 р. 50 к.

ВЕРХОВСКІЙ, П., проф. Краткій очеркъ судоустройства и судопроизводства католическихъ духовныхъ судовъ, преимущественно по дѣламъ брачнымъ. Варшава. 1913. Ц. 25 к.

ГОЛЬДШТЕЙНЪ, І. Благопріятна ли русская дѣйствительность для образованія синдикатовъ и трестовъ? М. 1913. Ц. 50 к.

— Экономическая политика. Курсъ лекцій, читан. въ Моск. Универс. и въ Моск. Ком. Инст. Изд. 2-е. М. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

— Подобаетъ ли профессору говорить умышленно неправду? Отвѣтъ г. М. И. Назаревскому. М. 1913. Ц. 20 к.

ДАДОНОВЪ, В. Соціализмъ безъ политики. Города-сады будущаго въ настоящемъ. Москва. 1913. Ц. 1 р.

ДУГАНОВЪ, М. Мѣстные обычаи въ наслѣдованіи у крестьянъ. Докладъ, читан. въ засѣд. Кіевск. Юридич. Общ. 15 дек. 1912 года. Кіевъ. 1913. Ц. 30 к.

ДУПЕНСКІЙ, ПАВЕЛЪ. Дневникъ непремѣннаго члена министерской передней. Изданіе первое, В. М. Пуришкевича. Спб. 1913. Ц. 1 р.

ЕСИПОВЪ, В., проф. Уголовное право. Часть особенная. Преступленія противъ личности и имущества. Изд. 4-е. М. Ц. 1 р. 50 к.

ЗМИРЛОВЪ, К., сен. Уставъ гражданскаго судопроизводства, съ законодательными мотивами, разъясненіями Сената и алфавитнымъ предметнымъ указателемъ. Спб. 1913. Ц. 5 р.

ИВАНОВЪ, С. Бухгалтерская экспертива въ судебномъ процессѣ. Пособіе для юристовъ и бухгалтеровъ-экспертовъ. Съ предисловіемъ проф. В. К. Случевскаго. Спб. 1913. Ц. 2 р.

КАЗАРИНОВЪ, М. Г. Защитительныя рѣчи. Спб. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

КАНТОРОВИЧЪ, Я. Конвенція между Россіею и Германіею для защиты литературныхъ и художественныхъ произведеній. Русск. и нѣм. тексты, съ разъясненіями. Спб. 1913. Ц. 60 к.

КАРѢЕВЪ, Н. Введеніе въ изученіе соціологіи. Изд. 3-е. Спб. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

КІЯНОВСКІЙ, В., свящ. Самоубійство и назначеніе человѣка по ветхозавѣтной Теодицеѣ. Х. 1913. Ц. 25 к.

КОНРАДЪ, К. Посредничество въ пріисканіи работы въ Германіи. Перевели съ нѣм. и дополнили А. Браудо и проф. В. Гагенъ. Спб. 1913. Ц. 2 р.

КЭТЛЭ. Соціальная физика или опытъ изслѣдованія о развитіи человѣческихъ способностей. Перев. подъ ред. А. Русова. Томъ 2-й. К. 1913. Ц. 2 р.

МАНУИЛОВЪ, А. Ученіе о деньгахъ. Часть 1-я и 2-я. Лекціи по политической экономіи (спеціальный курсъ), читан. въ Моск. Ком. Инст. Изд. 2-е. М. 1913. Ц. 2 р. 50 к.

МАТЕРІАЛЫ по вопросу о выдѣленіи гор. Харькова въ самостоятельную земскую единицу. Докладъ Харьковской Городской Управы въ Городскую Думу. Харьковъ. 1913. Ц. 40 к.

МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА, ихъ взаимныя отношенія и положеніе, занимаемое въ современ. культурной жизни. Авторизован. перев. съ нѣм., съ дополн., подъ редакціей проф. А. Догеля, Д. Клеменца и А. Шабановой. Томъ III. Вып. 8—9. Спб. 1913. Ц. 1 р.

— То же, вып. 10—11 и 12—13. Спб. 1913. Ц. 1 р.

НАЗАРЕВСКІЙ, М., проф. Стыдно. Отвѣтъ прив.-доц. Московскаго Университета І. М. Гольдштейну. Москва. 1913. Ц. 25 к.

НА ПОМОЩЬ УВѢЧНОМУ РАБОЧЕМУ. Популярное изложеніе закона 23 іюня 1912 г. о страхованіи рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ. Саратовъ. 1913. Ц. 10 к.

НОВЫЯ ИДЕИ въ соціологіи. Неперіодическое изданіе, выходящее подъ редакціей проф. М. М. Ковалевскаго и Е. В. де-Роберти. Сборникъ № 1. Соціологія. Ея предметъ и современное состояніе. Спб. 1913. Ц. 80 к.

ОСОРГИНЪ, М. Очерки современной Италіи. Москва. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

ОСОСОВЪ, А. Земельный вопросъ въ Третьей Государственной Думѣ. Спб. 1912. Ц. 3 р. 25 к.

ПАШЕ-ОЗЕРСКІЙ, Н. Объ «опасномъ состояніи» личности преступника. Докладъ, прочит. въ собраніи Кіевск. Юридич. О-ва 1 дек. 1912 г. Кіевъ. 1913. Ц. 60 к.

ПОЛЯНСКІЙ, В. Безвѣстное отсутствіе и имущественныя его послѣдствія. 3-е изд. М. 1913. Ц. 50 к.

РОЗЕНЪ, Я. Товарные знаки. Законы и примѣненіе ихъ въ административной и судебной практикѣ. Законодательные мотивы и рѣшенія Правит. Сената. Трактаты и деклараціи. Съ приложеніями. Спб. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

РУССКІЙ ЗОЛОТОЙ ЗАПАСЪ ЗА ГРАНИЦЕЙ. I. Бесѣда съ высокоавторитетн. финансистомъ.—II. Бесѣда съ б. товар. государств. контролера, сенаторомъ

Библиотека "Руниверс"

С. В. Ивановымъ.—III. Бесѣда съ государств. контролеромъ г. Харитоновымъ.—IV. Бесѣда съ предсѣд. бюджетн. комис. Гос. Думы М. Алексѣенко и другими. Итоги и выводы. Спб. 1913. Ц. 1 р.

СОВРЕМЕННОЕ ХОЗЯЙСТВО города Москвы. Составлено подъ редакціей И. А. Вернера. Москва. 1913. Ц. 3 р.

СТАТИСТИЧЕСКІЙ ЕЖЕГОДНИКЪ на 1913 годъ, подъ редакціей В. И. Шарапо, завѣдывающаго Статист. Отд. Совѣта Съѣздовъ представителей промышленности и торговли. Спб. 1913. Цѣна въ переплетѣ 4 р. 50 к.

ТАВОКИНЪ, С. Къ вопросу о «желтой опасности». Спб. 1913. Ц. 25 к.

ТАЛЬ, Л. Трудовой договоръ. Цивилистическое изслѣдованіе. Часть I. Общія ученія. Ярославль. 1913. Ц. 2 р. 50 к.

УСТАВЪ АКЦІОНЕРНЫХЪ земельныхъ банковъ, съ разъясненіемъ вопросовъ, возникшихъ на практикѣ при его примѣненіи. Пятое переработанное и дополненное изданіе Комитета съѣздовъ представителей учрежденій русскаго земельнаго кредита. Спб. 1913. Ц. 6 р.

ЦЫПКИНЪ, П. Сводъ законовъ о состояніяхъ (Св. Зак. Т. IX. Изд. 1899 г.), согласован. съ продолж. и узакон., опублик. по 15 марта 1913 г. Спб. 1913. Цѣна въ переплетѣ 1 р. 20 к.

ЧЕТВЕРТАЯ Государственная Дума. Портреты и біографіи. Спб. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

ШКОЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА второй русской революціи. Изд. Русс. Народн. Союза имени Михаила Архангела. Спб. 1913. Ц. 75 к.

ЯНКОВСКІЙ, М. На кого и въ какой мѣрѣ распространяются милости и льготы, даруемыя указомъ 21-го февраля 1913 г. Приложенія: I. Тексты Высоч. указа отъ 21-го февраля 1913 г. II. Нѣкоторыя разъясненія Сената. III. Льготы по представленію къ Высоч. наградамъ. IV. Высоч. милости Военному вѣдомству. V. Высоч. милости по Морскому вѣдомству. VI. Милости духовенству. Москва. 1913. Ц. 30 к.

Искусство.

ВРАНГЕЛЬ, Н., бар. Вѣнокъ мертвымъ. Художественно-историческія статьи. Спб. 1913. Ц. 2 р. 25 к.

ГРИЩЕНКО, А. О связяхъ русской живописи съ Византіей и Западомъ XIII—XX вѣкомъ. Мысли живописи. Съ 23 воспроизведеніями иконъ новгородскихъ писемъ, итало-греческихъ, Андрея Рублева, Симона Ушакова; картинъ: Греко, Сезанна, Пикассо и др. Москва. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

ДУРЫЛИНЪ, С. Вагнеръ и Россія. Москва. 1913. Ц. 50 к.

Естествознаніе и математика.

БРОУНОВЪ, П. И., проф. Стѣнная таблица для предсказанія погоды по мѣстнымъ признакамъ. 48 рисунковъ, изъ коихъ 15 цвѣтныхъ. Спб. 1913. Ц. 50 к.

ГРАВЕ, Д., проф. Элементарный курсъ теоріи чиселъ. Второе значительно измѣненное и дополненное изданіе, съ 100 страницами числовыхъ таблицъ. Кіевъ. 1913. Ц. 3 р.

ГРУЗИНЦЕВЪ, А. Термодинамика. Курсъ лекцій. Съ 22 чертежами въ текстѣ. Харьковъ. 1913. Ц. 1 р. 80 к.

КЛАРКЪ, А. Исторія астрономіи въ XIX столѣтіи. Перев. прив.-доц. В. Серафимова. О. 1913. Ц. 4 р.

КОГЕНЪ, Э., проф. Сто лѣтъ въ мірѣ молекулъ. Докладъ, прочитанный на тринадцатомъ съѣздѣ голландскихъ естествоиспытателей и врачей въ Гронингенѣ 21 апрѣля 1911 года. Перев. съ нѣм. О. В. Сербъ. Харьковъ. 1912. Ц. 35 к.

КРАЛЛЬ, К. Мыслящія животныя. Съ предисловіемъ редактора Н. Котина и приложеніемъ статьи проф. Ed. Claparéd'a. Москва. 1913. Ц. 1 р. 75 к.

МАККАВѢЕВЪ, А. Теорія тѣней на проекціонныхъ чертежахъ. Съ 103 черт. въ текстѣ. 2-ое изд. Спб. 1913. Ц. 1 р.

МЮЛЛЕРЪ, Роб. Сексуальная біологія. Сравнительно - историческіе очерки развитія половой жизни человѣка и высшихъ животныхъ. Перев. съ нѣм. д-ра І. Ляховскаго. Москва. 1913. Ц. 2 р. 25 к.

НИКОЛЬСКІЙ, А., проф. Таблицы для опредѣленія прѣсноводныхъ рыбъ Европейской Россіи. Харьковъ. 1913. Ц. 25 к.

НОВЫЯ ИДЕИ въ астрономіи. Непріод. изданіе, выходящее подъ редакц. проф. А. А. Иванова. Сборникъ № 1. Космогоническія гипотезы. Спб. 1913. Ц. 80 к.

— Сборникъ № 2. Земля. Ея внѣшняя форма и внутреннее строеніе. Спб. 1913. Ц. 80 к.

НОВЫЯ ИДЕИ въ математикѣ. Непріодическое изданіе, выходящее подъ редакціей заслуж. проф. А. В. Васильева. Сборникъ № 3. Пространство и время. II. Спб. 1913. Ц. 80 к.

— Сборникъ № 4. Ученіе о числѣ. Спб. 1913. Ц. 80 к.

НОВЫЯ ИДЕИ въ химіи. Непріодическое изданіе, выходящее подъ редакціей проф. Л. Чугаева. Сборникъ № 3. Валентность. Спб. 1913. Ц. 80 к.

ПАЛЛАДИНЪ, В., проф. Морфологія и систематика растеній. Изд. 2-ое. Съ 436 рисунками въ текстѣ. Юрьевъ. 1913 Ц. 2 р.

СОДДИ, Ф. Матерія и энергія. Перев. съ англійск. С. Займовскаго, подъ редакціей, съ предисловіемъ и примѣч. Н. Морозова. Москва. 1913. Ц. 70 к.

Географія, этнографія, антропологія, путешествія.

ЛАГОФЕТЪ, Д. Въ горахъ и на равнинахъ Бухары. (Очерки Средней Азіи). Спб. 1913. Ц. 3 р.

С—Ъ, В. Въ странѣ художественныхъ настроеній. Письма экскурсанта изъ Италіи. Выпускъ I. Венеція. Спб. 1913. Ц. 75 к.

— Выпускъ II. Падуя и Болонья. Спб. 1913. Ц. 50 к.

С—Ъ, В. Первая экскурсія въ Италію. Съ маршрутомъ на 28 дней, записью практическихъ свѣдѣній и дорожнымъ словаремъ. Венеція. — Падуя. — Болонья. — Флоренція. — Римъ. — Неаполь. — Бари. — Анкона. — Равенна. Спб. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

Библиотека "Руниверс"

Языковѣдѣніе.

ВСЕМІРНОЕ ЕДИНЕНІЕ. Органъ человѣческаго единенія во всѣхъ формахъ мысли и дѣйствія. На двухъ языкахъ: эсперанто и русскомъ или англійскомъ. X. 1913. Ц. 60 к.

КНАУЭРЪ, Ф., проф. Лекція по сравнительной грамматикѣ Индо-Европейскихъ языковъ, читанныя въ Кіевскомъ университетѣ и на Высшихъ женскихъ курсахъ въ 1912—1913 учебн. году. Кіевъ. 1913. Ц. 2 р. 90 к.

КУЛЬБАКИНЪ, С., проф. Древне-церковно-славянскій языкъ. Изд. 2-ое измѣненное и исправленное. Харьковъ. 1913. Ц. 2 р.

Сельское хозяйство и домоводство.

ВИНКЛЕРЪ, фонъ, П., бар. Враги птицеводства. По личному опыту и наблюденіямъ. Спб. 1913. Ц. 60 к.

ГУЖАВИНЪ, Т. Сорта яблонь, грушъ, сливъ, вишни, ягодныхъ кустарниковъ и земляники. Для средней и сѣверной полосы Россіи. Спб. 1913. Ц. 75 к.

ЖУКОВСКІЙ, И. Овсюгъ. Злѣйшій врагъ земледѣльца. Какъ заводится овсюгъ и какъ съ нимъ бороться. Бесѣда съ крестьянами юга Россіи. Съ 1 рис. въ текстѣ и 1-ой табл. въ краск. Спб. 1913. Ц. 15 к.

ЗЕМЛИ ДЛЯ КОНЕВОДСТВА И СКОТОВОДСТВА въ Азіатской Россіи. Справочная книга для лицъ, желающихъ арендовать скотоводческіе казенные участки въ степныхъ областяхъ, Туркестанскомъ краѣ и въ Сибири. Съ 9 рисунками и картою Азіатской Россіи съ нанесенными на ней участками, назначенными для сдачи въ аренду подъ коневодство и скотоводческія хозяйства. Спб. 1913. Ц. 2 р.

КАКЪ БОГАТѢЮТЪ на хуторахъ. Спб. 1913. Ц. 25 к.

РЕБАНЕ, П. Крестьянское скотоводство и молочное хозяйство. Практическое руководство и справочная книга для небольшихъ хозяевъ-скотоводовъ. Изд. 2-ое, испр. и дополн. Съ рисунками. Спб. 1913. Ц. 50 к.

Торговля и промышленность. Счетоводство.

ВЕРХНЕЕ ПОВОЛЖЬЕ отъ Ярославля до Нижняго-Новгорода и Волжское судоходство. Подъ редакціей Н. Бехтерева. Спб. 1913. Ц. 5 р.

ГРОМАНЪ, В. Правила о мѣрахъ безопасности работъ въ заведеніяхъ фабрично-заводской промышленности. Съ поясненіями и предмети. указателемъ. Спб. 1913. Ц. 75 к.

ДЕРЮГИНЪ, А. Руководство для городскихъ общественныхъ банковъ. Съ прилож. циркул. инструкц. и формъ отчети. и баланса. Спб. 1913. Ц. 3 р.

СВИРИДОВЪ, Ф. и КОМИСАРОВЪ, П. Торговый самобыстросчетъ. Томъ I. Тамбовъ. 1913. Ц. 3 р. 75 к.

СПРАВОЧНИКЪ по торговлѣ продуктами животноводства. Спб. 1913. Ц. 3 р.

ЯКОВЛЕВЪ, П. Таблица для вычисленія поденной платы рабочимъ и мастеровымъ фабричныхъ и ремесленныхъ заведеній отъ 75 к. до 2 р. въ день. Спб. 1913. Ц. 30 к.

ЭКСПОРТЪ и ИМПОРТЪ. Главнѣйшія торгово-промышленныя и фабрично-заводскія предпріятія всего міра, ведущія торговыя сношенія съ Россіей. Кіевъ. 1913. Ц. 3 р.

Технологія, строительное и инженерное искусства. Ремесла.

АББАСЪ, Ф. Краткій общедоступный курсъ по обработкѣ металловъ. Перевелъ съ 4-го нѣмецкаго изданія и дополнилъ С. Ю. Калецкій. Изд. 2-ое, значительно переработанное и дополненное. Съ 248 фигурами въ текстѣ. Спб. 1914. Ц. 1 р 80 к.

АЛЕКСАНДРОВСКІЙ, С., инж. Аккумуляторы Эдиссона. Подробное описаніе устройства желѣзо-никелевыхъ аккумуляторовъ, изслѣдованіе ихъ дѣйствія и преимущества ихъ по сравненію съ свинцовыми аккумуляторами. Съ 24 рис. и діаграммами въ текстѣ. Николаевъ. 1913. Ц. 40 к.

АРКМАНЪ, И. Самоучитель «Шофферъ». Практическое руководство устройства, ухода, ремонта и управленія автомобилями. Москва. 1913. Ц. 2 р. 75 к.

АСТАФЬЕВЪ, А. Домовые водостоки и водопроводы. Справочная книга. Съ приложеніемъ немограммъ для расчета канализаціонныхъ и водопроводныхъ трубъ. Спб. 1913. Ц. 2 р.

БАШИНСКІЙ, В. Новый методъ расчета балокъ и жесткихъ рамныхъ системъ. Съ 74 чертежами въ текстѣ и двумя приложеніями. Кіевъ. 1913. Ц. 3 р.

БОДРИ де СОНЬЕ, Л. Подробный курсъ устройства автомобиля. Переводъ и дополненіе Ник. Орловскаго. Выпускъ третій. Съ чертежами въ текстѣ. Спб. 1913. Ц. 2 р.

БРУСОВЪ, А. и ГОЛЬСТЕНЪ, Г. Общедоступный химическій справочникъ для фотографовъ-любителей и профессіоналовъ, составляющихъ фотографическіе растворы. Спб. 1913. Ц. 60 к.

ВИРЕНІУСЪ, Н. Введеніе къ изученію технологіи стали. Съ дополненіемъ краткой технологіи мѣди. Кронштадтъ. 1913. Ц. 1 р.

— Работа машинъ, треніе и краткій обзоръ механизмовъ передачи движенія Кронштадтъ. 1913. Ц. 50 к.

ВИЦЪ и ЕРФУРТЪ. Практическая электротехника. Часть 2-ая. Техника сильныхъ токовъ. Перев. съ нѣм., подъ редакц. В. А. Александрова. М. 1913. Ц. 1 р. 60 к.

ГРИДИНЪ, А. Добываніе креозота изъ каменноугольной смолы и пропитка имъ желѣзнодорожныхъ шпалъ по способамъ

Библиотека "Руниверс"

Бріана, Рюшинга, Жолнеркевича и Ляцкаго. Харьковъ. 1913. Ц. 25 к.

ГУММЕЛЬ, Л. Сопротивленіе матеріаловъ. Краткій общедоступный курсъ для самообученія. Перев. съ нѣм. С. Ю. Калецкій. Съ 66 рис. въ текстѣ. Изд. 2-е. Спб. 1913. Ц. 60 к.

ЕВДОКИМОВЪ, Б. Фотографъ-велосипедистъ. Прогулки и путешествія на велосипедѣ съ фотографическимъ апаратомъ. Практическіе совѣты и указанія для любителей-фотографовъ. Съ рисунками. Спб. 1913. Ц. 35 к.

ЗЕННЕКЪ, І., д-ръ. Руководство по безпроволочной телеграфіи. Съ 332 рис. и мног. табл. Перев. съ нѣм. В.Кайсаровъ. Спб. 1913. Ц. 4 р.

ЗУЕВЪ, М., ад.-проф. Теплота въ сахарномъ производствѣ. (Книга въ двухъ главахъ). Харьковъ. 1913. Ц. 5 р.

КАГАНЪ, П. Спутникъ автомобилиста, Научно-популярное руководство къ изученію автомобиля. Съ предисловіемъ и подъ редакціей проф. А. Лбеедева. Съ 240 рис. Спб. 1913. Ц. 2 р. 25 к.

ОРТИНЪ, М. По металлургическимъ заводамъ Кавказа. Оттискъ изъ выпуска I, 1913 г. «Изв. Варш. Политехнич. Инст.». Варшава. 1913. Ц. 75 к.

ПАВЛОВЪ, М. Сапожникъ. Общепонятное руководство къ изготовленію дамской и мужской обуви. Съ 70 рисунками. Спб. 1913. Ц. 45 к.

РАЗУМЪ, А. Руководство къ изготовленію несочно-цементной черепицы. Саратовъ. 1913. Ц. 15 к.

САВВИНЪ, Н., проф. Нарѣзаніе зубчатыхъ колесъ. Спб. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

СОВАЖЪ, Ф. Деревянная архитектура въ новомъ стилѣ. Эскизы деревянныхъ построекъ, бесѣдокъ, павильоновъ, верандъ, балконовъ, садовыхъ скамеекъ, оградъ, фронтоновъ и разныхъ деталей. Ч. I. 16 табл. Изд. 2-е. Спб. 1913. Ц. 1 р.

СУХИХЪ, Н. Теплоходство и пароходство. Выводы технико-экономическаго обслѣдованія теплоходнаго вопроса въ навигацію 1912 года. Спб. 1913. Ц. 85 к.

ТИЛИНСКІЙ, А. Дачи и загородные дома. Практическое руководство. Съ 614 чертежами и 103 проектами. Спб. 1914. Ц. 2 р. 50 к.

ТРУДЫ Гидрологическаго Отдѣла Тульскаго Губернскаго Земства. Гидрологическое изслѣдованіе Тульской губерніи. Районъ первый. Водосборы рѣкъ Зуши до устья р. Черни, Плавы до устья р. Плавицы. Карты: провальныхъ образованій, размыва и др. Подъ редакц. А. Козменко. Москва. 1912. Ц. 4 р.

УВАРОВЪ, П. Домашняя фототипія или какъ самому сдѣлать дешевымъ способомъ съ фотографическаго негатива желатиновое клише и печатать съ послѣдняго типографскими красками (безъ машинъ). Изд. 2-е. Спб. 1913. Ц. 40 к.

ФЕДОРОВЪ, П., техн. Столярно-мебельное мастерство. Практическое руководство для любителей и самообученія. Съ 425 рис. Изд. 3-3, дополн. Спб. 1913. Ц. 1 р. 35 к.

ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ аккумуляторы. Перев. со 2-го нѣм. изд. A. Holzt. «Die Schule des Electrotechnikers» и дополн. В. И. Виттъ. 2-е русск. знач. перераб. и дополн. изд. Спб. 1913. Ц. 2 р. 50 к.

Медицина, гигіена, анатомія, физіологія и хирургія. Ветеринарія.

БОГДАНОВЪ - БЕРЕЗОВСКІЙ, М., проф. Вспомогательныя средства слуха. Съ 67 рисунками въ текстѣ. Спб. 1913. Ц. 2 р. 50 к.

БРАНДЪ, А., проф. Основы сравнительной анатоміи. Съ 172 рис. въ текстѣ. Спб. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

ВЕРБОВЪ, Я., д-ръ. Какъ облегчить роды и предупредить ихъ вредныя для здоровья женщины послѣдствія. Съ 10 рисунками съ фотографій. Спб. 1913. Ц. 10 к.

ГУНДОБИНЪ, Н., проф. Воспитаніе и леченіе ребенка до семилѣтняго возраста. Изд. 3-е. Съ портрет. автора. Москва. 1913. Ц. 2 р. 40 к.

ГУРИНЪ, Г. Краткое руководство общей патологіи животныхъ. (Съ 100 рис. въ текстѣ). М. 1912. Ц. 1 р.

HUCHARD, Н., д-ръ. Болѣзни сердца и ихъ леченіе. Переводъ съ французскаго. В. Г. Подъ редакціей д-ра М: Х. Спб. 1913. Ц. 1 н. 50 к.

ДМИТРІЕВЪ, В. Леченіе молокомъ и его препараты на южномъ берегу Крыма. Посм. изд., исправленное и дополненное Б. В. Дмитріевымъ. Спб. 1913. Ц. 50 к.

ЕЖЕГОДНИКЪ (иллюстр.) кумысника 1913 г. Полн. путеводитель по кумысолечебнымъ мѣстамъ, съ необходимыми свѣдѣніями по кумысолеченію и во вопросамъ кумысолечебнаго дѣла. Москва. 1913. Ц. 1 р.

КЛЕМПФЕРЪ, Г., проф. Руководство по внутренней медицинѣ. Курсъ частной патологіи и терапіи. Переводъ съ нѣмецкаго д-ра И. С. Комаровскаго. Съ предисловіемъ проф. Ѳ..Г. Яновскаго. Ч. 1-я. Болѣзни пищеварительнаго тракта. Спб. 1913. Ц. 2 р. 50 к.

— Тоже, ч. 2-я. Болѣзни мочевыхъ путей и половыхъ органовъ. Спб. 1913. Ц. 1 н. 50 к.

ЛОСИЦКІЙ, А. и ЧЕРНЫШЕВЪ, И. Алкоголизмъ петербургскихъ рабочихъ. (Съ 8 діаграммами). Спб. 1913. Цѣна 50 к.

МАКАРОВЪ, Г., д-ръ. Основы современнаго леченія туберкулеза легкихъ. Спб. 1913. Ц. 60 к.

МИХАЙЛОВЪ, В. Краткій повторительный курсъ физіологіи человѣка. (Съ рисунками въ текстѣ). Сост. прим. къ прогр. медиц. испытат. комис. (По Черевкову, Гедану и др.). Х. 1913. Ц. 1 р. 15 к.

— Часть II. Х. 1913. Ц. 1 р. 15 к.

НОВЫЯ ИДЕИ въ медицинѣ. Непріодическое изданіе, выходящее подъ редакціей проф. А. Левина, при ближ. участ. проф. Л. Блюменау и А. Кадьяна, д-ра Е. Лондона и акад. И. Павлова. Сборникъ № 1. Радіотерапія. Спб. 1913. Ц. 80 к.

ПОВТОРИТЕЛЬНЫЙ КУРСЪ фармакологіи, рецептуры и бальнеологіи. Составленъ по руководствамъ Кравкова, Шмидеберга и Эвальда. Харьковъ. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

POROSZ, М. Половая жизнь въ ея нормѣ и отклоненіяхъ. Для врачей, юристовъ, родителей и воспитателей. Переводъ съ нѣмецк. подъ редакц. д-ра Н. М. Рудницкаго. Х. 1913. Ц. 1 р.

САЛЬЦМАННЪ, М., д-ръ. (Maximilian Salzmann). Анатомія и гистологія человѣческаго глаза въ нормальномъ состояніи, его развитіе и увяданіе. Переводъ съ нѣмецкаго д-ра Л. И. Сергіевскаго. Съ предисловіемъ проф. А. А. Маклакова. Съ 5

Библиотека "Руниверс"

рисунками въ текстѣ и 9 таблицами (геліогравюра). Москва. 1913. Ц. 3 р.

СОКОЛОВСКІЙ, А., д-ръ. Болѣзни органовъ дыханія. Клиническія лекціи. Ч. III. Болѣзни плевры, средостѣнія и туберкулезъ легкихъ. Переводъ д-ра С. Садовской, съ предисл. д-ра Г. Данга. Спб. 1913. Ц. 5 р. 20 к.

ХЛОПИНЪ, Г., проф. Методы изслѣдованія пищевыхъ продуктовъ и напитковъ. Практическое руководство для врачей, слушательницъ медицинскихъ курсовъ и студентовъ. Вып. 1-й. Молоко. Кумысъ. Кефиръ. Сыры. Масло. Съ 37 рисунками. Спб. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

Военное и морское дѣло.

БОЕВАЯ РАБОТА русской арміи въ войну 1904—1905 г.г. Часть 2-я. Спб. 1913. Ц. 2 р.

ДОРОШКЕВИЧЪ, А. Второй періодъ войны на Балканскомъ полуостровѣ. Военныя дѣйствія отъ ноябрьскаго перемирія до паденія Скутари включительно). Елисаветградъ. 1913. Ц. 60 к.

САГИНОВЪ, И. Наставленіе конно-ординарцу. Подъ ред. кап. А. В. Смирнова. Изд. 2-е, испр. и дополн. М. 1913. Ц. 75 к.

СМИРНОВЪ, М. Цусима. (Сраженіе въ Корейскомъ проливѣ 14-го и 15-го мая 1905 года). Спб. 1913. Ц. 1 р. 30 к.

Воспитаніе и обученіе. Учебныя руководства.

АЛЕКСАНДРОВЪ, В. Начальная алгебра. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній, съ приложеніемъ примѣровъ и задачъ. Москва. 1913. Ц. 1 р. 65 к.

БУДАНОВЪ, В. Записки по методикѣ географіи. Руководство для спеціальныхъ классовъ епархіальныхъ женскихъ училищъ, женскихъ гимназій, учительскихъ школъ и начинающихъ преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній. Изданіе 2-е. Съ предисловіемъ А. П. Нечаева. Спб. 1913. Ц. 60 к.

ВЛАХОПУЛОВЪ, Б. Методика исторіи. Кіевъ. 1913. Ц. 90 к.

ВОЛКОВИЧЪ, В. Національный воспитатель Константинъ Дмитріевичъ Ушинскій. Спб. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

ДРЕНТЕЛЬНЪ, Н. Физическіе опыты въ начальной школѣ. Руководство для учащихъ, содержащее подробное описаніе пріемовъ производства простѣйшихъ опытовъ, главнымъ образомъ на самодѣльныхъ приборахъ. Съ 305 рисунками. Спб. 1913. Ц. 1 р.

ИНДРИКСОНЪ, Ф. Начальныя работы по физикѣ, III. Движеніе тѣла подъ вліяніемъ силы. Ученіе о свѣтѣ. Москва. 1913. Ц. 30 к.

ИРАКЪ, А. Учебное дѣло у славянскихъ народовъ. Переводъ съ чешскаго. Казань. 1913. Ц. 35 к.

КАПТЕРЕВЪ, П. и МУЗЫЧЕНКО, А. Современныя педагогическія теченія. Съ рисунками въ текстѣ. Москва. 1913. Ц. 1 н. 60 к.

КРАСНОГОРСКІЙ, П. Этимологія русскаго языка. Курсъ младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, изложенный въ примѣрахъ и выводахъ. Спб. 1913. Ц. 40 к.

КРУПОВИЦКІЙ, Л. Пособіе по тригонометріи для учениковъ старшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній. Собраніе всѣхъ формулъ, правилъ, практическихъ указаній и рѣшеній типичныхъ всѣхъ формулъ и важныхъ теоремъ. Рига. 1913. Ц. 45 к.

КУЛЖИНСКІЙ, ЯР. Опытъ методики систематическаго курса исторіи. Звен. 1913. Ц. 1 р. 40 к.

КУЛЬМАНЪ, Н., проф. Элементарно практическая грамматика. Этимологія. Для среднихъ учебныхъ заведеній, для высшихъ начальныхъ училищъ и городскихъ школъ. Спб. 1913. Ц. 40 к.

МАСЛОВЪ, А Методика пѣнія въ начальной школѣ, основанная на новѣйшихъ данныхъ экспериментальной педагогики. Москва. 1913. Ц. 20 к.

МИРТОВЪ, А. Какъ научить и научиться писать сочиненія? Общедоступное руководство. Спб. 1913. Ц. 75 к.

НАДЕЖДИНЪ, П. Теорія поэзіи эволюціонная и историческая. Учебное руководство для среднихъ учебныхъ заведеній, учительскихъ институтовъ и семинарій. Тула. 1913. Ц. 80 к.

НИКИТИНЪ, А., д-ръ. Руководство къ составленію учебнаго музея по гигіенѣ. Спб. 1913. Ц. 50 к.

Острогорскій, В. Бесѣды о преподаваніи словесности. Изд. 4-е. Спб. 1913. Ц. 60 к.

РОМАШКОВЪ, Д., свящ. Программа Закона Божія, введенная для преподаванія въ свѣтскихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ и изложенная въ формѣ вступительныхъ классныхъ бесѣдъ законоучителя съ дѣтьми. (По поводу предстоящаго второго всероссійскаго съѣзда законоучителей). Москва. 1913. Ц. 20 к.

СМИРНОВЪ, П., протоіерей. Конспектъ исторіи христіанской православной церкви. Составленъ по учебнику. Съ приложеніемъ хронологическаго указателя. Саратовъ. 1913. Ц. 20 к.

СОКОВНИНЪ, Н. Космографія. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Съ 160 рисунками въ текстѣ и картой звѣзднаго неба. Спб. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

СТРУВЕ, Ю. Книга для чтенія на урокахъ русскаго языка въ приготовительномъ классѣ средней школы, съ задачами, темами и вопросами для устныхъ и письменныхъ работъ литературнаго характера. Въ книгѣ есть рисунки и маленькій словарь. Москва. 1913. Ц. 50 к.

СТѢННАЯ КАРТА Россіи въ XVI и XVII вѣкѣ для класснаго употребленія, приспособленная къ «Учебнику Русской Исторіи» проф. С. Ѳ. Платонова, съ приложеніемъ атласа. Памятники русскаго искусства (московской эпохи); съ объяснительнымъ текстомъ К. Л. Окунева. Спб. 1913. Ц. 3 р.

Типографія Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время», Спб. Эртелевъ, 13.

Библиотека "Руниверс"

Ежемѣсячный историко-литературный журналъ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

ИЗДАЕТСЯ

Наслѣдниками А. С. Суворина

подъ редакціей Б. Б. ГЛИНСКАГО.

(Тридцать пятый годъ изданія).

«ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ» знакомитъ читателей въ живой, общедоступной формѣ съ современнымъ состояніемъ исторической науки и литературы въ Россіи и Европѣ и связываетъ отечественную исторію съ всемірною и научное изслѣдованіе съ популярнымъ изложеніемъ. За время **своего 34-лѣтняго** существованія журналъ достигъ широкаго распространенія среди разнообразныхъ классовъ населенія, имѣя здѣсь многочисленныхъ подписчиковъ и читателей. **«ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ»** издается по слѣдующей программѣ: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, разсказы, записки, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, этнографическія и бытовыя описанія и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, историческія новости и матеріалы, имѣющіе общій интересъ. Къ **«ИСТОРИЧЕСКОМУ ВѢСТНИКУ»** прилагаются портреты и рисунки, необходимые для поясненія текста.

«ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ» выходитъ ежемѣсячно каждаго 1-го числа въ объемѣ 25—28 печатныхъ листовъ убористаго шрифта.

Подписная цѣна на годъ 10 рублей серебромъ съ пересылкой и доставкой на домъ, за полгода 6 руб. Цѣна книжки журнала въ отдѣльной продажѣ 1 руб. 25 коп. Для служащихъ за подписью казначеевъ, а также для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ допускается разсрочка по четвертямъ года безъ повышенія годовой платы.

Подписка принимается въ главной конторѣ въ С.-Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ Т-ва «Новаго Времени» (А. С. Суворина), Невскій пр., д. № 40, и въ отдѣленіяхъ главной конторы въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ-на-Дону при книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени».

Такса за объявленія: впереди текста за страницу **40** р., за 1/2 стр. **25** р., за 1/4 стр. **15** р.; позади текста за страницу **25** р., за 1/2 стр. **15** р., за 1/4 стр. **10** р.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени“** (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ** и **Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ **„Новаго Времени“.**

Программа **„Историческаго Вѣстника“:** русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ **„Историческому Вѣстнику“** прилагаются **портреты** и **рисунки,** необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на **имя** редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго.**

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель **А. С. Суворинъ.** Редакторъ **С. Н. Шубинскій.**

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Основанъ А. С. Суворинымъ и С. Н. Шубинскимъ въ 1880 г.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ.

НОЯБРЬ, 1913 г.

СТРАН.

I. Борьба у престола. (Историческій романъ). Часть вторая. (Окончаніе). **Ф. Е. Зарина-Несвицкаго**. 419

II. Моя служба въ Туркестанскомъ краѣ. (1870—1910 года). XI—XVII. (Продолженіе). **Г. П. Федорова**. 437

Иллюстраціи: 1) Генералъ-адъютантъ Н. О. Розенбахъ.— 2) **Смертная казнь въ Бухарѣ.**— 3) Баронъ Александръ Борисовичъ Вревскій. (1889—1898 г.). Эмиръ бухарскій Миръ-Сендъ-Абдулъ-Ахадъ и его свита. (Въ серединѣ авторъ воспоминаній).

III. Съ надломанными крыльями. (Повѣсть). (Окончаніе). **В. В. Уманова-Каплуновскаго**. 468

IV. За тридцать лѣтъ. (Листки изъ воспоминаній). V. (Продолженіе). **В. Б. Бертенсона**. 504

V. Оригиналы и чудаки. **М. В. Шевлякова**. 520

VI. Подъ военной грозой. (Воспоминанія сестры-волонтерки). I—V. **Н. В. Козловой**. 533

VII. Изъ жизни торговой Москвы. (Полвѣка назадъ). I—XI. **И. Слонова**. 563

Иллюстраціи: 1) Нашъ домикъ въ гор. Коломнѣ.—2) Авторъ въ 17 лѣтъ.— 3) Красная площадь въ концѣ XVIII вѣка.—4) Гостиный дворъ передъ его закрытіемъ въ 1886 г. Фасадъ по Красной площади.— 5) Фруктовый «Глаголь» и фасадъ Гостинаго двора по улицѣ Ильинкѣ.— 6) Гостиный дворъ съ высоты птичьяго полета.— 7) Большой Суконный рядъ передъ сломкой въ 1886 г.— 8) Средній проходъ передъ сломкой въ 1886 г.— 9) Старый Ветошный рядъ.—10) Ножовая линія передъ сломкой въ 1896 г.

VIII. Поэтъ-священникъ. **В. П—ва**. 598

Иллюстрація: Священникъ Филиппъ Мелентьевичъ Пестряковъ.

IX. Л. Н. Толстой въ 80-хъ годахъ. **А. А. Дунина**. 610

X. Эпизодъ изъ жизни М. Н. Каткова. **П. А. Россіева**. 615

XI. Красноярская республика. (Матеріалы къ исторіи освободительнаго движенія). **Н. Томскаго**. 617

XII. И. П. Моллеріусъ. **О. С.** 624

Иллюстрація: Иванъ Петровичъ Моллеріусъ.

XIII. Развѣнчанные герои революціи 1905 г. 1). Г. С. Хрусталевъ-Носарь. XXXI—XXXVI. (Продолженіе). **Б. Б. Глинскаго.** 631

XIV. Юбилей «Русскихъ Вѣдомостей». **Князя Б. А. Щетинина.** . 666

XV. Въ нѣдрахъ Вильны и ея окрестностей. **М. Мочульской.** . . 673

XVI. По рудной Осетіи. **Е. Н. Клетновой.** 680

Иллюстраціи: 1) Александровская штольня въ Садонѣ.— 2) Южная штольня въ Садонѣ.— 3) Новый мостъ, церковь и ущелье въ Садонѣ.— 4) Плоскогорье въ Садонѣ.—5) Работа итальянцевъ-каменотесовъ въ Фосналѣ.—6) Камень на Згидскомъ перевалѣ.—7) Урухское ущелье.—8) Дигорія. Аксаускоe уалъ-марта.—9) Дигорія. Башни селенія Аксау.—10) Дигорія. Танахомскій ледникъ въ Хумиссара.—11) Дигорія. Танахомское ущелье.—12) Дигорія. Урухское ущелье.

XVII. Критика и библіографія. 709

1) **Александро-Невская лавра. Историческое изслѣдованіе доктора церковной исторіи С. Г. Рункевича. 1713—1913. Съ 277 портретами и снимками. Спб. 1913. А. Измайлова.**— 2) **Записки восточнаго отдѣленія императорскаго русскаго археологическаго общества. Основаны барономъ В. Р. Розеномъ. Томъ XX. Вып. IV.—Тоже. Томъ XXI. Выпуски. I—IV Спб. 1912. А. Миронова.**— 3) **Замѣчательныя историческія сооруженія. Храмы, дворцы, памятники въ Москвѣ, Петербургѣ, Новгородѣ, Кіевѣ, Костромѣ, Смоленскѣ и другихъ городахъ. Составили О. А. Тарапыгинъ (1-ю часть) и В. Е. Рудаковъ (2-ю часть). Второе, исправленное и дополненное изданіе съ предисловіемъ В. Глинскаго. Спб. 1914. В. Б.**—4) **Изнанка финляндской культуры. Финляндская печать о финляндцахъ. Матеріалы для**

(См. слѣд. стран.).

Библиотека "Руниверс"

очерка финляндскихъ правовъ, соч. Николая Вальтера. Спб. 1913. П. Майкова.—5) Письма графа Л. Н. Толстого къ женѣ, 1862—1910 г., подъ редакціей А. Е. Грузинскаго. Спб. 1913. Г.—6) М. М. Стасюлевичъ и его современники въ ихъ перепискѣ. Подъ редакціей М. К. Лемке. Т. IV. Спб. 1912. Вл. фонъ-Штейна.—7) В. В. Розановъ. «Литературные изгнанники». Т. I. Н. Б.—8) В. В. Глинскій Среди литераторовъ и ученыхъ. Біографіи, характеристики, некрологи, воспоминанія, встрѣчи. Съ 31 портретомъ. Спб. 1914. Д. М.—9) Н. Туницкій. Св. Климентъ, епископъ словенскій. Сергіевъ посадъ. 1913. П. Б.—10) В. Бутенко. Либеральная партія во Франціи въ эпоху реставраціи. Томъ I. Спб. 1913. П. Б.—11) Франсуа-Мари-Аруэ Вольтеръ. Повѣсти и разсказы. Съ портретомъ и 11 рисунками. Переводъ Л. Вуха. 1912. Б. Данилова.—12) Библіотека А. В. Петрова. Собраніе книгъ, изданныхъ въ царствованіе Петра Великаго. Спб. 1913.—Книгохранилище Сергѣя Рудольфовича Мицлова. Напечатано 50 экземпляровъ. Спб. 1913. Библ.—13) Военная энциклопедія. Отъ Кальяри до Кобеляцкаго. Томы XXIII и XXIV. 1913. Л. Н.—14) Игорь Грабарь. Русскіе художники. Собраніе иллюстрированныхъ монографій. Вып. XI. Сергѣй Глаголь и Игорь Грабарь. Исаакъ Ильичъ Левитанъ. Жизнь и творчество. Москва. 1913. Я—ъ.—15) Памятка петербургскаго сиротскаго института императора Николая I. 1837 г.—LXXV—1912 г.—Со многими портретами и рисунками въ текстѣ и на отдѣльныхъ листахъ. Спб. 1913. А. І. М.—16) Г. Т. Сѣверцевъ-Подяловъ. Среди коронованныхъ особъ. Встрѣчи и воспоминанія. Спб. М.—17) Н. Яблонскій. Еврейскій вопросъ. Москва. 1913. А. Фаресова.—18) Огановскій Н. О. Надѣленіе землей помѣщичьихъ крестьянъ. Москва. 1913. Вит. Ткачука.—19) Малахія Орманіанъ. Армянская церковь. Ея исторія, ученіе, управленіе, внутренній строй, литургія, литература, ея настоящее. Переводъ съ французскаго В. Рунтъ. Москва. Б. г—ва.—20) Очеркъ развитія народной школы въ Костромской губерніи. Кострома. 1913. М. М. М.—21) Протоколы засѣданій и сообщенія членовъ туркестанскаго кружка любителей археологіи (11-го декабря 1912 г.—1-го апрѣля 1913 г.). Ташкентъ. 1913. В. М.—22) П. Л. Сегаль. Пространный еврейскій катехизисъ. Спб. Б. Гр—ва.—23) Итоги землеустройства. Спб. 1912. Г. Гинса.—24) «Вѣкъ Возрожденія». Историческіе сцены графа Гобино. Переводъ съ французскаго Н. Горбова. М. 1913. А. М—на.—25) А. Серафимовичъ. Городъ въ степи. Романъ. Спб. 1913. Б. Бар—скаго.—26) Средневѣковье въ его памятникахъ. Сборникъ переводовъ подъ редакціей Д. Егорова. Москва. 1913. П. Б.—27) М. Н. Швецовъ. Изъ прошлаго. Историко-литературные очерки. Вологда. 1913. В. Данилова.—28) Я. Перельманъ. Занимательная физика. 140 парадоксовъ, задачъ, опытовъ, замысловатыхъ вопросовъ и проч. Съ 160 рисунками въ текстѣ. 1913. Л. Н.—29) Гастонъ Буассье. Картины римской жизни временъ Цезарей. Переводъ съ 6-го французскаго изданія Н. Н. Николаева. Москва. 1913. А. М—на.

XVIII. Книги, поступившія для отзыва въ редакцію «Историческаго Вѣстника». 748

XIX. Заграничныя историческія новости и мелочи 752

1) Слѣды древнѣйшаго на землѣ человѣка.—2) Шопенгауэръ въ домашней обстановкѣ.—3) Защитникъ женщинъ въ XVI вѣкѣ.—4) Къ исторіи одного предсказанія.—5) Англійская армія.—6) Женщины и французская академія.—7) Табакерка генерала Келлермана.—8) Вагнеръ и женщины.—9) Братья Дидро.

XX. Смѣсь. 778

1) Присужденіе премій митрополита Макарія.—2) Закладка памятника М. Ю. Лермонтову.—3) Отольпинскій музей въ Саратовѣ.—4) Панихида по П. Г. Помяловскомъ.—5) Новый членъ императорской академіи наукъ.—6) Юбилей общества любителей духовнаго просвѣщенія.—7) Юбилей общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи.—8) Пятидесятилѣтній юбилей «Русскихъ Вѣдомостей».—9) Юбилей профессора Ѳ. А. Брауна.—10) Рѣдкая археологическая находка.—11) Раскопки въ Херсонѣ.—12) Археологическія раскопки въ Ялтѣ.—13) Древніе обитатели Сибири.—14) Отъ комитета попечительства о трудовой помощи.—15) Памятникъ средневѣковья въ Ригѣ.

XXI. Некрологи. 790

1) Вастуновъ, Э. Д.—2) Пахметьевъ, П. И.—3) Каменскій, О. Ѳ.—4) Кирпичевъ, В. Л.—5) Лендикъ, П. Ф.—6) Левинъ, Э. В.—7) Мясоѣдовъ, П. Е.—8) Нечаевъ-Мальцовъ, Ю. С.—9) Петрушевичъ, А. С.—10) Соболевъ, Л. Н.—11) Стронскій, Р. Р.—12) Фойницкій, И. Я.

XXII. Замѣтки и поправки. 800

1) І. Къ статьѣ А. Н. Витмера. «Воспоминанія о покойномъ цесаревичѣ Николаѣ Александровичѣ».—2) Н. Къ рецензіи на книгу «Кавалеристъ-дѣвица».

Приложенія: 1) Портретъ эмира бухарскаго Міръ-Сеидъ-Абдулъ-Ахада.—2) Тѣнь власти. Историческій романъ Поля Бертрама переводъ съ англійскаго А. Б. Михайловой. (Окончаніе).

При этой книжкѣ прилагаются городскимъ и иногороднымъ подписчикамъ объявленіе о подпискѣ на журналъ «Природа и Люди».

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Для напечатанія въ 1914 г. редакція располагаетъ слѣдующими литературными матеріалами:

БЕЛЛЕТРИСТИКА: М. Г. Веселковой-Кильштетъ «На родной почвѣ». Романъ въ двухъ частяхъ.—**І. І. Ясинскаго** «Камаринскіе царевичи». Историческая повѣсть.—**И. Н. Потапенко** «Безкровное». Повѣсть изъ былыхъ временъ; «Человѣческое», «Женское дѣло», разсказы.—**П. П. Гнѣдича** «Смерть курьера Мамошина».—**А .А. Измайлова** «Подъ фіолетовой мантіей». Мелочи архіерейской жизни.—**Е. С. Шумигорскаго** «Старая фрейлина». Историческій разсказъ.—**Г. Т. Сѣверцева-Полилова** «На каюкахъ». Повѣсть изъ быта русскаго Сѣвера.—**С. И. Васюкова** «Давыдка и бурлаки». Посмертный разсказъ.—**М. С. Васильевой** «Новые жильцы». Записки домовладѣлицы.—**В. В. Уманова-Каплуновскаго** «Ужасы города». Человѣческіе документы.—**Г. Ольшанскаго** «Вѣдьма». Изъ типовъ русской деревни.—**Вл. Нарбута** «Солдатка». Изъ типовъ русской деревни.—**С. С. Окрейца** «Записки повѣшеннаго». Исповѣдь революціонера.—**А. В. Ториновича** «Талантливая личность». Разсказъ.—**С. П. Руднева** «Изъ жизни». Изъ записокъ судьи.—**Е. Витковича** «Живая-мертвая». Разсказъ изъ временъ крѣпостного права.—**А. В. Волжина** «Въ поискахъ судьбы». Повѣсть.—**А. Микулиной** «Страшное дѣло». Разсказъ,—и другія произведенія.

ВОСПОМИНАНІЯ: Записки 1876—1877 гг. **гр. Н. П. Игнатьева**—Записки **Н. В. Исакова**.—**Е. К. Андреевскаго** «Изъ записокъ за сорокъ семь лѣтъ».—Записки **Арк. Ник. Чичерина** 1866 г.—**Н. Н. Фирсова** (Л. Рускина). «Въ редакціи журнала «Русское Слово».—**Е. И. Жуковской** «Изъ воспоминаній шестидесятницы».—**С. К. Эфрона** (Литвина). «Кагалъ и кагальники».—**М. В. Шевлякова** «Изъ разсказовъ **П. И. Вейнберга**».—Воспоминанія **С. Д. Милюкова**.—**В. Б. Бертенсона** «За тридцать лѣтъ». (Листки изъ воспоминаній).—**А. Е. Кауфмана** «За кулисами печати». (Листки изъ архива стараго журналиста).—**М. Ф. Чулицкаго** «Изъ воспоминаній бывшаго судебнаго дѣятеля».—**В. В. Брусянина** «Домъ на костяхъ». Изъ семейной хроники.—**А. И. Соколовой** «Встрѣчи и знакомства».—**М. А. Щепкина** «Театральныя мелочи».—**К. И. Ванченко** «Изъ воспоминаній украинскаго актера».—**П. А. Россіева** «Силуэты».—**Г. Черенкова** «Годъ по тюрьмамъ».—**А. Ф. Рукевича** «Изъ воспоминаній стараго эриванца». (1832—1839 гг.)—**Я. Н. Колубовскаго** «Изъ литературныхъ воспоминаній».—**Г. Н. Потанина** «Воспоминанія о Д. Д. Минаевѣ».—**С. Ј.** «Мозаика» (Изъ старыхъ записныхъ книжекъ).—**В. З. Ткачука** «Въ царствѣ нефти» и мн. др.

СТАТЬИ НАУЧНЫЯ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКІЯ: Б. Б. Глинскаго 1) «Развѣнчанные герои революціи 1905 года». а) о. Г. Гапонъ, б) Азефъ; 2) «Прологъ къ русско-японской войнѣ». (Архивные матеріалы).—**П. Юдина** «Лжехристосъ-ростовщикъ».—**Г. Т. Сѣверцева-Полилова** «Гибель «Фершампенуаза», «Корельскіе обряды».—**Е. С. Шумигорскаго** «Марія Антоновна Нарышкина».—**В. Теплова** «Али-паша Тепеленскій».—**П. П. Шубинскаго** «Убійство кн. М. А. Накашидзе».—**В. В. Данилова** «Дѣдушка русскихъ историческихъ журналовъ». («Отечественныя Записки» П. П. Свиньина).—**Т. А. Мартемьянова** «Комедія о царѣ Максиміліанѣ».—**Н. Н. Фирсова** «Императорскій посолъ и дворянская опека».—**П. Головачева** «Евреи въ процессѣ декабристовъ».—**Е. Т. Смирнова** «Къ характеристикѣ М. Д. Скобелева».—**С. Россинскаго** «Въ котлѣ революціи».—**Свящ. І. Щелкунова** «Русскій самозванецъ Лже-Іоаннъ VI въ Даніи».—**К. А. Дворжицкаго** «Изъ прошлаго петербургской полиціи».—**А. А. Танкова** «Первый поѣздъ на Курско-Кіевской желѣзной дорогѣ».—**А. Панкратова** «Послѣдній петрашевецъ».—**В. И. фонъ-Штейна** «Русская меценатка въ Римѣ (Княгиня З. А. Волконская».—**Н. Н. Оглоблина** «Изъ ветлужскихъ впечатлѣній».—**А. А. Сигова** «На Сахалинѣ во время войны».—**А. Н. Серебрянниковой** «Возстаніе поляковъ за Байкаломъ въ 1866 г.». и мн. др.

ПУТЕШЕСТВІЯ И СТАТЬИ ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ (съ рисунками): А. И. Фирсова «По Днѣпру», «Коренная пустынь». «Вологодскій Спасо-Прилуцкій монастырь», «У могилъ двухъ поэтовъ».—**А. Сигова** «Городъ Гомель».—**Г. Т. Сѣверцевъ-Полиловъ**

Библиотека "Руниверс"

«Уголокъ Бѣлаго моря».—**Вл. Анфилова** «Маловѣдомыя красоты» (Алтайскія замѣтки). **Н. Корженевскаго** «Изъ скитаній по горному Туркестану».—**А. Вязовскаго** «Столица Сибири».—**Вл. Н. Княжнина** «Два монастыря Псковской земли».—**В. Г. Вейденбаума** «Гагры», «По горному Алтаю».—**В. Сазонова** «По берегу Иссыкъ-куля».—**А. Я. Таранецъ** «По Забайкалью», «По сибирскимъ захолустьямъ», «Изъ туркестанской были», «Ходжентъ».—**В. В. Данилова** «Въ молдавскомъ монастырѣ.—**В. Грачева** «Смоленскія древнехранилища».—**Н. Ѳ. Акаемова** «Городъ Св. Николая»—**Затеряннаго** «Въ Персіи».—**Д. П. Богданова** «Боровскій Пафнутьевскій монастырь и могила Луппа Клешнева».—**Н. Максимова** «Ушъ-Таганъ».—**А. Мощанскаго** «Военно-Сухумская дорога».—**Ф. Е. Зарина-Несвицкаго** «Пушкинскій уголокъ» и др.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ при участіи: проф. П. В. Безобразова, Д. А. Бочкова, А. М. Бѣлова, И. С. Бѣляева, проф. Б. В. Варнеке, В. В. Воронова, К. А. Военскаго, Г. К. Гинса, Б. Б. Глинскаго, П. П. Гнѣдича, проф. В. М. Грибовскаго, В. В. Данилова, В. В. Жерве, А. А. Измайлова, прив.-доц. М. В. Клочкова, В. Н. Княжнина. Я. Н. Колубовскаго, К. В. Кудряшова, В. К. Кузнецова, проф. М. Е. Красножена, Н. А. Лачинова, Н. О. Лернера, А. М. Ловягина, проф. А. І. Малеина, П. М. Майкова, Т. А. Мартемьянова, А. А. Миронова, А. М. Нечаевой, Т. О. Соколовской, М. К. Соколовскаго, проф. И. И. Соколова, В. З. Ткачука, А. И. Фаресова, А. Г. Фомина, В. И. фонъ-Штейна, С. В. фонъ-Штейна, Е. С. Шумигорскаго, проф. А. И. Яцимирскаго и др.

На отдѣлъ критики и библіографіи редакціей обращено особенное вниманіе. Въ каждой книжкѣ журнала рецензируется свыше 20 вновь вышедшихъ книгъ, по преимуществу по отдѣлу русской, всеобщей и древней исторіи, литературы, археологіи, исторіи права, искусствъ и др. отраслямъ гуманитарнаго знанія. Съ 1914 г. въ журналѣ открывается **новый отдѣлъ по обозрѣнію отечественныхъ журналовъ,** а также **Книжный Листокъ,** гдѣ будутъ отмѣчаться всѣ поступающія въ редакцію изданія съ краткимъ отчетомъ о главнѣйшихъ изъ нихъ.

Историческія новости и мелочи составляются по многочисленнымъ выписываемымъ редакціею европейскимъ журналамъ, посвященнымъ исторіи и литературѣ, и знакомятъ читателя со всѣми западно-европейскими новинками въ этихъ областяхъ. **«Историческому Вѣстнику»** обѣщали участіе, кромѣ перечисленныхъ авторовъ: **А. Н. Будищевъ, В. П. Буренинъ, В. В. Брусянинъ, Л. В. Веселитская-Микуличъ, А. Н. Витмеръ, А. Е. Заринъ, Ф. Е. Заринъ-Несвицкій, Е. П. Карповъ, А. Ѳ. Кони, В. С. Кривенко, Н. А. Лаппо-Данилевская, А. А. Луговой, М. М. Марина, П. М. Невѣжинъ, Вл. А. Тихоновъ, Г. П. Федоровъ, И. П. Ювачевъ, Н. А. Энгельгардтъ** и др.

Въ приложеніи къ журналу въ 1914 году будетъ напечатанъ историческій романъ **Джона Эйскофа «Во дни Юліана Отступника» въ переводѣ А. Б. Михайлова.**

Подписчикамъ **«Историческаго Вѣстника»** предоставляется право пріобрѣсти **за 10 руб. вмѣсто 18 руб.** сочиненіе **С. М. Соловьева**

«Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ».

29 томовъ въ 7 книгахъ (съ указателемъ), полный текстъ 5300 стр. большого формата въ 2 столбца, портретъ и факсимиле автора.

Желающихъ пріобрѣсти это изданіе просятъ выслать въ контору журнала **«Историческій Вѣстникъ»** Невскій пр., д. № 40, **десять** (10) рублей. Стоимость пересылки (1 руб. 60 коп. для Европейской Россіи, 2 руб. 80 коп. для Западной Сибири и 4 руб. для Восточной Сибири) будетъ взиматься наложеннымъ платежомъ.

Въ Москвѣ и С.-Петербургѣ за доставку уплачивается 50 коп.

Библиотека "Руниверс"

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

общедоступный иллюстрированный

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ

Товарищества Издательскаго Дѣла „Копѣйка".

Энциклопедическій Словарь будетъ выходить еженедѣльными выпусками въ теченіе 1914 года. 52 выпуска составятъ большой, роскошно отпечатанный томъ, заключающій въ себѣ свыше 1700 страницъ убористаго шрифта. Энциклопедическій Словарь будетъ заключать въ себѣ болѣе 3000 иллюстр., 800 портретовъ и 150 картъ, отпечатанныхъ въ нѣсколько красокъ. Кромѣ того, къ Словарю будутъ приложены таблицы цвѣтныхъ рисунковъ, художественно отпечатанныхъ на мѣловой бумагѣ.

Составленіе Энциклопедическаго Словаря поручено виднѣйшимъ представителямъ въ областяхъ науки, искусства и прикладныхъ знаній, которые о каждомъ предметѣ и понятіи сумѣютъ въ немногихъ словахъ сказать все, что требуется знать каждому образованному человѣку. Участіе лучшихъ спеціалистовъ въ составленіи Энциклопедическаго Словаря является гарантіей того, что всѣ свѣдѣнія, помѣщенныя въ немъ, будутъ согласоваться съ новѣйшими изслѣдованіями, открытіями и завоеваніями человѣческаго генія во всѣхъ областяхъ міровой жизни.

Энциклопедическій Словарь Т-ва Издательскаго Дѣла „КОПѢЙКА" явится, такимъ образомъ, незамѣнимымъ спутникомъ въ жизни каждаго человѣка, настоящей сокровищницей знанія, необходимымъ и полезнѣйшимъ пособіемъ для саморазвитія и самообразованія.

Заключая въ себѣ свыше 150 географическихъ картъ, отпечатанныхъ въ 12 красокъ, этотъ Энциклопедическій Словарь будетъ замѣнять географическіе атласы.

Снабженный свыше 3000 иллюстрацій и 800 портретовъ, Энциклопедическій Словарь будетъ служить незамѣнимымъ руководствомъ въ дѣлѣ наглядnаго обученія, давая возможность избѣгнуть пріобрѣтенія многочисленныхъ таблицъ, картъ и атласовъ.

Всѣ подписчики Энциклопедическаго Словаря получатъ въ видѣ безплатной преміи прочную, удобную и изящную папку для переплета. Первый выпускъ Энциклопедическаго Словаря выйдетъ въ январѣ 1914 года. Весь Энциклопедическій Словарь выйдетъ въ теченіе года.

52 ВЫПУСКА — со всѣми прилож. по подпискѣ — **ЦѢНА 5 Р.**

ПОДПИСНЫЯ ДЕНЬГИ АДРЕСОВАТЬ:
С.-Петербургъ, Т-во Издательскаго Дѣла „КОПѢЙКА",
Лиговская, 111-113, собственный домъ.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА:
при подпискѣ—2 рубля, къ 1-му марта—1 руб. 50 коп. и къ 1-му мая—1 руб. 50 коп.

Библиотека "Руниверс"

Открыта подписка на 1914 годъ

на еженедѣльный иллюстрированный журналъ для семьи

„ВСЕМІРНАЯ ПАНОРАМА“

(Шестой годъ изданія).

Приступая къ 6-му году изданія еженедѣльнаго журнала **„ВСЕМІРНАЯ ПАНОРАМА“**, Т-во Издательскаго Дѣла „Копѣйка“ съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія констатируетъ непрерывно растущій успѣхъ этого журнала, достигшаго за короткій срокъ тиража свыше 250,000 экземпляровъ,

Стремясь, чтобы «Всемірная Панорама» стала незамѣнимымъ **журналомъ для семьи**, Т-во Издательскаго Дѣла «Копѣйка», не останавливаясь передъ огромными затратами, рѣшило улучшить внѣшній видъ журнала и съ этой цѣлью пріобрѣло за границей новѣйшія скоропечатныя машины, представляющія послѣднее слово типографской техники.

Кромѣ того, редакція журнала «Всемірная Панорама», откликаясь на многочисленные запросы читателей, рѣшила дать своимъ подписчикамъ въ 1914 году **небывалую** премію, а именно:

II-е ИЗДАНІЕ:

52 №№ иллюстрированнаго журнала **„Всемірная Панорама“.**

52 тома „Классичесской Библіотеки Всемірной Панорамы“,

заключающей ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ,

А. С. Пушкина,
Н. В. Гоголя,
М. Ю. Лермонтова,
Д. И. Фонвизина,
А. С. Грибоѣдова,
И. А. Крылова,
А. В. Кольцова,
Н. Г. Помяловскаго,
А. А. Марлинскаго,
С. Т. Аксакова.

Книги эти будутъ изданы на хорошей бумагѣ, четкимъ шрифтомъ, въ изящныхъ обложкахъ, съ художественно исполненными портретами авторовъ.

52 тома «Классической Библіотеки «Всемірной Панорамы» составятъ цѣлую **библіотеку русскихъ классиковъ**, необходимую въ каждомъ домѣ и въ каждомъ учебномъ заведеніи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За 12 мѣсяцевъ—6 р. За 6 мѣсяцевъ—3 р. 50 коп. Для годовыхъ подписчиковъ «Всемірной Панорамы» допускается слѣдующая разсрочка: при подпискѣ—2 р., къ 1 марта—2 р. и къ 1-му мая—2 р.

1-е ИЗДАНІЕ:

52 №№ иллюстрированнаго журнала **„Всемірная Панорама“.**

Цѣна за ПЕРВОЕ изданіе: За 12 мѣсяцевъ 2 р. 50 к. За 6 мѣс. 1 р. 50 к. За 3 мѣс. 80 к.

ПОДПИСНЫЯ ДЕНЬГИ АДРЕСОВАТЬ: С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Т-во ИЗДАТЕЛЬСКАГО ДѢЛА „КОПѢЙКА“.

Лиговская ул., 111—113, собств. домъ.

Библиотека "Руниверс"

Въ книжныхъ магазинахъ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

сочиненіе Н. К. ШИЛЬДЕРА

ИМПЕРАТОРЪ

АЛЕКСАНДРЪ I,

ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНІЕ

(изданіе А. С. Суворина).

Второе изданіе представляетъ собою точное повтореніе перваго изданія, безъ всякихъ измѣненій, сокращеній и дополненій. Цѣна **за четыре большихъ тома** съ 450 портретами, иллюстраціями и автографами **30 рублей.** Въ переплетѣ **36** рублей. Пересылка по разстоянію.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА

сочиненіе Н. К. ШИЛЬДЕРА

ИМПЕРАТОРЪ

НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНІЕ.

Цѣна за два тома, объемомъ болѣе **100 печатныхъ листовъ,** съ 252 хромолитографіями, фототипіями, гравюрами, цинкографіями и автографами, **двадцать пять рублей.** Въ переплетѣ **30** рублей. Пересылка по разстоянію.

Библиотека "Руниверс"

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ И ПРОДАЕТСЯ

въ книжныхъ магазинахъ Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“

КНИГА

Б. Б. ГЛИНСКАГО:

РЕВОЛЮЦІОННЫЙ ПЕРІОДЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ (1861-1881 гг.)

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

Съ портретами и иллюстраціями. Цѣна за обѣ части 5 р. 50 к.

Въ этой книгѣ изложены историческія событія въ Россіи послѣ освобожденія крестьянъ и вплоть до мученической кончины Императора Александра II. Въ первой части авторъ слѣдитъ за нарожденіемъ оппозиціи внутренней политикѣ правительства и по преимуществу сосредоточиваетъ свое вниманіе на борьбѣ либеральныхъ общественныхъ элементовъ съ консервативными тенденціями правящихъ сферъ. Событія революціоннаго порядка отмѣчаются, какъ явленія единичныя, безъ поддержки ихъ значительнымъ количествомъ соучастниковъ. Во второй части передъ читателями развертывается дѣятельность «землевольческихъ» и «народовольческихъ» группъ, и на сцену выступаютъ фанатизированные террористы, жертвою преслѣдованія со стороны которыхъ является Царь-Освободитель. Обѣ части книги обильно иллюстрированы портретами русскихъ государственныхъ, общественныхъ и революціонныхъ дѣятелей второй половины XIX вѣка.

ТОГО ЖЕ АВТОРА продается книга:

БОРЬБА ЗА КОНСТИТУЦІЮ

(1612-1861 гг.).

Историческіе очерки

СЪ ПОРТРЕТАМИ И ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

Цѣна 3 р. 50 коп.

Библиотека "Руниверс"

Поступила въ продажу новая книга

Б. Б. Глинскаго

„Среди литераторовъ и ученыхъ“

Біографіи, характеристики, некрологи, воспоминанія, встрѣчи. Съ 31 портретомъ.

Цѣна 3 рубля.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ИЗДАНІЯ ОБЩИНЫ СВ. ЕВГЕНІИ.

Только что вышла изъ печати **новая книга**

ПЕТЕРБУРГЪ

Художественно-историческій очеркъ и обзоръ художественнаго богатства столицы съ 315 иллюстраціями.

СОСТАВИЛЪ

В. Курбатовъ.

Книжныя украшенія А. П. Остроумовой-Лебедевой. Цѣна въ художественномъ переплетѣ 3 р. 50 безъ пересылки.

КОСТРОМА

Художественно-историческій очеркъ, описаніе памятниковъ художественной старины и путеводитель.

СОСТАВИЛИ

В. и Г. Лукомскіе.

Цѣна 3 р. безъ пересылки.

СКЛАДЫ ИЗДАНІЙ: въ С-Петербургѣ. Главный и для иногородныхъ—Пески, Старорусская, 3. Городской—СПБ. Морская, 38. Въ Москвѣ.—Кузнецкій мостъ, 11 и въ лучшихъ книжныхъ магазинахъ.

Вышло дополненіе къ каталогу.

Тип. Т-ва А. С. Суворина — «Новое Время», Спб., Эртелевъ 13.

Библиотека "Руниверс"

О ПОДПИСКѢ

НА

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

въ 1914 году

(ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ ГОДЪ).

«Историческій Вѣстникъ» будетъ издаваться въ 1914 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшіе тридцать четыре года (1880—1913).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) **десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.**

Главная контора «Историческаго Вѣстника» въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ **Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время»** (Невскій проспектъ, № 40). Отдѣленія конторы: въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ** и **Ростовѣ на Дону**, при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина **«Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время»**, и въ **Кіевѣ**, при книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ЭМИРЪ БУХАРСКІЙ
МИРЪ-СЕИДЪ-АБДУЛЪ-АХАДЪ.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

БОРЬБА У ПРЕСТОЛА[1].

(Историческій романъ).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

XXVII.

Когда Лопухина опомнилась и собрала свои мысли, она почувствовала, что Рейнгольдъ для нея безконечно дорогъ. Она не хотѣла, не могла его лишиться. Что съ нимъ сейчасъ? Быть можетъ, онъ уже арестованъ и ему грозитъ плаха? А если нѣтъ, какія минуты проводитъ онъ сейчасъ одинъ, униженный, оскорбленный! Своей измѣнѣ она не придавала большого значенія. Все приняло такой оборотъ только потому, что Рейнгольдъ убѣдился въ ея измѣнѣ при другомъ и былъ униженъ имъ!

Она хорошо знала по опыту Рейнгольда. Если бы онъ узналъ объ ея измѣнѣ стороной, онъ ничѣмъ не показалъ бы ей этого. Но тутъ...

Ее охватило безумное желаніе увидѣть его. Она нерѣдко бывала у него въ квартирѣ.

Съ обычной рѣшимостью, она крикнула свою камеристку и приказала ей принести костюмъ, въ которомъ она была на костюмированномъ балу во дворцѣ, послѣ обрученія покойнаго импера-

[1] Окончаніе См. «Истор. Вѣстн.», т. CXXXIV, стр. 5.

Библиотека "Руниверс"

тора съ княжной Екатериной Долгорукой. Это былъ костюмъ кавалергарда.

Она живо одѣлась въ него, накинула на плечи мѣховой плащъ, покрыла свои пышные волосы огромной гренадерской шапкой, прицѣпила портупею съ маленькимъ палашомъ и обратилась въ юнаго прапорщика.

Камеристка лукаво усмѣхнулась. Она жила у Лопухиной давно, и не то еще видывала...

Во главѣ значительнаго отряда князь Шастуновъ быстро приближался къ дому Рейнгольда.

«Не знаю, арестую ли я его,—думалъ Арсеній Кирилловичъ:—во всякомъ случаѣ я не возьму отъ него шпаги, пока не убью его... или онъ меня...»

Онъ приказалъ поставить у всѣхъ выходовъ часовыхъ и вошелъ въ домъ.

Тяжелымъ молоткомъ онъ ударилъ въ мѣдный щитъ. Дверь открылась, и на порогѣ показался Якубъ.

Увидя во дворѣ солдатъ, онъ сразу сообразилъ, что его господину грозитъ опасность. Онъ хотѣлъ захлопнуть дверь, но было поздно, Шастуновъ уже вошелъ.

— Графъ дома?—спросилъ онъ.

— Не знаю, я сейчасъ справлюсь,—отвѣтилъ, поворачиваясь, Якубъ.

— Мы пойдемъ вмѣстѣ,—сказалъ Шастуновъ, удерживая его за руку.

Но Якубъ сильнымъ движеніемъ вырвалъ руку и бросился вверхъ по лѣстницѣ.

Въ два прыжка нагналъ его Шастуновъ и, выхвативъ пистолетъ, въ бѣшенствѣ, изо всей силы ударилъ Якуба по головѣ ложемъ пистолета. Якубъ взмахнулъ руками и безъ стона упалъ и покатился по лѣстницѣ внизъ.

Шастуновъ вошелъ въ комнаты. Всѣ слуги, очевидно, уже спали.

Онъ прошелъ одну, другую комнату, направляясь на свѣтъ, выходившій изъ щели неплотно притворенной двери.

— Якубъ, это ты?—послышался знакомый голосъ.

— Нѣтъ, это я,—съ холоднымъ бѣшенствомъ отвѣтилъ Шастуновъ, широко распахивая дверь.

Рейнгольдъ вскочилъ и глядѣлъ на него съ удивленіемъ и ужасомъ.

— Вы?—пролепеталъ онъ:—что надо вамъ?

— По постановленію верховнаго тайнаго совѣта, вы арестованы,—медленно отвѣтилъ Шастуновъ, наслаждаясь растереннымъ видомъ врага.

Библиотека "Руниверс"

Смертельная блѣдность покрыла лицо Рейнгольда. Онъ бросилъ взглядъ на окно.

— Не рискуйте напрасно,—насмѣшливо произнесъ Арсеній Кирилловичъ:—внизу солдаты. Верховному совѣту все извѣстно. Васъ завтра же будутъ судить. Приговоръ извѣстенъ заранѣе. Но я хочу,—продолжалъ Шастуновъ, приближаясь къ Рейнгольду и съ ненавистью глядя на него:—хочу оказать вамъ милость. Я избавлю васъ отъ руки палача. Берите вашу шпагу и защищайтесь. Иначе я просто убью васъ!

Съ этими словами князь обнажилъ шпагу.

Слабый свѣтъ двухъ свѣчей освѣщалъ просторную комнату. Сальныя свѣчи горѣли неровнымъ свѣтомъ, и то увеличивались, то уменьшались тѣни противниковъ на бѣлой стѣнѣ.

Рейнгольду не было выхода. Если онъ откажется драться, Шастуновъ просто убьетъ его. Онъ видѣлъ это по неумолимому, жестокому выраженію глазъ молодого князя.

Конечно, Рейнгольдъ предпочелъ бы быть арестованнымъ. Мало ли что можетъ случиться? Здѣсь же, онъ чувствовалъ, смерть къ нему ближе...

— Ну, что жъ, я жду,—нетерпѣливо произнесъ князь, играя шпагой.

— Я готовъ,—съ внезапной рѣшимостью проговорилъ Рейнгольдъ, беря со стола брошенную на него шпагу.

Рейнгольдъ былъ выше ростомъ, сильнѣе, опытнѣе Шастунова. Борьба на шпагахъ, на палашахъ была хорошо знакома ему еще съ тѣхъ временъ, когда онъ состоялъ при герцогѣ Фердинандѣ и вступалъ въ единоборство съ лучшими рыцарями...

Легко и свободно онъ перекрестилъ воздухъ шпагой и сталъ въ позицію. По тому бѣшенству, съ какимъ напалъ на него князь, онъ рѣшилъ, что князь скоро утомится, и съ разсчитаннымъ хладнокровіемъ отражалъ его удары. Онъ былъ почти увѣренъ въ своей побѣдѣ надъ этимъ пылкимъ мальчикомъ... Но скоро его увѣренность начала смѣняться ужасомъ.

Не даромъ Шастуновъ бралъ уроки у знаменитѣйшаго въ Парижѣ maître d'armes, итальянца Бенотти, у котораго занималась фехтованіемъ вся придворная аристократія.

Свѣтъ свѣчей отражался на кончикѣ его шпаги, и эта свѣтлая точка сливалась въ глазахъ Рейнгольда въ одну ослѣпительную молнію, по всѣмъ направленіямъ бороздившую воздухъ. Казалось, силы князя увеличивались съ каждой секундой. Рейнгольдъ уже чувствовалъ усталость въ рукѣ и медленно отступалъ къ стѣнѣ. На его лбу выступилъ холодный потъ, зеленые и красные круги вспыхивали и гасли передъ его глазами...

Онъ уже прижался спиной къ стѣнѣ. Онъ видѣлъ передъ собою сверкающую молнію шпаги князя и его горящіе ненавистью и торжествомъ глаза.

Библиотека "Руниверс"

Страшнымъ ударомъ князь, какъ бритвой, разрѣзалъ его тяжелый атласный кафтанъ отъ самой шеи до пояса.

— Погибъ,—пронеслось въ головѣ Рейнгольда.

Пронзительный крикъ раздался за спиной князя. Онъ на мгновеніе обернулся и увидѣлъ исполненные ужаса черные глаза...

Этотъ мигъ погубилъ его. Рейнгольдъ воспользовался случаемъ, и, вытянувъ руку, нанесъ князю прямой ударъ въ плечо...

— А, подлецъ!—шатаясь на ногахъ и роняя шпагу, воскликнулъ князь.

— Рейнгольдъ! Убійца!—услышалъ онъ знакомый голосъ, сквозь туманъ, заволакивавшій его сознаніе.

Лопухина бросилась къ нему.

— Не время заниматься имъ,—надо спасаться,—торопливо говорилъ Рейнгольдъ, выдвигая ящики стола и беря завѣтные мѣшечки...

Его не удивилъ и не обрадовалъ приходъ Лопухиной. Для него, охваченнаго животнымъ страхомъ, не существовало никого!

Онъ не слушалъ, что говорила ему Лопухина, не обращалъ на нее никакого вниманія, торопливо накидывая на себя брошенный при входѣ въ комнату Шастуновымъ плащъ.

— Прощай,—сказалъ онъ:—тебѣ нечего бояться... Я дамъ тебѣ знать...—И онъ выбѣжалъ изъ комнаты.

Увѣреннымъ шагомъ прошелъ онъ мимо солдатъ. Увидя у воротъ унтеръ-офицера, онъ обратился къ нему и сказалъ:

— Князь приказалъ тебѣ осмотрѣть сейчасъ же весь дворъ. Иди.

Унтеръ-офицеръ отдалъ честь и поспѣшилъ во дворъ.

Очутившись въ безопасности, графъ облегченно вздохнулъ.

Какъ ни спѣшилъ Алеша исполнить данное ему порученіе, гонцы Остермана опередили его.

Когда онъ появился около дома Салтыкова съ отрядомъ солдатъ Копорскаго полка, домъ былъ погруженъ въ безмолвіе. Однако Алеша приказалъ открыть ворота. Оставилъ во дворѣ солдатъ и вошелъ въ домъ, переполошивъ всѣхъ слугъ.

Но въ домѣ никого не было. Даже сама Салтыкова была въ эту ночь дежурной статсъ-дамой во дворцѣ.

Однако Алеша на всякій случай разставилъ вокругъ дома и во дворѣ сторожевые посты, строго приказавъ никого не выпускать изъ дому, а самъ поспѣшилъ въ Мастерскую палату, куда было приказано явиться имъ по исполненіи порученій, такъ какъ члены совѣта направились туда изъ дома Голицына.

Подобная же неудача постигла и Дивинскаго. Въ домѣ Черкасскаго остались однѣ женщины. Алексѣй Михайловичъ уѣхалъ...

Библиотека "Руниверс"

Уже брезжилъ разсвѣтъ, когда Макшеевъ и Дивинскій явились въ Мастерскую палату.

Ихъ позвали въ залу засѣданій, гдѣ собрались верховники, кромѣ Головкина и Алексѣя Григорьевича Долгорукаго.

Неудача предпринятаго, повидимому, не особенно поразила фельдмаршаловъ.

— Ну, что жъ!—сказалъ Михаилъ Михайловичъ:—они не уйдутъ отъ насъ. Не сегодня—такъ завтра. А гдѣ же третій?—спросилъ онъ.

Никто не могъ отвѣтить ему, гдѣ Шастуновъ.

Отпустивъ офицеровъ, верховники приступили къ обсужденію предстоящаго дня и дальнѣйшей судьбы Бирена и остальныхъ, послѣ ихъ ареста.

Что всѣ ихъ главнѣйшіе враги будутъ сегодня въ ихъ рукахъ,—они нисколько не сомнѣвались.

Но они не были бы такъ увѣрены въ себѣ, если бы совершили объѣздъ по Москвѣ и заглянули бы въ полки Преображенскій и Семеновскій. И если бы они знали, что на сегодня, на 25-е февраля, Черкасскій и Матюшкинъ уже испросили у императрицы разрѣшеніе явиться къ ней съ представителями шляхетства и генералитета—просить о разсмотрѣніи новаго государственнаго устройства—верховники тоже не были бы такъ спокойны.

Получивъ отъ Остермана угрожающія вѣсти, Салтыковъ тотчасъ бросился въ Преображенскій полкъ, Черкасскій—въ Семеновскій, а графа Матвѣева и Кантемира послали къ кавалергардамъ.

Секретарь Преображенскаго полка Булгаковъ радостно встрѣтилъ Салтыкова.

— Пора?—спросилъ онъ.

— Пора,—отвѣтилъ Салтыковъ.

Въ нѣсколько минутъ Булгаковъ оповѣстилъ своихъ сторонниковъ офицеровъ, и скоро батальонъ полка въ боевомъ снарядѣ, съ заряженными ружьями, въ глубокомъ молчаніи двигался по улицамъ Москвы ко дворцу.

То же произошло и въ Семеновскомъ полку, а Матвѣевъ и Кантемиръ вели съ собою человѣкъ двадцать кавалергардовъ.

Императрица не спала всю ночь, лихорадочно ожидая событій. Какъ только явился Салтыковъ, она тотчасъ приказала отпустить караулъ и смѣнить новымъ.

Во дворецъ были введены кавалергарды и по двѣ роты преображенцевъ и семеновцевъ. Они были разставлены у всѣхъ дверей и въ залахъ, рядомъ съ тронной. Остальные были расположены вокругъ дворца.

— Ну, теперь пожалуйте, гости дорогіе!—съ злобной улыбкой думала Анна.

Наступалъ рѣшительный день.

Библиотека "Руниверс"

XXVIII.

Лопухина безпомощно стояла на колѣняхъ передъ тѣломъ Шастунова. Она разстегнула ему мундиръ. Брызгала въ лицо водой—все было напрасно. Шастуновъ лежалъ неподвижно, съ плотно закрытыми глазами, и только слабо бьющееся сердце указывало, что жизнь еще не совсѣмъ покинула его. Съ отчаяніемъ и раскаяніемъ глядѣла Лопухина въ прекрасное лицо князя. «Убитъ, убитъ,—думала она, ломая руки:—и убійца его я, я, я!..»

— Pas encore,—раздался надъ ней тихій голосъ.

Съ легкимъ крикомъ вскочила она на ноги и увидѣла передъ собой черную фигуру. Блѣдное энергичное лицо вошедшаго было какъ будто знакомо Лопухиной; словно гдѣ-то она видѣла эти проницательные глаза.

— Не пугайтесь,—продолжалъ по-французски незнакомецъ:—вы уже видали меня на балу у графа Головкина. Я—де-Бриссакъ.

Лопухина тотчасъ вспомнила, какъ на балу она обратила вниманіе на стройную фигуру, всю въ черномъ, съ брильянтовой звѣздой на груди...

— О, да, я помню васъ,—произнесла она:—вы угадали сейчасъ мои мысли! Вы поможете ему? Да?

Она смотрѣла на него прекрасными, полными слезъ глазами.

— Я для этого пришелъ,—спокойно сказалъ де-Бриссакъ.

— Вы знали?—въ изумленіи воскликнула Лопухина.

— Я зналъ это, женщина!—строго отвѣтилъ де-Бриссакъ, наклоняясь къ князю.

Онъ легко поднялъ его и осторожно положилъ на диванъ.

Лопухина съ тревогой и суевѣрнымъ страхомъ слѣдила за всѣми движеніями де-Бриссака.

— Онъ будетъ жить?—съ трепетомъ спросила она.

— Онъ будетъ жить,—медленно повторилъ онъ.

— О,—произнесла Лопухина, молитвенно складывая руки.

— Теперь уйдите,—сказалъ де-Бриссакъ:—вы мѣшаете мнѣ.

Его голосъ былъ повелителенъ.

Лопухина колебалась.

— Еще одинъ вопросъ!—робко сказала она:—когда я увижу его?

— Ваши пути не встрѣтятся больше,—сказалъ де-Бриссакъ:—вы навсегда ушли съ его пути... О,—добавилъ онъ:—не торопите страшнаго дня, когда вы вновь увидите его. Лучше, если бы день этотъ никогда не насталъ! Вы увидите его съ высоты эшафота, измученная, опозоренная, въ изодранныхъ одеждахъ, и не будете въ состояніи даже крикнуть, потому что!..

Онъ замолчалъ.

Ужасъ, непонятный, сверхъестественный, охватилъ Лопухину, и, громко вскрикнувъ, она бросилась вонъ изъ комнаты...

Библиотека "Руниверс"

Де-Бриссакъ быстро осмотрѣлъ рану на плечѣ, вынулъ изъ кармана тонкій бинтъ, банку и флаконъ. Положилъ на бинтъ мази и перевязалъ рану. Потомъ накапалъ въ стаканъ нѣсколько капель изъ флакона, долилъ водою, приподнялъ голову Шастунова и влилъ ему глотокъ въ ротъ. Щеки Шастунова порозовѣли, глаза открылись. Онъ сдѣлалъ движеніе и поднялся на диванѣ. Увидя де-Бриссака, онъ удивленно взглянулъ на него и спросилъ:

— Виконтъ, вы здѣсь? Почему?

— Чтобы спасти васъ,—спокойно отвѣтилъ де-Бриссакъ.

— А, да, помню,—произнесъ Шастуновъ, потирая лобъ.— Помню, этотъ негодяй ранилъ меня... Да, это былъ предательскій ударъ... Я увидѣлъ... Онъ убѣжалъ!—воскликнулъ князь, торопливо вскакивая съ дивана:—ахъ!—вырвалось у него; онъ почувствовалъ мгновенную боль въ плечѣ.

— Онъ убѣжалъ, ушла и она... Навсегда,—тихо отвѣтилъ де-Бриссакъ.—Вы теперь здоровы, рана на плечѣ пройдетъ черезъ два дня.

— Дорогой другъ,—съ чувствомъ сказалъ Шастуновъ:—хотя моя жизнь и никому теперь не нужна, но все же ею я обязанъ вамъ, и она принадлежитъ вамъ. Что моя жизнь? Я растерялъ все! Я потерялъ отца, любимую женщину, и, кажется, нанесъ нечаянный ударъ тому дѣлу, которому служилъ. Но... благодарю васъ!

— Не надо,—отвѣтилъ де-Бриссонъ:—вашъ жизненный путь еще дологъ, и не моей волѣ вы обязаны жизнью... Теперь прощайте. Я уѣзжаю изъ Россіи. Я сдѣлалъ здѣсь все, что было можно сдѣлать; теперь поѣду дальше...

— Я увижу васъ?—съ невольной грустью спросилъ Шастуновъ.

Де-Бриссакъ пристально взглянулъ на него и отвѣтилъ:

— Мы увидимся, но черезъ долгіе годы и въ новыя времена. Прощайте, юный другъ. Но если вы не увидите меня, то получите обо мнѣ вѣсти...

Онъ пожалъ руку Шастунова и вышелъ въ другую дверь.

Шастуновъ вздохнулъ и началъ собираться. Его плащъ исчезъ.

— Дѣлать нечего,—съ брезгливой гримасой произнесъ онъ, накидывая на себя плащъ Рейнгольда.

Онъ засталъ членовъ верховнаго совѣта въ Мастерской палатѣ. Макшеевъ и Дивинскій уже ушли.

Шастуновъ подробно доложилъ обо всемъ происшедшемъ, не утаивъ и о поединкѣ. Онъ только не упомянулъ имени Лопухиной.

— Слѣдовало бы тебя за это судить,—сурово сказалъ Василій Владимировичъ:—ты не смѣлъ затѣвать съ нимъ поединка, когда былъ посланъ арестовать его. И что же! ты упустилъ врага, получилъ рану и нарушилъ приказаніе! Да, тебя слѣдовало бы судить. Но теперь не такое время,—продолжалъ онъ:—ты еще можешь искупить свою вину. Приходи сюда опять часа черезъ три за при-

Библиотека "Руниверс"

казаніями. Мы должны кончить сегодня днемъ то, что не удалось намъ исполнить ночью...

Опустивъ голову, вышелъ Шастуновъ...

Голова его кружилась, плечо ныло, ему хотѣлось пить и спать.

Онъ поѣхалъ домой, выпилъ вина и легъ спать, приказавъ Васькѣ разбудить себя черезъ два часа.

Несмотря на рѣшимость и увѣренность въ побѣдѣ, верховники все же вполнѣ понимали всю важность и опасность затѣваемаго ими дѣла. Арестовать Бирена во дворцѣ императрицы! Арестовать первыхъ сановниковъ государства! Казнить одного изъ важнѣйшихъ лицъ имперіи! Сослать первенствующаго члена синода!

Но рѣшеніе было принято. Утромъ верховный совѣтъ явится къ императрицѣ. Фельдмаршалъ Голицынъ арестуетъ Бирена. Дома Салтыкова и Черкасскаго окружены. Имъ не спастись. Сегодня же они будутъ арестованы, и императрица сегодня же присягнетъ въ Архангельскомъ соборѣ на вѣрность кондиціямъ, иначе «лишена будетъ короны россійской».

Члены совѣта тутъ же въ Мастерской палатѣ кое-какъ расположились, чтобы вздремнуть часокъ-другой...

Но отдыхъ ихъ былъ недологъ...

Едва взошло солнце въ какомъ-то кровавомъ туманѣ, какъ они были разбужены Степановымъ.

Отъ своихъ курьеровъ, отправленныхъ имъ, какъ всегда, во дворецъ съ указами, къ разсмотрѣнію императрицы, Степановъ получилъ странныя и тревожныя вѣсти...

— Что случилось?—спросилъ Василій Владимировичъ.

Разстроенный Степановъ сообщилъ, что дворецъ окруженъ войсками, что одинъ за другимъ прибываютъ во дворецъ представители шляхетства, генералитета, гвардейскіе офицеры—цѣлой толпой...

Дмитрій Михайловичъ кинулъ тревожный взоръ на своего брата фельдмаршала...

— Надо ѣхать и намъ,—рѣшительно произнесъ Василій Владимировичъ.

Въ это время явились за приказаніями Макшеевъ, Дивинскій и немного оправившійся Шастуновъ...

Имъ велѣли ѣхать во дворецъ, куда поспѣшили и верховники.

Больше тысячи людей толпилось въ дворцовыхъ залахъ. Аудіенцъ-зала была наполнена преимущественно гвардейскими офицерами. Нѣсколько въ сторонѣ верховники увидѣли, къ своему изумленію, и Черкасскаго, и Барятинскаго, и князя Трубецкого съ Матюшкинымъ.

Библиотека "Руниверс"

При входѣ въ аудіенцъ-залу ихъ встрѣтилъ капитанъ Альбрехтъ, стоявшій въ дверяхъ и отсалютовавшій фельдмаршаламъ.

— Ты развѣ начальникъ караула?—спросилъ его пораженный фельдмаршалъ Михаилъ Михаиловичъ.

— Начальникъ дневного караула, ваше сіятельство,—отвѣтилъ Альбрехтъ.

Михаилъ Михайловичъ нахмурился.

— Отчего меня не извѣстили о прибытіи семеновцевъ и преображенцевъ?—спросилъ Василій Владимировичъ:—кто здѣсь распоряжался?

— По повелѣнію ея величества сегодня войсками гвардіи командуетъ генералъ Салтыковъ,—отвѣтилъ Альбрехтъ.

Фельдмаршалы переглянулись.

— Василій Владимировичъ, ужели мы обыграны?—тихо произнесъ Михаилъ Михайловичъ.

Василій Владимировичъ покачалъ головой.

Дмитрій Михайловичъ подошелъ къ Матюшкину и Трубецкому.

— Что все это значитъ?—спросилъ онъ.

— Императрица пожелала выслушать сама мнѣнія шляхетства,—уклончиво отвѣтилъ Матюшкинъ.

Черкасскій былъ, видимо, взволнованъ. Стоявшій рядомъ съ нимъ Кантемиръ что-то горячо говорилъ ему.

Огромная зала вся гудѣла отъ сдержанныхъ голосовъ, и въ этомъ сдержанномъ гулѣ было что-то гнѣвное и угрожающее. Изъ толпы офицеровъ иногда вырывались громкія фразы:

— Кто смѣетъ ограничивать волю государыни! Долой верховниковъ!..

Верховники слышали это, видѣли враждебные взгляды и чувствовали приближающійся какой-то роковой моментъ...

Но вотъ все стихло...

Широко распахнулись двери, и въ предшествіи церемоніймейстеровъ съ золотыми жезлами вошла императрица. За ней слѣдовала блестящая свита офицеровъ, ея статсъ-дамы и фрейлины.

Императрица казалась очень блѣдной въ своемъ траурномъ платьѣ, съ небольшой короной на головѣ. Она выглядѣла моложе и стройнѣе. Большіе черные глаза сверкали рѣшимостью и словно затаенной угрозой.

Впереди статсъ-дамъ шла герцогиня Мекленбургская, суровая и рѣшительная, какъ всегда.

Войдя по ступенямъ трона, императрица остановилась, отдала всѣмъ поклонъ и опустилась въ кресло.

Какъ-то напряженно и нервно прозвучалъ ея голосъ, когда она обратилась къ присутствующимъ:

— Для блага моихъ подданныхъ рѣшила я выслушать мнѣнія представителей «общества» о лучшемъ государственномъ устроеніи

Библиотека "Руниверс"

имперіи нашей. Не о благѣ своемъ помышляемъ мы, но токмо о благѣ державы нашей, ввѣренной намъ всемогущимъ Богомъ.

Она замолчала и устремила напряженный, ожидающій взоръ на князя Черкасскаго.

Грузная фигура князя Черкасскаго заколыхалась. Онъ двинулся къ трону, въ сопровожденіи Татищева, державшаго въ рукахъ челобитную.

Всѣ словно замерли.

Верховники подались впередъ и тѣсной группой стали почти у самыхъ ступеней трона.

— Ваше величество удостоитъ выслушать всеподданнѣйшую челобитную всего шляхетства,—низко склоняясь, произнесъ Черкасскій и, сдѣлавъ шагъ въ сторону, уступилъ мѣсто Татищеву.

Блѣдная Анна кивнула головой.

Татищевъ выступилъ впередъ и громкимъ голосомъ началъ читать.

Челобитная начиналась благодарностью императрицѣ за подписаніе кондицій, но вмѣстѣ съ тѣмъ говорила, что «въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ тѣхъ пунктовъ находятся сумнительства такія, что большая часть народа состоитъ въ сторонѣ предбудущаго безпокойства», что еще не были въ верховномъ совѣтѣ разсмотрѣны представленныя шляхетствомъ мнѣнія и потому представители «общества» всепокорно просятъ императрицу, дабы императрица всемилостивѣйше соизволила «собраться всему генералитету, офицерамъ и шляхетству по одному или по два отъ фамилій разсмотрѣть и всѣ обстоятельства изслѣдовать, согласнымъ мнѣніямъ по большимъ голосамъ форму правленія государственнаго сочинить и вашему величеству къ утвержденію представить».

Верховники вздохнули свободнѣе по выслушаніи челобитной.

Анна растерянно и смущенно оглянулась вокругъ. Она сразу словно опустилась, глаза ея погасли. Она не того ждала. Ее обнадежили, что ее будутъ просить о возстановленіи самодержавія! А теперь опять то же! И опять эти верховники настоятъ на своемъ проектѣ, и опять она остается у нихъ въ несносномъ порабощеніи!

— Нечего обсуждать,—раздался вдругъ голосъ изъ толпы гвардейскихъ офицеровъ,—быть самодержавству попрежнему!

— Попрежнему! Попрежнему!—раздались голоса.

— Обсудить! Обсудить!—раздались новые крики.

Невѣроятный шумъ поднялся въ аудіенцъ-залѣ.

— Господа представители шляхетства,—закричалъ Василій Лукичъ, поднимая руку.

Шумъ на мгновеніе смолкъ.

— Надлежитъ все обсудить зрѣло, съ соизволенія всемилостивѣйшей государыни. Мы купно разсмотримъ проектъ верховнаго совѣта.

Библиотека "Руниверс"

— Не хотимъ!

— Обсудить!

— Самодержавіе!

— Долой враговъ отечества!

Снова раздались крики.

Императрица протянула руку, и крики стихли.

Блѣдный, съ горящими гнѣвомъ глазами, обратился Василій Лукичъ къ князю Черкасскому.

— Вотъ что вы сдѣлали!—крикнулъ онъ:—кто позволилъ вамъ присвоить право законодателя?

Черкасскій вспыхнулъ, и среди наступившей тишины громко прозвучалъ его отвѣтъ:

— Дѣлаю это потому, что ея величество была вовлечена вами въ обманъ; вы увѣрили ее, что кондиціи, подписанныя ею въ Митавѣ, составлены съ согласія чиновъ государства, но это было сдѣлано безъ нашего участія и вѣдома!

— Ваше величество,—обратился онъ къ императрицѣ:—благоволите учинить на челобитной свою резолюцію.

Онъ взялъ изъ рукъ Татищева челобитную и, поднявшись по ступенямъ трона, колѣнопреклонно подалъ ее императрицѣ.

— Вашему величеству лучше удалиться въ кабинетъ,—раздался спокойный и властный голосъ Василія Лукича:—и тамъ, вмѣстѣ съ верховнымъ совѣтомъ, спокойно обсудить шляхетскую челобитную.

Анна растерялась. Она боялась ослушаться верховнаго совѣта. Она не рѣшалась взять изъ рукъ Черкасскаго челобитную и не находила словъ отвѣтить Василію Лукичу.

— Теперь нечего разсуждать, сестра,—рѣшительно произнесла герцогиня Екатерина, стоявшая за кресломъ императрицы,—надо подписать!

Она вырвала челобитную изъ рукъ Черкасскаго и положила на колѣни Анны. Въ ту же минуту она вынула изъ кармана маленькую чернильницу въ видѣ флакончика духовъ и перо.

— Пусть это падетъ на меня,—добавила она:—если надо за это заплатить жизнью—я первая приму смерть!

Какъ въ туманѣ, Анна взяла изъ рукъ сестры перо и написала на челобитной: «учинить по сему».

Василій Лукичъ кусалъ губы. Дмитрій Михайловичъ былъ сильно взволнованъ.

— Это что же!—сказалъ онъ стоявшему съ нимъ рядомъ брату-фельдмаршалу:—они рѣшатъ помимо насъ? Что же мы?

— Насъ, кажется, обыграли,—мрачно отвѣтилъ фельдмаршалъ.

Крики и шумъ возобновились снова.

Императрица сошла съ трона и удалилась во внутренніе покои.

Оживленно переговариваясь, офицеры и шляхетство напра-

Библиотека "Руниверс"

вились къ выходу, но въ эту минуту появился Семенъ Андреевичъ Салтыковъ и объявилъ желаніе императрицы, чтобы шляхетство немедленно обсудило поданное ей прошеніе и въ тотъ же день представило бы ей результаты своихъ совѣщаній.

Было ясно, чего хотѣла императрица.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Салтыковъ передалъ членамъ верховнаго совѣта приглашеніе императрицы къ столу.

— Кажется, мы арестованы,—съ горькой усмѣшкой произнесъ Дмитрій Михайловичъ.

Шастуновъ, Макшеевъ и Дивинскій остались среди офицеровъ въ залѣ; Шастуновъ относился ко всему апатично. Издали онъ видѣлъ, въ толпѣ знатнѣйшаго шляхетства, своего отца, но ничто не шевельнулось въ его душѣ. Дивинскій былъ въ большемъ волненіи, Макшеевъ сосредоточенъ. Несмотря на все свое легкомысліе, онъ понялъ, что въ эти минуты рѣшается судьба Россіи и его собственная!

Шляхетство удалилось во внутреннія залы; въ аудіенцъ-залѣ осталась толпа гвардейскихъ офицеровъ. Богъ вѣсть откуда, приходили все новые и новые.

Среди представителей шляхетства Матюшкинъ сейчасъ же горячо сталъ отстаивать свой проектъ. Но не успѣлъ онъ докончить своихъ соображеній, какъ послышались крики, шумъ. Это въ аудіенцъ-залѣ кричали и бунтовали преображенцы, семеновцы, возбуждаемые Булгаковымъ, Бецкимъ, Гурьевымъ и графомъ Матвѣевымъ.

— Братцы!—кричалъ полупьяный Матвѣевъ:—выкинемъ за окно верховниковъ, выломаемъ двери, разгонимъ шляхетство и превозгласимъ самодержавіе Анны!

— Ура, ура!—радались крики:—ура, самодержица всероссійская Анна! Ура! Ура!

— Нечего разсуждать,—воскликнулъ князь Трубецкой:—императрица сама знаетъ, какъ полегчить народу.

— Ей надо вернуть то, что у нея отнято,—ея самодержавіе,—сказалъ Кантемиръ.

— О, нѣтъ,—крикнулъ Юсуповъ,—мы не согласны!

— Не согласны!

— Не согласны!

Крикнулъ Матюшкинъ и нѣкоторые другіе...

Но ихъ голоса были покрыты криками остальныхъ.

— Самодержавіе! Самодержавіе!

Двери распахнулись, и еще громче стали слышны неистовые крики гвардейцевъ.

Съ обнаженнымъ палашомъ въ рукѣ вбѣжалъ въ залу засѣданія шляхетства Матвѣевъ.

Библиотека "Руниверс"

— Кончайте совѣщаніе! — крикнулъ онъ:—офицеры возмущены! Провозглашайте самодержавіе, иначе сами ангелы не спасутъ васъ!

— Мы уже рѣшили,—отвѣтилъ Черкасскій:—да здравствуетъ самодержица всероссійская!

— Челобитная готова,—произнесъ Кантемиръ, вынимая изъ кармана заготовленную имъ челобитную о возстановленіи самодержавія.

— Подписывайте, господа представители шляхетства!

— Подписывайте, подписывайте,—повторяли Черкасскій и Трубецкой.

Челобитная быстро покрывалась подписями.

— Боже! какъ мы обмануты,—съ отчаяніемъ произнесъ Матюшкинъ, обращаясь къ Юсупову.

Юсуповъ весь дрожалъ, лицо его покрылось красными пятнами.

— Насъ заманили въ западню! Насъ предали! Русь продали!—хрипло отвѣтилъ онъ:—кто же! толпа преторіанцевъ!

За столомъ императрицы царило тягостное молчаніе. Изъ аудіенцъ-залы доносились крики офицеровъ, но вотъ эти крики стали расти, увеличиваться, сливаться въ одинъ яростно-восторженный гулъ.

Императрица встала; за ней поднялись и другіе.

— Надо выйти,—сказала она:—о чемъ они такъ кричатъ!...

Едва императрица вышла въ залу, какъ воцарилась мгновенная тишина. Но не успѣла она подняться по ступенямъ трона, какъ поднялась цѣлая буря голосовъ.

— Ура! Да здравствуетъ самодержица всероссійская!

— Долой верховниковъ! Мы не хотимъ, чтобы императрицѣ предписывались законы!

— Finis,—тихо произнесъ Дмитрій Михайловичъ...

— Игра сыграна,—отозвался Василій Владимировичъ.

Обнаженные палаши сверкали въ воздухѣ. Нѣсколько офицеровъ упали на колѣни у ступеней трона и, поднимая кверху шпаги, кричали:

— Мы твои рабы! Мы готовы отдать тебѣ жизнь! Повели, и мы бросимъ къ твоимъ ногамъ головы твоихъ злодѣевъ!

Семенъ Андреевичъ Салтыковъ приблизился къ трону и, сдѣлавъ шпагой на караулъ, громко воскликнулъ:

— Отъ лица твоей вѣрной гвардіи, всемилостивѣйшая государыня, привѣтствую тебя самодержавнѣйшей императрицей всероссійской, какъ были твои предки.

Его слова были снова покрыты криками ура!

Библиотека "Руниверс"

Въ это время въ ауді́енцъ-залу входили представители шляхетства во главѣ съ фельдмаршаломъ Трубецкимъ. Непосредственно за нимъ шелъ Кантемиръ.

Настало молчаніе.

— Дозвольте, ваше величество,—началъ Трубецкой:—прочесть единодушно выраженныя сейчасъ желанія шляхетства и генералитета.

— Мы ждемъ,—отвѣтила императрица.

Какъ приговоренные къ смерти, слушали верховники роковыя слова:

«... для того, въ знакъ нашего благодарства, всеподданнѣйше приносимъ и всепокорно просимъ всемилостивѣйше принять самодержавство таково, каково ваши славные и достохвальные предки имѣли, а присланные къ вашему императорскому величеству отъ верховнаго совѣта пункты уничтожить»...

Еще когда подписывали челобитную, князь Черкасскій распорядился послать за Степановымъ, чтобы онъ немедленно пріѣхалъ во дворецъ и привезъ кондиціи. Чтеніе продолжалось, но главное было уже сказано.

Императрица встала и громко произнесла:

— Мое постоянное намѣреніе было управлять моими подданными мирно и справедливо, но такъ какъ я подписала извѣстные пункты, то должна знать, согласны ли члены верховнаго совѣта, чтобы я приняла предлагаемое мнѣ моимъ народомъ?

Послѣднія слова были явной насмѣшкой. Она спрашивала согласія нѣсколькихъ человѣкъ на принятіе того, что предлагалъ ей, по ея словамъ, весь народъ!

Верховники молча наклонили головы.

Въ это время Степановъ передалъ Дмитрію Михайловичу привезенныя имъ кондиціи, сказавъ, что ему, именемъ императрицы, было приказано посланнымъ отъ Черкасскаго доставить ихъ во дворецъ.

Бережно, съ благоговѣніемъ взялъ Дмитрій Михайловичъ въ руки этотъ документъ, хранившій всѣ его надежды, и, медленнымъ, торжественнымъ шагомъ поднявшись на ступени трона, низко опустивъ голову, подалъ императрицѣ кондиціи.

Анна не могла совладать съ собой и рѣзкимъ, хищнымъ движеніемъ вырвала изъ рукъ князя, какъ драгоцѣнную добычу, завѣтный документъ.

Зимній день кончался. Но ясный свѣтъ зимняго яркаго солнца, погасая, замѣнялся другимъ—страннымъ, краснымъ, зловѣщимъ свѣтомъ.

Въ большія окна кремлевскаго дворца врывался этотъ свѣтъ, сперва нѣжно-розовый, потомъ свѣтло-красный и, наконецъ, кроваво-пурпуровый.

Библиотека "Руниверс"

Обитыя краснымъ сукномъ ступени трона, подъ этимъ свѣтомъ, блестѣли, переливались оттѣнками и казались кровавымъ водопадомъ... Золотые орлы на балдахинѣ были словно залиты кровью, золотыя ручки кресла, темныя отъ тѣни балдахина, пріобрѣли цвѣтъ запекшейся крови.

Кровавое сіяніе лежало на полу...

Присутствовавшіе съ изумленіемъ глядѣли въ окна. Все небо отъ запада до сѣвера казалось залитымъ кровью. На лицахъ лежалъ странный оттѣнокъ.

Солнце зашло, но въ аудіенцъ-залѣ было свѣтло. Словно вся комната представляла собою красный фонарь.

Темнымъ пятномъ выдѣлялось траурное платье Анны, но кровавыми огнями играла на ея головѣ золотая корона...

Анна медленно развернула листъ и, въ глубокой тишинѣ, протянувъ впередъ руки и поднявъ ихъ, рѣзкимъ движеніемъ разорвала кондиціи сверху почти донизу, съ угла на уголъ, слѣва направо.

Словно стонъ вырвался изъ груди Дмитрія Михайловича вмѣстѣ съ трескомъ разрываемой толстой бумаги.

Съ легкимъ шелестомъ упалъ разорванный листъ къ ногамъ императрицы.

Самодержица!

— Отнынѣ, милостью Бога,—зазвенѣлъ ея голосъ:—принимаю на себя самодержавство моихъ предковъ, согласно волѣ народа! Отъ души желаю быть матерью отечества и изливать на моихъ подданныхъ милости, доступныя намъ.

— Да будетъ первымъ словомъ новаго бытія нашего — слово милости и правды. Всемилостивѣйше повелѣваю освободить нашего графа Ягужинскаго изъ неправеднаго заточенія и всѣхъ «согласниковъ» его!

Восторженные крики покрыли ея рѣчь...

Она подозвала къ себѣ Семена Андреевича и что-то шепнула ему.

Салтыковъ поклонился и вышелъ.

Анна милостиво допустила всѣхъ къ рукѣ.

Въ это время, пока происходила церемонія, открылась задняя дверь, и, сіяя золотомъ расшитаго мундира, появился, въ сопровожденіи Салтыкова, Эрнстъ-Іоганнъ Биренъ, и кровавый свѣтъ заигралъ на его сплошь зашитомъ золотомъ мундирѣ, такъ что весь онъ казался облитымъ кровью.

Надменно поднявъ голову, онъ прямо направился къ трону.

Шопотъ пробѣжалъ между присутствовавшими...

Проходя мимо Василія Лукича, онъ слегка кивнулъ головой и насмѣшливо произнесъ:

— Здравствуйте, князь, на этотъ разъ вы, кажется, окончательно проиграли...

Библиотека "Руниверс"

Бѣшенство овладѣло княземъ, и, забывъ свою сдержанность, не помня себя, онъ отвѣтилъ:

— Ты все же не забудешь моей пощечины!

Лицо Бирена страшно исказилось, но онъ, не останавливаясь, прошелъ дальше.

Да, Эрнстъ-Іоганнъ Биренъ не забудетъ пощечины!..

И эта фраза стоила головы Василію Лукичу...

Церемонія кончилась. Императрица удалилась во внутренніе покои.

Верховники, въ сопровожденіи Макшеева, Дивинскаго и Шастунова, прошли въ малую залу.

Потрясенный, почти больной, уѣхалъ Юсуповъ домой.

— Ужели нѣтъ надежды?—спросилъ младшій Голицынъ.

— Поднять армейскіе полки! Произвести бунтъ, низложить ее съ престола и провозгласить императрицей цесаревну Елизавету!—отвѣтилъ его братъ фельдмаршалъ.

— Ты не сдѣлаешь этого!—тихимъ, упавшимъ голосомъ произнесъ Дмитрій Михайловичъ.—Поздно, все поздно!—добавилъ онъ, закрывая рукою глаза.—Пиръ былъ готовъ, но гости оказались недостойны его!

— Надо еще обдумать,—сказалъ Василій Владимировичъ.—Ѣдемте.

Но въ эту минуту въ комнату вошелъ старый, толстый генералъ съ бабьимъ лицомъ и маленькими лукавыми глазками. За нимъ виднѣлся небольшой военный нарядъ.

Это былъ Андрей Ивановичъ Ушаковъ, впослѣдствіи страшный начальникъ тайной канцеляріи.

— Вамъ нельзя уйти, господа фельдмаршалы,—ласково и учтиво сказалъ онъ:—вы задержаны, впредь до распоряженія ея величества.

Словно молніи посыпались изъ глазъ фельдмаршала Голицына.

Сжавъ рукоять своей шпаги, онъ сдѣлалъ шагъ впередъ. Ушаковъ испуганно попятился.

— Меня?—тихо проговорилъ Голицынъ:—меня! Насъ! задержать? Дорогу старому фельдмаршалу!..

И онъ двинулся впередъ, съ гордо поднятой головой, словно переставъ видѣть передъ собой Ушакова.

Ушаковъ испуганно посторонился.

Солдаты невольно взяли на караулъ, и среди выстроившихся солдатъ члены верховнаго совѣта прошли въ большой залъ.

Тамъ еще оставалась значительная толпа молодежи — офицеровъ и статскихъ.

Библиотека "Руниверс"

Всѣ почтительно замолчали при видѣ фельдмаршаловъ и недавно всесильныхъ Василія Лукича и Дмитрія Михайловича...

— Смотрите,—кто-то тихо сказалъ въ толпѣ:—Дмитрій Михайловичъ плачетъ...

Дѣйствительно, въ морщинахъ благороднаго лица Димитрія Михайловича застыли слезы.

Его чуткій слухъ уловилъ произнесенную фразу. Онъ остановился и, окинувъ грустнымъ взглядомъ толпу, произнесъ:

— Эти слезы—за Россію! Я уже старъ, и жить мнѣ не долго. Но вы моложе меня, вамъ дольше осталось жить, и вы дольше будете плакать!..

Никто не посмѣлъ больше задерживать членовъ верховнаго совѣта, но Ушаковъ задержалъ Шастунова, Макшеева и Дивинскаго, отобралъ у нихъ шпаги, и помѣстилъ ихъ подъ карауломъ въ отдаленной комнатѣ дворца.

— Ну, теперь, кажется, я отосплюсь,—попробовалъ пошутить Макшеевъ.

Никто не отвѣтилъ на его шутку.

Несмотря на настоянія Бирена, императрица пока не рѣшалась тронуть фельдмаршаловъ, этихъ смертельно раненыхъ, но еще грозныхъ, умирающихъ львовъ!

Юсуповъ, вернувшись изъ дворца, слегъ и уже не вставалъ. Онъ умеръ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Дивинскій, Макшеевъ и Шастуновъ и многіе другіе были разосланы по глухимъ сибирскимъ гарнизонамъ.

Обезумѣвшая отъ горя Паша бросалась и къ императрицѣ и къ колдуньямъ, и кончила тѣмъ, что была обвинена въ злоумышленіи на жизнь государыни и стала одной изъ первыхъ жертвъ Ушакова, начальника возстановленнаго, подъ названіемъ тайной канцеляріи, страшнаго Преображенскаго приказа. Она была бита кошками, пострижена въ монахини, подъ именемъ Проклы, и отправлена въ Сибирь, въ Введенскій дѣвичій монастырь... Но и тамъ ея дикая кровь давала себя знать. Она не признавала себя монахиней, сбросила монашеское одѣяніе, за что опять была бита шелепами!..

Фельдмаршалъ Михаилъ Михайловичъ избѣжалъ казни. Пока императрица, подъ вліяніемъ Бирена, и хотѣла и не рѣшалась принять противъ него суровыя мѣры, онъ умеръ; умеръ и Алексѣй Григорьевичъ Долгорукій.

Но окрѣпла власть Анны и могущество Бирена, и онъ, наконецъ, насытилъ свою месть.

Дмитрій Михайловичъ былъ заключенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Туда же попалъ и фельдмаршалъ Василій Владимировичъ.

Библиотека "Руниверс"

Василій Лукичъ сосланъ въ деревню, потомъ въ Сибирь, потомъ въ Соловки, и наконецъ Биренъ имѣлъ радость довести его до эшафота. Василій Лукичъ былъ казненъ въ Новгородѣ. Семейство Алексѣя Григорьевича, съ государыней-невѣстой и Натащей Шереметевой, вышедшей замужъ за бывшаго фаворита, испытывали нечеловѣческія страданія въ дальнемъ, глухомъ Березовѣ и, наконецъ, Иванъ былъ колесованъ въ Новгородѣ, одновременно съ Василіемъ Лукичемъ и своими дядями, Сергѣемъ и Иваномъ...

Иноземцы, призванные Анной, во главѣ съ Биреномъ, заливали кровью Россію, презирая страну, на счетъ которой кормились и возвеличивались, какъ побѣдители въ побѣжденной, дикой странѣ.

Безграмотные нѣмцы, самоувѣренные и наглые, унижали все, что было дорого русскому сердцу, съ жадностью піявокъ высасывая народныя силы и съ трусостью шакаловъ прячась при малѣйшемъ призракѣ опасности!..

И не разъ противники Дмитрія Михайловича съ позднимъ раскаяньемъ вспоминали его пророческія слова: «вамъ дольше осталось жить, и вы дольше будете плакать»...

Ф. Заринъ-Несвицкій.

Библиотека "Руниверс"

МОЯ СЛУЖБА ВЪ ТУРКЕСТАНСКОМЪ КРАѢ [1].

(1870—1910 г.г.).

XI.

Назначеніе М. Г. Черняева генералъ-губернаторомъ.—Пріѣздъ его въ край.—Первыя впечатлѣнія.—Дѣятельность его.—Ревизія Гирса.—Умаленіе всего кауфмановскаго.—Поѣздка на Аральское море.—Назначеніе правителемъ канцеляріи К. А. Несторовскаго.—Увольненіе Черняева.

Прошло нѣсколькихъ мѣсяцевъ до назначенія Кауфману замѣстителя, и вотъ въ одинъ прекрасный день получается телеграмма о назначеніи генералъ-губернаторомъ М. Г. Черняева. Ташкентъ ликовалъ. Имя Черняева было знакомо не только всему Ташкенту, но и всей Россіи. Знаменитый покоритель Ташкента, положившій къ ступенямъ трона новую страну, которую впослѣдствіи министръ финансовъ Вышнеградскій назвалъ лучшимъ брильянтомъ въ коронѣ русскаго монарха, внезапно отозванный изъ Ташкента и впавшій въ немилость такъ, что для добыванія себѣ средствъ (а другіе говорятъ, для рекламированія себя путемъ публичнаго скандала) сдѣлался московскимъ нотаріусомъ; затѣмъ издатель либеральной газеты въ Москвѣ и, наконецъ, главнокомандующій сербской арміею... Все это создало Черняеву ореолъ славы и популярность среди всѣхъ слоевъ населенія. Для туркестанцевъ

[1]) Продолженіе. См. «Истор. Вѣстн.», т. CXXXIV стр., 33.

Библиотека "Руниверс"

это былъ только герой Средней Азіи, и всѣ заранѣе предвкушали благодѣянія будущаго управленія.

Но вотъ, наконецъ, Михаилъ Григорьевичъ пріѣхалъ въ Ташкентъ, и всѣ мы увидѣли полусгорбленнаго, морщинистаго генерала, который сдѣлалъ всѣмъ общій поклонъ и, не сказавъ ни слова привѣтствія, ушелъ къ себѣ въ кабинетъ.

Первое впечатлѣніе было крайне удручающее.

Я забылъ упомянуть, что вскорѣ послѣ кончины Кауфмана правитель канцеляріи Каблуковъ вышелъ въ отставку, и на его мѣсто былъ назначенъ камергеръ Щербинскій, человѣкъ прекрасно образованный, дѣловой, джентльменъ и хорошо знакомый съ краемъ, ибо раньше служилъ въ Зеравшанскомъ округѣ и Семирѣченской области.

Вскорѣ по прибытіи Черняева до насъ стали доходить слухи, что онъ непримиримый врагъ Кауфмана и всего кауфмановскаго.

Сначала это были только темные слухи, къ которымъ мы относились скептически, ибо не видѣли никакого основанія для такой непріязни (Черняевъ не только не былъ знакомъ съ Кауфманомъ, но даже не видѣлъ его никогда), но затѣмъ съ первыхъ же служебныхъ шаговъ Черняева мы убѣдились, что слухи имѣли очень большое основаніе. Первое, что поразило всѣхъ насъ, это назначеніе изъ Петербурга ревизіи, и мы узнали, что Черняевъ успѣлъ убѣдить въ Петербургѣ, что въ управленіи краемъ полный хаосъ, что чиновники дозволяютъ себѣ всевозможныя злоупотребленія, а потому онъ затрудняется фактически вступить въ управленіе краемъ, пока спеціальная ревизія не выяснитъ истиннаго положенія дѣлъ.

Эта была незаслуженная обида памяти Кауфмана, обида, ничѣмъ не вызванная и основанная исключительно на почвѣ личной непріязни Черняева.

Дождались мы и этой ревизіи. Во главѣ ея пріѣхалъ тайный совѣтникъ Ф. К. Гирсъ, привезя съ собою трехъ чиновниковъ разныхъ министерствъ. Гирсъ представлялъ собою типъ петербургскаго нѣмца-чиновника, большого говоруна, но очень недалекаго. Первые шаги ревизіи показали, что Гирсъ желаетъ во что бы то ни стало найти слѣды хаоса и злоупотребленій. Средства для добыванія обвинительныхъ матеріаловъ имѣли характеръ скорѣе сыскной, чѣмъ ревизіонный. Комиссія работала не покладая рукъ, больше года, и въ результатѣ открыто какое-то злоупотребленіе по строительной части, и два архитектора преданы были суду, который торжественно оправдалъ ихъ.

Пока комиссія жила въ Ташкентѣ, Черняевъ пребывалъ въ полномъ бездѣйствіи. Правитель канцеляріи Щербинскій, которому приходилось больше всѣхъ сталкиваться съ ревизіонной комиссіей, очень скоро разгадалъ истинный характеръ ревизіи и отшатнулся отъ Гирса.

Библиотека "Руниверс"

Ревизоръ-нѣмецъ не могъ этого простить и увѣрилъ Черняева, что Щербинскій не на мѣстѣ. Узнавъ объ этомъ, Щербинскій немедленно подалъ прошеніе объ отчисленіи отъ должности и уѣхалъ въ Петербургъ.

Черняевъ хотѣлъ назначить вмѣсто Щербинскаго Всеволода Крестовскаго, извѣстнаго писателя, прибывшаго въ Ташкентъ съ Черняевымъ, въ качествѣ чиновника особыхъ порученій, но Гирсъ рекомендовалъ ему чиновника Несторовскаго, стараго туркестанца, исполнявшаго нѣкоторыя порученія ревизіи. Это было единственное путное дѣло Гирса, ибо лучшаго выбора на постъ правителя канцеляріи нельзя было сдѣлать. Несторовскій былъ человѣкъ въ высшей степени серьезный, съ университетскимъ образованіемъ, обладавшій огромною трудоспособностью. Въ то же время онъ былъ человѣкомъ замѣчательной доброты и сердечной отзывчивости, и за время своего четырнадцатилѣтняго управленія канцеляріей онъ не имѣлъ ни одного врага и оставилъ по себѣ самыя лучшія воспоминанія.

Наконецъ ревизія уѣхала въ Петербургъ, и Черняевъ, не стѣсняемый больше своими петербургскими гостями, принялся за управленіе краемъ.

Въ каждомъ его словѣ, въ каждомъ распоряженіи ясно чувствовалась непріязнь его къ Кауфману. Я не знаю, каковы были военные таланты Михаила Григорьевича, но, очевидно, они были выдающіеся, ибо создали ему ореолъ славы и въ Туркестанѣ и въ Сербіи, но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что административныхъ талантовъ онъ не имѣлъ. Онъ не показывался нигдѣ и окружилъ себя дома тѣснымъ кружкомъ лицъ, привезенныхъ имъ съ собой.

Во главѣ этихъ лицъ стоялъ Всеволодъ Крестовскій, очень умный человѣкъ, талантливый писатель, но совершенно не знакомый съ краемъ. Онъ ничѣмъ и не интересовался и ни съ кѣмъ не знакомился, кромѣ одного чиновника, послѣ смерти котораго женился на его вдовѣ. Въ числѣ лицъ свиты вспоминаю какого-то черногорца, мрачнаго, молчаливаго, но, повидимому, добродушнаго; было тамъ нѣсколько офицеровъ молодыхъ, веселыхъ, любящихъ кутнуть и поиграть въ карты. Всѣ они и жили у Черняева и проводили у него всѣ дни. Въ Ташкентѣ разсказывали, что въ черняевскомъ кружкѣ идетъ непробудное пьянство, и, что самъ Михаилъ Григорьевичъ даетъ всему тонъ. Обязываюсь засвидѣтельствовать, что обвиненіе Черняева въ пристрастіи къ вину по крайней мѣрѣ въ бытность его въ Ташкентѣ, совершенно неосновательно. Онъ пріѣхалъ къ намъ совершенно больной, съ трудомъ волочащій ноги, и мнѣ хорошо извѣстно, что, кромѣ стакана пива за завтракомъ и обѣдомъ, ничего не пилъ.

Я говорилъ уже выше, что Кауфманъ учредилъ въ Ташкентѣ публичную библіотеку, которая ко времени пріѣзда Черняева насчи-

Библиотека "Руниверс"

тывала болѣе пяти тысячъ томовъ, не считая туркестанскаго сборника Межова, стоившаго огромныхъ денегъ. Черняевъ, относившійся недоброжелательно ко всему, что было сдѣлано Кауфманомъ, не могъ равнодушно смотрѣть на библіотеку, огромное значеніе которой могъ отрицать развѣ какой-нибудь зулусъ или готтентотъ. Библіотека мозолила глаза Черняеву, и вотъ однажды онъ приказываетъ Крестовскому обревизовать библіотеку. Авторъ «Петербургскихъ Трущобъ» исполнилъ порученіе и представилъ Черняеву докладъ, въ томъ смыслѣ, что ташкентская публика, кромѣ «Черной собаки» и «Желтой Пантеры» Майнъ-Рида, ничего не читаетъ.

Этого было довольно Черняеву, и вотъ на глазахъ у всѣхъ совершился безпримѣрный въ лѣтописяхъ цивилизованныхъ народовъ фактъ. Генералъ-губернаторъ приказалъ раздать всю библіотеку по казармамъ и госпиталямъ!!!

Приказаніе было, конечно, исполнено, и вскорѣ изъ дверей богатѣйшаго книгохранилища стали вывозить огромные ворохи книгъ. Черезъ недѣлю библіотека опустѣла! Величайшій актъ вандализма былъ совершенъ, и едва ли его могутъ искупить военныя заслуги Черняева.

Къ счастью, распоряженіе Черняева не имѣло дурныхъ послѣдствій. Назначенный вмѣсто него генералъ-губернаторомъ Розенбахъ тотчасъ по прибытіи въ Ташкентъ приказалъ вернуть всѣ книги въ зданіе библіотеки. При провѣркѣ возвращенныхъ книгъ не досчитались около ста томовъ, которые легко было прикупить. Съ тѣхъ поръ библіотека съ каждымъ годомъ увеличивается и въ настоящее время составляетъ гордость и славу Ташкента.

Уничтоживъ публичную библіотеку, Черняевъ обратилъ вниманіе на образцовую хлопковую ферму и, осмотрѣвъ ее, выслалъ такого рода резолюцію:

«Эту оффенбаховщину упразднить!»

Ну, конечно, оффенбаховщина была уничтожена, джины и прессъ проданы, а участокъ земли отданъ для постройки психіатрической больницы.

Никакихъ созидательныхъ работъ Черняевъ не предпринималъ. Доклады выслушивалъ апатично; его, видимо, совсѣмъ не интересовало дѣло управленія краемъ; со служащими онъ даже не знакомился, довольствуясь кружкомъ своей свиты. Всѣ мы чувствовали себя очень неловко, ибо видѣли, что со стороны генералъ-губернатора мы пользуемся полнымъ недовѣріемъ. Въ это время я былъ уже начальникомъ отдѣленія канцеляріи генералъ-губернатора, но хотя прошло четыре мѣсяца со дня пріѣзда Черняева, ни мы его, ни онъ насъ даже не видѣли. Несторовскій очень возмущался этимъ и неоднократно убѣждалъ Черняева, что

Библиотека "Руниверс"

Генералъ-адъютантъ Н. О. Розенбахъ.

отказъ его познакомиться съ своими главными сотрудниками въ главномъ управленіи ставитъ ихъ въ крайне фальшивое и неловкое положеніе:

«Я ихъ достаточно хорошо знаю по ихъ дѣятельности при Кауфманѣ, и мнѣ не требуется личнаго знакомства для ихъ правильной оцѣнки», отвѣчалъ Черняевъ.

Но Несторовскій не унывалъ и продолжалъ настаивать, и вотъ однажды всѣ три начальника отдѣленій получили приглашеніе на обѣдъ къ Михаилу Григорьевичу.

Признаюсь, мы съ тяжелой душой и съ крайнею неохотою собирались на обѣдъ къ человѣку, который выказывалъ намъ столь незаслуженное неуваженіе.

Библиотека "Руниверс"

Судите же наше удивленіе, когда, пріѣхавъ на обѣдъ, мы были встрѣчены Черняевымъ, милымъ, добродушнымъ, ласковымъ и гостепріимнымъ. Ледъ растаялъ съ первыхъ шаговъ, и у насъ установились сразу хорошія отношенія, которыя не прерывались до ухода его изъ края.

Весной 1883 года Черняевъ поѣхалъ осматривать Аму-Дарьинскій отдѣлъ. Осмотрѣвъ городъ Петроалександровскъ и войска, Черняевъ отправился обратно, но не въ Ташкентъ, а неизвѣстно по какому направленію, и въ сопровожденіи только одного адъютанта ротмистра Алабина. Начали наводить справки, куда отправился генералъ-губернаторъ, и оказалось, что онъ вдвоемъ съ Алабинымъ верхомъ поѣхали безлюдными и частью безводными пустынями къ Каспійскому морю, которое не входило даже въ черту Туркестанскаго края. Предположеній и догадокъ была масса, но никто ничего опредѣленнаго не зналъ. Вмѣсто себя Черняевъ никого не оставилъ въ Ташкентѣ, и, конечно, вся административная машина остановилась. Между тѣмъ, позднѣйшими свѣдѣніями изъ Аму-Дарьинскаго отдѣла выяснилось, что Черняевъ поѣхалъ съ цѣлью открыть новый торговый путь по Каспійскому морю отъ залива Мертвый Калтукъ.

Вы представьте себѣ только генералъ-губернатора, который вмѣсто того, чтобы управлять краемъ, вдругъ уподобляется Дюмонъ Дюрвилю или Магелану и открываетъ новые пути!

Пославъ при началѣ своего путешествія телеграмму въ Астрахань о высылкѣ ему навстрѣчу парохода, Черняевъ съ Алабинымъ усѣлись въ небольшую рыбачью лодку и подъ парусами двинулись по направленію къ Астрахани! Что имъ пришлось испытать, только имъ однимъ извѣстно, но знаю, что ихъ долго носило по морю, пока ихъ не встрѣтилъ высланный изъ Астрахани пароходъ «Водолей» и доставилъ на сушу, взыскавъ за это три тысяча рублей. Черняевъ высадился въ Астрахани въ самый день коронованія императора Александра III, и мы, присутствовавшіе въ этотъ день на церковномъ парадѣ въ Ташкентѣ, неожиданно узнали, что Черняевъ, наконецъ, нашелся. Много было, конечно, смѣха и остротъ по поводу этого опереточнаго путешествія. Изъ Астрахани Черняевъ проѣхалъ прямо въ Петербургъ, но тамъ ему, кажется, дали понять весь комизмъ его плаванія и посовѣтовали скорѣй возвращаться въ Ташкентъ, что онъ и исполнилъ.

Въ его отсутствіе черезъ Ташкентъ проѣхалъ бухарскій наслѣдный принцъ Саидъ-Абдулъ-Ахадъ (недавно умершій эмиръ бухарскій). Молодой, красивый, привѣтливый, онъ сразу пріобрѣлъ общія симпатіи. Я былъ ему представленъ отдѣльно, ибо въ то время временно завѣдывалъ дипломатическою канцеляріей, и съ тѣхъ поръ до конца его жизни не прерывалъ съ нимъ личныхъ сношеній. Я полюбилъ его съ перваго дня, и мое многолѣтнее близкое знаком-

Библиотека "Руниверс"

ство съ нимъ не уменьшило моихъ хорошихъ чувствъ. Въ свое время мнѣ не разъ придется говорить о немъ.

Возвратясь изъ Петербурга, Черняевъ попрежнему апатично относился къ гражданскому управленію. Имъ не возбуждено было ни одного серьезнаго вопроса, не разработано было ни одного проекта, въ которыхъ край такъ нуждался. Онъ попрежнему проводилъ время въ кругу своихъ приближенныхъ. Ко всѣмъ требованіямъ изъ Петербурга онъ относился полупрезрительно и даже рѣдко отвѣчалъ на телеграммы министрамъ.

Но, очевидно, и въ Петербургѣ поняли, что въ назначеніи Черняева допущена была грустная ошибка. Его вызвали въ столицу подъ предлогомъ обсужденія новаго положенія объ управленіи краемъ. Не подозрѣвая коварства со стороны военнаго министра, Черняевъ быстро собрался, взялъ съ собою Алабина, Крестовскаго, меня и моего товарища по канцеляріи и друга С. А. Иванова. Пріѣхавъ въ Петербургъ, Черняевъ занялъ рядъ комнатъ въ Европейской гостиницѣ, предложивъ и всѣмъ намъ помѣститься тамъ. Натурально, мы были очень рады пожить въ роскошномъ помѣщеніи на казенный счетъ, но увы! все это скоро прекратилось. На другой день Черняевъ, возвратясь отъ государя, собралъ насъ и объявилъ, что онъ больше не генералъ-губернаторъ, а потому мы должны пріискать себѣ другое помѣщеніе или ѣхать обратно въ Ташкентъ. Съ грустью я и Ивановъ изъ роскошнаго бельэтажа Европейской гостиницы перебрались на пятый этажъ дешевыхъ и плохихъ меблированныхъ комнатъ на Невскомъ.

Заканчивая свои воспоминанія о Черняевѣ, я считаю не лишнимъ привести отзывъ о немъ лично хорошо знавшаго его г. Карцева, помѣщенный въ интересныхъ воспоминаніяхъ въ «Русской Старинѣ» подъ заглавіемъ «За кулисами дипломатіи».

«Непонятно, какъ могли люди, близко его знавшіе, поставить его на высокій административный постъ, гдѣ практическій смыслъ и выдержка необходимы, и удивляться, что онъ понадѣлалъ промаховъ, а потомъ преслѣдовать его и колоть этими промахами почти до самой гробовой доски!»

Вскорѣ состоялся приказъ о назначеніи генералъ-губернаторомъ генералъ-адъютанта Николая Оттоновича Розенбаха.

XII.

Назначеніе генералъ-губернаторомъ генералъ-адъютанта Н. О. Розенбаха.—Комиссія графа Игнатьева по составленію новаго положенія объ управленіи краемъ.—Замѣчательная аккуратность Розенбаха.—Пріѣздъ его семьи.

Генералъ Розенбахъ представлялъ собою совершенно иной типъ, чѣмъ его предшественникъ. Получившій самое обыкновенное военное образованіе, онъ служилъ въ одномъ изъ армейскихъ

Библиотека "Руниверс"

полковъ въ Москвѣ, и въ одинъ изъ пріѣздовъ туда государя Александра II, который былъ шефомъ этого полка, сдѣланъ былъ флигель-адъютантомъ. Съ этого момента военная карьера его была обезпечена. Вскорѣ онъ получилъ гвардейскій полкъ, былъ произведенъ въ генералы и зачисленъ въ свиту. Онъ сдѣлалъ двѣ компаніи: польскую (1863 г.) и турецкую (1876 г.). Оба раза былъ сильно раненъ, получилъ георгіевскій крестъ. Вскорѣ Розенбахъ былъ сдѣланъ генералъ-адъютантомъ и назначенъ начальникомъ штаба войскъ гвардіи и петербургскаго округа. На этомъ мѣстѣ онъ находился до 1884 года, когда неожиданно для всѣхъ государь предложилъ ему постъ туркестанскаго генералъ-губернатора, принятый Розенбахомъ безъ раздумья, хотя онъ, вѣроятно, о Туркестанѣ зналъ меньше, чѣмъ о Зулулендѣ.

По наружности это былъ типъ николаевскаго генерала: высокій, прямой, сухой, съ щетинистыми сѣдыми бакенбардами, съ отрывистымъ, рѣзкимъ голосомъ. Первое впечатлѣніе, особенно послѣ очаровывавшаго всѣхъ Кауфмана и мягкаго и ласковаго Черняева, онъ производилъ удручающее. Но при ближайшемъ знакомствѣ оказывалось, что это человѣкъ очень добрый. Видимо, онъ сознавалъ свою доброту, но считалъ нужнымъ маскировать ее напускной суровостью и жестокостью, что ему рѣдко удавалось. Я и С. А. Ивановъ представились ему на другой же день по его назначеніи, и онъ объявилъ намъ, что мы должны остаться въ Петербургѣ и войти въ составъ комиссіи, учрежденной подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта графа Н. П. Игнатьева для выработки новаго положенія объ управленіи Туркестанскимъ краемъ. Комиссія эта собиралась въ главномъ штабѣ, и въ составъ ея вошли представители отъ всѣхъ министерствъ и всѣ члены ревизіонной комиссіи Гирса. Кромѣ того, были приглашены въ комиссію служившіе въ Туркестанѣ генералъ Абрамовъ, камергеръ Щербинскій и генералъ Куропаткинъ. Графъ Игнатьевъ велъ пренія съ большимъ апломбомъ, въ качествѣ знатока Азіи, каковое знаніе основывалъ на какой-то своей поѣздкѣ въ Хиву нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ. Поскольку его познанія могли быть полезны при обсужденіи вопроса о современномъ управленіи Туркестанскаго края, не имѣющаго ничего общаго съ Хивой, я не берусь судить. Первую скрипку въ комиссіи игралъ Гирсъ. Много онъ говорилъ дѣльнаго, но гораздо больше пустяковъ. Его полное незнакомство съ современными условіями края бросалось въ глаза. Представители отъ Туркестана часто осаживали его, но большинство комиссіи, совершенно незнакомое съ новымъ краемъ, и въ томъ числѣ Розенбахъ поневолѣ прислушивались къ чиновничьему краснорѣчію Гирса, и въ результатѣ было выработано положеніе, которое при первомъ же примѣненіи на практикѣ оказалось никуда негоднымъ. Началось неизбѣжное издаваніе разъяснительныхъ циркуляровъ, посыпались

Библиотека "Руниверс"

представленія въ Петербургъ о законодательной отмѣнѣ, дополненіи или измѣненіи непримѣнимыхъ на практикѣ статей новаго положенія; совѣтъ генералъ-губернатора былъ буквально заваленъ работой по разсмотрѣнію недоразумѣній губернаторовъ. Въ концѣ концовъ коренной законъ для Туркестана, обратившійся въ какое-то одѣяло изъ лоскутковъ, дѣйствуетъ и понынѣ.

Въ началѣ мая 1884 года я вмѣстѣ съ Розенбахомъ выѣхали въ Ташкентъ. Тогда еще не было ни Среднеазіатской ни Ташкентской желѣзныхъ дорогъ, и отъ Оренбурга мы поѣхали степью на лошадяхъ. Въ Оренбургѣ Розенбахъ поразилъ меня однимъ свойствомъ своего характера. Разсчитывая скорость почтовой ѣзды десять верстъ въ часъ, принявъ во вниманіе остановки на станціяхъ для обѣдовъ, ужиновъ и ночлеговъ, Розенбахъ составилъ самъ маршрутъ и приказалъ мнѣ телеграфировать во всѣ попутные города (Казалинскъ, Перовскъ, Джулекъ, Туркестанъ, Чимкентъ и Ташкентъ) о времени прибытія его въ каждый городъ, причемъ обозначены были не только числа, но часы и минуты. Предполагая, что Розенбахъ, никогда не дѣлавшій большихъ поѣздокъ на лошадяхъ и привыкшій къ аккуратности хода поѣздовъ, увлекся, составляя расписаніе поѣздки, я доложилъ ему, что на разстояніи двухъ тысячъ верстъ невозможно иногда опредѣлить даже день прибытія на извѣстный пунктъ, а не только часъ, что при ѣздѣ на почтовыхъ, при крайне плохомъ содержаніи тракта, возможны на каждомъ шагу случайности, совершенно непредвидѣнныя, остановки, не зависящія отъ воли пассажира, etc. Розенбахъ молча слушалъ меня и слегка улыбался.

— Ну, вы все сказали? А теперь отправляйтесь на телеграфъ и исполните мое приказаніе.

Приказаніе я исполнилъ, но, какъ много ѣздившій раньше по почтовому тракту, подтрунивалъ надъ Розенбахомъ въ обществѣ его молодого и симпатичнаго адъютанта М. М. Рындина, пророча его принципалу крупное разочарованіе на первыхъ же шагахъ его управленія.

Можете судить, какъ жестоко я былъ сконфуженъ, когда въ концѣ концовъ оказалось, что Розенбахъ прибывалъ въ города въ тѣ дни, часы и даже минуты, какъ это значилось въ маршрутѣ. Достигалъ онъ этого благодаря тому, что нигдѣ ни одной минуты онъ не оставался больше, чѣмъ было опредѣлено маршрутомъ, а такъ какъ его, какъ генералъ-губернатора, везли, конечно, безъ задержекъ и скорѣе, чѣмъ прочихъ пассажировъ, то бывали случаи, что на послѣднюю станцію передъ какимъ-нибудь городомъ мы пріѣзжали раньше расписанія; въ такомъ случаѣ Розенбахъ приказывалъ ждать запряжкой лошадей, и въ результатѣ, къ удивленію всѣхъ попутныхъ властей, поѣздъ, состоящій изъ трехъ экипажей, подъѣзжалъ къ мѣсту въ назначенный маршрутомъ срокъ.

Библиотека "Руниверс"

Такая безпримѣрная аккуратность, хотя немного и нѣмецкая, тѣмъ не менѣе всѣмъ показалась очень симпатичною. Такой же аккуратности Розенбахъ держался все время своего пребыванія въ Ташкентѣ. Онъ никогда ни на минуту не опаздывалъ выѣздомъ къ войскамъ или на парады; никому никогда не приходилось терять время на выжиданія въ пріемной. Въ назначенный часъ и минуту дверь отворялась, и въ нее входила суровая, сухая фигура начальника края, который внимательно выслушивалъ всѣхъ просителей, и, несмотря на эту суровость, никто не уходилъ не удовлетворенный или не успокоенный, что дѣло его получитъ должное направленіе.

Вскорѣ въ Ташкентъ пріѣхала семья Николая Оттоновича, состоявшая изъ жены и трехъ дочерей. Ташкентъ до того времени былъ набалованъ въ томъ отношеніи, что и Кауфманъ и Черняевъ жили тамъ безъ женъ. Супруга Константина Петровича, Юлія Мавринкіевна, прожившая въ Ташкентѣ лишь первые четыре года (1868—1872 гг.), затѣмъ болѣе въ Ташкентъ не пріѣзжала. Отсутствіе женскаго элемента въ «Бѣломъ домѣ» (такъ въ шутку назывался домъ генералъ-губернатора) много упрощало отношеніе служащихъ къ начальнику края и избавляло ихъ женъ отъ необходимости ѣздить съ визитами и, слѣдовательно, тратиться на костюмы. Пріѣздъ семьи Розенбаха сразу измѣнилъ положеніе дѣла. Ольга Ивановна Розенбахъ, не сдѣлавъ никому въ городѣ визитовъ, въ одинъ прекрасный день разослала всѣмъ приглашенія къ себѣ на раутъ. Большинство, конечно, было возмущено, ибо если, быть можетъ, такой порядокъ существовалъ въ столицѣ, то онъ былъ совершенно новъ и непримѣнимъ въ провинціи, гдѣ также существуетъ установленный свѣтскій кодексъ, обязывающій всякаго пріѣзжающаго безъ различія сдѣлать первымъ визитъ къ тѣмъ, съ кѣмъ онъ желаетъ быть знакомымъ.

Тѣмъ не менѣе всѣ, конечно, поѣхали. Нѣкоторые бывшіе петербуржцы увѣряли, что хозяева старались подражать обычаямъ если не Зимняго дворца, то салоновъ Фурштатской и Морской. Насколько это имъ удалось, не знаю, но помню, что я и моя жена чувствовали себя очень нехорошо, когда мы вошли въ залъ и дежурный адъютантъ прежде, чѣмъ представить Ольгѣ Ивановнѣ, спросилъ, какъ наша фамилія! Долженъ, впрочемъ, сказать, что Ольга Ивановна была со всѣми очень любезна и внимательна. Раутъ прошелъ очень скучно, и черезъ часъ мы всѣ гурьбой двинулись къ выходу.

На другой день жена генералъ-губернатора вмѣсто отвѣтныхъ визитовъ разослала всѣмъ свои визитныя карточки. Можетъ быть, и это принято въ Петербургѣ, но въ Ташкентѣ это обидѣло всѣхъ, и возстановило все общество противъ женскаго элемента «Бѣлаго дома».

Библиотека "Руниверс"

XIII.

Смерть бухарскаго эмира Сеидъ-Муззафара и вступленіе въ управленіе ханствомъ наслѣднаго принца Сеидъ-Абдулъ-Ахада.—Характеристика послѣдняго.—Убійство перваго министра Бухары Мухамедъ-Шерифа-Диванбеги.—Казнь убійцы.

Розенбахъ, объѣхавъ въ первый же годъ весь край, на слѣдующій годъ (1885) отправился въ Петербургъ по служебнымъ дѣламъ. Во время его отсутствія получено было неожиданное извѣстіе о кончинѣ бухарскаго эмира Сеидъ-Муззафаръ-хана. Наслѣднымъ принцемъ былъ Сеидъ-Абдулъ-Ахадъ, про котораго я уже говорилъ выше. Онъ проживалъ въ это время въ маленькомъ городкѣ ханства Кермине, отстоящемъ отъ Бухары верстахъ въ ста.

Въ мусульманскихъ государствахъ, гдѣ не существуетъ законовъ престолонаслѣдія, кончина владѣтеля обычно сопровождается крупными безпорядками, народными смутами и даже рѣзней. Претендентами на власть выступаетъ нѣсколько человѣкъ родственниковъ умершаго; каждый имѣетъ свою партію приверженцевъ, готовыхъ всякими дозволенными и недозволенными средствами отстаивать права своего патрона. Въ Бухарѣ положеніе было нѣсколько иное. Сеидъ-Абдулъ-Ахадъ, любимый сынъ покойнаго эмира, еще при жизни отца былъ выбранъ имъ въ свои наслѣдники, и Сеидъ-Муззафаръ, какъ вассальный владѣтель, просилъ государя Александра III утвердить Сеидъ-Абдулъ-Ахада въ званіи наслѣднаго принца, разсчитывая (и совершенно вѣрно), что разъ сынъ его утвержденъ русскимъ царемъ, какъ его замѣститель, то въ случаѣ какихъ-либо притязаній прочихъ сыновей русскія войска поддержатъ права избранника и водворятъ спокойствіе въ ханствѣ.

Разсказываютъ, что когда Сеидъ-Муззафаръ скончался, то первый министръ Мухамедъ-Шерифъ-Диванбеги арестовалъ всѣхъ слугъ покойнаго, знавшихъ о его кончинѣ, и, заперевъ комнату, въ которой скончался эмиръ, послалъ двухъ вѣрныхъ людей къ наслѣднику въ Кермине, прося его немедленно пріѣхать въ Бухару и объявить себя ханомъ. Получивъ извѣщеніе о смерти отца, Сеидъ-Абдулъ-Ахадъ, не медля ни минуты, верхомъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ человѣкъ поскакалъ въ Бухару. На половинѣ дороги онъ неожиданно встрѣтилъ коляску, въ которой изъ Бухары ѣхалъ генералъ М. Н. Анненковъ, строившій тогда желѣзную дорогу изъ Асхабада до Самарканда. Сеидъ-Абдулъ-Ахадъ упросилъ Анненкова вернуться съ нимъ въ Бухару и, получивъ согласіе добрѣйшаго Михаила Николаевича, въѣхалъ въ свою столицу какъ бы подъ покровительствомъ русскаго генерала. Собравъ всѣхъ почетныхъ жителей и духовенство, Сеидъ-Абдулъ-Ахадъ объявилъ имъ о смерти своего отца и о своемъ вступленіи въ управленіе страной. Народъ преклонился передъ своимъ новымъ повелителемъ, и съ этой минуты спокойствіе нигдѣ не было нарушено.

Библиотека "Руниверс"

Позволю себѣ нѣсколько остановиться на характеристикѣ новаго эмира, котораго я очень хорошо знаю, благодаря многолѣтнему близкому личному съ нимъ знакомству.

Сеидъ-Абдулъ-Ахадъ сдѣлался владѣтелемъ Бухары, будучи совсѣмъ юнымъ, но, несмотря на это, онъ сразу выказалъ себя человѣкомъ выдающимся. Отецъ его обладалъ большимъ умомъ, но былъ очень жестокій правитель. При немъ самыя жестокія смертныя казни были явленіемъ заурядным. Подземныя тюрьмы (зинданы), которыя подчасъ представляли болѣе ужаса, чемъ смертная казнь, были всегда переполнены несчастными заключенными. Новый эмиръ, не уступая умомъ своему отцу, выказалъ съ первыхъ же дней своего воцаренія удивительное мягкосердечіе и доброту. Только въ одномъ случаѣ онъ разрѣшилъ смертную казнь, о чемъ я разскажу ниже, но преступленіе лица, приговореннаго къ смерти, было неслыханное въ лѣтописяхъ ханства, и, помиловавъ преступника, эмиръ сразу лишился бы популярности въ народѣ.

Получивъ блестящее мусульманское образованіе, будучи преданнымъ послѣдователемъ Магомета, проведшій всю предшествующую жизнь среди мусульманъ и ихъ вѣковыхъ традицій, видѣвшій русскихъ и Россію только мелькомъ одинъ разъ во время поѣздки въ 1883 году въ Петербургъ и не имѣвшій конечно, самыхъ элементарныхъ понятій о благахъ цивилизаціи и прогресса, эмиръ тѣмъ не менѣе съ вступленіемъ въ управленіе ханствомъ выказалъ такую способность держать себя на высотѣ своего положенія, что онъ могъ быть смѣло поставленъ въ образецъ не только многимъ европейскимъ дипломатамъ, но и нѣкоторымъ коронованнымъ особамъ Западной Европы.

Своимъ большимъ умомъ онъ сразу понялъ истинное положеніе дѣлъ. Рискуя заслужить ненависть мусульманскаго духовенства, очень сильнаго своимъ вліяніемъ на народъ и ненавидящаго всѣхъ кяфировъ, эмиръ сразу установилъ самыя тѣсныя, самыя дружескія отношенія съ своей сосѣдкой Россіей. Съ тѣхъ поръ и до конца его жизни ни одинъ изъ нашихъ министровъ, ни одинъ изъ генералъ-губернаторовъ не имѣлъ ни разу основанія упрекнуть эмира въ коварствѣ, вѣроломствѣ или измѣнѣ тому, что онъ обѣщалъ. Это всегда былъ самый вѣрный, самый преданный другъ русскаго монарха. Онъ беззавѣтно любилъ государя Александра III, въ память котораго учредилъ даже высшій бухарскій орденъ Искандеръ-Салисъ (въ переводѣ Александръ III), и покойный императоръ, со своей стороны, платилъ ему любовью, довѣріемъ и уваженіемъ. По вступленіи на престолъ императора Николая II эмиръ перенесъ свою любовь и преданность на новаго монарха. И это не была любовь, основанная на политическихъ расчетахъ; это было чувство, основанное на симпатіяхъ и абсолютномъ довѣріи и уваженіи.

Библиотека "Руниверс"

Смертная казнь въ Бухарѣ.

Библиотека "Руниверс"

При первыхъ же своихъ сношеніяхъ съ русскими эмиръ созналъ огромную пользу цивилизаціи. Онъ сталъ учиться говорить и читать по-русски, и уже скоро могъ смѣло обходиться безъ драгомана и постоянно читалъ русскія газеты. Назначивъ своимъ наслѣдникомъ молодого Сеидъ-Миръ-Алима, онъ отправилъ его въ Петербургъ въ Николаевскій кадетскій корпусъ, гдѣ талантливый мальчикъ прошелъ курсъ наукъ и вернулся домой съ чиномъ поручика Терскаго казачьяго войска.

Зная хорошо свои права по отношенію къ своимъ подданнымъ, эмиръ всегда твердо держалъ въ рукахъ бразды правленія и, будучи уступчивымъ во всѣхъ внѣшнихъ переговорахъ съ русскимъ правительствомъ, онъ никогда не поступался своими прерогативами во внутренней политикѣ ханства. Всѣхъ имѣвшихъ съ нимъ дѣло поражала его удивительная доброта и сердечность. Мнѣ приходилось подолгу бесѣдовать съ нимъ по разнымъ вопросамъ, меня удивляли всегда его находчивость, остроуміе и, если можно такъ выразиться, энциклопедичность. Онъ всѣмъ интересовался, о многомъ разспрашивалъ и обладалъ способностью дѣлать вѣрныя оцѣнки людей, съ которыми соприкасался.

Вступленіе его въ управленіе ханствомъ совпало съ историческимъ фактомъ огромной важности, сразу измѣнившимъ весь внѣшній и внутренній видъ страны, дотолѣ глухой, неизвѣданной, дикой. Я говорю про проведеніе желѣзной дороги, которая прорѣзала ханство съ юга на сѣверъ отъ Чарджуя до Катта-Кургана. Съ первымъ свисткомъ локомотива въ предѣлы ханства хлынула волна русскихъ и армянъ всевозможныхъ званій и профессій. Близъ Чарджуя (на лѣвомъ берегу Аму-Дарьи) и Бухары образовались крупныя русскія поселенія, торговля оживилась, а вмѣстѣ съ нею усилилась постоянныя и непрерывныя сношенія, а часто, конечно, неизбѣжныя столкновенія русскихъ съ бухарцами. Необходимо было имѣть въ самомъ ханствѣ представителя русской власти, который являлся бы, съ одной стороны, нашимъ агентомъ по сношеніямъ съ эмиромъ и его правительствомъ, а съ другой—посредникомъ въ сношеніяхъ русскихъ съ туземцами. Въ 1886 году было учреждено въ Бухарѣ наше политическое агентство. Первымъ агентомъ былъ назначенъ камеръ-юнкеръ Чарыковъ, очень неглупый, прекрасно образованный и богатый человѣкъ. Обладая солиднымъ дипломатическимъ тактомъ, онъ сразу установилъ съ эмиромъ и его министрами наилучшія отношенія, и, благодаря положенной имъ закваскѣ, прекрасныя отношенія нашего политическаго агентства къ правительству эмира никогда впослѣдствіи не нарушались.

Вскорѣ по вступленіи эмира въ управленіе страной, когда онъ поѣхалъ для обозрѣнія своего государства въ восточныя горныя провинціи, въ Бухарѣ произошло событіе, неслыханное въ лѣтописяхъ мусульманства. Первымъ министромъ и большимъ любим-

Библиотека "Руниверс"

цемъ эмира былъ Мухамедъ-Шерифъ-Диванбеги. Вліяніе и значеніе его въ странѣ были безграничны. Эмиръ цѣнилъ его большія способности, честность и преданность и всецѣло довѣрялъ ему. Въ бухарскихъ войскахъ служилъ одинъ офицеръ (туземецъ), который надѣлалъ много долговъ. По упрощенному и крайне наивному мусульманскому гражданскому праву, первый министръ Мухамедъ-Шерифъ явился самъ въ квартиру этого офицера, чтобы произвести опись имущества для удовлетворенія кредиторовъ. Описывая имущество первой комнаты, онъ спросилъ у офицера, есть ли у него еще имущество на женской половинѣ, куда не имѣетъ права входить ни одинъ посторонній мужчина. Офицеръ отвѣтилъ, что есть и что онъ сейчасъ вынесетъ. Уйдя въ сосѣднюю комнату, онъ вскорѣ вернулся и со словами:

— Вотъ что у меня есть,—вынулъ револьверъ и убилъ наповалъ Мухамедъ-Шерифа.

Убійство это произвело потрясающее впечатлѣніе на весь городъ. Къ эмиру поскакали гонцы съ донесеніемъ объ убійствѣ и просили указанія, какъ поступить съ убійцей, котораго тѣмъ временемъ заковали въ кандалы и засадили въ тюрьму.

Эмиръ могъ, конечно, однимъ почеркомъ пера снести голову дерзкому убійцѣ или сбросить его съ верхушки минарета, какъ это дѣлалъ его покойный отецъ, но онъ, видимо, не хотѣлъ омрачать своего царствованія кровавымъ приговоромъ и воспользовался указаніями мусульманскаго уголовнаго кодекса, приказавъ выдать преступника родственникамъ убитаго Мухамедъ-Шерифа. Результатъ получился болѣе ужасный! По распоряженію родственниковъ несчастнаго убійцу приволокли на центральную площадь Бухары, гдѣ при огромномъ стеченіи народа палачъ перебилъ ему руки и ноги. Затѣмъ его привязали къ хвосту ишака (осла) и поволокли за городъ, окруженный высокою стѣной. За одними изъ городскихъ воротъ устроены свалки нечистотъ и всякихъ отбросовъ, гдѣ всегда рыскаютъ цѣлыя стаи голодныхъ бездомныхъ собакъ. Привезя несчастнаго на это свалочное мѣсто, его отвязали отъ ишака, и всѣ спокойно удалились, заперевъ городскія ворота и поставивъ военный караулъ, чтобы никто не могъ выйти изъ города.

Несчастный убійца былъ буквально заживо съѣденъ собаками.

Это, впрочемъ, единственное кровавое дѣло за время царствованія эмира, но и въ немъ не запачканы непосредственно его руки.

Послѣ смерти Мухамедъ-Шерифа власть перешла въ руки его сына Астанакула, который почти до самой смерти эмира игралъ первенствующую роль въ управленіи ханствомъ. Этотъ человѣкъ, еще большаго ума, чѣмъ его отецъ, вполнѣ раздѣлявшій просвѣщенные и гуманные взгляды эмира и его политическое credo, шелъ въ полной гармоніи со своимъ повелителемъ.

Библиотека "Руниверс"

Но незадолго до смерти эмира, вслѣдствіе безпорядковъ въ Бухарѣ, онъ попалъ въ немилость и отрѣшенъ былъ отъ должности главнаго зячетчія (нѣчто въ родѣ министра финансовъ). Говорятъ, что онъ составилъ себѣ милліонное состояніе. Дальнѣйшая его судьба при нынѣшнемъ эмирѣ Сеидъ-Миръ-Алимѣ мнѣ неизвѣстна.

Генералъ Розенбахъ управлялъ краемъ немного болѣе четырехъ лѣтъ. Ему пришлось вводить въ Туркестанѣ новое положеніе, составленное на основаніи директивъ Гирса и К°.

Я уже говорилъ о крайне неудачномъ выполненіи работы по составленію этого положенія. Съ первыхъ же шаговъ администрація натолкнулась на такія неудобства и даже кодификаціонные промахи, что сейчасъ же генералъ-губернаторъ долженъ былъ начать изданіе многочисленныхъ циркуляровъ, объясняющихъ ту или иную неточность. Главная заслуга въ этомъ дѣлѣ, конечно, не можетъ быть приписана Розенбаху, который очень аккуратно подписывалъ лишь бумаги. Главнымъ дѣятелемъ въ этомъ дѣлѣ былъ, безспорно, управляющій канцеляріей Несторовскій, прекрасно знавшій край, основательно знакомый съ законами и обладавшій огромною трудоспособностью. Не могу не указать здѣсь на постояннаго сотрудника Несторовскаго начальника отдѣленія С. А. Иванова. Это былъ замѣчательный самородокъ. Не получившій никакого спеціальнаго образованія, онъ собственнымъ трудомъ образовалъ себя такъ, что могъ служить украшеніемъ любого министерства въ Петербургѣ. Онъ зналъ судебную часть такъ, что ему могли позавидовать очень и очень многіе имѣющіе университетскіе значки. При этомъ онъ выработалъ себѣ прекрасный стиль, такъ что всѣ его письменныя работы всегда считались образцовыми. Въ заключеніе долженъ сказать, что, когда онъ ушелъ въ отставку, я и вся канцелярія потеряли въ немъ превосходнаго товарища и безупречно честнаго человѣка. Если онъ еще живъ теперь, когда эти записки выйдутъ въ свѣтъ, то мнѣ пріятно, что онъ прочитаетъ эти строки, написанныя рукой его истиннаго друга и почитателя.

Тщательно роясь въ своихъ воспоминаніяхъ, я рѣшительно не могу найти ничего, что могло бы характеризовать управленіе Розенбаха. Административная машина шла полнымъ ходомъ, т. е. чиновники писали безконечныя бумаги, генералъ-губернаторъ ихъ своевременно и аккуратно подписывалъ. Вновь образованный совѣтъ при генералъ-губернаторѣ аккуратно собирался разъ въ недѣлю, разсматривалъ и рѣшалъ разные вопросы. Все кругомъ было какъ-то сѣро и монотонно.

Весь періодъ управленія Розенбаха прошелъ такъ безцвѣтно, что уходъ его изъ края остался почти никѣмъ не замѣченнымъ. Это былъ простой, добрый человѣкъ, но для края онъ не сдѣлалъ ничего и не оставилъ по себѣ рѣшительно никакихъ слѣдовъ и никакихъ ни друзей, ни враговъ. Это былъ лишь очень исполнитель-

Библиотека "Руниверс"

ный и аккуратный чиновникъ, грозный по внѣшности и мягкій по натурѣ. Никакихъ данныхъ для занятія высокаго административнаго поста онъ не имѣлъ, и если управленіе его прошло безъ сучка, безъ задоринки,—то это потому, что время то было тихое, никакихъ внутреннихъ броженій не проявлялось, все шло по разъ заведенному шаблону, войска отбывали караульную службу, смотры, лагерные сборы, чиновники писали бумаги, никому ненужныя, а остальное время играли въ карты; рабочій элементъ почти отсутствовалъ, однимъ словомъ, край представлялъ собою подобіе какого-нибудь Царевококшайскаго уѣзда въ добрыя, старыя времена!

XIV

Назначеніе генерала Розенбаха членомъ военнаго совѣта.—Назначеніе на постъ генерала-губернатора начальника штаба одесскаго военнаго округа генерала барона А. Б. Вревскаго.—Развитіе хлопководства и русской имиграціи.—Главный иниціаторъ имиграціи генералъ Гродековъ.

Въ 1889 году Розенбахъ поѣхалъ по дѣламъ службы въ Петербургъ, и вскорѣ оттуда получено было извѣстіе, что онъ назначается членомъ военнаго совѣта и въ край болѣе не вернется. Всѣ пожалѣли спокойнаго и никому не сдѣлавшаго зла правителя, но... сейчасъ же и забыли его. Въ управленіе краемъ временно вступилъ генералъ А. М. Яфимовичъ, но вскорѣ уже мы прочитали приказъ о назначеніи къ намъ генералъ-губернаторомъ начальника окружнаго штаба одесскаго военнаго округа генералъ-лейтенанта барона Александра Борисовича Вревскаго.

Баронъ тоже всю свою жизнь прослужилъ въ строю и, будучи назначенъ въ Ташкентъ, попалъ неожиданно въ совершенно новую и незнакомую ему сферу.

По своему происхожденію, связямъ, воспитанію и состоянію онъ принадлежалъ къ высшему обществу Петербурга. И дѣйствительно, это былъ человѣкъ вполнѣ благовоспитанный, всегда одинаково элегантный, въ высшей степени корректный, вѣжливый и внимательный со всѣми, уважавшій чужое мнѣніе, хотя бы оно шло вразрѣзъ съ его взглядами. Но въ немъ было одно качество, очень симпатичное, но совершенно не подходящее для роли генералъ-губернатора: онъ былъ безконечно добръ, мягокъ и довѣрчивъ, и этими качествами пользовались и злоупотребляли. По своей безконечной добротѣ, онъ положительно не умѣлъ въ чемъ-либо отказать. Его всѣ очень любили, но... дѣло иногда страдало. Еще одно его свойство—это его постоянное спокойствіе и сибаритизмъ. Въ его управленіи краемъ имѣли мѣсто факты довольно угрожающаго свойства; мы всѣ начинали волноваться, но баронъ никогда, даже въ этихъ случаяхъ, не нарушалъ своихъ привычекъ и своимъ спокойствіемъ и хладнокровіемъ лучше всякихъ грозныхъ рѣшеній

Библиотека "Руниверс"

успокаивалъ всѣхъ и направлялъ событія къ ихъ нормальному теченію. Это былъ образованный, разумный администраторъ, немного лѣнивый, любящій пожить съ комфортомъ, много работавшій по утрамъ, но считавшій своимъ правомъ вечеромъ дать себѣ отдыхъ за ломбернымъ столикомъ. Ежедневно онъ приглашалъ къ себѣ обѣдать трехъ партнеровъ.. Поваръ у него былъ превосходный, обѣды были тонкіе, вина прекрасныя. Самъ хозяинъ всегда былъ одинаково любезенъ со своими гостями. Послѣ обѣда усаживались играть въ винтъ по очень маленькой. Баронъ игралъ хорошо, но всегда очень снисходительно относился къ промахамъ своихъ партнеровъ, а иногда безропотно выслушивалъ замѣчанія какого-нибудь несдержаннаго винтера, какъ, напримѣръ, генерала Повало-Швыйковскаго (ферганскаго губернатора), который такъ волновался за картами, что готовъ былъ вызвать къ барьеру за всякую ошибку въ винтѣ.

Баронъ пріѣхалъ въ Ташкентъ также безъ жены, и въ теченіе девяти лѣтъ его управленія она ни разу не была у насъ. Но съ нимъ пріѣхала его воспитанница, очень молодая и симпатичная дѣвушка мадемуазель Лазаревская, которая потомъ вышла замужъ за адъютанта барона поручика князя Гагарина. Впослѣдствіи къ нему пріѣзжала гостить замужняя дочь и два сына, но большую часть времени онъ былъ въ одиночествѣ, и вечерній винтъ составлялъ для него единственное развлеченіе.

Почти девятилѣтнее управленіе его краемъ не ознаменовалось никакими серьезными законодательными работами. Край продолжалъ управляться никуда негоднымъ положеніемъ 1887 года, и начальнику края оставалось только дѣлать въ немъ заплатки, чтобы вывести мѣстную администрацію изъ подчасъ очень затруднительнаго положенія. Въ періодъ управленія барона Вревскаго особенно сильно развилась въ краѣ хлопковая промышленность. Справедливость требуетъ сказать, что баронъ мало принималъ участія въ этомъ развитіи, въ чемъ его, впрочемъ, и нельзя обвинять. Онъ хорошо понималъ, что производство и культура хлопчатника представляетъ собой столь выгодный промыселъ, что усиленіе этой культуры такъ необходимо для отечественной мануфактуры и что значительные расходы на посѣвъ, обработку, очистку и прессовку хлопка съ избыткомъ окупаются на русскихъ рынкахъ, что всякое вмѣшательство въ это дѣло администраціи можетъ только принести дѣлу вредъ. Поэтому онъ старался лишь покровительствовать развитію этого дѣла, которое къ концу девятидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія достигло грандіозныхъ размѣровъ.

До идеала въ дѣлѣ хлопководства, конечно, еще далеко. Туркестанскій край, при огромномъ производствѣ хлопка, все-таки покрываетъ лишь треть потребности отечественной мануфактуры; остальныя двѣ трети мы продолжаемъ получать изъ Америки. Изба-

Библиотека "Руниверс"

виться отъ американской зависимости мы можемъ лишь тогда, когда будутъ орошены въ Туркестанѣ огромныя земельныя площади. Въ настоящее время нѣтъ тамъ почти ни одного свободнаго клочка орошенной земли, не занятаго хлопчатникомъ, особенно въ Ферганской области, этой житницѣ хлопка. Въ этой области множество земледѣльцевъ бросаетъ сѣять хлѣбъ, переходя на своихъ земляхъ къ культурѣ хлопка, какъ несравненно болѣе выгодной. Въ результатѣ въ область приливаютъ ежегодно десятки милліоновъ рублей, но на ряду съ этимъ чувствуется недостатокъ хлѣба. Соединеніе края желѣзною дорогой съ Сибирью дастъ возможность какъ доставки въ Туркестанъ дешеваго хлѣба, такъ и перехода большого количества земель, занятыхъ нынѣ по необходимости хлѣбными злаками, подъ культуру хлопка. Но этимъ, конечно, не удовлетворится потребность отечественныхъ рынковъ. Пока правительство само или при посредствѣ частныхъ компаній не ороситъ лежащихъ нынѣ впустѣ земель, до тѣхъ поръ наша мануфактура должна опасаться испытать хлопковый голодъ, если Америка прекратитъ намъ продажу своего хлопка, чего слѣдуетъ опасаться въ виду перехода Америки къ собственной переработкѣ хлопка въ пряжу и миткаль. Кажется, теперь уже приступлено къ орошенію земель къ крупномъ масштабѣ.

Не могу не указать на очень видный фактъ, имѣвшій мѣсто въ періодъ управленія краемъ барона Вревскаго. Я говорю про быстрое развитіе русской иммиграціи въ Сыръ-Дарьинской области. Главная заслуга въ этомъ дѣлѣ должна быть приписана бывшему военному губернатору этой области генералу Н. И. Гродекову. Это былъ человѣкъ неутомимой энергіи и большой иниціативы. Служившій всю свою жизнь въ войскахъ, кончившій академію генеральнаго штаба, георгіевскій кавалеръ, Гродековъ выказалъ блестящія административныя способности на поприщѣ гражданскаго управленія. Это былъ человѣкъ нелюдимаго характера, совершенно равнодушный къ женскому обществу, большой оригиналъ, спартанецъ по привычкамъ и довольно тяжелый и требовательный начальникъ по отношенію къ своимъ подчиненнымъ. Про него ходило много анекдотовъ, надъ нимъ въ обществѣ иронизировали, подчиненные чиновники его не любили за тяжелый характеръ, дѣятельность его критиковали, въ ней находили только одни курьезы и промахи. Но по справедливости долженъ сказать, что заслуги его русскому дѣлу на мусульманской окраинѣ огромны. Онъ лично руководилъ дѣломъ переселенія русскихъ крестьянъ въ область. Съ обычнымъ своимъ недовѣріемъ онъ прочитывалъ донесенія уѣздныхъ начальниковъ объ отсутствіи удобныхъ для колонизаціи земель, садился въ тарантасъ, ѣхалъ безъ всякой помпы въ глушь Чимкентскаго или Ауліэатинскаго уѣзда... и находилъ земли. Немедленно вызывался землемѣръ. Свободныя земли наносились на планъ, нарѣзывались участки, вызывались изъ Россіи переселенцы.

Библиотека "Руниверс"

Щедрою рукой Гродековъ давалъ имъ средства на проѣздъ и на первое обзаведеніе, и вотъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ среди сплошного мусульманскаго населенія возникло нѣсколько десятковъ русскихъ селеній. Среди необозримыхъ равнинъ заблистали кресты деревенскихъ храмовъ; появились сельскія школы, больнички, амбулаторіи; изъ Ташкента стали разсылать саженцы фруктовыхъ деревьевъ. И всѣмъ этимъ обязаны только одному Гродекову и его несокрушимой въ то время энергіи. Баронъ Вревскій очень цѣнилъ заслуги Гродекова въ дѣлѣ русской иммиграціи, ни въ чемъ не тормозилъ его благихъ начинаній, но, напротивъ, по мѣрѣ силъ содѣйствовалъ просвѣщенной дѣятельности Николая Ивановича. Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ, но переселенческое дѣло остановилось почти на точкѣ замерзанія. Въ Ферганской области были примѣры подражанія Гродекову, но результаты были или ничтожные, или даже плачевно-драматичные. Такъ, напримѣръ, бывшій при баронѣ ферганскимъ губернаторомъ генералъ Повало-Швыйковскій открылъ Аркадію гдѣ-то въ горахъ за малодоступнымъ горнымъ переваломъ. Вызвана была большая партія переселенцевъ—хохловъ изъ благословенной Полтавской губерніи. Хохлы двинулись съ женами и дѣтьми. Дошли до перевала и стали подниматься въ Аркадію, расположенную на нѣсколько десятковъ тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря. Результаты не замедлили обнаружиться: появились болѣзни, у дѣтей кровавый поносъ, открылась страшная смертность. Переселенцы въ паникѣ повернули назадъ и двинулись къ Новому Маргелану. Пришлось ихъ лечить, кормить, поить. Въ Аркадію, они ни за что не захотѣли итти, а такъ какъ другихъ земель не имѣлось въ виду, то несчастные хохлы, оторванные отъ своихъ полтавскихъ хатъ и надѣловъ, разбрелись по Ферганской области, но уже не какъ переселенцы, а какъ рабочіе, сторожа, ремесленники и пр.

Въ Самаркандской области дѣло переселенія также не получило движенія, но тамъ это не слѣдуетъ приписывать недостатку энергіи губернатора. Въ этой области, чрезвычайно густо населенной, дѣйствительно нѣтъ свободныхъ земель, годныхъ для колонизаціи. Согласно положенія 1887 года, всѣ орошенныя земли зачислены за туземнымъ населеніемъ. Насколько это справедливо, и соотвѣтствуетъ ли это мудрой политикѣ,—это вопросъ, надъ разрѣшеніемъ котораго много ломается перьевъ до сихъ поръ, но fait accompli, что свободныхъ земель нѣтъ, а на орошеніе земель пустующихъ правительство до послѣдняго времени не давало денегъ, или, если и отпускало средства, то въ такихъ комическихъ размѣрахъ, что вызывало только насмѣшки. Дѣло расширенія иммиграціи будетъ находиться въ преступномъ застоѣ до тѣхъ поръ, пока правительство не отрѣшится отъ мысли, что орошеніе земель въ Туркестанѣ есть монополія казны, и не передастъ это дѣло

Библиотека "Руниверс"

Баронъ Александръ Борисовичъ Вревскій.

(1889—1898 г.).

всецѣло въ руки частныхъ предпринимателей въ видѣ крупныхъ акціонерныхъ компаній, хотя бы съ иностранными капиталами. Дѣло это столь выгодно, что правительство можетъ предъявить частнымъ предпринимателямъ очень выгодныя для себя условія, и все-таки капиталы найдутся. И какъ только частная предпріимчивость откроетъ свои дѣйствія, край обратится дѣйствительно въ Эльдорадо, Россія эмансипируется отъ вѣкового хлопкового гнета Америки, и сотни милліоновъ русскихъ денегъ останутся въ Россіи.

Кажется, надъ этимъ слѣдовало бы призадуматься.

Библиотека "Руниверс"

XV.

Холерный бунтъ въ Ташкентѣ.

1892 годъ омрачился для Ташкента очень грустнымъ событіемъ. Въ самый разгаръ лѣтняго зноя появилась холерная эпидемія. Лучшую почву для развитія холеры, какъ Ташкентъ, трудно себѣ представить. Туземцы, населяющіе Ташкентъ, въ числѣ около двухсотъ тысячъ душъ, живутъ въ невообразимой грязи и въ самыхъ антисанитарныхъ условіяхъ. Они не имѣютъ представленія о самыхъ элементарныхъ требованіяхъ чистоты и гигіены. Я не боюсь впасть въ преувеличеніе, если скажу, что знаменитыя Авгіевы конюшни олицетворены въ Ташкентѣ въ самыхъ яркихъ краскахъ. Домъ сарта представляетъ собою отвратительную грязную саклю, безъ печей, безъ оконъ, еле сбитую изъ комковъ глины и покрытую плоскою крышей, смазанной той же глиной съ рубленой соломой. Конечно, богатые сарты живутъ лучше, но едва ли чище, а вся огромная масса населенія живетъ въ этихъ ужасныхъ конурахъ. Дворы представляютъ собою нѣчто ужасное. Навозъ и человѣческіе отбросы гніютъ во дворахъ. Улицы и проулки во время дождей представляютъ собою непроходимыя болота, а лѣтомъ, въ зной, буквально душатъ ужасной пылью. Пищу туземцевъ лѣтомъ составляютъ главнѣйшимъ образомъ дыни и прочіе фрукты и ячменныя лепешки. Все это поѣдается въ огромномъ количествѣ и запивается отвратительной водой изъ уличныхъ каналовъ, проходящихъ по зараженной всякими отбросами почвѣ. Можете судить, какую обильную жатву нашла себѣ холера въ этой огромной, смрадной клоакѣ. Чтобы оздоровить Ташкентъ, нужно затратить милліоны, но и тутъ самыя благія намѣренія разобьются о косность и неряшливость неразвитого туземнаго населенія.

Холера появилась какъ разъ въ очень неблагопріятное время, т.-е. въ самый жаркій періодъ, и въ то время, когда поспѣли дыни. Эпидемія приняла угрожающіе размѣры. Начальникомъ Ташкента былъ въ это время полковникъ П—въ, честный, умный и энергичный человѣкъ. Роль его въ борьбѣ съ эпидеміей, конечно, сводилась къ нулю, и ему пришлось направить всѣ заботы къ рекомендуемымъ наукой мѣрамъ предупрежденія развитія холеры. Но мѣры эти очень ограничены и даже ничтожны на ряду съ классическою грязью города. Было, между прочимъ, сдѣлано распоряженіе о томъ, чтобы покойниковъ засыпали известью. Этимъ распоряженіемъ воспользовались нѣкоторые фанатики мусульмане и стали волновать чернь, проповѣдуя въ мечетяхъ, что правовѣрный мусульманинъ, похороненный не по магометанскому обряду, никогда не попадетъ въ рай Магомета. Чернь, какъ и всюду, жадная ко всякимъ уличнымъ демонстраціямъ, заволнова-

Библиотека "Руниверс"

лась. Въ толпахъ послышались угрозы по адресу полковника П—ва, и вотъ однажды рано утромъ изъ туземнаго города двинулась въ русскую часть города огромная толпа рвани, предводительствуемая нѣсколькими агитаторами. Не предполагая ничего угрожающаго, всѣ мы съ любопытствомъ смотрѣли на эту толпу, шумливо, но безъ безпорядковъ двигавшуюся по улицамъ по направленію къ дому начальника города, по адресу котораго изъ толпы раздавались угрозы. На Соборной улицѣ толпа встрѣтила самого полковника П—ва, ѣхавшаго верхомъ въ свою канцелярію. Толпа его окружила, но онъ заявилъ, что разговаривать на улицѣ съ толпой онъ не будетъ, а приглашаетъ всѣхъ въ канцелярію. Толпа послушалась и двинулась обратно, имѣя во главѣ начальника города. У воротъ канцеляріи П—въ слѣзъ съ коня, но тутъ внезапно на него набросилось нѣсколько оборванцевъ. Съ него сорвали шашку и нанесли нѣсколько ударовъ, а затѣмъ бросились въ канцелярію, перебили стекла и чернильницы, изорвали дѣла и вообще учинили полный разгромъ.

Всѣхъ въ Ташкентѣ поразило это нападеніе. Полковника П—ва всѣ, какъ русскіе, такъ и туземцы, искренно любили и уважали. Это былъ безукоризненно честный человѣкъ, энергичный и справедливый градоначальникъ и очень полезный городской голова (въ Ташкентѣ должности градоначальника и головы могутъ быть по закону соединены въ одномъ лицѣ). Буйство толпы и насиліе надъ П—вымъ слѣдуетъ приписать нѣсколькимъ фанатикамъ-мусульманамъ, которые воспользовались холерой, чтобы подбить на буйство толпу грязныхъ уличныхъ оборванцевъ.

Барона Вревскаго въ это время въ Ташкентѣ не было; онъ жилъ на дачѣ въ Чимганѣ (горная мѣстность въ девяноста верстахъ отъ Ташкента). Губернаторъ Гродековъ, жившій въ пригородной дачѣ, узнавъ о безпорядкахъ, немедленно по тревогѣ вызвалъ изъ лагеря войска и, самъ ставъ во главѣ ихъ, двинулся къ туземной части города. Но еще до прибытія войскъ писаря штаба, жившіе недалеко отъ канцеляріи начальника города, разобрали заборъ и съ дрекольемъ двинулись противъ бунтовщиковъ. Говорятъ, что писаря избили очень многихъ. Толпа съ угрожающими криками двинулась въ туземный городъ, гдѣ, благодаря кривымъ и узкимъ улицамъ, движеніе и маневрированіе войскъ должно быть чрезвычайно затруднительно. Тѣмъ не менѣе Гродековъ быстро направилъ войска вслѣдъ за толпой. Раздались залпы, и все моментально затихло.

Между тѣмъ русское населеніе, особенно женское, испытывало паническій страхъ. И дѣйствительно, при малочисленности русскихъ, двухсоттысячное нафанатизированное населеніе могло въ любую ночь перерѣзать всѣхъ насъ, какъ цыплятъ. Барону Вревскому дали знать по геліографу, и онъ пріѣхалъ на другой

Библиотека "Руниверс"

день утромъ. Собравъ всѣхъ начальствующихъ лицъ и выслушавъ всѣ донесенія, онъ очень спокойно высказалъ, что распоряженія Гродекова онъ одобряетъ, что главные виновные въ безпорядкахъ будутъ преданы военному суду. Что же касается паники русскаго населенія, то онъ заявилъ намъ, что рѣшительно отказывается понять ее, признаетъ ее малодушіемъ, не имѣющимъ никакого основанія. «Я убѣжденъ,—сказалъ онъ,—что безпорядки больше не возобновятся, и ручаюсь за безопасность русскаго населенія, о чемъ прошу васъ, господа, объявить повсемѣстно».

Затѣмъ, раскланявшись съ нами, онъ сѣлъ въ коляску и... уѣхалъ обратно въ Чимганъ.

Такая увѣренность и такое хладнокровіе во время всеобщаго страха, а главное отъѣздъ изъ *мятежнаго* города на дачу какъ-то сразу подѣйствовалъ успокоительно на всѣхъ. Паника прекратилась, и, дѣйствительно, безпорядки не возобновлялись. Баронъ же, какъ ни въ чемъ не бывало, прожилъ установленный срокъ въ Чимганѣ и вернулся въ успокоенный Ташкентъ.

XVI.

Поѣздка эмира бухарскаго Сеидъ-Абдулъ-Ахада въ Петербургъ.—Остановка въ Асхабадѣ, Тифлисѣ и Москвѣ.—Пребываніе въ Петербургѣ.—Обратный выѣздъ черезъ Кіевъ, Одессу, Ялту и Батумъ.

Въ 1893 году въ Бозѣ почившій императоръ Александръ III пригласилъ къ себѣ въ Петербургъ эмира бухарскаго Сеидъ-Абдулъ-Ахадъ-хана. Сопровождать его высочество въ пути и состоять при немъ въ Петербургѣ баронъ Вревскій назначилъ меня. Но, кромѣ меня, въ свиту эмира были назначены переводчики Султанъ-Асфендіаровъ и Заманбекъ-Шихали-бековъ и врачи—Писаренко и Казанскій. Въ ноябрѣ 1893 года я съ моими спутниками отправился въ Бухару, гдѣ эмиръ принялъ насъ въ торжественной аудіенціи. Онъ былъ съ нами чрезвычайно любезенъ, одарилъ насъ щедрыми подарками и старался сдѣлать все, чтобы мы остались довольны нашимъ кратковременнымъ пребываніемъ въ столицѣ ханства. Проживъ въ Бухарѣ около недѣли, мы выѣхали съ эмиромъ, окруженнымъ блестящею свитой своихъ сановниковъ, по Среднеазіатской желѣзной дорогѣ въ Красноводскъ. По дорогѣ эмиръ, по приглашенію начальника Закаспійской области генерала Куропаткина, заѣхалъ въ Асхабадъ, гдѣ ему устроена была блестящая встрѣча. Ему были представлены всѣ войска, всѣ служащіе, и передъ отъѣздомъ генералъ Куропаткинъ далъ у себя въ честь эмира парадный обѣдъ, на которомъ присутствовали всѣ главныя власти. Для переѣзда черезъ Каспійское море эмиру предоставленъ былъ военный пароходъ «Баку». Море во время нашего переѣзда было по обыкновенію очень бурное; всѣ мы страшно страдали отъ качки,

Библиотека "Руниверс"

и, кажется, одинъ только эмиръ былъ здоровъ. Въ Баку на пристани насъ встрѣтила громадная толпа народа во главѣ съ городскими властями и съ прибывшимъ изъ Петербурга отъ военнаго министра полковникомъ генеральнаго штаба Д. В. Путятой. Вечеромъ въ тотъ же день мы выѣхали по Закавказской желѣзной дорогѣ въ Тифлисъ, гдѣ насъ опять ожидала очень торжественная встрѣча. Въ Тифлисѣ мы прожили, кажется, три дня. Главноначальствующій устроилъ для эмира блестящій раутъ, на которомъ мы встрѣтили весь цвѣтъ Тифлиса. Между прочимъ, на раутѣ одна великосвѣтская красавица, княжна грузинка (кажется, Чавчавадзе) въ роскошномъ бальномъ костюмѣ декольте протанцовала съ какимъ-то красивымъ конвойнымъ офицеромъ лезгинку. Танцовали они великолѣпно и эмиру, повидимому, доставили большое удовольствіе. Между прочимъ эмиръ осматривалъ учебныя заведенія и всюду щедро одаривалъ дѣтей конфетами и болѣе цѣнными подарками. За эмиромъ, а по отраженію и за всѣми его сопровождающими, сильно всѣ ухаживали. Главная причина, конечно, желаніе каждаго получить орденъ бухарской золотой или серебряной звѣзды. Эмиръ, щедрый по натурѣ и тронутый гостепріимствомъ, оказаннымъ ему въ Тифлисѣ, щедрой рукой раздавалъ звѣзды, но чѣмъ больше раздавалось орденовъ, тѣмъ аппетиты все увеличивались. Начались выпрашиванія звѣздъ, подношенія эмиру самыхъ ненужныхъ и неинтересныхъ для него вещей, съ цѣлью въ возвратъ подношенія получить звѣзду. Мы были очень рады, когда наконецъ избавились отъ этой назойливости, усѣвшись въ коляски, чтобы ѣхать по Военно-Грузинской дорогѣ во Владикавказъ. На станціи Гадауръ мы увидѣли уже огромные снѣга и пересѣли въ сани, а во Владикавказѣ встрѣтили настоящую зиму. 27-го декабря мы пріѣхали въ Москву, гдѣ эмира опять ждала почетная встрѣча. Для ознакомленія съ Москвой эмиръ былъ приглашенъ прожить тамъ два-три дня. Помѣщеніе всѣмъ намъ было отведено въ Кремлевскомъ дворцѣ. Московскій генералъ-губернаторъ великій князь Сергѣй Александровичъ устроилъ для эмира раутъ. Въ назначенный часъ въ домъ генералъ-губернатора собралась вся Москва. Эмиръ былъ встрѣченъ съ большимъ почетомъ, послѣ чего гости перешли въ большой бѣлый залъ, гдѣ капелла Славянскаго дала концертъ. Блескъ мундировъ, красота и изящество августѣйшей хозяйки дома, изысканные туалеты дамъ, роскошь убранства комнатъ, все это произвело на эмира сильное впечатлѣніе, и онъ уѣхалъ домой, видимо, очарованный. На другой день эмиръ былъ на раутѣ въ офицерскомъ собраніи Сумскаго драгунскаго полка, гдѣ служилъ его двоюродный братъ поручикъ Миръ-Сеидъ-Мансуръ. Затѣмъ его высочество осматривалъ всѣ достопримѣчательности столицы. Конечно, здѣсь ордена раздавались еще щедрѣй, чѣмъ въ Тифлисѣ, а на ряду съ

Библиотека "Руниверс"

этимъ еще больше было желающихъ украсить себя этимъ орденомъ.

Подъ утро съ 31-го декабря 1893 г. на 1-ое января 1894 г. мы выѣхали въ Петербургъ, куда и прибыли 1-го января въ девять часовъ вечера. На вокзалѣ эмира встрѣтило много властей и, кромѣ того, въ полномъ составѣ азіатскій департаментъ министерства иностранныхъ дѣлъ и азіатское отдѣленіе главнаго штаба.

Съ вокзала эмиръ проѣхалъ въ запасную половину Зимняго дворца (окнами на Неву, рядомъ съ Эрмитажнымъ театромъ), гдѣ его встрѣтилъ и привѣтствовалъ отъ имени Государя министръ императорскаго двора графъ Воронцовъ-Дашковъ и гофмаршалъ двора князь Голенищевъ-Кутузовъ. Для свиты эмира и для сопровождающихъ былъ нанятъ рядъ номеровъ въ гостиницѣ «Gran Hôtel» на улицѣ Гоголя.

Описывать всѣ дни пребыванія эмира въ Петербургѣ невозможно. Скажу только, что это былъ цѣлый рядъ самыхъ блестящихъ пріемовъ. Особенно памятны мнѣ роскошный и блестящій раутъ у извѣстнаго богача Нечаева-Мальцева, спектакль на персидскомъ языкѣ у Приселкова, спектакль gala въ Маріинскомъ театрѣ, нѣсколько баловъ и обѣдовъ въ Зимнемъ дворцѣ. Въ теченіе мѣсячнаго пребыванія въ Петербургѣ эмиръ едва ли имѣлъ хотя одинъ свободный день для отдыха. Я забылъ сказать, что съ эмиромъ пріѣхалъ его старшій сынъ Сеидъ-Миръ-Алимъ, нѣнѣшній эмиръ, мальчикъ одиннадцати-двѣнадцати лѣтъ, который по желанію эмира былъ опредѣленъ въ Николаевскій кадетскій корпусъ. Однажды во время разговора съ эмиромъ государь Александръ III разсказалъ ему, что въ Крыму у него есть очень хорошая дача Ливадія, и что, вѣроятно, эмиръ съ удовольствіемъ полюбовался бы прекрасной природой Крыма и Ливадіи. Эмиръ выразилъ согласіе, и вслѣдствіе этого пришлось измѣнить обратный маршрутъ. Вмѣсто Москвы, Рязани и Владикавказа мы были направлены на Кіевъ, Одессу, Севастополь, Ялту, Батумъ и Тифлисъ.

Въ Кіевъ мы пріѣхали въ началѣ февраля и прожили тамъ около трехъ дней. Кіевскимъ генералъ-губернаторомъ былъ тогда графъ А. П. Игнатьевъ (убитый въ Твери) и командующимъ войсками М. И. Драгомировъ. Здѣсь опять повторились блестящія встрѣчи, обѣдъ у графа Игнатьева (съ дамами), торжественный обѣдъ въ дворянскомъ собраніи, обильная раздача орденовъ (про раздачу звѣздъ въ Петербургѣ я не упомянулъ, но это былъ уже какой-то звѣздный дождь).

Въ Одессу мы пріѣхали во время масленицы. Генералъ-губернаторъ былъ въ отсутствіи, и за него оставался генералъ Рербергъ, который и изображалъ хозяина при пріемахъ эмира. Градоначальникомъ былъ извѣстный всему Югу ругатель адмиралъ Зеленой. Я лично видѣлъ въ немъ очень милаго и любезнаго человѣка, и

Библиотека "Руниверс"

Эмиръ бухарскій Миръ-Сеидъ-Абдулъ-Хадъ и его свита.

(Въ серединѣ авторъ воспомнаній).

Библиотека "Руниверс"

лишь благодаря ему я избавленъ былъ отъ необходимости платить по чудовищнымъ счетамъ, которые мнѣ представили за два дня пребыванія въ Одессѣ.

Городскимъ головою Одессы былъ извѣстный богачъ и меценатъ Маразли. Онъ пригласилъ эмира на русскіе блины въ свой роскошный домъ, украшенный рѣдкими картинами, статуями и художественными бездѣлушками. Когда эмиръ пріѣхалъ, то Маразли поднесъ ему вмѣсто хлѣба-соли чудной работы серебряную чернильницу, по серединѣ которой былъ помѣщенъ глобусъ, въ которомъ на томъ мѣстѣ, гдѣ долженъ быть городъ Бухара, вставленъ былъ прекрасный брильянтъ. Только такой художественно-развитый человѣкъ, какъ Маразли, могъ додуматься до такой остроумной выдумки, и эмиръ, очень польщенный, конечно, остался въ восторгѣ отъ такого подарка.

Изъ Одессы мы поѣхали обратно по желѣзной дорогѣ на Симферополь въ Севастополь, гдѣ эмиръ осматривалъ суда военнаго флота, пловучій докъ, посѣтилъ балъ, устроенный въ честь его въ морскомъ собраніи, и на другой день мы перешли на огромный океанскій пароходъ Добровольнаго флота «Саратовъ» и направились въ Ялту. Въ Ялтѣ мы пересѣли въ экипажи и поѣхали въ Ливадію, осмотрѣли ее и затѣмъ тотчасъ же вернулись на пароходъ, который направился прямымъ рейсомъ въ Батумъ. Въ Тифлисѣ эмиръ остановился на нѣсколько дней отдохнуть, такъ что никакихъ празднествъ въ честь его не дѣлалось, и затѣмъ мы всѣ вскорѣ вернулись въ Бухару. Здѣсь мы прожили больше недѣли, причемъ эмиръ на каждомъ шагу выказывалъ намъ свое вниманіе и любезность.

XVII.

Крупная территоріальная реформа Туркестанскаго края.—Присоединеніе Семирѣченской и Закаспійской областей.—Неожиданное назначеніе генерала Куропаткина военнымъ министромъ.—Остановка намѣченной реформы Туркестана.

Вступленіе на престолъ Императора Николая II вызвало необходимость поѣздки барона Вревскаго въ Петербургъ для представленія Его Величеству, такъ какъ баронъ былъ назначенъ въ Туркестанъ еще при почившемъ императорѣ Александрѣ III. Наступающія съ воцареніемъ новаго монарха перемѣны въ личномъ составѣ чиновъ высшей администраціи вызвали упорные слухи о томъ, что баронъ въ край болѣе не вернется. Изъ Петербурга сообщали даже фамиліи кандидатовъ, но мѣсяца черезъ два баронъ вернулся въ Ташкентъ, и управленіе краемъ потекло по старому руслу. Мы всѣ привыкли къ барону, искренно любили и уважали его, и, благодаря его всегдашней корректности и выдержкѣ, всякій могъ спокойно заниматься своимъ дѣломъ. Въ это время Закаспійская область, тянущаяся узкою полосой отъ южной границы Бухарскаго

Библиотека "Руниверс"

данства до берега Каспійскаго моря, составляла совершенно самостоятельную административную единицу. Область находилась въ вѣдѣніи военнаго министерства, которому былъ непосредственно подчиненъ начальникъ области. Областью уже нѣсколько лѣтъ управлялъ генералъ Куропаткинъ, пользовавшійся огромнымъ довѣріемъ военнаго министра Ванновскаго. Благодаря этому довѣрію, генералъ Куропаткинъ распоряжался въ области совершенно самостоятельно и дѣлалъ тамъ все, что хотѣлъ. Слѣдуетъ по справедливости признать, что свою почти неограниченную власть А. Н. Куропаткинъ всецѣло использовалъ на благо и процвѣтаніе области и ея населенія. Я видѣлъ область при предмѣстникѣ Куропаткина Комаровѣ (герой Кушки) и не разъ видѣлъ ее во время Куропаткина и послѣ него. Не было той отрасли управленія, которой не коснулся бы А. Н. Куропаткинъ. Онъ входилъ рѣшительно во все, давая щедро средства на образованіе школъ, на лѣсоразведеніе, на устройство русскихъ поселковъ, на развитіе орошенія, на улучшеніе коневодства и т. п. Закаспійская область по своему географическому положенію имѣетъ серьезное государственное значеніе, такъ какъ съ востока она граничитъ съ Афганистаномъ, этимъ англійскимъ буферомъ, а съ юга съ Персіей. Понимая хорошо всю важность близкаго сосѣдства Афганистана и одного изъ главныхъ стратегическихъ афганскихъ пунктовъ Герата, генералъ Куропаткинъ, благодаря близости своей къ Ванновскому, добился отпуска крупнаго кредита на постройку желѣзнодорожной вѣтки отъ города Мерва до самаго южнаго пункта нашей границы съ Афганистаномъ, и на этомъ пунктѣ построена имъ довольно сильная крѣпость Кушка въ нѣсколькихъ часахъ ѣзды отъ Герата. Благодаря этому, мы имѣемъ на самой границѣ Афганистана твердый опорный пунктъ и въ случаѣ надобности можемъ перебросить туда значительный вспомогательный отрядъ. Большимъ минусомъ въ этомъ дѣлѣ служитъ Среднеазіатская желѣзная дорога, отличающаяся самой грустной провозоспособностью, но и этотъ недостатокъ отчасти покрывается проведеніемъ Оренбургъ-Ташкентской желѣзной дороги, соединившей Кушку непрерывнымъ рельсовымъ путемъ съ Европейской Россіей.

Я не считаю себя компетентнымъ судить генерала Куропаткина, какъ главнокомандующаго въ несчастной для насъ японской войнѣ, но признаю себя въ правѣ считать его талантливымъ гражданскимъ администраторомъ, и констатирую, что всѣмъ, что есть въ Закаспійской области хорошаго, мы всецѣло обязаны ему. Въ 1897 году къ намъ начали проникать слухи, что Куропаткинъ долженъ вскорѣ получить должность главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ. Такой крупный прыжокъ былъ весьма возможенъ при поддержкѣ Ванновскаго, пользовавшагося большимъ вліяніемъ въ Петербургѣ. Слухи эти начали принимать столь реальное значеніе,

Библиотека "Руниверс"

что въ Асхабадѣ уже, кажется, поздравляли А. Н. Куропаткина съ столь блестящимъ повышеніемъ. Онъ не подтверждалъ слуховъ, но и не отрицалъ. Ждали со дня на день приказа о назначеніи Алексѣя Николаевича на Кавказъ. Но неожиданно кандидатура генерала Куропаткина не прошла. Говорятъ, что Ванновскій былъ страшно взбѣшенъ своею неудачей и, желая хоть чѣмъ-нибудь вознаградить Куропаткина, рѣшилъ переорганизовать всѣ области Средней Азіи, создавъ изъ нихъ одно громадное генералъ-губернаторство, не уступающее Кавказу, и во главѣ его поставить Алексѣя Николаевича. По мановенію ока Ванновскаго, азіатская часть главнаго штаба сфабриковала всеподданнѣйшій докладъ о неотложной необходимости присоединить къ Туркестанскому краю области Семирѣченскую (перешедшую изъ вѣдѣнія туркестанскаго генералъ-губернатора еще въ 1882 г. въ составъ Степного генералъ-губернаторства) и Закаспійскую. Докладъ этотъ былъ тотчасъ же утвержденъ государемъ, и ни въ военномъ, ни въ государственномъ совѣтѣ даже не подозрѣвали о состоявшейся весьма крупной реформѣ на нашей средне-азіатской окраинѣ. А. Н. Куропаткинъ былъ вызванъ въ Петербургъ, и работа по учрежденію въ Средней Азіи чуть не намѣстничества закипѣла. Отъ барона Вревскаго не спрашивали никакихъ мнѣній о томъ, насколько эта важная реформа вызывается необходимостью, а лишь предложили представить соображенія о расходахъ, необходимыхъ для увеличенія штата главнаго управленія края въ виду несомнѣннаго усиленія работы съ присоединеніемъ двухъ новыхъ огромныхъ областей. Баронъ точно исполнилъ приказаніе изъ Петербурга и, одобривъ соображенія канцеляріи генералъ-губернатора о необходимыхъ новыхъ расходахъ, командировалъ меня въ Петербургъ для доклада своихъ соображеній и для дачи нужныхъ разъясненій. Начальникомъ азіатской части главнаго штаба только что былъ назначенъ полковникъ Путята, но авторомъ всеподданнѣйшаго доклада былъ его предмѣстникъ генералъ Проценко. Путята сказалъ мнѣ, что съ реорганизаціей управленія Туркестанскаго края приказано поспѣшить, чтобы вся реформа могла пройти законодательнымъ порядкомъ въ самомъ непродолжительномъ времени. Перья въ азіатской части скрипѣли во всю. Очевидно, желали какъ можно скорѣй вознаградить А. Н. Куропаткина.

Но вдругъ случилось неожиданное происшествіе. Однажды я просыпаюсь у себя въ меблированныхъ комнатахъ Мухина на Мойкѣ, беру въ руки газету, и глазамъ своимъ не вѣрю. Генералъ Куропаткинъ назначенъ военнымъ министромъ вмѣсто Ванновскаго, отказавшагося отъ этой должности.

Бѣгу въ азіатскую часть и узнаю, что Ванновскій уже давно просилъ государя уволить его, но Его Величество все не соглашался. Наконецъ, познакомившись съ молодымъ, талантливымъ, энергич-

Библиотека "Руниверс"

нымъ генераломъ Куропаткинымъ, онъ сразу согласился на отставку престарѣлаго Ванновскаго, когда послѣдній предложилъ ему своимъ замѣстителемъ Алексѣя Николаевича. Насколько вѣренъ этотъ разсказъ, я не берусь судить, но во всякомъ случаѣ Ванновскій блестяще сумѣлъ вознаградить Алексѣя Николаевича.

На другой день назначено было въ азіатской части засѣданіе по разсмотрѣнію туркестанской реформы, но когда я явился туда, то на меня даже замахали руками.

«Это вы что съ туркестанскими дѣлами? Бросьте, батенька, эти пустяки и уѣзжайте въ Ташкентъ. Станемъ мы заниматься такими глупостями. Новый министръ, вѣроятно, задушитъ насъ новыми проектами поважнѣй вашего Туркестана».

Я признаюсь, нѣсколько усомнился въ искренности этихъ словъ. Вѣдь реформа въ Средней Азіи тѣмъ же азіатскимъ отдѣленіемъ была признана неотложной. Почему же теперь ее забрасываютъ? Раздумывая объ этомъ, я рѣшилъ, что, вѣроятно, новому министру первые дни нѣкогда будетъ заниматься этимъ дѣломъ, и что мнѣ придется прожить въ Петербургѣ лишнихъ два-три мѣсяца, до осуществленія предположеній военнаго министерства.

Увы! Я былъ очень наивенъ.

Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ, а положеніе объ управленіи новымъ краемъ не утверждено. Въ силу высочайше утвержденнаго доклада главнаго штаба Семирѣченскую и Закаспійскую области все-таки должны были примазать къ Туркестану, но каждая изъ нихъ управляется своими законоположеніями. Такимъ образомъ генералъ-губернатору приходится при управленіи краемъ руководствоваться тремя различными и часто противорѣчащими одинъ другому законами: положеніемъ объ управленіи въ Туркестанскомъ краѣ 1887 года, положеніемъ объ управленіи степными областями 1892 года и положеніемъ объ управленіи Закаспійской областью. Можете представить, въ какомъ затрудненіи находится главное управленіе въ продолженіе многихъ лѣтъ и какой иногда сумбуръ выходитъ изъ всего этого.

Г. Федоровъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

Библиотека "Руниверс"

СЪ НАДЛОМАННЫМИ КРЫЛЬЯМИ [1].

Повѣсть.

XI.

РІѢХАВЪ изъ Петербурга, Надя не сидѣла, сложа руки.

Она глубоко ненавидѣла тѣхъ праздныхъ женщинъ и дѣвушекъ, которыми кишатъ, по словамъ американскихъ журналистовъ, Нью-Іоркъ, Санъ-Франциско, Сенъ-Луи, Цинциннати и Чикаго.

Весь длинный день онѣ посвящаютъ исключительно безплатнымъ развлеченіямъ, являясь, главнымъ образомъ, бичомъ торговыхъ домовъ, особенно модныхъ магазиновъ: все перевернуть вверхъ дномъ и ничего не купить—ихъ обычное занятіе.

Есть такія вѣтреныя шатуньи и у насъ, но въ меньшемъ количествѣ.

Надя отворачивалась отъ нихъ съ отвращеньемъ, какъ отъ заразы, и давала другимъ примѣръ собственнаго прилежанія и любви къ работѣ.

Она читала русскій языкъ въ воскресной школѣ.

Она состояла дѣятельнымъ членомъ общества защиты падшихъ женщинъ и общества покровительства животныхъ.

Наконецъ она самостоятельно выискивала по газетамъ, кого бы выручить изъ бѣды и кому посильно помочь, если это было въ ея власти.

---

[1]) Окончаніе. См. «Истор. Вѣстн.», т. CXXXIV, стр. 56.

Библиотека "Руниверс"

Подчасъ пользовалась именемъ отца въ такихъ случаяхъ (конечно, безъ его вѣдома), и это помогало иногда.

Разъ, напримѣръ, почему-то проходя по окраинѣ города, натолкнулась на двухъ дѣтей, мальчика и дѣвочку, утолявшихъ голодъ отбросами помойной ямы.

Сейчасъ же навела справки, собрала подписку между знакомыми и пристроила ихъ въ сиротскій пріютъ.

Въ другой разъ узнала, что какой-то крестьянинъ изъ ближайшей деревни держитъ старуху-мать прикованной къ стѣнѣ бани на такой короткой цѣпи, что та не можетъ даже прилечь на полъ и находится постоянно въ полувисячемъ положеньи.

Тутъ она подняла такой шумъ, что самъ прокуроръ заинтересовался и назначилъ слѣдствіе.

Всякое проявленіе звѣрства въ человѣкѣ отталкивало Надю и побуждало ее къ энергичной борьбѣ съ нимъ.

Услышала отъ знакомаго первокурсника, что на лекціи по гистологіи приватъ-доцентъ устроилъ вивисекцію надъ кроликомъ и мышью, изрѣзавъ ихъ ножницами для удовлетворенія любознательности студентовъ, и при встрѣчѣ съ этимъ ученымъ въ какомъ-то многолюдномъ собраніи такъ раздѣлала его, доказывая, съ одной стороны, безполезность подобныхъ опытовъ, а съ другой—безнравственность ихъ и почти дикость, что сконфуженный гистологъ не зналъ, въ какія двери уйти.

Все это, разумѣется, было извѣстно въ городѣ, и вокругъ имени курсистки Гладышевской создавалась легенда съ безчисленными прикрасами и прямо небылицами.

Оснпъ Осиповичъ только головой моталъ.

— Вотъ увидишь, втянетъ она меня въ какую-нибудь исторію!— часто говорилъ онъ женѣ и порывисто дергалъ себя за бороду:— смотри, она и Леню испортитъ...

— Совсѣмъ онъ не тѣмъ занятъ,—отвѣчала Анна Петровна:— больше ухаживаніемъ за барышнями.

— Ну, и пускай себѣ ухаживаетъ!.. Это отвлечетъ отъ вреднаго вліянія. Лишь бы гимназію окончилъ...

Подобный же разговоръ происходилъ также и за нѣсколько дней до ухода Лизы отъ Игнатьева.

Надя, между тѣмъ, дѣлала запись въ дневникъ:

«Хозяева-перепплетчики собираются сговориться и закрыть до поры—до времени торговлю, однимъ словомъ, хотятъ создать маленькій локаутъ. Слѣдовательно, рабочіе получатъ расчетъ и—за ворота. Перспектива незамѣтнаго труженика...

«Вообще что-то носится въ воздухѣ. Короленко какъ-то обмолвился, что у общества бываютъ предчувствія, какъ у отдѣльныхъ людей. Это—сущая правда. Лѣвые ждутъ, правые опасаются.

«Пойдутъ теперь шнырять *живыя тѣни* (какъ ихъ называю)...

Библиотека "Руниверс"

Ахъ, эти тѣни! Стоитъ сдѣлать нѣсколько шаговъ, и онѣ тутъ, какъ тутъ.

«Однообразіе ихъ одеждъ, движеній, выраженій лицъ обращаетъ всеобщее вниманіе. Здѣсь не требуется слишкомъ острой наблюдательности. Смотря по погодѣ, въ толстыхъ или легкихъ пальто почти одного покроя и цвѣта, изъ-подъ которыхъ выглядываютъ черная сюртучная пара или пиджачная и бѣлье-монополь; неизмѣнные котелки или плоскія соломенныя шляпы; даже палки, повидимому, изъ одной и той же мастерской; сапоги... да и они также, вѣроятно, выпущены одной и той же сапожной фирмой... А лица! На нихъ тоже одна и та же печать чего-то такого, что боится свѣта и опускаетъ глаза, сталкиваясь съ открытымъ взглядомъ.

«Эти загадочныя тѣни рѣдко улыбаются, рѣдко говорятъ. Онѣ попарно ходятъ, попарно сидятъ, всегда, какъ бы невзначай, на перекресткахъ двухъ дорогъ идутъ другъ къ другу, но, какъ посторонніе, расходятся и затѣмъ встрѣчаются опять. Какая стереотипность манеръ!

«Имѣйте терпѣніе на четверть часа, и вы сейчасъ же догадаетесь, при какихъ случаяхъ обязательно сядутъ или встанутъ, или оглянутся по сторонамъ.

«Знакомые незнакомцы, они только одни думаютъ, что ихъ никто не замѣчаетъ и никто не знаетъ, и со спокойной совѣстью, со стекляннымъ, ничего не выражающимъ взоромъ прислушиваются къ рѣчамъ снующихъ взадъ и впередъ прохожихъ.

«Люди ли они, или особенная разновидность двуногихъ существъ?.»

Перо упало; глаза расширились...

Лиза смотрѣла въ окно и видѣла опять кошмарнаго незнакомца съ раздвоеннымъ носомъ, мускулистаго, зубатаго, отталкивающаго...

«Какое удивительное терпѣніе у этой тѣни!—подумала она:— тогда, въ концѣ февраля, слѣдилъ за мной въ вагонѣ, теперь, въ началѣ мая, все еще не пересталъ что-то высматривать... Стойкость, достойная лучшаго примѣненія».

Она потушила лампу и стала раздѣваться, стараясь быть спокойной.

XII.

Когда Лиза вмѣстѣ съ Надей пріѣхали въ квартиру Гладышевскихъ, тамъ уже оканчивали пить вечерній чай.

Леня втихомолку подзубривалъ какой-то учебникъ.

Осипъ Осиповичъ торопился куда-то и былъ озабоченъ. Поэтому на появленіе дочери и ея «протеже» не было обращено имъ особаго вниманія.

Но Анна Петровна замѣтила вскользь:

Библиотека "Руниверс"

— Поздновато что-то... Да что съ вами обѣими, никакъ плакали? Не глаза, а фонари.

Тогда и Гладышевскій вскинулъ рѣсницами и насмѣшливо улыбнулся.

— Должно быть, отыскали хвораго щенка и собираетесь созвать консиліумъ ветеринаровъ?

Хотя у отца съ дочерью продолжались натянутыя отношенія, онъ все же, по старой привычкѣ, не могъ иногда удержаться отъ иронической шутки.

На этотъ разъ Надя не имѣла охоты отстрѣливаться, какъ прежде, а холодно посмотрѣла на него въ упоръ и потомъ отвѣтила, выдержавъ короткую паузу:

— Лиза ушла отъ Бориса. Борисъ—негодяй. Надѣюсь, ей можно нѣкоторое время пожить въ моей комнатѣ?

— И спрашивать-то нечего, разумѣется!—сейчасъ же подхватила Анна Петровна съ обычнымъ своимъ гостепріимствомъ.

Леня оторвался отъ учебника и съ лицомъ, загорѣвшимся живымъ любопытствомъ, сталъ прислушиваться.

— Какъ же это такъ? Жили, жили и ни съ того, ни съ сего не подъ вѣнецъ, какъ подобаетъ, а вдругъ—въ разныя стороны...— обратился Осипъ Осиповичъ и задергалъ бороду, затѣмъ началъ стучать папиросой о портсигаръ и закурилъ, не переставая усмѣхаться собственнымъ мыслямъ, и, такъ какъ ему никто не возражалъ, прибавилъ, какъ бы про себя:—этакъ всегда въ свободныхъ любвяхъ... Нынче—кумиръ, идеалъ, а завтра—ненавистное созданіе. Вы помните, какъ говоритъ вашъ излюбленный, экзотическій поэтъ:

«Я предаю его проклятію.
Я предаю его треклятію.
Четвероклятью предаю»... [1]).

— Однако «вашъ излюбленный, вашъ излюбленный», а ты уже сколько разъ его наизусть цитируешь,—не вытерпѣла Надя, чтобы не уколоть отца.

— Нашему брату—адвокату да еще журналисту все знать надлежитъ. Ну-съ, я спѣшу изъ дому, а вамъ на прощанье совѣтъ даю: помиритесь. Милые бранятся... ха-ха-ха...

Поспѣшилъ уйти, уклоняясь отъ дальнѣйшихъ объясненій; зато Анна Петровна все поразспросила, даже слезу пустила и только въ концѣ увидѣла, что Леня присутствуетъ при разговорѣ.

— Ты чего здѣсь? Вмѣсто того, чтобъ уроки учить, у него однѣ глупости на умѣ... И что теперь за гимназіи!

— Вотъ придумала! Точно я маленькій, что ли... И совсѣмъ

---

[1]) К. Бальмонтъ.

Библиотека "Руниверс"

мнѣ ненужны ваши нелѣпые разговоры... Подумаешь, какъ интересно!

Съ сердцемъ отодвинулъ стулъ и вышелъ изъ столовой, въ коридорѣ столкнулся съ подгорничной Настей, смазливой шестнадцатилѣтней дѣвушкой, служившей на побѣгушкахъ, охватилъ ее жаднымъ взглядомъ пробуждающагося хищника.

— Небось, подслушивала, егоза?.. Лиса Патрикѣевна...

— А хоть бы и такъ? Вамъ завидно?

— Вишь, какая шустрая!.. Подойди-ка, я что-то на ушко скажу.

— Такъ и подошла!..

— Да иди же, говорю... глупая...

— Родилась такая.

Ему все-таки удалось схватить ее за руку и обнять за талію.

На минуту онъ почувствовалъ горячее дыханье, но Настя взвизгнула и съ хохотомъ убѣжала.

— Тс... дура... Развѣ можно такъ громко!—услышатъ...

— А мнѣ что? безъ надобности. На ворѣ шапка горитъ,—раздался ея смѣющійся, задорный голосъ гдѣ-то изъ-за дверей.

Онъ пошелъ на цыпочкахъ, подкрался, поймалъ, и они стали долго о чемъ-то шептаться и пересмѣиваться, пока не раздался шумъ чьихъ-то шаговъ.

Вѣроятно, Юлія убирала спальню.

Тогда они разбѣжались въ противоположныя стороны,—гимназистъ къ себѣ, а Настя въ кухню.

Кухарка Ирина смѣрила ее косымъ, подозрительнымъ взглядомъ.

— Дрянь—дѣвчонка... Выйдетъ изъ тебя толкъ! Опять съ барчукомъ валандалась? Хи-хи да ха-ха...

— А коли цѣпляется? Проходу не даетъ.

— Чего морду надула? Слушай, что умныя говорятъ, да поучайся, не то тебѣ капутъ. У пана душа христіанска, да совѣсть цыганска. Вотъ ты и соблюдай себя. Сама молодой была, знаю,—охъ, какъ знаю!

И долго разсказывала всяческія исторіи, зѣвая во весь ротъ, а Настя, кажется, совсѣмъ о другомъ думала и совершенно не нуждалась ни въ чьихъ наставленіяхъ.

«Сама себѣ барыня», разсуждала въ полумракѣ кухни и строила фантастическіе планы насчетъ будущаго.

Тускло горѣла керосиновая лампа (Анна Петровна находила, что проводить въ кухнѣ электричество невыгодно).

Забившись въ уголъ, какъ загнанный звѣрокъ, Настя смотрѣла въ одну точку, пока не стала клевать носомъ.

Ей началъ сниться чудесный сонъ, волшебной, какъ въ сказкѣ, садъ, великолѣпный дворецъ и красавецъ Иванъ-царевичъ съ лицомъ Лени, въ золотой одеждѣ... Уже онъ приблизился къ ней, раскрывая объятья, какъ грубый голосъ Ирины разбудилъ ее:

Библиотека "Руниверс"

— Бѣги въ аптеку за каплями. Барышня посылаетъ. Вотъ и записка. У Лизаветы припадокъ приключился. Бѣги да живо, чтобы тамъ всякій ночной мужчина не привязывался, а то ты и слюни распустишь.

— Какъ же, такъ и распустила! Все лаетесь да куражитесь...

Прекрасный сонъ смѣнился скучной дѣйствительностью.

Еще такъ хотѣлось вздремнуть на теплой постели, протянуть усталое, молодое тѣло и забыться въ сладкой мечтѣ объ Иванъ-царевичѣ.

XIII.

Когда появился фельетонъ Игнатьева подъ заглавіемъ: «Клещъ», Гладышевскій торжественно подалъ развернутую газету Лизѣ.

— Прочитайте, душечка. Повинную голову мечъ не сѣчетъ. Тутъ ужъ внѣ сомнѣній—отъ чистаго сердца... вопль души, ха-ха-ха, и рядомъ сарказмъ Ювенала. Если надумаете, скажите мнѣ по телефону въ судъ. Я заѣду въ редакцію и притащу его за шиворотъ прямо къ обѣду.

Лиза, молча, ушла въ другую комнату и долго читала, а когда вернулась домой Надя,—хотѣла и ей дать для прочтенія.

— Фразеръ!—вскричала курсистка:—одни пустыя словоизверженія. Пошлость, больше ничего. Я, сидя въ трамваѣ, прочла. И онъ осмѣливается трактовать вопросы любви, порицать адюльтеръ, высказываться о бракѣ!.. Кто же ему повѣритъ? Буржуазная публика, конечно, довольна, хлопаетъ въ ладоши; но развѣ въ ней вся суть? Она такъ же быстро превозноситъ, какъ и унижаетъ...

— А я смотрю совсѣмъ иначе,—волнуясь и блѣднѣя, то покрываясь румянцемъ, перебила ее Лиза:—я читаю сквозь строки... Твой отецъ лучше тебя понялъ... Онъ сказалъ: «вопль души»... Ты сама никого не любила, тебѣ и непонятно.

Надя не обидѣлась.

— Слишкомъ ты его цѣнишь, не стоитъ онъ этого... Мужчинъ только распусти... А насчетъ того, любила ли я, или нѣтъ—это оставимъ до другого раза.

Бесѣда на этомъ прекратилась, такъ какъ Юлія принесла письмо и подала ей.

Оно заключало всего двѣ строки:

«Товарищъ Михаилъ долженъ повидаться съ тобой въ ближайшіе дни. Можешь ему довѣрять. Пароль: *смирный*. С. Крупарушкина».

Вся краска сбѣжала съ лица, и точно защемило сердце.

Надя опять почувствовала себя какъ бы придавленной чьей-то волей, которой она не желала подчиняться.

Кровь бушевала; стучало въ вискахъ; около глазъ прыгали огненные зигзаги.

Библиотека "Руниверс"

Старалась не показать, что смущена, и спрятала записку въ письменный столъ.

Мысли крутились вихремъ и не давали успокоиться.

Лизѣ было не до нея; она занята была своимъ дѣломъ и, рѣшившись наконецъ, протелефонировала Гладышевскому робкимъ, едва слышнымъ голосомъ:

— Я согласна. Привезите Борю.

— Вотъ и расчудесно! Хвалю. За это устрою вамъ сюрпризъ. Только, ради Создателя, Надю не слушайтесь. Она—добрая, но взбалмошная и въ жизни ни аза не понимаетъ. Слушайте меня, старика.

— Благодарю, Осипъ Осиповичъ, благодарю!—радостно закричала она и просіяла:—вы—прелесть... не ожидала...

— И я доволенъ. Кстати скажите женѣ, что двоихъ привезу,—Борю и профессора Архозамая... Мой однокашникъ. Такъ не ожидали?—Ха-ха...

День тянулся и для Нади, и для Лизы невыносимо долго.

Каждая была углублена въ свои думы.

Уже передъ самымъ обѣдомъ Лиза объявила, что согласилась помириться съ Борисомъ и что онъ пріѣдетъ сейчасъ съ Осипомъ Осиповичемъ.

— Папа—посредникъ?—удивилась Надя:—каково! Ну, что жъ, твое дѣло... Я не могу сочувствовать подобнымъ компромиссамъ. Не разберешь, гдѣ кончается искреннее чувство и начинается сдѣлка съ совѣстью.

Лиза промолчала, но, видимо, обидѣлась.

Между двумя недавними, неразрывными друзьями ложилась тѣнь отчужденія.

Когда адвокатъ вернулся домой, онъ безъ дальнихъ разговоровъ, пока еще не было профессора, взялъ подъ руку Игнатьева и подвелъ прямо къ Лизѣ, которая стояла съ опущенными рѣсницами, точно подсудимая въ ожиданіи приговора.

Зато Борисъ болѣе походилъ на человѣка прощающаго, чѣмъ жаждущаго прощенія.

— Кто старое вспомянетъ и такъ далѣе... Однимъ словомъ, благословляю васъ, дѣти мои. Достаточно рѣзвились по-языческому, пора и совѣсть знать. Исаія да возликуетъ! И нечего тамъ о приданомъ задумываться... разныя глупости! Въ этомъ же мѣсяцѣ и подъ вѣнецъ, а вы, Лизочка, у насъ пока поживете и къ нему, крокодилу этому, ни ногой, пока не станете госпожой Игнатьевой.

Гладышевскій ораторствовалъ полушутя, полусерьезно, но въ то же время настойчиво и строго смотрѣлъ на племянника.

Лиза все еще не могла прійти въ себя отъ удивленія.

Борисъ также казался озабоченнымъ. Перспектива женитьбы какъ будто не особенно привлекала его.

Библиотека "Руниверс"

— Да цѣлуйтесь же, чортъ возьми! Что теперь за молодежь! Ну, какъ въ циркѣ: allez-hopp!

Они дѣйствительно порывисто и нѣжно поцѣловались—она безъ словъ упрека, онъ безъ обычной лжи оправданья.

Надя какъ разъ была въ дверяхъ и слышала послѣднюю фразу отца.

— Какимъ ты, папа, сдѣлался укротителемъ!—сказала она, глядя на него вполоборота.

Борисъ не далъ ему отвѣчать. Его такъ и передернуло отъ досады.

— Ты необыкновенно зла. Просто даже изумительно для передовой дѣвушки. При чемъ тутъ укрощеніе! Самое главное—мы любимъ другъ друга.

Казалось, онъ все это говорилъ изъ желанія сказать ей что-нибудь наперекоръ.

Пришелъ профессоръ.

По виду трудно было опредѣлить его возрастъ.

Ротъ, сжатый въ строгую черту, неразвитой подбородокъ, маленькій носъ и яркіе глаза, свѣтящіеся огнемъ внутренней жизни, выдѣляли его изъ общаго уровня людей, попадающихся въ обыденныхъ встрѣчахъ.

Онъ оживленно разсказывалъ, перебѣгая съ предмета на предметъ, но больше сводилъ рѣчь на свою спеціальность, энтомологію; впрочемъ, не былъ узкимъ ученымъ и каждую мелочь обобщалъ.

Обѣденная бесѣда оживлялась, вспыхивала, потухала, опять загоралась. Всѣ были заинтересованы, когда Архозамай заговорилъ, къ слову, о короѣдахъ, хотя тема на первый взглядъ и не располагала къ особому настроенію.

— Вотъ вы, Осипъ Осиповичъ, нападаете на человѣка за его склонность къ многоженству, или, вѣрнѣе, къ распущенности. А увѣрены ли вы, что этого нѣтъ, напримѣръ, у такихъ насѣкомыхъ, какъ короѣды? Съ возрастаніемъ численности короѣдной семьи, одновременно и тамъ начинается разложеніе, да-съ. Только сосновый лубоѣдъ—образецъ нравственности; у него одна пара соединяется навсегда. Зато такъ называемые заболонники, хотя и одножены, въ этой области не выдерживаютъ критики. Ихъ самки приступаютъ къ совмѣстной жизни съ постоянными сожителями уже послѣ оплодотворенія случайными посѣтителями свадебныхъ пріютовъ, такъ сказать, «праздношатающимися», да-съ, какъ окрестилъ ихъ изслѣдователь Шевыревъ. Однако, кажется, въ дамскомъ обществѣ не совсѣмъ удобно,—запнулся вдругъ профессоръ, вскидывая внимательными глазами то въ сторону Нади, то въ сторону Лизы и Анны Петровны, и слегка улыбнулся.

Библиотека "Руниверс"

— Напротивъ, напротивъ! Это необыкновенно поучительно, и къ тому же вы излагаете такимъ объективнымъ языкомъ,—успокоилъ его хозяинъ и лукаво подмигнулъ Игнатьеву, который шепталъ что-то сіяющей Лизѣ.

— Да нѣтъ, что жъ тутъ распространяться! Понятно само собой. У нихъ, какъ и у насъ... Праздношатающіеся пытаются часто прорваться силой къ чужимъ женамъ, но ихъ немедленно выталкиваютъ болѣе счастливые товарищи, законные обладатели, и флиртеры, весело начавъ, зачастую дѣлаются добычей хищниковъ. А у полигамныхъ видовъ строящій брачную комнату и первый обладатель приходящихъ въ нее женъ постепенно теряетъ ихъ, когда гаремъ возрастаетъ, уступая мѣсто случайнымъ пришельцамъ, да-съ. Забытыя жены, въ свою очередь, дѣлаютъ собственные свадебные пріюты и, такимъ образомъ, полигамія переходитъ въ поліандрію. Разумѣется, нравы падаютъ; очистка жилищъ отъ опилокъ, прежде обязательная, постепенно отмѣняется... да-съ.

— Я положительно въ восторгѣ отъ вашего разсказа, профессоръ... Каковы короѣды!.. Борисъ, а праздношатающіеся все-таки, видишь, часто получаютъ по носу?.. ха-ха-ха...

Всѣ окончательно развеселились. Только Надя была не въ духѣ и упорно молчала.

Пользуясь оживленіемъ, Гладышевскій незамѣтно подалъ знакъ Юліи, и вскорѣ появилось шампанское.

Когда бокалы наполнились играющей золотистой влагой, онъ всталъ и довольнымъ взглядомъ обвелъ присутствующихъ, разглаживая бороду привычнымъ жестомъ лѣвой руки.

«Начинается!»—подумала Надя и нахмурилась.

— Господа, изъ талантливой рѣчи профессора мы только что узнали, какъ погибаютъ злополучные поклонники флирта у короѣдовъ и какъ жены остроумно отмщаютъ мужьямъ за ихъ невѣрность...

«Какъ въ судѣ,—продолжали пробѣгать мысли въ головѣ курсистки, и уже съ явнымъ недоброжелательствомъ она слушала отца:—куда дѣвался знаменитый юристъ?.. пошлякъ какой-то, подъ стать Борису...»

Адвокатъ, между тѣмъ, продолжалъ, не замѣчая, съ какимъ испугомъ посматривала Анна Петровна на Леню охваченнаго самымъ искреннимъ любопытствомъ «проснувшагося юноши».

— Я не хочу никого оскорбить сравненіемъ, но я, право, вынесъ бы впечатлѣніе, что люди нерѣдко уступаютъ въ нравственности короѣдамъ, если бъ не живой примѣръ передъ глазами.

Игнатьевъ начиналъ чувствовать себя неловко и ерзалъ на стулѣ, точно его жалила оса.

— Господа, передъ нами раскаявшійся праздношатающійся, который самъ теперь обзаводится семейнымъ очагомъ, и въ этомъ

Библиотека "Руниверс"

мѣсяцѣ мы пируемъ на его свадьбѣ. Здоровье Бориса Алексѣевича Игнатьева и его нареченной, Елизаветы Ѳедоровны... ура!—фамиліи ея не произнесъ, такъ какъ не зналъ или забылъ.

Вышло какъ-то совсѣмъ неловко...

Невольные женихъ и невѣста окончательно переконфузились.

«Здорово меня изловилъ дядюшка,—рѣшилъ про себя Борисъ:—впрочемъ, Лизокъ—ангелъ кротости... надо загладить прежнія вины...»

— Неужели ты рѣшаешься продать свободу?—вполголоса обратилась Надя къ Лизѣ, не поднимая бокала:—зачѣмъ же уходила?

— Какъ же такъ—въ маѣ? Маяться будете,—замѣтила Анна Петровна.

Гладышевскій за всѣми усиленно ухаживалъ, подливая въ бокалы и стараясь расшевелить внезапно притихшее общество. Тостъ пришелся не ко двору. Даже Леня сдѣлался серьезнымъ и грустно смотрѣлъ то на Лизу, то на сестру.

Игнатьевъ ничего не отвѣтилъ на здравицу и продолжалъ тихо разговаривать съ «невѣстой», которую еще такъ недавно называлъ «женой».

Почти безумное отчаяніе, которое онъ испытывалъ, когда вернулся въ пустую квартиру, научило его быть нѣжнымъ съ Лизой, и въ словахъ его было столько сердечности, что она повѣрила въ возможность счастья.

Его опять потянуло къ ней, и онъ старался убѣдить ее сегодня же снова уѣхать къ нему, не слушая запрета Осипа Осиповича.

Но она рѣшилась быть твердой хоть разъ въ жизни.

— Такъ лучше, милый,—сказала она, гладя его по рукѣ:—рана еще слишкомъ глубока... Я простила, но забыть обиду—горе пока не умѣю...

XIV.

Стояла рѣдкая весенняя погода съ лѣтними жарами.

Начинается дачный отлетъ кругловцевъ въ окрестности.

Гладышевскій не любилъ переѣзжать изъ города и остался съ семьей на зимнемъ положеніи тѣмъ болѣе, что его личныя дѣла требовали ежедневнаго присутствія въ редакціи, въ судѣ и въ другихъ учрежденіяхъ; кромѣ того, предстояли экзамены Лени,—переходные въ шестой классъ.

Впрочемъ, при домѣ былъ небольшой, но хорошій садъ съ цвѣточными клумбами, гамакомъ, площадкой для крокета и другими приспособленіями.

Цвѣты въ этомъ году рано зацвѣли, даже такіе, которые обыкновенно расцвѣтаютъ лѣтомъ.

По вечерамъ благоухали резеда, матіола, разноцвѣтный табакъ, а днемъ украшали грядки бѣлые и фіолетовые колокольчики, ва-

Библиотека "Руниверс"

ленбергіи, красиво росла колючая гледичія, тянулись вдоль аллей пышные кусты сирени, розовой акаціи и жасмина.

Надя не успѣла сѣсть въ бесѣдку, обсаженную дикимъ виноградомъ, какъ увидѣла подходящую фигуру неизвѣстнаго мужчины въ легкомъ пальто, не застегнутомъ, такъ что виднѣлась черная блуза, подпоясанная ремешкомъ. На головѣ была мягкая шляпа съ громадными полями, бросавшими тѣнь на все лицо, обросшее темной бородой. Маленькіе усы небрежно торчали, покрывая толстыя губы. Глаза съ безпокойствомъ бѣгали по сторонамъ.

Надя привстала съ вопрошающимъ взоромъ; но онъ, повидимому, хорошо зналъ ее, увѣренно подошелъ, первый протянулъ руку и сказалъ глухо и отрывисто, откашливаясь:

— Михаилъ... Вы догадываетесь, товарищъ Гладышевская, почему я здѣсь?..

Потъ катился у него по лбу и щекамъ и, снявъ шляпу, онъ сталъ словно съ досадой вытирать его клѣтчатымъ, измятымъ платкомъ.

— Я васъ не знаю,—нерѣшительно протянула Надя, хотя имя «Михаилъ» хорошо было извѣстно ей и пугало ее уже третій мѣсяцъ своей угрожающей загадочностью.

Тогда онъ на минуту сосредоточилъ на ней тяжелый взглядъ, и она невольно обратила вниманіе на его широкія ноздри, какъ бы вывороченныя.

«Можетъ, онъ и порядочный человѣкъ, но лицо гориллы... Подальше отъ него да и отъ всѣхъ... Зачѣмъ они мнѣ!.. Вездѣ только ложь...».

— Если такъ, я напомню пароль: «смирный». Теперь ясно?

— Нѣтъ, и теперь не имѣю понятія!—уже съ вызовомъ отрѣзала Надя:—да, мнѣ писала Крупарушкина, что придетъ «товарищъ Михаилъ», но зачѣмъ? для чего?.. Наконецъ, почему вы тутъ безъ всякаго предупрежденія? Можетъ, я вовсе не хотѣла, чтобы вы появлялись въ чужой квартирѣ. Это, вѣдь, не мой домъ, а моего отца. Я—одно, а онъ—другое, такъ и запишите.

Она была сильно взволнована и говорила прерывающимся голосомъ, съ истерическими вскрикиваніями.

— Я сяду. Я страшо усталъ. Мнѣ некогда спорить съ вами. Вы, товарищъ Гладышевская, чѣмъ-то разстроены. Я бѣжалъ къ вамъ разными закоулками, чтобы спутать слѣды. Вы должны завтра же утромъ поѣхать въ деревню Ольховку, проникнуть на заводъ Заусеницына и передать технику Смурышу это письмо.

Онъ вынулъ изъ кармана небольшой пакетикъ и протянулъ ей.

— А вы сами?

— Меня узнаютъ.

— И меня тоже узнаютъ.

— Вы обязаны для общаго дѣла и вообще разсуждать не пола-

Библиотека "Руниверс"

гается. Докажете свою распорядительность, дадимъ порученіе покрупнѣй.

— Я никогда не отказывалась отъ самостоятельности, и права разсуждать никто меня не смѣетъ лишить. Съ закрытыми глазами никогда ничего не дѣлаю. Не вижу въ этомъ смысла. Прошу и впредь не разсчитывать на меня. Я ошиблась или, лучше сказать, меня обошли. Такъ и запомните! Есть много другого хорошаго, что нужно сдѣлать и что меня притягиваетъ, а ваше хорошее—не по мнѣ.

— Да опомнитесь, товарищъ Гладышевская, это не такъ просто, какъ вы думаете! Вы подводите насъ...

— Ну, что жъ, убивайте, если считаете меня опасной... Я не доносчица... Все-таки уйдите, прошу васъ.

Большіе, строгіе глаза горѣли такимъ возмущеніемъ, что Михаилъ поспѣшно спряталъ письмо и поднялся.

Онъ казался не столько сердитымъ, сколько озадаченнымъ и выбитымъ изъ колеи.

— Я сообщу комитету,—только и нашелся онъ сказать.— Нѣтъ ли здѣсь выхода въ какой-нибудь пустырь?

Надя подумала и указала на заборъ.

— Перелѣзайте, тамъ—левада. Оттуда легко уйти на всѣ четыре стороны.

Онъ быстро исчезъ, не попрощавшись, и она опять рѣшила въ умѣ:

«И лазитъ, какъ горилла...»

Потомъ старалась взять себя въ руки и продолжала чтеніе книги, а въ мозгу все отбивало одно и то же:

«Вдругъ прослѣдилъ тотъ, съ раздвоеннымъ носомъ?..»

Нервная дрожь пробѣгала по всему тѣлу, и какой-то страхъ заползалъ въ душу.

«Ничего еще не сдѣлала, а, точно преступница, боюсь... Куда мнѣ лѣзть съ такой слабой натуришкой! Грошъ мнѣ цѣна..»

Предчувствіе не обмануло ея.

Чуть пробило десять часовъ, какъ вбѣжала въ столовую испуганная Юлія и на ухо что-то шепнула Осипу Осиповичу, еще пившему вечерній чай.

Здѣсь же сидѣли Анна Петровна, Лиза и Надя.

Леня зубрилъ у себя въ комнатѣ.

Гладышевскій ничего не отвѣтилъ, лишь съ укоризной мелькомъ взглянулъ на дочь и вышелъ поспѣшно въ переднюю.

Мать, дочь и Лиза обмѣнялись тоже безмолвными взглядами, каждая по-своему объясняя уходъ Осипа Осиповича.

«Это за мной пришли», подумала Надя и поблѣднѣла.

Между тѣмъ въ столовую, такъ какъ только черезъ нее можно было попасть въ Надину спальню, вошелъ Гладышевскій въ сопровожденіи жандармскаго ротмистра, околоточнаго, городового,

Библиотека "Руниверс"

швейцара, двухъ понятыхъ и дворника. Послѣдній шелъ сконфуженно, на цыпочкахъ и неловко вертѣлъ картузъ, пока не уронилъ его. Швейцаръ только сопутствовалъ ротмистру, затѣмъ отвѣсилъ ему поклонъ и удалился.

— Успокойся, Надя,—обратился къ ней Осипъ Осиповичъ, стараясь сохранить непринужденность:—тутъ, вѣроятно, по недоразумѣнію, у тебя назначенъ обыскъ. Они имѣютъ полномочіе... Я видѣлъ бумагу. Правда, нѣтъ представителя прокуратуры, но я не спорю. Проводи къ себѣ. Я убѣжденъ, что у тебя ничего нѣтъ предосудительнаго. Ты слишкомъ насъ уважаешь, чтобы это допустить въ нашемъ домѣ.

— Господи!—прошептала Анна Петровна, чувствуя, что у нея холодѣютъ конечности, хотя было тепло и даже окно было открыто въ садъ, откуда вливался чудный ароматъ ночныхъ цвѣтовъ, смѣшанный теперь съ запахомъ дегтя и пота.

— Еще разъ приношу свои искреннія извиненія,—съ улыбкой свѣтскаго человѣка произнесъ ротмистръ, звеня шпорами:—если бъ не предписаніе высшаго начальства, мы, конечно...

— Прошу васъ, безъ церемоній исполняйте вашъ долгъ,—нетерпѣливо перебилъ Осипъ Осиповичъ.

Надя какъ-то застыла, относясь къ осмотру съ тупымъ равнодушіемъ. Всякая вещь, къ которой прикасались теперь грубыя солдатскія руки, теряла для нея свою прелесть.

Всюду заглядывали, все открывали и переворачивали, не заботясь о порядкѣ. Время шло убійственно долго. Надя терпѣла.

Но когда взяли дневникъ и ротмистръ сталъ его перелистывать, она вся такъ и вздрогнула, точно отъ электрическаго толчка.

Это не укрылось отъ наблюдательнаго взора жандармскаго офицера, хорошо умѣвшаго и читать, и одновременно наблюдать.

— Что съ вами?—спросилъ онъ тономъ снисходительнаго судьи.

— Неужели вы будете читать дневникъ? Вѣдь, въ немъ исповѣдь и ничего иного, интереснаго для васъ!

— Я могу читать и сейчасъ же забывать, что меня не касается,—медленно говорилъ онъ, будто высасывалъ изо рта слова и продолжалъ бѣгло пересматривать страницы за страницами, исписанныя крупнымъ англійскимъ почеркомъ, но вдругъ остановился, точно какая-то мысль неожиданно пришла ему въ голову, и обратился къ понятымъ, дворнику и городовому:

— Ребята, можете провѣтриться минутъ на пять, а то вы здѣсь очень надушили у барышни... Я заканчиваю, господинъ Ильенко,—сейчасъ же прибавилъ, поворачиваясь къ околоточному:—можете отправиться покурить. Все обстоитъ благополучно. Сейчасъ и протоколъ составимъ и подпишемъ.

Едва ушли, онъ поднялъ голову и прямо посмотрѣлъ въ глаза Надѣ:

Библиотека "Руниверс"

— У васъ былъ Михаилъ?

— Все это сплошное недоразумѣніе, никакого Михаила я не видала. Къ чему меня мучите?

— Такъ-съ... Не видали—такъ не видали. Допустимъ, что я повѣрилъ... Эхъ, вы дочь Осипа Осиповича, и по многимъ причинамъ вашъ арестъ—сопряженъ съ неудобствами, да еще въ его домѣ... Попадались бы въ Петербургѣ, а зачѣмъ же здѣсь! Вашъ отецъ въ прошломъ году выручилъ моего брата... Я не хотѣлъ бы оказаться неблагодарнымъ. Вотъ вашъ дневникъ—сожгите его... Онъ выдаетъ васъ съ головой... Пользуйтесь случаемъ... Онъ больше не повторится. Будьте осторожны! Языкъ—врагъ вашъ.

Щелкнулъ шпорами, поклонился и вышелъ.

«Жандармъ и тотъ меня презираетъ», подумала Надя и разрыдалась.

Когда успокоилась, вышла къ отцу, увѣренная, что онъ не спитъ.

— Прости, папа, что я все безпокою тебя. Ты удивительно мягко отнесся ко мнѣ при жандармѣ. Я была тронута.

— Богъ проститъ... Я радъ, что хоть вынырнула. Ахъ, дочурка!

Говорилъ нѣжно, но лицо сохраняло суровыя складки.

— А не переѣхать ли тебѣ на дачу? Или въ Крымъ? Поразмысли.. Впрочемъ, я такъ... думаю, какъ лучше... Сначала Лизу выдадимъ замужъ.

«Значитъ, нужно убираться... Прозрачный намекъ»...

Выходя изъ кабинета, полная самыхъ грустныхъ предположеній о своей ненужности, услышала сдавленный смѣхъ Лени и чей-то горячій шопотъ.

Не догадываясь, въ чемъ дѣло, внезапно отворила дверь; мимо нея изъ полутемной комнаты прошмыгнула Настя и скрылась.

Зажгла электричество. Леня, какой-то смущенный, сидитъ на кушеткѣ.

— Зачѣмъ изволила пожаловать?—огрызнулся онъ:—развѣ тебя не арестовали жандармы? Дождешься! Суетъ свой носъ... Мы въ жмурки играли. Поняла?

— Въ жмурки? Наканунѣ математики?

Надя повернулась и пошла къ себѣ.

— Не вздумай жаловаться, а то вздую,—крикнулъ Леня, окончательно разсвирѣпѣвъ.

«Я воображала—глупый, а онъ и подлый... Непремѣнно поговорю съ Настей»...

XV.

Нѣсколько дней только и разговаривали, что про обыскъ у дочери Гладышевскаго, не давшій ожидаемыхъ результатовъ.

Нѣкоторые возмущались, такъ какъ не считали ее способной «на что-нибудь такое», другіе радовались, что «проучили выскочку»,

Библиотека "Руниверс"

третьи видѣли даже въ этомъ выгодную рекламу для самого Осипа Осиповича и, посмѣиваясь, говорили на его счетъ:

— Ловкачъ! даже родной дочери не пощадилъ.

Исторія съ Надей совпала съ трехдневными волненіями въ уѣздѣ между рабочими двухъ фабрикъ, съ несогласіями, возникшими у переплетчиковъ—хозяевъ и подмастерій, наконецъ съ поимкой какого-то яраго агитатора «Михаила», котораго называли главнымъ виновникомъ всѣхъ неурядицъ, хотя никто не зналъ его и разсказывалъ о немъ по наслышкѣ.

Пригородный приставъ доносилъ въ бумагѣ по начальству:

«Согласно телеграфному увѣдомленію уѣзднаго исправника, я выѣхалъ изъ своей резиденціи тогда-то...

«Рабочіе заводовъ Заусеницына и Гусева выходили изъ границъ приличія и уваженія къ чинамъ полиціи и конной стражи и угрожали колоссальнымъ вооруженнымъ сопротивленіемъ...

«До сформированія отряда каждому изъ насъ пришлось много перенести нравственныхъ мученій и треволненій (о матеріальныхъ затратахъ я буду докладывать ниже), ибо страсть рабочихъ разгоралась все болѣе и болѣе... Холодная сталь пера не можетъ выразить моихъ чувствъ»...

Газета «Сутки» на этотъ разъ заступилась за рабочихъ, высказывая, со словъ очевидца, что забастовка носила совсѣмъ мирный характеръ и что это—«единственное орудіе, бывшее въ рукахъ заводскаго пролетаріата, за неимѣніемъ иныхъ средствъ защиты своихъ интересовъ».

Тутъ же попутно газета нападала на пристава, «чрезмѣрно сгустившаго краски».

Митингъ переплетчиковъ былъ разсѣянъ десяткомъ городовыхъ, и мирное житіе Круглова начинало опять входить въ обычное русло.

Только таинственный «Михаилъ» служилъ какимъ-то пугаломъ для любопытныхъ обывателей, но и о немъ стали потомъ забывать.

На городъ ложился лѣтній отпечатокъ.

Перемащивались улицы и мостовыя; ремонтировались дома; перекрашивались вывѣски; возводились новыя строенія.

Губернаторъ передъ отпускомъ собирался ѣхать осматривать бунтовавшій районъ въ уѣздѣ, и тамъ уже впередъ учитывались предстоящіе расходы «по радостнымъ событіямъ во время проѣзда его превосходительства».

Начальникъ губерніи былъ склоненъ къ любознательности и къ философствованію, и любимой его настольной книгой, откуда онъ почерпалъ житейскую премудрость, было «*Зеркало любопытства*, или ясное и подробное истолкованіе всѣхъ существенныхъ и нравственныхъ познаній, служащихъ къ пользѣ, удовольствію и пріятному препровожденію времени для тѣхъ, кои въ короткое время желаютъ снискать нужное просвѣщеніе».

Библиотека "Руниверс"

Когда ему донесли о подозрѣніи, павшемъ на Надежду Гладышевскую, и о томъ, что обыскъ «не далъ ничего осязательнаго», онъ вызвалъ къ себѣ Осипа Осиповича и, аллегорически намекая ему на свое миролюбіе, такъ перефразировалъ одно изъ изреченій «Зеркала»:

— Господинъ Гладышевскій, счастливы тѣ народы, у которыхъ философы владычествуютъ и владыки философствуютъ. Ну, вотъ ваша дочка и не лишена свободы, и права какъ будто, а все-таки по-родительски не мѣшало бы ее приструнить, хотя бы издали показавъ Соломонову лозу. Изволите разумѣть, что это за лоза? Нѣтъ? О! Въ «Зеркалѣ» у меня дивное объясненіе дано: «Соломонова лоза есть знакъ должнаго наказанія злымъ, а не страшная и пагубная человѣку жестокость къ добрымъ рабамъ и домашнимъ своимъ». Нѣтъ-съ, учиться такъ учиться! На курсы поступила въ Петербургѣ—и учись, а то въ политику и разное другое... Къ чему! «Зеркало» гласитъ по сему поводу: «Какъ кто смолоду по нраву и сложенію своему учиться обыкъ, такъ тому въ наукахъ и вѣкъ доживать». А счастья все равно не изловить. Что такое счастье, позвольте васъ спросить? А вотъ читайте сами отвѣтъ: «Такое мечтаніе, котораго на свѣтѣ не бывало, а незнающіе люди сію химеру, въ мысли своей представивши, фортуною назвали». Не смѣю задерживать. Вашу руку, господинъ Гладышевскій.

Осипъ Осиповичъ оставилъ губернаторскій домъ въ самомъ удрученномъ состояніи духа.

«До чего довела дѣвчонка!—мысленно обращался къ себѣ:—до губернатора! Съ нимъ поговорить это—хорошая марка, не всякій выдержитъ... философъ!..»

Дома, разумѣется, ничего никому не передавалъ изъ разговора и предоставилъ событіямъ развиваться естественнымъ порядкомъ.

Онъ отлично видѣлъ, что Надя сконфужена, смущена и къ чему-то готовится.

— Уѣдетъ—и Богъ съ ней! Тамъ, на сторонѣ, образумится и вернется здоровой... Пускай перебродитъ въ ней эта квашня, а то ни себѣ, ни намъ!..

И, какъ истый адвокатъ, придумавшій главныя положенія защитительной рѣчи, Осипъ Осиповичъ сразу успокоился и пришелъ даже въ благодушное настроеніе, вновь сталъ шутить и походилъ на прежняго Гладышевскаго, какимъ его знали всѣ кругловцы.

Иногда между дѣломъ вспоминалъ вдругъ губернатора и фыркалъ, не то смѣясь, не то досадуя:

«Съ какимъ-то «*Зеркаломъ*» возится, поучаетъ... Современный перипатетикъ! Вотъ такъ сатрапъ! Чортъ побери, чтобъ я еще у него былъ... Ха-ха-ха... смѣхъ разбираетъ... Книжку такъ и носитъ въ карманѣ. О, Господи, до чего не додумается природа! Разсказать о немъ—скажутъ карикатура, шаржъ... Пойди-ка съ нимъ! Философъ!..»

Библиотека "Руниверс"

XVI.

Въ день свадьбы Игнатьевъ получилъ анонимную телеграмму: «Поздравляю, желаю свѣтлыхъ сновъ жизни, которые все никакъ не даются вамъ, и доброй вѣры въ искренность старыхъ, преданныхъ друзей».

Таился какой-то смутный намекъ на что-то интимное. Подъ лаской теплыхъ привѣтствій скрывался ядъ насмѣшки.

Явилось мимолетное предположеніе объ участіи Бухтарминской и быстро улетучилось, не оставляя слѣда.

«А пускай себѣ тѣшится!.. Пронюхала-таки... Клещъ...»

Какъ-то среди дня еще разъ вспомнилась телеграмма, и проснулось опасеніе, не угроза ли это?

«Месть за фельетонъ?.. Задѣло, значитъ, за живое».

И, какъ противовѣсъ, вспыхнуло преувеличенное желаніе— поскорѣе покончить съ прошлымъ, подвести итогъ ошибкамъ и заблужденіямъ.

Въ такія минуты душевныхъ волненій и самобичеваній онъ всегда думалъ, что такъ и будетъ поступать, какъ рѣшилъ.

Семейный очагъ уже представлялся ему спасительной пристанью, оберегающей отъ жизненныхъ рифовъ и мелей, Лиза казалась лучшей изъ женщинъ, которыхъ онъ только зналъ, а самого себя онъ готовъ былъ заклеймить, какъ первостепеннаго негодяя.

Игнатьевъ питалъ особенную страсть къ такому издѣвательству надъ собой.

Весь день онъ проводилъ дома, переустраивалъ заново свою квартиру и, главнымъ образомъ, тотъ уголокъ, что предназначался для Лизы.

Та же комната, какъ и раньше, но ничто не должно было напоминать о разыгравшейся драмѣ.

Иначе стояла мебель; все утопало въ цвѣтахъ; по-другому висѣли картины и портреты, и дѣйствительно получалось впечатлѣніе чего-то новаго.

Декоративный талантъ сказывался въ немъ.

Борисъ ходилъ взадъ и впередъ, осматривалъ, чтобы сократить время, и, отдаваясь мечтаньямъ, вполголоса декламировалъ:

«Цвѣты живутъ въ людскихъ сердцахъ;
Читаю тайно въ ихъ страницахъ
О ненамѣченныхъ границахъ,
О нерасцвѣтшихъ лепесткахъ.
Я знаю души, какъ лаванда;
Я знаю дѣвушекъ-мимозъ;
Я знаю, какъ изъ чайныхъ розъ
Въ душѣ сплетается гирлянда.
Въ вѣтвяхъ лавроваго куста
Я вижу прорѣзь черныхъ крылій;

Библиотека "Руниверс"

Я знаю чаши чистыхъ лилій
И ихъ грѣховныя уста.
Люблю въ наивныхъ медуницахъ
Нѣмую скорбь умершихъ фей,
И ликъ безстыдныхъ орхидей
Я ненавижу въ свѣтскихъ лицахъ.
Акацій бѣлыя слова
Даны ушедшимъ и забытымъ,
А у меня, по старымъ плитамъ,
Въ душѣ растетъ разрывъ-трава.» [1]).

Послѣдняя строфа дала неожиданный оборотъ мыслямъ:

«Разрывъ-трава... Да, сказочное зелье, отъ котораго клады въ руки даются и замки распадаются... Цвѣтетъ въ Иванову ночь на краткій мигъ и обогащаетъ счастливцевъ... А въ моей душѣ другая разрывъ-трава, отъ которой вся жизнь разламывается, всѣ связи рвутся... ничего не остается, кромѣ могилъ да старыхъ плитъ... и вороны каркаютъ...»

Близился часъ ѣхать въ церковь.

«Странное чувство охватываетъ, словно на любительскомъ спектаклѣ передъ выходомъ на сцену или когда ждешь номера газеты съ любимымъ фельетономъ, написаннымъ кровью сердца и соками первовъ, какъ говорилъ Бёрне».

Одѣвался, и дума за думой то уносила вдаль, то приближала къ дѣйствительности.

Волновалась и Лиза, но совсѣмъ по-другому: все Надя смущала. Хотя уже и не было между ними прежнихъ прямыхъ отношеній и каждая будто скрывала что-то въ глубинѣ, стараясь, однако, не показывать этого, насколько возможно, тѣмъ не менѣе незадолго до вѣнчанія, когда Лиза совсѣмъ приготовилась ѣхать, курсистка положила ей руки на плечи и пронизала теплымъ, мягкимъ взглядомъ:

— Еще можешь одуматься,—посовѣтовала она.

— Ты насчетъ чего?—не сразу догадалась Лиза, даже отступила отъ удивленія.

— Вотъ легкомысленная! Конечно же, я о свадьбѣ говорю. Теперь ты—свободная птица, летишь—куда хочешь, а черезъ часъ будешь со связанными крылышками, потомъ, пожалуй, и ихъ обломаешь... Да куда ни взгляни, на кого ни посмотри,—развѣ есть кто-нибудь съ широкимъ, вольнымъ взмахомъ! У насъ у всѣхъ,—почти у всѣхъ надломаны крылья. И полетѣли бъ на просторъ, къ синему небу, да силушки нѣтъ. По крайней мѣрѣ хоть ты, бѣдная моя, оставайся такою, какой была. Вѣдь, пробовала разъ выходить замужъ и развелась... Чего же тебѣ еще? Сама разсказывала мнѣ, какъ онъ, первый твой повелитель, глумился надъ тобой, надъ

[1]) Черубина де-Габріакъ.

Библиотека "Руниверс"

твоей чистой наивностью... Если любите другъ друга, ты и Борисъ, такъ и любите, пока любится, а закабалять себя незачѣмъ. Мнѣ сдается, что тебя, Лизочка, въ склепъ замуравливаютъ, заживо хоронятъ. Общественной морали боишься? Да будь она проклята со своей ложью!

Лиза слушала, молча, кусала губы и блѣднѣла, затѣмъ разрыдалась.

Надя оторопѣла.

— Прошу тебя, Надя,—всхлипывая, съ трудомъ проговорила она:—не разстраивай меня... Я хочу вѣрить... а ты со своими причитаніями съ ума сводишь.

Прибѣжала Анна Петровна, засуетилась, крикъ подняла.

— Придумали, когда счеты сводить,—тономъ жалобы объяснила она вошедшему мужу.

— Невѣстѣ полагается поплакать, но не такъ же... какъ въ дождикъ изъ рынвы (вспомнилось хохлацкое выраженіе). Жениха напугать можно этакими глазищами. А ты, милостивая государыня,—вскользь обратился онъ къ дочери:—пофилософствуй разъ, пофилософствуй два, а до безчувствія не годится.

Такъ какъ Надя, вѣроятно, рѣшила ни въ какомъ случаѣ не возражать, онъ захотѣлъ ободрить Лизу и опять сказалъ ей:

— Боря сегодня—настоящій красавецъ. Сбрилъ окончательно усы. Это ему идетъ. Увѣряетъ не безъ гордости: «c'est plus Bonaparte». Каковъ гусь! Онъ, кажется, исправился. Вы его хорошенько подтяните и твердо держите бразды правленія. Мужчины переносятъ зависимость, если не подозрѣваютъ о ней. Нужна умѣлость, больше ничего. Поучитесь у Анны Петровны. Она—дипломатъ.

— Ахъ ужъ съ твоимъ балагурствомъ въ конецъ запоздаемъ! Глазки обсушите, Лизунчикъ. Да куда жъ ты запропастилась, Настя? Неси холодной воды, живо... экая дѣвчонка!

Въ церкви, между тѣмъ, давно ожидали, и Борисъ съ безпокойствомъ осматривался по сторонамъ, словно его кто-то невидимый приковывалъ къ себѣ.

Онъ былъ очень изященъ, и любопытные, пришедшіе поглазѣть, одобрительно перешептывались.

Игнатьевъ и Гладышевскій были достаточно извѣстными лицами въ городѣ, чтобы извѣстіе о предстоящей свадьбѣ не облетѣло весь Кругловъ, и многіе пришли, тѣмъ болѣе, что никого не приглашали изъ знакомыхъ и билетовъ не спрашивали при входѣ.

Это заинтриговало и подзадорило.

Явились знакомые незнакомцы, которыхъ вы не знаете, но которые васъ знаютъ и съ которыми вы сталкиваетесь во всякое время, въ какомъ угодно мѣстѣ.

Библиотека "Руниверс"

Женихъ обернулся, и взоры его и Бухтарминской встрѣтились и скрестились, какъ двѣ шпаги.

Онъ сразу узналъ Зосю по взгляду настойчиваго призыва и чувственному, влажному рту, сверкнувшему вдругъ рядомъ зубовъ.

Она откровенно смѣялась, съ кѣмъ-то бесѣдуя.

Какъ въ туманѣ, промчалось нѣсколько минутъ.

«Значитъ, она телеграфировала... Какъ бы не вышло какой-нибудь гадости», подумалъ Игнатьевъ и встрепенулся: входила Лиза подъ руку съ Осипомъ Осиповичемъ.

Кроткое, красивое лицо «женушки» отвлекло его мысли отъ Зоси, и онъ почувствовалъ, что утерянное самообладаніе возвращается.

Борисъ шепнулъ Лизѣ:

— Ты—обворожительна. Я—счастливъ.

Но она или не разобрала его словъ, или притворилась, что не слышитъ, и продолжала горячо молиться.

Было душно, и щеки ея разрумянились.

Стройный церковный хоръ, освѣщеніе храма и голубыя волны ладана вселяли въ нее трепетное благоговѣніе.

Глазамъ жениха представлялось, что она вся соткана изъ воздушности.

Онъ начиналъ проникаться ея настроеніемъ, и разгоряченный мозгъ создавалъ фантастическія картины.

И вдругъ въ ту минуту, когда священникъ торжественно поднялъ вѣнецъ и, возлагая его на голову Игнатьева, произнесъ: «Господи Боже нашъ, славою и честію вѣнчай я»,—раздался чей-то тихій, но отчетливый возгласъ, который ясно пронесся по всей церкви:

— Не славою и не честію...

Головы обернулись въ сторону, откуда послышался этотъ низкій, грудной голосъ, и увидѣли быстро удалявшуюся какую-то высокую даму, старательно прикрывавшую лицо носовымъ платкомъ. Ни у кого не явилось охоты ее задержать.

Священникъ, почтенный старецъ съ восковой прозрачностью схимника, только на мигъ какъ бы пріостановился въ нерѣшимости и въ недоумѣніи, но сейчасъ же продолжалъ обрядъ и показалось, что его слабѣющій баритонъ снова окрѣпъ и зазвучалъ молодыми, жгучими нотами.

У Лизы задрожала рука, но сама она нисколько не растерялась, и можно было подумать, что оскорбительное восклицанье не долетѣло до нея.

Зато Игнатьевъ сильно волновался, отлично зналъ, отъ кого исходилъ этотъ крикъ, и чувствовалъ себя настолько подавленнымъ, что потерялъ способность разсуждать, машинально подчиняясь волѣ священника.

Библиотека "Руниверс"

Гладышевскій въ негодованіи дергалъ и расправлялъ сѣдѣющую бороду, покрывавшую почти цѣликомъ бѣлоснѣжный пластронъ его фрачной сорочки, а Надя стояла на стражѣ, предполагая защитить Лизу, если будетъ сдѣлано на нее какое-нибудь нападеніе.

Шафера тоже какъ бы застыли, не зная, что дѣлается за ихъ спинами.

Одинъ Леня поворачивался, высматривалъ, егозилъ и, когда увидѣлъ выходившую даму, подумалъ: «Молодчина этотъ Борька! ей-Богу, молодчина!..»

Публика жужжала, какъ потревоженный осиный рой.

Было достаточно пищи для сплетенъ и пересудовъ.

— Кто это крикнулъ! Навѣрно, его бывшая любовница. Онъ такой интересный. Но и невѣста—красотка... Говорятъ, онъ съ ней уже давно путался. Гладышевскій умѣетъ и свадьбы устраивать».

Игнатьевъ, усаживаясь съ Лизой въ карету, объ одномъ мечталъ: «Скорѣй бы домой! Словно грязью обдали...»

XVII.

Въ библіотекѣ Василія Семенова, гдѣ абонировалась Надя, служилъ мальчикъ Петя, худой и малорослый, блѣдный, но быстроглазый и шустрый.

Съ утра до вечера ежедневно, кромѣ праздниковъ и воскресеній, онъ проводилъ время между безчисленными книгами, разыскивая ту или другую по запискамъ приходящихъ подписчиковъ, затѣмъ устанавливалъ возвращенныя на соотвѣтствующія мѣста.

Вѣчно запыленный, съ торчащими вихрами непослушныхъ безцвѣтныхъ волосъ, онъ составлялъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ необходимую принадлежность библіотеки.

Прошло два-три года, а онъ какъ будто и не выросъ, оставаясь прежнимъ тщедушнымъ Петей.

У него была особенная память на номера книгъ, и Петю звали ходячимъ каталогомъ.

— Есть «Капитанская дочка»?—спрашиваютъ его.

— Есть, № 6460,—тутъ же прибавляетъ онъ наизусть и лѣзетъ по стремянкѣ за книгой.

— А «Ѳома Гордѣевъ»?

— № 2040. Еще нѣту,—раздается сверху тотъ же невозмутимый пискливый голосъ.

— Ну, дай Леонида Андреева что-нибудь.

— № 6521. Вотъ второй томъ.

Ошибокъ въ номерахъ почти не случалось.

Пошлютъ, бывало, Петю въ книжный магазинъ, онъ и тамъ показываетъ свои познанія въ области исчисленія.

Библиотека "Руниверс"

— Господинъ Семеновъ просятъ № 900-й.

Приказчикъ глаза таращитъ, не догадываясь, въ чемъ дѣло. Петя только улыбается и неодобрительно качаетъ головой.

— Бѣлинскаго дайте, послѣднее изданіе. Развѣ не понимаете? Эхъ, вы!

Въ душѣ Петя считалъ себя образованнымъ, а приказчика неучемъ.

Этого мальчика знала Надя еще до поѣздки въ Петербургъ и покровительствовала ему, забавляясь его своеобразной памятью. Вскорѣ послѣ возвращенія въ Кругловъ она опять возобновила абонементъ и удивилась, что Петя нисколько не подросъ, а еще больше сморщился и похудѣлъ.

Въ концѣ марта Василій Семеновъ продалъ свою библіотеку какой-то дамѣ, Рыжиковой, а вмѣстѣ съ книгами передалъ и Петю, какъ живую прибавку къ инвентарю.

На бѣду, новая хозяйка затѣяла преобразованія, кое-что перепродала, кое-что прикупила, а въ общемъ перепачкала номера книгъ, и Петя совсѣмъ запутался и растерялся, будто попалъ въ незнакомый лѣсъ.

— Дайте, пожалуйста, «Тайны французскаго двора». Уже мѣсяцъ прошу.

— № 5012,—подсказываетъ Петя и подаетъ книгу.

— Это совсѣмъ не то, мой милый. Вы достали «Курсъ анатоміи»:—съ сердцемъ возражаетъ барышня и краснѣетъ.

Тогда Петя вытаскиваетъ покрытую пылью «Версификацію» Классовскаго и впадаетъ въ мрачное уныніе.

На глазахъ у него сверкаютъ слезы обиды и полной безпомощности.

Зрачки Рыжиковой впивались въ него взглядомъ удава, и онъ окончательно терялъ самообладаніе.

— Вотъ безтолковый! Какъ тебя держалъ Семеновъ? Другой давно разобрался бы въ названіяхъ... Никуда не годишься. Этакъ я лишусь половины подписчиковъ. Штрафую тебя на рубль. Пойми же, ротозѣй, что не цифры нужно запоминать, а заглавія! Завелъ какую кабалистику! Дармоѣдъ... выгоню тебя...

Долго мучилась Рыжикова, наконецъ разсчитала его, какъ неспособнаго.

Черезъ два-три дня послѣ свадьбы Игнатьева узнала объ этомъ Надя, когда зашла въ библіотеку вернуть книги и взять обратно залогъ.

Постепенно она приступила къ ликвидаціи, что-то задумывая и во всякомъ случаѣ стремясь уѣхать изъ Круглова.

— Прогнала его,—отрѣзала Рыжикова:—никуда негоденъ, никчемникъ, придатокъ къ какому-то номеру, ходячая мертвая цифра...

Библиотека "Руниверс"

Наговорила цѣлый ворохъ нелестныхъ эпитетовъ.

— Да, вѣдь, вы его изъ строя выбили! Онъ тутъ пятый годъ служилъ...—порывалась возражать Надя.

— Ахъ, сударыня, у меня коммерческое предпріятіе, а не пріютъ для идіотовъ. Дайте мнѣ толковаго, и я съ восхищеніемъ и благодарностью приму хоть завтра. Нужно быть практичной. Однѣ теоріи не выдерживаютъ критики.

Надя ушла съ недоумѣніемъ и болью въ сердцѣ.

«Говоритъ совершенно, какъ папа, тѣми же словами... Коммерція... практичность... а для души и не осталось ничего...»

Отправилась по указанному адресу, чтобы найти Петю, помочь ему и какъ-нибудь устроить его въ лавку или контору.

Проѣзжала незнакомыми кварталами, слышала брань и крики пьяныхъ бродягъ и съ ужасомъ думала, въ какой трущобѣ долженъ ютиться несчастный мальчикъ, тогда какъ она живетъ на всемъ готовомъ, въ богатомъ домѣ, ни въ чемъ не нуждается и ничего не дѣлаетъ, такъ какъ то, что она называла дѣломъ, «не дѣло, а бездѣлье».

Еле отыскала дворъ и, когда вошла, чуть не задохнулась отъ смраднаго чада и запаха плѣсени.

Несмотря на чудный майскій вечеръ, когда все благоухало и цвѣло, здѣсь вѣяло ужасомъ разложенія, холодомъ и мракомъ.

Никого не было, кромѣ нетрезвой, безобразной старухи въ лохмотьяхъ.

— Чего надо? Ишь шляется!—хриплымъ окрикомъ встрѣтила она Гладышевскую:—счастье твое, что Артема нѣту, а то научилъ бы тебя выкамаривать... Такъ бы и жмакнулъ по башкѣ.

— Петю мнѣ нужно,—робко, едва выговаривая слова, прошептала блѣдная, какъ смерть, Надя, не переступая порога и трясясь отъ испуга, будто видѣла предъ собой не женщину, а отвратительное чудовище.

— Петьку? такое! что за книжками сидѣлъ?—прохрипѣла старуха и разразилась вдругъ дикимъ, свистящимъ хохотомъ:—да онъ рядышкомъ жилъ, рядышкомъ... Опоздали, матушка, опоздали! долгонько ботиночки натягивали да бровки подводили,—долгонько!

— А что? почему опоздала?—заикаясь, допрашивала Надя:—не понимаю, что вы такое болтаете,—тутъ же отважилась прибавить.

— То-то болтаете! А потому, золотцо мое, что сварганилъ мальчонокъ петельку изъ кушачка да и задалъ вертуна промежъ дверей, на крюку, значитъ...

— Какъ, повѣсился?—съ какимъ-то стономъ вырвалось у курсистки:—можетъ ли быть? ошибка, навѣрно...

— А то что жъ, себя приказали ждать, что ли? Чего хлуздать-то безъ толку! Никакихъ ошибокъ... Не на таковскую напали.

Библиотека "Руниверс"

Ничего не соображая, подъ хохотъ старухи, какъ обезумѣвшая, бросилась Надя изъ ужаснаго дома и такъ стремительно выскочила изъ воротъ и прыгнула на извозчика, что тотъ даже вздрогнулъ, ударилъ вожжами и погналъ лошадей, словно угорѣлый.

Пріѣхала и прямо прошла къ себѣ въ садъ, сосредоточенно, съ напряженнымъ видомъ ходила возлѣ цвѣточныхъ клумбъ и, дѣлая вѣнокъ изъ колючей гледичіи, вплетала въ него бѣлыя матрикаріи.

Затѣмъ торжественно направилась къ низкому забору, откуда виднѣлась левада, и бросила въ густую, сочную траву вѣнокъ, до крови исколовшій ей руки.

Медленно, съ разстановкой говорила выразительнымъ шопотомъ, обращаясь въ ту сторону, куда полетѣлъ вѣнокъ:

— Тебѣ—бѣдный, тебѣ—несчастный, тебѣ—одинокій, тебѣ—забытый, тебѣ—всѣмъ чужой и ненужный... Мы не сумѣли уберечь тебя, не сумѣли спасти... Зато смерть-избавительница сама услышала о твоемъ горѣ и явилась къ тебѣ...

И долго еще что-то говорила и бросала цвѣты за цвѣтами.

XVIII.

Тянулся іюнь, а Юлія все еще не получила желаемаго документа для своего Павлушки изъ казенной палаты.

Надя изъ себя выходила и въ бесѣдѣ съ отцомъ разносила мѣстныхъ чиновниковъ, какъ только могла, со свойственной ея нервностью.

— Развѣ они похожи на настоящихъ людей! Обыкновенные люди всегда любили солнце, а эти кроты страдаютъ солнцебоязнью. Для нихъ это—нѣчто страшное, неумолимое. Они прекрасно, вѣдь, понимаютъ, что солнечные лучи обезвреживаютъ, разлагаютъ архивную пыль, которую впитала и ежедневно впитываетъ въ себя ихъ чернильная душа. Въ комнатѣ-сидѣлкѣ, гдѣ они коптятъ лучшую часть жизни, въ яркій день спущены шторы («глазамъ больно»—видите!); сами—точно въ футлярахъ, живого слова отъ нихъ не добьешься... Ахъ, папа, развѣ можно такъ служить, какъ они служатъ! Тутъ жизненное дѣло, вопіющее о себѣ, а они тормозятъ... Въ душѣ любого человѣка, даже сухого педанта, гдѣ-то глубоко теплится чистая, святая искра свободы. Пусть она заглушена честолюбіемъ, всевозможными пороками, мракомъ обмана, но по временамъ все же словно пробуждается... Нѣтъ-нѣтъ, да и начнетъ мерцать, разбудитъ совѣсть, перенесетъ воображеніе къ далекому прошлому... Иной, можетъ, и очнется, воскреснетъ изъ мертвоживущихъ. Это все отъ солнца, отъ его лучей! Пустите его къ этимъ кротамъ, въ ихъ душную нору, гдѣ они столько лѣтъ угнетали свою несчастную жизнь и жизнь другихъ, связанныхъ почему-либо

Библиотека "Руниверс"

съ ихъ жизнью, и тогда, повѣрь, папа, они освободятся изъ-подъ гнета условностей, подымутъ свой угасшій духъ, и откроются имъ широкіе, свѣтлые горизонты...

Осипъ Осиповичъ не перебивалъ, дѣлалъ видъ, что слушаетъ, а самъ точно думалъ о чемъ-то другомъ.

Не было теперь прежняго гнѣва противъ дочери, не было раздраженья, оставалось одно какое-то затаенное сожалѣніе и смутная боязнь чего-то неотвратимаго.

— Да, да... Всегда говорилъ, что ты умѣешь ораторствовать... Адвокатомъ тебѣ быть, дочурка... Но зачѣмъ всѣ эти фразы?.. Онѣ безполезны. Колесо канцелярской машины какъ вертѣлось, такъ и будетъ вертѣться. Пойди и попроси еще разъ отъ моего имени, а то «солнцебоязнь», «кроты»... Излишній пафосъ.

Выбиралъ нарочно слова, чтобы не оскорбить, а въ это время назойливо выбивало въ мозгу:

«Надрывъ у нея какой-то... Пожалѣть бы ее, а боюсь—не повѣритъ, скажетъ, что насмѣхаюсь... Изломали ее эти... чтобъ ихъ прости Господи!..»

— Излишній пафосъ?—переспросила съ удареніемъ Надя и пожала плечами:—если бъ появился новый Данте и написалъ новую «Божественную Комедію»,—навѣрно, въ ней круги ада пополнились бы какой-нибудь новой «канцелярской пыткой»... Я крайне жалѣю Юлію и, конечно, завтра же буду опять въ казенной палатѣ.

— Вотъ это хорошо сказано! По крайней мѣрѣ сарказмъ, а не пафосъ... Насмѣшку я всегда уважалъ,—уклончиво вымолвилъ Гладышевскій и притворился, что ему очень весело.

«Странно какъ-то папа говоритъ!—молча, разсуждала сама съ собой, когда уходила отъ отца:—будто утѣшаетъ, какъ опасную больную... Жандармъ пожалѣлъ изъ уваженія къ папѣ, а папа жалѣетъ изъ страха передъ какимъ-то кошмаромъ... Въ пору сбѣжать отъ такихъ заботъ».

У себя на столѣ нашла письмо съ загородной маркой.

— Опять отъ Крупарушкиной!.. И зачѣмъ эта канитель?—вырвалось восклицаніе, и тѣнь легла на лицо, сразу поблѣднѣвшее и осунувшееся.

Нервно разорвала конвертъ и пробѣжала мелкую паутину неразборчиваго Сонинаго почерка:

«Считаю позоромъ послѣ того, что произошло, знаться съ вами. Если возвратитесь осенью въ Петербургъ, лучше и не показывайтесь на курсы. Вообще запомните, что все это такъ не пройдетъ. Подозрѣваемъ предательство съ вашей стороны въ отношеніи товарища М. и низкую трусость. Будущее покажетъ истинную причину вашего поступка. Будьте готовы. С. К.».

Видъ письма больше напугалъ, чѣмъ содержимое его.

Библиотека "Руниверс"

Надя разорвала измятый листокъ на мелкіе куски и разсмѣялась.

«Такъ я и буду бояться!.. Это вы бойтесь, а не я... У меня чиста совѣсть».

Легла спать съ открытымъ окномъ въ садъ.

Мерцали звѣзды, шелестѣли листья деревьевъ, доносились крики бодрствующей улицы и звуки множества жизней, проснувшихся въ высокой влажной травѣ и среди цвѣтовъ.

Спитъ Надя или не спитъ, но чудится ей, будто со стороны левады поднимается точно паръ, сгущается въ свѣтлое облачко и становится все ярче и ярче, приближается...

Вотъ уже становятся яснѣй очертанія, обрисовывается человѣческая фигура... что-то знакомое...

Узнаетъ Надя: это, конечно, онъ, библіотечный мальчикъ, Петя. У него такое тихое, спокойное выраженіе; онъ ничего не говоритъ, только улыбается и манитъ къ себѣ, киваетъ головой, зоветъ... Потомъ облачко опять расплывается и, въ видѣ пара или дыма, теряется тамъ же, откуда появилось.

Надя проснулась утромъ съ тяжелой головой и вспомнила сонъ. Затѣмъ стала поспѣшно одѣваться, чтобы итти въ казенную палату.

А тамъ, какъ разъ, былъ самый неудачный для этого день. Смерть начальника отдѣленія Алфавитова, которая такъ неожиданно случилась недѣлю назадъ, всѣхъ сослуживцевъ поразила, какъ громомъ. Это была настоящая чиновничья смерть: онъ умеръ при исполненіи служебныхъ обязанностей, составляя какую-то бумагу, мало того, онъ умеръ въ вицмундирѣ и даже двадцатаго числа, успѣвъ получить изъ кассы причитающійся мѣсячный окладъ.

— Ни величія мученичества, ни вѣнца страданія, ни безразличія нирваны, ни трагизма забвенія...—произнесъ съ разстановкой какой-то мѣстный канцелярскій философъ, стоя у остывающаго трупа, положеннаго на казенный диванъ, и смотря на лицо покойника, какъ-то перекосившееся отъ опущенной челюсти.

Дыханье смерти пронеслось надъ казенной палатой.

Была единодушно устроена подписка и собрана приличная сумма для украшенія гроба серебрянымъ вѣнкомъ.

Поговорили о почившемъ товарищѣ.

Кое-кому онъ приснился.

Казалось, чего-то недоставало, такъ какъ комната его оставалась пустой.

Понемногу начали заглядывать въ нее, отперли письменный столъ, шкапъ; конторку, вынули груду накопившихся бумагъ.

Алфавитовъ, какъ дипломатъ въ своей области, любилъ откладывать разрѣшеніе нѣкоторыхъ вопросовъ на неопредѣленное время, и вотъ теперь приходилось въ нихъ разбираться.

Библиотека "Руниверс"

Мало-по-малу приступили къ критикѣ этой манеры «канцелярскихъ забастовокъ», пошучивали.

Слава Алфавитова меркла не по днямъ, а по часамъ.

— Двуличный былъ покойникъ.

— Сплетничалъ изъ-за угла.

— Все взваливалъ на другихъ, а самъ лишь денежки загребалъ.

— Жалованье-то, небось, успѣлъ захватить передъ смертью, а старыя бумаги и не подумалъ разобрать!

— Напрасно вѣнокъ серебряный поднесли! Лучше пообѣдали бы въ ресторанѣ. Можно было изъ искусственныхъ цвѣтовъ или изъ безсмертниковъ соорудить.

Роптали, злословили, чернили память Алфавитова.

— А все-таки былъ настоящій чиновникъ!—заступился кто-то, видя въ этомъ вѣнецъ призванія.

Во время этихъ пересудовъ явилась въ палату Надя и вызвала дежурнаго чиновника, навела справки и, замѣчая, что дѣло замерзло, отправилась къ управляющему, тотъ вызвалъ замѣстителя Алфавитова, и вышла цѣлая исторія.

Разумѣется, всю вину взвалили на покойнаго.

— На дняхъ все будетъ готово-съ, ваше превосходительство, только докладъ написать. Алфавитовъ взялъ и запряталъ прошеніе въ папку ожидающихъ, а тутъ нечего было ожидать, напротивъ, слѣдовало помѣстить въ папку весьма срочныхъ, ваше превосходительство.

— Меня просилъ вашъ батюшка... я что-то припоминаю,—промямлилъ управляющій палатой, необыкновенно толстый, съ дряблымъ подбородкомъ:—это все они... ничего довѣрять нельзя... Слава Создателю, вакансія очистилась... Можно посадить болѣе достойнаго. Нѣтъ чтобъ угодить начальству! Этого у нихъ не водится, а когда нужно пособіе или что-нибудь такое—сейчасъ ко мнѣ... Придите-ка теперь! Я вамъ воспособлю...

Чиновникъ, которому предназначались эти угрозы, давно ушелъ, а онъ все ворчалъ, выводя скрипучимъ, монотоннымъ голосомъ скучныя причитанія.

Надѣ тоже надоѣло слушать, и она поспѣшила уйти съ еще большимъ раздраженіемъ противъ чиновниковъ палаты. Обиды накапливались, одна за другой.

Шла, какъ чужая, по многолюднымъ, залитымъ солнцемъ улицамъ Круглова.

Опять мелькнулъ, но совсѣмъ на короткій срокъ, силуэтъ незнакомца съ раздвоеннымъ носомъ.

«Неужели снова гадость?.. Живая тѣнь, что тебѣ отъ меня нужно? Значитъ, на всю жизнь связана и не развязаться съ этой напастью?»

Но незнакомца давно уже не было и начинало казаться, что это—плодъ разстроеннаго воображенія.

Библиотека "Руниверс"

XIX.

Игнатьевы уѣзжали за границу «провѣриться».

Послѣ женитьбы Борису какъ-то вдругъ повезло.

Капризная судьба то не въ мѣру преслѣдуетъ свою жертву, то внезапно осыпаетъ ее золотымъ дождемъ, точно стараясь вознаградить за прошлыя непріятности.

Въ нѣсколько вечеровъ онъ выигралъ приличный кушъ въ двухъ клубахъ, кромѣ того, получилъ нѣкоторый авансъ отъ Хлобыстова, который былъ очень доволенъ его фельетономъ и тиражомъ газеты.

Семейныя дѣла тоже уладились какъ нельзя лучше.

Настроеніе сдѣлалось великолѣпнымъ, словно выросли крылья.

Какъ опытный журналистъ, Игнатьевъ, разумѣется, сумѣлъ устроить себѣ командировку отъ редакціи «Сутокъ».

Собраться и ѣхать было дѣломъ нѣсколькихъ дней.

Лиза тоже повеселѣла и будто нашла то, что потеряла. Призракъ счастья сталъ вырисовываться ей яснѣе и яснѣе. Отъѣздъ былъ назначенъ на первое іюля.

Одновременно съ Игнатьевымъ отправлялся въ Парижъ и самоучка-скульпторъ Юрага, мѣстный учитель реальнаго училища и гимназіи, гдѣ воспитывался Леня.

Онъ получилъ отъ неизвѣстнаго мецената три тысячи рублей и ѣхалъ усовершенствоваться къ Родену.

Игнатьевы взяли билеты второго класса, а Юрага ни за что не хотѣлъ измѣнять своимъ правиламъ и, какъ ни склонялъ его Борисъ къ своей компаніи, предпочелъ поѣхать въ третьемъ.

— За чужія деньги да съ аристократами, ни-ни!.. Это—не увеселительная поѣздка, какъ у васъ или у иныхъ прочихъ, а паломничество къ свѣтлому храму искусства. Нужно еще заслужить право жить весело... Надо научиться смотрѣть на все новыми глазами. Во все проникнуть, все претворить въ себѣ... Колоссальная работа!.. Вотъ вернусь, тогда и заживемъ по-иному.

Невысокій, довольно неуклюжій, съ быстрыми маленькими глазками и непослушными черными волосами, онъ былъ какъ бы сродни своимъ фигуркамъ, которыя лѣпилъ между уроками рисованія, заботами о многочисленной семьѣ и требованіями житейскаго обихода.

Какъ Викторъ Гюго, онъ видѣлъ въ безобразномъ прекрасное и схватывалъ тѣ ужасы и уродства, которые давала ему повседневная жизнь.

Статуэтки раскупались по низкимъ цѣнамъ, но слава прежде никому невѣдомаго скульптора поднималась все выше и выше.

Игнатьевъ также немало содѣйствовалъ этому, посвятивъ ему какъ-то цѣлый фельетонъ, подъ заглавіемъ: «Поэтъ убожества». Статья была снабжена снимками съ его работъ.

Библиотека "Руниверс"

Даже губернаторъ, увидѣвъ скульптуру двухъ жалкихъ, бродячихъ собакъ, ищущихъ костей, задумался на минуту и затѣмъ съ увлаженнымъ взоромъ сказалъ чиновнику особыхъ порученій:

— Въ моемъ «Зеркалѣ» имѣется замѣчательное изреченіе по настоящему случаю: «Скотскія дѣла по многимъ обстоятельствамъ съ человѣческими дѣлами сходствуютъ. По сему основанію и въ скотахъ уму быть должно». Чрезвычайно одобряю молодого ваятеля.

Впрочемъ, не всѣ сочувствовали Юрагѣ.

Мѣстная «академія молодыхъ», какъ называли себя проживающіе въ Кругловѣ художники, не признавали самобытныхъ талантовъ, не подчинявшихся ихъ дисциплинѣ. Кто не посѣщалъ ихъ собесѣдованій—вычеркивался изъ списковъ заслуживающихъ вниманія.

Такъ какъ Юрага не бывалъ у нихъ, о немъ говорили:

— Абсолютно безграмотный!

А когда узнали, что онъ ѣдетъ къ Родену, засмѣялись.

— Роденъ—богъ, но и безсмертные не безъ слабостей. Если Юрага не дуракъ, онъ сыграетъ на томъ, что прибылъ пѣшкомъ изъ холодной, занесенной снѣгами, полудикой Московіи, въ особенности если надѣнетъ казацкую папаху. Роденъ тогда оцѣнитъ, учитывая французскія симпатіи. Вѣдь, вотъ нашелся же меценатъ! отсыпалъ три тысячи, «не требуя похвалъ за подвигъ благородный»...

За часъ до отхода скораго поѣзда на дебаркадерѣ толпилось человѣкъ двѣсти,—довольно изрядное общество для такого глухого времени, какъ жаркая средина лѣта въ душномъ городѣ.

Тутъ были самыя разнообразныя лица всѣхъ возрастовъ и положеній, но преобладала молодежь, сіяющая, румяная, восторженная.

Игнатьевыхъ провожали Гладышевскіе, кромѣ Лени, который исчезъ куда-то.

Гимназистъ отличался скрытностью; поэтому никто и не подозрѣвалъ, что онъ въ толпѣ поклонниковъ Юраги, рѣшившихъ устроить ему торжественные проводы.

Надя наскоро, еще до второго звонка попрощалась съ Лизой, пожала руку Борису и хотѣла уйти домой одна. Ея мысли настойчиво направлялись къ предстоящему собственному отъѣзду, назначенному черезъ нѣсколько дней.

Да ее и не удерживали Игнатьевы: она лишній разъ напоминала Лизѣ минувшее горе; при ней какъ-то застывала улыбка на губахъ жизнерадостнаго Бориса, и всѣмъ становилось неловко.

Громкіе голоса у вагона третьяго класса, въ концѣ платформы, привлекли вниманіе Нади, и она съ невольнымъ любопытствомъ прислушивалась, остановившись за колонной, чтобы не быть замѣченной.

Библиотека "Руниверс"

Большіе глаза напряженно всматривались въ лицо отъѣзжающаго, стоящаго у открытаго окна вагона.

Груды цвѣтовъ подносились ему десятками рукъ, груды валялись тутъ же на платформѣ, гдѣ онъ, очевидно, проходилъ.

— Возвращайтесь въ добромъ здоровьѣ...

— Изъ глины будете ваять сердца...

— Дорогой учитель, мы васъ никогда не забудемъ...

— Вы—наша гордость, а вся эта «академія молодыхъ» не стоитъ цвѣтка, измятаго вашей ногой...

— Не обращайте вниманія на сплетни...

— Завидуютъ, потому и ругаютъ. Вы цѣлой головой выше...

— Пишите намъ, не забывайте насъ въ Парижѣ...

— Дорогой, милый Юрага...

И такіе возгласы раздавались почти поминутно, сливаясь въ общій гулъ.

Не было печали; напротивъ, всѣ присутствовавшіе какъ бы праздновали побѣду и согрѣвались надеждой на будущіе успѣхи.

Когда раздался второй звонокъ, Юрага, неоднократно пытавшійся говорить, рѣшительно замахалъ руками, показывая, что хочетъ, наконецъ, непремѣнно сказать.

— Добрые, отзывчивые, родные!.. Какъ васъ благодарить? Хорошо, что вы вѣрите въ меня. Такъ и знайте,—этимъ я буду жить тамъ, далеко, во Франціи... Это—та духовная пища, которая будетъ вливать въ меня жизнь. При другихъ обстоятельствахъ, можетъ, и не выдержалъ бы, а теперь... нѣтъ, теперь крѣпка и моя вѣра! Буду учиться, какъ ученикъ, а потомъ... потомъ помчусь къ вершинамъ бѣлоснѣжнымъ. До скораго свиданія, друзья!

Послѣдній звонокъ, громкое «ура», свистки оберъ-кондуктора и пыхтѣнье отходящаго поѣзда...

Въ воздухѣ замелькали шляпы, фуражки и платки.

У Нади закружилась голова.

Мимо нея промчалась толпа, желавшая все еще сопровождать вагонъ, увозившій Юрагу.

На мгновеніе увидѣла брата Леню, неистово кричавшаго «ура!» Что-то юношески-задорное и солнечное представляла картина этихъ проводовъ, и все остальное тускнѣло передъ ней, напоминая о сѣрыхъ будняхъ. Точно на хребтѣ волны пронеслось залитое свѣтомъ сказочное судно и ослѣпило зрителей волшебными огнями.

XX.

Осипъ Осиповичъ съ женой догнали Надю возлѣ вокзала.

Она медленно шла, опустивъ голову, и, казалось, ничего не замѣчала, что происходило кругомъ.

Библиотека "Руниверс"

— Вотъ и Надюша!—вскричала Анна Петровна:—а Лени такъ-таки и нѣтъ. Противный мальчуганъ!

Подъѣзжалъ наемный экипажъ, въ который и сѣли.

— Вашъ Леня не пропадетъ. Онъ провожалъ учителя въ Парижъ, Юрагу. Я позавидовала брату. Онъ пережилъ чудныя минуты, которыя не возвращаются. Вотъ ужъ именно, какъ въ «Откровеніи»: «О, если бъ ты былъ холоденъ или горячъ! а какъ ты теплъ, а не горячъ и не холоденъ, то извергну тебя изъ устъ Моихъ». Я—теплая, а онъ—горячій, да и всѣ были тамъ такіе горячіе, и самъ Юрага—горячій... Игнатьевы, напримѣръ,—холодные... Всѣмъ имъ и живется хорошо...

— А тебѣ плохо, что ли?—спросила мать съ ноткой досады.

Отецъ все время молчалъ, искоса поглядывая на дочь.

— Я не говорю этого... я—такъ,—неохотно промолвила Надя, боясь обидѣть Анну Петровну.

— Юрага дѣйствительно молодецъ изъ молодцовъ, а молодежь, конечно, тоже раздуваетъ. Онъ многимъ обязанъ Борису,—отозвался Гладышевскій.

Доѣхали молча. Никому не хотѣлось спорить.

Каждаго гвоздила какая-нибудь мысль, но никто не желалъ дѣлиться ею.

Былъ очень душный вечеръ.

Съ юга небо заволакивалось тучами, и сверкали затѣйливые изгибы молній. Издали доносились глухіе раскаты грома.

Кухарка Ирина говорила въ такихъ случаяхъ:

— Святый пророкъ Илья гостей домой провожаетъ, дождичкомъ дорожку поливаетъ, путь молоньею освѣщаетъ, изъ гукавочекъ стрѣляетъ.

Надя направилась къ любимому мѣсту въ бесѣдкѣ.

Никогда еще она не была въ такомъ странномъ состояніи, близкомъ къ отчаянью: будто сразу что-то выбило ее изъ колеи, разрушило всѣ замыслы и въ то же время не дало ничего впереди, кромѣ зіяющей пустоты.

Кое-какъ, насколько могла, старалась она собрать растерянныя мысли.

Зигзаги молній, удары грома, дождь, накрапывавшій все крупнѣй и крупнѣй и переходящій въ ливень, не развлекали ея. Она точно не замѣчала ихъ.

Ея жизнь мелькала передъ ней вертящейся лентой кинематографа.

Дѣтство и годы гимназіи мало занимали ее; главнымъ образомъ притягивало то время, когда поѣхала въ Петербургъ на Бестужевскіе курсы.

Вполнѣ опредѣленно создавался планъ дальнѣйшей жизни: служить просвѣтительнымъ и человѣколюбивымъ цѣлямъ, въ ущербъ

Библиотека "Руниверс"

личнымъ успѣхамъ, забывать себя ради другихъ, если это почему-либо понадобится.

Встрѣча съ Крупарушкиной и ея компаніей повела по другой, идейной дорогѣ, которую тоже считала благодѣтельной, пока не увидѣла, что тотъ же самолюбивый деспотизмъ владычествуетъ и тамъ.

Создалась двойственность. Надя видѣла, что ее принимали вовсе не за ту, чѣмъ она была, и не было смѣлости однимъ ударомъ съ размаху разрубить скрѣпляющій узелъ.

Вернулась домой, ничего не сдѣлавъ, и словно въ болото попала, засасывающее въ свою тину съ возмутительной настойчивостью,— по горло вошла, осталось только захлебнуться.

«То хоть вполкрыла летала, а теперь совсѣмъ будто связали и подломали крылья... На дворѣ лѣто, но душѣ кажется, будто непроглядная, морозная ночь и волки изъ лѣсу выходятъ по одиночкѣ и воютъ, чуя добычу, и не знаешь, какъ побѣдить хищниковъ... Этотъ Юрага съ ума меня свелъ... Есть же дарованія, есть крѣпкіе, здоровые люди, въ которыхъ вѣрятъ и которые знаютъ, къ чему идутъ... А я—бездарное, нелѣпое, безполезное существо... что-то теплое, ни горячее, ни холодное. Что я сдѣлала до сихъ поръ, кромѣ глупостей? Лучше ограниченная тупость, чѣмъ умная безполезность. Со мной носятся дома, не знаютъ, въ какое кресло посадить, а я только подкапываюсь подъ всѣхъ да выискиваю предлога, какъ бы кого унизить и осмѣять. Имѣю ли я право жить среди нихъ?.. А куда ѣхать? Въ Петербургъ? Но меня и тамъ не хотятъ, и я не хочу съ ними встрѣчаться. Нѣтъ для меня мѣста. Сколько земли свободной, но все—чужая, не моя... Настю и ту не уберегла отъ Ленинихъ лапъ; Петѣ и тому не скрасила жалкаго существованія... Глупая, нелѣпая безполезность!..»

Скакали мысли съ одного предмета на другой, и вотъ Надя опять всматривается въ ту сторону левады, куда недавно бросала вѣнокъ и цвѣты, и, при вспышкѣ молніи, явственно видитъ колеблющуюся, свѣтлую тѣнь съ знакомымъ очертаніемъ.

Привѣтливо улыбается, киваетъ и зоветъ, беззвучно шевеля блѣдными губами.

Внезапный страхъ почему-то овладѣваетъ Надей, и она въ ужасѣ бѣжитъ въ комнаты, вся вымокшая, измученная...

Хватается за дневникъ, чтобы сдѣлать обычную запись, и вдругъ неожиданно приходитъ къ убѣжденію, что «если сейчасъ взять и сжечь его, никакой связи не будетъ съ жизнью, такъ какъ эти неодушевленныя страницы все же хранятъ въ себѣ частицу ея души... стало быть, поскорѣй лучше отдѣлаться отъ нихъ и—концы въ воду».

Сначала робко, потомъ смѣлѣй идетъ къ кухнѣ, сжимая толстую тетрадь.

«Плита, навѣрно, еще топится», думаетъ она.

Библиотека "Руниверс"

Въ коридорѣ пріостановилась, не рѣшаясь открыть дверь, слушаетъ.

Ирина повторяетъ кому-то въ безконечный разъ исторію о томъ, какъ замолчали лягушки въ озерѣ при Дивогорскомъ монастырѣ и какъ игуменъ приказалъ имъ упразднить свой гласъ, чтобы не мѣшали инокамъ молиться.

Надя порывисто вошла, отворила дверцу и швырнула тетрадь въ дымящіеся уголья.

— Во что это вы, барышня, такъ убрались? Весь подолъ загрязнили...—обратилась къ ней кухарка.

— Дождь намочилъ... высохнетъ...

Трудно было говорить; не повиновались слова, и Надя поспѣшила скрыться, чтобы не возбуждать никакихъ подозрѣній.

Вся ходуномъ ходила отъ волненья, и зубы стучали.

«Вотъ и сожгла жизнь... теперь уже легко... Петя поможетъ...»

И смотрѣла вдаль черезъ окно, какъ бы дожидаясь призыва оттуда. Но было темно въ саду, стихла молнія, и только продолжалъ накрапывать дождь.

Долго сидѣла неподвижно, вглядываясь въ одну точку.

«Да, теперь нельзя... душа сгорѣла...»

Изъ Надиной комнаты лѣвое окно выходило въ садъ, правое на улицу. Мелькнула мысль о «живой тѣни», встала и приложилась лбомъ къ стеклу: незнакомца не было передъ домомъ.

Больше никакихъ воспоминаній не являлось, и все сосредоточилось на одномъ: на приготовленіи къ переходу грани, отдѣляющей ее отъ Пети. Достала толстый шелковый шнурокъ и прошмыгнула въ садъ, чтобы не быть замѣченной. Она хорошо помнила, что въ бесѣдкѣ прежде торчалъ въ потолкѣ большой крюкъ, гдѣ висѣла лампа.

Послѣ грозы, освѣжившей воздухъ, удивительно благоухали цвѣты, наполняя садъ запахомъ ванили, и разжигали желаніе жить.

«Казнь—отвратительная форма убійства, потому что совершается съ одобренія общества», отчетливо вырисовалась въ мозгу фраза наканунѣ прочитанной книжки.

Пугливая тишина, трепетное замиранье сердца и вдругъ опять возвратъ къ прошлому.

— Надюша, Надюша! что ты дѣлаешь? сыро... простудишься...—раздался изъ окна голосъ Анны Петровны, точно предчувствовавшей что-то недоброе.

— Ничего, мамочка,—откликнулась Надя:—тепло...

Старалась не выдавать себя, но мать все же замѣтила какую-то перемѣну.

— Тепло, а почему охрипла?.. Иди-ка лучше въ комнаты.

Пришлось вернуться, чтобъ усыпить безпокойство, но съ ма-

Библиотека "Руниверс"

терью все равно рѣшила не прощаться,—не разсчитывала на свои нервы.

Съ безпокойнымъ; остановившимся взглядомъ снова прошла въ себѣ и только теперь увидѣла еще съ утра лежавшее нераспечатаннымъ письмо отъ петербургскаго знакомаго, отбывающаго воинскую повинность въ Севастополѣ.

Машинально стала читать:

«Ужъ девять мѣсяцевъ служу царю и отечеству и защищаю ихъ отъ враговъ, внѣшнихъ и внутреннихъ. Напрасно существуетъ убѣжденье, что солдаты ничего не дѣлаютъ. По личному опыту могу установить, что занятій очень много. Особенно гимнастика одолѣваетъ. Прежде была примитивная, потомъ ввели соколиную, а нынче кто-то придумалъ особенную и написалъ наставленіе съ указаніемъ всѣхъ упражненій на трехстахъ страницахъ. Все это заполняетъ время и называется *службой*. Кромѣ того, уставы, строй, ружейные пріемы, стрѣльба и т. п. Я никогда не вставалъ такъ рано: роту поднимаютъ въ $4^1/_2$ — 5 часовъ. Зато рано ложатся спать: въ 9 часовъ, послѣ повѣрки, зари и молитвы. Въ 11 обѣдъ, въ 3 — 4 часа чай, въ 7 — 8 часовъ ужинъ. Въ промежуткахъ — занятіе, вотъ и вся жизнь... Съ тѣхъ поръ, какъ я въ полку, газетъ не читаю совершенно. Разъ въ двѣ недѣли, правда, отпускаютъ въ городъ, и тогда покупаю газету. Книгъ тоже нѣтъ. Есть въ городѣ библіотека, но брать книги можно лишь съ разрѣшенія ближайшаго начальника. Единственно, что здѣсь превосходно, это—синее небо, жаркое солнце и бирюзовое море. Окрестности живописны. Тутъ хорошо жить, но плохо быть солдатомъ, потому что нельзя пользоваться этимъ благомъ. И я стою на распутьи... Посовѣтуйте, продолжать ли мнѣ военную службу, итти ли въ военное училище, или вернуться къ прежней свободной жизни?..»

Не дочитала письма, бросила и горько улыбнулась.

«*Посовѣтуйте*!.. И у тебя тоже подрѣзаны крылья! Ну, и погибай, какъ всѣ гибнутъ... У кого нѣтъ крыльевъ,—нѣтъ и права на жизнь...»

И, точно желая себя потѣшить въ послѣдній разъ, взяла почтовую бумагу, начертила одно слово: «Застрѣлитесь», поставила инициалы, положила въ штемпельный конвертъ, заклеила и написала адресъ.

«Безъ меня отправятъ, а не отправятъ—его счастье»...

Чуть въ комнатахъ совсѣмъ все затихло, придвинула стулъ подъ висячую лампу, рядомъ привязала шнурокъ, сдѣлала петлю и, когда потушила свѣчку, снова увидѣла бѣлое облачко, сгущавшееся надъ левадой.

— Иду, иду...—прошептала она и оттолкнула стулъ, со стукомъ упавшій на полъ.

Но въ домѣ всѣ спали и никто не слышалъ этого глухого, одинокаго звука.

Библиотека "Руниверс"

XXI.

Во время похоронъ Нади Анна Петровна страшно волновалась, впадала въ истерику, а Осипъ Осиповичъ какъ-то закостенѣлъ, точно углубленный въ какую-то таинственную думу.

Священникъ, послѣ погребенья, вздохнулъ и промолвилъ, какъ бы про себя, но такъ, что многіе разслышали:

— Жалѣю, жалѣю молодую жизнь! Соболѣзную родителямъ... Да, тутъ никакъ не скажешь: «Поглощена смерть побѣдой», не скажешь: «Смерть, гдѣ твое жало? Адъ, гдѣ твоя побѣда?..» Недостойный примѣръ подрастающему поколѣнію. Господи, прости и помилуй.

Черезъ недѣлю ближайшихъ родственниковъ, которыхъ было достаточно въ Кругловѣ, и друзей Гладышевскій созвалъ къ себѣ вечеромъ «по важному дѣлу», какъ стояло на его пригласительныхъ карточкахъ съ траурной каймой.

Не всѣмъ хотѣлось пріѣзжать съ дачъ въ знойную, лѣтнюю пору, но все-таки собрались, заинтересованные страннымъ приглашеньемъ.

Было человѣкъ двадцать, въ томъ числѣ и Хлобыстовъ.

Чувствовали себя неловко.

Въ квартирѣ еще смутно ощущался неуловимый запахъ ладана, и каждый думалъ объ отсутствующей, всегда нервной и возбужденной чѣмъ-нибудь, но безусловно честной и отзывчивой.

Юлія и Настя печально разносили чай. Леня угощалъ, пока не было отца съ матерью.

Столовая изъ американскаго дуба казалась осиротѣвшей и неуютной.

Издатель «Сутокъ» прилежно занималъ общество, распространяясь относительно отрицательныхъ явленій современной жизни и, за отсутствіемъ Игнатьева, горѣлъ жаждой написать фельетонъ на эту тему.

Онъ только и мечталъ сдѣлаться литераторомъ

Склонивъ голову на бокъ, пришепетывалъ и поблескивалъ раскосыми глазками изъ-подъ хрустальныхъ стеколъ круглыхъ очковъ.

— На каждомъ шагу у насъ «рогатки». Онѣ словно въѣлись въ русскую жизнь. «Ахъ, если бы живыя крылья...»—вылилось у Тютчева, —да что изъ этого?.. Нѣтъ крыльевъ, а потому нѣтъ, что подрѣзаны... Человѣкъ хочетъ итти впередъ, а передъ его глазами «рогатки», за «рогатками» угрозы, и мы идемъ кто куда, вразбродъ, не прямо, а вкось... Насъ всегда что-нибудь задерживаетъ, разочаровываетъ... Въ юныя души попадаетъ ядъ угрызеній, тоски, озлобленности, сомнѣній... блестящія надежды и упованія, могучіе порывы, яркія вспышки таланта разбиваются, замерзаютъ... За «рогаткой» часто стоитъ пошлость, бездарность, передъ «рогаткой» нерѣдко безпомощно бьется, гибнетъ здоровый умъ, меркнетъ бод-

Библиотека "Руниверс"

рая вѣра, гаснетъ дарованіе, остываетъ горячій, юный задоръ... Къ чему бы это я?.. Да, о Наденькѣ вспомнилъ!.. Бѣдная жертва душевнаго разлада...

Но тутъ показался Осипъ Осиповичъ и сталъ обходить всѣхъ, здороваясь, и благодарить, что исполнили его просьбу.

Глаза ввалились, сверкая изъ-подъ густыхъ бровей сухимъ огнемъ; худое лицо еще больше осунулось, и длинная борода замѣтно гуще посѣдѣла.

— Жена извиняется. Не выйдетъ. Тяжело ей. А что касается меня, то я пригласилъ васъ, чтобы принести вамъ повинную. Помните, у Алексѣя Толстого въ монологѣ Іоанна Грознаго: «Каюсь! Моимъ грѣхамъ нѣсть мѣры и числа!.. Душою скотенъ, разумомъ растлѣнъ. Прельстился я блещаньемъ багряницы, главу мою гордыней осквернилъ...» Я видѣлъ, какъ моя дочь, моя Надя, погибала, захваченная вихремъ жизни, и я не протянулъ ей руки, а она билась безпомощными крыльями, какъ птичка въ бурю. Она не вѣрила въ искренность моихъ убѣжденій, считала ихъ недостойными и чувствовала себя до ужаса одинокой въ этихъ хоромахъ прелюбодѣя мысли. Я не удержалъ ея, когда она стояла у бездны, и вотъ результатъ—ея нѣтъ между нами!.. Ея свѣтлый образъ растаялъ... Земно кланяюсь вамъ, прошу прощенья у васъ. Нѣтъ на землѣ еще одной правдивой души!.. Плачьте! Ей-Богу, не по злобѣ поступалъ такъ! Вы, можетъ, простите; но я не прощу себя и налагаю самъ на себя эпитемію: больше нѣтъ адвоката Гладышевскаго, нѣтъ городского дѣятеля, нѣтъ редактора «Сутокъ». Недостоинъ ими быть и слагаю эти званія. Пускай другіе, достойнѣйшіе, воспользуются ими...

Сперва всѣ молчали, такъ были поражены этой покаянной Осипа Осиповича, потомъ мало-по-малу начали усовѣщевать его, внушали ему свои обывательскія мысли. Особенно Хлобыстовъ изъ кожи лѣзъ, дрожа за судьбу газеты. Но Гладышевскій оставался непреклоненъ, раскланялся и ушелъ.

— Смиреніе паче гордости, — произнесъ вполголоса Хлобыстовъ:—онъ одумается, держу пари... Конечно, утрата велика, и подъ вліяніемъ ея немного у него здѣсь перевернулось,—и онъ показалъ пальцемъ на лобъ.

Сконфуженно расходились, считая, что Гладышевскій подшутилъ надъ ними.

В. Умановъ-Каплуновскій.

Библиотека "Руниверс"

ЗА ТРИДЦАТЬ ЛѢТЪ [1].

(Листки изъ воспоминаній).

V.

Генералъ А. А. Орловъ.—Великій князь Николай Николаевичъ Старшій.—Рауль Гинцбургъ и «Жизнь за царя» въ ниццкой оперѣ.—Графиня Н. А. Меренбергъ.—Служба въ лейбъ-гвардіи Измайловскомъ полку.—Великій князь Константинъ Константиновичъ.—«Измайловскій Досугъ».—Графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ.—А. Ѳ. Кони.—А. В. Плетневъ.—Переводъ во флотъ.

ЗИМУ 1889—1890 годовъ мнѣ вмѣстѣ съ великимъ княземъ Георгіемъ Михайловичемъ, при которомъ я тогда состоялъ, пришлось прожить въ Каннѣ. Въ это время на Ривьеру пріѣхалъ также великій князь Николай Николаевичъ Старшій, нанявшій себѣ виллу въ Ниццѣ (часъ ѣзды отъ Канна).

При великомъ князѣ Николаѣ Николаевичѣ Старшемъ, уже носившемъ въ себѣ зачатки болѣзни, которая потомъ преждевременно свела его въ могилу, состояла довольно большая свита.

Управлялъ дворомъ великаго князя генералъ Аѳиногенъ Алексѣевичъ Орловъ.

Не производившій никогда впечатлѣнія настоящаго военнаго служаки, широкоплечій, коренастый, человѣкъ въ общемъ добродушный, пріятный въ обращеніи, старый мой знакомый, генералъ Орловъ имѣлъ видъ скорѣе помѣщика средней полосы Россіи. Не обладая, сколько мнѣ извѣстно, большими средствами, онъ

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ» т. CXXXIV, стр. 92.

Библиотека "Руниверс"

въ концѣ своей жизни, при увольненіи въ запасъ, принялъ даже мѣсто члена совѣта въ одномъ изъ большихъ частныхъ банковъ.

Генералъ Орловъ былъ отцомъ блестящаго красавца, впослѣдствіи свитскаго генерала А. А. Орлова, бывшаго командира лейбъ-гвардіи Уланскаго Ея Величества полка, усмирявшаго въ 1904 году революціонныхъ латышей прибалтійскихъ губерній и затѣмъ вскорѣ погибшаго въ Геллуанѣ (Египтѣ) отъ туберкулеза. Съ генераломъ Аѳиногеномъ Орловымъ я встрѣтился въ Ниццѣ рано утромъ въ передней виллы Николая Николаевича, въ которому я изъ Канна ѣздилъ расписываться. По старому нашему знакомству, и въ данномъ случаѣ какъ врача великаго князя Георгія Михайловича, генералъ Орловъ пожелалъ меня немедленно представить великому князю Николаю Николаевичу.

Оставивъ меня одного въ громадномъ залѣ виллы, генералъ Орловъ отправился къ генералу-фельдмаршалу. Не прошло и десяти минутъ, какъ дверь на противоположномъ концѣ зала чуть-чуть пріотворилась и изъ нея показался (я сразу не разглядѣлъ, въ чемъ было дѣло) довольно большой палецъ, нѣкоторое время упорно продѣлывавшій знакъ на всѣхъ языкахъ, почему-то означающій зовъ.

Только послѣ нѣкотораго разсматриванія таинственнаго пальца я наконецъ рѣшился придвинуться поближе къ дверямъ, откуда, очевидно, именно мнѣ дѣлались кѣмъ-то призывные знаки. Не успѣлъ я, однако, привести свое намѣреніе въ исполненіе, какъ мигающій палецъ исчезъ, и быстро растворившаяся дверь показала мнѣ во весь ростъ всѣмъ извѣстную статную и по портретамъ похожую на Николая I фигуру великаго князя Николая Николаевича Старшаго.

— Подите-ка сюда, подите-ка сюда; надо съ вами познакомиться,— началъ онъ добродушнымъ голосомъ.—Генералъ Орловъ сказалъ мнѣ, что онъ давно васъ знаетъ. А вы съ Георгіемъ Михайловичемъ надолго сюда пріѣхали?—продолжалъ Николай Николаевичъ, подавъ мнѣ руку.

Замѣтивъ, что великій князь въ духѣ и что онъ, видимо, подъ вліяніемъ любезныхъ словъ обо мнѣ генерала Орлова, такъ ко мнѣ милостивъ, я набрался смѣлости и, отвѣтивъ на заданный мнѣ вопросъ, въ свою очередь спросилъ Николая Николаевича:

— Чѣмъ я, ваше императорское высочество, успѣлъ уже заслужить ваше нерасположеніе?

Великій князь посмотрѣлъ на меня съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ.

— Вѣдь я только младшій врачъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка,—продолжалъ я:—почему же вы, ваше высочество, обращаетесь ко мнѣ на вы, когда вы всѣмъ и даже старымъ генераламъ говорите ты и только тогда переходите на вы, когда вы на тѣхъ,

Библиотека "Руниверс"

съ которыми вы говорите, сердитесь? Чѣмъ же, смѣю спросить, ваше высочество, я успѣлъ васъ разсердить?

— Такъ вотъ ты какой молодецъ!—съ улыбкой сказалъ великій князь.—Ну, подойди ко мнѣ и поцѣлуемся!

Это было началомъ того вниманія, которое и здѣсь, въ Ниццѣ, и потомъ въ Петербургѣ постоянно мнѣ оказывалъ великій князь Николай Николаевичъ Старшій.

Изъ зала великій князь повелъ меня въ свой кабинетъ, гдѣ онъ предложилъ мнѣ познакомиться со своею свитою, а одному изъ своихъ адъютантовъ приказалъ послать въ Каннъ великому князю Георгію Михайловичу телеграмму съ извѣщеніемъ, что онъ оставляетъ меня у себя на цѣлый день.

Никакія просьбы съ моей стороны о необходимости возвращенія въ Каннъ, ссылаясь на неполное выздоровленіе Георгія Михайловича, мнѣ не помогли: «Ну, это ты выдумываешь,—прервалъ меня великій князь:—Георгій Михайловичъ теперь уже здоровъ» и т. д. И я волей-неволей долженъ былъ остаться до поздней ночи у удивительно симпатичнаго и привѣтливаго великаго князя.

За завтракомъ его высочество все время шутилъ со мною, между прочимъ разспрашивалъ и про мою службу въ военномъ вѣдомствѣ, полюбопытствовавъ кстати, не пріѣхалъ ли я въ Каннъ вмѣсто того, чтобы лечить его племянника, попросту ухаживать за хорошенькими француженками, разсказывалъ эпизоды изъ своей жизни и пр.

Послѣ очень простого завтрака великій князь взялъ меня съ собою на прогулку. Нѣкоторое количество русской элегантной публики на promenade des Anglais, обыкновеннаго rendez vous ниццкихъ жителей, узнавъ великаго князя, почтительно его привѣтствовали. Обѣдали мы скромно дома въ довольно многочисленномъ обществѣ, состоявшемъ большею частью изъ приближенныхъ великаго князя. Вечеръ же мы съ великимъ княземъ и однимъ изъ адъютантовъ провели въ оперѣ въ абонированной дворомъ великаго князя ложѣ. Попалъ я на интересный спектакль. Въ этотъ вечеръ давалась «Жизнь за царя» на французскомъ языкѣ.

Если знаменитый имитаторъ, потомъ опереточный пѣвецъ и режиссеръ всѣмъ извѣстнаго «Демидрона» (что на Офицерской улицѣ, нынѣ «Луна-паркъ» съ аттракціонами), содержатель французской оперной труппы и оперетки, сначала у насъ въ «Акваріумѣ», а впослѣдствіи въ Ниццѣ и Монте-Карло, и, наконецъ, авторъ буквально насвистанной имъ оперы «Jean le Terrible» (Р. Гинцбургъ нотъ не знаетъ и играть ни на чемъ не умѣетъ), имѣвшей, по словамъ нѣкоторыхъ французскихъ газетъ, колоссальный успѣхъ въ Парижѣ, если—повторяю—всесвѣтно знаменитый Рауль Гинцбургъ и не былъ, несмотря на его клятвенное увѣреніе въ «Figaro», иниціаторомъ франко-русскаго союза, то во Франціи онъ, несомнѣнно, былъ пропагандистомъ русской музыки во всѣхъ ея проявленіяхъ.

Библиотека "Руниверс"

И за это одно ему надо сказать спасибо. Опера «Жизнь за царя» въ Ниццѣ шла на французскомъ языкѣ въ теченіе зимняго сезона 1890 года въ слѣдующемъ составѣ: Антониду, что всего удивительнѣе, пѣла, и довольно музыкально, обладавшая большимъ голосомъ жена Рауля Гинцбурга, бывшая оперсточная пѣвица, чисто французскаго каскаднаго пошиба, но затѣмъ сразу взявшаяся за партію Антониды. Сусанина, по-своему очень недурно, исполнялъ знаменитый баритонъ Девойодъ, нѣсколько лѣтъ служившій въ Петербургѣ въ нашей казенной итальянской оперѣ и потомъ скончавшійся въ Москвѣ отъ паралича сердца, буквально на сценѣ во время представленія, кажется, «Фауста». Сабинина изображалъ героическій теноръ Шевалье, обладавшій великолѣпнымъ голосомъ, также нашъ петербургскій знакомый по оперной труппѣ, содержимой Р. Гинцбургомъ въ «Акваріумѣ» и, кажется, раньше въ «Ливадіи». Ваню исполняла какая-то неважная француженка; фамилію ея я забылъ. Конечно, духа «Жизни за царя» французскіе пѣвицы и пѣвцы не могли себѣ усвоить, но пѣли въ общемъ (особенно мужчины) хорошо.

Рауль Гинцбургъ, съ 1890 года изъ маленькаго антрепренера ниццкаго муниципальнаго театра и театра въ Монте-Карло превратившійся чуть ли не въ милліонера и, по словамъ французскихъ газетъ, даже въ барона, все-таки продолжалъ и продолжаетъ пропагандировать русскую музыку, а въ послѣдніе годы и русскій балетъ, вѣроятно, памятуя, что только благодаря деньгамъ русскихъ офицеровъ въ Румыніи и Болгаріи въ войну съ Турціею 1877—78 гг. и во время пребыванія въ Петербургѣ онъ могъ стать на ноги и достигнуть тѣхъ блестящихъ результатовъ, плодами которыхъ онъ съ лихвою пользуется и понынѣ.

Одна изъ моихъ дальнѣйшихъ встрѣчъ съ августѣйшимъ главнокомандующимъ произошла при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Кажется, въ концѣ лѣта 1900 года я былъ какъ-то, уже по окончаніи моей службы у великаго князя Георгія Михайловича, приглашенъ въ Михайловку (около Стрѣльны) къ великому князю Михаилу Николаевичу на завтракъ. Довольно большому обществу, собравшемуся въ залѣ, было объявлено, что къ завтраку ожидается великій князь Николай Николаевичъ Старшій. Когда, однако, прошло четверть часа de grâce и великаго князя Николая Николаевича все еще не было, то великій князь Михаилъ Николаевичъ пригласилъ всѣхъ садиться.

Только мы всѣ успѣли съѣсть супъ (у великаго князя Михаила Николаевича супъ, а въ большинствѣ случаевъ два супа подавались не только за обѣдомъ, но и за завтракомъ), какъ камеръ-лакей доложилъ о пріѣздѣ великаго князя Николая Николаевича Старшаго.

Моментально всѣ вскочили съ мѣстъ, сдѣлали это также не только молодые великіе князья, оставшись стоять у своихъ приборовъ,

Библиотека "Руниверс"

но и самъ великій князь Михаилъ Николаевичъ; мало того, къ моему удивленію, поднялась со своего мѣста великая княгиня Ольга Ѳеодоровна, повидимому, въ знакъ не только уваженія, но и придворнаго этикета по отношенію къ старшему брату Михаила Николаевича. Вошедшій великій князь Николай Николаевичъ извинился за опозданіе и, сдѣлавъ общій поклонъ, окинулъ затѣмъ бѣглымъ взоромъ присутствующихъ. Увидѣвъ меня, его высочество сказалъ:

— А, и ты здѣсь! А почему ты ко мнѣ не пріѣхалъ въ Знаменку?

На другой день я въ мундирѣ, эполетахъ, однимъ словомъ, въ парадной формѣ отправился по петергофской дорогѣ въ Знаменку. Тамъ я вновь такъ былъ обласканъ великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ, что меня окончательно перестали удивлять та искренняя любовь и преданность, которую умѣлъ вселять къ себѣ не только среди военныхъ августѣйшій братъ Александра II.

Первыя слова, обращенныя ко мнѣ великимъ княземъ, были:

— А ты какъ смѣлъ явиться ко мнѣ на дачу въ парадной формѣ; я вѣдь тебя звалъ къ себѣ въ гости!

И мнѣ пришлось снова, какъ въ началѣ знакомства, отвѣтить:

— Ваше высочество, какъ бы это я, младшій врачъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, посмѣлъ иначе явиться къ вамъ, генералъ-фельдмаршалу и главнокомандующему войсками гвардіи и петербургскаго военнаго округа безъ особаго на то съ вашей стороны разрѣшенія, котораго ваше высочество вы мнѣ не изволили раньше дать.

Если припомнить все, что было сдѣлано великимъ княземъ въ минувшую турецкую войну 1877—1878 г.г., которую онъ, начиналъ, еще не вполнѣ выздоровѣвъ отъ тяжелой болѣзни, зная очень хорошо всю нашу неподготовленность въ военномъ отношеніи (скверныя орудія, недальнобойныя ружья Крнка, незавидное интендантство и плохой обозъ), зная про совершенное отсутствіе у насъ денегъ (золота) и вообще, по собственнымъ деликатнымъ словамъ великаго князя [1]), при весьма трудныхъ условіяхъ, имѣя противъ себя еще враждебность нашей дипломатіи, климатъ и отсутствіе флота, постоянно стѣсняемый въ своихъ дѣйствіяхъ присутствіемъ Александра II, при массѣ другихъ неблагопріятныхъ условій, и когда онъ все-таки вынесъ на себѣ тяжелое бремя командованія, блестяще доведеннаго имъ почти до конца и не по своей волѣ остановленнаго у самыхъ почти вратъ Царьграда, тогда естественно встаетъ во весь ростъ могучая фигура этого августѣйшаго главнокомандующаго, вполнѣ заслужившаго сооружаемый ему въ настоящее время благодарнымъ потомствомъ памятникъ.

---

[1]) См. вышедшія въ 1913 года прекрасныя воспоминанія бывшаго адъютанта великаго князя Д. А. Скалона.

Библиотека "Руниверс"

Во время моихъ странствованій съ великимъ княземъ Георгіемъ Михайловичемъ по Европѣ мы, между прочимъ, провели нѣсколько мѣсяцевъ въ Висбаденѣ, гдѣ я познакомился съ графинею Меренбергъ, дочерью нашего великаго А. С. Пушкина, и всею ея семьей и сталъ потомъ часто бывать у нихъ въ домѣ. Семья графини состояла въ это время изъ ея супруга, принца Николая Нассаускаго, брата тогдашняго владѣтельнаго герцога Нассаускаго, двухъ красавицъ дочерей, Софіи и Адды Николаевенъ, и подростка-сына, вылитаго прусскаго кадета.

Хотя дѣти графини Меренбергъ вовсе не говорили по-русски, но вся свита великаго князя и даже самъ великій князь Георгій Михаиловичъ иначе не величали красивыхъ дочерей принца Нассаускаго, какъ русскими прозвищами.

Самъ принцъ Нассаускій (не такъ давно скончавшійся) добылъ себѣ свою жену, если не съ бою, то во всякомъ случаѣ послѣ большихъ треволненій.

Красавица Наталія Александровна Пушкина, по первому браку супруга генерала Дуббельта, была уже замужемъ, когда будущій второй ея мужъ принцъ Николай Нассаускій явился въ Россію на коронаціонныя празднества, присланный представителемъ нассаускаго двора по случаю восшествія на престолъ Александра II.

Несмотря на то, что послѣ развода съ генераломъ Дуббельтомъ и вторичнаго выхода замужъ за принца Нассаускаго Наталія Александровна, получившая послѣ замужества титулъ графини Меренбергъ, затѣмъ почти не пріѣзжала въ Россію, тѣмъ не менѣе она осталась все такою же хорошею, милою, доброю, простою русской женщиною, каковою и много лѣтъ спустя осталась, когда я во время моего ближайшаго съ нею знакомства сначала въ Висбаденѣ, а потомъ въ Каннѣ могъ часто ее видѣть и наблюдать. Послѣдствіемъ добраго вниманія, постоянно оказываемаго мнѣ графинею Меренбергъ, было поднесенное ею мнѣ цѣнное и интересное письмо А. С. Пушкина, написанное ея матери, Наталіи Николаевнѣ Гончаровой, когда А. С. былъ еще ея женихомъ.

Письмо это, пожертвованное мною нѣсколько лѣтъ тому назадъ черезъ августѣйшаго президента академіи великаго князя Константина Константиновича академіи наукъ, уже вошло въ изданное академіею собраніе сочиненій А. С. Пушкина.

Посылая мнѣ свою реликвію, графиня Меренбергъ написала мнѣ очень любезное письмо. Добродушный юморъ сквозитъ въ благосклонныхъ строчкахъ ко мнѣ графини, посланныхъ ею изъ Швальбаха въ 1890 году, вскорѣ послѣ нашего отъѣзда въ Россію съ великимъ княземъ Георгіемъ Михайловичемъ.

«Мой дорогой докторъ,—писала Наталія Александровна:—я васъ не забыла, что вамъ, конечно, все равно, а что важнѣе для

Библиотека "Руниверс"

васъ, обѣщаніе мое я также помню и потому честь имѣю поднести вамъ желанный автографъ отца моего.

«Свой портретъ я вамъ посылаю par dessus le marché. Примите поэтому благосклонно изображеніе бренныхъ остатковъ прежняго величія. Про насъ я не имѣю ничего интереснаго сообщить вамъ. Мы всѣ, слава Богу, здоровы и находимся еще въ Швальбахѣ. Дѣти играютъ въ лаунъ-теннисъ, а мы, старики, сидимъ да смотримъ. На зиму собираемся опять въ Cannes. Отъ великаго князя Георгія Михайловича нѣтъ ни слуху, ни духу, отъ Э. тоже...

«Значитъ, и мы можемъ вздыхать nach den schönen Tagen von Aranjuetz!

«До свиданія, мой дорогой докторъ. Надѣюсь, мы съ вами въ жизни еще свидимся и не разъ сыграемъ въ рулетку.

«Мужъ и дѣти вамъ сердечно кланяются, а я прошу васъ не забывать преданную вамъ

«Графиню Н. Меренбергъ».

По обыкновенію я хотѣлъ спросить у здравствующей и теперь (декабрь 1912 г.) графини Меренбергъ позволенія напечатать ея письмо ко мнѣ. Но печальныя свѣдѣнія о здоровьи графини, которыя я получилъ недавно въ Москвѣ о [illegible] ея брата, почетнаго опекуна генерала-отъ-кавалеріи Пушкина, съ которымъ я встрѣтился случайно на обѣдѣ въ московскомъ англійскомъ клубѣ, заставили меня отказаться, къ сожалѣнію, отъ этого плана. А засимъ она скончалась 10-го марта текущаго года.

Я увѣренъ, имѣй я возможность по состоянію ея здоровья обезпокоить графиню Меренбергъ, она, конечно, и сама ничего бы не имѣла противъ напечатанія ея милаго, хорошаго письма, которое можетъ служить лучшимъ доказательствомъ того, что ни десятки лѣтъ отсутствія изъ Россіи, ни постоянное проживаніе за границею, только среди иностранцевъ, не сдѣлали изъ дочери А. С. Пушкина иностранку. А скромность изложенія письма графини Наталіи Александровны, супруги принца, брата владѣтельнаго герцога, написаннаго наканунѣ выхода замужъ ея старшей дочери за русскаго великаго князя! Развѣ отъ этого письма не вѣетъ чисто русскою скромностью, развѣ оно не переноситъ насъ во времена далекія, хорошія?

Старшая дочь Наталіи Александровны и принца Нассаускаго, графиня Софья Николаевна Меренбергъ вышла вскорѣ замужъ за великаго князя Михаила Михайловича. Они оба постоянно проживаютъ за границею. Вторая дочь, Адда Николаевна, замужъ не вышла. Молодой же графъ Меренбергъ, сдѣлавшійся прусскимъ гвардейцемъ, женился впослѣдствіи на красавицѣ, младшей дочери свѣтлѣйшей княгини Юрьевской, морганатической супруги Але-

Библиотека "Руниверс"

ксандра II (теперь графъ Меренбергъ со своею женою, кажется, въ развôдѣ).

Въ Висбаденѣ, въ домѣ принца Нассаускаго, гдѣ семья его, повидимому, стѣсненная въ средствахъ, жила довольно скромно, мнѣ привелось познакомиться съ нѣсколькими русскими, между прочимъ съ однимъ господиномъ, жена котораго въ свое время играла въ нашей придворной сферѣ извѣстную роль.

Я говорю про чету фонъ-Верманъ. Онъ, никому не вѣдомый рижанинъ, послѣ женитьбы сдѣланный камеръ-юнкеромъ, средняго роста, толстый, съ большимъ животомъ; она—дочь знаменитаго нашего поэта Жуковскаго, длинная, худая, немолодая, бывшая долго фрейлиною, когда-то красавица, съ приторно-придворными манерами. Оба супруга какъ будто бы не приходились ко двору ни къ окружающимъ ихъ людямъ, ни, на мой взглядъ, еще болѣе другъ къ другу. Говорятъ, что въ ранней молодости фрейлина Жуковская была уже замужемъ за однимъ очень высокопоставленнымъ лицомъ. Отъ этого брака у нея родился сынъ, получившій фамилію графа Бѣлевскаго (отъ города Бѣлева, мѣста родины ея отца).

Сына этого, высокаго, очень красиваго юношу, лѣтъ семнадцати, я двадцать два года тому назадъ видѣлъ въ первый разъ въ Парижѣ, куда онъ, говорятъ, ѣздилъ для свиданія со своимъ отцомъ.

У принца же Нассаускаго я познакомился съ тайнымъ совѣтникомъ Загоскинымъ, сыномъ автора «Юрія Милославскаго», очень почтеннымъ и добродушнымъ господиномъ, въ послѣдніе годы постоянно проживавшимъ за границей, больше въ Висбаденѣ, очень чтившимъ память своего отца и превосходно издавшимъ въ семи томахъ всѣ сочиненія М. Н. Загоскина, въ настоящее время, къ сожалѣнію, почти совсѣмъ забытаго.

Когда, послѣ окончательнаго выздоровленія моего августѣйшаго паціента, мы вернулись въ Петербургъ и мнѣ пришлось осенью 1900 года, къ сожалѣнію, съ нимъ разстаться, я получилъ предписаніе немедленно явиться въ лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ, мѣсто моего постояннаго служенія.

Почти пятилѣтнее пребываніе въ этомъ историческомъ и въ боевомъ отношеніи славномъ полку оставило во мнѣ одни пріятныя воспоминанія. Лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ и въ 1889—1895 г., какъ и въ старину, былъ полкъ вполнѣ образцовый, а во многихъ отношеніяхъ, несомнѣнно, передовой. Я говорю, главнымъ образомъ, про отношеніе офицерскаго состава измайловцевъ къ врачамъ полка.

Вопросъ объ этихъ отношеніяхъ, въ особенности въ то время, когда я впервые явился въ полкъ, разумѣется, всего болѣе меня интересовалъ. Надо признаться, что въ нѣкоторыхъ гвардейскихъ полкахъ, особенно кавалерійскихъ, положеніе врачей, имѣвшихъ тогда по страшному велѣнію судьбы однѣ лишь обязанности, но

Библиотека "Руниверс"

никакихъ правъ, несмотря на то, что они несли, только въ другомъ направленіи, общую со строевыми офицерами службу, было подчасъ болѣе чѣмъ незавидное, скажу временами даже унизительное. Особенно это имѣло мѣсто въ тѣхъ частяхъ, гдѣ въ офицерскихъ собраніяхъ врачи, какъ это ни странно, были даже не гостями, а только терпимы. Въ это же самое время лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ, не дожидаясь, какъ теперь, идущей свыше официальной санкціи сліянія врачей съ строевыми офицерами, молчаливо расширилъ права врачей и, такъ сказать, узаконилъ ихъ пребываніе въ своей средѣ...

Нужно знать, что во времена моего служенія въ военно-медицинскомъ вѣдомствѣ меня, какъ и почти всѣхъ младшихъ полковыхъ врачей, почему-то для пользы службы (по увѣренію медицинскаго начальства) гоняли съ мѣста на мѣсто... Такъ, напримѣръ, за три мѣсяца я былъ въ восьми совершенно различныхъ прикомандированіяхъ.

И вотъ однажды, до окончательнаго моего водворенія въ Измайловскій полкъ, меня послали на двѣ недѣли исполнять должность старшаго врача одного гвардейскаго кавалерійскаго полка въ то время, какъ младшій врачъ того же полка былъ незадолго передъ этомъ неизвѣстно для чего откомандированъ въ другую часть, надо полагать, вѣроятно, тоже для пользы службы.

Подобнаго рода совершенно необъяснимая перетасовка врачей въ данномъ случаѣ была причиною того, что временно откомандированный младшій врачъ полка, куда я, въ свою очередь, былъ тоже на время прикомандированъ и въ каковой полкъ высшее медицинское начальство и одна высокая особа, положительно безъ моего вѣдома, желали меня совсѣмъ перевести,—младшій врачъ за мои якобы происки усѣсться на его мѣсто подалъ на меня академическую жалобу... въ судъ врачей. Непріятный инцидентъ, свалившійся мнѣ совершенно неожиданно на голову, вскорѣ, впрочемъ, выяснившійся, все-таки испортилъ мнѣ много крови и, такъ сказать, неожиданно вырылъ, нѣсомнѣнно, помимо моего желанія, между мною и тѣмъ высокимъ лицомъ, желавшимъ оказать мнѣ свое покровительство, глубокую яму.

Конечно, въ судъ врачей меня не вызывали, да и не за что было. Я же, какъ только узналъ объ этой грустной, ничѣмъ не вызванной съ моей стороны исторіи, немедленно самъ свезъ одному изъ тогдашнихъ судей, извѣстному спеціалисту накожныхъ и иныхъ 606 болѣзней случайное письмо, хранящееся у меня и до сихъ поръ, которое объяснило всю мою непричастность въ дѣлѣ моего прикомандированія и будущаго перевода въ блестящій кавалерійскій полкъ. На мое счастье, оказалось, что старшій врачъ этого полка, пріѣхавъ знакомиться со мною и не заставъ меня дома, оставилъ мнѣ записку приблизительно слѣдующаго содержанія:

Библиотека "Руниверс"

Хотя,—писалъ онъ,—онъ меня вовсе не знаетъ, но, слыша добрые обо мнѣ отзывы, радуется тому, что планъ прикомандированія къ полку, гдѣ и онъ столько лѣтъ служитъ, планъ, выработанный одною очень высокою особою и имъ удался, и что мой переводъ затѣмъ въ полкъ не замедлитъ состояться...

Разумѣется, этого письма было достаточно для моей полной реабилитаціи во мнѣніи врачей, мнѣніи, которымъ я всегда особенно дорожилъ. Случившійся со мною за время моего краткаго пребыванія въ названномъ полку маленькій эпизодикъ наглядно показалъ мнѣ, какъ привыкли тамъ относиться къ врачамъ, къ счастью, только нѣкоторые офицеры полка. Странное въ то время отношеніе офицеровъ къ врачамъ въ этомъ полку зависѣло, по-моему, между прочимъ, отъ непонятной и незаконной прибавки офицерами жалованія врачамъ, въ допущеніи чего я, разумѣется, виню, главнымъ образомъ, врачей. Теперь это все быльемъ поросло.

Вслѣдствіе дошедшихъ до меня вышеозначенныхъ слуховъ я рѣшилъ не только воспротивиться всѣми силами переводу моему въ этотъ полкъ, но ввиду моего уже состоявшагося прикомандированія не заходить никогда въ собраніе полка, а, обойдя больныхъ въ лазаретѣ, отправлялся немедленно домой.

Однажды во время моего посѣщенія лазарета вошелъ туда съ фуражкою на головѣ одинъ офицеръ полка и, не снимая ея, несмотря на то, что я былъ безъ головного убора, обратился ко мнѣ съ вопросомъ, говорю ли я по-нѣмецки.

Тогда я прежде, чѣмъ что-нибудь отвѣтить, позвалъ одного изъ санитаровъ и, приказавъ подать и себѣ фуражку, сказалъ съ усмѣшкою:

— Я говорю не только по-нѣмецки, но и по-французски и немного по-англійски. А вамъ для чего это нужно знать?

— Видите,— сказалъ мнѣ не смутившійся моей отповѣдью штабъ-ротмистръ:—я хотѣлъ вамъ, докторъ, сказать нѣсколько словъ, чтобы меня не поняли нижніе чины. А такъ какъ у васъ, видимо, не русская фамилія, то я думалъ, что вы, вѣроятно, знаете и по-нѣмецки!..

Предполагать, чтобы врачъ могъ говорить на нѣсколькихъ языкахъ, видно, было выше понятій этого господина.

Понятно, что я былъ весьма радъ, когда могъ вскорѣ вернуться въ Измайловскій полкъ, сдѣлавшійся для меня роднымъ. Въ немъ я потомъ прослужилъ вплоть до назначенія меня старшимъ врачомъ Выборгской крѣпостной артиллеріи и затѣмъ немедленнаго же перевода въ морское вѣдомство.

Командиромъ Государевой роты въ Измайловскомъ полку я засталъ великаго князя Константина Константиновича.

Предполагая, что такое командованіе синекура, я съ величайшимъ изумленіемъ вглядывался на дѣйствительно серьезную

Библиотека "Руниверс"

службу въ полку великаго князя, не пропускавшаго ни одного ученія, никогда не опаздывавшаго, какъ бы рано ни начиналось ученіе, и въ лагерѣ во время дежурствъ ночевавшаго всегда на передней линейкѣ.

Великій князь, весь поглощенный заботами и искреннею любовью къ солдату, входилъ во всѣ рѣшительно детали солдатскаго обихода вплоть до привлеченія, напримѣръ, врача-спеціалиста по гипнозу для излеченія нѣкоторыхъ солдатъ отъ алкоголизма, а всѣ свои свободныя минуты его высочество отдавалъ литературѣ и искусству въ широкомъ смыслѣ этого слова.

Великія заслуги на поприщѣ литературы уже тогда по праву выдвинули предъ великимъ княземъ Константиномъ Константиновичемъ почетное кресло президента россійской академіи наукъ.

Къ этому избранію великаго князя, въ то время человѣка со всѣмъ юнаго, какъ нельзя болѣе подходятъ благородныя слова Сида: «Que la valeur n'attend pas le nombre des années!» (доблесть не измѣряется количествомъ прожитыхъ лѣтъ).

За годъ или полтора до моего поступленія въ лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ тамъ, благодаря тремъ офицерамъ полка, возникло и впослѣдствіи расцвѣло единственное въ своемъ родѣ литературно-драматическое и отчасти музыкальное общество подъ названіемъ «Измайловскій Досугъ», сразу вошедшее въ жизнь.

Лица, которымъ пришла идея созданія «Измайловскаго Досуга», были поручикъ В. Ю. фонъ-Дрентельнъ (самъ недюжинный поэтъ), флигель-адъютантъ полковникъ Косачъ, такъ сказать, крестный отецъ юнаго общества, давшій ему выше приведенное названіе, и дѣйствительный творецъ общества великій князь Константинъ Константиновичъ ревностный вдохновитель и постоянный одухотворитель «Измайловскихъ Досуговъ».

Безъ незамѣнимаго участія великаго князя, безъ его громаднаго литературнаго опыта «Измайловскій Досугъ» едва ли могъ бы, особенно на первыхъ порахъ, развиваться, какъ слѣдуетъ, чтобы въ 1907 году въ блестящемъ видѣ отпраздновать двадцатипятилѣтній юбилей литературной дѣятельности великаго князя, а затѣмъ, послѣ 1909 года, представить на судъ публики печатный обзоръ дѣятельности этого въ началѣ скромнаго литературнаго кружка. Девизомъ «Измайловскаго Досуга» во имя «Доблести, Добра и Красоты» послужила одна строчка, полная поэзіи, стихотворенія великаго князя Константина Константиновича, написаннаго имъ для одного изъ «Досуговъ» и посвященнаго конкурсу стихотвореній.

За двадцатипятилѣтнее существованіе «Досуговъ» около трехсотъ вечеровъ были посвящены исполненію болѣе 1400 произведеній (часть изъ нихъ въ драматической формѣ) разныхъ русскихъ и иностранныхъ писателей. Культурное ихъ значеніе не только для Измайловскаго полка, но и далеко за предѣлами его несомнѣнно.

Библиотека "Руниверс"

«Досуги» временами были очень интересны. Благодаря имъ и вечерамъ, посвященнымъ поперемѣнно одному изъ нашихъ извѣстныхъ писателей, интересъ къ «Досугамъ» постоянно возрасталъ. Не говоря уже о Пушкинѣ, Лермонтовѣ, Гоголѣ и другихъ классикахъ, были вечера, посвященные такимъ извѣстнымъ поэтамъ, какъ Фетъ, Апухтинъ, Майковъ, Хомяковъ, великій князь Константинъ Константиновичъ (К. Р.) и пр.

Были «Досуги» драматическіе, на которыхъ исполнялись отдѣльныя сцены изъ драматическихъ произведеній нашихъ и иностранныхъ писателей. Въ началѣ цѣликомъ, конечно, ни одно произведеніе не могло итти изъ-за отсутствія женскаго персонала[1]). Такимъ образомъ, состоялось около двадцати вечеровъ, на которыхъ были поставлены отрывки изъ «Бориса Годунова» Пушкина, «Короля Генриха IV» Шекспира (въ переводѣ К. Р.), «Дмитрія Самозванца» и «Князя Шуйскаго» Островскаго, «Смерти Іоанна Грознаго» А. Толстого, «Горе отъ ума» и др.

Въ «Измайловскомъ Досугѣ» былъ впервые поставленъ и шекспировскій «Гамлетъ» въ великолѣпномъ переводѣ великаго князя Константина Константиновича, надъ которымъ августѣйшій переводчикъ, какъ говорятъ, трудился цѣлыхъ восемь лѣтъ. Роль Гамлета исполнилъ самъ великій князь. Когда же впослѣдствіи въ спектакляхъ «Измайловскаго Досуга» начали принимать участіе и артистки г-жа Мусина, Пушкарева, Стравинская и Тиме, тогда «Гамлетъ» былъ данъ нѣсколько разъ частями уже въ Мраморномъ дворцѣ.

Государь Императоръ, присутствовавшій въ Мраморномъ дворцѣ на одномъ изъ такихъ представленій, пожелалъ видѣть трагедію о «Гамлетѣ» въ Императорскомъ Эрмитажѣ, первое представленіе котораго состоялось уже въ февралѣ 1900 года.

«Гамлетъ» былъ поставленъ съ чрезвычайною роскошью. Постановка его обошлась болѣе сорока тысячъ рублей. Декораціи были заказаны въ Берлинѣ; костюмы по рисункамъ художника Пономарева. Режиссировалъ нашъ извѣстный артистъ В. Н. Давыдовъ. Участвовавшихъ было сто двадцать девять человѣкъ, среди нихъ много измайловскихъ офицеровъ. Всѣхъ репетицій было сдѣлано двадцать пять, изъ нихъ двѣ генеральныхъ. Вся царская фамилія, весь дворъ, всѣ послы и все высшее общество Петербурга присутствовали на этомъ представленіи. Еще задолго до самаго представленія и долго послѣ него безъ конца говорилось о постановкѣ «Гамлета», объ этомъ, дѣйствительно, выдающемся праздникѣ искусства. На одной изъ генеральныхъ репетицій присутствовалъ Сальвини, знаменитый итальянскій трагикъ, какъ извѣстно, удиви-

[1]) Нѣкоторыя женскія роли исполнялись офицерами Измайловскаго полка.

Библиотека "Руниверс"

тельно игравшій Гамлета. Онъ съ большой похвалою отозвался объ игрѣ великаго князя Константина Константиновича.

Впослѣдствіи въ «Измайловскомъ Досугѣ» была представлена «Мессинская невѣста» Шиллера, тоже въ переводѣ К. Р., которая затѣмъ имѣла громадный успѣхъ въ царскосельскомъ китайскомъ театрѣ въ высочайшемъ присутствіи.

Въ «Измайловскомъ Досугѣ» пришлось и мнѣ нѣсколько разъ принять участіе. Особенно памятенъ мнѣ вечеръ, когда я прочелъ въ присутствіи великаго князя Константина Константиновича чудную, напоминающую Пушкина, высоко-поэтическую поэму графа А. А. Голенищева-Кутузова «Разсвѣтъ».

Необыкновенный успѣхъ «Разсвѣта» на «Измайловскомъ Досугѣ» заставилъ меня написать графу Голенищеву-Кутузову, не только, какъ моему знакомому, но, главнымъ образомъ, какъ автору, письмо объ этомъ успѣхѣ.

Вотъ удивительно скромный отвѣтъ графа, отвѣтъ тѣмъ не менѣе достойный общественнаго вниманія, который я поэтому и позволяю себѣ воспроизвести почти цѣликомъ:

«Позвольте отъ всей души поблагодарить васъ, во-первыхъ, за прочтеніе моего «Разсвѣта», успѣхъ котораго въ «Измайловскомъ Досугѣ» я долженъ приписать преимущественно чтецу, а не автору, и, во-вторыхъ, за доброе чувство, которое побудило васъ сообщить мнѣ объ этомъ успѣхѣ.

«Удалившись изъ рядовъ литературной семьи, я тѣмъ не менѣе испытываю истинную радость, когда находятся добрые люди, вспоминающіе обо мнѣ не какъ о чиновникѣ, а какъ о литераторѣ...

«Я мысленно переношусь въ лучшую эпоху моей жизни и хоть на краткое мгновеніе позабываю о прозаичности моего настоящаго существованія...».

Когда, почти въ половинѣ января настоящаго года (1913), я письменно спросилъ Арсенія Аркадьевича, могу ли я для имѣющаго появиться на страницахъ «Историческаго Вѣстника» продолженія моихъ воспоминаній воспользоваться личнымъ его ко мнѣ письмомъ, мнѣ и въ голову не приходило, что отвѣтное письмо графа, на двухъ страничкахъ, могло быть написано, какъ бывало, размашистымъ почеркомъ, человѣкомъ, снѣдаемымъ тяжкимъ недугомъ, почти наканунѣ смерти!

Странна судьба этого послѣдняго, чистаго душою, выдающагося поэта временъ Пушкина и болѣе чѣмъ досадно отношеніе къ нему большинства нашихъ критиковъ, усиленно его замалчивавшихъ и, благодаря новымъ вѣяніямъ, превозносившихъ только декадентскую поэзію!

Развѣ въ его жизнь не могла вносить достаточную горечь мысль, что онъ оцѣненъ только малою долею людей, вѣрныхъ завѣтамъ Пушкина, настоящихъ цѣнителей его благородной,

Библиотека "Руниверс"

искренней, задушевной, чисто русской поэзіи, а не, какъ онъ этого заслужилъ, всею мыслящею Россіею! Развѣ не это ли одна изъ главныхъ причинъ, заставившая его, какъ онъ писалъ въ письмѣ ко мнѣ, удалиться такъ рано изъ рядовъ литературной семьи? Не напиши графъ Голенищевъ-Кутузовъ ничего, кромѣ «Разсвѣта», имя его на ряду съ именами Пушкина, Лермонтова, какъ мнѣ кажется, должно было бы сохраниться въ благодарномъ потомствѣ навсегда.

Особенно пріятный оттѣнокъ приняли «Измайловскіе Досуги» съ появленіемъ на нихъ двухъ академиковъ А. Ѳ. Кони и Н. А. Котляревскаго.

Плавно льющаяся рѣчь перваго изъ нихъ, красивая и по формѣ и по содержанію, давала какой-то удивительный обликъ всему тому, что говорилъ Анатолій Ѳедоровичъ. Въ нѣсколькихъ словахъ и не пересказать того чувства удовлетворенія и удовольствія, которое охватывало всѣхъ насъ, присутствующихъ, молодыхъ и старыхъ, настоящихъ и бывшихъ измайловцевъ, при его обаятельныхъ словахъ.

Въ этомъ случаѣ особенно памятенъ «Досугъ», на которомъ А. Ѳ. Кони поразсказалъ намъ о своихъ встрѣчахъ съ Гончаровымъ...

Съ Анатоліемъ Ѳедоровичемъ я знакомъ очень, очень давно. Познакомился я съ нимъ, будучи еще студентомъ въ домѣ вдовы знаменитаго П. А. Плетнева.

Рожденная княжна Щетинина, Александра Васильевна Плетнева была одною изъ умнѣйшихъ и образованнѣйшихъ женщинъ.

Выйдя замужъ молоденькою дѣвушкою за уже пожилого П. А. Плетнева, она своею обаятельностью, женственностью, своимъ умомъ и образованностью скрасила всю остальную жизнь Петра Александровича и затѣмъ послѣ его кончины безропотно несла свою долгую одинокую жизнь, не желая вторично выходить замужъ.

Окруженная и въ эпоху жизни мужа и послѣ смерти его всѣми просвѣщенными людьми того времени (А. Ѳ. Кони былъ однимъ изъ ея лучшихъ друзей), Александра Васильевна требовала бы къ себѣ вниманія, разумѣется, гораздо болѣе того, которое я могъ теперь ей удѣлить, но за это упущеніе съ меня не взыщется. Дѣлаешь, что можешь.

Мирное теченіе моей жизни въ лейбъ-гвардіи Измайловскомъ полку омрачилось совершенно неожиданно приказомъ по военному вѣдомству, въ которомъ значилось, что я назначенъ старшимъ врачомъ выборгской крѣпостной артиллеріи.

Хорошо или худо дѣлалось во времена моего служенія въ военно-медицинскомъ вѣдомствѣ, когда младшій врачъ гвардейскаго полка при усердной службѣ могъ всегда разсчитывать на полученіе мѣста

Библиотека "Руниверс"

старшаго врача въ гвардейскомъ же полку,—судить не берусь. Но большею частью такъ всегда дѣлалось. Можно поэтому себѣ представить мою физіономію, когда я прочелъ приказъ о своемъ повышеніи, но съ переводомъ въ Финляндію.

Не обинуясь могу сказать, что служилъ я въ Измайловскомъ хорошо, какъ говорятъ, не за страхъ, а за совѣсть, заслужилъ въ приказѣ теплую благодарность командира, ушелъ съ подаркомъ отъ полка и т. п. За что же вдругъ такая немилость со стороны моего медицинскаго начальства? Къ сожалѣнію, причину моего неоставленія въ Петербургѣ я знаю, но передать въ печати не могу. Могу только сказать одно, что общаго съ моей службой она не имѣла ничего...

Въ Петербургѣ въ описываемый годъ начальникомъ главнаго управленія почтъ и телеграфовъ былъ знавшій меня съ дѣтства генералъ-лейтенантъ Н. И. Петровъ, всей нашей семьи старинный и хорошій знакомый, впослѣдствіи по временамъ прибѣгавшій и къ моей медицинской помощи.

Заѣхалъ я какъ-то къ нему поразсказать о своемъ горѣ. Николай Ивановичъ, любезнѣйшій и милѣйшій человѣкъ, вызвался поѣхать къ А. А. Реммерту, тогдашнему главному медицинскому инспектору, чтобы попросить его оставить меня на службѣ въ Петербургѣ.

Пріѣхавшему къ нему генералу Петрову главный военно-медицинскій инспекторъ заявилъ, что я не оставленъ въ Петербургѣ изъ-за незнанія военной(?!) медицины и что въ виду сказаннаго онъ, къ сожалѣнію, своего рѣшенія измѣнить не можетъ.

Разсказывая о своей неудачной миссіи, Н. И. Петровъ, вообще всегда спокойный, ровный, деликатный, тѣмъ не менѣе не могъ, по его словамъ, не замѣтить съ усмѣшкой А. А. Реммерту: «какъ странно, что врачей за незнаніе медицины, въ видѣ какъ бы наказанія, отправляютъ въ Финляндію (гдѣ и содержаніе, кстати, больше, чѣмъ въ Петербургѣ) и, что всего удивительнѣе, изъ младшихъ врачей производятъ въ старшіе!»

Почти въ это же время одинъ изъ моихъ друзей, тогда еще полковникъ, георгіевскій кавалеръ, Владиміръ Александровичъ Романовъ, занимавшій мѣсто начальника вновь народившейся военно-электротехнической школы, желавшій, въ свою очередь, быть мнѣ полезнымъ, явился къ А. А. Реммерту, прося перевести меня врачомъ въ его школу, но получилъ довольно сухой отказъ.

Служить, однако, въ Финляндіи мнѣ больше двухъ недѣль не пришлось.

Благодаря личному знакомству съ покойнымъ генералъ-адмираломъ великимъ княземъ Алексѣемъ Александровичемъ, которому я письменно сообщилъ о причинахъ моихъ невзгодъ, его высочество, бывшій на морскихъ купаньяхъ въ Біаррицѣ, приказалъ меня

Библиотека "Руниверс"

перевести во флотъ, поручивъ своему тогдашнему адъютанту, капитану перваго ранга Нилову, нынѣ генералъ-адъютанту, флагъ-капитану его императорскаго величества, написать объ этомъ В. С. Кудрину, главному медицинскому инспектору флота.

Когда друзья мои узнали, что, благодаря великому князю Алексѣю Александровичу, состоялся мой переводъ въ морское вѣдомство, они устроили въ ресторанѣ Кюба въ мою честь завтракъ. Это дало поводъ А. П. Плетневу, теперь уже покойному, старшему сыну П. А. Плетнева, друга А. С. Пушкина, удачно сострить: «чего, господа, не могъ сдѣлать полковникъ Владимиръ Александровичъ Романовъ, то съ величайшею легкостью свершилъ Алексѣй Александровичъ Романовъ».

В. Б. Бертенсонъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

Библиотека "Руниверс"

ОРИГИНАЛЫ И ЧУДАКИ.

IV.

Н. И. Пастуховъ.

ЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ «Московскаго Листка» Николай Ивановичъ Пастуховъ отличался анекдотическимъ складомъ своей замысловатой натуры.

Мнѣ приходилось встрѣчаться съ нимъ на протяженіи почти тридцати лѣтъ, и, конечно, не разъ я былъ свидѣтелемъ его чудаческихъ выходокъ, о которыхъ, однако, самъ онъ былъ мнѣнія иного.

Начавъ свою житейскую карьеру сидѣльцемъ винной лавки, о чемъ онъ не скрывалъ,—да и трудно было скрыть, потому что его вся Москва отлично знала,—онъ оставилъ послѣ себя милліонное состояніе. Въ практической ловкости его, пожалуй, заподозрѣть нельзя, но что ему покровительствовала счастливая звѣзда,—это едва ли подлежитъ сомнѣнію.

Онъ и самъ говаривалъ:

— Когда я началъ «Московскій Листокъ», такъ у меня, кромѣ надежды на Бога, ничего не было. Понадѣялся, а потомъ повезло.

Литературой Пастуховъ занялся, когда, скопивъ немного денегъ, сдѣлался владѣльцемъ портерной на Арбатской площади, причемъ ему тоже посчастливилось. Къ его портерной «приблудился» бѣдняга-студентъ, сперва въ качествѣ скромнаго потребителя, а потомъ—закадычнаго пріятеля. Будучи хозяиномъ, Пастуховъ располагалъ свободнымъ временемъ и началъ составлять

Библиотека "Руниверс"

репортерскія замѣтки для газетной хроники, а студентъ выправлялъ ихъ ему и попутно обучалъ будущаго редактора популярной газеты правиламъ грамматики, за что Николай Ивановичъ оказывалъ ему кредитъ и гостепріимство, окончившееся чуть ли не тѣмъ, что студентъ совсѣмъ перебрался на жительство въ его портерную. Впослѣдствіи этотъ бѣдняга-студентъ сдѣлалъ себѣ блестящую карьеру, занявъ виднѣйшее положеніе во всероссійской адвокатурѣ. Звали его Оедоръ Никифоровичъ Плевако. Они сохранили дружескія отношенія на всю жизнь, и, когда началось изданіе «Московскаго Листка», Плевако принималъ въ немъ очень дѣятельное участіе, какъ бойкій фельетонистъ.

Когда замѣтки Пастухова стали приниматься въ газетахъ, онъ бросилъ торговлю и вскорѣ сдѣлался самымъ ходовымъ въ Москвѣ репортеромъ, но писавшимъ преимущественно объ уличныхъ происшествіяхъ, хотя изрѣдка ему удавалось и досаждать купцамъ, за которыми имѣлъ бдительное наблюденіе. И, какъ оказалось впослѣдствіи, не напрасно. Когда онъ основалъ свою газету, страха ради купцы были не только самыми усердными его читателями и распространителями «Московскаго Листка», но и не отказывали на первыхъ порахъ въ болѣе реальной поддержкѣ изданія. Они его побаивались, потому что насчетъ разоблаченій Пастуховъ не особенно стѣснялся.

«Московскій Листокъ» Пастухова не могъ не имѣть успѣха. «Низы» Москвы съ большимъ трудомъ переваривали сумрачныя «Московскія Вѣдомости» и сверхъученыя «Русскія Вѣдомости», а пастуховскій органъ съ перваго же момента угодилъ улицѣ. До него въ Москвѣ не было «мелкой прессы». Эта была первая попытка, и, конечно, она должна была увѣнчаться успѣхомъ.

И увѣнчалась. Очень быстро Пастуховъ сталъ домовладѣльцемъ, пріобрѣлъ популярность и «розницей» забилъ въ Москвѣ всѣ остальныя газеты.

Но успѣху «Листка» въ сильнѣйшей степени также посодѣйствовалъ и «Разбойникъ Чуркинъ», лубочный романъ, сочиненный самимъ Пастуховымъ. Москва имъ зачитывалась. Явленіе для Москвы необыкновенное,—газетчиковъ стали осаждать приказчики, дворники, извозчики, кухарки, до того совершенно равнодушно относившіеся въ прессѣ. Можно сказать безъ преувеличенія, что «Чуркинъ» создалъ эпоху. «Чуркинъ» былъ на устахъ всѣхъ москвичей; въ «Чуркина» на дворахъ играли ребятишки; ради «Чуркина» на газету поднялся сильный спросъ въ провинціи.

Когда похожденія Чуркина, этого россійскаго Рокамболя, слишкомъ захватили Москву, и когда до редактора «Московскихъ Вѣдомостей» М. Н. Каткова дошли слухи, что подобные романы тлетворно дѣйствуютъ на воображеніе и душу недостаточно культурнаго класса людей, Катковъ немедленно призвалъ къ себѣ сво-

Библиотека "Руниверс"

его бывшаго репортера, котораго незадолго до этого держалъ въ ежовыхъ рукавицахъ, и спросилъ:

— Какое ты тамъ у себя безобразіе печатаешь? Говорятъ, всю Москву всполошилъ...

По старой памяти Пастуховъ передъ Катковымъ благоговѣлъ, да, по правдѣ сказать, и побаивался, зная, какимъ большимъ вліяніемъ пользовался этотъ публицистъ.

— Ты своего Чуркина брось!

— Помилуйте, Михаилъ Никифоровичъ, да это мой кормилецъ.

— И все-таки брось! Нехорошо.

— Изъ-за него газета пошла.

— Ты своимъ Чуркинымъ потакаешь дурнымъ инстинктамъ. Нельзя этого. Брось!

— Да какъ же это на самой серединѣ бросить? Какъ разъ самыя интересныя похожденія его пошли.

— Ничего не значитъ. Сейчасъ гдѣ твой разбойникъ?

— Въ лѣсу. Его полиція захватила, а онъ отъ нея отбился, да въ лѣсъ...

— Вотъ и отлично! Придави его деревомъ,—и конецъ.

Ослушаться Каткова было нельзя: какъ бы не вышло непріятностей съ газетой.

И въ слѣдующемъ фельетонѣ, къ общему сожалѣнію читателей «Чуркина», Пастуховъ, дѣйствительно, придавилъ своего героя могучимъ деревомъ и поставилъ точку.

Въ тѣ времена получить разрѣшеніе на изданіе газеты было трудно, а въ особенности человѣку, не имѣвшему образовательнаго ценза. Но и тутъ Пастухову помогъ случай. Ежегодно онъ ѣздилъ на нижегородскую ярмарку, откуда посылалъ въ газеты корреспонденціи. Въ то время нижегородскимъ генералъ-губернаторомъ былъ графъ Н. П. Игнатьевъ, читавшій корреспонденціи «Стараго Знакомаго» (псевдонимъ Пастухова) и одобрявшій ихъ за добронравный тонъ. Все, что шло отъ графа Игнатьева, вызывало въ Пастуховѣ умиленіе. Благодаря этому, когда графъ Игнатьевъ былъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, Пастуховъ смѣло отправился къ нему просить «газету» и легко получилъ разрѣшеніе. Первый нумеръ «Московскаго Листка» вышелъ 1-го августа 1881 года, и уже къ 1-му января 1882 года заурядный бѣднякъ Пастуховъ былъ капиталистомъ, такъ сразу хорошо пошли его дѣла.

Какъ въ домашней жизни, такъ и въ обращеніи съ людьми Пастуховъ былъ необычайно патріархаленъ. Богатствомъ не кичился, былъ чрезвычайно простъ и доступенъ, со всѣми говорилъ на «ты» и называлъ всѣхъ пріятелями.

Когда мнѣ бывало нужно повидать Пастухова, я, пріѣзжая въ Москву изъ Петербурга съ утреннимъ поѣздомъ, прямо съ вокзала

Библиотека "Руниверс"

отправлялся къ нему въ Ваганьковскій переулокъ. За утренникомъ чаемъ только и можно было застать его дома. А затѣмъ уже нужно было ловить его въ обѣденное время въ Большой Московской гостиницѣ, гдѣ былъ у него свой собственный «пастуховскій столъ» въ уголкѣ общей залы. Дома онъ не обѣдалъ, не ужиналъ и очень любилъ ресторанную жизнь. Сначала онъ проводилъ дни въ тѣстовскомъ трактирѣ, затѣмъ перешелъ въ Большую Московскую, а подъ конецъ жизни водворился въ «Метрополѣ».

Всѣ свои дѣловыя и пріятельскія свиданія Пастуховъ неизмѣнно назначалъ въ трактирѣ, гдѣ къ его столу иногда подсаживались люди совсѣмъ мало знакомые съ нимъ, но тѣмъ не менѣе встрѣчавшіе съ его стороны радушное угощеніе. Случалось, что въ отсутствіе Пастухова къ его столу примащивались совершенно никому неизвѣстныя лица, и заявляли слугамъ:

— Я къ Николаю Ивановичу... Скоро онъ будетъ?

— Да неизвѣстно... можетъ быть, черезъ часъ, а можетъ быть, черезъ два...

— Ну, такъ я подожду... дайте-ка мнѣ ухи да растегайчиковъ...

Наѣдятся, напьются и уйдутъ, никѣмъ не безпокоенные, потому что Пастуховымъ разъ навсегда былъ отданъ приказъ «ничего не получать за требуемое на его столъ съ кого бы то ни было». Ну, и пользовались тѣ, кому былъ извѣстенъ этотъ размахъ издателя «Московскаго Листка».

Пастуховъ, несмотря на свою наружную угрюмость, любилъ общество, и его изо дня въ день окружала толпа, въ особенности въ трактирѣ, гдѣ обѣдъ тянулся по нѣсколько часовъ, потому что контингентъ обѣдающихъ съ нимъ мѣнялся по нѣсколько разъ. Одни уходятъ, другіе приходятъ. Счета ему подавались разъ въ мѣсяцъ и были колоссальными по размѣрамъ, несмотря даже на скидку, которая ему дѣлалась «изъ уваженія».

А вечеромъ, послѣ театра или игры въ стуколку гдѣ-нибудь въ гостиничномъ номерѣ, онъ чаще всего посѣщалъ «Яръ», въ Петровскомъ паркѣ, гдѣ у него былъ также свой «пастуховскій столъ», за которымъ его уже поджидалъ кто-нибудь изъ знакомыхъ, уже угощавшійся за его счетъ. И такую жизнь Пастуховъ велъ изо дня въ день, пока сидѣлъ въ Москвѣ, несмотря на то, что отживалъ девятый десятокъ лѣтъ. Выносливъ былъ и крѣпокъ.

Но зато лѣтомъ и осенью Москва видала его рѣдко. Лѣтомъ онъ гостилъ временами то у себя на дачѣ въ Пушкинѣ, по Ярославской желѣзной дорогѣ, то гдѣ-то въ нижегородскомъ имѣніи, то уѣзжалъ, вообще, куда-нибудь, гдѣ, по слухамъ, хорошо ловилась рыба.

Рыбная ловля—это была его страсть. Съ удочкой въ рукахъ онъ просиживалъ даже въ непогоду по цѣлымъ ночамъ. И, бывало, въ какой угодно конецъ Россіи поѣдетъ, стоило ему только услы-

Библиотека "Руниверс"

шать, что въ такой-то рѣкѣ или на такомъ-то озерѣ хорошо идетъ на удочку рыба.

Пріѣзжаю къ нему какъ-то лѣтомъ въ Пушкино по дѣлу. Домашніе говорятъ, что онъ уже цѣлую недѣлю сидитъ на рѣкѣ, верстахъ въ семи отъ дому, а когда вернется,—не знаютъ. Дѣло было важное. Мнѣ посовѣтовали ѣхать къ нему на рѣку. День былъ жаркій, томительный. Нашелъ извозчика, который зналъ мѣсто стоянки Николая Ивановича, и поплелся я къ нему какой-то проселочной дорогой. Пастухова засталъ я отдыхающимъ послѣ обѣда, который привозился ему съ дачи кучеромъ ежедневно.

— Отличный ловъ!—похвастался онъ:—замѣчательно клюетъ рыбка, я ея за эти дни такую уйму наловилъ, что прямо хоть рыбную лавку открывай.

— А гдѣ же она у васъ?—спросилъ я, видя около него пустыя ведерки.

— Какъ гдѣ? Не беречь же ее въ этакую жару? Я ее въ землю зарываю, потому тухнетъ...

Цѣлыми недѣлями человѣкъ жилъ на бивуакахъ, лишалъ себя удобствъ для того, чтобы безъ всякой нужды и пользы уничтожать рыбу и зарывать ее въ землю.

— И долго еще,—спрашиваю его:—будете этимъ нынче заниматься?

Пожалъ плечами и отвѣчаетъ:

— Да, право, не знаю... Дѣла требуютъ поскорѣй въ Москву, надо бы хоть на денекъ съѣздить, да нельзя ходъ упустить... Поди, дождись-ка такого улова...

Когда рыба переставала клевать въ Пушкинѣ, онъ отправлялся въ Нижегородскую губернію. По его расчету, тамъ долженъ былъ начинаться ловъ.

И однажды въ нижегородскомъ имѣніи на рыбной ловлѣ случилось у него несчастіе, послѣ котораго онъ до слѣдующаго года не занимался рыболовствомъ. Стоялъ онъ посреди рѣки въ лодкѣ, по бортамъ которой были прикрѣплены удочки. При немъ было на всякій случай ружье. Вдругъ видитъ, что по лѣсистому берегу мелькаетъ что-то бѣлое въ кустахъ. Показалось ему, что это заяцъ. Прицѣлился и выстрѣлилъ. Раздался душу раздирающій крикъ. Сбѣжались крестьяне, поднялась суматоха. Оказалось, что Пастуховъ пристрѣлилъ крестьянскаго мальчишку. Разумѣется, онъ похоронилъ его на свой счетъ, отца успокоилъ тремя или пятью тысячами и построилъ въ деревнѣ каменную часовню.

Одинъ изъ пріятелей Пастухова увѣрялъ, что когда онъ черезъ годъ опять пріѣхалъ въ нижегородское имѣніе на рыбную ловлю, то отецъ застрѣленнаго имъ мальчика привелъ къ нему другого подростка-сына и сказалъ:

— Николай Иванычъ, помню я твою хлѣбъ-соль... На тѣ деньги,

Библиотека "Руниверс"

что ты мнѣ за Микитку далъ, я все хозяйство справилъ... А теперь мнѣ животинъ покупать надоть... Сдѣлай Божескую милость,— пристрѣли этого... Я тебѣ его за полторы тыщи уступлю...

Изъ-за рыбной ловли онъ и единственнаго своего сына потерялъ. Засидѣлся онъ подъ осень на рѣкѣ за Пушкинымъ, куда я къ нему ѣздилъ, и сидѣлъ съ удочкой цѣлыми ночами. А ночи уже стали холодными, пронизывающими, съ дождями. И въ одну изъ нихъ сильно заболѣлъ. Сейчасъ же сообщили домой. За нимъ немедленно отправился сынъ, Викторъ Николаевичъ, уже замѣнившій въ редакціи своего отца, и по дорогѣ тоже заболѣлъ. Обоихъ привезли съ сильнѣйшимъ воспаленіемъ легкихъ. Старикъ выдержалъ, а сынъ умеръ.

Пастуховъ былъ «газетчикомъ», какъ говорится, съ ногъ до головы. Всего больше цѣнилъ онъ у себя въ «Московскомъ Листкѣ» отдѣлъ происшествій, съ котораго начиналъ свою газетную карьеру, и хорошаго репортера всегда предпочиталъ самому талантливому фельетонисту. А корреспонденціи съ нижегородской ярмарки считалъ до того важнымъ репортажемъ, что даже не находилъ людей, которымъ можно было бы довѣрить этотъ исключительный репортажъ, и поэтому на открытіи ярмарки всегда, изъ года въ годъ, присутствовалъ лично. Ярмарка эта была его главнымъ «литературнымъ пунктомъ». Въ іюлѣ онъ весь уходилъ въ нее, жилъ ея интересами и былъ убѣжденъ, что дѣлаетъ чуть ли не историческое дѣло, снабжая свою газету телеграммами и обширными письмами о ней, причемъ за корреспонденціи эти онъ самъ съ себя бралъ гонораръ, имъ же себѣ назначенный. Въ редакціонной конторѣ должны были тщательно подсчитывать его строчки и производить съ нимъ расчетъ, какъ съ постороннимъ сотрудникомъ. Въ гонорарный день онъ офиціально являлся въ контору, получалъ свою построчную плату и кряхтѣлъ, что по старости сталъ мало зарабатывать. Время отъ времени онъ производилъ себя въ «заслуженнаго» и накидывалъ себѣ по нѣсколько копеекъ на строчку.

— Пастуховъ вотъ уже двадцать пять лѣтъ пишетъ въ «Московскомъ Листкѣ», — отдавалъ онъ приказъ въ конторѣ:—накиньте пятачокъ на строчку.

И къ вящшему его удовольствію «старѣйшему сотруднику» гонораръ повышался.

Пастуховъ, какъ я уже сказалъ выше, не былъ тѣмъ «дѣльцомъ», подъ которымъ мы разумѣемъ человѣка осторожнаго, предусмотрительнаго, недовѣрчиваго. Скорѣе, наоборотъ. Онъ вѣрилъ только въ слово и не признавалъ никакихъ расписокъ. Напримѣръ, въ восьмидесятыхъ годахъ онъ облюбовалъ на Волгѣ, неподалеку отъ Рыбинска, имѣніе Ратькова-Рожнова, которое продавалось владѣльцемъ за ненадобностью. А имѣніе для Пастухова было

Библиотека "Руниверс"

тѣмъ хорошее, что стояло на берегу, гдѣ превосходно клевала рыба. Сторговавшись въ цѣнѣ, Николай Ивановичъ сейчасъ же вручилъ Ратькову-Рожнову всю условленную сумму—восемьдесятъ тысячъ рублей—и не взялъ расписки. Ратьковъ-Рожновъ было запротестовалъ:

— Мало ли что можетъ случиться...

— Ну, что тамъ толковать!—махнулъ рукой Пастуховъ:—не обманешь вѣдь.

А купчая заключена была только черезъ два мѣсяца.

А нижегородскихъ купцовъ онъ сплошь да рядомъ выручалъ десятками тысячъ, и тоже безъ всякихъ расписокъ, довѣряя только на слово.

— А что за толкъ въ распискахъ,—говаривалъ онъ:—и по нимъ можно ничего не получить...

Вообще, Пастуховъ выручалъ многихъ, и даже часто самъ навязывалъ деньги, но только не любилъ, чтобъ объ этомъ разглашали.

— Деньги тебѣ нужны, что ли?—спрашиваетъ онъ кого-нибудь изъ знакомыхъ или изъ сотрудниковъ, когда на него вдругъ нападетъ добрая минута.

— Помилуйте, Николай Ивановичъ, да кому же онѣ могутъ быть не нужны? Даже очень...

— На...—и сунетъ въ руку какую-нибудь почтенную бумажку, а то и нѣсколько бумажекъ.

— Только молчи!

Добрыя минуты эти нападали на него по нѣсколько разъ въ день.

Знавшіе его характеръ, нѣкоторые изъ сотрудниковъ, были въ какихъ-то невѣроятныхъ авансахъ. Наступали на него смѣло:

— Николай Ивановичъ, нужно триста цѣлковыхъ...

— Да ты у меня, кажись, третьяго дня бралъ...

— Когда? Что вы! Что вы! Я только спросилъ, а вы не дали, сказали: послѣзавтра напомни.

Пастуховъ уже забылъ,—давалъ или нѣтъ. Имъ эти авансы раздавались такъ щедро, что даже счетъ терялъ, а записей не велъ.

— А не врешь?

— Ну, зачѣмъ же мнѣ врать? Я отлично помню, что какъ будто не получалъ.

— Ну, на...

Былъ у него такой прыткій фельетонистъ, который ухитрялся именно черезъ день авансироваться. И всегда сотнями. Примажется къ поѣздкѣ съ Пастуховымъ въ «Яръ» и по дорогѣ начинаетъ поругивать кого-нибудь, кѣмъ въ этотъ періодъ Пастуховъ недоволенъ.

— Знаете, Николай Ивановичъ, я его вотъ такъ продерну въ фельетонѣ...

Библиотека "Руниверс"

И что-нибудь нафантазируетъ.

— Вотъ-вотъ! Прохвати!

— Только, Николай Ивановичъ, не знаю, какъ приступить къ фельетону. Мысль не работаетъ. Все думаю, гдѣ бы денегъ раздобыть. До зарѣзу нужны.

— А тебѣ сколько?

— Двѣсти.

— Куда тебѣ столько? Ты у меня вчера сотню вытянулъ...

— Не вчера, а третьяго дня...

— Развѣ не вчера?

— Нѣтъ.

— То-то! Ну, на—возьми.

А черезъ день фельетонистъ опять за авансомъ.

— Да ты у меня третьяго дня...

— Но третьяго дня мнѣ нужно было до зарѣзу четыреста, а вы дали только двѣсти...

— Не могу же я тебѣ каждый день...

— Кто это? Вы-то не можете? Да вы можете хоть каждый часъ. Денегъ не хватитъ, что ли?

— Ну, на... да, смотри, братъ, въ послѣдній разъ...

— Что за угрозы!—обижается фельетонистъ:—точно я у васъ въ долгъ прошу. Богъ дастъ, отработаю...

Но черезъ день вновь проситъ денегъ, придумавъ какую-нибудь трогательную исторію, и, конечно, получаетъ.

Но вмѣстѣ съ этой очевидной простотой и мягкостью въ Пастуховѣ иногда проступала большая дальновидность.

Просматривая какъ-то конторскія книги, онъ замѣтилъ, что служившій у него управляющимъ домомъ N. уже три мѣсяца не беретъ жалованья.

Призываетъ его къ себѣ и въ категорической формѣ отказываетъ ему отъ службы.

Тотъ, разумѣется, отъ удивленія глаза вытаращилъ:

— За что?

— Если ты по три мѣсяца можешь жалованья не брать, значитъ, у тебя доходишки есть. Это, братъ, не годится.

Послѣ ухода этого управляющаго, дѣйствительно, докопались и до его «доходишковъ».

Пастуховъ былъ щедръ, никакими расходами не стѣснялся, но въ мелочахъ былъ потѣшно скупъ. Если, бывало, ѣхалъ на извозчикѣ, то любилъ, чтобы съ извозчикомъ расплатился второй сѣдокъ. Въ угощеніи чаемъ видѣлъ къ себѣ «уваженіе». Поэтому, при частыхъ своихъ посѣщеніяхъ московскихъ театровъ, гдѣ обыкновенно сидѣлъ въ ложѣ, антрепренеры въ аванложѣ, а если таковой не было, то въ конторѣ сервировали чай и непремѣнно съ самоваромъ, за которымъ онъ въ антрактахъ благоду-

Библиотека "Руниверс"

шествовалъ. Такимъ путемъ антрепренеры пріобрѣтали въ «Московскомъ Листкѣ» благопріятныя рецензіи. Къ этому «уваженію» Пастуховъ относился чутко. Если же владѣлецъ театра не успѣвалъ сдѣлать этого въ сущности весьма невиннаго подкупа, Пастуховъ могъ осерчать и сейчасъ же отдавалъ по редакціи приказъ «ругать». Правда, эти размолвки не были продолжительными, и антрепренеры находили способъ примириться съ нимъ очень скоро, тѣмъ болѣе, что Пастуховъ былъ отходчивъ и незлопамятенъ. Но зато антрепренерамъ матеріально расходоваться на рецензентовъ «Московскаго Листка» не приходилось, потому что Николай Ивановичъ за этимъ слѣдилъ строго и взяточничества не терпѣлъ.

Но однажды между Пастуховымъ и содержателемъ цирка Соломонскимъ была вражда очень продолжительная.

Былъ отданъ приказъ ругать циркъ во всю. И ругали его долго, методически.

Соломонскій оказался упорнымъ и не шелъ мириться съ Пастуховымъ. Очевидно, систематическая травля «Московскаго Листка» не вредила его дѣламъ.

Тогда Пастуховъ выступилъ самъ.

Зашелъ въ редакцію и съ упрекомъ сказалъ сотрудникамъ:

— Чтобы отвадить публику отъ цирка, надо вотъ какъ писать.

И сдалъ въ типографію такую краткую, но выразительную замѣтку:

«Въ циркъ Соломонскаго ходить нельзя, потому что тамъ падаютъ кирпичи на голову зрителей».

И это оказалось такимъ рѣшительнымъ дѣйствіемъ, что Соломонскій дня черезъ два прибѣжалъ къ Пастухову заключать миръ.

Конечно, паденіе кирпичей было опровергнуто, а свалился-де съ потолка, гдѣ была прикрѣплена трапеція, маленькій кусочекъ извести.

Тогда же «Московскій Листокъ» почему-то не взлюбилъ клоуна Анатолія Дурова, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ нещадно низводя его въ бездарности. Но Дуровъ постоялъ за себя, самъ поднявъ полемику колкими шутками съ арены цирка.

Стоило Пастухову посѣтить циркъ, какъ Дуровъ сейчасъ же поднималъ его на смѣхъ. Такъ, выпускаетъ клоунъ свою дрессированную свинью и заставляетъ ее незамѣтно для публики облокотиться передними лапами на барьеръ, какъ разъ противъ той ложи, въ которой сидитъ Пастуховъ. Дуровъ принимается ее отгонять, но такъ, что она не трогается съ мѣста:

— Чушка! Чушка! Назадъ! Поди сюда, шельма!

Со стороны чушки ни малѣйшаго послушанія.

— Да иди же, говорятъ тебѣ!

Она и ухомъ не ведетъ.

Библиотека "Руниверс"

— А, понимаю!—острилъ Дуровъ подъ общій хохотъ толпы, намекая на популярный псевдонимъ Пастухова:—старыхъ знакомыхъ увидала?! На своихъ насмотрѣться не можешь.

На другой день пуще прежняго «Московскій Листокъ» разноситъ смѣлаго клоуна.

Къ своему бенефису Дуровъ приготовилъ еще болѣе злую шутку надъ враждебной газетой. Зная, что Пастуховъ непремѣнно будетъ на этомъ представленіи, чтобъ лишній разъ досадить непріятелю, Дуровъ помѣстилъ въ программу «свинью-читательницу».

Номеръ этотъ состоялъ въ томъ, что важно возсѣдавшей на аренѣ въ креслѣ свиньѣ Дуровъ вынесъ цѣлую кипу различныхъ газетъ и сталъ ей подносить одну за другою. Она съ негодованіемъ отъ нихъ отворачивалась и съ видимымъ неудовольствіемъ хрюкала:

— Ишь ты,—ворчалъ клоунъ:—тоже не всякую газету любитъ. Ищетъ свою. Ищи, ищи! Интересно посмотрѣть на твою свинскую газету.

Сначала зрители думали, что свинья, вообще, не любитъ гласности, но когда къ ея мордѣ Дуровъ приблизилъ «Московскій Листокъ», она радостно завизжала, оживилась и, уткнувшись носомъ въ газету, вся отдалась блаженному чувству.

Въ циркѣ хохотъ, несмолкаемые аплодисменты...

— Вотъ она свинская газета!—подсмѣивался Дуровъ.

Пастуховъ вышелъ изъ ложи и уѣхалъ. Но съ этого времени Дурова въ «Московскомъ Листкѣ» больше уже не ругали, а стали замалчивать. Больше никогда не безпокоилъ Пастухова и онъ.

Особымъ знакомъ почтенія къ себѣ Пастуховъ считалъ «скидку», которую ему дѣлали въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ былъ завсегдатаемъ. Онъ очень цѣнилъ, когда его ублажали скидкой какихъ-нибудь процентовъ со счета, собственно для него совершенно безразличной. Но въ этомъ онъ чувствовалъ свою силу, свое значеніе и вліяніе. Даже и купеческой складки въ этомъ не сказывалось, а просто щекотало самолюбіе: вотъ, молъ, какъ ухаживаютъ да боятся.

Онъ очень часто бывалъ въ Крыму и всегда жилъ тамъ въ Гурзуфѣ. Еще со временъ бывшаго владѣльца этого очаровательнаго уголка, Губонина, ему дѣлалась скидка чуть ли не въ размѣрѣ пятидесяти процентовъ, и онъ этимъ гордился. Уѣзжавшимъ въ Крымъ всегда совѣтовалъ погостить въ Гурзуфѣ и явиться туда непремѣнно отъ его имени.

— Сдѣлаютъ скидку.

И, дѣйствительно, когда я былъ въ Гурзуфѣ, то использовалъ его имя. Эффектъ получился неожиданный. Значительно дешевле платилъ за номеръ и за все, требуемое въ ресторанѣ.

Живалъ Пастуховъ и въ Ялтѣ, но тамъ скидки дѣлать ему не догадывались, и онъ былъ недоволенъ. Ему въ этомъ чувствовалась подорванность престижа. Но когда онъ поѣхалъ въ Ялту съ жур-

Библиотека "Руниверс"

налистомъ С., своимъ стариннымъ пріятелемъ, и остановился въ самой дорогой гостиницѣ «Россія», то былъ весьма растроганъ и удовлетворенъ, когда при расплатѣ ему сдѣлана была скидка.

Но въ ней былъ повиненъ исключительно С., старавшійся скрасить пребываніе Пастухова въ нелюбимой Ялтѣ. Зашелъ онъ въ гостиничную контору и предупредилъ:

— Николай Ивановичъ очень большой оригиналъ. Хоть онъ и не нуждается въ вашей скидкѣ, но вы ему все-таки хоть номинальную, да сдѣлайте. Проставьте цѣны на все вдвое... не безпокойтесь, онъ провѣрять не станетъ... а затѣмъ половину скостите... Пріобрѣтете постояннаго постояльца.

Согласились.

Пастухову въ Ялтѣ не сидѣлось, все время спѣшилъ въ Гурзуфъ.

— Погуляемъ здѣсь,—уговаривалъ его С.:—веселѣе тутъ, народу больше...

— А грабежъ-то какой?—жаловался Пастуховъ:—прямо шкуру деруть. А въ Гурзуфѣ у меня скидка...

— Николай Ивановичъ, да развѣ мыслимо, чтобы и здѣсь вамъ не сдѣлали скидки? Непремѣнно сдѣлаютъ.

— А я тебѣ говорю,—нѣтъ. Живалъ ужъ я тутъ. Знаю. Въ конецъ разорятъ.

— Чтобы вамъ да не было скидки? Сохрани Богъ. Хотите я сейчасъ спущусь въ контору и узнаю.

— Узнай, узнай!—обрадовался Пастуховъ.

С. отлучился на десять минутъ и возвратился сіяющій.

— Ну, конечно, я правъ. Для Николая Ивановича, говорятъ, пятьдесятъ процентовъ долой.

Просіялъ и Пастуховъ.

— Да неужели?

— Такое благоговѣніе къ вамъ чувствуютъ, что просто страсть!

Пастуховъ пересталъ торопиться въ Гурзуфъ и дольше обыкновеннаго благодушествовалъ въ Ялтѣ. Когда потребовалъ счетъ, то только взглянулъ на итогъ и на скидку. Какъ ни была велика цифра, но онъ ничуть не удивился, благо значилась скидка. И съ тѣхъ поръ уже больше не бранилъ Ялту за грабежъ. Почетъ оказанъ былъ—больше ему ничего не нужно.

Посѣщая каждую зиму Ниццу, однажды онъ привезъ оттуда съ необыкновенными хлопотами громадный коверъ, который ему вынужденно пришлось купить въ какомъ-то шикарномъ ресторанѣ. По россійской привычкѣ отплевываться куда попало, онъ, сидя за обѣдомъ въ общей залѣ, поминутно плевалъ то въ одну, то въ другую сторону на разостланный во всю комнату коверъ и спокойно растиралъ ногами. Со стороны администраціи никакихъ замѣчаній по этому поводу не послѣдовало, но когда подали счетъ,

Библиотека "Руниверс"

то въ концѣ его значилось «за порчу ковра пять тысячъ франковъ». Какъ онъ ни спорилъ черезъ переводчика, какъ ни протестовалъ, а деньги уплатить пришлось.

— А коверъ,—любезно сказали ему:—можете взять себѣ.

Не пропадать же пяти тысячамъ франкамъ? Коверъ онъ забралъ, и получился такого необычайнаго размѣра тюкъ, что его еле можно было переправить въ Россію, не говоря уже о томъ, какихъ это стоило денегъ.

И послѣ этого онъ уже всегда, бывая въ заграничныхъ ресторанахъ, спрашивалъ у своего спутника-переводчика:

— Поди-ка, узнай, гдѣ у этихъ мерзавцевъ плевать можно?

И торжественно по нѣсколько разъ во время трапезы отходилъ въ указанное мѣсто, каждый разъ цѣдя сквозь зубы:

— Грабители-подлецы!

Изъ водевильныхъ происшествій съ Пастуховымъ нельзя не отмѣтить его поѣздки на свадьбу къ своему сотруднику N.

Во время обѣда въ Большой Московской онъ вспоминаетъ вдругъ:

— А вѣдь сегодня N женится!

И сталъ звать своего пріятеля С. отправиться въ церковь.

— А вы знаете, гдѣ онъ вѣнчается-то?—освѣдомляется С., по опыту не довѣряя памяти Пастухова.

— Конечно, знаю... на Басманной, ѣдемъ!

— Да, вѣдь, на Басманной много церквей, Николай Ивановичъ...

— Я знаю, въ которой.

Подъѣхали къ церкви. У входа стоитъ сторожъ. Пастуховъ къ нему.

— Здѣсь, что ли, въ семь часовъ свадьба будетъ?

— Такъ точно, здѣсь...

— Ну, вотъ видишь!—говоритъ Пастуховъ С., слѣзая съ извозчика.

Заходятъ въ храмъ—темно, пустынно.

— А что же это паникадила не зажжены?—спрашиваетъ Пастуховъ у старосты, пріютившагося за свѣчнымъ ящикомъ.

— Не заказано-съ... Всю свадьбу на пятнадцать цѣлковыхъ справляютъ...

Пастуховъ, конечно, не могъ отказать себѣ въ удовольствіи сдѣлать сюрпризъ своему сотруднику и распорядился освѣтить всю церковь, призвать пѣвчихъ, пригласить весь причтъ, разостлать ковры. Уплатилъ за это двѣсти рублей и сталъ ожидать жениха. Полное освѣщеніе, разумѣется, стало привлекать прохожихъ, и вскорѣ въ церковь набралось много публики, среди которой оказались женихъ и невѣста. Но они побоялись заявить о своемъ присутствіи, предполагая, что до ихъ вѣнчанія должно быть совершено чье-то другое, богатое. Наконецъ, когда прошелъ

Библиотека "Руниверс"

уже часъ послѣ назначеннаго срока, женихъ робко заявляетъ церковному старостѣ, что и его, молъ, свадьба назначена на сегодня,—такъ когда же къ ней приступятъ?

Староста всполошился.

— Да вѣдь васъ только и ждемъ.

Сторожа бросились къ пѣвчимъ, въ алтарь къ священникамъ. Грянулъ хоръ пѣвчихъ, и началось вѣнчаніе.

«Молодые» недоумѣвали. Недоумѣвалъ и Пастуховъ, приблизясь къ нимъ.

Оказалось, что онъ «шикарно» справилъ свадьбу какого-то слесаря-бѣдняка, а его сотрудникъ N. вѣнчался въ это время въ противоположной сторонѣ города.

Точно такъ же, поѣхавъ на похороны знакомаго, онъ попалъ на кладбище въ другую церковь, гдѣ отпѣвали невѣдомаго ему человѣка. Онъ нѣсколько разъ заглядывалъ на покойника и все время сокрушенно покачивалъ головой, ворча подъ носъ:

— Какъ, несчастный, измѣнился! Не узнать прямо... И, должно быть, долго мучился,—лѣтъ на сорокъ постарѣлъ...

Провожалъ покойника до могилы, сказалъ нѣсколько теплыхъ словъ, когда стали его засыпать, но, когда водрузили крестъ, былъ крайне смущенъ обозначеннымъ на немъ совершенно незнакомымъ ему именемъ.

Но про эти курьезы онъ и самъ никогда не вспоминалъ и очень не любилъ, если кто-нибудь ихъ оглашалъ.

Въ Пастуховѣ такъ безалаберно совмѣщалась щедрость со скупостью, что нельзя было установить границъ ни тому, ни другому.

Напримѣръ, одному чиновнику, оказывавшему ему кое-какія услуги въ цензурномъ вѣдомствѣ, онъ дѣлалъ чрезвычайно существенныя подношенія и даже оставилъ ему дарственную запись, въ видѣ письма къ своей женѣ, прося ее послѣ его смерти вручить такому-то тридцать тысячъ рублей (хотя, впрочемъ, наслѣдники Пастухова отъ уплаты таковыхъ, кажется, отказались, находя форму дарственной не обоснованной юридически). И въ тотъ же самый пріѣздъ въ Петербургъ, когда онъ составилъ эту дарственную, онъ былъ въ редакціи «Петербургскаго Листка» и обронилъ свой бумажникъ съ кредитными билетами на десять тысячъ; бумажникъ этотъ поднялъ сторожъ и въ полной неприкосновенности доставилъ его владѣльцу въ «Сѣверную гостиницу», гдѣ онъ обыкновенно останавливался. И что же? Пастуховъ спокойно пересчиталъ деньги... и далъ сторожу двугривенный на чай..

Николай Ивановичъ отличался крѣпкимъ здоровьемъ и велъ жизнь, для своего почтеннаго возраста чрезвычайно подвижную и весьма ненормальную, и только за нѣсколько дней до смерти, случившейся 28-го іюля 1911 года, какъ-то сразу опустился и одряхлѣлъ.

М. Шевляковъ.

Библиотека "Руниверс"

ПОДЪ ВОЕННОЙ ГРОЗОЙ.

(Воспоминанія сестры-волонтерки).

I.

УТРО 27-го января 1904 года... Кто изъ насъ не помнитъ его! Телеграфъ принесъ извѣстіе, что ночью японцы взорвали наши броненосцы и война началась. Въ теченіе нѣсколькихъ первыхъ дней весь Петербургъ, казалось, жилъ одною мыслью, однимъ чувствомъ, одной тревогой: что-то дѣлается тамъ, за 10.000 верстъ отъ насъ? Несмотря на первый ударъ, увѣренность въ томъ, что мы побѣдимъ, была несомнѣнною. Какъ долго потомъ еще она держалась въ войскахъ! Но, помню, на первыхъ же дняхъ мнѣ попалась въ руки газета, гдѣ приводились стихи Соловьева, написанные имъ лѣтъ десять назадъ:

«О Русь, забудь былую славу;
Орелъ двуглавый побѣжденъ;
И желтымъ дѣтямъ на забаву
Даны клочки твоихъ знаменъ».

Зловѣщимъ пророчествомъ прозвучали тогда эти строки въ душѣ. Я отбросила газету, но стихи врѣзались въ память, и, хотя я всего разъ прочла ихъ, помню, однако, и до сихъ поръ. Конечно, первою мыслью моею было записаться въ сестры милосердія и начались мои «хожденія по мытарствамъ», что испытали и хорошо знаютъ столь многія волонтерки. Приходишь записываться въ общины, гдѣ тебя встрѣчаютъ съ явнымъ недоброжелательствомъ и тайной подозрительностью. Ни малѣйшей тѣни поощренія и сочувствія къ тому чувству,

Библиотека "Руниверс"

что двигало нами. Мы всѣ были какъ будто виноваты въ томъ, что вдругъ воодушевились патріотизмомъ и пришли безпокоить общинское начальство. Вспомнились слова, кѣмъ-то сказанныя, что «русская жизнь складывается на фонѣ недоброжелательности», къ несчастью, вездѣ, во всемъ. Наконецъ мнѣ удалось записаться на курсы Георгіевской общины, но надежда попасть на Востокъ была еще очень туманна,—неизвѣстно было, въ какой отрядъ я попаду и когда и куда этотъ отрядъ двинется.

Помню, съ какою завистью смотрѣли мы на чемоданы сестеръ, отъѣзжающихъ съ первыми отрядами. Помню также, какъ одну изъ насъ, слушающихъ курсы волонтерокъ, назначили дежурить ночь въ общинѣ, въ палатѣ у тифозныхъ. Я и кузина моя Ю. С. проводили ее до этой палаты и смотрѣли, какъ на счастливѣйшую изъ смертныхъ, пока она облекалась въ бѣлый халатъ и надѣвала мягкія ночныя туфли. Какими глупыми должны мы были казаться настоящимъ сестрамъ, несущимъ эти дежурства всю жизнь!

Итакъ, я приготовилась терпѣливо ждать у моря погоды, какъ вдругъ графиня вице-предсѣдательница N—ской общины, узнавъ, что я такъ стремлюсь попасть въ какой-нибудь отрядъ, предложила мнѣ причислиться къ N—скимъ сестрамъ, которыя, въ количествѣ пяти человѣкъ, уѣзжали черезъ недѣлю на Востокъ, чтобы поступить въ распоряженіе военнаго вѣдомства. Счастье мое и благодарность графинѣ были безграничны.

Въ одну недѣлю надо было собраться, причемъ разрѣшено было взять съ собою лишь маленькую корзину, небольшой чемоданчикъ и портпледъ съ подушкой. Въ воскресенье на первой недѣлѣ поста назначенъ былъ молебенъ отъѣзжающимъ въ N—ской крошечной общинѣ, и я должна была явиться туда, уже одѣтая въ форму, къ одиннадцати часамъ утра. Съ большимъ волненіемъ ѣхала я на этотъ молебенъ, гдѣ пронесся слухъ, что отъѣздъ нашего отряда отложенъ на неопредѣленное время. Оказалось, что жители N—ска надумали соорудить свой лазаретъ и, естественно, желали имѣть при немъ сестеръ изъ N—ской общины. Но такъ какъ на сооруженіе лазарета въ двадцать пять кроватей требовалось время, то насъ и задержали, пока все будетъ готово. Тутъ началась невѣроятная путаница и сведеніе разныхъ личныхъ счетовъ, на почвѣ самаго мелкаго самолюбія, между нашимъ начальствомъ, жившимъ въ Москвѣ, и N—скими устроителями лазарета. Возмущенная такими дѣйствіями во время народнаго бѣдствія, графиня вышла изъ состава комитета и сложила съ себя вице-предсѣдательство.

Благодаря этимъ препирательствамъ, нами помыкали, какъ пѣшками: то насъ отпускали, то не отпускали; то мы ѣхали, то не ѣхали, и я начинала чувствовать, что промѣняла кукушку на ястреба. Подходила Святая, а объ нашемъ объѣздѣ не было никакого слуха. Нервы мои до того издергались отъ этой волокиты, что я

Библиотека "Руниверс"

стала чувствовать себя совсѣмъ негодной для работы и, чтобы немного поправиться, взяла разрѣшеніе съѣздить въ Калугу проститься съ братомъ, прося выписать меня депешой, какъ только я понадоблюсь.

Во время пребыванія моего въ Калугѣ пришло извѣстіе 1-го апрѣля о гибели Макарова. Сначала никто не хотѣлъ этому вѣрить, но офиціальныя телеграммы подтвердили роковую вѣсть. Была Пасха, и радостный звонъ всѣхъ колоколовъ до того противорѣчилъ тому горю, которое каждый чувствовалъ въ душѣ, что можно только подивиться, какъ не отмѣнили, хоть на одинъ день, этого праздничнаго трезвона.

Наконецъ, пришла депеша, вызывающая меня въ N—ское. Простясь со своими и поручивъ ихъ милосердію Божьему, я выѣхала съ надеждой скоро тронуться въ путь. Но не тутъ-то было; волокита еще продолжалась почти мѣсяцъ, и лишь 9-го мая нашъ отъѣздъ былъ рѣшенъ. Передъ этимъ, дня за два, насъ возили во дворецъ представляться Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, имени которой былъ нашъ лазаретъ. Она произвела на всѣхъ насъ чарующее впечатлѣніе. Лазаретъ, хотя маленькій, всего на двадцать пять кроватей, былъ хорошо оборудованъ; вещи выставлялись для осмотра публикой въ ратушѣ, гдѣ и началась наша первая работа, когда мы все это имущество укладывали въ ящики и записывали въ реестръ. Собственно мы только считали и записывали, а укладку взяли на себя приказчики Гостинаго двора, дѣйствительно въ потѣ лица потрудившіеся для добраго дѣла.

Наконецъ насталъ день 9-го мая, холодный и вѣтряный; дождь лилъ, какъ изъ ведра. Провожать нашъ маленькій отрядикъ собралось порядочно народа. Въ ожиданіи поѣзда кто-то предложилъ отслужить молебенъ Николаю Угоднику, но начальникъ станціи не разрѣшилъ; по какимъ мотивамъ,—осталось для насъ тайною. Изъ N—скаго мы выѣхали утромъ, а нашъ эшелонъ уходилъ только вечеромъ. Весь этотъ день, пасмурный, съ дождемъ и снѣгомъ, мы просидѣли въ евангелической общинѣ, которой наша община считала себя какъ бы филіальнымъ отдѣленіемъ. Томительно долго тянулись часы, пока подошелъ вечеръ и мы поѣхали на Николаевскій вокзалъ. Отъѣзжали мы съ военной платформы. Эшелонъ нашъ состоялъ изъ насъ и двухъ другихъ отрядовъ: финляндскаго и нѣмецкой евангелической общины.

Для меня такой составъ былъ большимъ испытаніемъ. Ѣхать такъ далеко среди представителей чужихъ народностей казалось крайне тяжело. Къ тому же у меня тогда была глубокая антипатія къ нѣмецкой національности. Послѣднія прощанія, послѣднія теплыя пожеланія, и поѣздъ нашъ двинулся не подъ родные звуки «Боже, Царя храни», а подъ какой-то нѣмецкій гимнъ, правда, хорошо спѣтый, но отъ котораго мнѣ рѣзало и уши и сердце.

Библиотека "Руниверс"

Отрядъ нашъ состоялъ изъ двухъ врачей, пяти сестеръ и семи санитаровъ. Врачи и санитары были назначены изъ главнаго управленія Краснаго Креста.

До Москвы мы ѣхали цѣлыхъ полтора сутокъ, все съ тѣмъ же дождемъ и холодомъ, можно сказать, что въ Бѣлокаменную пришли пѣшкомъ, такъ какъ поѣздъ нашъ остановили гдѣ-то далеко у семофора и, наскучивъ ждать, мы пошли вдоль пути къ вокзалу. Много мы смѣялись и острили по этому поводу. Что́ бы сказали тѣ, кто возился съ нашей отправкой два мѣсяца, если бы увидѣли, какъ знаменитый N—скій отрядъ шествуетъ по шпаламъ съ сумочками подъ мышкой. Въ Москвѣ проглянуло солнышко, и меня встрѣтилъ братъ, пріѣхавшій еще разъ проститься передъ долгой разлукой. Вечеромъ мы должны были взять новый поѣздъ. У меня теплилась маленькая надежда, что насъ соединятъ съ другими русскими отрядами. Но насмѣшница судьба рѣшила иначе. Не только явились къ поѣзду тѣ же финляндцы и нѣмцы, но еще прибавился цѣлый новый отрядъ нѣмецкихъ бароновъ изъ остзейскихъ провинцій, ѣхавшихъ санитарами на войну. Большинство изъ нихъ были потомки рыцарей іоаннического ордена и считали долгомъ соблюсти традиціи предковъ.

Отъѣздъ изъ Москвы ознаменовался происшествіемъ, служившимъ прелюдіей ко многимъ подобнымъ. Нѣкоторые изъ нашихъ санитаровъ перепились, и старшему врачу выпала на долю непріятная забота возиться съ ними при посадкѣ въ вагоны.

Наконецъ мы тронулись, и Москва осталась за нами. Ѣхали такъ медленно, что въ Рязань прибыли лишь на слѣдующій день къ вечеру. Началась собственно не ѣзда, а жизнь въ вагонахъ съ опредѣленными часами для вставанія, чая, обѣда. Утромъ убирали свое купе, мыли полъ, стирали пыль, днемъ читали, писали и даже вышивали красной бумагой полоски на фартуки съ именемъ общины. Начали понемногу опредѣляться наши взаимоотношенія, какъ между собой, такъ и съ совершенно незнакомыми намъ врачами.

Вслѣдствіе упомянутыхъ мною интригъ и сведенія личныхъ счетовъ ни одинъ изъ знакомыхъ N—скихъ врачей не поѣхалъ съ отрядомъ. Въ послѣдніе дни были назначены двое изъ Краснаго Креста. Старшимъ врачомъ оказался сравнительно еще молодой человѣкъ, акушеръ по профессіи, которому въ первый разъ приходилось быть и уполномоченнымъ отряда. Второй врачъ долженъ былъ занять мѣсто терапевта въ нашемъ лазаретѣ. Назначенъ онъ былъ изъ Харькова, гдѣ занималъ какую-то должность при университетской лабораторіи. Съ первыхъ же дней между нашими врачами опредѣлилось враждебное отношеніе другъ къ другу, которое росло и крѣпло всю дорогу и въ Манчжуріи дошло до серьезныхъ размѣровъ.

Инструкціи, данныя отряду нашимъ начальствомъ, не отличались особеннымъ умомъ и знаніемъ дѣла. А въ нѣкоторыхъ пунктахъ мы

Библиотека "Руниверс"

считали ихъ для себя прямо оскорбительными. Напримѣръ, строго воспрещалось на станціяхъ нашимъ сестрамъ обѣдать въ залѣ перваго класса и даже входить въ станціонныя зданія. Какую высшую цѣль преслѣдовали составительницы этихъ правилъ, понять трудно. Но неудобства ихъ были значительныя: вплоть до Иркутска мы ни разу не ѣли горячаго обѣда, а на многихъ станціяхъ приходилось его получать при вмѣшательствѣ жандарма, такъ какъ буфетчики отказывались посылать прислугу съ судками на какой-нибудь запасный путь, куда ставили нашъ эшелонъ. Это правило являлось тѣмъ болѣе дикимъ, что сестры ѣхавшихъ съ нами нѣмецкаго и финскаго отрядовъ преспокойно выходили на станціяхъ обѣдать въ буфетъ со всѣми. Лишь мы не смѣли показывать носа на платформу, точно восточныя красавицы изъ гарема падишаха. Такъ велико было довѣріе нашего начальства къ нашей порядочности и умѣнію держать себя въ публикѣ. Понятно, такое положеніе изводило насъ своимъ «ridicule», и козломъ отпущенія часто являлся нашъ старшій врачъ, родомъ полякъ; онъ же, по неопытности, сплошь и рядомъ не зналъ, какъ себя съ нами держать, что, конечно, не способствовало поддержанію его авторитета.

Второй врачъ, еврей, былъ умный и очень любезный; но что-то ехидное было въ его сухой фигурѣ, темномъ лицѣ и глазахъ, и онъ не внушалъ намъ ни симпатіи, ни довѣрія.

Среди нашихъ спутниковъ финляндскій отрядъ состоялъ тоже изъ двухъ врачей и пяти сестеръ. Одна изъ нихъ была русская родомъ, волонтерка, очень красивая и интересная; жизнь ея въ финскомъ отрядѣ давалась ей не легко, и она иногда приходила отводить съ нами душу. Остальной персоналъ держался особнякомъ, былъ крайне несимпатиченъ и убѣдилъ меня лишній разъ, до чего эта нація зла отъ природы. Когда на какой-то станціи близъ Манчжуріи пришло извѣстіе объ убійствѣ Бобрикова, они, не стѣсняясь насъ, высказывали шумно свою радость, и сестры-финки издѣвались надъ своей русской товаркой, которая лично знала Бобрикова и горько плакала о его гибели.

Евангелическій отрядъ былъ большой: человѣкъ пятнадцати сестеръ, нѣсколько врачей, завѣдующій хозяйствомъ, аптекарь, много санитаровъ, и производилъ прекрасное впечатлѣніе. Все у нихъ было хорошо устроено, составлено съ толкомъ, внутренняя связь отряда, видимо, прочная, всякій твердо зналъ свое дѣло. Санитары ихъ дѣйствительно были надежные, опытные и знающіе, не собранные съ бора да съ сосенки, какъ въ Красномъ Крестѣ. Если бы у нихъ было знамя, на немъ надо было бы начертать: «добросовѣстность, порядокъ и довольство собою». Прекрасное впечатлѣніе производилъ отрядъ нѣмецкихъ бароновъ, какъ своимъ внѣшнимъ устройствомъ, такъ и внутреннимъ составомъ. Большинство изъ нихъ были люди хорошаго общества, культурные, вѣжливые,

Библиотека "Руниверс"

порядочные. Многіе изъ нихъ, какъ и предводитель ихъ баронъ Г., носили знакъ Іоанническаго ордена на тужуркахъ. По вечерамъ этотъ отрядъ поглощалъ невѣроятное количество пива, что, однако, нисколько не отражалось ни на внѣшнемъ ихъ видѣ, ни на манерѣ держать себя.

Медленно и тихо двигаясь, проѣхали мы Рязань, Рузаевку, Пензу, и вотъ, наконецъ, мы приблизились къ Уралу и въѣхали въ его предгорье. Какая красота этотъ Уралъ и какое чудное впечатлѣніе онъ оставилъ въ насъ! Ѣхали мы въ маѣ, когда все было зелено и цвѣло. Поѣздъ двигался такъ медленно, благодаря крутымъ поворотамъ, спускамъ и подъемамъ, что ночью можно было слышать соловьевъ, распѣвавшихъ въ кустахъ по склону горъ и по берегу рѣчекъ, вившихся у ихъ подножья. Полная луна свѣтила съ небесъ и было дивно хорошо, такъ хорошо, что сестры-нѣмки не выдержали и запѣли тѣмъ своеобразнымъ тембромъ голоса, который свойственъ только нѣмкамъ.

За Ураломъ пошла степь, кажется, Барабинская,—ровная и гладкая, какъ столъ, вся поросшая березовыми перелѣсками. По ней мы ѣхали нѣсколько дней. Долгая остановка была въ Маріинскѣ, и мы воспользовались ею, чтобы посѣтить городъ декабристовъ. Городъ небольшой, съ бѣдной небольшой деревянной церковью. Зато среди города, на видномъ мѣстѣ большая каменная синагога, и евреи попадаются на каждомъ шагу. Вообще, это было удивительное открытіе: за Ураломъ, въ Западной Сибири попадаешь какъ бы въ черту осѣдлости. И это въ такомъ краѣ, гдѣ имъ запрещено селиться!

Отъ станціи Манчжурія до Харбина ѣхали почти недѣлю и начали, наконецъ, чувствовать утомленіе отъ долгаго пути, что стало сказываться въ нѣкоторой раздражительности сестеръ между собою; больше всѣхъ доставалось бѣдной сестрѣ М—вой и чаще всего отъ меня. И провизія наша подобралась. Послѣдній день съ утра нечего было ѣсть, и мы все ждали, что вотъ-вотъ подъѣдемъ къ Харбину. Добрались до него, однако, только къ вечеру, но на станцію насъ не пустили, ибо тамъ въ это время кормили плѣнныхъ японцевъ, и насъ поставили на запасный путь. Тутъ проходилъ мимо какой-то китаецъ-продавецъ овощей. У него оказались редиски, которыя мы купили и принялись ѣсть безъ соли и хлѣба, до того были голодны. Лишь поздно вечеромъ могли мы пройти закусить на станцію. Эту ночь мы еще ночевали въ вагонахъ. На слѣдующее утро старшій врачъ отправился въ управленіе Краснаго Креста за инструкціями. Александровскій былъ на югѣ, и до его пріѣзда рѣшено было поселить насъ въ сестринскомъ общежитіи въ Старомъ Харбинѣ, куда мы и направились съ перспективой просидѣть тамъ неопредѣленное количество времени.

Впечатлѣніе, произведенное на насъ сестринскимъ общежитіемъ въ Старомъ Харбинѣ, не поддается описанію. Трудно было повѣрить,

Библиотека "Руниверс"

что этотъ домъ отданъ въ распоряженіе сестеръ, на обязанности которыхъ лежитъ въ каждой больницѣ слѣдить за чистотой и гигіеной; до того все было грязно и запущено. Начальства въ этомъ домѣ не было никакого; распорядителями всего являлись горничная Маша и какой-то унтеръ-офицеръ, поставленный туда, вѣроятно, съ цѣлью показать, что все было на военномъ положеніи. Противъ дома, черезъ улицу былъ общественный садъ съ рестораномъ и музыкой и, такъ какъ въ общежитіи проживало немало волонтерокъ Краснаго Креста, не причисленныхъ ни къ одной общинѣ и представлявшихъ собою свободныхъ гражданокъ,—то можно себѣ представить, какіе уже тогда ходили толки и слухи! Наступала пора дивиться нашимъ порядкамъ: изъ Петербурга посылали общинскихъ сестеръ, испытанныхъ и знающихъ, съ запрещеніемъ выходить на станціяхъ, а въ Харбинѣ устраивали общежитіе въ Старомъ городѣ, за четыре версты отъ управленія, безъ начальства, съ массою невѣдомыхъ волонтерокъ и противъ общественнаго сада. И это въ тылу арміи! Не знаю, долго ли просуществовало это общежитіе. Когда мы вновь были въ Харбинѣ въ мартѣ, на его мѣстѣ былъ устроенъ пресимпатичный госпиталь имени императрицы Маріи Ѳеодоровны для больныхъ сестеръ.

Намъ отвели маленькую и грязнѣйшую комнату съ пятью койками. Съ помощью одного нашего санитара мы принялись ее мыть, чистить и приводить въ порядокъ и съ гордостью могу сказать, что наконецъ придали ей настолько приличный видъ, что, когда мы уѣзжали, на нее заранѣе записывались сестры, жившія ,однако, въ общежитіи раньше насъ.

Мы приготовились терпѣливо ждать, пока насъ назначатъ куда-нибудь. Какова же была наша радость, когда черезъ два дня пришли врачи и объявили, что мы ѣдемъ завтра въ Лаоянъ. Скорѣй послали санитара къ прачкѣ-китайцу взять обратно бѣлье, въ какомъ бы видѣ ни было. Намъ принесли его совершенно мокрымъ, но мы живо упаковали его въ тюкъ и зашили въ рогожу, ничуть не смущаясь и начиная слѣдовать принципу «à la guerre, comme à la guerre».

На слѣдующій день на станціи новый инцидентъ: вагоны съ нашимъ грузомъ загнали невѣдомо куда. Пришлось оставить одного изъ санитаровъ, чтобы онъ отыскалъ ихъ и пріѣхалъ бы съ ними въ Лаоянъ за нами слѣдомъ. Волненій по этому поводу было масса.

На югъ поѣхали съ нами тѣ же нѣмцы-бароны, финляндцы и евангелическій отрядъ. Но поѣздъ былъ не исключительно для санитарнаго персонала; ѣхало немало военныхъ, и сразу почувствовалась совершенно другая атмосфера. Пикниковое настроеніе исчезло безъ слѣда. Всѣ мысли, разговоры, интересы на югѣ — въ арміи.

Въ Лаоянъ мы прибыли къ вечеру. Здѣсь уже чувствовалась близость позицій. На станціи была страшная суета, всѣ спали, не

Библиотека "Руниверс"

раздѣваясь, лишь снявъ грязнѣйшіе сапоги. Съ этого вечера мы погрузились въ неописуемую сырость, пропитывавшую насъ насквозь; все было сыро: и бѣлье, и платье, и постель. Сырость испарялась изъ почвы и висѣла въ воздухѣ. Манчжурскіе дожди имѣютъ странное свойство не освѣжать воздуха. Дождь льетъ какъ изъ ведра, а отъ земли подымается теплый паръ и становится душно дышать, какъ въ парникѣ. Здѣсь мы въ первый разъ испытали манчжурскую грязь, дѣйствительно невообразимую.

II.

Проснувшись на слѣдующій день, мы осмотрѣли свое расположеніе. Сзади насъ на западъ, довольно близко, было китайское кладбище съ большими тѣнистыми деревьями, очень красивое, но очень антисанитарное, такъ какъ китайцы не зарываютъ покойниковъ, а лишь засыпаютъ ихъ холмиками земли. Оттого, вѣроятно, временами и несло такимъ зловоніемъ въ этой мѣстности. За кладбищемъ въ кумирняхъ или фанзахъ помѣщался первый Георгіевскій отрядъ, прекрасно устроенный. У нихъ были даже клумбы съ цвѣтами. Направо отъ насъ шли палатки, заканчивающіяся краснымъ домикомъ, налѣво шла дорога, а впереди на нѣкоторомъ разстояніи проходила желѣзнодорожная линія, былъ этапный путь и возвышалась гора, которая, говорятъ, была страшно укрѣплена. Для всякой ѣды надо было итти въ «Красный домикъ», находившійся въ распоряженіи Краснаго Креста, даже для чая и кофе. Тамъ было настоящее столпотвореніе. Туда собирались всѣ причастные къ Красному Кресту и отрядамъ, туда являлись пріѣзжіе съ этаповъ и передовыхъ госпиталей. Туда заходили передъ отъѣздомъ на пункты. Все это была шумная публика, не любящая и не признающая ни порядка, ни дисциплины.

На пятый день нашего пребыванія въ Ляоянѣ старшій врачъ принесъ извѣстіе, что Александровскій назначаетъ насъ въ Тьелинъ, съ предписаніемъ развернуться въ постоянный госпиталь на 200 кроватей. А мы-то мечтали съ двадцатью пятью койками обратиться въ передовой летучій отрядъ. Но Александровскій нашелъ, что для передового отряда нашъ госпиталь слишкомъ хорошо оборудованъ и было бы жаль терять все это дорогое имущество, такъ какъ передовые отряды Краснаго Креста то и дѣло снимались и отходили назадъ, бросая весь инвентарь, не имѣя никакихъ передвижныхъ средствъ наподобіе военныхъ подвижныхъ госпиталей, у которыхъ были и двуколки, и лошади, и спеціальная прислуга изъ солдатъ.

Поздно вечеромъ двинулись мы на сѣверъ и раннимъ утромъ 18-го іюня прибыли въ Тьелинъ. Утро было ясное, тихое, теплое. На станціи тишина, особенно замѣтная послѣ ляоянской суетни.

Библиотека "Руниверс"

Просидѣли мы не долго. Вскорѣ насъ пришли звать въ воронежскій госпиталь, который основался тамъ раньше насъ и любезно предложилъ намъ воспользоваться ихъ гостепріимствомъ, пока мы не устроимся и не найдемъ себѣ помѣщенія.

Первые дни мы прожили въ воронежскомъ госпиталѣ въ пустой еще тогда офицерской палатѣ. Познакомились довольно близко со старшей сестрой, которая оказалась очень симпатичной. Также прекрасное впечатлѣніе получилось отъ старшаго врача. Онъ былъ человѣкъ съ большими средствами и на свой счетъ обмундировывалъ всѣхъ солдатъ, уходившихъ изъ его госпиталя на позиціи. Чтобы оцѣнить этотъ поступокъ, надо было видѣть, какими оборванцами въ началѣ кампаніи приходили солдаты въ госпиталя. Съ его стороны это была чудная мѣра, истинное благодѣяніе. Не такъ понимали служеніе ближнему его коллеги, которые занимались спеціально тѣмъ, что во время перевязокъ и обхода больныхъ старались пропагандировать между ними революціонныя идеи и возстановлять ихъ противъ Царя.

Не пробыли мы и нѣсколькихъ часовъ въ і—скомъ госпиталѣ, какъ уже знали, что персоналъ его раскололся на двѣ партіи. Въ одной былъ старшій врачъ, старшая сестра и еще нѣсколько человѣкъ сестеръ одного съ ней типа, въ другой всѣ другіе врачи и сестры, крайне несимпатичнаго вида, съ модными прическами, надушенныя, ведущія самый откровенный флиртъ съ врачами. Впослѣдствіи эта партія возобладала и выжила изъ госпиталя старшаго врача и сестру.

Дня черезъ три насъ, сестеръ, перевели въ одинъ изъ домиковъ во второй линіи отъ станціи и дали намъ двѣ комнатки съ сѣнями. Вся обстановка заключалась въ кроватяхъ, столѣ и табуретахъ, которые остались отъ пограничниковъ. Отправляя насъ и снабжая лазаретъ кроватями, совершенно упустили изъ вида, что и персоналу надо будетъ спать не на полу, и, пріѣхавъ на мѣсто, мы очутились безъ коекъ. По сравненію съ нашимъ положеніемъ можно было удивляться, какъ удивительно все было обдумано у нѣмцевъ. Въ ихъ отрядахъ каждая сестра была снабжена походной складной кроватью, очень удобной, укладывающейся въ небольшой брезентовый мѣшокъ.

Для порядка мы установили дежурство, и по двѣ ежедневно мыли комнаты и «мебель», желая хоть чистотой возмѣстить отсутствіе комфорта. За стѣной помѣщались какіе-то телеграфисты-гитаристы, не дававшіе намъ покою игрой чувствительныхъ романсовъ. Впрочемъ, ихъ скоро убрали куда-то.

Въ столовой воронежскаго госпиталя мы познакомились съ іеромонахомъ, который былъ присланъ въ Тьелинъ для совершенія требъ по госпиталямъ. Жилъ онъ въ русскомъ поселкѣ у китайскаго города, въ маленькой фанзѣ, а въ другой, побольше, была устроена по-

Библиотека "Руниверс"

ходная церковь. Въ одинъ изъ первыхъ дней мы пошли навѣстить его. Онъ оказался монахомъ изъ Тихоновой пустыни Калужской губерніи. Въ 1877 году былъ офицеромъ въ дѣйствующей арміи, а послѣ войны пошелъ въ монастырь. Онъ произвелъ на насъ очень хорошее впечатлѣніе своимъ кроткимъ, безхитростнымъ лицомъ. Что поражало въ немъ, это удивительное стремленіе къ уютности, къ мирному хозяйству. Живя безъ году недѣлю въ Тьелинѣ подъ военной грозой, онъ все-таки умудрился завести себѣ клѣтушку съ утками и курами, кормилъ ихъ, возился съ ними и приглашалъ насъ полюбоваться на хорошіе экземпляры. Какую нужно было имѣть нетронутую душу, чтобы въ такой обстановкѣ радоваться на свое подобіе хозяйства!

Въ первое воскресенье мы отправились въ церковь. Я никогда не забуду полученнаго впечатлѣнія. Наибѣднѣйшая сельская церковь не можетъ близко сравниться съ той бѣдностью, которая была тамъ. А это такъ поражало глазъ и чувство, привыкшее къ великолѣпію храмовъ. Церковь помѣщалась въ длинной фанзѣ съ выбѣленными стѣнами. Вмѣсто иконостаса простая деревянная перегородка и только три образа: надъ вратами Тайной вечери да два мѣстныхъ въ кіотахъ вершковъ четырехъ длины. Подсвѣчники деревянные, самодѣльные, видимо, сооруженные сторожемъ, который и понамарилъ, и пѣлъ на клиросѣ. Но служилъ отецъ Анастасій прекрасно, и знакомая, близкая сердцу служба въ этой убогой остановкѣ производила неизгладимое впечатлѣніе. Вспомнился св. Сергій въ радонежскихъ лѣсахъ. Въ сожалѣнію, всего одинъ разъ только и удалось намъ помолиться въ этой церкви. Вскорѣ началась работа въ госпиталѣ, настолько насъ поглощавшая, что мы жили, какъ отрѣзанныя отъ міра, и въ сосѣднихъ госпиталяхъ не были ни разу.

Жили мы въ домикѣ у станціи съ недѣлю въ полномъ бездѣйствіи, ожидая у моря погоды—открытія нашего госпиталя. Жара стояла невыносимая, и перемѣна климата давала себя чувствовать какимъ-то общимъ недомоганіемъ. Только и дышалось свободно по вечерамъ. Тогда мы всѣ усаживались на ступеньки крылечка, наблюдали за жизнью на станціи да любовались на темное небо, усѣянное чудными яркими звѣздами. Мимо насъ все шли эшелоны съ войсками на югъ.

Для всей работы по устройству госпиталя у насъ было всего семь санитаровъ, и потому пришлось нанять работниковъ-китайцевъ, способныхъ извести святого медлительностью своей работы, лѣнью и какимъ-то тупымъ равнодушіемъ, написаннымъ на ихъ лицахъ. При этомъ еще обоюдное непониманіе языка, невозможность объяснить что надо безъ переводчика-старшинки, который самъ ничего не дѣлалъ и довольно часто исчезалъ, точно проваливался сквозь землю. Изъ нашихъ санитаровъ человѣка три были плотники, одного старшій врачъ взялъ себѣ въ качествѣ лакея и одного приставилъ помогать мнѣ по кладовой и хозяйству. Это былъ уморительный типъ

Библиотека "Руниверс"

крючника, большого роста и медвѣжьей силы, съ добродушнымъ и глуповатымъ лицомъ. Помогая мнѣ въ разборкѣ ящиковъ и разстановкѣ вещей и провизіи въ кладовой, онъ убѣжденно говорилъ мнѣ, что безъ него я бы пропала.

Въ общемъ это былъ хорошій типъ, но потомъ онъ запилъ, забуянилъ, и его пришлось отправить въ Харбинъ.

Вообще масса санитаровъ пьянствовала отчасти оттого, что они изъ Россіи ѣхали привычными пьяницами, отчасти оттого, что послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ пребыванія въ Манчжуріи ихъ начинала угнетать тоска по родинѣ и они топили ее въ винѣ и всякомъ безобразіи. Въ ноябрѣ наша санитарная представляла собою что-то въ родѣ ночлежки. Многіе санитары допивались до того, что бросались другъ на друга съ ножами. А красно-крестная интеллигенція въ лицѣ врачей и студентовъ, такъ старательно занимавшаяся пропагандой среди солдатъ, эту свою меньшую братію оставляла безо всякаго вниманія, безъ всякой духовной пищи, безъ малѣйшей нравственной поддержки. Все отношеніе ихъ къ санитарамъ выражалось въ томъ, что, когда эти послѣдніе допивались до буйства, ихъ отсылали на станцію къ коменданту, чтобы посадить подъ арестъ, а въ случаѣ частаго повторенія безобразій ихъ отправляли въ харбинское управленіе Краснаго Креста съ волчьей аттестаціей.

Тотъ санитаръ, котораго старшій врачъ приставилъ къ своей особѣ, былъ тоже своего рода типъ: маленькій, кривоглазый и хватившій вершковъ образованія, чѣмъ онъ очень гордился и старался при случаѣ блеснуть знаніями. Такъ, разъ видимъ, что онъ сидитъ сложа руки на крылечкѣ докторскаго домика, и просимъ его сходить по какому-то порученію. На это получаемъ отвѣтъ: «Не могу-съ. Я здѣсь какъ Марій на развалинахъ Карѳагена». Это было тѣмъ смѣшнѣе, что порядокъ въ вещахъ доктора дѣйствительно могъ напомнить развалины Карѳагена. Ключа у дверей не было и, уходя куда-нибудь, онъ сажалъ Соколова караулить вещи, бумаги и документы.

Оригинальной личностью былъ еще вновь поступившій санитаръ Оревскій. Онъ былъ матросомъ коммерческаго флота, много служилъ на иностранныхъ судахъ, объѣздилъ весь свѣтъ и прекрасно говорилъ по-англійски. Извѣстіе объ объявленіи войны застало его гдѣ-то въ китайскомъ порту на англійскомъ кораблѣ. Онъ сбѣжалъ съ этого корабля, явился къ нашему консулу и просилъ доставить его во Владивостокъ, гдѣ онъ надѣялся поступить во флотъ. Но это ему не удалось; онъ пошелъ въ Красный Крестъ и попалъ къ намъ въ госпиталь. Онъ былъ единственный изъ всѣхъ нашихъ санитаровъ, который интересовался политикой, ходомъ событій и чувствовалъ свою національность. Ежедневно, отпустивъ обѣдъ, онъ отправлялся на станцію, гдѣ собиралъ новости, поку-

Библиотека "Руниверс"

палъ газету (знаменитый «Вѣстникъ Манчжурской Арміи») и, возвратившись, дѣлился слышаннымъ и прочитаннымъ, своими надеждами и соображеніями. Среди нашихъ покорныхъ солдатъ, тупо-равнодушныхъ санитаровъ и враждебно настроенной интеллигенціи это былъ единственный человѣкъ, говоря съ которымъ чувствовался собесѣдникъ, живо и горячо относившійся къ тому, что дѣлалось въ арміи. Однимъ словомъ, его жизнь на иностранныхъ судахъ сдѣлала изъ него сознательнаго патріота. Физіономія его была не внушающая особаго довѣрія: благодаря синекрасному родимому пятну, онъ всегда ходилъ точно съ подбитымъ глазомъ.

Для оборудованія госпиталя требовалась громадная столярная работа. Надо было дѣлать массу шкаповъ, столиковъ, табуретокъ. Нашихъ плотниковъ-санитаровъ намъ не хватало; по просьбѣ доктора прислали двухъ-трехъ солдатъ изъ желѣзнодорожнаго батальона со станціи. У одного изъ нихъ былъ чудный голосъ, и онъ, работая, цѣлый день распѣвалъ пѣсни. Слушать его было настоящее наслажденіе. Его судьба была довольно оригинальная. Онъ раньше жилъ въ Петербургѣ и пѣлъ въ какомъ-то загородномъ саду. Затѣмъ попалъ въ солдаты, былъ посланъ на Востокъ и очутился въ Тьелинѣ, гдѣ ему пришлось работать въ нашемъ госпиталѣ и услаждать насъ пѣніемъ. Онъ былъ пресимпатичный малый, съ какой-то безшабашной удалью во всемъ существѣ. Сырость была большая, несмотря на высокій фундаментъ. На стѣнахъ не просыхали пятна отъ плѣсени, и поставленныя на полу корзины или ботинки покрывались зеленью въ однѣ сутки. Все лѣто мы ложились спать въ постели съ отсырѣвшимъ бѣльемъ. Съ восьми часовъ утра всѣ сестры уходили на работу; оставалась лишь та, которая смѣнялась съ ночного дежурства и пользовалась отдыхомъ цѣлый день. Занятымъ и усталымъ сестрамъ никогда и въ голову не приходила мысль о какой-нибудь опасности оставаться такъ въ полномъ одиночествѣ въ одномъ изъ послѣднихъ домовъ пустыннаго поселка, далеко отъ госпиталя. И въ самомъ дѣлѣ, Богъ хранилъ! За всѣ восемь съ половиной мѣсяцевъ пребыванія въ Тьелинѣ не было никакихъ случаевъ ни грабежа, ни нападенія. Удивительно у насъ, русскихъ, стремленіе въ обособленности. Поступившія къ намъ три в—скія сестры такъ до послѣдняго дня и остались в—скими, а мы N—скими. Никакого сліянія между нами не произошло.

Дисциплина въ нашемъ отрядѣ была большая, и подчиненіе старшей сестрѣ полное. Сестры не могли никуда уходить безъ ея разрѣшенія. Однажды въ в—скомъ госпиталѣ умеръ офицеръ; его хоронили съ большою торжественностью, и старшій врачъ предложилъ и мнѣ пойти присутствовать на панихидѣ, которую служили въ часовенкѣ между нашей и в—ской казармой буквально въ 20—30 шагахъ. За утреннимъ чаемъ я сказала, что сейчасъ пойду

Библиотека "Руниверс"

на отпѣваніе. На это сестра Х—ова замѣтила: «Не мѣшало бы меня спросить». Ей, видимо, страшно трудно было сдѣлать это замѣчаніе, но она смотрѣла на это, какъ на долгъ службы.

III.

Наконецъ намъ объявили, что присылаютъ первую партію больныхъ солдатъ въ 25 человѣкъ.

Въ день ихъ пріема всѣ сбились съ ногъ. Помѣстили ихъ въ двухъ комнатахъ поменьше, такъ какъ большая палата не была еще готова, и всѣмъ двадцати пяти человѣкамъ сдѣлали ванны, причемъ ванны надо было наполнять ведрами (крана еще не было) и воду грѣть на кухнѣ. Это былъ прямо Сизифовъ трудъ. Но, по счастью, со всѣмъ справились, облекли больныхъ въ больничное бѣлье, напоили ихъ чаемъ, накормили ужиномъ. Незамѣтно подошелъ вечеръ, и, оставивъ на ночное дежурство одну изъ сестеръ, мы вернулись въ свой домикъ. Усталость чувствовалась страшная, ноги ломило и онѣ опухали, но впечатлѣніе отъ новой работы, отъ сознанія начавшейся дѣятельности, отъ вида больныхъ было такъ сильно, что я не могла заснуть всю ночь. Все время передъ глазами проходили лица больныхъ солдатъ, и сердце билось, какъ въ лихорадкѣ. Лишь передъ разсвѣтомъ удалось вздремнуть, а въ шесть часовъ уже надо было вставать, ибо мнѣ, какъ хозяйкѣ, полагалось раздавать утренній чай, сахаръ и хлѣбъ.

Первые три дня мы еще получали пищу на больныхъ и на себя изъ воронежскаго госпиталя, а затѣмъ докторъ объявилъ, что пора приниматься готовить самимъ. Среди нашихъ санитаровъ не было ни одного мало-мальски знающаго поварское искусство, и поваромъ назначили молодого китайца «Михайлу», который кое-какъ говорилъ по-русски и увѣрялъ, что умѣетъ готовить. На самомъ дѣлѣ онъ ничего не зналъ, и съ такимъ-то помощникомъ мнѣ надо было накормить свой персоналъ въ 15 человѣкъ да 25 больныхъ, которыхъ полагалось кормить особымъ, незнакомымъ мнѣ способомъ по раскладкѣ, отпуская мясо и все прочее по вѣсу на золотники. Я пришла въ полное отчаяніе и не знаю, что бы стала дѣлать, если бы меня не выручилъ одинъ изъ больныхъ солдатъ, служившій кашеваромъ въ полку. Услышавъ о моемъ критическомъ положеніи, онъ приплелся на кухню и хотя самъ былъ слабъ, чтобы готовить, но сѣлъ у насъ на табуретку и давалъ нужныя указанія. Съ его помощью кое-какъ справились. Узналъ о моемъ затрудненіи и одинъ знакомый капитанъ Омскаго полка, приходившій часто къ нашимъ врачамъ, и прислалъ своего денщика помогать намъ готовить. Такъ съ помощью больного и денщика капитана я справлялась съ возложенной задачей, а китаецъ-поваръ, получавшій 20 рублей жалованья, былъ приставленъ мыть посуду, да и то дѣлалъ это скверно.

Библиотека "Руниверс"

Первые дни мы обѣдали въ будущей офицерской палатѣ среди невообразимаго хаоса всевозможныхъ вещей, выложенныхъ изъ ящиковъ и которыхъ еще некуда было убрать, но на такую обстановку никто даже вниманія не обращалъ.

Черезъ нѣсколько дней освободился сосѣдній домикъ, и мы перенесли туда свою столовую и бѣльевую. Тамъ же помѣщалась кухня и пристроена была кладовая, въ которой я пребывала цѣлый день съ шести утра до девяти вечера.

Послѣ боя 18-го іюля, гдѣ былъ убитъ графъ Келлеръ, къ намъ доставили первыхъ трехъ тяжело раненыхъ солдатъ, двухъ—въ животъ, одного въ шею. Этого послѣдняго поставили съ носилками въ сѣняхъ въ то время, какъ я проходила мимо. Почему-то на немъ не было повязки и трудно было сразу узнать, куда онъ раненъ. Онъ былъ почти безъ сознанія и бредилъ. Я нагнулась къ нему и, глядя на него, умирающаго такимъ молодымъ по милости японской пули, я вдругъ необыкновенно ясно почувствовала, что онъ мнѣ свой, родной, и такая злоба закипѣла въ душѣ на тѣхъ, кто его убилъ, что, казалось, будь они тутъ, рука не дрогнула бы отвѣтить имъ тѣмъ же. Я сама удивилась силѣ этого чувства; вѣрно, это и есть то, что называется голосомъ крови. Подошелъ докторъ; раненый на минуту пришелъ въ сознаніе и на вопросъ, куда раненъ, отвѣтилъ ясно: «въ шею, ваше благородіе», и дѣйствительно, когда онъ повернулъ голову, ниже челюсти чернѣла ранка. Очевидно, рана загрязнилась, произошло зараженіе крови, и спасти его не было никакой возможности. Какъ могъ онъ быть безъ повязки? какъ могли допустить рану до такого состоянія?—казалось непонятнымъ, и само собой шевельнулось въ мысляхъ осужденіе тѣмъ, на чьихъ рукахъ онъ побывалъ. Лишь потомъ, поработавъ сама на санитарныхъ теплушечныхъ поѣздахъ, я поняла, какъ неосновательно было такое осужденіе, ибо на 800—1,000 раненыхъ приходилось часто всего 2—3 сестры, а проходовъ изъ вагона въ вагонъ не было.

Когда положили его въ постель, я опять пришла взглянуть на него. Онъ, видимо, въ бреду переживалъ снова всѣ волненія боя и такъ живо, что порой жутко становилось его слушать. Потомъ онъ замолкъ на минуту и вдругъ запѣлъ слабымъ, но вѣрнымъ голосомъ: «Горныя вершины, я васъ увижу ль вновь. Балканскія долины, могилы удальцовъ». Эта пѣснь и безъ того была мнѣ памятна по прошлому, а тутъ, спѣтая однимъ изъ этихъ умиравшихъ удальцовъ, она произвела на меня прямо потрясающее впечатлѣніе. Долго простояла я возлѣ его койки,—но работа моя была не въ палатѣ, а въ кладовой, и надо было уходить. Въ эту же ночь бѣдняга скончался, и, придя на утро, я уже не застала его. Онъ умеръ, не приходя въ сознаніе, и такъ и осталось неизвѣстнымъ, откуда онъ, какъ его имя, какой онъ части. Сколько потомъ пришлось похоро-

Библиотека "Руниверс"

нить такихъ невѣдомыхъ! Тутъ была колоссальная ошибка тѣхъ, кто принималъ раненыхъ съ поля сраженія, когда многіе изъ нихъ еще въ силѣ и сознаніи, да и товарищи тутъ же свои и легко узнать имя ихъ и названіе части. Еще лучше было бы каждому солдату, идущему въ бой, имѣть на груди или въ карманѣ книжку, въ которой было бы полностью вписано его имя, часть и мѣсто родины. Я видѣла впослѣдствіи, какъ на одномъ перевязочномъ пунктѣ велась «отчетность». Одна изъ сестеръ сидѣла у входа палатки за отдѣльнымъ столикомъ и вписывала въ большіе листы всѣхъ прибывающихъ раненыхъ. Но листы эти оставались въ госпиталѣ, солдатамъ на руки ничего не давалось, и при отступленіи черезъ два дня неизвѣстно куда эти листы дѣвались. Часто попадали раненые въ наши тыловые госпитали безъ всякихъ документовъ и въ случаѣ безпамятства такъ и умирали неизвѣстными. Мы не знали, куда дать знать о ихъ смерти. Въ частяхъ же ихъ, вѣрно, ставили въ рубрику безъ вѣсти пропавшихъ, а это имѣло существенное значеніе для пенсіи семьѣ. Эти свидѣтельства о личности и раненіи въ такомъ-то бою крайне необходимы и тѣмъ, кто выживали и поправлялись, ибо многіе остались потомъ безъ пенсіи лишь потому, что не имѣли ни изъ одного госпиталя свидѣтельства о раненіи и пребываніи на излѣченіи.

28-го іюля былъ бой портъ-артурской эскадры, гдѣ смерть Витгефта сыграла такую роковую роль.

А съ юга приходили извѣстія объ оставленіи нами позиціи за позиціями и стягиваніи войскъ у Лаояна. Все это дѣлалось въ цѣляхъ высшей стратегіи, но солдаты не понимали смысла оставленія мѣста, когда всѣ атаки бывали отбиты. Обидно имъ было; старый духъ еще жилъ въ войскахъ, но вѣра въ Куропаткина была такъ велика, что всѣ подчинялись и не роптали. Имя Скобелева было связано съ именемъ командующаго арміей, и за это имя всему вѣрилось, все прощалось.

1-го августа нашъ врачъ устроилъ большой обѣдъ, якобы въ честь открытія госпиталя, и пригласилъ своихъ праздныхъ коллегъ на это торжество. Ни молебна, ни окропленія святой водой, конечно, не было. Пришли просто къ обѣду. Изъ сестеръ присутствовать должна была я одна, въ качествѣ сестры-хозяйки. До сихъ поръ не могу вспомнить этого дня безъ глубокаго отвращенія и сердечной боли. Едва вся эта «интеллигентная», но далеко не воспитанная компанія сѣла за столъ, какъ полилась рѣчь о текущихъ событіяхъ. Но мнѣ не передать того издѣвательства надъ арміей, того дикаго злорадства нашимъ неудачамъ, которыми были полны ихъ слова. Злѣйшіе враги не могли больше радоваться, чѣмъ они. Задыхаясь отъ такого хамства, я не въ силахъ была дольше оставаться среди этихъ людей, встала изъ-за стола и ушла къ себѣ въ кладовую, гдѣ прямо разрыдалась отъ горя и обиды за бѣдную Россію и отъ

Библиотека "Руниверс"

безсильнаго чувства невозможности отвѣтить этимъ негодяямъ такъ, какъ они того заслуживали. Я была не въ состояніи даже высказать имъ свое негодованіе, ибо чувствовала, что отъ волненія слезы помѣшаютъ мнѣ, а показывать имъ свое отношеніе къ ихъ словамъ въ этой формѣ было, конечно, невозможно.

Замѣтивъ мое отсутствіе, старшій врачъ пришелъ за мною, но я наотрѣзъ отказалась итти назадъ въ общество подобныхъ лицъ. Увидавъ то состояніе, въ которое привели меня рѣчи его гостей, онъ растерялся, посовѣтовалъ мнѣ «не обращать вниманія», но счелъ за лучшее оставить меня въ покоѣ. Наконецъ кончился этотъ длинный обѣдъ, всѣ разошлись по домамъ, и все вошло въ свою обычную колею, оставивъ лишь въ моей памяти незгладимое впечатлѣніе отъ близкаго знакомства съ нашей либеральной интеллигенціей, отъ которой до тѣхъ поръ я, слава Богу, жила такъ далеко. Впослѣдствіи одна сестра разсказывала мнѣ, что въ первые дни боя подъ Лаояномъ цѣлая компанія врачей и студентовъ засѣдала по вечерамъ въ «Красномъ домикѣ», пьянствовала и пѣла неприличнѣйшія пѣсни на мотивы Херувимской и другихъ церковныхъ пѣсенъ. Легко вѣрю этому послѣ того, чему сама была свидѣтельницей.

Послѣ боевъ подъ Хайченомъ и Ай-сянъ-дзяномъ мы жили въ ожиданіи генеральнаго сраженія подъ Лаояномъ. Всѣ чувствовали, какъ надвигается это грозное неотвратимое событіе, и всѣ сознавали его важность, всѣ напряженно ждали, что-то будетъ. Солдаты были убѣждены, что если японцы одолѣвали насъ среди горъ, то на равнинѣ, какъ на родной стихіи, мы, несомнѣнно, возьмемъ верхъ.

13-го августа дошли слухи, что бой начался на передовыхъ позиціяхъ, и всѣ слѣдующіе затѣмъ дни съ юга шли хорошія вѣсти. Бой шелъ день за днемъ, не прерываясь, и госпиталя наши стали заполняться ранеными. 18-го дошли слухи, что дѣла наши блестящи. Съ этой вѣстью я пришла въ госпиталь подѣлиться ею съ ранеными. Они были въ восторгѣ, многіе крестились и со слезами говорили: «Слава Богу, не даромъ пропали наши страданія». И вдругъ въ слѣдующіе дни стали говорить, что насъ обходятъ, что Лаоянъ придется оставить, что Лаоянъ оставленъ, побѣда за японцами и мы проиграли сраженіе. Это произвело удручающее впечатлѣніе на всѣхъ, особенно на солдатъ. Безсознательно всѣ поняли, что, проигравъ эту битву, мы почти проиграли кампанію. Солдаты были такъ увѣрены въ неприступности Лаояна, что не допускали мысли о возможности его паденія. Да и въ самомъ дѣлѣ они были правы, ибо Лаоянъ не былъ *взятъ* японцами, а былъ оставленъ нами по приказанію командующаго арміей. Но до того великъ былъ престижъ этого человѣка, что и послѣ такого дѣла его не обвиняли, въ него продолжали вѣрить, его продолжали любить!

Библиотека "Руниверс"

Не имѣя возможности восхищаться имъ, какъ побѣдителемъ, старались восхищаться его умѣнью сохранить порядокъ въ арміи при отступленіи ея въ полномъ составѣ. Мнѣ думается, что такое отношеніе къ Куропаткину вытекало изъ того, что истосковалась русская душа по хорошемъ начальствѣ и, избравъ его (Куропаткина), вознесла, окружила ореоломъ, хотѣла видѣть и долго видѣла то, чего не было. Видъ нашихъ палать послѣ Лаоянскаго боя былъ ужасенъ: во-первыхъ, къ намъ посылали съ поѣздовъ наиболѣе тяжкораненыхъ, которыхъ не чаяли довезти до Харбина; во-вторыхъ, съ пріѣздомъ m-me К—нъ ей передали завѣдываніе всѣмъ хирургическимъ отдѣленіемъ, въ которое послѣ боя обратился почти весь нашъ лазаретъ [1]). Она же была волонтерка, и даже довольно неопытная, и ни силъ, ни умѣнья справиться съ этой колоссальной задачей у нея не хватало. Она не успѣвала даже мѣнять бѣлье на всѣхъ раненыхъ, и кончилось тѣмъ, что они лежали всѣ нагіе, лишь прикрытые простынями, которыя многіе въ безпамятствѣ постоянно сбрасывали съ себя. У нѣкоторыхъ сдѣлались пролежни и завелись черви. Старшая сестра лежала въ сильнѣйшемъ тифу въ одномъ изъ угловъ палаты, и некому было измѣнить этоть порядокъ. Бѣдная сестра К—нъ въ ужасѣ оть того, что дѣлалось, пришла какъ-то разъ въ аптеку и разрыдалась оть своего безсилія справиться съ той задачей, которая раньше казалась ей столь заманчивой, этими слезами искупая свое тщеславное легкомысліе.

При такомъ переполненіи госпиталя тяжелыми больными, изъ которыхъ многіе были ранены въ голову и лежали безъ сознанія, намъ не хватало своихъ санитаровъ, занятыхъ большею частью плотничествомъ, и до присылки новыхъ изъ Краснаго Креста, по совѣту доктора П—на, придумали приспособить китайцевъ въ роли сидѣлокъ. Но какое тяжелое зрѣлище получалось отъ этой мѣры! Ихъ сажали къ наиболѣе безпокойнымъ и находившимся въ безпамятствѣ. И вотъ сидитъ такая фигура въ бѣломъ халатѣ, съ длинной черной косой, съ тупымъ и глубоко-равнодушнымъ лицомъ. А въ это время нашъ бѣдняга мечется, проситъ: «пить, пить», но тотъ ничего не понимаетъ, не двигается, а проявляетъ активность лишь тогда, когда больной хочетъ выброситься изъ кровати. Какъ пожалѣла я, глядя на это, что Красный Крестъ не допустилъ въ отряды простыхъ деревенскихъ бабъ! И какъ прачки, и какъ поломойки, и какъ сидѣлки—онѣ были бы намъ незамѣнимы. Сколько бы онѣ внесли простой бабьей теплоты и ласки, и насколько были бы полезнѣе, не говорю уже китайцевъ, но даже нашихъ пьянствующихъ санитаровъ, которые часто на ночныхъ дежурствахъ отсыпались на койкахъ, подъ койками, въ ваннахъ, гдѣ попало, и, разбуженные, не держались на ногахъ.

[1]) Во всѣхъ госпиталяхъ это считалось самой почетной службой.

Библиотека "Руниверс"

По счастью, китайцы продержались у насъ недолго. Остался лишь одинъ изъ нихъ при перевязочной, но этотъ былъ такъ идеально-хорошъ, что лучшаго нельзя было желать. Его чистоплотность, аккуратность и добросовѣстность дѣлали его незамѣнимымъ для операціонной и перевязочной, а отношеніе его къ раненымъ было такое нѣжное, доброе, что большаго нельзя было бы требовать и отъ христіанина. Впрочемъ, вѣроятно, лучи христіанства коснулись и его: однажды сестра С—на застала его въ перевязочной молящимся передъ иконой и тутъ же прибѣжала ко мнѣ и попросила дать крестикъ (у меня были для раздачи солдатамъ). Кажется, по церковнымъ правиламъ, мы не имѣли право этого дѣлать, такъ какъ онъ не былъ крещенный, но мы со спокойной совѣстью преступили ихъ, увѣренныя, что въ сердцѣ его былъ Христосъ.

Въ этой же перевязочной работалъ у насъ фельдшеръ какого-то полка, оставленный при госпиталѣ въ виду его полезности въ разрядѣ такъ называемой слабосильной команды. (Мы такимъ образомъ «зажилили» нѣсколькихъ солдать для своей службы [1]). Этотъ фельдшеръ былъ препротивный типъ нестроевого солдата, пьяница и вообще мало надежная личность. Узнавъ, что Ченъ-са-хо молился передъ иконой и что ему дали крестикъ, онъ принялся наставлять его въ правилахъ христіанской нравственности и нужно было видѣть, съ какимъ чувствомъ своего превосходства, что онъ крещенный, а тотъ нехристъ!

По роду своего дежурства я не имѣла касательства къ больнымъ, но госпиталь тянулъ меня, какъ магнитъ, и, принося по утрамъ и вечерамъ бѣлье, я подолгу застревала тамъ. Раненые изъ-подъ Лаояна были все больше въ голову и въ верхнюю часть груди или въ позвоночникъ. Эти были большею частью безнадежные; маленькая ранка, казалось бы, ничтожная, но дѣлался параличъ ногъ, гангрена, и наступала смерть безъ особыхъ физическихъ страданій, но при сильной душевной тоскѣ. Тутъ въ этой палатѣ воочію представлялось все терпѣніе и вся выносливость солдатъ, ихъ удивительная покорность и неизбалованность, въ силу которой они были трогательно благодарны за малѣйшее вниманіе къ нимъ. Помню одного изъ нихъ, вахмистра драгунскаго полка. Это былъ богатырь съ виду. Подъ нимъ убили лошадь и, падая, она сломала ему ногу. Наши койки были малы и узки и коротки по его богатырскому росту—ему приходилось лежать на спинѣ съ ногою въ гипсѣ. Лежать было, видимо неудобно и отъ боли онъ не могъ сомкнуть

---

[1]) Это была тоже глубокая деморализація солдатъ. Санитары получали 30 рублей въ мѣсяцъ. Солдаты же служили даромъ за то, что этимъ избавлялись отъ необходимости быть въ строю. Въ такую минуту, когда требуется напряженіе всѣхъ духовныхъ силъ, не жалость нужна къ людямъ, а подбадриваніе и вдохновленіе ихъ. Но гуманная интеллигенція не признаетъ этихъ «средневѣковыхъ понятій».

Библиотека "Руниверс"

глазъ, но ни стона, ни жалобы не было слышно и, когда подойдешь къ нему какъ-нибудь, поправишь подушку, чтобы лежать было получше и скажешь слово участья, онъ, бывало, отвѣтитъ: «что дѣлать, сестрица, терпѣть надо», и такъ просто, отъ такой душевной силы шли эти слова.

Съ этого же боя, среди массы другихъ, былъ еще солдатикъ, котораго я особенно запомнила: ефрейторъ какой-то батареи, раненый въ позвоночникъ и обреченный на смерть. Онъ лежалъ возлѣ входной двери и мнѣ удобно было оказывать ему маленькія услуги, не задѣвая *самолюбія* палатной сестры. Первые дни онъ чувствовалъ себя сносно, и его лишь мучила жажда. Я приносила ему въ своемъ чайникѣ воду со льдомъ, ставила возлѣ него на ночь, и онъ очень дорожилъ этимъ питьемъ. Разъ какъ-то я замѣшкалась и не пришла во-время; онъ, потомъ, при видѣ меня, говоритъ: «Куда же ты, сестрица, дѣвалась? Ужъ я тебя ждалъ, ждалъ!» Такимъ тепломъ повѣяло отъ этихъ словъ, такъ почувствовалось, что я ему дѣйствительно сестра, призванная замѣнить родныхъ и близкихъ на далекой чужбинѣ. Такъ какъ пуля прошла навылетъ и никакой особенно страшной раны не было, онъ не сознавалъ, что такъ плохъ и умираетъ. Но черезъ нѣсколько дней отнялись ноги, сдѣлался параличъ кишечника, гангрена ноги, лицо осунулось, и конецъ сталъ близокъ, и дней черезъ пять его не стало.

Сколькихъ похоронили мы тогда! Какъ-то разъ въ свободное время я пошла на отпѣваніе. Происходило оно въ сарайчикѣ, сооруженномъ изъ гаоляна и досокъ невдалекѣ отъ нашихъ казармъ. Туда ставили покойниковъ со всѣхъ госпиталей. Пришелъ іеромонахъ о. Анастасій, отслужилъ панихиду, и нанятые китайцы понесли гробы по направленію къ желѣзной дороги, гдѣ было кладбище. Но носили они ихъ ужасно. По своему обыкновенію устраивали что-то вродѣ коромысла, взваливали эти палки на плечи и почти бѣгомъ пускались въ путь. Гробы болтались во всѣ стороны. Тяжело было на это смотрѣть. Хотя надо сказать, что къ этому времени уже порядкомъ обтерпѣлись нервы и на многое смотрѣлось иными глазами, чѣмъ въ Россіи. Напримѣръ, помню ясно, какъ мнѣ было нужно что-то записать; по близости не было ни табуретки, ни стола, и я спокойно воспользовалась новымъ приготовленнымъ гробомъ, лежавшимъ въ пяти шагахъ отъ нашей столовой. Санитары сплошь и рядомъ садились на нихъ отдыхать и обѣдать. Такъ упростились всѣ условія жизни и наше отношеніе къ нимъ.

По поводу этихъ гробовъ мнѣ приходитъ на мысль, что они были, быть можетъ, совершенно лишними. Стоили они страшно дорого, такъ какъ доски были привозныя. Ихъ можно было бы замѣнить цыновками, въ которыя заворачивались бы трупы, а на деньги, которыя пошли на гробы, можно было бы соорудить среди кладбища небольшую каменную часовенку, которая осталась бы

Библиотека "Руниверс"

памятникомъ о мѣстѣ упокоенія усопшихъ воиновъ. Теперь же я увѣрена, что съ нашимъ уходомъ китайцы растащили и кресты, а, можетъ быть, и гробы, выкинувъ изъ нихъ трупы, особенно на томъ кладбищѣ, которое приходилось не у линіи желѣзной дороги, а возлѣ горъ, среди ихъ полей.

IV.

Часть отступившихъ войскъ и учрежденій дошли до Тьелина, и этотъ тихій уголокъ оживился небывалой суетой. Всѣ пустовавшіе домики были заняты разными учрежденіями, всюду разбиты и забѣлѣли палатки. Первые дни была полная неизвѣстность, остановятся ли японцы, или пойдутъ дальше, и потому нашимъ госпиталямъ посовѣтовали отправить все, что возможно, въ Харбинъ. Мы такъ и сдѣлали и остались налегкѣ. А тутъ сразу наступили страшные холода, отъ которыхъ всѣ мерзли и дрогли и не знали какъ согрѣться. Печи, на грѣхъ, были неисправны и не топились. Лишь спустя двѣ недѣли, увѣрившись, что японцы не въ силахъ итти далѣе, получили мы назадъ свои вещи.

Нѣсколько дней спустя послѣ послѣдняго боя подъ Янгаемъ къ нашему госпиталю подошли два солдата изъ несчастн й дивизіи запасныхъ (которую послали прямо съ поѣзда на лѣвый флангъ и которую такъ обвиняли впослѣдствіи въ томъ, что они дали японцамъ возможность обойти насъ). Видимо, въ общемъ смятеніи эти двое отбились отъ своихъ полковъ и пошли на авось горами, держа путь на сѣверъ. Видъ ихъ былъ ужасный оборванные, изголодавшіеся, со страшно потрясенными нервами, и не мудрено. Это были мужички-бородачи, мирные хлѣбопашцы, давнымъ-давно забывшіе про службу и которыхъ съ мѣста изъ вагоновъ послали въ кромѣшный адъ. Когда эти двое отбившихся мужиковъ подошли къ нашему госпиталю, на крылечкѣ сидѣло нѣсколько молодыхъ раненыхъ солдатъ изъ сибирскихъ стрѣлковъ, не разъ побывавшихъ въ бою. Слыша безсвязныя рѣчи запасныхъ и видя ихъ моральное потрясеніе, одинъ изъ молодыхъ сказалъ такъ успокоительно-покровительственно: «Эхъ, дядя, это только сначала страшно, а обтерпишься—ничего». Такъ хорошо и ласково были сказаны эти слова, безъ тѣни желанія осудить его или выставить свое достоинство. У простого люда порой проявляется такое величіе души, что только и поучиться у нихъ. Вообще я должна сказать, что за всю эту безотрадную войну единственно отъ кого осталось хорошее воспоминаніе en masse, это отъ строевыхъ солдатъ.

Покормили мы двухъ бѣдныхъ «дядей», собрали имъ немного денегъ и пошли они отъ насъ неизвѣстно куда. При мукденскомъ отступленіи шелъ такой бородачъ вдоль линіи желѣзной дороги

Библиотека "Руниверс"

и, спрошенный, куда идетъ, онъ отвѣчалъ, махнувъ рукой на сѣверъ: «домой, въ Тамбовскую губернію».

Поразительная была разница между молодыми солдатами дѣйствительной службы и призванными изъ запаса. И духъ былъ другой, и болѣзни, и раны переносились легче молодыми.

Сибирскіе полки состояли преимущественно изъ «дѣйствительныхъ» солдатъ. Полки же, приходившіе первое время изъ Россіи, были почти сплошь изъ однихъ запасныхъ, и разница получалась громадная. При видѣ этихъ запасныхъ, попадавшихъ къ намъ въ госпиталь, пришлось воочію убѣдиться, до чего ложно было составлено мнѣніе о силѣ и здоровьи простого народа. Почти всѣ были хроники съ организмомъ, истощеннымъ и нелеченными болѣзнями, и нуждой, и чрезмѣрнымъ трудомъ. Въ сорокъ лѣтъ это уже старики. И такъ какъ для мобилизаціи брали сначала запасныхъ самаго дальняго срока, то намъ немало пришлось перевидать ихъ на лазаретныхъ койкахъ.

Но вотъ пришелъ конецъ и моему дежурству по цейхгаузу и бѣльевой. Въ послѣднихъ числахъ августа прибыли къ намъ новыя сестры, и одной изъ нихъ я сдала свою должность, а сама перешла на дежурство къ больнымъ.

Моя служба началась въ палаткахъ, гдѣ ихъ лежало человѣкъ пятьдесятъ, и завѣдывалъ ими за доктора студентъ И. Ѳ. С—въ да еще одна молоденькая сестра изъ оренбургской общины. Большинство больныхъ не были особенно слабые, но все же имѣлось человѣкъ пять-шесть тифозныхъ, на которыхъ и обращено было главное вниманіе. Дежурство въ палаткахъ осталось какъ одно изъ самыхъ хорошихъ воспоминаній. Это былъ совсѣмъ отдѣльный отъ большого госпиталя мірокъ, и работа тамъ шла самая дружная. Отношеніе студента къ больнымъ было трогательно-нѣжное и вниманіе къ нимъ безграничное. Всѣ они были для него точно родныя дѣти. Жили мы далеко отъ всякихъ дрязгъ и смутъ исключительно интересомъ своего дѣла.

Больные лежали у насъ (за недостаткомъ коекъ) на сѣнникахъ прямо на землѣ и очень близко другъ отъ друга, такъ что для ухода за ними надо было становиться на колѣни и подползать къ изголовью. Въ началѣ, когда было тепло, такое лежаніе на землѣ не представляло особыхъ неудобствъ, но когда наступили внезапно холода, мы не знали, чѣмъ ихъ укутать и согрѣть. Выручали китайскія ватныя одѣяла и халаты. Пожалѣли мы, что не запаслись переносными керосиновыми печками. Такъ хорошо пригодились бы онѣ намъ.

Днемъ дежурить было еще терпимо, пригрѣвало солнышко, но ночью зубъ на зубъ не попадалъ, такъ какъ все время надо было быть на воздухѣ, обходя палатки. Дружно, тихо и мирно,

Библиотека "Руниверс"

именно такъ, какъ слѣдуетъ, проработали мы, пока холодъ не заставилъ насъ свернуть палатки и перейти въ казарму.

Въ началѣ же сентября былъ отданъ знаменитый приказъ по арміи, гдѣ Куропаткинъ торжественно заявлялъ, что отступленій больше не будетъ и мы пойдемъ на выручку нашихъ братьевъ, ждущихъ насъ въ Портъ-Артурѣ. Несмотря на потерю Лаояна и на всю свою безсмысленность, этотъ приказъ произвелъ громадное впечатлѣніе. Солдаты съ оживленіемъ читали и комментировали его и, видимо, онъ сильно поднялъ ихъ духъ. Въ одной палаткѣ, гдѣ были поправляющіеся, солдаты говорили мнѣ: «Нельзя намъ не побѣдить, сестрица; очень ужъ конфузливо передъ всей Азіей будетъ». Очень осуждали они тактику постоянныхъ отступленій, жалуясь, что солдатъ такъ привыкаетъ къ нимъ, что передъ боемъ уже спрашиваетъ офицера: «по какой дорогѣ прикажете отступать, ваше благородіе?».

Ухаживая за больными солдатами, я отдыхала душой, тѣмъ болѣе, что въ нашемъ отрядѣ, благодаря многимъ вновь прибывшимъ членамъ, духъ очень измѣнился и сталъ крайне для меня несимпатичнымъ. Приходя въ столовую, я всегда старалась или опоздать къ обѣду, или поѣсть наскоро и уйти, чтобы не слышать разговоровъ, которые тамъ велись и вертѣлись, конечно, около текущихъ событій. Тонъ этихъ бесѣдъ былъ тотъ же, что и на знаменитомъ обѣдѣ 1-го августа. Особенно помнятся мнѣ разглагольствованія на тему: «вотъ какъ попрутъ насъ японцы изъ Тьелина да начнемъ мы удирать—вотъ-то будетъ потѣха» и т. д. Замѣчательно, что все это говорилось, когда объ оставленіи Тьелина не было и рѣчи, не допускалось и мысли. Когда же на дѣлѣ все это несчастье случилось, то тѣ, кто такъ ехидствовалъ, явились самыми растерянными, долго потомъ не могли оправиться отъ пережитыхъ впечатлѣній и возились съ разстроенными нервами. Кромѣ этихъ разговоровъ, непріятны были еще двусмысленные анекдоты и циничные намеки.

Кромѣ студента К., который пріѣхалъ на мѣсто И—на, уѣхавшаго вскорѣ послѣ лаоянскихъ боевъ, нашъ докторскій персоналъ увеличился еще двумя хирургами; одинъ изъ нихъ М—нъ, еврей, акушеръ по профессіи, на войнѣ сходилъ за хирурга, другой былъ дѣйствительно хирургъ, москвичъ, А. Д. З—ій, талантливый, полный всякихъ недостатковъ, горькій пьяница и вмѣстѣ съ тѣмъ пресимпатичный человѣкъ, котораго полюбили и весь персоналъ, и больные, звавшіе его не иначе, какъ Дорофеичъ. Трудно было бы найти болѣе типичнаго представителя великорусскаго племени. Родомъ онъ былъ изъ крестьянъ и приземистой, крѣпко сложенной фигурой напоминалъ коренастаго москвича-торговца. Силищи былъ громадной, ходилъ въ какой-то коричневой курткѣ, высокихъ сапогахъ, всегда заложивъ руки въ карманы. На широкомъ лицѣ съ окладистой бородой выгляды-

Библиотека "Руниверс"

вали узенькіе добродушные сѣрые глаза. У него была боевая натура, и временами, наскучивъ жизнью тылового госпиталя, особенно въ періоды затишья, онъ уѣзжалъ на позиціи въ знакомые передовые госпиталя и, побывавъ въ окопахъ и землянкахъ, возвращался, съ увлеченіемъ разсказывая о пережитыхъ впечатлѣніяхъ. Наши неудачи дѣйствовали на него удручающе, и тогда онъ допивался порой до безчувствія, что бывало совсѣмъ некстати, когда госпиталь заваливался ранеными, требовавшими операціи и помощи. Пилъ онъ и отъ скуки во время затишья, и бѣда была тогда на его ночныхъ дежурствахъ. Онъ приходилъ поздно, преисполненный необыкновенной заботливостью и любовью къ своимъ паціентамъ, грузно садился къ нимъ на кровать и спрашивалъ, какъ они себя чувствовали. Только что вздремнувшіе и разбуженные раненые, конечно, начинали жаловаться на всякія боли, а онъ въ утѣшеніе собирался впрыскивать имъ морфій, у самого же руки были такъ невѣрны, что того и гляди сломаетъ иголку и оставитъ ее въ тѣлѣ паціента. Не знаешь, бывало, какъ бы отвлечь его вниманіе и пригласить въ матеріальную комнату, гдѣ онъ обыкновенно засыпалъ на какомъ-нибудь ящикѣ до утра, и госпиталь снова погружался въ миръ и ночную тишину. Несмотря на такіе казусы, всѣ его все-таки любили и видѣли въ немъ простую, безхитростную и добродушную, хотя и грубоватую, натуру. Трогательно-нѣжно относился къ нему китаецъ Ченъ-са-хо изъ перевязочной, точно старая нянюшка къ своему безпутному питомцу, и когда, бывало, онъ являлся въ сильно нетрезвомъ видѣ, Ченъ-са-хо съ сокрушеніемъ объявлялъ сестрѣ С—ой: «Шибко ломайло капитана, мадама, шибко ломайло», что означало на волапюкѣ русско-китайскаго обращенія, что докторъ сильно нездоровъ.

Кромѣ сестры О—ой, у насъ прибавилось еще три сестры: нѣмка изъ лифляндскаго отряда, съ которой мы сначала были очень далеки, а впослѣдствіи сошлись и подружились. Узнавъ и увидавъ ея работу, я исполнилась къ ней большого уваженія. Ее всегда глубоко возмущало, когда въ ожиданіи смотра кого-нибудь изъ высшаго начальства начинали усиленно чистить госпиталь и одѣвать во все новое больныхъ. По ея мнѣнію, это былъ обманъ и надо было бы, чтобы начальство насъ видѣло такими, какъ мы были каждый день. Но ея теорія плохо оцѣнивалась даже самимъ начальствомъ. Она работала когда-то въ одной больницѣ, гдѣ была главной распорядительницей. Узнавъ, что больницу собирается посѣтить губернаторъ, она ничего не измѣнила противъ ежедневнаго обихода и за это получила выговоръ отъ него же за неумѣніе встрѣчать начальство. Разсказывая этотъ эпизодъ, она съ горечью прибавляла: «Они сами хотятъ быть обманутыми».

Вторая была Марія Трофимовна В—ва, родомъ изъ Малороссіи, работавшая до войны въ Приморскомъ краѣ, какъ фельдшерица.

Библиотека "Руниверс"

Съ объявленіемъ же кампаніи записалась сестрою въ Красный Крестъ. Это было, конечно, пониженіе, какъ говорится, изъ поповъ въ дьяконы, и съ ея стороны нѣкоторой жертвой патріотизму. Она была очень милая дѣвушка, умная, энергичная, смѣлая (не боявшаяся жизни). Въ ея нравственномъ обликѣ было много мужественности и въ жизни такіе поступки, на которые не всякая женщина способна. Напримѣръ, былъ очень близкій и дорогой для нея человѣкъ, который по роду службы (кажется, въ пограничникахъ) жилъ въ тылу, гдѣ-то на станціи возлѣ Харбина. Подъ *ея* давленіемъ онъ попросилъ перевода въ передовые отряды, какъ разъ передъ боями подъ Сандепу и Мукденомъ. Остался ли онъ живъ, или былъ убитъ, я не знаю, но она потомъ вернулась одна въ Россію и продолжала свою службу фельдшерицей въ земствѣ въ глухомъ углу своей родной Малороссіи. Съ нею мы сошлись почти сейчасъ же и въ теченіе ея трехмѣсячнаго пребыванія у насъ были въ наилучшихъ отношеніяхъ.

Третья сестра, Ф—ксъ, пріѣхала къ намъ въ половинѣ сентября. Это была волонтерка и очаровательная дѣвушка, подкупившая насъ своей мягкостью и кротостью. Она не была красива, но очень миловидна. Пробыла она у насъ всего двѣ недѣли и ушла, несмотря на общее огорченіе по поводу ея ухода и общія просьбы остаться. Думаю, что причиной ея ухода было слишкомъ тяжелое впечатлѣніе, полученное ею въ нашемъ госпиталѣ. Она работала у раненыхъ уже нѣсколько дней, когда въ офицерской палатѣ скончался тифозный больной, пролежавшій у насъ мѣсяца полтора, нѣкто поручикъ Х—чъ (пацієнтъ доктора П—на). Оказалось, это былъ ея знакомый и близкій другъ и она узнала о его пребываніи у насъ лишь въ день его смерти, когда объ этомъ заговорили въ столовой. Вся въ слезахъ, сѣла она писать письмо домой, потомъ попросила у доктора разрѣшенія съѣздить въ Мукденъ и, вернувшись оттуда, сказала, что она откомандировалась отъ насъ и перешла въ военный подвижной госпиталь, чтобы быть поближе къ позиціямъ. Съ грустью проводили мы ее и пожалѣли, что не привелось пожить и поработать съ такой симпатичной личностью.

На мѣсто ушедшихъ сестеръ присылались новыя, и отрядъ нашъ рѣзко дѣлился на свой коренной составъ и на такой непостоянный элементъ назначаемыхъ и откомандировывающихся сестеръ. Бывали нѣкоторыя, проводившія, буквально, нѣсколько дней и ѣхавшія въ Мукденъ просить перевода, говоря намъ, что у насъ скучно и много черной работы. Старшій врачъ справедливо приходилъ въ отчаяніе отъ такого положенія, при которомъ онъ никогда не зналъ, будетъ ли онъ обезпеченъ достаточнымъ количествомъ работницъ на случай боя. Такихъ мѣняющихся сестеръ онъ довольно мѣтко прозвалъ «блуждающими свѣтилами». И дѣйствительно,

Библиотека "Руниверс"

легкость перехода изъ одного госпиталя въ другой была большимъ зломъ и очень неправильно поставленнымъ вопросомъ въ Красномъ Крестѣ..

V.

Къ концу сентября наши госпитали стали усиленно эвакуироваться, что всегда служило предвѣстникомъ близкаго боя и, дѣйствительно, 26-го сентября мы «перешли въ наступленіе», единственнымъ результатомъ котораго было опять переполненіе госпиталей ранеными, ибо впередъ мы не двинулись ни шагу, лишь японская армія пришла почти въ непосредственную близость съ нашей; мѣстами разстояніе между противниками было менѣе версты.

Къ этому времени работавшій въ Тьелинѣ ярославскій отрядъ (изъ котораго было большинство нашихъ гостей 1-го августа) свернулся и ушелъ куда-то, не то на сѣверъ, не то на югъ, а больныхъ своихъ передалъ намъ. Но въ какомъ видѣ пришли они отъ этихъ передовыхъ либераловъ! Изможденные, плохо леченные, плохо кормленные, какіе-то сѣрые; между ними и нашими больными была «дистанція огромнаго размѣра», до того видъ ихъ былъ хуже. Поступили они всѣ на попеченіе И. Ѳ. С—ва, который, по обыкновенію, всю душу вложилъ въ ихъ леченіе. Но были между ними слабые и хроники, и нѣкоторые поумирали. Помню одного запасного, немолодого уже солдата. Онъ былъ боленъ воспаленіемъ легкихъ, ему стало какъ будто лучше, но на его несчастье пришлось перевести эту партію больныхъ изъ одного отдѣленія въ другое, его койка пришлась у окна, изъ котораго дуло, болѣзнь опять ухудшилась, и онъ скончался послѣ долгой и тяжелой агоніи. Среди его сосѣдей по койкамъ нашлись земляки изъ той же деревни, рѣшившіе извѣстить его жену о постигшемъ ее горѣ. Написали они письмо, запечатали и попросили меня отправить на почту. Я взглянула на конвертъ и увидала такой адресъ: Пермь, такой-то уѣздъ, волость и село, Аннѣ такой-то, «отъ твоего покойнаго мужа». Эта приписка была своего рода подготовленіемъ къ удару.

Удивительно, до чего человѣкъ можетъ со всѣмъ обтерпѣться и ко всему привыкнуть. Видя за это время такъ часто и такъ много смертей, мы положительно привыкли къ смерти, и она уже не дѣйствовала на наши нервы инстинктивнымъ ужасомъ. Плохо было то, что большинство сестеръ не только не умѣло подготовить умирающихъ къ переходу въ иную жизнь, но, слѣдуя одному изъ правилъ, преподаваемыхъ на лекціяхъ, мы прямо лгали больнымъ, которые чувствовали приближеніе конца и спрашивали насъ: «очень я плохъ, сестрица, видно, умирать надо?» Вотъ тутъ еще сказалась пропасть между міровоззрѣніемъ простого народа и интеллигенціей. Оторванныя отъ народа, воспитанныя врачами и обслуживающія интеллигенцію, сестры утѣшали простыхъ сол-

Библиотека "Руниверс"

дать обманомъ такъ, какъ онѣ привыкли это дѣлать среди людей богатыхъ классовъ, забывъ или не вѣдая, что народъ смотритъ совсѣмъ иначе на свой конецъ и совсѣмъ иначе къ нему относится. А какая-нибудь простая баба считаетъ своимъ долгомъ *предупредить* сосѣдку, что, «видно, смерть ея пришла». Насколько интеллигенція старается не думать о концѣ, настолько у простого люда это первая мысль, какъ только они заболѣваютъ. Должна сказать, что мнѣ бросилась въ глаза разница отношенія къ смерти между русскими солдатами и нѣмцами и латышами; ихъ лежало у насъ нѣсколько человѣкъ, и трое изъ нихъ умерло. У нихъ замѣчалось какое-то безпокойство, какъ бы цѣпляніе за жизнь, производившее очень тяжелое впечатлѣніе. У нашихъ была удивительная, величественная простота и покорность въ смерти. И нельзя сказать, чтобы у нѣмцевъ это происходило отъ меньшей религіозности. Одинъ изъ нихъ, напримѣръ, все время, пока могъ, читалъ свою Библію. Скорѣе у нашихъ это производило на меня впечатлѣніе способности души, таланта какого-то, которымъ въ полной мѣрѣ владѣетъ простой русскій человѣкъ и уже значительно утратилъ интеллигентный, пріобщившійся къ чужой культурѣ и потерявшій свою родную. Глядя на нихъ, невольно вспомнились слова одного епископа первыхъ вѣковъ: «Если бы можно было не умирать никогда, хорошо бы было, но разъ нужно умереть, то почему не теперь?»

Удивительна была также жизнерадостность многихъ тяжело раненыхъ. Чуть становилось полегче, они уже балагурили, шутили, смѣялись. Одинъ изъ нихъ, молодой солдатъ Глущенко, былъ раненъ шрапнелью въ бедро съ раздробленіемъ кости и на всю жизнь остался калѣкой. Нѣсколько недѣль онъ пролежалъ ничкомъ или на одномъ боку; но не только я никогда не слыхала отъ него никакихъ жалобъ на судьбу, а, напротивъ, если зайдешь въ его палату и слышишь смѣхъ среди солдатъ и спросишь, въ чемъ дѣло, оказывается, Глущенко балагуритъ и потѣшаетъ сосѣдей.

Тотъ же примѣръ терпѣнія и мужества являли и наши раненые офицеры. Тяжелѣе и опаснѣе всѣхъ былъ подполковникъ П—вскій. Долгое время жизнь его висѣла на волоскѣ, два мѣсяца онъ пролежалъ на спинѣ неподвижно; страданія были такъ невыносимы, что онъ ломалъ себѣ руки отъ боли, но никогда ни нетерпѣнія, ни лишняго требованія никто изъ насъ отъ него не слыхалъ и, несмотря на тяжелое состояніе, онъ всегда былъ ясный, привѣтливый. Весь персоналъ исполнился къ нему величайшаго уваженія и за его страданія и за его терпѣніе и привязался къ нему, какъ къ родному. Вообще эта партія раненыхъ невольно импонировала нашему красно-крестному персоналу, впервые, можетъ быть, столкнувшемуся съ доблестными строевыми офицерами, которые однимъ своимъ нравственнымъ обликомъ заставили ихъ запрятать поглубже обычное свое недоброжелательство и всякія нареканія.

Библиотека "Руниверс"

Въ половинѣ ноября былъ напечатанъ приказъ по арміи, возвѣщавшій о великомъ нравственномъ подвигѣ одного солдата-татарина. Этотъ татаринъ былъ легко раненъ въ ногу въ бояхъ при Шахэ. Тогда же былъ тяжело раненъ его русскій товарищъ по полку и остался на полѣ сраженія, не подобранный санитарами. Татарину, съ его легкой раной, ничего не стояло бы добраться до русскихъ позицій, но онъ не рѣшался оставить на вѣрную смерть товарища съ раздробленнымъ бедромъ, не могущаго двинуться ни шагу, и онъ остался. Въ теченіе шести недѣль жилъ на полѣ, усѣянномъ трупами, добывая пропитаніе себѣ и своему товарищу изъ сумокъ убитыхъ и принося воду изъ сосѣдняго ручья. Когда русскій солдатъ настолько окрѣпъ, что могъ ползти, они добрались съ нимъ вдвоемъ до нашихъ позицій и явились по начальству. Случай этотъ, какъ изъ ряда выдающійся, былъ обнародованъ главнокомандующимъ приказомъ по арміи.

Къ этому времени стали приходить изъ Россіи первыя посылки съ разными теплыми вещами и сластями. Это бывалъ настоящій праздникъ. Такъ радостно было получить такую посылку, разобрать ее и, разбирая, чувствовать, что тебя не забыли въ далекой Россіи, видѣть милую заботу въ каждой присланной вещи.

Къ половинѣ ноября госпиталь нашъ наконецъ привелся въ порядокъ для зимы, потеплѣлъ и сталъ казаться даже какъ будто уютнымъ. Большой портретъ Государыни украшалъ одну изъ стѣнъ, искусно задрапированный въ бѣлую и красную матерію. Ровными рядами стояли койки, маленькій дежурный столикъ ютился у стѣны перегородки и ночью освѣщался слабымъ свѣтомъ свѣчки, когда остальная часть палаты погружалась въ полумракъ и тишину. Такъ хорошо казалось въ этой палатѣ, и мило все было въ ней.

Проработавъ цѣлый день, каждая на своемъ дежурствѣ, мы собирались часамъ къ девяти вечера въ своемъ домикѣ и за чашкою чая дѣлились дневными впечатлѣніями, разсказывали другъ другу забавные эпизоды, порой хохотали до упаду надъ какимъ-нибудь пустякомъ. Каждая изъ насъ получила свое прозвище, соотвѣтствовавшее какому-нибудь характерному событію, которыми мы и звали другъ друга. Въ этихъ нашихъ отношеніяхъ хорошо было то рѣдкое среди женщинъ явленіе, что у насъ было настоящее товарищество. Мы отлично относились другъ къ другу, готовы были стоять другъ за друга горой—вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно отсутствовала чисто женская черта копаться въ чужой душѣ и интимной жизни.

Однако, несмотря на столько хорошихъ данныхъ, я была заражена общимъ недугомъ почти всѣхъ сестеръ—стремленіемъ и тяготѣніемъ на югъ. Приблизительно въ это время въ «Вѣстникѣ Манчжурскихъ Армій» было напечатано сенсаціонное извѣстіе объ одной сестрѣ, перешедшей въ японскій лагерь съ цѣлью быть отправленной въ Мацуяму и служить тамъ нашимъ раненымъ. Разсказъ

Библиотека "Руниверс"

этотъ былъ переданъ съ ореоломъ героизма и окончательно вскружилъ мнѣ голову. Добиться перевода на югъ, поближе къ позиціямъ, быть въ непосредственной близости къ будущему бою—стало моей завѣтной мечтой. Это было именно то настроеніе, отъ котораго предостерегаетъ Евангеліе, говоря, что «не придетъ Царствіе Божіе примѣтнымъ образомъ и не скажутъ, вотъ оно здѣсь или тамъ, ибо Царствіе Божіе внутри васъ есть». И нечего его искать за горами, когда его нѣтъ въ глубинѣ души. Но, къ сожалѣнію, тогда я этого не понимала.

Въ декабрѣ былъ набѣгъ Мищенка на Инкоу, который могъ бы быть такимъ блестящимъ дѣломъ, но былъ скомканъ и испорченъ массою побочныхъ причинъ. Первое время мы не знали, какія части ходили въ набѣгъ, и о потеряхъ нашихъ носились смутные слухи. Ясно было, что попытка, у которой были всѣ шансы на успѣхъ, кончилась плохо. Все равно, какъ въ кошмарѣ, когда чувствуешь, что ударъ, въ который вкладываешь всю силу, оказывается совершенно пустымъ. Это кошмарное чувство было во всю войну. Чувствовалось, что мы можемъ побѣдить и побѣдили бы, если бы не какая-то таинственная и злая сила, парализующая насъ.

Въ двадцатыхъ числахъ декабря старшій врачъ командировалъ меня и еще одну сестру и санитара въ Харбинъ сдѣлать разныя закупки къ празднику и получить многія нужныя вещи изъ складовъ Краснаго Креста и Императрицы Александры Ѳеодоровны.

Набѣгавшись здѣсь за цѣлый день, я приходила усталая въ общежитіе, но отдохнуть не могла. Во-первыхъ, отъ массы сестеръ, изъ которыхъ каждая жила сама по себѣ, весьма мало заботясь о сосѣдкахъ, во-вторыхъ, отъ страшной духоты и сухости воздуха, благодаря Амосовскому отопленію. Я спала у окна, пріотворивъ форточку, и все-таки задыхалась. Здѣсь я съ удивленіемъ узнала, что въ общежитіи есть цѣлая категорія сестеръ, которыя не стремятся и не просятся ни въ какіе госпитали, ни на какую работу и мѣсяцами живутъ въ общежитіи, получая жалованіе, даровой столъ и всякія субсидіи изъ складовъ въ видѣ одежды и бѣлья и пр. Публика была самая сборная и въ массѣ поражала своей некультурностью и пошлостью; такъ, напримѣръ, многія сестры мирились съ отвратительной уборной и умывальниками, но считали своимъ долгомъ завивать волосы и устраивать себѣ замысловатыя прически, душиться крѣпкими духами и т. п. Отъ общей массы сестеръ, собранныхъ въ большомъ количествѣ, въ общемъ получалось невыгодное впечатлѣніе. Можетъ показаться страннымъ, что я скажу, но мнѣ думается, что, если бы сестры подвергались на этой войнѣ большей смертельной опасности, это бы очень подняло и ихъ духъ, и составъ, и качество. Но были и здѣсь прелестные типы.

Библиотека "Руниверс"

Въ эти дни ясно чувствовалось, что въ Артурѣ неладно и развязка близка, но не хотѣлось этому вѣрить, какъ не хочется вѣрить въ очевидную, приближающуюся кончину близкаго больного. Фальшивыя, отвратительныя телеграммы Стесселя рѣзали душу. Наконецъ вечеромъ кто-то пришелъ и принесъ извѣстіе, что Артуръ сданъ. Послѣ первыхъ минутъ молчанія первое слово Маріи Трофимовны было, вырвавшееся, какъ крикъ душевной боли: «Какъ смѣли они сдаться»! Это было въ сочельникъ. На слѣдующій день я пошла въ единственную харбинскую церковь, небольшой деревянный, но очень красивый соборъ. Во вѣкъ мнѣ не забыть этой обѣдни и этого молебна объ изгнаніи двунадесяти языкъ съ многолѣтіемъ «христолюбивому всероссійскому побѣдоносному воинству», тогда какъ въ душѣ раздавалась вѣчная память нашей погибшей славѣ.

Не описать и не передать, что пережилось и перечувствовалось въ эти минуты...

А 26-го декабря въ столовой общежитія Краснаго Креста была устроена елка и что-то вродѣ литературнаго вечера, на которомъ что-то пѣли, играли и подъ конецъ какой-то докторъ прочелъ бездарнѣйшую пьесу своего сочиненія на плѣнъ и смерть рядового Рябова.

Наконецъ, 29-го декабря удалось погрузить наши вещи, устроить такъ, чтобы этотъ вагонъ прицѣпили въ двѣнадцатому санитарному поѣзду, съ которымъ мы и двинулись на разсвѣтѣ въ обратный путь. Только тѣ изъ сестеръ, кто потолкались по харбинскимъ складамъ и намаялись съ погрузкой вещей въ вагоны, гдѣ-нибудь на десятомъ запасномъ пути, да еще вдобавокъ ночью, какъ пришлось это дѣлать мнѣ, поймутъ, что это была за мука и какъ рада я была, когда, наконецъ, могла спокойно заснуть на койкѣ чудно оборудованнаго двѣнадцатаго санитарнаго поѣзда.

Мы были въ пути въ ночь подъ Новый годъ и въ вагонѣ-столовой праздновали встрѣчу, но я не присутствовала тамъ, такъ какъ, вообще, не люблю этихъ встрѣчъ, а тогда и подавно не было никакой охоты радоваться Новому году. Тяжело и тревожно было на сердцѣ. Лежа на своей койкѣ въ полутьмѣ вагона, я мысленно вспомнила всѣхъ милыхъ и близкихъ сердцу, перекрестилась и старалась заснуть—но сонъ не шелъ: перебирался въ мысляхъ весь прошедшій годъ со всѣмъ, что было пережито.

Дня черезъ два устроили елку, чтобы потѣшить оставшихся больныхъ. Въ большую пустовавшую палату принесли сосну [1]), украсили ее свѣчами, картонажами и бездѣлушками, больнымъ наготовили подарковъ, наконецъ зажгли свѣчи, и санитары внесли койки съ тѣми, кто не могъ ходить. Вынесли также полковника П—скаго, и

[1]) Елокъ не было.

Библиотека "Руниверс"

ковыляя пришелъ капитанъ Х—чъ, эти два послѣднихъ ветерана изъ «стаи славныхъ» съ шахейскихъ боевъ. Полковникъ говорилъ, что никогда ни одна елка не дѣлала на него такого впечатлѣнія. Больные были въ полномъ удовольствіи, на солдатскихъ лицахъ свѣтился дѣтскій восторгъ. Трогательно и грустно было все это зрѣлище. Грустно было и то, что праздновали мы этотъ великій праздникъ только елкой. Ни одной церковной службы не было за всѣ святки. Отчасти это была и вина отца Анастасія. Онъ былъ слишкомъ смиренъ и всегда ждалъ приглашенія, тогда какъ тутъ надо было дѣйствовать собственной иниціативой, на что такіе мастера католическіе патеры.

Вскорѣ послѣ я была ночная, а за доктора Илья Ѳедоровичъ С—овъ. Часовъ въ семь утра, пока я записывала температуру больныхъ, онъ подсѣлъ къ дежурному столику и таинственно и вмѣстѣ съ тѣмъ посмѣиваясь объявилъ мнѣ, что сейчасъ получена на имя старшаго врача бумага изъ мукденскаго Краснаго Креста съ просьбой командировать одного доктора и трехъ сестеръ для одного или двухъ рейсовъ съ санитарнымъ теплушечнымъ поѣздомъ. Такъ какъ Илья Ѳедоровичъ зналъ мое завѣтное желаніе попасть на югъ, онъ товарищески предупредилъ меня о полученной бумагѣ. Отъ этого извѣстія всю усталость у меня сняло, какъ рукой и вмѣсто того, чтобы итти къ себѣ въ восемъ часовъ, я отправилась въ столовую и стала дожидаться тамъ старшаго врача. Наконецъ онъ пришелъ, и въ нѣсколько минутъ судьба моя была рѣшена. Затѣмъ оставалось въ полчаса собраться и бѣжать на поѣздъ, который отходилъ въ десять часовъ. Крѣпко обнялась я съ сестрой С—иной, оставляя ее, бѣдненькую, совсѣмъ одну. Но если и шевельнулось сожалѣніе въ душѣ, то гдѣ-то очень глубоко, заглушенное радостнымъ сознаніемъ исполняющагося желанія.

Въ поѣздѣ было очень тѣсно, и ѣхали мы до шести часовъ вечера, что было нелегко послѣ безсонной ночи. Но отъ подъема духа все казалось ни по чемъ.

Итакъ, я разсталась съ Тьелиномъ. Этой поѣздкой мое пребываніе въ Манчжуріи раскололось какъ бы на двое. И теперь, глядя назадъ, я вижу, что этимъ днемъ кончилось все, что было лучшаго и въ смыслѣ работы, и въ смыслѣ отношеній, и въ смыслѣ настроенія. Единственно, что я получила отъ новаго періода, это массу впечатлѣній.

Н. В. Козлова.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

Библиотека "Руниверс"

ИЗЪ ЖИЗНИ ТОРГОВОЙ МОСКВЫ.

(Полвѣка назадъ).

I.

Дѣтство.—Юность.—Родная семья.—Воспоминанія дѣтства.—Строгій отецъ.—Первое наказаніе.—Любящая мать.—Рыболовъ.—Нашъ домикъ въ Коломнѣ.—Обѣдъ съ дисциплиной.—Коммуна.—Религіозность семьи.

ОТЪ УЖЕ и осень жизни, засеребрились кудри, блѣднѣетъ румянецъ лица, медленно, но постепенно утихаютъ страсти. Во всемъ чувствуется скорое наступленіе зимы.

Жизнь клонится къ закату, и, чѣмъ долѣе живешь, тѣмъ быстрѣе летитъ время.

Я люблю вспоминать весну своей жизни, счастливое безпечное дѣтство и золотую юность; послѣднюю мнѣ пришлось прожить при особо суровыхъ и тяжкихъ условіяхъ, съ большими лишеніями и невзгодами.

Но и эту пору жизни я вспоминаю съ удовольствіемъ, потому что никогда ни на что не ропталъ и, какъ бы ни было мнѣ тяжело и трудно, я терпѣливо шелъ къ намѣченной мною цѣли и при этомъ умѣлъ всегда довольствоваться настоящимъ. Вспоминается мнѣ родной тихій городокъ, гдѣ протекли мои дѣтскіе годы, маленькій домикъ, двѣ крошечныя чистенькія комнатки; въ одной изъ нихъ, въ переднемъ углу темные лики иконъ и передъ ними огонекъ теплящейся лампады; вижу передъ собою свою родную милую семью: любящую мать, добрую старушку-бабушку, маленькихъ сестеръ и брата, съ которыми мнѣ

Библиотека "Руниверс"

жилось такъ хорошо и весело. Съ тѣхъ поръ прошло болѣе полвѣка, но мнѣ кажется, что все это было недавно, такъ близко...

Я родился въ 1851 году въ городѣ Коломнѣ, въ бѣдной семьѣ.

Отецъ мой былъ садовникъ, служилъ у купца и получалъ маленькое жалованье, едва хватавшее на содержаніе семьи, состоявшей изъ восьми человѣкъ, въ числѣ которыхъ было пять человѣкъ дѣтей, я былъ старшимъ; отецъ у насъ былъ очень строгій; мы, дѣти, боялись его. Стоило ему показаться вдали на улицѣ, какъ мы всѣ быстро разбѣгались по разнымъ мѣстамъ и прятались. За малѣйшую вину, а иногда за простую шалость, онъ насъ больно наказывалъ.

Первое мое воспоминаніе объ отцѣ относится къ тому времени, когда мнѣ было еще только семь лѣтъ. Хорошо помню тотъ случай, когда отецъ въ первый разъ наказалъ и напугалъ меня.

Я пускалъ бумажный змѣй и для того, чтобы перевести его черезъ высокое дерево, влѣзъ на заборъ. Спускаясь оттуда, я зацѣпился за гвоздь и разорвалъ рубашку. Отецъ это видѣлъ.

Схватилъ меня за руку и потащилъ домой, гдѣ жестоко наказалъ ремнёмъ. Отъ наказаній грознаго отца насъ защищала матушка, женщина добрая и ласковая; мы всѣ горячо любили ее.

Вечеромъ мы приходили домой со страхомъ и въ присутствіи отца вели себя «тише воды и ниже травы», такъ, что насъ совсѣмъ не было слышно.

Къ нашему счастію, отецъ мало находился дома. Днемъ онъ былъ занятъ своей службой, а ночи большею частью проводилъ на рѣкѣ—онъ былъ страстный и опытный рыболовъ. Вечеромъ онъ уходилъ съ удочками на Москву-рѣку, на плашкоутный мостъ; садился тамъ на одинъ изъ паромовъ, гдѣ у него было свое постоянное мѣсто, и всю ночь ловилъ рыбу удочкой.

Онъ часто въ одну ночь налавливалъ болѣе пуда крупной рыбы: лещей, язей, головлей и другихъ.

Матушка солила рыбу въ большихъ кадкахъ, которыя спускали въ погребъ и закапывали въ снѣгъ. Соленой рыбой мы питались всю зиму.

Впослѣдствіи, по примѣру отца, я также сдѣлался страстнымъ рыболовомъ.

Въ то время въ Москвѣ-рѣкѣ вода была чистая и прозрачная, въ ней было много рыбы и раковъ. Теперь, когда всѣ фабрики и заводы начали отапливаться нефтью, которая, попадая въ большомъ количествѣ въ рѣку, настолько загрязняетъ и портитъ въ ней воду, что въ среднемъ и нижнемъ теченіи Москвы-рѣки рыба гибнетъ, ея осталось очень мало, а раки совсѣмъ перевелись.

Мы жили въ Коломнѣ, на высокомъ берегу Москвы-рѣки, въ такъ называемой Щемиловкѣ; тамъ у насъ былъ свой маленькій полуразвалившійся деревянный домикъ съ двумя крошечными ком-

Библиотека "Руниверс"

патками и маленькой кухней, въ которыхъ наша семья помѣщалась довольно уютно и не чувствовала тѣсноты, потому что мы, дѣти, большую часть дня проводили на улицѣ или на рѣкѣ.

Домой собирались вечеромъ. Ужинали всѣ вмѣстѣ, причемъ тарелокъ, ножей и вилокъ у насъ не было. Ѣли всѣ изъ общей боль-

Нашъ домикъ въ городѣ Коломнѣ.

шой деревянной чашки, деревянными ложками. Нарѣзанное мелкими кусочками мясо во щахъ мы могли вылавливать послѣ того, какъ отецъ скажетъ: «Таскай совсѣмъ». Если же кто изъ дѣтей зацѣпитъ кусочекъ мяса ранѣе этого, того отецъ ударялъ по лбу деревянной ложкой... Послѣ ужина, чтобы не жечь понапрасну

Библиотека "Руниверс"

сальную свѣчку, всѣ ложились рано спать. Для этого на полу маленькой комнатки стлали войлокъ, на которомъ мы всѣ, два брата и три сестры, ложились рядомъ и накрывались однимъ общимъ одѣяломъ (настоящая коммуна!).

Но мы не сразу засыпали, у насъ сначала происходили возня и негромкій смѣхъ...

Отецъ за это насъ часто наказывалъ, при этомъ мнѣ, какъ главному застрѣльщику, попадало отъ него болѣе другихъ.

Вставали рано. Въ шесть часовъ утра уже всѣ были на ногахъ.

Нашъ домъ находился близъ Воздвиженской церки, въ которой за службами я исполнялъ съ большой охотой разныя обязанности: пѣлъ съ дьячкомъ на клиросѣ, выносилъ свѣчу, ходилъ съ кружкой по церкви и звонилъ на колокольнѣ.

Семья наша была религіозная, въ воскресные и праздничные дни мы не пропускали въ церкви ни одной службы. Всѣ посты, а также въ среды и пятницы, мы строго постились. Помню, однажды лѣтомъ я забрался къ себѣ на погребицу и тамъ тайкомъ полакомился творогомъ. Но, вспомнивъ, что день былъ постный, я очень испугался своего грѣха. Мнѣ почему-то показалось, что грѣхъ былъ у меня во рту, и я долго ротъ полоскалъ холодной водой...

II.

Пѣніе псалмовъ.—Разсказы.—Гости.—Эпизодъ съ баранками.—Босяки.—Цыпки.—Обновки.—Дѣтскія игры.—Купанье.—Ловля рыбы и лягушекъ—Утопленникъ.—Нянька.—Утопленница.

Въ зимніе долгіе вечера мы всѣ собирались у себя дома, въ одну комнату, освѣщенную сальной свѣчкой (лампы у насъ не было).

Отецъ читалъ вслухъ псалмы и акаѳисты, а мы всѣ хоромъ пѣли.

Мы, дѣти, любили это пѣніе, и наши дѣтскіе голоса звенѣли довольно стройно.

Вечеромъ каждую субботу и подъ всѣ праздники наша бабушка брала ручную глиняную кадильницу, насыпала въ нее горячихъ угольевъ и ладану и кадила наши маленькія комнатки.

Въ крещенскій сочельникъ она ходила съ кускомъ мѣла и писала на всѣхъ дверяхъ кресты.

Помню еще, что въ рождественскій сочельникъ мы всѣ постились цѣлый день до звѣзды; съ появленіемъ ея бабушка угощала насъ сначала сладкой кутьей, а затѣмъ и ужиномъ.

Иногда отецъ разсказывалъ намъ про свою родину—Донскую область, про широкій тихій Донъ, про необъятныя зеленыя степи, наполненныя дивными цвѣтами и множествомъ большихъ птицъ.

Мы каждый разъ съ удовольствіемъ слушали эти интересные для насъ разсказы.

Библиотека "Руниверс"

Иногда къ намъ приходили гости, что случалось довольно рѣдко и только въ отсутствіе отца (такъ какъ онъ не любилъ никакихъ гостей). Тогда насъ, дѣтей, выпроваживали всѣхъ на улицу (если это было весной или лѣтомъ), а осенью и зимой загоняли всѣхъ на печку... Оттуда мы наблюдали съ большимъ любопытствомъ за угощеніемъ гостей чаемъ и баранками и при этомъ очень завидовали счастливцамъ...

Помню, однажды при гостяхъ мать послала меня за баранками. Я быстро побѣжалъ (по обыкновенію босикомъ) исполнять данное мнѣ приказаніе, но... дорогой споткнулся о камень, упалъ и такъ сильно расшибся, что, вставъ на ноги, никакъ не могъ вспомнить, за чѣмъ я былъ посланъ... Со слезами на глазахъ и безъ баранковъ вернулся я обратно домой.

Мы всегда ходили босые. Намъ съ братомъ давали одѣвать сапоги, а сестрамъ башмаки глубокой осенью, когда наступали морозы и выпадалъ снѣгъ. Благодаря такому спартанскому воспитанію, мы всѣ были дѣтьми здоровыми и крѣпкими и никогда ничѣмъ серьезно не болѣли. Наши ноги были черныя и грязныя, съ нихъ почти никогда не сходили «цыпки»—болѣзнь кожи, которая отъ грязи трескалась и изъ ранокъ сочилась кровь.

Ежегодно къ Пасхѣ намъ шили обновки. Брату и мнѣ ситцевыя рубашки и нанковые штаны, а сестрамъ ситцевыя платья, которыя за нѣсколько дней до Пасхи развѣшивались на стѣнѣ въ комнатѣ. Мы любовались ими и съ нетерпѣніемъ ждали Пасхи, чтобы пощеголять въ своихъ обновкахъ.

Въ Щемиловкѣ жили исключительно одни бѣдняки, а, какъ извѣстно, у бѣдныхъ людей дѣти родятся всегда въ изобиліи... Поэтому и у меня не было недостатка въ товарищахъ, которые меня любили за мой веселый характеръ и главнымъ образомъ за мою иниціативу и изобрѣтательность въ разныхъ дѣтскихъ играхъ. Трудно перечислить наши игры и забавы... Весной и лѣтомъ мы играли въ бабки, пускали бумажные змѣи съ трещотками, ходили на лугъ за щавелемъ и цвѣтами, но большую часть дня проводили на рѣкѣ. Купались по двадцати разъ въ день, правильнѣе сказать, почти все время находились въ водѣ. Ловили сѣтками и рогожами рыбу и раковъ. Въ жаркіе лѣтніе дни, когда купанье насъ мало освѣжало, мы ловили большихъ лягушекъ и сажали ихъ къ себѣ за пазуху. Онѣ тамъ прыгали по голому тѣлу и тѣмъ доставляли намъ большое удовольствіе и прохладу.

Вспоминаю два случая, когда я тонулъ въ Москвѣ-рѣкѣ. Одинъ разъ лѣтомъ ловилъ сѣтками раковъ и свалился съ барки въ воду... Быстрымъ теченіемъ меня подтянуло подъ барку и понесло подъ ея днomъ...

Но, умѣя хорошо плавать и нырять, я подъ баркой опустился на дно рѣки. Откуда быстро нырнулъ въ сторону и, выскочивъ

Библиотека "Руниверс"

на свободную поверхность рѣки, благополучно приплылъ къ берегу.

Другой разъ тонулъ зимой; катаясь по тонкому льду въ тулупѣ и валенкахъ, я провалился въ воду на глубокомъ мѣстѣ.

Валеные сапоги мои и тулупъ быстро намокли и начали тянуть меня подъ ледъ; я, хватаясь за края ломающагося льда, не могъ самъ выбраться на ледъ и началъ отчаянно кричать...

Мой крикъ услышали женщины, недалеко полоскавшія бѣлье: онѣ бросили мнѣ веревку, съ помощью которой и вытащили меня изъ воды на ледъ.

Однажды осенью я принесъ на рѣку свою маленькую сестренку и чуть было не утопилъ ее. Случилось это такимъ образомъ: въ отсутствіе бабушки отецъ съ матерью, уѣзжая куда-то, приказали мнѣ посмотрѣть за моей двухлѣтней сестрой, которая любила плакать. Не прошло и полчаса, какъ сестренка проснулась и заплакала. Я поспѣшилъ приступить къ исполненію обязанности няньки; вытащилъ ее изъ люльки и вынесъ на улицу; тамъ она стала плакать еще сильнѣй. Чтобы успокоить ее, я пошелъ съ ней на рѣку, раздѣлъ ее и положилъ у самаго берега на спину, въ воду... а самъ сѣлъ около нея на песокъ; сестренка отъ неожиданной холодной ванны взвизгнула, перевернулась лицомъ въ воду и замолчала... я испугался, быстро вытащилъ ее изъ воды и побѣжалъ съ ней домой, гдѣ и отдалъ ее бабушкѣ. Она спросила меня: «Зачѣмъ я снялъ съ нее рубашку?» Я отвѣтилъ: «Купалъ въ рѣкѣ»...

Съ тѣхъ поръ обязанностей няньки мнѣ болѣе не поручали.

III.

Зимнія игры.—Простянки.—Подъ санями. — Водопой.—Кассиръ.—Куликъ.—Данилушка.—Кулачные бои.—Трушка.—Бобреневскій лугъ.

Зимой мы катались съ высокой горы на скамейкахъ, салазкахъ и рѣшетахъ. Затѣмъ дѣлали изъ снѣга разныя фигуры и крѣпости и устраивали цѣлыя баталіи, отражая непріятеля комками снѣга. Но болѣе всего я съ товарищами любилъ кататься зимой по рѣкѣ «на простянкахъ». Такъ назывались большіе деревянскіе обозы, возвращавшіеся порожними съ базара къ себѣ домой.

Мы на ходу вскакивали на край розвальней и ѣхали двѣ-три версты.

Однажды, катаясь такимъ образомъ, я забрался на козлы саней и оттуда свалился подъ передокъ, къ заднимъ ногамъ лошади, которая протащила меня болѣе 100 шаговъ... На мой отчаянный крикъ сбѣжались мужики, остановили лошадь и вытащили меня изъ-подъ санеи... Когда они спросили меня, какъ я попалъ подъ сани?— то отъ испуга я не могъ сказать ни одного слова. Я былъ блѣденъ

Библиотека "Руниверс"

какъ снѣгъ, и меня трясло, какъ въ лихорадкѣ... Къ моему счастью, дорога на льду была безъ ухабовъ, ровная и гладкая; только благодаря этому я остался цѣлъ и невредимъ.

Но съ тѣхъ поръ я уже болѣе на простянкахъ не катался.

Бывая часто на рѣкѣ, я заходилъ на водопой, находившійся у городского берега, и смотрѣлъ, какъ лошади пьютъ холодную воду, и удивлялся, почему онѣ не простуживаются? Тутъ я познакомился съ хозяиномъ водопоя. Онъ, уходя въ трактиръ, иногда оставлялъ меня кассиромъ, получать деньги за водопой, за каждую лошадь по одной копейкѣ. Когда хозяинъ возвращался, я отдавалъ ему

Авторъ въ 17 лѣтъ.

всю выручку, за что онъ награждалъ меня одной, а иногда и двумя копейками.

Каждый день утромъ на водопой приходилъ «Куликъ» съ ружьемъ. Такъ звали отставного солдата, который убивалъ здѣсь множество голубей, прилетавшихъ большими стаями пить воду,—собиралъ ихъ въ большой мѣшокъ и носилъ куда-то продавать.

Къ хозяину водопоя иногда приходилъ юродивый Данилушка, человѣкъ лѣтъ 40, сутуловатый, съ добрымъ, всегда улыбающимся лицомъ.

Онъ лѣтомъ и зимой, не исключая и трескучихъ морозовъ, всегда ходилъ босой и съ непокрытой головой, въ одной рубахѣ и штанахъ. За пазухой онъ постоянно носилъ много мѣдныхъ денегъ, которыя собиралъ на построеніе церквей. Въ Коломнѣ его всѣ любили и въ подаяніи ему не отказывали.

Библиотека "Руниверс"

Спустя много лѣтъ, мнѣ случалось встрѣчать Данилушку въ такомъ же видѣ въ Москвѣ. Онъ останавливался всегда у Губонина, который его очень любилъ.

Затѣмъ мы съ товарищами, по примѣру взрослыхъ людей, иногда устраивали кулачный бой съ учениками духовнаго училища; послѣднихъ всегда было больше, и намъ порядкомъ отъ нихъ доставалось.

Въ семидесятыхъ годахъ кулачные бои въ Коломнѣ были въ большой модѣ. Выдающіеся кулачные бойцы щедро поощрялись любителями этого спорта, богатыми коломенскими купцами, которые на эту забаву денегъ не жалѣли.

Каждое воскресенье на льду Москвы-рѣки устраивался большой кулачный бой. Сначала начинали драться мальчики, затѣмъ подростки, и въ заключеніе вступали въ бой взрослые люди.

Бой продолжался два-три часа и оканчивался вечеромъ, когда становилось темно.

Съ одной стороны дрались коломенцы—съ другой крестьяне изъ пригородныхъ селъ и деревень.

Участвующихъ въ бою было отъ двухъ до трехъ тысячъ человѣкъ.

Обѣ стороны назывались «стѣнками». Ими предводительствовали какъ съ одной, такъ и съ другой стороны выдающіеся бойцы.

У коломенцевъ долгое время былъ въ большомъ фаворѣ непобѣдимый кулачный боецъ—кузнецъ «Трушка». Этотъ человѣкъ былъ нѣсколько выше средняго роста, коренастый, съ громадной головой, плотно сидѣвшей на широкихъ плечахъ.

На одну ногу немного прихрамывая, Трушка имѣлъ силу колоссальную: когда онъ участвовалъ въ бою, побѣда всегда была на сторонѣ коломенцевъ.

Кулачные бои сопровождались страшнымъ шумомъ и громкимъ крикомъ нѣсколькихъ тысячъ людей. Этотъ шумъ было слышно даже въ городѣ. Но когда одна изъ стѣнокъ дрогнетъ и, одолѣваемая противникомъ, покажетъ тылъ, въ этотъ моментъ ревъ толпы былъ ужасенъ... Это было нѣчто стихійное: страсти разгорались, люди становились звѣрями, ломали другъ другу ребра, руки, ноги, разбивали лица въ кровь.

Послѣ каждаго боя на льду рѣки и на лугу подбирали нѣсколько изуродованныхъ людей. Бывали случаи, когда среди нихъ находили убитыхъ... и ничего,—все благополучно сходило съ рукъ; въ слѣдующее воскресенье опять устраивался такой же бой... Любоваться боями собиралось множество городскихъ жителей, которыми былъ усѣянъ весь высокій, гористый берегъ рѣки.

На другомъ отлогомъ берегу разстилался на большомъ пространствѣ Бобреневскій лугъ, а вдали на фонѣ усыпаннаго инеемъ березоваго лѣса рельефно обрисовывалось большое село Бобренево съ высокой красной колокольней и нѣсколькими церквами Бобреневскаго мужского монастыря.

Библиотека "Руниверс"

Луговой берегъ Москвы-рѣки съ его обширнымъ горизонтомъ представлялъ красивый ландшафтъ. Но когда этотъ ландшафтъ оживлялся разсыпавшимися по лугу на большомъ пространствѣ нѣсколькими тысячами бойцовъ, то получалась картина поразительно-красивая и грандіозная.

IV.

Первая коммерція.—По-американски.—Экономическія копейки.—Домашняя лавочка. Покупатели.—Продавецъ.—Славленіе Христа.—Рацеи.—Награда.—Первое путешествіе.—Эпизодъ со старушками.—Нечистая сила.—Въ монастырѣ.

Какъ только я сталъ сознавать себя, у меня явилось неотразимое желаніе имѣть свои деньги.

Начиная съ семи лѣтъ, я уже началъ изобрѣтать разные способы, чтобы достать нѣсколько копеекъ «на гостинцы», къ которымъ я былъ вообще неравнодушенъ.

Въ данномъ случаѣ я поступилъ чисто по-американски. Какъ извѣстно, въ Америкѣ каждое занятіе и трудъ, въ чемъ бы они ни заключались, считаются почтенными и пользуются большимъ уваженіемъ закона и людей. Наоборотъ, праздность, лѣнь и тунеядство жестоко презираются, и люди, подверженные этимъ отрицательнымъ качествамъ, быстро тамъ умираютъ городной смертью, потому что милостыни въ Америкѣ никому не подаютъ, а если кто попроситъ ее, сажаютъ на три мѣсяца въ тюрьму.

Въ Америкѣ нищихъ совсѣмъ нѣтъ; людей неспособныхъ къ труду тамъ помѣщаютъ безплатно въ муниципальные пріюты.

Первое свое коммерческое предпріятіе я началъ съ того, что взялъ кулекъ и отправился съ нимъ по берегу рѣки собирать битый хрусталь и фарфоръ; отнесъ его въ посудную лавку и предложилъ купить. Мнѣ тамъ заплатили за него три копейки; это мнѣ понравилось.

Я началъ еще усерднѣе собирать фарфоръ; за него мнѣ продолжали платить каждый разъ по три копейки. Тогда я рѣшилъ расширить это выгодное предпріятіе. Для этого взялъ другой кулекъ вдвое болѣе, наполнилъ его хрусталемъ и фарфоромъ и, согнувшись въ дугу, понесъ свою тяжелую ношу въ посудную ладку, гдѣ мнѣ за нее заплатили пять копеекъ. Съ тѣхъ поръ я носилъ въ лавку только большіе кульки. Товарищи знали про мою коммерцію. Но никто изъ нихъ этой операціей не занимался, что меня немало удивляло.

Изыскивая дальнѣйшія средства для пріобрѣтенія денегъ, я пустилъ въ ходъ экономію. Она заключалась въ слѣдующемъ: когда меня посылали съ деньгами купить одинъ фунтъ мыла за восемь копеекъ или фунтъ сахару за четырнадцать копеекъ, я приходилъ

Библиотека "Руниверс"

въ лавку и просилъ отпустить мнѣ мыла «около фунта», на семь копеекъ, или сахару тоже около фунта, на тринадцать копеекъ и, мнѣ отпускали.

Экономическія копейки я, приходя домой, закапывалъ въ землю

Красная площадь въ концѣ XVIII вѣка.

у себя на дворѣ. Когда такимъ способомъ у меня накапливалось пять-шесть копеекъ, я на нихъ покупалъ «гостинцы» и угощалъ себя на славу.

Мои экономическія операціи были всегда умѣренны, а потому ни разу никѣмъ не были замѣчены.

Библиотека "Руниверс"

Гостиный дворъ передъ его закрытіемъ въ 1886 г. Фасадъ на Красной площади.

Библиотека "Руниверс"

Коммерческія способности проявлялись у меня еще въ томъ, что я у себя на чердакѣ устроилъ нѣчто вродѣ мелочной лавочки.

Сдѣлалъ изъ картона и нитокъ вѣсы; изъ глины вылѣпилъ гири, разложилъ на полкахъ разный мусоръ и ждалъ, когда матушка дастъ намъ гостинцы. Тогда я тотчасъ же открывалъ свою лавочку и зазывалъ въ нее почтеннѣйшую публику, т. е. сестеръ и брата. Отвѣшивалъ имъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ разные товары: песокъ, мелкіе камешки и другіе деликатессы въ такомъ же родѣ, завертывалъ въ бумагу и давалъ покупателямъ. Они за «товаръ» расплачивались со мной своими лакомствами, которые я тутъ же при нихъ съѣдалъ.

Когда у моихъ покупателей отъ гостинцевъ оставались только одни воспоминанія, я закрывалъ свою лавочку и просилъ публику удалиться. Въ Рождество Христово у насъ не было ни елки, ни игрушекъ, но зато къ этому празднику жарился гусь. А это въ нашей бѣдной семьѣ было цѣлымъ событіемъ.

Мнѣ особенно памятны рождественскіе сочельники.

Глубокая ночь. Торжественная тишина. На темномъ небѣ ярко блестятъ звѣзды. Подъ ногами скрипитъ морозный снѣгъ. Спитъ спокойно тихій городокъ. Нигдѣ ни души. Въ это время мы съ братомъ, ежась отъ мороза, пробираемся глухими и пустынными улицами далеко на окраины города къ бѣднымъ теткамъ славить Христа. Послѣ славленія я разсказывалъ имъ «рацеи».

Рацеями назывались простые разсказы о томъ, какъ въ Виѳлеемѣ въ ясляхъ родился Спаситель міра и, по указанію звѣзды, къ Нему пришли издалека волхвы поклониться и принести даръ.

Разсказывать рацеи меня научила наша бабушка. Эта добрая старушка, всѣхъ насъ горячо любившая, въ самую трудную пору моей жизни была для меня настоящей доброй феей, и поэтому я свято чту ея память. Послѣ рацеи мы поздравляли «хозяюшку» съ праздникомъ, намъ давали три-пять копеекъ.

Такимъ образомъ, мы съ братомъ собирали до тридцати копеекъ, на которыя покупали орѣховъ и пряниковъ и угощали ими своихъ сестеръ и товарищей.

Вспоминаю смѣшной эпизодъ, случившійся съ нашей бабушкой и еще другими пятью старушками.

Однажды лѣтомъ онѣ собрались итти пѣшкомъ на богомолье въ монастырь Николы Радованица, отстоящій отъ Коломны въ восьмидесяти верстахъ.

Бабушка и меня взяла съ собой. Я этому былъ очень радъ. Это было мое первое путешествіе; оно неизгладимо запечатлѣлось въ моей памяти.

Мы шли тихо и долго. Когда проходили зелеными лугами и большими лѣсами, я испытывалъ неизъяснимую прелесть свободы и простора.

Библиотека "Руниверс"

Вихремъ носился по лугамъ, часто скрываясь въ густой высокой травѣ, чѣмъ доставлялъ большое безпокойство своей бабушкѣ: она боялась меня потерять.

Меня радовалъ каждый цвѣтокъ, каждый кустикъ. Въ лѣсахъ я съ жадностью прислушивался къ пѣнію птичекъ и шелесту листьевъ.

Фруктовый «Глаголь» и фасадъ Гостинаго двора по улицѣ Ильинкѣ.

На третій день нашего путешествія, когда мы прошли шестьдесятъ верстъ, старушки стали уставать и часто останавливаться для отдыха.

Разъ въ полдень,—день былъ особенно жаркій,—онѣ легли отдохнуть на травкѣ близъ проселочной дороги, а меня просили покарау-

Библиотека "Руниверс"

лить ихъ. Вскорѣ старушки крѣпко заснули. Я все время не спалъ и сидѣлъ около нихъ. Спали онѣ долго.

Затѣмъ встали, одѣли на плечи свои котомки и молча пошли всѣ обратно въ Коломну...

Я остановилъ старушекъ и сказалъ, что онѣ идутъ назадъ домой. Но онѣ мнѣ не повѣрили, и продолжали итти обратно.

Пройдя четыре версты, мы встрѣтили крестьянина, у котораго старушки спросили, какъ пройти къ Николѣ Радованицу. Онъ указалъ имъ по направленію того мѣста, гдѣ онѣ спали. Старушки начали креститься и говорить, что это надъ ними пошутила «нечистая сила»?!..

На четвертый день вдали за лѣсомъ показался древній монастырь Николы Радованица.

Мы пришли туда во время всенощной; вошли въ большую величественную церковь и горячо молились передъ чудотворной иконой Николая Чудотворца.

Ночевали въ монастырской гостиницѣ, въ большой комнатѣ, вмѣстѣ съ другими богомольцами.

Рано утромъ насъ разбудилъ монахъ звономъ въ колокольчикъ; всѣ богомольцы поднялись и пошли къ обѣднѣ. Въ монастырѣ мы пробыли три дня. Утромъ послѣ обѣдни, отслуживъ молебенъ Николаю угоднику, мы тронулись въ обратный путь, который былъ пройденъ безъ приключеній.

V.

Ученіе.—Любимый предметъ.—Страсть въ путешествіямъ.—Двѣ книги.—Учителя.—Батюшка.—Кутейники.—Лозы.—Чистописаніе.—Тайное ученіе уроковъ.—Окончаніе ученія.—Смерть отца. — Бѣдственное положеніе семьи. — Опекунъ. — Сокращеніе ртовъ.—Отъѣздъ въ Москву.

Когда мнѣ минуло десять лѣтъ, меня отдали учиться въ городское четырехклассное училище. Учился я хорошо. Моимъ любимымъ предметомъ была географія. Учитель Бланштеевъ заставлялъ меня иногда путешествовать изъ Европы въ Африку, въ Австралію, и Америку. Я, стоя у доски съ кускомъ мѣла въ рукѣ, въ большимъ увлеченіемъ и любовью рисовалъ проливы, моря и океаны, которыми благополучно и безъ ошибокъ добирался до этихъ далекихъ странъ и въ награду за это всегда получалъ пять съ плюсомъ.

Вотъ съ какихъ раннихъ поръ во мнѣ сказывалась страсть къ путешествіямъ!

Впослѣдствіи изъ меня на самомъ дѣлѣ выработался путешественникъ, объѣздившій всю Европу и побывавшій въ Азіи, Африкѣ и Америкѣ; о своихъ интересныхъ путешествіяхъ я написалъ двѣ книги: «Въ Америку» и «На Востокѣ».

Библиотека "Руниверс"

Изъ пяти нашихъ преподавателей мнѣ особенно нравился учитель русскаго языка, Иванъ Алексѣевичъ Большевъ. Онъ былъ невысокаго роста, на спинѣ имѣлъ большой горбъ и, несмотря на свое уродство, былъ всегда въ высшей степени добрымъ и ласковымъ. Онъ никогда не наказывалъ учениковъ, за что всѣ его любили.

Полнымъ контрастомъ ему былъ «батюшка»—учитель Закона Божія, рыжій и толстый человѣкъ со свирѣпымъ лицомъ. Ученики

Гостиный дворъ съ высоты птичьяго полета.

его не любили и боялись, потому что онъ ставилъ плохія отмѣтки и часто наказывалъ розгами. Въ то время въ городскихъ школахъ розги были въ большомъ ходу.

На другой сторонѣ площади, противъ городского училища, находилось духовное училище. Учащихся въ немъ мы называли кутейниками, часто съ ними сталкивались и дрались. Помню однажды, послѣ большой перемѣны, во время которой меня порядкомъ по-

Библиотека "Руниверс"

колотилъ кутейникъ, я, разгоряченный дракой и неудачей, вбѣжалъ въ классъ и, не замѣтивъ «батюшки», сидѣвшаго за столомъ, громко крикнулъ:

— Господа, послѣ класса пойдемте бить кутейниковъ!..

Батюшка подозвалъ меня къ столу и спросилъ:

— Кто это кутейники, которыхъ ты собираешься бить?

Я отвѣтилъ, что мы такъ называемъ учениковъ духовнаго училища, которые насъ часто бьютъ. На это священникъ возразилъ мнѣ, что учениковъ духовнаго училища нельзя называть кутейниками, потому что они впослѣдствіи будутъ нашими духовными пастырями. Затѣмъ онъ приказалъ сторожу подать розги и всыпать мнѣ десять «лозъ».

Когда я возвращался изъ училища домой, отецъ заставлялъ меня ежедневно писать съ прописи по десяти страницъ. Помню, онъ мнѣ говорилъ:

— Самое главное—тебѣ нужно, чтобы ты писалъ хорошо.

На уроки же, задаваемые мнѣ въ училищѣ, онъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія. Мнѣ приходилось приготовлять ихъ тайкомъ отъ него за печкой, ночью, съ сальнымъ огаркомъ...

Черезъ четыре года я окончилъ курсъ съ похвальнымъ листомъ.

Вскорѣ послѣ этого надъ нашей семьей разразилось страшное несчастье.

Отецъ нашъ, которому въ то время было 38 лѣтъ, сильно простудился и, недолго проболѣвъ, скончался...

Убитая горемъ, молодая мать съ пятью маленькими сиротами, похоронивъ своего кормильца, осталась совершенно безъ всякихъ средствъ.

Намъ дали опекуна, богатаго коломенскаго купца Макѣева.

Онъ выдавалъ матери ежемѣсячно по пяти рублей. На эти деньги наша семья, состоявшая изъ семи человѣкъ, могла существовать только впроголодь. Для этого осенью, вскорѣ послѣ смерти отца, бабушка поѣхала жить въ Москву, къ своему сыну (онъ служилъ приказчикомъ въ шорной лавкѣ) и меня взяла съ собой для того, чтобы отдать въ Москвѣ въ мальчики, то есть въ услуженіе.

Я уѣзжалъ изъ Коломны съ большой неохотой. Мнѣ жаль было разставаться съ своей милой семьей и товарищами.

Мое прощаніе съ ними было очень трогательно, потому что вмѣстѣ съ этимъ я прощался и съ своимъ счастливымъ дѣтствомъ.

Вступая въ новую жизнь, я прекрасно понималъ, что въ неизвѣстномъ будущемъ мнѣ предстоитъ много невзгодъ и лишеній.

Вѣдь меня везли въ Москву, какъ простой экспонатъ, не знавшій даже, куда и къ кому онъ попадетъ.

Библиотека "Руниверс"

VI.

Москва.—Первыя впечатлѣнія.—Соблазны.—Газъ.—Чудо.

Въ Москву мы съ бабушкой пріѣхали вечеромъ. Съ вокзала пошли пѣшкомъ къ дядѣ. Онъ тогда жилъ у Яузскаго поста, въ маленькой квартиркѣ, въ подвальномъ этажѣ. Бабушка несла на веревкѣ черезъ плечо мой маленькій сундукъ съ бѣльемъ. Я шелъ рядомъ съ ней, по обыкновенію босикомъ,—сапоги мои были у меня на плечахъ.

Послѣ маленькой и тихой Коломны Москва поразила меня своей величиной, громадными, ярко освѣщенными домами, большимъ уличнымъ движеніемъ и грохотомъ многочисленныхъ экипажей на желѣзныхъ шинахъ (резиновыхъ въ то время не было).

На другой день пріѣзда я пошелъ одинъ гулять по московскимъ улицамъ. На каждомъ шагу я останавливался и съ любопытствомъ смотрѣлъ на щеголевато одѣтыхъ людей и на красивыхъ лошадей, запряженныхъ въ богатые экипажи.

Но болѣе всего меня заинтересовывали большіе колоніальные магазины и кондитерскія съ ихъ красивыми выставками разныхъ деликатессовъ, которые я видѣлъ въ первый разъ. Я подолгу стоялъ и любовался такими великими для меня соблазнами.

Вечеромъ, проходя по одной изъ большихъ улицъ, я впервые увидѣлъ магазинъ, освѣщенный газомъ. Подойдя къ окну, я долго стоялъ, любуясь красивымъ освѣщеніемъ. Меня очень заинтересовалъ вопросъ, какъ это можетъ горѣть воздухъ безъ фитиля?

За разъясненіемъ этого «чуда» я обратился сначала къ своей бабушкѣ, а затѣмъ къ дядѣ. Но они не могли объяснить мнѣ заинтересовавшаго меня вопроса.

Въ семидесятыхъ годахъ въ Москвѣ не было еще текучаго газа, а объ электричествѣ не имѣли ни малѣйшаго понятія. Газъ развозили по городу на лошадяхъ, въ большихъ желѣзныхъ цилиндрахъ; такимъ же способомъ освѣщались императорскіе театры Большой и Малый.

Это дѣлалось такъ: въ цоколѣ съ наружной стороны зданія находился клапанъ; къ нему привозили на парѣ лошадей длинный желѣзный цилиндръ съ газомъ, привертывали къ клапану резиновый рукавъ и пускали газъ. Онъ проходилъ по трубамъ въ большіе резервуары, помѣщавшіеся внутри зданій.

При такомъ примитивномъ способѣ перекачки много газа улетучивалось наружу, и на большомъ пространствѣ сильно пахло газомъ. Публика, зажимая носы, обходила на почтительномъ разстояніи эти пахучія операціи.

Библиотека "Руниверс"

VII.

Московскіе нравы.—Князь Долгоруковъ.—Огаревъ.—Квартальные.—Будочники.—Мостовыя. — Извозчики.—Кабріолеты.—Нищіе.—Разносчики.—Преступники.—Зимнія купальни.—Сутяжная биржа.—«Аблакаты».—Уличное освѣщеніе.—Тьма.—Параллель.—Дешевизна продуктовъ.

Полвѣка тому назадъ Москва была очень оригинальна и патріархальна. Въ тѣ времена у москвичей дѣйствительно былъ «отъ головы до пятокъ—особый отпечатокъ».

Онъ сказывался во многихъ проявленіяхъ московской жизни.

Начиная съ ея знаменитаго «хозяина», московскаго генералъ-губернатора Владимира Андреевича Долгорукова, который болѣе четверти вѣка чисто по-отцовски управлялъ Москвой.

Князь Долгоруковъ былъ доступенъ каждому и отличался особой любезностью и добротой, особенно съ дамами, съ которыми его обращеніе было прямо обворожительно. При этомъ князь славился самымъ широкимъ хлѣбосольствомъ, за что Москва его горячо любила.

При князѣ долгое время служилъ полицеймейстеромъ Николай Ильичъ Огаревъ; это былъ простой добродушный человѣкъ и веселый собесѣдникъ.

Его высокая типичная фигура съ громаднѣйшими запорожскими усами часто появлялась на страницахъ юмористическихъ журналовъ.

Среди московскаго населенія онъ пользовался большой популярностью. Изъ приказовъ Огарева особенно былъ извѣстенъ слѣдующій: онъ приказалъ, чтобы въ каждой будкѣ на столѣ лежала книга, въ которой должны расписываться квартальные во время ночныхъ обходовъ. Но такъ какъ въ то время на улицахъ не было такого движенія и суеты, какъ теперь, и вообще нравы были проще, то квартальные обходы дѣлали очень рѣдко, предпочитая имъ спокойный сонъ.

Взамѣнъ ночныхъ обходовъ будочники ежедневно утромъ приносили книги для подписи въ околотокъ.

Про эти продѣлки квартальныхъ узналъ Огаревъ и приказалъ находящіяся въ будкахъ книги припечатать къ столамъ.

Но это нисколько не измѣнило дѣла.

Послѣ этого приказа можно было видѣть на московскихъ улицахъ будочниковъ со столами на головахъ... которые такимъ образомъ представляли въ околотокъ столы съ припечатанными книгами для подписи начальства...

Не менѣе Огарева также были популярны два квартальныхъ надзирателя—Замайскій и Генцъ. Первый былъ извѣстенъ, какъ московскій Лекокъ, а второй, находясь 20 лѣтъ квартальнымъ въ

Библиотека "Руниверс"

Городской части, своимъ мягкимъ, покладистымъ характеромъ и въ высшей степени любезнымъ обращеніемъ съ каждымъ сумѣлъ пріобрѣсти среди купцовъ особую любовь, уваженіе и хорошій капиталъ.

На бойкихъ мѣстахъ площадей и большихъ улицъ можно было видѣть очень типичную достопримѣчательность Москвы—будочников въ высокихъ киверахъ и съ большими аллебардами, спокойно спящихъ на посту, прислонившись къ своимъ будкамъ.

Большой Суконный рядъ передъ сломкой въ 1886 г.

Квартальные, обходя посты, отбирали аллебарды у спящихъ будочниковъ и послѣднихъ сажали подъ арестъ. Ночью будочники окликали прохожихъ: «Кто идетъ?» Чтобы не попасть въ околотокъ, нужно было отвѣчать: «Обыватель».

Библиотека "Руниверс"

Днемъ будочники терли нюхательный табакъ и для большей крѣпости подсыпали въ него толченое стекло. Любителей этого табаку находилось много, и будочники торговали имъ довольно бойко.

Но самымъ главнымъ московскимъ «отпечаткомъ» были московскія мостовыя. Это было нѣчто невозможное. Вымощенныя крупнымъ булыжникомъ, всегда грязныя и пыльныя, съ большими ямами, а зимой глубокими ухабами, онѣ всегда были египетскою казнью москвичей. На нихъ часто происходили аваріи, калѣчились лошади, ломались экипажи... Часто страдали и сѣдоки, ломая себѣ руки и ноги... На этихъ удивительныхъ мостовыхъ долгое время были «притчей во языцѣхъ» московскіе извозчики, одѣтые въ грязные и рваные зипуны. Они слѣзали съ козелъ, становились кучками у тротуаровъ и зазывали къ себѣ сѣдока. Найдя такового, они бросались на него толпой и съ оглушительнымъ крикомъ: «пажа... пажа...» хватали сѣдока за руки и каждый тащилъ къ своему экипажу.

Особой назойливостью отличались извозчики, стоявшіе у вокзаловъ, тамъ они пассажировъ и ихъ багажъ буквально рвали на части...

Въ семидесятыхъ годахъ въ Москвѣ не было ни конокъ, ни трамваемъ, ни пролетокъ,—ѣздили на линейкахъ и на кабріолетахъ, или, какъ ихъ называли въ простонародьѣ, «калибрахъ». Это былъ довольно мудреный экипажъ, видомъ похожій на контрабасъ. На немъ сѣдоки сидѣли бокомъ, съ лицами, обращенными въ разныя стороны. Впереди ихъ сидѣлъ верхомъ извозчикъ. Во время ѣзды на этомъ архаическомъ экипажѣ, чтобы не выскочить изъ него, сѣдоки должны были все время балансировать руками и ногами.

Ѣзда на кабріолетахъ стоила дешево,—за 10—15 копеекъ можно было ѣхать двѣ-три версты.

Интересенъ былъ способъ уничтоженія кабріолетовъ. Всѣ московскія экипажныя фабрики и кузницы, получивъ предписаніе отъ полиціи, были обязаны подпиской не вырабатывать болѣе новыхъ кабріолетовъ и старыхъ не чинить. Послѣ этого распоряженія число «калибровъ» на московскихъ улицахъ начало быстро сокращаться, и такимъ образомъ въ теченіе трехъ лѣтъ они были совсѣмъ уничтожены.

По всѣмъ московскимъ улицамъ бродило множество нищихъ, калѣкъ, юродивыхъ, странниковъ и разныхъ проходимцевъ, на всѣ голоса выпрашивавшихъ милостыню.

Однажды днемъ на Красной площади появился Михаилъ Архангелъ, въ одной рукѣ онъ держалъ деревянный мечъ, въ другой длинное копье съ флагомъ.

Его окружала большая толпа любопытныхъ. Шествіе направлялось отъ Никольскихъ воротъ къ Василію Блаженному. По срединѣ площади будочникъ арестовалъ небеснаго жителя и отправилъ его

Библиотека "Руниверс"

въ околотокъ—тамъ при дознаніи выяснилось, что это былъ бѣглый монахъ...

Въ Замоскворѣчьѣ, на Пятницкой улицѣ, богатымъ купцомъ Л. былъ построенъ большой каменный домъ, спеціально для монаховъ, странниковъ и богомольцевъ, тамъ они всегда находили безплатный столъ и пріютъ.

Нищихъ особенно много было около церквей, гдѣ они въ праздничные дни выстраивались у паперти въ два ряда. Затѣмъ можно было видѣть на самыхъ центральныхъ улицахъ Москвы мальчиковъ-мастеровыхъ, одѣтыхъ въ грязные халаты. Потомъ, когда я служилъ у хозяина, мнѣ самому пришлось ходить въ такомъ нарядѣ...

Съ самаго ранняго утра на дворахъ, вмѣстѣ съ пѣтухами, начинали громко кричать разносчики, ходившіе цѣлыми полчищами по московскимъ улицамъ.

Точно такую картину впослѣдствіи мнѣ пришлось видѣть въ Константинополѣ, гдѣ нѣтъ рынковъ и гдѣ ихъ замѣняютъ многочисленные разносчики. Они носятъ по всему городу продукты на спинѣ въ большихъ корзинахъ и при этомъ страшно громко кричатъ не только днемъ, но и поздней ночью.

Почти каждый день утромъ (исключая праздниковъ и воскресныхъ дней) по Красной площади провозили на позорной колесницѣ съ барабаннымъ боемъ окруженныхъ конвоемъ уголовныхъ преступниковъ; у нихъ на груди висѣла черная доска съ надписью: «за убійство», «за грабежъ», «за святотатство» и т. п.

Арестанта въ сѣрой шинели и круглой шапкѣ сажали высоко на скамейку спиной къ лошадямъ и везли изъ Бутырской тюрьмы въ Замоскворѣчье, на Конную площадь, гдѣ былъ устроенъ эшафотъ. Тамъ осужденнаго привязывали къ позорному столбу и читали во всеуслышаніе приговоръ суда. Эту грустную процессію всякій разъ провожала большая толпа любопытныхъ зѣвакъ.

На берегу Москвы-рѣки, у большого Каменнаго моста, въ низенькомъ одноэтажномъ каменномъ зданіи помѣщались бани, подъ названіемъ «Каменныя». Со стороны Москвы-рѣки къ нимъ былъ пристроенъ деревянный крытый коридоръ, выходившій въ зимнюю купальню на рѣкѣ. Многіе любители въ трескучіе морозы бѣгали изъ бань въ купальню, окунались въ рѣку и бѣжали опять въ баню. Я купался тамъ зимой много разъ. Окунувшись въ оледенѣлую воду, я моментально изъ нея выскакивалъ и быстро бѣжалъ въ горячую баню, на полокъ... Такіе рѣзкіе контрасты мнѣ очень нравились и всегда сходили благополучно.

У Воскресенскихъ воротъ, около зданія губернскаго правленія, съ незапамятныхъ временъ находилась сутяжная биржа стряпчихъ, приказныхъ и выгнанныхъ со службы чиновниковъ, занимавшихся писаніемъ разныхъ доносовъ, ябедъ и прошеній для неграмотнаго темнаго люда.

Библиотека "Руниверс"

Въ простонародьѣ такія лица извѣстны подъ названіемъ «аблакатовъ отъ Иверской»—всѣ они поголовно алкоголики, съ опухшими лицами и съ красно-сизыми носами.

«Аблакатъ», найдя на улицѣ кліента, приглашалъ его слѣдовать за нимъ въ трактиръ «Низокъ», тамъ за косушку водки, выслушавъ кліента, онъ писалъ ему такое витіеватое прошеніе, что понять написанное нельзя было не только постороннему человѣку, но оно часто было непонятно и самому автору.

Такіе московскіе пережитки сохранились и до нашихъ дней. Типичныя фигуры современныхъ «иверскихъ аблакатовъ» можно видѣть ежедневно стоящими у наружной стѣны зданія городской думы.

Заканчивая описаніе болѣе характерныхъ московскихъ «отпечатковъ», я долженъ еще указать на московскую тьму.

Въ то время центральныя улицы Москвы освѣщались керосиновыми фонарями, а на окраинахъ и въ глухихъ переулкахъ горѣли подслѣповатые масляные фонари; зажигать и чистить ихъ лежало на обязанности пожарныхъ, которые большую часть конопляннаго масла, отпускавшагося имъ для освѣщенія, довольно плохого, съѣдали съ кашей. Вслѣдствіе этого рѣдко поставленные масляные фонари, ночью едва мигавшіе на темныхъ улицахъ, рано гасли, и улицы съ переулками погружались въ кромѣшную тьму и тѣмъ дополняли картину патріархальной Москвы семидесятыхъ годовъ.

Теперь старушка Москва уже не та. Она похорошѣла и быстро превратилась изъ большой деревни въ красивый европейскій городъ.

Въ ней имѣются усовершенствованныя мостовыя, приличные извозчики, автомобили, лучшій въ мірѣ трамвай, телефоны, электрическое освѣщеніе, водопроводъ, канализація, хотя, правда, и сто сорокъ восемь милліоновъ долгу...

Ея старинные дома-особняки, окруженные садами, почти всѣ уничтожены; на ихъ мѣстѣ быстро растутъ колоссальные семи- и восьмиэтажные небоскребы.

Но такова привычка къ старинѣ, что всякій разъ, когда хочется вдуматься въ окружающую насъ дѣйствительность и провести параллель между ею и прошлымъ, получается заключеніе не въ пользу настоящаго; приходится убѣдиться, что, не взирая на нѣкоторые недочеты «старой» Москвы, въ ней жилось легче и спокойнѣе.

Прежде было менѣе опасности для жизни обывателя. Онъ не могъ сгорѣть безпомощно въ седьмомъ-восьмомъ этажѣ небоскреба, куда не достаетъ ни одна пожарная лѣстница; обывателя на улицахъ не давили трамваи и автомобили; лавочники не отравляли его

Библиотека "Руниверс"

фальсификаціей различныхъ жизненныхъ продуктовъ, которые въ прежнее время были баснословно дешевы и безъ фальсификаціи.

Такъ, напримѣръ: одинъ фунтъ чернаго хлѣба стоилъ одну копейку, пара большихъ вкусныхъ калачей—пять копеекъ, фунтъ

Средній проходъ передъ сломкой въ 1886 г.

лучшаго мяса—пять копеекъ, десятокъ яицъ—восемь копеекъ, фунтъ масла коровьяго—пятнадцать копеекъ, фунтъ лучшей паюсной икры рубль двадцать копеекъ, фунтъ осетрины — пятнадцать копеекъ, сажень крупныхъ березовыхъ дровъ—два рубля пятьдесятъ копеекъ, и т. д.

Библиотека "Руниверс"

VIII.

Безъ мѣста.—Мое общество.—Скука.—Чтеніе «Житій святыхъ».—Настя.—Первая любовь.—Вечерни.—Конецъ романа.—Поступленіе на мѣсто.—Кабала.—Тяжелые дни.—Лавка Заборова.—Одиночное заключеніе.—Хлѣбникъ.—Мародеры.—Обязанности мальчиковъ.—Беззащитность.—Мировые судьи.

Долгое время не находилось мнѣ въ Москвѣ никакого мѣста.

Общество, въ которомъ мнѣ пришлось прожить болѣе пяти мѣсяцевъ безъ всякаго дѣла, состояло изъ двухъ старушекъ—моей бабушки и домовой хозяйки.

Послѣ веселыхъ товарищей, оставленныхъ въ Коломнѣ, московская компанія показалась мнѣ очень скучной.

Я отъ нея скрывался на цѣлый день на бульвары и на большія улицы. Только вечеромъ приходилъ домой и читалъ старушкамъ вслухъ «Житія святыхъ отцовъ», за это онѣ угощали меня разными лакомствами. Къ намъ иногда приходила слушать мое чтеніе Настя, дочь хозяйки.

Это была восемнадцатилѣтняя красавица-брюнетка съ большими голубыми глазами. Я сначала ея посѣщеніямъ не придавалъ никакого значенія. Но потомъ сталъ замѣчать, что въ отсутствіе Насти я былъ разсѣянъ, читалъ житія старушкамъ хуже, часто ошибался.

Когда она приходила, мнѣ казалось, что въ комнатѣ дѣлалось свѣтлѣе и веселѣе; я начиналъ читать съ большей выразительностью и безъ ошибокъ.

Если мнѣ не удавалось видѣть Настю два-три дня, то я начиналъ по ней скучать.

Она съ матерью, тремя сестрами и братомъ жила во второмъ этажѣ, но я у нихъ бывалъ тамъ рѣдко, боясь, чтобы не замѣтили нашу дружбу.

Чѣмъ далѣе, тѣмъ становилось яснѣй, что наша дружба незамѣтно, но быстро переходитъ въ любовь. Мы съ Настей придумывали различные способы и предлоги, чтобы видѣться почаще, но намъ это не всегда удавалось.

Однажды, въ отсутствіе старушекъ, я предложилъ Настѣ ходить почаще въ церковь, потому что тамъ удобно бесѣдовать... никто не мѣшаетъ... Настя на это охотно согласилась.

Мы съ ней вдругъ сдѣлались людьми очень религіозными и стали ходить каждый день къ вечернѣ. Придя въ церковь, находившуюся рядомъ съ нашей квартирой, мы становились тамъ въ темныхъ углахъ подалѣе отъ людей и все время проводили за разговоромъ.

О чемъ мы говорили? Не помню. Да это было и не важно.

Наши счастливыя, улыбающіяся лица и глаза были выразительнѣе и лучше всякихъ словъ.

Библиотека "Руниверс"

Помню, мнѣ казалось, что эти вечерни кончались ужъ слишкомъ скоро...

Однажды дома во время чтенія я, взглянувъ на Настю, улыбнулся, она мнѣ отвѣтила своей милой, очаровательной улыбкой.

Старушки, очевидно, замѣтили это. Послѣ этого мама Настѣ приказала бывать на чтеніи порѣже. Но въ церковь мы съ ней про-

Старый Ветошный рядъ.

должали ходить аккуратно каждый день. Продолжая съ ней бесѣдовать ежедневно о многомъ, мы никогда не поднимали вопроса о будущемъ. На этотъ счетъ мы не задавались никакими планами— мы были счастливы настоящимъ.

Разумѣется, романъ нашъ былъ чисто-платоническій и окончился онъ самымъ нелѣпымъ образомъ. Въ самый разгаръ нашихъ

Библиотека "Руниверс"

безгрѣшныхъ свиданій и наивнаго лепета мой дядя, придя вечеромъ домой, сказалъ, что онъ нашелъ мнѣ мѣсто въ Ножовой линіи, въ башмачной лавкѣ Заборова, который согласился взять меня въ мальчики на условіи служить ему безплатно пять лѣтъ.

Ранѣе, когда я, находясь долгое время безъ дѣла, скучалъ, такое извѣстіе меня очень порадовало бы, но теперь я встрѣтилъ его съ печальнымъ видомъ. Мнѣ не хотѣлось разставаться съ Настей. Къ довершенію моего несчастія, мнѣ даже не пришлось проститься съ ней...

На другой день рано утромъ мы съ дядей пошли въ лавку Заборова. Послѣдній, взглянувъ на меня, приказалъ мнѣ итти наверхъ и находиться тамъ въ картузномъ отдѣленіи. Въ тотъ же день вечеромъ бабушка принесла мой сундукъ съ бѣльемъ, и я окончательно поселился въ домѣ своего хозяина.

Все это случилось, какъ въ сказкѣ,—изъ любовной идилліи я быстро и неожиданно попалъ въ ужасную кабалу, тяжелую кабалу... Съ тѣхъ поръ я болѣе не видѣлъ Настю, для меня наступили продолжительныя сумерки, и потянулись медленно долгіе, тяжелые и печальные дни...

Но жизнь взяла свое: чувство любви къ Настѣ, сначала казавшееся такимъ огромнымъ, незамѣтно растаяло среди жизненной суеты.

Эта была моя первая любовь...

Лавка Заборова была трехъэтажная; кверху вела узкая винтовая чугунная лѣстница.

Внизу помѣщалось дамское, во второмъ этажѣ дѣтское и въ третьемъ этажѣ мужское отдѣленія, гдѣ продавались сапоги и картузы. На третій этажъ покупатели приходили рѣдко, поэтому большую часть дня мнѣ приходилось быть тамъ одному.

Первое время я сильно скучалъ въ своемъ одиночномъ заточеніи и, чтобы убить время, занимался тамъ чисткой сапогъ и картузовъ. Около двѣнадцати часовъ дня я съ нетерпѣніемъ ждалъ снизу возгласа «хлѣбникъ». Услышавъ это слово, стремглавъ, кубаремъ спускался по винтовой лѣстницѣ внизъ, гдѣ съ наружной стороны лавки насъ ожидалъ хлѣбникъ съ большой плетеной корзиной, висѣвшей у него черезъ плечо на широкомъ ремнѣ; въ корзинѣ лежали хлѣбы, колбаса, сыръ, яйца и проч. Мальчикамъ ежедневно отпускали на обѣдъ десять копеекъ. На эти деньги я бралъ цѣлый пеклеванный хлѣбъ и маленькій кусочекъ жареной колбасы. Затѣмъ всѣмъ служащимъ въ лавкѣ полагалось пить чай два раза: утромъ и среди дня.

Чай находился у хозяина, а сахаръ выдавали каждому на руки на цѣлый мѣсяцъ: приказчикамъ по фунту, мальчикамъ по полфунта. Сахаръ прятали другъ отъ друга подалѣе; нѣкоторые его засовывали въ товаръ: въ сапоги, ботики и въ картузы.

Библиотека "Руниверс"

Все-таки среди мальчиковъ находились ловкіе мародеры, которые отыскивали спрятанный сахаръ и съѣдали его.

Мальчики, находясь въ лавкѣ, въ присутствіи хозяина и приказчиковъ не могли садиться и должны были находиться цѣлый день на ногахъ. Работы въ лавкѣ имъ всегда было много. Главная

Ножовая линія передъ сломкой въ 1886 г.

обязанность ихъ заключалась въ побѣгушкахъ: заставляли бѣгать въ трактиръ за водой, за чаемъ, за водкой, въ кухмистерскую за хозяйскимъ обѣдомъ, а также таскать ящики съ резиновыми галошами, вѣсомъ въ три-четыре пуда, снизу въ третій этажъ. Мы носили ящики на спинѣ, съ помощью веревочныхъ лямокъ. Это была одна изъ самыхъ тяжелыхъ работъ. Каждому изъ насъ

Библиотека "Руниверс"

приходилось внести кверху отъ десяти до двадцати ящиковъ. Болѣе слабые мальчики, идя по винтовой лѣстницѣ, падали подъ тяжестью ящика и сильно разбивались. Вечеромъ мы разносили на домъ покупателямъ купленные ими чемоданы, саквояжи и обувь. Однимъ словомъ, въ лавкѣ мальчики не имѣли ни минуты отдыха. Въ то время жизнь торговыхъ мальчиковъ въ городскихъ рядахъ была тяжелая, сопровождающаяся лишеніями и наказаніями.

Тогда еще не было мировыхъ судей. Поэтому въ купеческой средѣ царствовалъ полнѣйшій произволъ и деспотизмъ; при этомъ главными козлами отпущенія были мальчики. Ихъ наказывали и били всѣ, кому было не лѣнь, начиная съ хозяевъ и кончая дворниками: заступиться за нихъ было некому.

Такъ продолжалось до введенія института мировыхъ судей.

Для купцовъ это нововведеніе было не по нраву—они не могли помириться съ мыслью, что болѣе нельзя бить мальчиковъ.

Большинство Титъ Титычей продолжали по старой памяти практиковать рукоприкладство, за что нѣкоторые изъ нихъ были привлечены къ отвѣтственности, а затѣмъ подъ арестъ: «въ Титы», такъ назывался городской арестный домъ.

Это сразу отрезвило самодуровъ, и съ тѣхъ поръ тѣлесныя наказанія мальчиковъ мало-по-малу отошли въ область преданій.

IX.

Два Ивана.—Повышеніе.—Продажа башмаковъ.—Запросы.—Прикалывай.—Инцидентъ съ покупателемъ.—Замысловатыя слова.—Ежедневные походы.—Яичница.—Наше жилище.—Арестантскій нарядъ.—Домашнія работы.—Пѣвчіе.—Угощеніе.

У Заборова было десять приказчиковъ и 13 мальчиковъ; послѣдніе дѣлились на старшихъ и младшихъ; разумѣется, болѣе тяжелыя и грязныя работы доставались всегда на долю младшихъ мальчиковъ.

Въ числѣ 13 мальчиковъ были два Ивана, я и еще другой, сынъ солдата. Для различія, каждому изъ насъ дали названія, меня окрестили «Иваномъ-черненькимъ»—это потому, что я былъ брюнетъ, а моего коллегу звали просто «Иванъ-солдатъ».

Я всегда отличался большой смекалкой и быстрымъ и точнымъ исполненіемъ приказаній. Это было замѣчено и оцѣнено моимъ хозяиномъ, и меня черезъ четыре мѣсяца перевели изъ заточенія во второй этажъ—въ дѣтское отдѣленіе, гдѣ всегда было много дамъ съ дѣтьми, покупавшихъ башмаки. Я энергично взялся за дѣло и скоро научился примѣривать дѣтишкамъ башмаки, а затѣмъ и назначать за нихъ цѣну.

Библиотека "Руниверс"

При чемъ, боясь продешевить, я немилосердно запрашивалъ (въ Ножовой линіи въ то время запросъ былъ въ большомъ ходу).

Покупательницы часто говорили мнѣ, что я ничего не понимаю и поэтому назначаю сумасшедшую цѣну, а нѣкоторые обижались и уходили. Я съ башмаками слѣдовалъ за покупательницами внизъ, спускаясь по лѣстницѣ, дипломатично расхваливалъ выбранные ими башмаки и понемногу сбавлялъ за нихъ цѣну.

Когда мы сходили внизъ, гдѣ за прилавкомъ постоянно находился хозяинъ, я, обращаясь къ нему, рапортовалъ: «Назначилъ рубль двадцать копеекъ, ничего не жалуютъ», а если покупательницы на мой безбожный запросъ давали полцѣны, а иногда и менѣе, тогда я докладывалъ хозяину, что «назначилъ рубль 50 копеекъ, жалуютъ 60 копеекъ».

Хозяинъ, въ свою очередь, обращался къ покупательницѣ и просилъ ее сколько-нибудь прибавить, въ заключеніе громко говорилъ: «Пожалуйте», и приказывалъ завернуть башмаки въ бумагу.

«Упустить», то-есть не продать покупательницѣ или покупателю, по какой бы то ни было причинѣ, хотя бы и не зависящей отъ служащаго, послѣднему всегда вмѣнялось въ вину, за которую приказчикамъ тутъ же, при покупателяхъ, хозяинъ дѣлалъ строгій выговоръ, а мальчиковъ хваталъ за волосы и стучалъ ихъ головой о чугунную лѣстницу.

Однажды былъ такой случай. Я шелъ съ дѣтскими сапогами сзади солиднаго господина и, спускаясь по лѣстницѣ, по обыкновенію, расписывалъ необыкновенныя качества выбранныхъ имъ дѣтскихъ сапогъ и понемногу сбавлялъ за нихъ цѣну. Покупатель шелъ молча.

По срединѣ лѣстницы намъ встрѣтился старшій приказчикъ и спросилъ меня: «Въ чемъ дѣло?» Я ему отвѣтилъ: «Назначилъ два 75 копеекъ, жалуютъ 1 рубль 50 копеекъ». Приказчикъ сказалъ: «Прикалывай», и пошелъ кверху. Покупатель быстро повернулся и, наступая на меня, грозно спросилъ: «Кого прикалывать?» Я струсилъ и отвѣтилъ ему, что «никого». Покупатель разсердился, громко высказывалъ свое неудовольствіе, хотѣлъ позвать полицію и составить протоколъ. Хозяинъ и приказчики старались успокоить грознаго покупателя и объяснили ему, что слово «прикалывай» на нашемъ жаргонѣ означаетъ—«продавай». Покупатель назвалъ насъ всѣхъ дураками и ушелъ изъ лавки, не купивъ сапоговъ.

Вмѣсто словъ «даютъ» и «продавай», мы говорили по приказанію хозяина «жалуютъ» и «прикалывай».

Имъ придумано было еще нѣсколько замысловатыхъ словъ, при помощи которыхъ служащіе объяснялись между собой при покупателяхъ, и послѣдніе ихъ не понимали. Къ сожалѣнію, эти слова я забылъ.

Библиотека "Руниверс"

Закрытіе лавки называлось «запоркой», послѣ которой мальчиковъ посылали во всѣ концы Москвы къ покупателямъ и мастерамъ. Первымъ мы разносили покупки, а послѣднимъ заказы и старые башмаки для починки.

Большинство мастеровъ жили на окраинѣ города, близъ Крестовской заставы, и поэтому намъ ежедневно приходилось дѣлать громадные концы. Иногда днемъ, возвращаясь отъ покупателей, я, несмотря на дальность разстоянія, забѣгалъ на Таганку, къ своей бабушкѣ. Она каждый разъ угощала меня вкусными жирными щами и на дорогу давала еще нѣсколько крутыхъ яицъ.

Однажды бабушка, очевидно, по ошибкѣ дала мнѣ яйца въ смятку... Я положилъ ихъ въ задній карманъ сюртука и прибѣжалъ въ лавку съ липкой струей, которую мнѣ сзади не было видно...

Хозяинъ, замѣтивъ мою яичницу, схватилъ меня за волосы и задалъ здоровую трепку.

Изъ ежедневныхъ походовъ мы, усталые и голодные, поздно ночью возвращались въ домъ Заборова, находившійся на одной изъ глухихъ и отдаленныхъ улицъ Замоскворѣчья, гдѣ насъ ждали тяжелыя работы.

Всѣ 13 мальчиковъ помѣщались въ нижнемъ этажѣ, въ одной большой комнатѣ; въ ней было два окна съ толстыми желѣзными рѣшетками, выходившими на церковный дворъ. Спали мы на нарахъ, на тюфякахъ, набитыхъ соломой.

По строго заведенному порядку мальчики, придя домой, тотчасъ же снимали съ себя платье и сапоги и облачались въ посконные грязные халаты, подпоясывались веревками, на ноги одѣвали опорки.

Въ такихъ арестантскихъ нарядахъ каждый изъ насъ приступалъ къ своей работѣ. Она заключалась въ слѣдующемъ: старшіе мальчики по очереди ходили съ ушатомъ на бассейнъ за водой; ея ежедневно требовалось не менѣе десяти ушатовъ. Младшіе мальчики чистили платье и сапоги хозяевамъ и приказчикамъ, оправляли и зажигали десятка полтора лампъ, чистили и ставили многочисленные самовары, кололи дрова, катали бѣлье, возили снѣгъ съ мостовой, бѣгали въ булочную, въ мясную лавку, въ Никольскую аптеку и т. д.

Старикъ Заборовъ долгое время служилъ церковнымъ старостой въ одной изъ церквей Замоскворѣчья; у него былъ свой хоръ пѣвчихъ, состоявшій изъ его же служащихъ.

Разъ въ недѣлю, по четвергамъ, къ намъ приходилъ регентъ Александръ Михайловичъ Загаровъ. Это былъ низенькаго роста, довольно симпатичный старичекъ съ большимъ темно-лиловымъ носомъ, въ который онъ часто и помногу запихивалъ нюхательный табакъ.

Библиотека "Руниверс"

Регентъ приносилъ съ собою скрипку и устраивалъ въ домѣ Заборова спѣвки, зимой вверху на антресоляхъ, лѣтомъ въ саду, въ бесѣдкѣ. Онъ нашелъ у меня голосъ, альтъ, и я четыре года пѣлъ въ хору солистомъ.

Помню, что на клиросѣ въ хору сольные номера я пѣлъ хорошо. Но Великимъ постомъ, когда мнѣ приходилось по срединѣ церкви съ двумя дискантами пѣть: «Да исправится молитва моя», я трусилъ и путалъ, а однажды совсѣмъ замолчалъ. Въ это время съ клироса мнѣ всегда подпѣвалъ фальцетомъ старикъ-регентъ.

Въ воскресные и праздничные дни, передъ всенощной и обѣдней, пѣвчимъ полагался чай съ сахарнымъ пескомъ и чернымъ хлѣбомъ; того и другого выдавали вдоволь, и мы, пользуясь своей привилегіей, угощались до отвалу.

Послѣ этого на цѣлую недѣлю намъ приходилось «зубы класть на полку», такъ какъ въ остальные шесть дней насъ не только не поили чаемъ, но нерѣдко заставляли голодать.

X.

Неблагодарная профессія.—Портретъ дѣдушки.—Моленіе и избіеніе. — Добрая хозяйка.—Сослуживцы.—Новый магазинъ.—Довѣренный.—Тухлая солонина.—Депутаты.—Протоколъ.—Бѣда.—Судъ бунтовщиковъ.—Анаѳема.—Суровыя времена.

По прошествіи трехъ лѣтъ я исполнялъ уже свои обязанности, какъ хорошій приказчикъ. Меня любили покупательницы за мое вѣжливое обращеніе и ловкую примѣрку башмаковъ. Но въ то же самое время я уже начиналъ тяготиться своей неблагодарной профессіей. Мнѣ не нравилось въ ней все, начиная съ примѣриванія башмаковъ на грязныя ноги... и включительно до названія «башмачникъ», на котораго я походилъ менѣе всего.

Мнѣ не нравилось самое общество, среди котораго мнѣ приходилось жить и работать. Хозяева мои были деспоты, люди темные и неразвитые.

Изъ нихъ особенно выдѣлялся своей типичной фигурой высокій 80-лѣтній старикъ Заборовъ съ злыми глазами, грозно блестѣвшими изъ-подъ нависшихъ густыхъ бровей и съ длинной сѣдой козлиной бородой.

Онъ лѣтомъ и зимой ходилъ въ чуйкѣ и высокихъ сапогахъ бутылками, голову покрывалъ картузомъ съ большимъ лакированнымъ козырькомъ. Имѣлъ видъ очень свирѣпый.

Это былъ настоящій прототипъ Дикого изъ «Грозы» Островскаго. Его боялись не только мы, служащіе, но и всѣ сосѣди, торговавшіе рядомъ съ нимъ въ Ножовой линіи.

Дѣдушка Заборовъ вставалъ въ шесть часовъ утра и каждый день ходилъ въ церковь къ заутренѣ. Возвращаясь съ богомолья,

Библиотека "Руниверс"

онъ часто билъ насъ своей толстой палкой за малѣйшую вину и даже за простую шалость.

Въ то время, когда онъ находился въ церкви, возвращались домой послѣ ночныхъ кутежей его сыновья,—у него ихъ было четыре. Молодые хозяева отличались тупостью и самодурствомъ.

Единственной свѣтлой личностью въ семьѣ Заборовыхъ была хозяйка Екатерина Алексѣевна—жена Заборова.

Она иногда приходила въ нашу комнату, интересовалась нашей жизнью; замѣтивъ наказаннаго или плачущаго мальчика, она подходила къ нему и съ лаской любящей матери успокаивала и подбадривала обиженнаго.

Мы высоко цѣнили ея ласки и заботы, и каждый изъ насъ старался сдѣлать ей что-нибудь пріятное, ея порученія всегда исполнялись нами съ особой любовью.

Добрая хозяйка относилась ко всѣмъ служащимъ въ высшей степени ласково и сердечно; она часто спасала насъ отъ наказаній «дѣдушки», и за ея доброе сердце мы всѣ горячо ее любили.

Приказчики и старшіе мальчики были почти поголовно алкоголики и кутилы, поэтому я всегда держался отъ нихъ въ сторонѣ, за что меня крѣпко недолюбливали.

Вечера я большею частью проводилъ въ дворницкой, гдѣ тренькалъ на гитарѣ.

Къ концу третьяго года моей службы Заборовы открыли на одной изъ большихъ улицъ новый башмачный магазинъ.

Меня поставили туда на отчетъ, то есть довѣреннымъ лицомъ; при этомъ дали мнѣ въ помощники приказчика и мальчика.

Такое отличіе меня очень польстило, и я началъ работать въ новомъ магазинѣ съ особеннымъ стараніемъ. Число покупателей у меня замѣтно прибавлялось, и я уже черезъ шесть мѣсяцевъ приносилъ своему хозяину порядочную пользу.

Но, состоя отвѣтственнымъ лицомъ въ новомъ магазинѣ, дома у Заборовыхъ я попрежнему былъ на положеніи мальчика.

Въ то время случилась бѣда, отъ которой мнѣ удалось спастись, только благодаря моему исключительному положенію.

Въ качествѣ довѣреннаго лица я получалъ на обѣдъ въ магазинѣ ежедневно по 25 копеекъ, и для меня этого было совершенно достаточно. Но дома насъ кормили очень плохо; мы ложились спать почти всегда голодными. Ужинъ нашъ состоялъ изъ кислыхъ пустыхъ щей (мясо изъ нихъ шло приказчикамъ) и гречневой каши съ чернымъ «фонарнымъ» масломъ.

Отъ такого стола нельзя было умереть съ голоду, но и сытыми мы никогда не были. Я не былъ на каторгѣ, но увѣренъ, что тамъ не изнуряютъ такъ людей голодомъ и непосильной работой, какъ изнуряли насъ у Заборовыхъ...

Библиотека "Руниверс"

Бѣда надъ нами стряслась по слѣдующему поводу. Каждую осень нашъ хозяинъ заготовлялъ нѣсколько большихъ бочекъ солонины, которую намъ, мальчикамъ, никогда не давали.

Однажды къ концу года солонина почему-то испортилась, стала издавать сильное зловоніе, и въ ней завелись большіе бѣлые черви... Чтобы не пропадать добру, «дѣдушка» приказалъ зрить солонину во щахъ и давать мальчикамъ.

Когда намъ подали щи «съ духами», мы начали протестовать и послали ихъ обратно. Но на нашъ протестъ не обратили вниманія, и намъ пришлось остаться безъ ужина. На слѣдующій день намъ опять подали щи съ тухлой солониной. Тогда изъ мальчиковъ были выбраны три депутата, въ число ихъ попалъ и я. Мы вытащили изъ чашки тухлую солонину и понесли въ участокъ, гдѣ передали ее дежурному полицейскому и просили его написать протоколъ и привлечь Заборова къ законной отвѣтственности. Просьба наша была исполненена

Мы подписали протоколъ и съ побѣднымъ видомъ возвратились домой, вполнѣ увѣренные, что за это «дѣдушку» посадятъ подъ арестъ по меньшей мѣрѣ на одинъ мѣсяцъ...

На другой день утромъ старикъ Заборовъ былъ вызванъ въ участокъ, но оттуда скоро вернулся и потребовалъ къ себѣ бунтовщиковъ...

Когда мы пришли къ этому Вельзевулу, его видъ былъ страшенъ и предвѣщалъ грозу... Трясясь отъ злобы, онъ не зналъ, что съ нами дѣлать, бить или ругать... началъ съ послѣдняго.

Махая передъ нами толстой палкой, онъ сталъ кричать, что мы «анаѳемы», «что у насъ дома и соли нѣтъ, а здѣсь намъ его солонина не нравится...» Долго онъ насъ ругалъ, мы молчали.

Въ заключеніе всего онъ насъ проклялъ... и приказалъ мнѣ итти въ магазинъ, а остальнымъ двумъ «анаѳемамъ» забрать свои пожитки и немедленно убираться вонъ изъ его дома...

Послѣ этого инцидента опять все пошло по-старому. На мѣсто прогнанныхъ мальчиковъ взяли новыхъ. Столъ нашъ былъ такъ же плохъ, какъ и раньше, но солониной тухлой насъ больше уже не угощали.

Подписанный нами протоколъ по просьбѣ дѣдушки попалъ въ участкѣ подъ сукно...

Да, времена тогда были суровыя, нравы и обычаи тяжелые, а потому, при всей своей выдающейся строгости, старикъ Заборовъ былъ все-таки человѣкомъ своего времени.

Въ то время въ средѣ рядскихъ купцовъ было много деспотовъ. Каждый изъ нихъ имѣлъ свой особый специфическій нравъ, «перечить» коему было нельзя. Нужно было потрафлять и знать, чего «нога его хочетъ...»

Библиотека "Руниверс"

Въ то время каждый купецъ -хозяинъ назывался своими служащими, заглазно словомъ «самъ»; такъ, напримѣръ, кто-нибудь изъ служащихъ, замѣтивъ далеко идущаго хозяина, громко кричалъ своимъ коллегамъ: «Тише, самъ идетъ...» Всѣ быстро подтягивались и не безъ страха ждали пришествія «самого».

XI.

Странная психологія.—Обѣдъ нищихъ.—Опухшія лица.—Гости.—Атаки.—Наказаніе.—Гуляніе по приказу.—Эпизодъ.—У Тѣстова.—Въ театрѣ.

У нашего хозяина была странная психологія. Онъ своихъ служащихъ всегда держалъ въ черномъ тѣлѣ, одѣвалъ ихъ въ арестанскіе халаты, морилъ голодомъ и часто наказывалъ.

Въ то же самое время нищихъ онъ щедро одѣлялъ деньгами и устраивалъ для нихъ ежегодно въ августѣ мѣсяцѣ званый обѣдъ.

Это дѣлалось такимъ образомъ: за недѣлю до назначеннаго для обѣда дня всѣмъ служащимъ приказывали оповѣщать встрѣчавшихся нищихъ объ обѣдѣ. Утромъ въ назначенный день нищихъ собиралось у дома Заборова болѣе двухъ тысячъ человѣкъ.

Ихъ, партіями по двѣсти человѣкъ, пропускали на дворъ, гдѣ для нихъ устраивались временные столы и скамейки.

Усадивъ нищихъ за столы, всѣ тринадцать мальчиковъ, одѣтые въ арестантскіе халаты, подпоясанные веревками и съ опорками на ногахъ, разносили имъ въ большихъ деревянныхъ чашкахъ обѣдъ, состоявшій изъ щей съ мясомъ и гречневой каши съ масломъ.

Затѣмъ давали еще квасъ, нищіе его черпали деревянными ковшами изъ большой кадки, стоявшей на дворѣ.

Въ этотъ день и мы были сыты. За порядкомъ наблюдалъ самъ дѣдушка. Онъ ходилъ между столовъ и нѣкоторыхъ нищихъ одѣлялъ мѣдными пятаками. Мнѣ всегда казалось страннымъ, что въ числѣ обѣдающихъ нищихъ было очень мало калѣкъ, убогихъ и старыхъ, большинство ихъ состояло изъ людей молодыхъ и среднихъ лѣтъ, съ лицами желтыми и опухшими отъ алкоголя, но вполнѣ способныхъ къ труду.

Между способными и неспособными къ труду различія никакого не дѣлали, кормили всѣхъ одинаково. Только строго воспрещалось пускать пьяныхъ.

Если какой изъ нихъ и проскакивалъ на дворъ, то его немедленно удаляли. Поэтому обѣды нищихъ проходили всегда въ полномъ порядкѣ.

Раза два-три въ годъ къ хозяевамъ пріѣзжали гости. Для нихъ «въ парадныхъ покояхъ» во второмъ этажѣ устраивался буфетъ съ винами и закусками.

Мы въ это время тоже не зѣвали и съ чернаго хода дѣлали отчаянныя атаки на буфетъ. Насъ туда главнымъ образомъ привле-

Библиотека "Руниверс"

кали вкусныя закуски, которыя мы таскали цѣлыми тарелками и тотчасъ же закуски съѣдали, а чтобы не было никакихъ доказательствъ—тарелки разбивали. Насъ за это жестоко наказывали. Но отъ голода мы никакъ не могли устоять противъ великаго соблазна и не полакомиться вкусными закусками съ хозяйскаго стола и снова дѣлали нападенія.

Тогда отъ старика Заборова послѣдовалъ такой приказъ: когда къ нему пріѣдутъ гости, то всѣхъ мальчиковъ выгонять со двора и не пускать домой до двѣнадцати часовъ ночи. И насъ, дѣйствительно, выгоняли.

Разскажу одинъ случай, происшедшій въ день свадьбы одного изъ хозяйскихъ сыновей. Мальчикамъ приказано было итти «погулять» и ранѣе двѣнадцати часовъ ночи домой не являться. Для этого намъ дали двадцать пять рублей и выпроводили всѣхъ вонъ.

Мы сначала отправились въ Большой театръ. Взяли тамъ райскую ложу за четыре рубля пятьдесятъ копеекъ, а на остальныя деньги пошли кутнуть въ трактиръ Тѣстова. Мы забрались кверху «подъ машину» и спросили себѣ двадцать порцій рубленныхъ говяжьихъ котлетъ съ горошкомъ.

Половые отъ удивленія вытаращили на насъ глаза... (судя по ихъ изумленнымъ лицамъ, можно было догадаться, что такіе оптовые гости у нихъ бывали не часто). Но послѣ нѣкоторыхъ колебаній они пошли исполнять наше требованіе. Черезъ полчаса намъ подали цѣлую гору горячихъ готлетъ. Мы съ жадностью начали ихъ уничтожать. Когда мы съѣли ихъ болѣе половины, кто-то изъ насъ замѣтилъ, что котлеты приготовлены не изъ свѣжаго мяса. Стали нюхать остатки. Они дѣйствительно оказались съ душкомъ... Мы начали протестовать. Къ намъ подошелъ распорядитель и, убѣдившись въ правильности нашего замѣчанія, приказалъ убрать остатки и подать двадцать порцій свѣжихъ котлетъ, которыя мы всѣ съѣли и пошли на представленіе.

Благодаря двойной порціи котлетъ, мы пришли въ театръ къ концу перваго дѣйствія. Помню, шелъ какой-то балетъ.

Когда намъ открыли ложу, мы начали прыгать черезъ скамейки, каждому хотѣлось сѣсть впереди. Одинъ изъ насъ упалъ и чуть было не перелетѣлъ черезъ барьеръ внизъ...

Мы произвели своимъ появленіемъ большой шумъ. Намъ стали шикать. Затѣмъ явились два капельдинера и призвали насъ порядку, добавивъ, что если шумъ повторится, то насъ выведутъ изъ театра. Мы утихли.

И. Слоновъ.

(*Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ*).

Библиотека "Руниверс"

ПОЭТЪ-СВЯЩЕННИКЪ.

Для мирныхъ грезъ, для сладкихъ вдохновеній
Онъ созданъ былъ, а горькая нужда
Его швырнула въ пламя униженій
И въ толчею поденнаго труда.
Никто не поддержалъ... Судьба такая...
За тяжкій трудъ онъ взялся сгоряча,
И онъ горѣлъ и, быстро догорая,
Угасъ теперь, какъ на вѣтру свѣча.

I.

ВАДЦАТЬ ВТОРОГО сентября 1911 года въ селѣ Тарасовкѣ Харьковской губерніи скончался мѣстный приходскій священникъ Филиппъ Мелентьевичъ Пестряковъ. Имя его мало кому извѣстно изъ свѣтскихъ читателей; но въ томъ сословіи, къ которому онъ принадлежалъ, онъ былъ далеко незаурядной личностью и заслуживаетъ того, чтобы жизнь его и трудъ былъ помянуты добрымъ словомъ.

Родился Ф. М. въ 1862 году, 14-го ноября, въ слободѣ Ново-Осиновой Харьковской губерніи. Отецъ его, Мелентій Степановичъ, былъ священникомъ, и среди рядового сельскаго духовенства считался очень развитымъ человѣкомъ: выписывалъ много журналовъ, любилъ книгу и живо интересовался событіями жизни. Умеръ отецъ Мелентій молодымъ, оставивъ безъ всякихъ средствъ вдову и пять душъ сиротъ. Ф. М. среди этихъ сиротъ былъ старшимъ и оканчивалъ въ то время духовное училище. Если и прежде, при

Библиотека "Руниверс"

отцѣ, Ф. М. жилось кое-какъ, то послѣ смерти наступило по истинѣ бѣдственное положеніе. Все, что осталось послѣ отца изъ вещей, было скоро продано и проѣдено; значительная библіотека, собранная отцомъ, не разъ служила матеріаломъ для топки, такъ какъ въ деревнѣ покупателя на нее найти было невозможно. Пенсіи за короткую службу отецъ никакой не выслужилъ, и единственнымъ рессурсомъ осиротѣлой семьи было ежегодное пособіе изъ епархіальнаго попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія; такого пособія на осиротѣлую семью назначено было тридцать рублей въ годъ. При такихъ скудныхъ средствахъ мать Ф. М. не имѣла возможности взять его даже на каникулы. Духовная школа, каковы бы ни были ея недостатки и какъ ее порою ни бранятъ, имѣетъ одно огромное достоинство: она устраиваетъ и обезпечиваетъ образованіемъ сиротъ духовнаго званія. Въ то время, какъ въ другихъ сословіяхъ смерть малообезпеченнаго кормильца семьи часто закрываетъ передъ его дѣтьми дорогу къ образованію, сироты духовенства обезпечены безплатнымъ обученіемъ и содержаніемъ. По окончаніи духовнаго училища Ф. М. былъ переведенъ въ харьковскую духовную семинарію, сохранившую много добрыхъ традицій стариннаго коллегіума, изъ котораго она была преобразована. Жилось въ то время семинаристамъ не плохо: во главѣ семинаріи стояли просвѣщенные и гуманные люди: ректоръ протоіерей І. Кратировъ, окончившій жизнь въ санѣ епископа, и инспекторъ К. Е. Истоминъ, ученый авторъ многихъ журнальныхъ статей и многолѣтній редакторъ религіозно-философскаго журнала «Вѣра и Разумъ». Семинаристы при нихъ пользовались значительной свободой въ выборѣ развлеченій, въ чтеніи книгъ; снисходительно смотрѣло начальство и на такую вольность семинаристовъ, какъ посѣщеніе театровъ. Въ ряду другихъ семинарій харьковская славилась не только однѣми вольностями, но и солидной постановкой преподаванія и повышенной требовательностью въ учебномъ дѣлѣ. Въ числѣ педагоговъ семинаріи, обезпеченныхъ, благодаря безплатнымъ квартирамъ для учителей, нѣсколько лучше, чѣмъ въ другихъ епархіяхъ, было немало лицъ, извѣстныхъ своими трудами въ богословской литературѣ, пользовавшихся почтенною извѣстностью, опытнымъ педагоговъ въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ (А. Вертеловскій, Н. Страховъ, Н. Протопоповъ и друг.). Было обращено въ семинаріи вниманіе и на эстетическое развитіе воспитанниковъ: семинарскій хоръ и оркестръ славились тогда въ Харьковѣ. Большое оживленіе въ семинарскую жизнь вносили литературно-вокальные вечера, собиравшіе лучшее общество и массу молодежи.

Относительная свобода и слабость надзора за воспитанниками вели порою къ злоупотребленіямъ и нежелательнымъ увлеченіямъ молодежи, но начальство умѣло, гдѣ нужно, сдерживать моло-

Библиотека "Руниверс"

дежь, исправлять ее гуманными мѣрами. Этимъ объясняется то, что въ восьмидесятыхъ годахъ жизнь семинаріи протекала мирно и не было въ ней тяжелыхъ эксцессовъ, «бунтовъ» и массовыхъ волненій, какими омрачилась жизнь этой семинаріи въ послѣдующіе годы. Усиленнаго насажденія церковности въ семинаріи тогда еще не было. Особыя условія жизни въ харьковской семинаріи, близость университета, повышенное, сравнительно, развитіе ея питомцевъ вели къ тому, что многіе семинаристы не довольствовались семинарскимъ ученіемъ, старались восполнить его самообразованіемъ, пользуясь книгами изъ городской и частныхъ библіотекъ. Особымъ успѣхомъ пользовались писатели-народники; входилъ тогда въ моду среди семинаристовъ пѣвецъ Украины Шевченко. Увлеченія украинствомъ далеко, впрочемъ, не заходили: мазепинства и сепаратистскихъ тенденцій еще не было, и украинофилы-семинаристы ограничивались чтеніемъ Шевченка, посѣщеніемъ украдкой малорусскаго театра и пѣніемъ малорусскихъ пѣсенъ.

Живой, увлекающійся, съ наклонностями свѣтскаго характера, Филиппъ Мелентьевичъ не находилъ удовлетворенія своимъ духовнымъ запросамъ въ семинаріи, ученьемъ интересовался мало и учился кое-какъ, лишь бы переходить изъ класса въ классъ, отдавая большую часть времени чтенію свѣтскихъ писателей. Другіе, болѣе энергичные, въ его положеніи готовилась на аттестатъ зрѣлости, шли въ университетъ. Филиппъ Мелентьевичъ тоже подумывалъ объ этомъ, но для этого у него не хватало характера и настойчивости, не было никакихъ средствъ; вставала предъ нимъ обязанность помочь матери и младшимъ братьямъ, испытывавшимъ тяжкую нужду. Семинаріи Филиппъ Мелентьевичъ не окончилъ и вышелъ изъ пятаго класса по болѣзни, какъ онъ писалъ въ своемъ прошеніи, всего за полтора года до окончанія курса. Это было большой ошибкой съ его стороны, державшей его даже въ скромномъ духовномъ сословіи въ черномъ тѣлѣ, доставившей немало обидъ и огорченій. Молодого и неопытнаго семинариста, къ тому же не имѣющаго образовательнаго ценза, жизнь не долго держала на распутьѣ. Скоро по выходѣ изъ семинаріи онъ получилъ выгодное для семинариста мѣсто репетитора дѣтей въ семьѣ извѣстнаго художника-скульптора Лансере. Въ то время семья Лансере жила вблизи Харькова, въ собственномъ небольшомъ имѣньицѣ—Нескучномъ, съ большимъ барскимъ домомъ съ паркомъ, съ тихой, заросшей тростникомъ рѣчкой. Жизнь въ высокообразованной семьѣ, общеніе съ интеллигентными людьми, отличная библіотека—все это не могло не оказать воспитывающаго и облагораживающаго вліянія на молодого семинариста, и время, проведенное въ Нескучномъ, Филиппъ Мелентьевичъ вспоминалъ всегда съ особымъ удовольствіемъ. Здѣсь онъ познакомился съ молодой симпатичной дѣвушкой, служившей въ семьѣ Лансере гувер-

Библиотека "Руниверс"

нанткой, и женился на ней. Женихомъ Филиппъ Мелентьевичъ зналъ, что его невѣста серьезно больна, видѣлъ порою кровавыя пятна у нея на платкѣ, самъ возилъ лекарства и вѣрилъ, что благодатный климатъ Малороссіи исцѣлитъ подорванное въ Петербургѣ

Священникъ Филиппъ Мелентьевичъ Пестряковъ.

здоровье его жены, но плохо оправдались его надежды. Передъ молодыми супругами послѣ женитьбы во всей своей суровой жестокости сталъ вопросъ, что дѣлать дальше, какъ устроиться. Нужно было искать болѣе самостоятельнаго мѣста, большой обезпечен-

Библиотека "Руниверс"

ности, тѣмъ болѣе, что леченіе жены требовало значительныхъ расходовъ. Трудно объяснить, почему Филиппъ Мелентьевичъ избралъ для себя духовную карьеру,—по характеру онъ не подходилъ къ ней: былъ ли это временный порывъ и добровольное отданіе себя на тяжкій подвигъ, было ли это молодое легкомысліе, или вынужденное теченіе по проторенной дорожкѣ?.. Во всякомъ случаѣ, жизненная дорога выбрана была имъ неудачно, и на ней онъ немало испыталъ горя, скорби и униженій. Какъ выбывшій до окончанія курса въ семинаріи, къ тому же по собственному прошенію, «по капризу», Филиппъ Мелентьевичъ не могъ получить мѣста священника и удовольствовался скромной долей дьякона села Скрыпаева, куда и былъ рукоположенъ 8-го февраля 1887 года архіепископомъ харьковскимъ Амвросіемъ, извѣстнымъ церковнымъ писателемъ и проповѣдникомъ. Самъ блестящій ораторъ и писатель, архіепископъ видѣлъ дарованіе въ молодомъ дьяконѣ, поддерживалъ его, насколько это не противорѣчило сословнымъ традиціямъ и справедливости, не разъ корректировалъ его стихотворенія и одно время занятъ былъ мыслью объ ихъ изданіи. Когда понадобилось Филиппу Мелентьевичу перейти въ Харьковъ для леченія жены, архіепископъ далъ ему мѣсто дьякона при второй гимназіи, а затѣмъ въ 1891 году рукоположилъ священникомъ въ селѣ Ясенокъ. Матеріальное и правовое положеніе Филиппа Мелентьевича этимъ значительно улучшилось, но, къ несчастью, здѣсь онъ схоронилъ любимую жену, добраго друга и ангела хранителя, и съ этого времени начинается для него мрачная полоса жизни, періодъ горькаго одиночества, скитальчества и бѣдности. Нѣсколько разъ мѣняетъ онъ послѣ этого приходы, но нигдѣ не можетъ найти душевнаго покоя и осѣдлости. Вообще для жизни сельскаго священника Филиппъ Мелентьевичъ не годился. Довольно развитой и самолюбивый, не подходилъ онъ къ средѣ смиреннаго, занятаго хозяйствомъ сельскаго духовенства и не могъ съ нимъ сблизиться. Низкопоклонство и жалкій трепетъ передъ всякой мелкой сошкой въ лицѣ благочинныхъ наблюдателей были противны его натурѣ. Нервность и раздражительность, нежеланіе гнуться передъ болѣе сильными приводила Филиппа Мелетьевича не разъ къ нежелательнымъ столкновеніямъ, слѣдствіямъ и другимъ непріятностямъ. Одинокій и бездѣтный, правда, жизнь всю помогавшій роднымъ, Филиппъ Мелентьевичъ всегда былъ стѣсненъ матеріально, всю жизнь прожилъ въ нуждѣ. Торговаться за трудъ, выжимать изъ крестьянъ скудную плату за свою работу Филиппъ Мелентьевичъ не могъ, не въ его было характерѣ. «Доброхотныя дѣянія,—говорилъ онъ,—жгутъ мнѣ руки». Безкорыстіемъ его объясняется то, что крестьяне въ различныхъ приходахъ, какіе онъ занималъ, относились къ нему прекрасно, любили его. Ковыряться въ землѣ, заниматься хозяйствомъ онъ не умѣлъ и не хотѣлъ. Одиночество,

Библиотека "Руниверс"

отсутствіе книгъ и общества, въ которомъ можно было бы отвести душу, отдохнуть, заставляли Филиппа Мелентьевича стремиться въ Харьковъ, но служебная дорога тамъ ему была заказана, такъ какъ онъ не имѣлъ образовательнаго стажа. Въ послѣдніе годы онъ отказался отъ епархіальной службы, выйдя за штатъ, и переселился въ Харьковъ, не имѣя ни гроша денегъ, съ разбитыми нервами и разстроеннымъ здоровьемъ, требовавшимъ серьезнаго леченія. Насущный кусокъ хлѣба въ это время онъ зарабатывалъ перомъ, законоучительствомъ въ городскихъ начальныхъ училищахъ и приходской работой по вольному найму. Изъ этихъ источниковъ только законоучительство имѣло болѣе или менѣе постоянный характеръ. Особенно тяжела была работа по вольному найму: силъ она требовала немало, а трудъ оплачивала плохо. Такъ называемое «крестцовое» духовенство, существовавшее съ древности на Руси, не перевелось у насъ и нынѣ, лишь видоизмѣнилось и нѣсколько облагообразилось. Городскіе священники-тузы, обремененные уроками и службой въ епархіальныхъ учрежденіяхъ, брезгающіе подчасъ мелкимъ заработкомъ, держатъ у себя викаріевъ изъ заштатныхъ священниковъ. Трудъ іереевъ-наймитовъ оплачивается разно: въ однихъ мѣстахъ—опредѣленнымъ мѣсячнымъ содержаніемъ, въ другихъ—половиной или третью выработанной ими суммы. Поручается «викаріямъ» обычно «черная» работа: напутствіе больныхъ, погребеніе бѣдняковъ, хожденіе за сборомъ по болѣе бѣднымъ прихожанамъ. Больше работы и меньше платы—общераспространенное правило въ отношеніи правящихъ священниковъ къ вольнонаемнымъ собратьямъ. Перепадаетъ на долю вольнонаемныхъ и кое-что изъ уроковъ, плохо оплачиваемыхъ и не представляющихъ ничего заманчиваго для священниковъ, обезпеченныхъ приходами.

Филиппъ Мелентьевичъ состоялъ въ послѣдніе годы своей жизни законоучителемъ Суворовскаго и Гоголевскаго городскихъ училищъ, школы паровозостроительнаго завода и харьковскаго ремесленнаго училища; совершалъ богослуженія въ мѣстномъ мужскомъ духовномъ училищѣ. Въ Харьковѣ Филиппъ Мелентьевичъ прожилъ десять лѣтъ и отчасти нашелъ то, къ чему стремился: удобства городской жизни, общеніе съ культурнымъ міромъ, доступъ къ библіотекамъ. Этотъ послѣдній періодъ былъ и наиболѣе плодотворнымъ въ поэтической его работѣ. Къ сожалѣнію, городская жизнь обошлась ему слишкомъ дорого, надломивъ его и безъ того слабыя силы: постоянная необезпеченность, бѣготня по грошовымъ урокамъ въ разные концы города, исполненіе требъ за другихъ—въ концѣ подорвали его силы, сдѣлали неспособнымъ къ труду.

Чтобы не умереть съ голоду, больной вынужденъ былъ снова просить приходскаго мѣста въ деревнѣ. «Ѣду въ деревню умирать»,—

Библиотека "Руниверс"

говорилъ онъ знакомымъ, оставляя Харьковъ. Пророчество его сбылось: на новомъ мѣстѣ онъ не прослужилъ и года, и умеръ одинокій среди малознакомаго прихода, сорока девяти лѣтъ.

II.

Творческое дарованіе Филиппа Мелентьевича обнаружилось на школьной скамьѣ. Еще во время обученія въ младшихъ классахъ семинаріи онъ посвящалъ часы досуга литературному творчеству, и одно изъ своихъ стихотвореній читалъ на вечерѣ въ присутствіи избранной публики, за что удостоился лестныхъ отзывовъ мѣстной печати. Къ сожалѣнію, дарованію своему онъ не придавалъ значенія и мало работалъ надъ собою. Кромѣ того, во всю жизнь ему сильно давали себя чувствовать недостатокъ и односторонность образованія: особенно сожалѣлъ онъ о томъ, что не зналъ новыхъ языковъ, что лишало его знакомства съ корифеями міровой литературы въ подлинникѣ. Первое стихотвореніе Филиппа Мелентьевича было напечатано въ «Русскомъ Паломникѣ» въ 1887 году, и съ того времени до самой смерти онъ состоялъ постояннымъ сотрудникомъ этого журнала. Въ 1903 году этотъ журналъ въ тепло написанной статьѣ отмѣтилъ пятнадцатилѣтній юбилей сотрудничества въ немъ Филиппа Мелентьевича. Помѣщенныя въ этомъ журналѣ стихотворенія пріобрѣтены московской синодальной типографіей и составили изящный томикъ «религіозно-нравственныхъ стихотвореній», изданный въ 1906 году.

Авторъ религіозно-нравственной лирики по преимуществу, Филиппъ Мелентьевичъ не былъ одностороннимъ ригористомъ-аскетомъ и живо откликается въ стихахъ на самыя разнообразныя стороны и явленія въ жизни. Чисто свѣтскія стихотворенія свои Филиппъ Мелетьевичъ помѣщалъ во многихъ иллюстрированныхъ журналахъ, таковы: «Задушевное Слово», «Звѣзда», «Воскресеніе», «Петербургъ», «Сѣверъ», «Новь», «Родина», «Литературные вечера», «Мирный трудъ», «Свѣточъ», «Живописная Россія», «Жало» и друг. Многочисленныя стихотворенія эти, къ сожалѣнію, не собраны.

На характерѣ произведеній Филиппа Мелентьевича, несомнѣнно, сказалось вліяніе какъ духовной школы, съ ея потусторонними идеалами, такъ и личной жизни, сложившейся для него довольно печально. Преобладающій тонъ его стихотвореній—грустный, и первое, что онъ видитъ въ жизни, это скорби, слезы, трудъ и горе.

Если бъ всѣ людскія слезы
Мы собрать въ одно могли,—
Слезъ, людьми пролитыхъ, море
Затопило бъ полземли;

Библиотека "Руниверс"

Если бъ всѣ людскіе стоны
Слить въ одинъ великій стонъ,—
Словно громъ, утесы, горы
До основъ потрясъ бы онъ.
Всюду трудъ и гнетъ страданій,
Всюду горе, рѣки слезъ...
Кто изъ насъ, земныхъ созданій,
Крестъ страданій не понесъ?..

Если такова общая, по мнѣнію поэта, картина жизни, то не менѣе печальна и жизнь индивидуальная: счастье и радость, къ которымъ такъ настойчиво стремится все живое, кажутся поэту призрачными и мимолетными.

Во дни безоблачнаго счастья,
Давъ волю радужнымъ мечтамъ,
Готовься все же къ днямъ ненастья,
Всегда готовься къ чернымъ днямъ.
Они придутъ, они нагрянутъ,
Какъ тучи въ осень надъ землей,
И рано ль, поздно ль, громы грянутъ,
Какъ надъ другими,—надъ тобой.

Въ послѣдніе годы, когда болѣзни давали Филиппу Мелентьевичу все чаще и сильнѣе себя чувствовать, все чаще предъ поэтомъ является мысль о неизбѣжномъ концѣ всего живущаго—о смерти, все чаще звучитъ ему другимъ неслышное «прости».

Летитъ ли звѣздочка въ лазури,
Волна ли разобьетъ челнокъ,
Цвѣтокъ ли сломитъ натискъ бури,
Къ огню ль помчится мотылекъ—
Все скорбь въ душѣ моей рождаетъ
И, умножая на лицѣ
Ряды морщинъ, напоминаетъ
О нашемъ горестномъ концѣ...

Міросозерцаніе поэта далеко, однако, отъ отчаянія и безнадежности: онъ вѣритъ въ конечное торжество добра и правды надъ силою зла.

Войну и смерть, раздоры, скорбь, невзгоды
Повсюду сѣетъ зло, и за труды
Любуется на молодые всходы,
Мечтая съ гордостью пожать плоды...
Но и добра не дремлетъ мощь святая:
И плевелы, насѣянные зломъ
На полѣ жизни, съ корнемъ вырывая,
Засѣеваетъ вновь своимъ зерномъ...

Не однѣ скорби и горе видитъ поэтъ въ жизни: есть въ ней и радости, находитъ въ ней поэтъ и утѣшеніе, помогающее человѣку

Библиотека "Руниверс"

нести жизненный крестъ и свѣтлѣе смотрѣть на міръ Божій. Успокоеніе поэтъ находитъ прежде всего въ вѣрѣ:

О вѣра, добрая помощница въ печали,
Пусть не любима ты друзьями тьмы и зла,
Не ты ль, когда смѣялись надо мной и гнали,
Не ты ли отъ паденія меня спасла?..
. . . . . .
Ты кротко мнѣ молитвы тихія шептала
И, къ изголовію припавши, какъ сестра,
Болящаго страдальца утѣшала
И завѣщала жить для правды и добра...

Есть у поэта и свои друзья, примиряющіе его съ жизнью.

Бѣднякъ я, но роптать не смѣю
На Провидѣніе и людей:
И въ скромной долѣ я имѣю
Немало дорогихъ друзей.
Мой первый другъ—учитель-книга,
Плодъ сердца, мысли и пера;
Мнѣ облегчаетъ скорби иго
И указуетъ путь добра.
Второй мой другъ—мой садикъ скромный,
Онъ пріучилъ меня къ труду,
Туда, въ свой уголокъ укромный,
Съ утра работать я иду.
Но есть друзья и кромѣ этихъ:
Питомцы клумбъ моихъ—цвѣты,
Пѣзуньи-птички, крошки-дѣти
И задушевныя мечты.

Особый отдѣлъ стихотвореній Филиппа Мелентьевича, довольно многочисленный, согрѣтый теплымъ чувствомъ, это стихи о дѣтяхъ и посвященные дѣтямъ. Рано овдовѣвшій, Филиппъ Мелентьевичъ лишенъ былъ радости имѣть своихъ дѣтей, хотя горячо ихъ любилъ и посвятилъ имъ немало стихотвореній. Какъ нѣжно любилъ онъ дѣтей, показываютъ такія строки, посвященныя имъ дѣтямъ:

Дѣти—радость жизни,
Цѣль ея, отрада;
Кто имѣетъ дѣтокъ—
Умирать не надо.
Пусть и трудъ, и бѣдность
Съ ними тяжелѣе,
Но зато и счастье
При дѣтяхъ полнѣе.
Свѣтлый взглядъ малютки,
Ласковое слово—
Лучшее богатство
Въ долюшкѣ суровой.

Библиотека "Руниверс"

Стихотворенія Филиппа Мелентьевича для дѣтей довольно разнообразны: дѣтскія шалости и игрушки, нянины сказки, ласка матери, дѣтское горе, красота Божьяго міра, все это нашло выраженіе себѣ въ его теплыхъ стихахъ, посвященныхъ дѣтямъ. Дѣтскій міръ представляется его взору нивой, покрытой безчисленнымъ множествомъ цвѣтовъ самыхъ разнообразныхъ красокъ, формъ, тоновъ. Къ взрослымъ, въ отношеніи ихъ къ дѣтямъ, поэтъ обращается съ такимъ призывомъ:

Блаженъ, кто искреннимъ уходомъ
Цвѣтамъ поможетъ возрасти,
Кто ихъ поставитъ годъ за годомъ
На вѣрномъ и прямомъ пути.
Кто солнце свѣтлой правды знанья
Зажжетъ въ нихъ любящей рукой,
И силъ придастъ имъ для страданья
И для борьбы съ зимой и тьмой.

Главную мысль, какой проникнуты всѣ стихотворенія Филиппа Мелентьевича для дѣтей и какую онъ хотѣлъ бы запечатлѣть въ отзывчивомъ дѣтскомъ сердцѣ, онъ выразилъ такъ:

Если въ сердцѣ не имѣешь состраданья и любви,—
Безъ сокровищъ этихъ въ мірѣ лучше вовсе не живи.

Проработавъ немало лѣтъ въ качествѣ законоучителя школъ разныхъ типовъ и наименованій, Филиппъ Мелентьевичъ обратилъ вниманіе на неудовлетворительную постановку въ нашихъ школахъ преподаванія Закона Божія и на большую скудость книгъ по священной исторіи, гдѣ священно-историческія событія были бы изложены не въ видѣ сухой науки, а въ видѣ живого разсказа. Это побудило его составить книжку «Моя первая священная исторія», изданную книгоиздательствомъ Вольфа.

Въ освободительномъ движеніи послѣднихъ годовъ Харьковъ игралъ, какъ извѣстно, не послѣднюю скрипку.

Политическія убійства, уличныя манифестаціи, забастовки, доходившія до вооруженнаго возстанія,—все это харьковцы испытали, и теперь еще съ ужасомъ вспоминаютъ тяжелые дни. Въ противовѣсъ революціи, грозившей совершенно разрушить государственную жизнь Россіи, поднялась иная волна—патріотическая. Среди общей разрухи, паралича власти и ужасовъ революціонной жестокости патріотическое движеніе въ тѣ дни носило героическій характеръ и говорило о мужествѣ его вдохновителей. Патріотическую работу возникавшихъ тогда правыхъ организацій не разъѣдали еще и не губили мелкій карьеризмъ, борьба самолюбій, исканіе личныхъ выгодъ. Въ дѣлѣ успокоенія Харькова въ дни революціи немалую пользу принесли возникшія въ нихъ правыя партіи, и

Библиотека "Руниверс"

дѣятельнѣйшимъ членомъ этихъ партій былъ Филиппъ Мелентьевичъ. Въ это время онъ выступалъ на патріотическихъ собраніяхъ, составилъ немало листковъ патріотическаго содержанія, писалъ стихотворенія, гдѣ напоминалъ читателямъ о любви къ родинѣ и царю, о гражданскомъ долгѣ. Въ юмористическихъ журналахъ праваго направленія, особенно въ журналѣ «Жало», подъ разными псевдонимами имъ помѣщено было немало сатирическихъ и юмористическихъ стихотвореній, гдѣ онъ зло осмѣивалъ революцію и ея дѣятелей. Стихотворенія эти не чужды были и крайностей, объясняемыхъ, впрочемъ, нервностью пережитаго тогда времени и крайностями революціонныхъ эксцессовъ.

Будучи убѣжденнымъ правымъ, Филиппъ Мелентьевичъ далекъ былъ отъ прислуживанія и такъ называемой игры на патріотизмъ. Въ публичныхъ выступленіяхъ, въ стихотвореніяхъ онъ смѣло обличалъ недостатки приказнаго строя и тѣ язвы, какія онъ видѣлъ въ русской жизни. Это не всѣмъ нравилось, и нѣкоторые правые дѣятели и представители администраціи склонны были считать его даже «лѣвымъ»... Инородцевъ, которые съ давнихъ временъ являются у насъ баловнями и фаворитами, Филиппъ Мелентьевичъ сравниваетъ съ орхидеями, заботливо охраняемыми садовникомъ въ то время, когда цвѣты родины гибнутъ подъ толстымъ слоемъ льда.

Вотъ такъ у насъ и все и всюду по Россіи...
Чужимъ—вниманіе и ласка, и уходъ,
Всѣ лучшія мѣста позаняли чужіе,
И ими оттѣсненъ къ дверямъ родной народъ.

Партійность, казнокрадство также имѣли въ немъ своего обличителя. О нихъ онъ писалъ:

Съ тяжкихъ дней октябрьской хартіи,
Подъ вліяніемъ идей,
Подѣлились мы на партіи,
Не найдемъ въ избѣ дверей.
Всюду рознь пошла, шатаніе,
И Европѣ всей на смѣхъ
Родъ недуга—клептоманія
Обуяла все и всѣхъ.

Не былъ Филиппъ Мелетьевичъ и ретроградомъ: онъ вѣрилъ въ мирный прогрессъ родной земли и призывалъ своихъ читателей къ мирной работѣ. Первыхъ правыхъ избранниковъ отъ Харьковской губерніи въ государственную думу онъ привѣтствовалъ на торжественномъ собраніи слѣдующими стихами:

Прощайте, въ добрый путь, избранники народа!
Пусть на Руси святой и вами и чрезъ васъ
Осуществятся тѣ и правда и свобода,
О коихъ ужъ давно мечтаетъ всякъ изъ насъ:

Библиотека "Руниверс"

Свобода, но не та, что врагъ сулилъ лукаво:
Свобода русскія святыни въ прахъ топтать,
Но та,—что всякому даетъ святое право
По Божьей правдѣ жить, трудиться, созидать...
. . . . . .
Мы довѣряемъ вамъ, какъ лучшимъ русскимъ людямъ,
Стоять за счастіе, за честь страны родной,
Идите же на трудъ, а мы молиться будемъ,
Чтобъ сохранилъ васъ Богъ для родины святой!..

Такова въ краткихъ чертахъ литературная дѣятельность Филиппа Мелентьевича. Не велико оставленное имъ литературное наслѣдство, да и то едва ли когда-нибудь будетъ собрано во едино. Его личность и дѣятельность лишь одинъ изъ примѣровъ въ русской жизни того, какъ даровитые люди, обойденные судьбой, безъ поддержки, никѣмъ не согрѣтые, теряются для жизни.

В. П—въ.

Библиотека "Руниверс"

Л. Н. ТОЛСТОЙ ВЪ 80-ХЪ ГОДАХЪ.

СЪ ЛЬВОМЪ Николаевичемъ я познакомился впервые въ восьмидесятыхъ годахъ въ Москвѣ,—не припомню, въ какомъ году произошла наша встрѣча,—черезъ В. А. Хлудова, извѣстнаго фабриканта, много жертвовавшаго на толстовскія колоніи и часто посѣщавшаго учителя Орлова, жившаго на Бутыркахъ, съ которымъ меня связывала давнишняя дружба. Орловъ былъ толстовецъ и велъ такой же аскетическій образъ жизни, какъ и Левъ Николаевичъ; такъ же, какъ и великій писатель земли Русской, онъ жилъ съ семьей на двѣ половины: на половинѣ семьи—нѣсколько комнатъ, комфортъ, уютная обстановка, половина же Орлова представляла маленькую свѣтелку въ одно окно, вся обстановка которой состояла изъ деревянной кровати, покрытой войлокомъ, съ двумя сосновыми плахами вмѣсто изголовья (безъ подушекъ), прикрытыми тѣмъ же войлокомъ, некрашенаго стола, полки съ книгами и пустого ящика, замѣнявшаго стулъ. Мнѣ не разъ приходилось ночевать у Орлова, и это ложе казалось мнѣ жесткимъ, какъ камень; всю ночь я ворочался съ боку на бокъ, а утромъ ныло все тѣло. Орловъ же спалъ, какъ убитый, и, просыпаясь утромъ, повидимому, чувствовалъ себя превосходно.

Въ своей свѣтелкѣ Орловъ или писалъ статьи въ журналы и газеты, или декламировалъ Якубовича, стихотвореніями котораго,

Библиотека "Руниверс"

полными тихой грусти по загубленной жизни или страстнаго протеста противъ насилія, въ то время зачитывалось все русское общество, въ особенности—молодежь.

Однажды я встрѣтилъ у него В. А. Хлудова и барышню-курсистку.

Шла оживленная бесѣда.

Орловъ возсѣдалъ на кровати, барышня—на стулѣ, принесенномъ съ женниной половины; Хлудовъ же, примостившись на ящикѣ, экзаменовалъ барышню по программѣ для поступленія въ толстовскую колонію на Кавказѣ, выработанной, кажется, имъ самимъ.

— А сердце у васъ доброе?—допытывался Василій Андреевичъ:—сумѣете вы жить въ мирѣ со всѣми?

Барышня, вспыхивая, какъ маковъ цвѣтъ, съ недоумѣніемъ смотрѣла на Хлудова.

— У меня сердце доброе,—отвѣтила она, улыбаясь:—что жъ, я, кажется, не злая...

Барышня, впослѣдствіи жившая въ кавказской колоніи, сказала правду. Послѣ распаденія колоніи она ушла къ духоборамъ, а затѣмъ вмѣстѣ съ ними переселилась въ Канаду.

— Ну, а вы когда?—обратился ко мнѣ Василій Андреевичъ:—или еще не надумали?

— Не рѣшилъ пока...—отвѣтилъ я:—что я буду дѣлать въ колоніи?—Сельскаго хозяйства не знаю, даже лошадь запрячь не умѣю...

— Не бѣда!—разсмѣялся Хлудовъ:—научитесь. Ну, что вы теперь? Человѣкъ безпочвенный. Все одно, надо спеціализироваться. Такъ ужъ лучше спеціализироваться въ такомъ дѣлѣ, которое всѣ считаютъ хорошимъ и справедливымъ...

— Если вы считаете колонизацію дѣломъ хорошимъ и справедливымъ, такъ отчего же вы сами не ѣдете въ колонію?

— Ахъ, милый вы человѣкъ!—грустно улыбнулся Василій Андреевичъ:—а на кого я фабрики оставлю? Да мнѣ ужъ и поздно... лѣта мои не такія... Будь у меня ваши годы,—ушелъ бы... А теперь я дѣлаю, что могу... А вамъ совѣтую: идите!

Я отвѣтилъ, что посовѣтуюсь со Львомъ Николаевичемъ.

Василій Андреевичъ одобрилъ мое намѣреніе и тутъ же набросалъ Льву Николаевичу письмо, прося его «вразумить невѣрующаго».

На другой день я отправился въ Хамовники.

Льва Николаевича я никогда не видалъ и зналъ его лишь по фотографіямъ, выставленнымъ въ окнахъ книжныхъ и художественныхъ магазиновъ.

Подходя къ его дому, я встрѣтилъ пожилого господина, съ виду похожаго на заводскаго мастера, съ крупными крестьянскими чертами лица, въ старомъ ватномъ пальто и въ засаленномъ картузѣ.

Библиотека "Руниверс"

«Какъ похожъ на Льва Николаевича,—подумалъ я:—да нѣтъ, не онъ»...

Дверь отворилъ лакей.

— Дома Левъ Николаевичъ?

— Только что пошли гулять...

— Да я, кажется, съ нимъ и встрѣтился?

— Должно быть, съ ними... Не угодно ли обождать, графъ скоро вернется.

Раздѣваясь, я замѣтилъ огромныя галоши, немного поменьше тѣхъ, какія для рекламы выставляются въ окнахъ магазиновъ,—сущія лодки!

— Ну, и галоши!—невольно вырвалось у меня.

— Крупная ножка у графа,—усмѣхнулся лакей:—не барская...

Изъ прихожей широкимъ маршемъ шла наверхъ лѣстница, декорированная цвѣтами. Наверху играли на роялѣ, и въ прихожую мягкими волнами вливались звуки красивой мелодіи.

Я сталъ подниматься по лѣстницѣ, но лакей остановилъ:

— Пожалуйте въ ихнюю комнату... вотъ сюда,—сказалъ онъ и отворилъ дверь около вѣшалки.

— А тамъ?..

— Тамъ графская семья...

Я вспомнилъ Орлова. Та же раздвоенность...

Обстановка комнаты Льва Николаевича также напоминала обстановку въ домикѣ на Бутыркахъ. Около двери стоялъ некрашеный столъ; на столѣ—початый каравай хлѣба, прикрытый крестьянскимъ рушникомъ, и рѣзная солонка; у стола—самодѣльная скамейка. По стѣнѣ шли полки, гнувшіяся подъ тяжестью пыльныхъ рукописей. Въ углу противъ стола—рижская коса, насаженная на длинное косовище, и надъ нею—серпъ и снопъ пшеницы. Была ли здѣсь кровать,—не помню...

Обозрѣвая убогую обстановку, я размышлялъ о жизни великаго человѣка, въ жилище котораго многихъ влекли его идеи.

Мои размышленія были прерваны приходомъ Льва Николаевича.

— Мы встрѣтились съ вами,—съ живостью привѣтствовалъ онъ, сжимая въ своихъ большихъ рукахъ мою руку:—отчего вы меня не остановили?

— Я не остановилъ васъ потому, что не былъ знакомъ съ вами...

— Не были знакомы?!—прервалъ меня Левъ Николаевичъ:—но это предразсудокъ, вредный предразсудокъ... Люди должны знакомиться, сближаться... Что такое знакомство? Познакомиться значитъ узнать человѣка покороче, заглянуть хотя бы въ уголокъ, въ краешекъ его души. Это всегда интересно и поучительно, потому что нѣтъ людей, похожихъ другъ на друга. Мы часто порываемъ съ знакомыми, т.-е. перестаемъ интересоваться жизнью ближнихъ. Это—нехорошо; прежде, чѣмъ порвать съ людьми, мы должны

Библиотека "Руниверс"

убѣдиться,—насколько ихъ дѣятельность вредна или полезна для человѣчества. Въ первомъ случаѣ мы обязаны повліять на нихъ, указать на ихъ ошибки, потому что всякій вредъ, причиняемый нами другимъ, есть результатъ ошибочнаго представленія о мірѣ фактовъ. Напримѣръ, такъ называемые злые люди продолжаютъ дѣлать зло только потому, что ихъ, какъ прокаженныхъ, никто не хочетъ знать, никто не желаетъ войти въ ихъ положеніе. А между тѣмъ, если бъ мы относились къ нимъ иначе, эти же люди могли бы убѣдиться, что дѣлать добро не только хорошо,—въ смыслѣ удовлетворенія нравственныхъ запросовъ,—но и гораздо выгоднѣе, чѣмъ зло. Во второмъ случаѣ мы обязаны усилить полезную дѣятельность ближнихъ опять-таки нашей помощью... А теперь мы живемъ такъ, что, кромѣ самихъ есбя, не хотимъ знать никого, и, въ сущности, очень мало знаемъ о себѣ подобныхъ...

Левъ Николаевичъ говорилъ много, съ юношескимъ жаромъ.

Наступила пауза. Я передалъ письмо Хлудова. Левъ Николаевичъ разорвалъ конвертъ и, торопливо пробѣгая строки, воскликнулъ:

— Чего же вы молчите! А еще говорите: незнакомы! Я васъ уже давно знаю. Василій Андре́евичъ говорилъ мнѣ о васъ неоднократно....

— Я знаю,—продолжалъ Левъ Николаевичъ:—что вы одно время жили въ деревнѣ, любите ее; знаю, что вы сомнѣваетесь въ правдѣ городской жизни... Чего же больше? Идите въ колонію и работайте. Нѣтъ больше правды, какъ въ томъ трудѣ, который Марксъ относитъ къ категоріи производительнаго труда... Вы знакомы съ ученіемъ Маркса?

— Нѣтъ...

Краска стыда покрыла мое лицо: объ ученіи Маркса,—съ которымъ познакомился очень поздно,—я тогда не имѣлъ отчетливаго понятія.

Левъ Николаевичъ въ какія-нибудь десять минутъ изложилъ мнѣ основныя черты доктрины.

— Такъ, вотъ...—заключилъ онъ:—съ этической стороны работа въ колоніи должна удовлетворить васъ вполнѣ...

— Но, Левъ Николаевичъ,—возразилъ я:—почему вы не рекомендуете мнѣ сдѣлаться кочегаромъ, слесаремъ, столяромъ? Вѣдь это—тоже производительный трудъ.

— Не рекомендую потому, что, по разсказамъ Василія Андреевича, въ совершенствѣ знаю вашу индивидуальность. Я, можетъ быть, предложилъ бы вамъ иное, если бъ видѣлъ въ васъ склонность къ той или другой городской профессіи; но я рекомендую вамъ земледѣльческій трудъ именно потому, что у васъ, кромѣ недовольства формами городской культуры, сильно выступаетъ желаніе послужить крестьянскимъ массамъ. Эти массы, правда,

Библиотека "Руниверс"

очень темны, но вмѣстѣ съ тѣмъ и очень воспріимчивы ко всему хорошему. Въ деревнѣ вы найдете для себя благодарную почву и вполнѣ удовлетворитесь вашимъ трудомъ. Вотъ почему совѣтую вамъ: садитесь на землю.

Я послѣдовалъ совѣту Льва Николаевича, и—не раскаиваюсь. Хотя жизнь въ колоніи и не оправдала нашихъ ожиданій, и самая колонія скоро распалась; хотя мы нашли, что вездѣ можно трудиться—и въ городѣ, и въ деревнѣ,—но все же молодежь вынесла изъ сельской жизни немало цѣнныхъ наблюденій надъ природой, надъ людьми, надъ жизнью человѣческаго ума и сердца, и эти наблюденія впослѣдствіи намъ очень и очень пригодились.

А. Дунинъ.

Библиотека "Руниверс"

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ЖИЗНИ М. Н. КАТКОВА.

ПОСЛѢ цѣлаго ряда выступленій «за» и «противъ» союза Россіи съ Франціей М. Н. Катковъ сдѣлался наконецъ горячимъ защитникомъ союза. Ему какъ будто стало ясно, что, отказавшись отъ охраны консервативныхъ интересовъ Европы и отъ союза трехъ императоровъ, императоръ Александръ III вступился только за реальные интересы своей земли. Московскій публицистъ пошелъ за правительствомъ, и казалось бы, какихъ непріятностей ждать ему на этомъ пути? Между тѣмъ, произошло нѣчто неожиданное, что составляетъ полутаинственную страницу въ новѣйшей нашей исторіи.

Восьмидесятые годы были временемъ расцвѣта буланжизма. Пресловутый генералъ гремѣлъ не только въ отечествѣ, но и далеко за предѣлами его. Буланже быстро шелъ къ намѣченной имъ цѣли, пользуясь, между прочимъ, поддержкою и монархистовъ. Въ 1886 году, когда Буланже находился на посту военнаго министра и окруженъ былъ обаяніемъ французскаго народа, въ одной изъ парижскихъ газетъ появилась статья, будто бы написанная Катковымъ.

Авторъ статьи, очевидно, колебалъ устои республики и давалъ понять врагамъ ея, легитимистамъ, что ихъ рѣшительныя дѣйствія встрѣтятъ, въ нужный моментъ, полную поддержку со стороны русскаго правительства. Статья поразила правительство Франціи, которое слишкомъ хорошо знало, какую исключительную, привилегированную позицію занимаетъ редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей» и какъ онъ близокъ къ руководящимъ русскимъ сферамъ. Безпокойство проникло въ Елисейскій дворецъ. Президентъ республики Жюль Греви обратился за разъясненіемъ къ нашему послу,

Библиотека "Руниверс"

но озадаченный баронъ Моренгеймъ только и могъ сдѣлать одно, а именно: запросить объ этомъ министерство иностранныхъ дѣлъ, во главѣ котораго стоялъ тогда Н. К. Гирсъ. Можно представить себѣ, что испытывалъ баронъ Моренгеймъ, работавшій надъ франко-русскимъ сближеніемъ! Его телеграмма въ Петербургъ заключала чуть ли не семьдесятъ словъ.

Своего рода переполохъ произошелъ и въ Петербургѣ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ кругахъ.

Пока остается тайной, былъ ли искренно удивленъ Н. К. Гирсъ появленіемъ сенсаціонной статьи, но Катковъ былъ изумленъ тѣмъ, что ему приписывается авторство, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ не только не писалъ, но и никому не внушалъ подобной статьи.

Катковъ отправляется въ Петербургъ, чтобы лично сказать государю о своей непричастности къ этому дѣлу; знаменитый публицистъ тѣмъ болѣе разсчитывалъ быть принятымъ государемъ, что Александръ III вообще милостиво относился къ нему. На сей разъ, однако, въ пріемѣ ему было отказано, а, слѣдовательно, отпала и возможность лично оправдаться.

Катковъ—къ высокимъ покровителямъ и къ сановникамъ, съ которыми его соединяла пріязнь. Великій князь Владимиръ Александровичъ,—какъ говорили въ Москвѣ,—сказалъ Каткову о томъ, какъ настроенъ противъ него государь; К. П. Побѣдоносцевъ и И. Д. Деляновъ совѣтовали ему уѣхать въ Москву и успокоиться, твердо вѣря, что истина откроется, что обнаружится подлинный авторъ и вмѣстѣ закулисныя вліянія. Катковъ уѣхалъ изъ Петербурга, но успокоиться не могъ; напротивъ того, онъ заболѣлъ, и осложнившаяся болѣзнь привела къ печальной развязкѣ.

Въ Петербургѣ, повидимому, отдавали должное вниманіе болѣющему публицисту и прислушивались къ тому, что онъ говоритъ,—съ помощью московскихъ услужниковъ. И вотъ до высокихъ сферъ дошло, будто бы Катковъ, въ тяжелую минуту страданій, высказалъ что-то въ родѣ упрека: какъ онъ служилъ самодержавію и за беззавѣтную-то службу вотъ какая награда теперь ему выпала! Московскія «уши» передали въ Петербургъ, гдѣ поняли по-своему и такъ, какъ будто бы Катковъ «раскаивался», зачѣмъ-де служилъ самодержавію... Какъ бы то ни было, въ Москву пріѣхалъ статсъ-секретарь, предсѣдатель императорскаго русскаго историческаго общества А. А. Половцевъ узнать, правда ли, что такъ говорилъ Катковъ?

Но Каткова уже не было въ живыхъ.

Такова исторія со статьей, очевидно, петербургско-парижскаго происхожденія, давшая обильную пищу толкамъ, нынѣ забытая, но стоящая основательнаго изслѣдованія.

Павелъ Россіевъ.

Библиотека "Руниверс"

КРАСНОЯРСКАЯ РЕСПУБЛИКА.

(Матеріалы къ исторіи освободительнаго движенія).

ВЪ ГОРОДѢ Красноярскѣ выѣздной сессіей иркутскаго военно-окружнаго суда слушалось громкое дѣло бывшаго «президента Красноярской республики» прапорщика запаса Кузьмина. Обвиняемый приговоренъ къ смертной казни, которая по манифесту замѣнена ему двадцатилѣтней каторгой. Кузьминское дѣло напомнило красноярцамъ тяжелые декабрьскіе дни 1905 года, дни того революціоннаго сумбура, который окрещенъ именемъ «Красноярской республики». Съ иронической улыбкой вспоминаютъ теперь обыватели недолгое управленіе городомъ распущенныхъ солдатъ, сбитыхъ съ толку желѣзнодорожныхъ рабочихъ и «сознательныхъ» юнцовъ—учащихся въ мѣстныхъ среднихъ школахъ. Но въ тѣ дни остраго общественнаго психоза мирному населенію Красноярска было не до улыбокъ.

Но минулъ этотъ нелѣпый кошмаръ, прошло временное общественное помѣшательство, и теперь спокойно можно вспомнить и разсказать исторію немногодневной декабрьской «красноярской республики».

Въ Красноярскѣ, какъ и повсемѣстно въ Россіи, дни, предшествовавшіе объявленію манифеста 17-го октября и непосредственно слѣдовавшіе за нимъ, ознаменовались шумными антиправительственными демонстраціями и насильственными забастовками. Мирное рабочее населеніе города, на которомъ забастовки, лишившія его работы и куска хлѣба, отзывались самымъ плачевнымъ образомъ,

Библиотека "Руниверс"

непріязненно относилось къ забастовщикамъ и демонстрантамъ. Вскорѣ послѣ объявленія манифеста толпа чернорабочихъ и крестьянъ пригородныхъ деревень во время одной изъ революціонныхъ демонстрацій напала на демонстрантовъ. Произошло побоище, причемъ было убито пятнадцать человѣкъ, въ томъ числѣ товарищъ прокурора мѣстнаго окружнаго суда Ераковъ, попробовавшій было, ссылаясь на свое званіе, остановить буйствовавшую раздраженную толпу.

Нѣсколько дней послѣ этого печальнаго событія прошли спокойно. Но вскорѣ, благодаря дружнымъ усиліямъ пріѣзжихъ агитаторовъ, поддержанныхъ мѣстными «дѣятелями освободительнаго движенія», вновь начались забастовки, шумные митинги и демонстраціи. Волненія съ каждымъ днемъ принимали все болѣе и болѣе серьезный характеръ и въ концѣ концовъ привели къ учрежденію «республиканскаго правленія». Немалая доля вины въ такомъ оборотѣ дѣла падаетъ на мѣстныхъ властей, проявившихъ въ критическую минуту невѣроятную трусость и полную растерянность.

Шумные митинги устраивались соціалъ-демократами, при видномъ участіи наѣзжихъ агитаторовъ, преимущественно еврейскаго типа, ежедневно. На митингѣ 5-го ноября эсдеки объявили свою подробную программу и приступили къ активной дѣятельности, опять-таки выразившейся въ насильственномъ устройствѣ забастовокъ. Вновь забастовали рабочіе мѣстныхъ фабрикъ и заводовъ, торговыя заведенія, школы, даже нѣкоторыя присутственныя мѣста. Въ половинѣ ноября къ нимъ примкнули почтово-телеграфныя учрежденія и Сибирская желѣзная дорога, распоряженіе которою на прилегающихъ участкахъ перешло въ руки забастовочнаго комитета, безъ разрѣшенія котораго нельзя было отправить ни одного поѣзда.

Красноярскъ оказался отрѣзаннымъ отъ остального міра. Положеніе становилось все болѣе и болѣе угрожающимъ.

А власти не только не принимали никакихъ мѣръ противъ насильственнаго снятія съ работъ желающихъ работать, не только не препятствовали дѣятельности смѣлѣвшаго съ каждымъ днемъ самозваннаго забастовочнаго комитета, но въ своей растерянности дошли до того, что оказывали революціонерамъ всяческое содѣйствіе.

Почтово-телеграфный стачечный комитетъ вздумалъ устроить совмѣстно съ соціалъ-демократами и соціалъ-революціонерами грандіозный митингъ въ народномъ домѣ и предварительно послалъ къ исполняющему должность губернатора депутацію съ требованіемъ дать охрану отъ возможныхъ насилій со стороны пресловутой «черной сотни». Губернаторъ посовѣтовалъ делегатамъ воздержаться отъ митинговъ и демонстрацій, чтобы не раздражать простой народъ, но... охрану все-таки далъ.

Библиотека "Руниверс"

Преступное бездѣйствіе мѣстныхъ властей, съ одной стороны, заставляло недоумѣвать мирное населеніе города, вселяло самыя тревожныя мысли, а съ другой—придавало все болѣе и болѣе смѣлости вожакамъ движенія. Митинги участились, рѣчи становились все смѣлѣе и вызывающѣе, а на митингѣ желѣзнодорожныхъ рабочихъ 20-го ноября уже совсѣмъ откровенно прозвучалъ призывъ воспользоваться положеніемъ, трусостью и растерянностью администраціи и силою захватить всю власть въ свои руки.

Къ этому времени относится эпизодъ, не лишенный комическаго элемента. Начальникъ расквартированной въ Красноярскѣ двадцать третьей дружины государственнаго ополченія полковникъ Козерадскій страшно возмущался бездѣйствіемъ и растерянностью мѣстной администраціи. И вотъ въ одинъ прекрасный моментъ сердце стараго воина не выдержало: захвативъ съ собою роту нижнихъ чиновъ, онъ отправился въ губернаторскій домъ, арестовалъ губернатора и уже приказалъ отправить его на гауптвахту, но на помощь подоспѣлъ войсковой нарядъ, и губернаторское мѣсто на гауптвахтѣ пришлось занять энергичному полковнику. Впослѣдствіи полковникъ Козерадскій судился въ иркутскомъ военно-окружномъ судѣ и приговоренъ къ отрѣшенію отъ должности за превышеніе власти. Губернаторское бездѣйствіе осталось безнаказаннымъ...

Между тѣмъ положеніе ухудшалось. Никѣмъ не сдерживаемые, агитаторы проникли въ войсковыя части и здѣсь свободно вели пропаганду. На митингахъ стали появляться солдаты и офицеры, которые говорили зажигательныя рѣчи. Утверждаютъ, что среди военныхъ участниковъ митинговъ было немало переодѣтыхъ агитаторовъ, но толпѣ это не было извѣстно, а революціонныя рѣчи изъ устъ людей, одѣтыхъ въ военные мундиры, возбуждающе дѣйствовали на слушателей, въ особенности на солдатъ. Войска заволновались. Завязалось общеніе между солдатами и революціонно настроенными желѣзнодорожными рабочими. Въ началѣ декабря третій желѣзнодорожный батальонъ и третій сибирскій запасный батальонъ открыто высказали свое сочувствіе революціонному движенію. Эти войсковыя части, проходившія черезъ Красноярскъ съ театра военныхъ дѣйствій, предъявили начальству рядъ требованій съ угрозой не итти дальше, если требованія эти не будутъ исполнены. Начальство пошло на уступки, и батальоны продолжали путь. Вскорѣ начались волненія у казаковъ, въ среду которыхъ также успѣли проникнуть агитаторы. Казаки подали начальству петицію, но этимъ волненія и ограничились. Революціонная пропаганда не привилась здѣсь, и казаки, оставшись вѣрными своимъ традиціямъ, не примкнули къ дальнѣйшему движенію. Но агитаторы не унывали. Пропаганда соціалистическихъ партій среди войскъ продолжала вестись съ

Библиотека "Руниверс"

большей энергіей и съ болѣе замѣтными результатами. Особенно благопріятную почву нашла пропаганда въ расположенномъ въ Красноярскѣ второмъ желѣзнодорожномъ батальонѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ войсковыхъ частяхъ. Стали организовываться спеціально солдатскіе митинги, на которыхъ ораторствовали офицеры изъ молодежи, призывая солдатъ не подчиняться требованіямъ начальства и силой захватить въ свои руки власть, организовавъ вмѣстѣ съ представителями желѣзнодорожныхъ рабочихъ временное революціонное правленіе.

Атмосфера сгущалась. По городу ежедневно ходили демонстрирующія толпы вооруженныхъ солдатъ и рабочихъ. Развѣвались красные флаги. Всюду слышалась до тошноты надоѣвшая доморощенная марсельеза. 6-го декабря масса солдатъ является на митингъ вооруженная, съ краснымъ флагомъ, и происходитъ «объединеніе народа съ войскомъ», какъ громко называли въ Красноярскѣ этотъ фактъ. Это «объединеніе народа съ войскомъ» и дало возможность активнымъ силамъ соціалистическихъ партій спустя нѣсколько дней фактически овладѣть властью и создать нѣчто въ родѣ временнаго правительства.

9-го декабря громадная толпа, состоявшая изъ нижнихъ чиновъ третьей и четвертой ротъ второго желѣзнодорожнаго батальона и вооруженныхъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ, двинулась отъ желѣзнодорожнаго поселка въ городъ. Полиція и жандармы были обезоружены безъ сопротивленія. Сплошь и рядомъ дѣло происходило такъ. Подходятъ нѣсколько вооруженныхъ рабочихъ къ стоящему на посту городовому и требуютъ отдать оружіе. Тотъ безпрекословно снимаетъ револьверъ, отстегиваетъ шашку, отдаетъ ихъ «товарищамъ», а самъ преспокойно удаляется во-свояси.

Съ 10-го декабря Красноярскъ фактически оказался во власти революціонеровъ, начальство надъ которыми принялъ юный прапорщикъ второго желѣзнодорожнаго батальона Кузьминъ (изъ студентовъ-технологовъ).

На улицахъ появились патрули изъ примкнувшихъ къ революціонерамъ солдатъ; кромѣ того, была организована революціонная милиція изъ рабочихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, учащихся и проч., которая замѣнила собою полицейскую охрану. Безусые юнцы и подростки-гражданки съ побѣдоноснымъ видомъ расхаживали по городу, водворяя «порядокъ».

Происходили комичныя сценки.

Два милиціонера-гимназиста и подростокъ-дѣвочка, гимназистка, вооруженные карабинами и браунингами, преважно расхаживаютъ по тротуару. Въ это время по улицѣ идетъ толпа рабочихъ и учащихся съ красными флагами и пѣніемъ марсельезы. Какой-то прохожій позабылъ снять шляпу. Гимназистики подходятъ и требуютъ, чтобы онъ обнажилъ голову передъ «революціоннымъ на-

Библиотека "Руниверс"

родомъ». Прохожій съ улыбочкой повинуется. Гимназисты, въ сознаніи исполненнаго долга, удаляются, побѣдоносно потряхивая карабинами. Гимназисточка визжитъ:

— Товарищи. Осторожнѣе. Я боюсь... Можетъ выстрѣлить...

Комическаго элемента, вообще, немало было въ недолгіе дни «Красноярской республики».

Но населенію было не до смѣха. На него самымъ удручающимъ образомъ вліяло полнѣйшее бездѣйствіе администраціи, которая, казалось, авансомъ согласилась на все, что угодно будетъ предпринять революціонерамъ-побѣдителямъ, а сама спряталась за десятью замками. Обыватели забросили свои дѣла и смущенные, недоумѣвающіе ходили по городу, изумленно наблюдая новые порядки и обсуждая слухи, одинъ другого сенсаціоннѣе, одинъ другого нелѣпѣе, которые въ массѣ распространялись по городу. Говорили, что Томскъ и Иркутскъ во власти «революціоннаго народа», что въ Петербургѣ и Москвѣ возстали войска, что въ Россіи объявлена демократическая республика и т. п. Распространенію и воспріятію этихъ слуховъ легковѣрной толпой способствовало все: газетъ не было, ибо мѣстныя газеты не выходили, а иногородныя не пропускались революціоннымъ начальствомъ, движеніе поѣздовъ прекратилось, телеграфъ бездѣйствовалъ,—провѣрить слухи не было никакой возможности. Безпокойство въ населеніи росло, и разсѣять его не въ силахъ были немногіе благоразумные люди, объединившіеся въ эти нелѣпые дни въ «союзъ мира и порядка».

Росло и народное раздраженіе. Достаточно было подать мысль бросить искру, и произошло бы страшное побоище. Окрестные крестьяне будто бы уже готовились къ этому. Пламя народнаго негодованія смело бы съ лица земли революціонную банду, численность которой, какъ потомъ оказалось, была сравнительно незначительна...

Между тѣмъ революціонеры, ниоткуда не встрѣчая сопротивленія, начали дѣйствовать во-всю. 10-го декабря толпа мелкихъ желѣзнодорожныхъ служащихъ и рабочихъ, съ участіемъ незначительнаго количества нижнихъ чиновъ, силой захватила типографію енисейскаго губернскаго правленія. Въ тотъ же день, послѣ вооруженной демонстраціи, было избрано временное правительство подъ названіемъ: «объединенный совѣтъ депутатовъ отъ солдатъ и рабочихъ», во главѣ все съ тѣмъ же прапорщикомъ Кузьминымъ. Это учрежденіе законодательствовало и управляло въ Красноярскѣ до 2-го января 1906 года.

Новое «правительство» открыло свои дѣйствія тѣмъ, что мѣстнаго губернатора признало лишеннымъ власти и объявило полную свободу слова, совѣсти, печати и собраній. Въ захваченной губернской типографіи стали открыто печататься разнаго рода прокламаціи, воззванія, постановленія митинговъ и органъ временнаго

Библиотека "Руниверс"

правительства «Красноярскій Рабочій». Мальчуганы-учащіеся не отставали: они также начали выпускать революціонный листокъ «Свѣточъ».

«Объединенный совѣтъ» на первыхъ же порахъ образовалъ изъ представителей всѣхъ классовъ, сословій и партій особую комиссію, на которую возложилъ организацію новыхъ выборовъ въ городскую думу. Комиссія расклеила по городу прокламаціи, въ которыхъ приглашала «гражданъ и гражданокъ» избрать новую думу, причемъ въ выборахъ должны были участвовать всѣ жители города, начиная съ двадцатилѣтняго возраста, безъ различія пола, званія и положенія. По распоряженію революціоннаго комитета, предварительно производства выборовъ было приступлено къ производству переписи красноярскаго населенія и распредѣленію города на избирательные участки.

Кромѣ того, «объединеннымъ совѣтомъ депутатовъ отъ солдатъ и рабочихъ» былъ образованъ другой органъ для управленія городомъ подъ названіемъ «комиссіи для упорядоченія дѣлъ, возникающихъ изъ соотношеній представителей труда и капитала».

Однимъ словомъ, революціонеры безъ всякой помѣхи хозяйничали въ городѣ, и это хозяйничанье продолжалось около двухъ недѣль.

На 24-е декабря былъ назначенъ «народный судъ» надъ какимъ-то проштрафившимся передъ революціонерами офицеромъ, но судъ внезапно былъ отложенъ. Въ лагерѣ «революціоннаго народа» замѣтно обнаруживалась какая-то тревога, возраставшая съ каждымъ часомъ. Въ первый день рождественскихъ праздниковъ по городу распространился смутный слухъ, что Красноярскъ объявленъ на военномъ положеніи. На слѣдующій день въ городъ прибылъ вызванный для подавленія возстанія Омскій пѣхотный полкъ. Революціонеры совершенно притихли. Не слышно стало надоѣвшей всѣмъ марсельезы, прекратились митинги, «товарищи» перестали разгуливать по городу съ красными тряпками. Какъ въ воду канули вооруженные милиціонеры. На постахъ появились полицейскіе чины. Въ средѣ взбунтовавшихся войскъ начался расколъ; большинство принесло повинную. Въ желѣзнодорожномъ батальонѣ возстановился порядокъ. Сравнительно незначительная группа нижнихъ чиновъ, предводительствуемая все тѣмъ же прапорщикомъ Кузьминымъ, продолжала упорствовать и не сдавала оружія.

Утромъ 28-го декабря изъ подгородной деревни Березовки прибылъ гонецъ съ извѣстіемъ, что приближается первый эшелонъ славнаго боевого седьмого Красноярскаго полка. Жители радостно встрепенулись и толпами повалили навстрѣчу войскамъ. Вскорѣ въ городъ прибылъ и весь полкъ, въ трескучіе сибирскіе морозы форсированнымъ маршемъ, съ большою военною выдержкою въ короткое время совершившій значительный путь, спѣша на выручку родному городу. Подтвердилось и извѣстіе объ объявленіи Крас-

Библиотека "Руниверс"

ноярска на военномъ положеніи, причемъ временнымъ генералъ-губернаторомъ былъ назначенъ испытанный боевой офицеръ, бывшій командиръ Красноярскаго полка генералъ-майоръ Рѣдько. Войска немедленно приступили къ возстановленію порядка. Прежде всего возстановляется власть губернатора, губернская типографія отбирается отъ революціонеровъ, при помощи саперъ начали дѣйствовать почта и телеграфъ.

Оставшіеся мятежники-солдаты и вооруженные желѣзнодорожные рабочіе, въ виду ожидавшагося начала активныхъ дѣйствій со стороны прибывшихъ войскъ, заперлись въ сборно-паровозномъ зданіи желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, забаррикадировавшись старыми вагонами, паровозами, колесами и проч. Вскорѣ окружающія зданія мастерскихъ были заняты Красноярскимъ полкомъ, однимъ батальономъ Семипалатинскаго полка и сотнею казаковъ, а также значительнымъ количествомъ вооруженныхъ добровольцевъ изъ красноярскихъ жителей.

Утромъ 2-го января, въ виду вызывающихъ дѣйствій со стороны мятежниковъ, войска открыли огонь изъ пулеметовъ. Мятежники отвѣчали выстрѣлами изъ ружей и револьверовъ, дѣлая въ то же время частовременныя вылазки. Во время перестрѣлки убито два казака, одинъ пѣхотинецъ и нѣсколько человѣкъ ранено.

Во избѣжаніе дальнѣйшаго кровопролитія вечеромъ въ тотъ же день группа представителей отъ красноярскихъ гражданъ взяла на себя миссію парламентеровъ и съ бѣлыми флагами въ рукахъ отправилась къ осажденнымъ съ просьбою положить оружіе и сдаться. Переговоры затянулись до двѣнадцати часовъ дня 3-го января, когда революціонеры рѣшили прекратить сопротивленіе. Ускорили сдачу, между прочимъ, все усиливавшіеся морозы и недостатокъ воды. Сдалось сто семьдесятъ девять человѣкъ нижнихъ чиновъ желѣзнодорожнаго батальона, двѣсти шестьдесятъ пять рабочихъ и двадцать женщинъ. Всѣ эти лица были обезоружены и арестованы. Кромѣ того, во время вылазокъ арестовано шесть солдатъ и болѣе сотни постороннихъ лицъ.

Прапорщикъ Кузьминъ, душа красноярскихъ революціонеровъ, и главные зачинщики, какъ это и бываетъ обыкновенно, успѣли скрыться (Кузьминъ былъ арестованъ и преданъ суду нѣсколько лѣтъ спустя послѣ описанныхъ событій), оставивъ расплачиваться распропагандированныхъ ими солдатъ и рабочихъ. Небольшая кучка красноярскихъ обывателей ходатайствовала передъ временнымъ генералъ-губернаторомъ не арестовывать рабочихъ; но этому бурно воспрепятствовали большинство красноярскаго населенія, окрестные крестьяне и озлобленные солдаты и казаки, требовавшіе преданія революціонеровъ-рабочихъ военному суду.

Требованіе ихъ было исполнено.

Такъ кончила свое недолгое существованіе «Красноярская республика».

Н. Томскій.

Библиотека "Руниверс"

И. П. МОЛЛЕРІУСЪ.

(Некрологъ).

ДВАДЦАТЬ ВТОРОГО МАРТА 1913 года министерство внутреннихъ дѣлъ понесло тяжкую и незамѣнимую утрату въ лицѣ скончавшагося послѣ непродолжительной болѣзни члена совѣта, исполняющаго обязанности товарища министра тайнаго совѣтника Ивана Петровича Моллеріуса.

Покойный еще 18-го марта предсѣдательствовалъ въ междувѣдомственномъ совѣщаніи по продовольственному дѣлу, гдѣ разбиралось много крайне срочныхъ и важныхъ дѣлъ, и на пути домой жестоко простудился. Тѣмъ не менѣе, будучи истиннымъ рыцаремъ долга, несмотря на сильное недомоганіе, И. П. на слѣдующій день прибылъ въ качествѣ представителя министра внутреннихъ дѣлъ на засѣданіе правительствующаго сената и давалъ, со свойственными ему опредѣленностью и глубокимъ знаніемъ дѣла, заключенія по длинному ряду весьма сложныхъ дѣлъ. Это окончательно подкосило силы покойнаго, и, вернувшись домой въ восьмомъ часу вечера въ полубезсознательномъ состояніи, И. П. слегъ въ постель. Врачи констатировали катаральное воспаленіе легкихъ, которое въ началѣ протекало вполнѣ нормально, но переутомленное непрерывнымъ трудомъ покойнаго сердце не выдержало и угасло на третій день болѣзни. Ушелъ въ лучшій міръ человѣкъ рѣдкихъ душевныхъ качествъ и выдающейся трудоспособности, вся жизнь котораго состояла въ безкорыстной работѣ на пользу другихъ, не стало высокогуманнаго и талантливаго государственнаго дѣятеля, свѣтлаго и широкообразованнаго ума...

Библиотека "Руниверс"

По окончаніи въ 1873 году петербургскаго университета со степенью кандидата правъ И. П. первоначально поступилъ на службу въ правительствующій сенатъ, но уже въ слѣдующемъ году былъ назначенъ судебнымъ слѣдователемъ Волковысскаго уѣзда Гродненской губерніи. Пятилѣтнее пребываніе въ этой должности оставило неизгладимый слѣдъ на всемъ міросозерцаніи покойнаго, считавшаго за великое счастіе, какъ онъ это говорилъ неоднократно пишущему эти строки, что ему была дана возможность, въ качествѣ судебнаго слѣдователя, близко познакомиться съ преступнымъ элементомъ и глубоко убѣдиться въ томъ, что въ каждомъ, даже самомъ закоренѣломъ преступникѣ, непремѣнно должна быть какая-либо симпатичная и трогательная черта. Такое благожелательное отношеніе къ ближнему своему прошло красною нитью черезъ всю жизнь покойнаго, всегда искавшаго у другихъ ту «симпатичную и трогательную черту», которая у каждаго, по его мнѣнію, должна была быть. За всю свою служебную карьеру, начиная съ первоначальныхъ скромныхъ должностей и занимая впослѣдствіи высокій постъ губернатора и члена совѣта внутреннихъ дѣлъ, исполняющаго обязанности товарища министра, И. П. поражалъ всѣхъ своею неизмѣнною привѣтливостью, простотой въ обращеніи и полной для всѣхъ доступностью при совершенно одинаковомъ отношеніи къ окружающимъ, безъ различія ихъ служебнаго или общественнаго положенія, постоянной готовностью помочь нуждающемуся, снисходительностью къ ошибкамъ и слабостямъ другихъ и постояннымъ проведеніемъ въ жизнь принципа видѣть въ своемъ собесѣдникѣ, кто бы онъ ни былъ, прежде всего человѣка, щадя его самолюбіе и цѣня его личныя качества, какъ бы они ни были малы.

Снискавъ своею выдающейся дѣятельностью и незаурядными душевными качествами всеобщую любовь и глубокое уваженіе населенія уѣзда, И. П. въ іюлѣ мѣсяцѣ 1879 года принялъ предложенную ему гродненскимъ губернаторомъ должность правителя его канцеляріи. Причиной такой перемѣны службы, въ сущности мало удовлетворявшей покойнаго, послужило слѣдующее характерное обстоятельство. Въ 1877 году умеръ братъ И. П. и оставилъ послѣ себя вдову и пять человѣкъ дѣтей, почти безъ всякихъ средствъ къ жизни. Добрѣйшій И. П., конечно, счелъ своею обязанностью прійти имъ на помощь и пріютить ихъ у себя. И вотъ молодой скромный судебный слѣдователь нанимаетъ въ Волковысскѣ отдѣльный домикъ въ пять комнатъ, вмѣсто своей спартанской комнаты, гдѣ онъ до того жилъ, и поселяется тамъ вмѣстѣ съ осиротѣвшею семьею своего брата, Но, само собою разумѣется, при незначительномъ жалованіи, получаемомъ въ то время покойнымъ, содержаніе такой многочисленной семьи оказалось весьма затруднительнымъ, и онъ принялъ поэтому должность правителя канцеляріи, прельстившись даровой казенной квартирой. Семья брата прожила за-

Библиотека "Руниверс"

симъ у И. П. двѣнадцать лѣтъ, пока всѣ племянники не получили образованія и не устроились самостоятельно, и лишь тогда покойный, наконецъ, подумалъ о самомъ себѣ, женился и основалъ свой собственный очагъ.

Исключительныя дарованія и неутомимая работоспособность покойнаго не могли не обратить на него вниманія министерства, и И. П., не имѣвшій рѣшительно никакой протекціи, быстро пошелъ вверхъ по іерархической лѣстницѣ. Въ 1883 году онъ былъ назначенъ помощникомъ управляющаго канцеляріею временнаго одесскаго генералъ-губернатора, въ 1889 году—управляющимъ этою же канцеляріею, за упраздненіемъ же одесскаго генералъ-губернаторства въ томъ же году былъ назначенъ правителемъ канцеляріи иркутскаго генералъ-губернатора, а въ 1897 году—иркутскимъ губернаторомъ, каковую должность занималъ до 12-го мая 1908 года, съ небольшимъ перерывомъ, съ 18-го февраля 1905 года по 21-е января 1906 года.

За время служенія въ Сибири Моллеріусъ со свойственной ему энергіей и знаніемъ принималъ горячее участіе въ разработкѣ и введеніи въ дѣйствіе цѣлаго ряда дарованныхъ Сибири реформъ по землеустройству, губернскому и крестьянскому управленію, медицинскому и ветеринарному дѣлу, по ссылкѣ, лѣсоустройству, переселенческому и тюремному дѣлу, по введенію винной монополіи и другихъ, а также по дѣламъ, связаннымъ съ постройкою великаго Сибирскаго пути. Въ особенности много труда и заботъ отъ покойнаго потребовали китайская и японская войны и возникшіе за послѣдней безпорядки.

Своей чисто отеческою заботливостью о нуждахъ населенія, простотой въ обращеніи, неизмѣнною привѣтливостью и полнѣйшей доступностью И. П. снискалъ вполнѣ заслуженное имъ глубокое уваженіе и искреннюю любовь всѣхъ иркутянъ. По свидѣтельству многихъ изъ нихъ, ежедневно въ девять часовъ утра передъ пріемной покойнаго въ Иркутскѣ длиннымъ рядомъ стояли всякаго вида просители съ прошеніями въ рукахъ. Ни полиціи, ни чиновниковъ не было, такъ какъ иркутяне и сами хорошо знали ходъ къ своему губернатору, а не допустить къ нему кого-либо изъ просителей никто бы не посмѣлъ. И всякаго И. П. принималъ, выслушивалъ, давалъ совѣтъ. Если проситель зашелъ не по адресу, покойный или устно, или на самомъ прошеніи письменно указывалъ, куда надо итти и кого просить. Терпѣніе и спокойствіе его были неистощимы. Трогательнымъ доказательствомъ такой доступности и высокой справедливости И. П. ко всѣмъ безъ исключенія послужилъ происшедшій уже на могилѣ покойнаго эпизодъ. Когда гробъ съ прахомъ дорогого усопшаго былъ уже опущенъ въ могилу, изъ многочисленной толпы присутствовавшихъ неожиданно вышелъ никому неизвѣстный человѣкъ и, отрекомендовавшись бывшимъ каторжни-

Библиотека "Руниверс"

Иванъ Петровичъ Моллеріусъ.

комъ, разсказалъ, какъ его въ качествѣ ссыльнаго обидѣлъ полицей-мейстеръ, какъ онъ лично явился на пріемъ къ покойному и какъ послѣдній оказалъ ему справедливую защиту. По словамъ неизвѣстнаго, покойный такъ же справедливо и гуманно относился ко всѣмъ каторжникамъ и ссыльнымъ, и послѣдніе, въ количествѣ 10,000 человѣкъ, поручили неизвѣстному, отбывшему срокъ наказанія и от-

Библиотека "Руниверс"

правлявшемуся въ Петербургъ, передать И. П. ихъ глубокое уваженіе и искреннюю благодарность за его неизмѣнно справедливое и человѣческое къ нимъ отношеніе. Этого порученія, однако, ораторъ не успѣлъ исполнить, такъ какъ прибылъ въ Петербургъ только въ день похоронъ И. П., и поэтому онъ явился сюда, на кладбище, исполнить свой долгъ. Свою нервную, горячую, искреннюю, произведшую на всѣхъ присутствовавшихъ неизгладимое впечатлѣніе рѣчь неизвѣстный закончилъ словами: «главную заповѣдь— «люби ближняго, какъ самого себя», И. П. исполнилъ, какъ никто другой, и сорокъ мытарствъ онъ прошелъ уже на землѣ и поэтому душа его теперь въ Царствѣ Небесномъ».

Благодаря такимъ качествамъ, покойный пользовался громадной популярностью среди всѣхъ слоевъ населенія Иркутска—этого въ то время безпокойнаго города—и чувствовалъ себя поэтому въ совершенной безопасности. Такъ, напримѣръ, несмотря на то, что всѣ тамъ запасались на всякій случай револьверами, Моллеріусъ, который часто ходилъ одинъ по всему городу, днемъ и ночью, никогда не бралъ съ собою никакого оружія: «меня никто не обидитъ»— говорилъ онъ съ благородной увѣренностью, и дѣйствительно никто его не тронулъ. Безъ всякаго оружія и безъ сопровождающихъ покойный ѣздилъ также по дѣламъ службы и въ отдаленнѣйшія мѣста губерніи, никогда не требуя никакихъ встрѣчъ и никого не безпокоя, говоря, что его интересуетъ знать, какъ идутъ дѣла въ обыкновенное время, а не тогда, когда ждутъ губернатора.

Выработавъ въ себѣ удивительную сдержанность и спокойствіе, И. П. ни при какихъ обстоятельствахъ не терялся и, какъ талантливый и находчивый администраторъ, всегда умѣлъ воздѣйствовать на толпу. Такъ, какъ-то въ Иркутскѣ возникли безпорядки на базарной площади, о которыхъ по телефону сейчасъ же былъ извѣщенъ И. П. Не говоря никому ни слова, онъ немедленно одинъ пѣшкомъ отправился туда и такъ подѣйствовалъ своимъ спокойнымъ голосомъ и убѣдительной рѣчью на разношерстную и небезопасную толпу, что волненіе быстро улеглось—прежде, чѣмъ прибыла полиція. Въ другой разъ во временномъ деревянномъ театрѣ кто-то крикнулъ «пожаръ», и всѣ, какъ одинъ, въ паникѣ бросились къ выходамъ. Тогда И. П. изъ губернаторской ложи громко обратился къ публикѣ съ нѣсколькими шутливыми, полными юмора словами и этимъ успокоилъ и вернулъ ее обратно, предупредивъ такимъ образомъ большое несчастіе. Аналогичные случаи произошли также при возникшихъ на площади города Иркутска серьезныхъ безпорядкахъ среди призванныхъ запасныхъ и при бунтѣ арестантовъ въ мѣстной тюрьмѣ, когда покойный, явившись немедленно на мѣсто происшествія, одной своей удивительно мужественной и спокойной рѣчью заставилъ повиноваться бушующую толпу.

Библиотека "Руниверс"

Пятнадцатилѣтніе усиленные труды въ суровомъ сибирскомъ климатѣ, однако, не могли не оказать весьма вреднаго вліянія на здоровье покойнаго, и, когда желѣзнодорожныя работы въ Иркутской губерніи, коимъ И. П. придавалъ весьма важное значеніе и которыми особенно интересовался, съ открытіемъ движенія по Кругобайкальской желѣзной дорогѣ были закончены, онъ возбудилъ ходатайство о переводѣ его въ Петербургъ для поправленія здоровья. Въ виду этого онъ 18-го февраля 1905 года былъ назначенъ членомъ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ, но уже 21-го января 1906 года, когда здоровье И. П. нѣсколько окрѣпло, министерство нашло необходимымъ вновь назначить его на прежнее мѣсто иркутскаго губернатора, каковое онъ занималъ до 12-го мая 1908 года, когда, вслѣдствіе недоразумѣній съ высшей военною властью въ краѣ, онъ вышелъ въ отставку.

Уходъ И. П. изъ Иркутска сопровождался всеобщимъ сожалѣніемъ, и проводы его носили трогательный характеръ. Всѣ слои общества наперерывъ высказывали ему свои глубокія симпатіи и благодарили за его чисто отеческое, доброе, благожелательное отношеніе. Была поднесена масса адресовъ, подчеркивавшихъ обаятельныя душевныя качества покойнаго и выражавшихъ глубокое сожалѣніе по поводу его ухода...

Однако министръ внутреннихъ дѣлъ, статсъ-секретарь П. А. Столыпинъ, хорошо оцѣнившій выдающіяся качества И. П. и вполнѣ довѣрявшій ему, счелъ необходимымъ вновь пригласить его на службу въ министерство, и 23-го августа 1908 года И. П. былъ вторично назначенъ членомъ совѣта министровъ, каковую должность занималъ до своей кончины. Помимо цѣлаго ряда важныхъ ревизіонныхъ порученій, на покойнаго было возложено участіе въ завѣдываніи продовольственнымъ дѣломъ въ имперіи и во всевозможныхъ междувѣдомственныхъ комиссіяхъ, а также исполненіе обязанностей товарища министра по присутствованію за министра внутреннихъ дѣлъ въ правительствующемъ сенатѣ и въ высшихъ государственныхъ установленіяхъ. Послѣднее порученіе въ особенности потребовало отъ него громаднаго труда. Еженедѣльно два раза происходили засѣданія въ сенатѣ, гдѣ Моллеріусъ являлся замѣстителемъ министра внутреннихъ дѣлъ и давалъ заключенія по каждому изъ разсматриваемыхъ сложныхъ дѣлъ, которыя за нѣсколько дней до дня засѣданія присылались покойный сотнями на домъ для предварительнаго ознакомленія съ ними. Со свойственною И. П. рѣдкою добросовѣстностью онъ изучалъ каждое изъ нихъ, собиралъ матеріалы и всевозможныя справки, зачастую просиживая часами въ публичной библіотекѣ надъ разработкой какого-либо сложнаго юридическаго вопроса. Понятно, что, будучи постоянно занятъ днемъ въ разныхъ комиссіяхъ и въ управленіи сельской продовольственной части, гдѣ онъ въ послѣднее

Библиотека "Руниверс"

время принималъ горячее участіе въ составленіи правилъ объ организаціи общественныхъ работъ въ неурожайные годы, взамѣнъ выдачи продовольственныхъ ссудъ, и руководилъ составленіемъ денежно-матеріальнаго отчета по продовольственной кампаніи 1911—1912 г.г., покойный для изученія сенатскихъ дѣлъ и для подписи присылаемыхъ ему изъ министерства цѣлыхъ грудъ бумагъ долженъ былъ посвящать ночи. Эта-то непрерывная тяжкая работа и подорвала силы И. П. Моллеріуса, переутомила его чуткое сердце и сразила примѣрнаго труженика, рыцаря долга... И ни одной жалобы, ни даже неудовольствія на такое переобремененіе онъ никогда никому не высказывалъ, напротивъ, онъ всегда казался бодрымъ, довольнымъ, живо интересовался всякимъ возлагаемымъ на него дѣломъ, изучалъ его всесторонне и, будучи незаурядным юристомъ и хорошимъ ораторомъ, въ случаяхъ разногласія успѣшно защищалъ свое мнѣніе. Лишь изрѣдка онъ выражалъ сожалѣніе, что масса работы лишаетъ его возможности продолжить предпринятый имъ давно обширный трудъ «Руководство для полицейскихъ чиновъ», первый томъ котораго въ 566 страницъ появился въ 1911 году. Подъ этимъ скромнымъ названіемъ покойный задумалъ выпустить капитальную работу, являющуюся результатомъ своей свыше тридцатипятилѣтней богатой административной практики. Здѣсь не мѣсто входить въ подробную оцѣнку этого классическаго для каждаго начальника полиціи и вообще для администратора труда, но для характеристики всего этого сочиненія слѣдуетъ отмѣтить интересный эпиграфъ книги: «сила полиціи не въ правахъ ея, а въ энергичномъ и законномѣрномъ исполненіи обязанностей».

Кромѣ этого сочиненія, къ сожалѣнію, не законченнаго, и ряда статей спеціальнаго характера, покойнымъ были изданы: въ 1880 году «Руководство для полицейскихъ урядниковъ по предупрежденію, пресѣченію и изслѣдованію преступленій» и въ 1911 году— «Очеркъ противогосударственныхъ ученій». Въ особенности интересенъ послѣдній трудъ покойнаго, обнаруживающій огромную эрудицію автора въ вопросахъ политико-экономическаго характера и широкое знакомство его съ литературой трактуемаго предмета.

Въ заключеніе этого краткаго очерка слѣдуетъ еще отмѣтить, что И. П., помимо несенія своихъ прямыхъ служебныхъ обязанностей, принималъ живое участіе также въ нѣкоторыхъ ученыхъ обществахъ, такъ, напримѣръ, онъ состоялъ дѣйствительнымъ членомъ императорскаго русскаго географическаго общества, императорскаго минералогическаго общества и другихъ.

Вѣсть о неожиданной кончинѣ И. П. поразила глубокою скорбью всѣхъ знавшихъ его, и память объ этомъ выдающемся труженикѣ, непрерывно служившемъ великимъ идеаламъ права и любви къ ближнимъ, сохранится навсегда. **О. С.**

Библиотека "Руниверс"

РАЗВѢНЧАННЫЕ ГЕРОИ РЕВОЛЮЦІИ 1905 ГОДА [1].

I). Г. С. Хрусталевъ-Носарь.

XXXI.

ПРЕДѢЛЯЯ «составъ, функціи и политическую физіономію совѣта рабочихъ депутатовъ», историкъ этого совѣта Г. С. Хрусталевъ-Носарь показываетъ, что общее число депутатовъ совѣта ко второй половинѣ ноября достигло 562 человѣкъ. Въ совѣтѣ было представлено 147 фабрикъ и заводовъ, 34 мастерскія и 16 профессіональныхъ союзовъ. Изъ общаго числа депутатовъ на долю профессіональныхъ союзовъ приходилось 54 депутата, а фабрики, заводы и мастерскія были представлены 508 депутатами. По полу депутаты распредѣлялись: 6 женщинъ и 556 мужчинъ. По участію въ голосованіи 553 депутата пользовались рѣшающимъ голосомъ и 9 совѣщательными (отъ желѣзнодорожнаго союза и почтово-телеграфнаго союза). По производствамъ весь составъ Совѣта распадался на слѣдующія группы:

1) Отъ рабочихъ, занятыхъ обработкой металловъ—351.
2) Отъ рабочихъ по обработкѣ волокнистыхъ веществъ—57.
3) Отъ рабочихъ печатнаго и бумажнаго производствъ —32.
4) Отъ рабочихъ по обработкѣ дерева—23.

[1] Продолженіе. См. «Истор. Вѣстникъ», т. CXXXIV, стр. 231.

Библиотека "Руниверс"

5) Отъ рабочихъ резиноваго, сапожнаго и кожевеннаго производствъ—15.

6) Отъ рабочихъ табачнаго производства—13.

7) Отъ рабочихъ конфетныхъ фабрикъ—7.

8) Отъ рабочихъ освѣтительныхъ предпріятій—7.

9) Отъ рабочихъ производства по обработкѣ химическихъ продуктовъ—9.

10) Отъ рабочихъ производства взрывчатыхъ веществъ—11.

11) Отъ рабочихъ стекляннаго производства—3.

12) Отъ рабочихъ, изготовляющихъ платье и бѣлье—2.

13) Отъ рабочихъ часового и ювелирнаго производствъ—2.

14) Отъ служащихъ и рабочихъ, обслуживающихъ пути и средства сообщенія—11.

15) Отъ служащихъ и рабочихъ въ торговыхъ заведеніяхъ—12.

16) Отъ лицъ, занятыхъ въ конторахъ и аптекахъ—7.

Изъ приведенныхъ цифръ видно, что преобладающее количество депутатовъ приходилось на долю металлическихъ заводовъ. Они не только составляли большинство, имъ принадлежала и руководящая роль.

Въ первое время своего существованія совѣтъ выполнялъ функціи стачечнаго комитета. Затѣмъ совѣтъ явился примирительной камерой въ конфликтахъ между трудомъ и капиталомъ. Совѣтъ принималъ мѣры къ открытію заводовъ и обратному пріему уволенныхъ рабочихъ. Обслуживая рабочую массу на почвѣ повседневныхъ нуждъ, совѣтъ замѣнялъ профессіональныя организаціи. Совѣтъ въ одно и то же время былъ профессіональной конфедераціей всѣхъ рабочихъ Петербурга и центральнымъ бюро профессіональныхъ союзовъ. Совѣтъ не только призывалъ рабочія массы къ организаціи боевыхъ профессіональныхъ союзовъ, совѣтъ самъ организовывалъ ихъ. Въ октябрьскую стачку въ совѣтѣ участвовали четыре профессіональныхъ союза, въ ноябрьскіе дни въ совѣтъ входятъ представители шестнадцати профессіональныхъ союзовъ.

Итоги дѣятельности совѣта въ протокольной формѣ могутъ быть представлены въ слѣдующемъ видѣ: совѣтъ рабочихъ депутатовъ провелъ три стачки въ Петербургѣ (октябрьскую, ноябрьскую и почтово-телеграфную), выпустилъ до полмилліона воззваній и извѣстій къ рабочимъ, солдатамъ и другимъ слоямъ населенія, провозгласилъ свободу печати и неуклонно проводилъ ее въ октябрьскіе и ноябрьскіе дни въ Петербургѣ. Совѣтъ пытался ввести восьмичасовой рабочій день, создалъ самооборону и приступилъ къ вооруженію рабочихъ, организовалъ помощь безработнымъ, объединилъ всѣхъ петербургскихъ рабочихъ, приступилъ къ объединенію всего рабочаго класса Россіи въ видѣ мѣстныхъ совѣтовъ и всероссійскаго съѣзда и вступилъ въ тѣсныя

Библиотека "Руниверс"

сношенія со всѣми боевыми организаціями для совмѣстной дѣятельности. Совѣтъ же усилилъ сближеніе революціоннаго пролетаріата съ революціонной арміей.

«Во имя чего производилась вся эта объединительная работа?— спрашиваетъ Хрусталевъ-Носарь и даетъ слѣдующій отвѣтъ: «Во имя полновластнаго, всенароднаго учредительнаго собранія для установленія демократической республики, во имя восьмичасового рабочаго дня, во имя политическихъ свободъ, народной милиціи... Отрицательная программа резюмировалась: полнымъ сверженіемъ существующаго строя, распущеніемъ постоянной арміи, уничтоженіемъ исключительныхъ законовъ. Положительныя требованія программы не сразу явились на совѣтскомъ знамени. Совѣтъ не былъ политической партіей, не былъ кружкомъ заговорщиковъ въ родѣ карбонаріевъ или гетеристовъ. Члены его не рекрутировались изъ рядовъ политическихъ единомышленниковъ, при самомъ вступленіи раздѣлявшихъ основныя требованія партіи или «сообщества». Совѣтъ былъ выборной пролетарской организаціей. Программа совѣта, вся его дѣятельность, тактика опредѣлялась составомъ депутатовъ, вліяніемъ и настроеніемъ всей рабочей массы. Отправляя своихъ депутатовъ въ совѣтъ, избиратели иногда давали имъ императивные мандаты. При возникновеніи совѣта большинство депутатовъ и почти вся рабочая масса была проникнута однимъ ясно формулированнымъ отрицательнымъ стремленіемъ—свергнуть существующій строй. Эта психологическая основа объединяла всѣхъ. Въ процессѣ борьбы вырабатывались политическія требованія, выдвигались новыя орудія борьбы. «Политическая стачка показала, что она—превосходное средство борьбы. Но что не дали стачки, то дастъ вооруженное возстаніе», говорилось въ руководящей статьѣ «Извѣстій».

«Политическая стачка и вооруженное возстаніе провозглашаются совѣтомъ методами борьбы съ существующимъ строемъ. Программа совѣта и его методы борьбы раздѣлялись всей рабочей массой, они признавались революціонной демократіей, крестьянскимъ союзомъ и другими организаціями. Въ совѣтѣ сходились на почвѣ революціонныхъ лозунговъ рабочіе соціалъ-демократы, рабочіе соціалисты-революціонеры и рабочіе внѣпартійные. Сила совѣта была въ томъ, что онъ объединялъ весь пролетаріатъ Петербурга. Совѣтъ былъ центромъ революціонной энергіи пролетаріата. Всегда когда приходятъ въ движенія народныя массы, онѣ концентрируютъ весь свой революціонный пылъ въ опредѣленныхъ руководящихъ организаціяхъ. Въ отдѣльныхъ случаяхъ массамъ не приходится создавать новыхъ организаціонныхъ формъ, руководительство переходитъ къ существующимъ организаціямъ. Въ Польшѣ и Литвѣ пролетаріатъ не создавалъ массовыхъ организацій. Проведеніе стачекъ и руководство выступленіемъ рабочихъ перешло въ

Библиотека "Руниверс"

сильныя организаціонныя руки бунда, соціалъ-демократіи Польши и Литвы и польской соціалистической партіи. Политическія условія русской дѣятельности загнали соціалъ-демократію въ подполье. Несмотря на сильное идейное вліяніе, которое оказывала русская соціалъ-демократія на ростъ и форму рабочаго движенія, соціалъ-демократія, благодаря подпольному существованію, была безсильна организаціонно охватить рабочую стихію, пришедшую въ движеніе въ октябрьскіе дни.

«Создалась новая организація—совѣтъ рабочихъ депутатовъ. Совѣтъ называли рабочимъ парламентомъ. Такое названіе, съ нѣкоторыми ограниченіями, совершенно вѣрно. Совѣтъ былъ выборнымъ учрежденіемъ, тактика его опредѣлялась взаимодѣйствіемъ всѣхъ входящихъ въ него элементовъ, идейной борьбой внутри. Совѣтъ былъ законодательнымъ органомъ для рабочей массы. При сходствѣ совѣта съ парламентомъ были, конечно, и внѣшнія различія. Депутаты совѣта представляли интересы одного класса. Совѣтъ не располагалъ государственнымъ аппаратомъ для приведенія въ дѣйствіе своихъ постановленій. Имъ подчинялись imperio rationis, sed non ratione imperii (вслѣдствіе нравственнаго авторитета, а не подъ воздѣйствіемъ матеріальной силы).

«Рабочій парламентъ», борясь съ врагами крайняго праваго крыла—капиталистами и абсолютизмомъ,—долженъ былъ парировать удары и слѣва. Соціалъ-демократическая фракція «большинства» требовала «выяснепія политической физіономіи совѣта». Что это значило? Развѣ его физіономія не выяснилась въ октябрьскіе и ноябрьскіе дни? Развѣ свои лозунги совѣтъ не черпалъ изъ программы минимума? Фракція «большинства» опредѣленно ставила диллему: или совѣтъ долженъ принять соціалъ-демократическую программу, или совѣтъ долженъ быть распущенъ. По аргументаціи фракціи «большинства», неопредѣленная политическая амальгама, какъ совѣтъ, не можетъ быть политическимъ руководителемъ рабочаго класса. Вопросъ былъ поставленъ въ формѣ «или—или»... Въ совѣтѣ были, хотя въ незначительномъ количествѣ, рабочіе соціалисты-революціонеры. Конечно, они не могли принять соціалъ-демократическаго крещенія въ формѣ перваго «или». Возможно, что противъ такого формальнаго обращенія совѣта въ соціалъ-демократію возстали бы и многіе безпартійные. Разрѣшеніе постановленнаго «большевиками» вопроса въ самомъ совѣтѣ, путемъ голосованія привело бы къ расколу. Часть депутатовъ вышла бы изъ состава совѣта. Объ этомъ опредѣленно говорило заявленіе депутатовъ соціалистовъ-революціонеровъ въ № 4 «Новой Жизни». Вотъ этотъ документъ:

«Въ виду появившагося въ № 1 газеты «Новая Жизнь» сообщенія о томъ, что федеративный комитетъ «большинства» и «меньшинства» обсуждалъ вопросъ о присоединеніи совѣта рабочихъ депутатовъ къ

Библиотека "Руниверс"

соціалъ-демократической рабочей партіи, какъ единственной представительницѣ интересовъ рабочихъ, мы, делегаты совѣта рабочихъ депутатовъ, члены партіи соціалистовъ-революціонеровъ, въ собраніи своемъ постановили заявить на ближайшемъ общемъ собраніи совѣта рабочихъ депутатовъ:

«1) Что совѣтъ избирался для представленія интересовъ всѣхъ рабочихъ гор. Петербурга безъ различія партій, поэтому объявлять себя присоединившимся къ какой-либо партіи совѣтъ рабочихъ депутатовъ не имѣетъ права.

«2) Что если соціалъ-демократическая рабочая партія, пользуясь большинствомъ въ совѣтѣ рабочихъ депутатовъ, проведетъ объявленіе его соціалъ-демократическимъ, мы, делегаты соціалисты-революціонеры, обратимся къ выбравшимъ насъ товарищамъ съ просьбой разсудить, въ правѣ ли былъ совѣтъ обратиться къ партійную организацію.

«3) Мы, делегаты совѣта рабочихъ соціалъ-революціонеровъ, заявляемъ, что утвержденіе федеративнаго комитета соціалъ-демократовъ о томъ, что ихъ партія является единственной представительницей интересовъ рабочихъ, не соотвѣтствуетъ истинѣ, такъ какъ партія соціалъ-революціонеровъ, какъ выразительница интересовъ всего трудового рабочаго народа, является, слѣдовательно, и представительницей интересовъ пролетаріата».

«Выиграла бы соціалъ-демократическая партія, если бы оставшіеся депутаты совѣта заявили о своемъ присоединеніи къ партіи»? спрашиваетъ авторъ и утверждаетъ: «Развѣ двѣсти тысячъ рабочихъ могли мгновенно превратиться въ соціалъ-демократовъ отъ одного голосованія программы на засѣданіяхъ совѣта? Подобная постановка вопроса, даже внѣшне не увеличивая силъ партіи, грозила разбить мощную классовую, революціонную организацію пролетаріата. Жизненная стихія сняла съ очереди этотъ вопросъ».

Характеризуя роль главнаго рабочаго органа совѣта рабочихъ депутатовъ, Хрусталевъ именуетъ его «отвѣтственнымъ совѣтскимъ министерствомъ», причемъ, по его словамъ, члены комитета были своего рода «министрами безъ портфелей». «Тѣ отношенія,—говоритъ онъ,—въ которыя поставленъ былъ исполнительный комитетъ къ совѣту и функціи исполнительнаго комитета даютъ основаніе настаивать на аналогіи. Комитету принадлежала исполнительная власть. Онъ могъ дѣйствовать и дѣйствовалъ въ предѣлахъ данныхъ ему совѣтомъ полномочій. Онъ приводилъ въ исполненіе постановленія совѣта. Отмѣчая исполнительныя функціи комитета, я не думаю отрицать идейнаго руководства его въ совѣтѣ, его идейной иниціативы. Какъ бы ни велика была роль исполнительнаго комитета въ этой области (а она была, безусловно, громадна)—фактически онъ не могъ и не имѣлъ права самостоятельно и на свой страхъ декретировать тактику и давать лозунги борьбы. Поведеніе пролетаріата опредѣлялось только рѣшеніемъ совѣта, санкціей его обусловлено было все практическое поведеніе исполнительнаго комитета. Исполнительный комитетъ

Библиотека "Руниверс"

предлагалъ, совѣтъ обсуждалъ и принималъ. Тактика борьбы, разрѣшеніе тѣхъ или иныхъ практическихъ вопросовъ обсуждалось предварительно въ исполнительномъ комитетѣ. И только послѣ принятія опредѣленнаго рѣшенія всѣмъ исполнительнымъ комитетомъ или большинствомъ его членовъ вопросъ переносился въ опредѣленной формулировкѣ на обсужденіе совѣта. Открывались пренія, зачастую бурныя и страстныя. Дебаты иногда переносились съ одного засѣданія на другое, какъ, напримѣръ, 12-го и 13-го ноября по вопросу о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ. Передъ самымъ голосованіемъ опрашивались отдѣльные районы. Новые факты, новыя извѣстія побуждали исполнительный комитетъ пересмотрѣть свои предложенія, вновь обсудить вопросъ въ исполнительномъ комитетѣ. Засѣданіе совѣта прерывалось. Рабочіе разбивались по районамъ и обсуждали вопросъ. Исполнительный комитетъ удалялся на совѣщаніе. Послѣ перерыва вновь открывались пренія. Исполнительный комитетъ защиту своего предложенія поручалъ одному изъ своихъ членовъ. Это не была греческая «агора», отвѣчавшая безъ обсужденія на предложенія архонтовъ: да или нѣтъ. Освѣтивши вопросъ детально и учтя настроеніе своихъ избирателей, совѣтъ принималъ свои рѣшенія.

«Засѣданія совѣта представляли интересную картину. Вдругъ выросшій, какъ сказочный герой, пролетаріатъ въ рабочемъ парламентѣ проявлялъ удивительную работоспособность, вдумчивость, дисциплинированность. Страстная горячность революціоннаго депутата повышала настроеніе, не вредя продуктивности работы. Пролетаріатъ образцово постигъ строй парламентской жизни. Наблюдатели изъ интеллигентовъ не разъ дивились этой чертѣ рабочаго, вчера еще ютившагося на задворкахъ жизни, а сегодня вносившаго «поправку къ порядку дня». Изъ всѣхъ постановленій исполнительнаго комитета всего два формально не санкціонированы совѣтомъ. Я указываю на захватъ типографій для печатанія «Извѣстій Совѣта» и на объявленіе исполнительнаго комитета объ изъятіи вкладовъ изъ государственныхъ сберегательныхъ кассъ. По существу совѣтъ въ томъ и другомъ случаѣ не только не возражалъ противъ тактики исполнительнаго комитета, но ее одобрялъ. 14-го октября совѣтъ возложилъ на нѣсколькихъ лицъ, вошедшихъ впослѣдствіи въ исполнительный комитетъ, обязанность обслуживать рабочихъ бюллетенями, содержащими въ себѣ хронику, телеграммы и т. д. Это привело къ выходу «Извѣстій». Картина захвата типографій сообщалась на засѣданіяхъ совѣта и встрѣчала общее сочувствіе. Не разъ совѣтъ изъ своей среды выдѣлялъ дружинниковъ для охраны типографій, въ которыхъ печатались «Извѣстія». Второе постановленіе исполнительнаго комитета состоялось 22-го ноября, и 23-го было оглашено въ петербургскихъ газетахъ. Въ немъ говорилось: «Исполнительный коми-

Библиотека "Руниверс"

тетъ совѣта рабочихъ депутатовъ въ засѣданіи 22-го ноября признялъ необходимымъ въ виду наступающаго банкротства, чтобы рабочій классъ и всѣ бѣдные слои населенія брали свои вклады изъ сберегательныхъ кассъ и требовали всякихъ расплатъ, въ томъ числѣ и полученія заработной платы звонкой монетой». По существу это предложеніе было предрѣшено, хотя формально и не ставилось на голосованіи 19-го ноября, когда возбужденъ былъ вопросъ о возможности близкаго финансоваго банкротства русскаго правительства. Что исполнительный комитетъ только резюмировалъ мнѣніе совѣта, это подтвердило недалекое будущее—выпускъ манифеста.

«Исполнительный комитетъ возникъ 17-го октября. Въ составъ его входило 31 человѣкъ: 22 депутата и 9 представителей партій. Въ виду массы работы, выпадавшей на долю исполнительнаго комитета, и физической невозможности двумъ членамъ исполнительнаго комитета обслуживать районъ, 19-го ноября совѣтъ постановилъ увеличить районное представительство въ исполнительномъ комитетѣ до 4 депутатовъ. Къ этому времени въ исполнительный комитетъ вошли три представителя отъ петербургскихъ желѣзныхъ дорогъ и три отъ почтово-телеграфнаго союза. Число членовъ исполнительнаго комитета отъ рабочихъ районовъ было 28, отъ профессіональныхъ союзовъ—13 и отъ соціалистическихъ партій—9. Изъ общаго числа членовъ 35 человѣкъ пользовались рѣшающимъ голосомъ, а 15 (представители партій и делегаты почтово-телеграфнаго союза и желѣзныхъ дорогъ)—совѣщательнымъ. Изъ 28 районныхъ членовъ исполнительнаго комитета—26 приходилось на заводы и 2—на фабрики. Выборы членовъ исполнительнаго комитета производились двухстепенной подачей голосовъ. Всѣ депутаты даннаго района изъ своей среды выбирали членовъ въ исполнительный комитетъ».

XXXII.

Я уже говорилъ объ отношеніяхъ разныхъ политическихъ группъ къ политикѣ пролетаріата и совѣту, но въ интересахъ полноты настоящаго очерка отмѣчу и свидѣтельство по сему предмету самого Хрусталева-Носаря. Онъ говоритъ: «Рабочіе называли совѣтъ «пролетарскимъ правительствомъ». Правительство графа Витте этого не говорило, хотя и не опровергало пролетарской квалификаціи. Признать совѣтъ новымъ правительствомъ графъ Витте не могъ. Такое признаніе обязывало или передать юридически власть въ руки совѣта, или вступить съ нимъ въ борьбу. Первое было не выгодно, для второго графъ Витте былъ еще слабъ. На почвѣ силы совѣта и слабости правительства создались своеобразныя отношенія. Совѣтъ открыто призывалъ и организовывалъ революціонныя силы страны для свержения абсолютизма. А послѣдній, которому совѣтъ

Библиотека "Руниверс"

открыто объявлялъ о своихъ силахъ, этотъ абсолютизмъ въ лицѣ графа Витте, Дедюлина, Бирилева, Редигера вступалъ въ переговоры съ совѣтомъ, исполнялъ его требованія, признавалъ за нимъ право экстерриторіальности...

«Въ чемъ же скрывался секретъ этихъ странныхъ отношеній? Въ силѣ совѣта, съ одной стороны, въ растерянномъ безсиліи правительства, съ другой. Не расположеніемъ графа Витте къ революціи надо объяснять то, что передъ депутатами совѣта открывались «завѣтныя» двери премьера. Силу могутъ не любить, могутъ ненавидѣть, но не считаться съ нею не могутъ. Въ какомъ бы видѣ ни явилась сила, не вѣрящіе въ свою мощь изъ простого расчета вступятъ съ нею въ переговоры, не дерзнутъ отвергнуть ея требованія. Депутатовъ совѣта графъ Витте принималъ въ то время, когда отказывалось въ пріемѣ генераламъ. Такъ было, по крайней мѣрѣ, 13-го октября. Депутаты требовали освобожденія арестованныхъ у Казанскаго собора членовъ совѣта. Послѣдніе были освобождены. Но этого мало. Передъ освобожденіемъ полиція явилась въ совѣтъ для установленія факта: дѣйствительно ли арестованные—депутаты совѣта и командированы совѣтомъ на Казанскую площадь? И та же полиція въ тотъ же день пыталась разогнать собраніе союза союзовъ, засѣдавшее въ вольно-экономическомъ обществѣ. Въ одномъ случаѣ полиція не только не разгоняетъ рабочаго собранія, явно революціоннаго, засѣдавшаго безъ соблюденія закона 12-го октября, но своимъ обращеніемъ за удостовѣреніемъ къ совѣту санкціонируетъ правомѣрность этого собранія. Въ другомъ случаѣ полиція разгоняетъ кучку интеллигентовъ, собравшуюся съ соблюденіемъ формальныхъ требованій закона 12-го октября. Такое поведеніе объяснялось отнюдь не попустительствомъ и расположеніемъ полиціи къ рабочимъ. Тамъ, гдѣ полиція ожидала встрѣтить отпоръ, массовое сопротивленіе, могущія вызвать на улицу рабочихъ, полиція бездѣйствовала. «Совѣтъ рабочихъ депутатова совсѣмъ другое дѣло». Эту мысль удачно выразилъ градоначальникъ Дедюлинъ. Эта фраза была сказана при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Послѣ закрытія полиціей одного изъ интеллигентскихъ собраній въ вольно-экономическомъ обществѣ предсѣдатель второго отдѣленія этого общества проф. Явейнъ обратился къ градоначальнику за разъясненіемъ. «Собраніе закрыто потому, —говорилъ градоначальникъ:—что оно состоялось безъ соблюденія закона 12-го октября. Если собраніе будетъ по *именнымъ* повѣсткамъ *и при сравнительно небольшомъ* числѣ участниковъ, то на такихъ собраніяхъ не будетъ присутствовать полиція». Когда же проф. Явейнъ сослался на практику совѣта, у градоначальника вырвалось: «Совѣтъ рабочихъ депутатовъ совсѣмъ другое дѣло». Градоначальникъ Дедюлинъ былъ правъ. На засѣданіяхъ совѣта полиція не присутствовала, хотя входъ былъ не по именнымъ по-

Библиотека "Руниверс"

вѣсткамъ, а число участниковъ (считая въ томъ числѣ и гостей) доходило иногда до 2—3 тысячъ человѣкъ. Полиція ограничивалась тѣмъ, что въ видѣ почетной стражи располагалась у входныхъ дверей на улицѣ. Совѣтъ пользовался правомъ экстерриторіальности.

«Но по мѣрѣ того, какъ правительство приходило въ себя отъ охватившей его паники въ октябрьскіе дни, по мѣрѣ того, какъ оно мобилизовало контръ-революціонныя силы страны, отношеніе правительства къ совѣту мѣнялось. Не вѣря въ свои силы, графъ Витте не рѣшался самъ открыто раздавить совѣтъ рабочихъ депутатовъ. По его плану и личному содѣйствію выбросили тысячи рабочихъ на мостовую. Этимъ предполагалось достигнуть двоякаго рода результатовъ: во-первыхъ, отрѣзать рабочихъ отъ совѣта, т. е. косвеннымъ путемъ уничтожить силу совѣта, и, во-вторыхъ, сломить революціонную энергію самого пролетаріата. Такъ велась закулисная компанія противъ пролетаріата. Въ сношеніяхъ же съ рабочими министра попрежнему были словоохотливы и исполняли требованія совѣта. 8-го ноября депутаты совѣта требовали отъ морского министра Бирилева и военнаго Редигера открытія казенныхъ заводовъ. Заводы были открыты. Въ это же время графъ Витте и генералъ Редигеръ подписываются на рабочую газету. За невыходомъ «Извѣстій совѣта рабочихъ депутатовъ» имъ посылается «Печатный Вѣстникъ». Министры вели тонкую дипломатическую игру. Градоначальникъ Дедюлинъ былъ откровеннѣе. Уже 3-го ноября онъ взываетъ къ мужеству петербургскаго населенія для борьбы съ совѣтомъ. На расклеенныя объявленія градоначальника совѣтъ отвѣчалъ въ газетахъ:

«С.-петербургскій градоначальникъ объявляетъ отъ 3-го ноября, что совѣтъ рабочихъ депутатовъ «надоѣлъ» петербургскому населенію и призываетъ это населеніе проявить болѣе мужества въ борьбѣ съ нами.

«Очевидно, г. градоначальникъ подъ населеніемъ понимаетъ ту его часть, съ которой находится въ постоянной связи, т.-е черными сотнями.

«Совѣтъ рабочихъ депутатовъ обращается ко всему честному населенію и приглашаетъ его сплотиться противъ хулигановъ, къ мужеству которыхъ взываетъ правительство.

«Совѣтъ рабочихъ депутатовъ выражаетъ увѣренность, что близкія событія покажутъ, кто надоѣлъ странѣ: революціонный пролетаріатъ или правительственные хулиганы».

«Откровенныя выступленія градоначальника сдерживались двойной игрой министровъ. 7-го ноября по предписанію градоначальника произведено было нападеніе полиціи и войскъ на помѣщеніе совѣта и союза рабочихъ печатнаго дѣла. Предполагалась конфискація № 7 «Извѣстій». Представители совѣта и союза отвѣтили,

Библиотека "Руниверс"

что уступятъ только силѣ. Министръ торговли и промышленности, какъ намъ сообщили, предложилъ градоначальнику «не раздражать рабочихъ». Полиція отступила. 10-го ноября градоначальникъ вооруженной силой преграждаетъ доступъ депутатамъ въ Соляной Городокъ на очередное засѣданіе совѣта. И тотъ же градоначальникъ разрѣшаетъ всѣ послѣдующія собранія совѣта въ вольно-экономическомъ обществѣ, безъ соблюденія формальныхъ требованій закона 12-го октября. 19-го октября градоначальникъ заявляетъ депутату Александровскаго завода, арестованному на Казанской площади, что отобранный у него револьверъ будетъ возвращенъ, и что за ношеніе оружія безъ разрѣшенія онъ не будетъ подлежать отвѣтственности въ порядкѣ обязательныхъ правилъ. «Вѣдь вы для самообороны носили револьверъ?» спрашиваетъ градоначальникъ. А послѣ того, какъ растерявшееся правительство пришло въ себя и мобилизовало контръ-революціонныя силы, градоначальникъ Дедюлинъ приговорилъ того же самаго депутата къ трехмѣсячному аресту «за недозволенное ношеніе огнестрѣльнаго оружія». Открыто правительство измѣнило свой курсъ по отношенію къ совѣту 19-го ноября. Въ этотъ день, какъ свидѣтельствуютъ секретные документы охраннаго отдѣленія, рѣшенъ былъ арестъ предсѣдателя совѣта. Правительство производило развѣдки, нащупывало силы противника. За рекогносцировкой началась контръ-революціонная баталія правительства».

Со словъ г. Стрѣльскаго я уже отмѣчалъ любопытное отношеніе общества къ движенію среди пролетаріата и отмѣтилъ то разслоеніе политическихъ партій, которое создалось благодаря манифесту 17-го октября. Согласно сказанному автору, и г. Хрусталевъ-Носарь думаетъ по сему предмету однородно, утверждая, что «всеобщая октябрьская стачка была до извѣстной степени общенаціональнымъ протестомъ противъ феодально-полицейскаго строя. Одни сознательно вливались въ стачечное русло, другихъ втягивала стачечная стихія. Рабочая масса выносила всю тяжесть забастовки на своихъ плечахъ. Такъ называемое общество сочувствовало стачкѣ. Небольшія реакціонныя группы не рѣшались бороться съ нею. Но сожительство буржуазіи съ пролетаріатомъ было кратковременнымъ. Съ 17-го октября начинается разслоеніе. Лѣвое крыло буржуазіи открыто заявляетъ о томъ, что пора отмежеваться слѣва и справа. «Мы должны вырвать дорогую отчизну изъ рукъ тѣхъ, кто ее поставилъ на край гибели, и не дать въ руки тѣхъ, кто готовъ ее бросить въ водоворотъ соціальной революціи или нашей русской пугачевщины», такъ писалъ г. Кузьминъ-Караваевъ. Аморфный русскій либерализмъ на почвѣ частичныхъ побѣдъ 17-го октября начинаетъ окристаллизовываться, дифференцируется въ отдѣльныя политическія группы сообразно своей соціальной природѣ. Возникаютъ конституціонно-демократическая партія, пар-

Библиотека "Руниверс"

тія демократическихъ реформъ, союзъ 17-го октября, торгово-промышленная партія. Какъ бы эти партіи ни разнились въ своихъ политическихъ требованіяхъ, ихъ объединяетъ одно: методъ дальнѣйшей борьбы. Они будутъ торговаться съ правительствомъ, а въ случаѣ несостоявшейся сдѣлки фрондировать въ предѣлахъ манифеста 17-го октября. «Правительство не желаетъ обманывать общество, оно плохо освѣдомлено, и мы должны освѣдомить его», говоритъ на земскомъ съѣздѣ г. Стаховичъ. «Я—не соціалистъ, но если бы мнѣ кто-нибудь сказалъ, что соціалисты спасутъ Россіи, я первый протянулъ бы имъ руку... Пока же правительство—единственный органъ, вокругъ котораго можно объединиться»,—вторилъ ему г. Петрункевичъ. Мы видимъ, что правое и лѣвое крыло сходятся въ методахъ дальнѣйшей тактики. Земскіе «революціонеры» на часъ послѣ 17-го октября будутъ дѣлать революцію съ дозволенія начальства. Революціонеры безъ ковычекъ говорятъ о вооруженіи народа, о переходѣ арміи на сторону революціи. Ноябрьская стачка привела къ открытому разводу либеральной буржуазіи съ пролетаріатомъ. Это отразилось и на оцѣнкѣ ноябрьской стачки либеральной печатью. Либерализмъ въ своихъ органахъ отказывается постигнуть смыслъ ноябрьскаго выступленія пролетаріата. Онъ считалъ ноябрьскую стачку крупной политической и тактической ошибкой рабочихъ партій. Либералы «не бастовали», но они и не хотѣли видѣть истинныхъ размѣровъ ноябрьской стачки.

«Либерализмъ одержимъ въ высокой степени эгоцентризмомъ... Не одобряя ноябрьской стачки, «либерализмъ», выдавалъ похвальный листъ пролетаріату за октябрьскіе дни: «Первая стачка,—писало «Право»,—останется свѣтлой страницей въ исторіи освободительнаго движенія, памятникомъ великой заслуги рабочаго класса въ дѣлѣ борьбы за политическое и соціальное раскрѣпощеніе народа». Между «Правомъ» и морскимъ министромъ Бирилевымъ существовалъ полный entente cordiale по вопросу о ноябрьской стачкѣ. Депутатамъ совѣта контръ-адмиралъ Бирилевъ сказалъ: «Первая ваша забастовка была умная, и вы много ею вырвали; а вторая—я даже не могу понять—для чего она была. Иванъ Петровъ или Сидоръ Ивановъ, плотникъ или слесарь—бастуетъ вдругъ изъ-за того, что въ Царствѣ Польскомъ военное положеніе». Охранное отдѣленіе не раздѣляло взглядовъ морского министра о роли пролетаріата въ октябрѣ. Въ цитированномъ уже мною секретномъ документѣ оно писало: «въ октябрьскую забастовку совѣтъ рабочихъ депутатовъ серьезнаго значенія не имѣлъ, и руководителемъ забастовки, несомнѣнно, былъ союзъ союзовъ, по иниціативѣ котораго и возникла стачка». Побѣды 17-го октября охранное отдѣленіе относило на счетъ либерализма. Значительно позже историческія изысканія охраннаго отдѣленія подкрѣпилъ своимъ научнымъ авторитетомъ и профессоръ Милюковъ. Все содержаніе революціон-

Библиотека "Руниверс"

ной борьбы ученый историкъ распланировалъ по тремъ вѣхамъ: земскій съѣздъ 6-го ноября, земская депутація у Государя Императора 6-го іюня и, какъ побѣда либерализма,—17-го октября. Больше ничего не было! Приведенная схема была создана профессоромъ 6-го іюня 1906 года. Шестерки въ глазахъ ученаго пріобрѣли мистическій характеръ. За ними онъ забылъ всю исторію, забылъ даже, какъ конституціоналисты-демократы не могли попасть на октябрьскій съѣздъ въ Москву, потому что бастовали рабочіе и служащіе желѣзныхъ дорогъ. Профессоръ не видѣлъ исторіи за министерскими портфелями, которые были такъ близки и возможны для кадетовъ въ моментъ созданія ученой схемы».

Немало любопытнаго разсказываетъ Хрусталевъ-Носарь объ отношеніяхъ «промежуточныхъ» слоевъ населенія къ совѣту. По его словамъ, одни выражали ему сочувствіе, другіе оказывали поддержку, третьи шли за помощью или указаніями, четвертые подчинялись совѣту, какъ новому правительству. Были, конечно, у совѣта и враги. Передовые элементы деклассированной интеллигенціи свою тактику согласовали въ ноябрьскіе дни съ постановленіями совѣта. Революціи учащихся зубоврачебныхъ школъ, учебнаго персонала многихъ средне-учебныхъ заведеній говорили объ этомъ. Дѣятельность совѣта, направленная къ защитѣ отдѣльныхъ національностей и цѣлыхъ группъ, естественно, находила откликъ сочувствія въ рядахъ тѣхъ, за кого боролся совѣтъ. Послѣ ноябрьской стачки совѣтъ получилъ отъ жителей Велижскаго уѣзда Царства Польскаго слѣдующую телеграмму: «Отъ глубины души шлемъ нашу общую благодарность борцамъ, поддержавшимъ насъ въ стремленіяхъ къ свободѣ и автономіи Польши». Обывательская поддержка совѣта выражалась въ разныхъ формахъ. Обыватель жертвовалъ деньги, вещи, продукты, дрова въ помощь безработнымъ, предлагалъ свои услуги въ столовыхъ. Одинъ изъ архитекторовъ предложилъ свое громадное помѣщеніе для засѣданій совѣта. Рядовой обыватель, когда ему нужно было знать, не захватитъ ли его забастовка по пути, шелъ въ совѣтъ. Справки выдавались не въ управленіяхъ желѣзныхъ дорогъ и министерствъ путей сообщенія. Отвѣты на свои вопросы обыватель находилъ на Торговой—въ помѣщеніи совѣта. Обыватель шелъ въ совѣтъ и тогда, когда правительственная власть была безсильна выполнить свои обязательства передъ нимъ. Телеграфныя проволоки отказывались служить правительству, но на нихъ передавались телеграммы отъ имени совѣта и совѣту. Не разъ приходилось совѣту пересылать частныя телеграммы, имѣющія важное значеніе, преимущественно семейное, для отдѣльныхъ лицъ. Исторія одной сенаторской телеграммы весьма любопытна. Министры и члены государственнаго совѣта не могли оказать протекціи вдовѣ сенатора Б. Телеграммы не принимали, такъ какъ правительственный телеграфъ бастовалъ.

Библиотека "Руниверс"

Ей оказалъ содѣйствіе совѣтъ. По его ордеру была отправлена по назначенію важная семейная телеграмма.

У совѣта спрашивали: не будетъ ли считаться штрейкбрехерствомъ пересылка книгъ по желѣзной дорогѣ черезъ спеціальныхъ агентовъ во время почтово-телеграфной забастовки? Такіе запросы поступали отъ нѣсколькихъ книжныхъ фирмъ. Къ пролетарскому правительству обращались за охраною имущества и личной неприкосновенности. Совѣтъ охранялъ типографіи отъ погромныхъ сотенъ, совѣтъ мобилизовалъ своихъ дружинниковъ въ дни предполагаемыхъ погромовъ. Къ пролетарскому правительству шли за помощью и противъ законнаго правительства. Когда было введено военное положеніе въ Лифляндской губерніи, латышское населеніе Петербурга обратилось въ совѣтъ «сказать свое протестующее слово противъ новаго насилія правительства». У совѣта было пока одно дѣйствительное оружіе, чувствительное для правительства. Но по частнымъ поводамъ совѣтъ не нашелъ возможнымъ прибѣгать къ стачкѣ. У совѣта искали заступничества изъ самыхъ далекихъ уголковъ Россіи. Въ октябрьскіе и ноябрьскіе дни не выяснилось опредѣленно, за кѣмъ останется побѣда. Побѣдятъ ли рабочіе, или сторонники стараго режима. Мы видѣли уже, что промежуточные слои населенія во многихъ случаяхъ отдавали предпочтеніе рабочему правительству. Но бывали и такіе случаи, что обыватель одновременно признавалъ два правительства—самодержавное и пролетарское. Это рѣзко сказалось по совершенно ничтожному случаю. Нуженъ былъ почтово-телеграфному союзу штемпель. Безъ разрѣшенія полиціи граверныя мастерскія отказывались принять заказъ. Послалъ тотъ же заказъ совѣтъ. «Доставьте разрѣшеніе полиціи или совѣта рабочихъ депутатовъ», отвѣчали граверы. Посланъ былъ ордеръ, и заказъ былъ выполненъ.

Такой же тактики держались по отношенію совѣта и такіе литературные дѣятели, какъ г. Сыромятниковъ. Какъ извѣстно, газета «Слово» обращалась въ совѣтъ за «разрѣшеніемъ» не посылать очередныхъ номеровъ газеты въ цензуру, полагая, что побѣдитъ рабочій — «Слово» не въ отвѣтѣ; уцѣлѣетъ существующее правительство—«Слово» оправдается ссылкой на насиліе рабочихъ. Въ томъ и другомъ случаѣ былъ обезпеченъ выходъ газеты. Все объяснялось тѣмъ, что исходъ борьбы не выяснился. Обывательское отношеніе къ совѣту проявляли и отдѣльные агенты правительственной власти, не стоявшіе во главѣ управленія. Въ ноябрьскую стачку типографія морского министерства запросила совѣтъ: распространяется ли забастовка и на типографію министерства? Совѣтъ отвѣтилъ: да. И работы были прекращены, несмотря на предписаніе высшаго начальства продолжать занятія. Въ ту же ноябрьскую забастовку военное начальство, обслуживающее электрическія станціи, вмѣсто забастовавшихъ рабочихъ, по ордеру совѣта, дало

Библиотека "Руниверс"

электрическую энергію для ротаціонныхъ машинъ. Оно даже сочло нужнымъ увѣдомить письменно объ этомъ совѣтъ. Петербургскій окружный судъ нашелъ «законное» основаніе для освобожденія отъ свидѣтельскихъ обязанностей директора электрической станціи «Геліосъ», въ виду особыхъ отношеній послѣдняго къ совѣту. Юридическая аргументація окружнаго суда конструирована приблизительно такъ: совѣтъ рабочихъ депутатовъ потребовалъ отъ директора электрической станціи немедленнаго прекращенія электрической энергіи, отпускаемой со станціи для почты и телеграфа (дѣло происходило во время почтово-телеграфной забастовки). Неисполненіе такого требованія можетъ вызвать со стороны совѣта рабочихъ депутатовъ агрессивныя дѣйствія, могущія причинить непоправимый ущербъ свидѣтелю, а потому судъ постановляетъ освободить его отъ обязанностей свидѣтеля.

При такомъ отношеніи къ совѣту военной власти или суда нѣтъ ничего удивительнаго, что Сѣверный банкъ учелъ просроченный чекъ совѣта. Тамъ, гдѣ встрѣчались противодѣйствія совѣту, гдѣ были безсильны его призывы,совѣтъ прибѣгалъ къ бойкоту. Совѣтъ былъ силенъ. Одна угроза бойкота обезвреживала сопротивлявшихся. Такъ, транспортная контора Гейгардъ и Гей прельстилась большими доходами и готовилась выступить въ роли штрейкбрехера во время почтово-телеграфной забастовки. Совѣтъ увѣдомилъ транспортную контору, что перевозка ею почты и денежныхъ цѣнностей представляетъ собою чистѣйшее штрейкбрехерство и совѣтъ примѣнитъ къ ней мѣры, какія въ подобныхъ случаяхъ вообще примѣняются. Этого было достаточно, на слѣдующій день въ газетахъ появилось заявленіе транспортной конторы, что она не беретъ на себя организаціи перевозки почты. Бойкотъ трактирщиковъ, отказывавшихъ въ отводѣ помѣщеній для рабочихъ собраній, бойкотъ нѣкоторыхъ табачныхъ фабрикъ, злоупотреблявшихъ своею властью по отношенію къ рабочимъ, приносилъ блестящіе результаты. Одни извинялись и по своей трактирной психологіи предлагали «отступное» въ пользу безработныхъ (исполнительный комитетъ отвергалъ такого рода пожертвованія), другіе дѣлали уступки рабочимъ. Возбуждая въ однихъ сочувствіе, въ другихъ поддержку, дѣйствуя на однихъ своей моральной силой, другихъ убѣждая угрозой рабочаго бойкота, совѣтъ имѣлъ и открытыхъ враговъ.

XXXIII.

Я въ возможной полнотѣ для журнальнаго историческаго очерка со словъ, хотя и пристрастныхъ, съ неизмѣнными здѣсь преувеличеніями и самохвальствомъ, представителей революціонной журналистики, по преимуществу заинтересованныхъ въ ходѣ осеннихъ политическихъ событій 1905 года, изобразилъ картину тогдашней общественной и государственной неразберихи, гдѣ ходомъ

Библиотека "Руниверс"

всѣхъ движеній, имѣвшихъ мѣсто въ Россіи, начиная съ 8-го января того года и вплоть до середины октября,—неожиданно для всѣхъ изъ таинственнаго мрака неизвѣстности на авансцену столичной жизни выступилъ совѣтъ рабочихъ депутатовъ съ его предсѣдателемъ во главѣ. Со словъ цитированныхъ авторовъ въ увеличенномъ масштабѣ я показалъ историческое, такъ сказать, значеніе этого совѣта, его организацію, его работу, его планы и конечныя задачи. Суммируя въ концѣ моей работы вкратцѣ ходъ тогдашняго революціоннаго дѣла, мы видимъ слѣдующіе главнѣйшіе моменты событій.

8-го октября прекратилось движеніе на желѣзныхъ дорогахъ, примыкающихъ къ Москвѣ; 10-го октября стачка охватила харьковскій узелъ желѣзныхъ дорогъ, а 12-го октября сталъ петербургскій узелъ. Въ промежуточные послѣдующіе дни прекратилось движеніе на прочихъ желѣзныхъ дорогахъ. Къ 17-го октября почти вся желѣзнодорожная сѣть и телеграфъ замерли; къ этому же времени пріостановили работы почти всѣ фабрики и заводы въ крупныхъ промышленныхъ центрахъ Россіи, и къ 15 октября дѣловая жизнь столицы и работы центральнаго государственнаго организма прекратились. 13-го октября состоялось первое засѣданіе совѣта рабочихъ депутатовъ въ технологическомъ институтѣ, на которомъ было принято обращеніе къ рабочимъ, призывавшее къ забастовкѣ и къ предъявленію извѣстныхъ политическихъ требованій. Второе засѣданіе совѣта состоялось тамъ же 14-го октября; обсуждались вопросы о мѣрахъ къ дальнѣйшему прекращенію работъ, и были выработаны требованія для предъявленія ихъ петербургской городской думѣ черезъ особую депутацію. Въ этомъ же засѣданіи предсѣдателемъ совѣта былъ избранъ помощникъ присяжнаго повѣреннаго Носарь, носившій также фамилію ткача фабрики Чешера—Хрусталева. 14-го же октября вечеромъ означенная депутація прибыла въ петербургскую городскую думу и имѣла бесѣду съ ея предсѣдателемъ М. В. Красовскимъ, предложившимъ ей явиться на засѣданіе думы 16-го октября къ двумъ часамъ дня. Къ означенному времени прибыли четырнадцать депутатовъ совѣта, представители союза союзовъ и профессоровъ технологическаго института. Депутаты предъявили гласнымъ думы требованіе предоставить въ распоряженіе совѣта рабочихъ депутатовъ городское имущество, помѣщеніе и денежныя средства. По выслушаніи рѣчей депутатовъ имъ было предложено оставить залъ засѣданій думы. Третье засѣданіе совѣта состоялось 15-го октября въ технологическомъ же институтѣ. Къ этому времени составъ совѣта достигъ 226 депутатовъ. 16-го октября зданія высшихъ учебныхъ заведеній были закрыты мѣрами полиціи, почему въ этотъ день совѣтъ не имѣлъ собранія. 17-го октября появляется у власти только что вернувшійся изъ Портсмута графъ С. Ю. Витте, формируетъ

Библиотека "Руниверс"

новый совѣтъ министровъ и приступаетъ къ постепенной ликвидаціи смуты, о способахъ каковой ликвидаціи будетъ говорено ниже. Что же касается развертыванія революціонныхъ событій, то и въ ближайшее время послѣ появленія графа С. Ю. Витте на авансценѣ государственной жизни это развертываніе сводилось къ слѣдующимъ главнѣйшимъ фактамъ.

17-го октября состоялось въ вольно-экономическомъ обществѣ четвертое засѣданіе совѣта, на которомъ былъ избранъ исполнительный комитетъ совѣта въ составѣ 31 человѣка. 17-го же октября вышелъ первый номеръ «Извѣстій совѣта рабочихъ депутатовъ», печатавшихся по очереди въ различныхъ типографіяхъ. Въ пятомъ засѣданіи совѣта (18-го октября) постановлено продолжать всеобщую забастовку въ доказательство того, что манифестъ 17-го октября не удовлетворяетъ рабочія массы. Однако же 19-го октября забастовка въ Москвѣ стала прекращаться, а желѣзныя дороги возобновили движеніе. Подъ вліяніемъ этого совѣтъ рабочихъ депутатовъ уже 19-го октября постановляетъ о прекращеніи стачки съ двѣнадцати часовъ дня 21-го октября. Такимъ образомъ, октябрьская стачка длилась въ Петербургѣ около девяти дней. Демонстративныя похороны убитыхъ 18 и слѣдующіе дни были объявлены совѣтомъ на 23-го октября, но вслѣдствіе предупрежденія правительства манифестація была отмѣнена. 26-го октября въ Кронштадтѣ вспыхнули безпорядки, которые были окончательно подавлены 28-го октября. Вскорѣ послѣ прекращенія забастовки, а именно— начиная съ 27-го октября, рабочіе нѣкоторыхъ заводовъ стали вводить восьмичасовой рабочій день захватнымъ порядкомъ, а 29-го октября совѣтъ постановилъ вводить этимъ путемъ восьмичасовой рабочій день, что въ дѣйствительности и стало наблюдаться на нѣкоторыхъ заводахъ. Въ засѣданіи совѣта 1-го ноября постановлена всеобщая забастовка съ 2-го ноября; мотивомъ этой забастовки была поставлена демонстрація противъ военнаго суда въ Кронштадтѣ и объявленія Царства Польскаго на военномъ положеніи, фактически же она была понята рабочими, какъ призывъ къ введенію восьмичасового рабочаго дня. Ночью 2-го ноября было послано телеграфное обращеніе графа Витте къ столичнымъ рабочимъ. Забастовка эта оказалась неудачной, такъ какъ многія фабрики и заводы продолжали работать, а торговля, конки, почта, телеграфъ и желѣзныя дороги вовсе не откликнулись на призывъ прекратить работы. Поэтому на засѣданіи совѣта уже 4-го ноября былъ возбужденъ вопросъ о прекращеніи стачки, а 5-го ноября было постановлено прекратить ее съ 7-го ноября. Въ виду того, что вторая забастовка сопровождалась насильственнымъ введеніемъ восьмичасового рабочаго дня, промышленники Петербурга 4-го ноября вывѣсили на фабрикахъ и заводахъ печатныя объявленія съ предупрежденіемъ о закрытіи заведеній и расчетѣ рабочихъ

Библиотека "Руниверс"

въ случаяхъ неподчиненія ихъ установленному рабочему времени. Эту угрозу промышленники начали осуществлять въ широкой мѣрѣ, что произвело на рабочихъ и совѣтъ весьма сильное впечатлѣніе. Вслѣдствіе этого рабочіе многихъ заводовъ, въ томъ числѣ Обуховскаго, отказались отъ восьмичасового рабочаго дня, ставъ на работы на прежнихъ условіяхъ.

Засѣданіе совѣта рабочихъ депутатовъ 6-го ноября было посвящено вопросу о ликвидаціи восьмичасового дня; была принята уклончивая резолюція, предоставлявшая рѣшеніе этого вопроса усмотрѣнію рабочихъ отдѣльныхъ заводовъ. Таковое постановленіе внесло смущеніе въ рабочія массы, разъединяя ихъ тактику. Совѣтъ сталъ утрачивать свой престижъ, а завоеваніе восьмичасового дня потерпѣло неудачу. Этому же вопросу было посвящено и слѣдующее засѣданіе совѣта, состоявшееся лишь шесть дней спустя, т. е. 12-го ноября; на этомъ засѣданіи было установлено полное крушеніе тактики совѣта, а именно 13 фабрикъ было закрыто съ расчетомъ девятнадцати тысячъ рабочихъ. Это было первымъ внѣшнимъ ударомъ, нанесеннымъ рабочей революціи. Въ этомъ же засѣданіи совѣтъ вновь постановилъ «временно пріостановить немедленное и повсемѣстное захватное введеніе восьмичасового рабочаго дня». Оставался открытымъ вопросъ о защитѣ и поддержкѣ разсчитанныхъ рабочихъ. Этотъ вопросъ подвергся обсужденію въ слѣдующемъ засѣданіи совѣта 13-го ноября; предложеніе отвѣтить на закрытіе заводовъ новой стачкой было отвергнуто за неосуществимостью его. Въ резолюціи 14-го ноября совѣтъ удостовѣряетъ, что въ Петербургѣ и другихъ мѣстахъ Россіи разсчитано свыше ста тысячъ рабочихъ, и призываетъ къ открытію заводовъ, но это не производитъ уже никакого впечатлѣнія.

Я уже отмѣтилъ, что именно къ этому времени относится паденіе значенія совѣта рабочихъ депутатовъ, одновременно съ которымъ наблюдается и разложеніе революціонныхъ организацій. Призывъ оказать матеріальную помощь безработнымъ особаго успѣха также не имѣлъ. Петербургская городская дума ассигновала только двѣ тысячи рублей. Нужда рабочихъ и ихъ разочарованіе росли, а побѣдное настроеніе стало смѣняться унынiемъ. Въ дальнѣйшемъ совѣтъ рабочихъ депутатовъ не могъ проявить никакой активной дѣятельности. 26-го ноября былъ арестованъ Носарь, а 27-го ноября былъ выбранъ президіумъ изъ трехъ лицъ. Мысль о стачкѣ, какъ выраженіи протеста противъ ареста Носаря, отвергается. Это было послѣднее засѣданіе совѣта рабочихъ депутатовъ: съ 27-го ноября до 3-го декабря, когда совѣтъ былъ арестованъ, собирался лишь исполнительный комитетъ совѣта. Арестъ Носаря не вызвалъ никакихъ выступленій рабочихъ, вынесшихъ на заводахъ лишь словесныя резолюціи протеста. 2-го декабря въ столичныхъ газетахъ былъ напечатанъ приведенный уже манифестъ

Библиотека "Руниверс"

совѣта, за что въ тотъ же день были закрыты восемь газетъ, а 3-го декабря въ вольно-экономическомъ обществѣ былъ арестованъ весь составъ совѣта рабочихъ депутатовъ въ числѣ около ста девяноста человѣкъ. Призывъ къ третьей всеобщей забастовкѣ въ качествѣ протеста противъ ареста не имѣлъ въ Петербургѣ рѣшительно никакого успѣха и нашелъ себя отголосокъ лишь въ московскомъ возстаніи.

Какъ усматривается изъ нѣкоторыхъ главъ настоящаго очерка, совѣтъ рабочихъ депутатовъ явился продуктомъ революціоннаго движенія, выразившагося въ октябрѣ 1905 года во всеобщей забастовкѣ, въ которой совѣтъ игралъ лишь чисто организаціонную роль, являясь не исторической причиной, а лишь результатомъ октябрьской революціонной волны, подготовленной и созданной многочисленными сентябрьскими митингами, возможность для которыхъ родилась послѣ указа 26-го августа объ автономіи высшихъ учебныхъ заведеній, когда двери послѣднихъ широко открылись для митинговой толпы и митинговыхъ ораторовъ. Соціалъ-демократія ловко и умѣло использовала моментъ ослабленія власти, обнаженность страны отъ войска, психологическое настроеніе упавшей духомъ страны послѣ несчастной войны и ярко вспыхнувшее всеобщее недовольство противъ существующаго и отжившаго порядка вещей, приведшаго сильное государство къ политическому банкротству. Долгая школа, пройденная революціонными организаціями въ предыдущіе разные историческіе моменты, дала свой плодъ: удалось поднять не единичныя личности въ ихъ фанатическихъ выступленіяхъ, не отдѣльныя соціальныя небольшія группы, а массы, которыя, объединившись на такъ именуемой «платформѣ» оппозиціи, и создали революціонные дни, поставивъ правительство въ безысходное положеніе. Но творчества въ сторону какой-нибудь созидательной работы на общую государственную пользу ни массы эти, ни ихъ вожаки проявить не оказались въ состояніи, а потому и все движеніе пошло на убыль, когда къ этимъ массамъ, какъ видно будетъ далѣе, были примѣнены методы опредѣленнаго воздѣйствія, внесшаго въ ряды всей оппозиціи начало разслоенія. Самостоятельно совѣтъ рабочихъ депутатовъ выступилъ лишь въ качествѣ иниціатора и организатора второй ноябрьской забастовки, но это выступленіе было неудачно и повело къ естественному крушенію совѣтской организаціи вслѣдствіе обезсиленія рабочихъ массъ—съ одной стороны, а съ другой—вслѣдствіе выступленія противъ тактики рабочихъ промышленниковъ и закрытія ими заводовъ. Такимъ образомъ, ко времени ареста Носаря и совѣта рабочихъ депутатовъ революціонное настроеніе среди рабочихъ столицы было уже въ упадкѣ и не могло поэтому вызвать никакого активнаго съ ихъ стороны протеста или противодѣйствія.

Библиотека "Руниверс"

Рѣшительнымъ и поворотнымъ моментомъ въ революціонномъ движеніи 1905 года было 17-е октября. Графъ С. Ю. Витте принялъ власть въ самый разгаръ революціи, когда всѣ слои населенія, сознательно или безсознательно, участвовали въ томъ или иномъ видѣ въ протестѣ, лишивъ правительство опоры и содѣйствія въ борьбѣ съ революціей, поскольку она носила политическій характеръ и была направлена противъ правительства. Даже такой благонадежный элементъ, какъ промышленники, стояли часто рука объ руку съ рабочими противъ правительства. Контора желѣзозаводчиковъ писала графу Витте: «Россія вѣритъ только фактамъ; ея кровь и нищета не позволяютъ уже вѣрить словамъ». Въ октябрьскую стачку промышленники не только не препятствовали собраніямъ рабочихъ на заводахъ, но не проявляли активнаго противодѣйствія ихъ требованіямъ объ уплатѣ за забастовочное время. О расчетѣ рабочихъ никто изъ нихъ не помышлялъ. Все слилось въ ожиданіи манифеста 17-го октября.

Съ изданіемъ этого манифеста картина рѣзко мѣняется: манифестъ, давая политическое удовлетвореніе одной части общества, сѣетъ расколъ въ революціонномъ настроеніи и направляетъ рабочія массы противъ промышленниковъ, а дальнѣйшая тактика революціонеровъ вызываетъ взрывы контръ-революціи, которая съ 18-го по 24-е октября охватила,по нѣкоторымъ источникамъ, около сотни городскихъ поселеній. Убіенію и избіенію подвергались не только евреи, но и революціонные элементы. Это разслоеніе въ революціонномъ движеніи вызвано исключительно манифестомъ 17-го октября, крайне обезсилившимъ поэтому революцію. Контръ-революція проявилась особенно рѣзко въ провинціи, что же касается Петербурга, то число лицъ, ходившихъ 18-го октября по улицамъ столицы подъ бѣлыми флагами, было также весьма велико и внушало серьезныя опасенія у поклонниковъ краснаго флага. Этими опасеніями объясняется, между прочимъ, то обстоятельство, что объявленныя совѣтомъ рабочихъ депутатовъ на 23-е октября демонстративныя похороны убитыхъ отмѣняются совѣтомъ же изъ опасеній разгрома.

Въ томъ положеніи, въ какомъ находилась правительственная власть въ октябрѣ 1905 года, поколебленная даже въ вѣрности войскъ, контръ-революціонное движеніе, вспыхнувшее вслѣдъ за изданіемъ манифеста 17-го октября, представляется вполнѣ естественнымъ противодѣйствіемъ одной части населенія террористическому гнету со стороны другой, при безсиліи поколебленной власти возстановить порядокъ и оградить населеніе отъ революціонныхъ насилій. Въ контръ-революціонномъ движеніи принимали непосредственное участіе преимущественно низшіе слои населенія. Но и въ интеллигентныхъ слояхъ общества манифестъ 17-го октября вызвалъ настроеніе, оттолкнувшее ихъ отъ сочувствія дальнѣй-

Библиотека "Руниверс"

шимъ выступленіямъ рабочихъ массъ. И если первая (октябрьская) забастовка протекла при сочувствіи и поддержкѣ либеральныхъ партій, насчитывавшихъ въ своихъ рядахъ всю русскую интеллигенцію, то уже вторая (ноябрьская) забастовка не встрѣтила сочувствія со стороны этихъ партій. Въ цѣломъ рядѣ либеральныхъ газетъ она вызвала осужденіе. Особенно опредѣленно оно было высказано въ письмѣ П. Н. Милюкова и въ «Правѣ», органѣ либеральной интеллигенціи.

Несочувствіе со стороны интеллигенціи дальнѣйшимъ активнымъ выступленіямъ рабочихъ массъ, даже ради протеста противъ введенія военнаго положенія въ Царствѣ Польскомъ и военныхъ судовъ (вторая забастовка), могло имѣть для этихъ массъ лишь чисто моральное значеніе. Совершенно иное вліяніе на ходъ событій имѣло измѣненіе тактики промышленниковъ. Закрытіе фабрикъ съ расчетомъ рабочихъ и грядущая нищета и голодъ произвели на нихъ ошеломляющее впечатлѣніе: правительство, по ихъ мнѣнію, выжидало, а небольшая группа промышленниковъ не убоялась активно выступить противъ рабочихъ. Совѣтъ рабочихъ депутатовъ растерялся; въ его средѣ были, конечно, лица, которыя сознавали, что тѣ средства, которыми располагаетъ правительство въ борьбѣ съ революціей, а именно—аресты и дѣйствіе оружіемъ противъ массовыхъ выступленій, были въ октябрѣ мѣсяцѣ мало дѣйствительны: первое—по неосуществимости арестовывать всѣхъ, а второе—по неувѣренности въ войскахъ изъ боязни деморализовать ихъ приближеніемъ къ революціонно настроенной рабочей массѣ и изъ стремленія избѣгнуть излишняго пролитія крови тѣхъ безсознательныхъ элементовъ, которые оказались въ водоворотѣ революціоннаго вихря. Расчетъ рабочихъ явился совершенно неожиданнымъ новымъ средствомъ борьбы съ ними, грозившимъ имъ голодною смертью, которую побѣдить нельзя. Фабриками и заводами можно было завладѣть, можно было ихъ сжечь и уничтожить, надъ промышленниками можно было учинить насилія, но добыть средства къ пропитанію истощенныхъ забастовками рабочихъ, при нежеланіи промышленниковъ открыть фабрики, не представлялось возможнымъ.

Я привелъ выше рядъ мнѣній, свидѣтельствующихъ о томъ, что сами вожаки совѣта рабочихъ депутатовъ признавали свою позицію слабою, каковое ослабленіе должно быть отнесено, какъ я это также подчеркивалъ въ своемъ мѣстѣ, именно къ 17-му октября, дню изданія манифеста. Оставляя въ сторонѣ историческую оцѣнку послѣдняго по существу его содержанія, какъ конституціоннаго акта, слѣдуетъ признать, однако, что въ дальнѣйшемъ ходѣ событій онъ имѣлъ рѣшающее значеніе. Съ 17-го октября политическая революція, объединившая весьма широкіе и разнообразные круги населенія, должна была пойти на убыль. Непримиримыми могли

Библиотека "Руниверс"

явиться лишь неимущіе классы населенія, для которыхъ соціальныя проблемы представлялись болѣе важными, чѣмъ реформа политическаго строя, въ которой они видѣли не цѣль, а средство. Исторія революціоннаго движенія въ прочихъ странахъ показываетъ, что насколько политическое движеніе объединяетъ разные слои населенія, нося по преимуществу противоправительственный характеръ, настолько же соціальныя движенія вызываютъ классовую борьбу, разъединяя тѣмъ населеніе.

Первымъ послѣдствіемъ манифеста 17-го октября былъ бѣлый терроръ, отвратившій революціонныя выступленія отъ правительства и создавшій среди самого же населенія элементъ противодѣйствія. Съ другой стороны, тактика рабочихъ, направленная послѣ изданія манифеста 17-го октября къ измѣненію промышленнаго строя (восьмичасовой рабочій день, ограниченіе промышленниковъ въ распоряженіи наймомъ рабочихъ черезъ особыхъ делегатовъ и проч.), вызвала активное противодѣйствіе со стороны промышленниковъ и тѣмъ также ослабила натискъ рабочихъ массъ.

И то, и другое въ значительной степени облегчило положеніе власти. Эта послѣдняя, въ своемъ составѣ и организаціи, разсчитана на нормальное теченіе государственной жизни. Поэтому она оказывается безсильной, когда масса населенія выходитъ изъ повиновенія и въ особенности, когда она избираетъ средствомъ борьбы съ властью пассивное сопротивленіе. И если активнымъ выступленіямъ народныхъ массъ можетъ быть противопоставлена сила, то пассивное сопротивленіе можетъ быть сломлено не иначе, какъ при содѣйствіи со стороны самого же населенія.

XXXIV.

Какъ свидѣтельствуетъ еще одна архивная официальная записка, имѣющаяся въ моемъ распоряженіи для настоящей части текущаго очерка, «правительство графа Витте въ борьбѣ съ революціей обязано было по обстоятельствамъ того времени соблюдать значительную осторожность. И хотя манифестъ 17-го октября ослабилъ напряженіе революціи, но тѣмъ не менѣе положеніе власти въ концѣ октября было еще не настолько прочно, чтобы она могла приступить къ рѣшительному возстановленію порядка. Достаточно вспомнить, что 27-го октября вспыхнуло возстаніе въ Кронштадтѣ. Поэтому всякая крутая мѣра въ этомъ отношеніи могла привести, при обстоятельствахъ того времени, быть можетъ, даже къ роковой развязкѣ. А между тѣмъ октябрьская забастовка стала прекращаться сама собою, и революціонная волна, казалось, пошла на убыль. Вдругъ 2-го ноября была объявлена вторая всеобщая забастовка, вызвавшая вновь весьма тревожное состояніе. Для обсу-

Библиотека "Руниверс"

жденія положенія дѣлъ въ пятницу 4-го ноября былъ созванъ совѣтъ министровъ, на засѣданіе котораго были приглашены также высшіе представители администраціи». Сюда же былъ экстренно ночью по телефону вызванъ и одинъ видный представитель вѣдомства торговли и промышленности, спеціалистъ по фабрично-заводскимъ дѣламъ и близко стоявшій къ работѣ фабрично-заводской инспекціи, а потому и хорошо освѣдомленный въ настроеніяхъ и психологіи рабочаго пролетаріата. Лицо это было вызвано, дабы въ присутствіи высшихъ чиновъ администраціи оно изложило свое мнѣніе о положеніи вещей. Прибывшій, не будучи предупрежденъ заранѣе и даже не зная сужденій совѣта министровъ, происходившихъ до его прибытія, былъ крайне смущенъ и поставленъ въ затруднительное положеніе. Ему было предложено высказаться въ частности о революціонныхъ организаціяхъ, о прессѣ, о забастовкахъ, о предположенныхъ репрессіяхъ со стороны правительства и т. д. По означеннымъ вопросамъ лицо это стало догадываться, что совѣтъ министровъ имѣлъ сужденія собственно о тактикѣ правительства въ отношеніи революціоннаго движенія, причемъ поводомъ къ этому, вѣроятно, послужило объявленіе второй всеобщей забастовки. Не принимая никакого активнаго участія въ революціонномъ движеніи, вызванный въ совѣтъ министровъ представитель министерства торговли и промышленности, однако, все время внимательно слѣдилъ за прессой, бывалъ на многихъ собраніяхъ и по должности фабричнаго инспектора постоянно наблюдалъ рабочихъ, а потому имѣлъ возможность составить живое впечатлѣніе о характерѣ и силѣ движенія и о настроеніи рабочихъ массъ, которыя и являлись собственно революціонной арміей. Изъ наблюденій своихъ онъ пришелъ къ убѣжденію, что истинное знаніе того, что дѣлается, и предвидѣніе будущаго должно покоиться на пониманіи народныхъ массъ въ ихъ дѣйствительномъ настроеніи, а не въ томъ, въ какомъ онѣ представляются въ различнаго рода постановленіяхъ, резолюціяхъ и организаціяхъ, дѣйствующихъ ихъ именемъ.

Октябрьское и ноябрьское движеніе рабочихъ Петербурга неоднократно убѣдило названное лицо, что настроеніе ихъ часто вовсе не соотвѣтствовало тому, что имъ приписывалось въ резолюціяхъ и въ прессѣ, которая возможность и желательность превращала въ дѣйствительность. Поэтому правительство въ его борьбѣ съ революціей должно было считаться не только съ внѣшней обстановкой движенія и его представительствомъ, сколько съ самой революціонной массой. Прямое и рѣшительное выступленіе правительства противъ опьяненныхъ успѣхомъ массъ представляло огромную опасность, арестъ же революціонныхъ организацій могъ, при настроеніи массъ того времени, даже подвергнуть столицу всѣмъ ужасамъ анархіи и разрушенія. Поэтому, въ неоднократныхъ бе-

Библиотека "Руниверс"

сѣдахъ съ графомъ Витте названнаго представителя министерства торговли и промышленности послѣдній держался того мнѣнія, что надо выжидать упадка и разложенія въ настроеніи рабочихъ, до того времени не принимать крутыхъ мѣръ воздѣйствія, дабы не возбуждать массы и тѣмъ не создавать поддержки ихъ настроенію. Ему представлялось совершенно очевиднымъ, что правительство не могло мириться съ существованіемъ совѣта рабочихъ депутатовъ, и если арестъ Носаря и рабочихъ депутатовъ въ ноябрѣ, когда рабочія массы уже ушли отъ совѣта, не вызвалъ рѣшительно никакихъ выступленій, то весьма трудно предсказать, къ какимъ послѣдствіямъ привела бы эта мѣра, если бъ она была предпринята въ октябрѣ мѣсяцѣ. Въ высказаннымъ имъ въ засѣданіи совѣта министровъ 4-го ноября сужденіяхъ названный спеціалистъ по фабрично-заводскимъ дѣламъ исходилъ изъ того соображенія, что объявленная 2-го ноября подъ флагомъ политической демонстраціи забастовка направлена самими же рабочими собственно къ установленію восьмичасового дня и должна поэтому вызвать рѣшительный отпоръ со стороны промышленниковъ въ видѣ закрытія заводовъ, что должно было повести къ полной дезорганизаціи рабочихъ массъ, упадку и настроенія и крушенію авторитета совѣта рабочихъ депутатовъ. Предъявленіе требованія о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ и другихъ условіяхъ найма знаменовало собою, по мнѣнію названнаго дѣятеля, поворотъ политической революціи въ область соціальнаго движенія, которое неизбѣжно должно было вызвать противодѣйствіе со стороны заинтересованныхъ классовъ населенія.

Не отрицая значенія различнаго рода организацій въ революціонномъ движеніи, онъ тѣмъ не менѣе не могъ придавать имъ рѣшающаго вліянія на ходъ событій. Организаціи являются лишь показателями настроенія массъ, съ обезсиленіемъ которыхъ онѣ сами собою разрушаются. Поэтому онъ не могъ согласиться съ утвержденіемъ, что существовавшіе тогда совѣтъ рабочихъ депутатовъ и въ особенности союзъ союзовъ могли дѣлать революцію. Это мнѣніе вызваннаго знатока фабрично-заводскихъ дѣлъ не удовлетворило министра внутреннихъ дѣлъ П. Н. Дурново, который спросилъ его, чѣмъ же онъ въ такомъ случаѣ объясняетъ тотъ фактъ, что по приказу этихъ организацій дѣлаются забастовки. Консультантъ приписалъ это возбужденному состоянію умовъ и революціонному настроенію населенія, а не организаціямъ; конечно, арестъ организацій создастъ затрудненія и дезорганизуетъ движеніе, но въ разгарѣ его выбывшая организація немедленно замѣщается новой.

Съ другой стороны, арестъ организацій вызываетъ въ извѣстные моменты движенія еще большее возбужденіе массъ и такимъ образомъ ведетъ къ ихъ сплоченію. Такъ, даже въ мирное время арестъ подстрекателей къ стачкамъ на фабрикахъ ведетъ иногда или къ

Библиотека "Руниверс"

предупрежденію стачки, или же, наоборотъ, прямо вызываетъ самую стачку. Все зависитъ отъ настроенія массъ, а по ходу событій тогдашняго времени преждевременный арестъ совѣта рабочихъ депутатовъ могъ дать прямо обратные результаты и даже укрѣпить самое движеніе. А если тѣ же событія давали возможность предугадать, что рабочее движеніе, будучи повернуто противъ промышленниковъ, начнетъ падать отъ безрезультатности, а подъ вліяніемъ усталости и голода рабочихъ даже разлагаться, то представлялось болѣе благоразумнымъ не разжигать его мѣрами, польза которыхъ для дѣла была подвержена сомнѣнію.

Въ концѣ этихъ объясненій графъ Витте, желая, повидимому, подвести итогъ сужденіямъ эксперта, спросилъ его: что при обстоятельствахъ того времени онъ рекомендовалъ бы? Экспертъ безъ колебаній отвѣтилъ: «Я выждалъ бы нѣсколько дней и тогда бы стало болѣе яснымъ, что надо дѣлать». Давая такой отвѣтъ, онъ исходилъ изъ убѣжденія, что вторая забастовка приведетъ рабочее движеніе къ окончательному пораженію, что и было имъ тогда же высказано въ совѣтѣ министровъ. Дѣйствительность вскорѣ оправдала эти предположенія, и уже 8-го ноября совѣтъ рабочихъ депутатовъ въ своемъ постановленіи призналъ полное крушеніе забастовки, которая внесла въ рабочую среду лишь расколъ и дезорганизацію.

Совѣтъ эксперта совпалъ и съ убѣжденіемъ, которое изъ знакомства со всѣмъ ходомъ русской революціи внѣдрилось у предсѣдателя совѣта министровъ, вслѣдствіе чего послѣдній и предложилъ резолюцію, согласную съ мнѣніемъ эксперта. Было рѣшено въ принципѣ арестовать какъ предсѣдателя совѣта рабочихъ депутатовъ, такъ и самый совѣтъ, но также рѣшено сдѣлать это не немедленно, а когда предсѣдатель совѣта министровъ дастъ на то подлежащее распоряженіе. Это рѣшеніе было единогласное, и къ этому мнѣнію присталъ и тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ П. Н. Дурново, бывшій сторонникомъ активныхъ дѣйствій въ духѣ репрессивной политики. Выжидательная тактика, принятая совѣтомъ министровъ и легшая вообще въ политику дѣйствій тогдашняго предсѣдателя совѣта министровъ графа С. Ю. Витте, несмотря и на тогдашнее, и на слѣдующее осужденіе ея со стороны и части прессы, и многихъ сторонниковъ рѣшительной политики, имѣла, однако, благія послѣдствія: она избавила населеніе и взбудораженную, распропагандированную массу рабочихъ отъ излишняго пролитія крови. Выступи правительство и ново сформированный кабинетъ министровъ съ программой подавленія революціонныхъ дѣйствій и разгона собраній совѣта рабочихъ депутатовъ вооруженною силою, на что, въ сущности, въ его распоряженіи была тогда же достаточная возможность,—и неизбѣжно кровь тысячи жертвъ оросила бы улицы столицы. Мѣсяцъ спустя, когда революціонная волна

Библиотека "Руниверс"

стала спадать, предсѣдатель совѣта министровъ все же не рѣшался на требуемый извѣстной частью общественнаго мнѣнія арестъ Хрусталева. Кровь, хотя и въ меньшемъ количествѣ, продолжала еще удерживать его отъ арестнаго приказа, и только къ концу ноября, когда эта кровь перестала быть угрозою, имъ былъ отданъ приказъ объ арестѣ предсѣдателя совѣта рабочихъ депутатовъ. 26-го ноября П. Н. Дурново, согласно указанію графа С. Ю. Витте, наложилъ руку на Носаря, но самый совѣтъ онъ не счелъ своевременнымъ арестовывать, такъ какъ процессъ арестованія не находилъ себѣ удобнаго момента. Министръ внутреннихъ дѣлъ, повидимому, не былъ сторонникомъ заарестованія депутатовъ по одиночкѣ съ неизбѣжными ночными обысками и дробленіемъ на сей предметъ силъ столичной полиціи. Онъ выжидалъ такого благопріятнаго момента, когда возможно будетъ произвести арестъ коллективный, накрыть собраніе депутатовъ однимъ разомъ, внѣ всякаго ожиданія съ ихъ стороны такого рѣшительнаго coup d'état. Такой моментъ представился 3-го декабря въ помѣщеніи вольно-экономическаго общества, куда депутаты собрались въ четыре часа дня для обсужденія новаго положенія дѣлъ, созданнаго конфискаціей газетъ, воспроизведшихъ приведенный въ предыдущемъ моемъ очеркѣ «Манифестъ ко всему населенію Россіи», и изданіемъ временныхъ правилъ о стачкахъ. Объ обстоятельствахъ этихъ арестовъ я скажу ниже.

Въ своей брошюрѣ «Исходъ россійской революціи 1905 года и правительство Носаря», которую я цитировалъ въ началѣ моего очерка о развѣнчанныхъ герояхъ революціи, А. Морской въ дополненіе къ тому, что мною сказано о тактикѣ кабинета графа Витте, говоритъ: «кабинетъ графа Витте принужденъ былъ темпоризировать и терпѣть въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ дней существованіе «правительства Носаря», пока разложеніе революціоннаго движенія въ столицѣ не измѣнило соотношенія силъ въ пользу правительства,—такая тактика диктовалась предусмотрительностью, которая въ государственномъ управленіи, особенно въ критическіе моменты, непререкаемо должна полагаться въ основу всей политики.

«Въ революціи, какъ и на войнѣ, противникъ преодолѣвается либо рѣшительнымъ штурмомъ, либо послѣдовательною методическою осадою. Такъ и всероссійская революція 1905 года въ теченіе десяти почти мѣсяцевъ осаждала власть, чтобы пойти на нее затѣмъ штурмомъ въ октябрѣ. Выдержавъ осаду и штурмъ со стороны освободительнаго движенія, но вступивъ на путь политическихъ уступокъ, правительство послѣ 17-го октября въ борьбѣ противъ соціальной революціи было уже умудрено опытомъ и, конечно, должно было обратиться къ использованію такой же тактики противъ своего тогдашняго противника. При этомъ правительству

Библиотека "Руниверс"

представлялся случай быть мудрымъ и милостивымъ по отношенію къ недавнимъ грознымъ врагамъ.

«Графъ С. Ю. Витте былъ врагъ пролитія крови въ междоусобной войнѣ и потому выбралъ изъ двухъ методовъ второй, т.-е. взять врага изморомъ, а тѣмъ временемъ собирать разрозненную и разъединенную Россію.

«Методъ его оказался вѣрнымъ, и лишь маленькое обстоятельство—арестованіе типографіи «Новаго Времени» и напечатаніе въ ней прокламаціи совѣта рабочихъ депутатовъ—чуть не испортило тактики. Этотъ маневръ совѣта рабочихъ депутатовъ былъ до чрезвычайности остроуменъ, рѣшителенъ и быстръ и нарушалъ интересы издателей газеты.

«Вотъ они-то и отыскали для рѣшительной и быстрой дѣятельности Хрусталева-Носаря подзаголовокъ «правительство Носаря» и могли выставить парадоксъ, что Носарь арестовалъ бы правительство графа Витте, если бы послѣднее не арестовало Носаря. А на самомъ дѣлѣ дѣло стояло иначе: можетъ быть, Носарь и не прочь былъ бы арестовать и устранить законное правительство, но для этого недоставало одного маленькаго условія—мочь; кабинетъ же графа Витте не только хотѣлъ арестовать Носаря и совѣтъ рабочихъ депутатовъ, но и дѣйствительно его арестовалъ.

«Смутный слухъ о предположеніяхъ Носаря арестовать графа Витте, вѣроятно, вышелъ изъ нѣдръ партіи самого Носаря. Только этими слухами можно объяснить, что въ началѣ ноября ночью, по распоряженію полицейской власти и безъ вѣдома графа Витте, былъ вытребованъ взводъ Преображенскаго полка, который и занялъ дворъ дома въ запасной половинѣ Зимняго дворца, гдѣ жилъ графъ, занимая второй этажъ, бокъ-о-бокъ съ канцеляріею совѣта министровъ, съ цѣлью охраны его особы. Утромъ графъ Витте, узнавъ о ночной тревогѣ, настоялъ на томъ, чтобы непрошенный караулъ былъ отмѣненъ и преображенцевъ отпустили въ казармы. Говорятъ, эта неожиданная охрана чрезвычайно забавляла графа, такъ какъ онъ, ясно видя всю конъюнктуру сложившихся условій, не видѣлъ особыхъ основаній для огражденія себя отъ покушеній Носаря».

XXXV.

Изъ всего сказаннаго выше, намъ становится понятною тогдашняя тактика правительства: она покоилась на соображеніи наиболѣе выгоднаго и удобнаго использованія историческаго момента, на стремленіи сохранить наибольшую экономію въ человѣческихъ жизняхъ и произвести опредѣленное контръ-революціонное coup d'état безъ особыхъ политическихъ потрясеній. Такой моментъ представился въ распоряженіе правительства графа

Библиотека "Руниверс"

С. Ю. Витте къ исходу ноября. 26-го числа предсѣдатель совѣта рабочихъ депутатовъ Г. С. Хрусталевъ-Носарь оказался арестованнымъ. Какъ же отвѣтилъ совѣтъ на это контръ-революціонное выступленіе правительства? Вотъ какъ освѣщаетъ это событіе сторона заинтересованная, понесшая пораженіе. Все въ той же «Исторіи совѣта рабочихъ депутатовъ», изъ статьи В. Звѣздина узнаемъ: для совѣта было нѣсколько выходовъ изъ того положенія, которое создалось арестомъ его предсѣдателя въ связи съ общей политической ситуаціей тогдашняго момента. Во-первыхъ, совѣтъ могъ попытаться стать болѣе лояльнымъ, не демонстрировать такъ вызывающе свои силы, измѣнить, словомъ, свою боевую тактику. Но настроеніе пролетаріата было таково, что совѣтъ, сошедшій съ того пути, на который онъ сталъ еще въ октябрьскіе дни, былъ бы сброшенъ самими рабочими. Во-вторыхъ, видя опасность своего открытаго существованія, совѣтъ могъ постараться уйти отъ глазъ полиціи—уйти въ подполье. Не тогда совѣтъ переставалъ быть совѣтомъ. Выборный парламентъ рабочаго класса обязанъ былъ и не могъ дѣйствовать иначе, какъ совершенно открыто и гласно, подъ постояннымъ живымъ контролемъ своихъ избирателей, самымъ фактомъ своего существованія агитируя, мобилизуя и организуя пролетаріатъ. Замуроваться въ подполье значило погубить дѣло совѣта. Въ-третьихъ, совѣтъ могъ отвѣтить правительству немедленнымъ выступленіемъ пролетаріата. Но это новое выступленіе должно было бы быть рѣшительнымъ и сильнымъ, т.-е. прежде всего не изолированно петербургскимъ, а всероссійскимъ; къ такому выступленію одинъ лишь арестъ предсѣдателя петербургскаго совѣта, несмотря на свое крупное симптоматическое значеніе, не представлялъ вѣскаго довода, на немъ не объединились бы рабочіе всей Россіи. А вмѣстѣ съ тѣмъ каждый день приносилъ извѣстія о томъ, что въ разныхъ концахъ страны, въ ея фабрично-заводскихъ центрахъ (въ Москвѣ, Одессѣ, Николаевѣ, Ростовѣ-на-Дону, Иваново-Вознесенскѣ, Костромѣ), по примѣру Петербурга возникаютъ такіе же выборные совѣты, что, слѣдовательно, организаціонная сила пролетаріата растетъ, что пока еще слабые по сознательности и численности кадры революціонныхъ солдатъ увеличиваются и идейно крѣпнутъ, что связи съ ними совѣта упрочиваются, что органъ революціоннаго крестьянства—крестьянскій союзъ—будетъ координировать свои дѣйствія съ совѣтомъ. При такихъ условіяхъ было ясно, что пока представлялась хоть *какая-нибудь* возможность уклониться отъ рѣшающей схватки съ правительствомъ и продолжать творческую и созидательную работу, совѣтъ—не дѣлая политической ошибки—не могъ декретировать немедленнаго выступленія. Въ-четвертыхъ, наконецъ, совѣтъ могъ остаться тѣмъ, чѣмъ онъ былъ, сохранить старое знамя, ни въ чемъ не мѣнять своей прежней тактики, и

Библиотека "Руниверс"

учтя событіе 26-го ноября, какъ явный признакъ неизбѣжной близости рѣшительнаго столкновенія, продолжать готовиться къ борьбѣ. Этотъ выводъ изъ всего совершившагося и совершающагося, и выводъ единственно возможный и правильный былъ сдѣланъ совѣтомъ на ближайшемъ его засѣданіи.

Таковы теоретическія разсужденія сотоварища Хрусталева, легшія въ основу дальнѣйшей политики дѣйствія совѣта рабочихъ депутатовъ. А вотъ и фактическое описаніе засѣданія совѣта, состоявшагося послѣ ареста его предсѣдателя: «27-го ноября совѣтъ собрался въ своемъ постоянномъ, за послѣднее время, помѣщеніи въ залахъ вольно-экономическаго общества, гостепріимно раскрывавшаго передъ нимъ дверь, при обычной обстановкѣ: попрежнему у внутреннихъ дверей стоялъ контроль, провѣрявшій депутатскіе и партійные билеты входящихъ, а снаружи дежурилъ нарядъ полиціи... Собраніе открыто; нервное и приподнятое вначалѣ, оно скоро находитъ свой всегдашній сдержанный и спокойно-дѣловой тонъ. Исполнительный комитетъ докладываетъ объ арестѣ предсѣдателя и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, захваченныхъ вмѣстѣ съ нимъ, но не имѣющихъ отношенія къ совѣту, объ обыскѣ въ бюро совѣта и союза рабочихъ печатнаго дѣла и предлагаетъ выработанную имъ въ его засѣданіи 26-го ноября резолюцію. Послѣ ряда рѣчей, сводившихся къ тому, объявить ли всеобщую политическую забастовку, или нѣтъ,—единогласно принимаетъ предложенную исполнительнымъ комитетомъ резолюцію, которая гласитъ: «*26-го ноября царскимъ правительствомъ взятъ въ плѣнъ предсѣдатель совѣта рабочихъ депутатовъ товарищъ Хрусталевъ-Носарь. Совѣтъ рабочихъ депутатовъ выбираетъ временный президіумъ и продолжаетъ готовиться къ вооруженному возстанію*».

«Передъ выборами возбуждаются преніи о томъ, могутъ ли официальные представители партій баллотироваться и быть избранными въ президіумъ. Этотъ же вопросъ еще раньше обсуждался на засѣданіи исполнительнаго комитета и тамъ былъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ. Здѣсь аргументы за и противъ повторяются. Нѣкоторые ораторы доказываютъ—и ихъ поддерживаютъ делегаты партіи соціалистовъ-революціонеровъ,—что официальные представители партій не могутъ избираться въ президіумъ уже потому, что они присутствуютъ на собраніяхъ совѣта лишь съ совѣщательными голосами. Кромѣ того, что главное, говорятъ они, совѣтъ есть организація *безпартійная* и, слѣдовательно, не можетъ и не долженъ имѣть *партійнаго* предсѣдателя. На это возражаютъ, что совѣтъ воленъ избирать любого изъ своихъ членовъ, обладаетъ ли таковой рѣшающимъ, или только совѣщательнымъ голосомъ—безразлично. Разница эта для даннаго случая лишь формальная и она не должна помѣшать избранію, если канди-

Библиотека "Руниверс"

датъ обладаетъ всѣми необходимыми достоинствами. Что же касается того, что совѣтъ долженъ быть безпартійнымъ,—то это вѣрно, но выборъ въ предсѣдательское бюро представителя партіи ничуть не мѣняетъ прежней дѣятельности совѣта и не означаетъ пріема имъ опредѣленной *партійной программы*. Выберутъ того или иного товарища не потому, что онъ представитель *такой-то партіи*, а потому, что дѣятельность его въ совѣтѣ, какъ члена, даетъ ему на это право. Да и къ чему можетъ помѣшать партійность сама по себѣ? Не секретъ, что прошлый предсѣдатель былъ соціалъ-демократъ, а его предсѣдательствомъ совѣтъ былъ доволенъ... Одинъ изъ депутатовъ-рабочихъ къ этому добавляетъ, что очень многіе изъ здѣсь присутствующихъ знаютъ его, какъ члена россійской соціалъ-демократической партіи, что идеи соціалъ-демократіи диктуютъ ему его работу въ совѣтѣ; что же, говоритъ депутатъ, развѣ то, что я членъ партіи, не позволяетъ мнѣ баллотироваться? Чуть не двѣ трети совѣта партійны и, значитъ, никто изъ нихъ не можетъ быть избранъ? Такое ограниченіе было бы очень и очень неосновательно...»

«Собраніе привѣтствуетъ эту рѣчь аплодисментами и рѣшаетъ не устанавливать никакихъ ограниченій права быть избраннымъ для всѣхъ членовъ совѣта. Огромнымъ большинствомъ въ президіумъ избираются три товарища, кандидатуры которыхъ были предложены исполнительнымъ комитетомъ.

«Присутствующій на засѣданіи представитель центральнаго комитета всероссійскаго крестьянскаго союза вноситъ предложеніе присоединиться какъ къ постановленію, принятому на ноябрьскомъ съѣздѣ совѣта,—громогласно заявить о томъ, что народъ не будетъ признавать и уплачивать долговъ, сдѣланныхъ правительствомъ послѣ 10-го ноября (день принятія постановленія), такъ и къ резолюціи московской группы союза отъ 21-го ноября, приглашающей брать вклады изъ государственныхъ сберегательныхъ кассъ и банковъ, не давать рекрутовъ, отвѣчая такимъ путемъ на арестъ бюро крестьянскаго союза... Совѣтъ еще и раньше сдѣлалъ нѣкоторые шаги въ этомъ направленіи. 23-го ноября исполнительный комитетъ выпустилъ воззваніе, приглашавшее рабочихъ брать вклады изъ государственныхъ сберегательныхъ кассъ и требовать уплаты заработка золотомъ. Теперь совѣтъ рѣшаетъ выпустить манифестъ къ народу, объединяющій и разъясняющій необходимость всѣхъ перечисленныхъ мѣръ борьбы, и поручаетъ исполнительному комитету вмѣстѣ съ революціонными организаціями составить текстъ манифеста и отпечатать его.

«Далѣе собраніе переходитъ къ практическимъ вопросамъ и постановляетъ на случай невозможности по полицейскимъ условіямъ устраивать общія засѣданія совѣта передать его функціи исполнительному комитету и для этого увеличить составъ испол-

Библиотека "Руниверс"

нительнаго комитета, пополнивъ его двумя представителями отъ каждаго района и однимъ отъ каждаго профессіональнаго союза. Затѣмъ совѣтъ выслушиваетъ горячія привѣтствія петербургскому пролетаріату отъ имени солдатъ финляндскихъ батальоновъ, отъ польской соціалистической партіи (P. P. S.) и отъ всероссійскаго крестьянскаго союза, делегатъ котораго выражаетъ твердую увѣренность въ томъ, что, когда пробьетъ урочный часъ, революціонное крестьянство пойдетъ на штурмъ правительства нога въ ногу съ пролетаріатомъ. Собраніе заканчивается знаменательной манифестаціей, символизирующей братскій союзъ революціоннаго пролетаріата съ революціоннымъ крестьянствомъ: представитель центральнаго комитета всероссійскаго крестьянскаго союза и предсѣдатель совѣта при несмолкаемыхъ рукоплесканіяхъ и громкихъ кликахъ обмѣниваются рукопожатіемъ. Собраніе закрыто...»

Въ то время, какъ это засѣданіе въ вольно-экономическомъ обществѣ протекло для участниковъ вполнѣ благополучно, подъ охраной наружной полиціи, въ это же время собраніе кадетовъ въ народномъ домѣ Нобеля было по распоряженію градоначальника мѣстнымъ приставомъ закрыто и разогнано. Изъ этого обстоятельства мы видимъ, что администрація изъ состоянія пассивности переходитъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ, но не считаетъ еще своевременнымъ нанести рѣшительный послѣдній ударъ въ центръ революціоннаго механизма, двигавшаго бурными событіями осеннихъ дней. Очевидно, либеральная буржуазія перестала въ глазахъ министерскаго кабинета графа С. Ю. Витте играть серьезную и мало-мальски опасную роль и съ нею не считали уже нужнымъ церемониться. Партійныя разслоенія, созданныя манифестомъ 17-го октября 1905 года, дали въ распоряженіе правительства благопріятные результаты, и оторванная отъ революціонныхъ низовъ, эта буржуазія не представляла собою для окрѣпшаго къ тому времени государственнаго механизма ту значительную величину политическаго характера, съ которою въ сентябрьскіе и октябрьскіе дни находили нужнымъ считаться.

27-го ноября совѣтъ рабочихъ депутатовъ засѣдалъ послѣдній разъ; отъ 27-го до 3-го декабря собирался лишь исполнительный комитетъ (29-го ноября и 3-го декабря), а 3-го декабря совѣтъ былъ арестованъ.

Я не буду занимать вниманіе читателей повѣствованіемъ о тѣхъ сношеніяхъ, которыя въ этотъ промежутокъ времени имѣли мѣсто между исполнительнымъ комитетомъ совѣта и отдѣльными фабричными и заводскими организаціями. Отмѣчу лишь нѣкоторое главнѣйшее, что имѣло мѣсто на засѣданіи 29-го ноября и 1-го декабря. Въ первый изъ этихъ дней было заслушано письмо одного изъ «товарищей», командированныхъ совѣтомъ въ различныя мѣстности какъ для пропаганды «боевыхъ парламентовъ рабочаго класса и

Библиотека "Руниверс"

всероссійскаго рабочаго съѣзда, такъ и для согласованія дѣйствій уже возникшихъ въ провинціи совѣтовъ рабочихъ депутатовъ и мѣстныхъ комитетовъ крестьянскаго, желѣзнодорожнаго и почтово-телеграфнаго союзовъ съ дѣйствіями петербургскаго совѣта на случай близкаго всероссійскаго выступленія пролетаріата, исполнительный комитетъ занялся обсужденіемъ стоящихъ на очереди вопросовъ. Не останавливаясь въ текстѣ на тѣхъ изъ нихъ, которые имѣли лишь узко-практическое значеніе и по существу не вносили ничего новаго, перехожу къ двумъ постановленіямъ, которыя, несомнѣнно, прибавляютъ нѣкоторые штрихи къ картинѣ жизни совѣта.

Первое изъ нихъ возникло при обсужденіи выработаннаго президіумомъ листка къ солдатамъ, отвѣчающаго на тѣ запросы, съ которыми войска стали будто особенно часто обращаться въ совѣтъ послѣ ноябрьской забастовки. Было высказано желаніе выпустить этотъ листокъ возможно скорѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, какъ исходящій отъ совѣта, долженъ былъ получить одобреніе самого совѣта, слѣдовательно, напечатаніе его нужно было отложить до очередного собранія. Не желая тормозить дѣло, исполнительный комитетъ поручилъ президіуму разослать листокъ въ рукописяхъ по районныхъ штабамъ и въ случаѣ принятія его депутатами на районныхъ собраніяхъ печатать воззваніе въ ста тысячахъ экземпляровъ.

Покончивъ съ вопросомъ о выпускѣ этого листка, исполнительный комитетъ сдѣлалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и принципіальное постановленіе, касающееся выпуска агитаціонной литературы, вообще; было рѣшено обратиться въ совѣтъ съ предложеніемъ дать исполнительному комитету право въ необходимыхъ случаяхъ выпускать отъ имени совѣта листки, воззванія и пр. ко всѣмъ слоямъ населенія безъ призыва, однако, къ опредѣленнымъ дѣйствіямъ.

1-го декабря состоялось засѣданіе редакціонной комиссіи, въ составъ которой вошли представители исполнительнаго комитета, крестьянскаго союза и соціалистическихъ партій, гдѣ былъ окончательно выработанъ, редактированъ и принятъ текстъ приведеннаго уже нами «Манифеста ко всему населенію Россіи». Тотчасъ же по принятіи его президіумъ совѣта командировалъ нѣсколькихъ товарищей въ редакціи всѣхъ петербургскихъ газетъ съ предложеніемъ отпечатать манифестъ въ ближайшихъ же номерѣ полностью. На другой день, 2-го декабря, манифестъ былъ опубликованъ въ слѣдующихъ семи газетахъ: «Начало», «Новая Жизнь», «Сынъ Отечества», «Русь», «Наша Жизнь», «Свободное Слово», «Свободный Народъ». Какъ уже упомянуто было мною, газеты, помѣстившія этотъ манифестъ, были конфискованы, а противъ редакторовъ ихъ возбуждено преслѣдованіе. Эта конфискація взволновала широкіе литературные круги и среди редакцій повре-

Библиотека "Руниверс"

менной печати создалась даже агитація въ пользу опредѣленнаго выступленія въ томъ направленіи, чтобы на будущее время, основываясь на правѣ свободы печати, дарованной актомъ 17-го октября, воспроизводить всѣмъ органамъ прессы на своихъ столбцахъ и страницахъ тѣ статьи и замѣтки, которыя въ томъ или иномъ органѣ подверглись бы преслѣдованію. По сему предмету происходили спеціальныя засѣданія разныхъ редакціонныхъ представителей, но, хотя на этихъ засѣданіяхъ и были вынесены опредѣленныя резолюціи утвердительнаго характера, однако въ дальнѣйшемъ это не было приведено въ исполненіе. Революціонная волна уже спала, общественныя силы разбились, единодушіе исчезло, а правительство окрѣпло и вступило въ отправленіе своихъ репрессивныхъ обязанностей. Бороться съ нимъ этимъ общественнымъ силамъ было уже не по плечу и тѣмъ болѣе, что къ этому времени проявляютъ напряженную активность монархическія, такъ называемыя черносотенныя, организаціи, выступившія, съ одной стороны, въ интересахъ поддержки пошатнувшагося государственнаго порядка вещей, и съ другой—въ цѣляхъ подавленія духа общественной оппозиціи, и всякаго государственнаго новшества, откуда бы таковое ни исходило, хотя бы даже изъ манифеста 17-го октября. Тутъ уже мы наблюдаемъ явленіе революціоннаго порядка, явленіе чернаго террора, но въ обратномъ направленіи. Опредѣленныя группы берутъ на себя дерзость указанія верховной власти ея яко бы прогрессивныхъ ошибокъ и высказываютъ даже требованіе возврата къ тому порядку вещей, которое это верховная власть только что признала непригоднымъ и отжившимъ свой вѣкъ И какъ разъ въ тотъ часъ, когда исполнительный комитетъ совѣта рабочихъ депутатовъ декретировалъ свой манифестъ,—въ Царскомъ Селѣ происходилъ милостивый пріемъ депутаціи отъ союза русскихъ людей, отъ монархической партіи, отъ общества хоругвеносцевъ и добровольной охраны, ходатайствовавшихъ о возвращеніи къ старинѣ, къ доконституціонному періоду русской жизни...

2-го декабря появился на столбцахъ газетъ манифестъ, а въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» былъ опубликованъ указъ сенату, вводившій правила о стачкахъ, направленныя противъ забастовокъ желѣзныхъ дорогъ, почты, телеграфа и телефона. Но вотъ наступилъ послѣдній день жизни совѣта рабочихъ депутатовъ, пробилъ его послѣдній часъ.

XXXVI.

Согласно описанію г. В. Звѣздина, этотъ послѣдній день жизни совѣта протекъ такъ: 3-го декабря, въ четыре часа дня собрался въ помѣщеніи вольно-экономическаго общества исполнительный

Библиотека "Руниверс"

комитетъ, чтобы—какъ было принять заранѣе—обсудить новое положеніе дѣлъ, созданное конфискаціей восьми газетъ и изданіемъ «Временныхъ правилъ о стачкахъ», и тѣмъ облегчить занятія совѣта, приготовить ему матеріалы для рѣшеній. Что дѣлать? Отвѣчать или нѣтъ на новыя нападенія правительства, окончательно лишавшія пролетаріатъ добытыхъ имъ правъ; и если отвѣчать, то какъ и когда? Вотъ тѣ вопросы, которые надлежало освѣтить и обсудить исполнительному комитету.

Въ самомъ началѣ преній представители федеративнаго совѣта россійской соціалъ-демократической рабочей партіи отъ имени центральныхъ учрежденій (центральнаго комитета «большинства» и организаціонной комиссіи «меньшинства») вносятъ предложеніе—принять вызовъ абсолютизма, отвѣтить на него въ самомъ непродолжительномъ времени всеобщей забастовкой, предварительно уговорившись о днѣ объявленія ея со всѣми революціонными партіями и организаціями. Федеративный совѣтъ мотивируетъ свое предложеніе тѣмъ, что дальнѣйшая выжидательная тактика придастъ еще большую «дерзость» окрѣпшему правительству; что весьма вѣроятно, что реакція не сегодня, такъ завтра сдѣлаетъ еще шагъ на своемъ пути и попытается арестовать совѣтъ рабочихъ депутатовъ; что, съ другой стороны, конфискація газетъ, и въ особенности «каторжный» законъ о стачкахъ непремѣнно встрѣтятъ сильнѣйшій протестъ среди всего населенія и тѣмъ создадутъ достаточную базу для объединеннаго всероссійскаго выступленія пролетаріата, и что, наконецъ, длинный рядъ крестьянскихъ безпорядковъ и волненій въ войскахъ могутъ обезпечить этому рѣшительному выступленію побѣду.

Делегатъ желѣзнодорожнаго союза предлагаетъ отложить рѣшеніе вопроса о днѣ забастовки до постановленія всероссійскаго желѣзнодорожнаго съѣзда, который открываетъ свои засѣданія 6-го декабря. Онъ прибавляетъ, что, по его мнѣнію, желѣзнодорожные служащіе и рабочіе, которыхъ ближе всего касаются «правила о стачкахъ», забастуютъ.

Представитель почтово-телеграфнаго союза высказывается также за стачку, которая вольетъ новыя силы въ потухающую, но все еще грозную почтово-телеграфную забастовку и тѣмъ усилитъ и самое себя. Записалось по поводу предложенія федеративнаго союза еще нѣсколько ораторовъ, но дебаты прерываются принесеннымъ однимъ изъ товарищей извѣстіемъ о томъ, что правительство рѣшило арестовать совѣтъ сегодня же. Уже не разъ и на прошлыхъ засѣданіяхъ доходили слухи о готовящемся будто бы арестѣ совѣта или о разгромѣ его черносотенцами. Послѣдняго бояться было нечего, такъ какъ совѣтъ имѣлъ всегда наготовѣ вооруженную охрану; вѣрить же первому тогда не было основаній. Теперь, однако, всѣ правительственныя мѣропріятія говорили

Библиотека "Руниверс"

за то, что правительство попытается «захватить въ плѣнъ» своего врага. Тѣмъ не менѣе исполнительный комитетъ рѣшаетъ продолжать свои занятія, и это понятно: совѣтъ рабочихъ депутатовъ не подпольная организація, онъ не конспирируетъ, его дѣйствія оглашаются въ печати, объ его собраніяхъ всегда извѣщается полиція; глава правительства и члены его входили съ нимъ въ сношенія, тѣмъ самымъ какъ бы санкціонируя право совѣта на существованіе,— распустить *данное* собраніе значило бы признать совѣтъ нелегальнымъ, значило бы создать прецендентъ для разгона *вообще* совѣтскихъ собраній; совѣтъ или существуетъ и дѣйствуетъ открыто, или совсѣмъ не существуетъ; поэтому разойтись добровольно исполнительный комитетъ не могъ.

Вновь начинаются пренія, но приносятъ и другое сообщеніе,— на этотъ разъ изъ бюро исполнительнаго комитета, подтверждающее первое: одному изъ полковъ гвардіи—Измайловскому,—приказано быть наготовѣ для оказанія помощи полиціи. Итакъ, арестъ совѣта неизбѣженъ. Исполнительный комитетъ все-таки рѣшаетъ не распускать собранія (депутаты, бывавшіе на засѣданіяхъ совѣта, партійные агитаторы и нѣкоторыя постороннія лица уже собрались въ другое зало); постановлено только, чтобы нѣкоторые изъ членовъ исполнительнаго комитета, наиболѣе знакомые съ текущими дѣлами, удалились съ засѣданія и, спасшись отъ ареста, тѣмъ обезпечили бы преемственность въ рабочихъ будущаго совѣта.

«Но имъ уйти не удалось...—въ приподнятомъ тонѣ повѣствуетъ г. Звѣздинъ:—Зданіе вольно-экономическаго общества было уже оцѣплено войсками; прилегающія улицы переполнены конными и пѣшими городовыми, казаками, пѣхотой. Всѣ остаются на мѣстахъ. Слышенъ лязгъ оружія и звукъ шпоръ: солдаты, предводительствуемые офицерами («наконецъ-то удалось захватить это «временное правительство»!—сказалъ одинъ изъ нихъ), вошли внутрь зданія. Рѣшено не оказывать сопротивленія войскамъ. Снизу, гдѣ собрался совѣтъ, доносятся негодующіе возгласы депутатовъ; имъ передаютъ рѣшеніе. Солдаты съ ружьями наперевѣсъ замыкаютъ входъ въ залу, гдѣ находился исполнительный комитетъ; предсѣдатель требуетъ у офицеровъ запереть двери и не мѣшать занятіямъ. Двери остаются открытыми; у входа въ комнату стоятъ солдаты. Беретъ слово одинъ изъ членовъ исполнительнаго комитета. Онъ говоритъ, что правительство своимъ сегодняшнимъ актомъ грубаго насилія подтвердило доводы въ пользу всеобщей забастовки. Оно предрѣшило ее. Теперь забастовка необходима и неизбѣжна. Исходъ этого новаго рѣшительнаго выступленія пролетаріата зависитъ отъ войскъ. Пусть же они встанутъ на защиту родины! (Офицеры поспѣшаютъ запирать двери; ораторъ возвышаетъ голосъ). Пусть братскій призывъ рабочихъ, всей измученной страны донесется до солдатъ! Пусть

Библиотека "Руниверс"

онъ, не заглушаемый грохотомъ барабановъ, сквозь законопаченныя двери казармъ найдетъ себѣ дорогу къ солдатскому сердцу. Солдаты-дѣти народа! Дѣло народа—ихъ дѣло!

«Кончить рѣчь не пришлось; въ комнату входитъ полиція, за нею войска: Продолжать говорить невозможно... Совѣтъ рабочихъ депутатовъ въ плѣну...»

Арестовано было всего сто девяносто человѣкъ, изъ коихъ впослѣдствіи предстали передъ судомъ по дѣлу совѣта рабочихъ депутатовъ пятьдесятъ два человѣка. Объ этомъ дѣлѣ я скажу въ заключительной части настоящаго очерка. Арестъ совѣта 3-го декабря произвелъ сильное впечатлѣніе на столичныя революціонныя сообщества, каковыя въ отмщеніе за правительственныя мѣропріятія выставили необходимость произвести третью по счету всеобщую забастовку. Но этотъ призывъ въ Петербургѣ успѣха не имѣлъ: рабочее движеніе уже шло на убыль, голодъ и нужда явились въ данномъ случаѣ наилучшими союзниками правительства, и только кровавые дни московскаго вооруженнаго возстанія явились своего рода отвѣтомъ на разгромъ петербургскаго пролетаріата. Циклъ революціонныхъ событій 1905 года постепенно завершался и періоду русской государственной разрухи близился конецъ. Жизнь народа вступала въ новую колею, куда ее направилъ актъ 17-го октября, но, увы! и эта колея не оказалась широкой и накатанной, а съ тѣми рытвинами и ухабами, преодолѣть которые русскій народъ по стародавнимъ «не зависящимъ отъ него обстоятельствамъ» не въ силахъ и поднесь. Но эта сторона нашего историческаго бытія не входитъ вообще въ циклъ моихъ очерковъ, посвященныхъ исторіи русской смуты: она достояніе будущаго лѣтописанія, для котораго можно пока лишь подбирать необходимые матеріалы. Теперь же мнѣ остается лишь сказать кратко объ окончательной ликвидаціи жизни и дѣятельности совѣта рабочихъ депутатовъ и его предсѣдателя, изъ образа котораго случайность создала громкаго и виднаго героя дня; извѣстность его оказалась искусственно освѣщенной періодической печатью, затронутой въ своихъ жизненныхъ интересахъ пролетаріатомъ, и она же восемь лѣтъ спустя безъ смущенія и пощады, при неблагопріятномъ для него стеченіи жизненныхъ обстоятельствъ, изрекла надъ нимъ свой строгій судъ и изъ героя недавняго прошлаго превратила въ объектъ травли, насмѣшекъ и нападокъ.

Б. Глинскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

Библиотека "Руниверс"

ЮБИЛЕЙ «РУССКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ».

... Свободное слово!
Судили тебя, обрекали изгнанью,
Топали ногами, предавъ поруганью.
Тебя сожигали рукой палача,
Но ты не смолкало, побѣдно звуча...
О. Чюмина.

ПОИСТИНѢ рѣдкій и многознаменательный юбилей торжественно отпраздновала 6-го октября сего года «литературная» Москва—полувѣковое служеніе русскому обществу едва ли не первой въ Россіи прогрессивной газеты, сохранившей до конца непоколебимую вѣрность своему культурному знамени. Въ исторіи развитія нашего общественнаго самосознанія «Русскія Вѣдомости» сыграли выдающуюся роль. Въ теченіе пятидесяти лѣтъ газета неуклонно шла по одному и тому же пути, какъ въ зеркалѣ, отражая на своихъ столбцахъ жизнь передовой русской интеллигенціи, для которой она была когда-то не только единственной школой права, свободы и уваженія человѣческой личности, но и вѣщимъ колоколомъ, будившимъ ея совѣсть, призывавшимъ ее къ бодрому, самоотверженному труду на пользу общества, къ неустанной борьбѣ за идеалы лучшаго будущаго. «Русскія Вѣдомости» испытали на своемъ долгомъ вѣку много разныхъ невзгодъ, много ударовъ сыпалось на газету за ея «вредное направленіе», но это не мѣшало ей твердо и спокойно итти впередъ, не падая духомъ и не вступая на скользкій путь компромиссовъ.

Библиотека "Руниверс"

Бывали моменты, что ея голосъ звучалъ совсѣмъ одиноко, никѣмъ не поддержанный, и потому особенно громко раздававшійся среди общей тишины, но случалось, что газета поневолѣ должна была молчать, и это вынужденное молчаніе ея нерѣдко было краснорѣчивѣе всякихъ словъ. Такъ, когда 19-го февраля 1886 года,въ двадцатипятилѣтнюю годовщину отмѣны крѣпостного права, послѣдовало совершенно невѣроятное распоряженіе со стороны московской администраціи, чтобы газеты не обмолвились по поводу величайшаго историческаго событія ни единымъ словомъ, «Русскія Вѣдомости» совсѣмъ не вышли въ этотъ день, выразивъ молчаливой демонстраціей гораздо больше, чѣмъ способна была сдѣлать человѣческая рѣчь. «Скверная газета,—замѣтилъ по этому поводу тогдашній начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати Ѳеоктистовъ:—говоритъ скверно, а молчитъ еще хуже».

«Краснорѣчивыя умолчанія» «Русскихъ Вѣдомостей» часто раздражали охранительную печать, и дѣло доходило до того, что однажды,—кажется, въ 1896 году,—«Московскія Вѣдомости» потребовали отъ редакторовъ «профессорской газеты» вторичной присяги. Помнится, на бѣднаго Грингмута, редактора-издателя этого лейбъ-органа московскихъ монархистовъ, посыпался тогда градъ ядовитыхъ насмѣшекъ, причемъ его не щадили даже «политическіе друзья и единомышленники». Такъ, одинъ изъ нихъ, князь Э. Э. Ухтомскій, разразился въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» блестящей политической статьей, въ которой доказывалъ, что Грингмутъ своей дикой выходкой окончательно скомпрометтировалъ монархическую идею. Статья начиналась цитатой изъ «Моцарта и Сальери» Пушкина: «мнѣ не смѣшно, когда маляръ негодный мнѣ пачкаетъ мадонну Рафаэля...»

Въ восьмидесятыхъ и девятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія «Русскія Вѣдомости» можно было по всей справедливости назвать «вторымъ московскимъ университетомъ». Въ противоположность нынѣшней молодежи, выросшей среди эксцессовъ реакціи и революціи, воспитанной на «Шерлокъ-Холмсахъ», «Натъ-Пинкертонахъ» и «Саниныхъ», интересующейся исключительно либо спортомъ, либо порнографіей,—тогдашніе московскіе студенты зачитывались публицистическими и научными статьями «Русскихъ Вѣдомостей». Это была ихъ газета-учительница, газета-воспитательница, газета-другъ. Къ ней они обращались за разрѣшеніемъ всѣхъ своихъ сомнѣній и мучительно наболѣвшихъ въ душѣ вопросовъ, ей они безусловно и слѣпо вѣрили, какъ оракулу. Помню я, съ какимъ восторгомъ мы, восьмидесятники, читали талантливыя корреспонденціи Іоллоса изъ Берлина, всегда подписанныя одною лишь таинственной буквой «і», или блестящія письма изъ Лондона знаменитаго эмигранта Лаврова, объ авторствѣ котораго, разумѣется, никто въ то время и не подозрѣвалъ, благодаря цѣлому ряду искусно

Библиотека "Руниверс"

придуманныхъ псевдонимовъ, подъ которыми ловко скрывался и отъ читающей публики, и отъ бдительнаго ока начальства этотъ «архинелегальный» газетный корреспондентъ. Въ результатѣ, мы дѣйствительно получали свое политическое образованіе не столько въ университетѣ, гдѣ читался «кастрированный» курсъ государственнаго права, сколько именно въ редакціи «профессорской газеты», къ голосу которой чутко прислушивалась вмѣстѣ со студенческой молодежью и русская интеллигенція.

Любопытно прослѣдить исторію «Русскихъ Вѣдомостей» съ того момента, когда русская читающая публика услышала ихъ первый «младенческій лепетъ». Это было 3-го сентября 1863 года. Подъ редакціей извѣстнаго въ сороковыхъ годахъ литератора Н. Ф. Павлова вышелъ крошечный листокъ въ четвертку средняго газетнаго формата. Ни съ внѣшней, ни тѣмъ болѣе съ внутренней стороны онъ ничуть не былъ похожъ на выросшій изъ него впослѣдствіи вліятельный органъ печати. Газетка выходила всего три раза въ недѣлю и стоила въ годъ «три рубля серебромъ». Уже съ первыхъ номеровъ она наполнялась воинственно-шовинистическими статьями противъ поляковъ, которые вызывались ею на бой извѣстнымъ стихомъ Пушкина: «Такъ высылайте жъ намъ, витіи, своихъ озлобленныхъ сыновъ...»

На ряду съ «польскими дѣлами» видное мѣсто въ газетѣ занимали такъ называемыя «письма къ редактору», въ которыхъ отражалась внутренняя жизнь страны. Съ современной точки зрѣнія письма эти отличались большой наивностью. Такъ, напримѣръ, мировой посредникъ князь Н. Еникѣевъ писалъ изъ Мокшана: «Что сознаніе народа о необходимости грамотности уже есть, доказательствомъ тому служатъ училища, открытыя при волостныхъ правленіяхъ; но, между тѣмъ, со всѣмъ желаніемъ обучать своихъ дѣтей грамотѣ преткновеніемъ къ этому служитъ неимѣніе азбукъ. Началомъ образованія народа служатъ азбуки: ихъ и слѣдовало бы разослать въ большомъ количествѣ экземпляровъ во всѣ губернскія почтовыя конторы на комиссію...» Тутъ же находимъ письмо какого-то «крестьянина государственныхъ имуществъ Ив. Андреичева», который сообщаетъ, что «жена осташковскаго мѣщанина Антона Павлова, Анисья, благополучно родила двухъ сыновей, Климента, Петра, и третью дочь Екатерину, надъ которыми таинство крещенія того же дня совершено». Другой корреспондентъ возмущается «бранными словами на улицѣ» и предлагаетъ со своей стороны «установленіе штрафа за всякое непристойное слово». Третій подробно разсказываетъ объ изобрѣтенномъ имъ «новомъ способѣ стирки бѣлья», и т. д. и т. д.

Библиотека "Руниверс"

Въ отдѣлѣ «Разныя извѣстія» писалось о «дракѣ, окончившейся откушеніемъ губы», о страшномъ «душегубствѣ» разбойника Рузавина, о томъ, что «въ Твери образовалось дамское общество «доброхотной копейки» съ цѣлью помогать наибѣднѣйшимъ жителямъ города, стыдящимся просить милостыню» и т. п.

Интересна московская хроника того времени, въ которой, напримѣръ, сообщалось, что «начальныхъ училищъ въ Москвѣ существуетъ тринадцать, по одному въ каждой части города, кромѣ частей Городской, Яузской, Прѣсненской и Хамовнической, гдѣ такихъ училищъ нѣтъ и гдѣ дума предложила открыть таковыя по мѣрѣ возможности и имѣнію къ тому средствъ... Женскихъ гимназій въ Москвѣ двѣ: онѣ существуютъ три года, и существованіе ихъ поддерживается преимущественно частной благотворительностью». Иногда въ хроникѣ сообщались «сенсаціонныя» событія въ родѣ слѣдующаго: «На дняхъ мы увидимъ новое явленіе, и въ этой новинкѣ Москва опередила Петербургъ. Во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ проходитъ публика, появятся разносчики въ дубленыхъ полушубкахъ и барашковыхъ шапкахъ. Спереди у этихъ людей будетъ ящикъ, повѣшенный на ремнѣ; желтый ящикъ съ надписью: «газеты»—будетъ заключать въ себѣ номера газетъ, вышедшихъ въ этотъ день...»

Курьезно описывалъ газетный хроникеръ рауты у генералъ-губернатора князя В. А. Долгорукова. Расточая всевозможныя похвалы по адресу «сегодняшняго бала, подобнаго которому Москва ни разу еще не видывала», онъ восторженно замѣчалъ: «Ни одна капля стеарина не упала на танцующихъ, такъ какъ поставлены были гранатки и колпаки на свѣчи. Вотъ до чего простиралась заботливость объ успѣхѣ бала!» Очевидно, тотъ же хроникеръ отмѣчалъ и «маскерады» въ Большомъ театрѣ. «Многіе изъ танцовавшихъ кавалеровъ не могли найти себѣ дамъ для своихъ неприличныхъ танцевъ,—писалъ онъ,—и потому танцовали кадриль одни. Эти мужская кадриль была совершенно новаго рода—съ «боксами», причемъ много было измято шляпъ и дано другъ-другу толчковъ, и всѣ остались довольны другъ-другомъ». О выдающихся конькобѣжцахъ того времени газета писала нижеслѣдующимъ изумительнымъ стилемъ: «нельзя не похвалить истинно удивительной ловкости и ненаглядной граціозности Ганса...»

Таково было зерно, изъ котораго выросли постепенно «Русскія Вѣдомости».

Когда въ мартѣ 1864 года умеръ Павловъ, газета перешла къ его ближайшему помощнику Н. С. Скворцову, который сначала арендовалъ ее у сына Павлова за три тысячи рублей въ годъ, а затѣмъ и пріобрѣлъ въ собственность. Въ рукахъ Скворцова газета быстро поднялась. Онъ умѣлъ выбирать людей и привлекать талантливыхъ сотрудниковъ. Въ первый же годъ своего редакторства онъ пригласилъ къ себѣ въ помощники извѣстнаго М. П. Щепкина,

Библиотека "Руниверс"

въ тѣсной дружбѣ съ которымъ проработалъ всю жизнь. Вскорѣ затѣмъ ему удалось заручиться сотрудничествомъ такихъ лицъ изъ университетской среды, какъ Б. Н. Чичеринъ, и Ѳ. М. Дмитріевъ, и установить прочныя связи съ блестящими представителями тогдашней молодой адвокатуры — княземъ А. И. Урусовымъ, Ѳ. Н. Плевако, Л. А. Куперникомъ. Конечно,участіе въ газетѣ такихъ выдающихся писателей и общественныхъ дѣятелей сразу подняло ея значеніе и замѣтно увеличило интересъ къ ней публики; но средства Скворцова были чрезвычайно скудны, и только 1-го января 1868 года, на пятомъ году существованія «Русскихъ Вѣдомостей», онъ могъ приступить къ ежедневному выпуску газеты.

Скворцовъ былъ человѣкъ изумительной энергіи и трудоспособности. Одинъ изъ его ближайшихъ сподвижниковъ и преемниковъ по редактированію газеты, А. С. Посниковъ, говоритъ о немъ въ своихъ воспоминаніяхъ слѣдующее:

«Главнымъ работникомъ оставался всегда самъ редакторъ Скворцовъ, который приводилъ въ порядокъ разнородныя сообщенія, поступавшія за день, и писалъ руководящія статьи, преимущественно по вопросамъ внѣшней политики. Писалъ онъ легко и много. При корректурѣ статей онъ обращалъ самое тщательное вниманіе на стилистическую ихъ отдѣлку, и въ этомъ отношеніи Н. С. Скворцовъ былъ чрезвычайно требователенъ: онъ способенъ былъ просидѣть, не разгибая спины, многіе часы надъ правкой не нравившагося ему текста. Лежавшую на немъ тяжелую работу онъ исполнялъ преимущественно поздними вечерами, а также ночью, и до такой степени привыкъ къ этому, что прямо-таки не могъ съ успѣхомъ ни править корректуръ, ни писать днемъ. Работа по ночамъ вызывалась, впрочемъ, отчасти и тогдашними невозможными условіями полученія агентскихъ телеграммъ. Въ Москвѣ онѣ доставлялись въ редакцію поздно ночью, да еще нерѣдко по частямъ, а самое главное—телеграммы присылались въ редакцію не переведенныя на русскій языкъ, какъ нынѣ, а въ подлинномъ видѣ, какъ онѣ получались съ телеграфа. Обычно въ нихъ были пропуски, искаженія названій мѣстъ и именъ дѣйствующихъ лицъ, при томъ же телеграммы присылались не напечатанныя, а скопированныя съ рукописи на копировочномъ станкѣ, да еще на тонкой пропускной бумагѣ. Разобрать такую телеграмму представлялось дѣломъ въ высокой степени труднымъ, мучительнымъ даже, и надо было имѣть большую привычку, чтобы передать ее правильно. А между тѣмъ за неточную передачу редакціи угрожала большая отвѣтственность, особенно при тогдашнихъ условіяхъ цензуры. Скворцовъ могъ просидѣть за редакторскимъ столомъ и проработать надъ выпускомъ газеты хотя бы всю ночь напролетъ, и онъ просиживалъ такъ надъ нею,—надо помнить,—изо дня въ день въ теченіе многихъ лѣтъ».

Библиотека "Руниверс"

Вскорѣ послѣ приступа къ ежедневному выпуску «Русскихъ Вѣдомостей», въ началѣ 70-хъ годовъ, Скворцовъ сблизился съ небольшою группою молодыхъ журналистовъ и ученыхъ, принявшихъ дѣятельное участіе въ газетѣ и оказавшихъ огромное вліяніе на дальнѣйшее ея развитіе. Въ центрѣ этой группы были А. С. Посниковъ, В. М. Соболевскій и А. И. Чупровъ. Послѣдовательно они становятся ближайшими сотрудниками Скворцова и приносятъ въ газету то направленіе, ту «программу», которую она неизмѣнно осуществляла болѣе четырехъ десятилѣтій.

Въ исторіи «Русскихъ Вѣдомостей» яркій слѣдъ оставилъ 1873 годъ. Осенью этого года группа молодыхъ ученыхъ, о которой сейчасъ было упомянуто, собралась въ Гейдельбергъ для обсужденія программы будущей совмѣстной дѣятельности. Выработаны были общія руководящія начала, которымъ молодые «рыцари пера» тутъ же дали торжественное обѣщаніе неуклонно слѣдовать всю жизнь, проповѣдуя въ печати идеи правового порядка и представительнаго строя. Политическая свобода, такимъ образомъ, была важнѣйшимъ лозунгомъ, опредѣлявшимъ всю ихъ послѣдующую научно-публицистическую дѣятельность.

Съѣздъ кучки ученыхъ въ Гейдельбергѣ можно съ полнымъ правомъ считать колыбелью русскаго конституціонализма, ибо со временемъ та политико-соціальная концепція, которая была намѣчена въ главныхъ чертахъ на этомъ маленькомъ съѣздѣ, сдѣлала обширныя завоеванія во всѣхъ слояхъ русскаго общества и воплотилась въ широкомъ общественномъ движеніи, быть можетъ, еще не сказавшемъ своего послѣдняго слова.

«Гейдельбергская программа» безповоротно опредѣлила курсъ и направленіе «Русскихъ Вѣдомостей». Къ участію въ газетѣ привлекаются отнынѣ виднѣйшіе представители науки, литераторы и общественные дѣятели, среди которыхъ находимъ имена Салтыкова, Глѣба Успенскаго, Златовратскаго, Муромцева, Ковалевскаго, Орлова и друг. Содержаніе газеты вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно развивается въ томъ самомъ направленіи, какое было предуказано участниками съѣзда въ Гейдельбергѣ, и если значительно позднѣе «Русскія Вѣдомости» первыя въ легальной печати выступили съ требованіемъ созыва народныхъ представителей, то это былъ только логическій выводъ, необходимое заключеніе, вытекавшее изъ многолѣтней проповѣди конституціонализма. Эта смѣлая проповѣдь далеко не оставалась безнаказанной для «профессорской газеты».

Если мы заглянемъ, такъ сказать, въ послужной списокъ «Русскихъ Вѣдомостей», то увидимъ, что газета была излюбленнымъ объектомъ всякаго рода начальственныхъ воздѣйствій и во всевозможныхъ формахъ, на какія только способна была надзирающая за печатью правительственная власть. Какъ изъ рога изобилія, сыпались на нее изъ года въ годъ предостереженія, запрещенія розничной

Библиотека "Руниверс"

продажи и тому подобныя административныя кары. Но газета не смущалась и стойко, во всеуслышаніе продолжала исповѣдывать свое политическое credo, не страшась никакихъ репрессій, какъ бы тяжело ни отражались онѣ на ея бюджетѣ.

Послѣднее по времени воспрещеніе розничной продажи «Русскихъ Вѣдомостей» было отмѣчено лишь на другой день послѣ манифеста 17-го октября, а послѣднее предостереженіе ими было получено почти что наканунѣ не состоявшагося созыва, такъ называемой, булыгинской «законосовѣщательной» думы за статью «Къ вопросу объ организаціи будущаго народнаго представительства». Достойно вниманія, что въ этой статьѣ, обнаружившей, по мнѣнію министра внутреннихъ дѣлъ, «вредное направленіе», выяснилась необходимость какъ разъ той самой реформы, которая всего лишь *три мѣсяца спустя* была провозглашена съ высоты престола, какъ неотложная жизненная потребность страны.

Торжественное чествованіе «Русскихъ Вѣдомостей», устроенное особымъ, спеціально для этой цѣли организованнымъ, юбилейнымъ комитетомъ, привлекло огромное количество публики,—вотъ ужъ буквально негдѣ было яблоку упасть!—въ обширное помѣщеніе московскаго литературно-художественнаго кружка. Кого кого только здѣсь не было! Не говоря уже о литературномъ и артистическомъ мірѣ, лучшіе представители котораго присутствовали на торжествѣ въ полномъ составѣ, налицо была почти вся московская адвокатура, много дамъ высшаго свѣта, нѣсколько сановниковъ, украшенныхъ звѣздами, и десятка два прибывшихъ изъ Петербурга членовъ нашихъ обѣихъ законодательныхъ палатъ.

Горячія хвалебныя рѣчи, многочисленныя депутаціи съ привѣтственными адресами, общія свѣдѣнія о которыхъ читатель найдетъ въ отдѣлѣ «Смѣсь» настоящей книжки, были вполнѣ заслуженной данью почтенной газетѣ за тяжелую пятидесятилѣтнюю литературную службу ея русскому обществу.

Князь Б. А. Щетининъ.

Библиотека "Руниверс"

Въ нѣдрахъ Вильны и ея окрестностей.

Вся обвѣянная легендами, въ которыхъ поэтически переплелись историческія и религіозныя народныя были и сказанія, Вильна таитъ въ себѣ еще многое такое, что ждетъ своего Аладина...

Ея подземелья и туннели породили въ народѣ цѣлую область заманчиво-таинственныхъ слуховъ о скрытыхъ въ нихъ сокровищахъ, охраняемыхъ призраками прошлаго.

Что подземелья эти и подземные ходы существуютъ, въ этомъ давно нѣтъ сомнѣнія.

Существованіе ихъ доказываютъ неоднократные провалы улицъ, о которыхъ разсказываютъ старожилы Вильны, а также старинные фундаменты и своды погребовъ, кладки коихъ нерѣдко обнаруживали при постройкахъ новыхъ домовъ.

Каждый католическій монастырь имѣлъ здѣсь свои катакомбы и ходы, соединяющіе съ нимъ другіе монастыри, гдѣ заточались враждебные имъ люди и хоронились цѣнности, о которыхъ знали немногіе.

Въ старомъ городѣ недавно были обнаружены подвалы въ два яруса, что тоже подтверждаетъ слухи о томъ, что весь онъ построенъ на лабиринтѣ подземныхъ ходовъ и убѣжищъ.

Пытались въ нихъ проникнуть нѣкоторые изъ репортеровъ мѣстныхъ газетъ послѣ того, какъ здѣсь неожиданно рухнулъ многоэтажный домъ на Еврейской улицѣ, но попытки эти дальше

Библиотека "Руниверс"

осмотра подваловъ и лаза изъ нихъ въ глубину нижняго яруса не пошли.

Одинъ изъ подземныхъ ходовъ былъ усмотрѣнъ во дворѣ миссіонерскаго костела на Сиротской улицѣ.

Не одно поколѣніе бывшихъ учениковъ мѣстнаго духовнаго училища старалось проникнуть въ погреба своей Андреевской церкви, которая стоитъ на мѣстѣ бывшаго монастыря августиніанъ.

Тамъ, по словамъ дѣлавшихъ эти попытки, имѣлся когда-то подземный ходъ, таинственность котораго дразнила молодое воображеніе.

Но далеко экскурсіи эти не заходили. Жутко становилось отъ мрака, сырыхъ сводовъ и стѣнъ, сквозь которые капала откуда-то вода, и плѣсени, которая обволакивала все липкимъ слоемъ своимъ, проникая въ одежду, мѣшая дышать. Сырой сквознякъ гасилъ огонь въ фонарѣ, и гдѣ-то, будто, журчала вода и налетали откуда-то летучія мыши.

Возможно, что вода дѣйствительно журчала, такъ какъ въ этомъ районѣ существуетъ нѣсколько ключей, питающихъ лежащіе неподалеку пруды.

Между прочимъ подъ центральными улицами Вильны протекаетъ и подпочвенная рѣчка Кочерга, русло которой, по слухамъ, зажато віадукомъ, возведеннымъ забытыми руками, быть можетъ, плѣнныхъ рабовъ...

Училище и Андреевская церковь при немъ расположены нынѣ тоже въ центральной части города. Ходъ изъ погребовъ, кажется, давно задѣланъ администраціей училища во избѣжаніе, вѣроятно, несчастныхъ случаевъ съ любознательной молодежью.

Если же версія объ этомъ туннелѣ есть вымыселъ дѣтской фантазіи, то во всякомъ случаѣ пищей для нея послужили тѣ же разсказы о заповѣдныхъ мѣстахъ подземной Вильны. Слуховъ этихъ ходитъ очень много, но попытокъ къ болѣе или менѣе серьезному изслѣдованію доселѣ не было.

Возможно, что въ виленскомъ центральномъ архивѣ и хранится какая-нибудь историческая литература относительно происхожденія и расположенія подземелій Вильны, но въ современной печати о ней никогда почти не упоминалось.

Все это еще непочатая область, которая со временемъ доставитъ богатые этнографическіе сюрпризы для мѣстнаго музея.

Недавно Замковая гора съ развалинами на ней замка Гедимина явилась предметомъ усиленныхъ пререканій со стороны ревнителей старины съ городскимъ самоуправленіемъ. Городская дума рѣшила возвести на ней водопроводный резервуаръ для виленскаго водопровода, что вызвало газетную войну со стороны защитниковъ гедиминовскихъ руинъ и подземелій, находящихся подъ ними.

Библиотека "Руниверс"

Создалась цѣлая газетная полемика около этого вопроса, закончившаяся въ пользу протестантовъ [1]).

Императорская археологическая комиссія увѣдомила польское общество «Друзей науки», что она уже просила виленскаго губернатора ни подъ какимъ видомъ не допускать къ работамъ на Замковой горѣ и одновременно затребовала представленія техническаго проекта предполагаемой городомъ эксплоатаціи горы.

Все это, разумѣется, очень хорошо, но жаль будетъ, если «друзья науки» ограничатся только протестомъ и не дадутъ своихъ ключей къ загадочнымъ тайнамъ, которые представляютъ несомнѣнный и большой этнографическій интересъ.

Неужели ни у кого не хватитъ ни энергіи, ни средствъ, чтобы провѣрить старинную молву о скрытыхъ въ горѣ сокровищахъ и цѣнныхъ коллекціяхъ оружія и утвари, спрятанныхъ въ ней владѣтелями замка?

Сказанія о старой Вильнѣ, быть можетъ, нашли бы свои источники и дали обильный матеріалъ не для одной археологіи...

Не такъ давно, между прочимъ, въ одномъ изъ кружковъ мѣстной служилой молодежи ходила по рукамъ очень интересная библіографическая рѣдкость, несомнѣнно, антикварнаго происхожденія.

Суда по содержанію пересказаннаго изъ нея, это гидъ средневѣковой Вильны на польскомъ языкѣ съ подробными указаніями ея подземныхъ убѣжищъ и ходовъ и связанныхъ съ ними исторій. Къ великому сожалѣнію, читатели эти не дали себѣ труда узнать ни года изданія книги, ни имени ея автора, не поинтересовались даже справиться о фамиліи ея вынѣшняго владѣльца.

Книжка была получена ими случайно, изъ третьихъ рукъ, читали они ее наспѣхъ, выбирая самыя интересныя мѣста, въ отрывочномъ видѣ, не придавая серьезнаго значенія старинной ея цѣнности.

Попала она къ нимъ изъ фамильной библіотеки «какого-то стараго польскаго магната», который, когда узналъ объ ея исчезновеніи изъ библіотечнаго хранилища, очень этимъ взволновался и потребовалъ отъ лица, ее взявшаго, немедленнаго возвращенія книги.

Въ книгѣ этой, по словамъ читавшихъ ее, указаны, яко бы, цѣлыя помѣщенія въ нѣдрахъ Замковой горы, гдѣ таятся всевозможныя чудеса нумизматики, керамики, образцы стариннаго оружія и прочее.

Отъ этой горы идетъ, будто бы, подземный ходъ къ другой, называемой нынѣ Клубной горой, съ такими же подземельями, о которыхъ говоритъ и народная молва.

Къ городу Трокамъ, гдѣ имѣются также свои историческія руины, указанъ длинный, на цѣлыя версты, подземный туннель,

---

[1]) По послѣднимъ слухамъ, резервуаръ все-таки рѣшено возвести на Замковой горѣ.

Библиотека "Руниверс"

пдущій отъ бывшаго нижняго замка, что стоялъ когда-то рядомъ съ костеломъ св. Іоанна, на Большой улицѣ, гдѣ находятся тайные іезуитскіе склепы, въ которыхъ хранились ихъ сокровища и томились въ заточеніи люди.

Окрестности Вильны также изобилуютъ мѣстами, съ которыми связаны различныя преданія изъ литовско-польской старины.

Такъ, напримѣръ, между Вильной и Ново-Вилейскомъ обращаетъ на себя вниманіе одна изъ горъ, называемая тоже Замковой горой. Возвышается она неподалеку отъ ново-вилейской желѣзнодорожной станціи, на землѣ, принадлежащей мѣстной психіатрической лечебницѣ.

Склоны ея поросли лѣсомъ, а на вершинѣ выступаютъ наружу какія-то забытыя развалины въ видѣ купола, не то языческаго капища, не то христіанскаго храма, съ отверстіемъ въ воронкѣ.

Досужіе сосѣдніе школьники, побывавшіе на этой горѣ, увѣряютъ, что если бросить въ отверстіе камень, то сначала онъ долго прыгаетъ, точно по ступенькамъ длинной лѣстницы, а затѣмъ звучно падаетъ гдѣ-то далеко въ глубинѣ «все равно, какъ на каменный полъ».

Нѣкоторые изъ сосѣднихъ крестьянъ вѣрятъ, что это «зачарованное мѣсто», гдѣ витаютъ по ночамъ призраки.

Въ извѣстные дни года, говорятъ они, если приложить ухо къ упомянутому отверстію, то гдѣ-то глубоко внизу слышится пѣніе псалмовъ и возгласы ксендза.

А одинъ «человѣкъ», которому-де вздумалось было воспользоваться кирпичами отъ развалинъ для своей печки, видѣлъ по ночамъ, во снѣ, какихъ-то монаховъ, требовавшихъ, чтобы «человѣкъ» этотъ возвратилъ кирпичи на мѣсто, угрожая въ противномъ случаѣ наказать его смертью.

Такъ продолжалось каждую ночь до тѣхъ поръ, пока онъ опять не втащилъ кирпичи одинъ по одному на гору.

Многіе памятники минувшаго гибнутъ такимъ образомъ, разрушаемые невѣжественной рукой и всесильнымъ временемъ.

Какъ знать, сколько такихъ стѣнъ, видѣвшихъ въ себѣ правителей и героевъ, расхищено, сколько древнихъ кирпичей, которыхъ «и топоръ не беретъ», пошло на печки и фундаменты для скотныхъ дворовъ...

И сколько подземелій, съ скрытыми въ нихъ кладами, останутся ждать случая, если то же время не сотретъ ихъ окончательно изъ народной памяти.

Случаи же эти представлялись неоднократно. Около сорока—сорока пяти лѣтъ тому назадъ въ Вильнѣ образовался провалъ на Трокской улицѣ, лѣтъ тридцать во дворѣ первой гимназіи, нѣсколько позднѣе на Бакштѣ; вспоминаютъ и другіе, менѣе значительные, но все это снова задѣлали и забыли.

Библиотека "Руниверс"

Причиной къ подобному отсутствію любознательности послужило, вѣроятно, то же самое опасеніе, какое вызвала неожиданно обнажившаяся желѣзная дверь въ подземелья развалинъ замка королевы Боны, супруги Сигизмунда I, близъ Ковны.

Дверь эту, какъ говорятъ ковенцы, поторопились скорѣе засыпать снова землей, вѣроятно, во избѣжаніе несчастныхъ случаевъ съ обывателями или хлопотъ съ учеными, которые бы рѣшились проникнуть туда и потребовать особой охраны для развалинъ.

Величавыя руины замка Витовта близъ мѣстечка Крево также предоставлены вѣтру и дождямъ, которые помогутъ «топору» современнаго вандализма.

Несомнѣнно, и тамъ существуютъ свои подземелья. Въ тотъ длинный и мрачный эпосъ, людямъ котораго приходилось, въ непрестаной борьбѣ за существованіе, прятать дѣла свои и жизни въ глубинѣ подземной, ни одно древнее сооруженіе не обходилось безъ этихъ тайныхъ убѣжищъ.

Легендами о нихъ полна вся Литва. Нѣтъ, кажется, ни одного мѣстечка, ни одного урочища, которое бы не имѣло своихъ преданій.

Одно изъ такихъ болѣе или менѣе интересныхъ сказаній передается крестьянами Гедройцкой волости Виленскаго уѣзда относительно клада, зарытаго разбойниками въ землѣ, принадлежащей фольварку Карклине.

По словамъ стариковъ, здѣсь нѣкогда свирѣпствовала шайка разбойниковъ Кондрацкаго, прятавшая награбленное добро въ склепахъ, происхожденіе которыхъ и мѣста, гдѣ они находятся, никто указать теперь не можетъ. Но тамъ, гдѣ кладъ этотъ зарытъ, въ извѣстные сроки, по ночамъ, появляется снопъ огня, который гаснетъ каждый разъ, если человѣку вздумается опредѣлить то мѣсто, гдѣ этотъ огонь показывается.

Являлось много охотниковъ отыскать кладъ и прежде, и теперь, такъ какъ Кондрацкій, собираясь на висѣлицу, сказалъ, что тотъ, кто отыщетъ скрытыя имъ сокровища, будетъ богатъ до десятаго колѣна.

Шайка его, грабившая богатыхъ пановъ и ксендзовъ, была переловлена послѣ того, какъ вырѣзала она «фіарскихъ» [1]) ксендзовъ, что жили здѣсь когда-то маленькимъ монастырькомъ въ нынѣшнемъ застѣнкѣ Шавдзи.

О застѣнкѣ также разсказывается, что онъ неблагополученъ. «Страхи», которые въ немъ происходятъ, обезцѣнили его стоимость, и онъ за ничтожные гроши переходитъ изъ рукъ въ руки.

Происходитъ же тамъ нѣчто вродѣ медіумическихъ явленій: летаютъ по воздуху тяжелые предметы, дуга и другіе предметы изъ сарая самостоятельно путешествуютъ въ комнаты и обратно, звенитъ разбитое стекло, раздаются, стуки, кто-то ходитъ и стонетъ...

---

[1]) Вѣроятно, искаженное—піары.

Библиотека "Руниверс"

Все это, разумѣется, народная фантазія, но съ нею иногда все же не мѣшаетъ считаться. Она изъ глубины вѣковъ доноситъ въ своихъ повѣрьяхъ отголоски сѣдой древности, быть можетъ, отзвуки минувшихъ цивилизацій, а, можетъ быть, и предчувствіе будущихъ.

Ковры-самолеты, Емелькина печка, что «по щучьему велѣнью, по его хотѣнью» сама ѣздила,—все это, всѣ эти народныя проблемы воплотились нынѣ въ дѣйствительность.

Въ области суевѣрій также, какъ оказывается, есть доля своихъ основанія.

«Порча», «дурной глазъ», «лихой наговоръ», «мара», — что все это, какъ не вліяніе гипноза и внушенія, которыми безсознательно владѣютъ темные люди, злоупотребляя этой самимъ им невѣдомой силой.

Также и въ отношеніи «завороженныхъ кладовъ» и «заклятыхъ мѣстъ», гдѣ появляются таинственные огни и видѣнія.

Здѣсь также возможно допустить какую-либо подпочвенную реакцію окисленія и разложенія скрытыхъ предметовъ, результатомъ которыхъ являются атмосферическія явленія вродѣ горѣнія газовъ на поверхности.

И какъ знать, сколько бытовыхъ образцовъ и этнографическихъ коллекцій погребено стариной тамъ, гдѣ сохранились о нихъ эти народныя были, надъ которыми «смѣются ученые паны».

Народъ поэтому неохотно дѣлится своими легендами, отдѣлываясь въ такихъ случаяхъ общими мѣстами или простымъ умолчаніемъ и откровененъ только съ тѣми, кто проявляетъ довѣріе къ словамъ разсказчика и вѣру въ возможность чудеснаго.

Между прочимъ, недавно владѣлица имѣнія, расположеннаго на берегу Зеленаго озера, въ десяти верстахъ отъ Вильны, заявила мѣстнымъ властямъ, что на днѣ его затоплено въ 1812 году золото и оружіе проходившими здѣсь французами.

Основаніемъ къ заявленію послужило свидѣтельство крестьянъ-старожиловъ, очевидцевъ этого.

Богатая историческими событіями, религіозной борьбой и кровавыми смутами, Вильна много еще таитъ въ себѣ реликвій и забытыхъ могилъ древняго и средневѣкового эпоса.

Немало костей потревожено было при постройкѣ новыхъ зданій. Здѣсь, можно почти безошибочно сказать, рѣдкій домъ не имѣетъ подъ собою кладбища.

Года три-четыре тому назадъ, при прокладкѣ фундамента подъ одно казенное учрежденіе, въ лучшемъ мѣстѣ города, былъ обнаруженъ рабочими цѣлый рядъ череповъ, лежащихъ правильной цѣпью.. Вначалѣ было подумали, что это старинная кладка бывшаго здѣсь фундамента, но при дальнѣйшихъ работахъ нашли въ

Библиотека "Руниверс"

такомъ же порядкѣ лежащіе правильными рядами обезглавленные скелеты, очевидно, казненныхъ когда-то людей.

Предстоящія работы по канализаціи города, несомнѣнно, извлекутъ на свѣтъ Божій немало археологическаго матеріала и цѣнныхъ находокъ, представляющихъ научно-историческій и этнографическій интересъ.

Но если къ началу этихъ работъ не будетъ сорганизована спеціальная комиссія въ цѣляхъ предупрежденія хищеній или порчи добытыхъ цѣнностей и предметовъ, то многое изъ того, что пригодилось бы для музеевъ, достанется въ пользу землекоповъ, которые отъ этого, конечно, не станутъ богаче...

Жаль старины, которая ушла незамѣченной, какъ жаль забытыхъ тѣней, о которыхъ лишь уцѣлѣли смутныя народныя сказанія, въ быляхъ съ небылицами сплетенныя. Много страшнаго видѣла многовѣковая литовская старушка, но не всѣ еще свои исторіи и кошмары пересказала она людямъ...

М. Мочульская.

Библиотека "Руниверс"

ПО РУДНОЙ ОСЕТІИ.

I.

ВРЕМЯ ранней осени самое удобное для поѣздокъ по Россіи, а по Крыму и Кавказу въ особенности. Деревенская лѣтняя страда закончена, можно свободнѣе располагать временемъ, да и не попадешь въ періодъ палящаго зноя,—значитъ, меньше риску захватить обычную на югѣ малярію, особенно привязчивую къ намъ—сѣверянамъ.

На этотъ разъ для такого путешествія намѣчена была Военно-Осетинская дорога, и, забравъ все только самое необходимое для слѣдованія по горнымъ тропамъ, но зато порядочный комплектъ фотографическихъ припасовъ, направились мы въ селеніе Алагиръ Терской области, лежащее у самаго устья Военно-Осетинской дороги.

Тамъ, благодаря знакомству съ однимъ изъ директоровъ мѣстной рудной компаніи, получили мы прекрасныхъ верховыхъ коней съ покойными кавказскими сѣдлами, вьючную лошадь и надежнаго проводника вмѣстѣ съ любезнымъ наставленіемъ прежде всего добраться по Алагирскому ущелью до Садона—главнѣйшаго пункта всякихъ рудныхъ разработокъ и мѣста соревнованія двухъ компаній—бельгійской и алагирской. Тамъ, въ конторѣ алагирцевъ намъ было предложено остановиться и изъ этой базы дѣлать наѣзды въ ближніе рудники, какъ, напримѣръ: Згидъ, Дейкау, Ноккау, Нузалъ и т. д.

Библиотека "Руниверс"

Въ Садонъ прибыли мы поздно вечеромъ и радушно были приняты штейгерами алагирской компаніи, крайне намъ обрадовавшимися, какъ людямъ свѣжимъ, заѣхавшимъ въ ихъ глухія горныя дерби.

На другой день съ самаго утра шелъ дождь, частый, мелкій, непрерывный, точь-въ-точь нашъ сѣверный осенній дождикъ, неоднократно воспѣтый народомъ въ его глубоко-поэтическихъ пѣсняхъ.

Александровская штольня въ Садонѣ.

Однако въ такую погоду совершать какія-либо дальнія экскурсіи не было никакой охоты, и мы рѣшили день этотъ посвятить осмотру штольенъ и бельгійской рудообогатительной фабрики, помѣщавшейся въ устьѣ Садонскаго ущелья.

Послѣ простого, но вкуснаго обѣда, облекшись въ непромокаемые плащи, направились мы сперва къ штольнямъ.

Огромная, почти отвѣсная скала лѣвой стороны ущелья была вся испещрена ими точно норами. Къ нижнему ярусу пробита

Библиотека "Руниверс"

аробная дорога, а верхніе соединялись либо внѣшними, либо внутренними лѣстницами.

Мы вошли въ главную, такъ называемую Александровскую штольню, имѣющую 405 саженъ длины. Штольня эта по большей части вся обсажена деревянными «крѣпами», т. е. столбиками съ набраннымъ по нимъ потолкомъ, такъ какъ она идетъ по «мягкимъ породамъ», могущимъ иначе обсыпаться и причинить весьма серьезныя несчастія. Крѣпы отъ восьми до двѣнадцати вершковъ толщины вырабатывались раньше изъ казенныхъ лѣсовъ, но теперь, съ безсмысленнымъ ихъ уничтоженіемъ, вопросъ о добывкѣ необходимаго лѣсного матеріала является весьма и весьма жгучимъ для мѣстныхъ компаній.

Недалеко отъ входа, направо, повидимому, очень давно была устроена часовня, выбитая въ «крѣпкой породѣ» и потому безъ «крѣпъ», сводчатая, объемомъ около двухъ квадратныхъ саженъ. Посреди виднѣлся одинокій каменный престолъ съ искареженнымъ желѣзнымъ паникадиломъ; ни креста, ни иконъ не было.

Бельгійцы выстроили красивый каменный храмъ въ грузинскомъ стилѣ среди своихъ заводскихъ зданій, и старая часовня забыта.

Отъ главной штольни вправо и влѣво идутъ ходы, соединяющіе ее съ другими, а также болѣе или менѣе длинные тупики, выбитые въ такъ называемой «пустой породѣ» (цехштейнъ). Эти тупики и пробныя галереи (квербагъ) закладываются штейгерами (руководителями работъ), когда преслѣдуемая ими рудная жила внезапно обрывается неожиданнымъ «сдвигомъ». Найти ее снова въ возможно скоромъ времени зависитъ отъ таланта и опытности штейгера.

Мѣстами въ бокахъ штольни были заложены глубокіе, саженъ въ пять колодцы, теперь уже залитые водою, или такія же шахты вверхъ съ желѣзными лѣстницами—предохранительными выходами въ случаѣ какого-либо несчастія,—и деревянными жолобами, по которымъ изъ тачекъ сбрасываютъ руду съ верхнихъ этажей, такъ какъ въ главной штольнѣ отвозъ руды происходитъ въ вагонеткахъ, по проложеннымъ рельсамъ.

Мѣстами пришлось перебираться по доскамъ, такъ какъ въ штольнѣ текли форменные ручьи воды, а со сводовъ капали крупныя капли.

Дышать становилось все тяжелѣе, и саженяхъ въ двухстахъ отъ входа начали тухнуть «бленды», особые предохранительные фонари подковообразной формы, употребляемые въ шахтахъ.

Надъ нами высилась скала, имѣющая толщи тридцать двѣ сажени. Проникнуть дальше возможно только тогда, когда работаютъ воздушные насосы, нагнетающіе воздухъ въ эти подземные ходы. Но теперь задняя часть Александровской штольни заброшена, и тамъ, кстати сказать, ютятся самыя большія и ядовитыя змѣи, изобилующія въ этой мѣстности.

Библиотека "Руниверс"

Добыча руды производится алагирцами преимущественно въ верхнихъ и боковыхъ галереяхъ, куда мы и направились. Въ одной изъ нихъ работало четверо рабочихъ: двое стоя, или даже почти сидя на колѣняхъ, кирками пробивали отверстія въ крѣпкой каменной породѣ для закладки туда динамитныхъ патроновъ, а двое на тачкахъ отвозили въ ближайшіе тупики куски «пустой породы», оторванные предыдущими взрывами.

Нашъ проводникъ поднялъ свою «бленду». Въ каменной стѣнѣ, высившейся передъ нами, тускло отливали отколы скалы и ярко

Южная штольня въ Садонѣ.

блестѣла прорѣзавшая ее въ полукосомъ направленіи мощная жила свинцоваго блеска.

Межъ тѣмъ динамитные патроны были заложены и насъ просили удалиться. Рабочіе тоже отошли на извѣстное разстояніе въ сосѣдніе тупики.

Мы еще не успѣли достигнуть выхода, какъ раздался глухой, какъ бы подземный ударъ и вся скала дрогнула: это отъ каменной многовѣковой груди ея опять отторгнута была частица настойчивымъ упорнымъ трудомъ человѣка...

Дождикъ шелъ, но все ущелье застлано было бѣгущими дымными туманами.

Намъ предстояло перебраться на противоположную сторону, для осмотра новой, такъ называемой «Южной штольни», пробиваемой въ очень твердой горной породѣ доломита.

Библиотека "Руниверс"

Штольню эту бельгійцы задумали провесть напрямикъ пятиверстной длины для выхода въ Цейское ущелье, гдѣ у нихъ уже имѣются рудныя заявки. Работы производятся динамитомъ, а также особо устроеннымъ электрическимъ сверломъ. Въ зависимости отъ твердости породы девять человѣкъ рабочихъ бурятъ въ мѣсяцъ около трехъ саженъ, а случается—и не болѣе полусажени.

Зимой же, во время морозовъ скалы рвутъ самымъ дешевымъ и безопаснымъ способомъ—водой: для этого предназначенный къ отдѣленію кусокъ окружаютъ выдолбленными отверстіями, каковыя и наполняютъ водой; та замерзаетъ и силою своего расширенія безо всякаго взрыва, дыма и грохота отрываетъ каменную глыбу произвольной величины отъ ея материковой основы.

Предпріимчивые бельгійцы, подзадориваемые присутствіемъ алагирцевъ, воздвигаютъ въ Садонѣ одно сооруженье за другимъ.

Такъ, перебираясь къ Южной штольнѣ, осмотрѣли мы грандіозныя каменотесныя запруды, какія они намѣревались воздвигнуть, чтобы обуздать подчасъ не въ мѣру бурливое теченье Садонъ-дона, который, разбушевавшись иногда совершенно неожиданно и не во-время, останавливаетъ всю работу огромной рудообогатительной фабрики, двигатели которой приводятся въ дѣйствіе силой его паденія, равною восемнадцати атмосферамъ. Кромѣ двухъ турбинъ, онъ приводитъ въ дѣйствіе огромную динамо-машину въ 3,000 лошадиныхъ силъ, освѣщающую Садонъ, Ноккау, а также электрическій буравъ Южной штольни, который, къ сожалѣнію, всѣ эти дни не работалъ.

Отсюда направились мы къ рудообогатительной фабрикѣ, огромному зданію въ шесть этажей, расположенному уступами въ самой кручѣ Садонскаго ущелья.

На верхнюю площадку, освѣщенную навѣсомъ, доставляется руда по проведенной сюда аробной дорогѣ. Здѣсь рабочіе разбиваютъ ее молотами на мелкіе куски, отбрасывая «пустую породу». Куски ссыпаются на сито съ отверстіями въ тридцать миллиметровъ и то, что проваливается, по деревянному жолобу поступаетъ въ первую дробилку. Тѣ же куски, что остаются, отметаются метлой и снова бьются молотами.

Рудообогатительныя дробилки очень схожи съ нашими сельскохозяйственными, но, конечно, колоссальныхъ силъ и размѣровъ. Самая большая помѣщается въ пятомъ этажѣ. Изъ нея матеріалъ поступаетъ въ огромный, двухрѣшетчатый, нѣсколько коническій вращающійся барабанъ, сортирующій руду на куски въ восемь—четыре—два миллиметра. Самая мелочь по прямому жолобу идетъ въ нижній этажъ. Работа производится все время при промывкѣ водою: сильной струей—въ дробилкахъ, разсѣянной сѣткой—по барабанамъ.

Библиотека "Руниверс"

Всѣхъ дробилокъ въ зданіи четыре, а барабановъ шесть. Особо крупный отбой, посредствомъ небольшихъ деревянныхъ коробокъ, нанизанныхъ на безконечный ремень, поднимается опять въ верхній этажъ, гдѣ и поступаетъ въ первую дробилку.

Въ четвертомъ этажѣ установлены промывныя коробки въ двѣ колонны и по четыре въ каждой, гдѣ подъ сильной водяной струей распредѣленіе матеріала происходитъ по удѣльному вѣсу: въ однѣ коробки осѣдаетъ свинецъ, въ другія цинкъ.

Въ нижнемъ этажѣ поставлены обширныя сажени въ три въ діаметрѣ бетонные круглоскатистые жернова, вращающіеся вокругъ

Новый мостъ, церковь и ущелье въ Садонѣ.

своей оси тоже подъ сильной водяной струей. На нихъ поступаетъ мельчайшій отработокъ и путемъ центробѣжной силы прежде всего отдѣляетъ и отбрасываетъ песокъ «пустой породы». Затѣмъ по жерновамъ, посредствомъ особо устроенныхъ «писсетокъ» пускается водяная струя разной силы, причемъ послѣдовательно смывается сперва цинкъ, потомъ свинецъ.

Вся эта промывная вода прежде, чѣмъ поступить въ Ардонъ, отстаивается уже снаружи въ бетонныхъ цистернахъ, гдѣ въ осѣдающемъ въ нихъ темно-сѣромъ тѣстѣ содержится еще процентовъ пятнадцать цинка и процента четыре свинца.

Библиотека "Руниверс"

Фабрика при смѣнныхъ рабочихъ дѣйствуетъ круглыя сутки и останавливается только зимой и во время ливней, такъ какъ замутнѣвшая вода становится негодной для промывки. Вотъ почему бельгійцы рѣшили устроить вышеупомянутую запруду съ фильтрами.

За сутки перерабатывается до трехъ тысячъ пудовъ руды, считая, конечно, вмѣстѣ съ «пустой породой».

Рабочіе-буравщики получаютъ по одному рублю и одному рублю пятидесяти копеекъ суточныхъ. Отрядно пятьдесятъ рублей за выбранную кубическую сажень камня. На фабрикѣ поденные получаютъ одинъ рубль — одинъ рубль двадцать копеекъ въ лѣтнее время и по пятидесяти—шестидесяти копеекъ зимой. Работа двѣнадцатичасовая.

Помѣсячно мужская прислуга—проводникъ, осетинъ, полагающійся каждому штейгеру, «осетинщикъ», какъ они ихъ въ шутку называютъ, получаетъ не менѣе тринадцати и до восемнадцати рублей. Женскую прислугу на мѣстѣ имѣть невозможно.

Когда мы вышли изъ фабричнаго зданія, уже освѣщеннаго электричествомъ, въ ущельѣ царилъ полный мракъ, жутко сгущавшійся подъ нависшей надъ дорогой южной скалою.

Зато въ верховьи ущелья, за заводскими постройками, все было ярко залито прощальными солнечными лучами, обѣщавшими намъ погоду на завтра. Особо красиво выдѣлялась, засѣянная ячменемъ, вся золотистая полянка на многосаженномъ отвѣсномъ уступѣ, своимъ мирно-буколическимъ характеромъ составлявшая рѣзкую противоположность окрестнымъ дикимъ скаламъ. Фономъ ей служили плоскокровлія осетинскія сакли садонскихъ выселковъ.

По возвращеніи въ контору, напившись чаю совмѣстно съ собравшимися штейгерами, принялась я за свои обычныя въ дорогѣ дѣла: перезаряженье фотографическаго аппарата, рисунки, замѣтки и проч. Спутники же мои рѣшительно не знали, какъ убить вечеръ, и съ удовольствіемъ припяли участіе въ обычномъ штейгерскомъ времяпрепровожденіи—въ игрѣ въ карты, которая очень развита на рудникахъ и своимъ азартомъ нерѣдко приводитъ къ печальнымъ, даже трагическимъ инцидентамъ.

Слѣдующій день былъ посвященъ осмотру сосѣдняго Згидскаго рудника, принадлежащаго алагирцамъ, въ самомъ верховьѣ Садонскаго ущелья.

Вечеромъ въ конторѣ опять взялись за карты, къ которымъ я, кстати сказать, рѣшительно не имѣю ни склонности, ни способности, но скучать мнѣ вовсе не пришлось, такъ какъ неожиданно явился очень для меня интересный собесѣдникъ—осетинъ, стар-

Библиотека "Руниверс"

шина древнѣйшихъ поселеній сосѣдняго Сангутидонскаго ущелья—Комунты и Дунты.

Узнавъ, что мы путешествуемъ и намѣрены слѣдовать по Военно-Осетинской дорогѣ, сталъ онъ убѣждать насъ, что гораздо интереснѣе было бы проѣхать совмѣстно съ нимъ черезъ перевалъ въ Фоснальское ущелье, гдѣ алагирская компанія строитъ рудообогати-

Плоскогорье въ Садонѣ.

тельную фабрику, а оттуда въ замѣчательнѣйшее по красотѣ своей Урухское ущелье.

Двое изъ младшихъ штейгеровъ заявили, что у нихъ тоже есть дѣла въ Фосналѣ и они съ удовольствіемъ присоединятся къ намъ.

Такая перспектива улыбалась намъ во всѣхъ отношеніяхъ, тѣмъ болѣе, что одной изъ цѣлей нашего путешествія было собираніе минералогической коллекціи, что при данныхъ исключительныхъ

Библиотека "Руниверс"

обстоятельствахъ и завязавшихся добрыхъ отношеніяхъ со штейгерами представлялось особенно удобнымъ. Пробраться же въ Урухское ущелье, къ подножью величайшихъ кавказскихъ ледниковъ, куда почти не заглядываютъ обычные путешественники, да еще въ такой многочисленной и пріятной компаніи, дѣлающей поѣздку вполнѣ безопасной, явилось предложеніемъ слишкомъ заманчивымъ, и отказываться отъ него не было рѣшительно никакихъ основаній.

II.

Поутру навьюченныя и осѣдланныя лошади стояли у крыльца, и мы, въ числѣ восьми человѣкъ и двухъ проводниковъ, покинувъ гостепріимную контору алагирцевъ, двинулись вверхъ по ущелью, представлявшему послѣ послѣдняго ливня вмѣсто дороги сплошную каменоломню.

Лошади наши то и дѣло перелѣзали по камнямъ и перебирались черезъ зыбкіе плетеные мосты пѣнящагося Садонъ-дона.

По кручамъ виднѣлись осетинскіе аулы, выселки отъ нихъ и безчисленныя стада лазящихъ пестрошерстныхъ козъ. По отведеннымъ ручейкамъ стучали плетеныя мельницы.

Вотъ мы минуемъ живописное згидское кладбище съ пестро окрашенными гробницами, столбами и оригинальными крестами и поворачиваемъ налѣво къ перевалу. Сразу пришлось взъѣхать почти на отвѣсную кручу. Оттуда еще разъ мелькнули згидскія штольни, за ними Куртатинскія скалистыя горы, а напротивъ нихъ—ледники Архонскій и Хомскій, вершина Кіонъ-Хохъ въ 8350 футовъ высоты...

Далѣе мы уже не ѣхали, но буквально лѣзли то прямо, то зигзагами. Южную растительность мало-по-малу смѣняла среднеевропейская. Вокругъ ползли и колыхались сырые туманы, заставляя утрачивать всякое представленіе о высотѣ, на которую мы уже успѣли взобраться.

Вотъ знакомая мнѣ сѣверная береза, кустистая ольха; тѣ же небольшія выкошенныя лужайки и по нимъ тѣ же копёшки прѣющаго въ сырости сѣна. Точь-въ-точь осенняя пора въ нашей Смоленской губерніи. Наконецъ стало совсѣмъ холодно, и подъ копытами лошадей хрустнулъ снѣгъ.

Но вотъ Урусби осадилъ свою лошадь и объявилъ намъ, что мы на высотѣ перевала и что отсюда придется спускаться на собственныхъ ногахъ, такъ какъ внизъ идетъ почти отвѣсная круча. Пришлось вѣрить ему на слово, ибо за густою мглою ни кручъ, ни высотъ не было видно.

Мы спѣшились и расположились закусывать. Проводники наши тѣмъ временемъ подтягивали вьюки и къ нашему ужасу связывали всѣхъ лошадей цугомъ, прикрѣпляя поводья задней непосредственно къ хвосту передней.

Библиотека "Руниверс"

— Такъ легче спускаться имъ, да и не разбѣгутся.

Время, повидимому, было далеко за полдень... Вдругъ окружавшіе насъ туманы колыхнулись и, сразу сдѣлавшись ярко-оранжевыми, поплыли куда-то книзу... Мы стояли на краю многосаженнаго, почти обрывистаго ската, все болѣе и болѣе освобождавшагося отъ застилавшихъ его тумановъ.

Я схватилась за аппаратъ, чтобы хотя какъ-нибудь запечатлѣть такую необычайную картину и какъ-то инстинктивно обернулась. Передо мною было зрѣлище поразительное, мгновенное, но никогда не забываемое... Средь уплывающихъ тумановъ сверкалъ огром-

Работа итальянцевъ-каменотесовъ въ Фосналѣ.

ный, блѣдно-радужный кругъ, а въ самомъ центрѣ его увидѣла я свою собственную движущуюся тѣнь съ аппаратомъ въ рукахъ, но только гигантскихъ размѣровъ!..

Конечно, я растерялась и не успѣла спустить затворъ камеры... Дивное видѣнье исчезло безслѣдно.

Зато уходившія тучи все шире и шире открывали намъ необозримыя дали перепутанныхъ, нагроможденныхъ другъ на друга горныхъ цѣпей и вершинъ: съ одной стороны высились, ярко выдѣляясь на фонѣ темно-синяго неба, Куртатинскія скалы; а съ другой, за далекимъ ущельемъ Уруха, залегли Стурдигурскія высоты, по которымъ медленно и важно сползали облака, образуя широкіе, дымные каскады.

Библиотека "Руниверс"

Проводникъ взялъ переднюю лошадь подъ уздцы и потащилъ къ обрыву. За нею нехотя, однако покоряясь своей участи, потянулись другія. Мы тоже всѣ взялись за руки, и такъ начался общій съѣздъ, или, вѣрнѣе, скольженіе внизъ по мягкимъ, движущимся вмѣстѣ съ нами осыпямъ.

Лошади буквально ползли на задахъ, дѣйствительно поддерживая другъ друга. Но вдругъ одинъ изъ чумбуровъ лопнулъ, передовикъ оторвался, прокатился нѣсколько саженъ и, миновавъ самую отвѣсную кручу, радостно, звонко заржалъ, карьеромъ почавшись въ Дониссардонскую долину. Отцѣпились еще двѣ лошади, въ томъ числѣ и мой «Воронокъ», и понеслись за первой.

Проводники поспѣшили вскочить на оставшихся, поручивъ намъ караулить вьючныхъ, и началась бѣшеная скачка за бѣглецами, которые въ концѣ концовъ были изловлены и водворены подъ своихъ сѣдоковъ. Такимъ образомъ, расчетъ Урусби, угостить насъ самымъ кратчайшимъ, зато и отчаяннѣйшимъ переваломъ далеко не привелъ къ выигрышу времени, и мы даже могли оказаться совершенно спѣшенными.

Къ Згиду, кромѣ этого, существуютъ еще два перевала, и «Средній», которымъ мы возвращались впослѣдствіи, несравненно болѣе покоенъ и удобенъ.

Вечеръ приближался, а до Фоснала оставалось еще верстъ восемь. Надо было спѣшить засвѣтло добраться до мѣста.

Дониссаръ-донъ серебристой ширинкой прорѣзалъ зеленую мураву Дониссарскаго ущелья. По нимъ бродили многочисленныя стада овецъ и козъ, охраняемыя пастушками и огромными волкоподобными собаками. Справа и слѣва впадали боковыя ущелья со всевозможными «донами»: Дуо-донъ, Гизель-донъ, Фіагъ-донъ, Уоарсонъ-донъ и т. д. На пути нашемъ попадались высокіе шесты съ оригинальными, изъ прутьевъ плетеными баклагами на вершинахъ, то были осетинскіе пограничные столбы, раздѣлявшіе владѣнія селеній. Небольшіе квадратики обработанныхъ полей почти всѣ были обставлены рядами аккуратно сложенныхъ валуновъ.

Не останавливаясь на сей разъ въ Дунтѣ, гдѣ тоже была контора алагирцевъ, прослѣдовали мы дальше, перерѣзавъ самую деревушку, гдѣ вмѣсто улицъ пришлось пробираться по плитняковымъ лѣстницамъ.

Справа, на высокомъ отвѣсѣ виднѣлись зубчатыя сакли села Комунты и среди нихъ звонница съ колоколами, точь-въ-точь какъ ставились когда-то въ нашей древней Руси. Сама церковь была скрыта горнымъ выступомъ, ярко и рельефно обнаружившимъ ряды своихъ известковыхъ сланцевъ, подобныхъ зубамъ гигантскаго китообразнаго чудовища, недвижно покоящагося на изумрудно-зеленыхъ откосахъ осыпей—продукта многовѣковаго вывѣтриванія и оползанія частицъ той же скалы.

Библиотека "Руниверс"

На одномъ изъ такихъ откосовъ чета осетинъ занята была вспашкой его плодороднаго назема. Пара воловъ, запряженная прямо за рога въ неимовѣрно-длинное ярмо, тащила нѣчто въ родѣ неуклюжаго деревяннаго когтя, бороздившаго и ковырявшаго землю. Осетинъ придерживалъ и направлялъ это архаическое земледѣльческое орудіе, а осетинка погоняла животныхъ.

Такимъ образомъ, на нашу долю выпалъ случай воочію видѣть обработку земли, производившуюся, по современнымъ археологи-

Камень на Згидскомъ перевалѣ.

ческимъ даннымъ, на самой зарѣ земледѣльческой культуры; зрѣлище болѣе чѣмъ любопытное и назидательное...

Между тѣмъ Сангутидонское ущелье быстро суживалось на нашемъ пути и какъ бы вырастало въ вышину. Тропа терялась во мракѣ. Лишь узенькая полоска темно-голубаго неба, со вспыхивающими по немъ яркими южными звѣздами, указывала намъ путь. Вокругъ безшумно носились летучія мыши, особо, повидимому, облюбовавшія эту мрачную узкую разсѣлину, напоминающую Дарьялъ.

Наши спутники объявили, что теперь мы переѣзжаемъ каменный мостъ, откуда сдѣланъ отводъ воды Сангутидона, пропущенной въ скалу черезъ туннель длиною въ 65 саженъ, затѣмъ по акведуку въ сто саженъ, послѣ чего искусственно устроенное ея паденье съ высоты двадцати пяти саженъ развиваетъ силу тридцати атмо-

Библиотека "Руниверс"

сферъ, разсчитанную для механическихъ и электрическихъ двигателей строящейся здѣсь Фоснальской рудообогатительной фабрики.

Всему этому пришлось тоже вѣрить на слово, такъ какъ за темнотой не было видно даже ушей собственной лошади.

Въ Фосналѣ нашему пріѣзду обрадовались такъ, какъ только могутъ радоваться появленію свѣжихъ лицъ затерянные въ дикихъ дебряхъ люди, и отвели намъ для ночлега каждому по маленькой каютѣ въ длиннѣйшемъ зданіи заводской конторы.

III.

Поутру, прежде всего были мы приглашены вступить въ члены табльдота, такъ какъ въ Фосналѣ приходится съ каждаго посѣтителя взимать по 75 копеекъ суточныхъ въ виду большой дороговизны всякаго продукта, а особенно дровъ. Изготовить только одинъ обѣдъ и ужинъ стоитъ за топливо 1 руб. 45 коп.

Однако насъ кормили хорошо и сытно и, кромѣ обѣда и ужина, четыре раза въ день подавали чай.

Фоснальская поляна представляетъ сравнительно очень небольшую продолговатую площадку, окруженную высокими, угрюмыми безжизненными скалами. Протяженіе ея съ сѣвера на югъ дѣлаетъ ее малодоступной солнечнымъ лучамъ, рѣдко проникающимъ въ это безотрадное, сырое и мрачное мѣсто.

Значительная часть поляны спланировывалась подъ заводскія постройки; вездѣ валялись груды мусора, камня и разныхъ строительныхъ матеріаловъ. Къ одной сторонѣ высился огромный шестиэтажный каменный остовъ рудообогатительной фабрики еще безъ балокъ, стропилъ и крыши.

Вездѣ сновали рабочіе, преимущественно итальянцы-каменотесы, вырабатывающіе здѣсь до трехъ рублей въ сутки. Но дороговизна жизненныхъ продуктовъ (одинъ фунтъ печенаго хлѣба одиннадцать копеекъ) поглощаетъ большую часть этого значительнаго заработка.

Тутъ же, среди всей этой сутолоки, какъ бы ища защиты подъ нависшей скалой, пріютилось древнѣйшее уалъ-мартà, съ такими же широкими долменами и коническими гробницами сухой кладки, какія я впервые увидѣла въ Дейкау. Говорятъ, что все цѣнное (а тамъ были интереснѣйшіе золотые и бронзовые предметы, также какъ въ Галіатѣ и около Комунты) повытаскано оттуда и преимущественно пошло за границу. Не безъ грѣха былъ тутъ и нашъ знакомый Урусби, вполнѣ постигнувшій всю выгоду сбыта старинныхъ вещей.

Но особо дѣятельными агентами подобныхъ поставокъ являются штейгера-нѣмцы, весьма охотно принимаемые на службу родными кампаніями, такъ какъ отличаются знаніемъ дѣла и необычайной исполнительностью.

Библиотека "Руниверс"

Не только по разговорамъ, но и воочію пришлось мнѣ убѣдиться, какая огромная разница между ними и нашими соплеменниками, не исключая поляковъ, которыхъ здѣсь очень много. Въ то время, когда они весь свой досугъ проводятъ почти исключительно въ азартной картежной игрѣ, въ попойкахъ и кутежахъ, аккуратные нѣмчики употребляютъ его съ пользой и для себя и для своего «фатерланда»: отправляютъ или вывозятъ туда всякія древности и рѣдкости, дѣлаютъ фотографическіе и топографическіе снимки мѣстностей и даже, какъ это именно и случилось въ Фосналѣ, ухитряются подъ шумокъ, забравшись въ пустой баракъ, копировать наши двухверстныя карты, выдаваемыя руднымъ компаніямъ на-

Урухское ущелье.

шимъ генеральнымъ штабомъ съ особыми предосторожностями; затѣмъ весь этотъ матеріалъ препровождаютъ куда слѣдуетъ.

Когда же такимъ нѣмецкимъ штейгерамъ приходится ѣхать въ Германію для отбыванія воинской повинности, то за подобныя успѣшныя работы они въ теченіе шести недѣль получаютъ офицерское званіе и благополучно возвращаются на мѣста своей службы, гдѣ, конечно, являются надежными «форпостами» нѣмецкаго «Drang nach Osten», туда, гдѣ земля наша все также неизмѣнно велика и обильна...

За табльдотомъ насъ обычно садилось человѣкъ около двадцати. И кого, кого тутъ только не было! Помимо холостыхъ штейгеровъ (семейные живутъ особо) и постоянно служащихъ техниковъ

Библиотека "Руниверс"

и проч., столовались гостившіе у нихъ родственники, а затѣмъ еще различныя «личности» до неудачниковъ-актеровъ включительно, жизненный корабль коихъ потерпѣлъ крушенье въ болѣе культурныхъ центрахъ; они являлись сюда искать счастья и скопить деньгу, привлекаемые высокими окладами за самыя пустыя и проблематическія должности. Но... азартныя игры и неумѣнье заполнить чѣмъ-либо инымъ свой досугъ парализуютъ всякія добрыя намѣренія и поглощаютъ всякіе оклады.

— Однако для отвлеченія публики отъ азарта дирекція устраиваетъ и кегельбанъ, и бильярдъ, и библіотеку.

— Вотъ вы бы посидѣли тутъ зиму, когда сюда всѣ пути заказаны, перевалы заметены снѣгомъ, засыпаны обвалами; кругомъ недѣлями воютъ вьюги да снѣжные бураны и чувствуешь себя какъ на необитаемомъ островѣ, да порой еще безъ приличнаго провіанта, такъ вы бы не то что въ карты начали играть, а просто-напросто удавились бы! «Бамбурста» (понимаете),—говорили въ свое оправданье штейгера и остальные обыватели. Нѣмчики благоразумно отмалчивались.

Но самыми необычайными и интересными сообщниками нашихъ трапезъ были два ручныхъ горныхъ кабана пепельно-сѣраго цвѣта, которые все время переходили отъ одного ѣдока къ другому, толкали своими свиными рыльцами въ ноги и тѣмъ выпрашивали себѣ кусочки.

Къ вечернему чаю прибылъ старшина Урусби съ приглашеніемъ посѣтить завтрашній день «куфту», т. е. осетинскій праздникъ, совершаемый въ урочищѣ древняго Галіата, такъ какъ самый аулъ выселился по близости, на другое мѣсто, вслѣдствіе участившихся обваловъ.

Слѣдуя гостепріимному обычаю своего племени, добрѣйшій Урусби привезъ мнѣ въ подарокъ двѣ деревянныхъ чаши («косъ»), долбленныхъ изъ цѣльнаго корня горнаго клена, очень чистой и искусной работы, и доставилъ возможность пріобрѣсть у мѣстнаго жителя осетинскую двухструнную скрипку «фандуръ», сдѣланную изъ дерева въ формѣ очень удлиненной мандолины. Струны ея были изъ конскаго волоса, а длинный смычокъ, натягиваемый при игрѣ большимъ пальцемъ, имѣлъ видъ древняго лука.

— Не мастеръ я играть, не мастеръ,— повторялъ Урусби, а вмѣстѣ съ тѣмъ отлично воспроизводилъ на ней мотивы разныхъ своихъ пѣсенъ. Этотъ на видъ грубо сдѣланный, примитивный инструментъ въ его рукахъ пѣлъ и рыдалъ не хуже нашихъ усовершенствованныхъ скрипокъ.

Разсказывалъ онъ намъ о «нартахъ»—богатыряхъ древности—и, между прочимъ, передалъ легенду о «Богатырскихъ камняхъ» «Уайегутъ Дёртха», находящихся вблизи Фоснала.

Библиотека "Руниверс"

— Жили-были три брата-джигита. Однажды захватили они очень богатую добычу—двухъ быковъ и козла; стали пищу варить и хвастаться, что теперь самъ Богъ имъ ничего не сдѣлаетъ. И только проговорили это, какъ тутъ же всѣ вдругъ окаменѣли, а съ ними котелъ, гдѣ варилась пища, оба быка и даже козелъ, успѣвшій отпрыгнуть на сосѣднюю скалу... Такъ и стоятъ они всѣ окаменѣлые до сего дня.

Этихъ богатырскихъ камней видѣть мнѣ не пришлось. Зато я получила прекрасный снимокъ съ очень оригинальнаго «Камня-Старухи», на который впослѣдствіи пришлось лично подивоваться,

Дигорія. Аксаускоe уалъ-марта.

возвращаясь въ Садонъ такъ называемымъ Среднимъ Згидскимъ переваломъ.

За такими пріятными бесѣдами незамѣтно прошелъ вечеръ, къ великому моему удовольствію безъ обычной картежной игры.

IV.

Раннимъ утромъ, когда туманы еще почиваютъ въ ущельяхъ, сѣла вся наша многочисленная компанія, въ томъ числѣ даже и одна дама, сестра штейгера, на осѣдланныхъ коней и двинулась еще выше въ горы къ Комунтѣ и Галіату.

Прокарабкавшись порядочное время по каменистымъ тропамъ, выбрались мы наконецъ на высокое плоскогорье съ шатровымъ холмомъ посреди. Это и было «священное мѣсто».

Библиотека "Руниверс"

По близости стояло каменное, оштукатуренное и очень приличное школьное зданіе, гдѣ собственно была приготовлена закуска для священнослужителей и избраннаго фоснальскаго общества.

По всему шатровому холму сидѣли живописныя группы осетинокъ въ ожиданіи крестнаго хода изъ Комунты, который уже тянулся къ намъ по горной хребтовинѣ.

Надъ головою висѣли и у ногъ неподвижно лежали сѣдые туманы и чудилось, что находишься гдѣ-то затерянный будто на островѣ среди безбрежнаго необозримаго океана...

Процессія подошла. Вокругъ стараго каменнаго престола стали хоругви, бѣдно украшенныя, съ полинялыми изображеніями Моздокской Божіей Матери, Крещенія и Вознесенія Господня. Священникъ-грузинъ началъ молебствіе. Хоръ школьниковъ пѣлъ иногда по-русски, иногда по-осетински. И все же, несмотря на такое смѣшеніе языковъ, на бѣдную, почти убогую обстановку, молебствіе это на горныхъ вышинахъ производило величественное впечатлѣніе.

И, какъ бы желая его укрѣпить и усилить, колыхнулось вдругъ все море сѣрыхъ тумановъ, сперва въ вышинѣ, откуда яркій лучъ южнаго солнца разомъ освѣтилъ группу осетинскихъ ребятъ, дѣвушекъ и женщинъ, стоявшихъ отдѣльно, а послѣ мало-по-малу начала открываться великолѣпная панорама скалистыхъ вершинъ.

Но вотъ христіанское молебствіе кончилось, и началось самое языческое пиршество. Въ огромныхъ котлахъ варились ниво и цѣлыя туши барановъ и даже быкъ, какъ не безъ гордости объявилъ Урусби.

«Арака»—самодѣльная, неочищенная водка изъ кукурузы, самаго убійственнаго вкуса, цвѣтомъ и видомъ похожая на купоросное масло, а рядомъ съ ней вкуснѣйшее свѣжее пиво изъ ячменя, довольно крѣпкое, такъ какъ въ него подбавляется та же «арака», подносились въ гомерическихъ количествахъ гостямъ въ старинныхъ турьихъ, буйволовыхъ и просто въ бычьихъ рогахъ, а также въ стеклянныхъ стаканахъ.

Затѣмъ насъ угощали жаренымъ молодымъ барашкомъ, кукурузными лепешками съ толстыми прослойками козьяго сыра, прѣснымъ «чурекомъ» и мягкимъ «лавашемъ».

Ѣли, конечно, всѣ собственными пальцами.

Во время трапезы разговорились съ мѣстнымъ священникомъ о. Георгіемъ Басіевымъ, обслуживающимъ два прихода: Галіатскій и Нузельскій. Онъ скорбно жаловался на тяжелое нравственнаго и матеріальное положеніе православнаго духовенства, затерянаго среди дикихъ, а въ зимнее время почти непроходимыхъ горныхъ ущелій въ средѣ полумагометанскаго, полуязыческаго населенія, а также на вопіющую бѣдность храмовъ, недостатокъ богослужебныхъ книгъ, церковной утвари и иконъ.

Библиотека "Руниверс"

— Вѣрите ли, порой для крещенія ребенка ни образочка, ни крестика не раздобудешь, ну, а стѣнныхъ иконъ по саклямъ и не спрашивай... Да, очень тяжело намъ живется, а еще тяжелѣе поддерживать религію въ такой обстановкѣ. Частенько приходится снисходить къ различнымъ мѣстнымъ обычаямъ, порой и вовсе не христіанскимъ,—закончилъ онъ, конфузясь и какъ бы извиняясь.

Послѣ угощенія начались танцы.

Старики, съ отмѣченной еще Лермонтовымъ «важностью лица», составляли обособленную группу возлѣ школьнаго зданія. Они пили пиво и толковали о дѣлахъ. У многихъ были очень оригинальныя горныя палки изъ какого-то необыкновенно узловатаго де-

Дигорія. Башни селенія Аксау.

рева съ восьмивершковымъ желѣзнымъ наконечникомъ, на манеръ штыка, а у нѣкоторыхъ, бывшихъ солдатъ, къ такой палкѣ былъ придѣланъ настоящій военный штыкъ, служившій имъ одновременно точкой опоры и оружіемъ противъ звѣря и звѣря-человѣка. Узловатость палокъ, какъ мнѣ объяснили, достигается особой подрубкой кизилеваго дерева, пріобрѣтающаго необычайную крѣпость въ послѣдующемъ замедленномъ ростѣ.

Старики были одѣты преимущественно въ темныя самотканныя черкески съ ремнями и кинжалами у пояса. У бѣдняковъ замѣчалось даже отсутствіе бешметовъ подъ черкеской, надѣтой прямо на голое тѣло, но кинжалъ былъ у каждаго. Многія черкески были стеганы на ватѣ и по вороту обшиты мѣхомъ. На головѣ неизбѣжная

Библиотека "Руниверс"

баранья папаха или бѣлая, широкополая валеная шляпа. На ногахъ толстѣйшіе шерстяные чулки и поверхъ ихъ кожаные чувяки. Иногда къ чувякамъ пришивались голенища изъ войлока, образуя весьма неуклюжіе сапоги, въ которые и заправлялись шаровары.

Молодежь щеголяла цвѣтными ситцевыми бешметами и вмѣсто «чувяковъ»... резиновыми галошами.

Одежду женщинъ составляли, помимо обычныхъ шароваръ, длинная, иногда украшенная оборкой, цвѣтныя рубашка, бешметъ, чулки и чувяки. На головахъ шерстяные, шелковые, рѣже бумажные большіе платки. И все это почти исключительно изъ фабричнаго матеріала, нерѣдко самымъ неподходящихъ «модныхъ» рисунковъ и «блеклыхъ цвѣтовъ». Даже рукава бешметовъ были сильно уширены кверху, тоже по модному. Черный цвѣтъ, очевидно, пользовался особымъ вниманіемъ, такъ какъ бешметъ и платки были преимущественно черные.

Рѣдко у кого можно было замѣтить старинные пояса, а также листовидныя металлическія пластинки, которыми обшивается воротъ, и узкіе серебряные галуны, нашитые поперекъ груди.

Музыка состояла изъ гармоніи, которая теперь окончательно вытѣсняетъ національный двухструнный инструментъ «фандуръ». Кромѣ того, одинъ изъ парней въ тактъ ударялъ другъ о друга двумя деревянными пластинками, а всѣ присутствовавшіе, составлявшіе кругъ, ударяли въ ладони. Временами хоръ вступалъ отдѣльными, весьма мелодичными возгласами: а-а-а... Мотивы вообще были довольно однообразные: въ хорѣ преобладали квинты, а въ музыкальныхъ инструментахъ—секунды.

Первый танецъ, которымъ открывался праздникъ, назывался «дзилотю», напоминающій нашъ хороводъ. Танцуютъ вообще парни и дѣвушки; женщины не танцуютъ вовсе.

Танцующіе строятся въ кругъ попарно, иногда дѣвушка съ дѣвушкой, иногда дѣвушка съ мужчиной. Пары держатъ другъ друга подъ локоть и, на манеръ польскаго, дѣлая мелкіе, скользящіе шаги ногами, двигаются вокругъ, причемъ первая пара, обойдя кругъ, смѣшивается со стоящими, а изъ ихъ среды выдѣляется новая.

Затѣмъ танцовалась «лезгинка»—танецъ довольно быстраго темпа, исполняемый мужчиной и дѣвушкой, которые поочередно какъ бы преслѣдуютъ другъ друга, при чемъ рука танцоровъ либо поднята надъ головой, согнутая въ локтѣ, либо уперта въ бокъ.

Потомъ слѣдовала «осетинка», того же быстраго темпа и почти при однородныхъ, скользящихъ фигурахъ ногами; только руки тутъ какъ-то глупо и безпомощно болтаются вдоль боковъ, и танцующіе то придвигаются другъ къ другу, то отодвигаются.

Библиотека "Руниверс"

Въ началѣ каждаго танца желающая танцовать дѣвушка входитъ въ кругъ и тѣмъ приглашаетъ мужчину. Оканчиваетъ танецъ всегда этотъ послѣдній, приложивъ руку ко лбу.

Наконецъ слѣдовали воинственные танцы, исполняемые съ кинжалами одними мужчинами: «чеченскій танецъ» и «тамарскій танецъ».

Музыка перваго напоминаетъ нашъ трепакъ, причемъ два кинжала, ударяемыхъ другъ о друга то поверхъ, то подъ поднятой ногой, замѣняютъ ладоши. Кромѣ того, кинжалы крестомъ складываются на землѣ, и въ каждомъ изъ образовавшихся четырехъ угловъ

Дигорія. Танахомскій ледникъ въ Хумиссара.

танцоръ выдѣлываетъ труднѣйшія фигуры ногами на подогнутыхъ внутрь пальцахъ, ежиминутно рискуя обрѣзаться. Засимъ кинжалы втыкаются въ землю и вокругъ нихъ обводится то одной, то другой ногой. Наконецъ танцоръ беретъ ихъ въ руки и, приставивъ одинъ остріемъ къ ключицѣ, а второй подъ мышку, начинаетъ скакать и кружиться, все ускоряя темпъ. Особымъ мастерствомъ считается продѣлывать все это на подогнутыхъ внутрь носкахъ, для чего скидываются чувяки, и танцоръ остается въ однихъ мягкихъ шерстяныхъ чулкахъ.

Когда зрители, образующіе кругъ, слишкомъ ужъ его стѣсняли, то одинъ изъ присутствовавшихъ схватывалъ палку и самымъ безцеремоннымъ образомъ прохаживался ею по ногамъ перваго ряда,

Библиотека "Руниверс"

который въ такомъ случаѣ быстро отступалъ назадъ, освобождая мѣсто танцующимъ.

Насмотрѣвшись вдосталь на все это пиршество, двинулись мы домой уже совсѣмъ подъ вечеръ и притомъ въ весьма уменьшенномъ количествѣ, ибо многіе изъ нашихъ фоснальцевъ, что называется, «легли костьми» на куфтѣ и отъявились домой лишь на слѣдующее утро.

Еще два дня провели мы въ гостепріимномъ Фосналѣ, осматривая штольни, шахты по Сангутидонскому и Фосналъскому ущелью, также ртутныя заявки около Дунты въ горѣ, носящей оригинальное названіе «Болванъ-Дзагатъ». Затѣмъ, распростившись съ фоснальцами, Урусби и садонцами, одни, въ сопровожденіи проводника, направились къ Уруху.

V.

Каменистая тропа сильнымъ уклономъ вилась по берегу шумящаго Сангутидона. Дикія скалы Фосналъскаго ущелья мало-по-малу раздвигались передъ нами, давая больше простора и воздуха. Темными пятнами мелькали по нимъ низкорослыя сосновыя рощи. Все чаще и чаще виднѣлись селенья: Маскута, Михческъ, Наръ и др., сохранившія здѣсь въ полной неприкосновенности свою средневѣковую окраску съ неизмѣнными квадратными башнями, вырубленными въ камняхъ лѣстницами и скрытыми ходами къ потоку, нерѣдко семидесятисаженной высоты. И эти молчаливо-величественные памятники прошлаго ярче всякой лѣтописи, наглядно рисовали намъ картины вѣковъ минувшихъ, когда каждый отважный «богатуръ» (по-осетински—богатырь) крѣпко отстаивалъ въ такой башнѣ свою самобытность, свой унаслѣдованный укладъ жизни отъ грабительскихъ натисковъ иноземныхъ воителей...

Но вотъ опять ущелье сузилось, тропа по плетеному мосту перекинулась черезъ Сангутидонъ; близко, близко сомкнулись скалы, точно стремясь сойтись вплотную... и вдругъ сразу раздвинулись широкимъ жерломъ къ жизнерадостному Урухскому ущелью.

Картина рѣзко измѣнилась. Мутно-сѣрый Сангутидонъ, ревущій и прыгающій по камнямъ, притихъ, вкативъ свои волны въ тихія аквамариновыя воды красавца Уруха.

Слегка сгибая широкую поляну Махцуту, стремился онъ къ едва виднѣвшейся вдали «плоскости» въ своемъ глубокомъ, каменномъ жолобѣ съ прямыми, точно стесанными берегами. Въ верховьямъ берега его постепенно обнажались, и истокъ, свободно разливаясь нѣсколькими рукавами по цвѣтущему, широкому ущелью, цвѣтомъ воды и всѣмъ своимъ видомъ напоминалъ красавицу Арагву.

Внизъ по «тѣснинѣ», гдѣ лежитъ путь къ селенію Магометанскому, виднѣлись ребра скалистыхъ известковыхъ горъ. Кверху

Библиотека "Руниверс"

ущелье расширялось широкими террасами, то покрытыми изумрудным ковромъ альпійскихъ травъ, по которымъ группами бродили стада козъ, коровъ, ишаковъ и лошадей, то покрытыми золотожелтыми пятнами созрѣвшихъ хлѣбовъ.

Выше виднѣлись пестрѣющіе въ осеннемъ уборѣ лиственные лѣса, а надъ нами, теряясь въ облакахъ, темной полосой тянулись хвойные.

На полянѣ стоялъ весьма привѣтливый «духанъ», въ которомъ,

Дигорія. Танахомское ущелье.

помимо отличной курицы, получили мы довольно свѣжіе консервы и недурное мѣстное вино.

Часть поляны была занята «чумнымъ кладбищемъ», гдѣ похоронены жертвы страшной эпидеміи, бывшей здѣсь въ 1853 г. Надъ могилами стоятъ оригинальные памятники изъ узкихъ, иногда до четырехъ аршинъ высоты, затёйливыхъ отколовъ шиферныхъ плитъ, утвержденныхъ узкимъ концомъ книзу и широкимъ кверху. Общее впечатлѣніе этого сплошь наторканнаго каменнаго частокола какое-то сказочно-жуткое, демоническое...

Но стоитъ перевести глаза на залитое прощальными лучами заходящаго солнца привѣтливое ущелье Уруха, какъ тотчасъ все настроеніе мѣняется и какъ-то страстно тянетъ туда, къ встающимъ вдалекѣ, сіяющимъ въ снѣгахъ таинственнымъ вершинамъ,

Библиотека "Руниверс"

гдѣ человѣчество еще въ младенчествѣ своемъ провидѣло селенія безсмертныхъ.

Быстро въ горахъ спускаются тѣни ночныя.

Было уже почти совсѣмъ темно, когда мы свернули вправо и по нарубленнымъ въ скалистомъ грунтѣ ступенямъ стали зигзагами подниматься межъ саклей и приземистыхъ копенокъ сѣна, сплошь уставленныхъ вдоль узкихъ улицъ, къ высокой остроугольной башнѣ аула Аксау, гдѣ помѣщалась штейгерская контора.

Здѣсь мы переночевали одни, такъ какъ штейгеровъ никого не застали: одинъ взялъ отпускъ во Владикавказъ, а двое другихъ пошли въ горы принимать «заявки».

На утро первымъ долгомъ занялась я осмотромъ и фотографированіемъ древняго и весьма характернаго аксаускаго уалъ-марта.

Оно по преимуществу состоитъ изъ высокихъ, стройныхъ обелисковъ, складенныхъ «на сухую» изъ шиферныхъ плитъ. Домикообразныя гробницы той же кладки попадаются тоже, но рѣже. Надо удивляться искусству и тщательной пригонкѣ плитъ, которыя такъ много вѣковъ стоятъ незыблемо и прочно, сохраняя свою изящную, стройную форму.

Сомнѣнья нѣтъ, что человѣкъ въ своихъ первичныхъ произведеніяхъ искусства подражалъ поражавшимъ его глазъ созданіямъ природы. Такъ, стройный южный кипарисъ, очевидно, послужилъ прототипомъ высокихъ минаретовъ, а характерный завитокъ аконитоваго листа на капителяхъ іоническихъ колоннъ, несомнѣнно, былъ усмотрѣнъ древнимъ грекомъ въ причудливыхъ завиткахъ набѣгавшаго прибоя...

Но ежели народъ создаетъ что-либо несвойственное окружающей его природѣ, то, надо полагать, онъ принесъ этотъ образъ откуда-то издалека... Изучая и прослѣживая этотъ жизненный этапъ, мы, несомнѣнно, сможемъ натолкнуться на затерянныя для насъ пока во тьмѣ временъ далекіе пути народовъ къ ихъ первичной колыбели...

Всмотритесь въ эти гробницы и обелиски, всмотритесь въ остроуглыя, слегка вытянутыя башни съ одной или двумя высокими симметричными башенками по сторонамъ, и у васъ въ умѣ невольно встанетъ архитектура, достигшая своего полнаго расцвѣта къ началу среднихъ вѣковъ... Я разумѣю готику.

И если, такимъ образомъ, напрашивается связь между осетинскими аулами и средневѣковыми готическими замками, такъ гдѣ же искать колыбель этого зодчества, ибо здѣсь, въ горахъ Кавказа, все шатрово, округло, массивно, приземисто и ничто нельзя отождествить со стройными обелисками аксаускаго уалъ-марта...

Опять пришлось сползать по каменнымъ уличкамъ Аксау къ широкой дорогѣ, пролегающей по дну Урухской долины, идущей къ конечной цѣли нашего путешествія—аулу Стурдигуръ, гдѣ

Библиотека "Руниверс"

насъ ожидала гостепріимная сакля мѣстнаго помѣщика, магометанина Карабугаева.

Слѣва сверкалъ своими льдами красавецъ Танахомскій ледникъ, впереди манилъ своей матовой дѣвственной бѣлизной ледникъ Кораухомскій.

Мы ѣхали все время среди небольшихъ клочковъ полей: ячменя, овса, картофеля и даже конопли.

По всему ущелью шла уборка сѣна, которое свозилось съ высотъ въ долину на быкахъ, запряженныхъ въ короткія, широкопо-

Дигорія. Урухское ущелье.

лозыя сани. Высохшая осенняя отава становится здѣсь необыкновенно скользкой, а потому и удобной для такого передвиженія.

Не менѣе оригинально перевозятся бревна: они попросту за одинъ чуть приподнятый отъ земли конецъ привязываются по двѣ-три штуки къ рогамъ пары быковъ, которые и тащатъ волокомъ такое дышло.

На нашемъ пути все чаще и чаще стали попадаться огромныя вѣковыя грушевыя деревья, напоминающія палестинскія маслины. Эти груши почитаются священными.

Вотъ у дороги характерный столбъ-памятникъ, искусно высѣченный изъ известковыхъ плитъ, ярко раскрашенный красками и, кромѣ того, облицованный ослѣпительно выбѣленнымъ кирпично-оштукатуреннымъ чехломъ.

Библиотека "Руниверс"

Столбъ этотъ посвященъ памяти двухъ братьевъ-абрековъ, или охотниковъ, какъ ихъ называютъ при властяхъ, а въ сущности—разбойниковъ.

Въ Стурдигурѣ насъ привѣтливо встрѣтила семья Карабугаевыхъ, собственно женщины, съ которыми мы принуждены были объясняться знаками, и юноша лѣтъ пятнадцати-шестнадцати—младшій отпрыскъ этого древняго рода. Всѣ старшіе братья находились на государственной службѣ, и одинъ изъ нихъ состоялъ въ весьма здѣсь почитаемомъ чинѣ «урядника».

Несмотря на предупредительную любезность, съ которой насъ встрѣтила вся наличная семья, въ ихъ обращеніи, помимо обычнаго любопытства, проглядывала еще какая-то недомолвка.

На другой день, когда мы ближе познакомились, молодой Карабугаевъ, хорошо говорившій по-русски, объяснилъ намъ причину всѣхъ таинственныхъ ихъ перешептываній.

Оказывается, что за день до нашего пріѣзда съ Фоснальской фабрики пришелъ молодой рабочій и сообщилъ сенсаціонную вѣсть, что на рудникахъ появилась «барышня». Она изъ Москвы, ѣздитъ верхомъ и «закупаетъ рудники». У ней двѣ косы, и, кромѣ того, она въ чинѣ урядника...

Разумѣется, этимъ дивомъ являлась я, почему и служила предметомъ такого вниманія.

Но главное дѣло было въ томъ, что любезный грузинъ, шившій мнѣ въ Пятигорскѣ папаху, украсилъ ея тулью крестъ на крестъ наложеннымъ золотымъ галуномъ, что составляетъ въ здѣшнихъ мѣстахъ исключительную принадлежность головного убора «урядниковъ» и вообще военныхъ чиновъ, состоящихъ на дѣйствительной службѣ.

Вотъ почему встрѣчающіеся съ нами дизорцы—такъ именуютъ себя урухскіе осетины—почтительно давали дорогу и спѣшили засвидѣтельствовать свое уваженіе къ моему чину прикладываніемъ руки ко лбу.

На ночлегъ меня устроили въ самомъ верхнемъ помѣщеніи башни, принадлежавшей Карабугаевымъ. То была крохотная свѣтелка съ однимъ бойницеобразнымъ окошечкомъ, причемъ треть комнаты занимала широкая короткая кровать съ периной, покрытой ковромъ, другую треть печь въ видѣ открытаго кузнечнаго горна, и только послѣдняя треть оставалась свободной.

Утомленная ежедневными переѣздами, я, конечно, не преминула сладко заснуть, рисуя себѣ картину, каково было бы, напримѣръ, цѣлую зиму прожить въ такой свѣтелкѣ, когда вокругъ бушуютъ метели, и сосѣдніе ледники и горы готовы, кажется, засыпать своими снѣжными обвалами, затерянный Богъ вѣсть въ какой глуши, крохотный людской поселокъ...

Библиотека "Руниверс"

VI.

На утро предстоялъ путь къ Караухомскому леднику.

Молодой Карабугаевъ, отлично знавшій всѣ тропы, пути и даже рудныя заявки, присоединился къ намъ въ качествѣ проводника, неугомонно болталъ всю дорогу, джигитовалъ и угощалъ свѣжими лѣсными орѣхами, которые въ изобиліи росли по обѣимъ сторонамъ дороги. Здѣсь же наше вниманіе привлекалъ необыкновенно крупный красный шиповникъ и цѣлыя кущи вѣчно-зеленаго «казацкаго можжевельника»

Перебравшись черезъ Урухъ по узкому мосточку, утвержденному на огромномъ камнѣ, причемъ сдавленный тѣснинами потокъ сердито ревѣлъ и бился подъ нами, очутились мы вновь средь дикой горной природы.

Широкимъ полукругомъ отступалъ главный хребетъ, а у подножья его, по обширной каменистой плоскости, словно гигантскіе стоги, были разбросаны лѣсистые шатровые холмы.

Оригинальны ихъ названья: Іолдырь, Колта, Гобисъ, Дасши... За ними высились скалистые: Хурекомиссаръ и Асшинончутидоръ, а еще выше шли уже «хохи», т.-е. вершины: Дзаютъ-хохъ, Танахохъ, Савартизонъ-хохъ, (Писловоскій) черезъ него перевалъ въ Имеретію—Таймази-Авцекъ, перевалъ спеціально для прогона овецъ...

Въ «заявкѣ», откуда открывается чудесный видъ на ледники, рѣшено было пробираться верхомъ черезъ холмъ Колта.

Странная тутъ дорога, вѣрнѣе, тропа: лѣзешь на страшную кручу, лошадь идетъ все время по скрытымъ растительностью валунамъ, а чуть оступится съ нихъ, попадаетъ въ трясину.

Вся мѣстность поросла особымъ кустовымъ березнякомъ, развивающимъ по сорокъ побѣговъ отъ одного корня. Мѣстами березнякъ смѣнялся низкорослымъ корявымъ соснякомъ, либо сплошными куртинами горныхъ азалій и казацкимъ можжевельникомъ.

Лошади положительно выбивались изъ силъ, и у нихъ, что называется, тряслись всѣ поджилки. Рѣшили продолжать путь пѣшкомъ. Перекусивши на небольшой полянкѣ, отдали лошадей одному изъ проводниковъ; полюбовались на красивыхъ красноносыхъ и краснолапыхъ галокъ или клушъ, смѣло разгуливавшихъ по полянѣ, и пустились въ дальнѣйшій путь.

По ту сторону Колты увидѣли мы въ ущельѣ нѣсколько загоновъ, обнесенныхъ плетнемъ: то были «бараньи кутаны», куда загоняютъ стада овецъ и козъ, переправляемыхъ изъ Имеретіи черезъ перевалъ, пока ихъ не осмотритъ ветеринаръ. Словомъ, это была мѣстная внутренняя ветеринарная таможня.

Библиотека "Руниверс"

Перебравшись черезъ эту, такъ называемую Танскую поляну, снова полѣзли мы въ крутой подъемъ къ «заявкѣ».

Лѣсная растительность мало-по-малу смѣнялась травяной: цѣлыми куртинами стали попадаться: папоротники, конскій щавель, черничникъ, который дигорцы сушатъ и пьютъ, какъ чай, находя его очень вкуснымъ.

Далѣе шли каменистыя осыпи, лишь мѣстами поросшія необычайно скользкимъ ковылемъ, сильно затруднявшимъ восхожденіе: того и гляди сорвешься и покатишься въ пропасть, по краю которой пришлось пробираться.

Наконецъ достигли мы намѣченнаго мѣста и, надо сознаться, достойны были вознаграждены за понесенные труды величественнымъ видомъ ледниковъ: Караухомъ и Бертумъ.

Матово-блѣдные, безмолвные, лежали они, крѣпко слившись съ огромными массивами голыхъ безжизненныхъ скалъ.

Изъ низкихъ, туманныхъ долинъ къ сверкающимъ дивнымъ вершинамъ стремится всегда человѣкъ, но, достигнувъ, добившись до нихъ, находитъ лишь вѣчный покой и молчанье...

Подъ ногами у насъ лежала почти отвѣсная круча, саженъ около двухсотъ, и только съ одной ея стороны выдавалась, какъ контрфорсъ, крутая песчаная осыпь.

Не желая итти прежнимъ, къ тому же далеко неудовлетворительнымъ путемъ, рѣшились мы спуститься прямо внизъ въ Хумиссарское ущелье совсѣмъ особымъ «осетинскимъ» способомъ.

Всѣ мы, цѣпью, крѣпко взявшись за руки, разставили ноги и, повернувшись бокомъ, поѣхали внизъ вмѣстѣ съ движущимся пескомъ, причемъ передній держалъ направленіе, а задній, упоромъ, сдерживалъ скольженіе.

Хорошую службу сослужили мнѣ тутъ мои болотные «семиверстные» сапоги, съ которыми я не разставалась къ ужасу осетинъ, привыкшихъ вообще ходить въ очень легкой обуви.

Достигнувъ низа, пришлось итти по каменной моренѣ и такимъ образомъ обогнуть гору Колта.

Тамъ ждали насъ лошади, и мы, «посѣвъ на борзыхъ коней», снова «позрили» изумрудныя воды Уруха.

Назадъ мы ѣхали другой дорогой, залегавшей тамъ, гдѣ начинается Урухское ущелье, стѣсненное почти отвѣсными скалами.

Съ вершинъ Хурекомиссара, Даши и Дзагата, съ трехсотсаженной высоты тонкими струями спадали три водопада, производя какое-то декоративное, фантастическое впечатлѣніе.

Но каковы должны быть эти тонкія струйки, когда въ истокахъ ихъ разбушуются погоды!..

Вотъ селеніе Коссо—самое сѣверное въ Урухѣ. Вотъ лучшій въ Дигоріи сосновый и еловый лѣсъ—Креска. Слѣва на огромной,

Библиотека "Руниверс"

почти отвѣсной высотѣ селеніе Моска, значитъ «Москва», которая вообще довольно популярна въ Осетіи.

Домой, т.-е. въ данномъ случаѣ, въ Стурдигуръ, мы вернулись только къ ночи.

VII.

На слѣдующее утро, поблагодаривъ гостепріимныхъ хозяевъ, двинулись мы обратно черезъ Аксау, гдѣ насъ угостили отличной соленой турятиной и вернувшіеся домой штейгера примкнули къ намъ, чтобы совмѣстно осмотрѣть святилище дигорцевъ—Зедалесскую пещеру св. Изота, находившуюся недалеко отъ поляны Махцуты, внизъ по Уруху.

Вдали передъ нами все время маячила вершина скалистыхъ Куртатинскихъ горъ—Уаза-хохъ, около одиннадцати тысячъ футовъ высоты. Недалеко отъ поляны Махцуты указали намъ оригинальную двухвершинную скалу, по преданію, разсѣченную мечомъ «Уастырджи»—св. Георгія—во время преслѣдованія имъ разбойниковъ.

Ниже виднѣлась небольшая зубчатая «башня Тамары», точно прилѣпленная къ отвѣсной скалѣ. Какъ могли добираться въ нее люди по этой гладко-отшлифованной поверхности? Или, быть можетъ, «рука временъ» прилежно долго сметала здѣсь слѣды нарубленныхъ ступеней?..

Небольшой подъемъ—и мы подъѣхали къ пещерѣ св. Изота.

Къ сожалѣнію, мнѣ никто не могъ сказать, почему она носитъ такое названье.

Пещера эта, безусловно не искусственная, залегаетъ въ твердыхъ горныхъ породахъ и скорѣе напоминаетъ гротъ. Задняя часть его, значительно обнижающаяся, отгорожена грубой бревенчатой изгородью, за которой огромной грудой навалены кости, черепа и рога «жертвенныхъ животныхъ». Они тоже развѣшены по всѣмъ стѣнамъ вмѣстѣ съ безчисленными всевозможными рѣзными побрякушками изъ дерева, кости и рога.

Черепа вообще поражали своими размѣрами и древнѣйшіе, принадлежавшіе зубрамъ, имѣли лобную кость въ двадцать девять сантиметровъ ширины.

Здѣсь же стоялъ грубо сколоченный деревянный ящикъ съ пиршественными принадлежностями: рѣзными изъ рога и дерева совками и огромными ложками для разливанья варева на «куфтахъ».

Эти ложки съ кольцомъ на концѣ выдѣланы изъ цѣльнаго дерева до семнадцати вершковъ длины и очень напоминаютъ такія же жертвенныя ложки индусовъ.

Нѣкоторые черепа и рога снабжены подписями имени жертвователя, а для безграмотныхъ (осетины не имѣютъ своихъ письменъ) деревянные значки замѣняли подпись.

Библиотека "Руниверс"

Объ этой пещерѣ ходятъ смутныя сказанія, въ родѣ, напримѣръ, цѣпи, будто бы висящей въ ея глубинѣ, то появляющейся, то исчезающей... о живыхъ барашкахъ, пропадавшихъ здѣсь, а затѣмъ появлявшихся на берегу Уруха...

Пещера эта, повидимому, никѣмъ научно не изслѣдована, но нѣтъ сомнѣнія, что она представляетъ огромный интересъ равно для археологовъ, палеонтологовъ и этнографовъ.

Очень хотѣлось мнѣ нѣсколько подробнѣе осмотрѣть ее, но еще съ утра насъ увѣдомили, что на перевалахъ погода мѣняется: пошелъ снѣгъ и заморозки, а это значитъ, что всѣ дороги обледенѣютъ и станутъ крайне опасными для проѣзда.

Пришлось торопиться въ обратный путь.

Съ большимъ сожалѣніемъ распростились мы съ гостепріимнымъ ущельемъ Уруха, которое безусловно заслуживаетъ самаго настоятельнаго вниманія, не только по своимъ очень еще мало изслѣдованнымъ руднымъ богатствамъ (тамъ, между прочимъ, найдена самородная мѣдь), но по своимъ многочисленнымъ минеральнымъ источникамъ, дивному климату и величественнымъ природнымъ красотамъ.

Е. Клетнова.

Библиотека "Руниверс"

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Александро-Невская лавра. Историческое изслѣдованіе доктора церковной исторіи С. Г. Рункевича. 1713—1913. Съ 277 портретами и снимками. Спб. 1913.

Кажется, самою судьбою было такъ назначено, чтобы въ богатой и обильной Александро-Невской лаврѣ нашелся среди братіи старенькій ученый монахъ, съ немощной плотью и дрожащими руками, но съ свѣжимъ и неутомимымъ умомъ, который ушелъ бы въ духоту и пыль лаврскихъ архивовъ и терпѣливо, день за днемъ, написалъ лѣтопись знаменитаго Петрова монастыря, разсадника іерарховъ и святыни царей петербургскаго періода.

Увы!—кипучая жизнь столицы воспрепятствовала этой прямой волѣ судьбы. Лихорадочная суетливость, очевидно, не остается въ исключительный удѣлъ «міру», а до нѣкоторой степени передается и столичному монастырю, гдѣ всѣ перегружены «текущимъ дѣломъ», всѣ въ вѣчной занятости. За двѣсти лѣтъ своего существованія лавра не выдвинула Нестора или Пимена изъ своихъ нѣдръ. И понадобилось двѣсти лѣтъ, и понадобился офиціальный юбилей, чтобы пришелъ человѣкъ со стороны и сдѣлалъ то дѣло, которое стало дѣломъ прямой уже литературно-исторической необходимости.

Доктора церковной исторіи, одного изъ виднѣйшихъ чиновниковъ синода, С. Г. Рункевича связываетъ съ лаврой фактически только его образованіе, коимъ онъ обязанъ лаврской петербургской академіи. Но въ дѣло изу-

Библиотека "Руниверс"

ченія Невскаго монастыря онъ внесъ ту тщательность и добросовѣстность работы, какая выдаетъ любовное и преданное отношеніе къ предмету. Надо думать, не одинъ годъ ушелъ на изученіе имъ архивныхъ документовъ, (кстати сказать, сохраненныхъ образцово), изъ которыхъ прошлое «Петрова дѣтища» возстаетъ во всей своей полнотѣ, точности и бытовой красочности.

Трудъ С. Г. Рункевича преслѣдуетъ болѣе цѣли лѣтописи, чѣмъ исторіи. Исторія устанавливаетъ частное явленіе въ перспективѣ эпохи, беретъ его въ контекстѣ эпохи, въ «мясѣ» того цѣльнаго организма, какимъ спустя время представляется вѣкъ. Историкъ не только разсказываетъ,—онъ оцѣниваетъ и судитъ.

Историкъ лавры могъ бы показать ея прошлое, свѣтъ и тѣни, заслуги и промахи только на широкомъ фонѣ дѣятельности всѣхъ русскихъ монастырей широкой и богомольной Руси съ эпохи Петра. Онъ ставилъ бы главною цѣлью указать специфическое въ жизни Петрова монастыря, въ біографіяхъ его вождей, въ бытѣ монаховъ, въ соціальныхъ вліяніяхъ его.

И надо сказать, что здѣсь передъ историкомъ закваски Ключевскаго матеріалъ благодарнѣйшій. На Петровомъ монастырѣ со всѣмъ его будущимъ—лежитъ такая же яркая печать новаго духа, какая отличаетъ періодъ дорефор менный отъ петровскаго, старый церковный укладъ отъ синодальнаго. Цѣлая бездна лежитъ между, напримѣръ, лаврами Кіево-Печерскою или Сергіевою и Александро-Невскою. Тутъ все не то, включительно до клобуковъ іерарховъ и совершенно особаго склада ихъ лицъ на портретахъ.

Но работа историка-прагматиста возможна только при извѣстныхъ подготовительныхъ трудахъ. Прежде, чѣмъ сказать стихи, надо научиться читать. Матеріала, доселѣ собраннаго о лаврѣ, было бы достаточно развѣ лишь для фельетона на тему сравненія двухъ культуръ и двухъ задачъ—иночески-аскетической и государственно-практической. Теперь, когда есть трудъ г. Рункевича, уже ничто не мѣшаетъ явиться историку-философу и написать, быть можетъ, интереснѣйшую главу по «Исторіи цивилизаціи въ Россіи».

До г. Рункевича этому историку пришлось бы довольствоваться развѣ старинымъ, сороковыхъ годовъ, описаніемъ лавры, работой профессора Чистовича, да чисто описательными и бѣглыми справками «Матеріаловъ по описанію петербургской епархіи». Требовать отъ г. Рункевича совмѣщенія двухъ этихъ задачъ было бы требованіемъ свыше мѣры и силы. Въ его изслѣдованіи безъ того тысяча страницъ, не считая приложеній. Тутъ впору было справиться просто съ матеріаломъ, отъ котораго ломятся лаврскіе архивы.

Что г. Рункевичъ ясно видѣлъ эти задачи историка, видно изъ того, какъ заботливо онъ предложилъ ему тотъ именно матеріалъ, который понадобится ему для выводовъ. Отсюда становится понятнымъ, почему, напримѣръ, съ такою почти непропорціональною обстоятельностью онъ возстановляетъ исторію перваго правителя лавры, архіепископа Ѳеодосія Яновскаго, волею тогдашняго режима кончившаго свой вѣкъ «вралемъ» и разстригой Ѳедосомъ.

Сама личность перваго намѣстника уже устанавливаетъ яркую грань развитія между Антоніями Печерскими и иными строителями обителей русскихъ и созидателями монастыря при Невской столицѣ, воплощавшими не святую

Библиотека "Руниверс"

мечту спасенія, а зорко смотрящую сквозь вѣка волю державнаго реформатора. Какая бездна, въ самомъ дѣлѣ, между-иноками предшествующей эпохи и Ѳеодосіемъ, устраивавшимъ ассамблеи и поддерживавшимъ Петра въ его стрижкѣ упрямыхъ бородъ!...

Можно пожалѣть, пожалуй, объ одномъ. Считаясь съ юбилейнымъ характеромъ труда, авторъ—какъ кажется—слишкомъ осторожно тронулъ ту сторону иноческаго быта, которая не служила бы къ его чести. Чудится, что, рисуя картину быта старой братіи и возстановляя на основаніи ея общій тонъ эпохи, историкъ-прагматистъ долженъ былъ бы сдѣлать личныя экскурсіи въ судебныя и кляузныя дѣла лаврскаго, консисторскаго или синодскаго архивовъ.

Вопросъ двухвѣкового существованія лавры г. Рункевичъ беретъ во всей полнотѣ. Здѣсь и внѣшняя исторія возникновенія монастыря, начиная съ того перваго деревяннаго креста, которымъ Петръ намѣчалъ мѣсто будущей петербургской святыни, и подробности построекъ церквей и угодій, и перенесенія мощей, и личныхъ біографій намѣстниковъ, и быта и послушанія монаховъ, и экономическаго роста лавры, и учено-просвѣтительной ея дѣятельности, и отношенія къ ней земныхъ властителей, и, наконецъ, очерки жизни всѣхъ петербургскихъ митрополитовъ, изъ коихъ каждый такъ или иначе имѣлъ касательство къ лаврѣ.

Одна изъ богатѣйшихъ сокровищницъ искусства зодческаго и иконописнаго, одна изъ наиболѣе чтимыхъ святынь, Невская лавра стоила такого щедраго и обстоятельнаго изслѣдованія. Авторъ иллюстрируетъ книгу нѣсколькими сотнями снимковъ, такъ что положительно нѣтъ уголка лавры, какой былъ бы здѣсь опущенъ. Съ чувствомъ благодарности къ автору читатель изъ любителей историческаго чтенія, собирающій éditions de luxe по части русской старины, поставитъ на свои полки «Лавру» г. Рункевича.

Среди иллюстраціоннаго матеріала особенный интересъ и цѣнность представляютъ многочисленные снимки съ портретовъ старыхъ и новыхъ іерарховъ, такъ или иначе соприкасавшихся съ лаврой. Передъ авторомъ была открыта рѣдкая и единственная по богатству портретная сокровищница кіевскаго митрополита Флавіана, и читателю оказывается такимъ образомъ доступнымъ видѣть нѣкоторыя историческія лица, какихъ онъ не могъ бы увидѣть нигдѣ.

Для ученаго читателя первоклассный интересъ представляютъ многіе, впервые публикуемые матеріалы приложеній,—здѣсь, помимо подлинныхъ актовъ и выписокъ объ основаніи монастыря, помѣщены письма и записки Ѳеодосія Яновскаго къ Петру, выписки изъ журнала Петра Великаго, вѣдомость монастыря, изображеніе келейнаго житія монаховъ, письмо протоіерея Питирима Нижегородскаго, переписка изъ кабинета Петра о вызовѣ монашествующихъ въ Петербургъ и т. д. Нѣкоторыя страницы отсюда были бы прочитаны въ историческихъ журналахъ любителемъ старины съ интересомъ.

Достойный всякаго сочувствія новый трудъ съ внѣшней стороны выполненъ со щедростью и роскошью казенныхъ и академическихъ изданій, не всегда посильныхъ частному предпринимательству. **А. Измайловъ.**

Библиотека "Руниверс"

Записки восточнаго отдѣленія императорскаго русскаго археологическаго общества. Основаны барономъ В. Р. Розеномъ. Томъ XX. Выпускъ IV.—Тоже. Томъ XXI. Выпускъ I (съ 9 рисунками въ текстѣ). Спб. 1912. (166 стр.). Томъ XXI. Выпуски II—III. Съ приложеніемъ 10 таблицъ и съ 4 рисунками въ текстѣ. Спб. 1912. Стр. 136.—Томъ XXI. Выпускъ IV (послѣдній). Спб. 1913. Стр. 83.

Перечисленныя книги являются результатомъ учено-издательской дѣятельности состоящаго нынѣ подъ управленіемъ профессора Н. И. Веселовскаго отдѣленія восточной археологіи императорскаго русскаго археологическаго общества за минувшій академическій годъ.

Четвертый выпускъ двадцатаго тома заключаетъ въ себѣ полный систематическій указатель статей, рецензій, докладовъ, помѣщенныхъ въ одиннадцатомъ—двадцатомъ томахъ «Записокъ», алфавитный указатель именъ собственныхъ, личныхъ и географическихъ, упоминаемыхъ на страницахъ этихъ же томовъ, и указатели цитированныхъ тамъ же книгъ и рукописей.

Каждый, работающій въ области историко-археологическаго изученія еще мало изслѣдованнаго Востока, съ глубокой и искренней признательностью отнесется къ лицамъ, завершившимъ этотъ огромный и кропотливый, неблагодарный, но въ высокой степени цѣнный библіографическій трудъ.

Въ первомъ выпускѣ XXI тома, кромѣ протоколовъ засѣданій восточнаго отдѣленія, представляющихъ большой интересъ, благодаря подробной и тщательной передачѣ многихъ ученыхъ докладовъ, сдѣланныхъ въ засѣданіяхъ отдѣленія, содержится рядъ статей, принадлежащихъ перу нашихъ извѣстныхъ арабистовъ, синологовъ и египтологовъ. В. Смирновъ въ замѣткѣ «Значеніе слова «кандалы» даетъ новое объясненіе этому слову, считая его заимствованнымъ изъ арабскаго языка, но съ измѣненіями, сообразованными съ духомъ русскаго языка. На это, по мнѣнію автора, указываютъ встрѣчающіяся въ древне-русскихъ памятникахъ переходныя формы слова: «кайданы, кайдалы и кандалы».

Слово «кандалы», въ значеніи «путы», «оковы», перешло въ русскій языкъ, однако, не непосредственно, а путемъ передачи его татарами. «Кто же могъ,—говоритъ авторъ,—познакомить русскихъ съ этимъ арабскимъ названіемъ оковъ кандалами, какъ не татары, узнавшіе ихъ, въ свою очередь, отъ арабовъ, какъ весьма пригодное орудіе для плѣнниковъ, которыхъ они захватывали во множествѣ во время своихъ опустошительныхъ вторженій въ предѣлы Россіи».

Извѣстный знатокъ минувшихъ судебъ Эѳіопіи профессоръ Б. А. Тураевъ затронулъ вопросъ объ армяно-абиссинскихъ сношеніяхъ. Пунктомъ встрѣчъ этихъ народовъ былъ Іерусалимъ, гдѣ и нынѣ абиссинскіе монахи являются подчиненными армянскому патріарху, но армянъ привлекалъ къ себѣ и Египетъ. Въ концѣ XI вѣка здѣсь возникла цѣлая армянская колонія, значительно пострадавшая въ XII вѣкѣ отъ курдовъ. Вліяніе армянской церковности на абиссинскую доказывается авторомъ документально (1539 г.). Богословская абиссинская литература имѣетъ также звенья, несомнѣнно, связывающія ее съ Арменіей. Іезуиты XVI—XVII вѣковъ, стремившіеся утвердиться въ Эѳіопіи, свидѣтельствуютъ о значительномъ религіозномъ вліяніи армянъ на абис-

Библиотека "Руниверс"

синцевъ. Въ концѣ XVII вѣка даже одна изъ епископскихъ каѳедръ занята была армяниномъ. Работая въ эчміадзинской библіотекѣ, авторъ встрѣтился съ многими эѳіопскими рукописными отрывками, ясно подтверждающими затронутый имъ вопросъ о существованіи армяно-абиссинскихъ сношеній въ XIV—XV столѣтіяхъ.

Вообще, по утвержденію автора, армяне на протяженіи ряда вѣковъ выступали въ Эѳіопіи въ качествѣ представителей самыхъ разнообразныхъ сторонъ какъ практической, такъ и духовной дѣятельности.

И. Крачковскій выступаетъ на страницахъ «Записокъ» съ двумя статьями. Въ первой «Историкъ Египта Ибнъ-Тагриберди (ум. 1469 г.), какъ беллетристъ», авторъ даетъ изслѣдованіе поэтической антологіи, принадлежащей перу историка. Матеріалъ выбранъ историкомъ со вкусомъ, сообщаются нѣкоторыя новыя данныя. Во второй статьѣ «Хамаса Бухтури» и ея первый изслѣдователь въ Европѣ», авторъ оцѣниваетъ значеніе «Хамасы»—рукописи, извѣстной лишь въ одномъ экземплярѣ и получившей большую популярность въ европейской ученой литературѣ.

Въ древне-арабской поэзіи уже въ весьма раннюю эпоху чувствуются перепѣвы старыхъ мелодій, какъ бы въ заколдованномъ кругѣ. Бухтури пытался создать даже въ распредѣленіи чужого матеріала нѣчто оригинальное, но, по мнѣнію автора статьи, стѣснилъ себя искусственно созданными рамками и при несомнѣнномъ поэтическомъ талантѣ и чутьѣ создалъ произведеніе, обреченное въ родной литературѣ на невниманіе. Главною темою первыхъ двадцати семи главъ произведенія служатъ война и положительныя и отрицательныя качества ея участниковъ. Здѣсь смѣняются: стойкость въ борьбѣ, непримиримая месть, предпочтеніе смерти позору и покорности униженію. Въ концѣ авторъ осуждаетъ войну и призываетъ къ миролюбію. Почти всѣ остальныя главы посвящены житейскимъ наставленіямъ и интересны для европейцевъ съ точки зрѣнія развитія мусульманской морали. Въ «Хамасѣ» Бухтури собралъ отрывки произведеній болѣе шестисотъ авторовъ. Сюжетами, трактуемыми часто съ противоположныхъ точекъ зрѣнія, въ большинствѣ случаевъ служатъ идеи непреклонной судьбы и смерти, сѣдина и старость.

Профессоръ В. В. Бартольдъ указываетъ на мѣсто могилы поэта Низами, персидскаго поэта, умершаго въ XIII вѣкѣ по Р. Х., и сообщаетъ данныя о собраніи рукописей покойнаго генералъ-майора Джурабека, убитаго въ 1906 г. разбойниками на своей дачѣ.

А. Самойловичемъ помѣщено описаніе средне-азіатско-турецкихъ надписей на глиняномъ кувшинѣ изъ Сарайчика. Кувшинъ этотъ, найденный въ поселкѣ Сарайчиковскомъ, присланъ въ восточное отдѣленіе общества наказнымъ атаманомъ Уральскаго казачьяго войска, такъ какъ надписи не могли быть разобраны мѣстными муллами. Авторъ, по тщательномъ изслѣдованіи надписей, относитъ ихъ къ XIII вѣку по Р. Х. Одна изъ надписей, между прочимъ, гласитъ: «Еще красота для человѣка—знаніе и искусство. Въ жертву долженъ приносить душу за знаніе человѣкъ».

А. Рудневъ даетъ на страницахъ «Записокъ» (стр. 47—82) новыя данныя по живой манчжурской рѣчи и шаманству,—опытъ манчжурскаго словаря.

Библиотека "Руниверс"

Выпуски II—III сообщаютъ также богатый историко-археологическій и этнографическій матеріалъ.

Такъ, статья В. Алексѣева «Китайскіе монетовидные амулеты и благожелательныя медали изъ коллекціи Императорскаго Эрмитажа» знакомитъ читателя съ этими любопытными пережитками старины, носящими въ Китаѣ названія: «древнія деньги», «счастливый металлъ», «сортъ монетъ, предназначенный для задавливанія и преоборенія нечистой силы». Употребленіе этихъ монетовидовъ нынѣ почти исчезло, въ прошломъ—они носились на груди и на поясѣ, бросались при закладкѣ дома и т. д. Время, къ которому относятся монетовиды, автору установить не удалось. Описаніе рисунковъ и надписей на амулетахъ и уясненіе ихъ значенія снабжено систематическимъ указателемъ и иллюстрировано снимками съ наиболѣе рѣдкихъ и характерныхъ экземпляровъ.

Профессоромъ Н. И. Веселовскимъ помѣщена замѣтка «Загадочный Гюлистанъ Золотой орды». Полемизируя по спорному вопросу о мѣстонахожденіи и значеніи Гюлистана съ московскимъ нумизматомъ В. К. Трутовскимъ, почтенный авторъ утверждаетъ, что Гюлистанъ, близъ Сарая возникъ, какъ загородный дворецъ, впослѣдствіи тамъ же появился и монетный дворъ, достовѣрное существованіе котораго опредѣляется авторомъ 1350—1367 годами.

Г. Любимовымъ опубликовывается рядъ манчжурскихъ документовъ изъ исторіи русско-китайскихъ сношеній въ XVII вѣкѣ, выясняющихъ отчасти не рѣшенный до сихъ поръ вопросъ, когда именно началась офиціальная переписка между русскимъ и китайскимъ правительствами и кому изъ нихъ принадлежалъ починъ этой переписки. Древнѣйшіе изъ этихъ документовъ (съ 1619 года) сохранились лишь въ русскихъ и латинскихъ переводахъ; касаются они, главнымъ образомъ, вопроса объ улаженіи дѣлъ на Амурѣ. Переводы не точны, почему особую цѣнность пріобрѣтаютъ разысканныя авторомъ грамоты XVII вѣка на манчжурскомъ языкѣ. Первая изъ нихъ послана была въ 1684году императоромъ Канъ-Си къ русскому воеводѣ въ Албазинъ съ убѣжденіемъ русскихъ уйти въ предѣлы своего государства или перейти въ китайское подданство. Двѣ остальныя грамоты относятся къ 1686 году. Съ ними Канъ-си, видя безплодность посылки своихъ грамотъ въ Москву черезъ плѣнныхъ и сибирскія воеводства, рѣшается, какъ ему казалось, болѣе вѣрнымъ способомъ поставить въ извѣстность русскаго царя о пограничныхъ дѣлахъ на Амурѣ.

И. Крачковскій въ замѣткѣ «Къ описанію рукописей Ибн-Тайфура и ас-Сули» обращаетъ вниманіе на труды этихъ двухъ знаменитыхъ арабскихъ ученыхъ IX и X столѣтій. Можно радоваться,—говоритъ авторъ, что въ изученіе трудовъ этихъ ученыхъ солидный вкладъ внесенъ и русской наукой.

Богатый этнографическій матеріалъ о современномъ состояніи шаманства у сибо, живущихъ въ Илійской области и Тарбагатаѣ, сообщаетъ въ обстоятельной статьѣ Н. Кротковъ. Сибинцы—буддисты, но въ то же время они удержали и остатки прежнихъ религіозныхъ вѣрованій—шаманизма. Къ врачебной помощи шамановъ сибинцы прибѣгаютъ весьма охотно. Передавая подробно наблюденія свои надъ шаманизмомъ, какъ любопытнымъ пережиткомъ язычества, авторъ иллюстрируетъ ихъ рѣдкимъ, сдѣланнымъ имъ въ 1908 году снимкомъ съ шаманской картины, представляющей весьма сложную и оригинальную композицію.

Библиотека "Руниверс"

Четвертымъ выпускомъ заканчивается двадцать первый томъ «Записокъ». Академикъ С. Ѳ. Ольденбургъ дополняетъ статью покойнаго барона В. Р. Розена «О значеніи слова Зиндикъ», сообщая любопытную версію буддійской легенды, переведенной съ китайскаго языка и заимствованной изъ антологіи 516 года по Р. Х. Приводимъ текстъ этого безхитростнаго, но характернаго для буддизма разсказа: «Монахъ, идя за подаяніемъ, пришелъ къ продавцу жемчужинъ, который приготовилъ ему ѣду. У купца была жемчужина цѣною въ 100000 монетъ; онъ принесъ и положилъ ее возлѣ монаха. Явился попугай и проглотилъ жемчужину. Купецъ не замѣтилъ этого и спросилъ монаха о жемчужинѣ, тотъ отвѣтилъ, что не бралъ жемчужины. Тогда купецъ опять спросилъ, не было ли тутъ кого-нибудь. Послѣ отрицательнаго отвѣта монаха купецъ заподозрѣлъ его и началъ бить и избилъ до того, что кровь потекла на землю. Монахъ все время отрицалъ свою вину. Вскорѣ попугай захотѣлъ выпить кровь монаха, потекшую на землю, при этомъ попалъ подъ палку и былъ убитъ. Тогда монахъ остановилъ купца и сказалъ ему, что жемчужину проглотилъ попугай. Попугая вскрыли и нашли жемчужину. Купецъ спросилъ монаха, отчего онъ ему этого раньше не сказалъ. Монахъ объяснилъ, что, соблюдая обѣты Будды, онъ не можетъ убить живое существо, оттого онъ и не выдалъ попугая, котораго бы убили съ его словъ; не случись смерти попугая, онъ скорѣе погибъ бы, чѣмъ выдалъ его. Купецъ упрекалъ себя и просилъ прощеніе у монаха, который не гнѣвался».

В. Миллеръ сообщаетъ содержаніе двухъ популярныхъ образчиковъ еврейско-татской поэзіи, записанныхъ имъ у кавказскихъ евреевъ-горцевъ. Послѣдніе рѣдко составляютъ свои пѣсни на родномъ языкѣ; при торжественныхъ случаяхъ они пользуются для этого татарскимъ нарѣчіемъ. Немногія существующія пѣсни на ихъ языкѣ отражаютъ лишь грустныя стороны жизни. Первая изъ приведенныхъ авторомъ пѣсенъ отражаетъ отрицательное отношеніе евреевъ къ воинской повинности. Отправляя сыновей въ рекруты, поютъ евреи: «Ежедневно осенью испытываемъ мы мученье». «Отъ казны имъ (рекрутамъ) денегъ не даютъ, если бъ (хоть) отъ казны имъ деньги давали». «Изъ молодежи самыхъ лучшихъ избираютъ, видно, въ свѣтѣ все перевернулось». «Отбираютъ самыхъ лучшихъ изъ нашихъ, забираютъ (и) помѣщаются они подъ кровомъ палатки». «Господь всевышній!» гласитъ далѣе еврейская пѣсня: «пошли намъ избавителя, выведи насъ изъ мрака къ свѣту».

Вторая пѣсня игриваго содержанія, популярная среди еврейской молодежи, характеризуетъ ярко ихъ предпріимчивость въ любовныхъ похожденіяхъ.

Остальныя три статьи книги принадлежатъ И. Крачковскому. Первая указываетъ на необходимость въ исправленіи одного изъ текстовъ Корана.

Вторая статья автора посвящена одному изъ посланій знаменитаго арабскаго слѣпца писателя Абу-л-Ала. Посланіе написано въ отвѣтъ на приглашеніе писателя ко двору (около 1044—1048 гг. по Р. Х.). «Въ посланіи этомъ,—говоритъ Крачковскій,—приходится видѣть не столько игру искрящагося ума, сколько игру краснорѣчія, хотя настолько же блестящаго. Конечно, и въ немъ, какъ и во многихъ другихъ, нельзя не замѣтить тонкой иронія по адресу

Библиотека "Руниверс"

великихъ міра сего, которой они не видѣли въ ослѣпленіи краснорѣчіемъ и наружнымъ самоуниженіемъ слѣпца». Третья статья передаетъ разсказы современника объ Ал-Халладжи. Ал-Халладжи мистикъ, казненный въ 922 г. по Р. Х., является до сихъ поръ исторической загадкой для ученыхъ. Неожиданное открытіе одного изъ его произведеній пробудило въ немъ новый живой интересъ. Нашъ авторъ даетъ нѣкоторый матеріалъ для характеристики Ал-Халладжи, какъ исторической личности; хотя передаваемый разсказъ и освѣщаетъ, по мнѣнію автора статьи, неразгаданную фигуру мистика нѣсколько односторонне съ правительственно-придворной точки зрѣнія.

Оба выпуска «Записокъ», кромѣ отдѣльныхъ статей, заключаютъ, какъ всегда, обширный отдѣлъ критики и библіографіи по исторіи и археологіи Востока. **А. Мироновъ.**

Замѣчательныя историческія сооруженія. Храмы, дворцы, памятники въ Москвѣ, Петербургѣ, Новгородѣ, Кіевѣ, Костромѣ, Смоленскѣ и другихъ городахъ. Составили Ѳ. А. Тарапыгинъ (1-ю часть) и В. Е. Рудаковъ (2-ю часть). Второе, исправленное и дополненное изданіе съ предисловіемъ Б. Глинскаго. Спб. 1914. Стр. 169. Цѣна не обозначена.

Россійскіе люди до изумленія плохо знаютъ исторію своей родины, совсѣмъ не любознательны въ этомъ отношеніи и даже въ путешествіи равнодушны къ какому-либо памятнику старины, мимо котораго впервые проходятъ или проѣзжаютъ. Видитъ путникъ—стоитъ старинная церковь, или башня какая-нибудь, или памятникъ. На памятникѣ еще встрѣтишь надпись, въ какомъ году сооруженъ, кому поставленъ въ воспоминаніе, часто также на такомъ памятникѣ въ краткихъ фразахъ выражено и то, что тотъ или другой великій человѣкъ сдѣлалъ. Дальше этихъ надписей любознательность путешествующаго россійскаго обывателя не идетъ.

Виноватъ въ этомъ, впрочемъ, не одинъ обыватель. Школа наша плохо обучаетъ насъ исторіи, и мы до гробовой доски не знаемъ этой исторіи. Отчасти виноватъ и книжный рынокъ, гдѣ имѣется мало книгъ справочнаго историческаго характера. Сухо, по кабинетному изложенная историческая монографія, относящаяся къ какому-либо историческому событію или къ какой-либо исторической мѣстности, городу и т. п., покажется мало доступной среднему читателю. Иногда на рынкѣ и встрѣтишь какую-либо историческую книгу или справочникъ, или путеводитель, но въ ней почти обязательно имѣется хотя бы ужъ тотъ недостатокъ, что не приложено иллюстрацій или снимковъ съ историческихъ мѣстностей или памятниковъ. И правъ Б. Глинскій, авторъ предисловія къ разсматриваемой нами книгѣ, сказавшій въ частности о путеводителяхъ слѣдующее: «Недостаточны и сплошь и рядомъ просто-таки невѣрны и свѣдѣнія, помѣщенныя въ путеводителяхъ, составители которыхъ, преслѣдуя преимущественно практическія цѣли, умалчиваютъ въ своихъ описаніяхъ о томъ, что свидѣтельствуетъ объ историческомъ прошломъ Россіи и ставитъ это историческое прошлое въ связь съ жизнью всего русскаго народа, съ его идеалами и міровоззрѣніемъ».

Библиотека "Руниверс"

Книга, составленная Ѳ. А. Тарапыгинымъ и покойнымъ нынѣ В. Е. Рудаковымъ, до нѣкоторой степени восполняетъ пробѣлъ въ каталогахъ справочныхъ пособій по изученію родной старины. «Изданіе это можетъ служить пособіемъ при прохожденіи курса русской исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и городскихъ училищахъ, а равно и для учащихся экскурсантовъ».

Такъ пишутъ авторы, рекомендуя свое изданіе. И они правы. Кратко и удобочитаемо составленныя описанія отдѣльныхъ городовъ съ ихъ памятниками могутъ послужить прекраснымъ пособіемъ для экскурсантовъ и учащихся. Москва, Петербургъ, Новгородъ, Псковъ, Ярославль, Кострома, Кіевъ, Смоленскъ, Владимиръ на Клязьмѣ и другіе города—все это тѣ живые и вѣчные памятники старины и памятники нашей исторіи, безъ прошлаго которыхъ не было бы и нашего настоящаго. Книга иллюстрирована снимками въ текстѣ или на отдѣльныхъ таблицахъ. И въ текстѣ читатель найдетъ необходимыя свѣдѣнія, хотя и составленныя сжато, но во всякомъ случаѣ исчерпывающія предметъ постольку, поскольку это надо экскурсанту при обозрѣніи того или другого города.

Не можемъ и не упрекнуть составителей книги. Храмы и монастыри, памятники полководцевъ и дворцы, несомнѣнно, все это тѣ свидѣтели прошлаго, при которыхъ насаждалась или вырастала русская культура. Но почему же составители забыли о памятникахъ литературы? Почему въ указателѣ достопримѣчательностей Москвы пропущенъ даже памятникъ величайшему изъ нашихъ поэтовъ А. С. Пушкину. Помимо общекультурнаго значенія памятникъ этотъ интересенъ и какъ художественное произведеніе. Среди достопримѣчательностей Петербурга опять-таки нѣтъ рисунка и текста, относящагося къ памятнику тому же Пушкину. Правда, памятникъ этотъ очень скроменъ и помѣщенъ въ узкой и смрадной улицѣ сѣверной столицы, служа, можно сказать, только позорищемъ петербургскихъ почитателей великаго поэта, но все же надо бы было запечатлѣть и исторію этого столичнаго позорища. Въ Александровскомъ скверѣ имѣются памятники-бюсты Лермонтова, Гоголя, Грибоѣдова и друг.; наконецъ, въ Петербургѣ имѣется Волково кладбище, гдѣ имѣется много памятниковъ дѣятелей по нашей литературѣ и исторіи. Почему же всѣ эти памятники исторіи обойдены составителями? Вѣдь упомянуто же о памятникѣ Державину въ Казани. Мы увѣрены, что современный экскурсантъ или учащійся въ среднихъ и низшихъ школахъ останется недовольнымъ книгой, такъ какъ онъ уже научился уважать большихъ писателей и хочетъ вниманія къ нимъ.

Книга «Замѣчательныя историческія сооруженія» одобрена для ученическихъ библіотекъ, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, а также для военныхъ корпусовъ и для ротныхъ школъ. **В. В.**

Библиотека "Руниверс"

Изнанка финляндской культуры. Финляндская печать о финляндцахъ. Матеріалы для очерка финляндскихъ нравовъ, соч. Николая Вальтера. Спб. 1913. Стр. 256. Ц. 2 р.

Г. Н. Вальтеръ весьма справедливо возмущается преклоненіемъ нашимъ предъ иностранцами, сдѣлавшимся характерною особенностью русскаго сознанія, которую отмѣчаютъ не только русскіе, но и многіе иностранные писатели. Особенно возмущаетъ г. Вальтера преклоненіе наше предъ финляндскою культурою, этимъ своего рода фетишемъ, не подлежащимъ критической оцѣнкѣ. Это своего рода ultima ratio всякаго финнофила, приводящее въ концѣ концовъ въ предубѣжденію и неосвѣдомленности. Чтобы по возможности разсѣять то и другое, чтобы обнажить хотя немного предъ глазами русскаго общества изнанку восхваляемой финляндской культуры, г. Н. Вальтеръ и составилъ цѣлую книгу, въ которой собралъ различные факты, освѣщающіе тѣневыя стороны финляндской жизни. Факты, приводимые г. Вальтеромъ, взяты, за немногими исключеніями, изъ финляндскихъ газетъ за послѣдніе три-четыре года; имъ, какъ оказывается, тщательно просмотрѣны сорокъ семь газетъ и журналовъ самаго разнообразнаго направленія, издаваемыхъ въ Финляндіи, на шведскомъ и финляндскомъ языкахъ. Такіе отдѣльные факты, конечно, недостаточны для какихъ-либо общихъ выводовъ; это признаетъ и самъ г. Вальтеръ (стр. XXIV предисловія), но считаетъ ихъ (неизвѣстно почему) «слишкомъ многочисленными и слишкомъ характерными для того, чтобы не возбудить сомнѣнія въ истинной цѣнности столь прославленной финляндской культуры». Онъ самъ заявляетъ, что, «не имѣя возможности, на основаніи случайныхъ газетныхъ сообщеній, дѣлать какія-либо обобщенія», онъ тѣмъ не менѣе полагаетъ, что существуютъ явленія, которыя вовсе не должны быть обрабатываемы по научнымъ методамъ «статистики для того, чтобы съ полной добросовѣстностью и съ высокой степенью вѣроятности можно было сдѣлать вполнѣ опредѣленный выводъ о характерѣ данной культуры». Такіе выводы «можно дѣлать въ силу характерности изучаемыхъ явленій» (тамъ же, стр. XXIV). Съ этими положеніями г. Вальтера едва ли можно согласиться. Всякій легко пойметъ, что одинъ отдѣльный фактъ, какой бы характерностью онъ ни обладалъ, самъ по себѣ не имѣетъ значенія и не можетъ являться основаніемъ для правильнаго обобщенія, заключенія или вывода.

Такъ, напримѣръ, на стр. 137 сообщается невѣроятный фактъ, что товарный поѣздъ прошелъ станцію Бѣлоостровъ, не останавливаясь, какъ долженъ былъ по правиламъ, потому что машинистъ и кочегаръ заснули прежде, чѣмъ поѣздъ достигъ названной станціи. Развѣ этотъ одинъ фактъ можетъ служить доказательствомъ непорядковъ на финляндскихъ желѣзныхъ дорогахъ? Или на стр. 114 сообщается, что въ киркѣ въ приходѣ Рауталампи упала во время проповѣди собака съ хоръ, а въ киркѣ въ Ките (будто бы,—добавимъ отъ себя, ибо до того невѣроятенъ сообщаемый разсказъ) пасторская собака выступаетъ въ алтарѣ рядомъ со своимъ хозяиномъ (т. е. пасторомъ), и изъ этихъ двухъ фактовъ,—впрочемъ, ничѣмъ не подтвержденныхъ, кромѣ газетнаго сообщенія,—

Библиотека "Руниверс"

дѣлается г. Вальтеромъ заключеніе, на стр. 252, «что въ киркахъ въ Финляндіи зачастую пускаютъ собакъ». Откуда взялось это «зачастую» и откуда взялось «пускаютъ!»[1]) Пользуясь одними единичными фактами безъ критики, провѣрки и научной ихъ обработки, можно прійти къ самымъ невѣроятнымъ заключеніямъ, какъ, напримѣръ, слѣдующее. На стр. XII, предисловія авторъ говоритъ, что старофинская газета «Uusi Suometar» удостовѣряетъ, что въ Гельсингфорсѣ—этомъ центрѣ культуры Финляндіи—пьютъ, какъ нигдѣ. На чемъ основано такое утвержденіе газеты, рѣшительно неизвѣстно. Другая газета «Karjala» (1910 г., № 172) объявляетъ, «что пьянство, развратъ и лѣность стали обычными явленіями въ Финляндіи». Доказательства также не приводится. Эти же заявленія газетъ приводятся на стр. 8.

Авторъ на стр. 251 дѣлаетъ выводъ: «пьянство въ Финляндіи составляетъ обычное и весьма серьезное зло». При этомъ онъ однако дѣлаетъ примѣчаніе, что душевое потребленіе алкоголя въ девяти губерніяхъ имперіи менѣе, чѣмъ въ Финляндіи. Отсюда надо сдѣлать выводъ, что въ остальныхъ губерніяхъ имперіи, числомъ около восьмидесяти, душевое потребленіе алкоголя болѣе, чѣмъ въ Финляндіи, откуда прямо слѣдуетъ, что въ Россіи пьютъ болѣе, нежели въ Финляндіи, и если пьянство въ Финляндіи составляетъ весьма серьезное зло, то въ нашей имперіи это зло еще несравненно болѣе серьезно. Мы рекомендуемъ большой трудъ г. Вальтера внимательному чтенію нашихъ отечественниковъ, съ тѣмъ при томъ еще условіемъ, чтобы, прочтя каждый изъ указанныхъ Вальтеромъ фактовъ отрицательныхъ явленій финляндской культуры,—ихъ на стр. 251 перечислено двадцать четыре,—читатель не полѣнился бы предложить себѣ вопросъ: а какъ въ этомъ отношеніи обстоитъ у насъ въ дорогомъ нашемъ отечествѣ? Польза подобнаго чтенія будетъ несомнѣнная.

П. **Майковъ.**

Письма графа Л. Н. Толстого къ женѣ, 1862—1910 г. Подъ редакціей А. Е. Грузинскаго. Спб. 1913. Стр. VI+598. Цѣна 2 рубля.

Вышелъ объемистый томъ—въ 600 страницъ, заключающій въ себѣ 656 писемъ Л. Н. Толстого къ его женѣ Софьѣ Андреевнѣ. Письма эти совершенно не предназначались графомъ для печати, и онъ, когда писалъ ихъ, вѣроятно, и не думалъ, что ихъ будетъ редактировать г. Грузинскій, что о нихъ станутъ писать въ газетахъ и журналахъ. Есть письма, на которыхъ есть помѣтка Льва Николаевича «читай одна». Едва ли такія письма можно и должно печатать.

Но вдова покойнаго нашла возможнымъ печатать и тѣ письма, гдѣ Л. Н. удивляется, что онъ «испыталъ радостныя впечатлѣнія въ шестьдесятъ девять лѣтъ отъ пятидесятитрехлѣтней женщины». Дѣло происходило въ маѣ, когда стояли «безумныя» теплыя ночи.

«Многіе найдутъ еще несвоевременнымъ опубликованіе этихъ писемъ,—говоритъ графиня С. А. въ предисловіи.—Но что значитъ время въ такихъ во-

[1]) **Очевидно, собака можетъ и забѣжать случайно въ открытую дверь церкви, но это не даетъ основанія утверждать, что собакъ пускаютъ въ церковь.**

Библиотека "Руниверс"

просахъ? Не лучше ли, чтобы прочли эти письма тѣ, которые знали Льва Николаевича, чѣмъ черезъ пятьдесятъ лѣтъ люди, не имѣвшіе къ нему никакого отношенія».

Во всякомъ случаѣ, отвѣтственность за напечатаніе ихъ всецѣло лежитъ на графинѣ. Странно только, что нѣтъ послѣдняго письма, того письма, что оставилъ графъ въ Ясной Полянѣ, когда ночью уѣхалъ оттуда въ свое послѣднее роковое путешествіе.

Самое интересное письмо № 569. Писано оно 8-го іюля 1897 года. Письмо это было отдано на храненіе князю Николаю Леонидовичу Оболенскому съ тѣмъ, чтобы передано оно было Софьѣ Андреевнѣ послѣ смерти, вѣрнѣе, послѣ ухода Льва Николаевича изъ дома навсегда. Но онъ тогда изъ дома не ушелъ, и письмо получено было графиней только послѣ смерти мужа.

Въ письмѣ этомъ Толстой пишетъ, что, вступая въ свой семидесятый годъ, онъ хочетъ послѣдніе годы своей жизни отдать Богу, а не сплетнямъ, теннису, шуткамъ и каламбурамъ. Онъ проситъ не искать его, не сѣтовать и не осуждать.

«Я знаю, что ты не могла, буквально не могла и не можешь видѣть и чувствовать, какъ я, и потому не могла и не можешь измѣнить свою жизнь и приносить жертвы ради того, чего не сознаешь... Въ послѣднемъ періодѣ нашей жизни, послѣднія пятнадцать лѣтъ, мы разошлись. Я не могу думать, что я виноватъ, потому что знаю, что измѣнился я не для себя, не для людей,—а потому, что не могъ иначе».

Тогда, въ 1897 году, онъ не ушелъ. Рискнулъ онъ на уходъ тринадцать лѣтъ спустя. Уѣхалъ ночью, и оставилъ письмо женѣ. Писалъ онъ то же, что и тринадцать лѣтъ предъ тѣмъ...

Но вотъ что интересно. Послѣ смерти Толстого, между прочимъ, напечатано его драматическое необработанное произведеніе «И свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ». Выведенъ тамъ состоятельный помѣщикъ, Николай Ивановичъ, давно женатый на Маріѣ Ивановнѣ. У нихъ уже большія дѣти. Николай Ивановичъ тяготится жизнью въ Москвѣ и въ деревнѣ. Жена не позволяетъ ему поступать, какъ онъ думаетъ, какъ надо бы жить каждому. Она не позволяетъ ему раздавать бѣднымъ имущество, которое онъ долженъ сохранить для дѣтей, и заставляетъ его жить тою пустою жизнью, какой «всѣ» живутъ. Онъ не въ силахъ выносить болѣе двусмысленнаго положенія: думать одно, а поступать и доказывать строемъ своей жизни другое. Николай Ивановичъ рѣшается отправить женѣ письмо и бѣжать. Бѣгство предполагается во время бала, который устраиваетъ Марія Ивановна. Его накрываютъ съ поличнымъ и заставляютъ остаться. Марія Ивановна проситъ не дѣлать скандала. Если «непротивленіе злу» входитъ въ основу убѣжденій Николая Ивановича, то пусть онъ не противится той жизни, что устроила его жена. Николай Ивановичъ покоряется и остается. Дѣлается это не «страха ради іудейска», а просто, чтобы избѣжать вѣчныхъ сценъ и истерикъ, что отравляютъ ему жизнь.

— Вѣдь ты знаешь, я не корыстна, ничего мнѣ не надо,—говоритъ Марія Ивановна.

— Знаю, знаю и вѣрю,—лепечетъ Николай Ивановичъ.—Но горе въ томъ, что ты не вѣришь ни истинѣ,—вѣдь я знаю, ты видишь ее, но не рѣшаешься по-

Библиотека "Руниверс"

вѣрить въ нее,—ни истинѣ не вѣришь, ни мнѣ. А вѣришь всей толпѣ,—княгинѣ, и другимъ.

— Вѣрю тебѣ, всегда вѣрила,—хныкая, убѣждаетъ его жена,—но когда ты хочешь пустить дѣтей по міру...

Николаю Ивановичу стыдно за себя. Марія Ивановна перевела имѣніе на свое имя, заставивъ мужа подписать нотаріальную дарственную. И Николай Ивановичъ продолжаетъ вести прежнюю жизнь, ужасаясь своей безхарактерности и вынося гнетъ «семейной» жизни «порядочныхъ» людей.

Письмо отъ 8-го іюля 1897 года—краткая программа пьесы. Тѣ же выраженія, то же отношеніе жены къ мужу и мужа къ женѣ.

Въ первомъ письмѣ, сохранившемся у Софьи Андреевны,—Толстой дѣлаетъ ей предложеніе и говоритъ о своей *старости*. Это въ 1862 году, когда ему было тридцать четыре года. Съ третьяго письма онъ пишетъ уже своей женѣ. Почти всѣ письма заняты вопросами здоровья, то ея, то его. Иногда попадаются интересные штрихи. Когда умеръ Тургеневъ, Толстой вдругъ началъ читать его. Въ рядѣ писемъ онъ пишетъ, что читаетъ его. Пишетъ: «О Тургеневѣ все думаю, и ужасно люблю его, жалѣю и все читаю».

Въ письмахъ 1893 года онъ говоритъ:

«Ужасно то, что всѣ эти пишущіе—и Потапенки, и Чеховы, и Зола, и Мопассанъ даже,—не знаютъ, что хорошо, что дурно; большею частью, что дурно, то считаютъ хорошимъ, и этимъ, подъ видомъ искусства, угощаютъ публику, развращая ее».

Въ 1898 году, въ письмѣ 594, онъ пишетъ отъ 6-го мая:

«... Свѣжая зелень въ лѣсу подъ ногами, звѣзды въ небѣ, запахи цвѣтущей ракиты, вянущаго (?) березоваго листа, звуки соловья, шумъ жуковъ, кукушки, кукушка и уединеніе,—и пріятное подъ тобой, бодрое движеніе лошади, и физическое и душевное здоровье. И я думалъ, какъ думаю, безпрестанно о смерти. И такъ мнѣ ясно стало, что такъ же хорошо, хотя по другому, будетъ на той сторонѣ смерти, и понятно было, почему евреи рай изображали садомъ. Самая чистая радость—радость природы. Мнѣ ясно было, что тамъ будетъ такъ же хорошо,—нѣтъ, лучше. Я постарался вызвать въ себѣ сомнѣніе въ той жизни, какъ бывало прежде—и не могъ, какъ прежде, но могъ вызвать въ себѣ увѣренность».

Такихъ мѣстъ въ письмахъ Льва Николаевича не много. Вдобавокъ они вкраплены въ повседневныя житейскія мелочи. Послѣ слова «увѣренность», которымъ заканчивается вышеприведенный отрывокъ, онъ ставитъ точку и продолжаетъ:

«Если тебѣ сколько-нибудь непріятно мое желаніе—дать денегъ на столовыя» и т. д.

Г—ъ.

М. М. Стасюлевичъ и его современники въ ихъ перепискѣ. Подъ редакціей М. К. Лемке. Т. IV. Спб. 1912. Стр. 581. Съ 3 портр. Цѣна 3 р.

IV томъ архива М. М. Стасюлевича заключаетъ въ себѣ, между прочимъ, переписку его съ В. М. Жемчужниковымъ по поводу изданія «Собранія сочиненій» пресловутаго и столь популярнаго Кузьмы Пруткова, порожденнаго

Библиотека "Руниверс"

шутливою фантазіею братьевъ Жемчужниковыхъ и ихъ кузена, графа А. К. Толстого. Здѣсь же имѣются письма издателя «Вѣстника Европы» къ А. М. Жемчужникову, касающіяся печатанія отдѣльныхъ его стихотвореній въ журналѣ и выпуска въ свѣтъ собранія стихотвореній этого поэта, показавшаго истинную мѣрку своихъ незаурядныхъ дарованій преимущественно въ преклонной старости. Далѣе, на ряду съ перепискою издателя «Вѣстника Европы» съ друзьями, сенаторомъ В. А. Арцимовичемъ и А. Ѳ. Кони, небезынтересны письма отозваннаго изъ Петербурга въ 1899 году сербскаго посланника Саввы Груича, описывающія послѣднее pronunciamento ex-короля Милана, травлю радикально-либеральной національной партіи «напредняками» (т. е. консервативно-бюрократическою партіею) и политическія шатанія неуравновѣшеннаго короля Александра, приведшія его къ трагической кончинѣ.

Главный же интересъ IV тома сборника представляетъ двадцатитрехлѣтняя переписка М. М. Стасюлевича съ маститымъ писателемъ И. А. Гончаровымъ.

Въ «Нарушеніи воли» Гончаровъ завѣщалъ наслѣдникамъ и просилъ издателей не печатать ничего, чего онъ самъ не напечаталъ или на что не передалъ бы другимъ право изданія, включая сюда его письма, которыя онъ категорически воспрещалъ оглашать на томъ основаніи, будто въ нихъ «нѣтъ ничего дѣльнаго, серьезнаго и глубокаго».

Въ сущности же, озабоченный тѣмъ, чтобы оставить въ памяти потомства лишь тотъ образъ, который онъ желалъ себѣ придать, Гончаровъ и свой частный бытъ окружалъ большою таинственностью, и всѣ свои рукописи передъ кончиною предалъ уничтоженію и, у кого только могъ, отбиралъ и истреблялъ написанныя имъ роднѣ и интимнымъ друзьямъ письма.

Несмотря на всѣ эти предосторожности личность И. А. Гончарова, благодаря нескромнымъ разоблаченіямъ его племянника-этнографа Н. Н. Гончарова и біографическимъ матеріаламъ, оглашеннымъ недавно г. Супераискимъ въ «Вѣстникѣ Европы», рисуется сухимъ черствымъ себялюбцемъ, заматорѣлымъ педантомъ, мелочнымъ рабомъ собственныхъ капризовъ, слабостей и предубѣжденій и пр.

Такое впечатлѣніе остается у насъ, несмотря на высокоталантливую защиту Гончарова въ посвященномъ ему памяти торжественномъ засѣданіи академіи наукъ. Напрасно также увѣряетъ и г. Лемке, будто бы, по ознакомленіи съ письмами, напечатанными въ IV томѣ его сборника, Гончаровъ встаетъ передъ читателемъ человѣкомъ съ чуткою и отзывчивою душою, скромнымъ до боязливости и горячо любившимъ людей, умѣвшихъ подойти къ его сложной натурѣ.

Что Гончаровъ умѣлъ ладить съ людьми, ему нужными, и отношенія къ нимъ умѣлъ устанавливать тѣсныя и добрыя, воздерживаясь отъ свойственныхъ ему вспышекъ «злопыхательства», это хорошо извѣстно, но такую уживчивость Гончаровъ проявлялъ лишь къ своимъ покровителямъ и начальникамъ (графу П. А. Валуеву и сенатору Тройницкому) и къ издателю журнала, гдѣ печатался, т. е. къ М. М. Стасюлевичу и кружку его единомышленниковъ и постоянныхъ сотрудниковъ; правда, и здѣсь, какъ видно изъ нѣсколькихъ осто-

Библиотека "Руниверс"

рожныхъ намековъ въ письмахъ М. М. Стасюлевича, между издателемъ «Вѣстника Европы», всегда корректнымъ, щепетильнымъ и деликатнымъ, и писателемъ, не умѣвшимъ обуздывать своей мнительности и подозрительности, неоднократно пробѣгали черныя кошки.

Опубликованныя теперь письма Гончарова, именно потому, что они оглашены цѣликомъ и внѣ подбора, представляютъ особенный интересъ и, на нашъ взглядъ, вполнѣ подтверждаютъ показанія племянника Гончарова объ анормальныхъ чудачествахъ и подозрительности дяди.

Не столько писатель, сколько чиновникъ (эту черту въ немъ давно рѣзко отмѣтилъ Достоевскій), И. А. Гончаровъ посвящалъ литературѣ лишь досуги и, за служебными занятіями, лѣнью и желаніемъ отдѣлывать свои произведенія до совершенства, всегда запаздывалъ съ ними на десятки лѣтъ, что подчасъ сознавалъ и самъ.

Такъ, онъ пишетъ о Райскомъ: «онъ бодрится, охорашивается, чувствуетъ, что давно утратилъ всякій образъ, и даже нѣкогда модный пиджакъ его обратился въ Тришкинъ кафтанъ—хорошо свѣжее! Лежалое десять лѣтъ» (стр. 4—5) и въ другомъ мѣстѣ: «Боюсь, что у меня много длинноть, тѣхъ longueurs, о которыхъ говорила графиня Толстая [1]), слушая меня,—размазываю, размазываю и все не могу прямо и сильно подойти къ дѣлу, не обладая вовсе даромъ d'être court».

Сравнительно малый успѣхъ своихъ произведеній и оттѣсненіе на задній планъ болѣе счастливыми соперниками, улавливавшимми болѣе чутко общественныя злобы дня, Гончаровъ не хотѣлъ и не умѣлъ объяснить правильно и вѣчно приписывалъ свои провалы кознямъ и злоухищреніямъ воображаемыхъ враговъ и недоброжелателей.

Чѣмъ дальше, тѣмъ больше мнительность Гончарова пріобрѣтала характеръ психоза, навязчивой идеи, и особенно характерно, что кульминаціонной точки эти фантазіи достигли въ семидесятыхъ годахъ, когда Гончаровъ сошелъ съ литературной сцены. Въ этомъ отношеніи переписка со Стасюлевичемъ заключаетъ удивительныя признанія.

«Я начинаю думать,—пишетъ Гончаровъ въ концѣ еще шестидесятыхъ годовъ,—что судьба нарочно подставляетъ мнѣ ногу, чтобы я бросилъ не оконченнымъ трудъ, въ который положилъ почти всѣ мои идеи, понятія и чувства добра, чести, честности, нравственности, вѣры...

«Отчего въ прошломъ году какая-то толпа въ Маріенбадѣ мѣшала мнѣ? Отчего надъ моей комнатой поселился какой-то сумасшедшій и топалъ ногами? Что же все это значитъ? Кого и чѣмъ я оскорбилъ умышленно? Гдѣ мои враги? Чего они хотятъ отъ меня, или отчего не понимаютъ, что я такое, и зачѣмъ дѣлаютъ слѣпо злое дѣло?» (стр. 19).

«Этому не будетъ конца,—сознавался И. А. еще въ 1862 г.,—и, наконецъ, это можетъ принять опасный болѣзненный характеръ. Вылечиться отъ этихъ припадковъ мнительности и, слѣдовательно, отъ непрестанной тревоги я не въ си-

[1]) Жена графа А. К., за которою и мужъ ея и И. С. Тургеневъ признавали незаурядное критическое и эстетическое чутье. В. Ш.

Библиотека "Руниверс"

лахъ—это вошло уже въ натуру, и накакіе совѣты, никакое благоразуміе не поможетъ» (стр. 49).

Насколько эти бредовыя представленія разрослись постепенно, о томъ любопытныя свидѣтельства даютъ письма Гончарова къ графу П. А. Валуеву, опубликованныя въ 1905 году г. К. Военскимъ.

Болѣзненную свою психику самъ Гончаровъ пытается обосновать нижеслѣдующими соображеніями:

«Не забывайте, пожалуйста, что я—барометръ, что въ натурѣ моей, и физической и нравственной, есть какія-то странныя, невѣроятныя и необъяснимыя особенности, крайности, противорѣчія, порывы, неожиданности» (стр. 20).

«Природа мнѣ дала тонкіе и чуткіе нервы (оттуда и страшная впечатлительность и страстность моей натуры)—этого никто никогда не понималъ, и тѣ, которые только замѣчали послѣдствія этой впечатлительности и нервной раздражительности,—что дѣлали?.. Меня дразнили, принимая или за полубѣшеную собаку, или за полудикаго человѣка, гнали, травили, какъ звѣря, думая Богъ знаетъ что и не умѣя рѣшить, что я такое? Притворщикъ, актеръ или сумасшедшій» (стр. 20—22).

«... Вчера вонъ подулъ холодъ, нашли тучи—и все это легло мнѣ на душу, и опять наверхъ всплыли мутные подонки!.. Опять дружескія лица стали превращаться въ враговъ, кивать на меня изъ-за угла, бросать грязью, ставить къ позорному столбу, не умѣя ничего разобрать и понять въ моей разнообразной натурѣ, въ моей фантазіи и моемъ перѣ. Мнѣ опять стало душно, захотѣлось и въ воду, и въ огонь, и въ новый свѣтъ бѣжать и даже уйти совсѣмъ на тотъ свѣтъ...» (стр. 25).

«Кромѣ натуры и погоды, есть и обстоятельства. Мнѣ некуда уйти отъ невзгодъ, нѣтъ у меня никакого «нѣдра», т. е. близкихъ. Тѣ, которые предлагали быть оными, таковы, что я отъ нихъ—какъ бы подальше. А самъ я никому не предлагалъ, боялся, а если бывали случаи, то обжигался. А не близкіе продѣлывали и продѣлываютъ еще и теперь такія «симпатіи» со мною и въ такомъ нестерпимомъ количествѣ, что хоть покупай у Devisme'a (онъ же близко отъ меня) револьверъ, да и пали себѣ въ лобъ» (стр. 37).

«Голова моя такъ ужъ устроена, чтобъ всегда подозрѣвать, а нервы—чтобъ тревожиться» (стр. 60)

Такъ оно и было, потому что въ дѣйствительности жизнь Гончарова протекала безмятежно и никакимъ бѣдствіямъ, ниже ударамъ судьбы не подвергалась.

Болѣзненное маніачество Гончарова подтверждаетъ и М. М. Стасюлевичъ, который пишетъ своей женѣ отъ 24-го сентября 1878 года: «направился по сосѣдству къ Гончарову. Я нашелъ его нынѣшній разъ въ довольно жалкомъ видѣ: онъ страшно постарѣлъ и опустился. При этомъ возвратились его подозрѣнія относительно происковъ со стороны враговъ и различныхъ минъ, которыя будто бы подводятся подъ него» (стр. 143).

При непреоборимой склонности къ подобнымъ предубѣжденіямъ И. А. Гончаровъ порою даже проникался отчужденіемъ отъ людей, съ которыми дружилъ.

Библиотека "Руниверс"

Такъ, въ концѣ 1868 года, прихворнувъ, онъ пишетъ М. М. Стасюлевичу: «А въ Галерную въ среду, да и никогда больше—и никуда не пойду. Я—не отъ міра сего» (стр. 58).

Въ другой разъ онъ тому же Стасюлевичу безцеремонно заявляетъ: «Я боленъ, сижу дома», и торопится прибавить: «вы тоже не могите жаловать ко мнѣ: у меня буквально некому отворять и затворять двери: нянька моя больна, я тоже, остается латышка, обозвавшая васъ «alter Herr», но она невмѣняема. И другимъ скажите, кто вздумалъ бы провѣдать меня, что я теперь тоже невмѣняемый и никого не принимаю» (стр. 177).

Искусственно создавая вокругъ себя пустыню и сводя свое общество къ экономкѣ и ея дѣтямъ, Гончаровъ въ послѣдніе годы жизни ничѣмъ не интересуется, почти ничего не читаетъ и кипитъ въ собственномъ соку, хотя по свойственной ему наблюдательности и самъ отмѣчаетъ это болѣзненное душевное состояніе.

Незадолго передъ смертью въ отвѣтъ на любезное приглашеніе Любови Ис. Стасюлевичъ, къ которой Гончаровъ особенно благоволилъ, онъ отвѣчаетъ: «... въ эту погоду—я не живой человѣкъ; не ѣмъ, не сплю, одержимъ опасною свирѣпостью и всѣхъ ненавижу. Поэтому позвольте дождаться болѣе свѣтлыхъ дней, чтобъ мнѣ предстать въ человѣческомъ образѣ предъ ваши ясныя очи...» (стр. 218).

По истинѣ можно удивляться, какъ при большомъ умѣ, трезвости мысли и наблюдательности могъ этотъ большой человѣкъ такъ себя исковеркать и распустить, ибо ссылки на свою сенситивность мимозы можно принимать съ большими оговорками,—нервные, болѣзненно-чуткіе и воспріимчивые субъекты едва ли доживаютъ до восьмидесяти лѣтъ, пользуясь прекраснымъ аппетитомъ, проявляя наклонности къ сибаритству и пр. **Вл. ф. Штейнъ.**

В. В. Розановъ. Литературные изгнанники. Т. I. Спб., стр. XII + 513. Ц. 3 р. 50 к.

Новая книга В. Розанова отличается тѣмъ глубоко-своеобразнымъ характеромъ, который свойственъ этому писателю. Она распадается на двѣ совершенно различныя части, хочется сказать: на двѣ книги. Одна изъ нихъ—письма Страхова и статьи о немъ—выдержана въ томъ объективномъ тонѣ, какой только возможенъ для Розанова; другая состоитъ изъ «примѣчаній»—и въ нихъ мы сразу узнаемъ автора «Уединеннаго» и «Опавшихъ листьевъ». Обѣ части настолько различны, что и говорить о нихъ приходится отдѣльно.

Въ объективной части своей книги Розановъ даетъ цѣнный историко-литературный матеріалъ. Всѣмъ извѣстенъ фактъ, что характерной чертой для насъ, русскихъ, является полное презрѣніе къ нашему прошлому или полнѣйшее забвеніе его. Частнымъ случаемъ этого отреченія «сыновъ» является полное незнаніе работниковъ мысли болѣе или менѣе далекой отъ насъ эпохи.

За послѣдніе годы, особенно благодаря глубоко культурной дѣятельности книгоиздательства «Путь», мы начинаемъ понемногу исправлять этотъ нашъ величайшій историческій и нравственный грѣхъ. И вотъ Розановъ своей книгой

Библиотека "Руниверс"

также возсоздаетъ тихій и ясный образъ стараго писателя, теперь совершенно забытаго, въ былое время—осмѣяннаго. Быть можетъ, «Литературные изгнанники» заставятъ и насъ вспомнить человѣка, неустанно, хотя и незамѣтно, работавшаго всю свою жизнь.

Центромъ всѣхъ научныхъ интересовъ Страхова былъ «человѣкъ». Съ особеннымъ интересомъ изучалъ онъ науки о жизни, слѣдилъ за разнообразными проявленіями самой этой жизни. Магистръ зоологіи, онъ добрую половину всего написаннаго имъ посвятилъ явленіямъ литературнымъ и общественнымъ. Въ работѣ Страховъ былъ дѣйствительнымъ европейцемъ: онъ трудился непрерывно всю жизнь, у него не было внезапныхъ порывовъ, какихъ-то всплесковъ энергіи; зато онъ не зналъ періодовъ умственной апатіи, отвращенія къ труду. Европеецъ въ методѣ, по духу онъ былъ близокъ къ Платону Каратаеву, былъ какъ бы дальнѣйшей ступенью въ развитіи этого типа; Страховъ самъ былъ тѣмъ «смиреннымъ» человѣкомъ, котораго онъ такъ любилъ въ произведеніяхъ Пушкина и Толстого. Страховъ имѣетъ большое воспитательное значеніе, какъ это неоднократно подчеркиваетъ Розановъ. Это значеніе вытекаетъ изъ самой его личности, обусловливается глубокимъ воспріятіемъ жизни. Какъ Каратаевъ, онъ органически воспринималъ только *корни* жизни; цвѣты и плоды ея онъ могъ изучать, могъ любоваться ими,—но жить ими онъ былъ не въ силахъ. Свое отношеніе къ глубокимъ подземнымъ родникамъ жизни онъ прекрасно выразилъ въ своихъ статьяхъ о «Войнѣ и Мирѣ» и въ попутномъ отзывѣ о «Капитанской дочкѣ». Страховъ и цѣнилъ такъ Пушкина и Толстого именно за то, что они всѣмъ существомъ своимъ поняли и въ художественныхъ образахъ воплотили родное для него убѣжденіе о томъ, что всѣ пышныя задачи государственности и политики, весь громъ и грохотъ славы, побѣды отвлеченнаго мышленія—лишь дымъ и пепелъ рядомъ съ дѣйствительной жизнью простой и правдивой семьи. Въ семейномъ бытѣ, *и только въ немъ одномъ*, физически и психически творится и цвѣтетъ жизнь. Для Каратаева ничто не скрываетъ самой сущности бытія; всѣ покровы сброшены, и пульсъ жизни бьется передъ нимъ, обнаженный и трепетный. Страховъ, человѣкъ философской мысли, не могъ, конечно, такъ *безотчетно* слиться съ родникомъ жизни, но онъ только перенесъ въ сознаніе то, что для Каратаева было непосредственнымъ бытіемъ. Это глубокое проникновеніе вѣчнымъ и придавало Страхову ту тихую величавость, то «благомудріе»,—употребляя прекрасное выраженіе Розанова,—которое такъ отличало его отъ всѣхъ окружающихъ, вполнѣ преданныхъ интересамъ и заботамъ минуты. Въ Страховѣ, какъ и въ Каратаевѣ, не было, да и не могло быть страсти; его сила и его слабость и заключается въ этой его тихой мудрости. Достоевскій, національнѣйшій изъ національныхъ нашихъ писателей, еще болѣе научилъ насъ ставить ребромъ, безжалостно вскрывать всю муку и тьму жизни. Душа Страхова была иная: *вѣчное твореніе* жизни онъ ощущалъ сильнѣе, чѣмъ *временное* проявленіе ея разрушительныхъ силъ. Этой своеобразной душевной настроенностью объясняется и непониманіе Страхова, и его кажущаяся холодность и отчужденность, и его необъяснимое безстрастіе. Среди гомона и суеты злободневности онъ указывалъ на великую, вѣчно-творящую силу, вызывая однѣ на-

Библиотека "Руниверс"

смѣшки людей, которые не только жили этой суетой, но и считали ее дѣйствительнымъ проявленіемъ жизни. Проникновенностью въ святая святыхъ жизни объясняется и несліянность Страхова со своей эпохой. Въ немъ не было могучаго таланта, не было и кипучаго темперамента борца, и его мысли, шедшія вразрѣзъ съ господствующимъ теченіемъ, не могли пробить себѣ дороги. Въ эпоху расцвѣта дарвинизма Страховъ былъ его противникомъ; при всеобщемъ увлеченіи механической теоріей міра, онъ упорно настаивалъ на внутреннемъ различіи между живымъ организмомъ и неодушевленной матеріей; при безусловной и всеобщей вѣрѣ въ естествознаніе, когда сама философія перекраивалась по образцу наукъ о природѣ, онъ защищалъ значеніе философской мысли; его общественные идеалы не совпадали съ идеалами его современниковъ.

Розанова связывала съ покойнымъ Страховымъ не одна только долголѣтняя дружба (письма Страхова полны душевной заботливости о Розановѣ, тогда начинающемъ и неопытномъ писателѣ); они оба были «изгнанниками», оба подвергались и обвиненіямъ, и насмѣшкамъ, оба оставались непонятыми. Но какая огромная между ними разница! У Страхова все свѣтло и просторно, немного холодновато даже, все прибрано и всѣ на своихъ мѣстахъ. Не то у Розанова; недаромъ говоритъ онъ въ своемъ предисловіи: «Площади нѣтъ; улицы нѣтъ. Дверь крѣпко заперта. Самъ я въ туфляхъ, и гости мои въ туфляхъ». Да, дверь заперта въ томъ смыслѣ, что за ней все нараспашку; но читателю открыта не только эта дверь, но и душа того, кто за этой дверью. *За этой дверью* написались тѣ «примѣчанія», гдѣ Розановъ сказался весь, цѣликомъ: чѣмъ отвлеченнѣе тема, чѣмъ шире захватывается вопросъ—тѣмъ ярче, талантливѣе, часто неожиданнѣе онъ его рѣшаетъ, вѣрнѣе, бросаетъ намекъ на его рѣшеніе. Но сама дальнозоркость мысли мѣшаетъ разглядѣть близкое, и простѣйшія явленія общественной жизни, лица извѣстнаго направленія, правительственныя намѣренія и дѣйствія перетолковываются—«по-розановски». Гёте отказывался признать разложеніе свѣтового луча, несмотря на всю трезвость своего ума и ярко выраженные научные интересы; сужденія Розанова часто вытекаютъ изъ однороднаго психическаго настроенія. Въ «примѣчаніяхъ» мы встрѣчаемъ, кажется, всѣ излюбленныя темы Розанова. Исторія и философія религіи, безсмысленность и жестокость церковно-правового формализма, роль пола въ жизни человѣчества, мистическое пониманіе еврейства; встрѣчаемъ и черты, извѣстныя намъ изъ «Уединеннаго» и «Опавшихъ листьевъ», интимное раскрытіе души, цинично-грубые отзывы о лицахъ, которыхъ мы привыкли любить, способность подмѣтить и любовно передать тонкую черту характера тамъ, гдѣ всѣ видѣли какое-то пустое мѣсто, прикрытое тѣмъ или инымъ мундиромъ (отзывъ о А. И. Георгіевскомъ, изучавшемъ еврейскіе псалмы въ подлинникѣ); встрѣчаемъ, наконецъ, и безподобныя по мѣткости характеристики людей и учрежденій (наша бюрократія напоминаетъ того святого, который «несяще отрубленную свою голову въ рукахъ зѣло плаче надъ нею»).

Подполье есть въ каждой душѣ, но всѣ старательно прячутъ его.

Въ Розановѣ *подпольный человѣкъ* не только силенъ, но является господиномъ положенія, и нисколько не скрытымъ отъ любопытныхъ и любознатель-

Библиотека "Руниверс"

ныхъ взоровъ. Какъ любое явленіе природы, литературную дѣятельность Розанова можно описывать, изучать, пытаться подвести ее подъ какой-нибудь существующій законъ,—но судить ее нельзя. Лучшимъ отвѣтомъ на всяческія обвиненія служатъ его слова: «И *въ идеяхъ* я всегда былъ вѣренъ себѣ и *одному себѣ*, переходя отъ однѣхъ идей къ другимъ идеямъ по ходу внутренняго своего развитія... Всѣ самыя *безвѣрныя* и самыя вѣрующія, самыя анархическія и самыя монархическія статьи суть «мои статьи» (стр. 440).

Стихійность Розанова сослужила ему великую службу и дозволила ему, едва ли не единственному въ міровой литературѣ, остаться абсолютно правдивымъ, т.-е. воспринимать міръ различно въ каждую данную минуту и *не скрывать этого*. Мы всѣ, упрекая Розанова въ непослѣдовательности, сами забываемъ противорѣчіе въ нашей жизни. Мы едва ли не со школьной скамьи заучиваемъ слова «все течетъ и дважды никому не войти въ одну и ту же рѣку». Но слова эти остаются *сами по себѣ*, наша жизнь идетъ тоже *сама по себѣ*, и мы клеймимъ словомъ «измѣна» всѣ естественно совершающіяся перемѣны въ человѣческой психикѣ.

Человѣческимъ документомъ, исключительнымъ по своей правдивости, является эта, я бы сказалъ, *лирическая* часть «Литературныхъ изгнанниковъ». Все, что писалъ Розановъ, объясняется тѣмъ своеобразнымъ душевнымъ строемъ, который побудилъ его, тогда новоиспеченнаго чиновника, явившагося впервые къ своему бюрократическому начальнику, въ ожиданіи его «выхода» задуматься о томъ, «отчего *тѣло погребеннаго фараона* клалось приблизительно на высотѣ одной трети, считая снизу, пирамиды».

Мысли рождались въ душѣ Розанова по какимъ-то неисповѣдимымъ законамъ, кажется, наперекоръ всѣмъ правиламъ ассоціацій, и вотъ тянулась «рука къ перу, перо—къ бумагѣ», и заносились на ней «несвоевременныя мысли» нашего современника, мысли глубокія, жестокія, парадоксальныя. Къ произведеніямъ Розанова, иными словами, къ его душѣ, примѣнимо то, что онъ самъ сказалъ о поворотныхъ пунктахъ исторіи: «*Страшно*, что самые важные моменты исторіи, самыя мучительныя минуты въ жизни человѣчества имѣютъ надъ собой *нестираемыя да* и *нѣтъ*...»

«Литературные изгнанники»—это выраженіе благодарности дорогому умершему и памяти о немъ. Розановъ чувствуетъ надвигающуюся старость; въ молодости онъ не замѣчалъ, сколько хлопотъ, волненій, подчасъ и незаслуженной боли онъ взваливалъ на своего старшаго друга. *Теперь* онъ самъ говоритъ иначе: «Всѣ мы подъ старость *поминаемъ покойниковъ*, и мнѣ теперь живѣе, чѣмъ окружающіе меня живые, *покойники*... Что-то вѣетъ оттуда... *Откуда? что* вѣетъ? Руками не умѣешь схватить, а сердце чувствуетъ...»

За послѣдніе годы съ Розановымъ совершается переломъ, выразившійся въ «Уединенномъ», «Опавшихъ листьяхъ» и въ примѣчаніяхъ къ «Литературнымъ изгнанникамъ». Никогда жизнерадостный язычникъ такъ *абсолютно* не забывалъ о концѣ, какъ забывалъ онъ; но нѣтъ въ мірѣ вѣчнаго, и начинаетъ пробиваться въ душѣ иное чувство, звучать тихо и безбурно слова—«Memento mori».

Н. В.

Библиотека "Руниверс"

Б. Б. Глинскій. Среди литераторовъ и ученыхъ. Біографіи, характеристики, некрологи, воспоминанія, встрѣчи. Съ 31 портретомъ. Спб. 1914. Стр. VI+570. Цѣна 3 руб.

Новая книга Б. Б. Глинскаго «Среди литераторовъ и ученыхъ» составилась изъ разбросанныхъ до сихъ поръ на страницахъ «Историческаго Вѣстника» статей, посвященныхъ различнымъ представителямъ русской общественности, литературы и науки второй половины прошлаго столѣтія и начала нынѣшняго. Очерки эти тщательно провѣрены для отдѣльнаго изданія, нѣкоторые дополнены и имѣютъ своей задачей сказать о томъ, «въ какихъ условіяхъ, бытовыхъ и общественныхъ, протекла жизнь и работа этихъ людей,—говоритъ авторъ въ предисловіи,—съ которыми мы, работники на журнальной нивѣ конца прошлаго вѣка и начала нынѣшняго, встрѣчались, были близки или работали рука объ руку, какія жизненныя и литературныя цѣли они преслѣдовали и что отражали въ своихъ произведеніяхъ». Большинство изъ нихъ оставили,—по словамъ автора,—на разныхъ поприщахъ значительный слѣдъ въ исторіи русской жизни, но далеко не всѣ они были въ свое время по достоинству оцѣнены, а о многихъ и совсѣмъ исчезла память въ современномъ поколѣніи. «Пройдутъ годы,—говоритъ г. Глинскій,—и, можетъ быть, даже самыя имена ихъ станутъ звучать чѣмъ-то чуждымъ, внѣ всякой связи съ современными имъ общественными вѣяніями, отраженіе которыхъ усматривается довольно наглядно и въ ихъ жизнеописаніяхъ, и въ оцѣнкѣ ихъ дѣятельности. Книга, какъ бы скромно ея содержаніе ни было, въ этомъ отношеніи добрая скрижаль исторіи. Запечатлѣнное въ ней остается на болѣе долгое время, нежели на газетныхъ листахъ или журнальныхъ столбцахъ, содержаніе которыхъ легко забывается и только держится въ памяти трудолюбивыхъ библіографовъ». Въ составъ новой книги Б. Б. Глинскаго вошли очерки, посвященные слѣдующимъ лицамъ: М. Н. Альбову, Н. Ѳ. Анненскому, Н. П. Барсукову, Ѳ. И. Булгакову, В. П. Буренину, С. И. Васюкову, П. И. Вейнбергу, П. Я. Дашкову, С. И. Коссовичу, Н. А. Лейкину, И. Л. Леонтьеву-Щеглову, Д. Н. Мамину-Сибиряку, В. П. Михайлову-Мартову, В. О. Михневичу, Д. Л. Мордовцеву, Л. Е. Оболенскому, В. П. Острогорскому, А. Н. Пыпину, В. Е. Рудакову, В. И. Сергѣевичу, А. М. Скабичевскому, К. А. Скальковскому, М. П. Соловьеву, Гл. И. Успенскому, К. М. Фофанову, А. И. Чупрову, М. В. Шевлякову и С. Н. Шубинскому. Особое положеніе занимаетъ среди этихъ очерковъ, посвященныхъ памяти уже отошедшихъ въ вѣчность писателей и ученыхъ, обширная и обстоятельная біографія нынѣ здравствующаго В. П. Буренина. «Я полагаю,—объясняетъ авторъ это странное на первый взглядъ сосѣдство съ умершими литературными дѣятелями,—что оказаться въ сосѣдствѣ съ послѣдними не такъ ужъ страшно, а въ виду того, что о В. П. Буренинѣ въ нашихъ пособіяхъ для изученія исторіи русской словесности послѣдняго времени преднамѣренно, въ интересахъ партійной политики, почти ничего не говорится или очень мало, то я полагаю, что мой очеркъ о немъ не будетъ излишнимъ. «Нововременскій» критикъ-публицистъ много лѣтъ стоялъ на аванпостахъ русской критической литературы, и съ его именемъ связано опредѣленное общественное направленіе, сыгравшее

Библиотека "Руниверс"

въ отечественной жизни видную роль». Достоинствомъ книги Б. Б. Глинскаго является отсутствіе въ ней узкаго направленства, кружковщины и партійности: авторъ безпристрастно повѣствуетъ и о «нововременцахъ» Ѳ. И. Булгаковѣ или К. А. Скальковскомъ, и о руководителѣ «Русскаго Богатства» Н. Ѳ. Аннен скомъ, и о крупныхъ художникахъ-беллетристахъ, каковы, напримѣръ, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ или И. Л. Щегловъ, и о скромномъ журнальномъ работникѣ В. Е. Рудаковѣ. Кромѣ интереснаго чтенія, книга Б. Б. Глинскаго имѣетъ большое значеніе и въ качествѣ справочника, и въ качествѣ обширной портретной литературной галереи, нѣкоторые портреты которой очень рѣдки и появляются впервые, какъ, напримѣръ, портреты С. И. Косс овича, Д. Н. Мамина-Сибиряка или М. П. Соловьева. **Д. М.**

Н. Туницкій. Св. Климентъ, епископъ словенскій. Сергіевъ посадъ. 1913.

Авторъ занимается біографіей епископа Климента, ученика Кирилла и Меѳодія, просвѣтителя болгаръ. Высокообразованный Климентъ былъ очень начитанъ въ византійской литературѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ обладалъ высокими личными свойствами. Онъ былъ,—говоритъ составитель его житія,—отцомъ сиротъ и помощникомъ вдовъ, дверь его всегда была открыта для всякаго бѣдняка, и странникъ не ночевалъ у него за воротами. Историческое значеніе его состоитъ въ томъ, что онъ образовалъ въ Болгаріи національную церковь и распространилъ въ ней славянскую духовную культуру. Г. Туницкій, начинающій ученый, сумѣлъ разобраться въ очень сложныхъ историческихъ вопросахъ и тѣмъ доказалъ свой несомнѣнный критическій талантъ.

П. Б.

В. Бутенко. Либеральная партія во Франціи въ эпоху реставраціи. Томъ I. Спб. 1913.

Авторъ занимается либеральной партіей, возникшей во Франціи вслѣдъ за паденіемъ Наполеона I и потерпѣвшей въ 1820 году крушеніе. Онъ внесъ въ свой трудъ много архивнаго матеріала и, пользуясь богатѣйшей парижской библіотекой, до тонкости изучилъ политическую прессу того времени, старался не упустить ни одного журнала или газеты, памфлета или брошюры, которые обращали на себя вниманіе общества и были характерны для дѣятельности либеральной партіи. Съ этой стороны трудъ г. Бутенка представляетъ, несомнѣнно, цѣнное пріобрѣтеніе. Но въ то же время авторъ принадлежитъ къ тѣмъ молодымъ ученымъ, которые пишутъ слишкомъ много, которые считаютъ необходимымъ напечатать все, что они вычитали въ массѣ документовъ. Первоначально г. Бутенко намѣревался изложить въ одномъ томѣ исторію либеральной партіи въ эпоху реставраціи Бурбоновъ съ 1814 до 1830 гг. Но затѣмъ это показалось ему невозможнымъ, и онъ написалъ 600 страницъ о первыхъ шести годахъ до 1820 года. Слѣдовательно, объ остальныхъ десяти годахъ онъ напишетъ еще 1000 страницъ. Мало того, авторъ коснулся только одной стороны дѣла. Онъ

Библиотека "Руниверс"

выяснилъ политическую идеологію либеральной партіи и показалъ, въ форму какой практической программы она вылилась, прослѣдилъ парламентскую работу либераловъ и изучилъ роль, которую сыграло либеральное движеніе въ дѣлѣ созданія конституціоннаго порядка эпохи реставраціи. Онъ пока оставилъ въ сторонѣ наиболѣе интересные вопросы, связь между либерализмомъ и современнымъ ему философскимъ и литературнымъ движеніемъ и экономическую подкладку либерализма. Для всесторонняго выясненія только одной политической партіи потребуется, пожалуй, сверхъ 1600 еще 3000 страницъ. Неудивительно, что даже у спеціалистовъ обширныя диссертаціи лежатъ не разрѣзанными. П. Б.

Франсуа-Мари-Аруэ Вольтеръ. Повѣсти и разсказы. Съ портретомъ и 11 рисунками. Переводъ Л. Буха. Изданіе Ф. Павленкова. 1912. Стр. 495 Ц. 2 р.

Извѣстенъ отвѣтъ королю Людовику XIV принца Конде о «Тартюфѣ». Послѣ представленія на придворномъ театрѣ пьесы «Скарамушъ-отшельникъ» Людовикъ выразилъ принцу Конде недоумѣніе, почему люди, которые такъ сильно обидѣлись на «Тартюфа» Мольера, ничего не говорятъ противъ «Скарамуша».—«Это потому,—отвѣчалъ принцъ:—что комедія «Скарамушъ» издѣвается надъ небомъ и религіей, о которыхъ эти господа нисколько не заботятся; комедія же Мольера издѣвается надъ ними самими, а этого они не могутъ стерпѣть».

То же самое впослѣдствіи можно было сказать и объ отношеніи католическаго духовенства къ Вольтеру, особенно къ его повѣстямъ, въ которыхъ деистическое настроеніе писателя выразилось въ наиболѣе популярной формѣ. Вольтеръ не упускаетъ случая, чтобы такъ или иначе не сдѣлать выпада противъ католическаго духовенства и обрядностей. Такъ, архимандритъ въ «Видѣніи Бабука» признается, что въ вознагражденіе за данный имъ обѣтъ жить въ бѣдности онъ получаетъ жалованье по сто тысячъ экю въ годъ, а за обѣтъ смиренія—пользуется обширной властью. Тѣ же выпады противъ католическаго духовенства въ «Задигѣ», «Простодушномъ» и другихъ разсказахъ. Но въ нихъ Вольтеръ не только нападалъ на духовенство и обрядность, онъ рѣшалъ также болѣе глубокіе вопросы объ отношеніи существующаго въ мірѣ зла къ идеѣ совершеннаго Бога. Однако для большинства русскихъ читателей XVIII вѣка, увлекавшихся повѣстями Вольтера, послѣдніе вопросы не имѣли значенія. Какъ для отца Лаврецкаго, героя «Дворянскаго гнѣзда», у котораго въ головѣ сидѣлъ «безбожникъ Вóлтеръ», для большинства главнымъ образомъ были по вкусу эти легкія насмѣшки надъ обрядовой религіей, вырабатывавшія у насъ доморощенныхъ «аѳеистовъ», bel'esprit à la Voltaire.

Поэтому повѣсти и разсказы Вольтера это—цѣлая полоса нашей культурной жизни, правда, полоса не блестящая, болѣе отрицательная, но все же довольно продолжительная. Они создали у насъ въ значительной степени тотъ типъ вольтерьянца, который позволялъ себѣ легкое отношеніе къ религіи всю жизнь, пока не приходила старость. Тогда русскій вольтерьянецъ, какъ отецъ Лаврецкаго, начиналъ молиться, класть поклоны и бояться ада.

Библиотека "Руниверс"

Отмѣченное вліяніе повѣстей Вольтера на русское общество XVIII и начала XIX столѣтій, помимо того, что онѣ принадлежатъ «властителю умовъ» своего вѣка, несомнѣнно, вызоветъ интересъ въ публикѣ къ новому, сдѣланному безъ сокращеній переводу повѣстей Вольтера, въ изданіи фирмы, заслуживающей полнаго вниманія.

Книга издана хорошо. Лишь картинки мы признаемъ ненужными,—лучше бы было помѣстить въ книгѣ вводныя статьи къ повѣстямъ, какъ это принято въ изданіяхъ другихъ иностранныхъ писателей.

В. Даниловъ.

Библіотека А. В. Петрова. Собраніе книгъ, изданныхъ въ царствованіе Петра Великаго. Изданіе второе, дополненное. Съ 34 снимками. Спб. 1913. Стр. 44. Цѣна 3 руб.
Книгохранилище Сергѣя Рудольфовича Минцлова. Напечатано 50 экземпляровъ. Спб. 1913. Стр. I—XIV, 15—169.

Г. Петровъ, авторъ извѣстной книги о городѣ Нарвѣ и многихъ статей и изслѣдованій изъ эпохи Петра Великаго и изъ прошлаго книжнаго дѣла, напечаталъ каталогъ своего богатаго собранія книгъ, изданныхъ въ царствованіе Петра Великаго. Первое изданіе этого каталога было помѣщено въ журналѣ «Русскій Библіофилъ», и сто отдѣльныхъ оттисковъ оттуда разошлись съ поразительною быстротою въ теченіе всего нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Авторъ не только любовно и тщательно описалъ имѣющіяся у него книжныя рѣдкости, но и присоединилъ къ каталогу рядъ превосходно исполненныхъ иллюстрацій съ наиболѣе замѣчательныхъ экземпляровъ. Эти рисунки наглядно показываютъ, что и въ Петровскую эпоху на внѣшность изданія обращалось значительное вниманіе. Конечно, всѣ друзья и любители русской книги будутъ искренно благодарны г. Петрову за его цѣнный и кропотливый трудъ, дающій возможность всякому библіофилу имѣть такое описаніе петровскихъ изданій, которое можетъ служить наиболѣе близкой замѣной самыхъ оригиналовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и надежнымъ руководствомъ при собираніи этихъ нынѣ весьма рѣдкихъ изданій. Въ числѣ наиболѣе цѣнныхъ экземпляровъ собранія г. Петрова особаго вниманія заслуживаютъ Алкоранъ Магомета съ заглавнымъ листомъ, описаніе пріема Петромъ Великимъ англійскаго чрезвычайнаго посла Витворта, пріѣхавшаго съ извиненіями по случаю оскорбленія, нанесеннаго въ Лондонѣ русскому послу Матвѣеву, напрестольное евангеліе 1701 г. и Тріодіонъ 1707. Послѣднія три книги не упомянуты въ классическомъ трудѣ Пекарскаго «Наука и литература при Петрѣ Великомъ». Желательно только, чтобы въ послѣдующемъ изданіи авторъ исправилъ опечатку въ заглавіи Алкорана, именно «преведеный» (надо «приведеный»).

На страницахъ «Историческаго Вѣстника» былъ своевременно отмѣченъ высокополезный справочный трудъ С. Р. Минцлова «Обзоръ записокъ, дневниковъ, воспоминаній, писемъ и путешествій, относящихся къ исторіи Россіи и напечатанныхъ на русскомъ языкѣ» (въ 5 выпускахъ). Теперь тотъ же авторъ, котораго двадцатипятилѣтняя литературная дѣятельность очерчена въ прош-

Библиотека "Руниверс"

лой книжкѣ нашего журнала, напечаталъ каталогъ своей цѣнной библіотеки. Минцловъ принадлежитъ къ числу тѣхъ истинныхъ библіофиловъ и собирателей книгъ, которые ставятъ себѣ при пополненіи библіотеки строго опредѣленныя задачи и рамки, что, конечно, придаетъ особую цѣнность ихъ книгохранилищу. Для г. Минцлова такимъ основнымъ предметомъ въ собираніи книгъ служитъ русская исторія, почему онъ справедливо считаетъ, что каталогъ его библіотеки можетъ служить систематическимъ руководствомъ для изученія прошлыхъ судебъ нашей родины. Остается только пожалѣть, почему г. Минцловъ выпустилъ свой трудъ въ такомъ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, которое дѣлаетъ его совершенно недоступнымъ для широкаго пользованія. Кромѣ русской исторіи, авторъ интересуется изданіями конфискованными, изъятыми изъ продажи и уничтоженными. И въ этомъ отношеніи изданный имъ каталогъ представляетъ богатѣйшіе матеріалы для мартиролога русскаго книжнаго дѣла. Далѣе г. Минцловъ обратилъ большое вниманіе на многочисленныя брошюры, выходившія въ періодъ 1905 и 1906 годовъ и издававшіеся тогда же сатирическіе журналы. Подробные перечни этихъ книжекъ и листковъ дѣлаютъ каталогъ необходимѣйшимъ пособіемъ для всякаго желающаго изучить движеніе 1905—1906 годовъ. Наименѣе вниманія удѣлилъ г. Минцловъ описанію своего собранія иностранныхъ книгъ, главнымъ образомъ латинскихъ. Многія заглавія приведены здѣсь съ такими сокращеніями, которыя дѣлаютъ невозможнымъ опредѣленіе содержанія книги, затѣмъ часто два слова слиты въ одно, и наоборотъ одно слово разбито на два.

Въ началѣ книги приложены краткія родословныя свѣдѣнія о семьѣ Минцловыхъ, гдѣ, между прочимъ, данъ списокъ трудовъ дѣда автора, извѣстнаго профессора и хранителя рукописей въ императорской публичной библіотекѣ, бывшаго преподавателемъ у императора Александра III и его августѣйшихъ братьевъ. **Библ.**

Военная энциклопедія. Томы XXIII и XXIV. Изданіе т-ва Сытина. Отъ Кальяри до Кобелянка. 1913.

На дняхъ вышли изъ печати, согласно предположенному плану изданія, томы XXIII и XXIV «Военной энциклопедіи», составленные по той же программѣ и въ томъ же размѣрѣ, какъ предыдущіе томы, причемъ изложеніе, въ алфавитномъ порядкѣ, доведено до буквы к (коалиціонныя войны). Въ текстѣ помѣщено немало статей, серьезно обработанныхъ и оригинальныхъ, а также 36 картъ, чертежей, таблицъ и портретовъ, приложенныхъ на отдѣльныхъ листахъ. Статьѣ «Коалиціонныя войны» отведено въ XXIV томѣ наиболѣе значительное мѣсто—40 страницъ весьма убористаго шрифта, что составитъ добрый томъ обыкновенной печати. Статья эта, обработанная гг. Орловымъ и Златолинскимъ, заключаетъ въ себѣ описаніе всѣхъ войнъ, веденныхъ европейскими государствами въ теченіе двадцати трехъ лѣтъ, съ 1792 года по 1815 г., сначала противъ республиканской Франціи, а затѣмъ противъ Наполеона и закончившихся заточеніемъ знаменитаго полководца и императора на островѣ св. Елены. При статьѣ приложены карты и планы. **Л. Н.**

Библиотека "Руниверс"

Игорь Грабарь. Русскіе художники. Собраніе иллюстрированныхъ монографій. Выпускъ II. Сергѣй Глаголь и Игорь Грабарь. Исаакъ Ильичъ Левитанъ. Жизнь и творчество. Москва. Стр. 119. Изданіе І. Кнебель. 1913 г. Цѣна не обозначена.

Красиво написанная и превосходно изданная книга о Левитанѣ заслуживаетъ быть отмѣченной въ ряду появившихся за послѣднее время на русскомъ языкѣ работъ по исторіи искусства. Монографія начинается вступленіемъ г. И. Грабаря, въ которомъ отмѣчаются условія возникновенія и роста творчества одного изъ крупнѣйшихъ представителей пейзажной живописи, вспоминается незабвенная для русскихъ художниковъ эпоха «исканія Руси». «Искали наилучшаго выраженія того, что зовется «русскимъ духомъ», «искали «русской красоты», «русской природы» и даже русскаго отношенія къ ней—русскаго міропониманія». «Левитанъ былъ всецѣло захваченъ общимъ увлеченіемъ, и больше другихъ задумывался надъ вопросомъ о русскихъ элементахъ подмосковнаго и волжскаго пейзажа. И если не онъ поставилъ самую задачу, то онъ далъ лучшее рѣшеніе ея: Левитанъ любилъ русскую природу фанатически, почти изступленно и, благодаря своей особой чуткости и нервной проникновенности, онъ сумѣлъ вобрать въ себя всѣ мысли и чувства, которыми горѣли его сверстники и товарищи. Претворивъ ихъ въ своемъ индивидуальномъ, ему одному присущемъ лиризмѣ, онъ вылилъ все это въ длинномъ рядѣ картинъ, отразившихъ исканія цѣлаго поколѣнія. Левитановскія картины тѣмъ и значительны, что онѣ—результатъ собирательнаго творчества». Біографическія данныя собраны очень тщательно по воспоминаніямъ и письмамъ, текстъ г. Глаголя дышитъ теплотой и поэзіей, а изобиліе снимковъ даетъ наивозможное при современной техникѣ представленіе о творчествѣ художника. Весьма цѣнною частью монографіи является списокъ произведеній съ датировкою ихъ, указаніемъ собственниковъ и пр. пояснительными примѣчаніями. О Левитанѣ составляется хорошая память и литература: послѣ удачнаго дягилевскаго изданія небольшой, но очень дѣльный очеркъ А. А. Ростиславова въ издательствѣ «Современное искусство» (Н. И. Бутковской) и наконецъ только что разсмотрѣнная монографія. Остается пожелать дальнѣйшихъ работъ въ этой области, дабы пробудилась въ читателѣ любовь ко всему лучшему, что дало въ прошломъ русское искусство. **Я—ъ.**

Памятка петербургскаго сиротскаго института императора Николая I. 1837 г. LXXV—1912 г. Изданіе общества вспомоществованія бывшимъ воспитанницамъ петербургскаго сиротскаго института императора Николая I. Спб. 1913. Стр. 161+83. Со многими портретами и рисунками въ текстѣ и на отдѣльныхъ листахъ. Цѣна 1 р. 25 к.

22-го ноября прошлаго года одно изъ симпатичнѣйшихъ учебныхъ заведеній столицы, Николаевскій институтъ, справлялъ семидесятипятилѣтіе своего существованія, какъ самостоятельнаго учебно-воспитательнаго учрежденія. Этому празднеству и обязана своимъ появленіемъ настоящая, въ высокой степени при-

Библиотека "Руниверс"

влекательная книжка. Изъ нея мы прежде всего лишній разъ убѣждаемся въ томъ, что женское образованіе въ Россіи не только стоитъ на одинаковой ступени съ Западной Европой, но, можетъ быть, отчасти и превосходитъ ее. Затѣмъ воспитанницы института, круглыя сироты, имѣютъ въ его стѣнахъ такую обстановку и содержаніе, которыя могутъ замѣнить имъ преждевременно утраченную родную семейную обстановку. Конечно, это довольство, окружающее питомицъ института, возможно только при тѣхъ щедрыхъ суммахъ, которыя отпускаются на его содержаніе вѣдомствомъ императрицы Маріи. Пріятно видѣть изъ настоящей книжки и то, что воспитанницы отплачиваютъ за полученныя ими благодѣянія тѣмъ, чѣмъ онѣ прежде всего могутъ сдѣлать это, а именно—теплой и горячей любовью къ августѣйшимъ покровителямъ институт а и искренней привязанностью къ взрастившему ихъ учебному заведенію. Этой любовью къ институту и его питомцамъ отличались также и лица, стоявшія во главѣ его, какъ это явствуетъ изъ помѣщенныхъ въ «Памяткѣ» неоднократныхъ упоминаній о бывшемъ инспекторѣ классовъ, знаменитомъ педагогѣ М. Б. Чистяковѣ, о прежнихъ начальницахъ института Е. С. Замятниной, Е. Н. Шостакъ и нынѣшней преемницѣ ихъ г-жѣ Н. В. Булацель, о преподавателѣ института, географѣ И. Н. Михайловѣ и т. д. Искренней преданностью институту и его питомицамъ дышатъ рѣчи и статьи законоучителя, знаменитаго проповѣдника отца П. Н. Докучаева, нынѣшняго преемника М. Б. Чистякова, автора популярнаго учебника по естествовѣдѣнію Л. С. Севрука, преподавателя исторіи, извѣстнаго своими руководствами по этому предмету, А. И. Боргмана, врача института Θ. Θ. Лапчинскаго. Сердечный тонъ этихъ статей заставляетъ забыть про тотъ чисто офиціальный случай, по поводу котораго онѣ были написаны. Особенно же задушевнымъ характеромъ отличаются стихотворенія и двѣ статьи бывшей питомицы института, талантливой писательницы и сотрудницы «Историческаго Вѣстника» М. Г. Веселковой-Кильштетъ. Съ большимъ знаніемъ дѣла, а вмѣстѣ съ тѣмъ весьма живо и интересно изложила она судьбу дома, въ которомъ нынѣ помѣщается институтъ и который принадлежалъ ранѣе графу К. Г. Разумовскому. Другая работа г-жи Кильштетъ представляетъ высоко-поэтичный и художественный фантастическій разсказъ, какъ двѣ воспитанницы института нашего времени присутствовали во снѣ на обѣдѣ у К. Г. Разумовскаго.

Наконецъ, позволяемъ себѣ обратить вниманіе всѣхъ любителей изящныхъ изданій на художественную внѣшность «Памятки», богато иллюстрированной портретами августѣйшихъ покровителей института, главнѣйшихъ его дѣятелей, разновременныхъ видовъ зданія, портретовъ Разумовскихъ и проч. Кромѣ того, весьма любопытныя стильно-художественныя заставки и концовки во второй части «Памятки», гдѣ содержатся главнымъ образомъ списки должностныхъ лицъ института и его воспитанницъ, взяты изъ такихъ почти недоступныхъ актовъ, какъ «Генеральный планъ воспитательнаго дома» и «Уставъ общества благородныхъ дѣвицъ».

Вырученныя отъ продажи «Памятки» суммы поступаютъ въ пользу «общества вспомоществованія бывшимъ воспитанницамъ петербургскаго сиротскаго института императора Николая I». **А. І. М.**

Библиотека "Руниверс"

Г. Т. Сѣверцевъ-Полиловъ. Среди коронованныхъ особъ. Встрѣчи и воспоминанія. Спб. 1913. Стр. 225. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Личность германскаго императора Вильгельма представляетъ большой интересъ, въ особенности за послѣдніе годы, когда онъ является незримымъ, но ощущаемымъ всѣми державами капельмейстеромъ европейскаго концерта. Каждое его слово, малѣйшій случай, даже жестъ императора, его порой невоздержанныя, горячія отповѣди соціалистамъ, его яркій націонализмъ обсуждаются повсюду. Услужливый телеграфъ и телефонъ быстро разносятъ всѣ подробности жизни, дѣятельности этого монарха чуть ли не во всѣ уголки міра.

Это теперь, когда личность Вильгельма ярко обрисовалась, вполнѣ выяснился его политическій кругозоръ, задачи пангерманизма, которыя онъ неустанно преслѣдуетъ, но старается скрыть, маскируя ихъ зачастую рѣчами, хотя ни на минуту не забывая о своей цѣли.

Но молодость этой крупной современной личности далеко не такъ ярко освѣщена; правда, нѣмцы, благоговѣющіе передъ своимъ «кайзеромъ», знаютъ не мало объ его юношескихъ годахъ, но мы, русскіе, почти совсѣмъ незнакомы съ тѣмъ, какъ протекли ученическіе годы Вильгельма.

Авторъ разбираемой книги въ живомъ, бойкомъ разсказѣ передаетъ о пребываніи наслѣднаго принца Вильгельма-Фридриха въ стѣнахъ боннскаго университета, о жизни его среди товарищей-студентовъ, попутно освѣщая характерные эпизоды своеобразнаго быта нѣмецкихъ ученыхъ буршей въ этомъ выдающемся высшемъ учебномъ заведеніи Германіи. Авторъ самъ былъ въ это время въ боннскомъ университетѣ и близко соприкасался къ будущему императору Германіи. Все это помогло ему ярко обрисовать молодого принца.

Интересно въ книгѣ описанъ Стокгольмъ, живописная столица французовъ сѣвера—шведовъ. Подмѣчены оригинальныя черточки шведской общественной жизни, своеобразный складъ ея, ярко зачерчены случайныя встрѣчи автора съ покойнымъ владыкой этой страны, Оскаромъ II, этимъ «мыслителемъ на престолѣ», яркой противоположностью меркантильнаго эгоиста, всего ушедшаго въ наживу, бывшаго короля Бельгіи Леопольда II...

Но какъ поэтиченъ образъ несчастнаго короля Италіи Гумберта I, павшаго жертвой фанатика-анархиста! Роза, врученная имъ автору, засохла, но въ ней еще таится нѣжный ароматъ...

Воспоминанія объ императорѣ Вильгельмѣ, королѣ Леопольдѣ и Оскарѣ, равно какъ и нѣкоторые другіе очерки, вошедшіе въ настоящую книгу, были напечатаны предварительно на страницахъ «Историческаго Вѣстника».

Коронованными особами не всегда именуются тѣ, которыя царятъ надъ народами, занимаютъ престолъ, имѣются короли и на сценѣ. Ихъ вѣнчала за ихъ талантъ публика. Барнай, дива Патти и масса другихъ артистовъ заслуживаютъ, чтобы ихъ причислили также къ числу «коронованныхъ особъ». Давно позабытая театральною публикой дива Зонтагъ, которую императоръ Николай I за ея безподобный голосъ назвалъ «графиней Соловей», тоже описана

Библиотека "Руниверс"

въ разбираемой книгѣ. Отецъ г. Сѣверцева-Полилова встрѣчался съ Зонтагъ, слушалъ ее, и авторъ привелъ интересный фактъ о пребываніи Зонтагъ въ Петербургѣ и о томъ, какъ она, отыскавъ случайно здѣсь «сироту нѣмецкаго танцовальнаго общества», изумилась ея превосходному голосу, научила ее пѣть и сама доставила молоденькой пѣвицѣ возможность выступить на подмосткахъ одного изъ нѣмецкихъ театровъ.

Упомянутъ также здѣсь интересный эпизодъ, происшедшій съ дивою Патти въ Петербургѣ... Вся книга будетъ прочитана съ большимъ интересомъ, благодаря оригинальнымъ фактамъ, въ ней изложеннымъ, и своему бойкому, характерному языку. **N.**

Н. Яблонскій. Еврейскій вопросъ. Москва. 1913. Стр. 160. Цѣна 1 рубль.

Книга г. Яблонскаго о евреяхъ принадлежитъ къ ярко антисемитической литературѣ. Много страницъ удѣлено имъ антисемитическому движенію въ Западной Европѣ, послѣ утвержденія тамъ еврейскаго равноправія. Не скупится онъ также на описаніе тѣхъ способовъ, какими евреи всюду добываютъ свои богатства; какъ они развращаютъ деревенское населеніе ростовщичествомъ и разоряютъ его черезъ скупку мелкихъ крестьянскихъ участковъ; какъ черезъ мельничныя и другія торговыя предпріятія евреи овладѣваютъ самыми удобными мѣстами для скупки у крестьянъ сельско-хозяйственныхъ производствъ и какъ того же они достигаютъ осѣданіемъ по оживленнымъ пунктамъ при станціяхъ желѣзныхъ дорогъ и т. д. Не менѣе вредно ихъ хищническое хозяйствованіе въ дворянскихъ съ лѣсными угодьями усадьбахъ; ихъ обособленность даже въ Америкѣ и, по увѣренію профессора Зомбарта, ихъ нежеланіе гдѣ-либо ассимилироваться, исключая какъ черезъ браки съ лицами аристократическихъ круговъ. Всѣ указанія г. Яблонскаго на евреевъ крайне отрицательнаго характера, и онъ скорбитъ о томъ, что русское законодательство боролось съ еврействомъ только по религіознымъ мотивамъ и очень мало по политическимъ и экономическимъ. Антисемитизмъ г. Яблонскаго очень часто напоминаетъ яростныя страницы о евреяхъ покойнаго А. П. Пятковскаго въ его «Наблюдателѣ». Во всей европейской исторіи главныя роли въ государственной, умственной и въ экономической жизни распредѣлены г. Яблонскимъ по преимуществу между евреями только потому, что по политическимъ мотивамъ—евреи революціонеры, въ умственной области—ересіархи, а въ экономической—марксисты. По мнѣнію г. Яблонскаго, начиная со временъ реформаціи, все уже забрано евреями и использовано ими въ свою выгоду. «Успѣхи реформаціи облегчали тайнымъ вождямъ еврейства задачу найти себѣ посредниковъ, которые, оставаясь при глубокомъ убѣжденіи, что они работаютъ на пользу своего государства, на самомъ дѣлѣ исполняли бы предначертанія евреевъ и служили бы имъ ширмой, скрывающею ихъ отъ нескромныхъ взоровъ. Этихъ посредниковъ естественно было искать въ протестантскихъ государствахъ. Поэтому мысль объ организаціи тайнаго общества, призваннаго служить распространенію идей реформаціи, зарождается среди во-

Библиотека "Руниверс"

ждей еврейства. Самой могущественной протестантской страной была Англія. Поэтому мысль о созданіи тайнаго общества, служащаго къ возвеличенію Англіи и къ ослабленію вѣковой противницы ея, католической Франціи, была постепенно внушаема различнымъ англійскимъ государственнымъ дѣятелямъ. Ею увлекся и Бэконъ, создавая свою «Новую Атлантиду». Тутъ родилось массонство». По мнѣнію г. Яблонскаго, нѣтъ ни одного европейскаго движенія, а тѣмъ болѣе въ Россіи, безъ преобладающаго вліянія евреевъ. Даже главнымъ носителемъ капиталистической системы являются евреи. Но, очевидно, г. Яблонскій совсѣмъ не знаетъ, что тенденціи капитализма никогда не были національными, а всегда международными; что противоположность труда и капитала въ современной промышленности одинакова какъ въ еврейскихъ рукахъ, такъ и въ русскихъ. Яблонскій обвиняетъ евреевъ въ разрушеніи католической вѣры, стараго духа побѣдъ и патріотизма среди войска, патріархальной чести въ обществѣ и т. д. Но съ католицизмомъ боролась и философія, начиная съ Лютера и кончая французскими энциклопедистами, а патріотизмъ въ арміяхъ и честь въ европейскомъ обществѣ разрушали болѣе герои Золя, тоже международные типы...

Не менѣе фантастичны указанія г. Яблонскаго и на существованіе «еврейскаго правительства», которому всюду подчиняются семиты въ борьбѣ съ христіанскими государствами; также сомнительны его увѣренія о безполезности еврейской интеллигенціи на томъ основаніи, что «такъ называемой интеллигенціи у насъ болѣе, чѣмъ достаточно», и что «открывать дипломами свободную дорогу къ прилавкамъ и разнаго рода гешефтамъ—нецѣлесообразно». Въ связи съ этимъ г. Яблонскій совсѣмъ необоснованно предостерегаетъ Россію отъ завоеванія ея евреями черезъ парламентскую трибуну и соціалистическія ученія. **А. Фаресовъ.**

Огановскій Н. П. Надѣленіе землей помѣщичьихъ крестьянъ. Москва. 1913. Изданіе «Задруса». Стр. 145. Ц. 35 к.

Пятидесятилѣтній юбилей освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости способствовалъ обогащенію нашей литературы книгами и брошюрами, посвященными вопросамъ, такъ или иначе связаннымъ съ великой реформой. Рецензируемая книжка также появилась въ связи съ юбилеемъ, будучи удостоена преміи московскимъ комитетомъ грамотности, объявившимъ конкурсъ на соисканіе премій за труды на предложенныя комитетомъ темы изъ исторіи освобожденія крестьянъ.

Такимъ образомъ, къ сочиненію г. Огановскаго, снабженному, такъ сказать, рекомендаціей авторитетной коллегіи, невольно относишься съ большими требованіями, чѣмъ къ работамъ, не имѣющимъ ни премій, ни какого-либо одобренія. Однако, приходится сказать, что взятый на себя трудъ г. Огановскій выполнилъ безукоризненно, въ строгомъ соотвѣтствіи съ научно-историческими данными. Если принять во вниманіе, что условія конкурса требовали, чтобы сочиненіе отличалось общедоступнымъ изложеніемъ, понятнымъ для

Библиотека "Руниверс"

неподготовленныхъ читателей, то станетъ ясною трудность задачи для автора, который долженъ былъ популяризировать спеціальныя научныя работы. Книга раздѣляется на слѣдующія главы: о надѣлахъ и повинностяхъ крестьянъ при крѣпостномъ правѣ, о надѣлахъ и платежахъ крестьянъ, установленныхъ при освобожденіи ихъ, и о хозяйственной жизни крестьянъ послѣ освобожденія. Авторъ, избѣгая личныхъ выводовъ и заключеній, основывается на исторически вѣрныхъ данныхъ, содержащихся въ извѣстныхъ спеціальныхъ трудахъ по вопросамъ крестьянскаго землевладѣнія и землеустройства, причемъ главной цѣлью ставитъ подробное выясненіе причинъ, которыя черезъ пятьдесятъ лѣтъ поставили крестьянство въ безотрадное экономическое положеніе, вызвавшее, какъ извѣстно, тревогу въ административныхъ сферахъ, предпринявшихъ, въ цѣляхъ улучшенія положенія крестьянъ, земельную реформу. Какъ на главныя причины обѣднѣнія крестьянъ, испытывающихъ, въ большинствѣ случаевъ, даже весьма острую нужду и голодовки, авторомъ указывается на ошибки администраціи, въ моментъ освобожденія крестьянъ не посмотрѣвшей на земельный вопросъ подъ угломъ исторической перспективы... Такъ, крестьяне были выпущены на волю съ сильно урѣзанными земельными надѣлами и, въ довершеніе всего, обремененными тяжелыми податями. Естественно, малоземелье и налоги не могли способствовать накопленію средствъ, и положеніе крестьянъ съ каждымъ годомъ замѣтно ухудшалось. Немаловажную роль въ этомъ отношеніи сыграло отсутствіе образованія, о которомъ администрація упустила позаботиться. Между тѣмъ, образованіе, способствуя распространенію соотвѣтствующихъ полезныхъ въ крестьянскомъ быту знаній, дало бы возможность крестьянству примѣнить улучшенные пріемы обработки земли и, вообще, веденія хозяйства и этимъ путемъ добиться повышенія урожайности. Такимъ образомъ, острота малоземелья не давала бы чувствовать себя въ такой сильной степени, и экономическое положеніе крестьянъ не пришло бы въ такой упадокъ, какой теперь повсемѣстно наблюдается...

Книжка г. Огановскаго безусловно всѣми, кто интересуется крестьянскимъ вопросомъ, прочтется съ большимъ вниманіемъ.

Вит. Ткачукъ.

Малахія Орманіанъ. Армянская церковь. Ея исторія, ученіе, управленіе, внутренній строй, литургія, литература, ея настоящее. Переводъ съ французскаго Б. Рунтъ. Москва. Цѣна 1 р. 50 коп.

Бывшій константинопольскій патріархъ, авторъ настоящей книги, въ самомъ ея началѣ даетъ самъ характеристику своего труда, заявляя: «то, что мы предлагаемъ публикѣ, не есть плодъ долговременныхъ трудовъ», что и подтверждается содержаніемъ всей книги, представляющей не безпристрастное изложеніе историческихъ данныхъ, но крайне одностороннее ихъ освѣщеніе.

Малахія Орманіанъ стремится во что бы то ни стало убѣдить читателя, что армянская церковь есть самостоятельная христіанская, получившая не-

Библиотека "Руниверс"

посредственное апостольское происхожденіе, такъ же, какъ церкви греческая и римская.

Подобное стремленіе возбуждаетъ у читателя сразу нѣкоторое сомнѣніе въ дѣйствительности историческаго факта, тѣмъ болѣе, что авторъ, говоря о происхожденіи армянской церкви, начинаетъ съ указанія на отсутствіе вообще первоисточниковъ, которые могли бы освѣтить намъ дѣянія апостоловъ и апостольскую дѣятельность, взятую въ цѣломъ, и ссылается, какъ на примѣръ въ этомъ отношеніи, на церковь римскую, которая, говоритъ онъ, «вынуждена бороться съ тѣми же затрудненіями, когда приходится доказывать пребываніе святого Петра въ Римѣ» (стр. 9).

Нельзя не сознаться, что за этимъ какъ бы чувствуется нѣкоторая неувѣренность въ защищаемомъ положеніи.

Между тѣмъ Малахія Орманіанъ во всемъ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи старается убѣдить читателя также въ томъ, что армянская церковь есть не только самостоятельная, но и наихристіаннѣйшая въ сравненіи съ греческой и римской. Нѣтъ необходимости, по нашему мнѣнію, приводить доказательства выдержками изъ книги указанныхъ ея особенностей, такъ какъ эти доказательства находятся на каждой страницѣ книги и составляютъ ее въ цѣломъ.

Въ концѣ книги авторъ не менѣе также превозноситъ армянскій народъ, описывая его національный характеръ. По представленной Малахіей Орманіаномъ характеристикѣ армянъ, лучшаго народа нѣтъ на свѣтѣ, и, по словамъ автора, армяне въ высшей степени способствовали процвѣтанію Россіи и Турціи (187 стр.).

Понятно, при такомъ общемъ направленіи своего историческаго сочиненія авторъ не могъ не сказать объ опасности для армянскаго народа со стороны Россіи, указывая примѣромъ Грузію, которая, говоритъ онъ, утратила свою національную обособленность съ сліяніемъ грузинской церкви съ русскою.

Вслѣдствіе отмѣченной нами тенденціозности всей разсматриваемой книги она никакъ не можетъ быть признана полезнымъ руководствомъ для желающихъ ознакомиться съ исторіей армянской церкви и ея настоящимъ положеніемъ.

Подобное изложеніе не соотвѣтствуетъ достоинству историческаго сочиненія, и ясно, что Малахія Орманіанъ писалъ свою книгу сгоряча и что она, дѣйствительно, не есть плодъ долговременныхъ трудовъ автора.

Б. Г—въ.

Очеркъ развитія народной школы въ Костромской губерніи. Кострома. 1913. Стр. 82+XXXVI. Цѣна не обозначена.

Настоящій очеркъ развитія народной школы въ Костромской губерніи, обязанный своимъ появленіемъ въ свѣтъ отпразднованному трехсотлѣтнему юбилею царствованія дома Романовыхъ, составленъ по архивнымъ даннымъ С. Д. Мошковымъ, инспекторомъ костромскихъ народныхъ училищъ, подъ редакціей директора тѣхъ же училищъ И. П. Виноградова и при содѣйствіи

Библиотека "Руниверс"

нѣкоторыхъ мѣстныхъ преподавателей. Вся книга по содержанію дѣлится на двѣ части. Въ первой дается исторія развитія народной школы въ Костромскомъ краѣ до введенія земскихъ учрежденій. Вторая часть посвящена народному образованію за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ и, согласно различнымъ типамъ начальныхъ училищъ и въ связи съ продолжительностью обученія въ нихъ, раздѣлена въ «Очеркѣ» на три главы, повѣствующія о школахъ повышеннаго типа, т.-е. уѣздныхъ, городскихъ и высшихъ начальныхъ училищахъ, о двуклассныхъ и одноклассныхъ начальныхъ училищахъ въ городахъ, посадахъ, селахъ и деревняхъ. Четвертая глава этой части, подводя итоги всему сказанному, даетъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ участіи въ школьномъ дѣлѣ общественныхъ учрежденій, фабрикъ и частныхъ лицъ, а также краткую схему движенія школьнаго дѣла за послѣдующій періодъ. Въ обширныхъ приложеніяхъ имѣются данныя о школахъ церковно-приходскихъ, обстоятельно составленныя статистическія таблицы, карты и прочія заключающія въ себѣ любопытный матеріалъ свѣдѣнія. Въ общемъ настоящій очеркъ представляетъ интересъ, какъ тщательное собраніе источниковъ для исторіи русскаго народнаго образованія.

М. М. М.

Протоколы засѣданій и сообщенія членовъ туркестанскаго кружка любителей археологіи (11-го декабря 1912 г.—1-го апрѣля 1913 г.) Гор. Ташкентъ. 1913 годъ.

Передъ нами прекрасно изданная брошюра, содержащая протоколы туркестанскаго кружка любителей археологіи за первую половину текущаго года, снабженная отчетливо исполненными снимками съ различныхъ предметовъ быта, памятниковъ и мѣстностей, замѣчательныхъ въ археологическомъ отношеніи. Туркестанскій кружокъ археологовъ, вступающій нынѣ въ семнадцатый годъ своего существованія, былъ созданъ по иниціативѣ бывшаго туркестанскаго генералъ-губернатора барона Б. А. Вревскаго для собиранія, описанія и изученія находимыхъ въ краѣ слѣдовъ и памятниковъ древне-арійской культуры. Впослѣдствіи кружокъ значительно расширилъ задачи своей дѣятельности и не только занимался памятниками древнѣйшей арійской культуры, но и посвятилъ много труда описанію, собиранію и изслѣдованію мусульманскихъ древностей, остатковъ древне-тюркской и арабской культуръ. Особенно цѣнны были работы членовъ кружка по разысканію и описанію древнихъ надписей, древнихъ сооруженій, предметовъ культа, домашняго быта, рукописей мусульманской эпохи и т. п. въ предѣлахъ Туркестанскаго края.

Между прочимъ, членамъ кружка Н. П. Остроумову и И. Т. Пославскому принадлежитъ честь выясненія, на страницахъ протоколовъ кружка, значенія глиняныхъ гробовъ-оссуаріевъ, въ значительномъ количествѣ находимыхъ въ Туркестанѣ—слѣдовъ погребальнаго культа послѣдователей маздеизма; другому члену кружка, нынѣ покойному Пантусову, кружокъ обязанъ описаніемъ остатковъ древняго христіанства въ краѣ—намогильныхъ памятниковъ несторіанскихъ кладбищъ, имъ же найденныхъ около Пишпека, Токмока и друг.

Библиотека "Руниверс"

мѣстностяхъ. Особенно живой и плодотворной была дѣятельность членовъ кружка за время предсѣдательствовавія Н. П. Остроумова, сумѣвшаго привлечь для участія въ трудахъ кружка такихъ знатоковъ-оріенталистовъ, какъ баронъ Розенъ, Бартольдъ и другъ.

Въ разсматриваемыхъ протоколахъ также есть нѣсколько любопытныхъ для мѣстной археологіи замѣтокъ и статей, а именно: А. А. Семенова—о рѣдкой и, къ сожалѣнію, лишь случайной находкѣ въ развалинахъ Джорджаніи, древней Гурканѣ, столицѣ страны Гирканіи, различныхъ предметовъ матеріальной культуры, свидѣтельствующихъ о высокомъ промышленномъ развитіи этой страны, употреблявшей граненую стеклянную посуду тонкой выдѣлки и отличнаго качества фарфоръ. Далѣе нельзя пройти молчаніемъ статью г. Кастанье о слѣдахъ въ Туркестанѣ любопытнаго древняго культа змѣй, а также статью А. А. Семенова о любопытномъ «лицевомъ изразцѣ», присланномъ Н. С. Лыкошинымъ изъ Кукя Ургенчи (Хива). На этомъ изразцѣ, несомнѣнно относящемся къ домусульманской эпохѣ, имѣется изображеніе двухъ мужчинъ, судя по одѣянію и типу—буддійскихъ жрецовъ, съ длинными волосами и клинообразными бородами. Но самаго большого вниманія, безспорно, заслуживаетъ талантливо написанная статья г. Милованова по поводу раскопокъ обсерваторіи Улугъ-Бека, дающая точное понятіе объ астрономическихъ познаніяхъ самаркандскихъ астрономовъ и выясняющая крупное значеніе Улугъ-Бека для науки астрономіи.

Отъ души пожелаемъ мѣстнымъ археологамъ дальнѣйшаго успѣха въ ихъ плодотворной дѣятельности по собиранію, описанію и изученію слѣдовъ и памятниковъ одна другую смѣнявшихъ культуръ древняго Туркестана, для выясненія его великаго и яркаго прошлаго. **В. М.**

Б. Л. Сегаль. Пространный еврейскій катехизисъ. Изданіе девятое, исправленное и дополненное. Спб. Цѣна 1 руб.

То, что настоящій учебникъ выдержалъ девять изданій, уже доказываетъ распространенность его среди евреевъ и симпатіи къ нему послѣднихъ.

Намъ разсматриваемая книга представляется также весьма полезной для обученія еврейской молодежи, какъ заключающая въ себѣ изложеніе религіозно-нравственныхъ обязанностей еврея, установленныхъ закономъ Моисеевымъ, безъ внесенія какихъ-либо расовыхъ предразсудковъ. Правда, обрядовая сторона занимаетъ довольно значительное мѣсто въ катехизисѣ, но она ограничивается лишь требованіями упомянутаго закона.

Догматическая часть катехизиса во многихъ случаяхъ напоминаетъ православный катехизисъ Филарета. Многіе стихи Библіи, приведенные въ послѣднемъ, помѣщены и Сегалемъ въ своемъ катехизисѣ.

Помѣщенный Сегалемъ отдѣлъ относительно обязанностей еврея по отношенію къ Богу и въ которомъ говорится о Богѣ не только какъ о Богѣ страха, но и любви, является особенно важнымъ въ томъ отношеніи, что по Библіи, въ противоположность Евангелію, Богъ представляется какъ бы только Бо-

Библиотека "Руниверс"

гомъ страха для человѣка. Однако въ Библіи есть немало мѣстъ, гдѣ говорится о Богѣ любви, что авторомъ и отмѣчено въ своемъ трудѣ.

Обращаетъ вниманіе также отдѣлъ относительно обязанностей еврея по отношенію къ ближнему, въ которомъ юноша наставляется любви къ каждому ближнему, какъ къ самому себѣ, т.-е. подобно тому, какъ заповѣдано о томъ въ Евангеліи.

Вообще настоящій учебникъ должно признать прекраснымъ учебно-воспитательнымъ руководствомъ для еврейской учащейся молодежи и полезнымъ для ознакомленія съ нимъ тѣхъ изъ евреевъ, которые придерживаются крайнихъ сторонъ своей вѣры, обращаютъ главное вниманіе на обрядность и отличаются другими различными предразсудками своей расы.

Б. Гр—въ.

Итоги землеустройства. Изданіе канцеляріи комитета по землеустроительнымъ дѣламъ. Спб. 1912. Цѣна 1 р. 50 к.

«Итоги землеустройства» это альбомъ художественно исполненныхъ діаграммъ и картограммъ съ объяснительнымъ къ нимъ текстомъ. Итоги сведены въ пятилѣтіе 1907—1911 годахъ и даютъ интересный отчетъ о произведенныхъ работахъ. Землеустройство охватило въ сорока семи губерніяхъ площадь въ двадцать милліоновъ десятинъ или почти въ двѣсти тысячъ квадратныхъ верстъ, то есть территорію, которая, какъ показываетъ одна изъ діаграммъ, равняется трети всей Австро-Венгріи и двумъ пятымъ Германіи или Франціи. Землеустройство велось групповое и единоличное. Таблица VIII показываетъ, что единоличное землеустройство преобладаетъ на западѣ и югѣ, тогда какъ сѣверо-восточныя губерніи являются райономъ по преимуществу группового землеустройства. Послѣднее состоитъ изъ работъ по раздѣлу земель между селеніями и частями селеній, выдѣлу земель подъ выселки, разбивкѣ общинныхъ земель въ цѣляхъ перехода къ многополью, разверстанію черезполосности надѣльныхъ земель съ землями частныхъ владѣльцевъ и раздѣлу общности пользованія крестьянъ съ частными владѣльцами. Въ общемъ групповое землеустройство занимаетъ второстепенное мѣсто: «конечная цѣль землеустройства заключается въ предоставленіи каждому домохозяину принадлежащей ему земли въ видѣ сведеннаго въ одну межу, въ удобныхъ границахъ, самостоятельнаго участка». Выдѣлу участковъ единоличнаго владѣнія посвящается поэтому особенно много таблицъ.

Землеустройство—большое государственное дѣло, охватывающее разнообразныя культурныя работы, направленныя къ общему улучшенію условій крестьянскаго хозяйства и крестьянской жизни. Здѣсь агрономическія работы, различныя меліораціи, огнестойкое строительство. Данныя о ростѣ и организаціи этихъ работъ также имѣются въ таблицахъ. Такимъ образомъ, «Итоги» легко и пріятно вводятъ интересующагося въ сущность дѣла и всесторонне его съ нимъ знакомятъ. «Итоги» ничего не восхваляютъ и не порицаютъ: это прежде всего—отчетъ. Правда, отчетъ этотъ изданъ роскошно и не безъ гордости за исполненныя работы, такъ, по крайней мѣрѣ, складывается впечатлѣніе по внѣш-

Библиотека "Руниверс"

нему виду обложки съ ея двуглавымъ царственнымъ орломъ и красивыми письменами заголовка. Этой внѣшности соотвѣтствуетъ благородная объективность содержанія. Изъ него почерпнешь матеріалъ и для оптимизма, хотя бы по поводу прогрессирующаго удешевленія работъ (таблица XIX), и для скептическихъ замѣчаній, хотя бы при видѣ таблицы XVI, свидѣтельствующей, что продажа казенныхъ земель въ Европейской Россіи (по указу 27-го августа 1906 г.) явилась въ дѣлѣ землеустройства крестьянъ весьма несущественнымъ палліативомъ. **Г. Гинсъ.**

«Вѣкъ Возрожденія». Историческія сцены графа Гобино. Переводъ съ французскаго Н. Горбова. М. 1913. Стр. XIII+365. Цѣна 2 р. 25 коп.

Книга графа Гобино безусловно столь же содержательна и учена, какъ и интересна. Авторъ беретъ одну изъ любопытнѣйшихъ эпохъ въ мировой исторіи человѣчества и передаетъ рядъ драматическихъ сценъ изъ нея. Передъ читателемъ выступаютъ такія лица, какъ Іеронимъ Савонарола съ его пламенной проповѣдью противъ испорченности людей и мученической кончиной, Маккіавелли съ его беззастѣнчивыми совѣтами практической политики, знаменитое семейство Борджіа, запятнавшее себя всевозможными преступленіями; папа Юлій II съ его пламеннымъ стремленіемъ къ украшенію вѣчнаго города; преемникъ Юлія на престолѣ святого Петра Левъ X, оказывавшій горячее покровительство гуманистамъ и представителямъ искусства—Рафаэлю, Микель Анджелло и т. д. На ряду съ этими крупными историческими фигурами авторъ даетъ рядъ живо написанныхъ бытовыхъ сценокъ изъ повседневной жизни избраннаго имъ времени. Все изложеніе основано на самомъ тщательномъ изученіи источниковъ эпохи: нѣтъ почти ни одной даже самой мелкой подробности текста, которая бы не могла быть подтверждена ссылкой на тотъ или иной подлинный документъ того времени. Переведена книга весьма старательно. Г. Горбовъ, судя по всему, не только долженъ хорошо знать французскій языкъ, но, что гораздо важнѣе, прекрасно изучилъ и самую эпоху возрожденія, какъ показываетъ недавно вышедшій и, можетъ быть, еще недостаточно оцѣненный оригинальный трудъ его о Донателло. Непонятно только, почему г. Горбовъ употребляетъ несогласную съ итальянскимъ произношеніемъ форму ««Бресчіа».

Желая книгѣ графа Гобино возможнаго успѣха среди широкихъ круговъ русскихъ читателей, мы, къ крайнему сожалѣнію, позволяемъ себѣ сомнѣваться, чтобы она нашла себѣ этотъ успѣхъ. Виноваты въ этомъ отчасти авторъ, отчасти переводчикъ. Перваго можно упрекнуть за ту внѣшнюю форму, которую онъ придалъ своему почтенному труду. Это отдѣльныя и къ тому же крайне отрывочныя сцены, иногда даже со многими дѣйствующими лицами; но эти сцены никогда не могутъ претендовать на то, чтобы быть игранными въ театрѣ. Всякій согласится, что произведеніе съ такой внѣшней формой отнюдь не можетъ ею привлечь къ себѣ читателей. Что же касается г. Горбова, то онъ черезчуръ оптимистично смотритъ на распространенность среди нашей публики свѣдѣній объ эпохѣ «возрожденія» и потому не снабдилъ своего

Библиотека "Руниверс"

перевода никакими объяснительными примѣчаніями, оставивъ даже не переведенными нѣкоторыя латинскія цитаты; говоря короче, написанную для немногихъ знатоковъ предмета книгу онъ не постарался сдѣлать доступной многимъ. **А. М—нъ.**

А. Серафимовичъ. Городъ въ степи. Романъ. Спб. 1913.

Вышелъ отдѣльнымъ изданіемъ романъ Серафимовича «Городъ въ степи», печатавшійся въ прошломъ году на страницахъ «Современнаго Міра».

Романъ прошелъ не замѣченнымъ ни читателемъ, ни критикою; въ немъ нѣтъ ни яркихъ красокъ, ни обжигающей мысли, ни захватывающаго, волнующаго содержанія. Серафимовичъ и въ этомъ первомъ своемъ романѣ не ушелъ изъ той сферы, которую облюбовалъ въ своихъ разсказахъ.

Онъ далъ не романъ, а рядъ картинокъ съ натуры, не связавъ ихъ общностью мысли, не наложивъ на нихъ печати своего индивидуальнаго «я».

Его романъ—поразительно вѣрная фотографія жизни въ степномъ поселкѣ, ея грязи, мелкости, пошлости, но только фотографія.

Серафимовичъ передалъ то, что онъ видѣлъ, но увидѣлъ онъ не болѣе того, что увидѣть могли бы мы всѣ, и что мы, по большей части, уже видѣли.

Онъ рисуетъ картину трактирной оргіи, сцену расправы рабочихъ съ хозяиномъ, сожительство дочери съ отцомъ, рисуетъ фотографически, не блестя особою яркостью красокъ,—но кто же изъ насъ не видалъ трактирныхъ оргій, кто не знаетъ, что рабочіе антагонируютъ съ работодателемъ, что дочери сожительствуютъ съ отцами?

Серафимовичъ не указалъ ни одной новой черты жизни пролетаріата, у него нѣтъ и тѣни того глубокаго проникновенія въ душу человѣка, которая отличала, напримѣръ, Достоевскаго.

Трактирщикъ Захаръ или дочь его Кира остаются для насъ такими же загадочными, какими они были и на первыхъ страницахъ романа; Серафимовичъ не приподнялъ завѣсы, не показалъ намъ дна ихъ души, ихъ переживаній.

«Городъ въ степи»—чисто внѣшнее фотографированіе дѣйствительности, но фотографія не искусство и фотографъ—не художникъ.

Б. Вар—ій.

Средневѣковье въ его памятникахъ. Сборникъ переводовъ подъ редакціей Д. Егорова. Москва. 1913.

Московскіе педагоги задались прекрасной цѣлью дать для средней школы хрестоматію, состоящую изъ отрывковъ, взятыхъ изъ законодательныхъ памятниковъ и средневѣковыхъ писателей. Въ подлинникахъ всѣ эти источники, написанные на своеобразномъ латинскомъ языкѣ, представляютъ большую трудность для студентовъ, а для гимназистовъ они совершенно недоступны. Въ переводахъ ученики старшихъ классовъ могутъ познакомиться съ духомъ и ха-

Библиотека "Руниверс"

рактеромъ средневѣковья по хроникамъ, письмамъ и различнаго рода документамъ. Матеріалъ подобранъ умѣло; переводы сдѣланы хорошо, и въ рукахъ опытнаго и знающаго преподавателя московскій сборникъ принесетъ большую пользу, особенно въ ближайшемъ будущемъ, когда въ гимназіяхъ окончательно введены будутъ новыя расширенныя программы исторіи. **П. Б.**

М. Н. Швецовъ. Изъ прошлаго. Историко-литературные очерки. Вологда. 1913. Стр. 69 Цѣна 30 коп.

Маленькая книжка М. Н. Швецова содержитъ собственно одинъ историко-литературный очеркъ, представляющій обозрѣніе вологодской печати и мѣстной литературы. Здѣсь даются свѣдѣнія о многихъ писателяхъ-вологжанахъ, природныхъ или неволею попавшихъ въ сѣверное захолустье. Такъ, сообщается о жизни и литературной дѣятельности В. И. Соколовскаго, въ одно время съ Н. И. Надеждинымъ раздѣлявшаго горькую участь ссыльнаго, о П. И. Савваитовѣ, П. А. Дилакторскомъ, В. И. Красовѣ, имя котораго попадалось подъ стихотвореніями во всѣхъ альманахахъ тридцатыхъ-сороковыхъ годовъ, П. А. Обнорскомъ, Ѳ. П. Савиновѣ, Е. И. Чернобаевѣ и многихъ другихъ. Подобные очерки, посвященные мѣстнымъ литературамъ, представляютъ большой интересъ не только для общества даннаго города, особенно, если они заключаютъ въ себѣ не голое перечисленіе именъ и названій сочиненій, а отражаютъ мѣстную жизнь и умственные интересы. Книжка г. Швецова, излагающаго факты во многихъ случаяхъ въ качествѣ современника-мемуариста, отчасти удовлетворяетъ послѣднему требованію.

Къ сожалѣнію, книжка не лишена нѣкоторыхъ недостатковъ, свойственныхъ всякой «мѣстной» литературѣ. Напримѣръ, изложивъ свѣдѣнія о Дилакторскомъ (ум. 1910 г.), авторъ вдругъ переходитъ къ К. Н. Батюшкову и В. И. Красову (ум. 1855 г.) или сообщаетъ, что вологжанинъ Савиновъ служилъ въ Москвѣ не болѣе и не менѣе, какъ... «клеркомъ»! Это немного напоминаетъ сумароковскаго москвича господина Оронта, заключающаго для московскихъ жителей XVIII вѣка брачные контракты.

В. Даниловъ.

Я. Перельманъ.—Занимательная физика. 140 парадоксовъ, задачъ, опытовъ, замысловатыхъ вопросовъ и проч. Съ 160 рисунками въ текстѣ. Изд. П. Сойкина. 1913. Стр. 221+VII. Ц. 1 р.

Въ книгѣ подобнаго рода давно чувствовалась потребность въ нашей педагогической и общеобразовательной литературѣ. Немногочисленныя «занимательныя физики», появлявшіяся у насъ до сихъ поръ, сводились обыкновенно къ подражаніямъ или передѣлкамъ извѣстной подобной же французской физики Тиссандье, т. е. давались сборники физическихъ опытовъ, производимыхъ, такъ сказать, «домашими средствами». При ближайшемъ разсмотрѣніи, однако, оказывается, что для производства большинства этихъ опытовъ «домашнихъ средствъ» или не хватаетъ, или они должны быть настолько велики, что, во ся-

Библиотека "Руниверс"

комъ случаѣ, не подъ силу поднимающей своихъ дѣтей русской семьѣ средняго достатка, не говоря уже о людяхъ бѣдныхъ, Этотъ недостатокъ иные (напримѣръ, «Чудеса безъ чудесъ» г. Нечаева) усугубляютъ еще тѣмъ приторно-слащавымъ изложеніемъ, которое считаютъ почему-то подходящимъ и занимательнымъ для дѣтей и юношества. На другой и болѣе сообразный съ условіями нашего быта путь вступилъ г. Перельманъ. Не гоняясь за физическими опытами, требующими истощенія не малыхъ «домашнихъ средствъ» для полученія весьма незначительныхъ результатовъ, составитель на первый планъ выдвинулъ изъ области начальной физики вопросы, задачи и парадоксы, могущіе служить цѣлямъ общаго умственнаго развитія и расширенія кругозора по естествознанію. Съ любовью и знаніемъ подобранный матеріалъ, съ одной стороны, можетъ служить прекрасной иллюстраціей ко многимъ отдѣламъ школьной физики, какъ: сложеніе и разложеніе силъ и движеній, сопротивленіе среды, свойства жидкостей и газовъ, теплота, свѣтъ, зрѣніе, звукъ и т. д. Съ другой стороны, въ книгѣ затронуты вопросы, обычно въ учебникахъ не излагаемые, какъ: теорія бумеранга, о солнечномъ восходѣ, «какъ видятъ рыбы» т. и п. Простое и изящное изложеніе составителя разнообразится кое-гдѣ беллетристическими отрывками, затрагивающими физическіе вопросы, такихъ мастеровъ слова, какъ Эдгаръ По, К. Фламмаріонъ и друг. Область, въ которую вступилъ г. Перельманъ, неисчерпаема; и одной книгой «занимательной физики» ограничиваться нельзя. Мы настоятельно совѣтовали бы автору продолжить свой столь удачно начатый трудъ выпускомъ еще новой книги или даже книгъ. Въ успѣхѣ и распространеніи такихъ сборниковъ сомнѣваться нельзя. И вмѣстѣ съ родственными по духу математическими книгами «Въ царствѣ смекалки» г. Игнатьева «Занимательная физика» г. Перельмана навѣрное займетъ почетное мѣсто на полкѣ каждаго любителя просвѣщенія. **Л. О.**

Гастонъ Буассье. Картины римской жизни временъ Цезарей. Переводъ съ 6-го французскаго изданія Н. Н. Спиридонова. Изданіе книжнаго магазина К. Н. Николаева. М. 1913. Стр. 385. Ц. 1 р. 25 к.

Оригиналъ настоящей книги, носящей въ подлинникѣ заглавіе «L'opposition sous les Césars» (Оппозиція при Цезаряхъ), появился еще въ 1876 году и тогда же вызвалъ обстоятельный разборъ на страницахъ «Вѣстника Европы» (1876, т. I, стр. 374—409). Въ 1896 году книга была переведена по-русски Е. В. Дегеномъ въ изданіи О. Н. Поповой. Разумѣется, любители научно-популярной литературы и теперь прочтутъ съ интересомъ и удовольствіемъ блестящія страницы извѣстнаго французскаго ученаго, посвященныя изложенію общественнаго недовольства правительствомъ древняго Рима въ I вѣкѣ нашей эры. Но не надо забывать, что за періодъ времени съ 1876 года и до 1913 года наука изученія античнаго міра сдѣлала колоссальные успѣхи, и потому теперь въ книгѣ Буассье многое оказывается не только устарѣлымъ, но и невѣрнымъ. Считаемъ излишнимъ распространяться о достоинствахъ перевода г. Спиридонова: они тѣ же, что и въ вышедшей въ 1895 году передачѣ имъ классическаго труда Фюстель де-Куланжа «La cité antique». **А. М—нъ.**

Библиотека "Руниверс"

Въ редакцію „Историческаго Вѣстника“ поступили съ 15 сентября по 15 октября для отзыва слѣдующія книги [1]).

Юридическія Извѣстія. 1913 г. № 1. Изданіе кружка студентовъ-юристовъ императорскаго юрьевскаго университета. Юрьевъ, Лифл. г. Стр. 40. Ц. 25 к.

Полезное справочное изданіе. Имѣетъ цѣлью давать указанія русскихъ книгъ и журнальныхъ статей по гражданскому праву и обозрѣніе текущаго законодательства и судебной практики по гражданско-правовымъ вопросамъ.

Полное собраніе сочиненій и писемъ И. С. Никитина. Томъ второй. Подъ редакціей, съ біограф. очеркомъ, статьями и примѣчаніями А. Г. Фомина. Вступ. статья Ю. И. Айхенвельда. Изданіе т-ва «Просвѣщеніе». Спб. 1913. Стр. 407. Ц. 1 р. 25 к.

Свящ. І. Жиловъ. Что говорятъ знаменитые люди о Библіи? Изданіе второе, исправленное и дополненное. Юрьевъ. 1913. Стр. 96. Ц. 45 к.

О. Жиловъ, составитель извѣстнаго «Сборника поэтическихъ произведеній по исторіи христіанской церкви», съ большимъ стараніемъ собралъ мнѣнія о благотворномъ вліяніи Библіи и любви къ ея чтенію у естествоиспытателей, врачей, философовъ, историковъ, поэтовъ, художниковъ и т. д. Пріятно видѣть, что всѣ свѣдѣнія выбраны изъ надежныхъ источниковъ. Желательно только въ будущихъ изданіяхъ раздѣлить русскихъ и иностранцевъ, иначе страннымъ кажется, напр., сопоставленіе Сковороды съ Орчардомъ. Къ книгѣ приложены два указателя: именной и предметный.

А. Н. Муравьевъ. Преп. Ѳерапонтъ и Мартиніанъ, бѣлозерскіе чудотворцы и основанный ими Ѳерапонтовъ монастырь. Кирилловъ. 1913. Стр. 64. Ц. 30 к.

Библіографическія извѣстія. Журналъ, издаваемый русскимъ библіографическимъ обществомъ при императорскомъ московскомъ университетѣ. Москва. 1913. № 1. Стр. 87. Ц. 75 к.

Описаніе чудесъ, совершившихся передъ чудотворною иконою Божьей Матери «Въ скорбехъ и печалехъ утѣшеніе», находящейся въ русскомъ на Аѳонѣ

---

[1]) Открывая въ журналѣ ежемѣсячный справочный листокъ о новыхъ, поступившихъ въ редакцію «Истор. Вѣстн.» книгахъ, редакція проситъ гг. издателей, и завѣдующихъ книжными магазинами присылать въ журналъ свои новыя изданія, перечень которыхъ и будетъ дѣлаться въ листкѣ, съ указаніемъ страницъ и стоимости поступившаго изданія.

Библиотека "Руниверс"

св. Андреевскомъ общежительномъ скитѣ. 4-е дополненное изданіе. Одесса. 1913. Стр. 147. Ц. 15 к.

Извѣстія одесскаго библіографическаго общества при императорскомъ новороссійскомъ университетѣ. Т. II. Вып. 6. Одесса. 1913. Стр. 47. Ц. 25 к.

Б. Б. Глинскій. Среди литераторовъ и ученыхъ. Біографіи, характеристики, некрологи, воспоминанія, встрѣчи. Съ 31 портретомъ. Спб. 1914. Стр. VI+570. Ц. 3 р.

В. Жирмунскій. Нѣмецкій романтизмъ и современная мистика. Спб. 1914. Стр. 206. Ц. 1 р. 25 к.

Юрій Николаевъ. Въ поискахъ за божествомъ. Очерки изъ исторіи гностицизма. Спб. 1913. Стр. 526. Ц. 3 р.

В. Ульбрихъ. Организація сельскохозяйственнаго кредита въ Россіи неотложна! Спб. 1913. Стр. 226. Ц. 1 р. 50 к.

Матеріалы «Отечественная война 1812 г.» тома XIX и XX. Изданіе главнаго управленія генеральнаго штаба.

Анатолій Егоровъ (Конспаровъ). Страницы изъ прошлаго. 1842—1906 г.г. Т. I и II. Одесса. 1913. Стр. 254—317. Цѣна каждаго тома по 1 р. 25 к.

Г. Гинсъ. Переселеніе и колонизація. Вып. II. Земельная политика въ колоніяхъ. Спб. 1913. Стр. 65. Ц. 50 к.

Второй выпускъ «Переселеніе и колонизаціи» Г. К. Гинса повѣствуетъ объ обезпеченіи землей мѣстнаго, а также и туземнаго населенія, объ основаніяхъ предоставленія земель колонистамъ, о правахъ колонистовъ и государства и о формахъ поземельнаго оборота въ колоніяхъ. Составленная по многочисленнымъ источникамъ, брошюра г. Гинса читается съ большимъ интересомъ и много помогаетъ разобраться въ переселенческомъ вопросѣ.

Проф. П. Е. Казанскій. Власть всероссійскаго императора. Очерки дѣйствующаго русскаго права. Одесса. 1913. Стр. XL+930. Ц. 6 р.

С. И. Матвѣевъ. Краткая исторія Злотоустовскаго Воскресенскаго единовѣрческаго мужского монастыря Уфимской губерніи Златоустовскаго уѣзда. Уфа. 1913. Стр. 29. Цѣна не обозначена.

Составленная г. Матвѣевымъ исторія названнаго выше монастыря интересна тѣмъ, что эта обитель является духовнымъ центромъ всего уральскаго единовѣрчества и выпускаетъ изъ своихъ стѣнъ псаломщиковъ и священниковъ, обученныхъ «древнемъ чину». Тщательно составленная и легко читаемая брошюра г. Матвѣева можетъ служить недурнымъ справочникомъ о прошломъ монастыря. Къ книгѣ приложенъ общій видъ обители.

В. И. Поповъ. Исторія русскаго серебрянаго рубля въ связи съ исторіей рисунка (Краткій очеркъ). Казань. 1913. Стр. 15. Цѣна не обозначена.

Брошюрка г. Попова имѣетъ цѣлью познакомить читателя съ происхожденіемъ и исторіей нашего серебрянаго рубля и попутно сообщаетъ свѣдѣнія объ исторіи рисунка этого рубля. Изложеніе слишкомъ бѣгло и сухо для широкой массы читателей, спеціалисты же ничего новаго въ ней не найдутъ. Книжка украшена нѣсколькими иллюстраціями.

П. Р. Фурманъ. Саардамскій плотникъ. Историческая повѣсть. Редакція В. П. Авенаріуса. Рисунки Р. Г. Шнейдера. Изданіе А. Д. Ступина. Москва. 1913. Стр. 113. Ц. 40 к.

И. М. Соловьевъ. Русскіе университеты въ ихъ уставахъ и воспоминаніяхъ современниковъ. Вып. первый: Университеты до эпохи 60-хъ годовъ. Спб. 1914. Кн—во «Энергія». Стр. 206. Ц. 1 р. 25 к.

Михаилъ Корелинъ. Ранній гуманизмъ и его исторіографія. Критическое изслѣдованіе. Т. II. Фр. Петрарка, его критики и біографы. Изданіе второе. Спб. 1914. Стр. IV+255. Ц. 1 р. 30 к. Т. III. Дж. Боккачіо, его критики и біографы. Стр. IV+168. Ц. 90 к.

П. С. Троицкій. Костромской край. Юбилейный сборникъ. 1613—1913. Иллюстрированное изданіе. Кострома. 1913. Стр. 163. Ц. 75 к.

Въ довольно живой формѣ г. Троицкій разсказываетъ о событіяхъ 1613 г. и даетъ попутно описаніе родины Романовыхъ — Костромского края, касаясь его со стороны историко-археологической, географической, въ связи съ исторіей его культурнаго развитія. Любопытны очерки о предкѣ Романовыхъ—А. И. Кобылѣ и анализъ сказаній о подвигѣ Ивана Сусанина.

Pierre Kouznietsov, docteur de l'Université de Paris. La lulle des civilisation et des langues dans l'Asie Centrale. Paris. 1912. Pag. 354. Prix: 8 franc.

Вл. Череванскій. Первая русская царица. Повѣсть изъ временъ Іоанна Грознаго. Спб. 1913. Стр. 234. Ц. 2 р. 50 к.

Е. И. Игнатьевъ. Начатки ариѳметики. Концентрическое руководство для обученія и самообученія, Часть первая: Ариѳметика цѣлыхъ чиселъ. —Подготовительныя понятія о дробяхъ Изд. Т—ва

Библиотека "Руниверс"

А. С. Суворина—«Новое Время». Спб. 1914. Стр. X+216. Ц. 60 к.

О. К. Зеленкова («**Вегетаріанка**»). «Я никого не ѣмъ!» 365 вегетаріанскихъ меню и руководство для приготовленія вегетаріанскихъ кушаній. Третье изданіе. Спб. 1913. Стр. VII+428. Ц. 2 р.

М. А. Россійскій. Стихотворенія. Москва. 1913. Стр. VII+95+III. Ц. 75 к.

Н. А. Хитьковъ. Показательный садикъ. Его воспитательное значеніе и организація. Руководство для родителей и воспитателей. Казатинъ. 1913. Стр. 80. Ц. 75 к.

Кн. Ѳ. Долгорукой. Долгорукіе, Долгоруковы и Долгорукіе-Аргутинскіе. Часть. II. Спб. 1913. Стр. 148. Цѣна не обозначена.

Кн. Ѳ. Долгорукой. Родословный сборникъ (съ гербами). Вып. V. Спб. 1913. Стр. 65. Цѣна не обозначена.

П. П. Гнѣдичъ. Ассамблея. Комедія въ 4 дѣйствіяхъ. Изданіе т-ва А. Ф. Марксъ. Спб. Стр. 90. Ц. 1 р.

Е. Балобанова. Пятьдесятъ лѣтъ назадъ. Воспоминанія институтки. Спб. 1913. Стр. 80. Ц. 50 к.

Ея же. Маръ-Ивонна. Изъ моихъ странствій и приключеній. Съ иллюстраціями. Изданіе 2-е. Спб. 1913. Стр. 137. Ц. 90 к. Пиренеи. Разсказы дядюшки Бертрана. Стр. 90. Ц. 70 к.—Шотландія. Изъ далекихъ лѣтъ. Стр. 154. Ц. 1 р. 10 к.

Юр. Бѣляевъ. Городокъ въ табакеркѣ. Разсказы. Миніатюры Юса. Спб. 1914. Изданіе Б. А. Суворина. Библіотека «Вечерняго Времени». Стр. 225. Ц. 1 р.

Ст. Гинтовтъ и А. Малеинъ. Титъ Ливій. Вторая Пуническая война. Спб. 1914. Стр. 182+152. Ц. 1 р. 30 к.

Избранныя мѣста изъ XXII—XXX книгъ Тита Ливія. Изданіе снабжено введеніемъ, излагающимъ ходъ войны, словаремъ собственныхъ именъ, планами сраженій и картами. Во второй части біографіи Тита Ливія оцѣнка его историческаго труда и филологическій комментарій къ тексту.

Г. Артуровъ. На жнивѣ смерти. Портъ-артурскіе разсказы. Москва. 1913. Стр. 224. Ц. 1 р.

«Русскія Вѣдомости». 1863—1913. Сборникъ статей. Москва. 1913. Стр. 312+230. Ц. 3 р.

В. Ѳ. Кроновичъ. Дни столѣтняго юбилея Отечественной войны въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ г. Тифлиса 25—30 августа 1912 г. Тифлисъ. 1913. Стр. 46. Цѣна не обозначена.

Проф. Ѳ. В. Благовидовъ. Четвертый годъ существованія перваго высшаго учебнаго заведенія на Кавказѣ. Тифлисъ. 1913. Стр. 36. Цѣна не обозначена.

Обстоятельный отчетъ проф. Ѳ. В. Благовидова разсказываетъ объ открытіи и развитіи высшихъ женскихъ курсовъ въ Тифлисѣ, подробно знакомитъ съ составомъ учащихъ и учащихся, съ его программами, учебными планами, наконецъ и съ административною и хозяйственною дѣятельностью курсовъ. Изъ отчета видно, что дѣло поставлено хорошо и приноситъ большую пользу далекой кавказской окраинѣ.

Указатель книгъ и статей отдѣла имени кн. Г. А. Потемкина по исторіи и современному состоянію Новороссійскаго края. Составила В. К. Ш. Херсонъ. 1913. Стр. 115. Цѣна не обозначена.

В. П. Семенниковъ. Собраніе, старающееся о переводѣ иностранныхъ книгъ, учрежденное Екатериной II. 1768—1783г. Историко-литературное изслѣдованіе. Спб. 1913. Стр. 98. Цѣна не обозначена.

Сборникъ статей въ честь Дмитрія Александровича Корсакова. По поводу 40-лѣтія его ученой и 50-лѣтія его ученолитературной дѣятельности. Казань. Изданіе книжнаго магазина М. А. Голубева. 1913. Стр. XIV+524. Ц. 3 р. 90 к.

Бюллетени литературы и жизни за 1912—13 годъ. Т. I. Литературный отдѣлъ. Стр. 1028. Т. II. Библіографическій отдѣлъ. Стр. 618. Цѣна на годъ—3 рубля.

В. Курбатовъ. Петербургъ. Художественно-историческій очеркъ и обзоръ художественнаго богатства столицы съ 315 иллюстраціями. Изданіе общины Св. Евгеніи. Спб. 1913. Стр. 659. Цѣна не обозначена.

Кострома. Историческій очеркъ С. К. Лукомскаго и описаніе памятниковъ художественной старины Г. К. Лукомскаго. Изданіе общины Св. Евгеніи Краснаго Креста. Спб. 1913. Стр. 401. Цѣна не обозначена.

Будущая война на морѣ и на сушѣ. Изъ «Essays und criticism» военнаго ежетрудника «Times». Извлекъ А. Вандамъ. Спб. 1913. Стр. 101. Ц. 1 р.

Уранусъ. Убійство Ющинскаго и каббала. Спб. 1913. Стр. 15. Ц. 30 к.

Сергѣй Гедройцъ. Вегъ (1910—1913). Стихотворенія. Изданіе цеха поэтовъ. Спб. 1913. Стр. 45. Ц 1 р.

Изъ 28 стихотвореній г. С. Гедройца наиболѣе интересны помѣщенныя въ концѣ сборника стихотворенія, почерпающія свое содержаніе изъ народныхъ представленій о вѣдьмахъ, чортяхъ, оборотняхъ и пр. Въ этихъ

Библиотека "Руниверс"

стихахъ чувствуется большая музыкальность и вѣрно уловленъ старопѣсенный ритмъ. Особенно хороша «Рождественская сказка». Издана книжка изящно, но очень разгонисто Цѣна высока.

«Энергія». Сборникъ первый подъ редакціей А. Амфитеатрова. Изданіе типолитогр. «Энергія». Спб. 1913. Стр. 428. Ц. 1 р. 50 к.

Н. Обольяниновъ. Русскіе граверы и литографы. Дополненіе къ «Словарю русскихъ граверовъ» Ровинскаго и «Описаніе нѣсколькихъ гравюръ и литографій» Тевяшова. Съ приложеніемъ 43 снимковъ. Москва. 1913.Стр. 74. Ц. 4 р.

«Вѣстникъ харьковскаго историко-филологическаго общества». 1913 г. Харьковъ. Вып. 4. Стр. 90. Ц. 50 к. Вып. 5. Стр. 84. Ц. 50 к.

Анатолій Павловъ. Грузинская легенда. Тифлисъ. 1913. Стр. 4. Цѣна не обозначена.

Лѣтопись историко-родословнаго общества въ Москвѣ. 1913. Вып. 1 и 2. Москва. Стр. 101. Цѣна за годъ съ перес. 5 руб.

М. Гернесъ, проф. вѣнскаго университета. Культура доисторическаго прошлаго. Часть I. Каменный вѣкъ. Перев. съ нѣм. подъ редакціей В. Н. Дьякова. Изданіе «Фаросъ». Москва. 1913. Стр. 139. Ц. 70 к.

І. Гунтеръ и Г. Ламеръ. Культура древняго Востока въ картинахъ. Перев. съ нѣм. подъ редакціей М. С. Сергѣева. Изданіе «Фаросъ». Москва. 1913. Стр. 95+68. Ц. 1 р. 50 к.

С. С. Никольскій. Методика элементарнаго курса исторіи. Оренбургъ. 1913. Стр. 96. Ц. 85 к.

Сообщивъ предварительно общія понятія объ исторіи, ея учебномъ курсѣ и его методикѣ, авторъ подробно останавливается на преподаваніи элементарнаго курса русской исторіи и сообщаетъ много свѣдѣній, особенно полезныхъ молодымъ преподавателямъ. Весьма цѣнны «приложенія», въ которыхъ г. Никольскій даетъ примѣрное содержаніе элементарнаго курса русской исторіи и списокъ книгъ для внѣкласснаго чтенія при прохожденіи этого курса.

Н. А. Ульяновъ и В. Н. Ульянова. Указатель журнальной литературы (алфавитный, предметный, систематическій). Выпускъ II. Москва 1913. Кн—ство «Наука». Стр. 215. Ц. 1 р. 50 к.

Н. А. Рубакинъ. Среди книгъ. Томъ II Кн—ство «Наука». Москва. 1913. Изданіе 2-е, дополненное и переработанное. Стр. XV+930+60. Ц. 4 р.

С. Городецкій. Старыя гнѣзда. Повѣсти и разсказы. Изданіе т—ва А. С. Суворина. Спб. 1914. Стр. 246. Ц. 1 р.

Андрей Сиротининъ. Россія и славяне. Спб. 1913. Стр. 607. Ц. 2 р. 95 к.

Николай Энгельгардтъ. Исторія русской литературы XIX столѣтія. Т. I. 1800—1850. Изданіе второе, исправленное и значительное дополненное. Изданіе Т—ва А. С. Суворина. Спб. 1913. Стр. XIV—622. Ц. 3 р.

Библиотека "Руниверс"

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

СЛѢДЫ древнѣйшаго на землѣ человѣка[1]).—Недавно въ археологическомъ мірѣ произошло событіе огромной научной цѣнности: недалеко отъ Лондона, въ графствѣ Эссексъ, найдены глубоко въ землѣ кости человѣка, которые являются древнѣйшими среди всѣхъ другихъ слѣдовъ существованія человѣка на землѣ.

Копая землю, рабочіе наткнулись на какой-то предметъ, который они сначала приняли за большой орѣхъ. Изъ любопытства они разбили его, но, не найдя тамъ ничего, бросили осколки въ сторону. Затѣмъ имъ попалось нѣсколько отесанныхъ кремней. Объ этихъ находкахъ случайно стало извѣстно ученому Чарльзу Даусону, который поспѣшилъ забрать съ собой странныя находки. Оказалось, что то, что рабочіе принимали за орѣхъ, было черепомъ. При дальнѣйшихъ раскопкахъ въ этомъ же мѣстѣ были найдены зубы доисторическаго слона и гиппопотама, обломки роговъ оленя и, наконецъ, человѣческая челюсть, принадлежавшая, повидимому, тому же черепу.

Песчаный слой, въ которомъ были сдѣланы эти находки, представляетъ собою отложенія, снесенныя съ мѣловыхъ скалъ и покрывшія собою первоначальный слой кремня. Находки эти, по мнѣнію геологовъ, являются современными этимъ напластованіямъ. Какъ извѣстно, ученые различаютъ въ образованіи земли четыре эпохи: первичную, характеризующуюся присутствіемъ

[1]) «North Americ. Rev.» Aug. 1913.

Библиотека "Руниверс"

водорослей, папоротниковъ и рыбъ, вторичную, въ которую уже попадаются гады, третичную, когда появляются лиственныя растенія и млекопитающія, и четвертичную, когда возникаютъ существующія теперь формы животныхъ существъ. Третичная формація подраздѣляется, въ свою очередь, еще на четыре эпохи, а четвертичная—на двѣ. Остатки млекопитающихъ встрѣчаются въ самую раннюю эпоху третичной формаціи, остатки же человѣкоподобныхъ обезьянъ попадаются лишь въ самомъ ея концѣ. Съ этого времени и слѣдуетъ начинать исторію человѣка на землѣ.

Указанія на нашихъ предковъ могутъ дать очертанія земли, климатъ, флора и фауна. Если бы можно было повернуть назадъ колесо времени и перенестись въ Англію третичной эпохи, то мы были бы удивлены странными очертаніями, которыя имѣли въ то далекое время Британскіе острова и вся Европа. Берега Атлантическаго океана отходили тогда гораздо дальше на западъ, и Британскіе острова были гораздо больше. Западная часть ихъ потомъ опустилась и въ настоящее время покрыта водой. Теперешнее Нѣмецкое море и Ламаншъ были тогда цвѣтущими долинами. Темза текла къ сѣверу, впадала въ Рейнъ и вмѣстѣ съ нимъ въ Атлантическій океанъ. Сена протекала на западъ вдоль теперешняго южнаго края Суссекса по плодоносной равнинѣ Ламанша. Средиземное море представляло собою два внутреннихъ моря, раздѣленныя перешейкомъ, который черезъ Италію и Сицилію соединялъ Европу съ Африкой. Животныя, обитавшія въ Африкѣ, легко могли переходить въ Южную Европу, а оттуда и въ ея сѣверныя части. Тутъ можно было встрѣтить огромныхъ мастодонтовъ, въ болотистыхъ мѣстахъ встрѣчались носороги, рогъ которыхъ имѣлъ болѣе трехъ футовъ длины. Въ холмистыхъ мѣстностяхъ бродили стада дикихъ лошадей, ростомъ не больше овцы. Гиппопотамы забирались въ рѣки, а тигры, въ поискахъ добычи, въ камыши.

Теперешняя «тропическая» флора начиналась гораздо сѣвернѣе, и въ Гренландіи росло болѣе восьми видовъ лиственныхъ растеній: дубы, липы, тополя, каштаны и т. п. Но въ самомъ концѣ третичной эпохи произошелъ какой-то катаклизмъ, почему-то наступило охлажденіе земли, и насталъ такъ называемый ледниковый періодъ. Жизнь на землѣ передвинулась къ югу.

Отложенія, въ которыхъ были найдены остатки древнѣйшаго человѣка, даютъ прекрасное понятіе о томъ времени, когда начиналось это перемѣщеніе жизни. Въ нихъ найдено пятьдесятъ шесть разновидностей растеній, которыя всѣ указываютъ на влажный и очень теплый климатъ, несвойственный уже Англіи. Изъ животныхъ встрѣчаются остатки гиппопотама, мастодонта, бизона, слона и т. п.

Въ 1897 году были найдены кремневыя орудія, носящія на себѣ слѣды человѣческой обработки. Опредѣлить въ годахъ отдаленность этой эпохи, конечно, весьма затруднительно, и геологи даютъ весьма разнорѣчивыя цифры. Если итти назадъ отъ нашего времени, то первымъ будетъ металлическій періодъ, характеризуемый употребленіемъ мѣди, бронзы и желѣза. Онъ занимаетъ періодъ въ четыре тысячи лѣтъ. Ему предшествовалъ вѣкъ, когда въ качествѣ орудій употреблялись простые полированные камни. Этотъ періодъ—неолитическій—тянулся около двадцати пяти тысячъ лѣтъ. Дальше земля прошла

Библиотека "Руниверс"

черезъ періодъ поздній палеолитическій, тянувшійся около полутораста тысячъ лѣтъ и непосредственно примыкавшій къ третичной эпохѣ. За это время человѣкъ научился обрабатывать камень и приготовлять изъ него нужныя для себя орудія. Ранній палеолитическій періодъ, по вычисленію ученыхъ, длился отъ двухсотъ до четырехсотъ тысячъ лѣтъ. Отъ этого періода дошли до насъ лишь крайне грубыя каменныя орудія. За этимъ періодомъ отсчитывается около ста тысячъ лѣтъ на эолитическій періодъ, зарю каменнаго вѣка. Камни, дошедшіе до насъ отъ этой эпохи, уже такъ грубы, что трудно усмотрѣть на нихъ слѣды какой бы то ни было обработки. Это, повидимому, слишкомъ ранняя эпоха для человѣка, и извѣстный ученый Мортиллье полагаетъ, что въ это время могъ водиться только обезьяноподобный общій предокъ людей и обезьянъ, но не человѣкъ. Въ этотъ періодъ предки теперешнихъ лошадей были восемнадцати вершковъ ростомъ и имѣли на каждой ногѣ по три пальца, а родоначальникъ нынѣшняго слона не превышалъ ростомъ домашнюю свинью.

Каменныя орудія, найденныя въ связи съ раскопками человѣка въ Суссексѣ, принадлежатъ двумъ культурамъ. Одни изъ нихъ принадлежатъ послѣднимъ стадіямъ палеолитической эпохи. Изъ числа этихъ каменныхъ орудій въ музеяхъ имѣются грубо обтесанные кремни въ родѣ двухсторонняго кинжала, приспособленные для держанія въ рукѣ безъ ручки. Такого рода кремневые кинжалы до нашего времени сохранились у дикихъ племенъ Тасманіи. Такимъ образомъ, присутствіе этихъ орудій около могилы человѣка, найденнаго въ Суссексѣ, не характерно для этого погребенія и не даетъ точки опоры при опредѣленіи времени, когда былъ похороненъ этотъ человѣкъ. Гораздо болѣе цѣнныя указанія въ этомъ смыслѣ даютъ «эолитическія» находки въ Суссексѣ. Сопоставляя ихъ съ тѣмъ, что до сего времени установлено болѣе или менѣе прочно въ наукѣ, археологи опредѣляютъ, что человѣкъ, похороненный въ Суссексѣ, жилъ, по крайней мѣрѣ, полмилліона лѣтъ тому назадъ.

Интересно сдѣлать нѣкоторыя сопоставленія между черепомъ этого первобытнаго человѣка и черепами теперешнихъ расъ. Черепъ европейца имѣетъ объемъ въ девяносто четыре кубическихъ дюйма, негра—восемьдесятъ пять дюймовъ, австралійца—семьдесятъ два дюйма. Объемъ черепа человѣковидныхъ обезьянъ всего лишь тридцать шесть дюймовъ. Въ 1857 году въ Рейнской долинѣ въ предѣлахъ Пруссіи были найдены остатки человѣка третичной эпохи. Извѣстный ученый Гексли призналъ его наиболѣе подходящимъ къ типу обезьяноподобныхъ и вычислилъ, что объемъ его черепа не превышаетъ семидесяти пяти кубическихъ дюймовъ. Когда затѣмъ черепъ этотъ былъ предъявленъ съѣзду нѣмецкихъ антропологовъ въ Боннѣ, то явилось сомнѣніе въ томъ, что этотъ черепъ принадлежитъ человѣку. Вирховъ, однако, высказался утвердительно, сдѣлавъ предположеніе, что малый объемъ и особенныя формы черепа могли явиться и результатомъ болѣзни и представляютъ случайное явленіе.

Послѣдующія открытія показали, что этотъ рейнскій человѣкъ принадлежитъ къ типу, который во время ледниковаго періода жилъ повсемѣстно въ Европѣ. Въ Бельгіи, возлѣ Спа, были найдены два скелета, почти полныхъ и современныхъ рейнскому человѣку. Такія же находки были сдѣланы въ Кроаціи, въ

Библиотека "Руниверс"

Гибралтарѣ и, наконецъ, въ Гейдельбергѣ, гдѣ была найдена челюсть, возбудившая въ свое время большое волненіе среди ученыхъ и поведшая къ большимъ спорамъ, или «процессу о челюсти», какъ выражаются англичане.

Эта челюсть найдена была въ 1907 году въ долинѣ рѣки Неккара въ песчаныхъ образованіяхъ ранней четвертичной формаціи. Тутъ же найдены были зубы носорога и кости лошади. Фауна, найденная въ этихъ образованіяхъ, оказывается почти одинаковой съ той, которая открыта теперь въ Суссексѣ.

Такимъ образомъ, суссекскій человѣкъ является древнѣйшимъ изъ всѣхъ найденныхъ учеными жителей Европы. Но онъ уступаетъ по древности тому человѣку, остатки котораго въ 1892 году нашелъ на островѣ Явѣ амстердамскій профессоръ Дюбуа. По нѣкоторымъ признакамъ, понятнымъ только ученымъ спеціалистамъ, остаткамъ этимъ не менѣе милліона лѣтъ, и существо, которому они принадлежатъ, занимало средину между низшимъ типомъ человѣка и человѣкоподобными обезьянами.

Суссекская находка возстановляетъ теперь звено, до сихъ поръ недоставшее наукѣ, и открываетъ новыя перспективы для науки. Явскій человѣкъ еще полуобезьяна, суссекскій уже настоящій человѣкъ, хотя и низкаго развитія. Разстояніе между ними полмилліона лѣтъ. Вотъ какое громадное пространство времени потребовалось, чтобы человѣкъ окончательно усвоилъ себѣ манеру ходить прямо на двухъ ногахъ и отказался отъ обезьяньей—на четырехъ!

— Шопенгауэръ въ домашней обстановкѣ.—Въ «Frankfurter Zeitung»[1]) появились воспоминанія о Шопенгауэрѣ, живо рисующія послѣднія годы знаменитаго философа. Воспоминанія эти принадлежатъ дочери одного изъ маленькихъ домовладѣльцевъ гор. Майнца, нѣкоего Вертгеймера, въ домѣ котораго Шопенгауэръ долгое время нанималъ квартиру. Домъ Вертгеймера былъ очень невеликъ, хозяева жили наверху, Шопенгауэръ подъ ними внизу.

«Насъ, дѣтей, было пять человѣкъ,—разсказываетъ авторъ.—Смотрѣла за нами гувернантка-англичанка, которая, впрочемъ, была совершенно безсильна удержать насъ отъ шума и шалостей. Однажды, когда мы сильно разбушевались и бѣдная миссъ не знала, что съ нами дѣлать, въ дѣтскую вошелъ отецъ.

«— Съ ума, что ли, вы сошли здѣсь! Вотъ я сейчасъ позову сюда Шопенгауэра. Онъ съ вами живо расправится палкой!

«Тутъ мы впервые услышали имя Шопенгауэра».

Вскорѣ произошло и личное знакомство дѣтей съ этимъ страшнымъ для нихъ человѣкомъ. Однажды, въ ясный зимній день авторъ воспоминаній отправилась гулять вмѣстѣ съ другими дѣтьми. Не успѣла она сдѣлать нѣсколько шаговъ отъ дома, какъ на нее бросилась какая-то собака, положившая ей лапу на плечи и едва не сбившая ее съ ногъ. Дѣвочка страшно перепугалась и закричала. На ея крикъ съ улицы прибѣжалъ, бранясь и волоча ногами, какой-то старикъ небольшого роста, немедленно пустившій въ ходъ толстую палку, которую держалъ въ рукѣ. Когда на помощь подоспѣла гувернантка, старикъ заговорилъ

[1]) «Frankf. Zeit». 1913 г. № 286.

Библиотека "Руниверс"

съ нею по-англійски и сказалъ, что онъ Шопенгауэръ и что это его пудель Атма, который никому еще не сдѣлалъ никакого вреда.

На другой день послѣ этого случая дѣвочка получила отъ Шопенгауэра въ подарокъ прекрасную куклу. Надо было итти благодарить за подарокъ страшнаго старика, и дѣвочку едва уговорили спуститься внизъ въ сопровожденіи своей миссъ.

«Когда мы, дрожа, вошли къ нему въ комнату,—читаемъ въ ея воспоминаніяхъ,—Шопенгауэръ сидѣлъ за своимъ письменнымъ столомъ. Впослѣдствіи я замѣтила, что онъ все дѣлалъ за письменнымъ столомъ: читалъ, писалъ, спалъ, ѣлъ и пилъ. Пришлось постучать въ дверь нѣсколько разъ.

«— Г. Шопенгауэръ глуховатъ. Говорите съ нимъ погромче,—предупредила ее старая служанка».

Шопенгауэръ обошелся очень ласково съ посѣтителями. Онъ долго гладилъ дѣвочку по головѣ и бѣгло бесѣдовалъ по-англійски съ ея гувернанткой. Англичанка вышла отъ него въ восторгѣ.

«Г. Шопенгауэръ—настоящій джентельменъ»,—твердила она.

Но на дѣвочку философъ-пессимистъ произвелъ другое впечатлѣніе. Его большой носъ, широкія, плотно сжатыя, губы, косматыя брови, сѣдые спутанные волосы, падавшіе ему на лицо,—все это отпугнуло отъ него ребенка.

Въ концѣ визита былъ позванъ виновникъ всего этого пудель Атма, котораго Шопенгауэръ заставилъ подать дѣвочкѣ лапу и продѣлать всякіе замысловатые кунстштюки, которыхъ онъ зналъ множество. Жилъ этотъ пудель въ особомъ домикѣ вмѣстѣ съ старухой-прислугой. Самъ Шопенгауэръ столовался въ близъ лежавшей гостиницѣ, дома же только пилъ чай, который истреблялъ въ огромномъ количествѣ.

Этотъ пудель Атма игралъ въ жизни Шопенгауэра значительную роль. За его умъ и понятливость философъ называлъ его не иначе, какъ «человѣкомъ». У Шопенгауэра были заведены для пуделя три корзинки: одна для мяса, другая для хлѣба, третья для прочихъ товаровъ. Каждое утро пуделю давалась поперемѣнно то одна корзинка, то другая, то третья. Въ нихъ клались деньги, и пудель, отлично извѣстный всѣмъ торговцамъ, безошибочно летѣлъ къ булочнику, мяснику и въ магазины колоніальныхъ товаровъ. Если по дорогѣ на него нападали собаки, Атма ставилъ корзинку на землю и вступалъ въ ожесточенный бой съ нападающими. Покончивъ драку, онъ возвращался домой, нерѣдко изгрызанный и издерганный, но всегда съ порученными ему закупками.

Эта собака сблизила Шопенгауэра и дѣтей его домохозяина. Осмѣлѣвъ и привыкнувъ къ старику, ребята безъ церемоніи забирались въ его небольшую квартиру, таскали у него книги съ картинками и даже устраивали игры. Иногда старикъ бывалъ не въ духѣ, не обращалъ на нихъ никакого вниманія, какъ бы не замѣчая ихъ присутствія. Иногда онъ заставлялъ ихъ читать и декламировать стихи, причемъ обыкновенно кричалъ: «Паѳосу! Больше паѳосу!» Усѣвшись съ пуделемъ на подоконникъ—это было единственное свободное мѣстечко въ квартирѣ Шопенгауэра; все остальное—стулья, столы, диванъ—было совершенно завалены книгами и журналами—дѣти цѣлыми часами смотрѣли, какъ работалъ за своимъ письменнымъ столомъ философъ. Въ сильномъ напряже-

Библиотека "Руниверс"

ніи Шопенгауэръ жестикулировалъ, ерошилъ свои волосы, билъ кулакомъ по столу, скрипѣлъ зубами, такъ что его губы перекашивались то въ одну, то въ другую сторону. Когда ему нужна была какая-нибудь книга и онъ не могъ ее отыскать, онъ приходилъ въ ярость и начиналъ сбрасывать книги съ полокъ. Потомъ ихъ укладывала обратно его служанка.

Рядомъ съ кабинетомъ Шопенгауэра находилась длинная, узкая комната, служившая ему спальней и библіотекой. Книжныя полки и простая складная кровать—вотъ все ея убранство. Около кровати стоялъ какой-то предметъ, покрытый зеленой занавѣской. Однажды дѣти, расшалившись въ отсутствіе Шопенгауэра, сдернули нечаянно это покрывало, и подъ нимъ оказался скелетъ. Перепуганныя, они бросились къ матери. Та возмутилась, что Шопенгауэръ держитъ въ ихъ домѣ кости мертвеца и потребовала отъ жильца, чтобы онъ удалилъ изъ своей квартиры скелетъ. Шопенгауэръ заупрямился, поднялась цѣлая буря, но въ концѣ концовъ скелетъ остался подъ своимъ зеленымъ покрываломъ. Наступившія святки сгладили обострившіяся было отношенія, и хозяйскія дѣти снова стали появляться въ квартирѣ Шопенгауэра. Однажды дѣти явились къ нему съ спеціальной цѣлью посмотрѣть, какъ этотъ угрюмый старикъ справлялъ у себя елку. Шопенгауэръ повелъ ихъ въ комнату, которую занимала его прислуга. Тамъ на столѣ стояла елка, увѣшанная франкфуртскими сосисками для пуделя, и лежали подарки для старой служанки—безрукавка, сдѣланная изъ шерсти того же пуделя, сахарный куличъ и золотая монета. Нашлись подарки и для юныхъ визитеровъ—конфеты и пряники. Шопенгауэръ самъ снималъ съ елки сосиски и съ дѣтскимъ удовольствіемъ смотрѣлъ, какъ ихъ ловилъ на лету пудель.

Осенью здоровье Шопенгауэра окончательно пошатнулось. Его мучилъ сильный кашель. Когда однажды дѣти принесли ему груши и винограду, онъ съѣлъ нѣсколько ягодъ и, возвращая корзинку, съ грустью сказалъ: «Теперь я уже не въ силахъ ѣсть плоды». Все рѣже слышался стукъ палки въ его квартирѣ—Шопенгауэръ не любилъ звонить, хотя звонокъ былъ у него подъ руками, и звалъ свою прислугу, стуча о полъ палкой.

Однажды, вернувшись изъ школы, авторъ мемуаровъ встрѣтила служанку Шопенгауэра, которая горько плакала. Войдя съ нею въ квартиру, она увидѣла, что философъ сидитъ на кровати, обложенный подушками и съ опущенной на руки головой. Онъ былъ мертвъ. Около него сидѣлъ его вѣрный пудель, тоскливо посматривавшій на своего господина, а въ углу рыдала старая, сроднившаяся съ оригиналомъ служанка.

Смерть Шопенгауэра нагнала въ домѣ Вертгеймера особаго страха, вспомнился его угрюмый взглядъ, пришла на память исторія со скелетомъ. А тутъ еще пошли разсказы, что ночью въ его безлюдной квартирѣ слышался какой-то шумъ и какъ будто что-то разсыпалось. Вслѣдствіи оказалось, что у мертвеца выпала вставная челюсть и разбилась.

Вѣсть о смерти Шопенгауэра не вызвала особаго сожалѣнія среди его современниковъ и знакомыхъ. «Чудакъ, ипохондрикъ, человѣконенавистникъ»—таковы были отзывы о немъ большинства, и лишь немногіе прозрѣвали, что въ его лицѣ они потеряли великаго философа, котораго поймутъ лишь въ будущемъ.

Библиотека "Руниверс"

— Защитникъ женщинъ въ XVI вѣкѣ. — Едва ли найдется въ XX вѣкѣ болѣе пламенный защитникъ женщинъ, чѣмъ Анри Корнелій-Агриппа Неттесхеймъ, городской голова горова Меца, жившій въ XVI вѣкѣ. Неттесхеймъ обладалъ большимъ научнымъ образованіемъ. Его поклоненіе предъ женщиной, граничившее съ культомъ, наглядно проявилось во время богословскаго спора въ 1519 году, вращавшагося вокругъ вопроса: былъ ли у святой Анны одинъ или три мужа и было ли у св. Дѣвы двѣ сестры? Предметъ спора возбуждалъ громадный интересъ во всѣхъ слояхъ общества той эпохи. Любопытной личности этого богослова-мэра посвящена статья Лео Крозэ въ «Revue Hebdomadaire [1]).

Въ западной церкви въ то время царило мнѣніе, что у св. Анны было три мужа: Іоакимъ, Клеофасъ и Салома, отъ которыхъ у нея было три дочери. Ученый богословъ Лефевръ д'Эталь, напротивъ, утверждалъ, что такое мнѣніе не имѣетъ основанія. Историческіе источники, изъ которыхъ черпали эти свѣдѣнія, были довольно смутны, и потому возникли горячіе споры, для разрѣшенія которыхъ нѣсколько ученыхъ рѣшили устроить публичный диспутъ. Съ этой цѣлью ораторы каждой партіи развивали свои доводы съ эстрады. Но такъ какъ задача оставалась непонятной для простого народа, то и ученыя разсужденія оказались тщетными. Тогда они прибѣгли къ другому способу и принялись обмѣниваться взаимными насмѣшками, которыя изъ общихъ переходили въ личныя, а затѣмъ превращались уже въ угрозы. Только тогда народъ понялъ, въ чемъ дѣло, и, въ свою очередь, заволновался. Съ этого момента бракъ св. Анны сдѣлался предметомъ общихъ разговоровъ: о немъ толковали повсюду, и на засѣданіяхъ совѣта, и въ цирульняхъ, на публичныхъ площадяхъ, и въ кабачкахъ. Наконецъ, въ одинъ прекрасный день прошелъ слухъ, что въ этомъ спорѣ желаетъ принять участіе извѣстный адвокатъ и вмѣстѣ съ тѣмъ городской голова Меца Неттесхеймъ. Въ народѣ онъ слылъ за магика и составилъ себѣ этимъ извѣстную репутацію. Споры становились все горячѣе, и полиціи не разъ случалось находить въ ручьяхъ убитыхъ.

Мягкій и осторожный Лефевръ д'Эталь пришелъ въ ужасъ отъ насильственныхъ дѣйствій, къ которымъ онъ самъ же далъ поводъ, и предложилъ отложить диспутъ. А ярый поклонникъ женщинъ, городской голова Меца, сурово прибавлялъ: «Вопросъ касается чести св. Анны, какъ можемъ мы оставить такое важное дѣло! Развѣ мы не готовы пострадать за нее, если это потребуется?»

Прежде, чѣмъ сдѣлаться городскимъ головою и адвокатомъ Меца, Агриппа велъ жизнь, полную приключеній. Онъ служилъ около семи лѣтъ въ арміи Максимиліана, а затѣмъ и его увлекъ за собою научный вихрь, пронесшійся по Европѣ. Онъ принялся учиться у тогдашнихъ знаменитыхъ профессоровъ и достигъ такихъ успѣховъ, что его прозвали «три раза великимъ» за его познанія въ юриспруденціи, медицинѣ и богословіи. Въ 1509 году его лекціи въ Долѣ послужили много славѣ нарождавшагося университета. Споры, возбужденные невѣжественными схоластиками, окончательно выдвинули его въ

[1]) «Le roman d'un théologien». 9 Août 1913.

Библиотека "Руниверс"

разрядъ первоклассныхъ профессоровъ. Его забросали приглашеніями въ Лондонъ и на его родину въ Кельнъ.

Въ то время въ Пизѣ собрался совѣтъ, на которомъ разсматривался вопросъ объ обузданіи папы Юлія II, смущавшаго христіанъ своими воинственными наклонностями. Кардиналъ Сенъ-Круа просилъ Неттесхейма участвовать въ совѣтѣ въ качествѣ богослова. Быть можетъ, онъ и принялъ бы это предложеніе, если бы не монахи Павіи, которые обвинили его въ занятіяхъ магіей. А въ то время занятія магіей могли довести до самаго костра. Хотя самъ Неттесхеймъ и увѣрялъ, что огонь самый благородный изъ элементовъ, но подвергаться его облагораживающему дѣйствію не желалъ и поэтому спѣшно бѣжалъ сначала въ Туринъ, а затѣмъ въ Мецъ.

Въ изгнаніи всѣ обстоятельства складывались для него такъ благопріятно, что онъ могъ создать себѣ спокойную семейную жизнь. Но, къ его несчастію, въ городѣ всѣ волновались споромъ о бракѣ св. Анны. Ученый бѣглецъ питалъ такой культъ къ женщинѣ, что за годъ передъ тѣмъ вступился за одну крестьянку, обвиненную въ занятіяхъ магіей, и въ пылу защиты едва не бросилъ обвиненія въ ереси самимъ инквизиторамъ. Поэтому неудивительно, что его вмѣшательство въ споръ о бракѣ св. Анны внесло еще болѣе возбужденія. Неттесхеймъ отстаивалъ мнѣніе, что св. Анна имѣла только одного мужа, и съ его мнѣніемъ согласились многіе выдающіеся ученые богословы, но простой народъ продолжалъ вѣрить, что у нея было три мужа. Враги Неттесхейма ловко воспользовались этимъ, и ему пришлось отказаться отъ своихъ обязанностей въ Мецѣ и снова пуститься въ странствованія.

Лѣтъ за десять до возникшаго спора Агриппа написалъ сочиненіе, озаглавленное: «Бесѣды о благородствѣ женщинъ и ихъ превосходствѣ надъ другимъ поломъ», посвятивъ свое сочиненіе «божественной Маргаритѣ, августѣйшей принцессѣ Бургундской». По словамъ новѣйшаго біографа Неттесхейма, никогда не было болѣе искренняго и убѣжденнаго борца за феминизмъ, чѣмъ Агриппа. «Я нахожу,—писалъ Неттесхеймъ,—вопіющей неблагодарностью или скорѣе святотатствомъ лишить женщинъ справедливой и основательной похвалы и вопреки нашей совѣсти отнять у нихъ славу, заслуженную столькими прекрасными и рѣдкими талантами». Далѣе онъ высказываетъ мысль, что мужчина и женщина отличаются другъ отъ друга гораздо менѣе, чѣмъ это думаютъ. Они имѣютъ одинаковый умъ, одинаковый даръ слова, которымъ женщины пользуются болѣе, чѣмъ мужчины. Наконецъ, худо или хорошо, но и мужчина и женщина одинаково шествуютъ по пути къ раю. Безъ сомнѣнія, между ними есть нѣкоторая разница, но лишь временнаго, а не вѣчнаго характера. Правда, что каждый воскресшій опять получитъ свой прежній полъ, но разница пола тогда не будетъ имѣть значенія.. Впрочемъ, и св. писаніе увѣряетъ, что женщина совершеннѣе мужчины. Такъ, Господь Богъ назвалъ мужчину Адамомъ, а женщину Евой. Если вамъ знакомъ еврейскій языкъ, то вы должны знать что Адамъ означаетъ: «земля», а Ева—«жизнь». А такъ какъ Богъ обозначаетъ вещи именами, которыя выражаютъ самую ихъ сущность, то, слѣдовательно, натура мужчины болѣе груба и матеріальна, чѣмъ женщины. Да и нѣтъ ничего въ этомъ удивительнаго, если подумаешь объ ихъ

Библиотека "Руниверс"

происхожденіи. Ева создана изъ тѣла мужчины, изъ матеріи уже живой, воодушевленной дыханіемъ Бога. Адамъ же сдѣланъ изъ глыбы земли, взятой внѣ земного рая, изъ того же матеріала, изъ котораго Богъ творилъ животныхъ».

Даже самое мѣсто и время созданія имѣли свои особенности. «Развѣ вы не знаете,—говорилъ онъ,—что Богъ началъ свое творчество съ самыхъ грубыхъ формъ, чтобы подняться до самыхъ возвышенныхъ. А женщина была именно его послѣднимъ твореніемъ. Послѣдней онъ сдѣлалъ ее потому, что она должна быть царицей вселенной, и прежде, чѣмъ ее создать, Онъ выстроилъ для нея дворецъ. Потомъ Онъ почилъ отъ дѣлъ своихъ и, безъ сомнѣнія, по той причинѣ, что онъ ничего лучшаго уже не могъ создать».

Ссылаясь на книгу Бытія, Агриппа снимаетъ съ Евы тяжкую отвѣтственность за грѣхопаденіе. «Быть можетъ, вы думаете, — говоритъ онъ:—что подруга нашего первороднаго отца была виновницей грѣхопаденія? Чистая клевета! Срывая плоды съ дерева познанія, Ева не совершала никакого проступка. Запрещеніе касалось лишь одного Адама. Ева появилась на свѣтъ много времени спустя, и Богъ ей ничего объ этомъ не сказалъ. Какъ она могла бы объ этомъ знать? Ее обвиняли въ томъ, что она подстрекала своего мужа къ неповиновенію. Но бѣдное созданіе дѣлало это, не думая о томъ, что это можетъ причинить какое-нибудь зло».

Даже въ несчастіи людей Богъ позаботился дать женщинѣ очень возвышенную роль: онъ далъ ей порученіе содѣйствовать уничтоженію духа зла, ради этого она родила Спасителя. Природная святость женщины проявилась еще въ томъ, что ни одна женщина не измѣнила Христу и не предала его, тогда какъ апостолы, даже Петръ измѣнили ему. Жена Пилата, будучи язычницей, сдѣлала болѣе усилій для спасенія Христа, чѣмъ мужчины, которые вѣрили въ Него.

«Что женщина ближе къ Богу,—продолжалъ Неттесхеймъ:—это видно изъ того, что ей болѣе свойственна красота, а красота не что иное, какъ отраженіе Божественности. Слѣдовательно, Богъ ближе къ ней: онъ избралъ своимъ жилищемъ женщину и щедро наполнилъ ее своей благодатью».

Далѣе Агриппа переходитъ къ болѣе реальнымъ доказательствамъ превосходства женщинъ надъ мужчинами и перечисляетъ искусства и самыя разнообразныя формы соціальной дѣятельности, въ которыхъ женщинѣ отводится первое мѣсто. «Знатоки грамматики хвастаются, что они учителя краснорѣчія. Чудаки!—восклицаетъ онъ.—Наши матери и наши кормилицы съ большимъ успѣхомъ учили насъ языку. У Гракховъ, въ высшей степени обладавшихъ даромъ краснорѣчія, не было другого преподавателя, кромѣ Корнеліи—ихъ матери».

Одинокая жизнь Агриппы стала еще печальнѣе, когда пришло извѣстіе о смерти его отца и когда его враги усилили противъ него свои нападки. Онъ сильно почувствовалъ тяжесть одиночества и въ 1521 году женился на нѣкоей Жаннѣ Тасси. Его бракъ оказался, очевидно, удачнымъ, потому что черезъ четыре года появилась маленькая книга: «Petit Traité du Sacrement de Mariage», посвященная герцогинѣ Беррійской. Здѣсь онъ воздаетъ женщинѣ новыя похвалы, но уже въ болѣе сдержанныхъ выраженіяхъ, совѣтуя избѣгать всѣмъ

Библиотека "Руниверс"

холостой жизни. Но мотивы, которые онъ приводилъ, носятъ уже болѣе практическій характеръ.

Впрочемъ, Агриппа и тутъ выражаетъ болѣе возвышенную, почти мистическую идею о бракѣ. «Не является ли бракъ первымъ изъ священнодѣйствій, установленнымъ для человѣка до его грѣхопаденія въ земномъ раѣ, священнодѣйствій, разрушить которыя даже сама ересь не можетъ». О любви онъ говоритъ слѣдующее: «Надъ любовью никто не властенъ! Никакимъ богатствомъ нельзя ее купить, никакими отличіями нельзя ее оцѣнить. Ни богатство, ни власть королей не могутъ къ ней приневолить. Самъ Богъ не можетъ ее насиловать».

Это было писано въ 1524 году, въ самую нецѣломудренную эпоху въ исторіи литературы. Ясно, слѣдовательно, что этотъ современникъ Раблэ не вдохновлялся ни своимъ вѣкомъ, ни современными схоластическими сочиненіями. Совершенно понятно, что его книга вызвала настоящій скандалъ. «Это было неизбѣжно, — говоритъ Крозе:—ни одно общество не было такъ неспособно понять христіанскую сущность брака, какъ люди XVI вѣка; не понимали ея ни мистики, замуравленные въ стѣнахъ монастырей, ни вельможи при дворѣ Валуа: первые потому, что были лишены этой радости, вторые потому, что въ бракѣ они видѣли не исполненіе долга, а лишь одну прихоть».

Среди придворныхъ поднялся такой ропотъ, что одинъ изъ друзей Агриппы совѣтовалъ ему принять мѣры, чтобы его книга не попалась на глаза принцессамъ. Агриппа на это разсердился и отвѣтилъ: «Не бойтесь дать мою книгу принцессамъ!» воскликнулъ онъ. Книгу имъ передали, но нападки на Агриппу не прекратились. Богословъ парижскаго факультета Дюпенъ впослѣдствіи охарактеризовалъ ее какъ книгу, «слишкомъ выгодно говорящую о бракѣ».

Любопытно, сохранилъ ли этотъ пылкій поклонникъ женщинъ до послѣдней минуты свое мнѣніе о женщинѣ неизмѣннымъ? Дѣйствительно ли бракъ для него навсегда оставался единственнымъ средствомъ спасенія и благополучія, пропускнымъ билетомъ въ область рая?

Что именно произошло впослѣдствіи съ Агриппой? Разочаровался ли онъ въ женѣ, измѣнила ли она ему—мы не имѣемъ его признаній, но черезъ три года послѣ появленія его послѣдней книги, онъ написалъ своему другу монаху Аврелію Аквапанданту письмо, въ которомъ уже проглядываетъ разочарованіе. Впрочемъ, изъ гордости онъ умалчивалъ о своемъ несчастіи и даже, когда его жена Жанна-Луиза умерла въ 1529 году отъ чумы въ Антверпенѣ, онъ написалъ цѣлый панегирикъ о ея добродѣтели и вѣрности. Быть можетъ, онъ скрывалъ свое горе, вспоминая о своихъ собственныхъ словахъ: «Только у дурныхъ мужей—дурныя жены».

Въ 1527 году Неттесхеймъ покинулъ Ліонъ, недовольный тѣмъ, что Луиза Савойская, выбравъ его первымъ врачомъ, требовала отъ него составленія гороскоповъ. Несмотря на недостатокъ средствъ, отъ все-таки изъ гордости отказался отъ этого званія. Когда слухъ прошелъ, что онъ впалъ въ немилость, то къ нему посыпались приглашенія со всѣхъ концовъ Европы. Его наперерывъ приглашали англійскій король и правительница Нидерландовъ Маргарита.

Библиотека "Руниверс"

Онъ принялъ приглашеніе послѣдней и вскорѣ отправился къ ней въ званіи совѣтника и исторіографа ея брата, императора Карла V.

Нѣсколько лѣтъ прошли для него спокойно. Но когда онъ написалъ небольшой трактатъ «Philosophie cachée», а затѣмъ и «L'Incertitude et la vanité des Sciences», гдѣ объявилъ несостоятельность науки, указывалъ на ея безсиліе устроить нашу жизнь и возложилъ всѣ упованія на моральныя силы христіанства, то ученые возмутились. Сначала на него посыпались угрозы, но затѣмъ, послѣ смерти Маргариты его посадили въ тюрьму. Къ счастію, друзья слѣдили за нимъ: кардиналъ Кампеги и кардиналъ Сенъ-Круа, легатъ папы, освободили его изъ тюрьмы. Агриппа уѣхалъ въ Кельнъ, затѣмъ въ Ліонъ. Но здѣсь его ожидало новое тюремное заключеніе. Уѣзжая отъ Луизы Савойской, Агриппа разстался съ нею не особенно вѣжливо. Королева уже умерла, самъ Агриппа уже забылъ объ этомъ, но городскія власти отомстили ему за это оскорбленіе королевы. И на этотъ разъ друзья освободили его, но это была его послѣдняя неудача: на слѣдующій годъ онъ умеръ въ Греноблѣ.

— Къ исторіи одного предсказанія [1]).—Обходя въ ноябрѣ 1798 года улицы города Компьена, комиссаръ директоріи Селлье поднялъ на тротуарѣ кусокъ скомканной бумаги. Любознательный по природѣ и обязанный быть любопытнымъ по должности, Селлье положилъ этотъ клочокъ въ карманъ и, вернувшись въ свою канцелярію, сталъ читать, что тамъ было написано.

Сначала на его лицѣ появилось выраженіе полнаго недоумѣнія. Недоумѣніе быстро смѣнилось негодованіемъ. Негодованіе перешло въ безпокойство. На обрывкѣ было написано пророчество о близкомъ паденіи республики и предстоящемъ возвращеніи Бурбоновъ. Хотя пророчество это шло изъ глубины V вѣка, тѣмъ не менѣе событія, разыгравшіяся во время революціи, были изображены съ такою точностью, какъ будто авторъ былъ ихъ очевидцемъ. Съ трудомъ вѣрилось, что это пророчество, какъ значилось на бумажкѣ, было выписано изъ старинной латинской книги, хранящейся въ парижской національной библіотекѣ.

Комиссаръ Селлье увидѣлъ въ распространеніи этой выписки общественную опасность и поспѣшилъ отправить донесеніе о своей находкѣ къ непосредственному своему начальнику, комиссару директоріи въ Бове, вмѣстѣ съ копіей взволновавшаго его пророчества. «Безпорядокъ между сильными міра сего,—читаемъ мы въ этомъ отрывкѣ,—будетъ причиной того, что правители страны погибнутъ и оставятъ государя своего въ добычу народу въ надеждѣ получить свободу, жертвой которой они станутъ сами. Вельможи будутъ такъ слѣпы, что станутъ бѣжать, не защищаясь. Въ церкви воздвигнется расколъ, и многіе соединятся, чтобы поклоняться идоламъ. Будетъ великое кровопролитіе. Весь міръ станетъ оплакивать участь великаго города. Монахини будутъ поруганы, церкви ограблены, пастыри прогнаны Но придетъ время, когда явятся орелъ и левъ изъ странъ далекихъ. Горе тебѣ, городъ пышный! Не возрадуешься ты, а будешь униженъ и посрамленъ. Отпрыскъ лилій вернетъ права свои надъ

[1]) «Le Temps». 1913. № 19095.

Библиотека "Руниверс"

тобой, возьметъ скипетръ и истребитъ потомковъ Брутовыхъ. Счастливы тѣ, кто увидитъ вѣкъ новый».

Пророчество это приписывалось епископу арльскому Цезарію, жившему въ V вѣкѣ и умершему въ 542 году.

Получивъ это поразительное предсказаніе, комиссаръ директоріи въ Бове немедленно послалъ о немъ донесеніе министру полиціи. Тому дѣло показалось весьма серьезнымъ. Онъ увидѣлъ здѣсь руку «мятежныхъ поповъ», которые къ тому же дѣйствовали такъ ловко, что открыть авторовъ этого литературнаго подлога было невозможно.

Происшествіе это получило огласку: въ Компьенѣ пророчество св. Цезарія ходило по рукамъ во множествѣ списковъ, внося тревогу въ сердца республиканцевъ и фанатизируя людей, тайно жалѣвшихъ о старомъ порядкѣ.

Не было, впрочемъ, недостатка и въ людяхъ, скептически настроенныхъ. Тѣ рѣшили самолично побывать въ національной библіотекѣ и прочитать подлинный оригиналъ о пророчествѣ. И вотъ библіотекарь отдѣленія старинныхъ книгъ сталъ замѣчать повышенное требованіе на «Liber Mirabilis», изданную въ 1523 году, которая давно уже была основательно забыта. Теперь требованіямъ на нее конца не было. Ее списывали, переводили, комментировали. Только и разговоровъ было, что о книгѣ Св. Цезарія. Правительство поспѣшило принять свои мѣры и распорядилось изъять изъ національной библіотеки эту книгу, вдругъ ставшую знаменитой и опасной. Пострадалъ и библіотекарь, безпрепятственно выдававшій ее всѣмъ желающимъ: его уволили отъ должности и посадили въ тюрьму.

«Liber Mirabilis» опять погрузилась въ неизвѣстность, въ которой и пребывала все время, пока царствовалъ Наполеонъ. Однако память о ней неизгладимо жила въ народѣ и поддерживала чаянія роялистовъ. Крушеніе имперіи опять сдѣлало модной эту пресловутую книгу, и въ 1815 году у одного изъ книгопродавцевъ Пале-Рояля впервые появился полный ея переводъ. Тутъ описывалось и неудавшееся бѣгство короля въ Вареннъ, и казни террора, и воцареніе Наполеона. «Многіе будутъ говорить: «равенъ, равенъ, равенъ», но равенства не будетъ нигдѣ»,—заканчиваетъ книга свои пророчества о революціонномъ періодѣ. Далѣе идетъ предсказаніе о томъ, что прилетитъ орелъ и покоритъ много народовъ. Но и Франція, въ свою очередь, повергнется нашествію народовъ, и слава ея померкнетъ. Брошюра оканчивалась такими словами: «Народъ отдастъ корону другому, которому она, однако, не будетъ принадлежать. Но явится юный плѣнникъ, который возьметъ корону и истребитъ дѣтей Брутовыхъ, такъ что отъ нихъ не останется и воспоминанія». Юный плѣнникъ! Очевидно, это не кто иной, какъ Людовикъ XVII!

Брошюра надѣлала шума и нашла широкій кругъ читателей. Но время шло. Событія, о которыхъ говорила «Liber Mirabilis» св. Цезарія исполнились, и въ вихрѣ второй французской революціи слава ея померкла навсегда.

Недавно писанія древняго арльскаго епископа сдѣлались предметомъ ученаго изслѣдованія. Французскій палеографъ Жанъ Арманъ разыскалъ когда-то знаменитую книгу въ національной библіотекѣ и сличилъ ее строка за строкой съ тѣмъ, что печаталось подъ видомъ ея переводовъ. «Liber Mira-

Библиотека "Руниверс"

bilis», напечатанная на старинной шершавой бумагѣ готическими буквами, еще такъ похожими въ началѣ книгопечатанія на рукописныя, представляетъ собою сборникъ пророчествъ, которыя сыпали на человѣчество всякія несчастія: голодъ, моръ, великія войны и несчастія и т. п. Языкъ книги, какъ и всякихъ другихъ произведеній подобнаго рода, чрезвычайно неясенъ, выраженія самаго общаго характера, и при желаніи можно легко приспособить ихъ ко всякой другой эпохѣ бурнаго характера.

Перелистывая одинъ изъ экземпляровъ этой книги, Жанъ Арманъ нашелъ въ ней листокъ синеватой почтовой бумаги, строки котораго почти стерлись. Вотъ что можно было разобрать на этомъ листкѣ: «Въ продолженіе восемнадцати мѣсяцевъ масса народу является въ библіотеку и спрашиваетъ книгу епископа Цезарія. Имъ желательно провѣрить вотъ это мѣсто: «И многіе будутъ говорить: «равенъ, равенъ, равенъ», и не будетъ равенства». Я провѣрилъ это мѣсто и открылъ тутъ ошибку. Въ текстѣ стоитъ не раг (равенъ), а рах (миръ). Я неуклонно доводилъ объ этомъ до свѣдѣнія всѣхъ тѣхъ, кто требовалъ книгу, такъ что она стала наконецъ смѣшной, и ее перестали спрашивать. Послѣ моего ареста я слышалъ, что наемный компиляторъ, которому было поручено сдѣлать изъ книги извлеченіе, надергалъ текстъ изъ разныхъ мѣстъ и произвольно подогналъ даты. Такимъ образомъ, у него получились указанія, которыя ему были нужны».

Такъ отомстилъ виновницѣ своего злосчастья бѣдный библіотекарь, выпущенный изъ тюрьмы, и такъ разъяснилось поразительное на первый взглядъ предвѣдѣніе арльскаго епископа, жившаго за тринадцать вѣковъ до будто бы предсказанныхъ имъ событій французской исторіи.

— Англійская армія [1]).—Въ связи съ вопросомъ о развитіи современнаго милитаризма находимъ въ «National Review» статью графа Перси, который даетъ историческій обзоръ англійской арміи. Развитіе имперіи и англійскія побѣды, т. е. исторія англійской имперіи, начинаются въ 1588 года, когда была уничтожена непобѣдимая Армада. До тѣхъ поръ Англіи, сначала поглощенной безрезультатными предпріятіями противъ Франціи, потомъ междоусобными войнами XV вѣка и религіозной борьбой XVI вѣка, не удалось одержать ни одной крупной побѣды, и взоры ея ограничивались Парижемъ и Антверпеномъ; внѣ Европы у нея владѣній не было, только въ послѣдніе годы XVI вѣка ея отважные моряки вступили на американскую территорію. Англіи страшно везло, и въ теченіе цѣлаго вѣка она могла развиваться на просторѣ и распространяться, не опасаясь соперничества другихъ европейскихъ націй, поглощенныхъ религіозными и гражданскими войнами и тридцатилѣтней войной. Правда, что за три четверти XVII вѣка ни одна нація не пользовалась политическимъ первенствомъ, которое внушало бы Англіи опасенія, и никто не угрожалъ ея торговымъ интересамъ, кромѣ маленькой Голландіи, противъ которой она вела много морскихъ счастливыхъ войнъ при Кромвелѣ и Карлѣ II.

---

[1]) «Nat. Review». Oct. 1913.

Библиотека "Руниверс"

Что касается континентальныхъ войнъ, то она въ нихъ не вмѣшивалась, даже въ то время, когда курфюрстъ Фридрихъ умолялъ своего тестя Іакова I поддержать его противъ австрійцевъ. Однако Карлу I пришлось установить принудительную систему набора новобранцевъ, чтобы время отъ времени заполнять пробѣлы въ своей арміи и флотѣ.

Дѣло приняло другой оборотъ, когда начались междоусобныя войны. Въ эту эпоху принудительная служба все усиливалась, и въ 1639 году большая часть войскъ, посланныхъ Карломъ противъ возмутившихся шотландцевъ, состояла изъ рекрутовъ. Англійскому парламенту пришлось прибѣгнуть къ набору, когда было поднято знамя возстанія. Обыкновенно полагаютъ, что англійское населеніе, охваченное религіозными и политическими страстями, участвовало въ борьбѣ цѣликомъ, на самомъ же дѣлѣ въ этой борьбѣ приняла активное участіе только незначительная часть.

Когда въ 1645 году парламентъ преобразовалъ свою армію, доходившую до 22,000 человѣкъ, то ни религіозное воодушевленіе, ни любовь къ свободѣ, ни обѣщаніе правильной уплаты жалованья, ничто не могло заставить гражданъ вступить въ армію. Пришлось опять прибѣгнуть къ принудительной системѣ, и это дало парламенту еще 8000 солдатъ.

Спустя полтораста лѣтъ, Англія впервые начала вмѣшиваться въ континентальныя войны. Въ 1689 году Франція находилась въ апогеѣ своей славы и въ теченіе пятидесяти лѣтъ повсюду одерживала верхъ; она завоевала одну за другой пять провинцій, предписывала законы всей Европѣ, и—что всего болѣе тревожило англичанъ—ея могущество возрастало и на морѣ. Англія, подстрекаемая новымъ королемъ Вильгельмомъ, очертя голову бросилась въ борьбу противъ Франціи. Она вступила въ союзъ съ Австріей, Испаніей, Голландіей, Пьемонтомъ, Даніей и почти со всѣми государствами Европы, чтобы составить противъ Франціи сильную коалицію. Но, несмотря на принудительную систему, Англія набрала только 23000 солдатъ. Такимъ образомъ, въ великой арміи, которой командовалъ англійскій король, англичане были въ меньшинствѣ; остальная часть союзнаго войска состояла изъ голландцевъ и нѣмцевъ. Самъ гр. Перси признаетъ, что англичане потерпѣли въ этихъ несчастныхъ сраженіяхъ полное пораженіе.

Графъ Перси иронически относится къ своимъ соотечественникамъ, когда касается большой серіи войнъ, начавшихся въ 1792 году и окончившихся въ 1815 году. По его словамъ, англичане убѣждены, что ихъ войска сломили французовъ, чего не могли добиться европейскія арміи. Перси говоритъ, что во время первой коалиціи Англія послала въ Нидерланды маленькую армію въ 30000 человѣкъ. Солдаты набирались всевозможными, мало похвальными средствами. Большая часть солдатъ была изъ подонковъ общества: пьяницъ, буяновъ, бродягъ, и въ этой плачевной арміи, конечно, царило неповиновеніе. Офицеры стоили солдатъ, и нерѣдко австрійскимъ офицерамъ приходилось обучать своихъ англійскихъ товарищей. Извѣстно, какъ плачевно исполняла свои обязанности эта жалкая армія. Съ 1795 года англійская армія исчезла съ полей битвы и не появлялась на континентѣ до самой войны съ Испаніей. Тщетно союзники умоляли оказать имъ помощь, и въ 1799 году, когда побѣжденная

Библиотека "Руниверс"

Франція находилась на краю гибели, англичане могли бы обезпечить ея окончательное пораженіе, но они не шевельнулись. Въ 1807 году, когда великая армія съ трудомъ боролась противъ Россіи и Пруссіи среди польскихъ болотъ, энергичное вмѣшательство англичанъ могло нанести французамъ рѣшительный ударъ, но они продолжали оставаться въ бездѣйствіи. Въ 1805 году англійская армія также была бы полезна и могла заставить пруссаковъ вмѣшаться, но Англія не тронулась съ мѣста; она дала только много денегъ и занялась конфискаціей колоній Франціи и Голландіи. Наконецъ въ 1812 году, когда великая армія понесла пораженіе въ снѣгахъ Россіи, въ 1813 году, когда вся Европа поднялась противъ Наполеона, въ 1814 году, когда состоялись капитуляція Парижа и отреченіе Наполеона, Англія не принимала въ этихъ событіяхъ никакого участія.

Какія же лавры выпадаютъ на долю Англіи? спрашиваетъ Перси. Всѣ войны въ Испаніи были сравнительно не кровопролитны. Правда, подъ Ватерлоо англичане сражались храбро, но они составляли лишь треть арміи Веллингтона, которая, навѣрно, была бы разбита, если бы не появились пруссаки. Въ общемъ, по заключенію Перси, русскіе, австрійцы и пруссаки въ десять разъ болѣе и гораздо храбрѣе сражались, чѣмъ англичане, хотя ихъ арміи состояли изъ новобранцевъ. Цѣлыя двѣсти лѣтъ Англія заставляла сражаться другихъ вмѣсто себя; она подбивала на коалиціи, которыя поддерживала деньгами, но которымъ отказывала въ солдатахъ. Въ серединѣ XVII вѣка она ни разу не вступала въ борьбу съ какимъ-либо европейскимъ государствомъ. Въ наше время положеніе измѣнилось: Англія не находитъ больше за себя кондотьеровъ. Въ современныхъ войнахъ націи сражаются за свое собственное существованіе и ставятъ на карту все, чѣмъ располагаютъ, поэтому онѣ требуютъ, чтобы ихъ союзники дѣлали то же. Если Англія хочетъ сохранить свою власть и свое могущество, она должна ввести у себя обязательную воинскую повинность.

Таковъ конечный выводъ извѣстнаго англійскаго публициста.

Женщины и французская академія[1]). Въ началѣ XVII вѣка литературныя общества были въ большой модѣ во Франціи. Не считая знаменитаго отеля Рамбулье, появились литературные салоны д'Ошн, Круазиль, де-Маролль и другіе, гдѣ дамы высшаго свѣта принимали самое дѣятельное участіе. Ихъ шумные споры давали преніямъ иногда слишкомъ легкомысленный характеръ, и нѣкоторые дѣятели литературы и науки, съ цѣлью избѣжать такихъ черезчуръ людныхъ собраній, условились поочередно собираться на квартирѣ у одного изъ нихъ. Такимъ образомъ въ 1629 году было положено основаніе французской академіи. Первыми членами этого въ началѣ частнаго и научнаго кружка были: Годо, Гомбо, Сарразэнъ, Шаплэнъ, Жири, Аберъ, де-Серизи, де-Мальвиль и де-Серизэ. На ихъ собраніяхъ они дѣлились между собою новостями, читали и обсуждали свои произведенія и заканчивали свои засѣданія скромной трапезой. Четыре года кружокъ велъ свое почти тайное существованіе, пока въ него не вошелъ одинъ изъ фаворитовъ

[1]) «Nation. Review». Oct. 1913.

Библиотека "Руниверс"

кардинала Ришелье, аббатъ де-Буа Роберъ. Узнавъ отъ него о существованіи этого научнаго общества, всесильный кардиналъ поспѣшилъ предложить его членамъ принять ихъ подъ свое высокое покровительство,—предложеніе, отъ котораго нельзя было отказаться. Кардиналъ преслѣдовалъ, конечно, свои личныя цѣли. Ему хотѣлось имѣть на своей сторонѣ талантливыхъ ученыхъ людей, которые могли бы постоять за него въ литературной полемикѣ. А съ другой стороны, ему желательно было заставить говорить о себѣ всю Францію, какъ о меценатѣ. Какъ бы то ни было, изъ скромнаго частнаго кружка выросло офиціальное ученое учрежденіе—французская академія.

Такъ обыкновенно разсказываютъ историки академіи. На самомъ дѣлѣ такая академія существовала частнымъ образомъ гораздо раньше, лѣтъ за пятьдесятъ до вмѣшательства въ ея дѣла Ришелье. Она, несомнѣнно, также выросла бы въ цѣлое офиціальное учрежденіе, не будь Варѳоломеевской ночи и послѣдовавшей за нею междоусобной войны. Академія, образованная послѣдними королями изъ дома Валуа, была даже либеральнѣе, чѣмъ созданіе кардинала Ришелье. Предсѣдателемъ ея былъ всегда самъ король, и въ нее въ качествѣ членовъ допускались женщины. Во всемъ другомъ судьба ихъ была почти однородна: обѣ академіи получали патентъ отъ королей, обѣ выдерживали сильную борьбу съ парижскимъ парламентомъ. И тутъ, и тамъ, члены ея пользовались привилегіей не снимать шляпы и сидѣть въ присутствіи короля.

Слѣды первой, болѣе ранней академіи были, по приказанію Ришелье, старательно стерты. Честолюбивый кардиналъ хотѣлъ, чтобы слава основателя французской академіи всецѣло принадлежала ему одному.

Среди членовъ академіи Валуа было немало женщинъ. Современники упоминаютъ о m-me Линьроль, супругѣ марешаля де-Ретцъ, женщинѣ весьма образованной, свободно писавшей по-гречески, по-латыни и по-итальянски, о герцогинѣ д'Юзесъ и графинѣ де-Симье, бывшей сначала фрейлиной при Екатеринѣ Медичи, а затѣмъ, послѣ замужества, всецѣло посвятившей себя наукѣ и поэзіи. Послѣ паденія дома Валуа она присягнула Генриху IV, но не могла обуздать своего злого языка: «Я видѣла короля, но не видала его величества». замѣтила она послѣ перваго свиданія съ Генрихомъ.

Ришельевская академія устранила изъ своихъ рядовъ женщинъ, но не могла освободиться отъ закулиснаго вліянія дамскихъ салоновъ, столь многочисленныхъ въ XVIII вѣкѣ. Насколько сильно было это вліяніе, видно изъ слѣдующаго случая. Въ 1750 году m-me Буфферъ, вышедшая вторично замужъ за герцога Люксембургскаго, рѣшила провести въ академики нѣкоего графа де-Бисси. Хотя за ея кандидатомъ не было никакихъ ни ученыхъ, ни литературныхъ заслугъ, и въ литературномъ формулярѣ его значилось лишь нѣсколько переводовъ съ англійскаго, тѣмъ не менѣе, благодаря вліянію салона своей покровительницы и пріятельницы, де-Бисси занялъ кресло въ академіи. Не такъ удачны были хлопоты другой царицы салона герцогини де-Шонь. Ей хотѣлось доставить академическое кресло близкому къ ней человѣку аббату де-Буамонъ, но кандидатура эта встрѣтила въ самой академіи рѣзкую оппозицію д'Аламбера и трижды проваливалась. Но въ концѣ концовъ

Библиотека "Руниверс"

д'Аламберъ былъ побѣжденъ, и ненавистный ему аббатъ сталъ-таки «безсмертнымъ».

Такимъ же путемъ попали въ число академиковъ Мариво и пресловутый авторъ «Les liaisons dangereuses» Дюкло. Съ 1713 по 1733 гг. въ члены академіи принимались исключительно люди, которыхъ рекомендовалъ литературный салонъ маркизы де-Ламберъ, гдѣ царили Фонтенелль и Ламоттъ. Особенно умѣла проводить своихъ кандидатовъ маркиза Помпадуръ. Она старалась выбрать кандидатовъ изъ разныхъ партій, лишь бы только они были талантливы, и никогда не навязывала ихъ академіи, если ихъ кандидатура встрѣчала сильную оппозицію. Такъ, получивъ свѣдѣнія, что академики соглашаются избрать ея ставленника аббата Лебланъ исключительно ради угожденія ей, маркиза заставила аббата самого снять свою кандидатуру. Въ видѣ вознагражденія за эту непріятность неудачный кандидатъ былъ назначенъ «исторіографомъ королевскихъ дворцовъ».

Любопытно прослѣдить тѣ интриги, тѣ извилистые ходы, которыми старался пробраться на академическое кресло Вольтеръ. Начало его литературной карьеры представляетъ весьма некрасивое зрѣлище. Онъ то возвышается до истинной независимости и свободы духа, то вдругъ впадаетъ въ подхалимство, стремится угождать сильнымъ міра сего. За «Заирой» слѣдуетъ «Храмъ вкуса», за трагедіей «Альзира» идетъ поэма «Mondain», возмутившая весь Парижъ. Въ это время умираетъ академикъ Флери. Король и герцогиня Шатору не прочь замѣстить его мѣсто Вольтеромъ, который спѣшитъ отречься отъ всѣхъ своихъ рискованныхъ произведеній. Но Людовикъ XV скоро остылъ, и вмѣсто Вольтера въ академію попалъ епископъ байскій Поль д'Альберъ. Вольтеръ скоро утѣшился, что не попалъ въ число «сорока ученыхъ попугаевъ», но тѣмъ не менѣе не оставилъ помысловъ объ академическомъ креслѣ. Три года спустя онъ пишетъ своего «Магомета», котораго посвящаетъ папѣ Бенедикту XIV. Папа шлетъ ему свое благословеніе. Вольтеръ удваиваетъ усилія, дружитъ съ іезуитами и идетъ въ гору. «Я былъ назначенъ исторіографомъ Франціи и убѣдился, что для завоеванія счастья лучше сказать нѣсколько пріятныхъ словъ любовницѣ короля, чѣмъ написать сотню томовъ», замѣчаетъ онъ въ это время.

Какъ извѣстно, Вольтеръ вскорѣ былъ избитъ и, круто измѣнивъ свой литературный путь, онъ становится тѣмъ Вольтеромъ, каковымъ перешелъ въ потомство. Объ академіи ему не приходилось и мечтать.

Слѣдуетъ отмѣтить, что и академія не хотѣла остаться въ долгу у женщинъ и по предложенію д'Аламбера официально возбудила вопросъ объ учрежденіи четырехъ академическихъ креселъ спеціально для дамъ. Кандидатками на эти кресла намѣчались m-me де-Жанлисъ, Монтессонъ, Анживилльe и д'Удето. Но дѣло разстроилось изъ-за m-me де-Жанлисъ, которую хотѣли избрать по отдѣленію философскихъ наукъ. На ближайшемъ же засѣданіи m-me Жанлисъ заявила, что она не можетъ отдѣлять мораль отъ религіи и что она всѣми силами будетъ бороться съ ложной философіей. Д'Аламберъ, взбѣшенный этой выходкой, ушелъ изъ засѣданія и немедленно взялъ свое предложеніе назадъ.

Библиотека "Руниверс"

— Табатерка генерала Келлермана [1]).—Въ 1790 году среди германскихъ князей, владѣвшихъ недвижимой собственностью въ Эльзасѣ, во главѣ съ архіепископомъ шпейерскимъ, маркграфомъ баденскимъ и ландграфомъ гессенскимъ, поднялось сильнѣйшее волненіе: декретомъ 13-го января они должны были передать свои владѣнія въ собственность мѣстныхъ департаментовъ. Этотъ законъ, конечно, встрѣтилъ съ ихъ стороны самое энергичное сопротивленіе. Въ дѣло вмѣшались мѣстныя эльзасскія общины, потребовавшія, чтобы законъ былъ исполненъ въ точности, и вообразившія, что отобранныя отъ нѣмецкихъ князей имѣнія будутъ распредѣлены затѣмъ между коммунами.

Верхне-рейнскій округъ, спеціальностью котораго было винодѣліе, былъ мало-по-малу охваченъ волненіемъ даже въ самыхъ глухихъ мѣстностяхъ, и въ Парижѣ боялись, что вотъ-вотъ въ Эльзасѣ вспыхнетъ междоусобная война. Въ особенности были возбуждены жители города Рибовилле. Не спрашивая никого, они подѣлили между собой обширное лѣсное имѣніе, принадлежавшее сначала Рибопьерамъ, а отъ нихъ перешедшее въ собственность одного мелкаго нѣмецкаго князька. Собственники, конечно, выступили на защиту своего владѣнія, и дѣло перешло уже въ вооруженное столкновеніе. Вотъ въ эту-то критическую минуту выступаетъ на сцену генералъ Келлеръ, знаменитый герой битвы при Вальми, первой побѣды, одержанной республиканской арміей надъ вторгшимся герцогомъ Брауншвейгскимъ.

Францъ-Христоферъ Келлерманъ занималъ въ это время постъ главнокомандующаго войсками въ Нижне- и Верхне-Рейнскомъ округѣ. Сынъ зажиточнаго горожанина изъ Страсбурга, Келлеръ поступилъ на военную службу еще при имперіи и прославился битвой при Вальми, рѣшившей участь молодой Французской республики.

Прибывъ въ Рибовилле, Келлерманъ прежде, чѣмъ предпринимать какія-нибудь репрессивныя мѣры, рѣшилъ сначала выяснить общее настроеніе, путемъ совѣщанія съ разными слоями населенія. Съ этою цѣлью онъ пригласилъ жителей Рибовилле собраться въ княжескій замокъ. Приглашеніе было принято, и въ назначенный день пышный замокъ наполнился мѣстными винодѣлами, шумно и безцеремонно заявлявшими свои требованія. Собраніе принимало бурный характеръ, и Келлерманъ не зналъ, что дѣлать. Онъ понималъ мѣстный жаргонъ, и до его уха то и дѣло доносились брань и угрозы. Не зная, что предпринять, генералъ долго ломалъ себѣ голову, какъ обуздать эту крикливую толпу, и нервно вертѣлъ въ рукахъ свою табатерку, безпрестанно отправляя въ носъ изрядную дозу табаку. Самъ того не замѣчая, Келлерманъ вдругъ поднесъ табакерку ближайшему сосѣду и промолвилъ машинально: «Угодно взять щепотку?».

Сосѣдъ, отличавшійся особенной буйностью поведенія и сильно нападавшій на Келлермана, дѣлаетъ любезный поклонъ, запускаетъ пальцы въ табатерку, отправляетъ въ носъ огромную понюшку и чихаетъ такъ, что въ залѣ звенятъ стекла. Между ними и Келлерманомъ завязывается разговоръ: вино-

[1]) «Le Temps». 1913. № 19067.

Библиотека "Руниверс"

дѣлъ долженъ сознаться, что у генерала превосходный табакъ. Келлерманъ съ удивленіемъ замѣчаетъ, что его собесѣдникъ, только что шумѣвшій и кричавшій громче всѣхъ, вдругъ какъ-то успокоился, сталъ вѣжливъ и даже любезенъ.

Разговоръ продолжается. Мало-по-малу вокругъ бесѣдующихъ собирается толпа манифестантовъ. Всѣ съ интересомъ прислушиваются къ бесѣдѣ о табакѣ и съ жадностью посматриваютъ на генеральскую табакерку. Келлерманъ быстро соображаетъ, какую услугу можетъ оказать ему эта табакерка и подноситъ ее то одному, то другому. Толпа вокругъ него увеличивается, разговоры стихаютъ. Становится почти тихо: генералъ пользуется удобнымъ моментомъ и громко начинаетъ разъяснять, что винодѣлы не поняли истиннаго смысла законовъ и что частновладѣльческія земли, о которыхъ идетъ споръ, должны отойти не къ коммунамъ, а къ департаментамъ. Затихшая толпа слушаетъ внимательно, протестовъ нѣтъ, и всѣ мирно расходятся по домамъ.

Возстаніе въ Рибовиллье было предотвращено... при помощи табатерки.

— Вагнеръ и женщины.—Въ послѣдней главѣ своей книги «Рихардъ Вагнеръ и женщины» Юліусъ Капъ даетъ картину сердечной жизни знаменитаго композитора и послѣднихъ его побѣдъ надъ женскимъ сердцемъ.

Глава начинается съ того момента, когда Вагнеръ въ 1864 году, послѣ тяжелыхъ жизненныхъ невзгодъ и матеріальныхъ недостатковъ, тѣснимый кредиторами, попадаетъ къ Людвигу II Баварскому. Прежде всего онъ получаетъ возможность, хотя отчасти, выпутаться изъ долговъ и даже спасти, что еще было возможно изъ своей обстановки. Затѣмъ въ сопровожденіи преданныхъ слугъ и супруговъ Мразекъ онъ возвращается въ Мюнхенъ и по желанію короля нанимаетъ виллу на Штарнбергскомъ озерѣ, невдалекѣ отъ замка Бергъ, гдѣ проживалъ Людвикъ II.

«Перипетіи недавняго прошлаго по силѣ драматизма превзошли все, что могъ бы вообразить себѣ какой-нибудь драматургъ,—писалъ Вагнеръ.— Этотъ мѣсяцъ вмѣстилъ въ себѣ цѣлую долгую жизнь, самое глубокое упыніе и чудесное возрожденіе. Отнынѣ никто меня не будетъ тревожить. Всѣ мои произведенія принадлежатъ единственно этому великодушному королю, которому я обязанъ тѣмъ, что еще существую на этомъ свѣтѣ; съ этихъ поръ остальной міръ будетъ знакомиться съ моими произведеніями только тогда, какъ онъ пожелаетъ».

Борьба съ кредиторами утомила Вагнера, и переходъ къ болѣе обезпеченному существованію на время заставилъ замолкнуть струны его сердца. Но счастье, которое онъ черпалъ въ бесѣдахъ съ царственнымъ другомъ, не могло быть для Вагнера заключительнымъ аккордомъ любви. Этотъ аккордъ могла ему дать только женщина. И самъ онъ сознается въ этомъ, восклицая въ письмѣ къ госпожѣ Вилль: «Могу ли я, страстный поклонникъ женщинъ, отказаться отъ женскаго элемента?» И онъ лихорадочно спѣшитъ залучить къ себѣ свою миловидную Марію, которая была при немъ чтицей въ Вѣнѣ. Помимо неудовлетворенной жажды нѣжной женской ласкѣ, предъ нимъ открывалась невеселая перспектива—самому вести свое хозяйство. «Запущенное состояніе моего хозяйства,—писалъ онъ госпожѣ Вилль,—необходимость самому зани-

Библиотека "Руниверс"

маться вещами, для которыхъ положительно я не созданъ, и еще болѣе тяжелая необходимость распоряжаться всѣмъ одному безъ дружеской помощи,—все это парализуетъ смыслъ жизни. Мнѣ снова надо перебираться, устраивать хозяйство, заниматься пріобрѣтеніемъ вилокъ, ножей, кастрюль, простынь и т. д.».

Но тщетно Вагнеръ старался уговорить Марію пріѣхать къ нему. Онъ даже выпросилъ у своего царственнаго друга собственноручное письмо къ Маріи, въ которомъ Людовикъ приглашалъ ее пріѣхать, но всѣ его хлопоты не увѣнчались успѣхомъ: Марія не поддалась искушенію и осталась въ Вѣнѣ.

Только въ концѣ 1864 года страстное желаніе Вагнера наконецъ исполнилось: возлѣ него появилась женщина, и это былъ дѣйствительно заключительный аккордъ, прозвенѣвшій въ его сердцѣ: растроганный его постояннымъ жалобами на одиночество, извѣстный музыкантъ Гансъ Бюловъ за десять дней до своего пріѣзда послалъ къ нему свою жену съ двумя маленькими дочерьми. Козима Бюловъ и Вагнеръ встрѣтились у него въ домѣ впервые послѣ памятнаго прощанія, происшедшаго годъ тому назадъ въ Берлинѣ, и то, что для нихъ было тогда еще неясно, теперь роковымъ образомъ должно было обнаружиться. Это было неизбѣжно: все ихъ толкало къ окончательной развязкѣ. Уже съ дѣтства отецъ научилъ ее обожать Вагнера, и, когда совсѣмъ еще маленькой дѣвочкой она встрѣтила его въ Парижѣ въ 1853 году, эта встрѣча произвела на нее такое сильное впечатлѣніе, что она никогда не могла ее забыть. Бракъ съ Бюловымъ былъ со стороны послѣдняго жертвой, принесенной ученикомъ своему учителю Листу. Бюловъ согласился дать незаконному ребенку своего учителя блестящее и почетное имя, и въ то же время онъ осуществилъ самую дорогую мечту Листа, порожденную его отеческой любовью. Бюловъ женился на Козимѣ изъ благодарности, и, по правдѣ сказать, замѣчастъ авторъ, его жена очень плохо отблагодарила его за его великодушіе.

Съ Вагнеромъ Козима сблизилась во время своего свадебнаго путешествія въ 1857 году, когда наканунѣ катастрофы въ семействѣ Вагнера она пріѣхала на нѣсколько недѣль на «Зеленые Холмы».

Козима съ годами все болѣе убѣждалась, что судьба предназначала ее быть заключительнымъ аккордомъ въ сердечной жизни Вагнера. Ея пребываніе у него въ Бибрихѣ устраняло послѣднія сомнѣнія насчетъ ея цѣли. Теперь она сознательно шла къ ней, устраняя всѣ препятствія на своемъ пути. «У меня нѣтъ другой мысли, какъ исполненіе моей миссіи, въ которой я найду и мое собственное счастье», писала она.

Наконецъ моментъ этого счастія наступилъ. Судьбѣ было угодно, чтобы ихъ души слились воедино во время пребыванія Козимы въ Штарнбергѣ. Гансъ Бюловъ, пріѣхавшій туда въ началѣ іюня, «совершенно больной, съ издерганными нервами», не замѣтилъ переворота, который произошелъ въ душѣ его жены. Вагнеръ тѣмъ временемъ упросилъ своего коронованнаго друга, чтобы онъ пригласилъ Бюлова къ себѣ на службу въ качествѣ придворнаго піаниста и такимъ образомъ обезпечилъ для себя пребываніе любимой имъ женщины въ томъ же городѣ. На зиму король устроилъ для Вагнера великолѣпную виллу въ Мюнхенѣ. Снова ему пришлось перебраться на новое мѣсто, и

Библиотека "Руниверс"

его штатъ прислуги увеличился, но ему необходима была женщина, которая слѣдила бы за хозяйствомъ. Тогда онъ вспомнилъ, что въ бытность его въ Люцернѣ въ 1859 г., ему тамъ прислуживала съ нѣжной заботливостью одна очень хорошенькая и очень интеллигентная молодая дѣвушка. Вагнеръ писалъ въ то время г-жѣ Везендонкъ. «Эта Вренели мой ангелъ хранитель. Она пускается на необыкновенныя хитрости, чтобы избавить меня отъ назойливыхъ визитовъ». И по этому случаю онъ просилъ Матильду Везендонкъ прислать ей «хорошенькій подарокъ, напримѣръ, шерстяное или шелковое платье, не стѣсняясь цѣною».

Теперь Вагнеръ вспомнилъ объ этой дѣвушкѣ и написалъ ей письмо, въ которомъ просилъ пріѣхать къ нему. Вскорѣ она вмѣстѣ съ подругой, молодой модисткой Бертой Гольдвегъ, которую Вагнеръ тоже приглашалъ пріѣхать, занялась украшеніемъ его новаго жилища. Квартира была убрана съ крикливой роскошью, необходимой для возбужденія его вдохновенія. 15-го октября 1864 года справляли торжественно новоселье. На этомъ празднествѣ присутствовала прежняя подруга Вагнера Матильда Майеръ. За нѣсколько времени до этого газеты пустили слухъ, что у Вагнера тифъ, и Матильда, думая, что онъ нуждается въ уходѣ, поспѣшила съ матерью пріѣхать къ нему. Къ ихъ радости обѣ дамы нашли Вагнера совершенно здоровымъ и, проведя съ нимъ нѣсколько дней, уѣхали домой, вполнѣ успокоенныя. Со своей стороны, Вагнеръ былъ тронутъ ихъ привязанностью и обѣщалъ, что если когда-нибудь ему придется отсюда уѣхать, то онъ пріѣдетъ къ нимъ. «Вы однѣ на свѣтѣ, кому я вполнѣ могу довѣриться», сказалъ онъ.

Въ серединѣ ноября пріѣхалъ Бюловъ. Теперь у Вагнера была новая, настоящая хозяйка. Она завѣдывала всѣмъ, принимала посѣтителей, присутствовала при его все болѣе и болѣе увеличивавшейся корреспонденціи, имѣла свой салонъ и рабочій кабинетъ, гдѣ ежедневно проводила нѣсколько часовъ, стараясь, по мѣрѣ возможности оградить Вагнера отъ всякой скучной работы. Бюлову никогда не приходило въ голову, чтобы Вагнеръ, которому онъ былъ такъ преданъ, могъ когда-нибудь обмануть его довѣріе. Онъ даже не допускалъ этой мысли, и когда 10-го апрѣля 1865 года Козима родила отъ Вагнера ребенка, то онъ, сильно обрадованный, объявилъ своимъ друзьямъ, что «она въ третій разъ становится матерью».

Благодаря Вагнеру, Козима стала пользоваться большимъ расположеніемъ Людвига II. Ей пришла мысль удовлетворить горячее желаніе короля и составить книгу подъ заглавіемъ «Книга Вагнера», гдѣ было бы собрано все, что когда-либо писалъ Вагнеръ. Козима сама собирала письма и рукописи Вагнера и обращалась ко всѣмъ, у кого находились какія-либо рукописи Вагнера. Многіе, впрочемъ, отказались дать ей его письма.

Друзья Вагнера были недовольны вліяніемъ Козимы на ихъ друга, котораго она мало-по-малу забирала въ свои руки, вслѣдствіе чего доступъ къ нему дѣлался затруднительнѣе. Отношенія Вагнера и Козимы для нихъ не были такими невинными, какими наивно считалъ ихъ Бюловъ. Изъ письма Петера Корнеліуса мы узнаемъ, что когда Бюловъ предпринялъ концертныя поѣздки, то его жена все время проводила у Вагнера одна или съ дѣтьми.

Библиотека "Руниверс"

Враги Вагнера, конечно, еще болѣе нападали на Козиму. Въ февралѣ 1865 года эта нападки еще можно было опровергать, но осенью враги еще смѣлѣе подняли голову, поддерживаемые министрами Людвига II, опасавшимися, что Вагнеръ будетъ вліять на короля не въ ихъ пользу. Въ одинъ прекрасный день во всѣхъ баварскихъ газетахъ появилось извѣстіе, что законная жена Вагнера влачитъ въ Дрезденѣ жалкое существованіе и принуждена стать прачкой въ то время, какъ самъ онъ утопаетъ въ роскоши.

Козима подзадоривала Вагнера въ этой полемикѣ, и онъ имѣлъ неосторожность, по ея совѣту, вступить въ борьбу съ министрами въ самой распространенной мюнхенской газетѣ. Для министровъ эта борьба была битвой не на жизнь, а на смерть, и Вагнеръ былъ побѣжденъ. 10-го декабря 1865 года по настоянію короля Людвига II онъ долженъ былъ покинуть Мюнхенъ. Онъ снова поѣхалъ въ Швейцарію и послѣ короткаго пребыванія въ Вевэ нанялъ въ окрестностяхъ Женевы дачу, названную «Артишоки», и опять вызвалъ изъ Мюнхена Бренели. Предоставивъ ея заботамъ свое хозяйство, онъ отправился путешествовать съ единственною цѣлью развлечься. Въ Марселѣ онъ узналъ о смерти своей жены Минны, но не изъ первыхъ рукъ, а съ опозданіемъ и поэтому не успѣлъ самъ пріѣхать къ ея похоронамъ. Онъ ограничился только письмомъ доктору, который ее лечилъ. Онъ писалъ, что такъ страшно пораженъ и совершенно подавленъ ея смертью, что «смотритъ, но ничего не видитъ предъ собой и не можетъ собрать мыслей». Онъ просилъ доктора похоронить ее съ такими же почестями, какія онъ самъ оказалъ бы ей, если бы она умерла въ его объятіяхъ.

Козима, узнавъ объ ея смерти, телеграфировала Вагнеру, спрашивая его, не надо ли ей пріѣхать къ нему. Но онъ просилъ ее отложить свой визитъ. Она пріѣхала къ нему въ мартѣ 1866 года, когда совершала съ мужемъ концертныя поѣздки, и оставалась три недѣли въ Женевѣ. Здѣсь имъ пришлось сдѣлать рѣшительный шагъ.

Людвигъ II желалъ возвращенія Вагнера, но не рѣшался удалить лицъ, враждебно относившихся къ его другу. Вагнеръ рѣшился поселиться въ Швейцаріи вдали отъ свѣта и спокойно заняться своими работами. Козима должна была слѣдовать за нимъ и на этотъ разъ навсегда поселиться въ его домѣ. Они объѣхали Швейцарію въ поискахъ помѣщенія и уже хотѣли отказаться отъ мысли найти что-нибудь подходящее, какъ вдругъ напали на чудный уголокъ близъ Люцерна Трибшенъ—«Островъ Блаженныхъ», какъ назвалъ впослѣдствіи это жилище Ницше. Вагнеръ снова пригласилъ свою вѣнскую модистку украсить его новый домъ и съ нетерпѣніемъ сталъ поджидать пріѣзда Козимы.

12-го мая 1866 года Козима пріѣхала въ Трибшенъ со всѣми дѣтьми. Въ ея отсутствіе пришло письмо отъ Вагнера, и Бюловъ, думая, что въ немъ есть какія-нибудь спѣшныя сообщенія, распечаталъ его съ намѣреніемъ извѣстить жену депешей. Письмо открыло ему глаза. Къ этому примѣшалось другое обстоятельство, прибавившее еще горечи въ его страданіямъ. Намѣреніе Людвига II посѣтить Трибшенъ дало оппозиціи предлогъ для возбужденія новой бури противъ Вагнера. Но его не было въ Мюнхенѣ, и поэтому вся тяжесть недовольства обрушилось на Бюлова. Обманутому мужу ничего не оставалось дѣлать,

Библиотека "Руниверс"

какъ отправиться въ Трибшенъ, чтобы хотя сколько-нибудь заглушить болтовню злыхъ языковъ

Бюловъ согласился на разводъ, но съ условіемъ, чтобы новый бракъ его жены состоялся не ранѣе, какъ чрезъ два года, которые Козима должна провести въ Римѣ у отца во избѣжаніе толковъ. Козима не соглашалась на эту жертву. Оба любовника рѣшили бросить перчатку свѣту. Бюловъ, проведя для приличія около двухъ мѣсяцевъ въ Трибшенѣ и два мѣсяца въ Мюнхенѣ, отправился въ Базель, гдѣ поселился въ полномъ одиночествѣ. Вся семья осталась у Вагнера. У Бюлова не было никакой надежды, но онъ все еще надѣялся придумать что-нибудь для избѣжанія скандала и, такимъ образомъ, скрыть свое положеніе даже отъ глазъ самыхъ интимныхъ друзей.

Враги Вагнера однако не дремали. Къ нимъ на помощь явилось совершенно неожиданное подкрѣпленіе въ лицѣ исполнительницы роли Изольды, Мальвины Шнорръ. Общій восторгъ и поклоненіе предъ Вагнеромъ сблизили эту женщину съ Козимой. Шнорръ, узнавъ о близости Козимы съ Вагнеромъ, воспылала страшной ревностью къ соперницѣ и угрожала сдѣлать самыя ужасныя разоблаченія.

Подробности этой интриги были мало извѣстны публикѣ, и только теперь онѣ становятся ясны изъ напечатанныхъ писемъ Вагнера къ его другу Августу Рекелю. Въ длинномъ письмѣ Вагнеръ разсказываетъ ему объ интригѣ Шнорръ, разсчитывавшей выйти за него замужъ. Несмотря на услугу, оказанную ей Козимой, которая выхлопотала у короля для нея пенсію въ 2.000 флориновъ, Шнорръ задумала противъ нея интригу съ цѣлью избавиться отъ своей соперницы. У Шнорръ была пріятельница, нѣкая Исидора фонъ-Рейтеръ, женщина грубая, невоспитанная, которую она вышучивала предъ Козимой за ея сходство съ жандармомъ. Эта женщина проникла къ ней въ домъ и сопровождала ее въ Мюнхенъ въ качествѣ ученицы пѣнія. Шнорръ, болтая съ нею, посвятила ее въ нѣкоторыя подробности касательно отношеній короля и Козимы къ Вагнеру, которыми Рейтеръ и воспользовалась.

Она постепенно довела эту Шнорръ до психическаго разстройства. При первой же встрѣчѣ ее съ Вагнеромъ ея взглядъ и вся наружность обнаруживали женщину, близкую къ полному безумію. Вагнеръ обошелся съ нею мягко и радушно. Въ то же время онъ за завтракомъ приглядывался къ Рейтеръ и пришелъ къ заключенію, что это просто авантюристка. Шнорръ объявила ему, что она больна и разсчитываетъ остаться у Вагнера до того момента, когда онъ будетъ способенъ выслушать самыя страшныя, но въ то же время утѣшительныя разоблаченія. «Что она подразумѣвала подъ словомъ «утѣшительныя»,— писалъ Вагнеръ,—видно было по ея безумно-влюбленнымъ глазамъ».

На другой день Козима сдѣлала визитъ въ гостиницѣ обѣимъ женщинамъ и передала письмо Вагнера, въ которомъ онъ совѣтовалъ Шнорръ какъ можно скорѣе удалить отъ себя Рейтеръ, если она хочетъ, чтобы Вагнеръ не прерывалъ съ нею сношеній. Шнорръ съ яростью обрушилась на Козиму, предупреждая ее, что разорветъ ее на части, если она станетъ между нею и Вагнеромъ. Затѣмъ она явилась къ Вагнеру одна и выражала къ нему жалость, какъ къ несчастному человѣку, обольщенному и обезумѣвшему, котораго ей поручено

Библиотека "Руниверс"

спасти. На счастье Вагнера, подали завтракъ, и это прервало тяжелую сцену. Послѣ завтрака онъ удалился на полчаса въ свою комнату и, обдумавъ все, рѣшилъ, что созданъ на свѣтѣ не для того, чтобы стать игрушкой этой безумной женщины. Не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, онъ написалъ Шнорръ записку, гдѣ заявилъ, что онъ не въ состояніи продолжать съ нею знакомство, и послалъ письмо со слугою, а самъ вышелъ изъ дому. Свѣжій воздухъ вернулъ ему хладнокровіе. «Устыдившись моей жестокости,—пишетъ Вагнеръ,—я вернулся и встрѣтился съ Шнорръ, которая объяснила это возвращеніе дѣйствіемъ высшей силы. Цѣлый часъ несчастная женщина гуляла со мною, сообщая подробности смерти ея мужа, которыя естественно меня очень волновали, тѣмъ болѣе, что неоднократные намеки Шнорръ заставляли меня опасаться, какъ бы она не придала моему поведенію безразсуднаго значенія». Шнорръ при всемъ своемъ безуміи сообразила, что надо измѣнить тактику и на время отказаться отъ надежды на бракъ съ Вагнеромъ. Желая окончательно успокоить Вагнера, она открыла ему желаніе духа, чтобы она никогда ни съ кѣмъ не вѣнчалась, и, наконецъ, показала Вагнеру клочокъ бумаги, на которомъ неразборчивымъ почеркомъ умирающій Шнорръ начерталъ какія-то слова.

Женское соперничество изъ-за Вагнера окончилось тѣмъ, что Козима поѣхала въ Баденъ къ мужу и разсказала ему суть дѣла. Бюловъ, знавшій отца Рейтеръ, написалъ ему письмо и просилъ его уговорить дочь немедленно уѣхать изъ Мюнхена. Вагнеръ просилъ своего товарища переговорить съ Шнорръ и постараться, насколько возможно, спасти ея умъ. «Согласно послѣднимъ полученнымъ мною извѣстіямъ, несчастная рѣшилась на крайнее безумную выходку, чтобы избавиться отъ опасной соперницы. Поэтому тебѣ будетъ трудно ее урезонить. Вотъ почему предлагаю тебѣ лучше поговорить съ адвокатомъ Готтхельфомъ. Я убѣжденъ, что это такое дѣло, въ которое должны вмѣшаться съ одной стороны врачъ, а съ другой—полиція. Видишь, дорогой другъ, какая приключилась со мной миленькая авантюра. А вмѣстѣ съ тѣмъ надо кончать работу. Ну, филантропъ, сдѣлай все возможное, чтобы притти мнѣ на помощь. У меня нѣтъ никого, кому бы я довѣрялъ болѣе, чѣмъ тебѣ».

Всего любопытнѣе то, что Людвигъ II не хотѣлъ вѣрить ,чтобы между Вагнеромъ и Козимой существовала близость. Въ его дневникѣ находилась слѣдующая фраза: «Нѣтъ, я не хочу и не могу вѣрить, что отношенія Вагнера съ Бюловой когда-нибудь перешли границы чистой дружбы. Это было бы ужасно!»

— Братья Дидро [1]).—Городское управленіе Лангра, собираясь 10-го минувшаго октября увѣковѣчить двухсотлѣтіе дня рожденія знаменитаго философа Дени Дидро прибитіемъ соотвѣтствующей доски къ дому, гдѣ онъ появился на свѣтъ, едва не впало въ ошибку, смѣшавъ Дени Дидро съ его малоизвѣстнымъ братомъ Дидье Дидро.

Дидье Дидро также родился въ Лангрѣ въ 1722 году, т. е. былъ моложе своего брата энциклопедиста на девять лѣтъ. Сначала оба брата предназначались ихъ отцомъ, зажиточнымъ фабрикантомъ пожей, къ духовному званію, и будущій философъ девяти лѣтъ отъ роду уже принялъ полагающуюся у като-

[1]) «Figaro» 1913. Suppl. litter. № 36.

Библиотека "Руниверс"

ликовъ тонзуру . Дидье Дидро сталъ духовнымъ значительно позднѣе, въ болѣе осмысленный возрастъ, двадцати одного года.

Дени не долго носилъ рясу, и уже въ 1745 году показались признаки его разрыва съ католицизмомъ. Въ этомъ году онъ напечаталъ сдѣланный имъ переводъ книги извѣстнаго англійскаго деиста Шефстбери «Опытъ о достоинствѣ и добродѣтели», къ которой въ видѣ предисловія помѣстилъ любопытное письмо къ брату. Въ этомъ письмѣ онъ утверждаетъ, что религія, если ее понимать и примѣнять съ разумнымъ усердіемъ, несомнѣнно, можетъ воспитывать добродѣтель. Однако онъ уже довольно рѣзко упрекаетъ католиковъ въ нетерпимости и фанатизмѣ и явно иронически отзывается о братѣ, которому «хочется быть мученикомъ».

Въ 1746 году Дени Дидро, нуждаясь въ деньгахъ, довольно быстро написалъ свои «Философскія письма». Это «руководство невѣрія», какъ выразились о книгѣ современники, было напечатано въ Голландіи, въ Гаагѣ, и по странному совпаденію вышло въ свѣтъ какъ разъ въ тотъ самый день, когда Дидье Дидро въ первый разъ служилъ обѣдню.

Съ этого іюля начинается извѣстность каждаго изъ братьевъ, каждаго въ своей сферѣ — Дени въ «литературной республикѣ», Дидье въ духовныхъ сферахъ. Скромный кюре переводится въ городъ и дѣлается секретаремъ мѣстнаго епископа.

Жизненный путь братьевъ разошелся, и они не видѣлись между собой цѣлыхъ тринадцать лѣтъ. Лишь въ 1759 году, когда умеръ ихъ отецъ и предстояло подѣлить между двумя братьями и сестрой оставшееся послѣ него имущество, Дени Дидро пріѣхалъ на родину.

Братья встрѣтились дружелюбно, и философъ бросился на шею аббата. Но не прошло и года, какъ разность ихъ натуръ и міросозерцанія сказалась съ новой силой. Дени не удержался и написалъ своему брату письмо религіозно-философскаго содержанія съ сильно деистическимъ направленіемъ. Въ результатѣ черезъ пятнадцать мѣсяцевъ послѣ примиренія послѣдовалъ окончательный разрывъ.

Въ 1770 году старшій братъ отправлялся лечиться на воды въ сопровожденіи Гримма. Путь лежалъ какъ разъ черезъ Лангръ, и старинные знакомые семьи Дидро рѣшили воспользоваться случаемъ и попытаться устроить примиреніе между братьями. «Весь городъ ждалъ этого свиданія между нами и недостатка во всякаго рода помощникахъ и посредникахъ не было», пишетъ философъ своей дочери. Дени Дидро, по ея словамъ, пошелъ первый навстрѣчу брату. Каноникъ потребовалъ, чтобы впредь братъ не писалъ ничего противнаго религіи, и дочь философа утверждаетъ, что ея отецъ такое письменное обѣщаніе далъ. Къ сожалѣнію, всѣ поиски этого высокоинтереснаго документа остались безплодны, и теперь историки литературы не въ состояніи рѣшить, дѣйствительно ли Дени Дидро взялъ на себя такое странное для него обязательство, или это письмо не существовало вовсе.

Прошло еще десять лѣтъ. Въ 1780 году нѣкій гражданинъ Лангра Вуанше де-Версейль принесъ въ даръ городскому управленію полный экземпляръ знаменитой Энциклопедіи. Это огромное изданіе въ тѣ времена стоило большихъ

Библиотека "Руниверс"

денегъ, и потому городской муниципалитетъ не только принялъ съ радостью этотъ щедрый даръ, но рѣшилъ по сему случаю устроить публичный банкетъ. Банкетъ былъ организованъ въ широкихъ размѣрахъ, и однимъ изъ первыхъ приглашенъ былъ братъ главнѣйшаго сотрудника и редактора Энциклопедіи Дени Дидро, каноникъ Дидье Дидро. Но онъ демонстративно отказался отъ приглашенія.

Прошло еще четыре года, и до Дидье, теперь уже архидіакона въ Лангрѣ, дошла вѣсть, что братъ его умеръ. Онъ бросился служить по немъ заупокойныя мессы, написалъ племянницѣ горячее письмо, умоляя ее истребить оставшіяся послѣ брата бумаги, но его успокоили, сказавъ, что эти нечестивыя бумаги вмѣстѣ съ библіотекой покойнаго отправлены уже въ Россію.

Похоронивъ брата, Дидье Дидро самъ сталъ готовиться къ смерти и весь отдался дѣламъ благотворенія: онъ помогалъ бѣднымъ и на свои средства содержалъ школу для дѣтей неимущаго люда.

Онъ умеръ въ 1787 году отъ какой-то заразной болѣзни. Поэтому похороны состоялись очень поспѣшныя, и тѣло его было предано землѣ въ склепѣ лангрскаго собора. Но черезъ сто шесть лѣтъ, въ 1893 году, при ремонтѣ собора этотъ склепъ понадобился для устройства водяного отопленія. Прахъ Дидье Дидро безъ церемоніи выкинули, а на мѣсто его гробницы поставили калориферъ. Обоихъ братьевъ, шедшихъ разными путями при жизни, послѣ смерти постигла одинаковая судьба. Какъ извѣстно, прахъ Дени Дидро покоился въ придѣлѣ знаменитой парижской церкви св. Роха и при передѣлкѣ отопленія также былъ удаленъ оттуда, а на мѣстѣ, гдѣ онъ лежалъ, теперь устроенъ тоже калориферъ.

Библиотека "Руниверс"

СМѢСЬ.

ПРИСУЖДЕНІЕ премій митрополита Макарія. 19-го сентября въ публичномъ засѣданіи академіи наукъ, подъ предсѣдательствомъ вице-президента академіи П. В. Никитина, было объявлено о четырнадцатомъ присужденіи премій митрополита Макарія. Присужденіе премій въ настоящемъ году принадлежало отдѣленію русскаго языка и словесности. Было представлено отъ девяти соискателей двадцать пять отдѣльныхъ сочиненій. Изъ этого числа два сочиненія не признаны вообще отвѣчающими условіямъ конкурса, а одно сочиненіе было снято съ конкурса самимъ авторомъ. Такимъ образомъ, обсужденію образованной изъ членовъ отдѣленія русскаго языка и словесности комиссіи подлежали труды шести авторовъ въ составѣ двадцати двухъ сочиненій. Они были размотрѣны членами отдѣленія ординарными академиками: Н. А. Котляревскимъ, А. И. Соболевскимъ, А. А. Шахматовымъ и особо приглашенными рецензентами—профессоромъ университета св. Владимира В. Н. Перетцемъ, профессоромъ петербургскаго университета Д. К. Петровымъ и профессоромъ новороссійскаго университета А. И. Томсономъ. Комиссія присудила большую премію имени митрополита Макарія въ 1.500 рублей М. Н. Розанову за его трудъ «Ж. Ж. Руссо и литературное движеніе конца XVIII и начала XIX вѣковъ». Остальныя разсмотрѣнныя сочиненія: Н. И. Петрова «Очерки изъ исторіи украинской литературы XVII и XVIII вѣка», Н. К. Козмина «Н. И. Надеждинъ, жизнь и научно-литературная дѣятельность, 1804—1836», Л. В. Щербы «Русскія гласныя въ качественномъ отношеніи», а также этнографическіе и историко-

Библиотека "Руниверс"

археологическіе труды Е. Р. Романова признаны достойными увѣнчанія неполными преміями имени митрополита Макарія. Въ виду, однако, того, что въ распоряженіи отдѣленія русскаго языка и словесности имѣются только двѣ неполныя преміи въ (1,000 рублей каждая), комиссія послѣ баллотировки постановила выдать эти преміи Н. И. Петрову и Н. К. Козмину. Комиссія постановила выразить глубокую признательность отъ имени императорской академіи наукъ рецензентамъ и выдать золотыя медали профессорамъ В. П. Перетцу, Д. К. Петрову и А. И. Томсону. Слѣдующее ближайшее присужденіе премій имени митрополита Макарія по отдѣленію русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ послѣдуетъ въ 1919 году: срокомъ для представленія сочиненій назначено 19-го сентября 1918 года.

Закладка памятника М. Ю. Лермонтову. 1-го октября, въ два часа дня въ присутствіи генералъ-инспектора военно-учебныхъ заведеній великаго князя Константина Константиновича, князей Константина, Іоанна и Игоря Константиновичей въ скверѣ при Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ состоялась закладка памятника «поэту отъ всей кавалеріи» М. Ю. Лермонтову, сооружаемаго ко дню исполняющагося въ будущемъ году столѣтія со дня рожденія. Памятникъ сооружается по проекту скульптора Б. М. Микѣшина на собранныя по подпискѣ пожертвованія. Мѣсто закладки красиво декорировано краснымъ сукномъ съ зеленью. Торжеству предшествовало молебствіе съ царскимъ многолѣтіемъ и провозглашеніемъ вѣчной памяти «воину Михаилу». Вокругъ мѣста закладки построились юнкера училища, имѣя впереди второй взводъ, въ которомъ состоялъ покойный поэтъ. По совершеніи молебствія великій князь и августѣйшіе сыновья совершили чинъ закладки. Ихъ высочества и присутствующіе перешли въ портретный залъ, декорированный зеленью. На эстрадѣ среди зелени выдѣлялась модель будущаго монумента, ближе бюстъ М. Ю., увѣнчанный лавровымъ вѣнкомъ съ лентами цвѣта училища. Начальникъ училища прочелъ текстъ телеграмы, посланной Государю Императору въ Ливадію по случаю закладки памятника. Чтеніе телеграммы сопровождалось громовымъ «ура» и гимномъ, исполненнымъ оркестромъ лейбъ-гвардіи гусарскаго Его Величества полка, неоднократно повтореннымъ. Затѣмъ на эстраду взошелъ преподаватель литературы въ училищѣ г. Семеко, открывшій чествованіе поэта характеристикой личности и его произведеній. Торжество закончилось привѣтствіями многочисленныхъ депутацій отъ всѣхъ гвардейскихъ кавалерійскихъ частей. Командиръ семьдесятъ седьмого пѣхотнаго Тенгинскаго полка въ своемъ словѣ упомянулъ о боевыхъ подвигахъ поэта, запечатлѣнныхъ въ исторіи полка. Слѣдовали привѣтствія отъ города Петербурга (товарищъ предсѣдателя городской думы Казицинъ), императорскаго общества поощренія художествъ, училища правовѣдѣнія, Александровскаго лицея, «Русскаго Инвалида», литературнаго общества «Измайловскій досугъ», Всероссійскаго литературнаго общества, городского училищнаго дома имени М. Ю. Лермонтова, тѣсно связаннаго сосѣдствомъ съ военнымъ училищемъ, и отъ всѣхъ военныхъ училищъ. Громкими апплодисментами собравшіеся на торжество привѣтствовали рѣчи заслуженнаго артиста Н. В. Давыдова, говорившаго отъ Александринской труппы, и члена государственнаго совѣта дѣйствительнаго

Библиотека "Руниверс"

тайнаго совѣтника П. П. Семенова-Тянъ-Шанскаго. Глубокій старецъ, также воспитывавшійся въ стѣнахъ Николаевскаго кавалерійскаго училища, неоднократно встрѣчалъ поэта. По окончаніи привѣтствій былъ оглашенъ рядъ телеграммъ. По предложенію начальника училища генерала Марченка, память генерала Бильдерлинга, подавшаго мысль объ основаніи при училищѣ музея имени М. Ю., была почтена вставаніемъ. Ихъ высочества и присутствовавшіе перешли въ сосѣднія залы, гдѣ всѣмъ собравшимся былъ предложенъ чай. Кромѣ депутацій, на торжествѣ были товарищъ министра торговли и промышленности дѣйствительный статскій совѣтникъ Баркъ, попечитель петербургскаго учебнаго округа камергеръ Прутченко, вице-президентъ академіи наукъ Никитинъ, временно командующій войсками петербургскаго военнаго округа генералъ фанъ-деръ-Флитъ, исполняющій обязанности главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній генералъ Яковлевъ, членъ государственнаго совѣта генералъ Каульбарсъ, П. А. Потѣхинъ и др. Его императорскимъ высочествомъ августѣйшимъ генералъ-инспекторомъ военно-учебныхъ заведеній и президентомъ императорской академіи наукъ Великимъ княземъ Константиномъ Константиновичемъ получена отъ Его Величества Государя Императора телеграмма слѣдующаго содержанія: «Поручаю вашему императорскому высочеству передать всѣмъ присутствовавшимъ на закладкѣ памятника Лермонтову мою сердечную благодарность за выраженныя пожеланія и молитвы. НИКОЛАЙ». Всемилостивѣйшая телеграмма Государя Императора воспослѣдовала въ отвѣтъ на депешу, отправленную Его Императорскому Величеству великимъ княземъ Константиномъ Константиновичемъ 1-го октября, по случаю закладки памятника поэту.

Столыпинскій музей въ Саратовѣ. 22-го сентября въ Саратовѣ состоялось открытіе музея имени П. А. Столыпина. Музей устроенъ при мѣстной архивной комиссіи на средства г. Тилло. Въ музеѣ между прочимъ находятся: бронзовый бюстъ Петра Аркадьевича, сооруженный на средства вдовы покойнаго, брата его, Н. А. Кочубей и Нейдгартовъ, портретъ покойнаго, списанный съ портрета Рѣпина мѣстнымъ художникомъ Корнѣевымъ, письменный столъ покойнаго, мундиръ его, военная шинель, которою онъ былъ прикрытъ, когда его раненаго перевозили изъ театра въ лечебницу доктора Маковскаго,—эти вещи переданы въ музей также Ольгой Борисовной; кресло, въ которое упалъ Петръ Аркадьевичъ, будучи раненъ въ театрѣ, семьдесятъ два серебряныхъ вѣнка, возложенныхъ разными учрежденіями и лицами на гробъ покойнаго въ день его похоронъ, присланныя редакціями разныхъ газетъ колекціи нумеровъ со статьями, относящимися къ личности и дѣятельности покойнаго премьеръ-министра и т. д.

Панихида по Н. Г. Помяловскомъ. 6-го октября на Малоохтенскомъ кладбищѣ, у могилы Н. Г. Помяловскаго, была отслужена панихида по случаю исполнившагося наканунѣ пятидесятилѣтія со дня его кончины. Могила писателя, находящаяся недалеко отъ мѣстной церкви св. Маріи Магдалины, приведена теперь въ порядокъ на средства охтенской управы. Почтить память покойнаго писателя собралось свыше ста человѣкъ, преимущественно мѣстныхъ обывателей и ихъ дѣтей, обучающихся въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заве-

Библиотека "Руниверс"

деніяхъ. Среди присутствовавшихъ были всѣ члены охтенской городской управы во главѣ съ предсѣдателемъ В. В. Кондратьевымъ и членомъ управы Д. Д. Дудаковымъ. Изъ петербургскихъ литераторовъ присутствовали только двое: предсѣдатель всероссійскаго литературнаго общества Ѳ. Д. Батюшковъ и Н. О. Пружанскій. Охтенское пригородное общество возложило на могилу Н. Г. Помяловскаго вѣнокъ съ надписью: «Автору «Порѣчанъ». Другой вѣнокъ возложили почитатели-порѣчане, съ надписью: «Свѣтъ и во тьмѣ свѣтитъ». Настоятель церкви св. Маріи Магдалины, протоіерей Маловъ, произнесъ у могилы краткую рѣчь, посвященную памяти Н. Г. Помяловскаго, упомянувъ, что покойный писатель вышелъ изъ среды охтянъ. Краткую характеристику литературной дѣятельности Помяловскаго далъ студентъ-охтянинъ г. Сухановъ. Въ память Н. Г. Помяловскаго былъ устроенъ литературный вечеръ въ мѣстномъ городскомъ домѣ. Домъ этотъ построенъ на прилегающей къ кладбищу Оградской улицѣ, которую охтенская управа постановила переименовать въ улицу Помяловскаго. На литературномъ вечерѣ выступитъ съ докладомъ профессоръ А. К. Бороздинъ. По случаю пятидесятилѣтія со дня кончины Н. Г. Помяловскаго рѣшено прибить мраморную доску къ деревянному двухъэтажному дому на Малоохтенскомъ пр., въ которомъ жилъ и скончался писатель. Кромѣ того, одной изъ стипендій охтенской управы въ учебныхъ заведеніяхъ будетъ присвоено имя Н. Г. Помяловскаго.

Новый членъ императорской академіи наукъ. Подъ предсѣдательствомъ августѣйшаго президента состоялось общее собраніе академіи наукъ, которое было посвящено главнымъ образомъ выборамъ новаго члена академіи на вакантную каѳедру по историко-филологическому отдѣленію. На каѳедру эту былъ предложенъ тремя членами историко-филологическаго отдѣленія спеціалистъ по исторіи Востока и Средней Азіи, заслуженный ординарный профессоръ петербургскаго университета В. В. Бартольдъ. Предложеніе свое они мотивировали подробной запиской о научной дѣятельности кандидата. Историко-филологическое отдѣленіе единогласно постановило поддержать кандидатуру В. В. Бартольда передъ общимъ собраніемъ академіи наукъ. Въ общемъ собраніи академіи 22-го октября профессоръ В. В. Бартольдъ избранъ въ члены академіи наукъ двадцатью пятью голосами противъ двухъ. Новый академикъ—извѣстный знатокъ Центральной Азіи, ея литературы и мѣстныхъ языковъ, родился въ 1869 году и окончилъ петербургскій университетъ. Научная дѣятельность его началась въ 1892 году. Въ слѣдующемъ году имъ былъ изданъ трудъ: «Христіанство въ Средней Азіи». Затѣмъ получили извѣстность его труды: «Христіанство въ Туркестанѣ» и «Исторія Семирѣчья». За капитальный трудъ «Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія» въ 1900 году В. В. Бартольдъ былъ удостоенъ восточнымъ факультетомъ петербургскаго университета степени доктора исторіи Востока, минуя степень магистра. Въ 1901 году В. В. Бартольдъ производилъ раскопки окрестностей Самарканда. В. В. Бартольдъ интересовался также вопросомъ объ орошеніи Туркестана и написалъ историческій очеркъ объ этомъ. Онъ стоитъ во главѣ бюро по изученію Средней Азіи, ея литературы и мѣстныхъ языковъ. Послѣдній трудъ В. В. Бартольда «Исторія изученія Востока въ Европѣ и въ Россіи». Многіе труды его переведены на

Библиотека "Руниверс"

иностранные языки. В. В. Бартольдъ состоитъ съ 1910 года членомъ-корреспондентомъ академіи наукъ, а также многихъ заграничныхъ ученыхъ учрежденій.

Юбилей общества любителей духовнаго просвѣщенія. 17-го сентября общество любителей духовнаго просвѣщенія въ Москвѣ праздновало пятидесятилѣтіе своего существованія. Въ день юбилея литургію въ Князе-Владимирскомъ храмѣ совершалъ архіепископъ Алексій въ сослуженіи ректора московской духовной семинаріи архимандрита Сергія, предсѣдателя общества любителей духовнаго просвѣщенія протоіерея Н. Д. Извѣкова и другого духовенства, при пѣніи хора воспитанниковъ московской духовной семинаріи. Предъ началомъ молебствія высокопреосвященный Макарій произнесъ краткую рѣчь, въ которой призывалъ собравшихся къ искренней молитвѣ Господу Богу по поводу истекшаго пятидесятилѣтія общества любителей духовнаго просвѣщенія; затѣмъ митрополитъ выразилъ пожеланіе, чтобы дѣятельность общества не меркла, а развивалась и укрѣплялась въ направленіи, поставленномъ ему учредителями. Въ нынѣшнее время,—говорилъ владыка,—особенно необходимо духовно-нравственное просвѣщеніе. Въ заключеніе своей рѣчи высокопреосвященный Макарій призвалъ Божіе благословеніе на дальнѣйшую дѣятельность общества. По окончаніи богослуженія митрополитъ посѣтилъ устроенную къ юбилею въ помѣщеніи читальной залы епархіальной библіотеки выставку старинныхъ иконъ и другихъ предметовъ церковной утвари, а также выдающихся рукописныхъ книгъ, хранящихся въ означенной библіотекѣ. Выставка не велика по объему, но представляетъ большой интересъ для спеціалистовъ. Вечеромъ въ залѣ епархіальнаго дома состоялось торжественное юбилейное собраніе общества. На экранѣ былъ помѣщенъ портретъ приснопамятнаго митрополита Филарета, украшенный зеленью. Собраніе состоялось подъ почетнымъ предсѣдательствомъ высокопреосвященнаго Макарія, митрополита московскаго. Присутствовали на засѣданіи: преосвященные—Анастасій, епископъ серпуховскій, Ѳеодоръ, епископъ волоколамскій, и ректоръ московской духовной академіи Модестъ, епископъ верейскій, Евѳимій, настоятель Заиконоспасскаго монастыря, и Анатолій, епископъ чистопольскій и ректоръ казанской духовной академіи. Кромѣ ректора, отъ московской духовной академіи на собраніе прибыли инспекторъ архимандритъ Иларіонъ и профессоръ Д. И. Введенскій. На засѣданіи былъ прочитанъ рядъ привѣтственныхъ телеграммъ и историческая записка о жизни общества.

Юбилей общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи. 15-го октября вечеромъ въ новой большой аудиторіи политехническаго музея состоялось торжественное засѣданіе по случаю пятидесятилѣтняго юбилея общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи. На собраніи выступили съ докладами, посвященными юбилею, президентъ общества профессоръ Д. Н. Анучинъ, профессора И. А. Каблуковъ и В. В. Богдановъ; затѣмъ вице-президентъ общества профессоръ Н. Е. Жуковскій передалъ привѣтствія Д. Н. Анучину по случаю семидесятилѣтія со дня его рожденія, затѣмъ состоялся пріемъ депутацій, изъ которыхъ многія чествовали президента общества Д. Н. Анучина, и читались привѣтствія, полученныя обществомъ. Всѣ адреса, привѣтствія и телеграммы войдутъ въ издаваемый обществомъ отчетъ о

Библиотека "Руниверс"

торжественномъ засѣданіи. Помимо телеграфныхъ и письменныхъ привѣтствій русскіе университеты, высшія учебныя заведенія и научно-просвѣтительныя общества прислали свои депутаціи, въ томъ числѣ и изъ Петербурга. Много телеграмъ получено отъ извѣстныхъ ученыхъ и государственныхъ и общественныхъ дѣятелей: отъ графа С. Ю. Витте, академиковъ В. Миллера и Рыкачева, отъ княгини М. Тенишевой и другихъ.

Пятидесятилѣтній юбилей «Русскихъ Вѣдомостей». 6-го октября въ помѣщеніи Литературно-Художественнаго кружка состоялось торжественное чествованіе «Русскихъ Вѣдомостей». Къ часу дня обширный залъ кружка былъ переполненъ. На эстрадѣ размѣстились члены комитета по организаціи чествованія «Русскихъ Вѣдомостей». Среди присутствовавшихъ: членъ государственнаго совѣта М. М. Ковалевскій, члены думы: П. Н. Милюковъ, А. И. Шингаревъ, И. Н. Ефремовъ, А. И. Коноваловъ, Н. Н. Щепкинъ, М. М. Новиковъ, А. С. Посниковъ, М. В. Челноковъ, М. С. Аджемовъ, Н. В. Некрасовъ, академики: И. А. Бунинъ, А. Н. Веселовскій, Д. Н. Овсянико-Куликовскій, профессора: А. Ф. Фортунатовъ, А. А. Эйхенвальдъ, Н. М. Кулагинъ, Р. Ф. Брандтъ, Л. М. Лопатинъ, Н. А. Каблуковъ, П. И. Новгородцевъ, Н. А. Умовъ, Н. А. Гредескулъ, бывшіе депутаты (члены 1, 2 и 3 думы): А. А. Кизеветтеръ, М. Г. Комиссаровъ, А. Р. Ледницкій, М. В. Сабашниковъ, П. А. Садыринъ, Н. В. Тесленко, В. П. Обнинскій, Д. Д. Протопоповъ, князь Пав. Долгоруковъ, князь Д. И. Шаховской, предсѣдатель общества любителей россійской словесности А. Е. Грузинскій, гласные городской думы Н. А. Астровъ, Н. М. Кишкинъ, А. Д. Алферовъ, Д. Е. Гороховъ, предсѣдатель совѣта присяжныхъ повѣренныхъ Д. Н. Доброхотовъ, товарищъ предсѣдателя вольно-экономическаго общества Г. А. Фальборкъ, графъ П. М. Толстой, И. И. Горбуновъ-Посадовъ, В. Я. Брюсовъ, князь А. И. Сумбатовъ, Вл. И. Немировичъ-Данченко, Н. Д. Телешовъ, Д. И. Тихомировъ, К. К. Мазингъ, Ф. А. Александровъ, А. С. Изгоевъ, А. А. Стаховичъ, В. В. Переплетчиковъ, графъ С. Л. Толстой, присяжный повѣренный М. Л. Мандельштамъ, Л. В. Собиновъ, И. А. Бѣлоусовъ и многіе другіе. Торжественное засѣданіе открылъ предсѣдатель комитета по организаціи чествованія «Русскихъ Вѣдомостей» Н. В. Давыдовъ. Появленіе членовъ редакціи «Русскихъ Вѣдомостей» А. С. Посникова, Д. Н. Анучина, А. А. Мануилова, В. А. Розенберга, А. Н. Максимова, И. Н. Игнатова, В. К. Аркадакскаго, Н. Е. Эфроса и другихъ было встрѣчено продолжительными апплодисментами. Члены редакціи газеты размѣстились на эстрадѣ. Торжество открывается рѣчью предсѣдателя юбилейнаго комитета Н. В. Давыдова. «Русскія Вѣдомости», — говоритъ ораторъ,—на протяженіи долгихъ лѣтъ нашей общественной жизни служили яркимъ свѣточемъ культуры. Стойкіе въ своихъ политическихъ стремленіяхъ, непоколебимые въ своихъ убѣжденіяхъ, дѣятели и руководители газеты служили дѣлу общественнаго воспитанія и лучшимъ идеаламъ государственнаго устройства. Русское общество оцѣнило благотворную работу независимаго органа печати, пріобрѣтшаго среди широкой читающей публики глубокое уваженіе, авторитетъ, вліяніе и искреннюю благодарность. Ю. А. Бунинъ прочелъ адресъ, подписанный, по свѣдѣніямъ юбилейнаго комитета, около ста тысячами почитателей и читателей «Русскихъ Вѣодмостей». По прочтеніи

Библиотека "Руниверс"

адреса онъ былъ помѣщенъ въ особый художественно расписанный ларецъ, подне-сенный «Русскимъ Вѣдомостямъ» отъ имени юбилейнаго комитета. Далѣе слѣдо-валъ рядъ рѣчей, характеризующихъ юбиляра въ разныхъ областяхъ его дѣя-тельности М. М. Ковалевскаго, П. Н. Милюкова, И. А. Бунина, А. С. Посникова, И. И. Попова, который, вспоминая объ ушедшихъ въ иной міръ В. М. Соболев-скомъ, Герценштейнѣ и Г. Б. Іоллосѣ, предложилъ почтить ихъ память вста-ваніемъ. Адреса прочитаны: А. Е. Грузинскимъ—отъ общества любителей россійской словесности, В. Я. Брюсовымъ—отъ Литературно-Художественнаго кружка, отъ всероссійскаго литературнаго общества—А. А. Корниловымъ, обще-ства драматическихъ писателей—А. И. Южинымъ, отъ дѣятелей періодической печати—В. М. Фриче, отъ кассы литераторовъ и ученыхъ, отъ кружка «Среда», отъ русскаго библіографическаго общества, отъ кіевскаго общества дѣятелей печати. Профессоръ М. М. Ковалевскій прочелъ адресъ отъ лѣвой группы го-сударственнаго совѣта, Д. Н. Овсянико-Куликовскій—отъ «Вѣстника Европы». Отъ имени центральнаго комитета партіи прогрессистовъ говорилъ Н. И. Ефре-мовъ, рѣчь котораго была прервана представителемъ полиціи, послѣ чего со-браніе было закрыто. Къ шести часамъ вечера въ «Славянскій Базаръ» начали сходиться служащіе типографіи, редакціи и конторы «Русскихъ Вѣдомостей». Въ зрительномъ залѣ ресторана на шести столахъ былъ сервированъ обѣдъ на двѣсти персонъ. Вечеромъ въ залѣ ресторана «Славянскій Базаръ» состоялся банкетъ въ честь «Русскихъ Вѣдомостей». Столы были сервированы на пятьсотъ кувертовъ. Въ центрѣ зала расположились члены редакціи «Русскихъ Вѣдо-мостей». Предсѣдателемъ банкета по предложенію М. М. Ковалевскаго былъ избранъ князь П. Д. Долгоруковъ. На банкетѣ присутствовали всѣ представи-тели общественныхъ и политическихъ организацій, бывшіе на дневномъ че-ствованіи. Кромѣ того присутствовали члены городской управы В. Ф. Малининъ и Г. А. Пузыревскій, гласные думы В. В. Пржевальскій, П. А. Бурышкинъ, присяжный повѣренный П. И. Малянтовичъ, С. А. Левицкій, много дамъ. Первый тостъ предложилъ М. М. Ковалевскій за процвѣтаніе «Русскихъ Вѣдомо-стей». Затѣмъ произнесъ привѣтствіе профессоръ П. А. Гредескулъ. Востор-женно былъ принятъ тостъ князя Долгорукова за здоровье А. С. Посникова и Д. Н. Анучина. П. М. Кишкинъ предложилъ тостъ за А. А. Мануилова. А. А. Мануиловъ поднялъ бокалъ за членовъ юбилейнаго комитета. Затѣмъ были про-читаны телеграммы: отъ московской городской управы, отъ Л. Л. Катуара, отъ губернской земской управы, тифлисскаго городского головы, уфимскаго губер-нскаго земства и другія. Послѣ чтенія телеграммъ произнесъ вѣчь князь П. Д. Долгоруковъ, которую присутствовавшій на банкетѣ представитель полиціи предложилъ прекратить, а также заявилъ, что дальнѣйшія рѣчи не могутъ быть допущены. Послѣ прочтенія телеграммы члена государственнаго совѣта, пред-сѣдателя императорскаго географическаго общества П. П. Семенова-Тянъ-Шан-скаго, предсѣдатель заявилъ, что приставъ запрещаетъ дальнѣйшее чтеніе те-леграммъ. Тогда князь Долгоруковъ обратился съ собранію съ заявленіемъ, что такъ какъ ни рѣчи, ни чтеніе телеграммъ не будутъ далѣе допущены, то онъ сла-гаетъ съ себя обязанности предсѣдателя. Послѣ этого приставъ объявилъ, что, такъ какъ собраніе остается безъ отвѣтственнаго лица, то присутствующіе должны разойтись.

Библиотека "Руниверс"

Юбилей профессора Ѳ. А. Брауна. 21-го сентября исполнилось двадцатипятилѣтіе научной и служебной дѣятельности профессора и декана историко-филологическаго факультета, профессора высшихъ женскихъ курсовъ Ѳ. А. Брауна. Въ связи съ двадцатипятилѣтнимъ юбилеемъ въ университетѣ состоялось чествованіе профессора Ѳ. А. Брауна. Въ пятую аудиторію, декорированную зеленью и тропическими растеніями, собралось около двухъ тысячъ студентовъ, восторженно привѣтствовавшихъ появленіе профессора шумными аплодисментами. Депутаціей студентовъ профессору Ѳ. А. Брауну былъ поднесенъ адресъ, въ которомъ студенты привѣтствовали Ѳ. А., сумѣвшаго «своимъ дружескимъ чуткимъ отношеніемъ, исключительною отзывчивостью къ студенческимъ нуждамъ и интересамъ снискать всеобщія симпатіи и любовь со стороны петербургскаго студенчества». Студенты вынесли профессора изъ аудиторіи на рукахъ подъ не смолкавшіе аплодисменты и пронесли по всему зданію до профессорской лекторіи. Шествіе сопровождалось пѣніемъ «Gaudeamus». Утромъ въ университетъ заѣзжалъ и поздравлялъ юбиляра попечитель петербургскаго учебнаго округа С. М. Прутченко. Въ тотъ же день въ особомъ засѣданіи юбиляра чествовалъ совѣтъ профессоровъ историко-филологическаго факультета. Директоръ высшихъ женскихъ курсовъ профессоръ С. К. Буличъ привѣтствовалъ юбиляра отъ лица высшихъ курсовъ. Профессоръ Ф. Ф. Зѣлинскій въ своей рѣчи указалъ на заслуги Ѳ. А. Брауна въ качествѣ секретаря и декана факультета. Деканъ историко-филологическаго факультета высшихъ женскихъ курсовъ профессоръ И. М. Гревсъ остановился на дѣятельности Ѳ. А. Брауна въ качествѣ профессора курсовъ и поборника высшаго образованія для женщинъ. И. М. Гревсъ указалъ на ту роль, которую Ѳ. А. игралъ при проведеніи автономіи на курсахъ и созданіи на историко-филологическомъ факультетѣ особаго германо-романскаго отдѣленія. На научныхъ заслугахъ Ѳ. А. Брауна въ области германо-романскихъ литературъ остановился въ своей рѣчи и профессоръ Д. К. Петровъ. Вечеромъ профессора петербургскаго университета и высшихъ женскихъ курсовъ чествовали Ѳ. А. Брауна въ ресторанѣ «Контанъ».

Рѣдкая археологическая находка. При ремонтѣ Софійскаго собора въ Полоцкѣ, въ алтарѣ, обращенномъ на западъ, найдена рѣдкая, великокняжской эпохи, стѣнная роспись и фрески. Алтарь, гдѣ найдена стѣнопись, есть главный алтарь бывшей церкви XI или даже X вѣка. Стѣнопись обнаружена при отбивкѣ болѣе поздней штукатурки, сдѣланной при перестройкѣ церкви въ костелъ при уніатскомъ епископѣ Флоріанѣ Гребницкомъ. Уцѣлѣла она, хотя частью, только какимъ-то чудомъ, причемъ все же есть кое-какія и поврежденія; такъ, для того, чтобы держалась новая штукатурка, на древней штукаткркѣ съ росписью сдѣлана строителями костела насѣчка. Эта насѣчка, конечно, въ нѣкоторой степени повредила роспись, но очень мало и весь рисунокъ все же легко разобрать. Однако цѣлость рисунка сильно нарушена при устройствѣ іезуитами колоннъ, оконныхъ проемовъ, скульптурныхъ украшеній и иныхъ болѣе позднихъ надстроекъ, при устройствѣ которыхъ древняя расписанная штукатурка немилосердно строителями отбивалась. Сохранилась древняя расписанная штукатурка лишь въ мѣстахъ внутреннихъ стѣнъ между колоннами. Во всемъ рисункѣ преобладаютъ зеленые и фіолетовые тона. Фрески же отличаются пестротою своихъ

Библиотека "Руниверс"

красокъ. Въ одномъ мѣстѣ ясно обрисовывается нарисованный наличникъ вокругъ бывшаго въ древней кладкѣ окна, наверху же арки этого окна нарисована ступня и видны части складки, покрывающей ногу святого. Къ великому сожалѣнію, дальше нога и одежды сбиты для устройства скульптурнаго украшенія, и продолженіе фигуры пока не обнаружено, такъ какъ ремонтныя работы въ этомъ мѣстѣ пріостановлены. Теперь вспомнили, что совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ храма, гдѣ была въ стѣнѣ сквозная трещина, при ремонтномъ исправленіи этой трещины на стѣнѣ видѣли очень небольшой кусочекъ старой штукатурки на древней кладкѣ, сверху окрашенный въ такой же зеленый цвѣтъ. Тогда на это не обратили серьезнаго вниманія, и еле державшійся кусочекъ штукатурки отвалился. Этотъ окрашенный кусочекъ даетъ поводъ теперь предполагать, что всѣ стѣны древняго храма были расписаны и что вполнѣ возможно, что подъ нынѣшней штукатуркой похоронена штукатурка великокняжеской эпохи, вся расписанная. Оставшіяся фрески на колоннахъ и остаткахъ стѣнъ въ подпольѣ, а также на чердакѣ подъ крышей даютъ возможность предполагать цѣнность этой находки. Во многихъ мѣстахъ въ подпольѣ фрески страшно разрушаются и ихъ немедленно необходимо предохранить отъ окончательной гибели. Въ подпольѣ около одной стѣны въ кучѣ мусора много остатковъ фресокъ.

Раскопки въ Херсонѣ. При раскопкахъ некрополя Ольвіи были вновь открыты могилы VI вѣка до Р. Х. Въ одной изъ нихъ даютъ возможность опредѣлить точную дату двѣ терракотовыя статуэтки. Первая представляетъ богиню, сидящую на тронѣ и держащую на колѣняхъ льва, ее называли Кибелой, такъ какъ подъ этимъ именемъ она почиталась въ Малой Азіи; она—владычица звѣрей и производительница всего живущаго. Эта богиня почиталась еще во времена хеттеевъ, отъ нихъ она перешла въ древне-эгейскую культуру, къ іонійцамъ; она—богиня жизни. Другая статуэтка изображаетъ также сидящую богиню, закрытую покрываломъ, это богиня смерти—Персефона. Сначала обѣ богини представлялись въ видѣ одного понятія, какъ одна богиня жизни и смерти, а потомъ уже послѣдовало дѣленіе на два отдѣльныя, близко родственныя между собою, существа—богиня жизни Кибела и богиня смерти, подземнаго міра Персефона. Вотъ чѣмъ и объясняется то, что обѣ эти статуэтки были положены въ одну могилу, въ данномъ случаѣ, ребенка—символъ напутствія его, подъ охраной богинь, въ будущей жизни подземнаго міра. Въ этой же могилѣ были двѣ пары золотыхъ серегъ въ видѣ замочковъ, бронзовое съ рельефами зеркало въ видѣ диска съ ручкой, черно-фигурный лекифъ, черно-лаковая чашечка, золотыя и лигнитовыя бусы и др. вещи. Въ другой могилѣ найдены бронзовыя серьги въ видѣ колечекъ, золотыя подвѣски въ видѣ проволочекъ, въ которыя вправлены стеклянныя бѣлыя бусы съ разноцвѣтными глазками, на груди находился миніатюрный курьезный флаконичикъ—золотой, съ крышечкой, черно-лаковая чашечка, килинъ на высокой подставкѣ, двѣ амфоры разныхъ формъ, что любопытно для установленія времени ихъ происхожденія и проч. Третья могила особенно замѣчательна расположеніемъ находящихся въ ней вещей. Вещи сохранились на своихъ мѣстахъ въ томъ видѣ, какъ онѣ были расположены при погребеніи

Библиотека "Руниверс"

умершаго. При открытіи могилы онѣ были сфотографированы, а также и зарисованы архитекторомъ. Эти вещи (около десяти предметовъ) находились въ ногахъ погребеннаго и были расположены овальной формой; здѣсь были: черно-лаковый килинъ, двѣ черно-лаковыя съ рельефами чашечки, черно-лаковый аскъ, черно-лаковая чашечка на высокой подставкѣ, одна и другая, мѣдное зеркало, мѣдная игла, небольшая остродонная амфора и др. У головы покойника найдены разныя бусы, у лѣвой руки мѣдное кольцо, обломки желѣзнаго кольца и пр. вещи. Хранитель херсонскаго музея В. И. Гошкевичъ недавно производилъ археологическое изслѣдованіе въ имѣніи землевладѣльца Ф. С. Агаркова. Мѣстность эта расположена при впаденіи въ Днѣпръ рѣки Каменки, около 12 верстъ выше Бизюкова монастыря. Здѣсь находится древнее кладбище, посреди котораго стоятъ рядомъ два кургана,—одинъ имѣетъ 34 сажени, а другой 47 саженъ въ окружности. Первый изъ этихъ кургановъ былъ вскрытъ г. Гошкевичемъ, причемъ въ верхней части обнаружился рядъ торчащихъ огромныхъ каменныхъ плитъ, которыя обозначали мѣста погребеній. Покойники оказались въ насыпи на небольшой глубинѣ: къ самому большему камню черепомъ примыкалъ скелетъ, уложенный на спинѣ, головой на сѣверъ и ногами на югъ, руки протянуты по сторонамъ туловища, но согнуты въ локтяхъ. Ростъ скелета—2 аршина 8 вершковъ. Далѣе въ насыпи кургана найдены еще три человѣческіе скелета, кости которыхъ истлѣли и растасканы сусликами. По мѣрѣ дальнѣйшаго углубленія найдены еще нѣкоторые скелеты. По опредѣленію г. Гошкевича найденные въ курганѣ скелеты лежатъ въ землѣ не менѣе трехъ тысячъ лѣтъ, со временъ каменныхъ и бронзовыхъ орудій, и принадлежатъ, по его мнѣнію, представителямъ загадочныхъ киммеріанъ, жившихъ въ здѣшнемъ краѣ раньше скиѳовъ, во времена доисторическія. При покойникахъ найдено нѣсколько горшковъ, вылѣпленныхъ изъ глины прямо руками, безъ помощи гончарнаго станка, который въ тѣ времена еще не былъ изобрѣтенъ.

Археологическія раскопки въ Ялтѣ. Въ настоящее время во многихъ мѣстахъ Таврической губерніи производятся археологическія раскопки. На Яйлѣ партіей крымскихъ водныхъ изысканій во время почвенныхъ изслѣдованій найдены были орудія каменнаго вѣка. Въ окрестностяхъ Мангупъ-Кале завѣдующимъ херсонскимъ музеемъ Х. Литромъ и крымскимъ археологомъ А. Гидалевичемъ въ районѣ, гдѣ обнаружены были остатки храма св. Константина, найдено много красивыхъ могильныхъ памятниковъ и гробницъ. Въ этихъ гробницахъ находилось немало цѣнныхъ золотыхъ и серебряныхъ украшеній. Далѣе, археологами были открыты руины турецкой тюрьмы и древняго храма, затѣмъ остатки громадныхъ дворцовъ, повидимому, относящихся къ эпохѣ татарскаго владычества въ Крыму. Въ Большой Знаменкѣ, Таврической губерніи, была разрыта «Большая могила», въ которой на девятисаженной глубинѣ былъ найденъ богатый гипсовый саркофагъ съ 246 штуками золотыхъ и серебряныхъ украшеній. Въ саркофагѣ обнаружены: скелетъ съ золотымъ кольцомъ, покрытымъ рѣдкой эмалью, два меча съ рукоятками и ножнами изъ золота, панцырь изъ бронзы и бронзовый шлемъ греческой работы. Всѣ найденныя вещи великолѣпно сдѣланы и, по словамъ археологовъ, оцѣниваются въ

Библиотека "Руниверс"

десятки тысячъ рублей. По всей вѣроятности, это вооруженіе относится къ эпохѣ скиѳовъ и является чрезвычайно рѣдкимъ для археологіи не только нашей, но даже Западной Европы. Руководителемъ раскопокъ графомъ А. В. Бобринскимъ открыты: громадное золотое блюдо дивной работы, съ изображеніями рыбъ и птицъ, золотая гребенка, около одного фунта вѣсомъ, съ восемнадцатью зубцами и роскошными художественно исполненными фигурками скиѳовъ и девять громадныхъ серебряныхъ вазъ съ барельефами, относящимися къ жизни скиѳовъ. По мнѣнію руководителя раскопокъ, Крымъ давно не давалъ ничего подобнаго по богатству и цѣнности обнаруженнаго сейчасъ въ Большой Знаменкѣ.

Древніе обитатели Сибири. Р. Э. Петри, хранитель этнографическаго музея Александра III, производившій раскопки въ мѣстности Уланъ-Хода, противъ острова Ольхона (на о. Байкалѣ), обнаружилъ классическій образецъ стоянокъ первобытнаго человѣка. Находимыя до сихъ поръ мѣста пребыванія первобытнаго человѣка въ Сибири носили характеръ чисто случайный: по нимъ нельзя было послѣдовательно прослѣдить преемственность первобытныхъ культуръ. Только у Уланъ-Хода сохранилась эта послѣдовательность первобытныхъ культуръ. Р. Э. Петри собралъ интереснѣйшій матеріалъ, способный пролить новый свѣтъ въ археологію. Въ разрѣзѣ, сдѣланномъ Р. Э. Петри, насчитывается десять-одиннадцать ярусовъ, причемъ въ самыхъ нижнихъ слояхъ о пребываніи человѣка свидѣтельствуютъ кремневыя издѣлія, но ужъ въ девятомъ ярусѣ встрѣчается неолитъ съ керамикой грубой формы. И чѣмъ выше подниматься по ярусамъ, тѣмъ керамическій рисунокъ дѣлается болѣе изящнымъ и лучшимъ. Такимъ образомъ, ангарскій басейнъ, какъ мѣсто пребыванія доисторическихъ народовъ, уланъ-ходскимъ открытіемъ будетъ сильно двинутъ впередъ въ смыслѣ разрѣшенія нѣкоторыхъ очередныхъ задачъ археологіи и этнографіи. Затѣмъ «археологическіе ярусы» Петри дадутъ возможность точно установить, къ какому періоду относятся уже имѣющіяся находки первобытныхъ стоянокъ.

Памятникъ средневѣковья въ Ригѣ. Въ Ригѣ открытъ древній памятникъ. Членомъ московскаго археологическаго общества И. Я. Стеллецкимъ подъ древнимъ замкомъ Плеттенберга открытъ единственный въ своемъ родѣ, сплошь выложенный кирпичомъ и отлично сохранившійся длиннѣйшій подземный ходъ къ рѣкѣ Двинѣ. Мѣстное преданіе даже ведетъ его подъ Двину, но не изъ замка, а изъ церкви Петра и Павла, нѣкогда шведской. Проникнуть до конца хода И. Я. Стеллецкому помѣшала грязь, до половины высоты заполняющая подземелье, и удушливые газы. По той же причинѣ лишь съ большимъ усиліемъ удалось изслѣдователю сдѣлать фотографическій снимокъ внутренности подземнаго памятника средневѣковья.

Отъ комитета попечительства о трудовой помощи. Утвержденнымъ Ея Императорскимъ Величествомъ Государынею Императрицею Александрою Ѳеодоровною 7-го марта 1912 года постановленіемъ комитета большая премія августѣйшаго имени ея императорскаго величества за сочиненіе по вопросамъ призрѣнія бѣдныхъ и благотворительности присуждена въ половинномъ размѣрѣ сочиненіямъ профессоровъ В. А. Залѣскаго: «Системы призрѣнія бѣдныхъ въ законодательствѣ и практикѣ главнѣйшихъ западно-европейскихъ государствъ»

Библиотека "Руниверс"

и В. А. Гагена: «Западно-европейскій бѣднякъ». Въ томъ же засѣданіи комитетъ призналъ желательнымъ предложить къ предстоящему въ 1914 году конкурсу на преміи слѣдующія темы: 1) «Общественныя работы, какъ мѣра борьбы съ послѣдствіями неурожая»; 2) «Попеченіе о безпризорныхъ и покинутыхъ дѣтяхъ»; 3) «Дѣтская смертность и мѣры борьбы съ нею»; 4) «Мѣры борьбы съ нуждою, бѣдностью и нищетою въ городахъ и деревняхъ въ Россіи и за границей». На основаніи § XXV высочайше утвержденныхъ 6-го іюня 1901 года правилъ о преміяхъ, срокъ для представленія сочиненій на соисканіе премій назначенъ на 1-е мая 1914 года. Преміи присуждаются: одна большая въ размѣрѣ 2.000 р. и три малыхъ—первая въ 1.000 рублей, а остальныя двѣ—по 750 рублей. Къ соисканію премій допускаются, какъ рукописныя, такъ и напечатанныя въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ до закрытія конкурса сочиненія, которыя имѣютъ своимъ предметомъ разработку вопросовъ о призрѣніи бѣдныхъ, о благотворительности и мѣропріятіяхъ, направленныхъ къ улучшенію условій труда и быта нуждающихся, съ теоретической или практической точекъ зрѣнія, въ особенности въ примѣненіи къ Россіи, изученіе исторіи, статистики и законодательства по указаннымъ отраслямъ и т. п. Комитетъ попечительства предлагаетъ на соисканіе премій темы. Сочиненія, написанныя на свободно избранныя темы, принимаются къ соисканію вмѣстѣ съ сочиненіями на предложенныя темы; симъ послѣднимъ, при равныхъ достоинствахъ, отдается, однако, преимущество. Сочиненія, которыя уже получили какую-либо награду отъ другого учрежденія, не лишаются права быть удостоенными премій отъ комитета попечительства о трудовой помощи. Сочиненія къ соисканію премій могутъ быть присылаемы или представляемы въ присутственные дни въ канцелярію комитета попечительства о трудовой помощи, помѣщающуюся въ Петербургѣ по Надеждинской ул., д. № 41, кв. 2, отъ 1 до 5 час. дня. Здѣсь же помѣщается спеціальная библіотека по вопросамъ призрѣнія бѣдныхъ и благотворительности.

Библиотека "Руниверс"

НЕКРОЛОГИ.

БАСТУНОВЪ, Э. Д. 13-го сентября, въ девять часовъ утра, въ преклонномъ возрастѣ скончался артистъ театра А. С. Суворина (Малаго) Э. Д. Бастуновъ, сорокалѣтній юбилей сценической дѣятельности котораго былъ торжественно отпразднованъ прошедшей зимой въ этомъ театрѣ. Со времени этого юбилея, на которомъ скончавшійся нынѣ актеръ исполнялъ обычную въ его репертуарѣ роль стараго сановника, онъ выступалъ уже очень рѣдко; послѣдней его ролью была роль посла Гонсѣвскаго въ «Царевичѣ Дмитріи и царевнѣ Ксеніи» весной нынѣшняго года, въ текущемъ же сезонѣ Э. Д. изъ-за болѣзни не выступилъ еще ни разу. За свою долгую сценическую жизнь Бастуновъ перемѣнилъ цѣлый рядъ амплуа и жанровъ. Обладая отличнымъ голосомъ, онъ началъ съ оперной карьеры; неудовлетворенный ею, перешелъ въ оперетту, гдѣ стоялъ въ первыхъ рядахъ, и только послѣднія пятнадцать, кажется, лѣтъ отдалъ драмѣ, именно сценѣ Малаго театра. Наибольшую извѣстность его имя пріобрѣло въ мірѣ оперетты, гдѣ въ періодъ ея расцвѣта у насъ Бастуновъ считался однимъ изъ лучшихъ исполнителей Оффенбаха, Одрана, Миллекера, Цирера и другихъ классиковъ опереточной сцены. Въ прежнее время переходъ въ драму изъ оперетты,—когда оперетку играли лучшіе таланты Александринскаго театра въ Петербургѣ и Малаго въ Москвѣ,—былъ дѣломъ и обычнымъ и не слишкомъ труднымъ; первое время Э. Д. и въ драмѣ охотно игралъ роли, требующія пѣнія, какъ, напримѣръ, Годда въ «Казни». На драматическую сцену Э. Д. принесъ изящество манеръ, умѣніе носить красиво костюмъ, искусство элегантной позы и прирожденное «барство» жеста, какъ у покойнаго Семенова-Самарскаго. Въ то же время въ его игрѣ всегда чувствовался холодокъ, и лучше всего ему удавались свѣтскіе фаты и, въ по-

Библиотека "Руниверс"

слѣдніе годы, такъ называемые резонеры, благородные отцы и, наконецъ, старые сановники. (Некрологъ его: «Рѣчь», 1913 г., № 252).

† **Бахметьевъ, П. И.** 14-го ноября скончался Порфирій Ивановичъ Бахметьевъ. Лишь нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ онъ переселился въ Россію, но за это короткое время его имя стало извѣстнымъ десяткамъ тысячъ русскихъ. П. И. по происхожденію коренной русскій, родился въ концѣ 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія въ городѣ Вольскѣ-на-Волгѣ. По разсказамъ покойнаго, его отецъ былъ крѣпостнымъ, но, отпущенный на волю, скопилъ небольшое состояніе и купилъ имѣніе; семья придерживалась старообрядчества, и юношей П. И. принималъ участіе въ церковныхъ службахъ. Но это не помѣшало родителямъ дать сыну среднее образованіе и по окончаніи реальнаго училища отправить за границу. П. И. слушалъ лекціи въ различныхъ германскихъ и швейцарскихъ университетахъ, но докторскій экзаменъ сдалъ (въ Цюрихѣ) лишь недавно, уже сложившимся ученымъ, будучи уже профессоромъ софійскаго университета: онъ случайно попалъ въ Болгарію и тамъ остался долгіе годы, обзавелся семьей; его старшій сынъ въ качествѣ офицера участвовалъ въ послѣдней войнѣ и былъ раненъ. П. И. любилъ говорить, что онъ «носитъ три родины въ своей груди: Россію, его родившую, Швейцарію, давшую ему образованіе, и Болгарію, которая пріютила его въ періодъ расцвѣта его дѣятельности». И подобно тому, какъ жизнь П. И. раздѣлилась между тремя странами, такъ и его научная дѣятельность распредѣлена между различными научными областями. П. И. называлъ себя прежде всего физикомъ, по этой наукѣ онъ докторировался, а въ софійскомъ университетѣ имѣлъ физическую каѳедру и физическій кабинетъ. Но въ глазахъ большинства лицъ, знакомыхъ съ научными работами Бахметьева, онъ—энтомологъ, такъ какъ насѣкомыя представляютъ главный объектъ его изслѣдованій, которыя появлялись преимущественно въ зоологическихъ журналахъ. За послѣдніе годы онъ помѣщалъ въ разныхъ журналахъ обзоры общей энтомологической литературы, но темой его наиболѣе крупныхъ изслѣдованій оставалось изученіе насѣкомыхъ при помощи физическихъ методовъ. Въ европейской литературѣ Бахметьеву отводится первое мѣсто въ дѣлѣ выясненія цѣлаго ряда вопросовъ, связанныхъ съ изученіемъ внутренней температуры тѣла у насѣкомыхъ. Для большой публики Бахметьевъ извѣстенъ главнымъ образомъ какъ изслѣдователь вліянія замораживанія на организмы. Съ изученіемъ насѣкомыхъ Бахметьевъ стремился соединить не только физику, но и математику. Онъ былъ горячимъ сторонникомъ того научнаго направленія, которое носитъ названіе біометрики и является приложеніемъ статистическаго метода въ біологіи. Послѣдняя работа П. И. Бахметьева носитъ подзаголовокъ: «Примѣненіе квадратнаго уравненія къ измѣнчивости пчелъ». Бахметьевъ былъ страстнымъ пчеловодомъ и принималъ участіе въ международныхъ пчеловодныхъ конгрессахъ. Изъ-за послѣдняго всеславянскаго съѣзда пчеловодовъ онъ и пріѣхалъ годъ тому назадъ въ Москву. Была еще одна область, въ которой любилъ работать П. И.: это—граница между живымъ и безжизненнымъ. Въ «Запискахъ Императорской Академіи Наукъ» напечатана большая работа Бахметьева «Объ индивидуальности шариковъ паранитро-толуола». Судьба улыбнулась П. И. за послѣдній годъ, за послѣдніе мѣ-

Библиотека "Руниверс"

сяцы его жизни. Большую часть жизни онъ бѣдствовалъ матеріально: свои изслѣдованія, которыя въ совокупности могли бы составить нѣсколько солидныхъ томовъ, онъ производилъ въ убогой лабораторной обстановкѣ съ самодѣльными аппаратами. Пріѣздъ въ Россію и немногія лекціи, прочитанныя имъ въ Москвѣ, сдѣлали имя этого труженика, до сихъ поръ извѣстнаго лишь среди спеціалистовъ, широко популярнымъ среди различныхъ слоевъ русскаго общества. Бахметьева, какъ спеціалиста холодильнаго дѣла и какъ лектора, стали приглашать для чтенія въ различные города Россіи. Газетный призывъ прійти на помощь научнымъ изслѣдованіямъ П. И. нашелъ быстрый откликъ. М. Б. Гальперинъ пожертвовалъ 12,000 рублей на устройство для Бахметьева холодильной лабораторіи при московскомъ городскомъ университетѣ имени А. Л. Шанявскаго. П. И. мечталъ о работѣ въ этой лабораторіи, уже заказалъ часть необходимыхъ аппаратовъ, но ему не пришлось начать новую дѣятельность. Извѣстность и сгубила П. И. Напряженная работа, постоянные разъѣзды, волненіе отъ торжественныхъ чествованій отразились на состояніи сердца и сосудовъ: артеріосклерозъ уже давно развивался. Въ Астрахани П. И. схватилъ малярію, едва успѣлъ слегка залечить ее, пришлось ѣхать въ Одессу, Кіевъ, Харьковъ. Всюду лекціи, парадныя встрѣчи, волненіе. Въ Москву П. И. явился уже въ очень плохомъ состояніи; вскорѣ обнаружилось ослабленіе сердца; больной потерялъ сознаніе. Непосредственной причиной смерти, по словамъ лечившаго Бахметьева П. С. Усова, былъ отекъ мозга. Послѣ смерти П. И. остались вдова и дѣти почти безъ средствъ къ существованію. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости», 1913 г., № 237).

† **Каменскій, Ѳ. Ѳ.** Въ Америкѣ скончался популярный въ 60-хъ годахъ скульпторъ Ѳ. Ѳ. Каменскій, создатель знаменитой въ свое время группы—«Первый шагъ», «Мальчика скульптора», «Вдовы съ ребенкомъ» и другихъ. Работы скульптора уже давно помѣщены въ музеяхъ (императора Александра III и академическомъ). Ѳ. Ѳ. Каменскій сынъ генералъ-майора, директора лѣсного корпуса, родился въ Лѣсномъ въ 1838 году. Ученикъ Пименова, окончилъ академію художествъ. За програмный барельефъ «Возвращеніе Регула въ Карѳагенъ» (1860 г.), получилъ золотую медаль и былъ командированъ въ 1863 году за границу, гдѣ исполнилъ въ мраморѣ—«Дѣтей подъ дождемъ» и «Вдову съ ребенкомъ». Въ 1868 году получилъ званіе академика. Въ музеѣ академіи художествъ находится лучшая въ скульптурномъ отношеніи его работа—бюстъ Ѳ. А. Бруни (1862 г.). По смерти жены, въ 1871 году, Ѳ. Каменскій переселился съ дочерью въ Америку, въ юго-восточный Канзасъ; здѣсь онъ женился вторично и черезъ десять лѣтъ переѣхалъ во Флориду. (Некрологъ его: «С.-Петербургскія Вѣдомости», 1913 г., № 229).

† **Кирпичевъ, В. Л.** 7-го октября, въ 11 часовъ вечера, послѣ непродолжительной, но тяжкой болѣзни скончался профессоръ с.-петербургскихъ политехническаго и технологическаго институтовъ, извѣстный ученый Викторъ Львовичъ Кирпичевъ. Покойный окончилъ курсъ Михайловской артиллерійской академіи. Въ 1870 году онъ былъ избранъ преподавателемъ механики въ с.-петербургскомъ технологическомъ институтѣ, а шесть лѣтъ спустя профессоромъ этого института. В. Л. Кирпичевъ состоялъ одно время директоромъ харьков-

Библиотека "Руниверс"

скаго технологическаго института, а затѣмъ первымъ директоромъ кіевскаго политехническаго института, положивъ на созданіе его много трудовъ. Должность директора кіевскаго политехническаго института онъ вынужденъ былъ покинуть, вслѣдствіе несогласія съ политикой правительства по отношенію къ студентамъ, среди которыхъ пользовался необычайной популярностью. Во главѣ правительства тогда стоялъ В. К. Плеве. Пріѣхавъ въ Петербургъ, В. Л. сталъ читать лекціи въ с.-петербургскомъ технологическомъ и с.-петербургскомъ политехническомъ институтахъ. Онъ считался однимъ изъ самыхъ выдающихся спеціалистовъ по механикѣ и по теоріи сопротивленія матеріаловъ. Перу его принадлежитъ рядъ научныхъ трудовъ. Скончался В. Л. Кирпичевъ на 68-мъ году. (Некрологъ его: см. «С.-Петербургскія Вѣдомости», 1913 г., № 225).

† **Левдинъ, П. Ф.** 8-го октября скончался талантливый журналистъ Павелъ Филипповичъ Левдикъ. По окончаніи университета П. Ф. уѣхалъ за границу и помѣщалъ корреспонденціи изъ Вѣны въ «Новомъ Времени». Возвратившись въ Россію, Ледвикъ вступилъ завѣдующимъ политическимъ отдѣломъ въ «С.-Петербургскія Вѣдомости» В. Г. Авсѣенка, который сразу обратилъ вниманіе на блестящую эрудицію и дарованія покойнаго. Одновременно Левдикъ сдѣлался редакторомъ-издателемъ газеты «Театральный Мірокъ», которую передалъ ему А. А. Плещеевъ. Въ теченіе года П. Ф. вмѣстѣ съ Л. Ю. Гольдштейномъ и съ нимъ редактировалъ газету «Минута» Добродѣева. Спустя годъ П. Ф. началъ сотрудничать въ «Петербургской Газетѣ», помѣщая фельетоны изъ петербургской жизни подъ псевдонимомъ Пиколо. Черезъ нѣсколько лѣтъ Левдикъ сдѣлался редакторомъ «Петербургской Газеты» и снялъ съ себя эти обязанности, когда редакторомъ вступилъ сынъ издателя, покойный нынѣ, Н. С. Худековъ. Левдикъ, однако, продолжалъ писать политическія обозрѣнія. Выйдя окончательно изъ редакціи «Петербургской Газеты», П. Ф. основалъ свой финансовый органъ «Биржевыя Извѣстія», который, благодаря освѣдомленности Левдика и правильности освѣщенія финансовыхъ вопросовъ, достигъ хорошаго распространенія. П. Ф. былъ однимъ изъ пріятнѣйшихъ людей, съ которыми приходилось встрѣчаться на поприщѣ журналистики. Обязательный, всегда изысканно любезный, ровный въ отношеніяхъ со всѣми, онъ производилъ впечатлѣніе человѣка отлично воспитаннаго. Съ нуждой онъ познакомился рано, но никогда не терялъ бодрости духа, вѣря въ лучшее будущее. Въ концѣ жизни П. Ф. Левдику счастье улыбнулось, газета давала доходъ. Оставалось отдохнуть, но тутъ помѣшала смерть. У него разыгралась болѣзнь печени и образовалась водянка. (Некрологъ его: «Новое Время», 1913 г., № 13500).

† **Левинъ, Э. Б.** 16-го октября на Преображенскомъ кладбищѣ предано землѣ тѣло скончавшагося виднаго еврейскаго писателя и общественнаго дѣятеля Эммануила Борисовича Левина. Покойный началъ свою общественную дѣятельность еще въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Являясь ярымъ сторонникомъ распространенія просвѣщенія среди евреевъ въ Россіи, Э. Б. Левинъ составилъ русскую грамматику для евреевъ и самъ преподавалъ по ней въ образцовой талмудъ-торѣ въ Минскѣ. Позже онъ переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ состоялъ секретаремъ общества распространенія просвѣщенія среди евреевъ Россіи. Э. Б. принималъ также дѣятельное участіе въ работахъ историко-этно-

Библиотека "Руниверс"

графической комиссіи при обществѣ распространенія просвѣщенія, а затѣмъ въ еврейскомъ историко-этнографическомъ обществѣ. Въ 1883 году, при содѣйствіи барона Г. О. Гинзбурга, покойный издалъ «Обзоръ нынѣ дѣйствующихъ исключительныхъ законовъ о евреяхъ, состоящихъ въ подданствѣ Россіи». Въ 1885 году имъ былъ составленъ «Сводъ узаконеній о евреяхъ», въ 1902 году— «Сборникъ ограничительныхъ законовъ и постановленій о евреяхъ». Перу покойнаго принадлежитъ также рядъ записокъ по различнымъ вопросамъ еврейской жизни, представленныхъ въ разное время еврейскими общественными дѣятелями правительству при обсужденіи вопросовъ законодательства о евреяхъ. Э. Б. Левинъ скончался на 93-мъ году жизни. (Некрологъ его: «Рѣчь», 1913 г., № 284).

† **Мясоѣдовъ, П. Е.** 27-го сентября, послѣ двухдневной болѣзни, скончался извѣстный художникъ и дѣятель на поприщѣ преподаванія искусствъ Петръ Евгеніевичъ Мясоѣдовъ. Покойный художникъ состоялъ преподавателемъ высшаго художественнаго училища—императорской академіи художествъ, гдѣ въ продолженіе 14 лѣтъ руководилъ натурнымъ классомъ, а въ послѣдніе годы, кромѣ того, замѣщалъ еще и каѳедру покойнаго профессора искусства Яна Ціонглинскаго. Кромѣ того, въ продолженіе 13 лѣтъ Мясоѣдовъ читалъ теорію перспективы въ школѣ императорскаго общества поощренія художествъ и также руководилъ тамъ же классомъ письма съ натуры. Помимо того покойный художникъ преподавалъ и въ различныхъ частныхъ художественныхъ школахъ и классахъ. Смерть Мясоѣдова явилась полной неожиданностью для всѣхъ знавшихъ его, такъ какъ еще за два дня до роковой развязки онъ руководилъ своими учениками. Правда, покойный художникъ не отличался крѣпкимъ здоровьемъ, но ничто не предвѣщало столь близкаго конца, такъ какъ умеръ онъ всего 46 лѣтъ отъ роду. Родился П. Е. въ городѣ Тулѣ въ 1867 году и по окончаніи гимназіи поступилъ на физико-математическій факультетъ московскаго университета, который и окончилъ съ дипломомъ первой степени въ 1890 году, послѣ чего и поступилъ въ высшее художественное училище, которое блестяще закончилъ въ 1897 году и съ 1-го января 1898 года за свою картину «Сожженіе пророка Аввакума», находящуюся въ музеѣ академіи, былъ посланъ на годъ за границу для окончанія своего художественнаго образованія. Съ 1-го декабря 1899 года П. Е. былъ назначенъ преподавателемъ академіи художествъ. Покойный пользовался большой любовью всѣхъ учащихся, а также среди всѣхъ художниковъ, постоянно избиравшихъ его на отвѣтственныя должности въ различныхъ обществахъ и кружкахъ. Одной изъ послѣднихъ крупныхъ работъ Мясоѣдова была роспись новаго храма въ Софіи въ Болгаріи, совмѣстно съ нѣсколькими художниками. (Некрологъ его: «С.-Петербургскія Вѣдомости», 1913 г., № 217).

† **Нечаевъ-Мальцовъ, Ю. С.** 6-го октября въ Петербургѣ скончался товарищъ августѣйшаго предсѣдателя комитета по устройству музея изящныхъ искусствъ имени императора Александра III въ Москвѣ, оберъ-гофмейстеръ высочайшаго двора Юрій Степановичъ Нечаевъ-Мальцовъ. Покойный родился 11-го октября 1836 года въ Одессѣ и былъ сыномъ извѣстнаго въ прежнее время оберъ-прокурора святѣйшаго синода Степана Дмитріевича Нечаева; прибавленіе же

Библиотека "Руниверс"

къ отцовской фамиліи «Мальцовъ» онъ получилъ лишь въ 1881 году, по смерти своего дяди по матери дѣйствительнаго тайнаго совѣтника И. С. Мальцова. Послѣ домашняго воспитанія покойный учился въ 1-й московской гимназіи, гдѣ при окончаніи курса въ 1853 году получилъ серебряную медаль, и на юридическомъ факультетѣ московскаго университета. Выпущенный со степенью второго кандидата въ 1857 году, онъ скоро началъ свою государственную службу и продолжалъ ее до конца своей жизни, состоя въ послѣднее время при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія по техническому и профессіональному образованію, членомъ совѣта при министерствѣ торговли и промышленности, вице-предсѣдателемъ императорскаго общества поощренія художествъ, въ званіи оберъ-гофмейстера и кавалера ордена св. Владимира 1-й степени. Но особенно Ю. С. благотворно потрудился въ Москвѣ надъ созданіемъ замѣчательнаго музея изящныхъ искусствъ. Когда созрѣла мысль объ устройствѣ такого музея, московскій университетъ сталъ обращаться съ проектомъ задуманнаго предпріятія къ прежнимъ своимъ питомцамъ, извѣстнымъ любовію къ искусствамъ и отзывчивымъ на дѣла отечественнаго просвѣщенія. Въ этой средѣ самымъ виднымъ дѣятелемъ явился Ю. С., имя котораго, какъ щедраго дарителя городу Владимиру Мальцовскаго училища, устройство коего превысило милліонъ сто тысячъ рублей, и какъ создателя нѣсколькихъ храмовъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи, было хорошо извѣстно. Тогда же Москва знала о приготовленіяхъ его въ сооруженію грандіознаго храма на Гусю-Хрустальномъ (Владимирской губерніи) и высоко-художественной церкви въ селѣ Березовкѣ (Данковскаго уѣзда Рязанской губберніи). По первому же обращенію къ нему Ю. С. прибылъ въ Москву и, на мѣстѣ ознакомившись съ проектомъ музея, вступилъ, «на память о своихъ студенческихъ годахъ», въ члены-основатели этого учрежденія (весною 1897 года). Назначаемый товарищемъ августѣйшаго предсѣдателя въ комитетъ, Ю. С. принесъ дѣлу созданія музея и свою неустанную энергію, и свое время, и свои колоссальныя матеріальныя жертвы. Съ весны 1898 года онъ проводитъ по нѣскольку мѣсяцевъ въ Москвѣ ежегодно и здѣсь живетъ почти исключительно интересами и дѣлами созидаемаго музея. Но этого мало: Ю. С. предпринимаетъ ежегодныя путешествія за границу ради дорогихъ и замѣчательныхъ пріобрѣтеній для музея; такъ, въ Египтѣ имъ была куплена обширная коллекція памятниковъ египетскаго искусства; въ Лондонѣ и Парижѣ были заказаны копіи съ ассирійской скульптуры; въ Греціи пріобрѣтены копіи съ памятниковъ античнаго ваянія; наконецъ, въ Германіи и Италіи сдѣланы соотвѣтственные заказы на воспроизведеніе большого собранія разнообразныхъ предметовъ древности,—все это совершено на его собственныя пожертвованія. Однако, и этимъ не ограничились жертвы покойнаго дѣятеля: на свои же средства онъ устроилъ Парѳенонскій фризъ въ мраморѣ надъ входомъ музея, и ему же обязанъ музей своею монументальною мраморною облицовкой. По признанію Цвѣтаева, «совокупность всѣхъ даровъ памятниками искусствъ и всѣхъ денежныхъ расходовъ, принятая исключительно на себя Ю. С. Нечаевымъ-Мальцовымъ, не поддается точному опредѣленію. Все это было бы немыслимо безъ его увлеченія и щедрости». Торжественное открытіе музея въ прошломъ году было блестящимъ завершеніемъ выдающейся

Библиотека "Руниверс"

дѣятельности главнаго жертвователя—Ю. С. Нечаева-Мальцова. Но судьба недолго позволила ему любоваться сооруженнымъ при его помощи учрежденіемъ. Зато его имя навѣки будетъ связано съ замѣчательнымъ музеемъ изящныхъ искусствъ въ Москвѣ. (Некрологъ его: см. «Московскія Вѣдомости», 1913 г., № 232).

† **Петрушевичъ, А. С.** Галицкая Русь потеряла одного изъ самыхъ выдающихся своихъ ученыхъ. 10-го сентября скончался въ Львовѣ каноникъ уніатскаго собора св. Георгія отецъ А. С. Петрушевичъ, членъ россійской академіи наукъ и всѣхъ другихъ славянскихъ академій, одинъ изъ самыхъ главныхъ дѣятелей возрожденія зарубежной Руси въ XIX вѣкѣ. А. С. Петрушевичъ родился въ 1821 году, прожилъ 93 года и съ юныхъ лѣтъ участвовалъ въ общественно-литературной жизни Руси подъяремной. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ идеологовъ той группы русской интеллигенціи въ Галиціи, которая, въ силу историческихъ традицій, стоитъ незыблемо на почвѣ культурнаго и литературнаго одинства всѣхъ трехъ русскихъ вѣтвей. До самой кончины онъ былъ живымъ обличителемъ тѣхъ историковъ литературы, которые возрожденіе Галицкой Руси связывали не съ обще-русской, а съ узкой украинской почвой. Въ А. С. Петрушевичѣ русская наука теряетъ рѣдкаго филолога, крупнаго историка и выдающагося библіографа. Первая его работа (1844 г.) посвящена славянскому переводу Священнаго Писанія. Съ тѣхъ поръ онъ написалъ около 150 историко-литературныхъ трудовъ. Его попытка доказать, что «Слово о полку Игоревѣ» не прозаическое произведеніе, а поэма, которую онъ разбилъ на пѣсни и стихи, стяжала ему славу въ области древне-русской литературы. Въ славяновѣдѣніи онъ занялъ крупное мѣсто своимъ обличеніемъ поддѣлки чешской Краледворской и Зеленогорской рукописей. Какъ историкъ, онъ извѣстенъ своей «Сводной галицко-русской лѣтописью», безъ которой не можетъ обойтись ни одинъ изслѣдователь судебъ юго-западныхъ областей Россіи. Изъ своихъ странствованій по библіотекамъ, церквамъ и монастырямъ славянскихъ земель Австро-Венгріи и Румыніи онъ привезъ массу историческихъ памятниковъ и рукописей, собранныхъ въ музеѣ его имени при народномъ домѣ въ Львовѣ. Часть рукописей онъ пожертвовалъ въ библіотеку университета св. Владимира въ Кіевѣ. Полвѣка работалъ онъ надъ составленіемъ этимологическаго словаря всѣхъ славянскихъ языковъ въ сравненіи съ индо-европейскими языками, и свои матеріалы въ 60 ящикахъ препроводилъ недавно нашей академіи наукъ. Особенно цѣнно въ этомъ словарѣ собраніе и объясненіе собственныхъ именъ и географическихъ названій во всѣхъ славянскихъ земляхъ какъ по печатнымъ, такъ и по рукописнымъ матеріаламъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1913 г., № 13482).

† **Соболевъ, Л. Н.** Въ селѣ Знаменскомъ Псковской губерніи скончался 30 сентября генералъ Соболевъ. Л. Н. Соболевъ былъ болгарскимъ министромъ-президентомъ въ 1882—83 гг. Интересы этой молодой славянской страны, превосходная администрація которой налажена благодаря его государственнымъ талантамъ, онъ считалъ своими кровными. Славянскими дѣлами онъ не переставалъ интересоваться и послѣ того, какъ покинулъ Болгарію. Еще весной текущаго года, сидя въ деревенской глуши, онъ вырабатывалъ разные законопроекты, которые разсылалъ виднымъ членамъ нашихъ законодательныхъ

Библиотека "Руниверс"

палатъ, направленные къ укрѣпленію духовныхъ и матеріальныхъ связей нашихъ съ балканскимъ славянствомъ. Его интересовалъ вопросъ о возможности скупки русскими банками турецкихъ земель, бросаемыхъ мусульманскими бѣглецами изъ новоосвобожденныхъ областей на Балканахъ; онъ выработалъ интересный проектъ объ устройствѣ русскихъ пріютовъ для сиротъ воиновъ, пострадавшихъ въ послѣднихъ балканскихъ войнахъ, на подобіе тѣхъ пріютовъ и пансіоновъ, которыми такъ обильно покрыли разные города Балканскаго полуострова австрійцы, французы, англичане и германцы. Весной же имъ выработано воззваніе о собираніи и посылкѣ русскихъ книгъ для балканскихъ лазаретовъ. Братоубійственная война глубоко потрясла его уже со времени манчжурской кампаніи надорванный организмъ. Силы его замѣтно таяли, и въ понедѣльникъ 30-го сентября онъ умеръ отъ кровоизліянія въ мозгъ. Л. Н. Соболевъ родился въ 1844 году въ селѣ Карцевѣ, Мещовскаго уѣзда Калужской губерніи. Его отецъ полковникъ, Соболевъ, былъ участникомъ первой балканской войны, получилъ Георгія за взятіе Варны, а дѣдъ—сподвижникомъ Суворова при взятіи Очакова. Окончивъ блестяще 1-й кадетскій корпусъ, Михайловское артиллерійское училище и Николаевскую академію генеральнаго штаба, онъ былъ прикомандированъ къ штабу войскъ Сыръ-Дарьинской области, въ Средней Азіи, гдѣ написалъ обстоятельное изслѣдованіе о Заравшанскомъ округѣ Сыръ-Дарьинской области. Этотъ трудъ былъ награжденъ географическимъ обществомъ и стяжалъ ему сразу большую извѣстность среди нашихъ изслѣдователей Азіи. Слѣдующій его стратегическій трудъ—«Англо-афганская распря», въ трехъ томахъ, обратилъ на себя вниманіе европейскихъ ученыхъ и былъ переведенъ на англійскій и нѣмецкій языки. Во время славянской освободительной войны 1876—77 гг. Соболевъ былъ ближайшимъ сподвижникомъ генерала М. Д. Скобелева, отличился при взятіи Шипки и получилъ за это Георгія. Соболевъ обратилъ тогда на себя вниманіе какъ императора Александра II, такъ особенно цесаревича наслѣдника, впослѣдствіи императора Александра III. Когда въ 1882 году болгарскій князь Александръ Баттенбергскій, по пріостановленіи дѣйствія тырновской конституціи, попросилъ у императора Александра III руководителя для управленія Болгаріей, выборъ императора палъ на генерала Л. Н. Соболева и барона А. В. Каульбарса. Первый былъ назначенъ предсѣдателемъ болгарскаго совѣта министровъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ, второй—военнымъ министромъ. Благодаря австрійскимъ происканъ, нѣкоторыя изъ мѣръ Соболева были тогда же парализованы. Князь Баттенбергскій, видя усиленіе русскаго вліянія въ Болгаріи, рѣшилъ избавиться отъ своихъ русскихъ совѣтниковъ и использовалъ поѣздку въ Москву на коронацію, чтобы просить объ отозваніи русскихъ генераловъ. Но Соболевъ, предугадывая политику князя, отправился тоже въ Москву и, освѣтивъ императору Александру III характеръ политики болгарскаго князя, разрушилъ всѣ его козни. Возвратившись въ Софію, онъ приступилъ къ составленію новой болгарской конституціи. Онъ вернулъ изъ ссылки Д. Цанкова, образовалъ новый либеральный кабинетъ и содѣйствовалъ окончательному возстановленію тырновской конституціи. Съ возстановленіемъ тырновской конституціи Соболевъ счелъ свою миссію исполненной и подалъ въ отставку. Послѣ возвращенія изъ Бол-

Библиотека "Руниверс"

гаріи генералъ Соболевъ получалъ разныя видныя назначенія въ верховномъ управленіи арміи, а во время генералъ-губернаторства великаго князя Сергія Александровича въ Москвѣ онъ занималъ должность начальника штаба московскаго военнаго округа. Въ началѣ японской кампаніи Соболевъ былъ назначенъ командиромъ 6-го сибирскаго корпуса и участвовалъ въ бояхъ при Шахэ и Мукденѣ. Послѣ отступленія въ Тьелинъ онъ исполнялъ должность командующаго 2-й манчжурской арміей. За манчжурскую кампанію онъ былъ награжденъ брильянтовой саблей. По возвращеніи съ войны онъ скоро вышелъ въ отставку, и дѣятельность его была главнымъ образомъ посвящена полемикѣ съ генераломъ А. Н. Куропаткинымъ, обвинившимъ во всѣхъ своихъ неудачахъ подчиненныхъ ему генераловъ. Объемистый трудъ его «Куропаткинъ и генералы» былъ отвѣтомъ на докладную записку Куропаткина о войнѣ. Трудъ этотъ вызвалъ въ свое время въ высшихъ военныхъ кругахъ большой шумъ, такъ какъ былъ написанъ послѣ не состоявшагося (за неполученіемъ разрѣшенія) поединка между военачальниками. Отдыхая въ деревнѣ послѣ войны, Соболевъ написалъ романъ «Государственные преступники» (подъ псевдонимомъ Р. Скиѳъ), въ которомъ изобразилъ смутное время 1905—1906 гг. Онъ возвратился опять къ своей любимой идеѣ объ условіяхъ похода русской арміи въ Индію и издалъ еще до заключенія нашего соглашенія съ Англіей интересную брошюру подъ заглавіемъ: «Походъ русскихъ въ Индію», переведенную на французскій языкъ. Послѣднимъ его печатнымъ трудомъ была брошюра: «Раздѣлъ Россіи», написанная въ отвѣтъ извѣстному венгерскому магнату и другу австрійскаго наслѣдника престола Николаю Семере, предложившему наканунѣ послѣдней балканской войны совмѣстный австро-турецкій походъ противъ Россіи. Всю свою жизнь покойный велъ дневникъ, въ который заносилъ всѣ свои впечатлѣнія и бесѣды съ выдающимися лицами. Части этого дневника, особенно касающіяся пребыванія его въ Болгаріи, были уже обнародованы въ «Русской Старинѣ» и «Историческомъ Вѣстникѣ». Изданіе всего дневника онъ завѣщалъ своему сыну К. Л. Соболеву. (Некрологъ его: «Новое Время», 1913 г., № 13491).

† **Стронскій, Р. Р.** Телеграфъ сообщилъ о смерти въ Севастополѣ капитана 1-го ранга Романа Романовича Стронскаго, представителя Добровольнаго флота въ этомъ военномъ порту Чернаго моря. Стронскій извѣстенъ многимъ поколѣніямъ моряковъ, какъ энергичный дѣятель, посвятившій жизнь не только морю, но и научнымъ вопросамъ, связаннымъ съ морской практикой. Въ своихъ трудахъ по морской метеорологіи онъ настойчиво проводилъ необходимость научнаго освѣщенія неразгаданныхъ вопросовъ морского дѣла, теорію предсказанія бурь для находящихся въ плаваніи океанскихъ судовъ и пропагандировалъ сближеніе работы метеорологовъ-мореплавателей съ береговыми метеорологическими станціями. По этимъ вопросамъ Р. Р., хорошо изучившій литературу метеорологіи, неоднократно выступалъ со спеціальными докладами въ ученыхъ обществахъ. Покойный почти полвѣка прослужилъ во флотѣ и пріобрѣлъ широкій морской опытъ. Съ самаго возникновенія Добровольнаго флота Р. Р. вступилъ въ него въ качествѣ командира одного изъ первыхъ пароходовъ флота «С.-Петербургъ», затѣмъ командовалъ послѣдовательно нѣсколькими океанскими пароходами Добровольнаго флота («Орелъ», «Саратовъ»), совер-

Библиотека "Руниверс"

шавшими плаваніе на Дальній Востокъ. Въ послѣдніе годы онъ оставилъ морскую службу, состоя завѣдующимъ агентствомъ Добровольнаго флота въ Севастополѣ. Служба покойнаго въ Добровольномъ флотѣ продолжалась непрерывно 35 лѣтъ. Р. Р. умеръ въ преклонномъ возрастѣ, 73 лѣтъ. (Некрологъ его: см. «Новое Время», 1913 г., № 13506).

† **Фойницкій, И. Я.** 19-го сентября, послѣ тяжкой болѣзни, скончался бывшій профессоръ с.-петербургскаго университета сенаторъ тайный совѣтникъ И. Я. Фойницкій, имя котораго давно уже пользуется извѣстностью, какъ криминалиста, автора многихъ цѣнныхъ трудовъ по уголовному праву. Первоначальное образованіе покойный получилъ въ черниговской и могилевской гимназіяхъ и затѣмъ поступилъ на юридическій факультетъ петербургскаго университета. По окончаніи юридическаго факультета онъ былъ оставленъ при университетѣ и читалъ курсъ уголовнаго права въ аудиторіатскомъ училищѣ. Въ 1871 году, послѣ защиты магистерской диссертаціи на тему «Мошенничество по русскому праву», И. Я. былъ избранъ петербургскимъ университетомъ штатнымъ доцентомъ и командированъ за границу, гдѣ слушалъ лекціи. Въ 1873 году покойный открылъ два курса: общій—уголовнаго права для студентовъ административнаго разряда и спеціальный—по тюрьмовѣдѣнію для всѣхъ студентовъ юридическаго факультета. 10-го іюня 1874 года И. Я. былъ причисленъ къ министерству юстиціи, а черезъ два года былъ назначенъ товарищемъ оберъ-прокурора Правительствующаго Сената. Съ 1881 года, послѣ защиты диссертаціи «Ссылка на Западѣ въ ея историческомъ развитіи и современномъ состояніи», И. Я. былъ удостоенъ степени доктора уголовнаго права и утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ уголовнаго права. Въ 1893 году истекъ 25-лѣтній срокъ его профессорской дѣятельности, и онъ былъ оставленъ еще на пять лѣтъ. Съ 1896 года покойный состоялъ въ званіи заслуженнаго профессора. 31-го декабря 1897 года И. Я. Фойницкій назначенъ былъ деканомъ юридическаго факультета. Съ 1889 года по 1895 годъ И. Я. состоялъ членомъ юридической испытательной комиссіи при петербургскомъ университетѣ и неоднократно предсѣдательствовалъ въ испытательныхъ комиссіяхъ при кіевскомъ и московскомъ университетахъ. Въ 1898 году, за выслугой 30 лѣтъ, И. Я. былъ оставленъ внѣштатнымъ профессоромъ и, съ высочайшаго разрѣшенія, продолжалъ читать лекціи. Въ 1900 году онъ былъ произведенъ въ тайные совѣтники и назначенъ сенаторомъ. Покойный состоялъ членомъ редакціонной комиссіи по составленію проекта новаго уголовнаго уложенія и принималъ участіе въ комиссіяхъ обычнаго права при географическомъ обществѣ. По его мысли было учреждено юридическое общество при петербургскомъ университетѣ, въ которомъ онъ принималъ дѣятельное участіе. Съ 1889 года покойный состоялъ членомъ международнаго союза уголовнаго права и принималъ участіе въ съѣздахъ его въ Брюсселѣ, Парижѣ, Бернѣ и другихъ городахъ. Перу покойнаго принадлежитъ рядъ ученыхъ сочиненій, среди которыхъ большой извѣстностью пользуются «Курсъ уголовнаго судопроизводства», «Курсъ уголовнаго права». Нѣкоторыя сочиненія И. Я. переведены на иностранные языки. И. Я. состоялъ въ 1902 и 1903 годахъ предсѣдателемъ дисциплинарнаго суда при петербургскомъ университетѣ. Въ началѣ текущаго года на каѳедру уголовнаго права,

Библиотека "Руниверс"

которую И. Я. свыше 40 лѣтъ занималъ въ петербургскомъ университетѣ, былъ назначенъ ученикъ покойнаго профессора Н. Н. Розинъ. Профессоръ Фойницкій уже очень давно страдалъ туберкулезомъ. Въ послѣднее время И. Я. Фойницкій чувствовалъ себя значительно лучше. Наканунѣ своей смерти онъ даже чувствовалъ себя хорошо, гулялъ, и ничто не предвѣщало близкаго конца. Вечеромъ профессоръ отправился въ свою спальню, заперъ за собою двери и улегся спать. Когда утромъ его близкіе постучали въ дверь, отвѣта не послѣдовало. Тогда къ дверямъ была приставлена лѣстница, и черезъ верхнее стекло въ дверяхъ замѣтили, что тѣло профессора конвульсивно вздрагиваетъ. Сейчасъ же послали за врачомъ и слесаремъ. Пока послѣдніе явились, прошло болѣе часа, и когда дверь было взломана, врачъ могъ только констатировать смерть. По опредѣленію врача, смерть произошла отъ склероза сердца. Извѣстіе о внезапной кончинѣ профессора Фойницкаго было получено въ университетѣ во время засѣданія правленія. Вѣсть эта произвела сильное впечатлѣніе на членовъ правленія и казалась невѣроятной потому, что еще три дня передъ тѣмъ профессоръ Фойницкій экзаменовалъ юристовъ по уголовному судопроизводству и на три часа дня 19-го сентября имъ былъ назначенъ пріемъ въ университетѣ нѣкоторыхъ просителей. Похороны Фойницкаго состоялись съ большимъ почетомъ на кладбищѣ Александро-Невской лавры. (Некрологъ его: «С.-Петербургскія Вѣдомости», 1913 г., № 211).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Въ статьѣ А. Н. Витмера «Воспоминанія о покойномъ цесаревичѣ Николаѣ Александровичѣ» вкралась досадная опечатка. Годъ его кончины показанъ 1864 вмѣсто слѣдуемаго 1865. Къ этому же году должны быть отнесены и «тревожные бюллетени» о его здоровьи.

II.

Въ отдѣлѣ «Критики и библіографіи» фамилія автора сочиненія «Кавалеристъ-дѣвица» ошибочно названа Заксъ вмѣсто Саксъ. Алексѣй Николаевичъ Саксъ состоитъ въ чинѣ полковника въ постоянномъ составѣ офицерской кавалерійской школы.

Библиотека "Руниверс"

— Я всегда слѣдилъ, чтобы папизмъ не распространялся у насъ независимо отъ того, пріятно вамъ это или нѣтъ. Я отвѣчаю за души, которыхъ я являюсь пастыремъ.

— Тѣ же самыя слова сказалъ мнѣ инквизиторъ донъ Педро де-Тарсилла, передавая мнѣ приказаніе начать преслѣдованія и жечь еретиковъ,—презрительно вымолвилъ я.

Онъ покраснѣлъ, какъ въ тотъ вечеръ у фру-Терборгъ, и закричалъ:

— Итакъ, вы не хотите предать ихъ суду, какъ я предлагалъ вамъ?

— Нѣтъ, не хочу. Вы возстали противъ короля, заявивъ, что вы можете управлять сами собой, а это значитъ уважать выбранныя вами власти и не угнетать тѣхъ, кто всецѣло въ вашей власти. Если вы объ этомъ забыли, то я помню. Однажды я уже сказалъ, что я не допущу преслѣдованій въ Гудѣ, и теперь я это повторяю.

— Вотъ какъ!—закричалъ онъ.—Я вамъ скажу, почему вы такъ поступаете. Потому, что ваше сердце до сего времени на сторонѣ Испаніи и Рима. Потому, что вы боитесь, что ваши орудія выдадутъ ваши тайны. Вы слышали его,—обратился онъ къ совѣту:—чего же вамъ еще нужно?

— Да, они меня выслушали,—заговорилъ я:—но тутъ есть еще кое-что. Я обвиняю васъ, г. Іорданса, называющій себя проповѣдникомъ ученія Христова, въ томъ, что вы подстрекаете народъ въ городѣ къ возстанію противъ его законныхъ правителей, въ томъ, что вы замыслили убить меня и для этой цѣли наняли нѣсколькихъ негодяевъ. И какъ только засѣданіе кончится, я прикажу арестовать васъ!

Онъ струсилъ, и волненіе, по всей вѣроятности, улеглось бы, если бы ему на помощь не поспѣшилъ баронъ ванъ-Гульстъ.

Онъ поднялся и началъ говорить:

— Прошло то время, когда на обвиненіе можно было отвѣчать обвиненіемъ же. Слишкомъ много у насъ поводовъ жаловаться на васъ, ибо вы не только насилуете нашу совѣсть, но отъ васъ не ограждено даже спокойствіе нашихъ семей. Господинъ ванъ-Гиртъ, потрудитесь объяснить совѣту постигшее васъ горе.

Въ это утро, очевидно, будутъ обнародованы всѣ мои грѣхи и прегрѣшенія.

— Г. ванъ-Гиртъ, говорите,—сказалъ я.—Только говорите правду.

Не глядя на меня, онъ поднялся и началъ:

— Какъ вамъ всѣмъ извѣстно, у меня есть дочь. Она была обручена съ однимъ достойнымъ и уважаемымъ гражданиномъ нашего города, членомъ нашего совѣта. Но губернаторъ принудилъ меня отдать ее замужъ не за этого нашего члена, а за одного юнаго негодяя, семья котораго совершенно разорена и который не въ со-

Библиотека "Руниверс"

стояніи содержать жену. Губернаторъ грозилъ мнѣ исключеніемъ изъ совѣта и даже кое-чѣмъ большимъ, если я не соглашусь. И я уступилъ, боясь позора. Я поступилъ, правда, трусливо, и теперь прошу совѣтъ извинить меня за то, что я такъ осрамилъ учрежденіе, членомъ котораго я имѣю честь быть.

Не поднимая глаза, онъ опустился на свое мѣсто.

Самая эта поза сокрушенія и униженія сильнѣе привлекала къ нему симпатію, чѣмъ если бы онъ вздумалъ обнаружить гнѣвъ и раздраженіе.

— Позоръ! Позоръ!—раздавалось на всѣхъ скамьяхъ.

Но тутъ ужъ и я разсердился и потерялъ самообладаніе.

— Молчать!—загремѣлъ я.—Кто смѣетъ кричать «позоръ»?

И на этотъ—послѣдній—разъ мой голосъ и загорѣвшіеся глаза испугали ихъ, какъ это было не разъ прежде. Крики стихли, шумъ утихъ. Водворилась сравнительная тишина.

— Если кто можетъ говорить о позорѣ, то только я,—продолжалъ я.—И вамъ не стыдно, господинъ ванъ-Гиртъ, явиться сюда и разсказывать, что вы сдѣлали? Продать родную дочь ванъ-Шюйтену! Дѣвушку, которой нѣтъ еще и двадцати лѣтъ, отдать шестидесятилѣтнему старику! ванъ-Шюйтену! Вамъ всѣмъ прекрасно извѣстно, какая слава идетъ о немъ. А если не извѣстно, то посмотрите на его лицо! Посмотрите и судите сами!

Голая голова, ввалившіеся красные глаза, отвислыя щеки—все это говорило само за себя. Не вѣря своимъ ушамъ, онъ уставился на меня глазами, отчего его лицо пріобрѣло весьма смѣшное выраженіе—разгнѣванности и вмѣстѣ съ тѣмъ полной безпомощности.

— И такому-то человѣку, этому воплощенію порока и болѣзни, ванъ-Гиртъ счелъ возможнымъ отдать своего невиннаго ребенка, только потому, что онъ долженъ этому человѣку! Я благодарю Бога за то, что я былъ въ силахъ предупредить это. Если бъ я исключилъ ванъ-Гирта изъ совѣта, я былъ бы совершенно правъ, ибо человѣкъ, способный продать свою родную рочь, способенъ продать и городъ, какъ Іуда продалъ Господа.

Мои слова произвели сильное впечатлѣніе, но ванъ-Гульстъ постарался опять парализовать ихъ дѣйствіе.

— Повторяю, прошло то время, когда на обвиненіе отвѣчали обвиненіемъ,—закричалъ онъ.—Вотъ я обвиняю васъ въ измѣнѣ, васъ, который смѣетъ набрасывать подозрѣніе на другихъ. Прежде всего, чтобы всѣ знали, что за человѣкъ управляетъ нами и до сихъ поръ старается поступать съ нами такъ властно, человѣкъ, который смѣетъ упрекать насъ въ корыстолюбіи, чтобы вы всѣ знали его, я вамъ скажу, почему былъ изданъ приказъ, чтобы никто не смѣлъ уѣзжать изъ Гуды безъ его разрѣшенія. Онъ говорилъ, что это сдѣлано для того, чтобы изловить испанскихъ шпіоновъ. Но онъ никогда не сталъ бы ихъ ловить, если бы даже и могъ. Объ этомъ,

Библиотека "Руниверс"

впрочемъ, послѣ. Приказаніе было отдано для того, чтобы удержать въ городѣ m-lle де-Брегольль, на которой онъ хочетъ жениться и которая отвергла его предложеніе. Я какъ разъ проходилъ мимо нихъ. Они меня не видали, но я слышалъ ихъ разговоровъ. Я слышалъ, какъ она спрашивала его, не хочетъ ли онъ и вторую жену взять силою. А сегодня ей не позволяютъ выѣхать изъ города, и не позволяетъ тотъ самый человѣкъ, которому она отвѣтила отказомъ. И знаете, почему? Сегодня утромъ опубликовано рѣшеніе высшаго суда, въ силу котораго къ ней переходитъ все состояніе его покойной жены. Корыстолюбіе! Каково! Станете вы отрицать эти факты? Что вы скажете на все это?

— Ровно ничего. Мои личныя дѣла не касаются совѣта. Я умѣю уважать честь дамы, имя которой вы профанируете своими словами. Если вы не умѣете держать себя, какъ подобаетъ порядочному человѣку, то я умѣю.

— Ну, на этомъ не такъ-то легко выпутаться, —захихикалъ онъ.—Я полагаю, всѣ здѣсь видятъ, въ чемъ дѣло. И этотъ человѣкъ смѣлъ называть насъ скрягами! И онъ говорилъ намъ о самоуваженіи и тому подобныхъ вещахъ! Но не это самое худшее. Слушайте! Слушайте всѣ! Вчера утромъ я замѣтилъ, какъ около его дома, у подъѣзда остановился какой-то человѣкъ и вступилъ въ разговоръ со слугами. То былъ странствующій торговецъ. Конечно, въ этомъ не было ничего особеннаго. Но лицо этого человѣка показалось мнѣ знакомымъ, хотя я и не могъ припомнить, гдѣ я его видѣлъ. Я пошелъ дальше, но лицо его не выходило у меня изъ памяти. Я вернулся и еще разъ прошелъ мимо него, и тутъ я вспомнилъ, что этотъ человѣкъ не кто иной, какъ членъ испанскаго посольства въ Парижѣ, донъ Рамонъ де-Бельверъ, съ которымъ я тамъ познакомился. Я заговорилъ съ нимъ, и у меня на этотъ счетъ не осталось никакого сомнѣнія. Я остановился во дворѣ и сталъ ждать. Вышелъ графъ, и они вмѣстѣ пошли въ домъ. Купецъ оставался тамъ довольно долго и наконецъ вышелъ. На лицѣ его сіяла какая-то особенная улыбка. Я поставилъ человѣка, который долженъ былъ слѣдить за нимъ. Вчера ничего больше не случилось, но сегодня донъ Рамонъ спасъ жизнь графу, который безъ его помощи былъ бы убитъ на улицѣ. Они обмѣнялись между собой нѣсколькими словами на испанскомъ языкѣ, который мой человѣкъ не могъ уловить. Теперь я спрашиваю: за чѣмъ инымъ являлся сюда донъ Рамонъ де-Бельверъ, человѣкъ, занимающій очень видное положеніе, какъ не за тѣмъ, чтобы побудить графа передать городъ въ руки короля? Конечно, за соотвѣтствующую цѣну. Конечно, король можетъ предложить больше, чѣмъ мы, и потому, вѣроятно, его посланецъ не былъ ни отправленъ обратно, ни арестованъ. Итакъ, донъ Хаимъ де-Хорквера, именующій себя теперь графомъ ванъ-Сти-

Библиотека "Руниверс"

веномъ, я обвиняю васъ въ государственной измѣнѣ и я прошу совѣтъ принять мѣры, которыхъ требуетъ такое дѣло.

Въ теченіе его рѣчи въ залѣ только и слышенъ былъ гнѣвный ропотъ. Но теперь вдругъ водворилось глубокое молчаніе, гораздо болѣе знаменательное, чѣмъ прежній ревъ. Ни одинъ изъ приверженцевъ барона не проронилъ ни слова: они знали, что эта мертвая тишина гораздо больше способствуетъ осужденію, чѣмъ какіе бы то ни было восклицанія и крики.

Тишину прервалъ мой голосъ:

— Этотъ городъ ввѣренъ мнѣ принцемъ и штатами,—началъ я звенящимъ голосомъ.—За него я отвѣчаю передъ ними, а не передъ вами. Я могу принимать у себя кого угодно, будь то хоть самъ король Филиппъ, и никто изъ васъ не смѣетъ мнѣ этого воспретить. Но я хочу повести васъ ко мнѣ домой и показать вамъ нѣчто такое, что должно снять съ меня всякое подозрѣніе. Но прежде всего вы должны просить у меня извиненіе, ибо вы не имѣете права меня допрашивать.

Я говорилъ съ большою силою, но и баронъ ванъ-Гульстъ оказался незаурядnымъ врагомъ.

— Вы слышали его?—вскричалъ онъ.—Онъ оскорбляетъ совѣтъ! Да, мы пойдемъ въ ваши комнаты, донъ-Хаимъ, но безъ васъ. Вы намъ не покажете всего и скроете отъ насъ то, что вамъ непріятно. Я предлагаю совѣту назначить комиссію для осмотра бумагъ графа, пока онъ останется здѣсь подъ арестомъ. Когда дѣло идетъ о спасеніи города, намъ было бы непростительно колебаться хоть одну минуту. Г. ванъ-Сильтъ, поставьте на голосованіе мое предложеніе.

Бургомистръ колебался. Онъ былъ опытнымъ человѣкомъ и понималъ, что то, что они теперь затѣвали, было не шуткой.

— Ваше превосходительство не имѣете ничего больше сообщить совѣту?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я.—Я представляю здѣсь штаты и тѣ начала, на которыхъ вы устроили свое государство. Мои прерогативы—это ихъ прерогативы, и я добровольно не уступлю вамъ изъ нихъ ни одной іоты. Я уже давно вижу, съ кѣмъ я имѣю дѣло. Вы называете себя христіанами, но не имѣете ни малѣйшаго понятія ни о любви, ни о милосердіи. Вы—маленькіе доморощенные тираны, хотя и кричите противъ тираніи. Вы ревностно добиваетесь контроля, но хотите контролировать только тѣхъ, кто выше васъ. Вы принимаете помощь принца и штатовъ и въ то же время не признаете ихъ авторитета. Но я скажу вамъ, что, пока я стою здѣсь во главѣ управленія и пока я живъ, вамъ придется считаться съ этимъ авторитетомъ. Вашъ городъ не великъ, да и волосы у меня уже сѣдые. Но если бы я сталъ даже правителемъ цѣлаго королевства и былъ во цвѣтѣ лѣтъ, я рискнулъ бы скорѣе всѣмъ, чѣмъ хоть на шагъ отойти отъ того мѣста, на которомъ я долженъ стоять. Я все сказалъ.

Библиотека "Руниверс"

Опять воцарилось молчаніе. Члены совѣты сидѣли неподвижно, устремивъ глаза въ полъ съ видомъ людей, у которыхъ уже созрѣло рѣшеніе.

— Господинъ ванъ-Сильтъ! поставьте мое предложеніе на голосованіе!—закричалъ опять баронъ ванъ-Гульстъ.

Бургомистръ обратился ко мнѣ опять:

— Не имѣете ли вы что-нибудь прибавить къ сказанному?

— Нѣтъ. Дѣлайте то, на что вы рѣшаетесь. Если вы будете дѣлать обыскъ, то обыскивайте хорошенько.

Ванъ-Сильтъ посмотрѣлъ кругомъ себя. Очевидно, ему оставалось одно. Я не знаю, принималъ ли онъ участіе въ томъ, чтобы возбудить это дѣло, но теперь оно уже пошло въ ходъ, и онъ былъ не въ силахъ его остановить.

Онъ подождалъ минуту-другую и сказалъ:

— Ставлю предложеніе барона ванъ-Гульста на голосованіе. Желающіе его принять благоволятъ встать.

Встали всѣ.

Баронъ позвонилъ. Вошли человѣкъ десять гражданской стражи, которою онъ командовалъ, и стали по обѣ стороны двери.

— Не позволяйте губернатору выходить изъ этого зала, пока я не вернусь,—сказалъ онъ.—Вы мнѣ отвѣчаете за него.

Затѣмъ бургомистръ, баронъ ванъ-Гульстъ и еще три члена совѣта отправились осматривать мои бумаги. По ихъ уходѣ остальные члены совѣта, не глядя на меня и не кланяясь мнѣ, одинъ за другимъ вышли изъ зала.

Я зналъ, что я погибъ, ибо въ моимъ письменномъ столѣ они найдутъ письма, которыя дадутъ имъ больше, чѣмъ они думали, а мой отвѣтъ на нихъ будетъ, конечно, скрытъ. Въ слѣдственной комиссіи принималъ участіе и баронъ ванъ-Гульстъ и, не будь онъ увѣренъ въ своемъ шагѣ и въ своихъ товарищахъ, онъ никогда не пошелъ бы такъ далеко. Вѣдь дѣло шло объ его жизни. Что же касается ванъ-Сильта, то о немъ я не могу ничего сказать. Я считалъ его честнымъ человѣкомъ, если не моимъ другомъ. Но дѣло зашло уже такъ далеко, что теперь для нихъ удобнѣе убить меня, независимо отъ того, виноватъ я или нѣтъ.

Было уже за полдень. Косые лучи солнца, падавшіе въ окна, играли яркими пятнами на опустѣвшихъ креслахъ и на остроконечныхъ шлемахъ моей стражи. Всѣ молчали. Отъ этого безмолвія и пустоты казалось, что залъ этотъ принадлежитъ какому-то другому міру.

Верхняя часть зала терялась въ тѣни, и висѣвшія тамъ знамена—нѣкоторыя изъ нихъ были еще недавно отбиты мною—казались полинявшими и выцвѣтшими, подобно другимъ вещамъ, которыя принадлежатъ прошедшимъ и уже забытымъ временамъ. Да оно такъ и было.

Библиотека "Руниверс"

Вчера мнѣ предлагали стать вице-королемъ цѣлаго государства, а сегодня въ этомъ маленькомъ городкѣ я былъ не въ силахъ спасти даже собственную жизнь.

И останутся послѣ меня и вице-королевство, и меньшіе знаки отличія, присвоенные губернатору Гуды. Сохранится съ нами только то, что успѣла пріобрѣсти наша душа.

Спускались уже сумерки, когда отворилась двери и вошли члены слѣдственной комиссіи. Передъ ними шли превратники, неся свѣчи. Поставивъ ихъ на столъ, они вышли. Ванъ-Сильтъ приказалъ солдатамъ покинуть комнату, остаться за дверями и явиться моментально, если ихъ позовутъ. Послѣ этого онъ занялъ свое мѣсто. Остальные столпились около него.

— Не угодно ли вашему превосходительству подойти поближе, чтобы выслушать, что мы скажемъ,—проговорилъ онъ.

— Если вамъ нужно что-нибудь сказать мнѣ, то приблизьтесь ко мнѣ,—отвѣчалъ я, не двигаясь со своего мѣста.

— Хорошо.

Онъ всталъ и двинулся впередъ. Остальные шли за нимъ. Шага за два до моего кресла онъ остановился и началъ:

— Мы прочли письма короля и дона Матео де-Леса. Для такого человѣка, какъ вы, едва ли возможно выдержать это искушеніе. Вы полуиспанецъ по крови и настоящій испанецъ по воспитанію. Да вы, повидимому, и не колебались, ибо вы не прогнали отъ себя посланнаго къ вамъ человѣка и не арестовали его. Но прежде, чѣмъ судить васъ, мы желали бы выслушать васъ.

— Нашли ли также мой отвѣтъ на эти письма?—спросилъ я, пристально смотря ему въ глаза.

— Нѣтъ.

Меня взбѣсило его холодное самообладаніе.

— И вы смѣете являться сюда съ такой ложью на языкѣ?

— Я полагаю, что съ такимъ упрекомъ слѣдуетъ обращаться не ко мнѣ,—хладнокровно отвѣчалъ онъ.—Но я не буду съ вами спорить. Не имѣете ли сказать еще что-нибудь?

— Можете вы дать клятву въ томъ, что ничего другого, кромѣ этихъ писемъ, вы у меня не нашли?—въ свою очередь, спросилъ я.

— Да, могу. Мы всѣ можемъ поклясться, я полагаю.

— Всѣ могутъ?—спросилъ я опять.

— Я, по крайней мѣрѣ, клянусь,—сказалъ баронъ ванъ-Гульстъ, хотя никто не обращался къ нему лично.

Остальные повторили то же самое.

Я посмотрѣлъ на нихъ съ презрѣніемъ.

— Хорошо. Вы совершили клятвопреступленіе. Послѣ этого мнѣ нечего съ вами говорить.

Съ минуту длилось молчаніе. Затѣмъ ванъ-Сильтъ заговорилъ:

— Это ваши послѣднія слова?

Библиотека "Руниверс"

Я посмотрѣлъ на него: онъ, повидимому, былъ искренень. Сквозной вѣтеръ, потянувшій неизвѣстно откуда, колебалъ пламя свѣчей, и ихъ переливавшійся свѣтъ клалъ какія-то странныя тѣни на его лицо.

Мнѣ оставалось послѣднее средство. Сохранился мой дневникъ. Конечно, онъ не былъ рѣшающимъ доказательствомъ, но онъ могъ пригодиться мнѣ, чтобы защититься отъ обвиненій. Вдругъ я вспомнилъ о Маріонъ и ея поцѣлуяхъ, которые мнѣ еще не были даны. Но тогда я долженъ буду просить ванъ-Сильта и другихъ прочитать страницы, которыя никогда не предназначались для посторонняго взгляда, долженъ буду просить этихъ людей удовольствоваться тѣмъ, что они тамъ найдутъ, долженъ буду выпрашивать свою жизнь у этихъ людей! Нѣтъ, никогда этого не будетъ! Я все еще донъ Хаимъ де-Хорквера, который во всю жизнь никогда не унижался ни передъ кѣмъ, кромѣ своей жены да одинъ разъ принца, ради нея же.

Были, пожалуй, и другіе пути къ спасенію, ибо я не хуже ихъ сумѣлъ ли сплести интригу, если только откинуть уваженіе къ истинѣ и не обращать вниманія на данную клятву. Но, унижая себя, я не могу, однако, унижать ни тѣхъ, кого я представляю, ни мою любовь.

Я разбилъ послѣдняго идола—бога успѣха, которому служатъ вездѣ и всѣ. Я разорвалъ связи съ своимъ народомъ, которыя связывали цѣлыя поколѣнія, съ народомъ, который думаетъ, что онъ правитъ міромъ, не замѣчая того, что, наоборотъ, міръ управляетъ имъ. Надъ волей умершихъ я поставилъ свою собственную и надъ волею плоти я поставлю волю духа.

Часы, которые я провелъ въ опустѣвшемъ залѣ, наблюдая, какъ солнце медленно отходило отъ меня и губернаторскаго мѣста, прошли для меня не безплодно,

Наконецъ-то я нашелъ основной смыслъ и цѣль въ своей жизни. Она заключалась не въ томъ, чтобы сдѣлать то или другое, а въ томъ, чтобы во всѣхъ положеніяхъ оставаться на той высотѣ, которая только доступна для меня, и сдѣлать для этого даже невозможное.

— Я говорилъ съ вами больше, чѣмъ вы заслуживаете и чѣмъ позволяетъ мое служебное положеніе,—отвѣчалъ я ванъ-Сильту.— Я присланъ сюда управлять вами и судить васъ, въ случаѣ надобности, а никакъ не для того, чтобы подвергаться вашему суду.

Сказавъ это, я скрестилъ на груди руки и откинулся на спинку кресла.

— Въ такомъ случаѣ въ моемъ распоряженіи оказываются два пути,—началъ опять бургомистръ.—Одинъ изъ нихъ чреватъ важными послѣдствіями. Я человѣкъ уже старый и не хотѣлъ бы подъ конецъ жизни брать на себя такое дѣло. Но если вы не можете

Библиотека "Руниверс"

представить намъ оправданій—здѣсь его голосъ сталъ дрожать:— то мы не можемъ оставить васъ въ живыхъ. На этотъ счетъ согласенъ весь совѣтъ. Мы слишкомъ многимъ рискуемъ. Есть еще другой выходъ: если вы обратитесь къ принцу съ просьбой, чтобы онъ отозвалъ васъ изъ Гуды, а до отъѣзда согласитесь подъ быть нашимъ присмотромъ, то мы готовы даровать вамъ жизнь.

— Полагаю, что отвѣчать мнѣ на это нечего,—холодно сказалъ я.

Что обо мнѣ думалъ бургомистръ ванъ-Сильтъ? Неужели онъ принимаетъ меня за одного изъ тѣхъ?

Какъ бы то ни было, но мой отказъ, видимо, разстроилъ его. Подождавъ немного, онъ началъ опять:

— Съ вами будетъ поступлено, какъ это вамъ угодно. Сегодняшнюю ночь вы проведете здѣсь подъ стражей, причемъ съ вами будутъ обходиться, какъ подобаетъ вашему высокому положенію. А завтра вы должны будете приготовиться къ смерти.

Онъ приказалъ стражѣ войти и сказалъ:

— Отведите его превосходительство въ комнату принца и хорошенько смотрите за нимъ. Вы отвѣчаете за него своими головами.

Меня отвели въ указанную комнату, но черезъ полчаса явился стражникъ и сказалъ:

— Вашему превосходительству нельзя здѣсь оставаться. Комната не достаточно удобна для вашей охраны и намъ приказано перевести васъ въ другое мѣсто.

Послѣ этого меня отвели въ это уютное мѣстечко въ двадцать квадратныхъ футовъ, гдѣ вода капаетъ съ потолка и крысы являются единственнымъ для меня обществомъ.

Долженъ сознаться, что довольно долго я чувствовалъ себя здѣсь весьма нехорошо, и я посовѣтую имъ прежде, чѣмъ они сюда опять кого-нибудь засадятъ, почистить и провѣтрить это помѣщеніе, которое такъ въ этомъ нуждается. Не мѣшало бы развести здѣсь и небольшой огонь, чтобы обсушить стѣны, ибо если человѣкъ получилъ когда-нибудь рану, то сырость отзовется на ней очень вредно. Я забылъ про свою рану, но теперь она разболѣлась, и я не могу владѣть плечомъ.

Рѣшительно это мѣстечко не годится для долгаго пребыванія!

Освѣщеніе также оставляемъ желать многаго. Моя свѣчка почти догорѣла и черезъ нѣсколько минутъ погаснетъ совсѣмъ.

Я принужденъ закрыть эту книгу. Но прежде, чѣмъ сдѣлать это, я хочу записать въ нее мой символъ вѣры—завершить достойнымъ концомъ мою жизнь. Надежда и убѣжденія—все еще составляютъ мое достояніе и, можетъ быть, они достались мнѣ не очень дорогой цѣной.

Вѣра для человѣческой жизни необходима. Вѣдь она такъ коротка и неполна. Одинъ за другимъ сходятъ въ могилу люди, сердца ко-

Библиотека "Руниверс"

торыхъ еще не успѣли остыть, желанія заглохнуть, люди, которые не загладили еще свои грѣхи и сами не получили отъ жизни должнаго. Какъ много сошло въ могилу такихъ людей! Сколько труда, страстныхъ, отчаянныхъ усилій исчезло вмѣстѣ съ ними, не принеся никакихъ плодовъ въ этомъ мірѣ! И какъ возрастаетъ съ теченіемъ вѣковъ списокъ такихъ людей! Но лишь о немногихъ изъ нихъ извѣстно что-нибудь, большинство же могилъ хранятъ свою тайну. Неужели же они жили напрасно? Неужели же душа погребается въ землѣ вмѣстѣ съ тѣломъ? Но вѣдь и для тѣла нѣтъ смерти, а есть только превращеніе, и цвѣты на кладбищѣ пріобрѣтаютъ свой пышный ростъ отъ нашего разложенія.

Повсюду мы видимъ круговоротъ, и послѣ смерти должна быть жизнь. Неужели только наши души должны умереть безъ утѣшенія, такъ и не понявъ своего призванія и не измѣривъ своего значенія? Неужели духъ есть нѣчто второстепенное въ сравненіи съ матеріей? Конечно, если бы это было такъ, то не стоило бы вызывать его изъ хаоса. Одинъ и тотъ же законъ управляетъ всѣмъ и въ томъ, что разрѣшается меньшему, не можетъ быть отказано большему. И должна быть Великая Причина всего. И это долженъ быть Духъ, а не слѣпая сила.

Горе намъ, если наши мысли устремятся туда, куда онѣ не могутъ достигнуть. Горе Богу, постигнутому своими созданіями. Мой Богъ долженъ быть выше меня, и я никогда не могу стыдиться Его. Какъ я живу въ суетѣ и тьмѣ, такъ онъ живетъ въ мірѣ и свѣтѣ. И когда я увижу лицо Его, я пріобщусь къ Его славѣ. Въ томъ, о чемъ я догадывался, я буду тогда увѣренъ, и моя мечта станетъ фактомъ.

Съ этой вѣрой я спокойно и безтрепетно отхожу отъ жизни, готовый предстать предъ лицомъ Божіимъ. Аминь.

19-го іюля.

Жизнь наша въ рукахъ Божіихъ, и жизнь и смерть сѣетъ Онъ по своему произволенію.

Съ площади глухо доносится стукъ молотковъ, которыми сооружаютъ эшафотъ. Но не для меня.

Теперь уже за полночь. Смертный приговоръ подписанъ и на разсвѣтѣ будетъ приведенъ въ исполненіе. Сегодня же я буду отдыхать.

«Не судите, да не судимы будете», говорилъ я всего два дня тому назадъ и теперь вспоминаю эти слова. Мнѣ тяжело было выступать судьей въ собственномъ своемъ дѣлѣ, но оно касается не только меня одного.

Разскажу все по порядку.

Глубокая ночь спустилась въ моей темницѣ. Въ густомъ мракѣ носились передо мной темныя видѣнія, поднимались мрачныя

Библиотека "Руниверс"

мысли, которыя какъ-то не хотѣлось ни отгонять, ни запосить въ эту книгу. Я считаю себя храбрымъ, но вѣдь я все-таки человѣкъ, и въ сердцѣ поднимается нѣчто болѣе сильное, чѣмъ простое сожалѣніе, малодушіе, недостойное ни меня, ни такой минуты.

Впрочемъ, это скоро прошло. Мало-по-малу воздухъ становился невыносимо спертымъ и удушливымъ, пока на душу и тѣло не спустилась какая-то свинцовая тяжесть.

Я молилъ Бога только о томъ, чтобы они поскорѣе пришли и убили меня, или же вывели меня отсюда и повѣсили, обезглавили, лишь бы только мнѣ не задыхаться въ этой конурѣ.

Наконецъ, я не могу опредѣлить, когда именно,—время тянулось для меня безконечно,—я услышалъ, какъ кто-то подошелъ къ моей двери. Черезъ минуту въ замкѣ появился ключъ и повернулся съ лязгомъ.

Наконецъ-то! Я въ самомъ дѣлѣ былъ радъ.

Дверь медленно отворилась, и свѣтъ фонаря упалъ на полъ.

— Не угодно ли будетъ вашему превосходительству выйти отсюда?—раздался голосъ тюремщика.

— Съ удовольствіемъ,—отвѣчалъ я.—Въ слѣдующій разъ, когда вы сюда кого-нибудь посадите, подметите эту конуру и откройте окно. Ты думаешь, что для дворянина нужно меньше, чѣмъ для тебя, каналья?—сказалъ я, выходя.

— Ваше превосходительство, въ этомъ не моя вина,—смиренно отвѣчалъ сторожъ.—Все будетъ исполнено, какъ вы желаете.

Меня это порадовало, но вмѣстѣ съ тѣмъ его покорность показалась мнѣ странной.

Я взглянулъ вокругъ себя. Потребовалось нѣсколько минутъ, чтобы сообразить свое положеніе. Въ моихъ глазахъ все еще мелькалъ свѣтъ фонаря и хотя это былъ жалкій свѣтъ, но мракъ въ моей темницѣ былъ такъ густъ, что и этотъ свѣтъ казался мнѣ ослѣпительнымъ.

Мало-по-малу я сталъ различать другую фигуру—какую-то женщину, закутанную въ темный плащъ. Она что-то сказала тюремщику, тотъ въ отвѣтъ поклонился и, поставивъ фонарь на полъ, вышелъ въ дверь, находившуюся въ дальнемъ концѣ коридора.

Мы остались одни.

Женщина откинула капюшонъ съ лица.

— Маріонъ!—крикнулъ я, простирая къ ней руки.

Она сдѣлала шагъ впередъ и вдругъ со стономъ упала на колѣни, въ отчаяніи протягивая ко мнѣ руки. Ея пальцы какъ будто хотѣли, но не могли схватить меня.

— Простите меня,—зарыдала она:—но я недостойна касаться васъ.

— Какъ, Маріонъ, неужели вы все еще сомнѣваетесь во мнѣ? Когда человѣкъ съ часу на часъ ожидаетъ смерти, то онъ, конечно, дѣйствуетъ и говоритъ искренно.

Библиотека "Руниверс"

— Донъ Хаимъ, простите меня. Если бъ я повѣрила вамъ, то, быть можетъ, все пошло бы иначе. Я должна была знать все раньше и... простите, простите меня!

Рыданія заглушили ея слова.

— Я прощаю васъ, Маріонъ. Будьте тверды. Наша любовь не умретъ. Но почему я не могу касаться васъ?

Ея голова низко опустилась, голосъ зазвучалъ какъ-то неестественно и странно:

— Я дала слово быть женой другого.

— Маріонъ!—закричалъ я въ ужасѣ.

Страшное подозрѣніе мелькнуло у меня въ умѣ.

— Ужъ не ванъ-Гульста ли?—спросилъ я сквозь зубы.

— Да,—отвѣчала она, не поднимая на меня глазъ.

Горячая волна гнѣва поднялась во мнѣ, ибо я не зналъ еще всего. Для меня ясно было только одно: женщина, которую я любилъ, унизилась до этого...

— Я уже одной ногой въ гробу, но я еще найду средства предупредить это. Клянусь Богомъ, я сдѣлаю это!—гнѣвно закричалъ я.— Если вы можете простить, то я не могу.

Сложивъ руки, она смотрѣла на меня умоляюще.

— Прошу васъ, выслушайте меня терпѣливо. Иначе я буду не въ состояніи разсказать вамъ все. Забыть! Мнѣ! Мнѣ, у которой за эти четыре года не было другихъ мыслей, какъ только о васъ! Это было единственнымъ средствомъ спасти вашу жизнь. Не дай я этого обѣщанія, вы теперь были бы уже мертвы—заколоты въ своей темницѣ!

Теперь я понялъ все. Ея голосъ дошелъ до моего сердца. Но какъ могла она подумать, что я могу остаться въ живыхъ цѣною этой сдѣлки?

— Я лучше согласился бы умереть тысячу разъ!—воскликнулъ я.—Вы должны были бы знать это. Я переговорю съ ванъ-Гульстомъ. Тутъ не должно быть обмана.

И я сдѣлалъ шагъ къ двери.

Она быстро вскочила съ полу и загородила мнѣ дорогу.

— Нѣтъ!—закричала она.—Вы не должны это дѣлать. Сначала выслушайте меня.

Въ одну минуту она вся преобразилась. Грудь ея волновалась, глаза блестѣли. Только теперь я понялъ всю глубину ея любви.

— Вы должны жить и сохранить свою честь. Неужели вы думаете, что я объ этомъ не подумала? Никто не знаетъ, что вы любите меня. Ванъ-Гульсту извѣстно, что я васъ люблю, но онъ не придаетъ этому значенія. Развѣ я не сдѣлала того же самаго нѣсколько часовъ тому назадъ? И мнѣ даже не стыдно было въ этомъ сознаться..

Библиотека "Руниверс"

— Маріонъ!

— Теперь я знаю все,—продолжала она, сверкая глазами.— И вамъ нечего бояться. Это будетъ не такой бракъ, какъ у другихъ. Живая я ему въ руки не дамся.

— Маріонъ!—закричалъ я опять.—Развѣ вы не знаете, что это грѣхъ, за который пастыри духовные обѣщаютъ вѣчное наказаніе? И вы, сохранившая въ себѣ вѣру, хотите совершить его?

— Да,—спокойно возразила она. Въ ея голосѣ послышалось что-то величавое, какъ будто она устыдилась моихъ сомнѣній.— Неужели вы думаете, что ради васъ я остановлюсь передъ этимъ? Но не бойтесь. Богъ не осудитъ меня. А что касается ванъ-Гульста, то я прямо объявила ему объ этомъ, и пусть онъ идетъ на рискъ. Ему нужна не я, а мое состояніе—состояніе Изабеллы. Мнѣ кажется, на немъ лежитъ какое-то проклятіе. О, зачѣмъ вы все это сдѣлали!

— Маріонъ, если бъ я могъ знать...

— Увы, вы правы. Если бъ только вы могли знать... Но мысль о томъ,что я могла косвеннымъ образомъ способствовать вашей смерти... свела бы меня съ ума! Я не могла бы жить съ нею. Теперь я могу быть сильной; но тогда я должна была бы быть слабой! Въ концѣ концовъ вѣдь я все же женщина. И если моя смерть будетъ теперь моей обязанностью, тогда она будетъ грѣхомъ, который мнѣ никогда не простится, и я потеряю васъ въ этомъ и въ томъ мірѣ. Сжальтесь же надо мной!

Упавъ опять на колѣни и судорожно обнимая мои ноги, она продолжала страстно:

— Смотрите! Я теперь прикасаюсь къ вамъ, хотя и не должна этого дѣлать. Я не встану, пока вы не обѣщаете сдѣлать то, о чемъ я прошу. Обѣщайте, обѣщайте!—въ отчаяніи кричала она.—Если любите меня, обѣщайте!

Я былъ потрясенъ до глубины души. Вотъ это была любовь.

— Не сомнѣвайтесь,—продолжала она.—Ваша честь будетъ спасена, и вы будете реабилитированы. Но вы должны жить, ибо вы не въ правѣ отказываться отъ жизни.

Что-то строгое звучало въ ея голосѣ.

— Вы принадлежите не только себѣ или мнѣ. Вы нужны странѣ, чтобы вести ее къ побѣдѣ надъ заблужденіемъ и мракомъ. Кто я такое? Я только женщина, и моя смерть пройдетъ незамѣтно. Я знаю, знаю,—съ необыкновенной мягкостью продолжала она:—что я задаю вамъ трудную задачу. Но я слаба и даю вамъ тяжелую задачу потому, что вы сильнѣе меня.

Я не могъ отвѣчать, не могъ произнести ни слова.

— Обѣщайте это мнѣ,—мягко, но настойчиво начала она опять.— Заставляя меня ждать вашего отвѣта, вы причиняете мнѣ страданія хуже всякой агоніи. Если любите меня, обѣщайте.

Библиотека "Руниверс"

Все мое существо возмущалось противъ этого. Нѣтъ, не должно этого быть.

— Но, Маріонъ,—заговорилъ я, когда способность рѣчи вернулась ко мнѣ:—прежде всего я долженъ знать, прежде всего вы должны разсказать мнѣ все. Можетъ быть, есть еще выходъ.

— Увы! нѣтъ. Но я разскажу вамъ все, только обѣщайте. Если любите меня, освободите меня отъ этихъ мукъ. Сжальтесь и обѣщайте.

Она еще сильнѣе охватила меня. Невозможно было сопротивляться ея умоляющему голосу.

Мысли мои носились въ безпорядкѣ. Я былъ опять на свободѣ, и, конечно, я, донъ Хаимъ де-Хорквера, воспитанный толедскимъ инквизиторомъ, окажусь еще достойнымъ соперникомъ для барона ванъ-Гульста и добрыхъ гражданъ города Гуды и не опускаясь до лжи. Они выпустили тигра изъ клѣтки. Тѣмъ хуже для нихъ.

— Прежде всего разскажите мнѣ все, Маріонъ, и если выхода, дѣйствительно, нѣтъ, какъ вы говорите, то я согласенъ на вашу просьбу.

Она перевела дыханіе.

— Благодарю васъ. Теперь мнѣ легче,—промолвила она, поднимаясь съ колѣнъ.

Вдругъ она покачнулась и вытянула руки, ища опоры. Вся ея сила ушла въ эту страстную мольбу: слишкомъ велико было это напряженіе. Я привлекъ ее къ себѣ на грудь, чтобы она могла оправиться.

Черезъ минуту она уже опомнилась.

— Нѣтъ! Я не должна этого дѣлать, — воскликнула она, освободившись изъ моихъ объятій.

Я стиснулъ зубы. Дорого поплатятся за это ванъ-Гульстъ и другіе.

— Я все разскажу вамъ, но вкратцѣ: времени у насъ немного.

Она говорила сразу, не переводя духъ.

— До восхода солнца вы должны рѣшиться. Выхода нѣтъ. Ибо меня сторожатъ такъ же, какъ и васъ. Со вчерашняго дня ванъ-Гульстъ и его люди неотступно слѣдятъ за мною. Но мнѣ все-таки удалось послать мою служанку къ Мартѣ ванъ-Гиртъ и въ предмѣстье города предупредить, чтобы всѣ вооружались и шли выручать васъ. Ибо если многіе ненавидятъ васъ, то многіе и обожаютъ васъ—такихъ гораздо бо́льше, чѣмъ вы знаете. У одного ванъ-Гирта до пятидесяти служащихъ, которые гораздо больше любятъ его дочь, чѣмъ его самого. Я думаю, что всѣ они явятся. Но увы! Вамъ придется раньше рѣшиться. Я была въ вашей комнатѣ и читала то, что написано въ книгѣ съ серебряными застежками.

— Мой дневникъ,—тихо сказалъ я.

Библиотека "Руниверс"

— Да, я искала доказательствъ вашей невинности и нашла вотъ что. Застежки книги были заперты, но инструменты, которыми вскрывали вашъ письменный столъ, еще лежали здѣсь же. Замокъ, очевидно, подался сразу. Всѣ ваши вещи были перерыты, но не такой любящей рукой. Я надѣюсь, вы простите меня. Я начала съ конца, переворачивая чистыя страницы, пока не дошла до послѣднихъ записанныхъ вами словъ. Я прочла ихъ съ жадностью, ибо они какъ разъ отвѣчали моимъ мыслямъ! Подумать только! Вамъ предлагали цѣлое королевства—и вы отказались!—вскричала она съ сіяющими глазами.—Потомъ,—продолжала она, опустивъ глаза и краснѣя,—мною овладѣло непреодолимое искушеніе. Я не вѣрила, что вы любите меня... А что если такъ? Не сильно было это сомнѣніе, но разъ оно закралось въ меня, я потеряла надъ собой всякую власть. Вѣдь если я переверну еще одну страницу, я узнаю все. И я перевернула и узнала. Простите меня.

— Маріонъ, я благодарю васъ за это. Теперь между нами нѣтъ никакихъ сомнѣній.

— Нѣтъ, ихъ нѣтъ. Когда я показала ванъ-Гульсту вашу послѣднюю запись, онъ холодно произнесъ: «Это еще не доказательство. Намѣренія графа могли перемѣниться». Вашъ отвѣтъ куда-то исчезъ, и я увѣрена, что онъ въ рукахъ ванъ-Гульста: онъ обѣщалъ очистить васъ отъ всякихъ подозрѣній. Безъ вашего отвѣта онъ не могъ бы этого сдѣлать. Онъ очень сожалѣетъ, что напрасно заподозрѣлъ васъ,—такъ, по крайней мѣрѣ, онъ говоритъ. Но теперь дѣло идетъ уже о жизни его самого, и онъ не хочетъ снять съ васъ подозрѣнія до тѣхъ поръ, пока вы не дадите слова не мстить за все, что случилось, а я не соглашусь исполнить его желаніе. У насъ было бурное объясненіе, ибо я тоже поставила свои условія, и онъ знаетъ, что живой я ему не дамся. А ваша честь останется не запятнанной въ вашихъ собственныхъ глазахъ и въ глазахъ всего свѣта. Если ваша гордость будетъ иногда страдать, то вспомните, что кое-чѣмъ вы обязаны вашей странѣ и немножко мнѣ.

Голосъ ея опять зазвучалъ тихо, и опять невозможно было противиться ей.

— Теперь я вамъ все сказала. Вы видите, что выхода нѣтъ. Его люди стоятъ за этимъ дверями.

— Сколько ихъ тутъ?—прервалъ я ее.

— О, вы не должны вступать съ ними въ борьбу. Условіе наше таково, что если вы его не принимаете, то вы должны итти обратно туда, откуда вы пришли, и ждать смерти. Руки у насъ связаны, и судьба наша тяжела. Но любовь наша крѣпка, и даже смерть не разлучитъ насъ. Я не знаю, что насъ ждетъ на томъ свѣтѣ, и будетъ ли тамъ жизнь такова, какъ говорятъ наши проповѣдники. Но если любовь слѣдуетъ и въ тотъ міръ, то вы не будете тамъ одиноки. Ибо не много времени для печали духа, и, когда наступитъ часъ пе-

Библиотека "Руниверс"

чали, знакомый голосъ скажетъ вамъ, что жизнь коротка, а любовь вѣчна. Я должна проститься съ вами, но раньше я должна поблагодарить васъ. Вы спасли меня отъ костра и дали мнѣ цѣль въ жизни. Благодарю васъ за вашу любовь, за то, что вы исполнили мою просьбу. Знаю, что вамъ недешево стоило рѣшиться на это. Я поцѣловала вашу руку въ первый день нашей встрѣчи, позвольте поцѣловать ее и теперь, когда мы разстаемся.

Она взяла мою руку и поцѣловала ее. Она! Мою руку! Она благодарила меня! И я стоялъ и позволилъ ей все это сдѣлать!

Я былъ подавленъ, ошеломленъ ея величіемъ. Я не могъ говорить, и только горячія слезы застлали мои глаза.

Я страстно бросился къ ея ногамъ, стараясь схватить ее, поцѣловать край ея платья. Мои первы не выдержали, и я едва понималъ, что я дѣлаю.

Она отскочила назадъ.

— Тише,—сказала она.—Вы не должны этого дѣлать. Пора.

И она посмотрѣла въ конецъ коридора, откуда доносились звуки, какъ будто кто-то открывалъ и закрывалъ двери. Это привело меня въ себя. Я всталъ.

— Теперь я хочу переговорить съ этимъ человѣкомъ. Идемте, Маріонъ.

Мы тихо двинулись ко коридору. Мой мозгъ работалъ лихорадочно, стараясь справиться съ положеніемъ. Когда мы приблизились къ концу коридора, дверь открылась, и показалась какая-то полная фигура.

То былъ баронъ ванъ-Гульстъ. Онъ сдѣлалъ мнѣ глубокій поклонъ.

— Надѣюсь, вамъ удалось уговорить его превосходительство простить меня?—спросилъ онъ шедшую впереди меня Маріонъ.

— Да,—коротко отвѣчала она.—Его превосходительство согласенъ простить васъ, если вы поправите дѣло.

— Сдѣлаю все, что отъ меня зависитъ,—отвѣчалъ онъ, вторично кланяясь.—Ваше превосходительство, я весьма раскаиваюсь въ томъ, что неправильно заподозрѣлъ васъ. Усерднѣйше прошу простить меня.

Недалеко отъ насъ на стѣнѣ висѣлъ фонарь. Его свѣтъ падалъ какъ разъ на лицо и смѣявшіеся глаза ванъ-Гульста. Маріонъ кое-чего не знала. Но онъ слышалъ мое недавнее съ ней объясненіе, онъ обвинилъ меня передъ совѣтомъ, онъ зналъ всю гнусность затѣяннаго имъ торга.

— Можетъ быть,—отвѣчалъ я.—Прежде всего я долженъ слышать всѣ условія договора.

Онъ повелъ бровями.

— Развѣ вы не сказали ихъ, Маріонъ?

Библиотека "Руниверс"

Отъ такого обращенія къ ней меня словно кто ударилъ хлыстомъ по лицу.

— Она говорила о нихъ,—отвѣчалъ я вмѣсто нея.—Но я хотѣлъ бы слышать ихъ изъ вашихъ устъ.

— О, условія немногочисленны и просты. Вамъ сохраняется ваша жизнь, и я обязуюсь добиться вашего оправданія въ совѣтѣ. Въ свою очередь, вы должны покляться, что не будете мстить мнѣ за все, что произошло въ эти дни, никогда и никакимъ образомъ. Мнѣ говорили, что, даже когда вы даете обѣщаніе, опасность не устраняется. Поэтому я настаиваю на томъ, чтобы была дана клятва безъ всякихъ ограниченій про себя.

— Это все?

— Все, что касается лично васъ.

— Вы также дадите клятву? Вы не вѣрите мнѣ, а я не вѣрю вамъ.

Онъ пожалъ плечами.

— Какъ вамъ угодно. Если вы желаете, я готовъ поклясться.

— Вы должны дать клятву въ присутствіи свидѣтеля, напримѣръ, ванъ-Сильта,—продолжалъ я.

— Нѣтъ, этого я не сдѣлаю,—рѣзко сказалъ онъ.—Свидѣтелей я не хочу.

— Въ такомъ случаѣ вы будете довольствоваться только словомъ и съ моей стороны.

— Здѣсь m-lle де-Брегольль, и мы не можемъ солгать въ ея присутствіи.

— Да, но вы можете. Слѣдовательно, нашъ договоръ нужно изложить письменно, нужно его подписать и дать подписать какому-нибудь свидѣтеля. Вмѣсто него намъ будетъ m-lle де-Брегольль.

— Незачѣмъ ни писать, ни подписывать, — грубо прервалъ онъ меня. — Вы можете принимать или не принимать мои условія.

— Въ такомъ случаѣ я ихъ не принимаю,—сказалъ я и повернулъ назадъ. Я зналъ, что онъ не дастъ мнѣ уйти.

— Да вы съ ума сошли! — сердито закричалъ онъ.—Прошу прощенія,—спохватившись, началъ онъ съ ироническою вѣжливостью.—Я хотѣлъ сказать, что вы черезчуръ возбуждены. Извольте, ваше желаніе будетъ исполнено. Не думаю, чтобы вы признали когда-нибудь благоразумнымъ дѣлать этотъ договоръ достояніемъ гласности, — прибавилъ онъ съ нахальной улыбкой.

Потомъ онъ крикнулъ въ дверь:

— Дайте сюда бумаги, перо и чернилъ и принесите столъ. Да живо!

Когда принесли все это, ванъ-Гульстъ быстро написалъ нѣсколько строкъ.

— Вотъ. Я даю здѣсь клятвенное обѣщаніе вернуть вамъ свободу и оправдать васъ передъ совѣтомъ.

Библиотека "Руниверс"

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время"

С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.

«Книжныя Новости» магазиновъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» (ежемѣсячные списки вновь поступающихъ въ магазины Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ безплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ ОКТЯБРѢ 1913 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 10-й.

Богословіе.

ЗОСИМОВСКІЙ, З. Второе и послѣднее продолженіе къ моей книгѣ: «Есть ли у русскихъ религія?» Спб. 1913. Ц. 1 р.

СУМЦОВЪ, Н. Обзоръ содержанія проповѣдей Іоанникія Голятовскаго. Х. 1913. Ц. 25 к.

ТУНИЦКІЙ, Н. Св. Климентъ, епископъ Словенскій. Его жизнь и просвѣт. дѣятельность. Сергіевъ-Посадъ. 1913. Ц. 2 р. 50 к.

ЭКЗЕМПЛЯРСКІЙ, В. Евангеліе и общественная жизнь. (Нѣсколько словъ о соціальной сторонѣ евангельской проповѣди). Докладъ. К. 1913. Ц. 40 к.

Философія, психологія, логика.

КРОНФЕЛЬДЪ, А. Психологическая механика. Критическая оцѣнка ученія Freud'a М. 1913. Ц. 85 к.

ЛОККЪ, Д. Мысли и воспоминанія о воспитаніи разума. Спб. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

ОТКРЫТЫЙ путь къ всемірному человѣческому счастью. Спб. 1913. Ц. 5 р.

Словесность, исторія литературы, критика и библіографія.

ГЕЙНРИХСЕНЪ, Н. Русь. Слово о полку Игоревѣ. Ц. 75 к.

ЗЕЛЕНЕЦКІЙ, Ал. Эпитеты литературной русской рѣчи. 1-я часть. М. 1913. Ц. въ пашкѣ 75 к.

КТИТАРЕВЪ, Я. Вопросы религіи и морали въ русской художественной литературѣ. Ч. I. Ц. 1 р.

ПЛЕТНЕВЪ, А. Собраніе сочиненій. Т. 3-й. Критика.—Публицистика.—Обо всемъ.—Намеки. Одесса. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

РОССИНЕВИЧЪ, В. Женскіе типы въ русской литературѣ въ первой половинѣ IX вѣка. Ц. 20 к.

ЭНГЕЛЬГАРДТЪ, Н. Исторія русской литературы XIX столѣтія. Томъ 1-й. Спб. 1, 13. Ц. 3 р.

Библиотека "Руниверс"

Беллетристика, поэзія и драматическія произведенія.

АВТОРЫ всѣхъ странъ. Сборники разсказовъ. №№ 1 и 2. Ц кажд № 50 к.

АННЕНСКІЙ, И. Оимира-Киварадъ. Вакхическая драма М. 1913. Ц. 1 р 50 к.

БОГЕМСКІЙ, Д. Ялта на ладони. Крымскіе разсказы. Спб. 1913. Ц. 1 р.

БРОНИЦКАЯ, Н. Отголоски жизни. Т. I. Стихи. Спб. 1913. Ц 1 р.

ЗАПОЛЬСКАЯ ГАБРІЭЛЬ. Мать-любовница. Романъ. Переводъ съ польскаго Е. Загорскаго. М. 1913. Ц. 80 к.

ИЛАРІОНОВА, Н. Покинутый сынъ. Романъ. Х. 1913. Ц. 75 к.

КЕЛЛЕРМАНЪ, БЕРНГАРДЪ. Въ тунелѣ. Романъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

«ЛЕТУЧІЕ АЛЬМАНАХИ». Вып. I и II. Ц. кажд. вып. 60 к.

ОХОТНИЧЬИ разсказы и стихотворенія. Подъ ред. С. Алексѣева. М. 1913. Ц. 1 р.

СТИХИ НЕЛЛИ. Съ посвященіемъ Валерія Брюсова. М. 1913. Ц. 60 к.

ЦВѢТОЧКИ святого Франциска Ассизскаго. М. 1913. Ц. 75 к.

ШТЕРНЪ, ЕВГЕНІЯ. Современные русскіе лирики. 1907—1912 гг. Стихотворенія. Спб. 1913. Ц. 2 р.

Исторія, біографія и археологія.

АЛЕКСѢЕВЪ, В. Къ біографіи Гедеона-Эрнеста-Лаудона. Ц. 20 к.

АНДРІАНОВЪ, П. Слава земли русской. Историческій сборникъ. О. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

БЛАГОВѢЩЕНСКІЙ, И. Память о предкахъ царствующаго Дома Романовыхъ въ Заонежьѣ. Петрозаводскъ. 1913. Ц. 20 к.

— Памяти Александра I Благословеннаго и отечественной войны для жителей Олонецкаго края. Ц. 30 к.

БѢЛЯВСКІЙ, Ф. Іудизмъ и христіанство. Очерки по исторіи культуры. IV. Спб. 1913. Ц. 1 р. 20 к.

ГАЛЧЕНКО, А. О каменномъ вѣкѣ и объ остаткахъ его въ Олонецкой г. Петрозаводскъ. 1913. Ц. 25 к.

ЛѢТОПИСНЫЙ И ЛИЦЕВОЙ ИЗБОРНИКЪ ДОМА РОМАНОВЫХЪ. Историко-художественное изданіе въ ознаменованіе трехсотлѣтія царствованія—1613—1913 гг. По подпискѣ 12 выпусковъ на лучшей бумагѣ цѣна 180 р., въ полупарчевыхъ переплетахъ цѣна 300 р. Допускается разсрочка.

МАТЕРІАЛЫ для исторіи дворянства Спб. губ. Т. 2. Вып. 1. Ополченіе. 1812 г. Спб. 1912. Ц. 10 р.

ОРЛОВА, О. Луи Пастеръ, его жизнь и труды. Подъ редакціей и съ предисловіемъ С. Крапивина. М. 1913. Ц. 75 к.

ПАРХОМЕНКО, В. Начало христіанства Руси. Очеркъ изъ исторіи Руси IX—X вв. Полтава. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

ТАТИЩЕВЪ, Ю. Вильна и Литовскія губерніи въ 1812—1813 гг. Вильна. 1913. Ц. 5 р.

ШЕСТАКОВЪ, С., проф. Лекціи по исторіи Византіи. Изданіе слушательницъ К. В. Ж. К. А. Войдиновой и А. Лаптевой. Каз. 1913. Ц. 2 р. 80 к.

Правовѣдѣніе, общественныя науки и публицистика.

БѢЛЬСКІЙ, Р. и ГОФМАНЪ, К. Законъ 28 іюня 1912 г. о вознагражденіи пострадавшихъ отъ несчастныхъ случаевъ желѣзнодорожныхъ служащихъ, мастеровыхъ и рабочихъ. Спб. 1913. Ц. 3 р.

ВИЛЕЙШИСЪ, Я. Систематическій сборникъ законовъ по безспорнымъ взысканіямъ. Съ разъясненіями Правительствующаго Сената, министерствъ и друг. учрежденій. Приложены различныя формы. Въ 2-хъ частяхъ. Херсонъ. 1913. Ц. 1 р. 90 к.

ВОПРОСЫ врачебнаго быта. Объ обязательной явкѣ, о врачебной тайнѣ, объ отвѣтственности врачей и проч. Спб. 1913. Ц. 50 к.

ДЕ-ЛЯ-ФЕРЪ, гр. Горькая правда о нашей средней школѣ. Кіевъ. 1913. Ц. 10 к.

ДУКШИНСКІЙ, Е. Балканскіе орлы. Гродна. 1913. Ц. 50 к.

ЗЕМЦЕВЪ, В. О квотной землѣ въ Лифляндіи. Рига. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

КЛИМЕНТОВЪ, С. Уставъ о воинской повинности. Псковъ. 1913. Ц. 1 р. 50 к. Въ пер. 1 р. 85 к.

КОЛОБОЛОТСКІЙ, А. Законъ объ учрежденіи опекъ надъ сельскими обывателями вслѣдствіе расточительности. Спб. 1913. Ц. 20 к.

КУЗЬМИНЪ, И. Матеріалы къ вопросу объ обвиненіяхъ евреевъ въ ритуальныхъ преступленіяхъ. Спб. 1913. Ц. 2 р.

МУНБЛИТЪ, Е. Организація врачебной помощи для рабочихъ въ связи съ новымъ закономъ о страхованіи, 23 іюня, (Труды секціи по страхованію рабочихъ, Вып. IV). М. 1913. Ц. 15 к.

ОЗЕРЕЦКОВСКІЙ, Н. и ЦЫПКИНЪ, П. Сводъ Законовъ Россійской Имперіи, дополненный по продолженіямъ 1906, 1908, 1909 и 1910 гг. и позднѣйшимъ узаконеніямъ 1911 и 1912 гг. Подъ редакціей сенат. А. А. Добровольскаго. Книга третья. Томы X—XIII. Изд. 2-е. Спб. 1913 г. Ц. за все изд. съ указателемъ 24 р., въ пяти полукожаныхъ переплетахъ—30 р.

ПОПОВЪ, В. Алфавитъ полицейскихъ законовъ, разъясненій и циркуляровъ. 1913. Ц. 2 р. 30 к.

РАЕВСКІЙ, А. Общественныя работы, ихъ понятіе, современное положеніе и возможная роль въ будущемъ. Х. 1913. Ц. 75 к.

РОГОВИНЪ, Л. Систематическій сборникъ дѣйствующихъ законовъ о евреяхъ. Ц. 3 р.

РУДИНЪ, Н. Одобренный Государств. Совѣт. и Государствен. Думою и Высоч. утв. законъ 3 іюня 1912 г. о расширеніи правъ наслѣдованія по закону лицъ женскаго пола и права завѣщанія родовыхъ имѣній. Съ законодат. мотивами. Спб. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

Р—ЦКІЙ, П. Война «кольца» съ «союзомъ». Англія, Франція, Россія, Германія, Австрія, Италія. Спб. 1913. Ц. 80 к.

СТРУВЕ, П. Хозяйство и цѣна. Ч. I. Критическія изслѣдованія по теоріи и

Библиотека "Руниверс"

исторіи хозяйственной жизни. 1913. Ц. 3 р. 50 к.

ТУГАНЪ-БАРАНОВСКІЙ, М. Въ поискахъ новаго міра. Соціалистическія общины нашего времени. Съ иллюстр. и портретами. Спб. 1913. Ц. 70 к.

ТЮТЧЕВЪ, А. Уставъ о воинской повинности. Ц. 2 р. 50 к.

ФИЛИППОВИЧЪ, Е. Развитіе идей экономической политики въ XIX стол. М. 1913. Ц. 1 р.

ШЕВАЛЬЕ, Н. Правда о войнѣ на Балканахъ. Ц. 75 к.

ШТЕЙНФЕЛЬДЪ, Н. Что дѣлать съ Манчжуріей? Харбинъ. 1913. Ц. 40 к.

—Ъ— Русскій золотой запасъ за границей. Спб. 1913. Ц. 1 р.

Естествознаніе и математика.

МАЙНОТЪ, Ч. Современныя проблемы біологіи. М. 1913. Ц. 60 к.

РАМЗАЙ, В. Элементы и электроны. М. 1913. Ц. 60 к.

Сельское хозяйство и домоводство.

БРАНДЕНБУРГЪ, М. Безмочекислое питаніе. Руководство по реформированной вегетаріанской кухнѣ. М. 1913. Ц. 1 р.

ВАЛЬТЕРЪ, Э. Какъ развести рыбу въ маленькихъ прудахъ. М. 1913. Ц. 65 к.

ИЛЬИНЪ, Н. Красивѣйшія однолѣтнія цвѣтущія растенія. Ц. 20 к.

КУКЕРТЪ, Р. Ленъ, его воздѣлываніе. М. 1913. Ц. 30 к.

ПРОСТОСЕРДОВЪ, Н. Броженіе вина. Одесса. 1910—1913 гг. Ц. 25 к.

ПЫЛКОВЪ, А. Цвѣтущія растенія въ комнатахъ. Ц. 20 к.

СТЕПАНОВСКІЙ, П. Русское молочное хозяйство и кооперація. Ц. 15 к.

ХАРЧЕНКО, В. Воздѣлываніе кормовыхъ корнеплодовъ. Ц. 80 к.

ШТЕЙНБЕРГЪ, П. Ягодные кустарники. Ц. 30 к.

Торговля и промышленность. Счетоводство.

ВОЗНЕСЕНСКІЙ, Е. Операціи коммерческихъ банковъ. Спб. 1913. Ц. 1 р.

МИХАЙЛОВЪ, Б. Очеркъ горнозаводскаго дѣла въ Олонецкой губ. Ц. 20 к.

РЯЗАНСКО-УРАЛЬСКАЯ желѣзная дорога и ея районъ. Спб. 1913. Ц. 1 р 50 к.

«СИБИРСКІЙ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ ЕЖЕГОДНИКЪ». 1913. Спб. Ц. въ перепл. 3 р.

Технологія, строительное и инженерное искусства. Ремесла.

БОБРОВСКІЙ, С., инж. Курсъ сопротивленія матеріаловъ. Пособіе для практиковъ и для самостоятельнаго изученія. Спб. 1913. Ц. 3 р. 30 к.

БОДРИ ДЕ-СОНЬЕ, Л. Подробный курсъ устройства автомобили. Переводъ и дополненія Н. Орловскаго. Томъ I.—Двигатель. Съ чертежами въ текстѣ. Спб. 1913. Ц. 5 р.

БУБЕКИНЪ, Б. Плотины и водяные двигатели въ сельско-хозяйственной и мелкой промышленности. М. 1913. Ц. 75 к.

ВАЛУЕВЪ, Ѳ., инж. Практическое руководство строительнаго искусства. Матеріалы и строительныя работы. Съ приложеніемъ отдѣльныхъ чертежей. Изд. 3-е, пересм. и дополн. инж. С. Снитко. Спб. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

ГОЛЬТЦЪ, А. (HOLZT). Полный систематическій самоучитель по всѣмъ отраслямъ электротехники. Томъ I. Электрическій токъ, его законы и дѣйствія. Перевелъ и дополнилъ инж.-мех. В. Виттъ. Изд. 2-е. Спб. 1914. Ц. 2 р.

ДАНИЛОВСКІЙ, П. Технологія выдѣланной кожи дубленой и сыромятной. Выдѣлка изъ кожи различныхъ предметовъ войскового довольствія, со статьей о войлокѣ и пеньковомъ капатѣ. Изд. 4-е. Спб. 1913. Ц. 3 р. 25 к.

ДІАМАНДИДИ, Н. Строительныя таблицы для подсчета линейныхъ, квадратныхъ и кубическихъ единицъ частей гражд. сооруж. при составленіи смѣтъ по урочному положенію. Тамбовъ. 1913. Ц. 1 р.

ЕВАНГУЛОВЪ, М., ад.-проф. Расчетъ осей и валовъ. Для студентовъ высшихъ техническихъ учебныхъ заведеній. Спб. 1913. Ц. 15 к.

ЗАРИНЪ, С. Устройство печей. Спб. 1913. Ц. 1 р.

ИЛЛЕЦЪ, П. Мебель и декораціи. Вып. 4. Одесса. 1913. Ц. 1 р. 75 к.

КОЗМЕНКО, А. Пояснительная записка къ картамъ перваго выпуска, перваго района Тульской губерніи. (Труды гидрологическаго отдѣла Тульскаго Губернскаго Земства). М. 1913. Ц. 1 р.

КРЕМЕНЧУЦКІЙ, С. Современный автомобиль. Справочная книга и руководство для владѣльцевъ автомобилей, техниковъ, монтеровъ и шоферовъ. Съ рисунками въ текстѣ. Изд. 2-е. О. 1914. Ц. 60 к.

МОРГАНЪ, Р. Элементарныя графики. Спб. Ц. 75 к.

NASKE, С. Производство портландъ-цемента. Ц. 5 р.

ПЛАТОНОВЪ, Т. Первый въ Россіи спеціальный самоучитель кройки дамскаго верхняго платья по упрощенной собственной методѣ. Съ чертежами. М. 1913. Ц. 6 р.

ПАУЛЬМАНЪ, М. и БЛАУМЪ, Р. Дноуглубительные снаряды и приспособленія для ихъ обслуживанія. Вып. 1-й. Перев. съ нѣм. инж. І. Китнера. Съ 231 фиг. въ текстѣ. Спб. 1913. Ц. 4 р.

ТИЛИНСКІЙ, А. Полный проектъ на постройку двухъэтажнаго деревяннаго загороднаго дома въ 7 комнатъ, съ тремя

Библиотека "Руниверс"

стеклянными верандами, 2 террасами и башней. Смѣта на постройку. Ц. 10 р.

ТИМОНОВЪ, В. Міровой водный путь чрезъ Панамскій перешеекъ. Историческое обозрѣніе постройки Панамскаго канала. Съ рисунками и картами. Спб. 1913. Ц. 4 р.

ТРЕБЕЗОВЪ, Н. Пожарная тактика. Спб. 1913. Ц. 4 р. 50 к.

ХОЛМОГОРОВЪ, И., ад.-проф. Детали машинъ, ихъ инструкція и расчетъ. Текстъ. Спб. 1913. Ц. 2 р.

Медицина, гигіена, анатомія, физіологія и хирургія. Ветеринарія.

ВОЛКОВА, М., вр. Гигіена брака. Изд. 6-е. Спб. 1912. Ц. 50 к.

HOLT, ЕММЕТ. Уходъ и вскармливаніе дѣтей. Перев. съ 4-го англ. изд. подъ редакц. докт. Н. Вяжлинскаго. Спб. 1913. Ц. 75 к.

КАНТЪ, К. Фитотерапія, способъ леченія болѣзней безвредными растеніями. М. 1913. Ц. 95 к.

Воспитаніе и обученіе. Учебныя руководства.

БУРНЕВСКІЙ, Д. Дополнительныя статьи по математикѣ. Пособіе для экстерновъ и учащихся въ старшихъ классахъ мужскихъ и женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Выпускъ I. Кіевъ. 1913. Ц. 50 к.

ВЕРЕСОВЪ, П. Ариѳметика. Курсъ двухклассныхъ училищъ. Пособіе для учащихся. Спб. 1913. Ц. 40 к.

ВРОБЛЕВСКІЙ, В. Рѣшеніе ариѳметическихъ задачъ сборн. А. Стеблова. Ц. 1 р. 35 к.

ГОЛОЛОБОВЪ, К. Законовѣдѣніе. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Саратовъ. 1912. Ц. 1 р. 30 к.

ГРОМАНЪ-ФОНЪ, В. Руководство по неорганической химіи. Для коммерческихъ и сельско-хозяйственныхъ училищъ. М. 1913. Ц. 1 р. 75 к.

«ДРУЖЕКЪ». Календарь для учащихся въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ на 1913—14 учебн. годъ. Ц. 15 к.

ЗАЧИНЯЕВЪ, АЛЕКСАНДРЪ. Элементарно-практическая грамматика русскаго языка. Синтаксисъ. Спб. 1913. Ц. 15 к.

КРАШЕВСКІЙ, П. Постановка практическихъ занятій по товаровѣдѣнію. Ц. 50 к.

КУДРИНСКІЙ, Ѳ. Курсъ новой русской литературы въ органически-конспективномъ видѣ. В. I. Вильна. 1913. Ц. 80 к. Вып. 2. Ц. 50 к.

КУРИЛКО, П. Сборникъ задачъ къ элемертарному курсу гоніометріи и тригонометріи въ 4-хъ частяхъ. (Тригонометрическія задачи и элементарная гоніометрія и тригонометрія на задачахъ). Книга I. Часть 1 и 2 (для VI кл. реальн. учил.). О. 1912. Ц. 60 к.

ЛЕЗАНЪ, Ш. Обученіе счисленію. Совѣты преподавателямъ. Перев. съ французскаго Н. Евреинова. Съ рисунками. Спб. 1914. Ц. 40 к.

НИФОНТОВЪ, В. Сборникъ статей для устнаго и письменнаго изложенія. Изданіе 2-е, дополненное. Рига. 1913. Ц. 80 к.

НУРОКЪ, П. Практическая грамматика англійскаго языка, съ хрестоматіею и словаремъ. Спб. 1912. Ц. 1 .р 25 к.

ПОБѢДИМОВЪ, Б. Краткій курсъ технологіи дерева. Составл. по прогр. ремесл. учил. М-ва Народн. Просв. утр. 18 дек. 1890 г. Съ рисунками. Спб. 1914 г. Ц. 80 к.

СОБОЛЕВЪ, А. О преподаваніи церковно-славянскаго языка въ средней школѣ. Докладъ. Кіевъ. 1913. Ц. 20 к.

СОКОЛОВЪ, Л. Практическая методика письменныхъ работъ по русскому языку. (Для начальныхъ училищъ и низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній). К. 1913. Ц. 80 к.

Книги для дѣтей и юношества.

ОРДЫНЦЕВЪ, М. Изъ Кіева на тронъ французскій. Историческая повѣсть временъ Ярослава Мудраго. Ц. 45 к.

Справочныя книги.

ГРЭНХАГЕНЪ, К. Спутникъ по Финлядіи. Ц. 1 р. 50 к.

ОБЕРЕМОКЪ, I. Наложенные платежи. Сборникъ статей, относящихся къ операціямъ по наложеннымъ платежамъ. Спб. 1913. Ц. 75 к.

Библиотека "Руниверс"

ОБЪЯВЛЕНІЯ

Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ поступила въ продажу новая книга

И. Богдановъ.

КРАТКІЙ КУРСЪ ВЪ ВОПРОСАХЪ И ОТВѢТАХЪ

НАБОРНО-ТИПОГРАФСКОЕ ДѢЛО

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ

исправленное

и

дополненное

Допущенъ Учеными Комитетами: Министерства Народнаго Просвѣщенія и Министерства Торговли и промышленности «въ качествѣ учебнаго пособія въ промышленныя и профессіональныя учебныя заведенія въ курсъ коихъ входитъ изученіе печатнаго дѣла».

Цѣна въ переплетѣ 1 руб.

Библиотека "Руниверс"

ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

НОВАЯ КНИГА

Борьба за Вѣру

ИСТОРИКО-БЫТОВЫЕ ОЧЕРКИ

И

ОБЗОРЪ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

ПО

СТАРООБРЯДЧЕСТВУ И СЕКТАНТСТВУ

ВЪ ЕГО ПОСЛѢДОВАТЕЛЬНОМЪ РАЗВИТІИ

съ приложеніемъ статей закона и Высочайшихъ указовъ

В. И. Ясевичъ-Бородаевская

ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫЙ ЧЛЕНЪ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА, ЧЛЕНЪ-СОТРУДНИКЪ ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ И ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫЙ ЧЛЕНЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО РЕЛИГІОЗНО-ФИЛОСОФСКАГО ОБЩЕСТВА.

съ (4-мя фотографическими тиблацами).

Цѣна 4 руб.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ

въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени»:

Петербургъ, Невскій пр., 40, домъ Армянской церкви. Тел. 459-26, 2) Вознесенскій пр., д. 36. Тел. 559—02. 3) Пет. ст., Большой пр., д. 69-А. Тел, 77—61, **Москва,** Неглинный проѣздъ, уголъ Кузнецкаго Моста, д. Шориной. **Харьковъ.** 1) Екатеринославская ул., д. Иванова, 2) Николаевская пл. д., 4, Азовско-Донскаго Банка. **Одесса,** Дерибасовская, д. 33, уголъ Преображенской. **Саратовъ,** Московская, д. Пассажъ. **Ростовъ на Дону,** Садовая, д. 96.

Библиотека "Руниверс"

Изданіе А. С. Суворина

ИСТОРИЧЕСКІЕ
ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ

С. Н. ШУБИНСКАГО

ИЗДАНІЕ ШЕСТОЕ.
СЪ 89 ПОРТРЕТАМИ И ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

КНИГА ЗАКЛЮЧАЕТЪ ВЪ СЕБѢ 45 ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТОВЪ УБОРИСТАГО ШРИФТА; КРОМѢ ТОГО, КЪ НЕЙ ПРИЛОЖЕНЪ «УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ И РИСУНКОВЪ»

Цѣна 4 рубля. За пересылку по вѣсу.

СОДЕРЖАНІЕ: Шведское посольство въ Россіи въ 1674 году. — Петръ Великій въ Дептфортѣ. — Петръ Великій въ Гаагѣ.—Двухсотлѣтіе Заандамскаго домика.—Вѣнценосный хирургъ. — Императорскій титулъ. — Первые балы въ Россіи.—Лѣтній садъ и лѣтнія петербургскія увеселенія при Петрѣ Великомъ. —Свадьба карликовъ.—Московскій маскарадъ 1722 года.—Память Петра Великаго въ Сестрорѣцкѣ.—Первый петербургскій генералъ-полиціймейстеръ. — Княгиня Волконская и ея друзья. — Придворный и домашній бытъ императрицы Анны Ивановны. — Березовскіе ссыльные. — Дочь Бирона. — Убійство Синклера. — Холмогорская старина.—Тайный бракъ. — Императрица Екатерина II и ея два статсъ-секретаря.—Домашній бытъ Екатерины II.—Исторія мѣднаго всадника.—Тульскій хлѣбъ и калужское тѣсто.—Потемкинскіе проценты.—Столѣтіе кончины Г. А. Потемкина-Таврическаго.—Графъ К. Г. Разумовскій.—Русскій помѣщикъ XVIII столѣтія.— Русскій чудакъ XVIII столѣтія.—Вельможа Екатерининскаго времени.—Одинъ изъ Екатерининскихъ орловъ. — Одинъ изъ авантюристовъ XVIII столѣтія.—Самодуръ прошлаго столѣтія. — Богомъ данный генералъ-прокуроръ.—Жена Суворова.—Пѣвица Габріелли. — Аристократка Александровскаго времени.—Молодость графа Аракчеева. — Сынъ Аракчеева. — Подпоручикъ Федосѣевъ. — Семейное преданіе.—Забытый Филантропъ.—Послѣдній графъ Головкинъ. — Одинъ изъ грибоѣдовскихъ типовъ. — Общество танцоровъ поневолѣ.—Дуэль Шереметева съ Завадовскимъ.—Дуэль Новосильцева съ Черновымъ.—Княгиня Ловичъ.—Кирьяново, дача княгини Дашковой. — Александрова дача.—Англичане въ Камчаткѣ въ 1779 году. — Мнимое завѣщаніе Петра Великаго. — Кладбищенская литература. — Указатель личныхъ именъ.—Указатель портретовъ и рисунковъ.

Библиотека "Руниверс"

IV-ый годъ изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1914 годъ

на

внѣпартійный прогрессивный журналъ литературы, общественной жизни, исторіи, науки и искусства.

БЕЗПЛАТНЫЯ приложенія: „Масонство на Западѣ“ и „Масонство въ Россіи“

„СОВРЕМЕННИКЪ“,

издаваемый въ 1914 г. при постоянномъ участіи—**В. Я. Богучарскаго, В. В. Водовозова, В. Л. Львова-Рогачевскаго, Е. А. Ляцкаго, М. П. Павловича, В. Б. Станкевича, П. Е. Щеголева,**

на реформированныхъ началахъ. Сохраняя прежнюю программу и прежній составъ сотрудниковъ, журналъ будетъ выходить **2 раза въ мѣсяцъ, или 24 РАЗА ВЪ ГОДЪ. Подписная плата** въ годъ **понижена** до 6 руб. 85 коп. Допускается разсрочка: 2 руб. 85 коп. при подпискѣ, 2 руб. 50 коп. къ 1 апрѣля и 1 руб. 50 коп. къ 2 августа.

При журналѣ „СОВРЕМЕННИКЪ“ съ 1914 года будетъ издаваться

„БИБЛІОТЕКА СОВРЕМЕННИКА“,

состоящая изъ самостоятельныхъ сочиненій по основнымъ вопросамъ современной жизни, выходящая ежемѣсячными выпусками.

Въ „БИБЛІОТЕКУ СОВРЕМЕННИКА“ въ 1914 году войдутъ:

1. Исторія турецкаго переворота.
2. Страна смутъ (Мексика).
3. Проблема современной Индіи.
4. Цивилизація Китая.
5. Панамскій каналъ и его міровое значеніе.
6. Завоеваніе воздуха.
7. Изслѣдованіе полярныхъ странъ.
8. Современное земство, подъ ред. Б. Б. Веселовскаго.
9. Кооперація.
10. Изученіе психики.
11. Великіе писатели Америки.
12. Художники возрожденія.

Подписная плата на журналъ „СОВРЕМЕННИКА“ вмѣстѣ съ „БИБЛІОТЕКОЙ СОВРЕМЕННИКА“ 12 руб. въ годъ. Допускается разсрочка: 6 руб. при подпискѣ, 3 руб. 1 апрѣля, 3 руб. 1 августа.

Подписчики на журналъ „Современникъ“ и „Библіотеку Современника“ получаютъ въ 1914 году въ видѣ безплатнаго приложенія два сочиненія,

Гульдъ, Масонство на Западѣ.

Акад. А. Н. Пыпинъ, Масонство въ Россіи.

Подписная цѣна на журналъ „Современникъ“ 24 кн.; „Библіотеку Современника“ 12 кн. и 2 сочиненія о масонствѣ—12 руб. въ годъ съ пересылкой. Допускается разсрочка: 6 руб. при подпискѣ, 3 руб. 1 апрѣля и 3 руб. 1 августа.

Лица, подписавшіяся только на журналъ „Современникъ“ (безъ „Библіотеки“), пользуются правомъ получить 2 сочиненія о „Масонствѣ“ за 2 руб. 50 коп. (вмѣсто 5 руб. въ отдѣльной продажѣ), вносимыхъ при подпиской платѣ до 1 февраля.

Подписка принимается въ конторѣ журнала „СОВРЕМЕННИКЪ“. С.-Петербургъ. Невскій, 43, и въ лучшихъ книжныхъ магазинахъ.

Подробный проспектъ высылается безплатно по первому требованію.

24 кн. журнала „Современникъ“ 6 р. 85 к. въ годъ.

Издатель **П. И. Пѣвинъ.**

Редакторъ **П. В. Быковъ.**

24 кн. журнала 12 кн. „Библіотеки Современника“ и 2 о Масонствѣ 12 руб. въ годъ

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени“** (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ** и **Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ **„Новаго Времени“.**

Программа **„Историческаго Вѣстника“:** русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ **„Историческому Вѣстнику“** прилагаются **портреты** и **рисунки,** необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на **имя** редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго.**

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель **А. С. Суворинъ.** Редакторъ **С. Н. Шубинскій.**

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Основанъ А. С. Суворинымъ и С. Н. Шубинскимъ въ 1880 г.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ.

ДЕКАБРЬ, 1913 г.

СТРАН.

I. Ѳеденька Палтусовъ. (Разсказъ). **П. П. Гнѣдича.** 801

II. Моя служба въ Туркестанскомъ краѣ. (1870 — 1910 года). (Окончаніе). **Г. П. Федорова.** 860

Иллюстраціи: 1) Николай Александровичъ Ивановъ (1901—1903).— 2) Дворецъ эмира бухарскаго въ Ялтѣ.— 3) Николай Николаевичъ Тевяшовъ (1903—1905 г.).

III. Атаманъ. (Разсказъ изъ недавняго прошлаго). **А. Бахтiарова.** 894

IV. За тридцать лѣтъ. (Листки изъ воспоминаній). (Окончаніе). **В. Б. Бертенсона.** 914

V. Оригиналы и чудаки. **М. В. Шевлякова.** 933

VI. Подъ военной грозой. (Воспоминанія сестры-волонтерки). (Окончаніе). **Н. В. Козловой.** 943

VII. Изъ жизни торговой Москвы. (Полвѣка назадъ). (Окончаніе). **И. А. Слонова.** 975

Иллюстраціи: 1) Узенькій рядъ передъ сломкой въ 1886 г.—2) Холщевый рядъ передъ сломкой въ 1886 г.— 3) Древніе подвалы Гостинаго двора, найденные во время сломки 1886 г.—4) Сцена изъ жизни Гостинаго двора. (Съ картины Пряшпникова).—5) Пирожникъ.—6) Разносчикъ съ арбузами.—7) Блинщикъ.— 8) Сборщикъ на построеніе храма.— 9) Точильщикъ.—10) Подбойщикъ (бродячій сапожникъ).—11) Странникъ.

VIII. На редакціонномъ пріемѣ у С. Н. Шубинскаго. (Личныя о немъ воспоминанія). **К. Н. Михайлова.** 1014

IX. Подвижникъ слова. (Воспоминанія объ Иванѣ Леонтьевичѣ Леонтьевѣ-Щегловѣ). **Р. К. Устьмедвѣдицкаго.** 1033

X. Памяти В. Ѳ. Миллера. **А. А. Танкова.** 1039

XI. Датчанинъ Войнагорскій. **И. Г.** 1043

XII. Исканія новой жизни. **Н. Т.** 1051

XIII. Освободительное движеніе и законодательная дѣятельность государственной думы. **В. И. фонъ-Штейна.** 1064

XIV. Развѣнчанные герои революціи 1905 г. 1). Г. С. Хрусталевъ-Носарь. (Окончаніе). **Б. Б. Глинскаго.** 1085

XV. Баку и его нефтяные промыслы. **Б. М. Гурьева.** 1116

Иллюстраціи: 1) Набережная въ Баку.—2) Нефтяныя вышки въ Сабунчахъ.—3) Возникающіе нефтяные промыслы въ Сураханахъ.—4) Пещеры вокругъ храма огнепоклонниковъ.— 5) Бывшій храмъ огнепоклонниковъ въ Сураханахъ.— 6) Нефтяной фонтанъ.— 7) Пожаръ нефтянаго фонтана въ Сураханахъ.—8) Керосиновые заводы.—9) Биби-Эйбатъ.

(См. слѣд. стран.).

Библиотека "Руниверс"

СТРАН.

XVI. Критика и библіографія. 1148

1) Великій князь Николай Михайловичъ. Генералъ-адъютанты императора Александра I. Съ 47 портретами, изъ которыхъ 19 въ краскахъ. Спб. 1913. М. Соколовскаго.—2) Очерки и рѣчи. В. Ключевскаго. Второй сборникъ статей. Москва. 1913.—Исторія сословій въ Россіи. В. Ключевскаго. Москва. 1913. К. Кудришева.—3) Россія подъ скипетромъ Романовыхъ. Очерки изъ русской исторіи за время съ 1613 по 1913 г. Спб. 1913. В. Грибовскаго.—4) Памятники и медали въ память боевыхъ подвиговъ русской арміи въ войнахъ 1812—13—14 годовъ и въ память императора Александра I. Снимки памятниковъ, медалей и гравюръ. В. А. Ашикъ. Спб. 1913. Л. Н.—5) В. Бурбатовъ. Петербургъ. Художественно-историческій очеркъ и обзоръ художественнаго богатства столицы. Съ 315 иллюстраціями. Спб. 1913. Г.—6) О. И. Успенскій. Исторія Византійской имперіи. Т. I. Спб. 1914. П. Б.—7) Теодоръ Гомперцъ. Греческіе мыслители. Переводъ съ нѣмецкаго Д. Жуковскаго. Т. II. 1913. А. М—на.—8) Собраніе сочиненій Александра Николаевича Веселовскаго. Т. I. Спб. 1913. В. Чернобаева.—9) Сочиненія Михаила Дмитріевича Чулкова. Томъ I. Собраніе разныхъ пѣсенъ. Части I, II и III. съ прибавленіемъ 1770—1778 г. Съ приложеніемъ портретовъ М. Д. Чулкова разнаго времени и снимковъ съ его подписей и печатнаго текста пѣсенника. Спб. 1913. Влад. Княжнина.—10) Юр. Бѣляевъ. Варышни Шнейдеръ. Впечатлѣнія. Библіотека «Вечерняго Времени». Изданіе В. А. Суворина. Спб. 1913.—Юр. Бѣляевъ. Городокъ въ табакеркѣ. Разсказы. Миніатюры Юса. Библіотека «Вечерняго Времени». Изданіе В. А. Суворина. Спб. 1914. Д. М—ю.—11) Саардамскій плотникъ. Историческая повѣсть П. Р. Фурмана. подъ редакціей В. П. Авенаріуса. Москва. 1913. Г. Полилова.—12) Записки императорскаго русскаго географическаго общества по отдѣленію этнографіи. Томъ XXXV. Пѣсни русскихъ сектантовъ-мистиковъ. Съ 22 таблицами рисунковъ и 2 таблицами нотъ. Сборникъ, составленный Т. С Рождественскимъ и М. Н. Успенскимъ. 1912. В. Данилова.—13) Министерство внутреннихъ дѣлъ. Управленіе сельской продовольственной части.—Отчетъ по продовольственной кампаніи 1911—1912 гг. Книги I и II. Спб. 1912. В. Кузнецовъ.

XVII. Книги, поступившія для отзыва въ редакцію «Историческаго Вѣстника». 1171

XVIII. Заграничныя историческія новости и мелочи 1176

1) Бонапартъ и вандейцы.—2) Къ характеристикѣ наслѣдника австрійскаго престола.—3) Семейная драма Орлеановъ.—4) Изъ исторіи кулинарнаго искусства.—5) Одинъ изъ доморощенныхъ Вольтеровъ.—6) Абдулъ-Гамидъ.

XIX. Смѣсь. 1193

1) Засѣданія академіи наукъ.—2) Въ литературномъ фондѣ.—3) Въ кассѣ литераторовъ и ученыхъ.—4) Открытіе памятника лейбъ-медику В. И. Исаеву.—5) Юбилей научнаго кружка.—6) 125-лѣтіе рожденія Щепкина.—7) Врачебные юбилеи.—8) Чествованіе Н. И. Кареева.

XX. Некрологи. 1201

1) Антоновскій, Ю. М.—2) Бартельсъ, Ф. А.—3) Вейсманъ, А. Д.—4) Вороновъ, А. Г.—5) Ивановскій, Н. Н.—6) Ильяшевичъ, Н. П.—7) Каллистеръ, А. А.—8) Карякинъ, В. А.—9) Кривенко, Н. В.—10) Пещуровъ, Д. А.—11) Пономаревъ, С. Н.—12) Субботинъ, М. С.—13) Тихомировъ, Н. Н.—14) Цитовичъ, П. П.—15) Шуфъ (Борей), В. А.—16) Щавинскій, В. О.—17) Якубовичъ, В. В.

XXI. Замѣтки и поправки. 1214

1) I. Къ статьѣ «Ралѣпичанные герои революціи 1905 года». с. Сыромятникова.—2) II. Отвѣтъ С. Н. Сыромятникову. Б. Глинскаго.—3) III. Къ статьѣ «Поѣздка въ могилевъ Елагиныхъ и Ватеньковыхъ». Марія Безръ, рожденная Елагина.

Приложенія: 1) Портретъ Сергѣя Николаевича Шубинскаго.—2) Тѣнь власти. Историческій романъ Поля Бертрама, переводъ съ англійскаго А. Б. Михайлова. (Окончаніе).—3) Указатель личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ четырехъ томахъ «Историческаго Вѣстника» 1913 года, и указатель гравюръ, помѣщенныхъ въ этихъ томахъ.

При этой книжкѣ прилагаются городскимъ и иногороднымъ подписчикамъ: 1) Каталогъ книгоиздательства А. Ф. Девріена «Книги-подарки», 2) объявленіе о подпискѣ на журналъ «Нива» въ 1914 году и 3) объявленіе о подпискѣ на журналъ «Голосъ минувшаго» въ 1914 году.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Ежемѣсячный историко-литературный журналъ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

ИЗДАЕТСЯ

Наслѣдниками А. С. Суворина

подъ редакціей Б. Б. Глинскаго.

(Тридцать пятый годъ изданія).

«ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ» знакомитъ читателей въ живой, общедоступной формѣ съ современнымъ состояніемъ исторической науки и литературы въ Россіи и Европѣ и связываетъ отечественную исторію съ всемірною и научное изслѣдованіе съ популярнымъ изложеніемъ. За время **своего 34-лѣтняго** существованія журналъ достигъ широкаго распространенія среди разнообразныхъ классовъ населенія, имѣя здѣсь многочисленныхъ подписчиковъ и читателей. **«ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ»** издается по слѣдующей программѣ: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, разсказы, записки, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, этнографическія и бытовыя описанія и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, историческія новости и матеріалы, имѣющіе общій интересъ. Къ **«ИСТОРИЧЕСКОМУ ВѢСТНИКУ»** прилагаются портреты и рисунки, необходимые для поясненія текста.

«ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ» выходитъ ежемѣсячно каждаго 1-го числа въ объемѣ 25—28 печатныхъ листовъ убористаго шрифта.

Библиотека "Руниверс"

Подписная цѣна на годъ 10 рублей серебромъ съ пересылкой и доставкой на домъ, за полгода 6 руб. Цѣна книжки журнала въ отдѣльной продажѣ 1 руб. 25 коп. Для служащихъ за подписью казначеевъ, а также для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ допускается разсрочка по четвертямъ года безъ повышенія годовой платы.

Подписка принимается въ главной конторѣ въ С.-Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ Т-ва «Новаго Времени» (А. С. Суворина), Невскій пр., д. № 40, и въ отдѣленіяхъ главной конторы въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ-на-Дону при книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени».

Такса за объявленія: впереди текста за страницу **40** р., за 1/2 стр. **25** р., за 1/4 стр. **15** р.; позади текста за страницу **25** р., за 1/2 стр. **15** р., за 1/4 стр. **10** р.

Для напечатанія въ 1914 г. редакція располагаетъ слѣдующими литературными матеріалами:

БЕЛЛЕТРИСТИКА: М. Г. Веселковой-Кильштетъ «На родной почвѣ». Романъ въ двухъ частяхъ.—**І. І. Ясинскаго** «Камаринскіе царевичи». Историческая повѣсть.—**И. Н. Потапенка** «Безкровное». Повѣсть изъ былыхъ временъ; «Человѣческое», «Жестокое дѣло», разсказы.—**П. П. Гнѣдича** «Смерть курьера Мамошина».—**А .А. Измайлова** «Подъ фіолетовой мантіей». Мелочи архіерейской жизни.—**Е. С. Шумигорскаго** «Старая фрейлина». Историческій разсказъ.—**Г. Т. Сѣверцева-Полилова** «На каюкахъ». Повѣсть изъ быта русскаго Сѣвера.—**С. И. Васюкова** «Давыдка и бурлаки». Посмертный разсказъ.—**М. С. Васильевой** «Новые жильцы». Записки домовладѣлицы.—**В. В. Уманова-Каплуновскаго** «Ужасы города». Человѣческіе документы.—**Г. Ольшанскаго** «Вѣдьма». Изъ типовъ русской деревни.—**Вл. Нарбута** «Солдатка». Изъ типовъ русской деревни.—**С. С. Окрейца** «Записки повѣшеннаго». Исповѣдь революціонера.—**А. В.Ториновича** «Талантливая личность». Разсказъ.—**С. П. Руднева** «Изъ жизни». Изъ записокъ судьи.—**Е. Витковича** «Живая-мертвая». Разсказъ изъ временъ крѣпостного права.—**А. В. Волжина** «Въ поискахъ судьбы». Повѣсть.—**А. Микулиной** «Страшное дѣло». Разсказъ,—и другія произведенія.

ВОСПОМИНАНІЯ: Записки 1876—1877 гг. **гр. Н. П. Игнатьева**—Записки **Н. В. Исакова**.—Воспоминанія **А. Ѳ. Кони**.—**Е. К. Андреевскаго** «Изъ записокъ за сорокъ семь лѣтъ».—Записки **Арк. Ник. Чичерина** 1866 г.—**Н. Н. Фирсова** (Л. Рускина) «Въ редакціи журнала «Русское Слово».—**Е. И. Жуковской** «Изъ воспоминаній шестидесятницы».—**С. К. Эфрона** (Литвина). «Кагалъ и кагальники».—**М. В. Шевлякова** «Изъ разсказовъ **П. И. Вейнберга**».—Воспоминанія **С. Д. Милюкова**.—**В. Б. Бертенсона** «За тридцать лѣтъ». (Листки изъ воспоминаній).—**А. Е. Кауфмана** «За кулисами печати». (Листки изъ архива стараго журналиста).—**М. Ф. Чулицкаго** «Изъ воспоминаній бывшаго судебнаго дѣятеля».—**В. В. Брусянина** «Домъ на костяхъ». Изъ семейной хроники.—**А. И. Соколовой** «Встрѣчи и знакомства».—**М. А. Щепкина** «Театральныя мелочи».—**К. И. Ванченко** «Изъ воспоминаній украинскаго актера».—**П. А. Россіева** «Силуэты».—**Г. Черенкова** «Годъ по тюрьмамъ».—**А. Ф. Рукевича** «Изъ воспоминаній стараго эриванца». (1832—1839 гг.)—**Я. Н. Колубовскаго** «Изъ литературныхъ воспоминаній».—**Г. Н. Потанина** «Воспоминанія о Д. Д. Минаевѣ».—**С. У.** «Мозаика» (Изъ старыхъ записныхъ книжекъ).—**В. З. Ткачука** «Въ царствѣ нефти» и мн. др.

СТАТЬИ НАУЧНЫЯ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКІЯ: Б. Б. Глинскаго 1) «Развѣнчанные герои революціи 1905 года». а) о. Г. Гапонъ, б) Азефъ; 2) «Прологъ къ русско-японской войнѣ». (Архивные матеріалы).—**П. Юдина** «Лжехристосъ-ростовщикъ».—**Г. Т. Сѣверцева-Полилова** «Гибель «Фершампенуаза», «Корельскіе обряды».—**Е. С. Шумигор-**

Библиотека "Руниверс"

скаго «Марія Антоновна Нарышкина».—**В. Теплова** «Али-паша Тепеленскій».—**П. П. Шубинскаго** «Убійство кн. М. А. Накашидзе».—**В. В. Данилова** «Дѣдушка русскихъ историческихъ журналовъ». («Отечественныя Записки» П. П. Свиньина).—**Т. А. Мартемьянова** «Комедія о царѣ Максимиліанѣ».—**Н. Н. Фирсова** «Императорскій посолъ и дворянская опека».—**П. Головачева** «Евреи въ процессѣ декабристовъ».—**Е. Т. Смирнова** «Къ характеристикѣ М. Д. Скобелева».—**С. Россинскаго** «Въ котлѣ революціи».—**Свящ. І. Щелкунова** «Русскій самозванецъ Лже-Іоаннъ VI въ Даніи».—**К. А. Дворжицкаго** «Изъ прошлаго петербургской полиціи».—**А. А. Танкова** «Первый поѣздъ на Курско-Кіевской желѣзной дорогѣ».—**А. Панкратова** «Послѣдній петрашевецъ».—**В. И. фонъ-Штейна** «Русская меценатка въ Римѣ (Княгиня З. А. Волконская)».—**Н. Н. Оглоблина** «Изъ ветлужскихъ впечатлѣній».—**А. А. Сигова** «На Сахалинѣ во время воіны».—**А. Н. Серебрянниковой** «Возстаніе поляковъ за Байкаломъ въ 1866 г.». и мн. др.

ПУТЕШЕСТВІЯ И СТАТЬИ ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ (съ рисунками): А. И. Фирсова «По Днѣпру», «Коренная пустынь», «Вологодскій Спасо-Прилуцкій монастырь», «У могилъ двухъ поэтовъ».—**А. Сигова** «Городъ Гомель».—**Г. Т. Сѣверцевъ-Полиловъ** «Уголокъ Бѣлаго моря».—**Вл. Анфилова** «Маловѣдомыя красоты» (Алтайскія замѣтки). **Н. Корженевскаго** «Изъ скитаній по горному Туркестану».—**А. Вязовскаго** «Столица Сибири».—**Вл. Н. Княжнина** «Два монастыря Псковской земли».—**В. Г. Вейденбаума** «Гагры», «По горному Алтаю».—**В. Сазонова** «По берегу Иссыкъ-куля».—**А. Я. Таранецъ** «По Забайкалью», «По сибирскимъ захолустьямъ», «Изъ туркестанской были», «Ходжентъ».—**В. В. Данилова** «Въ молдавскомъ монастырѣ.—**В. Грачева** «Смоленскія древнехранилища».—**Н. Ѳ. Акаемова** «Городъ Св. Николая»—**Затерянnаго** «Въ Персіи».—**Д. П. Богданова** «Боровскій Пафнутьевскій монастырь и могила Луппа Клешнева».—**Н. Максимова** «Ушъ-Таганъ».—**А. Мощанскаго** «Военно-Сухумская дорога».—**Ф. Е. Зарина-Несвицкаго** «Пушкинскій уголокъ» и др.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ при участіи: проф. П. В. Безобразова, Д. А. Бочкова, А. М. Бѣлова, И. С. Бѣляева, проф. Б. В. Варнеке, В. В. Воронова, К. А. Военскаго, Г. К. Гинса, Б. Б. Глинскаго, П. П. Гнѣдича, проф. В. М. Грибовскаго, В. В. Данилова, В. В. Жерве, А. А. Измайлова, прив.-доц. М. В. Клочкова, В. Н. Княжнина, Я. Н. Колубовскаго, К. В. Кудряшова, В. К. Кузнецова, проф. М. Е. Красножена, Н. А. Лачинова, Н. О. Лернера, А. М. Ловягина, проф. А. І. Малеина, П. М. Майкова, Т. А. Мартемьянова, А. А. Миронова, А. М. Нечаевой, Т. О. Соколовской, М. К. Соколовскаго, проф. И. И. Соколова, В. З. Ткачука, А. И. Фаресова, А. Г. Фомина, В. И. фонъ-Штейна, С. В. фонъ-Штейна, Е. С. Шумигорскаго, проф. А. И. Яцимирскаго и др.

На отдѣлъ критики и библіографіи редакціей обращено особенное вниманіе. Въ каждой книжкѣ журнала рецензируется свыше 20 вновь вышедшихъ книгъ, по преимуществу по отдѣлу русской, всеобщей и древней исторіи, литературы, археологіи, исторіи права, искусствъ и др. отраслямъ гуманитарнаго знанія. Съ 1914 г. въ журналѣ открывается **новый отдѣлъ по обозрѣнію отечественныхъ журналовъ,** а также **Книжный Листокъ,** гдѣ будутъ отмѣчаться всѣ поступающія въ редакцію изданія съ краткимъ отчетомъ о главнѣйшихъ изъ нихъ.

Историческія новости и мелочи составляются по многочисленнымъ выписываемымъ редакціею европейскимъ журналамъ, посвященнымъ исторіи и литературѣ, и знакомятъ читателя со всѣми западно-европейскими новинками въ этихъ областяхъ. **«Историческому Вѣстнику»** обѣщали участіе, кромѣ перечисленныхъ авторовъ: **А. Н. Будищевъ, В. П. Буренинъ, В. В. Брусянинъ, Юр. Д. Бѣляевъ, Л. В. Веселитская-**

Библиотека "Руниверс"

Микуличъ, А. Н. Витмеръ, А. Е. Заринъ, Ф. Е. Заринъ-Несвицкій, Е. П. Карповъ, А. Ѳ. Кони, В. С. Кривенко, Н. А. Лаппо-Данилевская, А. А. Луговой, М. М. Марина, К. П. Медвѣдскій, К. Н. Михайловъ, П. М. Невѣжинъ, П. А. Россіевъ, П. И. Соколовъ, Т. О. Соколовской, М. К. Соколовскій, Вл. А. Тихоновъ, Г. П. Федоровъ, И. П. Ювачевъ, Н. А. Энгельгардтъ и др.

Въ приложеніи къ журналу въ 1914 году будетъ напечатанъ историческій романъ **Джона Эйскофа «Во дни Юліана Отступника» въ переводѣ А. Б. Михайлова.**

Подписчикамъ **«Историческаго Вѣстника»** на 1914 г. предоставляется право пріобрѣсти **за 10 руб. вмѣсто 18 руб.** сочиненіе **С. М. Соловьева**

«Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ».

29 томовъ въ 7 книгахъ (съ указателемъ), полный текстъ 5300 стр. большого формата въ 2 столбца, портретъ и факсимиле автора.

Желающихъ пріобрѣсти это изданіе просятъ выслать въ контору журнала **«Историческій Вѣстникъ»** Невскій пр., д. № 40, **десять** (10) рублей. Стоимость пересылки (1 руб. 60 коп. для Европейской Россіи, 2 руб. 80 коп. для Западной Сибири и 4 руб. для Восточной Сибири) будетъ взиматься наложеннымъ платежомъ.

Въ Москвѣ и С.-Петербургѣ за доставку уплачивается 50 коп.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Поступила въ продажу новая книга

Б. Б. Глинскаго

„Среди литераторовъ и ученыхъ“

Біографіи, характеристики, некрологи, воспоминанія, встрѣчи. Съ 31 портретомъ.

Цѣна 3 рубля.

Библиотека "Руниверс"

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1914 годъ

(4-й годъ изданія)

РУССКІЙ БИБЛІОФИЛЪ

ЖУРНАЛЪ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ и БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ

выходитъ 8 разъ въ годъ, книжками по 100—150 стр. со многими иллюстраціями.

По примѣру первыхъ 3-хъ лѣтъ изданія, наиболѣе обширнымъ отдѣломъ „Русскаго Библіофила“ явится отдѣлъ историко-литературный, въ которомъ будетъ опубликованъ рядъ неизданныхъ писемъ и произведеній виднѣйшихъ русскихъ писателей. На ряду съ этимъ, видное мѣсто займетъ отдѣлъ историческихъ воспоминаній и записокъ, въ которомъ, между прочимъ, будетъ продолжаться печатаніе обширныхъ записокъ кн. И. М. Долгорукова, начатое въ 1913 году.

Вопросы искусства вообще, и въ частности искусства графическаго, вмѣстѣ съ вопросами библіофиліи и коллекціонерства будутъ также достаточно подробно затронуты на страницахъ журнала. Въ библіографическомъ отдѣлѣ, кромѣ рецензій на книги по исторіи, исторіи литературы и искусству и перечней вновь выходящихъ книгъ по этимъ вопросамъ, будутъ помѣщаться описанія частныхъ собраній и библіотекъ общихъ и спеціальныхъ.

Редакціей пріобрѣтенъ и будетъ опубликованъ въ теченіе 1914 г.

АРХИВЪ А. А. ВОЕЙКОВОЙ,

племянницы В. А. Жуковскаго, извѣстной „Свѣтланы“.

Архивъ состоитъ изъ множества отдѣльныхъ рукописей и десяти семейныхъ альбомовъ и заключаетъ въ себѣ рядъ произведеній Жуковскаго, Языкова, Козлова, Баратынскаго, Дельвига и др. въ автографахъ, изъ которыхъ значительное число до сихъ было неизвѣстно. Обширная переписка даетъ множество интересныхъ свѣдѣній для біографій многихъ литераторовъ начала XIX вѣка, а изящные альбомы украшены рисунками и портретами нѣкоторыхъ изъ этихъ лицъ, которые будутъ воспроизведены на страницахъ „Русскаго Библіофила“.

Подписная цѣна 8 р. 50 к. въ годъ съ пересылкой
(за границу 35 фр.)

Редакція: Спб. Литейный, 51. Редакторъ-Издатель Н. В. Соловьевъ.

Библиотека "Руниверс"

5 годъ изданія

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1914 годъ

5 годъ изданія

на большой, еженедѣльный богато-иллюстрированный, художественно-литературный журналъ

СОЛНЦЕ РОССІИ

СОЛНЦЕ РОССІИ является первымъ и единственнымъ въ Россіи журналомъ, взятымъ по типу **лучшихъ еженедѣльниковъ Запада,** въ которомъ особенное **вниманіе обращено на художественное и изящное исполненіе иллюстрацій,** благодаря чему среди русскихъ еженедѣльныхъ журналовъ „Солнце Россіи" занимаетъ совершенно особое мѣсто.

Ни одно болѣе или менѣе общедоступное изданіе въ Россіи никогда не давало подобныхъ иллюстрацій.

Въ полномъ соотвѣтствіи съ высокимъ качествомъ художественно-иллюстраціоннаго матеріала поставлена въ „Солнцѣ Россіи" и **литературная сторона.** Въ журналѣ помѣщаются **повѣсти, разсказы, очерки, юмористика, стихотворенія** и пр. Кромѣ того, съ 1913 года въ журналѣ введены спеціальные отдѣлы; **литературно-критическій** и **театральный.** Въ журналѣ помѣщаются также **литературные конкурсы, карикатуры** и т. п.

Въ числѣ сотрудниковъ „Солнца Россіи" состоятъ лучшія силы современной русской литературы.

Особую извѣстность пріобрѣли выпускаемые нѣсколько разъ въ годъ **спеціальные номера „Солнца Россіи",** посвящаемые какой-либо отдѣльной темѣ, какъ напримѣръ, „Толстовскій", „Номеръ Чайковскаго», „Рождественскій", „Пасхальный" и др. Эти номера выходятъ въ **значительно увеличенномъ размѣрѣ,** причемъ наиболѣе цѣнныя **картины въ краскахъ печатаются на мѣловой бумагѣ.**

Въ 1914 году редакція „Солнца Россіи" намѣчаетъ къ выпуску **цѣлый рядъ спеціальныхъ номеровъ,** которые по своимъ художественнымъ достоинствамъ должны будутъ превзойти все то, что давалось до сихъ поръ.

„Солнце Россіи" выпускается **въ художественныхъ обложкахъ въ краскахъ,** при чемъ **каждая обложка имѣетъ свой спеціальный рисунокъ.**

Кромѣ того, съ 1914 года „Солнце Россіи" даетъ своимъ подписчикамъ **богатѣйшія художественныя преміи** въ видѣ **шести большихъ художественныхъ альбомовъ.**

Въ 1913 году „СОЛНЦЕ РОССІИ" дало своимъ подписчикамъ въ видѣ безплатныхъ приложеній 6 художественно-напечатанныхъ альбомовъ въ 40—60 листовъ каждый.

1) Произведенія И. Е. Рѣпина. 2) Произведенія В. А. Сѣрова.
3) Альбомъ «Кавказъ». 4) Альбомъ «Русская драма».
5) Альбомъ «Русскій балетъ». 6) «Міръ дѣтей».

Каждый альбомъ представляетъ собою собраніе богатѣйшихъ иллюстрацій на отдѣльныхъ большихъ листахъ мѣловой бумаги, исполненныхъ частью въ краскахъ, частью фототипіей, автотипіей, новѣйшимъ способомъ „глубокой печати" и др. способами. Въ отдѣльной продажѣ каждый альбомъ продается по 3 рубля экземпляръ, такъ что всѣ шесть альбомовъ стоятъ 18 рублей.

Въ виду того небывалаго успѣха, который имѣли Художественные альбомы „Солнца Россіи", выпущенные въ 1913 году, редакція журнала рѣшила и въ наступающемъ 1914 году дать подобную же премію:

РОСКОШНО-ИЗДАННЫХЪ

6 художественныхъ альбомовъ: 6

1) РУССКАЯ ЖИВОПИСЬ—И. И. Левитанъ
2) РУССКАЯ СКУЛЬПТУРА
3) РУССКАЯ ОПЕРА
4) ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕАТРЪ
5) КРАСОТЫ РОССІИ—КРЫМЪ
6) СПЕЦІАЛЬНЫЙ АЛЬБОМЪ 1914 Г.

Во избѣжаніе порчи при пересылкѣ, обращается особое вниманіе на упаковку какъ альбомовъ, такъ и журналовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на 1914 годъ (безъ приложенія альбомовъ):
на 12 мѣс. — 5 р., на 6 мѣс. — 2 р. 75 к., на 3 мѣс. — 1 р. 50 к.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ—3 р. и къ 1 мая—2 р.

(съ приложеніемъ 6 альбомсвъ) на 12 мѣс.—8 р., на 6 мѣс.—4 р.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ—4 р. и къ 1 мая—4 р.

Лица, желающія получить „Солнце Россіи" на мѣловой бумагѣ, приплачиваютъ къ стоимости журнала: въ годъ—2 р., на 6 мѣс.—1 р.

ПРОБНЫЕ НОМЕРА ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕЗПЛАТНО.

ПОДПИСНЫЯ ДЕНЬГИ АДРЕСОВАТЬ:

С.-Петербургъ, Товарищество Издательскаго Дѣла „КОПѢЙКА".

Лиговская, 111—113, собственный домъ.

Библиотека "Руниверс"

Открыта подписка на 1914 годъ

на еженедѣльный иллюстрированный журналъ для семьи

„ВСЕМІРНАЯ ПАНОРАМА“

(Шестой годъ изданія).

Приступая къ 6-му году изданія еженедѣльнаго журнала „Всемірная Панорама“, Т-во Издательскаго Дѣла „Копѣйка“ съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія отмѣчаетъ непрерывно растущій успѣхъ этого журнала, достигшаго за короткій срокъ тиража свыше 250.000 экземпляровъ. Такое безпримѣрное распространеніе обусловлено широкой, общедоступной программой журнала „Всемірная Панорама“, отражающаго на своихъ страницахъ, какъ въ гигантскомъ зеркалѣ, всѣ явленія міровой жизни.

Стремясь, чтобы „Всемірная Панорама“ стала незамѣнимымъ **журналомъ для семьи**, Т-во Изд. Дѣла „Копѣйка“, не останавливаясь передъ огромными затратами, рѣшило **улучшить внѣшній видъ журнала** и съ этой цѣлью пріобрѣло за границей новѣйшія скоропечатныя машины, представляющія послѣднее слово типографской техники и дающія возможность немедленно откликаться на всѣ злобы дня въ высокохудожественныхъ изображеніяхъ и иллюстраціяхъ.

Кромѣ того, редакція журнала „Всемірная Панорама“, откликаясь на многочисленные запросы читателей, рѣшила дать своимъ подписчикамъ въ 1914 г. **небывалую** премію, а именно:

52 ТОМА 52 КЛАССИЧЕСКОЙ БИБЛІОТЕКИ „Всемірной Панорамы“,

заключающей **полное собраніе сочиненій** слѣдующихъ **10 русскихъ авторовъ:**

А. С. ПУШКИНА,
Н. В. ГОГОЛЯ,
М. Ю. ЛЕРМОНТОВА,
И. А. КРЫЛОВА,
Д. И. ФОНВИЗИНА.
А. С. ГРИБОѢДОВА,
А. В. КОЛЬЦОВА,
А. А. МАРЛИНСКАГО,
С. Т. АКСАКОВА.
Н. Г. ПОМЯЛОВСКАГО.

Книги эти будутъ изданы на хорошей бумагѣ, отпечатаны четкимъ шрифтомъ, въ изящныхъ обложкахъ, съ художественно исполненными портретами авторовъ.

52 тома „Классической Библіотеки **„Всемірной Панорамы“ составятъ цѣлую библіотеку русскихъ классиковъ,** необходимую въ каждомъ домѣ и въ каждомъ учебномъ заведеніи.

Стремясь сдѣлать пріобрѣтеніе этой библіотеки доступнымъ для семьи самаго скромнаго достатка, Т-во Издательскаго Дѣла „Копѣйка“ назначило **небывало низкую цѣну**, а именно: Цѣна за **52** №№ журнала „Всемірная Панорама“ и **полное собраніе сочиненій 10 русскихъ классиковъ въ 52 книгахъ** всего **6 рублей,** причемъ допускается разсрочка: при подпискѣ—2 р., къ 1 марта—2 р., къ 1 мая—2 руб.

„**Всемірная Панорама**“ по программѣ своей вполнѣ оправдываетъ свое названіе. На страницахъ этого журнала, **какъ въ гигантскомъ зеркалѣ, отражается вся міровая жизнь.**

„**Всемірная Панорама**“ откликается на всѣ злобы дня **немедленно.** Все, что происходитъ за недѣлю во всѣхъ уголкахъ земного шара, въ областяхъ политической жизни, народовѣд., науки и искусствъ, тотчасъ же находитъ откликъ на страницахъ журнала въ видѣ фотографій, рисунковъ, статей и научныхъ отзывовъ.

„**Всемірная Панорама**“ представляетъ собой **незамѣнимый журналъ для семьи.** Въ немъ помѣщаются разсказы, стихотворенія, статьи и замѣтки, богато иллюстрированныя рисунками, поясняющими текстъ. Сотрудниками журнала состоятъ извѣстные писатели, ученые и художники. Всѣ статьи, помѣщаемыя въ журналѣ, написаны яснымъ, понятнымъ всякому читателю языкомъ.

52 №№ „Всемірной Панорамы“ за годъ представляютъ томъ около 1.000 страницъ, заключающихъ въ себѣ огромное количество интереснѣйшаго матеріала.

„**Всемірная Панорама**“ удѣляетъ особое вниманіе успѣхамъ воздухоплаванія и авіаціи. Считая завоеваніе воздуха величайшей задачей начала XX в., редакція журнала отмѣчаетъ всѣ успѣхи въ этой области, которые даются человѣчеству съ такимъ трудомъ и запечатлѣны уже кровью многихъ героевъ-авіаторовъ. Попутно съ этимъ журналъ, конечно, не оставляетъ безъ вниманія ни одного мало-мальски замѣчательнаго открытія въ области прочихъ прикладныхъ знаній.

„**Всемірная Панорама**“, живо интересуется изученіемъ психической жизни и слѣдитъ за всѣми новинками въ области психологіи, гипнотизма и спиритизма.

„**Всемірная Панорама**“ признавая здоровый смѣхъ необходимымъ и полезнымъ элементомъ жизни, помѣщаетъ юмористическіе разсказы, шаржи, анекдоты и карикатуры.

Въ 1914 году «Всемірная Панорама» будетъ выходить въ двухъ изданіяхъ:

1-е ИЗДАНІЕ:

52 №№ иллюстрированнаго журнала „ВСЕМІРНАЯ ПАНОРАМА“.

Цѣна за ПЕРВОЕ изданіе: За 12 мѣсяцевъ—**2 р. 50 к.**
За 6 мѣсяцевъ—**1 р. 50 к.**
За 3 мѣсяца—**80 к.**

II-е ИЗДАНІЕ:

52 №№ иллюстрированнаго журнала „ВСЕМІРНАЯ ПАНОРАМА“.
52 книги „Классической Библіотеки Всемірной Панорамы“,

заключающей полное собраніе сочиненій: **А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова, Д. И. Фонвизина. А. С. Грибоѣдова, И. А. Крылова, А. В. Кольцова, Н. Г. Помяловскаго, С. Т. Аксакова, А. А. Марлинскаго.**

Цѣна на ВТОРОЕ изданіе: За 12 мѣсяцевъ—**6 р. — к.**
За 6 мѣсяцевъ—**3 р. 50 к.**

Для годовыхъ подписчиковъ „Всемірной Панорамы“ допускается слѣдующая разсрочка: при подпискѣ—2 р., къ 1-му марта—2 р. и къ 1-му мая—2 р.

ПОДПИСНЫЯ ДЕНЬГИ АДРЕСОВАТЬ:

С.-Петербургъ, Товарищество Издательскаго Дѣла „КОПѢЙКА“,
Лиговская, 111—113, собственный домъ.

Библиотека "Руниверс"

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

„НОВАГО ВРЕМЕНИ“

(Спб., Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ-на-Дону)

ПРОДАЕТСЯ

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ СОДЕРЖАНІЯ „ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА“

за 25 лѣтъ (1880—1904 гг.)

СОСТАВИЛЪ

Б. М. ГОРОДЕЦКІЙ

Книга заключаетъ въ себѣ 47 печатныхъ листовъ убористаго шрифта. Въ ней переименованы 9525 статей и 2993 рисунка; кромѣ того, приложены два алфавита: 1) личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ указателѣ статей, и 2) личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ указателѣ рисунковъ. Книга отпечатана въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ.

Цѣна 5 руб.

Библиотека "Руниверс"

Изданіе А. С. Суворина

ИСТОРИЧЕСКІЕ
ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ

С. Н. ШУБИНСКАГО

ИЗДАНІЕ ШЕСТОЕ.

СЪ 89 ПОРТРЕТАМИ И ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

КНИГА ЗАКЛЮЧАЕТЪ ВЪ СЕБѢ 45 ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТОВЪ УБОРИСТАГО ШРИФТА; КРОМѢ ТОГО, КЪ НЕЙ ПРИЛОЖЕНЪ «УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ И РИСУНКОВЪ»

Цѣна 4 рубля. За пересылку по вѣсу.

СОДЕРЖАНІЕ: Шведское посольство въ Россіи въ 1674 году. — Петръ Великій въ Дептфортѣ. — Петръ Великій въ Гаагѣ.—Двухсотлѣтіе Заандамскаго домика.—Вѣнценосный хирургъ. — Императорскій титулъ. — Первые балы въ Россіи.—Лѣтній садъ и лѣтнія петербургскія увеселенія при Петрѣ Великомъ. — Свадьба карликовъ.—Московскій маскарадъ 1722 года.—Память Петра Великаго въ Сестрорѣцкѣ.—Первый петербургскій генералъ-полиціймейстеръ. — Княгиня Волконская и ея друзья. — Придворный и домашній бытъ императрицы Анны Ивановны. — Березовскіе ссыльные. — Дочь Бирона. — Убійство Синклера. — Холмогорская старина.—Тайный бракъ. — Императрица Екатерина II и ея два статсъ-секретаря.—Домашній бытъ Екатерины II.—Исторія мѣднаго всадника.—Тульскій хлѣбъ и калужское тѣсто.—Потемкинскіе проценты.—Столѣтіе кончины Г. А. Потемкина-Таврическаго.—Графъ К. Г. Разумовскій.—Русскій помѣщикъ XVIII столѣтія.— Русскій чудакъ XVIII столѣтія.—Вельможа Екатерининскаго времени.—Одинъ изъ Екатерининскихъ орловъ. — Одинъ изъ авантюристовъ XVIII столѣтія.—Самодуръ прошлаго столѣтія. — Богомъ данный генералъ-прокуроръ.—Жена Суворова.—Пѣвица Габріелли. — Аристократка Александровскаго времени.—Молодость графа Аракчеева. — Сынъ Аракчеева. — Подпоручикъ Федосѣевъ. — Семейное преданіе.—Забытый Филантропъ.—Послѣдній графъ Головкинъ. — Одинъ изъ грибоѣдовскихъ типовъ. — Общество танцоровъ поневолѣ.—Дуэль Шереметева съ Завадовскимъ.—Дуэль Новосильцева съ Черновымъ.—Княгиня Ловичъ.—Кирьяново, дача княгини Дашковой. — Александрова дача.—Англичане въ Камчаткѣ въ 1779 году. — Мнимое завѣщаніе Петра Великаго. — Кладбищенская литература. — Указатель личныхъ именъ.—Указатель портретовъ и рисунковъ.

Библиотека "Руниверс"

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ И ПРОДАЕТСЯ

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ Т-ва А. С. СУВОРИНА—„НОВОЕ ВРЕМЯ"

КНИГА

Б. Б. ГЛИНСКАГО:

РЕВОЛЮЦІОННЫЙ ПЕРІОДЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ (1861-1881 гг.)

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

Съ портретами и иллюстраціями. Цѣна за обѣ части 5 р. 50 к.

Въ этой книгѣ изложены историческія событія въ Россіи послѣ освобожденія крестьянъ и вплоть до мученической кончины Императора Александра II. Въ первой части авторъ слѣдитъ за нарожденіемъ оппозиціи внутренней политикѣ правительства и по преимуществу сосредоточиваетъ свое вниманіе на борьбѣ либеральныхъ общественныхъ элементовъ съ консервативными тенденціями правящихъ сферъ. Событія революціоннаго порядка отмѣчаются, какъ явленія единичныя, безъ поддержки ихъ значительнымъ количествомъ соучастниковъ. Во второй части передъ читателями развертывается дѣятельность «землевольческихъ» и «народовольческихъ» группъ, и на сцену выступаютъ фанатизированные террористы, жертвою преслѣдованія со стороны которыхъ является Царь-Освободитель. Обѣ части книги обильно иллюстрированы портретами русскихъ государственныхъ, общественныхъ и революціонныхъ дѣятелей второй половины XIX вѣка.

ТОГО ЖЕ АВТОРА продается книга:

БОРЬБА ЗА КОНСТИТУЦІЮ

(1612-1861 гг.).

Историческіе очерки

СЪ ПОРТРЕТАМИ И ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

Цѣна 3 р. 50 коп.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ СТО ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ 1913 года.

СТРАН.

Борьба у престола. (Историческій романъ). Часть вторая. (Окончаніе). **Ф. Е. Зарина-Несвицкаго.** 5, 419

Моя служба въ Туркестанскомъ кр ѣ. (Окончаніе). **Г. П. Федорова.** 33, 437, 860

Иллюстраціи: 1) Константинъ Петровичъ фонъ-Кауфманъ.— 2) Генералъ-адъютантъ Н. О. Розенбахъ.— 3) Смертная казнь въ Бухарѣ.—4) Баронъ Александръ Борисовичъ Вревскій. (1889—1898 г.). Эмиръ бухарскій Миръ-Сеидъ-Абдулъ-Ахадъ и его свита. (Въ серединѣ авторъ воспоминаній).— 5) Николай Александровичъ Ивановъ (1901—1903).— 6) Дворецъ эмира бухарскаго въ Ялтѣ.—7) Николай Николаевичъ Тевяшовъ (1903—1905 г.).

Съ надломанными крыльями. (Повѣсть). **В. В. Уманова-Каплуновскаго.** 56, 468

За тридцать лѣтъ. (Листки изъ воспоминаній). (Окончаніе). **В. Б. Бертенсона.** 92, 504, 914

Журфиксы по средамъ въ аппартаментахъ Зимняго дворца. **М. Мариной.** 112

Изъ прошлаго. **Л. А. Рихтеръ.** 123

Процессъ Н. Г. Чернышевскаго. (Окончаніе). **М. В. Клочкова.** 157

Иллюстраціи: 1) Письмо къ В. Д. Костомарову.— 2) Почеркъ Н. Г. Чернышевскаго.— 3) Почеркъ В. Д. Костомарова.— 4) Почеркъ Н. Г. Чернышевскаго.

И. С. Тургеневъ какъ политикъ и конституціоналистъ. (Въ память 30-лѣтней годовщины его смерти 22 августа 1883 г.). **В. И. фонъ-Штейна.** 191

Сергѣй Рудольфовичъ Минцловъ. (Очеркъ). **А. Д. Амова.** 203

Иллюстрація: Сергѣй Рудольфовичъ Минцловъ.

Илья Сацъ. (Клочки воспоминаній). **Барона Н. В. Дризена.** 209

Иллюстрація: Илья Сацъ.

Библиотека "Руниверс"

СТРАН.

Памяти И. В. Цвѣтаева. **Князя Б. А. Щетинина.** 221

Иллюстрація: И. В. Цвѣтаевъ.

Развѣнчанные герои революціи 1905 г. 1) Г. С. Хрусталевъ-Носарь. (Окончаніе). **Б. Глинскаго.** 231, 631, 1085

Вокругъ Стараго Свѣта. **В. С. Кривенка.** 270

Въ киргизскихъ аулахъ. (Очерки изъ поѣздки по Семирѣчью). **Г. К. Гинса.** 285

Иллюстраціи: 1) Видъ киргизской степи.— 2) Сусамырская дорога у рѣки Караколъ.— 3) Типы киргизовъ.—4) Типы киргизокъ.—5) Водопадъ Большой Алматинки.— 6) Малое Алматинское ущелье.— 7) Алматинскій пикъ.— 8) Иссыкское ущелье—9) По дорогѣ къ Нарыну.—10) Нищій киргизъ.— 11) «Муллушка» надгробное сооруженіе въ Чилійской волости.— 12) Пески Прибалхашья.

Оригиналы и чудаки. **М. В. Шевлякова.** 520, 933

Подъ военной грозой. (Воспоминанія сестры-волонтерки). **Н. В. Козловой.** 533, 943

Изъ жизни торговой Москвы. (Полвѣка назадъ). **И. А. Слонова.** . . 563, 975

Иллюстраціи: 1) Нашъ домикъ въ гор. Коломнѣ.—2) Авторъ въ 17 лѣтъ.— 3) Красная площадь въ концѣ XVIII вѣка.—4) Гостиный дворъ передъ его закрытіемъ въ 1886 г. Фасадъ по Красной площади.— 5) Фруктовый «Глаголь» и фасадъ Гостинаго двора по улицѣ Ильинкѣ.— 6) Гостиный дворъ съ высоты птичьяго полета.— 7) Вольшой Суконный рядъ передъ сломкой въ 1886 г.— 8) Средній проходъ передъ сломкой въ 1886 г.— 9) Старый Ветошный рядъ.—10) Ножовая линія передъ сломкой въ 1896 г. 11) Узенькій рядъ передъ сломкой въ 1886 г.—12) Холщевый рядъ передъ сломкой въ 1886 г.— 13) Древніе подвалы Гостинаго двора, найденные во время сломки 1886 г.— 14) Сцена изъ жизни Гостинаго двора. (Съ картины Прянишникова).—15) Пирожникъ.—16) Разносчикъ съ арбузами.— 17) Блинщикъ.—18) Сборщикъ на построеніе храма.—19) Точильщикъ.— 20) Подбойщикъ (бродячій сапожникъ).—21) Странникъ.

Поэтъ-священникъ **В. П—ва.** 598

Иллюстрація: Священникъ Филиппъ Мелентьевичъ Пестряковъ.

Л. Н. Толстой въ 80-хъ годахъ. **А. А. Дунина.** 610

Эпизодъ изъ жизни М. Н. Каткова. **П. А. Россіева.** 615

Красноярская республика. (Матеріалы къ исторіи освободительнаго движенія). **Н. Томскаго.** 617

И. П. Моллеріусъ. **О. С.** 624

Иллюстрація: Иванъ Петровичъ Моллеріусъ.

Юбилей «Русскихъ Вѣдомостей». **Князя Б. А. Щетинина.** 666

Въ нѣдрахъ Вильны и ея окрестностей. **М. Мочульской.** 673

По рудной Осетіи. **Е. Н. Клетновой.** 680

Иллюстраціи: 1) Александровская штольня въ Садонѣ.— 2) Южная штольня въ Садонѣ.— 3) Новый мостъ, церковь и ущелье въ Садонѣ.— 4) Плоскогорье въ Садонѣ.—5) Работа итальянцевъ-каменотесовъ въ Фосналѣ.—6) Камень на Згидскомъ перевалѣ.—7) Урухское ущелье.—8) Дигорія. Аксаусное уалъ-марта.—9) Дигорія. Башни селенія Аксау.—10) Дигорія. Танахомскій ледникъ въ Хумиссара.—11) Дигорія. Танахомское ущелье.—12) Дигорія. Урухское ущелье.

Библиотека "Руниверс"

СТРАН.

Ѳеденька Палтусовъ. (Разсказъ). **П. П. Гнѣдича.** 801

Атаманъ. (Разсказъ изъ недавняго прошлаго). **А. Бахтіарова.** 894

На редакціонномъ пріемѣ у С. Н. Шубинскаго. (Личныя о немъ воспоминанія). **К. Н. Михайлова.** 1014

Подвижникъ слова. (Воспоминанія объ Иванѣ Леонтьевичѣ Леонтьевѣ-Щегловѣ). **Р. К. Устьмедвѣдицкаго.** 1033

Памяти В. Ѳ. Миллера. **А. А. Танкова.** 1039

Датчанинъ Войнагорскій. **И. Г.** 1043

Исканія новой жизни. **Н. Т.** 1051

Освободительное движеніе и законадательная дѣятельность государственной думы. **В. И. фонъ-Штейна.** 1064

Баку и его нефтяные промыслы. **Б. М. Гурьева.** 1116

Иллюстраціи: 1) Набережная въ Баку.—2) Нефтяныя вышки въ Сабунчахъ.—3) Возникающіе нефтяные промыслы въ Сураханахъ.—4) Пещеры вокругъ храма огнепоклонниковъ.— 5) Бывшій храмъ огнепоклонниковъ въ Сураханахъ.— 5) Нефтяные фонтаны.— 7) Пожаръ нефтянаго фонтана въ Сураханахъ.—8) Керосиновые заводы.—9) Биби-Эйбатъ.

Критика и библіографія. 333, 709, 1148

1) Успенскій, А. И. Императорскіе дворцы. Томъ I и II. Съ 894 снимками (въ обоихъ томахъ) на отдѣльныхъ листахъ. Москва. 1913. **М. Клочкова.**— 2) Популярныя историческія изданія «Сельскаго Вѣстника», посвященныя 300-лѣтію царствованія дома Романовыхъ. **М—о.**—3) «Россія». Полное географическое описаніе нашего отечества подъ общимъ руководствомъ П. П. Семенова-Тянъ-Шанскаго и В. И. Ламанскаго. Т. XIX. Туркестанскій край. Составилъ князь В. И. Масальскій. Спб. 1913. **В. М.**— 4) Извѣстія таврической ученой архивной комиссіи. (Годъ двадцать шестой). № 47. Подъ редакціей предсѣдателя комиссіи Арс. Ив. Маркевича. Симферополь. 1912. **В. Рудакова.**— 5) Н. П. Лихачевъ и Н. В. Мятлевъ. Тысячная Книга 7059 года. (Изъ 3 и 4 выпусковъ «Лѣтописи историко-родословнаго общества въ Москвѣ). Орелъ. 1911. **В. Р.**— 6) J. Patouillet. Ostrovski et théâtre de moeurs russes. Paris. 1913. **Г—а.**— 7) А. Закъ. «Кавалеристъ-дѣвица» штабъ-ротмистръ Александръ Андреевичъ Александровъ (Надежда Андреевна Дурова). Спб. 1912.—Н. Н. Блиновъ. «Кавалеристъ-дѣвица». Дурова-Чернова-Александровъ. Сарапулъ. 1912. **Ив. Сатрапинскаго**— 8) Ростовскій кремль въ описаніяхъ Ан. Ал. Титова. Съ портретомъ автора и рисунками. Москва. 1912. **В. Рудакова.**— 9) Ватуринскій дворецъ, его исторія, разрушеніе и реставрація. Очеркъ Г. К. Лукомскаго. Спб. 1912. **Д. Бочкова.**— 10) А. Г. Гойхбаргъ. Законъ о расширеніи правъ наслѣдованія по закону лицъ женскаго пола. Спб. 1912.—Н. Рудинъ. Законъ 3-го іюня 1912 года. Спб. 1913. **Г. Гинса.**—11) Сеймовый уставъ для великаго княжества Финляндскаго, высочайше утвержденный 28 іюля 1906 года, съ мотивами по журналу высочайше утвержденнаго особаго совѣщанія для разсмотрѣнія проекта высочайшаго предложенія земскимъ чинамъ Финляндіи о новомъ сеймовомъ уставѣ, съ приложеніемъ и указателями. Составилъ Н. Корево. Спб. 1913. **П. Майкова.**—12) Е. В. Тарле. Континентальная блокада. Изслѣдованія по исторіи промышленности и внѣшней торговли Франціи въ эпоху Наполеона. Съ приложеніемъ неизданныхъ документовъ. Москва. 1913. **Пант.**— 13) Л. П. Карсавинъ. Очерки религіозной жизни въ Италіи XII—XIII вѣковъ. Спб. 1912. **П. Б.**—14) Цвѣтковъ. «Исламизмъ». Т. I. «Мухаммедъ и коранъ». Асхабадъ. 1912. Т. II. «Вѣра Ислама». Асхабадъ 1913. **В. М.**—15) Исторія западной литературы (1800—1910 гг.), подъ редакціей профессора Ѳ. Д. Батюшкова, при ближайшемъ участіи профессора Ѳ. А. Брауна, академика Н. А. Котляревскаго, профессора Д. К. Петрова, приватъ-доцента Е. В. Аничкова и приватъ-доцента К. Ѳ. Тіандера. Москва. Томъ I, вып. I, II и III. **Вл. Кн.**—16) Juliette Adam. Impressions françaises en Russie. Paris. 1912. **А. Б.**—

Библиотека "Руниверс"

17) Abel Mansuy. Le monde slave et les classiques français aux XVI—XVII siècles. Paris. 1912. В. Мар—скаго.—18) В. Фраче. Поэзія кошмаровъ и ужаса. Нѣсколько главъ изъ исторіи литературы и искусства на Западѣ. Съ картинами художниковъ: Босха, Брегеля, Дюрера, Кранаха, Гойи, Делакруа, Ропса, Бердслея, Штука, Мунха. Москва. 1912. В. Данилова.— 19) Потебня, А. Мысль и языкъ. Харьковъ. 1913. Я. Бирюкова.— 20) Baltischer historisch-geographischer Kalender. Рига. 1913. А. Э. Мальмгрена.— 21) Вопросы педагогики. № 1. Подъ редакціею профессора Е. А. Боброва. Варшава. 1912. Профессора М. Красножена.—22) Знаніе для всѣхъ. Общедоступный ежемѣсячный журналъ для самообразованія съ картинами въ краскахъ и иллюстраціями въ текстѣ. Спб. 1913. П. Васильковскаго.— 23) Юрій Веселовскій. Этюды по русской и иностранной литературѣ. Т. I. М. 1913. А. Б.—24) Сборникъ кіевскаго отдѣла всероссійскаго національнаго студенческаго союза. Кіевъ. 1912. Б. Д.— 25) Александро-Невская лавра. Историческое изслѣдованіе доктора церковной исторіи С. Г. Рункевича. 1713—1913. Съ 277 портретами и снимками. Спб. 1913. А. Измайлова.— 26) Записки восточнаго отдѣленія императорскаго русскаго археологическаго общества. Основаны барономъ В. Р.Розеномъ. Томъ XX. Вып. IV.—Тоже. Томъ XXI. Выпуски I—IV. Спб. 1912.—А. Миронова.— 27) Замѣчательныя историческія сооруженія. Храмы, дворцы, памятники въ Москвѣ, Петербургѣ, Новгородѣ, Кіевѣ, Костромѣ, Смоленскѣ и другихъ городахъ. Составили Ѳ. А. Тарапыгинъ (1-ю часть) и В. Е. Рудаковъ (2-ю часть). Второе, исправленное и дополненное изданіе съ предисловіемъ В. Глинскаго. Спб. 1914. В. Б.— 28) Изнанка финляндской культуры. Финляндская печать о финляндцахъ. Матеріалы для очерка финляндскихъ нравовъ, соч. Николая Вальтера. Спб. 1913. П. Майкова.—29) Письма графа Л. Н. Толстого къ женѣ, 1862—1910 г., подъ редакціей А. Е. Грузинскаго. Спб. 1913. Г.— 30) М. М. Стасюлевичъ и его современники въ ихъ перепискѣ. Подъ редакціей М. К. Лемке. Т. IV. Спб. 1912. Вл. фонъ-Штейна.—31) В. В. Розановъ. «Литературные изгнанники». Т. I. Н. В.—32) Б. Б. Глинскій Среди литераторовъ и ученыхъ. Біографіи, характеристики, некрологи, воспоминанія, встрѣчи. Съ 31 портретомъ. Спб. 1914. Д. М.—33) Н. Туницкій. Св. Климентъ, епископъ словенскій. Сергіевъ посадъ. 1913. П. Б.— 34) В. Бутенко. Либеральная партія во Франціи въ эпоху реставраціи. Томъ I. Спб. 1913. П. Б.— 35) Франсуа-Мари-Аруэ Вольтеръ. Повѣсти и разсказы. Съ портретомъ и 11 рисунками. Переводъ Л. Вуха. 1912. В. Данилова.— 36) Библіотека А. В. Петрова. Собраніе книгъ, изданныхъ въ царствованіе Петра Великаго. Спб. 1913.—Книгохранилище Сергѣя Рудольфовича Минцлова. Напечатано 50 экземпляровъ. Спб. 1913. Библ.—37) Военная энциклопедія. Отъ Кальяри до Кобелянка. Томы XXIII и XXIV. 1913. Л. Н.— 38) Игорь Грабарь. Русскіе художники. Собраніе иллюстрированныхъ монографій. Вып. XI. Сергѣй Глаголь и Игорь Грабарь. Исаакъ Ильичъ Левитанъ. Жизнь и творчество. Москва. 1913. Я—ъ.—39) Памятка петербургскаго сиротскаго института императора Николая I. 1837 г.—LXXV—1912 г.—Со многими портретами и рисунками въ текстѣ и на отдѣльныхъ листахъ. Спб. 1913. А. І. М.—40) Г. Т. Сѣверцевъ-Полиловъ. Среди коронованныхъ особъ. Встрѣчи и воспоминанія. Спб. N.—41) Н. Яблонскій. Еврейскій вопросъ. Москва. 1913. А. Фаресова.— 42) Огановскій Н. П. Надѣленіе землей помѣщичьихъ крестьянъ. Москва. 1913. Вит. Ткачука.—43 Малахія Орманіанъ. Армянская церковь. Ея исторія, ученіе, управленіе, внутренній строй, литургія, литература, ея настоящее. Переводъ съ французскаго В. Рунтъ. Москва. Б. Г—ва.— 44) Очеркъ развитія народной школы въ Костромской губерніи. Кострома. 1913. М. М. М.—45) Протоколы засѣданій и сообщенія членовъ туркестанскаго кружка любителей археологіи (11-го декабря 1912 г.—1-го апрѣля 1913 г.). Ташкентъ. 1913. В. М.— 46) Б. Л. Сегаль. Пространный еврейскій катехизисъ. Спб. Б. гр—ва.—47) Итоги землеустройства. Спб. 1912. Г. Гинса.— 48) «Вѣкъ Возрожденія». Историческія сцены графа Гобино. Переводъ съ французскаго Н. Горбова. М. 1913. А. М—на.—49) А. Серафимовичъ. Городъ въ степи. Романъ. Спб. 1913. Б. Бар—скаго.— 50) Средневѣковье въ его памятникахъ. Сборникъ переводовъ подъ редакціей Д. Егорова. Москва. 1913. П. Б.— 51) М. Н. Шведовъ. Изъ прошлаго. Историко-литературные очерки. Вологда. 1913. В. Данилова.—52) Я. Перельманъ. Занимательная физика. 140 парадоксовъ, задачъ, опытовъ, замысловатыхъ вопросовъ и проч. Съ 160 рисунками въ текстѣ. 1913. Л. Н.— 53) Гастонъ Буассье. Картины римской жизни временъ Цезарей. Переводъ съ 6-го французскаго изданія Н. Н. Николаева. Москва. 1913. А. М—на.—54) Великій князь Николай Михайловичъ. Генералъ-адъютанты императора Александра I. Съ 47 портретами, изъ которыхъ 19 въ краскахъ. Спб. 1913. М. Соколовскаго.— 2) Очерки и рѣчи В. Ключевскаго.

Библиотека "Руниверс"

Второй сборникъ статей. Москва. 1913.—Исторія сословій въ Россіи. В. Ключевскаго. Москва. 1913. К. Кудряшева.—56) Россія подъ скипетромъ Романовыхъ. Очерки изъ русской исторіи за время съ 1613 по 1913 г. Спб. 1913. В. Грибовскаго.—57) Памятники и медали въ память боевыхъ подвиговъ русской арміи въ войнахъ 1812—13—14 годовъ и въ память императора Александра I. Снимки памятниковъ, медалей и гравюръ. В. А. Ашикъ. Спб. 1913. Л. Н.—58) В. Курбатовъ. Петербургъ. Художественно-историческій очеркъ и обзоръ художественнаго богатства столицы. Съ 315 иллюстраціями. Спб. 1913. Г.—59) Ѳ. И. Успенскій. Исторія Византійской имперіи. Томъ первый. Спб. 1914. П. Б.—60) Теодоръ Гомперцъ. Греческіе мыслители. Переводъ съ нѣмецкаго Д. Жуковскаго. Томъ второй. 1913. А. М—на.— 61) Собраніе сочиненій Александра Николаевича Веселовскаго. Томъ первый. Спб. 1913. В. Чернобаева.—62) Сочиненія Михаила Дмитріевича Чулкова. Т. I. Собраніе разныхъ пѣсенъ. Части I, II и III. Съ прибавленіемъ 1770—1773 г.г. Съ приложеніемъ портретовъ М. Д. Чулкова разнаго времени и снимковъ съ его подписей и печатнаго текста пѣсенника. Спб. 1913. Влад. Княжнина.—63) Юр. Бѣляевъ. Варышни Шнейдеръ. Впечатлѣнія. Библіотека. «Вечерняго Времени». Изданіе Б. А. Суворина. Спб. 1913.—Юр. Бѣляевъ. Городокъ въ табакеркѣ. Разсказы. Миніатюры Юса. Библіотека «Вечерняго Времени». Изданіе В. А. Суворина. Спб. 1914. Д. М—ко.— 64) Саардамскій плотникъ. Историческая повѣсть П. Р. Фурмана, подъ редакціей В. П. Авенаріуса. Москва. 1913. Г. Полилова.— 65) Записки императорскаго русскаго географическаго общества по отдѣленію этнографіи. Томъ XXXV. Пѣсни русскихъ сектантовъ-мистиковъ. Съ 22 таблицами рисунковъ и 2 таблицами нотъ. Сборникъ, составленный Т. С. Рождественскимъ и М. И. Успенскимъ. 1912. В. Данилова.—66) Министерство внутреннихъ дѣлъ. Управленіе сельской продовольственной части.—Отчетъ по продовольственной кампаніи 1911—1912 г.г. Книги I и II. Спб. 1913. В. Кузнецова.

Книги, поступившія для отзыва въ редакцію «Историческаго Вѣстника». 371, 748, 1171

Заграничныя историческія новости и мелочи. 374, 752, 1176

1) Лафайеттъ и его жена.—2) Революція у рѣшетки Версаля — 3) Шведская нимфа Мелюзина.—4) Изъ воспоминаній графини Тюргеймъ.— 4) Одинъ изъ конфидентовъ Екатерины II и Александра I.—5) Семейная трагедія Георга IV.—6) Смерть Карла XII.—7) Народъ-комета.—8) Слѣды древнѣйшаго на землѣ человѣка.— 2) Шопенгауэръ въ домашней обстановкѣ.— 10) Защитникъ женщинъ въ XVI вѣкѣ.— 11) Къ исторіи одного предсказанія.—12) Англійская армія.—13) Женщины и французская академія.—14) Табакерка генерала Келлермана.— 15) Вагнеръ и женщины.— 16) Братья Дидро.—17) Бонапартъ и вандейцы.—18) Къ характеристикѣ наслѣдника австрійскаго престола.— 19) Семейная драма Орлеановъ.— 20) Изъ исторіи кулинарнаго искусства.—21) Одинъ изъ доморощенныхъ Вольтеровъ.—22) Абдулъ-Гамидъ.

Смѣсь. 396, 778, 1193

1) Двухсотлѣтіе Александро-Невской лавры.— 2) Двухсотлѣтіе Кронштадта.— 3) Открытіе памятника Александру II.— 4) Открытіе памятниковъ П. А. Столыпину въ Кіевѣ и Симбирскѣ.— 5) Реставрація замка князей Острожскихъ.— 6) Продажа имѣнія А. А. Фета.—7) Отъ комитета юбилейнаго чествованія «Русскихъ Вѣдомостей».— 8) Присужденіе премій митрополита Макарія.— 9) Закладка памятника М. Ю. Лермонтову.— 10) Столыпинскій музей въ Саратовѣ.— 11) Панихида по Н. Г. Помяловскомъ.—12) Новый членъ императорской академіи наукъ.—13) Юбилей общества любителей духовнаго просвѣщенія.— 14) Юбилей общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи.—15) Пятидесятилѣтній юбилей «Русскихъ Вѣдомостей».— 16) Юбилей профессора Ѳ. А. Брауна.—17) Рѣдкая археологическая находка.—18) Раскопки въ Херсонѣ.— 19) Археологическія раскопки въ Ялтѣ.— 20) Древніе обитатели Сибири.— 21) Отъ комитета попечительства о трудовой помощи.— 22) Памятникъ средневѣковья въ Ригѣ.—23) Засѣданія академіи наукъ.—24) Въ литературномъ фондѣ.—25) Въ кассѣ литераторовъ и ученыхъ.—26) Открытіе памятника лейбъ-медику В. И. Исаеву.— 27) Юбилей научнаго кружка.— 28) 125-лѣтіе рожденія Щепкина.— 29) Врачебные юбилеи.— 30) Чествованіе Н. И. Карѣева.

Библиотека "Руниверс"

СТРАН

Некрологи 406, 790, 1201

1) Волковъ, М. М.— 2) Головачевъ, П. М.— 3) Голомбіевскій, А. А.— 4) Головкинъ, К. Ѳ.— 5) Горизонтовъ, И. П.— 6) Закъ, Г. Я.—7) Иннокентій, экзархъ Грузіи.—8) Лепешкинъ, С. В.—9) Лисицынъ, М. М.—10) Леманъ, А. И.—11) Мировичъ, З. С.—12) Постниковъ. Н. В.—13) Черевинъ Л. А.— 14) Бастуновъ, Э. Д.— 15) Бахметьевъ, П. И.— 16) Каменскій, Ѳ. Ѳ.— 17) Кирпичевъ, В. Л.— 18) Левдикъ, П. Ф,— 19) Левинъ, Э. В.— 20) Мясоѣдовъ, П. Е.— 21) Нечаевъ-Мальцовъ, Ю. С.— 22) Петрушевичъ, А. С.—23) Соболевъ, Л. Н.—24) Стронскій, Р. Р.—25) Фойницкій, И. Я.— 26) Антоновскій, Ю. М.— 27) Бартельсъ, Ф. А.— 28) Вейсманъ, А. Д.— 29) Вороновъ, А. Г.— 30) Ивановскій, Н. И.— 31) Ильяшевичъ, Н. П.— 32) Калантаръ, А. А.—33) Карякинъ, В. А.—34) Кривенко, И. В.— 35) Пещеровъ, Д. А.— 36) Пономаревъ, С. И.— 37) Субботинъ, М. С.— 38) Тихомировъ, Н. И.— 39) Цитовичъ, П. П.— 40) Шуфъ (Борей), Б. А.— 41) Щавинскій, В. О.—42) Якубовичъ, В. В.

Замѣтки и поправки. 415, 800, 1214

1) По поводу статьи А. Миловидова «Первыя скорбныя страницы лѣтописи польскаго возстанія 1863 г. въ предѣлахъ Сѣверо-Западнаго края». Л. Л. Драке.—2) Къ статьѣ А. Н. Витмера. «Воспоминанія о покойномъ цесаревичѣ Николаѣ Александровичѣ».— 3) Къ рецензіи на книгу «Кавалеристъ-дѣвица».— 4) Къ статьѣ «Развѣнчанные герои революціи 1905 г.». С. Сыромятникова.— 5) Отвѣтъ С. Н. Сыромятникову. Б. Глинскаго.—6) Къ статьѣ «Поѣздка къ могиламъ Елагиныхъ и Батенькова». Марія Беэръ, рожденная Елагина.

ПРИЛОЖЕНІЯ: Портреты: 1) Анны Іоанновны.—2) эмира бухарскаго Миръ-Сеидъ-Абдулъ-Ахада.— 3) Сергѣя Николаевича Шубинскаго.—4) Тѣнь власти. Историческій романъ Поля Бертрама, переводъ съ англійскаго А. Б. Михайловъ.—5) Указатель личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ четырехъ томахъ «Историческаго Вѣстника» 1913 года, и указатель гравюръ, помѣщенныхъ въ этихъ томахъ.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ ШУБИНСКІЙ
въ своемъ кабинетѣ.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ѲЕДЕНЬКА ПАЛТУСОВЪ.

(Разсказъ).

I.

Когда Валерьянъ Ѳедоровичъ Палтусовъ оставилъ совсѣмъ каѳедру, ему исполнилось шестьдесятъ четыре года. Съ этимъ событіемъ совпало какъ разъ полученіе женой его Александрой Игнатьевной наслѣдства отъ ея тетки—дома съ садомъ, какіе еще встрѣчаются на окраинахъ Москвы. Домъ былъ одноэтажный, деревянный, но штукатуренный, выкрашенный въ бѣлую краску, съ фронтономъ, колоннами, сѣрыми ставнями, огромнымъ дворомъ, огородомъ и сотней деревьевъ. Въ домѣ было всего много. Мебель была старинная,—самому молодому стулу было лѣтъ пятьдесятъ. Въ птичникѣ водились не только куры, но даже индюшки, а въ сараѣ гнили старая карета и полуколяска.

Валерьянъ Ѳедоровичъ оставилъ университетскій городъ и переселился на жительство въ Москву. Александра Игнатьевна думала, что онъ будетъ скучать безъ своихъ обычныхъ занятій, къ которымъ можно было за долгій срокъ и привыкнуть. Но Валерьянъ Ѳедоровичъ сказалъ ей:

— Скучаютъ, мать моя, только идіоты. Мнѣ надо въ порядокъ еще многое привести. А что я читать лекцій не буду,—такъ съ меня довольно. Много поработалъ. Теперь и для себя поживу.

— Молодымъ дорогу дать надо,—подтвердила она.

Онъ пожевалъ губами.

Библиотека "Руниверс"

— Ну, я всю жизнь ни для кого не сторонился. Лучше, что ли, они, чѣмъ я, читать будутъ? Въ сто лѣтъ работать можно. А просто хочу я пожить на покоѣ. И поживу.

И онъ выбралъ себѣ свѣтлую угловую комнату подъ кабинетъ, перетащилъ сюда свою библіотеку и коллекціи, насадилъ подъ окнами какихъ-то небывалыхъ въ Москвѣ растеній, продалъ старыхъ лошадей и старые экипажи, и зажилъ помѣщикомъ.

Ему всего было вдосталь. Пенсія была изрядная. Домъ пока ремонта не требовалъ, въ банкѣ у него лежало тысячъ пятнадцать, дѣти уже были взрослыя: старшій, Ѳедя, служилъ въ Петербургѣ, а младшая дочь, Катя, была замужемъ за какимъ-то важнымъ генераломъ изъ молодыхъ и жила въ Западномъ краѣ. Словомъ, все было въ порядкѣ, и онъ сталъ еще строже смотрѣть черезъ очки своими сѣрыми испытующими глазками.

Онъ былъ маленькій, сухонькій. Особенно у него были маленькія ручки и ножки. Ходилъ онъ всегда въ шелковомъ бѣломъ пиджачкѣ и суконныхъ штанахъ. Ручки съ синими бугристыми жилами онъ всегда держалъ въ карманахъ, и на лицѣ его написано было ясно:

«Да, вотъ такъ я все и скажу! Дожидайтесь! Очень надо! Если я все выскажу, что же мнѣ останется?»

Ѳедя его временами радовалъ; временами онъ на него хмурился. То казалось ему, что изъ Ѳеди выйдетъ порядочный человѣкъ,— то онъ видѣлъ, что Ѳеденька карьеристъ.

— Такъ,—прохвостикъ какъ всѣ! Путное едва ли что выйдетъ.

Ѳеденька учился въ Петербургѣ, въ закрытомъ привилегированномъ заведеніи, сразу получилъ чинъ, сразу поступилъ на службу, но черезъ полгода ее оставилъ.

— Толченіе воды,—никакихъ горизонтовъ не видно,—заявилъ онъ отцу:—попробую въ другомъ мѣстѣ.

Онъ попробовалъ. Потомъ женился. Невѣстка его родителямъ пришлась не по душѣ.

— Ты зачѣмъ же такую?—спросилъ у него отецъ.

Ѳедя осклабился.

— Да вѣдь я для себя. Мнѣ нравится.

— Ну, а намъ она не совсѣмъ по вкусу.

— Очень жаль. А все-таки я женюсь.

И женился.

II.

Sophie была худенькая, длинненькая, съ голубыми глазами, и очень скупая.

— И въ четвертомъ этажѣ проживемъ,—внизу дорого,—говорила она жениху, когда они смотрѣли себѣ квартиру:—во дворъ окна тоже лучше, чѣмъ на улицу: не такъ шумно.

Библиотека "Руниверс"

Она аккуратно слѣдила за всѣми его полученіями и вела имъ точный списокъ, такъ что онъ даже началъ кое-что отъ нея скрывать. Мясо было совсѣмъ изгнано изъ ихъ стола.

— Во-первыхъ, мясо все дорожаетъ,—объясняла она:—во-вторыхъ, употребленіе его содѣйствуетъ развитію склероза. А зелень и здоровѣе, и дешевле.

И они сидѣли на зелени. Когда отправились они въ послѣсвадебное путешествіе за границу, онъ въ Парижѣ привезъ ее съ вокзала въ гостиницу, но на другой же день она заявила:

— А я нашла премилую комнатку, маленькую, но съ балкончикомъ. Сейчасъ же переѣдемъ туда, а здѣсь ужасъ какъ дорого.

Они обѣдали въ плохонькихъ ресторанчикахъ, гдѣ подавали жидкій кофе и недоспѣлые артишоки. Онъ морщился, но она говорила:

— И свѣжо, и дешево.

Въ Италіи они ѣли вязкія макароны, пили сомнительное молоко. Въ Швейцаріи поселились въ какомъ-то крохотномъ, грязномъ, душномъ домикѣ, питались сыромъ и мутной похлебкой. Sophie отъ всего была въ восторгѣ и все повторяла:

— Здѣсь положительно дешевле, чѣмъ въ Россіи.

Когда она все это разсказала Валерьяну Ѳедоровичу по возвращеніи, онъ замѣтилъ только:

— То-то вы отощали оба.

— А лучше развѣ, когда жиръ изъ боковъ лѣзетъ?—спросила она.

Валерьянъ Ѳедоровичъ провелъ жилистой рукой по своему впалому животу.

— Ничего хорошаго нѣтъ! — подтвердилъ онъ, но все-таки излишней скаредности не одобрилъ, особенно насчетъ стола.

— Щи съ головизной—хорошее дѣло!—строго объяснялъ онъ:—подовые пироги; рыбные супы, лещъ съ кашей, фаршированные сиги, карась въ сметанѣ,—это все необходимо. Надо работу задавать организму, чтобы ни одна часть его не атрофировалась.

А Александра Игнатьевна говорила:

— И такъ скупа Софочка, такъ скупа, что я такихъ и не видала. На грибки она вчера такъ смотрѣла, что по лицу ея щучьему видно, что она противъ маринадовъ, и все это развратомъ считаетъ. А предложи ей баночку съ собой, такъ обѣими руками захватитъ.

Молодые супруги рѣшили, что онъ платитъ за квартиру, а она изъ своихъ средствъ держитъ столъ. Когда Ѳедя почувствовалъ, что живетъ все время впроголодь, онъ понялъ, что сдѣлка оказалось невыгодной для него. Но стоило ему начать разговоръ о скудости обѣдовъ, она кидалась къ нему на шею и восклицала:

— Зато склерозика у насъ не будетъ!

Онъ соглашался, что «склерозика» не будетъ, но не безъ удоволь-

Библиотека "Руниверс"

ствія истреблялъ «филе миньонъ», когда судьба забрасывала его послѣ засѣданія въ ресторанъ. При этомъ онъ говорилъ лакею:

— Только не очень вели прожаривать, чтобъ кровь сочилась.

III.

Ѳедя не былъ еще у отца на новосельѣ въ Москвѣ. Онъ ждалъ приглашенія. Но мать писала: «А мы все еще устраиваемся. Покойная тетушка Агнесса Станиславовна была слѣпа послѣднее время, и такъ запустила помѣщеніе, что пришлось новыми шпалерами все оклеивать».

Наконецъ, однажды Валерьянъ Ѳедоровичъ получилъ отъ сына сообщеніе, что онъ по дѣламъ пріѣдетъ на недѣльку въ Москву.

— И Софочка ѣдетъ?—освѣдомилась Александра Игнатьевна.

Онъ повертѣлъ во всѣ стороны глянцевитый толстый листъ бумаги, точно искалъ,—нѣтъ ли гдѣ приписки, и пожалъ плечами:

— Пишетъ, что цѣлуетъ она насъ обоихъ, а что пріѣдетъ ли,—не пишетъ.

— Не люблю я ее,—со вздохомъ замѣтила Александра Игнатьевна, помолчавъ:—хрупкая она такая,—а носъ кверху. Не говоритъ, а точно снисходитъ ко всѣмъ. Ѳеденька даже побаивается ее какъ будто.

— Я думаю, Ѳеденька надуваетъ ее каждый день,—сообразилъ старикъ:—онъ почасти этихъ мамуровъ ходокъ.

Александра Игнатьевна не то хотѣла перемѣнить разговоръ, не то дѣйствительно интересовало ее хозяйство, только она, посмотрѣвъ въ окно, сказала:

— Удивительно, почему индюки всегда сердятся. У нихъ въ крови какой-нибудь микробъ раздраженія сидитъ.

— Темпераментъ такой,—южане.

Валерьянъ Ѳедоровичъ походилъ по комнатамъ,—а комнатъ было много—шаговъ на сорокъ врядъ,—и спросилъ у жены:

— Ѳедѣ тридцать шесть?

— Тридцать седьмой.

— Жалованья онъ три тысячи получаетъ? Да еще въ послѣднее время онъ прирабатывать началъ: печатается.

— Охъ, пробовала я читать,—мудрено очень.

— Это нынче принято, чтобы красочнѣе было. Нарочно помудренѣе слова выдумываютъ. Тысченки три набѣжитъ въ годъ еще.

Онъ опять прошелся. Потомъ подошелъ къ женѣ, сталъ съ ней у окна рядомъ и тоже началъ смотрѣть на индюка.

— А все-таки Ѳедя прохвостикъ,—задумчиво сказалъ онъ.

— Что это ты къ родному сыну такъ относишься,—ты бы, старикъ, постыдился!—вспыхнула Александра Игнатьевна.

Онъ побарабанилъ ногтями по стеклу.

Библиотека "Руниверс"

— Вотъ, очень нужно стыдиться!—сказалъ онъ:—ужъ коли онъ нашъ сынъ, такъ и мерзавцемъ быть не можетъ.

— Да съ чего ты его такъ?

— Смотрю когда на него, такъ и представляется мнѣ, что глаза его говорятъ: «вотъ ты родитель,—а мнѣ до этого все равно, и вообще все это родительское —чепуха». Мнѣ кажется, что если ему нужно,— онъ насъ обоихъ прирѣжетъ.

Александра Игнатьевна отвернулась отъ окна.

— Фу, и разговаривать-то съ тобой сегодня неохота!

— Да не разговаривай!—равнодушно сказалъ онъ.

Она пошла черезъ кухню на крыльце, сказать, чтобы индѣекъ прогнали со двора, а Валерьянъ Ѳедоровичъ прижался лбомъ къ стеклу и тихонько началъ напѣвать:

— Прохвостикъ, прохвостикъ, прохвостикъ!..

IV.

Ѳеденька пріѣхалъ на слѣдующій день. Извозчикъ ввезъ его въ ворота съ почернѣвшими и растрескавшимися бѣлыми шарами по бокамъ, прошуршалъ колесами по сырому крупному песку двора, и остановился у крыльца. Ѳеденька самъ внесъ на крыльцо новенькій желтый чемоданъ, и пока ему отпирали на звонокъ, смотрѣлъ, какъ рыжая лошадь, на которой онъ пріѣхалъ, взрывала копытами примоченный дождемъ песокъ. Потомъ онъ увидѣлъ грудастую горничную, что отперла ему дверь и, сообразивъ, что это тотъ самый молодой баринъ, котораго ждали, сказала:

— Пожалуйте!

Ѳеденька вошелъ въ прихожую и снялъ мохнатое пальто. Онъ носилъ проборъ по срединѣ и былъ гладко причесанъ, почти прилизанъ. Щеки и подбородокъ у него были бритые, а подъ носомъ чернѣли небольшіе, подстриженные усы. Глаза были такіе же сѣрые, какъ у отца, но росту онъ былъ высокаго и шея у него свободно двигалась въ тугихъ широкихъ воротничкахъ. Когда грудастая горничная повѣсила пальто, а онъ сбросилъ съ ногъ низенькія петербургскія калоши съ мѣдной буквой,—коричневый его костюмъ оказался такимъ свѣженькимъ, точно онъ пріѣхалъ не съ же лѣзной дороги, а изъ дома. Онъ пригладилъ передъ зеркаломъ и безъ того гладкую прическу и, услышавъ шаги въ сосѣдней комнатѣ, пошелъ имъ навстрѣчу. Это шла встрѣчать его Александра Игнатьевна. Онъ поцѣловалъ ее въ обѣ щеки, потомъ въ ручку, потомъ въ уголъ рта, потомъ спросилъ:

— Папа здоровъ?

— Ты одинъ?—сказала въ отвѣтъ мать:—а Софочка гдѣ?

— Sophie поѣхала къ сестрѣ, на Басманную.

— Отчего же ты сюда ее не привезъ?

Библиотека "Руниверс"

— Она пріѣдетъ сегодня къ намъ. Кузина бы обидѣлась, если бъ она не остановилась у нея. Вѣдь вы бы обидѣлись, если бы я не къ вамъ пріѣхалъ?

Въ это время въ дверяхъ показался Валерьянъ Ѳедоровичъ. Палецъ на лѣвой рукѣ усиленно ходилъ и тѣмъ выдавалъ его волненіе. Онъ отъ порога привѣтствовалъ сына:

— А, здравствуй, здравствуй!

Сынъ наклонился къ отцу, который былъ еще ниже матери, и поцѣловалъ его жидкіе усы. Отъ усовъ пахло тѣмъ запахомъ хинной воды, какъ и прежде, когда Ѳедя былъ ребенкомъ. Потомъ онъ опять выпрямился и проговорилъ:

— Мы, отецъ, давно не видались.

Валерьянъ Ѳедоровичъ сдѣлалъ видъ, что улыбается.

— Да, давно. Ну, какъ ты? Служишь? Доволенъ? Что жена?

— Софочка у кузины остановилась на Басманной,—вставила Александра Игнатьевна. Ѳедя искоса посмотрѣлъ на нее, и понялъ, что мать обидѣлась, и теперь еще болѣе не будетъ жаловать Софочку.

— А вотъ мы здѣсь,—продолжалъ старикъ, поводя неопредѣленно руками вокругъ:—въ свое гнѣздо сѣли. Будемъ сидѣть да смерти ждать...

Онъ думалъ, что сынъ спроситъ, почему онъ заговорилъ о смерти, но Ѳедя молчалъ.

— А я постарѣлъ?—вдругъ спросилъ отецъ и хихикнулъ:—къ тому идетъ, къ тому идетъ! Что же ты стоишь? Сядемъ, сядемъ.

Они сѣли. Мать спросила Ѳедю, выпьетъ ли онъ сейчасъ чая. Онъ сказалъ, что выпьетъ. Она вышла.

— И ты вотъ постарѣлъ,—продолжалъ отецъ:—у тебя возлѣ носа появились складки, и все лицо стало кислымъ. Мы вчера вспоминали съ матерью, сколько тебѣ лѣтъ. Ну, что твоя книга? Я читалъ твои статьи. «Эволюція мысли»? Такъ вѣдь.

— Такъ.

— Много ненужныхъ словъ. Зачѣмъ ты пишешь: «остентрично?» Вѣдь это глупо.

— Почему глупо?

— По-твоему, умно? Или «сустентація?» Ты кого морочить хочешь? Или, быть можетъ, за эти слова именно и платятъ теперь?

Сынъ усмѣхнулся и пошлепалъ себя ладонью по колѣну:

— Волноваться изъ-за такого вздора не стоитъ,—сказалъ онъ.

V.

— Конечно, не стоитъ,—согласился отецъ и, щурясь черезъ очки, посмотрѣлъ на сына.

— Въ самомъ дѣлѣ, какъ ты живешь?—спросилъ онъ.—Со студенчествомъ еще я возился до нынѣшней весны,—его знаю, а вотъ

Библиотека "Руниверс"

такого возраста, какъ ты,—тѣхъ совсѣмъ упустилъ изъ вида. Ты зачѣмъ сюда пріѣхалъ, что за дѣла у тебя?

— Развѣ у меня не можетъ быть дѣлъ?

— Однако?

— У насъ жизнь послѣ революціи такимъ темпомъ пошла... Впрочемъ, можетъ, нехорошо говорить,—темпомъ?

— Нехорошо. Ну, да ужъ продолжай.

— Такъ все бурлитъ, такъ все видоизмѣняется, такая идетъ переоцѣнка...

— Слыхали мы. Науку переоцѣнивать стали!

— Ну, и что же?

— Оцѣнщикамъ-то цѣна грошъ.

— Ты, кажется, сердиться начинаешь? Мы такъ давно не видались... Лучше покажи мнѣ твое новое хозяйство.

Отецъ посмотрѣлъ на него подозрительно.

— Развѣ оно тебя интересуетъ?

— Отчего же нѣтъ.

— Это больше хозяйство твоей матери. А, впрочемъ, пойдемъ.

Онъ всталъ.

— Ты не будешь одѣваться?—спросилъ сынъ.

— Зачѣмъ? Я простуды не боюсь. Ты, коли хочешь, надѣвай пальто.

Они вышли на крыльцо. Мокрый дворъ, сырые стѣны и заборы, оголенныя деревья сада,—обычная осенняя картина. Въ молочно-сѣрыхъ нависшихъ облакахъ серебрилось то мѣсто, гдѣ было солнце. По песку ходили двѣ вороны; съ улицы доносился равномѣрный шумъ, и чрезъ открытыя ворота видно было, какъ длинная вереница ломовыхъ подводъ, чередуясь бѣлыми и желтыми пятнами лошадей, тянулась справа налѣво.

— Ну, вотъ пойдемъ въ садъ,—предложилъ старикъ.

Они обогнули домъ и вышли на прямую аллею.

— Липамъ-то лѣтъ по семидесяти,—сказалъ отецъ.

Ѳедя равнодушно посмотрѣлъ на ихъ черные корявые стволы, блестѣвшіе отъ впитавшагося въ нихъ дождя.

— Большое мѣсто!—замѣтилъ онъ.

— Ты къ тому, сколько онъ стоитъ?

Сынъ улыбнулся.

— Что жъ, пожалуй, и къ тому. По теперешнему времени такое владѣніе въ Москвѣ—капиталъ.

Отецъ повернулъ къ нему голову.

— Ну, такъ что же? Вѣдь тебѣ этотъ капиталъ не достанется.

Ѳедя какъ-то дрогнулъ. Въ глазахъ у него промелькнуло что-то, будто птица пролетѣла.

— Я знаю, что ты думаешь,—продолжалъ старикъ:—какъ, молъ, такъ судьба распоряжается, что пока человѣкъ молодъ

Библиотека "Руниверс"

и силенъ,—его только по губамъ мажутъ, а когда онъ ужъ въ гробъ смотритъ, когда ничего не нужно ему,—тутъ-то благосостояніе и повалитъ... Вѣдь я по лицу твоему вижу, что ты такъ думаешь, а вотъ что я тебѣ скажу...

Онъ подцѣпилъ концомъ палки мокрый обрывокъ газетной бумаги и отбросилъ его въ побурѣвшую траву.

— По-моему, нѣтъ ничего безнравственнѣе и глупѣе, какъ оставлять дѣтямъ состояніе; и особенно подло это, когда дѣти знаютъ, что рано ли поздно унаслѣдуютъ родительское имущество.

— Ужъ и подло!

— Подло. Потому что у дѣтей является какая-то нравственная расхлябанность: увѣренность, что всегда есть мѣшокъ съ деньгами, на который сѣсть можно... Вотъ здѣсь огородъ... Земляника растетъ, смородина, крыжовникъ... Яблоки хорошія. Въ кладовой такъ ими пахнетъ...

Они подошли къ высокому забору.

— А тутъ предѣлъ, и начинаются владѣнія Ефимченка.

— Кто такой Ефимченко?

— Старообрядецъ. Жена до сихъ поръ въ темномъ платьѣ ходитъ. Во всѣхъ комнатахъ лампады горятъ.

— То-то копоти много.

VI.

Они повернули вдоль забора и вышли къ небольшому пруду.

— А здѣсь рыба напущена. Карасей много. За обѣдомъ попробуешь. Мы въ два обѣдаемъ. Ты что на часы смотришь? Теперь половина перваго. Еще полтора часа осталось. Мать зачѣмъ-то тебя чаемъ поить будетъ, аппетитъ портить. Да, братъ, собственность все-таки великое дѣло. Чувствуешь себя на своей землѣ иначе.

— А если придутъ и отнимутъ? Сожгутъ? Копили, копили,— и все вдругъ пропадетъ?

Говоря это, Ѳедя ехидно улыбался,—точно онъ былъ доволенъ, что люди жгутъ и грабятъ.

— Ну, батюшка,—здѣсь въ Москвѣ не сожжешь! Пожарные пріѣдутъ и потушатъ. Видишь, сколько домовъ стоитъ? И прежде стояли и теперь стоятъ. Коли волка бояться, такъ и въ лѣсъ не ходить.

— Да нельзя же все въ лѣсахъ жить,—сквозь зубы проворчалъ Ѳеденька.

Они пошли молча. Старикъ вдавливалъ гуттаперчевый наконечникъ своей палки въ размягченную землю и оставлялъ за собою рядъ круглыхъ ямочекъ. Сынъ исподлобья наблюдалъ за нимъ, и думалъ: «А онъ еще сталъ строптивѣе, чѣмъ прежде. Да пусть мелетъ, что хочетъ, перечить не буду».

Библиотека "Руниверс"

— Революція жжетъ и уничтожаетъ все до тла только въ теоріи,— продолжалъ Валерьянъ Ѳедоровичъ:—а въ дѣйствительности сотни и тысячи сожженныхъ имѣній,—когда десятки тысячъ остались не тронутыми,—еще не есть показатель того, что революціонное движеніе все уничтожило.

— Въ девятьсотъ пятомъ году была только проба.

Старикъ остановился и холодно посмотрѣлъ на Ѳедю.

— Ты говоришь такъ, точно самъ подготовляешь будущую революцію?

Сынъ тоже остановился.

— Ну, а если подготовляю,—что изъ этого?—спросилъ онъ.

— Очень хорошо! Ты получаешь отъ правительства деньги, живешь на то жалованье, что оно выдаетъ тебѣ, какъ чиновнику, и подготовляешь движеніе противъ того же правительства?

Ѳедя пожалъ плечами.

— Я не дѣлаю того, что противорѣчитъ моей задачѣ. Не моя вина, что правительство не знаетъ, кому и за что оно платитъ деньги. Вотъ если бы я занимался шпіонажемъ, провокаторствомъ или сыскомъ,—меня можно было бы упрекать. А я чистъ душою!

— И ты, съ чистой душою, получаешь чины и ордена?

— Получаю.

— И на высокій постъ тянешься?

— Тянусь.

— А если тебѣ этотъ постъ предложатъ прежде, чѣмъ ваше дѣло созрѣетъ?.. Тогда придется многихъ своихъ по шапкѣ?

— Можетъ быть.

— Ну, я такъ и думалъ, что ты...

Онъ хотѣлъ что-то сказать, но удержался и пошелъ впередъ, еще крѣпче втыкая палку въ землю. Сынъ, улыбаясь его раздраженію, пошелъ тоже. Онъ догадывался, что отецъ хотѣлъ дать ему какой-нибудь нелестный эпитетъ. Но ему было все равно, и онъ его не разспрашивалъ. Онъ думалъ о другомъ: о томъ дѣлѣ, ради котораго пріѣхалъ въ Москву. Онъ полагалъ, что поговоритъ съ отцомъ завтра; но теперь, по общей окраскѣ разговора, онъ рѣшилъ, что нечего откладывать и лучше сбросить съ себя обузу и заговорить сейчасъ. Онъ втянулъ въ себя воздухъ, постарался сдѣлать лицо какъ можно болѣе значительнымъ и сказалъ небрежнымъ тономъ:

— Ты меня спрашивалъ, отецъ, зачѣмъ я пріѣхалъ въ Москву? Я пріѣхалъ за деньгами.

VII.

Ему пришла сейчасъ въ голову новая тактика. Онъ не попроситъ у отца денегъ, какъ собирался и какъ ему совѣтовала Sophie, а скажетъ только, что будетъ искать ихъ. Если же отецъ не пред-

Библиотека "Руниверс"

ложитъ самъ, тогда онъ спроситъ прямо: «быть можетъ, дадите вы?»

— А развѣ у тебя нѣтъ денегъ?—спросилъ Валерьянъ Ѳедоровичъ.

— Если были бы, то занимать мнѣ не было бы надобности.

— Зачѣмъ тебѣ?

— Sophie больна. На годъ придется уѣхать за границу.

— Сколько же тебѣ надо?

— Тысячъ семь.

— Чѣмъ же больна она?

— Кашляетъ.

— Если бъ всѣ, кто кашляетъ, уѣзжали на югъ, въ Петербургѣ никого бы не осталось. Ты тоже кашляешь?

— Нѣтъ.

— Ты, значитъ, не поѣдешь?

— Поѣду.

— Службу бросишь? Да вѣдь министры, когда у нихъ жены заболѣваютъ, ихъ отправляютъ, а сами остаются.

— То министры, а я только коллежскій совѣтникъ. А это что за постройка?

— Сарай. Рухлядь всякая тамъ. Хочешь зайти?

— Нѣтъ, зачѣмъ же,—я такъ спросилъ.

— Ну, а жена твоя—она сочувствуетъ образу твоихъ мыслей?

— Никогда ее объ этомъ не спрашивалъ.

— Вы развѣ никогда не говорите?

— Случается. Она хорошая баба. Но женщина.

— А ты хотѣлъ бы, чтобъ она была мужчиной?

Ѳедя презрительно дернулъ губой.

— Я хочу сказать, что отъ женщины нельзя требовать той полноты и округленности мышленія, къ которымъ мы привыкли у мужчинъ.

— Округленность мышленія,—чортъ знаетъ что!

Палка опять крѣпко стала вонзаться въ землю.

— «Округленность мышленія»—это совершенно ясный для меня образъ,—сказалъ сынъ.—Это опредѣленная шарообразная форма, легко поддающаяся представленію. Въ сфероидальности нѣтъ ничего расплывчатаго и уродливаго. Основная форма всѣхъ небесныхъ тѣлъ—шаръ.

— Пойдемъ домой, тебя мать ждетъ съ чаемъ.

Старикъ быстро пошелъ впередъ. Войдя на балконъ, отъ тщательно вытеръ ноги о мохнатый половикъ и искоса посмотрѣлъ, какъ Ѳедя снималъ калоши.

Библиотека "Руниверс"

VIII.

Въ столовой, гдѣ пахло какими-то маринадами и душистымъ перцемъ, гдѣ стоялъ старый буфетъ «персидскаго орѣха», какъ увѣрялъ сосѣдній хромоногій столяръ, полировавшій его, а на окнахъ стояли какія-то банки, плотно закупоренныя притертыми стеклянными пробками, уже не только кипѣлъ пузатенькій самоваръ, но даже переставалъ кипѣть и какъ-то задумчиво попыхивалъ иногда струйками пара. Вокругъ стола стояло нѣсколько сафьянныхъ стульевъ и большое кресло для Валерьяна Ѳедоровича. Но старикъ не сѣлъ, а продолжалъ ходить, поскрипывая приставшимъ къ подошвамъ пескомъ по полу. Ѳедя сѣлъ на тотъ стулъ, противъ котораго поставила мать налитый стаканъ чая, и посмотрѣлъ на потолокъ, желтые обои и на большую англійскую гравюру, изображающую охотника, прыгающаго на лошади черезъ заборъ, съ собаками и огромнымъ рогомъ. Ему показалось, что онъ давно когда-то все это видѣлъ,—и картину, и обои, и варенье въ хрустальной вазочкѣ. Онъ даже хотѣлъ сказать объ этомъ, но рѣшилъ промолчать.

— Въ которомъ же часу Софочка пріѣдетъ?—спросила мать.

— А вечеромъ, должно быть.

— У нея чахотка!—вдругъ буркнулъ старикъ изъ угла.

Александра Игнатьевна уставилась на сына, точно ждала отъ него подтвержденія.

— Ну, не чахотка,—а вообще у нея грудь слаба,—объяснилъ Ѳедя.

Онъ потянулъ ломоть бабы, что стояла на деревянномъ блюдѣ.

— Домашняя,—сказала мать и прибавила:—Такъ что же она, лечится?

— Да вотъ, думаетъ полечиться.

Коричневая пушистая кошка вспрыгнула противъ Ѳеди на стулъ и, презрительно щурясь желтыми глазами, начала его разсматривать.

— А кошекъ ты попрежнему не любишь? Эта Амальхенъ отъ тети осталась.

— Не люблю, мама.

Александра Игнатьевна позвонила и велѣла горничной унести Амальхенъ. Та взяла ее подъ животъ и понесла.

«Зачѣмъ я сюда пріѣхалъ?—соображалъ Ѳедя.—Теперь придется каждый день таскаться сюда».

Старинные стоячіе часы въ деревянномъ футлярѣ пробили часъ слишкомъ звонко, что къ нимъ не шло,—точно большого роста человѣкъ заговорилъ дискантомъ. Въ сосѣдней комнатѣ другіе часы откликнулись баритономъ.

Библиотека "Руниверс"

— Отчего же ты не писалъ никогда, что Софочка больна?—спросила мать.

— Что же вамъ писать? Вы помочь ничѣмъ не могли.

— Знаю, что не могли. А для порядка.

— Какой же это порядокъ?

— По-ря-докъ, по-ря-докъ!—запѣлъ старикъ. У него была привычка напѣвать первое подвернувшееся слово.

— Ты вѣдь, отецъ, совсѣмъ оставилъ службу?—спросилъ Оедя.

Валерьянъ Ѳедоровичъ сѣлъ въ кресло.

— Совсѣмъ. Хочу ничего не дѣлать. Такъ-таки абсолютно ничего. Смотрѣть, какъ копошатся другіе; а самъ сложу ручки, какъ китайская кукла, и буду наблюдать. А вы всѣ бѣгайте, рвите другъ друга, передергивайте, подсиживайте, сплетничайте...

— Зачѣмъ же передергивать и сплетничать?

— Безъ этого нельзя. Вся ваша жизнь основана на передержкѣ.

— Развѣ вся?

— Вся.

IX.

Посыльный принесъ письмо на имя Ѳеди.

— А почемъ знаютъ, что ты здѣсь?—спросилъ отецъ.

— Я написалъ, что около часу у васъ буду.

Онъ вскрылъ синій продолговатый конвертъ, надписанный опредѣленнымъ красивымъ почеркомъ. Въ письмѣ было всего нѣсколько строкъ. Онъ прочелъ ихъ внимательно раза два и сказалъ горничной, что отвѣта не будетъ.

— Знаешь, отъ кого это письмо?—спросилъ онъ у отца.—Отъ Богдосарова.

— Кто такой Богдосаровъ?

Ѳедя даже поднялъ брови.

— Какъ? Ты не знаешь, кто Богдосаровъ?

— Почемъ мнѣ знать!

— Онъ надежда нашей литературы. Человѣкъ, давшій намъ новыя формы.

— Когда ты хочешь сказать что-нибудь въ этомъ родѣ,—нравоучительно сказалъ старикъ,—прибавляй: «по моему мнѣнію».

— Если я говорю, значитъ, это мое мнѣніе.

— Ты изрекаешь, какъ неопровержимую истину, что этотъ... Болтосаровъ,—или какъ тамъ его,—надежда литературы. Въ послѣдніе годы столько этихъ надеждъ развелось, что изъ нихъ можно въ сто ярусовъ башню построить...

— Богдосаровъ не похожъ на другихъ. Онъ ищетъ новыхъ путей. Сдергиваетъ завѣсу со многаго. Открываетъ намъ...

— Америку?—подсказалъ вопросительно отецъ.

Библиотека "Руниверс"

— Если хочешь, Америку. У него все оригинально. Онъ идетъ новой дорогой, расчищая себѣ путь между старыхъ зарослей. Онъ свѣточъ, что показываетъ толпѣ, куда итти. Онъ не терпитъ чего стараго, заѣзженнаго, шаблоннаго. Онъ исходитъ кровью, самосгораетъ, падаетъ и поднимается...

— Что жъ онъ пишетъ тебѣ?

— Я просилъ его повидаться. Онъ пишетъ, что боленъ и цѣлый день сидитъ дома. Поѣду къ нему.

— Когда?

— Сейчасъ.

— Послѣ обѣда, Ѳеденька, поѣзжай,—посовѣтовала мать.

Ѳеденька всталъ.

— Я сейчасъ съѣзжу, и къ обѣду вернусь.

— Ровно въ два мы садимся,—замѣтилъ отецъ.—Если хочешь холоднаго супа,—такъ опаздывай.

Ѳедя снисходительно улыбнулся.

— Не все ли равно, холодный супъ, или горячій, есть супъ, или совсѣмъ его нѣтъ?—спросилъ онъ.

— Ну, тогда поѣзжай скорѣй.

— Я очень радъ, что вы меня ждать не будете. Это развяжетъ мнѣ руки. Во всякомъ случаѣ, я не прощаюсь съ вами.

— А хлѣбъ хорошо испеченъ?—спросила мать.

— Хорошо.

— Домашній-то лучше: ни таракановъ нѣтъ, ни грязи. А покупного я видѣть не могу.

X.

На улицѣ Ѳедю охватила та атмосфера, которая кажется такой специфической петербуржцу, когда онъ попадаетъ въ Москву. Бевобразныя извозчичьи дрожки, избитые, должно быть метлами, низы водосточныхъ трубъ, забрызганныя грязью стѣны домовъ, бѣлыя церкви съ зелеными луковицами, безобразныя вывѣски,— все это имѣло свой особый московскій характеръ, непривычный для человѣка, привыкшаго къ чистотѣ, простору и порядку. Даже фонари были какіе-то особенные, приземистые. Но воздухъ былъ мягкій, влажный, напоминалъ Берлинъ, гдѣ проѣздомъ жилъ Ѳедя недѣли двѣ прошлой весною. Только тамъ была всюду трогательная чистота, а здѣсь всюду лежала липкая вонючая грязь, которой ноги лошадей и ломовиковъ были залѣплены до колѣнъ.

Онъ съ трудомъ нашелъ тотъ «меблированный домъ», гдѣ обиталъ Богдосаровъ. Три такихъ меблированныхъ дома были рядомъ и по вывѣскамъ они мало чѣмъ различались другъ отъ друга. Впрочемъ, почему-то одинъ изъ нихъ назывался «Лиссабономъ», хотя, повидимому, ничего общаго съ Португаліей тамъ не было. Поднявшись

Библиотека "Руниверс"

по темной лѣстницѣ, покрытой краснымъ коврикомъ и холщевой, заслѣженной невытертыми ногами дорожкой, онъ попалъ въ темный коридоръ, подслѣповато освѣщенный электрической лампочкой. По коридору бѣжалъ лакей—курчавый малый въ сомнительномъ фракѣ, съ подносомъ, на которомъ стояли чайники, сахаръ и лимоны. На вопросъ Ѳеди онъ вѣжливо отвѣтилъ: «вторая дверь направо-съ», и даже показалъ на нее локтемъ, такъ какъ руки у него были заняты.

Богдосаровъ сидѣлъ въ сѣренькой, наглухо застегнутой до горла тужуркѣ у письменнаго стола, поставленнаго довольно неудобно наискось въ углу. Это былъ еще не старый человѣкъ, опухлый, съ безпокойнымъ взглядомъ и складкой, тянувшейся ото лба къ носу и придававшей ему недовольный видъ. Комната была большая, свѣтлая, вся заваленная книгами и новыми журналами. Книги были и на столахъ, и на окнахъ, и на полу, и на стульяхъ. На стѣнахъ и письменномъ столѣ висѣли и стояли портреты иноземныхъ и отечественныхъ философовъ, а на самомъ видномъ мѣстѣ портретъ Толстого въ шапочкѣ, съ палкой въ рукахъ, стоявшаго въ своемъ саду съ такимъ видомъ, точно онъ говорилъ фотографу: «да провалитесь вы, дайте мнѣ жить, наконецъ!»

Хозяинъ привѣтствовалъ гостя съ сознаніемъ собственнаго достоинства, но любезно. Онъ опросталъ для него мѣсто въ креслахъ возлѣ письменнаго стола, сложивъ груду книжекъ на сосѣднее окно, и, подвинувъ къ Ѳедѣ ящикъ съ папиросами, спросилъ:

— Курите? Или нѣтъ, вы не курящій. Какъ живете-можете? Мы вотъ коптимъ здѣсь небо. Хотите чая? Сейчасъ пили? Я тоже сейчасъ пилъ, но это ничего не значитъ. Я пью его цѣлый день.

— Говорятъ, вредно,—сказалъ Ѳедя, чтобы сказать что-нибудь.

— Все вредно въ неумѣренномъ количествѣ.

Внезапно дверь, не затворенная вплотную, отворилась, и молоденькая женщина въ красномъ капотѣ показалась на темномъ фонѣ коридора. Богдосаровъ сдвинулъ брови.

— Я занятъ,—строго сказалъ онъ, не двигаясь съ мѣста.

— Ахъ, извините,—я не знала, что у васъ гости....

Дверь затворилась.

— Я не во-время?—спросилъ Ѳедя.

Богдосаровъ удивился.

— Почему? Это актриска—здѣсь живетъ. Не обращайте вниманія. Ей не къ спѣху. Мы съ ней проходимъ Риту.

— Риту?

— Она готовитъ Риту въ драмѣ «Бѣлые кони». Я выясняю ей символы автора.

Библиотека "Руниверс"

XI.

— «Бѣлые кони»,—припомнилъ Ѳедя,—это пьеса, кажется, Гакона Стефенсена?

— Даже не кажется, а навѣрно.

— Я не зналъ, что вы интересуетесь театромъ.

— Я интересуюсь имъ постольку, поскольку онъ черпаетъ тѣ глубины, что теперь на очереди для изслѣдованія. Прежній театръ—пошлости и слюнявой буржуазіи—меня не интересуетъ. Стефенсенъ идетъ напроломъ, держитъ свой путь по компасу и продирается черезъ терновникъ. Немудрено, что душа его вся въ ранахъ.

— Да, его символы велики, но туманны. Понятны ли они для толпы?

Богдосаровъ выразилъ на лицѣ презрѣніе.

— Что мнѣ за дѣло до толпы? Пусть она плюетъ на алтарь, гдѣ горитъ огонь жизни. Пусть толпа поднимется до меня, а не я опущусь до нея. И такой подъемъ уже чувствуется. Когда настанетъ моментъ,—мы соединимся въ крутящійся смерчъ,—небо и земля,—и сокрушимъ все ненужное, чтобы солнце потомъ безпрепятственно цѣловало землю...

— Это красивый образъ,—похвалилъ Ѳедя.

— Вы про что?

— Смерчъ. Говорю, красивый образъ.

— Вы видѣли эту актрису? Ея фамилья Макароничъ. Она была обыкновенная актриска, воспитанная на гнусной, слащавой подливкѣ зудермановской пошлости. Я раскрылъ ей глаза. Она прозрѣла. Я растолковалъ ей, что такое театръ и что все прежнее надо свалить въ кучу и спалить.

— И она охватываетъ грани символизма?

— Охватываетъ. Сначала было много тренія въ ея понятіяхъ. Многаго она не могла понять сразу. Но потомъ изъ пелены этого тумана стали выплывать передъ ней образы, грандіозные, фантастическіе, и она стала грезить только ими. Она поняла, что надо обобщать каждое переживаніе. Что данное переживаніе—чепуха, мелочь. Что важно создать для каждаго переживанія то вѣчное, на чемъ покоится человѣческое бытіе. Условная мораль—достояніе мѣщанства. Условная честь—ее давно пора сдать въ чистую отставку... На третій мѣсяцъ она это поняла... И, кажется, въ будущемъ она загорится яркою звѣздою. Она будетъ свѣточемъ для многихъ...

— А когда это будетъ?—спросилъ Ѳедя. Ему былъ противенъ увѣренный тонъ Богдосарова и тотъ самодовлѣющій видъ, съ какимъ говорилъ онъ,—но какъ онъ не хотѣлъ сегодня раздражать отца, такъ не хотѣлъ раздражать и Богдосарова.

— Я вѣрю, что мигъ такой наступитъ. Тогда слѣпые сдѣлаются

Библиотека "Руниверс"

зрячими, разслабленные возьмутъ одръ свой и пойдутъ. И здѣсь, въ Москвѣ, чувствуется слышнѣе шумъ этихъ вешнихъ водъ подъ талымъ снѣгомъ. Онъ распустится подъ горячими лучами солнца. Здѣшніе художники уже шевельнулись. Вы видѣли ихъ произведенія? Они рискнули отринуть все прошлое. Это не то движеніе, что было полвѣка назадъ, когда сапоги ставили выше чистой поэзіи только потому, что это сапоги. Теперь первымъ долгомъ уничтожена ненужная пошлость сапогъ.

Ѳедя посмотрѣлъ на свои лаковыя ботинки.

— Символически?—спросилъ онъ.

— Разумѣется, символически.—Въ храмъ искусства нельзя вступать въ нечистой обуви, приносить съ базарной площади пыль житейской суеты. Надо ступать благоговѣйно, обнаженными ногами. Надо молиться великому Пану природы подъ тихіе звуки священныхъ ручьевъ, подъ тиховѣйные взмывы благоуханнаго вѣтра. А что толпа смѣется надъ избранными—это доказываетъ только, что они правы. Если бъ они угождали вкусамъ черни, имъ бы рукоплескали.

— Да, теперь время всѣхъ прежнихъ боговъ повалить,—согласился Ѳедя.

XII.

— Сквозь мракъ ужъ чуются новыя зори,—продолжалъ хозяинъ, застегивая верхнюю пуговицу тужурки,—она все разстегивалась, широкая петля криво раскрывала свою пасть и зѣвала изъподъ пепельной бородки Богдосарова.—Мы вдругъ увидѣли всѣ ошибки, всѣ заблужденія нашихъ отцовъ и дѣдовъ. Вдругъ они встали передъ нами во весь ростъ, безъ одежды, что искусно прикрывала ихъ. И мы увидѣли, что цѣна имъ—ломаный грошъ, что они заслуживаютъ не поклоненія, а забвенія, если не презрѣнія. Можетъ быть, мы сами плохи, но зато мы на вѣрной дорогѣ. Мы не хотимъ копировать и воспроизводить природу. Мы творцы—и мы дадимъ новыя формы. Мы боги,—и наши созданія пусть будутъ грубы и шаршавы, но по идеѣ они выше и чище, чѣмъ все, что создано предыдущими поколѣніями...

Ноздри Богдосарова раздулись. Онъ говорилъ съ паѳосомъ, съ вѣрой въ то, что говоритъ, или по крайней мѣрѣ притворялся, что вѣритъ въ свои слова. Его распухшее лицо было одухотворено внутреннимъ свѣтомъ. «Вотъ отчего у него отбоя нѣтъ отъ поклонницъ!» подумалъ Ѳедя.

— Я живу въ Москвѣ потому, что здѣсь кипѣнь жизни пухлѣе, чѣмъ въ Петербургѣ,—закончилъ Богдосаровъ.—Въ Петербургѣ кислѣе, уравновѣшеннѣе, прямолинейнѣе, сѣрѣе. А здѣсь чувствуется мощь будущихъ силъ. Здѣсь наливаются почки будущаго цвѣтенія. Здѣсь больше, чѣмъ у васъ, пахнетъ весною...

Библиотека "Руниверс"

— А какая гадость на улицѣ,—стараясь дать разговору другое направленіе, проговорилъ Ѳедя,—то же, что и въ Петербургѣ.

Богдосаровъ лѣниво посмотрѣлъ въ окно.

— Въ такую погоду не надо выходить,—сказалъ онъ.—Въ такую погоду хорошо работается. Я вообще осенью могу работать цѣлые дни, а весной—я буквально не могу ударить пальцъ о пальцъ. Истома майскихъ дней меня опьяняетъ.

— Вы корректуру держите своего «Собранія»?—спросилъ Ѳедя, видя на столѣ печатные листы, испещренные завитушками поправокъ.

— Да. Кочуковъ у меня купилъ...

— Какой это Кочуковъ?

— Милліонеръ... Изъ толстобрюхихъ меценатовъ. Двѣнадцать тысячъ далъ мнѣ за одно изданіе.

— Неужели двѣнадцать тысячъ?—удивился Ѳедя.

— Двѣнадцать. Или десять? Я ужъ не помню... Это было съ полгода назадъ. Да ему не все ли равно?.. Одна фабрика приноситъ ему полмилліона ежегодно... А меценатомъ все же прослыть лестно...

— Кстати,—вдругъ заговорилъ Ѳедя, и какъ два часа назадъ, во время разговора съ отцомъ, потянулъ въ себя воздухъ:—мнѣ бы надо было тысячъ шесть перехватить на годъ. Конечно, подъ вексель.

Глаза Богдосарова вдругъ сдѣлались стеклянными и глупыми, какъ у дешевой куклы. Онъ уставился въ одну точку и приготовился отказать Ѳедѣ, если онъ попроситъ у него.

— Вы, я думаю, знаете, у кого изъ московскихъ толстосумовъ возможно будетъ...

Ѳеденька запнулся. Наступило молчаніе.

— Шесть тысячъ такая маленькая,—сказалъ Богдосаровъ,—для нихъ сумма... Вотъ если газета—тысячъ двѣсти понадобится,—тогда еще они будутъ говорить,—а то и слушать не будутъ.

— Однако вотъ вамъ дали десять тысячъ?

— Двѣнадцать,—поправилъ Богдосаровъ.

— Ну, двѣнадцать.

— Такъ вѣдь то я,—скромно сказалъ хозяинъ.—Да и не въ долгъ... А такъ, вамъ едва ли...

— Я могу больше попросить.

Богдосаровъ махнулъ рукой.

— Не стоитъ. Лучше займите у ростовщика.

XIII.

Въ дверь осторожно постучались, точно поскреблась хорошо воспитанная собака.

— Войдите,—предложилъ Богдосаровъ.

Вошелъ молодой человѣкъ, приземистый, сутуловатый, съ ши-

Библиотека "Руниверс"

рокими черными бровями, красными вѣками и бѣгающими глазками.

— А, Кункель!—привѣтствовалъ хозяинъ.—Вы не знакомы? Кункель, Лазарь Исаевичъ. Вездѣсущій и всеобъемлющій. Вотъ кто можетъ помочь вамъ. Садитесь, Кункель. Вотъ Ѳедору Валерьяновичу надо шесть тысячъ. Ѳедоръ Валерьяновичъ—петербуржецъ, служитъ по министерству, либералъ, пишетъ статьи въ журналахъ... Познакомьтесь... Впрочемъ, вы слышали о Ѳедорѣ Валерьяновичѣ? Фамилія его Палтусовъ.

Кункель еще разъ пожалъ руку Ѳеди и на секунду остановилъ свои глаза на петербуржцѣ.

— Это мой другъ,—неопредѣленно сказалъ хозяинъ, и неизвѣстно, къ кому изъ гостей относилось такое наименованіе, но, кажется, ни тотъ, ни другой на свой счетъ его не приняли.—Ему непремѣнно это надо устроить, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Ну, конечно, вы получите сотенку-двѣ куртажныхъ.

— Это пустяки, о которыхъ не стоитъ говорить... А устроить это можно...

Молодой человѣкъ вдругъ показалъ свои бѣлые зубы, изъ которыхъ два были въ золотыхъ лапкахъ.

— Мнѣ просто хочется услужить вамъ...Такая маленькая сумма... Я скажу просто, что нужна она на нѣсколько дней... Это пустяки.

— На годъ,—поправилъ Ѳеденька.

Кункель разочарованно посмотрѣлъ на него.

— Знаете, что я вамъ скажу? На годъ это труднѣе. Это уже выходитъ не то, что выручить пріятеля, а какъ будто кто-то кому-то даетъ взаймы.

— Кункель, противно васъ слушать, замолчите!—сказалъ хозяинъ.—Не философствуйте, а доставайте. Вы можете достать?

— Могу.

— Ну, а вамъ Палтусовъ дастъ больше двухсотъ рублей.

Ѳедя дернулся, но ничего не сказалъ. Кункель остановилъ игру своихъ глазъ и посмотрѣлъ на Богдосарова испытующе.

— Товарищеское одолженіе я могу сдѣлать, но разъ срокъ растягивается на годъ, это гораздо труднѣе...

— Что вы врете, Кункель, почему труднѣе?

— Потому что двѣнадцать мѣсяцевъ—это двойной срокъ. Вы подумайте: осень, потомъ зима. Потомъ весна...

— А тамъ лѣто и опять осень,—подсказалъ хозяинъ.

— Больше, чѣмъ на полугодовой срокъ, вы знаете, почему не учитываютъ банки? Потому что за годъ можетъ, ахъ, какъ много измѣниться!

Богдосаровъ двинулъ кресломъ и всталъ.

— Я терпѣть не могу, когда у меня говорятъ о деньгахъ,—сказалъ онъ.—Будетъ.

Библиотека "Руниверс"

— Вы гдѣ остановились?—спросилъ Кункель и насторожился.

Ѳедя сказалъ, что у его отца «собственный» домъ, это елеемъ растеклось по сердцу Кункеля. Онъ посмотрѣлъ на часы.

— Вы въ четыре можете заѣхать въ ресторанъ «Бельмонтъ». Ровно въ четыре я васъ буду тамъ ждать. Осенью гораздо труднѣе доставать деньги, чѣмъ зимой. Послѣ праздниковъ легче.

— Не вѣрьте, все вретъ,—сказалъ хозяинъ и, пріотворивъ дверь въ коридоръ, сказалъ пробѣгавшему лакею:

— Теперь Нина Павловна можетъ войти. Я свободенъ.

— Я не вру,—обиженно сказалъ Кункель и постарался казаться, какъ можно болѣе важнымъ.—Теперь не то время. Капиталы сидятъ по щелямъ. Боятся ихъ тронуть, потому что не вѣрятъ въ будущее. Ваше дѣло,—обратился онъ точно мимоходомъ къ хозяину,—сдѣлано.

Богдосаровъ, начавшій ходить по комнатѣ, остановился.

— Сдѣлано? Молодцомъ!

— Я за этимъ и заѣхалъ къ вамъ. Я объяснилъ, что вы лично потому не обращаетесь, что ваше положеніе не позволяетъ вамъ размѣниваться...

Богдосаровъ сдвинулъ брови и сказалъ:

— Я думаю.

— Такъ что все устроено. Васъ ждутъ. Теперь вы можете ѣхать сами.

— Молодчинище этотъ Кункель,—обратился хозяинъ къ Ѳеденькѣ.—Онъ своей наглостью и развязностью, а особенно логикой и убѣдительностью—двигаетъ камни, какъ Орфей своей лирой. А вотъ идетъ и будущее свѣтило!..

Но будущее свѣтило остановилось въ дверяхъ и не вошло сразу.

XIV.

— Вы звали меня?

Въ отвѣтъ Богдосаровъ пригласилъ войти широкимъ жестомъ.

Это была гибкая, стройненькая дѣвушка съ длиннымъ продолговатымъ черепомъ и грудой золотистыхъ волосъ. Она точно сошла съ современной стильной картинки. Глаза и ногти у нея были продолговатые. Шея худенькая. Ушки—розовыя, должно быть, накрашенныя. Платье охватывало ея маленькое тоненькое тѣло, которое все напоминало мягкій хрящъ и гнулось во всѣ стороны. Удивительно, какъ ея головка держалась на гибкой, вихляющей во всѣ стороны бѣленькой шейкѣ. Золотой пухъ волосъ лился и съ боковъ и сзади широкими волнами, должно быть, душистыми. Отъ нея пахло сухимъ запахомъ какихъ-то странныхъ духовъ. И глаза ея такъ вдумчиво и печально смотрѣли, пока Ѳедя сжималъ ея тоненькіе, сухіе, холодные пальцы.

Библиотека "Руниверс"

— Будущее свѣтило!—повторилъ Богдосаровъ.

— Здравствуйте,—радостно сказалъ Кункель.—Я давно васъ не видѣлъ. Все заняты Ритой?

— Да,—пѣвуче отвѣтила она, и въ этомъ «да» было что-то общее съ тѣми звуками, что издаетъ говорящая кукла, когда нажмутъ ей грудку и она точно сквозь сонъ скажетъ «мама!»

— Работа наша двигается впередъ!—подтвердилъ Богдосаровъ.— Она какъ будто почувствовала что-то новое... Будто крыло чего-то вѣчнаго коснулось ея...

Она улыбнулась, празднично, радостно, точно получила отпущеніе отъ всѣхъ земныхъ грѣховъ, и сѣла въ кресло. Она сѣла такъ же гибко и воздушно, какъ вошла. Ея короткое платье выше половины икры показало ея тонкую ногу, обутую въ блѣдно-лиловый чулокъ.

— Въ одномъ еще она не убѣдилась, кажется,—продолжалъ Богдосаровъ, обращаясь къ Ѳедѣ:—что неодобренія публики и критики ничего не значатъ. Если считаться съ требованіями зрителей, тогда придется замерзнуть на одномъ мѣстѣ, какъ замерзли всѣ правительственные театры Европы. Чтобы удовлетворить критиковъ, надо, чтобъ они были или выше ея, или хотя бы на одномъ уровнѣ съ нею. Если же она будетъ стоять на скалѣ, въ ореолѣ сіяющаго облака, а они копошиться внизу, въ грязи,—какая же гармонія можетъ быть между ними?

— Я повѣрила въ это,—сказала она, откидываясь на спинку кресла и закладывая подъ затылокъ на половину обнаженныя худенькія ручки.—Но я говорю, что съ этимъ считается дирекція.

— И пусть считается.

— Если критика недовольна, нѣтъ сборовъ.

— И пусть!

— Дирекція не заключитъ болѣе контракта.

И пусть! Надо отрясти прахъ и уйти.

— А я этого не хочу.

— Вы, какъ орлица, направите свой полетъ къ солнцу.

Она капризно шевельнула головой.

— Это все слова!—сказала она.

— Я согласенъ съ Ниной Павловной,—заговорилъ Кункель.— Какой ей расчетъ уходить съ насиженнаго мѣста?

Богдосаровъ заложилъ руки въ карманы и поднялъ голову.

— Расчетъ! Мы говоримъ о томъ, что надо пересоздать театръ, а вы говорите о расчетѣ!

— Ужъ будто нельзя соединить одно съ другимъ? Небесное и земное? Вѣдь вы же гонораръ за свои высокія поэтическія мечты берете? Если ваши душистыя, перламутровыя грезы можно оцѣнять презрѣннымъ металломъ, почему же не можетъ быть оцѣнено ими и великое театральное искусство?

Библиотека "Руниверс"

Онъ взялъ шапку.

— Къ сожалѣнію, я долженъ прекратить эту интересную бесѣду,—сказалъ онъ.—Надо ѣхать по дѣламъ. Я на одну секунду заѣзжалъ. Такъ въ четыре, многоуважаемый Ѳедоръ Валерьяновичъ? Въ четыре мы увидимся.

XV.

Когда Богдосаровъ вышелъ въ темный коридоръ проводить Кункеля, Ѳедя остался съ госпожой Макароничъ глазъ на глазъ.

— У васъ утомленный видъ,—сказалъ онъ.

Она сидѣла, не мѣняя позы, и повела на него взглядомъ,

— Я плохо спала,—объяснила она, и по тону ея голоса видно было, что она не хочетъ поддерживать разговоръ. Но Ѳедя не унимался.

— Скоро у васъ идутъ «Бѣлые кони»?—спросилъ онъ.

— Не знаю. Развѣ у насъ знаетъ кто-нибудь?Такой базаръ въ театрѣ, всѣ галдятъ, а толку никакого.

Богдосаровъ вернулся.

— Онъ вамъ устроитъ,—сказалъ онъ едѣ.—Я ему сейчасъ еще разъ сказалъ. Онъ обѣщалъ. А если онъ обѣщаетъ, то и дѣлаетъ. Только дайте ему куртажъ, онъ этимъ живетъ.

— Вы говорили двѣсти?

— Дайте триста. Если вамъ нужны деньги, отчего же не дать?

— Это много. Я не гусарскій корнетъ.

— Совсѣмъ не много. Развѣ надо быть гусаромъ, чтобы платить куртажъ?

— У меня нѣтъ шальныхъ денегъ. То, что я получаю, я зарабатываю трудомъ.

Богдосаровъ посмотрѣлъ на него недовѣрчиво.

— Развѣ трудомъ?—спросилъ онъ.—Да вѣдь и Кункель тоже своимъ трудомъ зарабатываетъ. Видите, какая погода? А онъ надѣлъ резиновыя калоши на малиновой подкладкѣ и зашлепалъ по грязи, слякоти, а мы вотъ сидимъ здѣсь, въ сухой, теплой комнатѣ, въ обществѣ молодой красивой женщины.

«Молодая красивая женщина» сонно посмотрѣла на обоихъ мужчинъ и вытянула еще больше свои ноги: любуйтесь, молъ, и ноги у меня тоже красивы.

— А триста я ему все-таки не дамъ,—сказалъ Ѳедя.—Пусть у него на калошахъ малиновая подкладка, но то, что онъ дѣлаетъ, обычное маклерство, всякій факторъ сдѣлаетъ это дешевле.

Богдосаровъ состроилъ гримасу.

— Если бъ знали вы, до чего я не люблю деньги,—заговорилъ онъ.—Я стараюсь не касаться ихъ.

— Нѣтъ, я люблю новенькія бумажки,—вдругъ сказала Ма-

Библиотека "Руниверс"

кароничъ.—Отъ нихъ такъ ароматно пахнетъ. Я увѣрена, что въ краску кладутъ духи, оттого идетъ такой запахъ отъ нихъ.

Богдосаровъ такъ сморщился, точно запахло сѣрой. Онъ вообще любилъ паузы, любилъ смотрѣть на что-нибудь проникновеннымъ взглядомъ. И теперь онъ сѣлъ на стулъ, уперся руками въ колѣни и, какъ магнетизеръ, впился глазами въ Макароничъ.

— Чего вы уставились?—спросила она.

— Мечта, греза, символъ, сага... Развѣ она не похожа на старую норвежскую сагу? Развѣ это пушистое золото кудрей не напоминаетъ Лорелею Рейна? Ходячее воплощеніе полузабытыхъ сновъ, туманное дитя облачныхъ фантасмагорій, и вдругъ она любитъ деньги!

—Совсѣмъ я не мечта!—возразила она,—я самое реальное существо. Ужъ скорѣе вы—какой-то сверхъ-человѣкъ. Вы вообще, какъ птица небесная, не знаете, чѣмъ завтра будете питаться.

Онъ вдругъ усмѣхнулся.

— А вотъ денегъ у меня всегда много. Какъ-то невидимо посылается. Иногда не ждешь, и вдругъ онѣ откуда-то и посыплются и посыплются. Я никогда въ жизни не испытывалъ въ нихъ недостатка. Можетъ быть, это зависѣло отъ того, что я никогда не желалъ больше того, что у меня въ данную минуту было...

— Ну, а мы иногда, въ поѣздкѣ, голодали. Бывало случаи, что на одномъ чаѣ сидѣли,—смотря куда-то вдаль, проговорила Макароничъ.

Ѳедя посмотрѣлъ на ея тонкую, только-что сложившуюся фигуру, на бѣлую шею, на длинныя спокойныя рѣсницы и спросилъ:

— Неужели не нашлось никого, кто накормилъ бы васъ?

Она усмѣхнулась.

— Стоило свистнуть...

XVI.

Богдосаровъ всталъ со стула.

— Она хорошо усмѣхнулась!—сказалъ онъ.—Это хорошо для сцены. Усмѣшка горечи, презрѣнія и самосознанія, что она лучше и выше тѣхъ, что предлагали ее накормить.

— Ну, и какъ же вы?—спросилъ Ѳедя.—То есть я хочу спросить, какъ же вы... напитались?

— Получила по почтѣ деньги. Сейчасъ послали за ветчиной, колбасой, масломъ, хлѣбомъ, яблоками, мадерой. Мужчинамъ водку купили.

— И всѣ ѣли, и были сыты,—закончилъ Богдосаровъ,—всѣ были сыты и пьяны на ея деньги.

Она молчала. Ея носокъ туфли нервно шевелился, но лицо попрежнему было спокойно.

Библиотека "Руниверс"

— Васъ, Аксентій Филипповичъ, къ телефону просятъ,—проворковалъ лакей въ дверь.

— Знаю кто,—замѣтилъ Богдосаровъ и прошелъ мимо вѣжливо посторонившагося у открытой двери лакея.

— Онъ хорошій человѣкъ,—задумчиво сказала Макароничъ:—только похожъ не то на младенца, не то на пьянаго.

— А что?—поинтересовался Ѳедя.

— Все время витаетъ гдѣ-то въ облакахъ. Земля тѣсна для него. Все у него фантазіи. Онъ никакъ не можетъ примириться съ дѣйствительностью: вотъ это книга, это столъ, это пепельница. Для него бѣлое не бѣло, а можетъ быть, красно... Онъ говоритъ, что то, что кажется ему зеленымъ, другому кажется палевымъ и что поэтому на свѣтѣ нѣтъ ни зеленаго, ни палеваго, какъ нѣтъ на сценѣ актера, а есть только воспріятіе зрителемъ... Онъ говоритъ, что слѣпой слышитъ актера, а глухой его видитъ. А есть еще такіе зрители, которые не только видятъ и слышатъ, но и чувствуютъ совокупность... не помню ужъ чего... Онъ говоритъ, что только для нихъ надо играть...

— Вы что же щуритесь?—спросилъ Ѳедя.

— Чего я щурюсь? А вотъ видите—Богдосаровъ увѣренъ, что величайшіе актеры—маріонетки. Потому что они не кашляютъ, не болѣютъ, не обладаютъ темпераментомъ. Что живыхъ надо всѣхъ по боку и замѣнить ихъ куклами. Это будетъ символъ страстей... Онъ будутъ плакать, страдать—всегда одинаково...

— Я предпочитаю живыхъ.

— Живые, видите, недостаточно символичны. Онъ все время бьется надъ тѣмъ, чтобъ я не напоминала живую женщину. И когда я читаю роль неестественно и монотонно—онъ доволенъ. Вы слышали, какъ онъ читаетъ свои стихи?

— Слышалъ. Онъ ихъ какъ-то выпираетъ изъ себя.

— Онъ отвратительно читаетъ, и при томъ нараспѣвъ, какъ понамарь. Онъ думаетъ, что это хорошо, и потому требуетъ того же отъ другихъ. Я иногда, чтобъ не сердить его, читаю по его образцу.

— А на сценѣ будете читать иначе?

— Ну, конечно. Если читать по его системѣ и играть, какъ онъ совѣтуетъ, тогда тухлыми яйцами закидаютъ.

XVII.

Ѳедя посмотрѣлъ на часы. На улицѣ уже темнѣло, онъ собрался уходить.

— Онъ вамъ устроитъ,—повторилъ Богдосаровъ.—Только дайте ему триста, не скупитесь.

— Не дамъ,—отвѣтилъ Ѳедя.

Библиотека "Руниверс"

Въ послѣдній разъ передъ нимъ мелькнулъ силуэтъ золотистой головки на свѣтломъ четыреугольникѣ окна и скрылся за прикрытой дверью. Ѳедя почти ощупью спустился по темной лѣстницѣ и вышелъ на еще болѣе посѣрѣвшую улицу, съ огоньками, кое-гдѣ желтыми пятнами загорѣвшимися въ магазинахъ, съ извозчиками, точно спѣшившими довезти своихъ сѣдоковъ до мѣста назначенія, пока еще не наступила мгла. Если бы не конный стражникъ съ бьющей по боку лошади саблей, рысью проѣхавшій мимо, можно было бы подумать, что это не Москва, а какой-то бойкій торговый пунктъ за границей. Вонючій моторъ, дополняя сходство, съ ревомъ пронесся мимо куда-то подъ гору и за стеклами смутно мелькнули головы двухъ дамъ. Онъ началъ переходить улицу, прямо передъ магазиномъ портного, и прочелъ вывѣску: «для господъ военныхъ». «Почему для господъ?» подумалъ онъ, выбирая посуше мѣсто, куда бы ступить. Но было всюду мокро, и онъ сталъ шагать, уже не разбирая.

Въ залѣ ресторана онъ засталъ Кункеля, доѣдавшаго кусокъ бѣлужины съ хрѣномъ. Передъ нимъ стоялъ стаканъ, на половину наполненный пивомъ, и почти пустая бутылка.

— Великолѣпіе!—сказалъ онъ.—Видѣлъ я кое-кого и дѣло устроилъ. Сѣдайте. Будете ѣсть, пить?

— Нѣтъ не буду, разсказывайте.

— Ну, какъ хотите. А пиво здѣсь превосходное.

— Я не пью его.

— Пива?—изумился Кункель.—Вы не пьете пива?

— Какъ же дѣла?—перебилъ его Ѳедя.

— Тутъ маленькая загвоздочка.

Онъ неторопливо обвалялъ послѣдній кусокъ рыбицы въ хрѣнѣ и отправилъ его въ ротъ.

Ѳедя съ отвращеніемъ ждалъ, когда онъ прожуетъ и проглотитъ кусокъ.

— Видите,—заговорилъ Кункель:—сегодня вечеромъ, послѣ театра ужинаетъ здѣсь Самотекинъ. Я думаю, онъ дастъ. Но надо, чтобъ онъ зналъ, на что онъ даетъ.

— Вы хотите сказать: кому?

— Нѣтъ, я хочу сказать: на что.

Онъ вылилъ остатки пива въ стаканъ и придержалъ чистой вилкой пузырившуюся пѣну, собиравшуюся скользнуть на скатерть.

— Меценатъ такъ не дастъ, ужиномъ онъ покормитъ, особливо на виду у публики, по серединѣ зала, а денегъ не дастъ. Вы, конечно, извѣстны со стороны вашихъ убѣжденій, и это уже много, это огромный плюсъ. Но все-таки это не есть мотивъ, чтобы Самотекинъ далъ денегъ. Долженъ быть къ этому импульсъ.

«Ишь какія слова употребляетъ», подумалъ Ѳедя.

— Я думаю,—продолжалъ Кункель,—дѣло ваше выгоритъ,

Библиотека "Руниверс"

если меценатъ будетъ освѣдомленъ, что вы пріѣхали въ Москву читать лекцію.

— Лекцію?—изумился Ѳедя.

— Лекцію,—невозмутимо подтвердилъ его собесѣдникъ, тщательно вытирая салфеткой гладко выбритый подбородокъ и расправляя жесткіе усы, казавшійся сдѣланными изъ черныхъ проволокъ. Я придумаю заглавіе, потомъ подадимъ подробную программу...

— Но я никогда лекцій не читалъ...

— Всѣ читаютъ. Да вы ничѣмъ не рискуете. Мы такую программу дадимъ, что ее не разрѣшатъ. Но надо, повторяю, чтобы Самотекинъ увидѣлъ программу лекціи за вашей подписью. А я сумѣю такъ обставить дѣло, что онъ заинтересуется скандаломъ.

— Скандаломъ?

— Ну, конечно. Завтра уже будетъ въ газетахъ, что вы читаете лекцію, и завтра же ее запретятъ. Только надо устроить такъ, чтобъ деньги были получены до запрета. Самотекинъ звонъ любитъ, а тутъ звона будетъ много.

XVIII.

— Но вѣдь это обманъ?—спросилъ Ѳедя.

— Почему обманъ? Нисколько не обманъ. Коли вы всей душой, а вамъ воспрещаютъ.

— А если я не всей душей?

— Кто же это, кромѣ насъ двоихъ, знаетъ? Вы говорите: «обманъ». Все обманъ. Вся наша жизнь—обманъ. Какая-то фота-моргана, призраки. Обманъ, когда вы нанесли ущербъ ближнему. А въ данномъ случаѣ, какой же ущербъ вы наносите Самотекину? Вѣдь деньги, что вы отъ него берете, вы возвратите? Конечно, возвратите. Ужъ если говорить правду, вы много поспособствуете его репутаціи тѣмъ, что его деньги вамъ нужны, чтобъ читать лекцію...

— А вы не находите, что это гнусно?

— Не нахожу. Всѣ такъ дѣлаютъ. И Козликовъ, и Бжешевскій, и Морганъ, всѣ подъ разными предлогами брали у него деньги.

— Они брали?—удивился Ѳедя.

— Натурально, брали. Брали и не отдавали. Они вдобавокъ безъ векселей, а вы съ векселями. Теперь Самотекинъ мечтаетъ все свой о́рганъ въ Москвѣ основать.

— Какой о́рганъ?

— Толстый журналъ. Да его запугали. Сказали, что сразу нужно полтораста тысячъ. Онъ говоритъ: «на семьдесятъ пять рискну, а больше ни одного пфенига». Вы говорите—обманъ. Онъ вотъ полагаетъ, что его всѣ грабятъ. Какъ на большой дорогѣ грабятъ. Всѣ рвутъ, что могутъ. И кладетъ онъ на это семьдесятъ пять тысячъ, а больше не можетъ.

— Зачѣмъ же онъ кладетъ?

— Для рекламы.

Библиотека "Руниверс"

— Торговля пошатнулась.

— Ни-ни! Все у него въ замѣчательномъ порядкѣ. Пріобщаетъ барыши къ капиталу, а капиталъ у него, какъ онъ самъ называетъ, несгораемый, что выдѣленъ изъ дѣлъ. А журналъ ему затѣмъ нуженъ, чтобъ говоръ пошелъ. Прежде на монастыри жертвовали, потомъ на университеты,—теперь на движеніе впередъ. Абалдуевъ газету издаетъ, ну, и ему надо, чтобъ носъ утереть. Но только подешевле чтобъ вышло.

— Какая же ему надобность мнѣ давать?—спросилъ Ѳедя.

— Не говорите. Первое дѣло—вы петербуржецъ. А интересно петербуржца должникомъ имѣть. Ваша фамилія по его книгамъ прокатится. Опять же вашу лекцію запретятъ. Онъ сидѣть хмурый будетъ; коли спросятъ: «чего вы?» онъ только рукой махнетъ: «опять, молъ, мои тысячи затрещали...»

Онъ подозвалъ больше глазами, чѣмъ кивкомъ, лакея и показалъ, что на скатерти лежитъ золотой.

— Вы вотъ считаете то, что я предлагаю вамъ, обманомъ. А что дѣлается вокругъ ежедневно! Боже ты мой, что дѣлается! Какъ поѣдомъ ѣдятъ другъ друга! Кровь хлещетъ фонтаномъ, рѣками течетъ. Душатъ, зубами въ горло впиваются. Только бараны одни спокойно жуютъ траву, а не тащатъ куски съ общей трапезы. Вакханалія идетъ. Вы думаете, слезы не льются? И слезы льются. И стрѣляются, да еще записокъ не оставляютъ. Дѣти въ отцовъ стрѣляютъ, отцы дѣтей проклинаютъ...

— А вы міръ здѣшній хорошо знаете?

— Знаю. Среди волковъ вращаюсь, по-волчьи вою.

Ѳедя оглянулся вокругъ. Два брюхатыхъ бородача сидѣли невдалекѣ отъ нихъ за маленькимъ столомъ. Они о чемъ-то спорили, и тотъ, что сидѣлъ на красномъ бархатномъ диванѣ, отвалившись головой на спинку, смотрѣлъ въ потолокъ и все повторялъ:

— Да поди ты къ чорту,—сказалъ, что нѣтъ.

Ѳедѣ все было противно. Но еще противнѣе мысль, что надо ѣхать къ старикамъ. Обѣдъ онъ давно уже пропустилъ, и зналъ, что и отецъ и мать разсердились. Тѣмъ не менѣе, онъ рѣшилъ, что къ нимъ не поѣдетъ, а останется вотъ здѣсь, въ гостиницѣ, и пошлетъ къ нимъ за чемоданомъ. Онъ рѣшилъ это, потрогалъ, тутъ ли паспортъ, и рѣшилъ, что сейчасъ напишетъ матери записку и ляжетъ на спину на кровати, а его будутъ ждать и жена и старики, а онъ будетъ одинъ, и заснетъ часъ или два.

XIX.

И онъ написалъ записку и легъ, и смотрѣлъ, какъ свѣтъ отъ какого-то фонаря ложился на выбѣленный потолокъ. Онъ слышалъ, какъ, легко ступая по ковру, ходили по коридору, и смотрѣлъ въ

Библиотека "Руниверс"

неясную полутьму незнакомой комнаты. Онъ видѣлъ смутные контуры умывальника, зеркала, что висѣло надъ старымъ комодомъ и бокъ длиннаго шкапа, должно быть, только что покрытаго лакомъ, потому что въ комнатѣ пахло спиртомъ. Онъ чувствовалъ всю прелесть одиночества, зналъ, что никто не подозрѣваетъ даже, что онъ здѣсь,—особенно, что онъ далекъ отъ жены, къ которой привыкъ, противъ которой ничего не имѣлъ. Потомъ вдругъ онъ вспомнилъ про эту актрису съ золотыми волосами и сталъ ее сравнивать съ женою.

Въ сущности, денегъ ему не надо было. То есть, деньги всегда нужны, но необходимости въ нихъ сейчасъ не было. Но они почему-то на дняхъ рѣшили съ Sophie, что надо поѣхать въ Москву и привезти оттуда нѣсколько тысячъ. Это почему-то нужно, нужно во что бы то ни стало. И они поѣхали. Теперь онъ играетъ какую-то странную двусмысленную роль, будто что-то передергиваетъ. Ему не хотѣлось видѣть сейчасъ отца, потому что старикъ пристанетъ съ разспросами, какъ онъ устроилъ свои дѣла,—а онъ ихъ все еще не устроилъ...

А по коридору все ходили; актриса съ золотыми волосами что-то начала говорить про Богдосарова, и вагонъ рокоталъ своими колесами, и мысли путались въ его головѣ. Онъ открывалъ на половину глаза и видѣлъ часть зеркала и комодъ. Потомъ опять все заволакивалось туманомъ, и онъ не то говорилъ, не то думалъ:

— Все это не нужно и пошло...

Стукъ въ дверь разбудилъ его. Это принесли чемоданъ. Записки никакой не было. Это признакъ, что старики надулись. Часы показывали шесть. Онъ умылся, переодѣлся. Потомъ спустился внизъ, сѣлъ за тотъ же столикъ, гдѣ онъ сидѣлъ съ Кункелемъ, и пообѣдалъ. И обѣдать было ему пріятно одному,—молчать, читать московскія газеты и пить теплое красное вино. Зала была огромная, полутемная.

— У васъ всегда такъ мало народу?—спросилъ онъ у лакея.

Тотъ повелъ глазами вокругъ.

— Нѣтъ, это только сегодня,—сказалъ онъ.—А то бываетъ... У насъ ужинаютъ много...

— И Самотекинъ бываетъ?

— Всеволодъ Трифонычъ! Бываютъ, какъ же.

— И сегодня будетъ?

— Можетъ, и сегодня. Должно, сегодня будутъ. Дня четыре уже не были.

— Онъ пріѣзжаетъ въ двѣнадцать?

— Да-съ, послѣ театра. Съ ими всегда человѣкъ десять бываютъ.

Лакей говорилъ о Самотекинѣ съ уваженіемъ,—видимо, что счета въ трактирѣ на него составлялись большіе, и онъ былъ одинъ изъ почетныхъ посѣтителей.

Библиотека "Руниверс"

— А братецъ ихъ старшій, Никита Трифоновичъ, рѣдко теперь бываютъ. Они уѣхали на фабрику, тамъ что-то у нихъ разборка съ рабочими идетъ, и здѣсь одинъ оставшись Всеволодъ Трифоновидъ. Такъ вотъ...

Онъ не договорилъ,—въ сущности онъ не зналъ, чѣмъ закончить этотъ періодъ краснорѣчія. Да это было не нужно ни посѣтителю, ни ему.

— А рябчики у васъ прескверные!—сказалъ Ѳедя.

Лакей сдѣлалъ испуганное лицо.

— Неужели? А господа хвалятъ.

Ѳедя хотѣлъ сказать: «какіе господа!» но не сказалъ.

XX.

На улицахъ горѣли огни въ магазинахъ и дробились зигзагами на лужицахъ между камнями мостовой. Мокрые, иззябшіе прохожіе шли еще быстрѣе, чѣмъ днемъ. Тѣ, кто держалъ надъ собой зонтики, цѣплялись съ другими зонтиками встрѣчныхъ и про себя ругали тѣсные тротуары. Ѳедя влѣзъ въ дрожки извозчика; онѣ были совсѣмъ скрившіяся на бокъ,—точно не могли исправиться отъ какой-то давно случившейся съ ними катастрофы, и его потащилъ извозчикъ въ сырой мглѣ вдаль, между сновавшими трамваями и брызгавшими грязью ломовиками. Ѳедя опять чувствовалъ себя свободнымъ: подъ давленіемъ вѣчныхъ уговоровъ Sophie онъ привыкъ ходить пѣшкомъ, а теперь взялъ дорогой номеръ, заплатилъ четыре рубля за обѣдъ, ѣдетъ на извозчикѣ! Онъ даже засмѣялся. Когда онъ былъ мальчикомъ-подросткомъ—боялся отца. Студентомъ онъ не то что его боялся, но старался избѣгать тѣхъ сценъ, что были между нимъ и старикомъ, тѣмъ болѣе, что мать страдала и все умоляла его:

— Не серди ты отца, онъ такъ полонъ своей работой, а ты его еще раздражаешь.

И сестра тоже говорила ему:

— Охота тебѣ ссориться съ папой,—вотъ я никогда не ссорюсь.

И онъ возвращался домой ранѣе, чѣмъ ему хотѣлось, никогда не шелъ къ товарищамъ, когда нужно было,—онъ считалъ это уступкой отцу. Когда онъ женился, ему казалось, что зависимость его кончилась, и теперь онъ будетъ свободнымъ человѣкомъ и будетъ поступать, какъ захочетъ. Но одна гегемонія смѣнилась другой. Эта высокая, повидимому, хрупкая дѣвушка не торопясь забрала его въ руки, и онъ почувствовалъ надъ собою гнетъ еще большій, чѣмъ въ родительскомъ домѣ. Тамъ съ лѣтами онъ пересталъ отдавать отчетъ, куда идетъ и откуда приходитъ. Здѣсь же онъ обязанъ былъ разсказывать, куда и на сколько времени онъ отпра-

Библиотека "Руниверс"

вляется изъ дома; а когда возвращался, долженъ былъ докладывать, гдѣ былъ, кого видѣлъ, о чемъ говорили. Сначала это было скучно, но Sophie внушила ему, что иначе не можетъ и быть.

— Ты подумай, какъ же я не буду знать, гдѣ ты? Я всегда должна знать обо всемъ. Когда живутъ вмѣстѣ, всегда надо знать все другъ про друга. Вѣдь ты же долженъ знать, гдѣ я?

— Зачѣмъ?—удивлялся онъ.

— Какъ зачѣмъ? Затѣмъ, что это надо, что совмѣстная жизнь невозможна, если одинъ пойдетъ въ одну сторону, другой—въ другую.

И онъ повѣрилъ, что именно такъ надо, и сталъ говорить, куда онъ идетъ, и разсказывать по возвращеніи, кого онъ видѣлъ. Теперь, сидя на извозчикѣ, онъ понялъ, какъ это глупо. Вотъ сейчасъ онъ пріѣдетъ къ Вѣрочкѣ, кузинѣ Sophie, и начнутся упреки, почему онъ пріѣхалъ такъ поздно. А онъ скажетъ прямо:

— Я спалъ въ номерѣ и номеръ взялъ въ девять рублей, потому что хочу занять денегъ у какого-то купца.

И когда онъ, поднявшись на лифтѣ,—Москва въ послѣднее время обзавелась лифтами,—вошелъ въ будуаръ Вѣрочки, то увидѣлъ обѣихъ женщинъ полулежащихъ: Соню на кушеткѣ, а Вѣру на кретоновомъ диванѣ. Вѣра разсказывала что-то смѣшное, и обѣ хохотали.

— Гдѣ ты пропалъ?—спросила Соня.

— Обѣдать хотите?—спросила Вѣра.—Все ждетъ васъ, и все въ печкѣ.

Ѳедя сказалъ, что онъ обѣдалъ. Вѣра спустила ноги съ дивана и сказала, что это «свинство—обѣщать и не пріѣхать». Ждали его до пяти часовъ и сѣли обѣдать однѣ. Вѣра была барышня лѣтъ пятидесяти, трепаная, румяная. Она была всегда весела и довольна.

— Въ самомъ дѣлѣ не будете обѣдать?—переспросила она.—Такъ я пойду сказать, чтобъ не парили больше кушаньевъ.

XXI.

Покамѣстъ она ходила, Ѳедя разсказалъ женѣ, какъ онъ провелъ время.

— Зачѣмъ же ты взялъ номеръ?—спросила она.

— Для того, чтобы показать, что я не нуждаюсь въ деньгахъ. Если этотъ коммерсантъ зайдетъ ко мнѣ на минутку, увидитъ, какъ я живу. Да и поздно будетъ сегодня возвращаться къ моимъ. А ты здѣсь ночуешь?

— Конечно, здѣсь,—сказала Вѣра, появляясь въ дверяхъ.

— Поздравь ее,—сказала Sophie:—ты знаешь, она будетъ участвовать на художественной выставкѣ. Выставляетъ портретъ и nature morte.

Библиотека "Руниверс"

— А вы развѣ художница?—спросилъ Ѳедя.

— Никогда и не была ею. Въ институтѣ мы рисовали. Я изображала какого-то итальянскаго бандита акварелью. А вотъ въ прошломъ году со скуки купила мольбертъ и стала писать. Мужа у меня нѣтъ, дѣтей нѣтъ, даже кошекъ нѣтъ. Надо же что-нибудь дѣлать...

— За ней ухаживаетъ молодой декадентъ Коловратовъ. Онъ передъ обѣдомъ приходилъ, жаль, что ты не видѣлъ его.

Вѣра слегка покраснѣла.

— Ужъ и ухаживаетъ! Просто негдѣ обѣдать иногда, ну, онъ и приходитъ. Онъ премилый.

— Галстукъ палевый, отвороты воротничковъ огромные, пиджачокъ коротенькій, а волосы по плечамъ,—и на лицѣ такой пухъ пробивается,—объяснила Sophie.

— Теперь художники длинныхъ волосъ не носятъ,—замѣтилъ Ѳедя.

— Коловратовъ носитъ,—да всѣ здѣсь носятъ: и Лапидарскій, и Зѣвакинъ, и Финикіанцевъ,—всѣ длинноволосые. Я у нихъ иногда на собраніяхъ бываю. Они каждаго тринадцатаго числа собираются въ кабарэ «Разбитое корыто». Въ этотъ день публики не пускаютъ, и всѣ рисуютъ. Такъ человѣкъ двѣнадцать длинноволосыхъ.

— Что же они рисуютъ?

— Разное. Тутъ и кубисты, и пунктисты. Рисуютъ цвѣтокъ, а выходитъ лицо. Рисуютъ вазу,—а выходитъ собака. Я думала, что хуже меня нельзя писать,—анъ можно. И называется ихъ кружокъ «Пиковая девятка».

— Почему же пиковая?

— Надо же какъ-нибудь назвать. Есть бубновые валеты,—теперь будетъ пиковая девятка.

— Я тебѣ сейчасъ покажу работу Вѣры,—сказала Sophie и пошла куда-то вправо, гдѣ не былъ Ѳедя, откинувъ занавѣску, скрывавшую одностворчатую дверь.

— Такъ что вы веселитесь?—спросилъ Ѳедя.

— Веселюсь. Я старше ихъ всѣхъ, они у меня ручки цѣлуютъ, и зовутъ меня бабушкой, а я ихъ зову—мои дѣти. И дѣвицы есть между ними. Мнѣ не стыдно быть среди нихъ, потому что они еще хуже меня рисуютъ.

Соня притащила квадратный холстъ, гдѣ не по серединѣ, а въ углу справа пришлась голова какого-то господина съ деревяннымъ лицомъ и словно вырубленнымъ топоромъ носомъ.

— Онъ очень похожъ,—заявила Софи:—это и есть тотъ художникъ, что былъ сегодня.

— Коловратовъ,—подсказала Вѣра.

— А онъ не глупъ?—спросилъ Ѳедя.

Библиотека "Руниверс"

— Глупъ. Онъ еще недоразвился. Ему всего двадцать лѣтъ. У него мозги еще развиваются,—проговорила Вѣра.

— А онъ тоже пишетъ картины?

— Тоже. У него въ прошломъ году была картина: «Эмбріональный лепетъ весны».—Я подошла тоже къ картинѣ и спрашиваю: «Это воскрешеніе Лазаря?»—Онъ очень обидѣлся,—тутъ мы и познакомились. Потомъ онъ продалъ эту картину въ галерею Подоплекина.

— Я говорю,—сказала Софи:—что она непремѣнно должна продавать свои картины. Если находятся люди, что платятъ за нихъ деньги, то непремѣнно надо продавать. И чѣмъ больше ты назначишь цѣну, тѣмъ лучше. Тысячу рублей—такъ тысячу. Если найдутся...

— Идіоты,—подсказала Вѣра.

— Ну, если хочешь, идіоты, которымъ не жалко денегъ, которые не знаютъ имъ цѣны,—надо пользоваться этимъ. И чѣмъ бездарнѣе и глупѣе то, что они повѣсятъ себѣ на стѣну, тѣмъ лучше.

— Почему же лучше?

— А вотъ спроси у Ѳеди, онъ объяснитъ тебѣ лучше меня.

Вѣра обратилась къ Ѳедѣ.

— Ну, объясняйте, если согласны съ тѣмъ, что говоритъ Соня.

XXII.

— Я согласенъ,—подтвердилъ онъ.—Я согласенъ съ этой мыслью вотъ почему. Людей надо обманывать, если они не различаютъ, гдѣ правда, гдѣ обманъ. Ихъ надо водить за носъ. Теперь настало время переоцѣнокъ. Есть въ каждой странѣ кружокъ лицъ, которыя дѣйствительно знаютъ и понимаютъ цѣнность каждой вещи. Да они и прежде знали, и переоцѣнка нужна не для нихъ.

— Ну, дальше!—сердито сказала Вѣра, а Соня захохотала и стала постукивать башмачкомъ ко ковру. Такъ собака стучитъ по землѣ своимъ хвостомъ, когда радуется чему-нибудь, и пріятно ей лежать, и не зачѣмъ вставать.

— Это жрецы, что держатъ при себѣ ключи знанія,—продолжалъ Ѳедя.—Знаніе ихъ недоступно толпѣ, да и не нужно ей. Та муть, что поднялась со дна при общемъ броженіи, противна, но она, скрывая временно и то, что не слѣдовало бы скрывать, скрыла и тѣ наросты и наслоенія, что вредны и не нужны обществу и искусству. Вотъ почему мы поддерживаемъ эту муть. Мы ничего не говоримъ за нее, но ничего не говоримъ и противъ. Мы позволяемъ ей разрастаться.

У Вѣры на щекахъ проступили опять красныя пятна. Прическа ея совсѣмъ растрепалась, и хвостикъ длинныхъ, слегка сѣдѣющихъ волосъ выбился справа и рогомъ сталъ торчать въ сторону.

Библиотека "Руниверс"

— Чего ты сердишься?—улыбаясь спросила Соня.

— Ну, ну! потомъ скажу, теперь пускай онъ продолжаетъ.

— Какъ же показать толпѣ, что она на ложномъ пути? Надо потакать всему, что разрушаетъ прежніе идолы. Пусть это глупо, бездарно, нелѣпо,—но это дорого намъ потому, что не напоминаетъ стараго. Мы сами не восхищаемся кубистами, посмѣиваемся надъ футуристами, но у себя, въ своемъ кругѣ. Въ печати же мы говоримъ,—конечно, не подписывая своихъ именъ,—что они на правильной дорогѣ.

— Другими словами, морочите людей? Лжете?

— Зачѣмъ такое сильное выраженіе? Зачѣмъ такъ рѣзко? Мы во имя великой цѣли только умалчиваемъ объ истинномъ значеніи вещей, потому что знаніе это мѣшаетъ тому направленію, по которому должна итти толпа. Мы стѣснены, подавлены тѣмъ гнетомъ репрессій, что охватилъ насъ. Чтобы избавиться отъ этого гнета,—мы рѣшили вести игру навѣрняка. Когда нужно выставить застрѣльщиковъ, мы беремъ глупыхъ людей, и говоримъ, что они талантливы. Мы убѣждаемъ другихъ глупыхъ людей, что они должны платить и поддерживать новое искусство. И поэтому одни считаютъ себя меценатами, другіе—талантами. Меценатами считаютъ себя тѣ, что покупаютъ кубистовъ, издаютъ декадентскія книги, а талантами считаютъ себя тѣ футуристы, которымъ платятъ деньги за ихъ крошево.

Вѣра обратилась къ своей belle-soeur.

— И ты совѣтуешь мнѣ стать на одинъ уровень съ этими идіотами?

— А ты думаешь, они наивны? Они очень ловко обдѣлываютъ свои дѣла,—заявила Соня.—Я думаю, они и во снѣ не сознаются, что сами не вѣрятъ, что дѣлаютъ, а дѣлаютъ это потому, что за это получаютъ много.

— Еще того лучше! Ты хочешь, чтобъ я занялась такимъ же шарлатанствомъ, какъ они?

— Все это слова! Что такое шарлатанство?

— Это борьба за существованіе,—подтвердилъ Ѳедя.

— Мнѣ она не нужна. Во-первыхъ, у меня есть деньги, а, во-вторыхъ, я получаю отцовскую пенсію,—проговорила Вѣра.

«Вотъ у кого бы занять!—подумалъ Ѳедя, и обвелъ глазами комнату. Все было ново, прямо отъ обойщика. На столѣ висѣла большая картина, изображающая спѣлую рожь и мужика въ шапкѣ горшкомъ, ѣдущаго куда-то на телѣгѣ спиною къ зрителю. Картина была освѣщена рефлекторомъ, и висѣла еще у покойнаго генерала.

— Я ее очень люблю,—замѣтила Вѣра, увидя, что онъ пристально на нее смотритъ.

— Знаете, чѣмъ она плоха?—спросилъ Ѳедя.

— Скажите, буду знать.

Библиотека "Руниверс"

— Тѣмъ, что здѣсь слишкомъ сфотографирована природа. Все равно, за природой не угоняться. Лучше схватить общее, чѣмъ частности и детали. Онѣ не интересны и въ природѣ, а тѣмъ болѣе на картинѣ.

— А я вотъ двадцать лѣтъ смотрю, и рада, что у меня эта картина. Вотъ теперь за окномъ дождь, холодъ, а у меня лѣто,—и колосья шуршатъ, и васильки по бокамъ, и кашка.

— Вы не требовательны...

— Что же, это лучше?

Она показала на свою картину.

— Конечно, лучше.

— Подите вы! Если бъ я вамъ подарила обѣ,—вы Шишкина бы повѣсили, а меня велѣли бы вынести на чердакъ.

— Я бы не повѣсилъ ни ту, ни другую. Я не люблю картинъ, и ничего въ нихъ не понимаю.

XXIII.

— Это откровенно, по крайней мѣрѣ. Знаешь, я нахожу, что твой мужъ, Софи, сталъ грубъ и дерзокъ. Ты плохо его воспитываешь.

Софи засмѣялась.

— Ну, милая, если жены еще воспитывать своихъ мужей будутъ, то всѣ мужья сбѣгутъ отъ нихъ.

— Я думаю, твой Ѳеденька не сбѣжитъ.

— Ѳедя, ты не сбѣжишь?

— Не знаю. Думаю, нѣтъ. Я старъ уже, чтобы бѣгать. Потомъ вѣдь, если сбѣжать, надо найти лучше, а гдѣ же найдешь лучше?

— Браво! онъ комплименты говоритъ.

— Вотъ старики сердятся на насъ, что мы сегодня къ нимъ не заглянули...

— А Богъ съ ними, пускай сердятся!—перебила его жена.— Завтра можно увѣрить ихъ, что я внезапно заболѣла, что насъ переѣхали на улицѣ, или что у Вѣры пожаръ былъ.

— Нѣтъ, ужъ, пожалуйста, хоть меня оставьте въ покоѣ. Врите другъ на друга,—а что же третьяго путать...

Она повернула портретъ лицомъ къ стѣнѣ.

— Зачѣмъ ты эту гадость принесла сюда? — упрекнула она кузину.—Только комнату испортила.

— А знаешь, здѣсь удобно спать,—замѣтила Соня.

— Да я и сплю всегда здѣсь послѣ обѣда,—отвѣтила Вѣра.

— Вы развѣ спите? Впрочемъ, въ Москвѣ, кажется, всѣ спятъ.

— Всѣ. Послѣ обѣда даже, когда къ друзьямъ или роднымъ пріѣзжаютъ, всегда всхрапнутъ послѣ обѣда.

— Апоплексію наживаютъ?

Библиотека "Руниверс"

— Наживаютъ.

— А что же вы еще дѣлаете, Вѣра? Спите, рисуете, посѣщаете родныхъ?

— А вамъ чего же бы еще хотѣлось?

— Общественныхъ интересовъ, чтобъ они хоть немножко васъ захватили бы... Хоть однимъ краешкомъ.

— Подите вы, — какіе здѣсь общественные интересы! Нажива, обманъ,—вотъ и все. Всѣ изолгались до чертиковъ. Вы посмотрите, до чего всѣ желтые и зеленые. Всѣ силятся утопить другъ друга. Волчьими глазами смотрятъ да зубами щелкаютъ, нельзя ли до костей чьихъ-нибудь добраться.

— Ну, вы мрачно на все глядите.

— Поживете, увидите, что я права.

XXIV.

Когда Ѳедя сталъ уходить, онъ шепнулъ женѣ:

— Попроси у нея денегъ.

— Я такъ и думала, завтра же утромъ,—отвѣтила она.

Дождь прошелъ. Онъ отправился домой пѣшкомъ, и все думалъ: «А у этой дѣвицы, должно быть, деньжуръ много. Хорошо бы...»

Онъ пришелъ въ свою гостиницу: На доскѣ, гдѣ выставлены были имена пріѣзжающихъ, красовалась и его фамилія. Швейцаръ почему-то сказалъ ему:

— Ни писемъ, ни телеграммъ вамъ нѣтъ.

Да онъ и не ждалъ ихъ. По лѣстницѣ, уставленной тропическими растеніями, прошелъ онъ къ себѣ. Низенькій лакей съ черными усами «а вѣдь усатыхъ лакеевъ не должно быть въ хорошихъ гостиницахъ», подумалъ Ѳедя), увидавъ его, быстро пошелъ впередъ, сорвалъ откуда-то со стѣнки ключъ, отворилъ дверь его номера, открылъ электричество и, снимая съ него пальто, спросилъ:

— Желаете что-нибудь скушать, Ѳедоръ Валерьяновичъ?

«Откуда онъ знаетъ, какъ меня зовутъ? А, впрочемъ, онъ увидѣлъ въ паспортѣ»,—подумалъ Ѳедя.

— Погода у насъ мокрая,—продолжалъ съ соболѣзнованіемъ лакей:—но, говорятъ, и въ Петербургѣ не лучше?

— Не лучше,—отвѣтилъ Ѳедя.

Лакей проникся благородствомъ его тона, сказалъ, что сію минуту подастъ сифонъ содовой, и исчезъ. Ѳедя подошелъ къ зеркалу. Прическа его не испортилась, и попрежнему волосокъ лежалъ возлѣ волоска, словно смоченный гуммиарабикомъ. Часы показывали тридцать пять минутъ двѣнадцатаго: значитъ, театръ скоро кончится.

Онъ началъ ходить изъ угла въ уголъ. Три шага приходилось сдѣлать по дешевому ковру, постланному передъ диваномъ новаго

Библиотека "Руниверс"

стиля, Богъ вѣсть для чего предназначеннымъ, такъ какъ сидѣть на немъ даже такому тощему человѣку, какъ Ѳедя, было неудобно. На столѣ горѣла лампа подъ колпакомъ въ видѣ полушара, въ который были вставлены большія граненыя цвѣтныя стекляшки, долженствовавшія изобразить яхонты и изумруды. Съ потолка спускалась лампа необычайнаго стиля, но во всякомъ случаѣ изобличавшая въ своемъ творцѣ отсутствіе какого бы то ни было вкуса. Со стѣны смотрѣла картина, изображающая дѣвицу въ синемъ тюникѣ и розовой юбкѣ, гуляющую въ паркѣ, по берегу озера, какія бываютъ только на подносахъ, а въ прежнее время писались на табакеркахъ. За окнами во дворѣ было уже молчаніе, и болѣе половины оконъ были безъ огней: должно быть, жильцы полегли уже спать.

Въ дверь стукнули.

— Можно?—спросилъ Кункель, дѣлая пріятную физіономію.

Онъ вошелъ въ комнату и пожалъ руку Ѳеди.

— Ну, онъ здѣсь,—сказалъ онъ.—Его обхаживаетъ одинъ актерикъ: все навязываетъ ему театръ.

— Театръ?—удивился Ѳедя.—Зачѣмъ ему?

— А какъ же. Свѣтославскій имѣетъ свой,—ну, и ему надо.

— Такъ сегодня мое дѣло не выйдетъ?

— Оно уже кончено, почтеннѣйшій. Я и вексельный бланкъ привезъ. Напишите вексель на пять тысячъ... Пять, знаете, круглѣе какъ-то.

Онъ вынулъ изъ бумажника чистый вексельный листъ и бережно положилъ на столъ.

— Вы вѣдь умѣете заполнять текстъ? Пишите на годъ и прибавьте четыреста рублей процентовъ. Онъ всегда беретъ восемь. По нынѣшнимъ временамъ это немного.

— Да вѣдь вамъ еще надо...

— Ну, что объ этомъ говорить... Садитесь, пишите. Самотекинъ ужъ внизу въ залѣ. Я васъ познакомлю, вы ему документъ, а онъ вамъ требуемую сумму.

— Онъ съ собой возитъ?

— Не деньги, а чековую книжку... Пишите.

XXV.

Въ залѣ заливался уже оркестръ, и скрипки жалобно взвизгивали, а віолончель рыдала баритономъ. Посреди залы за столомъ сидѣло человѣкъ шесть, а столъ былъ накрытъ на десять «персонъ». Тутъ была какая-то молодая особа съ сильно подведенными глазами, жемчугами на шеѣ и великолѣпными обнаженными плечами. Возлѣ нея сидѣлъ толстый, среднихъ лѣтъ человѣкъ въ смокингѣ и отдувался: видимо, въ немъ еще переваривался позд-

Библиотека "Руниверс"

ній обѣдъ. Противъ него какой-то бритый господинъ съ широкими черными бровями что-то разсказывалъ и доказывалъ. Толстый уныло водилъ глазами по стѣнамъ и искалъ среди пріѣзжавшихъ знакомыхъ. Дама слушала господина внимательнѣе и, подперевъ щеку рукою въ длинной перчаткѣ, поигрывала пуховымъ вѣеромъ.

Кункель началъ знакомить компанію съ Ѳедей. Сперва подвелъ онъ его къ Самотекину. Самотекинъ слегка приподнялся, больше сдѣлалъ видъ, что приподнимается со стула, пожалъ безразлично руку Ѳеди и еще безразличнѣе скользнулъ по немъ взглядомъ.

— Анна Дмитріевна Фейчъ—Ѳедоръ Валерьяновичъ Палтусовъ,—продолжалъ Кункель, и Ѳедя почувствовалъ, какъ отъ барыни пахнетъ духами,—она по полуфлакона, должно быть, выливала на себя.

— Пендишъ,—рекомендовалъ Кункель бритаго.

Потомъ еще какъ-то назвалъ двоихъ, что сидѣли тутъ же. У одного была остренькая мышиная мордочка, но онъ старался держаться съ достоинствомъ и спокойно. Другой былъ отставной полковникъ съ большими усами. Онъ жевалъ хлѣбъ и представлялся, что внимательно слушаетъ Пендиша.

— Такимъ образомъ,—говорилъ Пендишъ:—я ручаюсь вамъ, что по истеченіи трехъ лѣтъ затраченный вами капиталъ начнетъ приносить проценты. Сначала небольшіе, пять-шесть,—но они съ каждымъ годомъ будутъ увеличиваться и могутъ дойти до сорока.

Онъ выкатилъ глаза и посмотрѣлъ на Самотекина, какое впечатлѣніе произвела на него эта цифра, но коммерсантъ остался такъ же равнодушенъ.

— Необходимость такого театра сознается сама собою и ясна, какъ дважды два четыре. До сихъ поръ мы видѣли аналитическій способъ постановки каждаго драматическаго произведенія. Театръ раскладывалъ пьесу на составныя части и, проштудировавъ ея анализъ, воплощалъ по очереди каждую ея составную часть. Отсюда то изобиліе мелочей, которое своей пестрядью заслоняло иногда основную идею произведенія...

— Человѣкъ!—громко сказалъ Самотекинъ.

Лакей подбѣжалъ и согнулся передъ нимъ, подставивъ ухо къ говорившему.

— Квасу!

— То, что я предлагаю,—продолжалъ Пендишъ:—основано на синтетической постановкѣ. Я дѣлаю синтезъ каждому произведенію и, выдвигая наиболѣе характерную часть его, предоставляю зрителямъ угадывать цѣлое. Каждый угадываетъ

Библиотека "Руниверс"

по-своему и дорисовываетъ намѣченное, какъ хочетъ. Такая постановка...

Самотекинъ показалъ Ѳедѣ на пустой стулъ возлѣ себя и жестомъ пригласилъ его пересѣсть. Кункель подтолкнулъ его, и онъ пересѣлъ.

XXVI.

Пендишъ говорилъ долго, убѣдительно и скучно. Самотекинъ хлопалъ глазами и ничего не отвѣчалъ. Когда Кункелю показалось, что Пендишъ кончилъ, онъ сказалъ:

— Вотъ, Всеволодъ Трифоновичъ, къ намъ въ Москву пріѣхалъ Ѳедоръ Валерьяновичъ, чтобы прочесть двѣ публичныхъ лекціи на тему о послѣднихъ мѣропріятіяхъ въ области министерства народнаго просвѣщенія и объ отношеніяхъ думы къ этому вопросу.

Ѳедя раскрылъ даже ротъ отъ изумленія. Темы тѣхъ лекцій, которыя онъ долженъ прочесть, впервые онъ узналъ.

— Завтра ужъ объ этихъ лекціяхъ будетъ въ газетахъ,—продолжалъ Кункель.—Конечно, и вы посѣтите ихъ...

При словѣ «въ газетахъ», Самотекинъ какъ-то вздрогнулъ и уставился на Кункеля.

— Ѳедоръ Валерьяновичъ,—продолжалъ тотъ:—извѣстенъ въ Петербургѣ своими идеями радикальнаго направленія. Москва еще мало его знаетъ. Но думаю, что его оцѣнитъ, какъ лектора.

Самотекинъ утвердительно кивнулъ головой: молъ, оцѣнитъ.

— Я думаю, аудиторія будетъ ломиться отъ желающихъ принять участіе въ дебатахъ послѣ лекціи. Впрочемъ, не думаю, чтобъ дебаты были разрѣшены.

Самотекинъ опять кивнулъ головою: дескать, ну, конечно, не будутъ.

— Во всякомъ случаѣ,—съ улыбкой продолжалъ Кункель:—во всякомъ случаѣ вы посѣтите...

Самотекинъ въ третій разъ кивнулъ головой и, увидя подходящаго Богдосарова, изобразилъ какое-то безпокойство на лицѣ.

— Амфитріонъ!—сказалъ Богдосаровъ и, взявъ руку дамы съ подведенными глазами, поцѣловалъ ее выше перчатки, тамъ, гдѣ розовѣла кожа возлѣ края короткаго рукава.

— Здравствуйте, Сильфида, ну, что, сегодня спать не хотите?

Ей стало смѣшно и весело. Она замахала вѣеромъ и закричала:

— Не хочу! не хочу!

— Ты что супишься?—спросилъ Богдосаровъ, трепля по плечу Самотекина.

Не дождавшись отвѣта, онъ здоровался дальше и, подойдя къ послѣднему Пендишу, сказалъ:

Библиотека "Руниверс"

— Ну-ка, пересядьте,—я хочу сѣсть рядомъ съ барыней.

Пендишъ покрутилъ головой.

— Можетъ, я самъ хочу?—проговорилъ онъ строго.

— Ну, а я раньше вашего захотѣлъ. Пересаживайтесь, пересаживайтесь. Вы и съ того стула можете обхаживать амфитріона.

— Что же квасу?—спросилъ амфитріонъ.

— Даютъ, Всеволодъ Трифоновичъ,—отозвался пробѣгавшій лакей.

— Но почему же я обхаживаю амфитріона?—не унимался Пендишъ.

— Это какіе дебаты не будутъ разрѣшены? О чемъ вы говорили?—спросилъ Богдосаровъ.

— О лекціи, что читаетъ Ѳедоръ Валерьяновичъ.

Богдосаровъ не безъ удивленія повернулъ голову къ Ѳедѣ.

— Развѣ вы читаете?—спросилъ онъ.

— О министерствѣ народнаго просвѣщенія... то есть о послѣднихъ запросахъ въ думѣ,—торопливо сказалъ Кункель.

Богдосаровъ вдругъ догадался.

— Хорошо придумано!—сказалъ онъ.

Ѳедя вспыхнулъ.

— Это еще не вполнѣ кончено,—началъ онъ.

— Отчего же,—тема хорошая. Галдѣть о ней будутъ и въ газетахъ, и въ обществахъ.

Самотекинъ опять шевельнулся при упоминаніи газетъ. Но въ это время подали квасу, онъ устремилъ все свое вниманіе на мутный напитокъ.

— Почему же я обхаживаю Всеволода Трифоновича?—опять спросилъ Пендишъ.

— Оттого, что оттого,—сказалъ Богдосаровъ.—Не знаю я, что ли, что вы его на театръ подбиваете.

— И подбиваю, и что жъ такое?

— А онъ уперся? Хорошо дѣлаешь: всю эту рухлядь пора по боку. Дай-ка мнѣ твоего квасу.

— Какъ вы можете пить эту гадость?—сморщившись, спросила Анна Дмитріевна.

— Бѣлой головки прикажете или кордонъ ружъ?—спросилъ ее лакей.

Она съ отвращеніемъ смотрѣла, какъ льется въ стаканъ густая, пѣнистая жидкость, и сказала:

— Да, кордонъ ружъ,—только какъ я люблю—не холоднаго.

— Съ полки-съ,—отвѣтилъ лакей.

— Почему же театръ—рухлядь?—запальчиво возразилъ Пендишъ.—Прогрессивный театръ съ строго-намѣченнымъ репертуаромъ—большое государственное дѣло.

— Ужъ и большое!

Библиотека "Руниверс"

— Конечно, большое. Только надо умѣло взяться. Разумѣется, первые три-четыре года дохода не будетъ,—надо будетъ пріучить публику. Надо, чтобъ она привыкла и къ залу, и къ труппѣ. Молодежь первое время слѣдуетъ пускать безплатно. Разумѣется, надо условиться, что никакіе знаки неодобренія отъ нея исходить не могутъ, а даже совсѣмъ напротивъ. Надо заручиться также прессой. Выяснить передъ представителями газетъ наше profession,—какія у насъ цѣли и куда мы стремимся. Созвать ихъ всѣхъ на маленькій конферансъ, угостить ужиномъ...

Самотекинъ отдувался послѣ кваса и ободрялъ говорившаго глазами.

— Если авторы скупаютъ на первыя представленія мѣста и раздаютъ безплатно, чтобы создать успѣхъ, если всюду на Западѣ имѣются правильно организованные кружки клакеровъ,—тѣмъ болѣе это необходимо для молодого дѣла. Мы должны указать, когда надо апплодировать, когда молчать. Въ Парижѣ удивительно искусно это организовано. Начинаетъ одинъ въ партерѣ, двое подхватываютъ наверху, потомъ начинаютъ хлопать въ боковой ложѣ, потомъ вдругъ пристаютъ къ нимъ...

— Фу, тоска какая!—сказалъ Богдосаровъ.—Бросьте это, противно слушать.

— Это странно, почему же это противно?—спросилъ Пендишъ.

— Потому что это къ искусству не относится,—отозвался Кункель.—А все, что къ искусству не относится, Богдосарову претитъ.

Лакей хлопнулъ пробкой и сталъ наливать въ стаканчикъ Аннѣ Дмитріевнѣ шампанское.

— Скоро?—спросилъ Самотекинъ.

— Сейчасъ подаемъ.

«Куда я попалъ?» подумалъ Ѳедя.

Въ залѣ было душно, пахло кушаньями—соями и «флитюромъ». Говорили громко, пили и пиво, и мадеру, и красное. Оркестръ заунывно стоналъ попрежнему. Какія-то барыни съ крупными брильянтами въ ушахъ проходили съ кавалерами мимо, и отъ нихъ вѣяло еще сыростью улицы. Они что-то смѣялись и весело о чемъ-то говорили.

«Плюнуть на все, сказать, что спать хочу, и пойти къ себѣ?»—разсуждалъ Ѳедя. Но перспектива пяти тысячъ пріятно рисовалась предъ нимъ.—Только за какимъ чортомъ я дамъ процентовъ четыреста рублей, да еще этому усатому надо дать двѣсти?.. Вѣдь, въ сущности, можно обойтись безъ этого займа... Но Кункель говоритъ, что нынче восемь процентовъ—самый умѣренный процентъ,—и надо воспользоваться такимъ кредитомъ... Онъ даже намекалъ, что онъ пристроитъ во всякое время на десять процентовъ этотъ же капиталъ, да еще съ обезпеченіемъ».

Библиотека "Руниверс"

И въ ту минуту, когда онъ рѣшилъ, что сейчасъ встанетъ и уйдетъ, передъ нимъ поставилъ лакей тарелку съ дымившейся стерлядью.

Пахло такъ хорошо лавровымъ листомъ и перцемъ, такъ заискрилось шампанское въ стаканѣ, такое оживленное, красное лицо было у Анны Дмитріевны, что онъ вмѣсто того, чтобъ отодвинуть стулъ, зацѣпилъ салфетку за воротъ рубашки и придвинулся ближе къ столу.

XXVIII.

Въ залѣ становилось все шумнѣе. Сигарный и папиросный дымъ волновался между купами растеній. Какой-то ноктюрнъ плакалъ и звенѣлъ серебряными колокольчиками. Ѣли неизбѣжный «филе» съ какимъ-то удивительнымъ саладомъ. Послѣ третьяго стакана Ѳедѣ стало легче, онъ рѣшилъ, что хорошо сдѣлалъ, оставшись здѣсь. Противъ него были какъ разъ часы. Было уже десять минутъ второго. Старики его давно спятъ да и жена съ Вѣрочкой тоже, вѣроятно, уже заснули. Но ему не хотѣлось спать,—онъ чувствовалъ себя молодо, бодро и сильно. Угарная атмосфера московскаго кабака теперь не была ему противна, какъ не противно было то, что онъ ѣстъ и пьетъ на деньги этого милліонера, у котораго такіе короткіе пальцы и такія волосатыя руки. И волосы у него желтые, какъ у котовъ.

Лысый господинъ съ сѣдой круглой татарской бородкой, въ синемъ короткомъ пиджакѣ, проходилъ спѣшно мимо. Увидя Самотекина, онъ пріостановился.

— Мнѣ сейчасъ по телефону сообщили, что Подопрѣева застрѣлилась,—сказалъ онъ.

Самотекинъ мотнулъ головой.

— Да ну?—проговорилъ онъ.

— Вотъ подишь ты! Сейчасъ туда ѣду. Фабрика у нихъ идетъ такъ, что завидки берутъ. А она вдругъ бацнула.

— Съ чего же?

— А чортъ знаетъ... Вотъ сейчасъ ѣду.

И онъ, не прощаясь, пошелъ дальше.

— Это какая Подопрѣева, большеглазая, полная?—спросилъ Богдосаровъ.

— Она самая!—отозвался Кункель.

— Молодая еще?

— Молодая.

— Сколько даромъ добра теперь пропадетъ.

— Наслѣдники найдутся.

— Нѣтъ, я о ней самой. Аппетитная бабица.

— Пусти, отдай,—закричала Анна Дмитріевна.

Библиотека "Руниверс"

Она двумя руками вырывала что-то у Самотекина и вырвала.

— Спрячьте, а то этотъ сумасшедшій на все способенъ,—сказала она Богдосарову.

Богдосаровъ взялъ въ руки карманный револьверъ съ перламутровой ручкой. Барабанъ и дуло были теплые, видно, что онъ лежалъ въ жилетномъ карманѣ.

— Подай-ка сюда,—сдвигая брови, сказалъ Самотекинъ.

— Не получишь. Я его себѣ присвоилъ.

— По какому праву?

— Ты себѣ другой купишь завтра.

— А если онъ мнѣ сейчасъ нуженъ?

— Врешь, не нуженъ.

— Ежели я сейчасъ застрѣлиться хочу?

— Вотъ потому-то я тебѣ и не дамъ.

— Тогда я ножомъ. Человѣкъ! Вели наточить мнѣ ножикъ.

Анна Дмитріевна положила свою руку на его рукавъ.

— Ну, будетъ. На сегодня не надо. Все шло хорошо,—и вдругъ такой на тебя нашелъ стихъ.

Онъ далъ щелчокъ по ея рукѣ.

— Брысь, не трогать меня!

Она обидѣлась и отняла руку.

Самотекинъ опустилъ голову и задумался. Какія-то пьяныя мысли, угарныя, пестрыя, толпились одна за другой и мѣшали ему сосредоточиться на чемъ-то важномъ. Онъ точно хотѣлъ поймать какую-то мысль, и не могъ,—что-то ускользало отъ него,—въ надувшіеся виски била кровь, точно просилась наружу.

XXIX.

«Зачѣмъ я сюда попалъ?» опять спросилъ у себя Ѳедя.

Онъ чувствовалъ, что опьянѣніе у него проходитъ, и опять понялъ, что дѣло его займа пропало невозвратно.

Анна Дмитріевна велѣла скорѣе давать гурьевскую кашу и кофе.

— На него иногда «накатитъ», и онъ будетъ колобродить до утра,—тихо сказала она Богдосарову.—Успокойте его и уговорите, чтобъ онъ домой ѣхалъ.

— Ты что ему шепчешь?—спросилъ ее Самотекинъ.

— Ничего я не шепчу.

Онъ ударилъ кулакомъ по столу. Ножи и рюмки зазвенѣли; одинъ стаканчикъ, что стоялъ противъ отставного капитана, опрокинулся и залилъ скатерть. Лакеи оглянулись на шумъ, и стали застилать чистыми салфетками мокрое пятно.

— Чего ты разъерепенился?—спросилъ Богдосаровъ и, подойдя къ Самотекину, взялъ его за плечи.

Библиотека "Руниверс"

— Пошелъ къ чорту!—двинувъ его локтемъ, сказалъ милліонеръ.

— Не пойду.

Онъ сѣлъ на услужливо подставленный стулъ.

— А вотъ, коли хочешь, провожу я тебя. Поѣдемъ домой. Ты разстроился внезапной смертью...

Самотекинъ посмотрѣлъ на Богдосарова кротко, бараньими глазами.

— Почему ты думаешь, что я разстроенъ?—спросилъ онъ.— Я ничуть не разстроенъ.

Онъ замоталъ во всѣ стороны головой.

— А только мерзость все—гнусность, фальшь,—слезливо заговорилъ онъ.—Все вокругъ скверно. Слизь какая-то. И ты слизь... Всѣ слизь... Хочешь за конецъ скатерть возьму и все стащу? Все на полъ брошу...

— И тятенька твой, и дѣдушка этимъ занимались,—ты новенькое что выдумай... Не то время.

— Не то время...—повторилъ Самотекинъ.—Летуны по небу летаютъ... Радій въ землѣ... Японцы... Балканскіе братья... Съ кружками мадемуазели въ коляскахъ ѣздятъ—собираютъ на фіалку...

Онъ задумался, точно что вспоминалъ. Потомъ опять ударилъ по столу кулакомъ и всталъ.

— Ѣду, одинъ ѣду...—сказалъ онъ, откидывая спустившуюся на лобъ прядь волосъ.—Ты сиди, я тебя не хочу больше видѣть. И ты, Анна, сиди тоже. Не желаю...

— Очень нужно...

— Тамъ нужно ли, не нужно...

Кункель всталъ.

— А мнѣ съ вами можно?

Самотекинъ посмотрѣлъ на него и, не отвѣчая, пошелъ къ дверямъ. Метръ д'отель ему поклонился и спросилъ:

— Что раненько уѣзжаете? Записать прикажете?

Когда Самотекину подали шубу и высокія калоши,—онъ любилъ тепло одѣваться,—Кункель оказался тоже возлѣ него и тщательно завертывалъ свою шею въ шелковую косынку. Къ подъѣзду ресторана подъѣхалъ автомобиль, прорѣзая свѣтомъ своихъ огненныхъ глазъ влажную тьму ночи. Придверникъ въ круглой шапкѣ съ павлиньями перьями помогъ Самотекину влѣзть въ карету. За нимъ вскарабкался Кункель. Самотекинъ покосился на него и ничего не сказалъ.

Моторъ двинулся и, оставляя за собой бензиновое облако пара, покатился по мокрой мостовой, пугая ревомъ ломхатыхъ взъерошенныхъ лошаденокъ ночныхъ извозчиковъ.

Библиотека "Руниверс"

XXX.

Ѳедя пришелъ въ номеръ въ скверномъ расположеніи духа. Его вексель положилъ въ карманъ Кункель и не отдалъ. Какъ и гдѣ его онъ завтра увидитъ? Купецъ уѣхалъ, ни съ кѣмъ не прощаясь. Анна Дмитріевна тоже ни съ кѣмъ не простилась. Вокругъ нея селезнемъ ходилъ Богдосаровъ, и у него раздувались ноздри, какъ у лошади. Онъ поѣхалъ ее провожать. И это Ѳедѣ было непріятно, потому что Ѳедя былъ моложе и свѣжѣе Богдосарова, а она была тоже молода и красива, и плечи у нея круглились такъ нѣжно и строго, что отвратительно было думать о томъ, что коротк1е красные пальцы Самотекина могутъ касаться до этихъ плечъ. Бритый Пендишъ, прощаясь съ Ѳедей, спросилъ:

— А вы какихъ взглядовъ на современный театръ?

— Никакихъ,—сказалъ Ѳедя.

— Однако теперь этотъ вопросъ у всѣхъ на очереди и всѣхъ волнуетъ?

— Я не люблю театра.

— И не бываете?

— Очень рѣдко.

— Странно!—удивился Пендишъ.

Скажи Ѳедя одно слово,—онъ еще остался бы въ залѣ и сталъ бы развивать передъ нимъ свою теорію постановки дѣла. Но Ѳедя простился и пошелъ наверхъ.

«Завтра, если дѣло съ купцомъ не покончу,—чего добраго онъ еще застрѣлится или удавится ночью,—придется серьезно говорить съ отцомъ. Надо весною мѣсяца на два уѣхать за границу. Надо встряхнуться отъ той затхлости и пыли, что наслоилась вокругъ. Достать денегъ, и ни о чемъ не думать. Прожить гдѣ-нибудь въ глуши Швейцаріи или на сѣверѣ Италіи,—тамъ за грошъ отдадутъ пустующую виллу. Глазъ на глазъ провести нѣсколько недѣль съ природой, смотрѣть въ голубое небо и видѣть въ немъ то безконечное, что есть и въ насъ... На время позабыть, что есть люди, московскіе рестораны, Богдосаровы, даже женщины съ круглыми плечами. Впрочемъ, плечи не идутъ диссонансомъ въ общей міровой симфоніи... Они дополняютъ...»

«А здѣсь, въ Москвѣ, еще болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, человѣкъ отгородился отъ природы. И не столько стѣнами, сколько фабриками, пьянствомъ и дѣлами. Все забыто,—забыто самое главное...»

«Разсуждалъ бы я такъ, если бы Самотекинъ далъ мнѣ деньги? Можетъ быть, я остался бы доволенъ и Москвою, и фабриками?.. А теперь я доволенъ только плечами этой барыни...»

Онъ заснулъ, не зная, который часъ. Когда онъ проснулся,

Библиотека "Руниверс"

неясныя, хмурыя сумерки разсвѣта били въ окно. Часы показывали девять.

Принесли письмо, написанное незнакомымъ почеркомъ. Онъ сорвалъ конвертъ. Оно было отъ Кункеля.

«Многоуважаемый Ѳедоръ Валерьяновичъ,—писалъ онъ:—вексель вашъ я передалъ Всеволоду Трифоновичу. Онъ выдалъ чекъ. Если вы въ двѣнадцать часовъ будете въ банкирской конторѣ «Робинзонъ и Комп.», то я вручу вамъ его, и вы немедля можете получить съ текущаго счета деньги. Если неудобно,—пошлите съ посланнымъ отвѣтъ. Отсутствіе отвѣта означаетъ ваше согласіе».

Ѳедя сѣлъ писать отвѣтъ, но онъ не помнилъ, какъ зовутъ Кункеля, и велѣлъ поэтому сказать на словахъ, что будетъ.

XXXI.

У Вѣрочки еще спали, когда онъ позвонилъ. Онъ просилъ разбудить жену и позвать ее въ гостиную. Въ гостиной все было какъ вчера вечеромъ,—и портретъ стоялъ повернутый къ стѣнкѣ, какъ вчера его поставила Вѣра. Только все было прибрано, и комната была полна яркимъ утреннимъ свѣтомъ. Изъ-за тучекъ даже выглянуло солнце, и блѣдно-золотистые четырехугольники его лучей легли на паркетъ, конецъ ковра и зацѣпили часть кушетки, на которой вчера дремала Софи. Рожь на картинѣ такъ же волновалась, какъ вчера, и отъ неба пышало тѣмъ же іюльскимъ жаромъ.

Софи вышла заспанная, улыбающаяся, еще теплая отъ постели, въ утреннемъ капотѣ.

— Мы поздно вчера заснули. Все говорили. Денегъ она обѣщала мнѣ дать,—прибавила она тихо.

— Чудесно. Знаешь, что я рѣшилъ? Мы сегодня же ѣдемъ обратно.

— Такъ скоро? Вѣдь мы хотѣли на недѣлю...

— Нѣтъ, сегодня же. У меня такой расчетъ. Я денегъ тоже досталъ.

— Умникъ!—похвалила жена и поцѣловала его въ щеку.

Онъ не сказалъ ей ни слова о процентахъ.

— А ты сколько берешь у Вѣры?—спросилъ онъ.

— Не знаю еще,—мы объ этомъ не говорили. Представь, у нея много расходовъ: она воспитываетъ на свой счетъ трехъ племянницъ. Потомъ, у нея есть нѣсколько бѣдныхъ родственниковъ, что живутъ на ея счетъ Я ей говорила: «зачѣмъ ты это?» Она отвѣчаетъ: «если я не буду заботиться,—кто же будетъ?»

Ѳедя удивился.

— Я никогда не слыхалъ, что у тебя есть здѣсь бѣдные родственники,—сказалъ онъ.

— Я про нихъ забыла совсѣмъ. Сергѣй Никитичъ Гридницынъ.

Библиотека "Руниверс"

Онъ служилъ гдѣ-то, потомъ вышелъ въ отставку безъ пенсіи, пятеро дѣтей.

— Почему же безъ пенсіи?

— Не поладилъ что-то съ начальствомъ.

— Не умѣлъ его за носъ водить? Начальство надо всегда водить за носъ.

— Софи,—послышался голосъ Вѣрочки изъ-за пріотворенной двери:—спроси мужа, не хочетъ ли онъ кофе?

— Спасибо, я сейчасъ уѣзжаю!—отозвался онъ, и опять обратился къ женѣ:

— И много она имъ даетъ?

— Много, потому что они живутъ на ея счетъ. Она и за квартиру платитъ, и одѣваетъ ихъ, и кормитъ, и подарки дарить дѣтямъ къ праздникамъ.

Онъ пожалъ плечами.

— Странная она! Ну, я иду по дѣламъ. А ты собирайся и пріѣзжай къ моимъ, тамъ увидимся. Скажемъ, что потому не были вчера, что ты заболѣла, и потому сегодня же мы уѣзжаемъ въ Петербургъ.

— Хорошо. У меня почки,—не забудь.

— А вчера сказалъ, кажется, легкія.

— И легкія. Все затронуто.

— Ну, все, такъ все. Я сказалъ, что слѣдуетъ везти тебя за границу, доктора посылаютъ.

— Если ты для этого возьмешь у стариковъ денегъ,—придется ѣхать.

— И поѣдемъ.

— Зачѣмъ? Только расходъ лишній.

— Ну, тамъ видно будетъ.

Они пошли въ прихожую. Она не звала горничной, чтобъ можно было свободнѣе говорить, помогла ему надѣть пальто и спросила:

— Такъ ты все устроилъ? Тогда, въ самомъ дѣлѣ, лучше домой. А то и тамъ и здѣсь расходъ.

XXXII.

Было ровно двѣнадцать часовъ, когда Ѳедя вошелъ въ банкирскую контору. На стѣнахъ висѣли вчерашніе биржевые бюллетени. Высокій попъ стоялъ предъ мѣдной рѣшеткой съ маленькимъ окошечкомъ и получалъ деньги за купоны, что стригъ внизу, въ отдѣленіи несгораемыхъ ящиковъ. Старушка съ мѣшкомъ, какого теперь нигдѣ и не купить, сердито что-то объяснялась съ молодымъ клеркомъ въ безукоризненномъ бѣльѣ. Заѣзжій ротмистръ нетерпѣливо дожидался конца какой-то операціи и стоялъ, широко разставивъ ноги въ узкихъ синихъ панталонахъ. Ѳедя прошелъ до конца залы и, не видя надписи о текущемъ счетѣ, спросилъ о немъ мимобѣгущаго ко-

Библиотека "Руниверс"

ротко стриженаго, въ куцой курткѣ мальчика. Тотъ показалъ ему свободный отъ бумагъ рукой на сосѣднюю комнату и альтомъ пропищалъ:

— Въ номеръ шестой.

Его манера напомнила ему вчерашняго лакея меблированнаго дома. Ѳедя пошелъ къ номеру шестому. Тамъ онъ увидѣлъ Кункеля. Онъ говорилъ съ какимъ-то сѣденькимъ старичкомъ въ старой лисьей шубѣ. Старичокъ имѣлъ видъ не то закладчика, не то антикварія. Увидя Ѳедю, Кункель съ дѣловымъ видомъ двинулся къ нему.

— Вы аккуратны,—похвалилъ онъ.—Впрочемъ, когда надо получить деньги, всѣ аккуратны.

Онъ не торопясь вытащилъ изъ кармана бумажникъ и досталъ чекъ.

— Получите,—сказалъ онъ.—Вотъ окошечко, вамъ сейчасъ выдадутъ.

Ѳедя подалъ сѣренькую бумажку толстому господину. Тотъ равнодушно посмотрѣлъ на цифру, равнодушно отмѣтилъ ее у себя въ толстой книгѣ и перебросилъ листокъ съ какой-то помѣткой сидѣвшему противъ него за конторкой юнцу. Юнецъ тоже что-то отмѣтилъ въ другой книгѣ и просунулъ чекъ въ сосѣднее отдѣленіе, гдѣ сидѣлъ бородатый артельщикъ въ очкахъ. Артельщикъ внимательно повертѣлъ чекъ, посмотрѣлъ на Ѳедю и спросилъ:

— Это вы по чеку Самотекина?

Тотъ сказалъ, что онъ.

— А сколько вы получаете?

— Развѣ тамъ не написано?

— Я грамотный, читать умѣю. Но я долженъ удостовѣриться, знаете ли вы.

— А я не знаю.

Кункель подошелъ.

— Чекъ на пять тысячъ, это я принесъ, здравствуйте. Вы имъ выдайте.

— У насъ такой порядокъ,—сердито пробормоталъ кассиръ:— потому я и спрашиваю.

— О лекціи подавать прошеніе не стоитъ,—сказалъ Кункель, когда Ѳедя, пересчитавъ деньги, положилъ ихъ въ карманъ.—Понапрасну только израсходуемся на марки. Самотекинъ и безъ того далъ. Вы, кажется, удивились вчера маленькому скандалу? Да вѣдь этимъ каждый день кончается.

— А вы когда же отъ него чекъ взяли?—спросилъ Ѳедя.

— Часовъ въ шесть утра. Мы сперва покатались вчера, вѣтеркомъ его пообдуло. Потомъ заѣхали къ Подопрѣевымъ. Она еще жива была, но швейцаръ говорилъ, что сегодня къ утру должна помереть. Потомъ къ нему поѣхали. Онъ совсѣмъ стихъ, дома поплакалъ,

Библиотека "Руниверс"

размякъ. Потомъ я далъ ему вашъ векселъ, онъ чекъ написалъ. Вотъ Пендишъ не знаетъ—онъ бы сегодня и на театральное предпріятіе отсыпалъ бы пеккуніевъ. А вы долго здѣсь остаетесь?

— Сегодня ѣдемъ.

— И супруга ваша ѣдетъ?

— И она.

— Я иду сейчасъ въ международное спальное общество. Хотите, на двѣнадцать часовъ ночи будутъ вамъ превосходныя мѣста? Я устрою,—меня тамъ хорошо знаютъ.

— Устройте,—проговорилъ Ѳедя.

Они вышли на улицу. Солнце играло не вывѣскахъ, на извозчикахъ и прохожихъ. Во всемъ было что-то праздничное. Или, быть можетъ, это казалось Ѳеди потому, что пять тысячъ лежало у него въ карманѣ.

— Смотрите,—онъ ѣдетъ, сказалъ Кункель и весело поклонился, взмахнувъ въ воздухѣ шляпой. Приподнялъ шляпу и Ѳедя: это ѣхалъ его новый кредиторъ, съ неподвижнымъ, замороженнымъ, опухлымъ лицомъ. Онъ кивнулъ имъ головой и лѣниво на половину приподнялъ руку къ шляпѣ.

XXXIII.

Ѳедя пошелъ пѣшкомъ къ своимъ старикамъ. Это былъ большой конецъ, но воздухъ былъ такъ мягокъ, настроеніе его духа было превосходное, и онъ, помахивая палочкой шелъ, по улицамъ, полузабытымъ имъ, кривымъ и разноцвѣтнымъ. Онъ вышелъ на бульвары. Деревья давно уже потеряли листву и стояли, точно съежившись, зябко протягивая свои обнаженные сучья навстрѣчу осеннему солнцу. Какіе-то школьники, съ мохнатыми ранцами за плечами, шли, весело визжа, домой,—ихъ почему-то сегодня рано распустили. Вдали рисовалась красная церковка съ сѣрой крышей и длиннымъ шпицемъ наверху. Косо срѣзанный по фундаменту-поднимавшейся въ гору мостовой, стоялъ какой-то барскій домъ съ вычурными вензелями на фронтонѣ и синей съ золотомъ вывѣской, объявлявшей, что тутъ помѣщается складъ какихъ-то машинъ. Наверху, въ комнатахъ, гдѣ когда-то обитали барышни, одѣвавшіяся въ кисейныя платья, съ рукавами буфами, и причесывавшія волосы кверху, съ черепаховой гребенкой на макушкѣ,—теперь помѣщалась, должно быть, бухгалтерія, и молодая дѣвушка въ черномъ платьѣ щелкала что-то на пишущей машинкѣ, упорно глядя на полосу бумаги, медленно выползавшую изъ-подъ валиковъ наружу. Березы, клены и липы перевѣшивались черезъ каменный заборъ на улицу и говорили, что въ Москвѣ еще много мѣста, и американецъ пришелъ бы въ ужасъ отъ такого непроизводительнаго расходованія земли.

Библиотека "Руниверс"

У дома отца онъ увидѣлъ новенькую надпись: «Домъ жены тайнаго совѣтника Палтусова».—«Развѣ отецъ тайный совѣтникъ? Не выдержалъ, объявилъ объ этомъ всѣмъ проходящимъ,—чтобъ больше уваженія было».

Онъ пошелъ по деревяннымъ мосткамъ черезъ дворъ. Должно быть, грудастая горничная увидѣла его въ окно, потому что распахнула дверь, когда еще поднимался онъ по ступенямъ, и ея бѣлый передникъ такъ и вспыхнулъ золотомъ на ворвавшемся въ темную переднюю солнечномъ лучѣ.

Софи что-то громко говорила въ столовой. По ея оживленному тону Ѳедя понялъ, что она поладила со стариками, и ему сдѣлалось еще веселѣе. Мать встала при его входѣ и начала цѣловать и въ щеки, и въ лобъ. А отецъ повернулъ только въ его сторону голову и сказалъ:

— А, наконецъ!

— Не могъ,—вчера дѣла задержали, да и Софи заболѣла.

— Не похоже.

— Что дѣла задержали?

— Нѣтъ, что она заболѣла. Она, по-моему, здоровѣе, чѣмъ всегда.

— Я такъ, папа, мучаюсь,—весело заговорила она:—такъ не сплю напролетъ всѣ ночи... А иногда мнѣ хорошо. Сегодня солнце,—мнѣ лучше. А если бъ вчера вечеромъ вы видѣли...

— Что же съ тобой было?

— Я даже не помню,—спросите Ѳедю.

Отецъ вопросительно посмотрѣлъ на сына.

— Боль, стѣсненіе.

— Гдѣ?

— Вотъ здѣсь въ груди.

— Это нервное.

— Можетъ быть, нервное.

— Астма?

— Нѣтъ, не астма. Но вообще она у меня нездорова.

XXXIV.

— Какъ въ Петербургѣ развинчивается у всѣхъ здоровье,—сказалъ Валерьянъ Ѳедоровичъ.—Люди вы молодые, живете въ довольствѣ. Съ чего же вдругъ въ эти годы она нажила болѣзнь?

— Нажила. Вѣроятно, совокупность причинъ.

— Почему же на насъ эта совокупность причинъ не дѣйствовала?

— Воспріимчивости въ васъ было меньше.

— Мы осторожнѣе были.

— Можетъ быть, и это. Можетъ быть, вы были воспитаны лучше, чѣмъ мы.

Старикъ скривилъ ротъ, чтобы показать, что онъ смѣется.

Библиотека "Руниверс"

— Слышишь?—спросилъ онъ жену:—мы же виноваты, не сумѣли ихъ, какъ надо, воспитать.

— А ужъ я, кажется, такъ...—начала Александра Игнатьевна.

— Нѣтъ, я-то здоровъ,—возразилъ Ѳедя:—а вотъ она... Ее очень кутали въ дѣтствѣ.

— Да, меня очень кутали. Оттого я и вышла такая слабая.

Старикъ искоса посмотрѣлъ на нее.

— Да, кожа да кости...

— Это теперь въ модѣ,—сказалъ Ѳедя.

— Въ кости играть?—грубо сказалъ отецъ.

— Что ты все фыркаешь?—спросилъ Ѳедя.

— А что жъ мнѣ не фыркать!

— Онъ цѣлые дни и безъ тебя такъ,—вставила Александра Игнатьевна.—Фрося, накрывай обѣдать. Сегодня-то ты будешь у насъ обѣдать, Ѳеденька?

— Буду, буду.

— То-то... Да неужто вы сегодня ѣдете?

— Всенепремѣнно. Дѣла не ждутъ. Да я и не сказалъ никому, что уѣзжаю.

— И врешь. Не спросившись, нельзя уѣхать,—замѣтилъ отецъ.

— Прежде было нельзя, а теперь можно. Это начальникъ долженъ мнѣ сказать, если онъ уѣзжаетъ куда,—а я ему нѣтъ.

— Пойдемте, накрывать будутъ на столъ,—сказала Александра Игнатьевна.—Ты, Софочка, больше чая не будешь?

— Какъ вы это можете передъ обѣдомъ чай пить?—спросила въ отвѣтъ Софочка и поднялась со своего стула.—Я, Ѳедя, все хозяйство съ мамочкой осмотрѣла. Ты знаешь, это очень хорошо—имѣть собственный домъ, огородъ, свое хозяйство: ты не можешь себѣ представить, сколько тутъ экономіи.

— Софочка во всѣ подробности входила,—радостно заявила мамочка.—Я не знала, что она такая хозяйственная. Только дворника не одобрила.

— Не одобрила, потому что, представь, онъ сорокъ рублей жалованья получаетъ! Сорокъ въ мѣсяцъ!

— Но вѣдь онъ и садовникъ и огородникъ. Вѣдь меньше тридцати хорошаго огородника и садовника не найдешь. А за десять рублей какого же дворника достанешь?

— Сорокъ рублей! Это ужасъ какъ дорого. Вѣдь это чиновники столько получаютъ.

— Такъ вѣдь онъ встаетъ въ пять часовъ. Весной столько у него работы: и парники, и фруктовый садъ, и огородъ,—говорила старуха.

— Но сорокъ рублей—это такъ дорого, такъ дорого!—стояла на своемъ Софи.—Вѣдь сорокъ рублей въ мѣсяцъ—это четыреста восемьдесятъ въ годъ.

Библиотека "Руниверс"

— Я еще его женѣ пять рублей плачу, чтобы она за птицей смотрѣла, дорожки ежедневно разметала, сарай въ чистотѣ держала, окна въ домѣ мыла.

Софи всплеснула руками.

— Это выйдетъ пятьсотъ сорокъ въ годъ!—сказала она.

XXXV.

За обѣдомъ она интересовалась всѣмъ: и тѣмъ, откуда посуда: прежняя ихъ, или отъ покойницы осталась вмѣстѣ съ домомъ? Почемъ въ Москвѣ осетрина, и во что обойдется осетровая солянка на двоихъ, если наваръ сдѣлать изъ ершей? Когда оказалось, что не меньше двухъ рублей,—она сказала:

— Нѣтъ, мы съ Ѳедей не можемъ такого расхода! Тогда обѣдъ рубля въ четыре вгонится.

— Да куда вамъ копить-то?—спросила Александра Игнатьевна.

— А если дѣти будутъ?—воскликнула Соня.

— Д-да!—протянула Александра Игнатьевна:—да вѣдь у васъ нѣтъ...

— А вдругъ будутъ?

— Если вдругъ! Бываетъ, конечно.

Ѳедя ѣлъ солянку и говорилъ:

— Такой въ трактирѣ у васъ не дадутъ.

— Только слава—московскіе трактиры!—ворчливо замѣтилъ старикъ.—Ихъ хвалятъ тѣ, кто дома, какъ свиньи, ѣдятъ. А кто хорошій столъ держитъ, тому въ кабакахъ все скверно.

Когда подали фаршированныхъ молодыхъ куръ, Софи спросила:

— Во что же, однако, вамъ курица обходится?

— А не считали. Вылупилась она изъ яйца у насъ въ курятникѣ, выкормилась во дворѣ. Ничего я, полагаю, она не стоила.

Софи положила въ ротъ кусочекъ и внимательно стала разжевывать.

— Такую курочку въ Петербургѣ меньше шести гривенъ не купить,—сказала она.—А вы, папа, совсѣмъ не кушаете?

— А я совсѣмъ не кушаю.

— Что такъ?

— Птицу не вкушаю. Вообще ничего теплокровнаго не ѣмъ,—такъ, изрѣдка телятину пожую.

— Значитъ, овощи у васъ все свои, мамочка?

— Все свои.

— Расчетливая у тебя жена, Ѳедя,—сказалъ старикъ, отваливаясь въ своихъ креслахъ:—и прежде была расчетлива, а теперь съ каждымъ годомъ все скупѣе дѣлается.

— Ну, такъ что же? Чѣмъ плохо?

Библиотека "Руниверс"

— Да ничего. А только скупымъ быть все равно, что мотомъ,— глупо.

— Ужъ и глупо! Мотомъ быть глупѣе!—воскликнула Софи.

— Не знаю. Будешь умирать, меня вспомнишь.

— Что именно вспомню?

— Вспоминать будешь, какъ жизнь прошла. Вотъ, молъ, отказывала всегда себѣ. И того хотѣлось и этого. А смерть пришла— и нѣтъ ничего. И взялъ бы теперь то да другое,—а ужъ поздно. Все равно помирать надо—а вспомнить нечего.

— А коли бы я была расточительной, такъ было что вспоминать?

— Сказала бы: пожито, попито, поѣдено,—а теперь и къ небытію пора.

— А вы въ небытіе вѣрите?

— Въ земное? вѣрю.

— То есть какъ это?—спросилъ сынъ.

— Для земли умершіе не существуютъ.

— А для міра вообще?

— Можетъ быть, гдѣ-то наши индивидуальности и есть. Не знаю гдѣ. Можетъ быть, не вѣчно, а временно. Можетъ быть, перевоплотятся въ другую форму... Да это все неинтересно и ненужно...

— Почему, папа, неинтересно и ненужно? А вотъ я очень интересуюсь будущей жизнью.

— Да интересуйся, Богъ съ тобой! Только будемъ лучше о курахъ говорить, а не о будущей жизни. О курахъ мы кое-что знаемъ, а будущая жизнь,—о ней ничего, кромѣ знака вопроса, намъ неизвѣстно.

— Но какъ вы чувствуете ее?

Валерьянъ Ѳедоровичъ бросилъ смятую салфетку на столъ.

— Ничего я не чувствую, сладкаго не ѣмъ,—а вотъ сейчасъ закурю сигару: я одну сигару въ день выкуриваю.

Онъ взялъ изъ ящика, поставленнаго возлѣ него горничной, сигару, обрѣзалъ ее маленькимъ ножомъ, что лежалъ тутъ же въ ящикѣ, и спросилъ сына:

— А ты вѣришь въ загробное существованіе?

Ѳедя отрицательно потрясъ головой.

— Совсѣмъ?

— Совсѣмъ.

XXXVI.

Послѣ обѣда старый профессоръ усѣлся въ своемъ угловомъ кабинетѣ въ глубокихъ, обитыхъ пестрой матеріей креслахъ и спросилъ сѣвшаго противъ него въ маленькое колесное креслицо Ѳедю:

— Ты въ будущую жизнь не вѣришь,—а деньги занимать сюда пріѣхалъ?

Библиотека "Руниверс"

— А чтобы занимать ихъ, развѣ надо вѣрить въ будущую жизнь?

— Во что же ты вѣришь?

— Въ эволюцію жизни.

— И ради этого живешь?

— Ради этого.

— И не скучно тебѣ, не противно жить?

— Да вѣдь тебѣ, отецъ, было не противно?

— Не обо мнѣ рѣчь: моя пѣсенка спѣта. Я сегодня ночь скверно спалъ, все о тебѣ думалъ. Я все не могу уяснить цѣли твоей жизни.

Ѳеду презрительно усмѣхнулся.

— Я самъ не могу уяснить себѣ ее. Я почему-то родился, почему-то выросъ. Выросъ сперва въ семьѣ, потомъ въ училищѣ, гдѣ ко мнѣ прививали всякій вздоръ, давали на три четверти ненужныя знанія.

— Что у насъ на три четверти даютъ ненужныхъ знаній—въ этомъ ты правъ.

— Зачѣмъ же вы способствовали, чтобъ мнѣ эти знанія привили? Зачѣмъ же вы совѣтовали мнѣ учиться?

— Чтобъ ты вошелъ въ общую колею. А затѣмъ,—ты самъ могъ избрать себѣ ту профессію, которая тебѣ наиболѣе по душѣ.

— Такой профессіи нѣтъ. Когда я кончилъ курсъ и оглянулся, я увидѣлъ, что всѣ люди притворяются. Наша жизнь—рядъ компромиссовъ. Женятся, берутъ каѳедры, министерскіе портфели,—все съ извѣстными компромиссами.—Что же мнѣ дѣлать,—не нами заведено это, не нами и кончится.

— И ты такъ женился?

— До нѣкоторой степени — да.

— И ты такъ служилъ и служишь?

— Такъ служилъ и служу. Я знаю, что моя дѣятельность безплодна, можетъ быть, вредна. По возможности я обезвреживаю ее. Прежде я приходилъ въ отчаяніе...

— Не думаю, чтобъ приходилъ. Презиралъ, да.

— Я и теперь презираю. Я презираю себя за то, что иду въ министерство, за то, что просматриваю нелѣпыя, никому ненужныя дѣла, отвѣчаю на нелѣпость нелѣпостью, вижу, что все это одно толченіе воды въ ступѣ, и самъ начинаю толочь, и толку съ остервенѣніемъ, со злобой и думаю: «Чѣмъ хуже, тѣмъ лучше».

— Для кого лучше?

— Скорѣй къ развязкѣ дѣло. Чѣмъ невыносимѣе скопится грозовая атмосфера, тѣмъ сильнѣе будетъ буря.

Старикъ молча курилъ. На щекѣ его дергался мускулъ.

— А ты зачѣмъ такъ гладко причесываешься?—спросилъ онъ.

Библиотека "Руниверс"

XXXVII.

Ѳедя не отвѣчалъ ему на этотъ вопросъ.

— Я вчера сказалъ вамъ,—продолжалъ онъ:—что вѣрю въ повтореніе революціи, да—я вѣрю въ нее, потому что вѣрю въ эволюцію духа. Вы вѣдь послѣ вчерашнихъ моихъ словъ думаете, что я революціонеръ, и что деньги мнѣ нужны на нелегальныя цѣли? Разочаруйся, отецъ,—совсѣмъ не то!

— Почему ты думаешь, что я очарованъ?

Ѳедя всталъ.

— Да, я революціонеръ, и хотя экспропріаціями не занимаюсь, винныхъ лавокъ не граблю, рабочихъ не подстрекаю,—но, быть можетъ, я болѣе революціонеръ, чѣмъ соціалисты. Я посѣваю всюду, гдѣ могу, недовольство. Я подсказываю глупыя мѣропріятія, гдѣ могу подсказывать, я вокругъ сѣю плевелы, которые вырастутъ въ такія тернія и волчцы, что имъ не обрадуются. Меня за мою честность и правдивость всѣ у насъ боятся...

— Фу, какой мерзавецъ!—воскликнулъ отецъ.

Ѳедя засмѣялся.

— Ну, вотъ и разница нашихъ воззрѣній. Ты считаешь мерзостью подобный образъ дѣйствій, а я считаю, что это единственный прямой путь къ правдѣ.

— А зачѣмъ же тебѣ деньги нужны?

— Софи больна.

— Она здорова.

— Мы съ ней поѣдемъ на три мѣсяца за границу, чтобы хотя немного встряхнуться, забыть то, что дѣлается вокругъ. Неужели тебѣ, отецъ, не кажется иногда, что все окружающее насъ тяжелый кошмаръ и надо отъ него проснуться.

— Мнѣ не просыпаться къ жизни, а умирать пора.

— А позади что? Въ пройденной тобой жизни?

— Длинный рядъ дней. Много силъ ушло на науку.

— Кому она нужна? Тебѣ?

— Ну, хотя бы мнѣ. Я любилъ свое дѣло.

— Хорошо, что хоть что-нибудь любилъ. Я ничего не люблю. Я вижу что люди копошатся, грызутъ, ссорятся, подставляютъ другъ другу ногу,—здѣсь, въ Москвѣ такъ же, какъ у насъ въ Петербургѣ. Для того, чтобъ забыться, пьютъ. Пьютъ и умираютъ отъ запоя. Хозяйства вездѣ разваливаются. Нѣтъ у насъ ни науки, ни открытій, ни правды, ни свободы...

— Насаждай правду, ты молодъ.

— А не лучше ли, отецъ, запалить все съ четырехъ концовъ, сложить все въ груду, облить бензиномъ и зажечь такой костеръ, чтобъ небу было жарко.

Библиотека "Руниверс"

Старикъ, сжавъ челюсти, смотрѣлъ на сына; онъ обнялъ колѣнку ноги, что лежала сверху на другой ногѣ, и все смотрѣлъ на него.

— Что ты смотришь такъ?—спросилъ Ѳедя.

XXXVIII.

— Ты деньги занялъ? Устроился совсѣмъ?—освѣдомился отецъ.—Скоро думаешь опять здѣсь быть?

— Не знаю.

— Я тебѣ вотъ что скажу. Не заѣзжай ко мнѣ, когда пріѣдешь опять.

Ѳедя сдвинулъ брови.

— Почему?

— Мнѣ не много осталось жить. Зачѣмъ я остатокъ своей жизни буду волноваться, бѣситься? Совсѣмъ лишнее. О чемъ намъ говорить съ тобой? Зачѣмъ видѣться? Весь вѣкъ меня считали прогрессистомъ, сторонникомъ положительной науки... Да что тутъ говорить... не стоитъ, неохота... Чѣмъ скорѣе ты уѣдешь, тѣмъ лучше.

— Мы можемъ хоть сейчасъ...

— Пожалуйста. Матери скажи, что дѣла у тебя, забирай свою Софочку и уѣзжай.

— Прощай, отецъ.

Старикъ протянулъ руку.

— Прощай. Коли нужно будетъ денегъ—напиши; если небольшая сумма—я дамъ.

— Спасибо.

— Матери вообще пиши, а меня уволь отъ своей корреспонденціи. Да и вообще, зачѣмъ тебѣ поддерживать со мной отношенія? Что я отецъ—эка невидаль!

— Все-таки...

— Все-таки отецъ? Но, мой милый, ты родился противъ моего желанія.

— Извините.

— Что дѣлать. Мы достаточно ясны другъ для друга. Ну, что насъ связываетъ? Скажи откровенно?

— Ничего.

— Ну, вотъ. И большинство дѣтей и родителей ничѣмъ не связаны, только не хватаетъ у нихъ силы воли сказать: мы чужіе. Ну, до свиданія. Вотъ и разстались. Провожать васъ я не пойду, Софочку позови сюда.

Софочка какъ разъ вошла въ это время.

— Мнѣ надо ѣхать, ѣдемъ вмѣстѣ,—сказалъ Ѳедя.—Я прощусь пойду съ мамой.

— Ѣдемъ,—сказала она и подошла къ старику.—Вы не въ духѣ, папа?—спросила она.

Библиотека "Руниверс"

Онъ взялъ ее за руку и посмотрѣлъ ей въ лицо.

— Ты довольна мужемъ?—спросилъ онъ.

— Ѳедя—идеальный человѣкъ,—отвѣтила она.

— Ну, и прекрасно. Коли онъ идеальный—ты счастлива. Ну, поѣзжай съ Богомъ.

Онъ прикоснулся своей жесткой бородой до ея мягкой щечки, дотронулся рукой до ея плеча и повторилъ:

— Ну, прощай, поѣзжайте съ Богомъ!

Онъ слышалъ, какъ издали долго раздавались смутные голоса, восклицанія, поцѣлуи. Должно быть, Фрося бѣгала за извозчикомъ, потому что шуршаніе колесъ раздалось подъ не вставленными еще окнами. Потомъ голоса раздались во дворѣ, потомъ колеса опять зашуршали.

Александра Игнатьевна вошла въ кабинетъ мужа съ красными глазами.

— У тебя вышло что съ Ѳедей?—спросила она.

Онъ усмѣхнулся, повелъ плечами и сказалъ:

— Съ чего ты взяла? Ничего не вышло!

XXXIX.

Въ номерѣ у себя Ѳедя нашелъ пакетъ. Лакей сказалъ:

— Еще въ четыре часа принесли.

Въ конвертѣ было что-то твердое. Онъ сорвалъ пакетъ. Тамъ была записка Куннеля: «Прилагаю билеты и квитанціи на купе. Безъ двадцати двѣнадцать увидимся: я буду на вокзалѣ».

«Даровыя мѣста, или надо заплатить?» подумалъ онъ и сбросилъ резиновый шнурокъ съ коленкороваго портфеля. Тамъ лежало два билета и большой листъ съ отмѣтками, сдѣланными чернилами. Лакей спросилъ, угодно ли ему воспользоваться экипажемъ отеля. Онъ сказалъ, что поѣдетъ на извозчикѣ.

Опять полилъ дождь, опять было темно и скверно. Онъ поднялъ воротникъ и съежился подъ убогимъ верхомъ пролетки. Извозчикъ былъ пьянъ и ѣхалъ, свирѣпо окрикивая прохожихъ, съ трудомъ выѣзжая изъ выемокъ рельсовъ на Мясницкой, подвертываясь подъ трамваи, сцѣпляясь съ другими извозчиками, такъ что Ѳедя сказалъ ему даже:

— Да тише ты, чортъ тебя подери!

Холодный дождь обжигалъ одну его щеку. Кафтанъ возницы сверху былъ совсѣмъ черный и, когда они проѣзжали мимо фонарей, блестѣлъ каплями, скатывавшимися на козлы. У Красныхъ воротъ они попали между двумя ѣхавшими съ разныхъ сторонъ вагонами. Кондуктора звонили, ругались, а извозчикъ не уступалъ имъ и ехидно кричалъ:

— Небось объѣхать не можешь? Только прямо прешь!

Библиотека "Руниверс"

Наконецъ зажелтѣлъ круглый дискъ часовъ на высокой башнѣ Николаевскаго вокзала. Они спустились въ оврагъ, потомъ поднялись кверху и подъѣхали къ освѣщенному зданію. Носильщикъ вытащилъ его мокрый чемоданъ, стоявшій у щитка козелъ, и объявилъ, что поѣздъ сію минуту поданъ.

Носильщикъ впереди, онъ сзади пошли на платформу. «Международный» вагонъ стоялъ вторымъ отъ конца и ярко горѣлъ изнутри лампочками и на столахъ и на стѣнахъ. Кункель встрѣтилъ его прежде, чѣмъ онъ дошелъ до поѣзда. Онъ сказалъ носильщику номеръ мѣстъ, куда снести чемоданъ.

— Ваша супруга съ кузиной ужъ тамъ.

— А вы съ ней знакомы?—удивился Ѳедя.

— Я сейчасъ познакомился. Что же было имъ ждать на воздухѣ? Я проводилъ ихъ въ купе. Пройдемте въ залу, здѣсь неудобно.

— Я хотѣлъ предупредить васъ,—продолжалъ онъ, когда они пошли,—о способѣ платежа Самотекину. Вы его больше не увидите, если сами не захотите. Но мѣсяца за три до срока вашъ векселъ будетъ учтенъ въ петербургскомъ отдѣленіи конторы Робинзона, и въ день срока вы туда и внесете деньги. На слѣдующій день, въ случаѣ невзноса, векселъ пойдетъ для протеста нотаріусу,—процедура обычная. Я только предупреждаю васъ, что вамъ ровно годъ не надо безпокоиться ни о чемъ.

Они прошли въ залу. Кункель сѣлъ къ столу и вынулъ записку, испещренную цифрами.

— Я долженъ вамъ за билеты,—сказалъ Ѳедя, подавая ему сторублевку.

— Я сейчасъ дамъ сдачи... Сколько тамъ? Шестьдесятъ рублей съ чѣмъ-то...

Онъ подвинулъ ему нѣсколько золотыхъ и серебро.

— Потомъ я вамъ еще долженъ комиссіонныя?—спросилъ Ѳедя.

Кункель издалъ какой-то звукъ.

— Сколько?

Онъ пожалъ плечами.

— Это ваше дѣло.

Ѳедя выложилъ двѣсти.

— Довольно?

— Все равно.

— По лицу вашему видно, что мало?

Ѳедя улыбался, Кункель хмурился и смотрѣлъ, сжавъ губы, на деньги.

«Дать ему еще сто?» подумалъ Ѳедя и вынулъ пятьдесятъ.

— Извольте,—сказалъ онъ и поднялся съ мѣста.

Кункель всталъ тоже, небрежно сунулъ въ карманъ деньги, сухо протянулъ руку и проговорилъ:

— Извините, я тороплюсь.

Библиотека "Руниверс"

Они разстались. Ѳедя пошелъ къ своему вагону, думая:

«Этакій скотъ,—двѣсти пятьдесятъ ему да четыреста процентовъ. Да потомъ эти купе, о которыхъ я его не просилъ. Скажу Сонѣ, что онъ устроилъ все это gratis.

XI.

По доскѣ, обитой ковромъ, вошелъ онъ въ вагонъ. Соня и Вѣра ждали его.

— Ну, слава Богу!—сказала Вѣра:—безъ пяти минутъ,—я уже хотѣла уходить.

— А къ намъ пріѣдете?—спросилъ онъ.

— Можетъ быть, на святки, если дѣла отпустятъ.

— Пріѣзжайте,—рады будемъ.

— А на выставку портретъ этого сосунка все-таки выставь,—сказала Софи.

— Подумаю,—ну, прощайте!

Онѣ звонко поцѣловались.

— Спасибо, что остановилась у меня.И въ другой разъ прямо ко мнѣ,—говорила Вѣра.

— И тебѣ спасибо. Главное—за деньги. Ты знаешь, Ѳедя, мнѣ она деньги дала?

— Неужели?—возможно болѣе искренне удивился Ѳедя.

— Не стоитъ объ этомъ говорить!—законфузилась дѣвица.

Проводникъ, вѣжливо держась подъ козырекъ кепи, предупредилъ ее, что сейчасъ второй звонокъ.

Дѣвица вышла и стала у окна, противъ двери въ купе кузины, Софи подошла къ двойному стеклу и начала кивать головой. Почему-то всѣ киваютъ изъ вагоновъ, киваютъ и тѣ, что стоятъ на платформѣ. Зазвенѣлъ послѣдній звонокъ, жандармъ предупредительно попросилъ быть подальше отъ вагоновъ,—и поѣздъ плавно, точно колеса и рельсы были смазаны саломъ, двинулся съ мѣста.

— Какъ пахнетъ здѣсь лакомъ,—замѣтила Софи.

— Весь вагонъ только что лакировали,—объявилъ проводникъ.

— А этотъ господинъ очень любезенъ,—сказала она:—это онъ досталъ намъ здѣсь мѣста?

— Онъ,—буркнулъ Ѳедя и отдалъ проводнику и билеты и квитанціи.

Она вошла въ свое купе, онъ въ свое. Тамъ онъ повѣсилъ пальто на вѣшалку и спросилъ жену:

— А много она дала.

— Двѣ.

— Тысячи?

— Не копейки же!

— А сколько процентовъ?

Библиотека "Руниверс"

— Никакихъ. Только она просила возвратить тѣми же билетами. Рентой.

— Значитъ, въ банкъ тебѣ надо платить восемь процентовъ за закладъ.

Sophie даже поблѣднѣла.

— Какъ восемь процентовъ?

— Такъ. Иначе, какъ заложивши, ты не можешь получить билеты обратно.

Она растерянно стала оправлять сбившуюся прическу.

— Тогда... тогда пусть такъ лежатъ на случай,—проговорила она.—Я ихъ реализировать не буду... Зачѣмъ? Неужели въ частныхъ рукахъ нельзя меньше процентовъ?...

У него мелькнула мысль: а не дать ли ей подъ обезпеченіе бумагъ двѣ тысячи изъ тѣхъ, что онъ получилъ,—процентовъ на шесть...

— Процентовъ шесть,—сквозь зубы сказалъ онъ.

— Больше четырехъ не дамъ. Да и то въ случаѣ нужды.

— Зачѣмъ тебѣ, у тебя есть деньги?

— Видишь ли. Сегодня я внимательно осмотрѣла и домъ, и хозяйство у твоихъ. Прямой расчетъ обзавестись такимъ имѣньемъ близъ Петербурга. Еще лучше—купить гдѣ-нибудь на Каменномъ островѣ домикъ. Квартиры въ Петербургѣ все дорожаютъ. Если завести своихъ куръ и хорошую корову,—такъ это будетъ прямой расчетъ. Только торопиться не надо.

— Зачѣмъ торопиться?

— Купить выгодно, съ долгомъ банку,—это большая экономія. Деньгами надо всего тысячъ десять... это я наберу.

— Ты у меня геніальная головка.

Онъ поцѣловалъ ее въ проборъ, тамъ гдѣ онъ начинался ото лба и гдѣ крутились маленькіе волоски.

— А теперь давай пить чай.

Онъ позвонилъ, надавивъ пуговку трещетки.

— А здѣсь не дорого?—спросила она.

Онъ лежалъ, вытянувшись подъ чистой простынею. Въ купе было темно, только мерцалъ придѣланный къ потолку фіолетовый ночникъ. Несмотря на равномѣрное встряхиванье вагона, ему не спалось. Черезъ годъ надо отдать эти пять тысячъ... Положимъ, годъ—большой срокъ, но вѣдь пяти тысячъ можетъ и не быть...

— Ты не спишь, Ѳедя?—спросила Sophie:—ты знаешь, почему выгодно имѣть свою корову?

Она сѣла къ нему на кровать и стала объяснять, бѣлѣя своей рубашкой, почему это выгодно. Онъ слышалъ ее сквозь сонъ. И вдругъ геніальная мысль пришла ему въ голову:

Библиотека "Руниверс"

«Старикъ заплатитъ самотекинскій долгъ. Я ему тогда напишу, что у меня нѣтъ денегъ... Не захочетъ же онъ, чтобъ документъ протестовали? Тѣмъ болѣе, что я благородно отказался отъ его предложенія и теперь у него денегъ не взялъ.»

— Ты спишь?—замѣтила Sophie и пошла къ себѣ, мечтая о будущемъ имѣніи.

«Я благородно отказался», смутно мелькало у него въ головѣ, и онъ сталъ засыпать такъ тихо, спокойно...

П. Гнѣдичъ.

Библиотека "Руниверс"

МОЯ СЛУЖБА ВЪ ТУРКЕСТАНСКОМЪ КРАѢ.

(1870—1910 г.г.).

XVII.

Уходъ изъ края барона Вревскаго.—Назначеніе генерала Духовского.—Моя первая съ нимъ встрѣча.—Возстаніе туземцевъ въ Андижанѣ и преждевременный выѣздъ Духовского въ Ташкентъ.

СЪ НАЗНАЧЕНІЕМЪ А. Н. Куропаткина военнымъ министромъ, всѣмъ стало ясно, что дни барона Вревскаго въ Туркестанѣ сочтены. И, дѣйствительно, вскорѣ онъ былъ вызванъ въ Петербургъ и послѣ перваго же пріема у Куропаткина объявилъ мнѣ, что въ край болѣе не вернется.

Очень тяжело было мнѣ разставаться съ этимъ благороднѣйшимъ и добрѣйшимъ человѣкомъ. Я предчувствовалъ, что въ замѣстителѣ барона не найду такого хорошаго человѣка. Дѣйствительность превзошла мои предчувствія. Вскорѣ состоялся приказъ о назначеніи на постъ генералъ-губернатора генерала Духовского, бывшаго въ то время пріамурскимъ генералъ-губернаторомъ и находившагося по дѣламъ службы въ Петербургѣ. Генералъ Духовской жилъ въ гостиницѣ «Грандъ Отель», и на другой день послѣ его назначенія я поѣхалъ къ нему представляться. Вмѣстѣ со мною поѣхали прибывшіе съ барономъ изъ Ташкента начальникъ окружнаго штаба генералъ Бѣлявскій и дѣлопроизводитель канцеляріи генералъ-губернатора Стеткевичъ (нынѣшній петербургскій почтъ-директоръ). Генералъ Духовской

Библиотека "Руниверс"

принялъ насъ довольно сухо и сразу повелъ такую рѣчь, обращенную спеціально ко мнѣ:

— Мнѣ предстоитъ прежде всего заняться разработкой реформы Туркестана, а потому мнѣ сейчасъ же нужны всевозможныя справки. Вы, г. Федоровъ, живете здѣсь уже два мѣсяца, и, конечно, смѣю думать, имѣете всѣ необходимыя мнѣ данныя.

— Имѣю,—отвѣтилъ я.

— Отлично. Потрудитесь же мнѣ сейчасъ же дать справку о численности и дислокаціи войскъ Закаспійской области.

Удивленный такимъ страннымъ вопросомъ, я отвѣтилъ, что такихъ свѣдѣній у меня нѣтъ да и не можетъ быть.

— Странно,—прогнусавилъ Духовской:—васъ на казенныя деньги послали въ Петербургъ, а вы черезъ два мѣсяца не имѣете самыхъ важныхъ свѣдѣній. Это, милостивый государь, непростительное ротозѣйство съ вашей стороны...

Я былъ до такой степени оскорбленъ этимъ выраженіемъ, что со мной сдѣлался тутъ же нервный припадокъ. Мнѣ дали холодной воды, и я скоро пришелъ въ себя. Духовской, видимо, сконфузился за свою грубость и уже болѣе мягкимъ тономъ началъ говорить, что я неправъ, не исполнивъ возложеннаго на меня Вревскимъ порученія. Тутъ вмѣшался генералъ Бѣлявскій, который сказалъ, что численность и дислокація войскъ—совсѣмъ не мое дѣло, что я командированъ по гражданскому управленію и что всѣ военныя справки можетъ представить онъ, какъ начальникъ штаба.

— Но вѣдь и г. Федоровъ служитъ въ штабѣ, потому что у него на плечахъ погоны...

— Да вѣдь все гражданское управленіе находится въ вѣдѣніи военнаго министерства,—отвѣтилъ Бѣлявскій.

— Ну, я этого не зналъ,—отвѣтилъ Духовской, и даже не извинился за дерзость.

Духовской былъ человѣкъ не глупый и, быть можетъ, въ свое время очень полезный, но когда онъ былъ назначенъ въ Туркестанъ, то это была уже развалина и въ умственномъ, и въ физическомъ отношеніяхъ. Непонятно, какъ могли назначить такую руину начальникомъ огромнаго края, къ которому только что присоединили еще двѣ области. Онъ былъ неспособенъ ни къ какому труду и, сваливъ все бремя управленія на вновь назначеннаго на только что учрежденную должность помощника генералъ-губернатора генерала Иванова, самъ буквально ничего не дѣлалъ, и или разъѣзжалъ съ большою помпой по краю, или проживалъ въ Петербургѣ, куда неоднократно выѣзжалъ, будто бы по дѣламъ службы.

Духовской предполагалъ прожить въ Петербургѣ до начала іюня, но неожиданно ему А. Н. Куропаткинъ предложилъ выѣхать немедленно въ край. Случилось это по слѣдующей причинѣ.

Библиотека "Руниверс"

Близъ гор. Андижана Ферганской области проживалъ одинъ туземецъ—мулла Магометъ-Хальфа, пользовавшійся между своими репутаціей святого. Онъ жилъ въ одной деревушкѣ, и къ нему стекались большія массы народа послушать его проповѣдей. Магометъ-Хальфа былъ фанатикъ въ полномъ смыслѣ этого слова и, конечно, ненавидѣлъ «проклятыхъ кяфировъ»—русскихъ, завладѣвшихъ мусульманской страной. Въ своихъ проповѣдяхъ онъ разжигалъ въ массѣ туземцевъ самый крайній фанатизмъ и ненависть къ русскимъ. Продолжалось это, вѣроятно, много времени, но уѣздный начальникъ, заваленный всегда массой непосильной работы и не имѣвшій достаточнаго числа приставовъ, которые могли бы слѣдить за населеніемъ на мѣстѣ, ничего не подозрѣвалъ, такъ какъ Хальфа считался вполнѣ мирнымъ и благонамѣреннымъ человѣкомъ по аттестаціямъ мѣстнаго волостного управителямусульманина. Но вотъ однажды на разсвѣтѣ, кажется, 24-го мая 1898 года огромная толпа туземцевъ подъ предводительствомъ Хальфы ворвалась въ лагерный баракъ мѣстнаго батальона и, пользуясь сномъ солдатъ, звѣрски перерѣзала больше двадцати человѣкъ. Крики несчастныхъ разбудили остальныхъ солдатъ, которые, не растерявшись, схватили ружья и открыли огонь по убійцамъ. Толпа моментально, какъ бараны, бросилась бѣжать, и порядокъ былъ возстановленъ. О намѣреніи буйной толпы двинуться на Андижанъ одинъ изъ уѣздныхъ начальниковъ случайно узналъ наканунѣ отъ своего переводчика и немедленно телеграфировалъ военному губернатору области генералу Повало-Швыйковскому. Послѣдній собирался на какой-то вечеръ, когда пришла эта телеграмма. Онъ, не прочитавъ, сунулъ ее въ карманъ и забылъ про нее, а прочиталъ, уже когда злодѣйское нападеніе состоялось. За такую непростительную небрежность Повало-Швыйковскій былъ немедленно уволенъ отъ службы, но, къ сожалѣнію, пострадали ни въ чемъ неповинные два уѣздныхъ начальника, безспорно самые выдающіеся въ краѣ по своимъ блестящимъ способностямъ и безукоризненной репутаціи: это полковники Коишевскій и Бряновъ. Ихъ А. Н. Куропаткинъ отчислилъ обоихъ въ запасъ. Впослѣдствіи, когда слѣдствіе выяснило во всѣхъ деталяхъ это ужасное дѣло, Коишевскій и Бряновъ были возстановлены въ должностяхъ, но тѣмъ не менѣе оба они болѣе года переносили несправедливое лишеніе.

Вслѣдствіе этого событія Духовской долженъ былъ немедленно выѣхать въ край и предложилъ мнѣ сопутствовать ему. Въ Петровскѣ, гдѣ мы пересаживались изъ вагоновъ на морской пароходъ, Духовскій отозвалъ меня въ сторону и сказалъ:

— Вы, конечно, не помните зла за неосторожное слово, вырвавшееся у меня во время вашего представленія. Я очень доволенъ вашими работами въ Петербургѣ, а потому разсчитываю, что и

Библиотека "Руниверс"

въ Ташкентѣ буду вами доволенъ. Теперь же я хочу просить васъ описывать все наше путешествіе, а главное—тщательно записывать мои рѣчи, которыя я буду говорить въ краѣ.

Такимъ образомъ, позднее раскаяніе обусловливалось желаніемъ имѣть меня репортеромъ. Все послѣдующее пребываніе Духовского въ краѣ доказало, что это былъ исключительно человѣкъ рекламы, и только одной рекламы.

Слѣдствіе объ андижанскихъ событіяхъ по Высочайшему повелѣнію было возложено на сыръ-дарьинскаго военнаго губернатора генерала Королькова, и по выясненіи всѣхъ обстоятельствъ дѣла всѣ главные виновные съ Хальфой во главѣ были казнены, а болѣе ста человѣкъ сосланы на каторжныя работы и на поселеніе. Кишлакъ (селеніе), въ которомъ жилъ Хальфа, и гдѣ было главное ядро заговорщиковъ, приказано было разрушить, сравнять съ землей, всѣхъ жителей, знавшихъ о задуманномъ злодѣйствѣ, выселить и всю полосу земли, по которой двигалась въ Андижанъ толпа бунтовщиковъ, отчудить въ пользу казны и отдать подъ устройство русскаго поселенія. Кромѣ этого, на все населеніе Ферганской области, которому также было извѣстно о замыслахъ Хальфы свергнуть русское правительство, была наложена контрибуція, кажется, въ триста тысячъ рублей, и деньги эти большей частью пошли на устройство русскаго поселенія, которое получило названіе «Русское Село».

Репрессія была, конечно, крута, но иначе нельзя было поступить, ибо мусульмане всякую снисходительность и милость трактуютъ, какъ слабость и трусость правительства. Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ, а въ Ферганской области, бывшей раньше очагомъ многихъ волненій и безпорядковъ, порядокъ ни разу не нарушался, и даже ужасное землетрясеніе, разрушившее весь Андижанъ, не вызвало никакихъ волненій въ населеніи.

XIX.

Характеристика генерала Духовского.—Его жена.—Назначеніе меня помощникомъ правителя канцеляріи.—Уходъ К. А. Несторовскаго.—Мой докладъ Духовскому о закрытіи кабаковъ.—Уходъ Духовского изъ края.

Какъ я уже упомянулъ выше, Духовской назначенъ былъ къ намъ совсѣмъ больнымъ. Руки его дрожали въ такой степени, что онъ долженъ былъ брать стаканъ съ водою обѣими руками. Онъ не способенъ былъ уже ни къ какому серьезному умственному труду. Съ нимъ пріѣхала его жена, еще довольно молодая и красивая женщина, но ее почти никто и никогда не видѣлъ, такъ какъ она вела уединенный образъ жизни и не выходила почти изъ своего будуара, гдѣ находилась въ обществѣ своей компаньонки, очень милой дѣвушки, и даже рѣдко показывалась за завтракомъ

Библиотека "Руниверс"

и за обѣдомъ. Въ Ташкентѣ, конечно, такой образъ жизни вызвалъ много толковъ, но я думаю, что всѣ эти толки имѣли характеръ праздной болтовни. Мнѣ кажется, что она просто не любила общества вообще, а ташкентское общество могло только усилить ея нелюдимость. Я о ней сохранилъ хорошую память уже по одному тому, что она не вмѣшивалась въ дѣла. Для глухой провинціи это огромная заслуга со стороны жены начальника края. Она, кажется, очень любила музыку и имѣла претензію на званіе писательницы. Имѣется изданная на ея счетъ толстая книга ея путешествій. Книга издана въ типографскомъ отношеніи превосходно. Относительно же внутреннихъ достоинствъ могу только пожелать, чтобы она больше не писала и не тратила денегъ на изданіе произведеній, напоминающихъ дневники институтокъ, лишенные интереса, таланта и какихъ-либо литературныхъ достоинствъ.

Съ присоединеніемъ къ краю двухъ новыхъ областей военное министерство увеличило кредитъ на содержаніе главнаго управленія на десять тысячъ рублей. Благодаря этому, была сейчасъ же учреждена должность помощника управляющаго канцеляріей, на которую баронъ Вревскій назначилъ меня. Съ назначеніемъ Духовского управляющій канцеляріей Несторовскій заявилъ ему, что не желаетъ больше оставаться въ этой должности вслѣдствіе усталости и разстроеннаго здоровья. Заслуги Несторовскаго и его превосходное знакомство съ краемъ были хорошо извѣстны А. Н. Куропаткину, а потому онъ не далъ хода отставкѣ Несторовскаго, и прикомандировалъ его къ главному штабу, кажется, на три года съ сохраненіемъ всего содержанія.

Какъ прослужившій въ канцеляріи двадцать семь лѣтъ и занимавшій должность помощника управляющаго, я имѣлъ нѣкоторое основаніе разсчитывать на назначеніе на должность управляющаго. Несторовскій указывалъ Духовскому на меня, какъ на самаго подходящаго кандидата, но тутъ взяли верхъ какія-то постороннія вліянія, и управляющимъ канцеляріей былъ назначенъ чиновникъ особыхъ порученій Бродовскій, человѣкъ очень умный, образованный, хорошо знакомый съ краемъ, но совершенно незнакомый съ сложною машиной канцелярскаго дѣлопроизводства. Способный разработать какой угодно серьезный проектъ, написать прекрасную статью, Бродовскій рѣшительно не въ силахъ былъ разобраться въ сложныхъ и, главное, разнообразныхъ дѣлахъ главнаго управленія, ибо управляющій канцеляріей, какъ докладчикъ, долженъ быть всегда въ курсѣ самыхъ разнообразныхъ дѣлъ. Онъ долженъ быть энциклопедистомъ по дѣламъ края, а это достигается только долголѣтнею практикой, каковой Бродовскій не имѣлъ. По этимъ причинамъ, Бродовскій, занятый всегда какимъ-нибудь однимъ серьезнымъ дѣломъ, передалъ мнѣ почти всецѣло управленіе канцеляріей и доклады Духовскому.

Библиотека "Руниверс"

Эти доклады представляли для меня истинное Божеское наказаніе, потому что Духовской иногда не могъ понять самыхъ простыхъ вещей, и для его вразумленія ко мнѣ приходилъ на помощь помощникъ генералъ-губернатора генералъ Ивановъ, всегда присутствовавшій при докладахъ.

Чтобы не быть голословнымъ, опишу одну сцену, разыгравшуюся при моемъ докладѣ.

Военный губернаторъ Ферганской области, озабочиваясь ограниченіемъ пьянства, вошелъ къ генералъ-губернатору съ представленіемъ о разрѣшеніи закрывать по праздникамъ кабаки. Такъ какъ мѣра эта могла быть признана полезною для всего края, то предварительно доклада генералъ-губернатору этого ходатайства канцелярія снеслась съ прочими губернаторами края о томъ, не признаютъ ли и они цѣлесообразнымъ примѣнить это распоряженіе у себя. Отвѣты получились не одинаковые, и канцелярія составила сводъ мнѣній за и противъ. Оставалось доложить все дѣло генералъ-губернатору съ тѣмъ, чтобы онъ рѣшилъ, закрывать кабаки, или нѣтъ.

Все это я подробно доложилъ Духовскому въ присутствіи генерала Иванова.

Духовской терпѣливо выслушалъ меня, и вдругъ раздраженнымъ тономъ повелъ такую рѣчь:

— Меня удивляетъ, что вы такъ давно служите и не хотите понять, какую роль играетъ въ краѣ генералъ-губернаторъ. Я присланъ сюда государемъ императоромъ въ качествѣ его представителя, для верховнаго управленія, а вы... заставляете меня закрывать кабаки...

— Виноватъ, ваше превосходительство, вы, вѣроятно, не такъ поняли меня. Я докладывалъ вамъ...—и я снова повторилъ, что отъ генерала-губернатора требуется лишь указаніе, мнѣніе какого губернатора онъ признаетъ цѣлесообразнымъ.

— Я васъ очень хорошо понялъ и не нуждаюсь въ повтореніи; вторично заявляю вамъ, что я ставленникъ русскаго монарха, а не цѣловальникъ... Николай Александровичъ,—обратился онъ къ Иванову:—будьте хоть вы судьей въ этомъ дѣлѣ...

Генералъ Ивановъ, всегда непоколебимо спокойный и ровный, тихимъ голосомъ проговорилъ:

— Конечно, странно было бы возлагать на генералъ-губернатора обязанности цѣловальника, и ваше превосходительство были совершенно правы, высказавъ эту мысль, но въ данномъ случаѣ весь вопросъ въ томъ, разрѣшите вы ли закрывать кабаки, или нѣтъ...

— Я это прекрасно понимаю, Николай Александровичъ, но повторяю, что цѣловальникомъ никогда не былъ и не буду. Прошу васъ, Георгій Павловичъ, перейти къ другому дѣлу, а съ этимъ страннымъ вопросомъ болѣе меня не безпокоить.

Можете судить положеніе докладчика у такого господина!

Библиотека "Руниверс"

Вскорѣ Духовской уѣхалъ въ Петербургъ, его мѣсто временно занялъ генералъ Ивановъ. Отправляясь къ нему съ докладомъ, я вынулъ изъ портфеля прежде всего злополучное дѣло о кабакахъ; Николай Александровичъ расхохотался, вспоминая сцену о цѣловальникѣ, и однимъ почеркомъ пера рѣшилъ дѣло.

Все недолговременное управленіе Духовского прошло въ его безпрестанныхъ поѣздкахъ по краю, причемъ мѣстная офиціальная газета была всегда заполнена описаніемъ этихъ поѣздокъ. Въ антрактахъ онъ уѣзжалъ въ Петербургъ и, возвращаясь, опять ѣхалъ по краю, и опять столбцы газеты наполнялись хвалебными описаніями встрѣчъ и радости населенія по поводу лицезрѣнія начальства. Болѣе безцвѣтнаго генералъ-губернатора трудно было себѣ представить.

Въ одно изъ своихъ кратковременныхъ пребываній въ Ташкентѣ Духовской поѣхалъ кататься по городу. На улицѣ, противъ тюрьмы экипажъ его опрокинулся, Духовской вывалился и сильно ушибъ себѣ ногу. Послѣ этого онъ уже окончательно былъ потерянъ для власти и вскорѣ оставилъ службу въ краѣ.

Повторяю, что Духовской былъ очень умный человѣкъ, и когда былъ здоровъ и не дряхлъ, то былъ очень виднымъ дѣятелемъ. Извѣстно, что, будучи пріамурскимъ генералъ-губернаторомъ, онъ былъ очень энергиченъ и своею дѣятельностью принесъ краю много пользы. Когда въ комитетѣ Сибирской желѣзной дороги обсуждалось направленіе этой линіи отъ восточнаго берега Байкальскаго озера, то С. Ю. Витте, бывшій тогда министромъ финансовъ, настаивалъ на направленіи линіи черезъ китайскіе предѣлы. Никто не противорѣчилъ всесильному въ то время министру, и лишь Духовской энергично высказался противъ Витте, предсказавъ, что проведенная по проекту министра линія, при малѣйшемъ желаніи Китая, будетъ подвержена риску полнаго уничтоженія, и что въ устраненіе этого придется тратить громадныя суммы на охрану дороги. Витте возражалъ Духовскому, и большинство, конечно, комитета присоединилось къ мнѣнію Витте, а Духовскому осталось единственное утѣшеніе, что его протестъ былъ занесенъ въ журналъ комитета въ назиданіе потомству.

Китайская война доказала, какъ правъ былъ Духовской.

Свою карьеру Духовской долженъ былъ бы закончить въ 1898 г., когда онъ вернулся изъ Хабаровска; это было самое время надѣть халатъ, туфли и засѣсть въ вольтеровское кресло съ «Московскими Вѣдомостями» или «Русскимъ Инвалидомъ» въ рукахъ. Но вмѣсто почетной богадѣльни его послали управлять огромнымъ и совершенно незнакомымъ ему краемъ. У него не хватило гражданскаго мужества сознать, что его пѣсенка уже спѣта. Въ результатѣ—двухлѣтнее опереточное управленіе окраиной, надъ которымъ всѣ въ краѣ потѣшались.

Библиотека "Руниверс"

XX.

Назначеніе на постъ генералъ-губернатора генерала Н. А. Иванова.—Характеристика его.—Пріѣздъ въ Ташкентъ его съ женой.—Назначеніемъ меня управляющимъ канцеляріей генералъ-губернатора.

Никто не сомнѣвался, что замѣстителемъ Духовского будетъ назначенъ генералъ Н. А. Ивановъ. Чтобы было понятно, какую роль игралъ этотъ человѣкъ въ исторіи Туркестана, я позволю себѣ привести въ самыхъ краткихъ чертахъ его послужной списокъ.

Молодымъ офицеромъ оренбургской казачьей артиллеріи Ивановъ попалъ въ отрядъ генерала Черняева, съ которымъ и продѣлалъ всю экспедицію, закончившуюся взятіемъ Ташкента. Въ этомъ дѣлѣ Ивановъ выказалъ такіе подвиги личнаго мужества и храбрости, что по приговору кавалерской думы награжденъ былъ орденомъ св. Георгія четвертаго класса. Во время походной жизни онъ близко сошелся съ Абрамовымъ, составившимъ себѣ блестящую военную карьеру въ Средней Азіи, и когда послѣ занятія въ 1868 г. Самарканда Абрамовъ былъ назначенъ начальникомъ Зеравшанскаго округа, то онъ прежде всего пригласилъ къ себѣ правителемъ канцеляріи Н. А. Иванова.

Первые шаги Н. А. Иванова на гражданской службѣ убѣдили Кауфмана, обладавшаго способностью быстро распознавать людей, что офицеръ этотъ принадлежитъ къ безспорно выдающимся личностямъ. Когда вопросъ о хивинской экспедиціи былъ рѣшенъ, то Кауфманъ, формируя свой штабъ, прежде всего зачислилъ въ него Н. А. Иванова. Появленіе бѣлыхъ рубашекъ на берегу рѣки Аму-Дарьи безповоротно рѣшило судьбу Хивинскаго ханства. На правомъ берегу рѣки Аму-Дарьи образовалась новая русская область, Аму-Дарьинскій отдѣлъ, и Кауфманъ, уходя съ войсками обратно, ввѣрилъ интересы Россіи въ отдѣленной отъ насъ огромными степными пространствами области—Н. А. Иванову. Лучшаго выбора нельзя было сдѣлать. Новая область была совершенно изолирована; не было не только телеграфа, но даже почтоваго сообщенія. Всѣ сношенія производились черезъ конныхъ джигитовъ, которые разъ въ мѣсяцъ перевозили съ большимъ рискомъ казенные и частные пакеты.

При такихъ условіяхъ генералу Иванову предстояло организовать отдѣлъ въ гражданскомъ отношеніи, устраивать войска, поддерживать порядокъ и спокойствіе въ населеніи, и, держа въ сжовыхъ рукавицахъ хивинскаго хана, въ то же время не дать ему замѣтить, что онъ изъ гордаго, заносчиваго, самостоятельнаго владѣтеля понемногу превращается въ самаго заурядnаго уѣзднаго начальника.

Библиотека "Руниверс"

Чтобы успѣшно выполнить эту трудную задачу, нужно было быть человѣкомъ выдающихся способностей и таланта. Такимъ дѣйствительно былъ Н. А. Ивановъ. Это былъ человѣкъ огромнаго ума (говорю это безъ всякаго преувеличенія), сильной воли, энергичный, съ большою иниціативой, осторожный при выполненіи какихъ-либо реформъ, но смѣлый и рѣшительный, когда въ интересахъ дѣла нужно было проявить эти качества. Это былъ самый выдающійся сотрудникъ незабвеннаго К. П. Кауфмана; это былъ истинно русскій человѣкъ, вѣрный слуга Россіи и Государю, и послѣ Кауфмана имя его ярче всѣхъ блеститъ въ исторіи Туркестана.

Когда М. Д. Скобелевъ, бывшій военнымъ губернаторомъ Ферганской области, уѣхалъ въ дѣйствующую армію, то на его мѣсто былъ назначенъ изъ Самарканда генералъ Абрамовъ, а вмѣсто послѣдняго Кауфманъ назначилъ начальникомъ Зеравшанскаго округа Н. А. Иванова. Здѣсь, какъ и на Аму-Дарьѣ, Ивановъ съ первыхъ же шаговъ выказалъ во всемъ блескѣ свои административные таланты, и въ округѣ до сихъ поръ можно видѣть на каждомъ шагу результаты плодотворной дѣятельности этого выдающагося человѣка. Послѣ кончины К. П. Кауфмана, когда управлявшій канцеляріей генералъ-губернатора камергеръ Каблуковъ уѣхалъ надолго изъ Ташкента, то управлявшій краемъ генералъ Колпаковскій пригласилъ генерала Иванова временно управлять канцеляріей. Здѣсь уже я лично имѣлъ неоднократно возможность убѣдиться, какими блестящими способностями обладалъ этотъ человѣкъ.

Появленіе въ краѣ въ должности генералъ-губернатора М. Г. Черняева, начавшаго громить все кауфманское и разрушать все, что было создано первымъ генералъ-губернаторомъ, отшатнуло отъ него прежде всего генерала Абрамова, глубоко уважавшаго покойнаго Константина Петровича, и онъ вскорѣ уѣхалъ изъ края, принявъ въ Европейской Россіи дивизію. На освободившуюся вакансію ферганскаго губернатора Черняевъ, хорошо знавшій Н. А. Иванова, назначилъ его, и это было единственное распоряженіе Черняева, за которое ему можно простить многое.

Съ обычною энергіей Ивановъ приступилъ къ организаціи Ферганы, въ которой такъ нуждалась эта молодая область, еще недавно бывшая подъ управленіемъ деспота кокандскаго хана. Черняева замѣнилъ Розенбахъ, который по своему развитію стоялъ неизмѣримо ниже Иванова. Всегда прямолинейный, скорѣе образцовый полковой командиръ, чѣмъ генералъ-губернаторъ, Розенбахъ не сумѣлъ оцѣнить талантовъ Иванова, не могъ понять, какого выдающагося дѣятеля онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи, и не додумался, что такіе люди, какъ Ивановъ, должны быть цѣнимы. Розенбахъ не могъ понять, что Ивановъ, безпредѣльно преданный интересамъ Россіи на Востокѣ и хорошо знающій себѣ цѣну, не пойдетъ на компромиссы, разъ это идетъ въ разрѣзъ дѣлу, имъ отстаивае-

Библиотека "Руниверс"

мому. Между обоими этими лицами образовались натянутыя отношенія, и когда Н. А. Ивановъ убѣдился, что генералъ-губернаторъ вмѣсто ожидаемаго отъ него содѣйствія суетъ ему палки въ колеса, то онъ, не долго размышляя, бросилъ все и ушелъ въ отставку, еще

Николай Александровичъ Ивановъ. 1901—1903.

полный силъ и энергіи. Ровно десять лѣтъ прожилъ онъ въ отставкѣ въ Кіевѣ. Но вотъ насталъ 1898 годъ, когда край увеличился двумя огромными областями. Баронъ Вревскій долженъ былъ уйти на покой. Для управленія краемъ слѣдовало избрать человѣка энергичнаго, способнаго, нестараго, но Петербургъ остался вѣренъ

Библиотека "Руниверс"

самому себѣ. Благодаря какимъ-то вліяніямъ, на постъ генералъ-губернатора попалъ дряхлый и больной Духовской. Новый военный министръ А. Н. Куропаткинъ, помимо котораго состоялось, по слухамъ, это назначеніе, очевидно, хорошо понималъ, что Духовской не въ силахъ справиться съ возложеннымъ на него бременемъ. Служа въ Туркестанѣ при Кауфманѣ, Куропаткинъ хорошо зналъ Н. А. Иванова и, какъ очень умный человѣкъ, умѣлъ тогда еще оцѣнить выдающіяся способности Николая Александровича. Вслѣдъ за назначеніемъ Духовского онъ вызвалъ Иванова изъ Кіева и предложилъ ему должность помощника генералъ-губернатора съ тѣмъ, что, несомнѣнно, послѣ Духовского онъ займетъ его мѣсто. Ивановъ согласился. Вскорѣ онъ былъ вновь опредѣленъ на службу и прибылъ въ Ташкентъ въ качествѣ помощника генералъ-губернатора. Съ первыхъ же его шаговъ всѣ убѣдились, что фактическимъ начальникомъ края былъ Ивановъ, а не Духовской. Послѣдній, передавъ своему помощнику почти всѣ дѣла, оставилъ себѣ представительность, помпу, торжества и путешествія съ рекламами. Такъ продолжалось болѣе двухъ лѣтъ, пока Духовской самъ не убѣдился, что ему слѣдуетъ уйти, если онъ не хочетъ, чтобы ему дали объ этомъ понять изъ Петербурга. Наконецъ онъ ушелъ, и на его мѣсто назначенъ былъ Н. А. Ивановъ.

Какъ видите, Ивановъ прежде, чѣмъ стать главнымъ начальникомъ края, изучилъ до тонкости всю территорію Туркестана. Не было такого самаго захолустнаго угла, который не посѣтилъ бы Ивановъ, будучи начальникомъ Аму-Дарьинскаго отдѣла, начальникомъ Зеравшанскаго округа и военнымъ губернаторомъ Ферганской области. Его хорошо знало все туземное населеніе отъ дельты Аму-Дарьи до самыхъ крайнихъ предѣловъ Алая, Памира и зеравшанскихъ ледниковъ, и онъ хорошо зналъ всѣхъ и все. Ставъ во главѣ управленія, онъ сразу сдѣлался компетентнымъ руководителемъ по всѣмъ вопросамъ. Ему не нужно было ничему учиться, ни съ чѣмъ знакомиться. Это былъ вполнѣ подготовленный крупный государственный дѣятель. Ни одинъ изъ докладчиковъ не могъ сдѣлать ему неправильнаго доклада, потому что онъ самъ хорошо зналъ правду и рѣзко обрывалъ зарапортовавшагося чиновника.

Но онъ пріѣхалъ въ край уже съ надломленнымъ здоровьемъ. Какой-то невидимый внутренній недугъ подтачивалъ его силы. Тѣмъ не менѣе, вступивъ въ самостоятельное управленіе краемъ, онъ энергично принялся за дѣло. Съ нимъ пріѣхала его жена Лидія Ивановна, которая всецѣло отдалась дѣлу благотворенія. Это была рѣдкая въ наше время супружеская пара. Они искренно обожали другъ друга. Она ни на минуту не оставляла своего мужа, охраняя его отъ всего, что могло разстроить его здоровье. Она сопутствовала ему во всѣхъ поѣздкахъ по краю и, никогда и нигдѣ не вмѣшиваясь

Библиотека "Руниверс"

въ дѣла, играла скромную роль любящей жены, заботящейся о спокойствіи и комфортѣ мужа. Всегда привѣтливая, со всѣми одинаково ровная, радушная, внимательная, она пользовалась общею любовью и уваженіемъ. Всегда одинаково веселая и жизнерадостная, она часто незамѣтно сглаживала нѣкоторыя шероховатости въ обращеніи своего мужа, происходившія отъ болѣзненной нервности. Они оба были до такой степени просты въ обращеніи, что всякій бывавшій у нихъ забывалъ, что онъ въ домѣ могущественнаго генералъ-губернатора. Дѣятельность его по управленію краемъ, помимо его собственныхъ заслугъ, находилась въ особенно благопріятныхъ условіяхъ потому, что онъ всегда находилъ полную поддержку въ военномъ министрѣ А. Н. Куропаткинѣ, который высоко цѣнилъ блестящія способности Иванова и всѣми силами содѣйствовалъ проведенію въ законодательномъ порядкѣ различныхъ мѣръ къ развитію благосостоянія края.

Однимъ словомъ, все указывало, что для Туркестана насталъ золотой вѣкъ. Вскорѣ послѣ ухода Духовского ушелъ въ отставку и управляющій канцеляріей Бродовскій, и Ивановъ предложилъ это мѣсто мнѣ. Я, конечно, съ радостью принялъ это предложеніе, хотя сознавалъ, что съ такимъ генералъ-губернаторомъ, какъ Ивановъ, придется много и серьезно работать для того, чтобы оправдать его довѣріе. Назначеніе это, конечно, должно было вполнѣ удовлетворить меня, ибо, поступивъ изъ строя на самую маленькую должность, безъ всякихъ связей и протекцій, я добился выдающагося положенія и въ краѣ и въ главномъ управленіи.

Помощникомъ генералъ-губернатора Куропаткинъ избралъ почему-то совершенно незнакомаго Иванову генерала Маціевскаго. Это былъ совершенно неразвитой, хитрый, двуличный человѣкъ. Почему на немъ остановился выборъ Куропаткина—непонятно. Маціевскаго сразу не взлюбилъ Ивановъ, и сразу же не взлюбило и все общество. Неспособный ни къ чему, онъ всегда стремился лишь къ дешевой популярности. Но не могу не отдать ему справедливости, что впослѣдствіи, во время революціи и всеобщей правительственной растерянности, когда въ Ташкентѣ всѣ потеряли головы, а губернаторъ даже перешелъ жить въ военное собраніе подъ охрану войскъ, два человѣка остались на высотѣ своего положенія и выказали истинное гражданское мужество, это Маціевскій, командовавшій въ то время первымъ туркестанскимъ корпусомъ, и генералъ Сахаровъ, замѣстившій послѣ Маціевскаго должность помощника генералъ-губернатора.

Библиотека "Руниверс"

XXI.

Изданіе новаго положенія объ управленіи пятью областями края.—Пріѣздъ въ край военнаго министра А. Н. Куропаткина.—Моя поѣздка съ бухарскимъ эмиромъ въ Крымъ и на Кавказъ.—Переводчикъ Замапъ-бекъ-Шихалибековъ.—Охота за бухарскими орденами.—Изобрѣтатель мази для сапогъ.—Коробка отъ сардинокъ.

Первымъ актомъ дѣятельности Н. А. Иванова, какъ генералъ-губернатора, былъ пересмотръ всѣхъ трехъ положеній, которыми управлялись области края: туркестанскаго, степного и закаспійскаго. Назначенный въ распоряженіе начальника главнаго штаба тайный совѣтникъ Несторовскій былъ по просьбѣ Иванова командированъ въ Ташкентъ, и ему генералъ-губернаторъ ввѣрилъ предсѣдательствованіе въ комиссіи по пересмотру положеній и согласованію ихъ въ связи съ мѣстными условіями въ одинъ для всего края коренной законъ. Болѣе удачнаго выбора нельзя было сдѣлать, ибо Несторовскій былъ однимъ изъ лучшихъ знатоковъ края. Ближайшими сотрудниками Несторовскаго были назначены: выдающійся по своимъ блестящимъ способностямъ мой помощникъ по канцеляріи полковникъ Коишевскій и въ качествѣ редактора кодификаціонныхъ трудовъ комиссіи подполковникъ Геппенеръ, владѣвшій прекраснымъ литературнымъ стилемъ. Комиссія энергично принялась за дѣло, и черезъ восемь-девять мѣсяцевъ представила Иванову огромный печатный трудъ, состоящій изъ новаго положенія, объяснительной къ нему записки и сравнительнаго указателя всѣхъ статей положеній туркестанскаго и степного. Не откладывая дѣла въ дальній ящикъ, Ивановъ внесъ этотъ трудъ на разсмотрѣніе совѣта, который въ три мѣсяца закончилъ свою работу, и выработанный проектъ былъ представленъ военному министру въ 1902 году и, конечно, благополучно погребенъ въ какой-нибудь комиссіи, если не въ архивѣ.

При составленіи новаго положенія пришлось оставить in statu quo Закаспійскую область, ибо А. Н. Куропаткинъ, создавшій существующее положеніе объ управленіи этою областью, настоялъ, чтобы она сохранила свой режимъ еще по крайней мѣрѣ на пять лѣтъ. Зачѣмъ это потребовалось—не знаю, но требованіе военнаго министра должно было быть исполнено. Вообще въ дѣйствіяхъ А. Н. Куропаткина, какъ военнаго министра, по отношенію Закаспійской области замѣчалось много непонятнаго. Ставъ министромъ, онъ какъ будто сохранилъ за собою постъ начальника этой области. Имѣя въ рукахъ огромную армію съ многомилліоннымъ бюджетомъ, призванный государемъ, въ качествѣ молодого, энергичнаго и умнаго человѣка, оздоровить, освѣжить боевые элементы Россіи, Куропаткинъ долженъ былъ отдать всѣ свои силы на порученное ему великое дѣло. Между тѣмъ, начальники Закаспійской области, Боголю-

Библиотека "Руниверс"

бовъ, а затѣмъ Субботичъ, подчиненные съ 1898 года непосредственно туркестанскому генералъ-губернатору, видимо, игнорировали послѣдняго и со всѣми своими представленіями, касающимися интересовъ области, входили непосредственно къ военному министру. Трудно повѣрить, что военный министръ лично вмѣшивался даже въ такія ничтожныя дѣла, какъ перемѣщеніе уѣздныхъ начальниковъ и даже приставовъ. Такой ненормальный порядокъ, конечно, порождалъ массу недоразумѣній, но Ивановъ, при всей своей самостоятельности, не въ силахъ былъ сломить упрямство своего непосредственнаго начальника—военнаго министра, вслѣдствіе чего отношенія его къ Закаспійской области въ то время было чрезвычайно странныя. Ненормальность эта доходила до того, что, напримѣръ, когда Ивановъ поѣхалъ изъ Ташкента осмотрѣть крѣпость Кушку, расположенную въ Закаспійской области, то начальникъ послѣдней Боголюбовъ даже не выѣхалъ встрѣтить генералъ-губернатора ни въ Чарджуй, ни въ Мервъ, ни въ Кушку. Но помимо, такъ сказать, административнаго вмѣшательства въ дѣла области, А. Н. Куропаткинъ проявлялъ оригинальную щедрость на потребности области. Въ распоряженіи военнаго министра имѣется особый фондъ для чрезвычайныхъ нуждъ арміи. Я не помню, какъ назывался этотъ фондъ, но знаю, что при Ванновскомъ этотъ фондъ очень оберегался и понемногу нарасталъ. Куропаткинъ сталъ довольно щедро расходовать средства этого фонда, и я ничего не считалъ бы себя въ правѣ возразить, если бы деньги расходовались по прямому назначенію. Но А. Н. Куропаткинъ разрѣшалъ, напримѣръ, суммы на учрежденіе лишнихъ классовъ при асхабадской классической гимназіи.

Когда А. Н. Куропаткинъ покинулъ постъ военнаго министра, и на его мѣсто былъ назначенъ генералъ Сахаровъ, то немедленно, какъ по мановенію волшебнаго жезла, всѣ порядки въ Закаспійской области измѣнились, и генералъ-губернаторъ сталъ въ ней полнымъ хозяиномъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ назначенія Иванова получено было извѣстіе о пріѣздѣ къ намъ А. Н. Куропаткина, командированнаго Государемъ для осмотра края. Для чего потребовался этотъ осмотръ,—никто не могъ дать отвѣта, тѣмъ болѣе, что военный министръ и безъ того хорошо зналъ край и безусловно довѣрялъ Иванову. Поѣздка А. Н. Куропаткина по краю съ блестящею свитой была, конечно, тріумфальнымъ шествіемъ Цезаря. Чествовали его всюду до умопомраченія; объ его удобствахъ заботились до такой степени, что въ Ташкентѣ въ его помѣщеніе перенесенъ былъ изъ военнаго собранія великолѣпный бильярдъ только потому, что Алексѣй Николаевичъ любилъ послѣ обѣда сыграть партію. И казнѣ, и населенію поѣздка Куропаткина стоила большихъ денегъ, а результатовъ отъ посѣщенія военнаго министра

Библиотека "Руниверс"

край не увидѣлъ рѣшительно никакихъ. Проводивъ военнаго министра, Н. А. Ивановъ засѣлъ за работу, пріостановившуюся почти на два мѣсяца пребыванія въ краѣ военнаго министра. Работалъ онъ, буквально не покладая рукъ, а въ связи съ этимъ пришлось сильно работать и мнѣ. Ивановъ не понималъ, а поэтому не признавалъ никакой канцелярской волокиты. Ему не нужны были большіе письменные доклады съ массой справокъ изъ дѣлъ и изъ законовъ. Онъ самъ зналъ и то и другое лучше любого докладчика. По всякому вопросу онъ требовалъ быстраго, но продуктивнаго исполненія. Онъ работалъ цѣлые дни, но заставлялъ работать и другихъ. Единственная странность, которая непріятно поражала всѣхъ служившихъ подъ его начальствомъ, это его удивительная непріязнь къ отпускамъ служащихъ. Онъ самъ не пользовался отдыхомъ, но и не признавалъ, что кто-либо изъ его подчиненныхъ можетъ переутомиться, и всякое ходатайство объ отпускѣ встрѣчалъ враждебно.

Между тѣмъ непосильные труды по управленію канцеляріей совсѣмъ подломили мое здоровье, и это стало очевиднымъ даже для Иванова, но онъ все-таки и слышать не хотѣлъ объ увольненіи меня въ отпускъ, но въ то же время, сознавая, что я дѣйствительно нуждаюсь въ передышкѣ, онъ сдѣлалъ для меня гораздо больше,ославъ сопровождать эмира бухарскаго на Кавказъ и въ Крымъ. Это было, безспорно, самое пріятное изъ всѣхъ порученій, какія я получалъ въ теченіе моей службы. Я уже не говорю про удобства переѣздовъ въ прекрасныхъ вагонахъ экстренныхъ поѣздовъ и жизнь въ роскошныхъ помѣщеніяхъ въ Пятигорскѣ и Ялтѣ, но постоянное въ теченіе трехъ мѣсяцевъ близкое общество эмира доставляло мнѣ большое удовольствіе. Его высочество былъ всегда такъ внимательно любезенъ и предупредителенъ, что служба при немъ была однимъ наслажденіемъ. Въ Пятигорскѣ онъ нанималъ на бульварѣ отдѣльный двухъэтажный домъ, и почти все время безвыѣздно проводилъ въ своемъ кабинетѣ, изрѣдка выѣзжая на прогулку на водопадъ или къ Баталинскому источнику. При эмирѣ, кромѣ меня, состояли постоянный его придворный врачъ Писаренко и переводчикъ Заманъ-бекъ-Шихалибековъ. Послѣдній настолько интересный человѣкъ, что о немъ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ.

Урожеѣецъ Нухи, Заманъ-бекъ во время турецкой войны 1876 года, будучи совсѣмъ юнымъ, эмигрировалъ въ числѣ очень многихъ кавказцевъ въ Турцію. Возвратиться обратно онъ боялся, ожидая репрессій русскихъ властей, и остался въ Константинополѣ со своими братьями. Въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія на востокъ отъ Кокандскаго ханства существовало самостоятельное ханство Кашгарское. Эта была раньше провинція Китая, но одинъ смѣлый авантюристъ изъ туземцевъ Средней Азіи, по

Библиотека "Руниверс"

имени Якубъ-бекъ, захватилъ въ свои руки власть въ Кашгаріи и провозгласилъ себя независимымъ владѣтелемъ (Бадаулетъ). Съ этимъ Якубъ-бекомъ Кауфманъ заключилъ даже при посредствѣ генеральнаго штаба капитана Куропаткина (впослѣдствіи военный министръ) договоръ о дружбѣ. Этотъ владѣтель, желая ввести у себя нѣкоторыя реформы, просилъ турецкаго султана прислать ему нѣсколько образованныхъ мусульманъ. Султанъ исполнилъ эту просьбу, и въ числѣ четырехъ-пяти человѣкъ, отправленныхъ въ Кашгаръ, былъ и Заманъ-бекъ. Когда Куропаткинъ былъ въ Кашгарѣ, то Заманъ-бекъ оказалъ ему очень много услугъ. Вскорѣ

Дворецъ эмира бухарскаго въ Ялтѣ.

(кажется, послѣ смерти Якубъ-бека) Заманъ-бекъ прибылъ въ Ташкентъ, и по ходатайству Кауфмана, въ благодарность за услуги Куропаткину, государь простилъ Заманъ-беку грѣхъ молодости и разрѣшилъ принять его на службу. Онъ до конца жизни служилъ переводчикомъ въ канцеляріи генералъ-губернатора, и я сохранилъ о немъ самую лучшую память. Это былъ очень умный человѣкъ, самой прекрасной души, добрый, отзывчивый и, несмотря на то, что онъ былъ истинный мусульманинъ, онъ относился съ симпатіей къ христіанамъ. Эмиръ умѣлъ оцѣнить прекрасныя качества этого человѣка и до конца его жизни дарилъ его своею

Библиотека "Руниверс"

дружбой и довѣріемъ. Во время пребыванія въ Пятигорскѣ и Ялтѣ эмиръ почти ни на минуту не разлучался съ Заманъ-бекомъ, и цѣлыми часами они играли вдвоемъ въ пикетъ по самой маленькой. Эмиръ прекрасно изучилъ эту игру, и смѣшно было видѣть, съ какимъ удовольствіемъ его высочество клалъ въ особый кошелекъ десять-пятнадцать копеекъ, выигранныя съ Заманъ-бека, а послѣдній, въ свою очередь, въ счастливыя минуты пряталъ въ свой кошелекъ такую же сумму. На обратномъ пути Заманъ-бекъ съ гордостью сознался мнѣ, что въ общемъ онъ выигралъ съ эмира что-то около четырехъ рублей семидесяти пяти копеекъ.

Послѣ мѣсячнаго пребыванія въ Пятигорскѣ эмиръ переѣхалъ въ Ялту. Здѣсь онъ велъ уже нѣсколько иной образъ жизни. Ежедневно послѣ завтрака онъ отправлялся кататься по окрестностямъ Ялты: въ Ливадію, Оріанду, Массандру, Гурзуфъ. Прогулки эти, въ которыхъ непремѣнно принимали участіе я и Заманъ-бекъ, доставляли большое наслажденіе. Эмиръ держалъ прекрасную коляску съ парой сѣрыхъ рысаковъ, и ѣзда въ такомъ выѣздѣ по образцовымъ шоссе доставляла истинное удовольствіе. Одно, что отравляло пріятную жизнь въ Ялтѣ, это постоянная назойливость посѣтителей, добивающихся представиться эмиру, конечно, для полученія ордена. Такъ какъ эмиръ пріѣзжалъ на югъ Россіи для леченія и отдыха, то онъ разъ навсегда выразилъ желаніе, чтобы его не безпокоили. Но назойливые посѣтители не вѣрили, когда я имъ говорилъ о нежеланіи эмира видѣть кого-либо, и приписывали мнѣ нежеланіе доложить о нихъ. Изобрѣтательность этихъ господъ доходила до виртуозности. Никогда не забуду, напримѣръ, одного господина, который заявилъ мнѣ, что желаетъ преподнести эмиру изобрѣтенную имъ мазь для сапогъ. На мой вопросъ, зачѣмъ эмиру можетъ потребоваться эта мазь, онъ отвѣтилъ, что его высочество числится въ Терскомъ казачьемъ войскѣ, въ которомъ у каждаго казака есть сѣдло. Вотъ мазь-то и пригодится... Съ большимъ трудомъ удалось мнѣ сплавить горе-изобрѣтателя.

Въ другой разъ ко мнѣ пріѣхала богато одѣтая очень красивая дама и начала умолять устроить представленіе у эмира ея двумъ сыновьямъ-кавалеристамъ. Я убѣждалъ ее, что эмиръ не совсѣмъ здоровъ и никого не принимаетъ. Въ отвѣтъ на это она молящимъ тономъ сказала:

— Ну, если нельзя представиться, то не выхлопочете ли вы имъ хоть самыя-самыя маленькія звѣзды. Они спятъ и видятъ украсить себя. Они очень добрые мальчики, но глупы. Они рады, если имъ хоть коробку отъ сардинокъ повѣсятъ на грудь. Имъ не нужно даже звѣздъ, а лишь бы эмиръ далъ фирманъ. Они очень богаты и сами закажутъ себѣ у ювелира.

Дама осталась на меня очень обижена, когда я все-таки отказался докладывать эмиру объ ея сыновьяхъ-сардиночникахъ...

Библиотека "Руниверс"

Въ Ялтѣ эмиръ нанималъ прекрасную дачу, обставленную съ большимъ комфортомъ, но впослѣдствіи онъ выстроилъ себѣ тамъ чудную виллу въ мавританскомъ стилѣ. Вилла эта расположена между Ялтой и Ливадіей, и ее можно назвать самымъ красивымъ и изящнымъ зданіемъ на южномъ берегу Крыма.

XXII.

Поѣздка вдоль сѣверной и восточной границы Афганистана.—Смерть Н. А. Иванова.

Возвратясь въ Ташкентъ, я вновь засѣлъ за усиленную работу. Хотя подчасъ тяжело приходилось отъ чрезмѣрныхъ трудовъ, но въ то же время пріятно было работать подъ начальствомъ и руководительствомъ такого умнаго и просвѣщеннаго знатока края, какимъ былъ Н. А. Ивановъ. Я самъ десятки лѣтъ уже служилъ въ краѣ, но моя служба проходила за письменныхъ столомъ; я имѣлъ дѣло только съ бумагой. Ивановъ же былъ самый крупный общественный дѣятель, знавшій всю Среднюю Азію, какъ свой собственный хуторъ подъ Кіевомъ. Не было такого самаго сложнаго вопроса, касающагося мѣстныхъ нуждъ, который Ивановъ не разрѣшалъ бы тотчасъ же своимъ компетентнымъ словомъ. Резолюціи его были замѣчательны. По вопросамъ, требующимъ серьезной разработки или мотивированнаго представленія въ Петербургъ, онъ писалъ огромныя резолюціи, которыя были такъ обстоятельны и такъ литературно изложены, что канцеляріи не приходилось почти ничего измышлять. Достаточно было ограничиться почти перепиской резолюціи, и представленіе готово. Ивановъ, конечно, понималъ, что вся заслуга за нимъ, но тѣмъ не менѣе всегда благодарилъ меня за удачное исполненіе его указаній.

Осенью этого года Ивановъ пригласилъ меня сопутствовать ему въ поѣздкѣ на югъ, т.-е. въ крѣпость Кушку, а затѣмъ на пароходѣ по Аму-Дарьѣ вверхъ отъ Чарджуя въ укрѣпленія Керки и Термезъ.

Поѣздка эта была очень интересная. Крѣпость Кушка сама по себѣ не представляетъ ничего особенно грознаго, но окружающіе ее по сосѣднимъ высотамъ отдѣльные форты довольно внушительны. Крѣпость эта имѣетъ очень серьезное значеніе, какъ нашъ опорный пунктъ на самой границѣ съ Афганистаномъ и въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ чрезвычайно важнаго въ стратегическомъ отношеніи афганскаго города Герата. Около Кушки расположены два русскихъ селенія—Полтавское и, кажется, Алексѣевское. Одно изъ нихъ, близъ самой крѣпости, производитъ очень пріятное впечатлѣніе своими чистыми домиками, массой зелени и прекрасной школой.

Пріѣхавъ въ Чарджуй, мы пересѣли изъ вагона на военный па-

Библиотека "Руниверс"

роходъ и медленно противъ теченія поплыли вверхъ. Кромѣ меня, Иванова сопровождали начальникъ штаба генералъ Сахаровъ и начальникъ инженеровъ генералъ Янушковскій. Она они были премилые люди, интересные компаньоны и прекрасные партнеры въ винтъ. Много оживляла нашу каютъ-компанію Лидія Ивановна Иванова, по обыкновенію сопровождавшая мужа.

Какъ Кушка на восточной границѣ, такъ Керки и Термезъ на сѣверной границѣ Афганистана представляютъ собою серьезные стратегическіе пункты. Керки изъ недавняго укрѣпленія превратился въ очень симпатичный городокъ, но Термезъ не имѣлъ въ то время никакого гражданскаго характера. Это было въ строгомъ смыслѣ слова военное поселеніе. Множество превосходно выстроенныхъ казармъ и отсутствіе зелени придавали этому мѣсту какой-то унылый, пасмурный видъ, и только расположенный рядомъ Патта-Гисаръ (мѣстопребываніе пограничной стражи) веселилъ взоры массой зелени и хорошенькою церковью.

Возвратясь въ Ташкентъ, Ивановъ съ обычною энергіей принялся за работу, но я сталъ замѣчать, что часто онъ сталъ глубоко задумываться, что работа, видимо, его начала утомлять. Лидія Ивановна также говорила мнѣ, что въ своемъ мужѣ она замѣчаетъ какую-то перемѣну, и что онъ имѣетъ болѣзненный видъ. Мы убѣдили его посовѣтоваться съ врачами, но послѣдніе рекомендовали лишь отдыхъ отъ трудовъ, т.-е. поѣздку въ отпускъ. Послѣ долгихъ упрашиваній Лидіи Ивановны Ивановъ, очевидно, самъ сознававшій, что не можетъ съ должною энергіей работать, выпросилъ себѣ у Куропаткина отпускъ, но, получивъ разрѣшеніе, отпускомъ все-таки не воспользовался и остался въ Ташкентѣ.

Вскорѣ послѣ этого Ивановъ былъ вызванъ по дѣламъ службы въ Петербургъ, и Лидія Ивановна говорила мнѣ, что, покончивъ въ столицѣ съ дѣлами, онъ воспользуется разрѣшеннымъ ему отпускомъ. Въ Петербургѣ Ивановъ совѣтовался съ лучшими врачами, которые настоятельно потребовали, чтобы онъ поѣхалъ въ Парижъ, гдѣ извѣстный хирургъ Дуаенъ сдѣлаетъ ему операцію, послѣ которой онъ будетъ попрежнему здоровъ. Ивановъ согласился, но въ это время японцы объявили намъ войну, и государь, пригласивъ къ себѣ Иванова, просилъ его немедленно ѣхать обратно въ край, гдѣ присутствіе его въ виду тревожнаго времени необходимо. Итакъ, вмѣсто Парижа Ивановъ вернулся въ Ташкентъ, и это имѣло для него гибельныя послѣдствія.

На обратномъ пути Ивановъ получилъ телеграмму о назначеніи Куропаткина командующимъ арміей. Уходъ Алексѣя Николаевича съ поста военнаго министра, конечно, долженъ былъ принести много огорченій Иванову, котораго съ Куропаткинымъ связывали самыя тѣсныя дружескія отношенія. Ивановъ былъ уже избалованъ отношеніями къ нему военнаго министра и главнаго штаба. Съ но-

Библиотека "Руниверс"

вымъ министромъ придется устанавливать новыя отношенія, и весьма возможно, что отношенія эти будутъ неблагопріятны.

Разстроенный этимъ, Ивановъ вернулся въ Ташкентъ совсѣмъ больнымъ. Вскорѣ онъ слегъ въ постель, съ которой уже болѣе не вставалъ. Физическихъ страданій онъ, къ счастью, не испыталъ. Онъ лежалъ все время молча, устремивъ глаза въ одну точку. Къ дѣламъ онъ сразу охладѣлъ и только выказывалъ интересъ къ агентскимъ телеграммамъ о войнѣ, которыя я ежедневно ему прочитывалъ.

Онъ скончался тихо, безъ страданій, потерявъ сознаніе лишь за двѣ-три минуты до смерти.

Ивановъ похороненъ въ соборѣ, рядомъ съ К. П. Кауфманомъ. Никто больше (кромѣ одного священника) не удостоился этой чести, да и дѣйствительно во всей сорокалѣтней исторіи Туркестана только эти два человѣка сыграли выдающуюся роль и оказали краю огромныя услуги. Эти двѣ могилы всегда будутъ напоминать потомству о двухъ людяхъ, всѣмъ сердцемъ любившихъ нашу среднеазіатскую колонію, много для нея потрудившихся и бывшихъ главными, если не единственными, виновниками того, что Туркестанъ дѣйствительно если не теперь, то въ ближайшемъ будущемъ сдѣлается лучшимъ брильянтомъ въ коронѣ россійскаго монарха.

XXIII.

Назначеніе новаго генералъ-губернатора Н. Н. Тевяшова.—Кратковременное пребываніе его съ женой въ Ташкентѣ.—Краткая его характеристика.—Столкновенія ферганскаго губернатора съ помощникомъ губернатора.—Замѣна трехъ губернаторовъ новыми лицами.—Кончина Н. Н. Тевяшова.

Не прошло и двухъ мѣсяцевъ послѣ кончины Иванова, какъ состоялось назначеніе на должность генералъ-губернатора члена военнаго совѣта генерала-отъ-кавалеріи Н. Н. Тевяшова.

Про Николая Николаевича я слышалъ только, что онъ былъ прежде астраханскимъ губернаторомъ, гдѣ заслужилъ общую любовь и уваженіе, а затѣмъ былъ назначенъ главнымъ интендантомъ во время министерства Ванновскаго. Нѣкоторые изъ служившихъ въ туркестанскомъ интендантствѣ разсказывали, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, въ продолженіе которыхъ онъ стоялъ во главѣ этого вѣдомства, онъ успѣлъ сдѣлать очень многое, что значительно повысило интендантство въ глазахъ общественнаго мнѣнія, и дѣйствительно, сколько мнѣ извѣстно, японская война доказала, что полевые интендантскіе органы на театрѣ военныхъ дѣйствій оказались въ большинствѣ случаевъ на высотѣ своего положенія, и о дѣятельности ихъ войска вспоминаютъ съ уваженіемъ. Немаловажною заслугою въ дѣятельности Н. Н. Тевяшова было учрежденіе въ

Библиотека "Руниверс"

Петербургѣ интендантскихъ курсовъ (нынѣ интендантская академія), гдѣ будущіе интендантскіе дѣятели получаютъ превосходную подготовку для своей службы.

Лично знавшіе Николая Николаевича разсказывали, что это человѣкъ очень добрый, отзывчивый, но непоколебимый въ преслѣдованіи всякаго злоупотребленія. Такія свѣдѣнія давали надежду, что край будетъ въ хорошихъ рукахъ.

Однажды я получилъ телеграмму, въ которой генералъ Тевяшовъ вызывалъ меня въ Петербургъ по дѣламъ службы. Въ три дня я собрался въ дорогу, и въ началѣ іюля 1904 года прибылъ уже въ столицу. Генералъ Тевяшовъ жилъ въ своемъ домѣ въ Царскомъ Селѣ, и я на другой же день пріѣзда явился къ нему. Онъ принялъ меня не только любезно, но даже радушно, и сталъ подробно разспрашивать про край. Меня поразило, что онъ интересовался не телько кардинальными вопросами, но и самыми второстепенными мелочами. Для меня стало ясно, что онъ успѣлъ уже много прочитать, со многимъ ознакомиться. Въ немъ я увидѣлъ не новичка, какими пріѣзжали въ край Розенбахъ, Духовской и баронъ Вревскій, а въ высшей степени серьезнаго человѣка, вдумчиваго и всѣми силами желающаго послужить краю, которымъ онъ призванъ былъ управлять.

Непродолжительное, къ несчастью, пребываніе его въ Ташкентѣ доказало, что Туркестанскій край получилъ начальника работоспособнаго, энергичнаго, съ самостоятельными просвѣщенными взглядами.

Я прожилъ въ Петербургѣ два мѣсяца. Пришлось порядочно поработать, и вотъ здѣсь-то я убѣдился, до чего Н. Н. Тевяшовъ былъ деликатный человѣкъ. Живя въ Царскомъ Селѣ, онъ не хотѣлъ стѣснять меня постоянными поѣздками туда, и ежедневно пріѣзжалъ въ Петербургъ ко мнѣ въ «Hôtel de Paris», гдѣ и принималъ отъ меня доклады. Онъ съ чрезвычайнымъ уваженіемъ относился къ каждому чужому мнѣнію. Внимательно выслушивая меня, онъ подчасъ долго спорилъ со мною, и если мнѣ не удавалось убѣдить его въ правотѣ моего взгляда, то онъ деликатно отвѣчалъ мнѣ, что, относясь съ полнымъ вниманіемъ къ моему мнѣнію, онъ тѣмъ не менѣе не можетъ со мною согласиться и считаетъ нужнымъ сдѣлать такъ, какъ онъ рѣшилъ. Но когда у него являлась увѣренность, что я правъ, онъ съ доброю улыбкой благодарилъ меня и присоединялся къ моему взгляду. Съ такимъ человѣкомъ пріятно было работать.

Это былъ настоящій русскій дворянинъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Всѣ свои молодые годы онъ прослужилъ въ строю и считался однимъ изъ выдающихся полковыхъ командировъ, когда сдѣлалъ всю турецкую кампанію во главѣ славнаго Ахтырскаго гусарскаго полка.

Библиотека "Руниверс"

Одинъ изъ участниковъ этой войны разсказывалъ мнѣ, что, когда большая часть кавалеріи страдала отъ недостатковъ фуража и провіанта вслѣдствіе огромныхъ злоупотребленій чиновъ всѣхъ ранговъ и положеній, Ахтырскій полкъ благоденствовалъ, лошади были въ прекрасномъ тѣлѣ, благодаря Н. Н. Тевяшову, который не только оберегалъ интересы казны и полка, но, будучи человѣкомъ съ большими средствами, затрачивалъ собственныя деньги на полковыя потребности.

Ванновскій, человѣкъ, безспорно, очень умный, не могъ не замѣтить среди общаго хищенія въ арміи такого человѣка и при первой возможности поставилъ его во главѣ интендантскаго вѣдомства всей русской арміи.

Позволяю себѣ нѣсколькими строчками вспомнить жену Николая Николаевича. Выйдя замужъ, когда Николай Николаевичъ былъ молодымъ офицеромъ, она въ теченіе сорока лѣтъ дѣлила съ нимъ и горе и радость. Верхомъ она сопровождала его съ полкомъ во все время турецкой войны, поддерживала его энергію въ Астрахани, гдѣ онъ былъ губернаторомъ, охраняла его покой и комфортъ въ Петербургѣ, когда онъ былъ главнымъ интендантомъ, и сопровождала его въ Ташкентъ, гдѣ ни на минуту не отошла отъ его постели, которая сдѣлалась его смертнымъ одромъ. Это была женщина прекрасно образованная и блестяще воспитанная. Обладая замѣчательно добрымъ сердцемъ, она дѣлала много добра, много помогала. Не имѣя никакихъ личныхъ претензій, она посвятила всю свою жизнь своимъ двумъ внучатамъ (сыновья ея единственной дочери). Я съ увѣренностью скажу, что рѣдкая мать можетъ такъ относиться къ своимъ дѣтямъ, какъ она относилась къ внукамъ. Трудно представить себѣ, сколько сердечной доброты, ласки и заботы отдавала она этимъ двумъ славнымъ мальчикамъ.

Въ Ташкентѣ она стала во главѣ всѣхъ благотворительныхъ учрежденій и за ея недолгое пребываніе тамъ успѣла сдѣлать для бѣдныхъ и больныхъ столько, сколько не было сдѣлано за всѣ годы до ея пріѣзда въ край.

По прибытіи въ Ташкентъ Н. Н. Тевяшову пришлось прежде всего обратить самое серьезное вниманіе на крайне враждебныя отношенія, установившіяся между военнымъ губернаторомъ Ферганской области генераломъ Арендаренкомъ и его помощникомъ Наливкинымъ.

Генералъ Арендаренко былъ товарищъ по туркестанскому стрѣлковому батальону съ Куропаткинымъ. Ихъ связывала серьезная дружба. Еще очень давно, во времена Кауфмана Арендаренко вышелъ изъ строя и поступилъ на службу по гражданскому управленію въ Зеравшанскій округъ (нынѣ Самаркандская область). Занимая видную и весьма самостоятельную должность начальника отдѣла, Арендаренко вышелъ въ отставку тотчасъ по введеніи поло-

Библиотека "Руниверс"

женія 1887 года, кажется, потому, что не могъ примириться съ тѣмъ, что изъ почти самостоятельнаго управляющаго райономъ долженъ былъ превратиться въ обыкновеннаго уѣзднаго начальника. Когда Куропаткинъ былъ назначенъ начальникомъ Закаспійской области, то онъ немедленно пригласилъ Арендаренко на службу и поручилъ ему управленіе очень серьезнымъ пограничнымъ съ Афганистаномъ Мервскимъ уѣздомъ.

Назначеніе Куропаткина военнымъ министромъ отразилось сейчасъ же и на карьерѣ Арендаренка, который получилъ мѣсто военнаго губернатора Ферганской области.

Арендаренко по природѣ очень неглупый человѣкъ, энергичный, опытный, прекрасно знакомый съ Средней Азіей, но у него былъ одинъ крупный недостатокъ: онъ былъ сильно влюбленъ въ самого себя. Не признавая ничьего мнѣнія, онъ считалъ свой авторитетъ непогрѣшимымъ. Будучи самъ безупречно честнымъ человѣкомъ, онъ считалъ, что всякій чиновникъ прежде всего взяточникъ, и сообразно этому велъ всю свою внутреннюю политику.

Онъ былъ положительно нестерпимъ въ своихъ отношеніяхъ къ подчиненнымъ, и вся область, за исключеніемъ двухъ-трехъ любимчиковъ, его ненавидѣла. Ближайшимъ его сотрудникомъ оказался В. П. Наливкинъ, о прошломъ котораго нельзя умолчать.

Служа офицеромъ въ оренбургской казачьей артиллеріи, онъ въ 1878 году неожиданно для всѣхъ вышелъ въ отставку и уѣхалъ изъ Ташкента въ Ферганскую область; снявъ съ себя европейское платье, онъ поселился вмѣстѣ съ женой и дѣтьми въ одномъ изъ захолустныхъ уголковъ Наманганскаго уѣзда, гдѣ и зажилъ жизнью самаго простого туземца. Чѣмъ онъ руководствовался, опростившись такимъ образомъ, я не знаю, но, проживши въ видѣ заурядnаго сарта нѣсколько лѣтъ, онъ и его жена великолѣпно изучили туземный языкъ, нравы и обычаи туземцевъ. Перевоспитавъ себя, Наливкинъ сбросилъ туземный халатъ и чалму и явился лучшимъ и почти единственнымъ дѣйствительнымъ знатокомъ мѣстнаго края. Баронъ Вревскій хорошо понялъ, какую огромную пользу можно извлечь изъ такого энергичнаго человѣка, и пригласилъ его на должность инспектора народныхъ училищъ. Назначенный послѣ барона Вревскаго Духовской еще въ Петербургѣ много слышалъ о Наливкинѣ и, пріѣхавъ въ край, назначилъ его чиновникомъ особыхъ порученій. И по учебному , и по административному вѣдомствамъ Наливкинъ выказалъ одинаково блестящія способности. Генералъ Ивановъ призналъ полезнымъ и справедливымъ повысить Наливкина при первой возможности и назначилъ его помощникомъ ферганскаго губернатора. Вновь назначенному губернатору Арендаренку оставалось только отнестись къ Наливкину съ тѣмъ довѣріемъ, котораго послѣдній вполнѣ заслуживалъ. Но Арендаренко слишкомъ высоко цѣнилъ самого себя. Онъ желалъ видѣть въ своемъ

Библиотека "Руниверс"

помощникѣ слѣпого исполнителя своихъ распоряженій. На такую роль Наливкинъ не могъ, очевидно, согласиться тѣмъ болѣе, что и законъ предоставляетъ вице-губернатору извѣстную самостоятельность. Послѣдовалъ цѣлый рядъ конфликтовъ; отношенія между

Николай Николаевичъ Тевяшовъ. 1903—1905 г.

этими двумя главными чиновниками обострились до невозможной степени къ великому соблазну всей области. Оба противника стали засыпать жалобами генералъ-губернатора. Генералъ Ивановъ послалъ меня въ Новый-Маргеланъ лично удостовѣриться, нельзя ли найти какую-нибудь почву для примиренія. Въ теченіе трехъ дней

Библиотека "Руниверс"

я зорко слѣдилъ за отношеніями между врагами и пришелъ къ убѣжденію, что никакіе компромиссы невозможны. Арендаренко почти всегда былъ неправъ, но старался поставить на своемъ, а Наливкинъ въ своихъ отношеніяхъ къ губернатору былъ очень несдержанъ и иногда даже грубъ, чего нельзя было допустить въ отношеніяхъ подчиненнаго къ начальнику вообще, а въ военномъ вѣдомствѣ тѣмъ болѣе.

Генералъ Тевяшовъ, не желая на первыхъ же порахъ входить въ личное разбирательство этихъ дрязгъ, но не признавая возможнымъ терпѣть такой ненормальный порядокъ, просилъ военнаго министра командировать кого-нибудь изъ главнаго штаба для разслѣдованія всѣхъ столкновеній между Арендаренкомъ и Наливкинымъ. Командированъ былъ начальникъ азіатскаго отдѣла главнаго штаба генералъ Васильевъ, бывшій раньше помощникомъ ферганскаго губернатора. Генералъ Васильевъ пользовался и въ краѣ и въ главномъ штабѣ такою безупречною репутаціей, что лучшаго выбора для такого щекотливаго порученія нельзя было сдѣлать. Результатомъ разслѣдованія было увольненіе отъ должностей и Арендаренка и Наливкина.

Наливкинъ вышелъ въ отставку и поселился въ Ташкентѣ. Казалось бы, что карьера его была покончена. Между тѣмъ неожиданно онъ оказался выбраннымъ отъ Ташкента членомъ второй государственной думы. Я лично радовался, узнавъ, какого депутата послалъ въ думу Ташкентъ. Лучшаго защитника интересовъ края нельзя было себѣ представить. Вотъ гдѣ открывался ему широкій путь послужить интересамъ Туркестана, ставшаго его второй родиной!

Судите мое удивленіе, когда этотъ добродушный, благожелательный человѣкъ, этотъ всегда аккуратный и исполнительный чиновникъ, этотъ лояльный гражданинъ вдругъ съ трибуны заявилъ народнымъ представителямъ, что онъ «имѣетъ честь принадлежать къ соціалъ-демократической фракціи» и что онъ считаетъ себя въ правѣ заявить, что россійская юстиція это есть дама, у которой на лбу роковыя слова: «продается съ публичнаго торга»...

Больше за всю сессію Наливкинъ, кажется, ни слова не сказалъ въ думѣ.

Боже меня сохрани ставить въ упрекъ г. Наливкину его принадлежность къ той или иной политической фракціи, хотя я могъ бы его спросить: какъ онъ могъ оставаться вице-губернаторомъ, будучи соціалистомъ, или по какимъ соображеніямъ онъ могъ промѣнять красную подкладку на красную гвоздику?

Но меня интересуетъ другой вопросъ: какія вѣскія данныя имѣлъ Наливкинъ, чтобы публично забросать грязью все судебное вѣдомство. Вѣдь служа исключительно въ Туркестанѣ, онъ зналъ только тѣ органы юстиціи, которые функціонировали въ краѣ. Но

Библиотека "Руниверс"

я, навѣрное, лучше его знаю дѣятельность всѣхъ чиновъ министерства юстиціи, служившихъ въ краѣ съ 1886 года, и смѣю утверждать, что всегда и во всемъ краѣ лица эти пользовались общимъ довѣріемъ и уваженіемъ. Можетъ быть, были и исключенія; можетъ быть, гдѣ-нибудь въ провинціи Туркестана попадались люди, не стоявшіе на высотѣ своего положенія; но если это было, то это слѣдуетъ назвать исключеніемъ. Въ общемъ же русская юстиція въ Туркестанѣ заслуживаетъ самаго глубокаго уваженія. Зачѣмъ понадобилось г. Наливкину забрасывать ее грязью,—не понимаю. Если для краснаго словца, то это уже совсѣмъ непростительно для такого серьезнаго человѣка, и мнѣ кажется, что многіе избиратели гор. Ташкента должны были сконфузиться за своего избранника, когда прочитали его «единственную» въ думѣ рѣчь.

Н. Н. Тевяшовъ признавалъ, что для энергичной и вполнѣ плодотворной дѣятельности въ краѣ нужны люди нестарые, а потому вмѣсто генерала Арендаренка онъ выбралъ молодого генерала генеральнаго штаба Покотилло. Почти одновременно съ этимъ заявили желаніе объ уходѣ съ должностей военные губернаторы Сыръ-Дарьинской области генералъ Корольковъ и Самаркандской генералъ Мѣдинскій. Оба эти генерала всю свою жизнь посвятили службѣ въ Туркестанѣ и пользовались всеобщимъ заслуженнымъ почетомъ и уваженіемъ. Корольковъ былъ прекрасно образованный, мягкій и сердечный человѣкъ. Онъ считался выдающимся ботаникомъ, и имя его на этомъ поприщѣ извѣстно было въ Европѣ. Но продолжительная служба утомила его, а преклонные годы надорвали его силы и энергію. Послѣдніе годы онъ почти не интересовался дѣлами своей области, что не могло не отразиться неблагопріятно на управленіи. Но многое ему прощалось потому, что онъ пользовался всегда общими симпатіями и любовью. Онъ наконецъ самъ догадался, что ему пора уступить свое мѣсто другому, и ушелъ, сохранивъ общее уваженіе. Вмѣсто него былъ назначенъ молодой генералъ Ѳедотовъ.

Самаркандскій губернаторъ генералъ Мѣдинскій прибылъ въ край вмѣстѣ съ Черняевымъ въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Пройдя послѣдовательно всѣ административныя должности, онъ достигъ мѣста губернатора безъ всякихъ связей и протекціи, благодаря своимъ выдающимся административнымъ талантамъ. Служа долго подъ начальствомъ генерала Абрамова, генералъ Мѣдинскій прошелъ хорошую административную школу. Чувствуя, что его годы начинаютъ неблагопріятно вліять на его работоспособность, Мѣдинскій сразу безъ колебаній рѣшилъ выйти въ отставку, хотя могъ еще нѣсколько лѣтъ съ полнымъ успѣхомъ управлять областью. Еще при жизни генерала Иванова онъ заявлялъ желаніе уйти на покой, но Ивановъ энергично протестовалъ противъ такого рѣшенія и упросилъ его продолжать службу. Съ

Библиотека "Руниверс"

пріѣздомъ Н. Н. Тевяшова Мѣдинскій снова подалъ прошеніе объ отставкѣ, и Тевяшовъ, не знавшій прошлой службы этого почтеннаго дѣятеля, не протестовалъ. Вмѣсто Мѣдинскаго Н. Н. Тевяшовъ предложилъ должность самаркандскаго губернатора молодому полковнику генеральнаго штаба Гескету, который раньше служилъ въ Самаркандѣ и въ Ташкентѣ. Зная хорошо Гескета, я долженъ сказать, что выборъ этотъ былъ очень удачный.

Генералъ Тевяшовъ пробылъ въ Туркестанѣ нѣсколько болѣе года. Объѣхавъ край и лично ознакомившись съ служебнымъ персоналомъ, онъ только что приступилъ къ серьезной работѣ, какъ болѣзнь свалила его въ постель, съ которой онъ уже не всталъ. Съ перваго дня вступленія въ должность онъ просыпался около четырехъ часовъ утра, послѣ небольшой прогулки садился за письменный столъ и работалъ, буквально не разгибаясь, цѣлый день. Онъ интересовался всѣмъ, знакомился съ самыми ничтожными мелочами. Онъ обладалъ рѣдкою способностью сразу схватывать суть дѣла. Не довольствуясь офиціальными докладами, онъ приглашалъ къ себѣ многихъ частныхъ лицъ, коммерсантовъ и т. п. и подолгу разговаривалъ съ ними. Какъ будто предчувствуя свой близкій конецъ, онъ надрывалъ себя работой, и, несмотря на очень кратковременное пребываніе его въ Ташкентѣ, послѣ его кончины у него на письменномъ столѣ найдено было множество различныхъ записокъ составленныхъ разными лицами, испещренныхъ его замѣтками, доказывающими, что онъ дѣйствительно и серьезно знакомился со всѣми дѣлами. При его работоспособности, край могъ бы ожидать много хорошихъ реформъ, но Господь призвалъ его къ себѣ, къ огорченію лицъ, успѣвшихъ близко ознакомиться съ этимъ превосходнымъ человѣкомъ.

Ознакомившись вскорѣ по пріѣздѣ въ Ташкентъ съ личностью своего помощника генерала Маціевскаго, Н. Н. Тевяшовъ, не раздумывая долго, замѣнилъ его начальникомъ своего штаба генераломъ Сахаровымъ. И этотъ выборъ нельзя было не привѣтствовать, ибо Сахаровъ былъ, безспорно, однимъ изъ выдающихся въ краѣ генераловъ въ эту эпоху.

XXIV.

Революція въ Туркестанскомъ краѣ.—Генералъ Прасоловъ.—Назначеніе на должность генералъ-губернатора генерала Субботича.—Быстрый уходъ его изъ края.—Мой выходъ въ отставку.

Манифестъ 17-го октября былъ для Ташкента такой же неожиданностью, какъ и для всей Россіи. Н. Н. Тевяшовъ былъ уже въ это время тяжко боленъ, и краемъ управлялъ генералъ Сахаровъ. Въ тотъ же день появилась на улицахъ процессія съ красными флагами, которая съ пѣніемъ революціонныхъ гимновъ направи-

Библиотека "Руниверс"

лась къ тюрьмѣ требовать освобожденія политическихъ арестантовъ. Власти, какъ и всюду въ Россіи, растерялись. Не растерялись только генералъ Сахаровъ и генералъ Маціевскій, и, благодаря ихъ твердымъ распоряженіямъ, требованія толпы манифестантовъ не были удовлетворены. Вечеромъ толпа снова собралась на перекресткѣ Воронцовской и Романовской улицъ. Появились ораторы, которые начали говорить зажигательныя рѣчи, но толпа держала себя гораздо спокойнѣе, чѣмъ утромъ. Если бы оставить манифестантовъ въ покоѣ, то, вѣроятно, черезъ часъ или два они разошлись бы по домамъ. Между тѣмъ губернаторъ на этотъ разъ потребовалъ войска, и когда они прибыли, то онъ предложилъ толпѣ разойтись. Толпа не послушалась, и онъ неожиданно для всѣхъ передалъ власть въ руки военнаго начальника, который приказалъ открыть огонь. Въ результатѣ трое ничѣмъ неповинныхъ людей, простыхъ любопытныхъ зѣвакъ, были убиты. На слѣдующій день революція охватила весь городъ. Главари ея рѣшили особенно торжественно похоронить убитыхъ. Было объявлено, что полиція устраняется отъ исполненія своихъ обязанностей, что революціонеры учреждаютъ свою охрану, которая будетъ поддерживать порядокъ во время похоронъ. Губернаторъ допустилъ это. Начальникомъ самозванной полиціи оказался неизвѣстно кѣмъ выбранный или назначенный управляющій однимъ торговымъ домомъ С—въ, очень добродушный малый и большой кутила. Имъ былъ организованъ отрядъ конныхъ стражниковъ, очень комичныхъ по внѣшности, но преисполненныхъ важности возложеннаго на нихъ порученія. Съ большимъ трудомъ держась на извозчичьихъ клячахъ, они съ серьезными лицами поддерживали порядокъ. Картина была изумительная по своему комизму.

Власти безмолвствовали...

Наконецъ появилась огромная процессія съ тремя гробами. Члены городской управы несли вѣнки. Гимназисты и гимназистки съ красными тряпками пѣли «Со святыми упокой». На мѣстѣ вчерашней катастрофы толпа остановилась. На табуретку вскочилъ одинъ изъ главарей-революціонеровъ и очень долго и краснорѣчиво призывалъ народъ къ возстанію и мести за убитыхъ.

Власти безмолвствовали...

Съ пѣніемъ революціонныхъ гимновъ толпа двинулась на кладбище, конвоируемая новоявленными полицейскими въ пиджакахъ и котелкахъ. На кладбищѣ снова рядъ зажигательныхъ рѣчей, снова призывъ къ возстанію и мести, снова публичное шельмованіе существующаго правительства, и толпа съ сознаніемъ исполненнаго долга двинулась обратно подъ аккомпанементъ: «Вставай, подымайся, рабочій народъ»...

А власть попрежнему безмолвствовала...

Затѣмъ начался цѣлый рядъ зажигательныхъ митинговъ. Сразу

Библиотека "Руниверс"

народился цѣлый легіонъ революціонныхъ ораторовъ, громившихъ правительство передъ учащеюся молодежью. Началась почтово-телеграфная забастовка. Край былъ отрѣзанъ отъ всего міра. Революція охватила весь край. Власти во всѣхъ областяхъ потеряли почву. Изъ Петербурга не получалось никакихъ директивъ. Намъ, несчастнымъ бюрократамъ, особенно излюбленнымъ ораторами-революціонерами, уже мерещилась пріятная перспектива болтаться на фонаряхъ по приговору ташкентскихъ Робеспьеровъ. Начались безпорядки въ войскахъ, и въ Ташкентѣ формально взбунтовался резервный батальонъ, расположенный въ крѣпости. Благодаря энергіи и твердости Сахарова, къ крѣпости были стянуты войска. Среди ночной тишины раздалась пальба пачками, и бунтовщики сразу смирились. Твердость и энергія другого генерала, коменданта крѣпости Кушка Прасолова, предотвратили еще болѣе серьезное возстаніе на нашей границѣ съ Афганистаномъ.

Прасолова много обвиняли въ рѣзкихъ его рѣшеніяхъ по этому дѣлу. Я увѣренъ, что впослѣдствіи роль этого генерала будетъ освѣщена вполнѣ безпристрастно. Я не знаю подробностей кушкинской революціи, но не могу не признать, что комендантъ пограничной крѣпости долженъ былъ принять всякія дозволенныя и недозволенныя средства къ прекращенію измѣны и бунта въ составѣ гарнизона. Сколько мнѣ извѣстно, Прасоловъ никого не казнилъ, и тѣмъ не менѣе спокойствіе и порядокъ какъ въ крѣпости, такъ и на желѣзнодорожной вѣткѣ Мервъ—Кушка были возстановлены. Революціонеры кричали, что Прасоловъ злодѣй, убійца, но мнѣніе это несправедливо. Прасоловъ одинъ, среди огромнаго большинства генераловъ, показалъ примѣръ твердости, военной доблести, и исполненія долга. Исторія русской революціи, несомнѣнно, отмѣтитъ Прасолова, какъ одного изъ вѣрныхъ сыновъ Россіи.

У насъ бунтовали цѣлые полки, бунтовали броненосцы, бунтовали крѣпостные гарнизоны. Во всѣхъ этихъ случаяхъ репрессіи были кровавы. Иначе и не могло быть, какъ это ни грустно. Кушка, нашъ крайній оплотъ на афганской границѣ, также была на шагъ отъ открытаго бунта (къ великому, вѣроятно, удовольствію англичанъ), но Прасоловъ безъ пролитія крови возстановилъ порядокъ и вѣрность долгу въ гарнизонѣ. Развѣ это не заслуга передъ Россіей?

Если онъ и прибѣгалъ къ незаконнымъ мѣрамъ (такъ, по крайней мѣрѣ, говорили тогда), то его слѣдовало наградить за это, потому что, борясь съ революціей путемъ мирныхъ реформъ и уничтоженія злоупотребленій, вкоренившихся въ плоть и кровь Россіи, правительство не должно останавливаться ни передъ какими самыми рѣзкими, самыми крайними мѣрами, дабы не допустить революціи проникнуть въ армію.

Библиотека "Руниверс"

Прасоловъ, Сахаровъ и Маціевскій—единственные въ Туркестанѣ три человѣка, которые это хорошо понимали и твердо выполнили свой долгъ передъ отечествомъ и арміей.

Н. Н. Тевяшовъ, послѣ непродолжительной, но тяжкой болѣзни скончался и былъ временно погребенъ въ соборѣ, впредь до возстановленія желѣзнодорожныхъ сообщеній, когда вдова предполагала перевезти его прахъ въ ихъ родовое имѣніе Воронежской губерніи.

Настало опять переходное время въ ожиданіи новаго генералъ-губернатора, восьмого по счету за время моей службы въ Туркестанѣ. Всѣ съ понятнымъ нетерпѣніемъ ждали, кто будетъ назначенъ въ такое тревожное время. Всѣ мы сознавали, что выборъ долженъ былъ пасть на человѣка выдающагося. Правительство должно было понимать, что если революція страшна въ коренной Россіи, то она можетъ быть прямо ужасна въ Средней Азіи, гдѣ милліоны мусульманъ, убѣдившись въ безсиліи русской власти покончить съ безпорядками, чинимыми горсточкой русскихъ, могли поднять знамя возстанія. Нужно было показать населенію, что если безпорядки и имѣли мѣсто въ Туркестанѣ, то главная власть, снабженная большими полномочіями, твердая, энергичная, не допуститъ повторенія пережитыхъ всѣми революціонныхъ ужасовъ. Во главѣ края долженъ былъ стать человѣкъ съ русскою душой, съ русскимъ сердцемъ, человѣкъ, любящій свою родину, дорожащій ея интересами, однимъ словомъ—настоящій русскій человѣкъ. Не понимать этого было невозможно, а отрицать это было преступно. И вотъ среди русскихъ людей военный министръ не нашелъ никого достойнаго занять постъ генералъ-губернатора. Въ Ташкентѣ былъ налицо генералъ Сахаровъ, превосходно знавшій край и въ военномъ и въ гражданскомъ отношеніяхъ, доказавшій свои способности и твердые принципы въ самое тяжкое, самое тревожное время. Да и, кромѣ Сахарова, развѣ въ Россіи совсѣмъ исчезли достойные русскіе люди?

Увы! Тогдашній военный министръ генералъ Редигеръ не нашелъ во всей Россіи достойнаго русскаго человѣка, и провелъ въ туркестанскіе генералъ-губернаторы серба по происхожденію генерала Субботича.

Я не буду говорить отъ себя ничего о кратковременной дѣятельности генерала Субботича въ Ташкентѣ. Свидѣтелей сыгранной имъ въ Туркестанѣ роли еще много налицо, и, несомнѣнно, въ свое время роль эта будетъ всесторонне описана. Скажу лишь, что, не пробывъ въ краѣ и года, онъ поспѣшилъ уѣхать въ Петербургъ, гдѣ и назначенъ былъ по его просьбѣ въ военный совѣтъ, Меня въ это время уже не было въ краѣ, но я помню циркулировавшій въ то время разсказъ о таинственномъ отъѣздѣ его изъ края въ поѣздѣ, который поданъ былъ не въ Ташкентѣ, а на ближайшемъ полустанкѣ.

Библиотека "Руниверс"

Живя уже въ Петербургѣ, я узналъ, что въ Ташкентъ послана была особая комиссія подъ предсѣдательствомъ пользовавшагося особымъ довѣріемъ Государя лица. По возвращеніи этой комиссіи, членъ военнаго совѣта генералъ Субботичъ былъ уволенъ въ отставку.

Съ генераломъ Субботичемъ я прослужилъ не болѣе двухъ мѣсяцевъ. Онъ такъ недвухсмысленно далъ мнѣ понять, что имѣетъ на мое мѣсто другого человѣка, что мнѣ, конечно, не оставалось ничего больше, какъ подать въ отставку, что я и сдѣлалъ въ маѣ или іюнѣ 1906 года.

XXV.

Общія воспоминанія о наиболѣе выдающихся дѣятеляхъ въ Туркестанѣ за тридцать шесть лѣтъ.—Нѣсколько заключительныхъ словъ по адресу канцеляріи генералъ-губернатора.

Заканчивая этимъ фактомъ мои воспоминанія, обязываюсь вспомнить рядъ лицъ, прошедшихъ передо мною въ теченіе тридцати шести лѣтъ моей службы въ Туркестанѣ.

Прежде всего возвращаясь къ блестящей эпохѣ кауфманскаго времени, я вспоминаю, какъ этотъ замѣчательный человѣкъ умѣлъ привлечь въ край выдающихся ученыхъ и людей науки, посвятившихъ годы на изученіе и описаніе края во всѣхъ отношеніяхъ. Передъ моими глазами проходятъ такія выдающіяся личности, какъ Сѣверцевъ, Барбо-де-Морни, Федченко, Миддендорфъ, Романовскій, Мушкетовъ. Кауфманъ щедрой рукой давалъ средства на снаряженіе ученыхъ экспедицій и на изданіе ихъ трудовъ. Литература о Средней Азіи обогатилась многими шедеврами, исключительно благодаря симпатіямъ и поддержкѣ Кауфмана. Не было того уголка, начиная съ болотныхъ низинъ дельты Аму-Дарьи и кончая горными ледниками и вѣчными снѣгами, которые остались бы не изслѣдованными и не описанными. Это былъ поистинѣ Перикловъ вѣкъ Туркестанскаго края.

Вспоминаю Н. В. Чарыкова, молодого еще тогда дипломата, первымъ назначеннаго на должность нашего дипломатическаго представителя въ Бухарѣ. Молодой годами, Чарыковъ былъ строго выдержанный, всегда чрезвычайно корректный и тактичный человѣкъ. Врагъ черствой канцелярщины, прекрасно образованный, благовоспитанный и съ большимъ состояніемъ, онъ сразу установилъ прекрасныя отношенія съ эмиромъ и его главными сотрудниками. Настойчивый въ своихъ требованіяхъ, Чарыковъ умѣлъ добиться всегда ихъ осуществленія, не оскорбляя самолюбія бухарскихъ сановниковъ и оставаясь съ ними въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ. Это былъ, дѣйствительно, дипломатъ въ лучшемъ значеніи

Библиотека "Руниверс"

этого слова. Дальнѣйшая его карьера въ Европѣ лишь подтверждаетъ это о немъ мнѣніе.

Замѣстителемъ Чарыкова былъ назначенъ П. М. Лессаръ. Инженеръ путей сообщенія по образованію, онъ сразу выдвинулся, принимая участіе въ комиссіи по разграниченію Россіи и Афганистана. Переведенный въ министерство иностранныхъ дѣлъ, онъ вскорѣ былъ назначенъ вмѣсто Чарыкова въ Бухару. Это былъ человѣкъ большого ума и серьезной начитанности. Онъ высоко держалъ русское знамя въ мусульманской Бухарѣ, но, страдая уже тогда почти неизлечимымъ недугомъ, онъ вслѣдствіе болѣзненности былъ крайне несдержанъ и раздражителенъ. Эмиръ и его сановники уважали его какъ разумнаго и твердаго представителя русскаго монарха, но не любили его и страшно боялись, и я думаю, что многіе при дворѣ эмира въ душѣ радовались, когда Лессаръ назначенъ былъ нашимъ консуломъ въ Ливерпуль и оставилъ навсегда Бухару.

Вспоминаю незабвеннаго М. М. Шарыгина, много лѣтъ служившаго въ краѣ по судебному вѣдомству. Это былъ человѣкъ самаго добраго сердца, мягкій, отзывчивый, кристально-чистый. Прекрасный юристъ, безпристрастный прокуроръ сначала окружнаго суда, а затѣмъ судебной палаты, онъ былъ самымъ виднымъ представителемъ въ краѣ судебнаго вѣдомства, такъ несправедливо оклеветаннаго съ думской трибуны Наливкинымъ. Домъ Шарыгина былъ самымъ гостепріимнымъ въ Ташкентѣ. Тамъ были рады всякому гостю, всѣхъ одинаково радушно встрѣчала милая, гостепріимная хозяйка. Все общество единодушно любило и уважало Шарыгина; онъ не имѣлъ враговъ. И вотъ Шарыгинъ былъ убитъ однимъ изъ революціонеровъ, только что наканунѣ выпущеннымъ изъ тюрьмы. По чьему распоряженію? Для меня это осталось неизвѣстнымъ. Быть можетъ, это темное дѣло будетъ выяснено кѣмъ-либо изъ современниковъ кроваваго событія въ Ташкентѣ.

Вспоминаю Н. А. Дедюлина, сначала прокурора, а затѣмъ старшаго предсѣдателя судебной палаты. Пользуясь большимъ авторитетомъ среди всѣхъ чиновъ судебнаго вѣдомства, онъ всегда вліялъ на нихъ въ самомъ лучшемъ значеніи этого слова. Собственнымъ примѣромъ онъ всегда старался достичь, чтобы судебное вѣдомство шло рука объ руку съ администраціей, и дѣйствительно, за его время никто ни изъ старшихъ, ни изъ младшихъ агентовъ администраціи не могъ сдѣлать никакого упрека судебнымъ чинамъ, и отношенія между администраціей и юстиціей всегда были самыя лучшія. Отъ этого только выигрывало дѣло, и въ этомъ отношеніи за Н. А. Дедюлинымъ нужно считать главную заслугу.

Вспоминаю В. П. Череванскаго, перваго предсѣдателя контрольной палаты. Человѣкъ рѣдкихъ способностей, Владимиръ Павловичъ смотрѣлъ на обязанности контролера вполнѣ разумно. Не оста-

Библиотека "Руниверс"

вляя безъ преслѣдованія ни одного неправильнаго расхода, а тѣмъ болѣе если въ основѣ его усматривалось злоупотребленіе, Череванскій избѣгалъ въ своей дѣятельности ничтожныхъ и подчасъ вздорныхъ начетовъ, которые, къ сожалѣнію, составляютъ понынѣ главную суть дѣятельности контрольныхъ палатъ. Онъ былъ дѣйствительно охранителемъ серьезныхъ государственныхъ интересовъ, а не членомъ сыскного отдѣленія. Конечно, и у него были недоброжелатели, которыхъ онъ заставлялъ возвращать въ казенный сундукъ неправильно полученныя денежныя суммы, но общество его цѣнило и уважало, какъ честнаго и безпристрастнаго труженика.

Вспоминаю Н. Ѳ. Ульянова. Это былъ человѣкъ съ большимъ сценическимъ талантомъ серьезнаго комика. Благодаря его стараніямъ, въ Ташкентѣ съ самыхъ давнихъ поръ образовался кружокъ любителей драматическаго искусства, который давалъ постоянные спектакли съ благотворительной цѣлью. Въ тѣ времена не было еще въ Ташкентѣ никакихъ благотворительныхъ обществъ, а бѣдныхъ, больныхъ и нуждающихся было уже много. Благодаря крупному таланту Ульянова и его энергіи, кружокъ любителей сдѣлалъ въ теченіе десяти-пятнадцати лѣтъ много добра, и не одинъ бѣднякъ вспоминалъ съ благодарностью отзывчиваго Николая Ѳедоровича. Помимо сцены, онъ былъ очень хорошій гражданскій инженеръ и притомъ безупречно честный человѣкъ, и Кауфманъ очень цѣнилъ и уважалъ его.

Проходятъ передо мною тѣни многихъ сотенъ скромныхъ тружениковъ, которые не отличались ни громкимъ именемъ, ни славными подвигами, ни выдающеюся дѣятельностью, но которые честно вносили свою лепту въ великое дѣло русской гражданственности въ далекой мусульманской окраинѣ. Всѣ они жили скромно, служили безъ рекламы и также скромно сходили со сцены, уступая мѣсто другимъ труженикамъ. Были между ними и дурные и безнравственные люди, но гдѣ же ихъ не бываетъ? Но en masse контингентъ служащихъ лицъ всегда былъ выше всякой похвалы. Мѣнялись генералъ-губернаторы, мѣнялись взгляды на управленіе, мѣнялись даже принципы, но эти сотни неизвѣстныхъ тружениковъ несли безропотно свою службу, плохо оплачиваемую и скупо награждаемую. Въ настоящее время принято считать главнымъ зломъ въ Россіи бюрократію, т. е. чиновничество. Я не знаю чиновничества Европейской Россіи, а потому не могу оспаривать по отношеніи къ нему этого взгляда, но, оглядываясь на мою тридцатишестилѣтнюю службу въ Туркестанѣ, я съ увѣренностью и гордостью считаю себя въ правѣ заявить, что чиновничество въ Туркестанскомъ краѣ съ честью служило русскому дѣлу всегда и на всѣхъ поприщахъ, начиная съ перваго дня существованія генералъ-губернаторства и до момента моего выѣзда изъ края.

Библиотека "Руниверс"

Что дѣлается въ краѣ теперь—я не знаю, но убѣжденъ, что масса скромныхъ тружениковъ такъ же безупречна, какъ и прежде.

Въ заключеніе считаю своимъ нравственнымъ долгомъ сказать нѣсколько искренне-теплыхъ словъ по адресу канцеляріи генералъ-губернатора, въ стѣнахъ которой я прослужилъ безъ перерыва тридцать шесть лѣтъ съ чина подпоручика до тайнаго совѣтника.

При томъ огромномъ значеніи, при той власти, которыми обладалъ, особенно первые годы, генералъ-губернаторъ, канцелярія, какъ его единственный въ краѣ органъ, всегда имѣла очень большое значеніе. Черезъ канцелярію проходили всѣ предначертанія начальниковъ края; въ ней разрабатывались всѣ законодательные проекты; черезъ нее проходили огромныя денежныя суммы. Однимъ словомъ, работа канцеляріи была гигантская, особенно во время одиннадцатилѣтняго управленіе краемъ К. П. Кауфмана. Такіе управляющіе, какъ Несторовскій и Щербинскій, сдѣлаютъ честь любому министерству. Никогда за всѣ тридцать шесть лѣтъ моей службы ни одинъ упрекъ не раздавался по адресу канцеляріи. Даже такой предубѣжденный человѣкъ, какъ ревизовавшій въ 1882 г. край Ф. К. Гирсъ, который всѣми силами стремился докопаться въ дѣлахъ канцеляріи до какихъ-либо признаковъ незаконныхъ дѣйствій, въ концѣ концовъ долженъ былъ сложить оружіе и даже пригласилъ начальниковъ отдѣленій въ помощь ревизіи. Даже столь предубѣжденный противъ Кауфмана и его сподвижниковъ человѣкъ, какъ М. Г. Черняевъ, ознакомившись съ чинами канцеляріи и ихъ дѣятельностью, рѣзко измѣнилъ свои непріязненныя къ нимъ отношенія и до конца своего управленія краемъ выказывалъ чинамъ канцеляріи довѣріе и уваженіе.

За тридцать шесть лѣтъ службы я сроднился съ канцеляріей, чины которой всегда составляли тѣсную семью дружно и честно трудившихся людей. Мнѣ было больно и тяжело разставаться съ этими тружениками, и теперь, на склонѣ моихъ дней, я часто мысленно переживаю долгій періодъ моей службы среди этихъ истинно-хорошихъ людей.

Г. П. Федоровъ.

Библиотека "Руниверс"

АТАМАНЪ.

(Разсказъ изъ недавняго прошлаго).

I.

ТО было на станціи N. Московско-Брестской желѣзной дороги во время русско-японской войны, когда изъ Россіи шли на театръ военныхъ дѣйствій поѣзда съ запасными солдатами.

Ежедневно проходило по нѣскольку десятковъ поѣздовъ, вагоновъ по двадцати и болѣе въ каждомъ поѣздѣ.

На каждой станціи запасные буйствовали, недовольные тѣмъ, что ихъ отрывали отъ семейнаго очага и отправляли на войну, за тридевять земель, что они должны были оставлять женъ и дѣтей своихъ на произволъ судьбы, ничѣмъ не обезпеченныхъ.

Въ число запасныхъ попали и крестьяне изъ деревень близъ желѣзнодорожной станціи N. по Московско-Брестской желѣзной дорогѣ, а именно изъ деревень: Луково, Слетово, Марьино, Красный Боръ, Тверицы, Васильево и другихъ.

Среди мѣстныхъ крестьянъ началось броженіе, которое перешло въ открытый погромъ...

Еще задолго до погрома были нѣкоторые признаки, что въ деревняхъ, среди мужиковъ, что-то назрѣваетъ неладное... Деревенскія бабы, сбывавшія на желѣзнодорожной станціи молоч-

Библиотека "Руниверс"

ные скопы, грибы, ягоды и прочіе продукты, таинственно говорили своимъ покупателямъ, что среди мужиковъ готовится нѣчто очень важное, небывалое; болѣе впечатлительныя изъ нихъ даже перемѣнили свое отношеніе къ постояннымъ покупателямъ: бабы, которыя раньше были вѣжливы, сдержанны, вдругъ стали дерзкими и безъ всякихъ видимыхъ причинъ подняли небывало цѣны на свои сельско-хозяйственные продукты.

— Что жъ ты думаешь? Теперь и я такая же барыня, какъ и ты! Теперь ровное право! Теперь помѣщиковъ не будетъ! Теперь мы всѣ граждане! Теперь мы зайдемъ къ тебѣ на «хватеру» и возьмемъ, что намъ любо, что приглянется! Теперь ужъ ты не будешь день-деньской на «помпріянѣ» бренчать, а пойдешь съ нами сѣно косить да картошку копать!—говорила баба съ азартомъ, безъ приглашенія барыни сѣвши на стулъ и энергично жестикулируя руками, что крайне удивило барыню, такъ какъ эта же самая баба прежде была тише воды, ниже травы и всегда покорно стояла въ передней.

— Ну, хорошо!—добродушно отвѣтила барыня:—мы будемъ картошку копать, а ты попробуй поиграть на фортепіяно!...

— Да чорта ли въ немъ, твоемъ «помпріянѣ»? Я съ него жить не буду! Ну, а ты все равно картошку не выучишься копать... Да скоро придетъ время, ежели бы ты и хотѣла побаловаться на «помпріянѣ», то его не будетъ!

— Куда же оно дѣнется?

— Все равно его разобьютъ, въ щепки разнесутъ твое помпріяно-то!—съ азартомъ воскликнула баба.

Барыня, предчувствуя что-то недоброе и желая позондировать почву, сказала:

— Что ты, Матрена, сегодня такая сердитая! Не хочешь ли выпить чарочку горькаго?

— Ужъ и не вѣдаю, что и робить?—осклабилась Матрена:—ну, коли ласкова, такъ и дай!

Барыня налила. Матрена выпила.

Барыня налила другую, и у Матрены языкъ развязался:

— Ты барыня—хорошая! Ты, вѣдь, всегда меня угощала! Вотъ мнѣ тебя и жаль!

— Почему же такъ?

Тутъ Матрена положила свою руку на плечо барыни и тихо, по секрету, промолвила:

— Я тебѣ кой-что скажу, но только ты никому не говори, а то тебѣ и мнѣ будетъ лихо, но тебѣ—хуже... На дняхъ наши хлопцы будутъ разбивать лавки,—шопотомъ проговорила Матрена:—наши дѣтки будутъ ѣсть «ханфетки», а бабамъ и дивчатамъ будутъ новые сарафаны...

— Вотъ какъ!—сказала барыня. И такъ какъ у ней дочь лежала

Библиотека "Руниверс"

больная, а мужъ былъ въ командировкѣ, за Байкаломъ, тоже по желѣзнодорожному дѣлу, то она струсила и, чтобы вывѣдать у Марены, что такое творится въ народѣ, налила ей еще чарку водки, чтобы развязать ей языкъ.

Матрена вышла, подошла на цыпочкахъ къ дверямъ, къ окну, чтобы посмотрѣть, не подслушиваетъ ли ее кто-нибудь, и, убѣдившись, что никого нѣтъ, тихонько, на ухо шепнула барынѣ:

— Сестрица, и станцію будемъ разбивать!

— Матрена, что ты! Мы по телеграфу вызовемъ войска!— возразила барыня, жена помощника начальника станціи.

— Пустое, сестрица! Наши мальцы уже и «хелеграфъ» обрѣзали!... Ты только смотри, никому ни гу-гу! А то тебѣ первой будетъ лихо! Ты знаешь, кто у насъ атаманъ?

— Какъ? У васъ уже и атаманъ есть?

— Да, сестрица! Изъ Марьина—самый сильный хлопецъ! Левка!... Онъ ужъ не подгадитъ! Сегодня наши хлопцы вечеромъ учнутъ ходить по лавкамъ, гдѣ подешевле товары, гдѣ можно подешевле купить «ханфетки» и сарафаны!

— Неужели уже такъ скоро!—съ испугомъ воскликнула барыня.

— А развѣ ты не чуяла, что сегодня поѣдутъ наши «запасные» изъ нашихъ деревень? Имъ надо же приготовить на дорогу всего для себя! Покурить да сладко поѣсть, да попить! Дорога-то велика! А наше дѣло—не господское! Не можемъ мы имъ дать всего на дорогу! Мы все сами возьмемъ! Нынче, говорятъ, такъ можно! Ты развѣ не чуяла, что, начиная отъ Смоленска, только одна наша станція не разбита? Развѣ тебѣ не вѣдомо, что уже Колодежъ, Гусино, Красное, Вязьма и всѣ другія уже разграблены? Ну, теперь, сестрица, мнѣ ужъ некогда! Треба итти... Може и мнѣ придется помогать!

Дѣйствительно, баба говорила правду. Волна погромовъ по Московско-Брестской желѣзной дорогѣ, начавшись отъ Смоленска, катила на востокъ, вплоть до Москвы и далѣе.

Разговоры о предстоящемъ погромѣ происходили и въ мѣстныхъ мелочныхъ лавочкахъ.

Приходитъ барыня въ лавку, содержимую евреемъ, купить хлѣба. Въ лавкѣ въ это время былъ мужикъ, который торопилъ хозяина отпустить ему товаръ.

— Погоди немного, отпущу прежде барыню!—отвѣтилъ лавочникъ и сталъ вѣшать хлѣбъ.

— Плевать я хочу на тебя вмѣстѣ съ твоими барынями-то!— можетъ и подождать! Отпусти прежде меня!—закричалъ мужикъ, размахивая руками:—теперь мы сами баре! Погоди, матушка, вотъ скоро придетъ время, когда ты поклонишься мнѣ!—воскликнулъ мужикъ, обращаясь къ барынѣ:—чуешь раскаты грома? Гроза уже близко.

Библиотека "Руниверс"

Барыня съ удивленіемъ смотрѣла на мужика.

— Чего вытаращила свои бѣльма-то на меня? Не бачила меня, что ли? Вишь, какая мегера! Подожди, и твою рожу почищу? Такъ заѣду, что небо съ овчинку покажется...

Буянилъ мужикъ ни съ того, ни съ чего.

— Чего ты ко мнѣ присталъ?—протестовала барыня.

— Да я и не приросъ!—закричалъ мужикъ, и что есть силы ударилъ кулакомъ по прилавку.

— Будете вы, окаянные, меня помнить! Отольются волку овечьи слезки!

И, грозя по воздуху кулакомъ, вышелъ изъ лавки, держа въ рукѣ каравай хлѣба.

II.

Разговоръ этотъ происходилъ съ женою служащаго на желѣз, нодорожной станціи N.; ее знали всѣ окрестные мужики и бабы-которые нерѣдко обращались къ ней за медицинской помощью, такъ какъ она обладала нѣкоторыми элементарными свѣдѣніями по медицинѣ и имѣла маленькую домашнюю аптечку. И по своей добротѣ никому не отказывала въ посильной помощи.

Въ одинъ вечеръ приходитъ къ ней мужикъ изъ сосѣдней деревни, рослый дѣтина, косая сажень въ плечахъ. Когда онъ неуклюже ввалился въ комнату, жена служащаго на станціи даже испугалась отъ неожиданности.

Это былъ Лёвка—впослѣдствіи атаманъ погрома на станціи N. Московско-Брестской желѣзной дороги. Онъ былъ атлетическаго тѣлосложенія, въ своемъ родѣ деревенскій Геркулесъ. Служилъ нѣсколько лѣтъ кучеромъ у мѣстнаго помѣщика, сталъ пить, и потерялъ мѣсто. Тогда онъ сталъ ходить на поденную работу на станцію, куда звали его таскать огромныя тяжести: бревна, тюки, бунты и т. п. И тамъ онъ удивлялъ всѣхъ грузчиковъ своею физической силою.

Работая на станціи, онъ сталкивался съ болѣе или менѣе состоятельными жителями, зналъ, кто чѣмъ занимается, кто богатъ, кто бѣденъ и проч.

— Здравствуй, барыня! Ты помощь даешь мужикамъ нашимъ! Вотъ я и пришелъ къ твоей милости! Иди со мной! У меня жена при смерти! Пришло время родить! Ты знаешь, докторъ далеко, а у ней—простая деревенская бабка, которая ничего не смыслитъ...

Жена желѣзнодорожнаго служащаго пошла къ мужику.

Лёвка жилъ на краю деревни, верстахъ въ трехъ отъ станціи. Страшная бѣдность. Убогая избенка въ два окна, крытая соломой. Полъ земляной. Въ избѣ на нарахъ, на соломѣ, лежала роженица. Дѣти спали на голомъ земляномъ полу, по угламъ.

Библиотека "Руниверс"

Придя въ избу, мужикъ сказалъ, указывая на роженицу, измученную невѣжественной деревенской повитухой:

— Смотри, барынька, чтобы все было гладко, не такъ, какъ съ этой бабой, а то ребята останутся, какъ щенки, у меня.

Деревенская повитуха испугалась пришедшей барыни.

— Ты на меня, барынька, не гнѣвайся! Меня звали, я и пришла! Но я, скажу тебѣ откровенно, ничего, ничего не разберу... И не говори ничего на меня...

Жена желѣзнодорожнаго служащаго стала оказывать акушерскую помощь крестьянской бабѣ.

Роды были благополучны. Но по причинѣ страшной бѣдности даже не было во что завернуть новорожденнаго, и она, по необходимости, разорвала свою нижнюю юбку, чтобы завернуть ребенка.

Надо было дать чего-нибудь попить роженицѣ, но въ избѣ ничего не нашлось, такъ что съ тѣмъ же мужикомъ пришлось вернуться на станцію, захватить тамъ чаю, сахару и булокъ и кое-что изъ стараго бѣлья, и снова прійти къ роженицѣ.

Спустя недѣлю, Лёвка прибѣжалъ опять:

— Барынька, опять бѣда!

— Что такое?

— Съ женою неладно!

— Что у ней?

— Брюхо болитъ! Вся горитъ и стонетъ! Можетъ быть, чего-нибудь дать... Хоть капли дай какія-нибудь...

— Нѣтъ, такъ нельзя! Надо ее посмотрѣть: можетъ быть, поѣла чего-нибудь?

— Такъ пойдемъ, барыня!

Пришли вмѣстѣ съ мужикомъ въ избу.

Больная лежитъ и стонетъ. Животъ вздутъ, какъ барабанъ.

— На дворъ ты ходила?—спрашиваетъ барыня больную.

— Чай ты рехнулась, барыня, спрашиваешь, ходила ли она по двору; она не можетъ даже съ боку на бокъ повернуться, гдѣ же ей ходить по двору!—отвѣтилъ за роженицу Лёвка.

— Ну, какъ мнѣ вамъ объяснить?—съ досадой и отчаяніемъ проговорила акушерка:—мнѣ надо знать, ходила ли она «до вѣтру»?

— О,—воскликнулъ Лёвка,—сразу бы такъ и говорила, и мы бы поняли... Нѣтъ, нѣтъ, четвертый день она уже не ходила «до вѣтру»!

— А что она ѣла за это время?

— Сѣрую капусту съ кашей да гороху малость поѣла!

— Напрасно! Этого нельзя было давать! Она еще слаба! Надо было ей лапшу молочную варить...

— А гдѣ же намъ молока взять? Коровы у насъ нѣту, а сусѣди не даютъ...

Библиотека "Руниверс"

Надо было поставить клистиръ больной, такъ какъ у ней былъ послѣ родовъ отъ грубой пищи и чрезмѣрной ѣды простой запоръ.

По просьбѣ акушерки, Лёвка вышелъ на время изъ избы. Кромѣ роженицы, въ избѣ было еще нѣсколько деревенскихъ бабъ.

Когда акушерка вынула изъ своей корзинки эсмархову кружку и попросила теплой воды, одна изъ бабъ, никогда не видавшая клистирной кружки, торопливо выскочила изъ избы и закричала:

— Лёвка, Лёвка! иди скорѣе! Барыня хочетъ твою жену на тотъ свѣтъ отправить! Она пожарную машину привезла съ собою и съ кишкою...

Лёвка прибѣжалъ въ избу.

— Что ты, барыня, чай, рехнулась ты совсѣмъ! Глянь-ка на эту кишку, моя баба подавится,—съ изумленіемъ воскликнулъ Лёвка полагая, что труба клистира будетъ поставлена въ ротъ его жены:—нѣтъ, ужъ нѣтъ, какъ хочешь, барыня, а такой помощи не надо! Баба моя умретъ со страху!

Въ это время и одна изъ бабъ воскликнула:

— У насъ же, вѣдь, не пожаръ! У Ѳеклы только брюхо болитъ!

Слыша этотъ разговоръ, больная замахала руками и ногами и неистово завопила:

— Что ты со мной хочешь дѣлать, барыня! Ой, пожалѣй мою душеньку! Не дай ты мнѣ умереть безъ покаянія! Глянь-ка на эту воду и длинную кишку, какъ я ее проглочу?..

Въ первый моментъ акушерка растерялась, у ней опустились руки, и она хотѣла бросить все и уѣхать отсюда; но тѣмъ не менѣе, пораздумавъ немного, выгнала всѣхъ бабъ изъ избы и принялась немедленно за свое дѣло: уговорила больную, и послѣ продолжительнаго объясненія пользы клистира для нея Ѳекла наконецъ согласилась.

И желудокъ больной былъ прочищенъ. Жаръ уменьшенъ, и ей стало сразу легче.

Ѳекла встала съ наръ, какъ встрепанная.

Тогда Лёвка, вмѣстѣ съ бабами вернувшійся уже въ избу, воскликнулъ отъ удивленія:

— Ну, что? Лѣпше тебѣ?—спросилъ онъ роженицу.

— Ай, лѣпше, лѣпше! Дай тебѣ, барынька, Богъ здоровья! У тебя эта пожарная кишка заколдована...

— Теперь придется всей деревнѣ сказать,—подхватилъ Лёвка:—что эта кишка хорошо заколдована, и ежели у котораго мужика али бабы брюхо заболитъ, бѣжали бы на станцію къ барынѣ.

Акушерка старалась объяснить Лёвкѣ съ бабами дѣйствіе клистира, что это—обыкновенное дѣло.

Но они и слушать не хотѣли и все время твердили, что барыня что-нибудь тутъ «нашептала», и что она чародѣйка...

Библиотека "Руниверс"

— Ну, барыня, сдѣлала мнѣ столько добра, ужъ не откажи, окрести ребенка! Платить я тебѣ не могу, видишь, какъ живемъ! Богъ знаетъ, можетъ быть, и я тебѣ пригожуся когда-нибудь...

Акушерка охотно согласилась исполнить и эту просьбу Лёвки.

III.

Спустя два дня, пришелъ къ акушеркѣ мужикъ Парфенъ.

— Здравствуйте, барынька! Вотъ пришелъ тебя приглашать: завтра будемъ дитё крестить! По нашему обычаю, не гнѣвайся теперь—ужъ ты кумушка моя... Завтра въ десять часовъ поѣдемъ въ церковь... Ужъ не забывай полотенце-то!

Акушерка угостила кума водкой.

— Такъ завтра въ десять часовъ я за тобой пріѣду, кумушка!

На другой день Парфенъ пріѣхалъ. И кума и кумъ поѣхали къ Лёвкѣ. Тамъ ихъ встрѣтили гости, собравшіеся по случаю крестинъ къ Лёвкѣ. Мужики и бабы низко поклонились и повели куму въ хату.

— Ну, кумушка дорогая! Дай тебѣ Богъ здоровья, что не отказала намъ, бѣднымъ мужикамъ!

Бабка уже приготовила купельку.

— Дорогая кумушка! ужъ не гнѣвайся, у насъ такой обычай: кума сама купаетъ ребенка передъ крестинами. А ко мнѣ ужъ, пожалуйста ,не подходи сегодня...—сказала мать новорожденнаго.

Акушерка взяла и обмыла ребенка и спеленала. Подвязала полотенцемъ правую руку куму, а кумъ положилъ на спеленатаго ребенка серебряный рубль—и поѣхали въ церковь.

Когда они проѣзжали черезъ деревню, то встрѣчные мужики и бабы кланялись до земли.

— Вотъ везутъ невѣдомо кого, не крещенаго! Помоги, Господь, вернуться, кумушка, съ христіаниномъ!

Деревня была бѣдная. Избы мужиковъ въ два окна, и всѣ крыты соломой. Мальчишки бѣгали по улицѣ безъ штановъ, въ однѣхъ рубахахъ.

Подъѣхали къ церкви.

Зашли въ сторожку. Послали за попомъ.

Пришелъ попъ.

— Въ церкви я не буду крестить! Будемъ крестить въ сторожкѣ. Сторожъ принесъ воды изъ колодца и налилъ воды въ купель. Акушерка попробовала воду наощупь рукой и такъ и ахнула:

— Слушай, кумъ, ошалѣли, что ли, вы? Развѣ можно въ такой водѣ ребенка крестить?

— Ничего, кумушка, крѣпче будетъ! Живъ будетъ...

— Нѣтъ! Въ этой водѣ я не буду крестить! Пусть нагрѣютъ немного воду!

Библиотека "Руниверс"

На это попъ сказалъ:

— Если воду грѣть, то это будетъ стоить гривенникъ да десять копеекъ свѣчи, тридцать копеекъ за крещеніе да пятнадцать копеекъ за дрова сторожу.

— Батюшка, это очень дорого, вѣдь, они бѣдные люди!

— Такъ надо въ холодной водѣ купать, тогда дешевле обойдется!

Стали грѣть воду.

Пока вода грѣлась, попъ закурилъ папироску и сталъ разговаривать съ кумой.

— А платокъ-то руки обтереть мнѣ принесли?—спросилъ онъ куму.

— Принесла, батюшка, только ситцевый, а не шелковый.

— Чѣмъ ты занимаешься?—обратился попъ къ Парфену.

— Крестьянствомъ, батюшка!

— А богатъ у васъ дворъ?

— Нѣтъ, батюшка, мы бѣдные!

— Что вода готова?—нетерпѣливо спросилъ попъ у сторожа.

— Ахъ! За тридцать копеекъ сколько у меня времени отняли! Его можно было бы и въ холодной водѣ крестить! Они, вѣдь, привыкли къ этому!

Между тѣмъ попъ записалъ кума и куму въ метрическую книгу.

— Какъ звать мальчика-то?

— Андрономъ, батюшка, въ память дѣдушки!

Окрестили ребенка.

И кумъ, и кума пошли въ сторонку, чтобы завернуть и спеленать ребенка. И пока кума спеленала младенца, Парфенъ досталъ изъ-за пазухи бутылку водки.

— Ну, кумушка, надо намъ поздравить новорожденнаго!

Кума немного пригубила.

И поѣхали домой.

По дорогѣ Парфенъ то и дѣло прикладывался къ бутылкѣ, то за здоровье новорожденнаго, то за здоровье кумы.

Въѣхали во дворъ.

Вышелъ изъ избы съ бабушкой новорожденнаго Лёвка, кланялись въ ноги кумѣ и благодарили ее, что она привезла христіанина. Потомъ повели въ хату.

Кумъ снялъ полотенце съ руки и обернулъ имъ руки кумы, себѣ тоже обернулъ—и понесли ребенка къ матери.

— Вотъ тебѣ твой Андронъ! Расти его большимъ!

— Дай Богъ вамъ здоровья, кумушка и куманекъ! Милости просимъ, хлѣба-соли откушать!

Куму съ кумомъ посадили въ передній уголъ, подъ образами. Началось угощеніе. А бабы и мужики сидѣли по сторонамъ стола на лавкахъ.

Библиотека "Руниверс"

Прежде всего подали молочную лапшу въ большой глиняной мискѣ, селедки, потомъ въ той же мискѣ подали вареную капусту на салѣ, гороховики, горячія лепешки изъ ржаной муки, ржаной пирогъ «съ картофкой» и «дрожало» (такъ называютъ въ деревнѣ студень) и, разумѣется, водку и пиво, которыя принесли съ собою въ изобиліи гости, по бѣдности Лёвки.

Мужики и бабы съ чарками въ рукахъ подходили къ роженицѣ, которая лежала, низко кланялись и поздравляли ее съ новорожденнымъ.

— Дай Богъ тебѣ, Өекла, черезъ годикъ еще такого же молодца крестить! горѣлки попить и тебя лихомъ не поминать!

— Чѣмъ Богъ больше пошлетъ дѣтей, тѣмъ больше кормильцевъ у тебя будетъ на старости лѣтъ!

— Что вы! Что вы! Чѣмъ я ихъ буду кормить, покамѣстъ они кормильцами-то станутъ!

Двое мужиковъ принесли въ корытѣ «дрожало» и поставили на табуретку.

Тутъ каждый изъ гостей подходилъ къ корыту и руками бралъ изъ корыта порцію «дрожала» и тутъ же, возлѣ корыта, и ѣлъ...

— Кумушка, не побрезгай: попробуй «дрожальца-то»!

— Нѣтъ, спасибо! Не могу!—отвѣтила кума, полагая, что въ этомъ корытѣ прежде кормили свиней.

Потомъ посадили кума и куму на табуреткѣ, посреди избы, и стали ихъ качать, выкрикивая:

— На долгія лѣта Андрона и его родителей!

Всѣ были здорово выпивши. Мужики и бабы пѣли пѣсни. Бабы, въ красныхъ сарафанахъ, визжали.

Къ концу пирушки всѣ по очереди подходили къ кумѣ и низко кланялись.

— Дай Богъ тебѣ каждый годъ крестить, кумушка! Чтобы тебя на томъ свѣтѣ крестники встрѣчали да въ рай повели...

— Ну, кумушка, по обычаю, ты должна теперь вмѣстѣ съ кумомъ поцѣловаться, съ отцомъ Андрона и съ родильницей... Знаешь, съ волками жить, по-волчьи выть!

Нечего дѣлать, пришлось акушеркѣ съ пьяными мужиками цѣловаться.

По окончаніи пирушки Парфенъ повезъ куму домой. Гости съ плясками и пѣснями проводили куму до воротъ. Мужики плясали вприсядку, а бабы хлопали въ ладоши...

По дорогѣ домой попался имъ навстрѣчу малецъ верхомъ на лошади, которая вся была въ пѣнѣ отъ спѣшной ѣзды.

Онъ крикнулъ Парфена:

— Далече тутъ будетъ монополька?

— Что ты такъ загналъ лошадь?—спросила кума.

— Якъ-то ее не загнать? Завтра-то праздникъ!

Библиотека "Руниверс"

— Ну, такъ что жъ?

— Монополька-то будетъ закрыта, а у насъ-то тятька помираетъ, чѣмъ его будетъ помянуть?

— Но онъ еще живъ?

— Что-жъ, что живъ, а горѣлки-то надо заранѣе припасти, чтобъ помянуть!..

И малецъ погналъ лошадь.

IV.

Спустя годъ послѣ крестинъ, когда акушерка даже и забыла о существованіи Лёвки, однажды вечеромъ онъ тихо постучалъ къ ней въ двери.

— Барынька, не узнаешь меня?

— А это ты, Лёвка! Я тебя помню! Что у тебя опять приключилось такое?

— Ничего, слава Богу, всѣ здоровы! Теперь уже дѣло касается тебя, барыня! Мнѣ надо поговорить по секрету!

— Что такое?

— Я слыхалъ, что твой мужъ уѣхалъ на Байкалъ, а у тебя маленькія дѣти, и дочь больная лежитъ... Вотъ я и пришелъ дать тебѣ хорошій совѣтъ!

— Что случилось? Ты пугаешь меня, Леонъ!

— Пока еще ничего не случилось, но хорошо было бы тебѣ, по обру, по здорову, уѣхать отсюда куда-нибудь подальше!

— Что это значитъ?

— А развѣ ты не чуяла, что вездѣ бьютъ помѣщиковъ и господъ и грабятъ евреевъ? И что скоро и до васъ дойдетъ очередь!.. Вотъ я и пришелъ къ тебѣ, предупредить тебя. Мнѣ жаль тебя!

— Ну, что мнѣ дѣлать, Лёвка? Какъ мнѣ быть?

— Ну, ужъ объ этомъ думай сама! А сколько отъ меня зависитъ, я помогу тебѣ за твое добро!

И Лёвка ушелъ.

Акушерка сидѣла въ раздумьи, что ей предпринять на случай надвигающагося погрома. И, смотря на свою больную дочь и спящаго сына и сознавая свое одиночество и безпомощность, горько заплакала. Всю ночь проплакала и наконецъ придумала: уѣхать куда-нибудь она не могла: остановилась на мысли куда-нибудь спрятаться во время погрома. Пускай все берутъ, лишь бы спастись и спасти дѣтей...

Въ сѣняхъ была большая кладовая. Выпилила у самаго порога изъ пола нѣсколько досокъ, а внизу, подъ поломъ, стала рыть яму, чтобы схорониться тамъ со своими дѣтьми во время нападенія.

Со своей вѣрной преданной прислугой Мариной, на которую она могла положиться, что та не выдастъ, акушерка три недѣли

Библиотека "Руниверс"

по ночамъ работала въ подвалѣ, приготовляя себѣ убѣжище отъ ярости черни.

Вырытую землю потихоньку по ночамъ таскали въ корзинахъ въ помойную яму и канавы, подальше, чтобы никто не замѣтилъ, откуда эта земля.

Заранѣе былъ составленъ планъ, какъ спрятаться въ подвалѣ. Рѣшено: больную дочь завернуть въ одѣяло и стащить ее первую, потомъ спустить сына и, наконецъ, спуститься самой, вмѣстѣ съ Мариной, и накрыть за собою доски... Въ подпольѣ постоянно, на всякій случай, приготовленъ былъ хлѣбъ и молоко.

Кромѣ этого, на кухнѣ день и ночь кипѣлъ кипятокъ...

На тотъ случай, если бы обитатели квартиры не успѣли спрятаться въ подполье, то акушерка съ прислугою рѣшили, защищая свою жизнь, обварить погромщиковъ, ворвавшихся въ квартиру,— кипяткомъ...

Акушерка съ Мариной цѣлыми днями толковали о надвигающейся опасности. Вѣсти одна другой мрачнѣе приходили о погромахъ имѣній и жестокостяхъ черни, объ ограбленныхъ и убитыхъ помѣщикахъ, изнасилованныхъ женахъ и дочеряхъ...

— Какъ намъ быть? Что намъ дѣлать съ больной барышней?— говорила Марина:—она, вѣдь, умретъ отъ одного страху, пока мы ее втащимъ въ подполье! А что намъ дѣлать съ маленькимъ Жоржикомъ? Онъ, вѣдь, можетъ закричать съ испугу. А тутъ насъ и услышатъ! Вотъ—и все пропало!

Барыня была тронута до глубины души преданностью Марины, которая, оставаясь съ ней, рисковала своею жизнью...

— Марина, можетъ быть, ты хочешь уѣхать въ деревню? Можетъ быть, ты боишься?

— Нѣтъ, барыня, я не брошу васъ и больную барышню. Грѣхъ будетъ покинуть васъ въ такое время! Будь, что будетъ, все равно...

Подобные разговоры Марины съ барыней велись шопотомъ, изъ опасенія быть услышанными.

Малѣйшій шумъ или стукъ въ ночное время вызывали паническій страхъ у обѣихъ беззащитныхъ женщинъ, которыя съ замираніемъ сердца прислушивались къ ночной темнотѣ, ожидая, что вотъ-вотъ ворвется толпа и разорветъ ихъ на части...

За день до погрома пришелъ къ акушеркѣ одинъ еврей, который умолялъ спрятать его дочь, дѣвочку лѣтъ пяти-шести, у нея на квартирѣ, потому что злоба погромщиковъ съ особенной силой обрушилась на евреевъ.

Акушерка колебалась. Марина сказала:

— Лучше и не берите, барыня, онамедни я на шоссе слыхала, что кто будетъ укрывать евреевъ, тому смерть...

И акушерка отказала, къ великому огорченію отца.

Библиотека "Руниверс"

V.

Въ началѣ іюня мѣсяца пошли одинъ за другимъ на Дальній Востокъ поѣзда съ запасными. На станціи N. въ это время происходила суматоха. Изъ ближнихъ деревень стали собирать запасныхъ. Среди мѣстныхъ крестьянъ стало проявляться открыто броженіе, злоба и недовольство своимъ положеніемъ.

— Зачѣмъ насъ берутъ? Что мы будемъ дѣлать? Мы давно и ружья-то не видали въ глаза! Чѣмъ мы будемъ воевать: вилами, граблями?

— На кого мы оставимъ женъ и дѣтей нашихъ?

— Кто будетъ обрабатывать наши поля: колосъ уже начинаетъ наливаться? Нѣтъ, мы не поѣдемъ!

— Вяжите насъ! Пошлите молодежь! Оставьте насъ, стариковъ, въ покоѣ!

Кричали мужики, расхаживая по шоссе и по вокзалу, въ сопровожденіи своихъ женъ и бабъ, которыя еще больше вопили, проклиная свою судьбу, начальство, и кричали:

— Долой господъ! Долой дармоѣдовъ!

Въ этотъ самый день долженъ былъ отправленъ въ одиннадцать часовъ вечера первый поѣздъ съ запасными со станціи N. на Клязьму. Около девяти часовъ вечера на вокзалъ собралась толпа проводить запасныхъ на театръ военныхъ дѣйствій.

Всѣ были выпивши. Бабы кричали и выли, какъ волчихи. Дѣти жалобно пищали.

Въ ожиданіи поѣзда бабы, жены и матери оплакивали своихъ сыновей, приговаривая:

— На кого ты насъ, родненькій, оставляешь!

— Что-то съ тобой будетъ?

— Не сгинулъ бы ты на чужой сторонѣ!

Старики притащили водки и предлагали:

— На, выпей, голубчикъ, покамѣстъ можно!

Лавки давно уже были заперты. Окна на желѣзнодорожной станціи завѣшены. Начальникъ станціи и его помощникъ, чуя приближавшуюся грозу, скинули съ себя форменное платье и переодѣлись въ одежду стрѣлочника, чтобы не быть узнанными бунтовщиками.

Толпа кричала въ изступленіи:

— Мы поѣздъ не пустимъ!

— Будемъ держать, сколько угодно!

— Убьемъ всѣхъ!

Въ этотъ моментъ вдали по полотну желѣзной дороги раздался свистокъ подходящаго поѣзда изъ Брестъ-Литовска, который долженъ былъ захватить запасныхъ со станціи N.

Библиотека "Руниверс"

Лишь только поѣздъ, пыхтя и громыхая, подкатилъ и остановился возлѣ станціи, пріѣхавшіе запасные высыпали изъ вагоновъ на платформу, къ нимъ присоединились запасные со станціи N. и окрестныхъ деревень,—вдругъ раздался громовой голосъ:

— Товарищи! За мной! Здѣсь есть чѣмъ поживиться!

Это кричалъ атаманъ Левка, который шелъ впереди толпы, показывая дорогу, куда итти.

По указанію Левки, запасные бросились грабить мелочную лавку одного еврея. Въ этой лавкѣ было все, что угодно: отъ краснаго галантерейнаго товара до котловъ, шапокъ для парней и хомутовъ для лошадей.

— Отворяй лавку! Пришли покупатели, но безъ грѐша! Давай, что есть!

Молодая красивая еврейка, держа въ одной рукѣ грудного ребенка, а въ другой лампу, чуть живая отъ страху, прислонившись къ стѣнѣ, умоляла пощадить ее:

— Братцы! тутъ все ваше! Только пощадите меня и ребенка.

Толпа хлынула въ лавку.

— Ну, мадамъ! кажется, этотъ «щиколадъ» Бормана,—проговорилъ мужикъ, подбоченясь и указывая на ящикъ съ плитками шоколада:—Мой парнишка тоже понимаетъ! У него языкъ тоже не лопата: знаетъ, что кисло, что сладко! Такъ ужъ ты будь такая добренькая, дай моему парнишкѣ гостинца!

И мужикъ снялъ съ полки весь запасъ шоколада и конфетъ.

Другой мужикъ, взглянувъ на висѣвшія ленты и бусы на протянутыхъ веревкахъ, сказалъ:

— Мамочка! Сколько аршинъ въ этомъ кусочкѣ?

— Богъ его знаетъ!—отвѣтила въ страхѣ еврейка.

— Э, сударыня, ты, вѣдь, знаешь, что нашимъ бабамъ надо семь аршинъ обшивки на сарафаны, въ три ряда, значитъ, тутъ не хватитъ! Потрудитесь, милочка, съ нами итти въ кладовую: тамъ у тебя, навѣрно, много запасено всякой всячины!

Пока эти два мужика разговаривали съ еврейкой, другіе погромщики упаковывали товары, чтобы унести ихъ...

Еврейка, желая спасти хоть кладовую, сказала:

— Братцы! Мужъ уѣхалъ въ городъ и ключи съ собой взялъ...

— Ну, не безпокойся, барынька! Мы сумѣемъ и безъ ключика отворить, и замочка твоего не попортимъ: у насъ есть ломъ...

Тутъ еврейка, дрожа отъ страха, волей-неволей повела погромщиковъ въ кладовую, освѣщая путь погромщикамъ лампой. Одна партія пошла за ней, а другая—грабила лавку. Вошли въ кладовую.

— Братцы! берите все, только пощадите меня и ребенка.

— Не бойся, красавица, мы тебя не тронемъ!

Библиотека "Руниверс"

Ребенокъ, среди такой необычной обстановки, увидя толпу бородатыхъ мужиковъ, сильно перепугался и все время неистово кричалъ. Тогда одинъ изъ погромщиковъ сказалъ:

— Барыня! Чего ты пужаешь ребенка! Иди ты съ нимъ лучше на «хватеру!» Успокой его тамъ... А тутъ между нами найдется приказчикъ, онъ намъ продастъ товаръ... А цѣну-то мы и сами знаемъ...

Трепеща за свою жизнь, еврейка благодарила свою судьбу, что ее отпустили. Она ушла въ свою квартину, затворилась тамъ и около дверей и оконъ устроила въ своей квартирѣ баррикады, загородивъ окна и двери стульями и диваномъ, и потихоньку изъ окна наблюдала, какъ грабятъ ея добро.

Толпа шумѣла и грабила все, что попадется подъ руку. Прятали за пазуху платки, косынки, тащили подъ мышками куски ситца, коробки съ нитками, гребнями, набивали карманы конфетами, насыпали ихъ въ свои картузы.

А чего не могли тащить съ собою, уничтожали: открывали краны у бочекъ съ керосиномъ, уксусомъ и дегтемъ...

И все это разлилось по полу кладовой...

Керосинъ, деготь и уксусъ смѣшались...

Учинивъ полный разгромъ кладовой, толпа уже стала уходить, какъ одинъ мужикъ увидѣлъ на полкѣ двѣ бутылки водки. Онъ досталъ ихъ и тутъ же выпилъ залпомъ. Сразу охмелѣлъ и, направляясь къ выходу, поскользнулся на скользкомъ полу, облитомъ дегтемъ, упалъ и сильно ударился головою о мѣдный кранъ бочки, стоявшей на полу...

Долго онъ лежалъ безъ сознанія въ темной кладовой. И когда очнулся и захотѣлъ подняться, то снова поскользнулся и упалъ...

Долго онъ барахтался на четверенькахъ въ дегтю и керосинѣ. Весь умазался, но выйти изъ кладовой такъ и не могъ.

Часа черезъ два, черезъ три вернулись въ лавку евреи, которые разбѣжались и попрятались, и когда вошли въ кладовую, услыхали оттуда стоны:

— Помогите, товарищи!

Это стоналъ, барахтаясь въ дегтю, охмелѣвшій и разбившійся мужикъ.

Несмотря на пережитое потрясеніе, евреи не могли удержаться отъ смѣха при видѣ умазавшагося и барахтающагося въ дегтю мужика.

Они захлопнули двери кладовой и продержали въ ней мужика, какъ участника и свидѣтеля погрома, дня три-четыре, пока не пріѣхали представители власти.

Между тѣмъ, выйдя изъ этой лавки, погромщики направились въ сосѣднюю еврейскую хлѣбопекарню.

Здѣсь ихъ встрѣтила дѣвочка-еврейка, лѣтъ четырнадцати.

Библиотека "Руниверс"

Пока мужики грабили квартиру, озвѣрѣвшіе молодые парни занимались съ дѣвочкой до тѣхъ поръ, пока она Богу душу не отдала...

Потомъ озвѣрѣвшая толпа пошла въ третью лавку.

Толпа хлынула въ квартиру еврея, сбила съ ногъ ребенка... и растоптала его въ безформенную массу... Затѣмъ стали бить мать ребенка по щекамъ... Та, защищаясь, укусила одному погромщику палецъ. За это ей выворотили руки...

Еврейка упала безъ чувствъ, и когда потомъ ее отвезли въ больницу, и когда она выздоровѣла и узнала, что ея единственный шестилѣтній ребенокъ погибъ ужасною смертью,—она сошла съ ума, а отецъ рвалъ на себѣ одежду и посылалъ проклятіе бунтовщикамъ...

Все было разграблено, разбито, разлито...

Опьянѣвшая толпа, не встрѣтивъ нигдѣ отпора, съ дикими криками обошла еще нѣсколько лавокъ и наконецъ вернулась на станцію. По дорогѣ было много добычи растеряно: чай, сахаръ, табакъ, ситецъ, платки валялись по дорогѣ... Бабы, сопровождавшія толпу, подбирали все это.

Поѣздъ долженъ былъ стоять восемь минутъ, а онъ простоялъ полтора часа. Наконецъ съ большимъ трудомъ поѣздъ тронулся.

Бабы и дѣвки еще пуще завопили и бѣжали позади поѣзда.

Черезъ часъ пришелъ слѣдующій поѣздъ съ запасными.

Запасные шумно вышли на платформу.

Одинъ изъ нихъ выступилъ впередъ и спросилъ:

— Гдѣ контора начальника станціи?

Ему показали.

— А гдѣ же самъ начальникъ?

Къ нему подошелъ начальникъ станціи—въ формѣ низшаго желѣзнодорожнаго служащаго, въ формѣ стрѣлочника.

— Стало быть, это вы начальникъ? А я думалъ, что вы—стрѣлочникъ... У васъ въ пакгаузѣ есть товаръ?

Начальникъ не зналъ, что сказать.

— Видите ли, господинъ начальникъ, вы должны говорить правду, чтобы между нами не вышло недоразумѣнія...

— Да, братцы, есть: сахаръ, чай, табакъ и два мѣшка подсолнуховъ.

— Такъ будьте добры, дайте намъ ключи отъ пакгауза, да только поскорѣе: поѣздъ стоитъ только двадцать минутъ, и намъ надо торопиться, чтобы не опоздать...

— Братья, братья, вы меня губите! За все это, буду отвѣчать... А я человѣкъ семейный!..

— Чего вамъ тужить!.. Хелеграфъ есть?

— Есть!

— Такъ вотъ и пошлите депешу своему начальству! Что, молъ, поѣздъ пріѣхалъ, и запасные очищаютъ пакгаузъ! И вамъ ничего не будетъ... Всѣ знаютъ, что мы теперь—не овцы...

Библиотека "Руниверс"

Начальникъ взялъ ключи отъ пакгауза, самъ отворилъ дверь и предоставилъ товаръ въ полное распоряженіе бунтовщиковъ, которые поспѣшно принялись за расхищеніе товаровъ...

Когда поѣздъ тронулся съ мѣста, запасные кричали и махали шапками:

— Ура! господинъ начальникъ!

— Счастливо оставаться!

— Если Богъ приведетъ вернуться, то мы васъ больше безпокоить не будемъ!..

Запасные уѣхали, а толпа бушевала цѣлую ночь, утромъ она еще больше возросла: къ ней присоединились мѣстныя деревенскія бабы. Станціонные обыватели всю ночь провели въ страхѣ, трепеща за свою жизнь.

На утро толпа ворвалась въ квартиру помощника начальника станціи—къ акушеркѣ. Это такъ быстро и неожиданно произошло, что она не успѣла «схорониться» въ подполье...

— Барыня, глянь-ка во дворъ! Мужики идутъ! Не успѣемъ схорониться!

— Будь, что будетъ! На все воля Божія!

Трехлѣтній сынъ акушерки спалъ, а больная дочь слышала, какъ ворвалась въ квартиру толпа. Съ нею сдѣлался обморокъ.

— Давай намъ пить и ѣсть, поганая нѣмчура! — кричали погромщики.

И стали ломать мебель, бить посуду, рвать подушки и разбивать «помпріяно», которое подъ ударами лома гудѣло и стонало, издавая какіе-то безпорядочные аккорды...

— Что вамъ надо, господа? Чего вы хотите? У меня, вѣдь, здѣсь не монополька?

— Какіе мы господа!—крикнулъ одинъ изъ погромщиковъ:— называетъ насъ господами!

— Мы не дармоѣды, какъ ты...

— Видишь ли, ты тоже барыня! А барыни должны умереть!— кричали мужики.

— Нашихъ-то братьевъ угнали на войну, а женъ и дѣтей оставили голодать! А ты тутъ имѣешь казенную «хватеру» да еще и гроши получаешь, дармоѣдка ты этакая!

Кричали мужики, наступая на беззащитную женщину. Та осторожно попятилась къ плитѣ, зачерпнула изъ котла ковшомъ кипятку и крикнула:

— Довольно вамъ тутъ бушевать! Не подходи! Кто первый подойдетъ, ошпарю кипяткомъ!

Въ этотъ самый моментъ она услышала на улицѣ знакомый голосъ Лёвки.

— Левка! Левка! ради Бога, спаси меня!

Едва успѣла крикнуть барыня, какъ атаманъ вбѣжалъ въ ком-

Библиотека "Руниверс"

нату и принялся энергично расталкивать толпу и гнать отсюда всѣхъ вонъ.

— Развѣ не говорилъ я вамъ, черти вы этакіе, что тутъ живетъ моя кума! Чтобы вы сюда не ходили! Зачѣмъ ослушались меня?

Тогда выступилъ одинъ мужикъ и, указывая на котелъ съ кипяткомъ, гаркнулъ:

— Чего ты ее жалѣешь, атаманъ? Видишь, какое угощеніе приготовила она для насъ—горячую водку!

— Развѣ я не рискую для васъ своею головою?

— Ну, пусть будетъ по-твоему, атаманъ, чортъ съ нею, съ нѣмчурой проклятой...

— Уйдемъ отсюда! Намъ и безъ нея еще будетъ работы!

И погромщики повернули обратно изъ квартиры.

— Богъ вамъ на помощь!—крикнула акушерка, ноги ея подкосились, и она въ изнеможеніи повалилась на полъ.

По уходѣ толпы изъ квартиры акушерка мало-по-малу очнулась отъ нервнаго потрясенія, тихо подползла къ окну (встать она не рѣшалась, боялась, чтобы кто-нибудь изъ бунтовщиковъ не увидѣлъ ее въ окно).

Марина тоже очнулась и тоже подползла къ окну. И обѣ женщины наблюдали въ отверстіе въ шторахъ, что происходило на улицѣ...

Въ полдень погромъ возобновился на шоссе.

Но здѣсь уже бушевали не «запасные», а мѣстные крестьяне. Мужики и бабы съ топорами, вилами, граблями и кольями, съ крикомъ, шумомъ и пѣснями направились по шоссе разбивать лавки. Нѣкоторыя бабы переодѣты были въ мужскую одежду. Они пѣли:

Вставай, подымайся, рабочій народъ!

На палкахъ у нихъ развѣвались красные сарафаны.

Впереди бѣжали дѣти, кричали и визжали:

— Смерть евреямъ!

— Смерть господамъ!

— Долой помѣщиковъ!

— Товарищи! Пойдемъ дружно!

— Теперь ровное право!

Кричали въ изступленіи мужики. Выраженіе лицъ у всѣхъ было восторженное...

Грабили лавки, уцѣлѣвшія отъ разгрома «запасныхъ», врывались въ квартиры мирныхъ обывателей, рвали перины, подушки, такъ что перья и пухъ летѣли по улицѣ по вѣтру.

Особенно досталось бѣднымъ евреямъ, которыхъ били безпощадно. Евреи разбѣжались и попрятались, кто гдѣ могъ.

Портной спрятался въ сараѣ казеннаго зданія, зарывшись въ кучѣ навоза,

Библиотека "Руниверс"

Потомъ разграбили «монополькy». Всѣ перепились, многіе при дѣленіи добычи разодрались и съ бутылками въ рукахъ бродили по шоссе.

Вечеромъ погромщики возвращались по домамъ.

Одного пьянаго мужика, изъ своихъ же, положили на телѣгу (такъ какъ онъ не могъ уже итти и валялся на травѣ), чтобы отвезти его домой, сверху нагрузили награбленнаго краснаго товару, сѣло въ телѣгу человѣкъ десять и покатили съ пѣснями.

Когда подъѣхали къ деревнѣ и остановились возлѣ дома, одинъ мужикъ крикнулъ, обращаясь къ бабѣ:

— Ну, забирай, Матрена, своего Миколку! Онъ выспался!..

Выгрузивъ куски ситца изъ телѣги, добрались и до пьянаго мужика на днѣ телѣги.

— Ну, вставай, Миколка! Будетъ тобѣ дрыхнуть-то, уже пріѣхали до хаты...

А мужикъ уже похолодѣлъ...

Тутъ только спохватились всѣ, что мужика задавили въ дорогѣ...

Когда потомъ Матрену разспрашивали сосѣди, какъ задавили Миколку, она отвѣчала:

— А Богъ его вѣдаетъ, якъ онъ тамъ задохся? Я сама, свѣтъ, не бачила: много горѣлки выпила! Якъ бы я вѣдала, что мой Миколка лежитъ задохши, то по дорогѣ не пѣла бы веселыхъ пѣсенокъ... А то мы всю дорогу такъ веселились: добыча-то добрая была, горѣлки-то досыта напились... Якъ тутъ не веселиться?

Разъѣхавшись по домамъ, бабы тотчасъ же принялись шить себѣ обновки изъ награбленнаго въ лавкахъ ситцу, полагая, что сшитыя вещи не отымутъ, а ситецъ въ кускахъ могутъ и отобрать и вернуть по принадлежности. Эти-то «обновки» впослѣдствіи и послужили властямъ путеводной нитью для розыска виновныхъ въ погромѣ.

VI.

Когда шквалъ пронесся и буря утихла, на другой день атаманъ Левка, въ сопровожденіи нѣсколькихъ своихъ товарищей, Демьяна Рыжаго, Гришки Пьянаго и Васьки «Шептуна», пришли къ акушеркѣ, но не какъ погромщики, а въ гости.

— Здравствуй, кума! Ну, какъ поживаешь послѣ вчерашней ноченьки? Хорошъ ли былъ нашъ балъ?

— Охъ, кумъ, и вспомнить страшно! Чуть не умерла со страху! Не приведи Богъ никому на этакомъ балу отплясывать! Во-вѣкъ не забуду вашего бала!

— Ну, извини, кумушка, что балъ-то по-деревенски вышелъ, а не по-господски... А во-время я поспѣлъ, не опоздалъ! И видишь, какъ я тебѣ пригодился! Въ долгу у тебя не остался!

— Спасибо тебѣ, Левка, что добро помнишь!

Библиотека "Руниверс"

— Ну-ка, кума, угости насъ, только не горячей водкой, которую ты приготовила для моихъ ребятъ вчерась, а настоящей «наполькой».

И акушерка выставила четвертную.

— Ну, выпьемъ, кума, за твое здоровье! Чтобы ты насъ лихомъ не поминала!

Мужики сами себѣ наливали водки чарку за чаркой и пили за здоровье атамана.

— Ну, счастье твое, кума,—воскликнулъ Левка:—что ты не успѣла хватить кипяткомъ кого-либо изъ моихъ хлопцевъ, а то бы лихо тебѣ было... Ужъ тутъ бы и я бы ничего не могъ подѣлать... Разорвали бы...

— Надо же бабѣ было чѣмъ-нибудь защищаться... Вѣдь вы были въ то время очень горяченькіе...

— Ну, какъ здоровье твоей доченьки? Поди-ка очень она у тебѣ переполохалась? Я слыхалъ, что она у тебя давно хвораетъ!

— Больше года!

— Да плюнь ты на вашихъ «дектеревъ»,—съ усиліемъ проговорилъ Левка, махнувъ при этомъ даже рукой

Очевидно, слово «докторъ» для него было трудно выговорить.

— Они только и умѣютъ, что рѣзать да рѣзать, отъ нихъ пользы никогда не бываетъ... А вотъ тутъ сидитъ у тебя знахарь, «шептунъ», — сказалъ Левка, указывая на Ваську Шептуна, который клевалъ носомъ и который слылъ въ деревнѣ за опытнаго знахаря, или «шептуна», какъ говорятъ мужики. Онъ умѣлъ и зубы заговаривать» и «кровь останавливать»—и все водою, которую «заговаривалъ» и давалъ пить больному...

Акушерка задумалась.

— Ну, что ты задумалась? Давай воды, сейчасъ «заговоримъ», дастъ испить твоей доченькѣ и лихую болѣзнь какъ рукой сниметъ!

Желая отвязаться отъ услугъ деревенскаго знахаря, акушерка сказала:

— Ладно, я его позову когда-нибудь.

Распивъ четвертную, мужики разошлись по домамъ.

VII.

Недѣли черезъ три на станцію N. наѣхали судебныя власти.

Въ моментъ появленія на станціи полиціи съ войсками Левка куда-то исчезъ, словно въ воду канулъ, и о немъ ни слуху, ни духу.

Полиція разыскивала Левку, но не какъ атамана, а какъ простого участника въ погромѣ.

Библиотека "Руниверс"

Черезъ нѣсколько времени послѣ погрома Левка явился на станцію N. и прежде всего навѣстилъ свою куму и просилъ ее, чтобы она его не выдавала на судѣ.

Акушерка была занята на кухнѣ, когда отворилась дверь и въ кухню тихо вошелъ Левка. Она очень удивилась его внезапному появленію.

Снявши шапку, Левка перекрестился на образъ и сказалъ:

— Здравствуйте, матушка-барыня, якъ поживаете?

— Здравствуй, Леонъ! Гдѣ ты пропадалъ?

— Навѣрно, барынька, знаешь, почему меня не было дома! Ужъ очень-то безпокойно у насъ было здѣсь, когда понаѣхала полиція,—усмѣхнувшись, промолвилъ Левка.

— Такъ вотъ, матушка барыня, я и уѣхалъ отсюда подальше, верстъ за сто, къ другу-пріятелю: тамъ спокойнѣе было!

— А знаешь ли, кумъ, что тебя здѣсь искали? Да что ты стоишь, садись!

Левка присѣлъ на скамейку, помолчалъ немного и говоритъ:

— Вотъ что, барынька дорогая, пришелъ я къ тебѣ съ просьбой...

— Съ какой?

— А вотъ съ какой. Ежели тебя вызовутъ въ судъ, то ужъ будь добра, не вспоминай про меня ни слова, что я онамедни былъ у тебя на «хватерѣ» съ моими хлопцами, что мужички-то меня въ шутку атаманомъ звали...

— Не бойся, кумъ, если меня вызовутъ въ судъ, тебя не выдамъ!

Посидѣвъ немного, Левка всталъ, опять перекрестился на образъ и промолвилъ:

— Ну, спасибо тебѣ, барынька, дай Богъ тебѣ здоровья!

И, поклонившись акушеркѣ въ поясъ, Левка вышелъ, крикнувъ во дворѣ:

— Не позабывай своего крестника!

Но акушерку въ судъ не вызывали, какъ и большинство служащихъ на желѣзнодорожной станціи.

А мужики своего «атамана» не выдавали, и про Левку скоро позабыли. И Левка вышелъ сухъ изъ воды.

А. Бахтіаровъ.

Библиотека "Руниверс"

ЗА ТРИДЦАТЬ ЛѢТЪ[1].

Листки изъ воспоминаній.

VI.

Санитарный поѣздъ № 1 имени императрицы Маріи Александровны.—Е. В. Богдановичъ.—Докторъ А. В. Елисѣевъ.—Оригинальная свадьба.—Митрополитъ Антоній.—Поль Дерулѣдъ.—Контръ-адмиралъ М. П Молась.—М. И. Доможирова.—Волненія въ 14-мъ и 18-мъ флотскихъ экипажахъ въ 1905 году.

ВЪ ЖИЗНИ моей такъ складывались обстоятельства, что мнѣ съ очень юныхъ лѣтъ порядочно приходилось путешествовать и по Россіи и за границей.

Послѣ поѣздки моей въ первые годы студенчества въ Сербію, гдѣ въ 1876 году горсть русскихъ и сербовъ подъ предводительствомъ завоевателя Ташкента, еще не вполнѣ оцѣненнаго исторіею генерала М. Г. Черняева, начала войну за освобожденіе сербовъ, я въ 1877 году попалъ на санитарный поѣздъ имени государыни Маріи Александровны, покойной супруги Александра II.

Такой впервые устроенный и роскошно оборудованный поѣздъ заключалъ въ себѣ, помимо коекъ въ два яруса для больныхъ и раненыхъ, еще и рядъ небольшихъ отдѣленій съ кроватями и прочимъ для персонала, церковь, кухню, столовую и прачечную. На этомъ поѣздѣ, назначеніе котораго былъ вывозъ изъ Румыніи въ разныя мѣста Рос-

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CXXXIV, стр. 504.

Библиотека "Руниверс"

сіи раненыхъ, мнѣ въ теченіе пятимѣсячнаго въ немъ пребыванія пришлось сдѣлать, кажется, около тридцати тысячъ верстъ.

Первый нашъ рейсъ изъ Петербурга былъ въ 1877 году, 8-го мая.

Вплоть до Кишинева мы ѣхали съ большимъ торжествомъ, встрѣчаемые на всѣхъ большихъ станціяхъ молебнами, рѣчами и питьемъ безъ конца шампанскаго. Времени для такихъ пріемовъ хватало съ избыткомъ, такъ какъ тащились мы до Кишинева чуть ли не восемь сутокъ, останавливаясь безъ конца не только на большихъ, но и на маленькихъ станціяхъ, а въ Москвѣ даже цѣлыя сутки.

Встрѣтила насъ Москва особенно гостепріимно.

Въ числѣ ожидавшихъ насъ на вокзалѣ былъ чѣмъ-то распоряжавшійся высокій, бравый полковникъ въ адъютантской формѣ, съ расчесанными большими бакенбардами съ просѣдью и оказавшійся Е. В. Богдановичемъ, нынѣ здравствующимъ генераломъ-отъ-инфантеріи, членомъ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ, бывшимъ морякомъ, стрѣлкомъ Императорской фамиліи, потомъ старостою Исаакіевскаго собора, теперешнимъ авторомъ всѣхъ нынѣшнихъ и прежнихъ монархическихъ воззваній и проповѣдей, который, узнавъ мою фамилію, заключилъ меня въ свои объятія и сообщилъ мнѣ, что въ Одессѣ зналъ моего отца, а также нѣкоторыхъ моихъ родныхъ.

По его же приказанію были открыты царскія комнаты, гдѣ онъ пояснилъ мнѣ, какъ пользоваться образцомъ альбома его изобрѣтенія (уже показаннымъ имъ уполномоченному нашего поѣзда, для записыванія сестрами милосердія писемъ или предсмертной воли будущихъ нашихъ раненыхъ, наказавъ мнѣ между прочимъ не забыть написать объ альбомахъ его изобрѣтенія въ газету «Голосъ», въ которую, какъ онъ узналъ отъ меня, я долженъ былъ корреспондировать уже съ дороги. Упросивъ затѣмъ уполномоченнаго поѣзда отпустить меня на нѣсколько часовъ съ нимъ въ Москву, онъ въ своей каретѣ повезъ меня въ Строгановское училище, гдѣ тесть его—Бутовскій—былъ въ то время директоромъ.

Очаровавъ меня своею любезностью и угостивъ въ кругу своихъ родныхъ великолѣпнымъ завтракомъ, полковникъ Богдановичъ только тогда отпустилъ меня съ миромъ обратно.

Въ Петербургѣ провожалъ насъ самъ государь Александръ II съ императрицею Маріею Александровною и весь дворъ.

При прощаніи съ персоналомъ государь заявилъ намъ, что онъ скоро надѣется насъ увидѣть въ Кишиневѣ, куда онъ долженъ отправиться черезъ нѣсколько дней, чтобы тамъ проститься съ уходившими на театръ военныхъ дѣйствій нашими войсками.

При представленіи государю персонала, членовъ котораго тогдашній уполномоченный называлъ по фамиліямъ, Александръ II,

Библиотека "Руниверс"

остановившись около одной фельдшерицы, молодой дѣвушки, спросилъ ее: почему ему знакома ея фамилія?

Оказалось, что фельдшерица была дочь одного изъ низшихъ конюшенныхъ чиновъ царской конюшни. Этого было дастаточно, чтобы государь, вѣроятно, слышавшій случайно фамилію ея отца, присутствовавшаго при царскихъ выѣздахъ, благодаря своей удивительной памяти, вспомнилъ объ этомъ.

Необыкновенная вообще память почти у всего царствующаго дома Романовыхъ, память наслѣдственная, особенно сильная у нынѣ царствующаго Государя, всегда была предметомъ всеобщаго изумленія.

Когда первый транспортъ раненыхъ согласно волѣ императрицы прибылъ въ Петербургъ (въ началѣ кампаніи раненыхъ почти не было, и санитарный поѣздъ былъ болѣе чѣмъ на половину заполненъ больными, взятыми къ тому же безъ разбора, причемъ попадались тифозные и даже венерическіе больные), съ нами случилось назначительное происшествіе, которое наглядно характеризовало какъ наши порядки, такъ и лицъ, желавшихъ скрыть эти безпорядки.

Въ то время, какъ государыня обходила вагоны, предшествуемая министромъ путей сообщенія, генералъ-адъютантомъ Посьетомъ, послѣдній на всякій случай шопотомъ приказалъ всѣмъ больнымъ числиться ранеными, хотя онъ и былъ увѣренъ, что императрица удовольствуется разспросомъ только дѣйствительно раненыхъ, на поврежденія которыхъ заправилы поѣзда обратятъ ея вниманіе...

Непонятная тактика турокъ, допустившихъ въ началѣ войны 1877—1878 годовъ почти безпрепятственно нашу переправу черезъ Дунай, и ничтожное вслѣдствіе этого количество нашихъ потерь послужили для извѣстнаго нѣмецкаго юмористическаго журнала «Кладерадача» темою для остроумной замѣтки, которая вмѣстѣ съ другими его на насъ нападками сыграла впослѣдствіи главную роль въ недопущеніи этого журнала въ предѣлы Россіи.

Извѣстно, что въ прежніе годы наши реляціи даже во время знаменитой эпопеи завоеванія Кавказа грѣшили противъ истины. Какая-нибудь перестрѣлка двухъ чеченцевъ съ нашими солдатиками расписывалась, какъ настоящія сраженія и т. д. (см., напримѣръ, «Хаджи-Муратъ» Л. Н. Толстого). То же явленіе наблюдалось и при усмиреніи польскаго мятежа 1863 года, когда, по нашимъ офиціальнымъ свѣдѣніямъ, у поляковъ насчитывалось сто—двѣсти убитыхъ, у насъ же убитымъ оказывался постоянно одинъ только казакъ. Это, разумѣется, учитывалось заграничными газетами и особенно сатирическими листками (главнымъ образомъ «Кладерадачемъ»). Случилось, однако, что во время первой нашей стычки съ

Библиотека "Руниверс"

турками потеря у насъ, дѣйствительно, заключалась въ одномъ только убитомъ казакѣ.

Тогда «Кладерадачъ» поспѣшилъ написать, что уже въ первомъ русско-турецкомъ столкновеніи у турокъ оказалась масса убитыхъ, а у русскихъ попрежнему только одинъ казакъ,] старинный пріятель «Кладерадача».

Въ числѣ персонала, числившагося на поѣздѣ императрицы, былъ аптекарь, нѣкій Вейзе, уроженецъ города Риги, жившій въ одномъ со мною помѣщеніи. Молодой сей нѣмецъ, обладавшій стыдливымъ нравомъ, имѣлъ органическій страхъ къ желѣзнодорожнымъ поѣздамъ; только сравнительно большое вознагражденіе на санитарномъ поѣздѣ императрицы и надежды на будущія блага, въ видѣ возможной протекціи, побѣдили въ немъ чувство страха и заставили принять предложенное мѣсто.

Но зато все время совмѣстнаго съ нимъ служенія и сожительства онъ былъ, по-моему, настоящимъ мученикомъ. Такъ, напримѣръ, ложась спать, онъ, опасаясь крушенія поѣзда, ни разу не раздѣвался за пять мѣсяцевъ.

Правда, за время пребыванія на поѣздѣ нѣкоторыя основанія къ такому страху, бывшія у него и раньше, могли только усилиться. Во время даже моего пятимѣсячнаго пребыванія на поѣздѣ мы два раза сходили съ рельсовъ. Особенно памятно было крушеніе, которому подвергся нашъ санитарный поѣздъ въ Румыніи, недалеко отъ Яссъ, гдѣ какимъ-то чудомъ семнадцать вагоновъ, на половину уже сошедшіе съ рельсовъ, были остановлены у самаго желѣзнодорожнаго моста картонной постройки знаменитаго Струсберга. При первомъ впечатлѣніи отъ схода съ рельсовъ я, стоя на площадкѣ (дѣло было днемъ), недолго думая, спрыгнулъ съ поѣзда; по счастью, однако, я нисколько при этомъ даже не ушибся, хотя свалился близехонько отъ какого-то кола, вбитаго вдоль полотна дороги.

Такіе эксперименты возможно было дѣлать только въ двадцать лѣтъ, и то, конечно, не всегда.

Когда въ половинѣ октября я долженъ былъ покинуть поѣздъ (для продолженія слушанія лекцій мнѣ надлежало вернуться въ медико-хирургическую академію), я въ послѣдній разъ сталъ убѣждать аптекаря Вейзе проводить ночи по-человѣчески, т.-е. спать раздѣтымъ.

— Мы уже два раза терпѣли крушенія,—прибавилъ я:—надо думать, что на вашу долю хватитъ.

Герръ Вейзе послушался. Черезъ нѣсколько дней поѣздъ, однако, снова слетѣлъ съ рельсовъ, и бѣдный нашъ аптекарь, еле выкарабкавшись изъ разбитаго вагона, долженъ былъ въ сильномъ дезабилье, котораго онъ такъ опасался, прослушать въ концѣ октября

Библиотека "Руниверс"

благодарственный молебенъ, тутъ же отслуженный священникомъ поѣзда.

Не вѣрь послѣ этого предчувствіямъ!

Въ одной изъ прошлыхъ главъ я забылъ подѣлиться впечатлѣніями про одного изъ моихъ товарищей, извѣстнаго путешественника, необыкновенно даровитаго А. В. Елисѣева.

Къ сожалѣнію, слишкомъ рано скончавшійся (умеръ онъ въ Петербургѣ отъ случайной болѣзни, на тридцать восьмомъ году), докторъ Елисѣевъ, тѣмъ не менѣе, оставилъ послѣ себя громкое имя, пріобрѣтенное имъ не только своими многочисленными путешествіями, но и удивительно поэтическимъ описаніемъ этихъ путешествій, соединеннымъ съ безграничною любовью и поразительнымъ пониманіемъ природы.

Гдѣ только не побывалъ Елисѣевъ, куда только не влекла его жажда знанія, любовь къ путешествіямъ, гдѣ и на чемъ думала остановиться его поэтическая, талантливая душа!

Недаромъ бѣдняга Александръ Васильевичъ, какъ бы предчувствуя раннюю смерть, написалъ мнѣ въ 1886 году слѣдующее:

«Много жизни кипучей бьется въ груди, много огня таится въ моемъ сердцѣ, много силъ еще не изжитой жизни переливается по фибрамъ моего тѣла; имъ исходъ просторъ, за просторомъ свобода, а за нею—міръ! Я хотѣлъ бы его исходить весь ногами, хотѣлъ бы его вмѣстить въ самомъ себѣ, хотя въ образахъ фантазіи, хотя бы такъ, чтобы сказать словами Колумба: свѣтъ невеликъ! Въ двадцать семь лѣтъ своей жизни я еще не нашелъ счастья, хотя искалъ и набрелъ на тропинку его... по ней теперь я пойду смѣлѣе за манящій издали горизонтъ, пойду подальше, чтобы окунуться въ томъ морѣ свободы, которое синѣетъ вдалекѣ. Если утону я въ этомъ безграничномъ океанѣ, ты попомни, товарищъ, о томъ, кого ты, вѣроятно, понималъ...»

Небольшого роста, крѣпко скроенный, съ привѣтливымъ лицомъ чисто русскаго типа, обрамленнымъ довольно густою свѣтло-рыжею бородкою, докторъ Елисѣевъ производилъ пріятное впечатлѣніе своимъ неизмѣннымъ добродушіемъ и пріятнымъ юморомъ, а при ближайшемъ знакомствѣ и своею образованностью.

Несомнѣнно одаренный искрою Божьею, тяготившійся службою военнаго врача, которая не давала простора его кипучей натурѣ, онъ съ грошевыми средствами ухитрился все-таки исколесить добрую четверть міра (путешествія Елисѣева изданы въ четырехъ томахъ). Только по временамъ, возвращаясь въ Петербургъ, онъ осѣдалъ, чтобы привести въ порядокъ всѣ составленные имъ наброски путешествій.

И вотъ, во время случайной нашей совмѣстной съ нимъ службы одинъ изъ нашихъ сослуживцевъ, собиравшійся тогда жениться, докторъ Я., впослѣдствіи профессоръ статистики и медицинской

Библиотека "Руниверс"

географіи при новороссійскомъ университетѣ, обратился къ намъ обоимъ съ просьбою быть у него шаферами. Посаженнымъ же отцомъ докторъ Я. пригласилъ нашего тогдашняго общаго начальника, помощника главнаго медицинскаго инспектора, тайнаго совѣтника А. И. Бѣляева. На этой свадьбѣ мы были невольными участниками траги-комическаго происшествія, какъ кажется, достойнаго быть отмѣченнымъ.

Докторъ Я. уже въ то время былъ человѣкъ извѣстный. Въ 1882 и 1883 годахъ имъ было издано въ двухъ томахъ (около восьмисотъ страницъ) описаніе совершеннаго въ 1878—1879 годахъ вмѣстѣ съ русскимъ посольствомъ, во главѣ котораго стоялъ генералъ Столѣтовъ, знаменитаго путешествія по Афганистану и Бухарскому ханству.

Правдиво, подробно, съ большимъ знаніемъ дѣла и очень хорошо написанное, описаніе это, моментально переведенное на англійскій языкъ, вызвавшее не только въ Индіи, но и во всей Англіи оживленные толки, — въ Россіи моментально было забыто. Ну, кто теперь знаетъ о миссіи генерала Столѣтова, цѣль которой была вовлечь Афганистанъ въ войну съ Англіей, заключивъ съ нимъ наступательно-оборонительный союзъ?!.

Миссія удалась, главнымъ образомъ, изъ-за обѣщанія посылки въ Афганистанъ тридцати тысячъ нашихъ войскъ, обѣщанія, къ стыду Россіи, не исполненнаго...

Насколько въѣздъ нашего посольства въ Кабулъ былъ торжественъ, блестящъ, настолько, когда Ширъ-Али-ханъ, тогдашній афганскій эмиръ, убѣдился, что ему, уже разбитому англичанами, отъ Россіи нечего ждать,—настолько позоренъ былъ выѣздъ оттуда нашего посольства, когда оно, дрожа за свою жизнь, пробиралось окольными путями ночью домой...

А между тѣмъ, если бы посольство было послано не въ концѣ, а въ началѣ 1878 года и за посольствомъ потянулись бы обѣщанныя Бѣлымъ царемъ войска, кто знаетъ, существовалъ ли бы тогда Берлинскій конгрессъ и связанный съ нимъ позорный нашъ мирный трактатъ съ турками?!.

Но я уклонился въ сторону...

Свадьба доктора Я. должна была состояться у будущаго его тестя въ его имѣніи, находившемся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ одной изъ ближайшихъ отъ Петербурга станцій Балтійской желѣзной дороги.

Въ назначенный день экстренный поѣздъ отвезъ насъ всѣхъ въ имѣніе купца Х.

Когда я увидѣлъ невѣсту доктора Я., удивительно некрасивую дѣвицу, теперь уже давно умершую, я впервые оцѣнилъ желаніе своего коллеги справить свадьбу вдали отъ Петербурга, съ какъ можно меньшимъ количествомъ народу...

Библиотека "Руниверс"

Но, какъ оказывается, однако, причины назначенія свадьбы внѣ Петербурга лежали еще глубже.

Видъ нареченной доктора Я. напомнилъ мнѣ кстати разговоръ, происшедшій между однимъ моимъ родственникомъ, не жившимъ одно время въ Петербургѣ, и его пріятелемъ, донъ-Жуаномъ, долгое время срывавшимъ цвѣты удовольствія съ красивыми замужними, а при случаѣ и незамужними дамами.

Вернувшись въ Петербургъ, мой родственникъ, зная, что его пріятель только что женился, заѣхалъ его поздравить. Привыкшій видѣть и слышать объ его успѣхахъ только среди красивыхъ женщинъ, мой родственникъ былъ чрезвычайно удивленъ, когда тотъ познакомилъ его со своею страшно некрасивою женою.

Воспользовавшись уходомъ молодой женщины, мой родственникъ сказалъ своему пріятелю:

— А ты, братъ, какъ я вижу, несомнѣнно женился на деньгахъ!

— Это не совсѣмъ такъ,—отвѣтилъ тотъ:—я дѣйствительно хотѣлъ жениться на деньгахъ, но меня надули, и вышло, что бракъ нашъ произошелъ какъ бы по любви!...

Не задаваясь сомнѣніями, какого рода бракъ передо мною, я сталъ слѣдить за ходомъ вѣнчанія, какъ вдругъ всѣ мы были поражены отчаянными криками какой-то ворвавшейся въ церковь женщины, тащившей за руку небольшого мальчика.

— Остановите вѣнчаніе!—обратилась эта женщина къ священнику.

Въ церкви произошелъ страшный переполохъ; невѣста, какъ полагается въ такихъ случаяхъ, моментально упала въ обморокъ, а мы всѣ отъ неожиданности какъ бы оцѣпенѣли.

Но вѣнчавшій, очень скромный на видъ, батюшка сразу нашелся.

— Если вы,—обратился онъ къ продолжавшей вопить женщинѣ,—могли узнать день, часъ и мѣсто вѣнчанія, то кто же вамъ могъ помѣшать явиться ко мнѣ наканунѣ и безъ скандала заявить о препятствіи къ браку? Если же вы это не сдѣлали, ясно, что вы шантажистка. Вывести ее вонъ!

Вѣнчаніе было докончено. Послѣ окончанія обряда мы всѣ отправились въ большое помѣщеніе владѣльца имѣнія, гдѣ всѣмъ намъ былъ поданъ роскошный обѣдъ. Конечно, мы, подавленные истерическими криками обманутой женщины и всѣмъ происшедшимъ въ церкви скандаломъ, не могли отдать дань всѣмъ сдѣланнымъ великолѣпнымъ кулинарнымъ приготовленіямъ и, просидѣвъ вмѣстѣ съ тайнымъ совѣтникомъ Бѣляевымъ все время какъ въ воду опущенные, только и мечтали, какъ бы намъ поскорѣе укатить домой.

Въ концѣ обѣда одинъ изъ шаферовъ невѣсты, весь обѣдъ провозглашавшій тосты за молодыхъ и ихъ родныхъ, подошелъ къ А. И. Бѣляеву, до сего не произнесшему ни одного звука, попросилъ его, какъ посаженнаго отца, провозгласить тостъ за здоровье шаферовъ жениха, т. е. за доктора Елисѣева и за меня.

Библиотека "Руниверс"

Докторъ Бѣляевъ, украшенный аннинской лентой, поднявшись тогда во весь большой ростъ, громкимъ голосомъ при умолкшихъ разговорахъ произнесъ совершенно неожиданно слѣдующій тостъ: «за здоровье фельдшеровъ» (вмѣсто шаферовъ)!

Взрывъ хохота огласилъ столовую. Самъ виновникъ тоста страшно сконфузился и, закрывъ лицо салфеткою, нѣсколько секундъ просидѣлъ въ такомъ видѣ молча. Только очнувшись, онъ затѣмъ сталъ извиняться предъ мною и Елисѣевымъ въ своей невольной ошибкѣ.

Съ недавно почившимъ петербургскимъ митрополитомъ, преосвященнѣйшимъ Антоніемъ, въ мірѣ Александромъ Васильевичемъ Вадковскимъ, мнѣ пришлось познакомиться въ бытность его еще архіепископомъ финляндскимъ, задолго еще до полученія имъ митрополичьей каѳедры.

Будущій первенствующій членъ святѣйшаго синода былъ сынъ протоіерея Тамбовской губерніи Спасскаго уѣзда. По окончаніи казанской академіи сдѣланный тамъ же профессоромъ, онъ въ первое время и не мечталъ о перемѣнѣ карьеры.

Впослѣдствіи же, когда А. В. Вадковскому пришлось потерять отъ чахотки любимую жену, а черезъ годъ и двоихъ дѣтей, погибшихъ въ теченіе пяти дней отъ дифтерита, онъ подъ вліяніемъ глубокаго горя, не видя исхода, который могъ бы привязать его къ мірской жизни, рѣшилъ принять монашество, благодаря которому и своимъ выдающимся способностямъ въ сравнительно короткое время надѣлъ митрополичій клобукъ.

Красивая, величественная фигура митрополита Антонія, умные и добрые глаза, спокойныя манеры, пріятный по тембру голосъ, обаятельный и скромный разговоръ, въ которомъ сквозили недюжинный умъ и большая начитанность, сразу приковали къ нему вниманіе людей, имѣвшихъ съ нимъ дѣло.

Преосвященнаго Антонія мнѣ приходилось пользовать въ теченіе довольно долгаго времени.

Вотъ письмо ко мнѣ владыки, положившее начало моихъ къ нему посѣщеній, какъ врача, и вмѣстѣ съ тѣмъ указывавшее, какою удивительною скромностью обладалъ покойный.

«Я теперь никого не принимаю,—писалъ мнѣ владыка,—и весьма жалѣю, что не предупредилъ швейцара сдѣлать для васъ исключеніе. Вы сейчасъ были бы для меня самымъ желаннымъ гостемъ. Со вторника я болѣю и хотя, быть можетъ, болѣзнь моя не тяжелая, но во всякомъ случаѣ для меня тягостная и мучительная. Мнѣ очень было бы пріятно вамъ разсказать о своей болѣзни. Я и думалъ было обратиться къ вамъ съ просьбою меня полечить, но постѣснялся.

«Теперь же, когда вы были у меня, у меня появилось непремѣнное желаніе васъ повидать. Не будете ли добры заѣхать завтра ко мнѣ,

Библиотека "Руниверс"

если не полечить, то навѣстить меня. Пусть это послужитъ началомъ того, чтобы со временемъ мнѣ сдѣлаться вашимъ постояннымъ пацiентомъ. Да хранитъ васъ Господь!»

Хотя докторскiе мои визиты вскорѣ по возведенiи владыки въ санъ митрополита по обоюдному нашему соглашенiю и прекратились (о чемъ здѣсь не считаю умѣстнымъ распространяться), но дружеское его расположенiе ко мнѣ,—могу сказать это съ увѣренностью,—мнѣ пришлось сохранить до самой его смерти.

Болѣзнь преосвященнаго Антонiя — ранній артеріосклерозъ, отъ котораго онъ впослѣдствiи и погибъ и отъ котораго въ начальной стадiи онъ пользовался и у меня,—была однажды предметомъ совершенно неожиданнаго разговора между знаменитымъ оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода К. П. Побѣдоносцевымъ и мною.

Встрѣтились мы съ Константиномъ Петровичемъ у архiепископа Антонiя въ одно изъ моихъ посѣщенiй владыки, какъ болящаго.

Константинъ Петровичъ, пронизывая меня насквозь, хотя изъподъ очковъ, своими всевидящими глазами, не удовольствовавшись, повидимому, раньше сказаннымъ мною относительно болѣзни владыки, воспользовавшись уходомъ хозяина изъ комнаты, сразу задалъ мнѣ вопросъ: чѣмъ дѣйствительно хвораетъ мой пацiентъ?

Отвѣтилъ я очень осторожно по двумъ причинамъ: во-первыхъ, Побѣдоносцевъ, не будучи въ кровномъ родствѣ съ владыкою, естественно, не могъ разсчитывать на полную съ моей стороны, какъ врача, откровенность, и, во-вторыхъ, я смутно сознавалъ, что съ любимцемъ государя Александра III, какимъ былъ въ то время Константинъ Петровичъ, не взвѣсивъ точно своихъ словъ, нужно и должно было говорить очень осторожно...

Впослѣдствiи выяснилось, что именно въ эту пору, какъ говорятъ, рѣшался вопросъ о возможномъ назначенiи архiепископа Антонiя митрополитомъ. Этимъ и объясняется, что Побѣдоносцеву нужно было твердо установить, совершенно ли здоровъ его избранникъ.

Не будучи никогда слѣпымъ защитникомъ нашего высшаго духовенства, но зная очень хорошо жизнь и привычки покойнаго митрополита, не могу не вступиться за него, въ особенности въ виду ни на чемъ не основаннаго обвиненiя со стороны одного члена четвертой государственной думы въ полученiи петербургскимъ митрополитомъ чуть ли не чудовищныхъ суммъ въ собственное пользованiе. Все это совершеннѣйшiй вздоръ. Такого безсребренника, какъ митрополитъ Антонiй, я рѣдко встрѣчалъ. Ни одна копейка изъ общественныхъ суммъ не шла для его собственныхъ нуждъ. Умеръ владыка, какъ и пришелъ въ Александро-Невскую лавру, бѣднякомъ. Это подтверждается между прочимъ и тѣмъ обстоятельствомъ, вѣроятно, или неизвѣстнымъ, или скрытымъ его обвинителемъ, что, когда митрополитъ, не оставивъ своимъ многочисленнымъ роднымъ ни гроша, скончался, то, по словамъ недавно скончавшагося

Библиотека "Руниверс"

архіепископа Иннокентія, экзарха Грузіи, его даже не знали, въ какой рясѣ хоронить: до того одна ряса была хуже другой?!

Митрополитъ Антоній на себя тратилъ удивительно мало. Такъ, на столъ онъ расходовалъ не болѣе 60—70 рублей въ мѣсяцъ. Главныя статьи его расходовъ касались благотворенія; на это онъ отдавалъ чуть ли не половину своего содержанія. Получалъ владыка, въ общемъ, немного (4.000 руб. жалованья и 5.000 руб. на представительство). Послѣднее онъ въ первые же дни старался довести до минимума. Какъ извѣстно, онъ тотчасъ по назначеніи митрополитомъ отмѣнилъ блестящіе выѣзды въ каретѣ, цугомъ съ форрейторомъ, и сталъ ѣздить въ скромной каретѣ, запряженною парою лошадей.

Что касается ничтожнѣйшихъ тратъ на столъ, то въ этомъ я могъ убѣдиться, когда мнѣ не разъ приходилось присутствовать при его трапезахъ. Уха изъ мелкой рыбы, картофель, изрѣдка яичница, кисель, а по праздникамъ кремъ—вотъ обыкновенное меню перваго іерарха русской церкви! Слова мои можетъ подтвердить внукъ митрополита, докторъ Молочковскій, ведшій по временамъ и запись личнымъ расходамъ его дѣда.

Покойный митрополитъ былъ человѣкъ вообще удивительно осторожный не только въ своихъ дѣйствіяхъ, поступкахъ, но и при случаѣ въ разговорахъ, тѣмъ не менѣе, и при выдающемся умѣ, онъ не сумѣлъ оцѣнить событій, наступившихъ у насъ тотчасъ послѣ 1905 года. Замѣтно отклонившись влѣво, этотъ достойный человѣкъ, при возстановленіи власти, вскорѣ потерялъ подъ собою почву и, замкнувшись, въ особенности подъ вліяніемъ ухудшенія здоровья, на которое замѣтно повліяли неудачныя его выступленія, пересталъ играть первенствующую роль въ синодѣ, роль, на каковую онъ имѣлъ несомнѣнное право и по положенію, и по уму, и способностямъ.

Бывая у меня въ домѣ, хотя и не часто, но запросто, владыка былъ, видимо, радъ, когда могъ поговорить со мною о дѣлахъ исключительно мірскихъ. То же самое наблюдалось и во время моихъ посѣщеній владыки: И тогда, и даже въ послѣднее время, когда жестокій недугъ не позволялъ митрополиту часто покидать лавру, удрученный болѣзнью, но по временамъ успокоенный моими дружескими словами по отношенію къ его здоровью, со вниманіемъ затѣмъ выслушивалъ мои сообщенія изъ всякой другой области.

Въ заключеніе не могу не привести прекрасныхъ словъ покойнаго митрополита, вписанныхъ имъ въ мой альбомъ автографовъ и характеризующихъ взглядъ владыки на сродство людей церкви съ врачами.

«Есть врачъ духовный и врачъ тѣлесный. Врачу духовному для полнаго успѣха его дѣла, кромѣ свѣта вѣры, нуженъ и свѣтъ зна-

Библиотека "Руниверс"

нія. Врачу тѣлесному для такого же успѣха его дѣла нуженъ, кромѣ свѣта знанія, и свѣтъ вѣры».

Во всякомъ случаѣ смерть митрополита Антонія, въ виду неотложныхъ церковныхъ реформъ, и особенно оскудѣнія людьми талантливыми, для церковнаго міра есть серьезная утрата.

Чрезъ Виссаріона Виссаріоновича Комарова, редактора одно время столь распространенной газеты «Свѣтъ» и бывшаго начальника штаба тимоко-моравской арміи во время войны Сербіи съ турками въ 1876 г., мнѣ лѣтомъ 1886 г. пришлось познакомиться въ Петербургѣ съ однимъ французскимъ литераторомъ и весьма недюжиннымъ поэтомъ, сыгравшимъ громадную роль въ развитіи націонализма во Франціи.

Надъ человѣкомъ этимъ, въ эпоху созданія имъ въ 1882 г. «лиги патріотовъ», имѣвшей своею главною цѣлью пробужденіе французскаго націонализма и возвращеніе Эльзаса и Лотарингіи, сначала смѣялись, потомъ въ эпоху знаменитаго генерала Буланже, его попросту побаивались. Проведши за попытку произвести въ пользу этого генерала возмущеніе въ войскахъ шесть лѣтъ въ изгнаніи и тамъ все-таки мечтая о своей лигѣ, онъ достигъ наконецъ того, что въ 1913 году націонализмъ во Франціи подъ вліяніемъ вѣчныхъ угрозъ со стороны Германіи сдѣлался, особенно во время избранія въ президенты Пуанкарэ, наконецъ, всеобщимъ. Въ прежніе годы, благодаря этому дѣйствительному патріоту, извѣстная часть молодежи совершала свое ежегодное паломничество къ стоявшей на площади Согласія статуѣ «Страсбурга», украшая ее вѣнками изъ живыхъ цвѣтовъ; въ ней исключительно были только люди партіи націонализма—человѣкъ двѣсти—триста, не больше.

Въ 1913 году участники этой грандіозной и поднявшей духъ всей Франціи манифестаціи считались уже тысячами, при несмѣтномъ количествѣ зрителей, заполнившихъ площадь Согласія.

Поэтъ, будившій столько лѣтъ сердца французовъ патріотическими рѣчами, а въ особенности своими чудными «Солдатскими пѣснями», увѣнчанными французскою академіею и разошедшимися болѣе чѣмъ въ 160 изданіяхъ, былъ Поль Деруледъ.

Сынъ французскаго адвоката, по матери племянникъ извѣстнаго академика Эмиля Ожье, Деруледъ долженъ былъ тоже итти по стопамъ отца. Молодого же Деруледа влекло къ поэзіи и вообще къ литературѣ.

Когда же во время несчастной войны для Франціи 1870 года ему пришлось сдѣлаться военнымъ, увидѣть вблизи смерть и на лонѣ природы познакомиться съ народомъ, онъ наконецъ нашелъ въ любимой имъ поэзіи путь, по которому, несмотря на свой почтен-

Библиотека "Руниверс"

ный возрастъ, онъ бодро идетъ и до сихъ поръ, воспѣвая исключительно солдатъ и народъ.

Жизнь Деруледа была полна треволненій. Раненый въ 1870 году и взятый пруссаками въ плѣнъ, онъ вскорѣ бѣжалъ изъ прусскаго плѣна. Возненавидѣвшій со времени войны нѣмцевъ, онъ всѣми силами своей души задался цѣлью отторгнуть у нихъ завоеванныя провинціи Эльзасъ и Лотарингію и посвятилъ этому всю свою жизнь.

Нелюбовь его къ Пруссіи сказалась между прочимъ и въ томъ, что въ эпоху нашего близкаго съ нимъ знакомства онъ, посылая мнѣ изъ Парижа свои произведенія, всегда помѣчалъ: «via Vienne»!

Въ Россію Деруледъ явился съ головою, наполненною идеею о реваншѣ. Потерпѣвъ въ этомъ отношеніи неудачу, онъ тѣмъ не менѣе былъ страшно доволенъ, что былъ, такъ сказать, первымъ піонеромъ созданія франко-русской дружбы, перешедшей потомъ въ столь прочно созданный союзъ.

Во время пребыванія Деруледа въ Петербургѣ намъ вмѣстѣ съ В. В. Комаровымъ пришлось проводить съ нимъ долгіе часы. Всѣ наши разсказы о Россіи, про наше народное самоуправленіе, про добрый и удивительно способный нашъ народъ заставляли его внимательно прислушиваться къ нашимъ рѣчамъ. Вообще, что касается Россіи, Деруледъ интересовался рѣшительно всѣмъ.

Всякая отрасль нашего городского хозяйства, которая, къ сожалѣнію, и тогда была, какъ и теперь, не на должной высотѣ, все-таки приковывала его пытливое вниманіе.

Какъ-то ночью мы съ В. В. Комаровымъ повезли Деруледа въ одинъ изъ ночлежныхъ домовъ. Вдругъ среди ночлежниковъ одинъ изъ нихъ, оборванный, грязный, выступилъ впередъ и на очень хорошемъ французскомъ языкѣ обратился къ Деруледу, прося дать ему папироску.

Пораженный Деруледъ въ стоявшемъ передъ нимъ субъектѣ, какъ и мы, сразу увидѣлъ человѣка несчастнаго, опустившагося на дно. Пожавъ этому бѣдняку руку и высыпавъ ему на ладонь весь свой портсигаръ, Деруледъ спросилъ будущаго героя М. Горькаго, повидимому, интеллигентнаго человѣка, не могутъ ли сопровождающіе здѣсь русскіе друзья прійти ему на помощь.

Несчастный оказался отставнымъ офицеромъ.

— Мнѣ никто и ничто не можетъ помочь,—прибавилъ онъ.—Я человѣкъ отпѣтый!

Мы съ грустью отошли отъ него.

Деруледъ былъ въ описываемое время съ небольшою подстриженною бородою и усами, очень высокій, сухощавый мужчина съ большими глазами, крупными чертами лица и довольно выразительнымъ носомъ.

Одѣтъ онъ былъ въ свѣтлый сюртукъ чисто военнаго покроя, наглухо застегнутый.

Библиотека "Руниверс"

Одною изъ лучшихъ минутъ жизни Деруледа было, по его словамъ, извѣстіе объ неожиданной его амнистіи, имѣвшей мѣсто въ концѣ 1905 года.

Возвращеніе его въ Парижъ и вмѣстѣ съ тѣмъ побѣда его идей націонализма было сплошнымъ тріумфомъ.

На проѣздъ въ каретѣ съ вокзала до avenue Kléber, гдѣ жилъ братъ Деруледа, въ виду болѣе чѣмъ трехсотысячной толпы, стоявшей по пути слѣдованія, потребовалось цѣлыхъ три часа.

О русскихъ еще въ 1886 году, тотчасъ послѣ возвращенія изъ Россіи Деруледъ писалъ слѣдующее:

«По англійскимъ и нѣмецкимъ традиціямъ, считалось еще недавно, что русскіе варвары. Даже французскіе писатели опредѣляли русскихъ, какъ людей Востока, сохранившихся во льду. Я же,—говоритъ Деруледъ:—убѣжденно заявляю, что никогда и ни въ какой странѣ не встрѣчалъ націи болѣе вѣжливой, среди свѣтскихъ людей болѣе образованной и энергичной, а среди народныхъ массъ болѣе интеллигентной.

«Глубокая религіозность русскихъ очень далека отъ фанатизма. Ихъ суевѣріе вовсе не заключаетъ въ себѣ насилія; ихъ опьянѣніе никоимъ образомъ не связано съ грубостью. А если прибавить къ этому беззавѣтную храбрость и неизмѣнное ихъ добродушіе, не трудно понять, что хотѣлъ сказать своимъ безподобнымъ сравненіемъ Щедринъ, указавъ на нѣмецкаго ребенка, у котораго есть все и который никогда не смѣется, и русскаго ребенка, у котораго ничего нѣтъ, но который всегда веселъ»...

Въ 1903 году командиромъ 18-го экипажа, гдѣ я въ то время служилъ, былъ капитанъ I ранга М. П. Моласъ. Произведенный, кажется, въ концѣ 1903 года, въ контръ-адмиралы и вскорѣ назначенный начальникомъ штаба къ адмиралу Макарову, онъ уже въ въ началѣ 1904 года уѣхалъ въ Портъ-Артуръ, гдѣ 31-го марта того же года погибъ вмѣстѣ съ адмираломъ Макаровымъ при взрывѣ «Петропавловска».

Лихой морякъ, много плававшій и во время моего съ нимъ знакомства уже старый холостякъ, адмиралъ Моласъ былъ вмѣстѣ тѣмъ общій любимецъ не только матросовъ, но и подчиненныхъ и товарищей. Почти всю жизнь онъ прожилъ со своею любимою незамужнею сестрою Маріею Павловною, вѣчно заботившейся объ немъ и несшей на себѣ всѣ хозяйственныя заботы.

Чтобы охарактеризовать этого рѣдкой души человѣка, позволю себѣ привести стихи, произнесенные 6-го января 1904 года однимъ изъ его сослуживцевъ во время многолюднаго обѣда, даннаго ему передъ отправленіемъ на театръ военныхъ дѣйствій съ Японіею.

Библиотека "Руниверс"

Кто много лѣтъ въ семьѣ морской
Пробудетъ, есть и былъ «душой»?
Отвѣтъ одинъ у всѣхъ у насъ:
Нашъ милый адмиралъ Моласъ.

Матросамъ кто отцомъ роднымъ?
Кто ими былъ всегда любимъ?
Кто съ нихъ не сводитъ вѣчно глазъ?
Да тотъ же адмиралъ Моласъ.

Кто офицеровъ добрый другъ?
Кто ихъ защитникъ, если вдругъ
Настигнетъ ихъ невзгоды часъ?
Нашъ славный адмиралъ Моласъ.

Кто радъ всегда (и день и ночь)
Съ любовью ближнему помочь?
Кто чуждъ словамъ: «нельзя», «отказъ»?
Извѣстно кто,—нашъ другъ Моласъ.

Кто прозванъ всюду «дядей Мишей»?
Съ кѣмъ вѣчно подъ одною крышей
Мечтали жить мы всѣ не разъ?
Любимецъ общій нашъ Моласъ.

Кто здѣсь образчикъ командира?
Кто честь военнаго мундира
Хранитъ, отнюдь не напоказъ?
Нашъ молодчинище Моласъ.

Кто въ вѣкъ нашъ, вовсе нелегальный,
Какъ родичъ,—прямо идеальный?
Въ винтѣ кто ненавидитъ «пасъ»?
Конечно, адмиралъ Моласъ.

Кто избранъ ѣхать на Востокъ—
Остановить «макакъ» потокъ?
Кто ихъ проучитъ лѣзть на насъ?
Навѣрно, бравый нашъ Моласъ.

Безъ зова кто насъ всѣхъ сюда
Собралъ сегодня, господа?
Увы печальный слышенъ гласъ:
Насъ покидающій Моласъ.

Позвольте жъ лишній разъ бокалъ,
При громкихъ крикахъ на весь залъ,
Въ восторгѣ мнѣ поднять за васъ,
Товарищъ рѣдкій нашъ Моласъ.

У М. П. Моласа въ его большой казенной квартирѣ собиралось по временамъ очень большое общество, главный контингентъ котораго были моряки, а также жившіе въ большой дружбѣ многочисленные его родственники. Если бы, по словамъ сестры Михаила Павловича, удалось собрать всѣхъ ихъ одновременно, было бы совершенно достаточно, чтобы наполнить еще вдвое большую квартиру.

Библиотека "Руниверс"

Когда весною нынѣшняго года (1913) нѣкій предпріимчивый, японецъ Сакураи, въ чаяніи, что на взорванномъ и затонувшемъ броненосцѣ «Петропавловскъ» должно находиться большое количество золота, сталъ поднимать лежащее на днѣ океана судно, ему удалось попасть въ офицерскія каюты, между прочимъ въ каюту контръ-адмирала М. П. Моласа.

Найденныя тамъ кости заставили предположить, что останки эти принадлежатъ погибшему Михаилу Павловичу. Находившійся же среди костей бумажникъ съ деньгами и визитными карточками покойнаго М. П. Моласа далъ еще большую вѣру этимъ предположеніямъ. Бумажникъ со всѣмъ содержимымъ былъ пересланъ въ Петербургъ и находится въ настоящее время въ рукахъ сестры погибшаго, Маріи Павловны.

Несмотря на девятилѣтнее пребываніе на днѣ океана, бумажникъ и нѣкоторыя визитныя карточки настолько сохранились, что не оставляютъ сомнѣнія въ ихъ принадлежности.

Тѣмъ не менѣе предположеніе, что М. П. Моласъ въ моментъ взрыва могъ находиться въ своей каютѣ, не выдерживаетъ критики. Часть людей, погибшихъ на «Петропавловскѣ», была убита, несомнѣнно, въ самый моментъ взрыва. Всѣ же остальные офицеры и матросы нашли себѣ смерть въ океанѣ уже послѣ того, когда броненосецъ перевернулся килемъ вверхъ.

Изъ 35 человѣкъ, оставшихся въ живыхъ, великій князь Кириллъ Владимировичъ тогда же подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ катастрофы разсказалъ, что онъ ясно видѣлъ на палубѣ трупъ контръ-адмирала Моласа съ разбитымъ черепомъ, чрезъ который ему даже пришлось перешагнуть, когда для собственнаго спасенія, онъ рѣшилъ броситься въ воду.

Нынѣшнимъ лѣтомъ, когда пошли толки о печальной находкѣ, великій князь подтвердилъ свои прежнія слова.

О томъ же говорятъ двое спасшихся сигнальщиковъ. Первый изъ нихъ показалъ, что видѣлъ контръ-адмирала Моласа въ моментъ взрыва, стоявшаго рядомъ съ адмираломъ Макаровымъ. Второй указалъ, что лежавшій на палубѣ трупъ, весь въ крови, несомнѣнно принадлежалъ контръ-адмиралу Моласу.

Все это вмѣстѣ взятое и убѣжденіе, вынесенное вице-адмираломъ Яковлевымъ, спасшимся командиромъ «Петропавловска», спеціально ѣздившимъ по этому дѣлу въ Портъ-Артуръ, что найденныя кости не принадлежатъ контръ-адмиралу Моласу, вселили въ его родныхъ сомнѣніе, лишивъ ихъ возможности привести въ Россію и похоронить тамъ останки погибшаго героя.

Вотъ почему всѣ найденныя кости опущены въ общую могилу въ Портъ-Артурѣ.

Среди гостей, посѣщавшихъ М. П. Моласа, обращала на себя вниманіе одна очень моложавая, скромно одѣтая, красивая дама,

Библиотека "Руниверс"

М. И. Доможирова [1]), француженка по происхожденію, всюду выѣзжавшая со своею незамужнею сестрою и при ближайшемъ съ нею знакомствѣ оказавшаяся крѣпко любящею Россію женщиною. Марія Ивановна Доможирова, вдова контръ-адмирала, по первому мужу супруга морского министра Александра III адмирала И. А. Шестакова, по искренней и глубокой любви къ Россіи и въ частности къ обожаемому ею флоту, заслуживаетъ, чтобы ей, въ особенности какъ иностранкѣ, удѣлено было особое мѣсто.

Происходя изъ весьма почтенной французской семьи де-Вильерсъ, Марія Ивановна, познакомившись еще во Франціи съ адмираломъ Шестаковымъ и его супругою, гдѣ Иванъ Алексѣевичъ до назначенія членомъ адмиралтействъ-совѣта, а потомъ управляющимъ морскимъ министерствомъ, пребывалъ довольно долго, по смерти его жены вышла за него замужъ. Несмотря на сразу занятое ею высокое положеніе, безмѣрно гордясь любовью и уваженіемъ, которое неизмѣнно питалъ къ ея мужу Александръ III, Марія Ивановна всегда и во всемъ оставалась той же скромною женщиною, какъ и раньше.

Принявъ передъ замужествомъ православіе и сдѣлавшись по духу болѣе русскою, чѣмъ сами русскіе, удивительно добрая молодая Шестакова, подъ вліяніемъ неусыпныхъ трудовъ Ивана Алексѣевича, отдавшаго всю жизнь любимому имъ флоту, въ свою очередь, прониклась такою искреннею любовью ко всему русскому, и въ частности къ русскому флоту (она знала рѣшительно весь флотъ), что, радуясь его успѣхамъ, болѣла душою при малѣйшихъ его неудачахъ, болѣла не на словахъ, а на дѣлѣ.

Будучи не очень долго замужемъ за адмираломъ Шестаковымъ, она впослѣдствіи вышла замужъ за контръ-адмирала Доможирова, одного изъ способнѣйшихъ нашихъ моряковъ, много плававшаго, незадолго до своей смерти сдѣланнаго директоромъ морского корпуса.

Бракъ этотъ былъ также не продолжителенъ, такъ какъ адмиралъ Доможировъ, проболѣвъ довольно долго, умеръ, какъ оказалось, отъ весьма рѣдкой болѣзни—зараженія глистами, исключительно водящимися у рыбъ Дальняго Востока.

По окончаніи траура адмиральша Доможирова стала попрежнему собирать въ свою уютную квартиру почти всѣхъ ея друзей, часть которыхъ были моряки, такъ или иначе соприкасавшіеся по службѣ или съ адмираломъ Шестаковымъ, или съ адмираломъ Доможировымъ.

Ко всѣмъ достоинствамъ Маріи Ивановны нужно еще причислить ея выдающійся ораторскій талантъ, въ особенности рѣдкій у женщинъ.

---

[1]) Она скончалась 29 октября 1913 г.

Библиотека "Руниверс"

Семь лѣтъ назадъ у М. И. Доможировой по случаю ея двадцатипятилѣтняго пребыванія въ Россіи состоялся большой завтракъ, на которомъ присутствовалъ и нынѣшній нашъ премьеръ В. Н. Коковцовъ. Въ отвѣтъ на красивую рѣчь въ ея честь Владимира Николаевича, какъ извѣстно, прекраснаго оратора, Марія Ивановна, съ такимъ блескомъ, такъ красиво ему отвѣтила, что привела всѣхъ, не исключая Владимира Николаевича, въ положительное изумленіе. Но этого мало. И слѣдующимъ ораторамъ, говорившимъ въ совершенно другихъ тонахъ, М. И. Доможирова отвѣтила тоже по существу образно и остроумно.

Послѣ М. П. Моласа однимъ изъ командировъ 18-го флотскаго экипажа былъ упомянутый уже мною въ моихъ прошлогднихъ воспоминаніяхъ капитанъ перваго ранга, флигель-адъютантъ Н. Д. Дабичъ.

Съ его словъ и на основаніи мною лично видѣннаго и пережитаго я постараясь добавить еще нѣсколько штриховъ къ тому времени, когда, начиная съ 18-го октября 1905 года, не сдерживаемая вначалѣ правительствомъ революціонная волна стала заливать и праваго и виноватаго.

Уже за нѣсколько часовъ до инцидента въ Маріинскомъ театрѣ [1]) громадная толпа тысячи въ четыре двигалась съ Васильевскаго острова по направленію къ находящимся позади Благовѣщенской площади казармамъ 18-го и 14-го флотскихъ экипажей. Толпа была самая разнообразная. Тутъ были студенты, курсистки, рабочіе и вообще интеллигенты, рядомъ съ офицерами, большею частью спеціальнаго рода оружія. Что всего курьезнѣе, городовые при прохожденіи поющей, кричащей и осадившей затѣмъ казармы толпы отдавали ей, вѣроятно, съ перепугу, по временамъ честь.

Въ шесть часовъ вечера Н. Д. Дабичъ, выглянувшій изъ окна своей квартиры, помѣщавшейся въ зданіи Крюковскихъ казармъ, увидѣлъ, что вся набережная передъ казармами наполнена народомъ. Изъ толпы все время раздавались крики, обращенные къ запертымъ въ помѣщеніи казармъ матросамъ: «Ребята, выходите къ намъ!» А одна курсистка даже ухитрилась было залѣзть въ окно, все время неистово крича: «Матросики, матросики, идите къ намъ!» Дальнѣйшее, однако, ея движеніе было остановлено однимъ изъ фельдфебелей экипажа, окатившимъ эту слишкомъ предпріимчивую дѣвицу изъ помойнаго ведра.

Въ виду форменной осады казармъ, назойливаго заглядыванія въ окна толпы, безпорядочной стрѣльбы изъ револьверовъ,—къ счастію, въ воздухъ,—флигель-адъютантъ Дабичъ отправился въ по-

---

[1]) «Истор. Вѣстн.» 1912 г., ноябрь

Библиотека "Руниверс"

мѣщеніе экипажа, гдѣ, роздавъ боевые патроны, велѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ подпереть бревнами всѣ выходы.

Затѣмъ онъ телефонировалъ въ главный морской штабъ, прося инструкцій. Въ штабѣ, повидимому, не придали серьезнаго значенія доложенному Дабичемъ, и, по его словамъ, разговоръ со штабомъ, принялъ даже нѣсколько частный характеръ. Между тѣмъ толпа, осаждавшая казармы уже около часа, стала кричать: «А вотъ мы пойдемъ въ Гвардейскій экипажъ и вернемся вмѣстѣ съ нимъ. Тогда мы увидимъ, какъ вы къ намъ не выйдете!»

Въ Гвардейскій экипажъ вся толпа дойти не могла, потому что была раньше разсѣяна казаками. Меньшинство же направилось въ Маріинскій театръ, гдѣ и произошелъ скандалъ, мною уже описанный.

Надо отдать справедливость матросамъ 18-го флотскаго экипажа, настроеніе команды во время инцидента было корректное, и всѣ приказанія командира исполнялись безпрекословно; только въ заднихъ рядахъ слышались иногда возгласы: «Дождались наконецъ свободы!»

Безпорядки же въ 14-мъ экипажѣ начались еще до 18-го октября, какъ и всегда, яко бы изъ-за плохой пищи; послѣдствіемъ неудовольствія матросовъ было битье стеколъ въ помѣщеніи казармъ. Явившійся для увѣщеванія матросовъ флигель-адъютантъ Дабичъ полагалъ, что дѣянія эти были совершены исключительно по наущенію нѣсколькихъ не обнаруженныхъ постороннихъ лицъ.

Что касается пищи, то она въ экипажахъ 14-мъ и 18-мъ всегда была очень хорошая. Это могутъ подтвердить не только врачи, но и всѣ служащіе въ этихъ экипажахъ.

Когда, окончивъ увѣщеваніе, капитанъ перваго ранга Дабичъ вмѣстѣ съ сопровождавшимъ его однимъ изъ фельдфебелей и случайно тутъ же находившимся денщикомъ возвращался домой, то вслѣдъ имъ были кинуты камни, которыми были ранены фельдфебель и денщикъ.

Глухое недовольство, развившееся между матросами 14-го флотскаго экипажа, подъ вліяніемъ событій до 18-го октября, съ одной стороны, вакханаліи 18-го октября и самовольное возвращеніе изъ Кронштадта 22-го и 23-го октября рулевыхъ, минеровъ 18-го флотскаго экипажа, которые, оборванные, рыдая, жаловались, что они сбѣжали изъ Кронштадта только потому, что тамъ стрѣляютъ, бьютъ и убиваютъ,—съ другой и, наконецъ инцидентъ, случившійся въ началѣ ноября въ 14-мъ флотскомъ экипажѣ, когда тамъ былъ схваченъ какой-то штатскій съ прокламаціями, сначала командиромъ 14-го экипажа флигель-адъютантомъ Рудневымъ арестованный, а затѣмъ по требованію уже въ то время буйной команды выпущенный на волю,—переполнили чашу терпѣнія военнаго начальства, и 14-й экипажъ рѣшено было немедленно на-

Библиотека "Руниверс"

сильно выселить въ Кронштадтъ. Морское же начальство, по словамъ Н. Д. Дабича, тоже думало перевести этотъ экипажъ въ Кронштадтъ, не выселяя, а съ музыкой и знаменемъ.

Несмотря на явную агитацію, веденную кочегаромъ 14-го флотскаго экипажа Шеломенцовымъ и какимъ-то штатскимъ, все время смущавшими матросовъ, экипажъ былъ въ ночь на 24-ое ноября не переведенъ, а выселенъ въ Кронштадтъ и безъ всякихъ безпорядковъ. Разумѣется, вынужденное спокойствіе могло быть объяснено тѣмъ, что при отправленіи 14-го экипажа въ Кронштадтъ передъ и кругомъ казармъ были выстроены лейбъ-гвардіи Измайловскій и Каспійскій полки, охранявшіе всѣ ходы и выходы...

24-го ноября, днемъ, тотчасъ по окончаніи обращенія исправлявшаго должность начальника главнаго морского штаба контръ-адмирала Нидермиллера къ 14-му флотскому экипажу, гдѣ отъ лица экипажа говорилъ съ адмираломъ въ набитой матросами экипажной кухнѣ все тотъ же вышеупомянутый Шеломенцовъ, случайно и мнѣ пришлось потомъ говорить съ частью экипажа, которую я остановилъ на дворѣ казармъ. «Изъ-за чего вы, ребята, шумите? Чего вы добиваетесь? Знайте, что я говорю съ вами не какъ начальникъ, а какъ человѣкъ, которому вы можете все разсказать, не опасаясь взысканія», началъ я свою рѣчь.

Въ отвѣтъ на мои слова нѣсколько матросовъ разомъ загалдѣли. Приказавъ говорить только по одиночкѣ и водворивъ, такимъ образомъ, порядокъ, не встрѣтивъ даже съ этой стороны никакого противодѣйствія, я узналъ, что серьезныхъ недоразумѣній и жалобъ у матросовъ 14-го экипажа не имѣлось. Все сводилось, главнымъ образомъ, къ жалобамъ на то, что у нихъ вскрываютъ письма, что ихъ никуда не выпускаютъ и что они теперь ни за что не согласятся быть выселены въ Кронштадтъ, какъ преступники.

Я постарался сообщить этимъ несерьезнымъ бунтовщикамъ всю тщету ихъ непослушанія, говорилъ о злонамѣренныхъ людяхъ, которые бросятъ ихъ при первой неудачѣ, говорилъ о горести матерей, если ихъ дѣти, благодаря неразумію, попадутся въ строжайше наказуемомъ преступленіи противъ дисциплины и т. д.

Такъ или иначе, послѣ увода ночью 14-го экипажа, въ 18-мъ экипажѣ не только не вспыхнуло безпорядковъ, но, благодаря воцарившемуся тамъ спокойствію, Государь Императоръ поручилъ даже князю Васильчикову поблагодарить отъ его имени флигель-адъютанта Дабича, офицеровъ и всю команду за ихъ ревностную службу.

На этомъ пока я и окончу свои воспоминанія.

В. Б. Бертенсонъ.

Библиотека "Руниверс"

ОРИГИНАЛЫ И ЧУДАКИ.

V.

А. А. Оппель.

ВЪ 1880-хъ годахъ въ Москвѣ случайно проживалъ весьма извѣстный музыкальный дѣятель Андрей Алексѣевичъ Оппель, авторъ многихъ популярныхъ романсовъ и видный музыкальный педагогъ.

Жилъ онъ въ Москвѣ, какъ я уже сказалъ, случайно. Пріѣхалъ, если не ошибаюсь, изъ Тамбова, гдѣ былъ директоромъ какой-то музыкальной организаціи, на три дня въ Москву по дѣламъ и остался въ ней навсегда, гдѣ и умеръ въ началѣ 1890 годовъ.

Несмотря на значительную разницу нашихъ лѣтъ,—онъ уже былъ старикомъ, а я моложе его чуть не втрое,—мы съ нимъ трогательно дружили и одно время ютились вмѣстѣ въ комнатѣ знаменитыхъ «Бучумовскихъ номеровъ» на Большой Дмитровкѣ.

Отличительною его чертою было—хроническое отсутствіе денегъ, хотя заработки Оппеля были таковы, что онъ могъ бы жить не только безбѣдно, но даже съ комфортомъ. Куда и на что расходывалъ онъ свои многочисленныя получки—прослѣдить не было никакой возможности, но только знаю, что онѣ у него какимъ-то необъяснимымъ образомъ не задерживались.

Весь день онъ колесилъ изъ конца въ конецъ Москвы по урокамъ, но по вечерамъ мы были почти неразлучны: если онъ занятъ былъ въ концертѣ—я непремѣнно сопровождалъ его; если меня отвлекали какіе-нибудь спектакли—онъ тянулся за мной; но если не было

Библиотека "Руниверс"

ни того, ни другого—мы на весь вечеръ внѣдрялись въ какую-нибудь знакомую артистическую семью.

Домой возвращались обыкновенно поздно—и вотъ тутъ-то начинались мои страданія.

Когда бы Оппель ни легъ, но въ четыре часа ночи внезапно спрыгивалъ съ постели, совершенно раздѣтый—въ одной сорочкѣ, едва доходившей до поясницы, даже безъ туфель,—и садился за піанино импровизировать.

— Андрюша, голубчикъ,—взмолишься бывало.—Бога побойся, всего четыре часа... Наконецъ, сосѣди...

— Молчи, молчи!—отвѣчалъ онъ скороговоркой.—Новый романсъ...

Вдохновеніе его осѣняло изъ ночи въ ночь, и именно въ четыре часа, когда мучительно хотѣлось спать.

Къ шести часамъ романсъ былъ готовъ и занесенъ на нотную бумагу.

Ровно въ шесть раздавался стукъ въ дверь, и въ комнату вваливался, внося струю морознаго воздуха, посыльный—въ традиціонныхъ валенкахъ съ налипшимъ на нихъ снѣгомъ, въ коричневомъ армякѣ и съ башлыкомъ на головѣ.

Тутъ ужь опять не до сна.

Оппель, все еще не приступая къ туалету, усаживалъ его въ кресло противъ себя черезъ столъ и поручалъ ему варить чай на спиртовкѣ. Затѣмъ оба принимались за медлительное чаепитіе, пересыпая его стереотипнымъ разговоромъ:

— Вчера вездѣ былъ, гдѣ я тебѣ велѣлъ?

— Такъ точно.

— И у прачки былъ?

— Не готово-съ... велѣла въ субботу прійти...

— Ну, такъ ты зайди, не забудь... А сегодня пойдешь туда-то и туда-то...

Надаетъ посыльному массу порученій, въ большинствѣ ненужныхъ, и въ восьмомъ часу начнетъ одѣваться. Оппель былъ довольно грузный, неповоротливый и поэтому во время туалета кряхтѣлъ, задыхался и ежеминутно проявлялъ неудовольствіе, бранясь на посыльнаго, усердно ему помогавшаго. Впрочемъ, вся брань его заключалась въ четырехъ словахъ, произносимыхъ скороговоркой:

— Дуракъ, дуракъ, дуракъ, дуракъ!

Посыльный этотъ пользовался отъ него большими подачками и служилъ все время, пока Оппель жилъ въ Москвѣ. И когда посыльный этотъ два мѣсяца болѣлъ, Андрей Алексѣевичъ чувствовалъ себя несчастнымъ человѣкомъ. Изъ дому выходилъ, не напившись чая; забывалъ надѣть то галстукъ, то жилетку; увѣрялъ, что «изъ-за этого заболѣвшаго дурака» ему нейдутъ на умъ композиціи. А когда по-

Библиотека "Руниверс"

сыльный поправился, даже я былъ радъ, потому что Оппель сразу пріободрился и повеселѣлъ.

Послѣ ухода изъ дому Андрея Алексѣевича я успѣвалъ выспаться, но зато онъ въ теченіе всего дня дремалъ и даже спалъ, при самыхъ разнообразныхъ занятіяхъ и положеніяхъ. Являясь на урокъ, онъ усаживался за рояль, бралъ аккорды и моментально впадалъ въ забытье. Всѣ думали, что это его манера преподавать музыку или аккомпанировать пѣніе съ закрытыми глазами, а на самомъ дѣлѣ онъ перебиралъ клавиши совершенно механически, предавался сладостной дремотѣ. Будучи отличнымъ музыкантомъ, всю жизнь просидѣвшимъ за роялемъ, онъ, разумѣется, не выдавалъ своей слабости, зная наизусть чуть ли не всю музыкальную литературу, но представьте себѣ положеніе пѣвцовъ, которымъ онъ аккомпанировалъ на концертахъ и которые видѣли, какъ онъ, не заглядывая въ ноты, клевалъ носомъ?

На курсахъ пѣнія знаменитой пѣвицы Дарьи Михайловны Леоновой, онъ состоялъ ея ближайшимъ помощникомъ. Ея ученики и ученицы такъ привыкли къ вѣчно сонному состоянію Оппеля, что, ставя передъ нимъ на пюпитръ тетради съ экзерсисами, обыкновенно шутили:

— Андрей Алексѣевичъ, продремлите пятый номеръ.

И вѣчной своей дремотой до того довелъ Леонову, что та тоже едва осиливала зѣвоту, а иногда даже и дремала. Дошло дѣло до того, что милая и простодушная артистка вообразила себя и его заболѣвшими «нонной». Были призваны доктора, и Дарья Михайловна серьезно лечилась. Болѣзнь эта оказалась заразительной, и служившая у нея же аккомпаніаторшей нѣкая Давыдова тоже стала подвергаться во время занятій дремотѣ. Получилось такое сонное царство, что Оппеля, какъ распространителя этой необыкновенной эпидеміи, отстранили отъ занятій на курсахъ на цѣлый мѣсяцъ. Не знаю, дѣйствительно ли это была нонна, но я самъ лично наблюдалъ, какъ Леонова и Давыдова напрасно боролись со спячкой. Едва кончались занятія, какъ обѣ засыпали въ гостиной крѣпчайшимъ сномъ, а пока съ ними работалъ Оппель, то для компаніи храпѣлъ и онъ. Къ обѣду едва могли ихъ растолкать.

Но за обѣдомъ происходило нѣчто весьма курьезное. Леонова и Давыдова кое-какъ опорожнятъ тарелки съ супомъ и уже тогда засыпаютъ, а Оппель съ мѣста въ карьеръ—присядетъ къ столу и уже готово—спитъ.

Толкнутъ его въ локоть.

— Супъ поданъ.

Проглотитъ ложку, а вторая на полдорогѣ застрянетъ, и опять онъ спитъ.

Приносятъ второе блюдо и снова начинаютъ всѣхъ будить.

И такъ продолжается до конца обѣда, съ послѣднимъ блюдомъ

Библиотека "Руниверс"

котораго наступаетъ для нихъ полная свобода безмятежнаго отдыха. Не сходя съ мѣста, они засыпаютъ и спятъ до появленія на столѣ самовара, который подавался часа черезъ четыре. Думали, что можетъ помочь развлеченіе, но стоило имъ умѣститься въ ложѣ театра, какъ сосѣди начинали на нихъ шипѣть:

— Тише! Тише!

И храпъ становился до того громкимъ, что приходилось уѣзжать домой въ началѣ перваго же дѣйствія.

Кончилось это тѣмъ, что Давыдова принуждена была уѣхать къ себѣ на родину, въ Тифлисъ, а Леоновой доктора совѣтовали съѣздить въ Петербургъ, увѣряя, что въ подобныхъ случаяхъ путешествіе единственное средство, которымъ можно спастись отъ безпричинной спячки. Она такъ и сдѣлала. Ей помогло. Но Оппель, попрежнему колобродившій по ночамъ, попрежнему пребывалъ цѣлые дни въ дремотѣ и былъ уже твердо убѣжденъ, что нонна—его хроническій недугъ.

Оппель былъ женатъ, но съ семьей не жилъ. Сынъ и дочь, о которыхъ онъ вспоминалъ съ любовью и лаской, учились въ Петербургѣ. Андрей Алексѣевичъ вѣчно мечталъ съѣздить туда, чтобъ навѣстить ихъ, но это ему такъ-таки и не удалось. Во-первыхъ, все не могъ будто бы справиться съ деньгами, а, во-вторыхъ, боялся, что застрянетъ въ Петербургѣ и не вернется въ Москву, которую очень любилъ. Да и его въ Москвѣ очень любили. Добрый, простой, обходительный, со всѣми онъ ладилъ, каждому готовъ былъ оказать услугу и любезность. Но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и вспыльчивъ, но какъ-то нелѣпо. Возвыситъ голосъ, взволнованно проговоритъ фразу—и сейчасъ же разсмѣется. Конечно, было смѣшно, какъ это у него хватило силъ разсердиться! Смѣшливымъ онъ былъ вообще,—и всего вѣроятнѣе отъ избытка благодушія. Самое незначительное обстоятельство могло вызвать въ немъ продолжительный хохотъ. И, благодаря этому, во время обѣда или ужина съ нимъ происходили непріятныя замѣшательства. Разсмѣется и подавится, да такъ сильно, что всѣхъ окружающихъ охватываетъ страхъ—какъ бы не умеръ! Лицо багровѣетъ, глаза становятся неподвижными и полное отсутствіе дыханія. Конечно, всѣ вскакиваютъ и начинаютъ хлопать его кулаками по спинѣ до тѣхъ поръ, пока Оппель не придетъ въ себя. И случалось это съ нимъ по нѣсколько разъ подъ рядъ. Особенно много смѣшилъ его покойный поэтъ П. И. Кичеевъ, отличавшійся веселымъ характеромъ. Подавившись однажды за однимъ первымъ блюдомъ раза три или четыре, Оппель дошелъ до такого неистовства, что прямо изъ-за стола, не окончивъ обѣда, полетѣлъ въ сыскное отдѣленіе и принесъ форменную жалобу «на Кичеева, стремящагося лишить его жизни путемъ смѣха во время трапезы, который ему, Оппелю, при его тучности опасенъ, ибо при смѣхѣ у него дѣлается спазматическое удушье».

Библиотека "Руниверс"

— Но что за цѣль г. Кичееву лишать васъ жизни?—спрашиваютъ его въ сыскномъ.

— Не знаю. Но я замѣтилъ, что онъ смѣшитъ меня систематически, заставляя давиться каждымъ кускомъ. Въ этомъ я вижу злой умыселъ и если я буду такимъ образомъ убитъ, виновникъ останется безнаказаннымъ.

На другое утро такую же жалобу онъ подалъ лично приснопамятному московскому генералъ-губернатору князю В. А. Долгорукову.

Князь заинтересовался жалобой и, зная лично Кичеева, какъ популярнаго театральнаго рецензента, вызвалъ его къ себѣ.

— Что это у васъ съ Оппелемъ? Поссорились, вѣроятно?

— Нѣтъ...

— А какъ же онъ на васъ жалуется, что вы посягаете на его жизнь.

— Я? на его жизнь?—удивился Кичеевъ.

— Да... вотъ прочтите...

Прочтя жалобу Оппеля, Кичеевъ расхохотался и разсказалъ князю, какъ обыкновенно проводится время за обѣдомъ у Д. М. Леоновой, у которой всего чаще мы сходились вмѣстѣ, и какъ Оппель ежеминутно давится при всякой попыткѣ разсмѣяться.

Дня черезъ два потребовали Кичеева въ сыскное и стали вывѣдывать отъ него, «что онъ имѣетъ противъ Оппеля». Вспыльчивый Кичеевъ возмущался и кричалъ. На него кричали тоже. Кичеевъ вынужденъ былъ отправиться съ жалобой къ Долгорукову на сыскное отдѣленіе, въ свою очередь, и сыскное отдѣленіе стало подкапываться подъ него. И заварилась такая каша, которую расхлебывали всю зиму. Къ Леоновой тоже стали являться сыщики за какими-то справками; ей тоже пришлось просить оберъ-полицеймейстера, чтобы избавили ее отъ непрошенныхъ визитеровъ. А виновникъ этой кутерьмы на всѣ адресованные къ нему упреки только благодушно улыбался и говорилъ:

— Да развѣ я зналъ, что можетъ изъ-за такихъ пустяковъ такое дѣло выйти!

Но въ старое доброе время изъ-за какихъ только пустяковъ не выходило сложнаго дѣла!

Средства свои мы съ Оппелемъ пополняли изданіемъ романсовъ (я писалъ слова, а онъ музыку) и поѣздками съ концертами въ ближайшіе къ Москвѣ города: въ Тулу, Орелъ, Смоленскъ, Владимиръ на-Клязьмѣ, Тверь и Ярославль.

У меня было больше свободнаго времени, и поэтому я уѣзжалъ въ намѣченный пунктъ заранѣе, чтобы сдѣлать необходимыя подготовленія къ концерту.

Наибольшій успѣхъ наши концерты почему-то имѣли во Владимирѣ. Обыкновенно устраивались они въ дворянскомъ собраніи, и ихъ всегда удостаивалъ своимъ посѣщеніемъ губернаторъ.

Библиотека "Руниверс"

Не помню его фамиліи, но знаю, что это былъ очень простой и доступный человѣкъ, котораго любила «губернія». Спеціально для него Оппель по окончаніи концертной программы продѣлывалъ маленькій фортепіанный фокусъ: прикрывалъ клавиши полотенцемъ и черезъ полотенце съ виртуозною бойкостью исполнялъ нѣсколько пьесъ. Губернатору эта музыкальная шалость доставляла удовольствіе, и поэтому онъ всегда задерживался по окончаніи программы, что, въ свою очередь, доставляло удовольствіе и Оппелю.

Въ тѣ времена во Владимирѣ проживалъ весьма скромный, но очень способный молодой провинціальный писатель Павелъ Васильевичъ Заведеевъ, писавшій въ московскихъ журналахъ и больше всего въ «Развлеченіи», подъ псевдонимомъ «Поль-За», и выпустившій отдѣльную книгу желѣзнодорожныхъ обличительныхъ очерковъ. Доводясь мнѣ и Оппелю хорошимъ пріятелемъ, онъ, конечно, находился неотлучно при насъ во все время нашего пребыванія во Владимирѣ. Мы коротали съ нимъ часы и до концерта, и послѣ. Но однажды, едва окончился концертъ, я не могъ доискаться ни Оппеля, ни Заведеева. Куда-то сгинули. И, очевидно, вмѣстѣ. Ѣду въ гостиницу—нѣтъ, отправляюсь въ ресторанъ, гдѣ мы обыкновенно ужинали,—тоже нѣтъ. Дѣлать нечего, иду въ номеръ и ложусь спать. Утромъ поднимаюсь довольно поздно, а объ Оппелѣ никакихъ извѣстій. Допытываюсь у гостиничной прислуги, гдѣ бы можно было во Владимирѣ запропаститься на всю ночь.

— Да, вѣроятно, у Блохи,—говорятъ.

— У какой Блохи?

— Да есть тутъ одинъ такой, котораго Блохой зовутъ. У него на Московской дорогѣ свой домъ и ночное заведеніе съ выпивкой.

Оказалось, что Владиміръ городъ сугубо-нравственный, и въ районѣ поселенія не допускаетъ такихъ учрежденій, въ которыхъ можно было бы учинять ночныя попойки съ легкомысленными дамами. Поэтому домъ Блохи ютился на большой дорогѣ, верстахъ въ двухъ отъ города. Беру извозчика и ѣду туда. Еще у крыльца слышу музыку и пѣніе. Вхожу въ первую комнату и застаю компанію: зажиточный мѣщанинъ въ русской рубахѣ съ бархатнымъ жилетомъ поверхъ, какъ оказалось потомъ—самъ Блоха; его жена—уже пожилая женщина въ повойникѣ; три молодыхъ бабенки въ байковыхъ платкахъ; у стола, заставленнаго бутылками съ водкой и пивомъ и какими-то неприхотливыми закусками, сидѣлъ Заведеевъ; на старинныхъ, сильно дребезжавшихъ фортепіанахъ игралъ полураздѣтый Оппель, а около него стоялъ плотный бородатый брюнетъ въ золотыхъ очкахъ, тоже безъ сюртука, и съ большимъ воодушевленіемъ пѣлъ красивымъ сочнымъ басомъ оперныя

Библиотека "Руниверс"

аріи. Блоха былъ умиленъ, женщины утирали невольно навертывавшіяся на глаза слезы.

Обладателемъ баса оказался извѣстный оперный артистъ М. М. Карякинъ, служившій на сценѣ петербурскаго Маріинскаго театра Какъ уроженецъ Владимира, онъ часто наѣзжалъ туда на побывку къ родственникамъ, даже во время сезона. И теперь, гостя въ родномъ городѣ, онъ завернулъ на концертъ, столкнулся съ Оппелемъ и уговорился съ нимъ поѣхать куда-нибудь «поговорить по душамъ»; подвернувшійся Заведеевъ указалъ имъ на прогулку къ Блохѣ, у котораго они и прображничали всю ночь. Всю ночь Карякинъ пѣлъ, а Оппель аккомпанировалъ. Заведеевъ сталъ меня увѣрять, что онъ еще никогда такъ много не плакалъ, какъ нынче.

— Да съ чего плакалъ-то?

— Какъ поетъ! Поетъ-то какъ, разбойникъ!—указывалъ онъ Карякина.—Вывернетъ изъ тебя душу да и потрошитъ, да и потрошитъ...

А Блоха даже за угощеніе отказался получать:

— Ни отъ кого еще такой потѣхи не видывали.

Въ Москвѣ ждали дѣла. Началъ я уговаривать Оппеля ѣхать, а онъ сталъ отмахиваться обѣими руками.

— Ни подъ какимъ видомъ! Развѣ можно сравнить какую-то Москву съ Владимиромъ? Остаюсь здѣсь навсегда.

Мысль эту Карякинъ одобрилъ, а Заведеевъ даже всталъ на колѣни и поклонился Оппелю въ ноги.

— Отъ всего Владимира!—торжественно произнесъ онъ.—Дѣйствительно, единственный городъ въ Россіи—это Владиміръ! [1]).

А Оппель твердилъ:

— Рѣшено! Остаюсь!

И опять началось задушевное пѣніе Карякина и вдохновенный аккомпаниментъ Оппеля, котораго такъ-таки и не удалось увести съ собой.

Вечеромъ отправился я въ Москву, а Оппель вернулся только черезъ три дня и очень на меня сердился, что я его не забралъ съ собой, хотя бы насильно. Сначала онъ замалчивалъ, какъ провелъ безъ меня время во Владимирѣ, а потомъ какъ-то разразился бранью по адресу Заведеева:

— Это какой-то сумасшедшій! Изъ-за него я чуть было въ такую исторію не влетѣлъ, что не очухался бы.

— Что такое?

— Да уговорилъ онъ меня въ монахи пойти. «Тебя,—говоритъ,—черезъ полгода непремѣнно архіереемъ сдѣлаютъ». Мнѣ это, ко-

---

[1]) На самомъ дѣлѣ весьма невзрачный, безцвѣтный и специфически-провинціальный. Къ тому же торчитъ на высокой горѣ, такъ что отъ желѣзнодорожной станціи едва на него взберешься.

Библиотека "Руниверс"

нечно, понравилось. Повезъ онъ меня за одиннадцать верстъ въ Боголюбскій монастырь, пошептался съ игуменомъ и оставилъ меня въ монастырѣ. Я переночевалъ. А на другой день какой-то монахъ мнѣ и говоритъ: «Съ вами теперь способнѣй будетъ, а то мы ужъ сколько годовъ безъ регента сидимъ... Сейчасъ всѣ ноты, какія у насъ есть, къ вамъ приволокутъ...» Монахъ едва успѣлъ отъ меня отойти, какъ я былъ уже за воротами; бѣгомъ на станцію да въ Москву... и все побаивался, какъ бы не поймали...

Въ Тулѣ, черезъ Оппеля, я познакомился съ большимъ оригиналомъ—извѣстнымъ буквально всей Россіи самоварнымъ фабрикантомъ Александромъ Степановичемъ Баташевымъ.

Когда я отправлялся впервые въ Тулу, Оппель далъ мнѣ къ нему письмо:

— Это мой пріятель!—сказалъ онъ.—Какъ пріѣдешь—прямо къ нему. Вотъ увидишь, какъ встрѣтитъ.

Такъ и сдѣлалъ. Пріѣхавъ въ Тулу и, оправившись съ дороги въ гостиницѣ, прямо на фабрику Баташева.

Съ виду фабрика невзрачная: рядъ мелкихъ отдѣльныхъ корпусовъ и гдѣ-то въ углу контора, заваленная книгами и свертками.

Баташевъ дѣловито прочелъ письмо Оппеля, испытующе посмотрѣлъ на меня сквозь очки и сказалъ:

— Да! Оппель геній! Ты тоже, вижу, геній! И я геній!

Послѣ такого многозначительнаго введенія я, конечно, предпочелъ молчать. Но это молчаніе въ глазахъ моего новаго знакомца получило оцѣнку въ мою пользу. Онъ снисходительно похлопалъ меня по плечу и произнесъ:

— Ты будешь меня уважать, я вижу. Посиди немного, а въ двѣнадцать поѣдемъ ко мнѣ обѣдать. Сиди и думай: какой передъ тобой человѣкъ, изъ самоваровъ котораго вся Россія пьетъ.

Послѣдовавъ его совѣту, я сталъ, въ ожиданіи обѣда, припоминать, что дѣйствительно, гдѣ бы на самоварное клеймо ни взглянуть, непремѣнно передъ глазами мелькнутъ двѣ крупныя строчки: «Тула... Баташевъ».

Въ двѣнадцать часовъ фабричная работа пріостановилась. Къ фабрикѣ подкатилъ роскошный рысакъ въ дорогой упряжи, который черезъ десять минутъ доставилъ насъ, если не ошибаюсь, на Верхне-Дворянскую улицу къ красивому, огромному особняку.

По дорогѣ Баташевъ меня спрашивалъ:

— Тебѣ Оппель говорилъ, кто я?

— Вообще... да...

— Я, братецъ, чудо девятнадцатаго вѣка. Если бъ не фабрика, я бы первымъ естествоиспытателемъ въ мірѣ былъ.

Прежде, чѣмъ пройти въ столовую, Баташевъ провелъ меня въ грандіозную пристройку къ дому, представляющую и собою роскошный зимній садъ.

Библиотека "Руниверс"

— Это у меня земной рай!—пояснилъ онъ.—Погляди, какихъ только у меня тутъ птицъ нѣтъ?

Дѣйствительно, безсчетное множество всяческихъ породъ и видовъ дорогихъ пѣвчихъ птицъ.

— Тутъ, братъ, у меня и африканскія, и австралійскія... Каждый годъ мнѣ изъ-за границы ихъ большія партіи пересылаютъ...

Вѣроятно, ради этихъ пернатыхъ нѣженокъ и въ зимнемъ саду Баташева поддерживалась тропическая жара.

Въ то время онъ былъ холостымъ, и за обѣденнымъ столомъ мы съ нимъ сидѣли только вдвоемъ.

— Ты знаешь, какой я естествоиспытатель?—говорилъ Баташевъ за обѣдомъ.—Какихъ нѣтъ. Я добываю новыя породы. У Бога нѣтъ, а у меня есть.

Оказалось, что путемъ самаго ординарнаго скрещиванія животныхъ онъ получалъ различные смѣшанные экземпляры и, благодаря этому, былъ серьезно убѣжденъ, что въ исторіи естественныхъ наукъ ему должно принадлежать первое мѣсто.

Но, впрочемъ, въ его птичникахъ и въ скотныхъ дворахъ были такія замѣчательныя птицы и животныя, которыя на всяческихъ спеціальныхъ выставкахъ въ столицахъ получали поощрительныя медали. Такихъ медалей у Баташева было громадное множество, и онѣ картинно размѣщались на его фракѣ.

Окончивъ обѣдъ, гостепріимный хозяинъ преподнесъ мнѣ въ подарокъ солидную пачку фотографическихъ изображеній своихъ, изъ которыхъ многія были раскрашены красками. На каждой карточкѣ онъ снятъ былъ съ какими-нибудь животными или птицами: напримѣръ, сидитъ онъ въ креслѣ передъ письменнымъ столомъ, а на правомъ плечѣ его покоится голова коровы, или—онъ въ креслѣ, а на его головѣ, плечахъ, колѣняхъ курицы и утки въ живописной группѣ, а съ неба спускается блѣдный мѣсяцъ, вдали—зимній лѣсной пейзажъ. Подъ каждой карточкой было четко выведено: «Чудо XIX-го вѣка. Естествоиспытатель А. С. Баташевъ».

Послѣ обѣда онъ мнѣ показывалъ свой домъ. Обстановка дорогая, роскошная. Но меня удивила зала—по стѣнамъ его разставлено восемь роялей.

Даже спросилъ:

— Почему такъ много?

— Люблю музыку.

Думалъ, что самъ музицируетъ, оказалось—нѣтъ, ни одного аккорда извлечь не можетъ, и вообще-то никогда никто у него не играетъ.

Потомъ мнѣ пришлось еще нѣсколько разъ побывать у Баташева съ Оппелемъ, и каждый разъ онъ показывалъ намъ какое-

Библиотека "Руниверс"

нибудь «чудо природы», то въ видѣ помѣси пуделя съ лисицей, то зебры съ лошадью, и на нашъ, несомнѣнно, поддѣльный восторгъ, самодовольно восклицалъ:

— До чего не дошла природа, до того додумался я.

По учености эти «чудеса природы» онъ ставилъ, конечно, выше самоваровъ, но и про самовары говорилъ съ большой гордостью:

— Вся наша фамилія въ русскомъ просвѣщеніи сыграла громадную роль. Самовары Баташевыхъ даже въ Азію проникли, а въ Россіи ихъ въ каждой деревнѣ встрѣтишь.

И Оппель потомъ говорилъ мнѣ:

— А вотъ Александръ Степановичъ правильно говоритъ, что самоваръ—это просвѣщеніе. Конечно! Сначала любовь къ чаю, а потомъ къ грамотѣ...

Вездѣ, гдѣ мы бывали съ концертами, у Оппеля находились знакомые, и въ большинствѣ такіе же оригиналы, какъ и самъ онъ.

Перебравшись въ 1886 году вновь въ Петербургъ, я съ Оппелемъ разстался и хоть поддерживалъ съ нимъ рѣдкую переписку, но съ его стороны она едва ли соотвѣтствовала своему назначенію: то находилъ я въ адресованномъ ко мнѣ конвертѣ какой-нибудь счетъ прачки, то записку, посланную кѣмъ-то къ нему, то какія-то рецепты и очень рѣдко настоящее письмо, въ которомъ онъ лаконически заявлялъ: «слава Богу, здоровъ, а третьяго дня болѣла голова», или «а у Дарьи Михайловны новый швейцаръ», и все въ этомъ же родѣ. Конечно, такую переписку поддерживать было долго нельзя, и она прекратилась сама собой. Но зато, когда я пріѣзжалъ въ Москву, онъ встрѣчалъ меня съ очень большимъ радушіемъ, попрежнему безъ толку суетясь и не зная, чѣмъ мнѣ угодить. Все-таки это былъ искренній товарищъ.

М. В. Шевляковъ.

Библиотека "Руниверс"

ПОДЪ ВОЕННОЙ ГРОЗОЙ [1].

VI.

ВЪ МУКДЕНЪ мы прибыли къ вечеру, взяли арбы и направились въ сестринское общежитіе, помѣщавшееся въ кумирняхъ буддійскаго монастыря у воротъ китайскаго города.

Здѣсь мы размѣстились и стали ждать назначенія.

Двѣнадцатаго числа съ ранняго утра стала слышна канонада [2]. Начался бой у Сандепу. Выстрѣлы раздавались глухо и равномѣрно, но не какъ раскаты грома, а скорѣе какъ удары или исполинскіе вздохи. Въ этотъ же день М. Т. отправилась съ нѣкоторыми сестрами въ свой госпиталь, который все еще не былъ готовъ и лишь въ виду начавшагося боя долженъ былъ приступить къ работѣ.

Положеніе госпиталя въ Мадепу было очень важное, такъ какъ онъ былъ едва ли не единственнымъ красно-крестнымъ учрежденіемъ въ этой сторонѣ расположенія нашихъ войскъ. И въ дни боя подъ Сандепу могъ играть огромную роль. Какъ онъ работалъ, не знаю. Слышала впослѣдствіи, что неустройство было большое и недохватъ во всемъ.

Бой шелъ второй день, а насъ еще никуда не вызывали. Мы ходили лишь по очереди на станцію и работали тамъ на перевязоч-

---

[1]) Окончаніе. См. «Истор. Вѣстн.», т. CXXXIV, стр. 533.

[2]) Не знаю, были ли это выстрѣлы изъ-подъ Сандепу, но во все время боевъ они раздавались въ Мукденѣ.

Библиотека "Руниверс"

номъ пунктѣ, устроенномъ въ палаткѣ походной церкви, гдѣ отъ клироса до клироса протянули брезентъ, а въ остальномъ помѣщеніи поставили столы и ящики съ перевязочнымъ матеріаломъ.

Въ палаткѣ-церкви, гдѣ былъ перевязочный пунктъ, шла усиленная работа день и ночь. Раненые прибывали партіями, и, какъ я могла понять, нѣкоторые шли пѣшкомъ съ мѣста боя, т.-е. верстъ за сорокъ. Утверждать этого не могу, но помню, что это говорили солдаты. Въ разгарѣ работы некогда было до точности разспросить ихъ. Помню только, что слова эти тогда поразили меня и запали въ память. Страннаго вообще было много. Напримѣръ, мнѣ разсказывала одна сестра кубанскаго госпиталя, бывшая въ непосредственной близости къ Сандепу со своимъ летучимъ отрядомъ, что, пока онѣ перевязывали раненыхъ въ какой-то деревнѣ, верстахъ въ трехъ отъ конечной станціи добавочной линіи желѣзной дороги, идущей отъ Сутуни на западъ и кончающейся верстахъ въ десяти отъ Сандепу, къ нимъ подъѣхалъ въ коляскѣ раненый генералъ, направлявшійся въ Мукденъ.

Докторъ и сестры совѣтовали ему взять поѣздъ, что будетъ гораздо покойнѣе для раны, чѣмъ ѣзда въ коляскѣ. «Да гдѣ же взять поѣздъ? — спросилъ генералъ.—Все равно надо ѣхать въ Суятунь».—«Да нѣтъ, ваше превосходительство, поѣздъ здѣсь въ трехъ верстахъ».—«Не можетъ быть. Откуда вы знаете?»—«Мы сами пріѣхали по этой линіи». И лишь этимъ аргументомъ красно-крестный персоналъ убѣдилъ генерала въ существованіи весьма важной стратегической желѣзнодорожной вѣтки, которая строилась въ такой тайнѣ, что онъ и не подозрѣвалъ о ней и рѣшался раненый ѣхать шестьдесятъ верстъ въ Мукденъ въ экипажѣ.

Была ли постройка этой линіи такой же тайной для японцевъ—вопросъ, и весьма сомнительный, ибо строили ее, навѣрное, китайцы, имѣвшіе постоянное общеніе съ японцами.

Въ одинъ изъ дней мы работали на перевязочномъ пунктѣ. Подошелъ вечеръ; слышны были далекіе выстрѣлы. Только что отпустили одну партію раненыхъ, перевязавъ ихъ, и собирались принимать другую человѣкъ въ восемьдесятъ, но тутъ въ палатку вошли члены управленія Краснаго Креста и распорядились прекратить перевязки, такъ какъ сейчасъ въ церкви будетъ происходить вѣнчаніе одной сестры милосердія со студентомъ, завѣдующимъ красно-крестнымъ складомъ. Мы не вѣрили своимъ ушамъ. На одномъ изъ столовъ еще лежалъ раненый въ голову въ полубезсознательномъ состояніи, на полу слѣды перевязокъ, на столбахъ эсмарховскія кружки, мы всѣ въ бѣлыхъ халатахъ, и вдругъ обрядъ вѣнчанія! Однако новую партію раненыхъ отправили куда-то въ другое мѣсто, и нѣсколько человѣкъ нѣвчихъ отдернули брезентъ, отдѣляющій иконостасъ, вынесли аналой, пришелъ женихъ, члены управленія, и наконецъ появилась невѣста въ бѣломъ платьѣ съ

Библиотека "Руниверс"

вуалемъ и fleurs d'orange, и вѣнчаніе началось. Но что это было за ужасное впечатлѣніе! Точно отъ какого-то кощунства. Многіе, и между прочимъ Александровскій, смотрѣли на это, какъ на потѣху, и помирали со смѣху. Другихъ прямо коробило. Анрепъ подошелъ ко мнѣ со словами, что онъ въ жизни рѣдко испытывалъ болѣе скверное впечатлѣніе. Наконецъ вѣнчаніе кончилось, и виновники торжества (или безобразія) отправились вмѣстѣ со свитою своею въ палатку-столовую, тутъ же по близости выпить шампанскаго и принять поздравленія.

А священникъ прошелъ въ алтарь взять запасные дары, чтобы причастить раненаго, пролежавшаго на столѣ во все время вѣнчанія...

На слѣдующій день намъ пришло назначеніе собраться на санитарный поѣздъ. Насъ ѣхало три N—скихъ и еще одна чужая сестра. Докторами назначили какого-то еврея-терапевта за старшаго и въ помощники ему того врача, что на елкѣ въ Харбинѣ читалъ свое литературное произведеніе. Не знаю, гдѣ онъ работалъ по хирургіи, но познанія его по части асептики оставляли желать многаго.

Отправились мы ночью съ теплушечнымъ поѣздомъ, къ которому былъ прицѣпленъ одинъ вагонъ третьяго класса для персонала. Утромъ пришли въ Суятунь и пошли обѣдать къ сестрѣ, завѣдующей питательнымъ пунктомъ. Къ мѣсту назначенія, т.-е. къ конечной станціи добавочной вѣтки, мы прибыли лишь вечеромъ и остановились въ верстѣ отъ станціи, такъ какъ впереди насъ стоялъ поѣздъ военнаго вѣдомства, принимавшій раненыхъ. Наши санитары, ходившіе туда, пришли назадъ, говоря, что тамъ творится настоящій адъ: стонъ и крики стояли въ воздухѣ, ибо несчастныхъ раненыхъ доставляли къ поѣзду въ двуколкахъ безъ дороги, по замерзшему гаоляновому полю. Для посадки же въ вагоны, въ темнотѣ, ихъ хватали часто за раненыя мѣста и причиняли страшную лишнюю боль. Впечатлѣнія отъ этого хаоса и страданія были такъ ужасны, что санитары не выдержали и вернулись назадъ.

Военный поѣздъ набралъ тысячу человѣкъ и двинулся въ обратный путь на разсвѣтѣ. Пропустивъ его, мы подошли къ станціи, и началась наша работа, но, Богъ милостивъ, безъ тѣхъ впечатлѣній, которыя были наканунѣ. Наша работа шла днемъ, безъ спѣшки, раненыхъ снимали и вносили осторожно и ничего подобнаго тому, о чемъ разсказывалъ санитаръ, видѣть не пришлось. Тутъ же на станціи былъ питательный пунктъ, и какъ только заполняли вагонъ, приносили туда солдатамъ ѣду. Нагрузка раненыхъ протянулась у насъ до самаго вечера. Старались класть ихъ по степени раненія—наиболѣе тяжелыхъ въ одинъ вагонъ, наиболѣе легкихъ въ другой. Наконецъ мы тронулись въ путь. За эту поѣздку испытали мы то, что, вѣроятно, переживали многія сестры въ теплушеч-

Библиотека "Руниверс"

ныхъ поѣздахъ, т.-е. чувство полнаго безсилія и стыда отъ своей безполезности. Переходовъ изъ вагона въ вагонъ не было и, забравшись въ какую-нибудь теплушку, надо было ждать тамъ до слѣдующей остановки, безразлично, было ли тамъ дѣло, или нѣтъ. На остановкѣ спрыгиваешь изъ вагона при помощи санитара и бѣжишь вдоль поѣзда со страхомъ, что онъ можетъ тронуться [1]), а ты останешься на разъѣздѣ, ибо не у всѣхъ вагоновъ есть тормозъ, на который можно бы вскарабкаться, да еще удалось ли бы это на ходу двинувшагося поѣзда. Стучишь въ какую-нибудь дверь. Санитаръ пріотворяетъ ее, спускаетъ лѣсенку, если таковая имѣется, а не то такъ тянетъ на рукахъ, и вотъ опять въ теплушкѣ, гдѣ, можетъ быть, и не требуется помощь, а рядомъ въ вагонѣ она нужна, но туда не добраться до слѣдующаго перегона. Помимо всего этого, матеріала и лекарствъ и разныхъ приспособленій давалось минимальное количество. Обстановка такая, что ни о какой хирургической помощи и рѣчи быть не могло, даже для хирурга, а тѣмъ болѣе для терапевтовъ, которые, быть можетъ, никогда не вскрывали ни одного нарыва и не останавливали ни одного артеріальнаго кровотеченія. Въ теплушкахъ было два яруса, и людей клали очень тѣсно, что было плохо, когда попадали раненые въ голову или бредовые, которые безсознательно размахивали руками, колотили безпомощныхъ сосѣдей. Наверхъ забирались тѣ, кто былъ раненъ легко. Въ серединѣ вагона помѣщалась желѣзная печурка, маленькій запасъ углей или дровъ, и тутъ же сидѣлъ санитаръ [2]), самое полезное лицо во всемъ поѣздѣ, ибо неотлучно находился при своихъ больныхъ

Вагонъ, куда я попала, когда поѣздъ тронулся, былъ почти весь заполненъ легко ранеными. Я принесла коньяку и водки, чтобы согрѣть ихъ. Почти первыми словами солдатъ, обратившихся ко мнѣ, было: «А какъ же, сестрица, приказъ? Вѣдь сказано было не отступать, чтобы его самого, генерала, убить, если прикажетъ отступить!» Что можно было отвѣчать на это? Я только всей душой поняла Гриппенберга, который пожертвовалъ своей репутаціей, нарушилъ дисциплину, но уѣхалъ лично передать Царю о тѣхъ порядкахъ въ арміи, благодаря которымъ его заставили пережить такой позоръ и на его просьбу о подкрѣпленіи отвѣтили приказомъ вернуться назадъ, зная, однако, какими словами онъ воодушевлялъ войска передъ боемъ. Слова о томъ, чтобы его убили, если онъ прикажетъ отступить, не были вымысломъ солдата, они дѣйствительно стояли въ приказѣ.

Впослѣдствіи одинъ изъ нашихъ офицеровъ, бывшихъ въ плѣну, говорилъ мнѣ, что читалъ въ японскихъ газетахъ отчетъ объ этомъ

---

[1]) Поѣзда въ Манчжуріи ходили безъ звонковъ.

[2]) Ихъ было по одному на каждую теплушку.

Библиотека "Руниверс"

боѣ. По его словамъ, японцы спѣшили къ Лаояну, который у нихъ не былъ укрѣпленъ съ сѣверной стороны. И вдругъ китаецъ-лазутчикъ принесъ извѣстіе, что русскіе отступили. Они вѣрить не хотѣли и сначала приняли это за ловушку, осторожно подвигаясь впередъ, пока наконецъ не убѣдились въ справедливости словъ китайца.

Прибыли мы въ Мукденъ поздно ночью, и въ нашъ вагонъ вошли сестры, присланныя главнымъ управленіемъ смѣнить насъ, такъ какъ намъ можно было доѣхать только до Тьелина. C'était le moment ou jamais воспользоваться случаемъ, и я рѣшила остаться въ Мукденѣ, подъ предлогомъ, что въ общежитіи брошены всѣ мои вещи.

Вполнѣ сознаю всю беззаконность моего поступка, нарушившаго правила порядка и дисциплины и сошедшаго мнѣ даромъ, лишь благодаря добротѣ и халатности и красно-крестнаго, и моего личнаго начальства.

Съ поѣзда я отправилась въ общежитіе, помѣщавшееся въ домикѣ намѣстника противъ станціи, которое я знала, потому что мы ходили туда отдыхать послѣ дежурства на перевязочномъ пунктѣ, если оно затягивалось до поздней ночи, чтобы не итти длиннымъ и небезопаснымъ пустыремъ до кумиренъ.

Когда я подошла къ домику, тамъ всѣ уже спали и, не желая безпокоить людей въ такой поздній часъ просьбою дать мнѣ носилки и матрацъ, я улеглась спать у окна на полу. Но это не прошло мнѣ даромъ. Въ домикѣ намѣстника дуло изъ всѣхъ щелей и оконъ и чувствовалась сырость отъ каменныхъ стѣнъ. Проспавъ ночь, я простудилась и пришлось пролежать дня два, что было невесело въ данной обстановкѣ.

Здѣсь я узнала, что одна изъ знакомыхъ мнѣ сестеръ поступила въ *** госпиталь близъ станціи Суятунь. Я списалась съ нею, прося сказать, есть ли у нихъ свободная ваканція сестры и приметъ ли меня старшій врачъ. Очень скоро получился утвердительный отвѣтъ, и, поправившись, я пошла въ главное управленіе поговорить о моемъ переводѣ съ Анрепомъ, который завѣдывалъ этими дѣлами. Тутъ я насмотрѣлась и наслушалась удивительныхъ вещей и только диву далась ангельской кротости и терпѣнію Анрепа. Убѣждена, что за свою работу въ главномъ мукденскомъ управленіи онъ заслужилъ себѣ Царство Небесное, хотя, пожалуй, съ земной точки зрѣнія, такая доброта приноситъ болѣе вреда, чѣмъ пользы. Въ управленіи была вѣчная толчея сестеръ, которыя приходили просить назначенія или перевода ихъ изъ одного госпиталя въ другой, причемъ одна требовала, чтобы ее назначили непремѣнно на лѣвый флангъ, другая на правый, третья просилась въ центръ. Такое пристрастье сестеръ къ флангамъ или центру имѣло свою тайную, но вѣрную причину въ нахожденіи

Библиотека "Руниверс"

тамъ или тутъ близкихъ имъ людей и симпатій. Лишь бѣдныя сестры, увлекшіяся кавалеристами, не могли предъявить такихъ категорическихъ требованій, ибо за представителями этого рода оружія не такъ-то легко угоняться, да и госпиталей часто не было по близости ихъ расположенія, постоянно мѣняющагося. Порой являлись сестры въ большомъ возбужденіи и съ истерической ноткой въ голосѣ требовали, чтобы Анрепъ нашелъ имъ мѣсто въ какомъ угодно госпиталѣ, такъ какъ онѣ не могутъ болѣе жить другъ съ другомъ и выносить ужасный характеръ товарки.

И на эти нелѣпыя или нервическія требованія Анрепъ отвѣчалъ всегда спокойно, не возвышая голоса, стараясь всѣхъ умиротворить и по возможности всѣмъ угодить.

Какимъ контрастомъ являлось такое отношеніе къ сестрамъ по сравненію съ тѣмъ, какъ ихъ третировала въ харбинскомъ управленіи нѣкая Марія Алексѣевна, личный секретарь Александровская, завѣдывавшая въ Харбинѣ тѣмъ же отдѣломъ, какъ Анрепъ въ Мукденѣ. Эта неровность въ обращеніи «начальства», вѣроятно, и сказывалась на сестрахъ. Сжатыя въ кулакъ, придавленныя и даже приниженныя въ своей личности въ одномъ мѣстѣ, онѣ распускались и уже не знали удержу тамъ, гдѣ съ ними обходились по-человѣчески. Общее явленіе въ русской жизни!

Когда я показала Анрепу письмо сестры, приглашавшей меня въ свой госпиталь, онъ сказалъ мнѣ: «Въ *** къ казачкамъ. Вамъ тамъ будетъ трудно. Онѣ не любятъ русскаго чуждаго элемента. Ну, попробуйте». Когда же я стала просить его отчислить меня отъ N—скаго госпиталя, онъ отвѣтилъ мнѣ: «Зачѣмъ? Этого не надо дѣлать. Мы сочтемъ вамъ пребываніе въ *** отрядѣ просто командировкой и если вы не уживетесь тамъ, у васъ не будетъ отрѣзанъ путь, и вы вернетесь къ своимъ».

Ну, какъ не помянуть его добрымъ словомъ за такое отношеніе. Какое это все-таки рѣдкое свойство въ человѣкѣ и особенно въ «начальствѣ»—это желаніе всѣмъ угодить, всѣхъ устроить, чтобы всѣмъ было хорошо!

На слѣдующій день за мной заѣхалъ В—въ на американкѣ; такъ назывался легкій шарабанъ на двухъ высокихъ колесахъ и на очень широкомъ ходу, что было чрезвычайно удобно для гаоляновыхъ полей.

До Ваньшантуня, гдѣ стоялъ *** госпиталь, считалось верстъ десять.

Начало темнѣть, когда показались вдали огоньки Ваньшантуня. Это былъ своего рода госпитальный городокъ, верстахъ въ трехъ отъ Суятуни. Здѣсь расположились, кромѣ ***, еще нѣсколько лазаретовъ Краснаго Креста и военнаго вѣдомства.

Библиотека "Руниверс"

VII.

Ваньшаньтунь была маленькой деревушкой, брошенной китайцами и разрушенной нашими солдатами. Большинство фанзъ стояло съ раскрытыми крышами, безъ оконъ и дверей. Все, что можно было взять для топлива, было растащено. Лишь немногія фанзы уцѣлѣли и служили помѣщеніемъ для госпиталей.

Завернувъ въ двѣ-три извилистыя и тѣсныя улички, мы остановились у *** отряда, вошли во дворикъ и въ юрту-столовую.

Былъ часъ ужина, и почти весь персоналъ былъ въ сборѣ. В—въ представилъ меня моимъ новымъ сослуживцамъ. Ихъ было: три доктора, студентъ-медикъ и семь человѣкъ сестеръ; коренныхъ казачекъ четыре и три волонтерки. Одна изъ волонтерокъ была тоже казачка, но только Кауфманской общины, сестра Н—ова, та самая, которую я встрѣтила на Рождествѣ въ харбинскомъ общежитіи. Я была очень рада встрѣтить знакомое и милое лицо среди всѣхъ этихъ чужихъ людей и за мѣсяцъ работы въ *** отрядѣ очень сошлась съ ней. На слѣдующій день мнѣ показали все расположеніе госпиталя.

Устройство его дѣлало честь старшему врачу своей простотой и цѣлесообразностью. Ему приходилось вторично возиться съ его оборудованіемъ. Первый разъ въ концѣ декабря *** отрядъ устроился въ Суятуни, откуда ѣздилъ подъ Сандепу принять раненыхъ. Самыхъ тяжелыхъ они привезли и оставили у себя. Но тутъ дня черезъ три имъ прислали приказъ сняться изъ Суятуни и перейти въ Ваньшантунь за три-четыре версты на сѣверъ.

Персоналъ пришелъ въ отчаяніе. У нихъ лежали все больше раненые въ голову и въ животъ, для которыхъ передвиженіе было равносильно смерти. Старшій врачъ ѣздилъ спеціально въ Мукденъ, прося оставить ихъ въ покоѣ хоть на недѣлю. Но начальство было неумолимо. По какимъ-то высшимъ соображеніямъ категорически приказали раненыхъ эвакуировать въ Мукденъ, въ лифляндскій отрядъ, а самимъ сниматься и переходить въ Ваньшантунь. Такъ и пришлось дѣлать. Сестры потомъ ѣздили въ лифляндскій госпиталь и узнали, что почти всѣ ихъ тяжелые пацієнты отдали Богу душу.

*** же отрядъ съ 15-го января по 14-ое февраля просидѣлъ въ Ваньшантунѣ почти безъ дѣла, ибо нельзя назвать дѣломъ уходъ за 20—30 человѣкъ больныхъ и раненыхъ съ позицій, которые прошли черезъ руки такого большого отряда въ теченіе цѣлаго мѣсяца.

Персоналъ госпиталя состоялъ, какъ я уже говорила выше, изъ трехъ врачей, студента и семи сестеръ. Сестры-казачки были изъ общины, всѣ превосходныя работницы, одушевленныя своеобраз-

Библиотека "Руниверс"

нымъ патріотизмомъ, своимъ мѣстнымъ войсковымъ, но въ высшей степени симпатичнымъ и почтеннымъ. Держали онѣ себя безукоризненно, работали не покладая рукъ. Настроеніе у нихъ было серьезное, строгое; онѣ были проникнуты мыслью, что ихъ послало «ихъ войско» и надо оправдать эту честь и довѣріе. Я въ первый разъ сталкивалась въ Манчжуріи съ такимъ явленіемъ и настроеніемъ сестеръ и вынесла отъ него самое отрадное впечатлѣніе. Въ pendant къ этимъ сестрамъ была и нѣкоторая часть санитарскаго персонала—нѣсколько монаховъ-послушниковъ изъ Ново-Аѳонскаго монастыря. Что это были за прекрасные санитары, вполнѣ проникнутые сознаніемъ и понятіемъ о подвигѣ! Ужъ на что доктора, какъ представители интеллигенціи, враждебно настроены противъ монастырей и монастырской братіи, которую зовутъ тунеядцами, а и тѣ не могли нахвалиться на этихъ послушниковъ. Привыкшіе къ ночнымъ бдѣніямъ, они безукоризненно несли ночныя дежурства, и въ ихъ обращеніи съ больными такъ ясно чувствовалось, что хоть и простые они люди, а дѣйствуютъ подъ внушеніемъ великой идеи, которая и придавала ихъ службѣ особую окраску. Скажутъ, пожалуй, что монастырь далъ свои лучшія силы? Не думаю: монастыри несочувственно относились къ посылкѣ своихъ членовъ на войну, какъ къ чисто свѣтской дѣятельности, и я почти увѣрена, что посланъ былъ не лучшій, а средній элементъ.

Докторскій персоналъ состоялъ изъ старшаго врача М., типичнаго еврея, очень умнаго, очень знающаго человѣка и прекраснаго организатора. При всей моей антипатіи къ этому племени, я не могла не отнестись къ нему съ уваженіемъ за его прекрасную работу и умѣніе вести госпиталь. Впослѣдствіи я слышала о немъ несимпатичныя вещи, какъ о человѣкѣ, но за тѣ шесть недѣль, что я пробыла въ его отрядѣ, я ничего дурного сказать про него не могу. Нельзя не упомянуть попутно объ одной характерной въ немъ черточкѣ. Въ разговорахъ это былъ человѣкъ самыхъ широкихъ взглядовъ, порицатель всякой обрядности, что не мѣшало ему самому аккуратно зажигать у себя шабашевыя свѣчи.

Такъ-то обряды мѣшаютъ іудейскому племени только у насъ,— отъ своихъ же они вовсе не намѣрены отступать.

Второй врачъ былъ терапевтъ, хорошій и добросовѣстный докторъ, но довольно безцвѣтная личность, близорукій, въ очкахъ, страдающій хроническимъ насморкомъ.

Третій былъ ему прямой контрастъ. Молодой и талантливый хирургъ, довольно красивый, рослый, съ той особенной неотесанной грубоватостью, которая отличаетъ многихъ москвичей и не всегда бываетъ симпатична.

Студентъ былъ пресмѣшной и славный малый, съ добрымъ мягкимъ сердцемъ. Но я не встрѣчала болѣе слабовольнаго.

Госпиталь былъ расположенъ рядомъ съ питательнымъ

Библиотека "Руниверс"

пунктомъ, и поэтому мимо насъ всегда проходило много солдатъ. Съ грустью и обиднымъ чувствомъ смотрѣла я на запасныхъ, особенно изъ разныхъ транспортовъ. Положительно это были не воины, а мужики, «пригнанные» на войну, возбуждавшіе одновременно и глубокую жалость, и досаду. Помню одного такого транспортнаго солдата, остановившагося у нашихъ воротъ, пока товарищъ его ходилъ на пунктъ. Одѣтъ онъ былъ невозможно: на головѣ низкая, лохматая, баранья шапка, напоминающая воронье гнѣздо, на ногахъ прорванныя валенки, на плечахъ неуклюжій кожухъ безъ погонъ и ничѣмъ не покрытый, въ рукахъ большой кнутъ, которымъ онъ погонялъ своихъ животныхъ. Ни шашки, ни винтовки при немъ не было. Фигура мѣшковатая, немного сгорбленная, лицо въ кулачекъ со склоченной бородкой и глубоко-скорбное, тоскливое выраженіе маленькихъ сѣрыхъ глазъ. Стоялъ онъ, опершись на свое кнутовище, глядя вдаль, и чувствовалось, что вся душа его за десятки тысячъ верстъ въ родной хатѣ и на сердцѣ одна лишь забота: что-то съ его семьей и ребятишками, сыты ли они, живы ли, какъ-то маются безъ него. Это ли былъ потомокъ тѣхъ «чудо-богатырей», которые ходили подъ знаменами Суворова, у которыхъ не было ни семьи, ни заботы и для которыхъ за двадцать пять лѣтъ службы полкъ становился семьей! По теперешнимъ понятіямъ, такой порядокъ жестокъ и не гуманенъ. Не знаю, однако, насколько гуманнѣе отрывать запасныхъ отъ ихъ семей, дѣлать массу несчастныхъ и портить этимъ неспособнымъ, отвыкшимъ отъ службы элементомъ составъ арміи.

Къ этому времени нашъ госпиталь увеличился еще тремя членами. Назначены были двѣ сестры-волонтерки и молодой врачъ-хирургъ. Пріѣздъ этого послѣдняго остался мнѣ памятенъ по тому странному впечатлѣнію, которое онъ на насъ произвелъ спервоначалу. Пріѣхалъ онъ утромъ, одѣтый довольно элегантно въ сѣрой фетровой шляпѣ, въ лайковыхъ перчаткахъ, чуть ли не съ тросточкой и выразилъ свое недоумѣніе, почти негодованіе на то, что его прислали въ такую близость къ позиціямъ.

Оказывается, когда онъ отправлялся изъ Москвы въ Харбинъ, ему дали слово, что дальше Харбина его не двинутъ, и вдругъ все это кѣмъ-то перепуталось и, несмотря на его протесты, его командировали на югъ, чѣмъ онъ считалъ себя прямо обиженнымъ.

Мы, сестры, почитавшія за большое счастье и особую удачу возможность быть въ одномъ изъ передовыхъ отрядовъ, слушали его въ недоумѣніи. Да и, право, странны были эти слова въ устахъ молодого, здороваго человѣка, какъ странна была и вся его фигура, одѣтая по городскому въ этой походной обстановкѣ и его брезгливое отношеніе ко всему неудобству нашей жизни, отсутствію комфорта и къ пыли, которую поднималъ порой сильный вѣтеръ, предвѣстникъ тайфуна.

Библиотека "Руниверс"

За обѣдомъ, пока мы мирно бесѣдовали, раздались одинъ за другимъ нѣсколько глухихъ ударовъ. Молодой врачъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на всѣхъ: «Это что же такое?»—«Это выстрѣлы,— былъ отвѣтъ:—обычный аккомпанементъ нашихъ трапезъ». Они раздавались цѣлый день съ интервалами въ полчаса или часъ времени, и мы такъ привыкли къ нимъ, что мало ихъ замѣчали.

Но прошло нѣсколько дней, и они стали учащаться; теперь это были уже не очередные выстрѣлы, а правильная равномѣрная канонада. Ударъ сталъ слѣдовать за ударомъ почти безъ перерыва и сплошь цѣлый день съ четырехъ часовъ утра до поздняго вечера.

Вотъ начался бой, котораго мы ждали съ такимъ волненіемъ и такой надеждой, что на этотъ разъ побѣда будетъ, наконецъ, на нашей сторонѣ. Начался бой съ лѣваго фланга и въ центрѣ.

Совсѣмъ особенное, великолѣпное зрѣлище получалось ночью, когда на совершенно темномъ небѣ, усѣянномъ яркими южными звѣздами, мелькали огни, какъ зарницы и, какъ аккомпанементъ къ нимъ, слѣдовалъ ударъ за ударомъ. Была иллюзія далекой, грандіозной ночной грозы.

Однажды вечеромъ на нашъ дворикъ заѣхало нѣсколько офицеровъ, просившихъ дать имъ хлѣба, такъ какъ они цѣлый день не ѣли. Это были офицеры перваго сибирскаго корпуса, который шелъ форсированнымъ маршемъ съ праваго на лѣвый флангъ. Мы принесли имъ хлѣба, банки съ консервами, все, что попалось подъ руку, и убѣждали сойти съ коней и поужинать, благо ужинъ стоялъ на столѣ, но они такъ спѣшили, что наотрѣзъ отказались отъ нашего гостепріимства, поблагодарили за то, что мы вынесли имъ, и, двинувшись въ дальнѣйшій путь, быстро скрылись во мглѣ темной ночи. А мы еще долго стояли на дворикѣ, прислушиваясь къ удалявшемуся топоту копытъ и невольно мысленно посылая вслѣдъ этимъ спѣшившимъ въ бой незнакомымъ людямъ свое благословеніе и молитву.

Первые два-три дня съ позицій шли прекрасныя вѣсти. Настроеніе было особенное, какое-то напряженное, и хотѣли, и боялись вѣрить, и вѣрили хорошимъ вѣстямъ. Сначала, несмотря на бой, мы почти не получали раненыхъ, такъ же, какъ и всѣ прочіе госпитали въ Ваньшантунѣ. Причина была та, что госпиталя были расположены не по линіи дороги, а на вѣткѣ на отлетѣ и ввиду недавняго ихъ возникновенія въ этомъ пунктѣ были совершенно непзвѣстны многимъ частямъ. Первые дни раненыхъ направляли большею частью на Угольный разъѣздъ (въ двухъ-трехъ верстахъ отъ насъ), и тамъ буквально не хватало рукъ. Нашъ же госпитальный городокъ бездѣйствовалъ и былъ въ полномъ отчаяніи отъ такой безурядицы.

На третій или четвертый день утромъ, выходя изъ юрты, я встрѣтила одну изъ сестеръ, которая съ совершенно растерянным лицомъ сказала мнѣ, что намъ приказано свертываться и отправить

Библиотека "Руниверс"

все наиболѣе цѣнное въ Харбинъ, пока есть свободные товарные вагоны. Это значило повтореніе старой исторіи: спасали имущество въ полной увѣренности, что мы проиграемъ сраженіе и опять будетъ общее отступленіе. Это значило, что сраженіе уже проиграно!

Трудно передать, что чувствовалось въ тѣ минуты. Хотѣлось тутъ же лечь на землю и ничего не видѣть и ничего не слышать. Но, конечно, пришлось ходить, помогать и смотрѣть, какъ разорялись палатки, отъ которыхъ остались одни лишь деревянные остовы да печи, сиротливо и нелѣпо торчавшія по серединѣ, какъ запаковывалась въ ящики масса нужныхъ вещей, ибо въ передовой отрядъ брали съ собою самое необходимое и ничего лишняго. Вся работа, все заботливое и хорошее устройство для пріема раненыхъ пропадало даромъ, не послуживъ своей цѣли. Но, разоривъ старое и благоустроенное помѣщеніе, нельзя же было все-таки остаться подъ открытымъ небомъ, и намъ отвели какой-то сарай изъ гаоляна, который примыкалъ однимъ бокомъ къ какой-то фанзѣ. Наскоро обили его досками и устроили нары въ два этажа. Но такъ какъ все-таки немилосердно дуло въ щели, то стараніями сестеръ-казачекъ весь потолокъ и стѣны обтянули внутри теплыми китайскими одѣялами и поставили двѣ желѣзныя печурки. Въ самой фанзѣ устроили что-то вродѣ перевязочной.

Постепенно канонада стала переходить на западъ.

Въ четыре часа утра мы просыпались отъ первыхъ выстрѣловъ и привычнымъ ухомъ различали, ближе или дальше подвинулся бой, а сердце сжималось тоскою, что-то дастъ намъ сегодняшній день.

Были оптимисты, утѣшавшіе насъ, что унывать нечего: происходитъ лишь «перемѣна фронта», такъ какъ японцы хотятъ обойти насъ съ запада. Ходили слухи, что на правомъ флангѣ по дорогѣ отъ Синминтина наша конница окружила чуть ли не семьдесятъ тысячъ японцевъ, которые положили оружіе, потомъ приходила другая версія, что семьдесятъ тысячъ японцевъ дѣйствительно обошли насъ съ сѣверо-запада, но на своевременное донесеніе не обратили, гдѣ слѣдуетъ, вниманіе, наши войска едва не попали въ западню и принуждены были отступить за малочисленностью.

Точныхъ свѣдѣній не было ни у кого. Были лишь слухи, противорѣчившіе одинъ другому, и смутное, инстинктивное чувство, что дѣло плохо. Особенно усиливалось это чувство отъ вида огромныхъ осадныхъ орудій, погруженныхъ на платформы и стоявшихъ три дня возлѣ нашего госпиталя, ожидая очереди для отправки на сѣверъ, чтобы не попасть въ руки непріятеля.

Это былъ опять тотъ принципъ спасанія имущества въ ущербъ дѣлу, который такъ процвѣталъ въ эту войну. Но какимъ укоромъ, какой насмѣшкой, какой горечью вѣяло отъ этихъ стальныхъ исполиновъ, угрюмо молчавшихъ, поднявъ свои жерла къ небу, когда весь горизонтъ сверкалъ огнями и грохоталъ отъ канонады!

Библиотека "Руниверс"

Къ этому времени въ японскомъ лагерѣ сталъ дѣйствовать по вечерамъ очень сильный прожекторъ. Колоссальный снопъ яркаго свѣта медленно двигался по горизонту, превосходно освѣщая ту мѣстность, на которую былъ наведенъ. Моральное дѣйствіе отъ этого двигающагося свѣта было скверное. Что-то такое безпощадное чувствовалось въ немъ. Точно сказочное чудовище отыскивало свою жертву.

Нашъ старшій врачъ приходилъ въ полное отчаяніе отъ отсутствія настоящей работы и рѣшилъ отправиться въ поиски за ней. Онъ взялъ съ собою одного врача и четырехъ коренныхъ сестеръ-казачекъ и поѣхалъ на Фушунскую вѣтку, гдѣ, по слухамъ, было много раненыхъ.

Мы же, четыре волонтерки, остались съ двумя хирургами-москвичами. И едва мы проводили нашихъ сотрудниковъ, какъ въ тотъ же вечеръ стали массами подвозить раненыхъ, и во всю ночь пошла кипучая работа. Вообще раненыхъ приходилось принимать только ночью, ибо, несмотря на свою «цивилизацію», японцы не обращали никакого вниманія на флагъ Краснаго Креста и преспокойно обстрѣливали эти транспорты, наравнѣ съ боевыми частями.

Принимать раненыхъ пришлось во вновь устроенномъ гаоляновомъ сараѣ и помощь имъ заключалась, главнымъ образомъ, въ томъ, что ихъ клали въ сравнительно теплое помѣщеніе, поили, кормили и давали возможность выспаться. Люди были такъ утомлены, что засыпали, несмотря на боль. Перевязокъ мы почти не дѣлали, еще менѣе операцій, ибо въ пыльной, еле оборудованной фанзѣ-перевязочной можно было принести болѣе вреда, чѣмъ пользы, и прибѣгали къ нимъ лишь въ крайнихъ неотложныхъ случаяхъ, тѣмъ болѣе, что люди поступали къ намъ со свѣжими еще повязками, недавно наложенными на перевязочныхъ передовыхъ пунктахъ и нуждались болѣе всего въ ѣдѣ и отдыхѣ. (Одинъ военный врачъ придумалъ писать анилиновымъ карандашомъ на повязкѣ, какое раненіе и какого числа подана помощь. Эта была прекрасная мысль, благодаря которой не тревожились зря раны, не терялось время и не тратился даромъ матеріалъ. Жаль, что его примѣръ не имѣлъ многихъ подражателей).

Нары были устроены въ два яруса. Внизъ клали тяжело раненыхъ, а на верхъ забирались «легкіе», и тамъ царило большое оживленіе.

Люди, только что вышедшіе изъ-подъ огня и попавшіе въ безопасное мѣсто, получившіе ѣду и чай съ коньякомъ, чувствовали сильный нервный подъемъ и всей душей переживали только что покинутый бой, къ которому относились далеко не равнодушно, и горячо обсуждали всѣ движенія, ошибки, подвиги. Много интереснаго можно было бы почерпнуть изъ этихъ разговоровъ, если бы было время слушать и записывать. Внизу лежали больше молча,

Библиотека "Руниверс"

спали или глухо стонали тѣ, кому приходилось ужъ очень плохо и у кого всѣ ощущенія и мысли затемнялись страданіемъ. И тутъ сказывалась разница между запасными и «дѣйствительными» солдатами, и подтверждалась истина, что война—это дѣло молодыхъ силъ. Молодой солдатъ, раненый въ ногу съ раздробленіемъ кости, сидѣлъ, оживленно разговаривая и какъ бы не замѣчая боли, а рядомъ старичокъ-запасный, контуженный въ бокъ, не могъ найти себѣ мѣста и покоя. Правда, иная контузія хуже и опаснѣе иного раненія, и хоть снаружи не замѣтно поврежденія, но внутренніе органы могутъ быть серьезно задѣты.

Намъ разсказывали, что въ этомъ бою японцы стрѣляли изъ осадныхъ орудій, привезенныхъ ими изъ-подъ Портъ-Артура. Снарядъ изъ такого орудія пролеталъ надъ какой-то нашей частью, и стоявшій тутъ офицеръ замертво упалъ на землю. Когда къ нему подбѣжали, нигдѣ не было видно ни раны, ни крови, но онъ былъ мертвъ и, какъ говорили очевидцы, представлялъ собою мѣшокъ съ костями: ни одной кости не осталось цѣлой отъ того страшнаго сотрясенія воздуха, которое сопровождало пролетавшій снарядъ.

Гаоляновый сарай былъ устроенъ довольно далеко отъ нашего прежняго помѣщенія и отъ питательнаго пункта, откуда мы получали пищу для людей, такъ что бѣготни въ эту ночь было не мало. На утро пришелъ поѣздъ и забралъ раненыхъ на сѣверъ. Днемъ мы сидѣли безъ дѣла. Бой подвинулся къ намъ ближе, и мы могли наблюдать, какъ рвались высоко въ воздухѣ снаряды. Дулъ сильный вѣтеръ, поднимавшій клубы желтой пыли, и отъ этой пыли и, вѣроятно, отъ дыма орудій небо получило какой-то мглистый, непріятный колоритъ. Тяжело и тревожно было на душѣ. Въ этотъ день, я очень хорошо помню, мы сидѣли вдвоемъ въ нашей юртѣ съ одной изъ сестеръ-волонтерокъ. Юрта была почти пуста. Всѣ наши вещи были увезены на сѣверъ; оставлены лишь соломенные тюфяки, лежавшіе прямо на землѣ и служившіе намъ и постелью и сидѣніемъ. Вѣтеръ билъ войлочныя стѣны юрты и трепалъ брезентовое окно. Мѣрно, ровно и безостановочно слышались выстрѣлы, какъ тяжелые вздохи. Я сидѣла, поджавъ ноги по-турецки, и читала какой-то романъ безъ начала и конца изъ приложеній къ «Нивѣ», читала, чтобы только мысленно уйти отъ гнетущаго чувства, лежавщаго на сердцѣ. Сестра, сидѣвшая противъ меня, перебирала струны балалайки и наигрывала какую-то веселую пѣсенку, вѣроятно, изъ того же побужденія. Трудно было заподозрѣть ее въ равнодушіи, ибо въ ближней отъ насъ батареѣ, въ четырехъ верстахъ былъ ея женихъ. Я помню, что тогда же, оторвавшись на минуту отъ чтенія, я подумала: какимъ невѣроятнымъ показалось бы такое времяпрепровожденіе нашимъ роднымъ въ далекой Россіи, какъ, быть можетъ, они осудили бы насъ и какъ далеко было теперешнее настроеніе отъ того трепетнаго состоянія, которое не дало намъ

Библиотека "Руниверс"

возможности сомкнуть глазъ въ одну изъ ночей въ Лаоянѣ, когда, по вздорнымъ слухамъ, ожидался бой въ тридцати верстахъ разстоянія!

Ночью опять подвезли раненыхъ, но принимали мы ихъ не въ гаоляновомъ сараѣ, а въ громадной землянкѣ, которую мы заняли послѣ одного изъ ушедшихъ госпиталей. Помѣщеніе было такъ же плохо, какъ и сарай, пожалуй, только немного потеплѣе и попросторнѣй.

На слѣдующій день поѣзда не было, и раненые остались у насъ на вторыя сутки.

Вечеромъ за ужиномъ пріѣхалъ уполномоченный В—въ и привезъ извѣстіе объ указѣ Государя, дарующаго Россіи будто бы конституцію. Извѣстіе это было принято различно. Одни обрадовались ему, какъ свѣтлому празднику, другіе имъ глубоко опечалились, видя въ немъ крушеніе дорогихъ и святыхъ завѣтовъ, которые какъ бы приносились въ жертву богу нашихъ неудачъ.

Въ эту ночь я была дежурная и, придя въ землянку смѣнять нашего студента, сказала ему о только что слышанной печальной для меня новости. Радости этого юноши не было границъ. Услышавъ эту вѣсть, онъ бросился цѣловать мнѣ руки, точно я была причастна этому дѣлу. Я напомнила ему, что далеко не раздѣляю ни его радости, ни его надеждъ, а, напротивъ, скорблю и горюю и хороню славное дорогое прошлое. Онъ побѣжалъ въ столовую прочесть собственными глазами газету, а я осталась одна на ночное дежурство въ огромной темной землянкѣ, наполненной ранеными и лишь тускло освѣщенной двумя-тремя керосиновыми лампочками.

Печальная обстановка была подъ стать печальнымъ думамъ въ эту ночь, а снаружи имъ вторили не умолкавшіе выстрѣлы нашей батареи, стоявшей на этотъ разъ такъ близко, что слышался не только грохотъ, но и зловѣщій вой вылетавшаго снаряда.

На горизонтѣ то тутъ, то тамъ вспыхивали пожары складовъ и деревень, оставляемыхъ нашими войсками.

Весь слѣдующій день съ утра мы принимали раненыхъ и отправляли ихъ на санитарные теплушечные поѣзда. Пришелъ приказъ намъ уходить изъ Ваньшантуня, но прекратить работу не было возможности, такъ какъ раненые все шли и шли, и партіями, и въ одиночку, иные забредали за много верстъ. Почти всѣ госпитали свернулись и ушли; работали лишь мы да какой-то военный лазаретъ. Возникло затрудненіе, какъ намъ выбраться изъ Ваньшантуня, ибо никакихъ передвижныхъ средствъ у насъ не было, какъ и вообще у всѣхъ красно-крестныхъ госпиталей. Наконецъ намъ обѣщали къ вечеру двѣ двуколки и китайскую арбу. Почему мы не могли выѣхать съ однимъ изъ послѣднихъ санитарныхъ поѣздовъ, въ точности не знаю, а въ то время не пришло въ голову спросить.

Библиотека "Руниверс"

Генералъ Чатыркинъ, завѣдующій санитарной частью нашего района, торопилъ насъ съ эвакуаціей, требуя прекращенія работы, и тѣмъ довольно безтактно напугалъ раненыхъ. Многіе изъ нихъ, собравъ послѣднія силы, поплелись и поползли къ выходу, и большого труда стоило ихъ успокоить и увѣрить, что ихъ всѣхъ отправятъ и никого не оставятъ.

Только въ десять часовъ вечера сняли флагъ и фонарь и, прекративъ работу, стали ждать обѣщанныхъ двуколокъ и арбу. Очень тяжело было гасить фонарь. Онъ былъ какъ маякъ и чувствовалось, что во тьмѣ этой ночи еще многіе раненые бредутъ, можетъ быть, изъ послѣднихъ силъ на огонекъ.

Ждать двуколокъ пришлось еще часа два, и эти часы ожиданья были однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ моихъ впечатлѣній на войнѣ.

Наши войска оставляли позиціи и отходили къ Мукдену. Черезъ нѣсколько часовъ Ваньшантунь будетъ занятъ японцами, и если за нами не пришлютъ двуколокъ, то мы очутимся военноплѣнными. И вотъ эта возможность попасть въ плѣнъ, возможность видѣть враговъ на томъ мѣстѣ, гдѣ мы вчера еще были хозяевами,—самое гадкое въ свѣтѣ чувство. Никакое чувство опасности несравнимо съ нимъ.

Несмотря, однако, на скверную перспективу, настроеніе у всѣхъ было очень приподнятое, смѣялись и острили надъ собой и своимъ критическимъ положеніемъ. Должна сказать, что молодой врачъ-москвичъ, такъ негодовавшій на свою командировку къ позиціямъ, прекрасно справился съ этой задачей, отлично работалъ, не терялъ бодрости духа и, видимо, втянулся въ обстановку. Это давало поводъ думать, что все его негодованіе было позой юноши, бьющаго на прогрессъ.

Часовъ около двѣнадцати влетѣлъ къ намъ генералъ Чатыркинъ со словами:

— Да вы съ ума сошли! Что вы сидите? Или хотите попасть въ руки японцевъ?

Мы отвѣчали, что ждемъ двуколокъ. Черезъ нѣсколько минутъ ихъ подали, и мы стали собираться въ путь.

Двинулись мы длиннымъ транспортомъ. Впереди всѣхъ въ коляскѣ генералъ, ведшій нашъ караванъ, за нимъ военный госпиталь, затѣмъ мы, а за нами люди съ питательнаго пункта.

Мнѣ и еще тремъ другимъ сестрамъ выпало на долю помѣститься на китайской арбѣ, напоминающей собой древнюю колесницу. Доктора и остальныя сестры сѣли въ двуколки, а санитары наши, весь день таскавшіе раненыхъ съ перевязочнаго пункта на поѣздъ, пошли пѣшкомъ. Возлѣ нашей арбы шелъ одинъ изъ послушниковъ Ново-Аѳонскаго монастыря. Видя его большое утомленіе, я нѣсколько разъ предлагала ему хоть ненадолго занять мѣсто въ нашей арбѣ, но онъ упорно отказывался. Словъ его я теперь не

Библиотека "Руниверс"

помню, но смыслъ былъ тотъ, что теперь, когда столько народа страдаетъ, и онъ хочетъ принять на себя и понести долю страданія.

Ночь была темная и очень холодная. Послѣ утомленія послѣднихъ дней страшно клонило ко сну, но отъ холода и тряски не удалось сомнуть глазъ.

По дорогѣ встрѣчали части отступавшихъ войскъ, отходившихъ къ Мукдену. Люди шли молча, сопровождали нашъ транспортъ нѣкоторое время, потомъ сворачивали въ сторону на какую-нибудь дорогу и исчезали въ темнотѣ.

Въ одной изъ такихъ отступавшихъ частей какой-то солдатикъ, шедшій рядомъ съ нашей арбой, сказалъ вполголоса: «Вотъ и китайскихъ «бабушекъ» увозятъ». Я не удержалась и въ тотъ же тонъ отвѣтила: «Хорошъ! своихъ сестеръ не призналъ! за китайскихъ бабушекъ принялъ!» Кругомъ тихо засмѣялись, а обознавшійся сконфузился и поспѣшно замѣшался въ другіе ряды.

Выстрѣловъ почти не было слышно, весь бой съ центра перешелъ на правый флангъ.

Часамъ къ восьми мы добрались до общежитія въ кумирняхъ, и когда я, наконецъ, могла лечь на назначенную мнѣ койку, то уснула, какъ убитая.

VIII.

Въ Мукденѣ мы пробыли три дня и ходили работать на перевязочный пунктъ въ знакомую уже палатку-церковь. Особенно памятна работа съ 23-го на 24-го февраля. Въ эту ночь пришлось принять массу раненыхъ и не только своихъ, но и плѣнныхъ японцевъ. Ихъ, говорятъ, перевязали за сутки въ одномъ нашемъ пунктѣ до трехсотъ человѣкъ.

При входѣ въ палатку было устроено что-то въ родѣ буфета: самоваръ, чай, водка и коньякъ и ломти хлѣба. Это была хорошая мѣра, ибо солдаты говорили, что на позиціи во время боя многіе не могли ничего ѣсть, кусокъ не лѣзъ въ горло. Пока раненымъ приходилось ждать очереди, ихъ поили чаемъ и отогрѣвали виномъ.

На одной и той же скамьѣ сидѣли рядомъ нашъ солдатъ и японецъ, прихлебывая горячій чай изъ большихъ кружекъ и закусывая ломтями хлѣба. Но во взглядахъ, которые они кидали другъ на друга, была еще большая доза враждебности и недовѣрія.

Меня до глубины души возмущали нѣкоторые врачи и сестры, считавшіе за особую честь возможность перевязать японца и готовые отстранить своего, чтобы получить чужого.

Помню, перевязали одного такого плѣннаго и принесли ему стаканъ чая. Онъ, улыбаясь, раскланивался на всѣ стороны, потомъ присѣлъ на корточки и живо-живо сталъ выводить пальцемъ

Библиотека "Руниверс"

на земляномъ полу свои іероглифы. Его обступили полукругомъ съ добродушной улыбкой, посматривая на его жесты и почти умиляясь, считая, что онъ, вѣрно, пишетъ намъ свою благодарность. Но кто можетъ поручиться, что это было такъ?

Красно-крестный персоналъ, очевидно, совершенно не соображалъ, что это военноплѣнные и что они находятся внутри нашего расположенія; перевязавъ, они отпускали ихъ на всѣ четыре стороны, какъ дѣлали это съ нашими солдатами. А среди японцевъ были и легко раненые, которые отлично могли двигаться сами, тѣмъ болѣе подъ прикрытіемъ темной ночи.

Видя, что врачи отпустили такъ двухъ-трехъ «ходячихъ», я обратила ихъ вниманіе на рискованность подобнаго дѣйствія, но получила въ отвѣтъ: «Это насъ не касается». Тогда я вышла изъ палатки и, обратясь къ солдатамъ, привезшимъ раненыхъ, объяснила имъ, въ чемъ дѣло. Эти, по крайней мѣрѣ, сейчасъ же поняли меня и, встрѣтивъ выходившихъ японцевъ, повели ихъ къ этапу, а другіе стали у входа въ палатку караулить слѣдующихъ.

Удивительно, какъ много ихъ попадало въ плѣнъ въ этотъ день и ночь. Очевидно, мы гдѣ-нибудь брали надъ ними сильный перевѣсъ. Солдаты говорили, что много японцевъ бросали ружья и шли впередъ къ нашимъ рядамъ, поднявъ руки и сдаваясь въ плѣнъ. Отступать они не могли, ибо въ такомъ случаѣ по нимъ стрѣляла ихъ же артилерія.

Что поражало въ японцахъ—это ихъ превосходное обмундированіе. Оно было легко, тепло, удобно и хорошо сшито и вдобавокъ изъ прекраснаго матеріала. Мы съ трудомъ разрѣзали ножницами ихъ мундиры (тогда какъ наши очень легко рвались руками). Одѣты они были съ головы до ногъ во все казенное и у всѣхъ бѣлье одного качества и рисунка (не то, что у нашихъ солдатъ, которые большею частью продаютъ свои «дачки» и шьютъ себѣ рубахи изъ дешеваго, но мягкаго ситца). Очень хорошо были приспособлены у нихъ теплыя перчатки, пришитыя къ длинной черной тесьмѣ, пропущенной подъ погоны, благодаря чему онѣ не такъ легко терялись.

Вѣроятно, въ эту ночь бой шелъ гдѣ-нибудь очень близко отъ Мукдена, ибо мы получали раненыхъ безъ перевязокъ, съ открытыми ранами, слѣдовательно, прямо изъ-подъ огня. Но работа такъ поглощала вниманіе (да и нервы, вѣрно, притупились отъ усталости), что мысль какъ-то не останавливалась тогда на этомъ фактѣ, и только теперь, перебирая въ памяти картины прошлаго, я соображаю, какъ это было. Орудій слышно было мало,—вѣроятно, шла ружейная стрѣльба, да и раны были все больше пулевыя.

Работать намъ приходилось не со своими врачами, а со случайными, и тотъ, который завѣдывалъ моимъ столомъ, перевязывая довольно серьезно раненаго солдата и копаясь зондомъ въ его

Библиотека "Руниверс"

ранѣ, завелъ пѣснь о томъ, какъ безчеловѣчно посылать людей на войну, калѣчить ихъ, невѣдомо зачѣмъ, изъ-за какихъ-то концессій... «А еще безчеловѣчнѣй,—возразила я, глядя на него въ упоръ,—говорить такія слова страдающему человѣку». Докторъ прикусилъ языкъ и при дальнѣйшихъ перевязкахъ воздерживался отъ сего излюбленнаго многими врачами вида пропаганды.

Тяжелое впечатлѣніе я получила подъ утро. Было уже свѣтло въ палаткѣ и довольно холодно. Сонные санитары забывали подбрасывать дрова въ желѣзныя печурки. Раненыхъ оставалось уже мало и на многихъ столахъ прекратили работу, въ томъ числѣ и на моемъ.

Я подошла къ однѣмъ носилкамъ, у которыхъ возилась молоденькая сестра нашего госпиталя и два санитара. Съ величайшимъ трудомъ стаскивали они шинель и полушубокъ съ солдата, раненаго въ руку снарядомъ. Почти полруки было вырвано, кости раздроблены и, вѣроятно, потеря крови была громадная. Я сказала сестрѣ: «Напрасно, сестрица, вы его раздѣваете. Вѣдь было распоряженіе такихъ тяжело-больныхъ посылать въ госпиталь для подачи болѣе серьезной помощи». Сестра смутилась: «И правда, что же теперь дѣлать?» Я говорю: «прикройте его, чтобы не мучить опять одѣваніемъ и велите отнести въ госпиталь». Пока мы такъ переговаривались, подошелъ какой-то врачъ (говорятъ, дѣтскій докторъ изъ Москвы). Онъ воспротивился отсылкѣ раненаго, заявилъ, что ему можно подать и здѣсь прекрасную помощь, и велѣлъ класть его на столъ.

Несчастнаго раздѣли донага (и это въ такой температурѣ, гдѣ мы, тепло одѣтые, дрожали отъ холода!), и докторъ началъ поливать ему грудь и руки тоненькой струйкой холодной воды изъ эсмарховской кружки. Несчастный, и безъ того блѣдный, какъ смерть, отъ потери крови, теперь совсѣмъ посинѣлъ и былъ близокъ къ обмороку. Сестра, работавшая за этимъ столомъ, взмолилась, чтобы докторъ прекратилъ это обливаніе, и получила въ отвѣтъ: «Какъ можно, сестра, чистота это главное и единственное, что мы можемъ и обязаны дать больнымъ». И это говорилось въ палаткѣ, гдѣ, благодаря тайфуну, все было покрыто слоемъ пыли!

Я стояла тутъ же, не принимая участія въ работѣ чужого стола, но дрожа отъ головы до ногъ отъ безсильнаго желанія выставить изъ перевязочной этого жреца науки, который съ тупымъ, безстрастнымъ и самодовольнымъ лицомъ занимался по истинѣ инквизиторскимъ дѣломъ безъ всякаго здраваго смысла. Потомъ врачъ потребовалъ шины и гипсовый бинтъ и отъ пальцевъ до плеча забинтовалъ наглухо (съ открытой-то раной!) эту почти мертвую руку. У одного изъ столовъ сидѣлъ нашъ студентъ, выдававшій записки, куда нести перевязанныхъ: въ госпиталь или на поѣздъ. Я по-

Библиотека "Руниверс"

дошла къ нему, разсказала, въ чемъ дѣло, что бѣдный солдатъ по милости этой повязки навѣрное получитъ гангрену, которую, быть можетъ, некому будетъ замѣтить въ теплушечномъ поѣздѣ, и просила его дать записку въ госпиталь, въ надеждѣ, что тамъ скорѣе спохватятся. Студентъ нашъ, конечно, согласился и сѣлъ писать: «госпиталь». На бѣду докторъ очутился за его спиной и, увидавъ его записку, потребовалъ, чтобы онъ написалъ: «на поѣздъ». «Мы его такъ прекрасно перевязали, что онъ отлично доѣдетъ до Харбина».

Господи! и откуда только брались такіе коновалы! И каково было все это видѣть и быть совершенно безсильной воспротивиться и помочь, ибо сестра милосердія по отношенію врачей то же, что нижній чинъ, и не имѣетъ права голоса.

Измученная и физически и нравственно, я вернулась въ общежитіе кумирни. Какъ прошелъ этотъ день, не помню. Помню только сильнѣйшій тайфунъ-бурю, поднимавшій тучи желтой пыли. Да еще въ этотъ день виднѣлся надъ Мукденомъ нашъ шаръ и какъ-то безпомощно колыхался въ воздухѣ на длинной веревкѣ. Что могли видѣть съ этого шара въ такую «песчаную» метель, трудно сказать, но, по крайней мѣрѣ, у нѣкоторыхъ людей могла быть чиста совѣсть: употребили всѣ средства борьбы, включительно до аэростатовъ.

Въ этотъ день Мукденъ усиленно очищался отъ всякихъ учрежденій и госпиталей. Уѣзжали всѣ, кто только могъ получить вагоны или поѣздъ. Однако, несмотря на то, что поѣзда отходили одинъ за другимъ весь день и всю ночь, болѣе двухъ тысячъ раненыхъ осталось въ Мукденѣ; для нихъ не хватило перевозочныхъ средствъ. Говорили, что это была ошибка вновь прибывшаго главнаго уполномоченнаго Краснаго Креста Гучкова, который, какъ новичокъ, повѣрилъ успокоительнымъ словамъ о томъ, что идетъ лишь «ломка фронта» и никакой опасности для Мукдена не предвидится. Общій голосъ былъ, что при опытномъ и энергичномъ Александровскомъ этого бы не случилось. Онъ хорошо зналъ цѣну такимъ успокоительнымъ увѣреніямъ и не поймался бы на ихъ удочку.

Гучковъ, по крайней мѣрѣ, видя невозможность вывезти всѣхъ раненыхъ изъ Мукдена, рѣшилъ остаться самъ и раздѣлить съ ними участь.

Сестры госпиталей, какъ женщины, имѣли право, при желаніи, уѣхать, оставивъ больныхъ на попеченіе врачей и санитаровъ, но онѣ не пошли на такой малодушный поступокъ и остались на своихъ мѣстахъ, чѣмъ, говорятъ, особенно тронуты и утѣшены были раненые солдаты.

Въ томъ, что именно сестры въ эту тяжелую минуту не покинули ихъ, они почерпнули особую нравственную поддержку.

Нашъ старшій врачъ хотѣлъ тоже непремѣнно остаться въ Мукденѣ и занять пустую казарму ушедшаго Георгіевскаго лаза.

Библиотека "Руниверс"

рета. Но этотъ планъ не имѣлъ никакого смысла. Персоналъ, который оставался при безпомощныхъ раненыхъ воинахъ, обреченныхъ на плѣнъ, совершалъ подвигъ во имя человѣколюбія и жалости къ несчастнымъ, нравственно поддерживая ихъ своимъ присутствіемъ и готовностью раздѣлить ихъ участь. Но намъ занимать пустую казарму и оставаться въ Мукденѣ, безъ единаго раненаго на рукахъ, не имѣло ни малѣйшаго смысла, кромѣ развѣ желанія попасть въ плѣнъ и поближе познакомиться съ японцами.

Старшій врачъ объявилъ всѣмъ, что онъ никого не неволитъ и пусть остаются лишь тѣ, кто желаютъ. Мы сошлись съ сестрой Н—вой и, обсудивъ вопросъ, рѣшили ни за что не оставаться. Раненыхъ у насъ не было, а подвергать свое національное самолюбіе такому тяжелому испытанію, какъ видѣть японца, пробѣгающаго по нашему госпиталю съ флагомъ восходящаго солнца и крикомъ «банзай»—намъ было не по силамъ. Мы рѣшили уѣхать. Но какъ и съ кѣмъ?

Подошелъ вечеръ. Выйдя изъ воротъ кумирни, мы наткнулись на какой-то бивуакъ. Оказалось, обозъ семнадцатаго стрѣлковаго полка, готовый выступить завтра на разсвѣтѣ по Мандаринской дорогѣ.

Мы обратились къ солдатамъ съ просьбою взять насъ съ собой. Пошли спрашивать начальника обоза, который, подошедши, познакомился съ нами и, узнавъ, въ чемъ дѣло, разрѣшилъ слѣдовать за ними въ одной изъ двуколокъ.

Вскорѣ подошли всѣ наши, собравшіеся, со старшимъ врачомъ во главѣ, итти въ управленіе Краснаго Креста спрашивать совѣта и указанія Гучкова. Рѣшено было, что и мы двѣ пойдемъ съ ними на этотъ случай, если Гучковъ отправитъ отрядъ на сѣверъ. Если же онъ разрѣшитъ остаться въ Мукденѣ, то мы съ сестрой вернемся къ обозу и съ ними двинемся въ путь. Начальникъ обоза далъ намъ въ видѣ конвоя двухъ солдатъ, вооруженныхъ винтовками, такъ какъ былъ уже десятый часъ вечера и итти по пустырю до станціи стало далеко не безопасно, въ виду начавшихъ бродяжничать китайцевъ.

Ночь была темная, когда мы двинулись въ послѣдній разъ по столь знакомой дорогѣ, отдѣлявшей кумирни отъ линіи желѣзной дороги. Разстояніе было, вѣроятно, около полуторы версты.

Нѣсколько разъ пришлось останавливаться, пропуская отступавшіе обозы, пересѣкавшіе намъ путь.

Наконецъ добрались мы до управленія и вошли въ ярко освѣщенную палатку. Несмотря на поздній часъ, всѣ были на ногахъ. Старшій врачъ передалъ Гучкову о своемъ желаніи остаться и просилъ его совѣта. Гучковъ отвѣтилъ: «Какъ уполномоченный

Библиотека "Руниверс"

Краснаго Креста, я не могу разрѣшить вамъ остаться, но, какъ человѣкъ, я преклоняюсь передъ вашимъ рѣшеніемъ».

Мы переглянулись съ сестрой Н—вой, стараясь понять «сихъ словъ глубокое и тайное значеніе». Видимо, и старшій врачъ былъ озадаченъ такимъ отвѣтомъ.

Понурые и недоумѣвающіе, вышли мы изъ управленія и послѣ краткаго совѣщанія направились въ одну изъ ближайшихъ казармъ, на которой еще горѣлъ красный фонарь. Это и былъ Георгіевскій госпиталь, и, когда мы входили, санитары выносили послѣднихъ раненыхъ, отправляемыхъ на поѣздъ.

Всюду царилъ страшнѣйшій безпорядокъ. Брошено было все, что нельзя было взять съ собою. Старшій врачъ и старшая сестра сѣли другъ противъ друга на пустыя койки и стали думать, что дѣлать. Не придя ни къ какому положительному заключенію, рѣшили сначала пойти на станцію и захватить съ перевязочнаго пункта работавшихъ тамъ сестру-молдаванку и одного изъ хирурговъ-москвичей.

Солдаты, сопровождавшіе насъ, видя эти наши безконечныя передвиженія съ мѣста на мѣсто, стали просить отпустить ихъ скорѣе.

Наконецъ мы собрались всѣ на станціи, и снова поднялся вопросъ: оставаться или уѣзжать?

Подошелъ комендантъ, очевидно, не потерявшій еще способность соображать, и сразу освѣтилъ положеніе. Онъ указалъ доктору, что лично у нашего отряда раненыхъ нѣтъ и, ясное дѣло, теперь уже больше не будетъ, а на пути стоялъ вагонъ генерала фонъ-деръ-Лауница, предоставленный имъ для тяжело раненыхъ. Необходимъ былъ сопровождающій персоналъ. «Вотъ вы съ ними и поѣзжайте», сказалъ комендантъ, и Гордіевъ узелъ былъ наконецъ разрубленъ.

Мы отпустили солдатъ обоза, поблагодаривъ ихъ, и остались при своемъ отрядѣ. Если бы не комендантъ, нашъ отрядъ, навѣрное, застрялъ бы въ Мукденѣ, а мы съ сестрой, отступая съ обозомъ, неминуемо попали бы въ самую передрягу на Мандаринской дорогѣ. Такъ-то всюду дѣйствуютъ судьба и случай.

Стали вносить раненыхъ въ вагонъ фонъ-деръ-Лауница и заполнили ими всѣ купе, кромѣ двухъ, оставленныхъ для насъ и для врачей. Когда послѣднее мѣсто было занято, подошла какая-то сестра и санитары съ носилками, на нихъ лежалъ тяжело раненый офицеръ. Сестра умоляла насъ взять его раненаго съ собою. Но доктора отказали, говоря, что всѣ койки заняты. Видя горе сестры и тяжелое положеніе ея больного, мы предложили помѣстить его въ свое купе, но докторъ (хирургъ-москвичъ) почему-то энергично воспротивился этому, считая, что всѣхъ не увезешь и что намъ, сестрамъ самимъ необходимъ отдыхъ. Сколько мы его ни просили

Библиотека "Руниверс"

и ни убѣждали, онъ остался непреклоненъ. Такъ эта бѣдная сестра со своимъ раненымъ ушла отъ насъ, и Богъ ее вѣдаетъ, удалось ли ей увезти его, или осталось въ Мукденѣ однимъ несчастнымъ, невольнымъ плѣнникомъ больше.

Когда мы черезъ нѣсколько часовъ принялись поправлять повязки на раненыхъ, то велико было наше удивленіе и негодованіе, когда мы нашли у одного солдата съ забинтованной головой всего только раненіе мочки уха. Ругнули мы въ душѣ и этого лодыря, съ такой раной не заявившаго о ней раньше, да еще больше и ту глупую сестру, которая такъ забинтовала его, что можно было предположить серьезное головное раненіе, а изъ-за этого отказали въ пріемѣ дѣйствительно тяжело раненому.

Покончивъ съ пріемкой и размѣщеніемъ раненыхъ, мы спохватились, что у насъ буквально ничего не было для ухода за ними, ни кружки, ни чайника, ни ведра. Послали меня на перевязочный пунктъ и въ остающіеся госпитали просить, чтобы намъ дали хоть часть необходимыхъ предметовъ и перевязочнаго матеріала.

Я направилась сначала на ближній эвакуаціонный пунктъ, помѣщавшійся въ палаткѣ у станціи. Но, Боже мой, какую картину увидѣла я! Одинъ врачъ (знакомый мнѣ), нѣсколько сестеръ и студентовъ сидѣли возлѣ столика, играли на гитарѣ и пѣли, на столѣ стояли бутылки шампанскаго, къ которому эта компанія успѣла уже сильно приложиться, вѣроятно, для приданія себѣ бодрости, такъ какъ они, хотя и безъ лазарета, всѣ оставались въ Мукденѣ.

На мою просьбу мнѣ отвѣтили, что всѣмъ подѣлиться рады, но никто не двинулся съ мѣста; просто, очевидно, не поняли, о чемъ я просила. Я поспѣшила выйти изъ этого сумасшедшаго притона и направилась въ госпитали.

Былъ второй часъ ночи. Весь русскій поселокъ пылалъ пожаромъ, одинъ за другимъ вспыхивали и ярко горѣли склады, оповѣщая японцевъ о томъ, что мы покидаемъ Мукденъ. Шла я одна, по совершенно пустыннымъ и темнымъ запаснымъ путямъ, ведшимъ къ госпиталямъ, но даже жутко не было, такъ обтерпѣлись нервы.

Сначала я заглянула въ военный лазаретъ. Старшій врачъ, несмотря на поздній часъ, самъ былъ въ палатѣ и, видимо, переживалъ тяжелыя минуты. Онъ снабдилъ меня кое-чѣмъ изъ нужныхъ вещей, а за остальнымъ я отправилась въ лифляндскій отрядъ. Тамъ тоже весь персоналъ былъ сборѣ и на ногахъ.

Меня встрѣтила знакомая schwester Amelie изъ евангелической общины, съ которой въ маѣ мы ѣхали вмѣстѣ въ одномъ эшелонѣ. Оставаясь на свой великій подвигъ и на большую опасность отъ китайцевъ (которые, до прихода японцевъ, могли и перерѣзать и сжечь ихъ), она испытывала сильный подъемъ духа, и даже ея лицо простенькой нѣмочки все какъ-то преобразилось и носило особое выраженіе. Она надавала мнѣ массу всякихъ нужныхъ вещей,

Библиотека "Руниверс"

и мы горячо, по-сестрински обнялись и поцѣловались съ ней на прощаніе. Выйдя отъ нея, нагруженная и ведрами, и чайниками, и прочимъ, я быстро зашагала въ обратный путь, боясь опоздать къ отходу поѣзда. Спасибо какому-то проходившему мимо солдатику, который помогъ мнѣ донести мой грузъ.

Тронулись мы въ путь лишь въ четыре часа утра (нашъ поѣздъ былъ предпослѣдній) и ползли на сѣверъ черепашьимъ шагомъ. Съ разсвѣтомъ поднялся тайфунъ, еще сильнѣе вчерашняго. Вихри пыли неслись съ юга въ спину японцамъ и прямо въ лицо нашимъ. Казалось, что и чуждая природа вошла въ союзъ съ нашими врагами.

Поѣздъ нашъ шелъ медленно, подолгу стоялъ на станціяхъ и на разъѣздахъ. Въ это время у Хушитая шелъ жаркій бой, и на Мандаринской дорогѣ произошла паника обозовъ, но мы ничего не знали объ этомъ. Говорятъ, стрѣляли по нашему поѣзду, но никто изъ насъ этого не подозрѣвалъ. И происходило это вовсе не потому, что мы были заняты работой. Раненыхъ было слишкомъ мало для нашего состава. А просто нашло какое-то физическое и нравственное отупѣніе, при которомъ какъ-то не ясно отдавали мы себѣ отчетъ въ окружающемъ и все становилось «все равно».

Бѣдная старшая сестра лежала совсѣмъ больная не отъ болѣзни, а отъ душевной боли, отъ всего пережитаго.

На одной изъ остановокъ въ нашъ вагонъ вошла какая-то молоденькая сестра, отбившаяся отъ своего госпиталя, и просила довезти ее до Харбина. Это скромная и на видъ безцвѣтная, неизвѣстная дѣвушка оставила во мнѣ глубокое впечатлѣніе и была какъ бы живымъ укоромъ за ту апатію, которой я поддалась. Войдя въ вагонъ, она ни словомъ не смутила ни насъ, ни раненыхъ о томъ, что творилось на Мандаринской дорогѣ, а какъ-то сразу и удивительно просто принялась помогать въ уходѣ за больными, точно она была коренною сестрою отряда, а не случайно пришедшей личностью, воспользовавшейся нашимъ вагономъ, чтобы добраться на сѣверъ. Устала она, вѣроятно, не меньше нашего, къ тому же еще хромала, получивъ гдѣ-то ударъ по ногѣ, однако дѣло не валилось у нея изъ рукъ, тихо и бодро продолжала она работать въ совершенно случайныхъ условіяхъ.

IX.

Въ Тьелинъ мы прибыли часовъ въ шесть вечера. Я распростилась съ кубанскимъ отрядомъ и пошла въ свой N—скій госпиталь, не подозрѣвая, что черезъ два дня намъ придется оставить и Тьелинъ.

Въ N—скомъ лазаретѣ все было такъ переполнено ранеными, что съ трудомъ можно было двигаться по проходамъ. Коекъ не хватало, и многіе лежали на носилкахъ. Работа въ перевязочной шла

Библиотека "Руниверс"

ежедневно съ восьми утра и до трехъ часовъ ночи. Всѣ были съ головой погружены въ свое дѣло, очевидно, имѣли смутное представленіе о томъ, что дѣлается въ арміи, и не думали о близкой возможности покинуть Тьелинъ. Моему приходу никто какъ-то и не удивился, и я водворилась на прежнее мѣсто. Обошла я весь свой «родной» госпиталь, со столь знакомыми палатами, нашу столовую, новую пристройку, воздвигнутую уже безъ меня, послушала разсказы сестеръ о ихъ неустанной работѣ съ самаго начала боя подъ Сандепу, о томъ, какъ иной разъ не хватало рукъ, и поняла, какую большую ошибку совершила я, устремляясь на югъ. Въ то время, какъ тутъ съ января госпиталь былъ полонъ раненыхъ и работалъ не покладая рукъ, тамъ, на позиціяхъ, мы просидѣли почти мѣсяцъ безъ дѣла, а потомъ началась до крайности напряженная работа на перевязочныхъ пунктахъ, гдѣ, какъ въ калейдоскопѣ, мелькали передъ глазами раненыя головы, руки, ноги, но не было того личнаго отношенія къ больнымъ, которое является, когда ходишь за ними и которое придаетъ какую-то особую силу, смыслъ и утѣшеніе въ тяжелой сестринской работѣ.

Уйдя ночевать въ свой домикъ на старое пепелище, я не подозрѣвала, какому зрѣлищу буду свидѣтельницей на слѣдующее утро. Едва я встала, какъ отворилась дверь и въ комнату вошла наша бывшая сестра К—нъ (въ ужасномъ видѣ), прося дать ей возможность вымыться и отдохнуть. Она ѣхала двое сутокъ на двуколкѣ по Мандаринской дорогѣ и попала въ безпорядокъ, вызванный паникой. Я спросила ее: «Что дѣлается въ арміи?» Она отвѣтила рѣзко и нервно: «У насъ нѣтъ больше арміи! Посмотрите въ окно». Я подошла къ окошку и увидала, что вся долина Тьелина отъ горъ до станціи и далѣе за линію была усѣяна сплошнымъ таборомъ.

Люди, лошади, мулы, палатки и повозки, все это смѣшалось въ невообразимомъ хаосѣ. Трудно было найти дорогу, чтобы пробраться въ госпиталь.

По пути то и дѣло встрѣчались люди, спрашивающіе, гдѣ такая-то рота, такой-то полкъ[1]). Всѣ растеряли другъ друга и съ трудомъ отыскивали свои части. Многіе солдаты были безъ винтовокъ, бросивъ ихъ во время паники, не сознавая, что они дѣлаютъ.

Въ госпиталѣ еще прибавилось работы. Нашъ старшій врачъ оказалъ самое широкое гостепріимство всѣмъ заходившимъ въ нашу столовую офицерамъ, докторамъ и сестрамъ, изъ которыхъ иные не ѣли по двое сутокъ. Санитары на кухнѣ и въ столовой совершенно сбились съ ногъ, проработавъ весь день и почти всю ночь. Кладовую и запасы наши тоже открыли для раздачи тѣмъ, кто потерялъ всѣ свои вещи во время паники. Однако объ отступленіи не было рѣчи,

[1]) Спрашивали даже у насъ, у сестеръ.

Библиотека "Руниверс"

и изъ главнаго управленія не поступало никакихъ распоряженій. Никто не зналъ, что будетъ и что предпринять. Распространился слухъ, что главнокомандующаго не могутъ найти, неизвѣстно, гдѣ онъ и что съ нимъ. У меня явилась надежда, что онъ убитъ или покончилъ съ собой. По моимъ наивнымъ понятіямъ, человѣкъ, проигравшій такое сраженіе, не могъ оставаться въ живыхъ. Не въ силахъ человѣческихъ было пережить такой позоръ и нести за него отвѣтственность передъ Россіей [1]). Но, видимо, Куропаткинъ былъ человѣкъ иной формаціи...

Я зашла на минутку въ новую пристройку, гдѣ на скорую руку оборудовали отдѣленіе для легко раненыхъ офицеровъ. И тутъ царило общее настроеніе, главной нотой котораго было полное недоумѣніе, какъ могло все-таки произойти такое пораженіе, когда въ отдѣльности каждая часть по совѣсти могла сказать, что люди ея стояли стойко, дрались геройски и въ бѣгство не обращались, ибо паника среди обозовъ на Мандаринской дорогѣ, бывшая причиной дезорганизаціи третьей арміи, не была бѣгствомъ, а именно паникой, вещью вполнѣ простительной, когда люди двѣнадцать дней не спали, не ѣли и находились все время подъ угрозой смерти, да, кромѣ того, не были окрылены побѣдой, а подавлены приказаніемъ оставить позиціи и опять отступать, послѣ столькихъ жертвъ.

Послушавъ рѣчи офицеровъ, я по совѣсти могу сказать, что, если въ нихъ звучали недоумѣніе, горечь и обида, то не было ни единаго намека на возможность примириться съ такимъ положеніемъ дѣлъ, сложить оружіе и просить мира. Даже мысли этой ни у кого не было—это я могу сказать навѣрное,—ибо въ такія трагическія минуты въ рѣчахъ людей звучитъ правда и если даже не все высказывается, то все чувствуется и понимается безъ словъ напряженными нервами. Пораженіе видѣли, но въ него не хотѣли вѣрить, слѣдовательно, морально побѣждены не были.

Не помню зачѣмъ, мнѣ понадобилось итти на станцію. Покончивъ со своимъ дѣломъ, я на минуту остановилась на довольно высокой платформѣ, откуда видна была вся тьелинская долина, кишащая, какъ муравейникъ, сѣрой нестройной массой людей. Рядомъ со мною, облокотившись на перила, стоялъ какой-то офицеръ и тоже глядѣлъ на эту долину. Рѣдко видѣла я у человѣка болѣе скорбное выраженіе лица. «Не армія, а орда какая-то», сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ. А я смотрѣла на это зрѣлище съ какимъ-то страннымъ чувствомъ раздвоенности: душа какъ-то отказывалась воспринять понятіе о томъ, что видѣли глаза, все казалось, что этого не можетъ быть, что это слишкомъ ужасно для дѣйствительности.

Среди этой дезорганизованной и деморализованной массы, понятно, сейчасъ же начались кражи и мародерство, особенно когда

---

[1]) А «мертвіи сраму не имуть» по завѣту, произнесенному на зарѣ нашей исторіи

Библиотека "Руниверс"

ушедшіе госпитали побросали свое имущество. Желавшій остановить грабежъ какой-то офицеръ (по слухамъ, зять Куропаткина) былъ поднятъ грабившими солдатами на штыки.

Страшные были дни и страшная была картина...

И вотъ, несмотря на все это, черезъ двѣ недѣли наша армія была опять вся въ сборѣ и въ порядкѣ и стала подъ Сыпингаемъ подъ командою Линевича, готовая встрѣтить новый натискъ врага и надѣясь отвѣтить на него этотъ разъ въ новомъ духѣ. Въ «разбитомъ» войскѣ повторяли съ восторгомъ слова старика: «Сыпингая не отдамъ», и радовались увѣренности, что армія, быть можетъ, останется вся на мѣстѣ, но съ мѣста уже не сойдетъ.

У насъ за эту несчастную войну не было ни одной побѣды. Но смѣло можно сказать, что подобной доблести и силы духа не знаетъ ни одна исторія въ мірѣ.

На слѣдующее утро, въ десять часовъ намъ пришелъ спѣшный приказъ собраться и уѣзжать. На сборы давалось всего два часа и очень ограниченное число теплушекъ. Не было никакой возможности увезти одновременно и раненыхъ, и госпитальное имущество. Поэтому нашъ старшій врачъ рѣшилъ бросить весь инвентарь и приказалъ спѣшить лишь съ переноскою раненыхъ въ вагоны.

Намъ, сестрамъ, тоже нельзя было собрать всѣ свои вещи. Мы взяли только необходимое, оставивъ остальное въ пользованіе чужихъ сестеръ изъ военныхъ госпиталей, потерявшихъ во время паники весь свой скарбъ. Имъ буквально не было во что переодѣться.

Когда я пришла на станцію, тамъ творилось что-то невообразимое. Санитары со всѣхъ госпиталей, таскавшіе раненыхъ въ вагоны, едва могли двигаться по платформѣ, гдѣ лежали вповалку недавно привезенные съ позицій со вчерашняго боя, которыхъ некуда было класть и которыхъ пока не увозили, потому что они были «ничьи», а госпитали едва имѣли время и возможность размѣстить «своихъ».

Подойдя къ одному вагону, я увидала нашихъ санитаровъ съ носилками. Сестры тутъ не было, никто не распоряжался и не смотрѣлъ за тѣмъ, куда и какъ кладутъ раненыхъ. Я вошла въ «теплушку» и «взяла бразды правленія» въ свои руки. Черезъ нѣсколько минутъ подошелъ старшій врачъ: «А вы тутъ, ну, и отлично, поѣзжайте съ этимъ вагономъ». Такъ я и осталась при этой теплушкѣ, которая оказалась заполнена офицерами. Нѣкоторые были очень тяжело ранены въ животъ или въ голову. Ихъ, по-настоящему, нельзя было бы трогать съ мѣста, а пришлось увозить въ тряскомъ товарномъ вагонѣ.

Торопили насъ съ нагрузкой страшно, а когда мы закончили свое дѣло, то простояли еще пять часовъ на мѣстѣ, не двигаясь. Одного раненаго внесли въ мою теплушку при послѣднемъ издыханіи. Онъ скончался тутъ же, и черезъ пять минутъ вынесли обратно его трупъ и положили на платформу. Агонія у него, вѣроятно, началась уже

Библиотека "Руниверс"

раньше, но въ страшной суетѣ и спѣшкѣ никто не обратилъ вниманія, и его на ряду съ другими понесли изъ госпиталя на станцію.

Для врачей и сестеръ, не занявшихъ мѣсто возлѣ раненыхъ, былъ прицѣпленъ вагонъ второго класса. Я была счастлива, что случай толкнулъ меня въ теплушку и что этотъ тяжелый путь на сѣверъ мнѣ пришлось дѣлать, не слыша и не видя, что творилось и говорилось во второмъ классѣ.

Наконецъ, въ пять часовъ мы двинулись. Наша «теплушка» была безъ печки и въ ней стало очень холодно, по мѣрѣ нашего движенія на сѣверъ. Изъ всѣхъ щелей дуло такъ, что зубъ на зубъ не попадалъ. Я очень пожалѣла, что въ суматохѣ отъѣзда бросила свою керосиновую печурку, не подозрѣвая, какую службу сослужила бы она намъ.

Больные мои были большею частью страшно тяжелые. Нѣкоторые изъ нихъ скончались дорогой, нѣкоторыхъ мы сдали въ госпитали, находившіеся по пути.

За этотъ переѣздъ я поняла, какъ неудачи могутъ деморализировать. Душа и нервы притупились до невѣроятія. Почти равнодушно относилась я ко всему происходившему.

Когда мы пришли въ Харбинъ, пришлось размѣщать раненыхъ по госпиталямъ.

Меня тронули и смутили мои пацієнты, сердечно прощаясь со мною и благодаря за уходъ, тогда какъ совѣсть ясно говорила мнѣ, что вслѣдствіе упадка духа я далеко не такъ ходила за ними, какъ бы слѣдовало, а потому и благодарность ихъ надо отнести къ ихъ большой невзыскательности да еще къ тому, что въ такія тяжелыя минуты люди быстро и крѣпко сживаются.

Сдавъ своихъ раненыхъ, мы сами отправились въ Старый Харбинъ, гдѣ въ бывшемъ Шуваловскомъ госпиталѣ было устроено сестринское общежитіе. Насъ помѣстили восемьдесятъ человѣкъ въ одной комнатѣ, койки стояли такъ тѣсно, что между ними былъ только проходъ, ни столика, ни табуретки нельзя было поставить. Сидя на кроватяхъ по-турецки, мы и шили, и читали, и писали письма, пользуясь своими чемоданчиками вмѣсто пюпитровъ. Ужасно тяжело было это невольное общеніе со столькими чужими сестрами, полная невозможность остаться одной и отдохнуть отъ вѣчной суеты шума, крика и хохота. На натянутые нервы такая обстановка дѣйствовала убійственно. Мы съ сестрой С—ой дошли до того, что насъ стали раздражать наружность, голосъ, походка товарокъ и наконецъ рѣшили, что дальше такъ быть нельзя. Надо было искать какой-нибудь исходъ и единственная нравственная поддержка, имѣвшаяся у насъ подъ руками, было говѣнье. Шелъ Великій постъ. Недалеко отъ насъ маленькая церковь пограничниковъ, куда мы стали ходить по два раза въ день. И за этими столь знакомыми службами съ ихъ прекрасными родными напѣвами спокойствіе мало-по-малу сошло на наши души.

Библиотека "Руниверс"

Большимъ утѣшеніемъ была извѣстная безстрастность церкви. Стоя и слушая молитвы, какъ-то отрадно было думать, что онѣ неизмѣнно и одинаково звучали и въ годины счастья и, въ годины бѣдствія родины. И то и другое чередовалось и проходило, а церковь и духъ ея были все тѣ же.

X.

Въ Харбинѣ мы прожили цѣлый мѣсяцъ въ ожиданіи рѣшенія нашей дальнѣйшей участи.

Одинъ изъ тѣхъ дней остался мнѣ особенно памятнымъ. Утромъ, часовъ въ девять, мы вышли съ сестрой Савиной съ тѣмъ, чтобы пройти ей въ Новый Харбинъ, мнѣ на Пристань, въ кое-какіе магазины. На наше счастье, намъ попался попутный извозчикъ, согласившійся свезти насъ до Новаго Харбина. Какъ только мы сѣли и тронулись, онъ обратился къ намъ съ вопросомъ, видимо, сильно его волновавшимъ: «Везъ я до васъ, сестрицы, еще двухъ сестеръ и хочу васъ спросить, правду ли онѣ мнѣ сказали, будто бы Государь отказался отъ самодержавія, и не будетъ уже больше надъ нами царствовать, а власть свою передаетъ другимъ людямъ? Что же это будетъ? Какъ же намъ безъ царя быть»?

Столько тревоги звучало въ его голосѣ, и до того онъ былъ взволнованъ вѣстью, услышанной имъ отъ либеральныхъ сестрицъ, что такъ и пахнуло на меня древней Русью съ ея особымъ, священнымъ отношеніемъ къ царю и царской власти. Чувствовалось, что для этого человѣка жизнь безъ царя представлялась дѣйствительно невозможной. Въ его тревогѣ послышались мнѣ отголоски народнаго горя за смутное время, съ Гришкой Отрепьевымъ, тушинскимъ воромъ и пр., и ясно стало, на какомъ глубокомъ народномъ основаніи создалось въ Россіи самодержавіе въ вѣка, давно минувшіе, когда строилась Русь. Этотъ темный мужикъ, врядъ ли даже грамотный, ничего не смыслилъ въ политикѣ, но всѣмъ существомъ своимъ чувствовалъ, что безъ Царя намъ, Россіи, быть нельзя.

Мы постарались, какъ сумѣли, объяснить ему о готовившемся народномъ представительствѣ, сказали, что и при прежнихъ царяхъ созывался земскій соборъ, но отъ этого власть царя не уменьшалась и, кажется, успѣли нѣсколько успокоить его тревогу.

Мое путешествіе на Пристань было очень неудачно: я заблудилась, попала въ мѣстечко Фу-дзя-дань и лишь съ помощью случайно встрѣтившагося нашего повара Ма-Фу, выбралась изъ этого китайскаго лабиринта и нашла дорогу на Пристань.

Отъ Пристани пришлось итти пѣшкомъ на вокзалъ, а оттуда четыре версты въ Старый Харбинъ и лишь около восьми часовъ вечера я добралась до своего общежитія, падая и изнемогая отъ уста-

Библиотека "Руниверс"

лости и надолго запомнивъ столь неудачное хожденіе по харбинскимъ лавкамъ.

Вообще это было удовольствіе изъ малыхъ, способное отбить охоту у самыхъ ярыхъ любительницъ гостинаго двора: во-первыхъ, всюду надо было ходить пѣшкомъ, такъ какъ извозчики, зная, что сестры не въ состояніи платить бѣшеныхъ денегъ, прямо отказывались насъ возить; во-вторыхъ, отвратительное отношеніе проявлялось къ намъ, русскимъ, китайскими «купезами», которые съ нескрываемымъ злорадствомъ и ехидной улыбкой на бритыхъ лицахъ спрашивали насъ, скоро ли будутъ въ Харбинѣ японцы.

Пока мы жили въ общежитіи, мнѣ случалось нѣсколько разъ зайти въ госпиталь императрицы Маріи Ѳеодоровны для больныхъ сестеръ, чрезвычайно полезное учрежденіе, отлично обставленное и находившееся подъ вѣдѣніемъ сестры А—ть, одной изъ самыхъ прелестныхъ личностей, которыя пришлось мнѣ встрѣтить въ жизни. Яркою, выдающеюся чертою въ ней было глубокое доброжелательство къ людямъ и проистекавшая отсюда неизмѣнная искренняя любезность.

Въ этомъ же лазаретѣ я видѣла двухъ сестеръ, раненыхъ во время мукденскаго отступленія по Мандаринской дорогѣ; одна была ранена пулей въ лобъ, другая въ руку, по счастью, не серьезно, и мнѣ чрезвычайно понравилось отношеніе самихъ сестеръ къ своимъ раненьямъ. Онѣ смотрѣли на это совершенно просто, n'en faisaient aucun cas, были очень бодры духомъ и съ нетерпѣніемъ ждали возможности выписаться и вернуться въ свой госпиталь.

Наступилъ наконецъ день нашего отъѣзда. Съ невеселыми мыслями и тяжелымъ сердцемъ сѣли мы въ поѣздъ, который долженъ былъ везти насъ на сѣверъ.

Опять началась жизнь въ вагонѣ, и дней черезъ десять мы прибыли въ Верхнеудинскъ, мѣсто нашего назначенія. Но когда врачи пошли осматривать отводившееся намъ зданіе, они убѣдились, что оставаться здѣсь невозможно. Все мало-мальски удобное и хорошее было уже занято другими отрядами, и намъ предлагали плохое и тѣсное помѣщеніе. Рѣшили просить другого мѣстоназначенія для госпиталя, а пока пошли депеши и письма въ Петербургъ и Харбинъ, мы остались жить въ вагонѣ, отцѣпленномъ и поставленномъ на запасный путь.

Такимъ образомъ пришлось прожить недѣли три, между прочимъ Страстную и Святую. У самой станціи была построена небольшая деревянная церковь, что дало намъ возможность посѣщать службы.

Въ Страстную пятницу мы занялись чисткой и генеральной уборкой нашихъ купе, точно дома, когда все моется, вытряхивается и готовится къ празднику. Такъ велика сила привычки. Безъ мытья и чистки русскому человѣку чего-то не хватаетъ въ великій праздникъ.

Библиотека "Руниверс"

Въ субботу закупили мы въ городѣ куличей, покрасили десятокъ яицъ, прибавили къ этому кусокъ ветчины и, накрывъ вагонный столикъ бѣлой скатертью, приготовили все для розговѣнья. А сами рѣшили на свѣтлую заутреню пойти въ тюремную церковь, такъ какъ въ маленькой вокзальной собиралась масса народу и можно было опасаться большой давки.

Въ субботу днемъ мы отправились въ пересыльную тюрьму добыть разрѣшеніе и пропускъ въ церковь. Наши сестринскія косынки и Красный Крестъ открыли намъ всюду свободный доступъ. Жутко стало мнѣ, когда солдатъ, пропустивъ насъ въ ворота, ввелъ въ громадный тюремный дворъ съ высокими каменными стѣнами. И вмѣстѣ съ тѣмъ испытывалось какое-то благоговѣйное чувство къ этому мѣсту при мысли о тѣхъ, кто пострадалъ здѣсь безъ вины, о томъ, сколько горя, сколько слезъ видѣли эти стѣны мертваго дома.

Часовъ въ 11 вечера мы принарядились, то есть надѣли бѣлые передники и рукавчики и тронулись въ путь въ сопровожденіи одного или двухъ санитаровъ.

Когда мы вошли, церковь была уже заполнена арестантами; нѣкоторые изъ нихъ стояли въ цѣпяхъ. Я всматривалась въ ихъ лица: у иныхъ они были красивы и умны, но другія поразили меня своимъ тупымъ, звѣринымъ выраженіемъ и удивительной неправильностью черепа. Это были форменные дегенераты, у которыхъ недоразвившійся мозгъ былъ неспособенъ къ нормальному мышленію. Въ такихъ головахъ, должно быть, полное непониманіе нравственныхъ законовъ, и никакой каторгой этого не исправишь.

Вскорѣ началась знакомая, торжественная, радостная служба свѣтлой заутрени. Трудно передать, какъ глубоко и сильно было впечатлѣніе этихъ чудныхъ, ликующихъ напѣвовъ въ такой обстановкѣ. Большинство арестантовъ горячо молилось.

Какъ-то отрадно становилось при мысли, что въ эту ночь поютъ «Христосъ Воскресе!» по всей Руси Великой—и во дворцѣ государя, и въ этой далекой сибирской тюрьмѣ, для всѣхъ свѣтлый праздникъ и всякой душѣ возвѣщалась радость.

Этотъ день Христова воскресенія какъ-то особенно дорогъ всѣмъ русскимъ, даже отставшимъ отъ церкви. Мы это видѣли на своихъ двухъ московскихъ хирургахъ: интеллигенты и невѣрующіе, они тѣмъ не менѣе, вѣроятно, въ силу аттавизма, тоже не спали эту ночь, отправились въ желѣзнодорожную церковь, принимали участіе въ крестномъ ходу, а когда мы вернулись, пришли къ намъ разговляться и жалѣли, что не слышатъ здѣсь знаменитаго пасхальнаго перезвона московскихъ сорока сороковъ. Казалось бы, «что имъ Гекуба», а вотъ подите же, былая закваска сказывалась...

На Ѳоминой недѣлѣ пришелъ наконецъ приказъ нашему отряду ѣхать въ Читу и тамъ основаться въ зданіи учительской семинаріи.

Наша работа въ Читѣ носила совершенно другой характеръ,

Библиотека "Руниверс"

чѣмъ раньше. Весь духъ госпиталя, составъ его, образъ жизни и настроеніе были иные, чѣмъ годъ тому назадъ въ Тьелинѣ. Какой-то «тыловой» отпечатокъ былъ на всемъ и, несмотря на то, что условія были много лучше и легче, пребываніе въ Читѣ оставило по себѣ тяжелое и унылое воспоминаніе.

Въ августѣ былъ заключенъ миръ, обрадовавшій однихъ, огорчившій другихъ.

Почти сейчасъ же по заключеніи мира большинство краснокрестныхъ госпиталей прекращало свою дѣятельность и возвращалось въ Россію. Но мнѣ не хотѣлось еще возвращаться, не хотѣлось ѣхать домой, унося впечатлѣніе «тылового» госпиталя, и я рѣшила вернуться на югъ, въ надеждѣ повидать своихъ и опредѣлиться, если возможно, въ одинъ изъ военныхъ лазаретовъ, оставшихся работать при арміи до конца оккупаціи.

Собралась я налегкѣ. Кромѣ чемоданчика и бурки въ видѣ портъ-пледа, со мной ничего не было. Всѣ свои вещи я оставила въ госпиталѣ, прося довезти ихъ въ Россію. Но не успѣха я уѣхать, какъ онѣ были раскрадены. На Мысовую моя корзина пришла безъ замковъ и почти пустая. Остальное было сожжено въ Иркутскѣ во время забастовокъ съ прочимъ госпитальнымъ имуществомъ.

Въ поѣздѣ, шедшемъ въ Манчжурію, всѣ вагоны были биткомъ набиты; люди стояли въ проходахъ, спали въ коридорахъ. Все это была публика, устремлявшаяся ради наживы въ армію, какъ только былъ заключенъ миръ.

Въ январѣ нашъ госпиталь эвакуировалъ послѣднихъ больныхъ и сталъ ждать своего упраздненія. Дѣла больше не было, и я собралась ѣхать въ Россію, чувствуя подъ конецъ глубокое душевное утомленіе отъ всего пережитаго за два года.

Для полученія билета и свидѣтельства пришлось съѣздить раза два въ Харбинъ. Въ этомъ центрѣ тыловой жизни чувствовалась какая-то скверная атмосфера разнузданности всѣхъ человѣческихъ страстей. На вокзалѣ всегда вертѣлись, какъ стаи хищныхъ птицъ, разряженныя и размалеванныя женщины, въ профессіи которыхъ не могло быть сомнѣнія. Имъ былъ строго воспрещенъ проѣздъ на югъ, въ районъ расположенія арміи, но порой всѣми правдами и неправдами онѣ успѣвали нарушить запретъ и попасть на поѣздъ. Глядя на эту язву арміи, вспомнилась мнѣ исторія Іоанны д'Аркъ, которая не терпѣла присутствія такихъ женщинъ въ своемъ отрядѣ и, встрѣтивъ одну изъ нихъ, ударила ее плашмя своимъ мечомъ. Но священный мечъ, спасавшій отечество, раскололся отъ этого прикосновенія надвое, и съ тѣхъ поръ никакъ не удавалось вновь его спаять.

Въ половинѣ февраля я получила всѣ нужныя бумаги и, сердечно простившись съ моими милыми товарками, двинулась въ путь-дорогу.

Библиотека "Руниверс"

Тяжело было уѣзжать изъ Манчжуріи съ сознаніемъ проигранной войны, но, пожалуй, еще тяжелѣе было отъ лицезрѣнія всѣхъ нашихъ ошибокъ, несовершенствъ, низкаго уровня душевной культуры. Мнѣ думается, что всѣ участники этой войны чувствовали, сознательно или безсознательно, что не японцы насъ побѣдили, а наши собственные пороки и недостатки (изъ коихъ на первомъ мѣстѣ стоитъ *недобросовѣстность* на всѣхъ ступеняхъ общественной лѣстницы) были причиной нашего пораженія. Это сознаніе (порой неясное), а также чувство оскорбленной національной чести и было, по-моему, одной изъ главныхъ причинъ всѣхъ военныхъ бунтовъ.

Н. В. Козлова.

Библиотека "Руниверс"

ИЗЪ ЖИЗНИ ТОРГОВОЙ МОСКВЫ [1].

XII.

Производство въ приказчики. — Жалованье.—Чтеніе Библіи.—Испугъ покупательницъ.—Сонъ въ жаркій день.—Переѣздъ дѣдушки.—Бабушка и дядюшка.—Царь Соломонъ.

Черезъ четыре года, на цѣлый годъ ранѣе обусловленнаго срока, хозяинъ произвелъ меня въ приказчики и назначилъ мнѣ жалованье въ мѣсяцъ двѣнадцать рублей пятьдесятъ копеекъ. Этимъ неожиданнымъ производствомъ я былъ очень обрадованъ. Мнѣ казалось, что я сразу выросъ на цѣлую голову и сталъ солиднымъ человѣкомъ.

Изъ своего маленькаго жалованья я ухитрялся посылать моей бѣдной матери ежемѣсячно по семидесяти пяти копеекъ.

При этомъ я удивлялся на своихъ старшихъ коллегъ, которые, получая въ мѣсяцъ по двадцати пяти, сорока и пятидесяти рублей и быстро ихъ прокучивая, говорили, что они получаютъ настолько маленькое жалованье, что его не хватаетъ имъ на самые необходимые предметы.

Я думалъ по другому. Мнѣ казалось, что, если бы я получалъ жалованья въ мѣсяцъ двадцать пять рублей, то у меня оставалось бы ежемѣсячно по двѣнадцати рублей пятидесяти копеекъ. Въ годъ сто пятьдесятъ рублей, а вѣдь это уже цѣлый капиталъ.

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CXXXIV, стр. 503.

Библиотека "Руниверс"

Черезъ годъ мнѣ прибавили жалованье. Я сталъ получать въ мѣсяцъ по двадцати рублей. Но они у меня расходились такъ же незамѣтно, какъ и двѣнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ. Затѣмъ я получалъ тридцать, сорокъ и пятьдесятъ рублей; тогда я посылалъ своей матери по пяти, десяти и пятнадцати рублей ежемѣсячно.

Остальныя деньги незамѣтнымъ образомъ тратилъ на себя.

Такимъ образомъ, у меня не только ничего не оставалось отъ жалованья, но часто и не хватало его, такъ же, какъ прежде моимъ товарищамъ.

Каждый день къ намъ въ магазинъ пріѣзжалъ «дѣдушка».

Садился на видномъ мѣстѣ около выставки чемодановъ, открывалъ Библію, и читалъ два-три часа вслухъ, громкимъ дребезжащимъ старческимъ голосомъ.

Многія покупательницы, услышавъ необыкновенное чтеніе въ родѣ: «сице, абіе, изыдохъ...» съ ужасомъ спрашивали насъ: «Что это у васъ, покойникъ? По комъ это у васъ читаютъ псалтирь?..»

Мы отвѣчали, что у насъ всѣ живы. Читаетъ, молъ, хозяинъ Библію, для спасенія души... Дамы съ удивленіемъ смотрѣли на страшнаго чтеца, который продолжалъ свое чтеніе, не обращая ни малѣйшаго вниманія на покупателей. Иногда «дѣдушка» засыпалъ за чтеніемъ... Изъ озорства, чтобы не дать ему насладиться пріятнымъ сномъ, мы начинали стучать и хлопать ящиками. Старикъ просыпался, кряхтѣлъ и посматривалъ на насъ злыми и недовольными глазами.

Однажды, въ лѣтній жаркій день, отъ этого чтенія вмѣстѣ съ старикомъ и мы всѣ крѣпко заснули. Я сидѣлъ и спалъ на диванѣ, а приказчикъ съ мальчикомъ пристроились на ящикахъ за прилавкомъ. Въ это время вошла въ магазинъ покупательница и, увидѣвъ спящихъ, крикнула:

— Послушайте.

Я вскочилъ съ дивана и чуть было не упалъ на нее, такъ какъ во время сна у меня судорога свела одну ногу, и я не могъ встать на нее...

Держась за диванъ и махая одеревенѣлой ногой, я спросилъ даму, что ей угодно. Въ этотъ моментъ къ намъ подошелъ старикъ и назвалъ меня канальей. Онъ проснулся первымъ и видѣлъ, какъ мы спали.

Дама, очевидно, испугалась при видѣ этого чудовища и быстро вышла изъ магазина.

Старикъ послѣ этого долго насъ ругалъ.

Ежедневнымъ чтеніемъ Библіи этотъ чтецъ намъ страшно надоѣлъ. Мы придумывали разные способы, чтобы выкурить его изъ магазина. Но сдѣлать это намъ не удавалось. Цѣлый годъ «дѣдушка» читалъ у насъ Библію; затѣмъ, очевидно, ему самому

Библиотека "Руниверс"

Узенькій рядъ передъ сломкой въ 1886 г.

надоѣло это занятіе. Онъ пересталъ къ намъ ѣздить и перекочевалъ опять въ лавку въ Ножовую линію. Этому событію мы были очень рады.

Иногда днемъ ко мнѣ въ магазинъ приходила бабушка и жаловалась на своего сына, что онъ живетъ не по закону, не хочетъ жениться и завелъ себѣ «кралю». Меня это очень забавляло.

Мой дядя былъ уже пожилой человѣкъ, притомъ согнутый въ дугу ревматизмомъ. Въ такомъ печальномъ видѣ онъ менѣе всего походилъ на донъ-Жуана...

Библиотека "Руниверс"

Вечеромъ, вслѣдъ за бабушкой, ко мнѣ являлся дядюшка. Этотъ, въ свою очередь, жаловался на бабушку; умалчивая о своей «кралѣ», онъ говорилъ, что старуха совсѣмъ съ ума сходитъ; отъ нея ему житья не стало, бранитъ его за каждые пустяки. Каждый разъ онъ просилъ меня поѣхать съ нимъ домой и какъ-нибудь урезонить старуху, чтобы она жила поспокойнѣе.

Мое положеніе было очень щекотливое. Я любилъ свою бабушку, боялся ее обидѣть; поэтому находилъ неудобнымъ дѣлать ей какія-либо замѣчанія.

Дядѣ отказать я тоже не могъ. Ужъ очень онъ мнѣ казался жалкимъ. Я ѣхалъ съ нимъ къ бабушкѣ не безъ опасенія, такъ какъ въ то время самъ донъ-жуанствовалъ нисколько не хуже своего дядюшки. Но бабушка ничего не знала о моихъ похожденіяхъ и продолжала относиться ко мнѣ съ расположеніемъ и любовью.

Когда мы пріѣзжали къ ней, она, увидѣвъ меня, говорила дядѣ

— Опять привезъ защитника?—и начинала ругать его...

Я давалъ ей время высказать свой гнѣвъ на грѣшнаго сына, а затѣмъ уже осторожно и мягко приступалъ къ труднымъ обязанностямъ царя Соломона. Иногда за слишкомъ снисходительное отношеніе къ грѣхамъ дядюшки попадало отъ бабушки и самому Соломону... Но потомъ она понемногу успокаивалась и мнѣ удавалось ихъ помирить, хотя ненадолго. Черезъ два-три мѣсяца, они опять приходили ко мнѣ съ жалобой, и мнѣ снова приходилось ихъ мирить.

XIII.

Прощеное воскресенье.—Разѣваніе ртовъ.—Хулиганы.—Послѣдствія свободъ.—Метаморфоза.—Торговля модными товарами въ екатерининскія времена.—Массовые неплатежи.

На масленицѣ въ прощеное воскресенье въ домѣ Заборова во исполненіе древняго обычая происходило прощанье съ хозяевами. Въ этотъ день вечеромъ всѣ хозяева и служащіе собирались въ хозяйской столовой. Старикъ Заборовъ съ хозяйкой садились рядомъ въ кресла. Къ нимъ подходили по очереди и кланялись въ ноги сначала сыновья, за ними женская прислуга, а затѣмъ и остальные служащіе. Кланяясь, мы произносили: «Простите меня, дѣдушка». Потомъ мы прикладывались къ его щекѣ, а у хозяйки цѣловали руку.

«Дѣдушка» послѣ этого приказывалъ каждому изъ насъ разинуть ротъ и дышать ему въ лицо. Онъ это продѣлывалъ для того, чтобы найти пьянаго и сдѣлать ему тутъ же должное внушеніе. А такъ какъ въ этотъ день, большинство приказчиковъ и старшихъ мальчиковъ, по обыкновенію, были пьяные,—послѣ земного поклона они съ трудомъ поднимались на ноги, покачиваясь под-

Библиотека "Руниверс"

ходили къ «дѣдушкѣ» и, широко разѣвая ротъ, громко дышали «въ себя». Внутреннія вдыханія почти всегда сходили благополучно, такъ какъ въ этотъ день хозяинъ бывалъ не особенно строгъ.

Этотъ древній обычай всепрощенія, исполнявшійся предварительно передъ исповѣдью, смягчалъ сердца озлобленныхъ людей и вмѣстѣ съ покаяніемъ давалъ возможность каждому начать новую, лучшую жизнь.

Старые хозяева, какъ вѣрующіе люди, это отлично понимали, и хотя не безъ эгоизма, но все-таки интересовались и строго слѣдили за нравственностью своихъ служащихъ.

Ихъ заставляли ежегодно говѣть Великимъ постомъ, каждое воскресенье ходить къ ранней обѣднѣ. Чтобы итти со двора, нужное было просить у хозяина разрѣшеніе, которое давалось не каждый разъ. Вотъ почему прежде такъ истово исполнялись старинные русскіе обычаи.

Къ сожалѣнію, теперь это все отошло въ область преданій. Молодое поколѣніе живетъ теперь безъ всякихъ обычаевъ и ни во что не хочетъ вѣрить. Это новое безпринципное направленіе особенно замѣтно въ торговомъ мірѣ. Купцы новѣйшей формаціи нисколько не интересуются бытомъ своихъ служащихъ. Послѣ торговыхъ занятій служащіе пользуются абсолютной свободой, которую они всецѣло употребляютъ на прожиганіе жизни. Для этого къ ихъ услугамъ существуетъ множество театровъ, иллюзіоновъ, трактировъ, кабарэ и проч.

Послѣдствіемъ такой веселой и ненормальной жизни появились растраты и массовыя самоубійства, «уходящихъ» ежедневно насчитывается отъ пяти до десяти человѣкъ.

Благодаря той же свободѣ, праздности и лѣни, улица въ короткій срокъ выработала новый типъ подонковъ общества подъ названіемъ «хулигановъ», отвергающихъ нравственность, состраданіе и почитаніе старшихъ, то-есть тѣ основы, безъ которыхъ не можетъ существовать ни одно культурное общество.

Хулиганъ—типъ привозный. Онъ впервые появился въ 1895 году въ Ирландіи, откуда быстро акклиматизировался почти во всѣхъ европейскихъ государствахъ, въ томъ числѣ и въ Россіи. Самое названіе хулиганъ произошло отъ фамиліи ирландскаго основателя этой гнусной корпораціи.

За послѣднія пятьдесятъ лѣтъ жизнь торговыхъ людей и торговля въ Китай-городѣ измѣнилась до неузнаваемости. На мѣстѣ прежнихъ небольшихъ и холодныхъ лавокъ, гдѣ товары продавались по цѣнамъ, доступнымъ каждому, теперь построены торговые дворцы и пассажи съ роскошными магазинами, съ большими зеркальными стеклами, съ красивыми соблазнительными выставками дорогихъ товаровъ, съ цѣнами, нисколько не уступающими магазинамъ Кузнецкаго моста и окружающихъ его пассажей.

Библиотека "Руниверс"

Благодаря такой метаморфозѣ, торговля въ городскихъ рядахъ не процвѣтаетъ, а, наоборотъ, замѣтнымъ образомъ падаетъ и постепенно переходитъ въ уличные маленькіе магазины, которые тысячами разбросаны по всѣмъ улицамъ Москвы и на далекихъ ея окраинахъ.

Въ этихъ магазинахъ бѣдный людъ находитъ все, что ранѣе могъ получить только въ Гостиномъ дворѣ.

По словамъ М. И. Пыляева, «въ старой Москвѣ, въ екатерининскія времена покупки модныхъ вещей совершались по большей части въ Гостиномъ дворѣ, а не въ магазинахъ на Кузнецкомъ мосту, какъ теперь».

На Ильинкѣ около лавокъ въ зимнее время бывали самыя модныя гулянья всей московской аристократіи, и тогдашніе волокиты назначали тамъ свиданія. На это купцы неоднократно жаловались царицѣ, говоря, что «петиметры и амурщики только галантонятъ и мѣшаютъ имъ продавать».

Пріѣзды въ магазины нашихъ баръ въ тѣ времена отличались необыкновенною торжественностью. Большія, высокія кареты съ гранеными стеклами, запряженныя цугомъ крупныхъ породистыхъ голландскихъ лошадей всѣхъ мастей, съ кокардами на головахъ, кучера въ пудрѣ, гусары, егеря сзади и на запяткахъ, съ скороходами, бѣжавшими впереди экипажа; берлины съ боковыми крыльцами, широкія сани съ полостями изъ тигровыхъ шкуръ, возницы, форейторы въ треуголкахъ, съ косами, вооруженные длинными бичами; чинные и важные поклоны, привѣты рукой, реверансы и всякія другія учтивости по этикету того времени,—все это представляло довольно театральную картину на улицахъ Москвы.

Но помимо Гостинаго двора существовали и лавки, куда ѣздили наши аристократы. Такъ, въ екатерининскія времена была модистка Виль; здѣсь продавались тогда модныя «шельмовки» (шубки безъ рукавовъ), маньки (муфточки), чепцы-рожки, сороки, чепцы «королевино вставанье», а-ля-грекъ подкольный женскій кафтанъ, распашныя «куръ-форме» и «фурро-форме», башмачки «стерлядки», «улиточка» и проч». Разные бантики, кружева, цвѣты, гирлянды для наколокъ и на дамскія платья модницы екатерининскихъ временъ покупали у madame Кампіони; «уборщикъ и. волосочесъ» Бергуанъ рекомендовалъ всѣмъ плѣшивымъ помаду для отращиванія волосъ изъ духовъ «вздохи Амура», онъ же дѣлалъ изобрѣтенную имъ новую накладку для дамскихъ головокъ, въ видѣ башенъ съ висячими садами à la Семирамидъ. Другой парикмахеръ изъ Парижа, Мюльетъ, рекомендовалъ для мужчинъ парики изъ тонкихъ бѣлыхъ нитокъ, которые такъ легки и покойны, что вѣсятъ только девять лотовъ; одѣвая ихъ, не надо помадить толстымъ слоемъ сала и обсыпать мукою; голландецъ Шумахеръ,

Библиотека "Руниверс"

Холщевый рядъ передъ сломкой въ 1886 г.

въ Китаѣ-городѣ на Фомовскомъ подворьѣ, продавалъ полотна и кисеи; портной Жуковъ публиковалъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1777 года, что онъ имѣетъ плисовые кафтаны на разныхъ мѣхахъ «винчуры» и новаго фасона «чинчиры».

Современныя модницы и амурщики «галантонятъ» теперь на Кузнецкомъ мосту и на Петровкѣ, гдѣ ежедневно съ двухъ часовъ дня и до шести часовъ вечера можно видѣть множество фланирующихъ жуировъ, тамъ къ ихъ услугамъ для флирта имѣются пассажи, роскошные магазины и шикарныя кондитерскія.

Библиотека "Руниверс"

Въ данное время въ коммерческомъ и промышленномъ мірѣ дѣло обстоитъ довольно плохо—появилось множество неплательщиковъ. Они и ранѣе были, но не въ такомъ ужасающемъ количествѣ, какъ теперь.

Въ послѣднее время неплатежи приняли форму эпидеміи и разразились повсюду въ такихъ размѣрахъ, что правительство вынуждено было поставить на очередь вопросъ объ изданіи новаго закона, карающаго неплательщиковъ тюремнымъ заключеніемъ.

XIV.

Китай городъ.—Красная площадь.—Историческія событія.—Торговля въ шалашахъ.—Постройка перваго гостинаго двора.— Нагайки.— Пожаръ.—Храмъ Троицы въ поляхъ.—Судъ Божескій.—Пушки.— Кабакъ.—Комедійная храмина.— Первый антрепренеръ.—Аукціонъ.—Русскіе артисты.—Русскія пьесы.—Языки.— Продажа гостинаго двора частнымъ лицамъ.

Центральная часть Москвы, находящаяся за древней Китайской каменной стѣной, подъ названіемъ Китай-городъ, съ незапамятныхъ временъ служила сосредоточіемъ всей московской торговли. Главнымъ центромъ ея была историческая Красная площадь, бывшая свидѣтельницей многихъ важныхъ событій.

Здѣсь съ древнихъ зубчатыхъ стѣнъ Кремля наши предки неоднократно отражали многочисленныя полчища татаръ и поляковъ.

Въ 1547 году на Красной площади, съ лобнаго мѣста, царь Іоаннъ Васильевичъ послѣ страшнаго пожара, уничтожившаго три четверти Москвы, во всеуслышаніе исповѣдывался въ своихъ грѣхахъ передъ знаменитымъ митрополитомъ Макаріемъ и народомъ и давалъ клятву судить и управлять народомъ по Божеской правдѣ. Царь, поклонившись на всѣ четыре стороны, обратился къ народу съ слѣдующей рѣчью: «Люди Божіи и намъ дарованные Богомъ!—молю вашу вѣру къ Богу и къ намъ любовь. Теперь намъ вашихъ обидъ, разореній и налоговъ исправить нельзя, вслѣдствіе продолжительнаго моего несовершеннолѣтія, пустоты и безпомощности, вслѣдствіе неправдъ бояръ моихъ и властей, безсудства неправеднаго, лихоимства и сребролюбія; молю васъ, оставьте другъ другу вражды и тягости, кромѣ развѣ очень большихъ дѣлъ; въ этихъ дѣлахъ и въ новыхъ я самъ буду вамъ, сколько возможно, судья и оборона, буду неправды разорять и похищенное возвращать».

Вскорѣ послѣ этой публичной исповѣди на этомъ же мѣстѣ грозный царь казнилъ двѣсти человѣкъ новгородцевъ.

Тутъ же былъ низложенъ съ престола чернью царь Василій Шуйскій. Здѣсь Петръ Великій повѣсилъ на висѣлицахъ множество взбунтовавшихся стрѣльцовъ.

По словамъ Олеарія, Красная площадь передъ Кремлемъ есть главный рынокъ города. Здѣсь въ продолженіе цѣлаго дня кишитъ

Библиотека "Руниверс"

народъ, и вся площадь полна лавками, въ нихъ можно было купить все, что потребно для домашняго обихода. Около стѣнъ Кремля на самыхъ видныхъ мѣстахъ было разставлено множество шалашей, палатокъ, скамей и рундуковъ, съ которыхъ производился торгъ разными товарами, но болѣе всего съѣстными припасами.

Рядомъ съ шалашами и рундуками находилось особое мѣсто, гдѣ женщины торговали своими домашними рукодѣліями.

Тутъ же на площади помѣщались цѣлые ряды винныхъ погребовъ, въ нихъ продавались иноземныя вина, медъ, брага и другія зелья. Въ такомъ первобытномъ видѣ это торжище просуществовало до 1546 года, когда по указу царя Іоанна Васильевича Грознаго на Красной площади, противъ Кремлевской стѣны, былъ построенъ «царскою казною» каменный Гостиный дворъ, куда и было приказано перейти торговымъ людямъ: «Всякими товары торговать въ рядахъ, въ которыхъ коими указано и гдѣ кому даны мѣста. А которые всякихъ чиновъ торговые люди нынѣ торгуютъ на Красной площади и на перекресткахъ и въ иныхъ не указанныхъ мѣстахъ, поставя шалаши и скамьи, и рундуки, съ тѣхъ мѣстъ великій государь указалъ сломать и впредь на тѣхъ мѣстахъ никому ни съ какими товарами не торговать, чтобы на Красной площади и на перекресткахъ и стѣсненія не было».

Но желающихъ переселиться въ новые ряды никого не оказалось. Тогда грозный царь приказалъ опричникамъ гнать торговцевъ съ площади въ ряды нагайками...

Это средство подѣйствовало. Площадь была быстро очищена отъ шалашей, палатокъ и рундуковъ, изъ которыхъ торговые люди перебрались въ новые ряды, гдѣ скоро и основались прочно.

Въ то время въ Гостиномъ дворѣ для каждаго товара имѣлся свой особый рядъ и поэтому ряды носили названіе: Шапочный, Сапожный, Крашенинный, Карабейный, Восчаный, Медовый, Пряничный, Калачный, Харчевый, Птичій и друг.

На Никольской улицѣ находились ряды: Саадашный и Книжный, въ первомъ ратные люди продавали предметы вооруженія: мечи, копья, стрѣлы, щиты, кольчуги, шлемы и другія вещи, а въ послѣднемъ попы и дьяконы торговали духовными книгами съ просвѣтительной цѣлью. Но то было въ XVI вѣкѣ.

Теперь мы видимъ другое. Торгуетъ и современное духовенство въ епархіальныхъ лавкахъ, но уже не съ просвѣтительной цѣлью и не духовными книгами, а разными вещами, начиная съ церковной утвари и включительно до скобяныхъ и галантерейныхъ товаровъ... Торговыя операціи коммерсантовъ «батюшекъ», уже не говоря о томъ, что они никакъ не вяжутся съ ихъ прямымъ назначеніемъ и саномъ, но еще вносятъ въ среду ихъ пасомыхъ большой соблазнъ и негодованіе... М. И. Пыляевъ въ своемъ описаніи старой Москвы говоритъ, что на Никольскомъ крестцѣ стояли бочки, кади и скамьи.

Библиотека "Руниверс"

Тамъ съ утра до вечера толпились московскіе купцы, греческіе гости, торговые люди, слабодчане и стрѣльцы.

Въ Казанскомъ соборѣ приводили купцовъ къ очистительной присягѣ; въ такіе часы раздавался унылый благовѣстъ съ колокольни этого собора.

Въ числѣ замѣчательныхъ церквей въ Китаѣ-городѣ находится древній храмъ во имя Живоначальной Троицы въ поляхъ; слово «въ поляхъ» понимается не въ прямомъ его значеніи, а въ смыслѣ «поединка».

Татищевъ говоритъ въ примѣчаніи своего «Судебника»: «Поле разумѣемъ поединокъ—предъ судьями бится палками во дѣлахъ, неимущихъ достаточнаго доказательства; ибо «ротою», т. е. клятвою или присягою утверждать или оправдаться опасались душевредства». Судебнымъ дѣломъ рѣшались самыя важныя запутанныя тяжбы—такой судъ звали «судомъ Божескимъ». Приступающіе къ поединку облекались всегда въ полные доспѣхи и вооружались «ослопами», т. е. дубинами, но уже съ XVI столѣтія употребляли и другія оружія. Бой происходилъ на назначенномъ мѣстѣ на обширной полянѣ, со всѣхъ сторонъ огороженной, въ присутствіи судей, но посторонніе туда не допускались.

Кто одолѣлъ, тотъ былъ правъ, а уступившій силѣ своего противника признавался виновнымъ и платилъ пошлину окольничему, дьяку и подьячимъ, присутствовавшимъ при боѣ и наблюдавшимъ за порядкомъ.

Алексѣевъ, составитель церковнаго словаря, говоритъ, что такое поле «у Троицы въ Поляхъ», за городскою стѣною на берегу рѣчки Неглинной, гдѣ были три полянки съ нарочною канавой; здѣсь тягавшіеся дрались до крови, а иногда другъ друга убивали до смерти.

Онъ же описываетъ и болѣе легкіе поединки, напримѣръ: спорящіе становились тамъ одинъ по ту, другой по другую сторону канавки и, наклонивъ головы, хватали одинъ другого за волосы и кто кого перетягивалъ, тотъ и правъ бывалъ. Побѣжденный долженъ былъ перенести побѣдителя на своихъ плечахъ чрезъ рѣчку Неглинку. Передъ такимъ поединкомъ иногда предлагали соперникамъ и мировую, о чемъ напоминаетъ намъ старая пословица: «Подавайся по рукамъ—легче будетъ волосамъ».

Въ 1626 году, при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, Гостиный дворъ со всѣми находившимися въ немъ товарами былъ до основанія уничтоженъ сильнымъ пожаромъ.

Вскорѣ послѣ пожара на томъ же мѣстѣ былъ построенъ новый каменный Гостиный дворъ.

При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ на Красной площади, между Спасскими и Никольскими воротами, у самой кремлевской стѣны стояли пушки подъ деревянными навѣсами.

Библиотека "Руниверс"

По сосѣдству съ ними находился популярный между опричниками и стрѣльцами кабакъ, носившій названіе «Подъ пушками».

Здѣсь было пребываніе подонковъ общества, которые въ то время назывались «кабацкими ярыгами».

По словамъ И. К. Кондратьева, вблизи этихъ пушекъ въ 1768 году 18-го октября, былъ устроенъ высокій эшафотъ, на которомъ была

Древніе подвалы Гостинаго двора, найденные во время ломки 1886 г.

поставлена для позорища жестокая мучительница своихъ крѣпостныхъ Дарья Михайловна Салтыкова, извѣстная въ народѣ подъ названіемъ «Салтычихи».

Она была въ саванѣ, со свѣчою въ рукѣ, съ листомъ на груди, на которомъ было написано «мучительница и душегубица».

Позднѣе на этомъ мѣстѣ, по приказанію Петра Великаго, было

Библиотека "Руниверс"

построено большое деревянное зданіе, называвшееся «Комедійной храминой».

Въ указные дни здѣсь давались комедіи для людей всѣхъ чиновъ и ранговъ. Мѣста въ «Комедійной храминѣ» дѣлились на четыре разряда: первыя стоили двѣ гривны, вторыя гривну, третьи пятакъ и четвертыя алтынъ.

Входные билеты назывались ярлыками, они печатались на толстомъ картонѣ и продавались въ чуланахъ, находившихся при «Комедійной храминѣ». Продажей ярлыковъ завѣдывали сторожа.

Комедійная храмина просуществовала здѣсь недолго, такъ какъ она успѣха не имѣла, потому что наши прадѣды считали комедійныя дѣла дьявольскимъ навожденіемъ и дѣломъ грѣховнымъ и поэтому неохотно шли въ театръ.

Въ 1703 году (годъ основанія театра) входныхъ билетовъ было продано на 406 рублей 23 алтына, въ слѣдующемъ году сборъ былъ еще менѣе.

Въ концѣ 1704 года, вслѣдствіе плохихъ сборовъ, скрылся изъ Москвы, не заплативъ жалованье комедіантамъ, первый антрепренеръ «Комедійной храмины» нѣкто Яганъ Куншт. Его артисты, оставшись въ бѣдственномъ положеніи, просили казну, для уплаты причитавшагося имъ жалованья продать принадлежавшія сбѣжавшему антрепренеру декораціи, костюмы и другія вещи. Просьба комедіантовъ была уважена, и тогда, по словамъ хроники русскаго театра Носова, появилось слѣдующее объявленіе: «Продаются театральныя украшенія, принадлежащія директору нѣмецкихъ комедіантовъ Ягану Куншту, убоявшемуся нашего градскаго начальства наказанія, за сочиняемыя имъ и игранныя на публичномъ театрѣ пасквильныя комедіи, уѣхалъ изъ Россіи инкогнито, не заплатя никому жалованья, по сему резонту и объявляемъ, что продажа сія дѣлается на уплату долговъ комедіантовъ».

Въ числѣ вещей продавались: дворецъ съ великолѣпными садами, крѣпостями, лѣсами, рощами, лугами, наполненными людьми, звѣрями, птицами, мухами и комарами; море, состоящее изъ двѣнадцати валовъ, изъ которыхъ самый огромный, девятый валъ, немного поврежденъ. Полторы дюжины облаковъ, снѣгъ въ большихъ хлопьяхъ изъ бѣлой овернской бумаги и т. д.

По словамъ И. К. Кондратьева, послѣ Куншта, театръ на Красной площади перешелъ въ руки Отто Фюрста.

Представленія у Фюрста чередовались съ русскими представленіями: русскія давались по воскресеньямъ и вторникамъ, а нѣмцы играли по понедѣльникамъ и четвергамъ.

Нѣмецкая труппа давала по большей части такъ называемыя пьесы на случай. Такъ, напримѣръ, ей поручалось поставить драматическое представленіе на случай взятія русскими Нотебурга и Орѣшка. На русскомъ языкѣ были играны слѣдующія пьесы: «О

Библиотека "Руниверс"

Ѳранатлисѣ Эпирскомъ и Мирандонѣ сынѣ его», «О честномъ измѣнникѣ», «Тюрьмовый заключенникъ или принцъ Пикельгярингъ», «Постоянный папиньянусъ» и «Докторъ принужденный».

Пьесы эти имѣли всѣ театральные эффекты и ужасы: сраженія, убійства, отравленія и проч. По обыкновенію въ пьесахъ были и смѣшныя сцены, гдѣ шутъ Пикельгярингъ сыплетъ грязныя площадныя шутки, поетъ куплеты въ родѣ:

Братья, да возвеселимся,
Симъ виномъ да утвердимся.
Богъ убо вѣсть—сколько намъ жити.
Нынѣ идемъ купно въ поле
Убитыми быть или вздравѣ.

Афиши о представленіяхъ на театрахъ разносили къ знатнымъ людямъ сами актеры.

Берхольцъ говоритъ, что одинъ изъ актеровъ придумалъ было извлекать изъ этого выгоды, выпрашивая вознагражденія, за что и былъ наказанъ батогами. Афиши были печатныя и такъ называемыя перечневыя. Послѣднія печатались для лучшаго объясненія публикѣ содержанія и хода представленія. Новому антрепренеру Отто Фюрсту было отдано нѣсколько русскихъ учениковъ въ науку. Объ этихъ русскихъ актерахъ сохранился интересный документъ, относящійся къ 1705 году, рисующій какъ ту эпоху, такъ и состояніе тогдашняго драматическаго искусства у насъ. Вотъ этотъ докладъ начальству: «Ученики комедіанты русскіе безъ указу ходятъ всегда со шпагами и, многіе не въ шпажныхъ поясахъ, но въ рукахъ носятъ, и непрестанно по гостямъ въ нощныя времена ходя пьютъ. И въ рядахъ у торговыхъ людей товары емлятъ въ долги, а денегъ не платятъ. И всякіе задоры съ тѣми торговыми и иныхъ чиновъ людьми чинятъ, придираясь къ безчестію, чтобъ съ нихъ что взять нахально. И для тѣхъ взятокъ ищутъ безчестій своихъ и тѣхъ людей волочатъ и убыточатъ въ разныхъ приказѣхъ мимо государственнаго посольскаго приказу, гдѣ они вѣдомы. И взявъ съ тѣхъ людей взятки, мирятся не дожидаясь по тѣмъ дѣламъ указу, а инымъ торговымъ людямъ бороды рѣжутъ для такихъ же взятокъ». Въ такихъ злокозненныхъ дѣяніяхъ особенно обличался актеръ Василій Теленковъ, онъ же Шмага пьяный. По посланному на него доносу къ боярину графу Ѳ. А. Головину, второму директору русскаго театра, вышла слѣдующая резолюція: «Комедіанта пьянаго Шмагу взявъ въ приказъ высѣките батоги».

Въ 1704 году въ труппѣ Фюрста женскія роли исполняли двѣ женщины: дѣвица фонъ-Велихъ и жена генеральнаго доктора Паггенкампфа, которая въ русскихъ документахъ просто передѣлана въ Поганкову. Первая жалованья получала въ годъ 150 рублей, вторая 300 рублей. Русскимъ же ученикамъ-комедіантамъ положено

Библиотека "Руниверс"

было жалованье смотря по персонамъ: «за кѣмъ дѣла больше—тому дать больше, а за кѣмъ меньше—тому меньше».

Изъ этихъ древнихъ документовъ, мы видимъ, что еще въ началѣ XVIII вѣка были хулиганы, чинившіе надъ торговыми людьми разныя безчинства, включительно до отрѣзанія бороды. Къ этому еще слѣдуетъ добавить и «языки» (оговорщиковъ), ходившіе по Красной площади съ лицами, закрытыми черными суконными масками съ вырѣзанными на нихъ отверстіями для глазъ. Отъ этихъ ужасныхъ людей толпами бѣжалъ народъ, боясь услышать ихъ страшный возгласъ: «Слово и дѣло», послѣ чего указанныхъ ими лицъ забирали въ застѣнокъ и тамъ безъ суда подвергали жестокимъ наказаніямъ и пыткамъ. Отъ ихъ произвола сильно страдалъ и торговый людъ. Въ 1790 году Гостиный дворъ, за ветхостію, былъ проданъ казною частнымъ лицамъ. Новые хозяева, вступивъ въ свои права, энергично принялись за перестройку рядовъ; при этомъ, при началѣ постройки былъ выработанъ общій планъ только для одного наружнаго фасада зданія, выходившаго на Красную площадь, на Ильинку и на Никольскую улицу. Внутри рядовъ лавки строились безъ всякаго плана. Каждый дѣлалъ, что хотѣлъ и когда хотѣлъ, по своему усмотрѣнію. Вслѣдствіе такой безсистемной и не одновременной постройки, ряды вышли кривые, одинъ выше, другой ниже. Лавки тоже были всѣ разныя, одна больше, другая меньше, одна свѣтлѣй, другая темнѣе и т. д. Съ высоты птичьяго полета торговые ряды представляли собой полнѣйшій хаосъ разной величины крышъ, мансардъ, чердаковъ, фонарей и проч. Въ общемъ зданія торговыхъ рядовъ были похожи на азіатскій караванъ-сарай. Подобныя архаическія сооруженія мнѣ потомъ приходилось видѣть въ нѣкоторыхъ городахъ на Востокѣ.

XV.

Пожаръ Москвы 1812 г.—Верхніе торговые ряды.—Желѣзные балаганы.—Энергичное приказаніе.—Самоубійство купца.—Значеніе старыхъ рядовъ.

Въ 1812 году, какъ извѣстно, двѣ трети Москвы было уничтожено пожаромъ.

При отступленіи французовъ изъ Москвы, по приказанію Наполеона, въ Кремлѣ были взорваны: дворецъ, Грановитая палата, арсеналъ, Ивановская колокольня, Никольскія ворота и много другихъ зданій. Въ Китай-городѣ пожаромъ были уничтожены всѣ дома, множество лавокъ и разграбленъ и сожженъ до основанія Гостиный дворъ. Послѣдній былъ возобновленъ въ 1814 году, въ томъ видѣ онъ просуществовалъ до 1886 года, когда за ветхостію былъ сломанъ, и на его мѣстѣ теперь построены красивыя (но для торговли не совсѣмъ удобныя) зданія верхнихъ торговыхъ рядовъ.

Библиотека "Руниверс"

При ихъ постройкѣ главное вниманіе было обращено на наружный фасадъ и внутреннее устройство трехъ крытыхъ галерей, съ такимъ же числомъ поперечныхъ проходовъ. Правда, что строители въ этомъ отношеніи достигли своей цѣли; фасадъ и галереи вышли довольно стильны и красивы, но при этомъ было упущено изъ виду самое главное—устройство торговыхъ помѣщеній, удобныхъ для торговли, а не только для одного вида. Благодаря этому, въ Верхнихъ торговыхъ рядахъ магазины въ первомъ этажѣ вышли съ низкими потолками и сжатые со всѣхъ сторонъ колоссальными каменными столбами и арками. Въ магазинахъ мало воздуха и свѣта и еще менѣе удобства. Зато магазины во второмъ этажѣ, то есть тамъ, гдѣ покупателей никогда не бываетъ, сдѣланы вышиной двѣнадцать аршинъ. Покупатели во второй этажъ не ходятъ, потому что винтовыя чугунныя лѣстницы внутри магазиновъ настолько узки и неудобны, что по нимъ не каждый можетъ ходить.

Насколько бойко и весело шла торговля въ старыхъ рядахъ, настолько же тихо и безжизненно торгуютъ теперь въ новыхъ красивыхъ зданіяхъ Верхнихъ торговыхъ рядовъ.

Это громадное владѣніе принадлежитъ акціонерному обществу, получающему съ него нищенскій дивидендъ, не болѣе трехъ процентовъ.

Во время послѣдней перестройки Верхнихъ торговыхъ рядовъ. на Красной площади, у кремлевской стѣны были поставлены временные желѣзные балаганы, куда и предложили перейти торговцамъ, но купцы упорно не хотѣли уходить изъ рядовъ, съ своихъ насиженныхъ мѣстъ. Тогда административной власти пришлось прибѣгнуть къ принудительнымъ мѣрамъ. Послѣ довольно продолжительныхъ переговоровъ и отсрочекъ въ одно прекрасное утро, когда въ Гостиномъ дворѣ были открыты всѣ лавки, въ ряды явилась полиція и приказала рядскимъ сторожамъ, немедленно заколотить проходы и двери въ Ножовую линію и въ ряды Узенькій и Широкій... Купцы, не ожидавшіе такихъ крутыхъ мѣръ, были настолько поражены слишкомъ энергичнымъ распоряженіемъ полиціи, что первое время не знали, что нужно дѣлать, кого просить. Телефоновъ тогда не было. Рѣшено было немедленно ѣхать къ генералъ-губернатору и оберъ-полицеймейстеру съ просьбой отмѣнить распоряженіе полиціи и дать возможность купцамъ перебраться въ желѣзные ряды, безъ принудительныхъ мѣръ. Но въ виду того, что купцамъ уже было сдѣлано не одна, а нѣсколько отсрочекъ, просьба ихъ не была уважена... Нѣкоторые купцы считали себя разоренными и сошли съ ума... Одинъ изъ нихъ, нѣкто Солодовниковъ, зарѣзался въ Архангельскомъ соборѣ... На другой день купцы изъ заколоченныхъ трехъ рядовъ начали быстро перебираться въ желѣзные балаганы. Спустя двѣ недѣли, такимъ же образомъ выселили слѣдующіе три ряда, а затѣмъ и остальные.

Библиотека "Руниверс"

Въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ на московскихъ улицахъ не было никакихъ магазиновъ, исключая булочныхъ, овощныхъ и табачныхъ лавокъ. Поэтому за каждый мелочью приходилось посылать «въ городъ», то есть въ Гостиный дворъ, гдѣ была сосредоточена какъ розничная, такъ и оптовая торговля; первая производилась главнымъ образомъ въ Ножовой линіи и затѣмъ въ многочисленныхъ рядахъ: Узенькомъ, Широкомъ, Шляпномъ, Шелковомъ, Серебряномъ, Мѣдномъ, Скобяномъ, Иконномъ, Кружевномъ, Лапотномъ, Суровскомъ, Суконномъ, Квасномъ; былъ и такой рядъ, въ которомъ торговали пирогами, квасомъ и кислыми щами.

Оптовая торговля помѣщалась въ Ветошномъ ряду и на подворьяхъ: Казанскомъ, Пантелѣевскомъ, Бубновскомъ и друг. Болѣе крупныя фирмы и фабриканты помѣщались на Ильинкѣ, въ старомъ Гостинномъ дворѣ, въ Теплыхъ рядахъ, Черкасскомъ переулкѣ и на подворьяхъ: Чижевскомъ, Носовскомъ, Мещеринскомъ и друг.

На улицѣ Ильинкѣ и Никольской большинство домовъ были низенькіе, въ одинъ и два этажа. Въ нихъ помѣщались маленькія холодныя лавки.

Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ на Никольской улицѣ, гдѣ теперь находится домъ Чижевскаго подворья, былъ большой пустой дворъ, огороженный низкимъ деревяннымъ заборомъ. На мѣстѣ Славянскаго базара и Третьяковскаго проѣзда находился низенькій одноэтажный каменный домъ и длинный заборъ, за которымъ было большое пустопорожнее мѣсто. Тамъ, гдѣ теперь помѣщается красивый домъ синодальнаго вѣдомства, находились одноэтажные каменные сараи.

На Ильинкѣ изъ старинныхъ зданій сохранился только одинъ старый Гостиный дворъ. Остальные дома всѣ построены въ недавнее время.

XVI.

Столбы.—Пирожная биржа.—Руины старыхъ рядовъ.—Рядскіе молебны.—Кутежи кущовъ.—Трактиръ Бубнова.—Бубновская дыра.—Каюты.—Троглодиты.—Туманъ.—Яма.—Несчастенькіе.—Выпускъ на свободу.—Сиротскій судъ.—Опеки.—Чиновники.

Въ центральной части стараго зданія Верхнихъ рядовъ, противъ памятника Минина и князя Пожарскаго, находились историческія колонны, которыя были болѣе извѣстны подъ названіемъ «столбовъ». Здѣсь была пирожная биржа, гдѣ всегда цѣлый день стояло много пирожниковъ, у которыхъ на широкихъ ремняхъ черезъ плечо висѣли ящики съ горячими пирогами разныхъ сортовъ. Для того, чтобы пироги не остыли, ящики сверху покрывались теплыми одѣялами. Тутъ были пироги жареные, подовые, съ подливкой, разные блины съ яйцами, съ лукомъ и прочимъ. Пироги

Библиотека "Руниверс"

были довольно вкусные и недорогіе—по пяти копеекъ за пару. Но сами разносчики были грязны и нечистоплотны. Продажу пироговъ они сопровождали разными шутками и прибаутками. Происходили сценки въ родѣ слѣдующей: мальчикъ ѣстъ жареный

Сценка изъ жизни Гостинаго двора.
(Съ картины Прянишникова).

пирогъ съ вареньемъ, въ которомъ ему попался кусочекъ грязной тряпки. Онъ, обращаясь къ пирожнику, говоритъ: «дяденька, у тебя пироги-то съ тряпкой...» Пирожникъ въ отвѣтъ: «А тебѣ, каналья, что же за двѣ копейки съ бархатомъ, что ли, давать?..»

Библиотека "Руниверс"

На красной площади противъ рядовъ всегда стояло множество экипажей и извозчиковъ; стоянка ихъ отличалась своей антигигіеничностью и ужаснымъ видомъ.

Старые городскіе ряды представляли собой темныя руины. Проходы въ нихъ не отличались чистотой; тамъ имѣлось много ступенекъ и разныхъ приступокъ; ходить по такимъ рядамъ можно было только съ большой осторожностью. Около лавокъ лежали большія груды ящиковъ, тюковъ и разнаго хламу. Свѣтъ въ ряды проникалъ сквозь такъ называемые рядскіе фонари съ низкими грязными рамами съ разбитыми стеклами, чрезъ которыя сыпались на головы проходящихъ снѣгъ и дождь. Солнца совсѣмъ не было видно, и вслѣдствіе этого въ рядахъ всегда ощущалась пронизывающая сырость, отъ которой большинство торгующихъ страдали ревматизмомъ и другими простудными болѣзнями.

По срединѣ каждаго ряда имѣлась канава для стока дождевой воды. На потолкѣ фонаря висѣли большія рядскія иконы, у которыхъ ежегодно осенью служили молебны. Эти молебны обставлялись большой торжественностью. На нихъ привозили изъ церквей и часовенъ особо чтимыя святыни, для которыхъ по срединѣ ряда устраивались мѣста, убранныя коврами, зеленью и краснымъ сукномъ.

Приглашали полный хоръ чудовскихъ пѣвчихъ въ парадныхъ кафтанахъ подъ управленіемъ извѣстнаго въ то время регента Багрецова и съ участіемъ не менѣе извѣстныхъ солистовъ: тенора Стремлянова и баса Сугробова. Также приглашались голосистые протодіаконы и много духовенства, часто въ главѣ съ архіереемъ.

Рядскіе проходы тогда посыпались пескомъ и можжевельникомъ, послѣднимъ также украшали двери и окна лавокъ. Такимъ образомъ, въ день молебна рядъ принималъ праздничный видъ. Послушать чудовскихъ пѣвчихъ и ихъ концерты, которые они пѣли послѣ молебна, приходило множество публики.

На рядскіе молебны денегъ собирали много. Несмотря на большіе расходы, ихъ оставалось достаточно для угощенія купцовъ вечеромъ въ трактирѣ Бубнова. Послѣ каждаго рядского молебна купцы устраивали большой кутежъ съ продолженіемъ за заставой у «Яра» и въ другихъ мѣстахъ.

Трактиръ Бубнова въ жизни торговцевъ Гостинаго двора игралъ большую роль. Каждый день, исключая воскресныхъ и праздничныхъ, онъ съ ранняго утра и до поздней ночи былъ переполненъ купцами, приказчиками, покупателями и мастеровыми. Тутъ за парой чая происходили торговыя сдѣлки на большія суммы. Внизу, подъ трактиромъ, въ подвальномъ этажѣ помѣщалась знаменитая «Бубновская дыра», куда вела узкая лѣстница въ двадцать ступеней.

Библиотека "Руниверс"

Помѣщеніе «дыры» состояло изъ большого подвала съ низкимъ сводчатымъ потолкомъ, безъ оконъ, перегороженное тонкими деревянными перегородками на маленькія отдѣленія, похожія на пароходныя каюты. Въ каждомъ такомъ отдѣленіи, освѣщенномъ газовымъ рожкомъ, стоялъ по срединѣ столъ съ залитой виномъ грязной скатертью и кругомъ его четыре стула. Другой мебели тамъ не было. Въ этихъ темныхъ, грязныхъ и душныхъ помѣщеніяхъ ежедневно съ самаго ранняго утра и до поздней ночи происходило непробудное пьянство купцовъ... Эти «троглодиты» безъ воздуха и свѣта чувствовали себя тамъ прекрасно, потому что за отсутствіемъ женщинъ тамъ можно было говорить, пѣть, ругаться и кричать громко и откровенно о самыхъ интимныхъ и щекотливыхъ предметахъ. Тамъ кричали всѣ. Поэтому, за общимъ шумомъ и гвалтомъ, невозможно было понять не только разговаривающихъ за тонкой перегородкой, но и сидящихъ рядомъ съ вами.

Общая картина «Бубновской дыры» была похожа на филіальное отдѣленіе ада... гдѣ грѣшники съ дикимъ крикомъ, смѣхомъ, а иногда и съ пьяными слезами убивали себя алкоголемъ...

Я зналъ нѣсколькихъ бубновскихъ прихожанъ, которые долгіе годы выпивали тамъ ежедневно по пятидесяти-шестидесяти рюмокъ вина и водки... Отъ винныхъ испареній и табачнаго дыма атсмосфера «въ дырѣ» была похожа на лондонскій туманъ, въ которомъ на разстояніи трехъ шаговъ ничего нельзя видѣть.

Въ «Бубновской дырѣ» нѣкоторые купцы ухитрялись пропивать цѣлыя состоянія. Для купцовъ существовало еще одно довольно оригинальное учрежденіе подъ названіемъ «Яма», куда сажали несостоятельныхъ должниковъ. Яма находилась у Воскресенскихъ воротъ, въ зданіи губернскаго правленія. Тамъ, во дворѣ, въ одномъ изъ флигелей было отведено довольно большое и чистое помѣщеніе съ окнами за желѣзными рѣшетками. Сюда и сажали неисправныхъ должниковъ. Это дѣлалось просто. Купецъ не платитъ по векселю. Кредиторъ предъявлялъ къ взысканію въ коммерческій судъ протестованный вексель и при этомъ вносилъ «кормовыя деньги». Должника немедленно арестовывали и отправляли съ городовымъ въ «Яму», «на высидку». Туда, какъ ихъ называли, «несчастненькимъ» жертвовали чай, сахаръ, калачи, сайки и проч. А иногда къ праздникамъ Пасхи и Рождеству болѣе сердобольные благотворители выкупали заключенныхъ, то-есть уплачивали ихъ долги, и должниковъ выпускали на свободу. Затѣмъ купцы, и въ особенности замоскворѣцкія купчихи, въ праздникъ Благовѣщенія, любили выпускать на свободу пернатыхъ плѣнниковъ. Для этого ихъ степенства ѣхали на своихъ тысячныхъ рысакахъ на Трубу, гдѣ въ день Благовѣщенія былъ особенно большой базаръ, покупали тамъ сотни пташекъ и выпускали ихъ на свободу.

Библиотека "Руниверс"

Купечество ранѣе подраздѣлялось на три гильдіи, причемъ каждому купцу сиротскимъ судомъ назначалась опека надъ малолѣтними сиротами, купеческаго и мѣщанскаго сословія. Распредѣленіемъ опекъ завѣдывали чиновники сиротскаго суда, получавшіе оклады жалованья, установленные еще во времена легендарнаго «царя Гороха», такъ, напримѣръ, тамъ были чиновники, получавшіе жалованье въ мѣсяцъ по два рубля шестьдесятъ три копейки, но, несмотря на скудость такихъ невѣроятныхъ окладовъ, они жили довольно зажиточно. Для чиновниковъ доходной статьей служили опеки и купцы, для послѣднихъ сиротскій судъ съ его опеками былъ такъ же страшенъ, какъ для купчихи въ комедіи Островскаго были страшны слова «металлъ и жупелъ».

Начиналось съ того, что купецъ получалъ изъ сиротскаго суда приказъ принять въ завѣдываніе многочисленную и сложную опеку, требовавшую много траты времени и денегъ. Желая избавиться отъ такой напасти, купецъ шелъ въ сиротскій судъ, отыскивалъ тамъ приславшаго указъ чиновника и обращался къ нему съ покорнѣйшей просьбой избавить его отъ такой сложной опеки, за что обѣщалъ поблагодарить чиновника; послѣднему только это и нужно было. Онъ бралъ съ купца взятку отъ двадцати до пятидесяти рублей и мѣнялъ опеку сложную на болѣе легкую.

Купцы говорили, что на землѣ есть только четыре учрежденія одинаковаго ранга: сиротскій судъ, консисторія, комерсіатъ и адъ... Въ то время еще не знали сенаторскихъ ревизій, поэтому и въ сиротскомъ судѣ взятки брали безъ всякихъ опасеній, почти легальнымъ образомъ.

Въ 1893 году на дѣйствія сиротскаго суда обратилъ вниманіе московскій городской голова Алексѣевъ. По его настоянію была произведена генеральная чистка этого архаическаго учрежденія, были установлены приличные оклады жалованья для чиновниковъ, уничтожены взятки и въ заключеніе всего сложены съ купцовъ обязанности опекуновъ.

XVII.

Глаголи.—Ножовая линія.—Шкапчики.—Зазываніе.—Подбойщики.—Ловля покупателей.—Типы Островскаго.—Червяковъ.—Батраковъ—Еремкинъ.—Любитель пожаровъ.—Заборовъ.—Иконный рядъ.—Вымѣниваніе иконъ.—Почетные гости.—Эксцентричный мѣняла.

Угловыя зданія городскихъ рядовъ, выходившія на Ильинку и Никольскую, назывались «Глаголями». Въ одномъ изъ нихъ, Ильинскомъ, торговали фруктами, гастрономическими и бакалейными товарами; въ другомъ, Никольскомъ, писчей бумагой, письменными и канцелярскими принадлежностями.

Между «Глаголями», во всю длину Красной площади, находилась

Библиотека "Руниверс"

самая бойкая и оригинальная часть Гостинаго двора, Ножовая линія. Съ одной стороны ея были расположены лавки съ модными товарами, съ другой, между наружныхъ дверей, выходившихъ на Красную площадь, въ каменныхъ простѣнкахъ помѣщались многочисленные шкапчики. Каждый шкапчикъ занималъ пространства три аршина въ длину и два аршина въ ширину. Торговавшіе въ нихъ купцы всегда находились съ наружной стороны прилавка, то-есть стояли вмѣстѣ съ покупателями. Шкапчики для торговли были крайне неудобны, а для здоровья торгующихъ безусловно вредны; около нихъ былъ всегда сквозной вѣтеръ; зимой въ метель ихъ заносило снѣгомъ, лѣтомъ поливало косымъ дождемъ. Поэтому большинство купцовъ, торговавшихъ въ шкафчикахъ, часто простуживались и болѣли. Въ шкапчикахъ торговали: дешевыми кружевами, бахромой, пуговицами, иголками, разными отдѣлками и. т. п. Проходъ между лавками и шкапчиками былъ шириной четыре аршина. Выставки въ лавкахъ были маленькія и плохія, ихъ замѣняли купцы и ихъ приказчики, которые стояли около своихъ лавокъ и громко зазывали къ себѣ проходившую публику. Указывая пальцемъ на свои лавки, они выкрикивали: «Пожалуйте, у насъ есть для васъ атласъ, канифасъ и прочіе шелковые товары». Торговцы сапогами и башмаками не довольствовались обыкновеннымъ зазываніемъ покупателей у своихъ лавокъ, — они для болѣе нагляднаго понятія объ ихъ товарѣ давали своимъ мальчикамъ подъ мышкой по парѣ сапогъ и посылали ихъ на Красную площадь зазывать покупателей. Цѣлый день мальчики ходили по тротуарамъ кругомъ рядовъ и каждому встрѣчному предлагали купить сапоги. Найдя желающаго, мальчикъ приводилъ его въ лавку и передавалъ приказчикамъ, а самъ снова шелъ на площадь ловить покупателей, которые назывались «площадными». Продавать имъ было очень трудно, такъ какъ эти покупатели предлагали всегда полцѣны, а иногда и менѣе. По рядамъ и по Красной площади ходили еще бродячіе сапожники, такъ называемые подбойщики, они имѣли при себѣ небольшіе куски кожи, ножъ, гвозди, молотокъ и толстую деревянную палку съ желѣзной лапкой. Съ помощью этихъ инструментовъ они на самыхъ видныхъ и бойкихъ мѣстахъ за дешевую цѣну чинили старые сапоги. Для этого обладатель худыхъ сапогъ, несмотря ни на какую погоду, разувался на улицѣ и стоялъ босикомъ, пока подбойщикъ чинилъ его сапоги.

На московскихъ улицахъ такіе сцены и типы теперь уже болѣе не встрѣчаются.

Въ Ножовой линіи среди купцовъ и ихъ служащихъ было множество типовъ Островскаго. Такъ, напримѣръ, недалеко отъ лавки Заборова въ шкапчикѣ торговалъ галантереей низенькій бритый старичекъ Червяковъ. Онъ одѣвался лѣтомъ въ крылатку, а зимой въ енотовую шубу съ стоячимъ воротникомъ. На головѣ

Библиотека "Руниверс"

у него всегда былъ высокій цилиндръ, съ которымъ онъ не разставался и зимой, даже въ сильные морозы. Въ общемъ фигура Червякова была въ высшей степени комична. Онъ былъ настолько мнительный человѣкъ, что не вѣрилъ не только постороннимъ, но и самому себѣ. Каждый вечеръ онъ запиралъ и печаталъ свой шкапчикъ болѣе часа. Окончивъ печатать, онъ снималъ съ головы цилиндръ и начиналъ молиться на всѣ четыре стороны, сначала на рядскую икону, затѣмъ на свой шкапчикъ, на сосѣднюю лавку и на фруктовый «Глаголь».

Послѣ этого онъ уходилъ. Отойдя отъ своего шкапчика на двѣститься шаговъ, онъ возвращался и начиналъ опять осматривать и ощупывать въ шкапчикѣ всѣ замки и печати. Затѣмъ снова полился на всѣ четыре стороны и уходилъ, но чрезъ нѣсколько минутъ опять являлся за тѣмъ же... Такимъ образомъ, ревизію замковъ и печатей старичекъ производилъ ежедневно по нѣсколько разъ. Онъ прекращалъ это занятіе, когда рядскіе сторожа выводили изъ подземелья цѣпныхъ собакъ и пускали ихъ на всю ночь въ Ножовую линію.

Другой оригиналъ, нѣкто Батраковъ, торговавшій готовымъ платьемъ, ежедневно съ утра уходилъ въ Бубновскую дыру, откуда возвращался всегда вечеромъ красный, какъ вареный ракъ.. Входя въ лавку, онъ громко спрашивалъ приказчиковъ: «Что, продавали?» Старшій приказчикъ отвѣчалъ: «Продавали-съ». Купецъ шелъ за прилавокъ къ «выручкѣ», отворялъ пустой ящикъ... «А гдѣ же деньги?»—«Да вѣдь продавали, да не продали-съ»... Купецъ молча подходилъ къ приказчику и что-то долго и внушительно шепталъ ему въ ухо.

Пирожникъ.

Интересенъ былъ еще сосѣдъ Еремкинъ, торговавшій чаемъ, хотя торговлей онъ совсѣмъ не занимался. Его профессія была «ходатайствовать вездѣ и повсюду, за всѣхъ и за вся». Для этого онъ имѣлъ знакомство въ разныхъ судахъ, канцеляріяхъ, правленіяхъ и проч. Онъ никогда не отказывался ни отъ какого дѣла, за все брался, за возможное и невозможное.

Библиотека "Руниверс"

Главная спеціальность его была доставать купцамъ медали, ордена, званіе почетнаго гражданина и прочее. За свои услуги онъ бралъ недорого и поэтому всегда имѣлъ среди купцовъ большую кліентуру.

Былъ еще довольно пожилыхъ лѣтъ купецъ Королевъ, торговавшій обувью, этотъ субъектъ былъ большой любитель пожаровъ... Онъ обязательно ѣхалъ на каждый пожаръ, гдѣ бы онъ ни былъ; днемъ или ночью, это безразлично, и уѣзжалъ онъ оттуда всегда послѣднимъ, когда погасятъ пожаръ.

Но самой яркой и типичной фигурой въ Ножовой линіи былъ нашъ хозяинъ, старикъ Заборовъ.

Онъ всегда сидѣлъ на высокомъ табуретѣ у входа въ лавку;съ другой стороны двери стояла кучка его приказчиковъ и хоромъ зазывали въ лавку всѣхъ проходившихъ, предлагая имъ купить башмаки и сапоги. Заборовъ торговалъ оптомъ и въ розницу; годичный оборотъ его былъ нѣсколько болѣе ста тысячъ рублей.

Разносчикъ съ арбузами.

Какъ бы ни было много въ лавкѣ покупателей, всѣ приказчики не могли отсюда уйти. Здѣсь было постоянное дежурство, на обязанности дежурнаго лежало «зазывать» покупателей. Многимъ проходящимъ это «зазываньe» не нравилось, они въ отвѣтъ зазывателю говорили: «Какой Барбосъ»... Въ остальныхъ рядахъ зазыванье практиковалось въ меньшихъ размѣрахъ.

Очень типиченъ былъ иконный рядъ. Одну половину его занимали иконныя лавки, а другую бабы... торговавшія въ маленькихъ шкапчикахъ ручными кружевами.

Въ иконныхъ лавкахъ иконы не продавались, а «вымѣнивались»... Это дѣлалось такимъ образомъ. Покупатель, входя въ лавку, говорилъ:

— Я бы желалъ вымѣнять икону.

Продавецъ въ отвѣтъ на это быстро снималъ съ своей головы картузъ и клалъ его тутъ же на прилавокъ.

Библиотека "Руниверс"

Покупатель слѣдовалъ примѣру продавца и стоялъ также съ непокрытой головой.

Икона выбрана. Покупатель спрашиваетъ:

— Сколько стоитъ вымѣнять икону?

Купецъ назначалъ за нее баснословную цѣну.

Начинался торгъ. Для большей убѣдительности продавецъ говорилъ, что онъ назначилъ цѣну божескую, потому что за иконы торговаться грѣшно...

Покупатель съ нимъ соглашался и покупалъ икону за «божескую цѣну». Иконы вымѣнивали больше частью рогожскіе и замоскворѣцкіе купцы. Болѣе интеллигентные покупатели не соглашались съ «божескими цѣнами», назначаемыми купцомъ. Просили его покрыть голову картузомъ и взять за иконы половину «божеской» цѣны.

Продавецъ быстро шелъ на уступки и продавалъ икону за предлагаемую цѣну.

Купцы и приказчики, торговавшіе иконами, были всѣ поголовно ярыми алкоголиками.

Они въ «Бубновской дырѣ» считались самыми почетными гостями и пользовались особымъ уваженіемъ.

Нѣкоторымъ изъ нихъ, десятки лѣтъ выпивавшимъ тамъ ежедневно невѣроятное количество вина, дѣлалась значительная скидка. Этой заслуженной привилегіей купцы очень гордились.

Въ центрѣ Гостинаго двора былъ рядъ такъ называемыхъ «мѣнялъ», изъ нихъ большинство были хлысты. Они размѣнивали деньги, продавали и покупали серіи и купоны.

Мѣнялы помѣщались въ лавочкахъ шириной въ полтора аршина; передъ каждымъ изъ нихъ на прилавкѣ стояли стопки мелкой серебряной монеты. Одинъ изъ мѣнялъ, нѣкто Савиновъ, отличался большой эксцентричностью. Человѣкъ очень богатый, всегда трезвый и скупой, онъ часто устраивалъ довольно странные и нелѣпые загулы. Такъ, напримѣръ, въ теченіе зимы онъ разъ 8—10 нанималъ роскошную тройку и катался на ней одинъ съ утра до вечера взадъ и впередъ по Красной площади.

Лѣтомъ Савиновъ гулялъ по-другому: онъ наряжался въ бѣлый костюмъ, голову покрывалъ бѣлымъ колпакомъ, въ видѣ скуфьи, а на указательный палецъ правой руки надѣвалъ золотой перстень съ громаднымъ брильянтомъ.

Въ такомъ шутовскомъ видѣ онъ сидѣлъ цѣлые дни на скамейкѣ на Тверскомъ бульварѣ, причемъ указательный палецъ съ брильянтомъ все время выставлялъ напоказъ. Савиновъ былъ толстый 55-лѣтній, довольно бодрый старикъ.

Проходившая публика съ большимъ удивленіемъ смотрѣла на это чудовище и добродушно посмѣивалась...

Въ старые годы на Красной площади размѣномъ мелкой монеты занимались нищіе, они брали за размѣнъ съ каждаго рубля по

Библиотека "Руниверс"

три копейки, вотъ откуда берутъ свое начало такъ называемые мѣнялы и мѣняльныя лавки, послѣднія теперь называются банкирскими конторами, а мѣнялы—банкирами.

XVII.

Метла—вмѣсто купца.—Морозы.—Чушка.—Канаты.—Рядская жизнь.—Ческа.—Рядскіе разносчики.—Повара.—Бывшіе люди.—Музыканты.—Забава приказчиковъ и мальчиковъ.—Летающія монеты.—Дешевка.—Охрана рядовъ.—Пѣшая команда.

Многіе небогатые купцы не имѣли ни приказчика, ни мальчика, но въ трактиръ ходили аккуратно каждый день по два раза и сидѣли тамъ довольно долго. Уходя въ трактиръ, купецъ не запиралъ лавку и даже не затворялъ ее, а просто ставилъ поперекъ дверей метлу и уходилъ спокойно. Если въ его отсутствіе приходилъ покупатель, увидѣвъ въ дверяхъ купца метлу, онъ безропотно уходилъ обратно, оставляя покупку до другого раза.

Зимой въ сильные морозы хозяева весь день сидѣли въ трактирѣ, а мерзнуть въ лавкахъ великодушно предоставляли приказчикамъ и мальчикамъ.

Особенно страдали отъ холода послѣдніе, такъ какъ ихъ одѣвали очень плохо.

Морозы иногда доходили до 30 градусовъ и болѣе; птицы на лету замерзали и падали. Въ такіе жестокіе морозы бывало совсѣмъ окоченѣешь, застынетъ все и снаружи и внутри.

Когда на морозѣ выпьешь горячаго чаю, то онъ производилъ въ желудкѣ дѣйствіе расплавленнаго свинца, а на другой день появлялась подъ подбородкомъ большая опухоль и больно было глотать.

Такая болѣзнь называлась «чушкой».

Въ большіе морозы для согрѣванія торговцевъ по всѣмъ рядамъ протягивали толстые канаты, ихъ тянули съ крикомъ множество людей и этимъ согрѣвались.

Затѣмъ въ сильные морозы еще играли «въ ледки»—большой кусокъ льда гоняли ногами по рядамъ.

Въ Гостиномъ дворѣ строго было запрещено курить табакъ и зажигать огонь, поэтому въ темные осенніе дни лавки запирались въ три часа дня.

Жизнь въ рядахъ была семейно-патріархальная. Какъ только отпирали лавки, сосѣди собирались въ ряду кучками и сообщали разныя новости, а то такъ просто разсказывали другъ другу, какъ кто вчера провелъ время.

Такія сосѣдскія бесѣды назывались «ческой»—продолжать ее шли компаніей въ трактиръ, гдѣ за чаемъ сидѣли два-три часа.

Затѣмъ уходили въ свои лавки. Побывъ въ нихъ недолго, собирались въ ряду кучками и опять уходили въ трактиръ.

Библиотека "Руниверс"

Такимъ образомъ купцыпроводили время не замѣтнои весело.

Съ ранняго утра и до поздняго вечера, по рядамъ бродило много публики, покупателей, поставщиковъ, мастеровыхъ, артельщиковъ, извозчиковъ, нищихъ и другихъ.

Въ лавкахъ повсюду была видна кипучая дѣятельность: продавали, покупали и отправляли разные товары.

Въ общемъ во всей разнобразной и шумной толпѣ было много жизни и движенія.

Среди публики по рядамъ ходили многочисленные разносчики, носившіе на головахъ въ длинныхъ лоткахъ, покрытыхъ теплыми одѣялами, жареную телятину, ветчину, сосиски, пироги, сайки и прочее, при этомъ всѣ разносчики на разные голоса громко выкрикивали названія своихъ товаровъ.

Блинщикъ.

Каждый разносчикъ имѣлъ свою кличку. Изъ нихъ нѣкоторые назывались: «Козломъ», «Пѣтухомъ», «Бариномъ», «Улиткой» и т. п. Затѣмъ еще были интересные типы «рядскихъ поваровъ». Они носили въ одной рукѣ большой глиняный горшокъ со щами, завернутый въ теплое одѣяло, въ другой рукѣ корзину съ мисками, деревянными ложками и чернымъ хлѣбомъ.

Миска горячихъ вкусныхъ щей съ мясомъ стоила десять копеекъ.

Послѣ ѣды миски съ остатками щей и хлѣба торговцы ставили на полъ въ рядахъ, около своихъ лавокъ, гдѣ ихъ доѣдали бѣгавшія по рядамъ бродячія собаки.

Потомъ приходилъ поваръ, собиралъ миски, тутъ же вытиралъ ихъ грязнымъ и сальнымъ полотенцемъ и снова наливалъ въ нихъ желающимъ горячихъ щей.

По всѣмъ рядамъ ходило множество нищихъ и юродивыхъ, среди нихъ было много прогорѣвшихъ купцовъ, спившихся и выгнанныхъ приказчиковъ, чиновниковъ и другихъ.

Ихъ степенства Титъ Титычи часто заставляли бывшихъ людей пѣть и плясать около своихъ лавокъ. Такую сцену прекрасно изоб-

Библиотека "Руниверс"

разилъ Прянишниковъ на своей картинѣ, находящейся въ Третьяковской галереѣ.

По рядамъ также ходили бродячіе музыканты и увеселяли купцовъ немудрой музыкой.

Въ Новый годъ приходило много военныхъ музыкантовъ, которые послѣ музыки поздравляли купцовъ съ Новымъ годомъ.

Приказчики и мальчики забавлялись прикалываніемъ на спину нищимъ и юродивымъ юмористическихъ фигуръ, вырѣзанныхъ изъ бумаги и къ нимъ разныхъ надписей, съ которыми и безъ того обиженные судьбой ходили по рядамъ, повсюду возбуждая смѣхъ своимъ видомъ.

Сборщикъ на построеніе храма.

Затѣмъ подбрасывали на бойкихъ мѣстахъ коробки съ живыми мышами, тщательно завернутыя въ бумагу; проходящіе охотно подбирали такія находки и быстро скрывались съ ними...

Въ большомъ ходу была еще слѣдующая забава: на полу по срединѣ ряда клали мелкую серебряную монету, къ ней приклеивали тонкую черную нитку, которую протягивали по полу въ лавку; конецъ нитки находился въ рукахъ служащаго. Прохожій, увидѣвъ лежавшую на полу серебряную монету, быстро нагибался, чтобы поднять ее, въ этотъ моментъ изъ лавки дергали нитку, и монета улетала изъ-подъ носа удивленнаго прохожаго... Эта продѣлка сопровождалась всегда гомерическимъ хохотомъ купцовъ.

Зимой въ сильные морозы такая забава продѣлывалась нѣсколько иначе. Монету не привязывали, а приморaживали къ полу,—нашедшій сначала отдиралъ монету ногтями, но это ему не удавалось, тогда онъ начиналъ энергично откалывать ее каблукомъ.

Купцы смѣялись и говорили нашедшему:

— А ты попробуй копытцемъ...

Нашедшій ругалъ купцовъ и удалялся... монета оставалась на мѣстѣ.

На Ѳоминой недѣлѣ въ Гостиномъ дворѣ устраивалась дешевка, для которой спеціально заготовлялся разный бракъ и никуда не

Библиотека "Руниверс"

годныя вещи. Для этого съ наружной стороны, около лавокъ, ставились временные прилавки, на нихъ лежали большими кучами разные товары, и въ нихъ покупательницы копались, какъ куры.

Продажа на дешевкѣ обставлялась особыми правилами, такъ, напримѣръ, купленный на дешевкѣ товаръ не мѣняли, за его качество не отвѣчали и ни подъ какимъ предлогомъ денегъ обратно не выдавали.

Въ башмачныхъ лавкахъ было еще добавочное правило, на дешевкѣ обувь примѣрять не позволялось; башмаки, крѣпко связанные парами, большею частью разные, то есть одинъ больше, другой меньше или уже очень одинаковые—два башмака и оба на одну ногу.

Такіе башмаки покупательницы приносили обратно и просили перемѣнить, но имъ категорически въ этомъ отказывали, мотивируя тѣмъ, что на дешевкѣ ни за что не отвѣчаютъ.

По этому поводу между покупателями и продавцами часто происходили довольно непріятные инциденты.

На ночь всѣ многочисленные входы въ Гостиный дворъ закрывались ветхими худыми дверями, сколоченными изъ тонкихъ досокъ и лубковъ. Внутри Гостиный дворъ охранялся рядскими сторожами и множествомъ злыхъ собакъ, причемъ каждый рядъ во всю его ширину завѣшивался рваными брезентами и рогожами.

Ночныя кражи въ рядахъ были довольно рѣдкимъ и исключительнымъ явленіемъ.

Несмотря на то, что въ Гостиномъ дворѣ безусловно было запрещено курить табакъ и зажигать огонь, тамъ иногда случались пожары, по обыкновенію «отъ неизвѣстной причины».

Такъ какъ въ ряды не могли проѣхать конные пожарные, то для тушенія рядскихъ пожаровъ имѣлась въ Городской части особая пѣшая пожарная команда, прибѣгавшая на пожаръ всегда съ большимъ опозданіемъ, причемъ каждую бочку съ водой везли трое пожарныхъ

Эта черепашья команда при тушеніи пожаровъ приносила пользы очень мало, обыкновенно ее же посылали на дежурство во время спектаклей въ Большой и Малый театры.

XVIII.

Театры. — Любовь къ представленіямъ. — Итальянская опера. — Барышники. — Изобрѣтеніе способа. — Капельдинеръ. — Безплатное слушаніе оперы. — Опасная ложа.—Театральные покупатели.—Знаменитые пѣвцы.—Патти.—Ансамбль.

Въ семидесятыхъ годахъ въ Москвѣ частныхъ театровъ и клубныхъ спектаклей не было. Достать билетъ въ Большой или Малый императорскіе театры можно было только по протекціи или за баснословную цѣну у театральныхъ барышниковъ, свободно продававшихъ билеты у подъѣздовъ театровъ.

Библиотека "Руниверс"

Я съ раннихъ лѣтъ былъ большой любитель музыки и всякихъ представленій.

Хорошо помню, что въ Коломнѣ съ товарищами я часто ходилъ на Торговую площадь, къ странствующему цирку, смотрѣть представленіе въ дырки, которыя мы протыкали въ стѣнкахъ холста.

За это намъ попадало чрезъ холстъ по лицу палкой, а иногда обливали холодной водой, но насъ это не останавливало, и на слѣдующій день мы опять являлись къ цирку въ качествѣ безплатныхъ зрителей.

Въ семидесятыхъ годахъ въ Москвѣ въ Большомъ театрѣ была въ полномъ расцвѣтѣ итальянская опера, и билеты на нее продавались по сумасшедшимъ цѣнамъ. Напримѣръ, когда пѣла Патти, то барышникамъ охотно платили за кресло по 100, по 200 рублей, за ложу бельэтажа 500—600 рублей.

Театральные барышники въ то время наживали колоссальныя состоянія, изъ нихъ главный, нѣкто Самсоновъ, въ три сезона нажилъ два каменныхъ трехъэтажныхъ дома.

Не имѣя денегъ, я часто ломалъ голову, чтобы изобрѣсти способъ посѣщать театры безплатно. Мнѣ это долгое время не удавалось. Но наконецъ я все-таки добился и нашелъ этотъ способъ.

Находясь довѣреннымъ въ магазинѣ Заборова, я пользовался расположеніемъ ко мнѣ покупателей... Съ нѣкоторыми изъ нихъ я тонко и дипломатично заводилъ разговоры, главнымъ образомъ интересуясь узнать отъ каждаго, какой онъ профессіи.

Я это выпытывалъ съ цѣлью найти среди покупателей кого-нибудь изъ служащихъ въ театрѣ. Планъ мой удался блестящимъ образомъ.

Однажды ко мнѣ въ магазинъ пришелъ бѣдно одѣтый, пожилой человѣкъ съ бритымъ лицомъ. Выбравъ себѣ сапоги, онъ просилъ меня уступить ихъ подешевле. Я спросилъ его о профессіи, на что онъ отвѣтилъ, что болѣе 20 лѣтъ служитъ капельдинеромъ въ Большомъ театрѣ.

Эврика! Я ему прямо безъ церемоніи предложилъ скидку 30 процентовъ съ рубля, то есть всю хозяйскую пользу... но съ условіемъ, чтобы онъ сегодня же провелъ меня безплатно въ итальянскую оперу.

Капельдинеръ охотно согласился на мое предложеніе, и я въ тотъ же вечеръ стоялъ въ проходѣ на галеркѣ и слушалъ въ первый разъ итальянскую оперу. Какую—не помню.

Итальянцы своимъ пѣніемъ произвели на меня настолько ошеломляющее впечатлѣніе, что я послѣ спектакля долго жалъ руку доброму капельдинеру и просилъ его познакомить меня съ его товарищами, которымъ я также могъ бы продавать обувь со скидкой 30 процентовъ.

Библиотека "Руниверс"

Точильщикъ.

Онъ исполнилъ мою просьбу и познакомилъ меня съ однимъ театральнымъ музыкантомъ и съ нѣсколькими капельдинерами.

Такимъ образомъ, у меня быстро образовался небольшой кружокъ театральныхъ покупателей которые меня часто проводили безплатно въ театры Большой и Малый.

Въ Большой театръ я приходилъ рано и смотрѣлъ, какъ передъ каждымъ спектаклемъ съ потолка спускали на особомъ приспособленіи солдата съ длинной палкой съ горѣвшимъ на концѣ ея маленькимъ факеломъ, посредствомъ котораго онъ зажигалъ газовую люстру, висѣвшую по срединѣ зрительнаго зала.

Для «райскихъ» зрителей эта громадная люстра, была настоящимъ наказаніемъ,—она загораживала всю сцену.

Благодаря этому, среднія мѣста четвертаго и пятаго ярусовъ всегда оставались пустыми, такъ какъ оттуда ничего не было видно.

Газовое освѣщеніе было неудобно еще тѣмъ, что отъ него быстро нагрѣвалась атмосфера, и поэтому въ зрительномъ залѣ всегда было жарко и пахло газомъ.

Музыкантъ сажалъ меня въ оркестрѣ, капельдинеры ставили меня на верху въ райскіе проходы, а иногда проводили на сцену къ сторожамъ.

Послѣдніе пристраивали меня подъ самымъ потолкомъ, около занавѣса, въ какихъ-то темныхъ и пыльныхъ чуланахъ.

Я тамъ становился на полъ на колѣни, просовывалъ голову въ небольшое отверстіе, прорванное въ колосникахъ, и въ такомъ неестественномъ положеніи наслаждался итальянской оперой.

Однажды при спускѣ занавѣса я зазѣвался и мнѣ чуть было не оторвало голову бревномъ, находящимся внизу занавѣса.

Послѣ спектакля я вылѣзалъ изъ своей безплатной ложи весь выпачканный въ пыли.

Библиотека "Руниверс"

Такимъ образомъ мнѣ пришлось слышать почти всѣхъ знаменитыхъ итальянскихъ артистовъ: Кальцолари, Николини, Капуль, Мазини, Котоньи, Девойодъ, Скотти, Арто, Нильсонъ, Арнольдсонъ и божественную Патти; послѣднюю я слушалъ семнадцать разъ.

Какъ сейчасъ помню тотъ восторгъ и очарованіе, которые производила своимъ пѣніемъ эта несравненная дива. При изумительной техникѣ ея чарующій голосъ былъ настолько кристально-чистъ и мелодиченъ, что казался неземнымъ. Когда она пѣла свои неподражаемыя трели и фіоритуры, онѣ оканчивались гдѣ-то въ небесахъ. Когда она замолкала, публика продолжала сидѣть нѣсколько времени какъ бы загипнотизированная.

Затѣмъ пѣвицѣ дѣлали такія овацiи, отъ которыхъ буквально дрожалъ театръ. Такихъ овацій видѣть мнѣ больше не приходилось. Патти была очень добра на повторенія, и поэтому ей приходилось повторять каждую арію два раза, а особенно популярныя аріи ее заставляли часто пѣть по три раза.

Публика особенно любила слушать въ ея изумительномъ исполненіи Алябьевскаго «Соловья» — безъ него не обходилась ни одна опера. Когда пѣла Патти, то въ первомъ ряду креселъ всегда находился ея старый и некрасивый мужъ маркизъ Ко, впослѣдствіи его замѣнилъ красавецъ теноръ Николини.

Дирижировалъ итальянской оперой прекрасный капельмейстеръ Бевиньяни.

Въ то время не было гастрольной системы и гастролеровъ; вмѣстоихъ въ каждой оперѣ былъ «ансамбль», да такой, о которомъ теперь и мечтать нельзя.

Этимъ и можно объяснить тотъ необычайный успѣхъ, какой имѣла итальянская опера въ 80-хъ годахъ, и тѣ безумныя цѣны, которыя почтеннѣйшей публикѣ приходилось платить за билеты театральнымъ барышникамъ.

Подбойщикъ
(бродячій сапожникъ).

Библиотека "Руниверс"

XIX.

Русская опера.—Малый театръ.—Театральные маскарады.—Канканъ.—Большія катанья.—Ряженые.—Гаданье.

Въ то же самое время русская опера была въ полнѣйшемъ загонѣ и едва влачила свое печальное существованіе. Въ ней не было тогда сколько-нибудь выдающихся пѣвцовъ.

Спектакли русской оперы назначались два раза въ недѣлю, обставлялись крайне неряшливо, и поэтому большею частью шли при пустомъ залѣ.

Зато Малый театръ былъ въ большомъ фаворѣ. Тамъ одновременно подвизались въ полномъ расцвѣтѣ своихъ талантовъ такіе артисты-гиганты, какъ: Ермолова, Ѳедотова, Медвѣдева, Акимова, Васильева, Никулина, Шумскій, Медвѣдевъ, Садовскій, Живокини, Рѣшимовъ и другіе.

При такомъ блестящемъ составѣ труппы на сценѣ Малаго театра каждая новая пьеса была цѣликомъ событіемъ. Но особенную сенсацію производилъ своими произведеніями А. Н. Островскій.

Его пьесы въ то время разыгрывались на сценѣ Малаго театра съ колоссальнымъ успѣхомъ.

Чтобы закончить о театрахъ, я долженъ сказать еще нѣсколько словъ о театральныхъ маскарадахъ, которые устраивались въ Большомъ театрѣ. Мнѣ лично пришлось быть тамъ два раза.

Когда я въ первый разъ входилъ въ маскарадъ, я былъ пораженъ множествомъ костюмированныхъ и... табачнымъ дымомъ. Дымъ вездѣ. Въ фойе, въ буфетныхъ комнатахъ и во всѣхъ коридорахъ. Накурено было такъ, хоть топоръ вѣшай.

Ложи во всѣхъ ярусахъ были переполнены нарядной публикой и представляли собой настоящій цвѣтникъ красивыхъ женскихъ головокъ, ярко блестѣвшихъ драгоцѣнными камнями.

Въ зрительномъ залѣ и на сценѣ происходили танцы. Танцующихъ было множество. Многія пары отчаянно канканировали (такого забористаго канкана я не видѣлъ и въ Парижѣ).

Маскарады въ Большомъ театрѣ проходили какъ-то особенно весело и шумно.

Говорятъ, что москвича дешевле похоронить по первому разряду, чѣмъ развеселить, Это всецѣло относится къ современнымъ москвичамъ, для увеселенія которыхъ теперь устраиваютъ разные иллюзіоны, варьетэ, кабарэ и прочее и все-таки никакъ не могутъ ихъ развеселить.

Въ старой Москвѣ подобныхъ учрежденій не имѣлось, да въ нихъ и не было нужды. Наши дѣды и бабушки умѣли отлично веселиться и безъ кабарэ.

Библиотека "Руниверс"

Полвѣка тому назадъ москвичи жили и веселились болѣе просто и семейно.

Въ то время нѣсколько разъ въ годъ устраивались грандіозныя катанья на великолѣпныхъ рысакахъ въ Петровскомъ паркѣ, въ Сокольникахъ, Подновинскомъ, на Тверской и въ Рогожской. На эти многолюдныя катанья вывозили напоказъ московскихъ невѣстъ.

Затѣмъ устраивались большія народныя гулянья. На мѣстѣ теперешняго Новинскаго бульвара, отъ Кудрина до Смоленскаго рынка, во всю длину площади ставили нѣсколько десятковъ большихъ деревянныхъ балагановъ, въ которыхъ давали различныя представленія во главѣ съ петрушкой и масленичнымъ дѣдомъ.

Странникъ.

Москвичи особенно весело проводили рождественскіе праздники и святки

Въ это время дѣвушки занимались гаданьемъ, выбѣгали за ворота и обращались къ проходящимъ съ вопросомъ: «Какъ ваше имя?» бросали черезъ заборъ башмаки, гадали съ зеркаломъ, съ пѣтухомъ и прочее. На темныхъ улицахъ часто попадились большія группы ряженыхъ и маскированныхъ, разъѣзжавшихъ по знакомымъ домамъ, гдѣ экспромтомъ устраивались веселые домашніе маскарады.

Затѣмъ большими компаніями катались по городу на тройкахъ и на простыхъ розвальняхъ.

Къ сожалѣнію, эти прекрасныя и здоровыя развлеченія теперь, кажется, отошли въ область преданій.

XX.

Смерть Заборова.—Добрый другъ.—Свой магазинъ.—Перемѣна профессіи.—Путешествіе за границу.—Превращеніе.—Воспоминаніе дѣтства.—Благодарность за старую хлѣбъ-соль.

Въ 1872 году умеръ старикъ Заборовъ.

Вскорѣ послѣ смерти сыновья его подѣлились и по обыкновенію большинства русскихъ наслѣдниковъ быстро начали прожигать «тятенькинъ» капиталъ.

Библиотека "Руниверс"

Торговое дѣло ихъ начало падать. Въ то время въ числѣ моихъ немногихъ друзей былъ нѣкто Павелъ Андреевичъ Удаловъ; это былъ отъ природы очень добрый человѣкъ, но когда умеръ его отецъ и онъ послѣ него получилъ довольно порядочное наслѣдство, то сталъ еще добрѣе.

Къ нему со всѣхъ сторонъ потянулись руки съ просьбой дать взаймы денегъ, и онъ по своей исключительной добротѣ никому не могъ отказать и раздавалъ деньги до тѣхъ поръ, пока у него у самого ничего не осталось.

Въ то время и я попросилъ у него взаймы двѣ тысячи рублей для того, чтобы вмѣстѣ съ однимъ изъ товарищей открыть свой башмачный магазинъ.

Новый Филаретъ Милостивый охотно далъ мнѣ просимую мною сумму. Въ тотъ же день я заявилъ своему молодому хозяину, что долженъ оставить у него службу, такъ какъ рѣшилъ открыть собственный магазинъ.

Заборовъ былъ очень опечаленъ моимъ заявленіемъ; онъ про силъ меня остаться у него еще хотя на одинъ годъ за увеличенное жалованье, но я категорически отказался.

Тогда онъ предложилъ мнѣ снять его магазинъ съ разсрочкой платежа, на что я охотно согласился. Черезъ нѣсколько дней дѣло было оформлено, и мы съ товарищемъ стали хозяевами заборовскаго магазина. Мы горячо взялись за дѣло, и оно пошло у насъ хорошо.

Черезъ три года я уже имѣлъ небольшой запасный капиталъ, но, несмотря на это, я все время искалъ случая перемѣнить свою профессію на болѣе лучшую.

Въ 1879 году я женился на небогатой дѣвушкѣ и въ то же самое время свою часть въ башмачномъ дѣлѣ продалъ своему компаньону и занялся самостоятельно болѣе солиднымъ и совершенно новымъ для меня дѣломъ: продажей золотыхъ, серебряныхъ, бронзовыхъ и художественныхъ произведеній. Для лучшаго ознакомленія съ новой профессіей, а равно и для самообразованія я поѣхалъ за границу, гдѣ изучалъ новое дѣло какъ съ художественной, такъ и съ промышленной стороны. Я занимался въ Италіи, Франціи, Англіи и Германіи.

Вернувшись оттуда въ Москву съ новыми познаніями, я приложилъ ихъ къ своему дѣлу и энергично повелъ его.

Послѣ этого прошло десять лѣтъ. Въ теченіе этого времени я сумѣлъ превратиться изъ бѣдняка въ богатаго коммерсанта и московскаго домовладѣльца, а изъ коломенскаго мѣщанина—въ потомственнаго почетнаго гражданина.

Но и теперь я не забываю свою родину. Иногда ѣду туда, чтобы посмотрѣть на тѣ дорогія для меня мѣста, гдѣ протекли мои дѣтскіе годы. Посѣщеніе родины всякій разъ доставляетъ мнѣ величайшее удовольствіе и радость.

Библиотека "Руниверс"

Когда я вхожу въ нашъ бывшій домикъ (онъ уцѣлѣлъ и до сего времени, мать, уѣзжая въ Москву, продала его за 25 руб.), меня охватываетъ цѣлая волна воспоминаній моего дѣтства.

Вотъ онѣ наши двѣ маленькія комнатки, въ которыхъ намъ жилось такъ хорошо и весело, вотъ и печка, за которой я ночью, тайкомъ отъ отца, училъ свои уроки. У покосившагося маленькаго окошка стоитъ скамейка, гдѣ я по приказанію отца писалъ съ прописи ежедневно по десяти страницъ. Вотъ нашъ крошечный дворикъ, который я любилъ убирать... Но какъ теперь все это запущено и разрушено...

Нашъ домикъ покосился на сторону, сгорбился и какъ будто опустился въ землю... Въ немъ теперь живетъ большая семья бѣдняковъ, какими была когда-то и наша семья.

Однажды я поѣхалъ съ двумя своими взрослыми дочерьми въ Коломну, гдѣ послѣ продолжительной прогулки по городу мы отправились къ бывшему нашему опекуну Макѣеву.

Насъ привѣтливо встрѣтилъ въ своемъ богатомъ домѣ средняго роста 70-лѣтній старикъ съ открытымъ и добродушнымъ лицомъ. Когда я отрекомендовался ему и представилъ своихъ дочерей, старикъ, повидимому, обрадовался нашему неожиданному визиту. Онъ началъ суетиться, не зналъ, куда насъ посадить и чѣмъ угостить.

Я попросилъ его не безпокоиться и при этомъ въ краткихъ словахъ объяснилъ ему цѣль нашего визита.

Старикъ слушалъ меня съ большимъ удивленіемъ, но когда я закончилъ свою короткую и прочувствованную рѣчь низкимъ поклономъ и благодарностью за сдѣланную имъ помощь нашей бѣдной семьѣ въ тяжелые дни... онъ не выдержалъ и заплакалъ.

Старикъ сквозь слезы говорилъ, что прожилъ на свѣтѣ 70 лѣтъ и въ первый разъ видитъ человѣка, который пришелъ благодарить его за старую хлѣбъ-соль...

Затѣмъ, когда онъ немного успокоился, приказалъ подать вино и фрукты и, обратившись къ намъ, просилъ насъ не торопиться и побыть съ нимъ подольше.

Побесѣдовавъ съ полчаса, мы простились съ нимъ, причемъ онъ горячо благодарилъ насъ за посѣщеніе и обѣщалъ отдать мнѣ визитъ въ Москвѣ.

Но не суждено было старику исполнить свое обѣщаніе. Онъ вскорѣ заболѣлъ и переселился въ лучшій міръ.

XXI.

Куреніе табака. — Отравленіе никотиномъ. — Эпизодъ на Валаамѣ. — Спортъ. — Борьба.—Штрафъ.—Прекращеніе курить.—Результатъ.—Заключеніе.

Я началъ курить съ 15 лѣтъ; сначала курилъ однѣ папиросы, а затѣмъ въ тридцать лѣтъ сталъ курить одновременно сигары и папиросы. Моя обыкновенная ежедневная порція была отъ 15 до 20

Библиотека "Руниверс"

сигаръ (я курилъ ихъ съ глубокой затяжкой) и отъ 50 до 100 папиросъ.

Каждый день выкуривая такое громадное количество табаку, я былъ буквально отравленъ никотиномъ и совершенно потерялъ вкусъ и аппетитъ, все время у меня на языкѣ была бѣлая кора.

Пища, изъ чего бы она ни состояла, будь то мясо, рыба, овощи или просто жареная подошва, для меня было все одного вкуса,— отличить одно отъ другого я не могъ.

Въ то время я поѣхалъ на Валаамъ.

Какъ извѣстно, Валаамскій монастырь, находящійся на Ладожскомъ озерѣ, отличается отъ другихъ монастырей своимъ строгимъ уставомъ и подвижнической жизнью монашествующихъ.

Куреніе табаку тамъ строжайше запрещено не только въ монастырѣ, но и на всѣхъ окружающихъ его многочисленныхъ островахъ.

Изъ Петербурга на Валаамъ ходятъ монастырскіе пароходы, путь ихъ лежитъ 60 верстъ по Невѣ, мимо множества большихъ фабрикъ и заводовъ, а затѣмъ въ устьѣ рѣки пароходъ огибаетъ мрачную Шлиссельбургскую тюрьму и выходитъ на просторъ Ладожскаго озера.

На пароходѣ я познакомился съ веселымъ спутникомъ генераломъ К.; за пріятнымъ разговоромъ я въ этотъ день выкурилъ весь свой запасъ 25 сигаръ и 100 папиросъ.

Когда мы прибыли на Валаамъ, у меня осталось только три папиросы.

Съ пристани насъ быстро доставили въ монастырскихъ экипажахъ въ гостиницу. Внизу въ вестибюлѣ висѣлъ на стѣнѣ большой плакатъ съ объявленіемъ, что въ гостиницѣ курить строго воспрещается. Меня очень смущали оставшіяся у меня три папиросы, и я рѣшилъ ихъ тотчасъ же выкурить, а затѣмъ положить зубы на полку.

Войдя въ номеръ, я закурилъ папиросу. Но едва я успѣлъ затянуться два-три раза, какъ почувствовалъ себя дурно—закружилась голова, я упалъ на полъ и лишился чувствъ...

Когда пришелъ въ себя, на меня напалъ необъяснимый страхъ, какъ будто бы я только что совершилъ страшное преступленіе. Бросивъ папиросу въ отдушникъ, я пошелъ къ генералу сообщить о происшедшемъ со мной.

Его превосходительство, выслушавъ меня, расхохотался, затѣмъ полѣзъ въ чемоданъ, досталъ ящикъ сигаръ и предложилъ мнѣ выкурить сигару, отъ которой «дурно не бываетъ».

Только что мы съ нимъ закурили сигары, какъ послышался стукъ въ дверь и возгласъ: «Господи Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ». Мы продолжали молча курить.

Вскорѣ стукъ и возгласъ повторились, но уже въ болѣе требовательномъ тонѣ.

Библиотека "Руниверс"

Я открылъ дверь. Къ намъ въ комнату вошелъ молодой послушникъ и, ставъ около двери въ почтительной позѣ, сказалъ намъ: «Господа, вамъ должно быть извѣстно, что на Валаамѣ курить нельзя не только въ монастырѣ, но и на всѣхъ его островахъ. Объ этомъ у насъ вездѣ вывѣшены плакаты, которые и вы, вѣроятно, читали. Зачѣмъ же вы, люди образованные, съ которыхъ должны брать примѣръ другіе, нарушаете нашъ уставъ?... Я присланъ настоятелемъ просить васъ погасить ваши сигары и здѣсь болѣе не курить. Если же вы безъ этого не можете обойтись, то пожалуйте на берегъ (за 36 верстъ), васъ туда отвезутъ на монастырской лодкѣ...»

Генералъ, поправляя висѣвшаго у него на шеѣ Владимира, отвѣтилъ:

— Но, но, хорошо, любезный, сказалъ и ступай.

— Нѣтъ, я васъ покорнѣйше прошу погасить при мнѣ ваши сигары.

Я первый показалъ примѣръ послушанія и ткнулъ свою сигару въ оштукатуренную стѣну, моему примѣру послѣдовалъ и генералъ.

Монахъ ушелъ. Я всталъ и поздравилъ своего коллегу съ полученіемъ головомойки за куреніе сигаръ, «отъ которыхъ дурно не бываетъ».

Отъ природы награжденный хорошимъ здоровьемъ, я при первой возможности сталъ увлекаться разными спортами: рысистыми лошадьми, верховой ѣздой, охотой съ ружьемъ, рыбной ловлей, нѣсколько разъ поднимался на баллонъ-captивѣ на высоту 600 метровъ и прочее, но болѣе всего я увлекался неумѣреннымъ куреніемъ табака. Послѣдствія этого увлеченія были ужасны.

Къ сорока годамъ у меня были атрофированы: обоняніе, вкусъ, аппетитъ и голосъ, послѣдній звучалъ такъ, какъ будто бы я былъ закопанъ въ землю на аршинъ.

Мои нервы были отравлены никотиномъ до такой степени, что я спокойно уже не могъ владѣть ими и при малѣйшей причинѣ сильно нервничалъ и былъ близокъ къ помѣшательству.

Я погибалъ сознательно. Но прежде, чѣмъ погибнуть, я рѣшилъ бороться съ пагубной страстью.

Первый разъ я пересталъ курить въ началѣ Великаго поста. Первую недѣлю это лишеніе переносилъ безъ особаго труда, въ этомъ мнѣ помогали говѣніе и постная пища, на второй недѣлѣ началась жестокая борьба. Нервы мои настоятельно требовали никотина. Мнѣ особенно было трудно послѣ завтрака, обѣда и за винтомъ, когда меня начинали окуривать со всѣхъ сторонъ. Тутъ я испытывалъ жестокое мученіе, мнѣ страшно хотѣлось курить, но я крѣпился и не сдавался. Въ это время я сосалъ леденцы, но это нисколько не помогало.

Съ большимъ трудомъ мнѣ удалось выдержать испытаніе всѣ семь недѣль

Библиотека "Руниверс"

Въ первый день Пасхи я выкурилъ сигару съ особымъ наслажденіемъ, вечеромъ другую, на слѣдующій день пять сигаръ и полсотни папиросъ, а далѣе опять пошло по-старому.

Этимъ способомъ я боролся семь лѣтъ, то есть въ теченіе семи великихъ постовъ, а на Пасхѣ опять закуривалъ.

Однажды я попробовалъ не курить два лѣтнихъ мѣсяца, но, не надѣясь на свои силы, просилъ поддержки у своихъ друзей и знакомыхъ, объявивъ имъ слѣдующее: если кто изъ нихъ увидитъ меня курящимъ сигару, можетъ получить каждый по пяти рублей, за папиросу по 20 копеекъ.

Каюсь, на сей разъ я искушенія не выдержалъ; правда, сигары я не курилъ, по той простой причинѣ, что у меня не хватило бы денегъ платить за нихъ штрафъ, но папиросы понемногу курилъ, но такъ удачно и осторожно, что меня никто ни разу не видѣлъ курящимъ. Мнѣ иногда такъ хотѣлось курить, что я терялъ стыдъ и, увидѣвъ на улицѣ незнакомаго мнѣ человѣка, вынимавшаго портсигаръ, быстро подходилъ къ нему и, приподнимая шляпу, говорилъ: «Дайте мнѣ пожалуйста папиросу»... На меня смотрѣли съ большимъ удивленіемъ и давали папиросу,—такіе случаи бывали неоднократно. На восьмой годъ моей борьбы я рѣшилъ окончательно и навсегда покончить съ куреніемъ табака.

Пятнадцать лѣтъ тому назадъ, въ прощеное воскресенье, поздно вечеромъ у меня осталось семь сигаръ, я ихъ выкурилъ всѣ одну за другой, разумѣется, съ затяжкой, съ цѣлью отравиться ими... затѣмъ легъ спать. Утромъ проснулся съ тяжелой головой, какъ будто бы налитой свинцомъ, курить мнѣ не хотѣлось.

Съ тѣхъ поръ я болѣе не курю.

Послѣ этого спустя полгода, мои расшатанные и отравленные нервы окрѣпли, и все, что было у меня атрофировано, снова ожило (исключая обонянія, которое потеряно навсегда). Безъ куренія табака я чувствую себя во всѣхъ отношеніяхъ прекрасно.

Изъ этого примѣра ясно видно, что борьба съ куреніемъ табака очень трудна, но возможна.

Нельзя оставить курить сразу, штурмомъ этого злѣйшаго врага не побѣдишь, но при правильной и продолжительной осадѣ наградой всегда будетъ полная побѣда. Для этого требуется очень немного: сила воли и терпѣніе,—имѣющій ихъ смѣло можетъ вступить въ борьбу съ этимъ врагомъ.

У французовъ есть пословица: «Si la jeunesse savait, si la vieillesse pouvait»... (если бы молодость знала—старость могла). Въ молодости я не зналъ этой умной поговорки, но придерживался ея инстинктивно и продолжаю придерживаться до сего времени.

Такимъ образомъ, оставивъ во время куреніе табака, я этимъ спасъ свою жизнь, продливъ ее на десятки лѣтъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ возвратилъ себѣ цвѣтущее здоровье.

Библиотека "Руниверс"

На Руси есть много городовъ и мѣстностей, откуда въ Москву пріѣзжаютъ спеціалисты разныхъ знаній ремеслъ и труда. Такъ, напримѣръ, большинство плотниковъ и каменщиковъ пріѣзжаютъ работать въ столицу изъ Владимирской губерніи, землекопы изъ Смоленской губерніи, половые изъ Ярославской губерніи, башмачники изъ Кимръ, Тверской губерніи, огородники изъ Ростова и такъ далѣе.

Въ числѣ такихъ столичныхъ поставщиковъ находится и городъ Коломна, откуда привозятъ въ Москву мальчиковъ и отдаютъ ихъ большею частью въ услуженіе въ торговыя учрежденія. Къ такимъ экспонатамъ принадлежитъ и авторъ статьи «Изъ жизни торговой Москвы—полвѣка назадъ». Поэтому для послѣдовательности и болѣе точнаго изложенія этой повѣсти мнѣ невольно пришлось написать и свою автобіографію.

И. Слоновъ.

Библиотека "Руниверс"

НА РЕДАКЦІОННОМЪ ПРІЕМѢ У С. Н. ШУБИНСКАГО.

(Личныя о немъ воспоминанія).

I.

ПОЗНАКОМИЛСЯ съ Сергѣемъ Николаевичемъ при посредствѣ извѣстнаго помощника статсъ-секретаря государственнаго совѣта сверхъ штата и давнишняго собирателя всякаго рода историко-литературныхъ матеріаловъ—писемъ, записокъ, бумагъ, гравюръ и рисунковъ—Павла Яковлевича Дашкова.

Я былъ студентомъ второго курса петербургскаго университета и занимался съ особымъ интересомъ исторіей русскаго права подъ руководствомъ профессора В. И. Сергѣевича и исторіей государственныхъ учрежденій.

Цѣлое лѣто я прожилъ въ Москвѣ, занимаясь въ архивѣ министерства юстиціи подъ руководствомъ профессора Д. Я. Самоквасова и въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ на Воздвиженкѣ. По воскресеньямъ я часто блуждалъ по толкучимъ рынкамъ Москвы, куда собирались простые московскіе люди съ разныхъ концовъ, прислушивался къ русскому говору, къ тону русской рѣчи, къ русскимъ выраженіямъ, до сей поры еще сохранившимъ свою дѣвственную національную силу красиваго, пѣвучаго русскаго языка, записывая въ свою книжку то, что было для меня ново и что мнѣ представлялось яркимъ, свѣжимъ и красивымъ.

Въ такихъ прогулкахъ я также часто сопровождалъ постоянно ворчавшаго, но крайне интереснаго, уже согбеннаго и значи-

Библиотека "Руниверс"

тельно постарѣвшаго знаменитаго библіофила и библіографа П. А. Ефремова, комментатора Пушкина и Лермонтова.

Я часто заходилъ къ нему въ его особнякъ, гдѣ живалъ подолгу у его отца В. Г. Бѣлинскій, прямо утопая въ массѣ книгъ, рѣдкихъ и замѣчательныхъ, въ массѣ никому неизвѣстныхъ и еще не опубликованныхъ документовъ. Кромѣ моего влеченія къ П. А. Ефремову, какъ къ замѣчательному библіофилу и библіографу, я имѣлъ еще конкретное порученіе отъ одного высокопоставленнаго лица вступить съ несговорчивымъ Петромъ Александровичемъ въ формальные дѣловые переговоры о покупкѣ всей его библіотеки цѣликомъ—съ рукописями, съ гравюрами, съ рѣдкими изданіями, безъ изъятія чего-либо—за 25 тысячъ рублей, при платежѣ по 5 тысячъ въ годъ. Переговоры наши налаживались. П. А. Ефремовъ, который замѣтно старѣлъ и страшно былъ озабоченъ мыслью передать всю свою библіотеку въ однѣ руки, согласился было на эту комбинацію, о чемъ я и сообщилъ въ Петербургъ, а черезъ три недѣли раздумалъ, поднявъ цѣну до 35 тысячъ, что̀ я находилъ неумѣренно высокой цѣной. Сдѣлка не состоялась по винѣ самого покойнаго Петра Александровича Ефремова, о чемъ при переѣздѣ своемъ въ Петербургъ въ слѣдующемъ году на постоянное жительство онъ очень скорбѣлъ, но я уже не счелъ возможнымъ вновь поднимать этотъ вопросъ.

Вся библіотека П. А. Ефремова разсѣялась по міру, гравюры были проданы извѣстному антиквару Фельтену, который заплатилъ наслѣдникамъ гораздо меньше того, что онъ выручилъ за одни лубки, исключительно рѣдкіе, и за гравюры по 1812 году.

Однажды мы прохаживались съ П. А. Ефремовымъ вдоль лотковъ антикваровъ на Сухаревкѣ. Народу была пропасть. Не протискаться. Я, какъ могъ, прочищалъ путь П. А. Всѣ букинисты и антикваріи знали его въ лицо хорошо и, долженъ сказать, боялись, потому что цѣну каждой старой или рѣдкой книги онъ зналъ лучше самихъ букинистовъ, а букинисты въ Москвѣ до сей поры не упустятъ случая взвинтить цѣну на самый ничтожный предметъ. Всѣ ему кланялись. Спрашивали:

— За чѣмъ изволили пожаловать, ваше превосходительство Петръ Александровичъ?

П. А. Ефремовъ, опираясь на палку, въ длиннополой черной шляпѣ, немножко пригорбленный, съ сѣдой, изжелта-бѣлой бородой, шествуя крайне тихо, по-стариковски, но въ то же время соблюдая внѣшнюю важность значительнаго человѣка, зорко оглядывалъ вопрошающаго.

— Прохаживаюсь!—отвѣчалъ П. А. ворчливымъ густымъ баритономъ.

— Покупать-то нечего, все, я чай, у васъ уже есть, Петръ Александровичъ, прикуплено-съ!

Библиотека "Руниверс"

— Да нельзя сказать, чтобы ужъ все, кой-чего недостаетъ!

Букинисты ему не вѣрили. Нѣкоторые изъ нихъ, даже изъ пожилыхъ, просили его оцѣнить то или другое рѣдкое изданіе, чтобы не продешевить. П. А. прикидывалъ и говорилъ точно, сколько можно просить и сколько по нынѣшнимъ временамъ можно получить. Давалъ библіографическую справку изданія. Вообще, П. А. Ефремовъ былъ экспертомъ извѣстныхъ московскихъ букинистовъ, и, нужно отдать имъ справедливость, многіе изъ нихъ знакомили П. А. съ пріобрѣтеннымъ ими рѣдкимъ изданіемъ, гравюрой или лубкомъ прежде всѣхъ другихъ чтобы раньше другихъ услышать его мнѣніе.

Идемъ по Сухаревкѣ. П. А. Ефремовъ занялся чѣмъ-то. Я отошелъ къ лоткамъ малоизвѣстныхъ, второстепенныхъ букинистовъ, у которыхъ книги были свалены въ кучу. Началъ рыться въ кучахъ. Кое-что отобралъ. Между прочимъ, меня заинтересовали три тома «Писемъ русскаго путешественника» Карамзина съ чьими-то помѣтками на поляхъ и въ текстѣ, изданія 1807 или 1809 годовъ, и цѣлыхъ десять томовъ Вольтера, тоже съ чьими-то помѣтками. Сторговались за пятьдесятъ рублей, причемъ въ карманѣ у меня осталось всего три рубля, и денегъ не предвидѣлось недѣли двѣ. «Письма русскаго путешественника» я просилъ завернуть, а Вольтера я просилъ прислать ко мнѣ на домъ.

Выйдя съ Сухаревки, изъ самой толчеи народа, мы пошли съ П. А. Ефремовымъ на Мясницкую, сѣли на извозчика и поѣхали къ нему завтракать или обѣдать, что одно и то же было у него. Жилъ онъ по-московски.

По дорогѣ я показалъ ему свою покупку.

П. А. Ефремовъ взялъ въ руки первый томъ, развернулъ и весь задрожалъ. Я увидѣлъ это дрожанье пальцевъ его рукъ.

— Гдѣ вы пріобрѣли это изданіе?—какимъ-то особеннымъ полушепотомъ спросилъ П. А.

Я ему объяснилъ.

— Да вы знаете ли, что это—единственное изданіе, уцѣлѣвшее послѣ пожара 1812 года, когда сгорѣла вся библіотека Карамзина? Это—корректурный оттискъ «Писемъ» съ личными поправками и помѣтками Карамзина. Это—его рука. Несомнѣнно, это—самъ Карамзинъ. Уникъ. Рѣдчайшій экземпляръ. Можно взять за него, сколько угодно.

Я увидѣлъ, что П. А. Ефремовъ искренно волновался, что это изданіе не попалось ему. Онъ купилъ бы значительно дешевле, не подлежитъ сомнѣнію.

— Можетъ быть, вы хотите пріобрѣсть ихъ?—спросилъ я.

— Нѣтъ, нѣтъ, зачѣмъ же! Это—ваше счастье!—горячо сказалъ П. А.—Берегите ихъ.

Библиотека "Руниверс"

Въ концѣ іюля 1900 года я уѣхалъ обратно въ Петербургъ... Наступила осень. Тяжелые университетскіе годы. Необъятная жажда знанія. Сидѣлъ бы себѣ въ библіотекѣ или у себя дома учился бы. Надо было платить въ университетъ. Денегъ не было, а не выполненныхъ литературныхъ плановъ много. Научная работа кипѣла, въ голову лѣзли стихи, сюжеты для историческихъ повѣстей. Долго ломалъ я голову, какъ выйти изъ создавшагося положенія. Обращаться къ кому-либо мнѣ не позволяло самолюбіе. Было очень тяжко и тревожно на душѣ.

Наконецъ я вспомнилъ о «Письмахъ» Карамзина и безповоротно, категорически рѣшилъ продать ихъ для спасенія положенія.

На другое утро я отправился на пріемъ къ вице-президенту академіи наукъ профессору Никитину. Представилъ ему всѣ резоны о необходимости пріобрѣтенія этого экземпляра для академіи наукъ, ссылался на авторитетъ П. А. Ефремова, но получилъ въ отвѣтъ самый жестокій, самый категорическій отказъ, такъ какъ академія наукъ не имѣетъ кредитовъ на покупку такихъ изданій. Писалъ президенту академіи наукъ, но также получилъ отказъ. Наконецъ рѣшилъ обратиться къ директору Публичной библіотеки, знаменитому автору «Александра I» генералу Николаю Карловичу Шильдеру.

Н. К. Шильдеръ внимательно разсмотрѣлъ изданіе, но чрезвычайно мягко, крайне осторожно и деликатно, точно боясь меня обидѣть или огорчить, отказалъ мнѣ, говоря, что Публичная библіотека—самое бѣдное, самое несчастное и самое обездоленное учрежденіе.

— Она не только должна, но и обязана покупать изданія вродѣ того, какое вы предлагаете. Она—единственная хранительница авторовъ, ихъ автографовъ и рукописей. И что же? Фактически Публичная библіотека этого выполнить не можетъ. Нѣтъ у нея на это кредитовъ, какъ и приличныхъ окладовъ для служащихъ въ библіотекѣ. Мнѣ больно отказать вамъ, но я долженъ это сдѣлать.

Наступила пауза. Н. К. Шильдеръ, такой чистенькій, гладко выбритый, изящный генералъ нѣмецкаго склада, продолжалъ перелистывать «Письма», потягивая свою пахучую гаванскую сигару.

— Вы больше ни у кого не были?

Я разсказалъ, у кого я былъ.

— Нѣтъ, вы не туда попали, не въ тѣ двери вошли... Вы бы сходили къ Павлу Яковлевичу Дашкову. Поговорили бы съ нимъ... Онъ любитъ такія изданія... Понимаетъ ихъ. Онъ, вѣроятно, купитъ у васъ. О, онъ непремѣнно купитъ такое изданіе!..

— А я его не знаю. Кто онъ такой?

Н. К. Шильдеръ сообщилъ мнѣ біографическія свѣдѣнія о П. Я. Дашковѣ и уговаривалъ не стѣсняться и пойти къ нему завтра же утромъ, въ десять часовъ.

Библиотека "Руниверс"

— Къ нему всѣ историки ходятъ,—мягко добавилъ Николай Карловичъ.

Я отправился къ нему на слѣдующее утро. Сговорились. По молодости лѣтъ я очень стѣснялся торговаться съ П. Я. Дашковымъ... Онъ мнѣ опредѣленнаго отвѣта не далъ, но попросилъ показать это изданіе Н. К. Шильдеру и редактору «Историческаго Вѣстника» С. Н. Шубинскому.

— Они—эксперты,—сказалъ, запинаясь, П. Я.—Ихъ оцѣнка для меня очень важна.

Я ему сообщилъ о моей бесѣдѣ съ Н. К. Шильдеромъ.

— Вотъ и отлично! Онъ у меня будетъ завтракать. Мы съ нимъ поговоримъ.

II.

Когда я пришелъ къ С. Н. Шубинскому, онъ разсмотрѣлъ всѣ три тома «Писемъ» менѣе бережно и внимательно, чѣмъ Шильдеръ. Пристально глядя на меня, онъ тономъ неумолимаго слѣдователя спросилъ, закладывая въ мундштукъ папиросу:

— Зачѣмъ онъ васъ ко мнѣ направилъ?

Я оробѣлъ. Человѣкъ въ генеральскомъ сюртукѣ, редакторъ большого историческаго журнала, спрашиваетъ меня такимъ тономъ, точно я къ нему насильственнымъ образомъ ворвался. Я оробѣлъ, потому что не понялъ его тона. Между тѣмъ, это былъ обычный, свойственный С. Н. Шубинскому тонъ ворчливой старости.

— Не знаю, зачѣмъ,—отвѣтилъ я.—Говоритъ, что безъ васъ и безъ Н. К. Шильдера не можетъ рѣшить покупки.

— Какой покупки? Вы продаете, что ли, ему?

— Да. Хотѣлъ бы продать...

Сергѣй Николаевичъ уперся въ меня пристальными, но мерцающими глазами.

— А зачѣмъ это надо?

Я ему сказалъ, что наступилъ послѣдній срокъ для взноса за право слушанія за лекціи!

— Значитъ, эта книга Карамзина—для васъ Соня Мармеладова?! Несете ее на торгъ?!

Я опустилъ голову. Мнѣ стало очень стыдно. Мнѣ показалось, что я совершаю какой-то некрасивый въ моральномъ отношеніи поступокъ, я—въ низменной роли продавца. С. Н. замѣтилъ дѣйствіе его слова и тихо добавилъ, но гораздо мягче и добродушнѣе:

— Вѣдь, вы же не коллекціонеръ?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я.—Куда тамъ! Живу еле жива.

— Ну, въ такомъ случаѣ можете продать П. Я. Дашкову. Въ

Библиотека "Руниверс"

его хранилищѣ ей и мѣсто. Тамъ она не пропадетъ. Но что онъ вамъ дастъ, что онъ можетъ дать?

— Не знаю. О цѣнѣ пока не говорили.

— То-то же... О цѣнѣ не говорили. Въ этомъ вся суть. Пропустить такое изданіе онъ не пропуститъ, да и много не дастъ. Вотъ вы и посудите сами: стоитъ ли это дѣлать? Добро бы было за что-нибудь дѣлать.

Мы съ нимъ разстались. Я, дѣйствительно, не зналъ, что просить и какъ вообще торговаться. Я такъ всегда былъ далекъ отъ денегъ.

На другой день я снова былъ у П. Я. Дашкова въ его особнякѣ на площади Михайловскаго театра... Всѣ эти швейцары, лакеи и метръ-д'отельши, знающія, кого впустить въ кабинетъ, а кого въ переднюю комнату, уставленную переплетенными фоліантами, а кого просто не впустить, меня очень смущали. Я не зналъ, какъ мнѣ тутъ быть. Меня смущала не столько внутренняя, духовная, сколько внѣшняя значительность лица. За П. Я. Дашковымъ не числилось никакихъ ни научныхъ, ни литературныхъ, ни историческихъ трудовъ, я объ этомъ навелъ точнѣйшую справку въ словарѣ передъ тѣмъ, какъ итти къ нему, но онъ держался при всемъ желаніи быть простымъ и доступнымъ, какъ англійскій лордъ, въ то же время соблюдая тонъ скупщика «стараго бумажнаго хлама», имѣющаго большое литературное и историческое значеніе. Скупалъ онъ этотъ хламъ безъ разбору, en bloc, заранѣе точно не зная, что въ немъ есть, какъ старьевщикъ-спортсменъ. Заиканіе и быстрота его рѣчи, иногда добродушные жесты настоящаго русскаго барина, полусѣдая стриженная голова, маленькія аристократическія уши и неопредѣленнаго цвѣта водянистые глаза,—вся эта смѣсь разнообразныхъ чертъ меня очень смущала.

Мы покончили по очень дешевой цѣнѣ, и П. Я. пригласилъ меня... завтракать.

Во время завтрака пріѣхали Н. К. Шильдеръ, С. Н. Шубинскій, Е. С. Шумигорскій и еще два-три генерала, одинъ сенаторъ. Разговоры велись исключительно историческіе, изъ эпохи Павла I и Александра I.

П. Я. Дашковъ просилъ меня чаще приходить къ нему завтракать. Это было время, когда, обыкновенно, собирались у него историки и когда велись разговоры по исторіи XVIII и XIX вѣковъ.

Послѣ двухъ-трехъ встрѣчъ С. Н. Шубинскій поручилъ мнѣ написать нѣсколько рецензій. Я исполнилъ. Онъ остался доволенъ. Просилъ чаще заходить къ нему въ редакцію на Знаменскую улицу, домъ № 12, отъ десяти до двѣнадцати часовъ утра, брать книги и бесѣдовать съ нимъ на историческія темы.

Библиотека "Руниверс"

III.

Между тѣмъ, однажды онъ встрѣтилъ въ магазинѣ «Новаго Времени» профессора В. И. Сергѣевича, члена императорскаго историческаго общества, и, между прочимъ, спросилъ его, какого онъ мнѣнія обо мнѣ. Профессоръ В. И. Сергѣевичъ былъ очень расположенъ ко мнѣ, и моими работами интересовался. Онъ далъ, конечно, весьма благопріятный отзывъ, послѣ чего вниманіе С. Н. Шубинскаго ко мнѣ удвоилось. Онъ переговорилъ съ П. Я. Дашковымъ, и Павелъ Яковлевичъ рѣшилъ передать мнѣ разработку рукописей Гоголя, еще нигдѣ не напечатанныхъ. Дѣло въ томъ, что въ книгохранилищѣ П. Я. Дашкова имѣется еще не видавшій свѣта второй томъ «Мертвыхъ Душъ» въ весьма полной редакціи. Предполагалось, что библіографическая разработка этого тома перейдетъ ко мнѣ. Этотъ второй томъ нѣкоторое время находился въ моемъ распоряженіи. Повидимому, эта форма заработка являлась компенсаціей со стороны П. Я. Дашкова за крайне дешево купленныя у меня «Письма русскаго путешественника».

Отношенія съ С. Н. Шубинскимъ установились. Онъ началъ знакомить меня съ организаціей «Историческаго Вѣстника» и говорилъ, что началъ дѣло при матеріальной помощи А. С. Суворина, съ которымъ онъ былъ знакомъ до образованія «Новаго Времени».

Я лично многое почерпалъ изъ бесѣдъ съ умнымъ, чуткимъ Сергѣемъ Николаевичемъ.

Мы часто встрѣчались на завтракахъ у П. Я. Дашкова. Тутъ бывали извѣстные историки—великій князь Николай Михайловичъ, Н. К. Шильдеръ, авторъ «Александра I», подготовлявшій къ печати «Павла I» и читавшій нѣкоторыя мѣста, кавалергардскій ротмистръ С. А. Панчулидзевъ, авторъ «Исторіи Кавалергардскаго полка», гдѣ довольно прозрачно было указано на убійство Павла I, что̀, по тогдашнимъ временамъ,—была жестокая эпоха г. Плеве,—считалось весьма либеральнымъ, Е. С. Шумигорскій, полковникъ (нынѣ генералъ-лейтенантъ) генеральнаго штаба военный историкъ Заіончковскій, Военскій, нынѣ завѣдующій архивомъ министерства народнаго просвѣщенія, Божеряновъ и другіе.

Я жадно вслушивался въ рѣчи извѣстныхъ людей и впитывалъ въ себя ихъ обобщенія и сентенціи. Больше всѣхъ поразилъ мой умъ и воображеніе своей вдумчивостью, вдохновенностью, задушевностью и мистической проникновенностью Н. К. Шильдеръ, историкъ въ формѣ военнаго генерала и съ постоянной гаванской сигарой въ зубахъ.

Вполнѣ понятно, что въ такомъ обществѣ я чаще всего молчалъ и, искренно говоря, предпочиталъ слушать, но однажды не выдер-

Библиотека "Руниверс"

жалъ и сказалъ небольшую, но страстную рѣчь о сущности научнаго историческаго метода. Старики переглянулись и стали спорить по основному моему тезису. Заварилась каша. Н. К. Шильдеръ былъ на моей сторонѣ. Это меня подняло въ моихъ собственныхъ словахъ. Шильдера поддержалъ Божеряновъ. Другіе возражали. С. Н. Шубинскій зорко оглядывалъ присутствовавшихъ и молча слушалъ всѣхъ, точно спрашивая ихъ, по моему адресу, каковъ молъ птенецъ. Я ждалъ, что онъ меня осудитъ, но въ его глазахъ я этого не прочелъ.

Великій князь Николай Михайловичъ выпустилъ въ то же время весьма интересную монографію «Князь Павелъ Долгорукій». Я жилъ въ ту пору лѣтомъ въ Москвѣ и работалъ въ архивахъ.

Монографія мнѣ очень понравилась стилемъ, манерой изложенія и даже нѣкоторой вдохновенностью. Я тотчасъ же написалъ рецензію и послалъ ее Сергѣю Николаевичу въ Любань, гдѣ у него имѣлось небольшое помѣстье и гдѣ онъ проводилъ лѣто до поздней осени.

Получаю отвѣтъ отъ С. Н.:

«1901 г. Іюля 14 дня.

«Благодарю за рецензіи. Послалъ ихъ въ наборъ. Слышалъ, что книга великаго князя Николая Михайловича поступила въ продажу, но въ редакцію онъ не прислалъ ее; слѣдовательно, не желаетъ, чтобы объ ней былъ данъ отзывъ.

«А что дѣлаетъ Гоголь? Вотъ этотъ вопросъ мнѣ интересенъ.

«Искренно вашъ Шубинскій».

Вопросъ о Гоголѣ—это вопросъ о томъ, какъ подвигается разработка и приведеніе въ порядокъ данныхъ мнѣ П. Я. Дашковымъ «Неизданныхъ рукописей Н. В. Гоголя». Онѣ были мнѣ даны не въ подлинникахъ, которыхъ П. Я. Дашковъ никогда никому, ни при какихъ условіяхъ не давалъ, какъ бы ни были высоки рангъ и общественное положеніе просителя, но въ фотографическихъ снимкахъ, по которымъ и производилась работа.

IV.

Въ это время мнѣ очень были нужны деньги, чтобы жить и быть покойнымъ за завтрашній день, такъ какъ я работалъ въ архивахъ для соисканія золотой медали на научную тему по юридическому факультету петербургскаго университета, каковую впослѣдствіи и получилъ, и немножко отложилъ рукописи Гоголя въ сторону, о чемъ и сообщилъ С. Н. Шубинскому.

Библиотека "Руниверс"

21 іюля 1901 г. онъ мнѣ пишетъ въ отвѣтъ на мое письмо:

«Я никоимъ образомъ не тороплю васъ съ Гоголемъ. Это дѣло не экстренное и отнюдь не должно мѣшать вашей работѣ, ибо я могу ждать даже до половины октября. Меня лишь интересуетъ вопросъ, есть ли что-нибудь новое и интересное въ автографахъ П. Я. Дашкова и заслуживаютъ ли они той крупной затраты, которую потребуетъ ихъ воспроизведеніе въ факсимиле.

«Очень радъ, что вы втягиваетесь въ русскую исторію. Въ ней такъ мало дѣльныхъ работниковъ, и я отъ всей души готовъ содѣйствовать вамъ всѣмъ, чѣмъ могу. Рецензіи ваши набраны, но я не знаю, войдутъ ли онѣ въ августовскую книжку.

«О книгѣ великаго князя нѣтъ ни одной публикаціи, и я даже не знаю, поступитъ ли она въ продажу.

«Искренно вашъ Шубинскій».

Планы были у меня широкіе, большіе и горячіе, какъ горяча всякая молодость. Я кипѣлъ темами, желаніемъ написать что-нибудь сильное и вдохновенное и непремѣнно свернуть шею какому-нибудь установленному научному авторитету, создавши свою научную дисциплину. Много было силъ. С. Н. Шубинскій ко мнѣ присматривался, чаще меня выспрашивалъ о томъ, что я читаю, какъ вырабатываю *свой* историческій методъ, и меньше высказывался самъ, по мѣрѣ силъ меня сдерживалъ, но, видимо, мои порывы и тѣ историческія перспективы и картины, которыя я ему рисовалъ изъ эпохи XVIII и XIX вѣковъ, его увлекали — и онъ поддавался имъ. Душа у него была все же молодая, горячая, несмотря на внѣшній видъ—холодный, сдержанный и даже суровый.

На одинъ изъ такихъ моихъ плановъ онъ мнѣ отвѣтилъ:

«1901 года, сентября 4 дня.

«Все, что вы пишете, заслуживаетъ самаго искренняго сочувствія, но, увы! чтобы выполнить вашу программу, нужно быть свободнымъ и матеріально обезпеченнымъ человѣкомъ... Хотѣлъ бы многое сказать по поводу вашего письма, но нѣтъ досуга писать длинныя письма при срочной, непрерывной работѣ. Вѣдь увидимся въ октябрѣ и поговоримъ.

«Вашъ Шубинскій».

По возвращеніи изъ Москвы я писалъ С. Н. Онъ мнѣ отвѣтилъ нѣсколько поздно:

«1901 года, августа 20 дня.

«Простите великодушно за запоздалый отвѣтъ. Причина тому поѣздка въ Старую Руссу, гдѣ лечится моя жена. Я поѣхалъ на три дня, а пробылъ, по случайнымъ обстоятельствамъ, двѣ недѣли.

Библиотека "Руниверс"

«Отвѣчаю по существу, ибо при множествѣ работы мои отвѣты и не могутъ быть иными.

«Книга Шумигорскаго еще не вышла и потому говорить о ней преждевременно. О книгѣ надо написать отзывъ, но небольшой, не болѣе, какъ въ двѣ печатныхъ страницы. Я охотно буду давать вамъ книги для отзывовъ; но это будетъ возможно лишь съ конца октября, по переѣздѣ моемъ въ городъ. Теперь же, на время моего отсутствія, всѣ книги, присланныя въ редакцію, получаетъ К., и онъ раздаетъ ихъ для рецензій.

«Вѣдь у васъ есть заработокъ съ осени: Гоголь. Чѣмъ скорѣе сдѣлаете эту работу, тѣмъ лучше, а получить за нее деньги можете до напечатанія, по представленіи рукописи. И лучше, если ею займетесь, не отвлекаясь мелочными работами, въ родѣ рецензій.

«Я искренно радъ, что вы начинаете увлекаться русской исторіей. Въ этомъ отношеніи вы встрѣтите полное содѣйствіе съ моей стороны, ибо моя обязанность привлекать въ журналъ дѣльныхъ и полезныхъ сотрудниковъ, и мнѣ кажется, что мои надежды на васъ не окажутся обманчивыми.

«Искренно вашъ Шубинскій».

Какъ бережно и внимательно относился С. Н. Шубинскій къ своимъ сотрудникамъ, свидѣтельствуютъ два слѣдующихъ письма:

«Ш. прислалъ мнѣ отзывъ В. о книгѣ великаго князя Николая Михаиловича. Я отослалъ обратно, объяснивъ, что у меня уже есть отзывъ, написанный вами. Пришлите его поскорѣе, до 10-го числа, иначе онъ не попадетъ въ декабрьскую книжку».

V.

27-го сентября 1901 года онъ вновь возвращается къ вопросу объ интересующихъ его рукописяхъ Гоголя и пишетъ мнѣ:

«Вы сдѣлали самую существенную и важную для меня работу: опредѣлили характеръ и значеніе гоголевскихъ рукописей, данныхъ мнѣ П. Я. Дашковымъ. Признаюсь, я очень разочарованъ. Значитъ, въ этихъ рукописяхъ нѣтъ ничего *новаго*, *неизданнаго*, а есть только варіанты напечатаннаго. Безъ сомнѣнія, это черновые наброски, затѣмъ уже исправленные или измѣненные Гоголемъ для печати.

«Теперь намъ нужно установить точку зрѣнія на значеніе этихъ рукописей. Я никоимъ образомъ не отрицаю значенія гоголевскихъ варіантовъ для библіографовъ и историковъ литературы, но сомнѣваюсь, чтобы они представляли особенный интересъ для публики, для обыкновеннаго читателя. Редактируя не спеціальный, а общедоступный журналъ, я обязанъ смотрѣть на дѣло именно съ точки зрѣнія *публики*. Ей необходимо дать что-нибудь цѣльное, опредѣ-

Библиотека "Руниверс"

ленное, а не обрывки безъ начала и конца, тѣмъ болѣе, что это лишь небольшая часть обрывковъ, имѣющихся у П. Я. Дашкова.

«Слѣдуетъ руководствоваться какой-нибудь системой и объяснить, почему воспроизводятся именно эти обрывки и варіанты, а не другіе. Воспроизведеніе факсимиле всего обойдется большихъ денегъ и потому нужно сдѣлать выборъ того, что наиболѣе интересно для большинства читателей. На этомъ основаніи я полагаю ограничиться двумя, наиболѣе законченными рукописями: повѣстью «Пропавшая грамота» и отрывкомъ «О среднихъ вѣкахъ».

«Руководящее предисловіе должно, прежде всего, объяснить исторію рукописей Гоголя: какимъ образомъ онѣ были сохранены Погодинымъ, когда поступили въ архивъ П. Я. Дашкова и что именно, въ общихъ чертахъ, онѣ въ себѣ заключаютъ и какое могутъ имѣть значеніе для характеристики творчества Гоголя. Затѣмъ, воздавъ должное неисчерпаемой любезности П. Я. Дашкова, всегда радушно готоваго дѣлиться своими сокровищами, сказать, что съ его разрѣшенія мы воспроизводимъ факсимиле двухъ черновыхъ набросковъ Гоголя, повѣсти и лекціи. Далѣе, приведя дешифрированный текстъ, указать на его варіанты съ печатнымъ и закончить тѣми домыслами, которые внушаетъ вамъ изслѣдованіе этихъ варіантовъ. Въ приложеніи къ руководящей статьѣ дадимъ цинкографическій факсимиле повѣсти и лекціи.

«Въ Публичной библіотекѣ вы не найдете никакихъ рукописей Гоголя и придется ограничиться сличеніемъ съ печатнымъ текстомъ, что, по-моему, вполнѣ достаточно.

«Боже меня сохрани стѣснять васъ, а тѣмъ болѣе тормозить вашу диссертацію. Оставьте все и займитесь диссертаціей,—это важнѣе всего. Условимся такъ: вы напишете статью *въ теченіе ноября* и сдадите мнѣ ее вполнѣ оконченной *къ крайнему сроку* 1-го декабря.

«Я вернусь въ городъ въ послѣднихъ числахъ октября и тогда, по переѣздѣ, увижу васъ. Тогда вы доставите мнѣ фотографіи выбранныхъ отрывковъ, и я закажу съ нихъ дѣлать клише.

«На всякій случай, чтобы вы не отвлекались отъ диссертаціи другими работами, прилагаю записку на полученіе изъ конторы «Новаго Времени» аванса въ пятьдесятъ рублей.

«Вашъ Шубинскій».

Деликатность С. Н. Шубинскаго въ обычныхъ его приглашеніяхъ сотрудника на совѣщаніе была прямо-таки трогательна; такъ, 2-го ноября 1901 г. онъ мнѣ писалъ:

«Выберите свободный день заѣхать ко мнѣ утромъ, отъ десяти до двѣнадцати часовъ. Надо заказывать факсимиле съ рукописей Гоголя, а я не знаю, какіе именно листы надо отдать въ цинко-

Библиотека "Руниверс"

графію. (У меня есть дубликаты, а потому не берите съ собой имѣющіяся у васъ фотографіи»).

А уже 3-го ноября писалъ:

«Пожалуйста, Константинъ Николаевичъ, дайте мнѣ знать тотчасъ же, какъ вы вернетесь. У меня есть кой-какой матеріалъ для передачи вамъ.

«Вашъ Шубинскій»

Я почему-то замѣшкался, былъ боленъ и у него не появлялся. Тогда 10-го декабря онъ мнѣ пишетъ:

«Когда же я удостоюсь вашего лицезрѣнія».

Въ ноябрѣ 1901 г. онъ мнѣ писалъ:

«У меня былъ П. Я. Дашковъ. Онъ вполнѣ одобрилъ сдѣланный мной выборъ рукописей для воспроизведенія. Прибавилъ лишь маленькій клочокъ съ начатой сказкой.

«Я буду у него во вторникъ. Вамъ необходимо записать его разсказъ объ исторіи этихъ рукописей.

«Вашъ Шубинскій».

Вотъ форма, въ которую выливались у С. Н. Шубинскаго его отношенія съ сотрудниками, особенно молодыми.

Не могу не привести еще одинъ, чрезвычайно характерный для всей личности С. Н. Шубинскаго случай.

Въ далекомъ Закавказьѣ въ ноябрѣ 1901 года въ нашемъ родномъ городѣ Кутаисѣ умирала наша матушка. Энергичная, подвижная, сильная духомъ, съ яркимъ сіяніемъ въ черныхъ глазахъ и красивой образной рѣчью, она своимъ большимъ умомъ импонировала не только всему мѣстному обществу, но и мѣстной власти, начиная съ губернаторовъ, которые считались съ ней. Типъ провинціальной графини Лидіи Ивановны, никогда и никого не боявшейся. Въ Кутаисѣ она была очень популярна, и ея домъ на Пушкинской улицѣ знаютъ всѣ въ городѣ.

Моя матушка принадлежала къ тому типу матерей, которые твердо держатъ въ рукахъ бразды правленія семьей, гдѣ бы ни были ея дѣти и какое бы мѣсто они не занимали. Чѣмъ выше чинъ ея сына, тѣмъ она къ нему строже... Порядокъ былъ желѣзный. Мы ее очень любили...

Наканунѣ ея смерти со мной произошелъ странный случай. Въ полуснѣ, въ полудремотѣ я увидѣлъ мою больную матушку, которая звала меня къ себѣ. Обстановка была крайне мистическая. Было три часа ночи. Я едва проснулся. Съ тяжелой головой я спѣшно одѣлся и съ главнаго почтамта послалъ брату-студенту, состоявшему при ней, срочный запросъ объ ея положеніи. Онъ мнѣ срочной же телеграммой отвѣтилъ утромъ, что матушка въ три часа впала въ агонію и въ бреду все время звала меня... Я

Библиотека "Руниверс"

не передаю подробностей моей галюцинаціи, но весь сонъ повергъ меня въ ужасное безпокойство. Я рѣшилъ ѣхать на Кавказъ увидѣть матушку хоть въ гробу. Денегъ не было.

Наступило утро. Было воскресенье. Я рѣшилъ пойти завтракать къ П. Я. Дашкову и разсказать ему все. На завтракѣ присутствовали гости и въ томъ числѣ Шубинскій и Шумигорскій. Съ большимъ волненіемъ я разсказалъ свой сонъ и то, что произошло послѣ него.

Присутствовавшій на завтракѣ высокопоставленный гость тотчасъ же обратился къ П. Я. Дашкову:

— П. Я., выдайте ему подъ мое поручительство сто рублей. Пусть ѣдетъ къ матушкѣ. Я знаю, онъ ее безумно любитъ.

Я заволновался, потому что мнѣ какъ-то стало не по себѣ, но доброжелательство, мнѣ показанное, было очевидно. П. Я. Дашковъ тотчасъ же согласился. Я посмотрѣлъ на С. Н. Шубинскаго. Онъ какъ-то поерзалъ, поерзалъ на стулѣ, внимательно посмотрѣлъ на меня и сказалъ:

— Нѣтъ, уже знаете, пусть онъ лучше получитъ сто рублей авансомъ отъ П. Я. Дашкова подъ «рукописи» Гоголя. Эта форма будетъ удобнѣе.

Павелъ Яковлевичъ согласился и съ этой формой и сто рублей мнѣ выдалъ. Съ глубокой благодарностью я посмотрѣлъ на Сергѣя Николаевича, но словами я его не поблагодарилъ. Только теперь объ этомъ говорю. Въ ту же ночь я уѣхалъ на Кавказъ.

VI.

Какъ ни аккуратенъ, ни пунктуаленъ былъ С. Н., но почти семьдесятъ лѣтъ давали себя чувствовать. Онъ скоро уставалъ, заболѣвалъ приступами подагры, воспаленіемъ легкихъ. Собирались консиліумы врачей и опредѣляли неминуемую смерть въ ближайшую ночь, но черезъ три дня С. Н. вставалъ съ постели, точно съ нимъ ничего не было. Такъ онъ, здоровый, крѣпкій, костлявый, умиралъ лѣтъ двѣнадцать.

Онъ очень любилъ подсмѣиваться надъ сотрудниками, приходившими къ нему поутру. Иногда его юморъ былъ злой, иногда добродушный.

Беретъ сотрудникъ съ его письменнаго стола книгу для рецензіи. Онъ спрашиваетъ:

— Зачѣмъ берете книгу? Опять зачитаете?

— Для рецензіи.

— А развѣ я вамъ предложилъ?

Обиженный сотрудникъ, обыкновенно пожилой, почтенный человѣкъ, клалъ книгу обратно.

Библиотека "Руниверс"

— А вы ужъ разсердились!.. Я вѣдь пошутилъ... Дѣло въ томъ, что этого вопроса вы вѣдь не знаете, а впрочемъ... прочтите ее, изучите этотъ вопросъ и дайте отзывъ.

XVIII вѣкъ былъ его конькомъ. Его онъ зналъ весьма подробно и разсказывалъ много такого, чего нельзя напечатать.

— Вы спрашиваете, какъ вести современный историческій журналъ?—однажды сказалъ онъ мнѣ.—Это и легко, и трудно. Легко потому, что въ историческій журналъ *можно* вложить *всякій* историческій матеріалъ, и трудно потому, что въ историческій журналъ *должно* вложить только *надлежащій* историческій матеріалъ. Надлежащимъ историческимъ матеріаломъ называется тотъ, который пріятенъ и нравится публикѣ и легко ею переваривается. Напримѣръ, когда я былъ неопытенъ въ издательскомъ дѣлѣ и редактировалъ «Древнюю и Новую Россію», я понаприглашалъ умныхъ и даровитыхъ людей съ громкими именами, профессоровъ—Иловайскаго, Костомарова, Данилевскаго и другихъ. Думалъ, что ихъ извѣстность вывезетъ мой журналъ. Наоборотъ, съ такимъ-то грузомъ я и пошелъ ко дну. Между тѣмъ, я не обратилъ вниманія на одну маленькую подробность—на то, кто я-то самъ?! Молодой человѣкъ, начавшій писать историческіе очерки,—не больше. Правда, тамъ, гдѣ-то въ душѣ поглубже кто-то говорилъ, что ты можешь вести журналъ, но вѣдь это бываетъ у всякаго молодого человѣка, и говоритъ въ немъ бѣсъ честолюбія... Шутка ли, вести журналъ!.. Вѣдь это значитъ угадать, чего хочетъ публика, а составъ публики весьма капризный, мѣняющійся, неустойчивый. Когда умерла моя «Россія», я посовѣтовался съ покойнымъ А. С. Суворинымъ. Онъ и говоритъ: «Надо дѣлать таланты и за авторитетами не гнаться! Первое дѣло для редактора—*интересно* составить номеръ». Съ тѣхъ поръ я и не гнался ни за авторитетами, ни за знаменитостями. Установилъ я для себя редакціонное правило: мой журналъ это—каѳедра, съ которой популяризируется русская исторія, и всякій, кто умѣетъ популяризировать русскую исторію, ярко и красиво освѣтить темныя дебри исторіи—найдетъ у меня самый живой пріемъ. Какъ-то я разговорился—дѣло было въ семидесятыхъ годахъ—съ издателемъ журнала «Нива», покойнымъ Марксомъ, какъ онъ ведетъ свой журналъ. Этотъ крайне наблюдательный и зоркій нѣмецъ сказалъ мнѣ:

«— Знаете, въ Россіи много талантливыхъ людей, таланты лежатъ наверху, какъ груда золота. Никто не хочетъ ихъ взять, а между тѣмъ надо прійти и взять. Я за сотрудниками самъ бѣгаю. Недавно ѣздилъ на Большую Охту, разыскалъ одного, о которомъ мнѣ говорили, что талантливый человѣкъ, пишетъ разсказы, да очень бѣденъ и... пьетъ... Пріѣхалъ къ нему... Посидѣлъ у него часа два. Бѣдная обстановка. Очень нуждается. Онъ мнѣ много читалъ своихъ разсказовъ. Взялъ изъ нихъ два, далъ ему тридцать

Библиотека "Руниверс"

пять рублей, а скоро онъ будетъ знаменитый, очень знаменитый — и тогда онъ не будетъ смотрѣть на тридцать пять рублей, скажетъ, что мало и что редакторъ его оскорбляетъ. Много талантовъ въ Россіи. Ихъ надо искать... надо ихъ ставить... мало у нихъ только характера».

«Я сопоставилъ слова А. С. Суворина и Маркса и пришелъ къ выводу, что надо усердно заняться чтеніемъ доставляемыхъ въ редакцію рукописей и матеріаловъ, изучать авторовъ. Тяжелая, черновая работа!.. Съ теченіемъ времени очень втянулся въ это дѣло, господъ авторовъ изучилъ настолько, что напередъ знаю, чего отъ каждаго изъ нихъ ждать надлежитъ, книгъ ихъ цѣликомъ не читаю, потому что за тридцать лѣтъ редакторской работы быстро нахожу то, что меня интересуетъ, могу даже мѣсто въ его книгѣ опредѣлить... Эта тяжелая работа тянулась у меня годами... Кое-кого я выдвинулъ... постарался указать нѣкоторымъ ихъ надлежащую дорогу, теперь уже извѣстнымъ историческимъ писателямъ.

«Правы и Суворинъ, и Марксъ, эти самородки издательскаго дѣла, что слѣдуетъ дѣлать таланты, бережно ихъ охаживать, беречь, по волѣ имъ не давать... Сорвутся... какъ разъ сорвутся и вознесутся на небеса гордости... Такая пойдетъ бѣда... Умопомраченіе...»

— Да вѣдь самое угадываніе есть уже талантъ,—сказалъ я.

— Ну, не талантъ, а такъ, способность, приспособляемость. Иначе и не становись редакторомъ! Отъ редактора тоже много требуется спокойствія, добросовѣстности, вдумчивости, осторожности и даже холодности... Затѣмъ самъ редакторъ долженъ знать дѣло и точно намѣтить себѣ предѣлы, границы журнала. Я, скажемъ, знаю и люблю XVIII вѣкъ русской исторіи. Тутъ мнѣ все мило. Все, что впереди,—скажемъ, XV, XVI и даже XVII вѣка, за исключеніемъ его конца, мнѣ чуждо, понимаете, не соотвѣтствуетъ моему душевному интересу, а все, что идетъ за XVIII вѣкъ—первая половина XIX вѣка, мнѣ представляется особенно интересной, но требуетъ большой осторожности и щепетильности, такъ какъ не опубликованы, не свѣрены и не провѣрены матеріалы. Такихъ, какъ Шильдеръ, одинъ да два,—и больше нѣтъ. Значитъ, редакторъ долженъ быть очень остороженъ и понимать, что можно и чего нельзя по данному вопросу. Я не люблю сокращать, передѣлывать, считаю, что это долженъ дѣлать самъ авторъ, если это необходимо по цензурнымъ и редакціоннымъ соображеніямъ, но это не дѣло редактора. Онъ только долженъ указать предѣлы своихъ желаній. Вторгаться же въ стиль, въ характеръ изложенія, въ обрисовку явленій и вообще въ манеру писанія даннаго автора, если онъ хоть немного даровитъ, не дѣло редактора и, даже больше, варварство съ его стороны. Редакторъ—твердый и неукоснительный руководитель, а не стратегъ, находящійся на полѣ брани, въ станѣ воюющихъ. Къ каждому автору надо прислу-

Библиотека "Руниверс"

шиваться и присматриваться и найти въ немъ источникъ живой воды, это—культурная и историческая задача руководителя каждаго журнала.

— Какъ писать для журнала вашего типа и какія темы разрабатывать?—спросилъ я.

— Какъ писать, не мое дѣло объяснять, это—дѣло писателя, но я желаю, чтобы мнѣ передавали бытъ со всѣми мельчайшими, но интересными подробностями, бытъ XVIII, бытъ XIX вѣковъ...

— Можно подпускать и психологію, отъ себя?

— Отсебятину ни подъ какимъ предлогомъ. Если же вы въ разсказываемый на основаніи документальныхъ данныхъ бытовой фактъ впустите отъ себя психологію, то вы извратите историческое явленіе и дадите историческую повѣсть, историческій романъ. Это для меня цѣнно. Дайте мнѣ подробности, колоритъ быта въ его характерныхъ мелочахъ, вдумайтесь, втянитесь въ эти мелочи, пропустите, процѣдите ихъ черезъ свою душу, какъ процѣживаютъ черезъ сито крупу, выбрасывая грязную и сорную шелуху. Пропустить черезъ душу—значитъ не только продумать, но и прочувствовать бытовое явленіе. Тогда оно станетъ мило и близко вашей душѣ, и вы озарите это явленіе искрами своихъ домысловъ и вдохновеній. Вы должны слиться во едино съ тѣмъ бытомъ, о которомъ вы хотите что-нибудь разсказать, и тогда только это будетъ хорошо. Безъ сліянія съ темой изслѣдованія нѣтъ талантливаго освѣщенія историческаго явленія.

— Значитъ, никакой психологіи?—спросилъ я.

— Ни капли! своей, конечно, отъ себя, въ видѣ вашихъ личныхъ выводовъ, но психологія обстановки вырисуется, если вы, войдя въ существо быта, разскажите явленіе соотвѣтствующимъ языкомъ.

Долженъ сказать, что эти завѣты С. Н. Шубинскаго долго мучили и подчасъ мучаютъ меня до сихъ поръ. Не всегда мнѣ удается привести въ исполненіе его рецепты историческаго писателя. Трудно бываетъ, какъ-то невольно слетишь въ другую плоскость—въ плоскость историческихъ обобщеній и умныхъ, холодящихъ чужую душу и часто никому не нужныхъ словъ, невдохновенныхъ и банальныхъ. Трудно быть истиннымъ писателемъ. Вѣчное недовольство собой, своимъ стилемъ, своимъ мастерствомъ и своимъ думаніемъ.

VII.

Годы неслись, какъ вихрь, какъ ураганъ, надъ русской землей Пронеслась буйной тучей революція съ ея перемѣной историческаго курса. Молодость горячо и страстно отзывалась на быструю смѣну историческихъ событій. Одинъ лишь С. Н. Шубинскій, видавшій виды и уже сильно прихварывавшій, былъ спокоенъ и держался той же тактики, что и въ годы былые,—журналъ это каѳедра талантливаго писателя.

Библиотека "Руниверс"

Однажды я пришелъ къ нему и говорю, что я серьезно занятъ разработкой темы—старецъ Ѳедоръ Кузьмичъ и Александръ I.

— Что же вы думаете о нихъ?—живо спросилъ С. Н. Шубинскій.

— Думаю, что они тождественны.

— Какъ?—вскинулся онъ.—Поднимаете заброшенную гипотезу Шильдера?! Я вамъ не напечатаю статьи.

— Я и не затѣмъ завелъ этотъ разговоръ...

— Тѣмъ болѣе, великій князь Николай Михайловичъ напечаталъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» статью, гдѣ доказываетъ противоположное. Вы знаете ее...—продолжалъ Сергѣй Николаевичъ, нисколько не обращая вниманія на мою реплику.—Я раздѣляю точку зрѣнія великаго князя и убѣжденъ, что Александръ I погребенъ въ Петропавловскомъ соборѣ, что никакой подмѣны тѣла не было, что это—все разсказы, легенды, никѣмъ не установленныя. Вы сами видите, какое зло можетъ причинить исторической наукѣ только одинъ талантливый человѣкъ...—сказалъ С. Н.

— Это—кто же?

— Да Шильдеръ... Разсказывалъ при васъ о своихъ переживаніяхъ при работѣ, а они пали вамъ на душу. Теперь вы будете съ ними носиться и впадете въ бездну мистицизма, какъ впалъ въ него Шильдеръ.

— С. Н., а вотъ на этотъ разъ разрѣшите обратить ваше мнѣніе на то, что вы противодѣйствуете, вопреки вашему редакторскому принципу, свободѣ вольнаго и широкаго разслѣдованія историческаго вопроса, устанавливая свои директивы, какъ историка, и не давая возможности выясниться правдѣ изъ сшибки двухъ противоположныхъ мнѣній на вопросъ большой исторической и психологической важности. Допускаю, что я не правъ въ основной своей тезѣ, допускаю, что я совершаю преступленіе противъ исторической правды, но въ этомъ разсказы Н. К. Шильдера неповинны, а повиненъ нашъ русскій народъ съ его склонностью къ мистицизму, съ его вѣрой во все таинственное и скрытое. Я подхватываю на лету душевныя переживанія русскаго народа, соотвѣтствующія и моимъ переживаніямъ, сколько возможно, научно ихъ реализирую, и не хочу быть русскимъ человѣкомъ менѣе, чѣмъ самъ русскій народъ или господа русскіе историки, которые доказываютъ, что старецъ Ѳедоръ Кузьмичъ и Александръ I два совершенно различныхъ лица.

С. Н. упрямо мотнулъ головой, что-то крякнулъ и говоритъ:

— Все у васъ какъ-то такъ выходитъ: не повѣрить вамъ нельзя, а между тѣмъ я боюсь, какъ бы вы не вступили на ложный путь историческихъ изслѣдованій.

— Но это все не то, С. Н... Я пришелъ не затѣмъ, чтобы вести съ вами диспутъ на тему о старцѣ Ѳеодорѣ Кузьмичѣ и императорѣ Александрѣ I, хотя вы и не правы противъ вашего основ-

Библиотека "Руниверс"

ного редакціоннаго правила—журналъ это каѳедра писателя, съ которой онъ говоритъ народу то, что считаетъ нужнымъ и справедливымъ, безъ различія вѣры, національности и убѣжденій, лишь бы было доказательно и талантливо. Я прошу васъ сообщить мнѣ болѣе детальные факты о тождествѣ Ѳеодора Кузьмича и Александра I, сообщенные вамъ покойнымъ Н. К. Шильдеромъ. Эта тема еще не прошла черезъ мою душу, хоть я надъ ней и работаю лѣтъ семь и все время неустанно собираю факты.

Онъ началъ припоминать. Я слушалъ... записывалъ... перебивалъ его, и, видя, какъ онъ понемногу начинаетъ освѣщать событія александровской эпохи, особенно полосу увлеченія Александра мистицизмомъ, въ духѣ легенды и полной возможности отреченія Александра I отъ престола путемъ чрезвычайно сложной мѣры, предполагая отъ себя, что онъ могъ бы уйти изъ міра такимъ необычайнымъ способомъ, я сказалъ:

— Итакъ, сдѣлаемъ выводъ изъ всего услышаннаго. Вы, С. Н., склоняетесь къ мысли, что на основаніи цѣлаго ряда деталей—психологическихъ и мистическихъ—Ѳеодоръ Кузьмичъ и Александръ I одно и то же лицо?

— Вы хотите меня поймать?—улыбнулся С. Н., и его полубритое, длинное лицо сдѣлалось веселымъ и милымъ.

— Ничуть не бывало!—сказалъ я серьезно.—Просто констатирую фактъ.

— Напрасно! Все, что я вамъ изложилъ, представлялъ себѣ Шильдеръ, а я думаю иначе. Какъ? это вы уже знаете!

— Хорошо-съ! Такъ и запишемъ на сей разъ, ваше превосходительство: онъ (съ большой буквы) уклонился отъ исторической правды и свернулъ въ трясины проселочныхъ дорогъ русской исторіи, соблюдая возможную и допустимую для него, какъ для руководителя историческаго изданія, осторожность и боясь провалиться или перелетѣть черезъ ухабы.

VIII.

Прошлымъ маемъ я отправился къ нему часовъ въ одиннадцать утра.

Давно у него не былъ. Обрадовался. Спрашиваетъ, въ чемъ дѣло. Разсказываю.

— Что принесли?

— Ничего,—отвѣчаю.—Хотѣлъ предложить вамъ слѣдующее: у меня имѣется въ готовомъ видѣ статья объ отношеніяхъ Пушкина и Гоголя по мемуарнымъ матеріаламъ той эпохи. Я сдѣлалъ совершенно новые выводы, освѣщающіе чуткость и тонкость переживаній Пушкина, давшаго Гоголю темы «Ревизора» и «Мертвыхъ Душъ»... Я могу дать экстрактъ изъ моей очень большой работы...

Библиотека "Руниверс"

С. Н. слушалъ и сказалъ:

— Боюсь, что тема не нова и не для публики моего журнала. Мой читатель—прежній, что и десять лѣтъ тому назадъ. Мнѣ необходимо легкое, талантливое чтеніе... бытъ, а не холодныя разсужденія, бытъ въ мелочахъ, въ деталяхъ, въ чертахъ, талантливая мелочь въ анекдотахъ, но мелочь существенная и характерная. Мой читатель не требуетъ учености, а у васъ будетъ учено.

— Найдется и бытъ... у меня изслѣдованіе основано на мемуарахъ, на перепискѣ.

— Надо посмотрѣть...

Кстати, я его спросилъ, сколько у него подписчиковъ на 1912 г.

Онъ назвалъ цифру.

— Значитъ, дѣла блестящи, сотрудникамъ увеличены гонорары?

— Что вы, что вы?—даже привскочилъ С. Н. въ халатѣ.—Полный дефицитъ, разгромъ... Сотрудникъ пошелъ зубастый, скулитъ, жалуется на полное свое обѣднѣніе... А каково редактору, который едва-едва сводитъ концы съ концами! Единственно, что я по журналу никому ничего не долженъ, ни копейки долгу.—Гдѣ тамъ думать объ увеличеніи гонорара!

Онъ махнулъ рукой.

Мнѣ всегда становилось весело, когда онъ начиналъ говорить объ отсутствіи денегъ въ редакціи, о чрезмѣрныхъ расходахъ. Углы его давно не подстриженныхъ губъ складывались въ чуть замѣтную улыбку, и онъ зналъ, что только «морочитъ», какъ говорилъ П. Я. Дашковъ, сотрудника, и понапрасну плачется на безденежье.

— Вы мнѣ принесите какіе-нибудь анекдоты, воспоминанія, изобразите бытовыя особенности данной эпохи. Это еще можно взять. Этотъ матеріалъ мой читатель очень одобряетъ. Хвалитъ меня за него. Благодаритъ. Онъ на немъ отдыхаетъ отъ треволненій жизни, успокаивается. Не надо хмураго, серьезнаго лица, это омрачаетъ жизнь... Дайте историческую правду, но въ легкой, воздушной формѣ. Вы это можете, вамъ это удастся.

Таковъ образъ этого оригинала-редактора, влюбленнаго въ старину, въ живопись, въ художество, въ бытъ, въ XVIII вѣкъ. Онъ былъ въ высшей степени корректный, привѣтливый, умный и, по существу дѣла, несмотря на свои, казалось, внѣшне суровые пріемы, очень отзывчивый человѣкъ. Человѣкъ вполнѣ твердый, онъ умѣлъ себя поставить у А. С. Суворина въ такое независимое положеніе, что покойный издатель «Историческаго Вѣстника» считался съ нимъ, какъ съ моральной и культурной силой своего издательскаго дѣла, и никогда не обходился въ этой области безъ его совѣтовъ.

Конст. Михайловъ.

Библиотека "Руниверс"

ПОДВИЖНИКЪ СЛОВА.

(Воспоминанія объ Иванѣ Леонтьевичѣ Леонтьевѣ-Щегловѣ).

ВЪ 1911 году 4-го іюня стала тѣнью, какъ послѣдній дымокъ надъ угасшимъ костромъ, еще одна хорошая жизнь,—въ горахъ Кавказа умеръ отъ истощенія писатель И. Л. Леонтьевъ-Щегловъ...

Я зналъ покойнаго писателя послѣдніе четыре года его жизни,—какъ разъ именно въ то время, когда эта жизнь догорала. Теперь русскому обществу извѣстно, что эти послѣдніе годы его жизни—сплошной кошмаръ: болѣзни, нищета, одиночество, забвеніе... На этихъ страницахъ я хочу напомнить, во имя чего были эти страданія. У покойнаго писателя была книга, изданная незадолго до смерти и посвященная Гоголю,—«Подвижникъ слова». Именно подвижникомъ слова, въ строгомъ смыслѣ слова, былъ онъ самъ. Въ его лицѣ Россія потеряла не только большого и нужнаго писателя, но и литературнаго праведника, который не только писалъ, но и кровью, и нервами, и всею жизнью оправдывалъ написанное.

«Русская литература—Голгоѳа и крестъ», писалъ онъ однажды въ письмѣ...

Когда я познакомился съ нимъ, онъ жилъ въ Артиллерійскомъ переулкѣ, на пятомъ этажѣ, въ маленькой тѣсной квартиркѣ. Одну комнату онъ сдавалъ жильцамъ, ввиду постоянной необходимости экономить, и въ его распоряженіи оставались одна сравнительно большая комната—залъ и двѣ крошечныхъ—кабинетъ и спальня. Залъ былъ въ то же время и столовой, и гостиной, и библіотекой,

Библиотека "Руниверс"

и музеемъ: здѣсь помѣщались обѣденный столъ, шкапы съ книгами, рѣдкія вещи, имѣвшія отношеніе къ литературѣ, вродѣ бокала и пера Пушкина, и пр. На этажеркѣ стояла статуэтка господина съ мечтательнымъ лицомъ. Когда посѣтитель останавливался передъ нею въ недоумѣніи, что она представляетъ, хозяинъ улыбался.

— Это самый распространенный въ Россіи типъ—Маниловъ!..

Любимое мѣсто хозяина въ этой комнатѣ—большой кожаный диванъ передъ обѣденнымъ столомъ. Диванъ былъ устроенъ съ большой высокой спинкой. Спинка вверху оканчивалась полочкой, на которой были разставлены фотографіи съ теплыми дружескими надписями. Здѣсь были Надсонъ, Гаршинъ, Чеховъ, Плещеевъ, Островскій, Чайковскій, Савина, Свободинъ, Джеромъ-Джеромъ, Горленко, Клодтъ, оптинскій старецъ Амвросій и др. Диванъ всегда былъ заваленъ журналами и газетами. Я никогда не встрѣчалъ болѣе усерднаго, внимательнаго и чуткаго читателя, чѣмъ этотъ бѣлый больной, усталый старикъ. Бывало, зайдешь къ нему, а онъ въ упоеніи и восторгѣ.

— Читали? Слышали? Въ журналѣ... преталантливый разсказъ, подписанный неизвѣстнымъ именемъ... Вотъ прочтите скорѣе. Этого нельзя не прочесть...

По воскреснымъ днямъ старикъ ходилъ въ маленькую библіотеку-читальню — на Невскомъ, противъ памятника Екатерины II, и тамъ рылся въ журналахъ, ища талантовъ. Я знаю случай, когда онъ не довольствовался только однимъ восхищеніемъ передъ разсказомъ неизвѣстнаго автора, но съ большимъ трудомъ, черезъ редакціи, узналъ адресъ автора и писалъ ему короткое ободряющее письмо.

«Будущее нашей литературы въ этихъ таинственныхъ неизвѣстностяхъ,—любилъ говорить онъ.—Я могу ошибиться тысячу разъ, поддерживая автора, но въ тысячу первый разъ я могу поддержать на самомъ дѣлѣ будущаго Толстого или Чехова...»

Если я стану думать—какое было главное свойство покойнаго Ивана Леонтьевича въ эти послѣдніе годы, я прихожу къ заключенію, что оно—не жалоба на преждевременную старость, нищету и забвеніе, а увлеченіе литературой. Именно увлеченіе, а не только любовь. Я увѣренъ, что ни одинъ влюбленный не говоритъ съ такимъ нѣжнымъ чувствомъ о своей возлюбленной, какъ этотъ задавленный практическою жизнью старикъ говорилъ о Гоголѣ и Чеховѣ, о Пушкинѣ и Толстомъ, Гете и Байронѣ... Въ храмѣ русской литературы это былъ незримый старичокъ-сторожъ, который аккуратно по великой любви каждый день ставилъ желтыя свѣчи, сметалъ пыль, хранилъ самыя малыя преданія... Эта страстная любовь его къ литературѣ въ послѣдніе годы жизни проявилась особенно сильно въ связи съ именемъ Гоголя. Въ 1909 году въ Москвѣ былъ освященъ памятникъ Гоголю, и на это торжество пріѣзжалъ Щег-

Библиотека "Руниверс"

ловъ. Незадолго до этого онъ открылъ въ Петербургѣ «комнату Гоголя»...

Въ печати было потомъ извѣстіе, что открытіе «комнаты» было неудачно,—она-де помѣщалась совсѣмъ въ другомъ домѣ. Пусть такъ,—я здѣсь хочу записать только то, что переживалъ Иванъ Леонтьевичъ въ связи съ своимъ открытіемъ.

Дѣло было весной 1909 года. Я пріѣхалъ какъ разъ изъ Москвы. Дни стояли удивительные: солнечные, ясные, теплые. Иванъ Леонтьевичъ послѣ чая подошелъ къ окну, посмотрѣлъ, жмурясь близорукими глазами, на дворъ и объявилъ, что онъ хочетъ показать мнѣ одну большую рѣдкость и что сейчасъ мы ѣдемъ... Поѣхали. Передъ цвѣточнымъ магазиномъ Иванъ Леонтьевичъ остановилъ извозчика и купилъ великолѣпный букетъ красныхъ гвоздикъ.

— Куда мы ѣдемъ?—спросилъ я, совсѣмъ сбитый съ толку этимъ букетомъ.

— Терпѣніе,—невозмутимо отвѣчалъ Иванъ Леонтьевичъ.

На углу Мѣщанской и Столярнаго переулка мы отпустили извозчика, вошли во дворъ, попали въ какой-то подъѣздъ и начали взбираться по старой темной вонючей лѣстницѣ. Изъ раскрываемыхъ дверей на насъ несло ароматомъ перегорѣлаго лука, помоевъ и тяжелаго мыльнаго пара. Сколько мы прошли этажей, не помню,—мнѣ тогда казалось, что лѣстница вела на самое небо. Наконецъ у одной двери Иванъ Леонтьевичъ остановился и постучался,—звонка не было. Намъ открыла женщина съ засученными рукавами, безъ платка, съ сильно подбитымъ лѣвымъ глазомъ. Увидя Ивана Леонтьевича, она молча посторонилась и пропустила насъ. Черезъ кухню мы прошли въ небольшую комнату, перегороженную аркой пополамъ. Послѣ сумрака лѣстницы комната поражала обиліемъ свѣта. Въ комнатѣ находился одинъ небольшой столикъ, на которомъ стояла вазочка съ красными гвоздиками. Передъ вазочкой на стѣнѣ висѣла извѣстная картина «Пушкинъ у Гоголя»...

— Въ этой комнатѣ жилъ Гоголь!—торжественно заявилъ мой путеводитель.—Вотъ между этими окнами стояла его конторка. Именно изъ этого окна открывался тотъ видъ, о которомъ онъ сообщаетъ въ письмѣ къ матери. Конечно, видъ этотъ сейчасъ не сохранился, но я тщательно справлялся и узналъ, что еще недавно все здѣсь было такъ, какъ описалъ Гоголь въ своемъ письмѣ... Вотъ тамъ, за перегородкой, помѣщался его вѣрный Якимъ. Именно здѣсь его посѣщалъ Пушкинъ. Эти стѣны слышали, какъ два пріятеля, два солнца русской литературы, вели горячіе разговоры до утра. Я здѣсь нарочно повѣсилъ эту картину,—она здѣсь кстати. Но имѣйте въ виду—о существованіи этой комнаты знаютъ только немногіе. Я молчу, пока не напишу доклада «Какъ я открылъ комнату Гоголя». Сейчасъ это тайна. Я просто снимаю эту комнату для себя,—плачу пятнадцать рублей въ мѣсяцъ...

Библиотека "Руниверс"

— Какъ вы, на самомъ дѣлѣ, открыли ее?—спрашиваю я.

— О!—счастливо засмѣялся Иванъ Леонтьевичъ,—это долгая исторія! Я употребилъ на эти поиски нѣсколько лѣтъ. Я опросилъ здѣсь всѣхъ, кто могъ дать мнѣ нужныя свѣдѣнія, изучилъ біографіи всѣхъ мѣстныхъ домовъ. Это было очень трудно. Вотъ подробно объ этомъ вы узнаете изъ доклада...

Кстати—отмѣчу здѣсь: доклада, увы, онъ не написалъ,—помѣшали болѣзни и недовѣрчивое отношеніе къ его открытію со стороны печати. Вмѣсто доклада онъ помѣстилъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» обширное письмо въ редакцію, гдѣ разсказывалъ исторію своихъ поисковъ комнаты Гоголя...

Отмѣчу здѣсь и еще одно: Иванъ Леонтьевичъ платилъ за комнату пятнадцать рублей, когда его мѣсячный заработокъ, по его признанію, колебался отъ ста до ста десяти рублей въ мѣсяцъ, когда на настойчивыя убѣжденія друзей поѣхать полечиться онъ неизмѣнно отвѣчалъ: «радъ бы, но бюджетъ русскаго писателя не позволяетъ», когда на приглашеніе артистки Савиной, передъ которой онъ преклонялся, пріѣхать къ ней, онъ долженъ былъ отвѣтить отказомъ, такъ какъ у него не было... приличнаго сюртука!..

Вскорѣ послѣ посѣщенія Гоголевской комнаты я уѣхалъ. Черезъ мѣсяцъ самъ И. Л. былъ въ Москвѣ,—онъ пріѣхалъ на открытіе памятника Гоголю. О своемъ пріѣздѣ онъ писалъ въ письмахъ: «хотя полуживой, хотя безъ копейки, но на открытіе памятника Гоголю непремѣнно притащусь,—такіе свѣтлые праздники на Святой Руси не часты!»... Но случилось такъ, что на этотъ разъ судьба покровительствовала старику: онъ пріѣхалъ бодрымъ и съ деньгами,—какъ потомъ онъ разсказывалъ, ему удалось призанять. Остановился онъ тамъ, гдѣ останавливался всегда въ свои московскіе пріѣзды—въ Кокоревскомъ подворьѣ, описанномъ имъ такъ колоритно въ его «наивныхъ вопросахъ»...

Открытіе памятника Гоголю, какъ извѣстно, прошло довольно неудачно. Плохая погода—снѣгъ и вѣтеръ, нетипичное изображеніе лица Гоголя на памятникѣ, скандалъ въ консерваторіи съ рефератомъ Брюсова,—все это сильно дѣйствовало на Щеглова. Но все же онъ былъ глубоко доволенъ и гордъ. Я помню, какъ на торжественномъ засѣданіи «общества любителей россійской словесности» онъ весь положительно свѣтился, когда на каѳедру всходили всѣ эти съѣхавшіеся со всѣхъ концовъ міра представители и на разныхъ нарѣчіяхъ выражали свое преклоненіе передъ памятью великаго русскаго писателя...

На другой день послѣ открытія памятника онъ пріѣхалъ ко мнѣ съ кипой бумагъ.

— Тс...—зашепталъ онъ, прикрывъ за собою дверь.—Страшная тайна!

— Что такое?

Библиотека "Руниверс"

— Прокламаціи... Пожалуйста раздайте въ университетѣ—среди товарищей...

Развертываю кипу,—дѣйствительно, листки по виду вродѣ прокламацій. На каждомъ листкѣ реминтономъ написано: «рецептъ приготовленія гоголевскихъ макаронъ». Какъ показывала сноска, этотъ рецептъ любимаго блюда Гоголя былъ взятъ изъ «воспоминаній» С. Т. Аксакова...

— Вы, пожалуйста, раздайте. Все-таки, въ память Гоголя! Я сейчасъ объѣздилъ всѣ крупные рестораны. Въ «Прагѣ» обѣщали внести въ меню...

Гоголевскія торжества были въ жизни Щеглова «послѣднимъ майскимъ сномъ», какъ выражался потомъ самъ онъ въ письмахъ. Наступившая послѣ этой весны осень была уже въ полномъ смыслѣ слова осенью жизни старика. Газета «Слово», въ которой онъ работалъ, прекратилась. Больной Иванъ Леонтьевичъ сразу очутился безъ опредѣленнаго заработка. Мысль о томъ, что онъ можетъ умереть отъ голода, страшно угнетала его. Письма его стали мрачны. Онъ писалъ, что на старости лѣтъ, отдавъ всю жизнь литературѣ и написавъ свыше двадцати томовъ, онъ принужденъ работать, какъ начинающій. Писалъ, что его руки коченѣютъ отъ холода и не могутъ держать пера, но топить печь чаще нельзя: дрова дороги... Въ довершеніе всего врачи нашли у него сахарную болѣзнь. Какъ разъ именно въ это время я пріѣхалъ въ Петербургъ.

Старикъ былъ буквально тѣнью. Когда онъ стоялъ рядомъ съ бѣлой стѣной, стѣна выдѣлялась рельефнѣе, чѣмъ онъ. Раздражительность, которой я раньше никогда не замѣчалъ въ этомъ выдержанномъ человѣкѣ, часто прорывалась. Она была направлена на докторовъ:

— Они говорятъ: то нельзя ѣсть, и это нельзя... На воды нужно ѣхать... Но позвольте: съ чѣмъ я поѣду? На какія средства я буду пріобрѣтать всѣ эти деликатессы, о которыхъ говорятъ они? Я не чиновникъ, не офицеръ, не городской священникъ,—я русскій писатель...

— Въ какомъ положеніи находится гоголевская комната?—попытался я отвести его отъ раздражающей темы. Но, оказалось, попалъ изъ огня да въ полымя. Старикъ весь встрепенулся и закипѣлъ:

— Срамъ, срамъ! И еще говорятъ: Петербургъ—голова Россіи!.. Вы знаете, дума отказалась взять на себя содержаніе гоголевской комнаты,—лишнихъ денегъ нѣтъ!.. У меня тоже, какъ видите, теперь ничего нѣтъ... Пришлось отказаться отъ комнаты!..

Онъ закашлялся.

— У насъ, въ Россіи, такъ поставлено дѣло,—сказалъ онъ тихо, утомленный продолжительнымъ кашлемъ:—нужно умереть, тогда и вспомнятъ, и заговорятъ, и хорошо вспомнятъ—съ сожалѣніемъ, съ грустью, чортъ бы ихъ дралъ!.. Вы знаете, о Чеховѣ заговорили

Библиотека "Руниверс"

сочувственно, когда стало извѣстно, что онъ приговоренъ къ смерти. А до этого что было!..

И всѣ его рѣчи на этотъ разъ были въ такомъ родѣ—Иванъ Леонтьевичъ *возмущался*. Кроткая, деликатная, нѣжная душа не выдержала и возроптала. Я думаю, если бъ были у него въ это время силы, Россія услышала бы страстныя слова укоризны за то, что она избиваетъ своихъ пророковъ. Но силъ, увы, не было. Иванъ Леонтьевичъ писалъ сейчасъ только «для пропитанія», какъ онъ выражался...

Мы простились, чтобы встрѣтиться лѣтомъ на югѣ, куда онъ хотѣлъ пріѣхать полечиться. Но лѣтомъ онъ не пріѣхалъ,—не было денегъ. И больше мы не видѣлись. Но переписка продолжалась.

Письма его попрежнему были мрачны. Попрежнему этотъ большой писатель, стоя у конца своего писательскаго и жизненнаго пути, предъявлялъ русскому обществу грозное обвиненіе въ томъ, что но не блюдетъ, а гонитъ и травитъ своихъ пророковъ.

«У насъ все нелѣпо устроено,—и спрашивается, что выигрываетъ общество, если его наиболѣе горящіе элементы, какъ писатели, или ведутъ собачью жизнь, или служатъ въ международномъ банкѣ?. Убійца, убійца!—вотъ что хочетъ сейчасъ сорваться съ устъ...»

Въ связи съ многолюдными торжественными похоронами Коммиссаржевской онъ горько замѣчаетъ:

«Мы научились хоронить своихъ лучшихъ людей, но не научились еще ихъ хранить...»

Параллельно съ этимъ возрастающимъ ропотомъ шли печальныя извѣстія о ходѣ его болѣзни и объ увеличивающейся нуждѣ.

Послѣднее письмо отъ Щеглова помѣчено 27-го апрѣля 1911 года. Въ немъ Иванъ Леонтьевичъ коротко сообщалъ, что занялъ у литературнаго фонда немного денегъ и ѣдетъ лечиться на Кавказъ.

А 5-го іюня этого же года газеты сообщили о его смерти...

И исполнилось вѣщее слово Ивана Леонтьевича: какъ только телеграфъ принесъ печальное извѣстіе о его смерти, въ печати появились многочисленные чрезвычайно теплые сочувственные некрологи и воспоминанія, какъ поздніе надгробные цвѣты. «Милый ясный юмористъ»... «другъ Надсона и Чехова»... «большой писатель»... «кристальная буша»—пестрѣло въ этихъ позднихъ писаніяхъ. И ясно чувствовалось въ нихъ смущеніе покаянія передъ этой страдальческой, несправедливо при жизни забытой тѣнью...

«Мы научились хоронить нашихъ лучшихъ людей, но не научились еще ихъ хранить»...

Какъ это вѣрно!

Р. К. Устьмедвѣдицкій.

Библиотека "Руниверс"

ПАМЯТИ В. Ѳ. МИЛЛЕРА.

СКОНЧАЛСЯ 5-го ноября В. Ѳ. Миллеръ, одинъ изъ тѣхъ славныхъ профессоровъ, блестящихъ ученыхъ и могучихъ силою науки наставниковъ, которые учили насъ, студентовъ историко-филологическаго факультета періода времени 1876—1880 года. Предо мною—фотографическая группа профессоровъ и ихъ слушателей выпуска 1880 года, гдѣ красуются такія научныя величины, какъ А. И. Чупровъ, С. М. Соловьевъ, Н. С. Тихонравовъ, Н. И. Стороженко, В. И. Герье, В. О. Ключевскій, П. Г. Виноградовъ, Ѳ. Е. Коршъ, И. В. Цвѣтаевъ, Ѳ. И. Буслаевъ, Нилъ А. Поповъ, В. Ѳ. Миллеръ, И. П. Фортунатовъ и др. Всѣ они были глубоко цѣнимы своими учениками и какъ незабвенные учителя и какъ первоклассные ученые каждый въ своей области. И теперь, по истеченіи болѣе чѣмъ трехъ десятковъ лѣтъ по окончаніи нами университетскаго курса, болью на сердцѣ отзывается каждая новая утрата дорогихъ сердцу профессоровъ. Еще недавно было изъ нихъ пять здравствующихъ: В. И. Герье, Ѳ. Е. Коршъ, В. Ѳ. Миллеръ, П. Г. Виноградовъ и И. П. Фортунатовъ. Но неумолимая судьба вырвала Всеволода Ѳедоровича изъ ряда живущихъ, и хочется хотя краткимъ словомъ помянуть своего наставника.

Покойный сынъ извѣстнаго поэта-переводчика и редактора-издателя «Развлеченія» Ѳ. Б. Миллера, родился 7-го апрѣля 1848 года въ Москвѣ и воспитывался въ тамошнемъ иностранномъ пансіонѣ Эннеса, а съ 1865 года—на историко-филологическомъ факультетѣ московскаго университета. По окончаніи курса пер-

Библиотека "Руниверс"

вымъ кандидатомъ въ 1860 году онъ недолго преподавалъ латинскій языкъ въ IV-й московской мужской гимназіи (1870—1871 гг.), такъ какъ былъ командированъ въ Литву для собиранія народныхъ пѣсенъ и сказокъ (1871 г.), по выдержаніи же магистерскаго экзамена (1872 г.) отправленъ за границу для усовершенствованія въ сравнительномъ языковѣдѣніи. Возвратившись черезъ три года въ Москву, Всеволодъ Ѳедоровичъ въ 1877 году защитилъ свою магистерскую диссертацію и, какъ доцентъ, началъ въ московскомъ университетѣ свои лекціи по санскриту, а по пріобрѣтеніи докторской степени въ 1883 году состоялъ профессоромъ сравнительнаго языковѣдѣнія до 1892 года, когда, по собственному желанію, перешелъ на каѳедру русскаго языка и словесности, занявъ вмѣстѣ съ тѣмъ должность директора Лазаревскаго института восточныхъ языковъ (съ 26-го сентября 1897 года). Назначенный ординарнымъ академикомъ (съ 5-го февраля 1911 года), онъ покинулъ Москву и въ послѣдніе два года былъ дѣятельнымъ членомъ императорской академіи наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности.

Имя покойнаго связано со многими учеными трудами. Къ нимъ, кромѣ статей, перечисленныхъ въ «Юбилейномъ Миллеровскомъ Сборникѣ» (Москва. 1900 г.), относятся «Литовскія народныя пѣсни» (1873 года), «Очерки арійской миѳологіи» (Москва. 1876 г.), «Взглядъ на «Слово о полку Игоревѣ» (Москва 1877 г.), «Осетинскіе этюды» (М. 1881, 1882 и 1887 гг., три части), «Систематическое описаніе коллекцій Дашковскаго этнографическаго музея» (Москва. 1887, 1889, 1893 и 1895 гг., четыре выпуска), «Руководство къ изученію санскрита» (Петербургъ. 1891 г.), «Матеріалы для изученія еврейско-татскаго языка» (Петербургъ. 1892 г.), «Экскурсы въ область русскаго народнаго эпоса» (Москва. 1892 г.), «Очерки русской народной словесности» (Москва. 1897 и 1910 гг., два тома) и мног. др.

Кромѣ того, В. Ѳ. Миллеръ былъ извѣстенъ, какъ издатель журнала «Критическое Обозрѣніе» (1879—1880 гг.) и какъ редакторъ «Этнографическаго Обозрѣнія»—органа этнографическаго отдѣла, въ которомъ онъ состоялъ безсмѣнно предсѣдателемъ съ 15-го декабря 1881 г. до дня смерти.

Въ послѣдніе два года жизни покойный особенно много работалъ по народной русской поэзіи. Такъ, въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія» имъ были помѣщены слѣдующія статьи: «Къ вопросу о возрастѣ и казачествѣ Ильи Муромца» (1912 г., кн. 2), «Къ былинѣ о боѣ Ильи Муромца съ Добрыней» (кн. 8), «Къ былинѣ о Соломанѣ и Василіи Окуловичѣ» (1913 г., кн. 3) и «О нѣкоторыхъ пѣсенныхъ отголоскахъ событій царствованія Ивана Грознаго» (кн. 7).

Въ мое время Всеволодъ Ѳедоровичъ былъ въ полномъ расцвѣтѣ своихъ силъ, полонъ энергіи и вооруженъ новыми методами изслѣ-

Библиотека "Руниверс"

дованія и изложенія филологической науки и фольклора. Достаточно сказать, что мы первые выслушали у него курсъ лекцій, который вскорѣ легъ въ основу его классическаго капитальнаго труда: «Экскурсы въ область народнаго эпоса». Для того времени новая система подхода и овладѣнія въ цѣляхъ науки фактами народной эпической поэзіи, послѣ старыхъ теорій, была поражающимъ явленіемъ и открывала широкіе горизонты познанія одной изъ важнѣйшихъ областей исторіи литературы. И все это сообщалось намъ съ тою необыкновенно искусною и вдохновенною манерою изложенія, которая составляла неподражаемый секретъ Всеволода Ѳедоровича, какъ лектора. Онъ замѣчателенъ въ исторіи московскаго университета тѣмъ, что первый по времени открылъ научный курсъ изученія санскритскаго языка и санскритологіи. До него въ нашемъ университетѣ не было ничего подобнаго. В. Ѳ. Миллеръ рѣшительно отвергъ ту постановку дѣла, которая давала только кое-какую выучку санскритской грамматикѣ, и началъ по санскритологіи рядъ такихъ лекцій, которыя привлекли къ себѣ многихъ студентовъ, для которыхъ знаніе санскритскаго языка было вовсе не обязательно. Изучали мы его по учебнику, изданному на нѣмецкомъ языкѣ, о какомъ-либо руководствѣ по санскриту на русскомъ языкѣ тогда и помина не было.

А знаменитый, впервые открытый В. Ѳ. Миллеромъ филологическій семинарій у него на дому, куда стекались студенты со всего факультета! Живо помню этотъ уголокъ интереснѣйшихъ спеціально-филологическихъ изслѣдованій подъ руководствомъ живого, увлекающагося и увлекающаго своихъ посѣтителей профессора. Обаятельный, изящный въ своемъ обхожденіи хозяинъ гостепріимно встрѣчалъ своихъ гостей, и каждому изъ нихъ у него находилось привѣтливое, подчасъ остроумное, ободряющее въ научной работѣ слово. Когда я явился въ первый разъ на семинарій, то Всеволодъ Ѳедоровичъ спросилъ, изъ какой я гимназіи, воскликнулъ:

— А, мои ти Куряни, свѣдоми кмети!.. добро, добро пожаловать...—и сейчасъ же повелъ рѣчь о Путивлѣ, его древностяхъ, о томъ, не сохранилось ли тамъ преданій о Ярославнѣ и вообще о временахъ древнихъ.

Я имѣлъ возможность разсказать профессору о такихъ фактахъ, которые его заинтересовали, и онъ тутъ же просилъ меня достать изъ Курска нѣкоторыя мѣстныя изданія...

Да, глубоко благодарнымъ словомъ надо помянуть перваго піонера и начинателя филологическаго семинарія въ московскомъ университетѣ, работѣ въ которомъ онъ отдавался со всѣмъ пыломъ молодости и творчества. Немало учениковъ Всеволода Ѳедоровича теперь сами являются изслѣдователями въ сферѣ русской и иностранной филологіи... Несомнѣнно, много думъ зародилось въ томъ симпатичномъ кабинетѣ незабвеннаго профессора, гдѣ онъ съ та-

Библиотека "Руниверс"

кимъ радушіемъ принималъ алчущихъ и жаждущихъ познаній и давалъ имъ много такого, чего не въ силахъ дать, какъ бы ни были онѣ удачны, лекціи въ университетской аудиторіи.

Въ краткой замѣткѣ, конечно, нѣтъ возможности болѣе или менѣе обстоятельно коснуться личности и дѣятельности уѓасшаго теперь дѣятеля науки и высшаго образованія, но пусть будетъ наше слабое и краткое слово о ней хотя маленькимъ листочкомъ въ неувядаемомъ вѣнкѣ его ученой славы.

А. А. Танковъ.

Библиотека "Руниверс"

ДАТЧАНИНЪ ВОЙНАГОРСКІЙ.

ПРИБЛИЗИТЕЛЬНО года полтора тому назадъ—въ первыхъ числахъ апрѣля 1912 года скончался въ довольно преклонномъ возрастѣ у себя на родинѣ коренной датчанинъ Генрихъ-Вильгельмъ-Турихтъ Герстенбергъ, часто именовавшій себя также Вильгельмомъ Францевичемъ Войнагорскимъ.

Коренной датчанинъ *Войнагорскій* да еще Вильгельмъ *Францевичъ*—это было бы смѣшно, если бы не было такъ трогательно. Дѣло въ томъ, что Герстенбергъ, приступивъ въ молодости совершенно случайно къ изученію русскаго языка и изучивъ его въ совершенствѣ, а затѣмъ побывавъ сравнительно продолжительное время въ Россіи, такъ полюбилъ русскихъ и все русское, что не могъ отказаться отъ удовольствія придумать себѣ, хотя бы въ качествѣ псевдонима, вполнѣ по-русски звучащую фамилію и прибавить къ одному изъ своихъ трехъ именъ и отчество, на русскій манеръ.

Псевдонимомъ и отчествомъ онъ пользовался при каждомъ болѣе или менѣе удобномъ случаѣ сначала въ бытность свою въ Россіи, а затѣмъ, до конца жизни, и у себя на родинѣ или за границею при встрѣчахъ и знакомствахъ съ русскими.

Тамъ, за рубежомъ, у Россіи, какъ извѣстно, весьма мало вполнѣ искреннихъ друзей и еще меньше убѣжденныхъ поклонниковъ того, что принято называть «всѣмъ русскимъ». Неудивительно поэтому, что каждый изъ нихъ—этихъ рѣдкихъ друзей и

Библиотека "Руниверс"

поклонниковъ—пріобрѣтаетъ для насъ извѣстный интересъ. Вотъ почему считаю нелишнимъ посвятить Герстенбергу нѣсколько страницъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ». Вспомнилъ же я о немъ теперь, благодаря появившемуся только что въ еженедѣльномъ литературномъ приложеніи къ «Berliner Tageblatt» извѣстію о томъ, что на могилѣ Герстенберга его друзьями воздвигнутъ памятникъ.

Уже одной своей безкорыстной, горячей привязанностью къ Россіи и всему русскому этотъ датчанинъ заслужилъ, чтобы его имя не было для насъ пустымъ звукомъ. Но за Герстенбергомъ числится гораздо болѣе реальная заслуга передъ Россіей, по крайней мѣрѣ передъ русскою литературой.

Дѣло въ томъ, что Герстенбергъ если не первый и не единственный, то одинъ изъ очень немногочисленныхъ переводчиковъ русскихъ писателей на датскій языкъ. До него датчане знакомились съ произведеніями нашей художественной литературы по переводамъ почти исключительно съ переводовъ же—большей частью нѣмецкихъ и французскихъ. Нисколько неудивительно поэтому, что въ твореніяхъ русскихъ писателей отъ такихъ, если можно такъ выразиться, переперводовъ не оставалось ничего, что могло бы привлечь къ себѣ читательскіе круги Даніи, которые и проявляли долгое время полное равнодушіе къ русской беллетристикѣ и поэзіи.

Достаточно сказать, что самъ Георгъ Брандесъ, вслѣдствіе отсутствія хоть сколько-нибудь сносныхъ переводовъ съ русскаго на датскій, сравнительно поздно обратилъ вниманіе на нашу литературу, какъ самостоятельную и крупную единицу, узналъ ее черезъ Францію и только въ 1887 году поспѣшилъ въ Россію, чтобы ознакомиться съ ея писателями и загладить пробѣлъ въ своихъ критическихъ сочиненіяхъ.

Но Брандесъ могъ только говорить передъ своей датской аудиторіей о русскихъ писателяхъ, знакомить же ее съ самими произведеніями ихъ онъ, конечно, былъ лишенъ возможности.

Но вотъ явился Герстенбергъ съ его совершеннымъ знаніемъ русскаго языка и глубокимъ пониманіемъ духа послѣдняго, и среди датской интеллигенціи сразу составился огромный кругъ любителей и цѣнителей богатствъ нашего художественнаго слова. Вмѣстѣ съ тѣмъ датское общество начало мало-по-малу проникаться уваженіемъ къ русскому народу, выдвигающему изъ своей среды авторовъ такихъ прекрасныхъ и увлекательныхъ литературныхъ произведеній, какія оно читало въ переводахъ Герстенберга.

Конечно, однимъ знаніемъ русскаго языка Герстенбергъ не достигъ бы столь поразительныхъ результатовъ. Тутъ требовался еще извѣстный литературный талантъ, необходимый вообще всякому переводчику не ремесленнику, требовалась, помимо этого, еще большая любовь къ той чуждой датчанамъ жизни, которую желательно было сдѣлать для нихъ понятной и наглядной во всей ея

Библиотека "Руниверс"

своеобразной прелести. А этого таланта, этой любви у Герстенберга было въ необыкновенно значительной дозѣ.

Въ то время, какъ Герстенбергъ съ необычайнымъ увлеченіемъ и поразительной неутомимостью переводилъ нашихъ лучшихъ писателей единственно изъ желанія сдѣлать ихъ творенія достояніемъ своихъ соотечественниковъ, въ Россіи объ этомъ безкорыстномъ и талантливомъ другѣ и о его работѣ мало кто зналъ. Я, пишущій настоящія строки, заинтересовался Герстенбергомъ совершенно случайно всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ, то есть незадолго до его смерти. И вотъ какимъ образомъ.

Давно уже интересуясь исторіей проникновенія русской литературы въ среду зарубежныхъ читателей и усердно собирая всевозможные матеріалы по этой исторіи, что облегчаетъ мнѣ въ весьма значительной степени мое сотрудничество въ одной старинной крупной книгоиздательской и книгопродавческой фирмѣ, пользующейся обширной популярностью и за границей, я какъ-то обратилъ вниманіе на слѣдующее обстоятельство.

Въ контору упомянутаго книгоиздательства то и дѣло поступали изъ Копенгагена запросы о тѣхъ или иныхъ русскихъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ, заказы на многія болѣе или менѣе интересныя новинки книжнаго рынка и просьбы сообщить свѣдѣнія о разныхъ авторахъ и ихъ адреса. Всѣ эти письма и заказы, частью на нѣмецкомъ языкѣ, частью на русскомъ, исходили отъ одного и того же лица—Вильгельма Герстенберга.

Въ погонѣ за данными о судьбѣ русской литературы за границей, которыхъ мнѣ въ ту пору какъ разъ недоставало относительно Даніи, я соблазнился неожиданно возникшей у меня мыслью—воспользоваться нашимъ ревностнымъ копенгагенскимъ кліентомъ и обратиться за желательными свѣдѣніями къ Герстенбергу, который, какъ я имѣлъ основаніе предполагать, могъ бы мнѣ ихъ дать.

Въ концѣ декабря 1910 года я написалъ по-нѣмецки Герстенбергу письмо, въ которомъ изложилъ причины, побуждающія меня побезпокоить его, и просилъ въ случаѣ, если время и обстоятельства ему не помѣшаютъ, подѣлиться со мною свѣдѣніями о томъ, насколько русская литература распространена въ Даніи, съ какихъ поръ ее тамъ переводятъ, кто переводчики и т. д.

Прошло больше мѣсяца, а отвѣта изъ Копенгагена, куда я адресовалъ свое письмо, не было. Я уже готовъ былъ допустить, что его и не будетъ. Но въ первыхъ числахъ февраля 1911 года вдругъ получаю отъ Герстенберга длинное посланіе, тоже на нѣмецкомъ языкѣ.

«Простите,—писалъ Герстенбергъ,—что ваше письмо оставалось долго безъ отвѣта. Я все это время провелъ въ разъѣздахъ, причемъ корреспонденція мнѣ изъ дома не пересылалась. Будьте увѣ-

Библиотека "Руниверс"

рены, что если бы я находился дома, то немедленно взялся бы за перо, чтобы вамъ написать. Это я спѣшу сдѣлать теперь: спустя всего два дня по возвращеніи моемъ въ Копенгагенъ.

«Я очень радъ, что вы обратились за нужными вамъ свѣдѣніями именно ко мнѣ, и еще болѣе радъ возможности съ моей стороны удовлетворить въ извѣстной степени ваши желанія.

«Русская литература въ настоящее время довольно популярна въ Даніи, хотя не пользуется такимъ распространеніемъ, какъ, напримѣръ, нѣмецкая и французская. Тѣмъ не менѣе наврядъ ли среди нашей интеллигенціи,—а въ Даніи, смѣю васъ увѣрить, она является преобладающимъ элементомъ,—найдется много такихъ, которые бы не были знакомы съ русской литературой вообще и отдѣльными ея представителями въ частности. Хотѣлось бы, да не вижу особой надобности, умолчать о томъ, что знакомству датскаго народа съ русской литературой посодѣйствовалъ отчасти и я—вашъ покорный слуга. Но мое содѣйствіе относится уже къ болѣе позднему времени: къ двумъ послѣднимъ десятилѣтіямъ, а васъ, насколько я понялъ изъ вашего письма, интересуетъ весь ходъ завоеванія русской литературой читательскаго вниманія въ Даніи. А потому начну издалека, то есть скажу все, что мнѣ по этому поводу извѣстно.

«Первымъ русскимъ писателемъ, проникшимъ къ намъ и привившимся на нашей почвѣ, былъ Тургеневъ. Его открылъ (не правда ли, замѣчательное открытіе!) и сталъ переводить приблизительно въ началѣ второй половины девятнадцатаго столѣтія датскій писатель Миллеръ. Съ Тургеневымъ, какъ я предполагаю, онъ познакомился не по подлиннику, а по французскому, во всякомъ случаѣ весьма точному, переводу. Сперва Миллеръ выпускалъ отдѣльныя произведенія вашего замѣчательнаго писателя, а затѣмъ, кажется, въ 1876 году издалъ собраніе сочиненій его въ своемъ переводѣ въ нѣсколькихъ томахъ.

«Не скажу, чтобы Миллеръ далъ намъ Тургенева во всемъ его блескѣ, но переводы были встрѣчены весьма сочувственно, хотя авторъ «Дворянскаго гнѣзда», «Рудина», «Дыма» произвелъ большее впечатлѣніе на нашихъ писателей, чѣмъ на публику, для которой тургеневскій реализмъ былъ еще въ то время не вполнѣ удобоваримъ.

«Вслѣдъ за Миллеромъ съ русскаго начали переводить Каспаръ-Вильгельмъ Смитъ, Торъ Ланге, Герцъ и др. Въ ихъ переводной работѣ не было, къ сожалѣнію, никакой системы. Они преподносили намъ то Пушкина, то «Слово о полку Игоревѣ», то Толстого, то Чехова, а позже и Бальмонта. Все это печаталось въ нашихъ газетахъ и журналахъ и читалось, но читалось, если не безъ удовольствія, то и безъ особаго увлеченія.

«На рубежѣ 80-хъ и 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія переводить съ русскаго началъ и я. У меня была извѣстная цѣль: заставить моихъ

Библиотека "Руниверс"

соотечественниковъ усвоить и полюбить все то, что есть въ русской литературѣ наиболѣе замѣчательнаго и драгоцѣннаго въ общечеловѣческомъ и художественномъ отношеніяхъ. Не стану перечислять всѣхъ своихъ работъ, но скажу, что мною до настоящаго времени переведены крупнѣйшія произведенія Достоевскаго, Толстого, Гоголя, Чехова, Пушкина, Лермонтова (проза) и многихъ другихъ старыхъ и новыхъ писателей, въ томъ числѣ и Горькаго.

«Не знаю, смѣю ли приписать себѣ эту заслугу, но всѣ переведенныя мною произведенія русской литературы завоевали большія симпатіи нашего общества и возбудили въ послѣднемъ огромный интересъ ко всему русскому.

«Вотъ все, что могу вамъ сказать сейчасъ. Я до сихъ поръ не интересовался библіографіей датскихъ переводовъ съ русскаго, а потому мои свѣдѣнія, которыя сообщаю вамъ, какъ видите, болѣе чѣмъ скудны. Но, если представится возможнымъ, охотно пополню ихъ, даже постараюсь, въ чемъ прошу принять увѣреніе. Всегда готовый къ вашимъ услугамъ Вильг. Герстенбергъ или Вильгельмъ Францевичъ Войнагорскій».

Послѣ второй подписи уже по-русски значилось въ скобкахъ: «Это мой русскій псевдонимъ».

Изъ послѣдней части письма Герстенберга я, разумѣется, не могъ не понять, что въ дѣлѣ ознакомленія датской читательской публики съ корифеями нашей литературы, а также и ея современными такъ или иначе выдающимися представителями Герстенбергъ сыгралъ весьма крупную роль, на которой онъ, очевидно, по скромности своей старается не останавливаться. И меня сильно заинтересовала и дѣятельность моего случайнаго копенгагенскаго корреспондента и его личность. Что же касается второй подписи: *Вильгельмъ Францевичъ Войнагорскій* и приписки—*это мой русскій псевдонимъ*, то тутъ мною просто овладѣло любопытство: зачѣмъ датчанину русская фамилія, хотя бы въ качествѣ псевдонима?

Я рѣшилъ написать второе письмо Герстенбергу, но, чтобы сразу не надоѣсть ему, отложилъ это на нѣкоторое время. Письмо было написано и отправлено въ Копенгагенъ только лѣтомъ 1911 года. Напомнивъ о себѣ и о первомъ письмѣ Герстенберга ко мнѣ, я просилъ его подѣлиться со мною наиболѣе подробными автобіографическими свѣдѣніями, а также объяснить значеніе псевдонима. При этомъ я добавилъ, что прошу его имѣть въ виду, что сообщенія его, буде они послѣдуютъ, могутъ быть мною использованы, такъ какъ я собираюсь написать статью «о русской литературѣ за границей», между прочимъ и въ Даніи, статью, въ которой особое вниманіе будетъ удѣлено переводчикамъ.

На сей разъ я рѣшилъ написать по-русски. По-русски же отвѣтилъ мнѣ Герстенбергъ, и письмо его поразило меня твердостью почерка и относительной чистотой языка. Вотъ оно:

Библиотека "Руниверс"

«Милостивый государь! Я весьма обрадовался случаю писать по-русски; давно уже не приходилось мнѣ изъясняться на языкѣ Гоголя, Тургенева и Толстого ни письменно, ни устно. Допускаю, что не очень правильно напишу, и прошу заранѣе простить мнѣ плохой мой русскій языкъ. Какъ хотите, но я вѣдь—коренной датчанинъ.

«Сильно сомнѣваюсь, чтобы моя біографія могла доставить вамъ что-либо интересное. Первую часть жизни я по профессіи былъ—военный, а только вторую—писатель.

«Имѣя достаточныя причины не любить пруссаковъ, я во время прусско-французской войны съ разрѣшенія датскаго правительства сражался въ рядахъ наполеоновской арміи. Въ русско-турецкую войну былъ военнымъ агентомъ при главной квартирѣ русскаго главнокомандующаго. Русскимъ языкомъ я заинтересовался еще раньше, благодаря одной встрѣчѣ, а когда жилъ среди вашихъ войскъ, овладѣлъ имъ окончательно. Послѣ войны, при Александрѣ III, когда отношенія между Россіей и Германіей испортились, я пріѣхалъ въ Петербургъ съ намѣреніемъ поступить на русскую военную службу. Въ Петербургѣ у меня составились связи и знакомства, но старанія мои не увѣнчались успѣхомъ по разнымъ причинамъ, которыя мнѣ самому не вполнѣ извѣстны. Я оставилъ мысль носить мундиръ русскаго офицера, но Россію покинуть не спѣшилъ: на родинѣ у себя я уже числился въ отставкѣ. Всего въ Россіи я провелъ болѣе двухъ лѣтъ, побывалъ въ Москвѣ, Кіевѣ, Варшавѣ и Одессѣ и совершилъ путешествіе по Волгѣ. За это время я успѣлъ, какъ мнѣ кажется, хорошо изучить русскую жизнь, русскую литературу и полюбить всѣмъ сердцемъ.

«Вернувшись на родину, я принялся сначала за журнальную, потомъ за переводную работу. Объ этой переводной работѣ я уже вамъ писалъ. Въ личной жизни я не особенно счастливъ былъ. Теперь я уже старъ, но все еще много читаю—все еще много перевожу: съ русскаго. Получаю одну русскую газету, а друзья мои—здѣшніе русскіе—приносятъ мнѣ другія ваши газеты и журналы. Всѣ книги русскихъ авторовъ выписываю изъ Петербурга черезъ... (тутъ названа книгопродавческая фирма).

«Вотъ вся моя біографія.

«Будьте здоровы.

«Вильгельмъ Герстенбергъ».

«P. S. Чуть не забылъ сказать о своемъ русскомъ псевдонимѣ. Я придумалъ его себѣ тогда, когда надѣялся остаться навсегда въ Россіи. Имя моего отца было—Францъ, отсюда—Францевичъ. А фамилію «Войнагорскій» я избралъ потому, что я военный и участвовалъ въ войнѣ. Псевдонимъ этотъ мнѣ до сихъ поръ дорогъ. Называюсь имъ и теперь еще въ шутку, если приходится имѣть дѣло съ русскими».

Библиотека "Руниверс"

На этомъ письмѣ, мнѣ показалось, наша переписка съ Герстенбергомъ закончится, но нѣсколько ошибся.

Въ январѣ 1912 года я неожиданно получаю отъ него слѣдующее письмо:

«Милостивый государь! Думаю, что не будете въ претензіи на меня, если сообщу вамъ, что закончилъ переводъ комедіи Гоголя «Ревизоръ» и что «Ревизоръ» скоро будетъ поставленъ въ Копенгагенѣ на королевской сценѣ. Поймутъ ли его наша публика, или нѣтъ,— увидимъ. Мнѣ очень не легко было добиться согласія дирекціи поставить его. Но добился все-таки. Вашъ Герстенбергъ-Войнагорскій».

Я поспѣшилъ, конечно, поздравить его съ успѣхомъ и прибавилъ просьбу о присылкѣ мнѣ его фотографической карточки. Я былъ увѣренъ, что Герстенбергъ и на этотъ разъ исполнитъ мою просьбу, но отвѣта не послѣдовало, а въ первыхъ числахъ апрѣля я прочелъ въ «Новомъ Времени» извѣстіе о смерти этого искренняго друга Россіи и всего русскаго.

Въ бѣгломъ, но тепло и искренно написанномъ некрологѣ «Новаго Времени» заключались нѣкоторыя свѣдѣнія о Герстенбергѣ, гораздо полнѣе и детальнѣе характеризующія его личность и дѣятельность, чѣмъ тѣ три письма, очевидно, набросанныя безъ всякаго желанія говорить о самомъ себѣ, которыя я отъ него получилъ.

«Тщательно и любовно,— писало, между прочимъ, «Новое Время»,—переводилъ Герстенбергъ главныя произведенія Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Гончарова, Достоевскаго, Мельникова-Печерскаго, Аксакова, Короленка, Чехова, Горькаго и другихъ, и переводы его раскупались нарасхватъ. Среди датской публики сразу составился огромный кругъ любителей нашей литературы. Самъ Герстенбергъ зналъ этихъ авторовъ почти наизусть, а Льва Толстого онъ узнавалъ по полуфразѣ, указывая, изъ какой вещи и изъ какой главы онъ взята.

«Кромѣ литературы русской, Герстенбергъ живо интересовался до послѣдняго дня русской общественной и политической жизнью и съ жадностью набрасывался ежедневно на получавшіяся имъ изъ Россіи газеты, журналы и новыя книги. Послѣдней его услугой нашей литературѣ были хлопоты о постановкѣ гоголевскаго «Ревизора» на сценѣ копенгагенскаго королевскаго театра, гдѣ наша классическая комедія и пойдетъ въ будущемъ сезонѣ [1]).

---

[1]) Пишущему эти строки не удалось узнать, шелъ ли «Ревизоръ» на королевской сценѣ въ Копенгагенѣ, или постановка его была отмѣнена со смертью ея иниціатора.

Библиотека "Руниверс"

«Герстенбергъ занимался не только переводами; онъ былъ ученымъ ботаникомъ, состоялъ сотрудникомъ военныхъ журналовъ, выказывая и въ этой области основательныя познанія. Онъ изучилъ санскритскій языкъ, написалъ исторію русскаго казачества и подробно слѣдилъ за развитіемъ крестьянскаго вопроса въ Россіи. Къ русскимъ онъ относился какъ-то особенно: чѣмъ-то родственнымъ до-нельзя близкимъ вѣяло отъ его каждаго слова о Россіи».

Кромѣ «Новаго Времени», кончина Герстенберга была отмѣчена московскимъ «Раннимъ Утромъ».

И. Г.

Библиотека "Руниверс"

ИСКАНІЯ НОВОЙ ЖИЗНИ[1]).

«Научись отличать истинное отъ ложнаго».
«Голосъ Безмолвія». Е. П. Блаватской.

МЫ ПЕРЕЖИВАЕМЪ характерный для нашего времени періодъ страстныхъ исканій путей новой жизни, новой не только по формѣ, но и по внутреннему ея содержанію. Лучшихъ представителей человѣчества не удовлетворяетъ уже и не можетъ удовлетворить современная жизнь съ ея принижающимъ нашъ духъ уклономъ въ сторону матеріальныхъ достиженій. Наше пытливое духовное «я» въ порывѣ къ «свѣтлымъ вершинамъ» снова настойчиво вопрошаетъ: «гдѣ же истина?»

И, несмотря на всякія открытія послѣдняго столѣтія, мы попрежнему все еще ищемъ этихъ путей къ истинѣ и безконечно блуждаемъ, судорожно бросаясь изъ стороны въ сторону. Мы запутались. Мы не можемъ до сихъ поръ установить даже, *что* мы принимаемъ, какъ данное, и *что* считаемъ требующимъ опредѣленія и доказательства,—мы не знаемъ, *что* мы уже знаемъ и *что* желаемъ знать, то есть мы и окружающій насъ міръ остаются для насъ загадками, и прежде всего мы сами—наши физическія и духовныя силы.

Поэтому можно только привѣтствовать появленіе новаго книгоиздательства «Новый Человѣкъ», задавшагося цѣлью раскрыть передъ русскими читателями сущность и методы новой мысли—«этихъ новыхъ путей къ новой жизни».

---

[1]) Книгоиздательство «Новый Человѣкъ». С.-Петербургъ, Эртелевъ пер., 6.

Библиотека "Руниверс"

Какъ и можно было ожидать, книгоиздательство начало прежде всего съ книги, посвященной преимущественно физическому тѣлу человѣка и его общественной жизни. «*Новый Человѣкъ*» А. А. Суворина (Алексѣя Порошина) подробно останавливается на вопросахъ о здоровьи человѣка, его тѣлѣ, пищѣ, питаньи и жилищѣ, его общественной жизни и роли въ мірозданіи и т. п.

А. А. Суворинъ говоритъ:

«Человѣкъ по своимъ силамъ, дѣйствительно, божество, но только онъ еще не нашелъ въ себѣ рукояти ко всей громадѣ возможностей, въ него заложенныхъ.

«Но силъ въ немъ, дѣйствительно—міръ цѣлый и безконечный.

«Онъ подчинилъ себѣ землю, а работаетъ всего лишь одной половиной мозга, до сихъ поръ не умѣя заставить дѣйствовать вторую.

«Онъ не вырождается, а дышитъ лишь одной шестой всей возможности своихъ легкихъ.

«Физическія силы его малы лишь въ сравненіи съ духовными, но и это—лишь пока, лишь теперь.

«Ему данъ разумъ, а съ нимъ и полная возможность самому взять этихъ физическихъ силъ, сколько ему угодно и сколько надо по его разуму и подготовленности, ибо онѣ лежатъ прямо передъ нимъ.

«Но силы эти не каждому дарятся—онѣ даются, именно, разуму и сознательной волѣ, какъ будто природой требуется особая порука, что онѣ не будутъ потрачены человѣкомъ зря и даже во зло себѣ самому.

«И грѣхъ великій противъ себя и противъ высшаго счастья міра—чувства радости и довольства жизнью — совершаетъ человѣкъ, когда, живя, онъ уже съ молодыхъ лѣтъ только растрачиваетъ свои физическія силы, вмѣсто того, чтобы съ каждымъ днемъ ихъ увеличивать, набирать въ себя болѣе физической энергіи, расширять объемъ своихъ легкихъ, дѣлать свою кровь краснѣе. а самое настроеніе — бодрѣе, энергичнѣе, наполняясь увѣренностью, что жизнь есть великое и радостное благо, а онъ самъ и есть тотъ нарядный алый цвѣтъ мірозданія, который солнце прилежно вызываетъ своими горячими лучами изъ красной глины земли».

Затѣмъ книгоиздательствомъ предпринятъ цѣлый рядъ изданій, посвященныхъ іогизму и «росту души» человѣка. Это—новый и въ высшей степени интересный вопросъ, который, какъ извѣстно, въ послѣднее время формулированъ психологіей и философіей Запада, одновременно съ притокомъ къ нимъ ученій древняго Востока.

Востокъ всегда былъ и остается пока для Запада страной тайнъ и загадокъ. Особенно много легендъ существовало и существуетъ объ Индіи, о таинственныхъ знаніяхъ индійскихъ мудрецовъ и философовъ.

Многіе факты давно говорили, что, кромѣ тѣхъ знаній, которыя заключены въ древнихъ книгахъ Индіи, ея священныхъ писаніяхъ, преданіяхъ, поэмахъ, существуетъ еще какое-то другое знаніе, которое нельзя почерпнуть изъ книгъ, которое не раскрывается публично, но слѣды котораго видны совершенно ясно.

Библиотека "Руниверс"

Философія Индіи и ея религіи заключаютъ въ себѣ неисчерпаемые источники мысли, и европейская философія всегда пользовалась и пользуется этими источниками, но не достигаетъ тѣхъ результатовъ, то-есть тѣхъ идеаловъ мудрости, святости и силы, какіе получаются на родинѣ Упанишадъ.

Европейскіе ученые, изучавшіе религіозно-философскія ученія Востока, чувствовали, что, кромѣ извѣстныхъ книгъ, существуютъ еще какія-то другія, сохраняемыя въ тайнѣ и содержащія въ себѣ «тайное ученіе». И вотъ немало силъ и энергіи было потрачено на поиски этой *тайной доктрины* Востока.

Но сущность этой доктрины стала дѣлаться понятной Западу только тогда, когда начали появляться свѣдѣнія объ ученіяхъ іоговъ.

«Іогами называютъ въ Индіи людей [1]), посвятившихъ себя безкорыстной дѣятельности на разныхъ поприщахъ жизни и пользующихся въ своей работѣ особыми пріемами и методами, безконечно увеличивающими ихъ силы сравнительно съ силами обыкновенныхъ людей».

«Іоги не имѣютъ ничего общаго съ бродячими факирами, невѣжественными фанатиками, истязающими себя для достиженія небеснаго блаженства, или фокусниками, показывающими за плату «чудеса», основанныя частью на ловкости, частью же на гипнотизированіи зрителей. Эти факиры часто называютъ себя іогами, но истиннаго іога всегда можно узнать, потому что онъ не стремится ни къ какимъ матеріальнымъ пріобрѣтеніямъ и не можетъ ничего показывать за плату, а, главное, по его глубокимъ знаніямъ, по его духовности и тонкой способности мыслить и разсуждать».

«Наука іоговъ», то есть методы, которыми іоги пользуются для развитія у себя необыкновенныхъ силъ и способностей, идетъ изъ глубокой древности».

Изучая человѣка, древніе индусы нашли въ немъ множество скрытыхъ силъ. У нѣкоторыхъ исключительныхъ людей: святыхъ, геніевъ, людей таланта, ясновидящихъ, предсказателей и медіумовъ, тѣ же силы проявляются самопроизвольно, тогда какъ у обыкновеннаго человѣка онѣ спятъ. Но онѣ есть у всѣхъ. Продолжая изученіе человѣка, родоначальники науки іоговъ нашли, что скрытыя силы могутъ быть разбужены и развиты у всѣхъ людей.

Убѣдившись въ правильности этихъ положеній, индійскіе философы и ученые начали искать способы: во-первыхъ, дать человѣку возможность лучше узнать самого себя, понять свои скрытыя способности или наклонности, найти и опредѣлить, въ какомъ направленіи ихъ нужно развивать; во-вторыхъ, пробуждать скрытыя способности и научиться ими пользоваться на всѣхъ путяхъ жизни.

---

[1]) *П. Д. Успенскій.* **Исканія новой жизни.** (Что такое іога).

Библиотека "Руниверс"

Такимъ путемъ создалась наука «іоговъ», вѣрнѣе, циклъ наукъ іоговъ.

Каждая изъ этихъ наукъ распадается:

1) на теоретическую часть, которая излагаетъ основные принципы и общія положенія, и

2) на практическую часть, указывающую способы и пріемы, при помощи которыхъ человѣкъ можетъ развить у себя сверхнормальныя силы и способности въ данной области.

Науки іоговъ долгое время сохранялись въ Индіи въ тайнѣ; и тѣ методы, которые почти чудеснымъ образомъ увеличиваютъ силу человѣка, были привилегіей ученыхъ браминовъ высокой касты и подвижниковъ или отшельниковъ, совершенно отказавшихся отъ міра.

Европейцы не могли получить никакихъ свѣдѣній о іогѣ, и все, что обыкновенно разсказывали путешественники по этому вопросу, носило фантастическій характеръ.

Первыя правильныя свѣдѣнія объ іогизмѣ начали появляться въ послѣднія десятилѣтія XIX столѣтія въ «теософической литературѣ». Такъ, много интереснаго сообщается въ сочиненіяхъ Блаватской, Олькотта, Синнета, Анни Безантъ и другихъ.

Европейцы, очень много заимствуя у іоговъ, все-таки не могли понять и охватить всего значенія «наукъ у іоговъ» въ ихъ совокупности.

Но въ послѣднее время начали появляться сочиненія по іогѣ, принадлежащія перу ученыхъ индусовъ, получившихъ одновременно и восточное и западное образованіе. Изъ этихъ сочиненій мы узнаемъ, что «іога» въ цѣломъ имѣетъ совершенно исключительное значеніе.

Іога—это ключъ ко всей мудрости Востока.

Но силы, которыя даетъ іога, этимъ далеко не ограничиваются. Іога безконечно увеличиваетъ творческія способности человѣка во всѣхъ сферахъ и областяхъ жизни, даетъ ему возможность непосредственнаго проникновенія въ тайны природы, раскрываетъ передъ нимъ секреты вѣчности и загадки бытія.

Изъ новой литературы, посвященной іогизму, особенно интересны сочиненія одной группы писателей-индусовъ: Рамачараки, Абедананды, Вивекананды и другихъ. Это все ученики знаменитаго іога Бхагавана Шри-Рамакришны, почти нашего современника, умершаго въ 80-хъ годахъ XIX столѣтія.

Рамакришна, человѣкъ необыкновенной духовности и глубокихъ знаній, совершенно разстался съ традиціоннымъ покровомъ тайны, раньше обыкновенно окружавшимъ преподаваніе іоги.

Книга одного изъ учениковъ Рамакришны, Суоми Абедананды, «Какъ сдѣлаться іогомъ» даетъ общую картину всего цикла наукъ іоговъ.

Библиотека "Руниверс"

Іога, по опредѣленію Суоми Абедананды, распадается на пять отдѣловъ: хатха-іога, раджа-іога, бхакти-іога, карма-іога и жнана-іога.

«Пять іогъ—это пять путей. Всѣ эти пути ведутъ къ одной цѣли: къ совершенствованію, къ переходу на «высшія [плоскости» познанія и жизни. Пять іогъ—это пять дорогъ на одну вершину» [1]).

Одно изъ значеній слова «іога»—это правильность въ работѣ. Іога прежде всего учитъ правильно дѣлать все, что человѣкъ дѣлаетъ».

«Только изучая іогу, человѣкъ видитъ, до какой степени неправильно дѣйствовалъ онъ во всѣхъ случаяхъ своей жизни, какъ много силъ тратилъ онъ совсѣмъ напрасно, достигая ничтожныхъ результатовъ при огромной затратѣ энергіи. Іога учитъ человѣка правильной экономіи силъ, она учитъ его дѣлать сознательно все, что бы онъ ни дѣлалъ, помогая человѣку во всемъ, что онъ дѣлаетъ. Изученіе іоги показываетъ человѣку, прежде всего, что онъ гораздо сильнѣе и могущественнѣе, чѣмъ онъ считалъ себя» [1]).

Іога по своему первому назначенію не направляетъ человѣка. Она только увеличиваетъ его силу, но въ то же время, пользуясь силами, даваемыми іогой, человѣкъ можетъ итти только въ одномъ направленіи, стремясь къ истинному и къ вѣчному. «Если онъ пойдетъ по другому пути, стремясь только въ личному и къ временному, сдѣлавъ попытку заставить іогу служить его мелкимъ, земнымъ человѣческимъ цѣлямъ, сама же іога, обратившись противъ него, остановитъ его, лишитъ всѣхъ силъ, не только увеличенныхъ силъ, даваемыхъ іогой, но даже силъ обыкновеннаго человѣка. Неправильное пользованіе силами, даваемыми іогой, обращаетъ ихъ противъ того, кто злоупотребляетъ ими. Поэтому совершенно неосновательны всѣ страхи о томъ, что злые или корыстные, или ничтожные люди могутъ воспользоваться силами іоги для злыхъ, корыстныхъ или мелкихъ житейскихъ цѣлей. И нѣтъ никакой надобности держать іогу въ тайнѣ» [1]).

Во всемъ, чего бы ни касалась іога, она учитъ человѣка отличать реальное отъ ложнаго, и эта способность правильнаго различенія помогаетъ человѣку находить скрытыя истины тамъ, гдѣ раньше онъ не видѣлъ или не подозрѣвалъ ничего особеннаго.

Это одно изъ основныхъ пріобрѣтеній, получающихся отъ изученія іоги: *духовный взоръ человѣка становится проницательнѣе.*

Никакихъ «скрытыхъ книгъ» и «тайныхъ знаній», о которыхъ говорятъ «оккультисты», нѣтъ, потому что они совсѣмъ не нужны. Вѣчное умѣетъ хранить свои тайны безъ помощи такихъ грубыхъ средствъ, какъ скрытыя книги. Одна изъ самыхъ оккультныхъ

[1]) Ibidem.

Библиотека "Руниверс"

книгъ — Евангеліе — большое всего распространена, но не всѣ умѣютъ читать его, не всѣ видятъ глубину его.

Іога учитъ искать и находить эту глубину.

Іога недоступна въ цѣломъ всѣмъ и всегда, но она имѣетъ много степеней разной трудности. Въ этомъ отношеніи іога напоминаетъ искусство.

Особенностью іоги является еще то, что ея не видно снизу. Новые горизонты открываются передъ человѣкомъ, изучающимъ іогу, по мѣрѣ того, какъ онъ идетъ впередъ. Каждый сдѣланный шагъ показываетъ ему впереди новое, чего онъ раньше не видалъ.

Человѣкъ, вступающій на путь іоги съ цѣлью достигнуть ея вершинъ, долженъ отдать всего себя. Онъ долженъ прежде всего *гармонизировать себя, привести себя къ единству, выработать себѣ постоянное «я»*, оградить себя отъ постоянныхъ порывовъ, настроеній и желаній, уносящихъ его то въ ту, то въ другую сторону, заставить всѣ свои силы служить одной цѣли.

Изученіе іоги невозможно при условіи той раскиданности мыслей, желаній и чувствъ, въ какихъ живетъ обыкновенный человѣкъ. Іога учитъ человѣка въ каждый данный моментъ сосредоточивать всѣ свои силы на томъ, что онъ дѣлаетъ, и эта способность сосредоточиваться безконечно увеличиваетъ и улучшаетъ результатъ всякой дѣятельности человѣка.

Общая цѣль всѣхъ видовъ іоги это—измѣненіе человѣка, расширеніе его сознанія. Въ основѣ всѣхъ іогъ лежитъ одинъ принципъ, а именно: *человѣкъ—существо незаконченное, несовершенное и могущее быть значительно измѣненнымъ*. Западная мысль до настоящаго времени брала человѣка, какъ данное, какъ наличное, съ которымъ единственно можно имѣть дѣло, которое единственно и существуетъ. Востокъ же смотритъ на человѣка иначе.

Для восточной мысли человѣкъ—только матеріалъ, надъ которымъ можно и нужно работать. Это относится главнымъ образомъ къ внутреннему міру человѣка, къ его психикѣ, которая, согласно ученіямъ іоговъ, можетъ быть совершенно измѣнена, освобождена отъ ограниченій и усилена до безконечности, благодаря чему человѣкъ получитъ новыя возможности достиженія и познанія истины и новыя силы.

Восточная психологія раздѣляетъ четыре состоянія сознанія,

1) сонъ безъ сновидѣній (потенціальное состояніе сознанія);

2) сонъ со сновидѣніями (субъективное состояніе сознанія замкнутое въ кругу самого себя;

3) бодрствующее состояніе (объективное состояніе сознанія, замкнутое въ кругу міра явленій), и

4) пробужденное или просвѣтленное состояніе сознанія, находящееся въ единеніи съ Безконечнымъ.

Къ этому просвѣтленному состоянію человѣкъ, по понятіямъ іоговъ, долженъ стремиться, потому что только въ этомъ состояніи

Библиотека "Руниверс"

можно найти и постигнуть истину. Все, что даютъ другія состоянія сознанія,—иллюзорно и ложно.

Обыкновенное, по научной терминологіи—«ясное», сознаніе человѣка это—третья ступень. Западная психологія до недавняго времени считала это состояніе сознанія—высшимъ. Восточная психологія считаетъ, что человѣкъ въ этой земной жизни долженъ и можетъ стремиться выйти изъ этого ограниченнаго состоянія сознанія и достигнуть высшаго, хотя бы на одно мгновеніе.

О природѣ и свойствахъ этого четвертаго состоянія сознанія существуетъ очень много свѣдѣній и въ западной и въ европейской литературѣ, и, хотя разные авторы часто говорятъ различными словами, совершенно ясно, что они говорятъ объ одномъ и томъ же. Всѣ системы іоги, каждая по-своему ,стремятся раскрыть въ человѣкѣ это высшее состояніе сознанія, духовное наслѣдство человѣка, его зарытый талантъ, о которомъ онъ часто не знаетъ.

Раскрытіе высшаго сознанія есть цѣль всѣхъ іогъ».

«Идя путемъ іоги, человѣкъ долженъ достигнуть состоянія самадхи, экстаза или просвѣтленія, въ которомъ единственно можно постигнуть истину. Это и есть цѣль—Нирвана».

По отношенію къ тѣмъ книгамъ Востока, которыя, какъ будто, не хотятъ раскрыть всю свою мудрость незнающимъ людямъ и раскрываютъ знающимъ, послѣдователи системъ іоги утверждаютъ, что эти книги писались людьми, достигшими высшаго состоянія сознанія или съ ихъ словъ, и что поэтому своимъ обыкновеннымъ земнымъ сознаніемъ человѣкъ этихъ книгъ понять цѣликомъ не можетъ. Чтобы взять изъ нихъ все, что въ нихъ заключается, нужно подняться на высоту мысли ихъ авторовъ. «А эта высота мысли внѣ предѣловъ того состоянія сознанія, которое считалось высшимъ на Западѣ».

Но Западъ тоже выходитъ изъ своихъ старыхъ рамокъ. Одинъ за другимъ представители западной науки приходятъ къ необходимости признать возможность расширенія сознанія и начинаютъ точно опредѣлять формы и виды этого расширенія.

Въ литературѣ послѣдняго времени особенно обратила на себя вниманіе книга профессора Джемса «Многообразіе религіознаго опыта». Профессоръ Джемсъ призналъ реальную возможность состояній сознанія иныхъ, чѣмъ обычное «ясное» сознаніе, и установилъ нѣкоторые законы появленія этихъ «мистическихъ» состояній сознанія, тождественныхъ съ состояніемъ самадхи индійскихъ іоговъ.

Книга профессора Джемса особенно интересна тѣмъ, что онъ устанавливаетъ факты познавательной роли религіознаго чувства и мистики, факты пріобрѣтенія новыхъ знаній какъ бы изъ самого себя, не путемъ объективнаго изученія и изслѣдованія, а путемъ расширенія сознанія.

Библиотека "Руниверс"

Среди цѣлаго ряда авторовъ профессоръ Джемсъ ссылается на книгу канадскаго психіатра доктора Бекка «Космическое сознаніе», въ которой разсматривается то же самое «иное состояніе сознанія», какъ со стороны законовъ его появленія, такъ и со стороны его практической пользы—именно уничтоженія у людей страха смерти и чувства отдѣльности другъ отъ друга и отъ природы. Всю всемірную исторію докторъ Беккъ разсматриваетъ, какъ результатъ воздѣйствія на людей средняго уровня, т.-е. съ обыкновеннымъ сознаніемъ, немногихъ единицъ, обладавшихъ космическимъ сознаніемъ и составляющихъ въ цѣломъ, несмотря на раздѣляющія ихъ лѣта и тысячелѣтія, высшую расу человѣчества.

Книга доктора Бекка во многомъ, особенно въ описаніи психологическаго процесса расширенія понятій, ведущаго къ появленію «космическаго сознанія», замѣчательно совпадаетъ съ появившимися раньше книгами Хинтона («Новая эра мысли», «Четвертое измѣреніе» и др.).

Указывая на то, что въ основѣ нашего чувственнаго воспріятія міра лежитъ чувство пространства, Хинтонъ очень много и подробно говоритъ о возможности развитія и воспитанія этого чувства пространства и о результатахъ, которые это дастъ, при чемъ результаты, какъ ихъ понимаетъ Хинтонъ, совершенно сближаютъ его «чувство высшаго пространства» съ «космическимъ сознаніемъ» доктора Бекка и съ «мистическимъ состояніемъ сознанія» профессора Джемса, и, слѣдовательно, съ четвертымъ видомъ сознанія индійской психологіи.

Джемсъ, Беккъ и Хинтонъ особенно близки къ мысли Востока тѣмъ, что они признаютъ возможность произвольнаго приближенія, путемъ тренировки мысли и чувства, къ расширенному сознанію, т.-е. возможность самоизмѣненія, самоисправленія и самоусовершенствованія психическаго аппарата человѣка и безконечнаго расширенія возможности познанія.

Очень много фактовъ раскрытія «новыхъ возможностей» человѣка приводится въ упомянутой книгѣ «Новый Человѣкъ».

Особенно любопытны приводимыя здѣсь описанія опытовъ и наблюденій ректора дижонской академіи Э. Буарака надъ особыми расширенными способностями, появлявшимися у загипнотизированныхъ лицъ. Эти опыты устанавливаютъ существованіе какихъ-то совершенно неизвѣстныхъ намъ способностей въ человѣкѣ, проявляющихся подъ гипнозомъ. Напр., опыты Буарака показали возможность чтенія безъ посредства глазъ—пальцами. Субъекты, надъ которыми производилъ опыты Буаракъ, читали газеты съ завязанными глазами, касаясь текста пальцами или локтемъ, или прикладывая газету ко лбу. Эти опыты въ цѣломъ говорятъ о самостоятельномъ существованіи въ человѣкѣ психической силы, могущей дѣйствовать помимо обычныхъ органовъ

Библиотека "Руниверс"

и путей. И въ данномъ случаѣ дѣло совсѣмъ не идетъ о телепатіи, потому что загипнотизированные «читали», то, чего не зналъ никто изъ присутствовавшихъ.

Въ той же книгѣ приводится много случаевъ ясновидѣнія, измѣненія ощущеній пространства и времени—и дѣйствительнаго выхода человѣка съ измѣненнымъ сознаніемъ изъ обычныхъ условій времени, пространства и причинности. Эти странныя возможности, говорятъ, что мы себя, въ сущности, совершенно не знаемъ, и что въ насъ самихъ лежитъ для насъ очень много неожиданностей и сюрпризовъ.

Все это, но болѣе детально и систематично, можно найти въ книжкахъ издательства: «*Исканія новой жизни. Что такое іога*» П. Д. Успенскаго, «*Какъ сдѣлаться іогомъ*» Суоми Абедананда, «*Основы міросозерцанія индійскихъ іоговъ*», «*Наука о дыханіи*» и «*Пути достиженія индійскихъ іоговъ*» іога Рамачарака.

Здѣсь же мы остановимся на ученіи іоговъ о физическомъ тѣлѣ—на «Хатхѣ-іога» того же Рамачарака.

Хатха-іога—іога власти надъ тѣломъ и надъ природой. Практическое изученіе хатха-іоги даетъ человѣку идеальное здоровье, увеличиваетъ жизнь и даетъ много новыхъ силъ и способностей, которыми обыкновенный человѣкъ не обладаетъ и которыя кажутся почти чудесными.

Іоги утверждаютъ, что здоровое и нормально функціонирующее тѣло легче можетъ быть подчинено разуму, высшимъ стремленіямъ и духовнымъ началамъ, чѣмъ тѣло больное, разстроенное и развинченное. Кромѣ того, здоровое тѣло легче не замѣчать, больное же подчиняетъ себѣ человѣка, заставляетъ черезчуръ много думать о себѣ, требуетъ слишкомъ много вниманія.

Поэтому первое, къ чему стремится хатха-іога, это здоровое тѣло.

Іогами выработано множество правилъ для регулированія и контролированія дѣятельности различныхъ органовъ тѣла. Іоги находятъ, что тѣло нельзя предоставлять самому себѣ. Инстинкты недостаточно строго руководятъ его дѣятельностью; необходимо вмѣшательство разума.

Основная идея іоговъ заключается въ томъ, что тѣло въ естественномъ его состояніи совсѣмъ не представляетъ собой такого ужъ идеальнаго аппарата, какъ часто думаютъ. Многія функціи тѣла нужны только для сохраненія существованія тѣла среди тѣхъ или другихъ неблагопріятныхъ условій. Въ тѣлѣ много ненужнаго, создавшагося только вслѣдствіе борьбы съ неблагопріятными условіями.

Іоги говорятъ [1]):

[1]) Рамачарака—«Хатха-іога». Спб. 1913.

Библиотека "Руниверс"

«Принципъ приспособляемости проявляется во всѣхъ формахъ жизни. Сѣмя, упавшее въ трещину скалы, все-таки даетъ ростокъ, который или вьется по скалѣ, мѣняя свою нормальную форму, или, если онъ достаточно силенъ, раскалываетъ скалу и сохраняетъ свою нормальную форму. То же самое и человѣкъ: онъ можетъ жить и даже благоденствовать во всѣхъ климатахъ и во всѣхъ условіяхъ. Жизненная сила его приспособляется къ разнообразнымъ условіямъ, и тамъ, гдѣ она не можетъ разрушить скалу, она пускаетъ побѣгъ въ искаженной формѣ, но все-таки живой и бодрый».

Вотъ именно такой «искаженной формой», создавшейся среди тысячи неблагопріятныхъ условій, и считаютъ іоги тѣло современнаго человѣка.

Дальше они находятъ, что многія изъ неблагопріятныхъ условій уже исчезли, но функціи, созданныя ими, продолжаютъ еще существовать. И іоги утверждаютъ, что, уничтоживъ эти лишнія функціи тѣла, можно безконечно увеличить энергію, идущую на полезную работу.

Тѣло такое, какое оно дается природой, съ ихъ точки зрѣнія, только матеріалъ. И человѣкъ, стремясь къ своимъ высшимъ цѣлямъ, можетъ воспользоваться этимъ матеріаломъ и, обработавъ его надлежащимъ образомъ, создать себѣ орудіе для осуществленія своихъ стремленій. Возможности, заложенныя въ тѣлѣ, по утвержденіямъ іоговъ, громадны.

И у іоговъ существуетъ множество методовъ и способовъ для ослабленія ненужныхъ функцій тѣла и для пробужденія и раскрытія дремлющихъ въ немъ новыхъ способностей и возможностей.

Интересно отмѣтить, что къ идеямъ іоговъ послѣднее время очень близко подошелъ профессоръ Мечниковъ, который тоже утверждаетъ, что человѣческое тѣло въ такомъ состояніи, какъ его создаетъ природа, совсѣмъ не идеальный аппаратъ и можетъ быть значительно улучшено, должно быть сдѣлано болѣе энергичнымъ и долговѣчнымъ.

Въ статьѣ «Міросозерцаніе и медицина» онъ говоритъ [1]):

«Человѣкъ, въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ появляется на свѣтъ, есть существо ненормальное, больное, подлежащее вѣдѣнію медицины»...

«Всѣмъ извѣстно, что многіе мыслители считаютъ человѣческую природу вполнѣ совершенной.

«Эмиль» Ж.-Ж. Руссо начинается слѣдующими словами: «Все хорошо, выходя изъ рукъ Творца; все испорчено руками человѣка».

«Въ настоящее время можно отстаивать какъ разъ обратное:

---

[1]) И. И. Мечниковъ. «Сорокъ лѣтъ исканія раціональнаго міровоззрѣнія». Стр. 274.

Библиотека "Руниверс"

природа дурно создала человѣка; только своими руками можетъ онъ усовершенствовать себя».

«Я могу заключить совершенно обратно Руссо, что все, выходящее изъ рукъ Творца, далеко не во всѣхъ отношеніяхъ совершенно, и что оно также далеко не портится въ рукахъ человѣческихъ».

«Напротивъ, человѣкъ при помощи науки въ состояніи исправить несовершенство самой природы».

Профессоръ Мечниковъ признаетъ полную возможность измѣненія и усовершенствованія человѣка путемъ научнаго обращенія съ его тѣломъ.

«Въ проблемѣ человѣческихъ судебъ—говоритъ онъ—человѣкъ никогда не сможетъ удовольствоваться тѣмъ, что ему дала природа. Онъ непремѣнно измѣнитъ природу животныхъ и растеній, также точно измѣнитъ свою собственную природу, сдѣлавъ ее болѣе гармоничной» [1]).

Іоги же говорятъ:

«Въ расчетъ природы совсѣмъ не то входило, чтобы человѣкъ разставался со своимъ тѣломъ, пока не достигнетъ глубоко преклоннаго возраста, и люди знаютъ, что если бы они съ дѣтства соблюдали законы природы, то смерть отъ болѣзни въ юныхъ или въ молодыхъ годахъ была бы такой же рѣдкостью, какъ и смерть вслѣдствіе несчастныхъ случаевъ» [1]).

Профессоръ Мечниковъ говоритъ о томъ же:

«Человѣкъ, явившійся въ результатѣ длиннаго цикла развитія, носитъ на себѣ явные слѣды животнаго происхожденія; пріобрѣвъ невѣдомую въ животномъ мірѣ степень умственнаго развитія, онъ сохранилъ многіе признаки, оказавшіеся ему не только не нужными, но прямо вредными, а животная природа сохранила жизнь, несмотря на хроническое отравленіе ядами, вырабатываемыми бактеріями кишечной флоры. Эта основная дисгармонія человѣческой природы можетъ быть устранена правилами раціональной гигіены, чѣмъ дается возможность человѣку прожить полный и счастливый циклъ жизни, заканчивающійся спокойной и естественной смертью. Это и есть такъ называемый ортопіозъ, на который можно смотрѣть, какъ на цѣль раціональнаго человѣческаго существованія. Задача этики сводится къ тому, чтобы предоставить наибольшему количеству людей возможность достигнуть цѣли ихъ жизни, т.-е. провести весь циклъ ихъ раціональнаго существованія вплоть до естественнаго конца» [2]).

Съ точки зрѣнія іоговъ задача этики такъ же, какъ задача человѣческаго существованія, совсѣмъ другая, безконечная болѣе широкая.

---

[1]) «Хатха-іога»—Рамачарака. Спб. 1913.

[2]) «Сорокъ лѣтъ исканія раціональнаго міровоззрѣнія».

Библиотека "Руниверс"

Интересно отмѣтить совпаденіе взглядовъ новѣйшей науки съ очень старыми идеями іоговъ, при чемъ взгляды іоговъ шире, потому что іоги никогда не могутъ смотрѣть на человѣка, только какъ на организмъ, не ставя на первое мѣсто интересовъ духа. Поэтому и въ долгой жизни іоги видятъ не цѣль, а только средство къ познанію истины, составляющему ихъ цѣль на всѣхъ путяхъ.

Стремясь къ тому, чтобы облегчить человѣку познаніе истины, хатха-іога признаетъ человѣческое тѣло несовершеннымъ аппаратомъ для познанія истины и находитъ возможнымъ, усовершенствовавъ этотъ аппаратъ, не только избавить его отъ отрицательныхъ свойствъ, но и создать въ немъ опредѣленно положительныя свойства, какими совсѣмъ не обладаетъ человѣкъ въ «естественномъ состояніи».

Профессоръ Мечниковъ строитъ свою теорію, главнымъ образомъ, на вредоносности толстыхъ кишекъ, представляющихъ собою мѣсто культуры милліардовъ бактерій и совершенно ненужныхъ, съ его точки зрѣнія, для организма въ современныхъ условіяхъ существованія.

Іоги идутъ гораздо дальше. Они вообще говорятъ, что только ничтожный процентъ энергіи тѣла въ естественномъ состояніи тратится съ пользой (т.-е. на сохраненіе жизни тѣла до возможныхъ предѣловъ и на служеніе духовнымъ стремленіямъ человѣка). Большая часть производимой тѣломъ энергіи, по ихъ мнѣнію, тратится безъ пользы.

Но они считаютъ возможнымъ заставить всѣ органы тѣла работать для одной цѣли, т.-е. брать всю вырабатываемую ими энергію и заставить ее служить высшимъ цѣлямъ, которымъ теперь она часто только мѣшаетъ.

Хатха-іога имѣетъ дѣло съ физической природой человѣка въ самомъ прямомъ смыслѣ, т.-е. съ функціями животной и растительной жизни. И въ этомъ отношеніи іоги замѣтили нѣкоторые законы, тоже только въ самое послѣднее время раскрывающіеся для западной науки. Во-первыхъ, необыкновенная самостоятельность отдѣльныхъ органовъ тѣла, и, во-вторыхъ, способность одного органа исполнять работу другого.

Наблюдая самостоятельность частей и органовъ, даже клѣточекъ тѣла, іоги пришли къ заключенію, что жизнь тѣла состоитъ изъ тысячъ отдѣльныхъ жизней. Каждая «жизнь» подразумѣваетъ «душу» или сознаніе. Эти самостоятельныя «жизни», обладающія отдѣльными «душами» или сознаніями, іоги видятъ во всѣхъ сложныхъ органахъ и во всѣхъ микроскопическихъ клѣточкахъ, во всѣхъ веществахъ тѣла. Это—«оккультная» сторона хатха-іоги.

Эти жизни, эти сознанія—«духи тѣла». По теоріи хатха-іоги человѣкъ можетъ подчинить ихъ себѣ, заставить ихъ служить своимъ цѣлямъ.

Хатха-іога учитъ управлять дыханіемъ, кровообращеніемъ, нервною силою; іоги могутъ, задерживая дыханіе, почти остано-

Библиотека "Руниверс"

вить всѣ функціи тѣла, погрузить его въ летаргію, въ которой человѣкъ безъ вреда для себя можетъ пробыть долгое время безъ пищи и безъ воздуха; могутъ, наоборотъ, усиливать дыханіе и, дѣлая его ритмичнымъ съ біеніемъ сердца, набирать въ себя огромный запасъ жизненной силы или «праны» и пользоваться этой силой, напримѣръ, для леченія какъ своихъ, такъ и чужихъ болѣзней.

Научаясь владѣть своимъ тѣломъ, человѣкъ научается владѣть всей матеріальной вселенной. Человѣческое тѣло въ миніатюрѣ представляетъ собой вселенную. «Въ немъ есть все отъ минерала до Бога» [1]). И это совсѣмъ не только образное выраженіе, а самая реальная истина. Черезъ свое тѣло человѣкъ находится въ общеніи со всей феноменальной вселенной.

Научаясь управлять различными началами—«по оккультной терминологіи, «духами»,—входящими въ его тѣло, человѣкъ получаетъ возможность управлять тѣми же началами, разлитыми во вселенной, т.-е. духами природы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, правильное пониманіе принциповъ хатха-іоги научаетъ человѣка понимать законъ мірозданія и свое мѣсто въ мірѣ.

Въ литературѣ, посвященной іогизму, особенно въ теософической литературѣ, есть много голосовъ, предостерегающихъ отъ хатха-іоги, какъ отъ опаснаго увлеченія. Но нужно понять, что эти предостереженія направлены не противъ хатха-іоги въ чистомъ видѣ, а противъ ея искаженій.

Практика хатха-іоги едва ли возможна безъ изученія другихъ іогъ. Но въ то же время и практика другихъ іогъ едва ли возможна безъ хатха-іоги, по крайней мѣрѣ до извѣстной степени.

Таково ученіе индійской мудрости о нашемъ тѣлѣ

Съ изданіемъ обѣщанныхъ «Новымъ Человѣкомъ» сочиненій Рамачарака: «*Карма-іога*» (этическая система іоговъ»), «*Раджа-іога*» (психологія іоговъ), «*Жнана-іога*» (іога знанія и мудрости; философія іоговъ) и «*Религіи и тайныя ученія Востока*» (изложеніе «внутреннихъ» или «эзотерическихъ» религіозныхъ, философскихъ и научныхъ системъ Востока)—будетъ завершенъ рядъ изданій, посвященныхъ іогѣ и росту души человѣка, и «тайна Востока» будетъ раскрыта передъ читающей вдумчивой публикой.

«Космическое сознаніе» доктора Р. Бекка и «Четвертое измѣреніе» и «Новая эра мысли» С.Х. Хинтона откроютъ намъ новые пути достиженія «свѣтлыхъ вершинъ мысли и духа».

Переводы сдѣланы вполнѣ удовлетворительно. Пусть только читатель не пугается образнаго языка и символовъ восточныхъ мудрецовъ. Научиться отличать истинное отъ ложнаго—не такъ уже легко, но, какъ говорятъ іоги, «истина непремѣнно придетъ къ жадно ищущему ея».

Н. Т.

---

[1]) Іогъ Рамачарака.—«Основы міросозерцанія индійскихъ іоговъ». Спб. 1913.

Библиотека "Руниверс"

ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНІЕ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ.

ЗА ГРАНИЦЕЮ мало знаютъ о Россіи. Даже французы, и тѣ мало ознакомлены съ нею, хотя не только дипломатическій и военный союзъ, но и матеріальныя и денежныя связи тѣсно сближаютъ обѣ страны.

Г. Алексинскій, депутатъ второй государственной думы изъ партіи соціалъ-демократовъ, поэтому и берется въ своей вышедшей въ Парижѣ книгѣ о Россіи облегчить для любознательныхъ людей объективное ознакомленіе съ современнымъ положеніемъ нашей родины.

Авторъ не имѣетъ претензіи выступать въ качествѣ пророка, приподнимающаго завѣсу надъ будущимъ и разрѣшающаго загадки судебъ. Далекъ онъ и отъ того чтобы вести задорныя рѣчи политическаго агитатора, расчитанныя на то, чтобы трогать и смущать души слушателей. Онъ обѣщаетъ говорить безстрастнымъ языкомъ фактовъ, цифръ и точныхъ данныхъ. Книга его построена на желаніи съ фотографической точностью возсоздать реальность, и при томъ онъ придерживается положенія non multa, sed multum, т. е. затронуть возможно большее количество темъ, но вкратцѣ.

Задача эта, конечно, завлекательна, но на пространствѣ 480 стр. in 12° очертить историческое развитіе Россіи и ея государственности, охарактеризовать современную ея государственность, описать политическую борьбу «освободительной эпохи, разсмотрѣть

Библиотека "Руниверс"

религіозный и національный вопросы и войти еще въ обсужденіе важнѣйшихъ явленій русской литературы и искусства—программа слишкомъ сложная, потому что она представляетъ собою попытку дать полную и всестороннюю монографію того многоликаго сфинкса, который всегда приводилъ въ недоумѣніе всѣхъ серьезныхъ изслѣдователей.

Трудъ автора въ цѣломъ, конечно, не исчерпываетъ задачи, но зато хорошо очерчиваетъ тревожную эпоху нарожденія новаго политическаго строя.

Русско-японская война была не только рѣшающимъ моментомъ во внѣшней политикѣ Россіи, но и во внутренней, такъ какъ безпрерывный военный разгромъ ускорилъ революціонное столкновеніе между стремленіями къ экономическому и общественному развитію страны и политическимъ ея строемъ, пробудивъ дремлющія революціонныя силы.

Прежде всего война имѣла своимъ послѣдствіемъ хозяйственное потрясеніе. Непосредственные убытки, вызванные войною, были громадны—кровавый бюджетъ войны балансировался 400.000 убитыхъ и раненыхъ и пятью милліардами рублей, поглощенными затяжною кампаніею. Помимо непосредственныхъ убытковъ, причиненныхъ войною, она нанесла огромной ущербъ всему экономическому благосостоянію страны. Военная мобилизація вызвала отвлеченіе рабочихъ силъ отъ сельскаго хозяйства; въ иныхъ мѣстностяхъ Сибири жатва даже не убиралась вовсе съ полей, за отсутствіемъ рабочихъ рукъ. Разстройство внѣшней торговли Россіи, пріостановка иностраннаго кредита, прекращеніе желѣзнодорожнаго строительства обострили кризисъ металлургической промышленности, какъ и иныхъ областей капиталистической дѣятельности, а это вызвало прекращеніе или сокращеніе работъ въ городахъ и промышленныхъ центрахъ, выкинувъ на улицу уже тогда значительное количество безработныхъ; число банкротствъ за время войны достигло чудовищной цифры, курсы русскихъ бумагъ понизились почти до нижайшихъ уровней; на внутреннихъ рынкахъ цѣнность рубля упала. Пришлось выпустить въ обращеніе значительное количество банковыхъ билетовъ, но наличный золотой фондъ продолжалъ уменьшаться. Возникла необходимость прибѣгнуть къ займамъ. Внутренній заемъ, произведенный въ августѣ 1904 года, извлекъ изъ внутренняго обращенія 150 милліоновъ рублей, а это еще болѣе усилило депрессію русскаго рынка, и тяжелая атмосфера экономическаго кризиса заволокла всю страну, угнетая особенно тяжело бѣднѣйшіе слои населенія.

Истерзанные нравственно пораженіями русской арміи, подавленные нищетою, всѣ низы русскаго общества пришли въ броженіе,

Библиотека "Руниверс"

стараясь разгадать истинныя причины неслыханнаго и невообразимаго національнаго бѣдствія, тѣмъ болѣе неожиданнаго, что долгое время силы противника преуменьшались, «желтолицые косоглазые япошки» трактовались презрительно, а патріоты-оптимисты вернулись къ оставившимъ столь печальную еще съ крымской войны память похвальбамъ если не закидать врага шапками, то на сей разъ загнать его въ море.

Иные склонны видѣть въ освободительномъ движеніи, нараставшемъ постепенно нѣсколько лѣтъ и разразившемся съ особенною силою осенью 1905 года, злостный маневръ и происки небольшой кучки дѣятелей, искусственно взбаламутившихъ народное море. Но отчего прежде никакой моръ, гладъ и иныя бѣдствія не вызывали массоваго движенія, а тутъ оно послушно подчинилось воздѣйствіямъ кучки зачинщиковъ?

Конечно, дѣло обстояло не такъ. Война скомпрометтировала преклоненіе передъ военнымъ обаяніемъ правительства; она же скомпрометтировала столь долго державшуюся вѣру въ геніальность русской дипломатіи, которая ничего не сумѣла предугадать и предотвратить. Промахи, допущенные въ обслуживаніи и снаряженіи арміи, злоупотребленія по интендантской части, прорухи, выяснившіяся въ медленности и неудовлетворительности желѣзнодорожныхъ перевозокъ, безпомощность внутренней администраціи предъ частичными вспышками волненій и безпорядковъ,—все это воочію изобличило полную неспособность бюрократіи къ выполненію сколько-нибудь организаторскихъ задачъ. Подавлявшій ранѣе все приказный строй потерпѣлъ неоспоримое и непоправимое банкротство. Что же удивительнаго, что когда давнишній миражъ разсѣялся, какъ дымъ, а національное бѣдствіе обрисовалось во всей своей неприглядности, общество съ неимовѣрною быстротою начало переоцѣнивать былыя цѣнности...

Важнѣйшую и направляющую роль въ «освободительномъ движеніи» сыграла интеллигенція.

Характеризуя послѣднюю, г. Алексинскій объединяетъ ея исторію съ развитіемъ нигилистическихъ теорій, тѣсно связанныхъ съ народившимися уже въ эпоху шестидесятыхъ годовъ требованіями новыхъ экономическихъ формъ.

Демократизмъ костюма и всей внѣшности составлялъ съ самаго начала подмѣченную еще Тургеневымъ особенность интеллигента-шестидесятника изъ разночинцевъ и объясняется демократизмомъ и происхожденіемъ изъ общественныхъ низовъ интеллигентной молодежи, составившей главное ядро нигилизма, а затѣмъ и разныхъ подпольныхъ радикальныхъ кружковъ.

Тогда какъ до половины XIX вѣка въ средѣ передовыхъ интеллигентовъ преобладали представители молодого поколѣнія дворянства, выдѣлившаго изъ своей среды и декабристовъ и петрашевцевъ,

Библиотека "Руниверс"

во вторую половину XIX вѣка соціальный составъ интеллигентной молодежи рѣзко мѣняется.

Развитіе капитализма противопоставило дворянскому элементу новыя общественныя наслоенія и повлекло за собой распадъ общественныхъ кастъ. Семьи клириковъ, чиновниковъ, мелкихъ промышленниковъ, торговцевъ и даже крестьянъ породили тѣхъ интелгентовъ, которые тысячами потекли въ университеты и высшія техническія заведенія.

Этотъ исходъ молодежи отъ скромныхъ домашнихъ очаговъ къ храмамъ науки знаменуетъ, такъ сказать, пробужденіе Россіи отъ вѣковой спячки послѣ крымскаго разгрома, а русскіе студенты и студентки символизируютъ объединеніе цѣлей науки и свободы въ интересахъ народной массы.

Несмотря на стремленія правительства поставить преграды наплыву представителей низовъ (кухаркиныхъ дѣтей) въ среднія и высшія учебныя заведенія, демократическія волны постепенно затопили всѣ школы, и молодежь, принадлежащая къ высшимъ общественнымъ классамъ, уступила преобладаніе молодежи демократической. Такъ, напримѣръ, въ московскомъ университетѣ за періодъ времени съ 1899 по 1909 годъ сыновья чиновниковъ давали 32,5 процента всего состава студенчества, но постепенно спустились до 23,7 процента; параллельно съ этимъ количество молодыхъ дворянъ, слушавшихъ лекціи, упало съ 17,4 процента до 13,8 процента. Наоборотъ, постепенно поднимался притокъ студентовъ изъ низовъ; такъ, число студентовъ изъ крестьянъ постепенно возросло съ 5,2 до 8,4 процента, — изъ купцовъ и мѣщанъ съ 15,9 до 21,2 процента. Это явленіе выступаетъ еще рѣзче, если разсматривать не соотношеніе отдѣльныхъ соціальныхъ группъ въ студенчествѣ, но цифровой ростъ каждой группы въ отдѣльности: число студентовъ изъ дворянства и чиновничества за періодъ 1899—1909 годы возросло въ полтора раза, изъ купеческой среды — въ два съ половиною раза, изъ мѣщанства и клира—въ три раза, изъ крестьянства—въ три съ половиною раза, изъ представителей свободныхъ профессій—въ четыре съ половиною раза.

При такомъ составѣ академической молодежи нечего и удивляться, если тенденціи къ «лѣвизнѣ» преобладали среди студенчества и большинство подпало вліянію различныхъ революціонныхъ организацій. Но представлять себѣ русскихъ студентовъ какими-то анархистами совершенно ошибочно. Анархизмъ, въ тѣсномъ смыслѣ слова, мало распространенъ въ Россіи, да и самая основа анархизма, т.-е. антипарламентаризмъ, не пользовалась и не можетъ пользоваться сочувствіемъ въ тѣхъ общественныхъ кругахъ, которые столь долго и настойчиво добивались насажденія народнаго представительства.

Что касается соціалистическихъ теорій, то онѣ имѣли и имѣютъ

Библиотека "Руниверс"

широкое распространеніе въ средѣ интеллигентной молодежи, но постепенно жизнь беретъ свое, и соціалисты превращаются въ либеральныхъ радикаловъ—этимъ и объясняется успѣхъ программы конституціоналистовъ-демократовъ въ средѣ интеллигенціи и земства вообще, особенно въ средѣ «третьяго элемента» земства, т.-е. штата ихъ служащихъ.

Нужно замѣтить въ поясненіе склонности русской интеллигенціи къ соціализму еще и то, что интеллигенція была особенно заинтересована въ ликвидаціи приказнаго строя, но, сознавая себя слишкомъ малочисленной, искала объединенія съ иными силами въ интересахъ успѣшности дальнѣйшихъ выступленій — единственно пролетаріатъ «могъ явиться серьезнымъ союзникомъ въ борьбѣ съ бюрократическими началами государственнаго управленія». Ради сближенія съ этимъ возможнымъ союзникомъ буржуазная демократія и воспринимала не столько по убѣжденію, сколько для видимости соціалистическую идеологію.

Благодаря такой тактикѣ, осуществилось явленіе, заключавшее въ себѣ внутреннее и непримиримое противорѣчіе—въ октябрѣ 1905 года конституціонно-демократическая партія на первомъ публичномъ своемъ съѣздѣ заявила свою солидарность съ всеобщею забастовкою, инсценированною совѣтами рабочихъ депутатовъ. Но этотъ характеръ всеобщности народныхъ выступленій не замедлилъ исчезнуть въ дальнѣйшемъ ходѣ революціи; по причинѣ внутреннихъ конфликтовъ, возникшихъ между отдѣльными общественными классами, ополчившимися противъ бюрократическаго строя, оппозиціонныя силы вскорѣ раздробились на нѣсколько враждебныхъ лагерей.

Немало взаимныхъ попрековъ и обвиненій всплыло наружу, когда революціонный подъемъ пошелъ на убыль и началось торжествованіе репрессіи. Либералы обвиняли соціалистовъ въ томъ, что они главнымъ образомъ и вызывали правительственныя репрессіи проявленіями излишней неумѣренности; въ свою очередь, соціалисты доказывали, что либералы «измѣною» народному дѣлу взвалили на себя отвѣтственность за крушеніе всей революціи.

Оставляя въ сторонѣ взаимныя пререканія партій, г. Алексинскій совершенно основательно подчеркиваетъ, что съ исторической точки зрѣнія разрывъ между буржуазіею и рабочими являлся неизбѣжнымъ. Каждый шагъ, который рабочіе дѣлали дальше влѣво, неминуемо долженъ былъ заставлять буржуазію дѣлать лишній шагъ вправо. То же наблюдалось всегда и вездѣ въ Европѣ, по мѣрѣ развитія хода любой революціи.

Такова стихійная логика классовой борьбы въ современномъ обществѣ, несмотря на увѣренія въ противномъ со стороны апостоловъ «соціальнаго мира» и «гармоніи экономическихъ интересовъ».

Библиотека "Руниверс"

Столь же неизбѣженъ былъ политическій разрывъ между либералами и крестьянскою демократіею, программа дѣйствій которой была выставлена крестьянскимъ союзомъ и трудовиками.

Не трудно доказать, что обобществленіе въ пользу «землеробовъ» всѣхъ земель и изъятіе ихъ изъ общихъ условій обмѣна и капиталистической конкурренціи, на ряду съ созданіемъ «аграрнаго равенства» и упраздненіемъ наемнаго труда въ сельскомъ хозяйствѣ, не болѣе, какъ фантастическая утопія. Русская деревня, несмотря на свою отсталость, уже вовлечена въ сферу дѣйствія капиталистическаго рынка и экономическаго соперничества, гдѣ побѣда обезпечивается лишь за болѣе сильными и болѣе даровитыми.

Если бы паче чаянія соціалъ-революціонерамъ и удалось провести аграрное уравненіе и передѣлъ земель въ однообразные надѣлы, это вовсе не породило бы настоящаго экономическаго равенства, такъ какъ держатели отдѣльныхъ участковъ всегда отличались бы другъ отъ друга въ отношеніи владѣнія капиталами и разнородности техники, энергіи и почина. При такихъ неодинаковыхъ условіяхъ производства, естественно, и съ равноцѣнныхъ участковъ добывались бы всегда количества продуктовъ, далеко не одинаковыя. Слѣдовательно, соперничество между экономическими единицами, болѣе или менѣе производительными, продолжалось бы и впредь, а утопическій характеръ проекта аграрнаго равенства не замедлилъ бы сказаться во всей своей наготѣ.

Очертивъ дѣятельность рабочихъ организацій въ ихъ попыткѣ захватить государственную и муниципальную власть и подавленіе рабочаго почина дружнымъ отпоромъ капиталистическихъ предпріятій, объявившихъ рабочимъ локаутъ [1]), а равно послѣднюю отчаянную попытку московскаго вооруженнаго возстанія, г. Алексинскій замѣчаетъ: «существенною причиною неуспѣшности вооруженнаго возстанія было то, что масса арміи оставалась вѣрною присягѣ и законопослушною. Къ революціи вообще примкнули лишь отдѣльныя единицы изъ состава войскъ инженерныхъ, артиллерійскихъ и морскихъ, такъ какъ эти роды оружія комплектуются по преимуществу изъ наиболѣе развитыхъ рабочихъ.

«Что же касается пѣхоты, то какъ ея ряды пополняются, по преимуществу, изъ сѣраго крестьянства, то революціонная агитація въ ея рядахъ оказывалась совершенно безуспѣшною. Взять страну измором повторными всеобщими забастовками нельзя было, потому что попытки возобновить первую октябрьскую забастовку протекали очень не дружно и дѣйствія возымѣть поэтому не могли,—

[1]) О роли, разыгранной при этой развязкѣ «борьбы роковой» кабинетомъ графа Витте, г. Алексинскій не распространяется. Любопытныя данныя, вообще пополняющія очеркъ освободительнаго движенія и его развязки, дѣлаемый г. Алексинскимъ, читатель можетъ почерпнуть въ брошюрѣ А. Морского: «Исходъ революціи 1905 года и правительство Носаря». Москва. Изд. Сытина. 1911 г., а также въ напечатанныхъ въ текущемъ году въ «Историческ. Вѣстн.» очеркахъ «Развѣнчанные герои революціи».

Библиотека "Руниверс"

бороться же съ правительствомъ въ открытую, при современномъ совершенствѣ военной техники, можно, лишь когда на сторонѣ инсургентовъ стоитъ значительная часть арміи».

Другой причиной инсуррекціоннаго провала была недостаточная централизація движенія и разбросанность очаговъ смуты островками среди апатичной массы населенія.

«Благодаря слабости, возстаніе принуждено было сохранять оборонительный характеръ. Захвативъ тотъ или иной стратегическій пунктъ, инсургенты успокаивались на томъ, что «ждали» развитія дальнѣйшихъ событій вмѣсто того, чтобы расширять базу своихъ операцій и переходить въ наступленіе; поэтому задача и для регулярной арміи упрощалась: инсургентовъ окружали и быстро съ ними справлялись. Еще болѣе дики были многочисленныя выступленія совѣта рабочихъ депутатовъ съ заблаговременными угрозами подготовки вооруженнаго возстанія. Всякая инсуррекція должна поражать правительство своею неожиданностью, чтобы захватить его врасплохъ. Событія, которыя еще недавно перевернули Турцію и Португалію, подтверждаютъ правильность этого положенія. Объявить же за мѣсяцъ впередъ, что вотъ-де мы какіе молодцы— народъ подготовляемъ къ возстанію, практически означало самихъ себя обречь на полное пораженіе».

Переходя къ очерку думской дѣятельности, г. Алексинскій даритъ симпатіями, конечно, лишь думы первыхъ двухъ призывовъ, гдѣ лѣвые играли видную роль. Третья дума, созыву которой предшествовало ограниченіе избирательнаго права и подборъ депутатовъ въ которую обезпечилъ затѣмъ ея законопослушность, г. Алексинскаго уже не удовлетворяетъ, какъ и весь проявленный правительствомъ законодательный починъ. Центръ тяжести послѣдняго г. Алексинскій, по справедливости, видитъ въ аграрной реформѣ. Законъ 9-го ноября 1906 года имѣетъ огромное значеніе, такъ какъ знаменуетъ собою полную ликвидацію прежней сельско-хозяйственной правительственной политики.

Съ самаго освобожденія крестьянъ правительство всемѣрно старалось искусственно поддерживать общинный строй. Такіе выдающіеся слуги самодержавія, какъ Плеве и Побѣдоносцевъ, проповѣдывали, что существованіе сельской общины и ея соціальная и экономическая обособленность отъ остальныхъ сословій составляетъ наиболѣе прочную и вѣрную опору монархіи.

Когда въ январѣ 1904 г. правительство высказалось за охраненіе всего прежняго уклада крестьянскаго быта, это обрекло на смарку всѣ цѣнные труды «совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности», работавшаго подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Витте; дальнѣйшія попеченія о крестьянскомъ вопросѣ перешли къ особой комиссіи, облюбованной министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, и руководящая роль поручена была дѣятелямъ,

Библиотека "Руниверс"

въ родѣ Стишинскаго и Гурка. И вдругъ чрезъ какихъ-нибудь два года въ мартѣ 1906 г. правительство заявило, что именно существующій видъ общиннаго владѣнія и использованія земельныхъ угодій и довелъ крестьянство до бѣдности и полнаго разстройства сельскаго хозяйства. А 9-го ноября 1906 г. новый законъ уже уполномочиваетъ всѣхъ желающихъ выходить изъ состава общины и, при помощи правительственной администраціи, укрѣплять за собою надѣльную землю, на правѣ частной собственности.

Правильность основного начала новой реформы едва ли оспорима. Сельская община—одинъ изъ наиболѣе печальныхъ пережитковъ старины—постоянно затрудняла хозяйственную эволюцію деревни, такъ какъ частная собственность наиболѣе отвѣчаетъ капиталистическому укладу и даетъ просторъ личному почину и свободной конкурренціи. Графъ Витте, ясно установившій этотъ принципъ, лучше, чѣмъ кто-либо изъ русскихъ министровъ, понималъ задачи нормальнаго развитія буржуазіи. Но одно дѣло принципъ, а другое—его осуществленіе на практикѣ. Преемники графа Витте, реформируя общинный строй, за преобразованіемъ этимъ усвоили значеніе панацеи, имѣвшей устранить всѣ аграрные безпорядки; они преслѣдовали скорѣе политическія, чѣмъ экономическія цѣли; при этомъ многія другія мѣры, надуманныя графомъ Витте для поднятія крестьянскаго быта, совершенно игнорировались.

По офиціальнымъ даннымъ, аграрная реформа за первые четыре года дѣйствія выразилась въ слѣдующихъ цифрахъ: крестьяне изъ общинъ выступили и перешли къ подворному владѣнію въ 1907 г. на пространствѣ 88,942 дес., въ 1908 г.—436,522 дес., въ 1909 г.—1.222,444 дес., въ 1910 г.—1.459,389 дес., а всего на 3.207,297 дес. образовалось 319,148 дворовъ. Принимая во вниманіе, что въ общемъ крестьянство разселено на двѣнадцать милліоновъ дворовъ, результаты реформы оказываются весьма незначительными. Сопоставляя число дворовъ, выключенныхъ изъ общинъ, съ количествомъ земли, пришедшимся имъ на долю, можно заключить, что реформою воспользовались дворы болѣе состоятельные, т.-е. представляющіе составъ десяти десятинъ.

Дальнѣйшимъ шагомъ въ намѣченной реформѣ явилось отмежеваніе угодій для крестьянъ, выходящихъ изъ общины къ однимъ мѣстамъ, и образованіе такимъ образомъ отдѣльныхъ хуторовъ. Правительство, поощрявшее хуторское разселеніе, приписывало этой новой формѣ владѣнія самую свѣтлую будущность.

Въ дѣйствительности полученные доселѣ результаты въ отношеніи и качественномъ, и количественномъ не оправдали надеждъ, на нихъ возлагавшихся.

Вмѣсто того, чтобы сдѣлаться солидными хозяйственными единицами, хуторяне, по отсутствію воды, покосовъ, оборотнаго ка-

Библиотека "Руниверс"

питала и ограниченности угодій, разоряются и ликвидируютъ свои хозяйства, перепродавая ихъ скупщикамъ земель.

Изслѣдованія, предпринятыя по почину земствъ состоящими у нихъ на службѣ агрономами въ губерніяхъ: Псковской, Самарской, Кіевской и Тульской, подтвердили то же, на чемъ настаивало «Совѣщаніе о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности». При переходѣ отъ общиннаго строя къ подворному частныя крестьянскія хозяйства этимъ далеко еще не обезпечиваются въ успѣшности дальнѣйшаго своего развитія,—политическія условія, опека, чинимая надъ крестьянами земскими начальниками, обособленность крестьянъ въ правовомъ отношеніи (особые крестьянскіе законы вмѣсто общегражданскихъ, подсудность волостнымъ судамъ вмѣсто общей юрисдикціи) и бѣдность ихъ (отсутствіе кредита и обществъ, устроенныхъ на началѣ кооперації или взаимности)—все это мѣшаетъ здоровому росту аграрныхъ новшествъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ практика выяснила, что для веденія самостоятельнаго хозяйства хуторъ долженъ состоять никакъ не менѣе, чѣмъ изъ десяти десятинъ, что далеко не всегда соблюдается.

Такимъ образомъ, аграрная реформа, всемѣрно поощряемая и спѣшно проводимая, такъ же мало разрѣшила крестьянскій вопросъ, какъ и прежнія упованія на общину.

Дѣлая «ставку на сильныхъ», правительство какъ бы поощряетъ пролетаризацію сельскаго населенія, такъ какъ выходящіе изъ общины крестьяне продаютъ надѣльныя свои земли, растрачиваютъ деньги и искусственно превращаютъ себя и свои семьи въ безработныхъ, ибо сельская промышленность слишкомъ мало развита, чтобы обезпечить умножающемуся контингенту безземельныхъ рабочихъ достаточно прочный и постоянный заработокъ.

На взглядъ г. Алексинскаго, картина жизни русскаго общества, сложившаяся вслѣдъ за «освободительнымъ движеніемъ», вырисовывается въ довольно-таки трагическихъ и мрачныхъ тонахъ.

Революціонныя бури, пробуждая народное самосознаніе, всегда, наравнѣ съ внѣшнею борьбою, истощаютъ физическія и нравственныя силы народа.

Россія, непосредственно вслѣдъ за войною, подверглась бурнымъ внутреннимъ пертурбаціямъ. Населенію пришлось совладать съ двойнымъ напряженіемъ усилій, и оно изъ этихъ испытаній вышло страшно истомленнымъ.

Съ самаго начала открывшихся репрессій дѣло революціи было покинуто огромною массою тѣхъ, которые недавно еще клялись въ непоколебимой ему вѣрности. Переоцѣнивъ свои силы и преуменьшивъ силы противника, «освободители» мнили легко добиться конечной побѣды и полнаго объема всѣхъ свободъ. Тѣмъ горше было разочарованіе. Извѣрившіеся въ освободительное движеніе не огра-

Библиотека "Руниверс"

ничились пассивнымъ отступленіемъ—одни принялись злословить, другіе изъ поборниковъ движенія стали его заклятыми врагами; иные, наконецъ, не остановились и передъ измѣною всему прошлому. И вотъ наступила пора, когда «братъ возсталъ на брата».

Распадъ революціонныхъ организацій и ослабленіе партійной дисциплины повели къ тому, что иные революціонеры, не смогшіе примириться съ пораженіемъ освободительнаго движенія, возобновили борьбу за свой личный счетъ, объявивъ государству партизанскую войну, въ формѣ индивидуальныхъ террористическихъ выступленій и «экспропріацій». Экспропріаторы были многочисленны, и подвиги ихъ распространились на банки, почтово-телеграфныя конторы и казенныя винныя лавки.

Порою къ политическому элементу экспропріаторовъ примѣшивались и уголовные преступники, и провокаторы, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ экспропріаціи превращались въ какую-то эпидемію. Правда, эпидемія эта объяснялась экономическимъ кризисомъ, выбросившимъ на улицы тысячи безработныхъ, изголодавшихся и ожесточившихся.

Тогда какъ на низахъ русскаго общества распадъ революціонныхъ организацій породилъ эпидемію экспропріацій и отдѣльныхъ террористическихъ выступленій, на верхахъ, т.-е. въ рядахъ интеллигенціи, сказался духовный крахъ, и интеллигенты принялись сжигать то, что прежде обожали, и принялись обожать то, что прежде сжигали. Культъ «народнаго блага» смѣнился заботами о личномъ благосостояніи, пылъ и воодушевленіе, питаемые соціальною борьбою, погасли и уступили мѣсто погонѣ за наслажденіями. Carpe diem стало завѣтомъ житейской мудрости. Въ литературѣ и поэзіи эта смѣна настроеній выразилась во внезапномъ интересѣ къ «половому вопросу», возведеніи физической любви на степень культа и въ размазываніи порнографическихъ подробностей, а на ряду съ этимъ наблюдаются увлеченія мистикою и ханжествомъ.

Настоящая реакція, кажется, уже завершаетъ свой логическій кругъ, и гдѣ-то далеко начинаетъ вспѣниваться гребень той волны, которая насъ опять поднимете. Россія имѣетъ пока видъ унылый, торговопромышленныя ея дѣла то даютъ убытки, то приносятъ ничтожныя выгоды, но за всѣмъ тѣмъ гдѣ-то что-то брезжитъ, оживляется и зоветъ къ новой дѣятельности,—заканчиваетъ г. Алексинскій свой очеркъ пережитаго Россіею «освободительнаго движенія» и его ближайшихъ послѣдствій.

Какой же отсюда конечный выводъ? Какія черты наиболѣе поражаютъ изслѣдователя русской жизни?—спрашиваетъ себя авторъ и отвѣчаетъ: «Наиболѣе выпуклое впечатлѣніе производитъ чрезвычайная сложность русской современности, такъ какъ она слагается изъ рѣзко противоположныхъ элементовъ, изъ взаимно противорѣчащихъ другъ другу принциповъ.

Библиотека "Руниверс"

«Всѣ области современной нашей жизни изобилуютъ противорѣчіями. Въ экономической области современный капитализмъ начинаетъ развиваться съ чисто американскою быстротою, а на ряду съ этимъ почти повсемѣстно встрѣчаются деревни, живущія еще древне-московскимъ духомъ при хозяйствѣ чуть что не натуральномъ. Въ области общественности сознательный и сорганизованный пролетаріатъ все болѣе проникается идеями и лозунгами теоретическаго соціализма въ чаяніи наступленія «борьбы роковой», а на ряду съ нимъ крупное помѣстное дворянство отрицательно относится не только къ обновленію государственнаго строя, санкціонированному Императоромъ Николаемъ II, но и къ великимъ реформамъ его дѣда.

«Въ области политической искреннія влеченія къ самой широкой свободѣ, какую можно себѣ вообразить, сталкиваются со скандалами, затѣваемыми по охранительнымъ побужденіямъ Пуришкевичами и Марковыми. Интеллигентная и рабочая молодежь исповѣдуетъ матеріализмъ и атеизмъ, а на ряду съ этимъ религіозныя вѣрованія народа, преисполняются дикихъ суевѣрій и проявленій языческаго фетишизма.

«Контрасты русской жизни показываютъ, однакоже, не только отсталость страны и ея обособленность отъ Западной Европы, но въ то же время и ея близость, матеріальную и духовную зависимость отъ Запада. Контрасты русской жизни—это столкновеніе между идеями просвѣщеннаго Запада и пережитками старины, когда Россія жила только самобытными традиціями Москвы.

«Какъ бы ни было спутано положеніе современной Россіи, какъ бы ни былъ тяжелъ удѣлъ русскаго народа, какъ бы ни ограничены были дарованные правительствомъ начатки народнаго представительства, позволительно утверждать, что новая жизнь восторжествуетъ на Руси, и мы скажемъ вмѣстѣ съ Наполеономъ: «есть двѣ системы—прошлое и будущее, настоящее есть лишь тягостный переходъ отъ одного къ другому. Что же должно восторжествовать? Конечно, будущее!»

Мы остановились такъ долго на книгѣ Алексинскаго, потому что въ общемъ онъ оцѣниваетъ событія безпристрастно и иллюстрируетъ фактическими данными условія, обрекавшія Россію на пораженіе на Дальнемъ Востокѣ, а равно и тѣ факты, которые вызвали «освободительное» движеніе, но когда авторъ касается дальнѣйшихъ событій—думской дѣятельности и отношенія къ ней агитаціонной дѣятельности лѣвыхъ партій, дѣйствій правительства и бюрократіи, законодательнаго почина правительства и его репрессій, тутъ г. Алексинскій перестаетъ быть надежнымъ руководителемъ въ дебряхъ русской современности: принадлежа по убѣжденіямъ къ лѣвымъ партіямъ, авторъ, вполнѣ естественно, не прочь

Библиотека "Руниверс"

былъ бы видѣть скорѣйшее осуществленіе кадетской программы государственныхъ преобразованій, а такъ какъ этотъ журавль въ небѣ не дается въ руки, то та синица достижимаго, которая осуществлена, трактуется, какъ quantité negligeable.

Но такъ ли дѣйствительность «мрачна» и «трагична», какъ она рисуется г. Алексинскому?

Г. П. Полежаевъ—тоже народный представитель, но изъ правыхъ, на основаніи изученія аграрнаго, финансоваго, школьнаго и торгово-промышленнаго вопросовъ и реагированія на нихъ правительства за шестилѣтіе съ 1906 по 1912 гг. приходитъ къ несравненно болѣе оптимистичнымъ взглядамъ на результаты творческой работы, которые оказалось возможнымъ осуществить по мѣрѣ того, какъ начали затихать волны взбаламученнаго моря смуты и разбитыхъ ея надеждъ.

За шесть протекшихъ лѣтъ выполнена въ сущности колоссальная, но незамѣтная работа. Шесть лѣтъ въ жизни государства составляютъ мимолетное мгновеніе, но бываютъ обстоятельства, при которыхъ и такой короткій промежутокъ времени пріобрѣтаетъ значеніе эпохи.

То, что было пережито до наступленія роковой годины и что было пережито во дни смуты, перенесенныя бѣдствія и тяжелыя испытанія—все это придало мирному теченію послѣдующаго шестилѣтія знаменательную выпуклость. Къ творческимъ производительнымъ силамъ страны предъявленъ былъ теперь запросъ удовлетворить рядъ жизненныхъ и неотложныхъ потребностей, а съ осуществленіемъ этого труднаго заданія сопрягалось подготовленіе устоевъ для всей будущности страны.

Оказалось ли наше отечество на высотѣ новыхъ усилій и напряженій, какія къ нему были предъявлены? Мы отвѣтимъ не только утвердительно; мы скажемъ, что страна проявила удивительную готовность и самоотверженіе въ принесеніи налагавшихся на нее новыхъ жертвъ.

Несмотря на недочеты и разочарованія, несмотря на промахи, которые, можетъ быть, и были совершены, Россія блистательно доказала свою силу, свою молодость, свою здоровую бодрость, энергію и мощь. Что въ добытыхъ результатахъ является дѣломъ народнаго самосознанія, думскаго почина и правительственныхъ воздѣйствій—въ сущности довольно безразлично. Въ какомъ порядкѣ поставить эти факторы и какую долю значенія усвоить за каждымъ изъ нихъ—вопросъ празднаго политиканства, а чтобы воздать коемужды по дѣломъ его пришлось бы углубиться въ детальное изслѣживаніе исторіи послѣднихъ лѣтъ, слишкомъ еще близкой къ намъ, чтобы судить о ней безпристрастно и знать ее во всѣхъ подробностяхъ, постигая дѣйствіе всѣхъ пружинъ, которыя двигаютъ людьми и ихъ дѣяніями.

Библиотека "Руниверс"

Пусть ближайшее поколѣніе оцѣнитъ дѣйствія современности, освободясь отъ личныхъ предубѣжденій и узкихъ партійныхъ увлеченій и пристрастій.

Во всякомъ случаѣ внимательное изученіе протоколовъ засѣданій государственной думы и государственнаго совѣта, представленныхъ и разрѣшенныхъ законопроектовъ и правительственныхъ сообщеній можетъ убѣдить непредубѣжденнаго читателя въ томъ, что за минувшее шестилѣтіе заложенъ прочный фундаментъ для творческой государственной дѣятельности Россіи завтрашняго дня. Громадность предстоящей въ будущемъ работы не должна вызывать искушеній къ преуменьшенію значенія того, что уже сдѣлано и намѣчено,—факты говорятъ сами за себя: Россія переварила всѣ бѣдствія, на нее навалившіяся, превозмогла всѣ финансовыя затрудненія, порожденныя войною и смутою, государственный ея корабль сошелъ съ мели и осторожно выбирается на новые пути заповѣданныхъ ему судебъ.

Комментаторъ П. Полежаева французскій публицистъ Гастонъ Дрю, проживший въ Россіи съ 1907 г. по 1909 г., въ качествѣ корреспондента французскихъ газетъ, и имѣвшій случай соприкасаться съ разнообразнѣйшими дѣятелями эпохи, въ своемъ интересномъ введеніи къ книгѣ Полежаева высказываетъ по разнымъ щекотливымъ темамъ соображенія, тѣмъ болѣе вѣскія, что они опираются на сущность сообщеній изъ авторитетныхъ источниковъ.

Такъ, Гастону Дрю довелось услышать изъ устъ кадетскихъ лидеровъ цѣлую обвинительную рѣчь противъ правительства.

«Послѣ того, какъ мы были легальнымъ путемъ почти задушены, благодаря роспуску первой думы, когда во второй думѣ обозначилось еще болѣе внушительное большинство лѣвыхъ партій, насъ подъ первымъ же предлогомъ разогнали въ іюнѣ 1907 года, и министерство Столыпина новымъ избирательнымъ закономъ обезпечило за тридцатью тысячами крупныхъ земельныхъ собственниковъ право выбора трехсотъ депутатовъ изъ четырехсотъ сорока двухъ».

«Парализировавъ легальнымъ путемъ наши силы, лѣвымъ партіямъ не даютъ даже свободы уйти въ частную жизнь.

«За трехлѣтіе, послѣдовавшее послѣ Всемилостивѣйшаго манифеста 17-го октября 1905 года, возвѣстившаго гражданскія свободы, на лѣвыя партіи обрушилось двадцать тысячъ приговоровъ по политическимъ дѣламъ, т.-е. въ среднемъ по семи тысячъ приговоровъ въ годъ, тогда какъ въ прежнія времена политическія прегрѣшенія рѣдко переваливали за тысячу приговоровъ въ годъ; въ то же время состоялось три тысячи присужденій къ смерти, изъ коихъ приведены въ исполненіе двѣ тысячи приговоровъ (тогда какъ за періодъ времени съ 1875 г. по 1900 г. совершено всего сто тридцать четыре казни)».

Библиотека "Руниверс"

«Мы плаваемъ или, вѣрнѣе сказать, тонемъ въ произволѣ, благодаря усиленной охранѣ, и лишены почти возможности высказываться, такъ какъ за два года министерство успѣло запретить девятьсотъ пятьдесятъ ежедневныхъ и періодическихъ изданій».

Въ свою очередь, П. А. Столыпинъ высказывался предъ Г. Дрю съ большою откровенностью: «Да! Я схватилъ революцію за глотку и кончу тѣмъ, что задушу ее... если самъ останусь живъ. Правительство упрекаютъ въ произволѣ и жестокости репрессій, но прежде, чѣмъ мечтать объ осуществленіи во всей полнотѣ и неприкосновенности реформъ, обѣщанныхъ октябрьскимъ манифестомъ 1905 г., надо вернуть Россіи успокоеніе и возстановить порядокъ. Къ намъ предъявляютъ требованіе отказаться отъ произвола, отмѣнить усиленную охрану тамъ, гдѣ она введена, прекратить административныя высылки и взять назадъ широкія полномочія, предоставленныя полицейской власти. Но правительство не можетъ и не считаетъ себя въ правѣ поступиться своими правами и отказаться отъ широты спеціальныхъ полномочій, пока революція не подавлена совсѣмъ. Если успокоеніе и устанавливается постепенно, то разбойничество, явившееся результатомъ двухлѣтней почти неограниченной анархіи, далеко еще не прекратилось».

«Я знаю, революціонеры обвиняютъ насъ въ жестокости и распространяются о неумолимости репрессій, ссылаясь на факты. Хорошо! И я отвѣчу фактами. Знаете ли вы, до какой цифры достигали въ 1907, 1908 и 1909 годахъ проявленія бандитизма и анархическія покушенія? Я вамъ это сейчасъ скажу.

«Въ 1906 г. совершено четыре тысячи семьсотъ сорокъ два покушенія, за которыя поплатились жизнью семьсотъ тридцать восемь должностныхъ и шестьсотъ сорокъ частныхъ лицъ и ранами девятьсотъ сорокъ восемь должностныхъ и семьсотъ семь частныхъ лицъ; въ 1907 г. совершено двѣнадцать тысячъ сто два покушенія—въ результатѣ тысяча двѣсти тридцать одно должностное лицо убито, тысяча двѣсти восемьдесятъ четыре ранено, тысяча семьсотъ шестьдесятъ восемь частныхъ лицъ убито, тысяча семьсотъ тридцать четыре—ранено, а экспропріировано изъ казенныхъ кассъ и у частныхъ лицъ два милліона семьсотъ семьдесятъ одна тысяча рублей. Въ 1908 г. девять тысячъ четыреста двадцать четыре покушенія, триста шестьдесятъ пять должностныхъ лицъ убито, пятьсотъ семьдесятъ одно—ранено, тысяча триста сорокъ девять частныхъ лицъ убито, тысяча триста восемьдесятъ четыре ранено и экспропріировано два милліона двѣсти тысячъ рублей.

«Итого за трехлѣтіе двадцать шесть тысячъ двѣсти шестьдесятъ восемь покушеній, шесть тысячъ девяносто одно должностное и частное лицо убитыхъ, болѣе шести тысячъ раненыхъ и свыше пяти милліоновъ рублей похищено.

Библиотека "Руниверс"

«Что же собою представляютъ по сравненію съ приведенными чудовищными цифрами двадцать тысячъ приговоровъ, вынесенныхъ противъ яко-бы «политическихъ», которыми насъ попрекаютъ лѣвыя партіи. При этомъ прошу васъ замѣтить, что на ихъ взглядъ за всѣми почти перечисленными мною выше покушеніями усваивается характеръ «политическихъ». Какую же цѣну по сравненію съ двадцатью шестью тысячами двумястами шестьюдесятью восемью покушеніями и двѣнадцатью тысячами девяносто одной ихъ жертвами имѣютъ три тысячи осужденій и двѣ тысячи приведеній въ исполненіе смертныхъ приговоровъ, которыми намъ колютъ глаза!»

«И вотъ отъ насъ требуютъ, сопровождая требованія ужаснѣйшими угрозами, немедленнаго же введенія во всей странѣ, еще потрясаемой политическими преступленіями и раздорами, послѣднихъ усовершенствованій политической свободы, какъ она осуществляется въ западно-европейскихъ демократіяхъ,—отъ насъ требуютъ введенія парламентаризма, всеобщей подачи голосовъ, отвѣтственности министровъ, свободы союзовъ и собраній, разрѣшенія аграрнаго вопроса путемъ принудительнаго отчужденія земель, принадлежащихъ частнымъ собственникамъ, объединенія разноплеменныхъ и мѣстами совершенно еще некультурныхъ народностей федеративною связью, съ предоставленіемъ каждой почти неограниченной автономіи.

«Можемъ ли мы, правительство, или группа людей, на которую возложено руководительство, направленіе и управленіе дѣлами страны, подчиниться исполненію этихъ требованій, хотя бы подъ угрозой возмездія за ослушаніе противъ воли отечественныхъ демагоговъ?

«Въ тѣхъ предѣлахъ, какъ это позволяетъ пониженіе революціоннаго движенія, мы дѣлаемъ возможное не только къ возвращенію Россіи въ нормальное состояніе (путемъ отмѣны въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ чрезвычайной и усиленной охраны, уменьшенія административныхъ высылокъ и проч.), но и для осуществленія преобразованій, обѣщанныхъ октябрьскимъ манифестомъ.

«Наша программа вкратцѣ можетъ быть формулирована такъ: «ни реакціи, ни революціи: поступательное движеніе впередъ политики и экономики среди порядка, безъ котораго никакая плодотворная дѣятельность немыслима».

«Что мы не ограничиваемся посулами только на словахъ, тому доказательствомъ является, что къ 1909 г. правительствомъ въ думу и государственный совѣтъ внесены законопроекты, регулирующіе свободу совѣсти, неприкосновенность лицъ, жилищъ и переписки; временныя же правила о свободѣ отправленія религіи и печати въ настоящее время перерабатываются въ форму окончательныхъ законовъ.

Библиотека "Руниверс"

«Въ общемъ правительственная программа, одобренная Государемъ, и проводится въ жизнь постепенно и послѣдовательно. По мѣрѣ того, какъ въ Россіи воцаряется порядокъ, осуществляются со зрѣлою обдуманностью и обѣщанія, намѣченныя въ октябрьскомъ манифестѣ.

«На ряду съ этимъ безъ особенныхъ насилій и съ благоразумной умѣренностью приступлено къ разрѣшенію національныхъ вопросовъ въ Финляндіи и Польшѣ со строгимъ соблюденіемъ русскихъ интересовъ. Особенное вниманіе правительствомъ обращено на аграрную реформу и разрѣшеніе крестьянскаго вопроса, а равно и на созданіе возможно обширной сѣти начальныхъ и профессіональныхъ училищъ.

«Въ интересахъ экономическаго преуспѣянія страны намѣчено расширеніе желѣзнодорожной сѣти и созданіе кредитныхъ учрежденій, которыя облегчили бы земствамъ и городамъ осуществленіе задачъ общественной гигіены, устройства канализаціи, трамваевъ, мѣстныхъ желѣзныхъ дорогъ и проч.».

Многое изъ высказаннаго П. А. Столыпинымъ нельзя не признать за истину.

Но въ переживаемую эпоху переоцѣнки прежнихъ цѣнностей, созданія началъ обновленнаго строя, относительной свободы печати и слова, которая въ то же время воспитываетъ читателя и заставляетъ его разбираться въ партійности и условности выставляемыхъ положеній,—трудно стать на точку зрѣнія безпристрастія и объективности.

«Когда лѣсъ рубятъ, щепки летятъ», и вотъ эти-то щепки больно бьютъ по всѣмъ дѣятелямъ, привлекающимъ общественное вниманіе.

Какихъ только чудовищныхъ поклеповъ, обвиненій и укоризнъ не сыпалось на Плеве, Побѣдоносцева и Булыгина, позднѣе на графа Витте, потомъ на П. А. Столыпина, а теперь и на В. Н. Коковцова.

Не избѣгъ нареканій и пересудовъ даже верховный носитель монархической власти вопреки парламентской практикѣ, установившейся во всѣхъ культурныхъ странахъ,—за иныя выступленія отечественныхъ демагоговъ и прозрачность ихъ намековъ можно только краснѣть.

Установленію правильнаго взгляда на починъ, взятый Государемъ въ дѣлѣ обновленія Россіи, посвящены едва ли не любопытнѣйшія страницы во введеніи Гастона Дрю.

Царизмъ, какъ бы его ни опорачивали его хулители, «собралъ» Россію и объединилъ въ одно цѣлое массу племенъ и территорій. Когда русско-японская война вскрыла всѣ недостатки того уклада, который сложился въ иной обстановкѣ государственности и не могъ уже удовлетворять современнымъ требованіямъ, вдругъ обнаружилась необходимость подъ напоромъ безпримѣрно-бѣдствен-

Библиотека "Руниверс"

ной войны и интенсивнаго революціоннаго броженія преобразовать государственный строй огромной страны, вмѣщающей въ себѣ одну десятую населенія всего міра, въ лицѣ двадцати разнородныхъ племенъ, исповѣдующихъ чуть ли не всѣ существующія религіи.

Эти преобразованія приходилось осуществлять въ самый тревожный моментъ, когда анархія царила почти повсемѣстно, когда сепаратистское движеніе начинало сказываться и въ прибалтійскихъ губерніяхъ, въ Польшѣ и на Кавказѣ, и когда даже возникали смѣхотворныя эфемерныя республики въ Одессѣ, Екатеринославѣ и сибирскихъ захолустьяхъ.

Послѣ ряда совѣщаній съ приближенными и государственными людьми Государь, послѣ десяти лѣтъ пользованія неограниченною властью, теперь поставленный въ необходимость сдѣлать выборъ между военною диктатурою [1]) и народнымъ представительствомъ, предпочелъ послѣднее и даровалъ Россіи гражданскія свободы и законодательныя учрежденія, построенныя на началѣ народнаго представительства; на государственную думу возложенъ контроль за расходованіемъ народныхъ денегъ; законодательнымъ учрежденіямъ въ общемъ присвоена большая часть тѣхъ функцій, которыя вѣдаются и западно-европейскими парламентами.

Вѣрный сознательно принятому рѣшенію, Государь и не подумалъ измѣнить свою волю, когда возвращеніе съ Дальняго Востока восьмисоттысячной арміи поставило правительство въ возможность приступить къ энергичному и рѣшительному подавленію смуты. Болѣе того, когда въ 1908 г. реакціонныя партіи заявили Государю ходатайство объ удаленіи Столыпина и о возстановленіи неограниченной царской власти во всей ея полнотѣ, Государь соизволилъ выразить непоколебимую свою волю предсѣдателю совѣта министровъ о скорѣйшемъ осуществленіи всѣхъ предначертаній, изложенныхъ въ манифестѣ 17-го октября 1905 года.

Но чтобы установить первыя вѣхи представительнаго строя, чтобы вернуть страну на пути нормальной жизни и здороваго развитія, чтобы уврачевать раны, причиненныя войною и революціею, чтобы обезпечить правильное поступленіе платежей по займамъ, которыми покрыты пятимилліардные убытки, причиненные пережитыми бѣдствіями, необходимо было возстановить въ странѣ порядокъ, нарушаемый террористическими покушеніями и анархическими экспропріаціями. Никакая цивилизованная страна

[1]) Весьма знаменательно, что тѣ же безотвѣтственные совѣтчики, которые высказывались весьма рѣшительно за военную диктатуру, предлагая отстаивать абсолютизмъ, хотя бы цѣною цѣлаго моря народной крови (генералъ Треповъ и адмиралъ Дубасовъ), позднѣе такъ же горячо высказывались за пріемлемость кадетскаго предложенія насчетъ принудительнаго отчужденія помѣщичьихъ земель въ пользу крестьянъ.

Библиотека "Руниверс"

не потерпѣла бы тѣхъ уголовныхъ преступленій, которыя подъ видомъ «политическихъ» совершались въ десяткахъ тысячахъ случаевъ нѣсколько лѣтъ подъ рядъ. Правительство вынуждено было прибѣгнуть къ подавленію, суровому, быть можетъ, иногда и жестокому, злодѣяній, прикрывавшихся политическою личиною [1]); чтобы понять истинный смыслъ репрессій, слѣдуетъ помнить, что вѣдь революціонное движеніе подъ конецъ выродилось въ сплошные безшабашные разбои и грабежи, не щадившіе ни человѣческихъ жизней, ни частныхъ интересовъ.

Репрессіи эти, пожалуй, гуманное чувство можетъ оплакивать, но разсудокъ повелѣваетъ признать за легальную и неотвратимую необходимость. Репрессіи эти, однакоже, дружно ополчили противъ особы Государя всѣхъ европейскихъ террористовъ и анархистовъ,— достаточно вспомнить выступленія газеты «Avanti» и другихъ соціалистическихъ листковъ по поводу предполагавшагося посѣщенія Государемъ Императоромъ итальянскаго короля лѣтомъ 1909 г. въ Ракониджи, побудившія итальянское министерство унять мѣстную печать.

Затѣмъ, что Государь могъ долгое время колебаться,—въ виду разногласія призванныхъ имъ совѣтчиковъ насчетъ объема вольностей, подлежавшихъ октроированію, вполнѣ понятно,—вопросъ о введеніи въ Россіи представительнаго образа правленія вентилировался съ начала еще XIX вѣка въ теченіе трехъ царствованій изъ четырехъ, и правительство каждый разъ отступало предъ политической реформой изъ боязни неподготовленности народа къ воспріятію этого новшества.

Что народъ дѣйствительно оказался мало подготовленнымъ для выборовъ активныхъ и пассивныхъ, то, не говоря объ анекдотическихъ подробностяхъ иныхъ вотированій, показали первыя государственныя думы и подборъ такихъ депутатовъ, которые и въ странахъ съ самымъ широкимъ и либеральнымъ избирательнымъ правомъ прошли бы въ законодательныя палаты лишь рѣдкими единицами.

А разъ обнаружились вопіющіе недочеты въ избирательномъ правѣ, уже для избѣжанія повторенія ad infinitum роспусковъ палатъ пришлось прибѣгнуть къ своего рода coup d'état и ввести избирательное право въ ограничительныя цензовыя рамки.

---

[1]) Что мѣрка наказаній и расправы съ «врагами общественнаго порядка» въ критическія минуты облекается въ драконовскія формы, тому примѣромъ является республиканская Франція: по подавленіи парижской коммуны правительство Тьера тутъ же на укрѣпленіяхъ Парижа разстрѣляло каждаго пятаго изъ коммунаровъ, взятыхъ съ оружіемъ въ рукахъ; затѣмъ начались обыски во всѣхъ кварталахъ, гдѣ ютилась парижская бѣднота, и всѣ задержанные съ обожженными или покрытыми копотью отъ выстрѣловъ пальцами по приговорамъ полевыхъ судовъ ссылались на галеры, безъ дальнѣйшихъ разслѣдованій и провѣрокъ.

Библиотека "Руниверс"

Съ весьма высокихъ имущественныхъ цензовъ начали свой укладъ народнаго представительства и всѣ западно-европейскія, болѣе Россіи культурныя страны. Что такая мѣра, какъ ограниченіе избирательнаго права, у насъ отвѣчала измѣнившемуся общественному настроенію, подтверждается и тѣмъ, что съ 1906 г. земства стали правѣть, благодаря исключенію изъ выборовъ лѣвыхъ земцевъ и представителей «третьяго элемента».

Обвинять въ этихъ колебаніяхъ и блужданіяхъ особу Государя можно лишь въ забвеніи принципа поддержанія власти въ критическія минуты изъ патріотическихъ побужденій, а равно и того чувства дисциплины, безъ которыхъ никакое человѣческое общество не можетъ существовать, развиваться и прогрессировать.

Впрочемъ, и то сказать, всѣ такія нареканія шли изъ источниковъ смутныхъ и мало освѣдомленныхъ; люди же вдумчивые и приходившіе въ соприкосновеніе съ монархомъ, какъ, напримѣръ, А. И. Гучковъ, по званію предсѣдателя третьей государственной думы, свидѣтельствуютъ, что благонамѣренность и добрая воля Государя не подлежитъ никакому сомнѣнію и Императору Николаю II предрекается роль одного изъ совершеннѣйшихъ конституціонныхъ монарховъ (интервью Гастона Дрю съ А. И. Гучковымъ).

Въ заключеніе Г. Дрю замѣчаетъ, что хотя императоръ Александръ III отмѣчалъ, будто Россію никто въ Европѣ не любитъ и она имѣетъ одного только надежнаго друга—Черногорію, тѣмъ не менѣе Франція съ большимъ прискорбіемъ и заботливостью взирала на бѣдствія, обрушившіяся на Россію въ 1904 году; независимо отъ симпатій и финансовыхъ дѣлъ, Франція, какъ и вся Европа, была политически заинтересована въ томъ, чтобы Россія по возможности скорѣе оправилась отъ постигшихъ ее испытаній и заняла опять въ европейскомъ концертѣ рѣшающее положеніе.

Дѣло въ томъ, что русско-японская война нарушила въ пользу Германіи равновѣсіе, въ извѣстной степени утвержденное съ 1890 г. франко-русскимъ союзомъ. Какова бы ни была искренность ея намѣреній и мирныхъ завѣреній, естественно было опасаться, что Германія—если только найдетъ удобный поводъ,—не замедлитъ использовать къ своей выгодѣ наличныя обстоятельства и затруднительное положеніе двойственнаго союза.

Вѣдь, пожалуй, даже стихійно, но Германію самый ея рокъ влечетъ къ созданію всемірной монархіи—къ этому ее побуждаютъ и военные успѣхи, одержанные въ 1866 и 1870 гг., и удивительное ея экономическое преуспѣяніе, и приростъ ея населенія, и отсутствіе обширныхъ колоній. Въ иныя историческія эпохи аналогичныя причины на тѣ же замыслы наталкивали и Испанію (при Филиппѣ II), и Францію (при Людовикѣ XIV и Наполеонѣ I).

Изъ-за опасеній нарожденія новой всемірной монархіи Великобританія, руководимая незаурядными политическими талантами

Библиотека "Руниверс"

короля Эдуарда VII, надумала поставить честолюбивымъ замысламъ Пруссіи плотину остроумною системою континентальныхъ соглашеній и союзовъ, но всѣ ея дальновидныя начинанія парализировались невозможностью привлечь къ общему дѣлу Россію, изнемогавшую отъ военныхъ напряженій и внутренней смуты; благодаря такой конъюнктурѣ, подъ глухими нѣмецкими угрозами Европа съ 1905 г. нѣсколько лѣтъ переживала тревожные страхи.

Непредвидѣнное и волшебно-быстрое возрожденіе мощи, которое явила Россія, преодолѣвъ потрясенія 1905 г., измѣнило все положеніе Европы. Хотя, по словамъ Г. Дрю, великая сѣверная имперія еще и не закончила реорганизаціи своей арміи, а въ особенности своего флота, но и теперь уже достигнутые результаты весьма существенны и въ значительной степени возстановили прежнее ея военное обаяніе. Активная русская армія въ настоящее армія насчитываетъ милліонъ сто тысячъ штыковъ, изъ коихъ около семисотъ тысячъ расквартированы вдоль западной границы; войска хорошо обучены, снабжены превосходнымъ вооруженіемъ, и, несомнѣнно, русская армія, если не сейчасъ, то въ ближайшемъ будущемъ сможетъ поспорить съ лучшею европейскою арміею.

Русскій флотъ, почти совершенно уничтоженный за время русско-японской войны, постепенно строится. Уже теперь Россія имѣетъ въ Балтійскомъ морѣ, кромѣ нѣсколькихъ крупныхъ боевыхъ единицъ типа французскаго «Дантона», четыре дреднота, частью совсѣмъ снаряженныхъ, частью спѣшно снаряжаемыхъ. Въ то же время еще четыре дреднота новѣйшаго усовершенствованнаго типа спѣшно строятся на балтійскихъ эллингахъ. Германіи, давно уже соперничающей съ Англіею въ Сѣверномъ морѣ за морское преобладаніе, вскорѣ придется считаться еще и съ русскимъ флотомъ,—онъ окажется достаточно могущественнымъ, чтобы иммобилизировать въ Балтійскомъ морѣ нѣсколько нѣмецкихъ броненосцевъ, и черезъ это обезпечитъ англійскому флоту численный перевѣсъ надъ соперникомъ. Русская морская программа и недавно заключенная между Россіею и Франціею морская конвенція предусматриваютъ дальнѣйшее еще увеличеніе Балтійскаго флота. Такимъ образомъ, въ случаѣ войны, британскимъ эскадрамъ сможетъ быть оказана весьма существенная поддержка.

Достигшая внутренняго успокоенія, процвѣтающая и сильная, хотя и миролюбивая, Россія въ ея дружномъ согласіи съ Франціею и Англіею представляетъ собою ту основу, на которую должна опереться «новая организація Европы», необходимость ея Талейранъ предугадывалъ еще въ 1820 г. [1]). Къ осуществленію этой же

[1]) Хитроумный вдохновитель европейской дипломатіи начала XIX вѣка писалъ: «Что угрожаетъ рано или поздно нарушить европейское равновѣсіе, это тѣ стремленія, которыя становятся всеобщими въ центральной Германіи. Необходимость самообо-

Библиотека "Руниверс"

цѣли Эдуардъ VII положилъ начало черезъ заключеніе англо-французскаго соглашенія 1904 года.

Такимъ образомъ, могущество Россіи оказывается условіемъ sine qua non для самаго европейскаго равновѣсія и мира.

Свершившійся столь неожиданно для европейской дипломатіи разгромъ Турціи, образованіе союза славянскихъ народностей и тѣсное ихъ сближеніе съ Греціею вносятъ новый негаданный элементъ въ составъ европейскаго равновѣсія, построеннаго на противопоставленіи тройственнаго согласія съ тройственнымъ союзомъ. Если славянскій союзъ окажется и впредь жизненнымъ и долговѣчнымъ, то позволительно предположить, что онъ скорѣе примкнетъ къ первому (изъ-за близости къ Россіи), чѣмъ ко второму (изъ-за ненависти къ Австріи). Но какіе сюрпризы таитъ затѣя созданія албанскаго государства—увеличитъ ли оно вкупѣ съ Турціею, тяготѣющей къ Германіи, силы тройственнаго союза, или пресловутый дѣлежъ сферы вліянія надъ Албаніею между Италіею и Австріею окажется костью, изъ-за которой окончательно перегрызутся союзники, что повлекло бы за собою распадъ и крушеніе всего тройственнаго союза,—вотъ это даже и новый Талейранъ, если бы онъ объявился, едва ли сумѣлъ бы теперь уже предугадать.

В. фонъ-Штейнъ.

роны и общность опасности подготовили умы къ объединенію Германіи. Эта идея будетъ развиваться и дальше и когда-нибудь одно изъ большихъ государствъ, входящихъ въ составъ конфедераціи, пожелаетъ использовать это объединеніе къ своей выгодѣ. Австріи въ этомъ смыслѣ нечего бояться; составленная сама изъ отдѣльныхъ кусковъ и народовъ, она не обладаетъ единствомъ у себя дома, и, конечно, не можетъ мечтать объ экспортированіи этого товара за свои предѣлы. Поэтому остается наблюдать только за Пруссіею. Она пустится рано или поздно на эту авантюру, а если достигнетъ въ ней успѣха, то измѣнятся всѣ условія европейскаго равновѣсія, и Европѣ придется создавать для себя новыя основы и новую организацію».

Библиотека "Руниверс"

РАЗВѢНЧАННЫЕ ГЕРОИ РЕВОЛЮЦІИ 1905 ГОДА [1].

1) Г. С. Хрусталевъ-Носарь.

XXXVII.

Въ декабрѣ 1905 года состоялся арестъ совѣта рабочихъ депутатовъ, а уже къ 31-го мая 1906 года товарищемъ прокурора петербургской судебной палаты Вл. Бальцемъ былъ составленъ обвинительный актъ [2]), гдѣ подробно разсказана вся исторія возникновенія и дѣятельность совѣта рабочихъ депутатовъ, отмѣчены показанія каждаго изъ обвиняемыхъ, коихъ привлечено было къ суду и слѣдствію 52 человѣка.

На основаніи слѣдственнаго матеріала кандидатъ юридическихъ наукъ Георгій Степановъ Носарь, онъ же Хрусталевъ, 27 лѣтъ, сынъ колониста Херсонской губерніи, Елисаветградскаго уѣзда, колоніи Громоклея, Левъ или Лейба Давидовъ Бронштейнъ, онъ же Яновскій или Троцкій, 26 лѣтъ, дворянинъ Воронежской губерніи Дмитрій Ѳедоровъ Сверчковъ, онъ же Введенскій, 23 лѣтъ, крестьянинъ Орловской губерніи, Елецкаго уѣзда, Степановской волости, деревни Орановки, Петръ Александровичъ Злыд-

---

[1]) Продолженіе. См. «Истор. Вѣстн.», т. CXXXIV, стр. 631.

[2]) «Процессъ совѣта рабочихъ депутатовъ. (Къ исторіи революціи 1905 года)». Съ предисловіемъ и послѣсловіемъ П. Эсперова. Подробный отчетъ съ обвинительнымъ актомъ, рѣчами подсудимыхъ, рѣчью прокурора и судоговореніемъ. Спб. 1906.

Библиотека "Руниверс"

невъ, 26 лѣтъ, одесскій мѣщанинъ Саулъ Шлемовъ Зборовскій, 25 лѣтъ, шушинскій мѣщанинъ Богданъ Мирзоджановъ Кнуніанцъ, онъ же Саркисянцъ и Петровъ, 29 лѣтъ, дворянинъ Пензенской губерніи Николай Дмитріевъ Авксентьевъ, онъ же Сѣровъ, 27 лѣтъ, ремесленникъ города Тулы Николай Михайловъ Нѣмцовъ, онъ же Макаровъ, 26 лѣтъ, петербургскій мѣщанинъ Михаилъ Леонидовъ Киселевичъ, 30 лѣтъ, дворянинъ Тамбовской губерніи Викентій Аницетовъ Гутовскій, онъ же Ивановъ, 29 лѣтъ, сынъ купца Семенъ Моисеевъ Клячко, 29 лѣтъ, врачъ Андрей Юльевъ Фейгъ, 41 года, дворянка Уфимской губерніи Валентина Леонидова Багрова, она же Сергѣева, 27 лѣтъ, дочь купца Фейга Янкелева Маянцъ, 20 лѣтъ, полтавскій мѣщанинъ Левъ Гершонъ Михайловъ-Хаимовъ Хинчукъ, 36 лѣтъ, курскій мѣщанинъ Семенъ Лазаревъ Вайнштейнъ, 26 лѣтъ, крестьянинъ Ярославской губерніи, Пошехонскаго уѣзда, Колобовской волости, села Махлужено, Алексѣй Васильевъ Буровъ, 20 лѣтъ, германскій подданный Николай Гарри Юрьевъ Гольдбергъ, 26 лѣтъ, дворянинъ Петербургской губерніи Владимиръ Владимировъ Коссовскій, 22 лѣтъ, крестьянинъ Орловской губерніи, Малоархангельскаго уѣзда, Преображенской волости, села Куракина, Константинъ Яковлевъ Мосоловъ, 35 лѣтъ, ногайскій Таврической губерніи мѣщанинъ Исаакъ Львовъ Голынскій, 24 лѣтъ, крестьянинъ Московской губерніи, Рузскаго уѣзда, Судниковской волости, деревни Дубосѣково, Егоръ Алексѣевъ Стоговъ, 28 лѣтъ, крестьянинъ Владимирской губерніи, Шуйскаго уѣзда, Васильевской волости, деревни Меньшиково, Зиновій Никаноровъ Бабинъ, 29 лѣтъ, мѣщанка города Ростова-на-Дону Анна Гаврилова Болдырева, 36 лѣтъ, минскій мѣщанинъ Эразмъ Сильвестровъ Комаръ, 25 лѣтъ, крестьянинъ Самарской губерніи, Ставропольскаго уѣзда, Черемшанской волости, села Никольскаго, Осипъ Тимоѳеевъ Логиновъ, 27 лѣтъ, крестьянинъ Костромской губерніи, Галичскаго уѣзда, Нагатинской волости, деревни Кожухова, Николай Гурьевъ Полетаевъ, 39 лѣтъ, крестьянинъ Петербургской губерніи, Новоладожскаго уѣзда, Глажевской волости и села Алексѣй Николаевъ Расторгуевъ, 29 лѣтъ, надворный совѣтникъ Ѳедоръ Флоріановъ Шанявскій, 61 года, крестьянинъ Нижегородской губерніи, Ардатовскаго уѣзда, Орѣховской волости, села Бѣловатово, Ѳедоръ Васильевъ Сильвестровъ, 20 лѣтъ, сынъ надворнаго совѣтника Арсеній Арсеньевъ Симановскій, 31 года, крестьянинъ Рязанской губерніи Ряжскаго уѣзда, Покровской волости и села, Иванъ Ивановъ Козловъ 23 лѣтъ, крестьянъ Калужской губерніи, Тарусскаго уѣзда, Исконской волости, деревни Сильвестрово, Андрей Михайловъ Костяновъ, 30 лѣтъ, крестьянинъ Костромской губерніи Чухломскаго уѣзда, Коровской волости, деревни Ачипкино, Иванъ Ивановъ Бобровъ, 37 лѣтъ, крестьянинъ Могилевской губерніи, Оршанскаго уѣзда, Барановской волости,

Библиотека "Руниверс"

деревни Кодолево Алексѣй Анисимовъ Петровъ, 28 лѣтъ, крестьянинъ Ярославской губерніи, Угличскаго уѣзда, Улейминской волости, деревни Нефедово Алексѣй Михайловъ Прозоровъ 24 лѣтъ, жена ветеринарнаго врача Ольга Ярославова Никольская, 41 года, виленскій мѣщанинъ Шавель Хацкелевъ Ядловкеръ 20 лѣтъ, витебскій мѣщанинъ Михель Залмановъ Бруссеръ, 27 лѣтъ, сынъ чиновника Адамъ Моисеевъ Теръ-Мкртчянцъ, 22 лѣтъ, сынъ чиновника Сергѣй Владимировъ Байдаковъ 24 лѣтъ, вилькомирскій мѣщанинъ Эккели Нааховъ Грейверъ 30 лѣтъ, крестьянинъ Московской губерніи, Дмитровскаго уѣзда, Ильинской волости, деревни Живудино, Иванъ Даниловъ Красинъ, 22 лѣтъ, крестьянинъ Тверской губерніи Сычевскаго уѣзда, Кравцовской волости, деревни Астапово Алексѣй Ивановъ Ивановъ, 27 лѣтъ, дмитровскій Московской губерніи мѣщанинъ Яковъ-Коппель Израилевъ Копеліовичъ, 25 лѣтъ, петербургскій мѣщанинъ Алексѣй Михайловъ Филипповъ, 22 лѣтъ, крестьянинъ Воронежской губерніи, Бобровскаго уѣзда, Васильевской волости, слободы Колодѣевки Николай Павловъ Шевченко, 20 лѣтъ, и крестьянинъ Витебской губерніи, Дриссенскаго уѣзда, Освейской волости и села Иванъ Николаевъ Клейцъ, 20 лѣтъ,—оказались обвиненными въ томъ, что въ 1905 г. въ городѣ С.-Петербургѣ вступили участниками въ сообщество, присвоившее себѣ наименованіе «с.-петербургскій общегородской совѣтъ рабочихъ депутатовъ» и завѣдомо для нихъ поставившее цѣлью своей дѣятельности насильственное посягательство на измѣненіе установленнаго въ Россіи основными законами образа правленія и замѣну его демократической республикой, причемъ для приведенія въ исполненіе умышленнаго ими преступнаго дѣянія, дѣйствуя завѣдомо сообща, одни въ качествѣ членовъ исполнительнаго комитета совѣта рабочихъ депутатовъ, а другіе въ качествѣ членовъ того же совѣта, пріобрѣтали денежныя для надобности совѣта средства, путемъ насильственнаго захвата типографій печатали и распространяли листки подъ названіемъ «Извѣстія совѣта рабочихъ депутатовъ», въ коихъ возбуждали населеніе къ насильственному посягательству на измѣненіе въ Россіи установленнаго основными законами образа правленія, въ тѣхъ же цѣляхъ произносили въ многолюдныхъ и публичныхъ своихъ засѣданіяхъ, посѣщавшихся и лицами, къ совѣту рабочихъ депутатовъ не принадлежащими, рѣчи, подготовлявшія вооруженное возстаніе и къ нему возбуждавшія, издавали и распространяли обращенія къ войскамъ, призывавшія войска къ учиненію бунтовщическаго дѣянія, раздавали рабочимъ Петербурга огнестрѣльное оружіе, принимали мѣры къ изготовленію, въ цѣляхъ вооруженія рабочихъ, холоднаго оружія, въ засѣданіяхъ своихъ открыто выясняли степень подготовленности рабочихъ Петербурга къ вооруженному выступленію, обсуждая вмѣстѣ съ тѣмъ и время, когда такое выступленіе окажется

Библиотека "Руниверс"

возможнымъ, и, наконецъ, приняли участіе въ составленіи и распространеніи путемъ напечатанія въ нѣкоторыхъ петербургскихъ газетахъ 2-го декабря 1905 года воззванія къ населенію, имѣвшаго своей цѣлью подрывъ кредита, ослабленіе платежныхъ силъ государства и лишеніе государства запасовъ золота, обезпечивающихъ правильность финансоваго хозяйства. Преступленіе это предусмотрѣно 1 ч. 102 и 1 ч. 101 ст. угол. улож.

Въ виду сего и на основаніи 2 п. 1032 ст. уст. угол. суд. названные выше: Носарь, Бронштейнъ, Сверчковъ, Злыдневъ, Зборовскій, Кнуніанцъ, Авксентьевъ, Нѣмцовъ, Киселевичъ, Гутовскій, Клячко, Плехановъ, Балашевъ, Фейгъ, Багрова, Маянцъ, Хинчукъ, Вайнштейнъ, Буровъ, Гольдбергъ, Коссовскій, Мосоловъ, Голынскій, Стоговъ, Бабинъ, Болдырева, Комаръ, Логиновъ, Полетаевъ, Расторгуевъ, Шанявскій, Сильвестровъ, Симановскій, Козловъ, Костяновъ, Бобровъ, Петровъ, Прозоровъ, Никольская, Ядловкеръ, Бруссеръ, Теръ-Мкртчянцъ, Байдаковъ, Грейверъ, Красинъ, Луканинъ, Ивановъ, Марлотовъ, Копеліовичъ, Филипповъ, Шевченко и Клейцъ подлежали суду петербургской судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей.

Слушаніе дѣла совѣта рабочихъ депутатовъ было впервые назначено въ особомъ присутствіи петербургской судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей на 20-го іюня 1906 года. Засѣданіе палаты происходили въ залѣ перваго отдѣленія окружнаго суда. Подсудимые расположены были по двумъ сторонамъ зала; на первомъ флангѣ сидѣлъ Хрусталевъ. Защитниками подсудимыхъ выступили присяжные повѣренные: Александровъ, Базуновъ, Грузенбергъ 1-й, Зарудный, Муравьевъ, Беренштамъ, М. В. Беренштамъ В. В., Демьяновъ, Соколовъ Н. Д., Гольштейнъ, Исаченко, Смирновъ, Самуильсонъ, Чекеруль-Кушъ, Малянтовичъ, Маргуліесъ, Елисѣевъ, Волькенштейнъ, Переверзевъ, Черкессовъ, Земель, Гуковскій, Гинцбергъ, Миклашевскій, Рабиновичъ, Селюкъ, Ратнеръ, князь Эристовъ, Пергаментъ, Маклаковъ, Ѳедосьевъ. Въ качествѣ обвинителей выступили товарищи прокурора Бальцъ и Меллеръ. Съ составѣ присутствія были: предсѣдатель палаты тайный совѣтникъ Максимовичъ, члены палаты Вильсенъ, Деларовъ, Ольшевъ, сословные представители—губернскій предводитель дворянства графъ Гудовичъ, членъ управы Оношковичъ-Яцына. Свидѣтелей было вызвано до 400 человѣкъ. Изъ нихъ не явилось 120, въ томъ числѣ—А. С. Суворинъ, М. А. Суворинъ, кн. Барятинская (Яворская), Шишкинъ, Вернстремъ, два члена совѣта рабочихъ депутатовъ, бывшій репортеръ «Петербургскаго Листка» Гуревичъ, генералъ Ивановъ, производившій дознаніе по этому дѣлу, Красовскій, Чарнолусскій, Прокоповичъ, графъ Тизенгаузенъ.

Товарищъ прокурора Бальцъ находилъ возможнымъ слушать дѣло, несмотря на отсутствіе важныхъ свидѣтелей, и причину от-

Библиотека "Руниверс"

сутствія таковыхъ призналъ законной, но присяжный повѣренный Грузенбергъ указалъ, что средства къ розыску такихъ свидѣтелей, какъ Вернстремъ и Шишкинъ, не были исчерпаны, просилъ привести черезъ полицію отца и сына Суворинныхъ и ходатайствовалъ о вызовѣ въ качествѣ свидѣтелей генерала Трепова, графа Витте и другихъ министровъ перваго конституціоннаго кабинета. Сами подсудимые сдѣлали палатѣ слѣдующее заявленіе: «Мы заявляемъ, что рѣшили принять участіе въ настоящемъ исключительномъ судѣ только потому, что находимъ его необходимымъ въ дѣлахъ политическихъ для широкаго публичнаго выясненія истины о дѣятельности и значеніи совѣта рабочихъ депутатовъ».

Палата послѣ двухчасового совѣщанія признала, что въ отношеніи Шишкина и Вернстрема дѣйствительно не были приняты всѣ мѣры къ ихъ розыску, на обоихъ Суворинныхъ наложила штрафъ за неявку по 25 рублей съ каждаго и постановила дѣло слушаніемъ отложить.

Въ этотъ день администраціей были приняты чрезвычайныя мѣры охраны. Зданіе суда было объявлено на военномъ положеніи и переполнено воинскими, жандармскими и полицейскими отрядами. Такіе же отряды были расположены въ сосѣднихъ съ судомъ дворахъ и домахъ. На улицѣ передъ зданіемъ суда были сосредоточены значительныя полицейскія силы. Въ зданіе суда пропускались только имѣвшіе спеціальные билеты. Всѣ эти необычайныя мѣры предосторожности были сохранены и при послѣдующемъ разборѣ дѣла. Послѣ отсрочки дѣла состоялось распорядительное засѣданіе палаты, которое рѣшило измѣнить мѣры пресѣченія по отношенію къ части подсудимыхъ, и нѣкоторые изъ нихъ были оставлены на свободѣ.

Второе засѣданіе состоялось 19-го сентября. Составъ палаты нѣсколько измѣнился: предсѣдательствовалъ старшій предсѣдатель петербургской судебной палаты тайный совѣтникъ Крашенинниковъ. Въ составъ присутствія вошли гг. Вильсенъ, Деларовъ и Ольшевъ, сословные представители—петербургскій губернскій предводитель дворянства графъ Гудовичъ, членъ городской управы Тройницкій и волостной старшина Рыбацкой волости Петровъ. Обвиненіе поддерживалъ товарищъ прокурора В. Бальцъ. Защитниками выступили: Андронниковъ, Базуновъ, Головинскій, Беренштамъ, О. Грузенбергъ, Гольдштейнъ, Елисѣевъ, Ждановъ, Зарудный, Малянтовичъ, Маргуліесъ, Миклашевскій, Муравьевъ, Соколовъ, Самуильсонъ, князь Эристовъ, Чекеруль-Кушъ и др. Опросъ подсудимыхъ показалъ, что изъ 52 обвиняемыхъ налицо оказалось всего лишь 28: Хрусталевъ-Носарь, Бронштейнъ (Троцкій), Сверчковъ, Злыдневъ, Зборовскій, Кнуніанцъ, Авксентьевъ, Нѣмцовъ, Киселевичъ, Фейгъ, Вайнштейнъ, Коссовскій, Мосоловъ, Голынскій, Стоговъ, Бабинъ, Комаръ, Полетаевъ, Расторгуевъ, Ша-

Библиотека "Руниверс"

нявскій, Сильвестровъ, Симановскій, Бобровъ, Петровъ, Красинъ, Луканинъ, Шевченко и Клейцъ. Не явились: Гутовскій, Клячко, Плехановъ, Балашевъ, Багрова, Маянцъ, Хинчукъ, Буровъ, Гольдбергъ. Болдырева, Логиновъ, Козловъ, Костяновъ, Прозоровъ, Фроловъ, Никольская, Ядловкеръ, Бруссеръ, Байдаковъ, Грейверъ, Ивановъ, Марлатовъ, Копеліовичъ и Филипповъ. Подсудимый Теръ-Мкртчіянцъ уже не числился въ спискѣ обвиняемыхъ, потому что въ іюлѣ былъ казненъ по приговору военно-полевого суда въ Кронштадтѣ. Относительно подсудимаго Филиппова выяснилось, что онъ былъ въ числѣ освобожденныхъ согласно постановленію распорядительнаго засѣданія палаты, но потомъ его арестовали и помѣстили въ Выборгской тюрьмѣ. Палата сдѣлала немедленно постановленіе о приводѣ Филиппова изъ тюрьмы и объявила перерывъ засѣданія. Черезъ три часа Филипповъ былъ доставленъ.

По окончаніи допроса предсѣдатель палаты объявилъ сторонамъ, что вмѣсто значащагося въ спискѣ судей Оношковича-Яцыны въ судѣ участвуетъ другой членъ управы Тройницкій. [Присяжный повѣренный Н. Д. Соколовъ отъ лица защиты заявилъ, что согласно статьѣ 589 устава уголовнаго судопроизводства списокъ судей и сословныхъ представителей долженъ быть сообщенъ обвиняемымъ и защитѣ не позже трехъ дней до дня слушанія дѣла и просилъ дѣло слушаніемъ отложить. Палата постановила отсрочить засѣданіе суда до 22-го сентября.

Такимъ образомъ, засѣданія судебной палаты вошли въ норму только съ 22-го сентября, причемъ въ сущности эти засѣданія не внесли въ наши свѣдѣнія о жизни и дѣятельности совѣта рабочихъ депутатовъ чего-нибудь особенно новаго сверхъ того, что намъ извѣстно изъ предыдущаго обозрѣнія историческихъ дней 1905 года. Нѣкоторыя характерныя детали, мелочи, препирательства между защитою и обвинительною властью, домогательства со стороны и подсудимыхъ, и ихъ защитниковъ и пр. и пр.,—вотъ тѣ тягучія свѣдѣнія, которыя мы получаемъ изъ ознакомленія съ ходомъ процесса. Мало новаго и интереснаго внесли въ свои рѣчи и подсудимые. Та свобода печати, которою дѣйствительно въ полной мѣрѣ пользовалось въ 1905 г. русское общество, позволила ему своевременно ознакомиться со всѣмъ тѣмъ, что происходило въ нѣдрахъ совѣта, что отчеканивалось въ его воззваніяхъ, въ «Извѣстіяхъ» и что сообщали о немъ остальныя газеты, а также, что нами было повѣдано выше со словъ дѣйствовавшихъ въ совѣтѣ лицъ. Не много внесъ новаго въ освѣщеніе октябрьскихъ событій и самъ Хрусталевъ-Носарь, на рѣчь котораго возлагалось столько надеждъ. Главный центръ его защиты сводился къ тому, что совѣтъ не подготовлялъ спеціальнаго вооруженнаго возстанія, а если имѣлъ въ своемъ распоряженіи оружіе, то исключительно «для борьбы съ арміей

Библиотека "Руниверс"

доктора Дубровина». «Совѣтъ отлично понималъ, что могли значить эти револьверы противъ пулеметовъ. Конечно, если бы ходъ вещей вызвалъ общее всенародное возстаніе, то и эти револьверы исполнили бы свое назначеніе. Вотъ та скромная роль, которую сыгралъ совѣтъ въ дѣлѣ вооруженнаго возстанія». Въ заключеніе своей сравнительно небольшой рѣчи Хрусталевъ сравнилъ совѣтъ рабочихъ депутатовъ съ парламентомъ, причемъ отмѣтилъ, что этотъ парламентъ былъ наиболѣе демократичнымъ изъ всѣхъ парламентовъ міра, «такъ какъ въ немъ болѣе всего отдавалось мѣсто референдуму, и всякій членъ его, переставшій посѣщать засѣданія, тотчасъ замѣнялся другимъ». По его мнѣнію, если самъ совѣтъ былъ парламентомъ, то исполнительный комитетъ игралъ роль его министерства, съ тою только разницею, что министры въ немъ не получали ни казеннаго жалованья, ни субсидій. Хрусталевъ призналъ, что «манифестъ» совѣта рабочихъ депутатовъ былъ предложеніемъ совѣта рабочимъ, но послѣдніе могли его и не исполнить, и съ своей стороны совѣтъ не принималъ никакихъ принудительныхъ дѣйствій къ осуществленію манифеста.

Описавъ двойственную политику администраціи, заигрывавшей съ рабочими и допускавшей засѣданія совѣта въ то время, какъ союзъ союзовъ разгонялся, Хрусталевъ закончилъ свою рѣчь словами: «Правительство задавило совѣтъ рабочихъ депутатовъ, но память о немъ не исчезнетъ».

XXXVIII.

Почти цѣлый мѣсяцъ, съ 19-го сентября по 12-го октября засѣданія суда протекали болѣе или менѣе мирно, если не считать обычныхъ, но сравнительно незначительныхъ, стычекъ между защитою и прокуратурою. Центромъ этихъ стычекъ былъ отказъ палаты отъ вызова свидѣтелей, указываемыхъ защитою. И только въ этотъ день разыгрался инцидентъ, который черезъ день, а именно 14-го октября, далъ процессу финальный уклонъ опредѣленнаго демонстративно-ликвидаціоннаго характера. Послѣ того, какъ въ этотъ день были оглашены резолюціи рабочихъ петербургскихъ заводовъ, гдѣ выраженъ протестъ рабочихъ надъ судомъ совѣта рабочихъ депутатовъ и высказана ихъ солидарность съ подсудимыми, какъ исполнителями воли пославшихъ ихъ,—присяжный повѣренный О. Грузенбергъ выступилъ со слѣдующимъ заявленіемъ.

— Въ теченіе всего процесса, путемъ допроса свидѣтелей выяснялся вопросъ, и не только защитою, но и прокуроромъ и палатою, объ ожидавшихся погромахъ и черносотенной организаціи. По этому поводу не только допрашивались свидѣтели, но читались и письменныя доказательства. И если у кого-либо изъ судей могло

Библиотека "Руниверс"

остаться сомнѣніе въ томъ, что для рабочаго населенія Петербурга была настоятельная необходимость вооружиться противъ этой черной сотни, то сейчасъ въ рукахъ защиты имѣется неопровержимый документъ, изъ котораго видно, что послѣ манифеста 17-го октября департаментъ полиціи затѣвалъ контръ-революцію путемъ погромовъ, черносотенныхъ организацій и самыхъ грязныхъ воззваній. Въ рукахъ защиты копія письма, посланнаго 14-го іюня этого года бывшимъ директоромъ департамента полиціи Лопухинымъ г. предсѣдателю совѣта министровъ П. А. Столыпину. Въ этомъ письмѣ г. Лопухинъ, производившій самое тщательное разслѣдованіе о печатавшихся въ департаментѣ полиціи прокламаціяхъ, призывавшихъ къ избіенію...

— Прошу не оглашать содержанія письма,—перебиваетъ защитника предсѣдатель.

— Я долженъ указать,—продолжаетъ г. Грузенбергъ,—главныя мѣста изъ этого письма, гдѣ бывшій директоръ департамента полиціи излагаетъ самыя точныя свѣдѣнія о дѣятельности гг. Рачковскаго, Комиссарова...

— Нѣтъ, скажите вкратцѣ, о чемъ говоритъ письмо,—вторично останавливаетъ предсѣдатель.

— Вы хотите вкратцѣ? Извольте. Письмо говоритъ, что погромы евреевъ, интеллигенціи и всякіе иные создавались органами правительственной власти. Письмо говоритъ, что та же правительственная власть завѣдомо ложно въ сочиняемыхъ и распространяемыхъ ея агентами воззваніяхъ обвиняла представителей совѣта рабочихъ депутатовъ въ растратѣ рабочихъ денегъ. Правительственнай власть слаба, вотъ въ чемъ вкратцѣ содержаніе письма г. Лопухина.

О. Грузенбергъ проситъ о пріобщеніи къ дѣлу этого документа, завѣреннаго подписью самого г. Лопухина, и объ оглашеніи его. Палата дѣлаетъ перерывъ, послѣ котораго предлагаетъ прокурору дать свое заключеніе относительно письма Лопухина. Товарищъ прокурора Бальцъ находитъ, что такъ какъ для дѣла важенъ только самый фактъ существованія и распространенія черносотенныхъ прокламацій, а не то, кѣмъ онѣ написаны и кѣмъ распространены, то въ ходатайствѣ защиты о пріобщеніи къ дѣлу этого документа слѣдуетъ отказать. Грузенбергъ возражаетъ прокурору въ томъ смыслѣ, что подсудимымъ было бы дѣйствительно безразлично, кѣмъ составлялись и распространялись черносотенныя прокламаціи, если бы это дѣлалось кѣмъ угодно, но не представителями правительственной власти. Его поддерживаютъ другіе защитники: Соколовъ, Зарудный, Андронниковъ и Малянтовичъ.

— Путемъ этого письма,—говоритъ г. Зарудный,—мы хотимъ установить, насколько реальна была опасность погрома.

— Мы хотимъ доказать, что анархія шла съ другой стороны,

Библиотека "Руниверс"

со стороны правительства, а не совѣта, — говоритъ г. Андроникова.

Хрусталевъ напоминаетъ суду показанія Иванова, что иниціатива въ разслѣдованіи вопроса о растратахъ, произведенныхъ будто бы депутатами, принадлежала Вуичу, директору департамента полиціи. Въ связи съ этимъ письмо Лопухина пріобрѣтаетъ громадное значеніе.

— Палата обсудитъ это ходатайство и своевременно объявитъ свое опредѣленіе,—заявляетъ предсѣдатель.

Тогда О. Грузенбергъ заявляетъ новое ходатайство.

— Въ связи съ предъявленіемъ письма у защиты имѣется другое ходатайство. Мы хотѣли заявить его послѣ опредѣленія особаго присутствія по вопросу о пріобщеніи письма, но, какъ мы сейчасъ слышали, г. старшій предсѣдатель разрѣшеніе этого ходатайства отложилъ. Если такъ, то мы просимъ обсудить и ходатайство о вызовѣ г. Лопухина въ качествѣ свидѣтеля. По закону я долженъ указать, что показанія его существенны и новы для дѣла. Свидѣтель Лопухинъ долженъ удостовѣрить передъ судомъ, что въ департаментѣ полиціи на особомъ станкѣ подъ редакторствомъ бывшаго директора департамента полиціи, нынѣ сенатора Вуича, печатались прокламаціи объ избіеніи евреевъ, армянъ и интеллигенціи. На томъ же станкѣ печатались воззванія отъ имени «группы русскихъ рабочихъ г. Петербурга», въ которыхъ возводились ложныя обвиненія на совѣтъ рабочихъ депутатовъ. Лопухинъ долженъ также удостовѣрить, что дѣйствительный статскій совѣтникъ Рачковскій развозилъ ихъ по всей Россіи, что въ Петербургѣ распространеніе этихъ прокламацій было имъ поручено доктору Дубровину, въ Москвѣ—Грингмуту, въ Курскѣ—Михайлову, въ Вильнѣ—Шкотту... Въ письмѣ своемъ Лопухинъ утверждаетъ, что, несмотря на устраненіе высочайшей волей Рачковскаго отъ должности, «другое начальство» сейчасъ же сдѣлало его начальникомъ всѣхъ охранныхъ отдѣленій Россіи, и это его назначеніе не замедлило ознаменоваться повсемѣстными погромами. Эти обстоятельства важны не только для подсудимыхъ, но и для исторіи. Помимо вопроса о виновности, гг. судьи, вамъ предстоитъ еще вопросъ о наказаніи. Это вопросъ вашей совѣсти. И мы увидимъ еще, что скажетъ ваша совѣсть, гг. предводители дворянства, городской голова и представитель крестьянъ, когда вы узнаете, что въ Петербургѣ организовывали погромъ и что только этимъ людямъ, которыхъ вы теперь судите, но на которыхъ, какъ это доказано, не было ни капли крови, вы обязаны тому, что Петербургъ избѣгъ этихъ ужасовъ!

Предсѣдатель заявилъ въ отвѣтъ, что палата обсудитъ оба ходатайства.

Слѣдующій день съ утра до глубокаго вечера посвященъ былъ совѣщанію между подсудимыми и защитниками. Рѣшено было боль-

Библиотека "Руниверс"

шинствомъ голосовъ отказаться отъ дальнѣйшаго участія въ процессѣ, если оба вышеприведенныя ходатайства будутъ отмѣнены. Ночью до утра защитники были заняты формулированіемъ протеста, и на другой день 14-го редакція протеста принята совмѣстно съ подсудимыми.

И вотъ, когда на засѣданіи 14-го октября палата объявила объ отказѣ въ ходатайствѣ защиты о прочтеніи письма Лопухина и о вызовѣ ихъ въ судъ, взялъ слово О. Грузенбергъ и заявилъ:

— Господа судьи! Защита уполномочила меня изложить передъ вами ея соображенія. Подсудимые пришли сюда съ одною цѣлью: раскрыть правду того дѣла, которому они служили. Они начали съ самихъ себя. Они говорили только правду, не заботясь о томъ, къ чему это ихъ приведетъ. Они ожидали, что встрѣтятъ такое же отношеніе. Мы пришли для того, чтобы помочь имъ въ этомъ здѣсь, на судѣ. Мы знали, что это будетъ трудно, но въ гласномъ судѣ мы ожидали, что намъ дадутъ возможность выяснить правду. Съ самаго начала мы встрѣчались съ отказомъ. Намъ отказали въ вызовѣ графа Витте, министровъ Бирилева, Редигера, градоначальника Дедюлина... между тѣмъ, какъ въ то же самое время и на этотъ же самый предметъ удовлетворено было ходатайство въ вызовѣ цѣлаго ряда другихъ свидѣтелей. Мы этому подчинились. Насъ окрыляла надежда, что все-таки, оставаясь на процессѣ, намъ удастся раскрыть ту правду, для которой мы сюда явились. Здѣсь, на судѣ, пользуясь каждымъ предлогомъ,—да, мы не боимся этого слова «предлогъ»,—мы старались выяснить главнѣйшее существо этого дѣла.

«Всѣ, даже враждебно относящіеся къ подсудимымъ, должны были признать, что настоящее дѣло является обратной стороной того попустительства правительства, которое существовало у насъ. Совѣтъ не былъ самозваннымъ. Онъ явился такъ же, какъ являются весною листья на деревьяхъ. А они являются потому, что осенью старая отжившая листва отпадаетъ. Мы хотѣли показать, какъ это случилось; но намъ не дали. Мы не можемъ себѣ представить, какъ можно было, вопреки 207 ст. угол. судопр., изъ огромной массы подсудимыхъ,—подсудимыми, гг. судьи, по этому дѣлу является весь петербургскій пролетаріатъ,—вырвать небольшую кучку и сдѣлать ее отвѣтственной за дѣло массъ. Мы просили дать возможность путемъ вызова свидѣтелей доказать это. Намъ отказали. Участіе правительственныхъ властей въ организаціи погромовъ, въ убійствахъ... вотъ коренной вопросъ настоящаго дѣла, такъ какъ совѣтъ организовалъ народныя массы для самозащиты. Для этого мы представили неопровержимый документъ—письмо одного представителя власти къ другому. Для этого мы просили вызвать свидѣтеля, автора этого письма. Намъ отказали. Теперь мы въ правѣ сказать, что поставлены въ невозможность долѣе продолжать свою

Библиотека "Руниверс"

работу по настоящему дѣлу. При такомъ положеніи вещей это дѣло грозитъ обратиться въ то же самое, что происходило здѣсь на судѣ нѣсколько дней тому назадъ, когда секретарь тихимъ голосомъ въ тихой залѣ читалъ намъ слова рабочей марсельезы: «Вставай, поднимайся, рабочій народъ». Это было ничто въ сравненіи съ тѣмъ, какъ въ октябрѣ та же самая пѣсня мощно раздавалась въ Петербургѣ и созывала милліоны людей. Судъ хочетъ, чтобы и мы тихимъ голосомъ, въ тихой залѣ, по секрету разсказали ему, какъ произошла въ Петербургѣ революція, какъ создался и работалъ рабочій парламентъ. Когда подсудимые пришли въ эту залу, они заговорили такъ, какъ этого требовала ихъ совѣсть. Г. прокуроръ, выслушавъ этотъ голосъ совѣсти, не нашелся ничего сказать больше, какъ только, что теперь, быть можетъ, не нужно уже дальнѣйшее слѣдствіе. Но подсудимые пришли сюда для того чтобы говорить правду, чтобы выяснить истину этого дѣла. Такой же правды они ожидали и отъ противной стороны. Пока намъ этого не дадутъ, мы не можемъ продолжать своей работы.

Послѣ такого вступленія г. Грузенбергъ прочелъ коллективное постановленіе защиты:

«Я отъ имены защиты долженъ сдѣлать суду слѣдующее заявленіе,—читалъ онъ.—Принимая во вниманіе, во-первыхъ, что совѣтъ рабочихъ депутатовъ явился организаціей правопорядка, выдвинутой самимъ народомъ въ его освободительной борьбѣ съ реакціонными силами власти, и потому ближайшими своими задачами считалъ защиту элементарныхъ основъ правового строя и охрану тѣхъ свободъ, которыя были уже отвоеваны борющимся народомъ; а свободамъ этимъ и человѣческимъ правамъ населенія каждую минуту угрожала та анархія въ видѣ системы погромовъ, которая составляла программу контръ-революціоннаго замысла, созданнаго нѣкоторыми органами власти и ея сподвижниками;

«принимая во вниманіе, во-вторыхъ, что по вопросу о черносотенныхъ нападеніяхъ и еврейскихъ погромахъ особое присутствіе удѣляло на судебномъ слѣдствіи немало вниманія и тѣмъ самымъ признало существенное значеніе этого вопроса для совѣта рабочихъ депутатовъ; но рядомъ съ этимъ особое присутствіе преграждало путь къ полному раскрытію истины всякій разъ, какъ только правда объ анархической и контръ- революціонной дѣятельности правительственныхъ органовъ могла получить печать официальнаго признанія со стороны самимъ представителей власти;

«принимая во вниманіе, въ-третьихъ, что особое присутствіе отказало защитѣ и подсудимымъ во всѣхъ ходатайствахъ о вызовѣ въ качествѣ свидѣтелей бывшаго предсѣдателя совѣта министровъ г. Витте, министра внутреннихъ дѣлъ г. Дурново, морского и военнаго министровъ гг. Бирилева и Редигера, петербургскаго градоначальника г. Дедюлина, а затѣмъ, наконецъ, отказалось даже по-

Библиотека "Руниверс"

лучить авторитетныя свѣдѣнія отъ лица, по порученію правительства спеціально изслѣдовавшаго анархическую погромную дѣятельность органовъ власти, а именно директора департамента полиціи г. Лопухина, и такимъ образомъ въ настоящемъ процессѣ получилась одна лишь внѣшняя видимость всесторонняго разслѣдованія, а на дѣлѣ стѣсняло подсудимыхъ и защита стѣснена въ выясненіи ближайшихъ побудительныхъ причинъ дѣятельности совѣта рабочихъ депутатовъ;

«принимая во вниманіе, въ-четвертыхъ, что признанія, которыя должны были послѣдовать отъ самого правительства въ лицѣ одного изъ высшихъ членовъ, особое присутствіе признало имѣющими огромное общественное значеніе, но не имѣющими отношенія къ настоящему дѣлу и тѣмъ самымъ обнаружило стремленіе лишить настоящее дѣло того глубокаго общественнаго значенія, которое ему принадлежитъ по убѣжденію защиты,—

«послѣдняя находитъ, что дѣятельность совѣта рабочихъ депутатовъ, какъ одинъ изъ крупнѣйшихъ этаповъ народнаго освободительнаго движенія, въ рамкахъ нынѣшняго судебнаго разбирательства не получитъ освѣщенія, требуемаго общественными интересами, а потому мы, нижеподписавшіеся, считаемъ своимъ профессіональнымъ и гражданскимъ долгомъ, по соглашенію съ нашими подзащитными, отказаться отъ дальнѣйшаго участія въ разбирательствѣ настоящаго дѣла, въ которомъ мы, въ виду постановленія особаго присутствія судебной палаты, не можемъ выяснить ни исторической, ни юридической правды, какъ мы и наши подзащитные ихъ «понимаемъ».

Заявленіе подписали: Грузенбергъ, Соколовъ, Малянтовичъ, Маргуліесъ, князь Андронниковъ, Демьяновъ, Ѳеодосьевъ, Вл. Беренштамъ, Чекеруль-Кушъ, Волькенштейнъ, Черкасовъ, Земмель, Селюкъ, Исаченко, Чіапровъ, Тиронъ, Миклашевскій, Рабиновичъ, Штильманъ 3-й, Елисѣевъ, Оксъ, Кашинскій.

Послѣ Грузенберга отъ имени подсудимыхъ сдѣлалъ заявленіе Хрусталевъ: «Въ добавленіе къ тому, что сказалъ нашъ защитникъ, я отъ имени всѣхъ товарищей заявляю слѣдующее:

«Мы явились сюда для того, чтобы передать исторію всей дѣятельности совѣта рабочихъ депутатовъ. Въ этомъ отношеніи для насъ важно выяснить не только настроеніе и дѣятельность совѣта, но и отношеніе къ нему правительства. Этого сдѣлать намъ не даютъ, и мы не можемъ принимать участія въ такомъ судѣ. Поэтому мы просимъ предсѣдателя позволить намъ удалиться обратно въ домъ предварительнаго заключенія».

Такое же заявленіе дѣлаетъ суду одинъ изъ подсудимыхъ, находящихся на свободѣ, причемъ предлагаетъ суду измѣнить въ отношеніи ихъ мѣру пресѣченія. Послѣ этого защита демонстративно покинула залъ суда, причемъ многіе изъ присяжныхъ повѣренныхъ

Библиотека "Руниверс"

простились съ подсудимыми. По уходѣ ихъ предсѣдатель объяснилъ подсудимымъ, что они должны присутствовать на судѣ и законъ не даетъ ему права ихъ отпустить. Въ отвѣтъ на это послѣдовало заявленіе Троцкаго-Бронштейна: «Мы отказались не только отъ участія защиты, но и отъ участія въ судѣ вообще. Я еще разъ почтительнѣйше прошу судъ не учинять надъ нами насилія и не заставлять насъ противъ нашей воли присутствовать здѣсь на судѣ».

Предсѣдатель предложилъ прокурору дать свое заключеніе по предмету выслушанныхъ заявленій, на что г. Бальцъ высказался, что при настоящемъ положеніи вещей удерживать силою подсудимыхъ въ залѣ суда не представляется возможнымъ. Это не только не будетъ въ интересахъ раскрытія истины, но послужитъ во вредъ ея. Что касается подсудимыхъ, находящихся на свободѣ, то ихъ заявленіе равносильно заявленію объ уклоненіи отъ суда, а потому онъ полагалъ бы измѣнить въ отношеніи ихъ мѣру пресѣченія, взявъ ихъ подъ стражу. Послѣ краткаго совѣщанія палата вынесла слѣдующее мотивированное постановленіе: «Въ виду того, что подсудимые отказались отъ своего послѣдняго слова и отъ защиты, а также въ виду того, что насильственное удержаніе подсудимыхъ въ залѣ засѣданій не можетъ благопріятно повліять на ходъ засѣданія, и въ виду того, что отсутствіе защиты и подсудимыхъ не можетъ мѣшать правильному ходу дѣла,—особое присутствіе постановило подсудимыхъ изъ зала засѣданія увести». Такъ какъ подсудимые, оставшіеся на свободѣ, заявили, что и они не желаютъ принять участіе въ судебномъ процессѣ, палата рѣшила измѣнить мѣру преслѣдованія и заключить ихъ подъ стражу. Дѣло слушаніемъ продолжено. Послѣ сего подсудимые были уведены, а въ засѣданіи сдѣланъ перерывъ.

XXXIX.

На засѣданіи 18-го октября судебный приставъ заявилъ, что никто изъ подсудимыхъ не желаетъ явиться въ судъ ни въ сей день, ни въ послѣдующіе. Послѣ сего было предоставлено слово представителю обвинительной власти. Привожу здѣсь рѣчь г. Бальца какъ офиціальное мнѣніе власти, устанавливающей взглядъ правительства на значеніе и дѣятельность совѣта рабочихъ депутатовъ и самаго процесса. Товарищъ прокурора сказалъ [1]):

«Господа судьи и господа сословные представители! Въ одинъ изъ первыхъ дней судебнаго слѣдствія Хрусталевъ-Носарь изложилъ въ этой залѣ исторію совѣта рабочихъ депутатовъ и описалъ его дѣя-

[1]) Нельзя не отмѣтить, что въ цитируемомъ отчетѣ о процессѣ рѣчь г. Бальца приведена съ значительными сокращеніями, почему она въ чтеніи и теряетъ значительную долю своей убѣдительности и аргументированности. Б. Г.

Библиотека "Руниверс"

тельность, заявивъ, что онъ пользуется гласностью суда, чтобы дать отчетъ объ этой дѣятельности своимъ избирателямъ. Теперь наступаетъ моментъ, когда передъ лицомъ суда обвинительная власть имѣетъ возможность дать отчетъ о тѣмъ основаніяхъ и доводахъ, которые дали ей право составить по настоящему дѣлу обвинительный актъ и которые въ настоящее время представляются достаточно провѣренными, чтобы поддерживать обвиненіе въ судѣ. Приступая къ выполненію этой задачи, я теперь же заявляю, что я совершенно выбрасываю изъ дѣла какую бы то ни было критическую оцѣнку политической дѣятельности совѣта рабочихъ депутатовъ. Обвинять на этой почвѣ значило бы переносить доказательства изъ области судебной въ область политическую, противополагать другія сужденія, проводить директивы другихъ партій,—значило бы вступать въ партійный споръ. А обвинительная власть не можетъ быть партійной. Критерій приговора—законъ. Если обстоятельства дѣла убѣдятъ судъ, что нѣтъ состава преступленія, то, не взирая на сочувствіе или несочувствіе политической дѣятельности обвиняемыхъ, приговоръ долженъ быть оправдательнымъ.

«Подходя такимъ образомъ къ дѣлу съ чисто судебнымъ масштабомъ, я въ то же время считаю себя обязаннымъ выбросить изъ числа своихъ доводовъ цѣлый рядъ соображеній, сложившихся у меня за долгіе мѣсяцы изученія дѣла, разъ только эти доводы представляются мнѣ сколько-нибудь спорными. Отсутствіе могущихъ быть возраженій дѣлаетъ неизбѣжнымъ исключеніе изъ дѣла всѣхъ доказательствъ, къ которымъ примѣнима французская пословица: «du choc des opinions jallit la vérité». Тамъ, гдѣ истина могла бы быть установлена лишь какъ результатъ спора, тамъ надо соотвѣтствующія доказательства обвиненія совершенно исключить.

«Судебный матеріалъ громаденъ, сложенъ, разнообразенъ, но распадается на двѣ категоріи: до преданія суду и то, что мы слышали впервые здѣсь на судебномъ слѣдствіи. Первая категорія этого матеріала дробится на письменные матеріалы, показанія свидѣтелей и оговоры обвиняемыхъ. Письменные матеріалы, въ свою очередь, раздѣляются на предназначенные къ опубликованію,—особенно важнымъ изъ нихъ являются «Извѣстія совѣта рабочихъ декутатовъ»,—и не подлежавшіе оглашенію, на основаніи которыхъ можно рѣшать вопросъ о составѣ преступленія. Свидѣтельскихъ показаній въ дѣлѣ очень мало, всѣ посторонніе совѣту свидѣтели дали намъ лишь описаніе отдѣльныхъ эпизодовъ изъ дѣятельности совѣта рабочихъ депутатовъ. Больше значенія для настоящаго дѣла имѣютъ оговоры. Но, хотя они даны были людьми, преслѣдованіе противъ которыхъ уже прекращено, тѣмъ не менѣе нельзя забывать, что въ то время они допрашивались въ качествѣ обвиняемыхъ. И если законъ рекомендуетъ относиться осмотрительно къ огово-

Библиотека "Руниверс"

рамъ вообще, то тѣмъ болѣе это правило должно быть соблюдено въ настоящемъ дѣлѣ, когда вызванные въ судъ свидѣтелями, всѣ они отъ своихъ прежнихъ оговоровъ отказались, ссылаясь на искаженіе даже ихъ лицами, производившими дознаніе».

Въ этомъ мѣстѣ прокуроръ сдѣлалъ оговорку, что это, по его мнѣнію, было не такъ, какъ разсказываютъ свидѣтели, и въ доказательство привелъ нѣсколько случаевъ, когда, несмотря на категорическое отрицаніе свидѣтелями прежнихъ своихъ показаній, въ нихъ оказывались данныя, которыя, по мнѣнію прокурора, ниоткуда больше лицамъ, производившимъ дознаніе, извѣстны быть не могли. Далѣе г. Бальцъ продолжалъ:

«Господа судьи! Обвиняемые вамъ разсказали, какимъ образомъ производилось предъявленіе ихъ свидѣтелямъ для опознанія. Вызванные сюда господа жандармскіе офицеры объяснили намъ мотивы, но фактическихъ данныхъ не опровергли. Это заставляетъ меня предъявленіе обвиняемыхъ свидѣтелямъ, произведенное безъ ихъ вѣдома, совершенно выбросить изъ числа доказательствъ обвиненія по настоящему дѣлу. Здѣсь вамъ неоднократно говорили, что совѣтъ не былъ кучкой заговорщиковъ, что онъ былъ лишь исполнителемъ воли пролетаріата и т. д., но вспомните, господа судьи, что это были не показанія постороннихъ дѣлу свидѣтелей, это были горячія рѣчи, произнесенныя людьми, симпатіи которыхъ всецѣло принадлежитъ одной изъ сторонъ въ процессѣ. Пестрой лентой прошли передъ вами общественные дѣятели, литераторы, почтово-телеграфные штрейкбрехеры... ихъ показанія для меня очень цѣнны. Большое значеніе придаю я и письму, написанному отъ имени нѣсколькихъ подсудимыхъ въ центральный комитетъ русской соціалъ-демократической революціонной партіи. Значеніе этого документа настолько велико, что все обвиненіе въ сущности можетъ быть сведено къ тому, есть ли составъ преступленія въ томъ, что признаютъ подсудимые въ этомъ письмѣ, или нѣтъ. Объясненія подсудимыхъ мнѣ кажутся вполнѣ искренними и правдивыми. Это значительно облегчило мою моральную задачу. Обвиненіе получило отъ нихъ безъ боя цѣлый рядъ признаній и не пользоваться этими обвиненіе, конечно, не имѣетъ права».

Далѣе прокуроръ заявилъ, что онъ будетъ базироваться только на письменныхъ доказательствахъ и объясненіяхъ подсудимыхъ и перешелъ къ оцѣнкѣ обвинительнаго акта.

«Обвиненіе утверждаетъ, что совѣтъ рабочихъ депутатовъ былъ противозаконнымъ сообществомъ. Обвинитель протестуетъ противъ дополнительнаго эпитета «тайный». Этого слова обвиненіе никогда и нигдѣ не употребляло. Для наказуемости сообщества и не надо, чтобы оно было тайное. Виды сообщества, по объяснительной запискѣ, опредѣляются по формальнымъ признакамъ: воспрещенные комитетомъ министровъ, и по цѣли: подготовляющіе измѣненіе су-

Библиотека "Руниверс"

ществующаго политическаго строя, преслѣдующіе цѣли соціальнаго переворота. Здѣсь говорили, что совѣтъ рабочихъ депутатовъ дѣйствовалъ по порученію рабочихъ массъ, что своей воли онъ не имѣлъ, а потому судить его можно въ кабинетѣ историка и т. д. Однако революціонное настроеніе массъ достаточно установлено. Приватъ-доцентъ Святловскій и Протопоповъ выразились, что рабочія массы вообще склонны къ соціализму. Настроеніе, конечно, само по себѣ ненаказуемо. № 1 «Извѣстій совѣта рабочихъ депутатовъ» говоритъ, что совѣтъ хотѣлъ создать организованность рабочихъ массъ, но обязательность приговоровъ совѣта доказываетъ наличность сообщества, закономъ наказуемаго. Совѣтъ былъ носителемъ революціонныхъ идей, а рабочая масса объектомъ его воздѣйствій. Фактъ принадлежности къ совѣту, равно какъ и избраніе депутатовъ не есть еще преступленіе—вспомнимъ, что дѣятельность совѣта была очень разнообразна (комиссія безработныхъ и проч.); когда идетъ вопросъ о томъ, чтобы накормить голоднаго, то не важно, дѣйствуютъ ли съ революціонной цѣлью, или безъ нея.

На возраженіе о томъ, что почему привлечены не всѣ 300 человѣкъ, а только 52, можно отвѣтить: потому, что не всѣ были уличены. Обращаясь къ составу совѣта рабочихъ депутатовъ, обвинитель указалъ, что совѣтъ отмежевался какъ отъ крайнихъ правыхъ, такъ и отъ крайнихъ лѣвыхъ. Ни либерально-буржуазные, ни анархическіе представители доступа къ нему не получили. Послѣдніе получили въ отвѣтъ, что совѣтъ рабочихъ депутатовъ есть учрежденіе рабочихъ, а такъ какъ среди анархистовъ нѣтъ рабочихъ, то имъ мѣста здѣсь нѣтъ. Политика совѣта рабочихъ депутатовъ, по выраженію подсудимаго Кнуніанца, есть политика соціалъ-демократической партіи и демократическая республика, являющаяся этапомъ при достиженіи соціалистическаго строя, и разъ это такъ, то совѣтъ стремился къ ниспроверженію существующаго строя, слѣдовательно, являлся преступнымъ сообществомъ, тѣмъ болѣе, что средствомъ для достиженія признавалось вооруженное возстаніе, для чего собирались деньги (хотя онѣ шли и на другія нужды—на ликвидацію забастовки, помощь безработнымъ и проч.) и пріобрѣталось оружіе. Инсинуаціи по поводу якобы растраченныхъ общественныхъ денегъ товарищъ прокурора игнорируетъ, какъ недостойную клевету.

«При такихъ условіяхъ совѣтъ представлялъ собою, несомнѣнно, сообщество, предусмотрѣнное 102 ст. уг. улож., если, конечно, будетъ доказанъ элементъ насилія. Говорилось что ближайшей цѣлью своей дѣятельности совѣтъ ставилъ реорганизацію общественнаго строя. Если это предполагалось въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, то это подходитъ подъ 126 ст. Объяснительная записка къ уголовному уложенію различаетъ смуту (126 ст.) и мятежъ (102 ст.). Соучастники одного и того же сообщества легко переходятъ отъ од-

Библиотека "Руниверс"

наго изъ этихъ понятій къ другому. Но я думаю, что здѣсь единственно примѣнима ст. 102. Совѣтъ проявилъ свою дѣятельность сборомъ денегъ, пропагандой среди рабочихъ массъ и въ войскахъ, подготовкой вооруженнаго возстанія. Вопросъ о пріобрѣтеніи совѣтомъ денегъ безспоренъ, но громадная часть ихъ шла на цѣли уголовно-безразличныя.

«Сюда внесли матеріалъ, отъ котораго обвиненіе старательно открещивалось. Меня вынудили говорить о растратѣ денегъ депутатами. Я этого не включалъ въ обвиненіе, такъ какъ я самъ этому не вѣрю и считаю ложью и клеветою. Пропаганда шла устная и письменная черезъ «Извѣстія».

«Печатанье «Извѣстій», какъ пропаганда революціонныхъ идей, сыграло видную роль. Извѣстный манифестъ оказалъ настолько сильное вліяніе на массу, что приливъ денегъ въ государственныя кассы уменьшился болѣе, чѣмъ на 90 милліоновъ. Если признать, что въ изложеніи многихъ событій неправильное освѣщеніе явилось просто революціонной фразеологіей, то во всякомъ случаѣ вліяніе на рабочую массу оказывалось.

«Что касается технической подготовки возстанія, то прокуроръ находитъ, что по этому вопросу судебное слѣдствіе дало совсѣмъ иную картину, чѣмъ дознаніе. Сопоставляя эту картину со словами закона, я по совѣсти отказываюсь отъ обвиненія по 101 ст. Если мы такимъ образомъ отбросимъ техническую подготовку, то останется то, что говорили сами обвиняемые: пропаганда идеи возстанія и приготовленіе базы для него, то есть политическая подготовка возстанія, другими словами—признаніе необходимымъ, ниспровергая строй, итти путемъ насилія. Этотъ признакъ насильственности, вливающійся въ понятіе 102 ст., и свидѣтельствуетъ о ея доказанности.

Переходя къ разбору виновности каждаго изъ подсудимыхъ въ отдѣльности, прокуроръ дѣлитъ ихъ на пять группъ. Въ первую группу входятъ члены исполнительнаго комитета: Хрусталевъ, Бронштейнъ, Сверчковъ, Злыдневъ, Зборовскій, Кнуніанцъ и Вайнштейнъ. При этомъ относительно Зборовскаго, о которомъ въ дѣлѣ нѣтъ постановленія къ привлеченію, прокуроръ полагалъ бы дѣло не выдѣлять, такъ какъ нарушеніе это представляется незначительнымъ и лишь съ формальной стороны.

«Во вторую группу вошли Авксентьевъ и Фейгъ. Въ третью: Нѣмцовъ, Киселевичъ, Стоговъ, Комаръ, Расторгуевъ, Шанявскій, Бабинъ и Полетаевъ. Въ четвертую: Голынскій, Сильверстовъ, Симановскій, Бобровъ, Петровъ, Луканинъ и Красинъ. Въ пятую: Шевченко, Филипповъ и Клейцъ.

«Относительно каждаго изъ подсудимыхъ прокуроръ въ нѣсколькихъ словахъ обрисовалъ дѣятельность его въ совѣтѣ. Противъ первыхъ четырехъ группъ онъ поддерживаетъ обвиненіе по 102 ст.,

Библиотека "Руниверс"

противъ Шевченка, Филиппова и Клейца, принимавшимъ участіе только въ напечатаніи «Извѣстій»,—по 129 ст. Отъ обвиненій Мосолова и Коссовскаго прокуроръ отказался.

«Въ заключеніе своей рѣчи,—сказалъ онъ,—я позволю себѣ остановиться на слѣдующемъ. Я далекъ отъ мысли, что взаимныя отношенія исполнительной власти и совѣта рабочихъ депутатовъ не должны быть предметомъ вашей, господа судьи, оцѣнки. Разбирая дѣло въ эпоху сравнительнаго политическаго затишья, судъ долженъ мысленно перенестись въ ту своеобразную эпоху, которая отдѣляла 17-го октября отъ дня ареста совѣта рабочихъ депутатовъ. Характеръ эпохи, какъ лейтъ-мотивъ, безпрестанно повторялся на всемъ протяженіи судебнаго слѣдствія, и я убѣжденъ, что когда судъ остановится на мѣрѣ и степени отвѣтственности обвиняемыхъ-то судъ не забудетъ, что новыя условія жизни вызвали вездѣ нервное отношеніе къ жизни и заставили на время забыть холодное спокойствіе и осторожный расчетъ. Господа судьи! я кончилъ свое обвиненіе. По силѣ разумѣнія своего я исполнилъ лежавшую на мнѣ трудную, сложную и, говоря откровенно, трудную задачу, и я чувствую себя совершенно спокойнымъ передъ собственной совѣстью. Совѣсть подсказываетъ мнѣ объективную правильность моего конечнаго вывода изъ дѣла. Выводъ этотъ слѣдующій. Въ водоворотѣ политической жизни, охватившемъ Россію и въ частности Петербургъ послѣ 17-го октября минувшаго года, совѣтъ рабочихъ депутатовъ вторгся своею дѣятельностью въ такое русло, входъ въ которое загражденъ законами, но дѣйствовалъ совѣтъ въ такое время, когда въ силу событій сдвинулись со своихъ мѣстъ всѣ составныя части громаднаго государственнаго механизма и не успѣли еще освоиться и укрѣпиться на тѣхъ новыхъ устояхъ, которымъ суждено въ будущемъ регулировать дальнѣйшее теченіе русской государственной жизни».

По окончаніи рѣчи прокурора засѣданіе было прервано до 19-го октября. Въ этотъ день палата огласила вопросы, по отношенію подсудимыхъ:

1) Виновенъ ли подсудимый Носарь въ томъ, что въ октябрѣ и ноябрѣ 1905 года въ Петербургѣ принялъ участіе въ сообществѣ, завѣдомо для него поставившемъ своей цѣлью организацію вооруженнаго возстанія и измѣненіе существующаго въ Россіи государственнаго строя въ демократическую республику?

2) Виновенъ ли тотъ же Носарь въ томъ, что тогда же и тамъ же принималъ мѣры для подготовки въ этихъ цѣляхъ вооруженнаго возстанія: собиралъ деньги, раздавалъ оружіе и т. п.?

Эти вопросы были поставлены по отношенію ко всѣмъ подсудимымъ. Кромѣ того, въ отношеніи подсудимаго Стогова поставленъ дополнительный вопросъ по 129 ст. за распространеніе «Извѣстій совѣта рабочихъ депутатовъ». По той же самой статьѣ поставленъ

Библиотека "Руниверс"

дополнительный вопросъ и по отношенію къ подсудимымъ Филиппову, Шевченку и Клейцу, принимавшимъ участіе въ печатаніи «Извѣстій совѣта рабочихъ депутатовъ».

«Прокуроръ не возражалъ противъ редакціи вопросовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ занести въ протоколъ тѣ мотивы, по которымъ онъ отказывается отъ возраженій на три послѣднихъ вопроса относительно Филиппова, Шевченка и Клейца, онъ ничего не имѣетъ противъ редакціи палаты только въ томъ случаѣ, если палата принимаетъ во вниманіе, что распространеніе того нумера «Извѣстій совѣта рабочихъ депутатовъ», который печатался подсудимыми, завѣдомо для нихъ должно было быть произведено другими лицами.

Палата удалилась для совѣщанія. Судъ возвратился и заявилъ, что соглашается съ мотивировкою товарища прокурора и принимаетъ его поправку къ вопросу 61-му. Вопросы палатой утверждены, и она удалилась на совѣщаніе для постановки приговора, который былъ вынесенъ въ шесть часовъ вечера.

«Приговоромъ палаты присуждены были къ ссылкѣ: I. На поселеніе съ лишеніемъ правъ: 1) Хрусталевъ, 2) Троцкій-Бронштейнъ, 3) Злыдневъ, 4) Сверчковъ, 5) Зборовскій, 6) Кнуніанцъ, 7) Авксентьевъ, 8) Нѣмцовъ, 9) Киселевичъ, 10) Фейгъ, 11) Вайнштейнъ, 12) Голынскій, 13) Комаръ, 14) Шанявскій, 15) Симановскій.—II. Къ заключенію въ крѣпости: 1) Стоговъ на одинъ годъ шесть мѣсяцевъ съ зачетомъ десяти мѣсяцевъ и 16 дней, проведенныхъ въ заключеніи; 2) Шевченко на восемь мѣсяцевъ съ зачетомъ трехъ мѣсяцевъ и 19 дней. III. Оправданы: Коссовскій, Мосоловъ, Бабинъ, Полетаевъ, Расторгуевъ, Сильверстовъ, Бобровъ, Петровъ, Красинъ, Луканинъ, Филипповъ и Клейцъ.

XL.

Такъ заключилась судьба главныхъ дѣятелей совѣта рабочихъ депутатовъ; но прежде, чѣмъ сказать еще нѣсколько послѣднихъ словъ, долженствующихъ вернуть насъ къ отправной темѣ настоящихъ нѣсколько разросшихся очерковъ, отмѣчу тотъ историческій анализъ самаго процесса, который сдѣлалъ относительно него Троцкій-Бронштейнъ въ «Исторіи совѣта рабочихъ депутатовъ» въ главѣ «Совѣтъ и прокуратура». Здѣсь болѣе обстоятельно, нежели въ рѣчахъ, произнесенныхъ на скамьѣ подсудимыхъ, болѣе глубоко, нежели то сдѣлано было защитниками, произведенъ юридическій анализъ процесса, почему и привожу его въ довольно полномъ видѣ, давая какъ бы тѣмъ подсудимымъ обычное послѣднее слово. Троцкій говоритъ:

«Обвинительный актъ рисуетъ совѣтъ рабочихъ депутатовъ, какъ «сообщество», объединившееся на почвѣ заранѣе формулированной политической задачи, какъ организацію, каждый участникъ

Библиотека "Руниверс"

которой, самымъ фактомъ своего вступленія въ нее, подписывается подъ опредѣленной заранѣе начертанной политической программой. Такое опредѣленіе совѣта стоитъ въ глубокомъ противорѣчіи съ той картиной возникновенія «сообщества», какую даетъ самъ обвинительный актъ. На первой страницѣ его мы читаемъ, что иниціаторы созданія будущаго совѣта призывали «избрать депутатовъ въ рабочій комитетъ, который придастъ рабочему движенію организованность, единство и силу» и явится «представителемъ нуждъ петербургскихъ рабочихъ предъ остальнымъ обществомъ». «И дѣйствительно,—продолжаетъ обвинительный актъ,—тогда же на многихъ фабрикахъ состоялись выборы депутатовъ». Какова же была политическая программа складывавшагося совѣта? Ея не было вовсе. Мало того: ея и не могло быть, ибо совѣтъ образовался не на началѣ подбора политическихъ единомышленниковъ (какъ партія или заговорщицкая организація), а на началѣ выборнаго представительства (какъ дума и земство). Изъ самыхъ условій образованія совѣта съ несомнѣнностью вытекаетъ, что поименованныя въ обвинительномъ актѣ лица такъ же, какъ и всѣ остальные члены совѣта, вступили не въ заговорщицкое сообщество, которое завѣдомо для нихъ ставило своей цѣлью насильственное ниспроверженіе существующаго образа правленія и созданіе демократической республики, но въ представительную коллегію, направленіе работъ которой должно было лишь опредѣлиться дальнѣйшимъ сотрудничествомъ ея членовъ.

«Если совѣтъ есть сообщество, предусмотрѣнное 101 и 102 ст. ст., то гдѣ границы этого сообщества? Депутаты входятъ въ совѣтъ не по собственному желанію, какъ члены сообщества, ихъ *посылаютъ* въ совѣтъ избиратели. Въ свою очередь, коллегія избирателей никогда не распускается. Она всегда остается на заводѣ, предъ ней депутатъ даетъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, она черезъ своего депутата самымъ рѣшительнымъ образомъ вліяетъ на направленіе дѣятельности совѣта. По всѣмъ важнѣйшимъ вопросамъ—стачки, борьба за восьмичасовой рабочій день, вооруженіе рабочихъ—иниціатива исходила не отъ совѣта, но отъ болѣе передовыхъ заводовъ. Собраніе рабочихъ избирателей выносило резолюціи, которыя вносились депутатами въ совѣтъ. Такимъ образомъ, организація совѣта была—фактически и формально—организаціей огромнаго большинства петербургскихъ рабочихъ. Въ основѣ этой организаціи лежала совокупность избирательныхъ коллегій, по отношенію къ которымъ совѣтъ игралъ въ извѣстномъ смыслѣ такую роль, какъ исполнительной комитетъ по отношеніи къ самому совѣту. Обвинительный актъ въ одномъ случаѣ признаетъ это самымъ категорическимъ образомъ. «Стремленіе рабочаго совѣта (такъ иногда назывался въ первое время совѣтъ) достигнуть всеобщаго вооруженія,—говоритъ онъ,—высказано было... въ постановленіяхъ и резолюціяхъ отдѣльныхъ *организацій*, *входившихъ въ со-*

Библиотека "Руниверс"

ставъ рабочаго комитета»,—и далѣе обвинительный актъ приводитъ соотвѣтственное постановленіе собранія рабочихъ печатнаго дѣла. Но если союзъ рабочихъ печатнаго дѣла и по мнѣнію прокуратуры «входилъ въ составъ» совѣта (точнѣе: въ составъ *организаціи* совѣта), то очевидно, что тѣмъ самымъ каждый членъ союза оказывался членомъ сообщества, поставившаго себѣ цѣлью насильственное и пр. и пр. Но не только союзъ рабочихъ печатнаго дѣла—рабочіе каждой фабрики, каждаго завода, пославъ депутатовъ въ совѣтъ, тѣмъ самымъ, какъ коллегія, вступали въ организацію петербургскаго пролетаріата. И если бы прокуратура имѣла въ виду полное и послѣдовательное примѣненіе 101 и 102 ст. ст., по точному ихъ смыслу и духу, на скамьѣ подсудимыхъ должны бы оказаться 200.000 петербургскихъ рабочихъ. Такова же точка зрѣнія самихъ этихъ рабочихъ, которые въ іюнѣ въ цѣломъ рядѣ рѣшительныхъ резолюцій требовали привлеченія ихъ къ суду. И это требованіе—не только политическая демонстрація, это—напоминаніе прокуратурѣ объ ея элементарныхъ юридическихъ обязанностяхъ.

«Но юридическія обязанности это—послѣднее, что интересуетъ прокуратуру. Она знаетъ, что власть хочетъ получить нѣсколько десятковъ жертвъ, чтобы подвести итогъ своей «побѣдѣ»,—и прокуратура ограничиваетъ число подсудимыхъ путемъ наглядныхъ несообразностей и грубыхъ софизмовъ.

«1. Она совершенно закрываетъ глаза на *выборный* характеръ совѣта и разсматриваетъ его, какъ союзъ революціонныхъ единомышленниковъ.

«2. Въ виду того, что общее число членовъ совѣта, 500—600 человѣкъ, оказывается слишкомъ большимъ для тенденціознаго суда надъ заговорщиками, командующими рабочей массой, прокуратура совершенно искусственно выдѣляетъ исполнительный комитетъ. Она сознательно игнорируетъ выборный характеръ исполнительнаго комитета, его текущій мѣняющійся составъ и, не считаясь съ документами, приписываетъ исполнительному комитету рѣшенія, принятыя совѣтомъ въ полномъ его составѣ.

«3. Изъ состава совѣта, кромѣ членовъ исполнительнаго комитета, прокуратура привлекаетъ къ суду только тѣхъ депутатовъ, которые принимали активное (?) и личное участіе въ дѣятельности совѣта». Такое выдѣленіе есть чистѣйшій произволъ. «Уложеніе» караетъ не только за «активное и личное» участіе, но и за простую принадлежность къ преступному сообществу. *Характеръ* участія опредѣляетъ лишь *степень* наказанія.

«Каковъ, однако, критерій прокуратуры? Доказательствомъ активнаго личнаго участія въ сообществѣ, поставившемъ себѣ задачей насильственный государственный переворотъ, является въ глазахъ обвинительной власти, напримѣръ, контроль надъ входными билетами, участіе въ стачечномъ пикетѣ или, наконецъ, соб-

Библиотека "Руниверс"

ственное признаніе въ самомъ фактѣ принадлежности къ составу совѣта. Такъ относительно обвиняемыхъ Красина, Луканина, Иванова и Марлотова прокуратура приводитъ лишь ихъ собственное признаніе въ простой принадлежности къ составу совѣта, и изъ этого признанія дѣлаетъ невѣдомыми путями выводъ объ ихъ «активномъ и личномъ участіи».

«4. Если прибавить еще нѣсколько человѣкъ «инородцевъ», арестованныхъ 3-го декабря въ числѣ гостей *совершенно случайно*, никакого отношенія къ совѣту не имѣвшихъ и не произнесшихъ на засѣданіи его ни одного слова, тогда мы получимъ нѣкоторое представленіе о томъ безобразномъ произволѣ, который руководилъ прокуратурой въ выборѣ подсудимыхъ.

«5. Но и это еще не все. Послѣ 3-го декабря остатокъ совѣта пополнился новыми членами, исполнительный комитетъ возстановился, «Извѣстія» продолжали выходить (№ 8 вышелъ на другой день послѣ ареста совѣта), возстановленный совѣтъ издалъ призывъ къ декабрьской стачкѣ. Черезъ нѣкоторое время исполнительный комитетъ новаго совѣта былъ арестованъ. И что же? Несмотря на то, что онъ продолжалъ лишь работу стараго совѣта, въ цѣляхъ и методахъ борьбы ничѣмъ отъ него не отличался, дѣло о новомъ совѣтѣ почему-то не возбуждается въ судебномъ порядкѣ, а направляется по пути административной расправы.

«Стоялъ ли совѣтъ на почвѣ права? Нѣтъ, не стоялъ и не могъ стоять, ибо такой почвы *не было*. Совѣтъ рабочихъ депутатовъ, если бы и хотѣлъ, не могъ въ своемъ возникновеніи опереться на манифестъ 17-го октября уже потому, что совѣтъ возникъ до манифеста: совѣтъ былъ созданъ тѣмъ самымъ революціоннымъ движеніемъ, которое создало манифестъ. Обвинительный актъ весь цѣликомъ построенъ на грубой фикціи непрерывности нашего права въ теченіе послѣдняго года. Прокуратура исходитъ изъ фантастическаго предположенія, будто всѣ статьи уголовнаго уложенія все время сохраняли свою дѣйствительность, будто ихъ никогда не переставали примѣнять, будто онѣ никогда не отмѣнялись—если не юридически, то фактически. На самомъ дѣлѣ цѣлый рядъ статей былъ вырванъ рукою революціи изъ уложенія—при молчаливомъ попустительствѣ власти. Земскіе съѣзды опирались ли на право? Банкеты и манифестаціи считались ли съ уложеніемъ? Пресса придерживалась ли цензурнаго устава? Союзы интеллигенціи не возникали ли безнаказанно такъ называемымъ «явочнымъ» порядкомъ?

«Но остановимся на судьбѣ самого совѣта. Предполагая непрерывность дѣйствія статей 101 и 102 «уложенія», прокуратура считаетъ совѣтъ завѣдомо преступной организаціей, преступной отъ дня рожденія; такимъ образомъ, самое вступленіе въ совѣтъ является преступленіемъ. Но какъ объяснить съ этой точки зрѣнія тотъ фактъ, что высшій представитель власти вступалъ въ пере-

Библиотека "Руниверс"

говоры съ преступнымъ сообществомъ, имѣвшимъ своей цѣлью революціонное утвержденіе республики? Если стоять на точкѣ зрѣнія непрерывности права, переговоры графа Витте превращаются въ уголовное преступленіе. До какихъ несообразностей доходитъ прокуратура, охраняющая несуществующую почву права, видно изъ названнаго примѣра съ графомъ Витте. Цитируя пренія по поводу посылки депутаціи къ графу Витте съ цѣлью добиться освобожденія трехъ членовъ совѣта, арестованныхъ на уличномъ митингѣ у Казанскаго собора, обвинительный актъ говоритъ объ этомъ обращеніи къ графу Витте, какъ о «*закономѣрной попыткѣ освобожденія арестованныхъ*». Такимъ образомъ, прокуратура видитъ «закономѣрность» въ переговорахъ графа Витте, высшаго представителя исполнительной власти, съ революціоннымъ сообществомъ, заранѣе поставившемъ себѣ цѣлью ниспроверженіе того государственнаго порядка, къ охранѣ котораго призванъ былъ графъ Витте.

«Каковъ былъ результатъ этой «закономѣрной попытки?» Обвинительный актъ совершенно правильно устанавливаетъ, что предсѣдатель комитета министровъ, «переговоривъ съ градоначальникомъ, приказалъ освободить арестованныхъ». Такимъ образомъ, государственная власть выполняла требованія преступнаго сообщества, членамъ котораго по смыслу 101 и 102 статей мѣсто не въ пріемной министра, а на каторгѣ. Гдѣ же была «закономѣрность?»— Былъ ли закономѣрнымъ уличный митингъ у Казанскаго собора 18-го октября? Очевидно, нѣтъ, ибо руководившіе имъ члены совѣта были арестованы. Была ли закономѣрной посылка депутаціи къ правительству отъ противоправительственнаго сообщества? Прокуратура отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно. Закономѣрно ли было освобожденіе трехъ преступниковъ по требованію нѣсколькихъ сотъ другихъ преступниковъ? Казалось бы, «закономѣрность» требовала не освобожденія арестованныхъ, а ареста оставшихся на волѣ сообщниковъ. Или графъ Витте амнистировалъ преступниковъ? Но кто предоставилъ ему право амнистіи?

«Совѣтъ рабочихъ депутатовъ не стоялъ на почвѣ права. Но на этой почвѣ не стояла и государственная власть. Почвы права не существовало.

«Октябрьскіе и ноябрьскіе дни привели въ движеніе огромную массу населенія, вскрыли множество глубокихъ интересовъ, создали множество новыхъ организацій, новыхъ формъ политическаго общенія. Старый строй торжественно ликвидировалъ себя въ манифестѣ 17-го октября. Но новаго строя не существовало. Старые законы, явно противорѣчившіе манифесту, не были отмѣнены. Но фактически они нарушались на каждомъ шагу. Новыя явленія, новыя формы жизни не могли найти мѣста въ рамкахъ самодержавной «закономѣрности». Власть не только терпѣла тысячи правонаруше-

Библиотека "Руниверс"

ній, но въ извѣстной мѣрѣ открыто покровительствовала имъ. Мало того, что манифестъ 17-го октября логически упразднялъ цѣлый рядъ существовавшихъ законовъ, онъ ликвидировалъ и самый законодательный аппаратъ абсолютизма.

«Новыя формы общественной жизни слагались и жили внѣ всякаго юридическаго опредѣленія. Одною изъ такихъ формъ былъ совѣтъ.

«Карикатурное несоотвѣтствіе между опредѣленіемъ 101 статьи и дѣйствительной физіономіей совѣта объясняется тѣмъ, что совѣтъ рабочихъ депутатовъ былъ учрежденіемъ, совершенно не предусмотрѣннымъ законами старой Россіи. Онъ возникъ въ такой моментъ, когда старая изгнившая оболочка права расползлась по всѣмъ швамъ, и лохмотья ея валялись, растоптанныя революціоннымъ народомъ. Совѣтъ возникъ не потому, что онъ былъ юридически правомѣренъ, а потому, что онъ былъ фактически необходимъ.

«Когда правящая реакція окрѣпла послѣ первыхъ натисковъ, она стала пускать въ ходъ фактически отмѣненные законы точно такъ же, какъ въ дракѣ пускаютъ въ дѣло первый попавшійся въ руки камень. Такимъ наудачу выхваченнымъ камнемъ является 101 статья уголовнаго уложенія, а судебной палатѣ поручено сыграть роль катапульты,—ей приказано обрушить опредѣленное наказаніе на лицъ, которыхъ намѣтила невѣжественная жандармерія въ союзѣ съ услужающей ей прокуратурой.

«Безнадежная, съ юридической стороны, позиція обвинительной власти какъ нельзя лучше вскрывается на вопросѣ объ участіи офиціальныхъ представителей партій въ рѣшеніяхъ совѣта.

«Какъ извѣстно всѣмъ, имѣвшимъ какое-либо касательство къ совѣту, представители партій не пользовались ни въ совѣтѣ, ни въ исполнительномъ комитетѣ правомъ рѣшающаго голоса; они участвовали въ преніяхъ, но не въ голосованіяхъ. Это объясняется тѣмъ, что совѣтъ былъ организованъ на принципѣ представительства рабочихъ по предпріятіямъ и по профессіямъ, а не по партійнымъ группировкамъ. Представители партій могли обслуживать и обслуживали совѣтъ своимъ политическимъ опытомъ, своими знаніями, но они не могли имѣть рѣшающаго голоса, не нарушая принципа представительства рабочихъ массъ. Они были, если можно такъ сказать, политическими экспертами въ составѣ совѣта».

XLI.

По словамъ Троцкаго, этотъ несомнѣнный фактъ, установить который не составляло труда, составлялъ, однако, для слѣдственной и обвинительной власти чрезвычайныя затрудненія.

«Первое затрудненіе—чисто юридическаго характера. Если совѣтъ—преступное сообщество, заранѣе поставившее себѣ такія-то

Библиотека "Руниверс"

цѣли, если обвиняемые—члены этого преступнаго сообщества и въ этомъ именно качествѣ должны предстать передъ судомъ,—какъ же быть съ тѣми изъ обвиняемыхъ, которые имѣли лишь право совѣщательнаго голоса, которые могли только пропагандировать свою точку зрѣнія, но не могли дѣлать того, что характеризуетъ сочлена общества, не могли участвовать въ голосованіяхъ, т. е. въ прямомъ и непосредственномъ направленіи коллективной воли преступнаго сообщества? Какъ заявленія эксперта на судѣ могутъ оказать огромное вліяніе на приговоръ, что, однако, не дѣлаетъ эксперта отвѣтственнымъ за этотъ послѣдній, такъ и заявленія представителей партій, какое бы вліяніе они ни оказывали на дѣятельность всего совѣта, не дѣлаютъ, однако, *юридически* отвѣтственными тѣхъ лицъ, которыя говорятъ совѣту: вотъ наше убѣжденіе, вотъ мнѣніе нашей партіи, но рѣшеніе зависитъ отъ *васъ*. Само собою разумѣется, что представители партій не имѣютъ никакого намѣренія укрываться отъ прокуратуры за это соображеніе. Прокуратура вѣдь защищаетъ не «статьи», не «законъ», не «право», а интересы опредѣленной касты. И такъ какъ этой кастѣ они, представители партій, своей работой наносили не меньшіе удары, чѣмъ всѣ другіе члены совѣта, то вполнѣ естественно, что правительственная месть, въ формѣ приговора судебной палаты, должна обрушиться на нихъ въ такой же мѣрѣ, какъ и представителей фабрикъ и заводовъ. Но несомнѣнно одно: если квалификація депутатовъ, какъ членовъ преступнаго сообщества, можетъ быть сдѣлана лишь путемъ смѣлаго насилія надъ фактами и ихъ юридическимъ смысломъ, то примѣненіе 101 статьи къ представителямъ партій въ составѣ совѣта представляетъ собою воплощенный юридическій абсурдъ. Такъ говоритъ, по крайней мѣрѣ, человѣческая логика, а логика юридическая не можетъ быть не чѣмъ инымъ, какъ примѣненіемъ общечеловѣческой логики къ спеціальной области явленій.

«Второе затрудненіе, вытекавшее для прокуратуры изъ положенія делегатовъ отъ партій въ совѣтѣ, имѣло характеръ политическій. Задача, которая освѣщала путь сперва жандармскому генералу Иванову, затѣмъ товарищу прокурора г. Бальцу или тому, кто его вдохновлялъ, была очень проста: представить совѣтъ, какъ заговорщицкую организацію, которая, подъ давленіемъ кучки энергичныхъ революціонеровъ, командуетъ терроризованной массой. Противъ такой якобинско-полицейской пародіи на совѣтъ протестуетъ все: составъ совѣта, открытый характеръ его дѣятельности, способъ обсужденія и рѣшенія всѣхъ вопросовъ, наконецъ, отсутствіе у представителей партій рѣшающаго голоса. Что же дѣлаетъ слѣдственная власть? Если факты противъ нея, тѣмъ хуже для фактовъ: она расправляется съ ними административнымъ порядкомъ. Изъ протоколовъ, изъ подсчета голосовъ, наконецъ, изъ показаній своихъ агентовъ жандармерія могла безъ труда

Библиотека "Руниверс"

установить, что представители партій пользовались въ совѣтѣ только совѣщательнымъ голосомъ. Жандармерія знала это; но такъ какъ этотъ фактъ стѣснялъ размахъ ея государственныхъ соображеній, то она сознательно дѣлаетъ все, чтобъ ввести въ заблужденіе прокуратуру. Несмотря на всю важность вопроса объ юридическомъ положеніи представителей партій въ составѣ совѣта, жандармерія на допросахъ систематически и вполнѣ сознательно *обходитъ* этотъ вопросъ. Эту любознательную жандармерію крайне интересуетъ, на какихъ мѣстахъ сидѣли отдѣльные члены исполнительнаго комитета, какъ они входили и выходили, но ея совершенно не интересуетъ, имѣли ли семьдесятъ демократовъ и тридцать пять соціалистовъ-революціонеровъ, итого сто пять человѣкъ, право рѣшающаго голоса по вопросамъ о всеобщей стачкѣ, о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ и пр. Она не задавала ни подсудимымъ, ни свидѣтелямъ извѣстныхъ вопросовъ только для того, чтобы избѣжать установленія опредѣленныхъ фактовъ. Это совершенно очевидно, противъ этого невозможно спорить.

«Мы сказали выше, что слѣдственная власть вводила такимъ образомъ въ заблужденіе обвинительную. Но такъ ли это? Прокуратура, въ лицѣ своего представителя, присутствуетъ на допросахъ или, по крайней мѣрѣ, подписываетъ протоколы. Такимъ образомъ, у нея всегда есть *возможность* проявить свой интересъ къ истинѣ. Нужно только, чтобы этотъ интересъ *былъ* у нея. Но такого интереса у нея нѣтъ, разумѣется, и въ поминѣ. Она не только прикрываетъ очевидные «промахи» предварительнаго дознанія, но и пользуется ими для завѣдомо ложныхъ выводовъ.

«Грубѣе всего это проявляется въ той части обвинительнаго акта, которая трактуетъ о дѣятельности совѣта по вооруженію рабочихъ.

«Мы здѣсь не станемъ разбирать вопросъ о вооруженномъ возстаніи и объ отношеніи къ нему совѣта. Здѣсь для насъ будетъ совершенно достаточно сказать, что вооруженное возстаніе, какъ революціонная идея, вдохновляющая массы и направляющая ихъ выборную организацію, такъ же отличается отъ прокурорско-полицейской «идеи» вооруженнаго возстанія, какъ «совѣтъ рабочихъ депутатовъ» отличается отъ сообщества, предусмотрѣннаго 101 ст. Но если слѣдственная и обвинительная власти обнаруживаютъ безнадежное полицейское непониманіе смысла и духа совѣта рабочихъ депутатовъ, если онѣ безпомощно путаются въ его политическихъ идеяхъ, то тѣмъ сильнѣе ихъ стремленіе обосновать обвиненіе на такой простой, механической вещи, какъ браунингъ.

«Несмотря на то, что жандармское дознаніе, какъ увидимъ, могло предложить прокуратурѣ крайне скромный матеріалъ, сочинитель обвинительнаго акта дѣлаетъ замѣчательную по своей отвагѣ попытку массоваго вооруженія рабочихъ исполнительнымъ комитетомъ въ цѣляхъ вооруженнаго возстанія. Соотвѣтственное мѣсто

Библиотека "Руниверс"

обвинительнаго акта придется процитировать и подвергнуть разсмотрѣнію по частямъ:

«Къ этому же времени (т. е. ко второй половинѣ ноября),—такъ разсуждаетъ прокуратура,—относится, повидимому, и фактическое осуществленіе *всѣхъ приведенныхъ выше предположеній* исполнительнаго комитета о вооруженіи петербургскихъ рабочихъ, *такъ какъ*, по словамъ депутата табачной фабрики Богданова, Григорія Левкина, на одномъ изъ засѣданій въ среднихъ числахъ ноября рѣшено» было (кѣмъ?) образовать для поддержки демонстрацій вооруженные десятки и сотни, и именно въ это время депутатъ Николай Нѣмцовъ указалъ на отсутствіе у рабочихъ оружія и между собравшимися (гдѣ?) былъ начатъ сборъ денегъ на вооруженіе». Итакъ, мы узнаемъ, что въ серединѣ ноября исполнительный комитетъ осуществилъ «всѣ» свои предположенія по вопросу о вооруженіи пролетаріата. Чѣмъ это доказывается? Двумя неоспоримыми свидѣтельствами. Во-первыхъ, Григорій Левкинъ показываетъ, что около этого времени рѣшено было (повидимому, совѣтомъ) образовать вооруженные десятки и сотни. Не очевидно ли, что совѣтъ въ серединѣ ноября *выполнилъ* всѣ свои намѣренія въ дѣлѣ вооруженія, разъ въ это именно время онъ выразилъ... *намѣреніе* (или вынесъ рѣшеніе) организовывать десятки и сотни? Но точно ли совѣтъ выносилъ такое рѣшеніе? Ничего подобнаго. Обвинительный актъ ссылается въ данномъ случаѣ не на совѣтское постановленіе, котораго не было, а на рѣчь одного изъ членовъ совѣта; въ томъ же обвинительномъ актѣ рѣчь эта раньше цитируется на стр. 17.

«Такимъ образомъ, въ доказательство осуществленія «предположеній» прокуратура ссылается на резолюцію, которая, если бъ даже она и была принята, явилась бы однимъ изъ такихъ «предположеній».

«Второе доказательство вооруженія петербургскихъ рабочихъ въ серединѣ ноября далъ Николай Нѣмцовъ, который «*именно въ это время* (!) указалъ на отсутствіе у рабочихъ оружія». Правда, не легко понять, почему собственно указаніе Нѣмцова на *отсутствіе* оружія должно доказывать *присутствіе* такого. Дальше, впрочемъ, прибавлено, что «между собравшимися былъ начатъ сборъ денегъ на вооруженіе». Что деньги на вооруженіе вообще собирались рабочими, это не подлежитъ сомнѣнію. Допустимъ, что онѣ могли собираться и въ томъ частномъ случаѣ, который имѣетъ въ виду прокуратура. Но совершенно невозможно понять, какимъ образомъ изъ этого обстоятельства вытекаетъ, будто «къ этому времени относится фактическое осуществленіе приведенныхъ выше предположеній исполнительнаго комитета о *вооруженіи* петербургскихъ рабочихъ». Далѣе: кому дѣлалъ Николай Нѣмцовъ указаніе на отсутствіе оружія? Очевидно, собранію совѣта или исполнительнаго комитета. Слѣдовательно, приходится предположить,

Библиотека "Руниверс"

что нѣсколько десятковъ или сотенъ депутатовъ собирали между собою деньги на вооруженіе массъ, причемъ этотъ самъ по себѣ достаточно невѣроятный фактъ служитъ доказательствомъ того, что массы были въ это время уже фактически вооружены.

«Такимъ образомъ, вооруженіе рабочихъ доказано; остается вскрыть его цѣль. Вотъ что по этому поводу говоритъ обвинительный актъ: «Вооруженіе это, какъ удостовѣрилъ депутатъ Алексѣй Шишкинъ, имѣло своимъ предлогомъ возможность погромовъ, но, по его словамъ, погромы эти были только предлогами, а въ дѣйствительности же 9-го января подготовлялось, будто бы, вооруженное возстаніе. *Дѣйствительно*,—продолжаетъ обвинительный актъ,—раздача оружія, по словамъ депутата завода Однера Михаила Хахарева, была начата Хрусталевымъ-Носаремъ еще въ октябрѣ, и онъ, Хахаревъ, получилъ отъ Хрусталева браунингъ «для защиты отъ черной сотни». Между тѣмъ эта оборонительная цѣль вооруженія опровергается помимо всѣхъ постановленій совѣта также и содержаніемъ нѣкоторыхъ документовъ, найденныхъ въ бумагахъ Георгія Носаря. Такъ, между прочимъ, тамъ оказался подлинникъ резолюціи совѣта безъ опредѣленія времени его составленія, заключающій въ себѣ призывъ къ вооруженію, составленію дружинъ и арміи, «готовый дать отпоръ терзающему Россію черносотенному правительству».

«Остановимся пока на этомъ. Отпоръ черносотенцамъ—только предлогъ; истинная цѣль общаго вооруженія, осуществленнаго совѣтомъ въ серединѣ ноября, вооруженное возстаніе 9-го января. Правда, объ этой истинной цѣли не знали не только тѣ, которыхъ вооружали, но и тѣ, которые вооружали,—такъ что, если бъ не было показаній Алексѣя Шишкина, осталось бы навсегда неизвѣстнымъ, что организація рабочихъ массъ назначила возстаніе на извѣстное число. Другимъ доказательствомъ того, что именно около половины *ноября* исполнительный комитетъ вооружилъ массы *для возстанія* въ январѣ, служитъ, какъ мы видѣли, тотъ фактъ, что въ *октябрѣ* Хахаревъ получилъ отъ Хрусталева браунингъ *«для защиты отъ черной сотни»*. Оборонительная цѣль вооруженія опровергается, однако, по мнѣнію прокурора, сверхъ всего прочаго, еще и нѣкоторыми документами, найденными въ бумагахъ Носаря, напримѣръ, подлинникомъ (?) резолюціи, призывающей къ вооруженію съ цѣлью дать «отпоръ терзающему Россію черносотенному правительству».

«Что совѣтъ рабочихъ депутатовъ ставилъ массамъ на видъ необходимость вооруженія и неизбѣжность возстанія, это ясно видно изъ многихъ постановленій совѣта; этого никто не можетъ оспорить; этого прокуратурѣ не приходится доказывать. Она задалась цѣлью доказать, что исполнительный комитетъ въ серединѣ ноября привелъ въ исполненіе «всѣ свои предположенія» по части вооруженія

Библиотека "Руниверс"

массъ, и что это фактически осуществленное вооруженіе имѣло своей прямой и непосредственной цѣлью вооруженное возстаніе,— и въ видѣ доказательства прокуратура приводитъ еще одну резолюцію, которая отъ другихъ отличается тѣмъ, что относительно нея нельзя сказать, къ какому времени она относится и принималась ли она вообще совѣтомъ въ какое бы то ни было время. И, наконецъ, именно эта сомнительная резолюція, которая должна опровергать оборонительный характеръ вооруженія, именно она ясно и отчетливо говоритъ объ *отпорѣ* «терзающему Россію черносотенному правительству».

«Однако на этомъ злоключенія прокуратуры въ вопросѣ о браунингахъ еще не заканчиваются. «Затѣмъ,—опровергаетъ прокуратура оборонительный характеръ вооруженія,—въ бумагахъ Носаря найдена неизвѣстно кѣмъ написанная записка, указывающая на то, что Хрусталевъ обѣщалъ въ слѣдующемъ послѣ 13-го ноября засѣданіи дать нѣсколько револьверовъ Браунинга или Смита и Вессона по организаціонной цѣнѣ, и пишущій, проживая въ Колпинѣ, просилъ выдать ему обѣщанное».

«Почему авторъ записки, «проживая въ Колпинѣ», не могъ получить револьверъ «по организаціонной цѣнѣ» *для цѣлей самообороны*, а не вооруженнаго возстанія, понять это такъ же трудно, какъ и все остальное. Однородное значеніе имѣетъ и другая записка съ просьбой достать револьверы.

«Въ концѣ концовъ данныя прокуратуры по вопросу о вооруженіи петербургскихъ рабочихъ оказываются совершенно мизерными. «Въ документахъ Носаря,—жалуется обвинительный актъ,— обнаружены были весьма незначительные расходы по пріобрѣтенію оружія, *такъ какъ* (!) въ бумагахъ его была найдена записная книжка и отдѣльный листъ съ отмѣтками о выдачѣ рабочимъ револьверовъ разныхъ системъ и патроновъ, *причемъ* револьверовъ по этимъ замѣткамъ было выдано всего лишь шестьдесятъ четыре штуки».

«Эти шестьдесятъ четыре штуки, какъ плодъ осуществленія «всѣхъ предположеній» исполнительнаго комитета о вооруженіи рабочихъ для январскаго возстанія, очевидно, смущаютъ прокуратуру. Она рѣшается на смѣлый шагъ: если нельзя доказать, что револьверы *были* куплены, остается доказать, что они *могли* быть куплены. Съ этою цѣлью обвинительный актъ предпосылаетъ печальному итогу въ шестьдесятъ четыре револьвера широкія перспективы финансоваго характера. Указавъ, что на заводѣ общества спальныхъ вагоновъ производился сборъ на вооруженіе, обвинительный актъ говоритъ: «Подобнаго рода подписки дали возможность пріобрѣсти оружіе, причемъ совѣтъ рабочихъ депутатовъ *могъ*, въ случаѣ надобности, пріобрѣтать оружіе въ большомъ количествѣ, такъ какъ располагалъ значительными денежными суммами...

Библиотека "Руниверс"

Общая сумма прихода исполнительнаго комитета составляла 30.063 рубля 52 копейки».

«Здѣсь передъ нами тонъ и манера фельетона, не нуждающагося даже во внѣшнемъ подобіи доказательности. Сперва цитируются записки и «подлинники» постановленій, чтобы затѣмъ упразднить ихъ свидѣтельство простой и смѣлой догадкой: у исполнительнаго комитета было много денегъ, слѣдовательно, у него было много оружія.

«Если строить выводы по методу прокуратуры, можно сказать: въ распоряженіи охранныхъ отдѣленій много денегъ, слѣдовательно, въ распоряженіи погромщиковъ—много оружія. Впрочемъ, такой выводъ только по внѣшности похожъ на выводъ обвинительнаго акта, ибо въ то время, какъ каждая копейка денегъ совѣта была на учетѣ, что даетъ возможность легко опровергнуть смѣлую догадку прокуратуры, какъ явную несообразность, расходы охранныхъ отдѣленій представляютъ совершенно таинственную область, которая давно уже ждетъ уголовнаго освѣщенія».

На этомъ я закончу свое повѣствованіе о совѣтѣ рабочихъ депутатовъ его главномъ представителѣ и предсѣдателѣ.

Жизнь смела съ арены дѣятельности людей, до осени 1905 года мало кому вѣдомыхъ, но которыхъ бурные октябрьскіе дни надѣлили ролью «героевъ». Не они создали событія, а послѣднія ихъ выдвинули, окружили на короткое время своего рода ореоломъ извѣстности и засимъ, закруживъ въ водоворотѣ наступившей расплаты за революцію, выкинули на дальнемъ сибирскомъ берегу. Съ того берега было время, когда трудно было возвращаться и воскресать къ новой жизни. Но такъ было когда-то. Съ тѣхъ поръ картина дѣла измѣнилась, и одинъ удачный побѣгъ за другимъ разрушили легенду о гражданской смерти въ Сибири. И Хрусталевъ-Носарь, и Троцкій благополучно выкарабкались изъ своего заточенія и вскорѣ очутились въ рядахъ той эмиграціи, которая, по словамъ Герцена»[1]), «для русскаго человѣка—вещь ужасная... это не жизнь, не смерть, а нѣчто худшее, чѣмъ послѣдняя,—какое-то глупое безпочвенное прозябаніе... Я не знаю на свѣтѣ положенія болѣе жалкаго, болѣе безцѣльнаго, какъ положеніе русскаго эмигранта». Бѣжавшій Троцкій-Бронштейнъ, вышедшій цѣликомъ изъ соціалъ-демократіи, очутился за рубежомъ Россіи среди своихъ, своихъ и по національности, и по крови, и по политическому исповѣданію вѣры. Ему поэтому за этимъ рубежомъ нашлось дѣло , а вотъ Хрусталевъ-Носарь, оказавшійся въ октябрѣ 1905 года въ средѣ

---

[1]) **Бѣлоголовый, «Воспоминанія и другія статьи».**

Библиотека "Руниверс"

все тѣхъ же соціалъ-демократовъ «героемъ на часъ», оторванный отъ родной почвы, остался не у дѣла, и жизнь его дѣйствительно обратилась въ концѣ концовъ въ тотъ «ужасъ», о которомъ говорилъ Герценъ и о которомъ было сказано въ началѣ настоящей статьи. Онъ отдѣлился отъ своихъ недавнихъ союзниковъ и хотя, правда, не обратился въ послушное орудіе Евно-Азефа, не окунулся въ кошмаръ азефовщины, но зато сталъ объектомъ преслѣдованія тѣхъ, кому не пожелалъ поклониться. Герой недавней русской революціи оказался развѣнчаннымъ, и имя его записано въ анналахъ уголовной французской хроники...

Б. Глинскій.

Библиотека "Руниверс"

БАКУ И ЕГО НЕФТЯНЫЕ ПРОМЫСЛЫ.

НОГІЕ изъ насъ совершали поѣздку по Волгѣ, спускались даже до Астрахани, чтобы видѣть этотъ нашъ великій водный путь со всѣми его красотами до самаго конца, но мало находится лицъ, кто полюбопытствовалъ бы сдѣлать переѣздъ отъ Астрахани на Баку, чтобы ознакомиться въ послѣднемъ съ его знаменитыми нефтяными промыслами, какъ добывается нефть и какимъ образомъ получается керосинъ.

Между тѣмъ, мнѣ въ свою поѣздку по Волгѣ и далѣе, въ Баку, пришлось встрѣтить на пароходѣ нѣсколькихъ иностранцевъ, которые ѣхали издалека съ исключительною цѣлью увидѣть знаменитые нефтяные промыслы.

Особенно въ этомъ отношеніи характеренъ примѣръ одного англичанина, который, будучи около семидесяти лѣтъ отъ роду и зная лишь только свой родной языкъ, ѣхалъ черезъ Гельсингфорсъ, Петербургъ, Волгу въ Баку, чтобы такимъ путемъ ознакомиться съ Россіею и увидѣть бакинскіе нефтяные промыслы.

Этотъ англичанинъ, оказавшійся докторомъ, объяснилъ мнѣ, что, читая одно популярное англійское изданіе о Россіи, онъ очень заинтересовался послѣднею, и въ частности Баку, и потому рѣшилъ совершить означенную поѣздку.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, когда мнѣ приходилось въ бесѣдахъ съ очень и очень многими лицами у насъ говорить о Баку, то оказывалось, что большинство совершенно не имѣютъ никакого представленія ни о городѣ Баку, ни объ его міровыхъ нефтяныхъ промыслахъ.

Библиотека "Руниверс"

Такъ, мнѣ заявляли: «Ну, что это за городъ; навѣрное, весь черный отъ нефти, копоти и дыму и потому и зовется Черный городъ. Вотъ еще, кому охота туда ѣхать»,—между тѣмъ это совершенно ошибочное представленіе, которое для бывавшаго въ Баку является даже смѣшнымъ, такъ какъ названіе Чернаго города носитъ находящееся невдалекѣ отъ самаго города Баку пространство, занятое фабриками и заводами по перегонкѣ нефти. Кромѣ того, многіе представляютъ, что въ Баку нефть бьетъ все фонтанами, и, наконецъ, попадаются даже такія лица, которыя воображаютъ, что въ Баку добывается прямо керосинъ.

Все это и побудило меня составить краткій очеркъ о городѣ Баку и его нефтяныхъ промыслахъ, основанный на моихъ личныхъ впечатлѣніяхъ.

I.

Переѣздъ Астрахань—Петровскъ—Баку.—Необходимость въ желѣзнодорожномъ пути отъ Астрахани до Петровска.—Городъ Баку.—Внѣшній видъ города: зданія, набережная, Александровскія купальни, городской садъ.—Полуевропейскій и полуазіатскій характеръ города Баку.

Я ѣхалъ такимъ путемъ. Отъ Астрахани до Петровска Каспійскимъ моремъ, переѣздъ около двѣнадцати часовъ, а отъ Петровска—желѣзной дорогой. Переѣздъ отъ Петровска до Баку по желѣзной дорогѣ тоже около двѣнадцати часовъ. Маршрутъ этотъ я выбралъ потому, что по проекту Великаго Индійскаго пути, о которомъ въ свое время такъ много было говорено въ печати и о которомъ мною также былъ прочитанъ докладъ [1]), предполагалось, что отъ Ростова-на-Дону на Петровскъ, Баку и далѣе по западному побережью Каспійскаго моря на Энзели пройдетъ этотъ великій желѣзнодорожный путь. Большинство же ѣдутъ прямо, моремъ, отъ Астрахани до города Баку.

Въ данномъ случаѣ является умѣстнымъ отмѣтить странность того положенія, что у насъ до сихъ поръ нѣтъ желѣзнодорожнаго пути отъ Астрахани до Петровска.

Дѣло въ томъ, что на Каспійскомъ морѣ часто бываютъ сильные штормы и особенно часто осенью, вслѣдствіе которыхъ иногда гибнутъ и крупныя суда, а зимою сѣверная часть Каспійскаго моря замерзаетъ почти до Петровска, и тогда рыболовныя шхуны, наливныя баржи съ нефтью и пароходы стараются пробиться къ Астрахани, объѣзжая по сѣверо-восточному берегу моря, а когда ледъ слишкомъ крѣпокъ, то совершенно пріостанавливается сообщеніе съ Астраханью. Все это, безусловно, наноситъ значительный

---

[1]) Въ обществѣ русскихъ оріенталистовъ 14-го декабря 1910 года.

Библиотека "Руниверс"

подрывъ торговлѣ, и потому вопросъ о проложеніи означенной желѣзной дороги имѣетъ серьезное значеніе.

Когда я подъѣхалъ утромъ къ Баку, то, представляя этотъ городъ такимъ же, какимъ его представляютъ, какъ мною было отмѣчено, большинство лицъ, кто не бывалъ въ немъ, я ожидалъ, что вотъ я сейчасъ увижу грязный городъ, черный отъ нефти и весь въ копоти и въ дыму.

Между тѣмъ поѣздъ нашъ подошелъ къ хорошенькому и чистенькому вокзалу, у выхода изъ него стояли прекрасныя коляски, какъ вездѣ на югѣ, парныя плетеныя и другихъ фасоновъ, и я поѣхалъ по хорошо вымощеннымъ улицамъ съ каменными и асфальтовыми тротуарами и прекрасными домами. Лучшею гостиницею въ Баку считается «Европа», въ которой я и остановился, найдя себѣ за два рубля пятьдесятъ копеекъ чистенькій номеръ.

Въ Петербургѣ, при отъѣздѣ, я заручился рекомендаціею въ находящійся въ Баку техническій комитетъ министерства торговли и промышленности, чтобы меня ознакомили съ нефтянымъ вопросомъ, и въ этотъ комитетъ въ первый же день я и отправился. Однако, когда я туда пришелъ, то оказалось, что предсѣдатель комитета, къ которому и была мнѣ дана рекомендація, въ отъѣздѣ. Это меня чрезвычайно огорчило, что, повидимому, ясно выразилось на моемъ лицѣ. Тогда секретарь комитета, увидя это, любезно предложилъ оказать мнѣ свое содѣйствіе къ ознакомленію съ интересующимъ меня нефтянымъ дѣломъ. Владимиръ Ивановичъ Святскій (секретарь комитета), технологъ по образованію и химикъ по спеціальности, изучившій въ Западной Европѣ и въ Америкѣ технологію, электротехнику и химію и служившій еще при началѣ развитія нефтяного промысла въ Баку въ одной изъ нефтепромышленныхъ компаній, явился самымъ прекраснымъ для меня руководителемъ, какого я могъ только желать, и я всецѣло ему обязанъ обстоятельному моему ознакомленію съ нефтянымъ промысломъ и возможности, благодаря этому, составить по данному вопросу настоящій очеркъ.

Владимиръ Ивановичъ сказалъ мнѣ, что онъ сначала переговоритъ съ нѣкоторыми нефтепромышленными компаніями и съ дирекціею завода Нобеля относительно разрѣшенія для меня осмотрѣть нефтяные промыслы и переработку нефти на заводахъ, обѣщался составить послѣдовательный планъ осмотра и лично сопутствовать мнѣ и давать объясненія во время осмотра, а пока, до выясненія результатовъ переговоровъ, посовѣтовалъ мнѣ ознакомиться съ городомъ, въ чемъ также въ свободное отъ службы время оказывалъ мнѣ содѣйствіе.

Городъ Баку производитъ впечатлѣніе полуевропейскаго, полуазіатскаго города. Въ Баку прекрасныя зданія и нѣкоторыя выдаются своею архитектурою, напримѣръ, зданія Русско-Азіат-

Библиотека "Руниверс"

скаго банка, почты, домъ Тагіева. Имѣются также два театра: Тагіевскій и только что построенный братьевъ Маиловыхъ. Главный же кинематографъ въ городѣ «Одеонъ», находящійся на набережной, помѣщается въ такомъ зданіи, какого я не видѣлъ для кинематографовъ ни въ Россіи, ни даже въ Берлинѣ и въ Парижѣ. На помѣщаемомъ здѣсь снимкѣ—видъ Баку съ моря—это зданіе рельефно выдѣляется. Налѣво отъ этого кинематографа идетъ прекрасно устроенная набережная, гдѣ поставлены столики и вы можете получать изъ находящагося въ концѣ набережной ресторана прохладительные напитки, молоко, кефиръ и нѣкоторыя горячія кушанья. На этой же набережной устроенъ скетингъ-ринкъ, ближе къ улицѣ, а со стороны моря оборудованы прекрасныя купальни—«Александровскія».

Въ городѣ и на набережной, по вечерамъ, когда здѣсь происходитъ гулянье, вы видите много иностранцевъ, особенно англичанъ. Мѣстная публика на гуляньѣ вся прекрасно одѣта; мужчины въ бѣлыхъ костюмахъ, смокингахъ, а дамъ я видѣлъ въ такихъ туалетахъ и брильянтахъ, въ какихъ мнѣ мало приходилось видѣть и въ Ялтѣ. Кстати, когда я сидѣлъ за столикомъ на набережной, то, видя все это: устройство набережной, скетингъ-ринкъ, купальни, публику, мнѣ невольно именно вспомнилась Ялта и сравненіе оказалось отнюдь не въ пользу послѣдней.

Въ такую чудную погоду, въ какую я попалъ въ Баку, это было въ концѣ августа, когда было не очень жарко, не было вѣтровъ и была полная луна,—я, говоря искренно, предпочиталъ быть лучше въ Баку, чѣмъ въ Ялтѣ. Многимъ можетъ показаться это утриров-кой,—«помилуйте, развѣ можно предпочесть такому чудному уголку, какъ Ялта, какой-то Баку!»—но, къ сожалѣнію, это совершенная правда. Вѣдь въ Ялтѣ ничего подобнаго не устроено; этотъ дивный уголокъ міра избранъ Богомъ, но испорченъ людьми.

Пыль и вонь отъ лошадинаго помета на улицахъ, не морскія, а грязевыя купанья, въ виду того мусора, который спускается въ море,—вотъ прелести настоящей Ялты. Достаточно, кажется, вспомнить приказъ осенью прошлаго года главноначальствующаго города Ялты свиты Его Величества генералъ-майора Думбадзе объ очисткѣ города отъ той массы накопившейся грязи, которую онъ нашелъ, возвратившись изъ заграничной поѣздки, чтобы убѣдиться, что правда на моей сторонѣ [1]).

Пришлось мнѣ также выкупаться въ бакинскихъ купальняхъ, и онѣ оказались оборудованы такъ, что дай Богъ быть такимъ же въ Ялтѣ.

---

[1]) «Новое Время» 1912 года, № 13113.

Библиотека "Руниверс"

Изъ каждаго отдѣленія купаленъ сдѣланы выходы прямо въ море и при каждомъ же изъ отдѣленій имѣется душъ съ прѣсною водою, чтобы омыться послѣ купанья въ морской водѣ. Этимъ душемъ имѣется, кажется, также въ виду смыть остающійся на тѣлѣ нѣкоторый осадокъ нефти, которой вся поверхность моря около Баку немного покрыта. Въ ялтинскихъ же купальняхъ я нигдѣ не видѣлъ такихъ душей, однако они здѣсь не менѣе необходимы, хотя бы смыть ту грязь, которая пристаетъ къ вамъ во время купанья въ ней.

Въ Баку имѣется также городской садъ и, несмотря на то, что здѣсь растительность отъ бывающихъ страшныхъ жаровъ и сѣвернаго вѣтра (норда) съ большимъ трудомъ произрастаетъ, однако садъ этотъ заботливо поддерживается и по своему пространству, планировкѣ, различнѣйшимъ деревьямъ и цвѣтамъ чуть ли не перещеголяетъ ялтинскій. Когда я въ немъ былъ, я невольно подумалъ, что же будетъ тогда, когда знаменитый бакинскій водопроводъ, сооружаемый Линдлеемъ, въ концѣ концовъ будетъ осуществленъ. Тогда этотъ городской садъ можно будетъ еще лучше устроить, насадятъ, навѣрное, деревьевъ также на набережной, и многіе изъ домовладѣльцевъ устроятъ для себя сады. Да, тогда, только бы не этотъ нордъ, Баку совсѣмъ перещеголялъ бы Ялту.

Мнѣ разсказывали, что жизнь въ Баку ранѣе являлась очень небезопасной въ виду горячаго характера и нравовъ населяющихъ его въ большомъ числѣ восточныхъ народностей: персовъ, татаръ, армянъ, грузинъ и др. Послѣ девяти часовъ вечера нельзя было безъ риска для жизни выходить на улицу: или ограбятъ, или подколютъ, или убьютъ, иногда совершенно не изъ-за чего, «такъ сэбэ, лишь мало, мало рэзать». Но со вступленіемъ въ должность градоначальника полковника П. И. Мартынова, который и теперь тамъ, все это быстро повывелось и можно спокойно гулять вечеромъ по улицамъ, хотя по отдаленнымъ и глухимъ, но это какъ и у насъ,—не рекомендуется.

На улицахъ Баку въ большомъ количествѣ разставлены конные и пѣшіе городовые съ маузеровскими пистолетами, которые очень похожи на ружья, и эта острастка, повидимому, значительно и удерживаетъ, чтобы восточныя страсти не расходились. Вотъ по восточному элементу, населяющему Баку, по верблюдамъ, которыхъ иногда вы увидите на улицахъ, осликамъ, везущимъ на себѣ по обѣимъ сторонамъ вязки съ угольями, которые здѣсь представляютъ изъ себя черныя палочки, такъ какъ за неимѣніемъ лѣса и вообще деревьевъ около Баку дѣлаются изъ кустарника, по всему этому городъ является также полуазіатскимъ.

Библиотека "Руниверс"

Набережная въ Баку.

Библиотека "Руниверс"

II.

Каспійскій флотъ.—Баиловъ мысъ.—Бичъ Баку—вѣтеръ нордъ.—Краткая исторія города.—Бывшій храмъ огнепоклонниковъ въ Сураханахъ.—Начало нефтяной промышленности въ Баку.

На Каспійскомъ морѣ, какъ извѣстно, у насъ имѣется морская флотилія, о которой какъ-то талантливо писалъ въ «Новомъ Времени» Эль-Эсъ [1]) и потому желающихъ ознакомиться болѣе подробно съ этимъ вопросомъ отсылаю къ даннымъ статьямъ, какъ къ спеціальнымъ.

Для нашей Каспійской флотиліи устроенъ военный портъ, который расположенъ у Баилова мыса, находящагося къ юго-востоку отъ города. Туда ходитъ конка,—вагончики въ одну лошадь,—но конка доходитъ всего немного болѣе половины, а далѣе надо ѣхать на дилижансѣ. Понятно, можно ѣхать изъ города прямо въ экипажѣ. Вотъ существованіе конки въ такомъ городѣ, какъ въ Баку, гдѣ электричество и техника имѣютъ обширнѣйшее примѣненіе, для меня явилось страннымъ. Однако мнѣ сказали, что конка эта доживаетъ свои послѣдніе дни, такъ какъ вскорѣ будетъ устроенъ электрическій трамвай.

Баиловъ мысъ представляетъ собою возвышенность, вдающуюся въ море. Здѣсь расположены казармы и дома съ квартирами для служащихъ и для морскихъ офицеровъ, внизу же, въ морѣ, выстроенъ большой молъ, къ концу котораго подходятъ военныя суда, такъ какъ море въ этой части неглубокое, и, кромѣ того, молъ образуетъ нѣкоторую гавань для стоянки судовъ.

При мнѣ въ этомъ портѣ стояли двѣ старыхъ канонерки и еще военное судно «Геокъ-Тепе», а у мола только что въ это лѣто (1911 г.) пришедшій черезъ Маріинскую систему и Волгу минный крейсеръ «Ардаганъ». Послѣдній является лучшимъ военнымъ судномъ на Каспійскомъ морѣ, хотя и не лишенъ нѣкоторыхъ дефектовъ. Именно, при качкѣ, какъ мнѣ говорили, онъ даетъ сильный кренъ, что объясняется тѣмъ, что этотъ крейсеръ мелкосидящій, наверху же вооруженъ пушками. Его, понятно, и раскачиваетъ. Такимъ же пришлось сдѣлать этотъ крейсеръ, чтобы имѣть возможность провести его по рѣкамъ въ Каспійское море. Въ этомъ военномъ портѣ были знакомые моего брата по Петербургу, и, благодаря ихъ протекціи, мнѣ и удалось осмотрѣть портъ, а также самый крейсеръ «Ардаганъ». Исключая указаннаго дефекта, «Ардаганъ» производитъ тоже прекрасное впечатлѣніе, какъ всѣ военныя суда, по своему аккуратному устройству и чистотѣ.

---

[1]) «Новое Время» 1911 года, №№ 12721, 12723, 12725.

Библиотека "Руниверс"

Въ бесѣдѣ съ своими знакомыми, только что упомянутыми, такъ какъ по пріѣздѣ въ Баку они стали и моими, я началъ расхваливать городъ. Со мною согласились, что дѣйствительно городъ по своему устройству очень хорошій, но они и всѣ, съ кѣмъ вообще ни приходилось бесѣдовать, жаловались мнѣ на прямо изводящій населеніе Баку ужасный нордъ.

Противъ норда не могутъ итти самые сильные пароходы. Послѣ нѣсколькихъ часовъ норда пыли въ городѣ нѣтъ, вся она унесена въ море, но въ воздухѣ носится галька (мелкіе камешки). Причины необычайной силы норда въ точности неизвѣстны; онъ бываетъ во всѣ мѣсяцы, но самый сильный лишь съ октября по апрѣль. Нордъ одна изъ главныхъ причинъ того, что въ Баку почти нѣтъ деревьевъ; при самомъ сильномъ орошеніи они удаются лишь въ мѣстахъ, защищенныхъ отъ вѣтра. Отсюда-то, повидимому, и названіе Баку (или Бакуіэе), которое производятъ отъ персидскаго бадкуне [1]), ударъ вѣтра (бодъ—персидскій—вѣтеръ, куне—отъ персидскаго глагола керденъ—дѣлать).

Въ заключеніе о городѣ Баку и какъ вступленіе къ описанію нефтяныхъ промысловъ мнѣ кажется небезынтереснымъ привести вкратцѣ его исторію.

Подъ упомянутымъ персидскимъ названіемъ «бадкуне» нынѣшній городъ Баку извѣстенъ съ начала мусульманской эры (т.-е. съ 622 года эры христіанской). Однако предполагаютъ, что онъ былъ основанъ ранѣе, такъ какъ выходы газа вблизи Баку или вѣчные огни были извѣстны огнепоклонникамъ. На нефтяныхъ промыслахъ имѣется даже храмъ, построенный когда-то здѣсь огнепоклонниками, гдѣ послѣдніе совершали свои служенія огню. Храмъ этотъ находится на промыслахъ въ Сураханахъ, и я полагаю умѣстнымъ здѣсь, какъ въ исторической части и чтобы въ изложеніи о нефтяныхъ промыслахъ не отвлекаться въ сторону, сказать про этотъ памятникъ тысячелѣтней древности.

Въ какомъ видѣ въ настоящее время бывшій храмъ огнепоклонниковъ въ Сураханахъ, читатели могутъ ознакомиться изъ прилагаемой здѣсь снятой мною его фотографіи. На продаваемыхъ же въ Баку открыткахъ изображены огни, горящіе изъ четырехъ трубъ, возвышающихся по угламъ крыши храма. Едва ли, казалось бы, издатели подобныхъ открытокъ могли видѣть такимъ храмъ, т.-е. во время служенія въ немъ огнепоклонниковъ. Говорятъ, однако, что около пятидесяти лѣтъ тому назадъ въ Сураханахъ еще жилъ жрецъ огнепоклонниковъ. Въ возвышеніи, устроенномъ наподобіе купола, посреди крыши храма, виднѣется какъ бы воткнутый въ него трезубецъ.

---

[1]) Энциклопедическій словарь Брокгауза 1891 г., № 4, стр. 771 сказано «бадкубе».

Библиотека "Руниверс"

Весь храмъ каменный и окруженъ такими же стѣнами съ устроенными въ нихъ пещерами.

На верху стѣны храма, обращенной ко входу, который устроенъ въ видѣ калиточки въ южной стѣнѣ храма, имѣется каменная доска съ какою-то надписью. Такія же доски устроены надъ каждой изъ пещеръ. Эти каменныя дощечки видны на фотографіи. Надпись на храмѣ и нѣкоторыя изъ надписей надъ пещерами хорошо сохранились, но что онѣ означаютъ, повидимому, никто и никогда не интересовался это разобрать.

Во время своего осмотра храма я очень желалъ снять фотографіи съ этихъ надписей, но въ виду того, что мною были уже истрачены всѣ захваченныя пленки на снимки нефтяныхъ промысловъ и внѣшняго вида храма, я, къ сожалѣнію, не могъ осуществить своего желанія.

Сдѣланные же мною снимки я, по возвращеніи въ Петербургъ, предложилъ академику Н. Я. Марру, прося его оказать свое содѣйствіе къ сохраненію и разбору этихъ интересныхъ памятниковъ древности. Дѣло въ томъ, что, какъ мнѣ сообщилъ сопровождавшій меня при осмотрѣ храма огнепоклонниковъ служащій каспійско-черноморскаго нефтепромышленнаго и торговаго товарищества, такъ какъ храмъ огнепоклонниковъ принадлежитъ этой компаніи, осматривавшіе его какъ-то англичане, оставшись одни, занялись тѣмъ, чтобы снять доску надъ одной изъ пещеръ. Во время этой работы ихъ застали и послѣ этого каждый разъ лишь съ спеціальнаго разрѣшенія пускаютъ кого-либо осматривать храмъ, и входъ въ него, хотя онъ представляетъ всего лишь деревянную калиточку, вдѣланную въ стѣнѣ, находится всегда на замкѣ.

Мѣсто, гдѣ находится храмъ, окруженный указанными стѣнами съ пещерами, представляетъ собою правильный четыреугольникъ. Въ пещерахъ, повидимому, жили служители огня.

Въ сѣверо-западной сторонѣ, какъ видно на приложенной здѣсь фотографіи пещеръ, имѣется еще каменное сооруженіе, похожее на храмъ. Второй ли это храмъ,—тогда почему два рядомъ?—или что-нибудь въ родѣ часовни, опредѣленно сказать трудно. Скорѣе всего, думается, послѣднее, такъ какъ второй храмъ по величинѣ уступаетъ первому.

Гдѣ-то въ Персіи, а также въ Индіи имѣется еще небольшое количество огнепоклонниковъ, и показывавшій мнѣ храмъ служащій упомянутой нефтепромышленной компаніи сообщилъ, что смотрѣть его однажды пріѣзжали какіе-то индусы, которые съ благоговѣніемъ его осматривали и, повидимому, при этомъ молились. На мой вопросъ: «не огнепоклонники ли это?» — онъ отвѣтилъ,—что «да, да, потомъ оказалось, что это были огнепоклонники».

Библиотека "Руниверс"

Во всякомъ случаѣ представлялось бы чрезвычайно интереснымъ изслѣдовать исторію этихъ храмовъ, разобрать надписи, имѣющіяся на главномъ храмѣ и надъ пещерами, и казалось бы нужнымъ принять мѣры къ сохраненію этихъ памятниковъ древней религіи огнепоклонниковъ.

Отчего, правда, не сдѣлать это самимъ богатымъ нефтепромышленникамъ, такъ какъ, всего вѣроятнѣе, эти-то подземные огни и указали на большое присутствіе здѣсь нефти, и, такимъ образомъ, создали въ настоящее время богатѣйшихъ капиталистовъ?!

Нефтяныя вышки въ Сабнучахъ.

Вернусь теперь къ прерванной исторіи Баку. Полагаютъ, что здѣсь при Сассанидахъ былъ городъ, называвшійся у армянъ Багаванъ (отъ армянскаго слова багинъ—капище, жертвенникъ, какое названіе, повидимому, было дано въ виду находящагося здѣсь упомянутаго храма огнепоклонниковъ). Съ VIII столѣтія Баку находился подъ владычествомъ арабовъ, потомъ ширванъ-шаховъ. Профессоръ В. В. Бартольдъ про Баку во время владычества ширванъ-шаховъ говоритъ слѣдующее: «Гавань Баку тогда не имѣла большого значенія, возвышеніе ея относится къ эпохѣ послѣ монгольскаго нашествія, когда европейскіе путешественники часто называли Каспійское море Бакинскимъ» [1].

[1]) Историко-географическій обзоръ Ирана, Спб., 1903 г., стр. 151.

Библиотека "Руниверс"

Съ XVI столѣтія до начала XVIII столѣтія Баку былъ большею частью во владѣніи персовъ. При Петрѣ Великомъ, въ 1723 году, послѣ продолжительной осады Баку сдался эскадрѣ адмирала Матюшкина, но въ 1735 году былъ опять уступленъ Персіи и управлялся ханами, находившимися въ зависимости отъ персидскаго шаха.

Въ началѣ XIX вѣка Баку былъ завоеванъ нами окончательно и сдѣланъ уѣзднымъ городомъ.

Въ 1859 году Баку былъ преобразованъ въ губернскій городъ. Въ это время онъ имѣлъ населенія всего около четырехъ тысячъ человѣкъ и весьма незначительную торговлю.

Съ шестидесятыхъ годовъ, послѣ того, какъ въ Америкѣ началось сильное развитіе нефтяной промышленности, было положено начало добычи нефти и въ Баку, что и привело этотъ городъ къ настоящему его положенію и сдѣлало его всемірно-извѣстнымъ.

Храмъ огнепоклонниковъ, повидимому, и сослужилъ для насъ въ этомъ отношеніи большую службу. Такъ, профессоръ Д. Менделѣевъ про исторію возникновенія добычи нефти въ Баку говоритъ:

«У насъ въ это самое время (т.-е. въ 1861 году, когда въ Америкѣ началась «нефтяная горячка») В. А. Кокоревъ, заведя въ Баку персидскую торговлю и воспользовавшись замѣченнымъ тамъ изобиліемъ выходовъ на земную поверхность «кира» или земли, пропитанной нефтью (киръ употребляется въ тѣхъ мѣстахъ, въ смѣси съ известью, для покрытія плоскихъ мѣстныхъ кровель и мостовыхъ), устроилъ заводъ для перегонки кира. Заводъ свой Кокоревъ устроилъ въ Сураханахъ (верстахъ въ семнадцати отъ Баку), какъ разъ рядомъ (бокъ-о-бокъ) съ древнимъ общеизвѣстнымъ храмомъ огнепоклонниковъ, чтобы воспользоваться естественнымъ выходомъ горючаго газа изъ земли и примѣнить его для нагрѣванія перегонныхъ ретортъ» [1]).

Не говоря далѣе объ исторіи развитія нефтяной промышленности въ Баку, что можетъ интересовать болѣе всего лишь спеціалистовъ и отсылая желающихъ изъ читателей ознакомиться вкратцѣ съ этимъ вопросомъ къ статьѣ профессора Д. Менделѣева, помѣщенной имъ въ старомъ энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза (1897 годъ, № 40, нефть), я перейду ко второй половинѣ своего очерка, т.-е. къ описанію нефтяныхъ промысловъ, основанному на личномъ моемъ ознакомленіи съ ними.

---

[1]) Энциклопедическій словарь Брокгауза 1897 г., № 40, нефть. Профессоръ Д. Менделѣевъ лично принималъ участіе въ организаціи добычи нефти въ Баку, какъ онъ самъ говоритъ объ этомъ въ указанной статьѣ, и поэтому послѣдняя является для насъ наиболѣе цѣнной.

Библиотека "Руниверс"

III.

Нефтяные промыслы.—Поѣздка на промыслы.—Черныя и бѣлыя нефтяныя вышки.—Сураханы.—Романы.—Буреніе нефтяныхъ скважинъ.—Буреніе долотомъ—штанговое и на проволочномъ канатѣ.—Очистка скважинъ отъ грязи.—Добыча нефти.—Нефтяные фонтаны.—Добываніе (тартаніе) нефти посредствомъ сжатаго воздуха и способъ цилиндрическій.—Расположеніе нефтяныхъ вышекъ на промыслахъ каждой компаніи.—Нефтепроводы на заводы.

Нефтяные промыслы находятся на разстояніи около пятнадцати верстъ отъ города Баку. Къ промысламъ отъ города идетъ желѣзная дорога. Секретарь бакинскаго техническаго комитета

Возникающіе нефтяные промыслы въ Сураханахъ.

Владимиръ Ивановичъ Святскій получилъ для меня разрѣшеніе осмотрѣть промыслы Каспійско-Черноморскаго нефтепромышленнаго и торговаго товарищества, которое, кромѣ того, поручило инженерамъ, служащимъ на его промыслахъ, ознакомить меня обстоятельно съ процессомъ добычи нефти.

Въ шесть часовъ утра Владимиръ Ивановичъ зашелъ за мною въ гостиницу, и мы съ нимъ отправились на вокзалъ. Осматривать промыслы необходимо выѣзжать рано, чтобы имѣть возможность все увидѣть. Часовъ въ семь съ чѣмъ-то отходитъ на про-

Библиотека "Руниверс"

мыслы одинъ изъ утреннихъ поѣздовъ. Когда поѣздъ отъѣхалъ уже нѣсколько верстъ отъ города, вдалекѣ стали виднѣться нефтяныя вышки. Большинство изъ нихъ черныя, но иногда попадаются совершенно бѣлыя, которыя рѣзко выдѣляются изъ остальной массы. Оказывается, что всѣ вышки первоначально бываютъ бѣлыми, но потомъ, отъ нефти, становятся черными.

Эти вышки сооружаются надъ буровыми скважинами и по ихъ множеству, которое видно на фотографіи, можно судить о томъ большомъ количествѣ, какое имѣется буровыхъ скважинъ, откуда добывается нефть. Строятся нефтяныя вышки изъ особо приготовляемыхъ огнеупорныхъ досокъ, которыя, однако, не гарантируютъ совершенно отъ пожара, и послѣдніе на промыслахъ, хотя и рѣдко, но бываютъ. Повидимому, эти огнеупорныя сооруженія потому не могутъ противостоять огню, что вскорѣ же пропитываются нефтью. Осматривая промыслы, я видѣлъ цѣлыя груды бѣлѣе бѣлаго досокъ, приготовленныхъ для постройки вышекъ, и такія же, если это были только что построенныя, нефтяныя вышки. Насколько быстро ихъ пропитываетъ нефть, видно изъ имѣющагося самаго незначительнаго количества бѣлыхъ вышекъ на промыслахъ.

Во время революціи и армяно-татарскихъ безпорядковъ въ Баку вышки были подожжены и почти всѣ сгорѣли. Это было въ 1906 году. Но уже черезъ пять лѣтъ всѣ вышки были вновь сооружены и даже количество ихъ стало значительно больше. Отсюда можно судить, насколько быстро идетъ развитіе нефтяной промышленности и торговли, если то, что ранѣе сдѣлали въ теченіе сорока пяти лѣтъ теперь дѣлаютъ всего въ пять лѣтъ и даже больше прежняго. Мнѣ разсказывали также, что во время междоусобной армяно-татарской рѣзни армяне татаръ и татары армянъ, на промыслахъ, бросали другъ въ друга въ буровыя скважины. Нѣкоторыя же изъ послѣднихъ достигаютъ глубины свыше трехсотъ саженъ и нѣтъ менѣе ста саженъ. Мы начали, по составленному Владимиромъ Ивановичемъ плану, осмотръ съ нефтяныхъ промысловъ «Сураханы». Дѣло въ томъ, что здѣсь только что начиналось производиться буреніе скважинъ Каспійско-Черноморскаго нефтепромышленнаго и торговаго товарищества, и такимъ образомъ эти промыслы были только что возникающими. Одиноко стоящая вышка ясно указываетъ на это. По заключенію спеціалистовъ, въ этомъ мѣстѣ должно быть большое количество нефти. Доказательствомъ этого былъ громадный фонтанъ, который забилъ во время буренія одной изъ первыхъ здѣсь скважинъ. Фонтанъ образовалъ цѣлое озеро нефти, но вскорѣ послѣ своего появленія отчего-то вспыхнулъ и съ большимъ трудомъ былъ затушенъ. Сопровождавшій насъ въ Сураханахъ инженеръ любезно снабдилъ меня двумя фотографіями пожара этого фонтана въ началѣ его и въ концѣ. Какъ тушатъ пожары нефтяныхъ фонтановъ, мною будетъ сказано въ описаніи по-

Библиотека "Руниверс"

жара такого же фонтана на Биби-Эйбатѣ, который мнѣ лично пришлось видѣть.

Въ Сураханахъ же мы осмотрѣли описанный нами ранѣе храмъ огнепоклонниковъ. Примыкающая къ одной изъ его стѣнъ одинокая нефтяная вышка какъ бы говоритъ вамъ о томъ, откуда весь громадный лѣсъ вышекъ получилъ свое начало, а между тѣмъ этотъ вѣроятный источникъ свѣта міру въ темныя ночи и создавшій столько богатствъ забытъ обогатившимися благодаря ему людьми и постепенно, постепенно разрушается. Очень можетъ быть, что вскорѣ и на мѣстѣ храма огнепоклонниковъ соорудятся нефтя-

Пещеры вокругъ храма огнепоклонниковъ.

ныя вышки въ погонѣ людей за золотомъ, какъ на промыслахъ теперь считаютъ нефть.

Когда я замѣтилъ чрезвычайную заботливость, съ которою берегутъ добываемую нефть, о чемъ будетъ сказано мною далѣе, и удивился этому, — вѣдь ея такъ много здѣсь, — мнѣ отвѣтили: «Помилуйте, вѣдь это теперь наше золото, нефть нынѣ сто́итъ около пятидесяти копеекъ пудъ».

Въ Сураханахъ процесса добычи нефти мы не смотрѣли, такъ какъ многія устроенныя здѣсь вышки были уничтожены упомянутымъ пожаромъ, случившимся незадолго до нашего осмотра, и здѣсь велись лишь подготовительныя работы, чтобы приступить

Библиотека "Руниверс"

къ буренію: строились вышки, подвозились инструменты и т. д. Поэтому мы вскорѣ же поѣхали на нефтяные промыслы въ Романы.

Вышеупомянутымъ нефтянымъ товариществомъ намъ была любезно предоставлена прекрасная коляска, и потому мы быстро и съ удобствомъ могли объѣхать всѣ промыслы и ихъ осмотрѣть. При переѣздѣ отъ Сураханы въ Романы дорога немного подымается въ гору и затѣмъ, при началѣ спуска, предъ вами открывается панорамическій видъ на лѣсъ вышекъ нефтяныхъ промысловъ Романы, Сабунчи и Балаханы. Вяадимиръ Ивановичъ въ такомъ видѣ и снялъ эти промыслы, и этотъ интересный снимокъ промысловъ мною здѣсь и приложенъ. Я, лично, съ удивленіемъ смотрѣлъ на этотъ настоящій, издалека, лѣсъ. На Владимира Ивановича также, несмотря на то, что онъ видѣлъ это уже не разъ, хотя, какъ онъ мнѣ сказалъ, уже давно не бывалъ на промыслахъ, года три или четыре, и на него произвелъ впечатлѣніе этотъ видъ, и онъ, какъ-то волнуясь, сказалъ мнѣ: «Посмотрите-ка, какіе наши нефтяные промыслы!»

Послѣ того, какъ Владимиръ Ивановичъ снялъ виды этихъ промысловъ, мы сѣли въ коляску и поѣхали въ Романы. Здѣсь на промыслахъ, какъ и на другихъ—Сабунчи и Балаханы—работы по добычѣ нефти шли полнымъ ходомъ. Можно было видѣть вышки, гдѣ только еще производилось буреніе скважинъ, и вышки, гдѣ уже шла добыча нефти. Мы начали осмотръ съ буренія скважинъ. Послѣднее производится слѣдующимъ образомъ.

Когда намѣчено мѣсто, гдѣ бурить скважину,—намѣчаютъ же его по различнѣйшимъ предположеніямъ, что въ такомъ-то именно мѣстѣ должна быть нефть, которыя въ рѣдкихъ случаяхъ не оправдываются,—около этого мѣста начинаютъ строить вышку.

Вверху вышки сооружается особый валикъ, на которомъ находится накрученный проволочный канатъ. Къ канату прикрѣпляется ударная штанга, къ концу же послѣдней привинчивается долото. Около вышки ставится моторъ Дизеля, посредствомъ котораго и приводится въ движеніе означенный буровой инструментъ. Пробуравивши на извѣстную глубину землю и очистивши отъ послѣдней начало скважины, что совершается первоначально просто лопатами, продолжаютъ бурить далѣе. Сначала буреніе совершается штанговое (штанга—длинная желѣзная палка); когда же глубина станетъ болѣе ста саженъ, долото начинаютъ опускать на проволочномъ канатѣ, такъ какъ на большой глубинѣ вѣсъ штангъ былъ бы очень великъ. Чередуясь съ буреніемъ, непрерывно идетъ и очищеніе скважины. Именно, пробурятъ слѣдующую сажень глубины, долото отвинчиваютъ и прикрѣпляютъ на мѣсто его цилиндръ, который опускается въ скважину и очищаетъ грязь.

Цилиндръ устроенъ такимъ образомъ; когда онъ идетъ внизъ, донышко его открыто, когда же его начинаютъ подымать обратно,

Библиотека "Руниверс"

донышко само собою, подъ тяжестью вмѣстимаго, плотно закрывается, и такимъ способомъ пробуренное пространство очищается. Затѣмъ снова навинчивается долото, уже къ этому времени очищенное отъ прилипшей грязи, или, если старое испортилось, то новое, и продолжается опять буреніе и затѣмъ опять очистка скважины.

Кромѣ того, въ скважину, чтобы въ ней земля не осыпалась, по мѣрѣ ея углубленія, опускаются соотвѣтственныхъ размѣровъ желѣзныя трубы (эти трубы называются «обсадными»). Послѣднія, послѣ того, какъ добыча нефти въ скважинѣ кончена, такъ въ ней и остаются. На промыслахъ много имѣется такихъ вышекъ, которыя уже заброшены.

Буреніе скважинъ производится особыми подрядчиками изъ персовъ или татаръ подъ наблюденіемъ инженеровъ промысла и обходится съ каждой скважины отъ тридцати до пятидесяти тысячъ рублей. Иногда во время буренія, что бываетъ по большей части лишь при штанговомъ, одна изъ штангъ ломается, и тогда долото или цилиндръ со всею остальною частью штангъ остаются въ глубинѣ. Понятно, буреніе въ такомъ случаѣ продолжать нельзя, и начинаются работы по извлеченію сорвавшихся въ скважину инструментовъ, и, по очисткѣ скважины, производится буреніе далѣе. Убытки въ такомъ непріятномъ случаѣ несетъ подрядчикъ, взявшій подрядъ на буреніе скважины.

Вотъ во время буренія и случается, что вдругъ, внезапно, когда скважина достигла извѣстной глубины, начинаетъ бить фонтанъ нефти. Тогда, понятно, всѣ кидаются, чтобы сохранить выбрасываемую фонтаномъ нефть. Поспѣшно роютъ огромный бассейнъ, въ который отводятъ нефть, но все-таки очень много нефти пропадаетъ. Затѣмъ такой фонтанъ производитъ большія разрушенія: пріостанавливаетъ работы на собственныхъ и сосѣднихъ вышкахъ, а за убытки сосѣдей хозяину фонтана приходится платиться. Поэтому фонтанъ встрѣчается не съ очень-то большимъ восторгомъ. Кромѣ того, фонтаны часто загораются, и тогда ужъ совсѣмъ не выгодно. Сильные фонтаны носятъ въ Баку названіе «буйныхъ». Иногда фонтаны были такъ сильны, что выбрасывали шестьсотъ тысячъ пудовъ нефти въ сутки. Въ 1893 г. у Тагіева фонтанъ далъ тринадцать милліоновъ пудовъ нефти въ годъ, а въ 1892—1895 гг. дѣйствовалъ фонтанъ у Зубалова (глубиной 157 саж., діам. 10 дм.), давшій за все время болѣе тридцати милліоновъ пудовъ нефти.

Наиболѣе богатымъ способомъ добычи нефти является тотъ, когда она выкачивается изъ буровой скважины посредствомъ сжатаго воздуха. Въ скважину опускаются спеціальныя металлическія трубы, по одной изъ которыхъ нагнетается внизъ воздухъ и выкачиваетъ нефть на поверхность. Нефть по устроенному жолобу непрерывно течетъ въ заранѣе уже подготовленный бассейнъ.

Библиотека "Руниверс"

Эта добыча нефти считается самой богатой и самой удобной для промышленника. Однако, какъ мнѣ говорили, такихъ вышекъ на промыслахъ немного. Наиболѣе же распространеннымъ способомъ является выкачиваніе нефти изъ скважины посредствомъ цилиндра. Въ глубину скважины опускается на проволочномъ канатѣ большой цилиндръ, подобный тому, какъ для очистки скважины, который также, забравши нефть, автоматически закрывается и затѣмъ, извлеченный на поверхность, моментально подводится къ жолобу, открывается и выбрасываетъ наполнившую его нефть вмѣстѣ съ попавшею водою, грязью и камешками. Все это течетъ затѣмъ въ бассейнъ. Этотъ способъ добычи нефти на языкѣ техниковъ называется тартаніемъ, а цилиндръ—желонкою.

Такимъ образомъ, существуютъ два способа добычи нефти: сжатымъ воздухомъ, наиболѣе выгодный способъ, и самый распространенный—цилиндрическій.

Глубина буровыхъ скважинъ съ каждымъ годомъ увеличивается, въ виду истощенія ближайшихъ отъ поверхности земли залежей нефти, а въ связи съ глубиною повышается и цѣнность нефти.

Интересно отмѣтить расположеніе вышекъ во владѣніяхъ каждаго нефтяного товарищества.

Пространство нефтеносной земли, принадлежащее тому или другому владѣльцу, обнесено каменною стѣною. Такимъ образомъ, на нефтяныхъ промыслахъ вы проѣзжаете по улицамъ, образуемымъ этими стѣнами. Большинство нефтяныхъ вышекъ у каждаго промышленника сосредоточено у самыхъ стѣнъ, окружающихъ его владѣнія. Замѣтя это, я очень удивился и спросилъ объясненіе этого явленія у Вл. Ив. Послѣдній мнѣ сказалъ: «видите ли, разстоянія между владѣніями одной компаніи и другой очень незначительны, а нефть теперь очень дорогая, поэтому каждый промышленникъ начинаетъ буреніе перво-наперво у самаго края пріобрѣтеннаго имъ пространства земли, чтобы или воспользоваться нефтью отъ сосѣда, или для предупрежденія, чтобы сосѣдъ не могъ равнымъ образомъ воспользоваться чужою нефтью. Лишь по использованіи нефтяныхъ скважинъ у края начинаютъ переносить понемногу буреніе далѣе отъ стѣнъ—къ центру».

Вся масса добытой на промыслахъ нефти перекачивается по трубамъ на заводы, которые находятся невдалекѣ отъ города Баку, и пространство, занятое ими, раздѣляется на двѣ части, называемыя: Черный городъ и Бѣлый городъ.

Когда вы проѣзжаете по промысламъ, отъ нихъ къ желѣзной дорогѣ и по послѣдней въ городъ, вы видите массу упомянутыхъ трубъ, изъ которыхъ нѣкоторыя достигаютъ значительной тол щины.

Библиотека "Руниверс"

Должно отмѣтить, что на нефтяныхъ промыслахъ стараются всѣми силами избѣгать употребленія огня въ виду легкой возможности здѣсь пожара. Поэтому на промыслахъ нѣтъ заводовъ, нѣтъ паровыхъ машинъ, а все, по большей части, на всѣхъ промыслахъ приводится въ движеніе, а также всѣ промыслы освѣщаются электричествомъ, энергія котораго подается сюда съ громадной электрической станціи, устроенной на берегу моря. Такимъ образомъ, разстояніе между промыслами и станціею болѣе двадцати верстъ. Энергія подается по спеціальнымъ кабелямъ. Курятъ на промыслахъ также осторожно, а въ нѣкоторыхъ мѣ-

Бывшій храмъ огнепоклонниковъ въ Сураханахъ.

стахъ курить абсолютно запрещается, какъ-то, гдѣ бурятъ скважину или добываютъ уже нефть.

Осмотрѣвъ промыслы, буреніе скважинъ, познакомившись съ процессомъ добычи нефти, мы отправились обратно въ городъ. По плану, составленному Вл. Ив., теперь мнѣ предстояло еще осмотрѣть заводы, гдѣ очищается нефть и добывается изъ нея керосинъ, смазочныя масла и прочіе продукты, затѣмъ электрическій заводъ, благодаря которому освѣщаются всѣ промыслы и идутъ на нихъ работы, и, наконецъ, техническій комитетъ министерства торговли и промышленности, значеніе котораго въ нефтяной промышленности и торговлѣ весьма важно.

Библиотека "Руниверс"

IV.

Биби-эйбатскіе нефтяные промыслы.—Завоеваніе у моря въ Биби-Эйбатской бухтѣ новой нефтяной площади.—Пожаръ нефтянаго фонтана на Биби-Эйбатѣ.—Тушеніе пожара.—Зависимость промышленниковъ какъ при буреніи нефтяныхъ скважинъ, такъ и при тушеніи нефтяныхъ пожаровъ отъ подрядчиковъ.—Откупная система.

Однако, прежде, чѣмъ переходить къ описанію всего только что упомянутаго, мнѣ хочется еще остановиться на промыслахъ на Биби-Эйбатѣ и наблюдавшемся мною рѣдкомъ сравнительно зрѣлищѣ и для постоянныхъ жителей въ Баку, пожарѣ нефтянаго фонтана на означенныхъ промыслахъ.

Такимъ образомъ для читателей будетъ легче нарисовать себѣ всю картину нефтяныхъ промысловъ со всею ихъ промышленною жизнью.

Биби-Эйбатъ находится въ юго-восточной сторонѣ отъ города по берегу моря, т.-е. совершенно противоположно только что описаннымъ промысламъ. Когда вы ѣдете на Биби-Эйбатскіе нефтяные промыслы, вы проѣзжаете Баиловъ мысъ, съ котораго открывается прекрасный видъ на лежащіе при спускѣ съ него, около моря, названные нефтяные промыслы.

Первый пріобрѣлъ мѣстность Биби-Эйбатъ извѣстный въ Баку всѣмъ отъ мала до велика хаджи Тагіевъ. При первоначальномъ буреніи скважинъ на Биби-Эйбатѣ почти всѣ давали фонтаны. Рядомъ съ промыслами Тагіевъ устроилъ заводъ по переработкѣ нефти. Однако почему-то, въ 1897 году Тагіевъ продалъ свой Биби-Эйбатскій промыселъ за пять милліоновъ рублей англичанамъ. Эти англичане, купившіе Биби-Эйбатъ, въ теченіе же года продали его другой англійской же компаніи за десять милліоновъ рублей, которая, какъ говорятъ, въ одинъ годъ вернула затраченный капиталъ.

Мнѣ разсказывали въ Баку, что Тагіевъ послѣ продажи Биби-Эйбата и послѣ означенной перепродажи этихъ промысловъ чрезвычайно былъ подавленъ случившимся и часто первое время ѣздилъ въ коляскѣ на Баиловъ мысъ, гдѣ, смотря на бывшіе свои промыслы, говорилъ: «былъ одинъ самый умный человѣкъ въ Баку—Тагіевъ, но и онъ потерялъ разумъ, когда продалъ Биби-Эйбатъ».

Насколько богаты залежи въ этомъ мѣстѣ нефти, можно видѣть еще изъ слѣдующаго. Въ Биби-Эйбатской бухтѣ неоднократно замѣчали появленіе большого количества нефти со дна на поверхность.

Произвели изслѣдованія и пришли къ убѣжденію, что эта бухта должна представлять очень богатую нефтеносную площадь. И вотъ въ 1910 году было приступлено къ осушенію этой бухты. Съ Баилова мыса виденъ молъ, которымъ обносится предназна-

Библиотека "Руниверс"

ченная къ осушенію и засыпкѣ площадь. Разсказывали мнѣ также, что уже теперь всѣ участки здѣсь распроданы. Новая нефтеносная площадь будетъ пространствомъ двѣсти шестнадцать саженъ, работы по подсчету обойдутся въ шесть милліоновъ рублей и должны быть закончены къ 1914 году.

Моя поѣздка на Биби-Эйбатъ была связана съ вспыхнувшимъ тамъ фонтаномъ Нобеля. Какъ-то я легъ въ гостиницѣ, часовъ около четырехъ, отдохнуть, и когда проснулся, то оказалось, что во время моего сна надъ Баку разразилась сильная гроза съ большимъ ливнемъ. Выйдя на набережную, я вдругъ увидѣлъ въ сторонѣ Биби-Эйбата огромное зарево. Когда я обратился съ разспросами, то оказалось, что во время грозы молнія ударила въ вышку съ фонтаномъ и послѣдній вспыхнулъ. Пожаръ этотъ, хотя загражданемый Баиловымъ мысомъ, представлялъ и издалека грандіозное зрѣлище. Я рѣшилъ поѣхать посмотрѣть этотъ пожаръ вблизи, что и сдѣлалъ на слѣдующій день, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ ознакомиться съ работами по тушенію нефтяного пожара, которыя должны были къ тому времени находиться уже на полномъ ходу.

Смотрѣть пожаръ поѣхалъ со мною и Вл. Ив. Мы поѣхали вечеромъ, когда уже стемнѣло, такъ какъ въ это время картина пожара болѣе грандіозна, чѣмъ днемъ. Кромѣ того, днемъ я былъ занятъ осматриваніемъ, помимо всего относящагося къ нефтяному вопросу, еще нашей таможни, чтобы ознакомиться съ торговлею въ Баку, а затѣмъ наблюдалъ на почтѣ присылку изъ-за границы и отправку въ Персію маловѣсныхъ почтовыхъ посылокъ. Однако, я думаю, интересно посмотрѣть пожаръ фонтана и днемъ.

Когда наша коляска въѣхала на Баиловъ мысъ, мы увидѣли полную картину пожара нефтяного фонтана. Зрѣлище было чрезвычайно грандіозно. Изъ земли вылеталъ громадный столбъ огня, поднимаясь высоко къ небу и образуя цѣлую тучу отъ копоти и дыма. Эта туча, глядя на нее днемъ, какъ бы висѣла въ воздухѣ, угрожая все время надвинуться на городъ.

Черныя вышки промысловъ, освѣщенныя горящимъ фонтаномъ, были подобны какимъ-то чудовищамъ-великанамъ, неподвижно наблюдавшимъ работы ихъ подданныхъ—маленькихъ людей, подвозившихъ къ горящему фонтану тачки съ пескомъ.

Наша коляска спустилась внизъ, и мы поѣхали по закоулкамъ Биби-Эйбатскихъ промысловъ, образуемыхъ выше упоминавшимися стѣнами, которыя отдѣляютъ владѣнія одного хозяина отъ другого, чтобы увидѣть ближе картину пожара нефтяного фонтана.

Подъѣхавъ, мы увидѣли вырывающійся изъ скважины съ сухимъ трескомъ и сильнымъ шипѣніемъ горящій газъ и рабочихъ, совершавшихъ подготовительныя работы къ тушенію фонтана. Освѣщенные заревомъ пожарища, всѣ черные, они походили на

Библиотека "Руниверс"

какихъ-то гномовъ. Вообще вся картина пожара была и грандіозна и фантастична.

Тушеніе пожара нефтяного фонтана происходитъ слѣдующимъ образомъ. Сначала къ горящей скважинѣ, кругомъ, подвозятъ кучи песку. Затѣмъ заготовляются мокрыя воловьи шкуры. Когда, по заключенію спеціалистовъ, всего уже достаточно заготовлено, начинаютъ засыпать пескомъ вмѣстѣ съ мокрыми воловьими шкурами горящую буровую скважину. Послѣ того, какъ засыплютъ и вмѣстѣ съ тѣмъ закупорятъ такимъ образомъ ее, пожаръ прекращается. Иногда же, какъ мнѣ говорили, бываетъ, что подобную пробку выкидываетъ изъ скважины, и тогда начинаются снова и еще въ большемъ размѣрѣ работы по тушенію. Одновременно съ этими работами промышленникъ начинаетъ насколько можно ближе къ фонтану буреніе скважины, чтобы оттянуть подъ землей нефть горящей скважины.

Работы по тушенію пожара нефтяного фонтана такъ же, какъ и буреніе скважинъ, о чемъ уже было упомянуто, поручаются спеціальнымъ подрядчикамъ, которыми обыкновенно являются какіе-нибудь «восточные чэловэки».

На мой вопросъ, обращенный къ инженеру одного изъ промысловъ: «пожалуй, тѣ и другія работы было бы раціональнѣе и выгоднѣе производить самимъ промышленникамъ?»—мой собесѣдникъ отвѣтилъ, что «совершенно вѣрно, но это составляетъ какъ бы монополію и является особымъ правомъ тѣхъ и другихъ подрядчиковъ; если кто его нарушитъ, тотъ рискуетъ своею жизнью».

Я чрезвычайно былъ удивленъ этимъ сообщеніемъ, между тѣмъ мой собесѣдникъ продолжалъ: «чему же тутъ удивляться, когда всѣ промышленники платятъ даже дань разбойникамъ изъ «восточныхъ чэловэкъ», чтобы они не подожгли ихъ промыслы, а также чтобы самимъ быть въ безопасности отъ всегда возможнаго неожиданнаго убійства».

Мнѣ показалось все это прямо невѣроятнымъ, но пришлось убѣдиться, когда прочиталъ сообщенія о шестнадцатомъ съѣздѣ бакинскихъ нефтепромышленниковъ. На этомъ съѣздѣ открыто говорилось и было выяснено, что владѣльцы только половины нефтяныхъ промысловъ, расположенныхъ вокругъ такого крупнаго городского центра, какъ Баку, уплачиваютъ «для охраны» ихъ до двухсотъ тысячъ рублей въ годъ. Слѣдовательно, со всѣхъ промысловъ этотъ, такъ сказать, «откупъ» равняется около полумилліона въ годъ.

Для болѣе полной иллюстраціи приведу еще слѣдующее. Когда я осматривалъ нефтяные промыслы: Сураханы, Сабунчи, Балаханы и Романы, то, проѣзжая, обратилъ невольно вниманіе на небольшія озерца, находящіяся въ расположеніи всѣхъ поименованныхъ промысловъ. Мнѣ сказали, что вода этихъ озеръ на про-

Библиотека "Руниверс"

Нефтяной фонтанъ.

Библиотека "Руниверс"

мыслахъ содержитъ большое количество соли и сѣры и потому должна быть признана цѣлебною. Тогда я спросилъ, почему же ее не используютъ и не устроятъ бани съ ваннами, что должно быть дѣломъ небезвыгоднымъ, имѣя въ виду огромное количество рабочихъ, а затѣмъ инженеровъ на промыслахъ, которые тамъ и живутъ. Какъ разъ во время этого разговора мы проѣзжали мимо стоящаго невдалекѣ отъ дороги небольшого и грязнаго каменнаго зданія. Мнѣ показали на него и говорятъ: «Какъ, у насъ это эксплоатируется; вотъ видите здѣсь бани съ этою водою». Увидя такое грязное зданіе, я невольно воскликнулъ: «Фу, какая мерзость, и неужели это все. У васъ столько богатыхъ нефтепромышленниковъ, столько иностранцевъ, столько опытныхъ инженеровъ и вообще въ Баку такъ много людей предпріимчивыхъ, что меня удивляетъ, что не могли выстроить что-нибудь получше!» На эту мою горячую рѣчь мнѣ отвѣтили: «Совершенная это все правда, но вотъ одинъ такой предпріимчивый человѣкъ явился и хотѣлъ построить и бани, и ванны, все какъ слѣдуетъ, тогда «восточный чэловэкъ», владѣлецъ грязныхъ бань, ему послалъ сказать, что если хочешь быть живымъ, то убирайся отсюда и не появляйся, и тотъ, послушавъ добрыхъ совѣтовъ, что здѣсь ничего не подѣлаешь, поскорѣе убрался.

Вотъ каковы условія работъ и вообще жизни на промыслахъ, хотя мы живемъ и въ XX вѣкѣ. Слава Богу, что въ самомъ Баку описанные нравы, какъ мною было отмѣчено, сильно повывелись, что даетъ надежду, что въ концѣ концовъ и на промыслахъ будетъ то же. Однако разрѣшеніе этого вопроса связано со всѣмъ Кавказомъ, гдѣ, какъ говорится, жизнь копейка.

Въ заключеніе о промыслахъ мнѣ хочется отмѣтить читателямъ, изъ которыхъ, можетъ быть, кто-нибудь заинтересуется поѣхать когда-нибудь въ Баку, что при осмотрѣ, чтобы видѣть все обстоятельно, не надо стѣсняться разспрашивать о томъ или другомъ интересующемъ васъ вопросѣ инженеровъ промысловъ. Всѣ они въ высшей степени любезны и когда видятъ, что человѣкъ дѣйствительно интересуется, съ удовольствіемъ обстоятельно все показываютъ. Такъ, они мнѣ говорили: «Для насъ видѣть человѣка, желающаго обстоятельно ознакомиться съ вопросомъ, очень пріятно, большинство же пріѣзжающихъ постоятъ около той-другой скважины, посмотрятъ буреніе или добычу нефти, и живо уѣзжаютъ». Между тѣмъ для того, чтобы хорошо ознакомиться съ дѣломъ, надо обязательно обращаться къ его спеціалистамъ, послѣдніе же, сами привыкши большею частью къ лицамъ, такъ себѣ осматривающимъ промыслы, такъ же къ посѣтителямъ ихъ и относятся, тѣмъ болѣе, что каждый занятъ своею работою. Но, повторяю, чуть вы выкажете заинтересованность, обратитесь съ разспросами, вы получите самый любезный отвѣтъ и возможныя, подробныя объясненія всего, чего вы желаете.

Библиотека "Руниверс"

V.

«Черный городъ» и «Бѣлый городъ». —Заводы по переработкѣ нефти.—Переработка изъ нефти различныхъ продуктовъ.—Наглядный показатель цѣнности въ настоящее время нефти.—Бакинскій техническій комитетъ.—Назначеніе комитета.—Электрическій заводъ.—Керосинопроводъ изъ Баку въ Батумъ.

По осмотрѣ нефтяныхъ промысловъ нужно ознакомиться съ процессомъ переработки нефти на заводахъ, послѣ чего уже получается керосинъ, газолинъ, различныя смазочныя масла и другіе вырабатываемые изъ нефти заводами продукты.

Всѣ эти заводы находятся къ сѣверо-востоку отъ города Баку и образуютъ собою уже упоминавшіеся мною два города «Черный городъ» и «Бѣлый городъ». Названіе «Черный городъ» произошло отъ густого чернаго дыма, выдѣляющагося при отопленіи заводовъ нефтяными остатками; прежде дымъ былъ еще гуще, ибо не было удобныхъ приспособленій для сжиганія остатковъ. За «Чернымъ городомъ» тянется рядъ благоустроенныхъ заводовъ, составляющихъ такъ называемый «Бѣлый городъ».

Самымъ большимъ и самымъ лучшимъ заводомъ по переработкѣ нефти считается заводъ Нобеля, осматривать который я съ Вл. Ив. и отправился. Нефть, какъ было уже отмѣчено, поступаетъ на заводъ съ промысловъ по устроеннымъ нефтепроводамъ.

Переработка нефти состоитъ въ отгонѣ изъ нея смѣсей разныхъ составныхъ началъ, которыя называются: 1) газолиномъ, бензиномъ и т. п., если они улетучиваются при слабомъ нагрѣваніи нефти, примѣрно до 150° въ жидкости и до 120° въ парахъ, 2) керосиномъ и соляровыми маслами (тяжелый керосинъ, называется астралиномъ, бакуолемъ и т. п.), которыя служатъ для ламповаго освѣщенія и составляютъ главную цѣль передѣлки нефти, содержатъ смѣси углеводородовъ, кипящихъ главнымъ образомъ отъ 120° до 300° (въ парахъ), но, конечно, съ подмѣсью ниже и выше кипящихъ составныхъ началъ, причемъ подмѣсь бензиномъ и дѣлаетъ ихъ огнеопасными въ пожарномъ смыслѣ; 3) промежуточными (иногда называемыя соляровыми), парфюмерными, парафиновыми или легкими смазочными и т. п. маслами, перегоняющимися безъ разложенія только при содѣйствіи перегрѣтаго водянаго пара и находящими разное, но не обширное приложеніе (для растворенія, для ламповаго освѣщенія—въ особыхъ лампахъ и т. п.), главнымъ же образомъ характеризующіяся тѣмъ, что они не столь удобоподвижны и не такъ легко поднимаются по свѣтильнѣ, какъ керосинъ (или бензинъ), но въ то же время не такъ густы или жирны наощупь, т.-е. не обладаютъ такимъ внутреннимъ треніемъ (вязкостью), какъ настоящія смазочныя масла; 4) смазочными маслами, а, въ частности, веретеннымъ, машиннымъ,

Библиотека "Руниверс"

цилиндровымъ и т. п. называются именно эти, послѣ промежуточныхъ маселъ, съ перегрѣтымъ паромъ изъ нефти улетучивающіеся, жирные наощупь и важные для смазки машинъ продукты нефти; 5) вазелиномъ, себонафтомъ называются такія же смазочныя масла, которыя при обыкновенной температурѣ полужидки, напоминаютъ сало, получаются вмѣстѣ съ началомъ разложенія послѣднихъ остатковъ нефти. Если же перегонка нефти ведена съ мало (до 200—300°) перегрѣтымъ водянымъ паромъ и сильнымъ нагрѣвомъ реторты, въ которой ведется отгонка, остается плотный коксъ, подобный ретортному углю, получающемуся при газовомъ производствѣ. Но если сразу послѣ отгонки смазочныхъ маселъ, не увеличивая внѣшняго нагрѣванія реторты, пропускать перегрѣтый до 400—450° водяной паръ, то не только больше получается вазелина, но и не остается вовсе коксоваго остатка, т.-е. нефть отгоняется до конца. Изъ вазелина же и подобныхъ ему, твердѣющихъ на холоду, продуктовъ перегонки нефти нерѣдко извлекается парафинъ [1]).

Кромѣ того, изъ перечисленныхъ главнѣйшихъ продуктовъ нефти получается еще рядъ различныхъ продуктовъ.

Изъ изложеннаго видно, что полученіе изъ нефти указанныхъ продуктовъ производится посредствомъ ея нагрѣванія отъ 120 до 450 градусовъ въ парахъ. Поэтому главными сооруженіями на заводахъ являются печи, въ которыхъ находятся трубы, куда поступаетъ нефть, проходитъ черезъ рядъ такихъ печей и, нагрѣваясь до извѣстнаго количества градусовъ, перерабатывается въ тѣ или другіе продукты. Упомянутыя печи представляютъ собою рядъ сводчатыхъ кирпичныхъ сооруженій на открытомъ воздухѣ, сверху которыхъ, подобно трапу, проложены желѣзныя листовыя полосы, чтобы имѣть возможность ходить надъ печами и освидѣтельствовывать ихъ состояніе. Самыя печи очень раскалены, и васъ предупреждаютъ не ступить ногою на самое зданіе печи. Указанная же дорожка надъ печами не накаливается, потому что устроена, какъ бы подвѣшенной надъ этими «вавилонскими печами». Однако, лѣтомъ, когда жарко, все-таки не водятъ смотрѣть эти печи, такъ какъ жаръ отъ печей тогда является невыносимымъ для непривычнаго человѣка и можно упасть въ обморокъ.

Послѣ того, какъ нефть подвергнется такой переработкѣ, полученные изъ нея продукты поступаютъ по трубамъ въ особое зданіе, гдѣ вы видите текущими въ особые баки керосинъ, газолинъ и промежуточные между ними продукты.

---

[1]) Описаніе выработки главнѣйшихъ продуктовъ изъ нефти взято мною изъ статьи Д. Менделѣева («Энциклопедическій словарь Брокгауза», № 40, 1897 г.,«Нефть»), такъ какъ въ ней это изложено чрезвычайно компактно, точно и ясно, какъ могъ написать только лучшій спеціалистъ этого вопроса.

Библиотека "Руниверс"

Пожаръ нефтяного фонтана въ Сураханахъ.

Библиотека "Руниверс"

Для смазочныхъ маселъ имѣется отдѣльное зданіе, гдѣ эти масла такимъ же образомъ текутъ въ спеціальные баки.

Вотъ какимъ вкратцѣ представляется процессъ переработки нефти.

Заводы по переработкѣ нефти совершенствовались и совершенствуются съ каждымъ годомъ и представляютъ сложныя техническія сооруженія, хотя по изложенному можетъ показаться, что все это довольно просто. Настоящимъ очеркомъ мною имѣлось въ виду дать простое, первоначальное представленіе по вопросу о нефтяномъ промыслѣ въ Баку, подробное же изложеніе— есть задача спеціальныхъ трудовъ по техникѣ, химіи, горному промыслу и друг.

Интересно отмѣтить, что сначала нефть добывалась самымъ первобытнымъ способомъ изъ простыхъ колодцевъ бурдюками, т. е. кожами животныхъ, смазанными нефтью. Знали о ней лишь, какъ о горючей, бурой или зеленоватой, легкой жидкости, въ водѣ нерастворимой, мѣстами вытекающей изъ земли и примѣняемой окрестными жителями или какъ наружное лекарство во многихъ болѣзняхъ (особенно у нѣкоторыхъ американскихъ индѣйцевъ), или, какъ масло для горѣнія въ лампахъ первобытнаго устройства («чиракъ» у бакинцевъ и персовъ, въ родѣ древнихъ глиняныхъ лампадъ съ фитилемъ изъ пучка нитокъ), или, наконецъ, какъ деготь для смазки осей (у персовъ и въ разныхъ мѣстахъ на Кавказѣ) [1]).

Какъ все это просто было раньше и насколько цѣнится нефть въ настоящее время! Послѣднее особенно наглядно доказывается тою заботливостью съ какою стараются, чтобы всю добываемую нефть сохранить. Такъ, когда при осмотрѣ завода Нобеля я обратилъ вниманіе на устроенные всюду желобки, по которымъ тотчетъ вода, на мой вопросъ: «для чего это устроено?»—мнѣ отвѣчали: «нефть теперь—наше золото, въ виду высокой ея цѣны, и желобки эти устроены для того, чтобы не пропадали наши деньги, т.-е. нефть». Стекающая съ машинъ и трубъ нефть попадаетъ въ эти желобки и течетъ вмѣстѣ съ водою въ особые бассейны, вырытые въ землѣ. Такъ какъ нефть легче воды, то затѣмъ съ поверхности послѣдней собирается и идетъ въ переработку.

Да, теперь это не то, что было раньше, когда нефть добывали изъ простыхъ колодцевъ бурдюками!

Въ зависимости отъ качества нефти получается то или другое количество различныхъ изъ нея продуктовъ. Если нефть легкая, то получается много газолину и плохой керосинъ.

Поэтому, при покупкѣ, для того, чтобы установить цѣну нефти, необходимо самымъ точнымъ образомъ опредѣлить ея качество, т.-е. сдѣлать химическій анализъ нефти.

---

[1]) «Энциклопедическій словарь Брокгауза», 1897 г., № 40, стр. 939.

Библиотека "Руниверс"

Керосиновые заводы.

Библиотека "Руниверс"

Анализы эти дѣлаютъ и продавецъ и покупатель, но и тотъ, и другой являются заинтересованными лицами, и потому, когда данныя анализа не сходятся, невольно всегда можетъ возникнуть сомнѣніе въ безпристрастности сторонъ.

Такимъ образомъ практика указывала на необходимость образованія совершенно нейтральнаго учрежденія, которое бы безпристрастно производило анализъ нефти, совершая послѣдній чисто научно. Этимъ учрежденіемъ и является, образованный въ Баку министерствомъ торговли и промышленности упоминавшійся уже мною техническій комитетъ.

Въ комитетѣ имѣется спеціальная лабораторія для изслѣдованія качествъ нефти, а также и для другихъ изслѣдованій по нефтяному дѣлу. Нефтепромышленникъ при продажѣ нефти, а также и покупатель посылаютъ сюда каждый по обыкновенной бутылкѣ, наполненной взятой изъ цистерны (большой бакъ, гдѣ хранится нефть) нефтью и запечатанной. Въ лабораторіи комитета производится анализъ нефти. Происходитъ онъ такимъ же способомъ, какъ и переработка нефти на заводѣ, т.-е. при посредствѣ нагрѣванія. Данныя анализа записываются и вручаются человѣку, принесшему пробу. Промышленникъ и покупатель свѣряютъ результаты анализовъ своихъ съ анализомъ комитета и если данныя сходятся, то, значитъ, изслѣдованіе нефти сдѣлано безошибочно. Если же анализы не сходятся, то производится провѣрка. Въ техническій комитетъ является химикъ изъ заводской лабораторіи, а также, по желанію, и отъ покупателя, и совмѣстно съ химикомъ комитета производятъ провѣрку анализа. Если этотъ совмѣстный анализъ оказывается тождественнымъ съ анализомъ заводчика, то, значитъ, произошла ошибка въ анализѣ комитета, и, наоборотъ, если совмѣстный анализъ тождественъ съ анализомъ комитета, то ошибка промышленника. Во всякомъ случаѣ совмѣстный анализъ считается окончательнымъ, и по даннымъ его устанавливается и продавцомъ и покупателемъ цѣна предназначенной въ продажу нефти.

Изъ изложеннаго можетъ показаться, что эта процедура занимаетъ много времени и дорого стоитъ, однако въ дѣйствительности комитетъ черезъ день послѣ доставленія ему пробы выдаетъ данныя анализа и беретъ за него что-то всего рубль или немного болѣе. Въ настоящее время бакинскій техническій комитетъ изслѣдуетъ болѣе десяти тысячъ пробъ нефти въ годъ, что доказываетъ раціональность его существованія, прекрасную постановку въ немъ дѣла и полное довѣріе къ нему и промышленниковъ и покупателей нефти.

Секретарь комитета Вл. Ив. Святскій во время моего пребыванія въ Баку не имѣлъ еще возможности снабдить меня полнымъ очеркомъ дѣятельности означеннаго комитета за его деся-

Библиотека "Руниверс"

Биби-Эйбатъ.

Библиотека "Руниверс"

тилѣтнее уже существованіе, такъ какъ таковой еще только подготовлялся къ изданію. Впрочемъ, мнѣ кажется достаточнымъ для моего описанія сказаннаго о комитетѣ, болѣе подробное изложеніе являлось бы уже спеціальнымъ.

Теперь мнѣ остается только еще сказать про электрическую станцію, подающую на промыслы энергію и свѣтъ. Заводъ этотъ или станція находится въ той же мѣстности, гдѣ «Черный городъ», и расположенъ вблизи моря. Пространство, занятое заводомъ и прилегающими къ нему постройками, ограждено все желѣзною рѣшеткою. Входъ постороннимъ безъ разрѣшенія строго воспрещается. Однако съ Вл. Ив. мнѣ всюду дорога была открыта. Онъ заранѣе получилъ отъ директора завода разрѣшеніе на осмотръ, и, когда мы подъѣхали, намъ открыли ворота. Мы остановились у самаго зданія завода, сейчасъ же къ намъ вышелъ инженеръ и повелъ насъ осматривать. Самымъ главнымъ и интереснымъ является то отдѣленіе, гдѣ находятся машины для выработки электрической энергіи. Это большое, длинное отдѣленіе, гдѣ вы видите четыре огромныхъ колеса, занимающихъ три четверти всего помѣщенія, а въ остальной части стоитъ небольшая, чрезвычайно компактная машина. Указанными громадными четырьмя машинами вырабатывается электричество.

Когда же я спросилъ: «что же это за машина?» указывая на небольшую, сопровождавшій насъ инженеръ мнѣ сказалъ, что эта небольшая машина—моторъ Дизеля, который, несмотря на то, что передъ этими четырьмя кажется совершенной игрушкой, замѣняетъ собою всѣ четыре машины. Эта картина—четыре громадныхъ паровыхъ машины съ своими мощными колесами и рядомъ небольшой моторъ Дизеля, замѣняющій собою, въ случаѣ ихъ порчи, всѣ четыре, наглядно показываетъ вамъ, какъ далеко въ настоящее время шагнула техника въ сравненіи съ совсѣмъ недавнимъ прошлымъ. Вообще всѣ инженеры на промыслахъ съ восторгомъ отзываются объ изобрѣтенныхъ Дизелемъ моторахъ въ виду ихъ компактности и въ то же время силы.

Послѣ машиннаго отдѣленія мнѣ показали отдѣленіе смерти, какъ можно назвать то помѣщеніе, гдѣ около стѣнъ расположены аппараты, показывающіе количество силъ электрической энергіи, отпускаемой на тѣ или другіе промыслы и по горѣнію около нихъ электрическихъ лампочекъ указывающіе, нѣтъ ли гдѣ-нибудь поврежденій. Въ случаѣ такового лампочка тухнетъ. Прикосновеніе къ какому-либо изъ означенныхъ аппаратовъ влечетъ моментальную смерть, и потому въ это помѣщеніе, за исключеніемъ служащихъ въ немъ, никого абсолютно не пускаютъ. Около каждаго аппарата такъ и нарисовано двѣ кости и черепъ и написано: «смерть». Мнѣ разсказывали, что однажды сюда какъ-то случайно пустили посмотрѣть учениковъ одного, кажется, техническаго училища. Когда

Библиотека "Руниверс"

они были въ этой узкой продолговатой комнатѣ, грозящей съ обѣихъ сторонъ смертью, вдругъ въ одномъ изъ аппаратовъ что-то треснуло и среди осматривающихъ произошла паника. Однако Богъ спасъ, и всѣ вышли живыми; если бы хотя одинъ изъ образовавшейся толпы прикоснулся къ одному изъ указанныхъ аппаратовъ смерти, всѣ бы тотчасъ же погибли. Съ тѣхъ поръ особенно строго охраняется входъ въ это помѣщеніе.

Электрическій заводъ, вырабатывающій энергію и свѣтъ для промысловъ, считается самымъ большимъ въ Россіи. Этимъ заводомъ и окончился мой осмотръ всего относящагося къ вопросу о нефтяной промышленности въ Баку.

Однако, еще много, много далѣе, до самаго Батума меня сопровождало напоминаніе о Баку и его нефтяныхъ промыслахъ при видѣ приведеннаго на всемъ этомъ пространствѣ грандіознаго керосинопровода Закавказскихъ желѣзныхъ дорогъ (казенныхъ), посредствомъ котораго керосинъ передается на разстояніи около тысячи верстъ, по трубамъ, прямо изъ Баку въ Батумъ. Керосинопроводъ этотъ проходитъ около самаго полотна желѣзной дороги и какъ бы говоритъ вамъ о томъ, что можетъ создать человѣкъ, когда имѣется въ виду получить какъ можно больше золота.

Изъ настоящаго очерка видно, что Баку съ полнымъ правомъ можетъ быть названъ «золотымъ дномъ» Россіи, откуда золото въ видѣ нефти и различнѣйшихъ продуктовъ изъ нея расходится до самыхъ отдаленнѣйшихъ уголковъ Россійской имперіи, неся взамѣнъ себя нефтепромышленникамъ золото настоящее.

Борисъ Гурьевъ.

Библиотека "Руниверс"

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Великій князь Николай Михайловичъ. Генералъ-адъютанты императора Александра I. Съ 47 портретами, изъ которыхъ 19 въ краскахъ. Спб. 1913. Экспеиція заготовленія государственныхъ бумагъ. 188 стр. Цѣна не означена.

ВГУСТѢЙШІЙ знатокъ Александровской эпохи, великій князь Николай Михайловичъ выпустилъ изящное изданіе, посвященное генералъ-адъютантамъ императора Александра I. Книга, изданная со всею роскошью, присущею каждому труду великаго князя, имѣетъ сначала предисловіе, въ которомъ хронологически перечисляются всѣ случаи пожалованія генералъ-адъютантскихъ вензелей, а затѣмъ приводятся краткія біографическія свѣдѣнія о каждомъ генералѣ-адъютантѣ особо [1]).

Съ огромнымъ, захватывающимъ интересомъ читается это предисловіе, гдѣ авторъ, великолѣпно изучившій эпоху, краткими фразами и удачными бликами освѣщаетъ ту или иную фигуру генералъ-адъютанта. Авторъ настоящей рецензіи въ теченіе четырехъ лѣтъ работалъ надъ исторіей Государевой свиты и вмѣстѣ съ В. В. Квадри написалъ томъ, относящійся ко времени императора Александра I. Но оба мы, явившись офиціальными историками императорской главной квартиры, естественно были связаны въ своемъ изслѣдованіи спеціальною цѣлью очерка, входившаго въ составъ юбилейныхъ изданій сто-

[1]) Въ первоначальномъ (краткомъ) видѣ статья о генералъ-адъютантахъ императора Александра I была помѣщена августѣйшимъ авторомъ въ февральской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» 1908 г. (стр. 387—403).

Библиотека "Руниверс"

лѣтія военнаго министерства. Нынѣ наша работа блѣднѣетъ передъ мастерской характеристикой генералъ-адъютантовъ Александра I, произведенной знающей и вѣрной рукой великаго князя Николая Михайловича.

Первымъ, по времени назначенія, генералъ-адъютантомъ былъ Ѳ. П. Уваровъ. Одинъ изъ видныхъ заговорщиковъ, заигрывавшій съ любимой собачкой Павла I во время послѣдней трапезы передъ трагическою ночью на 12-е марта 1801 года, Уваровъ сумѣлъ сохранить благоволеніе и вдовствующей императрицы, и молодого монарха. Князь Волконскій былъ безсмѣннымъ другомъ и спутникомъ императора Александра. Привѣтливость, ровность, преданность, откровенность, но въ мѣру—всѣ эти качества сдѣлали изъ князя Петра Михайловича образцоваго царедворца. По словамъ августѣйшаго біографа, князь Волконскій не оставилъ мемуаровъ, хотя, по свидѣтельству его внука, князя Петра Дмитріевича, послѣдній хорошо помнилъ переплетенную тетрадь, гдѣ его дѣдъ подробно описалъ всѣ событія, относящіяся до 1801 г. и своей службы въ Семеновскомъ полку; записокъ этихъ не удалось найти. Но въ этомъ замѣчаніи не кроется ли недоразумѣнія: воспоминанія князя Волконскаго, именно относящіяся къ его службѣ въ рядахъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, были напечатаны въ «Русской Старинѣ» за 1878 г. и не про эти ли воспоминанія упоминаетъ князь П. Д. Волконскій? Относительно же мемуаровъ князя Волконскаго я слышалъ и другую версію: послѣ кончины князя П. М. Волконскаго всѣ его бумаги были тотчасъ опечатаны и увезены генералъ-адъютантами императора Николая I, а потому искать ихъ слѣдуетъ гдѣ угодно, но не въ фамильныхъ архивахъ.

Продолжая характеризовать генералъ-адъютантовъ, августѣйшій историкъ говоритъ, что Винцингероде былъ первымъ иностранцемъ, попавшимъ въ милость къ Александру I, а Васильчиковъ, этотъ рыцарь честности и прямоты, занималъ впослѣдствіи въ теченіе десяти лѣтъ должность предсѣдателя государственнаго совѣта и никогда не стѣснялся говорить правду своему государю.

Въ теченіе 1801—1807 гг., когда чуткій умъ Александра былъ всецѣло поглощенъ дѣлами внутренними, а все вниманіе юнаго самодержца было направлено на осуществленіе задуманныхъ реформъ, государь окружилъ себя такими генералъ-адъютантами, которые, будучи его сверстниками и не вмѣшиваясь въ дѣла политики, могли развлекать его другими разговорами, другими злободневными интересами.

Въ теченіе 1807—1811 гг. генералъ-адъютантами были назначены тринадцать человѣкъ, но изъ нихъ «мало кто имѣлъ за собой выдающіяся заслуги».

Передъ началомъ Отечественной войны появляются генералы, «состоящіе при особѣ его величества». Это званіе получили: Чичаговъ, Армфельдтъ, Беннигсенъ, Ростопчинъ; впослѣдствіи къ нимъ присоединились Милорадовичъ и Ланжеронъ. Августѣйшій біографъ называетъ подъ 1812 г. Беннигсена графомъ; точнѣе было бы его назвать барономъ, такъ какъ графскій титулъ Беннигсенъ получилъ лишь въ 1813 году.

За 1812 годъ генералъ-адъютантами были назначены только Чернышевъ и Коновницынъ.

Библиотека "Руниверс"

Въ 1813 г. и 1814 г. были назначены генералъ-адъютантами восемь человѣкъ, изъ которыхъ—три иностранца: Жомини, Поццо-ди-Борго и Мишо. Жомини перешелъ въ ряды русскихъ войскъ наканунѣ боевъ подъ Дрезденомъ, состоя начальникомъ штаба корпуса маршала Нея. «Другими словами,—пишетъ августѣйшій историкъ,—онъ былъ измѣнникомъ, что и омрачило его славу стратега во всѣ послѣдующіе года». Поццо-ди-Борго, корсиканецъ по происхожденію, былъ типомъ отъявленнаго кондотьери; Александръ I не разъ крайне нелестно отзывался о Поццо, но это «не помѣшало ему дать русскій мундиръ и вензеля его величества». Характеризуя Сипягина, великій князь отзывается, что онъ особыхъ талантовъ не показалъ. Конечно, въ ореолѣ большихъ людей чудеснаго двѣнадцатаго года Сипягинъ меркнетъ, но нельзя не вспомнить, что онъ создалъ общество военныхъ людей, первую военно-общественную организацію, и издавалъ «Военный Журналъ», который сыгралъ извѣстную роль въ небогатой военной журналистикѣ.

Разъясняя, что Александръ I хорошо зналъ, когда и кого именно онъ приближалъ къ себѣ, августѣйшій историкъ замѣчаетъ, что такіе люди, какъ Ермоловъ, Раевскій, Денисъ Давыдовъ, «были слишкомъ самостоятельны, говорили слишкомъ вольно обо всемъ, ничѣмъ не стѣсняясь, и имъ, понятно, не было мѣста въ придворной обстановкѣ».

Съ 1816 г. по 1824 г. было пожаловано пятнадцать генераловъ, изъ которыхъ очень многіе сыграли видную роль въ послѣдующее царствованіе. Между прочимъ, это званіе носилъ и цесаревичъ Константинъ Павловичъ. Августѣйшій историкъ принимаетъ за дату его пожалованія въ свиту—8 октября 1816 г., т. е. то именно число, которое указано мною и В. В. Кварди въ «Исторіи Государевой свиты». Однако дата эта не выяснена точно и нуждалась бы въ тщательной провѣркѣ.

Справедливо отмѣчаетъ высокій историкъ, что графъ А. А. Аракчеевъ отсутствуетъ въ спискахъ лицъ, носившихъ царскіе вензеля и генералъ-адъютантскіе аксельбанты. Объясненіе этому авторъ видитъ въ тонкомъ чутьѣ Александра I, вѣроятно, считавшаго излишнимъ дѣлать эту особую честь своему любимцу и не желавшаго встрѣтить нареканій отъ прочихъ избранниковъ въ выборѣ такого несимпатичнаго коллеги. Очень можетъ быть. Но исключительныя почести воздавалъ же, однако, государь своему безъ лести преданному любимцу, и нынѣшній второй гренадерскій Ростовскій полкъ былъ въ 1812 г. единственнымъ полкомъ (кромѣ лейбъ-полковъ его и ея величествъ), называвшимся по имени шефа—гренадерскимъ графа Аракчеева полкомъ. Отсутствіе Аракчеева въ свитѣ, съ моей точки зрѣнія, можно предположительно объяснить тѣмъ, что этого назначенія не домогался самъ Аракчеевъ, считавшій себя, быть можетъ, выше всѣхъ чиновъ свиты и повернувшій дѣло въ первые дни своего пребыванія на посту военнаго министра такъ, что у него, простого смертнаго, въ качествѣ его личныхъ адъютантовъ очутились царскіе адъютанты.

Особенно знаменательны и глубоко поучительны слѣдующія строки разбираемаго труда: «въ наше смутное и неуравновѣшенное время принято какъ-то злобно относиться къ Николаевской эпохѣ, но настанутъ другія времена,

Библиотека "Руниверс"

и, я убѣжденъ, будетъ сдѣлана болѣе безпристрастная оцѣнка этому періоду русской жизни, когда на Руси жили Пушкинъ, Лермонтовъ и Гоголь... То были дни расцвѣта нашей литературы, и едва ли одни гоненія власти, при желѣзной волѣ Николая I, способствовали пробужденію этого расцвѣта. Не вѣрю я этимъ сужденіямъ! А просто въ тѣ времена больше было патріотизма и больше гордились величіемъ и славой своего отечества». Золотыя слова! Авторъ настоящаго отзыва глубоко убѣжденъ въ полной ихъ справедливости.

Глубокое знаніе эпохи и мастерское изложеніе обезпечиваютъ новой книгѣ великаго князя участь ея предшественницъ—быть распроданной въ самое короткое время и стать библіографической рѣдкостью.

М. Соколовскій.

Очерки и рѣчи. В. Ключевскаго. Второй сборникъ статей. Москва. 1913. Стр. 514. Ц. 2 р. 50 к.
Исторія сословій въ Россіи. В. Ключевскаго. Москва. 1913. Стр. XVII+251. Ц. 1 р. 25 к.

Появленіе изданій историческихъ трудовъ покойнаго В. О. Ключевскаго представляетъ въ книжномъ мірѣ всегда—событіе. Не составляютъ исключенія и тѣ двѣ книги, принадлежащія перу знаменитаго историка, которыя недавно вышли въ свѣтъ: «Очерки и рѣчи», напечатанные теперь отдѣльнымъ изданіемъ, и «Исторія сословій», появляющаяся передъ читателемъ впервые. Обликъ «великаго мастера слова» и въ этихъ трудахъ остается неувядаемымъ. Рѣдкій художественный даръ, тонкій анализъ фактовъ и блестящая способность къ синтезу, изобразительность языка и мѣткій юморъ—все это налицо и не перестаетъ попрежнему восхищать читателя. Въ отличіе отъ перваго сборника, объединившаго въ себѣ спеціально ученыя статьи, второй томъ заключаетъ очерки и публичныя рѣчи научно-популярнаго характера, гдѣ В. О. Ключевскій выступаетъ передъ нами преимущественно, какъ историкъ-публицистъ. Несмотря на разнообразіе темъ, все, чего бы ни коснулось перо автора, ярко оживаетъ передъ читателемъ въ образахъ и краскахъ. Говоритъ ли авторъ о значеніи Пушкина, о «Евгеніи Онѣгинѣ и его предкахъ» или о «Добрыхъ людяхъ древней Руси» и «Недорослѣ» Фонвизина», выясняетъ ли «Содѣйствіе церкви успѣхамъ русскаго гражданскаго права и порядка» или «Значеніе преподобнаго Сергія для русскаго народа и государства» и «Западное вліяніе и церковный расколъ въ Россіи XVII вѣка», рисуетъ ли передъ нами характеристики «И. Н. Болтина», «Новикова и его времени», или «Императрицы Екатерины II» и «Петра Великаго среди своихъ сотрудниковъ»—вездѣ чувствуется живой, вдумчивый и наблюдательный умъ, покоряющій читателя художественной картинностью изложенія, богатствомъ языка и оригинальностью логическихъ построеній. Художественныя достоинства сборника дѣлаютъ его доступнымъ весьма широкой публикѣ. Историкъ и богословъ, учитель и воспитатель—всѣ прочтутъ его съ большимъ интересомъ и вынесутъ немало цѣнныхъ выводовъ и наблюденій.

Библиотека "Руниверс"

Большинство этихъ «Очерковъ и рѣчей» писалось по случаю какого-либо общественнаго торжества или юбилейнаго событія, и В. О. Ключевскій имѣлъ возможность откликнуться здѣсь на весьма разнородныя явленія русской жизни, изъ которыхъ иныя продолжаютъ волновать общество и до нашихъ дней. Немало вниманія, между прочимъ, удѣлено здѣсь и вопросамъ преподаванія и воспитанія. Въ статьѣ «С. М. Соловьевъ, какъ преподаватель» Ключевскій не только рисуетъ образъ маститаго историка, но попутно высказываетъ рядъ интересныхъ мыслей о преподаваніи вообще. Оговорившись, что въ этой области много индивидуальнаго, личнаго, что трудно передать и еще труднѣе воспроизвести, Ключевскій подчеркиваетъ, что и въ преподаваніи, однако, «много, даже очень много значитъ наблюденіе, преданіе, даже подражаніе... Преподавателю прежде всего нужно вниманіе класса или аудиторіи, а въ классѣ и аудиторіи сидятъ существа, мысль которыхъ не ходитъ, а летаетъ и поддается только добровольно. Въ преподаваніи самое важное и трудное дѣло заставить себя слушать, поймать эту непосѣдную птицу—юношеское вниманіе».

Не обходитъ В. О. Ключевскій молчаніемъ и роль столь наболѣвшаго теперь вопроса о взаимоотношеніи семьи и школы. Онъ высказывается (ст. «Два воспитанія») въ томъ смыслѣ, что «семья и школа—не сожительницы и не соперницы; это сосѣдки и сотрудницы. Школа не можетъ замѣнить семьи, какъ и семья не можетъ обойтись безъ школы. У той и другой свое особое воспитательное дѣло. Въ воспитаніи различаются два дѣла: одно—развитіе и выправка индивидуальныхъ особенностей, личныхъ свойствъ и наклонностей человѣка, другое—выработка общаго типа, прививка тѣхъ общеобязательныхъ правилъ, понятій и интересовъ, изъ которыхъ слагается культура времени и которые дѣлаютъ разнохарактерныя личности способными къ дружному общежитію». Что касается воспитанія, то здѣсь главнѣйшее правило—гуманность. Бецкому, говоритъ авторъ, отпустится тысяча его педагогическихъ грѣховъ, логическихъ промаховъ и психологическихъ недосмотровъ за одно только требованіе, чтобы воспитатели относились къ дѣтямъ «съ кротостію, учтивствомъ и любовію», всегда хранили при нихъ веселый видъ и въ нихъ поддерживали «бодрый духъ и веселый нравъ». Гдѣ этого нѣтъ, тамъ теперь «не можетъ быть никакой педагогіи, никакой школы, а есть только казарма для малолѣтнихъ преступниковъ, даже не исправительная, а просто карательная... Намъ нѣтъ нужды опасаться, что жизненный путь нашихъ дѣтей по выходѣ изъ школы будетъ скудно усыпанъ печалью. У нашей молодежи того и другого пола много сердца, а было бы сердце—печали найдутся».

Къ этимъ строкамъ своего рода заключительнымъ, хотя нѣсколько пессимистическимъ, аккордомъ звучатъ слова В. О. Ключевскаго о счастьѣ въ его чудесной элегической статьѣ «Грусть. Памяти Лермонтова», статьѣ, которая является однимъ изъ лучшихъ художественныхъ перловъ во всемъ сборникѣ. «Не всѣ отчетливо понимаютъ, что такое счастье вообще; но то конкретное, что разумѣютъ подъ этимъ словомъ, тѣ спеціальныя блага, которыя выбираетъ себѣ каждый изъ общаго запаса счастья, составляютъ смыслъ, цѣль и сильнѣйшій стимулъ личнаго существованія. Идею счастья мы прививаемъ къ своему сознанію воспитаніемъ, оправдываемъ общимъ мнѣніемъ людей, наконецъ,

Библиотека "Руниверс"

извиняемъ всѣми инстинктами своей природы. Разрушьте эту идею, и мы перестанемъ понимать, для чего родимся и живемъ на свѣтѣ. Мы менѣе огорчаемся, когда безуспѣшно ищемъ счастья, чѣмъ когда не находимъ его тамъ, гдѣ искали. Такъ жаждущіе въ знойной пустынѣ болѣе удовлетворяются раздражающимъ призракомъ воды, чѣмъ простою мыслью, что воды нѣтъ. Отсутствіе счастья дѣлаетъ насъ менѣе несчастными, чѣмъ его невозможность».

Въ этомъ сборникѣ внимательный читатель сумѣетъ найти и матеріалъ для характеристики міровоззрѣнія самого автора. Правда, черты этого міросозерцанія разбросаны на протяженіи всей книги, то въ мѣткихъ афоризмахъ, то въ бѣглыхъ замѣчаніяхъ или отступленіяхъ, но онѣ—характерны, и лицо автора изъ-за нихъ выступаетъ порою очень ясно. Ограничусь однимъ примѣромъ, гдѣ авторъ обнаруживаетъ свое отношеніе къ патріотизму (ст. «Памяти С. М. Соловьева»). «Русскій до мозга костей, онъ (Соловьевъ) никогда не закрывалъ глазъ, чтобы не видѣть темныхъ сторонъ въ прошедшемъ и настоящемъ русскаго народа. Живѣе многихъ и многихъ патріотовъ чувствовалъ онъ великія силы родного народа, крѣпче многихъ вѣрилъ въ его будущее; но онъ не творилъ изъ него кумира. Какъ нельзя больше былъ онъ чуждъ того грубаго пренебреженія къ народу, какое часто скрывается подъ неумѣреннымъ и ненужнымъ воспѣваніемъ его доблестей или подъ высокомѣрнымъ и равнодушнымъ снисхожденіемъ къ его недостаткамъ. Онъ слишкомъ глубоко любилъ и уважалъ русскій народъ, чтобы льстить ему, и считалъ его слишкомъ взрослымъ, чтобы подъ видомъ народной исторіи сказывать ему дѣтскія сказки о народномъ богатырствѣ».

Въ своихъ «Очеркахъ и рѣчахъ» Ключевскій оставилъ намъ великолѣпные образцы научно-изящной популяризаціи. Изданіе ихъ было задумано еще самимъ авторомъ, оно должно было объединить собою публицистическій циклъ статей. Всѣ измѣненія и дополнительныя вставки, которыя были сдѣланы авторомъ уже послѣ пересмотра имъ работъ въ печатномъ видѣ, всюду введены и въ настоящее изданіе.

Въ противоположность второму сборнику, состоящему изъ популярныхъ статей, «Исторія сословій» носитъ болѣе спеціальный характеръ. Она представляетъ собою общій историческій обзоръ развитія сословій въ Русскомъ государствѣ. Въ виду отсутствія общихъ сочиненій по этому вопросу авторъ «своимъ курсомъ хотѣлъ бы нѣсколько восполнить этотъ пробѣлъ, представивъ короткій и сжатый... конспективный очеркъ исторіи сословій въ Россіи въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ» (стр. 31—32). За недостаткомъ времени Ключевскому удалось довести свой курсъ только до конца царствованія Петра I и лишь схематически намѣтить остальной процессъ развитія русскаго сословнаго строя.

Нетрудно замѣтить, что издаваемый нынѣ курсъ «Исторіи сословій» относится къ кругу изслѣдованій тѣхъ вопросовъ, которые были затронуты авторомъ въ «Боярской думѣ», въ статьяхъ «Происхожденіе крѣпостного права въ Россіи», «Подушная подать и отмѣна холонства въ Россіи», и др. Курсъ этотъ былъ прочитанъ В. О. Ключевскимъ единственный разъ въ московскомъ университетѣ въ 1886 году, и тогда же былъ изданъ въ литографіи, тщательно проредактированный самимъ авторомъ. Съ этого текста (еще разъ свѣреннаго съ

Библиотека "Руниверс"

рукописью) и перепечатано настоящее изданіе. Ссылокъ на источники и матеріалы въ книгѣ почти нѣтъ, потому что «Ключевскій даже и въ спеціальныхъ своихъ сочиненіяхъ не любилъ загромождать свое изложеніе слишкомъ обширными подстрочнымъ сносками. Но въ данномъ курсѣ это отсутствіе ссылокъ и сносокъ объясняется еще и особымъ обстоятельствомъ: весь обширный и наиболѣе интересный московскій періодъ исторіи русскаго сословнаго строя основанъ Василіемъ Осиповичемъ главнымъ образомъ на его огромной собственной архивной эрудиціи, непосредственномъ изученіи огромнаго архивнаго матеріала XVII столѣтія, по преимуществу сосредоточеннаго въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи» (стр. XV—XVI). Какъ справедливо указано въ предисловіи, существенной особенностью курса «Исторіи сословій» по сравненію съ другими работами Ключевскаго въ этой области является «изложеніе нѣкоторыхъ общихъ положеній, такъ сказать, историческихъ законовъ, коимъ вообще подчинялась эволюція сословнаго строя какъ въ Россіи, такъ и въ западно-европейскихъ государствахъ, начиная съ самаго возникновенія сословнаго дѣленія до полнаго уравненія и уничтоженія сословій». Эти общія положенія автора сводятся къ слѣдующему. «Первоначально, во времена, предшествовавшія древнѣйшимъ памятникамъ нашего права, общество распалось на завоевателей и завоеванныхъ, изъ которыхъ первые старались присвоить себѣ всѣ права, оставляя послѣднимъ только обязанности». Но въ X—XII вѣкахъ, согласно древнѣйшимъ памятникамъ права, русское общество уже раздѣляется «не по праву матеріальной силы, а по отношеніямъ лицъ къ верховной власти, т. е. по закону: завоеватели превратились въ княжихъ мужей, въ управителей, въ орудія княжеской власти, завоеванные—въ людей, въ управляемыхъ, данниковъ князя». Въ XII вѣкѣ дѣленіе общества стало уже болѣе дробнымъ и по происхожденію своему было экономическимъ: классы различались по хозяйственнымъ состояніямъ; «боярами-землевладѣльцами становились обыкновенно княжіе мужи, смерды были люди, жившіе на княжой землѣ, закупы—люди, жившіе на землѣ или въ домахъ частныхъ лицъ. Такимъ образомъ, новое сословное дѣленіе основалось на экономическихъ послѣдствіяхъ, вышедшихъ изъ предшествующаго дѣленія.—Въ удѣльное время общество дѣлилось на классы, различавшіеся родомъ договорнымъ услугъ или службъ въ пользу князя и родомъ выгодъ, какими они пользовались за эти услуги. И это дѣленіе построилось на послѣдствіяхъ предшествующаго: различными хозяйственно-юридическими состояніями, образовавшимися въ предшествующій періодъ, обусловливалась неодинаковая служебная годность лицъ...—Въ Московскомъ государствѣ общество раздробилось на чины по роду государственныхъ повинностей. Эти повинности были тѣ же самыя службы, которыми различались классы населенія въ удѣльное время; только изъ договорныхъ, онѣ превратились въ обязательныя»... «Такъ, разсматривая историческую преемственность общественныхъ дѣленій, мы открываемъ и внутреннюю причинную связь между ними. Эту связь можно обозначить такой формулой: основаніемъ каждаго послѣдующаго дѣленія становились послѣдствія, вытекавшія изъ дѣленія предшествовавшаго» (стр. 212—214). Таковъ основной выводъ автора.

Библиотека "Руниверс"

Текстъ курса занимаетъ 214 стр. Остальная часть книги приходится на приложеніе, въ которомъ съ большой тщательностью дано сопоставленіе текста съ изложеннымъ въ изустныхъ лекціяхъ, указаны редакціонныя передѣлки и вставки, сдѣланныя авторомъ. При той заботливости, съ которой изданъ этотъ курсъ, становится непонятнымъ, отчего издатели не позаботились снабдить «Исторію сословій» указателемъ, что вообще уже вошло въ обычай и стало неизбѣжной принадлежностью всѣхъ серьезныхъ научныхъ изданій подобнаго характера. Въ виду большого числа спеціальныхъ терминовъ и ряда характерныхъ фактовъ изъ исторіи сословнаго развитія, заключенныхъ въ этомъ курсѣ, постоянное пользованіе послѣднимъ, въ силу отсутствіи указателя, значительно затруднено, что, разумѣется, не можетъ не понижать и цѣнности самаго изданія.

Съ внѣшней стороны оба изданія, какъ «Исторія сословій», такъ и «Очерки и рѣчи», производятъ хорошее впечатлѣніе: плотная бумага, четкій шрифтъ и т. д. Излишне, конечно, говоритъ о томъ, что обѣ книги найдутъ самое широкое распространеніе—это очевидно само собой **К. Кудряшевъ.**

Россія подъ скипетромъ Романовыхъ. Очерки изъ русской исторіи за время съ 1613 по 1913 г. Спб. 1913 г. Стр. 318. Ц. 1 р. 25 к.

Несмотря на кажущуюся легкость писанія книгъ для народа, это одинъ изъ самыхъ трудныхъ и отвѣтственныхъ видовъ литературы. Нужно отдать полную справедливость, что съ этой точки зрѣнія, со стороны доступности ихъ пониманія массовымъ читателемъ, очерки составлены вполнѣ удовлетворительно. Простота изложенія, его стройность, ноты любви къ излагаемому предмету, стремленіе указать въ русскомъ прошломъ при удобномъ случаѣ высокіе облагораживающіе моменты, все это дѣлаетъ книгу и интересной и поучительной. Быть можетъ, остается пожелать ей большей художественности изображеній, весьма полезной и даже необходимой въ народныхъ изданіяхъ. Изящно изданные очерки охватываютъ различныя эпохи отъ смутнаго времени, но юбилейный 1913 годъ по матеріалу распредѣленъ неравномѣрно и чувствуется нѣкоторая пестрота стиля. Очень осторожно и умѣло составленъ очеркъ, посвященный великому преобразованію, выполненному императоромъ Николаемъ II и сопряженному съ различнаго рода осложненіями. Къ этому событію сдѣланъ историческій подходъ при помощи указанія на ту помощь народную, которую русскіе монархи издавна считали важнымъ подспорьемъ въ дѣлѣ государственнаго строительства. Нельзя не отмѣтить симпатичнаго стремленія по возможности прослѣдить и указать культурный ростъ Россіи за истекшее трехсотлѣтіе. Попадаются промахи, но они не портятъ общаго впечатлѣнія книги. Къ промахахъ можно отнести, напримѣръ, огульное указаніе, что въ числѣ западно-русскихъ знатныхъ фамилій князья Острожскіе перешли въ католичество, тогда какъ Константинъ Острожскій является однимъ изъ виднѣйшихъ борцовъ за православіе; на стр. 25 много говорится о поведеніи казаковъ въ смутное время, но кто такіе были казаки, объяснено лишь значительно ниже; на стр. 59 не ука-

Библиотека "Руниверс"

зано ясно, что это были за казаки, число которыхъ съ шести тысячъ было повышено до сорока. Дѣло идетъ о реестровыхъ служилыхъ казакахъ. Книга снабжена множествомъ удачно выполненныхъ рисунковъ и двумя картами, наглядно показывающими ростъ земельнаго расширенія Русскаго государства за триста лѣтъ. Несомнѣнно, что отмѣченныя достоинства дѣлаютъ «Очерки» книгой пригодной не только для народнаго чтенія, но и учебнымъ пособіемъ въ начальной школѣ. **В. Грибовскій.**

Памятники и медали въ память боевыхъ подвиговъ русской арміи въ войнахъ 1812—13—14 годовъ и въ память императора Александра I. Снимки памятниковъ, медалей и гравюръ. В. А. Ашикъ. Спб. 1913. Стр. 393. Цѣна 6 руб.

Въ объемистой книгѣ г. В. А. Ашика (члена императорскаго военно-историческаго общества и общества ревнителей исторіи) собраны въ возможной полнотѣ изображенія всѣхъ памятниковъ, медалей и многихъ гравюръ, относящихся къ достопамятной эпохѣ царствованія императора Александра I, эпохѣ побѣдоносныхъ войнъ 1812, 1813 и 1814 годовъ, закончившихся изгнаніемъ французовъ изъ Россіи, освобожденіемъ Европы и отреченіемъ Наполеона. Цѣль автора при составленіи книги заключалась въ томъ, чтобы дать возможность настоящему и будущему поколѣніямъ ознакомиться съ доблестію предковъ, увѣковѣченной памятниками и медалями. Содержаніе книги подраздѣлено на слѣдующіе отдѣлы: 1) Отечественная война; 2) война за освобожденіе Германіи 1813 г.; 3) коалиціонная война противъ Наполеона 1814 г.; 4) памятники и медали въ честь императора Александра I; 5) памятники и медали въ честь полководцевъ въ войнахъ 1812—14 годовъ; 6) юбилейный годъ Отечественной войны. Всѣ памятники и медали воспроизведены въ книгѣ въ отчетливыхъ рисункахъ, а къ описанію ихъ присоединено краткое изложеніе тѣхъ событій, по поводу которыхъ памятники были возведены. Книга г. Ашика даетъ возможность читателю ознакомиться съ памятниками мало извѣстными, сооруженными иногда въ мѣстахъ отдаленныхъ отъ центровъ и большихъ городовъ. Однихъ памятниковъ въ честь императора Александра I насчитывается до тридцати. Послѣдняя часть, заключающая въ себѣ 1912 г., юбилейный годъ славной эпохи, посвящена описанію всего того, что такъ недавно пережито русскимъ народомъ въ Москвѣ и на поляхъ Бородина при освященіи и открытіи новыхъ памятниковъ и раздачѣ медалей и жетоновъ въ память 1912 года. На составленіе книги авторомъ положено много труда, какъ по собиранію матеріаловъ, такъ и по части графической, которая занимаетъ видное мѣсто въ книгѣ и исполнена весьма отчетливо. Тѣмъ не менѣе авторъ въ предисловіи проситъ снисхожденія читателей за невольные пропуски и неточности, поставивъ себѣ девизомъ французскую поговорку: «le mieux c'est l'ennemi de bon». Въ «дополненіи» къ книгѣ помѣщены описанія нѣкоторыхъ памятниковъ, не имѣвшихъ прямого отношенія къ царствованію императора Александра I; въ числѣ ихъ находится описаніе придѣла церкви св. Троицы въ Орлѣ, возведеннаго по повелѣнію императора Александра II надъ могилою Ермоловыхъ (отца и сына), умершихъ оба въ возрастѣ

Библиотека "Руниверс"

85 лѣтъ. У могилы Алексѣя Петровича Ермолова на мѣдномъ пьедесталѣ устроена изъ гранаты лампада съ надписью: «служащіе на Гунибѣ кавказскіе солдаты 1875 года». **Л. Н.**

В. Курбатовъ. Петербургъ. Художественно-историческій очеркъ и обзоръ художественнаго богатства столицы. Съ 315 иллюстраціями. Книжныя украшенія А. П. Остроумовой-Лебедевой. Изданіе общины св. Евгеніи. Спб. 1913 г.

Община св. Евгеніи издаетъ по счету уже третій справочникъ карманнаго формата. Сперва издала она каталогъ Эрмитажа, затѣмъ описаніе Павловска и, наконецъ, теперь—описаніе Петербурга.

Съ внѣшней стороны книга издана и напечатана прекрасно,—довольно того указать, что вышла она изъ типографіи Голике и Вильборга, у него же воспроизведены цинкографически триста снимковъ со старыхъ зданій, снятыхъ фотографомъ съ натуры. Собственно говоря, книгу вѣрнѣе было бы назвать «Старымъ Петербургомъ», потому что новыя постройки—начиная со второй половины XIX вѣка—не вошли сюда. Не всѣ рисунки одинаковаго достоинства, но большинство изъ нихъ превосходны. Жаль, что совсѣмъ нѣтъ панорамическихъ видовъ Петербурга, особенно ея набережныхъ, которые, за исключеніемъ, быть можетъ, фонарей, сохранили характеръ прежнихъ эпохъ. Претендовать на серьезное научное значеніе книга не можетъ, да она и названа очеркомъ,—слѣдовательно, къ ней нельзя предъявлять требованіи, которымъ она удовлетворить не можетъ. Но изданіе это, какъ справочное, можно рекомендовать каждому петербуржцу, и при нашей небрежности и неосвѣдомленности насчетъ памятниковъ старины ознакомиться обывателю съ новымъ трудомъ г. Курбатова прямо-таки необходимо. **Г.**

Ѳ. И. Успенскій. Исторія Византійской имперіи. Томъ I. Спб. 1914. Ц. въ переплетѣ 22 р.

Передъ нами выдающійся трудъ, представляющій завершеніе цѣлой жизни, результатъ многолѣтнихъ изысканій. Ѳ. И. Успенскій изучаетъ Византію въ теченіе сорока лѣтъ. Онъ написалъ множество спеціальныхъ изслѣдованій по самымъ разнообразнымъ вопросамъ и теперь, подходя къ предѣлу земного существованія, рѣшилъ познакомить публику съ плодомъ своихъ ученыхъ работъ. Мы съ признательностью принимаемъ исторію родственной намъ Византіи, скрѣпленную авторитетнымъ именемъ, которую читать и полезно и пріятно.

По словамъ автора, онъ питаетъ завѣтную мысль дать соотечественникамъ цѣльную систему въ такой области, которую онъ считаетъ наиболѣе важной послѣ отечественной исторіи для національнаго самосознанія культурнаго русскаго обывателя. Въ какомъ же смыслѣ надо понимать эти слова? Былъ ли византинизмъ, оплодотворявшій славянскую и русскую культуру, силой бла-

Библиотека "Руниверс"

готворной или зловредной? Взглядъ автора какъ будто двоится. «Византинизмъ,—говоритъ онъ,—долженъ быть поставленъ рядомъ съ романизмомъ. Но, отдавая должное романизаціи въ процессѣ образованія западно-европейской государственности, мы съ другой стороны не можемъ не придавать значенія и византинизму, какъ организующему началу историческаго развитія на юго-востокѣ Европы. Будемъ справедливы и согласимся, что, если романизмъ формируетъ франкское государство, если римскія правовыя воззрѣнія оказываютъ очень сильное дѣйствіе во всей исторіи Запада, византинизмъ, со своей стороны, становится идеаломъ славянскаго царства, къ какому стремятся передовые славянскіе народы. Византинизмъ идетъ до Кіева и Москвы. Словомъ, византинизмъ есть историческій принципъ, дѣйствія котораго обнаруживаются въ исторіи народовъ юга и востока Европы. Этотъ принципъ заправляетъ развитіемъ многихъ народовъ и до настоящаго времени, выражая собой складъ вѣрованій и политическихъ учрежденій, равно какъ особый видъ организаціи сословныхъ и экономическихъ отношеній». Съ одной стороны, авторъ превозноситъ византійскую культуру и увѣряетъ, будто Византія служила для западно-европейскихъ народовъ обильнымъ источникомъ знаній и просвѣщенія, а западно-европейскіе народы платили ей лишь завистью, недоброжелательствомъ и жестокостями. Съ другой стороны, онъ указываетъ на пагубное византійское вліяніе, испытанное славянами. Принимая во вниманіе,—говоритъ Ѳ. И. Успенскій,—низкую степень соціальнаго и культурнаго развитія, на которой находились славяне при соприкосновеніи съ Византіей, а также упадокъ живого творческаго духа въ правящихъ слояхъ византійскаго общества, эгоизмъ и продажность администраціи, нельзя думать, что славянскіе вожди и лучшіе передовые люди изъ славянскихъ старшинъ воспринимали только хорошее, а не дурное. Относясь къ давно прошедшимъ событіямъ безъ гнѣва и раздраженія, можемъ утверждать, что южные славяне, будучи передовымъ постомъ у границъ тогдашняго культурнаго міра, не только мало выиграли сравнительно со своими сѣверо-восточными сородичами, но едва ли не проиграли, рано вкусивъ запрещеннаго плода византійской культуры.

Ѳ. И. Успенскій знакомитъ насъ съ эпохой очень интересной и важной для исторіи европейской цивилизаціи, со временемъ Юстиніана и Ираклія, когда древне-римская имперія преобразовывается въ новое византійское государство. Хотя давно отошли отъ насъ всѣ эти событія, авторъ оживляетъ ихъ намеками на современность. Онъ нападаетъ на современную константинопольскую патріархію, на ея узкій филэллинизмъ въ ущербъ славянству, указываетъ на наши задачи на Востокѣ. По его словамъ, на почвѣ національнаго увлеченія создались въ греческой литературѣ ложныя представленія о роли греческаго элемента въ средневѣковой исторіи, получившія отраженіе и въ практикѣ константинопольскаго патріархата, который въ пренебреженіи къ высокой роли усвоеннаго имъ себѣ званія «вселенскій» обратился въ орудіе жалкихъ счетовъ и политической борьбы. Значительно оживляютъ изложеніе прекрасныя иллюстраціи, приложенныя къ книгѣ и въ большинствѣ случаевъ появляющіяся впервые. Очень любопытно познакомиться съ лицами византійскихъ императоровъ и остатками византійскаго искусства.

Библиотека "Руниверс"

Въ книгѣ Ѳ. И. Успенскаго звучитъ пессимистическая нота по отношенію къ русской наукѣ. Почти во всѣхъ ученыхъ европейскихъ литературахъ,—говоритъ онъ,—существуютъ попытки объяснить культурное значеніе византинизма; дѣлались подобныя попытки и въ Россіи и при томъ въ нашей литературѣ настойчивѣе, чѣмъ гдѣ-либо, проводилась мысль о всемірно-историческомъ значеніи Византіи. Была даже пора—и это не такъ давно,—когда на русскихъ возлагались надежды, что они возьмутъ на себя всестороннюю разработку темы о византинизмѣ и культурномъ его значеніи и дадутъ разрѣшеніе занимавшей многихъ загадки. Но въ настоящее время, когда изученіемъ византійской исторіи и литературы усердно занимаются нѣмцы, французы, англичане, итальянцы, когда за границей появились спеціальные научные органы, посвященные византиновѣдѣнію, нами утрачено и, вѣроятно, безповоротно, бывшее за нами право сказать новое слово въ этой области». Дѣйствительно, за послѣдніе годы на Западѣ появился цѣлый рядъ монографій, англичана Бери о восьмомъ и девятомъ вѣкахъ, итальянца Перниче объ императорѣ Ираклiи, француза Шаландона—о царствованіи Комненовъ, нѣмца Штекле—о ремесленныхъ корпораціяхъ, и на ряду съ ними нельзя поставить равноцѣнныхъ русскихъ работъ. Но утѣшимся тѣмъ, что самый общій трудъ написанъ все-таки русскимъ ученымъ, Ѳ. И. Успенскимъ и пожелаемъ ему бодрости и скорѣйшаго окончанія его трехтомной исторіи. **П. Б.**

Теодоръ Гомперцъ. Греческіе мыслители. Переводъ съ нѣмецкаго Д. Жуковскаго. Томъ второй. 1913. Изданіе Д. Е. Жуковскаго. Спб. Стр. XI+205. Цѣна 1 р. 50 к.

На страницахъ «Историческаго Вѣстника» было своевременно отмѣчено появленіе перевода I тома «Греческихъ мыслителей». Появившаяся теперь первая часть II тома посвящена въ большей своей части Сократу, кромѣ котораго, данъ обзоръ дѣятельности Ксенофонта и киническої, мегарской и киренской философскихъ школъ. Изложеніе отличается тѣми же достоинствами, какъ и въ первой части. Вообще «Греческіе мыслители»—лучшая популярная книга по греческой философіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ она отличается строгой научностью и увлекательнымъ изяществомъ изложенія. Авторъ проникнутъ глубокимъ уваженіемъ къ своему предмету и повѣствуетъ о немъ такъ, что это уваженіе передается и читателю. Въ отвѣтъ на легко возникающее возраженіе и сомнѣніе, можетъ ли занятіе древней философіей принести какую-нибудь пользу, Гомперцъ указываетъ на то, что и до сихъ поръ еще въ области наукъ естественныхъ и особенно нравственныхъ многіе вопросы ждутъ своего разрѣшенія, и поэтому всякая дѣльная попытка къ ихъ выясненію не можетъ не заслуживать вниманія. Вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ съ особенной любовью и увлеченіемъ, иногда, можетъ быть, и чрезмѣрнымъ, старается выискать въ ученіяхъ древнихъ мыслителей антиципаціи, какъ онъ выражается, то есть прототипы или предвосхищенія положеній новой науки. Это сближеніе античности съ современностью сообщаетъ изложенію особый интересъ.

Библиотека "Руниверс"

Русскій переводъ книги слѣдуетъ признать вполнѣ хорошимъ. Весьма похвально поступилъ г. Жуковскій, поручивъ пересмотръ перевода такому извѣстному эллинисту, какъ профессоръ С. А. Жебелевъ.

А. М—нъ.

Собраніе сочиненій Александра Николаевича Веселовскаго. Изданіе отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ Томъ первый. Спб. 1913.

Наибольшаго вниманія въ этомъ первомъ томѣ собранія сочиненій А. Н. Веселовскаго заслуживаютъ три главы изъ исторической поэтики. Центръ тяжести тутъ лежитъ не въ схоластическихъ формулахъ и не въ формально-логическихъ построеніяхъ, а въ объясненіи генезиса главныхъ выводовъ поэзіи: эпоса, лирики и драмы. Если такое выясненіе генезиса главныхъ видовъ поэзіи и можетъ быть только предположительнымъ, въ силу современнаго состоянія науки, то нельзя во всякомъ случаѣ отрицать того факта, что историческая поэтика А. Н. Веселовскаго даетъ богатѣйшій матеріалъ для поэтики будущаго. Нужно отказаться отъ ошибочнаго взгляда, будто какой-нибудь изъ видовъ поэзіи древнѣе двухъ остальныхъ, напримѣръ, эпосъ древнѣе лирики и драмы; древнѣйшимъ состояніемъ поэзіи было синкретическое, то есть полнѣйшее смѣшеніе всѣхъ элементовъ: пѣсни, пляски, музыки и зародышей текста; при этомъ самая существенная роль выпадала на долю рима, нормировавшаго мелодію и текстъ. Этотъ же послѣдній былъ лишь въ зачаточномъ состояніи, въ видѣ восклицаній, какихъ-нибудь возгласовъ и т. п. Первое вліяніе на этотъ древній синкретизмъ должно было оказать развитіе текста въ смыслѣ большей его содержательности и меньшей эмоціональности. Въ связи съ этимъ изъ общаго хора выдѣляется корифей-запѣвало, на долю котораго выпадаетъ теперь руководящая роль, а хоръ только вторитъ ему. Древнѣйшее содержаніе было дано обрядами похоронъ, свадьбы и данными календаря. Напримѣръ, смѣна временъ года послужила въ древней Греціи поводомъ для празднества въ честь Адониса, который, по преданію, на треть года скрывался къ Персефонѣ, а потомъ оживалъ къ великой радости богини Афродиты. Разъ явился опредѣленный сюжетъ, онъ располагалъ уже къ большему спокойствію, эмоціональный элементъ ослабѣвалъ, онъ теперь заключался только въ отношеніи къ фактамъ, въ способѣ ихъ воспріятія. И чѣмъ ближе былъ воспѣваемый герой къ пѣвцу, тѣмъ больше было эмоціональности въ его пѣснѣ. Такъ изъ первоначальнаго синкретизма стала выдѣляться лиро-эпическая пѣсня съ преобладаніемъ эпики. Было много пѣвцовъ, которые слагали пѣсни про одного и того же героя; постепенно сюжеты стали объединяться вокругъ одного героя, такъ произошла естественная циклизація мотивовъ. Затѣмъ уже явился въ сознаніи пѣвца отвлеченный идеалъ героизма, который онъ по шаблону сталъ примѣнять къ разнымъ героямъ—это Іосі communes нашихъ былинъ. Также и стиль сталъ типическимъ, утратилъ ту яркость и жизненность, какая должна была быть въ пору первоначальнаго созиданія пѣсенъ. Пѣвецъ уже не былъ творцомъ, а лишь выразителемъ пѣсеннаго преданія. Отсюда прямой переходъ къ

Библиотека "Руниверс"

вырожденію. Но на пути разложенія цикловъ пѣсенъ бывали задерживающіе моменты, когда особенно сильно давало себя чувствовать народное самосознаніе; ощущая свое единство на большомъ протяженіи и чувствуя свою мощь, народъ иногда создавалъ изъ отдѣльныхъ цикловъ цѣлыя эпопеи, причемъ, конечно, нужна была великая, геніальная личность, чтобы разрозненные циклы соединить въ одно цѣлое съ яркой печатью національности. Новизна Веселовскаго во взглядѣ на эпопею состоитъ въ томъ, что онъ моментъ личнаго, индивидуальнаго почина относитъ еще во времени древняго синкретизма и прогрессъ тутъ видитъ не въ индивидуальности, а въ сознательности творческаго акта, въ томъ, что пѣвецъ впервые ощутилъ здѣсь себя поэтомъ... Важное значеніе, какое имѣетъ въ выдѣленіи эпической пѣсни изъ древняго синкретизма личность пѣвца, показываетъ, насколько ошибочно ходячее утвержденіе, что эпосъ—объективенъ. Также ошибочно видѣть въ лирикѣ, на древнѣйшей ступени ея развитія, одинъ субъективизмъ. Въ древнее время люди смотрѣли на все глазами массы; затѣмъ, съ развитіемъ личнаго начала, стали смотрѣть глазами одного сословія, одной какой-нибудь касты, и только постепенно начало выдѣляться личное самосознаніе поэта. Въ этомъ смыслѣ Веселовскій говоритъ, что «Петраркизмъ древнѣе Петрарки», то есть среда и направленіе создаютъ поэтовъ, которые были бы безъ этой среды какъ рыбы безъ воды, ибо не имѣли бы стимуловъ къ творчеству. Древнѣйшіе виды лирики—какія-нибудь дву- или четверостишія—выражаютъ крайне несложныя ощущенія, которыя, очевидно, были свойственны цѣлой толпѣ. Поэтъ являлся выразителемъ коллективной психики. Оттого для насъ эти зачатки лирики кажутся блѣдными, монотонными, хотя, можетъ быть древніе и могли бы вычитать въ нихъ гораздо больше, чѣмъ мы... Зарожденіе драмы не характеризуется ея выдѣленіемъ изъ древняго синкретизма; наоборотъ, въ ней были и пляска, и пѣніе, и музыка, на ряду съ діалогомъ. Первое содержаніе драма почерпала изъ миѳа, и ея особенное развитіе было связано съ переходомъ отъ древняго обряда къ упроченному культу; это миѳическое содержаніе постепенно очеловѣчивалось: отъ столкновенія боговъ мы переходимъ къ столкновенію боговъ и героевъ-людей. Слѣдствіемъ этого было большее обращеніе вниманія на внутренній міръ, на факты внутренняго порядка; такъ отъ интриги дошли до конфликта. Зарожденія конфликта можно искать въ столкновеніи свободной человѣческой воли съ предопредѣленіемъ, съ всемогущей судьбой. На этомъ построены трагедіи Эсхила и Софокла. Греческая литература была въ особенно благопріятныхъ условіяхъ для развитія драмы: нигдѣ не было такого пышнаго расцвѣта легенды и самыхъ разнообразныхъ культовъ, какъ въ древней Эладѣ. Развитіе драмы тамъ тѣсно связано съ культомъ Діониса и элевзинскими мистеріями. Въ Элевзинѣ праздновали рожденіе и умираніе богини плодородія—Деметры, сообразно съ рожденіемъ и увяданіемъ природы, къ первому моменту этихъ празднествъ—веселью—непосредственно примкнули и празднества въ честь бога Діониса. Это было ликованіе и радость по случаю нарождающейся жизни—весны. Но особенно бѣшенымъ разгуломъ отличались празднества такъ называемыхъ «зимнихъ Діонисій». Здѣсь были уже налицо основные элементы будущей трагедіи: двойственность ликованія и разгула съ одной стороны; печали и скорби по случаю скорой кончины Діо-

Библиотека "Руниверс"

ниса—съ другой. Въ виду скорой гибели хотѣлось побольше наслаждаться, взять отъ жизни все, что она можетъ дать. Въ этой двойственности печали и ликованія кроются истинные зачатки трагедіи: здѣсь есть столкновеніе борющихся мотивовъ, безъ ихъ примиренія, а въ этомъ истинная трагедія и заключается. Такимъ образомъ, трагедія вышла изъ древняго культа, который выражался въ диѳирамбѣ въ честь бога. Диѳирамбъ пѣлъ корифей-запѣвало—хоръ подхватывалъ. Здѣсь уже налицо элементъ діалога, столь существенный для всякой драмы. Постепенно участіе хора сокращалось, свелось къ роли зрителей, зато изъ него выдѣлилось нѣсколько запѣвалъ, которые, на ряду съ первымъ запѣвалой, развили діалогъ. Такъ явились актеры; первоначально это были тѣ же жрецы, исполнявшіе обязанности культа, потомъ уже явились актеры по профессіи. Въ развитіи комедіи не было такой тѣсной связи съ культомъ Діониса; она развилась изъ тѣхъ комическихъ сценокъ, «которыя происходили на пути комоса, когда какой-нибудь ряженый потѣшалъ, имитируя сосѣда, изображая типы, напримѣръ, болтливаго старика, поддерживающаго свою воркотню ударами палки, пьянаго и т. п.».

Въ предыдущемъ изложеніи выдѣленія поэтическихъ видовъ изъ синкретизма имѣлся въ виду по преимуществу пѣвецъ и оставался открытымъ вопросъ, какъ изъ пѣвца получился поэтъ. Вначалѣ не было даже профессіональныхъ пѣвцовъ: чѣмъ ближе мы находимся къ хоровому началу, тѣмъ шире былъ репертуаръ пѣвца; затѣмъ явились дружинные и сословные пѣвцы, пользовавшіеся большимъ почетомъ. Съ разложеніемъ эпической поэзіи мѣсто прежнихъ аэдовъ и дружинныхъ пѣвцовъ заняли скоморохи и жонглеры; ихъ охотно слушали на пирахъ, но относились къ нимъ съ презрѣніемъ. Церковь лишала ихъ причастія, общество не принимало въ свою среду: они было бродягами. Но когда познакомились съ античной поэзіей и увидѣли, сколько нужно труда для ея усвоенія, то поняли, что творчество состоитъ не въ механической передачѣ пѣсеннаго преданія, а въ сознательномъ его усвоеніи, въ способности самому проникнуться содержаніемъ и наново воспѣть его; такъ изъ жонглера развился труверъ, изъ пѣвца—поэтъ. Поэтъ не долженъ уноситься на крыльяхъ вдохновенія, его задача въ сознательномъ трудѣ усвоенія и въ творческой работѣ...

Въ связи съ преобладаніемъ въ древнемъ синкретизмѣ ритмическаго начала стоитъ и ритмичность поэтическаго стиля. Она объясняется также тѣсной близостью поэзіи съ музыкой и пѣсней. Въ языкѣ поэта оживаетъ древняя метафора, благодаря живости и кипучести его собственныхъ переживаній. Сравненіе и уподобленіе двухъ представленій по ихъ содержанію—то, что А. Н. Веселовскій называетъ психологическимъ параллелизмомъ, упорядочивается параллелизмомъ ритмическимъ. Тутъ источникъ риѳмы: разъ внѣшнее совпаденіе ударенія двухъ словъ поддерживается психологической ихъ ассоціаціей—риѳма закрѣплена. Поэтъ при этомъ не орудуетъ новыми образами, онъ только оживляетъ преимущественно старые и углубляетъ ихъ пониманіе. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ такой же традиціей въ стилѣ, которая привела Веселовскаго въ области изученія исторіи литературы къ парадоксальному утвержденію, что поэты искони работаютъ надъ тѣми же сюжетами и изъ этихъ рамокъ выйти не

Библиотека "Руниверс"

могутъ: Лео Шпильгагена мы можемъ угадать въ Прометеѣ Эсхила, въ Pramatras индійскаго эпоса. Если бы это было дѣйствительно такъ, то тогда изученіе исторіи литературы можно было бы поставить на строго научную почву, ибо была бы опредѣленная традиція, рамки, изъ которыхъ никто выйти не можетъ. Между тѣмъ, не говоря уже о томъ, что такой закономѣрности мы не находимъ ни въ одной исторіи литературы, не является ли такая точка зрѣнія отрицаніемъ творчества? Очень плодотворная при изученіи древней литературы, она врядъ ли можетъ быть съ успѣхомъ измѣнена къ изученію новой и новѣйшей литературы, гдѣ такъ много значатъ капризы индивидуальности, и печать личности автора лежитъ не только на каждомъ его произведеніи, но и почти на каждой строкѣ этого произведенія. **В. Чернобаевъ.**

Сочиненія Михаила Дмитріевича Чулкова. Томъ I. Собраніе разныхъ пѣсенъ. Части I, II и III съ прибавленіемъ 1770—1773 г.г. Изданіе отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ. Спб. 1913. Съ приложеніемъ портретовъ М. Д. Чулкова разнаго времени и снимковъ съ его подписей и печатнаго текста пѣсенника. Стр. VIII+779. Ц. 2 р. 50 к.

Подъ наблюденіемъ ординарнаго академика А. И. Соболевскаго и подъ редакціей П. К. Симони, отдѣленіе русскаго языка и словесности выпускаетъ сочиненія писателя XVIII вѣка—М. Д. Чулкова, извѣстнаго собирателя русскихъ сказокъ и пѣсенъ, издателя сатирическихъ журналовъ, драматурга и романиста. Предполагается, что все изданіе сочиненій Чулкова умѣстится въ 4—5 томахъ. Передъ нами только что вышедшій томъ первый. Въ этомъ томѣ и печатающемся уже второмъ редакція нашла нужнымъ помѣстить «Чулковскій пѣсенникъ», ставшій, вслѣдствіе крайней рѣдкостности своей, почти совершенно недоступнымъ для русскихъ читателей. Пока выпущены лишь первыя три части «Собранія разныхъ пѣсенъ», четвертая пойдетъ во второмъ томѣ изданія и не по подлиннику, экземпляра котораго нигдѣ до сихъ поръ не отыскалось, а по перепечаткѣ ея Новиковымъ въ его «Новомъ и полномъ собраніи россійскихъ пѣсенъ» (М. 1780).

Печатные пѣсенники появились только при Екатеринѣ II. Пѣсня особенно процвѣтала въ царствованіе императрицы Елизаветы, это была пора пѣсенъ, «вѣкъ пѣсенъ», какъ характеризовалъ его Державинъ. И, по преданію, отъ истопника и постельника Елизаветы, Василія Чулкова, Чулковъ младшій получилъ въ наслѣдіе ту огромную массу сказокъ, пѣсенъ и былинъ, которую впослѣдствіи использовалъ въ своихъ изданіяхъ и сочиненіяхъ. М. Д. Чулковъ былъ первымъ по времени *издателемъ* пѣсенъ. Это обстоятельство важно въ слѣдующемъ отношеніи. Каждая часть «Собранія разныхъ пѣсенъ» Чулкова дѣлится собственно на два отдѣла: въ первомъ помѣщены большею частью любовныя пѣсенки разныхъ сочинителей XVIII вѣка, во второмъ—пѣсни народныя. Точная передача текста этихъ послѣднихъ имѣетъ громадное значеніе при изученіи народнаго творчества. Между тѣмъ, чѣмъ ближе къ XIX вѣку, тѣмъ свободнѣе оказывается обращеніе съ народною пѣснью. Любовь къ народной

Библиотека "Руниверс"

пѣснѣ существовала весь XVIII вѣкъ, даже въ офранцуженныхъ дворянскихъ семьяхъ, но время для «поэтическаго усвоенія ея», какъ говоритъ академикъ А. Н. Веселовскій, еще не настало. Даже Державинъ, чуткій къ богатству «славянскаго баснословія, сказокъ и пѣсенъ», не открывалъ въ нихъ поэзіи, считая, что «онѣ одноцвѣтны и однотонны. Въ нихъ только господствуетъ гигантескъ или богатырское хвастовство, какъ въ хлѣбосольствѣ, такъ и въ сраженіяхъ, безъ всякаго вкуса». Оттого нѣкоторые, какъ соратникъ Чулкова Михайло Поповъ, находили простонародныя пѣсни неблагозвучными и грубыми и начинали ихъ произвольно поправлять, передѣлывать и поддѣлывать. Особенно большая вина въ этомъ отношеніи падаетъ на знаменитаго И. И. Дмитріева, покусившагося въ своемъ «Карманномъ пѣсенникѣ» 1796 года даже на историческія народныя пѣсни. Чулкову, при изданіи своего собранія, приходилось сомнѣваться, какъ поступить въ томъ или иномъ случаѣ. Но свои собственныя догадки и измѣненія въ текстѣ онъ проводилъ скорѣе изъ-за неискусства переписчиковъ и вынужденно, а не намѣренно, иногда же дѣлалъ это просто по недоразумѣнію. Таково было мнѣніе на счетъ «Чулковскаго пѣсенника» П. А. Безсонова, редактировавшаго въ свое время «Пѣсни» П. В. Кирѣевскаго. Теперь по этому вопросу держатся какъ будто иныхъ взглядовъ. Такъ, въ одной изъ послѣднихъ исторій русской литературы смѣло говорится, что Чулковъ «не стѣснялся вносить поправки въ текстъ народно-поэтическихъ созданій» («Исторія русской литературы», изд. Сытина и т-ва «Міръ», М. 1908, т. I, стр. 20). Изданіе академіею наукъ «пѣсенника» Чулкова, сдѣлавъ этотъ сборникъ доступнымъ болѣе широкому кругу читателей и изслѣдователей, дастъ возможность съ помощью современныхъ научныхъ методовъ установить истинное отношеніе редактора XVIII вѣка къ своему матеріалу.

Мы уже говорили, что въ собраніе Чулкова вошли пѣсни разныхъ авторовъ XVIII вѣка и народныя. Первыя большею частью любовнаго содержанія, написанныя ямбомъ или хореемъ. Но въ XVIII вѣкѣ искусство писать стихи стояло едва ли не выше, чѣмъ въ послѣпушкинскую пору XIX вѣкѣ! И посему въ отношеніи ритмическомъ, отношеніи метровъ и строфичности можно встрѣтить любопытныя тонкости, свойственныя развѣ нашему изощрившемуся XX вѣку. Что же касается пѣсенъ народныхъ, то, съ точки зрѣнія ихъ классификаціи, это больше пѣсни обрядовыя и бытовыя, историческихъ и былинъ немного. Кромѣ того, въ особомъ «прибавленіи» къ третьей части (1776 года) помѣщены «хоры маскарадные» и пѣсни театральныя.

Готовя второй томъ сочиненій Чулкова, редакторъ обѣщаетъ въ немъ дать, помимо четвертой части «пѣсенника», и пятый и шестой «Новаго и полнаго собранія россійскихъ пѣсенъ» Н. И. Новикова, какъ естественнаго продолженія чулковскаго собранія, а также и историко-библіографическое описаніе всѣхъ уцѣлѣвшихъ экземпляровъ, изданій и перепечатокъ «пѣсенника», сличенія текстовъ разныхъ изданій и существенные варіанты. Надо надѣяться, что сюда войдутъ и тѣ примѣчанія, составленіемъ которыхъ едакторъ занимался еще въ 1907 году, издавая «Великорусскія пѣсни», записанныя для Р. Джемса.

Издана книга очень тщательно, съ цѣлымъ рядомъ приложеній (числомъ XVI), съ двумя автографами, снимками съ титульныхъ листовъ каждой части

Библиотека "Руниверс"

пѣсенника и съ отдѣльныхъ страницъ его, а также съ четырьмя портретами Чулкова. Одинъ изъ этихъ послѣднихъ (1772 года, принесенный академіи наукъ въ даръ А. М. Чулковой) долженъ быть очень хорошъ, но нуждается въ быстрой и основательной реставраціи.

Пожелаемъ скорѣйшаго выхода второго тома этого изданія, весьма полезнаго для историковъ нашей литературы. **Влад. Княжинъ.**

Юр. Бѣляевъ. Барышни Шнейдеръ. Впечатлѣнія. Библіотека «Вечерняго Времени». Изданіе Б. А. Суворина. Спб. 1913. Стр. 192. Цѣна 1 р.
Юр. Бѣляевъ. Городокъ въ табакеркѣ. Разсказы. Миніатюры Юса. Спб. 1914. «Библіотека «Вечерняго Времени». Изданіе Б. А. Суворина. Стр. 225. Цѣна 1 р.

Уже при первомъ своемъ появленіи на страницахъ «Новаго Времени» «Барышни Шнейдеръ» привлекли большое вниманіе и широкой массы публики, и критики и даже возбудили нѣкоторую полемику относительно той части нашего современнаго общества, талантливымъ и удачнымъ бытописателемъ котораго выступилъ Юр. Бѣляевъ. Все это доказываетъ, что новое произведеніе автора «Псиши» вещь далеко незаурядная, интересная, способная навести читателя на многіе вопросы и размышленія. Далекій отъ навязыванія какихъ-либо тенденцій, авторъ въ небольшихъ быстрыхъ, какъ на кинематографѣ, картинкахъ, полныхъ острой наблюдательности и изящнаго юмора, рѣзкими мазками обрисовываетъ быть современнаго общества, постоянныхъ обитателей дачъ Павловска и т. п. окрестностей Петербурга. Главныя героини—барышни Шнейдеръ. Онѣ знакомы всему Павловску, ихъ всюду видятъ, ими всѣ любуются, объ нихъ всѣ толкуютъ, имъ нѣтъ прохода. Онѣ всегда окружены шумной, веселой и блестящей свитой поклонниковъ—гвардейскихъ офицеровъ, пажей, лицеистовъ. И на лонѣ дачной природы, въ темныхъ аллеяхъ поэтичнаго павловскаго парка, на знаменитой «музыкѣ» вокзала разыгрывается старая, но вѣчно юная исторія. Барышни изъ буржуазной нѣмецкой семьи, но уже впитавшія въ себя духъ современности, проникнутыя новыми вѣянія и «настроеніями», вполнѣ освободившіяся отъ всякихъ старыхъ предразсудковъ, вполнѣ «эмансипированныя», захвачены бѣшеной волной современной общественной разладицы, когда повергнуто въ прахъ все «старое», но что-то не замѣчается «новаго», новыхъ «боговъ» и новыхъ идеаловъ. И несчастный, неудачный романъ барышень Шнейдеръ, съ такимъ мастерствомъ разсказанный Юр. Бѣляевымъ, не вызываетъ у читателя сочувствія къ пострадавшимъ въ немъ именно благодаря тому налету «современности», которымъ онъ подернутъ. Захлестнутыя мутной волной этого разлада, неурядицы и грязи, слабыя, «какъ двѣ бѣлыя бабочки», барышни Шнейдеръ уже одурманены внѣшней красотой и блескомъ общества, которое ихъ окружаетъ; онѣ наполнены жаждою богатства, наслажденія, удовольствій, но... проходитъ лѣто, кончается романъ, и въ эпилогѣ какая-то подозрительная старушонка суетъ въ руки несчастныхъ барышень карточку съ адресомъ, гдѣ собирается «много знакомыхъ мужчинъ, очень благородныхъ, очень *богатыхъ*»...

Библиотека "Руниверс"

Юр. Бѣляевъ настолько удачно и вѣрно сумѣлъ схватить самый фонъ, обстановку, въ которой живутъ персонажи его повѣствованія, что дѣйствующія лица «Барышень Шнейдеръ» кажутся прямо почти портретами съ дѣйствительныхъ живыхъ лицъ, обитателей знакомаго всѣмъ петербуржцамъ Павловска. Изящный, легкій юморъ, наблюдательность, правдивость и этотъ такъ удачно схваченный фонъ создаютъ большой успѣхъ новому произведенію Юр. Бѣляева, которое въ непродолжительное время вышло тремя изданіями. Фабула повѣствованія сразу захватываетъ интересъ читателя и затѣмъ идетъ быстрымъ, все усиливающимся темпомъ. Типы обрисованы рѣзкими, смѣлыми штрихами; нѣкоторыя лирическія отступленія, какъ, напримѣръ, старое павловское преданіе объ одной поклонницѣ Штрауса, или описаніе музыки—производятъ впечатлѣніе и не препятствуютъ плавности и интересу развертывающихся событій «романа».

Вторая книга Юр. Бѣляева—«Городокъ въ табакеркѣ»—составилась изъ мелкихъ разсказовъ и миніатюръ, большая часть которыхъ была напечатана въ газетѣ «Новое Время». Особенно хорошъ здѣсь первый разсказъ, давшій названіе всему сборнику. Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ чувствуется теплая любовь автора къ прошлому разрушающихся дворянскихъ гнѣздъ, къ ихъ разнороднымъ обитателямъ, ко всему укладу помѣщичьяго дворянскаго быта, къ семейнымъ преданіямъ о старомъ Петергофѣ временъ Екатерины. Съ большимъ интересомъ читается разсказъ «Тарантулиха», въ которомъ авторъ сообщаетъ любопытный комическій эпизодъ, произошедшій въ Италіи съ русскимъ путешественникомъ. Вообще вся книга читается очень легко и съ интересомъ.

Изданы обѣ книжки изящно и стоятъ недорого. **Д. М—ко.**

Саардамскій плотникъ. Историческая повѣсть П. Р. Фурмана, подъ редакціей В. П. Авенаріуса. Москва. 1913. Изданіе А. Д. Ступина. Стр. 113. Ц. 40 коп.

Цѣлый рядъ историческихъ романовъ написалъ популярный въ свое время, въ концѣ первой половины прошлаго столѣтія, талантливый авторъ. Имъ зачитывались наши отцы; но время проходитъ, длинные періоды рѣчи, тяжелый языкъ произведеній, несмотря на интересную фабулу, теперь заставляютъ, благодаря также длиннотамъ, скучать современнаго читателя. Издатель Ступинъ, принявшій изданіе большинства произведеній забытаго автора, нашелъ прекрасный исходъ въ этомъ случаѣ, поручивъ ихъ передѣлку опытному историческому писателю В. П. Авенаріусу. Съ неудобныхъ тяжелыхъ романовъ слетѣла громоздкая пыль подъ талантливой рукой новаго редактора, исчезли скучныя длинноты, заблестѣли искорки языка, оттѣнились характерныя выраженія той эпохи, и вмѣсто тягучихъ длинныхъ романовъ и повѣстей появились красиво, чрезвычайно интересно изложенныя беллетристическія произведенія, невольно приковывающія къ себѣ вниманіе.

«Саардамскій плотникъ» ярко рисуетъ гигантскую фигуру великаго Петра во время его пребыванія въ Голландіи подъ именемъ плотника Петра Михай-

Библиотека "Руниверс"

лова, обрисовывая окружающую его среду голландцевъ и напоминая много эпизодовъ этого времени. Книгу эту охотно прочтетъ взрослый и юноша, хотя все изданіе Фурмана предназначается именно для юношества.

Книга прекрасно издана, съ очень хорошими рисунками художника Р. Шнейдера, на толстой глазированной бумагѣ и по цѣнѣ дешева.

Г. Полиловъ.

Записки императорскаго русскаго географическаго общества по отдѣленію этнографіи. Т. XXXV. Пѣсни русскихъ сектантовъ мистиковъ. Съ 22 таблицами рисунковъ и 2 таблицами нотъ. Сборникъ, составленный Т. С. Рождественскимъ и М. И. Успенскимъ. 1912. Стр. 871.

Составители сборника предприняли грандіозный трудъ—собрать всѣ до сихъ поръ появившіяся въ печати и разсѣянныя по самымъ разнообразнымъ и недоступнымъ изданіямъ пѣсни русскихъ сектантовъ-мистиковъ. Въ результатѣ получился монументальный сборникъ, равный по своей этнографической цѣнности такимъ работамъ, какъ «Великорусскія пѣсни» академика Соболевскаго или «Причитанія Сѣвернаго края» Е. Барсова. Кромѣ печатнаго матеріала, въ собраніе вошли пѣсни изъ четырехъ принадлежащихъ гг. Рождественскому и Успенскому рукописныхъ сборниковъ. Насколько солидную и въ высшей степени кропотливую работу выполнили составители, ясно изъ того, что въ ихъ распоряженіи было до трехъ тысячъ пятисотъ пѣсенъ, которыя необходимо было сравнить, выдѣлить изъ нихъ лучшіе варіанты и выбрать среди этого огромнаго запаса пѣсенъ только семьсотъ шестнадцать наиболѣе оригинальныхъ и исправныхъ текстовъ.

Къ сборнику приложенъ объяснительный словарь, представляющій какъ бы энциклопедію хлыстовства и скопчества, и увлекательно интересныя таблицы, содержащія портреты вождей Израиля, хлыстовскихъ христовъ и богородицъ, скопцовъ, по строенію тѣла приближающихся къ женщинамъ, орудія оскопленій, изображенія различныхъ видовъ радѣній и т. п. фактовъ сектантской жизни.

Въ содержаніи сектантскихъ пѣсенъ есть историческій элементъ—указанія на событія изъ жизни боговъ, богородицъ, христовъ. Такъ, напримѣръ, имѣются стихи о Данилѣ Филипповѣ и Иванѣ Сусловѣ, организаторахъ хлыстовской секты, о Кондратіи Селивановѣ (ум. 1832 г.), основателѣ скопчества, и проч. Другія пѣсни содержатъ молитвы сектантскимъ пророкамъ и богородицамъ, выражаютъ отношеніе сектантовъ къ «міру», изображаютъ радѣнія и т. д. Приводимъ для примѣра скопческую пѣсню, говорящую о томъ, какъ угодить Богу (№ 685):

Кто хочетъ благодатью владѣть,
Тотъ изволитъ за Бога пострадать,
Золотую печать получить,
Чтобы душамъ въ грѣхахъ не отвѣчать.
Садись ты смѣлѣе на коня,
Бери въ руки шелковые поводья,
Возьми острый мечъ
И изволь ты змію голову отсѣчь.

Библиотека "Руниверс"

«Конь» у сектантовъ—образъ плоти, съ которой борется духъ. «Сѣсть на коня»—специфически скопческое выраженіе, обозначающее ихъ главный ритуалъ секты.

Пѣсни сектантовъ одною стороною соприкасаются съ устною народною поэзіею, другою—съ духовными стихами XVIII вѣка въ стилѣ «Богогласника». Но надъ всею ихъ поэзіею царитъ помраченный умъ, не выведенный на дорогу свѣта и знанія. И если бы было справедливо обращаться съ укоромъ къ этимъ невѣжественнымъ и несчастнымъ людямъ, ради Бога скачущимъ и прыгающимъ, хотѣлось бы сказать имъ ихъ же стихами:

Вы куда же свою вѣру подѣвали,
Вы на что ее подъ ноги затоптали?

В. Даниловъ.

Министерство внутреннихъ дѣлъ. Управленіе сельской продовольственной части.—Отчетъ по продовольственной кампаніи 1911—1912 г.г. Книги I и II. Спб. 1913 Стр. I—XVI+609—653+1—105; 1—231+1—154. 4°. Въ продажѣ не имѣется.

На страницахъ «Историческаго Вѣстника» уже были отмѣчены нѣкоторыя черты изъ исторіи продовольственнаго дѣла въ Россіи [1]). Вновь вышедшее изданіе, названіе котораго приведено въ заголовкѣ, заключаетъ въ себѣ, между прочимъ, новыя свѣдѣнія, позволяющія шире и глубже освѣтить этотъ вопросъ. Особенный интересъ представляютъ матеріалы, касающіеся исторіи возникновенія и развитія общественныхъ работъ, какъ одного изъ способовъ помощи населенію въ тяжелые годы неурожаевъ. Этотъ видъ помощи совершенно не предусмотрѣнъ дѣйствующими правилами, по которымъ пострадавшему отъ неурожая населенію можетъ быть выдаваема лишь ссуда на продовольствіе и сѣмена. Но жизнь заставила выйти изъ рамокъ правилъ и оказывать помощь населенію въ томъ видѣ и такими способами, которые по условіямъ времени и мѣста и по соображеніямъ экономическимъ представляются въ каждый данный моментъ наиболѣе цѣлесообразными и отвѣчающими интересамъ населенія и казны. Поэтому въ настоящее время то, что по правиламъ признается единственнымъ, исключительнымъ способомъ помощи (ссуда), въ дѣйствительности является лишь однимъ изъ многихъ способовъ, посредствомъ которыхъ удовлетворяется продовольственная и сѣменная нужда населенія, пострадавшаго отъ неурожая.

Въ кампанію 1911—1912 годовъ указанная нужда удовлетворялась, кромѣ выдачи ссудъ, еще устройствомъ общественныхъ работъ и продажей хлѣба по заготовительной цѣнѣ. Обѣ эти мѣры, избавляя населеніе отъ задолженности продовольственному капиталу и отъ переплатъ хлѣбнымъ спекулянтамъ, признаются въ настоящее время наиболѣе цѣлесообразными, а первая изъ нихъ ставится даже во главу угла всего продовольственнаго дѣла: по журналу со-

---

[1]) **«Историческій Вѣстникъ», май, 1911, стр. 652.**

Библиотека "Руниверс"

вѣта министровъ 14-го іюня 1911 года она должна по возможности всецѣло замѣнить собою выдачу ссудныхъ пособій. Въ кампанію 1911—1912 годовъ она уже и достигла этой цѣли въ губерніяхъ Казанской, Вятской, Саратовской и нѣкоторыхъ уѣздахъ Симбирской. Въ прочихъ же губерніяхъ и областяхъ, въ которыхъ оказывалась помощь населенію по случаю неурожая, трудовая помощь въ видѣ общественныхъ работъ получила широкое распространеніе и заняла во многихъ изъ нихъ первостепенное положеніе среди прочихъ мѣропріятій по удовлетворенію продовольственныхъ нуждъ населенія.

Но прежде, чѣмъ достигнуть столь значительнаго примѣненія, идея общественныхъ работъ пережила длинную исторію безплодныхъ попытокъ и неудачныхъ стремленій къ ея осуществленію.

Первыя попытки въ этомъ направленіи восходятъ къ началу XVII вѣка, когда общественныя работы были предприняты царемъ Борисомъ Годуновымъ вслѣдствіе постигшаго страну голода.

Въ эпоху первыхъ царей изъ дома Романовыхъ, судя по историческимъ даннымъ, эта мѣра помощи пострадавшему отъ неурожая населенію не практиковалась въ значительныхъ размѣрахъ и даже въ позднѣйшее время, вплоть до восьмидесятыхъ годовъ XIX столѣтія, примѣнялась крайне рѣдко и въ очень ограниченныхъ размѣрахъ. Такъ, при Екатеринѣ II (въ 1774 году) общественныя работы были организованы въ Воронежской губерніи и (въ 1785 году) въ губерніяхъ Архангельской и Олонецкой; въ первой четверти XIX вѣка путемъ общественныхъ работъ была оказана помощь татарскому населенію новороссійскихъ губерній; въ царствованіе императора Николая I трудовая помощь производилась по случаю неурожаевъ въ 1833, 1840, 1844, 1846 и 1851 годахъ въ губерніяхъ Витебской, Минской, Псковской, Могилевской и Смоленской. Но въ трехъ изъ нихъ при организаціи работъ встрѣтились затрудненія, констатирована была невозможность удовлетворенія посредствомъ ихъ продовольственной нужды населенія, вслѣдствіе чего явилось разочарованіе въ этомъ способѣ помощи, приведшее къ признанію, что «для скорой помощи населенію общественныя работы не годятся». Этотъ взглядъ господствовалъ и въ пореформенную эпоху, несмотря на признаніе земствами огромнаго экономическаго значенія за общественными работами. И только горькая нужда—истощеніе средствъ общаго по имперіи продовольственнаго капитала—побудила правительство пересмотрѣть вопросъ и признать за общественными работами то значеніе, на которое давно указывала суровая практика жизни. Въ десятилѣтіе 1881—1890 годовъ трудовая помощь снова стала производиться, хотя и въ очень ограниченныхъ размѣрахъ. Въ 1891 году, однако, дѣло было поставлено довольно широко,—на общественныя работы отпущено десять милліоновъ рублей, но завѣдывавшій работами генералъ-лейтенантъ Анненковъ не оказался на высотѣ задачи, израсходовалъ вмѣсто десяти около пятнадцати милліоновъ, причинилъ казнѣ огромные убытки и очень мало помогъ нуждающемуся населенію.

Неудача генерала Анненкова нанесла принципу трудовой помощи новый и существенный ударъ и еще разъ затормозила его развитіе на нѣсколько лѣтъ. Только съ 1898 года снова стали примѣняться общественныя работы,

Библиотека "Руниверс"

но лишь въ качествѣ подсобнаго къ продовольственнымъ ссудамъ мѣропріятія.

Новая эра для общественныхъ работъ наступила съ удачно проведеннаго нынѣшнимъ завѣдующимъ продовольственнымъ дѣломъ въ имперіи шталмейстеромъ В. Э. Фришемъ опыта 1908—1909 годовъ въ Саратовской губерніи, доказавшаго возможность полной замѣны ссудной формы помощи формой помощи трудовой. Съ тѣхъ поръ принципъ общественныхъ работъ, проводимый въ жизнь горячимъ и энергичнымъ его поклонникомъ г. Фришемъ, получаетъ съ каждымъ годомъ все большее и большее практическое примѣненіе. Въ продовольственную кампанію 1911—1912 годовъ, благодаря признанію совѣтомъ министровъ желательности преимущественнаго оказанія продовольственной помощи посредствомъ общественныхъ работъ, послѣднія были развернуты въ небывалыхъ размѣрахъ—въ четырнадцати губерніяхъ и четырехъ областяхъ имперіи, причемъ къ этому первому широкому опыту полной замѣны системы продовольственныхъ ссудъ организаціей общественныхъ съ продовольственной цѣлью работъ значительное большинство правительственныхъ и земскихъ учрежденій отнеслось съ полнымъ одобреніемъ.

Во второй книгѣ разсматриваемаго отчета, составленнаго въ общей части по непосредственнымъ указаніямъ завѣдующаго продовольственнымъ дѣломъ въ имперіи шталмейстера Фриша, сосредоточенъ весь огромный матеріалъ по производству общественныхъ работъ. Изложеніе богато иллюстрировано снимками выполненныхъ сооруженій и самаго процесса работъ и снабжено діаграммами и таблицами. Объ исчерпаніи этой громады матеріала въ журнальной рецензіи невозможно и думать; мы не можемъ привести здѣсь даже простого перечня работъ и учрежденій, принимавшихъ участіе въ ихъ завѣдываніи и выполненіи на мѣстахъ подъ общимъ наблюденіемъ завѣдующаго продовольственнымъ дѣломъ. Между тѣмъ матеріалы въ высокой степени интересны и поучительны и заслуживаютъ самаго широкаго вниманія общественныхъ круговъ. Къ сожалѣнію, книга является малодоступной для широкой публики, вслѣдствіе неимѣнія въ продажѣ. Было бы поэтому очень полезно и крайне желательно появленіе въ печати, съ цѣлью распространенія между интересующимися, изданія этихъ матеріаловъ въ сокращенномъ видѣ, безъ подробностей мѣстнаго значенія, въ формѣ общаго очерка, съ указаніемъ главныхъ условій организаціи общественныхъ работъ, производства ихъ и полученныхъ результатовъ.

В. Кузнецовъ.

Библиотека "Руниверс"

Въ редакцію „Историческаго Вѣстника“ поступили съ 15 октября по 12 ноября для отзыва слѣдующія книги [1].

Н. Д. Полонская. Историко-культурный атласъ по русской исторіи съ объяснительнымъ текстомъ подъ редакціей проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго. Изданіе В. С. Кульженко. Вып. первый. Кіевъ. 1913. Стр. 59+XLII. Ц. 2 р.—То же. Вып. II. Стр. 64+XL. Ц. 2 р.

Борисъ Журавлевъ. Нищая царица. Спб. 1913. Стр. 135. Ц. 50 к.

Ж. Б. Пересъ. Почему Наполеона никогда не существовало или великая ошибка, источникъ безконечнаго числа ошибокъ, которыя слѣдуетъ отмѣтить въ исторіи XIX вѣка. Переводъ В. Васютинской. Москва. 1912. Изд. «Задруга». Стр. 20. Ц. 20 к.

Е. В. Тарле. Континентальная блокада. Изслѣдованіе по исторіи промышленности и внѣшней торговли Франціи въ эпоху Наполеона. М. 1913. Изд. «Задруга». Стр. 739. Ц. 4 р.

Смутное время въ Московскомъ государствѣ. Сборникъ статей съ иллюстраціями. М. 1913. Изд. «Задруга». Стр. 284. Ц. 1 р. 50 к.

Сборникъ подробно выясняетъ положеніе московскаго государства во второй половинѣ XVI вѣка, останавливается на царствованіяхъ Ѳеодора и Бориса, выясняетъ всѣ стороны «великой разрухи» и кончается разсмотрѣніемъ экономическихъ, политическихъ и культурно-бытовыхъ послѣдствій смуты. Внѣшняя сторона изданія и иллюстраціи хороши.

С. И. Гусевъ-Оренбургскій. Разсказы. Т. I. Изд. 3-е «Жизнь и знаніе». Спб. 1913. Стр. 315. Ц. 1 р.

С. Бѣльскій. Куда воронъ костей не заносилъ. Спб. 1914. Стр. 217. Ц. 1 р. 25 к.

Разсказы г. С. Бѣльскаго посвящены описанію людей, природы и быта Дальняго Востока и Сѣверо-Востока, тѣхъ невѣдомыхъ дебрей, куда воронъ костей не заносилъ. Разсказы написаны занимательно, читаются съ интересомъ, иногда производятъ сильное впечатлѣніе, хотя языкъ автора нерѣдко небреженъ и тяжеловатъ.

[1]) Открывая въ журналѣ ежемѣсячный справочный листокъ о новыхъ, поступившихъ въ редакцію «Истор. Вѣстн.» книгахъ, редакція проситъ гг. издателей, и завѣдующихъ книжными магазинами присылать въ журналъ свои новыя изданія, перечень которыхъ и будетъ дѣлаться въ листкѣ, съ указаніемъ страницъ и стоимости поступившаго изданія, и о наиболѣе заслуживающихъ вниманіе и краткій отзывъ.

Библиотека "Руниверс"

Французы въ Россіи. 1812 годъ по воспоминаніямъ современниковъ - иностранцевъ. Сборникъ, составленный А. М. Васютинскимъ, А. К. Дживелеговымъ и С. П. Мельгуновымъ. Москва. 1912. Изд. «Задруга». Вып. I. Стр. 200. Ц. 1 р.— Вып. 2. Стр. 228. Ц. 1 р.—Вып. III. Стр. 387. Ц. 1 р. 50 к.

Н. П. Теплыхъ. Отечественная война. Историческій очеркъ. Изд. 2-е «Задруга». М. 1912. Стр. 65. Ц. 20 к.

Алабина-Сократова, Т. Картины изъ жизни государства Аѳинскаго въ V вѣкѣ до Р. Х. 2-е изданіе, исправленное и дополненное подъ редакціей В. Н. Перцева. Изданіе т-ва «Задруга». М. 1913. Стр. 109. Ц. 35 к.

Книжка г-жи Алабиной-Сократовой составлена довольно живо и особенно пригодна для перваго чтенія по греческой исторіи лицамъ, стремящимся къ самообразованію. Непріятно дѣйствуютъ чрезмѣрныя заботы автора объ общедоступности изложенія; напримѣръ, г-жа Алабина-Сократова считаетъ нужнымъ объяснить своимъ читателямъ такія слова, какъ ораторъ, шлемъ и даже колонна.

Ч. Вѣтринскій (Вас. Е. Чешихинъ). Освобожденіе крестьянъ и русскіе писатели. Общедоступный историческій очеркъ Изд. «Задруга». М. 1913. Стр. 125. Ц. 30 к.

А. К. Кабановъ Смута Московскаго государства и Нижній-Новгородъ. 4-е изд. «Задруга». М. 1913. Стр. 64. Ц. 7 к.

Живое, общедоступное изложеніе и обоснованность на хорошемъ научномъ матеріалѣ счастливо выдѣляютъ брошюру г. Кабанова изъ множества подобныхъ изданій, появившихся въ обиліи по поводу минувшаго Романовскаго юбилея.

Н. П. Огановскій. Надѣленіе землей помѣщичьихъ крестьянъ. «Задруга». М. 1913. Стр. 144. Ц. 35 к.

Цезарь Ложье. Дневникъ офицера великой арміи. Пер. съ франц. подъ ред. Н. П. Губскаго. Съ предисловіемъ А. М. Васютинскаго. М. 1912. «Задруга». Стр. 367. Ц. 80 к.

«1812 г.». Утро, посвященное памяти Отечественной войны. М. 1913. Вып. 1. Стр. 64. Ц. 10 к.—Вып. 2. Стр. 80. Ц. 10 к.

Проф. Д. М. Петрушевскій. Общество и государство у Гомера. Опытъ исторической характеристики. Изд. 2-е. «Задруга». М. 1913. Стр. 60. Ц. 20 к.

Лица, интересующіяся исторіей человѣческаго общества и не имѣющіе возможность прочесть Гомера, могутъ съ успѣхомъ почерпнуть нужный для нихъ матеріалъ изъ настоящей книжки. Достоинствамъ изложенія вредитъ нѣкоторое стремленіе къ модернизаціи и извѣстная тенденція, проглядывающая особенно въ желаніи умалить величіе царской власти.

Книга для чтеній по древней исторіи. Иллюстрированный сборникъ статей подъ редакціей А. М. Васютинскаго, М. Н. Коваленскаго, В. Н. Перцева и К. В. Сивкова. Историческая комиссія учебнаго отдѣла О. Р. Т. З. М. 1913. «Задруга». Вып. I. Стр. 477. Ц. 2 р. 25 к.— Вып. II. Стр. 391. Ц. 1 р. 60 к.

Мельгуновъ, П. Первые уроки исторіи (изъ бесѣдъ съ учениками). Древній Востокъ. Съ 85-ю рис. и картою. Изд. 9-е, переработанное и дополненное подъ редакц. Н. М. Никольскаго. М. 1913. Стр. XI+316. Цѣна 1 р. 25 к. Книгоиздательство «Задруга».

Достоинства учебной книги П. П. Мельгунова общеизвѣстны и общепризнаны. Уже предыдущее (8-е) изданіе ея было рекомендовано ученымъ комитетомъ мин. нар. просв. Теперь это учебное руководство выходитъ въ новой тщательной обработкѣ извѣстнаго знатока исторіи Востока, Н. М. Никольскаго, который сумѣлъ очень удачно попасть въ тонъ покойному автору. Книга пригодна и какъ учебникъ, и какъ матеріалъ для класснаго чтенія и классныхъ бесѣдъ.

Великій князь Николай Михайловичъ. Донесенія австрійскаго посланника при русскомъ дворѣ Лебцельтерна за 1816—1826 годы. Спб. 1913. Стр. LXXII+477. Цѣна не обозначена.

Великій князь Николай Михайловичъ. Генералъ-адъютанты императора Александра I. Съ 47 портретами, изъ которыхъ 19 въ краскахъ. Спб. 1913. Стр. IX+188. Цѣна не обозначена.

К. Бальмонтъ. «Звенья». Избранные стихи. 1890—1912. Москва. Кн-во «Скорпіонъ». 1913. Стр. 279. Ц. 1 р.

Въ этомъ сборникѣ помѣщены наболѣе характерныя стихотворенія г. К. Бальмонта, дающія возможность для широкаго круга читателей составить себѣ вполнѣ опредѣленное представленіе о творчествѣ популярнаго поэта. По внѣшности изданіе изящно и цѣна не высока.

В. А. Мелиховъ. Изъ исторіи іудейскоримскихъ гоненій на христіанъ. Харьковъ. 1913. Стр. 33. Цѣна не обозначена.

В. В. Розановъ. Среди художниковъ. Съ портретами. Спб. 1914. Стр. 499. Ц. 3 р. 50 к.

Библиотека "Руниверс"

Дм. Кайгородовъ. Наши весеннія бабочки. Изд. 2-е т-ва А. С. Суворина—«Новое Время». Спб. 1914. Стр. 32. Ц. 75 к.

Іогъ Рамачарака. Хатха-Іога. Ученіе іоговъ о физическомъ здоровіи съ многочисленными упражненіями. Спб. 1914. Стр. 213. Ц. 1 р.

Іогъ Рамачарака. Пути достиженія индійскихъ іоговъ. Спб. 1913. Стр. 275. Ц. 1 р. 30 к.

Юрій Крижаничъ, экономическіе и политическіе его взгляды. Съ предисловіемъ В. И. Пичета. № 2. Культурно-историческая библіотека подъ редакціей истор. комис. учебн. отд. о-ва Р. Т. З. Спб. 1913. Кн-во «Энергія». Стр. 126. Ц. 90 к.

В. Н. Бочкаревъ. Московское государство XV—XVII вв. По сказаніямъ современниковъ-иностранцевъ. № 3 Культурно-истор. библіотеки. Спб. 1914. Кн-во «Энергія». Стр. 144. Ц. 90 к.

А. Е. Модестовъ. О смыслѣ жизни въ русской художественной литературѣ XIX вѣка. № 4 и № 5. Культурно-истор. библіотека. Спб. 1914. Кн-во «Энергія». Вып. I. Стр. 86. Ц. 60 к.—Вып. II. Стр. 106. Ц. 70 к.

Глубоко интересенъ сборникъ, имѣющій цѣлью хотя бы въ общихъ чертахъ показать, какъ рѣшали вопросъ о смыслѣ жизни наши лучшіе писатели XIX вѣка. Въ составъ обоихъ выпусковъ вошли Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Гончаровъ, Тургеневъ, А. Толстой, Некрасовъ, Гл. Успенскій, Салтыковъ, Чеховъ и М. Горькій. Каждому изъ этихъ писателей посвящено по вводной статьѣ.

Годовой отчетъ высочайше утвержденнаго особаго комитета по устройству въ Москвѣ музея 1812 года. За пятый 1912—13 годъ. Москва. 1913. Стр. 113. Цѣна не обозначена.

Свящ. Н. Рождественскій. Два Рождества и двѣ Пасхи. (Изъ воспоминаній участника Русско-Японской войны). Спб. 1913. Стр. 44. Ц. 20 к.

И. А. Купчинскій. Изъ воспоминаній объ А. Н. Островскомъ. Курскъ. 1913. стр. 26. Ц. 25 к.

Сборникъ нижегородской губернской ученой архивной комиссіи. Т. XV. Нижній-Новгородъ. Вып. III. Стр. 160.—Т. XVI. Вып. I и II. Цѣна не обозначена.

В. И. Даль. Записка о ритуальныхъ убійствахъ. Спб. 1913. Стр. 127. Цѣна 1р.

«Альманахъ». Иллюстрированный литературно - художественный, популярно-научный и общественный ежемѣсячникъ. Ноябрь. 1913. Спб. 96. Ц. 20 к.

Ю. Л. Елецъ. Повальное безуміе. (Къ сверженію ига модъ). Спб. 1913. Стр. 304. Ц. 1 р.

Наше прошлое. Разсказы изъ русской исторіи. Подъ редакціей Е. И. Вишнякова, С. П. Мельгунова, Б. Е. и В. Е. Сыроѣчковскихъ. Ч. I. До Петра I. Съ 65 рис. въ текстѣ и 20-ю на отдѣл. листахъ. Кн—во «Задруга». Москва. 1913. Стр. 367. Ц. 1 р. 40 к.

Очень полезная книга для чтенія и въ народн. школѣ, и младш. классахъ ср. учебн. завед., и для лицъ, ищущихъ самообразованія. Оригинальные элементарные очерки изъ русской исторіи обращаютъ особенное вниманіе на стороны бытовыя, соціальныя и культурныя, которыя слабо отмѣчаются учебниками. Изложеніе большею частью легко, занимательно и общепонятно. Интересъ книги увеличивается многочисленными тщательно и умѣло подобранными иллюстраціями.

Отчетныя свѣдѣнія о дѣятельности землеустроительныхъ комиссій на 1-ое января 1913 года. Спб. 1913. Стр. 35+195. Цѣна не обозначена.

А. А. Башмаковъ. Сербская исторія до турецкаго владычества. Краткое изложеніе событій по новому сочиненію проф. К. Иречка. Спб. 1913. Стр. 25. Цѣна не обозначена.

Б. А. Тураевъ, проф. Спб. университета. Исторія древняго Востока. Ч. I. 2-е исправленное и иллюстрированное изданіе. Спб. 1913. Стр. 367. Ц. 2 р. 75 к.

Извѣстія московскаго коммерческаго института. Экономическое отдѣленіе. Кн. 1. Москва. 1913. Стр. 211. Цѣна не обозначена.

Переселеніе и землеустройство за Ураломъ въ 1912 г. (Отчетъ о работахъ переселенческаго управленія за 1912 г.). Спб. 1913. Вып. I. Стр. 331.—Вып. 12 картъ. Цѣна не обозначена.

В. В. Даниловъ. Русскій языкъ въ высшемъ начальномъ училищѣ по Положенію 25-го іюня 1912 г. Курсъ методики русскаго языка для учительскихъ институтовъ. Кн—во «Сотрудникъ». Спб.—Кіевъ. 1913. Стр. 188. Ц. 1 р.

Д. Н. Чихачевъ. Современная Румынія. Путевыя замѣтки. Спб. 1914. Стр. 73. Ц. 50 к.

Отчетъ о дѣятельности императорскаго русскаго военно-историческаго общества за 1912 годъ. Годъ пятый. Спб. 1913. Стр. 50. Цѣна не обозначена.

Журналъ императорскаго русскаго военно-историческаго общества. 1913, №№ 1—10.

Библиотека "Руниверс"

Алексѣй Ковалевъ. «Пажьи напѣвы». Книга пѣсенъ. Ростовъ на Дону. 1913. Стр. 118. Цѣна не обозначена.

Ѳ. Суринъ (Масальскій). Смерть героя Скобелева. Что дороже золота, любви, жизни? Историческая пьеса въ 5 д. Спб. 1913. Стр. 103. Цѣна не обозначена.

Ф. Орловъ. Павловскія и екатерининскія гренадерки и л.-гв. С.-Петербургскій полкъ. Историческая справка. Второе изданіе. Варшава. 1914. Стр. 84. Ц. 75 к.

Земецъ. Казенныя имѣнія въ Курляндской губерніи и вопросъ о русской колонизаціи названной губерніи. Вильна. 1913. Стр. 55. Ц. 30 к.

Спридитъ (Малышъ). Сказка въ 7 картинахъ по латышскимъ народнымъ мотивамъ Анны Бригадеръ. Пер. съ латышскаго Б. Яковлевой. Рига. Изд. А. Вальтера, Я. Рапа и К°. Стр. 86. Ц. 75 к.

Анна Бригадеръ является выдающейся латышской писательницей, имѣющей, кромѣ драматическихъ произведеній, и лирическія, а также разсказы, часть коихъ приготовляется для изданія на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Пьеса «Спридитъ» считается популярнѣйшей латышской дѣтской пьесой и несомнѣнно будетъ имѣть успѣхъ на русской сценѣ. «Спридитъ»—прекрасное чтеніе для дѣтей.

А. В. Жиркевичъ. Гауптвахты Россіи должны быть немедленно же преобразованы на началахъ закона, дисциплины, науки, человѣколюбія, евангельскихъ завѣтовъ, элементарной справедливости, блага родины. Вильна. 1913. Стр. 219. Ц. 1 р.

Извѣстія общества изученія Олонецкой губерніи. 1913 г. № 5—6. Петрозаводскъ. Стр. 80. Ц. 25 к.

Лѣтопись историко-родословнаго общества въ Москвѣ. 1913. Вып. 3-й (35-й). Москва. Стр. 65+26. Цѣна за годъ 5 р.

В. Острогорскій. Бесѣды о преподаваніи словесности. Изд. 4-е. Спб. 1913. Стр. 111. Ц. 60 к.

Россія и Наполеонъ. Отечественная война въ мемуарахъ, документахъ и художественныхъ произведеніяхъ. Иллюстрированный сборникъ. 2-е изд. «Задруга». Москва. 1913. Стр. 403. Ц. 1 р. 25 к.

В. А. Мазуркевичъ. Старые боги. III-я книга стиховъ. Спб. Стр. 219. Ц. 1 р.

Кн. З. З. Ухтомскій. Изъ прошлаго. Стихотворенія. Спб. Стр. 176. Цѣна не обозначена.

А. Вандамъ. Величайшее изъ искусствъ. Обзоръ современнаго международнаго положенія при свѣтѣ высшей стратегіи. Спб. 1913. Стр. 53. Ц. 1 р.

Инженеръ В. А. Александровъ. Практическія работы по электротехникѣ. Изданіе 2-е, дополненное и переработанное. Спб. 1914. Стр. XVI+688. Ц. 25 к.

«Сиринъ». Сборникъ первый. Ѳ. Сологубъ. Очарованія земли. Стихи.—А. Бѣлый. Петербургъ. Романъ.—А. Блокъ. Роза и крестъ. Драма.—А. Ремизовъ. Цѣпь златая. Спб. 1913. Стр. 264. Ц. 1 р. 50 к.

Ѳ. Сологубъ. Собраніе сочиненій. Т. XIV. Изд. «Сиринъ». Спб. 1913. Стр. 261. Ц. 1 р. 75 к.

Ѳ. Сологубъ. Собраніе сочиненій. Т. XV Изд. «Сиринъ». Спб. 1913. Стр. 301. Ц. 1 р. 75 к.

Ѳедоръ Сологубъ. Собраніе сочиненій. Т. XVI. Изд. «Сиринъ». Спб. 1913. Стр. 289. Ц. 1 р. 75 к.

Валерій Брюсовъ. Собраніе сочиненій. Т. XII. Изд. «Сиринъ». Спб. 1913. Стр. 284. Ц. 1 р. 75 к.

Валерій Брюсовъ. Собраніе сочиненій. Т. XIII. Изд. «Сиринъ». Спб. 1913. Стр. 356. Ц. 1 р. 75 к.

Труды вятской ученой архивной комиссіи. Вып. III—IV. Вятка. 1913. Стр. VIII+54+123+216. Ц. 2 р.

Л. Видеманъ. Какъ мы переводимъ стихотворенія. Харьковъ. 1913. Стр. 16. Цѣна не обозначена.

А. Степовичъ. Новый шагъ въ дѣлѣ взаимнаго ознакомленія славянъ. Кіевъ. 1913. Стр. 16. Цѣна не обозначена.

Настоящая брошюра представляетъ собою докладъ, прочитанный А. І. Степовичемъ въ Истор. о-вѣ Нестора лѣтоп. Отмѣтимъ приложенный къ брошюрѣ списокъ многочисленныхъ учено-литературныхъ работъ автора, начиная съ 1877 г. и по 1913 г.

Матеріалы по киргизскому землепользованію, собранные и разработанные статистической партіей Тургайско-Уральскаго переселенческаго района. Иргизскій уѣздъ. Оренбургъ. 1913. Стр. 145+320. Цѣна не обозначена.

А. М. Ильинъ. Словарикъ орѳографическій и справочный. Кн—во М. С. Козмана. Одесса. 1913. Ц. 12 к.

Н. Сергіевскій. Тайна старой мельницы Романъ. Спб. 1914. Стр. 128. Ц. 60 к.

Отчетъ о состояніи Кинешемскаго реальнаго училища имени И. А. Коновалова за 1912—1913 учебный годъ. Кинешма. 1913. Стр. 60. Цѣна не обозначена.

Труды оренбургской ученой архивной комиссіи. Вып. XXXVIII. Оренбургъ. 1913. Стр. 82. Ц. 75 к.

Н. К. Пиксановъ. Три эпохи—Екатерининская, Александровская, Никола-

Библиотека "Руниверс"

евская. Темы, библіографія, вопросники. Изд. 2-е. Спб. 1913. Стр. VII+83. Ц. 60 к.

Второе изданіе работы г. Никсанова отличается отъ перваго значительной переработкой, выразившейся въ прибавленіи новыхъ темъ, руководящихъ вопросовъ, въ освѣженіи библіографіи и пр. Кромѣ высшей школы, для которой и предназначена эта книга, много пользы можетъ принести она и сред. учебн. завед., гдѣ въ старшихъ глассахъ начинаютъ входить въ составъ преподаванія литературные рефераты.

Примѣрные каталоги для библіотекъ низшихъ учебныхъ заведеній на разныя суммы. Москва. 1913. Изд. «Наука». Вып. I. Стр. 96. Ц. 10 к.—Вып. II. Стр. 104 к. Ц. 15 к.

Очень полезныя книжки для составителей библіотекъ въ народныхъ школахъ, читальняхъ и пр., особенно принимая во вниманіе очень малое число подобныхъ «примѣрныхъ каталоговъ», составленныхъ земствами или отдѣльными авторами и успѣвшихъ уже устарѣть къ настоящему времени.

Н. А. Ульяновъ. Какъ покупать книги? Выборъ книгъ. Пріобрѣтеніе книгъ. Москва. 1913. Изд. «Наука». Стр. 48. Ц. 10 к.

Цѣль брошюры г. Ульянова «дать русскимъ читателямъ основанія для знакомства съ книжнымъ рынкомъ». Авторъ сообщаетъ нѣсколько полезныхъ свѣдѣній о томъ, какъ найти и пріобрѣсти нужныя читателю книги. Въ приложеніи указываются библіографическія пособія и списокъ наиболѣе крупныхъ издательскихъ фирмъ.

Труды петербургскаго философскаго общества.—Вып. IX. Секстъ Эмпирикъ. Три книги Пирроновыхъ положеній. Пер. съ греч., предисловіе и примѣчанія Н. В. Брюлловой-Шаскольской. Подъ ред. А. І. Малеина. Спб. 1913. Стр. 215. Цѣна 2 р.

Данная Секстомъ критика познаваемости Бога сохраняетъ свое полное значеніе и понынѣ. Столь же рѣшительно отрицаетъ онъ всякое знаніе, мораль, устои жизни, въ результатѣ получается полная растерянность и утрата всякихъ нравственныхъ цѣнностей. Главнымъ недостаткомъ Секста является его любовь къ чисто софистическимъ ухищреніямъ и умозаключеніямъ, гдѣ онъ, по примѣру болѣе древнихъ философовъ (даже самого Платона), смѣшиваетъ понятіе и реальность, отъ чего не вполнѣ свободна и новая философія. Переводъ г-жи Брюлловой-Шаскольской въ общемъ слѣдуетъ признать точнымъ, но онъ могъ бы быть менѣе тяжеловѣснымъ.

Гёрнесъ, М., профессоръ Вѣнскаго университета. Культура доисторическаго прошлаго. Часть I. Каменный вѣкъ. Пер. съ нѣм. подъ редакц. В. Н. Дьякова. Съ 42 рис. въ текстѣ. Изд. «Фаросъ». Москва. 1913. Стр. 139. Ц. 70 к.

Настоящая книжка соединяетъ съ общедоступностью изложенія и полную научность его. Поэтому она особенно пригодна для лицъ, впервые приступающихъ къ изученію археологіи, тѣмъ болѣе, что авторъ далъ во введеніи очеркъ общихъ понятій о первобытной культурѣ, а въ заключеніи приложилъ библіографію важнѣйшей литературы предмета, гдѣ есть указанія и на русскія, но, къ сожалѣнію, только переводныя, сочиненія. Такъ, мы желали бы особенно видѣть упоминаніе здѣсь и о классическомъ, несмотря на его нѣкоторую устарѣлость, трудъ графа А. С. Уварова: «Археологія Россіи. Т. I. Каменный періодъ» Переводъ книжки проф. Гернеса исполненъ весьма старательно.

Гунгеръ, І. и Ламеръ, Г. Культура древняго Востока въ картинахъ. 199 рис. на мѣловой бумагѣ и 68 стр. объяснительнаго текста. Пер. съ нѣм. подъ ред. М. С. Сергѣева. Изд. «Фаросъ». Москва. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

Главное достоинство настоящей книжки заключается въ ея отчетливо и тщательно воспроизведенныхъ рисункахъ съ указаніемъ мѣстонахожденія ихъ оригиналовъ. Авторы, путемъ старательно подобранныхъ иллюстрацій, детально знакомятъ читателей съ религіей и государственной и частной жизнью Египта, Ассиріи и Вавилона, а также Хеттовъ и Персовъ. Сюда же авторы присоединили указанія и на нѣкоторые грандіознѣйшіе памятники поздневосточной культуры, какъ напримѣръ, на развалины Пальмиры. 68 стр. текста посвящены краткому, по тщательному описанію рисунковъ. Переводъ книжки сдѣланъ вполнѣ добросовѣстно. Трудъ гг. Гунгера и Ламера представляетъ неоцѣнимое пособіе для провинціальныхъ преподавателей исторіи, не имѣющихъ подъ руками дорого стоящихъ изданій по исторіи культуры древняго Востока.

Библиотека "Руниверс"

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

БОНАПАРТЪ и вандейцы. — Вторженіе англичанъ въ 1800 году оказало услугу Бонапарту въ его борьбѣ противъ вандейцевъ—шуановъ, не желавшихъ покинуть ряды роялистовъ. Обыкновенно вандейцевъ обвиняли въ отсутствіи патріотизма, въ эгоистической привязанности только къ своему маленькому краю. При старомъ режимѣ имъ не приходилось вести войнъ съ иностранцами, и въ ихъ жизни главную роль игралъ религіозный вопросъ. Въ своей борьбѣ противъ конвента они часто затрагивали этотъ вопросъ. Но происшествія 1800 года совершенно перемѣнили ихъ настроеніе. Эта перемѣна началась во время консульства и медленно развивалась съ различными случайными препятствіями до появленія іюльскаго правительства. Война съ Англіей дала имъ случай впервые проявить свой патріотизмъ. Этотъ эпизодъ разсказанъ въ статьѣ Габори въ «Revue Bleue» [1]).

До сихъ поръ у вандейцевъ было два врага: море и песокъ, подымавшійся отъ вѣтра и засыпавшій ихъ дома. Но уже нѣсколько лѣтъ ихъ сталъ изводить еще одинъ врагъ—англичане, угрожавшіе ихъ островамъ—Нуармутьеру и д'Іе. Одни и тѣ же враги заставили ихъ сблизиться съ человѣкомъ, идеалъ котораго былъ чуждъ для нихъ.

Прибрежные вандейцы раздѣляли съ бретонцами непріязненное чувство къ англичанамъ, противъ которыхъ вѣками боролись ихъ предки. Они считали ихъ своими наслѣдственными врагами. Правда, часть шуановъ помогала англичанамъ, и послѣдніе скрывали ихъ на своихъ корабляхъ. Но то были

[1]) Bonaparte et l'affaire de Noirmoutier. Par Gabriel Gabory. «Revue Bleue» 20 Septembre 1913.

Библиотека "Руниверс"

главари, рѣшившіеся итти на все ради достиженія своей цѣли—повредить своему врагу Наполеону. Другая часть вандейцевъ, благоденствіе которой зависѣло отъ моря, предпочитала избавиться силою отъ непрошенныхъ гостей, наносившихъ ударъ ихъ торговлѣ съ иностранными державами и угрожавшихъ ихъ кораблямъ.

Для Наполеона представлялся удобный случай вырвать шуановъ изъ рядовъ роялистовъ. Едва власть очутилась въ его рукахъ, какъ онъ обратилъ свое вниманіе на эти провинціи. Во-первыхъ, его соблазняла перспектива напасть на «англійскаго леопарда» въ логовищѣ; во-вторыхъ, и это главное, онъ разсчитывалъ, что вандейцы обратятся къ нему за помощью, когда англичане станутъ ихъ тѣснить и грабить. Развѣ англичане не сыпали щедрой рукой золото для поддержки его враговъ шуановъ, главари которыхъ поклялись его умертвить? Развѣ они не подкупали рабочихъ, чтобъ поджечь арсеналы?

Наполеонъ сталъ усиленно заботиться объ укрѣпленіи береговъ и ежедневно посылалъ приказъ за приказомъ. Когда онъ принялся укрѣплять берега, произошло одно событіе, въ которомъ вандейцы выказали свою храбрость, которая привела Наполеона въ восторгъ. Правда, нѣкоторые изъ нихъ дружили съ вѣковыми врагами французовъ, отказывались итти на границу, чтобы поступить въ республиканскую армію, но зато другіе теперь почувствовали въ себѣ пробужденіе патріотическаго чувства.

Во время революціи жители обоихъ вандейскихъ острововъ выказали себя патріотами, и революціонные законы встрѣтили тамъ слабую оппозицію. Въ началѣ мессидора VII г. англійскій контръ-адмиралъ Варенъ высадилъ на островъ g'Ie полтораста солдатъ. Множество судовъ стояло на рейдѣ на случай оказанія ему помощи. Варенъ потребовалъ у мэра сдачи города; тотъ согласился. Тогда Варенъ потребовалъ для своего флота военныхъ припасовъ, которые и были ему доставлены. Наконецъ онъ просилъ убрать всѣ спиртные напитки, чтобъ его матросы не пьянствовали.

Между тѣмъ другіе англійскіе моряки высадились въ Сенъ-Жимъ, взяли запасы и заплатили за нихъ деньги. Вандейцы обрадовались, но деньги оказались фальшивыми. Наконецъ, англичане добрались до Нуармутьера, но комендантъ острова организовалъ защиту города изъ юныхъ гражданъ. Впрочемъ, это маленькое войско не могло справиться съ опытнымъ адмираломъ Вареномъ, и битва была проиграна.

Однако англичанамъ не долго пришлось торжествовать. Они не разсчитали, что въ этомъ мѣстѣ мелководье, и сѣли на мель, совершенно завязнувъ въ илистомъ грунтѣ, осыпаемые градомъ снарядовъ съ французскихъ батарей, до тѣхъ поръ молчавшихъ изъ опасенія нанести вредъ своимъ собственнымъ судамъ. Солэнъ Латуръ, комендантъ острова, воспользовался замѣшательствомъ англичанъ и приказалъ открыть огонь съ батарей, а самъ отправился со своимъ маленькимъ войскомъ, во главѣ съ патеромъ, къ узкому проливу, гдѣ завязли англійскія суда. Англичане съ трудомъ спаслись, оставивъ сорокъ восемь плѣнныхъ. Каждый изъ участниковъ приписывалъ себѣ побѣду. Жители устроили героямъ восторженную встрѣчу. Адмиралъ Варенъ хотѣлъ изгладить слѣды такого постыднаго пораженія и тотчасъ же предложилъ

Библиотека "Руниверс"

вандейцамъ обмѣнять плѣнныхъ англичанъ на плѣнныхъ французовъ, находившихся въ Англіи. Но Солэнъ отвергъ это предложеніе. Впрочемъ мэръ города, Пье, согласился на это.

Такое поведеніе вандейцевъ дало Наполеону нѣкоторыя надежды. До тѣхъ поръ Вандея держалась особнякомъ отъ остальной страны и казалась какой-то иностранной провинціей, не принимавшей никакого участія въ ея борьбѣ съ внѣшними врагами. Наполеону надо было, чтобъ о поступкѣ вандейцевъ и заслуженной ими наградѣ узнали всѣ отъ Бретани до границы Анжу и Сентонжа. Когда онъ узналъ изъ донесенія имена героевъ, то пожелалъ лично поздравить ихъ съ побѣдой. Ему представился прекрасный случай привлечь роялистовъ на свою сторону. Генералъ Гриньи угадалъ его планъ и написалъ военному министру, что собственноручное письмо Наполеона къ вандейцамъ будетъ крупнымъ политическимъ шагомъ. Оно докажетъ имъ, что правительство думаетъ обо всемъ, видитъ все и вознаграждаетъ за все. Не довольствуясь похвалами Карно и министра внутреннихъ дѣлъ, спрашивавшаго вандейцевъ, какую награду они желаютъ получить, онъ прибавилъ еще большее для нихъ отличіе. 7-го термидора (26-го іюня) 1800 г. Наполеонъ написалъ вандейскому префекту гражданину Лефонтеню: «До свѣдѣнія моего дошло, что тѣ самые люди, которые совершали больше всего безумствъ во время м ждуусобной войны, выказали теперь правительству большую привязанность и храбрость».

Съ цѣлью вознаградить вандейцевъ за ихъ подвиги Наполеонъ приказалъ выбрать изъ этихъ героевъ наиболѣе достойныхъ и прислать ихъ въ Парижъ въ сопровожденіи ихъ начальниковъ, которые вели ихъ въ сраженіе: «Я хочу видѣть этихъ добрыхъ и храбрыхъ французовъ,—говорилъ онъ.—Я хочу, чтобъ населеніе столицы также видѣло ихъ». Зная, какое вліяніе имѣетъ на вандейцевъ духовенство, Наполеонъ не забылъ польстить и патеру, принимавшему участіе въ сраженіи, и прибавилъ: «Если среди достойныхъ есть священники, то прошу прислать и ихъ, ибо я уважаю и люблю священниковъ, которые остаются добрыми французами и умѣютъ защищать родину противъ вѣкового врага французскаго имени—злыхъ еретиковъ англичанъ».

Руководствуясь этимъ приказомъ, префектъ составилъ манифестъ и приклеилъ его на всѣхъ углахъ. Главному секретарю Каволо поручили выбрать лицъ, отличившихся въ сраженіи, для отправки ихъ въ Парижъ. Только патеръ отклонилъ эту честь подъ предлогомъ, что прихожане просятъ его со слезами не покидать ихъ. Онъ просилъ префекта передать консулу свое сожалѣніе. «Нѣтъ такого католическаго патера въ Вандеѣ,—прибавилъ онъ,—который не былъ бы въ подобныхъ обстоятельствахъ воодушевленъ такимъ же усердіемъ, какъ и онъ». Онъ ограничился тѣмъ, что вручилъ делегатамъ письмо къ Наполеону съ выраженіемъ своихъ патріотическихъ чувствъ. Депутаты были люди не богатые, живущіе трудами своихъ рукъ. Поэтому расходы по путешествію взялъ на себя департаментъ. Въ Парижѣ имъ оказали радушный пріемъ: помѣстили въ лучшей гостиницѣ, кормили на славу самыми тонкими завтраками и обѣдами, возили въ оперу на парадные спектакли, гдѣ, какъ герои дня, они возсѣдали въ пышно и богато украшенной почетной ложѣ.

Библиотека "Руниверс"

16 фруктидора (3-го сентября) состоялся торжественный пріемъ у перваго консула. Вандейцы предстали предъ первымъ консуломъ въ присутствіи министровъ, государственныхъ совѣтниковъ и генерала Гедувиля. По просьбѣ Бонапарта они разсказали ему о сраженіе. «Въ нашемъ поведеніи нѣтъ ничего необыкновеннаго,—прибавили они.—Мы не въ первый разъ выражаемъ нешу ненависть къ англичанамъ и нашу преданность республикѣ. Въ IV и V г.г. мы помогали прогнать врага отъ нашихъ береговъ». Тогда Бонапартъ также осыпалъ ихъ похвалами, вручилъ каждому изъ нихъ почетное оружіе, уплатилъ имъ дорожные расходы. Не зная болѣе, что имъ предложить, онъ спросилъ ихъ, что для нихъ было бы пріятно. Тогда къ нему приблизился одинъ изъ вандейцевъ и произнесъ: «Вернуть намъ нашихъ патеровъ!»

Вандейцы уѣхали счастливые, въ восторгѣ отъ перваго консула. Всѣ были довольны, а главнымъ образомъ Бонапартъ; онъ достигъ своей цѣли—показалъ въ Парижѣ вандейцевъ-патріотовъ, а шуанамъ далъ понять, что имъ также слѣдовало бы брать съ нихъ примѣръ.

— Къ характеристикѣ наслѣдника австрійскаго престола.—Личность теперешняго наслѣдника австрійскаго престола, эрцгерцога Франца-Фердинанда вызываетъ и въ Австріи, и за границей большое вниманіе. Всѣ чувствуютъ, что наслѣдникъ престола оказываетъ сильное вліяніе на политическое положеніе Австріи, но, пока живъ императоръ Францъ-Іосифъ, это вліяніе дѣйствуетъ, такъ сказать, подъ сурдинку. Однако вслѣдствіе престарѣлаго возраста Франца-Іосифа такое положеніе вещей не можетъ продолжаться долго, и дипломаты предчувствуютъ, что новая фигура, которая вступитъ въ ихъ игру, будетъ не изъ шаблонныхъ.

Что извѣстно достовѣрнаго о вкусахъ и взглядахъ эрцгерцога Франца-Фердинанда? Чтобы дать отвѣтъ на этотъ вопросъ, «Fortnightly Review» подвергаетъ весьма обстоятельному детальному разбору дневникъ эргерцога, который онъ аккуратно велъ во время своего кругосвѣтнаго путешествія. Правда, это путешествіе, во время котораго эрцгерцогъ посѣтилъ Британскую Индію, французскія и голландскія владѣнія въ Азіи, Австралію, Китай, Японію и, наконецъ, Соединенные Штаты, было совершено восемнадцать лѣтъ тому назадъ, когда былъ живъ отецъ эрцгерцога Франца-Фердинанда и онъ не мечталъ еще такъ скоро сдѣлаться наслѣдникомъ. Правда, что дневникъ не предназначался для большой публики, а былъ написанъ для членовъ интимнаго кружка эрцгерцога, но это только придаетъ ему большую цѣну, ибо въ немъ герцогъ могъ высказываться откровеннѣе. Затѣмъ авторъ писалъ свой дневникъ, когда ему было уже тридцать три года. Въ этомъ возрастѣ люди рѣдко мѣняются, и взгляды ихъ можно вполнѣ считать установившимися.

При чтеніи дневника бросается прежде всего въ глаза любовь автора къ родинѣ и къ роднымъ. Рождество, которое ему пришлось провести внѣ домашняго круга, прошло для него крайне грустно, и его охватила мучительная тоска по родинѣ. Онъ съ нетерпѣніемъ ждетъ вѣстей изъ Австріи, которая представляется ему «самой красивой, самой сердечной страной», и считаетъ праздникомъ тотъ день, когда ему приносятъ письмо отъ родныхъ. О себѣ онъ избѣгаетъ говорить въ дневникѣ. «Я страдаю музеоманіей»». «Я большой

Библиотека "Руниверс"

любитель природы и мечтатель». Онъ терпѣть не можетъ азартныхъ игръ, которыя не занимаютъ его, не любитъ офиціальныхъ празднествъ, гдѣ нужно надѣвать «этотъ ужасный фракъ», и банкетныхъ рѣчей, которыя онъ ненавидитъ больше всего. Изъ всѣхъ парадныхъ встрѣчъ, устроенныхъ въ честь его властями тѣхъ мѣстностей, куда онъ пріѣзжалъ, Францу-Фердинанду пріятнѣе всего вспомнить обѣдъ у вице-короля Индіи лорда Лэндсдоуна, да и то только потому, что лордъ и лэди оказались неразговорчивыми и обѣдъ прошелъ почти молча.

Во многихъ отношеніяхъ Францъ-Фердинандъ является типичнымъ Габсбургомъ, съ его преувеличенными понятіями о своемъ санѣ. Онъ пришелъ въ раздраженіе, когда на англійскомъ пароходѣ, на которомъ онъ одно время ѣхалъ, ему не позволили курить вездѣ, гдѣ онъ хотѣлъ. Американскій хозяинъ гостиницы, привѣтствовавшій его фамильярными словами: «какъ поживаете, герцогъ?» и протянувшій ему руку, привелъ его въ негодованіе. Не понравилось ему и замѣчаніе насильщика на какой-то американской станціи, удивившагося огромному количеству его багажа и спросившаго его, сколько багажа онъ везъ бы съ собой, если бъ былъ не холостой, а женатый.

Про его отца въ Вѣнѣ говорили, что онъ былъ бы идеальнымъ государемъ, если бъ онъ жилъ въ XIV вѣкѣ. Замѣчаніе это справедливо и относительно его сына: его симпатіи принадлежатъ скорѣе прошлому, чѣмъ настоящему, болѣе восточному, чѣмъ западному. Вездѣ на Востокѣ онъ интересуется не европейцами, а туземцами. Онъ врагъ подражанія европейцамъ, жалѣетъ, что туземное, колоритное подмѣнивается европейскимъ, шаблоннымъ. Подражаніе европейцамъ ему кажется даже непатріотическимъ, и онъ строго осуждаетъ японцевъ за ихъ стремленіе превратить свою страну въ современное государство англо-французско-нѣмецкаго типа.

Рядомъ съ габсбургскими инстинктами абсолютизма въ герцогѣ совмѣщаются и черты, напоминающія его предка Іосифа II. «Würde bring Bürde» (санъ налагаетъ тяжелыя обязанности) заявляетъ онъ, и прежде всего обязанность дѣлиться своимъ достаткомъ съ нуждающимся. Онъ прямо порицаетъ Англію за ея пренебреженіе къ нуждамъ мелкихъ фермеровъ и приходитъ въ ужасъ отъ заскорузлаго равнодушія, съ которымъ американцы относятся къ поразительной противоположности между колоссальными богатствами и голодной нищетой, уживающимися у нихъ бокъ-о-бокъ.

Любопытно отношеніе будущаго австрійскаго императора къ военному дѣлу. Онъ порицаетъ тѣхъ правителей, которые относятся равнодушно къ усиленію военной мощи своей страны, но казовая сторона дѣла—смотры, парады и вообще всякая игра въ солдаты—не забавляетъ его. Во время путешествія онъ дѣятельно осматриваетъ артиллерійскіе склады, казармы и заводы, броненосцы, одинаково интересуясь какъ новѣйшими усовершенствованіями въ области военнаго дѣла, такъ и тѣмъ, что ѣдятъ солдаты и на чемъ они спятъ.

Австралія красотой своей природы очаровала эрцгерцога, но демократическая свобода и равенство и здѣсь больно задѣли его габсбургское самочувствіе. Однажды въ жаркій воскресный день, сидя на балконѣ гостиницы, герцогъ приказалъ принести ему бокалъ пива, но получилъ отказъ. Ссылаясь на законъ,

Библиотека "Руниверс"

воспрещавшій продажу по воскресеньямъ спиртныхъ напитковъ въ публичныхъ мѣстахъ, хозяинъ предложилъ ему, если ужъ онъ такъ хочетъ пива, зайти къ нему въ комнату и тамъ утолить свою жажду. И высокому путешественнику пришлось подчиниться столь суровому закону. Францъ-Фердинандъ пристально приглядывался къ австралійской жизни, свелъ даже нѣсколько знакомствъ съ такъ называемыми скваттерами. Несмотря на несимпатичную ему демократичность, въ основѣ австралійской жизни лежитъ, по его наблюденію, значительная доля патріархальности, и это миритъ съ нею наблюдателя.

Англичане представляются ему сухимъ, практическимъ народомъ, сильная сторона котораго въ умѣніи всюду навести чистоту и комфортъ, недостатокъ—въ стремленіи устраиваться съ комфортомъ, не обращая вниманія на другихъ. Въ глубинѣ сердца онъ, очевидно, считаетъ англичанъ грубымъ народомъ. Охота на птицъ въ Индіи, когда погибаетъ, ради забавы спортсменовъ, масса пернатыхъ, когда охота обставлена такъ, что птица лишена всякой возможности спастись отъ выстрѣла, возмущаетъ его, какъ простая бойня.

Въ новой Каледоніи августѣйшему путешественнику сначала было очень неуютно. Началось съ того, что въ отвѣтъ на австрійскій гимнъ ему пришлось выслушать стоя революціонную марсельезу. Республиканскій строй и духъ Новой Каледоніи, казалось, долженъ былъ бы враждебно настроить эрцгерцога противъ ея французскаго населенія. Но у Франца-Фердинанда, видимо, врожденная любовь ко всему французскому и на французскомъ пароходѣ онъ чувствовалъ себя гораздо лучше, чѣмъ на англійскомъ. «Каждый уголокъ парохода у французовъ оглашался веселымъ смѣхомъ, оживленными разговорами, жизнерадостными криками», тогда какъ у англичанъ все было чопорно, а воскресенье было ужаснымъ днемъ скуки.

Еще менѣе, чѣмъ англичане, нравятся ему американцы. Въ ихъ характерѣ есть стремленіе къ величавому, но это стремленіе часто переходитъ въ грубость, въ гротескъ. Они поступаютъ съ природой, какъ настоящіе сверхлюди. Но, къ сожалѣнію, они такъ же поступаютъ и со своими ближними. Ихъ грубость поразительна, и даже постояльцы не могутъ добиться отъ своего хозяина гостиницы иного отвѣта, кромѣ угрюмаго «не знаю», разъ дѣло не касается долларовъ или его профессіональныхъ обязанностей. По словамъ высокаго наблюдателя, на лицахъ американца никогда не увидишь улыбки, друзья, встрѣчаясь, не имѣютъ даже времени пожать другъ другу руки. Подкупъ проникаетъ во всѣ сферы жизни: отъ него не свободны даже судьи, и такъ какъ правосудія нерѣдко добиться бываетъ трудно, то дѣйствуетъ правило: стой самъ за себя.

Хуже американцевъ для Франца-Фердинанда только китайцы. «Подозрительный и вѣроломный характеръ китайцевъ, вся ихъ природа, насквозь пропитанная эгоизмомъ, дѣлаетъ этотъ народъ самымъ отталкивающимъ», замѣчаетъ онъ въ дневникѣ. Напротивъ, японцы поразили его своей способностью къ матеріальному и особенно военному прогрессу, и страхи «желтой опасности» не чужды и ему. Онъ пророчитъ, что когда-нибудь Европѣ придется горько раскаяться въ томъ, что она, въ слѣпомъ соревнованіи, открыла секреты своей мощи желтолицымъ сынамъ Азіи. Таковы въ общихъ чертахъ путевыя наблю-

Библиотека "Руниверс"

денія эрцгерцога Франца-Фердинанда. Они мѣтки и весьма характерны для него самого.

— Семейная драма Орлеановъ.—По мѣрѣ того, какъ историки все болѣе и болѣе проникаютъ въ психологію герцога Орлеанскаго, прозваннаго Egalité, эта странная фигура герцога-революціонера постепенно теряетъ свою величавость и сокращается до весьма ничтожныхъ размѣровъ. Мало найдется людей, на которыхъ взваливали бы столько обвиненій. Одно время было принято обвинять его во всѣхъ эксцессахъ революціи: въ немъ видѣли подстрекателя къ сентябрьскимъ убійствамъ, импрезаріо всѣхъ бунтовъ, которые опрокинули французскій тронъ. На самомъ дѣлѣ герцогъ Филиппъ Эгалите оказывается такимъ же слабымъ и нерѣшительнымъ, какъ и Людовикъ XVI, дѣятельнымъ соперникомъ котораго его представляютъ. Но король, по крайней мѣрѣ, сознавалъ свое ничтожество, и въ этомъ было его преимущество передъ его двоюроднымъ братомъ, воображавшимъ себя твердымъ и прозорливымъ. Приводятъ слова Филиппа Эгалите, изъ которыхъ видно, что онъ совершенно не понималъ надвигающихся событій. Въ 1789 году онъ держалъ пари, что генеральные штаты разойдутся, не добившись даже уничтоженія lettres de cachet. Черезъ три года онъ же писалъ: «Все идетъ хорошо. Собраніе превосходно». А этимъ «превосходнымъ собраніемъ» былъ конвентъ, отправившій его на эшафотъ!

Сначала онъ попробовалъ лояльно снискать себѣ расположеніе Людовика XVI, отъ котораго его устранила враждебная и ловкая интрига. Король также желалъ этого сближенія. 1-го января 1792 года—послѣдняго года старинной королевской власти—Филиппъ Эгалите явился во дворецъ. Не зная о происшедшемъ между нимъ и королемъ примиреніи, придворные не допустили его до короля и оскорбили его. Филиппъ уѣхалъ обратно. Пока онъ спускался по лѣстницѣ дворца, кто-то плюнулъ на него. Увѣряли, что при этомъ оскорбленіи онъ даже не поднялъ головы и въ тотъ же вечеръ безъ сожалѣній и безъ гнѣва навсегда простился съ монархіей.

Въ 1792 году, когда была объявлена война, онъ просилъ, чтобы его возстановили въ чинѣ адмирала, но получилъ отказъ. Не раздражаясь и не удивляясь, онъ надѣваетъ гардемаринскій мундиръ и хочетъ записаться добровольцемъ во Фландрскій полкъ. Его не принимаютъ, и онъ покорно возвращается назадъ. Когда парижская коммуна, замѣняя старинныя фамилія новыми, даетъ ему прозвище Эгалите, онъ чувствуетъ, что это глупо, но разсыпается въ горячихъ благодарностяхъ, дѣлая видъ, что онъ польщенъ этимъ чрезвычайно, и вывѣшиваетъ у себя на дверяхъ объявленіе о томъ, что если кто-нибудь изъ его лакеевъ осмѣлится назвать его впредь иначе, то будетъ наказанъ штрафомъ въ пять франковъ. Революцію онъ не понимаетъ, и она, видимо, забавляетъ его, внося въ его жизнь развлеченіе. Какъ истый парижанинъ, онъ любитъ вмѣшиваться во все, появляется въ клубѣ якобинцевъ, забавляясь тѣмъ, какъ эти добрые буржуа обращаются съ нимъ за панибрата. Онъ участвуетъ въ конвентѣ по склонности ко всему необычайному и даже будетъ вотировать за смерть ко-

[1]) «Le Temps». 1913 № 19107.

Библиотека "Руниверс"

роля—не по жестокости, не изъ мстительности, а просто по безпечности, по неспособности противопоставить большинству свое собственное мнѣніе и, что всего невѣроятнѣе, по фатовству. И, въ свою очередь, когда его повезутъ по улицамъ Парижа на эшафотъ, эта поѣздка будетъ для него необычайнымъ спектаклемъ. Онъ умретъ съ такой же легкомысленностью, съ такой же беззаботностью, съ какой жилъ всю жизнь.

Въ 1793 году, когда его арестовали въ Пале-Роялѣ, бумаги его были конфискованы и черезъ десять лѣтъ переданы во французскій институтъ. Отъ этихъ бумагъ ждали большихъ разоблаченій, но напрасно. Теперь онѣ напечатаны, и легендарное «чудовище» революціи превратилось на нашихъ глазахъ въ слабаго, безхарактернаго человѣка.

Но если эти бумаги и письма не раскрываютъ передъ нами политическихъ тайнъ, онѣ крайне интересны въ томъ смыслѣ, что раскрываютъ семейную драму Орлеановъ. Въ центрѣ этой драмы—тихая и покорная герцогиня Орлеанская, дочь герцога Пантіевра. Она страстно любила мужа. Выйдя замужъ шестнадцати лѣтъ, она принесла ему огромное состояніе. Отъ этого брака родилось пять человѣкъ дѣтей: герцогъ Шартрскій (будущій король Людовикъ-Филиппъ), герцогъ де-Монпансье, двѣ дочери-близнецы Аделаида и Блуа и графъ Божоле. Филиппъ слылъ примѣрнымъ супругомъ, пока при его дворѣ не появилась извѣстная m-me де-Жанлисъ. Она вступила въ свѣтъ съ жаждой господства и съ готовымъ планомъ жизни, который она осуществляла съ неуклонной послѣдовательностью, граничащей съ жестокостью.

Едва появилась эта ловкая, кокетливая женщина, какъ сердце Филиппа было покорено. M-me де-Жанлисъ стала его любовницей. Герцогиня знала это, но никто не слышалъ отъ нея ни жалобъ, ни упрековъ. Она, вѣроятно, нашла бы въ себѣ довольно нравственной силы, чтобъ простить даже m-me де-Жанлисъ, если бы ея чуткій инстинктъ жены и матери не подсказывалъ ей, что эта женщина будетъ злымъ геніемъ ея семьи и дѣтей.

Де-Жанлисъ не могла тѣшить себя мыслью, что ея отношенія къ герцогу продлятся долго. Она была слишкомъ горда, чтобы ее можно было устранить безъ всякаго вознагражденія, и знала, что можно достичь многаго, если прибрать къ рукамъ эта слабовольную натуру. Нужно овладѣть дѣтьми, если нельзя забрать герцога, и тогда можно будетъ держать въ рукахъ всю его семью! И вотъ она добивается того, что ее назначаютъ гувернанткой маленькихъ принцевъ. Теперь она всецѣло господствуетъ надъ ихъ умомъ и сердцемъ. Герцогиня сначала вполнѣ соглашается на эту комбинацію и осыпаетъ новую гувернатку знаками своей признательности. Но мало-по-малу она замѣчаетъ, что дѣти оторваны отъ нея, что она не смѣетъ даже поцѣловать ихъ, когда ей хочется. На все есть свой часъ, установленный деспотической воспитательницей. Она зоветъ къ себѣ кого-нибудь изъ дѣтей на обѣдъ и получаетъ отвѣтъ: нельзя, m-me де-Жанлисъ запретила это. Герцогиня сердится, требуетъ объясненій и убѣждается, что ея роль сведена къ нулю. Монотонной жизни въ Пале-Роялѣ дѣти предпочитаютъ веселую суетню въ Бельшассъ, гдѣ ихъ держатъ вдали отъ матери. Когда наступаетъ революція, бѣдная герцогиня убѣждается, что она потеряла всякое вліяніе на своихъ дѣтей. Философское воспитаніе, ко-

Библиотека "Руниверс"

торое они получили, принесло свои плоды, даже дочь Аделаида,—другая умерла уже,—становится ей враждебна. Люди, которыхъ принимаютъ въ Бельшассъ, все это Петіоны, Бареры, враги потрясеннаго трона. Младшій изъ принцевъ поступаетъ въ клубъ якобинцевъ. Несчастная мать, считая, что уже довольно ей гнуть шею, дѣластъ попытку возстановить свой авторитетъ. Будучи преданной религіи, она не хочетъ, чтобы ея дѣти подчинялись священникамъ, принявшимъ присягу: послѣдніе въ ея глазахъ еретики. Они пишетъ на эту тему умоляющее письмо герцогу Шартрскому. Тотъ вѣжливо отвѣчаетъ, что ей незачѣмъ насиловать его совѣсть: онъ одобряетъ поведеніе священниковъ, принявшихъ присягу, и возьметъ себѣ духовника изъ ихъ среды.

Возмутившись наконецъ, герцогиня требуетъ, чтобы m-me де-Жанлисъ оставила ея семью. Отвѣтивъ сначала отказомъ, воспитательница соображаетъ, что выгоднѣе будетъ уступить требованію и разыграть изъ себя роль жертвы. Она готова исполнить это требованіе, но не сейчасъ. Принцесса Аделаида переживаетъ критическое время и можетъ надѣлать глупостей, если ее оставить одну. Однако герцогиня на этотъ разъ твердо настаиваетъ на своемъ, и ловкой пройдохѣ приходится покинуть Бельшассъ. Но предварительно она настраиваетъ соотвѣтствующимъ образомъ свою питомицу и, когда chère maman, такъ называли ее дѣти герцогини,—удаляется, Аделаида начинаетъ плакать и, что называется, рвать и метать. Не зная, что дѣлать, герцогъ умоляетъ m-me де-Жанлисъ вернуться какъ можно скорѣе, та соглашается, возвращается съ тріумфомъ и увозитъ свою питомицу въ Англію, чтобы обезопасить себя отъ всякихъ покушеній со стороны герцогини.

Въ свою очередь, и герцогиня, видя, что ее обошли, бросаетъ мужа, возвращается къ своему отцу и поднимаетъ вопросъ о разводѣ. Ея старшій сынъ уже въ арміи. Письма, которыя присылаетъ братьямъ этотъ будущій король, подписаны имъ такъ: «Людовикъ-Филиппъ, французскій принцъ во искупленіе своихъ грѣховъ и якобинецъ до мозга костей». Младшій его братъ, оставшійся въ Парижѣ, именуетъ себя не иначе, какъ гражданиномъ Альфонсомъ Леодгардомъ.

Семья герцога Орлеанскаго, когда-то такая сплоченная и дружная, теперь разсѣялась: Пале-Рояль пустъ, и въ него входитъ революція. Она готовитъ для отца эшафотъ, для матери и старшаго сына изгнаніе, для другихъ тюрьму, для дочери проскрипцію. Съ двадцати лѣтъ они уже не увидятъ больше Франціи, а на тѣхъ изъ нихъ, которые въ нее вернутся, посыплются невзгоды и несчастья. Недаромъ Людовикъ-Филиппъ, ставъ королемъ и вспоминая семейную катастрофу, свидѣтелемъ которой онъ былъ самъ, будетъ требовать, чтобы вся его семья жила непремѣнно при немъ.

Изъ исторіи кулинарнаго искусства.—Какіе успѣхи сдѣлало со времени среднихъ вѣковъ кулинарное искусство, показываетъ примѣръ страны, жители которой славятся въ Западной Европѣ своимъ умѣньемъ хорошо покушать,—Эльзаса. Нѣсколько столѣтій тому назадъ главную роль въ обѣдѣ играла всякаго рода зелень. Въ капитуляріяхъ Карла Вели-

[1]) «Frankf. Zeit», № 309. 1913.

Библиотека "Руниверс"

каго приказывается разводить въ казенныхъ имѣніяхъ гораздо больше сортовъ зелени, чѣмъ мы употребляемъ въ пищу теперь. Въ кулинарной «Книгѣ травъ» Жерома Бока, вышедшей въ Страсбургѣ въ 1557 году, говорится даже о листьяхъ фіалки, изъ которыхъ приготовляется салатъ съ крапивой, о репейникахъ и т. п. несъѣдобныхъ въ настоящее время растеніяхъ. Салаты изъ всѣхъ этихъ травъ приготовлялись довольно первобытнымъ способомъ: масла и уксуса тогдашніе повара не знали: оливковое масло считалось итальянской роскошью. Соленый вкусъ достигался прибавленіемъ ко всему хрѣна. Происхожденіе кислой капусты теряется въ отдаленной древности. Повидимому, германскія хозяйки были хорошо знакомы съ этимъ кушаньемъ, которое считалось особенно изысканнымъ и подавалось только по воскреснымъ днямъ. Артишоки и цвѣтная капуста вошли въ употребленіе сравнительно недавно.

Появленіе изъ Америки картофеля произвело цѣлый переворотъ въ питаніи человѣчества. Бѣдный классъ населенія сталъ питаться исключительно имъ, и несъѣдобныя травы мало-по-малу были оставлены.

Что касается дичи, то наше современное меню не такъ разнообразно въ этомъ отношеніи, и кое-какіе средневѣковыя кушанья теперь уже вышли изъ употребленія. Еще въ XVII вѣкѣ подавался бобръ подъ соусомъ. Особымъ лакомствомъ считались медвѣжьи лапы. Послѣдній медвѣдь былъ убитъ въ Европѣ въ Вогезскихъ горахъ въ 1786 году. Мода на жаркое изъ медвѣжьихъ лапъ до сихъ поръ сохранилась въ Бернѣ, въ Швейцаріи. Тамъ имѣется особый медвѣжій звѣринецъ, обитатели котораго время отъ времени убиваются и попадаютъ на столъ бернскихъ гражданъ.

Большую роль при изготовленіи кушаній играли пряности. Нёбо старинныхъ людей не отличалось особой чувствительностью, и потому пряности клались въ кушанья въ огромномъ количествѣ. Брюггскіе, кельнскіе и аугсбургскіе купцы ѣздили за ними обыкновенно на Востокъ. Изъ Мекки привозился инбирь, Суматра и Малабаръ доставляли перецъ и мускатный орѣхъ. Старинный хроникеръ Ришаръ-де-Клюни разсказываетъ, что купцы, продавая свои товары, прибѣгали ко всякимъ обманамъ, напримѣръ, чтобы придать больше вѣсу перцу, опускали его на нѣкоторое время въ расплавленный свинецъ, давая ему возможность пропитаться этимъ металломъ и затѣмъ уничтожали снаружи всѣ его слѣды. Но такими экзотическими приправами могли пользоваться только богатые люди. Средній обыватель сдабривалъ свои кушанья мѣстными растеніями, которыя теперь встрѣчаются только въ аптекахъ: перечной мятой, бальзаминомъ и т. п. Въ Вормсѣ существовали цѣлые плантаціи шафрана.

Что именно ѣли въ Западной Европѣ, извѣстно только приблизительно, зато точно можно сказать, сколько ѣли. Это показываютъ сохранившіяся расходныя книги, которыя у насъ въ старинной письменности именуются «столовыми книгами». Ѣли всегда непомѣрно много. Особенно обильны были монастырскія трапезы и угощенія. Монахи Страсбурга имѣли обыкновеніе дважды въ годъ, на Рождество и на Пасху, угощать обѣдомъ своихъ базельскихъ собратьевъ. Сохранилось меню такого угощенія, предложеннаго въ 1490 году

Библиотека "Руниверс"

епископомъ Генрихомъ Горбургскимъ. Главное мѣсто въ этомъ угощеніи занимала свинина, и для двадцати четырехъ гостей убивались не болѣе, не менѣе, какъ девять свиней. Свѣтскіе люди не отставали отъ монаховъ, и сатирикъ Фишартъ изъ Страсбурга говоритъ въ одномъ изъ своихъ произведеній, что однажды за обѣдомъ онъ насчиталъ не менѣе пятидесяти четырехъ блюдъ!

По мѣрѣ того, какъ облагораживался вкусъ, падалъ и этотъ непомѣрный аппетитъ. Число блюдъ сокращалось, но приготовленіе ихъ стало уже своего рода искусствомъ. Въ XVII вѣкѣ въ нѣмецкой литературѣ появляются многочисленныя сочиненія по кулинарному дѣлу и между прочимъ ученѣйшее сочиненіе адвоката Шарля Жерара, въ которомъ находимъ исторію знаменитыхъ страсбургскихъ паштетовъ.

Въ 1762 году военнымъ губернаторомъ Эльзаса былъ нѣкій маршалъ де-Контадъ. Онъ привезъ съ собой своего повара-нормандца Клоза, который слылъ великимъ мастеромъ своего дѣла. Этому Клозу и принадлежитъ честь изобрѣтенія страсбургскаго пирога, безъ котораго не обходится и теперь ни одинъ большой обѣдъ. Клозъ взялъ мелко рубленное телячье мясо, свалялъ его въ видѣ пирога и окружилъ ярко подрумяненной коркой тѣста. Оставалось придать новому кушанью пикантность, и Клозъ нашелъ ее въ ароматныхъ трюфеляхъ. Когда маршала перевели изъ Эльзаса, Клозъ вернулся въ Страсбургъ. Здѣсь онъ женился на вдовѣ какого-то булочника, открылъ собственное заведеніе и сталъ приготовлять свои страсбургскіе пироги, которымъ суждено было покорить впослѣдствіи весь міръ.

— Одинъ изъ доморощенныхъ Вольтеровъ [1]). Слава не удержалась за именемъ Жака Феве-Мужо и его бюста не видно среди статуй писателей, украшающихъ кулуары театра «Французской Комедіи». Но на его долю выпало рѣдкое счастье быть кумиромъ толпы и прослыть еще при жизни соперникомъ Корнеля, Расина и Вольтера.

Жакъ Феве-Мужо никогда не былъ въ Парижѣ, и слава сама разыскала его въ его родномъ городѣ Баръ-Ле-Дюкѣ, гдѣ онъ былъ адвокатомъ. Онъ говаривалъ, что онъ не проигралъ еще ни одного процесса: достаточно было передать ему дѣло, и оно непремѣнно рѣшалось въ его пользу. Злые языки въ судѣ утверждали, впрочемъ, что дѣйствительно Феве-Мужо не проигрывалъ своихъ дѣлъ, но это по той простой причинѣ, что у него ихъ не было. Въ самомъ дѣлѣ этотъ провинціальный адвокатъ былъ не богатъ, и это свидѣтельствуетъ о томъ, что кліенты не очень осаждали его кабинетъ.

Старый холостякъ Феве-Мужо проводилъ свои вечера большею частью у прилавка тетки Дюбуа, гдѣ поражалъ и приводилъ въ изумленіе завсегдатаевъ этой маленькой гостиницы своимъ неимовѣрнымъ литературнымъ хвастовствомъ. Онъ безъ церемоніи прерывалъ партіи въ домино или въ бостонъ громкой декламаціей своихъ литературныхъ упражненій. Въ 1810 годахъ этотъ адвокатъ безъ практики, которому уже было подъ пятьдесятъ лѣтъ, занявъ свое насиженное мѣстечко въ гостиницѣ, вынималъ изъ кармана толстую рукопись, становился въ позу и, къ развлеченію праздныхъ зѣвакъ и досадѣ

[1]) «La Temps». 1913. № 19102.

Библиотека "Руниверс"

серьезныхъ игроковъ, начиналъ читать свою новую драму «О двухъ сиротахъ», потерпѣвшихъ кораблекрушеніе, и о ихъ счастливой судьбѣ. Несмотря на нѣсколько длинное заглавіе, драма сама по себѣ была довольно коротка. Долго мучилъ Жакъ Феве-Мужо своихъ смѣнявшихся слушателей этой драмой, пока наконецъ «Двѣ сироты» не стали извѣстны хотя бы по заглавію каждому обитателю его родного городка. Куда бы ни приглашали Феве-Мужо, неистовый драматургъ неизмѣнно приносилъ свое дѣтище и непремѣнно начиналъ свое чтеніе. Сначала это всѣхъ забавляло, потомъ стало надоѣдать. Наконецъ жители Баръ-Ле-Дюка, которымъ житья не стало отъ этихъ «Сиротокъ», рѣшили отомстить ихъ автору и сыграть съ нимъ забавную штуку.

Какъ разъ въ это время въ Баръ-Ле-Дюкѣ подвизалось проѣздомъ какое-то артистическое товарищество. И шутникамъ удалось убѣдить директора этой труппы, что онъ возьметъ полный сборъ, если поставитъ «Двухъ сиротокъ». Импресаріо обратился къ автору. Феве-Мужо, понявъ, что насталъ день его славы, торжественно вручилъ ему знаменитый манускриптъ. Немедленно приступили къ репетиціи драмы, и 6-го октября 1808 года состоялось первое ея представленіе. Никогда еще театръ въ Баръ-Ле-Дюкѣ не видалъ такого множества зрителей.

Чего, чего не было въ этой драмѣ! И волны, и кораблекрушеніе, совершавшееся подъ занавѣсъ, и пустынный берегъ, казавшійся земнымъ раемъ обѣимъ сиротамъ, Юліи и Юліи, влюбленнымъ другъ въ друга.

Но, несмотря на всѣ эти нелѣпости, театральный залъ былъ переполненъ, и представленіе превратилось въ сплошной тріумфъ, умѣло подготовленный и организованный шутниками. Правда, въ залѣ иногда слышался оглушительный хохотъ, но его сейчасъ же покрывали взрывомъ апплодисментовъ. Вызовамъ автора не было конца. Его засыпали цвѣтами и вѣнками и вынесли на рукахъ въ публику. Бѣдный адвокатъ вышелъ изъ этихъ овацій едва живымъ, но зато слава его засіяла яркой звѣздой.

Нужно сказать, что какъ разъ въ это время въ Парижѣ образовалось забавное общество шутниковъ, которые изощрялись въ устройствѣ всякаго рода мистификацій и шутокъ. Публика того времени чрезвычайно любила подобныя развлеченія, и даже у императрицы Жозефины былъ свой спеціальный устроитель всякаго рода мистификацій.

Парижскій кружокъ какимъ-то образомъ провѣдалъ о тріумфахъ баръ-ледюкскаго доморощеннаго Вольтера и рѣшилъ продолжить дальше мистификацію, такъ удачно начатую его согражданами. Черезъ нѣсколько времени послѣ знаменитаго представленія «Двухъ сиротъ», Феве-Мужо получилъ письмо изъ Парижа, въ которомъ главный режиссеръ «Французской Комедіи» умолялъ его дать его знаменитую драму для постановки на сценѣ этого образцоваго театра. Режиссеръ писалъ, что драма Феве-Мужо возбудила большіе толки въ Парижѣ, что Корнель и Расинъ уже пріѣлись публикѣ и что тріумфъ для баръ-ле-дюкской драмы можно считать обезпеченнымъ.

Феве-Мужо не выдержалъ искушенія и послалъ свое литературное дѣтище въ Парижъ. Прошло, однако, нѣсколько недѣль, даже мѣсяцевъ, а о «Двухъ сиротахъ»—ни слуху, ни духу. Провинціальный Вольтеръ волнуется, видитъ

Библиотека "Руниверс"

вездѣ козни и интриги. Наконецъ въ февралѣ 1812 г. получается увѣдомленіе, что драма сыграна. Залъ былъ переполненъ, успѣхъ огромный!

Если бъ не застарѣлый ревматизмъ, счастливый авторъ немедленно полетѣлъ бы въ Парижъ наслаждаться вполнѣ своею славой. Но что дѣлать—пришлось ограничиться лишь требованіемъ гонорара. Но, увы! отвѣтъ былъ неутѣшительный. Дирекція театра сообщала, что шесть авторовъ спорятъ теперь о томъ, кто изъ нихъ настоящій авторъ знаменитой драмы, и, пока это дѣло не выяснится, гонораръ уплатить не представляется возможнымъ. Вскорѣ пришло другое письмо съ еще болѣе смущающимъ отвѣтомъ: пьеса вызвала въ обществѣ такое волненіе, что императоръ приказалъ министру полиціи разыскать настоящаго ея автора и сдѣлать ему хорошее внушеніе.

Перепуганный Феве-Мужо поспѣшилъ спрятаться у себя въ Баръ-Ле-Дюкѣ и примолкъ на все время, пока царствовалъ Наполеонъ. Когда же наступила реставрація, онъ зашевелился, пытался заинтересовать своей особой герцогиню Беррійскую. Въ концѣ концовъ, кажется, онъ такъ и не понялъ, что его шумные театральные успѣхи были результатомъ его одураченія.

Въ 1830 году, когда Феве-Мужо было уже восемьдесятъ лѣтъ, обитатели Баръ-Ле-Дюка пожелали еще разъ увидѣть на сценѣ «Двухъ сиротокъ», о которыхъ имъ такъ много приходилось слыхать отъ ихъ отцовъ и матерей. Въ театрѣ былъ устроенъ торжественный спектакль: авторъ сидѣлъ рядомъ съ префектомъ, и его, какъ почти четверть вѣка назадъ, забросали цвѣтами и вѣнками. Подобно Вольтеру, публика извлекла Феве-Мужо изъ ложи и торжественно пронесла его по улицамъ до его жилища. Крикамъ «браво!» аплодисментамъ нѣтъ конца. Тріумфъ былъ полный.

Феве-Мужо достигъ славы драматурга, за которой онъ такъ гнался, и, читая весь этотъ разсказъ, невольно спрашиваешь себя: кто же сдѣлался предметомъ шутки и мистификаціи—Фаве-Мужо, умершій въ славѣ и почетѣ, или постаравшіеся за него присяжные шутники, шутя создавшіе ему почетъ и уваженіе въ его родномъ Баръ-Ле-Дюкѣ?

— А б д у л ъ - Г а м и д ъ. — Не лишена интереса статья Изеда-Фуадъ-паши въ «Deutsche Revue» о бывшемъ султанѣ Абдулъ-Гамидѣ. Авторъ близко знаетъ султана, этого «второго бога», «тѣнь Бога», и, конечно, приписываетъ ему лишь хорошія качества. Онъ рисуетъ его человѣкомъ вѣжливымъ, находчивымъ, нѣжнымъ, терпѣливымъ, сдержаннымъ, хладнокровнымъ, но... это «но» служитъ тѣнью благополучія его царствованія.

Какая иронія бываетъ иногда въ судьбѣ султановъ! Могущественный повелитель нерѣдко зарождается въ чревѣ рабыни и вырастаетъ во всемогущаго деспота. Несмотря на то, что въ Турціи уничтожено рабство задолго до освобожденія турецкой націи, въ счастливое царствованіе Мурада, тайная торговля черкешенками продолжалась до недавняго прошлаго. Султаны не выбирали въ жены мусульманскихъ принцессъ, а предпочитали покупать или принимать въ подарокъ женщинъ кавказской расы—грузинокъ и черкешенокъ. Они не выбирали мусульманскихъ принцессъ, чтобы не возвышать до себя вмѣстѣ съ ними ихъ родныхъ. Купленная рабыня, родившая ребенка отъ султана или превратившаяся въ его законную жену официальнымъ актомъ,

Библиотека "Руниверс"

прерывала всякую связь съ родиной и родными. Только еще ея братья могли занять придворныя должности. Ей приходилось предать забвенію все прошлое, даже имя, данное ей родителями, которое на ея новой родинѣ замѣнялось названіемъ какого-нибудь цвѣтка.

Незавидная, однако, участь ожидала этихъ рабынь. Самой завидной изъ нихъ была та, которая переставала нравиться султану, не возбуждая въ немъ подозрѣній. Въ противномъ случаѣ султанъ отправлялъ ее довершать воспитаніе на тотъ свѣтъ или дарилъ ее какому-нибудь изъ своихъ албанцевъ. И, вопреки мусульманской морали и природѣ, это считалось для нея благодѣяніемъ. Когда султанъ кого-нибудь боялся, онъ дарилъ ему свою фаворитку. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ султанъ отправилъ двухъ юныхъ рабынь вглубь аравійской пустыни въ подарокъ одному юному шейху.

Будущій властитель, сынъ повелителя правовѣрныхъ, воспитывался согласно турецкимъ традиціямъ, и это воспитаніе зароняло сѣмя будущихъ отрицательныхъ сторонъ характера султана. Съ самаго ранняго дѣтства до восшествія на престолъ онъ переходилъ въ руки «даду» и «лаласа», особыхъ воспитателей. На обязанности перваго было, между прочимъ, доставлять ему юныхъ, едва расцвѣтшихъ дѣвушекъ. До самаго вступленія на престолъ онъ жилъ вмѣстѣ съ смотрителемъ за оранжереями и звѣринцемъ и евнухами.

Неудивительно поэтому, что въ такой обстановкѣ духовное развитіе султана было очень скудное. Разсказы о смутахъ и сказки не могли служить благопріятной почвой для развитія его ума. Поэтому излюбленнымъ занятіемъ будущаго монарха была охота, верховая ѣзда и праздные разговоры.

Конечно, нынѣшняя система воспитанія и въ Турціи улучшилась, но все-таки и теперь въ ней остались прежніе недочеты. Эта система сдѣлала Абдулъ-Гамида недовѣрчивымъ, пугливымъ, хотя впослѣдствіи онъ умѣлъ иногда себя сдерживать и выказывалъ хладнокровіе.

Въ Турціи дѣтей пугали своего рода бабой-ягой Иманджи. Это—фантастическое существо, среднее между чортомъ и чудовищемъ. Абдулъ-Гамидъ не избѣжалъ этой участи турецкихъ дѣтей, и это сильно отразилось на немъ, и впослѣдствіи, будучи уже взрослымъ, онъ не умѣлъ справляться съ охватившимъ его страхомъ: когда въ критическій моментъ приблизились войска, онъ вмѣсто того, чтобы стать во главѣ отряда, спрятался за платье своего «даду».

Такъ росъ Абдулъ-Гамидъ подъ мягкимъ правленіемъ своего дяди, руководимый своимъ воспитателемъ Хаджи, который не умѣлъ предусмотрѣть слѣдствій такого воспитанія. Имамъ Клатане, его первый любимый шутъ, имѣлъ на него громадное вліяніе, какъ ученый хиромантъ. Этотъ человѣкъ, пользуясь умственной неразвитостью и духовной слабостью Абдулъ-Гамида, дѣйствовалъ на его воображеніе и держалъ его въ постоянномъ страхѣ, запугивая духами.

Когда Абдулъ-Гамиду было четырнадцать лѣтъ, онъ долженъ былъ «представиться» второму Богу—султану. Хаджи уже объяснилъ ему, что онъ долженъ думать объ этой «тѣни» Бога». Выбранный изъ сераля преданный слуга познакомилъ его съ утонченными манерами двора. Юноша уже зналъ, что предъ обоими «богами» надо дрожать. Мощь обоихъ, по словамъ его настав-

Библиотека "Руниверс"

ника, была неограниченна, и второй Богъ былъ едва ли не грознѣе. Господь Богъ, создавая людей, предоставлялъ имъ самостоятельно жить и умирать естественной смертью. Напротивъ, тѣнь его—султанъ—былъ болѣе жестокъ, его власть неограниченна, и онъ отнималъ не имъ данную жизнь у тысячи существъ, не отдавая въ этомъ никакому отчета. Юнаго Абдулъ-Гамида увѣрили, что выше султана нѣтъ никого, и онъ, какъ «тѣнь Бога», править не только Турціей, но и всѣмъ міромъ. Стоитъ ему захотѣть, и однимъ знакомъ онъ можетъ свергнуть любого изъ европейскихъ монарховъ и посадить другого на престолъ.

Лала и даду должны были лелѣять принца, какъ рѣдкое растеніе, чтобы ему не приходилось даже шевелить пальцемъ. Руководящей ихъ мыслью было: «Асланимъ Изюльме!» (о, мой левъ, не причиняй себѣ заботъ!). И эту фразу Абдулъ-Гамидъ слышалъ въ сералѣ тысячу разъ въ день.

Но вотъ будущій султанъ сталъ молодымъ человѣкомъ; его кровь стала закипать и сердце усиленно биться въ присутствіи красавицъ-рабынь. И это пробужденіе юныхъ силъ въ обстановкѣ гарема вливало по каплямъ ядъ въ организмъ будущаго султана, подготовляя благопріятную почву для развитія злого недуга. «Тѣни бога» дѣйствительно пришлось, въ концѣ концовъ, превратиться въ тѣнь отъ чрезмѣрныхъ чувственныхъ удовольствій, вызвавшихъ сухотку спинного мозга, отъ которой оставался одинъ шагъ до сумасшествія.

Эти удовольствія шахъ испытывалъ и въ сералѣ и въ гаремѣ. Возвращаясь съ прогулки по парку отца, юноша прежде, чѣмъ войти въ гаремъ, заходилъ на мужскую половину. Здѣсь онъ слышалъ тѣ же глупости, что и въ гаремѣ, и онѣ крѣпко укоренялись въ его слабой головѣ. Ему внушали превратное понятіе не только о Турціи, но и объ Европѣ, и съ этими заблужденіями онъ вступилъ на престолъ.

Ставъ султаномъ, Абдулъ-Гамидъ взялъ во дворецъ двухъ братьевъ жены, а своего камердинера сдѣлалъ главнымъ надзирателемъ гарема. Хаджи-Али, стража султанскаго гарема, онъ сдѣлалъ сначала вторымъ сановникомъ, а послѣ смерти Али-бея первымъ сановникомъ. На всѣхъ большихъ выходахъ султана главный скоморохъ Махмудъ-Али шелъ впереди,—вѣроятно, этому способствовала большая сумма денегъ. Имамъ Кіатане сдѣлалъ блестящую карьеру. Онъ сталъ политическимъ сановникомъ султана и вмѣстѣ съ своимъ зятемъ, кучеромъ сераля, положилъ основаніе непреодолимой пугливости правителя.

Не будемъ останавливаться на перечнѣ чиновниковъ, нѣкоторыя обязанности которыхъ одинаковы съ придворными обязанностями при европейскихъ дворахъ. Впрочемъ, среди нихъ есть одинъ чиновникъ, обязанности котораго не встрѣчаются въ Европѣ,—снимать пауковъ и покрывало султана.

При гаремѣ полагается свой штатъ чиновниковъ. Ихъ можно узнать по головному украшенію, и на ихъ обязанности находятся заботы о семейныхъ нуждахъ султана. Часто имъ приходится увеселять султана.

Пока султанъ не заболѣлъ душевной болѣзнью, онъ въ своемъ гаремѣ былъ всегда милостивъ со всѣми.

Библиотека "Руниверс"

Евнухи теперь уже не играютъ роли въ Турціи. Абдулъ-Гамидъ придерживался въ гаремѣ всѣхъ обычаевъ своихъ предшественниковъ, и въ его свитѣ нельзя было найти имени, принадлежавшаго къ привилегированному классу или даже буржуазіи, за исключеніемъ нѣсколькихъ случайно попавшихъ офицеровъ.

Присутствіе евнуховъ при дворѣ султановъ встрѣчается съ самаго завоеванія Константинополя, когда полудикіе султаны вошли въ роскошные дворцы и всячески старались не вступать въ соприкосновеніе съ народомъ. Это отчужденіе дошло до того, что ни одинъ изъ чиновниковъ, не принадлежавшихъ непосредственно къ свитѣ султана, не смѣлъ являться къ нему. Та же отчужденность царила при Абдулъ-Гамидѣ и даже когда происходилъ серьезный политическій конфликтъ, султанъ не присутствовалъ на совѣтѣ, а узнавалъ, о чемъ тамъ говорили, чрезъ молодого, болѣе другихъ развитаго евнуха Надира. Наиболѣе образованный изъ евнуховъ султана, Надиръ зналъ всѣ его манеры и былъ неизбѣжнымъ его орудіемъ. Иногда въ залѣ совѣта ставилась перегородка, и султанъ прятался за нее и подслушивалъ, чтобы убѣдиться, не составляетъ ли совѣтъ заговора противъ него.

Въ теченіе двадцати пяти лѣтъ онъ видѣлъ своихъ братьевъ и близкихъ родственниковъ не болѣе двухъ-трехъ разъ. Онъ видѣлся только съ тѣми сыновьями и племянниками, которые стояли не близко къ его престолу. Доступъ въ его аппартаменты имѣли лица не опасныя для него. Онъ выбиралъ политическихъ дѣятелей только изъ тѣхъ лицъ, которыя по своему образованію и происхожденію были неподкупны и съ которыми ему было безопасно имѣть дѣло.

Евнухи набирались изъ Абиссиніи или Судана, но не изъ арабовъ.

Каждую пятницу въ двѣнадцать часовъ султанъ отправлялся въ свою кокетливую мечеть на селямикъ. Этотъ старинный обычай Османидовъ превратился въ своего рода хитрость султана, чтобы такимъ образомъ сдѣлать смотръ войскамъ. Какъ только султанъ покидалъ свои аппартаменты, изъ внутреннихъ покоевъ выходилъ слуга съ большимъ мѣшкомъ для совершенія суевѣрнаго обычая. Онъ состоялъ въ томъ, что раздавали собакамъ хлѣбъ, которымъ предварительно натирали тѣло и голову султана. Это старинное повѣрье, предохраняющее будто бы отъ несчастья. Эта церемонія очень занимаетъ гаремныхъ дамъ. Около воротъ, чрезъ которыя проходитъ султанъ, разставляются пажи. Когда султанъ проходитъ подъ воротами, они восклицаютъ: «О, свѣтлый падишахъ, не будь гордъ, надъ тобой есть Богъ». На это отвѣчаютъ другіе пажи громче первыхъ, какъ бы желая заглушить впечатлѣніе первой фразы. «О, мой повелитель, живи спокойно и долго».

Абдулъ Гамидъ ввелъ обычай ѣздить въ мечеть въ экипажѣ, тогда какъ прежде султаны совершали свой путь верхомъ. Обыкновенно его сопровождалъ герой Плевны Османъ-паша, но послѣ его смерти эта честь перешла къ военному министру Ризѣ-пашѣ.

Эта церемонія, несмотря на ея религіозный характеръ, была чисто военной. Поэтому среди многочисленной толпы особенно выдѣлялись мундиры. Сущность ея состоитъ въ томъ, что повелитель правовѣрныхъ отдается еженедѣльной

Библиотека "Руниверс"

молитвѣ, въ которой возвеличивается имя султана, и этимъ каждый разъ освящается могущественная власть султана. Съ Магомета, когда владѣнія династіи Фатимидовъ перешли къ оттоманскимъ государямъ, сдѣлавшимся духовными вождями мусульманъ, къ религіозной церемоніи присоединилась еще и военная пышность селямлика. Ни въ какомъ случаѣ султанъ не можетъ отложить своего выхода. Въ теченіе тридцати трехъ лѣтъ своего царствованія Абду лъ-Гамидъ не пропустилъ ни одного раза, совершивъ такимъ образомъ 1700 молитвъ и 1700 парадовъ.

Проѣзжая мимо штандартовъ отдѣльныхъ частей и иностранныхъ зданій, султанъ привѣтствуетъ ихъ. Вся эта церемонія утомляетъ его, но отдыхать ему некогда, такъ какъ вслѣдъ за нею начинается пріемъ пословъ.

Даже въ мечети султанъ невидимъ для другихъ и находится въ отдѣльномъ помѣщеніи за рѣшеткой. Послѣ молитвы съ балкона онъ дѣлаетъ смотръ войску, проходящему церемоніальнымъ маршемъ, или посылаетъ приближеннаго къ генераламъ съ приказомъ распустить войска. Затѣмъ онъ возвращается во дворецъ съ приближенными къ нему лицами. Абдулъ-Гамидъ правилъ лошадьми обыкновенно самъ. Его сопровождаютъ нѣсколько отрядовъ жандармовъ до главныхъ воротъ.

Пріемъ пословъ производился при слѣдующей церемоніи. Посолъ, войдя въ первую дверь, останавливался въ ожиданіи. Султану докладывали: «Бѣдный, нагой, умирающій съ голоду христіанинъ проситъ аудіенціи у вашего величества».—«Пусть его войдетъ и дайте ему ѣсть». Послѣ этого посла вводили въ столовый залъ.

Теперь эта церемонія измѣнена. Посланниковъ принимаютъ, какъ друзей, и они уже не ожидаютъ пріема на дворахъ: для этого приготовленъ роскошный покой.

Библиотека "Руниверс"

СМѢСЬ.

ЗАСѢДАНІЯ академіи наукъ. 27-го октября въ большомъ конференцъ-залѣ состоялось торжественное засѣданіе императорской академіи наукъ, посвященное памяти почетнаго академика графа А. А. Голенищева-Кутузова. На засѣданіи присутствовали, президентъ академіи его высочество великій князь Константинъ Константиновичъ, родственники покойнаго графа, члены государственнаго совѣта: А. С. Ермоловъ, И. П. Шиповъ, С. М. Лукьяновъ, А. В. Васильевъ, К. С. Немѣшаевъ, С. Ѳ. Ольденбургъ; чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ А. А. Смирновъ; академики: вице-президентъ академіи П. В. Никитинъ, А. Ѳ. Кони, А. А. Шахматовъ, И. П. Бородинъ, М. А. Рыкачевъ, Н. А. Котляревскій, Б. Б. Голицынъ, Ѳ. Н. Чернышевъ, П. П. Кондаковъ и др. Великій князь Константинъ Константиновичъ прочелъ докладъ, посвященный памяти почетнаго академика графа А. А. Голенищева-Кутузова. Послѣ него на каѳедру взошелъ бывшій оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода, членъ государственнаго совѣта С. М. Лукьяновъ, который въ своемъ обширномъ докладѣ охарактеризовалъ творческую дѣятельность графа, какъ поэта и художника слова. Докладчикъ не можетъ согласиться съ В. С. Соловьевымъ, который назвалъ графа А. А. Голенищева-Кутузова «поэтомъ смерти и нирваны». С. М. Лукьяновъ не согласенъ съ тѣмъ, что покойный графъ въ смыслѣ душевнаго настроенія былъ буддистомъ, смотрѣлъ на жизнь земную и загробную съ большимъ пессимизмомъ. Это невѣрно. Его «буддизмъ» почти цѣликомъ совпадаетъ съ христіанствомъ, его пессимизмъ просвѣтляющійся, далекій отъ отчаянія, побѣжденный. А. А. Голенищевъ-Кутузовъ былъ русскій поэтъ, связанный съ русской дѣйствительностью, а его міровоззрѣніе было чисто европейско-христіанское. Сердцу покойнаго графа была близка русская при-

Библиотека "Руниверс"

рода, онъ любилъ русскій бытъ, русскую молодежь и русскую женскую душу. С. М. Лукьяновъ былъ награжденъ аплодисментами. 19-го октября въ часъ дня, въ маломъ конференцъ-залѣ императорской академіи наукъ состоялось двадцатое присужденіе премій имени А. С. Пушкина. На конкурсъ въ настоящемъ году поступили отъ 30 авторовъ разнаго рода литературныя произведенія. Въ этомъ числѣ оказалось 15 сборниковъ стихотвореній (13 оригинальныхъ и 2 переводныхъ), 2 сборника драматическихъ произведеній, 10 беллетристическихъ произведеній въ прозѣ и одно изслѣдованіе о творчествѣ Пушкина. Для разсмотрѣнія всѣхъ означенныхъ произведеній была образована комиссія, въ составъ которой вошли ординарные академики: А. А. Шахматовъ, С. С. Фортунатовъ, А. И. Соболевскій, Н. А. Котляревскій, почетные академики: А. Ѳ. Кони, Д. Н. Овсянико-Куликовскій и А. А. Измайловъ, ординарные академики: Н. П. Кондаковъ, В. М. Истринъ, почетные академики: К. Р., К. К. Арсеньевъ. А. Н. Веселовскій, профессоръ Ѳ. Д. Батюшковъ и гг. Г. А. Рачинскій, Ю. А. Веселовскій и В. А. Брюсовъ. Одобреніе комиссіи получили сочиненія: П. Сергѣевича (П. С. Пороховщикова) «Искусство рѣчи на судѣ», П. Е. Щеголева—«Пушкинъ—очерки», Т. Л. Щепкиной-Куперникъ—«Сказаніе о любви» и А. М. Федорова—«Жатва», разсказы и собраніе сочиненій «Утро». Закрытой баллотировкой присуждено: П. Сергѣичу и П. Е. Щеголеву по половинной преміи имени Пушкина по 500 р. каждому, а Т. Щепкиной-Куперникъ и А. М. Федорову—почетные отзывы имени поэта. Въ видѣ признательности рецензентамъ постановлено выдать пушкинскія золотыя медали Ѳ. Д. Батюшкову, В. Я. Брюсову, А. Ѳ. Кони, Д. Н. Овсянико-Куликовскому и Г. А. Рачинскому. Слѣдующій ближайшій 21-й пушкинскій конкурсъ послѣдуетъ въ 1915 году, срокомъ для доставленія сочиненіи на этотъ конкурсъ назначено 29-го января 1914 года.

Въ литературномъ фондѣ Подъ предсѣдательствомъ В. Д. Набокова 3-го ноября состоялось обыкновенное, а затѣмъ чрезвычайное собраніе членовъ литературнаго фонда для разсмотрѣнія текущихъ дѣлъ. В. И. Кранихфельдъ доложилъ отчетъ по секретарской части за время съ апрѣля по 1-е октября текущаго года, изъ котораго видно, что комитетомъ фонда было разсмотрѣно 287 ходатайствъ о пособіяхъ, изъ которыхъ удовлетворено 202. На воспитаніе и образованіе дѣтей 47 нуждающихся писателей выдано было 1,867 р. 50 к., 19 лицамъ выданы продолжительныя пособія на сумму 1,800 р. Ссудами воспользовались 52 литератора на 3,945 р., единовременныхъ пособій выдано было 2,277 р. 79 лицамъ. На похороны пяти литераторовъ израсходовано 250 рублей. Общая сумма выдачъ за отчетный періодъ составляетъ 10,139 р. 50 к. По ходатайству комитета освобождены отъ платы за ученіе дѣти нѣкоторыхъ литераторовъ въ высшей и средней школахъ. Два литературныхъ вечера, устроенныхъ фондомъ въ память Некрасова (лекція Д. С. Мережковскаго) и Гаршина, принесли доходъ въ 1,248 р. 36 к. Крупное пожертвованіе литературному фонду сдѣлали Л. Ф. Пантелѣевъ, принесшій фонду въ даръ свое издательское дѣло, книжный инвентарь котораго оцѣнивается въ 20 тысячъ рублей. По условію жертвователя весь доходъ отъ его дѣла, за исключеніемъ десяти процентовъ, отчисляемыхъ въ его пользу, идетъ въ фондъ на воспитаніе и образованіе дѣтей

Библиотека "Руниверс"

нуждающихся писателей. На проценты съ капитала, по желанію Л. Ф. Пантелѣева, учреждается стипендія въ одномъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній въ Москвѣ въ память покойнаго редактора «Русскихъ Вѣдомостей» В. И. Соболевскаго. Стипендія выдается учащимся по указанію редакціи названной газеты. Въ кассу литературнаго фонда уже поступило 6,912 руб. 98 коп., составляющихъ чистую прибыль съ издательскаго дѣла Л. Ф. Пантелѣева за время съ 15-го марта по 15-го октября текущаго года. Общее собраніе съ благодарностью приняло пожертвованіе Л. Ф. На пополненіе капитала имени Н. Ѳ. Анненскаго поступило отъ петербургскаго женскаго клуба 100 рублей. Далѣе въ отчетѣ сообщается о привѣтствіяхъ фонда В. Г. Короленка, редакціи «Русскихъ Вѣдомостей» по случаю 50-лѣтія и т. д. Денежный отчетъ, доложенный В. А. Пѣшехоновымъ, констатируетъ, что изъ кабинета Его Величества поступило 1,100 рублей, членскихъ взносовъ за отчетное время—1,165 рублей, отъ издательскихъ предпріятій фонда—5,463 руб., отъ дохода отъ капиталовъ—32,850 руб. 7 коп., пожертвованій и др. доходовъ—всего 63,922 руб. 78 коп. Расходы же за этотъ же періодъ достигли 78,514 руб. 96 коп., включая потраченную на покупку процентныхъ бумагъ сумму 33,081 руб. 75 коп. Продолжи. тельный обмѣнъ мнѣній вызвалъ вопросъ о пожертвованіи инженера М. С. Малкіеля фонду принадлежащихъ ему построекъ съ обстановкой на ст. Ермоловской, Приморской желѣзной дороги. Въ виду особыхъ условій этого дара и затруднительности эксплоатаціи этого имущества общее собраніе пожелало имѣть болѣе детальныя данныя о стоимости предложеннаго пожертвованія, возможныхъ доходахъ отъ эксплоатаціи и связанныхъ съ этимъ обязательныхъ расходахъ. Поэтому рѣшено просить комитетъ обсудить всѣ эти вопросы совмѣстно съ свѣдущими лицами и представить болѣе обстоятельный докладъ относительно предложенія М. С. Малкіеля къ одному изъ ближайшихъ засѣданій фонда. Проектъ новой инструкціи ревизіонной комиссіи принятъ въ формѣ, предложенной комитетомъ. Принято также предложеніе совѣта по управленію домомъ писателей, въ силу котораго лица, живущія, главнымъ образомъ, съ доходовъ, постороннихъ литературѣ, не могутъ занимать комнаты въ домѣ. Исключенія допускаются только въ особыхъ уважительныхъ случаяхъ. Избранъ новый составъ ревизіонной комиссіи. Вошли въ комиссію: Н. А. Морозовъ, Е. П. Карповъ, М. В. Ватсонъ, Э. К. Пекарскій, С. Ф. Либровичъ, А. А. Леонтьевъ и г-жа Ольнемъ.

Въ кассѣ литераторовъ и ученыхъ 27-го октября подъ предсѣдательствомъ Я. Н. Колубовскаго состоялось общее собраніе гг. членовъ кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ. Передъ началомъ засѣданія была почтена вставаніемъ память умершихъ членовъ кассы: Груздева, Рудакова, Соболевскаго, Гейнце и друг. Портретъ Груздева рѣшено вывѣсить въ помѣщеніи правленія. Затѣмъ былъ прочитанъ и утвержденъ отчетъ за 1912 годъ. Въ общемъ, наличныя средства кассы увеличились, и поэтому правленіе могло свободно выдать 22 тысячи рублей «поразрядныхъ выдачъ». Правленіе и въ прошломъ году обратило вниманіе на взиманіе недоимокъ. Были предоставлены всевозможныя льготы къ уплатѣ недоимокъ. Все же пришлось исключить изъ кассы 56 членовъ, которые не уплатили своихъ долговъ не по недостатку средствъ, а вслѣдствіе небреж-

Библиотека "Руниверс"

наго отношенія къ своимъ обязанностямъ. Въ члены правленія, взамѣнъ выбывающихъ по очереди, избраны гг.: Е. П. Карповъ, академикъ Ф. Н. Чернышевъ, К. В. Лукашевичъ и П. В. Ганзенъ, кандидатами къ нимъ: гг. Коровиченко и Липовскій. Послѣ годового собранія состоялось чрезвычайное собраніе, посвященное вопросу о конфликтѣ съ литературнымъ фондомъ, который, какъ извѣстно, еще въ прошломъ году лишилъ кассу литераторовъ и ученыхъ представительства въ совѣтѣ по управленію домомъ писателей. Собраніе считаетъ, что литературный фондъ поступилъ некорректно по отношенію къ другому литературному учрежденію, и потому рѣшено выбрать особую комиссію, которая разберется во всѣхъ деталяхъ дѣла и вынесетъ свое заключеніе на рѣшеніе общаго собранія, которое приметъ опредѣленную резолюцію.

Открытіе памятника лейбъ-медику В. И. Исаеву 29-го октября, въ 2 часа дня, въ Кронштадтѣ состоялось торжественное открытіе памятника извѣстному ученому и общественному дѣятелю, бывшему медицинскому инспектору кронштадтскаго порта и главному доктору Николаевскаго морского госпиталя, почетному лейбъ-медику В. И. Исаеву. На торжество открытія изъ Петербурга прибыли въ Кронштадтъ: начальникъ главнаго морского штаба, адмиралъ Русинъ, начальникъ распорядительной части штаба Славинскій, главный санитарный инспекторъ флота лейбъ-медикъ Зуевъ, адмиралъ Верховскій, адмиралъ Дикеръ и мн. др. Кромѣ того, собрались: комендантъ кронштадтской крѣпости генералъ Николенко, главный командиръ кронштадтскаго порта адмиралъ Виренъ, городской голова г. Гуляевъ, начальникъ миннаго отряда адмиралъ Сабсай, командиры военныхъ судовъ, представители флота и гарнизона, много врачей и т. д. Передъ освященіемъ памятника въ церкви морского госпиталя была отслужена панихида по покойномъ В. И. Исаевѣ. Затѣмъ состоялся чинъ освященія памятника. При пѣніи «вѣчной памяти» завѣса была сдернута съ памятника, и глазамъ всѣхъ представился красивый мраморный обелискъ съ бюстомъ лейбъ-медика Исаева. Памятникъ сооруженъ по проекту художника Шервуда, на средства, собранныя по подпискѣ между моряками, морскими врачами и т. д. Находится памятникъ въ небольшомъ садикѣ противъ морского госпиталя. Къ подножію памятника послѣ его открытія были возложены вѣнки отъ кронштадтскаго городского управленія, отъ морского госпиталя, отъ цѣлаго ряда благотворительныхъ и другихъ обществъ, въ которыхъ состоялъ покойный членомъ, и т. д. Послѣ торжества высшіе морскіе чины на яхтѣ «Нева» отбыли въ Петербургъ.

Юбилей научнаго кружка. 22-го октября исполнился 25-лѣтній юбилей перваго въ Россіи физико-астрономическаго и естественно-научнаго нижегородскаго кружка любителей физики и автрономіи. Врядъ ли какому-нибудь другому кружку въ Россіи выпала честь и счастье сыграть такую крупную роль въ дѣлѣ распространенія и развитія среди нашихъ любителей астрономіи интереса къ астрономическимъ наблюденіямъ, какая выпала на долю нижегородскаго кружка. Основанный въ 1888 году въ провинціи, кружокъ первые годы пользовался извѣстностью лишь у себя дома въ Нижнемъ-Новгородѣ. Извѣстность въ Россіи за предѣлами своего города кружокъ началъ пріобрѣтать съ 1888 года, когда сталъ издавать свой астрономическій календарь-ежегодникъ,

Библиотека "Руниверс"

такъ какъ до этого времени у насъ не было на русскомъ языкѣ ни одного сколько-нибудь полнаго, правильно выходящаго каждый годъ астрономическаго календаря, которымъ бы могъ руководствоваться любитель астрономіи при своихъ наблюденіяхъ надъ небомъ. Чтобы оживить календарь, кружокъ, кромѣ чисто календарныхъ свѣдѣній, какъ-то: о положеніи въ данный моментъ планетъ на небѣ, о затменіяхъ и другихъ замѣчательныхъ явленіяхъ неба, началъ помѣщать еще ежегодно подъ рубрикой «Успѣхи астрономіи» свѣдѣнія о наиболѣе интересныхъ открытіяхъ и наблюденіяхъ, произведенныхъ въ предшествовавшемъ году. Этотъ отдѣлъ долгое время велъ извѣстный русскій популяризаторъ профессоръ К. Д. Покровскій. Тутъ же при календарѣ помѣщались статьи нашихъ ученыхъ по всевозможнымъ вопросамъ астрономіи. Въ настоящее время уже вышло XIX выпусковъ ежегодника. Кромѣ того, кружокъ издалъ прибавленіе къ астрономическому ежегоднику, «Постоянная часть», въ которой помѣстилъ основныя свѣдѣнія по практической и отчасти теоретической астрономіи, что позволило любителю астрономіи осмысленно наблюдать небесныя свѣтила. Въ 1909 году кружокъ рѣшилъ объединить любителей астрономіи, производящихъ наблюденія, и предложилъ имъ дать для календаря свѣдѣнія о характерѣ своихъ наблюденій, чтобы, установивъ между собою связь, наблюдатели тѣмъ самымъ могли повысить продуктивность своихъ работъ. Такимъ образомъ, благодаря «Астрономическому ежегоднику», бывшему въ теченіе 14 лѣтъ единственнымъ въ Россіи астрономическимъ календаремъ на русскомъ языкѣ, нижегородскій кружокъ любителей физики и астрономіи пользуется широкою и вполнѣ заслуженною извѣстностью въ Россіи, такъ какъ этимъ полезнымъ изданіемъ кружокъ позволилъ въ теченіе почти 20 лѣтъ слѣдить за жизнью нашего звѣзднаго неба русскому любителю астрономіи, который за это ему всегда будетъ признателенъ и въ день его двадцатипятилѣтняго юбилея отъ всей души пожелаетъ дальнѣйшаго процвѣтанія и развитія на пользу родной намъ науки.

125-лѣтіе рожденія Щепкина. Императорскій московскій Малый театръ праздновалъ 6-го ноября 125-ю годовщину со дня рожденія великаго русскаго актера и отца русскаго сценическаго реализма, М. С. Щепкина. Днемъ состоялось торжественное засѣданіе труппы Малаго театра подъ предсѣдательствомъ М. Н. Ермоловой. По открытіи засѣданія А. И. Южинъ произнесъ рѣчь о значеніи М. С. Щепкина въ исторіи развитія русскаго театра. Послѣ перерыва послѣдовали воспоминанія о Щепкинѣ Г. Н. Ѳедотовой, которыя прочла М. Н. Ермолова, воспоминанія Н. А. Чаева, чтеніе стихотворенія Щепкиной-Куперникъ. Засѣданіе закончилось пріемомъ депутацій: отъ оперы Зимина, императорскаго мос овскаго балета, Сергіевскаго народнаго дома и театровъ Корша, Незлобина, Художественнаго и Свободнаго, отъ дирекціи московскаго филармоническаго училища, отъ театральнаго бюро, отъ литературно-художественнаго кружка, отъ перваго литературно-драматическаго общества имени Островскаго, отъ общества любителей россійской словесности, отъ комитета выставки союза русскихъ художниковъ, отъ московскаго кружка любителей сценическаго искусства и отъ многихъ другихъ. Вечеромъ состоялся Щепкинскій спектакль, въ программу котораго были включены три драматурга, образы

Библиотека "Руниверс"

которыхъ нашли въ исполненіи Щепкина наиболѣе яркое воплощеніе: Грибоѣдовъ, Гоголь и Мольеръ. Спектакль начался третьимъ актомъ «Горе отъ ума»— тѣмъ самымъ, съ котораго началась сценическая жизнь знаменитой комедіи. По окончаніи спектакля состоялся апоѳеозъ въ двухъ отдѣленіяхъ: въ первомъ передъ Щепкинымъ (г. Красовскій) дефилировали изображавшіеся имъ персонажи, во второмъ отдѣленіи вѣнчаніе бюста Щепкина труппой Малаго театра. Передъ бюстомъ А. И. Южинъ прочелъ стихотвореніе Шевырева, которое авторъ когда-то читалъ на чествованіи Щепкина. Ермолова прочла стихотвореніе «Памяти Щепкину» Лоло. Въ заключеніе исполнена кантата на слова одного изъ указанныхъ стихотвореній, со спеціально къ Щепкинскому дню написанной музыкой Багриновскаго. Въ программѣ Щепкинскаго спектакля, въ числѣ исполнителей, приняли участіе хоръ Большого театра, въ числѣ ста человѣкъ, и оркестръ въ сорокъ человѣкъ. Щепкинскій спектакль будетъ сыгранъ три вечера подъ рядъ. Въ Большомъ Спасскомъ переулкѣ удивительно сохранился старый домъ, въ которомъ жилъ много лѣтъ великій русскій актеръ М. С. Щепкинъ. Чудесно сохранились деревянныя стѣны, мезонинъ, широкое въ три ступени крыльцо, балконъ и службы. Въ этомъ домикѣ М. С. Щепкинъ принималъ Пушкина, Гоголя, Грановскаго, Герцена. Здѣсь написаны «Записки актера» Щепкина. Внутри дома теперешній владѣлецъ его, докторъ Величко, большой любитель старины, хранитъ все въ томъ же видѣ, какъ это было при Щепкинѣ: низкіе расписные потолки, старинная мебель, лѣпныя украшенія.

Врачебные юбилеи. 2-го ноября исполнилось двадцать пять лѣтъ со дня 25-го выпуска врачей изъ военно-медицинской академіи. Наканунѣ въ церкви академіи была совершена панихида по скончавшимся товарищамъ. Въ настоящее время въ Петербургѣ находится 23 врача, окончившихъ академію 2-го ноября 1888 года. Среди нихъ рядъ лицъ, занимающихъ видное общественное положеніе. Утромъ 2-го ноября женскій медицинскій институтъ чествовалъ своего юбиляра—директора профессора Б. В. Верховскаго. На его квартиру прибыли депутаціи: отъ всѣхъ курсовъ вмѣстѣ и отъ каждаго въ отдѣльности, съ адресами и цвѣтами, отъ общества русскихъ врачей (профессоръ В. Н. Сиротининъ) съ дипломомъ на званіе почетнаго члена, отъ клиники горловыхъ, носовыхъ и ушныхъ болѣзней академіи (профессоръ Симановскій), отъ медицинскаго факультета психо-невроло̀гическаго института, отъ общества врачей-спеціалистовъ по горловымъ болѣзнямъ, также съ дипломомъ почетнаго члена, отъ спеціальныхъ медицинскихъ журналовъ, депутаціи отъ младшихъ преподавателей, отъ фельдшеріцъ и отъ канцеляріи института и особая депутація отъ женщинъ-врачей. Заѣзжали съ поздравленіями всѣ профессора института, предсѣдатель городской думы С. В. Ивановъ и мн. др. Письменныя привѣтствія получены отъ московскаго Пироговскаго общества, члена совѣта министра народнаго просвѣщенія Пфаффіуса фонъ-Бернгардта, отъ множества паціентовъ. Георгіевская община сестеръ милосердія Краснаго Креста чествовала своего юбиляра—главнаго врача Н. Г. Ушинскаго. Къ нему заѣзжала попечительница общины графиня М. Ѳ. Шереметева, поздравили всѣ сестры общины и др. Общество русскихъ врачей избрало Н. Г. Ушинскаго своимъ почетнымъ членомъ. Старшаго врача дома инвалидовъ императора Павла I почетнаго лейбъ-хирурга

Библиотека "Руниверс"

Н. А. Тимме привѣтствовалъ телеграммой великій князь Дмитрій Константиновичъ. Были поздравленія отъ товарищей, паціентовъ и т. д. Помощника инспектора придворной медицинской части Н. А. Мейнгарда поздравилъ учитель и начальникъ профессоръ Вильяминовъ, по телеграфу поздравляли всѣ старшіе врачи городскихъ больницъ, придворныхъ госпиталей, профессоръ Левашевъ и др. Очень торжественно чествовали главнаго врача городскихъ больницъ, дѣтской и Выборгской, А. Д. Зотова. Юбиляра поздравляли депутаціи отъ врачей, сестеръ милосердія и административно-хозяйственнаго персонала обѣихъ больницъ, съ адресами, жетономъ, образомъ, цвѣтами, депутаціи отъ пріюта принца Ольденбургскаго, общества дѣтскихъ врачей, военно-медицинской академіи и т. д. Вечеромъ въ «Маломъ Ярославцѣ» состоялся товарищескій ужинъ всѣхъ юбиляровъ. Собрались: Н. А. Мейнгардъ, Б. В. Верховскій, Н. Г. Ушинскій, А. Д. Зотовъ, Г. Ю. Явейнъ, Гр. Л. Райхъ, Н. А Тимме, А. К. Гермоніусъ, И. Э. Гелейнъ, И. В. Софроновъ, А. А. Фадѣевъ, С. С. Ткаченко, А. А. Ивановъ, И. А. Твирбутъ, С. Ѳ. Гортамъ, Н. И. Козловскій, В. В. Бѣлышевъ, К. И. Зуевъ, Н. В. Коческовъ, пріѣзжіе гг. Умновъ, Козловскій, Ессилевичъ, Ремизовъ.

Чествованіе Н. И. Карѣева. 9-го ноября друзья, почитатели, сослуживцы и ученики профессора Н. И. Карѣева чествовали его банкетомъ по поводу исполнившагося 40-лѣтія научной дѣятельности Н. И. Собралось болѣе ста человѣкъ. Среди нихъ профессора: И. В. Лучицкій, М. М. Ковалевскій, А. В. Васильевъ, Д. Д. Гриммъ, А. А. Жижиленко, М. Я. Пергаментъ, И. М. Гревсъ, Ѳ. Ф. Зѣлинскій, Ю. С. Гамбаровъ, А. С. Посниковъ, А. Г. Гусаковъ, В. М Гессенъ, Ѳ. А. Браунъ, С. К. Буличъ, В. Н. Бенешевичъ, С. А. Венгеровъ, Н. О. Лосскій, А. І. Мэлеинъ, Д. С. Зерновъ, А. С. Лаппо-Данилевскій, С. Ѳ. Ольденбургъ, академикъ Э. Л. Радловъ, М. И. Ростовцевъ, Е. В. Тарле, А. А. Шахматовъ и др. ученые, политическіе и общественные дѣятели: П. Н. Милюковъ, Ѳ. И. Родичевъ, В. Д. Набоковъ, князь Д. И. Шаховской, Н. А. Гредескулъ, Е. В. де-Роберти. Г. А. Фальборкъ, В. А. Мякотинъ, А. В. Пѣшехоновъ, П. В. Мокіевскій, Н. И. Лазаревскій, Н. А. Котляревскій, Д. И. Рихтеръ, В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, А. А. Корниловъ, Е. В. Аничковъ, Ѳ. Д. Батюшковъ, В. А. Бутенко, В. В. Водовозовъ, А. А. Кауфманъ, Е. П. Султанова, О. К. Нечаева и мн. др. Н. И. Карѣевъ и С. А. Карѣева были встрѣчены сердечной оваціей. Предсѣдательствовалъ М. М. Ковалевскій, открывшій серію рѣчей. Онъ напомнилъ, что знакомство его съ Н. И. Карѣевымъ началось въ 1876 году, когда онъ пришелъ благодарить Н. И. за рецензію на одинъ изъ своихъ трудовъ. Тогда уже въ Н. И. сказывался не только ученый, но и общественный дѣятель. Это счастливое сочетаніе ярко выразилось въ теченіе всей дальнѣйшей жизни Н. И., исполненной плодотворнаго научнаго труда и общественнаго служенія. Профессоръ Ѳ. А. Браунъ привѣтствовалъ Н. И. отъ петербургскаго университета и историко-филологическаго факультета, называя его стойкимъ борцомъ за идеалъ, кристально-чистымъ человѣкомъ, характеризуя Карѣева-профессора и Карѣева-товарища. В. Д. Набоковъ говорилъ о дѣятельности Н. И. въ эпоху первой думы, напомнилъ его выступленія на предвыборныхъ собраніяхъ и въ самой думѣ, гдѣ онъ возвышалъ свой голосъ въ защиту правъ и достоинства

Библиотека "Руниверс"

попранной человѣческой личности, въ защиту правъ народностей, населяющихъ Россію. Ѳ. Д. Батюшковъ характеризовалъ работу П. И. въ литературномъ фондѣ. А. С. Посниковъ привѣтствовалъ Н. И. отъ имени политехническаго института, открывшаго Н. И. свои двери, когда двери университета для него закрылись. И. М. Гревсъ благодарилъ Н. И. за его дѣятельность на высшихъ женскихъ курсахъ. Ѳ. Ф. Зѣлинскій прочелъ адресъ отъ «Энциклопедическаго словаря». Профессоръ Бутенко говорилъ отъ лица учениковъ Ник. Ив. П. Н. Милюковъ характеризовалъ научное міровоззрѣніе Н. И., сближающее его съ П. Л. Лавровымъ и Н. К. Михайловскимъ, и провозгласилъ тостъ «за человѣка и гражданина». Еще говорили В. А. Мякотинъ, И. В. Лучицкій, О. К. Нечаева, А. А. Кауфманъ, Е. В. Аничковъ. Всѣ рѣчи дышали искреннимъ и сердечнымъ чувствомъ уваженія и признательности къ юбиляру. Въ отвѣтной рѣчи Н. И. Карѣевъ, благодаря за привѣтствія и преувеличенныя, по его мнѣнію, похвалы, въ немногихъ словахъ коснулся генезиса своего научнаго развитія и своихъ общественныхъ идеаловъ. По окончаніи банкета оглашено было около двухсотъ телеграммъ, въ томъ числѣ отъ историко-филологическаго факультета, харьковскаго и юрьевскаго университетовъ, отъ сослуживцевъ по императорскому Александровскому лицею, отъ совѣта петербургскаго об-ва народныхъ университетовъ, редакцій «Вѣстника Европы» и «Русскаго Богатства», отъ ряда ученыхъ обществъ, отъ А. Ѳ. Кони, В. И. Герье, Алексѣя Н. Веселовскаго, П. Б. Струве, В. И. Семевскаго, М. П. Чубинскаго, А. А. Кизеветтера, Н. С. Кишкина, Э. Д. Гримма, И. И. Боргмана, Д. П. Овсянико-Куликовскаго, І. В. Гессена, В. И. Вернадскаго и мн. др. Чествованіе Н. И. Карѣева отличалось большимъ оживленіемъ и сердечностью и затянулось до поздней ночи.

Библиотека "Руниверс"

НЕКРОЛОГИ.

Антоновскій, Ю. М. 31-го октября, послѣ продолжительной болѣзни сердца, на 56 году жизни скончался общественный дѣятель, писатель и переводчикъ, петербургскій столичный мировой судья Ю. М. Антоновскій. Ю. М. Антоновскій воспитывался въ училищѣ правовѣдѣнія, по окончаніи котораго въ 1876 году зачисленъ былъ кандидатомъ на судебныя должности при петербургскомъ окружномъ судѣ. Затѣмъ Ю. М. перешелъ на службу въ центральное управленіе министерства путей сообщенія, гдѣ находился до 1898 года, когда былъ избранъ столичнымъ мировымъ судьей. Съ тѣхъ поръ въ продолженіе 15 лѣтъ Ю. М. Антоновскій безсмѣнно состоялъ мировымъ судьей, занимая эту должность послѣдовательно въ четырехъ мировыхъ участкахъ: 34, 37, 47 и 36, гдѣ былъ до послѣднихъ дней своей жизни. Ю. М. извѣстенъ также, какъ переводчикъ сочиненій Ницше. Его переводъ книги «Такъ говорилъ Заратустра» выдержалъ четыре изданія. Кромѣ того, Ю. М. Антоновскій перевелъ «Цѣнность жизни», «Великіе люди литературы» и другія произведенія Дюринга, «Сущность пьянства» Фейербаха, написалъ біографію Джордано Бруно для изданія Павленкова «Жизнь замѣчательныхъ людей», а также много работалъ въ энциклопедическомъ словарѣ Мейера, гдѣ имъ составленъ весь философскій отдѣлъ. Ю. М. Антоновскій страдалъ болѣзнью сердца уже около полутора года. (Некрологъ его: «С.-Петербургскія Вѣдомости», 1913 г., № 246).

† **Бартельсъ, Ф. А.** 26-го октября скончался преподаватель нѣмецкаго языка въ петербургскомъ первомъ реальномъ училищѣ императора Александра II и восьмой гимназіи Ф. А. Бартельсъ. Покойный родился въ 1867 году въ Юрьевѣ и образованіе получилъ сначала въ мѣстномъ уѣздномъ училищѣ, потомъ въ первой юрьевской учительской семинаріи; въ 1898 году онъ сдалъ испытаніе на

Библиотека "Руниверс"

аттестатъ зрѣлости въ рязанской гимназіи и затѣмъ въ теченіе ряда лѣтнихъ семестровъ слушалъ лекціи послѣдовательно въ университетахъ берлинскомъ, марбургскомъ и галльскомъ, изучая преимущественно философію и германскую филологію. Педагогическую службу Ю. А. началъ на Дальнемъ Востокѣ; оттуда въ 1905 году перебрался въ Петербургъ и здѣсь, какъ педагогъ, покойный отличался живымъ интересомъ къ вопросамъ преподаванія и воспитанія и искреннею любовью къ учащейся молодежи; имъ былъ составленъ учебникъ нѣмецкаго языка для младшихъ классовъ. Ф. А. былъ не лишенъ и поэтическаго дарованія: въ разныхъ нѣмецкихъ журналахъ напечаталъ не мало стихотвореній. Въ 1904 году вышелъ сборникъ его лирическихъ стихотвореній. Въ послѣдніе годы жизни Ф. А. увлекся теоретическою и практическою разработкою вопроса о гигіенѣ дыханія, въ связи съ нормальнымъ питаніемъ нервной системы и мозговыхъ клѣточекъ, выработалъ систему дыхательной гимнастики и въ апрѣлѣ 1912 года исходатайствовалъ разрѣшеніе на открытіе по своей программѣ первыхъ курсовъ этой гимнастики въ Петербургѣ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1913 г., № 13518).

† **Вейсманъ, А. Д.** 28-го октября въ Петербургѣ, на Смоленскомъ лютеранскомъ кладбищѣ похороненъ Александръ Давыдовичъ Вейсманъ, бывшій ординарный профессоръ петербургскаго историко-филологическаго института. По окончаніи курса съ золотой медалью въ главномъ педагогическомъ институтѣ въ 1855 году А. Д. началъ свою дѣятельность въ вологодской и казанской гимназіяхъ. Въ 1867 году, при открытіи императорскаго петербургскаго историко-филологическаго института, А. Д. былъ назначенъ наставникомъ этого института и въ 1872 году избранъ въ профессора греческой словесности и въ этомъ званіи работалъ до выхода въ отставку въ 1894 году. Досугъ своей профессорской дѣятельности А. Д. посвящалъ учено-литературнымъ трудамъ, выражавшимся главнымъ образомъ въ практическихъ статьяхъ по своей спеціальности, помѣщавшихся въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія». Въ учебныхъ цѣляхъ имъ изданы съ комментаріями и поясненіями нѣсколько трагедій Софокла и Эврипида. Но главный трудъ его—«Греческо-русскій словарь»—единственное у насъ этого рода учебное пособіе. Этотъ трудъ отмѣченъ первой преміей императора Петра Великаго. Всегда интересовавшійся педагогическими вопросами и по преимуществу имѣющими отношеніе къ организаціи гимнастическаго курса, а также къ семинаріямъ для подготовленія учителей, А. Д., находясь уже въ отставкѣ, отзывался въ разныхъ журнальныхъ статьяхъ на всѣ попытки министерства народнаго просвѣщенія къ преобразованію гимназій и на заботы его о подготовленіи учителей. По поводу проекта министерства создать единую общеобразовательную среднюю школу покойный издалъ отдѣльную брошюру (1902 г.), въ которой подвергъ дидактико-методической оцѣнкѣ учебные планы, проектированные для этой школы. (Некрологъ его: «Новое Время», 1913 г., № 13519).

† **Вороновъ, А. Г.** Въ лицѣ скончавшагося члена учебнаго комитета вѣдомства учрежденій императрицы Маріи дѣйствительнаго статскаго совѣтника Александра Григорьевича Воронова сошелъ въ могилу видный писатель и общественный дѣятель. А. Г. родился 16-го января 1843 года .Окончивъ блестяще

Библиотека "Руниверс"

первый кадетскій корпусъ, онъ взялъ одиннадцатимѣсячный отпускъ для подготовленія въ университетъ. Въ 1860 году онъ былъ зачисленъ студентомъ филологическаго факультета петербургскаго университета. Въ 1862 году, въ виду временнаго закрытія университета, покойный перешелъ въ харьковскій университетъ и перечислился на юридическій факультетъ, каковой окончилъ въ 1864 году кандидатомъ правъ и оставленъ былъ при университетѣ для подготовленія къ занятію каѳедры гражданскаго права. Оставивъ Харьковъ по семейнымъ обстоятельствамъ въ январѣ 1865 года, А. Г. Вороновъ сдѣлался преподавателемъ тульской гимназіи. Съ 1866 года въ теченіе долгихъ лѣтъ онъ состоялъ преподавателемъ математики, а затѣмъ исторіи въ 5-й и 2-й петербургскихъ гимназіяхъ, Николаевскомъ сиротскомъ и Патріотическомъ институтахъ, пройдя въ то же время въ качествѣ вольнослушателя математическій факультетъ петербургскаго университета. Съ 1885 года А. Г. состоялъ безсмѣнно до дня своей кончины членомъ учебнаго комитета вѣдомства учрежденій императрицы Маріи, инспекторомъ петербургскаго Елизаветинскаго, а затѣмъ до 1894 года Смольнаго институтовъ; состоялъ представителемъ вѣдомства учрежденій императрицы Маріи въ образованномъ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ комитетѣ по образованію южныхъ славянъ въ Россіи и разныхъ комиссій по учебно-воспитательнымъ вопросамъ; ревизовалъ по особымъ порученіямъ главноуправляющаго вѣдомствомъ многіе институты и женскія гимназіи въ Петербургѣ, Москвѣ, Саратовѣ, Тифлисѣ, Орлѣ, Оренбургѣ, Кіевѣ, Гроднѣ, Ковнѣ. Изъ научныхъ трудовъ А. Г. Воронова, кромѣ ряда учебныхъ книгъ и пособій по математикѣ, составившихъ ему въ свое время большую извѣстность, слѣдуетъ отмѣтить: редактированіе сочиненій князя М. М. Щербатова, изслѣдованіе о депутатѣ Екатерининской комиссіи Іоаннѣ Урсинусѣ и рядъ статей и замѣтокъ по разнымъ вопросамъ государственнаго и гражданскаго права, частью читавшихся имъ, какъ рефераты, въ петербургскомъ юридическомъ обществѣ, частью помѣщенныхъ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ. Человѣкъ громадной эрудиціи, большой силы воли и выдержки, онъ былъ неизмѣннымъ сторонникомъ прогресса и убѣжденнымъ хранителемъ лучшихъ завѣтовъ шестидесятыхъ годовъ. (Некрологъ его: «Рѣчь», 1913 г., № 297).

† **Ивановскій, Н. И.** Въ Казани 26-го октября скончался заслуженный профессоръ тамошней духовной академіи, извѣстный знатокъ русскаго раскола Николай Ивановичъ Ивановскій. Покойный, сынъ священника Архангельской губерніи, родился въ 1840 году и воспитывался въ мѣстной семинаріи, откуда, какъ лучшій воспитанникъ, былъ отправленъ въ петербургскую духовную академію и тамъ окончилъ курсъ третьимъ магистромъ богословія въ 1865 году. Скоро по выпускѣ изъ названной академіи онъ былъ назначенъ баккалавромъ по расколовѣдѣнію въ казанскую духовную академію (съ 9-го октября 1865 года) и въ теченіе тридцати лѣтъ занималъ эту каѳедру до осени 1895 года, послѣ чего состоялъ сверхштатнымъ профессоромъ того же предмета. Съ самаго начала своей ученой дѣятельности Н. И. Ивановскій поставилъ преподаваніе исторіи и обличенія русскаго раскола на церковно-практическую почву. Еще въ шестидесятыхъ годахъ онъ началъ борьбу съ старообрядчествомъ посредствомъ устныхъ собесѣдованій, которыя и доставили ему широкую извѣстность не только

Библиотека "Руниверс"

въ казанской епархіи, но и въ другихъ губерніяхъ, зараженныхъ расколомъ. Затѣмъ ему пришлось много разъ путешествовать въ Саратовъ и Нижній-Новгородъ для такой же противораскольничьей полемики, а въ 1888 и 1889 годахъ, по приглашенію общества духовно-нравственнаго просвѣщенія, прибыть въ Петербургъ, гдѣ имъ велись собесѣдованія въ Соляномъ Городкѣ и въ залѣ городской думы. Такими многочисленными и плодотворными бесѣдами съ вожаками раскола онъ пріобрѣлъ себѣ большую извѣстность, какъ выдающійся полемистъ противъ русскаго старообрядчества. Но не менѣе былъ извѣстенъ покойный и какъ ученый, издавшій длинный рядъ важныхъ изслѣдованій по своей спеціальности. Кромѣ многихъ статей, помѣщенныхъ въ «Православномъ Собесѣдникѣ», «Церковныхъ Вѣдомостяхъ», «Православномъ Обозрѣніи» и «Странникѣ», онъ напечаталъ свою докторскую диссертацію: «Критическій разборъ ученія непріемлющихъ священства старообрядцевъ о церкви и таинствахъ» (Казань. 1883 и 1892 гг., два изданія), «Обличеніе раскола съ присовокупленіемъ свѣдѣній о сектахъ раціоналистическихъ и мистическихъ» (Казань. 1887 и 1888 гг., два изданія), «Двѣ публичныя лекціи о старообрядческомъ поповствѣ» (Казань, 1882 г.), «Два чтенія по старообрядческому расколу» (Спб., 1894 и Казань, 1895 гг., два изданія) и др. Особенно же крупнымъ вкладомъ его въ науку явилось извѣстное «Руководство по исторіи и обличенію старообрядческаго раскола», вышедшее тремя изданіями (Казань, 1886—1912 гг.). (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1913 г., № 250).

† **Ильяшевичъ, Н. П.** Скончавшійся 3-го ноября въ мѣстечкѣ Сѣнчѣ Полтавской губерніи Николай Петровичъ Ильяшевичъ принадлежалъ въ семьѣ петербургскихъ педагоговъ и выдѣлялся богатствомъ творческой иниціативы и необычайной энергіей. Лучшимъ памятникомъ его дѣятельности является пріютъ принца П. Г. Ольденбургскаго, доведенный покойнымъ до образцоваго состоянія. До 1884 года пріютъ этотъ не представлялъ собою ничего особеннаго, мужское его отдѣленіе давало своимъ немногочисленнымъ питомцамъ кое-какое образованіе въ объемѣ начальныхъ учебныхъ заведеній. Въ 1884 году по приглашенію принца А. П. Ольденбургскаго директоромъ сталъ Н. П. Ильяшевичъ. Выборъ принца оказался необычайно удачнымъ. Покойный—реформаторъ по своей натурѣ—дѣятельно принялся за преобразованіе. Онъ разработалъ новое положеніе для пріюта, образовалъ при немъ попечительный совѣтъ, сумѣлъ привлечь въ члены этого совѣта состоятельныхъ лицъ, готовыхъ на жертвы для пріютскихъ надобностей, и создалъ благопріятныя матеріальныя условія для расширенія пріютскихъ зданій и коренного измѣненія учебныхъ программъ. При немъ мужское отдѣленіе пріюта превратилось въ реальное училище по учебнымъ правамъ и въ оригинальное учебное заведеніе по преподаванію музыкальныхъ и техническихъ знаній. Былъ организованъ изъ воспитанниковъ оркестръ и настолько удачно, что его участіе въ разнаго рода торжествахъ вызывало похвальные отзывы о пріютѣ и обратило на него общее вниманіе. Издѣлія пріютскихъ механической и технической мастерскихъ украшали выставки учебно-промысловаго характера и тоже способствовали популярности пріюта. Оркестръ былъ показной стороной жизни вновь возникавшаго оригинальнаго учебнаго заведенія. Покойный пользовался имъ, какъ рекламой.

Библиотека "Руниверс"

свои же наибольшія усилія направилъ на улучшеніе учебнаго и воспитательнаго дѣла. Онъ сумѣлъ привлечь въ составъ учащихъ лучшія педагогическія силы и образовалъ кадръ воспитателей и воспитательницъ для подготовки изъ воспитанниковъ и воспитанницъ честныхъ и трудолюбивыхъ людей. Внѣшній видъ пріюта при немъ измѣнился до неузнаваемости. Онъ на пожертвованія, собранныя его заботами, выстроилъ новыя зданія, богатыя просторомъ, свѣтомъ и приспособленіями къ учебной жизни. Покойный посвятилъ пріюту 15 лѣтъ своей наиболѣе производительной дѣятельности. Раньше, по окончаніи курса въ Безбородкинскомъ лицеѣ, онъ преподавалъ русскій языкъ и словесность въ полтавскомъ кадетскомъ корпусѣ и въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ въ Полтавѣ. Затѣмъ перешелъ преподавателемъ въ пажескій Его Величества корпусъ. Съ 1899 года Н. П. былъ сперва предсѣдателемъ педагогическаго совѣта Покровской женской гимназіи и въ послѣдніе годы наблюдающимъ за педагогической и хозяйственной частью института принцессы Терезіи Ольденбургской. Умеръ онъ 82 лѣтъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1913 г., № 13528).

† **Калантаръ, А. А.** Въ Тифлисѣ скончался извѣстный общественный дѣятель, редакторъ наиболѣе вліятельной армянской газеты «Мшакъ» («Рабочій») Александръ Айрапетовичъ Калантаръ. Воспитанникъ бывшей Петровской академіи, А. А. въ началѣ девятидесятыхъ годовъ, послѣ смерти основателя и редактора «Мшака» Гр. Арцруни, сталъ во главѣ редакціи этой газеты и вплоть до смерти, въ теченіе 20 лѣтъ руководилъ изданіемъ. Въ 1912 году «Мшакъ» справлялъ свой сорокалѣтній юбилей, на которомъ заслуги газеты и ея вдохновителя получили достойную оцѣнку со стороны различныхъ народностей Кавказа и различныхъ слоевъ общества. Высокообразованный, гуманный, одушевленный вѣрой въ лучшее будущее армянскаго народа, онъ проводилъ въ сознаніе массъ культурныя начала общественной и народной жизни, намѣчая новые, реальные пути и истинныя задачи національно-культурнаго возрожденія. Кавказъ, этотъ пестрый узоръ народностей, всегда представлялъ широкую арену для руссификаторскихъ опытовъ нашихъ администраторовъ. Охранительная подозрительность проявляется на окраинѣ въ особенно рѣзкихъ чертахъ. Принципъ divide et impera получилъ здѣсь широкое примѣненіе. Вести при такихъ условіяхъ прогрессивную газету—это подвигъ тѣмъ болѣе огромнаго общественнаго значенія, что «Мшакъ» за все время своего существованія ни разу не измѣнилъ своему знамени. Въ дни бѣдствій, обрушивавшихся на армянъ, вокругъ Калантара и редакціи «Мшака» сплачивалось растерянное общество. Энергичный, мужественный, онъ быстро организовывалъ помощь, вносилъ въ возмущенную жизнь миръ и успокоеніе. Въ кошмарные дни сасунской рѣзни, когда рѣки турецкой Арменіи окрасились армянской кровью и тысячи разоренныхъ, измученныхъ людей бѣжали отъ звѣрствъ «краснаго» Гамида въ Закавказье, «Мшакъ» организовалъ помощь несчастнымъ жертвамъ султана. Къ голосу газеты, снискавшей полное довѣріе во всѣхъ кругахъ населенія, чутко прислушивались: текли обильныя пожертвованія, давшія возможность облегчить судьбу многихъ тысячъ людей. Въ смутные дни татарско-армянской распри, когда провокація разожгла фанатизмъ татарскихъ массъ, когда банды темной фанатизированной черни осаждали даже столицу Кавказа—

Библиотека "Руниверс"

резиденцію намѣстника, «Мшакъ» своей проповѣдью мира успокаивалъ распаленныя страсти, призывалъ къ братству и единенію народовъ. Руководители татарскаго движенія, быть можетъ, тогда впервые уяснили себѣ истинное положеніе вещей, понявъ, что служили пѣшками въ чьихъ-то рукахъ. И раздутая провокаціей армяно-татарская распря была ликвидирована. Поглощенный редакторской работой, требующей напряженія всѣхъ силъ, А. А. умѣлъ находить время для организаціи агрономической помощи населенію, для насажденія кооперації, для чтенія лекцій и т. д. А. А. былъ участникомъ экспедиціи по изслѣдованію современнаго состоянія скотоводства въ Россіи, занимался изслѣдованіемъ скотоводства и сельскаго хозяйства на Кавказѣ, состоялъ дѣятельнымъ членомъ императорскаго кавказскаго сельско-хозяйственнаго общества, предсѣдателемъ армянскаго сельско-хозяйственнаго общества, редакторомъ «Кавказскаго Сельскаго Хозяйства». А. А.—авторъ многихъ книгъ и брошюръ по различнымъ вопросамъ сельскаго хозяйства. (Некрологъ его: «Рѣчь», 1913 г., № 289).

† **Карякинъ, В. А.** Неожиданно сошелъ въ могилу одинъ изъ крупныхъ общественныхъ дѣятелей торговаго и промышленнаго міра Поволжья, членъ третьей государственной думы Василій Александровичъ Карякинъ. Скончался онъ въ Казани на 63 году жизни. Онъ долгое время былъ предсѣдателемъ старѣйшей на Волгѣ биржи, рыбинской, съ ея многомиліонными оборотами. Будучи самъ уроженецъ Рыбинска, Карякинъ отличался здѣсь и широкой благотворительностью. На его средства построено въ Рыбинскѣ грандіозное зданіе городского училища, которое носитъ его имя. Зданіе стоило 125 тысячъ рублей и пожертвовано городу. Карякинъ родился въ небогатой мѣщанской семьѣ, воспитывался въ уѣздномъ училищѣ (тогда не было гимназій), затѣмъ поступилъ на службу къ крупной хлѣботорговой фирмѣ Блинова, тогда гремѣвшей на Волгѣ. Случай свелъ его съ знаменитымъ тогда В. А. Кокоревымъ въ разгаръ его дѣятельности по учрежденію и насажденію коммерческихъ банковъ въ Россіи. Кокоревъ приблизилъ его къ себѣ, пригласивъ на службу въ только что открывшійся Волжко-Камскій коммерческій банкъ. Однако здѣсь Карякинъ оставался не долго. Нѣсколько времени спустя мы видимъ уже Карякина во главѣ одного крупнаго торговаго предпріятія на паевыхъ началахъ. Одновременно съ этимъ онъ является и выдающимся общественнымъ дѣятелемъ. Изъ простого мѣщанина онъ достигъ званія коммерціи-совѣтника, а изъ мелкаго служащаго получавшаго 200 рублей въ годъ, сталъ милліонеромъ. Умеръ онъ отъ остраго малокровія, которое развилось въ немъ во время усидчивой и кропотливой работы въ государственной думѣ. Надъ новымъ продовольственнымъ уставомъ В. А. долго и упорно работалъ, и въ этомъ его большая заслуга. Карякинъ не былъ чуждъ и литературы. Свои статьи по экономическимъ вопросамъ помѣщалъ онъ и на столбцахъ «Новаго Времени». (Некрологъ его: «Новое Время», 1913 г., № 13507).

† **Кривенко, И. В.** Въ воскресенье 3-го ноября въ, 12 часовъ дня скончался въ Кіевѣ сотрудникъ «Новаго Времени» Иларіонъ Васильевичъ Кривенко. Во время кіевскаго процесса по дѣлу Бейлиса, на которомъ онъ былъ корреспондентомъ, И. В. заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ, и, надорванное уже ранѣе лихо-

Библиотека "Руниверс"

радочной работой, сердце не справилось съ болѣзнью. И. В. прожилъ тридцать два года. Чуткій, нервный, впечатлительный почти до болѣзненности, онъ отзывался на всѣ явленія жизни и общественной, и личной съ такой страстной силой, что самъ называлъ себя «комкомъ обнаженныхъ нервовъ». Совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, около десяти лѣтъ назадъ, Кривенко явился въ редакцію «Новаго Времени». Въ началѣ онъ работалъ по внутреннему отдѣлу—дѣлалъ извлеченія изъ провинціальныхъ газетъ. И въ этой скромной работѣ онъ скоро обратилъ на себя вниманіе. Тѣ нѣсколько строкъ, которыми обычно сопровождаются «вырѣзки», были всегда у него остроумны, часто язвительны, обличали въ авторѣ ихъ оригинальный умъ,—всѣ признаки настоящаго журналиста. Скоро Кривенко сталъ работать чуть не по всѣмъ отдѣламъ газеты. Онъ слѣдилъ за иностранной печатью и умѣлъ извлекать такіе факты, которые для другихъ часто проходили незамѣченными, при этомъ онъ умѣлъ дать имъ своеобразное освѣщеніе и интересъ. Писалъ Кривенко и «Маленькую хронику» и «Маленькій фельетонъ», писалъ отчеты о разныхъ засѣданіяхъ, провелъ нѣсколько крупныхъ судебныхъ процессовъ и умеръ въ разгаръ работы. Судьба послала ему тяжелую жизнь, и, стараясь забыться, обмануть себя, не дать себѣ времени для мыслей о безрадостной жизни, Кривенко весь ушелъ въ работу. Послѣдній періодъ его жизни былъ самымъ дѣятельнымъ. Казалось просто невѣроятнымъ, чтобы этотъ истощенный, измученный физически человѣкъ могъ развивать такую кипучую энергію. Нынѣшнимъ лѣтомъ И. В. сдѣлалъ попытку выздоровѣть. Операція была невозможна, но врачи говорили, что, быть можетъ, жаркій климатъ сдѣлаетъ то, что нельзя было постичь путемъ операціи. Кривенко поѣхалъ въ Каиръ. Его фельетоны объ этой поѣздкѣ были напечатаны въ «Новомъ Времени». И эти фельетоны обреченнаго и глубоко сознававшаго свою обреченность человѣка отличались обычной оригинальностью и интересомъ. Поѣздка какъ будто дѣйствительно начала благотворно дѣйствовать, но И. В. не остался въ Египтѣ, его тянуло въ Петербургъ, на работу, хотя онъ и зналъ, что здѣсь нѣтъ уже надежды на выздоровленіе. (Некрологъ его: «Новое Время», 1913 г, № 13524).

† **Пещуровъ, Д. А.** 1-го ноября скончался бывшій профессоръ петербургскаго университета Дмитрій Александровичъ Пещуровъ. Покойный родился въ 1833 году. Петербургскій университетъ онъ окончилъ по разряду математическихъ наукъ со степенью кандидата и золотой медалью. Сперва избралъ для своей дѣятельности педагогическое поприще, опредѣлившись учителемъ математики въ петербургскую третью гимназію. Въ 1857 году защитилъ диссертацію «Изслѣдованіе движенія малой планеты Фортуна» на степень магистра математики. Но въ этомъ году дѣятельность его приняла иное направленіе: онъ перешелъ на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ и уѣхалъ въ Китай. Тамъ завѣдывалъ въ Пекинѣ магнитной и метеорологической обсерваторіей, затѣмъ былъ русскимъ агентомъ въ Тяньцзинѣ и драгоманомъ нашей дипломатической миссіи въ Пекинѣ. Черезъ девять лѣтъ Д. А. переѣхалъ въ Петербургъ, былъ назначенъ переводчикомъ китайскаго языка при азіатскомъ департаментѣ и съ 1867 года сталъ преподавать китайскій языкъ въ петербургскомъ университетѣ. Въ 1890 году онъ былъ назначенъ экстраор

Библиотека "Руниверс"

динарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ китайской словесности. Покойнымъ изданъ въ 1887 году «Китайско-русскій словарь по ключевой системѣ». Этотъ словарь явился первымъ изданіемъ съ китайскимъ текстомъ, напечатаннымъ типографіей академіи наукъ. До него типографія затруднялась пользоваться китайскимъ шрифтомъ. Затѣмъ имъ изданъ «Китайско-русскій словарь по графической системѣ», составленный по методу профессора В. П. Васильева и позволяющій удерживать въ памяти начертанія китайскихъ іероглифовъ. Одновременно до перехода Обуховскаго завода въ морское вѣдомство Д. А. служилъ на этомъ заводѣ и былъ близкимъ сотрудникомъ начальника завода адмирала А. А. Колокольцова. Выслуживъ полную пенсію, покойный поселился въ своемъ родовомъ имѣніи Калужской губерніи, гдѣ и скончался на восемьдесятъ первомъ году жизни. Весной этого года, въ восьмидесятую годовщину своей жизни, онъ получилъ множество привѣтствій отъ своихъ бывшихъ слушателей, симпатіями которыхъ пользовался заслуженно. (Некрологъ его: «Новое Время», 1913 г., № 13525.)

† **Пономаревъ, С. И.** 31-го октября скончался въ Конотопѣ (Черниг. губ.) извѣстный библіографъ Степанъ Ивановичъ Пономаревъ на восемьдесятъ седьмомъ году жизни. Этотъ скромный, но великій и достойнѣйшій труженикъ, вѣкъ свой прожившій въ глухой провинціи и показывавшійся въ люди лишь очень рѣдко, когда его привлекали къ какому-нибудь книжному дѣлу или издательскому труду, прожилъ свою многополезную жизнь истиннымъ праведникомъ, въ неустанной работѣ на пользу русской наукѣ и литературѣ и въ подвигахъ христіанскаго служенія своимъ перомъ интересамъ нашей православной церкви и духовной литературѣ, въ области которой онъ немало потрудился. Въ послѣднее десятилѣтіе имя его уже рѣдко появлялось въ нашихъ ученыхъ изданіяхъ, но съ 1860 по 1890 года оно пользовалось широкою извѣстностью и популярностью въ кругу нашихъ ученыхъ словесниковъ и литераторовъ, да и нынѣ почтенное имя это знакомо и дорого каждому историку русской литературы, не говоря уже о библіографахъ. С. И. принадлежитъ, безъ сомнѣнія, къ числу немногихъ лучшихъ нашихъ библіографовъ: онъ обладалъ въ этой области знанія необыкновеннымъ даромъ изысканія и собиранія, замѣчательнымъ чутьемъ, опытностью и памятью, а вмѣстѣ съ тѣмъ крайней, педантической точностью и тщательностью въ работѣ. Можно было только удивляться, какъ онъ, сидя въ своемъ конотопскомъ захолустьѣ, вдали отъ научныхъ и культурныхъ центровъ, могъ накоплять то библіографическое богатство, что заключается въ его трудахъ. А сколькимъ русскимъ ученымъ онъ служилъ своими сообщеніями, указаніями, справками! Съ 1860 года начались его сношенія съ нашей академіей и членами отдѣленія русскаго языка и словесности, его участіе въ трудахъ и изданіяхъ академиковъ, и продолжались до начала текущаго столѣтія... Его библіографическіе матеріалы къ сочиненіямъ Ломоносова (1865 г.), митрополита Евгенія (1867), митр. Филарета, Н. М. Карамзина, М. А. Максимовича, князя П. А. Вяземскаго, Некрасова, Н. С. Соханской и другихъ русскихъ писателей—пользуются заслуженной извѣстностью. Онъ принималъ видное участіе въ изданіяхъ многихъ писателей (напр., редактировалъ изд. «Сочиненій Некрасова» 1879), печаталъ дополненія къ разнымъ

Библиотека "Руниверс"

біографическимъ трудамъ, напримѣръ, къ «Словарю русскихъ писательницъ» князя Голицына, дѣятельно участвовалъ въ составленіи «Русскаго календаря» А. С. Суворина—цѣлымъ рядомъ статей и указателей. Въ краткой замѣткѣ невозможно перечесть всѣхъ, даже крупныхъ и существенныхъ работъ его, не говоря о мелкихъ. Составленный имъ библіографическій списокъ его трудовъ, статей и изданій со включеніемъ мелкихъ замѣтокъ, газетныхъ сообщеній и стиховъ (преимущественно духовнаго содержанія) заключаетъ въ себѣ 670 нумеровъ. Онъ на дняхъ напечатанъ въ «Сборникѣ II отдѣленія императорской академіи наукъ» и оттиски должны были быть отправлены автору, которому, увы, уже не суждено было дождаться ихъ... Предпринятое С. И. въ 1870 годахъ по благочестивому влеченію сердца путешествіе въ Палестину оставило тоже замѣтный слѣдъ въ русской литературѣ. («Іерусалимъ и Палестина въ русской литературѣ, наукѣ, живописи и переводахъ», Спб. 1877 г.). Заслуживаетъ еще упоминанія его изданіе «Москва въ родной поэзіи». (Спб. 1880). С. И. Пономаревъ кончилъ курсъ въ университетѣ св. Владимира по историко-филологическому факультету, а затѣмъ былъ преподавателемъ русскаго языка, исторіи и географіи въ средне-учебныхъ заведеніяхъ Полтавы (въ кадетскомъ корпусѣ), гдѣ пользовался большой любовью своихъ учениковъ. Послѣ того онъ прочно и навсегда поселился въ Конотопѣ, гдѣ и кончилъ труды и дни свои, потерявъ уже давно слухъ, а въ послѣдніе годы отчасти и зрѣніе. Человѣкъ чудной души и рѣдкой духовной чистоты, истинный христіанинъ, скромный, привязчивый и сердечный, всегда готовый къ услугѣ и къ дѣлу любви, С. И. пользовался глубокимъ уваженіемъ и искренней любовью всѣхъ его знавшихъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1913 г.,№ 13521).

† Субботинъ, М. С. Въ воскресенье 13-го октября скончался въ Севастополѣ одинъ изъ старѣйшихъ представителей русской академической хирургіи, заслуженный профессоръ военно-медицинской академіи Максимъ Семеновичъ Субботинъ. М. С. былъ учителемъ многихъ поколѣній русскихъ врачей. Окончивъ въ 1873 году военно-медицинскую академію, онъ въ 1884 году былъ избранъ на каѳедру общей хирургіи въ харьковскій университетъ, а въ 1889 году—на ту же каѳедру въ своей родной академіи, гдѣ оставался до 1908 года, пробывъ такимъ образомъ въ должности профессора въ теченіе двадцати четырехъ лѣтъ. Начало дѣятельности М. С. совпало съ эрой необычайнаго подъема въ хирургіи, когда антисептика Листера побѣдоносно распространялась по всей землѣ и двинула хирургію впередъ гигантскими шагами. И М. С. пошелъ не только вровень съ этими шагами, но во многомъ опередилъ своихъ современниковъ и уже свыше тридцати лѣтъ тому назадъ началъ создавать своимъ проницательнымъ умомъ и неутомимой энергіей основы той методики леченія ранъ, которая теперь общепризнана и общепринята. Уже въ 1881 году въ статьѣ подъ заглавіемъ «Воздушно-противогнилостная повязка» М. С. эмансипировался отъ принциповъ нераздѣльно тогда царившей антисептики съ ея крѣпкими, ядовитыми растворами и указалъ путь асептическаго пользованія ранъ, по которому еще очень не скоро пошла хирургія, но который только и далъ ей возможность подняться на ея современную высоту. Но заслуги его далеко не исчерпываются неутомимой проповѣдью асептики. Въ области общихъ прин-

Библиотека "Руниверс"

циповъ хирургической терапіи чрезвычайно интересна другая работа ранняго періода дѣятельности М. С., озаглавленная: «Дренажъ-насосъ для гнойныхъ полостей и гноящихся полостныхъ ранъ»; она кладетъ начало примѣненію метода отсасыванія для леченія гнойныхъ ранъ, метода, систематическая разработка котораго произведена лишь въ послѣднее время и дала цѣлый рядъ выдающихся результатовъ. Чисто-научный интересъ представляетъ разработка М. С. вопроса о воспаленіи, гдѣ онъ улучшилъ условія наблюденія своимъ нагрѣвательнымъ столикомъ и предложилъ механическую теорію воспалительнаго процесса, представляющую вполнѣ понятный результатъ увлеченія господствовавшими въ то время упрощенно-механическими толкованіями жизненныхъ явленій. Въ различныхъ областяхъ частной хирургіи проф. Субботинъ создалъ оригинальные оперативные пріемы, изобрѣлъ немало остроумныхъ, всегда простыхъ и удобныхъ инструментовъ. Къ каждому новому вопросу въ хирургіи онъ подходилъ не съ вычитанной и заученной, а со своей оригинальною мѣркой. Не мала заслуга М. С. и въ дѣлѣ постановки преподаванія того предмета, которому онъ себя посвятилъ. Въ харьковскомъ университетѣ стараніями М. С. создано было при каѳедрѣ общей хирургіи клиническое отдѣленіе, и такимъ образомъ преподаваніе поставлено на раціональную почву практическихъ демонстрацій, до сей поры еще не проведенную въ жизнь въ большинствѣ нашихъ университетовъ. Клиника М. С. была образцовой школой наркоза и асептики. Учитель сурово требовалъ неослабнаго вниманія къ наркозу и тщательнаго проведенія считавшихся имъ раціональными пріемовъ асептики. Теперь многіе пріемы измѣнились, но систематичность и тщательность въ ихъ выполненіи необходимы такъ же, какъ и прежде, и выработкой своего характера въ этомъ направленіи многіе и многіе ученики обязаны профессору Субботину (Некрологъ его «Рѣчь», 1913 г., № 286).

† **Тихомировъ, Н. И.** Въ ночь на 28-е октября, послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни скончался лейбъ-окулистъ Н. И. Тихомировъ. Покойный родился въ 1843 году, воспитывался въ витебской гимназіи, по окончаніи которой поступилъ въ бывшую медико-хирургическую академію. По окончаніи ея въ 1865 году Н. И. былъ оставленъ при академіи для дальнѣйшаго научнаго усовершенствованія. Два года спустя за диссертацію «О явленіяхъ диффузіи чрезъ живую роговую оболочку» Н. И. былъ удостоенъ степени доктора медицины. Затѣмъ онъ назначенъ былъ ассистентомъ глазного отдѣленія новаго клиническаго военнаго госпиталя и, кромѣ того, состоялъ врачомъ Свято-Троицкой общины сестеръ милосердія. Въ 1883 году Н. И. назначенъ былъ окружнымъ окулистомъ петербургскаго военнаго округа и состоялъ профессоромъ женскихъ медицинскихъ курсовъ, учрежденныхъ при Николаевскомъ военномъ госпиталѣ. Н. И. читалъ также лекціи студентамъ медико-хирургической академіи и врачамъ, прикомандированнымъ къ академіи, и руководилъ ихъ практическими занятіями по офталмологіи. Въ 1887 году Н. И. удостоенъ былъ званія почетнаго лейбъ-окулиста, а въ 1903 году лейбъ-окулиста Высочайшаго двора. Кромѣ диссертаціи, покойный Н. И. напечаталъ «Наставленіе для опредѣленія остроты зрѣнія», а также рядъ статей по своей спеціальности. Одно время онъ редактировалъ журналъ «Народное Здравіе». Н. И. много занимался также

Библиотека "Руниверс"

вопросомъ о классномъ освѣщеніи и написалъ брошюру по этому вопросу. Между прочимъ, онъ первый примѣнилъ кокаинъ при глазныхъ операціяхъ и лечилъ синимъ свѣтомъ при кровоизліяніи въ глазу. Н. И. принималъ также дѣятельное участіе въ работахъ ученыхъ обществъ и комиссій и состоялъ непремѣннымъ членомъ военно-санитарнаго ученаго комитета, гдѣ предсѣдательствовалъ въ разныхъ комиссіяхъ, былъ членомъ особой комиссіи по разработкѣ вопросовъ о страхованіи рабочихъ при министерствѣ торговли и промышленности, членомъ медицинскаго совѣта, почетнымъ членомъ петербургскаго общества практическихъ врачей, петербургскаго офтальмологическаго общества, консультантомъ министерства путей сообщенія, главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній, училища правовѣдѣнія, совѣта императорскаго Человѣколюбиваго общества и много другихъ. (Некрологъ его: «Рѣчь», 1913 г., № 296).

† **Цитовичъ, П. П.** Скончавшійся 19-го октября заслуженный профессоръ петербургскаго университета, сенаторъ Петръ Павловичъ Цитовичъ принадлежалъ къ виднымъ русскимъ ученымъ и талантливымъ публицистамъ. Его замѣчательный критическій анализъ, самостоятельность и независимость взглядовъ и талантливость особенно ярко проявились въ концѣ семидесятыхъ годовъ, когда онъ занялся публицистикой и критикой роли модныхъ тогда публицистовъ въ образованіи молодежи. Его статьи: «Что дѣлали въ романѣ «Что дѣлать», «Разрушеніе эстетики» и «Реальная критика», изданныя затѣмъ отдѣльной книгой—«Хрестоматія новаго слова»,—явились тѣмъ трезвымъ словомъ, которое разоблачало царившее тогда направленіе общиннаго владѣнія всѣмъ безъ исключенія, даже чужими женами. Конечно, такіе взгляды и такое отношеніе къ тогдашнимъ корифеямъ публицистики не пришлось имъ по вкусу. Противъ покойнаго выступилъ Н. К. Михайловскій со своими «Письмами къ ученымъ людямъ». Тогда П. П. выпустилъ брошюрку съ отвѣтомъ на эти письма, и брошюра эта имѣла колоссальный успѣхъ, разойдясь въ короткое время въ восьми изданіяхъ. Онъ талантливо, съ присущимъ ему полемическимъ юморомъ громилъ теорію свободы половой и имущественной, «безпардонную игру животности» и объяснилъ новое тогдашнее литературное движеніе традиціями крѣпостного права въ его худшихъ проявленіяхъ, выражавшихся въ несоблюденіи седьмой и десятой заповѣдей. Публицистическое дарованіе П. П. вызвало привлеченіе его въ 1880 году редактировать газету «Берегъ», но газета продержалась менѣе года и прекратила свое бытіе. Съ этого же времени замерла также дѣятельность покойнаго, какъ публициста. Въ области научнаго творчества дѣятельность покойнаго была продолжительной и выразилась въ цѣломъ рядѣ ученыхъ трудовъ и трактатовъ. Здѣсь П. П. проявилъ тоже присущую ему самостоятельность мысли и свой тонкій анализъ. Онъ работалъ по преимуществу надъ установленіемъ связи юридическихъ нормъ съ состояніемъ и особенностями торговаго быта, сближалъ и обобщалъ вопросы гражданскаго и торговаго права и внесъ много творческой новизны въ эту область. Ему принадлежатъ: «Курсъ русскаго гражданскаго права», «Очеркъ основныхъ понятій торговаго права», «Курсъ вексельнаго права», «Морское торговое право», «Очерки по теоріи торговаго права», «Гражданскій процессъ» и др. ученыя изслѣдованія, изданныя отдѣльными брошюрами. Покойный родился въ 1843 году. Онъ—сынъ сель-

Библиотека "Руниверс"

скаго священника Черниговской губерніи—учился въ мѣстной духовной семинаріи. По окончаніи семинарскаго курса отправился въ Харьковъ, пройдя пѣшкомъ 500 верстъ, и опредѣлился въ университетъ. Вскорѣ по окончаніи курса юридическаго факультета П. П. защищалъ диссертацію «Исходные моменты въ исторіи русскаго права наслѣдованія» на степень магистра гражданскаго права и былъ оставленъ при университетѣ на правахъ приватъ-доцента для чтенія лекцій по гражданскому праву. Затѣмъ былъ штатнымъ доцентомъ. Въ 1873 году онъ защитилъ докторскую диссертацію «Деньги въ области гражданскаго права» и былъ назначенъ профессоромъ новороссійскаго университета по каѳедрѣ торговаго и гражданскаго права. Въ 1880 году онъ перешелъ на службу въ сенатъ, вскорѣ оставилъ ее и прожилъ три года за границей. Съ 1884 года по 1894 годъ П. П. былъ профессоромъ кіевскаго университета по своей спеціальности. Въ 1894 году былъ назначенъ членомъ совѣта министра финансовъ, переселился въ Петербургъ и одновременно занялъ каѳедру торговаго права въ петербургскомъ университетѣ. Въ министерствѣ финансовъ покойный принималъ дѣятельнѣйшее участіе во многихъ комиссіяхъ. При его ближайшемъ участіи разработанъ между прочимъ вексельный уставъ 1895 году. Въ послѣдніе два года П. П., назначенный сенаторомъ, участвовалъ въ дѣятельности судебнаго департамента сената. Одновременно онъ предсѣдательствовалъ въ комитетѣ съѣздовъ представителей учрежденій русскаго земельнаго кредита и состоялъ членомъ совѣта по учебнымъ дѣламъ министерства торговли и промышленности. (Некрологъ его: «Новое Время», 1913 г., № 13510).

† **Шуфъ (Борей), В. А.** 8-го ноября умеръ одинъ изъ видныхъ поэтовъ, Владиміръ Александровичъ Шуфъ. Умеръ онъ сорока девяти лѣтъ, отъ чахотки легкихъ, въ своемъ маленькомъ хуторкѣ близъ Ялты, на рукахъ жены Юліи Ильиничны, сына и дочери. Сынъ популярнаго московскаго адвоката, В. А. учился въ одной изъ московскихъ гимназій. Здѣсь на школьной скамьѣ онъ уже проявилъ свои поэтическія дарованія въ цѣломъ рядѣ стихотвореній и экспромтовъ. Юношей, девятнадцати лѣтъ, онъ женился и такъ какъ у него появились признаки туберкулеза легкихъ, онъ уѣхалъ съ женой въ Ялту, гдѣ купилъ себѣ клочокъ земли съ домикомъ на границѣ Ливадійскаго парка. Оправившись отъ болѣзни, В. А. поступилъ на службу въ симферопольскую казенную палату, но служба его тяготила... Во время десятилѣтняго пребыванія въ Крыму В. А. написалъ свою первую большую поэму «Бакланъ». Въ этотъ же періодъ времени В. А. сошелся съ Османомъ, который сыгралъ немалую роль въ его жизни, познакомивъ его съ мистическими легендами Крыма и научивъ его татарскому языку. Въ 1892 году В. А. вмѣстѣ съ Османомъ пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ вступилъ въ семью сотрудникомъ «Петербургскаго Листка»; одновременно онъ давалъ поэтическія произведенія «въ Осколки», «Шутъ» и другія изданія. Это время было началомъ расцвѣта его поэтической дѣятельности, къ этому времени относятся его превосходныя сочиненія «Могила Азиса» и «Крымскія стихотворенія», полныя чарующей красоты и талантливаго вдохновенія. При возникновеніи греко-турецкой войны въ 1897 году В. В. поѣхалъ на войну въ качествѣ военнаго корреспондента отъ «Петербургскаго Листка», съ нимъ поѣхалъ Османъ. По пріѣздѣ въ греческій городъ Лариссу Османъ и

Библиотека "Руниверс"

Шуфъ были заподозрѣны въ шпіонствѣ въ пользу турокъ и арестованы. Жизнь обоихъ висѣла на волоскѣ... Они были преданы военно-полевому суду, но своевременное вмѣшательство русскаго и французскаго консуловъ спасло ихъ, и они благополучно вернулись въ Петербургъ. Въ слѣдующемъ году В. А. съ своимъ спутникомъ поѣхалъ снова на югъ въ качествѣ придворнаго корреспондента «Петербургскаго Листка» при штабѣ императора Вильгельма во время его поѣздки въ Палестину, Сирію и Египетъ. Вернувшись, онъ написалъ превосходный романъ въ стихахъ «Свароговъ». Еще черезъ годъ В. А. Шуфъ вмѣстѣ съ художникомъ И. А. Владимировымъ поѣхалъ отъ «Петербургскаго Листка» на ужасное землетрясеніе въ Шемахѣ, гдѣ едва не погибъ въ расщелинѣ треснувшей земли. На обратномъ пути, сидя въ вагонѣ, онъ создалъ яркую поэтическую картину «Сальфа», въ которой безподобно представилъ ужасы землетрясенія и гибели цвѣтущаго города. Въ 1900 году у него снова появились признаки туберкулеза, и по совѣту врачей онъ уѣхалъ въ Одессу. Здѣсь онъ не могъ оставаться безъ дѣла, и мы видимъ его энергично работающимъ въ «Одесскихъ Новостяхъ» и потомъ въ «Одесскомъ Листкѣ», гдѣ онъ писалъ большіе стихотворные фельетоны. Спустя два года В. А. снова пріѣхалъ въ Петербургъ и вступилъ въ редакцію «Новаго Времени», гдѣ и работалъ до послѣднихъ дней. Въ этотъ періодъ времени онъ ѣздилъ въ Парижъ и потомъ на Дальній Востокъ въ качествѣ военнаго корреспондента. На русско-японской войнѣ ему нѣсколько разъ приходилось бывать подъ огнемъ, но японскіе снаряды щадили его жизнь. Результатомъ его пятимѣсячной поѣздки былъ романъ «Кто идетъ?» Послѣ войны онъ написалъ цѣлый томъ прелестныхъ сонетовъ «Въ край иной», нѣсколько поэмъ и массу стихотвореній. Послѣдняя поѣздка его была въ Персію, куда онъ поѣхалъ вмѣстѣ съ военно-автомобильной командой въ ноябрѣ минувшаго 1912 года. Тяжелая дорога въ слякоть и ненастье надорвала пошатнувшееся здоровье, и у него снова появились зловѣщіе признаки туберкулезнаго процесса въ обоихъ легкихъ. Вернулся онъ изъ Персіи совсѣмъ больной. Почти цѣлый годъ онъ хирѣлъ. Весенняя поѣздка въ Ялту немножко помогла ему, но къ концу лѣта онъ снова почувствовалъ упадокъ силъ и, едва передвигая ноги, уѣхалъ въ концѣ августа въ Ялту, чтобы больше не вернуться... В. А. былъ близокъ со всѣмъ литературнымъ и художественнымъ міромъ и всюду былъ желаннымъ другомъ, горячимъ поклонникомъ всего талантливаго, вѣчнаго, прекраснаго... (Некрологъ его «Петербургскій Листокъ», 1913 г., № 309).

† **Щавинскій, В. О.** Въ Вѣнѣ скончался 4-го ноября вѣнскій корреспондентъ «Новаго Времени» Владимиръ Осиповичъ Щавинскій, работавшій подъ псевдонимомъ «Далиборъ». Въ его лицѣ сошелъ въ могилу одинъ изъ виднѣйшихъ галицко-русскихъ и славянскихъ дѣятелей въ австрійской столицѣ. Уроженецъ Карпатъ, именно самой западной Лемковской части ихъ, В. О. по окончаніи медицинскаго факультета въ Вѣнѣ остался въ ней и всѣ свои досуги посвящалъ публицистикѣ. Во время добровольческаго движенія 1876 года онъ поступилъ медикомъ въ отрядъ М. Г. Черняева и принималъ въ Сербіи участіе въ бояхъ подъ Алексинацемъ. Вернувшись послѣ славянской войны въ Вѣну, онъ сталъ во главѣ славянскаго студенческаго движенія и много поработалъ надъ развитіемъ славянскаго самосознанія среди учащейся въ Вѣнѣ славянской молодежи. Съ

Библиотека "Руниверс"

1888 года онъ сотрудничалъ въ галицко-русской газетѣ «Проломъ», затѣмъ въ «Червонной Руси», «Галицкой Руси», «Галичанинѣ», «Славянскомъ Вѣкѣ» и, наконецъ, до самыхъ послѣднихъ дней въ «Прикарпатской Руси», издающейся во Львовѣ. Въ 1893 году онъ былъ австрійскими властями арестованъ, въ связи съ демонстраціей противъ уніатскаго митрополита Сильвестра (Сембратовича) и просидѣлъ въ тюрьмѣ свыше мѣсяца. Одно время онъ стоялъ во главѣ вѣнскаго «кружка любителей русскаго языка». Принимая участіе почти во всѣхъ славянскихъ съѣздахъ журналистовъ, онъ своими выступленіями въ защиту галицко-русскихъ интересовъ пріобрѣлъ себѣ всеобщія симпатіи. Съ 1897 года онъ сталъ телеграфировать изъ Вѣны и посылать оттуда корреспонденціи въ «Новое Время». Статьи его отличались всегда широкой освѣдомленностью и умѣньемъ выдвинуть то, что такъ или иначе затрагивало русскіе государственные интересы. На дняхъ русская колонія въ Вѣнѣ собиралась праздновать двадцатипятилѣтіе его публицистической дѣятельности. Болѣзнь рака свела его преждевременно въ могилу. (Некрологъ его: «Новое Время», 1913 г., № 13525).

† **Якубовичъ, В. В.** Въ Бессарабской губерніи скончался Всеволодъ Викториновичъ Якубовичъ, нѣкоторое время редактировавшій газету «Другъ» послѣ смерти П. А. Крушевана. Родился В. В. 11-го февраля 1872 года, воспитывался въ кишиневской второй мужской гимназіи и въ императорскомъ московскомъ университетѣ по юридическому факультету. Закончивъ образованіе, В. В. поступилъ кандидатомъ на судебныя должности въ кишиневскій окружный судъ, гдѣ сразу же обратилъ на себя вниманіе выдающимися юридическими способностями. Во время извѣстнаго бунта синештскихъ крестьянъ В. В. съ двумя подростками и двумя женщинами спасъ шестерыхъ израненныхъ стражниковъ и урядниковъ и выдержалъ пятичасовую осаду разъяренной и опьяненной кровью толпы. Однако «эта осада», сообщаетъ «Другъ», не прошла ему даромъ: душевное потрясеніе было слишкомъ велико, съ этихъ поръ В. В. сталъ хворать. (Некрологъ его: «Новое Время», 1913 г., № 13526).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

По поводу ст. Б. Глинскаго «Развѣнчанные герои революціи».

Въ статьѣ г. Б. Глинскаго «Развѣнчанные герои революціи 1905 года», помѣщенной въ ноябрьской книжкѣ вашего журнала, на стр. 643 напечатано: «Въ октябрьскіе и ноябрьскіе дни не выяснилось опредѣленно, за кѣмъ останется побѣда. Побѣдятъ ли рабочіе, или сторонники стараго режима.... Бывали и такіе случаи, что обыватель одновременно признавалъ два правительства—самодержавное и пролетарское... Такой же тактики держались по отношенію совѣта и такіе литературные дѣятели, какъ г. Сыромятниковъ. Какъ извѣстно, газета «Слово» обращалась въ совѣтъ за «разрѣшеніемъ» не посылать очередныхъ номеровъ газеты въ цензуру, полагая, что побѣдитъ рабочій—«Слово»

Библиотека "Руниверс"

не въ отвѣтѣ; уцѣлѣетъ существующее правительство—«Слово» оправдается ссылкой на насиліе рабочихъ. Въ томъ и другомъ случаѣ былъ обезпеченъ выходъ газеты. Все объяснялось тѣмъ, что исходъ борьбы не выяснился»...

Утвержденія автора этой статьи по отношенію ко мнѣ совершенно неосновательны.

Я не принималъ никогда никакого участія въ редактированіи и изданіи газеты «Слово», а потому не имѣлъ случая входить въ какія-либо отношенія къ совѣту рабочихъ депутатовъ. Съ 2-го октября по 18-е ноября 1905 года статей моихъ въ этой газетѣ не было, такъ какъ съ 11-го октября по 13-е ноября 1905 года я жилъ въ имѣніи Пузырево, Валдайскаго уѣзда Новгородской губерніи, и часть этого времени былъ отрѣзанъ отъ Петербурга. Какъ относился я къ революціи вообще и къ совѣту рабочихъ депутатовъ въ частности, видно ихъ статей моихъ въ томъ же «Словѣ». Почтенные сотрудники этой газеты требовали моего удаленія изъ состава редакціи по причинѣ моего, по ихъ тогдашнему мнѣнію, реакціоннаго направленія, что было ими оглашено въ печати.

С. Сыромятниковъ.

II.

Отвѣтъ С. Н. Сыромятникову.

Приведенныя слова изъ моей статьи «Развѣнчанные герои революціи 1905 г.» не мое утвержденіе, а свидѣтельство Хрусталева-Носаря, которое въ данномъ мѣстѣ мною пересказано, что и отмѣчено въ текстѣ статьи.

Б. Глинскій.

III.

По поводу ст. А. Фирсова «Поѣздка къ могиламъ Елагиныхъ и Батенькова».

Въ іюльской книжкѣ 1913 года «Историческаго Вѣстника» въ статью г. Фирсова «Поѣздка къ могиламъ Елагиныхъ и Батенькова» вкралась ошибка, которую считаю долгомъ исправить. Г. Фирсовъ пишетъ: «Тамъ похороненъ извѣстный декабристъ Гавріилъ Степановъ Батенковъ, который былъ связанъ настолько тѣсными узами дружбы съ сыномъ Авдотьи Петровны, Николаемъ Алексѣевичемъ Елагинымъ, что завѣщалъ похоронить себя именно, гдѣ черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ его кончины зарыли прахъ его друга».

Между тѣмъ, друженъ былъ Батеньковъ не съ сыномъ Авдотьи Петровны, а съ мужемъ ея Алексѣемъ Андреевичемъ Елагинымъ, съ которымъ онъ участвовалъ и въ походѣ 1813—1814 годовъ и котораго онъ уже не засталъ въ живыхъ, вернувшись изъ ссылки. Просидѣвъ двадцать лѣтъ въ Петропавловской крѣпости, Батеньковъ былъ сосланъ въ Сибирь, и только Александръ II разрѣшилъ ему вернуться въ центръ Россіи. Батеньковъ сначала поселился въ Петрищевѣ, у вдовы своего друга Елагина (скончавшагося въ 1846 году). Алексѣй Андреевичъ Елагинъ похороненъ въ самой церкви въ придѣлѣ Варвары мученицы (южномъ), и всѣ образа въ этомъ придѣлѣ написаны Авдотьей

Библиотека "Руниверс"

Петровной Елагиной, а ризы къ нимъ вышиты бисеромъ ея дочерьми и невѣсткой. Могила Батенькова находится у стѣнъ этого придѣла, т. е. именно вблизи его лучшаго друга, и это мѣсто онъ самъ выбралъ. Сынъ Авдотьи Петровны Николай Алексѣевичъ родился въ 1822 году, слѣдовательно, ему было три года, когда Батеньковъ на двадцать лѣтъ исчезъ съ лица земли, подъ сводами Алексѣевскаго равелина.

Подробная біографія Батенькова записана мной со словъ моей бабушки Авдотьи Петровны Елагиной и была напечатана въ «Русскомъ Архивѣ»; въ эту минуту затрудняюсь сказать, въ которомъ году.

По желанью Елагиныхъ надъ ихъ могилами поставлены только простые кресты. Всѣ они ненавидѣли надгробную пышность, особенно плиты. Проведя нынѣшнее лѣто вблизи Петрищева, могу засвидѣтельствовать, что ограда возобновлена, могилы въ порядкѣ, а память о дорогихъ умершихъ жива во мнѣ и въ семьѣ моей.

Марія Веэръ, рожденная Елагина.

Библиотека "Руниверс"

— А что же вы ничего не прибавили о возстановленіи меня въ должности и о томъ, что мнѣ гарантируется безопасность и на будущее время?

— Если ваша невиновность будетъ вполнѣ доказана, все это сдѣлается само собой. Дѣйствительно, вы сегодня черезчуръ нервны,—насмѣшливо добавилъ онъ.

— Прибавьте еще, что во всемъ этомъ дѣлѣ вы дѣйствовали относительно меня вполнѣ добросовѣстно. Я знаю только то, что вы сказали мнѣ. На самомъ же дѣлѣ положеніе вещей можетъ быть далеко не то, какого я, по вашимъ словамъ, могу ожидать.

Онъ немножко поколебался, потомъ вдругъ рѣшился и написалъ, что я его просилъ.

— Теперь пишите вы,—произнесъ онъ, подвигая ко мнѣ бумагу съ лицемѣрной услужливостью. — Впрочемъ, сначала скажите, что вы хотите написать.

— Клянусь не мстить вамъ за все, что случилось въ эти дни, ни открыто, ни тайно, ни силою, ни своей властью. Я говорю прямо и безъ всякихъ оговорокъ въ умѣ. И я буду вѣрно исполнять мою клятву до тѣхъ поръ, пока вы будете вѣрно содѣйствовать мнѣ въ этомъ дѣлѣ. Но если вы окажетесь фальшивымъ хоть въ одномъ какомъ-нибудь пунктѣ, я буду считать себя свободнымъ отъ всякихъ обязательствъ.

Онъ посмотрѣлъ на меня испытующе, видимо, испуганный подозрѣніями. Потомъ онъ перевелъ глаза на Маріонъ. Ея лицо было блѣдно, но глаза сіяли. Стоя здѣсь въ этомъ темномъ коридорѣ, освѣщаемая колеблющимся свѣтомъ фонаря, она имѣла какой-то неземной видъ. Ванъ-Гульстъ бросилъ на нее жадный взглядъ, и я понялъ, что ему нужны не только ея деньги. Живой она ему въ руки не дастся, согласно ихъ договору, но онъ, очевидно, или не вѣрилъ, что она найдетъ въ себѣ силы исполнить свое слово, или думалъ, что онъ отыщетъ средство заставить ее исполнить его желанія.

Дѣйствовалъ онъ очень осторожно.

— Повторите еще разъ, — грубо сказалъ онъ мнѣ.

Я повторилъ. Онъ вслушивался внимательно въ каждое слово, какъ бы желая открыть въ нихъ заднюю мысль. Но у него не было повода спорить противъ нихъ, иначе онъ возбудилъ бы подозрѣніе въ коварствѣ съ его стороны. Присутствіе Маріонъ сильно дѣйствовало на него, а, можетъ быть, онъ просто меня уже не боялся.

— Хорошо,—сказалъ онъ наконецъ,—Но я долженъ предостеречь васъ, что если вы хотите обмануть меня, то вамъ не выйти отсюда живымъ. Всѣ выходы охраняются моими людьми, и вы всецѣло въ моей власти.

Библиотека "Руниверс"

Я пожалъ плечами.

— Итакъ, можно будетъ записать наше условіе въ изложенномъ видѣ?

— Хорошо,—не особенно охотно отвѣчалъ онъ.—Вы также должны будете имѣть дѣло со свидѣтелемъ,—прибавилъ онъ, сверкнувъ глазами,—съ такимъ свидѣтелемъ, котораго нельзя опорочить, со священникомъ. Не знаю, передавала ли вамъ m-lle де-Брегольль, что она приняла мое предложеніе. Мнѣ чрезвычайно непріятно, что наше бракосочетаніе должно совершится такъ внезапно и безъ всякихъ церемоній. Но теперь времена тревожныя, и нужно принимать мѣры противъ измѣнчивости судьбы. Священникъ ждетъ здѣсь. Онъ засвидѣтельствуетъ о нашемъ взаимномъ согласіи на бракъ, а ваше превосходительство подпишете нашъ брачный договоръ. Вы сдѣлаете намъ это одолженіе, не правда ли?—онъ говорилъ со мной съ едва скрываемымъ презрѣніемъ.

— Хорошо,—спокойно отвѣчалъ я.—Я подпишу его.

Не знаю, намѣренно ли онъ подвергъ меня этому послѣднему униженію. Мнѣ извѣстно, что онъ сильно меня ненавидитъ, но я зналъ, что онъ привыкъ разсчитывать все заранѣе. Я ожидалъ, что онъ будетъ настаивать на томъ, чтобы бракосочетаніе его съ Маріонъ было совершено завтра утромъ; но никакъ не здѣсь, въ моемъ присутствіи. Я даже не знаю, была ли Маріонъ предупреждена объ этомъ заранѣе: она не выразила никакого протеста. Впрочемъ, чтобы не оскорблять меня, она и не могла принять видъ невѣсты, согласной на этотъ бракъ. И если она видѣла сквозь тонкую завѣсу насмѣшливой учтивости ванъ-Гульста и понимала всю мѣру моего униженія, то, конечно, не ей было отступать отъ своего слова.

Вошелъ священникъ, маленькаго роста и назначительнаго вида,—очевидно, креатура барона ванъ-Гульста.

— Подпишите ваше имя на этой бумагѣ,—приказалъ ему баронъ.

— Это...—началъ было онъ робко.

— Это васъ не касается. Это не брачный контрактъ. Подпишите ваше имя, и дѣлу конецъ.

Когда онъ подписалъ, я взялъ бумагу, сложилъ ее и передалъ доннѣ Маріонъ. Она молча взяла ее.

— Ну, теперь займемся другимъ. Вы готовы, Маріонъ?

— Да,—отвѣчала она.

— Въ такомъ случаѣ, исполните требу, отецъ Арендсъ. Эта женщина — m-lle Маріонъ де-Брегольль—согласна стать моей женою. Подтверждаете ли вы это?

— Да,—храбро отвѣтила она.

Въ мрачномъ и уныломъ мѣстѣ совершалось это бракосочетаніе. Темный коридоръ, подъ землею, едва освѣщаемый тусклымъ свѣтомъ фонарей. Свѣчи горѣли неровно, мигали, бросая фантастиче-

Библиотека "Руниверс"

скія тѣни на лицо людей, стоявшихъ вокругъ стола. По временамъ казалось, словно какія-то привидѣнія носились по влажнымъ стѣнамъ, съ которыхъ капала сырость. Казалось, коридоръ наполнился тѣнями, явившимися сюда протестовать противъ новаго акта несправедливости, который совершался въ этихъ стѣнахъ. Руки священника дрожали, и онъ никакъ не могъ приготовить все, какъ слѣдуетъ!

— Давайте сюда другой фонарь,—приказалъ баронъ ванъ-Гульстъ.—Отцу Арендсу не видно.

Принесли еще фонарь.

— А теперь проворнѣй. Нельзя заставлять совѣтъ ждать.

Священникъ взглянулъ на Маріонъ. Съ минуту онъ колебался, и я полюбилъ его за это.

Свѣтъ падалъ прямо на Маріонъ и ярко освѣщалъ ея лицо.

Она была совершенно спокойна, и ея грудь едва поднималась отъ дыханія. Руки ея были неподвижны, какъ у статуи. Выраженіе ея лица нисколько не перемѣнилось, и только въ глазахъ—она смотрѣла не на насъ, а куда-то мимо насъ,—можно было уловить выраженіе не отъ міра сего.

Священникъ, очевидно, замѣтилъ это, и голосъ его дрогнулъ, когда онъ спросилъ:

— Кто же будетъ свидѣтелемъ этого брака?

— Одинъ изъ моихъ людей и г. губернаторъ. Полагаю, что этого достаточно.

Священникъ сталъ читать молитвы, которыя полагаются при совершеніи брака. Читалъ онъ медленно, и въ голосѣ его время отъ времени слышались нервныя нотки. Донна Маріонъ смотрѣла на сырой темный сводъ, а баронъ ванъ-Гульстъ бросалъ на нее жадные взоры. Его пальцы скручивались, и онъ самъ былъ непохожъ на себя, онъ, который всегда держалъ себя такъ спокойно и ровно. Онъ былъ похожъ на пьянаго—пьянаго своимъ тріумфомъ и радостнымъ возбужденіемъ.

И я прислушивался къ молитвамъ, считая все это искупленіемъ моихъ грѣховъ. Но когда я услыхалъ, какъ она дала обѣщаніе оставаться вѣрной ему до гроба, мною овладѣло желаніе закричать и остановить совершеніе обряда, но я вò-время спохватился и только молча впился ногтями въ свою ладонь.

Скоро обрядъ былъ совершенъ. Съ минуту всѣ стояли молча. Потомъ ванъ-Гульстъ сталъ благодарить Маріонъ. Обратившись затѣмъ ко мнѣ, онъ сказалъ:

— Покорнѣйше благодарю ваше превосходительство. Теперь идемте въ совѣтъ. Онъ уже собрался... въ нетерпѣніи видѣть васъ, ваше превосходительство,—прибавилъ онъ съ язвительной усмѣшкой.—Дайте пройти его превосходительству!

Библиотека "Руниверс"

Онъ бросилъ взглядъ на донну Маріонъ, но она не глядѣла ни на него, ни на меня, и молча и безстрастно вышла изъ коридора, какъ будто дѣйствительность для нея уже не существовала.

Когда мы проходили, я слышалъ, какъ часы пробили шесть. Теперь, стало быть, было около половины седьмого. Въ шесть часовъ Торрихосъ приходилъ ко мнѣ за полученіемъ распоряженій и приказаній. Если только онъ не попалъ въ какую-нибудь западню, то онъ могъ бы быть здѣсь въ семь часовъ. Это было бы еще рано, и въ это время я еще не нуждался бы въ немъ. Къ несчастью, ихъ всего было человѣкъ пятьдесятъ, между тѣмъ какъ городской стражи было болѣе сотни человѣкъ. Лучшая часть гарнизона подъ командой Брандта и ванъ-Стерка была въ отсутствіи. Съ этой стороны моментъ выбранъ былъ удачно. Что касается тѣхъ немногихъ войскъ, которыя еще оставались въ городѣ, то я не могъ сказать, на чьей они были бы сторонѣ, если бъ даже они и узнали обо всемъ во́-время.

Надежда на бѣдныхъ жителей окраинъ города, къ которымъ посылала Маріонъ, также рушилась: на нихъ нелзья было разсчитывать.

Когда мы дошли до широкой площадки, откуда былъ ходъ съ одной стороны прямо въ залъ засѣданій совѣта, а съ другой—въ комнаты принца, ванъ-Гульстъ отворилъ послѣднюю дверь и произнесъ:

— Баронесса, не угодно ли будетъ вамъ подождать здѣсь, пока не кончится засѣданіе.

— Баронесса ванъ-Гульстъ, я бы покорнѣйше просилъ васъ присутствовать на засѣданіи,—сказалъ я, не давъ ей времени для отвѣта.

Ванъ-Гульстъ поднялъ брови.

— Это моя жена, а для дамы не идетъ присутствовать на засѣданіи.

— Я знаю. Но я могу приглашать на засѣданія, кого хочу.

— Я пойду,—сказала Маріонъ.

Баронъ взглянулъ ей прямо въ лицо, какъ будто хотѣлъ уничтожить это первое непослушаніе. Но черезъ минуту онъ опомнился и пожалъ плечами.

— Какъ вамъ будетъ угодно,—сказалъ онъ.

Привратникъ отворилъ дверь, и мы вошли. Мнѣ бросилось въ глаза огромное окно съ цвѣтными стеклами, на которыхъ былъ изображенъ гербъ города. Вчера я смотрѣлъ, какъ въ этомъ окнѣ медленно умиралъ свѣтъ солнца, какъ будто онъ тонулъ въ крови. Теперь стекло было освѣщено слабымъ утреннимъ свѣтомъ. На стѣнахъ, на полу, на лицахъ усталыхъ, измученныхъ отъ безсонной ночи совѣтниковъ,—вездѣ лежалъ этотъ холодный серебряный свѣтъ

Библиотека "Руниверс"

новаго дня, который уже ничего не знаетъ о разыгравшихся на канунѣ страстяхъ. Холодно лежалъ этотъ свѣтъ на креслахъ, на столѣ, на перьяхъ и бумагахъ передъ секретарями, которые поднялись вмѣстѣ съ другими и бросали на меня полулюбопытные, полуиспуганные взоры.

Глубокое молчаніе воцарилось въ залѣ, и на многихъ лицахъ ясно выразилось безпокойство. Я не могъ видѣть своего, но я зналъ, что я блѣденъ, какъ смерть. На мнѣ было черное одѣяніе, и я чувствовалъ, что съ блѣднымъ лицомъ и съ ярко горящими глазами я могъ представиться имъ ангеломъ мщенія. Ванъ-Гульстъ заключилъ со мной крѣпкую сдѣлку, но онъ ничѣмъ не оградилъ въ ней другихъ.

Я медленно поднялся къ своему креслу. Тишина была такая, что я могъ слышать даже шумъ своихъ шаговъ по мягкому ковру. Когда я сѣлъ, рѣзко пробили часы. Было безъ четверти семь.

Потомъ опять настала тишина. Только извнѣ долеталъ до моихъ ушей тихій, неясный гулъ, словно похожій на шумъ отдаленной рѣки. То просыпался городъ.

Всталъ ванъ-Сильтъ и началъ:

— Ваше превосходительство, мы глубоко сожалѣемъ о томъ, что случилось вчера, и просимъ извинить насъ. Мы ошиблись; но мы чувствовали свою отвѣтственность за безопасность города, и поэтому мы поступили такъ, не имѣя какихъ-либо гнусныхъ намѣреній. Мы вѣримъ, что вы простите насъ.

— Чѣмъ же вы готовы искупить свою вину передъ нами?—холодно спросилъ я.

— Совѣтъ уже просилъ васъ о прощеніи.

— Это я слышалъ. Но прежде, чѣмъ я дамъ вамъ это прощеніе, я желалъ бы знать, чѣмъ вы искупите вашу вину.

Ванъ-Сильтъ устремилъ на меня свои глаза.

— Я полагалъ...—началъ было онъ, и остановился.

— Господинъ ванъ-Сильтъ,—сказалъ одинъ изъ членовъ совѣта:— простите меня, что я говорю, не давъ вамъ кончить. Но мнѣ кажется, что совѣтъ прежде, чѣмъ принимать какія-либо рѣшенія, долженъ быть точно освѣдомленнымъ во всемъ этомъ дѣлѣ. Мы уже слышали, что обвиненія, предъявленныя къ г. губернатору, оказались неосновательными, но мы не имѣемъ никакихъ доказательствъ этого.

— Баронъ ванъ-Гульстъ, не угодно ли вамъ доложить совѣту это дѣло,—сказалъ бургомистръ.

Баронъ выступилъ впередъ и вынулъ изъ кармана бумагу.

— Вотъ что я нашелъ въ комнатѣ графа ванъ-Стивена, когда производилъ второй обыскъ. Это его отвѣтъ на письмо короля,

Библиотека "Руниверс"

и этотъ отвѣтъ освобождаетъ г. губернатора отъ всякихъ подозрѣній.

Онъ вручилъ бумагу ванъ-Стивену. Прочитавъ ее, тотъ передалъ ее дальше. Когда всѣ прочитали бумагу, ванъ-Гульстъ принесъ ее ко мнѣ и съ поклономъ положилъ на столъ.

Наступила неловкая пауза.

— Такъ какъ совѣтъ убѣдился теперь въ своей ошибкѣ,—началъ опять ванъ-Сильтъ:—то я повторяю нашу просьбу о прощеніи.

— И это все?—спросилъ я. Неужели вы думаете, что вы можете дѣлать то, что вы сдѣлали, и поплатиться за нанесенное оскорбленіе одной просьбой о прощеніи? Двадцать четыре часа тому назадъ этого было бы довольно. Но сегодня... сегодня иное дѣло.

— Мы готовы понести соотвѣтствующую кару...—началъ опять бургомистръ ванъ-Сильтъ, но чей-то голосъ опять прервалъ его:

— Будьте довольны и этимъ. Мы довольно сдѣлали для васъ. Мы могли бы признать эти доказательства недостаточными, ибо вашъ отвѣтъ найденъ былъ не съ письмомъ короля. Вы еще въ нашей власти, и будьте довольны и этимъ.

Слова, которыхъ я такъ ждалъ, были сказаны. Только что я хотѣлъ возразить, какъ вдругъ глухой, грозный ревъ ворвался въ окна дворца. Отдаленный шумъ, о которомъ я упоминалъ выше, за четверть часа все усиливался и усиливался. Но мы говорили, и никто не обратилъ на него вниманія. Теперь онъ ворвался къ намъ въ уши, словно ревъ какой-то бури.

Всѣ глаза устремились на площадь. Нѣкоторые подбѣжали къ окнамъ и открыли ихъ. Съ того мѣста, гдѣ я стоялъ, была видна площадь, и я замѣтилъ, что вся она полна волновавшимся народомъ, вооруженнымъ топорами и желѣзными прутьями,—словомъ, чѣмъ попало. Оружіе ихъ было не хитро, но зато лица ихъ горѣли яростью, и съ ними шутить не приходилось.

Замѣтивъ, что нѣкоторыя окна отворились, они замахали топорами и палками и безчисленными голосами завопили:

— Губернатора! М-lle де-Брегольль! Мы хотимъ видѣть ихъ и убѣдиться, что они живы!

Бѣдное населеніе Гуды пристыдило меня. Тѣ, на которыхъ, по-моему, всякая надежда была потеряна, явились сюда, словно могучій потокъ, всякое сопротивленіе которому безполезно. Деньги, которыя я получилъ за заложенное у Исаака Мардохая ожерелье моей матери и которыя я имъ роздалъ, теперь вернулись ко мнѣ съ лихвою.

Члены совѣта переглядывались между собою съ побѣлѣвшими лицами. Только баронъ ванъ-Гульстъ не потерялся и быстро что-то приказалъ одному изъ своихъ подчиненныхъ.

Библиотека "Руниверс"

— Губернатора!—ревѣла толпа!—Губернатора! Бейте стекла и ломайте ворота! Идемъ громить дома совѣтниковъ!

Дѣло принимало опасный оборотъ. Конечно, все это поднялось не изъ одной только любви ко мнѣ, и теперь дома ванъ-Шюйтена и другихъ дорого заплатятъ за страданіе и бѣдноту этой толпы.

— Ваше превосходительство, — закричалъ ванъ-Сильтъ: — умоляю васъ, сдѣлайте что-нибудь и остановите толпу. Покажитесь имъ, пусть они убѣдятся, что вы живы и въ безопасности.

— Этого я не знаю,—холодно отвѣчалъ я.—Здѣсь только что говорили, что я еще въ вашей власти. Народъ явился освободить меня, и я не вижу причинъ препятствовать ему въ этомъ!

— Ваше превосходительство...

Просилъ уже не онъ одинъ, просили всѣ. Но ихъ голосовъ не слышно было среди громовыхъ ударовъ въ главную дверь дворца.

Гдѣ-то вдругъ ударили въ колоколъ, и его рѣзкій, нетерпѣливый звонъ врывался въ уши въ промежуткъ между ударами въ дверь. Эти удары становились все сильнѣе и чаще. Зала вся дрожала, стекла звенѣли. Царило общее молчаніе.

Ударъ раздавался за ударомъ, а толпа выла, какъ стая демоновъ. Они пришли сюда съ доброй цѣлью, и я зналъ, что они хорошо настроены относительно меня и донны Маріонъ. Но въ этихъ волненіяхъ и бунтахъ всегда есть нѣчто такое, что будитъ звѣря въ каждомъ даже самомъ мирномъ человѣкѣ. Въ этой толпѣ было немало людей, озлобленныхъ голодомъ, болѣзнями и страданіями, въ которыхъ они, справедливо или нѣтъ, винили совѣтъ. И вотъ теперь они явились сюда, чтобы отомстить за всѣ свои невзгоды и, быть можетъ, въ надеждѣ улучшить свое положеніе за счетъ тѣхъ, кто ѣстъ, когда они голодаютъ. За ними стояли ихъ жены, побуждая ихъ. Ихъ крики рѣзко выдавались среди общаго глухаго гула.

Вдругъ раздался сухой трескъ, за нимъ второй, третій. То стрѣляли изъ оконъ нижняго этажа люди барона ванъ-Гульста, не знаю, для того ли, чтобы только напугать толпу, или же серьезно.

Дѣло приближалось къ рѣшительной развязкѣ. Раздалось еще нѣсколько залповъ. Поднялись ужасные крики и проклятія, разразилось настоящее возстаніе.

Если толпа ворвется сюда, всѣмъ придется плохо, и въ залѣ засѣданій совѣта не было ни одного человѣка, который бы этого не понималъ. Два или три члена совѣта, бросившіеся было въ началѣ перестрѣлки къ окнамъ, въ ужасѣ отскочили назадъ и, дрожа, сѣли на свои мѣста. Нѣкоторые бросились къ ванъ-Сильту и пы-

Библиотека "Руниверс"

тались уговорить его принять какія-нибудь мѣры, но среди общаго шума ихъ словъ было неслышно. Нѣкоторые, въ числѣ ихъ и ванъ-Гиртъ, сидѣли неподвижно и, соблюдая безмолвіе, смотрѣли въ пространство. Одинъ изъ совѣтниковъ забился въ уголъ, и плакалъ, какъ малое дитя.

Я взглянулъ на донну Маріонъ. Она встала съ своего мѣста и держалась спокойно, только глаза ея горѣли. Казалось, ураганъ, который она сама спустила съ цѣпи, ее нисколько не страшилъ.

Ванъ-Сильтъ бросился передо мной на колѣни, указывая рукой на окно и жестами умоляя меня выйти и заговорить съ народомъ. Но просьбы его были напрасны: разразившуюся бурю ни я, ни кто-либо другой уже не могъ усмирить одними словами. Я только уронилъ бы теперь свой авторитетъ, который понадобится мнѣ, когда толпа вломится въ залъ,—а это было вопросомъ нѣсколькихъ минутъ.

Но не прошло и нѣсколькихъ минутъ. Вдругъ раздался страшный ударъ, потрясшій до основанія весь домъ,—двери были выломаны. Всѣ разомъ поднялись съ своихъ мѣстъ. Совѣтникъ, плакавшій въ углу, видимо, сошелъ съ ума: онъ визжалъ и танцовалъ.

Минуты черезъ двѣ изъ коридора донесся глухой шумъ, подобный прибою сильной волны. Прошла еще минута, и высокія двери, ведущія въ залу засѣданій, полетѣли на полъ, сорванныя съ петель. Привратники, охранявшіе ихъ, были сбиты съ ногъ и растоптаны. Двери были не заперты, но никто не попробовалъ ихъ отпереть.

Первымъ ворвался Торрихо съ полудюжиной людей моей гвардіи. За ними показалась толпа народу съ дикими, возбужденными лицами. Нѣкоторые были одѣты только въ грубыя полотняныя рубахи, другіе въ кожаные передники. Большинство было безъ шапокъ, только на двухъ-трехъ было что-то въ родѣ стальныхъ касокъ. Но во всѣхъ просвѣчивала жадность, ярость и опьянѣніе бурными событіями начинающагося дня.

Вломившись, они остановились въ изумленіи: въ залѣ царило полное спокойствіе. Многіе изъ членовъ совѣта упали въ свои кресла, молча ожидая своей участи съ такимъ достоинствомъ, какого раньше въ нихъ не было. Только у одного изъ нихъ зубы невольно выбивали дробь.

Эта торжественная тишина, полусвѣтъ, царившій въ залѣ, неподвижныя фигуры, сидѣвшія въ креслахъ,—все это отрезвило нападающихъ. Это было, конечно, мнимое спокойствіе, но для нихъ, вломившихся сюда изъ самаго центра битвы, оно показалось настоящимъ.

Я воспользовался этимъ моментомъ и заговорилъ громкимъ голосомъ:

Библиотека "Руниверс"

— Благодарю васъ всѣхъ. Вы освободили меня, и я этого не забуду. Каждый получитъ свою награду, но вы должны получить, а не вырывать ее. Торрихо, сторожи двери. Всѣ могутъ видѣть и слышать все, что тутъ происходитъ, но никто не долженъ ни входить, не выходить изъ зала: засѣданіе совѣта еще не кончилось.

Потомъ я подошелъ къ окну и распахнулъ его настежь.

— Граждане гудскіе,—закричалъ я.—Выслушайте меня!

Въ случаѣ надобности я могу говорить очень громко, но первыя мои слова были совершенно не слышны и потерялись, какъ теряется плачъ ребенка среди рева океана. Три раза пробовалъ я кричать изо всѣхъ своихъ силъ, но только на третій разъ меня услышали. Мало-по-малу гулъ сталъ стихать, и явилась возможность говорить съ народомъ.

— Граждане гудскіе,—сказалъ я:—благодарю васъ всѣхъ. До самой смерти своей я не забуду, что вы сегодня для меня сдѣлали. До сихъ поръ мнѣ немного удалось сдѣлать для васъ, гораздо меньше, чѣмъ я хотѣлъ. Я боялся, что мы не понимаемъ другъ друга, ибо я долго не возвращался въ страну моихъ предковъ, но теперь я спокоенъ на этотъ счетъ. Благодарю васъ, и какъ мы до сихъ поръ дѣйствовали совмѣстно, такъ, съ Божьей помощью, будемъ дѣйствовать и впредь.

Раздались громкіе крики, полетѣли вверхъ шляпы и фуражки. Хотѣлъ бы я, чтобы въ этотъ моментъ былъ здѣсь король Филиппъ. Онъ могъ бы извлечь сегодня полезный для себя урокъ. И я не жалѣлъ, что отказался отъ предложеннаго мнѣ намѣстничества.

— Де-Брегольль! Де-Брегольль—раздавались голоса.

Я обернулся.

— М-lle де-Брегольль, не угодно ли вамъ подойти сюда.

Я забылъ о ея бракѣ и все еще называлъ ее ея дѣвическимъ именемъ. Тѣмъ не менѣе она подошла.

Увидѣвъ ее, ставшую около меня, народъ сталъ кричать еще громче.

Когда толпа нѣсколько успокоилась, я заговорилъ опять.

— Граждане, еще одно слово. Я увѣренъ, что сегодняшній день принесетъ добрые плоды для васъ, для меня и для города. Но ждите терпѣливо и не омрачайте вашу побѣду излишествами. Вы пришли сюда, чтобы воевать! Теперь я приглашаю васъ соблюдать миръ. Обѣщайте мнѣ это.

Опять въ толпѣ раздались крики. Обѣщаніе было дано.

Я заговорилъ въ третій разъ, но уже по-испански. Тутъ же стояла и моя гвардія, хотя она представляла собою лишь тонкую линію въ сравненіи съ необъятной массой народа, толпившагося за ней.

Библиотека "Руниверс"

— Солдаты, благодарю васъ. Мы давно знаемъ другъ друга, и вы не разъ спасали мнѣ жизнь, и я знаю, что это было дѣломъ вашего сердца.

— Да здравствуетъ донъ Хаимъ де-Хорквера,—грянули они. Они привыкли къ старому имени, но этого, кажется, никто не замѣтилъ.

Затѣмъ я отошелъ отъ окна, сѣлъ на свое кресло и оглянулся кругомъ. Передо мной были перепуганныя лица членовъ совѣта, на разрушенной двери мои гвардейцы съ обнаженными мечами, а сзади нихъ темная масса, которая угрожающе то отступала, то наступала, поднимая палки и пики.

— Я еще не слыхалъ, какое удовлетвореніе мнѣ дастъ совѣтъ! — спросилъ я.

Всѣ молчали и то переглядывались между собою, то смотрѣли на ванъ-Гульста. Не думаю, чтобы они благодарили его въ глубинѣ своего сердца.

Наконецъ ванъ-Сильтъ сказалъ, обращаясь ко мнѣ:

— Не угодно ли будетъ вамъ самимъ указать, какую конституцію вы желаете?

— Хорошо,—отвѣчалъ я.—Когда покойный императоръ усмирялъ возстаніе въ Гентѣ, онъ потребовалъ и получилъ извѣстное количество головъ членовъ совѣта—я забылъ, сколько именно. Конечно, Гуда городъ небольшой, да и я не императоръ, поэтому я довольствуюсь всего нѣсколькими.

— Ваше превосходительство, сжальтесь!—въ ужасѣ закричалъ бургомистръ.

— Сжальтесь! А вы сжалились надо мной? Но позвольте. Прежде, чѣмъ я буду судить другихъ, мнѣ нужно сначала снять съ себя подозрѣніе. Нѣкоторые изъ находящихся въ этой комнатѣ, можетъ быть, еще сомнѣваются въ моей вѣрности и справедливо, ибо доказательство, представленное барономъ ванъ-Гульстомъ не исчерпываетъ дѣла. Онъ сказалъ, что нашелъ между моими бумагами мое письмо къ королю, когда дѣлали второй обыскъ. Объясните совѣту, когда и гдѣ вы нашли это письмо, баронъ ванъ-Гульстъ?

Онъ повелъ бровями, но иного выхода для него не было, какъ продолжать лгать или сознаться, что онъ солгалъ раньше.

— Теперь я уже не помню того, гдѣ я его нашелъ, — отвѣчалъ онъ.—У меня подъ руками была цѣлая связка бумагъ и, разбирая ихъ, я и нашелъ это письмо.

— Мой отвѣтъ не былъ приложенъ къ письму короля?

Онъ заколебался, но выхода не было.

— Нѣтъ!—закричалъ онъ.—Но все равно, гдѣ бы я ни нашелъ его, оно является достаточнымъ доказательствомъ. Мы не сомнѣваемся болѣе въ вашей невиновности.

Библиотека "Руниверс"

— Вы, можетъ быть, и не сомнѣваетесь, но ваше личное мнѣніе еще не мнѣніе всего совѣта. Вѣдь вчера я заявилъ, что отвѣтъ мой приложенъ къ письму короля и теперь можетъ показаться, что я солгалъ передъ комиссіей. Конечно, документъ такого рода не могъ быть найденнымъ гдѣ-то въ связкѣ бумагъ, ненужныхъ и выброшенныхъ. И я утверждаю, что вы нашли мой отвѣтъ при первомъ же обыскѣ, когда вы явились ко мнѣ вмѣстѣ съ господиномъ ванъ-Сильтомъ и другими, что вы украли его и спрятали его къ себѣ въ карманъ, преслѣдуя свои цѣли, и что такимъ образомъ вы обманули совѣтъ.

Онъ густо покраснѣлъ, но отступать было поздно.

— Докажите!—крикнулъ онъ въ отчаяніи.

— Хорошо.

Я знакомъ подозвалъ Торрихо къ своему креслу.

— Отправляйтесь ко мнѣ. Въ моемъ письменномъ столѣ или гдѣ-нибудь около него вы найдете письма, запечатанныя королевскою печатью. Принесите ихъ сюда.

Торрихо поклонился и вышелъ.

— М-lle де-Брегольль, ставшая часъ тому назадъ боронессой ванъ-Гульстъ, не будете ли вы любезны прочесть совѣту послѣднюю запись въ моемъ дневникѣ, помѣченную 16-мъ числомъ этого мѣсяца? Теперь надо все вывести на свѣжую воду.

Она принесла книгу изъ сосѣдней комнаты. Раскрывъ ее, она начала читать своимъ низкимъ, звучнымъ голосомъ, какъ явились ко мнѣ искушенія и какъ они исчезли.

Смолкли наконецъ послѣднія слова. Рука, державшая книгу, медленно опустилась, и двѣ крупныя слезы скатились по ея щекамъ.

Въ залѣ опять настала полная тишина. Примолкла даже толпа, гудѣвшая въ коридорѣ. Всѣ стояли молча, какъ бы очарованные торжественнымъ выраженіемъ лица и голоса женщины, говорившей въ залѣ засѣданія, испуганные ея слезами, хотя они и не вполнѣ понимали значеніе всего, что происходило.

Помолчавъ немного, я заговорилъ опять:

— Теперь я докажу вамъ искренность всего того, что я говорилъ и писалъ. Дайте мнѣ письмо короля,—промолвилъ я, обращаясь къ Торрихо, стоявшему сзади меня и ждавшемупри казаній.—Смотрите, на оборотной сторонѣ этого письма остались слѣды синяго сургуча, который въ здѣшней странѣ не употребляется. Тотъ же самый сургучъ и на конвертѣ моего письма. Очевидно, оба эти письма были припечатаны одно къ другому и только потомъ мое было оторвано отъ письма короля. Могъ ли сдѣлать это я? Нѣтъ. Это было сдѣлано рукою посторонняго человѣка, вашей рукой, баронъ ванъ-Гульстъ. И я повторяю и утверждаю еще разъ, что вы намѣренно обманули совѣтъ, давъ ему ложныя свѣдѣнія и подстегнувъ его возстать противъ принца и штатовъ.

Библиотека "Руниверс"

— Помните ваше обѣщаніе!—закричалъ онъ.

— Я еще не нарушилъ его, хотя имѣлъ бы на то право, ибо вы три раза дали ложную клятву: первый разъ вчера въ присутствіи всей комиссіи остальные два раза сегодня утромъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ. Не вы очистили меня отъ подозрѣній передъ совѣтомъ, а я самъ и бѣдное населеніе этого города. Баронесса ванъ-Гульстъ, прочтите наше соглашеніе. Пусть всѣ знаютъ, какъ обстоитъ дѣло.

— Она не смѣетъ получать приказанія отъ васъ,—гнѣвно возразилъ онъ.—Я ея мужъ, и безъ моего позволенія она не смѣетъ сдѣлать ничего.

— Вы ея мужъ, а я губернаторъ города Гуды, и она обязана повиноваться моимъ приказаніямъ. Баронесса ванъ-Гульстъ, приказываю вамъ прочесть этотъ документъ.

Приказаніе было исполнено.

— Теперь вы слышали, — продолжалъ я.—Но это еще не все. Эта женщина, благородство которой да будетъ вамъ примѣромъ, пожертвовала собой, чтобы спасти меня. Цѣною ея свободы было куплено сохраненіе моей жизни. У самой двери моей темницы она была, въ моемъ присутствіи, повѣнчана съ этимъ человѣкомъ, смѣявшимся мнѣ въ лицо и разсчитывавшимъ опозорить меня. Неужели вы думаете, баронъ ванъ-Гульстъ, что я когда-нибудь пошелъ бы на это соглашеніе, если бы я не былъ увѣренъ, что мнѣ удастся найти средства обратить въ ничто вашъ гадкій умыселъ? Я уповалъ на Бога, и Господь не оставилъ меня. Вы сами попали въ петлю, которую вы приготовили для другихъ. Теперь я передаю ваше дѣло въ руки совѣта. Хотя я имѣю право самъ судить васъ но не хочу этого дѣлать.

Водворилась полная тишина.

Наконецъ бургомистръ всталъ и произнесъ:

— Совѣтъ слышалъ все это дѣло и постановитъ свое рѣшеніе. Баронъ ванъ-Гульстъ, что вы имѣете сказать?

— Ничего,—отвѣчалъ онъ рѣзко.—Говорить безполезно, я велъ большую игру и проигралъ. Человѣкъ можетъ только рисковать, а результатъ зависитъ не отъ него.

Съ этими словами онъ тяжело опустился въ кресло.

— Не желаетъ ли совѣтъ предложить еще какіе-нибудь вопросы?—спросилъ бургомистръ.

Всѣ молчали.

— Въ такомъ случаѣ прошу совѣтъ произнести свой приговоръ.

Послѣ постановки обычныхъ вопросовъ ванъ-Сильтъ надѣлъ свою шляпу и медленно и торжественно произнесъ:

— Выслушавъ и обсудивъ настоящее дѣло и сообразивъ силу законовъ, постановилъ большинствомъ двухъ третей за ложную клятву и подстрекательство къ бунту, совершенное во время исполненія своихъ обязанностей, предать барона Якоба ванъ-Гульста,

Библиотека "Руниверс"

члена городскаго совѣта, командира городской стражи, смертной казни. Приговоръ этотъ окончательный и можетъ быть измѣненъ только губернаторомъ и его высочествомъ принцемъ.

Донна Маріонъ была свободна.

Ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на лицѣ ванъ-Гульста. Теперь онъ показалъ себя съ болѣе выгодной стороны, чѣмъ прежде. Я не знаю, каковы были отношенія между ними и совѣтомъ, и, вѣроятно, никогда не узнаю этого, но въ данную минуту я не сомнѣваюсь, что они готовы были осудить его на смерть не разъ, а десять. Лишь немногіе подали голосъ въ его пользу, и эти немногіе дали доказательство своей храбрости, если не справедливости.

— Баронъ ванъ-Гульстъ, если вы желаете что-нибудь прибавить, то говорите,—произнесъ бургомистръ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ тѣмъ же тономъ: — что сдѣлано, то сдѣлано, и я не раскаиваюсь. Я ни у кого здѣсь не прошу прощенія, кромѣ моей жены. Я любилъ васъ, Маріонъ, хотя вы, быть можетъ, этому и не вѣрили.

— Я прощаю вамъ вашъ грѣхъ относительно меня лично,— отвѣчала Маріонъ.—Но я не могу простить вамъ вашего грѣха относительно другого.

Съ этими словами она взглянула на меня, но я не могъ поступить такъ, какъ она меня, видимо, просила.

Опять всталъ и заговорилъ ванъ-Сильтъ. Сначала онъ началъ рѣчь, запинаясь, но подъ конецъ разошелся и кончилъ ее съ достоинствомъ.

— Мы произнесли свой приговоръ, поскольку дѣло зависѣло отъ насъ. Теперь мы ждемъ, что вы объявите относительно насъ самихъ. Ибо насъ ввели въ заблужденіе, въ глубинѣ души своей мы думали о нашихъ женахъ и дѣтяхъ, и нашъ разумъ былъ смущенъ. И клянусь Господомъ Богомъ, я ничего не зналъ о томъ обманѣ, который совершили съ нами. Въ такомъ же положеніи находились всѣ другіе, голосовавшіе по этому вопросу. И я прошу ваше превосходительство простить насъ, даровать намъ прощеніе, какъ вы сами надѣетесь получить прощеніе въ послѣдній день.

Передо мной высоко на стѣнѣ висѣло распятіе, старая картина, настолько выцвѣтшая, что реформаторы забыли о ней въ своемъ ретивомъ истребленіи. Сегодня утромъ, когда я какъ-то случайно взглянулъ на стѣну, теплый лучъ упалъ на картину: мертвыя краски оживились, кроткій, скорбный ликъ Христа глянулъ на меня съ такимъ выраженіемъ, которое запрещаетъ всякую ненависть и злобу. Онъ умеръ въ мукахъ и не произнесъ ни слова противъ тѣхъ, кто его распялъ. «Отецъ прости, имъ. Не вѣдаютъ бо, что творятъ»,— сказалъ Онъ.

Нѣсколько секундъ лучъ солнца ярко освѣщалъ это блѣдное лицо, это изможденное тѣло и темный крестъ. Потомъ, какъ бы съ неохотой, онъ передвинулся дальше, стараясь задержаться на

Библиотека "Руниверс"

кроткомъ ликѣ, какъ будто онъ не могъ разстаться съ нимъ. Наконецъ осталось только сіяніе вокругъ Его головы, какъ-то странно свѣтившееся въ этой мрачной залѣ. Онъ умеръ, но слова Его—вѣчный упрекъ нашему малодушію—сіяютъ, подобно этому вѣнчику, сквозь всѣ вѣка.

— Ваше превосходительство, сжальтесь,—опять произнесъ бургомистръ.

А передо мной въ вышинѣ сіяла голова Христа.

«Писано есть: не судите, да не судимы будете»,—произнесъ я про себя и потомъ громко заговорилъ:

— Идите домой съ миромъ. «Мнѣ отомщеніе и Азъ воздамъ»,—сказалъ Господь. Но если вы хотите дѣйствительно искупить свою вину, ассигнуйте нѣкоторую сумму въ пользу бѣдныхъ, больныхъ и раненыхъ, а также въ пользу семей тѣхъ, кто былъ убитъ сегодня.

Сумма была ассигнована—самая большая изъ всѣхъ, которыя когда-либо ассигновывались совѣтомъ города Гуды, безъ пререканій.

Потомъ я подошелъ къ барону ванъ-Гульсту.

— Я прощаю и васъ, хотя вы меня объ этомъ и не просили. Мнѣ не хочется подписывать сегодня смертный приговоръ, но я не знаю, можно ли его отмѣнить: я долженъ думать не только о себѣ, но и о другихъ.

— Это правда,—отвѣчалъ онъ.—Горе побѣжденнымъ!

Шумъ и сутолока улеглись. Нетерпѣливое позвякиваніе желѣзомъ смолкло. Раздался торжественный звонъ колоколовъ въ церквахъ, призывающій къ молитвѣ; было воскресенье, и гармоническія волны этихъ звуковъ лились широкою рѣкою въ окна.

Я распорядился, чтобы на прощади воздвигли эшафотъ: нельзя было надѣяться на то, что связь, соединяющая Маріонъ и барона ванъ-Гульста, будетъ уничтожена, пока топоръ не сдѣлаетъ свое дѣло. Я сдѣлалъ все, что могъ, дабы обойтись безъ него. Я отправилъ гонца къ принцу, спрашивая его, можетъ ли Маріонъ при такомъ стеченіи обстоятельствъ получить разводъ. Но въ отвѣтъ онъ прислалъ мнѣ надлежаще подписанный смертный приговоръ съ письмомъ, въ которомъ сообщилъ, что едва ли есть возможность получить разводъ тѣмъ путемъ, которымъ я желалъ, ибо кальвинистскіе проповѣдники, засѣдавшіе въ совѣтѣ штатовъ, люди строгіе, несклонные разъединять то, что соединено во имя Господне.

Итакъ, если сегодня до десяти часовъ не прибудетъ другой гонецъ съ вѣстью о расводѣ Маріонъ съ ванъ-Гульстомъ, я долженъ буду приступить къ совершенію казни: ждать больше нельзя. Теперь уже девять часовъ, и стрѣлка безпрерывно движется впередъ.

Боже мой! Благодарю Тебя!

Какъ это странно. Я не очень вѣрю въ силу молитвы—ибо убѣжденъ, что Богъ правитъ міромъ, какъ Ему велитъ Его мудрость,—но я молился за ванъ-Гульста, молился, чтобы онъ остался живъ,—

Библиотека "Руниверс"

и моя молитва услышана: десять минутъ тому назадъ прискакалъ гонецъ съ желанной вѣстью.

Я радъ, ибо въ день моего обрученія съ Маріонъ, освободившейся отъ насильственнаго брака, мнѣ было бы тяжело думать, что даже если мы побѣждаемъ жестокость нашей природы, міръ не позволяетъ намъ воспользоваться плодами нашей побѣды.

Невозможное стало для меня возможнымъ, и я получилъ то, что чуть было не потерялъ навѣки. Я боролся за него, и борьба увѣнчалась побѣдой: я достигъ той, которая любила меня.

Во-истину награжденъ я выше своихъ заслугъ.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ,

УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ

„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА“

1913 г. [1]).

А

А., А. В. Рецензія его: «Церковь Покрова Пресвятыя Богородицы, что въ Большой Коломнѣ въ Петербургѣ. Издано къ столѣтію ея. Съ 49 рисунками на 23 отдѣльныхъ листахъ. Спб. 1912», CXXXI, мартъ, 1025—1027.

А—въ, В. Рецензіи его: 1) «А. Жиркевичъ. Памяти Э. Б. Оржешко-Нагорской. Вильна. 1912», CXXXI, мартъ, 1042—1043. 2) Д. Мережковскій. «Павелъ I». Драма. Спб. 1908», CXXXII, апрѣль, 323—326. 3) «Великій князь Николай Михайловичъ. Письма высочайшихъ особъ къ графинѣ А. С. Протасовой. Спб. 1913», CXXXIII, іюль, 306—307. 4) «А. В. Жиркевичъ. Жизнь во Христѣ старца Зосимы, въ мірѣ Дм. Рашина. (Его біографія). Вильна. 1913». Онъ же. «Архимандритъ Зосима (въ мірѣ Дмитрій Рашинъ) былъ невиновенъ... (Исторія еще одной судебной ошибки). Вильна. 1913». CXXXIII, сентябрь, 1073—1076.

А—въ, С. Л. Рецензія его: «Минало. Редакторъ Г. Д. Баласчевъ. Книги 1—VI. Софія. 1909—1911, CXXXI, январь, 269—271.

А., Д. Рецензія его: «Тихоновъ. Въ отставкѣ (Воспоминанія отставного чиновника). Спб. 1913», CXXXIII, іюль, 338—339.

А., И. Рецензія его: «Описаніе греческихъ рукописей монастыря святой Екатерины на Синаѣ. Т. I. Замѣчательныя рукописи въ библіотекѣ Синайскаго монастыря и Синаеджуванійскаго подворья (въ Каирѣ), описанныя архимандритомъ Порфиріемъ (Успенскимъ). Изданіе петербургской академіи наукъ, подъ редакціей и съ дополненіями В. Н. Бенешевича. Спб. 1911». CXXXI, январь, 231—232.

А. П. И. Рецензія его: «Витторіо Альфьери. Жизнь и произведенія. Изслѣдованіе И. И. Гливенка. Т. I. (4 портрета и 4 приложенія). Спб. 1912», CXXXIII, августъ, 688—689.

Абдулъ-Гамидъ, турецкій султанъ, въ статьѣ о немъ Изеда-Фуадъ-паши, CXXXIV, декабрь, 1188—1192.

Абдулъ-Меджидъ, турецкій султанъ, по поводу возстанія египетскаго паши Мегметъ-Али», CXXXII, іюнь, 828, 834, 838, 850, 851.

Аваліани, С. Рецензія его: Volf, G. Einfürung in das Studium der neueren

---

[1]) Въ «Указатель» не включены личныя имена, упоминаемыя въ историческихъ романахъ, беллетристическихъ статьяхъ и приложеніяхъ. — Римскія цифры означаютъ томъ, арабскія— страницу.

Библиотека "Руниверс"

Geschichte. Berlin. 1910», CXXXI, январь, 265—266.

Аввакумъ, протопопъ, знаменитый расколоучитель. CXXXIII, іюль, 153—154.

Августъ II, король польскій, въ замѣткѣ: «Нѣмецкая Монтеспанъ», CXXXIII, іюль, 358—362.

Авенаріусъ, В. П. Его статья: «По чужому адресу». (Изъ служебныхъ воспоминаній) CXXXIII, іюль, 189—193. Рецензіи: 1) Д. Масляненка о книгѣ его «За невѣдомый океанъ. Историческая повѣсть для юношества объ открытіи Новаго Свѣта. Съ рисунками. Изданіе книжнаго магазина П. В. Луковникова. Спб. 1913». CXXXI, мартъ, 1050. 2) Полилова о редактированной имъ книгѣ: «Саардамскій плотникъ. Историческая повѣсть П. Р. Фурмана. М. 1913. Изданіе А. Д. Ступина» CXXXIV, декабрь, 1166—1167.

Авсѣенко, Василій Григорьевичъ, журналистъ, публицистъ и романистъ. Некрологъ его: CXXXIII, сентябрь, 1142—1144..

Аглицкій, Хлава, одесскій дисконтеръ, по поводу столкновенія его съ градоначальникомъ П. А. Зеленымъ, CXXXIII, іюль, 117.

Adam, Julliette. Рецензія А. Б. о книгѣ ея: «Impressions françaises en Russie. Paris. 1912», CXXXIV, октябрь, 362—363.

Адариди. Рецензія Л. Н. о переведенной имъ совмѣстно съ Лазаревичемъ книгѣ: «Современная война. Ф. фонъ-Бернгарди. Спб. 1912. Т. I и II.», CXXXI, январь, 240—242.

Азбелевъ, Н П., генералъ-майоръ, профессоръ морской академіи, писатель. Некрологъ его: CXXXI, февраль, 723.

Айхенвальдъ, Ю. И. Рецензія Влад. Княжнина о книгѣ съ его вступительной статьей: «Полное собраніе сочиненій и писемъ И. С. Никитина. Т. I. Подъ редакціей, съ біографическимъ очеркомъ статьями и примѣчаніями А. Г. Фомина. Съ приложеніемъ портретовъ, факсимиле и снимковъ. Спб. 1913. Изданіе товарищества «Просвѣщеніе». CXXXI, мартъ, 1040—1041.

Акиловъ (Мушкарскій), фельетонистъ юмористическаго журнала «Развлеченіе», CXXXI, мартъ, 849.

Аксакова, Вѣра Сергѣевна. Рецензія о книгѣ ея: «Дневникъ. 1854—1855. Редакція и примѣчанія князя Н. В. Голицына и П. Е. Щеголева. Спб. 1913». Изданіе книгоиздательства «Огни». Съ 4 портретами-факсимиле», CXXXIII. августъ, 677—679.

Аксаковъ, Сергѣй Тимоѳеевичъ, писатель, CXXXI, февраль, 355.

Алабина-Сократова, Т. Рецензія о книгѣ ея: «Картины изъ жизни государства Аѳинскаго въ V вѣкѣ до Р. Хр. Второе изданіе, исправленное и дополненное подъ редакціей В. Н. Перцова. Изданіе товарищества «Задруга». М. 1913», CXXXIV декабрь, 1172.

Александра Іосифовна, великая княгиня, CXXXI, январь, 130.

Александра Ѳеодоровна, императрица, въ статьѣ: «Романовскіе юбилейные дни». CXXXI, мартъ, 24.

Александра Ѳеодоровна, великая княгиня, впослѣдствіи императрица, CXXXII апрѣль, 30.

Александровъ, А. М. Рецензія В. Мар—скаго о книгѣ: «Общество славянскаго научнаго единенія. Славянскій вопросъ въ его современномъ значеніи. (Рѣчи и статьи члена государственной думы А. М. Александрова, академика В. М. Бехтерева, проф. М. М. Ковалевскаго, Янко Лаврина, проф. П. А. Лаврова, Д. И. Семиза и проф. М. П. Чубинскаго). Спб. 1913». CXXXIII, августъ, 700—701.

Александровъ, присяжный повѣренный (по поводу его рѣчи въ процессѣ 193), CXXXI, январь, 119, 120.

Александръ III Александровичъ, императоръ, CXXXI, январь, LXVII—LXXII.—«О его дѣтствѣ въ статьѣ И. Т. Чайковскаго: «Эпизоды изъ моей жизни», CXXXI, январь, 78.—О немъ въ статьѣ Когана: «Кончина императора Александра II», CXXXI, январь, 134, 135.—Посѣщеніе графа Д. А. Милютина. CXXXI, февраль, 467,—CXXXI, февраль, 495, 496,—CXXI, февраль, 522.

Александръ II Николаевичъ, императоръ. CXXXI, январь, LXIII—LXVI; 108, 109.—О немъ въ статьѣ Дворжицкаго: «1-е марта 1881 г.». CXXXI, январь, 127 — 129, — CXXXI, февраль, 388, 390.—О немъ въ статьѣ Л. Плансона: «Казнь цареубійцъ», CXXXI, февраль, 521.—Посѣщеніе государемъ Валаама, CXXXI, мартъ, 1007. Продажа Аляски американцамъ, CXXXI мартъ, 1071.—О немъ въ статьѣ К. А. Дворжицкаго: «Императоръ Александръ II въ Эмсѣ». CXXXII, апрѣль, 155—159.—О немъ въ статьѣ И. Лесли: «Пріемъ смоленскимъ дворянствомъ наслѣдника Александра Николаевича», CXXXII, май, 579—585.—Въ статьѣ А. А. Танкова: «Императоръ Александръ II и цесаревичъ Николай Александровичъ въ Курской мужской гимназіи въ 1859 году», CXXXIII, іюль, 170—172.—По поводу доклада ему дѣла о Н. Г. Чернышевскомъ, CXXXIII, сентябрь, 891.—Въ

Библиотека "Руниверс"

статьѣ В. Б. Бертенсона «За тридцать лѣтъ», CXXXIV, декабрь, 915.

Александръ I, Павловичъ, императоръ, CXXXI, январь, LII—LIX.—По поводу посѣщенія имъ Валаама, CXXXI, мартъ, 1008—1015.—О немъ въ замѣткѣ: «Одна изъ загадокъ исторіи» (по поводу ожерелья королевы Маріи-Антуанетты), CXXXII, май, 721.—Еврейскія легенды о посѣщеніи имъ виленскаго гаона Элія, CXXXIII, августъ, 518—521.—Въ рецензированной Л. Н. книгѣ: «Памятники и медали въ память боевыхъ подвиговъ русской арміи въ войнахъ 1812—13—14 годовъ и въ память императора Александра I. Снимки памятниковъ, медалей и гравюръ, В. А. Ашикъ, Спб. 1913», CXXXIV, декабрь, 1156—1157.

Алексинскій, соціалъ-демократъ, членъ второй государственной думы, выпустившій въ Парижѣ книгу о Россіи, въ статьѣ В. И. ф.-Штейна: «Освободительное движеніе и законодательная дѣятельность государственной думы», CXXXIV, декабрь, 1064—1084.

Алексѣевъ, В. А. Его статья: «Балаклава», CXXXIII, сентябрь, 1049—1055.

Алексѣй Александровичъ, великій князь, CXXXI, январь, 124.

Алексѣй Михайловичъ, царь, CXXXI, январь, XXII.—О немъ въ статьѣ Н. М. Девель: «Измайлово». (По поводу сельскохозяйственной дѣятельности царя). CXXXI, февраль, 618, 620, 622.—Въ замѣткѣ: «Открытіе Романовской выставки», CXXXII, апрѣль, 364, 365.— О немъ въ статьѣ И. С. Бѣляева: «Памятники рода Романовыхъ въ московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ», CXXXII, май, 628—631.

Алмазовъ, А. И. Рецензія М. Красножена о книгѣ его: «Проклятіе преступника псалмами. Одесса. 1912», CXXXI, январь, 259—261.

Алмазовъ, П., авторъ очерка «Наша революція (1902—1907 гг.)», CXXXIII, іюль, 246—248.

Альберино, Марчелло, итальянскій историкъ (по поводу возникновенія праздника 1-го мая), CXXXII, іюнь, 1098—1099.

Альфьери, Витторіо. Рецензія П. И. А. о книгѣ его: «Жизнь и произведенія. Изслѣдованіе И. И. Гливенка. Т. I. (4 портрета и 4 приложенія). Спб. 1912», CXXXIII, августъ, 688—689.

Амовъ, А. Д. Его очеркъ: «Сергѣй Рудольфовичъ Минцловъ», CXXXIV, октябрь, 203—208.

Амфитеатровъ, А. В., писатель (по поводу его артистической дѣятельности), CXXXI, январь, 160.—По поводу его чествованія въ Одессѣ, CXXXIII, іюль, 107, 108. Рецензія А. М—на о книгѣ его: «Собраніе сочиненій. Звѣрь изъ бездны. Т. III. Цезарь-артистъ. Спб. 1913», CXXXII, іюнь, 1062—1064.

Андреевскій, Е. К. Его статья: «Изъ записокъ за сорокъ семь лѣтъ», CXXXII, апрѣль, 82—119; май, 467—510.

Андреевскій, Иванъ Ѳеимовичъ, ректоръ петербургскаго университета, археологъ, CXXXI, мартъ, 964.

Андреевскій, С. А., адвокатъ и поэтъ, CXXXIII, сентябрь, 861—863.

Андреевъ-Бурлакъ, Андрей Николаевичъ, провинціальный артистъ. О немъ въ статьѣ А. И. Соколовой «Встрѣчи и знакомства», CXXXII, май, 511—516.

Аничковъ, Александръ Николаевичъ, смоленскій губернскій предводитель дворянства. О немъ въ статьѣ И. Лесли: «Пріемъ смоленскимъ дворянствомъ наслѣдника Александра Николаевича», CXXXII, май 579.

Аничковъ, Е. В., проф. Рецензія К. о редактированной имъ книгѣ: «Полное собраніе сочиненій Н. А. Добролюбова». «Библіотека русскихъ писателей подъ общей редакціей профессора Е. В. Аничкова». Изданіе русскаго книжнаго т—ва «Дѣятель». Томы: 1—портретъ и автографъ, II, III, IV, V, VI, VII. Спб. 1911—1913 гг. CXXXII, апрѣль, 326—328. Рецензія Вл. Кн. о составленной при его участіи книгѣ: «Исторія западной литературы (1800—1910 гг.), подъ редакціей проф. Ѳ. Д. Батюшкова, при ближайшемъ участіи профессора Ѳ. А. Брауна, академика Н. А. Котляревскаго, проф. Д. К. Петрова, приватъ-доцен. Е. В. Аничкова и приватъ-доцента К. Ѳ. Тіандера. Изданіе товарищества «Міръ», М. Т. I, вып. 1, 2 ,3», CXXXIV, октябрь, 361—362.

Анна Іоанновна, императрица, CXXXI, январь, XXXVII..—По поводу сохраненія въ Терской области храма, построеннаго въ ея царствованіе, CXXXI, январь, 313.

Анна Іоанновна, царевна, дочь Іоанна Грознаго, CXXXII, май, 627.

Анонимовъ, Иванъ Николаевичъ, педагогъ, литераторъ. Некрологъ его: CXXXI, мартъ, 1091.

Антоній, митрополитъ петербургскій и ладожскій (въ мірѣ Александръ Васильевичъ Вадковскій), въ статьѣ В. Б. Бертенсона: «За тридцать лѣтъ», по поводу его поступленія въ монашество, болѣзни и жизни въ революціонные дни, CXXXIV, декабрь, 921—924.

Библиотека "Руниверс"

Антоновскій, Ю. М., общественный дѣятель, писатель и переводчикъ, петербургскій столичный мировой судья. Некрологъ его: CXXXIV, декабрь, 1201.

Антушевъ, священникъ. авторъ книги: «Историческое описаніе Новодѣвичьяго монастыря. М. 1885 г.», CXXXII, май, 627.

Анфиловъ, Владиміръ Константиновичъ, по поводу 35-лѣтія его литературной дѣятельности, CXXXI, январь, 309.

Апраксинъ, Александръ Дмитріевичъ, литераторъ. Некрологъ его: CXXXII, іюнь, 1109—1110.

Апухтинъ, смоленскій помѣщикъ-гастрономъ, по поводу пріема смоленскимъ дворянствомъ наслѣдника Александра Николаевича, CXXXII, май, 583.

Аракчеевъ, Алексѣй Андреевичъ, графъ CXXXII, апрѣль, 29, 30, 32.

Арсеній, архіепископъ, по поводу его рѣчи на открытіи церковно-археологическаго общества въ Новгородѣ, CXXXI, мартъ, 1083—1084.

Арсеньевъ, Константинъ Константиновичъ, критикъ и публицистъ, почетный академикъ, CXXXIII, іюль, 185.

Ассоновъ, В. И. Рецензія Д. Б—ва о книгѣ его: «Въ тылу арміи». Калужская губернія въ 1812 году. Обзоръ событій и сборникъ документовъ. Изданіе Петра Ивановича Щукина. М.», CXXXI, мартъ, 1030—1031.

Афанасьевъ, Л. Н., поэтъ и журналистъ. По поводу его юбилея, CXXXII, апрѣль, 372.

Ахлестышевъ, Д. П. Рецензія В. Рудакова о книгѣ его: «Двѣнадцатый годъ. Историческіе документы собственной канцеляріи главнокомандующаго третьей западной арміей генерала-отъ-кавалеріи А. П. Тормасова». Извлекъ изъ семейнаго архива и привелъ въ порядокъ Д. П. Ахлестышевъ. Спб. 1912», CXXXIII, сентябрь, 1078—1079.

Ашикъ, В. А. Рецензія Л. Н. о книгѣ его: «Памятники и медали въ память боевыхъ подвиговъ русской арміи въ войнахъ 1812—13—14 годовъ и въ память императора Александра I. Снимки памятниковъ, медалей и гравюръ. Спб. 1913», CXXXIV, декабрь, 1156—1157.

Б

Б., А. Рецензіи его: 1) «Н. А. Рубакинъ. Письма къ читателямъ о самообразованіи. Спб. 1913», CXXXII, апрѣль, 329—331. 2) «Balcanicus .Le Problème albanais, la Serbie et l'Autriche-Hongrie. Paris. 1913», CXXXII, май, 689—690. 3) «Hermione Poltoratzky. Profils russes. Paris. 1913», CXXXII, іюнь, 1053. 4) «Peasant art in Russia. Special autumn number of the «Studio». 1912. Спб. Вольфъ», CXXXII, іюнь, 1058—1059. 5) «André Lirondelle. Shakespeare en Russie. 1748—1840. (Etude de litterature comparée). Paris. Hachette. 1912». CXXXII, іюнь, 1082. 6) «Культурныя сокровища Россіи. Изд. товарищества «Образованіе». 4 выпуска, со многими рисунками въ текстѣ и отдѣльно. М. 1912—1913», CXXXIII, іюль, 308—310. 7) «Густавъ Тейхмюллеръ. Дѣйствительный и кажущійся міръ. Новое основаніе метафизики. Казань. 1913». CXXXIII, іюль, 335—336. 8) «François Charles-Roux. Alexandre II, Gortshakoff et Napoleon III. Paris. 1913». CXXXIII, августъ, 668—669.—9) «Julliette Adam. Impressions françaises en Russie. Paris. 1912», CXXXIV октябрь, 362—363. 10) «Юрій Веселовскій. Этюды по русской и иностранной литературѣ. Т. I. М. (1913 ?)», CXXXIV, октябрь, 369—370.

Б—нъ, Рецензія его: «А. Г. Горнфельдъ. О русскихъ писателяхъ. Т. I. Спб. 1912», CXXXIII, августъ, 683—685.

Б., Б., Рецензія его: «Сборникъ статистическихъ свѣдѣній объ экономическомъ положеніи переселенцевъ въ Сибири. Западная Сибирь. Степь. Лѣсостепь. Урманъ. Восточная Сибирь. Степь. Лѣсостепь. Тайга. Матеріалы по обслѣдованію типичныхъ переселенческихъ поселковъ, собранные и разработанные подъ руководствомъ и редакціей В. К. Кузнецова. Выпускъ первый. Текстъ. Составилъ В. К. Кузнецовъ. Спб. 1912. Съ приложеніемъ картъ обслѣдованныхъ уѣздовъ. Выпуски II—I—таблицы. Спб. 1912. Изданіе переселенческаго управленія», CXXXII, апрѣль, 331—333.

Бар—ій, Б. Рецензія его: «А. Серафимовичъ, Городъ въ степи, Романъ. Спб. 1913», CXXXIV ноябрь 745.

Б., В. Рецензія его: «Замѣчательныя историческія сооруженія. Храмы дворцы памятники въ Москвѣ, Петербургѣ, Новгородѣ, Кіевѣ, Костромѣ, Смоленскѣ и другихъ городахъ. Составили Ѳ. А. Тарапыгинъ (1-я часть) и В. Е. Рудаковъ (2-я часть). Второе исправленное и дополненное изда ie съ предисловіемъ Б. Глинскаго. Спб. 1914», CXXXIV, ноябрь, 716—717.

Б., Д. Рецензія его: «Полоцко-Витебская старина. Изданіе витебской ученой архивной комиссіи. Кн. 1. Витебскъ. 1911», CXXXI, январь, 234—235.

Библиотека "Руниверс"

Б—въ, Д. Рецензія его: «Въ тылу арміи». Калужская губернія въ 1812 году. Обзоръ событій и сборникъ документовъ. Составилъ В. И. Ассоновъ. Изданіе Петра Ивановича Щукина. М.», CXXXI, мартъ, 1030—1031.

Библ. Рецензія его:1) «Библіотека А. В. Петрова. Собраніе книгъ, изданныхъ въ царствованіе Петра Великаго. Изданіе второе, дополненное. Съ 34 снимками. Спб.1913».2) «Книгохранилище Сергѣя Рудольфовича Минцлова. Напечатано 50 экземпляровъ. Спб. 1913», CXXXIV, ноябрь, 732—733.

Б., И. С. Рецензія его: «Собраніе памятниковъ церковной старины въ ознаменованіе трехсотлѣтія царствованія дома Романовыхъ. М. Чудовъ монастырь. 1913», CXXXIII, сентябрь, 1068 — 1072.

Б. П. Рецензіи его: 1) «Л. П. Карсавинъ. Монашество въ средніе вѣка. Спб. 1912». CXXXI, январь, 258—259. 2) «Очерки по исторіи Византіи ,подъ редакціей и съ предисловіемъ В. Н. Бенешевича. Вып. I и II. Спб. 1912», CXXXI, январь, 265. 3) «С. П. Сингалевичъ. Эпоха возрожденія. Казань. 1912», CXXXI, февраль, 669—670. 4) «Поль Гиро. Частная и общественная жизнь грековъ. М. 1912», CXXXII, апрѣль, 334. 5) «В. Бузескулъ. Античность и современность. Спб. 1913», CXXXII, май, 690. 6) «В. Конради. Книга о святомъ Францискѣ. Спб. 1912», CXXXIII, 1іюль, 335. 7) «Н. Карѣевъ. Теорія историческаго знанія. Спб. 1913», CXXXIII, августъ, 690. 8) «В. Завитневичъ. Алексѣй Степановичъ Хомяковъ. Т. II. Кіевъ. 1913», CXXXIII, сентябрь, 1082—1083. 9) «Л. П. Карсавинъ. Очерки религіозной жизни въ Италіи XII—XIII—вѣковъ. Спб. 1912», CXXXIV, октябрь, 357—358. 10) «Н. Туницкій. Св. Климентъ, епископъ словенскій. Сергіевъ Посадъ. 1913», CXXXIV, ноябрь, 730. 11) «В. Бутенко. Либеральная партія во Франціи въ эпоху реставраціи. Т. I. Спб. 1913», CXXXIV, ноябрь, 730—731. 12) «Средневѣковье въ его памятникахъ. Сборникъ переводовъ подъ редакціей Д. Егорова. М. 1913», CXXXIV, ноябрь, 745—746. 13) «Ѳ. И. Успенскій. Исторія Византійской имперіи. Т. I. Спб. 1914», CXXXIV, декабрь, 1157—1159.

Бр., В. Рецензія его: «Логофетъ, Д. Н. Въ горахъ и на равнинахъ Бухары. (Очерки Средней Азіи). Спб. 1913», CXXXIII, августъ, 669—671.

Багалѣй, Д. И., проф. Рецензія Кудряшова о книгѣ его: «Очерки изъ русской исторіи». Т. 2-й. Монографіи и статьи по исторіи Слободской украины. Харьковъ. 1913», CXXXII, апрѣль, 309—310.

Бажановъ, протопресвитеръ, духовникъ Ихъ Императорскихъ Величествъ. О немъ въ статьѣ Когана: «Кончина императора Александра II», CXXXI, январь, 135.

Баженовъ, И. А., редакторъ «Свѣта», по поводу его юбилея, CXXXII, апрѣль, 369—371.

Баженовъ, И. Рецензія А. Миронова о редактированной имъ книгѣ: «Юбилейный сборникъ костромского церковно-историческаго общества въ память трехсотлѣтія царствованія дома Романовыхъ». Кострома. 1913, CXXXIII, сентябрь, 1076—1078.

Бакстъ, Н. И., издатель революціонныхъ «Летучихъ листковъ», CXXXIII, іюль, 110, 111.

Бальмонтъ, К. Рецензія о книгѣ его: «Звенья». Избранные стихи. 1890—1912. Москва. Кн-во «Скорпіонъ». 1913», CXXXIV, дек., 1172.

Барановъ, Александръ. Одинъ изъ «царьковъ» въ русской Аляскѣ до 1818 года. О немъ въ замѣткѣ: «Какъ продали Аляску американцамъ». CXXXI, мартъ, 1070—1072.

Барановскій, Петръ, протоіерей, дрогичинскій благочинный во время польскаго мятежа, по поводу курьезнаго акта о введеніи во время мятежа особаго управленія въ Дрогичинѣ, CXXXII, май, 564—565.

Баранцовъ, Александръ Алексѣевичъ, товарищъ генералъ-фельдцейхмейстера, CXXXII, апрѣль, 99.

Барвинокъ, В. И. Рецензія Д. Бочкова о книгѣ его: «Нравственный символизмъ русской иконописи XVI—XVII вв. Кіевъ. 1912», CXXXI, февраль, 669.

— Премированный академіей наукъ за сочиненіе: «Никифоръ Влеммидъ и его сочиненія» CXXXI, февраль, 715.

Баренцъ, Вильгельмъ, голландскій путешественникъ по сѣвернымъ морямъ, въ замѣткѣ: «Полярная экспедиція во времена Шекспира», CXXXII, іюнь, 1090.

Барковъ, Тришка, барскій скоморохъ и жонглеръ, артистъ домашняго крѣпостного театра Юрасовскихъ, CXXXIII, сентябрь, 982—984.

Барсовъ, П. Рецензія А. М—на о составленной при его участіи книгѣ: «Краткій очеркъ римскихъ древностей. Для гимназій, прогимназій, и самообученія. Составилъ Н. Санчурскій, бывшій окружный инспекторъ петербургскаго учебнаго округа, при участіи А. Гофмана и М. Янко директоровъ петербургскихъ гимназій, П. Барсова, И. Діомидова и І. Сѣдлата-

Библиотека "Руниверс"

го—инспекторовъ петербургскихъ гимназій, и Э. Кесслера и В. Марданова—преподавателей петербургскихъ гимназій. Четвертое изданіе, пересмотрѣнное. Спб. 1913», CXXXIII, августъ, 691—692.

Барсуковъ, А. П., авторъ обширнаго изслѣдованія: «Родъ Шереметевыхъ», по поводу 50-лѣтняго юбилея С. Д. Шереметева, CXXXIII, іюль, 375.

Бартельсъ, Ф. А., педагогъ, авторъ сборника лирическихъ стихотвореній. Некрологъ его: CXXXIV, декабрь, 1201—1202.

Бартольдъ, В. І., профессоръ, по поводу награжденія его большой золотой медалью археологическаго общества за его трудъ: «Исторія изученія востока въ Европѣ и Россіи», CXXXII, май, 734.

Барту, Л., авторъ сочиненія «Мирабо—государственный человѣкъ», CXXXII, апрѣль, 335—339.

Барятинскій, В. В., князь. Рецензія П. Майкова о книгѣ его: «Царственный мистикъ (императоръ Александръ I—Ѳедоръ Кузьмичъ). Изданіе книгоиздательства «Прометей» Н. Н. Михайлова. Спб. 1912», CXXXI, февраль, 651—652.

Баскинъ, В. Рецензія его: «Императорское русское музыкальное общество. С.-петербургское отдѣленіе. Очеркъ пятидесятилѣтія дѣятельности с.-петербургской консерваторіи. Составили профессора петербургской консерваторіи А. И. Пузыревскій и Л. А. Саккети. Спб. 1912». CXXXI, мартъ, 1016—1020.

Бастуновъ, Э. Д., артистъ театра А. С. Суворина (Малаго). Некрологъ его: CXXXIV, ноябрь, 790—791.

Баташевъ, Александръ Степановичъ, извѣстный самоварный фабрикантъ, «естествоиспытатель», CXXXIV, декабрь, 940—942.

Батеньковъ, Гавріилъ Степановичъ, извѣстный декабристъ, въ статьѣ Андрея Фирсова «Поѣздка къ могиламъ Елагиныхъ и Батенькова», CXXXIII, іюль, 266—268.

Баттистини, знаменитый баритонъ, CXXXIV, октябрь, 96.

Батюшковъ, Ѳ. Д., проф. Рецензія Вл. Кн. о редактированной имъ книгѣ «Исторія западной литературы (1800—1910 гг.), подъ редакціей проф. Ѳ. Д. Батюшкова, при ближайшемъ участіи проф. Ѳ. А. Брауна, академика Н. А. Котляревскаго, проф. Д. К. Петрова, приватъ-доцента Е. В. Аничкова и приватъ-доцента К. Ѳ. Тіандера. Изданіе т-ва «Міръ», Москва. Т. I, вып. 1, 2, 3› CXXXIV, октябрь, 361—362.

Бахметьевъ, Порфирій Ивановичъ, бывшій проф. софійскаго ун-та, ученый физикъ и энтомологъ. Некрологъ его: CXXXIV, ноябрь, 791—792.

Бахтіаровъ, А. Его разсказъ: «Атаманъ (изъ недавняго прошлаго)», CXXXIV, декабрь, 894—913.

Башиловъ, П., переводчикъ воспоминаній Манфредо Пинелли «Исторія великой любви», CXXXI, февраль, 546.

Баязитовъ, Сафа Атауловичъ, петербургскій ахунъ, въ статьѣ: «Романовскіе юбилейные дни», CXXXI, мартъ, 25.

Бажановъ, В. Л., художникъ-садоводъ, соорудившій Романовскій обелискъ на Цвѣтномъ бульварѣ въ Москвѣ, CXXXIII, августъ, 739—740.

Бекеръ-паша, Валентинъ, англичанинъ, находившійся въ рядахъ турецкой арміи въ войну 1877—1878 гг., авторъ сочиненія: «Война въ Болгаріи», CXXXII, май, 570, 573—575, 577.

Бенешевичъ, В. Н. Рецензія на изданную подъ его редакціей и съ его дополненіями книгу: «Описаніе греческихъ рукописей монастыря святой Екатерины на Синаѣ. Т. I. Замѣчательныя рукописи въ библіотекѣ Синайскаго монастыря и Синаеджуванійскаго подворья (въ Каирѣ), описанныя архимандритомъ Порфиріемъ (Успенскимъ). Изданіе императорской академіи наукъ. Спб. 1911», CXXXI, январь, 231—232.

—— Рецензія П. Б. о книгѣ его: «Очерки по исторіи Византіи подъ редакціей и съ предисловіемъ. В. Н. Бенешевича. Вып. I и II. Спб. 1912», CXXXI, январь, 265.

Беранже, знаменитый французскій поэтъ, въ замѣткѣ: «Неизданныя письма Беранже», CXXXIII, сентябрь, 1108—1115.

Бернгарди (фонъ) Ф. Рецензія Л. Н. о его книгѣ: «Современная война. Переводъ съ нѣмецкаго гг. Адариди и Лазаревича. Спб. 1912. Т. I. Т. II», CXXXI, январь, 240—242.

Бертенсонъ, В. Б. Статьи его: 1) «Музей имени П. И. Чайковскаго», CXXXI, февраль, 604—615. 2) «За тридцать лѣтъ». (Листки изъ воспоминаній), CXXXIII, іюль, 78—96; августъ, 460—484; сентябрь, 849—869; CXXXIV, октябрь, 92—111; ноябрь, 504—519: декабрь, 914—932.—Замѣтка К. Раухфуса. «По поводу воспоминаній Б. В. Бертенсона» въ CXXX томѣ «Историческаго Вѣстника», CXXXI, февраль, 736.

Бертенсонъ, Левъ Бернардовичъ, лейбъ медикъ, по поводу 40-лѣтія его дѣятельности, CXXXI, февраль, 718 719.

Бертрамъ, Поль. Его романъ: «Тѣнь власти», въ переводѣ А. Б. Михайлова (приложеніе), CXXXI, январь, 1—32;

Библиотека "Руниверс"

февраль, 33—64; мартъ, 65—96; CXXXII, апрѣль, 97—128; май, 129—160; іюнь, 161—192; CXXXIII, іюль, 193—224; августъ, 225—256; сентябрь, 257—288; CXXXIV, октябрь, 289—304; ноябрь, 305—320; декабрь, 321—333.

Бессобръ-де, Николай Павловичъ, вятскій помѣщикъ, стихотворецъ. О немъ въ статьѣ М. Ватаци: «Быль минувшаго», CXXXII, май, 427—430.

Бетховенъ, знаменитый нѣмецкій композиторъ, по поводу статьи Лейтцмана о его литературномъ воспитаніи, CXXXII, іюнь, 1100—1101.

Бехтеревъ, В. М., профессоръ, по поводу его юбилейнаго чествованія, CXXXII іюнь, 1108.—Рецензія В. Мар—скаго о книгѣ: «Общество славянскаго научнаго единенія. Славянскій вопросъ въ его современномъ значеніи. (Рѣчи и статьи члена государственной думы А. М. Александрова, академика В. М. Бехтерева, профессора М. М. Ковалевскаго, Янко Лаврина, проф. П. А. Лаврова, Д. И. Семиза и проф. М. И. Чубинскаго). Спб. 1913, CXXXIII, августъ, 700—701.

Безръ, Марія, рожденная Елагина, замѣтка ея на ст. г. Фирсова: «Поѣздка къ могиламъ Елагиныхъ и Батенькова» въ іюльской книжкѣ журнала, CXXXIV, декабрь, 1215—1216.

Бильбасовъ, В. А., фактическій редакторъ газеты «Голосъ», CXXXIII, іюль, 108, 109.

Бирюковъ, полк. Рецензія Л. Н. о книгѣ его: «Исторія Астраханскаго казачьяго войска. Части I, II, III. Изданіе астраханскаго казачьяго войска», CXXXI, мартъ, 1033—1034.

Бирюковъ, послѣдователь гр. Толстого, CXXXII, апрѣль, 41.

Бирюковъ, Я. Рецензія его: «Потебня, А. Мысль и языкъ. 3-е изданіе. Харьковъ. 1913», CXXXIV, октябрь, 365.

Бисмаркъ, Отто, князь, германскій канцлеръ, по поводу письма Кидерленъ-Вехтера о встрѣчѣ съ нимъ. CXXXIII, іюль, 367—368.

Bienemann, Fr., dr. Рецензія А. Мальмгрена о книгѣ его: «1812. Baltische Erinnerungblätter. Рига. 1912», CXXXI, мартъ, 1034—1035.

Благовидовъ, Ѳ. В., профессоръ. Рецензія о его книгѣ: «Четвертый годъ существованія перваго высшаго учебнаго заведенія на Кавказѣ. Тифлисъ. 1913», CXXXIV, ноябрь, 750.

Благовѣщенскій, Александръ Аоанасьевичъ, воспитатель и литераторъ, CXXXI, январь, 110.

Благоденъ, татарскій царевичъ, родоначальникъ дворянскаго рода Мертваго, CXXXI, январь, 32.

Бландзнъ, Анри. По поводу его замѣтки: «I. K. Huismans: l'homme, l'écrivain, l'apologiste», CXXXII, май, 727.

Бланжія, Генрихъ, графъ, губернеръ болховскихъ помѣщиковъ Юрасовскихъ, упоминаемый въ разсказѣ Тургенева «Льговъ», CXXXIII, сентябрь, 978.

Блекловъ, Степанъ Михайловичъ, извѣстный земскій статистикъ и общественный дѣятель. Некрологъ его: CXXXIII, іюль, 377.

Блиновъ, Н. Н. Рецензія Ив. Сатрапинскаго о книгѣ его: «Кавалеристъ-дѣвица». Дурова-Чернова-Александровъ. Сарапулъ. 1912», CXXXIV, октябрь, 347—349.

Блондъ-ле, писательница, англичанка. О ней въ замѣткѣ: «Секретъ Бурбоновъ», CXXXI, февраль, 701—704.

Блументаль, еврей, организаторъ революціи въ Туккумѣ, CXXXI, мартъ, 939.

Бобринскій, Алексѣй А., графъ. Рецензія М. С. о редактированной имъ книгѣ: «Матеріалы для исторіи дворянства петербургской губерніи. Изданіе петербургскаго дворянства подъ редакціей графа Алексѣя А. Бобринскаго. Т. II. Дѣятельность собраній дворянства. Вып. I. Ополченіе 1812 года. По источникамъ, собраннымъ А. А. Мироновымъ. 1912». CXXXI январь. 235 — 236. — Рецензія П. Майкова о книгѣ его совмѣстно съ А. Мироновымъ: «Петербургское ополченіе 1812 года. Матеріалы для исторіи дворянства петербургской губерніи. Изданіе петербургскаго дворянства. Т. I. Спб. CXXXII, май, 668—669.—По поводу его археологическихъ изысканій,—въ статьѣ А. Миронова: «Изъ жизни археологическихъ учрежденій», CXXXIII, сентябрь, 1098.

Бобровъ, Е. А., профессоръ. Рецензія проф. М. Красножена о редактированной имъ книгѣ: «Вопросы педагогики. № 1. Варшава. 1912. Три приложенія», CXXXIV, октябрь, 367—368.

Богдановичъ, Евгеній Васильевичъ, генералъ-отъ-инфантеріи, въ статьѣ В. Б. Бертенсона «За тридцать лѣтъ», CXXXIV, декабрь, 915.

Богдановичъ, Николай Модестовичъ, тобольскій, впослѣдствіи уфимскій губернаторъ. О немъ въ статьѣ К. Власова: «Голодъ въ Сибири и князь Голицынъ», CXXXII, апрѣль, 143—147.

Богдановскій, Нилъ Ивановичъ (см. Н. И. Мерянскій). О немъ въ статьѣ М. В. Шевлякова: «Оригиналы и чудаки», CXXXI, январь, 159—170.

Библиотека "Руниверс"

Богдановъ, Д. П. Его статья: «Память о Шамилѣ въ Калугѣ», CXXXIII, сентябрь, 920—935.

Богдановъ, Иларіонъ Ѳедоровичъ, управляющій типографіей товарищества А. С. Суворина «Новое Время», по поводу его 35-лѣтняго юбилея, CXXXIII, августъ, 742.

Богород—ій. Рецензія его: «Проф. Д. В. Цвѣтаевъ. Избраніе Михаила Ѳедоровича Романова на царство. Москва. 1913», CXXXII, апрѣль, 303—306.

Бодаревскій, Николай Корнеліевичъ, въ ст. М. Мариной: «Журфиксы по средамъ въ аппартаментахъ Зимняго дворца», CXXXIV, октябрь, 117.

Бокъ Жеромъ, французскій писатель, авторъ кулинарной «Книги травъ», въ замѣткѣ «Къ исторіи кулинарнаго искусства», CXXXIV, декабрь, 1184—1186.

Болейнъ, Анна, жена англійскаго короля Генриха VIII, CXXXII, іюнь, 1077—1080.

Бонапартъ, Полина, сестра Наполеона. О ней въ замѣткѣ: «Вилла Полины Бонапартъ», CXXXI, мартъ, 1072—1074.

Бондаревъ, Тимоѳей Абрамовичъ, «философъ-самородокъ», сектантъ-молоканинъ, авторъ книги: «Торжество земледѣльца», въ статьѣ К. Гор—енко: «Тимоѳей Абрамовичъ Бондаревъ», CXXXIII, іюль, 207—215.

Боргманъ, А. И. Рецензія К. о книгѣ его: «Учебная книга по русской исторіи. (Руководство для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній). Часть II. Съ Петра Великаго. Спб. 1913. Изданіе т-ва А. С. Суворина—«Новое Время». А. И. Боргманъ Русская исторія. (Пособіе для средней школы и для самообразованія). Часть II. Съ Петра Великаго. Спб. 1913. Изданіе т-ва А. С. Суворина. «Новое Время», CXXXII, іюнь, 1046—1048.

Бородкинъ, М. Рецензія П. Майкова о книгѣ его: «Исторія Финляндіи. Время Екатерины II и Павла I. Съ портретами и иллюстраціями, планами и картой 1789 г». Спб. 1912», CXXXI, январь, 224 — 229. Рецензія его: «Извлеченія изъ переписки Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ. На шведскомъ языкѣ. Переводъ сдѣланъ В. Грундстремомъ. Гельсингфорсъ. 1912. (Utdrag ur. J. Grots brevväxling med. P. Pletnjov), CXXXI, мартъ, 1041—1042.

Бороздинъ, И. Н. Рецензія Пант. о составленной имъ и др. книгѣ: «Древній міръ и средніе вѣка. Историческіе очерки. Составили И. Н. Бороздинъ, проф. С. А. Котляревскій, В. В. Филатовъ, А. Г. Штейгеръ и М. А. Эртель. Съ рисунками въ текстѣ. Изданіе второе, исправленное и дополненное. М. 1913», CXXXIII, августъ, 692—693.

Бороздинъ, Иванъ, поэтъ 30-хъ годовъ, воспѣвшій балаклавскія развалины, CXXXIII, сентябрь, 1054.

Боткинъ, Сергѣй Петровичъ, лейбъ-медикъ, знаменитый врачъ, CXXXI, январь, 134, (мнѣніе о немъ профессора Захарьина), CXXXII, апрѣль, 228, 231.

Бочковъ, Д. Рецензіи его: 1) «В. И. Барвинокъ. Нравственный символизмъ русской иконописи XVI—XVII вв. Кіевъ. 1912, CXXXI, февраль, 669. 2) «Вильна, въ 1812 году. Составилъ Ѳ. А. Кудринскій. Изданіе управленія виленскаго учебнаго округа въ память столѣтней годовщины отечественной войны. Вильна. 1912.—«Е. Ф. Орловскій. Гродненская губернія въ 1812 году. Гродна. 1912».—«1812 годъ. Наполеонъ въ предѣлахъ Могилевской губерніи. Составилъ А. П. Лучинъ. Изданіе могилевской мужской гимназіи. Могилевъ. 1912. Съ 3 географическими картами». —В. К. Добровольскій. Витебская губернія въ отечественную войну. Изданіе витебскаго реальнаго училища. Витебскъ. 1912».—«П. М. Красовицкій. Генералъ-майоръ Яковъ Петровичъ Кульневъ и бой подъ Клястицами. Изданіе витебскаго реальнаго училища. Витебскъ. 1912, CXXXI, мартъ, 1029—1030. 3) «Е. Р. Романовъ. Бѣлорусскій сборникъ. Выпускъ восьмой. Бытъ бѣлорусса. Выпускъ девятый. Опытъ словаря условныхъ языковъ Бѣлоруссіи. Вильна. 1912, CXXXII, апрѣль, 322—323. 4) «Профессоръ Н. Петровъ. Альбомъ достопримѣчательностей церковно-археологическаго музея при кіевской духовной академіи. Выпускъ I. Коллекція синайскихъ и аѳонскихъ иконъ преосвященнаго Порфирія Успенскаго. Кіевъ. 1912. In folio. Съ 21 табл. снимковъ, CXXXIII, сентябрь, 1072—1073. 5) «Ѳ. А. Кудринскій. Курсъ новой русской литературы въ органически-конспективномъ видѣ. Выпускъ I. Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Лермонтовъ, Гоголь, Кольцовъ. Вильна. 1913. Выпускъ II. Бѣлинскій, Тургеневъ, Достоевскій, Некрасовъ, А. Толстой, Островскій, Гончаровъ и Л. Толстой. Вильна. 1912» CXXXIII, сентябрь, 1090—1092. 6) «Батуринскій дворецъ, его исторія, разрушеніе и реставрація. Очеркъ Г. К. Лукомскаго. Спб. 1912». CXXXIV, октябрь, 350—351.

Бравичъ, К. В., артистъ Московско-Художественнаго театра. Некрологъ его: CXXXI, январь, 314—315.

Бразуль, Д. Его статья: «Какъ я былъ «военнымъ шпіономъ». (Страничка воспоминаній), CXXXII, апрѣль, 197—213.

Библиотека "Руниверс"

Брайанъ, Ингрэмъ, авторъ статьи, касающейся вѣры японцевъ въ религію мервыхъ, CXXXII, май, 730.

Браунъ, Θ. А., проф. Рецензія Вл. Кн. о составленной при его участіи книгѣ «Исторія западной литературы (1800—1910 гг.), подъ редакціей проф. Θ. Д. Батюшкова, при ближайшемъ участіи проф. Θ. А. Брауна, академика Н. А. Котляревскаго, проф. Д. К. Петрова, приватъ-доцента Е. В. Аничкова и приватъ-доцента К. Θ. Тіандера. Изданіе т-ва «Міръ». Москва. Т. I, вып. 1, 2, 3», CXXXIV, октябрь, 361—362.

Бригадеръ, Анна. Рецензія о книгѣ ея: «Спридитъ (Малышъ). Сказка въ 7 картинахъ по латышскимъ народнымъ мотивамъ. Переводъ съ латышскаго Б. Яковлевой. Рига. Изд. А. Вальтера, Я. Рапа и К°, CXXXIV, декабрь, 1174.

Броневскій, генералъ, директоръ тамбовскаго кадетскаго корпуса. CXXXIII, сентябрь, 787—788.

Бронской, С. Замѣтка его: «По поводу воспоминаній Л. Плансона» въ CXXXI томѣ «Историческаго Вѣстника» въ статьѣ «Казнь цареубійцъ», CXXXII, апрѣль, 384.

Бруинъ-де, иностранный живописецъ, написавшій по порученію Петра Великаго портреты его трехъ племянницъ, CXXXI, февраль, 634.

Брюксъ-де, Николай Александровичъ, генералъ-майоръ въ отставкѣ, авторъ брошюръ спеціальнаго характера. Некрологъ его: CXXXIII, іюль, 377—378.

Брюллова-Шаскольская, Н. В. Рецензія о переведенной ею книгѣ: «Труды петербургскаго философскаго общества. Вып. IX. Секттъ Эмпирикъ. Три книги Пирроновыхъ положеній. Пер. съ греч., предисловіе и примѣчаніе Н. В. Брюлловой-Шаскольской. Подъ редакц. А. І. Малеина. Спб. 1913», CXXXIV, декабрь, 1175.

Буассье, Гастонъ. Рецензія А. М—на о книгѣ его: «Картины римской жизни временъ Цезарей». Переводъ съ 6-го французскаго изданія Н. Н. Спиридонова. Изданіе книжнаго магазина К. Н. Николаева. М. 1913», CXXXIV, ноябрь, 747.

Будищевъ, А. Н., писатель, по поводу его литературнаго юбилея, CXXXI, январь, 309—310.

Бузескулъ, В. Рецензія П. Б. о книгѣ его: «Античность и современность. Спб. 1913», CXXXII, май, 690.

Букье, Габріэль, дѣятель якобинскаго клуба. О немъ въ замѣткѣ: «Одинъ изъ якобинцевъ въ старости», CXXXI, февраль, 696—699.

Бунсенъ, нѣмецкая писательница, ея отзывъ о книгѣ лапландца Тури. CXXXII, апрѣль, 346—348.

Бураковскій, А. З., опереточный ветеранъ, шутникъ и весельчакъ, CXXXI, январь, 175—177.

Бурдесъ, Борисъ Павловичъ, крещеный еврей-журналистъ, сіонистъ, желавшій быть погребеннымъ на еврейскомъ кладбищѣ, CXXXIII, іюль, 118—120.

Буренинъ, В. П. Критикъ. Рецензія А. Бурнакина о книгѣ его: Т. I, съ портретомъ автора. I. Мертвая нога (Таинственный процессъ). II. Романъ въ Кисловодскѣ. Изданіе 7-е. Спб. 1912. Т. II. Стихотворенія. Переводы. Изданіе 3. Спб. 1912. Т. III. Военно-поэтическіе отголоски пѣсни дня. Думы. Поэмы. Былины. Изданіе 3. Спб. 1912, CXXXIII, іюль, 323—324.

Бурляевъ, К. Его статья: «Къ столѣтію Кульмскаго боя. 17 августа 1813—1913 г.», CXXXIII, августъ, 630—637.

Бурнакинъ, А. Рецензія его: Сочиненія В. П. Буренина. Томъ I. Съ портретомъ автора. I. Мертвая нога (таинственный процессъ). II. Романъ въ Кисловодскѣ. Изданіе 7. Спб. 1912. Т. II. Стихотворенія. Переводы. Изданіе 3. Спб. 1912. Т. III. Военно-поэтическіе отголоски. Пѣсни дня. Думы. Поэмы. Былины. Изданіе 3. Спб. 1912», CXXXIII, іюль, 323—324.

Бурнашевъ (Гурій Эртауловъ) В. П., писатель (по поводу его воспоминаній о театрѣ гр. Каменскаго въ Орлѣ), CXXXIII, сентябрь, 966—973—977.

Бурса, Василій, священникъ дрогичинской православной церкви во время польскаго мятежа, по поводу курьезнаго акта о введеніи во время мятежа особаго управленія въ Дрогичинѣ, CXXXII, май, 564—565.

Бурылинъ, Д. Г., по поводу каталога его масонской коллекціи, CXXXII, апрѣль, 314—315.

Бутенко, В. Рецензія П. Б. о книгѣ его: «Либеральная партія во Франціи въ эпоху реставраціи. Т. I. Спб. 1913», CXXXIV, ноябрь, 730—731.

Буткевичъ, А. А., сестра поэта Н. А. Некрасова, CXXXI, январь, 141.

Буттонисъ, Кастро, нашедшій знаменитую статую Венеры Милосской. О немъ въ замѣткѣ: «Тайна Венеры Милосской», CXXXI, январь, 290—291.

Бухъ, Л. Рецензія В. Данилова о переведенной имъ книгѣ: «Франсуа-Мари-Аруэ Вольтеръ. Повѣсти и разсказы. Съ портр. и 11 рис. Изданіе Ф. Павленкова. 1912», CXXXIV, ноябрь, 731—732.

Библиотека "Руниверс"

Быстровъ, Ѳедоръ Николаевичъ, митрофорный протоіерей, настоятель церкви при инженерномъ замкѣ, духовный писатель. Некрологъ его: CXXXIII, августъ, 743—744.

Бѣлевскій, графъ (отъ города Бѣлева), внукъ знаменитаго поэта Жуковскаго, отъ брака его дочери съ высокопоставленнымъ лицомъ, CXXXIV, ноябрь, 511.

Бѣловъ, Е., составившій 4-й выпускъ рецензированной А. Б. книги: «Культурныя сокровища Россіи. Изд. т-ва «Образованіе». 4 вып. Отъ 80 до 90 стр. каждый, со многими рисунками въ текстѣ и отдѣльно. Москва. 1912 — 1913, CXXXIII, іюль, 309.

Бѣлозерская, урожденная Генъ, Надежда Александровна, писательница. Ея автобіографія. CXXXII, іюнь, 925—941.

Бѣлокопытовъ, подполковникъ, алатырскій воевода во времена пугачевщины, CXXXI, январь, 44—51.

Бѣлоха, Порфирій Никитичъ, извѣстный географъ, CXXXI, январь, 110, 111.

Бѣльскій, С. Рецензія на книгу его: «Куда воронъ костей не заносилъ. Спб. 1914», CXXXIV, декабрь, 1171.

Бѣляевскій, Н., замѣтка его къ статьѣ Б. Б. Глинскаго: «Развѣнчанные герои революціи 1905 г.», помѣщенной въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за іюнь, CXXXIII, сентябрь, 1151—1152.

Бѣляевъ, В. В. генералъ-майоръ, главный редакторъ «Русскаго Инвалида». По поводу столѣтняго юбилея «Русскаго Инвалида», CXXXII, апрѣль, 367—368.

Бѣляевъ, И. С. Его статья: «Памятники рода Романовыхъ въ московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ», CXXXII, май, 627—639.

Бѣляевъ, Юр. Рецензія Д. Масляненка о книгахъ его: 1)«Барышни Шнейдеръ, «Впечатлѣнія», Библіотека «Вечерняго Времени». Изданіе Б. А. Суворина. Спб. 1913. 2) «Городокъ въ табакеркѣ». Разсказы. Миніатюры Юса. Спб. 1914. Библіотека «Вечерняго Времени». Изданіе Б. А. Суворина. CXXXIV, декабрь, 1165—1166.

Бѣлянкинъ, Иванъ Ивановичъ, профессоръ харьковскаго технологическаго института. Некрологъ его: CXXXI, мартъ, 1091—1092.

Бѣляцкинъ, С. А. Рецензія Г. Гинса о книгѣ его: «Новое авторское право въ его основныхъ принципахъ». Спб. 1912, Съ приложеніемъ текста закона 20 марта 1911 г. объ авторскомъ правѣ и предметнымъ указателемъ» CXXXII, іюнь, 1072—1074.

В

В., К. Рецензія его: «Л. А. Кассо. Россія на Дунаѣ и образованіе Бессарабской области. Москва. 1913», CXXXII, апрѣль, 299—303.

В., Н. Рецензія его: «В. В. Розановъ. Литературные изгнанники. Т. I. Спб.», CXXXIV, ноябрь, 725—728.

Вагнеръ, Н. П., почитатель о. Іоанна Кронштадтскаго, профессоръ-писатель-спиритъ, по поводу собранія у него мистическаго «дружескаго союза», CXXXII, апрѣль, 45.

Вагнеръ, Рихардъ, знаменитый нѣмецкій композиторъ, CXXXI, февраль, 552, 553.—О немъ въ замѣткѣ: «Гобино, Ницше и Вагнеръ», CXXXIII, августъ, 717—719.

Ваксель, Платонъ Львовичъ, знатокъ искусства, директоръ канцеляріи министерства иностранныхъ дѣлъ,CXXXIV, октябрь, 107.

Валишевскій, К. польскій историкъ, CXXXI, январь, XXXVIII.

Валуевъ, Петръ Александровичъ, въ статьѣ В. П. Авенаріуса: «По чужому адресу, » CXXXIII, іюль, 189—191.

Вальманъ, Н.—Рецензія его: «В. Розановъ. «Опавшіе листья. Спб. 1913», CXXXIII, іюль, 326—327.

Вальтеръ, Николай. Рецензія П. Майкова о книгѣ его: «Изнанка финляндской культуры. Финляндская печать о финляндцахъ. Матеріалы для очерка финляндскихъ нравовъ, соч. Николая Вальтера. Спб. 1913», CXXXIV, ноябрь, 718—719.

Ванновскій, Петръ Семеновичъ, военный министръ, въ воспоминаніяхъ В. Б. Бертенсона: «За тридцать лѣтъ», CXXXIII, іюль, 92—94.

Ванченко, К. И. Статья его: «Еще объ анекдотическомъ градоначальникѣ», CXXXI, январь, 183—185.

Варравинъ, (М. М. Сапѣгинъ) артистъ московскаго Малаго театра. Некрологъ его: CXXXI, февраль, 724.

Варсонофій, (Павелъ Ивановичъ Плеханковъ), архимандритъ, инокъ-подвижникъ, настоятель Старо-Голутвина монастыря. Некрологъ его: CXXXII, май, 742—743.

Васенко, П. Г. Рецензія В. Рудакова о книгѣ его совмѣстно съ С. Ѳ. Платоновымъ, и Е. Ф. Тураевой-Церетели: «Начало династіи Романовыхъ. Историческіе очерки. Съ 12-ю портретами и рисунками. Спб. 1912», CXXXII, іюнь, 1048.

Васильева, М. Е. Ея повѣсть: «У родственниковъ», CXXXIII, августъ, 432—459, сентябрь, 813—848.

Васильевъ, В. Т.—Рецензія М. С. о

Библиотека "Руниверс"

книгѣ его: «Вѣчное и неизмѣнное. Блескъ военной мысли. Подъ редакціей проф. А. А. Незнамова. 1912»Изд. В. К. Ильинчика», CXXXIII, іюль, 337—338.

Васильковскій, П. Е. Рецензія Д. Масляненко о книгѣ его: «Диковинки земли. Популярные очерки изъ жизни нашей планеты. Съ 83 рисунками въ текстѣ. Изданіе т-ва А. С. Суворина—«Новое Время». Спб. 1913», CXXXI, февраль, 670—671.

Васильковскій, П. Рецензія его: «Знаніе для всѣхъ. Общедоступный ежемѣсячный журналъ для самообразованія съ картинами въ краскахъ и иллюстраціями въ текстѣ. Спб. 1913. Редакторъ-издатель П. П. Сойкинъ», CXXXIV, октябрь, 368—369.

Василько-Петровъ, В. П., преподаватель декламаціи въ театральномъ училищѣ, фельетонистъ «Русскаго Инвалида», CXXXII, іюнь, 7, 8, 9.

Ватаци, А. И., директоръ кадетскаго корпуса, CXXXIII, сентябрь, 788.

Ватаци, Марія (рожденная Мертваго). Статья ея: «Быль минувшаго», CXXXI, январь, 32—54; февраль, 352—361; мартъ, 765—777; CXXXII, апрѣль, 29—40; май, 412—433; іюнь, 775—791; CXXXIII, іюль, 35—52.

Ватель, Шарль, біографъ королевской фаворитки Дюбарри.—О немъ въ замѣткѣ: «Французское духовенство во времена революціи», CXXXII, апрѣль, 355—357.

Вашковъ, Иванъ Андреевичъ, извѣстный въ Москвѣ литераторъ, сотрудникъ «Московскаго Листка», CXXXI, мартъ, 851—853.

Введенскій, А. И., профессоръ. По поводу его юбилея, CXXXII, апрѣль, 372.

Введенскій, Александръ Михайловичъ, журналистъ. Некрологъ его: CXXXIII, сентябрь, 1144.

Введенскій, Алексѣй Ивановичъ, заслуженный профессоръ московской духовной академіи, писатель. Некрологъ его: CXXXII, апрѣль, 376—378.

Ведель, графиня, авторъ воспоминаній, въ которыхъ говорится и о русскихъ. О ней въ замѣткѣ: «Воспоминанія гр. Ведель», CXXXI, январь, 283—285.

Вейденбаумъ, В. Г. Статья его: «По восточному Забайкалью», CXXXI, январь, 205—223.

Веймаръ- фонъ, П. П., премированный академіей наукъ за сочиненіе «Къ ученію о состояніяхъ матеріи, CXXXI, февраль, 715.

Вейсманъ, Александръ Давыдовичъ, бывшій ординарный профессоръ историко-филологическаго института, литераторъ. Некрологъ его: CXXXIV, декабрь, 1202.

Венгеровъ, С., его «Письмо въ редакцію», CXXXII, іюнь, 1120, по поводу біографій писателей.

Верди, знаменитый композиторъ, по поводу его неизданной симфоніи къ «Аидѣ», CXXXIII, іюль, 369.

Веревкинъ, наказной атаманъ уральскаго войска, генералъ-лейтенантъ, CXXXIII, сентябрь, 799—800.

Вержбицкая, Ольга Степановна, дочь генерала-адъютанта Стрекалова, покровительница итальянскихъ пѣвцовъ, содержательница chambres garnies, въ статьѣ В. Б. Бертенсона «За тридцать лѣтъ», CXXXIV, октябрь, 92—98.

Вержбицкій, В. Его очеркъ: «Поѣздка на Валаамъ», CXXXI, мартъ, 988—1015.

Верманъ- фонъ, невѣдомый рижанинъ, женатый на фрейлинѣ, дочери поэта Жуковскаго, CXXXIV, ноябрь, 511.

Вернъ, Іаковъ, швейцарскій священникъ, по поводу писемъ къ нему знаменитаго философа Вольтера, CXXXII, апрѣль, 361—363.

Верстовскій, музыкальный писатель.—О немъ въ замѣткѣ: «Лекціи М. М. Иванова», CXXXII, апрѣль, 372—374.

Веселовскій, Александръ Николаевичъ. Рецензія В. Чернобаева о книгѣ его: «Собраніе сочиненій. Изданіе отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ. Томъ первый. Спб, 1913», CXXXIV, декабрь, 1160—1163.

Веселовскій, Н. И., профессоръ. Рецензія Б. Р—ва о редактированной имъ книгѣ: «Записки разряда военной археологіи и археографіи императорскаго русскаго военно-историческаго общества. Томъ I. Спб. 1911», CXXXI, январь, 271—272. По поводу его юбилея, CXXXI, мартъ, 1088,1089 и его выдающагося открытія, CXXXI, снтябрь, 1097, 1098.

Веселовскій, Юрій. Рецензія А. Б. о книгѣ его: «Этюды по русской и иностранной литературѣ. Томъ I. Москва. (1913 годъ?)», CXXXIV, октябрь, 369—370.

Верховскій, Б. В., профессоръ, директоръ женскаго медицинскаго института, по поводу его юбилея, CXXXIV, декабрь, 1198—1199.

Верхоланцевъ, В. Рецензія Д. М. о книгѣ его: «Городъ Пермь, его прошлое и настоящее. (Краткій историко-статистическій очеркъ). Пермь. 1913», CXXXIII, сентябрь, 1083—1084.

Вибеліусъ, бывшій ландсгевдингъ въ Куопіо, по поводу находки куопіоскаго архива въ Гельсингфорсѣ, CXXXII, іюнь, 1105, 1107.

Библиотека "Руниверс"

Вилковъ, А. А. доцентъ, по поводу его статьи: «Письма П. Я. Чаадаева изъ-за границы къ брату (1823 — 1825)», CXXXII, іюнь, 1075.

Вильгельмъ I, германскій императоръ, по поводу предсказанія ему гадалки Ленорманъ, CXXXI, мартъ, 1080.

Вильгельмъ II, германскій императоръ, CXXXI, февраль, 396—409.—Въ замѣткѣ: «25-тилѣтній юбилей Вильгельма II», CXXXIII, августъ, 722—726.

Вильермоцъ, Эмиль, французскій авторъ хвалебной статьи о русскомъ балетѣ, CXXXII, апрѣль, 348—351.

Вилькицкій, Андрей Ипполитовичъ, бывшій начальникъ главнаго гидрографическаго управленія. Некрологъ его: CXXXII, апрѣль, 378—379.

Вильсонъ, президентъ Соединенныхъ Сѣверо-Американскихъ штатовъ, по поводу характеристики его въ статьѣ Джона Форда, CXXXI, январь, 301.

Винцингероде, Фердинандъ, баронъ, генералъ, находившійся на русской службѣ во время войны 1812 г.—О немъ въ замѣткѣ: «Плѣнъ Винцингероде», CXXXI, январь, 280—283.

Витбергъ, Ѳ. А. Рецензія В. Е. Рудакова на редактированную имъ книгу: «Родные завѣты. Азбука для обученія письму и чтенію русскому и церковнославянскому для школы и семьи.—Хрестоматія. Часть I. Первая послѣ азбуки книга для класснаго чтенія въ начальныхъ училищахъ.—Часть II. Вторая книга для класснаго чтенія въ начальныхъ училищахъ.—Часть III. Третья книга для класснаго чтенія въ начальныхъ училищахъ.—Часть IV. Четвертая книга для класснаго чтенія въ народныхъ училищахъ. Для наставниковъ и руководителей. Руководящая замѣтка къ азбукѣ и четыремъ книгамъ для класснаго чтенія «Родные Завѣты» (Хрестоматія). Составилъ Ѳ. А. Тарапыгинъ. Редакція Ѳ. А. Витберга, преподавателя петербургскаго педагогическаго института, предсѣдателя союза ревнителей русскаго слова. Спб. 1913», CXXXIII, іюль, 321—322.

Витгенштейнъ, графъ, главнокомандующій русской арміей, въ статьѣ К. П. Бурляева: «Къ столѣтію Кульмскаго боя», CXXXIII, августъ, 631.

Витгенштейнъ, Каролина княгиня, «женщина-кардиналъ», авторъ многихъ богословскихъ произведеній, фаворитка геніальнаго композитора Франца Листа. О ней въ статьѣ Манфредо Пинелли: «Исторія великой любви», CXXXI, февраль, 546—559.

Витмеръ, А. Н. Его статьи: 1) Знакомство мое съ Захарьинымъ». (Отрывокъ изъ воспоминаній), CXXXII, апрѣль, 224 — 236. 2) Художникъ слова и пера». (Бѣглыя замѣтки и отрывочныя воспоминанія, вызванныя вторымъ томомъ на «Жизненномъ пути» А. Ѳ. Кони). CXXXIII, августъ, 566—579. 3) «Воспоминанія о покойномъ цесаревичѣ Николаѣ Александровичѣ», CXXXIII, сентябрь тябрь, 884—888.

Витте, Сергѣй Юльевичъ, графъ, бывшій предсѣдатель совѣта министровъ, по вопросу о титулѣ «самодержецъ», CXXXI, февраль, 577.—О немъ въ статьяхъ Б. Б. Глинскаго: 1) «Къ исторіи составленія основныхъ законовъ въ 1906 году», CXXXI, мартъ, 977—978, 990. 2) «Легенды о Портсмутскомъ договорѣ», CXXXII, апрѣль, 259—273. 3) «Развѣнчанные герои революціи», CXXXIV, ноябрь, 654, 660.

Вишняковъ, Александръ Григорьевичъ, сенаторъ. Некрологъ его: CXXXI, январь 315—316.

Вишняковъ, Е. И. Рецензія о редактированной имъ и С. П. Мельгуновымъ, Б. Е. и В. Е. Сыроѣчковскими книгѣ: «Наше прошлое». Разсказы изъ русской исторіи. Ч. I. До Петра I. Съ 65 рис. въ текстѣ и 20-ю на отдѣльн. листахъ. Кн-во «Задруга». Москва. 1913», CXXXIV, декабрь, 1173 .

Владимиръ Александровичъ, великій князь, CXXXI, февраль, 495.

Владимиръ, митрополитъ, петербургскій и ладожскій, по поводу его 25-тилѣтняго юбилея, CXXXIII, іюль, 375.

Владиславлевъ, И. В. Рецензія Вл. Кн. о книгѣ его: «Русскіе писатели XIX—XX столѣтія. Опытъ библіографическаго пособія по новѣйшей русской литературѣ. Второе, переработанное и дополненное изданіе. Кн-во «Наука». Москва. 1913», CXXXII, іюнь, 1057 — 1058. Рецензія В. Д—ова о редактированной имъ книгѣ: «Библіографическій ежегодникъ. Выпускъ II. Подъ редакціей И. В. Владиславлева. Систематическій указатель литературы за 1912 годъ. Москва. Кн-во «Наука». 1913», CXXXIII, августъ, 683.

Власовъ, К. Его статья: «Голодъ въ Сибири и князь Голицынъ (Воспоминанія бывшаго волостного писаря), CXXXII, апрѣль, 129—154. Поправка къ ней, CXXXII, май, 752.—О немъ въ статьѣ В. А. Тройницкаго «Неурожай въ Тобольской губ. 1891 г.», CXXXIII, августъ, 536.

Водовозова, Е. Н. Рецензія Д. А. Масляненка о книгѣ ея: «На зарѣ жизни. Воспоминанія. Спб. 1911», CXXXII, май, 672—675.

Библиотека "Руниверс"

Водяной. Его статья: «На водѣ и на сушѣ». (Бытовыя картинки изъ жизни водоходовъ), CXXXIII, сентябрь, 870—883.

Воеводскій, контръ-адмиралъ, CXXXI, январь, 89, 93, 94.

Военскій, К. 1) Рецензія В. Рудакова о редактированной имъ книгѣ: «Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи. Московскій университетъ и петербургскій учебный округъ въ 1812 году. Документы архива министерства народнаго просвѣщенія, собранные и изданные подъ редакціей начальника архива министерства народнаго просвѣщенія К. Военскаго. Изданіе министерства народнаго просвѣщенія. Спб. 1912», CXXXI, мартъ, 1020—1023. 2) Рецензія Г. Л. И. о книгѣ его: «Акты, документы и матеріалы для политической и бытовой исторіи 1812 года. Томъ III. Бѣлоруссія въ 1812 году. Спб. 1912», CXXXII, іюнь, 1039—1043.

Войнагорскій, Вильгельмъ Францевичъ (Генрихъ-Вильгельмъ-Турихтъ Герстенбергъ), переводчикъ русскихъ писателей на датскій языкъ, въ ст. И. Г. «Датчанинъ Вайнагорскій», CXXXIV, декабрь, 1042—1050.

Войнаровскій, Павелъ Дмитріевичъ, инженеръ, проф. электротехническаго института, бывшій редакторъ «Электротехническаго вѣстника». Некрологъ его: CXXXIII, іюль, 378—379.

Волковъ, Михаилъ Матвѣевичъ, профессоръ петербургскаго женскаго медицинскаго института. Некрологъ его: CXXXIV, октябрь, 406—407.

Волковъ, Ѳ. К., профессоръ, по поводу его сообщенія о раскопкахъ 1909 года, CXXXIII, сентябрь, 1103.

Волынскій, Н. П. Рецензія Л. Н. о книгѣ его: «Постепенное развитіе русской регулярной кавалеріи въ эпоху Великаго Петра съ подробнымъ описаніемъ участія ея въ великой сѣверной войнѣ. Историческое изслѣдованіе по первоисточникамъ. Выпускъ I. 1698—1706. Книга I. Вступленіе (1698—1700 г.). Ингерманландская операція (1701—1704 гг.). 2 карты, 1 таблица. Книга вторая. Операціи: литовско-курляндская (1704—1705), гродненская (1705—1706), калишская (1706). Усмиреніе астраханскаго бунта (1705—1706). Война между Петербургомъ и Выборгомъ (1705—1706). 2 карты, 39 автографовъ. Книга 3-я. Приложенія. Книга 4-я, 4 таблицы, CXXXII, май, 666—667.

Вольтеръ, Франсуа-Мари-Аруэ, знаменитый французскій писатель и философъ, по поводу его писемъ къ Іакову Верну, швейцарскому священнику, CXXXII, апрѣль, 361—363. По поводу инцидента между Вольтеромъ и Гиббономъ, CXXXIII, августъ, 736—737. Рецензія В. Данилова о книгѣ его: «Повѣсти и разсказы. Съ портр. и 11 рис. Переводъ Л. Буха. Изданіе Ф. Павленкова. 1912», CXXXIV, ноябрь, 731—732.

Volf, G. Рецензія С. Аваліани о книгѣ его: «Einführung in das Studium der neueren Geschichte. Berlin. 1910», CXXXI, январь, 265—266.

Вороновъ, («Скромный наблюдатель»), талантливый фельетонистъ «Русскихъ Вѣдомостей», CXXXI, мартъ, 849.

Вороновъ, Александръ Григорьевичъ, членъ учебнаго комитета вѣдомства учрежденій императрицы Маріи, писатель и общественный дѣятель. Некрологъ его: CXXXIV, декабрь, 1202—1203.

Вощининъ В. 1) Рецензія Г. Гинса о его книгѣ: «На сибирскомъ просторѣ. (Силуэты переселенія). Спб. 1912. Съ иллюстраціями и маршрутной картой, CXXXII, май, 678. 2) Рецензія Г. Г—ъ о книгѣ его: «Переселенческій вопросъ въ государственной думѣ третьяго созыва. Спб. 1912», CXXXII, іюль, 331, 332.

Врангель, А. Е., баронъ. Рецензія А. Нечаевой о книгѣ его: «Воспоминанія о Ѳ. М. Достоевскомъ въ Сибири 1854—1856. Спб. 1912», CXXXI, январь, 272—275.

Врангель, Н. Н. баронъ. Рецензія Е. Шумигорскаго о книгѣ его: «Вѣнокъ мертвымъ. Художественно - историческія статьи. Спб. 1913», CXXXIII, сентябрь, 1065—1068.

Вревскій, Александръ Борисовичъ, баронъ, туркестанскій генералъ-губернаторъ, въ статьѣ Г. П. Федорова: «Моя служба въ Туркестанскомъ краѣ», CXXXIV, ноябрь, 453—462.

Всеволодскій, В. (Гернгроссъ). Рецензія А. А. Измайлова о книгѣ его: «Исторія театральнаго образованія въ Россіи. Томъ I (XVII—XVIII вѣка). Изданіе дирекціи императорскихъ театровъ. Спб. 1913», CXXXIII, іюль, 311—313.

Wulffius, Woldemar. Рецензія А. Э. Мальмгрена о его книгѣ: «Livländische Geschichtsliteratur. 1909. Рига,. 1912», CXXXII, май, 695.

Вучетичъ, Н. Г. Его статья: «Воспоминаніе о М. Г. Черняевѣ», CXXXII, апрѣль, 214—221.

Высоцкій, Н. Г. Рецензія его: «П. М. де-Ламартиньеръ: Путешествія въ сѣверныя страны. (1653 г.). Переводъ и примѣчанія В. Н. Семенковича. Москва. 1912», CXXXIII, іюль, 300—303.

Библиотека "Руниверс"

Вяземскій, Петръ Андреевичъ, князь, писатель, по поводу открытія памятника ему въ имѣніи гр. Шереметева «Остафьево», CXXXIII, августъ, 740—741; сентябрь, 1040—1048.

Г

Г. Рецензіи его: 1) «Записка главноуправляющаго землеустройствомъ и земледѣліемъ о поѣздкѣ въ Туркестанскій край въ 1912 г.», CXXXI, январь, 242—245. 2) «Матеріалы по киргизскому землепользованію. Сыръ-Дарьинская область. Перовскій уѣздъ. Изд. переселенческаго управленія. Ташкентъ. 1912». (Съ иллюстраціями, картою и поаульными таблицами). CXXXI, февраль, 672—673. 3) «В. Курбатовъ. Петербургъ. Художественно-историческій очеркъ и обзоръ художественнаго богатства столицы. Съ 315 иллюстраціями. Книжныя украшенія А. П. Остроумовой-Лебедевой. Изданіе общины св. Евгеніи. Спб. 1913», CXXXIV, декабрь, 1157.

Г., Б. Его статья: «Родители А. С. Суворина», CXXXIII, августъ, 553—565. Рецензія: «Тира Соколовская. Каталогъ масонской коллекціи Д. Г. Бурылина. Русскій отдѣлъ. Съ иллюстраціями Спб. 1912», CXXXII, апрѣль, 314—315.

Г—въ, Б. Рецензія его: «Малахія Орманіанъ. Армянская церковь. Ея исторія, ученіе, управленіе, внутренній строй, литургія, литература, ея настоящее. Переводъ съ французскаго Б. Рунтъ. Москва», CXXXIV, ноябрь, 739—740.

Гр—въ, Б. Рецензія его: «Б. Л. Сегаль. Пространный еврейскій катехизисъ. Изданіе девятое, исправленное и дополненное. Спб.», CXXXIV, ноябрь, 742—743.

Г., В. Рецензія его: «В. Поппе. Критика методологическихъ основъ теоріи права и нравственности проф. Петражицкаго. Спб. 1912», CXXXI, январь, 264—265.

Г—скій, В. Рецензія его: «Аркадій Прессъ. Въ царствѣ книгъ. Очерки и портреты, съ иллюстраціями. Томъ I и II. Спб. 1912», CXXXI, январь, 252—253.

Г—ъ. Рецензіи его: 1) Patouillet. «Ostrovski et son théâtre de moeurs russes. Paris. 1913», CXXXIV, октябрь, 345—347. 2) «Письма графа Л. Н. Толстого къ женѣ, 1862—1910 г. Подъ редакціей А. Е. Грузинскаго. Спб. 1913», CXXXIV, ноябрь, 719—721.

Г—въ, Б. Его статья: «15-го іюля 1913 года въ Остафьевѣ», CXXXIII, сентябрь, 1040—1048.

Г—ъ, Г. Рецензія его: «В. Вощининъ. «Переселенческій вопросъ въ государственной думѣ третьяго созыва. Спб. 1912», CXXXIII, іюль, 331—332.

Г., И. Статьи его: 1) «Памяти литературнаго инвалида», CXXXI, февраль, 560—566. 2) «Послѣдній изъ стаи славной» (Памяти графа А. А. Голенищева-Кутузова). CXXXI, мартъ, 903—922. 3) «Датчанинъ Войнагорскій», CXXXIV, декабрь, 1043—1050. Рецензія его: «Извѣстія по литературѣ, наукамъ и библіографіи. Ежемѣсячный иллюстрированный журналъ. Изданіе товарищества М. О. Вольфъ. 1912. №№ 1—12», CXXXI, мартъ, 1044—1047.

Гаазъ, Ѳедоръ Петровичъ, извѣстный докторъ-филантропъ, CXXXII, апрѣль, 33—34.

Габаевъ, Г. Рецензія В. Е. Рудакова о составленной имъ книгѣ: «1812. Сто лѣтъ службы гвардейскихъ саперъ. Краткій историческій очеркъ. Спб. 1912», CXXXIII, іюль, 307—308.

Гавриловъ, А. В. Рецензія В. Рудакова о книгѣ его: «Очеркъ исторіи петербургской синодальной типографіи. Выпускъ первый. 1711—1839. Спб. 1911», CXXXII, іюнь, 1052—1053.

Гагикъ I, армянскій царь, CXXXII, апрѣль, 288—297.

Газенкампфъ, М. А., интендантъ петербургскаго военнаго округа, CXXXII, май, 484—494, 498—508, 510.

Гальтье, Октавъ, французскій писатель, CXXXII, май, 699—705.—О немъ въ замѣткѣ: «Эпизодъ изъ эпохи французской революціи», CXXXII, май, 699—705.

Гамбетта, Леонъ, CXXXII, апрѣль, 100—101.

Ганецкій, Николай Степановичъ, генералъ-лейтенантъ, герой русско-турецкой компаніи.—О немъ въ статьѣ Ник. Г. Козырева: «Отрывки въ воспоминніи о Н. С. Ганецкомъ», CXXXI, февраль, 506—510, CXXXIII, сентябрь, 792—797.

Гамешинъ, Сергѣй Александровичъ, профессоръ по каѳедрѣ механической технологіи.—Некрологъ его: CXXXI, февраль, 724.

Гапонъ, Георгій, священникъ-революціонеръ, CXXXIII, іюль, 237—238.

Гарибальди, Джузеппе, итальянскій народный герой.—О немъ въ замѣткѣ: «Неизданныя письма Маццини и Гоффредо Мамели къ Джузеппе Гарибальди», CXXXII, апрѣль, 339—345.

Гартманъ, Л. Н., революціонеръ, журналистъ. Некрологъ его: CXXXII, май, 743—744.

Гатлихъ, А. Ѳ., педагогъ. Некрологъ его: CXXXI, январь, 316.

Библиотека "Руниверс"

Гаушъ, А. Ф., хранитель музея стараго Петербурга.—О немъ въ замѣткѣ: «Музей стараго Петербурга», CXXXI, февраль, 716—717.

Гаше-де, французская эмигрантка, именовавшаяся графинею.—О ней въ замѣткѣ: «Одна изъ загадокъ исторіи», (по поводу ожерелья королевы Маріи Антуанеты), CXXXII, май, 721—722.

Гедеоновъ, Иванъ Михайловичъ, предсѣдатель собранія сельскихъ хозяевъ, CXXXIII, сентябрь, 852.

Гедройцъ, Сергѣй. Реценія о его книгѣ: «Вегъ (1910—1913). Стихотворенія. Изданіе цеха поэтовъ. Спб. 1913», CXXXIV, ноябрь, 750—751.

Гейнце, Николай Эдуардовичъ, писатель-беллетристъ, «ремесленникъ журнальнаго цеха».—Некрологъ его: CXXXIII, іюль, 379.

Геннади, Григорій Николаевичъ.—О немъ въ рецензіи В. Рудакова на книгу: «У Г. Иваскъ. Григорій Николаевичъ Геннади. («Обзоръ жизни и трудовъ). М. 1913», CXXXIII, августъ, 703.

Генрихъ IV, король французскій, въ замѣткѣ: «Трагедія Равальяка», CXXXIII іюль, 364—367.

Генрихъ VIII, король англійскій, въ замѣткѣ: «Страничка изъ царствованія короля Англіи Генриха VIII», CXXXII, іюнь, 1076—1080.

Георгій Михайловичъ, великій князь, въ статьѣ В. Б. Бертенсона: «За тридцать лѣтъ», CXXXIV, ноябрь, 504—510.

Георгъ III, король Греціи.—Въ замѣткѣ: «Характеристика короля Греціи Георга III», CXXXII, іюнь, 1084—1087.

Георгъ IV, англійскій король.—Въ замѣткѣ: «Королевскіе браки въ Англіи», CXXXIII, іюль, 351—352.

Гергей, Артуръ, венгерскій революціонный генералъ.—О немъ въ воспоминаніяхъ Н. В. Исакова: «Венгерская компанія 1849 года», CXXXI, мартъ, 828—832.

Гернесъ, М., проф. Вѣнскаго университета.—Реценія о книгѣ его: «Культура доисторическаго прошлаго. Часть I. Каменный вѣкъ. Пер. съ нѣм. подъ редакц. В. Н. Дьякова. Съ 42 рис. въ текстѣ. Изд. «Фаросъ». М. 1913», CXXXIV, декабрь, 1175.

Гермоніусъ, Аксель Карловичъ, журналистъ, бывшій редакторъ «Петербургской Газеты».—Некрологъ его: CXXXI, февраль, 724—725.

Герценъ, Александръ Ивановичъ, знаменитый публицистъ, эмигрантъ, въ статьѣ М. В. Клочкова: «Процессъ Н. Г. Чернышевскаго», CXXXIII, сентябрь, 889, 890, 919.

Гершельманъ, Димитрій Ѳеодоровичъ, единственный прямой внукъ графа Д. А. Милютина, CXXXI, февраль, 421, 439.

Герштекеръ, Ф.—Рецензія Д. Масляненка на книгу его: «Вселенная. Разсказы для дѣтей изъ физической, математической и политической географіи. Переводъ подъ редакціей Ф. Резенера, передѣланный и дополненный М. Л. Песковскимъ. Пятое русское подъ редакціею А. А. Ешевскаго изданіе т-ва М. О. Вольфъ. Съ 229 рисунками, шестью картами въ краскахъ и восемью географическими картами. Спб. 1913», CXXXIII, іюль, 333.

Гете, Вольфгангъ, знаменитый нѣмецкій поэтъ, по поводу труда французскаго писателя Луазо, посвященнаго ему, CXXXII, апрѣль, 360—361.—Въ замѣткѣ: «Переписка между Гете и Карлейлемъ», CXXXIII, августъ, 713—717.—По поводу доклада о немъ Маріенбадской полиціи, CXXXII, май, 729—730.

Гиббонъ, англійскій историкъ, по поводу инцидента между Вольтеромъ и Гиббономъ, CXXXIII, августъ, 736—737.

Гіероглифовъ, Александръ Степановичъ редакторъ «Русскаго Міра», CXXXII, іюнь, 9.

Гиляровъ, Михаилъ Александровичъ, публицистъ, сотрудникъ «Московскаго Листка», CXXXI, мартъ, 854—855.

Гиляровъ-Платоновъ, Никита Петровичъ, издатель «Современныхъ Извѣстій», CXXXI, мартъ, 849.

Гинсъ, Г. К. Его очерки: «Въ киргизскихъ аулахъ». (Изъ поѣздки по Семирѣчью), CXXXIV, октябрь, 285—332. Рецензіи его: 1) «Временныя правила о волостномъ судѣ. (Законъ 15-го іюня 1912 года, о преобразованіи мѣстнаго суда). Составилъ К. П. Змирловъ (сенаторъ). Изданіе юридическаго книжнаго склада «Право». Спб. 1912», CXXXI, февраль, 675—676. 2) В. Вощининъ. «На сибирскомъ просторѣ. (Силуэты переселенія). Спб. 1912, съ иллюстраціями и маршрутной картой», CXXXII, май, 678. 3) С. А. Бѣляцкинъ. «Новое авторское право въ его основныхъ принципахъ». Спб. 1912. Съ приложеніемъ текста закона 20-го марта 1911 г. объ авторскомъ правѣ и предметнымъ указателемъ. Я. А. Канторовичъ, прис. пов. «Конвенція Россіи съ Франціей для защиты литературныхъ и художественныхъ произведеній» (русск. и франц. тексты конвенціи съ разъясненіями). Спб. 1912. (Съ алфав. указат.), CXXXII, іюнь, 1072—1074. 4) «С. Э. Терменъ. Приврѣніе несчастнорожденныхъ въ Россіи. Спб. 1912. Съ 15 статист. таблиц.», CXXXIII,

Библиотека "Руниверс"

августъ, 699—700. 5) «А. Г. Гойхбаргъ. Законъ о расширеніи правъ наслѣдованія по закону лицъ женскаго пола. Спб. 1912. Съ предметнымъ указателемъ. Издат. «Право».—Н. Рудинъ. Законъ 3-го іюня 1912 г. Спб. 1913. Издат. «Сотрудникъ», CXXXIV, октябрь, 351—352. 6) «Итоги землеустройства. Изданіе канцеляріи комитета по землеустроительнымъ дѣламъ. Спб. 1912», CXXXIV, ноябрь, 743—744. Рецензія П. С—ва о книгѣ его: «Переселеніе и колонизація. 1913», CXXXIII, августъ, 693—695. Рецензія о книгѣ его: «Переселеніе и колонизація. Вып. II. Земельная политика въ колоніяхъ. Спб. 1913», CXXXIV, ноябрь, 749.

Гинтовтъ, Ст. Рецензія о книгѣ, составленной имъ и А. Малеинымъ: «Титъ Ливій. Вторая Пуническая война. Спб. 1914», CXXXIV, ноябрь, 750.

Гинцбургъ, Рауль, опереточный пѣвецъ и содержатель оперной труппы и оперетки, въ статьѣ В. Б. Бертенсона: «За тридцать лѣтъ», CXXXIV, ноябрь, 506—507.

Гиро, Поль. Рецензія П. Б. о книгѣ его: «Частная и общественная жизнь грековъ». Москва. 1912, CXXXII, апрѣль, 334.

Гиччіардини, графъ, членъ итальянской палаты, бывшій министръ иностранныхъ дѣлъ.—О немъ въ замѣткѣ: «Италія въ роли поборницы свободы Албаніи», CXXXI, февраль, 691—696.

Гливенко, И. И. Рецензія П. И. А. о книгѣ его: «Витторіо Альфьери. Жизнь и произведенія. Изслѣдованіе И. И. Гливенка. Томъ I. (4 портрета и 4 приложенія). Спб. 1912», CXXXIII, августъ, 688—689.

Глинка, Михаилъ Ивановичъ, знаменитый композиторъ, по поводу лекцій о немъ М. М. Иванова въ музыкально-историческомъ обществѣ. CXXXII, апрѣль, 372—374.

Глинскій, Борисъ Борисовичъ. Статьи его: 1) «Россія подъ скипетромъ Дома Романовыхъ. (Къ трехсотлѣтію царствованія Дома Романовыхъ). Иллюстрированная хроника. CXXXI, январь, IX—LXXII. 2) «Къ вопросу о титулѣ «самодержецъ». (Изъ исторіи кодификаціи основныхъ законовъ въ 1906 г.)», CXXXI, февраль, 567—603. 3) «Романовскіе юбилейные дни». (Хроника празднествъ 21—23 февраля 1913 года), CXXXI, мартъ, 3—64. 4) «Къ исторіи составленія основныхъ законовъ въ 1906 году». (Отвѣтъ на запросъ читателей), CXXXI, мартъ, 977—987. 5) «Легенды о Портсмутскомъ договорѣ», CXXXII, апрѣль, 257—273. 6) «С. Н. Шубинскій (1834—1913 г.г.)». Біографическій очеркъ, CXXXII, іюнь, 1—93. 7) «Памяти М. В. Шевлякова», CXXXII, іюнь, 942—955. 8) «Памяти В. Е. Рудакова», CXXXIII, августъ, 580—592. 9) «Развѣнчанные герои революціи 1905 г. I) Г. С. Хрусталевъ-Носарь», CXXXII, іюнь, 984—1010; CXXXIII, іюль, 233—265; августъ, 598—629; сентябрь, 998—1039; CXXXIV, октябрь, 231—269; ноябрь, 631—665; декабрь, 1085—1115.

Замѣтки: 1) Н. Бѣляевскаго на послѣднюю статью его въ іюньской книжкѣ, CXXXIII, сентябрь, 1151—1152. 2) С. Сыромятникова на ту же статью въ ноябрьской книжкѣ и отвѣтъ Г. Глинскаго на эту замѣтку, CXXXIV, декабрь, 1214—1215.

Рецензія Д. М. о книгѣ его: «Среди литераторовъ и ученыхъ. Біографіи, характеристики, некрологи, воспоминанія, встрѣчи. Съ 31 портр. Спб. 1914», CXXXIV ноябрь, 729—730.

Рецензія В. Б. о книгѣ съ его предисловіемъ: «Замѣчательныя историческія сооруженія. Храмы, дворцы, памятники въ Москвѣ, Петербургѣ, Новгородѣ, Кіевѣ, Костромѣ, Смоленскѣ и другихъ городахъ. Составили Ѳ. А. Тарапыгинъ (первую часть) и В. Е. Рудаковъ (вторую часть). Второе, исправленное и дополненное изданіе съ предисловіемъ Б. Глинскаго. Спб. 1914», CXXXIV, ноябрь, 716—717.

Голенищевъ-Кутузовъ, Арсеній Аркадьевичъ, графъ, знаменитый поэтъ, въ воспоминаніяхъ В. Б. Бертенсона: «За тридцать лѣтъ», CXXXIV, ноябрь, 516—517.—О немъ въ статьѣ И. Г. «Послѣдній изъ «стаи славной». (Памяти графа А. А. Голенищева-Кутузова), CXXXI, мартъ, 903—922.—По поводу его участія въ постановкѣ памятника А. С. Пушкину въ Остафьевѣ, CXXXIII, сентябрь, 1046.—По поводу торжественаго засѣданія императорской академіи наукъ, посвященнаго его памяти, CXXXIV, декабрь, 1193.

Гнѣдичъ, Петръ Петровичъ. Разсказъ его: «Ѳеденька Палтусовъ», CXXXIV, декабрь, 801—859.

Гобино, французскій философъ, въ замѣткѣ: «Гобино, Ницше и Вагнеръ», CXXXIII, августъ, 717—719.

Гобино, графъ. Рецензія А. М—на о книгѣ его: «Вѣкъ возрожденія». Историческія сцены графа Гобино. Переводъ съ французскаго Н. Горбова. М. 1913», CXXXIV, ноябрь, 744—745.

Гогенлоэ-Лангенбургъ, Эрнстъ, наслѣдный принцъ, авторъ статьи объ иностранныхъ симпатіяхъ и антипатіяхъ Германіи, CXXXI, январь, 301—302.

Библиотека "Руниверс"

Гоголь, Николай Васильевичъ, великій писатель.—О немъ въ статьѣ А. А. Дунина: «Воспоминанія о Н. В. Гоголѣ. 1) прототипъ Плюшкина. 2) Гоголь на охотѣ, CXXXI, февраль, 500—505.

Гоздаво - Голомбіевскій, Александръ Александровичъ, секретарь императорскаго русскаго историческаго общества, писатель.—Некрологъ его: CXXXIV, октябрь, 408.

Гойхбаргъ, А. Г. Рецензія Г. Гинса о книгѣ его: «Законъ о расширеніи правъ наслѣдованія по закону лицъ женскаго пола. Спб. 1912». Съ предметнымъ указателемъ. Изд. «Право», CXXXIV, октябрь, 351—352.

Голицынъ, А., князь (по поводу его брошюры: «Матеріалы для исторіи крѣпостныхъ помѣщичьихъ театровъ въ Орловской губерніи»), CXXXIII, сентябрь, 984.

Голицынъ, В. Д., князь, директоръ Румянцовскаго музея въ Москвѣ, по поводу пятидесятилѣтняго юбилея музея, CXXXII, май, 734—737.

Голицынъ, Григорій Сергѣевичъ, князь, сенаторъ, командированный по случаю неурожая въ Тобольскую губернію. О немъ: въ статьѣ К. Власова «Голодъ въ Сибири и князь Голицынъ», CXXXII, апрѣль, 129—154; CXXXIII, августъ, 544—552.

Головачевъ, П. М., извѣстный журналистъ.—Некрологъ его: CXXXIV, октябрь, 407—408.

Головинъ, Константинъ Ѳедоровичъ, извѣстный писатель и публицистъ и государственный дѣятель. Некрологъ его: CXXXIV, октябрь, 408—410.

Гольбейнъ, Гансъ, знаменитый нѣмецкій художникъ, о немъ въ замѣткѣ: «Страничка изъ царствованія англійскаго короля Генриха VIII», CXXXII, іюнь, 1077—1080.

Гольмстенъ, А. Х., профессоръ, по поводу его сорокалѣтняго юбилея, CXXXIII, іюль, 372.

Гомеръ, знаменитый греческій поэтъ, въ замѣткѣ: «Былъ ли Гомеръ поэтомъ или моралистомъ», CXXXIII, іюль, 340—348.

Гомперцъ, Теодоръ. Рецензія А. М—на о книгѣ его: «Греческіе мыслители. Переводъ съ нѣмецкаго Д. Жуковскаго. Томъ второй. 1913. Изданіе Д. Е. Жуковскаго. Спб», CXXXIV, декабрь, 1159—1160.

Горбовъ, Н. Рецензія А. М—на о переведенной имъ книгѣ: «Вѣкъ Возрожденія». Историческія сцены графа Гобино. Переводъ съ французскаго. М. 1913», CXXXIV, ноябрь, 744—745.

Горбуновъ, Л. Рецензія Сергѣя фонъ-Штейна о переведенной имъ книгѣ: «К. Чуди. Императрица—страдалица, Переводъ съ нѣм. М. 1913», CXXXIII, сентябрь, 1088—1090.

Гор—енко, К. Его статья: «Тимоѳей Абрамовичъ Бондаревъ». (Изъ личныхъ воспоминаній), CXXXIII, іюль, 207—215.

Горизонтовъ, Иванъ Парѳеновичъ, издатель «Саратовскаго Вѣстника». Некрологъ его: CXXXIV, октябрь, 410—411

Горнфельдъ, А. Г. Рецензія Б—на о о книгѣ его: «О русскихъ писателяхъ. Т. I. Спб. 1291», CXXXIII, августъ, 683—685.

Городецкій, Б. М., литераторъ, авторъ біографіи С. Н. Шубинскаго, CXXXII, іюнь, 7. Статьи его: 1) «Лѣтописецъ кавказскихъ войнъ». (Памяти Василія Александровича Потто), CXXXI, январь, 199—204.—Рецензія его: «Очерки борьбы русскихъ съ черкесами. Выпускъ первый. Историческіе очерки Ф. А. Щербины. Екатеринодаръ. 1912», CXXXII, май, 665—666.

Горчаковъ, Александръ Михайловичъ, князь, канцлеръ, CXXXII, май, 487—488.

Гофманъ, А. Рецензія А. М—на о составленной при его участіи книгѣ: «Краткій очеркъ римскихъ древностей. Для гимназій, прогимназій и самообученія. Составилъ Н. Санчурскій, бывшій окружный инспекторъ петербургскаго учебнаго округа, при участіи А. Гофмана и М. Янко—директоровъ петербургскихъ гимназій, И. Барсова, И. Діомидова и І. Сѣдлатаго инспекторовъ петербургскихъ гимназій, и Э. Кесслера и В. Марданова—преподавателей петербургскихъ гимназій. Четвертое изданіе, пересмотрѣнное. Спб. 1913», CXXXIII, августъ, 691—692.

Гошкевичъ, В. И., по поводу его археологической экскурсіи по Днѣпровскому уѣзду, CXXXI, январь, 312.—Археологъ, хранитель Херсонскаго музея, въ статьѣ А. И. Фаресова: «На благодатномъ югѣ», CXXXIII, іюль, 292—296.

Грабарь, Игорь. Рецензія Я—ъ о книгѣ его: «Русскіе художники. Собраніе иллюстрированныхъ монографій. Выпускъ II. Сергѣй Глаголь и Игорь Грабарь. Исаакъ Ильичъ Левитанъ. Жизнь и творчество. Москва. Изданіе І. Кнебель. 1913», CXXXIV, ноябрь, 734.

Граббе, управляющій морскимъ министерствомъ, CXXXI, февраль, 477—478.

Граббе, Павелъ Христофоровичъ, графъ, наказной атаманъ войска донского.—О немъ въ воспоминаніяхъ Н. В. Исакова: «Венгерская кампанія 1849 г.», CXXXI, мартъ, 816, 826, 844, 845.

Библиотека "Руниверс"

Граціановъ, Н. А. обществ. дѣятель, докторъ, писатель. Некрологъ его: CXXXII, апрѣль, 379—380.

Граціанскій, В. И., издатель журнала «Древняя и новая Россія», CXXXII, іюнь, 11—14.

Грессеръ, с.-петербургскій градоначальникъ, по поводу высылки изъ столицы журналистовъ-шантажистовъ, CXXXIII, іюль, 113—115.

Гретманъ, Л. Ф. Рецензія П. Майкова о переведенной имъ книгѣ: «Графиня Л. Ростопчина. Семейная хроника (1812 г.). Съ 8 иллюстраціями. Спб.», CXXXI, мартъ, 1023—1025.

Грибовскій, В. Рецензіи его: 1) «В. В. Розановъ. О подразумѣваемомъ смыслѣ нашей монархіи. Спб. 1912», CXXXI, мартъ, 1052—1053. 2) «Россія подъ скипетромъ Романовыхъ. Очерки изъ русской исторіи за время съ 1613 по 1913 г. Спб. 1913», CXXXIV, декабрь, 1155—1156.

Грибоѣдовъ, А. С. Рецензія Н. Л. о книгѣ: «Горе отъ ума». Комедія А. С. Грибоѣдова. Текстъ Жандровской рукописи. Редакція, введеніе и примѣчанія Н. К. Пиксанова. Изданіе Л. Э. Бухгеймъ. Москва. 1912, CXXXI, январь, 248—249.

Григорій, патріархъ антіохійскій, по поводу Романовскихъ юбилейныхъ дней, CXXXI, мартъ, 28.

Григорій, архіепископъ ростовскій, по поводу пятисотлѣтія сооруженнаго имъ храма Благовѣщенія Богородицы, что на Бережкахъ въ Москвѣ, CXXXIII, августъ, 741.

Григоровичъ, А., Рецензія М. С. о книгѣ его: «Исторія 13-го драгунскаго военнаго ордена генералъ-фельдмаршала Миниха полка. Т.II. 1809—1840 г.г. 1912», CXXXI, январь, 236—237.

Гриневская, Изабелла. писательница, Рецензія Г. П. о книгѣ ея: «Беха-Улла. «Блескъ Божій».Поэма-трагедія въ стихахъ въ пяти дѣйствіяхъ и шести картинахъ. Спб. 1912», CXXXII, апрѣль, 328—329.

Гродековъ, Н. И., по поводу его книги: «Описаніе хивинскаго похода», CXXXII май, 597.

Гротъ, Я. К., академикъ, по поводу засѣданія въ академіи наукъ въ память столѣтія со дня его рожденія, CXXXI, февраль, 717—718.—О немъ въ рецензированной М. Бородкинымъ книгѣ: «Извлеченія изъ переписки Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ. На шведскомъ языкѣ. Переводъ сдѣланъ В. Грундстремомъ. Гельсингфорсъ. 1912». (Utdrag ur J. Grots brevväxling med P. Pletniov), CXXXI, мартъ, 1041—1042.

Груздевъ, Фавстъ Сергѣевичъ, редакторъ журнала «Сельскій Хозяинъ», литераторъ. Некрологъ его: CXXXIII, сентябрь, 1144—1145.

Грузинская, Ольга Ильинична, свѣтлѣйшая княжна, послѣдняя внучка грузинскаго царя Георгія XII, писательница. Некрологъ ея: CXXXIII, августъ, 744.

Грузинскій, А. Е. Рецензія Г—ъ о редактированной имъ книгѣ: «Письма графа Л. Н. Толстого къ женѣ, 1862—1910 г.г Подъ редакціей А. Е. Грузинскаго. Спб. 1913», CXXXIV, ноябрь, 719—721.

Грундстремъ, В. Рецензія М. Бородкина о переведенной имъ книгѣ: «Извлеченія изъ переписки Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ. На шведскомъ языкѣ. Гельсингфорсъ. 1912». (Utdrag ur J. Grots brevväxling med P. Pletniov), CXXXI, мартъ, 1041—1042.

Гунгеръ, І. Рецензія о книгѣ, составленной имъ и Г. Ламеромъ: «Культура древняго Востока въ картинахъ. 199 рис. на мѣловой бумагѣ и 68 стр. объяснительнаго текста. Пер. съ нѣм. подъ редакц. М. С. Сергѣева. Изд. «Фаросъ». М. 1913», CXXXIV, декабрь, 1175.

Гурвичъ, И. Рецензіи его: 1) «В. В. Жерве. Партизанъ-поэтъ Денисъ Васильевичъ Давыдовъ. Очеркъ его жизни и дѣятельности 1784—1839 г.г. Изданіе императорскаго русскаго военно-историческаго общества. Спб. 1913», CXXXII, апрѣль, 333—334. 2) Варвара Духовская. «Туркестанскія воспоминанія. Спб. 1913», CXXXIII, іюль, 324—325. 3) «Вл. Семеновъ. Адмиралъ Степанъ Осиповичъ Макаровъ. Съ портретомъ адмирала С. О. Макарова. Посмертное изданіе. Изданіе товарищества М. О. Вольфъ. Спб. 1913», CXXXIII, сентябрь, 1084—1085.

Гурко, І. В., генералъ-адъютантъ, фельдмаршалъ, CXXXI, февраль, 522.

Гурьевъ, редакторъ газеты «Русское Государство», CXXXI, мартъ, 865.

Гурьевъ, Б. М. Его статья: «Баку и его нефтяные промыслы», CXXXIV, декабрь, 1116—1147.

Гучковъ, Ф. И., общественный и политическій дѣятель. Некрологъ его: CXXXI, февраль, 725—727.

Гюго, Викторъ, знаменитый французскій поэтъ, въ замѣткѣ: «Неизданныя письма Виктора Гюго», CXXXII, іюнь, 1080—1084.

Huismans, І. К., французскій писатель, CXXXII, май, 727.

Библиотека "Руниверс"

Д

Д., Б. Рецензія его: «Сборникъ кіевскаго отдѣла всероссійскаго національнаго студенческаго союза. Кіевъ, 1912», CXXXIV, октябрь, 370.

Д., В. Рецензіи его: 1) «Н. Даденковъ. Иванъ Петровичъ Пнинъ. Опытъ его біографіи и обзоръ литературной дѣятельности. Нѣжинъ, 1912», CXXXI, февраль, 668—669.—2) «В. Н. Могульскій. Комическія оперетты XVIII вѣка. Одесса. 1912», CXXXI, февраль, 661.

Д—овъ, В. Рецензія его: «Библіографическій ежегодникъ. Выпускъ II. Подъ редакціей И. В. Владиславлева. Систематическій указатель литературы за 1912 г. Изданіе книгоиздательства «Наука». Москва. 1913», CXXXIII, августъ, 683.

Дабичъ, Н. Д., флигель-адъютантъ, по поводу усмиренія возмутившагося 14-го флотскаго экипажа, CXXXIV, декабрь, 930—932.

Давидовъ, К. Ю., знаменитый віолончелистъ, бывшій директоръ консерваторіи, CXXXIV, октябрь, 98.

Давыдовъ, В. Н., извѣстный артистъ, режиссировавшій «Гамлета» въ Эрмитажѣ, CXXXIV, ноябрь, 515.

Даденковъ, Н. Рецензія В. Д. о книгѣ его: «Иванъ Петровичъ Пнинъ. Опытъ его біографіи и обзоръ литературной дѣятельности. Нѣжинъ. 1912», CXXXI, февраль, 668—669.

Дамаскинъ, игуменъ Валаамскаго монастыря. О немъ въ статьѣ В. Вержбицкаго: «Поѣздка на Валаамъ», CXXXI, мартъ, 1003, 1004, 1011.

Даневъ, предсѣдатель болгарскаго народнаго собранія, по поводу Романовскихъ скихъ юбилейныхъ дней, CXXXI, мартъ, 64.

Даниловъ, В. В. Его статья: «Изъ Запорожья въ катакомбы», CXXXII, іюнь 1011—1018.

Даниловъ, В. Рецензіи его: 1) «П. Инфантьевъ. Жизнь народовъ Россіи. Этнографическіе разсказы. Съ 68 рисунками. Изд. П. В. Луковникова. 1912», CXXXI, январь, 254.—2) «Данiилъ Святскій. Подъ сводомъ хрустальнаго неба. Очерки по астральной миѳологіи въ области религіознаго и народнаго міровоззрѣнія. Съ 15 рисунками. Спб. 1913», CXXXII, май, 681—682.—3) «В. Фриче. Поэзія кошмаровъ и ужаса. Нѣсколько главъ изъ исторіи литературы и искусства на Западѣ. Съ картинами художниковъ: Босха, Брегеля, Дюрера, Кранаха, Гойи, Делакруа, Ропса, Бердслея, Штука, Мунха. Москва. 1912», CXXXIV, октябрь, 364 365.—4) «Франсуа-Мари-Аруэ Вольтеръ. Повѣсти и разсказы. Съ портр. и 11 рис. Переводъ Л. Буха. Изданіе Ф. Павленкова. 1912», CXXXIV, ноябрь, 731—732. 5) «М. Н. Швецовъ. Изъ прошлаго историко.-литературные очерки. Вологда. 1913», CXXXIV, ноябрь, 746.—6) «Записки императорскаго русскаго географическаго общества по отдѣленію этнографіи. Т. XXXV. Пѣсни русскихъ сектантовъ-мистиковъ. Съ 22 таблицами рисунковъ и 2 таблицами нотъ. Сборникъ, составленный Т. С. Рождественскимъ и М. И. Успенскимъ. 1912», CXXXIV, декабрь, 1167—1168.

Даргомыжскій, А. С., знаменитый композиторъ, по поводу чествованія его памяти, CXXXI, мартъ, 1086—1087.

Дашковъ, Павелъ Яковлевичъ, знаменитый собиратель гравюръ и рукописей, CXXXII, іюнь, 30, 53; CXXXIV, декабрь, 1017—1026.

Дверницкій, полякъ, вождь повстанцевъ 1830—1031 г.г., CXXXI, мартъ, 880—883, 886.

Дворжицкій, Адріанъ Ивановичъ, полицеймейстеръ петербургскій. О немъ въ статьѣ Дворжицкаго, К. А.:«1-ое марта 1881 г.», CXXXI, январь, 114, 122, 123, 124.

Дворжицкій, К. А. Его статьи: 1) «Первое марта 1881 года», CXXXI, январь, 113—132.—2) «Императоръ Александръ II въ Эмсѣ», CXXXII, апрѣль, 155—159

Деабате, Джузеппе, авторъ исторіи старѣйшаго театра въ Италіи Кариньяно. О немъ въ замѣткѣ: «Старѣйшій театръ въ Италіи», CXXXI, январь, 288—290

Девель, Н. М. Статья его: «Измайлово», CXXXI, февраль, 616—642.

Девяткинъ, Б. Его статья:«Къ могиламъ декабристовъ», CXXXI, мартъ, 923—934.

Дедюлинъ, Н. А., старшій предсѣдатель ташкентской судебной палаты, CXXXIV, декабрь, 891.

Дезессаръ, Фабръ, писатель. О немъ въ замѣткѣ: «Непогрѣшимость папы», CXXXII, май, 696—699.

Дейбель, балетмейстеръ театра графа С. М. Каменскаго въ Орлѣ, передѣлавшій для орловской сцены балетъ «Психею» Дидло, CXXXIII, сентябрь, 972—974.

Деларю, поэтъ, CXXXII, май, 427.

Дельвигъ, А. И., баронъ. Рецензія Н. Л. о книгѣ его: «Мои воспоминанія. Изданіе московскаго Публичнаго и Румянцовскаго музеевъ. Москва. 1912» CXXXI, мартъ, 1047—1048.

Демьяновъ, Михаилъ Александровичъ, художникъ. Некрологъ его: CXXXIII, августъ, 744—745.

Библиотека "Руниверс"

Депрейсъ, Екатерина Николаевна, поэтесса, воспѣвавшая старую дворянскую жизнь, по поводу ея стиховъ, CXXXII, іюнь, 788—791; CXXXIII, іюль, 36—48.

Державинъ, Гавріилъ Романовичъ, великій поэтъ. (Стихи Д. Б. Мертваго къ его портрету) CXXXI, февраль, 358, 359; мартъ, 769, 770.

Деруледъ, Поль, французскій поэтъ-патріотъ по поводу посѣщенія имъ Петербурга. CXXXIV, декабрь, 924—926.

Джаіани, Михаилъ, князь изъ Кутаисской губерніи, экспропріаторъ бухарской казны, CXXXII, іюнь, 1034.

Джанашвили, М. Г. Рецензія Σ. о книгѣ его: «Къ матеріаламъ по исторіи и древностямъ Грузіи и Россіи. Замѣтки, переводы и комментаріи. Тифлисъ. 1912», CXXXIII, іюль, 314—315.

Джорджадзе, А. К., грузинскій публицистъ и общественный дѣятель. Некрологъ его: CXXXII, май, 744—745.

Дибичъ-Забалканскій, графъ, фельдмаршалъ, командующій арміей, дѣйствовавшей противъ польскихъ повстанцевъ. (1830—1831 гг.), CXXXI, мартъ, 880—887.

Димитрій (въ мірѣ Михаилъ Георгіевичъ Ковальницкій), архіепископъ херсонскій и одесскій. Некрологъ его: CXXXI, мартъ, 1092—1093.

Динникъ, Н. Я., премированный академіей наукъ за сочиненіе «Звѣри Кавказа», CXXXI, февраль, 715.

Діомидовъ, И. Рецензія А. М—на о составленной при его участіи книгѣ: «Краткій очеркъ римскихъ древностей. Для гимназій, прогимназій и самообученія. Составилъ Н. Санчурскій, бывшій окружный инспекторъ петербургскаго учебнаго округа, при участіи А. Гофмана и М. Янко—директоровъ петербургскихъ гимназій, П. Барсова, И. Діомидова и І. Сѣдлатаго—инспекторовъ петербургскихъ гимназій, и Э. Кесслера и В. Марданова—преподавателей петербургскихъ гимназій. Четвертое изданіе, пересмотрѣнное. Спб., 1913», CXXXIII, августъ, 691—692.

Добровольскій, В. К. Рецензія Д. Бочкова о книгѣ его «Витебская губернія въ Отечественную войну. Изданіе витебскаго реальнаго училища. Витебскъ. 1912». CXXXI, мартъ, 1029—1030.

Добролюбовъ, Н. А. Рецензія К. на сочиненія его: «Полное собраніе сочиненій Н. А. Добролюбова», подъ редакціей Е. В. Аничкова. Библіотека русскихъ писателей подъ общей редакціей профессора Е. В. Аничкова. Изданіе русскаго книжнаго т-ва «Дѣятель». Томы: I—портретъ и автографъ, II, III, IV, V, VI, VII. Спб. 1911—1913 г.г., CXXXII, апрѣль, 326—328.

Добросмысловъ, А. И. Рецензія М. о книгѣ его: «Ташкентъ въ его прошломъ и настоящемъ. Ташкентъ. 1912—Его же. «Города Сыръ-Дарьинской области. Ташкентъ. 1912», CXXXII, іюнь, 1049—1051.

Долгова, Ек. Рецензія Д. Масляненка о книгѣ ея: «Флоренція и ея окрестности. Съ полнымъ планомъ Флоренціи, рисунками и алфавитнымъ указателемъ. Москва. 1912», CXXXI, январь, 271.

Долгорукая, Надежда Димитріевна, княгиня, дочь графа Димитрія Алексѣевича Милютина, CXXXI, февраль, 421, 439.

Домбровскій, І, В. В. старшій лейтенантъ, по поводу присужденія преміи имени графа С. А. Строганова его сочиненію: «Землетрясеніе въ Италіи въ 1908 году и подвиги нашихъ моряковъ въ Мессинѣ», CXXXII, май, 741.

Доможирова, Марія Ивановна, урожденная де-Вильерсъ, по первому мужу супруга морского министра адмирала И. А. Шестакова, CXXXIV, декабрь 928—930.

Дондукова-Корсакова, Марія Михайловна, княжна. О ней въ рецензированной Сергѣемъ ф.-Штейномъ книгѣ: «Князь Н. Д. Жеваховъ. Княжна Марія Михайловна Дондукова-Корсакова. Спб. 1913», CXXXIII, сентябрь, 1088—1090.

Дорошкевичъ, А. Рецензія Л. Н. о книгѣ его: «Война на Балканскомъ полуостровѣ Отъ открытія военныхъ дѣйствій до перемирія. Съ планами и схемами. Спб.. 1913. Имануэль, майоръ германской службы. Балканская война 1912 года. Выпускъ I. Событія до войны. Вооруженныя силы сторонъ.—Обзоръ театра военныхъ дѣйствій. Переводъ съ нѣмец Д. К. Лебедева. Спб. 1913», CXXXIII, сентябрь, 1085—1087.

Дорошевичъ, В. М., фельетонистъ газеты «Новости Дня», CXXXI, мартъ, 835—854.

Достоевскій, Ѳ. М., великій писатель. О немъ: 1) въ книгѣ барона А. Е. Врангеля: «Воспоминанія о Ѳ. М. Достоевскомъ въ Сибири 1854—1856 гг. Спб 1912», CXXXI, январь, 272—275.—2) въ рецензированной Влад. Княжнинымъ книгѣ И. И. Замотина: «Ѳ. М. Достоевскій въ русской критикѣ». Часть I. 1846—1881 гг. Варшава. 1913», CXXXIII, сентябрь, 1087, 1088.

Драгомирова, Софья Абрамовна, вдова генералъ-адъютанта, издательница кулинарной книги. Некрологъ ея: CXXXI, январь, 316—317.

Библиотека "Руниверс"

Драгомировъ, Михаилъ Ивановичъ, генералъ, CXXXII, май, 493, 494.

Драке, Л. Л. Замѣтка его: «По поводу статьи А. Миловидова «Первыя скорбныя страницы лѣтописи польскаго возстанія 1863 года въ предѣлахъ Сѣверо-Западнаго края», CXXXIV, октябрь 415,—416.

Дрентельнъ-фонъ, В. Ю., поэтъ, по поводу возникновенія музыкальнаго общества «Измайловскій досугъ», CXXXIV, ноябрь, 514.

Дриго, Ричардъ Евгеньевичъ, дирижеръ нашего балета, CXXXIV, октябрь, 97, 107—109.

Дризенъ, Н. В., баронъ. Его статья: «Илья Сацъ» (Клочки воспоминаній), CXXXIV, октябрь, 209—220.

Друри, В. П. англійскій писатель и режиссеръ. О немъ въ замѣткѣ: «Кое-что о лондонскихъ театрахъ», CXXXI, мартъ, 1065—1070.

Дубровина, Екатерина Оскаровна, писательница, авторъ многочисленныхъ романовъ и повѣстей. О ней въ статьѣ: И. Ге: «Памяти литературнаго инвалида», CXXXI, февраль, 560—566.

Думбадзе, Михаилъ Антоновичъ, генералъ, ялтинскій главноначальствующій (Отзывъ о немъ въ статьѣ Г. Г. Христіани: «Воспоминанія о графѣ Д. А. Милютинѣ», CXXXI), февраль, 442.

Дунинъ, А. А. Статьи его: «Воспоминанія о Н. В. Гоголѣ. 1. Прототипъ Плюшкина. 2. Гоголь на охотѣ», CXXXI, февраль, 500—505.—2) «Л. Н. Толстой въ 80-хъ годахъ», CXXXIV, ноябрь 610—614—3) Очеркъ: «Око за око» (Изъ сибирской уголовной хроники), CXXXI, мартъ, 888—895.

Дурново, Петръ Николаевичъ, бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ, въ статьѣ Б. Б. Глинскаго: «Развѣнчанные герои революціи» 1905 г., CXXXIV, ноябрь 653—655.

Духовская, Варвара. Рецензія И. Гурвича о книгѣ ея: «Туркестанскія воспоминанія». Спб. 1913», CXXXIII, іюль 324—325.

Духовской, генералъ, туркестанскій ген.-губернаторъ, въ статьѣ Г. П. Федорова: «Моя служба въ Туркестанскомъ краѣ», CXXXIV, декабрь, 860—866.

Дучинскій, Н. Рецензія Д. Масляненка о книжкахъ его: 1) «Подъ скипетромъ державнаго дома Романовыхъ»—2) «Три вѣка на Руси».—3) «Три столѣтія 1598—1613—1913 гг.».—4) «Воцареніе Романовыхъ».—5) «Императоръ Александръ Благословенный».—6) «Царь-Освободитель—императоръ Александръ II», CXXXIV, октябрь, 336, 337, 339.

Дьяковъ, В. Н. Рецензія о редактированной имъ книгѣ: «Гёрнесъ. М., проф. вѣнскаго университета. Культура до историческаго прошлаго. Часть I. Каменный вѣкъ. Съ 42 рисунк. въ текстѣ. Изд. «Фаросъ». Москва. 1913», CXXXIV, декабрь, 1175.

Дюбарри, madame, извѣстная фаворитка Людовика XV, въ замѣткѣ: «Настоящая madame Дюбарри», CXXXIII, августъ, 726—728.

Дюгамель, М. О., контръ-адмиралъ, CXXXI, январь, 96—98.

Дюпле, Симонъ, секретарь Робеспьера, CXXXIII, іюль, 362—364.

Е

Е. Рецензіи его: 1) «М. Г .Джанашвили. Къ матеріаламъ по исторіи и древностямъ Грузіи и Россіи. Замѣтки, переводы и комментаріи. Тифлисъ. 1912, CXXXIII, іюль, 314—315.—2) «Архимандритъ Іона. Римскій папа и православный Востокъ. Очерки и этюды по вопросу о современномъ отношеніи Рима къ Россіи и Ближнему Востоку. Спб. 1913», CXXXIII, августъ, 695—696.

Евдокія Алексѣевна, царевна, по поводу дара ея московскому Новодѣвичьему монастырю, CXXXII, май, 632.

Егоровъ, Д. Рецензія П. Б. о редактированной имъ книгѣ: «Средневѣковье въ его памятникахъ. Сборникъ переводовъ подъ редакціей Д. Егорова. Москва. 1913», CXXXIV, ноябрь, 745—746.

Екатерина I, императрица, CXXXI, январь, XXIX, XXXII; CXXXIII, іюль, 164.

Екатерина II Алексѣевна, императрица, CXXXI, январь, XL—L.

Елачичъ, Францъ Іосифовичъ, профессоръ, казанскій докторъ, CXXXIII, іюль, 41.

Елизавета Алексѣевна, императрица, CXXXII, апрѣль. 30.

Елисѣевъ, Александръ Васильевичъ, даровитый путешественникъ, въ статьѣ В. Б. Бертенсона: «За тридцать лѣтъ», CXXXIV, декабрь, 918.

Елчаниновъ, А., профес. Рецензія Д. Масляненка о книгахъ его: 1) «Державный домъ Романовыхъ».—2) «Царствованіе Государя Императора Николая Александровича», CXXXIV, октябрь, 336, 339.

Емельяновъ, Николай Николаевичъ, журналистъ, сотрудникъ «Московскихъ Вѣдомостей». Некрологъ его: CXXXI февраль, 727.

Библиотека "Руниверс"

Ермоловъ, Алексѣй Петровичъ, знаменитый полководецъ, по поводу его участія въ Кульмскомъ бою, CXXXIII, августъ, 633.

Ермоловъ, Н. А. любимый сынъ знаменитаго полководца Алексѣя Петровича Ермолова (его кутежи и расточительность), CXXXII, апрѣль, 89—93, 96.

Есиповъ, В. В., профессоръ, редакторъ «Варшавскаго Дневника», по поводу 20-тилѣтняго его юбилея», CXXXII, май, 740—741.

Ефимовъ, А. Рецензія Д. Масляненка о книгѣ его: «Императоръ Николай I, его жизнь и царствованіе», CXXXIV, октябрь, 339.

Ефремовъ, П. А., извѣстный библіографъ, по поводу пріобрѣтенія имъ рѣдкаго экземпляра «Письма русскаго путешественника», CXXXIV, декабрь, 1015—1017.

Ешевскій, А. А. Рецензія Д. Масляненка на редактированную имъ книгу: «Ф. Герштекеръ. Вселенная. Разсказы для дѣтей изъ физической, математической и политической географіи. Переводъ подъ редакціей Ф. Резенера, передѣланный и дополненный М. Л. Песковскимъ. Пятое русское подъ редакціей А. А. Ешевскаго изданіе т-ва М. О. Вольфъ. Съ 229 рисунками, шестью картами въ краскахъ и восемью географическими картами. Спб. 1913», CXXXIII, іюль, 333.

Ж

Ж. Рецензія его: «Кряжъ». Повѣсть Г. Т. Сѣверцева-Полилова. Спб.», CXXXI, мартъ, 1050—1051.

Жаворонковъ, Д. Г., директоръ училищъ Курской губерніи, замѣчательный педагогъ и общественный дѣятель, CXXXIII, іюль, 170—172.

Жанлисъ, Д., madame, писательница, фаворитка Филиппа Эгалите, герцога Орлеанскаго, въ замѣткѣ: «Семейная драма Орлеановъ», CXXXIV, декабрь 1183—1184.

Жеваховъ, Н. Д., князь. Рецензія Сергѣя ф.-Штейна о книгѣ его: «Княжна Марія Михайловна Дондукова-Корсакова. Спб. 1913», CXXXIII, сентябрь, 1088—1090.

Желябовъ, цареубійца. (По поводу его казни). CXXXI, январь, 125, 126; февраль, 526, 533.

Жерве, В. В. Рецензія И. Гурвича о книгѣ его: «Партизанъ-поэтъ Денисъ Васильевичъ Давыдовъ. Очеркъ его жизни и дѣятельности 1784—1839 г.г.Изданіе императорскаго русскаго военно-историческаго общества. Спб. 1913». CXXXII, апрѣль, 333—334.

Жилинъ, А. А. Рецензія Евгенія Пахорукова о редактированной имъ книгѣ: «А. Романовичъ-Славатинскій». Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII вѣка до отмѣны крѣпостного права. Изд. второе (посмертное) юридическаго факультета университета св. Владимира, подъ редакціею профессора А. А. Жилина. Кіевъ. 1912. CXXXII, май, 657—659.

Жиловъ, І., священникъ. Рецензія о книгѣ его: «Что говорятъ знаменитые люди о Библіи?» Изданіе второе, исправленное и дополненное. Юрьевъ 1913. CXXXIV, ноябрь, 748.

Жирардэ, профессоръ танцевъ. По поводу его лекціи, посвященной исторіи танцевъ. CXXXII, іюнь, 1103.

Жиркевичъ, писатель, (по поводу его воспоминаній о театрѣ графа С. М. Каменскаго), CXXXIII, сентябрь, 966—968.

Жиркевичъ, А. Рецензія В. А—ва о его книгѣ: «Памяти Э. Б. Оржешко-Нагорской. Вильна. 1912». CXXXI, мартъ, 1042—1043.

Жиркевичъ, А. В. Рецензіи: 1) Л. Н. о книгѣ его: «Пасынки военной службы. Матеріалы къ исторіи мѣстъ заключенія военнаго вѣдомства въ Россіи. Вильна. 1912». CXXXI, февраль, 658—659. 2) В. А—ва о книгахъ его: «Жизнь во Христѣ старца Зосимы, въ мірѣ Дм. Рашина. (Его біографія). Вильна. 1913». «Архимандритъ Зосима (въ мірѣ Дмитрій Рашинъ) былъ невиновенъ... (Исторія еще одной судебной ошибки). Вильна. 1913». CXXXIII, сентябрь, 1073—1076.

Жоховъ, Александръ Ѳедоровичъ, чиновникъ и публицистъ, по поводу его дуэли съ адвокатомъ-журналистомъ Утинымъ, CXXXII, іюнь, 884—890.

Жуковичъ, П. Н., профессоръ. Рецензія Масляненка о книгѣ его: «Смутное время и воцареніе Романовыхъ». CXXXIV, октябрь, 337.

Жуковскій, Василій Андреевичъ, знаменитый поэтъ, по поводу открытія памятника ему въ имѣніи графа Шереметева «Остафьево». CXXXIII, августъ, 740—741; сентябрь, 1040—1048.

Жуковскій, Д. Рецензія А. М—на о переведенной имъ книгѣ: «Теодоръ Гомперцъ. Греческіе мыслители. Томъ второй. 1913. Изданіе Д. Е. Жуковскаго. Спб.». CXXXIV, декабрь, 1159—1160.

Жуковъ, М. Д. инжен.-механикъ флота, по поводу присужденія преміи имени графа С. А. Строганова его сочиненію: «Походъ эскадры адмирала Чухнина». CXXXII, май, 741.

Библиотека "Руниверс"

З

Забѣлинъ, Н. Н., педагогъ, публицистъ. Некрологъ его. CXXXIII, августъ, 745.

Заведеевъ, (Поль-За), Павелъ Васильевичъ, проживавшій во Владимирѣ провинціальный писатель. CXXXIV, декабрь, 938, 939,

Завитневичъ, В. Рецензія П. Б. о книгѣ его: «Алексѣй Степановичъ Хомяковъ. Томъ II. Кіевъ. 1913». CXXXIII, сентябрь, 1082—1083.

Загорскій, Н. П., художникъ. CXXXIV октябрь, 116.

Загоскинъ, тайный совѣтникъ, сынъ автора «Юрія Милославскаго» и издатель сочиненій отца. CXXXIV, ноябрь, 511.

Загоскинъ, Николай Николаевичъ, братъ извѣстнаго писателя. CXXXII, апрѣль, 38, 39.

Заксъ, А. Рецензія Ив. Сатрапинскаго о книгѣ его: «Кавалеристъ-дѣвица» штабсъ-ротмистръ Александръ Андреевичъ Александровъ (Надежда Андреевна Дурова). Спб. 1912». Изд. журн. Вѣстникъ русской конницы». CXXXIV, октябрь, 347—349.

Закъ, Г. Я., приватъ-доцентъ московскаго университета по каѳедрѣ уголовнаго права, авторъ ряда статей, помѣщенныхъ въ общихъ и спеціальныхъ журналахъ. Некрологъ его: CXXXIV, октябрь, 411.

Замотинъ, И. И., профессоръ, по поводу его статьи: «Л. Н. Толстой въ его письмахъ». CXXXII, іюнь, 1074.

— Рецензія Влад. Княжнина о книгѣ его: «Ѳ. М. Достоевскій въ русской критикѣ. Часть первая, 1846—1881. Варшава. 1913». CXXXIII, сентябрь, 1087—1088.

Замочниковъ, замѣчательно-храбрый геодезистъ, участникъ русско-турецкой войны 1877—1878 г.г., CXXXII, май. 571.

Замятинъ, генералъ, по поводу его мученической кончины 12 августа на пріемѣ у П. А. Столыпина. CXXXI, мартъ, 867, 869, 870, 876.

Заозерскій, Н. А., педагогъ, авторъ литературныхъ трудовъ. Некрологъ его: CXXXII, май, 745.

Заринъ, А. Рецензіи Д. Масляненка: о книгахъ его: 1) «Три волшебныхъ волоса. Старая сказка на новый ладъ. Съ 28 рисунками. Изданіе т-ва А. С. Суворина. Спб. 1912». CXXXI, январь, 249—250. 2) «Изъ жизни русскихъ царей и царицъ», 3) «Царскія развлеченія и забавы за триста лѣтъ», 4) «Любимыя мѣстопребыванія русскихъ государей», 5) «Великій Кормчій. Разрушенное счастье» (разсказы изъ временъ царя Михаила Ѳеодоровича), 6) «По-хорошему» (разсказъ изъ эпохи царя Ѳедора Алексѣевича), 7) «Первый взлетъ» и «Доброволецъ» (изъ временъ Петра Великаго), 8) «Стрѣлокъ» и «Сказка» (разсказы изъ временъ царствованія Анны Іоанновны и Елизаветы Петровны), 9) «Царскій подарокъ» (разсказъ изъ жизни императрицы Екатерины II), 10) «Неузнанный царь» и «Урокъ на всю жизнь» (два разсказа изъ жизни императора Александра II), 11) «Царское великодушіе» изъ жизни Николая I) и 12) «Неожиданное счастье» (изъ временъ императора Павла Петровича). CXXXIV, октябрь, 339—340. О немъ въ замѣткѣ по поводу его юбилея, CXXXI, февраль, 720, 721.

Заринъ-Несвицкій, Ф. Е. Его романъ: «Борьба у престола. CXXXI, январь, 7—31; февраль, 323—351; мартъ, 737—764; CXXXII, апрѣль, 5—28; май, 385—411; іюнь, 753—774; CXXXIII іюль, 5—34; августъ, 385—412; сентябрь, 753—785; CXXXIV, октябрь, 5—32 ноябрь, 419—436.

Зарубаевъ, В. П. ,талантливый генералъ. CXXXI, февраль, 495, 497—499.

Засуличъ, Вѣра, революціонерка, CXXXI, январь, 119—120.

Захарьинъ, Григорій Антоновичъ, знаменитый профессоръ-врачъ.—О немъ въ статьѣ А. Н. Витмера: «Знакомство мое съ Захарьинымъ». CXXXII, апрѣль, 224—236.

Захарьинъ, Ив., писатель, въ статьѣ М. Н. Клочкова: «Процессъ Н. Г. Чернышевскаго». CXXXIII, сентябрь, 890, 891.

Збруевъ, (царь Берендей), обличительный фельетонистъ «Современныхъ Извѣстій». CXXXI, мартъ, 849.

Звѣздинъ, В., лѣтописецъ революціоннаго движенія рабочихъ въ 1905 году. CXXXIV, ноябрь, 662—665.

Зеленый, П. А., одесскій градоначальникъ. О немъ въ статьѣ К. И. Ванченка: «Еще объ анекдотическомъ градоначальникѣ». CXXXI, январь, 183—185 по поводу столкновенія его съ дисконтеромъ Хлавою Аглицкимъ. CXXXIII, іюль, 117.

Земятченскій, П. Я., премированный академіей наукъ за сочиненіе «Этюды по кристиллогенезису». CXXXI, февраль, 715.

Змирловъ, К. П. (сенаторъ). Рецензія Г. Гинса о книгѣ его: «Временныя правила о волостномъ судѣ. (Законъ 15-го іюня 1912 г., о преобразованіи мѣстнаго суда). Изданіе юридическаго книжнаго склада «Право». Спб. 1912». CXXXI, февраль, 675—676.

Зосима, архимандритъ. (въ мірѣ Д. М. Рашинъ). О немъ въ рецензированной

Библиотека "Руниверс"

В. А—вымъ книгѣ А. В. Жиркевича: «Жизнь во Христѣ старца Зосимы, въ мірѣ Дм. Рашина. (Его біографія). Вильна 1913». Онъ же. «Архимандритъ Зосима (въ мірѣ Дмитрій Рашинъ) былъ невиновенъ... (Исторія еще одной судебной ошибки). Вильна. 1913». CXXXIII, сентябрь, 1073—1076.

Зубковъ, А. Ф., ивановскій фабрикантъ, милліонеръ, CXXXIII, сентябрь, 795.

Зуевъ, Д. П., инженеръ (по поводу отыскавшейся у него части «Русалки» Пушкина), CXXXIII, сентябрь, 863.

Зуровъ, генералъ, с.-петербургскій градоначальникъ, CXXXI, январь, 123.

И

И., Г. Л. Рецензія его: «К. Военскій. Акты, документы и матеріалы для политической и бытовой исторіи 1812 года. Томъ III. Бѣлоруссія въ 1812 году. Спб. 1912». CXXXII, іюнь, 1039—1043.

Ивановскій, Николай Ивановичъ, заслуженный профессоръ казанской духовной академіи, извѣстный знатокъ русскаго раскола. CXXXIV, декабрь, 1203—1204.

Ивановъ, А. Д., военный корреспондентъ «Новаго Времени». CXXXII, май, 486.

Ивановъ, Григорій, удѣльный крестьянинъ Владимирской губерніи, скоморохъ и жонглеръ (по поводу его афиши). CXXXIII, сентябрь, 983.

Ивановъ, М. М., извѣстный музыкальный критикъ и композиторъ, по поводу его лекціи въ музыкально-историческомъ обществѣ. CXXXII, апрѣль, 372—374.

Ивановъ, Николай Александровичъ, туркестанскій генералъ-губернаторъ, въ статьѣ Г. П. Ѳедорова: «Моя служба въ Туркестанскомъ краѣ». CXXXIV, декабрь, 865—879.

Иванъ IV Васильевичъ Грозный, царь. Его синодикъ на Вааламѣ. CXXXI, мартъ, 1006.

Ивасkъ, У. Г. Рецензія В. Рудакова о книгѣ его: «Григорій Николаевичъ Геннади. (Обзоръ жизни и трудовъ). Москва. 1913». CXXXIII, августъ, 703.

Ивашенцовъ, Александръ Петровичъ членъ петербургской судебной палаты, спортсменъ-писатель. Некрологъ его: CXXXIII, іюль, 379—380.

Игнатьевъ, Е. И. Рецензія Д. Масляненка о книгѣ его: «Астрономическіе досуги. Съ 68-ю рисунками и чертежами. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. Москва. 1912». CXXXI, январь, 253—254.

Изедъ-Фаудъ-паша, по поводу его статьи объ Абдулъ-Гамидѣ, бывшемъ турецкомъ султанѣ. CXXXIV, декабрь, 1188.

Измайловъ Александръ Алексѣевичъ. Рецензія А. Леп—скаго о книгѣ его: «Разсказы». Изданіе «Шиповникъ» Спб. 1912. CXXXI, январь, 250—252.— Рецензіи его: 1) «Александро-Невская лавра. Историческое изслѣдованіе доктора церковной исторіи С. Г. Рункевича. 1713—1913. Съ 277 портретами и снимками. Спб. 1913 ». CXXXIV, ноябрь, 709—711.—2) В. Всеволодскій (Гернгроссъ). Исторія театральнаго образованія въ Россіи. Томъ I (XVII—XVIII вѣка). Изданіе дирекціи императорскихъ театровъ Спб. 1913». CXXXIII, іюль, 311—313.

Инкуль-фонъ-Гильденбандъ, Ю. А. баронъ, статсъ-секретарь. 1) По поводу пересмотра и кодификаціи основныхъ законовъ, CXXXI, февраль, 576.—2) По поводу составленія основныхъ законовъ въ 1906 году. CXXXI, мартъ, 977, 979.

Ильинскій, В. П., по поводу присужденія преміи имени графа С. А. Строганова его сочиненію: «Доблестная страница Черноморскаго флота». CXXXII, май, 741.

Ильяшевичъ, Николай Петровичъ, педагогъ, директоръ пріюта принца П. Г. Ольденбургскаго. Некрологъ его: CXXXIV, декабрь, 1204—1205.

Иммануэль, майоръ германской службы. Рецензія Л. Н. о книгѣ его: «Балканская война 1912 года. Выпускъ I. Событія до войны.—Вооруженныя силы сторонъ.— Обзоръ театра военныхъ дѣйствій.— Переводъ съ нѣмецкаго Д. К. Лебедева. Спб. 1913». CXXXIII, сентябрь, 1085—1087.

Иннокентій (Иванъ Васильевичъ Бѣляевъ), экзархъ Грузіи, писатель-богословъ. Некрологъ его: CXXXIV, октябрь, 411—412.

Инфантьевъ, П. Рецензія В. Данилова о книгѣ его: «Жизнь народовъ Россіи. Этнографическіе разсказы. Съ 68 рисунками. Изданіе П. В. Луковникова. 1912». CXXXI, январь, 254.

Исаевъ, В. И., лейбъ-медикъ, извѣстный ученый и общественный дѣятель, по поводу открытія памятника ему въ Кронштадтѣ. CXXXIV, декабрь, 1196.

Исаковъ, Николай Васильевичъ, начальникъ главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній, CXXXI, январь, 107. — Его статья: «Венгерская кампанія 1849 г.т, (отрывки изъ записокъ). CXXXI, мартъ, 814—846.

Исидоръ, митрополитъ с.-петербургскій, по поводу странной музыкальной встрѣчи его въ медико-хирургической академіи, CXXXIII, іюль, 82.

Библиотека "Руниверс"

I

Іоанникій, арх;епископъ варшавскій, CXXXII, апрѣль, 97.

Іоаннъ Кронштадтскій, (Іоаннъ Ильичъ Сергіевъ), знаменитый митрофорный протоіерей, въ замѣткѣ В. Б. Бертенсона: «За тридцать лѣтъ». CXXXIII, августъ, 479—484.

Іона, архимандритъ. Рецензія Е о книгѣ его: «Римскій папа и православный Востокъ. Очерки и этюды по вопросу о современномъ отношеніи Рима къ Россіи и Ближнему Востоку. Спб. 1913». CXXXIII, августъ, 695—696.

Іорданскій, Н. И., лѣтописецъ русской революціи, CXXXIII, іюль, 238, 250.

Іосифъ, эрцгерцогъ австрійскій, по поводу его разсказа о случаѣ изъ австро-прусской войны. CXXXII, іюнь, 1101.

Іосифъ II, императоръ австрійскій. Въ замѣткѣ: «Императоръ Іосифъ и его сестра». CXXXIII, сентярбь, 1131—1133.,

K

К. Рецензіи его: 1) «Полное собраніе сочиненій Н. А. Добролюбова. Подъ редакціей Е. В. Аничкова. «Библіотека русскихъ писателей подъ общей редакціей профессора Е. В. Аничкова. Изд. русскаго книжнаго т-ва «Дѣятель». Томы :1—портретъ и автографъ, II, III, IV, V, VI, VII. Спб. 1911—1913 г.г.», CXXXII, апрѣль, 326—328.—2) А. И. Боргманъ. Учебная книга по русской исторіи. (Руководство для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній). Часть II. Съ Петра Великаго. Спб. 1913. Изданіе т-ва А. С. Суворина «Новое Время». А. И. Боргманъ. Русская исторія. (пособіе для средней школы и для самообразованія). Часть II. Съ Петра Великаго. Спб. 1913»,Изданіе т-ва А. С. Суворина «Новое Время», CXXXII, іюнь, 1046—1048.—3) «П. Пирлингъ. Историческія статьи и замѣтки». Спб. 1913». CXXXIII, августъ, 662—664.

К—ко, Г.Его статья: «Петербургскіе наброски». (Трагедія директора банка). CXXXIII, августъ, 527—535.

К—ва, Марія. Рецензія ея: «Юрій Шамуринъ. Подмосковныя. Изданіе т-ва «Образованіе». Москва. 1912. Съ 37 снимками и рисунками въ текстѣ и на отдѣльныхъ листахъ»,CXXXII, апрѣль, 306—309.

К., Вл. Рецензія его: «Дневникъ Вѣры Сергѣевны Аксаковой. 1854—1855. Редакція и примѣчанія князя Н. В. Голицына и П. Е. Щеголева. Спб. 1913. Изданіе книгоиздательства «Огни». Съ 4 портретами - факсимиле», CXXXIII, августъ, 677—679.

Кн., Вл. Рецензіи его: 1) «И. В. Владиславлевъ. Русскіе писатели XIX—XX столѣтія. Опытъ библіографическаго пособія по новѣйшей русской литературѣ. Второе, переработанное и дополненное изданіе. Книгоиздательство «Наука». Москва. 1913»,CXXXII, іюнь, 1057—1058.—2) «Несторъ Котляревскій. Литературныя направленія Александровской эпохи. Пособіе для приступающихъ къ изученію русской изящной словесности XIX вѣка. 2-е переработанное изданіе. Спб. 1913», CXXXIII, іюль, 328—329.—3) «Исторія западной литературы (1800—1910 г.г.), подъ редакціей профессора Ѳ. Д. Батюшкова, при ближайшемъ участіи профессора Ѳ. А. Брауна, академика Н. Л. Котляревскаго, профессора Д. К. Петрова, приватъ-доцента Е. В. Аничкова и приватъ-доцента К. Ѳ. Тіандера. Изданіе товарищества «Міръ», Москва. Томъ I, вып. 1, 2, 3», CXXXIV, октябрь, 361—362.

К. М. Рецензія его: «Старая Москва», вып. I. Изданіе комиссіи по изученію Старой Москвы при императорскомъ московскомъ археологическомъ обществѣ. Москва. 1912», CXXXI, февраль, 652—653.

К—въ, М. Рецензія его: «Успенскій, А. Столбцы бывшаго архива Оружейной палаты. Изданіе общаго архива министерства императорскаго двора, вып. I. Москва. 1912», CXXXII, апрѣль, 313—314 314.

К. Н. И. Рецензіи его: 1) «Война и войны на службѣ Господней. Составилъ А. К. Э. Спб. 1912», CXXXI, январь, 261—264. 2) «Наука побѣждать генералиссимуса Суворова. (По матеріалу, еще не бывшему въ печати). Съ рисунками и чертежами Суворова. Текстъ пояснилъ и копіи рисунковъ исполнилъ К. Нонненманъ. Изданіе военнаго книгоиздательства В. Жукова. Спб. 1913», CXXXI, февраль, 671—672.

К—шовъ, Рецензія его: «Е. Шмурло. Петръ Великій въ оцѣнкѣ современниковъ и потомства. Вып. I. (XVIII вѣкъ). Спб. 1912»,CXXXII, май, 659—660.

Кабановъ, А. К. Рецензія о книгѣ его: «Смута Московскаго государства и Нижній-Новгородъ». 4-е изд. «Задруга» Москва. 1913», CXXXIV, декабрь, 1172.

Казалетъ, президентъ англо-русскаго литературнаго общества въ замѣткѣ:«Дѣятельность англо-русскаго литературнаго общества въ Лондонѣ», CXXXIII, августъ, 719—722.

Казанскій-Сорщеръ, В. А., популярный

Библиотека "Руниверс"

петербургскій антрепренеръ и актеръ.. Некрологъ его: CXXXIII, августъ, 745.

Казанскій, Петръ Ивановичъ, заслуженный профессоръ духовной академіи, писатель богословъ. Некрологъ его: CXXXI, февраль, 727—728.

Казенбекъ, профессоръ, CXXXI, январь, 91.

Кази-Магометъ, сынъ Шамиля, въ статьѣ Д. П. Богданова: «Память о Шамилѣ въ Калугѣ», CXXXIII, сентябрь, 934, 935.

Калантаръ, Александръ Айрапетовичъ, общественный дѣятель, редакторъ армянской газеты «Мшакъ» («Рабочій»). Некрологъ его: CXXXIV, декабрь, 1205—1206.

Калачевъ, Николай Васильевичъ, сенаторъ, «король отъ архивовъ», основатель археологическаго института. CXXXI, мартъ, 963—965.

Калиновскій, Михаилъ Викторовичъ, земскій начальникъ, по поводу безпорядковъ въ Черниговской губерніи, CXXXII, іюнь, 856.

Камаровскій, Леонидъ Алексѣевичъ, графъ ,профессоръ и бывшій ректоръ московскаго университета, авторъ нѣсколькихъ научныхъ работъ. Некрологъ его: CXXXI, январь, 317.

Каменскіе:

— Е. Его историческій очеркъ: «Красное Село», CXXXIII, августъ, 638—661.

— Михаилъ Ѳедотовичъ, фельдмаршалъ (по поводу часовъ съ погребальною музыкою на смерть его), CXXXIII, сентябрь, 966—967.

— Николай Михайловичъ, графъ, талантливый полководецъ, подъ начальствомъ котораго служилъ отецъ знаменитаго журналиста Алексѣя Сергѣевича Суворина, CXXXIII, августъ, 554.

— Сергѣй Михайловичъ, графъ, владѣлецъ крѣпостного театра, въ статьѣ Т. А. Мартемьянова: «Страничка изъ исторіи крѣпостного театра въ Орловской губерніи (о театрахъ графа Каменскаго и Юрасовскихъ)», CXXXIII, сентябрь, 965—977.

— Ѳ. Ѳ., академикъ, популярный скульпторъ. Некрологъ его: CXXXIV, ноябрь, 792.

Каминскій, В. А., по поводу его статьи: «Этнографическое изученіе Волыни и важнѣйшіе вопросы ея этнографіи въ настоящее время», CXXXII, іюнь, 1075.

Канова, Антоній, знаменитый скульпторъ. — О немъ въ замѣткѣ: «Новая біографія Кановы», CXXXII, май, 716 717.

Каноникъ, скульпторъ, авторъ памятника великому князю Николаевичу Старшему, CXXXII, апрѣль, 365, 366.

Канторовичъ, Я. А. прис. пов. Рецензія Г. Гинса о книгѣ его: «Конвенція между Россіей и Франціей для защиты литературныхъ и художественныхъ произведеній,(русск. и французск.тексты конвенціи съ разъясненіями). Спб. 1912. (Съ алфав. указат.)», CXXXII, іюнь, 1072—1074.

Капустинъ, крестьянинъ, знаменитый духоборъ, лже-Христосъ, CXXXII, апрѣль, 47—48.

Каптеревъ, Н. Ѳ. профессоръ. Рецензія К. Кудряшева о его книгѣ: «Патріархъ Никонъ и его противники въ дѣлѣ исправленія церковныхъ обрядовъ. Время патріаршества Іосифа. Изданіе 2-е М. С. Елова. Сергіевъ Посадъ. 1913», CXXXI, февраль, 643—646. Награда его Уваровской преміей за сочиненіе «Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ», CXXXI, февраль, 715.

Капюсъ, Альфредъ, французскій историкъ.—О немъ въ замѣткѣ: «Бульварный Парижъ 1880—1885 г.г.», CXXXII, май, 705—710.

Карасевъ, Алексѣй Алексѣевичъ, журналистъ, земскій дѣятель. Некрологъ его: CXXXII, іюнь, 1110.

Карвольскій-Гриневскій, М. Д., городнянскій уѣздный предводитель дворянства, по поводу разгрома крестьянами его усадьбы, CXXXII, іюнь, 859—863.

Карлейль, знаменитый англійскій писатель, въ замѣткѣ: «Переписка между Гете и Карлейлемъ», CXXXIII, августъ, 713—717.

Карлъ-Александръ, великій герцогъ Веймарскій, сынъ великой княжны Маріи Павловны.—О немъ въ замѣткѣ: «Воспоминанія графини Ведель», CXXXI, январь, 283—285.

Карніолинъ-Пинскій, М., первоприсутствующій сенаторъ въ процессѣ писателя Н. Г. Чернышевскаго, въ статьѣ М. В. Клочкова: «Процессъ Н. Г. Чернышевскаго», CXXXIII, сентябрь, 906.

Карпенко, Н. С. (Арнольдъ) артистка театра Незлобина. Некрологъ ея: CXXXI, январь, 317—318.

Карсавинъ, Л. П. Рецензіи: 1) П. Б. о книгѣ его: «Монашество въ средніе вѣка. Спб. 1912», CXXXI, январь, 258—259.—2) П. Б. о книгѣ его: «Очерки религіозной жизни въ Италіи XII—XIII вѣковъ. Спб. 1912», CXXXIV, октябрь, 357—358.

Карѣевъ, Н. И., профессоръ. Рецензіи :1) Пант. о книгѣ его: «Эпоха французской революціи въ трудахъ русскихъ ученыхъ за послѣднія десять лѣтъ (1902—1911). Спб. 1912», CXXXI, мартъ, 1055—

Библиотека "Руниверс"

1056.—2) П. Б. о книгѣ его: «Теорія историческаго знанія».Спб. 1913», CXXXIII, августъ, 690.—По поводу его 40-лѣтняго юбилея научной дѣятельности, CXXXIV, декабрь, 1199—1200.

Карякинъ, Василій Александровичъ,общественный дѣятель-экономистъ, членъ третьей государственной думы. Некрологъ его: CXXXIV, декабрь, 1206.

Карякинъ, М. М., извѣстный оперный артистъ, владимирскій уроженецъ, CXXXIV, декабрь, 939, 940.

Каспари, Альвинъ Андреевичъ, издатель журнала «Родина». Некрологъ его: CXXXI, февраль, 728—729.

Кассо, Левъ Аристидовичъ, министръ народнаго просвѣщенія. Рецензія К.- В.о книгѣ его: «Россія на Дунаѣ и образованіе Бессарабской области. Москва. 1913», CXXXII, апрѣль, 299—303.

Кастанье, І. А. Рецензія Б. Мирошникова о книгѣ его: «Надгробныя сооруженія киргизскихъ степей (.Труды оренбургской ученой архивной комиссіи. Вып. XXVI) 28 таблицъ — 77 рис. Оренбургъ. 1912». CXXXI, февраль, 655—656.

Кастелянскій, Д. П. Рецензія С. о редактированной имъ книгѣ: «Формы національнаго движенія въ современныхъ государствахъ. Спб. 1912», CXXXI, январь, 266—268.

Катковъ, Михаилъ Никифоровичъ, знаменитый публицистъ, редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей», по поводу его бесѣды съ издателемъ «Московскаго Листка» Пастуховымъ о его лубочномъ романѣ: «Разбойникъ Чуркинъ», CXXXIV, ноябрь, 521—522. Въ статьѣ Павла Россіева :«Эпизодъ изъ жизни М. Н. Каткова», CXXXIV, ноябрь, 615, 616.

Кауфманъ, А. Е. Его статья: «За кулисами печати». (Отрывки воспоминаній стараго журналиста), CXXXIII, іюль, 97—130.

— Рецензія его: «Старая Одесса. Историческіе очерки и воспоминанія Александра де-Рибаса. Одесса. 1913», CXXXII, май, 676—678.

Кауфманъ-фонъ, Константинъ Петровичъ, туркестанскій генералъ-губернаторъ. — О немъ 1) въ статьѣ Е. Смирнова: «Военно - бюрократическое мѣропріятіе орѳографическаго характера», CXXXII, май, 594—597.—2) въ статьѣ Е. М. Толбухова: «Устроитель Туркестанскаго края», CXXXII, іюнь, 891—909.—3) CXXXIII, сентябрь, 804—805—810—811.

Кауфманъ-фонъ, П. Рецензія Я—ъ о книгѣ его: «Красный Крестъ въ тылу арміи въ японскую кампанію 1904—1905 г.г. Томъ I. Сибирскій районъ, 2 части. Томъ II. Забайкальскій районъ, 2 части. Спб.», CXXXIII, іюль, 329—331.

Кашеварова-Руднева, В. А., докторъ медицины, по поводу допущенія его въ медико-хирургическую академію»,CXXXI мартъ, 953.

Кашкинъ, Н. Н. Рецензіи В. Рудакова о книгахъ его: 1) «Родословныя развѣдки. Посмертное изданіе. Съ портретомъ автора. Подъ редакціей Б. Л. Модзалевскаго. Томъ I. Спб. 1912», CXXXI, февраль, 649—650.—2) «Этюды объ Островскомъ. Томъ II. Къ исторіи текста произведеній А. Н. Островскаго. Москва. 1913», CXXXII, іюнь, 1059—1061.

Кей, Элленъ, шведская писательница, въ замѣткѣ: «Женщина и любовь въ сочиненіяхъ Элленъ Кей», CXXXIII, іюль, 354—358.

Келлеръ, Ѳ. Э., екатеринославскій губернаторъ, иниціаторъ учрежденія Екатеринославской архивной комиссіи, по поводу юбилея послѣдней, CXXXII, іюнь, 1106.

Келтуяла, В. А. Рецензія В. Марскаго о книгѣ его: «Краткій курсъ исторіи русской литературы для среднихъ учебныхъ заведеній. Часть I. Исторія древней русской литературы. Книга 1-я. Исторія литературы отъ IX вѣка до половины XIII вѣка. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Спб. 1912», CXXXII, май, 680—681.

Кесслеръ, Э. Рецензія А. М—на о составленной при его участіи книгѣ: «Краткій очеркъ римскихъ древностей. Для гимназій, прогимназій и самообуч«нія. Составилъ Н. Санчурскій, бывшій окружный инспекторъ петербургскаго учебнаго округа, при участіи А. Гофмана и М. Янко—директоровъ петербургскихъ гимназій, П. Барсова, И. Діомидова и І. Сѣдлатаго — инспекторовъ петербургскихъ гимназій, и Э. Кесслера и В. Марданова—преподавателей петербургскихъ гимназій. Четвертое изданіе, пересмотрѣнное. Спб. 1913», CXXXIII, августъ, 691—692.

Кетрицъ, Константинъ Эрнестовичъ, членъ инженернаго совѣта министерства путей сообщенія, тайный совѣтникъ, Некрологъ его: CXXXI, январь, 318.

Кибальчичъ, цареубійца, по поводу его казни, CXXXI, февраль, 526, 533.

Кибальчичъ, Т. В. почетный вольный общникъ императорской академіи художествъ. Некрологъ его: CXXXII, май, 745.

Кидерленъ-Вехтеръ, нѣмецкій дипломатъ, по поводу его письма о встрѣчѣ съ Бисмаркомъ, CXXXIII, іюль, 367—368.

Кириллъ Владимировичъ, великій князь, по поводу гибели броненосца

Библиотека "Руниверс"

«Петропавловскъ», CXXXIV, декабрь, 928.

Кирпичевъ, Викторъ Львовичъ, профессоръ с.-петербургскихъ политехническаго и технологическаго институтовъ, извѣстный ученый. Некрологъ его: CXXXIV, ноябрь, 792, 793.

Киселевъ, Е. П., биржевой маклеръ, по поводу пріобрѣтенія имъ археологической рѣдкости въ Самарѣ, CXXXIII, сентябрь, 1138.

Кисъ, Э. Рецензія Тиры Соколовской о книгѣ его: «Основныя черты современнаго масонства. Спб»,., CXXXI, январь, 238—239.

Китченко, Владимиръ. Рецензія А. Мальмгрена о книгѣ его: «Руины замка въ Гапсалѣ. Ревель. 1912. Гапсальскій замокъ, его настоящее и прошлое. Гапсаль. 1912», CXXXIII, августъ, 667.

Кичеевъ, П. И., извѣстный поэтъ, по поводу неожиданнаго обвиненія его музыкальнымъ дѣятелемъ Оппелемъ, CXXXIV, декабрь, 936, 937.

Клейгельсъ, Н. В., с.-петербургскій градоначальникъ, CXXXIV, октябрь, 101.

Клерэ, Э, авторъ статьи о карточной игрѣ, CXXXIII, августъ, 705—709.

Клетнова, Е. Н. Ея статья: «По рудной Осетіи», CXXXIV, ноябрь, 680—708.

— Рецензія ея: «Смоленское дворянское ополченіе 1812 г. Изданіе смоленскаго дворянства. Смоленскъ. 1912», CXXXI, мартъ, 1032—1033.

Клочковъ, М. В. Его статьи: 1) «В. О. Ключевскій о государственной думѣ», CXXXII, апрѣль, 243—249.—2) «Процессъ Н. Г. Чернышевскаго», CXXXIII, сентябрь, 889 — 919; CXXXIV, октябрь, 157—190.—Рецензіи его: 1) «Моранъ, П. Павелъ I, до восшествія на престолъ. (1754—1796 г.г.). Переводъ съ французскаго. Ширяевой Москва 1912..», CXXXI, февраль, 647—648.—2) «Успенскій, А. И. Императорскіе дворцы т. I—II. Москва. 1913. Съ 894 снимками (въ обоихъ томахъ) на отдѣльныхъ листахъ. Изданіе Императорскаго московскаго археологическаго института», CXXXIV, октябрь, 333—336.

Ключевскій, Василій Осиповичъ, профессоръ, историкъ, 1) по вопросу о титулѣ «самодержецъ», CXXXI, февраль, 577—582.—2) О немъ въ статьѣ М. Клочкова: «В. О. Ключевскій о государственной думѣ», CXXXII, апрѣль, 243—249.—3) по поводу учрежденія степендіи его имени въ московскомъ университетѣ, CXXXII, апрѣль, 374, 375.—Реценз. Кудряшева о книгахъ его: 1) «Очерки и дѣчи. Второй сборникъ статей. Москва. 1913».—2) «Исторія сословій въ Россіи. Москва. 1913», CXXXIV, декабрь, 1151—1155.

Княжнинъ, Влад. Рецензіи его: 1) Исторія русской литературы XIX вѣка подъ редакціей Д. Н. Овсянико-Куликовскаго. Выпускъ двадцать восьмой и двадцать девятый. Москва. 1912», CXXXI, февраль, 662—665. Замѣтка къ ней CXXXI, мартъ, 1104.—2) «Полное собраніе сочиненій и писемъ И. С. Никитина. Томъ первый. Подъ редакціей, съ біографическимъ очеркомъ, статьями, и примѣчаніями А. Г. Фомина. Вступительная статья Ю. И. Айхенвальда. Съ приложеніемъ портретовъ, факсимиле и снимковъ. Спб. 1913. Изданіе товарищества «Просвѣщеніе», CXXXI, мартъ, 1040—1041. 3) «И. И. Замотинъ. Ѳ. М. Достоевскій въ русской критикѣ. Часть первая, 1846—1881. Варшава. 1913», CXXXIII, сентябрь, 1087—1088.—4) «Сочиненія Михаила Дмитріевича Чулкова. Томъ I. Собраніе разныхъ пѣсенъ. Части I, II и III съ прибавленіемъ 1770—1773 г.г. Изданіе отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ. Спб. 1913. Съ приложеніемъ портретовъ М. Д. Чулкова разнаго времени и снимковъ съ его подписей и печатнаго текста пѣсенника», CXXXIV, декабрь, 1163—1165.

Кобеко, Дмитрій Ѳомичъ. Рецензія П. Майкова: «Сборникъ статей въ честь Дмитрія Ѳомича Кобеко. Спб. 1913. Съ приложеніемъ портрета г. Кобеко и многими фототипіями, въ томъ числѣ съ грамоты царя Бориса къ императору Рудольфу II 1602 г.», CXXXIII, августъ, 674—677.

Кобыла (Камбила), Андрей Ивановичъ, родоначальникъ Дома Романовыхъ.—О немъ въ статьѣ Б. Б. Глинскаго: «Россія подъ скипетромъ Дома Романовыхъ», CXXXI, январь, XVII—XIX.

Ковалевскій, М. М. Рецензія В. Мар—скаго о книгѣ: «Общество славянскаго научнаго единенія. Славянскій вопросъ въ его современномъ значеніи. (Рѣчи и статьи члена государственной думы А. М. Александрова, академика В. М. Бехтерева, профессора М. М. Ковалевскаго, Янко Лаврина, профессора П. А. Лаврова, Д. М. Семиза и профессора М. П. Чубинскаго). Спб. 1913», CXXXIII, августъ, 700—701.

Ковалевскій, П., профессоръ. Рецензія Масляненка о книгѣ его: «Петръ Великій», CXXXIV, октябрь, 338.

Коганъ Его статья: «Кончина императора Александра II (разсказъ фельдшера), CXXXI. январь, 133—135.

Библиотека "Руниверс"

Козель, графиня, фаворитка польскаго короля Августа II. Въ замѣткѣ: «Нѣмецкая Монтеспанъ», CXXXIII, іюль, 358—362.

Козлова, Н. В. Статья ея: «Подъ военной грозой» (Воспоминанія сестры-волонтерки)., CXXXIV, ноябрь, 533—562; декабрь, 943—974.

Козловскій, дрогичинскій городской голова во время польскаго мятежа, по поводу курьезнаго акта о введеніи во время мятежа особаго управленія въ Дрогичинѣ, CXXXII, май, 564—565.

Козловъ, Пахомъ, крѣпостной актеръ графа С. М. Каменскаго, CXXXIII, сентябрь, 976.

Козыревъ, Н. Г. Статья его: «Отрывки воспоминаній о Н. С. Ганецкомъ»,CXXXI, февраль, 506—510.

Коковцевъ, П. К., академикъ-профессоръ, по поводу новаго историческаго документа о князѣ Олегѣ, CXXXI, январь, 311.

Кокосовъ, В. Его статья: «Картофельный бунтъ». (Разсказъ покойной матери), CXXXII, май, 600—608.

Колесниковъ, Силуанъ, глава екатеринославскихъ духоборовъ, CXXXII, апрѣль, 47.

Колодѣевъ, И. Х., помѣщикъ Минской губ., по поводу цѣннаго пожертвованія его музею 1812 г., CXXXIII, сентябрь, 1139.

Колпаковскій, Г. А., семирѣченскій губернаторъ, CXXXIII, сентябрь, 806—807.

Колубовскій, Яковъ Николаевичъ, по поводу предсѣдательства его въ собраніи членовъ кассы литераторовъ и ученыхъ, CXXXIV, декабрь, 1195—1196.

Кольбъ, Е. Ея статья: «Изъ мемуаровъ графа Ржевускаго», CXXXI, мартъ, 879—887.

Комаровскій, Николай Егоровичъ, графъ. Рецензія П. Майкова о книгѣ его: «Записки графа Николая Егоровича Комаровскаго. Изданіе общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III. Москва. 1912», CXXXIII, іюль, 310—311.

Комаровъ, Виссаріонъ Виссаріоновичъ, бывшій начальникъ штаба сербской арміи, редакторъ газеты «Свѣтъ», по поводу пріема имъ французскаго поэта Поля Деруледа, CXXXIV, декабрь, 924—926.

Кондратьевъ, Алексѣй Михайловичъ, одинъ изъ старѣйшихъ членовъ артистической корпораціи Московскаго Малаго театра, собиратель коллекціи театральныхъ реликвій. Некрологъ его, CXXXIII, августъ, 745—746.

Кони, Анатолій Ѳедоровичъ, сенаторъ, почетный академикъ, въ статьѣ А. Н. Витмеръ: «Художникъ слова и пера» (бѣглыя замѣтки и отрывочныя воспоминанія, вызванныя вторымъ томомъ: «На жизненномъ пути» А. Ѳ. Кони), CXXXIII, августъ, 566—579.—О немъ, CXXXIII, сентябрь, 864.

Конради, В. Рецензія П. Б. о книгѣ его: «Книга о святомъ Францискѣ. Спб. 1912», CXXXIII, іюль, 335.

Константинъ, императоръ византійскій. О немъ въ замѣткѣ: «Судьбы Константинополя», CXXXI, январь, 291—295.

Константинъ Константиновичъ, великій князь, поэтъ, предсѣдатель археологическаго общества, по поводу годового общаго собранія этого общества, CXXXII, май, 733. По поводу перевода «Гамлета» CXXXIV, ноябрь, 513—515.

Константинъ Николаевичъ, великій князь, по поводу похищенія его часовъ, CXXXIII, августъ, 465—468.

Копке, А. Д., написавшій изслѣдованіе о поцѣлуѣ, CXXXI, мартъ, 1079.

Корево, Н. Н. Рецензіи П. Майкова 1) о книгѣ его: «Общее уложеніе Финляндіи 1734 года съ дополнительными къ нему узаконеніями и указателями въ трехъ томахъ. Спб. 1912», CXXXII, апрѣль, 311—313.—2) о книгѣ его: «Сеймовый уставъ для великаго княжества Финляндскаго, высочайше утвержденный 28-го іюля 1906 года, съ мотивами по журналу высочайше утвержденнаго особаго совѣщанія для разсмотрѣнія проекта высочайшаго предложенія земскимъ чинамъ Финляндіи о новомъ сеймовомъ уставѣ, съ приложеніемъ и указателями. Спб. 1913», CXXXIV, октябрь, 352—353.

Коринфскій, Аполлонъ Аполлоновичъ. Рецензія А. Фаресова о книгѣ его: «Поздніе огни. Спб. 1912», CXXXI, январь, 256—257.

Корнель, Пьеръ, знаменитый французскій писатель, по поводу покупки дома, гдѣ онъ родился, CXXXI, январь, 302

Корольковъ, сыръ-дарьинскій военный губернаторъ, по поводу андижанскаго бунта туземцевъ, CXXXIV, декабрь, 863, 885.

Корольковъ, К. Н., священникъ, по поводу присужденія преміи имени графа С. А. Строганова за сочиненіе: «Отечественная война», CXXXII, май, 741.

Корфъ, Павелъ Леопольдовичъ, баронъ, членъ государственнаго совѣта, бывшій петербургскій городской голова. Некрологъ его: CXXXII, май, 745—747.

Библиотека "Руниверс"

Коршъ, Е. В., адвокатъ, журналистъ. Рецензія его: «Инженеръ В. Фельдтъ. Военно-желѣзнодорожное дѣло. (Исторія и администрація). Ковель. 1912», CXXXI, мартъ, 1057—1058.—Некрологъ его: CXXXII, май, 747.—Его статья: «Брызги памяти», CXXXII, іюнь, 872—890.

Коршъ, Ѳедоръ Евгеньевичъ, русскій языковѣдъ, по поводу его юбилея, CXXXII, іюнь, 1107.

Косачъ-Квитка, Ларисса Петровна (см. Леся Украинка) поэтесса-украинка. Некрологъ ея: CXXXIII, сентябрь, 1149—1150.

Костомаровъ, Всеволодъ Дмитріевичъ, писатель, въ статьѣ М. В. Клочкова: «Процессъ Н. Г. Чернышевскаго», CXXXIII, сентябрь, 890, 895—919.—О немъ: CXXXIV, октябрь, 157.

Котляревскій, Н. А., академикъ. 1) О немъ въ замѣткѣ: «Торжественное собраніе академіи наукъ», CXXXI, февраль, 713—716.—2) его мнѣніе о сочиненіи князя В. Ѳ. Одоевскаго: «Русскія ночи», CXXXIII, іюль, 220.—3) рецензія Вл. Кн. о книгѣ его: «Литературныя направленія Александровской эпохи. Пособія для приступающихъ къ изученію русской изящной словесности XIX вѣка. Второе, переработанное изданіе. Спб. 1913», CXXXIII, іюль, 328—329.—4) Рецензія Вл. Кн. о составленной при его участіи книгѣ: «Исторія западной литературы (1800—1910 г.г.), подъ редакціей профессора Ѳ. Д. Батюшкова, при ближайшемъ участіи проф. Ѳ. А. Брауна, академика Н. А. Котляревскаго, проф. Д. К. Петрова, приватъ-доцента Е. В. Аничкова и приватъ-доцента К. Ѳ. Тіандера. Изданіе т-ва «Міръ». Москва. т. I, вып. 1, 2 и 3, CXXXIV, октябрь, 361—362.—

Котляревскій, С. А., Профессоръ. Рецензія Пант. о составленной имъ и друг. книгѣ: «Древній міръ и средніе вѣка. Историческіе очерки. Составили И. Н. Бороздинъ, проф. С. А. Котляревскій, В. В. Филатовъ, А. Г. Штейгеръ и М. А. Эртель. Съ рисунками въ текстѣ. Изданіе второе, исправленное и дополненное. М. 1913», CXXXIII, августъ, 692—693.

Котони, Антоніо, знаменитый итальянскій баритонъ, CXXXIV, октябрь, 94, 96, 97.

Котурницкій, П. В., заслуженный профессоръ петербургскаго технологическаго института, бывшій редакторъ «Вѣстника Общества Технологовъ».—Некрологъ его: CXXXIII, августъ, 746—747.

Кравченко, пѣвецъ, крѣпостной актеръ графа С. М. Каменскаго, купленный имъ за баснословно дорогую цѣну, CXXXIII, сентябрь, 970—976.

Красинскій, Сигизмундъ, польскій поэтъ. О немъ въ замѣткѣ: «Сигизмундъ Красинскій», CXXXII, май, 727—728.

Красноженъ, М., профессоръ. Рецензіи его: 1) А. И. Алмазовъ. Проклятіе преступника псалмами. Одесса 1912», CXXXI, январь, 259—261.—2) «С. П. Сахаровъ. О предсоборномъ присутствіи. Труды 2, 3 и 4 отдѣловъ предсоборнаго присутствія. 1906 г. Витебскъ. 1912», CXXXII, іюнь, 1055—1057. 3) «Вопросы педагогики. № 1. Подъ редакціей профессора Е. А. Боброва. Варшава. 1912, три приложенія», CXXXIV, октябрь, 367—368.

Красовицкій, П. М. Рецензія Д. Бочкова о книгѣ его: «Генералъ-майоръ Яковъ Петровичъ Кульневъ и бой подъ Клястицами. Изданіе витебскаго реальнаго училища. Витебскъ. 1912», CXXXI, мартъ, 1029—1030.

Крашевскій, Іосифъ-Игнатій, польскій романистъ, по поводу его юбилея, CXXXI, февраль, 704.

Кремансъ, мятежный туккумскій городской голова во время туккумской революціи, CXXXI, мартъ, 939.

Кречетовичъ, И. Н. премированный академіей наукъ за сочиненіе «Крестьянская реформа въ Оренбургскомъ краѣ», CXXXI, февраль, 715.

Кривенко, В. С. Его статья: «Вокругъ Стараго Свѣта», CXXXIV, октябрь, 270—284.

Кривенко, Иларіонъ Васильевичъ, журналистъ, сотрудникъ «Новаго Времени».—Некрологъ его: CXXXIV, декабрь, 1206—1207.

Криксинъ, В. С. Рецензія П. Майкова о книгѣ его: «Нѣсколько словъ о дневникѣ Сестренцевича, перваго митрополита всѣхъ римско-католическихъ церквей въ Россіи. Спб. 1913», CXXXII, іюнь, 1043—1046.

Круазе, Морисъ, членъ парижскаго института, по поводу его лекцій о религіи грековъ въ поэмахъ Гомера, CXXXI, мартъ, 1059—1065.

Крыжановская (Рочестеръ), В. И. Рецензія Н. Лендера о книгѣ ея: «Полное собраніе сочиненій. Спб. 1913», CXXXI, мартъ, 1048—1049.

Крыжановскій, оренбургскій генералъ-губернаторъ, генералъ - адъютантъ, CXXXIII, сентябрь, 796—798—804.

Крыжицкій, К. Я., академикъ живописи, по поводу освященія памятника ему, CXXXI, январь, 310—311.

Крюковъ, Н. И., премированный академіей наукъ за сочиненіе «Аргентина».

Библиотека "Руниверс"

Сельское хозяйство въ Аргентинѣ въ связи съ общимъ развитіемъ страны, CXXXI, февраль, 715.

Ксенія Ивановна Романова (великая старица Марѳа), мать царя Михаила Ѳедоровича, CXXXI, январь, XIV.

Куатизоль, А., нѣмецкій писатель, по поводу характеристики имъ современной нѣмецкой женщины, CXXXI, январь 300.

Кувакдинъ, Василій Васильевичъ, прозекторъ Московскаго университета. Некрологъ его: CXXXI, мартъ, 1093.

Кудринскій, Михаилъ Андреевичъ, врачъ, писатель. Некрологъ его: CXXXIII августъ, 747—748.

Кудринскій, Ѳ. А. Рецензія Д. Бочкова 1) о книгѣ его: «Вильна въ 1812 году. Изданіе управленія виленскаго учебнаго округа въ память столѣтней годовщины Отечественной войны. Вильна» 1912», CXXXI, мартъ, 1029 — 1030. — 2) о книгѣ его: «Курсъ новой русской литературы въ огранически-конспективномъ видѣ. Выпускъ I. Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Лермонтовъ, Гоголь, Кольцовъ. Вильна. 1913. Выпускъ II. Бѣлинскій Тургеневъ, Достоевскій, Некрасовъ, А. Толстой, Островскій, Гончаровъ и Л. Толстой. Вильна. 1912», CXXXIII, сентябрь, 1090—1092.

Кудринъ, В. С., главный медицинскій инспекторъ флота, CXXXIII, іюль, 94.

Кудринъ, Иванъ Ивановичъ, художникъ - мозаичистъ. Некрологъ его: CXXXII, іюнь, 1110—1111.

Кудряшевъ. Рецензія его: «Очерки и рѣчи В. Ключевскаго. Второй сборникъ статей. Москва. 1913», «Исторія сословій въ Россіи. В. Ключевскаго». Москва. 1913», CXXXIV, декабрь, 1151—1155.

Кудряшевъ. Рецензія его: «Проф. Д. И. Багалѣй. Очерки изъ русской исторіи. Т. 2-ой. Монографіи и статьи по исторіи Слободской Украйны. Харьковъ. 1913», CXXXII, апрѣль, 309—310.

Кудряшевъ, К. Рецензія его: «Проф. Н. Ѳ. Каптеревъ. Патріархъ Никонъ и его противники въ дѣлѣ исправленія церковныхъ обрядовъ. Время патріаршества Іосифа. Изданіе 2-ое. М. С. Елова. Сергіевъ посадъ. 1913», CXXXI, февраль, 643—646.

Кузнецовъ, В. Рецензія его: «Министерство внутреннихъ дѣлъ. Управленіе сельской продовольственной части.— Отчетъ по продовольственной кампаніи 1911—1912 г.г. Книги I и II. Спб. 1913», CXXXIV, декабрь, 1168—1170.

Кузнецовъ, В. К. Рецензія Б. Б. о книгѣ его: «Сборникъ статистическихъ свѣдѣній объ экономическомъ положеніи переселенцевъ въ Сибири. Западная Сибирь. Степь. Лѣсостепь. Урманъ. Восточная Сибирь. Степь. Лѣсостепь. Тайга. Матеріалы по обслѣдованію типичныхъ переселенческихъ поселковъ, собранные и разработанные подъ руководствомъ и редакціей В. К. Кузнецова. Выпускъ первый. Текстъ составилъ В. К. Кузнецовъ. Спб. 1912. Съ приложеніемъ картъ обслѣдованныхъ уѣздовъ. Выпуски II—IV—таблицы. Спб. 1912. Изданіе переселенческаго управленія», CXXXII, апрѣль, 331—333.

Кузнецовъ, Михаилъ Михайловичъ, ординарный профессоръ по каѳедрѣ факультетской хирургической клиники. Некрологъ его: CXXXIII, августъ, 748.

Кузнецовъ, Степанъ Кировичъ, этнографъ. Некрологъ. его: CXXXIII, сентябрь, 1145—1146.

Кузьменко, Іосифъ Емельяновичъ, педагогъ, бывшій помощникъ инспектора студентовъ императорскаго петербургскаго университета, литераторъ. Некрологъ его: CXXXIII, августъ, 748.

Кузьминскій, К. Рецензіи Г. Полилова: 1) о книгѣ его: «Болгарскій сборникъ. Очеркъ развитія новой болгарской литературы. Народныя пѣсни, стихотворенія, повѣсти, разсказы. Москва»., CXXXII., май, 683.—2) о книгѣ его: «Художникъ-иллюстраторъ А. А. Агинъ, его жизнь и творчество. Съ 45 иллюстраціями въ текстѣ, составилъ Константинъ Кузьминскій. М.», CXXXIII, іюль, 332.

Кузьминъ, прапорщикъ запаса, президентъ «красноярской республики», въ статьѣ Н. Томскаго: «Красноярская республика (матеріалы къ исторіи освободительнаго движенія), CXXXIV, ноябрь, 617—623.

Кузьминъ, Ефимъ Ивановичъ, генералъ, CXXXIII, сентябрь, 861, 862.

Кульневъ, Яковъ Петровичъ, генералъ-майоръ, о немъ въ рецензированной Д. Бочковымъ книгѣ: «П. М. Красовицкій. Генералъ-майоръ Яковъ Петровичъ Кульневъ и бой подъ Клястицами. Изданіе витебскаго реальнаго училища. Витебскъ. 1912», CXXXI, мартъ, 1029—1030.

Кумберлэндскій, герцогъ, Эрнестъ-Августъ, по поводу брака его съ дочерью германскаго императора принцессою Луизою, CXXXIII, августъ, 737—738.

Куперникъ, Л. А., провинціальный адвокатъ-журналистъ, CXXXIII, іюль, 104—107.

Курбатовъ, В. Рецензія Г. о книгѣ его: «Петербургъ. Художественно-историческій очеркъ и обзоръ художественнаго

Библиотека "Руниверс"

богатства столицы. Съ 315 иллюстраціями. Книжныя украшенія А. П. Остроумовой-Лебедевой. Изданіе общины св. Евгеніи. Спб. 1913», CXXXIV, декабрь, 1157.

Курилова, Акулина Васильевна, актриса въ театрѣ графа С. М. Каменскаго въ Орлѣ, фаворитка, впослѣдствіи жена графа, CXXXIII, сентябрь, 967—968.

Куропаткинъ, Алексѣй Николаевичъ, туркестанскій генералъ - губернаторъ, CXXXVI, ноябрь, 645—467, декабрь, 830—832.

Кутайсовъ, Павелъ Ипполитовичъ, графъ, членъ совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ, по поводу голода въ Тобольской губ. 1891 г., CXXXIII, августъ, 540—543.

Кутейниковъ, Н. С. Рецензія Д. Масляненка о переведенной имъ книгѣ: «Евгеній Мюллеръ. Юность знаменитыхъ людей. Переводъ съ французскаго съ дополненіями для русскаго юношества Н. С. Кутейникова. Съ рисунками художника Эмиля Баяра. Изданіе второе, т-ва М. О. Вольфъ. Спб. 1913», CXXXIII, іюль, 333—334.

Кутлеръ, Н. Н., министръ земледѣлія и государственныхъ имуществъ. (По поводу его аграрнаго проекта), CXXXI, январь, 138.

Л

Л. Н. Рецензіи его: 1) «Современная война». Ф. фонъ-Бернгарди. Перев. съ нѣмецкаго г.г. Адариди и Лазаревича. Спб. 1912. Т. I. Т. II». XXXXI, январь, 240—242. 2) о книгѣ: «Горе отъ ума». Комедія А. С. Грибоѣдова. Текстъ Жандровской рукописи. Редакція, введеніе и примѣчаніе Н. К. Пиксанова. Изданіе Л. Э. Бухгеймъ. Москва. 1912, CXXXI, январь, 248—249. Замѣтка къ ней приватъ-доцента .Спб. университета Н. Пиксанова: «По поводу рецензіи на изданіе жандровской рукописи «Горе отъ ума». CXXXI, февраль, 734—736. Замѣтка Н. Л. на эту замѣтку: «О жандровской рукописи «Горя отъ ума» (отвѣтъ рецензента). CXXXII, апрѣль, 382—383. Замѣтка къ ней Н. Пиксанова: «Еще о жандровской рукописи». CXXXII, май, 751. 3) «Баронъ А. И. Дельвигъ «Мои воспоминанія». Изданіе московскаго публичнаго и Румянцовскаго музеевъ. М. 1912». CXXXI, мартъ, 1047—1048.

Лавернь, Луи-Франсуа, полковникъ французской службы въ революціонную эпоху. О немъ по поводу его казни въ замѣткѣ: «Эпизодъ изъ эпохи французской революціи». CXXXII, май, 699—705.

Лависсъ, Эрнестъ, французскій профессоръ и историкъ. (По поводу его юбилея). CXXXI, февраль, 704—705.

Лавринъ, Янко. Рецензія В. Мар—скаго о книгѣ: «Общество славянскаго научнаго единенія. Славянскій вопросъ въ его современномъ значеніи. (Рѣчи и статьи члена государственной думы А. М. Александрова, академика В. М. Бехтерева, проф. М. М. Ковалевскаго, Янко Лаврина, проф. П. А. Лаврова, Д. И. Семиза и проф. М. П. Чубинскаго). Спб. 1913», CXXXIII, августъ, 700—701.

Лавровъ, П. А. Рецензія В. Мар—скаго о книгѣ: «Общество славянскаго научнаго единенія. Славянскій вопросъ въ его современномъ значеніи. (Рѣчи и статьи члена государственной думы А. М. Александрова, академика В. М. Бехтерева, проф. М. М. Ковалевскаго, Янко Лаврина, проф. П. А. Лаврова, Д. И. Семиза проф. М. П. Чубинскаго). Спб. 1913». CXXXIII, августъ, 700—701.

Лазаревичъ. Рецензія Л. Н. о переведенной имъ совмѣстно съ Адариди книгѣ: «Современная война». Ф. фонъ-Бернгарди. 1912. Т. I. Т. II», CXXXI, январь, 420—242.

Ламанскій, В. И. славистъ, академикъ. По поводу его юбилея, CXXXI, мартъ, 1089. Рецензія В. М. о составленной княземъ В. И. Масальскимъ подъ его и П. П. Семенова-Тянъ-Шанскаго руководствомъ книгѣ: «Россія». Полное географическое описаніе нашего отечества подъ общимъ руководствомъ П. П. Семенова-Тянъ-Шанскаго и В. И. Ламанскаго. Томъ XIX. Туркестанскій край. Изд. Девріена. Спб. 1913». CXXXIV, октябрь, 340—342.

Ламартиньеръ-де, П. М. Рецензія Н. Г. Высоцкаго о книгѣ его: «Путешествіе въ сѣверныя страны (1653 г.). Переводъ и примѣчанія В. Н. Семенковича. Москва. 1912. CXXXIII, іюль, 300—303.

Ламеръ, Г. Рецензія о книгѣ, составленной имъ и І. Гунгеромъ: «Культура древняго Востока въ картинахъ. 199 рис. на мѣловой бумагѣ и 68 стр. объяснительнаго текста. Пер. съ нѣм. подъ ред. М. С. Сергѣева. Изд. «Фаросъ». Москва. 1913», CXXXIV, декабрь, 1175.

Ламетъ, Теодоръ, авторъ мемуаровъ о французской революціи, въ замѣткѣ: «Приключенія одного изъ роялистовъ», CXXXIII, августъ, 730—733.

Ланге, Иванъ Николаевичъ, директоръ варшавскаго ветеринарнаго института, писатель. Некрологъ его: CXXXI, февраль, 729.

Лаппо, И. И., награжденный уваровской преміей за сочиненіе «Великое кня-

Библиотека "Руниверс"

жество Литовское во второй половинѣ XVI-го столѣтія», CXXXI, февраль, 715.

Ласкеръ, еврей, прусскій депутатъ, соціалистъ. CXXXI, февраль, 397.

Лебедевъ, Д. К. Рецензія Л. Н. о переведенной имъ книгѣ: «Иммануэль, майоръ германской службы. Балканская война 1912 года. Выпускъ I.—Событія до войны.—Вооруженныя силы сторонъ.—Обзоръ театра военныхъ дѣйствій. Перевод съ нѣм. Спб. 1913.», CXXXIII, сентябрь, 1085—1087.

Левашевъ, В. В., графъ, одесскій градоначальникъ, по поводу высочайшаго выговора ему. CXXXIII, августъ, 469—470.

Левдикъ, Павелъ Филипповичъ, журналистъ, редакторъ «Биржевыхъ Извѣстій». Некрологъ его: CXXXIV, ноябрь, 793.

Левинъ, Эммануилъ Борисовичъ, еврейскій писатель и общественный дѣятель. Некрологъ его: CXXXIV, ноябрь, 793—974.

Левитанъ, Исаакъ Ильичъ, художникъ. О немъ въ рецензіи Я—ъ о книгѣ: «Игорь Грабарь. Русскіе художники. Собраніе иллюстрированныхъ монографій. Выпускъ II. Сергѣй Глаголь и Игорь Грабарь. Исаакъ Ильичъ Левитанъ. Жизнь и творчество. М. Изданіе Г. Кнебель. 1913». CXXXIV, ноябрь, 734.

Левицкій, Казиміръ Васильевичъ, генералъ, помощникъ начальника штаба арміи, дѣйствовавшей противъ турокъ. CXXXIII, май, 491—498.

Легаръ, иностранецъ, авторъ описанія своего путешествія по Сибирскому пути.—О немъ въ замѣткѣ: «Отзывъ иностранца о Сибирскомъ пути», CXXXI, январь, 285—288.

Лейтцманъ, Альбертъ, авторъ статьи о литературномъ воспитаніи Бетховена, CXXXII, іюнь, 1100—1101.

Лекуврёръ, Адріенна, французская актриса. (По поводу ея смерти). CXXXI, февраль, 705—706.

Лейхтенбергскій, Георгій Николаевичъ, герцогъ, предсѣдатель общества ревнителей исторіи. По поводу засѣданія общества, посвященнаго Отечественной войнѣ. CXXXI, январь, 310.

Лейхтенбергскій, Евгеній Максиміановичъ, герцогъ.—О немъ въ статьѣ: И. И. Чайковскаго «Эпизоды изъ моей жизни» (по поводу разжалованія герцога въ солдаты), CXXXI, февраль, 496—499.

Леманъ, Анатолій Ивановичъ, музыкальный писатель и беллетристъ. Некрологъ его: CXXXIV, октябрь, 413—414.

Лемке, М. К., писатель, 1) по поводу его работы о процессѣ Н. Г. Чернышевскаго), CXXXIII, сентябрь, 890, 900, 907, 2) Рецензія Вл. ф. Штейна о редактированной имъ книгѣ: «М. М. Стасюлевичъ и его современники въ ихъ перепискѣ. Подъ редакціей М. К. Лемке. Т. IV. Спб. 1912. Съ 3 порт.», CXXXIV, ноябрь, 721—725.

Лемэтръ, Жюль, французскій писатель, CXXXI, февраль, 678—680.

Лендеръ, Н. Рецензія его: «В. И. Крыжановская (Рочестеръ). Полное собраніе сочиненій. Спб. 1913», CXXXI, мартъ, 1048—1049.

Ленорманъ, извѣстная гадалка, (по поводу ея предсказанія Вильгельму I, германскому императору), CXXXI, мартъ 1080.

Ленотръ, французскій историкъ, авторъ этюда о дѣятелѣ якобинскаго клуба Габріэлѣ Букье.—О немъ 1) въ замѣткѣ «Одинъ изъ якобинцевъ въ старости», CXXXI, февраль, 696—699. 2) Въ замѣткѣ: «Французское духовенство во времена революціи», CXXXII, апрѣль, 355—357.

Леонидовъ (Гуляевъ), Л. И., опереточный артистъ и талантливый поэтъ, CXXXI, январь, 172.

Леонова, Дарья Михайловна, знаменитая пѣвица, CXXXIV, декабрь, 935—936.

Леонтьевъ-Щегловъ, Иванъ Леонтьевичъ, извѣстный писатель, въ статьѣ Р. К. Устьмедвѣдицкаго: «Подвижникъ слова» (воспоминанія объ Иванѣ Леонтьевичѣ Леонтьевѣ-Шегловѣ), CXXXIV, декабрь, 1033—1038.

Лентовскій, Михаилъ Валентиновичъ, знаменитый московской увеселитель.—О немъ въ статьѣ М. В. Шевлякова: «Оригиналы и чудаки», CXXXI, январь, 170—178.

Леп—скій, А. Рецензія его: «А. А. Измайловъ. Разсказы. Изданіе «Шиповникъ». Спб. 1912», CXXXI, январь, 250—252.

Лепешкинъ, Семенъ Васильевичъ, меценатъ-благотворитель. Некрологъ его. CXXXIV, октябрь, 412.

Лесли, И. Его статья: «Пріемъ смоленскимъ дворянствомъ наслѣдника Александра Николаевича», CXXXII, май, 579—585.

Лесовскій, адмиралъ, CXXXI, февраль, 487.

Ливенъ, А. А., свѣтлѣйшій князь, главноуправляющій дѣлами вѣдомства императрицы Маріи, сенаторъ. Некрологъ его: CXXXII, апрѣль, 380—381.

Библиотека "Руниверс"

Липскеровъ, еврей, стенографъ «Московскихъ Вѣдомостей», основатель газеты «Новости дня», CXXXI, мартъ, 853, 854.

Lirondelle, André. Рецензія А. Б. о книгѣ его: «Shakespeare en Russie. 1748—1840. (Etude de litterature comparée). Paris. Hachette. 1912», CXXXII, іюнь, 1082.

Лисицынъ, Михаилъ Михайловичъ, ветеринарный врачъ, публицистъ, сотрудникъ «Новаго Времени». Некрологъ его: CXXXIV, октябрь, 412—413.

Лисовскій, Н. М. Рецензія А. М—на о книгѣ его: «Русская періодическая печать 1703—1900 г.г. (Библіографія и критическія таблицы). Составилъ и издалъ Н. М. Лисовскій. Отдѣлъ I. Библіографія русской періодической печати. Отдѣлъ II. Графическій таблицы русской періодической печати. Вып. III. 1881—1900 г.г. Библіографія, листы 13—24 и предисл. Графическія таблицы, листы 25—48. Спб. 1913», CXXXIII, іюль, 320—321.

Листъ, Францъ, композиторъ.—О немъ въ сатьѣ Манфреда Пинелли: «Исторія великой любви», CXXXI, февраль, 548—553, 554, 555—559.

Литвиновъ, В. В., авторъ изслѣдованія: «Объ участникахъ Отечественной войны и заграничныхъ походовъ 1813—1815 г.г. изъ дворянъ и уроженцевъ Воронежской губ.», CXXXIII, августъ, 553, 556.

Литвинъ, С. Замѣтка его: «По поводу воспоминаній А. И. Соколовой», CXXXII, май, 751—752.

Лихачевъ, Николай Петровичъ, профессоръ, по поводу открытія древней фрески въ Новгородѣ—и мѣръ къ охранѣ Старо-Ладожской крѣпости, CXXXI, январь, 311—312.—Упоминается: CXXXI мартъ, 971, 972.—Рецензія В. Р. о книгѣ его и Н. В. Мятлева: «Тысячная книга 7059 года. (Изъ 3 и 4 выпусковъ «Лѣтописи историко-родословнаго общества въ Москвѣ»). Орелъ. 1911», CXXXIV, октябрь, 344.

Лихачевъ, Я. И.—О немъ въ статьѣ М. В. Шевлякова: «Оригиналы и чудаки», CXXXI, январь, 152—159.

Лишина, Э. О.—Ея: «Воспоминаніе о Д. А. Милютинѣ», CXXXII, апрѣль, 222—223.

Логофетъ, Д. Н. Рецензія В. Бр. о книгѣ его: «Въ горахъ и на равнинахъ Бухары. (Очерки Средней Азіи). Спб. 1913», CXXXIII, августъ, 669—671.

Лонз-де, членъ парижскаго института, авторъ статьи о болгарскимъ легендахъ и обычаяхъ, CXXXI, февраль, 686—690.

Лопато, Т. Его статья: «Воспоминаніе о генералѣ-адъютантѣ Александрѣ Петровичѣ Струковѣ», CXXXIII, іюль, 194—197.

Лопухинъ, И. В. Рецензія Тиры Соколовской о трудахъ его: 1) «Духовный рыцарь», 2) «Нѣкоторыя черты о внутренней церкви». Москва. 1913, CXXXII, май, 671—672.

Лоранскій, Апполонъ Михайловичъ, горный инженеръ, профессоръ, общественный дѣятель, писатель. Некрологъ его: CXXXII, іюнь, 1111.

Лорисъ-Меликовъ, Михаилъ Таріевловичъ, графъ, CXXXI, январь, 123—129, Его борьба съ ветлянской чумой и диктатура, CXXXIII, августъ, 470, 471—473.

Луазо, французскій писатель, по поводу его труда, посвященнаго Гете, CXXXII, апрѣль, 360—361.

Луговой, Ал. Его статья: «Памяти М. Н. Соймонова». (Къ двадцатипятилѣтію его кончины 12 сентября 1888 г.), CXXXIII, сентябрь, 985—997.

Лукашевичъ, О. Д. премированный академіей наукъ за сочиненіе: «Неорганическая жизнь земли», CXXXI, февраль, 715.

Лукинъ, Александръ Петровичъ. (Скромный наблюдатель), фельетонистъ «Русскихъ Вѣдомостей», CXXXI, мартъ, 849.

Лукомскій, Г. К. 1) Рецензія В. Е. Рудакова о книгѣ его: «О древне-русскомъ зодчествѣ Чернигова. Спб. 1912. Его же. Наши архитектурные вандализмы. Исторія рѣшетки Казанскаго собора. Къ юбилею Отечественной войны. Спб. 1912. CXXXIII, іюль, 303—304. 2) Рецензія Д. Бочкова о книгѣ его: «Батуринскій дворецъ, его исторія, разрушеніе и реставрація. Очеркъ. Спб. 1912», CXXXIV, октябрь, 350—351.

Лучинъ, А. П. Рецензія Д. Бочкова о книгѣ его: «1912 годъ. Наполеонъ въ предѣлахъ Могилевской губерніи. Изданіе могилевской мужской гимназіи. Могилевъ. 1912. Съ 3 географическими картами», CXXXI, мартъ, 1029—1030.

Лушковъ I, А. Н., лейтенантъ, по поводу присужденія преміи имени гр. С. А. Строганова его сочиненію: «Геройская гибель броненосца «Князь Суворовъ» 14 мая 1905 г. въ Цусимскомъ бою», CXXXII, май, 741.

Лѣсковъ, Николай Семеновичъ, знаменитый писатель.—О немъ въ статьѣ В. Микуличъ: «Тѣни прошлаго», CCXXXI, февраль, 363, 364, 382, 383. По поводу его кончины, CXXXI, мартъ, 813.

Любавскій, М. К. Рецензіи В. Рудакова: 1) объ изданной подъ его завѣды-

Библиотека "Руниверс"

ваніемъ книгѣ: «Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университѣтѣ. 1912 годъ. Книга вторая. Двѣсти сорокъ первая. М. 1912, CXXXII, апрѣль, 320—322, 2) объ изданной подъ его завѣдываніемъ книгѣ: «Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ при московскомъ университетѣ. 1912 годъ. Книга первая. Двѣсти сороковая. Издана подъ завѣдываніемъ М. К. Любавскаго. М. 1912», CXXXIII, іюль, 336—337.

Любовичъ, Н. Н. проф., по поводу его статьи: «Наполеонъ въ Варшавѣ въ 1812 г.», CXXXII, іюнь, 1075.

Людовикъ XIV, французскій король. Его характеристика въ замѣткѣ: «Людовикъ XIV и женщины», CXXXI, февраль, 681—685. О немъ—1) въ замѣткѣ: «Секретъ Бурбоновъ», CXXXI, февраль, 702—704. 2) въ замѣткѣ: «Людовикъ XVI и гибель монархіи», CXXXII, іюнь, 1092—1095.

Лютостанскій, Ипполитъ, извѣстный переводчикъ талмуда и авторъ трудовъ объ употребленіи христіанской крови евреями», CXXXI, мартъ, 869.

М

М. Рецензія его: «А. И. Добромысловъ. Ташкентъ въ его прошломъ и настоящемъ. Ташкентъ. 1912». Его же: «Города Сыръ-Дарьинской области. Ташкентъ. 1912», CXXXII, іюнь, 1049—1051.

М., А. Рецензія его: «М. К. Соколовскій и князь А. С. Эристовъ. Славное прошлое изюмскихъ гусаръ. Памятка одиннадцатаго гусарскаго Изюмскаго его королевскаго высочества принца Генриха Прусскаго полка. Спб. 1912», CXXXIII, августъ, 701—702.

М—ъ, А. Рецензія его: «Краткій очеркъ римскихъ древностей. Для гимназій, прогимназій и самообученія. Составилъ Н. Санчурскій, бывшій окружн. инспекторъ петерб. учебн. окр., при участіи А. Гофмана и М. Янко—директоровъ петербургскихъ гимназій, П. Барсова, И. Діомидова и І. Сѣдлатаго—инспекторовъ петербургскихъ гимназій, и Э. Кесслера и В. Марданова—преподавателей петербургскихъ гимназій. Изданіе четвертое, пересмотрѣнное. Спб. 1913», CXXXIII, августъ, 691—692.

М—нъ, А. Рецензіи его: 1) «А. В. Амфитеатровъ. Собраніе сочиненій. Звѣрь изъ бездны. Т. III. Цезарь-артистъ. Спб. 1913», CXXXII, іюнь, 1062—1064. 2) «Русская періодическая печать 1703—1900 гг. (Библіографія и критическія таблицы). Составилъ и издалъ Н. М. Лисовскій. Отдѣлъ I. Библіографія русской періодической печати. Отдѣлъ II. Графическія таблицы русской періодической печати. Вып. III. 1881—1900 гг. Библіографія, листы 13—24 и предисловіе. Графическія таблицы, листы 25—48. Спб. 1913», CXXXIII, іюль, 320—321. 3) «Изъ митавской старины. Вып. I., къ 100-лѣтнему юбилею Отечественной войны. Враги въ Курляндіи. (1812 г.). Изданіе второе. Митава. 1912», CXXXIII, іюль, 339. 4) «Riga vor Hundert Iahren. Рига. 1912», CXXXIII, августъ, 704. 5) «Вѣкъ Возрожденія». Историческія сцены графа Гобино. Переводъ съ французскаго Н. Горбова. М. 1913», CXXXIV, ноябрь, 744—745. 6) «Гастонъ Буассье. Картины римской жизни временъ Цезарей. Переводъ съ шестого французскаго изданія Н. Н. Спиридонова. Изданіе книжнаго магазина К. Н. Николаева. М. 1913», CXXXIV, ноябрь, 747. 7) «Теодоръ Гомперцъ. Греческіе мыслители. Переводъ съ нѣмецкаго Д. Жуковскаго. Т. II. 1913. Изданіе Д. Е. Жуковскаго. Спб.», CXXXIV, декабрь, 1159—1160.

М., А. І. Рецензія его: «Памятка петербургскаго сиротскаго института императора Николая I. 1873 г. LXXV—1912 г. Изданіе общества вспомоществованія бывшимъ воспитанницамъ петербургскаго сиротскаго института императора Николая I. Спб. 1913». Со многими портретами и рисунками въ текстѣ и на отдѣльныхъ листахъ», CXXXIV, ноябрь, 734—735.

М., В. Рецензіи его: 1) «Россія». Полное географическое описаніе нашего отечества, подъ общимъ руководствомъ П. П. Семенова-Тянъ-Шанскаго и В. И. Ламанскаго. Т. XIX. Туркестанскій край. Изданіе Девріена. Спб. 1913. Составилъ князь В. И. Масальскій», CXXXIV, октябрь, 340—342. 2) «Цвѣтковъ, Исламизмъ. Томъ I. Мухамедъ и коранъ, Асхабадъ. 1912. Томъ II. Вѣра ислама. Асхабадъ. 1913», CXXXIV, октябрь, 358—361 3) «Протоколы засѣданій и сообщенія членовъ туркестанскаго кружка любителей археологіи (11-го декабря 1912—1-го апрѣля 1913 г.). Ташкентъ. 1913», CXXXIV, ноябрь, 741—742.

М., Д. Рецензіи его: «1) Б. Б. Глинскій. Среди литераторовъ и ученыхъ. Біографіи, характеристики, некрологи, воспоминанія, встрѣчи. Съ 31 портретомъ. Спб. 1914», CXXXIV, ноябрь, 729—730. 2) «В. Верхоланцевъ. Городъ Пермь, его прошлое и настоящее». Краткій историко-

Библиотека "Руниверс"

статистическій очеркъ). Пермь. 1913». CXXXIII, сентябрь, 1083—1084. 3) «А. Г. Нетискусъ. Олимпъ. Миѳологія грековъ и римлянъ. Третье русское изданіе, переработанное (по 21-му нѣмецкому изданію) подъ редакціей К. А. Тюлеліева. Съ рисунками въ текстѣ и на отдѣльныхъ листахъ. 1913», CXXXIII, августъ, 702.

М., М. М. Рецензія его: «Очеркъ развитія народной школы въ Костромской губерніи. Кострома. 1913», CXXXIV, ноябрь, 740—741.

М., П. Рецензія его: «Le comptе Rostopchine et son temps. Par madame Narichkine, nee comptesse Rostopchine. St.-Petersbourg. 1912», CXXXII, май, 661.

М—ловъ. Рецензія его: «Опись документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ святѣйшаго правительствующаго синода, съ указателями къ ней. Дѣла комиссіи духовныхъ училищъ. 1808—1839 гг.» Спб. 1910», CXXXI, январь, 233—234.

Магометъ-Хальфа, мулла, фанатикъ, вызвавшій андижанскій бунтъ туземцевъ. CXXXIV, декабрь, 862—863.

Мазини, Анжело, «король теноровъ», CXXXIV, октябрь, 99—107.

Майковъ, Петръ Мих. Рецензіи его: 1) «М. Бородкинъ. Исторія ипляндіи. Время Екатерины II и Павла I. Съ портрет , иллюстр., планами и картой 1789 г. Спб. 1912», CXXXI, январь, 224—229. 2) «Справочная книжка для ходоковъ и переселенцевъ. (Переселеніе за Уралъ). Изданіе переселенческаго управленія. Спб. 1912», CXXXI, январь, 275—276. 3) «Царственный мистикъ (императоръ Александръ I—Ѳедоръ Кузьмичъ), соч. князя В. В. Барятинскаго. Изданіе книгоиздательства «Прометей». Н. Н. Михайлова. Спб. 1912», CXXXI, февраль, 651—652. 4) «Военно-Историческій Вѣстникъ, издаваемый при кіевскомъ отдѣлѣ императорскаго русскаго военнаго историческаго общества. 1912 г. Книжки первая и вторая. Кіевъ», CXXXI, февраль, 656—658. 5) «Графиня Л. Ростопчина. Семейная хроника (1812 г.). Съ 8 иллюстраціями. Перевелъ Л. Ф. Гретманъ. Спб.» «Les Rostoptchine chroniques de famille—par la comtesse Lydie Rostoptchine. Paris. Librairie Felix Juven», CXXXI, мартъ, 1023—1025. 6) «Общее уложеніе Финляндіи 1734 года съ дополнительными къ нему узаконеніями и указателями въ трехъ томахъ. Составилъ Н. Н. Корево. Спб. 1912», CXXXII, апрѣль, 311—313. 7) «Петербургское ополченіе 1812 года. Матеріалы для исторіи дворянства Петербургской губерніи. Составили графъ А. А. Бобринскій и А. Мироновъ. Изданіе петербургскаго дворянства. Т. I. Спб.», CXXXII, май, 668—669. 8) «Старина и Новизна». Историческій сборникъ, издаваемый при обществѣ ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III. Книга XVI. Спб», CXXXII, іюнь, 1043—1046. 9) «В. С. Криксенъ. Нѣсколько словъ и дневникѣ Сестренцевича, перваго митрополитавсѣхъ римско-католическихъ церквей въ Россіи. Спб. 1913», CXXXII, іюнь, 1043—1046. 10) «Записки графа Николая Егоровича Комаровскаго. Изданіе общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III. М. 1912», CXXXIII, іюль, 310—311. 11) «Сборникъ статей въ честь Дмитрія Ѳомича Кобеко. Спб. 1913. Съ прилож. портрета г. Кобеко и многими фототипіями, въ томъ числѣ съ грамоты царя Бориса къ императору Рудольфу II 1602 г.», CXXXIII, августъ, 674—677. 12) «Переселеніе и землеустройство за Ураломъ въ 1906—1910 гг. и отчетъ по переселенію и землеустройству за 1910 г. Изданіе переселенческаго управленія. Со многими геліогравюрами и съ 10 географическими картами. Спб», CXXXIII, августъ, 696—699. 13) «Департаментъ окладныхъ сборовъ. 1863—1913 гг. Спб. 1913 г. Съ 15 таблицами и 11 діограммами поступленія и распредѣленія различныхъ податей и налоговъ. In. 4, CXXXIII, сентябрь, 1079—1082. 14) «Сеймовый уставъ для великаго княжества Финляндскаго, высочайше утвержденный 28-го іюля 1906 года, съ мотивами по журналу высочайше утвержденнаго очерка совѣщанія для разлмотрѣнія проекта высочайшаго предложенія земскимъ чинамъ Финляндіи о новомъ сеймовомъ уставѣ, съ приложеніемъ и указателями. Составилъ Н. Корево. Спб. 1913», CXXXIV, окт., 352—353. 15) «Изнанка финляндской культуры. Финляндская печать о финляндцахъ. Матеріалы для обзора финляндскихъ нравовъ, соч. Николая Вальтера. Спб. 1913», CXXXIV, ноябрь, 718—719.

Макаровъ, Степанъ Осиповичъ, адмиралъ, по поводу открытія ему памятника въ Кронштадтѣ, CXXXIII, сентябрь, 1134—1136.—О немъ въ рецензированной И. Гурвичемъ книгѣ: «Вл. Семеновъ. Адмиралъ Степанъ Осиповичъ Макаровъ. Съ портретомъ адмирала С. О. Макарова. Посмертное изданіе. Изданіе т-ва М. В. Вольфъ. Спб. 1913», CXXXIII, сентябрь, 1084—1085.

Маклаковъ, Н. А., министръ внутреннихъ дѣлъ, по поводу юбилея централь-

Библиотека "Руниверс"

наго статистическаго комитета. CXXXII, іюнь, 1105, 1106.

Максутовъ, князь, послѣдній русскій губернаторъ Аляски, CXXXI, мартъ, 1072.

Макѣевъ, А. М., профессоръ-акушеръ. Некрологъ его: CXXXII, май, 747.

Малеванный, Кондратій, основатель секты «малеванщина». О немъ въ статьѣ А. Ющенко: «Кондратій Малеванный», CXXXII, апрѣль, 237—242.

Малеинъ, Александръ Іустиновичъ: 1) Рецензія В. Е. Рудакова о книгѣ его: «Карлъ Карловичъ Герцъ (1820—1883 гг.). Біографическій очеркъ. Съ портретомъ и двумя приложеніями. Изданіе императорской академіи наукъ на средства капитала имени проф. К. К. Герца. Спб. 1912», CXXXI, мартъ, 1036—1037. 2) Рецензія о книгѣ, составленной имъ и Ст. Гинтовтомъ: «Титъ Ливій. Вторая Пуническая война. Спб. 1914», CXXXIV, ноябрь, 750. 3) Рецензія о редактированной имъ книгѣ: «Труды петербургскаго философскаго общества. Вып. IX. Секстъ Эмпирикъ. Три книги Пирроновыхъ положеній. Пер. съ греческаго, предисловіе и примѣчанія Н. В. Брюлловой-Шаскольской. Спб. 1913», CXXXIV, декабрь, 1175.

Малицкій, Н. В. Рецензія В. Рудакова о книгѣ его: «Исторія переславской епархіи (1744—1788 гг.). Вып. I. Владиміръ. 1912», CXXXII, май, 669—670.

Малухинъ, И. И. Премированный академіей наукъ за сочиненіе «О лейкоцитозѣ», CXXXI, февраль, 715.

Малыхинъ, В. П. Его статья: «Правда объ И. С. Никитинѣ», CXXXI, мартъ, 896—902.

Мальбергъ, В. К., профессоръ, по поводу двадцатипятилѣтія его ученой дѣятельности, CXXXI, мартъ, 1084—1085.

Мальмгренъ, А. Э. Его статья: «Туркумская революція». (По разсказу очевидца), CXXXI, мартъ, 935—951.—Рецензіи его: 1) «Изъ Митавской старины. Вып. II. Къ 100-лѣтнему юбилею Отечественной войны. Событія въ Курляндской и Лифляндской губерніяхъ. Митава. 1912». 2) Dr. Fr. Bienemann. 1812. Baltische Erinnerungsblätter. Рига. 1912», 1XXXI, мартъ, 1034—1035. 3) «Katalog der in Riga fom 17 (30) November 1912 bis zum 6 (19) Januar 1913 veranstalteten Ausstellung zur Jarhundertfeier des Vaterländischen Krieges. 1812. Riga. 1912. 4) Каталогъ портретамъ и картинамъ на выставкѣ въ ознаменованіе столѣтія отечественной войны 1812 г., устроенной въ Ригѣ съ 17-го ноября 1912 г. по 6-е января 1912 г. Рига. 1912», CXXXII, май, 687—689. 5) «Voldemar Vulffius. Livländische Geschichts literatur. 1909. Рига. 1912», CXXXII, май, 695. 6) «С. Д. Чистяковъ. Либава въ событіяхъ Отечественной войны 1812 года. Либава. 1912», CXXXIII, іюль, 317—320. 7) «Владиміръ Китченко. Руины замка въ Гапсалѣ. Ревель. 1912. 8) «Гапсальскій замокъ, его настоящее и прошлое. Гапсаль. 1912», CXXXIII, августъ, 667. 9) «Bältischer historisch-geographischer Kalender. 1913. Изданіе Э. Платеса. Рига», CXXXIV, октябрь, 365—366.

Mansuy, Abel. Рецензія В. Мар—скаго о книгѣ его: «Le mond slave et les classiques français aux XVI—XVII siecles. Paris. 1912», CXXXIV, октябрь, 363.

Манштейнъ, мичманъ, по поводу присужденія преміи имени графа С. А. Строганова его сочиненію: «Странички изъ славнаго прошлаго родного флота», CXXXII, май. 741.

Манюкинъ, генералъ, одинъ изъ усмирителей польскаго мятежа, CXXXII, май, 567—569.

Мамели, Гоффредо. О немъ въ замѣткѣ: «Неизданныя письма Маццини и Гоффредо Мамели къ Джузеппе Гарибальди», CXXXII, апрѣль, 339—345.

Мар—скій, В. Рецензіи его: 1) «В. А. Келтуяла. Краткій курсъ исторіи русской литературы для среднихъ учебныхъ заведеній. Часть I. Исторія древней русской литературы. Книга первая. Исторія литературы отъ IX вѣка до половины XIII вѣка. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Спб. 1912», CXXXII, май, 680—681. 2) «Свящ. А. Н. Соболевъ. Загробный міръ по древне-русскимъ представленіямъ. (Литературно-историческій опытъ изслѣдованія древнерусскаго народнаго міросозерцанія). Изданіе Елова. Сергіевъ Посадъ. 1913», CXXXII, май, 682. 3) «Ю. А. Яворскій. Великорусскія пѣсни въ старинныхъ карпато-русскихъ записяхъ. (Отдѣльный оттискъ изъ «Извѣстій отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ», т. XVII, 1912. Книга I). Спб. 1912», CXXXIII, іюль, 325—326. 4) «Общество славянскаго научнаго единенія. Славянскій вопросъ въ его современномъ значеніи. (Рѣчи и статьи члена государственной думы А. М. Александрова, академика В. М. Бехтерева, профессора М. М. Ковалевскаго, Янко Лаврина, профессора П. А. Лаврова, Д. И. Семиза и профессора М. П. Чубинскаго). Спб. 1913», CXXXIII, августъ, 700—701. 5) «Abel Mansuy. Le monde slave et les classiques français aux XVI—XVII siecles. Paris. 1912», CXXXIV, октября, 363.

Библиотека "Руниверс"

Мардановъ, В. Рецензія А. М—на о составленной при его участіи книгѣ: «Краткій очеркъ римскихъ древностей. Для гимназій, прогимназій и самообученія .Составилъ П. Санчурскій, бывшій окружный инспекторъ петербургскаго учебнаго округа, при участіи А. Гофмана и М. Янко—директоровъ петербургскихъ гимназій, П. Барсова, И. Діомидова и І. Сѣдлатаго—инспекторовъ петербургскихъ гимназій, и Э. Кесслера и В. Марданова—преподавателей петербургскихъ гимназій. Четвертое изданіе, пересмотрѣнное. Спб. 1913», CXXXIII, августъ, 691—692.

Марина, М. Ея статья: «Журфиксы по средамъ въ аппартаментахъ Зимняго дворца», CXXXIV, октябрь, 112—122.

Марія, королева англійская. Въ замѣткѣ: «Бѣгство англійской королевы», CXXXIII, сентябрь, 1124—1128.

Марія Александровна, императрица (чтеніе государынѣ романа «Мировичъ»), CXXXIV, октябрь, 113.

Марія-Антуанета, французская королева: 1) въ замѣткѣ: «Одна изъ загадокъ исторіи», по поводу ожерелья королевы», CXXXII, май, 723—727. 2) Въ замѣткѣ: «Императоръ Іосифъ II», CXXXIII, сентябрь, 1131—1133.

Марія Павловна, великая герцогиня Веймарская, дочь императора Павла I. О ней въ замѣткѣ: «Воспоминанія гр. Ведель», CXXXI, январь, 283—285.

Марія-Терезія-Шарлотта, дочь казненнаго Людовика XVI. О ней въ замѣткѣ: «Секретъ Бурбоновъ», CXXXI, февраль, 701—704.

Марія Ѳеодоровна, императрица, супруга императора Павла I, CXXXI, январь, LVI.

Марія Ѳедоровна, вдовствующая императрица, супруга императора Александра III. 1) Въ статьѣ Когана: «Кончина императора Александра II», CXXXI, январь, 134. 2) Въ статьѣ: «Романовскіе юбилейные дни», CXXXI, мартъ, 24. Упоминается: CXXXII, апрѣль, 30.

Маркевичъ, Арс. Ив. Рецензія В. Рудакова о редактированной имъ книгѣ: «Извѣстія таврической ученой архивной комиссіи. (Годъ двадцать шестой). № 47. Подъ редакціей предсѣдателя комиссіи Арс. Ив. Маркевича. Симферополь. 1912», CXXXIV, октябрь, 342—343.

Марковичъ, Марилій. О немъ въ замѣткѣ: «Смѣхъ у восточныхъ національностей», CXXXII, май, 712—715.

Марковъ, А. К., казначей археологическаго общества, по поводу присужденія ему малой золотой медали общества. CXXXII, май, 734.

Марковъ, Евгеній Львовичъ, писатель, его мнѣнія о Балаклавѣ, CXXXIII, сентябрь, 1063—1064.

Марковъ, Павелъ Алексѣевичъ, сенаторъ, членъ государственнаго совѣта, бывшій товарищъ министра народнаго просвѣщенія и юстиціи, писатель. Некрологъ его: CXXXI, мартъ, 1093—1094.

Маркони, извѣстный теноръ, CXXXIV, октябрь, 97—98, 99.

Марръ, Николай Яковлевичъ, извѣстный русскій ориенталистъ, академикъ-профессоръ. О немъ въ статьѣ А. Мощанскаго: «Городъ Ани». CXXXII, апрѣль, 296—298. По поводу 25-лѣтняго юбилея его, CXXXIII, августъ, 741—742.

Мартемьяновъ, Тимоѳей Аѳанасьевичъ. Его статья: «Страничка изъ исторіи крѣпостного театра въ Орловской губерніи». (О театрахъ графа Каменскаго и Юрасовскихъ), CXXXIII, сентябрь, 965—984.

Мартенсъ, шведъ, расхититель склепа Тамерлана, CXXXIII, сентябрь, 1060.

Марѳа Алексѣевна, царевна, по поводу пожертвованій ея московскому Новодѣвичьему монастырю, CXXXII, май, 638.

Масальскій, В. И., князь. Рецензія В. М. о составленной имъ книгѣ: «Россія». Полное географическое описаніе нашего отечества подъ общимъ руководствомъ П. П. Семенова-Тянъ-Шанскаго и В. Ламанскаго. Т. XIX. Туркестанскій край. Изд. Девріена. Спб. 1913», CXXXIV, октябрь, 340—342.

Масляненко, Д. А. Рецензіи его: 1) «А. Ѳ. Шидловскій. Шпицбергенъ въ русской исторіи и литературѣ. Краткій историческій очеркъ русскихъ плаваній и промысловъ на Шпицбергенѣ и подробный указатель литературы и архивныхъ дѣлъ, относящихся къ этимъ вопросамъ. Спб. 1912», CXXXI, январь, 237. 2) «Заринъ. Три волшебныхъ волоса. Старая сказка на новый ладъ. Съ 28 рисунками. Изданіе т—ва А. С. Суворина. Спб. 1912», CXXXI, январь, 249—250. 3) «Е. И. Игнатьевъ. Астрономическіе досуги. Съ 68 рисунками и чертежами. Изданіе т—ва И. Д. Сытина. М. 1912», CXXXI, январь, 253—254. 4) «Андрей Филипповъ. Въ вихрѣ жизни. Изданіе второе. Изданіе редакціи журнала «Наборщикъ и Печатный міръ». Спб.», CXXXI, январь, 257—258. 5) «Ек. Долгова. Флоренція и ея окрестности. Съ полнымъ планомъ Флоренціи, рисунками и алфавитнымъ указателемъ. М. 1912», CXXXI, январь, 271. 6) «Шекспиръ. Венеціанскій купецъ. Съ рисунками Джемса Д. Линтона. Изданіе т—ва

Библиотека "Руниверс"

А. С. Суворина—«Новое Время». Спб», CXXXI, февраль, 666—667. 7) «С. Р. Минцловъ. Историческія повѣсти. Спб. 1902», CXXXI, февраль, 668. 8) «П. Е. Васильковскій. Диковинки земли. Популярные очерки изъ жизни нашей планеты. Съ 83 рисунками въ текстѣ. Изданіе т—ва А. С. Суворина—«Новое Время». Спб. 1913», CXXXI, февраль, 670—671. 9) «Е. Писарева. Памяти Анны Павловны Философовой. Изданіе россійскаго теософическаго общества. Спб. 1912», CXXXI, февраль, 676—677. 10) «М. Чуприковъ. 1812. Дневникъ Отечественной войны. Изданіе Б. А. Суворина. Библіотека «Вечерняго Времени». Спб. 1913», CXXXI, мартъ, 1031—1032. 11) «Ал. Пиленко. Около болгарской войны. Дневникъ и сорокъ девять любительскихъ фотографій. Изданіе газеты «Вечернее Время». Спб. 1913», CXXXI, мартъ, 1038—1039. 12) «В. П. Авенаріусъ. За невѣдомый океанъ. Историческая повѣсть для юношества отъ открытія Новаго Свѣта. Съ рисунками. Изданіе книжнаго магазина П. В. Луковникова. Спб. 1913», CXXXI, мартъ, 1050. 13) «Е. Н. Водовозова. На зарѣ жизни. Воспоминанія. Спб. 1911», CXXXII, май, 672—675. 14) «Д-ръ Е. П. Радинъ. Душевное настроеніе современной учащейся молодежи, по даннымъ петербургской общестуденческой анкеты 1912 года. Психологическая и соціальная самооцѣнка. Разочарованность. Спб. Изданіе Н. П. Карбасникова. 1913», CXXXII, іюнь, 1067—1070. 15) «И. Прыжовъ. Нищіе на Святой Руси. Матеріалы для исторіи общественнаго и народнаго быта въ Россіи. Издательство «Молодыя Силы». Казань. 1913», CXXXIII, іюль, 304—305. 16) «Карикатуры Пэма. Библіотека «Вечерняго Времени». Изданіе Б. А. Суворина. Спб. 1913», CXXXIII, іюль, 332—333. 17) «Ф. Герштекеръ. Вселенная. Разсказы для дѣтей изъ физической, математической и политической географіи. Переводъ подъ редакціей Ф. Резенера, передѣланный и дополненный М. Л. Песковскимъ. Пятое русское подъ редакціею А. А. Ешевскаго изданіе т—ва М. О. Вольфъ. Съ 229 рисунками, шестью картами въ краскахъ и восемью географическими картами. Спб. 1913», CXXXIII, іюль, 333. 18) «Евгеній Мюллеръ. Юность знаменитыхъ людей. Переводъ съ французскаго съ дополненіями для русскаго юношества Н. С. Кутейникова. Съ рисунками художника Эмиля Баяра. Изданіе второе, т—ва М. О. Вольфъ. Спб. 1913», CXXXIII, іюль, 333—334. 19) «Письма А. П. Чехова. Т. I (1876—1887 гг.). 1912. Т. II (1888—1889 гг.). Т. III. (1890—1891 гг.). Съ иллюстраціями. М. 1913. Изд. М. П. Чеховой», CXXXIII, августъ, 679 — 682. 20) «Популярныя историческія изданія «Сельскаго Вѣстника», посвященныя 300-лѣтію царствованія дома Романовыхъ», CXXXIV, октябрь, 336—340. 21) «Юр. Бѣляевъ. Барышни Шнейдеръ. Впечатлѣнія. Библіотека «Вечерняго Времени». Изданіе Б. А. Суворина. Спб. 1913», «Юр. Бѣляевъ. Городокъ въ табакеркѣ. Разсказы. Миніатюры Юса. Спб. 1914 г. «Библіотека «Вечерняго Времени». Изданіе Б. А. Суворина», CXXXIV, декабрь, 1165—1166.

Масперо, Жанъ, членъ французскаго института въ Каирѣ, по поводу раскопокъ въ Египтѣ. CXXXIII, іюль, 367.

Матвѣевъ, С. И. Рецензія о книгѣ его: «Краткая исторія Златоустовскаго Воскресенскаго единовѣрческаго мужского монастыря Уфимской губ. Златоустовскаго уѣзда. Уфа. 1913», CXXXIV, ноябрь, 749.

Маторинъ, Ѳедоръ, извѣстный колокольный литейщикъ, CXXXII, май, 632.

Маттернъ, Е. Э., присяжный повѣренный. Некрологъ его: CXXXI, январь, 318—319.

Махмудъ II, турецкій султанъ. Упоминается: CXXXI, январь, 187—190, 191, 195.—Его отношенія къ имеретинскому царю Соломону II, CXXXII, апрѣль, 285.

Маццини, итальянскій революціонеръ. О немъ въ замѣткѣ: «Неизданныя письма Маццини и Гоффредо Мамели къ Джузеппе Гарибальди», CXXXII, апрѣль, 339—345.

Мегметъ-Али, паша, мятежный египетскій намѣстникъ. CXXXI, январь, 187—190, 191; CXXXII, іюнь, 828, 836, 841, 846—851.

Меженіновъ, Александръ Павловичъ, даровитый стиховторецъ, CXXXIII, сентябрь, 865—866.

Меженіновъ, Николай Павловичъ, инженеръ, главный строитель средне-сибирской желѣзной дороги, CXXXIII, сентябрь, 864—865.

Мезенцевъ, генералъ-адъютантъ, шефъ жандармовъ, CXXXI, январь, 119.

Мельгуновъ, П. Рецензія о книгѣ его: «Первые уроки исторіи (изъ бесѣдъ съ учениками). Древній Востокъ. Съ 85 рисунками и картою. Изд. 9-е, переработанное и дополненное, подъ редакціей Н. М. Никольскаго. М. 1913. Книгоиздательство «Задруга», CXXIXV, декабрь, 1172.

Мельгуновъ, С. П. Рецензія о редактированной имъ и Е. И. Вишняковымъ,

Библиотека "Руниверс"

Б. Е. и В. Е. Сыроѣчковскими книгѣ: «Наше прошлое. Разсказы изъ русской исторіи. Ч. I. До Петра I. Съ 65 рисунками въ текстѣ и 20 на отдѣльныхъ листахъ. Книгоиздательство «За друга». М. 1913», CXXXIV, декабрь, 1173.

Мельницкая, Анна Васильевна, беллетристка. Некрологъ ея: CXXXI, январь, 319.

Меньшиковъ, Михаилъ Осиповичъ, публицистъ. О немъ въ статьѣ В. Микуличъ: «Тѣни прошлаго», CXXXI, февраль, 382—383.

Меренбергъ, Софья Николаевна, графиня, внучка великаго поэта А. С. Пушкина, супруга великаго князя Михаила Михайловича, CXXXIV, ноябрь, 510, 511.

Меренбергъ, Наталья Александровна, графиня, дочь великаго поэта А. С. Пушкина, морганатическая супруга принца Нассаускаго, Некрологъ ея: CXXXII, апрѣль, 381—382., О ней въ статьѣ В. Б. Бертенсона: «За тридцать лѣтъ», CXXXIV, ноябрь 509—510.

Мережковскій, Д. Рецензія В. А—ва о книгѣ его: «Павелъ I. Драма. Спб. 1908», CXXXII, апрѣль, 323—326.

Мертваго, Анисимъ Леонтьевичъ, раненый въ походѣ противъ Стеньки Разина, CXXXI, январь, 33.

Мертваго, Борисъ Ѳедоровичъ, повѣшенный Пугачевымъ, CXXXI, январь, 33.

Мертваго, Димитрій Борисовичъ, таврическій губернаторъ, авторъ записокъ о пугачевщинѣ, напечатанныхъ въ Русскомъ архивѣ 1867 года, CXXXI, январь, 33—54.—Его стихи къ портрету Державина, CXXXI, февраль, 354, 359.—О немъ въ статьѣ Маріи Ватацци: «Быль минувшаго», CXXXII, апрѣль, 29—40.—Упоминается: CXXXI, мартъ, 765—773.

Мертваго, Марія Михайловна (прототипъ персонажа въ семейной хроникѣ Аксакова», CXXXI, февраль, 355, 358.

Мерянскій, Нилъ Ивановичъ, новгородскій антрепренеръ, CXXXI, январь, 160—168.

Метцъ, нѣмецкій профессоръ. По поводу труда французскаго писателя Луазо, посвященнаго Гете. CXXXII, апрѣль, 360—361.

Мечниковъ, Илья Ильичъ, талантливый естествоиспытатель, CXXXI, май, 504, 505.

Мещерскій, Платонъ Степановичъ, князь, послѣдній намѣстникъ въ Казани, CXXXII, май, 422.

Микуличъ, В. Статья ея: «Тѣни прошлаго», CXXXI, февраль, 362—383; мартъ, 778—813; CXXXII, апрѣль, 41—81.

Миллеръ, В. Ф., профессоръ, авторъ многихъ ученыхъ трудовъ, въ статьѣ А. А. Танкова: «Памяти В. Ф. Миллера», CXXXIV, декабрь, 1039—1042.

Миллеръ, Николай Павловичъ, подполковникъ, комендантъ города Туркума, во время Туркумской революціи». CXXXI, мартъ, 937—931, 945.

Милль, Джонъ Стюартъ, знаменитый англійскій философъ. О немъ въ замѣткѣ: «Джонъ Стюартъ Милль въ Авиньонѣ», по поводу сооруженія памятника ему въ этомъ городѣ, CXXXI, январь, 295—296.

Миловидовъ, А. И. Его статья: «Первыя скорбныя страницы лѣтописи польскаго возстанія 1863 г. въ предѣлахъ Сѣверо-Западнаго края». (По архивнымъ матеріаламъ), CXXXII, май, 557—569. Къ ней замѣтка Л. Л. Драке CXXXIV, октябрь, 415—416.

Милоевичъ, М. Я., бывшій сербскій консулъ въ Приштинѣ, по поводу его брошюры о результатахъ войны балканскихъ союзныхъ государствъ, CXXXIII, сентябрь, 1118—1124.

Милюковъ, Павелъ Николаевичъ, историкъ, по поводу объединенія, при его участіи, оппозиціонныхъ и революціонныхъ группъ, CXXXIII, іюль, 265.

Милютина, Наталія Михайловна, жена графа Д. А. Милютина, рожденная Понсетъ, CXXXI, февраль, 421, 424, 432.

Милютина, Ольга Димитріевна, графиня, дочь графа Д. А. Милютина. CXXXI, февраль, 421, 439.

Милютинъ, Димитрій Алексѣевичъ, графъ, военный министръ. Упоминается: CXXXI, январь, 109—112.—О немъ: 1) въ статьѣ Э. О. Лишиной: «Воспоминаніе о Д. А. Милютинѣ», CXXXII, апрѣль, 222 — 223. — 2) въ статьѣ Г. Г. Христіани: «Воспоминанія о графѣ Димитріи Алексѣевичѣ Милютинѣ», CXXXI, февраль, 421—468.

Минало. Рецензія С. Л. А—ва о книгѣ его: «Редакторъ Г. Д. Баласчевъ. Книга I—VI. Софія. 1909—1911 гг., CXXXI, январь, 269—271.

Минорскій, Александръ, замѣтка его: по поводу статьи: «Анекдотическій архіепископъ» (Акакій Олонецкій) и объясненіе автора на эту замѣтку, CXXXI, мартъ, 1098—1102.

Минцловъ, Сергѣй Рудольфовичъ, литературный и общественный дѣятель. 1) Рецензія Д. Масляненко о книгѣ его: «Историческія повѣсти. 1912», Спб. CXXXI, февраль, 668.—2) Въ статьѣ А. Д. Амова: «Сергѣй Рудольфовичъ Минц-

Библиотека "Руниверс"

ловъ (очеркъ»), CXXXIV, октябрь, 203—208. 3) Рецензія Библ. о книгѣ: «Книгохранилище Сергѣя Рудольфовича Минцлова. Напечатано 50 экземпляровъ. Спб. 1913», CXXXIV, ноябрь, 732—733.

Мирабо, знаменитый французскій революціонный дѣятель. О немъ въ замѣткѣ: «Мирабо—государственный человѣкъ», CXXXII, апрѣль, 335—339.

Миркинъ-Гецевичъ, Сергѣй Васильевичъ, журналистъ. Некрологъ его: CXXXI, февраль, 729.

Мировичъ, Зинаида Сергѣевна, извѣстная дѣятельница женскаго движенія и писательница. Некрологъ ея, CXXXIV, октябрь, 414.

Мироновъ, Александръ Александровичъ. 1) Рецензіи М. С. о книгѣ: «Матеріалы для исторіи дворянства Петербургск. губ. Изданіе петербургскаго дворянства, подъ редакціей графа Алексѣя А. Бобринскаго. Т. II. Дѣятельность собраній дворянства. Вып. I. Ополченіе 1812 г. По источникамъ, собраннымъ А. А. Мироновымъ. 1912», CXXXI, январь, 235—236. 2) Рецензія П. Майкова о книгѣ его и графа А. А. Бобринскаго: «Петербургское ополченіе 1812 года. Матеріалы для исторіи дворянства Петербургской губерніи. Изданіе петербургскаго дворянства. Т. I. Спб.», CXXXII, май, 668—669. Рецензіи его: 1) «Записки восточнаго отдѣленія императорскаго русскаго археологическаго общества. Основаны барономъ В. Р. Розепомъ. Т. XX. Вып. IV.—То же. Т. XXI. Вып. I (съ 9 рисунками въ текстѣ). Спб. 1912. Т. XXI. Вып. II—III. Съ приложеніемъ 10 таблицъ и съ 4 рисунками въ текстѣ. Спб. 1912.—Т. XXI. Вып. IV (послѣдній Спб. 1913», CXXXIV, ноябрь, 712—716. 2) «Юбилейный сборникъ костромского церковно-историческаго общества въ память трехсотлѣтія царствованія дома Романовыхъ. Изданъ подъ редакціей И. Баженова. Кострома. 1913», CXXXIII, сентябрь, 1076—1078.

Мирошниковъ, Б. Рецензія его: «I А. Кастанье. Надгробныя сооруженія киргизскихъ степей .(Труды оренбургской ученой архивной комиссіи. Вып. XXVI). 28 таблицъ и 77 рис. Оренбургъ. 1912», CXXXI, февраль, 655—656.

Митрофанова, С., замѣтка ея: «По поводу мозаики г. С. У.», CXXXI, мартъ, 1103—1104.

Михаилъ Николаевичъ, великій князь. Упоминается: CXXXI, январь, 127, 128, 134; CXXXIV, ноябрь, 507, 508.

Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ, царь. О немъ въ статьѣ Б. Б. Глинскаго: «Россія подъ скипетромъ дома Романовыхъ», CXXXI, январь, XII—XVI.—О немъ въ замѣткѣ: «Открытіе Романовской выставки», CXXXII, апрѣль, 364, 365.

Михайловъ, К. Н. Его статья: «На редакціонномъ пріемѣ у С. Н. Шубинскаго». (Личныя о немъ воспоминанія», CXXXIV, декабрь, 1014—1032.

Михайловскій, І. В., профессоръ. Рецензія его: «П. Н. Розинъ, профессоръ томскаго университета. Уголовное судопроизводство. 1913», CXXXII, май, 691—693.

Михайловъ, цареубійца (по поводу его казни), CXXXI, февраль, 525, 526, 529, 530.

Михайловъ, А. Б. Его переводъ романа Поля Бертрама: «Тѣнь власти» (приложеніе), CXXXI, январь, 1—32; февраль, 33—64; мартъ, 65—96; CXXXII, апрѣль, 97—128; май, 129—160; іюнь, 161—192; CXXXIII, іюль, 193—224; августъ, 225—256; сентябрь, 257—288; CXXXIV, октябрь, 289—304; ноябрь, 305—320; декабрь,321—335.

Михайловъ, Иванъ Никифоровичъ, популярный педагогъ, извѣстный географъ, Некрологъ его:CXXXII, іюнь,1111—1112.

Михайловъ, Михаилъ Илларіоновичъ, поэтъ въ статьѣ М. В. Клочкова: «Процессъ Н. Г. Чернышевскаго», CXXXIII, сентябрь, 901 — 905. Упоминается: CXXXIV, октябрь, 163.

Михайловъ, П. В. Рецензія В. Рудакова о составленной подъ его редакціей совмѣстно съ Н. Н. Рѣдковымъ книгѣ: «Смоленская Старина. Вып. II, 1812—1912 гг. Юбилейное изданіе смоленской ученой архивной комиссіи. Смоленскъ. 1912», CXXXI, январь, 229—231.

Михневичъ, Н. П., заслуженный профессоръ. Рецензія Масляненко о книгахъ его: 1) «Русь и домъ Романовыхъ». 2) «Прошлое Россіи отъ Рюрика до Романовыхъ», CXXXIV, октябрь, 336—337.

Могульскій, В. Н. Рецензія В. Д. о книгѣ его: «Комическія оперетты XVIII в. Одесса. 1912», CXXXI, февраль, 661.

Модестовъ, А. Е. Рецензія о книгѣ его: «О смыслѣ жизни въ русской художественной литературѣ XIX вѣка. № 4 и № 5. Культурно-историческая библіотека.Спб. 1914. Книгоиздательство «Энергія», вып. I и II», CXXXIV, декабрь, 1173.

Модзалевскій, Б. Л. Рецензія В. Рудакова на редактированную имъ книгу Н. Н. Кашкина: «Родословныя развѣдки. Посмертное изданіе. Съ портретомъ автора. Т. I. Спб. 1912», CXXXI, февраль, 649—650.

Модзалевскій, В. Л. Рецензія В. Рудакова о книгѣ его: «Малороссійскій

Библиотека "Руниверс"

родословникъ. Т. III. Л—О. Съ 40 портретами. Кіевъ. 1912», CXXXII, май, 662—665.

Моласъ, Михаилъ Павловичъ, контръ-адмиралъ, погибшій на броненосцѣ «Петропавловскъ», CXXXIV, декабрь, 926—930.

Моллеріусъ, Иванъ Петровичъ, членъ совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ. Его некрологъ въ статьѣ О. С. «И. П. Моллеріусъ», CXXXIV, ноябрь, 624—630.

Моранъ, П. Рецензія М. Клочкова о книгѣ его: «Павелъ I до восшествія на престолъ (1754—1796 гг.). Переводъ съ французскаго Ширяевой. М. 1912», CXXXI, февраль, 647—648.

Морганъ, Пьерпонтъ, американскій богачъ, по поводу покупки дома, гдѣ родился Корнель, CXXXI, январь, 302.

Морозова, Ѳедосья Прокопьевна, боярыня-старообрядка, въ статьѣ: Е. П. Щепкиной: «Женская личность въ исторіи Россіи», CXXXIII, іюль, 153—157.

Морской, А., авторъ брошюры: «Исходъ россійской революціи 1905 года и правительство Носаря», CXXXIII, іюль, 234.

Мочульская, М. Ея статья: «Въ нѣдрахъ Вильны и ея окрестностей», CXXXIV ноябрь, 673—679.

Мощанскій, А. Его статья: «Городъ Ани». (По поводу предстоящаго учрежденія въ Ани археологическаго института), CXXXII, апрѣль, 287—298.

Мравинскій, генералъ, техникъ при градоначальствѣ, отецъ пѣвицы Мравиной. Упоминается: CXXXI, январь, 126. По поводу осмотра молочной торговли революціонера Кобозева, CXXXIII, августъ, 478.

Муравьевъ, Николай Валеріановичъ, министръ юстиціи, по поводу характеристики имъ революціонной пропаганды въ рабочей средѣ, CXXXIII, сентябрь, 998, 999.

Муравьевъ, Н. Н. Упоминается: CXXXI, январь, 187—191, 192, 194, 195.

Мухамедъ-Шерифъ-Диванбеги, первый бухарскій министръ, CXXXIV, ноябрь, 447.

Мышкинъ, извѣстный революціонеръ. О немъ въ статьѣ А. И. Соколовой: «Встрѣчи и знакомства», CXXXI, февраль, 511—519.

Мышлаевскій, А. З., по поводу доклада: «Регулярные полки при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ», въ императорскомъ русскомъ историческомъ обществѣ, CXXXII, май, 733.

Мюллеръ-фонъ, канцлеръ и министръ герцога Саксонскаго. По поводу его бесѣдъ съ Гете относительно Турціи, CXXXI, февраль, 706—707.

Мюллеръ, Евгеній. Рецензія Д. Масляненко о книгѣ его: «Юность знаменитыхъ людей. Переводъ съ французскаго съ дополненіями для русскаго юношества П. С. Кутейникова. Съ рисунками художника Эмиля Баяра. Изданіе второе, т—ва М. О. Вольфъ. Спб. 1913», CXXXIII, іюль, 333—334.

Мязговскій, Е. А., мичманъ, по поводу присужденія преміи имени С. А. Строганова его сочиненію: «Исторія Черноморскаго флота», CXXXII, май, 741.

Мясоѣдовъ, В. К., по поводу его сообщенія объ открытіи въ Новгородѣ древней фрески Успенія Божьей Матери, CXXXI, январь, 311.

Мясоѣдовъ, Петръ Евгеніевичъ, извѣстный художникъ и дѣятель на поприщѣ преподаванія искусствъ. Некрологъ его: CXXXIV, ноябрь, 794.

Мятлевъ, П. В. Рецензія В. Р. о его и Н. П. Лихачева книгѣ: «Тысячная книга 7059 года. (Изъ 3 и 4 выпусковъ «Лѣтописи историко-родословнаго общества въ Москвѣ»). Орелъ. 1911», CXXXIV, октябрь, 344.

Н

N. Рецензіи его: 1) «Г. Т. Сѣверцевъ-Полиловъ. Среди коронованныхъ особъ. «Встрѣчи и воспоминанія». Спб. 1913». CXXXIV, ноябрь, 736—737. 2) Записки общества исторіи, филологіи и права при императорскомъ варшавскомъ университетѣ. Выпускъ 6. Варшава. 1912, CXXXII, іюнь, 1074—1975.

Н. Л. Рецензіи его: 1) А. В. Жиркевичъ «Пасынки военной службы. Матеріалы къ исторіи мѣстъ заключенія военнаго вѣдомства въ Россіи. Вильна 1912», CXXXI, февраль, 658—659. 2) «Постановленія орѳографической подкомиссіи. Спб. 1912», CXXXI, февраль, 659—661. 3) Военная энциклопедія. Т. IX, части XVII и XVIII. Изданіе т—ва Сытина. Спб. 1912, CXXXI, февраль, 671 4) «Исторія Астраханскаго казачьячго войска. Ч. I, II, III. Составилъ полковникъ Бирюковъ. Изданіе Астраханскаго казачьяго войска», CXXXI, мартъ 1033—1034. 5) В. Потто. Кавказская война. Въ отдѣльныхъ очеркахъ, эпизодахъ, легендахъ и біографіяхъ. Томъ II. Ермоловское время. Изданіе 3-е, удешевленное», CXXXII, апрѣль, 301—311. 6) Н. П. Волынскій. Постепенное развитіе русской регулярной кавалеріи въ эпоху Великаго Петра

Библиотека "Руниверс"

съ подробнымъ описаніемъ участія ея въ великой сѣверной войнѣ. Историческое изслѣдованіе по первоисточникамъ. Выпускъ I. 1698—1706. Книга I. Вступленіе (1698—1700 г-г.) Ингерманландская операція. (1701—1704 г.г.) 2 карты, 1 таблица, книга 2-я. Операціи: литовско-курляндская. (1704—1705), гродненская (1705—1706), калишская (1706). Усмиреніе астраханскаго бунта (1705—1706. Война между Петербургомъ и Выборгомъ. (1705 — 1706). 2 карты, 39 автографовъ. Книга 3-я. Приложенія. Книга 4-я. 4 таблицы», CXXXII, май, 666—667. 7) «Правда о войнѣ на Балканахъ. Записки военнаго корреспондента Н. Шевалье (Н. Г—дъ). Спб. 1913, CXXXII, май, 686—687. 8) «А. Дорошкевичъ. Война на Балканскомъ полуостровѣ.—Отъ открытія военныхъ дѣйствій до перемирія. Съ планомъ и схемами. Спб. 1913. Иммунуэль, майоръ германской службы. Балканская война 1912 года. Выпускъ I. События до войны.—Вооруженныя силы сторонъ. Обзоръ театра военныхъ дѣйствій. Переводъ съ нѣм. Д. К. Лебедевъ. Спб. 1913». CXXXIII, сентябрь, 1085—1087. 9) «Военная энциклопедія. Томы XXIII и XXIV. Изданіе т—ва Сытина. Отъ Кальяри до Кобелянка. 1913», CXXXIV, ноябрь, 733. 10) «Памятники и медали въ память боевыхъ подвиговъ русской арміи въ войнахъ 1812—13—14 годовъ и въ память императора Александра I. Снимки памятниковъ, медалей и гравюръ. В. А. Ашикъ. Спб. 1913», CXXXIV, декабрь, 1156—1157.

Набоковъ, В. Д. 1) предсѣдатель литературнаго фонда, CXXXI, мартъ, 1082 — 1083. 2) по поводу собранія литературнаго фонда, подъ его предсѣдательствомъ, CXXXII, іюнь, 1104—1105. 3) по поводу засѣданія въ литературномъ фондѣ, подъ его предсѣдательствомъ, CXXXIV, декабрь, 1194—1195.

Над—ежинъ, А. П. Рецензія его: «М. Д. Ордынцевъ-Кострицкій. Запорожцы въ Сарагоссѣ. Историческій романъ для юношества. Спб. 1913», CXXXI, мартъ, 1049.

Надсонъ, С. Я., поэтъ, по поводу присужденія премій на конкурсѣ его имени,, CXXXIII, іюль, 376.

Назарьева, К. В., писательница, CXXXIII, іюль, 126—127.

Назимовъ, В. И., виленскій генералъ-губернаторъ, CXXXII, май, 558.

Наливкинъ, В. П., вице-губернаторъ, членъ II государственной думы, соціалистъ. въ статьѣ Г. П. Федорова: «Моя служба въ Туркестанскомъ краѣ»,, CXXXIV, декабрь, 882—885.

Наполеонъ I, французскій императоръ. О немъ: 1) въ рецензированной Д. Бочковымъ книгѣ: «Наполеонъ въ предѣлахъ Могилевской губерніи». Составилъ А. П. Лучинъ. Изданіе могилевской мужской гимназіи. Могилевъ 1912», CXXXI, мартъ, 1029, 1030. 2) пребываніе его въ Нантѣ, CXXXI, мартъ, 1079—1080. 3) еврейскія легенды о посѣщеніи имъ виленскаго гаона Элія, CXXXIII, августъ, 518—521. 4) Въ замѣткѣ: «Бонапартъ и вандейцы», CXXXIV, декабрь,1176—1179.

Наполеонъ III, французскій императоръ, CXXXI, февраль, 410, 411.

Narichkine N. (née comptesse Rostoptchine). Рецензія П. М. о книгѣ ея: «Le compte Rostoptchine et son temps. St.-Petersbourg. 1912», CXXXII, май, 661.

Наталья Алексѣевна, царевна, сестра Петра Великаго, CXXXIII, іюль, 163, 164.

Натадзе, (Горцевъ) Ш. Я., журналистъ и педагогъ. Некрологъ его: CXXXI, февраль, 729—730.

Наундорфъ, часовщикъ, такъ называемый Людовикъ XVII, сынъ французскаго короля.—О немъ въ замѣткѣ «Секретъ Бурбоновъ», CXXXI, февраль, 703.

Незнамовъ, А. А. проф. Рецензія М. С. о редактированной имъ книгѣ: «В. Т. Васильевъ. Вѣчное и неизмѣнное. Блескъ военной мысли. Подъ редакціей проф. А. А. Незнамова. 1912. Изд. В. К. Ильинчика», CXXXIII, іюль, 337—3 38.

Нейманъ, П. (Джонъ Муррей), авторъ книги о русскихъ евреяхъ, CXXXIII, августъ, 721.

Некрасовъ, Николай Алексѣевичъ, поэтъ.—О немъ въ статьѣ З. Слезскинской «Въ Чудовской Лукѣ», CXXXI, январь, 142—150.

Непокойчицкій, Артуръ Адамовичъ, начальникъ штаба дѣйствующей противъ турокъ арміи, CXXXII», май, 472, 489—492.

Нефедовъ, Филиппъ Діомидовичъ, писатель, по поводу открытія памятника на его могилѣ на Ваганьковскомъ кладбищѣ въ Москвѣ, CXXXIII, іюль, 375—376.

Нечаева, А. Рецензія ея: «Баронъ А. Е. Врангель. Воспоминанія о Ѳ. М. Достоевскомъ въ Сибири 1854—1856. Спб. 1912», CXXXI, январь, 272—275.

Нечаевъ-Мальцовъ, Юрій Степановичъ, товарищъ августѣйшаго предсѣдателя комитета по устройству музея изящныхъ искусствъ имени императара Алексан-

Библиотека "Руниверс"

дра III въ Москвѣ, оберъ-гефмейстеръ высочайшаго двора. Некрологъ его: CXXXIV, ноябрь, 794—796.

Нижинскій, знаменитый русскій танцовщикъ, въз амѣткѣ: «Русскій театральный сезонъ за границей», CXXXII, іюнь, 1087—1089.

Никитинъ, Иванъ Саввичъ, извѣстный народный поэтъ.—О немъ: 1) въ статьѣ Вл. П. Малыхина: «Правда объ И. С. Никитинѣ», CXXXI, мартъ, 896—902. 2) въ рецензированной Влад. Княжнинымъ книгѣ: «Полное собраніе сочиненій и писемъ И. С. Никитина. Томъ первый. Подъ редакціей, съ біографическимъ очеркомъ, статьями и примѣчаніями А. Г. Фомина. Вступительная статья Ю. И. Айхенвальда. Съ приложеніемъ портретовъ, факсимиле и снимковъ. Спб. 1913. Изданіе товарищества «Просвѣщеніе», CXXXI, мартъ, 1040—1041.

Никитинъ, Николай Васильевичъ, архитекторъ-академикъ. Некрологъ его: CXXXI, мартъ, 1094.

Николай Александровичъ, цесаревичъ. О немъ: 1) въ статьѣ А. А. Танкова: «Императоръ Александръ II и цесаревичъ Николай Александровичъ въ курской мужской гимназіи въ 1859 году», CXXXIII іюль, 170—172. 2) въ статьѣ А. Витмеръ: «Воспоминанія о покойномъ цесаревичѣ Николаѣ Александровичѣ», CXXXIII, сентябрь, 884—888.

Николай II Александровичъ, императоръ, CXXXI, январь, 303—306. (столѣтіе собственной его величества канцеляріи), CXXXI, мартъ, 3—64. (Романовскіе юбилейные дни), CXXXII, май, 731—733. CXXXIV, ноябрь, 515.

Николай Михайловичъ, великій князь, историкъ. 1) Рецензія С. Ш. о книгѣ его: «Петербургскій некрополь». Томъ третій. (М. Р.) Спб. 1912, CXXXI, февраль, 653—654. 2) Рецензія М. Соколовскаго о книгѣ его: «Генералъ-адъютанты императора Александра I. Съ 47 портретами, изъ которыхъ 19 въ краскахъ. Спб. 1913. Экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ», CXXXIV, декабрь, 1148—1151. 3) Рецензія В. А—ва.—о книгѣ его: «Письма высочайшихъ особъ къ графинѣ А. С. Протасовой». Спб. 1913, CXXXIII, іюль, 306—307.

Николай Николаевичъ Старшій, великій князь. По поводу закладки памятника ему въ Петербургѣ, CXXXII, апрѣль, 365—366. Въ статьѣ В. Б. Бертенсона: «За тридцать лѣтъ», CXXXIV. ноябрь, 504—508.

Николай I, Павловичъ, императоръ, CXXXI, январь, LIX—LXIII, 187—191. По поводу семидесятипятилѣтія Спб. сиротскаго института императора Николая I, CXXXI, январь, 308—309. CXXXII, апрѣль, 30.—О немъ въ замѣткѣ «Одна изъ загадокъ исторіи»), CXXXII, май, 721. Въ статьѣ графа А. Ржевскаго: «Отрывокъ изъ мемуаровъ», CXXXII, іюнь, 827—830, 850. Присутствіе его при открытіи красносельскаго театра, CXXXIII, августъ, 658.

Николичъ, предсѣдатель сербской народной скупщины, по поводу Романовскихъ юбилейныхъ дней, CXXXI, мартъ, 63.

Никольскій, А. П., управляющій министерствомъ земледѣлія, CXXXI, январь, 140.

Никольскій, М. Э. Рецензія В. Рудакова о книгѣ его: «По слѣдамъ Великаго Наполеона. Историческій романъ. Спб. 1912», CXXXI, январь, 255—256.

Никольскій, Н. М. Рецензія о редактированной имъ книгѣ: «Мельгуновъ, П. Первые уроки исторіи (изъ бесѣды съ учениками). Древній Востокъ. Съ 85-ю рис. и картою. Изд. 9, переработанное и дополненное. М. 1913. Книгоиздательство «Задруга», CXXXIV, декабрь, 1172.

Никольскій, С. С. Рецензія объ его книгѣ: «Методика элементарнаго курса исторіи. Оренбургъ. 1913», CXXXIV, ноябрь, 751.

Никотинъ, И. А., авторъ записокъ нюльскомъ мятежѣ, CXXXII, май, 558.

Ницше, нѣмецкій философъ.—О немъ въ замѣткѣ: «Гобино, Ницше и Вагнеръ», CXXXIII, августъ, 717—719.

Новиковъ, Александръ Ивановичъ, писатель-публицистъ. Некрологъ его: CXXXI, мартъ, 1094—1095.

Новосильцевъ, Ю. А., темниковскій предводитель дворянства, въ квартирѣ котораго состоялось собраніе «союза польскихъ конституціоналистовъ», CXXXIII, іюль, 265.

Нонненманъ, К. Рецензія Н. И. К. о комментированной имъ книгѣ: «Наука побѣждать» генералиссимуса Суворова. (По матеріалу, еще не бывшему въ печати). Съ рисунками и чертежами Суворова. Текстъ пояснилъ и копіи рисунковъ исполнилъ К. Нонненманъ. Изданіе военнаго книгоиздательства В. Жукова. Спб. 1913, CXXXI, февраль, 671—672.

Нольде, Б. Е., баронъ, премированный академіей наукъ за «Очерки» русскаго государственнаго права», CXXXI, февраль, 715.

Нотбекъ, полковникъ, талантливый военный педагогъ, CXXXI, февраль, 493—496.

Библиотека "Руниверс"

О

Оболонскій, Николай Александровичъ, профессоръ университета св. Владиміра, авторъ многихъ научныхъ работъ по судебной медицинѣ. Некрологъ его: CXXXII, май, 748.

Овсянико-Куликовскій, Д. Н. академикъ. Рецензія Влад. Княжнина о редактированной имъ книгѣ: «Исторія русской литературы XIX вѣка. Выпускъ двадцать восьмой и двадцать девятый. Москва. 1912», CXXXI, февраль, 662—665. По поводу его юбилея, CXXXII, май, 739, 740.

Овсяный, Н. Р., генералъ, изслѣдователь по исторіи балканскихъ славянъ. Некрологъ его: CXXXII, іюнь, 1112—1113.

Овчинниковъ, В. А. доцентъ, по поводу его статьи: «Неприкосновенность преступныхъ пословъ въ литературѣ XVI и начала XVII в.в., CXXXII, іюнь, 1075.

Огановскій, Н. П. Рецензія Вит. Ткачука о книгѣ его: «Надѣленіе землей помѣщичьихъ крестьянъ». Москва. 1913. Изданіе «Задруга», CXXXIV, ноябрь, 738—739.

Оглоблинъ, Н. Н. Его статьи 1) «Развалъ». (Изъ провинціальныхъ настроеній), CXXXII, апрѣль, 160—196.
2) «Изъ жизни старообрядчества на сѣверѣ Россіи», XXXIII, августъ, 593—597. 3) «Политическіе ссыльные на Вычегдѣ», CXXXII, іюнь, 918—924.

Огрызко, Іосафатъ, петербургскій чиновникъ, руководитель польскаго возстанія, CXXXIII, сентябрь,804.

Одоевскій, Владиміръ Ѳедоровичъ, князь, писатель, «русскій Гофманъ», въ статьѣ. Вл. ф. Штейна: «Забытый писатель». CXXXIII, іюль, 216—232.

Озмидовъ, М. Л., издатель «Новороссійскаго Телеграфа», CXXXIII, іюль, 123, 129.

Окрейцъ, С. С. Его статья: «Аудіенція у П. А. Столыпина и катастрофа 12-го августа», CXXXI, мартъ, 864—878.

Ольденбурскіе: Петръ Георгіевичъ. принцъ, основатель пріюта принца Ольденбургскаго. 1) По поводу столѣтія его памяти, CXXXI, январь, 306—307. 2) По поводу праздника пріюта его имени, CXXXI, февраль, 721, 722. Терезія, принцесса, по гипсу которой отлитъ бюстъ поэта князя П. А. Вяземскго для памятника, CXXXIII, сентябрь, 1047.

Ольденбургъ, Сергѣй Ѳедоровичъ, академикъ. — О немъ въ замѣткѣ: «Торжественное собраніе академіи наукъ», CXXXI, февраль, 713—716.

Ольшанскій, Г. Н. Его статья: «Преступленіе пономаря». (Разсказъ моего дѣда), CXXXIII, іюль, 53—77.

Оманъ, Эмиль, проф. парижскаго ун—та, историкъ.—О немъ въ замѣткѣ: «Французы на польскомъ престолѣ», CXXXII, апрѣль, 352—355.

Оппель, Андрей Алексѣевичъ, авторъ популярнымъ романсовъ и музыкальный педагогъ, въ статьѣ М. В. Шевлякова: «Оригиналы и чудаки», CXXXIV, декабрь, 933—942.

Ордынцевъ-Кострицкій, М. Д. Рецензія А. П. Над—ежина о книгѣ его: «Запорожцы въ Сарагоссѣ. Историческій романъ для юношества. Спб. 1913», CXXXI, мартъ, 1049.

Оржешко-Нагорская, Элиза, польская писательница, о ней въ рецензированной В. Л—вомъ книгѣ. «А. Жиркевичъ. Памяти Э. Б. Оржешко-Нагорской. Вильна. 1912», CXXXI, мартъ, 1042—1043.

Орловскій, Е. Ф. Рецензія Д. Бочкова о книгѣ его: «Гродненская губернія въ 1812 году. Гродна. 1912», CXXXI, мартъ, 1029—1030.

Орловъ, Аѳиногенъ Алексѣевичъ, генералъ, управляющій дворомъ великаго князя Николая Николаевича Старшаго, CXXXIV, ноябрь, 504—505.

Орля-Ошменецъ, Фердинандъ, учитель Орловской гимназіи, полякъ, издатель перваго журнала въ Орлѣ: «Другъ Россіянъ» (1816 г.), CXXXIII, сентябрь, 968—972.

Орманіанъ, Малахія, рецензія Б. Г—ва о книгѣ его: «Армянская церковь. Ея исторія, ученіе, управленіе,внутренній строй, литургія, литература, ея настоящее. Переводъ съ французскаго Б. Рунтъ. Москва», CXXXIV, ноябрь, 739—740.

Ормессонъ, посланникъ французскій въ Аѳинахъ, по поводу его статьи, посвященной памяти греческаго короля Георга III, CXXXII, іюнь, 1084—1087.

Остерманъ, графъ, герой Кульмскаго боя, CXXXIII, августъ, 630, 633.

Островидовъ, управляющій дѣлами каказскаго намѣстника, CXXXIII, сентябрь, 853—854.

Островскій, А. Н., знаменитый драматургъ, по поводу 8-го конкурса его имени, CXXXI, январь, 313.

Остороумова-Лебедева, А. П. Рецензія Г. о книгѣ съ ея украшеніями: «В.Курбатовъ. Петербургъ. Художественно-историческій очеркъ и обзоръ художественнаго богатства столицы. Съ 315 иллюстраціями. Книжныя украшенія А. П. Остроумовой.Лебедевой. Изданіе общины св. Евгеніи. Спб. 1913», CXXXIV, декабрь, 1157.

Библиотека "Руниверс"

П

П. Рецензія его о книгѣ: «Сборникъ работъ учащихся школы императарскаго общества поощренія художествъ. Выпускъ 2-й. Часть 2-я», CXXXI, февраль, 666.

П. Г. Рецензія его: «Изабелла Гриневская. Беха-Улла. «Блескъ Божій». Поэма-трагедія въ стихахъ въ 5-ти дѣйствіяхъ и 6 картинахъ. Спб. 1912», CXXXII, апрѣль, 328—329.

П—въ, А. Его статья: «Поэтъ-священникъ», CXXXXIV, ноябрь, 598—609.

Пант. Рецензіи его: 1) «Н. Карѣевъ. Эпоха французской революціи въ трудахъ русскихъ ученыхъ за послѣднія десять лѣтъ (1902—1911). Спб. 1912», CXXXI, мартъ, 1055—1056. 2) «Древній міръ и средніе вѣка. Историческіе очерки. Составили И. Н. Бороздинъ, проф. С. А. Котляревскій, В. В. Филатовъ, А. Г. Штейгеръ и М. А. Эртель. Изданіе II, исправленное и дополненно. Москва. 1913», CXXXIII, августъ, 692—693. 3) «Е. В. Тарле. Континентальная блокада. Изслѣдованія по исторіи промышленности и внѣшней торговли Франціи въ эпоху Наполеона. Съ приложеніемъ неизданныхъ документовъ. Москва. 1913», CXXXIV, октябрь, 353—357.

Павелъ I, императоръ, CXXXI, январь, L—LII.

Павлова, балерина, въ замѣткѣ: «Русскій театральный сезонъ за границей,» CXXXII, іюнь, 1087—1089.

Павловскій, Алексѣй Андреевичъ, профессоръ, докторъ исторіи изящныхъ искусствъ, писатель. Некрологъ его: CXXXII, іюнь, 1113.

Павловскій, И. Ф. Рецензія **В.** Рудакова объ его книгѣ «Краткій біографическій словарь ученыхъ и писателей Полтавской губерніи, съ половины XVIII вѣка. Съ портретами. Изданіе полтавской ученой архивной комиссіи. Полтава. 1912», CXXXI, январь, 245—246.

Павловъ, Николай Филипповичъ, основатель «Русскихъ Вѣдомостей», CXXXI, мартъ, 848.

Паленъ, К. И. графъ, министръ юстиціи, CXXXI, январь, 119.

Пановъ, Н. З. художникъ, авторъ проектовъ памятниковъ Пушкину, Жуковскому и кн. Вяземскому въ имѣніи «Остафьево», CXXXIII, августъ, 741, сентябрь, 1046, 1048.

Парамоновъ, Н., по поводу его революціоннаго книгоиздательства «Донская рѣчь», CXXXIII, іюль, 262.

Паренсовъ, Петръ Дмитріевичъ, капитанъ, впослѣдствіи министръ Болгаріи, нынѣ комендантъ Петергофа, генералъ-отъ-инфантеріи, CXXXIII, сентябрь, 799.

Парчевскій, Н. Л. Его статья: «Роль казачества въ эпоху революціи 1905 г.», CXXXIII, сентябрь, 936—964.

Пассекъ, Татьяна Петровна, авторъ воспоминаній: «Изъ дальнихъ лѣтъ», CXXXII, апрѣль, 35.

Пассоверъ, А. Я., еврей-адвокатъ, извѣстный цивилистъ. CXXXIII, іюль, 101—104.

Пастуховъ, Николай Ивановичъ, «царь московскихъ репортеровъ», издатель «Московскаго Листка» 1) (по поводу основанія имъ этой газеты), CXXXI, мартъ, 850—863, 2) въ статьѣ въ М. В. Шевлякова: «Оригиналы и чудаки», CXXXIV, ноябрь, 520—532.

Patouillet, I, Рецензія Г—ъ о книгѣ его: «Ostrovski et son theatre de moeurs russes. Paris. 1913», CXXXIV, октябрь, 345—347.

Пахоруковъ, Евгеній. Рецензія его: «А. Романовичъ-Славатинскій. Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII вѣка до отмѣны крѣпостного права. Изд. второе (посмертное) юридическаго факультета университета св. Владимира, подъ редакціей проф. А. А. Жилина. Кіевъ. 1912,» CXXXII, май, 657—659.

Пекарскій, Эд., замѣтка его: «Запоздалый отвѣтъ Г. Ч. Вѣтринскому», CXXXI, мартъ, 1103.

Пеликанъ, Евгеній Венцеславовичъ, директоръ медицинскаго департамента, CXXXIII, іюль, 193.

Перельманъ, Я. Рецензія Л. С. о книгѣ его: «Занимательная физика. 140 парадоксовъ, задачъ, опытовъ, замысловатыхъ вопросовъ и проч. Съ 160 рис. въ текстѣ. Изд. II. Сойкина. 1913», CXXXIV, ноябрь, 746, 747.

Перль, Людвигъ Ивановичъ, гессенскій выходецъ, тайный совѣтникъ. CXXXIII, сентябрь, 855—856.

Перовская, Софія, цареубійца, CXXXI, январь, 129, февраль, 526, 530, 531 (по поводу ея казни).

Перцовъ, В. Н. Рецензія о редактированной имъ книгѣ: «Алабина-Сократова, Т. Картины изъ жизни государства Аѳинскаго въ V вѣкѣ до Р. Х. 2-е изданіе, исправленное и дополненное. Изданіе т—ва «Задруга», М. 1913», CXXXIV, декабрь, 1172.

Перцовъ, П. Рецензія Ник. Энгельгарда о книгѣ его: «Панруссизмъ или панславизмъ. Москва. 1913». CXXXI, мартъ. 1051—1052.

Библиотека "Руниверс"

Песковскій, М. Л. Рецензія Д. Масляненко на передѣланный имъ переводъ книги: «Ф. Герштекеръ. Вселенная. Разсказы для дѣтей изъ физической, математической и политической географіи. Переводъ подъ редакціей Ф. Резенера, передѣланный и дополненный М. Л. Песковскимъ. Пятое русское подъ редакціею А. А. Ешевскаго изданіе т—ва М. О. Вольфъ. Съ 229 русунками, шестью картами въ краскахъ и восемью географическими картами. Спб.1913». CXXXIII, іюль, 333.

Пестржецкій, Д. И., помощникъ управляющаго земскимъ отдѣломъ, CXXXI, январь, 137.

Петискусъ, А. Г. Рецензія Д. М. о книгѣ его: «Олипмъ. Миѳологія грековъ и римлянъ. Третье русское изданіе, переработанное (по 21 нѣмецкому изданію) подъ редакціей К. А. Тюлеліева. Съ рисунками въ текстѣ и на отдѣльныхъ листахъ. 1913». CXXXIII, августъ, 702.

Петровскій, П. А. актеръ александринскаго театра, импровизаторъ куплетовъ въ опереткѣ «Орфей въ аду». CXXXI, январь, 152—153.

Петровъ, А. В. Рецензія Библ. о книгѣ: «Библіотека А. В. Петрова. Собраніе книгъ, изданныхъ въ царствованіе Петра Великаго. Изданіе второе, дополненное. Съ 34 снимками. Спб. 1913, CXXXIV, ноябрь, 732—733.

Петровъ, А. Л., награжденный уваровской преміей за сочиненіе «Матеріалы для исторіи Угроской Руси», CXXXI, февраль, 715.

Петровъ, Д. К., профессоръ. Рецензія Вл. Кн. о составленной при его участіи книгѣ: «Исторія западной литературы (1800—1910 г.г.), подъ редакціей проф. Ѳ. Д. Батюшкова, при ближайшемъ участіи проф. Ѳ. А. Брауна, академика, Н. А. Котляревскаго, проф. Д. К. Петрова, приватъ-доцента Е. В. Аничкова и приватъ-доцента К. Ѳ. Тіандера. Изданіе т—ва «Міръ», Москва. Томъ I, вып. 1, 2, 3», CXXXIV, октябрь, 361—362.

Петровъ, Н. И., профессоръ. Рецензія Д. Бочкова о книгѣ его: «Альбомъ достопримѣчательностей церковно-археологиьескаго музея при кіевской духовной академіи. Выпускъ I. Коллекція синайскихъ и аѳонскихъ иконъ преосвященнаго Порфирія Успенскаго. Кіевъ. 1912. In folio. Съ 21 табл. снимковъ, CXXXIII, сентябрь, 1072—1073.

Петрушевичъ, А. С., галицкій филологъ и историкъ. Некрологъ его: CXXXIV ноябрь, 796.

Петрушевскій, Д. М., проф. Рецензія о книгѣ его: «Общество и государство у Гомера. Опытъ исторической характеристики. Изд. 2-е. «Задруга». М. 1913». CXXXIV, декабрь, 1172.

Петръ Великій, императоръ, CXXXI, январь, XX—XXIX. По вопросу о титулѣ «самодержецъ», CXXXI, февраль, 594, 595, CXXXI, мартъ, 996, (указъ о возобновленіи Валаамскаго монастыря), О немъ въ рецензированной Л. Н. книгѣ Н. П. Волынскаго:«Постепенное развитіе русской регулярной кавалеріи въ эпоху Великаго Петра съ подробнымъ описаніемъ участія ея въ великой сѣверной войнѣ. Историческое изслѣдованіе по первоисточникамъ. Выпускъ I. 1698—1706. Книга I. Вступленіе (1698—1700 г.). Ингерманландская операція (1701—1704 гг.). 2 карты, 1 таблица. Книга вторая. Операціи: литовско-курляндская (1704—1705), гродненская (1705—1706), калишская (1706). Усмиреніе астраханскаго бунта (1705—1706). Война между Петербургомъ и Выборгомъ (1705—1706). 2 карты, 39 автографовъ. Книга 3-я. Приложенія. Книга 4-я, 4 таблицы, CXXXII, май, 666—667.
По поводу дара галлереѣ Петра I, CXXXI мартъ, 1084, CXXXIII, августъ, 739. (по поводу запрещенія дубовыхъ гробовъ).

Петръ II, императоръ, CXXXI, январь, XXVIII.

Петръ III Федоровичъ, императоръ, CXXXI, январь, XXXIX.

Пестряковъ, Филиппъ Мелентьевичъ, священникъ въ с. Тарасовкѣ, въ статьѣ В. П—ва «Поэтъ-священникъ», CXXXIV, ноябрь, 598—609.

Печаткинъ, технологъ, владѣлецъ красносельской бумажной фабрики, CXXIII, августъ, 642.

Пещуровъ, командиръ русской экадры, передавшій американцамъ проданную Аляску, CXXXI, мартъ, 1072.

Пещуровъ, Дмитрій Александровичъ, бывшій профессоръ петербургскаго университета по каѳедрѣ китайской словесности. Некрологъ его: CXXXIV, декабрь, 1207—1208.

Пикокъ, Удхэдъ, англійскій авторъ статьи о балканскихъ союзныхъ государствахъ, CXXXI, январь, 296—298.

Пиксановъ, Н. К. Рецензіи 1) о книгѣ его: «Три эпохи — Екатерининская, Александровская, Николаевская. Темы, библіографія, вопросники. Изд- 2-е. Спб. 1913», CXXXIV, декабрь, 1174—1175. 2) о редактированной имъ книгѣ: «Горе отъ ума». Комедія А. С. Грибоѣдова. Текстъ жандровской рукописи. Редакція, введеніе и примѣчанія Н. К. Пиксанова. Изданіе Л. Э. Бухгеймъ. Москва,

Библиотека "Руниверс"

1912», CXXXI, январь, 248—249. Замѣтка къ ней П. Пиксанова: «По поводу рецензіи на изданіе жандровской рукописи «Горе отъ ума»., CXXXI, февраль, 734—736. Замѣтка къ этой замѣткѣ Л. Н.: «О жандровской рукописи «Горе отъ ума» (отвѣтъ рецензента). CXXXII, апрѣль, 382—383. Замѣтка на этотъ отвѣтъ г. Пиксанова: «Еще о жандровской рукописи», CXXXII, май, 751.

Пиленко, Ал. Ал. Рецензія Д. Масляненко о книгѣ его: «Около болгарской войны. Дневникъ и сорокъ девять любительскихъ фотографій. Изданіе газеты «Вечернее Время». Спб. 1913», CXXXI, мартъ, 1038—1039.

Пинелли, Манфредо. Статья его: «Исторія великой любви». Воспоминанія. CXXXI, февраль, 546—559.

Пирлингъ, П. рецензія К. о книгѣ его: «Историческія статьи и замѣтки». Спб. 1913». CXXXIII, августъ, 662—664.

Пироговъ, Николай Васильевичъ, художникъ. Некрологъ его: CXXXI, мартъ, 1095—1096.

Пироговъ, Н. И., знаменитый хирургъ. Упоминается, CXXXII, апрѣль, 224—226.

Писарева, Е. Рецензія Д. Масляненко о книгѣ ея: «Памяти Анны Павловны Философовой. Изданіе россійскаго теософическаго общества. Спб. 1912», CXXXI февраль, 676—677.

Писемскій, Алексѣй Александровичъ, выдающійся художникъ.—О немъ въ статьѣ П. И. Соколова: «Памяти» А. А. Писемскаго», CXXXII, апрѣль, 250—256.

Пихно, Димитрій Ивановичъ, проф., членъ Государственнаго совѣта, редакторъ газеты «Кіевлянинъ». Некрологъ его: CXXXIII, сентябрь, 1146—1147.

Пишо, артистъ императорскаго балета, CXXXI, январь, 113.

Плансонъ, Левъ. Статья его: «Казнь цареубійцъ». (Изъ личныхъ воспоминаній), CCXXXI, февраль, 520—534. Замѣтка къ ней С. Бронскаго: «По поводу воспоминаній Л. Плансона», CXXXII, апрѣль, 384.

Платоновъ, Сергѣй Ѳедоровичъ, по поводу доклада: «Объ избраніи на царство Михаила Ѳеодоровича», въ император. русск. историч. обществѣ, CXXXII, май, 733. Рецензія В. Рудакова о книгѣ его совмѣстно съ П. Г. Васенко и Е. Ф. Тураевой-Церетели: «Начало династіи Романовыхъ. Историческіе очерки. Съ двѣнадцатью потретами и рисунками. Спб. 1912», CXXXII, іюнь, 1048.

Плетневъ, П. А., извѣстный ученый, профессоръ.—О немъ въ рецензированной Д. Бородкинымъ книгѣ: «Извлеченія изъ переписки Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ. На шведскомъ языкѣ. Переводъ сдѣланъ В. Грундстремомъ. Гельсингфорсъ. 1912. (Utdrag ur J. Grots brevvaxling med P. Pletnjov), CXXXI, мартъ, 1041—1042.

Плещеевъ, Александръ Алексѣевичъ, болховской помѣщикъ, театралъ, композиторъ, придворный чтецъ (по поводу его оперы «Тюремкинъ»), CXXXIII, сентябрь, 966—972.

Плещеевъ, Алексѣй Николаевичъ, поэтъ и переводчикъ, въ статьѣ М. В. Клочкова: «Процессъ Н. Г. Чернышевскаго», CXXXIII, сентябрь, 910, 911.

Пнинъ, Иванъ Петровичъ, писатель. О немъ въ книгѣ Н. Даденкова: «Иванъ Петровичъ Пнинъ. Опытъ его біографіи и обзоръ литературной дѣятельности. Нѣжинъ. 1912», CXXXI, февраль, 668—669.

Побирохинъ, извѣстный тамбовскій хлыстъ-сектантъ, CXXXII, апрѣль, 47.

Погожева, Л. Рецензія Масляненко о книгѣ ея: «Безвинный страдалецъ Михаилъ Никитичъ Романовъ». Историческій очеркъ, CXXXIV, октябрь, 337.

Подвысоцкій, В. В. Директоръ императорскаго института экспериментальной медицины, профессоръ. Некрологъ его: CXXXI, мартъ, 1096.

Пожарскій, князь, Дмитрій Михайловичъ, знаменитый герой смутнаго времени, CXXXI, мартъ, 1006.

Покровскій, К. Д., профессоръ-популяризаторъ, по поводу юбилея научнаго нижегородскаго кружка любителей физики и астрономіи, CXXXIV, декабрь, 1196—1197.

Покровскій, Николай Васильевичъ, профессоръ, директоръ археологическаго института; 1) по поводу его юбилея. CXXXI, мартъ, 976. 2) Въ статьѣ А. Мирова: «Изъ жизни археологическихъ учрежденій», CXXXIII, сентябрь, 1100, 1101.

Поливанова, Е. Ея статья: «Изъ прошлаго». (Семидесятники), CXXXII, май, 545—556.

Полиловъ, Георгій Тихоновичъ. Рецензія его: 1) «Болгарскій сборникъ». Очеркъ развитія новой болгарской литературы. Народныя пѣсни, стихотворенія, повѣсти, разсказы. Составилъ К. Кузьминскій. Москва, CXXXII, май, 683. 2) «Художникъ-иллюстраторъ А. А. Агинъ, его жизнь и творчество. Съ 45 иллюстраціями въ текстѣ, составилъ Константинъ Кузьминскій. Москва», CXXXIII, іюль, 332. 3) «Саардамскій плотникъ. Историческая повѣсть П. Р. Фурмана, подъ редакціей В. П. Авена-

Библиотека "Руниверс"

ріуса. Москва. 1913. Изданіе А. Д. Ступина», CXXXIV, декабрь, 1166—1167.

Полонскій, Леонидъ Александровичъ, писатель-журналистъ. Некрологъ его: CXXXII, май, 748—749.

Полторацкій, Маркъ Ѳеодоровичъ, полковникъ «спѣвальной музыки» при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, CXXXI, февраль, 360.

Poltoratzky Hermione. Рецензія А. Б. о книгѣ его: Profils russes. Paris. 1913. CXXXII, іюнь, 1053.

Полѣновъ, С. А., талантливый архитекторъ, CXXXIII, сентябрь, 858.

Пономаревъ, Степанъ Ивановичъ, извѣстный библіографъ. Некрологъ его: CXXXIV, декабрь, 1208—1209.

Поповичъ, Павелъ. Рецензія Андрея Сиротинина о книгѣ его: «Обзоръ исторіи сербской литературы. Спб. 1912», CXXXI, январь, 268—269.

Поповъ, А. Рецензія Масляненко о книгѣ его: «Царь-Миротворецъ Александръ III», CXXXIV, октябрь, 339.

Поповъ, В. И. Рецензія о книгѣ его: «Исторія русскаго серебрянаго рубля въ связи съ исторіей рисунка. (Краткій очеркъ). Казань. 1913», CXXXIV, ноябрь, 749.

Поповъ, Д. Д., профессоръ, военно-медицинской академіи. По поводу его 25-лѣтняго юбилея, CXXXII, апрѣль, 371, 372.

Поппе, В. Рецензія В. Г. о книгѣ его: «Критика методологическихъ основъ теоріи права и нравственности проф. Петражицкаго. Спб. 1912», CXXXI, январь, 264—265.

Попруженко, М. Г. Его статья: «Дневникъ О. М. Бодянскаго», CXXXIII, августъ, 413—431.

Пороховщиковъ, награжденный академіей наукъ преміей имени Пушкина за сочиненіе: «Искусство рѣчи на судѣ», CXXXII, апрѣль, 367.

Портицкій, майоръ, дрогичинскій городничій во время польскаго мятежа, по поводу курьезнаго акта о введеніи во время мятежа особаго управленія въ Дрогичинѣ, CXXXII, май 564—565.

Порфирій (Успенскій), архимандритъ. Рецензія И. А. о книгѣ его: «Описаніе греческихъ рукописей монастыря святой Екатерины на Синаѣ. Т. I. Замѣчательныя рукописи въ библіотекѣ Синайскаго монастыря и Синаджуванійскаго подворья (въ Каирѣ), описанныя архимандритомъ Порфиріемъ (Успенскимъ). Изданіе императорской академіи наукъ, подъ редакціей и съ дополненіями В. Н. Бенешевича. Спб. 1911, CXXXI, январь, 231—232.

Поселянинъ, Е. Рецензія Масляненко о книгахъ его: 1) «Царица Анастасія Романовна—первая жена Іоанна Грознаго»; 2) «Герои и подвижники лихолѣтія XVII вѣка»; 3) «Сусанинъ и его потомки»; CXXXIV, октябрь, 337—338.

Постниковъ, А. С., профессоръ, журналистъ, содѣйствовавшій упроченію газеты «Русскія Вѣдомости», въ ст. князя Б. А. Щетинина: «Юбилей «Русскихъ Вѣдомостей», CXXXIV, ноябрь, 670.

Постниковъ, Несторъ Васильевичъ, докторъ, основатель перваго кумысо-лечебнаго заведенія, литераторъ. Некрологъ его: CXXXIV, октябрь, 414—415.

Потапенко, Василій, «царь воровской шайки», о немъ въ статьѣ А. Ю.: «Безпорядки въ Черниговской губ.», CXXXII, іюнь, 860, 870, 871.

Потапенко, И. Н. Его разсказъ: «Какъ это дѣлается», CXXXI, январь, 55—72.

Потебня, А. Рецензія Я. Бирюкова о книгѣ его: «Мысль и языкъ. 3-е изданіе» Харьковъ. 1913», CXXXIV, октябрь, 365.

Потемкинъ, Григорій Александровичъ, знаменитый государственный дѣятель и любимецъ Екатерины II, по поводу дара ему красносельской бумажной фабрики, CXXXIII, августъ, 640.

Потто, Василій Александровичъ, извѣстный военный историографъ, лѣтописецъ кавказскихъ войнъ и баянъ доблести кавказскихъ войскъ. 1) О немъ въ статьѣ Б. М. Городецкаго, «Лѣтописецъ кавказскихъ войнъ (памяти Василія Александровича Потто), CXXXI, январь, 199—204. 2) Рецензія Л. Н. о книгѣ его: «Кавказская война». Въ отдѣльныхъ очеркахъ, эпизодахъ, легендахъ и біографіяхъ. Т. II. Ермоловское время. Изданіе 3-е, удешевленное, CXXXII, апрѣль, 310—311.

Потѣхинъ, присяжный повѣренный, (по поводу его рѣчи въ процессѣ 193), CXXXI, январь, 118—119.

Прайсъ, Ф. По поводу его книги «Siberia», CXXXII, май, 715—716.

Праскинъ, Иванъ Александровичъ, профессоръ казанскаго университета по каѳедрѣ госпитальной хирургической клиники. Некрологъ его: CXXXII, іюнь, 113—114.

Прасоловъ, генералъ, комендантъ крѣпости Кушка, подавлявшій туземную революцію, CXXXIV, декабрь, 888.

Прейсъ-де, Исай Исаевичъ, французъ-гугенотъ, прадѣдъ автора статьи: «Быль минувшаго» М. Ватаци, CXXXII, май, 413.

Прессъ, Аркадій. Рецензія В. Г—скаго о книгѣ его: «Въ царствѣ книгъ. Очерки и портреты, съ иллюстраціями. Т. I и II. Спб. 1912», CXXXI, январь, 252—253.

Библиотека "Руниверс"

Прогонъ, Дмитрій, албанскій князь, въ замѣткѣ: «Къ исторіи Албаніи», CXXXIII, августъ, 733—736.

Прогульбицкій, В. Его статья: «Чиловская пещера. (Изъ природы Сухумскаго округа), CXXXII, іюнь, 967—983.

Протасова, Анна Степановна, графиня. О ней въ рецензіи В. А—въ: Великій князь Николай Михайловичъ. Письма высочайшихъ особъ къ графинѣ А. С. Протасовой. Спб. 1913». CXXXIII, іюль, 306, 307.

Протопоповъ, В. В. Рецензія —ъ о книгѣ его: «Библіотека. В. В. Протопопова.—Театръ. Спб. 1912», CXXXI, февраль, 666.

Пруссакъ, Владимиръ Константиновичъ, генералъ-майоръ, помощникъ главнаго редактора газеты «Русскій Инвалидъ» и журнала «Военный сборникъ». Некрологъ его: CXXXIII, августъ, 749.

Прутено, легендарный прусскій король, родоначальникъ дома Романовыхъ, CXXXI, январь, XVIII.

Прыжовъ, И. Рецензія Масляненко о книгѣ его: «Нищіе на святой Руси. Матеріалы для исторіи общественнаго и народнаго быта въ Россіи. Издательство «Молодыя силы». Казань. 1913», CXXXIII, іюль, 304—305.

Пташникъ, генералъ, директоръ тамбовскаго кадетскаго корпуса, CXXXIII, сентябрь, 787.

Пугачевъ, Емельянъ, самозванецъ. Упоминается: CXXXI, январь, XLIII, 33, 34, 41.

Пузыревскій, А. И., проф. Рецензія В. Баскина о составленной имъ и Л. А. Саккети книгѣ: «Императорское русское музыкальное общество. С.-Петербургское отдѣленіе. Очеркъ пятидесятилѣтія дѣятельности с.-петербургской консерваторіи. Спб. 1912, CXXXI, мартъ, 1016—1020.

Путилинъ, И. Д., начальникъ петербургской сыскной полиціи. О немъ въ статьѣ К. И. Путилина: «Тайное общество», CXXXII, май, 609—615.

Путилинъ, К. И. Его статья: «Тайное общество», CXXXII, май, 609—615.

Пушкинъ, Александръ Сергѣевичъ, геніальный поэтъ. О немъ: 1) въ замѣткѣ «Прусское донесеніе о смерти Пушкина», CXXXI, февраль, 692, 700. 2) По поводу стихотворенія, написаннаго графомъ А. А. Голенищевымъ-Кутузовымъ на открытіе ему памятника въ Москвѣ въ 1880 г., CXXXI, мартъ, 908. 3) По поводу присужденія преміи его имени, CXXXII, апрѣль, 366, 367. 4) По поводу открытія ему памятника въ имѣніи гр. Шереметева «Остафьево», CXXXIII, августъ, 740—741; сентябрь, 1040—1048.

Пчельниковъ, Павелъ Михайловичъ, дѣятель по благоустройству театральнаго дѣла, писатель. Некрологъ его: CXXXII, іюнь, 1114.

Р

Р—овъ, Б. Рецензія его: «Записки разряда военной археологіи и археографіи императорскаго русскаго военно-историческаго общества. Подъ редакціей дѣйствительнаго члена Н. И. Веселовскаго. Т. I. Спб. 1911», CXXXI, январь, 271—272.

Р., В. Рецензія его: «Н. П. Лихачевъ и Н. В. Мятлевъ. Тысячная книга 7059 г. (Изъ 3 и 4 выпусковъ «Лѣтописи историко-родословнаго общества въ Москвѣ». Орелъ. 1911», CXXXIV, октябрь, 344.

Равальякъ, убійца Генриха IV, короля французскаго, въ замѣткѣ: «Трагедія Равальяка», CXXXIII, іюль, 364—367.

Радинъ, лѣтописецъ революціоннаго рабочаго движенія, CXXXIV, октябрь, 238.

Радинъ, Е. П., д-ръ. Рецензія Д. Масляненко о книгѣ его: «Душевное настроеніе современной учащейся молодежи, по даннымъ петербургской общестуденческой анкеты 1912 года. Психологическая и соціальная самооцѣнка. Разочарованность. Спб. Изданіе Н. П. Карбасникова. 1913», CXXXII, іюнь, 1067—1070.

Раевская, М. Д.,общ. дѣятельница и художница. Некрологъ ея: CXXXI, февраль 730.

Разумовскій, Кириллъ Григорьевичъ, графъ, послѣдній гетманъ Малороссіи, по поводу реставраціи его дворца въ Батуринѣ, CXXXI, январь, 313.

Рамбахъ, В. К., главный докторъ морского госпиталя, CXXXIII, іюль, 94—96.

Рамбурхъ, французъ, учитель танцевъ при Петрѣ I, CXXXIII, іюль, 168.

Раммъ, В. И., издатель театральной газеты «Эхо сезона», CXXXII, іюнь, 946, 951.

Рангалисъ, греческій дипломатъ и писатель. О немъ въ замѣткѣ: «Изъ воспоминаній греческаго дипломата», CXXXI, мартъ, 1074—1079.

Рапгофъ (гр. Амори), «додѣлавшій» «Ключи счастья» Вербицкой, CXXXIII, іюль, 126.

Ратгаузъ, Д., поэтъ, мнѣніе гр. А. А. Голенищева-Кутузова о сборникѣ его стиховъ, CXXXI, мартъ, 919—920.

Раухфусъ, К. Замѣтка его: «По поводу воспоминаній В. Б. Бертенсона (CXXX томъ «Историческаго Вѣстника»), CXXXI, февраль, 736.

Резяновъ, строитель храма въ Красномъ Селѣ, CXXXIII, августъ, 640.

Библиотека "Руниверс"

Рейнольдсъ, Р., авторъ книги о Россіи, CXXXIII, августъ, 721.

Ржевускій, Адамъ Адамовичъ, графъ, генералъ-адъютантъ. О немъ въ статьѣ Екатерины Кольбъ, «Изъ мемуаровъ графа Ржевскаго», CXXXI, мартъ, 879. Его «Отрывокъ изъ мемуаровъ», CXXXII, іюнь, 827—852.

Ржевусскій, Станиславъ Адамовичъ, графъ, журналистъ, драматургъ и театральный критикъ. Некрологъ его: CXXXII, іюнь, 1114—1115.

Рибасъ-де, Александръ. Рецензія А. Кауфмана о его книгѣ: «Старая Одесса». Историческіе очерки и воспоминанія. Одесса. 1913, CXXXII, май, 676—678.

Ридигеръ, корпусной генералъ, дѣйствовавшій противъ польскихъ повстанцевъ (1830—1831 гг.), CXXXI, мартъ, 880—887.

Римскій-Корсаковъ, Н. А., композиторъ, CXXXI, январь, 99.

Рихтеръ, Л. А. Его статья: «Изъ прошлаго», CXXXIV, октябрь, 123—156.

Ришелье, знаменитый кардиналъ, французскій министръ. О немъ въ замѣткѣ: «Пале-Рояль и его исторія», CXXXII, май, 717—721.

Робеспьеръ, Максимиліанъ, знаменитый французскій якобинецъ, въ замѣткѣ: «Секретарь Робеспьера», CXXXIII, іюль, 362—364.

Роганъ-де, кардиналъ, о немъ въ замѣткѣ: «Одна изъ загадокъ исторіи», по поводу ожерелья Маріи-Антуанеты, CXXXII, май, 724—725.

Родэнъ, знаменитый французскій скульпторъ, по поводу его бесѣды съ Ф. Гаррисомъ, CXXXII, іюнь, 1101—1102.

Рождественскій, В. А., инженеръ-технологъ, предсѣдатель собранія московскаго отдѣленія всероссійскаго союза инженеровъ-техниковъ, CXXXIII, августъ, 599.

Рождественскій, Т. С. Рецензія В. Данилова о составленной имъ и М. И. Успенскимъ книгѣ: «Записки императорскаго русскаго географическаго общества по отдѣленію этнографіи. Т. XXXV. Пѣсни русскихъ сектантовъ мистиковъ. Съ 22 таблицами рисунковъ и 2 таблицами нотъ. Сборникъ. 1912», CXXXIV, декабрь, 1167—1168.

Розановъ, В. В. Рецензіи: 1) В. Грибовскаго о книгѣ его: «О подразумѣваемомъ смыслѣ нашей монархіи. Спб. 1912», CXXXI, мартъ, 1052—1053. 2) Н. Вальмона о книгѣ его: «Опавшіе листья. Спб. 1913», CXXXIII, іюль, 326—327. 3) Н. В. о книгѣ его: «Литературные изгнанники.» Т. I. Спб., CXXXIV, ноябрь, 725—728.

Розенбахъ, Николай Оттоновичъ, туркестанскій генералъ-губернаторъ, въ статьѣ Г. П. Федорова: «Моя служба въ Туркестанскомъ краѣ», CXXXIV, ноябрь. 443—446, 452—454.

Розенъ, В. Р., баронъ. Рецензія А. Миронова на основанныя имъ: «Записки восточнаго отдѣленія императорскаго русскаго археологическаго общества. Основаны барономъ В. Р. Розеномъ. Томъ XX. Выпускъ IV.—То же. Томъ XXI. Выпускъ I (съ 9 рис. въ текстѣ). Спб. 1912. Томъ XXI. Выпуски II—III. Съ приложеніемъ 10 таблицъ и съ 4 рис. въ текстѣ. Спб. 1912. Томъ XXI. Выпускъ IV (послѣдній). Спб. 1913», CXXXIV, ноябрь 712—716.

Розинъ, Н. Н., профессоръ томскаго университета. Рецензія проф. І. В. Михайловскаго о книгѣ его: «Уголовное судопроизводство. 1913», CXXXII, май, 691—693.

Романовичъ-Лепарскій, Станиславъ Романовичъ, бывшій главный начальникъ надъ политическими ссыльными (декабристами) петровскаго завода (по поводу памятника на его могилѣ), CXXXI, мартъ, 930, 931.

Романовичъ-Славатинскій, А. Рецензія Евгенія Пахорукова о книгѣ его: «Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII вѣка до отмѣны крѣпостного права. Изданіе второе (посмертное) юридическаго факультета университета св. Владимира, подъ редакціей проф. А. А. Жилина. Кіевъ. 1912», CXXXII, май, 657—659.

Романовъ, Е. Р. Рецензія Д. Бочкова о книгѣ его: «Бѣлорусскій сборникъ. Выпускъ восьмой. Бытъ бѣлорусса. Выпускъ девятый. Опытъ словаря условныхъ языковъ Бѣлоруссіи». Вильна. 1912», CXXXII апрѣль, 322—323.

Романовъ, Иванъ Ѳедоровичъ, писатель - публицистъ. Некрологъ его: CXXXIII, іюль, 380.

Ронинъ, П. Статья его: «Страшная шутка». (Эпизодъ изъ исторіи одного бунта), CXXXI, январь, 179—182.

Роппъ, А. Н., баронъ. Рецензія Вит. Ткачука о книгѣ его: «Что сдѣлала третья государственная дума для народнаго образованія? Спб. 1912», CXXXI, январь 246—247.

Россини, Джіоакимо, знаменитый пѣвецъ, въ его воспоминаніяхъ о своемъ дѣтствѣ, переданныхъ Эдмондомъ Миккотомъ, CXXXIII, августъ, 709—713.

Россіевъ, П. А. Его статейка: «Эпизодъ изъ жизни М. Н. Каткова», CXXXIV, ноябрь, 615—616.

Россоловскій, В. С., военный корреспондентъ «Новаго Времени», CXXXII, май, 486.

Библиотека "Руниверс"

Ростопчина, Л., графиня. Рецензія П. Майкова о книгѣ ея: «Семейная хроника (1812 г.). Съ 8 иллюстраціями. Перевелъ Л. Ф. Гретманъ. Спб.», CXXXI, мартъ, 1023—1025.

Rostoptchine, Lydie, la comtesse. Рецензія П. Майкова о книгѣ ея: «Les Rostoptchine choroniques de famille. Paris. Librairie Felix Juven»,CXXXI, мартъ, 1023—1025.

Рубакинъ, Н. А. Рецензія А. Б. о книгѣ его: «Письма къ издателямъ о самообразованіи», Спб. 1913», CXXXII, апрѣль, 329—331.

Рубецъ, А. И., бывшій профессоръ петербургской консерваторіи, писатель и собиратель народныхъ пѣсенъ. Некрологъ его: CXXXII, іюнь, 1115.

Рубинштейнъ, Антонъ Григорьевичъ, композиторъ, CXXXII, май, 432, 433.

Рузвельтъ, Теодоръ, президентъ сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. О немъ въ статьѣ Б. Б. Глинскаго: «Легенды о портсмутскомъ договорѣ», CXXXII, апрѣль, 257—273.

Рудаковъ, Василій Егоровичъ, писатель, сотрудникъ «Историческаго Вѣстника». Его замѣтка: 1) «Съѣздъ дѣятелей музеевъ и архивовъ въ Москвѣ», CXXXI, февраль, 709—713. 2) статья: «Два археологическихъ юбилея. (По поводу 35-тилѣтія императорскаго археологическаго института), CXXXI. мартъ, 962—976.— Рецензія В. Б. о составленной имъ и Ѳ. А. Тарапыгинымъ книгѣ: «Замѣчательныя историческія сооруженія. Храмы дворцы, памятники въ Москвѣ, Петербургѣ, Новгородѣ, Кіевѣ, Костромѣ, Смоленскѣ и другихъ городахъ. Составили Ѳ. А. Тарапыгинъ (1-ю часть) и В. Е. Рудаковъ (2-ю часть). Второе, исправленное и дополненное изданіе съ предисловіемъ Б. Глинскаго. Спб. 1914», CXXXIV, ноябрь, 716—717. — О немъ, по поводу его кончины, въ статьѣ Б. Б. Глинскаго: «Памяти В. Е. Рудакова», CXXXIII, августъ, 580—792. Рецензіи его: 1) «Смоленская старина. Выпускъ второй. 1812—1912. Юбилейное изданіе смоленской ученой архивной комиссіи. Подъ редакціей правителя дѣлъ П. В. Михайлова и члена правленія Н. Н. Рѣдкова. Смоленскъ. 1912», CXXXI, январь, 229—231. 2) Суздаль и его достопамятности». Изданіе владимирской губернской ученой архивной комиссіи. Москва. 1912 г. (Въ XIV книгѣ «Трудовъ» комиссіи), CXXXI, январь, 237—238. 3) «И. Ф. Павловскій. Краткій біографическій словарь ученыхъ и писателей Полтавской губерніи, съ половины XVIII вѣка. Съ портретами. Изданіе полтавской ученой архивной комиссіи. Полтава. 1912», CXXXI, январь, 245—246. 4) «Г. Сѣверцевъ-Полиловъ. Москва подъ рукою Наполеона». Историческо-бытовая повѣсть. Москва. 1912», М. Э. Никольскій. По слѣдамъ Великаго Наполеона. Историческій романъ. Спб. 1912», CXXXI, январь, 255—256. 5) «Н. Н. Кашкинъ. Родословныя развѣдки. Посмертное изданіе. Съ портретомъ автора. Подъ редакціей Б. Л. Модзалевскаго. Томъ I. Спб. 1912», CXXXI, февраль, 649—650. 6) Д. П. Струковъ. «Путеводитель по артиллерійскому историческому музею. Спб. 1912», CXXXI, февраль, 673—675. 7) «Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи. Московскій университетъ и с.-петербургскій учебный округъ въ 1812 году. Документы архива министерства народнаго просвѣщенія, собранные и изданные подъ редакціей начальника архива министерства народнаго просвѣщенія К. Военскаго. Изданіе министерства народнаго просвѣщенія. Спб. 1912», CXXXI, мартъ, 1020—1023. 8) Л. И. Софійскій. «Городъ Опочка и его уѣздъ въ прошломъ и настоящемъ (1414—1914). Псковъ. 1912. Изданіе опочецкой городской думы», CXXXI, мартъ, 1027—1029. 9) Карлъ Карловичъ Герцъ. (1820—1883). «Біографическій очеркъ. Съ портретомъ и двумя приложеніями. Составилъ А. Малеинъ. Изданіе императорской академіи наукъ на средства капитала имени профессора К. К. Герца. Спб. 1912», CXXXI, мартъ, 1036—1037. 10) «Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійск къ при московскомъ университетѣ. 19.2 годъ. Книга вторая. Двѣсти сорокъ первая. Издана подъ завѣдываніемъ М. К. Любавскаго. Москва. 1912», CXXXII, апрѣль, 320—322. 11) В. Л. Модзалевскій. «Малороссійскій родословникъ. Томъ третій. Л—о. Съ 40 портретами. Кіевъ. 1912», CXXXII, май, 662—665. 12) Н. В. Малицкій. «Исторія преславской епархіи. (1744—1788 гг.). Выпускъ первый. Владимиръ. 1912», CXXXII, май, 669—670. 13) «Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ. 1912 годъ. Томъ XVII, книжки 1, 2, 3-я. Спб. 1912», CXXXII, май, 678—680. 14) «Юридическіе памятники, издаваемые варшавскимъ главнымъ архивомъ древнихъ актовъ. Выпускъ I. Описаніе дѣлъ, хранящихся въ варшавскомъ главномъ архивѣ древнихъ актовъ. Томъ I. Книги привилегій и рѣшеній польской коронной канцеляріи и дѣлъ нѣкоторыхъ другихъ коронныхъ инстанцій XV—XVIII столѣтія. Варшава, 1912», CXXXIII,

Библиотека "Руниверс"

іюль, 298—300. 15) П. Г. Васенко, профессоръ С. Ѳ. Платоновъ, Е. Ѳ. Тураева-Церетели. «Начало династіи Романовыхъ. Историческіе очерки. Съ двѣнадцатью портретами и рисунками. Спб. 1912», CXXXII, іюнь, 1048. 16) А. В. Гавриловъ. «Очеркъ исторіи петербургской синодальной типографіи. Выпускъ первый. 1711—1839. Спб. 1911», CXXXII, іюнь, 1052—1053. 17) Чернопятовъ, В. И. «Дворянское сословіе Тульской губерніи. Томъ. VII (XVI). «Некрополь».—Томъ VIII (XVII). Родословецъ добавочный и указатель фамилій къ нему и къ родословцу (т. III, 1909 г.).—Томъ IX (XVIII). Матеріалы культурно-бытовые и генеалогическіе.—Томъ X (XIX). Ополченіе 1812 года. Матеріалы. Дополненіе къ тому V (XIV). Москва. 1912», CXXXII, іюнь, 1053—1054. 18) Н. П. Кашкинъ. «Этюды объ Островскомъ. Томъ II. Къ исторіи текста произведеній А. Н. Островскаго. Москва. 1913», CXXXII, іюнь, 1059—1061. 19) Г. К. Лукомскій. «О древнерусскомъ зодчествѣ Чернигова. Спб. 1912. Его же. Наши архитектурные вандализмы. Исторія рѣшетки Казанскаго собора. Къ юбилею Отечественной войны. Спб. 1912», CXXXIII, іюль, 303—304. 20) «1812. Сто лѣтъ службы гвардейскихъ саперъ. Краткій историческій очеркъ. Составилъ Г. Габаевъ, капитанъ лейбъ-гвардіи сапернаго батальона. Спб. 1912», CXXXIII, іюль, 307—308. 21) «Русскій біографическій словарь. Рейтернъ-Рольцбергъ. Изданіе императорскаго русскаго историческаго общества. Спб. 1913.—Тоже. Яблоновскій-Ѳоминъ. Спб. 1913», CXXXIII, іюль, 315—317. 22) «Родные Завѣты». Азбука для обученія письму и чтенію русскому и церковнославянскому для школы и семьи. Хрестоматія. Часть I. Первая послѣ азбуки книга для класснаго чтенія въ начальныхъ училищахъ.—Часть II. Вторая книга для класснаго чтенія въ начальныхъ училищахъ.—Часть III. Третья книга для класснаго чтенія въ начальныхъ училищахъ. Часть IV. Четвертая книга для класснаго чтенія въ народныхъ училищахъ.—Для наставниковъ и руководителей. Руководящая замѣтка къ азбукѣ и четыремъ книгамъ для класснаго чтенія «Родные завѣты» (Хрестоматія). Составилъ Ѳ. А. Тарапыгинъ. Редакція Ѳ. А. Витберга, преподавателя петербургскаго педагогическаго института, предсѣдателя союза ревнителей русскаго слова. Спб. 1913», CXXXIII, іюль, 321—322. 23) «Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ при московскомъ университетѣ. 1912 годъ. Книга первая. Двѣсти сороковая. Издана подъ завѣдываніемъ М. К. Любавскаго. Москва. 1912», CXXXIII, іюль, 336—337. 24) «Труды вятской ученой архивной комиссіи 1912 г. Выпускъ I—II. Посвящается памяти преподобнаго Трифона, вятскаго чудотворца, по случаю трехсотлѣтняго юбилея со дня его блаженной кончины.—Выпускъ III. Посвящается памяти отечественной и освободительной войны 1812—1813—1814 гг. Вятка. 1912», CXXXIII, августъ, 665—666. 25) «У. Г. Иваскъ. Григорій Николаевичъ Геннади. (Обзоръ жизни и трудовъ). Москва. 1913», CXXXIII, августъ, 703. 26) «Двѣнадцатый годъ. Историческіе документы собственной канцеляріи главнокомандующаго третьей западной арміею генерала-отъ-казалеріи А. П. Тормасова. Извлекъ изъ семейнаго архива и привелъ въ порядокъ Д. П. Ахлестышевъ. Спб. 1912», CXXXIII, сентябрь, 1078—1079. 27) «Извѣстія Таврической ученой архивной комиссіи. (Годъ двадцать шестой). № 47. Подъ редакціей предсѣдателя комиссіи Арс. Ив. Маркевича. Симферополь. 1912», CXXXIV, октябрь, 342—343. 28) «Ростовскій кремль въ описаніяхъ Ан. Ал. Титова. Съ портр. автора и рисунками. Изданіе В. А. Талицкаго. Москва. 1912», CXXXIV, октябрь, 350.

Рудинъ, Н. Рецензія Г. Гинса о книгѣ его: «Законъ 3-го іюня 1912 года. Спб. 1913. Издательство «Сотрудникъ», CXXXIV, октябрь, 351—352.

Рудневъ, А. Д. премированный академіей наукъ за сочиненіе «Матеріалы поговоровъ восточной Монголіи», CXXXI, февраль, 715.

Рудневъ, Всеволодъ Ѳедоровичъ, контръ-адмиралъ, бывшій командиръ крейсера «Варягъ», писатель. Некрологъ его: CXXXIII, августъ, 749.

Рудневъ, С. П. Статьи его: 1) «Тюремный бунтъ» (Изъ записокъ судьи), CXXXI, февраль, 535—545. 2) «Изъ жизни. (Изъ записокъ судьи). VI. Мертвое тѣло», CXXXIII, іюль, 131—148.

Румянцевъ, Н. П., графъ, учредитель Румянцевскаго музея въ Москвѣ, по поводу 50-тилѣтняго юбилея музея, CXXXII май, 734—737.

Рунквичъ, С. Г., докторъ церковной исторіи. Рецензія А. Измайлова о книгѣ его: «Александро-Невская лавра. Историческое изслѣдованіе 1713—1913. Съ 277 портретами и снимками. Спб. 1913», CXXXIV, ноябрь, 709—711.

Рунтъ, Б. Рецензія Б. Г—ва о переведенной имъ книгѣ: «Малахія Ормаліанъ. Армянская церковь. Ея исторія, ученіе, управленіе, внутренній строй, литургія,

Библиотека "Руниверс"

литература, ея настоящее. Москва», CXXXIV, ноябрь, 739—740.

Русановъ, А. А., профессоръ Спб. технологическаго института. Некрологъ его: CXXXII, іюнь, 1115.

Рысаковъ, цареубійца, CXXXI, январь, 128; февраль, 526—530 (по поводу его казни).

Рѣдковъ, Н. П. Рецензія В. Рудакова о составленной подъ его редакціей совмѣстно съ П .В. Михайловымъ книгѣ: «Смоленская Старина». Выпускъ второй 1812—1912. Юбилейное изданіе смоленской ученой архивной комиссіи. Смоленскъ. 1912», CXXXI, январь, 229—231.

Рѣшетинскій, В. Н. Рецензія А. Танкова на книгу его: «Курскій дворянскій Александровско-Николаевскій пансіонъ-пріютъ (1883—1913). Очеркъ исторіи учрежденія», CXXXIII, сентябрь, 1076.

С

С. Рецензія его: «Формы національнаго движенія въ современныхъ государствахъ. Подъ редакціей Д. П Кастелянскаго.. Спб. 1912», CXXXI, январь, 266—268.

С., А. Его статья: «Изъ смутнаго времени въ Прибалтійскомъ краѣ», CXXXIII іюль, 198—206.

С., А. В. Рецензія его: «Спутникъ по древнему Владимиру и городамъ Владимирской губерніи. Историко-археологическое описаніе всѣхъ городовъ Владимирской губерніи. Составилъ Н. Н. Ушаковъ. Владимиръ. 1913. Съ 44 рисунками на отдѣльныхъ листахъ», CXXXIII, августъ, 703—704.

С., Л. Рецензія его: «Я. Перельманъ. Занимательная физика. 140 парадоксовъ, задачъ, опытовъ, замысловатыхъ вопросовъ и проч. Съ 160 рис. въ текстѣ. Изд. П. Сойкина. 1913», CXXXIV, ноябрь, 746—747.

С., М. Рецензіи его: 1) «Матеріалы для исторіи дворянства Петербургской губерніи. Изданіе петербургскаго дворянства подъ редакціей графа Алексѣя А. Бобринскаго. Т. II. Дѣятельность собраній дворянства. Выпускъ I. Ополченіе 1812 года. По источникамъ, собраннымъ А. А. Мироновымъ. 1912», CXXXI, январь, 235—236. 2) «А. Григоровичъ. Исторія 13-го драгунскаго военнаго ордена генералъ-фельдмаршала Миниха полка. Т. II. 1809—1840 гг. 1912», CXXXI, январь, 236—237. 3) «Русскій Инвалидъ за сто лѣтъ. Юбилейный очеркъ Часть I. Спб. 1913», CXXXII, апрѣль, 315—316. 4) «В. Т. Васильевъ. Вѣчное и неизмѣнное. Блескъ военной мысли. Подъ редакціей проф. А. А. Незнамова. 1912. Изд. В. К. Ильинчика», CXXXIII, іюль, 337—338.

С., О. Его статья: «И. П. Моллеріусъ», CXXXIV, ноябрь, 624—630.

С—въ, П. Рецензія его: «Г. Гинсъ. Переселеніе и колонизація. 1913», CXXXIII, августъ, 693—695.

Савинъ, гардемаринъ, мужъ знаменитой актрисы Маріи Гавриловны Савиной, CXXXI, февраль, 469—472.

Садовскій, Провъ Михайловичъ, знаменитый артистъ, CXXXI, январь, 174.

Сазоновъ, С. Д., по поводу доклада: «Наставленія императрицы Екатерины II, преподанныя великой княжнѣ Александрѣ Павловнѣ», въ императорскомъ русскомъ историческомъ обществѣ», CXXXII май, 733.

Саккети, Л. А., проф. Рецензія В. Баскина о составленной имъ и А. И. Пузыревскимъ книгѣ: «Императорское русское музыкальное общество. С.-петербургское отдѣленіе. Очеркъ пятидесятилѣтія дѣятельности с.-петербургской консерваторіи. Спб. 1912», CXXXI, мартъ, 1016—1020.

Сакулинъ, П. Н. Рецензія Вл. ф.-Штейна о книгѣ его: «Изъ исторіи русскаго идеализма. Князь В. Ѳ. Одоевскій—мыслитель-писатель. Томъ 1 части I и II. Москва. 1913», CXXXIII, августъ, 685—688. —По поводу его біографіи князя В. Ѳ. Одоевскаго, CXXXIII, іюль, 220—221.

Сантагано-Горчакова, А. А. оперная артистка. Некрологъ ея: CXXXII, май, 749—750.

Санчурскій, Н. Рецензія А. М—на о составленной имъ книгѣ: «Краткій очеркъ римскихъ древностей. Для гимназій, прогимназій и самообученія. Составилъ Н. Санчурскій, бывшій окружной инспекторъ петербургскаго учебнаго округа, при участіи А. Гофмана и М. Янко—директоровъ петербургскихъ гимназій, П. Барсова, И. Діомидова и І. Сѣдлатаго —инспекторовъ петербургскихъ гимназій, и Э. Кесслера и В. Марданова—преподавателей петербургскихъ гимназій. Четвертое изданіе, пересмотрѣнное. Спб. 1913», CXXXIII, августъ, 691 692.

Сатрапинскій, Ив. Рецензіи его: 1) А. Заксъ. «Кавалеристъ-дѣвица» штабсъ-ротмистръ Александръ Андреевичъ Александровъ (Надежда Андреевна Дурова). Спб. 1912. Изд. Журн. «Вѣстникъ русской конницы». 2) Н. Н. Блиновъ. «Кавалеристъ-дѣвица». Дурова - Чернова - Александровъ. Сарапулъ. 1912», CXXXIV, октябрь, 847—349.

Библиотека "Руниверс"

Сахаровъ, генералъ, управлявшій Туркестанскимъ краемъ во время революціи, CXXXIV, декабрь, 886—888.

Сахаровъ, С. П. Рецензія профессора М. Красножена о книгѣ его: «О предсоборномъ присутствіи. Труды 2, 3 и 4 отдѣловъ предсоборнаго присутствія. 1906. Витебскъ. 1912», CXXXII, іюнь, 1055—1057.

Сацъ, Илья А., въ статьѣ барона Н. В. Дризена: «Илья Сацъ» (Клочки воспоминаній), CXXXIV, октябрь, 209—220.

Святскій, Даніилъ. Рецензія В. Данилова о книгѣ его: «Подъ сводомъ хрустальнаго неба. Очерки по астральной миѳологіи въ области религіознаго и народнаго міровоззрѣнія. Съ 15 рисунками. Спб. 1913», CXXXII, май, 681—682.

Сегаль, Б. Л. Рецензія Б. Гр—ва о книгѣ его: «Пространный еврейскій катехизисъ. Изданіе девятое, исправленное и дополненное. Спб.», CXXXIV, ноябрь, 742—743.

Сеидъ-Абдулъ-Ахадъ, бухарскій эмиръ, характеристика его, CXXXIV, ноябрь, 447—452, 460—464.

Сеидъ- Муззаффаръ, бухарскій эмиръ, дѣдъ нынѣшняго владѣтеля Бухары, CXXXIII, сентябрь, 811; CXXXIV, ноябрь, 447. (По поводу его кончины).

Сергій, епископъ, крупный историческій работникъ, авторъ мѣсяцеслова Востока. CXXXII, май, 630.

Сергѣевъ, М. С. Рецензія о редактированной имъ книгѣ: «Гунгеръ, І. и Ламеръ, Г. Культура древняго Востока въ картинахъ. 199 рис. на мѣловой бумагѣ и 68 стр. объяснительнаго текста. Пер. съ нѣм. Изд. «Фаросъ». Москва. 1913», CXXXIV, декабрь, 1175.

Сердешевъ, алатырскій воевода, назначенный Пугачевымъ, CXXXI, январь, 44—45.

Семевскій, Михаилъ Ивановичъ, издатель «Русской Старины», по поводу изданія имъ альбома «Знакомые», CXXXIII, іюль, 97—99.

Семенковичъ, В. Н. Рецензія Н. Г. Высоцкаго о переведенной имъ книгѣ: «П. М. де-Ламартиньеръ. Путешествія въ сѣверныя страны. (1653 г.). Переводъ и примѣчанія В. Н. Семенковича. Москва. 1912», CXXXIII, іюль, 300—303.

Семеновъ, Вл. Рецензія И. Гурвича о книгѣ его: «Адмиралъ Степанъ Осиповичъ Макаровъ. Съ портретомъ адмирла С. О. Макарова. Посмертное изданіе. Изданіе товарищества М. О. Вольфъ. Спб. 1913», CXXXIII, сентябрь, 1084—1085.

Семеновъ, М. С. Его очеркъ: «Во хмелю» (изъ жизни современной деревни), CXXXIII, августъ, 485—494.

Семеновъ-Тянъ-Шанскій, П. П., первый директоръ центральнаго статистическаго комитета, по поводу его юбилея, CXXXII, іюнь, 1105—1106. Рецензія В. М. о составленной княземъ В. И. Масальскимъ подъ его и В. И. Ламанскаго руководствомъ книгѣ: «Россія». Полное географическое описаніе нашего отечества подъ общимъ руководствомъ П. П. Семенова-Тянъ-Шанскаго и В. И. Ламанскаго. Томъ XIX. Туркестанскій край. Изд. Девріена. Спб. 1913», CXXXI, октябрь, 340—342.

Семизъ, Д. И. Рецензія В. Мар—скаго о книгѣ: «Общество славянскаго научнаго единенія. Славянскій вопросъ въ его современномъ значеніи. (Рѣчи и статьи члена государственной думы А. М. Александрова, академика В. М. Бехтерева, проф. М. М. Ковалевскаго, Янко Лаврина, проф. П. А. Лаврова, Д. И. Семиза и проф. М. П. Чубинскаго). Спб. 1913», CXXXIII, августъ, 700—701.

Семякинъ, Г. К., вице-директоръ департамента полиціи(по поводу его самоубійства), CXXXIII, сентябрь, 866—868.

Сенъ-Морисъ, маркизъ, савойскій посланникъ, по поводу его характеристики Людовика XIV, CXXXI, февраль, 681—685.

Серафимовичъ, А. Рецензія Б. Бар—ій о книгѣ его: «Городъ въ степи. Романъ. Спб. 1913», CXXXIV, ноябрь, 745.

Сигеле, Сципіо, итальянскій писатель, защитникъ шведской писательницы Эллень Кей, въ замѣткѣ: «Женщина и любовь въ сочиненіяхъ Элленъ Кей», CXXXIII, іюль, 354—358.

Сингалевичъ, С. П. Рецензія П. Б. о книгѣ его: «Эпоха возрожденія. Казань. 1912», CXXXI, февраль, 669—670.

Синявскій, А. С., директоръ коммерческаго училища, изслѣдователь по исторіи Екатеринославскаго края, иниціаторъ учрежденія Екатеринославской архивной комиссіи, по поводу юбилея послѣдней, CXXXII, іюнь, 1106.

Сиротининъ, Андрей. Рецензія его: «Павелъ Поповичъ. Обзоръ исторіи сербской литературы. Спб. 1912», CXXXI, январь, 268—269.

Скалонъ, Д. А. Рецензія М. Соколовскаго о книгѣ его: «Мои воспоминанія 1877—1878 гг. Т. I. 1913», CXXXIII, августъ, 671—674.

Скальковскій, Александръ Аполоновичъ, директоръ канцляріи верховной, распорядительной комиссіи», CXXXIII, августъ, 469—477,

Библиотека "Руниверс"

Скальковскій, К. А. писатель, CXXXIII сентябрь, 854—855.

Скворцовъ, Николай Семеновичъ, издатель «Русскихъ Вѣдомостей», CXXXI, мартъ, 848—849.—Въ статьѣ князя Б. А. Щетинина: «Юбилей «Русскихъ Вѣдомостей», CXXXIV, ноябрь, 669—670.

Скобелевъ, Михаилъ Дмитріевичъ, знаменитый полководецъ. CXXXII, апрѣль, 88—89, 95.

Слезскинская, З. Ея статья: «Въ Чудовской Лукѣ», CXXXI, январь, 141—150.

Сливицкій, Алексѣй Михайловичъ, педагогъ и писатель для дѣтей. Некрологъ его: CXXXIII, сентябрь, 1147—1148.

Слоновъ, И. А. Его статья: «Изъ жизни торговой Москвы». (Полвѣка назадъ), CXXXIV, ноябрь, 563—597; декабрь, 975—1013.

Слѣпцова, М. Н., по поводу пятнадцатилѣтняго юбилея ея книгоиздательства, CXXXII, апрѣль, 368—369.

Смирновъ, Е. Его статья: «Военно-бюрократическое мѣропріятіе орѳографическаго характера», CXXXII, май, 586—599.

Смольскій, Петръ Вячеславовичъ, акцизный чиновникъ, директоръ «Сѣвернаго Общества», по поводу его приключенія и самоубійства, CXXXIII, августъ, 527—535.

Снегиревъ, И. М., этнографъ и цензоръ, по поводу его книги: «Новодѣвичій монастырь». Москва 1857», CXXXII, май, 627.

Собичевскій, Василій Тарасовичъ, бывшій директоръ лѣсного института, писатель. Некрологъ его: CXXXI, мартъ, 1096—1097.

Соболевскій, Василій Михайловичъ, редакторъ и издатель «Русскихъ Вѣдомостей». Некрологъ его: CXXXII, іюнь, 1115—1117.

Соболевъ, А. Н., священникъ. Рецензія В. Мар—скаго о книгѣ его: «Загробный міръ по древне-русскимъ представленіямъ (Литературно - историческій опытъ изслѣдованія древне-русскаго народнаго міросозерцанія). Изданіе Елова. Сергіевъ посадъ. 1913», CXXXII, май, 682.

Соболевъ, Л. Н., генералъ, участникъ освободительной войны 1876—77 гг. и русско-японской, писатель, авторъ романа «Государственные преступники». Некрологъ его: CXXXIV, ноябрь, 796—798.

Сойкинъ, П. П. Рецензія П. Васильковскаго о редактированномъ имъ журналѣ: «Знаніе для всѣхъ». Общедоступный ежемѣсячный журналъ для самообразованія съ картинами въ краскахъ и иллюстраціями въ текстѣ. Спб. 1913»., CXXXIV, октябрь, 368—369.

Соймоновъ, Михаилъ Николаевичъ, поэтъ, въ статьѣ А. А. Лугового: «Памяти М. Н. Соймонова», (къ 25-тилѣтію его кончины 12-го сентября 1888 г.), CXXXIII, сентябрь, 985—997.

Соколова, А. И. Статьи ея: 1) «Встрѣча и знакомства», CXXXI, февраль, 511—519; мартъ, 847—863; CXXXII,май, 511—516. Замѣтка С. Литвина къ мартовской статьѣ «По поводу воспоминаній А. И. Соколовой», CXXXII, май, 751—752.

Соколовскіе:

М. К. Его замѣтка: «Столѣтній юбилей Русскаго Инвалида», CXXXII, апрѣль, 368. Рецензіи его: 1) «Д. А. Скалонъ. «Мои воспоминанія 1877—1878 гг. Т. I. 1913», CXXXIII, августъ, 671—674. 2) «Великій князь Николай Михайловичъ. Генералъ-адъютанты императора Александра I. Съ 47 портретами, изъ которыхъ 19 въ краскахъ. Спб. 1913. Экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ», CXXXIV, декабрь, 1148—1151. 3) Рецензія А. М. о книгѣ его и кн. А. С. Эристова: «Славное прошлое изюмскихъ гусаръ. Памятка 11-го гусарскаго изюмскаго его королевскаго высочества принца Генриха Прусскаго полка. Спб. 1912», CXXXIII, августъ, 701—702.

— Тира. Рецензіи ея: 1) Э. Кисъ. «Основныя черты современнаго масонства. Спб», CXXXI, январь, 238—239. 2) «Матеріалы по исторіи русскаго масонства XVIII вѣка. Выпускъ I. Изданіе В. Ѳ. Саводника. Масонскіе труды И. В. Лопухина. 1) «Духовный рыцарь». 2) «Нѣкоторыя черты о внутренней церкви». Москва. 1913», CXXXII, май, 671—672. 3) Рецензія Б. Г. о книгѣ ея: «Каталогъ масонской коллекціи Д. Г. Бурылина. «Русскій отдѣлъ. Съ иллюстраціями. Спб. 1912», CXXXII, апрѣль, 314—315.

Соколовъ, Александръ Алексѣевичъ, артистъ, журналистъ и писатель. Некрологъ его: CXXXIII, сентябрь, 1148—1149.

Соколовъ, П. И. Статьи его: 1) «Воспоминанія объ А. С. Суворинѣ», CXXXI, январь, 136—140. 2) «Памяти А. А. Писемскаго», CXXXII, апрѣль, 250—256.

Сокольскій, Викторъ Александровичъ, проф. Николаевской инженерной Академіи, ген.-майоръ, писатель. Некрологъ его: CXXXIII, іюль, 380.

Соловьевъ, Сергѣй Викторовичъ ,профессоръ Харьковскаго университета по

Библиотека "Руниверс"

каѳедрѣ исторіи западныхъ литературъ. Некрологъ его: CXXXII, май, 750.

Сологубъ, Владимиръ Александровичъ, авторъ «Тарантаса». О немъ въ статьѣ М. Ватаци: «Быль минувшаго», CXXXII, май, 432—433.

Соломонъ II, царь имеретинскій. О немъ въ статьѣ П. П. Шубинскаго: «Гробница имеретинскаго царя Соломона въ Трапезундѣ», CXXXII, апрѣль, 274—286.

Сомовъ, С. М., авторъ статьи: «Изъ исторіи соціалъ-демократическаго движенія въ Петербургѣ въ 1905 году», CXXXIII, іюль, 246—250.

Сосняковъ, Николай Адріановичъ, протоіерей, настоятель Казанскаго собора. Некрологъ его: CXXXIII, іюль, 380—381.

Софійскій, Л. И. Рецензія В. Рудакова о книгѣ его: «Городъ Опочка и его уѣздъ въ прошломъ и настоящемъ (1414—1914). Псковъ. 1912. Изданіе опочецкой городской думы», CXXXI, мартъ, 1027—1029.

Софія Алексѣевна, царевна, по поводу богатыхъ пожертвованій ея московскому Новодѣвичьему монастырю, CXXXII, май, 632—638.—Упоминается, CXXXIII, іюль, 160—162.

Спекторскій, А. В. профессоръ, по поводу его статьи: «Бѣлинскій и западничество», CXXXII, іюнь, 1074—1075.

Сперанскій, Михаилъ Михайловичъ, графъ, составитель свода законовъ, по вопросу о титулѣ «самодержецъ, CXXXI, февраль, 578.

Спиридоновъ, Н. Н. Рецензія А. М—на о переведенной имъ книгѣ: «Гастонъ Буассье. Картины римской жизни временъ Цезарей. Переводъ съ 6-го французскаго изданія. Изданіе книжнаго магазина К. Н. Николаева. Москва. 1913», CXXXIV, ноябрь, 747,

Срезневскій, И. И., знаменитый русскій филологъ-славистъ, академикъ, по поводу торжественнаго собранія, посвященнаго его памяти въ академіи наукъ, CXXXI, мартъ, 1081, 1082.

Ставровскій, К. Н., начальникъ штаба 3-ей гвардейской пѣхотной дивизіи во время русско-турецкой войны, CXXXII май, 571, 575.

Станиславскій, М. В. Статья его: «Германія и Россія (1862—1912)», CXXXI, февраль, 384—420.

Старицкій, М. П., антрепренеръ украинской труппы, CXXXI, январь, 183.

Старчевскій, А. В., редакторъ «Сына Отечества», CXXXII, іюнь, 8.

Стасюлевичъ, М. М. Рецензія Вл. ф. Штейна: «М. М. Стасюлевичъ и его современники въ ихъ перепискѣ. Подъ редакціей М. К. Лемке. Т. IV. Спб. 1912. Съ 3 портр.», CXXXIV, ноябрь, 721—725.

Стаховичъ, Александръ Александровичъ, авторъ книги: «Клочки воспоминаній», театралъ, Некрологъ его: CXXXII, апрѣль, 382.

Степановичъ, А. Рецензія о брошюрѣ его: «Новый шагъ въ дѣлѣ взаимнаго ознакомленія славянъ. Кіевъ. 1913», CXXXIV, декабрь, 1174.

Стечкинъ-Соломинъ, Сергѣй Яковлевичъ, литераторъ, журналистъ, Некрологъ его:, CXXXIII, августъ, 749—750.

Столыпинъ, Петръ Аркадьевичъ, предсѣдатель совѣта министровъ, статсъ-секретарь.—О немъ въ статьѣ С. С. Окрейца: «Аудіенція у П. А. Столыпина и катастрофа 12-го августа», CXXXI, мартъ, 864—878.

Строгановъ, С. А., графъ, по поводу присужденія преміи его имени, CXXXII, май, 741.

Стронскій, Романъ Романовичъ, капитанъ 1-го ранга, морской метеорологъ. Некрологъ его: CXXXIV, ноябрь, 798, 799.

Струковъ, Александръ Петровичъ, генералъ-адъютантъ, въ статьѣ Т. Лопато «Воспоминаніе о генералъ-адъютантѣ Александрѣ Петровичѣ Струковѣ», по поводу усмиренія воронежскаго тюремнаго бунта, CXXXIII, іюль, 194—197.

Струковъ, Дмитрій Петровичъ, начальникъ историческаго артиллерійскаго музея. Рецензія В. Рудакова о книгѣ его: «Путеводитель по артиллерійскому историческому музею. Спб. 1912», CXXXI, февраль, 673—675.—О немъ въ замѣткѣ В. Е. Рудакова: «Съѣздъ дѣятелей музеевъ и архивовъ въ Москвѣ», CXXXI, февраль, 709—710, 713.

Субботинъ, Максимъ Семеновичъ, заслуженный профессоръ военно-медицинской академіи, хирургъ. Некрологъ его: CXXXIV, декабрь, 1209—1210.

Субботичъ, кратковременный туркестанскій генералъ-губернаторъ, CXXXIV, декабрь, 889—890.

Суворины:

— Александра Львовна, мать Алексѣя Сергѣевича Суворина, издателя газеты «Новое Время», въ статьѣ Б. Г.: «Родители А. С. Суворина», CXXXIII, августъ, 554—558.

— А. А. (Алексѣй Порошинъ). Рецензія Н. Т—на о книгѣ его: «Новый человѣкъ. Изданіе книгоизд. «Новый человѣкъ». (П. Д. Успенскаго). Спб. 1913. Съ 65 рисунками и чертежами», CXXXII, іюнь, 1064—1067.

Библиотека "Руниверс"

— Алексѣй Сергѣевичъ, знаменитый публицистъ, издатель газеты «Новое Время».—О немъ: 1) въ статьѣ П. И. Соколова: «Воспоминанія объ А. С. Суворинѣ», CXXXI, январь, 136 — 140. — 2) въ статьѣ В. Микуличъ: «Тѣни прошлаго», CXXXI, февраль, 362, 363.—3) въ статьѣ Б. Б. Глинскаго: «Сергѣй Николаевичъ Шубинскій», CXXXII, іюнь, 13, 18, 28, 29, 38—40, 50—52. — 4) въ ст. Б. Г. «Родители А. С. Суворина», CXXXIII, августъ, 554.

— Б. А. Рецензія Д. Масляненко на изданную имъ книгу: «Карикатуры Пэма. Библіотека «Вечерняго Времени». Спб. 1913»,CXXXIII, іюль, 332—333.

— Сергѣй Дмитріевичъ, капитанъ, отецъ А. С. Суворина, издателя газеты «Новое Время», въ статьѣ Б. Г.: «Родители А. С. Суворина», CXXXIII, августъ, 553—558.

Суворовъ, Александръ Васильевичъ, генералисимусъ, великій полководецъ.— О немъ въ рецензированной Н. И. К. книгѣ: «Наука побѣждать генералисимуса Суворова. (По матеріалу, еще не бывшему въ печати). Съ рисунками и чертежами Суворова. Текстъ пояснилъ и копіи рисунковъ исполнилъ К. Нонненманъ. Изданіе военнаго книгоиздательства В. Жукова. Спб. 1913», CXXXI, февраль, 671—672.

Сувчинскій, Петръ Евтихіевичъ, инженеръ, дѣятель по сельскому хозяйству. Некрологъ его: CXXXIII, іюль, 381—382.

Сулакадзевъ, собиратель историческихъ матеріаловъ Валаамскаго монастыря, CXXXI, мартъ, 1007.

Сусанинъ, Иванъ,CXXXI, январь, XV.

Сыромятниковъ, С. Н., публицистъ, въ статьѣ Б. Б. Глинскаго: «Развѣнчанные герои революціи 1905 года», CXXXIV, ноябрь, 643.—Его замѣтка по этому поводу CXXXIV, декабрь, 1214—1215.—Отвѣтъ ему Б. Б. Глинскаго, CXXXIV, декабрь, 1215.

Сыроѣчковскіе, Б. Е. и В. Е. Рецензія о редактированной ими Е. И. Вишняковымъ, и С. П. Мельгуновымъ книгѣ: «Наше прошлое. Разсказы изъ русской исторіи. Ч. I. До Петра I. Съ 65 рис. въ текстѣ и 20-ю на отдѣльныхъ листахъ. Кн-во «Задруга», Москва 1913», CXXXIV, декабрь, 1173.

Сѣверцевъ-Полиловъ, Георгій Тихоновичъ. Его повѣсть: «Современный бракъ», CXXXII, май, 434 — 466; іюнь, 792—826. — Рецензіи: 1) В. Рудакова о книгѣ его: «Москва подъ рукою Наполеона. Историческо - бытовая повѣсть. Москва. 1912», CXXXI, январь, 255—256.—2) Ж. о книгѣ его: «Кряжъ. Повѣсть. Спб», CXXXI, мартъ, 1050—1051.—3) Масляненко о книгѣ его: «Первый царь изъ дома Романовыхъ—Михаилъ Ѳеодоровичъ», CXXXIV, октябрь, 338. —4) Рецензія N. о книгѣ его: «Среди коронованныхъ особъ. Встрѣчи и воспоминанія. Спб. 1913», CXXXIV, ноябрь, 736—737.

Сѣдлатый, І. Рецензіи А. М—на о составленной при его участіи книгѣ: «Краткій очеркъ римскихъ древностей. Для гимназій, прогимназій и самообученія. Составилъ Н. Санчурскій, бывшій окружный инспекторъ петербургскаго учебнаго округа, при участіи А. Гофмана и М. Янко—директоровъ петербургскихъ гимназій, П. Барсова, И. Діомидова и І. Сѣдлатаго—инспекторовъ петербургскихъ гимназій, и Э. Кесслера и В. Марданова—преподавателей петербургскихъ гимназій. Четвертое изданіе, пересмотрѣнное. Спб. 1912», CXXXIII, августъ, 691—692.

Сютаевъ, сынъ знаменитаго вѣроучителя Сютаева, сектантъ, близкій графу Л. Н. Толстому.—О немъ въ статьѣ В. Микуличъ: «Тѣни прошлаго», CXXXI, февраль, 363—365; CXXXII, апрѣль, 59.

Т

Т., Н. Его статья: «Исканія новой жизни», CXXXIV, декабрь, 1051—1063.

Т—нъ, Н. Рецензія его: А. А. «Суворинъ. (Алексѣй Порошинъ). Новый человѣкъ». Изданіе книгоизд. «Новый человѣкъ». (П. Д. Успенскаго). Спб. 1913. Съ 65 рисунками и чертежами. CXXXII, іюнь, 1064—1067.

Т., П. Рецензія его: «Памятники исторіи нижегородскаго движенія въ эпоху смуты и земскаго ополченія 1611—1612 г.г. Изданіе нижегородской ученой архивной комиссіи въ память 300-лѣтія нижегородскаго подвига. Спб. 1912», CXXXII, апрѣль, 317—320.

Табурно, Іеронимъ Павловичъ, славянскій дѣятель и журналистъ. Некрологъ его: CXXXIII, августъ, 750—752.

Таганцевъ, Н. С., сенаторъ, профессоръ, по поводу: 1) 25-лѣтія его сенаторской службы, CXXXI, феварль, 719—720. 2) 50-лѣтняго юбилея его дѣятельности, CXXXII, май, 737—739.

Тай-Махалъ, (красавица Арюманди Бано Бегамъ), жена Шахъ-Яхана изъ династіи Могола, по поводу открытія памятника Тай-Махалъ въ Индіи, CXXXI, январь, 277—280.

Библиотека "Руниверс"

Тайскій, Н. С., по поводу присужденія преміи имени графа С. А. Строганова его сочиненію: «Безъ имени», CXXXII, май, 741.

Таль-фонъ, Александръ Яковлевичъ, генералъ-отъ-кавалеріи.—О немъ въ статьѣ Е. К. Андреевскаго: «Изъ записокъ за 47 лѣтъ», CXXXII, апрѣль, 82—86, 97—119.

Тальма, Франсуа, знаменитый французскій трагикъ.—О немъ въ замѣткѣ: «Трагикъ императора Наполеона». CXXXII, апрѣль, 537—360.—CXXXII, іюнь, 1099—1100, (по поводу его хладнокровія).

Тамберликъ, знаменитый пѣвецъ, въ воспоминаніяхъ В. Б. Бертенсона: «За тридцать лѣтъ», CXXXIV, октябрь, 109—111.

Танѣевъ, (Фейгинъ), Л. А., актеръ, поэтъ-юмористъ, CXXXI, январь, 160.

Танковъ, А. А. Его статьи: 1) «Императоръ Александръ II и цесаревичъ Николай Александровичъ въ курской мужской гимназіи въ 1859 году», CXXXIII, іюль, 170—172. — 2) Памяти В. Ф. Миллера», CXXXIV, декабрь, 1039—1042.—Рецензія его: Курскій дворянскій Александровско-Николаевскій пансіонъ-пріютъ (1883—1913). Очеркъ исторіи учрежденія. Составилъ В. Н. Рѣшетинскій», CXXXIII, сентябрь, 1076.

Таранецъ, А. Я. Его статья: «Поѣздка въ Бухару», CXXXII, іюнь, 1019—1038.

Тарапыгинъ, Ѳ. А. Рецензіи 1) В. Е. Рудакова на составленную имъ книгу: «Родные завѣты. Азбука для обученія письму и чтенію русскому и церковнославянскому для школы и семьи. Христоматія. Часть I. Первая послѣ азбуки книга для класснаго чтенія въ начальныхъ училищахъ. Часть II. Вторая книга для класснаго чтенія въ начальныхъ училищахъ. Часть III. Третья книга для класснаго чтенія въ начальныхъ училищахъ. Часть IV. Четвертая книга для класснаго чтенія въ народныхъ училищахъ. Для наставниковъ и руководителей. Руководящая замѣтка къ азбукѣ и четыремъ книгамъ для класснаго чтенія «Родные завѣты» (Хрестоматія). Составилъ Ѳ. А. Тарапыгинъ. Редакція Ѳ. А. Витберга, преподавателя петербургскаго педагогическаго института, предсѣдателя союза ревнителей русскаго слова. Спб. 1913», CXXXIII, іюль, 321—322. 2) В. Б. о составленной имъ и В. Е. Рудаковымъ книгѣ: «Замѣчательныя историческія сооруженія. Храмы, дворцы, памятники въ Москвѣ, Петербургѣ, Новгородѣ, Кіевѣ, Костромѣ, Смоленскѣ и другихъ городахъ. Составили Ѳ. А. Тарапыгинъ (1-ю часть) и В. Е. Рудаковъ (2-ю часть). Второе исправленное и дополненное изданіе съ предисловіемъ Б. Глинскаго. Спб. 1914», CXXXIV, ноябрь, 716—717.

Тарле, Е. В. Рецензія Пант. о книгѣ его: «Континентальная блокада Изслѣдованія по исторіи промышленности и внѣшней торговли Франціи въ эпоху Наполеона. Съ приложеніемъ неизданныхъ документовъ. Москва. 1913», CXXXIV, октябрь, 353—357.

Тассаръ, Ф. Рецензія Я. о книгѣ его: «Воспоминанія о Гюи де-Мопасанѣ его слуги Франсуа. Переводъ съ французскаго. Спб. 1913», CXXXIII, августъ, 691.

Тати, египетская куртизанка. — О ней въ замѣткѣ: «Тати», CXXXI, февраль, 678—680.

Татьяна Михайловна, дочь царя Михаила Ѳеодоровича, замѣчательная рукодѣльница, по поводу дара ея московскому Новодѣвичьему монастырю, CXXXII, май, 631—632.

Таубе, М. А., баронъ, по поводу доклада: «Саксонскій дипломатъ въ плѣну у царя Михаила Ѳеодоровича и начало сношеній Москвы съ Саксоніей», въ императорскомъ русскомъ историческомъ обществѣ, CXXXII, май, 733.

Творожниковъ, Алексѣй Ивановичъ, художникъ. Некрологъ его: CXXXIII, августъ, 750.

Тевяшевъ, генералъ, астраханскій губернаторъ, бывшій во время турецкой войны командиръ Ахтырскаго гусарскаго полка. CXXXII, май, 501.

Тевяшовъ, Николай Николаевичъ, туркестанскій генералъ-губернаторъ, въ статьѣ Г. П. Ѳедорова: «Моя служба въ туркестанскомъ краѣ», CXXXIV, декабрь, 879—886, 889.

Тейхмюллеръ, Густавъ. Рецензія А. Б. о книгѣ его: «Дѣйствительный и кажущійся міръ. Новое основаніе метафизики. Казань. 1913», CXXXIII, іюль, 335—336.

Терменъ, С. Э. Рецензія Г. Гинса о книгѣ его: «Призрѣніе несчастнорожденныхъ въ Россіи. Спб. 1912. Съ 15 статист. табл.», CXXXIII, августъ, 699—700.

Титовъ, Ан. Ал. Рецензія В. Рудакова о книгѣ его: «Ростовскій кремль въ описаніяхъ Ан. Ал. Титова. Съ портр. автора и рисунками. Изданіе В. А. Талицкаго. Москва. 1912», CXXXIV, октябрь, 350.

Тихомировъ, А. И. старѣйшій педагогъ. Некрологъ его: CXXXI, февраль, 730—731.

Тихомировъ, Іоаннъ Ильичъ, протоіерей, писатель-богословъ, журналистъ. Некрологъ его: CXXXIII, іюль, 382.

Тихомировъ, К. И., книгоиздатель. Некрологъ его: CXXXIII, іюль, 383—384.

Библиотека "Руниверс"

Тихомировъ, Н. И., лейбъ-окулистъ, общественный дѣятель. Некрологъ его: CXXXIV, декабрь, 1210—1211.

Тихоновъ, Рецензія Д. А. о книгѣ его: «Въ отставкѣ. (Воспоминанія отставного чиновника). Спб. 1913», CXXXIII, іюль, 338—339.

Тихонъ Задонскій, святитель, по поводу нахожденія въ архивѣ харьковской духовной консисторіи бумагъ съ подлинными его резолюціями. CXXXII, май, 761.

Тишуркинъ, Николай Павловичъ, приватъ-доцентъ военно-медицинской академіи. Некрологъ его: CXXXI, мартъ, 1097—1098.

Тіандеръ, К. Ѳ., приватъ-доцентъ. Рецензія Вл. Кн. о составленной при его участіи книгѣ: «Исторія западной литературы (1800—1910 г.г.), подъ редакціей проф. Ѳ. Д. Батюшкова, при ближайшемъ участіи профессора Ѳ. А. Брауна, академика Н. А. Котляревскаго, проф. Д. К. Петрова, приватъ-доцента Е. В. Аничкова и приватъ-доцента К. Ѳ. Тіандера. Изданіе т.ва «Міръ», Москва. Томъ I, вып. 1, 2, 3», CXXXIV, октябрь, 361—362.

Ткачукъ, Вит. Рецензіи его: 1) «Баронъ А. Н. Ропъ. Что сдѣлала третья государственная дума для народнаго образованія? Спб. 1912», CXXXI, январь, 246—247.— 2) «Сборникъ о земствѣ въ Сибири. Матеріалы по разработкѣ вопроса на мѣстахъ и въ законодательныхъ учрежденіяхъ. Спб. 1912», CXXXII, май, 693—695.—3) «Огановскій Н. П. Надѣленіе землей помѣщичьихъ крестьянъ. Москва. 1913. Изданіе «Задруга», CXXXIV, ноябрь, 738—739.

Толбуховъ. Его статья: «Устроитель Туркестанскаго края», CXXXII, іюнь, 891—909.

Толстая, Софья Андреевна, жена знаменитаго писателя, по поводу выдержекъ изъ ея воспоминаній о бракѣ съ Л. Н. Толстымъ, CXXXI, январь, 302.—Упоминается: CXXXII, апрѣль, 80, 81.

Толстой, Иванъ Ивановичъ, графъ, бывшій министръ народнаго просвѣщенія, по поводу годового общаго собранія археологическаго общества подъ его предсѣдательствомъ, CXXXII, май, 733.

Толстой, Левъ Николаевичъ, графъ, великій писатель.—О немъ въ статьяхъ: 1) В. Микуличъ: «Тѣни прошлаго», CXXXI, февраль, 362, 364, 366, 369, 370, 380.—мартъ, 780—784, 786—806, 810, апрѣль, 41 — 81. — 2) А. Дунина: «Л. Н. Толстой въ 80-хъ годахъ», CXXXIV, ноябрь, 610—614.—Рецензіи Г—ъ: «Письма графа Л. Н. Толстого къ женѣ, 1862—1910 г. Подъ редакціей А. Е. Грузинскаго. Спб. 1913», CXXXIV, ноябрь, 719—721.—(Его стихи), CXXXII, май, 431.—Его отношенія къ сектанту Т. А. Бондареву, CXXXIII, іюль 207—215.

Толшемскій. Замѣтка Александра Минорскаго по поводу статьи его: «Анекдотическій архіепископъ» (ноябрь 1912 г.) и объясненіе г. Толшемскаго на эту замѣтку, CXXXI, мартъ, 1098—1102.

Томскій, Н. Его статья: «Красноярская республика». (Матеріалы къ исторіи освободительнаго движенія), CXXXIV, ноябрь, 617—623.

Тормасовъ, А. П., генералъ-отъ-кавалеріи.—О немъ въ рецензированной В. Рудаковымъ книгѣ «Двѣнадцатый годъ Историческіе документы собственной канцеляріи главнокомандующаго третьей западною арміею генералъ-отъ-кавалеріи А. П. Тормасова, Извлекъ изъ семейнаго архива и привелъ въ порядокъ Д. П. Ахлестышевъ. Спб. 1912», CXXXIII, сентябрь, 1078—1079,

Тормасовъ, графъ, московскій военный губернаторъ.—О немъ въ статьѣ Маріи Ватаци, «Быль минувшаго», CXXXII, апрѣль, 29, 31.

Траппъ, Ю. К., профессоръ фармаціи, CXXXIII, іюль, 81, 82.

Треповъ, Феодоръ, Феодоровичъ, петербургскій оберъ - полицеймейстеръ, CXXXI, январь, 116—119.

Третейская, О. А. Ея разсказъ: «Весенняя идиллія», CXXXII, май, 517—544.

Тригони, (милордъ) революціонеръ, CXXXI, январь, 125.

Тройницкій, В. А. Его статья: «Неурожай въ Тобольской губерніи 1891 года», CXXXIII, августъ, 536—552.

Троицкій, В. Н., ташкентскій военный губернаторъ, бывшій редакторъ «Военнаго Сборника». О немъ въ статьѣ Е. Смирнова: «Военно бюрократическое мѣропріятіе орѳографическаго характера», CXXXII, май, 588—597.

Троицкій, П. С. Рецензія о книгѣ его: «Костромской край. Юбилейный сборникъ. 1613—1913. Иллюстрированное изданіе. Кострома. 1913», CXXXIV, ноябрь, 749.

Троицкій-Бронштейнъ, Н., еврей-революціонеръ, соціалъ-демократъ, соратникъ Хрусталева-Носаря, CXXXII, іюнь, 986—998.

Трубецкой, Паоло, князь, скульпторъ, CXXXI, февраль, 707.

Труворовъ, Аскалонъ Николаевичъ, археографъ-самоучка, директоръ археологическаго института, CXXXI, мартъ, 965—966.

Библиотека "Руниверс"

Туганъ-Барановскій, М. Рецензія А. Фаресова о книгѣ его: «Къ лучшему будущему. Спб. 1913», CXXXI, мартъ, 1053—1055.

Туницкій, Н. Рецензія П. Б. о книгѣ его: «Св. Климентъ, епископъ словенскій. Сергіевъ посадъ. 1913», CXXXIV, ноябрь, 730.

Тураева-Церетели, Е. Ф. Рецензія В. Рудакова о книгѣ ея совмѣстно съ П. Г. Васенко и проф. С. Ѳ. Платоновымъ: «Начало династіи Романовыхъ. Историческіе очерки. Съ двѣнадцатью портретами и рисунками. Спб. 1912», CXXXII, іюнь, 1048.

Тургеневъ, Иванъ Сергѣевичъ, знаменитый писатель, (по поводу происхожденія имена графа Бланжія въ его разсказѣ: «Льговъ»), CXXXIII, сентябрь, 978.—Въ статьѣ Вл. ф. Штейна: «И. С. Тургеневъ, какъ политикъ и конституціоналистъ». (Въ память 30-лѣтней годовщины его смерти 22-го августа 1883 г.), CXXXIV, октябрь, 191—202.

Тури, лапландецъ, писатель, отзывъ о его книгѣ въ замѣткѣ: «Воззваніе лапландца», CXXXII, апрѣль, 346—348.

Тушаръ Морисъ, французскій музыкальный критикъ. По поводу его статей о современной русской музыкѣ. CXXXII, май, 710—712.

Тьеръ, президентъ французской республики, CXXXII, апрѣль, 104—106.

Тюлеліевъ, К. А. Рецензія Д. М. на редактированную имъ книгу: «А. Г. Петискусъ. Олимпъ. Миѳологія грековъ и римлянъ. Тертье русское изданіе, переработанное (по 21 нѣмецкому изданію) подъ редакціей К. А. Тюлеліева. Съ рисунками въ текстѣ и на отдѣльныхъ листахъ. 1913», CXXXIII, августъ, 702.

У

У—цъ, С. Его статья: «На богомольѣ» (штрихи). CXXXII, май, 616—626.

Украинка Леся (Лариса Петровна Косачъ-Квитка), украинская поэтесса. Некрологъ ея: CXXXIII, сентябрь, 1149—1150.

Уліана Дмитріевна, княгиня, жена роднаго брата Ивана Грознаго князя Юрія Васильевича, CXXXII, май, 627.

Ульяновъ, Н. А. Рецензія о книгѣ его: «Какъ покупать книги? Выборъ книгъ. Пріобрѣтеніе книгъ. Москва. 1913. Изд. «Наука». CXXXIV, декабрь, 1175.

Умановъ-Каплуновскій, В. В. Его повѣсть: «Съ надломленными крыльями». CXXXIV, октябрь, 56—91; ноябрь, 468—503.

Урусовъ, Сергѣй Николаевичъ, князь, главноуправляющій вторымъ отдѣленіемъ собственной Его Величества канцеляріи, CXXXIII, іюль, 191—193.

Успенскій, А. И. Рецензіи:1) М. К—ва о книгѣ его: «Столбцы бывшаго архива Оружейной палаты. Изданіе общаго архива министерства императорскаго двора, вып. I. Москва, 1912», CXXXII, апрѣль, 313—314.—2) М. Клочкова о книгѣ его: «Императорскіе дворцы. Томы I и II. Москва. 1913. Съ 894 снимками !въ обоихъ томахъ) на отдѣльныхъ листахъ. Изданіе императорскаго московскаго археологическаго института», CXXXIV, октябрь, 333—336.

Успенскій, М. И. Рецензія В. Данилова о составленной имъ и Т. С. Рождественскимъ книгѣ: «Записки императорскаго русскаго географическаго общества по отдѣленію этнографіи. Т. XXXV. Пѣсни русскихъ сектантовъ мистиковъ. Съ 22 таблицами рисунковъ и 2 таблицами нотъ. Сборникъ. 1912», CXXXIV, декабрь, 1167—1168.

Успенскій, Ѳ. И. Рецензія П. Б. о книгѣ его: «Исторія Византійской имперіи. Томъ I. Спб. 1914», CXXXIV, декабрь, 1157—1159.

Устьмедвѣдицкій, Р. К. Его статья: «Подвижникъ слова (воспоминанія объ Иванѣ Леонтьевичѣ Леонтьевѣ-Щегловѣ)», CXXXIV, декабрь, 1033—1038.

Утинъ, Евгеній Исааковичъ, адвокатъ-журналистъ, по поводу его дуэли съ чиновникомъ-публицистомъ А. Ѳ. Жоховымъ, CXXXII, іюнь, 884—890.—Упоминается: CXXXIII, іюль, 99—101.

Ушаковъ, Н. Н. Рецензія А. В. С. о книгѣ его: «Спутникъ по древнему Владимиру и городамъ Владимирской губерніи. Историко-археологическое описаніе всѣхъ городовъ Владимирской губерніи. Составилъ Н. Н. Ушаковъ. Владимиръ. 1913. Съ 44 рис. на отдѣльныхъ листахъ», CXXXIII, августъ, 703—704.

Ф

Фагэ, Эмиль, членъ французской академіи, по поводу его статьи «La morale d'Homer», CXXXIII, іюль, 340—348.

Фаресовъ, Анатолій Ивановичъ.—Его статьи: 1) «С. Н. Шубинскій, какъ редакторъ журнала», CXXXIII, іюль, 173 — 188. — 2) «На благодатномъ югѣ», CXXXIII, іюль, 269—297. Рецензіи его: 1) «Аполлонъ Коринѳскій. Поздніе огни. Спб. 1912», CXXXI, январь, 256—257.—2) «М. Туганъ-Барановскій. Къ лучшему будущему. Спб. 1913»,

Библиотека "Руниверс"

CXXXI, мартъ, 1053—1055.—3) Ежегодники газеты «Рѣчь» на 1912 и 1913 г.г. Спб», CXXXII, май, 683—685.—4) «Свобода печати при обновленномъ строѣ. Сборникъ статей. Спб. 1913», CXXXII, іюнь, 1070—1072.—5) «Толстовскій ежегодникъ. Спб. №№ 1—5. 1913», CXXXIII, сентябрь, 1092—1093.—6) «Н. Яблонскій. Еврейскій вопросъ. Москва. 1913», CXXXIV, ноябрь, 737—738.

Феве-Мужо, Жакъ, французскій адвокатъ, въ замѣткѣ: «Одинъ изъ доморощенныхъ Вольтеровъ», CXXXIV, декабрь, 1186—1188.

Фейнбергъ, И. А., врачъ и общественный дѣятель въ западномъ краѣ, писатель. Некрологъ его: CXXXII, іюнь, 1117.

Федоровъ, полковникъ, исполнявшій должность с.-петербургскаго градоначальника, CXXXI, январь, 123, 1 26.

Федоровъ, Г. П. Его статья: «Моя служба въ Туркестанскомъ краѣ (1870—1906)», CXXXIII, сентябрь, 786—812; CXXXIV, октябрь, 33—55; ноябрь, 437—467; декабрь, 860—893.

Федоровъ, Н. Рецензія Масляненко о книжкѣ его: «Императоръ Павелъ I», CXXXIV, октябрь, 338—339.

Фельдтъ, В., инженеръ. Рецензія Е. В. Корша о книгѣ его: «Военно-желѣзнодорожное дѣло. (Исторія и администрація). Ковель. 1912», CXXXI, мартъ, 1057—1058.

Филаретъ Никитичъ Романовъ, патріархъ, CXXXI, январь, XIV.

Филатова, А. И. Ея очеркъ: «Неповинная», CXXXII, апрѣль, 120—128.

Филатовичъ, Б., авторъ литературной справки о происхожденіи рода Романовыхъ, CXXXI, январь, XVI.

Филатовъ, В. В. Рецензія Пант. о составленной имъ и др. книгѣ: «Древній міръ и средніе вѣка. Историческіе очерки. Составили И. Н. Бороздинъ, проф. С. А. Котляревскій, В. В. Филатовъ, А. Г. Штейгеръ, и М. А. Эртель. Съ рисунками въ текстѣ. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Москва. 1913», CXXXIII, августъ, 692—693,

Филевичъ, Иванъ Порфирьевичъ, политическій дѣятель, писатель. Некрологъ его: CXXXI, февраль, 731—732.

Филипповъ, Андрей. Рецензія Д. Масляненко о книгѣ его: «Въ вихрѣ жизни. Изданіе второе. Изданіе редакціи журнала «Наборщикъ и Печатный міръ». Спб.», CXXXI, январь, 257—258.

Филипъ-Эгалите, герцогъ Орлеанскій, въ замѣткѣ: «Семейная драма Орлеановъ», CXXXIV, декабрь, 1182—1184.

Философова, Анна Павловна, извѣстная феминистка. — О ней въ рецензированной Д. А. Масляненко книгѣ: «Е. Писарева. Памяти Анны Павловны Философовой. Изданіе россійскаго теософическаго общества. Спб. 1912», CXXXI, февраль, 676—677.

Фирсовъ, А. Его статья: «Поѣздка къ могиламъ Елагиныхъ и Батенькова», CXXXIII, іюль, 266—268.—Замѣтка къ ней Маріи Беэръ, рожденной Елагиной: «Поѣздка къ могиламъ Елагиныхъ и Батенькова», CXXXIV, декабрь, 1215 — 1216.

Фитцгербертъ, Мэри, фаворитка, впослѣдствіи тайнобрачная жена англійскаго короля Георга IV. Въ замѣткѣ: «Королевскіе браки въ Англіи», CXXXIII, іюль, 351—352.

Фишеръ-фонъ-Вальдгеймъ, А. А., директоръ императорскаго ботаническаго сада, по поводу 200-лѣтія этого сада, CXXXIII, іюль, 370—371.

Флоридовъ, Александръ Александровичъ библіотекарь Публичной библіотеки, библіографъ. Некрологъ его: CXXXII, іюнь, 1117.

Фойницкій, Иванъ Яковлевичъ, профессоръ, сенаторъ, извѣстный криминалистъ, по поводу: 1) его чествованія въ университетѣ. CXXXI, мартъ, 1085, 1086. 2) 45-лѣтія его научной дѣятельности, CXXXIII, іюль, 372—373.— Некрологъ его: CXXXIV, ноябрь, 799—800.

Фоминъ, А. Г. Рецензія Влад. Княжнина о редактированной имъ книгѣ: «Полное собраніе сочиненій и писемъ И. С. Никитина. Томъ первый. Съ біографическимъ очеркомъ А. Г. Фомина. Вступительная статья Ю. И. Айхенвальда. Съ приложеніемъ портретовъ, факсимиле и снимковъ. Спб. 1913. Изданіе т-ва «Просвѣщеніе», CXXXI, мартъ, 1040—1041.

Фордъ, Джонъ, авторъ статьи съ краткой характеристикой президента Сѣверо-Американскихъ Штатовъ Вильсона, CXXXI, январь, 301.

Франсесъ, Хозе, авторъ статьи въ американскомъ журналѣ объ испанской литературѣ, CXXXI, январь, 298—300.

Франциск ъ I, французскій король. въ замѣткѣ: «Какъ возникаютъ моды», CXXXIII, сентябрь, 1128.

Францъ-Фердинандъ, эрцгерцогъ, наслѣдникъ австрійскаго престола, въ замѣткѣ: «Къ характеристикѣ наслѣдника австрійскаго престола», CXXXIV, декабрь, 1179—1182.

Фриче, В. Рецензія В. Данилова о книгѣ его: «Поэзія кошмаровъ и ужаса. Нѣсколько главъ изъ исторіи литературы и искусства на Западѣ. Съ картинами художниковъ: Босха, Брегеля, Дюрера, Кранаха, Гойи, Делакруа, Ропса, Берд-

Библиотека "Руниверс"

слея, Штука, Мунха. Москва. 1912», CXXXIV, октябрь, 364—365.

Фромандьеръ, командиръ третьяго стрѣлковаго батальона (по поводу его психопатическихъ странностей) CXXXIII сентябрь, 791—792.

Фурманъ, П. Р. Рецензія Г. Полилова о книгѣ его: «Саардамскій плотникъ. Историческая повѣсть, подъ редакціей В. П. Авенаріуса. Москва. 1913. Изданіе А. Д. Ступина», CXXXIV, декабрь, 1166—1167.

Х

Хамбо - Агланъ - Доржіевъ, посланецъ Далай-Ламы, въ статьѣ: «Романовскіе юбилейные дни», CXXXI, мартъ, 25.

Харитоновъ, пѣвецъ - сенаторъ, CXXXIII, сентябрь, 863—864.

Харитоновъ, П. А., статсъ-секретарь государственный контроль. (По поводу пересмотра и кодификаціи основныхъ законовъ), CXXXI, февраль, 576.

Хейротъ, (по сценѣ Торриджи), Л. А., пѣвица, ученица Віардо Гарсія, CXXXIV, октябрь, 115—116.

Хилковъ, князь, послѣдователь графа Толстого, CXXXII, апрѣль, 57.

Хирнъ, Лафкадіо, извѣстный англійскій писатель, по поводу замѣченнаго имъ сходства между греками и японцами, CXXXII, сентябрь, 1105—1108.

Хмыровъ, М. Д., исторіографъ. CXXXII, іюнь, 10—11.

Холодковскій, тайный совѣтникъ, правитель канцеляріи оренбургскаго генералъ-губернатора Крыжановскаго, CXXXIII, сентябрь, 796—797.

Холоднякъ, Иванъ Ильичъ, профессоръ спб. историко-филологическаго института. Некрологъ его: CXXXIII, іюль, 384.

Хомяковъ, Алексѣй Степановичъ, поэтъ, богословъ.—О немъ въ рецензированной П. Б. книгѣ: «В. Завитневичъ. Алексѣй Степановичъ Хомяковъ. Томъ II Кіевъ. 1913», CXXXIII, сентябрь, 1082—108.

Хорунженковъ, генералъ, неудачный усмиритель туккумской революціи, CXXXI, мартъ, 946—951.

Хребтовъ, А., археологъ, по поводу его изысканій въ пещерахъ на Звѣринцѣ, CXXXI, январь, 312.

Христіани, Г. Г. Статья его: «Воспоминанія о графѣ Димитріи Алексѣевичѣ Милютинѣ», CXXXI, февраль, 421—468.

Хрусталевъ-Носарь, Георгій Степановичъ, революціонеръ, предсѣдатель совѣта рабочихъ депутатовъ.—О немъ въ статьѣ Б. Б. Глинскаго: «Развѣнчанные герои революціи 1905 года, 1) Г. Н. Хрусталевъ-Носарь». CXXXII, іюнь, 984—1010; CXXXIII, іюль, 233 — 265; августъ, 598 — 629; сентябрь, 998 — 1039; CXXXIV, октябрь, 231—269; ноябрь 631—665; декабрь, 1085—1115.

Ц

Цвѣтаевъ, Д. В., проф. Рецензія Богород—аго о книгѣ его: «Избраніе Михаила Ѳеодоровича Романова на царство. Москва. 1913», CXXXII, апрѣль, 303—306.

Цвѣтаевъ, Иванъ Владимировичъ, заслуженный профессоръ, основатель и директоръ музея изящныхъ искусствъ имени императора Александра III, въ статьѣ князя Б. А. Щетинина: «Памяти И. В. Цвѣтаева», CXXXIV, октябрь, 221—230.

Цвѣтковскій, Ю. Ю., ветеранъ-педагогъ. Некрологъ его: CXXXIII, сентябрь 1150—1151.

Цвѣтковъ. Рецензія В. М. о книгѣ его: «Исламизмъ». Томъ I. «Мухаммедъ и коранъ». Асхабадъ. 1912. Томъ II. «Вѣра Ислама. Асхабадъ. 1913», CXXXIV, октябрь, 358—361.

Цитовичъ, Петръ Павловичъ, заслуженный профессоръ петербургскаго университета, сенаторъ и публицистъ. Некрологъ его: CXXXIV, декабрь, 1211—1212.

Ціонглинскій, И. Ѳ., художникъ, профессоръ. Некрологъ его: CXXXI, февраль, 732—733.

Ціонъ, профессоръ-физіологъ, писатель, CXXXIII, іюль, 109, 110.

Ч

Чайковскій, Ип. И. Статья его: «Эпизоды изъ моей жизни», CXXXI, январь, 73—101; февраль, 469—499. Замѣтка къ ней его же: «По поводу моихъ воспоминаній, CXXXI, февраль, 736.

Чайковскій, Петръ Ильичъ, геніальный композиторъ. О немъ въ статьѣ В. Б. Бертенсона: «Музей имени П. И. Чайковскаго», CXXXI, февраль, 604—615.

Чарушниковъ, Александръ Петровичъ, издатель. Некрологъ его: CXXXII, іюнь, 1118.

Чарыковъ, Н. В., русскій дипломатъ въ Бухарѣ. Его статья: «Рекогносцировка у Чурьяка». (Изъ воспоминаній), CXXXII май, 570—578.—Упоминается: CXXXIV, декабрь, 890—891.

Библиотека "Руниверс"

Ченслеръ, Ричардъ, англійскій полярный путешественникъ, въ замѣткѣ: «Полярная экспедиція во времена Шекспира», CXXXII, іюнь, 1091—1092.

Черевинъ, Левъ Александровичъ, общественный дѣятель, литераторъ. Некрологъ его: CXXXIV, октябрь, 415.

Черенковъ, Г. Его статья: «Три памятныхъ дня», CXXXI, январь, 102—112.

Чернай, Николай Александровичъ, профессоръ харьковскаго технологическаго института. Некрологъ его: CXXXI, январь, 319.

Черникѣевъ, В. И., подрапорщикъ, по поводу присужденія преміи имени С. А. Строганова его сочиненію: «Враги», CXXXII, май, 741.

Чернобаевъ, В. Рецензія его: «Собраніе сочиненій Александра Николаевича Веселовскаго. Изданіе отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ. Томъ первый. Спб. 1913», CXXXIV, декабрь, 1160—1163.

Чернопятовъ, В. И. Рецензія В. Е. Рудакова о книгѣ его: «Дворянское сословіе Тульской губерніи. Томъ VII (XVI). «Некрополь». Томъ VIII (XVII). Родословецъ добавочный и указатель фамиліи къ нему и къ родословцу (т. III, 1909 г.). Томъ IX (XVIII). Матеріалы культурно-бытовые и генеалогическіе. Томъ X (XIX). Ополченіе 1812 года. Матеріалы Дополненіе къ т. V (XIV). Москва. 1912», CXXXII, іюнь, 1053—1054.

Чернышевскій, Николай Гавриловичъ, знаменитый журналистъ-публицистъ, въ статьѣ М. В. Клочкова: «Процессъ Н. Г. Чернышевскаго», CXXXIII, сентябрь, 889—919; CXXXIV, октябрь, 157—190.

Черняева, А. М. Ея статья: «М. Г. Черняевъ въ Кишиневѣ», CXXXII, іюнь, 910—917.

Черняевъ, Михаилъ Григорьевичъ, герой сербско-турецкой войны, туркестанскій генералъ-губернаторъ. О немъ въ статьѣ Н. Г. Вучетича: «Воспоминанія о М. Г. Черняевѣ», CXXXII, апрѣль, 214—221. Упоминается: CXXXII, май 597.—О немъ въ статьѣ А. М. Черняевой: «М. Г. Черняевъ въ Кишиневѣ», CXXXII, іюнь, 910—917. Въ статьѣ Г. П. Ѳедорова: «Моя служба въ Туркестанскомъ краѣ», CXXXIV, ноябрь, 435—443.

Чернявскій, Вл. Ив., историкъ и археологъ Сухумскаго края, CXXXII, іюнь, 968, 969, 974, 982.

Черткова, Л. П., жена генералъ-майора (по поводу продажи ею крѣпостного хора), CXXXIII, сентябрь, 979.

Чертковъ, Владимиръ Григорьевичъ, послѣдователь гр. Толстого, CXXXII, апрѣль, 41—44.

Чеховъ, (Сѣдой), Александръ Павловичъ, писатель-журналистъ. Некрологъ его: CXXXII, іюнь, 1119—1120.

Чеховъ, Антонъ Павловичъ, знаменитый писатель, (мнѣніе Л. Н. Толстого о его писательскомъ талантѣ), CXXXII, апрѣль, 77.—Рецензія Д. Масляненко о книгѣ его: «Письма. Т. I (1876—1887 гг.). 1912. Т. II (1888—1889 гг.). Т. III (1890—1891 гг.). Съ иллюстраціями. Москва. 1913. Изд. М. П. Чеховой», CXXXIII, августъ, 679—682.

Чистяковъ, С. Д. Рецензія А. Э. Мальмгрена о книгѣ его: «Либава въ событіяхъ Отечественной войны 1812 года. Либава. 1912», CXXXIII, іюль, 317—320.

Чубинскій, М. П., проф. Рецензія В. Мар—скаго о книгѣ: «Общество славянскаго научнаго единенія. Славянскій вопросъ въ его современномъ значеніи. (Рѣчи и статьи члена государственной думы А. М. Александрова, академика В. М. Бехтерева, проф. М. М. Ковалевскаго, Янко Лаврина, проф. П. Я. Лаврова, Д. И. Семиза и проф. М. П. Чубинскаго). Спб. 1913», CXXXIII, августъ, 700—701.

Чуди, К. Рецензія Сергѣя ф.-Штейна о книгѣ его: «Императрица-страдалица. Москва. 1913», CXXXIII, сентябрь, 1088—1090.

Чулицкій, Михаилъ Флоровичъ. Его статья: «Обвалъ въ каменноугольныхъ копяхъ. (Изъ воспоминаній бывшаго судебнаго дѣятеля), CXXXII, іюнь, 956—966.

Чулковъ, Михаилъ Дмитріевичъ, извѣстный собиратель народной словесности въ XVIII вѣкѣ. Рецензія Владиміра Княжнина о его сочиненіяхъ «Томъ I. Собраніе разныхъ пѣсенъ. Части I, II и III съ прибавленіемъ 1770—1773 гг.. Изданіе отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ. Спб. 1913. Съ приложеніемъ портретовъ М. Д. Чулкова разнаго времени и снимковъ съ его подписей и печатнаго текста пѣсенника», CXXXIV, декабрь, 1163—1165.

Чуприковъ, М. Рецензія Д. Масляненко о книгѣ его: «1812. Дневникъ Отечественной войны. Изданіе Б. А. Суворина. Библіотека «Вечерняго Времени». Спб. 1913», CXXXI, мартъ, 1031—1032.

III

Ш., С. Рецензія его: «Великій князь Николай Михайловичъ. Петербургскій некрополь. Томъ третій. (М. Р.). Спб. 1912», CXXXI, февраль, 653—654.

Библиотека "Руниверс"

Шабанова, А. Н., докторъ. Ея статья: «Женское врачебное образованіе въ Россіи». (Къ 35-тилѣтію первыхъ женщинъ-врачей въ Россіи), CXXXI, мартъ, 952—961.—По поводу ея юбилея, CXXXI, мартъ, 1087—1088.

Шаляпинъ, Ѳедоръ Ивановичъ, знаменитый пѣвецъ, по поводу участія его въ операхъ: «Борисъ Годуновъ», за границею, CXXXIII, августъ, 738.

Шамиль, имамъ, знаменитый вождь и объединитель Чечни и Дагестана, въ статьѣ Д. П. Богданова: «Память о Шамилѣ въ Калугѣ», CXXXIII, сентябрь, 920—935.

Шамуринъ, Юрій, составившій I и III выпуски книги, рецензированной А. Б.: «Культурныя сокровища Россіи. Изд. т-ва «Образованіе». 4 выпуска. Отъ 80 до 90 стр. каждый, со многими рисунками въ текстѣ и отдѣльно. М. 1912—1913», CXXXIII, іюль, 309. Рецензія Маріи К—вой о книгѣ его: «Подмосковныя». Изданіе т-ва «Образованіе». Москва. 1912. Съ 37 рисунками и снимками въ текстѣ и на отдѣльныхъ листахъ», CXXXII, апрѣль, 306—309.

Шанявская (Родственная), Л. А., по поводу ея пожертвованія на женское врачебное образованіе, CXXXI, мартъ, 954—955.

Charles-Roux, François. Рецензія А. Б. о книгѣ его: «Alexandre II, Gortshakoff et Napoléon III. Paris. 1913», CXXXIII, августъ, 668—669.

Шаховская, Елизавета Дмитріевна, княгиня, дочь графа Димитрія Алексѣевича Милютина, CXXXI, февраль, 421, 434, 439.

Швецовъ, М. Н. Рецензія В. Данилова о книгѣ его: «Изъ прошлаго. Историко-литературные очерки. Вологда. 1913», CXXXIV, ноябрь, 746.

Шевалье, Н. (Н. Г-дъ), военный корреспондентъ. Рецензія Л. Н. о запискахъ его: «Правда о войнѣ на Балканахъ». Спб. 1913», CXXXII, май, 686—687.

Шевляковъ, Михаилъ Викторовичъ, писатель и артистъ. Статья его: «Оригиналы и чудаки» (Клочки воспоминаній), CXXXI, январь, 151—178; CXXXIV, ноябрь, 520—532; декабрь, 933—942. — О немъ въ статьѣ Б. Б. Глинскаго: «Памяти М. В. Шевлякова», CXXXII, іюнь, 942—955.

Шекспиръ, Вильямъ, великій англійскій писатель. Рецензія Д. Масляненка о пьесѣ: «Венеціанскій купецъ. Съ рисунками Джемса Д. Линтона. Изданіе т-ва А. С. Суворина—«Новое Время». Спб., CXXXI, февраль, 666—667. По поводу «Гамлета», въ замѣткѣ: «Прототипъ Гамлета», CXXXIII, августъ, 728—730.

Шелгуновъ, Николай Васильевичъ, радикальный публицистъ, въ статьѣ М. В. Клочкова: «Процессъ Н. Г. Чернышевскаго», CXXXIV, октябрь, 162, 163, 176.

Шепетовскій, польскій помѣщикъ близъ Семятичъ, не принимавшій участія въ польскомъ мятежѣ, по поводу революціоннаго рисунка на него, CXXXII, май, 565—566.

Шеллеръ, А. К., беллетристъ, CXXXIII іюль, 184, 185.

Шереметевъ, Сергѣй Дмитріевичъ, графъ.1) по поводу его 50-лѣтняго юбилея, CXXXIII, іюль, 373—375.——2) По поводу открытія памятниковъ Пушкину, Жуковскому и Вяземскому въ шереметевскомъ имѣніи «Остафьево», CXXXIII, августъ, 740—741.—3) По поводу открытія памятника А. С. Пушкину въ Остафьевѣ, въ статьѣ Б. Г-ва: «15 іюля 1913 года въ Остафьевѣ», CXXXIII, сентябрь, 1040—1048.

Шидловскій, А. Ѳ. Рецензія Д. Масляненка о книгѣ его: «Шпицбергенъ въ русской исторіи и литературѣ. Краткій историческій очеркъ русскихъ плаваній и промысловъ на Шпицбергенѣ и подробный указатель литературы и архивныхъ дѣлъ, относящихся къ этимъ вопросамъ. Спб. 1912», CXXXI, январь, 237.

Шильдеръ, Н. К., извѣстный историкъ. Мнѣніе С. Н. Шубинскаго по поводу отожествленія имъ старца Ѳедора Кузьмича съ императоромъ Александромъ I, CXXXIV, декабрь, 1030—1031.

Шиманъ, профессоръ. О немъ въ замѣткѣ: «Прусское донесеніе о смерти Пушкина», CXXXI, февраль, 699—700.

Ширяева. Рецензія М. Клочкова на ея переводъ съ французскаго книги: «Моранъ, П. Павелъ I до восшествія на престолъ (1754—1796 гг.). М. 1912», CXXXI, февраль, 647—648.

Ширъ-Али-ханъ, афганскій эмиръ, по поводу неисполненнаго обѣщанія о поддержкѣ его противъ англичанъ, CXXXIV, декабрь, 919.

Шмурло, Е. Рецензія К—шова о книгѣ его: «Петръ Великій въ оцѣнкѣ современниковъ и потомства. Вып. 1. (XVIII вѣкъ). Спб. 1912», CXXXII, май, 659—660.

Шоу, авторъ статьи о скульпторахъ князѣ Паоло Трубецкомъ и Родэнѣ. CXXXI, февраль, 707—708.

Шрейеръ, Ю. О., «король репортеровъ» CXXXIII, іюль, 116—117.

Штейгеръ, А. Г. Рецензія Пант. о составленной имъ и др. книгѣ: «Древній

Библиотека "Руниверс"

міръ и древніе вѣка. Историческіе очерки. Составили И. Н. Бороздинъ, проф. С. А. Котляревскій, В. В. Филатовъ, А. Г. Штейгеръ и М. А. Эртель. Съ рисунками въ текстѣ. Изданіе второе, исправленное и дополненно. М. 1913», CXXXIII, августъ, 692—693.

Штейнманъ, Р. И., директоръ училища св. Петра, по поводу 200-лѣтія этого училища, CXXXI, январь, 308.

Штейнъ - фонъ, Владимиръ Ивановичъ. Его статьи: 1) «Забытый писатель», CXXXIII, іюль, 216—232.— 2) «И. С. Тургеневъ, какъ политикъ и конституціоналистъ. (Въ память 30 - лѣтней годовщины его смерти 22-го августа 1883 г.)», CXXXIV, октябрь, 191—202.—«Освободительное движеніе и законодательная дѣятельность государственной думы», CXXXIV, декабрь, 1064—1084. Рецензіи его: 1) «П. Н. Сакулинъ. Изъ исторіи русскаго идеализма. Князь В. Ѳ. Одоевскій—мыслитель-писатель. Тома I части I и II. Москва. 1913», CXXXIII, августъ 685—688.—2) «М. М. Стасюлевичъ и его современники въ ихъ перепискѣ. Подъ редакціей М. К. Лемке. Т. IV. Спб 1912». Съ 3 портр.», CXXXIV, ноябрь, 721—725.

Штейнъ-ф., Сергѣй Владимировичъ. Рецензіи его: 1) «Князь Н. Д. Жеваховъ. Княжна Марія Михайловна Дондукова-Корсакова. Спб. 1913», CXXXIII, сентябрь, 1088 — 1090. — 2) «К. Чуди. Императрица - страдалица. Переводъ съ нѣмецкаго Л. Горбунова. Москва. 1913», CXXXIII, сентябрь, 1088—1090.

Шубинскіе:

— Екатерина Николаевна, рожденная Боровская, вдова редактора «Историческаго Вѣстника» С. Н. Шубинскаго, по поводу кончины послѣдняго, CXXXII, іюнь, 6, 93.

— П. П. Статьи его: 1) «Забытый русскій памятникъ въ Константинополѣ», CXXXI, январь, 186—198. — 2) «Гробница имеретинскаго царя Соломона въ Трапезундѣ», CXXXII, апрѣль, 274 — 286.

— Сергѣй Николаевичъ историкъ, редакторъ «Историческаго Вѣстника».— О немъ: по случаю его кончины, въ статьѣ Б. Б. Глинскаго: «Сергѣй Николаевичъ Шубинскій 1834—1913 гг.(Біографическій очеркъ), CXXXII, іюнь, 3—93.—Въ статьѣ А. И. Фаресова: «С. Н. Шубинскій, какъ редакторъ журнала», CXXXIII, іюль, 173—188. — Объ его отношеніяхъ къ сотруднику журнала В. Е. Рудакову, CXXXIII, августъ, 589—592.—О немъ въ статьѣ Н. К. Михайлова: «На редакціонномъ пріемѣ у С. Н. Шубинскаго (личныя о немъ воспоминанія»), CXXXIV, декабрь, 1014—1032.

Шуваловъ, П. А., графъ, женатый на полькѣ, виновникъ увольненія виленскаго генералъ-губернатора К. П. Кауфмана, CXXXIII, сентябрь, 804.

Шумигорскій, Евгеній Севастьяновичъ. Рецензія его «Баронъ Н. Н. Врангель. «Вѣнокъ мертвымъ». Художественно-историческія статьи. Спб. 1913», CXXXIII, сентябрь, 1065—1068.

Шуфъ Борей), Владимиръ Александровичъ, видный поэтъ, журналистъ, сотрудникъ «Новаго Времени», CXXXIV декабрь, 1212—1213.

Шюкз, Артуръ, членъ французскаго института, авторъ статьи: «Плѣнъ Винцингероде», CXXXI, январь, 280—283.

Щ

Щавинскій, Владимиръ Осиповичъ, публицистъ, вѣнскій корреспондентъ «Новаго Времени». Некрологъ его: CXXXIV, декабрь, 1213—1214.

Щеголевъ, П. Е. награжденный академіей наукъ преміей имени Пушкина за свои изслѣдованія о Пушкинѣ, CXXXII, апрѣль, 367.

Щепкина, Е. Ея статья: «Женская личность въ исторіи Россіи», CXXXIII, іюль, 149—169.

Щепкинъ, Михаилъ Семеновичъ, знаменитый актеръ, по поводу празднованія 125-лѣтія его рожденія въ московскомъ Маломъ театрѣ, CXXXIV, декабрь, 1197—1198.

Щербина-Крамаренко, Н. Н., художникъ - архитекторъ. Некрологъ его: CXXXIII, августъ, 752.

Щербина, Ф. А. Рецензія Бор. Городецкаго о книгѣ его: «Очерки борьбы русскихъ съ черкесами. Выпускъ первый. Историческіе очерки. Екатеринодаръ. 1912», CXXXII, май, 665—666.

Щетининъ, Б. А., князь. Его статьи: 1) «Памяти И. В. Цвѣтаева», CXXXIV, октябрь, 221—230.—2) «Юбилей «Русскихъ Вѣдомостей», CXXXIV, ноябрь, 666—672.

Ъ

—Ъ. Рецензія его: «Библіотека В. В. Протопопова. — Театръ. Спб. 1912», CXXXI, февраль, 666.

Библиотека "Руниверс"

Э

Э, А. К. Рецензія Н. И. К. о книгѣ его: «Война и воины на службѣ Господней. Спб. 1912», CXXXI, январь, 261—264.

Эдуардъ VII, англійскій король. Въ замѣткѣ: «Какъ возникаютъ моды», CXXXIII, сентябрь, 1130—1131.

Элій-гаонъ, равви, послѣдній «гаонъ» во Израилѣ, жившій въ Вильнѣ, въ воспоминаніяхъ С. К. Эфрона (Литвина) о еврейскомъ прошломъ., CXXXIII, августъ, 497—526.

Эмпирикъ, Секстъ, философъ. О немъ въ книгѣ: «Труды петербургскаго философскаго общества. Вып. IX. Секстъ Эмпирикъ. Три книги Пирроновыхъ положеній. Перев. съ греч., предисловіе и примѣчанія Н. В. Брюлловой-Шаскольской. Подъ редакц. А. І. Малеина Спб. 1913», CXXXIV, декабрь, 1175.

Эйсмонтъ, Н. С., по поводу его статьи: «Законы о малолѣтнихъ и суды для нихъ», CXXXII, іюнь, 1075.

Эйхвальдъ, Эдуардъ Эдуардовичъ, извѣстный профессоръ-медикъ, CXXXIII, іюль, 80.—Его борьба съ ветлянскою чумой», CXXXIII, августъ, 471, 472.

Энгельгардтъ, Николай Александровичъ, писатель. Рецензія его: «П. Перцовъ. Панруссизмъ или панславизмъ. Москва. 1913», CXXXI, мартъ, 1051—1052.

Эристовъ, А. С., князь. Рецензія А. М. о книгѣ его и М. К. Соколовскаго: «Славное прошлое изюмскихъ гусаръ. Памятка 11-го гусарскаго Изюмскаго его королевскаго высочества принца Генриха Прусскаго полка. Спб. 1912», CXXXIII, августъ, 701—702.

Эрнестъ-Августъ, принцъ кумберлэндскій, въ замѣткѣ: «Королевскіе браки въ Англіи», CXXXIII, іюль, 348.

Эртель, М. А. Рецензія Пант. о составленной имъ и друг. книгѣ: «Древній міръ и средніе вѣка. Историческіе очерки. Составили И. Н. Бороздинъ, проф. С. А. Котляревскій, В. В. Филатовъ, А. Г. Штейгеръ и М. А. Эртель. Съ рисунками въ текстѣ. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Москва. 1913», CXXXIII, августъ, 692—693.

Эссексъ, Робертъ, графъ, прототипъ Гамлета, въ замѣткѣ: «Прототипъ Гамлетаа», CXXXIII, августъ, 728—730.

Эфронъ (Литвинъ), Савелій Константиновичъ. Его статья: «Изъ моихъ воспоминаній о еврейскомъ прошломъ», CXXXIII, августъ, 495—526.

Ю

Ю., А. Его статья: «Крестьянскіе безпорядки въ Черниговской губерніи въ 1905 г.», CXXXII іюнь, 853—873.

Юрасовскіе:

—Александра Денисовна, болховская помѣщица, владѣлица духовнаго крѣпостного хора.

— Алексѣй Денисовичъ.

— Петръ Денисовичъ. О нихъ въ статьѣ Т. А. Мартемьянова: «Страничка изъ исторіи крѣпостного театра въ Орловской губерніи (о театрахъ графа Каменскаго и Юрасовскихъ), CXXXIII, сентябрь, 977—984.

Юрьевская, свѣтлѣйшая княгиня, морганатическая супруга Александра II. Упоминается: CXXXI, январь, 134; CXXXIV, ноябрь, 510, 511.

Ющенко, А. Его статья: «Кондратій Малеванный». Сектантъ. (Воспоминанія), CXXXII, апрѣль, 237—242.

Я

Я. Рецензія его: «Ф. Тассаръ. Воспоминанія о Гюи-де-Мопасанѣ его слуги Франсуа. Переводъ съ французскаго. Спб. 1913», CXXXIII, августъ, 691.

Я—ъ. Рецензіи его: 1) «П. фонъ-Кауфманъ. Красный Крестъ въ тылу арміи въ японскую кампанію 1904—1905 гг. Томъ I. Сибирскій районъ. 2 части. Томъ II. Забайкальскій районъ. 2 части. Спб.», CXXXIII, іюль, 329—331.—2) «Игорь Грабарь. Русскіе художники. Собраніе иллюстрированныхъ монографій. Выпускъ II. Сергѣй Глаголь и Игорь Грабарь. Исаакъ Ильичъ Левитанъ. Жизнь и творчество. Москва. 1913. Изданіе I. Кнебель. 1913», CXXXIV, ноябрь 734.

Яблонскій, Е. К., докторъ, по поводу присужденія преміи имени С. А. Строганова его сочиненію: «Три якоря», CXXXII май, 741.

Яблонскій, Н. Рецензія А. Фаресова о книгѣ его: «Еврейскій вопросъ. Москва. 1913», CXXXIV, ноябрь, 737—738.

Яблочкина, Е. А., провинціальная драматическая артистка. Некрологъ ея: CXXXI, февраль, 733—734.

Яворскій, Ю. А. Рецензія В. Мар—скаго о книгѣ его: «Великорусскія пѣсни въ старинныхъ карпато-русскихъ записяхъ. (Отдѣльный оттискъ изъ «Извѣстій отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ», т. XVII,

Библиотека "Руниверс"

1912. Книга I). Спб. 1912», CXXXIII, іюль, 325—326.

Яковенко, И. А., чиновникъ харьковской духовной консисторіи, по поводу нахожденія имъ въ архивѣ консисторіи бумагъ съ подлинными резолюціями святителя Тихона Задонскаго, CXXXII, май, 741.

Яковлева, Б. Рецензія о переведенной ею книгѣ: «Спридитъ (Малышъ). Сказка въ 7 картинахъ по латышскимъ народнымъ мотивамъ Анны Бригадеръ. Перев. съ латышскаго. Рига. Изд. А. Вальтера, Я. Рапа и К-», CXXXIV, декабрь, 1174

Якубовичъ, Всеволодъ Викторовичъ, судебный дѣятель, редактировавшій газету «Другъ». Некрологъ его: CXXXIV, декабрь, 1214.

Якушкинъ, Вячеславъ Евгеньевичъ, членъ I госуд. думы, литераторъ. Некрологъ его: CXXXI, январь, 319—320.

Янко, М. Рецензія А. М—на о составленной при его участіи книги: «Краткій очеркъ римскихъ древностей. Для гимназій, прогимназій и самообученія. Составилъ Н. Санчурскій, бывшій окружный инспекторъ петербургскаго учебнаго округа, при участіи А. Гофмана и М. Янко—директоровъ петербургскихъ гимназій, П. Барсова, И. Діомидова и І. Сѣдлатаго — инспекторовъ петербургскихъ гимназій, и Э. Кесслера и В. Марданова—преподавателей петербургскихъ гимназій. Четвертое изданіе, пересмотрѣнное. Спб. 1913», CXXXIII, августъ, 691—692.

Ярополовъ, В. Его очеркъ: «Вотяки Малмыжскаго края». CXXXII, май, 640—656.

Ѳ

Ѳедоровъ, А. В., генералъ, спб. градоначальникъ, CXXXIII, августъ, 478 479.

Ѳедоръ Алексѣевичъ, царь, по поводу вклада его въ московскій Новодѣвичій монастырь, CXXXII, май, 631.

Ѳеодоръ Іоанновичъ, царь, по поводу возобновленія Валаамскаго монастыря, CXXXI, мартъ, 999.

Ѳеофанъ Прокоповичъ, архіепископъ, по вопросу о титулѣ «самодержецъ», CXXXI, февраль, 595, 596.

Библиотека "Руниверс"

УКАЗАТЕЛЬ

РИСУНКОВЪ,

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ

„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА“

1913 г.

I. Портреты.

Александръ I, императоръ. CXXXI, январь, LV.
Александръ II, императоръ. CXXXI, январь, LXV.
Александръ III, императоръ. CXXXI, январь, LXIX.
Алексѣй Михайловичъ, царь. CXXXI, январь, XVII.
Анна Іоанновна, императрица. CXXXI, январь, XXXI.

— CXXXIV, октябрь. На отдѣльномъ листѣ.

Бертенсонъ, Василій Бернардовичъ. CXXXIII, іюль. На отдѣльномъ листѣ.
Бондаревъ, Тимоѳей Абрамовичъ. CXXXIII, іюль, 209.
Бѣлозерская, Надежда Александровна. CXXXII, іюнь, 929.
Вревскій, Александръ Борисовичъ, баронъ (1889—1898 гг.). CXXXIV, ноябрь, 457.
Газенкампфъ, Михаилъ Александровичъ. CXXXII, май. На отдѣльномъ листѣ.
Голенищевъ-Кутузовъ, А. А., графъ, поэтъ. CXXXI, мартъ, 905.
Дворжицкій, Адріанъ Ивановичъ. CXXXI, январь, 117.
Екатерина I, императрица. CXXXI, январь, XXV.
Екатерина II, императрица. CXXXI, январь, XLI.
Елизавета Петровна, императрица. CXXXI, январь, XXXV.
Ивановъ, Николай Александровичъ (1901—1903 гг.). CXXXIV, декабрь, 869.
Кауфманъ-фонъ, Константинъ Петровичъ. CXXXII, іюнь. На отдѣльномъ листѣ, 1868—1881 гг.

— CXXXIV, октябрь, 37.

Лопухина, Евдокія Ѳеодоровна, царица. CXXXI, май, 637.
Мертваго, Дмитрій Борисовичъ, авторъ записокъ о пугачевщинѣ. CXXXI, февраль, 353.
Милютинъ, Дмитрій Алексѣевичъ, графъ. CXXXI, февраль. На отдѣльномъ листѣ.
Минцловъ, Сергѣй Рудольфовичъ. CXXXIV, октябрь, 205.
Миръ-Сеидъ-Абдулъ-Ахадъ, эмиръ бухарскій. CXXXIV, ноябрь. На отдѣльномъ листѣ.

Библиотека "Руниверс"

Миръ-Сеидъ-Абдулъ-Ахадъ, эмиръ бухарскій. и его свита. CXXXIV, ноябрь, 463.
Михаилъ Ѳеодоровичъ, царь. CXXXI, январь, XIII.
Молеріусъ, Иванъ Петровичъ. CXXXIV, ноябрь, 627.
Молоствовъ, Порфирій Львовичъ. CXXXII, май, 417.
Молоствовыхъ семейство. CXXXII, іюнь, 785.
Николай I, императоръ. CXXXI, январь, LXI.
Николай Александровичъ, цесаревичъ. CXXXIII, сентябрь. На отдѣльномъ листѣ.
Николай II Александровичъ, Государь Императоръ, и Наслѣдникъ Цесаревичъ и великій князь Алексѣй Николаевичъ. CXXXI, январь. На отдѣльномъ листѣ.
Павелъ I, императоръ, CXXXI, январь, LIII.
Петръ Великій, императоръ. CXXXI, январь, XXI.
Петръ II, императоръ. CXXXI, январь, XXVII-.
Петръ III, императоръ. CXXXI, январь, XXXIX.
Пестряковъ, Филиппъ Мелентьевичъ, священникъ. CXXXIV, ноябрь, 601.
Покровскій, Н. В., директоръ археолоическаго института. CXXXI, мартъ, 967.
Потто, Василій Александровичъ, лѣтописецъ кавказскихъ войнъ. CXXXI, январь, 201.
Розенбахъ, Н. О., генералъ-адъютантъ. CXXXIV, ноябрь, 441.
Рудаковъ, Василій Егоровичъ. CXXXIII, августъ, 583.
Сацъ, И. А. CXXXIV, октябрь, 213.
Слоновъ, И. А., авторъ статьи: «Изъ жизни торговой Москвы», въ 17 лѣтъ. CXXXIV, ноябрь, 569.
Соймоновъ, М. Н. CXXXIII, сентябрь, 989.
Соломонъ II, имеретинскій царь. CXXXII, апрѣль, 277.
Суворина, Александра Львовна. CXXXII, августъ, 555.
Суворинъ, Алексѣй Сергѣевичъ. CXXXIII, августъ. На отдѣльномъ листѣ.
Таль-фонъ, Александръ Яковлевичъ. CXXXII, апрѣль. На отдѣльномъ листѣ.
Тевяшовъ, Николай Николаевичъ (1903—1905 гг.). CXXXIV, декабрь, 883.
Хрусталевъ-Носарь, Г. С. CXXXIII, іюль, 251.
Цвѣтаевъ, Иванъ Владимировичъ. CXXXIV, октябрь, 225.
Шевляковъ, Михаилъ Викторовичъ, CXXXII, іюнь, 945.
Шубинскій, Сергѣй Николаевичъ:

— На отдѣльномъ листѣ. CXXXII, іюнь.
— Въ молодости. CXXXII, іюнь, 5.
— Ко времени основанія «Историческаго Вѣстника». CXXXII, іюнь, 17.
— И Суворинъ, А. С., по случаю 25-лѣтняго юбилея «Историческаго Вѣстника». CXXXII, іюнь, 35
— Въ послѣдніе годы жизни. CXXXII, іюнь, 73.
— Въ гробу. CXXXII, іюнь, 87

II. Виды мѣстностей, городовъ, зданій и памятниковъ.

Ани. CXXXII, апрѣль.

— Городскія стѣны у церкви св. Григорія, 289.
— Городскія стѣны у башни съ греческимъ крестомъ, 289.
— Городище, (видъ съ вышгорода), 291.
— Церковь св. Григорія, 292.
— Храмъ святыхъ Апостоловъ, 293.
— Круглая церковь св. Григорія, 293.
— Княжескій дворецъ, 295.
— Статуя царя Гагика, 297.

Баку. CXXXIV, декабрь.

— Набережная въ Баку, 1121.
— Нефтяныя вышки въ Сабунчахъ, 1125.
— Возникающіе нефтяные промыслы въ Сураханахъ, 1127.
— Пещеры вокругъ храма огнепоклонниковъ, 1129.
— Бывшій храмъ огнепоклонниковъ въ Сураханахъ, 1133.

Библиотека "Руниверс"

— Нефтяной фонтанъ, 1137.
— Пожаръ нефтяного фонтана въ Сураханахъ, 1141.
— Керосиновые заводы, 1143.
— Биби-Эйбатъ, 1145.

Балаклава. CXXXIII, сентябрь.

— Общій видъ, 1053.
— Видъ отъ генуэзскихъ башенъ, 1057.

Бухара. CXXXII, іюнь.

— Нашъ эскортъ изъ бухарцевъ, 1021.
— Входъ въ Зинданъ, 1023.
— Камера въ Зинданѣ, 1025.
— Входъ въ цитадель, 1027.
— Дворъ мечети, 1028.
— Въ чайханэ на Ляби-хоузъ, 1029.
— Входъ въ мечеть Меджиди-Калянъ, 1031.
— Ширъ-Будунъ. Спальня эмира, 1033.
— Ширъ-Будунъ. Тронная зала, 1035.
— Церковь дипломатическаго агентства въ Новой Бухарѣ, 1037.
— Дворецъ эмира у станціи Каганъ, 1037.
— Смертная казнь, CXXXIV. ноябрь, 449.

Валаамъ: CXXXI, мартъ.

— Валаамскій монастырь, 993.
— Скитъ Всѣхъ Святыхъ на Валаамѣ, 995.
— Колодезь Всѣхъ Святыхъ на Валаамѣ, 997.
— Воскресенскій скитъ на Валаамѣ, 999.
— Никольскій скитъ на Валаамѣ, 1001.
— Коневскій скитъ на Валаамѣ, 1003.
— Святой колодезь въ Коневцѣ, 1005.

Восточное Забайкалье: CXXXI, январь. 207.

— Ингода, 207.
— Рѣка Шилка близъ Срѣтенска, 209.
— Таежная рѣка Черный Урюмъ, 211.
— Типы китайцевъ-рабочихъ, 213.
— Работы китайцевъ-подрядчиковъ, 215.
— Вскрытіе торфа, 216.
— Пріисковое селеніе въ тайгѣ, 217.
— Золотопромышленная машина, 219.
— Таежная жизнь, 219.

Вотяки Малмыжскаго края: CXXXII, май.

— Типы вотяковъ (село Селты)., 643.
— Вареніе «кумышки», 645.
— Языческое моленіе семьи объ урожаѣ, 649.
— Мытье мотовъ и бѣлья во время стеканія водъ отъ таянія снѣга, 653.

Домъ Н. А. Некрасова близъ Чудова (южная сторона), CXXXI, январь, 145.
Домъ Н. А. Некрасова близъ Чудова (сѣверная сторона). CXXXI, январь, 147.
Домъ С. Д. Суворина въ Коршевѣ. CXXXIII, августъ, 557.
Измайлово (дворцовое село): CXXXI, февраль.

— Видъ Измайлова въ XVIII столѣтіи (Съ гравюры Зубова), 619.
— Восточныя ворота дворца въ Измайловѣ, 621.
— Западныя ворота дворца, 622.
— Церковь св. Іоасафа царевича, 625.
— Покровскій соборъ, 627.
— Иконостасъ Покровскаго собора, 627.

Библиотека "Руниверс"

— Чудотворная икона Богоматери въ Покровскомъ соборѣ, 629.
— Соборная башня-колокольня, 631.
— Измайловская военная богадѣльня, 633.
— Дача виноградный садъ., 635.
— Гербъ Романовыхъ, 637.

Калуга:
Домъ Шамиля въ Калугѣ, CXXXIII, сентябрь, 925.

Клинъ: CXXXI. февраль.
— Домъ П. И. Чайковскаго въ Клину, 607.
— Кабинетъ и гостиная П. И. Чайковскаго въ Клину, 609.
— Спальня и рабочій кабинетъ П. И. Чайковскаго въ Клину, 611.

Коломна:
— Нашъ домикъ. (Автора статьи: «Изъ жизни торговой Москвы» Слонова). CXXXIV, ноябрь, 565.

Красное Село: CXXXIII, августъ.
— Красное Село въ царствованіе Николая I. (Возвращеніе войскъ съ Военнаго поля), 641.
— Церковный парадъ въ лагерѣ подъ Краснымъ Селомъ въ царствованіе императора Николая I, 643.
— Сигнальная пушка въ Красномъ Селѣ, 645.
— Дворецъ Государя въ Красномъ Селѣ, 649.
— Памятникъ императору Александру II, 653.
— Царская ферма въ Дудергофѣ, 657.

Къ столѣтію Кульмскаго боя: CXXXIII, августъ.
— Русскій памятникъ, 632.
— Братская могила, 633.
— Германскій памятникъ, 634.
— Австрійскій памятникъ, 635.

Москва: CXXXII, май.
— Новодѣвичій монастырь въ концѣ XVIII вѣка, 629.
— Древняя икона Иверской Божіей Матери, находящаяся въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, 633.
CXXXIV, ноябрь.
— Знамя царевны Софьи Алексѣевны, 635.
— Красная площадь въ концѣ XVIII вѣка, 572.
— Гостиный дворъ передъ его закрытіемъ въ 1886 г. Фасадъ по Красной площади, 573.
— Фруктовый «Глаголь» и фасадъ Гостинаго двора по улицѣ Ильинкѣ, 575.
— Гостиный дворъ съ высоты птичьяго полета, 577.
— Большой Суконный рядъ передъ сломкой въ 1886 г., 581.
— Средній проходъ передъ сломкой, въ 1886 г., 585.
— Старый Ветошный рядъ, 587.
— Ножовая линія передъ сломкой въ 1886 г., 589.
— Узенькій рядъ передъ сломкой въ 1886 г., , 977.
— Холщевый рядъ передъ сломкой въ 1886 г. 981.
— Древніе подвалы Гостиннаго двора, найденные во время сломки въ 1886 г., 985.
— Сценка изъ жизни Гостиаго двора. (Съ картины Прянишникова), 991.
— Пирожникъ, 996.
— Разносчикъ съ арбузами, 997.
— Блинщикъ, 1000.
— Сборщикъ на построеніе храма, 1001.
— Точильщикъ, 1004.
— Подбойщикъ (бродячій сапожникъ), 1005.
— Странникъ, 1007.

Библиотека "Руниверс"

Одесскій край: CXXXII, іюнь.

— Въ степи подъ Одессой.
— Въѣздъ въ шахту, 1013.
— Хата, высѣченная въ камнѣ подъ земле , 1015.

Осетія Рудная: CXXXIV, ноябрь.

— Александровская штольня въ Садонѣ, 681.
— Южная Штольня въ Садонѣ, 683.
— Новый мостъ, церковь и ущелье въ Садонѣ, 685.
— Плоскогорье въ Садонѣ, 687.
— Работа итальянцевъ-каменотесовъ въ Фосналѣ, 689.
— Камень на Згидскомъ перевалѣ, 691.
— Урухское ущелье, 693.
— Дигорія. Аксаускоe уалъ-марта, 695.
— Дигорія. Башни селенія Аксау, 697.
— Дигорія. Танахомскій ледникъ въ Хумисара, 699.
— Дигорія. Танахомское ущелье, 701.
— Дигорія. Урухское ущелье, 703.

Остафьево, имѣніе графа С. Д. Шереметева. CXXXIII, сентябрь.

— Памятникъ А. С. Пушкину, 1041.
— Памятникъ В. А. Жуковскому, 1043.
— Памятникъ кн. П. А. Вяземскому, 1045.

Петербургъ:

— Домъ въ Лештуковомъ переулкѣ, гдѣ жилъ П. И. Чайковскій. CXXXI, февраль, 613.

Семирѣчье: CXXXIV, октябрь.

— Видъ киргизской степи, 289.
— Сусамырская дорога у рѣки Караколъ, 291.
— Типы киргизовъ, 293.
— Типы киргизокъ, 297.
— Водопадъ Большой Алматинки, 301.
— Малое Алматинское ущелье, 303.
— Алматинскій пикъ, 305.
— Иссыкское ущелье, 307.
— По дорогѣ къ Нарыну, 309.
— Нищій киргизъ, 313.
— «Муллушка», надгробное сооруженіе въ Чиликской волости, 317.
— Пески Прибалхашья, 319.

Симеизъ, имѣніе гр. Д. А. Милютина въ Крыму: CXXXI, февраль.

— Видъ дома гр. Милютина въ Симеизѣ, 429.
— Второй видъ дома графа Милютина, 429.
— Задній фасадъ дома графа Милютина, 433.
— Большая веранда въ домѣ графа Милютина, 435.
— Кабинетъ графа Милютина, 437.
— Любимая оттоманка въ кабинетѣ графа Милютина, 441.
— Кровать и кресло въ спальнѣ, 443.
— Уголокъ гостиной, 445.
— Кипарисовая аллея въ паркѣ, 449.
— Аллея въ паркѣ, насаженная графомъ Милютинымъ, 453.
— Одинъ изъ уголковъ въ паркѣ, 457.
— Фонтанъ противъ подъѣзда дома графа Милютина, 461

Трапезундъ: CXXXII, апрѣль.

—Каѳедральный соборъ св. Григорія съ находящимся при немъ памятникомъ на могилѣ царя Соломона II, 279.
— Памятникъ на могилѣ царя Соломона II, 281.

Библиотека "Руниверс"

Херсонъ: CXXXIII, іюль.

— Общій видъ Херсона, 273.
— Видъ на Днѣпръ, 275.
— Крѣпостныя ворота, 277.
— Карантинный островъ, 281.
— Екатерининскій соборъ, 283.
— Гимназическій бульваръ, 285.
— Памятникъ Потемкину, 289.
— Памятникъ Говарду, 291.

Церковь въ Алупкѣ. CXXX, февраль, 425.

Ялта:

— Дворецъ эмира бухарскаго, CXXXIV, декабрь, 875.

III. Разные рисунки.

Гербъ рода Мертваго. CXXXI, январь, 37.
Забытый русскій памятникъ въ Константинополѣ. CXXXI, январь, 189.
Кабинетъ и письменный столъ С. Н. Шубинскаго. CXXXII, іюнь, 51.
Карандашная записка, предъявленная Н. Г. Чернышевскому. CXXXIII, сентябрь, 893.
Могила С. Н. Шубинскаго въ Александро-Невской лаврѣ. CXXXII, іюнь, 89.
Одна изъ польскихъ революціонныхъ афишъ. CXXXII, май, 566.
Письмо Н. Г. Чернышевскаго къ В. Д. Костомарову. CXXXIV, октябрь, 161.
Письмо Н. Г. Чернышевскаго къ А. Н. Плещееву. CXXXIII, сентябрь, 897—899.
Почеркъ Н. Г. Чернышевскаго. CXXXIV, октябрь, 173.
Почеркъ Н. Г. Чернышевскаго. CXXXIV, октябрь, 165.
Почеркъ В. Д. Костомарова. CXXXIV, октябрь, 169.
Сани А. И. Дворжицкаго, въ которыхъ былъ перевезенъ въ Зимній дворецъ раненый императоръ Александръ II. CXXXI, январь, 121.
Формулярный списокъ С. Д. Суворина. CXXXIII, августъ, 559—565.

Библиотека "Руниверс"

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“

С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.

«Книжныя Новости» магазиновъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» (ежемѣсячные списки вновь поступающихъ въ магазины Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ безплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ НОЯБРѢ 1913 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 11-й.

Богословіе.

АѲАНАСЪ. Истинное значеніе крещенія и крещеніе дѣтей. Спб. 1913. Ц. 20 к.

ДЮШЕНЪ, Л. Исторія древней церкви. Т. II. М. 1914. Ц. 2 р.

ЗНАМЕНАТЕЛЬНОЕ ЮБИЛЕЙНОЕ ПРАЗДНЕСТВО. Христіанское 1600-лѣтіе Миланскаго эдикта. О. 1913. Цѣна 7 коп.

ОРМАНІАНЪ, МАЛАХІЯ. Армянская церковь. М. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

ПРОКОШЕВЪ, П. Проф. Didascalia Apostolorum и первыя шесть книгъ апостольскихъ постановленій. Историко-критическое изслѣдованіе изъ области источниковъ церковнаго права. Томскъ. 1913. Ц. 4 р. 50 к.

Философія, психологія, логика.

ВУНДТЪ, В. Миѳъ и религія. Переводъ В. Базарова и П. Юшкевича, подъ редакціей проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго. Спб. 1913. Ц. 3 р.

— Основы физіологической психологіи. Вып. XIV. Физіологическая функція центральныхъ частей. Ц. 1 р.

— Основы физіологической психологіи. Вып. XIII. Объ элементахъ душевной жизни. Ц. 1 р. 30 к.

НОВЫЯ ИДЕИ ВЪ ФИЛОСОФІИ. Сборникъ № 11. Теорія познанія и точныя науки. Спб. 1914. Ц. 80 к.

ФЛУРНУА, проф. Принципы религіозной психологіи. К. 1913. Ц. 30 к.

ЯГОДИНСКІЙ, И., проф. Сочиненія Лейбница. Элементы сокровенной философіи о совокупности вещей. Казань. 1913. Ц. 2 р.

Словесность, исторія литературы, критика и библіографія.

БИБЛІОТЕКА А. В. ПЕТРОВА. Собраніе книгъ, изданныхъ въ царствованіе Петра Великаго. Изданіе 2-е, дополненное. Съ 34 снимками. Спб. 1913. Цѣна 3 руб.

ЛЕОНТЬЕВЪ, К. Собраніе сочиненій. Т. VII. Спб. 1913. Ц. 1 р. 75 к.

РЕЛИГІЯ А. П. ЧЕХОВА. Вып. I. С. 1913. Ц. 35 к.

РОДЗЕВИЧЪ, С. Предшественники Печорина во французской литературѣ. Кіевъ. 1913. Ц. 50 к.

ФИЛИППОВЪ, І. Неумирающія темы Литер. очерки. О. 1913. Ц. 50 к.

Библиотека "Руниверс"

Беллетристика, поэзія и драматическія произведенія.

БАЯНСКІЙ, Н. Балъ сатаны. Спб. 1913. Ц. 75 к.

БЕЛЬШЕ, ВИЛЬГЕЛЬМЪ. Гибель міра и другіе очерки. М. 1912. Ц. 80 к.

БУРЖЕ, ПОЛЬ. Космополисъ. Романъ. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

БѢЛЯЕВЪ, ЮРІЙ. Барышни Шнейдеръ. Впечатлѣнія. Изд. 2-е. Спб. 1914. Ц. 1 р.

ГАРИНЪ, Н. Война (дневникъ очевидца) Ч. II, т. XI. М. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

ДУРЫЛИНЪ, С. Церковь невидимаго града. Сказаніе о градѣ Китежѣ. М. 1914. Ц. 50 к.

ЖДАНОВЪ, Л. Два милліона въ годъ (Нищій милліонеръ). Романъ. Спб. Ц. 2 р. 50 к.

ЗОЛА, ЭМИЛЬ. Творчество. Романъ. Спб. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

КАРЕНИНЪ, В. Муся. Романъ. 2-е изд. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

КОРОЛЕВСКАЯ ИГРУШКА. Трагедія. Х. Ц. 1 р. 25 к.

ЛЕЙКИНЪ, Н. Задушевныя письма. Юмористич. разсказы. 3-е изд. Спб. 1913. Ц. 1 р.

ЛЕТУЧІЕ АЛЬМАНАХИ. Выпускъ V, А. Купринъ—Слоновая прогулка. А. Свирскій—Лагерь смерти и др. М. 1913. Ц. 60 к.

— Вып. VII. Спб. 1913. Ц. 60 к.

— Вып. VIII. Спб. 1913. Ц. 60 к.

ЛИВШИНЪ, Б. Фуутристы «Гилея». Дохлая луна. М. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

ЛОМАКИНЪ, И. Гримасы жизни. (Разсказы, картинки, наброски). М. 1913. Ц. 40 к.

ЛЮБИЧЪ-КОШУРОВЪ, І. Тушинскіе волки. Историческій романъ. М. 1913. Ц. 75 к.

МАЧТЕТЪ, Г. Полное собраніе сочиненій. Т. X. Спб. 1913. Ц. 1 р.

НИКИТИНЪ, И. Полное собраніе сочиненій и писемъ. Т. II. Спб. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

НИТИБЮСЪ. Черный драконъ. Спб. 1913. Ц. 75 к.

ПАВЛОВЪ, ГЕОРГІЙ. Влюбленные. Спб. 1914. Ц. 1 р.

ПЕТЕРБУРГСКІЕ ВЕЧЕРА. Книга 2-я. Спб. 1914. Ц. 1 р.

ПЛЕЩЕЕВЪ, А. Театръ. Т. I. 10 одноактныхъ пьесъ. М. 1913. Ц. 1 р.

— Т. XI. Ц. 1 р.

ПУШКИНЪ, А. С. Евгеній Онѣгинъ. Романъ въ стихахъ. Изданіе А. С. Суворина, подъ редакціей П. А. Ефремова. Съ портретомъ, исполн. акад. Рундальцовымъ. Спб. 1913. Ц. 5 р.

РОСНИЦКІЙ, Н. Стихи. Повѣсть о моей любви. Спб. 1913. Ц. 50 к.

РУСОВЪ, Н. Повѣсти. Товарищъ Ивлевъ. Мистикъ. Андрей Неволинъ. Уродъ. М. Ц. 1 р.

СВИРСКІЙ, А. Богъ любви. Т. V. Спб. 1914. Ц. 1 р. 25 к.

СВѢТЛОВЪ, В. Сочиненія. Т. VI. Внутри и другіе разсказы. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

СЕВАСТЬЯНОВЪ, Н. Prima carnina. 35 стихотвор. Изд. 1-е. Спб.1913. Ц. 50 к.

СЕРГІЕВСКІЙ, Н. Тайна старой мельницы. Романъ. Спб. 1914. Ц. 1 р. 20 к.

СОВРЕМЕННЫЕ НѢМЕЦКІЕ ПОЭТЫ въ переводахъ В. Эльснеръ. М. Ц. 1 р.

СѢВЕРЦЕВЪ-ПОЛИЛОВЪ, Г. Среди коронованныхъ особъ. Встрѣчи и воспоминанія. Спб. Ц. 1 р. 5 к.

ХАРЛАМОВЪ, И. Грѣхопаденіе. Романъ. Спб. 1913. Ц. 1 р.

Исторія, біографія и археологія.

АМФИТЕАТРОВЪ, А. 1812 годъ. Очерки изъ исторіи русскаго патріотизма. Спе. Ц. 1 р. 50 к.

БРОВКОВИЧЪ, НИКАНОРЪ, архіепископъ, Минувшая жизнь. Изъ быта бѣлаго и монашествующаго духовенства второй половины XIX вѣка. Томы I и II. Одесса, 1913. Ц. 3 р.

ВИНКЛЕРЪ, ГУГО, проф. Вавилонская культура. М. 1913. Ц. 80 к.

ГЛИНСКІЙ, Б. Среди литераторовъ и ученыхъ. Біографіи, характеристики, некрологи, воспоминанія, встрѣчи. Съ 31 портретомъ. Спб. 1914. Ц. 3 р.

ГОЛОВИНЪ, К. Мои воспоминанія за 35 лѣтъ. Въ двухъ частяхъ. Спб. Ц. 2 р.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВЪ. Разрядъ II. «Дѣла собственно до Императорской Фамиліи относящіяся». Спб. 1913. Ц. 2 р.

ДЕЛЬВИГЪ, А., бар. Мои воспоминанія. Т. III. М. 1913. Ц. 3 р.

ДУНАЕВЪ, Б. Кострома въ ея прошломъ и настоящемъ по памятникамъ искусства. М. 1913. Ц. 4 р.

ЕЛЬЧАНИНОВЪ, И. Матеріалы для генеалогіи ярославскаго дворянства. Ярославль. 1913. Ц. 4 р.

КОРЕЛИНЪ, М. Ранній итальянскій гуманизмъ и его исторіографія. Изд. 2-е. Спб. 1914. Ц. 1 р. 30 к.

ЛАНГЛЬ, І. Картины по исторіи. М. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

ЛЕНОТРЪ, Ж. Парижъ въ дни революціи. М. Ц. 2 р. 50 к.

ОСТРОВСКАЯ, М. Земельный бытъ сельскаго населенія русскаго сѣвера въ XVI—XVIII вѣкахъ. Спб. 1913. Ц. 3 р.

ПРИСЕЛКОВЪ, М. Очерки по церковно-политической исторіи Кіевской Руси X—XII вв. Спб. 1913. Ц. 2 р. 50 к.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ ВЪ ЧЕСТЬ Д. А. КОРСАКОВА. Казань. 1912—1913 гг. Ц. 3 р. 90 к.

СВОЕРУЧНЫЯ ЗАПИСКИ княгини Н. Б. Долгоруковой, дочери ген.-фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева. Спб. 1913. Ц. 3 р.

ТАРАПЫГИНЪ, Ф. Замѣчательныя историческія сооруженія. Спб. 1914. Ц. 1 р. 25 к.

ТРУДЫ САРАТОВСКОЙ УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОМИССІИ. Вып. 30-й 1913. С. 1913. Ц. 3 р.

ТУККУМСКАЯ революція. Митава. 1913. Ц. 30 к.

ТУРАЕВЪ, Б. Исторія древняго Востока. Ч. I. Спб. 1913. Ц. 2 р. 75 к.

ШИРЯЕВЪ, А. Турки-османы. Историческій очеркъ. Съ 17 рис., 3 портр., 3 карт. Спб. 1913. Ц. 50 к.

ЩЕГОЛЕВЪ, П. Записки княгини М. Н. Волконской. Біографическій очеркъ. Спб. 1914. Ц. 1 р. 80 к.

ЭСАДЗЕ, Б. Первый генералъ-фельдцейхмейстеръ русской артиллеріи при Петрѣ Великомъ. Спб. 1913. Ц. 1 р.

ЯЩУРЖИНСКІЙ, Х. Городъ Умань. Кратній историческій очеркъ. Умань. 1913. Ц. 25 к.

Библиотека "Руниверс"

Правовѣдѣніе, общественныя науки и публицистика.

АРБИТРАЖЪ монетъ, слитковъ, векселей, процентныхъ бумагъ и премій. Перевели съ нѣмецкаго А. Бернштейнъ и В. Скубикъ-Грандъ, подъ редакціей и съ дополненіями, касающимися русскаго денежнаго рынка. А. Бернштейна. Спб. 1913. Ц. 5 р.

БАРАНСКІЙ, Е. Исторія государственнаго хозяйства Россіи въ XIX столѣтіи. Спб. 1913. Ц. 1 р.

БЕРНЕРЪ, Л. Страхованіе отъ огня въ акціонерныхъ страховыхъ предпріятіяхъ. Спб. 1913. П. 1 р. 60 к.

БОГДАНОВЪ, В. Всеобщая организаціонная наука (тектологія). Ч. I. Спб. 1913. Ц. 2 р.

БѢЛИКОВЪ, Б. Охрана дѣтскаго труда въ Германіи. Спб. 1913. Ц. 2 р.

ВОЛЬСКІЙ, А. Н. Наслѣдственная пошлина. Спб. 1913. Изд. 2-е. Ц. 80 к.

ГИНСЪ, Г. Переселеніе и колонизація. Вып. II. Земельная политика въ колоніяхъ. Спб. 1913. Ц. 50 к.

ГЛИВИЦЪ, ИП. Потребленіе желѣза въ Россіи. Экономическій очеркъ. Спб. 1913. Ц. 1 р. 80 к.

ГРИГОРЬЕВЪ, А. Сборникъ узаконеній о призрѣніи нижнихъ воинскихъ чиновъ и ихъ семействъ. Спб. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

ГУЛЯЕВЪ, А. М., проф. Иски о возстановленіи нарушеннаго владѣнія. Спб. 1914. Ц. 60 к.

ДЕНИСОВЪ, К. Всеобщее обученіе. Вып. I. Спб. 1913. Ц. 2 р.

ДОБРОВОЛЬСКІЙ, А. и БЕРЪ, Н.н Практика Правительствующаго Сената по торговымъ дѣламъ. Т. I. Спб. 1914. Ц. 5 р.

ЗАКОНЪ о введеніи въ дѣйствіе закона 15-го іюня 1912 года. Кіевъ. 1913. Ц. 30 к.

ЗАПОЛЬСКІЙ-ДОВНАРЪ, Б. Къ новому закону о вознагражденіи пострадавшихъ отъ несчастныхъ случаевъ желѣзнодорожныхъ служащихъ, мастеровыхъ и рабочихъ. Кіевъ. 1913. П. 30 к.

ЗМИРЛОВЪ, К. Законъ 26 іюня 1913. Спб. 1913. Ц. 50 к.

КАЗАНСКІЙ, П., проф. Власть Всероссійскаго Императора. Одесса. 1913. Ц. 6 р.

КАЗАРИНОВЪ, М. Судебныя рѣчи. 1900—1913 гг. Спб. 1913. Ц. 2 р. 50 к.

КОНСПЕКТИВНЫЙ обзоръ русскаго уголовнаго судопроизводства. О. 1913. Ц. 3 р.

КОРКУНОВЪ, Н. Русское государственное право. Т. I. Введеніе и общая часть. Изд. 8-е. Спб. 1914. Ц. 3 р. 50 к.

КОФОДЪ, А. Русское землеустройство. Спб. 1914. Ц. 2 р.

КРАСНОКУТСКІЙ, К. Конспектъ по русскому гражданскому праву. О. 1913. Ц. 75 к.

ЛУЦКІЙ, К. Судебное краснорѣчіе. Спб. 1913. Ц. 1 р.

НОВОМБЕРСКІЙ, Н. По пути къ вырожденію. Соціально-гигіеническіе очерки. Спб. 1913. Ц. 50 к.

НОВЫЯ ИДЕИ ВЪ ЭКОНОМИКѢ. Сборникъ № 1. Ученіе о распредѣленіи общественнаго дохода. Спб. 1913. Ц. 80 к.

ОПОЧИНИНЪ, В. Итоги торговъ 17 мая 1913 г. на нефтеносные участки Бакинскаго района. Спб. 1913. Ц. 25 к.

РАЕВСКІЙ, А., проф. Общественныя работы, ихъ понятіе, современное положеніе и возможная роль въ будущемъ. Харьковъ. 1913. Ц. 75 к.

РАММИНГЪ, М. Очеркъ современнаго положенія періодической печати въ Японіи. Спб. 1913. Ц. 1 р.

РОДКЕВИЧЪ, В. Сборникъ узаконеній по винокуренію, очисткѣ и денатураціи спирта. Винница. 1913. Ц. 3 р. 60 к.

СОЛОВЬЕВЪ, И. Русскіе университеты. Выпускъ первый. Спб. 1914. Ц. 1 р. 25 к.

СОЛОВЬЕВЪ, М. Залогъ недвижимыхъ имуществъ въ банкахъ. Одесса. 1913. Ц. въ перепл. 50 к.

СТЕПАНЕНКО, И. Законъ 6 іюня 1910 г. X. 1913. Ц. 25 к.

ФРАКЦІЯ союза 17-го октября въ IУ Государственной Думѣ. Сессія первая. Спб. 1914. Ц. 25 к.

ФРЕЕЗЕ, Г. Опытъ рабочаго представительства въ управленіи фабрикой. М. 1913. Ц. 50 к.

ШЕЙЭ, Ж. Современная Индія. Ч. II. Туземная политика. Перев. съ фр. М. А. Брагинскаго. Спб. 1913. Ц. 2 р.

ШЕРЕШЕВСКІЙ, И. Новыя узаконенія въ области гражданскаго и уголовнаго права и процесса (1911—1913), съ предметнымъ и алфавитнымъ указателями. Одесса. 1914. Ц. въ перепл. 2 р. 25 к.

— Общіе и мѣстные законы о духовныхъ завѣщаніяхъ. (Практическое руководство). Одесса. 1914. Ц. въ перепл. 2 р.

ШТЕЙНФЕЛЬДЪ, Н. Что дѣлать съ Манчжуріей. Харбинъ. 1913. Ц. 40 к.

ШУБИНСКОЙ, Н. Памяти П. А. Столыпина. М. 1913. Ц. 30 к.

ЩЕГЛОВЪ, С. Современное украинство. Его происхожденіе, ростъ и задачи. Кіевъ. 1914. Ц. 70 к.

ЭЛІЯССОНЪ, Л. Законы о страхованіи рабочихъ 23 іюня 1912. Спб. 1914. Ц. 2 р. 25 к.

ЯКОВЛЕВЪ, П. На рубежѣ стараго и новаго. Разсужденія и доводы. Спб. 1913. Ц. 30 к.

Искусство.

ВЪ СТРАНѢ ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ НАСТРОЕНІЙ. Вып. I. Венеція. Спб. 1913. Ц. 75 к.

ЛАРОШЪ, Г. Собраніе музыкально-критическихъ статей. Т. I. М. 1913. Ц. 2 р.

СОКОЛОВЪ, В. Практическая школа. Самоучитель игры на мелогармоніи, системы Л. П. Шпаковскаго. Одесса. 1913. Ц. 60 к.

СОМОВЪ, К. Фарфоръ. Спб. 1913. Ц. 5 р.

Библиотека "Руниверс"

Естествознаніе и математика.

БОГОЯВЛЕНСКІЙ, Ѳ. Учебникъ качественнаго анализа. Для высшихъ учебныхъ заведеній и среднихъ техническихъ училищъ. О. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

ВЕЙГЕЛИНЪ, К. Завоеваніе воздуха. Очеркъ. Съ 7 портрет., 29 рисунк. и 3 карт. Спб. 1913. Ц. 50 к.

ВЕЙНБЕРГЪ, Б., проф. Жизнь и свѣтъ. Очеркъ. Съ 36 рис., 8 черт. и 2 карт. Спб. 1913. Ц. 50 к.

ГЕРЦЪ, Л., проф. Электричество и его примѣненіе. 3-е рус. изд. Съ 667 рис. Спб. 1913. Ц. 5 р.

ЛЕБЪ, В., проф. Введеніе въ біохимію. Спб. 1913. Ц. 1 р.

МЕНШУТКИНЪ, Н. проф. Аналитическая химія. Спб. 1913. Ц. 2 р.

МИХАЙЛОВСКІЙ, Г., проф. Историческая геологія. (Преимущественно Россіи). Вып. I. Спб. 1913. Ц. 2 р. 60 к.

НОВЫЯ ИДЕИ ВЪ БІОЛОГІИ. Сборникъ № 2. Новое ученіе о нервной системѣ. Спб. 1913. Ц. 80 к.

НОВЫЯ ИДЕИ ВЪ ХИМІИ. Сборникъ № 4. Радіоактивныя вещества. Спб. 1914. Ц. 80 к.

ОХИТОВИЧЪ, А. По вопросу о трисекціи угла. К. 1913. Ц. 20 к.

ПОКРОВСКІЙ, Н., проф. Нашъ вѣчный спутникъ. Очеркъ. Съ 36 рис. и 2 карт. Спб. 1913. Ц. 50 к.

СИЗОВЪ, М. Тайны моря. Очеркъ. Съ двумя порт., 38 рис. и 4 карт. Спб. 1913. Ц. 50 к.

СИНЦОВЪ, Д., проф. Интегрированіе обыкновенныхъ диференціальныхъ уравненій. Х. 1913. Ц. 2 р. 50 к.

СКЛАДОВСКАЯ-КЮРИ, М. Эталонъ радія. Спб. 1913. Ц. 60 к.

ТОМИЛИНЪ, Н. Курсъ физики. Т. II. Электричество. Спб. 1913. Ц. 1 р. 75 к.

УПРАВЛЯЮЩІЕ законы вселенной и міровъ въ ихъ основахъ и системахъ. О. 1913. Ц. 75 к.

ФЕРБЕРЪ, К. Ариѳметика (для студентовъ и преподавателей). М. 1914. Ц. 2 р.

ФРЕЙБЕ, О., проф. Практическое ученіе о погодѣ. М. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

ЯЦУТА, К. Познай самого себя. Очеркъ. Съ 9 порт., 29 рис. и 4 карт. Спб. 1913. Ц. 50 к.

Географія, этнографія, антропологія, путешествія.

ГРУЗДЕВЪ, Ф. Въ царствѣ льда и ночи. (Природа и человѣкъ на крайнемъ сѣверѣ). Съ 20 рис. и 12 портр. Спб. 1913. Ц. 50 к.

ЕЛИЗАРОВЪ, Н. и другіе. Наши сосѣди и нѣкоторыя другія главнѣйшія государства. М. 1913. Ц. 2 р. 75 к.

КЮНЕРЪ, Н. Статистико-географическій и экономическій очеркъ Кореи. Вып. I. Владивостокъ. 1912. Ц. 5 р.

ЧУРСИНЪ, Г. Очеркъ по этнологіи Кавказа. Тифлисъ. 1913. Ц. 60 к.

Языковѣдѣніе.

СТОЯНЪ, П. Краткій толковый словарь русскаго языка. Спб. 1913. Ц. 60 к.

— Малый толковый словарь русскаго языка. Спб. 1913. Ц. въ переплетѣ 2 р. 80 к. и 3 р.

Сельское хозяйство и домоводство.

БУРГТОРФЪ, Ф. Луга и пастбища. Москва. 1913. Ц. 75 к.

ВИЛЕНЦЪ. Что нада знать каждому сельскому хозяину. О. 1912. Ц. 60 к.

ЕДЕМСКІЙ, М. О крестьянскихъ постройкахъ на сѣверѣ Россіи. Спб. 1913. Ц. 1 р.

МОНВИЖЪ-МОНТВИДЪ, А. Хуторское водоснабженіе. О. 1913. Ц. 30 к.

РАЙКОВСКІЙ, В. Борьба съ болѣзнями пчелъ. Любань. 1913. Ц. 10 к.

УСЛЯРЪ, Б. Огородничество. М. 1913 Ц. 75 к.

Торговля и промышленность. Счетоводство.

АКЦІОНЕРНО-ПАЕВЫЯ ПРЕДПРІЯТІЯ РОССІИ. Составлено по официальнымъ даннымъ. М. 1913. Ц. въ переплетѣ 10 р.

ПОПОНОВЪ, П. Таблица готовыхъ суммъ для мануфактурныхъ торговыхъ дѣлъ. Часть первая. М. 1912. Ц. въ переплетѣ 5 р. 50 к.

СЕЛИХОВЪ. Обслуженность Россіи элеваторами и зернохранилищами. Спб. 1913. Ц. 1 р.

Технологія, строительное и инженерное искусства. Ремесла.

БОБРОВСКІЙ, И. Курсъ сопротивленія матеріаловъ. Пособіе для практиковъ и для самостоятельнаго изученія. Спб. 1913. Ц. 3 р. 30 к.

ВИХЛЯЕВЪ, И. Торфяныя болота. Съ 39 рис. М. 1913. Ц. 50 к.

ГЕФЕРЪ. Справочная книга по горному дѣлу. Необходимое пособіе для ин-

Библиотека "Руниверс"

женеровъ, студентовъ и т. д. Спб. 1913. Ц. 6 р.

ГЛУШКОВЪ, И. Эксплоатація буровыхъ скважинъ. Добыча жидкихъ ископаемыхъ: нефти и разсоловъ. Спб. 1913. Ц. 5 р.

ГОЛЬСТЕНЪ, Г. Какъ получать удачные портреты въ обычной домашней обстановкѣ. Спб. 1914. Ц. 50 к.

ГРИДИНЪ, А. Добываніе креозота изъ каменноугольной смолы и пропитка имъ желѣзнодорожныхъ шпалъ. Х. 1913. Ц. 25 к.

ЕВАНГУЛОВЪ, М. Расчетъ осей и валовъ. Спб. 1913. Ц. 15 к.

ЕВДОКИМОВЪ, Б. Лучшій и простѣйшій способъ раскраски масляными красками безъ помощи кистей. Спб. 1914. Ц. 50 к.

ЕСИПОВЪ, В. Спираль Румкорфа. Подробное практическое руководство въ устройству индукціонныхъ приборовъ первоначальнаго типа и усовершенствованныхъ авторомъ. Съ 8 чертежами и портретомъ Румкорфа. Николаевъ. Херс. губерн. Ц. 50 к.

ЕСЬМАНЪ, І. Мѣстныя сопротивленія въ закрытыхъ каналахъ и трубахъ и зависимость ихъ отъ распредѣленія скоростей въ поперечномъ сѣченіи. Спб. 1913. Ц. 2 р. 50 к.

ЖУКОВЪ, М., инж. Заводскій расчетъ морскихъ турбинъ Парсонса. Составл. на основаніи заграничныхъ данныхъ. Спб. 1913. Ц. 3 р.

ЗАРОЧИНЦЕВЪ М. И КОМАРОВЪ, Н. Безмашинное (ледяное) охлажденіе. М. 1913. Ц. 75 к.

КАНДАУРОВЪ, П., инж. Постройка Хауенштейнскаго и Грехенбергскаго тоннелей въ Швейцаріи. Спб. 1913. Ц. 75 к.

КРЖИШТАЛОВИЧЪ. Способъ изготовленія пустотѣло-бетонныхъ камней и возведенія изъ нихъ зданій. Съ 34 чертежами. Новгородъ. 1914. Ц. 75 к.

ЛУКИНЪ, М. Муфты сцѣпныя и упругія. М. 1913. Ц. 3 р. 20 к.

ПЕТРОВЪ, Л. Несгораемые дешевые изъ мѣстнаго грунта дома. М. 1913. Ц. 2 р. 50 к.

ПРАВИЛА ПОСТРОЙКИ и классификаціи деревянныхъ непаровыхъ судовъ, плавающихъ по Маріинскому водному пути. Спб. 1913. Ц. 3 р. 50 к.

РОДКЕВИЧЪ, В. Контрольный спиртоизмѣряющій снарядъ Сименса и Комп. Винница. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

САККАРІЯ, А. и ГОЛОВАЧЕВЪ, А. Полный катехизисъ автомобильнаго дѣла. Съ прилож. чертежей и рисунковъ. Спб. 1914. Ц. 2 р.

СРОКОВСКІЙ, К. Дороги телѣжныя обыкновенныя. К. 1913. Ц. 3 р. 25 к.

ТИМОШЕНКО, С. проф. Курсъ сопротивленія матеріаловъ. Изд. 2-е, дополненное. Кіевъ. Ц. 2 р. 75 к.

ХОЛМОГОРОВЪ, И. Машиностроительное черченіе. Краткое руководство для студентовъ перваго курса. Ч. II. Изд. 5. Спб. 1913. Ц. 40 к.

ЧЕРМАКЪ, Л. Шлифовальные станки. Вып. I. Спб. 1913. Ц. 70 к.

ШИФФНЕРЪ, А. Машины и аппараты свекло-сахарныхъ и рафинадныхъ заводовъ, ихъ расчетъ и конструированіе. Кіевъ. 1913. Ц. 2 р.

ШПЕРГАЗЕ, Л. Телефонія. Общій курсъ. Спб. 1913. Ц. 2 р. 50 к.

Медицина, гигіена, анатомія, физіологія и хирургія. Ветеринарія.

GALLI-VALERIO, проф. JEANNE RUCHAZ DE-JONGH. Борьба съ комарами и малярія. Руководство для врачей и студентовъ. Съ 78 рис. и 3 таблицами. Спб. 1913. Ц. въ пер. 2 р. 50 к.

ГАМАЛѢЯ, Н. Оспопрививаніе. Спб. 1913. Ц. 3 р. 50 к.

ДАНИЛЕВСКІЙ, В., проф. Физіологія человѣка. Т. I. Общая физіологія. Кровообращеніе. Лимфа. Дыханіе. Пищевареніе. Съ 117 рисунками. М. 1913. И. 4 р.

DORNBLÜTH, O. Краткій курсъ частной патологіи и терапіи. Съ 73 политепаж. М. 1913 г. Ц. 2 р.

КЕФЕЛИ, Я., вр. Готовыя повязки для артиллерійскихъ ранъ и ожоговъ. Спб. 1913. Ц. 25 к.

LANDOIS, L., и ROSEMANN, R. Учебникъ физіологіи человѣка. Съ 332 рис. М. 1913 . Ц. 5 р. 30 к.

ПЕВЗНЕРЪ, И., д-ръ. О подагрѣ. Сущность ея, распознаваніе, леченіе и діэта при этой болѣзни. Р. 1913. Ц. 20 к.

ПЕРОТТЪ, Б. Императорская санаторія «Халила». Санитарное и хозяйственное устройство. Съ рисунками и планами. Спб. 1913. Ц. 75 к.

— Санитарное и хозяйственное устройство. Съ рисунками и планами. Примѣнительно къ запросамъ современной постановки санаторскаго дѣла. Спб. 1913. Ц. 75 к.

РАВЕНГИЛЬ, А. Практическая гигіена. Спб. 1913. Ц. въ перепл. 2 р. 60 к.

РИШАРЪ, Д. Мужчина и женщина въ половомъ отношеніи. Спб. 1914 г. Ц. 1 р.

ТУРЪ, М. Мужское безсиліе. М. 1913. Цѣна 1 р.

ШОЛОМОВИЧЪ, А. Наслѣдственность и физическіе признаки вырожденія у душевно-больныхъ и здоровыхъ. Казань. 1913 . Ц. 2 р.

ЭККЕРТЪ, А., д-ръ мед. Краткое руководство внутреннихъ болѣзней. Спб. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

Военное и морское дѣло.

ТИМЧЕНКО-РУБАНЪ, Г. Суворовъ и инженерное дѣло. Опытъ критико-историческаго изслѣдованія. (Со схемами и автотипіями). Спб. 1913. Ц. 2 р. 50 к.

Воспитаніе и обученіе. Учебныя руководства.

АИЗЕНШТЕЙНЪ, К. Изученіе иностранныхъ языковъ легчайшими и скорѣйшими способами. Спб. Ц. 75 к.

БЕМЪ, Д., ВОЛКОВЪ, А., СТРУВЕ, Г. Сборникъ упражненій и задачъ по элементарному курсу алгебры. Ч. I. М. 1914. Ц. 1 р.

БОБРОВНИКОВЪ, Н. Русско-тузем-

Библиотека "Руниверс"

ныя училища, мектебы и медресы Средней Азіи. Спб. 1913. Ц. 60 к.

БОРОЗДИНЪ, А., проф. Среди народныхъ учителей. (Изъ впечатлѣній лѣтнихъ учительскихъ курсовъ). Спб. 1913. Ц. 25 к.

БРАИЛОВСКІЙ, С. Знаки препинанія и другіе знаки, употребляемые въ современномъ русскомъ правописаніи. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Для среднихъ учебныхъ завед. и для самообразованія. О. 1913. Ц. 40 к.

ВЕТУХОВЪ, А. Прошлое родного языка и основы строенія слова и рѣчи. (Для 4-го кл. ср. учебн. завед. и для самообразованія). Х. 1913. Ц. 40 к.

ВРОБЛЕВСКІЙ, В. Самоучитель польскаго языка. Изд. 4-е. Спб. Ц. 50 к.

ГРИМЗЕЛЬ, Э., проф. Дидактика и методика физики въ средней школѣ. Спб. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

ЗЛАТОВЕРХОВНИКОВЪ, И. Полный систематическій курсъ дробей простыхъ и десятичныхъ. Уфа. 1913. Ц. 25 к.

ИГНАТЬЕВЪ, Е. Начатки ариѳметики. Концентрическое руководство для обученія и самообученія. Ч. I. Ариѳметика цѣлыхъ чиселъ. Подготовительныя понятія. о дробяхъ. Спб. 1914. Ц. 60 к.

ИНДРИКСОНЪ, Ф. Сокращенный учебникъ физики. Спб. 1914. Ц. 2 р. 25 к.

КРУЛЕВЪ, Н. Учебникъ стенографіи по системѣ Габельсбергера. 3-е изд. М. 1913. Ц. 1 р. 75 к.

ЛАДИНСКІЙ, П. Руководство къ обученію чистописанію въ связи съ правописаніемъ. Ч. I. Спб. 1913. Ц. 25 к.

ЛАНГВАГЕНЪ, В. Россійская Имперія. Спб. 1913. Ц. 1 р.

ЛЕБЕДЕВЪ, С. Жизнь человѣческаго тѣла. Спб. 1913. Ц. 85 к.

МЕЛИХОВЪ, В. Очеркъ воспитанія и обученія въ древнемъ Римѣ. Ч. I. X. 1913. Ц. 75 к.

НЕЧАЕВЪ, А., проф. Какъ преподавать психологію? Методическія указанія для учителей средн. учебн. завед. Изд. 2-е. Спб. 1913. Ц. 40 к.

НИКИФОРОВЪ, Н. Курсъ черченія. Годъ обученія 1-й. Коломна. 1913. Ц. 1 р.

ПАУЛЬСОНЪ, Ф. Педагогика. Спб. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

ПИНКЕВИЧЪ, А. Методика начальнаго курса естествовѣдѣнія (природовѣдѣнія). Спб. 1914. Ц. 1 р. 25 к.

ПОРЯДОКЪ. Справочникъ и записная книжка для учащихся. 1913—1914 учебн. годъ. Ц. въ перепл. 30 к.

ПУЙКА, А. «Эксцентор». Практическое руководство къ обученію быстрому и правильному письму. М. 1914. Ц. 50 к.

РОЗЕНБЕРГЪ, В. Первые уроки физики. Спб. 1914. Ц. 80 к.

СВЕНТИЦКАЯ, М. Нашъ дѣтскій садъ. М. 1913. Ц. 30 к.

СЕЛЕЗНЕВЪ, И. Начальный курсъ коммерческихъ вычисленій. М. 1913. Ц. 50 к.

СИЛИХАНОВИЧЪ, АЛЕКСАНДРЪ. Философская пропедевтика въ средней школѣ. Кіевъ. 1913. Ц. 40 к.

СИПАЧЕВЪ, П. Новѣйшая наглядная литерат.-худож. этимологія. К. 1913. Ц. 55 к.

СИТКОВСКІЙ, П. и ЧЕРНЕВСКІЙ, В. Рѣшеніе сборника алгебраическихъ задачъ В. М. Ипатова. М. 1913. Ц. 1 р.

СКОВОРОДОВЪ, А. Товаровѣдѣніе. Съ 72 рисунками и чертежами. Спб. 1914. Ц. 1 р. 25 к.

СМИРНОВЪ, А. [(Кутаческій). Руководство къ изученію художественныхъ произведеній. Учебникъ русскаго языка. Спб. 1913. Ц. 1 р.

СТРУКГОВЪ, В. Общее правовѣдѣніе. Спб. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

ТЕМКИНЫ, Б. и М. Русскій учитель. Ч. II. Спб. 1913. Ц. 60 к.

ТИХОМИРОВЪ, Д. Сборникъ статей и стихотвореній для устныхъ и письменныхъ работъ по русскому языку. Рига. 1913. Ц. 55 к.

ТРОИЦКІЙ, С. Замѣтки о преподаваніи исторіи. Казань. 1913. Ц. 25 к.

ТУМИМЪ, Г. Первые шаги. Пособіе при первоначальномъ обученіи правописанію, письму и чтенію рукописнаго текста. Спб. 1914. Ц. 25 к.

ХВОРОСТАНСКІЙ, Е. Начальныя свѣдѣнія по естествознанію. Для младшихъ классовъ средн. учебн. заведеній, городскихъ учил., торговыхъ школъ. Ц. 40 к.

ХМЕЛЕВЪ, К. Свѣтлое дѣтство. Хрестоматія. Рига. 1913. Ц. 80 к.

ЧАРНОЛУСКАЯ, Е. Біографическій указатель книгъ по дѣтскому чтенію, вышедш. въ 1912 г. Спб. 1913. Ц. 80 к.

Книги для дѣтей и юношества.

БЫКОВЪ, П. Первый русскій ноэтъ. Очеркъ. Съ 5 портрет., 9 рисунк. Спб. 1913. Ц. 50 к.

РУБАКИНЪ, Н. Камни, которые падаютъ съ неба. Съ 36 рисунками. Спб. 1913. Ц. 40 к.

РУБАКИНЪ, Н. Разсказы о горахъ. Спб. 1913. Ц. 50 к.

ЭБЕРСЪ, ГЕОРГЪ. Дочь египетскаго царя. Историч. романъ. Спб. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Спортъ, охота и игры.

ЛЬВОВЪ, Н. Практическій рыболовъ. Справочная книга для уженія пресноводной рыбы. Съ 135 рисунками. Спб. Ц. 60 к.

Справочныя книги.

АЛЬБОМЪ государей, президентовъ, государственныхъ гербовъ и національныхъ флаговъ главнѣйшихъ государствъ. М. 1913. Ц. 75 к.

ALMANACH DE ST.-PETERSBOURG. 1913—14. Ц. 4 р.

«ВЕСЬ РОСТОВЪ и Начихевань-на-Д.». Адресно-справочная книга въ 3 частяхъ. Харьковъ. 1912. Цѣна въ переплетѣ 1 р. 50 к.

ВЫСШІЯ, среднія и низшія учебныя заведенія, больницы и лечебницы всей Россіи. Кіевъ. 1913. Ц. 3 р.

КЛИМЕНТОВЪ, С. Полный справочникъ для отбывающихъ воинскую повинность по жребію, охотниками и на пра-

Библиотека "Руниверс"

вахъ вольноопредѣляющихся. Псковъ. 1913. Ц. 95 к.

КОЗАКЕВИЧЪ, В. Справочная книжка для заемщиковъ государств. дворянск. земельнаго банка. К. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

ПЛАСТИНИНЪ, А. Дѣлопроизводство директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ и инспекторовъ высшихъ начальныхъ, городскихъ и ремесленныхъ училищъ. О. 1913. Ц. 2 р.

СТАРООБРЯДЧЕСКІЙ КАЛЕНДАРЬ. 1913—1914 г. М. Ц. 25 к.

ТРЯСОВЪ, П. Правила объ отбытіи воинской повинности. Херсонъ. 1913. Ц. 10 к.

ЭНПЕ. Календарь 1914 г. на годъ, а ума на вѣкъ. Спб. Ц. 15 к.

ЭФРОСЪ, Г. Настольный сборникъ. Иркутскъ. 1913. Ц. 7 р. 50 к.

Періодическія изданія.

«ВОЗДУХОПЛАВАТЕЛЬ». Журналъ. № 9. 1913. Ц. 50 к.

«ГОЛОСЪ МИНУВШАГО». Журналъ. № 8. 1913. Ц. 1 р.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ"

ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА

сочиненіе Н. К. ШИЛЬДЕРА

ИМПЕРАТОРЪ

НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНІЕ.

Цѣна за два тома, объемомъ болѣе 100 печатныхъ листовъ, съ 252 хромолитографіями, фототипіями, гравюрами, цинкографіями и автографами, двадцать пять рублей. Въ переплетѣ 30 рублей. Пересылка по разстоянію.

Библиотека "Руниверс"

Художественныя изданія общины Св. Евгеніи Краснаго Креста.

ПЕТЕРБУРГЪ. Художественно-историческій очеркъ и обзоръ художественнаго богатства столицы. Состав. В. Я. Курбатовъ; рисунокъ переплета и книжныя украшенія А. П. Остроумовой-Лебедевой. 315 иллюстрацій, около 700 страницъ текста на мѣловой бумагѣ. Цѣна въ тисненномъ золотомъ переплетѣ 3 руб. 50 коп. безъ пересылки.

КОСТРОМА. Художественно-историческій очеркъ, описаніе памятниковъ художественной старины и путеводитель. Составили В. и Г. Лукомскіе, переплетъ по рис. худ. И. Билибина. Около 300 иллюстрацій, болѣе 400 стр. текста. Въ тисненномъ золотомъ переплетѣ 3 руб. безъ пересылки.

ПАВЛОВСКЪ. Художественно-историческій очеркъ и путеводитель въ связи съ исторіей русскаго искусства конца XVIII вѣка. Состав. В. Я. Курбатовъ (второе изданіе, значительно исправленное и дополненное); 150 иллюстрацій съ видами Дворца, Парка, Павильона, а также оригинальныхъ чертежей великихъ зодчихъ, создавшихъ Павловскъ. Приложенія: планъ Павловска и пр. Цѣна въ тисненномъ золотомъ переплетѣ 2 руб. безъ перес. Имѣется ограниченное количество нумерованныхъ экземпляровъ по 10 руб.

1812 ГОДЪ ВЪ БАСНЯХЪ КРЫЛОВА. Рисунки Егора Нарбута; вступительная статья и примѣчанія Н. О. Лернера. Изящное изданіе, цѣна 2 руб. безъ пересылки.

АЛЬБОМЫ. На 400 откр. пис. исполнены во вкусѣ старинныхъ книгъ. Рисунки на переплетѣ А. П. Остроумовой-Лебедевой (гравюра на деревѣ), К. А. Сомова (акварель) и С. П. Еремича. Цѣна 5 руб безъ пересылки.

ETUIS. Въ видѣ стариннаго книжнаго переплета для храненія откр. писемъ въ книжныхъ шкафахъ на 50 и 100 откр. пис. Цѣна 1 руб. безъ перес.

ПОЧТОВАЯ БУМАГА. 1) Виды Петербурга въ деревянныхъ гравюрахъ (ксилографіи А. П. Остроумовой-Лебедевой). Цѣна коробки въ 20 листовъ съ конвертами 2 руб. безъ пересылки.

2) Рисунки Л. С. Бакста, Александра Н. Бенуа, М. В. Добужинскаго, К. А. Сомова и С. П. Яремича. Цѣна коробки въ 25 листовъ съ конвертами 2 руб. 50 коп. безъ пересылки.

ОТКРЫТЫЯ ПИСЬМА. Домъ бояръ Романовыхъ. Московскіе терема. Троны и Короны Русскихъ Государей. Акварели М. Я. Вилліе, составляющія собственность ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА (архитектура и русскій бытъ). Дворцы столичные и загородные (снимки снаружи и внутреннія убранства). Императорскій Эрмитажъ. Столичные музеи. Романовская галлерея: портреты Русскихъ Государей (85 снимковъ можно получить въ особомъ etuis'ѣ.

Архитектурные памятники: Кострома, Ростовъ-Великій, Ярославль и др. Снимки съ картинъ русскихъ художниковъ.

Дѣло изданій находится подъ непосредственнымъ руководствомъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ.

СКЛАДЫ ИЗДАНІЙ ОБЩИНЫ СВ. ЕВГЕНІИ:

Въ С.-Петербургѣ: Главный и для иногородныхъ—Пески, Старорусская 3. Община св. Евгеніи. Городской—СПБ. Морская, 38.

Въ Москвѣ—Кузнецкій мостъ, д. Тверского Подворья.

Во всѣхъ желѣзнодорожныхъ кіоскахъ Краснаго Креста и въ салонъ-вагоновъ скорыхъ Сибирскихъ поѣздовъ.

Кромѣ того, книги продаются въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени» СПБ., Москва, Харьковъ, Одесса, Ростовъ на Дону и Саратовъ.

Библиотека "Руниверс"

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на **1914** годъ. = 29-й г. изд.

РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ

ДУХОВНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАН. ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЬИ И ШКОЛЫ.

Издается съ 1885 года. ..... **Пробный № безплатно.** ..... Одобренъ всѣми вѣдомствами.

52 №№ ЖУРНАЛА въ изящныхъ цвѣтныхъ ОБЛОЖКАХЪ, до **2000** ст. текста нав. духовныхъ и свѣтскихъ писателей, с в ы ш е **800** иллюстрацій, отражающихъ духовно-нрав. жизнь прошлаго и настоящаго.

Въ теченіе 1914 г., кромѣ 52 №№ журнала, г.г. подписчики получатъ безплатно:

12 КНИГЪ свыше 3.000 ст. больш. формата. НОВЫЙ ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ДУХОВ.-ЛИТЕРАТ. ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ

«Историческая Лѣтопись» ставитъ своей задачей: 1) представить читателямъ, въ интересной художеств. формѣ, великія и малыя событія дней минувшихъ, 2) напомнить имъ лучшіе завѣты «лѣтъ древнихъ» и 3) провести предъ ними, въ живыхъ впечатлѣніяхъ современниковъ, рядъ лицъ духовнаго и свѣтскаго міра, которыми «крѣпка Русская земля».

СОБРАНІЕ ТВОРЕНІЙ

8 КНИГЪ больш. формата. **СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО**

Каждому христіанину хорошо извѣстенъ Златоустый проповѣдникъ, знаменитый отецъ и учитель древней вселенской Церкви. Самые знаменитые церковные ораторы всѣхъ девятнадцати вѣковъ должны уступить св. Іоанну Златоусту пальмы ораторскаго первенства. Свѣтъ его ученія льется и понынѣ на всѣхъ, желающихъ черпать изъ великаго и глубокаго океана премудрости.

КРОМѢ ТОГО, ЕЩЕ БУДЕТЪ ДАНО:

6 КНИГЪ больш. формата крупнаго текста. **ЗАГРОБНАЯ ЖИЗНЬ** или **ПОСЛѢДНЯЯ УЧАСТЬ ЧЕЛОВѢКА.** Извѣстное произведеніе Е. Тихомірова.

Всегда отзывчивая на просьбы своихъ читателей, редакція «Русскаго Паломника» настоящимъ приложеніемъ идетъ навстрѣчу желанію многихъ читателей—имѣть сочиненіе, посвященное вопросамъ о загробномъ мірѣ, о тайнѣ смерти, доказат. безсмертія души и т. п.

II

НАСТОЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ **12** КНИГЪ крупн. шрифта съ иллюстрац. (Разсказы о свят. дѣтяхъ и о дѣтствѣ и отроч. свят.)

Сочиненія извѣстнаго всей благочестивой Руси духовнаго писателя **Е. ПОСЕЛЯНИНА**, въ которыхъ нарисованы полные высокой христіанской поэзіи облики святыхъ, пламенѣвшихъ духомъ еще въ юности, отмѣченныхъ перстомъ Божіимъ еще въ дѣтствѣ,

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ

СВЯТАЯ ЮНОСТЬ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ съ прилож. безъ дост. въ СШС. **5 РУБ.** Съ дост. и перес. по Россіи **6** РУБ.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: При подпискѣ 2 р., къ 1 апрѣля 2 р. и къ 1 іюля остальныя.

Сверхъ сего, за доплату 1 рубля, г.г. подписчики могутъ получить:

12 КНИГЪ = ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ =

ДОМАШНІЙ ДОКТОРЪ

Для деревни, гдѣ медицинскую помощь, въ лицѣ даже фельдшера, получить не всегда возможно, «Домашній Докторъ» необходимъ. Главные отдѣлы этого журнала: **Болѣзни, предупрежденіе и лѣченіе ихъ.—Домашняя ветеринарія.—Растительный (вегетаріанскій) столъ.—Практическая медицина.—Общественная медицина.—Медицинскія замѣтки.—Почтовый ящикъ для отвѣтовъ на вопросы г.г. подписчиковъ.**

Главная контора и редакція: С.-Петербургъ, Стремянная, 12, собств. домъ.

Редакторъ Е. А. Поповицкій. Издатель П. П. Сойкинъ.

Библиотека "Руниверс"

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1914 годъ. Одиннадцатый г. изданія.

ПРОГРЕССИВНОЕ САДОВОДСТВО и ОГОРОДНИЧЕСТВО.

Журналу присуждены слѣдующ. награды: Grand Prix (Парижъ 1913 г.), 3 бол. зол. мед., 1 средняя зол. мед. и 2 больш. серебр. мед.

Изд. П. П. СОЙКИНЪ. Ред. П. Н. ШТЕЙНБЕРГЪ.

Еженедѣльный журналъ практическаго садоводства и огородничества.

52 №№ ЖУРНАЛА, съ многочисленными иллюстраціями. Въ теченіе года помѣщается около **1,500** практическихъ статей и обстоятельныхъ отвѣтовъ практиковъ и спеціалистовъ на вопросы по всѣмъ отраслямъ садоводства, огородничества и пчеловодства. Описаніе новинокъ по садоводству. Въ составѣ сотрудниковъ—**лучшія силы русскаго садоводства и огородничества.**

12 КНИГЪ САДОВАЯ БИБЛІОТЕКА съ рисунками и чертежами.

Каждый выпускъ «Библіотеки» представляетъ собою вполнѣ законченное иллюстрир. руководство.

1) **Какъ выращивать сильный, здоровый посадочный матеріалъ.** Инструкт. по садов. *Я. М. Пенгерота.*
2) **Исправленіе старыхъ плодов. садовъ, съ цѣлью поднятія урожаевъ плод. деревьевъ.** *М. С. Балабанова.*
3) **Культура душистыхъ фіалокъ** въ саду, въ теплицѣ и въ комнатахъ. Руководство для любителей и промышленниковъ *І. Барфусса.*
4) **Какъ вырастить въ комнатахъ лимоны, апельсины и померанцы.** Съ ориг. рисунк. *Н. Н. Шаврова.*
5) **Какъ увеличить урожаи плодоваго сада безъ поливки.** *М. С. Балабанова.*
6) **Размноженіе лучшихъ кустарниковъ черенками.** Составилъ *Г. В. Черабаевъ.*
7) **Культура персиковъ и винограда въ суровыхъ по климату мѣстностяхъ.** *Н. Н. Шаврова.*
8) **Доходная культура орѣховъ.** *Т. Кварацхеліи.*
9) **Устройство недорогого ковроваго цвѣтника.** *П. Н. Штейнберга.*
10) **Устройство комнатныхъ парничковъ и теплячекъ.** Практич. руководство *А. А. Смирновскаго.*
11) **Культура лучшихъ цвѣтущихъ кустарниковъ въ грунту.** *А. Н. Макарова.*
12) **Культура рѣдкихъ (новыхъ) многолѣтниковъ въ грунту.** *С. А. Соколова.*

6 КНИГЪ ОГОРОДНАЯ БИБЛІОТЕКА съ многочисл. иллюстрац.

Составлена подъ редакціей **П. Н. Штейнберга.**

1) Культура капусты кочанной, цвѣтной, брюссельской и др. 2) Какъ выращивается салатъ кочанный, рѣзной, роменъ, эндивій, крессъ и др. 3) Доходная культура томатовъ и баклажановъ. 4) Культура лука рѣпчатаго, поррея, чеснока и другихъ видовъ лука. 5) Какъ получаются лучшіе корнеплоды (морковь, рѣпа, свекла и др.). 6) Культура гороха, фасоли и бобовъ.

6 КНИГЪ ДОМЪ и САДЪ предназначаются въ помощь хозяйкѣ по украш. дома, сада и по загот. самыхъ разнообразн. консервовъ.

Главные отдѣлы этого приложенія: 1) Украшеніе растеніями комнатъ, балконовъ и верандъ. 2) Устройство эффектнаго фигурнаго цвѣтника. 3) Комнатная культура лучшихъ лѣтниковъ. 4) Здоровый (вегетаріанскій) столъ. 5) Приготовленіе домашнихъ конфектъ изъ плодовъ и ягодъ. 6) Домашніе консервы изъ плодовъ, ягодъ и овощей. 7) Искусство дѣлать букеты.

4 полныхъ иллюстрированныхъ руководства:

1) **Огородное сѣменоводство.** Выращиваніе лучшихъ сѣмянъ огородныхъ растеній въ своемъ хозяйствѣ. Состав. *М. В. Рытова.*
2) **Ранняя выгонка** плодовъ, овощей и цвѣтущихъ растеній въ теплицахъ. Для любителей садоводства и промышленниковъ. Составилъ *А. И. Мятликъ.*
3) **Роза.** Культура ея въ грунту и ранняя выгонка подъ стекломъ. Новѣйшее богато-иллюстрированное руководство, составленное *Г.* и *В. Десятовыми.*
4) **Раціональное плодоводство.** Полное руков. къ насажденію и уходу за плодов. садомъ. Съ многоч. рисунками съ натуры. Сост. *Н. И. Кичуновъ.*

КАЛЕНДАРЬ РУССКАГО САДОВОДА на 1914 годъ

СЪ ОСОБЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

НОВАЯ ОБИХОДНАЯ РЕЦЕПТУРА САДОВОДА

Необходимые практическіе совѣты и рецепты по всѣмъ отраслямъ садоводства, плодоводства и огородничества. **Настольная книга** каждаго садовода. Сост. подъ редакц. *П. Н. Штейнберга.*

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ со всѣми приложеніями, съ доставкой и пересылкой по всей Россіи **4 руб.**

Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 руб. и къ 1 мая остальные 2 руб.

Главная Контора журнала: С.-Петербургъ, Стремянная ул., № 12, собств. домъ.

Библиотека "Руниверс"

Открыта подписка на 1914 г. (25-й годъ изданія)

ПРИРОДА И ЛЮДИ

Подписной годъ считается съ 1-го ноября 1913 г. по 1-ое ноября 1914 г.

52 №№ ХУДОЖЕСТВЕННО-ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА (РОМАНЫ, ПОВѢСТИ, РАЗСКАЗЫ; ОЧЕРКИ ПО ВСѢМЪ ОТРАСЛЯМЪ ЗНАНІЯ; СОВРЕМЕННАЯ ЖИЗНЬ; РАЗВЛЕЧЕНІЯ И СПОРТЪ).

БЕЗПЛАТНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ; абонементъ № 1, или № 2, или № 3, по выбору гг. подписчиковъ:

Абонементъ № 1

Цѣна этого абонем. — 8 руб. съ перес.

50 КНИГЪ Полное собраніе историческ. **8.400стран.** романовъ, повѣстей и разсказ. ДАНИЛЫ ЛУКИЧА

Мордовцева

Сагайдачный. — Замурованная царица. — Говоръ камней. — Двѣнадцатый годъ.—Иродъ. — Царь и Гетманъ.—Господинъ Великъ Новгородъ.—Бѣглый король. — Нашъ Одиссей.—Жертвы вулкана. — Тѣни минувшаго.—За чьи грѣхи?.—За всемірное владычество.—Великій расколъ.—Нильскій крокодилъ. — Романъ Александра Македонскаго. — Царь безъ царства.—Наносная бѣда. — Авантюристы — Сидѣніе расколъ иковъ. — Тимошъ. — Фанатикъ.—Державный плотникъ.—Историческ. повѣсти.—Кавказскіе курорты.—Лжедимитрій.—Послѣдніе дни Іерусалима.—Іосифъ у фараона.—Царь Петръ и правительница Софія. — Вельможная панна.—Историческіе разсказы. — Булава и бунчукъ.—Желѣзомъ и кровью. — Между Сциллой и Харибдой.—Архимандритъ-гетманъ.—Кавказскій герой. — Грустное воспоминаніе.—Наши пирамиды.—Два призрака.—Кто онъ?—Идеалисты и реалисты.—Промѣтеево потомство.

Абонементъ № 2

Цѣна этого абонем. — 7 руб. съ перес.

20 КНИГЪ ПОЛНОЕ ИЛЛЮСТРИРОВ. **3.200стран.** СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Л. Р. Стивенсона

Островъ сокровищъ.—Два брата. — Вечернія бесѣды на островѣ. — Путешествіе внутрь страны. — Приключенія Давида Бальфура.— Катріона.—Сентъ-Ивъ.—Черная стрѣла.—Новыя арабскія тѣни. — Клубъ самоубійцъ. — Бриліантъ раджи. — Павильонъ на холмѣ. — Похитители труповъ. — Веселые ребята. — Преступникъ. — Странная исторія доктора Джекиля.—Тайна корабля.—Принцъ Отто и мн. др.

12 КНИГЪ 2.300. ст. БОГАТО ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА

Міръ приключеній

12 ВЫПУСКОВЪ 400 иллюстрацій ХУДОЖЕСТВЕННАГО АЛЬБОМА

Чудеса природы

Абонементъ № 3

Цѣна этого абонем.— 7 руб. съ перес.

12 КНИГЪ съ ил юстр. общедоступныхъ научныхъ сочиненій

БИБЛІОТЕКА ЗНАНІЯ

Исторія народовъ Балканск. полуостр.—Китай и его жизнь.—Средневѣковая Европа.—Зачатки человѣческой культуры.—Первобытное общество.—Проблемы философіи.—Происхожденіе земли.—Эволюція живыхъ организмовъ. — Эволюція растительнаго міра. — Инстинктъ и разумъ животныхъ.—Электричество.—Видимыя и невид. волны.

12 ВЫПУСК. 400 иллюстр. ХУДОЖЕСТВЕН. АЛЬБОМА

ЧУДЕСА ПРИРОДЫ

Живоп. панорама диков. живой и мерт. природы. Популярное описаніе замѣчательнѣйшихъ произ. и явленій природы въ очеркахъ выдающихся ученыхъ.

Съ многочисленными рисунками съ натуры и КАРТИНАМИ въ КРАСКАХЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На 52 №№ «жур. Природа и Люди» съ прил. по аб. №1 **7** РУБ. БЕЗЪ ГОДЪ **8** РУБ. ВЪ ГОДЪ; На 52 №№ жур. «Природа и Люди» безъ дост. и пер. **8** съ дост. и перес.; съ безпл. прил. по абон. №2 или №3 **6** РУБ. ВЪ ГОДЪ безъ дос. и пер. **7** съ дост. и пер.

РАЗСРОЧКА ДОПУСКАЕТСЯ: при подпискѣ 3 р., къ 1 апрѣля 2 р., и къ 1 іюля остальныя. Или въ теченіе первыхъ мѣсяцовъ, начиная съ ноября, по 1 р.

ЖЕЛАЮЩІЕ МОГУТЪ *одновременно съ подпиской на любой абонементъ*, **СВЕРХЪ ТОГО**, получать, по своему выбору, *любыя приложенія*, изъ другихъ абонем., но за особую плату, а именно: **Полное собраніе историч. произв. Д. Л. Мордовцева** 50 кн., за 6 р.; Полное собраніе **Р. Стивенсона** 20 кн., за 2 р.; **«Міръ Приключеній»** 12 кн., за 1 р. 80 к.; **«Чудеса Природы»** 12 вып., за 2 р. 20 к.; **«Библіотека знанія»** 12 кн., за 3 р. 80 к.

Разсрочка за докладныя приложенія: при выпискѣ на сумму до 3 р. слѣдуетъ уплатить при подпискѣ не менѣе одного руб. При выпискѣ на сумму болѣе 3 руб. слѣдуетъ уплатить при подпискѣ не менѣе 2 руб. Остальная сумма, причитающаяся за доплатныя приложенія, должна быть уплачена не позднѣе 1 апр.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА: С.-ПЕТЕРБУРГЪ, СТРЕМЯННАЯ УЛ., № 12, СОБСТВ. ДОМЪ. ИЗДАТЕЛЬ П. П. СОЙКИНЪ.

Объявленія

Библиотека "Руниверс"

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1914 годъ. Изданія годъ 29-й.

Старѣйшій и самый распространен. изъ частныхъ органовъ русской сел.-хоз. прессы

(Подписной годъ считается съ 1 ноября 1913 г. по 1 ноября 1914 г.)

СЕЛЬСКІЙ ХОЗЯИНЪ

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТР. ЖУРНАЛЪ ПРАКТИЧЕСКАГО СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА и ДОМОВОДСТВА.

Издатель П. П. СОЙКИНЪ. Редакторъ П. Н. ШТЕЙНБЕРГЪ.

52 №№ ЖУРН., въ которыхъ ежегодно помѣщается около **3.000** практически-полезныхъ, удобопонятныхъ статей и отвѣтовъ по всѣмъ отраслямъ хозяйства. Особое вниманіе обращается на сезонность статей. Въ каждомъ №-рѣ отдѣлъ

—„НОВОЕ ВЪ СЕЛЬСКОМЪ ХОЗЯЙСТВѢ“ —

12 КНИГЪ ХУТОРСКОЕ ХОЗЯЙСТВО 800 страницъ большого формата.

Въ этихъ книгахъ будетъ помѣщено около **500** практическихъ статей по всѣмъ отраслямъ мелкаго хозяйства, цѣль которыхъ научить, какъ съ хуторскихъ участковъ получать высокіе доходы.

12 КНИГЪ Библіотека Сельскаго Хозяина съ рисунками и чертежами.

1) **Основныя правила раціональнаго пчеловожденія.** *Н. Шаврова.* 2) **Корчеваніе и раздѣлка пустошей въ сел. хоз. угодья.** *І. Щекотова.* 3) **Наблюдка чучелъ изъ птицъ и животныхъ.** *М. Слюсарева.* 4) **Выборъ молочной коровы, кормленіе и уходъ за нею.** Проф. *И. П. Попова.* 5) **Навозъ.** Выгоднѣйшіе способы храненія и удобренія полей. *М. Глухова.* 6) **Устройство цвѣтниковъ и клумбъ.** *А. Смирновскаго.* 7) **Выращиваніе жеребятъ.** Кн. *С. Урусова.* 8) **Какъ увеличить количество кормовъ въ небольшомъ хозяйствѣ** *Вл. Николькаго.* 9) **Раціональное кормленіе и откормъ птицы.** *Г. Г. Бѣдунковича.* 10) **Насажденіе новаго плодоваго сада.** *П. Андреева.* 11) **Какъ выгоднѣе выращивать телятъ въ своемъ хозяйствѣ на племя и на мясо.** *А. Щербинина.* 12) **Посѣвъ и посадка сельско-хозяйственныхъ растеній.** *Н. К. Васильева.*

6 ПОЛНЫХЪ ПРАКТИЧЕСКИХЪ РУКОВОДСТВЪ:

Всѣ руководства богато иллюстрированы.

1) **СЫРОСТЬ И ХОЛОДЪ** въ деревянныхъ и каменныхъ домахъ и мѣры къ ихъ устраненію. Составилъ *А. И. Тилинскій.*
2) **ВЫРАЩИВАНІЕ РѢДКИХЪ ПОРОДЪ ПТИЦЫ** (фазаны, лебеди, цесарки, куропатки, перепела, декорат. гуси и утки и друг.). Составилъ *баронъ Г. П. фонъ-Винклеръ.*
3) **КУКУРУЗА И СОРГО.** Полное практич. руководство къ культурѣ ихъ *Д. В. Ѳедорова.*
4) **ПЛОДОВОЕ И ЯГОДНОЕ ВИНОДѢЛІЕ** домашнимъ и мелкимъ фабричнымъ способами. Составилъ *Н. Д. Ѳедоровъ.*
5) **ОРУДІЯ И МАШИНЫ ДЛЯ КАРТОФЕЛЬНЫХЪ КУЛЬТУРЪ.** *К. И. Дебу.*
6) **ОГОРОДНИЧЕСТВО ВЪ ЗАЩИЩЕН. ГРУНТѢ** (культура овощныхъ растеній въ парникахъ, въ теплицахъ, на паровыхъ грядахъ, въ разсадникахъ). *М. В. Рытова.*

6 КНИГЪ ДОМАШНІЙ ДОКТОРЪ Подъ редакціей *Д-ра Б. А. Окса.*

Главные отдѣлы этого приложенія: **Болѣзни, предупрежденіе и лѣченіе ихъ.—Домашняя ветеринарія.—Растительный столъ.—Практическая медицина.—Общественная медицина.—Медицинскія замѣтки.—Почтовый ящикъ для отвѣтовъ на вопросы читателей.**

КАЛЕНДАРЬ „СЕЛЬСКАГО ХОЗЯИНА“ на 1914 г.

въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ, съ особымъ, богато иллюстрированнымъ, приложеніемъ

«КАКЪ ПРІОБРѢСТИ ЗЕМЛЮ И ПОСТРОИТЬ УСАДЬБУ НА НОВОМЪ МѢСТѢ».

КРОМѢ ТОГО, будетъ данъ **РОСКОШНЫЙ АЛЬБОМЪ** въ краскахъ

«МОТИВЫ ВНУТРЕННЕЙ ОТДѢЛКИ КОМНАТЪ».

Чертежи и рисунки отдѣлки потолковъ, стѣнъ, дверей, половъ, арокъ и т. п. Сост. *Вл. Стори.*

СѢМЕНА-ОВИНКИ ПОЛЕВЫХЪ И ОГОРОДНЫХЪ РАСТЕНІЙ.

БЕЗПЛАТНО ОТВѢТЫ спеціалистовъ по всѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на журналъ „Сельскій Хозяинъ“ со всѣми приложеніями на годъ: съ дост. и перес. по всей Россіи **6** руб.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ 3 рубля и къ 1 мая 3 рубля.

Контора журнала: С.-Петербургъ, Стремянная, № 12, соб. д.

Библиотека "Руниверс"

Издательствомъ П. П. СОЙКИНА въ СПБ. (сущ. 28 лѣтъ)
Открыта подписка на **1914** годъ на ежемѣсячный общедоступный **журналъ** самообразованія

ЗНАНІЕ ДЛЯ ВСѢХЪ

Съ журналѣ „ЗНАНІЕ ДЛЯ ВСѢХЪ" принимали и принимаютъ участіе:

В. К. Агафоновъ, П. В. Быковъ, К. Е. Вейгелинъ, проф. Б. П. Вейнбергъ, Ф. С. Груздевъ, проф. В. С. Груздевъ, Вл. П. Лебедевъ, проф. А. М. Никольскій, проф. К. Д. Покровскій, прив.-доц. В. Н. Сементовскій, К. К. Сребрякозъ, М. И. Сизовъ, Ѳ. Ѳ. Соколовъ, Э. А. Старкъ, А. Г. Ширяевъ, прив.-доц. К. З. Яцута.

Въ теченіе 1914-го года будетъ дано:

12 книгъ больш. формата. отпечатанныхъ на бумагѣ „атласъ" съ многочисленными иллюстраціями, свыше 300 рисунковъ, портретовъ и до 30 вкладныхъ многокрасочныхъ картинъ, отпечатанныхъ на мѣловой бумагѣ.

ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

„ГАЛЛЕРЕЮ РУССКИХЪ УЧЕНЫХЪ"

Всѣ портреты будутъ исполнены по способу **геліогравюры.**

Въ каждой книгѣ печатаются вполнѣ законченныя произведенія. Изложеніе ясное и вполнѣ доступное каждому. Книги большого формата, въ папковомъ переплетѣ.

Каждая книга украшена нѣсколькими отдѣльными картинами, отпечатанными *въ нѣсколько красокъ.* Масса рисунковъ, портретовъ, репродукцій съ фотографій и картинъ.

Надо видѣть журналъ, чтобы убѣдиться въ его достоинствѣ.

Періодическая печать разныхъ направленій дала единодушный отзывъ (болѣе 100 газетъ и 20 журн.), что *«журналъ «Знаніе для всѣхъ» даетъ разумное, полезное и вмѣстѣ съ тѣмъ интересное и разнообразное чтеніе по всѣмъ отраслямъ знанія, литературы и изящныхъ искусствъ, а съ внѣшней стороны небывалое по роскоши».*

4 РУБ. ЗА ГОДЪ съ дост. и перес. по всей Россіи. **Допускается разсрочка.**
Главная Контора и редакція: С.-Петербургъ, Стремянная, 12, собств. домъ.

Поступила въ продажу

Памятка С.-Петербургскаго Сиротскаго Института Императора Николая I,

изданная къ 75-лѣтію его Обществомъ вспомоществованія бывшимъ воспитанницамъ.
Цѣна 1 руб. 25 коп.
Продается въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени". Невскій, 40.

Библиотека "Руниверс"

СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1914 ГОДЪ.

Роскошный художественно-литературный журналъ по образцу **большихъ заграничныхъ иллюстрацій**

„ЕВРОПЕЙСКАЯ ЖИЗНЬ"

Вѣстникъ русской и заграничной жизни, политики, литературы, путешествій, искусства, театра и модъ.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ:

Жизнь Европы. Парижъ, Берлинъ, Петербургъ, Вѣна, Римъ, и т. д. — Придворный и парламентскій бытъ. —Великосвѣтское общество. — Литература, искусство, ученые, артисты. —Уголки русской жизни за границей. — Путешествія, романы, повѣсти. —Міръ изящнаго. — Красота на сценѣ и въ жизни. — Портреты артистокъ, балеринъ и красавицъ, рисунки, сцены. —Отдѣлъ парижскихъ модъ. —Веселые наброски, юмористика. —Театры.

Особый отдѣлъ: изъ міра таинственнаго, необычайныя явленія, загадки бытія. — Міръ духовъ и области высшей волшебной красоты.

Галлерея картинъ „ПАРИЖСКАГО САЛОНА".

12 ежемѣсячныхъ богато иллюстрированныхъ выпусковъ журнала въ видѣ роскошныхъ большихъ тетрадей парижскаго образца — **составляютъ цѣнное художественное украшеніе гостиной, салона, кабинета, собраній, читаленъ.**

Двѣ преміи. ГОДОВЫМЪ ПОДПИСЧИКАМЪ въ 1914 году **Двѣ преміи.**

I. Знаменитый романъ Эм. Золя «РАЗМНОЖЕНІЕ» или (на выборъ) «ВЪ ЦАРСТВѢ ПРИВИДѢНІЙ», посмертный романъ Гейнце.

☞ При подпискѣ **обязательно** указывать, какую изъ этихъ двухъ премій желаютъ получить. ☜

II. «Всеобщій Иллюстрированный Путеводитель». Новое изданіе. **Лѣтнія поѣздки и путешествія на 1914 годъ.**

Подписная цѣна: на годъ съ преміями 4 руб., на полгода — 2 рубля.

За границу **6** руб. въ годъ (съ преміями).

Особенно роскошные (веленевые) экземпляры **6** руб. въ годъ (съ преміями).

Желающіе имѣть для журнала красивую папку съ бронзовымъ тисненіемъ приплачиваютъ **1** руб. за годъ.

Форматъ журнала увеличенъ.

Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени» въ С.-Петербургѣ, Невскій пр., 40, въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Ростовѣ на Дону, Саратовѣ, и въ Редакціи «Европейской Жизни»: **С.-Петербургъ, Невскій просп., № 94.**

Ред.-изд. Баронесса М. К. Ротъ.

Тип. Т-ва. А. С. Суворина—«Новое Время». Спб., Эртелевъ, 13.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени“** (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ** и **Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ **„Новаго Времени“.**

Программа **„Историческаго Вѣстника“:** русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ **„Историческому Вѣстнику“** прилагаются **портреты** и **рисунки,** необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на **имя** редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго.**

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель **А. С. Суворинъ.** Редакторъ **С. Н. Шубинскій.**

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"